

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXIV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXIV

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13.

1896

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1896 г.

	стр.
I. Сильфида. Романъ. Часть вторая Гл. I—II. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	5
II. Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы). VIII—X. (Продолженіе) .	46
III. Искупленіе. Повѣсть. С. К. Литвина	78
IV. Двадцать пять лѣтъ назадъ. (Отрывокъ изъ дневника). Бар. Л. Л. Зедделера	114
V. Пчелы. Эпизодъ изъ архіерейской жизни. Г. П. Миллера . . .	130
VI. Воспоминанія пропадающаго человѣка. X. (Продолженіе). Н. И Свѣшниковъ	137
VII. Чинъ коронованія. Священника В. И. Жмакина	153
VIII. Отъ Ржева до Углича. (Путевые наброски). IX—X. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	185
<p>Иллюстраціи: 1) Оршинскій монастырь.—2) Городня (древній Вертязинъ). — 3) Городъ Корчева.— 4) Кимра.—5) Городъ Калязинъ.— 6) Калязинскій монастырь.— 7) Внутренній видъ Калязинскаго монастыря.— 8) Святые ворота и стѣны Калязинскаго монастыря.— 9) Сѣверо-восточная башня Калязинскаго монастыря.— 10) Схематическій набросокъ мѣстности, на которой происходила битва при Калязинскомъ монастырѣ.— 11) Мѣстность битвы при Калязинскомъ монастырѣ.</p>	
IX. Николай Николаевичъ Страховъ. Критико-біографическій очеркъ. Е. В. Никольскаго	215
X. Первый русскій докторъ и его предшественники. Д. В. Цвѣтаева .	269
XI. Регрессивное теченіе въ русской жизни. Б. Б. Глинскаго	284
XII. Профессоръ С. А. Бершадскій. Некрологъ. А. Х. Гольмстена .	312
XIII. И. М. Синельниковъ передъ судомъ исторіи. Д. И. Эварянцаго .	317
XIV. Критика и библіографія	321

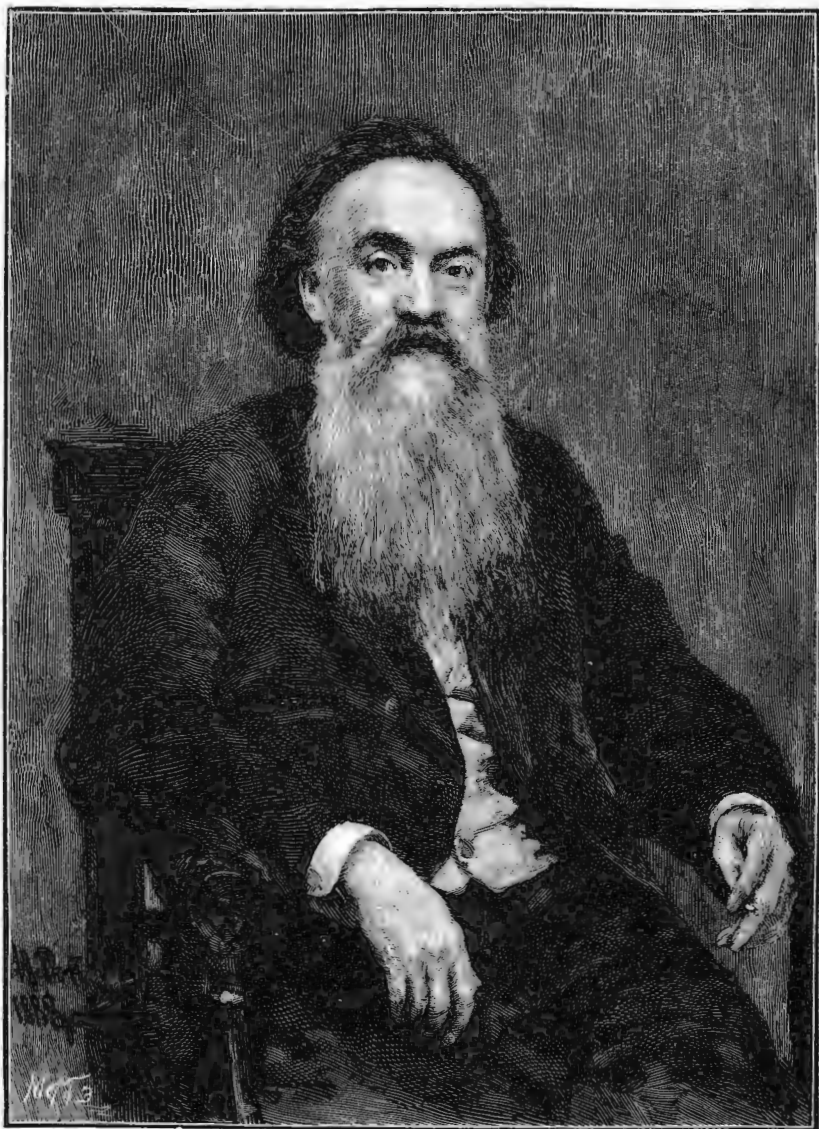
1) Жоржъ Пельсѣ. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, узлѣчанное французской академіей. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. Изд. К. Т. Сздатенкова. М. 1896. А. К—ова. — 2) Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпускъ I. Составилъ академикъ В. В. Сусловъ. (17 листовъ текста и 26 таблицъ рисунковъ). Спб. 1896. П. Полеваго. — 3) Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды Вл. Михневича. Спб. 1896. Б. Глинскаго. — 4) В. Г. Яроцкій. Односторонняя теорія экономическаго развитія. Спб. 1896. Р. С.—5) Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ И. В. Синицынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова. Гравировалъ А. С. Яновъ. М. 1896. П. Полеваго. — 6) Камилль Дрейфусъ. Мировая и социальная эволюція. Москва. 1896. Р. С.—7) Василій Немировичъ-Даченко. Забытая крѣпость. Историческій романъ изъ временъ Кавказской войны. Т. I. Горные орлы. Т. II. Горе забытой крѣпости. Спб. 1896. И. Эйзена. — 8) Черезъ Черное море на Босфоръ. П. Гнѣдича. Спб. 1896. А. Ф—ва.—9) Учебникъ всеобщей исторіи. Часть третья. Новое время. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Москва. 1896. П. А.

См. слѣд. стр.

	отв.
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи	335
1) Юбилей Хлодвига и пятнадцать вѣковъ христіанства во Франціи.—2) Преслѣдованіе мертвецовъ испанской инквизиціей.—3) Первое министерство Ришелье.—4) Литературный пантажазъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.—5) Молодость Гете.—6) Первая военная экспедиція Наполеона и его пребываніе въ Шатильонѣ въ 1795 году.—7) Мемуары генерала Сентъ-Шамана и его секретная повѣдка въ Петербургъ въ 1807 году.—8) Англійская политика со времени Вильгельма-Завоевателя до Викторіи.—9) Двадцатипятилѣтнее развитіе экваторіальной Африки.	
XVI. Изъ прошлаго	353
Коронаціонные спектакли прежняго времени. С. Танъева.	
XVII. Смѣсь	356
1) Актъ въ С.-Петербургской духовной академіи.—2) Императорское русское историческое общество.—3) Историческое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—4) Императорское общество любителей древней письменности.—5) С.-Петербургское археологическое общество.—6) Московское археологическое общество.—7) Историческое общество св. Олега.—8) Московское юридическое общество.—9) Московское общество распространенія полезныхъ книгъ.—10) С.-Петербургское общество архитекторовъ.—11) Диспутъ М. М. Покровскаго.—12) Развалины и курганы въ Киргизской степи.—13) Замѣчательный колоколь.—14) Первая русская газета въ Ригѣ.—15) Некрологи: И. Н. Кушнерева; П. В. Жуковский; А. К. Галкинъ; К. А. Козьминъ; Д. П. Григорьевъ.—16) С. А. Бершадскій.	
XVIII. Замѣтки и поправки	375
1) Когда началась литературная дѣятельность Ф. М. Достоевскаго. Аленся Ярцева. —2) Письмо въ редакцію. Н. Барсунова.	
XIX. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Николаевича Стрехова.—2) Осада Сарагоссы (<i>Zaragoza</i>). Историческій романъ Переса Гальдоса. Гл. XX—XXVII. (Продолженіе). Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ.	
При этой книжкѣ рассылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на иллюстрированное изданіе «Ботаническій атласъ».	

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРАХОВЪ

дозв. ценз. спв. 15 мар. 1896 г.

СИЛЬФИДА¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

НОГО ЛѢТЪ прошло съ тѣхъ поръ, какъ видъ и нравы большого дома на Дмитровкѣ совсѣмъ измѣнились.

Въ этомъ домѣ въ прежнее время съ утра до поздней ночи толпились посѣтители, лилось вино, и тянулись безконечные пиры; къ подъѣзду его трудно было пробраться, такъ какъ онъ всегда былъ заставленъ каретами и колясками, запряженными шестерками цугомъ. Въ обширной передней его, внизу, толкались ни на что не нужные слуги—свои и пріѣхавшіе съ гостями. Гости входили въ него, какъ въ какой нибудь общественный домъ, и, не давая себѣ труда отыскать хозяина, чувствовали себя въ немъ свободно. Шумъ, говоръ, фривольныя рѣчи не смолкали. Сановные люди, увѣшанные крестами, лентами и звѣздами, смѣшивались съ простыми смертными, всѣ были одинаково весело настроены, всѣ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 745.

забывали здѣсь о чинахъ и, отдыхая отъ обязанностей государственныхъ и общественныхъ, отводили душу.

Безчисленные слуги наполняли всѣ углы дома трепетомъ, потому что ихъ судьба зависѣла отъ одного взгляда неумолимаго хозяина. На заднемъ дворѣ, гдѣ жила только прислуга, раздавались крики, стоны и рыданія, потому что не проходило дня, чтобы кто нибудь изъ слугъ не понесъ тяжкаго наказанія.

Въ господскихъ комнатахъ, среди веселыхъ кликовъ и говора, вѣяло какимъ-то холодомъ, тѣмъ холодомъ, какимъ проникается каждая вещь, всякій уголокъ въ домѣ, гдѣ отсутствуетъ женщина.

Теперь, въ то время, о которомъ мы ведемъ нашъ рассказъ, на заднемъ дворѣ было спокойно. Люди, большею частью не знавшіе, что имъ дѣлать, и для какой цѣли они живутъ здѣсь, въ этомъ большомъ городѣ, проводили время въ снѣ и въ сонливыхъ разговорахъ. Они точно вдругъ перестали быть порочными—ихъ больше не наказывали. Внизу, въ передней главнаго дома, вмѣсто прежней толкотни, стоялъ одинъ лакей, да при немъ мальчишка, одѣтый казачкомъ. И этимъ двумъ такъ было мало дѣла, что они могли, сидя на ясеневомъ диванчикѣ, мирно дремать по цѣлымъ часамъ. У подъѣзда рѣдко останавливалась коляска, а еще рѣже кто нибудь заходилъ пѣшкомъ.

Но самый домъ вовсе не замеръ, жизнь въ немъ не только не затихла, а окрасилась въ новый веселый цвѣтъ, а тамъ, наверху, въ этихъ длинныхъ комнатахъ съ высокими росписными потолками, никто не скучалъ. Тамъ слышался теперь неумолкаемый дѣтскій говоръ, стукъ дѣтскихъ ногъ и женскіе голоса. Новая жизнь не походила на прежнюю, и комнаты имѣли такой видъ, будто ихъ перестроили, хотя въ нихъ все осталось постарому.

Трудно было доискаться въ этомъ домѣ главнаго лица, человѣка, на которомъ все держится. Та, которую всѣ считали госпожей, — худенькая блондинка, съ блѣднымъ, безконечно милымъ лицомъ, съ котораго никогда не сходило выраженіе грусти, очень мало входила во всѣ домашнія дѣла. Ея свѣтлые большіе глаза никогда подолгу не останавливались на одномъ предметѣ. Казалось, впечатлѣнія внѣшней жизни не доходили до ея души, а только скользили по ней, не задѣвъ ея глубоко. Казалось, она всегда мысленно витала въ какомъ-то иномъ мірѣ, непохожемъ на этотъ; и когда необходимость заставляла ее вникнуть во что нибудь изъ окружающей жизни, она какъ бы ощущала разочарованіе и обиду. Нѣтъ, она не могла поддерживать порядокъ въ домѣ, гдѣ на кухнѣ было пять главныхъ поваровъ и у каждаго по три помощника, а въ конюшнѣ за каждымъ десяткомъ лошадей ухаживали по пяти конюховъ, гдѣ были десятки лакеевъ съ строго опредѣленными обязанностями и горничныхъ и множество другихъ слугъ, у которыхъ не было названія.

А между тѣмъ она была одна надо всѣми, и все шло какъ-то само собой. Никогда никто не былъ наказанъ по ея желанію, и, не смотря на это, всѣ наперерывъ старались исполнять все какъ можно лучше. Никто, рѣшительно никто не понукалъ слугъ, и они знали, что имъ надо дѣлать. Было что-то въ ея взглядѣ, въ тонѣ ея голоса, въ манерѣ обращаться, было нѣчто такое, что заставляло каждаго отличиться передъ нею и заслужить ея похвалу. Это былъ секретъ, котораго ничѣмъ не могъ добиться панъ Шпицкій, когда управлялъ всей этой дворней. Онъ не былъ скупъ на строгія мѣры, но у него всѣ отбивались отъ рукъ, и это портило ему кровь. Теперь, когда онъ изрѣдка пріѣзжалъ изъ Петербурга, какъ бы для того, чтобы произвести ревизію московскому хозяйству, онъ только разводилъ руками.

— Вы просто чудодѣйка, Наталья Александровна,—говорилъ онъ, почтительно извиваясь передъ московской госпожей, которая, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, могла сдѣлаться и единственной госпожей его,—въ васъ есть какая-то сила!

Наталья Александровна нѣсколько холодно усмѣхалась на это и пожимала плечами. Она недолюбливала пана Шпицкаго. Ничего онъ не сдѣлалъ ей дурного, напротивъ—всячески старался угодить ей, но что-то въ немъ ей не нравилось. «Я тоже,—думала она,—ничего хорошаго ему не сдѣлала, а онъ передо мной извивается и разсыпается такъ, словно я его облагодѣтельствовала». И это ее отталкивало отъ пана Шпицкаго. А Викентій Генриковичъ чувствовалъ это, и никакъ не могъ понять, почему его чары, болѣе или менѣе покоряющія всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, оказывались безсильными по отношенію къ Натальѣ Александровнѣ.

Въ это утро Наталья Александровна была разстроена. Она еще была въ постели, когда ей принесли пакетецъ, запечатанный толстѣйшимъ слоемъ краснаго сургуча.

— Кто доставилъ?—спросила она у Паши, которая теперь превратилась въ полнотѣлую румяную молодицу и всегда первая входила въ спальню Наташи.

— Иванъ Трубачъ!—отвѣтила Паша.—Пѣшкомъ пришелъ за провинность!.. Сказываетъ, былъ балъ у барина, и какъ во время пира, на трубѣ, за господскимъ обѣдомъ, онъ, Иванъ, что-то не такъ разыгралъ, такъ что даже прочихъ музыкантовъ сбиль, то баринъ осерчалъ и въ Москву его послали пѣшкомъ пройтись...

Наталья Александровна многозначительно вздохнула. Этотъ родъ наказанія не былъ для нея новъ. Онъ считался однимъ изъ самыхъ тяжкихъ. Андрей Михайловичъ любилъ провинившагося посылать въ путешествіе пѣшкомъ, причемъ строго приказывалось, чтобы онъ не бралъ съ собою въ дорогу ни хлѣба, ни денегъ. Путешественники такого рода заходили въ попутныя села и выпрашивали пищу и ночлегъ.

— Накормите этого Ивана и дайте ему выспаться!—сказала Наталья Александровна.—Да пусть ему сдѣлають баню. Въ дорогѣ-то, я думаю, не мылся!

Когда Папа ушла, она осмотрѣла пакетецъ, и въ большихъ, тщательно выведенныхъ и закругленныхъ буквѣхъ узнала почеркъ Ѳеклы Григорьевны. Да ни отъ кого другого она такимъ путемъ и не могла получить письма. Ѳекла Григорьевна была оторвана отъ московскаго хозяйства и переведена въ Петербургъ въ наказаніе за свои необыкновенные таланты. Она умѣла распоряжаться чаемъ, обѣдомъ и закусками, и въ этомъ состояла ея должность. Эта умная, опытная, наблюдательная старуха была всей душой предана Натальѣ Александровнѣ; отъ нея она на старости лѣтъ научилась грамотѣ и свою грамотность употребляла главнымъ образомъ на то, чтобы служить ей. Перебравшись въ Петербургъ, она сама, безъ всякой просьбы со стороны Натальи Александровны, начала съ оказіями присылать ей письма, въ которыхъ докладывала о положеніи дѣлъ. Письма ея рѣдко бывали пріятны Натальѣ Александровнѣ. Большею частью въ нихъ говорилось о пирахъ да о кутежахъ Андрея Михайловича. На этотъ разъ Ѳекла Григорьевна писала:

«Золотая моя барынька, матушка Наталія Александровна! Долгомъ чту поставить васъ въ извѣстность о томъ, что нехорошія дѣла завелись въ нашемъ питерскомъ домѣ. Появились какіе-то невиданные господа, которые только и дѣлають, что картежничаютъ и батюшку нашего Андрея Михайловича на то сбивають, а онъ, голубчикъ нашъ, хотя и спотыкается надъ ними, а все же, вижу я, что глазки его огнемъ загораются. А ужъ онъ, какъ зачнетъ, родимый, такъ сами изволите знать, матушка барыня, что ему и удержу не будетъ; а люди они невѣрные и, боюсь я, оберутъ его, какъ липку; а куши ставятъ тамъ немалые, десятки тысячъ; а третьяго дни нашъ Андрей Михайловичъ въ шутку къ столу ихнему игорному подошелъ да и говорить: а ну, говорить, я для шутки ради десять тысячъ поставлю, и поставилъ, и выигралъ голубчикъ нашъ и выигрышъ въ карманъ положилъ и смѣяться надъ ними сталъ, дескать, я больше не поставлю; и въ правду, не поставилъ, только по лицу его видѣла я, что у него внутри натура загорѣлась. И опасно мнѣ, что не выдержитъ онъ и зачнетъ играть. А о прочемъ и говорить нечего, чтобы не обезпокоить вашу ясную душеньку, голубушка моя барыня! Все по старому и отъ грѣха удержу нѣту. А затѣмъ поклоняюсь вамъ до самой земли и ручки ваши бѣлья безсчетно цѣлую. Ѳекла Григорьева».

Когда Наталья Александровна прочитала это письмо, то ея и безъ того блѣдныя щеки стали совсѣмъ безкровными. Ужъ она пропустила мимо своего вниманія послѣднія строки письма о томъ,

что «все постарому и отъ грѣха удержу нѣту». Это было слишкомъ обыкновенно, это составляло содержаніе всѣхъ писемъ Ѳеклы Григорьевны. Уже давно въ сердцѣ ея что-то окаменѣло. Поселилась тамъ горчайшая обида, но она научилась не думать о себѣ, а только о дѣвочкахъ, которыя подрастали. Ихъ судьба беспокоила ее, а Андрей Михайловичъ, переселившись въ Петербургъ, повелъ безумную жизнь и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. И вотъ теперь— новая и самая страшная бѣда. До сихъ поръ игорная страсть въ немъ не проявлялась. Онъ съ презрѣніемъ относился ко всякой игрѣ, въ которой главная роль принадлежала деньгамъ. Но развѣ у него есть какіе нибудь опредѣленные взгляды и чувства? Все вдругъ можетъ переѣниться. Ѳекла Григорьевна права. Тогда ему не будетъ удержу. Нѣтъ такой дурной страсти, которая не нашла бы въ немъ мѣста. Ему лишь бы кигѣть и горѣть. А что лучше для этого, какъ не картежная игра? И что это за люди? Откуда они появились?

Всѣ эти мысли безконечно тревожили ее. Печально встрѣтилась она съ своими дѣвочками, которыя, послѣ утренняго кофе, весело прыгали въ огромной залѣ, уставленной драгоценными игрушками. Старшая — Надя, увидавъ ее, живо бросилась къ ней и повисла у нея на шеѣ. Это была черноголовая, черноглазая десятилѣтняя красавица, вѣчно оживленная, вѣчно чѣмъ нибудь интересующаяся, спрашивающая. Глазки ея постоянно блестя, голова работала, ноги и руки двигались. Лицомъ она была очень схожа съ Андреемъ Михайловичемъ, а по нраву не походила ни на него, ни на мать. Она не унаслѣдовала ни его суровости и наружной холодности, подъ которой таились дикія страсти, иногда вдругъ прорывавшіяся и тогда бывшія неудержимымъ потокомъ, ни тихой задумчивости матери, жившей въ своихъ туманныхъ мечтахъ гораздо больше, чѣмъ въ реальной дѣйствительности. Это былъ простой, добросердечный ребенокъ, какъ-то особенно здорово и весело наслаждавшійся жизнью и постоянно громко высказывавшій свои ощущенія. Другая была на годъ моложе ея и представляла въ маленькомъ видѣ—мать: такая же худенькая, хрупкая, съ свѣтлозолотистыми кудрями, съ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, загадочнымъ въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ, склонная къ задумчивости, къ уединенію. Звали ее Таней. Обѣ дѣвочки безумно были влюблены въ свою мать и очень мало знали отца. Его пріѣзды въ Москву всегда сопровождались такими переворотами въ домѣ и такими трагедіями на черномъ дворѣ, что онѣ гораздо больше боялись его, чѣмъ любили. Во всякомъ случаѣ онѣ никогда не скучали по немъ и не радовались его пріѣздамъ въ Москву, а рѣдкія поѣздки ихъ самихъ съ Натальей Александровной въ Петербургъ только питали ихъ любопытство.

Наталья Александровна посидѣла съ дѣтьми минутъ десять, но

скоро почувствовала приливъ грусти и ушла къ себѣ. Было около десяти часовъ утра, когда кончались дѣтскія игры, и начиналось ученье. Надя принимала обиженный видъ, потому что предстояло два часа скуки, до завтрака, а послѣ—еще того хуже—дѣльныхъ три. Появлялись на сцену гувернантки—нѣмка, французенка, англичанка, преподаватель наукъ. Ихъ учили много и къ ученью относились строго. На этомъ настаивалъ Андрей Михайловичъ, и это, кажется, составляло его единственную заботу о дѣтяхъ. Надя не любила учиться и открыто заявляла объ этомъ и гувернанткамъ и знакомымъ. Что же касается Тани, то никто не зналъ, любить ли она учиться. Она покорно безъ протеста просиживала всѣ часы, положенные на ученье, но успѣхи дѣлала самые слабые, пожалуй—слабѣе, чѣмъ Надя. Слушала ли она то, что тутъ говорилось? Можетъ быть, ея мысли витали въ томъ фантастическомъ мірѣ, который такъ походилъ на душевный міръ ея матери?

Наталья Александровна еще разъ перечитала письмо и положила въ сердцѣ своемъ сегодня же съѣздить къ Иверской Богоматери и помолиться ей, чтобъ «отвела чашу». Она рѣшила и дѣтей взять съ собой, чтобы и они молились, хотя, конечно, не могла сказать имъ, о чемъ. Она вѣрила въ то, что дѣтская молитва помогаетъ. Она говорила имъ въ такихъ случаяхъ: «молитесь за отца, дѣти!» и дѣвочки безпрекословно исполняли ея желаніе и начинали усердно молиться.

Пока въ дѣтскихъ комнатахъ происходило ученье, пока еще никто не зашелъ,—ни сестра Лиза, ни тетушка Олимпиада Семеновна, и домъ не наполнился болтовней, она пользовалась своимъ одиночествомъ, чтобы пожить въ своемъ мірѣ туманной фантазіи. Но на этотъ разъ въ голову ея врывались все мысли о прошломъ.

Одиннадцать лѣтъ прошли, какъ сонъ! Вотъ скоро будутъ дни Пасхи, она можетъ справлять годовщину. Это будетъ ровно одиннадцать лѣтъ съ того памятнаго вечера, когда, послѣ блестящаго успѣха въ «Сильфидѣ», ее увезли въ загородный домикъ, спрятанный въ гущинѣ сада. Сколько она пережила съ тѣхъ поръ! Сколько перемѣнъ, и все горькихъ,—одна другой хуже...

И живые образы протекшихъ лѣтъ встали передъ нею и яркимъ свѣтомъ зажглись въ ея воображеніи. Она вспомнила все.

II.

Докторъ Троповъ, присутствовавшій на дуэли, смотрѣлъ на вещи очень легко, а потому, если ошибался, то всегда въ хорошую сторону. Это случилось и тогда. Что Тугаринъ получилъ незначительную рану, это было очевидно. Но у полковника къ вечеру того же дня обнаружались опасныя явленія.

Троповъ струсилъ и съѣздилъ за коллегой, а коллега, осмотрѣвъ рану, задумался, а потомъ сказалъ, что это можетъ полковнику обойтись очень дорого.

И въ самомъ дѣлѣ начались страданія, и полковникъ двѣ недѣли пролежалъ между жизнью и смертью. Наташа не отходила отъ дивана, на которомъ онъ лежалъ, Паша помогала ей, и полковникъ, видя усердіе дѣвушки, тутъ же поклялся, если будетъ жить, выкупить ее у Чистопольевыхъ и дать ей свободу.

Наташа за эти дни много передумала. Она видѣла передъ собой человѣка, который, при помощи грубой силы, лишилъ ее возможности служить сценѣ, оторвалъ ее отъ родныхъ, заперъ въ тюрьму, и все же этотъ человѣкъ не пробуждалъ въ ней ни ненависти, ни вражды. Когда онъ страдалъ, и ей было больно; когда являлась опасность, что онъ не переживетъ раны, ее охватывалъ ужасъ. Богъ знаетъ, какими чарами онъ овладѣлъ ея сердцемъ и сдѣлался даже ей дорогъ.

Но послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ у его постели, когда тысячу разъ надъ его головой висѣла смерть, она почувствовала, наконецъ, что душа ея совсѣмъ принадлежала ему. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ столько было доказательствъ того, что ими управляетъ судьба. Человѣкъ, грубо похищающій ее съ театральныхъ подмостковъ, отнимающій у нея свободу, потомъ смиренно и терпѣливо добивается ея ласковаго взгляда. Человѣкъ этотъ затѣмъ ставитъ на карту свою жизнь, и не шутя, потому что жизнь его въ самомъ дѣлѣ виситъ на волоскѣ. И это ради нея! А когда, послѣ страшныхъ усилій и опасеній, жизнь его все-таки сохранилась, и онъ началъ видимо оправляться, она тоже должна была подумать, что—это для нея.

«Такъ, значитъ, и въ правду судьба этого хочетъ!»—рѣшила Наташа и, отдаваясь безсознательному влеченію сердца, была увѣрена, что подчиняется судьбѣ. Когда Андрей Михайловичъ оправился отъ болѣзни, наградой ему была ея ласка. Она принадлежала ему.

Затѣмъ послѣдовало переселеніе на Дмитровку. Домъ былъ отдѣланъ заново, примѣнительно къ новому положенію. Казалось бы, что первымъ движеніемъ Наташи должно было побѣхать къ Чистопольевымъ и объявиться. Но прошло больше недѣли, она не рѣшалась на это.

Въ тотъ же день, какъ переѣхали на Дмитровку, она послала записку Лизѣ въ театральную школу:

«Милая Лизуня,—писала она,—я жива и здорова, отпросись у доброй Зои Ѳедоровны и пріѣзжай въ нашей каретѣ сейчасъ ко мнѣ, а Зою Ѳедоровну подѣлуй и скажи, что я никогда не забуду ея доброты. Твоя Наташа».

Лиза чуть не умерла отъ радости. Съ безумными глазами побѣ-

жала она къ Зоѣ Ѳедоровнѣ и показала ей записку. Зоя Ѳедоровна перекрестилась и промолвила:

— Ну, слава Богу, что она отыскалась! Дай только Богъ, чтобы все было честно!...

Лиза не совсѣмъ поняла, что это значить, одѣлась и сѣла въ карету. Черезъ пять минутъ сестры обнимались и плакали отъ радости. Наташа рассказывала Лизѣ, какъ все случилось. Лиза изумлялась, ужасалась, всплескивала руками, но съ глубокимъ любопытствомъ смотрѣла на эти огромныя высокія комнаты, на дорогую обстановку, на безчисленное множество людей въ домѣ и думала: «Какъ Наташа богата! какъ, должно быть, она счастлива!».

— Такъ ѣдемъ же къ дядѣ и тетѣ, Наташа! Они, бѣдные, такъ горевали, они заболѣютъ отъ радости!

— Нѣтъ,—сказала Наташа,—я къ нимъ еще не могу поѣхать!

— Какъ? къ дядѣ и тетѣ? Развѣ ты рѣшишься обидѣть ихъ? Развѣ ты ихъ не любишь?

— О, что ты, что ты, Лиза? Какъ могла ты это подумать? Нѣтъ, не то, а я дѣйствительно боюсь ихъ оскорбить своимъ появленіемъ...

— Наташа!

— Лизуня, я не знаю, какъ тебѣ это объяснить!...

Лиза смотрѣла на нее вопросительно, никакъ не будучи въ состояніи понять, что могло помѣшать Наташѣ повидаться съ Чистопольевыми.

— Видишь, Лиза, я... я еще не вѣнчалась!...

Лицо дѣвочки не выразило изумленія. Почему-то она и не думала, что Наташа вѣнчалась съ Бентышъ-Полянскимъ. Она была воспитанница театральной школы. Она знала, что казенныя артистки часто выходятъ замужъ за своихъ товарищей, и считала, что это въ порядкѣ вещей. Но ей нерѣдко также приходилось слышать, что такая-то сошлась съ такимъ-то изъ большого общества. И въ такихъ случаяхъ никогда ничего не упоминалось о вѣнчаньи.

— Такъ что же, Наташа? Неужели дядюшка и тетупка не поймутъ и не простятъ?...—наивно воскликнула она.

— И поймутъ, и простятъ, Лиза, но имъ это будетъ очень горько!...—отвѣтила Наташа.

— Но ты артистка, Наташа... Такъ дѣлаютъ всѣ...

Наталья Александровна покачала головой.

— Нѣтъ, Лизуня, я уже больше не артистка! Какая я артистка? Артистка должна служить только сценѣ, а я... Да и не гожусь я теперь! Послѣ того, что я перенесла, развѣ я могу улыбаться публикѣ, развѣ меня хватить на то, чтобы искренно войти въ роль и провести ее передъ зрителями, и чтобы они мнѣ повѣрили? Я потеряла много силъ, Лиза! У меня грудь болитъ... Ты учись, Лизокъ, получше, ты будешь танцовать и за себя и за меня...

— Какъ?—съ ужасомъ спросила Лиза,—ты покидаешь сцену?

— Да, Лизокъ... Я не могу иначе... Да и онъ не позволить этого...

Лиза провела у Наташи цѣлый день, а на другой день было воскресенье, и она, какъ только было возможно рано, отправилась къ Чистопольевымъ, не дождавшись даже кареты отъ нихъ. Тутъ она рассказала все тетущкѣ и умоляла ее поѣхать къ Наташѣ и уговорить ее явиться къ дядѣ.

— Да,—сказала Олимпіада Семеновна,—Наташа говорить правду: для старика это было бы новое оскорбленіе. Наташа умница, я за это ее еще больше люблю!

И тетушка принуждена была солгать Антону Макарьевичу. Она сказала ему, что ѣдетъ къ обѣднѣ, а сама поѣхала на Дмитровку. Для Наташи это былъ драгоценный подарокъ. Олимпіада Семеновна просидѣла у нея часа два и, уѣжая, внушительно сказала:

— Ты сердись, не сердись, Наташа, а я говорю тебѣ прямо: ты теперь на свободѣ и потому можешь поставить на своемъ. Такъ и скажи ему: ежели, молъ, не обвиняется, то ты уйдешь къ дядѣ. Твои родители были столбовые дворяне, а бѣдность не опорочила ихъ. Такъ и скажи ему!

И тетушка уѣхала. Нѣсколько дней къ ряду Андрей Михайловичъ видѣлъ Наташу глубоко-печальной. Это его безпокоило, и онъ однажды спросилъ:

— Что это моя Сильфида такъ не ласкова?

— Я всегда такова, Андрей Михайловичъ!—отвѣтила Наташа.

— Всегда неласкова? Тѣмъ хуже для меня. Но, нѣтъ, этого я не могу сказать. У меня были счастливыя минуты!

Наташа промолчала. Она, конечно, не собиралась говорить съ нимъ такимъ образомъ, какъ совѣтовала ей тетушка Олимпіада Семеновна. Она предпочла бы совсѣмъ не говорить объ этомъ, но чувствовала, что наступаетъ необходимость.

Дни проходили, видъ ея становился мрачнѣе, Андрей Михайловичъ замѣчалъ это и хмурился.

— Я вижу, что ты не ѣдишь къ родственникамъ!—молвилъ онъ:—я знаю, что ты ихъ очень любишь. Какая же тому причина?

Наташа поняла, что если теперь не выскажетъ свою задушевную мысль, то и никогда уже не выскажетъ.

— Не могу я къ нимъ поѣхать, Андрей Михайловичъ!—дрожащимъ голосомъ отвѣтила она.

— Почему же не можешь?

Наташа почувствовала, что у нея пересохло въ горлѣ. Она отвѣтила едва слышнымъ голосомъ.

— Я боюсь оскорбить ихъ, Андрей Михайловичъ!

— Оскорбить? Но чѣмъ?

— Я не вѣнчана... Это—великій грѣхъ!—наконецъ вымолвила она.

Онъ нахмурился. Видно было, что въ душѣ его разбередили большое мѣсто.

— Да,—сказалъ онъ.—Я ни разу еще не говорилъ съ тобой объ этомъ, но я гораздо больше думалъ. Видишь, Наташа, это не капризъ, не воображай, что я этимъ хочу унижить тебя передъ собой и передъ людьми. Да и какое же мнѣ было бы препятствіе? Ты—дворянскаго званія, такъ же точно, какъ и я. Не намъ съ тобой считаться древностью и знатностью рода. Общество? Если бы оно вздумало не признать ту, которую признаю я самъ, то я отнесся бы къ нему съ презрѣніемъ. Но есть на свѣтѣ одинъ человѣкъ, мнѣнія котораго я уважаю, хотя и не раздѣляю ихъ. Это мой дядя по матери, князь Отсвѣтаевъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ, въ великомъ почетѣ, оставивъ за старостью службу. Онъ очень много сдѣлалъ мнѣ добра въ жизни; ему я обязанъ половиной моего состоянія и многимъ другимъ. По его желанію я служу, хотя, какъ ты знаешь, больше всего люблю свободу; по его желанію я не долженъ жениться. Онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я или женился на знатной особѣ, или совсѣмъ не женился. И я долженъ былъ дать ему въ этомъ клятву. Суди же, Наташа, какъ я долженъ поступить?

Наташа вздохнула. Надежды ея разбились, и она стала еще грустнѣе. Влюбленный въ нее по уши Андрей Михайловичъ не могъ этого переносить. Онъ видимо и самъ страдалъ, но ничего не могъ придумать. Но однажды лицо его прояснилось, и онъ, очевидно, съ важной мыслью въ головѣ, поѣхалъ къ Тутарину. Это было ихъ первое свиданіе послѣ дуэли.

— Когда нужна важная услуга, то идутъ къ вѣрнѣйшему другу,—сказалъ онъ, протягивая руку генералу.

— Хотя бы онъ и былъ прострѣленъ!—радостно подхватилъ Тутаринъ.—Конечно, конечно! Какъ ваша рана, дорогой мой полковникъ! Я страшно боялся за васъ. Троповъ мнѣ передавалъ тревожныя вѣсти... Ну, слава Богу, что все хорошо кончилось... Давайте же выпьемъ по стакану вина за продолженіе нашей дружбы и станемъ говорить о дѣлѣ!

Имъ подали венгерскаго, котораго Тутаринъ всегда держалъ большой запасъ, они налили по стакану и усѣлись. Полковникъ рассказалъ Тутарину всѣ обстоятельства своего дѣла и прибавилъ:

— И я рѣшилъ обвиняться, но такъ, чтобы это знали только попъ да четыре вѣрныхъ человѣка! Попъ у меня есть въ моей домашней церкви. Одинъ вѣрный человѣкъ имѣется въ лицѣ генерала Тутарина, другой по обязанности сохранить тайну, это—панъ Шипицкій, а двухъ еще я не имѣю...

Безъ сомнѣнія, прежде всего Тутарину пришли въ голову братья Оступишины, но онъ ихъ тотчасъ же отвергъ. Какъ ни жаловалъ онъ близнецовъ, но въ сущности единственное ихъ достоинство заключалось въ рабской преданности ему. Его тайну они не выдали

бы, если бы имъ грозила смерть. Но ручаться за то, что они также поступятъ съ тайной полковника, онъ не могъ.

— Верховскій и Сербичъ!—наконецъ воскликнулъ онъ:—первая гарантія, они—офицеры! Вторая—они благородные люди, третья—они оба влюблены въ васъ, полковникъ! Вы согласны?

— Я не имѣю основанія подумать о нихъ дурно, тѣмъ больше, что они уже оказали мнѣ одну услугу!—отвѣчалъ полковникъ.

— Ну, такъ назначьте день и часть, а въ остальномъ положитесь на генерала съ деревянной ногой!

Андрей Михайловичъ, однако, ни слова не сказалъ объ этомъ Наташѣ. Онъ переговорилъ съ паномъ Шипицкимъ, которому поручилъ предупредить священника домашней церкви, а, кромѣ того, далъ ему еще одно порученіе, которое могло быть исполнено только при помощи особой мудрости, свойственной одному только пану Шипицкому. Панъ долженъ былъ отыскать портниху, которая сошьетъ Наташѣ подвѣчное платье, никогда не видѣвъ ея, на основаніи однихъ только словесныхъ указаній пана Шипицкаго.

И вотъ панъ принялся «орудовать», чтобы къ ближайшей средѣ все было готово; полковникъ извѣстилъ Тутарина, а генералъ подготовилъ поручиковъ, которые, конечно, были въ восторгѣ отъ возможности продолжать свою роль интимныхъ друзей Бентышъ-Полянскаго.

Наташа попрежнему ходила грустная, а въ среду часовъ въ одиннадцать утра ей доложили, что полковникъ просить ее зайти въ кабинетъ. Она пошла.

— Вотъ что, Наташа,—сказалъ ей полковникъ,—Бога мы съ тобой обмануть не можемъ, а дядюшку моего, князя Отсвѣтаева, обманемъ. Согласна ли ты пойти со мною подъ вѣнецъ, съ тѣмъ, что будутъ знать это только семь человѣкъ, которые будутъ присутствовать въ церкви?

Наташа просіяла. Ей не надо было, чтобы о вѣнчаньи знали весь міръ. Она хотѣла сдѣлать это только передъ Богомъ да передъ дядюшкой и тетужкой.

— А Чистопольевы?—спросила она.

— А ты пошла сейчасъ за тетужкой, пусть и она будетъ въ церкви. Только Расскажи ей все и возьми съ нея слово!

— Андрей Михайловичъ!..—нерѣшительно промолвила Наташа:—еще одна просьба...

— Что же?

— Нельзя ли и сестру Лизу привезти?

— Гм... Сестру Лизу? Молода она! Удержать ли тайну?

— О, я ручаюсь! Для меня она все сдѣлаетъ!

— Ну, коли ты ручаешься, такъ посылай и за нею!

Наташа, оживленная, радостная, тотчасъ велѣла заложить карету, посадила въ нее Пашу и приказала ѣхать за тетужкой и Ли-

зой, сказавъ имъ, что дѣло безотлагательное. А сама отправилась въ спальню и тамъ нашла новый поводъ для великой радости.

Подвѣчное платье, состряпанное на основаніи словесныхъ указаній пана Шипицкаго, конечно, было далеко ей не въ пору, но оно было драгоцѣнно и блестяще, и привело ее въ восторгъ. Она стала одѣваться сама, безъ помощи горничной, торопясь и рассчитывая на всѣ вопросы тетушки и Лизы отвѣтить молчаливо своимъ подвѣчнымъ видомъ.

Между тѣмъ въ кабинетѣ уже собрались мужчины. Тутаринъ привезъ поручиковъ, панъ Шипицкій то прибѣгалъ, то убѣгалъ, страшно суетясь. Ему надо было разрѣшить сложную задачу: услатъ куда нибудь всѣхъ людей изъ той части дома, которая примыкала къ церкви, чтобы никто изъ нихъ ничего не заподозрѣлъ. Онъ придумалъ сотню ненужныхъ порученій и разослалъ людей по всей Москвѣ. А батюшка въ это время дѣлалъ приготовленія въ церкви.

Приѣхали тетушка съ Лизой, и эффектъ, какой произвела на нихъ Наташа въ своемъ бѣлоснѣжномъ платьѣ, былъ чрезвычайный. Паша была, конечно, посвящена въ тайну, такъ какъ безъ нея нельзя было обойтись; при томъ же она была въ домѣ на особомъ положеніи. Наташа рассказала имъ условія, при которыхъ совершается вѣнчанье, и тетушка и Лиза вздохнули, но согласились, что лучше что нибудь, чѣмъ ничего, и дали клятву держать все въ тайнѣ. Тетушка скажетъ только Антону Макарьевичу, и ужъ онъ, конечно, ей повѣритъ. Въ сущности, вѣдь это только и дѣлается для него да для Бога, чтобы не было грѣха.

Въ двѣнадцать часовъ ихъ пригласили въ церковь. Когда они проходили черезъ комнаты, примыкавшія къ церкви, всюду было пусто, нигдѣ не было видно ни одной души. Впереди шель панъ Шипицкій, въ качествѣ церемоніймейстера, а остальные были уже въ церкви.

У порога встрѣтилъ Наташу Андрей Михайловичъ, въ полной полковничьей формѣ. Поручики тоже были одѣты парадно, а панъ Шипицкій облачился во фракъ. Но этимъ и ограничивалась торжественность. Церковь была слабо освѣщена, чтобы не привлекать вниманія прохожихъ на улицѣ. Священникъ читалъ молитвы и пѣлъ за дьячка, но у Наташи, не смотря на все это, сердце радостно билось. Полковникъ по лицу ея видѣлъ, что доставилъ ей великое счастье, и ему было пріятно сознавать это.

Послѣ вѣнчанья, какъ бы для того, чтобы закрѣпить его обычаемъ, всѣ прошли въ маленькую столовую и приняли отъ хозяевъ завтракъ, который закончился пшпучимъ виномъ. Тутъ Тутаринъ впервые представился Наташѣ.

— А знаете ли вы,—обратился онъ къ ней,—что я тотъ самый злодѣй, что прострѣлить плечо вашему благовѣрному!

Наташа слегка поблѣднѣла и посмотрѣла на него и на полковника изумленными глазами.

— Да,—подтвердилъ Андрей Михайловичъ,—но надо прибавить, что генераль вызвалъ меня, чтобы защитить твою честь и честь твоего дядюшки!

Наташа еще больше изумилась. Тогда Олимпіада Семеновна вмѣшалась въ разговоръ и объяснила ей, какую роль Тугаринъ игралъ во всей этой исторіи.

— Благодарю васъ!—съ смущеніемъ промолвила Наташа, обращаясь къ нему.—Только жаль, что все это было такъ печально и могло ужасно кончиться для одного изъ васъ!..

— Что дѣлать! Мы твердо хранимъ дружескіе завѣты, но тоже и мѣтко стрѣляемъ, когда это надо!—отвѣтилъ генераль.

— А знаете ли, Наталья Александровна,—вмѣшался панъ Шипицкій,—что я былъ кучеромъ, который привезъ тогда генерала на мѣсто дуэли?

— Ужь не вы ли были и тотъ кучеръ, что увезъ мою племянницу вмѣсто Замоскворѣчья въ загородный домикъ?—ядовито спросила Олимпіада Семеновна.

— Что дѣлать!—отвѣтилъ панъ Шипицкій:—теперь, когда все такъ хорошо кончилось, я могу въ этомъ сознаться. Но я же только исполнялъ обязанность...

— Сколько мнѣ извѣстно,—замѣтилъ усмѣхаясь полковникъ,—кучерское дѣло не входитъ въ число обязанностей пана Шипицкаго.

— Когда хочетъ господинъ полковникъ,—галантно отвѣтилъ Викентій Генриковичъ,—то нѣтъ такого дѣла, которое не входило бы въ обязанности пана Шипицкаго.

III.

Въ тотъ же день Наташа поѣхала къ дядюшкѣ. Она при этомъ дрожала, какъ провинившійся школьникъ передъ начальствомъ. Конечно, она не боялась гнѣва слѣпного старика; онъ зналъ, что все случилось не по ея винѣ, и не могъ перенести на нее свое негодованіе. Но она представляла себѣ, что увидитъ на этомъ старческомъ лицѣ глубокое огорченіе, и сердце ея сжималось.

Олимпіада Семеновна предупредила Антона Макарьевича.

— Ну, что-жь,—говорила она,—ежели онъ такое обѣщаніе дядюшкѣ далъ...

— А коли далъ обѣщаніе, и знаешь, что жениться, какъ слѣдуетъ, не можешь, то и не вводи въ обманъ благородной дѣвицы! Вотъ что я сказалъ бы ему!

— Нѣтъ, Антонъ Макарьевичъ, такъ нельзя говорить!—возражала Олимпіада Семеновна.—Конечно, я не оспариваю... онъ дурно поступилъ, но вѣдь бываетъ, что эти господа поступаютъ куда хуже! Иной этакъ-то дѣвицу отобьетъ отъ дѣла, опозоритъ ее, да и броситъ. А онъ—нѣтъ! Онъ Наташу уважаетъ, по всему видно,

что уважаетъ. Дядюшкѣ-то его, сказываютъ, всѣхъ восемьдесятъ лѣтъ. Дологъ ли его вѣкъ? Помретъ онъ, тогда и про Наташу онъ всѣмъ объявитъ. И полагаю я, что къ нему надо отнестись съ уваженіемъ...

— Что? Еще съ уваженіемъ? За что я его уважать могу? За то, что онъ богатъ несмѣтно и связи большія имѣетъ, и самъ князь ему пріятель, а полиція чуть ли не воруетъ для него дѣвицы? За это уважать нельзя, голубушка! Онъ—грубая сила! Съ человѣкомъ такъ поступать нельзя. Сказываютъ, что онъ съ своими людьми свирѣпъ, издѣвается надъ ними, а за это тоже я уваженія ему не окажу... Нѣтъ, Олимпиада, ужъ лучше ты не огорчай меня. Наташу я приму. Она, бѣдняжка, ни въ чемъ не виновата. Можетъ, она и полюбила его... Что-жъ, и на это я не обижаюсь. Долго ли дѣвчкѣ полюбить мужчину, когда онъ окруженъ такимъ благородствомъ, такъ, можетъ быть, красивъ, воспитанъ и умѣетъ завлекательно говорить!? А я отличаю, матушка моя, истинное благородство, которое въ душѣ человѣка живетъ, подчасъ и грубаго на видъ, отъ того, что пріобрѣтается богатствомъ, воспитаніемъ, постояннымъ обращеніемъ въ свѣтъ... Ты, можетъ быть, думаешь, что я къ нему поѣду?

— Н...нѣтъ, Антонъ Макарьевичъ... гдѣ ужъ тутъ!..

Но это отрицаніе было произнесено недостаточно рѣшительно. Можетъ быть, Олимпиада Семеновна въ своей податливой женской душѣ и Лелѣяла надежду на то, что Антонъ Макарьевичъ когданибудь приметъ зятя, побываетъ у него, и у нихъ заведутся вполне родственныя отношенія.

— То-то! И я къ нему не поѣду, да и онъ пусть лучше ко мнѣ не ѣздитъ!—очень твердо сказалъ Антонъ Макарьевичъ.—А Наташу, мою голубку, я приму съ распростертыми объятіями!

И вотъ пріѣхала Наташа. Старикъ обнималъ ее, гладилъ ее по головѣ, какъ ребенка, спрашивалъ о здоровьи, но ни однимъ словомъ не упомянулъ о полковникѣ Бентышѣ-Полянскомъ, какъ будто его и не существовало, и онъ не игралъ важной роли въ жизни Наташи. Наташа тихонько плакала во время этого свиданія, но Антонъ Макарьевичъ этого не видѣлъ и не узналъ объ этомъ. Ей было тяжело съ нимъ, и она была очень рада, когда можно было уйти изъ кабинета и провести часа два въ столовой въ болтовнѣ съ Олимпиадой Семеновной и Лизой. А въ общемъ она вынесла изъ дома дядюшки не такое пріятное впечатлѣніе, какого ожидала и какое выносила всегда прежде. На нее какъ бы легла тѣнь отъ полковника Бентышѣ-Полянского и, хотя ее несомнѣнно любили попрежнему, но обращались съ осторожностью, отъ которой вѣяло холодкомъ.

Но вообще въ этотъ день она была счастлива, и не только въ этотъ, но и въ цѣлый рядъ послѣдующихъ дней, когда она видѣла,

что Андрей Михайлович влюбленъ въ нее. Онъ, казалось, измѣнилъ своимъ привычкамъ и друзьямъ.

Еекла Григорьевна, успѣвшая привязаться къ Наташѣ еще во время ея пребыванія въ загородномъ домикѣ и теперь оставшаяся въ ея свитѣ, рассказала ей всѣ подробности прежней жизни Андрея Михайловича. И вотъ она видѣла, что теперь у него нѣтъ ни веселыхъ пировъ, ни ночныхъ кутежей, онъ рѣдко выѣзжаетъ изъ дому, и то большею частью по службѣ; онъ сдѣлался домохозяиномъ, много времени проводилъ съ нею, старался доставлять побольше удовольствій, возилъ ее за городъ кататься, ѣздилъ съ нею въ театръ. Не смотря на свою скромность, Наташа все же не могла не поддаться пріятному чувству тщеславія, когда она появлялась въ коляскѣ или въ ложѣ съ блестящимъ полковникомъ и обращала на себя общее вниманіе. Конечно, о ней говорили прежде всего, какъ о недавней Сильфидѣ, и при этомъ въ тысячный разъ повторяли исторію ея похищенія. Но никто не могъ отрицать, что полковникъ и въ этомъ случаѣ доказалъ, что у него прекрасный, тонкій вкусъ. Наташа была необыкновенно интересна съ своими золотистыми кудрями, окаймлявшими ея дѣтское хорошенькое личико, съ блѣдными щеками, на которыхъ едва проглядывалъ румянецъ смущенія. На нее глядѣли, и это ей нравилось.

Полковникъ не возилъ ея къ своимъ знакомымъ. На это были, конечно, основательныя причины, которыхъ Наташа не могла не признавать. Вѣдь о ихъ бракѣ знали только очень немногіе. Но Наташа объ этомъ не только не жалѣла, а ей даже было это пріятно. Она не могла представить себя среди свѣтскаго общества, гдѣ нибудь въ людной гостиной. Ей казалось, что она тамъ умерла бы отъ смущенія. На этотъ счетъ она знала за собой множество слабостей. Образованіе, которое она получила въ театральной школѣ, далеко не могло считаться блестящимъ. Манеры, которымъ тамъ обучали, годились для сцены, но были непригодны для свѣтской гостиной; а пуще всего у нея былъ недочетъ во французскомъ языкѣ, на которомъ всѣ говорили. О немъ она имѣла самое жалкое понятіе. И потому, когда полковникъ, какъ бы извиняясь передъ нею, говорилъ: «Это придетъ, это мы еще наверстаемъ, это успѣетъ тебѣ надобѣсть!»—то она съ полной искренностью отвѣчала, что ей этого не нужно.

И такъ шла жизнь. Полковникъ какъ бы на время измѣнилъ самому себѣ и былъ для всѣхъ неузнаваемъ. Онъ нигдѣ не появлялся и никого у себя не принималъ, кромѣ Тугарина, [двухъ поручиковъ, да изрѣдка Остушиныхъ, которые прошли сюда подъ покровительствомъ генерала.

Однажды онъ пришелъ къ Наташѣ и съ веселымъ видомъ заявилъ ей:

— Ну, поздравь меня, Наталья Александровна! я выхожу въ отставку!

Наташа изумилась и не знала, съ чѣмъ поздравлять его. Почему это ему пріятно? По службѣ онъ шелъ блестящимъ образомъ. Въ его годы—командовать полкомъ, это далеко не всякому удавалось. Судя по этому, въ будущемъ передъ нимъ разстилалась широкая дорога къ чинамъ и почестямъ. Кромѣ того, ей было извѣстно, что онъ служилъ по непремѣнному желанію своего дяди, князя Отсвѣтаева.

— Да, Наташа, я выхожу въ отставку и очень радъ этому, потому что служба меня не прельщаетъ и порядочно надоѣла мнѣ...

— А какъ же дядюшка-князь?—спросила Наташа.

— Дядюшка-князь! Дядюшка-князь! Для него придется что нибудь выдумать...—воскликнулъ Андрей Михайловичъ.

Это еще больше навело Наташу на сомнѣніе.

— Но какая же причина, Андрей Михайловичъ?

— Причина та, Наташа, что наша исторія пошла очень далеко и надѣлала слишкомъ много шуму!

— Ахъ! Такъ это изъ-за меня!

— О, ты уже слишкомъ скромна, Наташа! Нѣтъ, это все изъ-за одного только меня!.. Видишь ли, подобныя исторіи легко прощаются поручикамъ и капитанамъ; но полковнику онѣ какъ бы уже не къ лицу. Это оттого, что полковники обыкновенно бываютъ люди почтеннаго возраста, а я, на мою бѣду, довольно молодъ... Но думаю, Наташа, эта бѣда—наше счастье. Не правда ли? Надо тебѣ знать, что князь, нашъ московскій князь, чрезвычайно ко мнѣ расположенъ. Когда до него дошли свѣдѣнія о похищеніи Сильфиды, и при этомъ о моемъ имени еще не было рѣчи (а сообщилъ ему твой дядюшка), онъ страшно разгнѣвался и рѣшилъ розыскать и наказать виновнаго. Въ порывѣ гнѣва онъ даже написалъ объ этомъ въ Петербургъ и высказалъ мысль, что такіе поступки среди дворянскаго сословія не должны быть терпимы, и предлагалъ, въ случаѣ виновный будетъ найденъ, подвергнуть его наиболѣе строгому взысканію, въ примѣръ другимъ. Бѣдному полицеймейстеру грозила печальная судьба. Князь цѣлую недѣлю не принималъ его, и тотъ уже подумывалъ подать въ отставку. Но тутъ появился слухъ, что это сдѣлалъ я. Князь смягчился къ полицеймейстеру и сразу пересталъ говорить объ этомъ дѣлѣ. Но бумага его возымѣла свое дѣйствіе, на нее откликнулись... И вотъ князь-то и посовѣтовалъ мнѣ сегодня: вы, говоритъ, полковникъ, поскорѣ подайте въ отставку, тогда и дѣло само собой прекратится... Я и подаль тутъ же, у него. Скоро и Москва узнала, что нѣтъ болѣе полковника Бентышъ-Полянскаго, а есть генералъ въ отставкѣ.

IV.

Въ эти счастливые мѣсяцы Наташа могла бы быть довольна своей судьбой, если бы ея не разстраивали и не тяготили нѣкоторыя обстоятельства. Она на каждомъ шагу видѣла въ домѣ безчисленное множество людей, которые для того здѣсь, повидимому, и существовали, чтобы изображать на лицахъ вѣчный страхъ. Въ первое время она ничего не могла понять. Въ домѣ было всего двое господъ, да еще панъ Шипицкій, который занималъ отдѣльное помѣщеніе внизу. И она была изумлена несмѣтной толпой слугъ, которые наполняли всѣ углы дома. Она никакъ не могла объяснить себѣ, зачѣмъ существуетъ въ кухнѣ нѣсколько десятковъ поваровъ, когда двое могли бы управиться съ приготовленіемъ обѣда для троихъ; къ чему десятки лакеевъ и горничныхъ, когда для нея достаточно одной Паши, а весь остальной домъ могли вести двое-трое слугъ? Когда она спрашивала Андрея Михайловича, зачѣмъ все это, онъ отвѣчалъ ей:

— Но какъ же иначе? И къ чему бы существовали у меня десять тысячъ душъ, если бы я не могъ выбрать изъ нихъ какихъ нибудь десятковъ людей для своего обихода? Посмотри, всѣ порядочные дома въ Москвѣ точно также наполнены народомъ...

Но къ этому она скоро приглядѣлась. Тогда ее стали беспокоить другія явленія. Нерѣдко, когда она сидѣла въ своей спальнѣ одна, и въ домѣ была глубокая тишина, до слуха ея долетали странные звуки, похожіе на человѣческій стонъ или сдавленный крикъ. Сперва она испытывала неопредѣленную тревогу, а затѣмъ стала прислушиваться. Она вскакивала съ мѣста, подбѣгала къ окну и съ тревожно бьющимся сердцемъ старалась понять, откуда идутъ эти подавленные стоны. Къ ужасу ея она все больше и больше убѣждалась, что это не можетъ происходить нигдѣ, какъ только у нихъ же на черномъ дворѣ. Однажды она, разстроенная такими звуками, спросила у Андрея Михайловича:

— Что это значить? Что тамъ дѣлаютъ?

— О, какіе нибудь пустяки! Не стоитъ обращать вниманія!— спокойно отвѣчалъ онъ.

Но она все больше и больше заинтересовывалась страннымъ явленіемъ. Въ домѣ иногда передъ нею мелькали люди съ испуганными, смертельно блѣдными лицами, съ красными отъ недавнихъ слезъ глазами; иногда кто нибудь, кого она успѣла замѣтить, исчезалъ и болѣе не являлся.

Эти случаи повторялись часто, по нѣсколько разъ на день; иногда ей казалось, что стоны и раздрающіе крики не прекращались цѣлые дни, иногда они продолжались ночью. «Пустяки» начали тревожить Наташу не на шутку. Домъ, въ которомъ она наслаждалась жизнью, оглашался стонами боли и орошался слезами.

— Что это значит? Откуда это?—спрашивала она Оеклу Григорьевну, которая часто бывала при ней.

Та только вздыхала и крестилась.

— Охъ, барыня, голубушка, лучше и не спрашивайте!

И какъ бы боясь разспросовъ, она спѣшила удалиться.

Однажды она вошла въ спальню блѣдная, какъ смерть, съ испуганными глазами, и на вопросъ Наташи, что съ нею, отвѣтила:

— Груньку сѣкутъ!.. Охъ, не выдержать она, барынька моя! Слабая она, касатка!

— Сѣкутъ?

— Сѣкутъ, ясная моя, сѣкутъ... Да какъ?.. Охъ, Господи, Творецъ небесный, помилуй!

— Кто? Почему? За что?—посыпались разспросы со стороны Наташи.

— Барыня, милая! Что спрашивать-то? Извѣстно, кто! А за что? Развѣ кто знаетъ, за что его бьютъ? Охъ, Царица небесная!..

И Оекла Григорьевна исчезла, а Наташа, разстроенная, взволнованная, оставшись одна, стала тревожно прислушиваться. Стоны не заставили себя долго ждать. Она теперь уже не недоумѣвала, она ясно представляла себѣ картину, какъ сѣкутъ бѣдную Груню, блѣдную дѣвушку, мелькавшую, какъ тѣнь, среди другихъ горничныхъ, и она не знаетъ, за что. Кто могъ захотѣть этого? У кого хватило настолько жестокости, чтобы мучить слабое существо? Да и чѣмъ эта тихая, ничѣмъ себя не проявлявшая дѣвушка могла провиниться? И когда въ ея головѣ явились эти вопросы, отвѣтомъ на нихъ было имя человѣка, котораго она инстинктивно не любила и даже отчасти боялась: панъ Шипицкій. Одигъ только онъ казался ей способнымъ на это. И вѣдь вся эта дворня находилась подъ его управленіемъ и дрожала передъ нимъ.

Наташа, не помня себя, побѣжала въ кабинетъ и нашла тамъ Андрея Михайловича.

— Ради Бога! Этого нельзя выносить... Андрей Михайловичъ!— умоляла она, вся дрожа отъ волненія.

— Что тамъ случилось, Наташа?—съ простымъ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Эта блѣдная дѣвушка, Груня... Ее сѣкутъ.

— Ну?

— Вѣдь это невозможно!

— Но ты не волнуйся такъ, Наташа... Ты преувеличиваешь. Должно быть, она заслужила...

— Этого нельзя заслужить... Ради Бога, Андрей Михайловичъ... Надо попросить пана Шипицкаго, чтобы прекратилъ... Надо приказать ему!..

— Хорошо, хорошо!.. Ты иди себѣ!—съ усмѣшкой отвѣтилъ ей Андрей Михайловичъ:—я скажу пану Шипицкому...

Онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему слугѣ позвать Викентія Генриковича.

А Наташѣ настойчиво повторилъ:

— Иди, иди къ себѣ!

Она ушла. Черезъ минуту дѣйствительно стоны прекратились. Но послѣ этого случая она не могла безъ дрожи встрѣчаться съ паномъ Шипицкимъ. Бѣдный панъ никакъ не могъ понять, за что она смотритъ на него съ такою ненавистью, на него, который цѣлью своей жизни ставилъ, чтобы къ нему всѣ относились благосклонно, и ради этого многимъ жертвовалъ. Въ особенности онъ добивался расположенія особы, которая занимала въ домѣ мѣсто хозяйки.

«Случаи» повторялись. Наташа страдала. Она не испытывала больше покоя, какъ въ прежніе дни. Даже тогда, когда на черномъ дворѣ было все спокойно, она тревожно прислушивалась и все ждала, что вотъ-вотъ начнется.

Однажды вышло такъ, что тревога на черномъ дворѣ началась сейчасъ послѣ того, какъ Андрей Михайловичъ выѣхалъ изъ дому. Опять она увидала блѣдное, испуганное лицо Оеклы Григорьевны, и опять та въ страхѣ повѣдала ей, что тамъ жестоко наказываютъ Аннушку, дѣвушку, недавно привезенную изъ деревни и еще не успѣвшую оглядѣться въ Москвѣ и приспособиться къ здѣшнимъ нравамъ.

— Этого не будетъ!—воскликнула Наташа, потрясенная этимъ сообщеніемъ.—Гдѣ Андрей Михайловичъ?

— Они сейчасъ только изъ дому выѣхали!

Наташа подумала съ секунду, потомъ быстро вышла изъ комнаты, прошла цѣлый рядъ другихъ, сбѣжала съ лѣстницы и, къ изумленію многочисленной прислуги, стала стучаться въ дверь, которая вела въ квартиру пана Шипицкаго.

Дверь распахнулась, и панъ Шипицкій, увидавъ госпожу Бентышъ-Полянскую на порогѣ своей квартиры, окаменѣлъ, но скоро оправился и сталъ стыдливо застегивать свою венгерскую тужурку, въ которой обыкновенно сидѣлъ дома.

— Какъ вы могли?.. Вамъ стоило только приказать...—началь было панъ Шипицкій, но взглянувъ въ блѣдное лицо Натальи Александровны, онъ понялъ, что ей не до галантныхъ фразъ.

— Прошу васъ, войдите!..—прибавилъ онъ:—и что угодно будетъ приказать?

— Умоляю васъ, прекратите... Прекратите эту жестокость!—промолвила Наташа, не двигаясь ни на шагъ впередъ.

Шипицкій, очевидно, не понималъ ея.

— Прошу прощенія! Я не знаю, о чемъ изволите просить...—сказалъ онъ.

— Вы распорядились наказъ эту дѣвушку... Можетъ быть, она и виновата... Но пощадите ее, умоляю васъ!..

- Но, ей-Богу же, ей-же ей, я не знаю, о комъ вы говорите!
- Вы не знаете?
- Кого нибудь съкутъ?
- Да, да... Отмѣните же это! прошу васъ!..
- Успокойтесь! Не угодно ли вамъ пожаловать въ комнату или къ себѣ навѣрхъ, а я сейчасъ справлюсь, въ чемъ тамъ дѣло.
- Но это долго... Вы же и такъ знаете!
- Клянусь честью, я отъ васъ первой слышу... Да это такъ обыкновенно, что мы не обращаемъ вниманія!
- Вы надо мной смѣетесь, господинъ Шипицкій.
- Я? Надъ вами? Да побей меня Богъ, если бы я только осмѣлился это сдѣлать...
- Но кто же? Кто могъ распорядиться?
- Кто? Да вѣдь у насъ одинъ хозяинъ!
- Андрей Михайловичъ?
- Само собою!
- Это невозможно! Онъ неспособенъ на это!
- Панъ Шипицкій сдѣлалъ какое-то кислое лицо.
- Ну, такъ вы ничего не знаете!—сказалъ онъ и обратился къ одному изъ стоявшихъ въ передней слугъ:
- Эй, ты! Кого тамъ съкутъ?
- Аннушку, Викентій Генриковичъ: Аннушку, новенькую...
- Кто приказалъ?
- Баринъ, извѣстно...
- За какую провинность?
- Вазу какую-то разбила...
- Вы изволили слышать?—спросилъ онъ у Наташи.
- Отмѣните сейчасъ!—промолвила она.
- Не имѣю права!
- Ради Бога!
- Какъ могу я отмѣнить, что приказалъ господинъ генераль? Да онъ меня за это мѣста лишитъ! А мнѣ кусокъ хлѣба дорогъ...
- Но я умоляю васъ!
- Не могу! Извольте приказать сами! А я на свою шею этого не возьму...
- Въ такомъ случаѣ я приказываю!—вымолвила Наташа.
- Эй, ты! — быстро обратился панъ Шипицкій къ тому же слугѣ:—бѣги на черный дворъ и скажи, что госпожа приказала прекратить порку!
- Слуга стрѣлой помчался исполнять приказаніе. Впослѣдствіи Наташѣ сообщили, что оно было исполнено съ изумленіемъ, но въ точности.
- Андрей Михайловичъ вернулся домой къ обѣду. Они встрѣтились въ столовой, и онъ началъ самымъ обыкновеннымъ тономъ рассказывать что-то изъ городскихъ событій. Но отъ его вниманія

не ускользнуло, что Наташа разстроена и смотрѣла на него все время какъ бы съ удивленіемъ, какъ будто сегодня видитъ въ его лицѣ что-то такое, чего не видала прежде. Но онъ ни о чемъ не спросилъ, и она ему ничего не сказала. У нея какъ-то не хватало духу завести рѣчь объ этомъ.

Вечеромъ панъ Шипицкій дѣлалъ докладъ Андрею Михайловичу и, между прочимъ, рассказалъ ему о томъ, какъ Наталья Александровна приходила внизъ, требовала, чтобы онъ отмѣнилъ порку, и, когда онъ отказалъ, сама отмѣнила.

Полянскій вскипѣлъ. Это былъ первый случай, что отмѣнялось его приказаніе.

— Кто посмѣлъ рассказать барынѣ?

Началось разслѣдованіе. У пана Шипицкаго былъ хорошій сыскной нюхъ, и онъ очень скоро понялъ, что никто другой, кромѣ Ѳеклы Григорьевны, не могъ этого сдѣлать. Но онъ запуталъ допросъ такимъ образомъ, что ничего нельзя было добиться. Это онъ сдѣлалъ въ угоду Натальѣ Александровнѣ, и Ѳекла Григорьевна избѣгла, быть можетъ, самой горькой участи. Но отъ генерала послѣдовало приказъ:

— Ежели кто, назначенный къ поркѣ, доложитъ объ этомъ барынѣ, того до смерти заporю!

Когда онъ, проговоривъ эти слова, поднялъ голову, то увидѣлъ передъ собой Наташу. Ея большіе глаза устремились на него съ такимъ любопытствомъ, какъ будто она видѣла его первый разъ въ жизни. Онъ показался ей совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Она даже и не подозрѣвала, что голосъ его можетъ дѣлаться такимъ рѣзкимъ и грубымъ, что глаза его могутъ метать такія молніи и въ нихъ выражаться столько холодной жестокости.

Онъ оборвалъ свою рѣчь, и брови его тѣсно сдвинулись.

— Тебѣ не хорошо приходитъ сюда, когда я занимаюсь дѣлами...—сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу сдержанность и мягкость.—Это не женское дѣло!..

Но Наташа не ушла, а подождала, пока вышелъ панъ Шипицкій и нѣсколько слугъ, на обязанности которыхъ лежало передать распоряженіе барина всей дворнѣ.

— Ты, кажется, что-то хочешь сказать мнѣ, Наташа?—спросилъ Андрей Михайловичъ, нѣжно охватывая ея станъ.

— Андрей Михайловичъ... Неужели это правда?—тихо спросила Наташа.

— Въ чемъ дѣло?

— То, что я сейчасъ слышала... Я никакъ не могла подумать... Вѣдь это—люди... Вѣдь они чувствуютъ...

— Видишь ли, Наташа,—промолвилъ Андрей Михайловичъ, медленно освобождая ея станъ отъ своей руки:—есть области, въ ко-

торыхъ я люблю быть хозяиномъ. Ты не должна вмѣшиваться въ нихъ...

— Я не могла этого вынести! — отвѣтила Наташа, понявъ, что онъ говоритъ объ отмѣнѣ его приказанія.

— Ты старайся не узнавать о томъ, что тебя не касается.

— Я не могу быть спокойной! — настойчиво сказала Наталья Александровна.

— Перестанемъ говорить объ этомъ, — съ досадою заявилъ Полянской.

— Я всегда буду объ этомъ думать...

— Наташа!

Онъ видѣлъ ея необычную настойчивость. Всегда тихая, податливая, хрупкая, она въ этомъ случаѣ обнаруживала энергію. Онъ, повидимому, не зналъ, какъ отъ нея отдѣлаться.

— Но что же ты хочешь? Ты хочешь перемѣнить мой характеръ, мои привычки, обычаи и нравы цѣлаго сословія? Это невозможно, Наташа.

— Нѣтъ... я только не могу такъ жить...

— Но я же говорю тебѣ, что ты не должна вникать въ то, что не касается тебя. Это такъ легко сдѣлать. Когда ты не будешь вмѣшиваться, то и будешь спокойна.

— Развѣ вамъ доставляетъ удовольствіе, когда человѣкъ мучится и стонетъ? — спросила Наташа, глядя ему прямо въ глаза.

— Человѣкъ! Ахъ, Наташа, ты наивна, какъ ребенокъ! Ты судишь по себѣ. У тебя тонкіе нервы, и ты иногда отъ одного слова чувствуешь большую боль, чѣмъ отъ удара молота. А эти... эти созданія только тогда и чувствуютъ, когда ихъ бьютъ кнутами... Если они кричатъ, то лишь потому, что знаютъ, что надо кричать, когда бьютъ... И повѣрь, что если съ ними обращаться мягко, они съѣдятъ насъ.

— Но женщины, дѣвушки!.. Вѣдь это для нихъ такой позоръ, когда ихъ сѣкутъ...

— Позоръ? Ха, ха, ха! Ты думаешь, что они такъ тонко чувствуютъ? О, я же говорю, что ты наивна, какъ ребенокъ!..

— Но если я буду просить васъ, умолять!..

Наташа готова была заплакать. Андрей Михайловичъ не могъ равнодушно видѣть ея слезы. Онъ его трогали. Онъ сказалъ:

— Полно, Наташа... Я буду стараться дѣлать по-твоему...

Это было очень неопредѣленно, но ей подавало надежду.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Старался ли генераль Бентышъ-Полянскій дѣлать по-Наташиному, неизвѣстно, но если старался, то это, очевидно, ему не удавалось. Наталья Александровна попрежнему на каждомъ шагѣ встрѣчала блѣдныя, заплаканныя лица, а еще хуже того, видѣла встревоженное лицо Ѳеклы Григорьевны, которое говорило ей больше словъ.

— Что съ тобой, Ѳекла?—иногда спрашивала она:—не случилось ли чего?

— Ничего я не могу знать, милая моя барыня! Ничего я не могу знать!—съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчала Ѳекла Григорьевна и торопилась уйти, словно боялась проболтаться.

Для Наташи тогда бывало ясно, что надъ кѣмъ нибудь должна стрястись бѣда. Она понимала что Ѳекла Григорьевна боялась за свою шкуру. Ей самой памятливы были страшныя слова Андрея Михайловича: «Ежели кто доложитъ барынѣ... до смерти запорю». Она видѣла, что послѣ этихъ словъ никто не рѣшится ей сказать что нибудь, и чувствовала себя такъ, какъ будто ее посадили въ каменный мѣшокъ, въ которомъ она не можетъ двинуться. И въ тѣхъ случаяхъ, когда ей по какимъ нибудь случайнымъ признакамъ удавалось заблаговременно узнать о готовящемся жестокомъ дѣлѣ, она шла прямо къ Андрею Михайловичу и говорила:

— Вы мнѣ обѣщали это... Вы должны отмѣнить...

Онъ хмуриль брови, дѣлалъ крайне недовольный видъ и спрашивалъ:

— Кто сказалъ тебѣ?

— Никто! Клянусь вамъ, никто! Ни на кого не грѣшите. Я сама догадалась... Я это почувствовала.

Онъ пожималъ плечами. Онъ не вѣрилъ въ возможность такимъ образомъ тонко чувствовать. Но Наташѣ онъ не могъ отказать и произносилъ сквозь зубы:

— Хорошо. Пусть будетъ по-твоему. Ты мнѣ избалуешь людей. Скоро они сдѣлаются нашими господами...

И отмѣнялъ наказаніе.

Но это происходило случайно. Далеко не всегда удавалось ей вовремя усмотрѣть и предупредить. Полянскій сталъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы у людей, когда они въ домѣ, были веселыя, довольныя лица. Онъ также требовалъ, чтобы они подъ розгами не кричали. Крикъ подъ розгами сдѣлался теперь самымъ большимъ преступленіемъ, которое утравало кару. Въ этомъ дѣлѣ Бентышъ-Полянскій былъ неукротимъ. Наташѣ, благодаря только

одному его чувству къ ней, удалось отвлечь его отъ безчисленныхъ друзей, отъ пировъ, отъ шумной хмельной жизни, которая вела за собой всякія безумства, но это было въ немъ неискоренимо.

Однажды, когда съ чернаго двора стали доноситься раздрающіе крики, Паша, бывшая въ это время съ Натальей Александровной въ ея комнатѣ, вскрикнула, всплеснула руками, стала бѣлѣй стѣны и побѣжала въ кабинетъ Андрея Михайловича. Это былъ съ ея стороны большой подвигъ, такъ какъ въ кабинетъ барина воспрещалось входить подѣ страхомъ тяжкаго наказанія. Но она не помнила, что дѣлала.

Ее встрѣтилъ изумленный и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвный взглядъ Андрея Михайловича.

— Баринъ, ваше превосходительство! Съ нашей барыней дурнота приключилась!

— Что-о?

— Сидѣли это они въ креслѣ, да какъ услышали это самое... Такъ и повалились!..

Андрей Михайловичъ побѣжалъ въ комнату Наташи и въ то же время послалъ за Троповымъ, который жилъ тутъ же на Дмитровкѣ, неподалеку отъ него. Онъ при помощи домашнихъ средствъ привелъ Наташу въ чувство. Экзекуція, по мановенію его руки, которое онъ произвелъ мимоходомъ кому-то, попавшемуся ему на глаза, уже, конечно, прекратилась.

— Когда нибудь я умру отъ этого! — слабымъ голосомъ произнесла Наташа.

Полянскій молчалъ. Ему нечего было сказать. Онъ только просилъ ее успокоиться, говорилъ, что она его напугала, и что сейчасъ придетъ Троповъ.

Троповъ дѣйствительно скоро явился, осмотрѣлъ Наташу, поговорилъ съ нею и вышелъ съ чрезвычайно серьезнымъ и даже нѣсколько загадочнымъ видомъ.

— Мнѣ надо съ вами поговорить, ваше превосходительство! — сказалъ онъ Андрею Михайловичу, чѣмъ еще больше напугалъ его.

Они удалились въ кабинетъ, и здѣсь Троповъ объяснилъ:

— Долженъ вамъ сказать, уважаемый генералъ, что въ томъ положеніи, какое переживаетъ организмъ Натальи Александровны, подобныя припадки могутъ повести къ весьма вреднымъ для ея здоровья послѣдствіямъ...

— О какомъ положеніи вы говорите?

— Какъ? Вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Вы не знаете объ особомъ положеніи Натальи Александровны?

— Я говорю вамъ, что не знаю.

— Она беременна...

— Вы увѣрены въ этомъ?— воскликнулъ Андрей Михайловичъ и всталъ, чрезвычайно оживленный и взволнованный.

— Да, точно такъ же, какъ и она... Это не подлежитъ сомнѣнью.

— Это очень серьезно!...

— Я и говорю вамъ: не должно быть въ домѣ ничего, могущаго ее разстраивать.

— Это значить, что я долженъ позволить моимъ людямъ дѣлать что имъ угодно, и они тогда пропьютъ по камешку мой домъ!..

— Зачѣмъ же это, ваше превосходительство? — добродушнымъ голосомъ сказалъ докторъ Троповъ.—Людей распускать никогда не нужно. У меня ихъ всего только восемнадцать душъ, но я держу ихъ въ струнѣ. Какъ только который нибудь изъ нихъ провинится, знаете ли, что я дѣлаю?

— Не знаю, докторъ!—разсѣянно отвѣтилъ Полянской.

— Я пускаю ему кровь!

Это было такъ неожиданно и необыкновенно, что Полянской, не смотря на свое серьезное настроеніе, разсмѣялся.

— Какъ жаль, — сказалъ онъ, — что я не учился медицинѣ! Я не могу воспользоваться этимъ способомъ. А то, пожалуй, это въ самомъ дѣлѣ было бы очень просто!

— Нѣтъ, я вамъ этого и не совѣтую. Вамъ можно найти простое средство!

— Посовѣтуйте, докторъ, я вамъ скажу спасибо.

— Да вѣдь у васъ есть другой домъ въ Москвѣ?

— И не одинъ, какъ вы знаете...

— Такъ вотъ и прекрасно. Вы вашего Евстрата въ одинъ изъ нихъ переведите, и пускай онъ тамъ и розги содержитъ. И ежели кому понадобится въ извѣстномъ мѣстѣ припарку поставить, такъ ему надо будетъ только сказать на ухо: «ступай къ Евстрату», и больше ничего... А ужъ Евстратъ будетъ знать, что дѣлать...

— Послушайте, докторъ, я вижу, что вы не только хорошіе медицинскіе совѣты даете, а и другого рода...

— А какъ же! Врачъ долженъ во всемъ понимать! Съ одной медициной не проживешь...

Въ тотъ день Андрей Михайловичъ былъ безконечно нѣженъ съ Наташей и обѣщалъ ей, что «этого уже совсѣмъ не будетъ».

Но она теперь ужъ ему не довѣряла и продолжала съ тревогой ко всему присматриваться и прислушиваться.

Андрей Михайловичъ въ точности исполнилъ совѣтъ Тропова.

Въ его небольшомъ одноэтажномъ домѣ, на Маросейкѣ, поселился грозный Евстратъ, завѣдовавшій экзекуціями, и тамъ устроилось нѣчто въ родѣ постоянной конторы порки. Безъ сомнѣнія, по всему дому разнеслась вѣсть о томъ, что барыня «въ положеніи», и что поэтому баринъ теперь «все для нея сдѣлаетъ». Этимъ обстоятельствомъ многіе воспользовались бы, если бы не боялись

страшной угрозы со стороны барина—запороть до смерти. Эта угроза была повторена съ новой силой, при переселеніи Евстрата на Маросейку. И вотъ, послѣ недолгаго свѣтлаго промежутка, наступилъ вновь еще болѣе прежняго мрачный. Наташа уже больше не могла заступаться за людей, и Евстратъ, точно исполняя приказанія барина, сѣкъ ихъ нещадно. Иногда послѣ этой операціи прямо отправляли въ деревню, какъ уже негодныхъ для службы въ городскомъ домѣ.

Но отчаяніе иногда бываетъ сильнѣе страха. Наталья Александровна однажды услышала у порога, за полуоткрытой дверью, то рошливый шепотъ. Повидимому, это былъ споръ. Кто-то чего-то добивался, а ему энергично возражали.

Она кликнула Пашу и спросила, въ чемъ дѣло.

— Дѣвушка одна... къ вашей милости прибѣгаетъ...—несмѣло объяснила Паша.—Да ужъ и не знаю...

Разумѣется, дѣвушку тотчасъ впустили. Она стремительно вбѣжала въ комнату, упала на полъ и не хотѣла подняться.

— Что тебѣ?—спросила Наталья Александровна.

— Барыня-матушка! Пусть засѣкутъ... Пуцай до смерти за бьютъ!...—лепетала дѣвушка, обливая полъ слезами.

— Но встань же, пожалуйста! Объясни! Я не знаю, въ чемъ дѣло!...

— Барыня-матушка... Только вы одна наша заступница, пускай вамъ Богъ пошлетъ на этомъ и на томъ свѣтѣ...

Но все это ничего не объясняло, а дѣвка рѣшительно отказывалась сколько нибудь успокоиться и встать. Пришлось Пашѣ и Оеклѣ Григорьевнѣ поднять ее.

Когда она поднялась, легко было замѣтить, что она на сносяхъ. Она объяснила:

— Парня я полюбила, барыня-матушка!...

— Ну?

— Ну, и сами видите... Охъ, барыня голубушка, не суждень онъ мнѣ!...

— Да онъ-то тебя любить ли?

— Охъ, и еще какъ любить, родная моя! Такъ любить, такъ любить...

— Барину сказывали?

— Какъ не сказывать? Сказывали. Еще, какъ зачалось это... И въ самое то время, какъ случился грѣхъ... Сказывали и молили!...

— И что же онъ!

— Высѣкли, голубка моя барыня! Больно высѣкли и меня и его, парня моего...

— Какъ высѣкли? За что?

— За это самое? За грѣхъ, значить!

Наташа изумилась.

— Чего-жь ты теперь желаешь?—спросила она.

— Охъ, желаю, барыня моя! Ребеночекъ вотъ на свѣтъ по-
явится, а мы не въ законѣ... Обидно, родная, вотъ какъ обидно!...

— Я буду просить объ этомъ Андрея Михайловича! — сказала
Наташа.

Ей казалось, что эта просьба никоимъ образомъ не можетъ пред-
ставить затрудненія. Она не понимала, за что эти люди понесли
наказаніе. Можно было бы допустить, что ихъ пороли «за грѣхъ»,
если бы Андрей Михайловичъ самъ былъ чистъ отъ этого грѣха.
Но онъ до встрѣчи съ нею былъ далеко не безгрѣшенъ. Не мо-
жетъ же онъ карать людей за то, чѣмъ полна жизнь его самого.
Этого она не понимала, но теперь и не въ этомъ было дѣло. «За
грѣхъ» они уже понесли наказаніе, но ихъ скромное желаніе должно
поправить этотъ грѣхъ. И съ этими мыслями она затѣяла разго-
воръ съ Андреемъ Михайловичемъ. По обыкновенію, онъ первый
началъ разговоръ, замѣтивъ, что во взглядѣ ея есть какая-то за-
бота.

— Ты о чемъ-то думаешь, Наташа!—сказалъ онъ.

Въ виду ея положенія, онъ старался теперь предупреждать ея
желанія.

— Да!—отвѣтила она.

— Ты мнѣ скажешь?!

— Если соблюдете мои условія.

— А, условія! Ну, какія же?

— Вы мнѣ дадите обѣщаніе, что не сдѣлаете никакой неприя-
тности людямъ, о которыхъ буду говорить.

— Ага! Это, значить, заступничество! Самый нелюбимый мною
разговоръ. Но для тебя вѣдь у меня нѣтъ ни на что запрету! Ты
говоришь только неприятности?

— Въ этомъ вы заранѣе дадите слово. А объ остальномъ пого-
воримъ.

— Хорошо. Я согласенъ. Говори.

— У васъ есть дѣвушка Лизавета и парень Антипъ...

— Навѣрно есть, коли ты говоришь. Но я не имѣю чести ихъ
настолько близко знать, чтобы помнить... Однако, мнѣ кажется, что
я уже знаю, въ чемъ дѣло... Коли дѣвка и парень, то дѣло по-
нятное, что изъ этого должно выйти...

— Конечно, такъ и есть.

— И ты будешь просить, чтобы я согласился обвѣнчать ихъ!...

— И это такъ.

— Видишь ли, Наташа. Ты касаешься того, что я называю мо-
ими принципами. Я не имѣю ничего противъ того, чтобы дѣвушки
рожали дѣтей. Это даже полезно.

— Но, однако, ее за это сѣкли!...

— Нѣтъ, не за это. А за то, что занимаются они этимъ не въ должномъ мѣстѣ.

— Что это значитъ?

— А то, моя милая, что для этого существуетъ деревня. Тамъ они могутъ свободно размножаться, что и дѣлаютъ исправно. А сюда ихъ берутъ не для этого, а для службы. Вотъ, когда они уклоняются, имъ и напоминаютъ...

— Но вѣдь они люди!

— Да, пожалуй, но не на столько, чтобъ имъ можно было все позволить. У меня правило: дѣвку я держу здѣсь до тридцати лѣтъ, а мужика не женатаго до тридцати пяти. А послѣ ступай въ деревню и тамъ женись и плодись, сколько хочешь.

— Но если грѣхъ случился, отчего же имъ не повѣнчаться?

— Оттого и не повѣнчаться, что не для этого они здѣсь живутъ: здѣсь не приходится семейнымъ дѣломъ заниматься. Тогда они будутъ думать о своихъ семействахъ больше, чѣмъ объ обязанностяхъ. Я, Наташа, смотрю на это очень снисходительно. У меня дѣвка если согрѣшитъ, ее посѣкутъ, а затѣмъ я ей позволяю произвести на свѣтъ, какъ нельзя лучше, и опять ее въ домъ беру. И больше ужъ за это ей наказанія нѣтъ. А только вѣнчаться я не могу позволить.

— Даже для меня этого нельзя сдѣлать?

— Наташа, ты видишь, что я многое дѣлаю ради тебя. Но это... Вѣдь если я позволю повѣнчаться одному, тогда другіе захотятъ; всѣ захотятъ. И тогда что же? У меня люди будутъ не слуги, а почтеннѣйшіе отцы своихъ семействъ...

Наташа съ грустью задумалась, и ужъ этого было довольно, чтобъ Андрей Михайловичъ всталъ и зашагалъ въ волненіи.

— Постоій,—наконецъ сказалъ онъ:—принципа я нарушить не могу, но не могу и тебѣ отказать. Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ. Пускай эта твоя дѣвка или ея парень, это для меня все равно, чѣмънибудь отличится, чтобы я ее, не въ примѣръ прочимъ, награждать могъ. Ну, отличиться ей трудно, такъ ужъ ты сама чтонибудь тамъ выдумай. Только чтобы другіе могли видѣть, что это—отличіе. И я ихъ за это повѣнчаю. Это для тебя, Наташа.

Наташа на этотъ разъ была довольна. Придя къ себѣ, она позвала Ѳеклу Григорьевну и подъ глубокимъ секретомъ начала совѣтоваться съ нею насчетъ того, чѣмъ бы могла отличиться Лизавета.

Ѳекла Григорьевна, испытанная въ служебныхъ дѣлахъ, долго ломала голову.

А тутъ случилось, что изъ конюшни вырвалась горячая лошадь, одна изъ любимицъ Андрея Михайловича, и выбѣжала на улицу. Узнавъ объ этомъ, Ѳекла Григорьевна шепнула Антипу:

— Бѣги, поймай и приведи, большую получишь награду!

Можетъ быть, Антипъ и догадался, потому что въ изловленіи лошади проявилъ усердіе необыкновенное. Онъ гнался за нею версты три, загналъ въ какой-то дворъ и, поймавъ, торжественно привелъ домой.

— Ну, вотъ и ладно!—сказалъ по этому поводу Андрей Михайловичъ. — За это я тебя награжу не въ примѣръ прочимъ. Вѣнчайся съ своей Лизаветой, и ступайте вы оба въ деревню. Миѣ семейныхъ не надо!

Оекла Григорьевна рассказала Наташѣ, какая судьба ожидала Лизавету безъ ея заступничества. Для этого рода случаевъ у Полянскаго былъ заведенъ извѣстный порядокъ, который строго соблюдался. Случаи бывали часто. Дворъ наполняли живые люди, и естественно—они между собой сходились. Какъ только это обнаруживалось, виновные «въ грѣхѣ» могли сами, безъ особаго приказанія, идти къ Евстрату, а Евстратъ уже зналъ разъ навсегда опредѣленное за этотъ грѣхъ «положеніе». Онъ только спрашивалъ:

— А виновный есть?

— Какъ не быть? Есть, Евстратъ Тимоѣичъ!—отвѣчала дѣвка. «Виновный» непременно долженъ былъ находиться на лицо. Если дѣвка не могла или не хотѣла назвать его, «положеніе» утроивалось. Поэтому такіе случаи были рѣдки.

Получивъ «награду», грѣшники отправлялись домой и попрежнему исполняли свои обязанности. Для парня этимъ дѣло и кончалось. Его больше не тревожили. Но дѣвкѣ еще предстояло самое главное.

Наступало время произвести на свѣтъ. Панъ Шипицкій приказывалъ заложить огромную старую карету, въ нее садилась дѣвка, и ее везли въ воспитательный домъ. Тамъ брали ей кровать, вносили деньги за уходъ и оставляли ее до выхода. Когда, послѣ благополучныхъ родовъ, мать оправлялась, ребенка отъ нея отбирали и съ нарочнымъ отправляли въ деревню къ ея роднѣ, приложивъ къ этой посылкѣ десять рублей денегъ; а мать опять становилась дѣвкой, возвращалась на Дмитровку и вступала въ свои обязанности.

Все это примѣнялось въ высшей степени строго и послѣдовательно. Поэтому всѣ были несказанно удивлены исключеніемъ, какое было сдѣлано для Лизаветы. Подвигъ Антипа былъ не такъ великъ, чтобы могъ объяснить это. И они очень легко догадались, что счастьемъ своимъ Лизавета обязана барынѣ.

Разсказъ Оеклы Григорьевны произвелъ на Наташу тяжелое впечатлѣніе. Когда Оекла замѣтила это, то прибавила:

— Эхъ, барыня, голубушка моя! Это еще что?! Наши Бентышъ-Полянскіе люди счастливыми себя за это самое почитаютъ! Знали бы вы, родная, что другіе господа дѣлаютъ! Вонъ, не далеко ходить, у Паниной, у графини... Большая барыня она и въ великомъ

почетъ у всѣхъ состоитъ! И вотъ ежели съ которой дѣвкой грѣхъ случится, такъ спервоначалу порюютъ ее до того, что съ мѣсяцъ ей бываетъ присѣсть не на что, а тамъ при всей дворнѣ косы ей обстригутъ, да въ этакое опозоренное видѣ въ деревню ведутъ и на картофель поставятъ: рой, моль, картофель! А какое тамъ рытье, когда она избита, и людямъ въ глаза ей стыдно смотрѣть... Такія-то дѣла, матушка-барыня, заступница ты наша сердечная! А у насъ это что? Въ прочемъ другомъ—баринъ жестокъ, это надо сказать, а что до грѣха, такъ Бога винить нечего... Ее и въ каретѣ повезутъ, и въ воспитательномъ деньги заплатятъ, а тамъ ходятъ за нею, какъ за барыней. Такъ оно и выходитъ, что съ этимъ жить еще можно!

Теперь Наталью Александровну среди дворни иначе не называли, какъ: «заступница наша сердечная, ходатайница слезная».

Къ сожалѣнію, отъ нея было скрыто существованіе отдѣльной «Евстратовой конторы», и ни одна душа не рѣшалась сказать ей объ этомъ.

II.

Въ отношеніяхъ Наташи къ Чистопольевымъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Попрежнему она ѣздила къ нимъ разъ въ недѣлю, ее принимали ласково, но объ Андреѣ Михайловичѣ въ присутствіи слѣпого поэта никогда не было рѣчи. Это имѣло такой видъ, какъ будто въ жизни Наташи не случилось ничего важнаго, и она ѣздитъ къ дядѣ, какъ ѣздила, когда была въ театральномъ училищѣ. Но Олимпиада Семеновна нерѣдко пріѣзжала къ ней и проводила много часовъ.

Лиза очень скоро сжилась съ новымъ положеніемъ сестры. Она очень любила бывать въ домѣ на Дмитровкѣ и гораздо чаще проводила свои праздники здѣсь, чѣмъ въ Замоскворѣцкомъ домѣ. Андрей Михайловичъ относился къ ней, какъ къ родной, баловалъ ее, часто привозилъ ей конфеты въ школу и нерѣдко, пользуясь своей дружбой съ Коромысловымъ, бралъ ее домой и въ будни. Самъ Коромысловъ сталъ отличать Лизу отъ другихъ и обращался съ нею далеко не такъ сурово, какъ прежде.

Онъ былъ частымъ посѣтителемъ Полянскихъ. По воскресеньямъ сюда собирались обѣдать Тугаринъ, поручики, Коромысловъ, двѣтри актрисы изъ казеннаго театра, безъ сомнѣнія—панъ Шипицкій, Лиза, изрѣдка Олимпиада Семеновна и въ послѣднее время Зоя Оедоровна, сохранившая къ Наташѣ прежнюю привязанность. Андрей Михайловичъ никогда не вспоминалъ о большомъ московскомъ обществѣ, и ничто не показывало, чтобъ онъ испытывалъ скуку. Всѣ начали думать, что прежнія его безумства только и объяснялись отсутствіемъ глубокой привязанности, отсутствіемъ въ домѣ хозяйки,

а какъ только это явилось, его бѣшенныя страсти разомъ усмирились. Такъ думала и Наталья Александровна и потому со многимъ въ жизни примирялась и спокойно глядѣла въ будущее. У нея родилась дочь, которую назвали Надей и окружили королевскимъ уходомъ; прошелъ еще годъ, и явилась на свѣтъ Таня. Андрей Михайловичъ имѣлъ видъ счастливаго отца, любовался дѣвочками; часто приходилъ поглядѣть на нихъ и велъ жизнь добраго семьянина.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Наташа поселилась въ домѣ на Дмитровкѣ и сдѣлалась его хозяйкой. Въ это время у Андрея Михайловича вдругъ обнаружилась новая страсть: онъ сталъ много заниматься лошадьми. И прежде у него ихъ было много, но онѣ стояли въ конюшнѣ цѣлыми годами, и никто, кромѣ конюховъ, не обращалъ на нихъ вниманія. Теперь генерала Бентышъ-Полянскаго можно было каждый день видѣть и въ городѣ и за городомъ, въ коляскѣ, запряженной тройкой горячихъ коней, которымъ не было удержу. Онъ самъ правилъ ими, и глаза его при этомъ горѣли. Какое-то омыаніе овладѣвало имъ, когда, выѣхавъ за городъ, онъ стрѣлой мчался по ровной дорогѣ, особенно зимой, въ широкихъ, раскидистыхъ саняхъ. Дома и съ своими, теперь немногочисленными друзьями, онъ только и говорилъ, что о своихъ лошадяхъ, объ ихъ необмкновенныхъ качествахъ, и если ему намекали, что у кого нибудь въ Москвѣ есть получше, онъ выходилъ изъ себя, бѣсился и кончалъ тѣмъ, что за баснословныя деньги перекупалъ лошадь, которая ему мѣшала жить.

Тутаринъ глядѣлъ на него и говорилъ про себя: «не къ добру, не къ добру! Долго онъ спалъ, а теперь вотъ просыпается». Но это были только его подозрѣнія, которыхъ онъ никому, а пуще всего Натальѣ Александровнѣ, не высказывалъ. Въ сущности онъ, глядя на мирную семейную жизнь своего друга, давно думалъ: «Или я его не зналъ прежде, или все это вдругъ оборвется и ринется въ пропасть. Гдѣ-жъ таки этому, хотя и благородному, звѣрю удержаться въ семейной клѣткѣ!?».

Между тѣмъ въ домѣ на Дмитровкѣ появилось новое лицо, которое сосредоточило на себѣ вниманіе Натальи Александровны.

Однажды она услышала звонкіе поцѣлуи въ кабинетѣ и радостныя привѣтствія. Когда она спросила объ этомъ у Феклы Григорьевны, та объяснила ей:

— Это бариновъ братецъ пріѣхали изъ чужихъ странъ! Ихъ любить нашъ баринъ, только братецъ на нихъ совсѣмъ не похожи... совсѣмъ, словно бы изъ другой земли и иныхъ понятій. Такихъ я еще и въ жизнь мою среди господъ не видывала!..

Наташа познакомилась съ «бариновымъ братомъ», и онъ сразу оправдалъ въ ея глазахъ отзывъ Феклы Григорьевны. Да, это былъ совсѣмъ другого рода человекъ. Лицомъ онъ былъ схожъ съ Андреемъ Михайловичемъ, только ростомъ выше — стройный, прямой,

высокій. Онъ былъ худощавъ, носилъ длинные густые усы и короткую бороду. Въ лицѣ его было много важной серьезности, а въ обращеніи онъ былъ сдержанно-привѣтливъ и чрезвычайно простъ. Звали его Павломъ Михайловичемъ. Онъ такъ же, какъ и Андрей Михайловичъ, прежде служилъ въ полку, дослужился до полковничьяго чина, но тутъ, какъ говорили про него, «на него нашло», онъ вышелъ въ отставку и удалился въ уединенную частную жизнь. Былъ онъ лѣтъ на восемь старше своего брата, а имуществомъ владѣлъ вдвое меньшимъ. Это происходило оттого, что онъ былъ не въ ладахъ съ петербургскимъ дядей, княземъ Отсвѣтаевымъ, и не получилъ отъ него ничего, тогда какъ Андрею Михайловичу, любимцу и баловню, еще при жизни дяди достались отъ него большія богатства.

Павель Михайловичъ пріѣхалъ ненадолго. Онъ постоянно жилъ въ Швейцаріи, гдѣ у него, на берегу озера, былъ домъ и небольшой участокъ земли. Въ Россіи ему какъ-то не жилось, и онъ пріѣзжалъ сюда только для того, чтобъ устраивать дѣла. Сперва Наташа никакъ не могла раскусить этого человѣка. Онъ происходилъ изъ одной семьи съ ея мужемъ, получилъ одинаковое съ нимъ воспитаніе, а между тѣмъ всѣ его взгляды и рѣчи были проникнуты чѣмъ-то инымъ.

— Почему вы живете въ чужихъ странахъ, Павель Михайловичъ?—спрашивала Наташа.

— Тамъ больше воздуха, тамъ дышать легче!—отвѣчалъ онъ и, видя ея недоумѣніе, пояснилъ:—я разумѣю—умъ и сердце! Тѣсно имъ здѣсь среди нашей дикой жизни! Тамъ люди не дѣлятся на людей и скотовъ, а всѣ люди—люди...

Наташа съ удивленіемъ смотрѣла въ его вдумчивые глаза и думала: «вотъ онъ какой человѣкъ! Вотъ какіе люди бываютъ на свѣтѣ!».

И она не понимала только одного: какимъ образомъ между братьями, столь различающимися по всему, могли существовать такія трогательныя отношенія? Между тѣмъ Павель Михайловичъ любилъ въ братѣ, или, лучше сказать, терпѣлъ въ немъ самого себя въ прошломъ. У него была такая же кипучая неудержимая натура, какъ и у младшаго брата, только голова его была устроена иначе: постоянная склонность съ разсматриванію себя со стороны привела къ тому, что онъ сумѣлъ вовремя остановиться и сохранить въ себѣ избытокъ силъ. Однажды, въ самомъ разгарѣ неудержимаго кутежа, лѣтъ тому съ десятокъ назадъ, онъ внезапно рѣшилъ, что жизнь, исполненная внѣшнихъ, чувственныхъ удовольствій, постыдная жизнь, и сразу точно отрѣзалъ себя отъ прошлаго. Онъ бросилъ службу, прервалъ всѣ свои многочисленныя свѣтскія связи и уединился въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Онъ много перечиталъ книгъ, постоянно ставя передъ собой нравственныя задачи и стараясь разрѣшить ихъ. Вернувшись въ столицу, онъ былъ

уже совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Сперва онъ увлекся масонствомъ и очень дѣятельно посѣщаль одну ложу, занималь въ ней послѣдовательно разныя должности, дошелъ до званія «мастера», но вдругъ все это показалось ему мелкимъ и ничтожнымъ, и онъ бросилъ это. Онъ старался отыскать людей, которые помогли бы ему разрѣшить беспокоившіе его вопросы, но такихъ людей онъ не встрѣчалъ нигдѣ. Тогда онъ переѣхалъ за границу и тамъ очень скоро познакомился со всѣми философскими ученіями и въ этомъ нашелъ пристань для своего покойнаго духа.

Онъ лелѣялъ мысль о томъ, чтобы, вернувшись въ Россію, дать свободу всѣмъ своимъ крестьянамъ, но это, по условіямъ времени, оказалось невозможнымъ. Онъ узналъ, что это походило бы чуть ли не на преступленіе. Поэтому онъ ограничился меньшимъ, но это было наибольшее, что можно было сдѣлать. Онъ побывалъ въ своихъ деревняхъ, посадилъ тамъ довѣренныхъ лицъ и приказалъ имъ платить крестьянамъ за работы, какъ свободнымъ работникамъ, и постарался всячески улучшить ихъ положеніе. У него завелись школы и больницы; крестьяне получили прибавку земли и въ сущности стали чувствовать себя, какъ свободные люди, хотя формально числились собственностью его.

Онъ купилъ себѣ клочекъ земли въ Швейцаріи, построилъ небольшой домъ и большею частью жилъ тамъ.

— Что это, Андрей, я не слышу у тебя нынче плача людского? Прежде ты былъ до этого большой охотникъ... — спрашивалъ онъ брата съ искреннимъ удивленіемъ. Приѣзжая въ Москву, онъ всегда останавливался у брата, такъ какъ свой домъ, по долгосрочному контракту, отдавалъ въ наймы какой-то канцеляріи, которой не хватило мѣста въ казенныхъ зданіяхъ. Ему отводили помѣщеніе въ особомъ флигелѣ, гдѣ онъ и располагался.

— А вотъ видишь, Наташа теперь у меня главный человѣкъ въ домѣ; она этого слышать не можетъ... — отвѣчалъ Андрей Михайловичъ.

— Значитъ, Евстрату твоему, разбойнику, теперь скучно?

— Какъ бы не такъ! Евстратъ на Маросейкѣ...

— Такъ ты туда и твой застѣнокъ перевелъ? а?

— Само собою разумѣется, только ты объ этомъ Наташѣ не сказывай!

— Эхъ, братъ Андрей, братъ Андрей! Когда ты, наконецъ, уразумѣешь, насколько это оскорбительно для твоего человѣческаго достоинства! Вотъ только съ этимъ я въ тебѣ и не могу помириться!..

— Ну, это ты лучше оставь! На этотъ счетъ мы съ тобой никогда не сойдемся...

— Знаю и скорблю объ этомъ! Да, кстати... Я видѣлъ, что ты тамъ во флигелѣ цѣлую кучу слугъ для меня поставилъ... Избавилъ бы ты меня отъ этого затрудненія, а?

— Ужь это прости мнѣ, братъ, не могу! Въ моемъ домѣ такой порядокъ. Тамъ ты ужь дѣлай съ ними, что хочешь: жилы изъ нихъ вытягивай, или цѣлуйся съ ними, это твое дѣло. Но они должны быть на своемъ посту...

И Павелъ Михайловичъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, что ему дѣлать съ десяткомъ слугъ, приставленныхъ къ флигелю. Своего слуги онъ никогда съ собою не возилъ, считая это излишней роскошью.

Онъ началъ съ того, что, когда вечеромъ двое слугъ хотѣли раздѣть его, онъ попросилъ ихъ «не лишать его удовольствія самому исполнить это». То же повторилось утромъ на другой день. Но, вставъ съ постели, онъ тутъ же замѣтилъ, что кто-то унесъ его сапоги.

— Гдѣ же мои сапоги?—спросилъ онъ слугу, который неизвѣстно для чего торчалъ у порога.

— Они въ чисткѣ!—отвѣчалъ слуга.

— А сдѣлай милость, кликни ко мнѣ сейчасъ этого молодца, который чиститъ мои сапоги!

Молодца позвали, и онъ, спѣша явиться на зовъ, прибѣжалъ съ сапогомъ, надѣтымъ на лѣвую руку, и съ щеткой въ правой рукѣ. Молодецъ былъ видимо встревоженъ, такъ какъ въ этомъ домѣ среди слугъ было принято всегда чего нибудь бояться, особенно когда зоветъ баринъ.

— Кто же это тебя просилъ, мой милый, чистить мои сапоги?—спросилъ Павелъ Михайловичъ.

— А какъ же-съ! Невозможно безъ чистки!—отвѣчалъ тотъ.

— Но я самъ вычищу; я всегда самъ чищу и даже люблю это занятіе!

Молодецъ сдѣлалъ пребольше глаза.

— Что вы, баринъ, можно ли это?

— Право, можно, мой милый, и ты это сейчасъ увидишь...

Онъ взялъ изъ рукъ молодца сапогъ и щетку и принялся чистить, и дѣлалъ это довольно исправно; а когда вычистилъ, потребовалъ другой сапогъ и сдѣлалъ съ нимъ то же самое. При этомъ онъ говорилъ:

— Я не понимаю, чему ты тутъ дивишься? Вѣдь я такой же человекъ, какъ и ты, и всякій долженъ дѣлать самъ для себя то, что ему необходимо... Вѣдь ты самъ себѣ сапоги чистишь?

— Иавѣстно, самъ...

— Почему же ты думаешь, что я тоже не сумѣю для себя это сдѣлать? Развѣ я глупѣе тебя?

— Вы—баринъ! Какъ же это можно-съ?

Павелъ Михайловичъ совершенно напрасно старался вбить молодцу въ голову идею равенства. Идея эта до такой степени была чужда ему, что онъ остался при убѣжденіи, что баринъ шутитъ и просто хотѣлъ позабавиться.

Разговоръ этотъ передавался изъ устъ въ уста, дошелъ до пана Шипицкаго, а тотъ въ точности передалъ его Андрею Михайловичу. Генераль, слушая эти рѣчи, хохоталъ до упаду, а когда увидалъ брата, то сказалъ ему:

— Ты бы, Павелъ, лучше все это изложилъ передъ моею лошадыю, она, можетъ быть, тебя и поняла бы, а эти скоты понимаютъ только тогда, когда имъ палку покажутъ!...

— Я всегда, братъ, думаю одинаково, а какъ думаю, такъ и говорю всякому, и поступать такъ стараюсь...

На другой день Павелъ Михайловичъ увидалъ того же самаго молодца, но лицо у него было чрезвычайно мрачное. На его вопросы молодецъ отвѣчалъ кратко и угрюмо.

— Что это съ тобой, братецъ? Ты сегодня какъ будто другимъ сталъ?—спросилъ его Павелъ Михайловичъ.

Парень молчалъ, но тотъ добивался.

— Выпороли!—вдругъ неожиданно отвѣтилъ парень.

— Какъ? за что?

— За то самое-съ. За разговоръ.

— За какой разговоръ?

— А что изволили держать вчерашняго дня.

— Какъ? За мой разговоръ тебя выпороли?

— Точно. Выпороли.

— Но я не понимаю. Тутъ что-то не такъ.

— Кабы не такъ было, спина не болѣла бы! Сами генераль меня позвали и говорятъ: какъ Павелъ Михайловичъ научили тебя, что ты есть равный, такъ чтобы ты не вздумалъ, что и взаправду равный, надобно тебѣ всыпать. Ступай же къ Евстрату!

— И ты пошелъ?

— Извѣстно пошелъ. Какъ же не пойти, когда самъ баринъ послали?

— Ну, я бы на твоёмъ мѣстѣ такой глупости не сдѣлалъ...

— Какъ не пойти-то? Тогда заперють до полусмерти... И уже будьте милостивы, Павелъ Михайловичъ, не говорите этого барину. Строго приказано не сказывать вамъ, да я вотъ не вытерпѣлъ... А скажете, опять къ Евстрату пошлютъ, а можетъ, и того хуже—въ солдаты отдадутъ!...

Павелъ Михайловичъ задумался. Въ душѣ его явилось какое-то чувство противъ брата. Онъ не забылъ, что въ былое время самъ держался такихъ взглядовъ и также жестоко поступалъ съ людьми. Но у него это было безсознательно. Онъ получилъ такое воспитаніе и видѣлъ такую жизнь вездѣ кругомъ себя. Онъ просто никогда не задумывался надъ этимъ вопросомъ; но стоило ему только одинъ разъ подумать, какъ все его міросозерцаніе перевернулось. Но десять лѣтъ тому назадъ труднѣе было додуматься до этого. Теперь, на сколько онъ могъ видѣть, идея равенства всѣхъ людей въ Россіи

уже не так нова, какъ тогда; многіе уже на ней останавливаются, она все больше и больше проникаетъ въ общество и уже сдѣлалась достояніемъ болѣе свѣтлыхъ умовъ. Братъ—человѣкъ не глупый и въ ежедневныхъ отношеніяхъ съ людьми своего круга не злой. Напротивъ, у него есть много рыцарскихъ качествъ. Почему же онъ такъ упорно держится этихъ унижительныхъ для человѣческаго достоинства взглядовъ? Почему онъ, умный, понятливый, стоитъ въ этомъ важномъ вопросѣ позади лучшихъ людей своей родины?

Ему было стыдно предъ этимъ молодцомъ за брата. Онъ не зналъ, чѣмъ искупить свою невольную вину, такъ какъ онъ былъ причиною того, что молодца лишній разъ высѣкли. Онъ вынулъ изъ кошелька и подарилъ парню червонецъ.

Молодецъ тотчасъ оживился, просіялъ и заговорилъ. Но онъ понесъ такую чепуху, что Павелъ Михайловичъ еще больше разстроился.

— Извѣстно, оно, конечно, нашего брата невозможно не пороть!... Богъ знаетъ почему, сказалъ онъ:—ежели его да не пороть, такъ онъ и вовсе избалуется. Никакъ невозможно...

Такимъ образомъ, онъ только повторялъ главный доводъ Андрея Михайловича. «Да, думалъ Павелъ Михайловичъ, рабство глубоко засѣло въ ихъ души. Надо, чтобъ это поколѣніе вымерло, а слѣдующее воспиталось въ новыхъ понятіяхъ»!...

III.

Павелъ Михайловичъ справилъ свои дѣла въ Москвѣ, побывалъ въ своихъ помѣстьяхъ, чтобъ повидаться тамъ съ крестьянами и посмотрѣть, достаточно ли примѣняются тамъ его гуманные принципы, и, захавъ еще въ Москву, чтобъ проститься съ братомъ, уѣхалъ за границу. Но передъ отъѣздомъ онъ сказалъ брату:

— Съ чего это ты вздумалъ такъ лошадыми увлекаться?

— Страсть такая открылась!—отвѣтилъ Андрей Михайловичъ.

— Эй, братъ, не вѣрю я въ эту страсть! Думается мнѣ, что другія страсти въ тебѣ бурлятъ, а какъ ты имъ ходу не даешь, то онѣ хоть въ эту лошадиную выливаются. Гляди, хорошо ли ты закрылъ клапаны?!

— Не говори этого, братъ! Самому иной разъ думается, что такъ.

— Вотъ видишь! Опасный ты человѣкъ, Андрей! А жалко! Наташа-то твоя—существо доброе. Она заслуживаетъ хорошей участи. Ты бы поберегъ ее!..

— А ты думаешь, что другое, кромѣ нея, меня въ границахъ держать?—серьезно спросилъ Андрей Михайловичъ.—Только она! она умѣетъ вліять на мою душу и смирять меня. Ей я не умѣю отказывать.

— Хорошо бы, коли бы такъ во всемъ. Можетъ, ты о многомъ иначе думать станешь. Вѣдь люди твои страдаютъ...

— Ну, объ этомъ, братъ, не говори! Въ этомъ меня не пере-дѣлаешь...

Павелъ Михайловичъ уѣхалъ, а съ Андреемъ Михайловичемъ въ скорости произошла перемѣна. Онъ вдругъ бросилъ лошадей. Они ему стали противны, да такъ, что онъ нѣкоторое время изъ дому выѣзжать не могъ, а пѣшкомъ выходилъ. Тугаринъ погля-дѣлъ на это и сказалъ себѣ: «ну, это ужъ совсѣмъ плохо!»

И не ошибся онъ. Андрей Михайловичъ какъ-то угрюмо заску-чалъ, и въ эти дни у Евстрата было страшно много работы. Пос-сучалъ онъ, поскучалъ, а тамъ объявилъ Наташѣ:

— Получилъ я важное извѣстіе отъ дяди-князя изъ Петер-бурга и обязанъ ѣхать!

И, не давъ никакихъ объясненій, нѣжно обнялъ ее и дѣвочекъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою душъ тридцать людей.

Наташа повѣрила ему, какъ вѣрила она всему, въ чемъ еще не разубѣдилась. А это было ей ново. Поѣхалъ онъ, и прошла не-дѣля, другая и третья, стало ея овладѣвать безпокойство. Какъ вдругъ случилось, что одинъ изъ петербургскихъ слугъ въ чемъ-то передъ Андреемъ Михайловичемъ провинился, и онъ, по обыкно-венію, послалъ его прогуляться въ Москву. А этотъ кой-кому про-говорился, а тамъ дошло и до Наташи. Это были смутные намеки на то, что «барина нашего прорвало», и что въ Питерѣ онъ бѣ-шено закутилъ.

Для Наташи это было тяжкое горе. Хуже всего то, что онъ, очевидно, зналъ, зачѣмъ ѣдетъ, и обманулъ ее. Она заметалась, но почувствовала себя совершенно одинокой. Съ кѣмъ она могла по-дѣлиться своимъ горемъ? Ни тетушкѣ, ни Лизѣ она сказать объ этомъ не могла. Ихъ это убило бы. Вѣдь они уже привыкли счита-ть ее счастливой. А больше никого у нея не было.

Панъ Шипицкій поглядывалъ на нее какъ-то неопредѣленно. Можетъ быть, онъ подумывалъ, что теперь могутъ измѣниться от-ношенія, что Наталья Александровна уже не будетъ въ такой че-сти и, слѣдовательно, передъ ней и извиваться не зачѣмъ будетъ. Но онъ не рѣшался сразу, не имѣя достаточныхъ доказательствъ, начать свое отступленіе и на всякій случай продолжалъ еще из-виваться. Только дѣлалъ это безъ прежняго увлеченія, а какъ-то формально.

Но Наташа никакъ не ждала, съ кѣмъ будетъ говорить о своемъ горѣ и кому откроетъ душу. Тугаринъ, получивъ достовѣрныя свѣ-дѣнія, сказалъ себѣ: «Бѣдняжка теперь не знаетъ, куда кинуться. Пойду-ка, попробую поддержать ее!» И пошелъ.

Онъ прямо спросилъ:

— Грустныя мысли? А? Не ѣдетъ что-то долго? Тревожитесь?—

это онъ пустиль въ видѣ пробнаго камня, а потомъ прибавиль:— Э, да вѣдь я простой старикъ, старый солдатъ и вѣрный человекъ! Говорите же все, какъ на духу! Легче будетъ! Надо же комунибудь сказать!

И такимъ простымъ и открытымъ тономъ сказалъ онъ это, что Наташа сразу повѣрила его искренности и подѣлилась съ нимъ своимъ горемъ.

— Да,—сказалъ Тугаринъ,—я давно знаю вашего мужа. Онъ человекъ достойный, одно жаль, что онъ рабъ своихъ страстей. Не онѣ ему служатъ, чтобы онъ могъ извлекать изъ нихъ удовольствіе жизни, а онъ самъ служить имъ, онѣ торопятъ его. Я, признаюсь, дивился, какъ долго вы могли держать его при семейной жизни...

Въ сущности, Тугаринъ не только не сказалъ ей ничего утѣшительнаго, но, напротивъ, подтвердилъ ея опасенія. И, тѣмъ не менѣе, ей все-таки стало легче. У нея отыскался человекъ, съ которымъ она могла дѣлиться горемъ.

Наташа взяла съ собой Пашу и поѣхала къ Иверской Богоматери и долго молилась, чтобы смягчились и утишились страсти у раба божія Андрея. Себя самое она какъ-то отставила на задній планъ. Она только думала о немъ и о своихъ дѣвочкахъ: чтобы онъ, увлеченный грѣховной жизнью, не охладѣлъ къ нимъ и не позабылъ о нихъ.

И когда дома она нашла Лизу, то та не замѣтила на ея лицѣ слѣдовъ глубокой скорби, которая снѣдала ее.

— Скоро ли будетъ изъ Питера Андрей Михайловичъ?—спросила Лиза.

— Надѣюсь, что скоро,—отвѣтила Наташа, а думала въ это время: «Будетъ ли еще? Можетъ, и не вернется».

Но вотъ однажды утромъ въ домѣ произошло движеніе. Нѣсколько распутившіеся слуги выпрямились, и прежній страхъ опять появился на ихъ лицахъ. Баринъ возвратился изъ Питера.

Онъ ходилъ одинъ по кабинету, и всѣ чувствовали по издали отдававшимся шагамъ, что въ немъ кипитъ какая-то буря. Видѣли это и по лицу стараго слуги Андрея Михайловича, когда онъ выходилъ изъ кабинета и молча проходилъ мимо шеренги слугъ за какимънибудь дѣломъ. Наташа не шла къ нему, боясь, что ея появленіе будетъ встрѣчено неласково. Вѣдь онъ уже былъ не тотъ.

И долго раздавались въ кабинетѣ энергичные шаги, а весь домъ въ это время находился въ страшно напряженномъ ожиданіи: какая буря съ минуты на минуту должна разразиться? Каждый чувствовалъ себя виноватымъ въ томъ, что онъ существуетъ на свѣтѣ, и всѣ ждали поголовной казни.

Но вотъ вышелъ тетка-слуга и растворилъ дверь. Всѣ замерли въ тѣхъ позахъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застало это событіе.

Андрей Михайлович вышелъ изъ кабинета и быстрыми шагами прошелъ въ комнаты Натальи Александровны.

Она стояла въ это время у окна, уже оскорбленная тѣмъ, что онъ, вернувшись въ Москву, такъ долго не выдается съ нею. Но едва она, услышавъ его шаги, подумала о томъ, чтобы обернуться, какъ онъ уже стоялъ передъ нею на колѣняхъ и прижималъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Наташа, Наташа! Ангель мой! Прости меня!—говорилъ онъ прерывающимся голосомъ, и она чувствовала, что изъ глазъ его льются слезы.—Отъ тебя не могу скрыть! Натура сильнѣй меня оказалась. Потянуло меня къ прежнему... Поддался я...

— Полноте, Андрей Михайловичъ! Встаньте... Все можно понять и простить... А только страшно мнѣ, что вы дѣвочекъ моихъ позабудете...

— Дѣвочекъ? О, Наташа! Что ты говоришь? Этого никогда не случится!

И онъ осыпалъ ея руки поцѣлуями.

— Такъ ты, значить, простила? Вотъ я говорю, что ты—ангелъ. И когда я думалъ о тебѣ, то мнѣ становилось стыдно самого себя. Твой образъ очищаетъ мою душу...

— Здоровы ли вы, Андрей Михайловичъ?

— О, я слишкомъ даже здоровъ! Ну, теперь я буду съ тобою. Мы уже будемъ вмѣстѣ кутить! Разказывай, что подѣлывала! Я думаю, домъ страшно распустила. Панъ Шипицкій, какъ рыцарь, въ присутствіи женщины, теряетъ всѣ свои прекрасныя качества управляющаго...

Опять они вмѣстѣ ѣздили въ театръ и катались за городомъ. Опять на лицѣ Наташи появилась улыбка счастья, хотя въ глазахъ было что-то тревожное, какъ будто она не вѣрила въ то, чѣмъ обладаетъ, и каждое мгновеніе боялась, что оно уйдетъ отъ нея.

Тугаринъ съ своей стороны тоже подозрительно смотрѣлъ на это покаяніе. Онъ держался того мнѣнія, что столь дикую натуру можно заставить молчать на время, но совершенно смирить—нѣтъ возможности. Можетъ быть, это сдѣлаетъ само время, но для Бентшпъ-Полянскаго это время далеко еще не наступило. И онъ, бывая въ домѣ на Дмитровкѣ, съ чувствомъ сожалѣнія посматривалъ на Наталью Александровну.

Увы, онъ слишкомъ былъ правъ! Андрей Михайловичъ на этотъ разъ нашель, что путешествіе въ Петербургъ слишкомъ продолжительно. Онъ сталъ посѣщать ресторанъ Дюссо. Мало-по-малу вокругъ него начали собираться прежніе товарищи по кутежамъ, въ ихъ числѣ были Верховскій и Сербичъ, стали появляться тройки, начались ночныя загородныя прогулки, цыгане, и жизнь пошла по-прежнему. Андрей Михайловичъ почти не жилъ на Дмитровкѣ. Онъ пріѣзжалъ сюда поздно ночью и рано исчезалъ. Наташа его не

видала и проводила дни въ страхѣ и слезахъ. Но вотъ онъ явился къ ней, опять упалъ на колѣни, опять плакалъ и каялся, а затѣмъ, послѣ двухъ-недѣльнаго спокойствія, принимался за старое.

Онъ не напивался, но кутежи его дѣлали шумъ на всю Москву. Деньги сыпались на нихъ рѣкой. Все, что вертѣлось около него, безобразничало на его счетъ. Всюду говорили объ этомъ. «Бен-тышъ опять за свое принялся! Не надолго хватило ему Сильфиды!»

Приѣхала Олимпиада Семеновна въ страшной тревогѣ.— Говори, говори, правда ли?—приставала она къ Наташѣ, а Наташа на этотъ разъ уже не могла утаить своего горя и въ отвѣтъ на эти слова только плакала.

— Но знаешь ли ты, бѣдная моя дѣвочка, что онъ позоритъ тебя на всю Москву?

— Какъ позоритъ? Что вы говорите, тетушка?—съ страшнымъ испугомъ спросила Наташа.

— Что-жъ, ты думаешь, что во всѣхъ этихъ безобразіяхъ не участвуютъ подлые женщины? О, ихъ много теперь въ Москвѣ развелось! И полагаешь ты, что онъ, въ своемъ безуміи, остается тебѣ вѣренъ?

Ужасъ застылъ въ лицѣ Наташи послѣ этихъ словъ.— Неужели?—задыхаясь, едва могла она выговорить. И у нея закружилась голова, и въ глазахъ помутилось.

Когда она стала объ этомъ думать, то все больше и больше убѣждалась, что это не могло быть иначе. Теперь ужъ она не плакала; въ душѣ ея затаилось оскорбленіе, и тамъ что-то какъ бы окаменѣло.

Когда наступилъ періодъ покаянія, и Андрей Михайловичъ опять пришелъ къ ней съ своими слезами, она встрѣтила его холодно и сурово.

Она сказала ему:

— Я противъ васъ, Андрей Михайловичъ, злобы не питаю... Но зачѣмъ же вы оскорбляете женщину?

— Ты знаешь?

— Богъ съ вами... Но не обижайте меня уже слишкомъ!.. Живите, какъ знаете, только... только безъ меня...

Онъ замолкъ и опустилъ голову. Но въ лицѣ его не было ни суровости, ни злобы. Онъ какъ бы сознавалъ, что она говоритъ правду, и жалѣлъ только о томъ, что не можетъ себя перемѣнить.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора изъ кабинета, вышелъ приказъ: Андрею Михайловичу (слугѣ), Ѳеклѣ Григорьевнѣ, еще десяти слугамъ и самому пану Шипицкому собираться въ дорогу. Когда все было готово, Андрей Михайловичъ зашелъ къ Наташѣ, съ глубокимъ почтеніемъ поцѣловалъ у нея руку и сказалъ:

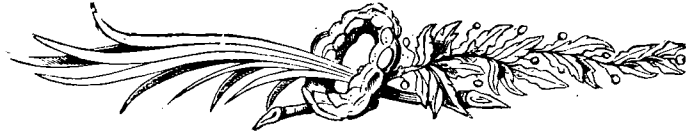
— Не хочу, чтобы моя жизнь оскорбляла тебя, а силы надъ собой не имѣю. Ёду въ Петербургъ. Не лишай меня своей дружбы. Я слишкомъ виновень передъ тобой, чтобы просить большаго. Помни только, что ты и наши дѣвочки—единственныя существа, которыхъ я безумно люблю!..

И вотъ Наташа осталась единственной хозяйкой огромнаго дома на Дмитровкѣ.

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА ¹⁾.

VIII.

МЪСЯЦА черезъ три, какъ я пріѣхалъ сюда въ университетъ, однажды, когда я только что вернулся съ лекціи, мнѣ сказали, что меня спрашивалъ сейчасъ дядя. Не зная зачѣмъ—можетъ быть, по дѣлу—я вошелъ къ нему. У него сидѣлъ какой-то высокій блондинъ, съ длинными волосами и русской бородкой, по виду и по всему—писатель. Они о чемъ-то весело разговаривали; передъ обоими стояло по чашечкѣ чернаго кофе—обычное и любимое дядино питье и угощеніе приходившихъ къ нему.

— А! Ты возвратился уже?—сказалъ онъ и представилъ меня высокому блондину, своему собесѣднику.

Это былъ Александръ Степановичъ Герогиловъ, редакторъ-издатель журналовъ «Русскій Міръ» и «Гудокъ».

— Федоръ Ивановичъ вотъ говорилъ, что у васъ есть какой-то рассказъ или очеркъ, который вы бы желали отдать...—началъ Герогиловъ вкрадчиво любезнымъ голосомъ.

Я помню, я страшно переконфузился и даже прямо смутился и растерялся, какъ будто меня застали врасплохъ съ чѣмъ нибудь и требовали категорическаго и неожиданнаго отвѣта или рѣшительнаго и безповоротнаго шага.

— Ты говорилъ... что у тебя есть?..—видя мое смущеніе, сказалъ дядя.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. I. XIII, стр. 784.

— Это не мое... это одного моего товарища,—нашелся, наконецъ, я отвѣтить.

— Это все равно, давайте,—улыбаясь, сказалъ Героглифовъ,— у васъ онъ здѣсь, дома, этотъ рассказъ?

— Здѣсь.

— Ну, такъ принеси сюда. Вотъ Александръ Степановичъ посмотритъ; если ему годится, онъ возьметъ,—сказалъ дядя.

— Несите. Сейчасъ же я вамъ и скажу,—говорилъ Героглифовъ.

Я пошелъ, принесъ и передалъ очеркъ. Героглифовъ сталъ читать. Дядя поглядывалъ на меня, улыбаясь, и, кажется, наслаждаясь моимъ смущеніемъ. Я сидѣлъ, какъ приговоренный, ожидающій смерти, но и надѣющійся на жизнь, на помилованіе.

— Мм... да. Ну, конечно, годится,—опуская тетрадку, которую онъ быстро пробѣжалъ, сказалъ Героглифовъ и, не обративъ вниманія на то, что я сейчасъ же, десять минутъ назадъ, сказалъ, что это не мой рассказъ и очеркъ, спросилъ:—это вашъ первый трудъ?

— Первый,—отвѣтилъ я, точно также забывъ совѣмъ, или ужъ не обращая вниманія, что я его назвалъ не своимъ.

— Очень свѣжо и тепло написано,—продолжалъ Героглифовъ.— И еще что нибудь есть у васъ?

— Нѣтъ, больше ничего,—сказалъ я.

— Пишите, давайте.

Я нѣсколько оправился ужъ отъ смущенія и спросилъ, когда это можетъ быть напечатано.

— А очень скоро. У меня мало въ настоящее время беллетристики... На той недѣлѣ. Вамъ корректуру прислать, или вы, можетъ, сами заѣдете. По вечерамъ въ четвергъ милости прошу...

Само собою разумѣется, что я былъ и у Героглифова и разъ десять въ типографіи, гдѣ этотъ рассказъ мой набирался, и читалъ, перечитывалъ его корректуру и, когда онъ, наконецъ, появился въ № «Русскаго Мира», и я увидалъ его тамъ своими глазами уже напечатаннымъ, я снова испыталъ цѣлый рой впечатлѣній. Но я испыталъ и огорченія, повергшія меня тутъ же въ отчаяніе: не смотря на всѣ мои безчисленныя корректуры, въ рассказѣ осталось двѣ или три «вопіющихъ» ошибки, которыя, мнѣ казалось, теперь и измѣнять-то весь смыслъ его, обезобразятъ, и всѣ-то это замѣтятъ и будутъ потомъ говорить объ этомъ. Однимъ словомъ, испыталъ все то, что испытывалъ каждый при появленіи въ печати своей первой вещи.

Я говорилъ тогда неправду Героглифову, когда на вопросъ его: нѣтъ ли у меня чего еще? отвѣтилъ, что еще ничего нѣтъ. У меня, напротивъ, была начата и доведена, мнѣ казалось, уже до половины большая работа—цѣлый романъ. Почему-то,—кажется, я часто

видѣлъ факсимиле, приложенное къ собраніямъ сочиненій,—я рѣшилъ, что писатель долженъ имѣть непремѣнно мелкій-мелкій почеркъ и писать часто, строка возлѣ строки. Въ гимназіи, въ седьмомъ классѣ, я еще писалъ такимъ почеркомъ. Теперь, приступая къ сочиненію романа, я купилъ цѣлую дещь почтовой бумаги синяго цвѣта съ мелкими клѣточками и началъ на ней писать. Насколько я могу представить теперь, припоминая, сколько времени и какъ усидчиво я писалъ, какой толщины была написанная мною тетрадь,—написанная половина этого моего романа была, по всей вѣроятности, никакъ не менѣе сорока или пятидесяти почтовыхъ листовъ. Главнымъ героемъ, дѣйствовавшимъ въ немъ, былъ молодой человѣкъ съ моими собственными біографическими подробностями и моими же тогдашними взглядами и идеалами—какое же другое у меня было и могло быть еще поле для наблюденій?

За первый очеркъ Героглифовъ мнѣ заплатилъ, и эти деньги мнѣ были тогда очень кстати. Я получалъ на все изъ дома всего-навсего двадцать пять рублей: тутъ и на квартиру, и на обѣдъ, и на платье, и на извозчика, и на все. Понятно, я сидѣлъ безъ денегъ. О томъ, что я пишу и печатаюсь, уже знали кой-кто изъ товарищей, и однажды, когда кто-то изъ нихъ сидѣлъ у меня, и зашелъ у нихъ разговоръ о томъ, что нѣтъ денегъ, онъ сказалъ, указывая на лежавшую у меня на письменномъ столикѣ огромную толстую тетрадь романа: да вотъ у тебя деньги.

— Да... но это еще не кончено, и когда-то еще я кончу.

— Ты можешь по частямъ сдавать. Теперь ты запродай только. Тебѣ задатокъ дадутъ сейчасъ.

Это было для меня новостью, новымъ совершенно соображеніемъ, которое не только мнѣ въ голову не приходило, но котораго я и не предполагалъ возможнымъ даже къ осуществленію.

На другой день, обдумавъ хорошенько, я рѣшилъ открыться Героглифову... Долго и тутъ я подходилъ къ нему, выспрашивалъ его относительно романовъ вообще, т. е. печатаютъ ли онъ ихъ у себя, какіе и проч.

— Да что у васъ есть что ли написанный романъ?—спросилъ онъ наконецъ меня.

— Есть,—сказалъ я.—Только онъ еще не оконченъ у меня.

— Начало только?

— Нѣтъ, ужъ половина.

— Здѣсь онъ у васъ, съ собою?

— Здѣсь. Въ пальто, въ передней.

— Принесите, давайте его сюда.

Героглифовъ такъ и ахнулъ, когда я подалъ ему рукопись, и онъ увидалъ, что это за бисеръ разсыпанъ по листамъ.

— Ахъ, что вы дѣлаете? Да развѣ это можно? Вѣдь это ни

одинъ наборщикъ не разбереть!—воскликнулъ онъ. — И что это— вамъ бумаги что ли жалъ?

Но, тѣмъ не менѣе, онъ началъ читать, разбирать рукопись, перевертывая листы по три, по четыре за разъ. Такъ продолжалось минутъ пять. Я сидѣлъ противъ него и ждалъ, что онъ скажетъ мнѣ, а ну, какъ опять: «очень хорошо, я беру...».

— Это надо все прочитать, — наконецъ проговорилъ онъ. — Такъ невозможно ничего сказать. Одно только меня удивляетъ — никакихъ описаній, все одинъ разговоръ. Впрочемъ, это ничего не значить, — поспѣшилъ онъ замѣтить: — у каждого писателя своя манера... Оставьте... Я прочту, — сказалъ онъ.

— А когда прійти за отвѣтомъ?

— Да когда? — раздумывая и смотря на чудовище тетрадь, говорилъ онъ. — Ну, такъ, черезъ недѣлю... Вѣдь вы видите, тутъ ужасъ, что у васъ написано. И это еще, вы говорите, половина только?

— Половина.

— Можетъ, будетъ возможно что посократить?

Я отрицательно покачалъ головой, не представляя себѣ даже никакой возможности сократить что нибудь въ этомъ замѣчательномъ произведеніи.

— Это всѣмъ авторамъ такъ кажется, а потомъ они сами же соглашаются, что вышло лучше, когда сократили.

Я ушелъ и принялся ждать, когда пройдетъ эта недѣля, и я узнаю свой приговоръ.

Ждать мнѣ пришлось, однако, меньше. На третій или на четвертый день, часу во второмъ, ко мнѣ кто-то постучался въ дверь. Я отвѣтилъ обычное: войдите; дверь отворилась, и я увидалъ Геро-глифова съ моей синей тетрадью въ рукахъ.

У меня захолонуло сердце.

— Прочель, — сказалъ онъ, здороваясь со мною, и такъ весело, что мнѣ показалось, будто все уже готово, ему понравилось, и онъ беретъ.

Я молчалъ, смотрѣлъ на него.

— Вы, можетъ, не повѣрите, что я прочель, но это такъ. Я сдѣлалъ даже кое-гдѣ отмѣтки вамъ... продолжалъ онъ и началъ разбирать тетрадь, отыскивая въ ней эти свои отмѣтки. — Полсутокъ почти я просматривалъ вапъ романъ... Это въ первый разъ мнѣ попадается въ руки подобная вещь.

— Т. е. въ какомъ смыслѣ? — насилу проговорилъ я.

— Одинъ разговоръ. Помилуйте, романъ — и одинъ разговоръ. Ни описаній, ни сценъ, одинъ разговоръ. Кончить одинъ говорить, начинается другой.

— А какъ же вотъ у Некрасова — «Поэтъ и Гражданинъ»?

— Да вѣдь это же не романъ.

Онъ съ любопытствомъ даже смотрѣлъ на меня и улыбался.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1896 г., т. LXIV.

Неловко, но и я тоже улыбнулся.

Образцомъ для романа я дѣйствительно взялъ «Поэта и Гражданина» Некрасова, при чемъ самъ былъ «Гражданиномъ», а «Поэтомъ» одинъ мой товарищъ, и мы съ нимъ читали наши діалоги передъ любимой дѣвушкой. А о томъ, что такое любовь даже въ обиходномъ смыслѣ, я тогда еще не имѣлъ и понятія.

— Вотъ это,—указывая на свои отмѣтки въ началѣ,—я, пожалуй, возьму у васъ, если дадите,—говорилъ Героглифовъ.—Здѣсь около листа будетъ. Тутъ есть и описанія и сцены.

— А половина неужели никуда не годится?—спросилъ я, глотая.

— Этого никто у васъ не возьметъ. Этого нельзя напечатать.

Я молча, съ грустью смотрѣлъ на эту громаду своей работы.

— Ну, не вѣрите мнѣ, дайте комунибудь, попробуйте, отнесите въ какуюнибудь другую редакцію.

— Да нѣтъ, что же ужъ.

— Только и не думайте, чтобы ктонибудь сталъ читать подобную рукопись. Я прочиталъ ее просто, какъ рѣдкость. Я вамъ говорю, мнѣ еще на роду не попадалась такая штука. Сорокъ плотныхъ листовъ однихъ разговоровъ!

— А это вотъ вы берете?—спросилъ я, указывая на его отмѣтки.

— Это беру.

— Когда думаете напечатать?

— На той недѣлѣ.

Я вырвалъ изъ тетради отмѣченное мѣсто и отдалъ ему. На той недѣлѣ явился этотъ отрывокъ въ печати, и я опять аккуратнѣйшимъ манеромъ получилъ деньги за него.

Но, должно быть, этотъ романъ мой дѣйствительно былъ феноменальная вещь, потому что при всякой встрѣчѣ со мною Героглифовъ съ какимъ-то все неумещающимъ любопытствомъ смотрѣлъ на меня и спрашивалъ: какъ это я такъ написалъ подобную вещь?

Лѣтъ десять потомъ у меня еще были цѣлы эти разрозненные листы, потомъ я ихъ уничтожилъ или утратилъ, не помню. Теперь я удивляюсь не меньше, чѣмъ онъ тогда мнѣ, его терпѣнью, которого хватило у него прочесть сорокъ листовъ этого дѣтскаго совершенно лепета о жизни и о гражданскихъ доблестяхъ. Я не думаю, чтобы между теперешними редакторами нашелся хотя одинъ такой добросовѣстный или чудакъ, который такъ отнесся бы къ подобной рукописи, съ подобнымъ содержаніемъ.

Неуспѣхъ «романа», однако же, не остановилъ меня и не отдалилъ отъ литературы, даже и отъ Героглифова, произнесшаго такой жестокой объ немъ приговоръ. Я продолжалъ пописывать и у того же самого Героглифова, и въ «Русскомъ Мирѣ», и въ сатирическомъ листкѣ «Гудокъ», который онъ же издавалъ. Напротивъ, эти неудачи и рѣзкій его приговоръ скорѣе сблизили меня съ нимъ.

Я познакомился съ его семействомъ и сталъ бывать у него ужъ и безъ всякаго дѣла, такъ, запросто.

— Въ четвергъ будете? приходите,—сказалъ онъ.

— Приду, конечно. Непремѣнно приду,—отвѣчалъ я, и приходилъ.

Четвергъ—это былъ замѣчательный день, или собственно вечеръ. Въ четвергъ приходилъ тогда непремѣнно Минаевъ, художникъ Левлевъ и еще кто нибудь. И вотъ втроемъ, вчетверомъ составляли весь номеръ «Гудка». Подавалась закуска, самая простая, водка и двѣ или три бутылки портеру. Закуску ѣли, водку и портеръ пили, и въ это время Левлевъ рисовалъ каррикатуры на сообщи придуманныя темы, а Минаевъ на тоже сообщи придуманныя темы высыпалъ нѣсколько десятковъ строкъ стиховъ. Половину, по крайней мѣрѣ, того и другого цензура не пропускала, но довольно было и того, что оставалось, и листокъ положительно блестялъ и остроуміемъ и белетристикой. Эта дребедень, что издавалась послѣ, что издается и теперь, и въ подметки, конечно, не годится тогдашнему «Гудку»: Отчего это такъ стало теперь, я объ этомъ, конечно, не буду здѣсь распространяться...

Героглифовъ почти всякаго приходившаго къ нему въ редакцію со статьей какой нибудь спрашивалъ:

— Вы какой губерніи?

— Смоленской (напримѣръ).

— Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

— То-есть какъ, что?

— Ну, какіе, напримѣръ, скандалы, мошенничества тамъ были за это послѣднее время?

Пришедшій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а онъ продолжалъ:

— Вамъ вѣдь это ни на что не нужно, для васъ это хламъ, а мнѣ годится...

И то и дѣло случалось, что какой нибудь солидный господинъ, принесшій чрезвычайно умную и необыкновенно скучную статью для «Русскаго Міра», которую черезъ недѣлю Героглифовъ обязательно ему возвращалъ, рассказывалъ тоже какіе нибудь, очень «веселенькіе» скандальчики», «маленькій» анекдотикъ; Героглифовъ ихъ печаталъ въ «Гудкѣ», и въ результатѣ пять, десять подписчиковъ изъ Смоленска прибавлялось.

Мнѣ онъ говорилъ:

— Вотъ вы изъ Тамбова, къ вамъ оттуда пишутъ, земляки ваши сюда приѣзжаютъ, ну, что вамъ стоитъ разспросить ихъ, навѣрно вѣдь что нибудь и пригодится для «Гудка». Посмотрите, вонъ, Минаевъ изъ Симбирска, такъ вѣдь онъ въ какомъ трепегѣ-то всю губернію держитъ. И онъ показывалъ мнѣ массу писемъ, полученныхъ изъ Симбирска съ подтвержденіями, опроверженіями рассказаннаго или нарисованнаго въ «Гудкѣ». Такъ вотъ и вы бы могли сдѣлать съ вашей Тамбовской губерніей.

Мысль была заманчивая, и я помаленьку, полегоньку началъ.

— Хорошо, хорошо, — повторялъ одобрительно Героглифовъ.

Я завелъ даже корреспонденцію свою собственную съ Тамбовомъ. Нѣкоторые изъ товарищей, оставшіеся тамъ по окончаніи гимназіи, не поступившіе въ университетъ, доставляли мнѣ матеріаль. Я работывалъ его, и онъ потомъ появлялся въ «Гудкѣ», производя смущеніе въ Тамбовѣ. Такъ помаленьку и полегоньку добрались мы и до тогдашняго тамбовскаго губернатора, К. К. Данзаса, человѣка безспорно добраго, но да такой степени лѣниваго, изнѣженнаго сластолюбца, обратившаго тогдашній Тамбовъ въ какую-то Капую, что тамъ положительно всѣмъ завѣдывала: управленіемъ, назначеніями, смѣщеніями, положеніемъ и проч.,—госпожа, съ которой онъ, для примѣра, въ назиданіе своимъ подчиненнымъ, открыто жилъ, нѣкая Лидія Михайловна М—ая. Безобразія тамъ творились дѣйствительно невѣроятныя. Эта М—ая вмѣстѣ съ племянникомъ Данзаса, знаменитымъ потомъ А. А. Заруднымъ, бывшимъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій у него, чуть не производили дневной грабежъ: если имъ, напримѣръ, отказывали въ кредитъ въ какойнибудь гостиницѣ, они безъ всякихъ церемоній требовали у Данзаса, чтобы онъ ее закрытъ, и онъ закрывалъ; или не отпускали чего изъ магазина, придирались къ хозяину и тягали его по суду; онъ платилъ, уплачивалъ, и тогда дѣло прекращалось подъ тѣмъ предлогомъ, что доносъ былъ ложный, и по слѣдствію ничего подобнаго даже не оказалось. Это была положительно шайка какая-то, которая изъ сластолюбиваго и развратнаго старика губернатора сдѣлала себѣ ширмы и совершенно безнаказанно грабила и взяточничала. Въ довершеніе всего, Данзасъ былъ еще кругомъ по уши долженъ всѣмъ.

Такъ закрыли они тогда тамъ гостиницу нѣкоего Свинцинскаго за то, что тотъ прислалъ отказъ поить и кормить ихъ ужиномъ даромъ, и однажды осмѣлился отказать, сказавъ, что больше не дастъ въ кредитъ. М—ая съ Заруднымъ уѣхали, а на другой день утромъ гостиница по распоряженію губернатора была закрыта впредь до послѣдующихъ распоряженій подъ тѣмъ предлогомъ, что полученъ какой-то доносъ, что мѣдная посуда въ гостиницѣ не луженая, производить же осмотръ возложено было на чиновника особыхъ порученій Заруднаго. Когда Свинцинскій кинулся къ Зарудному просить его поскорѣе пріѣхать и осмотрѣть кастрюли, то тотъ его прогналъ и не ѣхалъ на осмотръ, пока Свинцинскій не догадался возвратить Зарудному съ М—ой всѣ ихъ счета, и, кромѣ того, заплатилъ еще въ наказаніе за строптивость какой-то очень солидный кушъ. Послѣ этого ресторанъ сейчасъ же осмотрѣли, посуду нашли въ совершенной исправности и торговлю опять разрѣшили. Въ губерніи, по уѣздамъ и по деревнямъ, происходило нѣчто невообразимое. Данзасъ ѣздилъ по городамъ, ревизуя мѣстныхя

учрежденія, а впереди его скакалъ Зарудный съ М—ой, забирая все, что можно, у исправниковъ, станovýchъ, стряпчихъ и т. д. Въ уѣздѣ ихъ встрѣчали предводители дворянства, въ городахъ городскіе головы, и вездѣ шло одно голое пьянство и безобразіе, которому и конца не предвидѣлось.

Все это мы изобразили въ «Гудкѣ» подъ заглавіемъ: «Цыганскій воевода Дурандасъ и его походы». Статейки эти появились за подписью: Сергѣй Терпигоревъ. Въ Тамбовѣ онѣ производили настоящій переполохъ. Тогда такое смѣлое и прямое обличеніе не проходило безслѣдно; на него обращали въ Петербургѣ вниманіе, и если оно оказывалось справедливымъ, авторъ могъ быть совершенно спокойнымъ. Я зналъ, что все, что я писалъ — совершенно справедливо и по обыкновенію моему, и тогда уже принятому, выступалъ открыто, подписывая свою фамилію. Но помимо всего, что по поводу этого обличенія произошло, вышелъ еще уморительнѣйшій скандалъ, послужившій намъ темой для другой еще замѣтки въ «Гудкѣ» и для большаго еще страха нашихъ враговъ.

Въ Козловѣ былъ въ то время предводителемъ дворянства мой дядя, человекъ совершенно безграмотный, и даже немножечко какъ будто и тронутый, который былъ тоже Сергѣй Терпигоревъ. О моемъ существованіи тогда въ Тамбовѣ никто не зналъ и даже не подозрѣвалъ, есть ли на свѣтѣ еще другой какой Сергѣй Терпигоревъ, кромѣ Сергѣя Ивановича, извѣстнаго коннозаводчика и козловскаго предводителя дворянства. Когда поэтому въ Тамбовѣ произошелъ этотъ переполохъ, то всѣ первымъ дѣломъ рѣшили, что этотъ возмутительный и непростительно дерзкій поступокъ Сергѣя Ивановича вызванъ какимъ нибудь личнымъ недоразумѣніемъ съ Данзасомъ; но когда потомъ Сергѣй Ивановичъ прискакалъ въ Тамбовъ и со слезами на глазахъ увѣрялъ и Данзаса и М—ую и всю эту банду, что онъ тутъ не при чемъ, и что это кто нибудь подложно назвалъ его именемъ, желая очернить его и хотя временно поссорить съ губернаторомъ, то рѣшили послать запросъ въ редакцію съ требованіемъ, чтобы выдали имя и фамилію настоящаго виновника этой дерзкой и клеветнической статьи. Запросъ этотъ былъ посланъ С. И. отъ имени предводителя дворянства на бланкѣ съ угрозой, что если не выдадутъ ему настоящаго виноватаго, то онъ будетъ жаловаться въ Третье Отдѣленіе, которое тогда хотя и не такъ уже процвѣтало, но все же, однако, существовало, не вызывая ни въ комъ рѣшительно никакого желанія имѣть съ нимъ дѣло...

— Вѣдь это все вѣрно? — спросилъ меня Гіероглифовъ, когда былъ полученъ имъ въ редакціи этотъ запросъ.

— Вѣрно, конечно.

— Слово?..

— Слово.

— Ну, такъ мы же имъ зададимъ!

Въ слѣдующемъ номерѣ «Гудка» появился «Протоколъ засѣданія редакціи по дѣлу гг. Терпигоревыхъ», гдѣ съ комической серьезностью разсматривалось отношеніе козловскаго предводителя дворянства за № такимъ-то о посягательствѣ его на имя и фамилію своего племянника, состоящаго чиновникомъ особыхъ порученій при редакціи «Гудка». Постановлено: въ искѣ козловскому предводителю дворянства отказать и въ то же время, въ виду готовящейся крестьянской реформы, обязать его подпиской впредь не заниматься подобными пустяками.

Надо знать провинцію, да еще тогдашнюю, чтобы понять, какой фуроръ въ Тамбовѣ произвела эта вторая замѣтка. Комиссія Данзаса была смущена этой смѣлостью и безнаказанностью обличенія. Мой бѣдный родственникъ былъ поставленъ этой второй замѣткой въ самое глупое положеніе: онъ сдѣлался положительно притчей во языцѣхъ, но за то всѣ узнали меня, я сдѣлался популярнымъ въ Тамбовѣ человѣкомъ, меня засыпали письмами и корреспонденціями. Героглифовъ получалъ повѣстку за повѣсткой съ деньгами и съ просьбой выслать всѣ №№ «Гудка» съ самаго начала.

Лѣтомъ, въ этомъ году, когда я пріѣхалъ въ деревню на каникулы и потомъ пріѣхалъ за чѣмъ-то въ Тамбовъ и явился на гулянье въ губернаторскомъ саду, ко мнѣ подходили, раскланивались со мною и выражали желаніе познакомиться. Я очень снисходительно принималъ это выраженіе уваженія ко мнѣ и почтенія...

А еще черезъ годъ, когда за студентскую исторію я былъ исключенъ въ числѣ прочихъ изъ университета и долженъ былъ отправиться на родину, Данзасъ, какъ только узналъ объ этомъ, сейчасъ же распорядился отдать меня подъ строжайшій присмотръ полиціи, то-есть исправника нашего и того самаго становаго пристава Маріонкова, который меня, какъ сказано объ этомъ выше, готовилъ къ поступленію въ гимназію.

Но я, могу сказать, осторожный и находчивый въ подобныхъ положеніяхъ, не чувствуя къ тому же ничего такого, къ чему можно бы было придраться самому строгому за мной надзору, поживалъ, что называется, припѣваючи, и даже, мало того, отправился однажды къ самому Данзасу ходатайствовать объ одномъ мужикѣ, котораго по подложному приговору, составленному по совѣту и указанію мирового посредника, сдали въ рекруты.

Данзасъ продержалъ меня въ пріемной съ полчаса и, когда, наконецъ, принялъ у себя въ кабинетѣ, спросилъ первымъ дѣломъ:

— Вы, кажется, исключены изъ университета?

— Да-съ, въ этомъ случаѣ мнѣ выпала честь раздѣлить ту же участь со многими и великими у насъ людьми,— отвѣтилъ я.

Онъ усмѣхнулся.

— Вы, кажется, занимаетесь литературой? — опять спросилъ онъ, иронически произнося слово «литература».

— Какъ же-съ, занимаюсь.

— Скажите, выгодно это?

— Очень.

— Платять за это?

— А то какъ же? Вѣдь это дѣло. Вы же, ваше превосходительство, получаете жалованье за свою службу—такъ тоже и я. Кто же въ наше время станетъ даромъ работать?—отвѣтилъ я.

— Ну-съ, и въ чемъ ваше дѣло ко мнѣ?—ужь не выдержавъ характера, съ досадой спросилъ онъ.

Я ему изложилъ, но онъ оказался безсиленъ сдѣлать что либо, и я добился своего уже другимъ путемъ.

Такъ началась моя литературная карьера, продолжалась она, и такимъ вотъ образомъ я сдѣлался великимъ тамбовскимъ человекомъ.

IX.

Отъ характера это, отъ склада ума, отъ развитія, или я не знаю, отчего еще это происходитъ, но только я органически не могу ни въ комъ переносить афектаціи, ходульности, треска фразъ и т. д. Не лежитъ у меня сердце, не выношу я этого. Мнѣ сейчасъ станетъ или смѣшно это, или мною овладѣетъ вдругъ такая скука, почти безотчетная тоска, и я при первой же возможности уйду. Точно также я не могу читать ни одной повѣсти, разсказа, романа, гдѣ не только все основано на кричащихъ эффектахъ, но гдѣ есть хотя малѣйшая ходульность въ отношеніяхъ авторовъ къ выводимымъ ими героямъ. Я не переносу и сейчасъ бросаю книгу, и ужь никакой силой я не могу заставить себя вновь приняться за нее. То же самое и со всякимъ дѣломъ, которое основано не по мнѣ, и весь успѣхъ котораго рассчитанъ на одни эффекты, а не на скромную суть дѣла.

Я могу это сказать о себѣ, потому что изъ всѣхъ моихъ написанныхъ разсказовъ, очерковъ и повѣстей, нѣтъ ни одного, который былъ бы хотя немного рассчитанъ на эффектные мѣста въ немъ, на громкія фразы. Я написалъ много слабыхъ, чрезвычайно слабыхъ, растянутыхъ, не отдѣланныхъ и даже недооформленныхъ вещей, но въ нихъ нѣтъ ни одной даже попытки на ходульность, на битые фразами, ихъ трескомъ и блескомъ. Въ этомъ, впрочемъ, мнѣ не отказывали и, надѣюсь, и дальше не будутъ отказывать и мои критики.

Говори, какъ знаешь, какъ умѣешь, какъ было или должно быть дѣло на самомъ дѣлѣ, и это въ миллионъ разъ любезнѣе. Что можетъ быть выше простоты? Что можетъ быть благороднѣе ея?

Изъ моей долгодѣтней практики или жизни—какъ назвать—я вынесъ то убѣжденіе, что чѣмъ выше дѣло, тѣмъ оно проще идетъ,

естественнѣе и не нуждается ни въ какихъ эффектахъ. Эффектъ только портитъ его, лишая правды и благородства. То же самое и объ людяхъ. Чѣмъ выше, развитѣе, толковѣе, ученѣе человѣкъ, тѣмъ онъ тише, скромнѣе, доступнѣе. Только однимъ выскочкамъ, бездарностямъ и посредственностямъ нужны и эффекты, и трескъ, и шумъ, и звонъ, и блески. Ничего этого не нужно истинному достоинству. Это идетъ изъ самыхъ характерныхъ, самыхъ существенныхъ его признаковъ. Я говорю это и всѣми силами стараюсь подражать этому, удерживая себя, если иной разъ, къ удивленію своему, вдругъ замѣчаю въ себѣ какой-то позывъ къ эффекту, къ громкой или хлесткой (всегда бездушной) фразѣ. Повторяю, меня всегда тянуло и тянетъ только къ простотѣ и къ простому, тихому скромному человѣку.

Поступивъ въ университетъ, и помимо совѣтъ даже того, что я еще въ гимназіи зачитывался его сочиненіями, я при первомъ же знакомствѣ почувствовалъ необыкновенное, какое-то душевное и сердечное расположеніе къ Н. И. Костомарову, перешедшее вскорѣ потомъ просто чуть не въ обожаніе его

Скромный, старый, однако же вдругъ капризный, онъ былъ мнѣ своей простотой искренней, задушевной. Это все, конечно, усиливалось еще обаяніемъ его старости и горькимъ его прошедшимъ, которое я, конечно, хорошо и давно уже зналъ и не отъ него притомъ. Чѣмъ-то дѣтски чистымъ и наивнымъ вѣяло отъ этого человѣка. То онъ радъ и готовъ былъ отдать все первому пришедшему къ нему студенту, не зная совершенно, что это за человѣкъ, то вдругъ начиналъ скупиться, чуть не скаредничать, и это все выходило у него уморительно смѣшно, потому что, зная его хорошо, нельзя было видѣть безъ смѣха, какъ онъ, получивъ какія нибудь деньги, озабоченно серьезно, какъ будто тая отъ всѣхъ какое нибудь несправедное стяжаніе, пряталъ ихъ въ карманъ, ощупывалъ его, застегиваясь на всѣ пуговицы, и потомъ, поправляя очки, смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ, которые неволью при этомъ улыбались. Улыбался, наконецъ и онъ самъ, понимая, какъ это, должно быть, смѣшно у него выходить.

Такой же точно онъ былъ, и когда хотѣлъ казаться строгимъ, неумолимымъ, непреклоннымъ или грознымъ мстителемъ за что нибудь или кому нибудь.

Первый разъ я встрѣтился съ нимъ, то-есть познакомился, мнѣ пришлось говорить съ нимъ въ тотъ же годъ и даже въ ту же зиму или осень, какъ я пріѣхалъ сюда. Это случилось на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ Шевченки. Я не помню ни мѣсяца ни числа, помню только, что въ этотъ день шелъ сильный снѣгъ, и хлопья его такъ и валились, покрывая и землю, и экипажи, и лошадей, и людей, которые шли и ѣхали за печальнымъ шествіемъ. Шевченку отпѣвали, или онъ стоялъ по крайней мѣрѣ въ церкви Академіи художествъ, и оттуда его вынесли, чтобы временно предать землѣ

на Смоленскомъ кладбищѣ, такъ какъ почему-то, не помню, нельзя его было везти прямо въ Малороссію на то мѣсто, гдѣ онъ былъ похороненъ впоследствии уже. За гробомъ шло много студентовъ, почти весь университетъ, вся академія, всѣ профессора и масса публики. Вся университетская набережная отъ Дворцоваго до Николаевского моста была буквально запружена народомъ. Можетъ быть, заслуги и значеніе Шевченки преувеличены были тогда, можетъ быть, время тогда было такое, можетъ быть, молодежь, всегда любящая собраніе въ толгѣ, собралась и не единственно ради выраженія своего уваженія къ почившему, только все это можетъ быть, и я не берусь судить объ этомъ; но я свидѣтельствую только, что изъ всѣхъ похоронъ, какія я видѣлъ съ того времени, не однѣ не носили на себѣ отпечатка и характера той искренности и простоты, безъискусственности и неподготовленности, какъ эти, Шевченкины. Я видѣлъ потомъ похороны Некрасова, Достоевскаго, Тургенева, Салтыкова, людей, конечно, болѣе крупныхъ въ литературѣ, чѣмъ Шевченко, но онѣ, эти ихъ похороны, всѣ были отравлены проявленіемъ противнаго, искусственно дѣланнаго, тенденціознаго, демонстративнаго духа. Похороны Шевченки были еще чисты отъ этого балаганнаго гаерства, не переносимаго искреннимъ чувствомъ. Ни пальмовыхъ, ни лавровыхъ вѣнковъ, ни лентъ съ надписью, никакихъ этихъ бутафорскихъ принадлежностей, въ одинаковомъ изобиліи выражавшихъ на послѣднихъ похоронахъ скорби «народа» и по поводу смерти Некрасова, и удавившагося прогорѣвшаго лилипута еврея, обиравашаго втеченіе дѣлой войны и погонщиковъ-мужиковъ, и казну. На похоронахъ Шевченки, можетъ быть, и было нѣсколько вѣнковъ, но ихъ приняли и положили ему на гробъ не для показа и ни въ какомъ случаѣ не какъ демонстрацію противъ кого-то и почему-то. Это употребленіе изъ праха покойнаго не было сдѣлано...

Не знаю, какими-то судьбами я очутился, придя на Смоленское, у самой могилы, въ которую должны были сейчасъ опустить гробъ съ покойнымъ. И вдругъ я увидалъ возлѣ себя, безъ шапки, въ спустившейся съ одного плеча енотовой шубѣ, Костомарова съ растеряннымъ и, мнѣ показалось, заплаканнымъ лицомъ. Онъ казался невыразимо жалкимъ, сиротливымъ въ это время. Кто-то стоялъ возлѣ него, кажется, Кулишъ, что-то говорилъ съ нимъ, но онъ его не слушалъ, поворачивая все голову то въ ту, то въ другую сторону, въ ожиданіи чего-то: ждалъ ли онъ, когда принесутъ, чтобы опустить, наконецъ, въ могилу его закадычнаго друга Шевченку, или другого чего, но только онъ все оглядывался, тяготился, стоя на мѣстѣ, путался въ шубѣ и, наконецъ, вдругъ споткнулся и упалъ. Я кинулся и помогъ ему вмѣстѣ съ другими подоспѣвшими къ нему подняться и сколько нибудь пообчиститься отъ налипшей на него при этомъ глины, песку, земли.

— Спасибо, спасибо, благодарю, — сквозь слезы шамкалъ онъ, лоя помогавшихъ ему за руки и крѣпко пожимая ихъ. — Ахъ, Господи, Господи... Какъ это неприятно, потеря... все повторялъ онъ и, точно забывъ все: и зачѣмъ онъ тутъ, по какому случаю, какъ франтъ какой, до послѣдняго пятнышка и малѣйшей брызги старался обчиститься и принять прежній видъ... Съ людьми, которыхъ постигло истинное и глубокое горе, я замѣчалъ, это часто случается. Въ толпѣ раздалось: «идуть, несутъ!» Толпа, окружавшая могилу, всколыхнулась, задніе стали толкаться впередъ, все смѣшалось, и меня далеко отнесло этой живой волной...

Когда похороны окончились, и всѣ пошли съ кладбища, у самаго входа за оградой стояло нѣсколько каретъ. Завидѣвъ кого-то въ выходившей толпѣ, одна изъ каретъ подѣхала къ выходнымъ воротамъ; въ нее сѣли, я увидалъ, Панаевъ и Некрасовъ, всѣ бѣлые отъ покрывавшаго ихъ шубы и шапки снѣга. Вслѣдъ за ними кто-то вышелъ впередъ и крикнулъ извозчика. Я посмотрѣлъ: это былъ Костомаровъ съ какимъ-то еще господиномъ. Уѣхали и эти. Толпа стала расходиться и потянулась длинными ручьями по дальнимъ и ближнимъ улицамъ Васильевского острова. Въ кучкѣ, въ которой и я шелъ, рассказывали, какую необыкновенно теплую, прочувствованную рѣчь на могилѣ Шевченки сказалъ сегодня Костомаровъ, закончить ее онъ, однако, не могъ, зарыдалъ и такъ и отошелъ молча. При этомъ заходила рѣчь кстати и о его лекціяхъ, сообщались слухи о выходѣ какихъ-то новыхъ его сочиненій, не бывшихъ до сихъ поръ въ печати. Костомаровъ тогда былъ положительно богъ студентовъ. Въ его аудиторіи, 12-й, наверху (теперь, кажется, передѣланной) самой большой, не хватало мѣста; студенты сидѣли и стояли на окнахъ, по два сидѣли на одномъ столѣ, сидѣли другъ у друга на колѣняхъ, и во все продолженіе лекціи была мертвая тишина, но когда она оканчивалась, бывалъ взрывъ аплодисментовъ, и онъ долженъ былъ проходить всю аудиторію между двумя стѣнами стоявшихъ и хлопавшихъ ему студентовъ и постороннихъ слушателей, которыхъ тогда было сколько угодно на всѣхъ лекціяхъ.

Дня черезъ три послѣ похоронъ Шевченки, Костомаровъ такимъ вотъ образомъ выходилъ изъ аудиторіи и, увидавъ меня, вдругъ остановился и началъ со мною говорить, оправдываясь, почему онъ не принесъ сегодня мнѣ обѣщанныхъ, поправленныхъ имъ своихъ лекцій. Я смотрѣлъ на него и ничего не понималъ, какихъ лекцій, когда онъ мнѣ ихъ обѣщалъ.

— Я не знаю, какихъ лекцій?—сказалъ я.

— Которыя вы мнѣ доставили, чтобы я исправилъ.

— Я вамъ никакихъ лекцій не доставлялъ.

Въ толпѣ, окружавшей насъ, улыбались, смѣялись. Костомаровъ пристально смотрѣлъ на меня и, казалось, тоже ничего не понималъ.

— Да знаю же я васъ. Были вы у меня. Лицо ваше я знаю, запомнилъ.

— Да, съ похоронъ третьедневныхъ, когда вы упали было, и я васъ поднятъ,—сказалъ я.

— Ваша фамилія?

— Я назвалъ.

— Нѣтъ, это другой... Ну, извините.

Онъ протянулъ руку и съ тѣхъ поръ началъ здравоваться со мною каждый разъ. Вскорѣ по какому-то случаю, тоже что-то относительно записыванія или изданія его лекцій, онъ позвалъ меня къ себѣ, я просидѣлъ у него цѣлый вечеръ и съ этихъ поръ сталъ бывать у него довольно часто. Онъ былъ уморителенъ въ роли радужнаго хозяина, угощая собиравшихся у него молодыхъ и стариковъ орѣхами, изюмомъ, сладями, апельсинами. Старикъ слуга Тарасъ (боюсь, не ошибаюсь ли), сѣдой хохолъ въ длиннополомъ сюртукѣ, на подносѣ разносилъ чай, а онъ самъ съ пучкомъ сигаръ въ одной рукѣ и съ закуреной сигарой въ другой переходилъ отъ одного гостя къ другому, предлагая или сигару или какойнибудь апельсинъ, яблоко, грушу. Студенты бывали у него преимущественно малороссы, я замѣтилъ, и онъ говорилъ съ ними на малороссійскомъ нарѣчій. Это ему, кажется, самому доставляло удовольствіе. Но выборъ былъ ужасный. Между ними была положительная дрянь, которая его прямо эксплуатировала, занимая у него безъ конца и безъ отдачи. Такъ К—овъ, прославившійся потомъ печальной одной исторіей, прямо таки грязная личность, не то русскій, не то австрійскій шпіонъ, а, можетъ быть, въ разное время и то и другое, буквально обиралъ его, играя на слабой его струнѣ—разговорахъ на малороссійскомъ нарѣчій и пѣніи малороссійскихъ пѣсенокъ и стиховъ его покойнаго друга Шевченки.

Онъ занималъ у него вездѣ: и дома у него, на квартирѣ, и въ университетѣ, и на улицѣ даже, останавливалъ его на извозчикѣ, когда встрѣчалъ.

А онъ все давалъ и давалъ ему.

При мнѣ однажды К—ва спросилъ одинъ товарищъ нашъ же общій, студентъ:

— Скажите, пожалуйста, что это вы держите у Костомарова ваши деньги, что ли?

— Да, — отвѣчалъ К—овъ, — когда я получаю, я отношу ихъ ему: онѣ у него цѣлѣе.

— А потомъ по частямъ и беретъ?

— А потомъ и беру,—невозмутимо спокойно отвѣчалъ К—овъ.

Такъ было все это тихо и мирно до самой студентской исторіи. Костомаровъ былъ самымъ популярнымъ профессоромъ; студенты его обожали, наполняли его аудиторіи, аплодировали ему по окончаніи лекціи и даже выносили иногда изъ аудиторіи на рукахъ...

Но тутъ вдругъ все перевернулось тогда, и Костомаровъ изъ любимѣйшаго профессора сдѣлался предметомъ «общей» ненависти, ему начали свистать, грозили даже побить его, а одинъ адвокатикъ, теперешній, изъ еврейчиковъ, прославившійся наборомъ «ужасно либеральныхъ» фразъ и скандальной дуэлью, назвалъ его въ глаза подлецомъ...

И все это за то, что когда закрыли университетъ, и въ думѣ, на Невскомъ, было разрѣшено нѣкоторымъ профессорамъ продолжать читать лекціи, Костомаровъ, не смотря на угрозы людей подстрекавшихъ и подбивавшихъ студентовъ на волненія и беспорядки, не согласился отмѣнить чтеніе и читалъ.

Тогда вотъ была устроена ему этими господами та безобразная исторія въ думѣ, которая позорной памятью легла на всѣ, въ сущности невинные, волненія и беспорядки того времени...

Прямо изъ думы я поѣхалъ тогда на Васильевскій островъ къ нему на квартиру, куда и онъ ужъ тѣмъ временемъ пріѣхалъ, и засталъ его въ страшно раздраженномъ, какомъ-то полупомѣшанномъ точно состояніи. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, разводилъ руками и все повторялъ:

— Я ихъ не понимаю... я ничего не понимаю... Чего же они хотятъ?.. Они хотятъ только мутить... Они не понимаютъ, что ими играютъ, какъ пѣшками... Имъ надо это объяснить...

— Но кто это сдѣлаетъ?

— Да! Вотъ кто это сдѣлаетъ?—повторилъ Костомаровъ, останавливаясь противъ меня.

— Вамъ теперь нельзя,—сказалъ я.

— Нѣ-ѣтъ. Меня теперь побьютъ еще, пожалуй... Боже, что это дѣлается, что это дѣлается... И кто это, и для чего это дѣлаютъ!..

Вслѣдъ за мною къ нему пріѣхало еще нѣсколько человекъ студентовъ, и прибывали все новые и новые. Квартира наконецъ набралась полная-полнешенькая. Это его ободрило, утѣшило и хотя нѣсколько успокоило.

Его увѣряли въ уваженіи къ нему, высказывали самыя полныя осужденія поведенію извѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ заправиль, называли всю исторію печальной, позорной, недостойной.

Какъ извѣстно, когда въ залѣ, въ думѣ, во время его лекціи начался скандалъ, и ему прямо кричали, что не дадутъ продолжать читать, что будутъ бросать даже въ него чѣмъ попало, а нѣкоторые особенно «энергичные» полѣзли впередъ даже съ кулаками,—онъ потребовалъ себѣ слова и громко на всю залу выкрикнулъ:

— Вы жалки мнѣ; теперь вы Репетилы, а кончите Расплюевыми.

Кто-то теперь у него на квартирѣ вспомнилъ объ этомъ и сказалъ, что это напрасно онъ сказалъ, что это слишкомъ жестоко, и нельзя было обращать этихъ словъ къ массѣ, въ которой были и спокойные, серьезно смотрящіе на дѣло люди, которыхъ никогда не

удастся сбить съ толку ничему вліянію для постороннихъ университету цѣлей.

— Да?.. Вы думаете? Это въ такомъ случаѣ мнѣ ужасно жалко,— соглашаясь говорилъ Костомаровъ,—но что же сдѣлать? Напечатать завтра въ газетѣ какой, что я извиняюсь?

Но его удержали, начали говорить, что это извиненіе его перетолкуютъ въ другомъ совѣмъ смыслѣ и проч.

— Скажутъ, что я струсилъ, испугался, что они меня бить начнутъ.

— Да вообще этого не слѣдуетъ дѣлать.

— Не слѣдуетъ? Ну, не нужно.

Я уѣхалъ, оставивъ его хотя утѣшеннымъ нѣсколько подъ конецъ этимъ собраніемъ стѣхавшихся у него студентовъ, но все же съ подавленнымъ состояніемъ духа. . . . .

Вообще о студентской исторіи того времени пора говорить еще не настала. Надо говорить или все, или ничего не говорить, если не желать сыграть этимъ въ руку тому, кому не хотѣлось бы.

Къ этому же времени относится одинъ кѣрзанный случай съ Костомаровымъ, котораго виновникомъ былъ отчасти я, и который потомъ страшно беспокоилъ и меня и Костомарова.

У нашей квартирной хозяйки г-жи Шпильге была пріятельница Лизавета Ивановна Щерба, большой другъ также и дяди Ѳ. И. Рахманинова. Она содержала женскій пансіонъ, который въ свое время былъ, кажется, даже въ славѣ здѣсь. М-ше Щерба была солидныхъ лѣтъ нѣмка, получившая образованіе въ Анненской или Петропавловской школѣ и прочитавшая потомъ массу философскихъ книгъ, исключительно, разумѣется, нѣмецкихъ авторовъ. Философія эта перепуталась у ней въ головѣ удивительнѣйшимъ образомъ, но Ѳ. И. Рахманиновъ любилъ подолгу говорить съ ней, когда она приходила къ своей товаркѣ Шпильге, и эти споры и разсужденія ихъ были неописуемо уморительны. Въ общемъ же она была, кажется, очень добрая и неглупая женщина: вотъ только эта одна ея несчастная философская начитанность. Ѳедоръ Ивановичъ бывалъ и у нея. Однажды получилъ и я приглашеніе отъ нея. Былъ въ ея пансіонѣ какой-то актъ, юбилей, не помню хорошо. Помню только, что дѣвицы всѣ въ бѣломъ декламировали какіе-то русскіе, нѣмецкіе и французскіе стихи; преподаватель французскаго языка или французской словесности, знаменитый графъ Сюзоръ, читалъ какую-то рѣчь, потомъ дѣвицы играли на фортепіанахъ въ двѣ, четыре, восемь и кажется еще въ шестнадцать рукъ, потомъ начались танцы и разносили въ стаканахъ клюквенный морсъ съ водой и аршадъ, а болѣе солиднымъ разставили ломберные столы и усадили ихъ за карты. Послѣ всего намъ дали холодную закуску, то-есть два или три подноса бутербродовъ съ ветчиной, языкомъ, сыромъ и раз-

ными колбасами и дали это часа въ четыре утра, когда всё проголодались чуть не до боли въ желудкахъ.

Послѣ этого раза я бывалъ почти каждую пятницу у m-ше Щерба, такъ какъ въ этотъ день вечеромъ у нея въ пансіонѣ былъ урокъ танцевъ, и для старшихъ воспитанницъ нужны были кавалеры. Самъ я не танцевалъ, но у меня между товарищами студентами было нѣсколько человѣкъ записныхъ танцоровъ, и я ихъ представилъ m-ше Щерба. Съ ними вмѣстѣ ходилъ и я посидѣть, посмотреть, поболтать, посмѣяться.

Дядя Ѳ. И. Рахманиновъ, забравшій меня въ руки и по части развитія во мнѣ галантности и всякихъ деликатныхъ манеръ и чувствъ, прямо таки настаивалъ на моихъ возможно частыхъ посѣщеніяхъ г-жи Щерба.

— Понимаешь, ты молодой человѣкъ... ты долженъ... Нельзя же этакимъ медвѣжонкомъ расти,—говорилъ онъ и настаивалъ, чтобы я шелъ.

Но онъ не зналъ, кажется, что я не танцую: онъ садился за карты или у него съ г-жей Щерба начинался безконечный философскій разговоръ, который и тянулся вплоть до того времени, когда подавали бутерброды.

Такимъ образомъ, мало-по-малу и я, подобно дядѣ, сдѣлался, что называется, своимъ человѣкомъ въ этомъ домѣ, и мнѣ нравилось бывать тамъ, потому что никакихъ тамъ не было ни фигуръ, ни претензій.

Сдавали однажды окончившія курсъ въ пансіонѣ у Щерба какой-то «университетскій экзаменъ» на какія-то права по преподаванію, и экзаменъ этотъ всегда происходилъ въ университетѣ при канцеляріи, и экзаменовалъ для чего-то непременно профессоръ.

Университетъ былъ закрытъ, но на эти экзамены профессора все-таки приходили и экзаменовали являвшихся туда.

И вотъ однажды утромъ, когда я еще только что проснулся, ко мнѣ въ комнату вошла сама старушка Шпильге и издалека начала рѣчь о томъ, что не могу ли я сдѣлать ей одно одолженіе, за которое она мнѣ будетъ очень благодарна.

— Что такое?

— Вы хорошо знакомы съ Костомаровымъ?

— Ну-съ.

— Не можете ли сдѣлать такъ, чтобы Лизаветы Ивановны воспитанницы сдали у него университетскій экзаменъ?

Я ничего не понималъ: какой такой экзаменъ университетскій, причѣмъ тутъ Костомаровъ и проч..., спрашивалъ, переспрашивалъ и ничего не могъ добиться, сказалъ, что я поѣду къ самой m-ше Щерба узнать, въ чемъ дѣло.

— Лизавета Ивановна тутъ. Она просила къ себѣ и ждетъ вашего отвѣта.

Я одѣлся и поспѣшилъ къ ней.

— Но чѣмъ же бѣдныя дѣвочки виноваты?—говорила мнѣ г-жа Щерба.—Онѣ не виноваты въ томъ, что университетъ закрытъ. Вѣдь онѣ не принимали участія въ беспорядкахъ... Нѣтъ, вамъ ничего не будетъ стоять попросить г-на Костомарова, и онъ не откажетъ вамъ ихъ проэкзаменовать. Вѣдь это пять минутъ всего, а, между тѣмъ, съ университетскимъ онѣ будутъ дипломомъ или безъ него, это большая для нихъ разница.

Я понялъ кое-что изъ ея словъ и поѣхалъ къ Костомарову просить его, если это можно, то чтобы онъ сдѣлалъ.

Костомарова я не засталъ, дожидался его съ часъ, и когда пріѣхалъ онъ наконецъ откуда-то, и я ему объяснилъ, онъ смѣялся, что-то такое рассказалъ мнѣ еще; я вернулся домой и, къ удивленію, засталъ все еще у старушки Шпильге m-me Щерба, ожидавшую меня.

— Завтра пришлите ихъ, онъ проэкзаменуетъ,—объявилъ я ей.

— А не будете ли вы такъ добры поѣхать съ ними? Онѣ вѣдь его не знаютъ,—начала просить г-жа Щерба.

Я и на это согласился.

На другой день, часовъ въ одиннадцать, я былъ у г-жи Щерба, и оттуда мы на пяти извозчичьихъ саняхъ тянулись къ университету.

Какимъ же было и ихъ и мое удивленіе, когда намъ объявили о томъ, что Костомаровъ едва ли будетъ, потому что онъ подаль прошеніе объ отставкѣ.

Бѣдныя дѣвушки и какія-то классныя дамы, бывшія съ нами, пришли просто въ отчаяніе отъ этого извѣстія; неловкое было и мое положеніе. Онѣ спрашивали меня, не пошутить ли я, сказавъ, что онъ ихъ будетъ сегодня ожидать въ университетѣ. Я былъ, наконецъ, самъ въ отчаяніи. Выходило что-то глупо и досадно глупо.

— Попробуйте, поѣдьте къ нему на квартиру,—предложилъ я имъ.

— Какъ же такъ?

— Да ужъ это не ваше дѣло.

— А если онъ разсердится за это и будетъ строго насъ экзаменовать?

— Не будетъ. Не такой это человѣкъ.

Мы поѣхали къ Костомарову. Онѣ всѣ остались у подвѣзда на извозчикахъ ждать, а я пошелъ къ нему узнать, дома ли онъ.

Онъ оказался дома, одинъ и очень удивленъ моему приходу.

— Что такое? Исторія какая нибудь?—съ безпокойствомъ спросилъ онъ меня.

Вообще въ это время онъ былъ ужасно какъ-то нервно настроенъ и все ожидалъ чего-то непріятнаго.

— Да какъ же,—сказалъ я:—вѣдь вы вчера обѣщали, помните, проэкзаменовать барышень изъ пансіона.

— Ахъ, да! Какъ же это я и забылъ совсѣмъ.

— Онѣ здѣсь, внизу дожидаются.

— Гдѣ?

— На улицѣ у подъѣзда.

— Что же это вы дѣлаете? Какъ же это можно? Ахъ, какая непріятная исторія! Идите, зовите же ихъ скорѣй. Изъ чего же я ихъ буду экзаменовать?

— Онѣ вамъ скажутъ.

И я побѣжалъ за барышнями.

— Идите, все готово.

Когда мы поднялись и входили въ квартиру Костомарова, онъ выдавалъ въ передней деньги своему Тарасу, посылая его за апельсинами.

— Поскорѣй, поскорѣй,—торопилъ онъ его.—Милости прошу... извините, пожалуйста... Вотъ сюда пожалуйста...—приглашалъ онъ, обращаясь къ барышнямъ.

Оторопѣлыя, смущенныя, онѣ входили къ нему и не знали, что имъ: садиться или стоять и дожидаться.

— Пожалуйста, будьте добры,—упрашивалъ ихъ Костомаровъ и пододвигалъ то кресла, то стулья.

Наконецъ мы всѣ усѣлись, сѣлъ и Костомаровъ.

— Изъ чего же я буду васъ экзаменовать?

— Изъ русской исторіи,—отвѣчала за нихъ за всѣхъ классная дама.

— Хорошо-съ. А есть ли у васъ какіе нибудь листы, гдѣ я долженъ буду поставить отмѣтки.

— Есть.

Онѣ подали ему какія-то бумаги.

— Хорошо-съ; а по какой программѣ?

— По общей, какъ для всѣхъ.

— Гм... какъ для всѣхъ...—Ну-съ,—началъ Костомаровъ...

Экзамень начался. Онъ спрашивалъ какіе-то невозможные пу-
стыки и говорилъ все: хорошо... очень хорошо.

Всѣмъ онъ имъ поставилъ пятерки.

Тарасъ,—какъ звали его лакея, не помню,—подалъ на подносѣ апельсины.

— Надо еще вѣдь письменный имъ сдѣлать у васъ экзамень изъ исторіи,—сказала классная дама.

— Не знаю-съ.

— Какъ же, это необходимо.

— Хорошо-съ. Что-жъ такое онѣ должны сдѣлать?

— Написать сочиненіе.

— Изъ чего?

— Изъ русской исторіи.
 — А на какую тему?
 — Это, г. Костомаровъ, отъ васъ зависитъ.
 — Да?.. Ну, хорошо... И это сейчасъ нужно имъ сдѣлать?—
 подумавъ, спросилъ онъ.

— Это ужъ, какъ вы хотите. Онѣ могутъ и завтра вамъ представиться.

— Конечно, завтра. Конечно,—обрадовался Костомаровъ.—Я вамъ дамъ тему, а вы напишите и завтра вотъ съ нимъ пришлите (онъ указалъ имъ на меня). Вы вѣдь привезете?

Я, разумѣется, согласился, сказалъ, что съ удовольствіемъ это сдѣлаю.

Онъ написалъ имъ заглавіе: «О вліяніи реформы Петра на домашній бытъ въ Россіи».

— Это не затруднитъ васъ?.. Если затруднитъ, вы его тогда вотъ спросите, онъ поможетъ, объяснитъ,—ужъ шутилъ съ ними Костомаровъ, угощая ихъ апельсинами.

Бѣдныя дѣвушки уѣхали въ восторгѣ отъ него и въ убѣжденіи, что очень счастливо и удачно сошли у нихъ экзамены. Я съ ними же пріѣхалъ къ м-ше Щерба, которая была невыразимо благодарна, и тутъ же въ разныхъ фразахъ и выраженіяхъ я приготовилъ имъ пять или семь сочиненій о благодѣтельномъ вліяніи этихъ реформъ на нашъ семейный или домашній бытъ.

На другой день я свезъ всѣ эти сочиненія къ Костомарову, который хохоталъ, вспоминая объ экзаменѣ, какъ это такъ къ нему вдругъ столько молоденькихъ барышень пріѣзжало, и выставилъ и за сочиненія, разумѣется, всѣмъ пятерки.

М-ше Щерба не знала просто, какъ и благодарить. Барышни тоже были бесконечно благодарны, и я радъ пуще ихъ всѣхъ, что кончилась, наконецъ, и такъ благополучно вся эта странная исторія.

Но для меня она оказалась еще не конченною...

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Костомарова записку, въ которой онъ просилъ меня немедленно прійти къ нему по очень важному дѣлу. Я поспѣшилъ, конечно.

— Что вы со мной сдѣлали?—встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

— Что такое?

— А съ этимъ экзаменомъ-то?

— Такъ что же?

— Какъ что? Я наканунѣ подаль прошеніе объ отставкѣ, а на другой день экзаменовалъ.

— Ну, такъ что жъ такое?

— Какъ, что? Изъ этого исторія можетъ выйти. Я сегодня только вспомнилъ и сообразилъ это.

— Да какая же исторія?

— А такая, что я не имѣлъ права. Нѣтъ, вы какъ хотите, доставайте назадъ мнѣ эти листки.

— Николай Ивановичъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ. Это подлогъ. Я за это еще поплатиться могу. Я насилу ужъ успокоилъ его, убѣдилъ, что это все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ.

Вотъ до какого страшнаго нервнаго возбужденія и разстройства онъ доходилъ въ это время.

Это былъ мой послѣдній визитъ къ нему въ то время, потому что черезъ три дня я самъ долженъ былъ оставить надолго Петербургъ...

Х.

Поздно вечеромъ однажды ко мнѣ въ дверь кто-то постучался. Я спросилъ: кто?—мнѣ отвѣтили: повѣстку вамъ принесли изъ части.

Въ повѣсткѣ было сказано, чтобъ я, такой-то, уволенный изъ С.-Петербургскаго университета студентъ, немедленно явился въ участокъ для объявленія мнѣ распоряженія—я не помню ужъ чьего.

Прежде чѣмъ идти туда, я зашелъ къ Рахманинову.

— Иди, конечно, — сказалъ онъ, — какъ возвратишься, зайди, скажи, зачѣмъ тебя звали.

— А если я не возвращусь..

Онъ подумалъ, оставилъ корректуру, которую читалъ, одѣлся, и мы съ нимъ поѣхали оба въ участокъ или часть, не знаю, какъ это называли тогда, на Большой Морской, тамъ же, гдѣ и теперь виситъ полицейская вывѣска, на углу Конногвардейской улицы.

Насъ проводили по какой-то грязной лѣстницѣ во второй этажъ, спросили, кто мы, по какому дѣлу, и сказали, чтобы ждали, сейчасъ выйдетъ приставъ.

Минуть черезъ десять вышелъ высокій полный мужчина съ коротко выстриженной сѣдой головой и съ огромной шишкой на лбу—я запомнилъ даже фамилию его: полковникъ Ютко.

— Вотъ-съ какое дѣло,—сказалъ онъ, узнавъ, кто мы и зачѣмъ къ нему явились:—вы должны дать подписку, что черезъ три дня уѣдете изъ Петербурга,—обратился онъ ко мнѣ.

— Помилуйте, но это невозможно,—сказалъ я.

Онъ пожалъ плечами—дескать, я ничего тутъ не могу сдѣлать, вѣдь у васъ поручителей нѣтъ?

— Я могу поручиться за него,—сказалъ дядя.

Приставъ подробно разспросилъ о степени нашего родства, какое мѣсто дядя занимаетъ, его чинъ, и тогда только сказалъ: хорошо-съ, въ такомъ случаѣ они дадутъ за васъ поручительскую подписку, что вы въ теченіе всего вашего пребыванія здѣсь не будете выходить изъ квартиры.

— Да какой же тогда смысл тутъ ему оставаться?—спросилъ дядя.—Какой же, наконецъ, смыслъ и вообще всей это поручительской записки?

— Иначе нельзя.

Дядя горячился, старался доказать, но приставъ Ютко оставался непоколебимымъ, ссылаясь на то, что это не отъ него зависитъ.

Наконецъ, когда оба они, очевидно, устали спорить и доказывать другъ другу, приставъ объяснилъ, что вѣдь это такъ только форменность одна, что кто же это будетъ слѣдить за тѣмъ, выхожу я изъ квартиры или нѣтъ, что если я замѣшанъ въ чемъ нибудь серьезномъ, то меня все равно привлекутъ къ отвѣтственности и возьмутъ даже и на родинѣ, куда я уѣду теперь, и если нѣтъ ничего за мной, то буду ли я выходить или нѣтъ, до этого кому какое дѣло.

— Повѣрьте,—добавилъ онъ,—у насъ по горло дѣла и посерьезнѣе этого... А это... И онъ махнулъ рукою.

— Ну, а если донесутъ вамъ?

— Никто не донесетъ.

— Ну, а если?

— Да кто же это мнѣ посмѣетъ донести, если я не захочу?—воскликнулъ онъ,—это странно даже, какъ же это вы порядковъ не знаете?

— Что же дѣлать, что не знаю,—сказалъ дядя.

— Да я-то знаю,—отвѣтилъ Ютко и размѣялся.—Господа, не хотите ли чаю?—вдругъ и совершенно неожиданно спросилъ онъ.

Дядя размѣялся и сказалъ, что съ удовольствіемъ выпьетъ, такъ какъ отъ спора у него пересохло горло.

— Ахъ, господа, если бы вы съ наше покричали,—сказалъ Ютко и крикнулъ какому-то солдату, чтобъ сейчасъ принесли три стакана чаю «съ лимондросомъ», то-есть съ лимономъ,—это выраженіе врѣзалось у меня въ памяти.

Мы усѣлись у какого-то огромнаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ и заваленнаго бумагами. Приставу то и дѣло подносили къ подписи все новыя и новыя бумаги, и онъ подписывалъ ихъ, не читая.

— Какъ же это вы подписываете ихъ не прочитавъ?—спросилъ я.

Ютко улыбнулся и махнулъ рукою.

— Знаю я ихъ...

Вообще это былъ типъ добраго малаго, стараго служака, не прочь и выпить и поболтать въ пріятной компаніи.

— Вѣдь вотъ что,—говорилъ онъ:—я понимаю... ну, кто не былъ молодъ... Ну, отчего не пошумѣть, не покричать... Я помню, мы еще и не такія дѣла дѣляли... Въ Москвѣ (или гдѣ-то въ Харьковѣ, въ Варшавѣ) мы разъ цѣлый домъ... этакій знаете, понимаете... цѣлый домъ разобрали и разнесли... А барышень этихъ съ собой увезли. Но зачѣмъ правительство задѣвать? Какъ это можно? Ай, ай, ай...

Мы выпили у него по стакану чая, дядя написалъ на готовомъ уже бланкѣ поручительную за меня записку.

— И сколько же онъ можетъ прожить здѣсь по этой запискѣ?— спросилъ дядя.

Ютко вскинулъ плечами, пожевалъ губами, поднялъ брови и проговорилъ:

— Ничего неизвѣстно... Впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

— Какихъ?.. Вы ждете развѣ какихъ распоряженій?—спросилъ я.

— Каждый день распоряженія... Вы думаете, вы одни, господа, дѣйствуете, а правительство спитъ? Нѣтъ, оно не спитъ. Оно за всѣмъ слѣдитъ...

Мы раскланялись, поблагодарили его за любезность и ушли...

— Однако, что же дѣлать теперь?—сказалъ я, когда мы вышли на Морскую.

— Ожидать,— коротко отвѣтилъ дядя.

— Чего?

— Что будетъ дальше.

— Но вѣдь могутъ потребовать, чтобы я уѣзжалъ и раньше.

— Конечно...

Придя домой въ свою комнату, я зажегъ лампу, сѣлъ на диванъ-кровать и задумался...

А задуматься мнѣ было надъ чѣмъ...

Помню, съ поразительной ясностью и отчетливостью стали проходить въ моей памяти одно за другимъ положенія, въ которыхъ я перебивалъ послѣднее время. Будились и вставали въ памяти послѣдніе годы пребыванія въ гимназіи, въ далекой степной глуши, которая однакожь не была для меня глушью, потому что тамъ я услыхалъ первое человѣчное слово о человѣкѣ, тамъ пробудилась жажда знанія, боготвореніе науки. Вспомнились всѣ тѣ надежды, съ которыми я ждалъ, дожидаться не могъ, послѣдніе два года, когда наконецъ кончу «эту формальность», гимназію и уѣду въ университетъ черпать эти знанія, эту науку непосредственно и прямо ужъ изъ источника... Припомнилъ, какъ я приѣхалъ два года назадъ тому, увидалъ, наконецъ, этотъ университетъ, побывалъ въ немъ, тогда, лѣтомъ, пустомъ и безмолвномъ (меня сторожъ провелъ за двугривенный)... Какъ потомъ пришелъ въ него показать, предъ-явить свои знанія — права на общеніе съ наукой. Станнымъ мнѣ показалось тогда все то, что я при этомъ встрѣтилъ, всѣ эти удивительные и непонятные вопросы на провѣрочныхъ экзаменахъ. Къ чему,—спрашивалъ я тогда себя,—все это имъ нужно? Для чего? Вѣдь это же не знанія, это побрякушки знаній. Нужны онѣ вамъ—нате, я и эти побрякушки знаю... Но у меня тогда были оправданія университету: вѣдь это же не профессора спрашиваютъ весь этотъ вздоръ и даютъ ему такую цѣну, это учителя какіе-то здѣшнихъ гимназій — только. Это они, можетъ быть, хотятъ, спрашивая

насъ объ этомъ, хвастнуть передъ профессорами своими знаніями, дескать, вотъ же мы какіе, а мы кое-что тоже знаемъ... хотять по-важничать и передъ нами, смотрите, дескать, какова у насъ наука, не то что гдѣ-то тамъ у васъ, въ какихъ-то Тамбовскихъ, Пензенскихъ, Самарскихъ захолустьяхъ.

И если я смотрѣлъ съ нѣкоторой опаской и предубѣжденіемъ на всѣ тѣ штуки, которыя тогда на этихъ провѣрочныхъ прежнихъ экзаменахъ продѣлывались, то это потому только, что эти дурачества представлялись мнѣ опасными и лично для меня — отъ неудачи на экзаменѣ, отъ каприза этихъ людей моя судьба зависѣла — и для всей-то массы, которая, подобно мнѣ, пришла сюда за наукой, а ее поручили встрѣчать какимъ-то... чудакамъ, которые вмѣсто провѣрки знаній у пришедшихъ интересуются, извѣстны ли имъ пакостные анекдотыки.

Да, это большое было для меня тогда удивленіе... И, должно быть, я былъ тогда наивенъ въ моемъ степномъ развитіи, съ моими степными взглядами на университетъ и университетскую науку... Я припомнилъ, какъ я тогда въ этой наивности своей обращался къ тому, къ другому изъ товарищей, рассказывая съ удивленіемъ о томъ, что замѣтилъ и встрѣтилъ на этихъ провѣрочныхъ экзаменахъ, припомнилъ и ихъ еще болѣе удивленные на меня при этомъ взгляды:

— Что жъ тебя это такъ удивляетъ?

— Да какъ, что? Помилуй, это Богъ знаетъ что такое.

— Просто, смотрятъ: развитой малый или нѣтъ. Покажетъ ужъ онъ чтонибудь, или нѣтъ, сей гимназистъ...

Потомъ я припомнилъ, что я ужъ пересталъ удивляться этому, попривыкъ, и только не то жалостливое, не то брезгливое чувство шевелилось каждый разъ во мнѣ, когда я слышалъ не дѣло, а какой-то наборъ фразъ вмѣсто дѣла, и все это съ разсужденіями о народѣ, жалкими, совершенно глупыми разсужденіями, показывавшими полное и всестороннее незнаніе ни быта, ни стремленій, ни развитія этого народа. Я зналъ его хорошо, я выросъ среди него, и вдругъ мнѣ навязываютъ какую-то чепуху, какой-то невозможный вздоръ подъ именемъ настоящаго знанія и пониманія народа... Ничто такъ не можетъ компрометировать дѣло, какъ неумѣлые и невѣжественные проповѣдники его...

Но это все бы ничего — досадно, жалко, противно это видѣть, но это ничего — что жъ съ этимъ дѣлать — главное: наука... Она мнѣ нужна, я хочу ея, я чувствую, что я нуль передъ нею, я хочу служить ей, я хочу отдать ей всю жизнь, я буду указывать всѣмъ на нее и говорить: вотъ она, которая одна только и можетъ сдѣлать насъ зрячими и добрыми, заставить насъ всѣхъ полюбить другъ друга и всѣхъ... Вотъ если будутъ мнѣ мѣшать моему общенію съ нею, моему служенію ей — вотъ этого чтобы не было, этого одного я боюсь...

А какъ это мнѣ пришло въ голову, какъ пришла ко мнѣ мысль о томъ, что мнѣ могутъ помѣшать въ этомъ? Когда это первый разъ пришла мнѣ въ голову эта мысль? Когда это я послушалъ — послушалъ и потомъ задумался? . . . . .

И я вспомнилъ еще вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько такихъ же случаевъ—необъяснимыхъ мнѣ совершенно, странныхъ и прямо таки неприятно подѣйствовавшихъ на меня своею дѣланностью, притворнымъ своимъ вообще характеромъ.

Потомъ настала весна, и я рано уѣхалъ въ деревню. Вспомнилось это лѣто... Какъ ужасно мнѣ хотѣлось провѣдать старыя мѣста, и между прочимъ и то мѣсто, гдѣ я столько прожилъ—гимназію, пансіонъ, посмотрѣть тѣхъ людей, которые тогда окружали меня, которыхъ я потомъ покинулъ, чтобы напутствуемому ими и благословляемому ѣхать въ университетъ работать и служить тому дѣлу, уваженіе и страсть къ которому они во мнѣ пробудили и съ миромъ отпустили...

Припомнилъ я, какъ я пріѣхалъ къ нимъ, какъ они меня встрѣтили, спрашивали, какъ я имъ рассказывалъ, а они довольные и радостные слушали меня.

Но вотъ прошло лѣто, надо было возвратиться въ университетъ, разставаясь опять на годъ почти, и я съ больной ногой, не дожидаясь, когда она пройдетъ, поспѣшилъ въ Петербургъ. Въ Москвѣ мнѣ надо было или хотѣлось повидать товарищей по гимназіи, поступившихъ въ Московскій университетъ, и я поѣхалъ ихъ отыскивать, а кстати и посмотрѣть и этотъ Московскій университетъ, гдѣ еще жива память столькихъ славныхъ и благородныхъ людей, такъ самоотверженно жившихъ и работавшихъ для науки... И вотъ:

— Нельзя-съ!..

Какой-то старикъ солдатъ, говорить:—Нельзя...

— Почему это?

— А потому что нельзя...

— Да почему нельзя?

— Не велѣно отсюда пускать.

— Такъ откуда же?

Но кучи студентовъ оттуда, извнутри, куда онъ, этотъ солдатъ, не пускаетъ, кричать:—Идите, что за вздоръ. Пусти, тебѣ говорятъ!

И сторожъ старикъ, что-то бормоча, пропускаетъ, отходя въ сторону.

— Господа, я не вашего университета, я Петербургскаго,—возвѣщаю я.—Я пріѣхалъ сюда отыскать моихъ товарищей по гимназіи,—и начинаю называть ихъ фамиліи, факультеты и курсы, на которыхъ они должны быть теперь, по моимъ соображеніямъ.

Но меня перебиваютъ:

- Вы изъ Петербурга?.. Вы когда, сегодня изъ Петербурга?
- Нѣтъ, я еще ѣду только туда, я былъ въ деревнѣ,—отвѣчаю я.
- О! А вы развѣ не знаете, что у васъ тамъ?
- Гдѣ?
- Въ Петербургѣ... въ университетѣ.
- Что такое?.. Ничего не знаю.

— Да ужъ онъ теперь закрыть, по всей вѣроятности,—съ какой-то восторженной гордостью и радостью сообщаютъ мнѣ на перебой одинъ передъ другимъ, передаютъ подробности страннаго и непонятнаго происшествія—печальнаго, несомнѣнно, но о которомъ сообщается, какъ о какой-то радости, о давно жданномъ исполненіи самаго задушевнаго желанія...

Но вотъ, разговаривая, мы вышли въ университетскій садикъ. Тамъ, у воротъ, куча студентовъ ужъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ что-то кричатъ, хохочутъ, и къ этой кучѣ бѣгутъ и идутъ со всѣхъ сторонъ, все еще и еще.

- Что тамъ такое?—кричитъ кто-то отъ насъ.
- Шпіона поймали,—отвѣчаютъ намъ.
- Опять?..
- Опять!..

Спѣшимъ и мы туда же ускореннымъ шагомъ, почти бѣгомъ. Что это такое? Что это за притонъ? Старикъ, старый-престарый старикъ, солдатъ, какъ лунь сѣдой, хилый совсѣмъ, сморщенный, держитъ одной своей старчески немощной и костлявой рукой кого-то въ студентскомъ сюртукѣ за воротникъ, а другой, сжатой въ кулачишко, накладываетъ ему въ спину, и тотъ покорно согнулся, выноситъ это наказаніе, а кругомъ ихъ стоитъ эта толпа, бранить и хохочетъ, больше хохочетъ.

- Хорошенько его, хорошенько.
- Какого онъ факультета-то?
- Третьяго!
- Ха, ха, ха... Третьяго!.. Хорошенько его, старикъ, хорошенько..
- А какого курса-то?
- Юриспрудистическаго.
- Юриспрудистическаго! Хорошенько его, хорошенько, чтобы онъ зналъ, да не забывалъ... А то, тоже студентомъ назывался.

Но старикъ, должно быть, усталъ поднимать и опускать свою хилую руку, повторять эти немощные удары свои и выпустилъ того, кого держалъ.

Онъ всталъ, выпрямился, и на его искаженномъ испугомъ лицѣ выражено было столько нечеловѣческаго даже страха за себя, за свою жизнь, что я не понималъ, какъ могутъ они забавляться этимъ зрѣлищемъ, смѣяться еще, хохотать, острить.

- Каковъ старикъ?—обращается ко мнѣ одинъ изъ пришедшихъ со мною.—Какъ вамъ нравится?

— Вы на рожу-то посмотрите ему.

— Отставной квартальный, оказывается,—поясняетъ раньше насъ пришедшій и присутствовавшій при экзекуціи шпіона.—Перерядился въ студентское платье и хотѣлъ пройти, проникнуть въ университетъ. Но вѣдь теперь велѣно спрашивать куда, на какой факультетъ... Его спрашиваетъ Степанъ, онъ и говоритъ—на юриспруденцической факультетъ! А тутъ студенты услыхали, обратили на это вниманіе, глядятъ, а онъ старый ужъ совсѣмъ, вы посмотрите-ка: вѣдь ему по крайней мѣрѣ лѣтъ сорокъ пять будетъ... Ну, ясно, шпіонъ онъ. Сейчасъ его окружили, сознался; позвали Степана, вотъ онъ его немножечко и проучилъ.

— Да это ему что. Это мало! Его хорошенько надо, чтобы онъ навсегда и дорогу-то къ университету, гадина онъ эдакая, забыть! Хорошенько его! хорошенько!

— Боже мой! Да что же это такое совершается?—Я отыскалъ одного товарища, другого.

— Что это у васъ такое?

— Да все то же.

— То-есть что?

— Что и у васъ въ Петербургѣ, и вездѣ.

— Да что такое?

— Нельзя... При этихъ порядкахъ кто же останется въ университетѣ.

И они мнѣ рассказывали объ этихъ новыхъ, будущихъ порядкахъ, которые они ожидаютъ и противъ которыхъ протестуютъ.

Уѣзжая весною изъ Петербурга, я ничего ни о какихъ готовящихся перемѣнахъ, ни о какихъ новыхъ порядкахъ не слыхалъ.

— Да почему это? Зачѣмъ эти новые порядки вводятся? Вызваны они чѣмъ развѣ?—продолжалъ разспрашивать я.

Я уѣхалъ на другой же день изъ Москвы въ Петербургъ, встревоженный до послѣдней степени тѣмъ, что ожидаетъ меня съ моими занятіями, со всѣмъ тѣмъ міромъ, съ которымъ я жилъ, совершенно отрѣшившись на время отъ міра тревоженій задачъ и вопросовъ житейскихъ: надо вступить, рѣшилъ я, въ этотъ тревожный міръ житейскихъ задачъ и вопросовъ во всеоружіи знаній и знаній того, какъ поступали въ такихъ или подобныхъ случаяхъ другіе люди, люди другихъ странъ и вѣковъ, и что у нихъ выходило...

Но живая жизнь не дождалась, пока я навѣшаю на себя весь этотъ арсеналь и прочту, стяхнувши съ нихъ пыль вѣковъ, уроки мудрости и чужого ума. Разумна эта живая жизнь въ данный моментъ, или она поступаетъ стихійно, очертя голову, безжалостно губя все передъ собой, какъ ребенокъ игрушки, смѣясь надъ благоразуміемъ и совѣтами стариковъ, ей дѣла до этого нѣтъ. И понялъ я тогда, хорошо понялъ, потому что почувствовалъ это, что въ такихъ случаяхъ напрасно всякое обращеніе къ личностямъ,

стоящимъ во главѣ движенія. Разъ они вызвали его, и самолюбіе удержало ихъ во главѣ движенія, они не властны сами ужъ ни остановить его, ни направить, они должны идти туда, куда выносить ихъ волна.

И если это—почти не представляющій исключенія законъ всякаго движенія въ человѣческихъ обществахъ, то онъ тѣмъ болѣе и подавно законъ для толпы, лишенной всякаго отчета, горячей, впечатлительной и отзывчивой ужъ во имя своего возраста...

Такъ разлетѣлась первая моя мечта, первый мой миражъ, которые я лелѣялъ, находя, въ наивномъ невѣдѣніи, единственной опасностью для нихъ упадокъ во мнѣ самомъ энергіи и любви къ дѣлу и ужъ никакъ не предполагая встрѣтить какую бы то ни было помѣху извнѣ, со стороны. Кто и чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ, казалось, помѣшать мнѣ въ моемъ благородномъ, высокомъ, чѣстномъ намѣреніи?

Я принимался нѣсколько разъ внимательнѣйшимъ образомъ прислушиваться къ тому, что говорятъ, ходить на собранія въ квартирахъ, на сходки во дворѣ, въ аудиторіяхъ, перезнакомился со всѣми тѣми жожаками, которыхъ прежде не зналъ или былъ шапочно только знакомъ, и бросалъ эти изученія, потому что собственно нечего было тутъ и изучать, это было только одно изъ проявленій общаго духа, охватившаго и вселившагося во всемъ обществѣ, натерпѣвшемся, извѣрившемся и въ конецъ развращенномъ рабовладѣніемъ и рабствомъ собственнымъ въ то же время.

Примыкать къ этому движенію нельзя было, потому что собственно не къ чему было, можно было примыкать къ тому или другому коноводу, списывавшимся между собою, какъ начальники разныхъ отрядовъ въ лагеряхъ подъ Москвой, въ 1812 году, но этого я ни за что не сдѣлалъ бы, потому что зналъ и понималъ хорошо и этихъ коноводовъ и непріятыя ходульные проповѣдуемые ими убѣжденія и программы. Это было бы просто, не серьезно, а какъ идти въ дѣло, когда не уважаешь его и не вѣришь въ него?.. Къ тому же, ближайшими къ нимъ людьми, почетнѣйшими, оказывались все люди, ничего не стѣящіе, или простые крикуны, или прямо сомнительные, дешевенькіе, низкопробные, вызывавшіе одно только грустное, брезгливое чувство, не болѣе.

Но нельзя было, какъ ни хотѣлось спокойствія и порядка для серьезной, такъ не кстати прерванной работы, примыкать къ тѣмъ, которые, будучи поставлены къ охраненію этого порядка, типины и спокойствія, утратили къ себѣ всякое уваженіе, дошли до униженія заискиванія и теперь совершенно напрасно зывали къ благоразумію, къ довѣрію дѣлаемыхъ обѣщаній и проч. и дѣлали все это мертвымъ языкомъ, путемъ самыхъ воздушныхъ, канцелярскихъ, чиновничьихъ уловокъ, хитростей, вызывая всѣ самыя темныя инстинкты, якаясь и обращаясь за содѣйствіемъ къ са-

мигъ подонкамъ, отбросамъ общества волновавшихся людей. Противное, брезгливое чувство подлаго ничтожества вызывали они, и становиться на ихъ сторону и идти съ ними—объ этомъ не могло быть и рѣчи...

Но если выбора не было въ прямомъ смыслѣ этого слова, т.-е. что выбирать было не изъ чего, то, по обстоятельствамъ и по тому, какъ обѣ стороны ставили вопросы свои и свои требованія, нельзя было, оставаясь въ университетѣ, не примкнуть къ той или другой сторонѣ.

Что было дѣлать человѣку, котораго сердце и разумъ одинаково не лежали ни къ той ни къ другой сторонѣ? Уйти, отойти?..

Да, но это вѣдь легко сказать человѣку, не заинтересованному тѣмъ, чтобы оставить университетъ, и чтобы я могъ продолжать тамъ то дѣло, которое было задачей, казалось, всей жизни. Отойти!.. Уйти!.. Это почти равносильно было тому, чтобы ужъ навсегда распрощаться и съ этой задачей и всѣми идеалами и надеждами, соединенными неразрывно съ ея осуществленіемъ.

Припомнилъ я все это тогда. Мучительно и долго боролось во мнѣ это сомнѣніе, прежде чѣмъ какая-то сила вдругъ и мощно, какъ голосъ какой, сказала: «уйди, отойди, нечего тутъ оставаться и колебаться. Повѣрь, послушайся, ничего не будетъ, о чемъ бы сталъ раскаиваться потомъ».

А какъ это потомъ все произошло-то...

— Господа! — ораторствуетъ ничтожнѣйшая изъ ничтожныхъ личность, жалкій, увертливый, юркій, безголосый, визгливый крикунъ, вскрикивавшій все время то тутъ, то тамъ въ толпѣ, — господа! я предлагаю взять матрикуль, исполнить ихъ желаніе... (крики: долой!.. молчать!). Но ничтожный господинъ нисколько не смущается этимъ, стоитъ и улыбается той улыбкой, въ которой не разберешь, чего больше: безстыдства или сознанія, что онъ вотъ сейчасъ же выйдетъ побѣдителемъ, и ему эти же точно такъ будутъ кричать браво, когда онъ предложитъ имъ то, чего они въ данный моментъ, враждебно къ нему относясь, не ожидаютъ никакъ отъ него, и будь это предложеніе его и глупо и пошло, но онъ знаетъ, что оно толпѣ, въ ея настоящемъ настроеніи, понравится, и она ему будетъ кричать одобреніе и будетъ ему аплодировать.—Господа!—выкрикиваетъ господинъ:—я предлагаю принять для того, чтобы официально исполнить «ихъ» требованіе, отрѣзать имъ отступленіе, лишить «ихъ» права дальнѣйшихъ насилій. Но потомъ мы должны будемъ, и въ этомъ мы дадимъ всѣ другъ другу слово, собраться на площадкѣ передъ университетомъ и съечь ихъ, сложить всѣ матрикулы въ одинъ общій котелъ и потомъ ихъ съечь!.. Какъ юристъ, повѣрьте...

Но за моремъ голосовъ и звуковъ одобренія или насмѣшки ничего не разберешь...

— Это ловко! это такъ!—слышались голоса возлѣ.

— Фу, подлець! И нашимъ и вашимъ! «Я юристъ!» Подлець!— стиснувъ зубы, говорятъ тоже въ толпѣ.

Вечеромъ было напечатано и расклеено объявленіе отъ университета, то-есть отъ университетскаго начальства, чтобы въ теченіе трехдневнаго срока всѣ студенты заявили, кто изъ нихъ подчиняется новымъ правиламъ и кто не хочетъ имъ подчиняться. Первые будутъ считаться студентами, а вторые будутъ уволены изъ этого заведенія.

Новое испытаніе и вновь тѣ же результаты.

— Вы знаете, въ каждой мелочной лавочкѣ велѣно принимать заявленія: ихъ будутъ отсюда доставлять въ университетъ.

— Это что такое еще? Развѣ нельзя прямо отнести самому туда заявленіе?

— Нѣтъ. «Они» боятся скопленія, а «намъ» это даже и удобнѣе.

— Чѣмъ же это?

— А сколько можно ругательныхъ и пасквильныхъ заявленій-то къ нимъ посылать, и они всѣ должны ихъ будутъ прочитать.

— Безъ подписи, конечно?

— Конечно!

— И это удовлетвореніе?!

— Да, хотя чтонибудь.

— А потомъ, послѣ отправки десятковъ заявленій, можно за своей подписью послать заявленіе о принятіи новыхъ правилъ и о своемъ подчиненіи имъ.

— Да вѣдь если такъ разобрать, это только одна вѣдь формальность. Я въ эти матрикулы буду записывать грязное бѣлье, которое отдаю прачкѣ.

— Но все-таки вы принимаете, берете?

— Вотъ такъ, какъ я вамъ говорю... А вы?

— Нѣтъ, я не беру, я просто выхожу изъ университета.

Господинъ, говорившій мнѣ все это, и съ такимъ подловатымъ пафосомъ рассказывавшій о томъ, сколько онъ уже послалъ анонимныхъ пасквилей и сколько ихъ пошлетъ еще, неловко и глупо улыбался теперь, услышавъ такой простой исходъ: удалюсь, отойду и отъ «васъ» и отъ «нихъ».

И я припомнилъ, какъ я пошелъ за бумагой,—у меня не оказалось,—купилъ десточку, шесть листовъ полусѣрой бумаги, сѣлъ, написалъ: «Въ университетъ, ректору. Находя невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, покорнѣйше прошу считать меня уволеннымъ изъ числа студентовъ. Такой-то». Написавъ, запечаталъ и отправилъ.

А вотъ теперь, сейчасъ — результатъ всего этого въ участкѣ, откуда я пришелъ.

Университетъ для меня, значить, ужъ конченъ. Но этого мало:

для меня кончена даже и возможность здѣсь жить, продолжать хотя отчасти, обращаясь за совѣтомъ къ любимымъ и знакомымъ профессорамъ, продолжать заниматься своими дѣлами.

И кто же во всемъ этомъ виновать?

Но безпристрастный человѣкъ, когда отвѣчаетъ самъ на свой вопросъ, не боясь ничего и никого, «ниже страха іудейска», отвѣтитъ: виноваты въ этомъ обѣ стороны, но та, которая старше, опытнѣе, должна считаться и сама считать себя болѣе виноватою.

Этимъ отвѣтомъ своей собственной совѣсти я и успокоился, разъ навсегда оттолкнувъ отъ себя всякое сомнѣніе и сожалѣніе о томъ, что не пошелъ изъ «благоразумія» съ старшей и болѣе опытной стороной... А тамъ увидимъ: пусть будетъ, что будетъ.

Почему-то мнѣ припомнилась тогда при этомъ казавшаяся до тѣхъ поръ сухою и безграмотною фраза дипломатовъ: «отвѣтственность за могущее послѣдовать отъ этого печальнаго событія правительство германское возводитъ на правительство итальянское», или какое оно тамъ есть.

И я спокойно улынулся при этомъ, раздѣлся, погасилъ лампу, зажегъ свѣчу, поставилъ ее у изголовья на столикъ, легъ въ постель, взялъ какую-то книгу и началъ ее читать.

Но рѣшить, сказать себѣ, что я рѣшилъ, еще не значить, что не закрадется въ душу сожалѣніе объ этомъ рѣшеніи, не явится искушеніе перерѣшить вновь, тѣмъ болѣе, когда имѣется полная возможность еще сдѣлать это, и знаешь, что при этомъ ничѣмъ рѣшительно не рискуешь, даже, напротивъ, скорѣе въ результатѣ выиграешь. Я никогда не вѣрилъ и теперь не вѣрю, чтобы были такіе сильные люди, которые бы въ душѣ не колебались послѣ поступка обдуманнаго рѣшенія. Они только не показываютъ этого и не говорятъ объ этомъ, такъ или иначе, все равно, значить лгутъ, скрываютъ это, вводя этимъ въ обманъ другихъ, передъ которыми хотятъ показать себя не тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ...

Въ себѣ эти колебанія, въ виду неминуемой своей участи—высылки изъ Петербурга, я заглушилъ чувствомъ злымъ, зложелательствомъ болѣе виновному виновнику, разрушившему мое благополучіе такъ грубо, глупо, безцѣльно, ничего не узнавъ о человѣкѣ, о томъ, что ему надобно, зачѣмъ онъ пришелъ, чего онъ хочетъ: «Что же дожидать еще отъ нихъ? Имъ все равно...». На «нихъ» нельзя создавать себѣ опору, надѣяться на нихъ. Имъ ни до чего и ни до кого дѣла нѣтъ, кромѣ самихъ себя...

И тутъ вдругъ опять фраза: «отвѣтственность за могущее послѣдовать возлагается...» и проч. И злорадное чувство...

Я такъ и заснулъ съ этимъ чувствомъ и въ этомъ настроеніи.

Мнѣ могутъ сказать, что все это не стоитъ выѣденнаго яйца, какъ и вся тогдашняя студентская исторія. Съ этимъ я, пожалуй бы, и согласился, если бы не тѣ впечатлѣнія, какія кладутся на

душу находящихся въ положеніи, въ которомъ я былъ, и послѣдствія, которыя изъ того проистекуть.

Надъ этимъ стоитъ задуматься и всегда необходимо задуматься тѣмъ, до кого это относится и отъ кого зависеть, чтобы этихъ впечатлѣній на душу не класть... Съ этой только цѣлью я и остановился такъ подробно на всей этой исторіи и рассказалъ всѣ тѣ сомнѣнія и колебанія, которыя я самъ испыталъ, и которыя испытали, вѣроятно, очень многіе и помимо меня.

Сергѣй Терпигоревъ (Атава).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСКУПЛЕНИЕ.

... Я, Господь Богъ вашъ, Богъ мести, выскрывающій за грѣхи Отцовъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго поколѣвiя, не признающихъ Меня. (Исходъ, гл. XX, стихъ X).

СЕ ВЫПУКЛѢ и выпуклѣ, со все́ми подробностями, выступаютъ предо мною воспоминанiя о годахъ ранняго дѣтства. Странное дѣло: въ то время, когда событiя и лица ближайшаго прошлаго, такъ сказать, вчерашняго дня съ непонятною скоростью исчезаютъ изъ памяти, дѣтскiя впечатлѣнiя все болѣе и болѣе оживаютъ, вырисовываются до мельчайшихъ подробностей, и стройныя картины, цѣльные образы, событiя изъ давно прошедшаго, безъ всякаго напряженiя и спроса, сами, точно выдѣляясь изъ тумана, все рельефнѣе и рельефнѣе выступаютъ впередъ, овладѣваютъ памятью, чувствомъ, воображенiемъ и настойчиво просятъ подъ перо. Рядомъ съ воспоминанiями свѣтлыми выступаютъ и грустныя, и даже мрачныя, и сколько ни стараешься отогнать ихъ отъ себя, они, точно надолбiвыя мухи въ жаркiй лѣтнiй день, неотступно преслѣдуютъ свою жертву и заставляютъ ее вторично содрогаться, приходитъ въ ужасъ, проливать слезы...

Съ нихъ, т.-е. съ грустныхъ воспоминанiй, я и начну свой разсказъ.

I.

Мнѣ было не больше шести лѣтъ. Семья наша была очень многочисленная. Состояла она изъ восемнадцати человѣкъ: дѣда Мордохая, девяностолѣтняго старика, жены его Миры, моего отца съ матерью, еще двухъ женатыхъ сыновей дѣда, младшаго холостого сына и дѣтей, т.-е. внуковъ моего дѣда. Дѣдъ былъ старикъ крѣпкій, высокаго роста, съ длинною, сѣдою бородою и длинными, кольцеобразно вьющимися, сѣдыми пейсами. Зубы его всѣ были цѣлы, зрѣніе его удивительно сохранилось, и только кожа на лицѣ и рукахъ походила на старый, пожелтѣвшій отъ времени, пергаментъ. Онъ не любилъ много разговаривать и былъ строгъ къ окружающимъ. Его не любили, но боялись. Въ особенности мы, дѣти, трепетали передъ дѣдомъ. Только одна бабушка не боялась мужа: дѣйствовала во всемъ посвоему, часто ему противорѣчила и, отличаясь крикливостью, поднимала на весь домъ шумъ и гамъ, не обращая вниманія на присутствіе дѣда. Бабушка была гораздо моложе дѣда, лѣтъ, должно быть, на тридцать, и до конца дней своихъ сохранила слѣды красоты необыкновенной. Если, бывало, очень разбушуетъ бабушка, дѣдъ однимъ магическимъ словомъ усмирялъ ее. Слово это было—«графиня», которое дѣдъ произносилъ, хотя тихо, но весьма внушительно. Дѣйствіе этого слова на бабушку было поразительно, она не только затихала, но какъ-то беспомощно сокращалась и убѣгала изъ комнаты. Только впоследствии я узналъ, почему слово «графиня» такъ магически дѣйствовало въ устахъ дѣда на бабушку, но такъ какъ, по понятіямъ моего семейства, всѣ несчастія, обрушившіяся на насъ, имѣли связь съ событіемъ, которое послужило причиною возникновенія бабушкинаго прозвища, то расскажу объ этомъ подробно.

Бабушка Мира была не только выдающеюся красавицей, но и единственною дочерью весьма богатыхъ родителей. Отецъ ея былъ арендаторомъ всѣхъ имѣній графа П., извѣстнаго на всю Литву магната. Въ силу «хазакки» (право собственности на чужое имущество, которымъ еврей пользовался въ теченіе трехъ лѣтъ), предки моей бабушки съ незапамятныхъ временъ, за ничтожную аренду, были фактическими владѣльцами всѣхъ имѣній графа и страшно богатыми. Ихъ считали въ сотняхъ тысячахъ, что для тогдашняго времени было богатствомъ колоссальнымъ. Самъ магнатъ, нуждаясь постоянно въ деньгахъ, былъ въ неоплатномъ долгу у своихъ арендаторовъ. Благополучію послѣднихъ не предвидѣлось конца. Мой прадѣдъ, по рассказамъ, былъ человѣкъ гордый, заносчивый и, когда единственная дочь его Мира пришла въ возрастъ, никакъ не могъ выбрать ей мужа. Кромѣ накопленнаго поколѣніями наличнаго богатства, будущему мужу его дочери предстояло еще полу-

чить по наслѣдству и право «хазакѣ» на многочисленныя имѣнія графа П. При такомъ положеніи дѣль разборчивость его становится понятной. Выборъ его, наконецъ, палъ на сына знаменитѣйшаго среди Израиля раввина, мальчика, хотя болѣзненнаго и хилаго, но одареннаго выдающимися способностями и обѣщавшаго въ недалекомъ будущемъ затмить ученою славою знаменитаго отца. Отпраздновали «тноимъ» (обрученіе), и спустя мѣсяць женихъ съ родителями и многочисленными родственниками пріѣхали, чтобы сыграть свадьбу. Прадѣдъ мой жилъ въ мѣстечкѣ, прилегавшемъ къ главному имѣнію графа, и, конечно, игралъ тамъ роль царька. Для предстоящей свадьбы былъ выписанъ оркестръ изъ далекой Вильны, и съѣхались знакомые и родственники изъ-за сотни верстъ. Стекались тоже на эту богатую свадьбу цѣлыя полчища нищихъ, которыхъ кормили на славу въ теченіе цѣлой недѣли. Наканунѣ дня, назначеннаго для вѣнчанія, прадѣдъ мой, по обычаю, отправился въ замокъ просить разрѣшенія стараго графа выдать дочь свою замужъ. Разумѣется, это была только одна формальность, но формальность обязательная. Польскіе магнаты весьма дорожили прерогативами своей власти и въ своихъ владѣніяхъ не допускали совершаться событіямъ важнымъ ли, не важнымъ ли, все равно, безъ своего разрѣшенія. Замужество дочери арендатора тоже не могло состояться безъ разрѣшенія «дука» (такъ величали еврей графа). Старый графъ милостиво принялъ моего прадѣда, далъ свое согласіе и подарилъ ему сто «злотыхъ» на разживу молодымъ. Прадѣдъ униженно поклонился, поцѣловалъ графскую руку и хотѣлъ уже уйти, когда на порогѣ появился молодой «дуксель» (графчикъ) и весело остановилъ его.

— Свадьба завтра?—спросилъ онъ прадѣда.

— Завтра, ясновельможный панъ грабе,—отвѣтилъ мой прадѣдъ съ поклономъ.

— Я буду на свадьбѣ... Хочу посмотреть, выбралъ ли ты хорошаго мужа своей красавицѣ... Жди меня и не смѣй вѣнчать ее безъ меня...

Прадѣдъ поклонился и ушелъ. Хотя, съ одной стороны, присутствіе сына графа на свадьбѣ его дочери должно было считать великой милостью, ибо это поднимало его авторитетъ въ глазахъ окружающей мелкой шляхты, съ которой у него были дѣла; но, съ другой стороны, оно имѣло и непріятную сторону, стѣсняло благочестивыхъ евреевъ-гостей и мѣшало имъ предаваться въ должной мѣрѣ веселію. Какъ бы то ни было, отвратить это посѣщеніе прадѣдъ не могъ, а потому, волей-неволей, вынужденъ былъ помириться съ нимъ...

Насталъ и слѣдующій день, т.-е. день свадьбы. Все шло по установленнымъ обычаямъ. Гости заняли свои мѣста: мужчины съ женихомъ въ одномъ помѣщеніи, а женщины съ невѣстой въ

другомъ. Давно уже насталь моментъ, когда надо было приступить къ обряду вѣнчанія, но молодого графа еще не было. До самаго вечера заставилъ онъ себя ждать. Давно уже скрылось солнце, и одна за другой многочисленныя звѣзды выступили изъ мрака, когда наконецъ къ жилищу прадѣда приблизилась знакомая карета, запряженная шестеркой лошадей и окруженная вооруженной съ ногъ до головы многочисленной толпой гайдуковъ верхами. Это молодой графъ пожаловалъ на свадьбу арендаторской дочки. Къ нему вышли на встрѣчу хозяева и ихъ гости. Лишь только вошли въ комнату, прадѣдъ поспѣшилъ представить графу жениха, какъ будущаго арендатора графскихъ имѣній. Графъ брезгливо осмотрѣлъ болѣзненнаго и хилаго юношу съ головы до ногъ и къ всеобщему замѣшательству, громко засмѣявшись, произнесъ, обращаясь къ прадѣду:

— Этотъ плюгавецъ не годится ни въ мужья твоей красавицѣ-дочери, ни для насъ въ арендаторы...

Затѣмъ молодой графъ выразилъ желаніе видѣть невѣсту и, хотя законъ препятствовалъ этому желанію, ибо невѣста, по обычаю, уже сидѣла съ закрытой головой и могла обнаружить черты лица своего предъ посторонними только на слѣдующій послѣ свадьбы день, но воля графа, категорически высказанная, оказалась сильнѣе религіознаго закона, и его повели въ помѣщеніе для женщинъ. Графъ быстро подошелъ къ невѣстѣ, собственноручно снялъ съ лица ея покрывало и поцѣловалъ ее въ лобъ. Всѣ окружающіе пришли въ ужасъ отъ оскверненія невѣсты въ день свадьбы, но протестовать противъ поступка графа никто не отважился, ибо графъ олицетворялъ собою силу, а силъ евреи привыкли повиноваться съ тѣхъ поръ, какъ находятся въ «голустѣ» (изгнаніи). Но если благоговѣйный ужасъ обуялъ присутствовавшихъ отъ поступка молодого графа, то поведеніе невѣсты привело всѣхъ въ великое недоумѣніе: она не только не испугалась графа, не отстранилась отъ него, но даже весело улыбнулась ему и загадочно устремила на него свои черные глаза. Графъ вторично наклонился къ невѣстѣ, шепнулъ ей что-то на ухо и удалился... Съ факелами и музыкой повели невѣсту черезъ все мѣстечко на синагогальный дворъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, уже дожидался женихъ, чтобы «освятить» себѣ въ жены мою бабушку. Обрядъ вѣнчанія прошелъ благополучно, но, когда съ произношеніемъ послѣдняго слова брачной формулы, женихъ разбилъ стаканъ въ знакъ того, что отнынѣ власть надъ невѣстой, ставшей женой, принадлежитъ ему одному, и что онъ, подобно этому стеклу, уничтожитъ всякое противорѣчіе своей волѣ, въ этотъ именно моментъ, какъ по мановенію волшебства, мгновенно потухли всѣ факелы и свѣчи, и вмѣсто обычнаго радостнаго клика: «мазолъ товъ» (въ добрый часъ!), воцарилась великая суматоха среди празднично

настроенной толпы. Когда прошло первое замѣшательство, и огни были вторично зажжены, то къ великому ужасу моего прадѣда и его гостей оказалось, что невѣста исчезла изъ-подъ балдахина, а вмѣстѣ съ нею исчезъ графъ и вся его свита... Тутъ сомнѣніямъ не могло быть мѣста; всѣ поняли, что бабушка была похищена молодымъ графомъ, и прадѣдъ мой, не помня себя отъ горя, бросился въ замокъ. Старикъ графъ принялъ его и, выслушавъ разсказъ о похищеніи бабушки его сыномъ, пришелъ въ весьма веселое расположение духа и, милостиво улыбаясь, произнесъ:

— Не печалься, Абрамъ. Дочка твоя хотя и красавица, но надолго мой Стась ею не увлечется... Позабавится немножко и возвратитъ ее мужу, а за безпокойство ты не будешь въ накладѣ: мы вознаградимъ тебя и твоего зятя...

Тутъ мой прадѣдъ не выдержалъ и въ первый разъ въ жизни осмѣлился наговорить старику графу много обидныхъ словъ и даже пригрозилъ ему судомъ. Его выгнали вонъ и навсегда лишили графскихъ милостей. Арендные контракты были уничтожены, и на слѣдующій же день прадѣда моего выселили изъ насиженнаго цѣлыми поколѣніями гнѣзда съ формальнымъ запрещеніемъ когда либо переступать графскія владѣнія. Не обошлось тутъ и безъ захвата его многочисленныхъ запасовъ хлѣба, выкуреннаго вина, громаднаго количества воска и скота. Однимъ словомъ, не будь у прадѣда большихъ наличныхъ суммъ, которыя были хорошо припрятаны, онъ очутился бы совершеннѣйшимъ нищимъ послѣ самовластной расправы съ нимъ стараго графа.

Вдвойнѣ наказанный судьбой, прадѣдъ поселился въ городѣ. О томъ, чтобы судиться съ графомъ, онъ и не думалъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда сильные міра не подчинялись въ бывшей Польшѣ никакимъ законамъ и насмѣхались надъ судомъ, тяжба съ графомъ могла только окончательно разорить его и обогащать чиновниковъ. Прадѣдъ мой это хорошо зналъ, а потому, примирившись, скрѣпя сердце, съ своимъ разореніемъ, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы напасть на слѣдъ похищенной дочери. Но и тутъ ему не повсчастливилось. Владѣнія графа П. были весьма обширны, и въ какомъ именно имѣніи спряталъ молодой графъ красавицу Миру, нельзя было узнать... Только по прошествіи почти года бабушка моя, какъ и предсказывалъ старый графъ, была возвращена отцу...

Она явилась совершенно неожиданно. Въ холодное зимнее утро, когда дѣдушка переступилъ порогъ дома, чтобы отправиться на утреннюю молитву въ синагогу, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ полузамерзшей дочерью, которую сначала и не узналъ, до того она измѣнилась и похудѣла за время отсутствія: Она повалилась отцу въ ноги и залилась слезами. Прадѣдъ поднялъ ее, ввелъ въ домъ и долго плакалъ вмѣстѣ съ нею. Онъ ни о чемъ ее не раз-

спрашивалъ, ни въ чемъ не укорялъ, ибо не считалъ ее виновной. Онъ былъ увѣренъ, что молодой графъ похитилъ ее помимо ея воли, и смотрѣлъ на это дѣло, какъ на наказаніе Божіе, свыше ему ниспосланное. Такъ, впрочемъ, смотрѣли на происшествіе съ бабушкой и прочіе евреи.

Тѣмъ не менѣе, положеніе бабушки было не изъ завидныхъ: евреи сторонились отъ нея, ибо она была опоганена «гоемъ». Мужъ ея, съ которымъ она была обвѣнчана, успѣлъ за это время жениться на другой, ибо, по еврейскому закону, онъ имѣлъ на это право, такъ какъ жена его была публично опозорена. Но если актъ похищенія жены «гоемъ» далъ свободу мужу, то бабушка моя осталась законной женой свободнаго въ отношеніи къ ней супруга, и чтобы зависимость ея отъ успѣвшаго уже вступить въ другой бракъ мужа была уничтожена, она должна была получить разводный актъ. И такъ какъ этотъ актъ нуженъ былъ только бабушкѣ, а не бывшему ея мужу, то послѣдній за совершеніе такового сорвалъ съ прадѣда порядочный кушъ. Заручившись разводнымъ актомъ для своей дочери, прадѣдъ переѣхалъ съ ней на жительство на другой конецъ Литвы, гдѣ, какъ онъ думалъ, могли не знать объ ея позорѣ, и гдѣ при помощи богатаго приданаго онъ рассчитывалъ выдать ее замужъ. Но людская молва, что вѣтеръ въ чистомъ полѣ, разносится быстро. Къ великому горю прадѣда, и на этотъ разъ она опередила ихъ раньше, чѣмъ они прибыли на новое мѣстожительство, а потому прошли годы прежде, чѣмъ выискался человѣкъ, рѣшившійся вступить въ бракъ съ «оскверненной» женщиной, т. е. съ моей бабушкой. Когда дѣдъ мой Мордохай посватался, были рады и ему, хотя онъ пользовался тогда репутаціей далеко незавидной и былъ ужъ не молодецъ... Но развѣ моя бабушка, въ своемъ положеніи, могла быть разборчивой... Она была рада, что выискался наконецъ, хотя и такой мужъ, и опасность остаться вѣчной дѣвой миновала...

Вопреки ожиданіямъ, бракъ этотъ оказался счастливымъ. Дѣдъ посвоему любилъ свою жену, не укорялъ ея безъ нужды прошлымъ и только въ самые критическіе моменты, когда бабушка съ свойственной ей крикливостію переходила границы,—онъ сокращалъ ее словомъ: «графиня».

Да проститъ меня читатель за это пространное отступленіе о прошломъ бабушки. Оно необходимо для уразумѣнія дальнѣйшихъ событій моего разсказа.

II.

Опишу остальныхъ членовъ моей семьи. Старшій мой дядя, Шабсай, былъ бездѣтенъ. Онъ три раза былъ женатъ и каждый разъ долженъ былъ дать женѣ разводный актъ, а въ четвертый

разъ его женили на вдовѣ, у которой были дѣти отъ перваго мужа. Это былъ человѣкъ болѣзненный, мягкій и уступчивый. Всѣ пользовались его добротой и помыкали имъ, начиная отъ его четвертой жены, женщины сварливой и старше его лѣтъ на пятнадцать, и кончая нами, дѣтьми. Второй мой дядя, Липе, захватилъ въ свои руки всѣ дѣла дѣда и всѣмъ орудовалъ, хотя былъ на отчетѣ и безъ разрѣшенія ничего не смѣлъ предпринимать. Онъ постоянно былъ въ развѣздахъ и рѣдко засиживался дома надолго. Это былъ самый дѣловой изъ сыновей дѣда, но его не особенно любили за непріятный характеръ и заносчивость. Жена его, Нехама, была старше его лѣтъ на восемь. Она страдала женскими болѣзнями, что не мѣшало ей рожать постоянно дѣтей, которыя, впрочемъ, были недолговѣчны и умирали обыкновенно до года. Только два мальчика у нея удержались: одному было лѣтъ 12, а другому—лѣтъ восемь. Тетя Нехама баловала ихъ до безконечности. Отецъ мой, Михоель, былъ большой лѣнтяй. Дѣлами заниматься онъ не любилъ и вообще избѣгалъ работать. Характеромъ онъ не походилъ ни на дѣда, ни на бабушку. Онъ былъ очень болтливъ, зналъ много анекдотовъ, которые любилъ рассказывать, если находилъ слушателей, и постоянно ссорился съ матерью, отстаивая свой авторитетъ и свое главенство. Вообще, отецъ мой былъ человѣкъ непріятный, и надо было все умѣнье ладить съ домашними, которымъ владѣла мать, чтобы его поступки и выходки не доходили до дѣда. Моя красавица мать не любила отца, но, какъ женщина умная и выносливая, мирилась съ неизбѣжнымъ и изъ всѣхъ силъ старалась не обнаруживать недостатковъ отца, какъ предъ его собственнымъ семействомъ, такъ и передъ посторонними. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь: всѣ, и свои и посторонніе, знали о вздорныхъ выходкахъ моего отца и презирали его къ великому огорченію матери, которая не могла этого не знать. Я былъ ихъ младшимъ сыномъ, и, кромѣ меня, у нихъ было еще пять мальчиковъ и три дѣвочки. Но самымъ любимымъ сыномъ бабушки и, вѣроятно, и дѣдушки, былъ самый младшій, Шая. О немъ я долженъ больше распространяться, такъ какъ въ моемъ рассказѣ онъ почти главное лицо.

Ему шелъ восемнадцатый годъ, и онъ былъ еще холостъ. Отъ бабушки дядя Шая унаслѣдовалъ ея чудные глаза и замѣчательную нѣжность кожи, а отъ дѣда его высокій ростъ, но онъ былъ гораздо стройнѣе своего отца. Все семейство, въ особенности бабушка, возлагало на него большія надежды. На него смотрѣли, какъ на будущее свѣтило въ Израилѣ, и его готовили въ равнины. Дядя Шая былъ юноша даровитый и прилежный, и слава о его великихъ успѣхахъ въ талмудѣ распространялась далеко за предѣлы нашего мѣстечка. При всемъ его прилежаніи и при всей учености, онъ отличался нѣкоторымъ легкомысліемъ, чѣмъ часто вызывалъ гнѣвъ дѣда, который угощалъ его за это подзатыльниками. Такъ, дядя

Шая любилъ подолгу смотрѣть въ зеркало и любоваться своимъ собственнымъ лицомъ. Дѣдъ считалъ это большимъ грѣхомъ и, если заставлялъ его за такимъ занятіемъ, сердито отплеывался и угощалъ сына чувствительными оплеухами. Кромѣ того, дядя Шая очень любилъ насъ, дѣтей, и, забывая о своихъ толстыхъ фоліантахъ, по цѣлымъ часамъ игралъ съ нами и забавлялъ насъ. И какой онъ былъ мастеръ на всякія выдумки, чтобы забавлять насъ! Ему приходилось платиться и за это въ нашемъ суровомъ домѣ, гдѣ владычествовалъ угрюмый и вѣчно молчаливый дѣдъ Мордохай. Удивительное дѣло: на дядю Шаю не имѣла никакого вліянія угрюмая обстановка, среди которой онъ выросъ: веселый и подвижный по натурѣ, онъ обращалъ весьма мало вниманія на пинки, оплеухи и подзатыльники, которыми угощали его въ изрядномъ количествѣ и «меламды» (учителя), и дѣдъ, и старшіе братья, и даже бабушка. Въ прежнее время дѣтей у евреевъ жестоко били: это считалось необходимымъ, чтобы закалить характеръ ребенка, дабы онъ привыкъ къ выносливости. И чѣмъ ребенокъ былъ способнѣе, чѣмъ больше возлагалось на него надеждъ, тѣмъ больше обращали на него вниманіе и старались о его воспитаніи, т. е. тѣмъ больше его били и уродовали. Вотъ почему рѣдко можно встрѣтить еврейскаго раввина и ученаго талмудиста съ здоровымъ цвѣтомъ лица и физически развитаго. Мой дядя Шая составлялъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе.

— Какой это будетъ раввинъ, — бывало сокрушается бабушка. — Лицо у него румяное, какъ у москаля, — прости мнѣ Господи за святотатственное сравненіе, — прямъ онъ, какъ палка! Одѣвается франтомъ и любитъ хорошо поѣсть!.. Развѣ раввины такіе бываютъ?.. Ты бы попробовалъ, Шая, поститься по понедѣльникамъ и четвергамъ, можетъ быть, спать бы немножко съ тѣла и больше сталъ бы похожъ на ученаго... А то одинъ срамъ: придетъ «мехутонъ» (сватъ) смотрѣть тебя, и не повѣритъ, что ты такой ученый...

Дядя Шая выслушивалъ своеобразное сѣтованіе бабушки со свойственной ему милой улыбкой, однако-жъ, совѣтамъ ея не слѣдовалъ и продолжалъ ѣсть и пить за двоихъ и, дѣйствительно, какъ своей внѣшностью, такъ своими внутренними качествами весьма мало походилъ на установившійся типъ еврейскаго раввина, или ученаго.

Домъ дѣда, хотя и деревянный, былъ очень великъ, и помѣщенія для всѣхъ насъ хватало достаточно. Каждое семейство пользовалось отдѣльно только своей спальней, куда остальные члены семьи никогда не проникали безъ разрѣшенія хозяевъ. У дѣда была своя комната, кромѣ спальни, въ которую буквально никто не смѣлъ заглядывать. Тамъ стоялъ громадный кованный сундукъ, въ которомъ хранились деньги. Съ годами дѣдушка становился все скупѣе, и ему доставляло удовольствіе постоянно пересчитывать на-

кошленное богатство. Такъ какъ въ тогдашнее время бумажки были рѣдкостью, то сундукъ дѣда былъ наполненъ мѣшечками съ серебромъ, платиной и золотомъ. Не смотря на страхъ передъ дѣдомъ, мы, дѣти, подкрадывались къ завѣтнымъ дверямъ и черезъ замочную скважину высматривали, какъ дѣдъ перебиралъ свои мѣшки съ деньгами, высыпалъ ихъ на столъ, любовался ихъ блескомъ, считалъ ихъ и иногда бросалъ отдѣльныя монеты на столъ и прислушивался къ ихъ звону. Прочія комнаты обширнаго дома были къ услугамъ всѣхъ семействъ, и въ нихъ всѣ хозяйничали на одинаковыхъ правахъ. Хозяйствомъ въ домѣ всецѣло завѣдовала моя мать, такъ какъ бабушка по цѣлымъ днямъ торговала въ лавкѣ, а вторая ея невѣстка, Нехама, какъ было уже сказано, не отличалась здоровьемъ, а жена дяди Шабсаля наотрѣзъ отказалась работать на семью, благосостояніемъ которой въ будущемъ она не была заинтересована, такъ какъ не могла родить наследника своему мужу. Несмотря на богатство дѣда, въ домѣ держали только кухарку, и затѣмъ вся черная работа лежала на «шабесъ-гоѣ» (субботней христіанкѣ), старой Марилькѣ и ея молоденькой внучкѣ Зоськѣ. «Шабесъ-гоя» была лицомъ официальнымъ и, кромѣ службы у дѣда, несла службу общественную: зимою, въ субботніе дни она топила печи у евреевъ всего мѣстечка, а въ теченіе всего года зажигала свѣчи и тушила ихъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ синагогѣ. Она получала жалованье въ размѣрѣ 25 злотыхъ въ годъ отъ общины. Отъ старости она уже не могла сама справиться съ своей работой и взяла себѣ въ помощницы свою внучку Зою.

Старая Марилька справляла свою должность «шабесъ-гой» съ незапамятныхъ временъ и до того свыклась съ своими обязанностями и съ евреями всего мѣстечка, что считала себя вправѣ вмѣшиваться во всѣ дѣла, даже религіозныя, и давать свои совѣты. Она отлично говорила на еврейскомъ жаргонѣ, знала всѣ еврейскія суевѣрія, обычаи, законы, праздники и даже многія молитвы. Христіанская половина мѣстечка презирала ее и называла не иначе, какъ жидовской вѣдьмой, а католическій ксендзъ не давалъ ей св. Причастія втеченіе многихъ лѣтъ. Но старая Марилька и въ усъ себѣ не дула и продолжала служить евреямъ. Работала она всю жизнь безъ отдыха и любила выпить. Мужа у нея никогда не было, тѣмъ не менѣе у нея была дочь, которая умерла молодой и отъ этой дочери, у которой тоже не было мужа, у нея осталась внучка Зося. Послѣднюю взялъ на воспитаніе ксендзъ, у котораго она росла вмѣстѣ съ его «племянниками и племянницами», чтобы сдѣлать изъ нея христіанку, на бабушку не похожую. За это Марилька отдавала ему всѣ свои заработки. Когда же она состарилась, и справляться со всѣми своими многочисленными обязанностями стало ей не въ мочь, она взяла внучку отъ ксендза въ

помощницы себѣ. Конечно, тутъ дѣло не обошлось безъ скандала, такъ какъ благочестивый ксендзъ отказался сначала возвратить внучку Марилькѣ и грозилъ ей даже проклятіемъ и вѣчнымъ адомъ за желаніе сдѣлать Зося «шабесь-гоей» и погубить ея душу, но Марилька съ такой неслыханной дерзостью отпарировала угрозы ксендза и наговорила ему такихъ вещей насчетъ его «племянниковъ и племянницъ», что представитель церкви поспѣшилъ выдать ей внучку, лишь бы отвязаться... Съ тѣхъ поръ Зося поселилась у своей бабушки, жившей у насъ на дворѣ, и готовилась въ будущемъ занять въ мѣстечкѣ должность «шабесь-гой». Случилось это за два года до моего разсказа.

Зося была дѣвушка живая, подвижная, красавица и работящая. Работа кипѣла у нея въ рукахъ, и никто никогда не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы, не смотря на то, что Марилька съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе предавалась пьянству, тиранила свою внучку, держала ее въ черномъ тѣлѣ и всячески угнетала. Не проходило дня, чтобы бабушка не колотила ея, не таскала бы за косу по всему двору и не осыпала ея ругательствами и проклятіями. Всѣ невзгоды своей многотрудной жизни старуха вымѣщала на внучкѣ. Но это имѣло мало вліянія на вѣчно жизнерадостное настроеніе Зоси. Ея милый голосокъ, словно серебряный колокольчикъ, по выраженію моей матери, постоянно раздавался то здѣсь, то тамъ. Она знала много пѣсенъ, какъ польскихъ, такъ и еврейскихъ, и вѣчно пѣла за работой. Она даже знала «маіофесь» (религіозные еврейскіе канты) и, когда въ субботніе дни во время обѣда вся наша семья распѣвала ихъ хоромъ, и самъ угрюмый дѣдушка, какъ запѣвало, выкрикивалъ первую строку každого куплета, сочное контральто Зоси, раздававшееся на кухнѣ, покрывало нашъ семейный хоръ... Точно живая стоитъ она теперь предо мною, и я вижу ея милое личико съ большими, сѣрыми, смѣющимися глазами и вздернутымъ носикомъ. Подъ тяжестью огромной корвины съ бѣльемъ она согнулась въ три погибели и все-таки бодро бѣжитъ по двору и распѣваетъ пѣсенку. И это милое, жизнерадостное созданіе погибло такой страшной смертью!.. Но не буду забѣгать впередъ.

III.

Теперь, когда я познакомилъ читателей со всѣми обитателями огромнаго дома дѣда Мордохая, могу приступить къ изложенію мрачной драмы, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть въ такомъ юномъ возрастѣ.

Насталъ «курць-фрайтагъ» (короткая пятница). Дѣдъ Мордохай, по обыкновенію, рано утромъ отправился на рыбный базаръ, чтобы выбрать самаго большаго щупака для «невѣсты субботу». Вся жен-

ская половина дома, въ томъ числѣ и бабушка, хлопотала на кухнѣ, помогая кухаркѣ приготовить «шабасовую» пищу. Шутка ли, накормить придется такъ много людей и своихъ и чужихъ, а пятница настала самая короткая въ году! Гдѣ же тутъ справиться одной кухаркѣ? На кухнѣ происходила невообразимая возня. Всѣ женщины работали съ засученными рукавами, мѣшали другъ другу, ругались, кричали, второпяхъ ломали тарелки, горшки, обваривались кипяткомъ, изранили пальцы ножами и сѣчками, обжигались, вытаскивая горшки изъ печи... Однимъ словомъ, какъ всегда, въ «короткую пятницу», на кухнѣ стоялъ дымъ коромысломъ! Но весь шумъ и гамъ еще болѣе увеличился, когда возвратился дѣдъ въ сопровожденіи двухъ евреевъ-рыбниковъ, которые несли за нимъ по огромному щупаку болѣе чѣмъ въ полпуда каждый.

— Несутъ!.. Рыбу несутъ!.. — радостнымъ крикомъ встрѣтили дѣда женщины.

Щупаковъ положили на особо приготовленный для нихъ столъ. Женщины бросили свою работу и окружили столъ со всѣхъ сторонъ, осматривая опытными глазами рыбу.

— Вотъ такъ щупаки,—радно произнесла бабушка.—И гдѣ только ты выискалъ такихъ рѣдкостей?.. Такихъ щупаковъ одинъ только ты и можешь найти, для святой субботы, — похвалила она дѣда.—Смотрите, они еще живы!.. Какъ кидаются, даже страшно...

— Щупаки на рѣдкость!.. Настоящіе левіаѳаны!.. — поддержала бабушку тетка Нехамъ, но тутъ же съ крикомъ отскочила отъ стола, такъ такъ одинъ изъ левіаѳановъ, которому она положила руку на голову, укусилъ ее за палець.

Дѣдъ хотя и не любилъ лишнихъ разговоровъ, тѣмъ не менѣе каждую пятницу выслушивалъ себѣ похвалы отъ женщинъ за великое умѣнье доставать для святой субботы самую лучшую рыбу. Не смотря на скупость, на субботнюю рыбу онъ денегъ не жалѣлъ и, какъ человѣкъ набожный, не только самъ ее выбиралъ, но самъ ее и готовилъ, ибо субботнія трапезы самимъ Богомъ установлены на горѣ Синаѣ и участіе въ изготовленіи субботнихъ блюдъ считается богоугоднымъ дѣломъ.

Дѣдъ засучилъ рукава, вооружился громаднымъ ножомъ, оба рыбака схватили одного изъ щупаковъ за голову, и дѣдъ началъ очищать его отъ шелухи. Щупакъ—рыба живучая, сильная; даже разрѣзанный на части, онъ иногда обнаруживалъ признаки жизни въ кускахъ. Главная сила въ хвостѣ, и дѣдъ мой былъ хорошо знакомъ съ натурой этого рѣчнаго хищника, а потому приступалъ къ чисткѣ осторожно и держался постоянно насторожѣ. Тѣмъ не менѣе, избѣгать ударовъ хвоста полуживаго щупака ему рѣдко удавалось. И на этотъ разъ разбойникъ-щупакъ умудрился нѣсколько разъ ударить дѣда хвостомъ и одинъ разъ даже такъ сильно, что расквасилъ ему носъ. Но дѣдъ не обращалъ на это никакого вни-

манія и продолжалъ свое дѣло, точно священнодѣйствовалъ. Женщины, для виду, опять взялись за прерванную работу, на самомъ же дѣлѣ слѣдили съ большимъ интересомъ за поведеніемъ обоихъ щупаковъ, пока ихъ не очистили и не разрѣзали на куски, и каждый разъ, когда щупаки выкидывали какую нибудь штуку съ дѣдушкой, женщины въ одинъ голосъ выкрикивали: «это разбойникъ, а не щупакъ!». Бабушка ежеминутно напоминала имъ, что сегодня «курць-фрайтагъ» и что глазѣтъ по сторонамъ нечего, дабы, сохрани Богъ, не пришлось «мехале шабесъ» (нарушить святость субботняго дня) поздней работой, но напоминанія не дѣйствовали, и сама она не могла устоять противъ соблазна и слѣдила, какъ дѣдушка расправляется съ щупаками...

Насъ, дѣтей, заперли на ключъ въ одной изъ комнатъ на цѣлый день, чтобы мы не мѣшали приготовленіямъ къ святой субботѣ, и при этомъ насъ даже забывали кормить. Впрочемъ, вѣрнѣе, насъ не кормили съ тѣмъ, чтобы мы проголодались какъ слѣдуетъ и могли много ѣсть за ужиномъ, ибо при субботнихъ трапезахъ присутствуетъ «шхине» (Св. Духъ), который радуется каждому лишнему куску, проглоченному евреемъ въ честь субботы. Предоставленные самимъ себѣ, мы проводили время посвоему, расцарапали другъ другу носы, изрѣзали въ куски большую скатерть, уронили стѣнные часы и тому подобное... Часамъ къ тремъ дня пришелъ дядя Шая. Насколько возможно, онъ постарался скрыть слѣды нашихъ преступленій и угостилъ насъ испеченнымъ въ золѣ картофелемъ, которымъ успѣлъ раздобыться неизвѣстно какимъ образомъ, и который мы съ жадностью пожирали вмѣстѣ съ кожей. Самъ онъ то же ѣлъ этотъ картофель съ большимъ аппетитомъ, и на наши приставанія, откуда онъ досталъ его, со смѣхомъ отвѣчалъ:

— Это добрый ангелъ Гавріиль самъ испекъ ихъ на кострѣ, приготовленномъ для грѣшниковъ. Вы знаете, дѣти, что въ пятницу по полудни небесное правосудіе прекращается вплоть до появленія звѣздъ въ субботу вечеромъ, и бѣднымъ грѣшникамъ даютъ отдыхъ ради святости субботняго дня. Костры, на которыхъ поджариваютъ всю недѣлю грѣшниковъ, до того громадны, что хотя на цѣлыя сутки злымъ духамъ запрещено подкладывать свѣжее топливо, тѣмъ не менѣе огонь не потухаетъ, и вотъ ангелъ Гавріиль, любя дѣтей и зная, что по пятницамъ ихъ плохо кормятъ, пользуется свободными кострами и печетъ для нихъ картофель...

— Но какъ же онъ передаетъ этотъ картофель дѣтямъ?—спросилъ одинъ изъ моихъ братишекъ.

— А очень просто,—стараясь быть серьезнымъ, отвѣтилъ дядя.— Вѣдь у дѣтей всегда имѣются холостые дяди, такъ онъ невидимо наполняетъ карманы ихъ этимъ картофелемъ... Но объ этомъ нельзя рассказывать никому, чтобы не разсердить ангела, который терпѣть не можетъ, чтобы его хвалили за доброту... Такъ помните, дѣти, никому ни слова объ этомъ...

Разумѣется, мы обѣщали молчать и сдержали слово.

Но, кромѣ дяди Шая, который доставилъ намъ картофель, испеченный для насъ ангеломъ Гаврииломъ, къ намъ ухитрилась заглянуть на короткое время и Зося.

— Бѣдные вы мои малюточки, — произнесла она своимъ звучнымъ голосомъ. — Проголодались вы, мои ангелочки... Вотъ вамъ булочка,—я это стибрила изъ-подъ самага носа бабушки, кушайте на здоровье... Только, чуръ, не выдавать меня, а то мнѣ достанется на орѣхи.

Она быстро раздѣлила булку на части и роздала дѣтямъ.

— Какая ты у меня добрая, Зосочка,—произнесъ дядя Шая и слегка ущипнулъ ее за щечку.

— Я всегда любила дѣтей,—отвѣтила Зося.—А съ тѣхъ поръ...

Она не договорила и покраснѣла вся. Зарумянился весь и дядя Шая. Зося убѣжала.

Въ синагогѣ только что кончилась молитва. Дѣдъ, все время молившійся стоя лицомъ къ восточной стѣнѣ у самага ковчега, въ которомъ хранятся свитки «Торы» (пятикнижія Моисея), обернулся лицомъ къ народу, чтобы принять поздравленія съ наступившей субботой. Во всемъ мѣстечкѣ онъ былъ старше всѣхъ годами, богаче всѣхъ капиталами и прочимъ имуществомъ и славился, не смотря на скупость, своей благотворительностью, а потому его почитатели и воздавали ему честь на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ. Дѣдъ держалъ себя гордо. Словно изваянный, стоитъ этотъ мрачный старикъ съ желтымъ, бронзоваго отлива лицомъ, на своемъ мѣстѣ, и каждый прихожанинъ синагоги подходитъ къ нему и подобострастно произноситъ.

— «Гуть-шабесъ» (добрая суббота), ребъ Мордохай!... «Гуть-шабесъ» вамъ!...

Дѣдъ только легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчаетъ на эти привѣтствія.

Но вотъ къ нему приближается развалистой походкой толстый старикъ съ широкой бородой, маленькими хитрыми глазами и огромнымъ краснымъ носомъ. Дѣдъ пріятно изумленъ и дѣлаетъ шагъ навстрѣчу. Старикъ хитро ему подмигиваетъ, дѣдъ неторопливо произноситъ.

— «Шолемъ-алейхемъ» (миръ вамъ), рабби Касриель!...

Онъ подаетъ ему руку.

— «Алейхемъ-шолемъ» (и вамъ миръ), рабби Мордохай,—отвѣчаетъ старикъ съ краснымъ носомъ и крѣпко жметъ руку дѣду.— Со мною, — продолжаетъ онъ, — случилось маленькое несчастье: лошадка моя разбила ногу и захромала, и я еле-еле поспѣлъ въ вашъ городокъ вмѣстѣ съ звѣздами... Слава Всевышнему, не допустилъ

Онъ меня до нарушенія святости субботняго дня и удостоилъ по-
пасть въ синагогу къ началу молитвы...

— И будетъ за это Господу слава!—набожно произнесъ дѣдъ.—
Не побрезгайте, ребъ Касріель, моимъ домомъ и не откажитесь от-
праздновать у меня святую субботу...

— Вашъ гость, ребъ Мордохай, вашъ гость...—весело подмиги-
вая и хитро улыбаясь, перебилъ его ребъ Касріель. — Какъ же?...
Гдѣ же, какъ не у васъ въ домѣ можно въ честь субботы поѣсть
сытно и сладко? И гдѣ поднесутъ мнѣ такъ чудно приготовленный
кусочекъ фаршированного щупака, какъ у васъ? О, вы великій ма-
стеръ, ребъ Мордохай, и когда придетъ «Мошіахъ» (Мессія), чтобы
освободить насъ изъ «голуса» (изгнанія), никому другому, какъ
вамъ, предоставятъ приготовленіе вкуснаго «левіаэана» для народа
Божія!...

Ребъ Касріель аппетитно облинулся, а дѣдъ чуть замѣтно улыб-
нулся его комплименту и степенными шагами, какъ будто нехотя,
направился къ выходу. У дверей синагоги выстроились въ шеренгу
человѣкъ десять-двѣнадцать евреевъ и, когда дѣдъ приблизился къ
нимъ, молча отвѣсили ему глубокій поклонъ. Это были бѣдные люди,
питавшіеся подаеніемъ. Дѣдъ остановился и въ свою очередь по-
клонился имъ.

— «Гуть-шабесъ, иденъ» (добрая суббота, еврей)!—привѣтство-
валъ онъ ихъ громко.—Удостоите мой домъ своимъ посѣщеніемъ и
встрѣтимъ вмѣстѣ святую субботу, какъ братья...

Дѣдъ вышелъ изъ синагоги и своей степенной, неторопливой
походкой направился домой. Какъ передовой быкъ въ стадѣ, шель
онъ впереди всѣхъ, и никто не смѣлъ перегнать его и даже поров-
няться съ нимъ и идти рядомъ. Насъ, дѣтей, отцы крѣпко держали
за руки, чтобы не забѣжали впередъ. У самаго дома дѣдъ остано-
вился, открылъ двери и пропустилъ мимо себя всѣхъ чужихъ впе-
редъ; потомъ вошелъ самъ, а затѣмъ ужъ мы, его дѣти и внуки.
Бабушка и ея невѣстки, одѣтыя попраздничному, встрѣтили дѣда
на порогѣ съ поклонами. Дѣдъ молча поздоровался съ ними и на-
правился въ столовую, на порогѣ которой встрѣтила его Марильна
и громко привѣтствовала:

— «Гуть-шабесъ, балебосъ» (добрая суббота, хозяйнѣ)!

Дѣдъ даже не взглянулъ въ ея сторону и запѣлъ «Лехо-дейди»
(привѣтственный гимнъ субботѣ). Всѣ мужчины подхватили этотъ
гимнъ и пропѣли его вмѣстѣ съ дѣдомъ.

Огромная столовая была освѣщена множествомъ свѣ-
чей въ серебряныхъ и мѣдныхъ канделябрахъ и шандалахъ. Два
стола, одинъ большой, во всю длину комнаты, для мужчинъ, а другой
поменьше, для женщинъ, были покрыты скатертями бѣлоснѣжной
чистоты. Вокругъ столовъ стояли длинныя дубовыя скамейки. Въ се-
рединѣ стола стоялъ большой графинъ съ изюмнымъ виномъ и ря-

домъ съ нимъ огромный, ручной ковки, старинный серебряный бокаль. По окончаніи торжественнаго гимна субботѣ, дѣдъ наполнилъ бокаль, высоко поднялъ его и произнесъ «кидешъ» (благословилъ вино). Общій «аминь», произнесенный всѣми, завершилъ этотъ обрядъ. Дѣдъ хлебнулъ изъ бокала и передалъ его ребъ Касриелю, тотъ отпилъ немного и въ свою очередь передалъ бокаль своему сосѣду. Когда бокаль обошелъ всѣхъ присутствующихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бабушка ударила въ ладоши, и на порогъ столовой появилась кухарка, старая Марилька, и Зося съ громадными тазами въ рукахъ и съ чистыми полотенцами на плечахъ. Всѣ умыли руки и усѣлись вокругъ столовъ: мужчины отдѣльно и женщины отдѣльно. Только одна бабушка сѣла рядомъ съ дѣдомъ за мужскимъ столомъ. Дѣдъ благословилъ «халесъ» (субботній хлѣбъ), разрѣзалъ его на тонкіе ломти и собственноручно роздалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ: сначала чужимъ, а потомъ своимъ.

Не стану описывать, какія блюда и въ какомъ порядкѣ подавали къ ужину, скажу только, что блюдъ было много, что аппетитъ у всѣхъ былъ хорошій, и что въ честь субботы челюсти работали на славу. Тетки подавали къ столу, а пустую посуду убрали Марилька и Зося. Вплоть до момента, когда былъ поданъ на столъ классическій «цимесъ» (блюдо, состоящее изъ моркови, брюквы, сушеныхъ сливъ и разныхъ пряностей), замѣняющій евреямъ всякіе десерты, никто не проронилъ ни слова. Оно и понятно: при субботнихъ трапезахъ присутствуетъ «шехине» (Св. Духъ), и въ его присутствіи какіе же могутъ быть разговоры? Когда же благочестивые евреи достаточно насытились капитальными и сытными блюдами, и «шехине» улетѣлъ на небо, предоставляя имъ полакомиться «цимесомъ» въ своемъ отсутствіи,—дѣдъ зашѣлъ «маіофесъ», и всѣ хоромъ ему подтягивали.

— Ребъ Касриель, — обратилась бабушка къ еврею съ краснымъ носомъ, когда послѣдній звукъ пѣсни замеръ. — Ребъ Касриель, мы ждемъ отъ васъ новостей... Вы развѣзжаете по всему свѣту, вамъ все извѣстно, а мы въ нашемъ глухомъ городкѣ ничего не знаемъ... Позабавьте насъ своими разсказами...

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ ребъ Касриель. — Только, «бадебостинка» (хозяюшка), надо сначала покончить съ вашимъ прелестнымъ «цимесомъ». Онъ такъ хорошо пахнетъ, грѣхъ будетъ, если онъ остынетъ...

Бабушка улынулась и положила ему на тарелку дымящійся «цимесъ».

Ребъ Касриель, какъ всякій другой человѣкъ его двойной профессіи, — онъ былъ «магидомъ» (проповѣдникомъ) и «шатханомъ» (сватомъ),—любилъ хорошо поѣсть и не стѣснялся своимъ обжорствомъ, и если, какъ проповѣдникъ, онъ бичевалъ другихъ за чревоугодіе и проповѣдывалъ воздержаніе и умерщвленіе плоти, то

какъ «шатханъ», вынужденный постоянно кочевать изъ города въ городъ, чтобы разнюхивать о женихахъ и невѣстахъ и соединять евреевъ въ пары, — онъ долженъ былъ думать о своемъ брennomъ тѣлѣ, на постоянное странствованіе осужденномъ, чтобы поддерживать его въ здоровомъ видѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ ребъ Касриель объяснялъ свою склонность къ обжорству.

— Вамъ, вѣроятно, еще ничего неизвѣстно, — началъ ребъ Касриель, дождавъ свой «циместъ» и облизываясь съ видимымъ удовольствіемъ, — о новомъ великомъ чудѣ, которое совершилъ знаменитый «цадикъ» (праведникъ, чудодѣй), ребъ Сендеръ Кайдановскій!.. О, это такое чудо, передъ которымъ все, прежде имъ и ему подобными славными чудодѣями совершенное, блекнетъ! Если я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло, поневолѣ увѣруете въ него, и изъ глупыхъ, не признающихъ кабалу и Загара, «миснаидовъ» превратитесь въ фанатическихъ приверженцовъ рабби Сендера Кайдановскаго и сдѣлаетесь самыми отчаянными «хасидимъ»...

Ребъ Касриель обвелъ всѣхъ присутствующихъ своими маленькими, крысыными глазками и, хитро улыбаясь, остановилъ свой взглядъ на бабушкѣ и продолжалъ:

— Что вы скажете, благочестивая «балебоступка» (хозяйюшка), если мой рассказъ такъ подѣйствуетъ на ребъ Мордохая, что онъ сдѣлается «хасидомъ?»...

— Я скажу тогда, — отвѣтила бабушка со смѣхомъ, — что настоящий «цадикъ», настоящий чудотворъ не онъ, рабби Сендеръ Кайдановскій, а вы — ребъ Касриель «шатханъ» и «магидъ»...

Всѣ присутствующіе улыбнулись удачному отвѣту бабушки. Дѣло въ томъ, что между двумя существующими у евреевъ толками: «хасидимъ» и «мигнагдимъ», идетъ постоянно глухая борьба, и оба толка издѣваются и насмѣхаются другъ надъ другомъ. «Мигнагдимъ» въ особенности ненавидятъ «цадиковъ», какъ главныхъ коноводовъ «хасидизма». Послѣдніе всегда подвергаются ихъ насмѣшкамъ и даже злобѣ.

— Ого!.. приподнялся съ мѣста ребъ Касриель и со смѣхомъ поклонился бабушкѣ. — Это будетъ для меня большая честь... Постараюсь во что бы то ни стало заслужить ее... Такъ рассказывать, что ли?..

— Разумѣется, — подхватили со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вотъ, слушайте! Если вы думаете, что тутъ дѣло идетъ объ обыкновенномъ чудѣ, напримѣръ, какъ ребъ Сендеръ Кайдановскій заставляетъ въ новолуніе, послѣ полуночи, общественнаго быка летать, подобно птицѣ, по крышамъ, и класть въ трубу его дома яйца цѣлыми сотнями прямо сваренными въ крутую для закуски его приверженцамъ; или же, какъ онъ каждую ночь воюетъ съ «шейдимъ» (злыми духами, чертями) и раздастъ имъ пощечины направо и налево; или же, какъ безплодныя женщины, благодаря

его молитвамъ, а главное отъ близкаго соприкасательства какъ къ самому «цадику», такъ и къ его адъютантамъ становятся плодливыми и производятъ на свѣтъ новыхъ «хасидовъ»... Если вы думаете, что новое чудо, сотворенное рабби Сендеромъ Кайдановскимъ, похоже на только что мною рассказанныя и давно ставшія обычными и общеизвѣстными, — то ошибаетесь... Новое чудо выходитъ изъ ряда обычныхъ! Оно до того удивительно и невѣроятно, что, когда я вамъ расскажу о немъ, вы сочтете меня выдумщикомъ и лжецомъ и скажете, что я самъ сочинилъ его. А между тѣмъ, ребъ Сендеръ Кайдановскій совершилъ это чудо въ присутствіи свидѣтелей, которые подтвердили свои показанія клятвой передъ Торой... И да будетъ проклятъ всякій, въ томъ числѣ и я самъ, если это чудо дѣйствительно не было совершено реби Сендеромъ Кайдановскимъ, да живетъ память о немъ вѣчно!..

Ораторъ остановился и сдѣлалъ выразительный жестъ. Всѣ, заставъ дыханіе, придвинулись къ нему поближе, предвкушая заранѣе, что послѣ такого пространнаго вступленія ребъ Касриель выкинетъ очень злую шутку насчетъ ненавистнаго имъ всѣмъ Сендера Кайдановскаго.

— Ахъ, ребъ Касриель, — произнесла бабушка. — Зачѣмъ же вы насъ такъ долго томите? Выкладывайте ваше чудо...

— Чудо это не мое, благочестивая «балебостушка», — отвѣтилъ ребъ Касриель, — а реби Сендера Кайдановскаго. Что же касается моей медлительности, то долженъ же я васъ благоговѣнно настроить, дабы вы выслушали мой рассказъ о немъ съ подобающимъ трепетомъ и благочестіемъ... Но такъ и быть, не хочу васъ больше томить и приступаю прямо къ рассказу. Случилось это среди бѣла дня. Реби Сендеръ Кайдановскій только что весьма плотно позавтракалъ, «шираимъ» (остатки) своей обильной трапезы онъ собственноручно роздалъ своимъ многочисленнымъ приверженцамъ, которые, по обыкновенію, съ благоговѣніемъ присутствовали при завтракѣ благочестиваго «цадика»... И вдругъ въ присутствіи всѣхъ ихъ совершилось великое чудо!... Громадный, красный, наполненный до самаго горлышка графинъ съ наливкой въ одну минуту опорожнился и сталъ блѣденъ, что вотъ какъ эта скатерть, а благочестивый «цадикъ», реби Сендеръ Кайдановскій, отличающійся своею блѣдностью, вдругъ покраснѣлъ весь, и животь у него раздулся до невѣроятныхъ размѣровъ!.. Ну, развѣ простой смертный способенъ совершить такое великое чудо, чтобы красный графинъ въ одну минуту поблѣднѣлъ, а блѣдный человѣкъ тутъ же покраснѣлъ?..

Громкій смѣхъ былъ наградой рассказчику за его удачную насмѣшку надъ ненавистнымъ «цадикомъ».

— Ахъ, ребъ Касриель, — произнесла бабушка, насилу справляясь съ все еще одолбавшимъ ее хохотомъ. — Что и говорить,

чудо это действительно велико, но я думаю, что и вы способны сдѣлать нѣчто подобное... Не правда ли?..

— Но для этого нужна наливочка, а я ее на вашемъ столѣ не вижу, хотя и знаю, что въ вашемъ погребѣ она обрѣтается въ достаточномъ количествѣ.

Всѣ опять засмѣялись, и бабушка приказала подать наливку.

— Наливка ваша такова, что мертвецы не отказались бы пожаловать съ того свѣта попробовать ее,—произнесъ ребъ Касриель, придвигая къ бабушкѣ пустую рюмку и аппетитно почмокивая губами.

— Но чтобы я могъ вамъ высказать свое окончательное сужденіе о ней, необходимо мнѣ ближе съ ней познакомиться, а потому налейте мнѣ еще рюмочку... А въ награду за ваше угощеніе, сообщу вамъ интересную вещь...

— И опять про какое нибудь чудо реби Сендера Кайдановскаго,—усмѣхнулась бабушка, наливая вторую рюмку.

— Нѣтъ. Я хочу вамъ сообщить вещь серьезную... Дѣло, можно сказать, громадной важности. Ребъ Мордохай, — обратился онъ къ дѣду,—приклоните ваши уши и выслушайте меня... Имѣю порученіе переговорить съ вами объ очень выгодной сдѣлкѣ...

— Какіе же могутъ быть при субботней трапезѣ разговоры о сдѣлкахъ?...—сурово перебилъ его дѣдъ.

— О, ребъ Мордохай, за кого же вы меня принимаете?...—обидчиво произнесъ ребъ Касриель. — Развѣ меня учить надо о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить при субботней трапезѣ?... Слава Богу, я не «амъ горецъ» (невѣжда) и знаю, какъ «намазываютъ масло на крендель» (это значитъ, изучилъ достаточно талмудъ и раввинскую письменность), и если желаю съ вами говорить о сдѣлкѣ теперь, значитъ она такова, что о ней можно говорить во всякое время, даже въ «іомъ-кипуръ» (день отпущенія грѣховъ)... И не только можно, но и должно!... Ибо развѣ не сказано въ св. Писаніи: «плодитесь, умножайтесь и наполняйте землю?...». Или вы скажете, я выпилъ лишнее и выдумалъ этотъ священный текстъ изъ моей головы?... Скажите, ребъ Мордохай, можете вы это сказать?..

Ребъ Касриель съ укоромъ посмотрѣлъ на дѣда.

— Нѣтъ я этого не скажу: такъ именно гласитъ священный текстъ, и въ этомъ вы правы...

— Не только въ этомъ, но всегда и во всемъ я правъ!... — съ достоинствомъ сверкнулъ онъ на дѣда своими маленькими глазами.—Но не въ этомъ дѣло, вы только слушайте меня со вниманіемъ...

Ребъ Касриель залпомъ выпилъ вторую рюмку вишневки, крикнулъ и продолжалъ.

— И такъ. Въ св. Писаніи это сказано, и мы обязаны это

исполнять, а потому, если у васъ имѣется молодой козленокъ,— онъ указалъ рукою на дядю Шая, — то вы, какъ отецъ, обязаны подумать о томъ, что ему нужна козочка... Вашему бахуру (парню) пошелъ уже восемнадцатый годъ, и я думаю, жениться ему давно пора... Да, пора уже вашему Шаю исполнить завѣтъ Бога о «пиріе и ривіе» (увеличеніе и умноженіе числа евреевъ)!... Вы какъ объ этомъ думаете, ребъ Мордохай?...

— И въ этомъ вы совершенно правы,—одобрительно отвѣтилъ дѣдъ.—И я совершенно согласенъ съ вами, что пора женить моего «бахура»...

— Вы разсуждаете, какъ праведный еврей, и я съ удовольствіемъ внимаю вашимъ мудрымъ словамъ,—совершенно забывъ прежнюю обиду и подобострастно заглядывая дѣду въ глаза, опять заговорилъ ребъ Касріель.—Да,—продолжалъ онъ съ афектаціей,—законы наши святы, и ихъ выполнять мы должны и обязаны!... На то мы евреи!... Но вѣдомо ли вамъ, какую козочку я выискалъ для вашего козленка?... Когда я вамъ ее назову, вы придете въ великій восторгъ и поймете, какъ я высоко чту вашъ родъ и какъ ему преданъ!... Но зачѣмъ тратить понапрасну слова и томить васъ... Скажу вамъ прямо... Реби Наѣтолій-Гиршъ, великій раввинъ города Пинска, краса и гордость Израіля, соглашается выдать за вашего сына свою «мизинку» (последнюю дочь)... Ну, что вы скажете на такое предложеніе?... Снилось ли вамъ когда нибудь подобное счастье?...

— Что и говорить, породниться съ реби Наѣтолій-Гиршемъ для меня большая честь, но каковы его условія?—перебилъ его дѣдъ.

— Условія самыя подходящія: вы подарите реби новое шелковое «зупеце» (пальто) и бобровую шапку-треушницу, а «ребецень» (раввиншѣ) драповый бурнусъ; молодымъ вы дадите приданое тысячь пять золотыхъ и до полученія Шайей «смихесь» (званіе раввина) вы возьмете на себя ихъ содержаніе... Вотъ вамъ и всѣ условія сдѣлки... Думаю, не очень они для васъ обременительны?...

— Объ этомъ надо хорошо поразмыслить,—сказалъ дѣдъ.—Вы узнаете рѣшеніе мое по исходѣ субботы...

— Ахъ, ребъ Мордохай, ребъ Мордохай!... — укоризненно покачалъ головой ребъ Касріель. — Неужели тутъ еще думать надо? Самъ Богъ посылаетъ вамъ такую счастливую партію для вашего сына, а вы хотите еще подумать?... Слушайтесь моего совѣта, не думайте, а прямо скажите—да! А то я вамъ прямо скажу, не сплѣй я во время въ Пинскъ, дочь реби Наѣтолій-Гирша была бы ужъ просватана... Вы сами понимаете, такой рѣдкостный товаръ долго залежаться не можетъ, и среди Израіля найдется достаточно «балонимъ» (охотниковъ) завладѣть имъ...

Наступила довольно продолжительная пауза. Въ сущности партія, предложенная реби Касріелемъ, была такова, что дѣдъ вну-

тренно гордился ею, но высказывать немедленно свой восторг считал ниже своего достоинства. Надо же было ему хоть немножко поломаться. Этого требовалъ и обычай, что хорошо сознавали всѣ, въ томъ числѣ и ребѣ Касриель. Но бабушка въ избыткѣ радости не сумѣла такъ владѣть собой, какъ дядя, а потому прервала совершенно неожиданно наступившее молчаніе.

— Ребѣ Касриель тысячу разъ правъ: когда Богъ посылаетъ намъ такую невѣсту для сына, то мы съ закрытыми глазами должны на все согласиться...

Дѣдъ съ укоромъ посмотрѣлъ на бабушку и рѣшительно произнесъ:

— Да будетъ на то воля Божія!... Я согласенъ!...

— Я зналъ, что вы согласитесь,—обрадовался ребѣ Касриель.— Еще бы, такая честь породниться съ такимъ славнымъ реби не всякому выпадаетъ на долю... Но тутъ есть еще одна закорючка..

— Закорючка?... — недовольнымъ голосомъ произнесъ дѣдъ. — Какая? И зачѣмъ вы раньше не выложили ее?...

— О, закорючка самая пустынная... Реби Наеотлій-Гиршъ требуетъ, чтобы раньше, чѣмъ мы отпразднуемъ «тѣноимъ» (обрученіе), а потомъ и «хасуне» (свадьбу), ему дали возможность проэкзаменовать жениха, дабы онъ могъ лично убѣдиться въ его познаніяхъ... Согласитесь, требованіе это вполне законно, и обижаться тутъ нечего, если святой реби хочетъ самъ провѣрить, насколько оправдываетъ вашъ сынъ свою славу выдающагося талмудиста... И такъ какъ мы въ знаніяхъ и способностяхъ нашего жениха вполне увѣрены, то можемъ быть спокойны за результаты экзамена...

— Реби Наеотлій-Гиршъ, будь на вѣки благословенно имя его, правъ, не довѣряя слухамъ, и я ничего не имѣю противъ того, чтобы онъ проэкзаменовалъ будущаго мужа своей дочери,—сказалъ дѣдъ.

— Въ такомъ случаѣ, все въ порядкѣ и завтра вечеромъ, послѣ «гавдолы» (молитва, отдѣляющая субботній день отъ будней), я отправлюсь въ путь вмѣстѣ съ женихомъ на экзаменъ къ святому реби...

— Да будетъ такъ!—произнесъ дѣдъ.

Но не успѣлъ дѣдъ произнести послѣднія слова, какъ громкій стукъ разбитой посуды раздался въ столовой. Это Зося, убиравшая со стола и все время присутствовавшая при разговорѣ, уронила цѣлую грудку тарелокъ. Старая Марилька набросилась на внучку, схватила ее за косу и, неистово ругаясь, начала беспощадно бить.

— Ахъ, ты, «байструкъ» (незаконнорожденная)!... Ахъ, ты «хцуфе» (мерзавка)!

Ударъ за ударомъ сыпались на бѣдную Зосю, которая, словно окаменѣлая, долго не издавала никакого звука и ничего не предпринимала, чтобы защищаться отъ ударовъ разсвирѣпѣвшей старухи. Когда же Марилька, схвативъ со стола тяжелый разливатель-

ный ковшъ, ударила имъ по головѣ своей жертвы, послѣдняя упала на полъ съ душу раздражающимъ воплемъ:

— Ахъ, больно!... Ахъ, умираю!...

Въ этотъ моментъ дядя Шая вскочилъ изъ-за стола, сильнымъ ударомъ въ грудь отбросилъ Марильку, поднявъ съ пола окровавленную Зосю, поцѣловалъ ее и нѣжно произнесъ:

— Ахъ, ты моя бѣдная птичка... Несчастливая ты моя голубка...

Неожиданная выходка дяди Шая подѣйствовала на всѣхъ ошеломляющимъ образомъ. Шутка ли? Онъ не только заступился за презрѣнную «гою», но осквернилъ свои благочестивыя уста при публикѣ, поцѣловавъ ее. Это было уже слишкомъ!... Всѣ растерялись, даже ребъ Касриель, выдавшій на своемъ вѣку виды! Дѣдъ Мордохай вздрогнулъ весь, брови его насупились, и, чуть-чуть приподнимаясь съ мѣста, онъ изо всей силы ударилъ по столу и гнѣвно крикнулъ:

— Шая! на мѣсто!... Брось эту поганую «невейку» (падалъ)!...

Дядя Шая въ свою очередь вздрогнулъ. Со слезами на глазахъ, весь блѣдный, онъ поспѣшилъ оставить Зосю и съ опущенной головой, чувствуя свою вину, занялъ свое мѣсто.

— Вонъ изъ дома!... Чтобы я больше не видалъ этого «шереца» (нечисть)!—крикнулъ дѣдъ, обращаясь къ Марилькѣ.

Дѣдъ, тяжело дыша, опустилъ сѣдую голову на руки, упирая послѣднiя о столъ. Всѣ поняли, что только святость субботы спасаетъ дядю Шаю отъ немедленной расправы за его неслыханный проступокъ, и что дѣдъ расправится съ нимъ жестоко, какъ только наступятъ будни.

Ребъ Касриель, какъ человѣкъ умный, хотѣлъ вывести всѣхъ изъ неловкаго положенiя и превратить все случившееся въ шутку, тѣмъ болѣе, что это могло имѣть нежелательныя послѣдствiя для его матеріальныхъ интересовъ: онъ прiѣхалъ издалека только для того, чтобы просватать дядю Шаю и получить за это положенный обычаемъ процентъ съ наличнаго приданаго, и вдругъ женихъ такъ опозорилъ себя публично, что, пожалуй, его надежды на заработокъ рушатся. Но не таковъ былъ ребъ Касриель, чтобы легко мириться съ явнымъ убыткомъ. Какъ ни негодовалъ онъ на дядю Шаю, какъ ни возмутился его поступкомъ, но рѣшился спасти его и вмѣстѣ съ этимъ спасти ожидаемый заработокъ...

— Что разбили заблаговременно тарелки,—произнесъ онъ искусственно беззаботнымъ голосомъ,—это знакъ весьма хорошiй... Это значитъ, что скоро будемъ разбивать горшки на «тноимъ» (обрученіе)... А что женихъ нашъ поспѣшилъ унять жестокосердечную Марильку, доказываетъ, какъ дважды два четыре, что сердце у него доброе, и что дочь святаго реби Наэтолий-Гирша будетъ съ нимъ счастлива... Радуюсь за нее: у нея будетъ добрый мужъ...

Но дѣдъ не хотѣлъ обратить въ шутку случившееся и перебилъ, ребъ Касриеля строгимъ голосомъ:

— Если вы такъ хорошо можете все объяснить, то растолкуйте мнѣ, что доказываетъ поцѣлуй, который мой сынъ осмѣлился при всѣхъ насъ дать «гоѣ»?..

Тутъ уже ребъ Касріель понялъ, что дѣдъ не намѣренъ скрыть проступокъ сына, и что на дядю Шаю будетъ наложена тяжелая публичная эпитимія по заслугамъ его, за совершенный имъ грѣхъ. Такимъ образомъ всѣ надежды ребъ Касріеля на хорошій заработокъ лопнули въ конецъ, ибо опозоренный юноша не можетъ быть женихомъ дочери святаго реби Наотолій-Гирша. Ребъ Касріель съ ненавистью посмотрѣлъ на дядю Шаю, тяжело вздохнулъ и тоже опустилъ голову.

Не долго сидѣли за столомъ. Заключительная молитва была прочитана безъ обычнй торжественности и, какъ только былъ произнесенъ послѣдній «аминь», дѣдъ, ни съ кѣмъ не простившись, молча удалился къ себѣ въ спальню. Скоро разошлись и всѣ гости, исключая ребъ Касріеля, который, какъ пріѣзжій, остался ночевать у насъ.

VI.

Ребъ Касріелю отвели мѣсто для ночлега въ комнатѣ дяди Шая. Такое сосѣдство хотя и было ему непріятно, но внутренно онъ остался имъ доволенъ, ибо это давало ему возможность выслѣдить дядю Шаю, котораго онъ возненавидѣлъ и считалъ личнымъ врагомъ, такъ какъ своимъ богомерзкимъ поступкомъ онъ лишилъ его вѣрнаго заработка. Какъ человѣкъ не глупый и бывалый, онъ понималъ, что публичное заступничество дяди Шая за Зосю было вызвано не его добротою вообще, а чѣмъ-то болѣе важнымъ. Онъ прямо заподозрѣлъ дядю въ любви къ проклятой «гоѣ» и во что бы то ни стало рѣшилъ добиться правды и выдать его головой дѣду и кагалу. Вотъ почему отъ него не укрылось, что дядя Шая легъ спать не раздѣваясь. Какъ ни былъ утомленъ ребъ Касріель отъ длиннаго въ этотъ день переѣзда, и какъ ни клонило его ко сну послѣ сытнаго ужина и выпитой наливки, но онъ рѣшился крѣпиться и не спать. Пока единственная сальная свѣчка мерцала въ комнатѣ, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, притворяясь спящимъ и прислушиваясь къ шуму, который производилъ дядя, ворочаясь съ боку на бокъ. Трудно было ребъ Касріелю бороться съ одолевшимъ его сномъ: чтобы побѣдить его, онъ до крови кусалъ себѣ губы и отъ времени до времени угощалъ самого себя щипками, вызывавшими острую боль. Онъ внутренно проклиналъ шабасовую свѣчку, которая продолжала мерцать и тускло освѣщать комнату. Что дядя Шая не спитъ,—это онъ чувствовалъ, и что пока свѣчка продолжаетъ горѣть, дядя Шая не покинетъ своего ложа,—это онъ понималъ. Но вотъ, наконецъ, свѣчка погасла. Ребъ Касріель вздрог-

нуль съ облегченіемъ: съ открытыми глазами ему было легче бороться со сномъ, да и дядя Шая теперь недолго заставитъ его понапрасну бодрствовать. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, послѣ наступленія темноты, ребъ Касриель къ великой своей радости замѣтилъ, какъ дядя поднялся съ своего ложа и тихими, чуть слышными шагами вышелъ изъ комнаты.

Ночь была свѣтлая, и ребъ Касриель безъ труда сослѣдилъ, что дядя направился прямо въ сторожку, гдѣ жила Марилька съ своей внучкой. Зося была одна, потому что Марилька, получивъ ради праздника, за свои услуги, два золотыхъ, куда-то исчезла на всю ночь. Подкравшись, какъ кошка, къ сторожкѣ, ребъ Касриель приникъ своимъ чуткимъ ухомъ къ досчатой двери, и то, что ему пришлось услышать, превзошло его ожиданія. Обливаясь слезами, Зося умоляла своего любовника избавить ее отъ постоянныхъ истязаній и спасти ихъ будущаго ребенка, котораго она носила подъ своимъ сердцемъ... Дядя Шая также плакалъ, старался нѣжными ласками успокоить бѣдную дѣвушку и клялся при первомъ же удобномъ случаѣ навсегда оставить вмѣстѣ съ нею нашъ старый домъ, сдѣлавшійся ему ненавистнымъ. Узнавъ тайну влюбленныхъ, ребъ Касриель бросился въ домъ, поднялъ всѣхъ на ноги, вмѣстѣ съ дядей Липой и моимъ отцомъ ворвался въ сторожку, при помощи ихъ крѣпко скрутилъ веревками несчастную Зосю и дядю Шаю и потащилъ ихъ на расправу къ дѣду...

Въ столовой, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ вся семья радостно встрѣчала святую субботу, и гдѣ праздничная трапеза завершилась неожиданнымъ скандаломъ, было теперь далеко не весело. Многочисленные свѣчи въ канделябрахъ и шандалахъ давно догорѣли. Только передъ маленькимъ ковчегомъ, въ которомъ хранился свитокъ Торы, мерцала толстая восковая свѣча съ сильно нагорѣвшимъ фитилемъ. Она была вставлена въ широкій мѣдный тазъ, наполненный пескомъ. Царившій въ столовой полумракъ придавалъ лицамъ всѣхъ собравшихся, не смотря на возбужденное ихъ состояніе, мертвенно-блѣдный оттѣнокъ. Дѣдъ Мордохай въ распахнутомъ халатѣ, съ обнаженной грудью, покрытой густыми волосами и съ растрепанными сѣдыми пейсами и бородой, былъ положительно страшенъ. Глаза его искрились въ полумракѣ, губы его были крѣпко сжаты, и онъ казался ангеломъ-мстителемъ, явившимся, чтобы приводить въ исполненіе чудовищныя кары, которыя грозный Богъ-Цавоотъ установилъ для народа своего на случай отступничества Израиля... Бабушка Мира въ ночной кофтѣ, словно тѣнь, прислонившись къ стѣнѣ, тихо плакала. Дяди и тетки стояли съ опущенными головами, словно приговоренные къ смерти. На полу, у самаго порога валялась, связанная по рукамъ и ногамъ, Зося и издавала тихіе стоны. Рядомъ съ ней стоялъ со связанными руками и окро-

завленнымъ лицомъ дядя Шая. Онъ дикимъ взглядомъ озирался во всѣ стороны со страхомъ, точно пойманный и загнанный въ клѣтку звѣрь. А среди всѣхъ этихъ, удрученныхъ горемъ людей, ребъ Касриель, размахивая руками, нервно прискакивая на своемъ мѣстѣ, торжествующе и громко докладывалъ дѣду о случившемся.

— Вы думаете, легко намъ было справиться съ ними, проклятыми?!.. закончилъ онъ свой докладъ, и голосъ его зазвучалъ злобнѣе прежняго, и онъ съ ненавистью смѣрилъ дядю Шаю съ ногъ до головы.

— Когда мы хотѣли связать «шереца» (нечисть), Шайка, словно одержимый бѣсомъ, набросился на меня съ крикомъ: «разбойникъ!.. извергъ»!.. и хотѣлъ меня убить!.. Насилу мы связали ему руки!.. Теперь вотъ они, преступники, предъ вами, реби Мордохай!..

Наступила грозная тишина, прерываемая только тихими стопами Зоси.

— Я забылъ еще сказать вамъ,—опять взвизгнулъ ребъ Касриель, съ остервенѣніемъ толкнувъ Зосю ногой,—что эта поганая «невейка» (падалъ) беременна!..

— Беременна?!..—прохрипѣлъ съ отчаяніемъ дѣдъ и схватился обѣими руками за голову.—Эта нечистая тварь, эта «арейлеесъ» (отверженная), беременна, и въ утробѣ ея зародился плодъ отъ моего сѣмени!.. О Господи!.. Богъ Авраама, Исаака и Якова!.. Велики должны быть мои грѣхи!.. Неисчислимы должны быть мои беззаконія, если въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ ты такъ жестоко покаралъ меня, нечестиваго!.. Моя плоть и кровь осквернена!.. Мой собственный сынъ, которому я самъ далъ жизнь, зародилъ нечестивый, грѣховный плодъ!

Дѣдъ упалъ на полъ, растянулся во всю длину, изъ всей силы, но медленно сталъ колотить правой рукой въ старую грудь свою и хриплымъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, продолжалъ:

— «Хотоси (грѣшилъ)... «Овиси» (преступенъ)!.. «Пошати» (переполненъ беззаконіями)!.. А все-таки, какъ ни велики прегрѣшенія мои,—кара, ниспосланная мнѣ Тобою, еще больше!.. Для того развѣ Ты далъ мнѣ такую долгую жизнь, былъ ко мнѣ милостивъ, благословлялъ всѣ мои начинанія, чтобы отравить конецъ дней моихъ, чтобы сдѣлать посмѣшищемъ среди народа моего, чтобы покрыть меня стыдомъ и позоромъ?!.. Неужели Ты продолжишь мои мученія и сдѣлаешь свидѣтелемъ, какъ изъ сѣмени моего народится «гой»?!

Тутъ все тѣло дѣда конвульсивно затрепетало. Затѣмъ, какъ бы собравшись съ силами, онъ вдругъ поднялся съ пола, вытянулся во весь свой длинный ростъ и, указывая грознымъ жестомъ на дядю Шаю, крикнуть:

— Уберите отсюда этого выродка среди Израиля!.. Скройте его съ моихъ глазъ!.. Не могу видѣть его, не могу смотрѣть на него!.. Мы отдадимъ его на судъ кагала, раввиновъ и святого «бетъ-дина»!..

Пусть они расправятся съ нимъ, какъ повелѣваютъ наши святыя законы!.. Уберите же его и закройте подъ замокъ, чтобы не убѣжалъ!..

Дяди и тетки съ ребѣ Касриелемъ во главѣ набросились на дядю Шаю. Подталкивая его со всѣхъ сторонъ, они увлекли его за собой.

— Шая!.. Шая!.. Шаинька!.. раздался душу раздирающій крикъ лежавшей на полу Зоси.— Не оставляй меня!.. защити меня!..

Но дверь захлопнулась за дядей, и крики несчастной Зоси остались безъ отвѣта...

Въ той же самой комнатѣ, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ дядя Шая кормилъ насъ, дѣтей, картофелемъ, и гдѣ такъ весело игралъ съ нами и рассказывалъ намъ о добромъ ангелѣ Гавриилѣ и о кострахъ, на которыхъ поджариваютъ грѣшниковъ на томъ свѣтѣ,—въ той же самой комнатѣ онъ оказался теперь связаннымъ по рукамъ и запертымъ. Дядя Шая былъ весь избитъ. Его не щадили ни въ то время, когда застали съ Зосей въ сторожкѣ, ни тогда, когда насильно вытащили, по приказанію дѣда, изъ столовой. И тамъ, и тутъ онъ оказывалъ своимъ мучителямъ сопротивленіе, и это не прошло ему даромъ. Ни одного живого мѣста не оказалось на его тѣлѣ, и все платье на немъ было разодрано. Но не о физической боли думалъ дядя Шая, очутившись одинъ въ темной комнатѣ. Въ ухахъ его раздавался жалобный голосъ его Зоси, звавшей его на помощь и умолявшей о защитѣ!.. Только о ней думалъ дядя Шая и внутренно содрогался... Онъ зналъ, что ожидаетъ ее: беспощадность евреевъ при подобныхъ случаяхъ была ему хорошо извѣстна. Не даромъ же онъ изучалъ Талмудъ и всю раввинскую письменность: всѣ законы о кровесмѣшеніи Израиля съ иновѣрцами вынырнули передъ нимъ изъ толстыхъ фоліантовъ, словно живыя существа, и въ стройномъ порядкѣ, точно войско на смотру, возникли въ его памяти. Какъ онъ, такъ и она подлежатъ изъятію изъ міра живыхъ чрезъ «скиле» (забрасываніе камнями)!... Кара эта совершенно ясно опредѣлена законами за преступленіе, совершенное имъ и ею!.. Конечно, не она, не эта кара, постигнетъ его и ее, ибо евреи находятся въ «голусѣ» (изгнаніи) и не могутъ публично совершить смертную казнь чрезъ «скиле» надъ преступниками, но развѣ они остановятся предъ тайнымъ убійствомъ, когда дѣло идетъ о народженіи «гоя» изъ сѣмени Израиля?

Когда передъ дядей предстали законы съ такой неумолимой ясностью, онъ весь задрожалъ и невольно воскликнулъ:

— Неужели эти законы отъ Бога?!.. Развѣ не всѣ люди Его творенія? Развѣ не Онъ одинаково всѣхъ создалъ по образу и подобию Своему?!.. Нѣтъ!.. Творецъ неба и земли, въ могуществомъ Своемъ, не могъ установить такіе беспощадные законы!.. Ихъ выдумали люди!.. Ихъ выдумали сами евреи!.. Не даромъ же Самъ Господь обозвалъ народъ Свой крѣпковѣйнымъ и жестокосерднымъ!.. И

если это такъ... если законы эти не отъ Бога, то Онъ не допустить гибели моей Зоси!.. Онъ, въ милосердіи Своемъ, спасетъ ее, спасетъ и меня!..

Это смутное сознаніе, впервые зародившееся въ умѣ дяди Шая, что беспощадные еврейскіе законы не могутъ быть отъ Бога, что ихъ выдумали сами евреи, — нѣсколько успокоило его. Въ немъ появилась увѣренность, что Зося будетъ спасена, что Господь не грозенъ и мстителенъ, какъ внушали ему всегда, а всеблагъ и милостивъ и что Онъ совершитъ чудо!.. Развѣ не можетъ возвратиться Марилька и помѣшать его родственникамъ привести въ исполненіе задуманное ими злое дѣло?.. Конечно, можетъ!.. И она, навѣрно, сейчасъ явится!.. Самъ Богъ пришлетъ ее на помощь!..

Дядя Шая настолько вдругъ переполнился увѣренностью въ близкомъ спасеніи Зоси и именно при содѣйствіи ея бабушки, Марильки, которая сейчасъ же непремѣнно явится, что въ какомъ-то радостномъ экстазѣ подбѣжалъ къ окну и приложилъ правый глазъ къ стеклу на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ставняхъ образовалась довольно широкая скважина, чрезъ которую былъ виденъ..весь дворъ... Весь онъ превратился въ зрѣніе и ждалъ появленія Марильки... Но что это такое?.. До ушей его дошелъ какой-то глухой шумъ, а затѣмъ онъ увидѣлъ... какъ ребъ Касриель за одну ногу, а дядя Липа за другую тащили по снѣгу бездыханное тѣло Зоси. Ночь какъ разъ была свѣтлая, отъ выпавшаго въ тотъ день снѣга, который искрился своими блестками при легкомъ морозцѣ, и отъ множества звѣздъ, которыя такъ и рдѣли, такъ и роились, играя наперерывъ своими лучами. Лица несчастной Зоси не было видно, но за то дядя видѣлъ, какъ волочились ея шелковистые, мягкіе волосы, какъ слѣды крови окрасили бѣлый снѣгъ...

Подробности эти я узналъ отъ самого дяди Шая, когда встрѣтился съ нимъ тридцать четыре года спустя послѣ кровавыхъ событій этой достопамятной ночи. И несмотря на то, что прошло уже столько времени, когда преждевременно состарившійся и сгорбившійся дядя Шая передавалъ мнѣ подробности, я видѣлъ по его лицу, по его движеніямъ и по горячимъ слезамъ, которыя цѣлымъ потокомъ неудержимо лились изъ глазъ его, что онъ не только припоминаетъ свое прошлое, но и вторично переживаетъ его... Онъ, этотъ аскетъ-монахъ (дядя принялъ католичество и постригся въ монахи), которому, казалось мнѣ, при первой нашей встрѣчѣ, были уже чужды людскія страданія и страсти, на самомъ дѣлѣ остался въ душѣ такимъ же слабымъ, безпомощнымъ міряниномъ, какъ и я, съ свойственными всѣмъ смертнымъ слабостями... Передавая мнѣ все то, что онъ испытывалъ въ эту страшную ночь, рѣчь его дышала то нѣжностью и любовью къ подругѣ его юности, такъ трагически погибшей, то ненавистью и злобой къ ея мучителямъ, изъ которыхъ въ то время уже никого въ живыхъ не было...

Какимъ образомъ случилось, что судьба впоследствии столкнула меня съ дядей, объ этомъ, чтобы не прерывать нити моего разсказа, не буду здѣсь распространяться.

Въ тотъ моментъ, когда дядя увидѣлъ, какъ его возлюбленную дотащили до стараго колодца и бросили ее туда, — душа его переполнилась такою злобой, что онъ возненавидѣлъ все, что было ему дорого и близко до сихъ поръ: отца, мать, братьевъ и даже самого Бога, этого грознаго, безпощаднаго Бога евреевъ!.. Одна мысль всецѣло овладѣла имъ — отомстить всѣмъ за невинную жертву, отомстить отцу, матери, братьямъ и даже самому Богу Израиля!..

Послѣ невѣроятныхъ усилій дядѣ Шаѣ удалось какимъ-то образомъ освободиться отъ веревокъ. Когда это было достигнуто, онъ разбилъ окно, выскочилъ на дворъ, перелѣзъ черезъ заборъ и, не оглядываясь, пустился бѣжать...

V.

Прошло больше мѣсяца. Въ нашемъ старомъ домѣ царствовали уныніе и горе. Ни дѣдъ Мордохай, ни бабушка Мира не показывались никому. Дядя Липа все время былъ въ разѣздахъ и появлялся весьма рѣдко и то не надолго, чтобы переговорить съ дѣдомъ и сообщить ему о результатахъ своихъ разѣздовъ. Не радостный онъ пріѣзжалъ и еще болѣе грустный уѣзжалъ. И не мудрено: онъ все розыскивалъ безъ вѣсти пропавшаго дядю Шаю, но найти его не могъ.

Нѣсколько человѣкъ были посланы по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ, но никакихъ слѣдовъ бѣглеца не было открыто. Дядя Шая словно въ воду канулъ. Кипучая дѣятельность исчезла изъ нашего стараго дома. Не только взрослые сдѣлались молчаливы и угрюмы, но и мы, дѣти, присмирѣли и со страхомъ прятались отъ взрослыхъ. Мать моя съ утра до вечера вздыхала и съ видимой неохотой занималась хозяйствомъ по дому; отецъ мой, — всегда заносчивый, грубый, злоязычный, искавшій обыкновенно случая, чтобы наговорить всякому непріятности, чтобы затѣвать ссоры, — даже онъ ходилъ съ опущенной головой, точно пришибленный. На насъ, дѣтей, не обращали никакого вниманія, не кормили насъ во время, даже не слѣдили за нашими занятіями. Среди общаго унынія только двое людей чувствовали себя прекрасно въ нашемъ домѣ. Это ребъ Касриель и тетка Тема.

Первый поселился въ нашемъ домѣ въ качествѣ верховнаго надзирателя и руководителя по всѣмъ дѣламъ дѣда, который сложилъ съ себя всѣ заботы и ни во что не хотѣлъ вникать и вмѣшиваться. Какъ выполнилъ свои обязанности ребъ Касриель, и была ли польза отъ него дѣламъ и дому нашему — не знаю, но, что онъ повсюду совался, всѣмъ распоряжался, покрикивалъ на всѣхъ и

большую часть времени проводилъ на кухнѣ, гдѣ заказывалъ кухаркѣ различныя замысловатыя блюда и уничтожалъ эти блюда съ всегда служившимъ ему прекрасно аппетитомъ и при этомъ весьма часто угощался наливкой,—это видѣли всѣ и удивлялись прекрасному состоянію его духа въ эти тяжелые, мрачные дни, когда надъ нашимъ старымъ домомъ разразилась такая гроза. Тетка Тема съ перваго же дня, какъ бабушка уединилась, завладѣла лавкой и проводила тамъ цѣлыя дни. Она торговала очень бойко въ свою собственную пользу, откладывая для своихъ дѣтей отъ перваго брака не только барыши, но и все, что было можно, благо контролировать ее было некому. Возвращаясь по вечерамъ изъ лавки, она очень весело болтала съ ребѣ Касріелемъ, съ которымъ успѣла подружиться и близко сойтись. На болѣзненнаго и хилаго дядю Шабася она совсѣмъ перестала обращать вниманіе и начала даже выказывать ему, не стѣсняясь, полное свое пренебреженіе.

Въ такомъ угнетенномъ состояніи, какъ уже было сказано, находились обитатели нашего стараго дома болѣе мѣсяца. Но вотъ, въ одно утро, какъ теперь помню, это было въ четвергь, часу въ восьмомъ, возвратился дядя Липа изъ одной изъ своихъ поѣздокъ. Онъ былъ такъ же угрюмъ и молчаливъ, какъ и раньше.

Видно было, что, какъ и прежде, ему ничего не удалось узнать. Перекидываясь шепотомъ нѣсколькими фразами съ ребѣ Касріелемъ, онъ собирался идти съ докладомъ къ дѣду. Но въ это время къ крыльцу нашего дома подѣхалъ верхомъ на неосѣдланной лошади высокій, худой съ длинными пейсами и всклокоченной бородой еврей. Дядя увидѣлъ его изъ окна и со страхомъ произнесъ.

— Это ребѣ Сименъ, старшій «шамесъ» (служитель) К—скаго кагала... Чуетъ мое сердце, что пріѣхалъ онъ не съ доброй «бшурой» (вѣстью)...

Не успѣлъ дядя произнести послѣднія слова, какъ ребѣ Сименъ былъ уже передъ нимъ.

— Миръ вамъ и всему благочестивому дому благочестивыхъ евреевъ! — торопливо проговорилъ онъ. — Я къ вамъ по дѣлу, по спѣшному, не терпящему отлагательства, отъ святаго кагала...

— По какому же? — спросилъ дядя Липа.

— У меня есть посланіе къ ребѣ Мордохю, которое долженъ передать ему въ собственныя руки...

— Дайте ваше посланіе, я передамъ ему немедленно...

— Что?!.. — грозно посмотрѣлъ ребѣ Сименъ на дядю. — Святой кагалъ приказалъ мнѣ, — онъ ударилъ себя въ грудь, — передать посланіе, а не тебѣ!.. Кто же посмѣетъ послушаться приказанія святаго кагала?!.. По крайней мѣрѣ не я, его смиренный служитель!..

Дядя Липа ничего не отвѣтилъ и пошелъ за дѣдомъ.

— Привѣтствую въ домѣ моемъ «мешулоха» (нарочнаго) святаго кагала, — произнесъ дѣдъ, переступивъ порогъ столовой. — «Шо-

лемъ-алейхемъ» (миръ вамъ), ребъ Сименъ,—онъ подалъ ему руку.— Съ какой «бшурой» (вѣстью) пожаловалъ ты?..

Дѣдъ хотя и держался прямо и выступалъ впередъ степенно, съ достоинствомъ, но голова его замѣтно тряслась, а голосъ дрожалъ.

— Тяжелую обязанность возложилъ на меня святой кагалъ,— отвѣтилъ ребъ Сименъ.— Не съ радостной вѣстью переступилъ я порогъ благочестиваго дома вашего, а съ вѣстью «черною», страшною, позорною!.. Вотъ вамъ посланіе святаго кагала!..

Онъ подалъ дѣду, особеннымъ образомъ сложенную, сѣрую бумагу, запечатанную воскомъ, хотя и не въ конвертѣ.

Дѣдъ взялъ бумагу, медленно прочелъ вслухъ адресъ и произнесъ.

— Да, это посланіе адресовано святымъ кагаломъ мнѣ, Мордохаю... Сейчасъ мы его вскроемъ и узнаемъ, что вѣщаетъ намъ святой кагалъ!..

Въ столовую, пошатываясь, вошла бабушка Мира. Какъ она измѣнилась за это время: она похудѣла, сгорбилась и состарилась до неузнаваемости; все лицо ея было покрыто морщинами, глаза ввалились и стали мутны, тревога и страхъ просвѣчивали во всѣхъ ея движеніяхъ. Словно крадучись, нерѣшительно пробралась она въ уголокъ, избѣгая смотрѣть по сторонамъ и прятаясь отъ взглядовъ присутствующихъ. Впрочемъ, никто и не думалъ обращать на нее вниманіе, ибо всѣ съ нетерпѣніемъ слѣдили за дѣдомъ, горя желаніемъ скорѣе узнать содержаніе посланія кагала.

Дѣдъ же, съ свойственною ему степенностью, медленно снялъ восковую печать, еще медленнѣе развернулъ бумагу и, не торопясь, совершенно спокойно, началъ громко читать.

— «Возлюбленному Богомъ, благочестивому, многоученному мужу, рабби Мордохаю, да свѣтится огонекъ славы его на вѣчныя времена, шлетъ свой привѣтъ, добрыя пожеланія свои и торжественное обѣщаніе не забывать его въ своихъ молитвахъ, К — скій кагалъ въ полномъ своемъ составѣ! Поставленные самимъ Богомъ въ челѣ Израля, мы, члены кагала, исполняя возложенныя на насъ обязанности охранять чадъ Іаковлевыхъ и пещись объ ихъ интересахъ, не могли не принять близко къ сердцамъ нашимъ обрушившееся на васъ и на весь вашъ домъ великое несчастіе!.. Ваше благочестіе, ваша преданность завѣтамъ пророковъ нашихъ, ваше слѣпое повиновеніе нашимъ святымъ законамъ вы доказали намъ! А потому, если мы обязаны пещись за всякаго изъ сыновъ Іаковлевыхъ, то наши заботы о васъ, какъ о мужѣ крѣпкомъ въ вѣрѣ, должны быть нескончаемы!.. Изъ нижеслѣдующаго вы узнаете, что мы относимся къ вамъ такъ, какъ вы это заслуживаете»...

Далѣе слѣдовало сухое изложеніе слѣдующихъ фактовъ.

На дѣда поступилъ подробный доносъ о совершившемся престу-

плени. Начальство въ числѣ пяти человекъ собирается нагрянуть на мѣстечко, чтобы произвести слѣдствіе. Кагалу удалось не только разнюхать всѣ подробности доноса, который посланный ребъ Сименъ передасть на словахъ, но даже задержать слѣдователей, чтобы дать время дѣду приготовиться для ихъ встрѣчи и скрыть слѣды убійства. Кончалось же посланіе такъ: «...но всѣ эти несчастія еще не такъ велики: при помощи денегъ можно будетъ все уладить, хотя отъ острога никому изъ вашего семейства нельзя будетъ избавиться. Если у васъ не хватить капиталовъ, то весь Израиль придетъ вамъ на помощь, ибо вы совершили жертвоприношеніе во имя нашихъ святыхъ законовъ, для торжества религіи нашихъ предковъ. Но мужайтесь и выслушайте самую горькую изъ горькихъ вѣстей: доносъ поступилъ отъ существа, которому вы дали жизнь... отъ нѣкоего Феликса, который раньше носилъ имя Шаи, сына Мордохая, да сотретъ его Господь съ лица земли, и самая память о немъ да исчезнетъ на вѣки! Аминь!»

Дочитавъ послѣднія строки, дѣдъ задрожалъ, но тотчасъ овладелъ собой, выпрямился и, поднимая вверхъ обѣ руки, торжественно произнесъ:

— Богъ-Адонай далъ, Богъ-Аданай взялъ, будь благословенно имя Бога-Адоная!—онъ опустилъ руки и менѣе торжественно продолжалъ:—Покройте главы свои пепломъ, рвите ваши платья и валайтесь по землѣ!..

Онъ схватилъ правой рукой отворотъ халата, надорвалъ его и опустился на полъ. Бабушка, мои дяди и отецъ немедленно тоже усѣлись на полъ, надорвавъ предварительно свое платье.

По еврейскому закону, если еврей принимаетъ христіанство, то близкіе родственники должны справлять по немъ трауръ, какъ по покойникѣ. Но трауръ этотъ продолжается всего часъ, по окончаніи котораго произносятъ проклятіе надъ вѣроотступникомъ, и имя его никогда больше не должно быть произнесено въ семьѣ.

Но не успѣли всѣ опуститься на полъ, какъ ребъ Сименъ выступилъ впередъ и съ важностью произнесъ:

— Въ виду особыхъ обстоятельствъ, такъ какъ дому вашему грозитъ великая опасность, и каждая минута дорога, святой кагалъ приказываетъ вамъ не справлять траура по отщепенцѣ, да исчезнетъ память о немъ!..

— Да исчезнетъ память о немъ на вѣки вѣковъ; и да не найдетъ покоя душа его ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ, и да будетъ проклятъ онъ и потомство его; и да преслѣдуютъ его по пятамъ стыдъ, позоръ, болѣзни, мученія, голодъ, холодъ, жажда и всякія муки!.. И да отвернется отъ него всякъ языкъ сущій!.. Да преслѣдуютъ его вѣчно звѣри дикіе, и да не найдетъ онъ нигдѣ пристанища ни при жизни, ни послѣ смерти!.. И да растерзаютъ его поганое тѣло кровожадные шакалы!.. Аминь!..

— Аминь! — въ одинъ голосъ подхватили все присутствующіе, когда дѣдъ окончилъ формулу проклятiя.

— Пользуйтесь же оставшимся временемъ, чтобы васъ не застигли врасплохъ,—произнесъ ребъ Сименъ.—Надо вамъ устранить одну важную свидѣтельница... какую-то Марильку, на которую проклятый доносчикъ Феликсъ ссылается...

— О, о, о!.. Марилька не страшна намъ,—перебилъ ребъ Касриель.—Она противъ насъ ничего не покажетъ. Объ этомъ я ужъ постарался...

— Вы ее подкупили?.. Или удалили куда нибудь, далеко?

— Ни то, ни другое,—усмѣхнулся ребъ Касриель. — Я споилъ ее... Она при послѣднемъ издыханiи... У нея помутился разумъ, и отнялся языкъ.. Она намъ не опасна...

— Вотъ что,—сказалъ дѣдъ. — Намъ здѣсь предпринимать нечего до прiѣзда нечестиваго судилища, я только желаю отправить на храненіе кагалу мои наличные капиталы. Возьмешь ли ты, Сименъ, на себя доставить ихъ по назначенію въ цѣлости и неприкосновенности?

— Берусь,—рѣшительно отвѣтилъ ребъ Сименъ.

Дѣдъ распорядился, чтобы запрягли сани, и чрезъ какія нибудь четверть часа ребъ Сименъ увезъ весь наличный капиталъ дѣда на храненіе К—скому кагалу.

— Мой господинъ и владыка,—произнесла бабушка, по отъѣздѣ ребъ Симена, вылѣзая изъ своего угла и приблизившись къ дѣду.—Не отстрани отъ себя рабу свою и не откажи мнѣ въ великой милости!..

Дѣдъ, не удостоивъ ея взглядомъ, отвернулся и хотѣлъ уйти, но бабушка схватила полу его халата, насильно удержала его и опять заговорила умоляющимъ голосомъ...

— О, владыка мой! Разрѣши мнѣ публичную исповѣдь, дабы я могла наложить на себя великую «тшуве» (эпитимію) за грѣхи мои!..

— Отказать тебѣ въ желаніи исповѣди и «тшуве» я не имѣю права, а потому да будетъ такъ!..

Бабушка издала радостный крикъ, а дѣдъ, не удостоивъ ея даже взглядомъ, удалился.

VI.

Все мѣстечко наше пришло въ великое волненіе, когда совсѣмъ въ неурочный часъ синагогальный «шамесъ» (служба) появился на улицѣ съ своимъ молоткомъ и, трижды ударяя въ двери домовъ, гдѣ жили евреи, выкрикивалъ во весь голосъ:

— «Инъ шуль арайнтъ, идентъ» (въ синагогу, еврей)!..

Немедленно прекратилась всякая торговля. Лавки запирались, все бросили свои дѣла и поспѣшили въ синагогу.

Но еще больше взволновались евреи, когда, очутившись въ си-

нагогѣ, они увидѣли, что тамъ происходитъ нѣчто необыкновенное. Надъ ковчегомъ, гдѣ хранится Тора, была повѣшена траурная занавѣсъ, повсюду зажжены восковыя свѣчи, точь въ точь, какъ въ «іомъ-кипуръ» (день суда), и на «балъ-мемерѣ» (престолѣ) отсутствовали «могенъ-Довидъ» (щитъ Давида),—эта эмблема могущества евреевъ и будущій гербъ Еврейскаго царства, когда Богъ возвратитъ святую землю Своему избранному народу. Тоже и въ сѣняхъ синагоги всѣ обратили вниманіе на то, что у самаго порога небольшое пространство было устлано соломой.

— Гзэйре!.. Великое «гзэйре» (несчастіе) обрушилось надъ Израилемъ!.. Мы всѣ подвергнемся «малкесъ» (ударамъ), чтобы умилостивить грознаго Бога нашего, дабы Онъ отвратилъ отъ насъ гнѣвъ свой и защитилъ стадо Свое!..—съ трепетомъ произнесъ сѣдой старикъ.

— Но что же такое могло случиться?—недоумѣвалъ вслухъ другой.—Что мы подвергнемся «малкесъ» (ударамъ), это не подлежитъ сомнѣнію,—не даромъ же на порогѣ «полуса» (сѣней) постлана солома. Но не знаетъ ли кто нибудь, по какому поводу мы будемъ истязать наши тѣла?..

— Это, полагаютъ надо, проклятый москаль вздумалъ посягать на нашихъ дочерей, сестеръ и женъ!.. Развѣ не слышали вы, что онъ задумалъ набрать еврейскихъ женщинъ, насильно окрестить ихъ и выдавать замужъ за солдатъ, дабы умножить войско его!.. Ибо всѣмъ извѣстно, что дочери Израиля многоплодны, а москаль вздумалъ воевать съ потомками трижды проклятаго Амолика (турками), и ему нужно много войска!..

— О, горе намъ!.. Горе намъ!..—стономъ вырвалось изъ множества грудей.

— Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то...—послышался въ толпѣ другой голосъ.—Москаль не посмѣетъ посягать на женщинъ нашихъ!.. До этого не допустить Господь!.. Ибо развѣ не сказано въ Писаніи: «не смѣшивайтесь съ народами, не дружитесь и не породнитесь съ ними?»... И если Господь это сказалъ, то допустить развѣ Онъ, чтобы насъ насильно смѣшали съ отверженцами?.. Тутъ пахнетъ другой «гзэйрой» (несчастьемъ)... Мнѣ доподлинно извѣстно, что москаль хочетъ лишить насъ самыхъ лучшихъ нашихъ украшеній... нашихъ пейсовъ и нашихъ бородъ!..

Настоящее отчаяніе овладѣло всѣми присутствующими, и всѣ невольно ухватились за свои бороды и пейсы, оцупывали ихъ и издавая громкіе вопли.

— О наши лучшія украшенія!.. О наши бороды!.. О наши пейсы!..

Въ синагогу вопель мѣстный раввинъ, «габай» (староста), дѣдъ и всѣ мужскіе члены его семейства, то-есть сыновья и внуки. Старшій «шамесъ» (служка) синагоги ударилъ досками и произнесъ: «ша-а-а!». Водворилась тишина. Старый раввинъ занялъ свое мѣсто у лѣвой стороны ковчега и торжественно произнесъ:

— Святое «кегиле» (собрание), возлюбленные чада Бога-Цаваота! Я созвалъ васъ, чтобы вы присутствовали при исповѣди великой грѣшницы! Мира, жена реби Мордохая, будетъ подвергнута тридцати девяти ударамъ «малкесъ», а потомъ предъ особо учрежденнымъ святымъ «бетъ-динъ-шелъ-мате» (судъ нижній, земной), который мы сейчасъ же выберемъ въ составъ трехъ праведныхъ евреевъ, и которому по законамъ нашимъ и по повелѣніямъ самого Бога присвоятся всѣ права и прерогативы власти, принадлежащія «бетъ-дину-шелъ-майло» (суду верхнему, небесному), — она, эта великая грѣшница, произнесетъ покаяніе!...

Вздохъ облегченія вырвался у толпы, когда изъ словъ раввина она убѣдилась, что тутъ дѣло идетъ не объ общей «гаейре», а лишь о несчастіи отдѣльнаго лица общины.

— Господу угодно,—продолжалъ между тѣмъ раввинъ,—чтобы вы, ребъ Касріель, и вы, ребъ Аронъ, и вы, ребъ Наѳтолій, взяли на себя великую обязанность «даіонимъ» (судей)!.. Надѣвайте же талейсимъ» и берите въ руки черные факелы!..

Изъ толпы немедленно выдѣлились назначенные въ «даіонимъ» евреи, наскоро облачились въ «талейсимъ» (простыни съ священными нитями), и старшій «шамесъ» подаль каждому изъ нихъ по зажженной восковой свѣчкѣ, обернутой черной бумагой.

— Преступница приближается къ синагогѣ!..—громко возвѣстилъ вбѣжавшій младшій «шамесъ».

— Еврей! — торжественно выступилъ впередъ ребъ Касріель. — Въ силу данной намъ Богомъ власти, мы, «бетъ-динъ-шелъ-мате», приступаемъ къ исполненію нашихъ святыхъ обязанностей!.. Трубите трижды въ рогъ, чтобы оглушить духа тьмы, дабы онъ не помутилъ разума нашего!..

Немедленно раздался на амвонѣ трубный звукъ, двери синагоги раскрылись настежь, и ребъ Касріель съ остальными «даіонимъ» направился въ сѣни синагоги. Тамъ на порогѣ стояла уже бабушка, одѣтая въ бѣлый саванъ поверхъ платья. Голова ея была опущена долу.

— Кто ты, женщина? И зачѣмъ стучишься ты въ храмъ?...— строго произнесъ ребъ Касріель.

— О представители суда небснаго! — слышался дрожащій голосъ бабушки.—Предъ вами великая грѣшница, ищущая спасенія и жаждущая страданій... Не откажите мнѣ, недостойной, въ публичной исповѣди...

— Мы, представители нашего грознаго Бога, Бога мести и кары, взыскивающаго за грѣхи отцовъ на дѣтяхъ до четвертаго поколѣнія, раньше, чѣмъ выслушать твою исповѣдь, приговариваемъ тебя къ тридцати девяти ударамъ «малкесъ»!.. Повинуешься ли ты добровольно нашему справедливому приговору?!..

— Повинуюсь, — чуть слышно произнесла бабушка и, переступив пороги, растянулась на соломе.

— Вручаю тебѣ «рецуе» (ремень), — обратился ребѣ Касріель къ «шамесу». — Приведи въ исполненіе приговоръ, во имя Бога-Цаваота, Бога-Адоная!..

«Шамесь» почтительно поклонился, взялъ ремень и, громко считая удары, исполнилъ приговоръ.

Въ то время, когда удары сыпались на бабушку, она со стонами тихо читала молитву. Особенно больно ей, конечно, не было, ибо «шамесь» былъ человекъ хилый, и нельзя сказать, чтобы усердствовалъ. Впрочемъ, этого отъ него и не требовалось, ибо дѣло не въ боли, которую причиняютъ «малкесь», а въ униженіи и позорѣ для наказуемаго публично.

По окончаніи приговора, бабушка осталась лежать на соломе, а ребѣ Касріель съ «даіонами» вошли въ синагогу.

— Тушите свѣтильники, да скроется солнце, и настанетъ тьма! — произнесъ ребѣ Касріель. — И пускай только черные факелы освѣтятъ лицо имѣющей предстать предъ нами кающѣйся!..

Всѣ свѣчи были моментально потушены, ребѣ Касріель приблизился къ ковчегу, раскрылъ его, взялъ оттуда свитокъ Торы и вмѣстѣ съ «даіонимъ» взошелъ на амвонъ.

— Введите кающюся во храмъ! — отдалъ онъ приказаніе.

Бабушку ввели въ синагогу, и у самаго амвона она сначала опустилась на колѣни, а потомъ упала ницъ. Канторъ заунывнымъ голосомъ началъ читать по молитвеннику «видуй» (исповѣдь), установленную съ незапамятныхъ временъ, въ которой въ алфавитномъ порядкѣ исчислены всевозможные грѣхи. Бабушка повторяла за нимъ каждое слово и постоянно ударяла себя въ грудь при произношеніи каждаго грѣха. Это длилось весьма долго. Но вотъ канторъ въ послѣдній разъ произнесъ «аль-хетъ» (за грѣхъ), бабушка въ послѣдній разъ ударила себя въ грудь, и ребѣ Касріель дотронулся до головы ея свиткомъ Торы.

— Моя исповѣдь еще не кончена, — вскочила бабушка на ноги. — Израиль еще не знаетъ о самомъ чудовищномъ грѣхѣ моемъ!.. Господь покаралъ семью мою и наказалъ насъ въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, проклиная плодъ мой!.. О святой «бетъ-день-шель-мате»!.. Это проклятіе Божіе вызвано моимъ грѣхомъ!.. Сорокъ три года тому назадъ я увлеклась преступною любовью къ «гою», и съ моего вѣдома и согласія онъ похитилъ меня изъ-подъ самаго вѣнца съ праведнымъ евреемъ!.. Всѣ были увѣрены, что я стала жертвой его насилія, на самомъ же дѣлѣ я сама согрѣшила, сама пожелала жить съ нимъ въ блудѣ!..

По мѣрѣ того, какъ бабушка говорила, голосъ ея раздавался все громче и тверже.

— О мой мужъ!.. О мой владыка!.. обратила она умоляющій

взоръ свой къ дѣду. — За мой великій грѣхъ страдаешь и ты!.. Ты правъ предъ Господомъ, и карающая десница Его коснулась тебя за мой грѣхъ!.. За мое преступленіе!

Тутъ бабушка опять упала ницъ предъ судомъ.

Стоявшій до сихъ поръ съ опущенной головой дѣдъ выпрямился. Глаза его заблестали радостью и, сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ громко, отчеканивая каждое слово, заговорилъ:

— Вы слышали, евреи, что сказала преступная женщина?!.. Это ея грѣхъ, а не мой!.. Я правъ предъ Господомъ, и стыдъ и позоръ не должны коснуться меня!.. То, что я подозрѣвалъ, оказалось истиной. Она сама призналась предъ вами въ этомъ!.. А потому будь проклята на вѣчныя времена та, которая носила въ чревѣ своемъ и родила «гоя»!.. Я же, самимъ Богомъ избранный орудіемъ, чтобы дать проклятому плоду жизнь, преклоняя смиренно голову предъ карающей десницей Его, могу попрежнему гордо смотрѣть Израилю въ глаза!.. Не меня за мои грѣхи покаралъ Господь въ сынѣ моемъ, а ее — блудницу!..

Дѣдъ выразительнымъ жестомъ указалъ на валяющуюся на полу бабушку.

Страшный, душу раздирающій стонъ бабушки огласилъ синагогу, и наступила долгая томительная пауза, которая была наконецъ прервана ребъ Касриелемъ, послѣ того, какъ онъ предварительно пошутукался съ остальными «даіонами».

— Грѣхъ твой страшенъ и великъ, женщина!—произнесъ онъ.— Отъ разсказа о твоёмъ преступленіи дрогнули сердца всего Израиля! Грѣхъ, подобный твоему, не можетъ быть искупленъ ни ударами «малкесъ», ни публичною исповѣдью! Наказаніе твое должно соотвѣтствовать твоему грѣху! А потому мы, «бегъ-динъ-шелъ-мате», рѣшили только въ томъ случаѣ произнести тебѣ прощеніе отъ имени Бога-Цаваота, если возьмешь на себя всѣ послѣдствія совершеннаго твоимъ праведнымъ мужемъ богоугоднаго дѣла: если объявишь предъ судбищемъ проклятыхъ иновѣрцевъ, что единолично, безъ сторонней помощи, ты убила «мамзери» (незаконнорожденную) Зоську, и этимъ дашь возможность реби Мордохаю и его сыновьямъ избѣгнуть оковъ и заточенія!.. Все произошло отъ твоего грѣха, — ты одна должна заплатить за все!.. Согласна ли ты, женщина?!..

— Согласна, — простонала бабушка.

Простирая надъ нею обѣ руки, ребъ Касриель громкимъ голосомъ прочелъ молитву отпущенія, и обрядъ былъ конченъ...

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, наѣхало въ нашъ домъ начальство, и всѣхъ мужчинъ съ бабушкой увезли, послѣ предварительнаго слѣдствія, въ городъ К., гдѣ засадили ихъ въ тюрьму. Бабушка сдержала свое слово и всѣхъ выгородила, принявъ всю

вину на себя. Тѣмъ не менѣе и дѣдъ и сыновья его около двухъ лѣтъ просидѣли въ тюрьмѣ, ибо въ тогдашнее время дѣла въ судахъ велись медленно. Произнесенія надъ нею приговора бабушка не дождалась, она умерла раньше въ тюрьмѣ. Процессъ этотъ совершенно разорилъ дѣда, и семья наша обѣднѣла. Тетка Тема потребовала разводъ отъ своего бѣднаго мужа и вторично вышла за ребѣ Касріеля. Они зажили очень богато. Что же касается дяди Шаи, то его я встрѣтилъ тридцать четыре года спустя послѣ описанной ночи убійства Зоси въ одномъ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ, на берегу Женевского озера. Онъ разсказалъ мнѣ всѣ событія своей послѣдующей жизни, но объ этомъ когда нибудь, въ другой разъ, передамъ читателю.

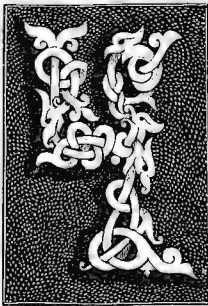
С. Литвинъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Отрывокъ изъ дневника).

ВЕТВЕРТЬ СТОЛБТІЯ прошло съ того времени, какъ я былъ назначенъ въ прусскую армію для сопровожденія ея во французской войнѣ; лѣтомъ 1870 г., когда я находился въ составѣ войскъ Красносельскаго лагернаго сбора, мнѣ было сообщено въ срединѣ іюля объ отправленіи меня въ Пруссію для принятія участія въ поѣздкѣ генеральнаго штаба, долженствовавшей состояться въ августѣ мѣсяцѣ въ Ганноверѣ подъ личнымъ руководствомъ генерала Мольтке. Я сталъ понемногу готовиться къ предстоявшей поѣздкѣ, когда неожиданно появились на политическомъ горизонтѣ грозныя тучи. Вопросъ о занятіи испанскаго престола принцемъ Гогенцоллернскимъ встревожилъ всю Францію. Событія и перипетіи все болѣе угрожающаго свойства слѣдовали однѣ за другими съ необыкновенною быстротою, и война, казавшаяся еще вчера весьма отдаленною, стала вдругъ неизбѣжною.

Я пересталъ и думать при подобныхъ обстоятельствахъ о предполагаемой командировкѣ, когда на одномъ изъ полевыхъ занятій войскъ въ Красномъ Селѣ императоръ Александръ II изволилъ объявить мнѣ, что король прусскій согласился, въ видѣ особаго исключенія для русскихъ, на сопровожденіе прусской арміи въ начинавшейся войнѣ нѣсколькими офицерами.

— Между другими,—продолжалъ государь,—назначенъ и ты. Собирайся скорѣе и хотя, вѣроятно, война будетъ продолжительная ¹⁾, но хорошо, ежели ты скорѣе будешь на мѣстѣ. Богъ съ тобой. Кланяйся королю.

Въ свитѣ государя между другими находились послы: прусскій— князь Рейсъ и французскій—генераль Флери, а равно и представители готовившихся къ борьбѣ армій: полковникъ Вердеръ (впослѣдствіи посоль) и Мирибель (потомъ начальникъ французскаго генеральнаго штаба). Когда стала извѣстна моя командировка, лица эти подѣбжали ко мнѣ, поздравляли, и каждый съ своей точки зрѣнія заявлялъ о предстоявшихъ событіяхъ. Нѣмцы были сдержанны и касались болѣе практической стороны моей командировки. Мирибель казался убѣжденнымъ и преисполненнымъ надеждой на успѣхъ.

Сборы мои были не продолжительны и состояли, главнымъ образомъ, въ приобрѣтеніи въ л.-гв. Атаманскомъ полку двухъ лошадей; конюха я нанялъ въ циркѣ изъ числа бывалыхъ и хорошо говорившихъ понѣмцами.

Передъ выѣздомъ я получилъ предписаніе съ указаніемъ, на какія стороны военнаго дѣла долженъ обратить особое вниманіе, причѣмъ рекомендовалось присылать донесенія по возможности чаще.

Послѣднее обстоятельство потребовало съ моей стороны веденія во все время пребыванія моего въ рядахъ прусской арміи подробнаго дневника, послужившаго основаніемъ къ 32 объемистымъ донесеніямъ по всеѣмъ отраслямъ военнаго быта германской арміи.

Матеріалъ обильный, разработать который для печати, однако, къ сожалѣнію, я не въ силахъ въ настоящее время. Впрочемъ много имѣетъ спеціальнѣйшій характеръ, потерявшій, быть можетъ, прежнее значеніе и интересъ. Прошло вѣдь 25 лѣтъ, и большинство вопросовъ, тогда почти неизвѣстныхъ и не затронутыхъ, уже давно стали общимъ достояніемъ всеѣхъ европейскихъ армій. Такъ, все-словная повинность, мобилизиціонная готовность съ подробнымъ росписаніемъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, какъ для призывныхъ, такъ и для сосредоточенія арміи къ границамъ, а также многія другія части полевого управленія арміи приведены къ жизни послѣ 1870 года.

Нельзя не замѣтить, что тогда вообще мало обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Пруссіи, и въ этомъ отношеніи и мы не составляли исключенія. Командировавшіеся за границу останавливались въ Берлинѣ въ большинствѣ случаевъ развѣ для приобрѣтенія штатскаго платья; затѣмъ все спѣшило во Францію.

---

¹⁾ Насколько распространено было тогда общее мнѣніе о продолжительности войны, можетъ служить слѣдующее: когда я представлялся канцлеру, князю Горчакову, онъ между прочимъ сказалъ: «Вы будете свидѣтелемъ вѣковыхъ событій, борьбы на смерть двухъ колосовъ. Для пораженія одной изъ сторонъ потребуются страшныхъ жертвъ и много времени. Если не мыслима 80-ти-лѣтняя война, то 7-ми-лѣтняя возможна».

А между тѣмъ Пруссія съ замѣчательною настойчивостью, постоянствомъ, неусыпнымъ трудомъ и выдержкою совершенствовалась въ отрасли военнаго управленія, почему и выступила въ кровавый бой съ грознымъ врагомъ въ полномъ блескѣ всеоруженія.

На меня знакомство съ прусскою арміею произвело глубокое впечатлѣніе; не говоря уже о стратегической и тактической сторонахъ войны, меня поражала правильность, гармонія и стремленіе къ одной цѣли всѣхъ отдѣловъ полевого управленія. Такимъ образомъ успѣхъ представлялся мнѣ не случайностью, а плодомъ долготѣнаго труда и основаннымъ на зрѣло обдуманыхъ положеніяхъ и инструкціяхъ. Я не ожидалъ подобной стройности и цѣльности въ общемъ и въ деталяхъ, несмотря на то, что, принадлежа къ генеральному штабу, слѣдилъ за военною литературою.

Полагаю, что также мало была извѣстна эта готовность и нашимъ власть имѣвшимъ; по крайней мѣрѣ, по полученіи здѣсь донесеній моихъ, съ ссылками на законы, объ организаціи тыла арміи, почтово-телеграфной дѣятельности, желѣзнодорожной части, полевого жандармскаго управленія и т. д., мнѣ, съ выраженіемъ благодарности за доставленіе интересныхъ свѣдѣній, было приказано приобрѣсти и выслать положенія и инструкціи, на которыя я указывалъ.

Повторяю, подготовить теперь къ печати эти поучительныя данныя мнѣ не въ моготу; желая, однако, принести хотя небольшую лепту двадцатипятилѣтію міроваго событія, коего я былъ близкимъ свидѣтелемъ, и тѣмъ духовно перенестись къ пережитому мною въ то достопамятное время, выписываю изъ своего дневника нѣкоторые эпизоды, не имѣющіе спеціальнаго значенія. На первый разъ остановлюсь на слѣдованіи и прибытіи моемъ въ прусскую армію, а равно и на знакомствѣ съ наиболее выдававшимися лицами.

Изъ Петербурга я выѣхалъ 25-го іюля. Отъ Эйдкунена глазамъ моимъ представилась совершенно новая картина: на всѣхъ станціяхъ и домахъ развѣвались прусскіе флаги; повсюду раздавались ликующіе голоса цѣмцевъ, торжествовавшихъ вторую побѣду надъ слѣднаго принца надъ арміею маршала Макъ-Магона при Вёртѣ, а также побѣду подъ Саарбрикеномъ! Флаги, пѣсни и ликованіе массы по всему пути до Берлина были, впрочемъ, единственными признаками войны. Во всемъ остальномъ можно было предположить, что Пруссія находится въ полномъ мирѣ: курьерскіе и другіе поѣзда восстановлены; военныхъ почти не видать. Только въ Диршау мы обогнали поѣздъ съ частью 1-го драгунскаго полка, слѣдовавшаго въ хвостѣ 2-го армейскаго корпуса.

Въ Берлинѣ я успѣшилъ представиться нашему послу Убри, принявшему меня очень любезно и радушно; онъ съ готовностью познакомилъ меня съ послѣдне полученными депешами, которыя, подтверждая успѣхи оружія германцевъ, въ то же время рисовали

потрясающее впечатлѣніе, произведенное на французовъ первыми неудачами. Общее положеніе указывало на возможность грозной катастрофы при новомъ пораженіи. Посоль съ рѣдкою предупредительностью оказалъ содѣйствіе къ ускоренію и облегченію дальнѣйшаго моего слѣдованія къ арміи и съ этой цѣлью лично свезъ меня къ генераламъ Клоцу и Ганефельду, замѣнявшимъ, первый военнаго министра, а второй начальника генеральнаго штаба, а также къ г. Тиле, помощнику графа Бисмарка.

Генераль Клоцъ, небольшой, съ бѣлою бородкой старикъ, съ живыми глазами, призванный изъ отставки, былъ не очень любезенъ, но исполнилъ просьбу въ выдачѣ открытаго листа для слѣдованія съ лошадьми на всѣхъ военныхъ поѣздахъ. Генераль-лейтенантъ Ганефельдъ, также принятый изъ отставки, маленькій, но весьма живой и подвижной старичекъ, безъ всякой натяжки, свойственной прусскимъ офицерамъ, былъ гораздо привѣтливѣе и, усадивъ насъ, не подавая впрочемъ руки, сталъ весьма охотно описывать мобилизацію арміи и движеніе ея по желѣзнымъ дорогамъ. Съ особою похвалою отзывался онъ о наблюдательномъ составѣ и о комендантахъ желѣзныхъ дорогъ, бодро и самоотверженно выполнившихъ ихъ подавляющее трудностью назначеніе. Несмотря на быстроту и непрерывность движенія по 7 желѣзнодорожнымъ линиямъ, во время всего сосредоточенія арміи къ границѣ, былъ только одинъ несчастный случай, стоившій 7 убитыхъ и 50 раненыхъ. На столѣ генерала лежала карта съ подробнымъ указаніемъ расположенія французскихъ войскъ; онъ съ особою энергіей высказывалъ свое удивленіе медленности, съ которою дѣйствовали французы, потерявшіе болѣе 2 недѣль и давшіе тѣмъ возможность германцамъ не только закончить неторопливо мобилизацію, но и сосредоточить войска къ границамъ. «Пока медлил нашъ врагъ, мы переживали,—продолжалъ Ганефельдъ,—крайне тревожныя минуты, рассчитывая не днями, а часами наши распоряженія, ежеминутно ожидая вторженія французовъ въ наши предѣлы».

Я счелъ долгомъ представиться также престарѣлому фельдмаршалу графу Врангелю. Онъ жилъ въ казенномъ домѣ на Парижской площади, у Бранденбургскихъ воротъ. На звонокъ мой вышелъ старый-престарый инвалидъ въ туфляхъ. На спросъ, что нужно, я назвалъ русскимъ полковникомъ, отправляющимся въ прусскую главную квартиру и желающимъ представиться знаменитому фельдмаршалу, старому и испытанному другу Россіи. Старикъ побѣждалъ, на сколько могъ, въ комнаты, и немедленно послышался его голосъ: *Treten Sie rin, Herr Oberst.*

Въ первой небольшой комнатѣ, стѣны которой почти вплотную были завѣшаны военными картинами, съ изображеніемъ прусской и русской армій, стоялъ еще бодрый, довольно высокой художавый старецъ съ бѣлыми, но густыми волосами, въ старомъ весьма

поношенномъ кирасирскомъ сюртукѣ. Это былъ «Papa Wrangel». Обнявъ меня, онъ со слезами на глазахъ выразилъ ту благодарность, которою должна быть преисполнена Пруссія къ Россіи за то, что принятымъ императоромъ положеніемъ она заставила Австрію сохранить полный нейтралитетъ въ начавшейся войнѣ. Зная, что въ главной квартирѣ увижу графа Бисмарка, которому, вѣроятно, будетъ пріятно получить непосредственныя свѣдѣнія о семьѣ, оставшейся въ Берлинѣ, я посѣтилъ графиню. Это прекрасная, добродѣтельная и доступная женщина, которую я встрѣчалъ въ Петербургѣ, приняла меня съ изысканною любезностью: отдавъ въ ряды арміи своего мужа и двухъ молодыхъ сыновей¹⁾, она находилась, повидимому, въ постоянномъ опасеніи за жизнь особенно послѣднихъ, но, тѣмъ не менѣе, подобно истой римлянкѣ, она съ твердостью готовилась на всякую жертву, которую потребовала бы родина.

Получивъ точныя свѣдѣнія о движеніи военныхъ поѣздовъ, я выѣхалъ изъ Берлина въ ночь на 30-е іюля вмѣстѣ съ отдѣленіемъ парка 2-го корпуса. Путь оказался долгимъ, утомительнымъ и съ безчисленными остановками, происшедшими вслѣдствіе послѣдовавшаго распоряженія пропустить поѣзда съ продовольствіемъ, въ коемъ громадная армія, сосредоточившаяся на границѣ, встрѣчала большую нужду. Только 2-го (14-го) августа добрались наконецъ до г. Саарбрикена; мы видимо приближались къ театру войны. Но прежде перехода къ описанію дальнѣйшаго слѣдованія въ главную прусскую квартиру назову другихъ нашихъ офицеровъ, назначенныхъ въ составъ прусской арміи:

1) Состоявшій при королѣ генераль-адъютантъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ. Высокій, худой, нѣсколько сторбившійся старикъ; простой, добродушный, съ привычками хорошаго русскаго барина. Онъ пользовался въ главной прусской квартирѣ большимъ и вполне заслуженнымъ уваженіемъ, но при этомъ въ интонаціи, съ которою нѣмцы произносили: «Der gute Koutousoff», слышалось, что они очень страшились его аргусова ока. Въ какой степени былъ правдивъ и честенъ графъ, доказываетъ слѣдующее: послѣ войны, зайдя какъ-то къ нему въ Берлинѣ, я засталъ его у письменнаго стола съ угрюмымъ видомъ передъ открытою книгою. «Вы, кажется, сегодня нѣсколько въ удрученіи, графъ?» — замѣтилъ я. — «Да какъ же иначе: читаю донесенія полковника Штофеля, бывшаго здѣсь французскимъ военнымъ агентомъ, и почти на каждой страницѣ убѣждаюсь, какъ много знаетъ и видѣлъ онъ, что дѣлалось въ прусской арміи до войны, и какъ съ другой стороны ничтожны были мои наблюденія». — Я старался успокоить графа, ссылаясь на то, что слѣдить за развитіемъ арміи долженъ быть главнымъ образомъ военный

¹⁾ Однѣ изъ нихъ былъ раненъ подъ Марсъ-Лагуромъ.

агентъ, а не онъ, состоявшій при королѣ. Къ тому же донесеніямъ Штофеля вѣдь не повѣрили, и они не принесли пользы французамъ; такая же участь, быть можетъ, постигла бы и донесенія графа.

2) Флигель-адъютантъ Доппельмейеръ, нашъ военный агентъ въ Берлинѣ, состоялъ во время кампаніи при гвардейскомъ корпусѣ. Отличный артиллерійскій офицеръ, всѣми уважаемый и любимый. Кажется, наше артиллерійское вѣдомство имѣло черезъ его посредство цѣнныя свѣдѣнія особенно по матеріальной части. Была ли извѣстна ему та громадная тактическая переработка артиллеріи, къ которой приступилъ генераль-инспекторъ артиллеріи Хиндерсинъ тотчасъ послѣ войны 1866 года, и которая увѣнчалась такими блистательными успѣхами въ 1870 году, я не знаю. Онъ, къ сожалѣнію, безвременно погибъ, разбившись при паденіи съ лошади, катаясь въ Берлинѣ.

3) Флигель-адъютантъ князь Мещерскій, причисленный къ посольству въ Брюсселѣ, состоялъ при 5 корпусѣ. Любезный, съ утонченнымъ европейскимъ образованіемъ. Онъ поспѣшилъ предложить мнѣ вензеля къ поганамъ, когда въ день георгіевскаго праздника, въ 1870 году, въ Версаль было сообщено о назначеніи меня въ флигель-адъютанты. Въ послѣдней турецкой войнѣ онъ, командуя батареей на Шипкѣ, палъ геройскою смертію.

4) Поручикъ лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка, графъ Бергъ, племянникъ генераль-фельдмаршала, нынѣ генераль-маіоръ въ запасѣ. Молодой, представительный и дисциплинированный офицеръ; отличный кавалеристъ и товарищъ; состоялъ при I корпусѣ. Будучи хорошимъ охотникомъ, онъ превосходно распознавалъ мѣстность и, не смотря на молодые годы, обладалъ вѣрнымъ военнымъ взглядомъ. Командиръ корпуса генераль Мантейфель на столько цѣнилъ графа Берга, что когда къ Метцу прибылъ великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, то избралъ не прусскаго офицера, а его, для сопровожденія его высочества при осмотрѣ Нуасвильскаго поля сраженія, въ которомъ участвовалъ I-й корпусъ.

Возвращаюсь къ слѣдованію моему отъ Саарбрикена. Городъ по сю сторону рѣки Сааръ очень красивъ и не носилъ на себѣ особыхъ слѣдовъ разрушенія отъ двукратныхъ столкновеній враждебныхъ армій, бывшихъ 2-го и 6-го августа; только желѣзнодорожная станція, находящаяся на возвышенности, пострадала болѣе. Почти на каждомъ домѣ виднѣлся бѣлый съ краснымъ крестомъ флагъ, и члены добровольной помощи съ большимъ составомъ сестеръ милосердія, фельдшеровъ, носильщиковъ и т. д. усердно трудились надъ устройствомъ лазаретовъ, попеченіемъ о раненыхъ и эвакуаціей ихъ на родину. Между больными было много французовъ, пользовавшихся одинаковымъ уходомъ съ нѣмцами.

Я познакомился съ нѣкоторыми кавалерами орденовъ — Мальтій-

скаго и Иоанна Иерусалимскаго, ставшими въ главы благотворительности; они сообщали мнѣ свѣдѣнія объ устройствѣ добровольной помощи, что послужило основаніемъ къ подробному донесенію моему по сему предмету.

Узнавъ, что движеніе военныхъ поѣздовъ отъ Саарбрикена по направленію къ Метцу возстановлено, я поспѣшилъ на станцію. Она представляла еще видъ только что съ боя взятаго мѣста. Стѣны пробиты ядрами; раненые, плѣнные въ разнообразныхъ одеждахъ, лица разныхъ хозяйственныхъ и тыловыхъ учрежденій, продовольственные запасы, французскій понтонный паркъ и другіе обозы, не успѣвшіе во время уйти и т. д., все это лежало, стояло или двигалось въ хаотическомъ безпорядкѣ, не смотря на энергичныя мѣры, принимавшіяся вступившимъ въ свои обязанности комендантомъ.

Я тотчасъ же былъ принятъ съ лошадьми на поѣздъ съ заявленіемъ, что подвезутъ меня до королевской главной квартиры въ Херни, находящейся приблизительно въ полуцѣти до Метца.

Со мною ѣхалъ желѣзнодорожный чиновникъ, весьма охотно передавшій о томъ, что уже было сдѣлано и что предполагалось еще сдѣлать ихъ вѣдомствомъ. Одновременно съ движеніемъ впередъ арміи шель личный составъ для желѣзныхъ дорогъ съ необходимымъ матеріаломъ для исправленія и продолженія пути. Не смотря на недавнее занятіе французской границы, все дѣйствовало уже и распорядилось какъ бы среди мира. Поѣзда ходили безпрепятственно и безъ прикрытія до станціи Ремильи, находящейся въ 20 кил. отъ Метца; издано распisanіе движенія; повсюду нѣмецкіе стрѣлочники, заставные и т. д. Отъ Ремильи строился уже обходный путь къ Понтъ-а-Муссонъ. Съ другой стороны французы выказали большую безпечность, и отступленіе ихъ было такъ торопливо, что они оставили въ рукахъ нѣмцевъ значительный подвижной составъ, провіантъ, паркы и т. д. Путь съ мостами былъ мало поврежденъ, такъ что нѣмцамъ не стоило большихъ трудовъ къ возстановленію движенія.

По дорогѣ, особенно ближе къ Саарбрикену и С. Аволя, виднѣлись предметы разрушенія, указывавшіе на недавній бой. Разбитыя стекла, двери и стѣны, валявшіеся ранцы, ружья и другія вещи снаряженія. Встрѣчались даже еще не убранныя тѣла французовъ. Къ 8 часамъ вечера прибылъ въ Херни. Комендантъ, къ которому я обратился, приказалъ двумъ солдатамъ взять мой чемоданъ, и я пѣшкомъ отправился къ близъ лежащему селенію.

Почтенный графъ Кутузовъ принялъ меня весьма радушно, спросилъ о моей поѣздкѣ, но уже былъ 11-й часъ, а потому мы скоро улеглись; я—на соломѣ, такъ какъ свободной кровати не оказалось. Графъ объявилъ мнѣ, что въ пятомъ часу слѣдующаго утра король поѣдетъ осмотрѣть поле сегодняшняго сраженія и войска

1-го и 7-го корпусовъ, принимавшія участіе и понесшія значительныя потери; при выѣздѣ короля надлежало мнѣ представиться его величеству.

Послѣ почти безсонной ночи, я поднялся рано и, надѣвъ походную форму генеральнаго штаба, пошелъ къ дому, занятому королемъ. У рѣшетки палисадника стояло открытое ландо, запряженное четверкою на уносъ. По дорогѣ построилась часть кавалерійскаго конвоя главной квартиры. Свита слѣдила отъѣздомъ, такъ что остался только дежурный флигель-адъютантъ, графъ Лендорфъ, который и назвалъ меня вскорѣ вышедшему королю. Его величество бодрыми шагами приближался къ экипажу; на немъ былъ сюртукъ при шарфѣ и шпагѣ, на шеѣ орденъ «Pour le mérite», а въ петлицѣ соединенныя ленточки желѣзнаго креста и св. Георгія 4-й степени, съ которыми онъ съ 1814 года не разставался. Камеръ-лакей, неся каску, надѣлъ на плечи монарха черное пальто, подбитое краснымъ сукномъ.

Король обратился ко мнѣ пофранцузски съ слѣдующими словами:

— Императоръ Александръ выразилъ желаніе на прикомандированіе къ моей арміи нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ; я былъ очень радъ возможности исполнить это желаніе. Привѣтствую васъ въ нашей средѣ. «Soyez le bien venu entre nous». Я намѣренъ посѣтить войска, успѣшно участвовавшія во вчерашнемъ бою. Ежели желаете сопровождать, лошадь будетъ предоставлена въ ваше распоряженіе. Вы вѣдь прямо изъ Петербурга?

Передавъ его величеству царскій поклонъ, я въ короткихъ словахъ высказалъ благодарность за допущеніе насъ въ ряды германской арміи. Король, при разговорѣ, надѣвалъ бѣлыя перчатки, причемъ, когда поклонился правой рукой, я замѣтилъ, что мѣсто перчатки для указательнаго пальца осталось пустымъ; потомъ я узналъ, что давно уже на охотѣ король выстрѣлилъ нечаянно въ указательный палецъ, который и пришлось тогда же отнять.

Я такъ утомился продолжительною ѣздою по желѣзной дорогѣ, что сперва полагалъ не ѣхать на поле сраженія, отдаленное отъ Херни не менѣе 17 верстъ; къ тому же у меня постоянно шла кровь изъ носу, которую никакимъ способомъ нельзя было остановить. Но кругомъ меня говорили, что, вѣроятно, сегодня продолжится бой въ виду недостиженія наканунѣ желаемаго результата.

Опасаясь пропустить дѣло, я сѣлъ на лошадь и пустился по направленію къ с. Панжу; поѣздку эту причисляю къ труднѣйшимъ въ моей жизни. Вскорѣ по выѣздѣ изъ Херни меня обогнала группа офицеровъ; при видѣ русскаго мундира они приостановились, и изъ объѣна привѣтствій оказалось, что то былъ военный министръ фонъ-Роонъ съ своими офицерами. По германскому обычаю кавалькада не замедлила перейти въ крупную рысь, не уменьшая аллюра почти до прибытія на мѣсто. Я испытывалъ чистую пытку

тѣмъ болѣе, что лошадь оказалась тряскою, а стремена не были хорошо пригнаны. Король объѣхалъ поле сраженія въ виду Мецскихъ фортовъ; затѣмъ посѣтилъ лагерныя мѣста и лазареты. Повсюду онъ былъ встрѣчаемъ восторженно. Войска 1-го и 7-го корпусовъ генераловъ Мантейфеля и Цастрова дрались молодецки, но уронъ былъ весьма значителенъ, говорили—свыше 5 тысячъ. Особенно чувствительна была потеря въ офицерахъ; были роты, оставшіяся совсѣмъ безъ нихъ. Тогда говорили, что начавшаяся простая рекогносцировка дежурной части передовыхъ постовъ развилась неожиданно въ настоящую битву, при чемъ какъ начальники, такъ и войска нѣсколько погорячились. Передавали также о серіозномъ столкновеніи, возникшемъ между командовавшимъ 1-ю арміею генераломъ Штейнменцемъ и командиромъ 7-го корпуса, не согласившимся исполнить посланное ему приказаніе отойти назадъ и тѣмъ очистить взятое корпусомъ поле сраженія.

Только позднѣе выяснилось, какое громадное значеніе имѣло это дѣло, удержавшее французовъ подъ Мецемъ и способствовавшее пораженію ихъ 16-го и 18-го августа.

Лежавшихъ, слѣдовавшихъ, упираясь на палки, и перевозимыхъ въ большихъ телѣгахъ, раненыхъ была масса. Одному красивому унтеръ-офицеру пуля въ близкомъ разстояніи отъ противника ударила въ бляху португеи, разбила ее и остановилась за рубашкой. Ударъ былъ такъ силенъ, что онъ долго не могъ опомниться. Случай этотъ тѣмъ болѣе врѣзался въ мою память, что 7 лѣтъ позднѣе, подъ Горнымъ Дубнякомъ, я былъ раненъ такимъ же образомъ; только пуля вошла глубже, и потребовалась для ея извлеченія серіозная операція.

Едва возвратился я въ Херни, какъ камеръ-лакей передалъ мнѣ приглашеніе обѣдать у короля.

Графъ Кутузовъ торопился, желая еще до обѣда представить меня королевской свитѣ.

Въ небольшомъ палисадникѣ передъ ратушею, занятой королемъ, уже собралась непосредственная свита короля въ сюртукахъ, въ фуражкахъ, при оружіи.

Назову только лицъ, обращавшихъ на себя вниманіе по той или другой причинѣ:

1) Придворный штатъ:

Оберъ-гофмаршалъ графъ Пюклеръ, старый и приверженный слуга королевской фамиліи; маленькій съ совершенно бѣлыми густыми волосами (или парикомъ), съ взбитымъ наверхъ хохломъ; сдержанный, холодный и чувствовавшій свое достоинство. Гофмаршалъ графъ Перпонше, любезный, привѣтливый, съ утонченными манерами царедворецъ. Оба носили военную форму: первый—генеральскую, а послѣдній, кажется, съ маюрскими отличіями. Шталмейстеръ фонъ-Раухъ еще внимательнѣе и обходительнѣе; не смотря

на свое высокое положеніе, входилъ во всѣ детали шталмейстерской службы, вслѣдствіе чего экипажи и лошади содержались въ примѣрномъ порядкѣ. Докторъ Лауеръ, напоминавшій своею внѣшностью, добротою и обходительностью лейбъ-медика императора Александра II, доктора Кареля.

1) Военная королевская квартира:

Генераль-адъютанты Бонинъ и Треско—утонченной любезности и вѣжливости. Первый зналъ русскихъ, ибо своякъ его, князь Биронъ-Курляндскій, былъ женатъ на княжнѣ Менцерской. Когда Наполеонъ III былъ взятъ въ плѣнъ, то король избралъ его для сопровожденія императора въ Кассель. Генераль Треско, начальникъ военнаго кабинета, потому весьма вліятельный; часто бывалъ въ Россіи. Во второй половинѣ кампаніи получилъ 17-ю (Мекленбургскую) дивизію и оказался блистательнымъ по храбрости и распорядительности генераломъ.

Флигель-адъютанты: графъ Вальдерзе, имѣлъ назначеніе принимать получавшіяся донесенія и докладывать ихъ королю, а также на основаніи имѣвшихся точныхъ свѣдѣній обозначать значками расположеніе враждующихъ армій на картѣ. На него было возложено позднѣе щекотливое порученіе разъяснить причины медленнаго дѣйствія арміи принца Фридриха-Карла у Луары и побудить его къ болѣе рѣшительному наступленію.

По оставленіи фельдмаршаломъ Мольтке должности начальника генеральнаго штаба графъ Вальдерзе занялъ этотъ важный постъ и успѣлъ заслужить къ себѣ полное довѣріе; теперь, съ правами фельдмаршала, онъ командуетъ 9-мъ корпусомъ. По внѣшности и обходительности онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе; до крайности спокойный и хладнокровно обсуждая дѣйствительное положеніе вещей, онъ былъ, однако, весьма сдержанъ и высказывалъ свое мнѣніе только при невозможности поступить иначе. Его соображенія, въ этихъ случаяхъ, выслушивались съ большимъ уваженіемъ. Полковникъ Альбедиль, весьма серьезный и умный чловѣкъ, замѣнившій генерала Треско при выбытіи послѣдняго изъ званія начальника кабинета.

Князь Радзивиль, полурусскій по своимъ обширнымъ владѣніямъ въ Россіи, и графъ Лендорфъ—весьма любезные и предупредительные, съ отсутствіемъ всякой надменности и натянутости. Они пользовались особымъ расположеніемъ короля.

Но вотъ всѣ находившіеся въ садикѣ посторонились, и быстрыми шагами вошелъ графъ Бисмаркъ, въ кирасирскомъ сюртукѣ, въ бѣлой съ желтымъ околышкомъ фуражкѣ; въ рукахъ держалъ онъ паланъ. Всѣмъ знакомо его выразительное лицо; тогда оно дышало бодростью и предприимчивостью. Представляя канцлеру, я передалъ поклонъ его семьи; «Да,—отвѣтилъ онъ,—жена уже писала мнѣ; вѣдь, оказывается, мы старые знакомые по Петербургу». Во время

обмѣна этихъ нѣсколькихъ словъ глаза его блуждали, и видно было, что мысли находятся гдѣ-то далеко. Разговоръ былъ прерванъ графомъ Шюклеромъ, приглашавшимъ подняться наверхъ въ столовую. Не помню, обѣдалъ ли въ этотъ день у короля генералъ Мольтке; кажется, нѣтъ, такъ какъ въ дневникѣ моемъ занесено, что по правую сторону его величества сидѣлъ графъ Бисмаркъ, а по лѣвую генералъ Бонинъ, затѣмъ я.

Обстановка короля, до прибытія въ Версаль ¹⁾, была весьма проста, на столѣ стояло нѣсколько бутылокъ мадеры и мѣстнаго вина, а также графины съ водою; тарелки, изъ тонкаго серебра, употреблялись Фридрихомъ Великимъ во всѣхъ его походахъ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ супа, мяса въ двухъ видахъ и сладкаго. Во все время обѣда графъ Бисмаркъ говорилъ съ королемъ. Меня поразило, какую любовь и нѣжность выражали обыкновенно столь суровыя черты канцлера, когда онъ обращался къ королю. Я не могъ свести глазъ съ него, до того это меня поражало. Послѣ обѣда король удостоилъ меня продолжительнымъ разговоромъ. Не смотря на то, что въ 1870 г. ему шель уже 74 годъ, король казался весьма бодрымъ и способнымъ переносить большіе физическіе труды. Обхожденіе его крайне ласковое и не принужденное. Спросивъ о значеніи имѣвшася на мнѣ знака академіи генеральнаго штаба, его величество перешелъ къ вопросу о формированіи у насъ этого штаба, а затѣмъ къ красносельскимъ занятіямъ. «Еще императору Николаю I выражалъ я о маломъ сочувствіи моемъ къ принятой у васъ системѣ постоянныхъ лагерей, въ которыхъ по большому числу собираемыхъ войскъ они должны мѣшать другъ другу, и, кромѣ того, мѣстность становится на столько извѣстною, что теряется желательная поучительность полевыхъ занятій. У насъ также нѣкоторые изъ генераловъ были за лагерные сборы, но я всегда стоялъ и стою за подвижные сборы». Его величество коснулся еще другихъ сторонъ воспитанія войскъ, выражавшихъ близкое знакомство съ нашею арміею. Я слушалъ короля съ понятнымъ глубокимъ вниманіемъ, и въ то же время мнѣ какъ-то не вѣрилось, что объ этихъ предметахъ, имѣвшихъ столь мало связи съ тогдашними событіями, говорилъ маститый король, предводительствовавшій полумиліонною арміею, осматривавшій утромъ поле сраженія и посѣтившій массу войскъ и раненыхъ и тамъ же на мѣстѣ раздавшій приказаніе объ ускореніи движенія за Мозель арміи для захвата дороги въ Вердёнъ и прегражденія арміи Базена выхода изъ Меца. Обстоятельство это доказываетъ, съ какою легкостью слагались въ умѣ короля самыя разнообразныя воспоминанія, и какъ быстро онъ могъ переходить отъ самаго незначи-

¹⁾ Въ Версаль онъ жилъ уже королемъ, со всею необходимою обстановкою, въ виду множества лицъ, туда приглашавшихъ, и провожатенія германскимъ императоромъ.

тельного предмета къ событію міроваго значенія. Такъ и въ данномъ случаѣ отъ давнихъ воспоминаній мирныхъ занятій подъ Краснымъ Селомъ король прямо перешелъ къ побѣдамъ 3-ей арміи; въ словахъ монарха слышалась столь понятная гордость отца. «Я счастливъ,—сказалъ онъ,—что сынъ мой, впервые дѣйствуя самостоятельно, стяжалъ себѣ такія лавры». Когда король удалился, графъ Кутузовъ повелъ меня въ мѣстную школу для представленія генералу Мольтке, остановившемуся съ своимъ штабомъ въ классныхъ комнатахъ. Кому не извѣстенъ съ 1870 г. внѣшній обликъ знаменитаго начальника генеральнаго штаба германской арміи. Тогда онъ былъ не столь популяренъ; высокая, худощавая фигура, съ морщинистымъ лицомъ безъ всякаго признака растительности и бѣлокурый парикъ невольно привлекали на себя вниманіе. По обыкновенію молчаливый, онъ ограничился лишь нѣсколькими словами привѣтствія. Ближайшимъ его помощникомъ былъ генералъ квартирмейстеръ Подбѣльскій, еще не старый, съ энергическимъ выраженіемъ лица. Его многіе очень хвалили, но онъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Онъ былъ, какъ говорится, боевымъ элементомъ полевого штаба, и требовалось, кажется, иногда даже вмѣшательство короля для устраненія возбуждавшагося имъ тренія. Непосредственными затѣмъ сотрудниками генерала Мольтке были три начальника отдѣленій, подполковники: Бронзаръ фонъ-Шеллендорфъ, Верди-де-Вернуа и Бранденштейнъ. Первый, представляя собою типъ превосходнаго прусскаго офицера, былъ хотя и внимателенъ, но сухъ; въ послѣдствіи долгое время занималъ постъ военнаго министра, а потомъ командира 1-го корпуса. Сочиненіе его «Служба генеральнаго штаба» весьма замѣчательно. Верди гораздо привѣтливѣе перваго; во время польскаго возстанія состоялъ военнымъ агентомъ въ Варшавѣ и сохранилъ о насъ добрую память. Меня онъ привѣтствовалъ нѣсколькими русскими словами. Въ военной литературѣ онъ занималъ выдающееся мѣсто. Былъ военнымъ министромъ и корпуснымъ командиромъ; теперь въ отставкѣ, бодръ и свѣжъ, посвящая свой досугъ разнымъ военнымъ сочиненіямъ, изъ коихъ послѣднее «Im Grossen Hauptquartier 1870—1871» (Въ главной квартирѣ) полно многими воспоминаніями живого интереса. Подполковникъ Бранденштейнъ, скромный и милый; отличный математикъ. Ему обязана Германія подготовкою желѣзныхъ дорогъ къ выполненію громадной и до того не виданной задачи быстро сосредоточенія полумиліонной арміи къ границѣ. Графъ Мольтке настолько цѣнилъ заслуги его, что по окончаніи кампаніи упростилъ королю пожаловать Бранденштейну орденъ Pour le mérite не смотря на то, что онъ дается только за личную храбрость и боевую заслугу. Прямѣрь не бывалый!

Изъ остальныхъ офицеровъ генеральнаго штаба назову только капитана Винтерфельда, съ которымъ я ближе сошелся и совер-

шилъ во время перемирія интересную поѣздку по Франціи. Теперь онъ генераль-адъютантъ и командуетъ гвардейскимъ корпусомъ, а прежде былъ весьма близокъ къ императору Фридриху.

Штабъ генерала Мольтке, кромѣ названныхъ 5 лицъ, состоялъ еще изъ 6 маіоровъ и капитановъ генеральнаго штаба и нѣсколькихъ офицеровъ, командированныхъ изъ строя. Онъ представлялъ собою примѣръ рѣдкой сплоченности; спайкой служили взаимное довѣріе и дружба, знаніе и преданность къ дѣлу. Этотъ небольшой кружокъ, будучи средоточіемъ всѣхъ распоряженій, передвигался, располагался, работалъ и столовался всегда вмѣстѣ, вращаясь весьма мало внѣ своей среды, что, конечно, много способствовало къ сохраненію штабной тайны. Кромѣ того, по принципу, тамъ никогда не касались служебныхъ вопросовъ внѣ комнатъ штаба. Довѣріе штабныхъ къ ихъ знаменитому начальнику было слѣпое; онъ уважался не только, какъ отличный стратегъ, но какъ надѣленный лучшими качествами, украшающими человѣка. Верди удостовѣряетъ, что въ теченіе всей кампаніи, съ ея свѣтлыми и темными днями, генераль Мольтке никогда, ни на минуту, не терялъ своего высокаго самообладанія и необычайнаго равновѣсія. Никто не слыпалъ отъ него не только выраженія неудовольствія, но даже простого возвышенія голоса.

Ежели въ императорской квартирѣ, тѣмъ не менѣе, встрѣчались тренія или различіе въ мнѣніяхъ, то исходили они болѣе отъ невоздержности и крайне энѣргическаго проявленія своей воли графа Бисмарка.

Умиротворяющимъ и все сглаживающимъ элементомъ являлся король. О вліяніи и значеніи его на войнѣ сложилось неправильное мнѣніе. Причину надобно искать въ необыкновенной его скромности и прирожденномъ свойствѣ выставлять заслуги главныхъ своихъ сотрудниковъ, оставаясь въ тѣни. Даже военная литература еще мало коснулась личныхъ заслугъ короля, и только г. Генигъ въ своемъ сочиненіи говоритъ о немъ съ полною сердечностью и правдивостью, и обликъ монарха является крайне симпатичнымъ и свѣтлымъ.

При всемъ добродушіи своемъ, король, однако, держалъ власть крѣпко въ рукахъ и минутами могъ быть даже грозенъ.

Такъ было, на примѣръ, подъ Гравелотомъ. Сраженіе, какъ извѣстно, вначалѣ не налаживалось. Рано вступившія въ бой войска I-й арміи лишь крайне медленно подвигались впередъ и то при большихъ потеряхъ и усиліяхъ. Съ лѣваго фланга донесенія указывали, что французы расположены гораздо шире, чѣмъ предполагалось, а потому исполненія обходнаго движенія 12-мъ, саксонскимъ, корпусомъ нельзя было ожидать ранѣе вечера. Дѣло затягивалось, когда неожиданно получено было донесеніе главнокомандующаго I-й арміи Штейнмеца о занятіи имъ впереди лежащихъ высотъ и от-

пранленія кавалеріи Гартмана для преслѣдованія отступавшихъ французовъ. Донесеніе это совершенно не соотвѣтствовало обстановкѣ, насъ окружавшей, производившей наоборотъ то впечатлѣніе, что стоятъ твердо французы, а колебаться начинаютъ впереди насъ въ огнѣ находившіяся войска 8 и 9 корпусовъ. Вскорѣ стала видна большая группа всадниковъ, приближавшаяся къ мѣсту нахождения главной квартиры. То былъ генераль Штейнмецъ, старый другъ и сподвижникъ Вильгельма I-го, герой войны 1866 года, съ полнымъ почти составомъ своего штаба. Съ улыбкой приложившись къ козырьку, подѣхаль старый генераль. Какими словами его встрѣтилъ король, — не знаю, но лицо генерала стало быстро измѣняться: то оно блѣднѣло, то краснѣло, и наконецъ съ опущенной головой продолжалъ онъ слушать своего монарха. Наконецъ Штейнмецъ, послѣ поклона, быстро повернулъ лошадь и поскакалъ, какъ говорили, готовить свои войска къ новому натиску. Король имѣлъ гнѣвный видъ, который еще увеличился, когда надъ свитой внезапно начали разрываться цѣлые букеты шрапнелей, а высшіе чины убѣждали его отѣхать назадъ. Было уже порядочно темно; однѣ части войскъ шли къ сторонѣ французовъ, другія обратно. Чувствовалась какая-то неувѣренность, похожая на начинающуюся панику. Вскорѣ стали замѣчаться въ лощинахъ и болѣе темныхъ мѣстахъ много отдѣльно слѣдовавшихъ или лежащихъ группъ солдатъ. Король недоумѣвалъ, и на спросъ, къ какимъ частямъ принадлежатъ люди, получилъ въ отвѣтъ: къ 8-му корпусу.—Что вы тутъ дѣлаете?— продолжалъ король!—Приказано отступать!—Вышедшій изъ себя король со словами: «Der Teufel hat es euch befohlen» («чортъ вамъ приказалъ это»),—кликнулъ флигель-адъютанта и приказалъ собрать всѣ разсѣяныя группы, вести ихъ къ своимъ частямъ въ огонь. Тутъ онъ былъ дѣйствительно грозенъ. Въ теченіе кампаніи я имѣлъ довольно часто случаи видѣть короля и каждый разъ удостоивался нѣсколькими милостивыми словами. Въ дневникѣ подчеркнуты слѣдующіе два случая.

Не знаю, какимъ путемъ дошло до его величества о моихъ донесеніяхъ, но послѣ одного обѣда въ Версали, къ которому я былъ приглашенъ, король, ласково улыбаясь, сказалъ: «Говорятъ, вы подробно насъ изучаете; я очень радъ, что имѣемъ въ васъ справедливаго цѣнителя. Мы не нуждаемся въ восхваленіи, а лишь въ справедливой оцѣнкѣ нашихъ трудовъ».

Вскорѣ послѣ приведеннаго разговора, пяти русскимъ офицерамъ, состоявшимъ при прусской арміи, былъ пожалованъ желѣзный крестъ 2-ой степени. Вотъ что сказалъ мнѣ при этомъ король: «Жалуя вамъ желѣзный крестъ, я въ сущности поступилъ противъ его статута, такъ какъ отецъ мой, король Фридрихъ-Вильгельмъ III, учредилъ этотъ орденъ въ 1813 году исключительно для германскихъ союзниковъ, и никто изъ участниковъ этой великой эпохи, не будучи

нѣмцемъ, не получилъ его. Желая почтить особенно изумительную храбрость русскихъ войскъ подъ Кульмомъ, отецъ мой основалъ, собственно для этой побѣды, особый знакъ, схожій съ желѣзнымъ крестомъ I степени, но изъ черной кожи въ желѣзной оправѣ. Потомъ кожа была замѣнена желѣзомъ, а оправа серебромъ. Я счелъ себя, однако, въ правѣ сдѣлать теперь изъятіе для русскихъ офицеровъ, ибо императоръ Александръ II для меня болѣе всякаго союзника, и онъ не перестаетъ осыпать мою армию знаками милости и вниманія. Крестъ этотъ, надѣюсь, будетъ напоминать вамъ достопамятное время, проведенное вами въ нашихъ рядахъ».

Но я такъ увлекся воспоминаніями о королѣ, что значительно опередилъ событія, поэтому спѣшу возвратиться къ вечеру 15-го августа въ Херни.

Къ 9 часамъ вечера мы были приглашены къ королю; за столомъ, за которымъ днемъ обѣдали, сидѣло отъ 8—10 человекъ свиты; но высшіе чины полевого управленія отсутствовали. Подавали по большой чашкѣ чаю, а затѣмъ по стакану воды, въ которую желающій подливалъ краснаго вина, а равно и бутерброды. Всѣ казались утомленными. Сознаюсь, что и мнѣ, скрываясь за сосѣдомъ, едва удавалось держать глаза открытыми. Одинъ король оставался бодрымъ и переходилъ отъ одного воспоминанія къ другому изъ его богатой событіями жизни.

Около 11 часовъ король отпустилъ насъ, предупреждая, что выѣзжаетъ въ 5 часовъ утра въ Понтъ-а-Муссонъ.

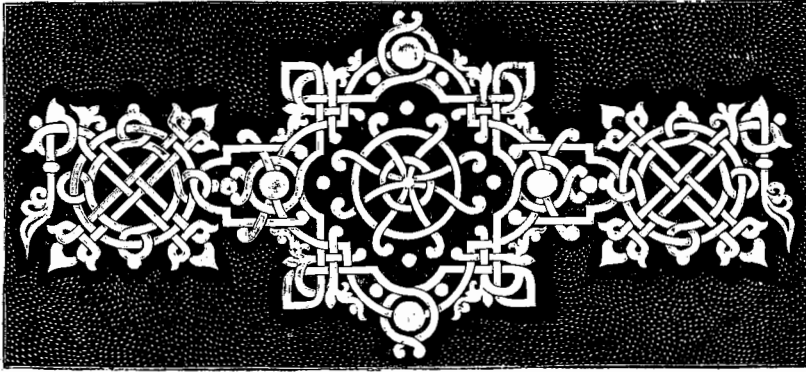
На слѣдующее утро вереница экипажей главной квартиры потянулась подъ прикрытіемъ конвоя въ Понтъ-а-Муссонъ, отдаленный на 50 верстъ отъ Херни; встрѣчавшіяся по пути селенія были почти пусты; только нѣсколько стариковъ и старухъ встрѣчали короля возгласами: *la raix! la raix!* Все время обгоняли мы нескончаемые ряды войскъ съ ихъ обозами. Затѣмъ слѣдовали знаменитые дни Марсъ-ла-Тура и Гравелота. Въ дневникѣ моемъ занесено много замѣтокъ объ этихъ міровыхъ событіяхъ, но большая часть ихъ имѣетъ или вполнѣ специальное значеніе, а потому болѣе подходит къ тактической статьѣ, а другія описываютъ такіа страданія и ужасы, неизбѣжные съ боемъ, что я не желалъ бы заканчивать ими настоящее повѣствованіе, имѣющее болѣе полумирный эпизодическій характеръ.

Одно скажу, что въ теченіе 17 — до 19 августа новаго стиля мнѣ пришлось видѣть не менѣе 50 тысячъ убитыхъ и раненыхъ французовъ и нѣмцевъ, покрывшихъ поля сраженія, лежа то отдѣльно, то небольшими кучками, то цѣлыми массами. Кровь, стонъ, видъ умиравшихъ и страдавшихъ людей и издыхавшихъ лошадей — характерный беспорядокъ, всегда сопровождающій поле битвы и выражающійся множествомъ разбросанныхъ вещей и предметовъ вооруженія и снаряженія, производили потрясающее впечатлѣніе.

Еще въ Херни передалъ мнѣ генераль Треско, что король предназначилъ меня въ X корпусъ, командира коего, генерала Фохтсъ-Реца, онъ очень хвалилъ. Въ 1866 году онъ былъ начальникомъ штаба принца Фридриха-Карла и многимъ содѣйствовалъ къ принятию рѣшенію атаковать австрійцевъ подъ Кенигсгрецемъ. Въ описываемую кампанію его начальникомъ штаба X корпуса былъ подполковникъ Каприви, впоследствии императорскій канцлеръ. 19-го августа какимъ-то чудомъ наткнулся я на моихъ лошадей и тотчасъ пустился на лихомъ казакѣ по направленію St.-Ail, гдѣ, по указанію подполковника Верди, долженъ былъ находиться бивуакъ X корпуса.

Бар. Л. Зедделеръ.

ПЧЕЛЫ.

Эпизодъ изъ архіерейской жизни.

(Посвящается преосвященному Симеону, епископу минскому и туровскому).

ОЛГО ждали въ этотъ годъ архіерейскаго объѣзда въ епархіи; ждали этого объѣзда рѣшительно всё отъ мала до велика, не говоря уже о духовенствѣ, искреннимъ расположеніемъ котораго заслуженно пользовался добрый, отзывчивый, всёмъ и каждому доступный владыка. Да и дѣйствительно случись съ какимъ нибудь попомъ какой нибудь грѣхъ служебный—иди смѣло къ владыкѣ, откровенно скажи ему все, какъ было, какъ попуталъ лукавый; пожурить владыка, крѣпко пожурить, но всегда до конца и отечески помилуетъ. И возвращается къ себѣ домой, въ приходъ, хотя и согрѣшившій, но нравственно воскресшій и глубоко раскаявшійся пастырь. Такое отношеніе владыки, конечно, не оставалось безъ вліянія на духовенство, а черезъ его посредство передалось и паствѣ и служило надежной опорой добрыхъ отношеній мірянъ между собою, а также основаніемъ къ взаимнымъ отношеніямъ духовенства и паствы. Наружностью владыка былъ очень симпатиченъ; не слишкомъ малаго росту, даже скорѣе средняго, сѣдой старичекъ съ неособенно густой растительностью въ бородѣ и на головѣ, съ су-

ровымъ на первый взглядъ, но въ сущности только серьезнымъ взоромъ глубокихъ голубыхъ глазъ, съ мягкимъ ласкающимъ голосомъ (владыка въ молодости обладалъ прекраснымъ теноромъ и до послѣднихъ дней сохранилъ любовь и знаніе церковнаго пѣнія), всегда ровный, деликатный въ обращеніи и нелицепріятный въ отношеніяхъ къ подначальному духовенству, онъ невольно привлекалъ къ себѣ всякаго, обращавшагося къ нему.

Таковъ былъ владыка нашъ по наружности и въ общеніи съ людьми. Но особенно привлекалъ онъ къ себѣ всѣ сердца, когда служилъ. Кому доводилось присутствовать при исполненіи имъ священныхъ требъ, у того, несомнѣнно, навсегда, неизгладимо останется въ памяти это, поистинѣ, исходившее прямо изъ сердца и проникавшее въ самые сокровенные тайники души человѣческой, прочувствованное чтеніе Святаго Евангелія и акаѳиста Пресвятой Владычицѣ нашей.

Всякому слушателю становилось до очевидности яснымъ, что такое чтеніе, при которомъ всякое слово священнаго писанія, и при томъ продуманное и произнесенное такъ, какъ, произносить его владыка, не можетъ исходить изъ устъ недостойныхъ. Такое убѣжденіе, конечно, еще болѣе приковывало къ читавшему владыкѣ вниманіе всѣхъ, и безразлично, былъ ли то простой пахарь, или высоко стоявшій на іерархической лѣстницѣ мужъ совѣта, всякій весь въ это время отдавался молитвѣ. Да проститъ мнѣ, скромному рассказчику, читатель столь продолжительную остановку на описаніи владыки нашего; но, по совѣсти, долженъ сказать, что не мнѣ слабыми моими силами описывать мощную духомъ личность нашего архипастыря. Что бы и какъ бы я ни описалъ, все будетъ ме довольно полно для выраженія его дивной нравственной личности.

Не мудрено, что такого архипастыря именно ждали.

Не всякому, быть можетъ, извѣстно, какъ ѣздятъ архіерей по епархіи. Обыкновенно, раннимъ утромъ, въ день выѣзда, въ крестовой архіерейской церкви служится напутственный молебенъ, послѣ котораго владыка выѣзжаетъ въ путь, въ каретѣ, запряженной четверкою лошадей, имѣя на козлахъ келейнаго; въ карету же приглашается иногда кто нибудь изъ сопровождающаго духовенства. Далѣе, въ экипажахъ различнаго фасона, коляскахъ, бричкахъ и просто широкихъ пошевняхъ размѣщаются: два, три монаха, протодіаконъ, іеродіаконъ, ипподіаконъ, нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ и архіерейская прислуга. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ весь этотъ штатъ выѣзжаетъ нѣсколько ранѣе къ назначенному мѣсту остановки. Ѣздитъ владыка не быстро, да еще дорогой, если мѣстность была красивая и привлекала взоръ, велитъ остановить лошадей, выйдетъ изъ экипажа и любитъ мѣстоположеніемъ. Расчетъ пути держали всегда такой, чтобы прибыть къ мѣсту ночлега часа въ три дня, дабы владыка могъ отдохнуть, подкрѣпиться силами и слу-

жить всенощную, послѣ которой уже удалялся на ночь въ избранное имъ помѣщеніе, почти всегда у сельскаго священника. На этотъ разъ архіерейскій объѣздъ пришелся въ такую пору года, когда уже полевья работы были окончены, къ озимымъ посѣвамъ еще не приступали, такъ что храмовой праздникъ Преображенія Господня могъ быть отпразднованъ въ селѣ Высокомъ особенно торжественно, тѣмъ болѣе, что владыка собирался самъ служить наканунѣ всенощную, а въ самый престоль и обѣдню.

Какъ всегда, владыка дѣйствительно прибылъ въ Высокое часу въ четвертомъ пятаго августа и ровно въ шесть часовъ вечера началъ всенощную, по окончаніи которой удалился въ покои на отдыхъ, потребовавъ къ себѣ метрическія книги.

Вставалъ онъ очень рано и любилъ, пока всѣ еще спятъ, выйти въ садъ и на чистомъ воздухѣ, встрѣчая восходъ солнца, просматривать записи въ книгахъ. Такъ и на этотъ разъ, вставъ часу въ пятомъ утра, въ подрясникѣ и невысокой скуфейкѣ, вышелъ онъ въ чудный, тѣнистый садъ прогуляться и приказалъ келейному подать ему книги. Между тѣмъ, шагъ за шагомъ, углублялся онъ въ садъ и дошелъ до изгороди, отдѣлявшей садъ священника отъ сосѣдняго сада. Въ этомъ послѣднемъ увидѣлъ онъ пасѣку и насчиталъ до ста поставцевъ съ пчелиными ульями. Это обстоятельство навело его на мысль, что владѣлецъ этой пасѣки, должно быть, человѣкъ зажиточный; мысленно похваливъ его и призвавъ на его хозяйство благословеніе Божіе, владыка возвратился въ бесѣдку, куда послушный келейный уже доставилъ метрическія книги. Прекрасное утро, обѣщавшее теплый, осенній день, чистый воздухъ, ароматъ скопленнаго сѣна и хорошій порядокъ, найденный владыкою въ просматриваемыхъ книгахъ, наконецъ вся обстановка эта привели его въ благодушное настроеніе, выразившееся въ томъ, что обѣдню служилъ онъ съ особеннымъ чувствомъ и вызвалъ искреннее благоговѣніе въ паствѣ.

Своимъ чередомъ прошла обѣдня, и слово сказалъ владыка на тему о непремѣнной обязанности нашей помогать другъ другу и въ этой помощи находить себѣ награду и утѣшеніе, не добиваясь какой либо особой мзды и не поставляя себѣ такую помощь въ заслугу. Словомъ сказать, все, одно къ одному, шло очень гладко и хорошо, и довольный преосвященный удостоилъ сельскаго батюшку принять приглашеніе къ его скромной трапезѣ.

Послѣ обѣдни, благословивъ народъ, владыка во главѣ приглашенныхъ пошелъ въ домъ священника. По дорогѣ, замѣтивъ ребяташекъ, владыка обратилъ на нихъ вниманіе и подозвалъ одного изъ нихъ, мальчика лѣтъ десяти. Ребенокъ безъ робости подошелъ къ архіерею и испросилъ его благословенія.

— Какъ зовутъ тебя?—спросилъ владыка.

— Петькой, батюшка,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Умникъ ты, Петя. А Богу молишься?—продолжалъ владыка.
 — Молимся, батюшка.
 — Какъ же ты молишься?
 — Отче нашъ, Богородицу, Господи помилуй!—говорю.
 — Хорошо это, и впередъ молись. А отца съ матерью почитаешь и любишь, слушаешься ихъ?
 — Безъ этого нельзя, батюшка, тогда и Богъ, и люди любить не будутъ.

— Кто же тебя научилъ этому?—удивился владыка.
 — Нашъ батюшка, отецъ Иванъ: какъ соберетъ насъ десятка съ полтора, то и говоритъ намъ; и такъ хорошо, внятно. Вотъ все равно, какъ сегодня въ церкви ты говорилъ.

Усмѣхнулся владыка; по душѣ ему прилились простыя слова ребенка; возложилъ ему на голову руку и сталъ спрашивать. Мальчикъ оказался смышленный, понятливый и былъ очень доволенъ, когда архіерей подарилъ ему крестикъ, серебряный съ Распятіемъ, на шелковой ленточкѣ и надѣлъ его ему на шею.

За обѣдомъ владыка вспомнилъ о своей утренней прогулкѣ и пожелалъ узнать, чья пасѣка примыкаетъ къ саду священника.

— Чья эта пасѣка, около южной стороны твоего села, отецъ Иванъ?—спросилъ онъ хозяина.

— Здѣшняго старшины, владыка святой, вотъ и владѣлецъ на лицо,—указалъ батюшка на почтеннаго, осанистаго человѣка, сидѣвшаго тутъ же за трапезой.

— Полезнымъ и хорошимъ дѣломъ занимаешься,—обратился къ нему преосвященный.

— Благослови, владыка, принять отъ насъ медку; нынче сборъ былъ такой, что давно не запомнить.

— Спасибо, тебѣ. Не откажусь. Намъ, монахамъ, особенно прилично чай съ медомъ пить. Спасибо,—повторилъ владыка,—пришли. А сколько у тебя ульевъ?

— Да къ сотнѣ, не больше подберется. Да вотъ тутъ случай вышель, такъ изъ одного улья нынче и не вынималъ соты.

— Что такое, расскажи, мы послушаемъ.

— Да ужъ не знаю, какъ дерзнуть, владыка. Не прогнѣвался бы ты? Дѣло-то ужъ очень мудреное.

— Мудреное или нѣтъ, про то говорить будемъ послѣ. Одно только помнить надо: мудрѣ Божьяго промысла быть не можетъ, и я увѣренъ, что если оно такъ мудрено, какъ ты думаешь, то навѣрно увидимъ знаменіе мудрости Божіей. Не бойся, рассказывай.

Вотъ что рассказалъ владыкѣ, въ присутствіи всѣхъ трапезававшихъ, почтенный сельскій старшина:

— Много лѣтъ ужъ семья наша занимается пчелами. Еще покойный отецъ мой, тоже бывший въ нашемъ селѣ старшиной, завелъ это дѣло не изъ какой нибудь корысти, а для себя, и доставалъ

медь не для продажи, а въ своей же семьѣ и расходовалъ его; а что было лишняго, то отъ трудовъ своихъ раздавалъ знакомымъ. Сперва не много было у насъ ульевъ; такъ штукъ съ пятокъ; потомъ стали пчелы роиться; потребовалось поставить имъ новые поставцы, вотъ и дошло число ихъ, какъ теперь изволите, владыка, видѣть. Слава Богу, нынче меду много было; повынули соты изъ всѣхъ ульевъ; только лишь изъ одного не дерзнули, не знаемъ, что и будетъ. Передъ самымъ Петровымъ днемъ, нынче лѣтомъ пришелъ ко мнѣ на побывку племянникъ мой, брата моего покойнаго Павла сынъ Николай. Мои сыновья хорошо обошлись съ нимъ; въ дѣтствѣ были они промежду себя дружны; да потомъ, какъ пошелъ ему семнадцатый годъ, брата моего дѣла маленько побсильсь, онъ и отправилъ Николая въ Москву въ ученье. Какъ-то неудачно было это ученье; ни у одного хозяина не уживался Николай: то работа ему не по душѣ, то съ хозяиномъ не лады. Бился, бился съ нимъ братъ, а тутъ и самъ по веснѣ простудился, да въ недѣлю Богу душу и отдалъ. Николай-то, какъ отецъ померъ, старшимъ въ домѣ остался. Недолго думалъ,—бросилъ московское ремесло да и пришелъ къ намъ. Не признать намъ было въ немъ прежняго красавца, парня кровь съ молокомъ Николку. Кормили его тамъ плохо что ли, или городская жизнь ему не по плечу, только сталъ онъ худой-прехудой. Щеки ввалились, глаза какіе-то невеселые, тусклые, и разговоръ у него сталъ какой-то странный, непонятный. Вѣдь что, между людей толкался, да не въ прокъ ему, видно, пошло это. Отъ своихъ-то онъ поотсталъ; надо полагать, что и къ столичнымъ умникамъ не присталъ. Началъ онъ моихъ смущать: все де у нихъ не такъ. Въ церковь молъ ходить не слѣдуетъ, потому, если хочешь дескать помолиться, такъ гдѣ ни молись, молитва все молитвой останется, и коли она угодна, то угодна и въ полѣ и дома; святыхъ иконъ тоже не почиталъ, сперва слушали его парни, а потомъ, какъ увидали, что человекъ будто и свихнулся, пришли да мнѣ и сказали. Я съ нимъ и такъ и этакъ, онъ все свое несетъ. А тутъ подходилъ Петровъ день; онъ говоритъ: вотъ увидите, что я говѣть буду, потому безъ этого жениться нельзя, а причастья не прогложу; вы посмотрите, что я съ нимъ сдѣлаю. Что ты, говорю, Николай, Богъ съ тобой, затѣялъ; лучше и думать не мочи никакого кощунства, а то я все равно отцу Ивану скажу, онъ не допуститъ до причастія. Тутъ онъ будто и испугался, сталъ клясться, божиться, что только это онъ такъ похвасталъ, что все, какъ по закону слѣдуетъ, исполнить. Ну, думаю; Богъ съ нимъ; можетъ быть, парень и одумался. Однако, мои сыны все-таки невольню за нимъ слѣдили. Что же, владыка святой, вы думаете! Въ Петровъ день, за ранней обѣдней, какъ принялъ онъ Святыхъ Тайнъ, смотримъ—не глотаешь, а прямо изъ церкви вонъ, не испилъ теплоты, да въ пасѣку, да тутъ же выплюнулъ ихъ на траву, пошелъ себѣ домой. Мой Павелъ, какъ уви-

далъ такое кощунство, обмеръ и бросился подбирать святыя дары. Тутъ же близко былъ улей; онъ дверки отворилъ да на листикѣ и положилъ ихъ туда. Не тронули его пчелы. Послѣ того пошли да и сказали объ этомъ отцу Ивану.

— Что же ты, отецъ Иванъ, сдѣлалъ? Какъ распорядился? — перебилъ рассказчика владыка.

— Приказалъ имъ всѣмъ молчать объ этомъ, чтобы не поселять искушенія, преосвященнѣйшій владыка, — отвѣчалъ отецъ Иванъ.

— Правильно, хвалю за это, — одобрилъ владыка. — Ну, а того-то, несчастнаго, заблудшаго въ ереси и грѣхѣ, пробовалъ ли ты увѣщавать и наставить?

— Я не успѣлъ повидать его, владыка, потому что онъ вскорѣ умеръ.

— Что же, онъ захворалъ, или какъ это случилось? — обратился преосвященный къ старшинѣ.

— Нѣтъ, владыка, тутъ чрезъ нѣсколько дней случилась сильная гроза. Отъ молніи загорѣлась рига; онъ пошелъ тушить огонь; вошелъ въ ригу; только его и видѣли; ужъ изъ нея онъ не вышелъ; его задавило обвалившейся крышей. На утро нашли его тѣло съ пробитой головой, сильно обуглившееся.

— Вотъ ужъ подлинно покаралъ его Господь, — замѣтилъ архіерей и послѣ нѣкотораго размышленія прибавилъ: — что же ты, старшина, говорилъ, что изъ этого улья меду не брали; стало быть, святыя дары Господни и посейчасъ тамъ?!

— Надо полагать, что такъ, владыка.

— Такъ вотъ что, отецъ Иванъ, — сказалъ преосвященный, — слушай же приказъ мой. Завтра утромъ, передъ отъѣздомъ моимъ, тотчасъ же послѣ молебна собери крестный ходъ. Пойдемъ мы всѣ съ чашкою, вынемъ изъ улья святыя дары и возвратимъ ихъ въ приличествующее имъ мѣсто. А теперь окончимъ трапезу, возблагодаримъ Творца милосерднаго и нашего гостепріимнаго хозяина, — обратился владыка къ прочимъ сотрапезовавшимъ и всталъ изъ-за стола.

— Прошу васъ всѣхъ, — продолжалъ онъ, — не разглашать о предстоящемъ крестномъ ходѣ, дабы не подстрекнуть чьего либо празднаго любопытства. До свиданія. Господь да благословитъ васъ!

Съ этими словами владыка удалился въ другіе покои, а гости мало-по-малу разошлись.

Водворилась въ домѣ тишина, и было сдѣлано распоряженіе никому не ходить въ садъ, что оставить возможность владыкѣ, по окончаніи занятій, прогуляться въ саду, если это будетъ ему угодно.

Почти всю ночь молился преосвященный у себя въ комнатѣ; начавшій пробиваться розовый разсвѣтъ засталъ его еще колѣно-преклоненнымъ предъ иконою Богоматери. Не на долгое время прилегъ онъ расправить свои члены и сомкнулъ усталыя очи; словомъ

сказать, врядъ ли подремалъ онъ болѣе часу. Вошедшій въ исходѣ шестого часа утра келейный уже засталъ его снова на молитвѣ.

Въ семь часовъ съ немногимъ кончился молебень, и крестный ходъ тронулся изъ церкви мимо сада священника къ ульямъ бывшаго старшины. Утреннее солнышко обливало яркимъ свѣтомъ все шествіе; яркимъ сіяніемъ отражались лучи на крестахъ хоругвей и на драгоценныхъ камняхъ архіерейской митры. Еще не успѣвшая освободиться отъ ночной росы зеленая мурава казалась усѣянной безчисленнымъ количествомъ лучезарныхъ алмазовъ.

Далеко-далеко разносилось въ полѣ стройное пѣніе пѣвчихъ и какъ бы замирало тамъ, куда могъ достать глазъ человѣческой. Спокойно, не торопясь, въ торжественномъ величіи подвигался, предшествуемый владыкою съ святою чашею въ рукахъ, крестный ходъ. Вотъ онъ подходитъ къ оградѣ сада старшины; вотъ идетъ фруктовыми аллеями, красивой лентой вьется по дорожкамъ народъ, несущій хоругви, святые иконы и церковныя принадлежности. Вотъ приблизился владыка къ улью, въ которомъ должны быть святыя дары; протодіаконъ, сѣдой, почтенный старикъ, трижды преклонилъ колѣна и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отворилъ дверцы колодки. Преосвященный, а за нимъ и все шествіе преклонило колѣна; изъ отворенной дверки, какъ бы повинуваясь чьей-то непреклонной волѣ, вылетѣли пчелы, и глазамъ всѣхъ присутствовавшихъ представилась слѣдующая картина.

Вылетѣвшія изъ улья пчелы поднялись надъ нимъ на высоту приблизительно двухъ аршинъ и образовали изъ себя крестъ съ всевидящимъ окомъ...

Но вотъ отецъ протодіаконъ вынимаетъ изъ улья нѣчто большее, чѣмъ частицы святыхъ даровъ; ему нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи лжицы; нѣтъ, онъ вынимаетъ давно сточанный изъ чистаго бѣлаго воску въ видѣ часовни ковчегъ съ оставшимися, вполнѣ не измѣнившимися, нетлѣнными святыми дарами. Умиленный и восхищенный владыка осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и лобызаетъ ковчегъ этотъ, а послѣ него и остальные участники шествія. Послѣ этого крестный ходъ тѣмъ же путемъ достигаетъ церкви, и только при самомъ входѣ въ нее разлетаются пчелы, все время сопровождавшія святыню и сохранявшія въ полетѣ своемъ видъ креста.

Должно ли сказать, что и до настоящаго времени въ алтарѣ церкви села Высокаго восковой ковчегъ, тщательно покрытый стекляннмъ колпакомъ, служитъ предметомъ удивленія мудрости Провидѣнія, избравшаго орудіемъ прославленія Бога столь обыкновенное, всѣмъ отъ мала до велика извѣстное насѣкомое—пчелу.

И съ тѣхъ поръ ежегодно, пока правилъ епархіею владыка нашъ, пріѣзжалъ онъ въ этотъ день въ село Высокое и служилъ торжественную службу и молебень предъ иконою Спасителя, вдѣланною въ этотъ улей.

Георгій Миллеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА¹⁾.

Х.

Жизнь въ Угличѣ.—Пьянство.—Явка въ Кашинѣ въ полицейское управленіе.—Бродяга Иванъ Ивановичъ.—Отправленіе меня къ отцу.—Дорога въ Петербургъ.—Я нанимаюсь въ Вышнемъ-Волочкѣ слонщикомъ на барку.—Въ Петербургѣ у Орлова.—Кража.—Облава и арестъ.—Отправленіе по этапу на родину.—Въ московской пересыльной тюрьмѣ.—Обратная пересылка по этапу изъ Углича въ Петербургъ.—Въ тюрьмѣ.—Назначеніе меня старостой.—Въ Литовскомъ замкѣ.—Осужденіе меня на полтора года въ рабочій домъ.—Исправительное заведеніе.—Переводъ въ новоустроенную тюрьму на Выборгскую.—Тамошніе порядки.—Арестантъ Герасимовъ.—Покушеніе на жизнь полковника Михнева.—Перемѣщеніе меня въ Литовскій замокъ.—Суровое заключеніе.—Нравственное страданіе.—Отправка по этапу на родину.—Допрощъ въ жандармскомъ управленіи.

ВЪ УГЛИЧѢ первое время я жилъ безбѣдно, потому что Х. прислалъ мнѣ немного денегъ и книгъ, которыя я продавалъ своему прежнему пріятелю и благодѣтелю, Н. В. Кузнецову.

Относительно моей подсудимости, которая стала извѣстна изъ публикаціи о розыскѣ меня слѣдователемъ с.-петербургскаго окружнаго суда, я Кузнецову и другимъ лицамъ выставялъ себя страдальцемъ за идею. Я говорилъ, что Кис—въ агентъ Третьяго Отдѣленія, съ которымъ я былъ до нѣкоторой степени знакомъ, и которому попались компрометирующія моихъ знакомыхъ письма, а я,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 844.

желая ихъ спасти, пришелъ къ Кис—ву и, притворившись пьянымъ, остался отдохнуть, а когда тотъ ушелъ изъ квартиры, то я сломалъ у его комода замокъ и утащилъ письма. Онъ же, не имѣя возможности обвинять меня въ кражѣ такихъ важныхъ для него бумагъ, обвиняетъ въ кражѣ денегъ и цѣпочки. Этой выдумкой я и впоследствии оправдывался передъ многими, хотя навѣрное не знаю, вѣрили этому или нѣтъ; но мнѣ кажется, что Кузнецовъ первое время вѣрилъ потому, что нерѣдко снабжалъ меня деньгами.

Но всему бываетъ мѣра: изъ Петербурга мнѣ перестали присылать ссуды, да и отъ Кузнецова подачи дѣлались все рѣже и скуднѣе; къ веснѣ опять настало прежнее житье, и меня снова начали упрекать въ дармоѣдствѣ.

Отъ Х. я еще зимой получилъ письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ мнѣ самому явиться въ судъ и тѣмъ показать свою невиновность; сначала я откладывалъ эту поѣздку, а потомъ уже и не на что было ѣхать.

Весною я поѣхалъ на Борисоглѣбскую ярмарку торговать разною мелочью и спичками. Товаръ я бралъ отъ своей тетки, но она ставила за него такую цѣну, что мнѣ не приходилось выручать даже своихъ денегъ. Съ досады я выпилъ и выпилъ такъ не аккуратно, что пропилъ не только то, что было у меня, но и то, что было на мнѣ.

Я остался въ рубашкѣ и босикомъ.

Въ Угличъ я больше не вернулся, а пошелъ куда глаза глядятъ, пошелъ внизъ по Волгѣ, не отдавая себѣ отчета куда и зачѣмъ.

Помню, что одну ночь ночевалъ на крыльцѣ кабака въ пятнадцати верстахъ отъ Мышкина, а другую въ деревнѣ у добряка-крестьянина не далеко отъ Мологи. Я побывалъ въ Мологѣ, походилъ тамъ по городу и, вернувшись, пошелъ по деревнямъ.

Мнѣ было и холодно, и голодно, но я не могъ еще просить милостыни. Я дошелъ опять до своего роднаго города, но только посмотрѣлъ на него и повернулъ въ Кашинъ.

Придя въ Кашинъ, я сѣлъ у полицейскаго управленія на скамейкѣ и дождался, когда меня арестуютъ.

Полицейскій надзиратель, проходя мимо, спросилъ меня, что я за человѣкъ. Я сказалъ, что я такой-то, розыскиваюсь с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ и желаю, чтобы меня отправили въ Петербургъ.

Меня отвели въ тюрьму, а между тѣмъ послали за справками о моей личности въ Угличъ. Въ кашинской тюрьмѣ содержалось тогда болѣе ста человѣкъ, но изъ всѣхъ нихъ мнѣ до сихъ поръ памятенъ только одинъ бродяга Иванъ Ивановичъ, или, какъ его вообще называли арестанты, баринъ-бродяга. Дѣйствительно, хотя Иванъ Ивановичъ и выдавалъ себя за непомятаго родства бродягу, но

стоило только на него взглянуть и услышать отъ него хоть нѣсколько словъ, чтобы убѣдиться, что это не бродяга, не помнящій родства, а человѣкъ, жившій въ хорошемъ обществѣ и хорошо образованный.

Не смотря на то, что онъ сказывался всѣмъ безграмотнымъ, онъ часто наединѣ рассказывалъ мнѣ о такихъ научныхъ предметахъ, о которыхъ я или имѣлъ смутныя понятія, или совсѣмъ не зналъ.

Мы съ нимъ скоро сдружились и почти постоянно прогуливались вмѣстѣ по корридору. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Иванъ Ивановичъ признался мнѣ, что онъ московскій уроженецъ, чиновникъ, имѣетъ въ Москвѣ собственный домъ, жену и дѣтей. Но, проигравъ однажды крупную сумму денегъ, принадлежавшихъ родителямъ его жены, онъ посоветился явиться домой и, распродавъ находившіяся на немъ вещи, пошелъ куда глаза глядятъ и, дойдя до Кашина, объявился бродягою. Я усердно и неоднократно склонялъ Ивана Ивановича оставить намѣреніе идти, ради одного стыда, въ Сибирь и убѣждалъ, если нѣтъ за нимъ другой вины, объявить свое настоящее имя и тѣмъ избавить себя отъ столь тяжелой участи.

Долго не соглашался Иванъ Ивановичъ и просилъ меня никому не выдавать его тайны, но, наконецъ, тоска по женѣ и дѣтямъ взяла свое — онъ отправился въ контору смотрителя и написалъ признаніе на имя прокурора суда.

Пришелъ изъ конторы Иванъ Ивановичъ совершенно другимъ; хотя на глазахъ у него и видны были слезы, но онъ какъ будто скинулъ съ себя цѣпи.

Онъ крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ. Съ этого времени прокуроръ и тюремное начальство стали относиться къ нему лучше. Прокуроръ разрѣшилъ намъ брать у доктора книги, и мы прочли Бокля и еще нѣсколько хорошихъ книгъ.

Мнѣ такъ же, какъ и Ивану Ивановичу, не хотѣлось возвращаться на родину. Я полагалъ, что меня отправятъ въ Петербургъ, гдѣ надѣялся на защиту Хл... и рассчитывалъ оправдаться въ своемъ преступленіи, но меня отправили въ Угличъ.

Домой я явился во всемъ казенномъ; только рубаха и порты были свои; съ меня сняли казенное платье и отпустили на свободу.

На этотъ разъ отецъ смилостивился надо мной. Онъ выправилъ мнѣ трехмѣсячный билетъ, далъ какой-то вицунешко и бѣлье, и я пошелъ въ Петербургъ.

Время было лѣтнее; идти мнѣ было и легко и тепло. Добрые крестьяне на ночлегахъ кормили, да и днемъ иногда зазывали пообѣдать; благодаря этому, взятыя изъ дому нѣсколько копеекъ и каравай хлѣба вполнѣ обезпечили мою дорогу до Вышняго-Волочка; но когда я дошелъ до Волочка, то у меня не оставалось уже ни

копейки, и я думалъ, что остальную половину дороги мнѣ придется идти Христовымъ именемъ. На мое счастье я пришелъ въ Вышній-Волочекъ въ то время, когда оттуда отправлялись хлѣбные караваны въ Петербургъ.

Тогда не существовала еще Рыбинско-Бологовская желѣзная дорога, и всѣ грузы изъ Рыбинска переправлялись водой по Маринской, или Вышневолоцкой системѣ; поэтому въ Вышнемъ-Волочкѣ три раза въ теченіе лѣта собирались хлѣбные караваны, иногда доходившіе до тысячи и болѣе барокъ. На каждую барку нанимались здѣсь лоцмана и такъ называемые сгонщики-бурлаки.

Почти весь Вышневолоцкій уѣздъ и большая часть Новоторжскаго нанимались въ эту работу, но все-таки не хватало людей.

Я по своему костюму—въ сѣромъ зипунѣ и въ лаптяхъ—былъ похожъ на простаго мужика: мнѣ не трудно было найти нанIMATEЛЯ, и я за одиннадцать рублей съ полтиною нанялся въ сгонщики до Петербурга.

Всѣхъ сгонщиковъ на барку нанималось четырнадцать человѣкъ, и обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы тянуть лямкой барку на бичевкѣ и грестъ потерями и веслами. Они нанимались на своихъ харчахъ и за день до отправки артелью забирали въ Волочкѣ пшено, овсяную крупу, сушеную мелкую рыбу и хлѣбъ, а также покупали котлы для варки, чашки и ложки.

Трудна показалась мнѣ эта работа, такъ трудна, что я едва выносилъ ее; но мужики и даже мальчики лѣтъ четырнадцати и пятнадцати справлялись съ нею сполагоря и, нисколько не думая объ отдыхѣ, хлопотали только объ одномъ, какъ бы скорѣе добраться до мѣста.

Я не буду описывать всѣхъ подробностей пути, скажу только, что по прибытіи въ Петербургъ лоцманъ и сгонщики рассчитывались тотчасъ же по пригонѣ барокъ на мѣсто и немедленно продавали сторожившимъ тутъ маклакамъ дорожные котлы, чашки, ложки, оставшіеся харчи и отправлялись обратно на родину.

Я, какъ только получилъ расчетъ, распростился съ своими товарищами и отправился въ рынокъ. Денегъ у меня отъ дороги оставалось рублей шесть съ копейками, но я сумѣлъ на эти деньги купить себѣ весь лѣтній костюмъ и, переодѣвшись, пошелъ отыскивать Орлова. Я нашелъ его живущимъ уже не у отца, а на Петербургской сторонѣ; онъ нанималъ квартиру вмѣстѣ съ Матковой. На первое время я поселился у нихъ въ квартирѣ и началъ хлопотать о своемъ дѣлѣ. Я сходилъ къ своему адвокату Х. и попросилъ у него совѣта. Онъ снова совѣтовалъ объявиться въ судъ, но не велѣлъ признаваться въ преступленіи.

Я ходилъ въ окружной судъ, но не могъ добиться, къ кому слѣдуетъ мнѣ обратиться съ объявкой, а между тѣмъ Орловъ увлекъ меня въ прежнюю разгульную жизнь.

Проживъ у Орлова недѣли полторы, я опять привыкъ къ пьянству, а пьянство снова вовлекло въ преступленіе. Не помню, пять или десять рублей я утащилъ у Матковой и ушелъ отъ нихъ. Черезъ день я снова очутился въ Вяземскомъ домѣ, но на этотъ разъ пробылъ тутъ недолго; ушелъ на Выборгскую сторону и, объявившись безпаспортнымъ и розыскиваемымъ судомъ, заарестовался.

Я рассчитывалъ, что на этотъ разъ меня непременно вызовутъ къ слѣдователю; но, просидѣвъ полтора мѣсяца, я снова былъ отправленъ на родину этапомъ. Такъ какъ весь свой костюмъ я спустилъ еще въ Вяземскомъ домѣ, то сестрѣ опять пришлось собирать меня въ дорогу.

Она принесла мнѣ въ пересыльную тюрьму сапоги, пальто, бѣлье и около трехъ рублей денегъ.

Въ пересыльной арестанты ходили тогда еще въ своей одеждѣ, и имъ позволялось имѣть при себѣ деньги, а потому въ камерахъ происходила свободная торговля всякой всячиной, картежная игра, и даже нетрудно было достать водки. Меня продержали съ недѣлю въ пересыльной и затѣмъ отправили въ Москву.

Въ Москвѣ пересыльная тюрьма помѣщалась на такъ называемомъ Колымажномъ дворѣ, и арестанты, которыхъ иногда скоплялось болѣе двухъ тысячъ человекъ, содержались въ четырехъ большихъ балаганахъ. Въ балаганѣ № 4, въ которомъ я находился, содержалось около шести сотъ человекъ. Тутъ были и обыкновенные пересыльные арестанты и кандалыщики бродяги, которые непременно занимали какую либо должность, напримѣръ, старосты, парашечниковъ и пр., или производили какую нибудь торговлю и содержали майданъ. Всѣ арестанты въ этомъ балаганѣ размѣщались на нѣсколькихъ большихъ нарахъ, устроенныхъ по обѣимъ сторонамъ балагана и имѣвшихъ проходы отъ стѣнъ и посрединѣ. Въ концѣ каждаго наръ занималъ мѣсто или трактирщикъ съ огромнымъ самоваромъ и различными снѣдьями, или майданщикъ.

Ежедневно прибывающія и убывающія партіи пересыльныхъ арестантовъ доставляли этимъ торговцамъ и чиновнымъ арестантамъ большія выгоды; особенно наживались майданщики, у которыхъ игра въ карты и кости производилась непрерывно день и ночь, и за каждый конъ они собирали по копейкѣ, дозволяя за это играющимъ курить даровыя папирсы.

Торгующіе чаемъ и прочимъ майданщики, когда перенимали одинъ отъ другого такія заведенія, платили большой выходъ, доходившій иногда до сотенъ рублей.

Побывавъ подъ арестомъ не въ одной тюрьмѣ, я дѣлался смѣлѣе и опытнѣе, а потому, когда насъ привели въ Москву, въ пересыльную, я постарался познакомиться съ нѣкоторыми арестантами привилегированнаго сословія и помѣстился въ ихъ камерѣ. Дворянская пересыльная камера находилась въ томъ же балаганѣ; но это

была совершенно отдѣльная комната, въ которой по стѣнамъ тянулись сплошные нары съ голыми досками.

Въ тѣ времена еще дозволялось пересылаемымъ арестантамъ при проходѣ въ столицахъ собирать подаяніе; для этого изъ среды ихъ выбирался староста, котораго оставляли не закованнымъ, и обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы принимать подаяніе и затѣмъ дѣлить его между арестантами. На эту должность избрали меня.

Изъ Москвы до Троицы-Сергія насъ везли по желѣзной дорогѣ, а далѣе, на Переяславль и Ростовъ, мы шли пѣшие, имѣя дневки въ городахъ.

На этотъ разъ недолго мнѣ пришлось прожить въ Угличѣ. Черезъ десять дней послѣ моего прихода изъ Петербурга прислали бумагу, чтобы выслать меня обратно къ слѣдователю. Явившійся въ нашъ домъ квартальный надзиратель не далъ мнѣ и пообѣдать. Меня отправили въ тюрьму и тѣмъ же путемъ, которымъ я пришелъ, переслали въ Петербургъ. Въ Петербургѣ у слѣдователя я далъ показаніе, какое мнѣ присовѣтовалъ Х., т. е. отрицалъ свою виновность въ кражѣ у Кис..., но признался въ томъ, что въ тотъ день оставался у него. Меня оставили подъ арестомъ и отправили въ Выборгскую часть.

Здѣсь, я, какъ старый знакомый, скоро сошелся съ товарищами и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе начальства, почему черезъ два мѣсяца меня поставили старостой. Обязанность старосты состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ ходить за кушаньемъ на кухню, раздѣлять пайки и слѣдить за чистотой и порядкомъ, а правомъ и преимуществомъ его предъ прочими было то, что онъ могъ торговать чаемъ.

Сначала я относился къ своей должности добросовѣстно, а къ своимъ товарищамъ — гуманно, почеловѣчески; но потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ больше начиналъ дѣлаться настоящимъ арестантомъ и подражать видѣннымъ мною старостамъ, т. е. дѣлался стяжательнымъ и ожесточеннымъ. Нерѣдко я обдѣлялъ краткосрочныхъ арестантовъ пищею, а съ пьяными распоряжался произвольно, или выманивалъ послѣднія копейки. Такимъ образомъ я сколотилъ десятка три рублей денегъ и намѣнялъ много порядочной одежды и бѣлья.

Не смотря на подлость, устроенную мною съ Орловымъ, онъ и младшій К. не разъ посѣщали меня въ заключеніи. Орловъ даже вызвался быть на судѣ свидѣтелемъ въ мою пользу. Я просидѣлъ тутъ съ полгода; наконецъ, на меня начали поступать жалобы со стороны нѣкоторыхъ обиженныхъ мною арестантовъ, а я сталъ еще болѣе заѣдаться, и смотритель попросилъ слѣдователя перевести меня въ Литовскій замокъ.

Въ замокъ въ то время смотрителемъ былъ капитанъ Н...въ, и при немъ было очень строго. За малѣйшую провинность сажали на нѣсколько дней въ холодный карцеръ на хлѣбъ и на воду, а за

болѣ крупные проступки надѣвали кожанья рукавицы. Меня посадили въ пятое отдѣленіе, гдѣ находились только одни, бывшіе подѣ слѣдствіемъ за кражу, и мнѣ пришлось сидѣть среди воровъ всевозможныхъ категорій: тутъ были карманщики, домушники, голубятники и другіе мелкіе мазурики; изъ этихъ товарищей я почти ни съ кѣмъ не сходилъ, притомъ же я присмирѣлъ, одумался, и голова моя стала разсуждать иначе. Мнѣ было тяжело мое настоящее положеніе, а совѣсть меня упрекала за обиды, нанесенныя мною моимъ товарищамъ во время старостничества, и за непризнаніе своего преступленія. Я нѣсколько разъ намѣревался вызваться въ судъ и раскаться, но меня удерживала мысль, что я и раскаявшись буду все-таки осужденъ за кражу и потому лишусь права производить книжную торговлю, которую я любилъ; кромѣ того, всѣ мои знакомые станутъ смотрѣть на меня, какъ на вора.

Я рѣшился или выйти изъ своего дѣла совершенно чистымъ, или быть осужденнымъ такъ, чтобы болѣе ни съ кѣмъ изъ прежнихъ знакомыхъ не встрѣчаться: назначенный мнѣ судомъ защитникъ, майоръ Ар...й, убѣждалъ меня признаться въ преступленіи, увѣряя, что тогда онъ постарается выгородить взломъ, да и самый судъ сдѣлаетъ мнѣ снисхожденіе; но я поставилъ себѣ задачею не признаваться и отклонилъ его предлѣженіе.

Несмотря на отсутствіе какъ у слѣдователя, такъ и на судѣ моего обвинителя Кис.... и на то, что я довольно смѣло объяснялъ причину своего отсутствія изъ его квартиры; несмотря на оправдывающія меня показанія Орлова и довольно энергичную рѣчь защитника, меня обвинили въ кражѣ со взломомъ, но за мой семнадцатимѣсячный предварительный арестъ сдѣлали снисхожденіе... меня осудили: лишить всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ рабочій домъ на годъ и пять мѣсяцевъ съ послѣдствіями по 49 статьѣ.

Что я испытывалъ въ то время, когда мнѣ прочли этотъ приговоръ, не могу вспомнить, также не помню, за какую грубость противъ городского я попалъ изъ суда прямо въ карцеръ.

Первое время мнѣ все хотѣлось убѣжать и затѣмъ, снова арестовавшись, объявиться бродягою...

На берегу Пряжки у Сухарнаго моста, гдѣ теперь больница святаго Николая, находилось исправительное заведеніе, въ которое отправляли осужденныхъ въ рабочій и смиренный домъ, и по жалобамъ родителей и опекуновъ для исправленія.

Нижній этажъ этого громаднаго дома занимали контора, квартиры нѣкоторыхъ служащихъ, столовая для мужчинъ и мастерскія—переплетная, сапожная и портняжная. Во второмъ и третьемъ этажахъ помѣщались церковь и отдѣленія женское и для умалишенныхъ, а въ четвертомъ—находились спальни для мужчинъ. Это не была тюрьма; это было что-то среднее между богадѣльнею и воспи-

тательнымъ учрежденіемъ. Положимъ, что для каждаго арестанта не привилегированнаго сословія работы были обязательны; но онѣ не были принудительными: каждый арестантъ выбиралъ себѣ такую работу, къ какой былъ способенъ, или какая ему нравилась, и за всякую работу въ мастерскихъ платили извѣстный процентъ съ наложенной цѣны.

Чистыя, сухія и просторныя спальни, съ крашеными полами, съ отдѣльными койками, на которыхъ лежали такія мягкія и сухія постели, какихъ едва ли можно найти и теперь въ любой частной мастерской, вполнѣ достаточная и вкусная пища, еженедѣльное чистое бѣлье и баня,—все было хорошо въ этомъ заведеніи. Въ переплетной мастерской, куда я поступилъ въ исправительномъ заведеніи, работало около семидесяти человѣкъ.

Контръ-агентомъ этой мастерской былъ нѣмецъ Лишке, а мастеромъ Шульцъ.

Взрослые работали билеты для желѣзныхъ дорогъ и коробки для патроновъ, а малолѣтнія, подъ руководствомъ настоящихъ мастеровъ изъ арестантовъ, приучались къ болѣе искусной переплетной работѣ.

Сначала я тяготился продолжительностью моего ареста и уединенія. Въ праздники и свободные часы я кое-что почитывалъ; особенно сильное вліяніе на меня имѣли двѣ книги «Несчастные» — Гюго и «Между молотомъ и наковальней» — Шпильгагена. Эти двѣ книги подѣйствовали на меня благотѣльно: личность Жанъ-Вальжана пробудила во мнѣ существовавшія отъ природы, но только на время застывшія, добрыя наклонности, выгнала всѣ арестантскія побужденія и злобу и болѣе любовно заставила относиться къ моимъ собратамъ. Я поставилъ себѣ за правило: никогда не быть доносчикомъ у начальства и, если бы пришлось отвѣтить за чужую вину, то и тогда не выдавать настоящаго виновника; не говорить о комъ либо дурнаго за глаза, не лѣстить въ глаза, стараться быть примирителемъ между арестантами, а главное—никому не давать дурнаго совѣта, не научать, не подстрекать къ чему либо незаконному. Конечно, я не проповѣдывалъ, не навязывался никому съ своими совѣтами; но когда заходила рѣчь, я всегда старался доказать, что пріятнѣе дѣлать добро, чѣмъ худо.

Книга же Шпильгагена, присланная мнѣ К., заставила меня сознать справедливость покаравшаго меня закона, подчиниться и строго исполнять установленныя въ исправительномъ заведеніи инструкціи и полюбить смотрителя полковника Ах—го, который былъ дѣйствительно почти отцомъ арестантовъ.

Кромѣ того, эти двѣ книги вселили во мнѣ надежду и по окончаніи ареста быть еще не совсѣмъ погибшимъ. Поэтому я хотя и жаждалъ свободы, но не ропталъ на свою участь: начальство относилось ко мнѣ благосклонно, а товарищи-арестанты дружелюбно. Я

мало-по-малу началъ привыкать и сближаться кое съ кѣмъ. Такъ какъ я по своему развитію стоялъ выше большей части своихъ товарищей, то мнѣ и удалось попасть въ кружокъ болѣе интеллигентныхъ, если можно такъ выразиться, арестантовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не заносился высоко и съ прочими и потому былъ между всѣми своимъ человѣкомъ.

Работы для благородныхъ арестантовъ, какъ я уже сказалъ, не были обязательными, но нѣкоторые изъ нихъ отъ скуки почти ежедневно приходили въ нашу мастерскую и въ чемъ нибудь помогали. Всѣхъ я теперь не упомяну, а двое изъ нихъ: штабъ-ротмистръ Г—овъ и лейтенантъ Х—ри, остаются для меня памяты.

Первый изъ нихъ, хотя и очень неглупый и образованный человѣкъ, былъ ловеласъ и фатъ и содержался за безчестіе, нанесенное женщиной, а второй — былъ съ очень честными и гуманными убѣжденіями и безукоризненно справедливый: онъ былъ осужденъ на четыре мѣсяца за оскорбленіе полицейскаго офицера.

Группируясь частенько въ столовой во время праздниковъ, мы иногда бесѣдовали по нѣсколько часовъ, и въ этихъ бесѣдахъ мои убѣжденія почти всегда сходились съ убѣжденіями Х—ри, а съ Г—овымъ я наоборотъ постоянно спорилъ, и нерѣдко дѣло доходило до того, что я обзывалъ его какимъ нибудь неприличнымъ словомъ, но онъ на это не очень сордился потому, что принужденъ былъ сознаваться, что мои выраженія хотя и жестки, но справедливы.

Въ послѣобѣденное время, въ часы отдыха, я иногда брался за перо и писалъ дневникъ, въ которомъ набрасывалъ свои воспоминанія, высказывалъ свои взгляды и убѣжденія, мечты и предположенія о будущемъ; эти записки служили мнѣ также утѣшеніемъ и развлеченіемъ.

Такъ прошло мѣсяцевъ девять. Но въ іюлѣ 1871 года стали носиться слухи объ упраздненіи этого заведенія и о переводѣ насъ на Выборгскую сторону въ исправительную тюрьму. По отзыву бывалыхъ арестантовъ, мы знали, что тамъ несравненно строже, труднѣе и во всѣхъ отношеніяхъ хуже. Намъ не хотѣлось вѣрить этимъ слухамъ, но они оказались справедливыми, и мы не на шутку закручинились, особенно тѣ, кому еще долго оставалось до освобожденія. Мы нерѣдко толковали объ этомъ переселеніи и порѣшили держаться въ новомъ мѣстѣ заключенія какъ можно дружнѣе и стараться добиться тѣхъ же льготъ, какія мы имѣли въ исправительномъ заведеніи.

Въ началѣ августа была отправлена первая партія арестантовъ на Выборгскую; часть малолѣтнихъ также перевезли въ колонію. Заведеніе пустѣло, и работы прекращались. Цѣлые дни мы отъ нечего дѣлать или собирались въ какой нибудь мастерской и разсу-

ждали о предстоящемъ житьѣ-бытьѣ, или разгуливали по длиннымъ корридорамъ и столовой.

Между арестованными находились двое пожарныхъ Спасской части: они содержались за кражу. Фамилии одного изъ нихъ не помню, а другой, Герасимовъ, слылъ у насъ за хорошаго, прилежнаго работника, не любившаго, какъ большинство другихъ арестантовъ, пустословія, не сварливаго, даже уступчиваго. Не знаю почему, но Герасимовъ былъ болѣе расположенъ ко мнѣ, чѣмъ къ другимъ, работавшимъ съ нимъ вмѣстѣ, арестантамъ.

Однажды, войдя въ мастерскую, въ которой работалъ Герасимовъ, я засталъ его въ какой-то грустной задумчивости. Онъ стоялъ, опершись локтемъ на машину, на которой рѣзаль бумагу, поддерживая ладонью голову.

Я подошелъ къ нему и спросилъ:

— О чемъ ты задумался?

— Да вѣдь вотъ,— отвѣчалъ Герасимовъ,— и намъ ужъ скоро нужно будетъ отправляться на Выборгскую.

— Ну, такъ что же?

— Да тамъ, говорятъ, очень худо?

— Ничего,— сказалъ я,— будемъ подружнѣ, такъ навѣрно не обидятъ.

— Здѣсь на словахъ-то всѣ дружны, а тамъ, какъ дойдетъ до дѣла, и будутъ хвостомъ вертѣть.

— Не всѣ будутъ вертѣть, найдутся и такіе, что и не выдадутъ другъ дружку—вѣдь это для своей же пользы.

Герасимовъ ничего мнѣ на это не отвѣтилъ. Онъ какъ-то въ упоръ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, вздохнулъ и какъ будто еще болѣе загрустилъ; но я въ тотъ разъ не придалъ никакого значенія ни его печали, ни вздохамъ.

26-го сентября мы съ грустью простились съ смотрителемъ и со всѣми служащими исправительнаго заведенія, сѣли въ арестантскія кареты, и насъ повезли на Выборгскую.

Здѣсь сперва насъ приняли ласково, даже какъ будто заискивающе. Особенно былъ любезенъ главный воротила и любимецъ смотрителя, полковника Михнева, старшій надзиратель В. М — чѣ. Онъ обошелся съ нами очень ласково и cadaго назначалъ въ то отдѣленіе и мастерскую, въ какое арестантъ заявилъ желаніе.

Всѣхъ отдѣленій въ исправительной тюрьмѣ на Выборгской было четыре, и при нихъ мастерскія: переплетная, столярная, портняжная и сапожная. Каждое отдѣленіе было устроено на полтораэта человѣкъ; оно состояло изъ одной громадной палаты, посрединѣ которой устроены были отдѣленія для cadaго арестанта, спальни, которыя на ночь снаружи запирались.

Не вспомню теперь, гдѣ помѣщались остальные мастерскія, но

перешлетная, или, вѣрнѣе, коробочная, въ которой мы работали, при-
мыкала къ четвертому отдѣленію.

Содержались мы въ тюрьмѣ съ мѣсяць, или полтора, и послѣ
той свободы и того содержанія, какое имѣли въ исправительномъ
заведеніи, намъ казалось дѣйствительно все горчѣе; особенно мы
были недовольны пищей: хлѣбъ нерѣдко бывалъ такой, что изъ него
можно было дѣлать куколки, а о мясѣ и говорить нечего. Мы нѣ-
сколько разъ обращались къ старшему надзирателю и просили его
похлопотать объ улучшеніи нашего положенія. Онъ каждый разъ
обѣщаль исполнить наши просьбы, но, тѣмъ не менѣе, все крѣпче
сжималъ насъ въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ.

Въ концѣ октября, или въ ноябрѣ, въ воскресенье, придя изъ
церкви, я прохаживался по мастерской. Прочіе арестанты большою
частью были въ отдѣленіи, или, собравшись кучками, бесѣдовали
около рабочихъ столовъ. Ко мнѣ подошелъ Герасимовъ и, пройдя
со мною раза два, сказалъ:

— Ну, сегодня чѣмъ нибудь дѣло рѣшится, либо всѣмъ будетъ
лучше, либо хуже.

Я поглядѣлъ на него, и мнѣ сдѣлалось почему-то жутко. Я не
спросилъ, что означаютъ его слова, хотя и желалъ знать ихъ смыслъ;
но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я какъ будто боялся услышать это объясне-
ніе, а Герасимовъ болѣе ничего не говорилъ.

Пройдя еще разъ по мастерской, я позвалъ его курить въ рети-
радное мѣсто. Но только мы успѣли закурить, какъ закричали: «На
отдѣленіе! Полковникъ идетъ!».

Мы бросили папироски и побѣжали строиться въ ряды. Я при-
бѣжалъ къ мѣсту раньше и всталъ отъ Герасимова черезъ четыре
человѣка.

Прошло минутъ десять; всѣ стояли чинно и только изрѣдка пе-
решептывались между собой. Но вотъ надзиратель крикнулъ: «смирно!»
и всѣ смолкли.

Черезъ минуту вошелъ полковникъ и, грозно-звучнымъ голосомъ
поздоровавшись съ нами, быстро пошелъ по рядамъ. Сзади его шелъ
старшій надзиратель, Минѣевъ, строго осматривая насъ. Полковникъ
уже подходилъ къ концу шеренги; но лишь только онъ поровнялся
съ Герасимовымъ, какъ тотъ, не выступая изъ шеренги, сказалъ ему:

— Ваше высокоблагородіе, нельзя ли сдѣлать намъ пищу по-
лучше?

— Какъ? Пищу получше? Не хороша? Пойдемъ со мной! — и
полковникъ взялъ было Герасимова за боръ бушлатика.

Прошло мгновеніе... Вдругъ полковникъ вскрикнулъ и повалился.

Отъ этого крика ряды наши мгновенно разстроились; но всѣ
будто оцѣпенѣли.

Шедшіе сзади старшій надзиратель и надзиратель отдѣленія
бросились къ полковнику и начали поднимать его. Михневъ, под-

нявшись на ноги, поджалъ лѣвою рукою грудь около сердца и, не сказавъ ни слова, очень быстро спустился внизъ и чрезъ кухню также быстро и молча вышелъ на дворъ. Здѣсь старшій надзиратель подхватилъ его подъ руку, и они пошли уже нѣсколько тише въ лицевой флигель, гдѣ находилась канцелярія и квартира смотрителя.

Гдѣ былъ Герасимовъ по уходѣ полковника, я не видалъ, да и не искалъ его—я боялся съ нимъ встрѣтиться. Такъ прошло съ четверть часа, затѣмъ, мы увидѣли въ окно идущаго съ конвоемъ помощника смотрителя; когда они очутились на площадкѣ передъ отдѣленіемъ, то надзиратель громко позвалъ Герасимова.

Герасимовъ безпрекословно откликнулся, конвойные окружили его и повели въ канцелярію.

Минуть черезъ десять помощникъ съ конвоемъ вернулся снова и вызвалъ другого арестанта; тутъ только я узналъ, что у Герасимова былъ сообщникъ, и они съ нимъ вмѣстѣ нанесли полковнику двѣ раны: Герасимовъ въ лѣвый бокъ, а другой—сзади, въ шею.

Соучастникъ Герасимова былъ молодой парень изъ солдатскихъ дѣтей, приписанный въ шлессельбургскіе мѣщане. Я его зналъ мало и не помню, былъ ли онъ съ нами въ исправительномъ заведеніи, или нѣтъ. Какъ они сговорились съ Герасимовымъ, что было причиною и какаѣя была цѣль ихъ покушенія, и зналъ ли кто о немъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ: я только послѣ догадывался, что Герасимовъ передъ совершеніемъ своего преступленія хотѣлъ мнѣ высказаться, но слава Богу, что этого не случилось...

Этотъ день закончился обыкновеннымъ порядкомъ, но въ понедѣльникъ вечеромъ, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя, къ намъ въ отдѣленіе явились административныя и судебныя власти. Это была какаѣя-то смѣшанная комиссія, состоявшая изъ высшихъ чиновъ полиціи, членовъ тюремнаго комитета, товарища прокурора и слѣдователя. Мы были выставлены въ шеренгу, и товарищъ прокурора началъ вызывать недовольныхъ или желающихъ заявить какія либо претензіи; но, конечно, какъ это и всегда бываетъ, очень немногіе осмѣлились принести какую либо жалобу. Я, съ своей стороны, обратился къ прокурору только съ просьбою приказать обчистить наши спальни, въ которыхъ легіоны блохъ не давали покоя. Мое заявленіе было принято къ свѣдѣнію, и на другой же день прислали истребителей насѣкомыхъ.

Прошло недѣли три; перемѣнъ въ нашемъ положеніи никакихъ не произошло; только старшій надзиратель постоянно увѣрялъ, что скоро все измѣнится къ лучшему.

Отъ двухъ арестантовъ, вызванныхъ къ слѣдователю, мы узнали, что Герасимовъ отданъ подъ военный судъ, и мы боялись, чтобы онъ не оговорилъ и другихъ въ подстрекательствѣ или въ знаніи его намѣренія.

Однажды, вечеромъ, всѣхъ насъ, переведенныхъ изъ исправительнаго заведенія, вызвали въ канцелярію и оттуда тотчасъ же перевели въ посѣтительскую. Старшій надзиратель, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Свѣшниковъ, мнѣ нужно выбрать хорошихъ людей, которые посмирнѣе, такъ вы подите сюда».

И онъ отвелъ меня въ сторону. Такая честь мнѣ было польстила, но я сейчасъ же разочаровался, когда увидалъ, что въ нашу сторону начали выбирать такихъ людей, которые считались самыми отчаянными. Такимъ образомъ отобрали около тридцати человѣкъ и приставили къ намъ конвой, а прочихъ увели изъ посѣтительской. Мы дожидались около часа въ недоумѣніи, но наконецъ увидѣли служителей, несущихъ намъ собственную одежду: тутъ мы поняли, что насъ хотятъ куда-то отправить.

По мѣрѣ того, какъ мы одѣвались, насъ по нѣскольку человѣкъ выводили въ корридоръ, а затѣмъ сажали въ арестантскія кареты.

Часовъ въ десять вечера насъ окружили коннымъ конвоемъ и вывезли за ворота. Долго мы не знали, куда насъ везутъ, но наконецъ увидѣли Литовскій замокъ и догадались.

Въ Литовскомъ замкѣ, въ посѣтительской, уже находился смотритель, его помощники, городовые и чуть не цѣлая рота служителей. Мы были приняты смотрителемъ очень строго: онъ прямо объявилъ намъ, что всѣхъ насъ заморить въ карцерахъ...

По окончаніи переодѣванія, по два и по три человѣка, насъ отводили въ секретное отдѣленіе и тамъ запирали въ маленькія каморы, въ которыхъ не было ни постелей, ни столовъ, ни табуретокъ. Приставники и караульные не говорили съ нами ни слова, а мы боялись съ ними заговаривать и страшились того, что будетъ дальше. Неизвѣстность будущности и та суровая молчаливость, съ которою обращались съ нами, тяжелымъ камнемъ давила душу и не дала никому уснуть. Такъ прошли цѣлыя сутки: никто къ намъ не приходилъ, и, кромѣ воды, мы ничего не получали.

Наконецъ, на другой день вечеромъ, послѣ повѣрки, мы услышали въ корридорѣ бряцаніе ружей конвойныхъ и шпоръ смотрителя.

Стоя у дверей, мы прислушивались къ каждому звуку, какъ будто стараясь въ этихъ звукахъ уловить свой приговоръ. Долго были слышны грозные шаги и хлопанье дверями и запорами. Но вотъ дошла очередь и до насъ. Сердце, что называется, замерло...

Корридорный быстро повернулъ ключъ въ замкѣ нашей каморы; желѣзный засовъ щелкнулъ; двери настежь распахнулись, и смотритель, въ сопровожденіи городского и пристава (конвойные остались въ корридорѣ), съ бумагою въ рукахъ, вошелъ въ нашу комнату.

Въ каморѣ насъ находилось трое.

— Какъ тебя зовутъ?—обратился къ одному изъ насъ смотри-

тель и, получивъ отвѣтъ, посмотрѣлъ въ бумагу и приказалъ выйти въ корридоръ.

Второму моему товарищу тоже приказано было выйти.

— А тебя какъ звать?

— Николай Свѣшниковъ,—отвѣтилъ я.

— А, а, такъ ты Свѣшниковъ! Ты вѣрно птица! Такъ я-жъ тебя упеку! Ты у меня живой не выйдешь, если что замѣчу. Если въ карцерѣ не заморю, такъ здѣсь въ каморѣ повѣшу! Запереть его! Меня заперли.

Что было причиною того, что я попалъ въ какой-то особенный списокъ, и меня заперли одного? Я не могъ ничего придумать. Болѣе всего я опасался, чтобы Герасимовъ не оговорилъ меня, или не обнаружались бы тѣ записки, которыя я писалъ въ исправительномъ заведеніи.

Не смотря на то, что у меня болѣе сутокъ не было крошки во рту, когда мнѣ, послѣ обхода смотрителя, принесли порцію хлѣба и горохъ, я не дотронулся до пищи.

Всю ночь я опять не могъ уснуть: мысли, одна другой страшнѣе, преслѣдовали меня. Я думалъ, что мнѣ болѣе уже не видать свободы, и мирился со всѣмъ: съ вѣчною тюрьмою, съ каторгой, лишь бы остаться живу.

Дни шли за днями. Я сидѣлъ въ совершенномъ невѣдѣніи, какая ожидаетъ меня участь. Меня не выпускали даже за необходимость; такъ называемая парашка постоянно находилась въ моей каморѣ, и только чрезъ недѣлю мнѣ принесли тюфякъ, подушку и одѣяло. Но вотъ однажды, вечеромъ, двери каморы моей снова отворились, и смотритель, войдя, прочелъ мнѣ приговоръ военнаго суда надъ Герасимовымъ и его товарищемъ: первый изъ нихъ присуждался къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, а второй къ двадцатилѣтней каторжной работѣ.

— И всѣмъ прочимъ бунтовщикамъ тоже будетъ!— грозно посмотрѣвъ на меня, прибавилъ смотритель и вышелъ.

Это извѣстіе еще болѣе усугубило мое отчаяніе.

Тяжело одиночное заключеніе, но неизвѣстность участи была еще тяжелѣе. Такъ прошло около мѣсяца: я оставался одинъ, и никто со мной не говорилъ ни слова. Наконецъ меня перевели въ другую камору, гдѣ я оказался уже въ сообществѣ трехъ своихъ товарищей. Только тутъ, чрезъ нѣсколько времени, мнѣ пришлось узнать, что это распоряженіе сдѣлано новымъ смотрителемъ Мак—вымъ, поступившимъ на мѣсто Нов..., и что насъ не ожидаетъ никакая кара. Спустя еще мѣсяць, мы были переведены въ другое отдѣленіе, въ общую камору, а еще чрезъ два мѣсяца наступилъ срокъ моего освобожденія.

По окончаніи срока мнѣ слѣдовало отправиться на родину по этапу; но я объ этомъ уже не кручинился, а несказанно былъ радъ

тому, что избавляюсь этого мѣста, и считалъ себя на половину свободнымъ.

Когда я пришелъ въ цѣйхаузъ за своими вещами, то убѣдился, что узелъ мой не тронуть: книги и записки мои цѣлы.

Изъ пересылной мнѣ удалось извѣстить сестру о моемъ освобожденіи; она пришла меня проводить.

Въ Москвѣ, на Кольмажномъ дворѣ, обыскъ былъ не особенно строгъ, а потому я не особенно тщательно пряталъ свои записки; но между тѣмъ я попалъ на прозорливаго жандарма, который болѣе всего рылся въ моихъ книгахъ и, отрывъ записки, передалъ ихъ офицеру, а послѣдній оставилъ ихъ у себя. Я пожалѣлъ свои записки, но думалъ, что мнѣ ихъ только не возвратятъ, и потому не особенно беспокоился. Но чрезъ часъ послѣ того, какъ кончился обыскъ, явились надзиратель съ жандармомъ и приказали мнѣ собираться со всѣми вещами и слѣдовать за ними. Я полагалъ, что вызываютъ въ канцелярію для объясненія, но меня отвели въ секретное отдѣленіе и тамъ заперли въ темную каморку.

Черезъ день меня вызвали и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ вывели за ворота. Долго мы шли по Москвѣ, но куда, я не зналъ.

Наконецъ, въ какомъ-то переулкѣ, меня ввели во дворъ, а затѣмъ по узенькимъ и темнымъ лѣстницамъ провели въ комнату, похожую на присутственное мѣсто. Тутъ я узналъ, что нахожусь въ канцеляріи жандармскаго управленія.

За столомъ въ канцеляріи сидѣлъ жандармскій капитанъ. Онъ принялъ меня довольно вѣжливо и попросилъ садиться. Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ: кто я, гдѣ родился, учился, имѣю ли семейство, онъ предложилъ мнѣ сигару, но я отказался, сославшись, что не имѣю права курить въ присутствіи, гдѣ находится портретъ императора. Капитанъ похвалилъ такую мою почтительность и, вынувъ мои записки, началъ спрашивать объясненіе почти каждому слову и каждому инициалу.

— Да вы будьте откровенны,—говорилъ мнѣ капитанъ,—вы не бойтесь и не думайте, что жандармскія управленія существуютъ для того, чтобы только обвинять людей. Нѣтъ, напротивъ, мы стараемся болѣе оправдывать челоуѣка и тѣмъ доказать, что у насъ въ Россіи все, слава Богу, спокойно, и всѣ русскіе вѣрны престолу и отечеству.

Я объяснялъ все, и объяснялъ не запинаясь и обстоятельно; здѣсь я чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, передъ какимъ нибудь приставникомъ или надзирателемъ. Я объяснялъ каждую строку, казавшуюся ему почему либо подозрительною или непонятною; не скрывалъ и убѣжденій, но скрылъ, или, вѣрнѣе, перевралъ тѣ фамиліи, которыя находились подъ инициалами.

Допросъ продолжался болѣе часу, а затѣмъ меня тѣмъ же по-

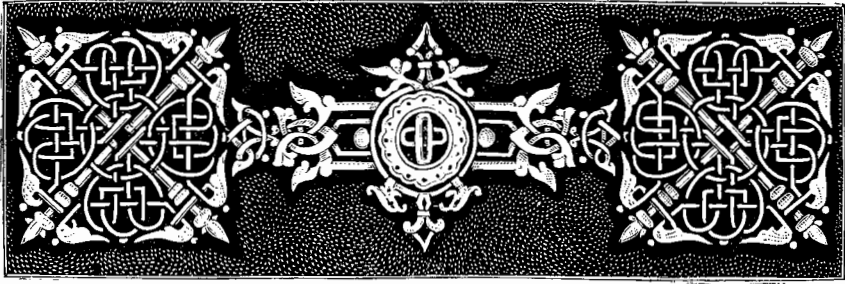
рядкомъ отвели въ Колымажный дворъ и снова заперли въ секретную. Въ секретной меня не стѣсняли ни пищею, ни чаемъ, ни табаккомъ; но за то я былъ положительно закупоренъ въ своей полутемной каморкѣ, свѣтъ въ которую проходилъ только чрезъ пятнадцать дырочекъ въ пятикопеечную серебряную монету, пробитыхъ въ желѣзной форточкѣ двери. Эта строгость и таинственность, съ которою я содержался, заставила меня предполагать, что мое дѣло очень важное, и что меня, можетъ быть, сочтутъ за социалиста. Въ это время мнѣ опять приходило на мысль, что я болѣе не увижу своей родины, и меня загонять въ Сибирь.

Камора моя была крайняя къ окну, и какъ разъ противъ нея находился столъ, на которомъ иногда служитель дозволялъ арестованнымъ попить чаю или пообѣдать. Подойдя какъ-то къ форточкѣ, я увидѣлъ тутъ одного изъ сморгонцовъ, князя Черкезова. Я читалъ еще въ исправительномъ заведеніи, что онъ былъ осужденъ по Нечаевскому дѣлу въ Сибирь на поселеніе, и мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ, а, можетъ быть, еще болѣе хотѣлось порисоваться, что вотъ де и я содержусь по политическому дѣлу. Но сообщенія были невозможны, а потому я придумалъ извѣстить его о себѣ пѣснями: именно тѣми пѣснями, которыя чаще всего пѣвались въ ихъ кружкѣ. Черкезовъ прислушивался къ этимъ пѣснямъ, но по голосу не могъ узнать, кто поетъ, а въ кругленькія скважинки форточки нельзя было видѣть моего лица. Наконецъ, однажды Черкезовъ пилъ чай противъ моей каморки, а я попросилъ служителя принести мнѣ кружку воды. Когда дверь моей каморки отворилась, взгляды наши встрѣтились, и Черкезовъ узналъ меня; но, конечно, ни онъ, ни я не подали вида, что мы знакомы. Впрочемъ, послѣ этого мы нѣсколько разъ имѣли случай разговаривать чрезъ форточку и даже дѣлились папиросами. Я его спросилъ, что онъ станетъ дѣлать, когда прибудетъ на мѣсто. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что будетъ такъ же работать, какъ работалъ. (Впоследствии я узналъ, что онъ бѣжалъ изъ Сибири).

Недѣли чрезъ двѣ меня опять вызвали въ жандармское управленіе. Въ канцеляріи за столомъ сидѣлъ тотъ же капитанъ и еще два офицера, а самъ генералъ Слезкинъ во все время допроса стоялъ, облокотясь на стулъ сзади одного изъ офицеровъ. На этотъ разъ у меня уже не спрашивали объясненій моихъ записокъ, хотя онѣ и лежали тутъ же на столѣ, а пытали мои политическія убѣжденія. Допросъ опять продолжался съ часъ, а по окончаніи его меня снова отвели въ секретную, но на другой день перевели въ общее пересылочное отдѣленіе, и съ первымъ же этапомъ я былъ отправленъ на родину.

Н. Свѣшниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧИНЪ КОРОНОВАНІЯ.

СНОВА ЧИНА коронованія царей въ Россіи получена готовою изъ Византіи. Но въ продолженіе своей собственной политической жизни русское самосознаніе въ чинъ коронованія своихъ императоровъ внесло такія частныя черты и особенности, которыя составляютъ уже исключительную принадлежность коронованія только русскихъ государей. По возможности указать и отгѣнить эти частныя черты, ихъ начало, видоизмѣненіе и завершеніе—вотъ задача и цѣль настоящей статьи.

Первая императорская коронація у насъ въ Россіи происходила въ 1724 году и совершалась надъ супругою Петра Великаго Екатериною I. Для этой коронаціи составленъ былъ особый церковный чинъ, который послужилъ образцомъ для чиновъ всѣхъ послѣдующихъ коронацій. Обыкновенно чинъ коронованія предъ каждой коронаціей пересматривался, исправлялся и печатался. Вотъ эти-то печатные и рукописные чины коронованій, начиная съ Екатерины I и кончая коронаціей Александра III, и служили для насъ главнымъ источникомъ и матеріаломъ при составленіи настоящей статьи. Изъ сравненія этихъ чиновъ видно, что коронованіе каждого императора, повторяя предыдущія, вмѣстѣ съ тѣмъ вносило и какую нибудь, хотя бы то и незначительную, особенность. Совершенно законченный и стройный видъ чинъ коронованія получилъ только въ 1856 году при коронаціи Александра II. Для того, чтобы яснѣе

можно было видѣть, что именно новаго внесли съ собою императорскія коронаціи сравнительно съ вѣнчаніемъ на царство царей московскихъ, мы при каждомъ отдѣльномъ случаѣ постараемся дѣлать краткія параллельныя указанія на тѣ соответствующія дѣйствія, какія были при вѣнчаніяхъ царей московскихъ, причемъ эти ссылки будутъ касаться по преимуществу трехъ послѣднихъ царскихъ коронацій (Алексѣя Михайловича, Θεодора Алексѣевича и Иоанна и Петра Алексѣевичей), непосредственно предшествовавшихъ коронаціямъ императорскимъ ¹⁾.

Празднованіе дня коронованія начинается съ вечера. Ихъ величества съ высочайшею фамиліею слушаютъ всенощное бдѣніе у Спаса за золотой рѣшеткою, послѣ котораго имъ прочитывается правило къ святому причащенію. Въ самый день коронованія при началѣ звона въ большой колоколь собираются въ Успенскій соборъ всѣ синодальные члены и вызванные по этому случаю изъ епархій архіереи съ прочимъ духовенствомъ и совершаютъ молебствіе о здравіи государя. Немедленно за молебномъ слѣдуетъ чтеніе часовъ. Такой порядокъ коронованія соблюдался при коронаціяхъ всѣхъ русскихъ императоровъ и императрицъ. Но при московскихъ царяхъ встрѣчается нѣкоторое отличіе: во время коронаціи, напримеръ, царя Алексѣя Михайловича молебенъ о здравіи государя совершали тотчасъ по входѣ его въ церковь и слѣдовательно въ его присутствіи. Затѣмъ, московскіе цари въ день коронованія своего, прежде чѣмъ отправятся въ Успенскій соборъ, шли обыкновенно въ одну изъ дворцовыхъ церквей и тамъ оставались нѣкоторое время. Указаніе на то, что государь слушаетъ всенощное бдѣніе наканунѣ дня коронованія у Спаса за золотой рѣшеткой и также выслушиваетъ правило къ св. причащенію, въ первый разъ появляется въ чинѣ коронованія Павла I, и съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ сохраняется до настоящаго времени.

Предъ началомъ шествія государя императорскій духовникъ обыкновенно идетъ со святымъ крестомъ въ рукѣ, имѣя при себѣ двухъ діаконовъ, несущихъ на золотомъ блюдѣ святую воду, которою и кропятъ путь. Въ первый разъ встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на окропленіе пути, по которому должна шествовать императорская особа, въ коронацію Анны Иоанновны. Во время разныхъ коронацій путь государя окропляли лица неодинаковаго положенія въ духовномъ мірѣ. При коронаціяхъ Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I, эту почетную обязанность исполняли протопресвитеры Большаго Успенскаго со-

¹⁾ Главнымъ источникомъ для ознакомленія съ чинами вѣнчанія царей для насъ служила составленная архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ передъ коронаціей Петра II «Краткая опись чина вѣнчанія російскихъ государей: Алексія Михайловича, Θεодора Алексіевича и Иоанна и Петра Алексіевичей», напечатанная въ полномъ собраніи распоряженій и постановленій правительства по вѣдомству православнаго исповѣданія, томъ VII, Спб., 1894 года.

бора, въ коронацію Павла I, по его непосредственному распоряженію, путь предъ началомъ шествія окроплялъ духовникъ его величества, протоіерей Благовѣщенскаго собора Исидоръ, въ коронацію Александра II— оберъ-священникъ арміи и флота протопресвитеръ В. Кутневичъ; при коронаціяхъ Александра II и Александра III— императорскій духовникъ протопресвитеръ В. В. Бажановъ. Указаніе на то, что протопресвитера, окропляющаго путь, по которому должно совершаться шествіе государя, сопровождаютъ два діакона, въ первый разъ встрѣчается въ коронацію Елизаветы Петровны. Въ коронаваніяхъ московскихъ царей и въ данномъ случаѣ замѣтна особенность. Тамъ государь начиналъ свое шествіе изъ дворцовой церкви— и направлялся не прямо въ Успенскій соборъ, а сначала шель въ Грановитую палату; ему предшествовалъ Воскресенскій протопопъ, окропляя путь св. водой.

При шествіи государя и предносимыхъ ему императорскихъ регалій происходитъ звонъ во всѣ соборные колокола. При приближеніи регалій къ южнымъ дверямъ Успенскаго собора на встрѣчу имъ выступаютъ на паперть въ полномъ священномъ облаченіи всѣ архіереи и прочее духовенство, причемъ первенствующій митрополитъ кадитъ регаліи еиміамомъ, а слѣдующій за нимъ по старшинству архіерей окропляетъ ихъ св. водой. Регаліи несутъ на подушкахъ самые высшіе государственные сановники. Всѣ регаліи по внесеніи ихъ въ церковь полагаются на амвонъ трона, на особо приготовленномъ тамъ столѣ. Такой порядокъ встрѣчи царскихъ отличій происходилъ во всѣхъ коронаціяхъ, начиная съ коронаціи императрицы Екатерины I. Болѣе торжественный и болѣе сложный характеръ имѣла эта церемонія при московскихъ царяхъ, начиная съ царя Алексѣя Михайловича, напримѣръ, при Феодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. По возвращеніи царя изъ дворцовой церкви въ Грановитую палату назначенные по особому царскому повелѣнію сановники отправлялись на такъ называемый Казенный дворъ, гдѣ хранились царскія регаліи: св. крестъ, діадима, или, что то же, бармы, царскій вѣнецъ, скипетръ и держава. Сановники выносили ихъ изъ Казеннаго двора, причемъ во главѣ ихъ шель Благовѣщенскій протопопъ, неся на своей головѣ св. крестъ (царскій), діадиму и вѣнецъ, а другія принадлежности царскаго сана несли слѣдовавшія за нимъ мірскія сановитыя особы. Шествіе съ регаліями изъ Казеннаго приказа направлялось къ Грановитой палатѣ. Во время шествія происходилъ звонъ во всѣ колокола. Изъ Грановитой палаты тѣ же самыя особы и тѣмъ же самымъ порядкомъ при звонѣ колоколовъ несли царскія регаліи въ Успенскій соборъ. Этому шествію устраивалось нѣсколько встрѣчъ. Первая состояла въ томъ, что одинъ изъ архіереевъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ архимандритовъ торжественно встрѣчалъ шествіе предъ Грановитой палатою. Вторая встрѣча происходила у самаго Успенскаго собора, на

которую выходило уже нѣсколько архіереевъ. Каждый изъ нихъ принималъ на свои руки отъ сановниковъ одну изъ отличій царскаго сана и вносилъ ее въ соборъ. Здѣсь патріархъ принималъ отъ архіереевъ вносимыя ими регаліи и полагалъ ихъ на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ. Затѣмъ начинался молебенъ о здравіи государя тотъ самый, который теперь совершается далеко ранѣе начала шествія съ регаліями. Въ современномъ чинѣ коронованія порядка къ встрѣчи регалій значительно измѣнился и сократился.

По внесеніи регалій въ соборъ синодальные члены съ прочимъ духовенствомъ выходятъ на паперть собора и ожидаютъ на прежнемъ внѣ церкви мѣстѣ прихода государя. Потомъ въ предшествіи встрѣчающихъ архіереевъ и духовенства и при пѣніи пѣвчими псалма: «Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», ихъ величества входятъ въ соборъ, совершаютъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами и прикладываются къ святымъ мѣстнымъ иконамъ, а потомъ идутъ на приготовленный среди церкви подъ балдахиномъ тронъ и садятся на своихъ престолахъ. Митрополиты, архіепископы и епископы съ прочимъ духовенствомъ, назначеннымъ къ служенію, становятся по обѣ стороны, начиная отъ послѣдней ступени трона до царскихъ вратъ. Въ это время обыкновенно прекращается колокольный звонъ.

Въ коронаціяхъ московскихъ царей и въ этомъ случаѣ встрѣчаются различія съ современнымъ чиномъ коронованія. Цари: Алексѣй Михайловичъ, Феодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи шли въ Успенскій соборъ въ предшествіи только Благовѣщенскаго протопопа, облаченнаго въ одну епитрахиль, имѣвшаго крестъ въ одной рукѣ, а другою кропившаго царскій путь св. водой. Встрѣчи отъ духовенства у Успенскаго собора не было. Царь, въ предшествіи только духовника, входилъ въ церковь, прикладывался къ св. мощамъ и иконамъ; а въ это самое время пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе. Затѣмъ царь шелъ къ чертожному мѣсту, у котораго его встрѣчалъ патріархъ, благословлялъ его и окроплялъ св. водой. Послѣ того царь и патріархъ оба вмѣстѣ всходили на чертожное мѣсто, или тронъ. Прочіе архіереи и духовныя лица располагались по обѣ стороны отъ трона до царскихъ вратъ, имѣя позади себя скамьи для сидѣнія. Со времени коронованія Екатерины I встрѣча императора на паперти соборной происходитъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ настоящее время. При встрѣчѣ государя и государыни на паперти Успенскаго собора въ коронацію 1724 года, крестъ къ цѣлованію подносилъ Феодосій, архіепископъ новгородскій, а Теофанъ, епископъ псковскій, окропилъ ихъ св. водой; при встрѣчѣ Петра II крестъ для цѣлованія подносилъ Теофанъ, архіепископъ новгородскій, а Георгій, архіепископъ ростовскій, кропилъ его св. водой; императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ крестъ подносилъ тотъ же архіепископъ Теофанъ, а кропилъ св. водой Теофилактъ, архіепис-

скопъ тверской; Елизаветъ Петровнѣ Амвросій, архіепископъ новгородскій, поднесъ св. крестъ, а Стефанъ, епископъ псковскій, кропилъ ее св. водой; въ коронацію Екатерины II крестъ подносятъ Димитрій, архіепископъ новгородскій, а св. водой кропилъ Тимошей, митрополитъ московскій; при коронаціи Павла I крестъ къ цѣлованію подносятъ митрополитъ новгородскій Гавріиль, а Платонъ, митрополитъ московскій, кропилъ государя и государыню св. водой, въ коронацію Александра I крестъ подносятъ Платонъ, митрополитъ московскій, а кропилъ св. водой Амвросій, митрополитъ новгородскій; императору Николаю I св. крестъ подносятъ новгородскій митрополитъ Серафимъ, а кievскій митрополитъ Евгеній окропилъ государя и государыню св. водой; въ коронацію императора Александра II крестъ къ цѣлованію подносятъ Филаретъ, митрополитъ московскій, а митрополитъ новгородскій Никаноръ окропилъ государя и государыню св. водой. Въ послѣднюю коронацію 1883 года, при приближеніи государя и государыни къ соборной паперти, митрополитъ московскій Іоанникій произнесъ рѣчь, митрополитъ новгородскій Исидоръ поднесъ св. крестъ, а кievскій митрополитъ Платонъ окропилъ государя и государыню святою водою.

Въ коронацію Александра I, когда государь въ предшествіи архіерея прикладывался къ святымъ иконамъ, то предъ этимъ архіереємъ шли оберъ-прокуроръ синода и прокуроръ московской синодальной канторы.

Въ коронацію 1826 года имѣла мѣсто одна подробность, теперь почему-то оставленная. По входѣ въ Успенскій соборъ императоръ Николай Павловичъ въ предшествіи мѣстнаго (то-есть московскаго) архіепископа Филарета прикладывался къ иконѣ Спасителя, потомъ къ мощамъ митрополита Филиппа, затѣмъ къ иконѣ Богоматери и къ мощамъ св. Петра митрополита, при которыхъ представлены были для цѣлованія часть Ризы Господней и Гвоздь Распятія Господня,—и потомъ къ мощамъ Іоны митрополита.

Во время коронаціи 1724 года Петръ I, явившись съ императрицею въ соборъ, вошелъ на тронъ, и оба они сѣли на особо приготовленныхъ для нихъ престолахъ. При коронаціяхъ Екатерины I и Петра II отъ трона до царскихъ вратъ по обѣимъ сторонамъ ставились скамьи для духовенства. Въ коронацію 1724 года лишь только императоръ и императрица сѣли на своихъ престолахъ, то архіереи и первостепенные архимандриты также сѣли на приготовленные для нихъ скамьи. Точно такой же порядокъ соблюдался при коронаваніи Петра II. Но въ чинахъ коронаванія Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II хотя и есть упоминаніе о скамьяхъ для духовенства, но странно только то, что духовенство ими не пользовалось и не имѣло даже права пользоваться, потому что въ вышеуказанныхъ трехъ чинахъ прямо заявлялось, что когда императрица сядетъ на своемъ мѣстѣ, архіереи, архимандриты и

всѣ духовныя лица стоятъ. Въ чинѣ коронаціи Павла I о скамьяхъ для духовенства уже совсѣмъ не упоминается.

Что касается до привѣтственной рѣчи государю при входѣ въ Успенскій соборъ, то въ первый разъ она произнесена была въ коронацію императора Николая I знаменитымъ Филаретомъ, архіепископомъ московскимъ, 22 августа 1826 года¹⁾. Это нововведеніе настолько оказалось удачнымъ, что оно вошло въ силу обычая при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ. Въ коронацію Александра II привѣтственную рѣчь предъ вступленіемъ въ Успенскій соборъ говорилъ государю все тотъ же Филаретъ, но только носившій въ это время санъ митрополита московскаго. Въ коронацію Павла I привѣтственную рѣчь предъ нимъ держали два митрополита—новгородскій Гавріилъ и московскій Платонъ, но только въ самый день пріѣзда его въ Петровскій дворецъ, а при вступленіи его въ Успенскій соборъ для коронаціи никакой рѣчи произносимо не было.

По окончаніи чтенія псалма: «милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», старѣйшій митрополитъ восходитъ на амвонъ трона и предлагаетъ государю по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и своихъ предковъ въ слухъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ прочитать исповѣданіе своей вѣры²⁾. При этомъ онъ подноситъ къ государю и держитъ предъ нимъ раскрытую книгу, по которой государь громко читаетъ символъ вѣры. По прочтеніи символа тотъ же митрополитъ говоритъ государю: «Благодать Святаго Духа да будетъ съ Тобою, аминь». Обычай держать предъ государемъ раскрытую книгу для прочтенія имъ по ней символа вѣры вошелъ въ силу со времени коронаціи Анны Іоанновны.

Въ періодъ московскихъ царей были коронаціи, на которыхъ у царя и совсѣмъ не спрашивали исповѣданія вѣры. Такъ это случилось при коронаціи царя Алексѣя Михайловича. Обыкновенно же, когда царь и патріархъ всходили на тронъ, то государь первый обращался къ патріарху съ пространнымъ словомъ, на что патріархъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Такъ было во время коронаціи царя Алексѣя Михайловича. Въ коронацію царей Феодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей патріархъ, по окончаніи обращеннаго къ нему

¹⁾ При этомъ замѣчательно то, что императоръ Николай Павловичъ рѣчи митрополитовъ, предназначенныя къ произнесенію во время коронаціи, потребовалъ себѣ на предварительный просмотръ.

²⁾ Обычай чтенія государемъ предъ своимъ коронаваніемъ символа вѣры перешелъ къ намъ изъ Византіи. Тамъ съ половины V вѣка византійскіе императоры предъ своимъ вѣнчаніемъ на царство торжественно давали присягу церкви въ томъ, что они будутъ свято исповѣдать всѣ догматы православнои вѣры. Эту присягу они подписывали и вручали коронававшему ихъ патріарху. Барсовъ, «Древніе чины вѣнчанія на царство», Москва, 1888 г., стр. 8. Вотъ одинъ изъ образчиковъ присяги, которую давали императоры византійскіе церкви при своемъ вѣнчаніи на царство: «обѣщаюсь пребыть и всегда являться вѣрнымъ и истиннымъ служителемъ и сыномъ св. церкви, ея защитникомъ и заступникомъ, и къ подданнымъ милостивымъ и человеколюбивымъ, сколько это возможно и надлежитъ». «Творенія св. отцевъ», 1882 г., кн. 1, стр. 126.

съ ихъ стороны пространнаго слова, спрашивалъ у нихъ исповѣданіе вѣры и только по прочтеніи ими символа держалъ имъ свое отвѣтное слово. При коронаціи Екатерины I императоръ Петръ Великій, поднявшись съ кресла¹⁾ на тронѣ, сказалъ слѣдующую краткую рѣчь: «Честные отцы, что мы прежде объявили манифестомъ о любезнѣйшей нашей супругѣ, тое нынѣ дѣломъ желаемъ совершить»²⁾. Послѣ этой рѣчи первенствующій архіерей обратился къ императрицѣ и заявилъ, что ей надлежитъ нынѣ въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ прочитать исповѣданіе православной вѣры. Екатерина I читала символъ вѣры, вѣроятно, на память, потому что въ чинѣ коронаціи ея не упоминается о томъ, чтобы архіерей держалъ предъ ней книгу. Со времени коронаціи Елизаветы Петровны и до послѣдняго времени (1883 г.) краткая рѣчь первенствующаго архіерея къ государю, которою онъ спрашиваетъ исповѣданіе вѣры, остается неизмѣнною.

Первенствующая роль при коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ принадлежала слѣдующимъ лицамъ: въ коронацію Екатерины I въ 1724 г. (7 іюня) Θεодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, въ коронацію Петра II въ 1728 г. (25 февраля) и въ коронацію Анны Іоанновны въ 1730 г. (28 апрѣля) Θεοφανъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, въ коронацію Елисаветы Петровны въ 1742 г. (25 апрѣля) Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій; въ коронацію Екатерины II въ 1762 г. (22 сентября) Дмитрій Сѣченевъ, архіепископъ новгородскій³⁾; въ коронацію Александра I въ 1801 г. (15 сентября) Платонъ, митрополитъ московскій; въ коронацію Николая I въ 1826 г. (22 августа) митрополитъ новгородскій Серафимъ; въ коронацію Александра II въ 1856 г. (26 августа) Филаретъ, митрополитъ московскій, и въ коронацію Александра III въ 1883 г. (15 мая) Исидоръ, митрополитъ новгородскій. Что же касается до коронаціи Павла I въ 1797 г. (5 апрѣля въ день Св. Пасхи)⁴⁾, то во время ея хотя и первенствовалъ Га-

¹⁾ По рукописному чину: «какимъ образомъ должно совершиться коронаціи Екатерины I, императоръ долженъ былъ сказать эту рѣчь сидя.

²⁾ Эта рѣчь взята изъ рукописнаго чина коронаціи. Въ напечатанномъ же чинѣ она имѣетъ другую редакцію: «понеже всѣмъ извѣстно есть, какъ прежде объявили мы манифестомъ о намѣреніи своемъ для коронаціи любезнѣйшей нашей супруги, которое нынѣ изволите по чину церковному совершить». «Русскій Архивъ», 1883 г., № 2.

³⁾ Императрица Екатерина II особенно ревниво оберегала первенство новгородскаго архіепископа, не обращая вниманія на требованія церковно-іерархическаго порядка. Оберъ-прокуроръ, князь Козловскій, предъ коронаціей Екатерины II объявилъ указъ святѣйшему синоду о томъ, «чтобы при встрѣчѣ и во время имѣемой быть коронаціи между прочими преосвященными первенствовать преосвященному новгородскому, понеже, какъ онъ есть первый синодальный членъ, да и потому, что и напередъ сего въ такихъ процессіяхъ оной епархіи преосвященные первенствующими находились, а преосвященному Тимоѣю, митрополиту московскому, при вшествіи въ Москву, встрѣчать со крестомъ и у собору». Дѣло св. синода, 1762 г., № 62. Такимъ образомъ новгородскій архіепископъ сталъ выше московскаго митрополита.

⁴⁾ Можетъ быть, императоръ Павелъ назначилъ день своего коронаціи на Пасху, имѣя предъ собою примѣръ императора Юстиніана Великаго, коронававшагося на первый день Пасхи въ 527 году.

вріилъ, митрополитъ новгородскій, но его роль была очень ограничена и раздѣлена съ московскимъ митрополитомъ Платономъ. По церемоніалу коронаванія Павла I первенство также всецѣло должно было принадлежать новгородскому митрополиту, но при самой коронаціи, по непосредственному повелѣнію государя, нѣкоторыя выдающіяся въ коронаціи дѣйствія предоставлены были митрополиту московскому. Начиная съ коронаціи Екатерины I и оканчивая коронаціей Александра III, на амвонъ трона восходилъ и спрашивалъ у государя исповѣданіе вѣры всегда одинъ старѣйшій архіерей, но при коронаваніи императора Павла на амвонъ трона восходили два митрополита вмѣстѣ: новгородскій Гавріилъ и московскій Платонъ, хотя рѣчь государю держалъ только первый. Что касается до другихъ участвующихъ въ коронаціи высшихъ духовныхъ лицъ, то число ихъ было въ разное время не одинаково. Число участвующихъ архіереевъ вращается по преимуществу около двѣнадцати. При коронаціи Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и Николая I было двѣнадцать епископовъ, въ коронацію Елизаветы Петровны число участвующихъ въ коронаваніи епископовъ простиралось до пятнадцати, а всего духовенства всѣхъ степеней до ста двадцати восьми человекъ. Въ коронацію Александра I было тринадцать епископовъ¹⁾. Самое меньшее число архіереевъ участвовало въ коронаціяхъ Екатерины II и Павла I: при Павлѣ ихъ было одиннадцать, а всего духовенства восемьдесятъ человекъ, а при Екатеринѣ—десять епископовъ. Такъ по крайней мѣрѣ видно изъ дѣлъ св. синода, но по печатному описанію коронаціи Екатерины II можно насчитать до двѣнадцати участвовавшихъ архіереевъ. Обыкновенно во всѣхъ коронаціяхъ принимали участіе всѣ члены святѣйшаго синода. Относительно же вызова къ коронаціи епархіальныхъ архіереевъ не было никакого опредѣленнаго правила: вызывались епископы ближайшихъ къ Москвѣ епархій и иногда епископы болѣе извѣстные и знаменитые. Бывали случаи, что нѣкоторые епископы вызывались по непосредственному избранію самого государя.

По прочтеніи государемъ символа вѣры первенствующій митрополитъ сходитъ съ амвона-трона и становится на свое мѣсто. Затѣмъ произносится великая эктенія, въ которой, кромѣ обыкновенныхъ прошеній, прибавлено цѣлыхъ десять, исключительно относящихся къ происходящему священнодѣйствію. Эта эктенія въ первый разъ появляется въ чинѣ коронаванія императрицы Екатерины I, и составленіе ея принадлежитъ, вѣроятно же всего, архіепископу Теофану Прокоповичу; въ печати же въ первый разъ она появилась въ описаніи коронаціи императрицы Анны Іоанновны. До 1797 года

¹⁾ Впрочемъ, тринадцатый епископъ попалъ на коронацію совершенно случайно. Это былъ пріѣзжій изъ Грузіи епископъ Евлогій.

въ великой эктении было девять прошеній, спеціально относящихся къ коронаціи, но предъ коронаціей 1797 года императоръ Павелъ Петровичъ, при пересмотрѣ имъ самимъ чина коронаванія, собственноручно прибавилъ еще слѣдующее прошеніе: «о еже благословитися царскому его вѣнчанію и супруги его благочестивѣйшей государыни императрицы Маріи Теодоровны благословеніемъ Его же, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ». Со времени коронаціи Екатерины I остается неизмѣннымъ и дальнѣйшій порядокъ чина царскаго вѣнчанія. Послѣ великой эктении обыкновенно слѣдуетъ пѣніе: «Богъ Господь и явился намъ», чтеніе пареміи, Апостола и Евангелія. Въ чинахъ коронаванія царей: Алексѣя Михайловича, Теодора, Иоанна и Петра Алексѣевичей, не упоминается ни о великой эктении, ни о пѣніи «Богъ Господь», ни о чтеніи Апостола и Евангелія. Эта часть коронаванія, напоминающая собою обыкновенное молебное пѣніе и составляющая особенность собственно русскаго чина коронаванія, также обязана своимъ происхожденіемъ, вѣроятнѣе всего, тому же Теофану Прокоповичу:

По прочтеніи Евангелія два старѣйшіе митрополита восходятъ на амвонъ трона. Государь повелѣваетъ съ поставленнаго на амвонѣ трона стола съ императорскими регаліями возложить на себя императорскую порфиру съ принадлежащею къ ней цѣпью ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Митрополиты на двухъ подушкахъ подносятъ къ государю порфиру и прислуживаютъ ему при возложеніи ея; причемъ первенствующій митрополитъ говоритъ: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Одинъ изъ находящихся при государѣ сановниковъ оправляетъ на немъ порфиру. По возложеніи ея государь преклоняетъ голову, а первенствующій митрополитъ, осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ, возлагаетъ на нее крестообразно руки и читаетъ во всеуслышаніе молитву, начинающуюся словами: «Господи, Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ». Затѣмъ тотъ же митрополитъ читаетъ другую уже краткую молитву, начинающуюся словами: «Тебѣ, единому Царю человекѣвъ»¹⁾.

Въ чинѣ вѣнчанія московскихъ царей, сравнительно съ нынѣ дѣйствующимъ чиномъ коронаванія, находятся слѣдующія особенности. Тотчасъ по прочтеніи царемъ символа вѣры съ него снималась та одежда, въ которой онъ приходилъ въ церковь, и самъ патріархъ облачалъ его въ царскую одежду. Такъ было во время вѣнчанія царей Теодора, Иоанна и Петра Алексѣевичей. При коронаціи Алексѣя Михайловича не происходило облаченія царя въ новыя царскія одежды. По облаченіи царя наступало время возношенія царскихъ регалій на тронъ. До сихъ поръ онѣ находились на столѣ,

¹⁾ Обѣ эти молитвы взяты изъ чина вѣнчанія византійскихъ императоровъ и называются молитвами на постановленіе царя. Барсовъ, «Древніе чины вѣнчанія царей», Москва, 1888 г. Эти двѣ молитвы единственные памятники, сохранившіеся въ современномъ чинѣ коронаванія отъ древняго чина вѣнчанія царей.

помѣщавшемся не на самомъ тронѣ, какъ въ современныхъ коронованіяхъ, а на церковномъ полу. Старѣйшіе архимандриты брали каждый въ отдѣльности тотъ или другой предметъ изъ принадлежностей царскаго сана и подносили къ трону; здѣсь архіереи принимали у архимандритовъ несомыя ими регалии и возносили ихъ на тронъ. Тамъ патріархъ принималъ ихъ изъ рукъ архіереевъ и возлагалъ ихъ въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ на царя. Въ современномъ чинѣ коронованія регалии переносятъ въ церковь свѣтскіе сановники, они же полагаютъ ихъ на извѣстномъ столѣ на тронѣ, и они же въ извѣстное время подаютъ ихъ первенствующему митрополиту.

При коронованіи царей московскихъ священнодѣйствующій патріархъ прежде всего возлагалъ на царя св. крестъ ¹⁾, причѣмъ царь преклонялъ голову, читалась краткая эктенія, и затѣмъ патріархъ, возложивъ руки на голову царя, читалъ громко ту же самую молитву: «Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ» и пр. Затѣмъ патріархъ возлагалъ на царя св. бармы ²⁾ и вслѣдъ за симъ читалъ съ главопреклоненіемъ всѣхъ краткую молитву: «Тебѣ, единому Царю чловѣковъ». Въ современномъ чинѣ на коронуящагося императора не возлагается ни св. креста, ни бармъ. Молитвы же, читавшіяся ранѣе при этой церемоніи, читаются и теперь, но только при возложеніи порфиры и обѣ вмѣстѣ. Употребленіе порфиры при коронованіи въ первый разъ началось съ коронованія Екатерины I. Порфира замѣнила собою и крестъ, и бармы, и золотую цѣпь, какія возлагались при коронованіи царей московскихъ. Тотчасъ по прочтеніи символа вѣры Екатерина I стала на подушкѣ на колѣна, и первенствующій архіепископъ, осѣнивъ крестообразно главу ея и возложивъ затѣмъ на нее руку, читалъ извѣстную молитву. Затѣмъ два старѣйшіе архіепископа, новгородскій Феодосій (Яновскій) и псковскій Теофанъ (Прокоповичъ), взяли со стола, находившагося на тронѣ, императорскую порфиру и поднесли императору, который самъ лѣвой рукой возложилъ ее на императрицу, а въ правой рукѣ онъ держалъ въ это время скипетръ. Въ чинахъ коронованія порфира иногда называется императорской мантией, или епанчей. Со времени коронованія императрицы Анны Иоанновны императорская порфира стала украшаться возложеніемъ на нее алмазной цѣпи ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Начиная съ Екатерины I, порфира при всѣхъ коронованіяхъ возлагается первой. Только при

¹⁾ Св. крестъ съ частицею животворящаго древа, какъ одна изъ принадлежностей церковнаго вѣнчанія, въ первый разъ возложенъ былъ при коронованіи Иоанна Грознаго въ 1547 году. Греческіе цари при своемъ коронованіи держали крестъ въ правой рукѣ, скипетръ — въ лѣвой.

²⁾ Бармы—это оплечья съ изображеніемъ распятія Спасителя съ предстоящими у Креста Божіей Матерью и Иоанномъ Предтечею. Въ древнихъ нашихъ памятникѣхъ бармы называются діадимомъ и ожерельемъ. Бармы, какъ необходимая принадлежность коронованія, упоминаются въ первый разъ въ 1498 году. Бармы и золотой крестъ въ началѣ XVIII вѣка замѣнила собой одна императорская порфира.

коронаціи императора Павла I, на него возложенъ былъ сначала далматикъ изъ бархата малиноваго цвѣта ¹⁾, а потомъ уже порфира. Коронованіе Павла I съ возложеніемъ далматика представляетъ изъ себя единственный примѣръ въ русской исторіи. Въ чинъ своего коронованія императоръ Павелъ внесъ, можетъ быть, далматикъ въ подражаніе византійскимъ императорамъ ²⁾, на примѣръ которыхъ онъ ссылался и въ своемъ манифестѣ, изданномъ 18 декабря 1796 года съ извѣщеніемъ объ имѣющей совершиться коронаціи.

При возложеніи на императора порфиры въ разныхъ коронованіяхъ встрѣчаются разности какъ относительно лицъ, возлагающихъ порфиру, такъ и еще болѣе относительно самаго способа возложенія порфиры. На Екатерину I возлагалъ порфиру, какъ уже и было упомянуто, самъ императоръ-супругъ. При коронованіи Петра II мы видимъ другое. Въ чинѣ этого коронованія, исправленномъ Теофаномъ Прокоповичемъ, читаемъ слѣдующее: «первый архіереи приимлетъ со стола порфиру и возлагаетъ ее на его величество». Точно такимъ же образомъ возлагалась порфира при слѣдующей коронаціи Анны Иоанновны. Въ описаніи коронаціи этой государыни сказано, что рукою архіерея возложена была на нее мантия, или порфира. Въ чинахъ коронованія Елизаветы Петровны и Екатерины II замѣтно нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи лицъ, возлагающихъ порфиру: «приимлетъ единъ первый архіерей съ прочими архіереи со стола порфиру и возложить на ея величество съ обыкновенною молитвою». Въ коронацію 1797 года далматикъ и порфиру подавали императору два митрополита, новгородскій Гавріиль и московскій Платонъ, которые притомъ подносили ему эти одежды на подушкахъ. Во всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ порфиру подноситъ государю не одинъ первенствующій, а два и даже нѣсколько митрополитовъ. При коронаціи Александра I порфиру подносилъ митрополитъ Платонъ «съ прочими архіереями», при коронованіи Николая I—митрополитъ новгородскій Серафимъ съ кievскимъ Евге-

¹⁾ Далматикъ—одна изъ царскихъ одеждъ византійскихъ императоровъ, очень сходенъ съ нынѣшнимъ архіерейскимъ саккосомъ. Существуетъ очень распространенное мнѣніе, что греческіе императоры предоставили константинопольскимъ патріархамъ право ношенія царскаго далматика, который у нихъ подучилъ названіе саккоса. Писатели западной церкви за далматикомъ признаютъ самостоятельное церковное значеніе. Они утверждаютъ, что далматикъ употреблялся въ церкви, какъ священная одежда, въ самой глубокой древности и составлялъ одѣяніе первосвященителей. Такъ, напримѣръ, св. Каприакъ Карфагенскій былъ одѣтъ въ далматикъ, когда шелъ на мученіе. Въ далматикъ облачался св. Григорій Великій. Съ теченіемъ времени римскіе епископы присвоили себѣ право жаловать далматикъ епископамъ въ видѣ награды и отличія. Въ католической церкви и до сихъ поръ употребляется далматикъ—это верхняя риза, которую диаконы и шодиаконы надѣваютъ на стихарь во время богослуженія. И по описанію западныхъ церковныхъ историковъ далматикъ оказывается очень похожимъ на архіерейскій саккосъ. (Далматикъ очень просторенъ, имѣетъ широкіе рукава, доходящіе только до локтя; нѣсколько поднѣ его стали украшать двумя пурпуровыми полосками по обѣимъ сторонамъ груди). Какой именно смыслъ соединялъ императоръ Павелъ I съ возложеніемъ на себя далматика,—этотъ вопросъ не легко поддается разрѣшенію.

²⁾ Далматикъ, діадиму или широкое препоясаніе и затотканную мантию возлагали на византійскихъ императоровъ при вѣнчаніи ихъ на царство.

ніемъ и съ архіепископомъ московскимъ Филаретомъ, при коронаваніи Александра II митрополитъ Филаретъ съ митрополитомъ новгородскимъ Никаноромъ и литовскимъ Іосифомъ, при коронаваніи Александра III митрополитъ новгородскій Исидоръ и кіевскій Платонъ.

Въ самомъ способѣ возложенія порфиры до коронаванія Елизаветы Петровны не происходило никакихъ перемѣнъ. Обыкновенно одинъ или два первосвятителя брали со стола императорскую порфиру и возлагали ее на государя. Въ чинѣ коронаванія императрицы Елизаветы Петровны порядокъ возложенія порфиры изложенъ примѣнительно къ установившейся до сихъ поръ, практикѣ, именно: по прочтеніи Евангелія приѣмлетъ одинъ первый архіерей «съ стола близъ стоящаго съ царственными знаменіями порфиру или епанчу короновательную и возложить на ея императорское величество». За двѣ недѣли до коронаціи произошла, по выраженію архіепископа новгородскаго Амвросія Юшкевича, «знатная нѣкоторая отмѣна» уже въ напечатанномъ св. синодомъ чинѣ коронаванія, — отмѣна настолько знатная, что ею измѣняется до нѣкоторой степени и самый смыслъ коронаванія. Учрежденная «для приготовленія вещей къ коронаціи комиссія», состоявшая изъ генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго и генераль-лейтенанта фонъ-Любераса ¹⁾, нашла себя въ правѣ измѣнить изложенный въ церковномъ чинѣ порядокъ возложенія порфиры. Характеръ сдѣланнаго комиссіею измѣненія виденъ изъ оффиціального описанія коронаванія императрицы Елизаветы, гдѣ въ соответствующемъ мѣстѣ сказано слѣдующее: «посемъ ея императорское величество соизволила повелѣтъ со стоящаго на тронѣ съ императорскими регаліями стола порфиру или императорскую мантию возложить, которую архіепископъ Амвросій съ прочими архіереи, поднесши ея величеству на подушкахъ, послужили Ея Величеству при возложеніи той мантии съ обыкновенною притомъ молитвою». Новый, имѣющій глубокое значеніе, порядокъ возложенія порфиры все-таки не вошелъ ²⁾ въ церковный чинъ коронаванія не только Елизаветы Петровны, но даже и Екатерины II. Въ первый разъ онъ внесенъ былъ въ чинъ коронаванія императора Павла I. Въ этомъ чинѣ находится слѣдующее положеніе: «его императорское величество повелѣлъ съ стоящаго на тронѣ съ императорскими регаліями стола возложить на себя сперва далматикъ, а потомъ порфиру, которыя его императорскому величеству митрополиты новгородскій и московскій поднесли на по-

¹⁾ Полн. Собран. Зак., т. XI, 591, № 8588.

²⁾ Святѣйшій синодъ съ покорностью отнесся къ дѣйствіямъ коронаціонной комиссіи, и коронація Елизаветы Петровны состоялась согласно планамъ комиссіи. Но послѣдняя пошла дальше. Уже послѣ коронаціи коронаціонная комиссія обратилась въ святѣйшій синодъ съ требованіемъ объ исправленіи и перепечаткѣ церковнаго чина. Святѣйшій синодъ вмѣсто перепечатки приказалъ отобрать чинъ коронаванія у всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ выданъ, и отобранные чины велѣлъ хранить въ архивѣ синодальной типографіи.

душкахъ, и послужили его величеству при возложеніи оныхъ глаголя: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Порядокъ возложенія порфиры, внесенный въ чинъ коронаціи Павла I, сохранился во всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ. Какъ на исключительную особенность коронаціи Павла Петровича при возложеніи порфиры и соединенныхъ съ нею церковныхъ обрядовъ, слѣдуетъ отмѣтить новый не бывалый ни при одной коронаціи примѣръ возложенія рукъ на преклоненную голову императора заразъ двухъ старѣйшихъ митрополитовъ: «по возложеніи порфиры его императорское величество», говорится въ чинѣ коронаціи 1797 года, «преклонилъ главу, а митрополиты новгородскій и московскій, осѣня верхъ главы крестообразно, возложили руки на оную». Положенную при этомъ молитву читалъ митрополитъ новгородскій Гаврииль.

По современному чину коронаціи, по прочтеніи второй молитвы, соединенной съ преклоненіемъ главы, государь указываетъ съ поставленнаго на амвонѣ трона стола подать императорскую корону ¹⁾, которую тогда назначенный къ тому сановникъ подноситъ первенствующему митрополиту на подушкѣ, а митрополитъ въ свою очередь подноситъ ее государю. Принявъ корону отъ митрополита съ подушки, государь возлагаетъ ее на свою голову при произнесеніи митрополитомъ словъ: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Послѣ возложенія короны митрополитъ произноситъ по книгѣ краткую поздравительную рѣчь государю.

Только что описанный порядокъ возложенія императорской короны вошелъ въ практику со времени коронаціи Елизаветы Петровны. При московскихъ царяхъ непосредственно за возложеніемъ бармъ патріархъ возлагалъ на голову царя корону или царскій вѣнецъ съ произнесеніемъ тѣхъ же, какъ и теперь, словъ: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». При этомъ патріархъ вслѣдъ за возложеніемъ вѣнца не говоритъ привѣтствія коронованному государю, какъ это дѣлается теперь. Такъ возлагались короны на царей: Алексѣя Михайловича, Θεодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей. При коронаціи Екатерины I впервые появляется порядокъ возложенія короны, близко подходящій къ современному. Предъ возложеніемъ короны императрица Екатерина I стала на колѣна, и надъ ней первенствующій архіерей прочиталъ краткую молитву. Затѣмъ два старѣйшіе архіепископа взяли со стола императорскую корону и вручили ее императору, который самъ возложилъ ее на голову государыни, причемъ два архіерея крестообразно осѣняли императрицу. При коронаціи императора Петра II (въ 1728 году) замѣтно возвращеніе къ старому порядку, унаслѣдованному отъ патріаршества. Архіепископъ новгородскій Θεофанъ въ извѣстное время взялъ со

¹⁾ Корона замѣнила собою вѣнецъ или шапку Мономаха, которою короновались русскіе цари съ 1498 года.

стола, на которомъ находились императорскія регаліи, корону и возложилъ ее на голову императора Петра II. Точно такимъ же порядкомъ и тѣмъ же самымъ архіепископомъ возложена была корона на императрицу Анну Іоанновну при вѣнчаніи ея на царство въ 1730 году. Она была послѣднею императрицею, коронованною церковію по старому порядку. Въ церковномъ чинѣ коронованія императрицы Елизаветы Петровны порядокъ возложенія на нее короны описывается съ такою подробностію, съ какою онъ не описывался ни въ одной изъ предшествующихъ коронацій. «Старѣйшій архіерей,—говорится въ этомъ чинѣ ¹⁾),—корону императорскую благословивъ и поцѣловавъ, приѣмлетъ съ означеннаго стола и потомъ ея императорское величество осѣнить тою короною и, поднесши оную ея величеству къ цѣлованію, возложить на главу ея величества глаголя: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». За двѣ недѣли до коронаціи высочайше учрежденная «комиссія для приготовления вещей къ коронаціи» изложенный въ чинѣ церковномъ порядокъ возложенія короны измѣнила по своему собственному плану. Насколько важна и существенна сдѣланная комиссіею перемѣна, это видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго описанія коронаціи Елизаветы Петровны. «Послѣ молитвы ея величество соизволила указать,—такъ читаемъ мы въ этомъ описаніи,—съ поставленнаго съ императорскими регаліями стола подать императорскую корону, которую первенствующему новгородскому архіерею подаль канцлеръ, а оный поднесъ ея императорскому величеству на подушкѣ; ту корону ея императорское величество, принявъ отъ архіерея съ подушки, изволила возложить на свою главу, причемъ архіерей говорилъ молитву: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Совершенно въ томъ же порядкѣ происходило возложеніе короны на императрицу Екатерину II. Въ чинѣ ея коронованія между прочимъ читаемъ: «по семъ ея императорское величество соизволила указать подать императорскую корону, которую канцлеръ подастъ первенствующему архіерею, и оный подноситъ ея величеству на подушкѣ. Ту корону ея величество, принявъ отъ архіерея съ подушки, изволилъ возложить на свою главу». Точно въ такомъ же видѣ описывается порядокъ возложенія короны въ чинѣ коронованія императора Павла I. Коронованіе императора Павла I имѣло только ту особенность, никогда ни прежде, ни послѣ не практиковавшуюся—именно корону на подушкѣ подносили ему два митрополита—новгородскій и московскій. Что касается краткой поздравительной рѣчи, произносимой митрополитомъ при возложеніи короны, то она остается безъ всякаго измѣненія съ коронаціи императрицы Анны

¹⁾ Такой порядокъ возложенія короны внесенъ въ чинъ коронованія изъ древняго чина вѣнчанія на царство Михаила Феодоровича. См. изд. комиссіи печатанія грамотъ, М., 1856, стр. 52.

Іоанновны, когда она въ первый разъ произнесена была самимъ вѣроятнымъ составителемъ ея—архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ.

Послѣ возложенія на себя короны и привѣтствія митрополита, государь повелѣваетъ подать себѣ скипетръ и державу. Несшіе эти регалии въ процессіи сановники подносятъ ихъ на подушкахъ первенствующему митрополиту, который представляетъ ихъ государю и, подавая ему въ правую руку скипетръ ¹⁾, а въ лѣвую державу, произноситъ слова: «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь». Затѣмъ тотъ же митрополитъ говоритъ государю по книгѣ новую краткую поздравительную рѣчь, которая на императорскихъ коронаціяхъ произнесена была въ первый разъ при коронаціи Анны Іоанновны, а остается безъ всякаго измѣненія съ коронаціи Елизаветы Петровны, хотя самое происхожденіе ея унаслѣдовано отъ времени московскихъ царей ²⁾.

При коронаціи царей московскихъ, патріархъ подавалъ коронованному царю въ руки скипетръ и державу и при этомъ говорилъ краткое привѣтствіе. Точно такой же порядокъ врученія государю скипетра и державы существовалъ во всѣхъ коронаціяхъ императоровъ и императрицъ до коронаціи императрицы Елизаветы Петровны за исключеніемъ императрицы Екатерины I, которой архіерей поднесъ только одну державу, а скипетръ находился въ рукахъ императора. При коронаціи Петра II и Анны Іоанновны первенствующій архіерей обыкновенно подавалъ коронованной особѣ въ правую руку скипетръ, а въ лѣвую—державу. Точно въ такомъ видѣ изложенъ порядокъ врученія скипетра и державы и въ церковномъ чинѣ коронаціи Елизаветы Петровны. Но высочайше учрежденная комиссія и здѣсь произвела большую перемѣну, которую можно видѣть въ официальномъ описаніи коронаціи, гдѣ мы, напримѣръ, находимъ слѣдующее мѣсто: «потомъ ея императорское величество соизволила повелѣть съ того же стола подать императорскій скипетръ и державу, которыя ея императорскому величеству на подушкахъ поднесены были, и ея императорское величество скипетръ въ правую, а державу въ лѣвую руку принять изволила» и т. д. Созданный коронаціонною комиссіею при Елизаветѣ Петровнѣ порядокъ врученія скипетра и державы не вошелъ въ чины коронаціи Екатерины II и Павла I, хотя изъ официального описанія коронаціи императрицы Екатерины II видно, что она получила скипетръ и державу послѣ даннаго ею самою повелѣнія.

Въ церемоніаль, равно какъ и въ черновой чинѣ коронаціи Александра I, былъ внесенъ уже новый, нынѣ дѣйствующій поря-

¹⁾ Скипетръ, употребившійся при коронаціяхъ византійскихъ императоровъ, въ первый разъ врученъ былъ московскому царю Іоанну IV при его вѣнчаніи на царство въ 1547 году.

²⁾ Держава, какъ одна изъ принадлежностей царскаго вѣнчанія, въ первый разъ была вручена царю при коронаціи Бориса Годунова.

докъ, по которому митрополитъ подаетъ скипетръ и державу послѣ того, какъ государь самъ повелитъ подать ихъ себѣ, но тѣмъ не менѣе онъ почему-то не попалъ въ печатный чинъ коронаванія и значить не былъ примѣненъ на дѣлѣ. И только уже при Александрѣ II въ чинѣ коронаванія въ первый разъ появляется слѣдующая особенность: «его императорское величество повелѣлъ подать себѣ скипетръ и державу, сановники, несшіе сія регаліи въ процессіи, поднесли оныя на подушкахъ митрополиту московскому, который представилъ его величеству». Эта новая черта даетъ законченный видъ коронаванію въ томъ новомъ направленіи, какое указано ему со времени коронаціи императрицы Елизаветы Петровны.

По принятіи скипетра и державы и привѣтственной рѣчи митрополита, государь садится на своемъ императорскомъ престолѣ. Вслѣдъ затѣмъ государь, положивъ обѣ регаліи на подушки, которыя подносятъ ему сановники, призываетъ къ себѣ государыню императрицу, послѣдняя становится предъ своимъ супругомъ на колѣна на бархатную подушку, поданную ей однимъ изъ сановниковъ. Государь, снявъ съ себя корону, прикасается ею къ головѣ государыни и опять возлагаетъ ее на себя. Въ это время одинъ изъ сановниковъ подноситъ меньшую корону, которую государь и возлагаетъ на голову государыни. Потомъ подносятъ государю для возложенія на государыню порфиру и цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго. При возложеніи каждой изъ этихъ регалій присутствуютъ статсъ-дамы.

Чинъ коронаванія императрицы, какъ супругъ царствующаго императора, возникъ у насъ въ 1724 году, а въ своемъ настоящемъ законченномъ видѣ въ первый разъ онъ появился въ 1797 году въ чинѣ коронаванія императора Павла I и примѣненъ былъ къ его супругѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Съ того времени онъ остается неизмѣннымъ съ тою только разностию, что при коронаваніи императрицы Маріи Ѳеодоровны на нее сначала была возложена цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго, а потомъ уже императорская порфира. Во всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ, начиная съ Александра I (1801 г.), порядокъ возложенія на императрицу царскихъ регалій измѣнился: сначала стали возлагать порфиру, а потомъ уже орденъ св. Андрея Первозваннаго. Слѣдуетъ также отмѣтить одну особенность въ коронаваніи супруги императора Александра I—императрицы Елизаветы Алексѣевны. Она при коронаваніи своемъ не становилась предъ своимъ супругомъ на колѣна, а стоя приняла на свою голову корону. То же самое было при коронаваніи супруги Николая I. Въ 1856 году при Александрѣ II возстановленъ былъ древній порядокъ, учрежденный императоромъ Павломъ, по которому императрицы, при возложеніи на нихъ царскихъ регалій, становятся предъ своимъ царственнымъ супругомъ на колѣна.

Очень любопытенъ вопросъ о томъ, откуда взять чинъ коронованія императрицы-супруги: выработанъ ли онъ кѣмъ либо самостоятельно или же позаимствованъ; если позаимствованъ, то откуда—съ востока, изъ Византіи, или съ запада. Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ является очень затруднительнымъ. Между коронованіемъ русскихъ императрицъ и императрицъ греческихъ можно найти нѣкоторое сходство. Коронація императрицъ въ Константинополѣ большею частію происходила въ одной изъ залъ императорскаго дворца. Обыкновенно патріархъ прочитывалъ молитву надъ порфирой, послѣ чего онъ подавалъ послѣднюю императору, который возлагалъ ее на свою супругу. Подобнымъ же образомъ возлагалась на императрицу и корона ¹⁾.

Надъ чиномъ коронованія Павла I трудились митрополитъ Гавріиль (Петровъ) и архіепископъ казанскій Амвросій (Подобѣдовъ) подъ руководствомъ самого императора. Чинъ этотъ подвергался неоднократнымъ передѣлкамъ и поправкамъ. Еще до отъѣзда синода въ Москву состоялось опредѣленіе о напечатаніи чина коронованія, но исполненіе этого опредѣленія было приостановлено. По переѣздѣ двора и синода въ Москву чинъ коронованія и тамъ подвергался новому пересмотру и поправкамъ. Онъ появился въ печати только за четыре дня до коронаціи. Очень можетъ быть, что главнымъ предметомъ поправокъ и измѣненій служилъ вопросъ о способѣ коронованія императрицы-супруги.

Послѣ коронованія императрицы и возвращенія ея на свой престолъ государь снова принимаетъ въ руки скипетръ и державу. Потомъ протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе, произнося при этомъ полный императорскій титулъ государя. Въ это время происходитъ первый звонъ во все колокола и пушечная пальба. Во время пѣнія многолѣтія какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, не оставляя своихъ мѣстъ, приносятъ поздравленія государю и государынѣ троекратнымъ поклоненіемъ. Полный императорскій титулъ сталъ печататься въ чинахъ коронованія съ 1797 года—съ коронаціи императора Павла I.

Другой порядокъ происходилъ при коронованіи московскихъ царей патріархомъ. Тотчасъ по врученіи царю скиперта и державы и краткаго положеннаго въ книгѣ привѣтствія патріархъ благословлялъ вѣнчаннаго царя и, взявъ его за правую руку, сажалъ его на царскій престолъ, находившійся на чертожномъ мѣстѣ. Вслѣдъ за этимъ сюда восходили одинъ за другимъ все участвовавшіе въ церемоніи архіереи, и каждый изъ нихъ благословлялъ царя и, отходя отъ него, дѣлалъ ему поклонъ. Такой порядокъ имѣлъ мѣсто при коронаціи царя Алексѣя Михайловича. Во время коронованія его преемниковъ царей Θεодора Алексѣевича, Иоанна и Петра Але-

¹⁾ Иоаннъ іеромонахъ, Обрядникъ византійскаго двора. Москва, 1895, 189.

ксѣвичей архіереи не поднимались на чертожное мѣсто, но когда коронованный царь сходилъ съ чертожнаго мѣста и становился на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, тогда всѣ присутствовавшіе архіереи подходили къ нему и благословляли его.

Пѣніе царскаго многолѣтія въ старинныхъ коронаціяхъ обставлено было большею торжественностію, чѣмъ это дѣлается теперь. На слова произносимаго архидіакономъ многолѣтія прежде всего отвѣчали священнослужители, а потомъ уже пѣвчіе. Въ коронацію царя Алексѣя Михайловича многолѣтіе ему прежде всего пѣли въ алтарѣ протопопы и священники, а потомъ уже пѣвчіе. Въ коронаціяхъ царей Θεодора, Іоанна и Петра Алексѣвичей многолѣтіе прежде всего пѣли архіереи и архимандриты среди церкви, а затѣмъ и пѣвчіе.

Въ современномъ чинѣ коронованія по окончаніи многолѣтія государь императоръ, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу назначеннымъ для этой цѣли сановникамъ, читаетъ по книгѣ, подаваемой митрополитомъ, съ колѣнопреклоненіемъ молитву, начинающуюся словами: «Господи Боже отецъ и Царю царствующихъ». Всѣ присутствующіе въ церкви стоятъ. По прочтеніи государемъ молитвы всѣ молящіяся въ церкви, кромѣ государя, преклоняютъ колѣна, и старѣйшій митрополитъ, также колѣнопреклоненный, читаетъ отъ лица всего народа молитву, начинающуюся словами: «Боже великій и дивный», то-есть ту самую, которая читается въ церквяхъ на молебнахъ въ день празднованія коронованія.

Чтеніе самимъ коронованнымъ государемъ молитвы въ церкви явленіе сравнительно новое. Ничего подобнаго не встрѣчается въ чинахъ коронованія московскихъ царей и первыхъ двухъ императорскихъ коронованій. Въ первый разъ чтеніе государемъ молитвы появляется въ чинѣ коронованія императрицы Анны Іоанновны¹⁾. Тамъ царская молитва начиналась словами: «Господи Боже мой, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, сохранивый мя невредиму отъ всѣхъ скорбей и напастей»²⁾... Эта молитва очень краткая. Составленіе ея, по всей вѣроятности, принадлежитъ архіепископу Теофану Прокоповичу. Та же самая молитва читалась и при

¹⁾ А. В. Горскій, Творенія св. отцовъ, 1882 г., кн. I, стр. 149. Описаніе коронаціи Анны Іоанновны, изд. при сенатѣ въ Москвѣ въ 1780 году.

²⁾ Вотъ эта молитва въ ея полномъ видѣ: «Господи Боже мой, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, сохранивый мя невредиму отъ всѣхъ скорбей и напастей, вышъ же и царствовать надъ преславнымъ симъ народомъ оправдавый, исповѣдую неисчетное Твое ко мнѣ милосердіе и, благодаря Величеству Твоему, поклоняюся: Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя въ дѣлѣ, на пеже послашь мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ, даждь и смиренію моему премудрость, предстоящую престоломъ Твоимъ, буди сердце мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ слазѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдное воздамъ Тебѣ слово. Милостію и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ во вѣки. Аминь».

коронаціи императрицы Екатерины II. Въ первый три коронаціи молитва читалась безъ колѣнопреклоненія. Императоръ Павелъ Петровичъ первый изъ короновавшихся государей читалъ молитву съ колѣнопреклоненіемъ, и съ того времени этотъ обычай сохранился во всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ. Императору Павлу не понравилась царская молитва, читавшаяся при прежнихъ трехъ коронаціяхъ. Онъ поручилъ новгородскому митрополиту Гавриилу составить для своей коронаціи новую молитву ¹⁾. Составленная митрополитомъ Гаврииломъ молитва начиналась почти также, какъ и въ современномъ чинѣ коронація словами: «Боже отецъ и Господи милости, сотворивый вся словомъ Твоимъ» и т. д., и она была очень обширна. Объемъ молитвы вызвалъ ея сокращеніе, которому она подверглась въ коронацію Александра I. Тогда она была сокращена болѣе, чѣмъ на половину. Съ того времени редація молитвы, читаемой государемъ въ концѣ своего коронація, за исключеніемъ одного выраженія ²⁾, остается безъ измѣненія. Сравнивая первоначальную редакцію молитвы, какой она вышла изъ-подъ пера ея автора, съ теперешнею, трудно узнать сходство. Сохранилось, и то не вполне, только начало молитвы, составленной Гаврииломъ.

Молитва «Боже великій и дивный» въ первый разъ вошла въ чинъ коронація при коронаціи Анны Іоанновны. Она имѣетъ сходство въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ царскою молитвою, читавшеюся государемъ во время коронація. Авторомъ ея, по всей вѣроятности, былъ Ѳеоданъ Прокоповичъ. Императоръ Павелъ собственноручно вычеркнулъ изъ читаемой колѣнопреклоненнымъ митрополитомъ въ концѣ коронація молитвы: «Боже великій и дивный», слѣдующую фразу: «Тебѣ страшному и челоуѣколюбцу Судии позорствуемъ на насъ беззаконія наша, яко бывшая намъ бѣды и скорби истиною и судомъ навель еси на насъ грѣхъ ради нашихъ».

По древнему чину вѣнчанія царей по окончаніи многолѣтія патріархъ, призвавъ къ себѣ на чертожное мѣсто всѣхъ архіереевъ и «окруженный ими, поздравлялъ государя «словомъ не краткимъ». Государь на поздравленіе патріарха отвѣчалъ ему своею рѣчью, въ которой онъ называлъ патріарха «своимъ отцомъ».

По современному чину коронація послѣ своей колѣнопрекло-

¹⁾ Это видно изъ слѣдующаго письма одного сановника къ митрополиту Гавриилу отъ 25 января 1797 года: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Молитва поднесена мною, и приказано благодарить васъ, притомъ точно въ томъ же форматѣ и такими же литерами напечатать: «вѣрую во Единаго», и приложить предъ молитвою и перелести вмѣстѣ ихъ и прислать нѣсколько экземпляровъ для поднесенія». (Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, № 1492).

²⁾ Слова молитвы: «Ты избралъ мя еси царя и судію пресловутому всероссійскому царству» находящіяся въ чинѣ коронація Александра I и Николая I, выпущены въ коронаваніе Александра II и въ послѣдующихъ коронаціяхъ замѣнены словами: «Ты избралъ мя еси царя и судію людемъ Твоимъ». Это сдѣлано было по указанію московскаго митрополита Филарета. Собраніе мѣтвнй и отзвововъ, т. IV, стр. 110.

ненной молитвы старѣйшій митрополитъ говоритъ обыкновенно краткую привѣтственную рѣчь. Въ коронацію Александра III такую рѣчь держалъ митрополитъ Исидоръ, въ коронацію Александра II—митрополитъ Филаретъ, въ коронацію Николая I—митрополитъ новгородскій Серафимъ, въ коронацію Александра I—митрополитъ московскій Платонъ. Въ коронацію Павла I, по его непосредственному указанію, рѣчи не было произнесено. За то двѣ рѣчи произнесены были въ Кремлевскомъ дворцѣ на другой день коронаціи. Въ коронацію Екатерины II поздравительную рѣчь императрицѣ говорили Димитрій (Сѣченовъ), архіепископъ новгородскій, въ коронацію Елизаветы Петровны—Амвросій (Юшкевичъ), архіепископъ новгородскій, въ коронацію Анны Іоанновны, Петра II и Екатерины I—Феофанъ Прокоповичъ. Въ коронаціи Екатерины I и Петра II поздравительная рѣчь произносилась по окончаніи литургіи. Въ первый разъ она была произнесена Феофаномъ Прокоповичемъ тотчасъ послѣ совершенія коронованія въ 1730 году. Со времени коронаціи Анны Іоанновны такой порядокъ сказыванія коронаціонныхъ рѣчей сохраняется и до сихъ поръ. Со времени коронаціи Александра II поздравительныя рѣчи митрополитовъ коронованному государю заканчиваются одними и тѣми же словами, внесенными московскимъ митрополитомъ Филаретомъ въ самый чинъ коронованія, именно: «Слава Тебѣ, Богу, благодателю нашему, во вѣки вѣковъ»¹⁾.

Изъ коронаціонныхъ рѣчей совершенно особый характеръ имѣетъ рѣчь, которая должна была быть сказанною послѣ коронованія Петра II. Это не хвалебная рѣчь, а скорѣе строго наставительная, въ которой вѣнчанному императору даются на первомъ планѣ совѣты быть послушнымъ сыномъ православной церкви, почитать ея пастырей. Она напечатана (Барсовъ: Чинъ вѣнчанія царей), но не была произнесена на коронаціи. Верховный тайный совѣтъ, управлявшій государствомъ въ малолѣтство императора Петра II, еще предъ коронаціей сдѣлалъ распоряженіе о томъ, «чтобы предикъ не быть»²⁾.

До императора Павла I послѣ колѣнопреклоненной молитвы митрополита полагалось принесеніе краткаго поздравленія коронованному государю, но святѣйшій синодъ предъ коронаціей 1797 года постановилъ это поздравленіе отнести къ самому концу литургіи. Это нововведеніе вошло въ силу и въ послѣдующихъ коронаціяхъ.

Послѣ коронованія начинается божественная литургія, во время которой государь и государыня стоятъ на амвонѣ трона. По чину вѣнчанія царей послѣ поученія патріарха царь сходилъ съ чертожнаго мѣста. Патріархъ бралъ за руку царя и возводилъ его на

¹⁾ Собраніе мѣтній и отзывовъ митрополита Филарета, т. IV, стр. 114.

²⁾ Рѣчь сказана была архіепископомъ Феофаномъ Прокоповичемъ (собраніе словъ и рѣчей, Спб., 1761 г., ч. II), который сумѣлъ обойти распоряженіе верховнаго тайнаго совѣта. Эта рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ напечатанною у г. Барсова.

обыкновенное церковное мѣсто у лѣвой колонны, за лѣвымъ клиросомъ. Иногда, впрочемъ, для коронаціи устраивалось особое царское мѣсто на правой сторонѣ собора. Тогда начиналась литургія. Императрица Екатерина I и императоръ Петръ II во время своей коронаціи предъ началомъ литургіи сходили съ трона и литургію слушали, стоя на своемъ императорскомъ мѣстѣ. Шествуя съ трона къ императорскому мѣсту, Екатерина имѣла на себѣ императорскую мантию и корону на головѣ. Первою коронованною особою, которая большую часть литургіи (до миропомазанія) оставалась на тронѣ, была Анна Иоанновна.

Предъ коронаціей Елизаветы Петровны устроено было у южныхъ дверей Успенскаго собора особое императорское мѣсто. Большую часть литургіи императрица Елизавета Петровна стояла на тронѣ. Только послѣ своего миропомазанія и причащенія она шла не на тронъ, а на императорское мѣсто, и на немъ оставалась до конца литургіи. Точь въ точь то же самое повторилось и при коронаваніи Екатерины II. При коронаваніи Павла I совершенно не упоминается объ императорскомъ мѣстѣ. Этотъ императоръ всю литургію простоялъ на тронѣ. Въ коронацію Александра I и Николая I опять упоминается императорское мѣсто, на которомъ стояли коронованные государи послѣ своего причащенія и до конца литургіи. При коронаваніи Александра II и Александра III коронованные государи послѣ причащенія шли не на императорское мѣсто, а на тронъ.

Во время литургіи государи обыкновенно стоятъ. Только императрица Екатерина I «для тяжести царственныхъ уборовъ» сидѣла во время литургіи и «временемъ» вставала, вставала въ тѣ времена, въ какія государи обыкновенно снимали корону, и которыя будутъ указаны немного ниже.

При началѣ литургіи государь снимаетъ съ себя корону и отдаетъ ее несшимъ ее сановникамъ, и только по окончаніи литургіи снова возлагаетъ ее на себя.

Во время коронаванія царей московскихъ, цари стояли за литургіей въ коронѣ, снимая ее въ извѣстное время. По примѣру московскихъ царей императрица Екатерина I, императоръ Петръ II, Елизавета Петровна, Екатерина II и Павелъ I во время литургіи стояли въ коронѣ и снимали ее въ слѣдующіе выдающіеся моменты богослуженія: во время чтенія Евангелія, во время великаго выхода, при словахъ Христовыхъ: «Примите, ядите»—до окончанія «Достойно есть», при пѣніи «Отче нашъ» и при произношеніи словъ «Святая святыхъ». Императрица Екатерина I, кромѣ этихъ указанныхъ моментовъ, снимала корону еще во время малаго входа, а императрица Анна Иоанновна снимала съ себя корону, кромѣ малаго входа, еще и во время «чтенія символа вѣры». Со времени коронаванія Николая I государи во все время совершенія литургіи стоятъ безъ короны. Святѣйшій синодъ, при пересмотрѣ въ 1826

году чина коронованія, выходя изъ того, что для надѣванія и снятия короны нѣтъ никакихъ указаній въ церковномъ уставѣ, составилъ опредѣленіе о снятіи государемъ короны на все время литургіи, на чтѣ государь согласился ¹⁾).

По прочтеніи на литургіи евангелія оно подносится государю и государынѣ для цѣлованія. При коронованіи Павла I евангеліе подносило было для цѣлованія одному только императору. Въ слѣдующую коронацію 1801 года евангеліе по прочтеніи его было поднесимо государю и государынѣ; такой порядокъ установился во всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ. Евангеліе подносило было для цѣлованія и при коронованіи московскихъ царей. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ евангеліе приносилось ему для цѣлованія не только по прочтеніи его, но и послѣ малаго входа. Кромѣ того, послѣ великаго входа старѣйшій послѣ патріарха архіерей приходилъ къ государю и осѣнялъ его крестомъ. При вѣнчаніи на царство Феодора Алексѣевича была здѣсь еще одна особенность. Послѣ херувимской пѣсни царь подошелъ къ царскимъ вратамъ; патріархъ тогда благословилъ его крестомъ и возложилъ на него золотую цѣпь ²⁾. Затѣмъ царь возвратился на свое прежнее мѣсто.

Во время пѣнія каноника отъ императорскаго трона до царскихъ вратъ постигается малиновый, обложенный золотымъ позументомъ, бархатъ, и вблизи самыхъ царскихъ дверей до св. престола, поверхъ бархата, постигается золотая парча, конецъ которой въ алтарѣ разстилаютъ протодіаконы. Послѣ причащенія священнослужащихъ открываются царскія врата, изъ алтаря выходятъ обыкновенно два старѣйшіе послѣ митрополитовъ архіерея и въ сопровожденіи двухъ слѣдующихъ за ними по обѣ стороны протодіаконовъ поднимаются на амвонъ трона для того, чтобы возвѣститъ государю и государынѣ время наступленія царскаго миропомазанія.

Во время вѣнчанія московскихъ царей не дѣлалось особаго посольства къ царю изъ алтаря, а патріархъ самъ призывалъ его къ св. миропомазанію. Изъ описанія коронованія Екатерины I видно, что никто изъ архіереевъ не выходилъ изъ алтаря для возвѣщенія ей времени миропомазанія, а самъ императоръ подвелъ ее къ царскимъ вратамъ. Въ чинѣ коронованія императора Петра II впервые появляются упоминанія о томъ, что по окончаніи каноника къ его величеству посланъ былъ отъ архіереевъ архимандритъ Александроневскаго монастыря Петръ возвѣститъ о времени миропомазанія. При томъ посланный архимандритъ шелъ не на тронъ, а къ императорскому мѣсту, на которомъ Петръ II находился во все время

¹⁾ Синодъ соотвѣтственно снятію короны спрашивалъ государя о томъ, могутъ ли архіереи при коронаціи имѣть митры на головѣ. Государь отвѣтилъ, что архіереи должны снимать свои митры по уставу.

²⁾ Золотая цѣпь на царя въ первый разъ возложена была при коронованіи Іоанна Грознаго въ 1547 году и возложена была послѣ херувимской пѣсни.

совершенія литургіи. Въ коронацію Анны Іоанновны для возвѣщенія о времени миропомазанія посланъ былъ изъ алтаря архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Варлаамъ, по обѣимъ сторонамъ котораго слѣдовали два протодіакона. Въ послѣдующихъ коронаваніяхъ: Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II и III, для возвѣщенія государю о времени миропомазанія является уже не одно лицо, а два и уже въ епископскомъ санѣ. Такъ въ коронацію Елизаветы Петровны съ приглашеніемъ къ миропомазанію являлись псковскій епископъ Стефанъ и суздальскій Симонъ; въ коронацію Екатерины II—Тимоеей, митрополитъ московскій, и Гавріилъ, архіепископъ с.-петербургскій; въ коронацію Павла I—два старѣйшіе члена синода—архіепископы казанскій Амвросій и тверскій Ириней; въ коронацію Александра I—архіепископъ ярославскій Павелъ и грузинскій Варлаамъ; въ коронацію Николая I—архіепископы тверскій Іона и ярославскій Авраамъ; въ коронацію Александра II—архіепископы казанскій Григорій и ярославскій Нилъ; въ коронацію Александра III—экзархъ Грузіи Павелъ и архіепископъ варшавскій Леонтій.

До коронаціи Елизаветы Петровны не было выработано никакой опредѣленной формулы обращенія къ государю съ приглашеніемъ къ миропомазанію. Въ чинѣ коронаванія Елизаветы Петровны въ первый разъ внесена (вѣроятно всего, архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ) та самая форма обращенія или рѣчи посылаемыхъ къ короновавшему государю изъ алтаря архіереевъ, которая безъ всякаго измѣненія сохранилась во всѣхъ послѣдующихъ чинахъ коронаваній. Бархатный коверъ отъ трона до царскихъ вратъ и поверхъ его золотую парчу стали настилать съ коронаціи Екатерины II.

Послѣ извѣщенія посланныхъ изъ алтаря двухъ архіереевъ, государь, снявъ съ себя шпагу и передавъ ее одному изъ сановниковъ, сходитъ съ трона и шествуетъ въ порфирѣ прямо къ царскимъ вратамъ. За государемъ слѣдуетъ туда же и государыня. Впереди ихъ идутъ обыкновенно сановники и несутъ на подушкахъ царскія регаліи: корону, скипетръ и державу.

Упомянутое о томъ, что государь стоитъ въ церкви со шпагой и снимаетъ ее предъ миропомазаніемъ, встрѣчается только при послѣднихъ двухъ коронаціяхъ Александра II и Александра III¹⁾. А до этого времени въ чинахъ коронаванія нѣтъ никакого упоминанія о шпагѣ. Императрица Екатерина I и императоръ Петръ II шествовали къ царскимъ вратамъ въ коронѣ и императорской мантии. О Екатеринѣ II и Павлѣ I извѣстно, что они «изволили шествовать къ царскимъ вратамъ, со славою провождаемые отъ опредѣленныхъ тому персонъ».

¹⁾ Павелъ I при своемъ коронаваніи имѣлъ при себѣ шпагу, которую снималъ предъ миропомазаніемъ, но объ этомъ не говорится въ самомъ чинѣ коронаванія. «Историческій Вѣстникъ», 1888 г., № 5, стр. 285.

Императрицы Елизавета Петровна, Екатерина II и императоръ Павелъ шли къ царскимъ вратамъ въ коронѣ, порфирѣ, со скипертомъ и державой. Эти регалии, въ томъ числѣ и порфиру, они отдавали находившимся при нихъ сановникамъ только тогда, когда уже находились у самыхъ царскихъ вратъ. Со времени коронаціи Николая Павловича царскія регалии обыкновенно только предносятся предъ государемъ, причемъ святѣйшій синодъ при пересмотрѣ чина коронаціи въ 1826 году внесъ постановленіе о томъ, чтобы государь предъ святымъ миропомазаніемъ не снималъ съ себя порфиры.

По приближеніи къ царскимъ вратамъ государь становится предъ ними на постланной для того золотой парчѣ, а государыня обыкновенно останавливается между трономъ и ступенями солеи. Царскія регалии до самаго окончанія причащенія и миропомазанія держатъ особо назначенные для того сановники на подушкахъ. Первенствующій митрополитъ, взявши драгоцѣнный особо устроенный для этой цѣли сосудъ со св. миромъ и омоча также особо устроенный драгоцѣнный сучецъ въ св. миро, помазываетъ государя на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушахъ, на груди и по обѣимъ сторонамъ рукъ съ произнесеніемъ словъ: «печать дара Духа Святаго». Второй по старшинству митрополитъ отираетъ мѣста помазанія чистою хлопчатою бумагою ¹⁾). Въ это время происходитъ второй звонъ во все колокола и пушечная пальба.

Московскіе цари, прежде чѣмъ подойти къ миропомазанію, предварительно поклонялись мѣстнымъ иконамъ—Спасителю и Божіей Матери. Такъ дѣлалъ, напримѣръ, царь Θεодоръ Алексѣевичъ. При коронаціи царей помазаніе миромъ совершалъ патріархъ, а коронованныхъ императоровъ и императрицъ миропомазывалъ всегда первенствующій митрополитъ. Даже при миропомазаніи Павла это священнодѣйствіе совершалъ одинъ старѣйшій митрополитъ—новгородскій Гавріиль, хотя лично императору и хотѣлось какъ можно болѣе возвысить роль московскаго митрополита.

При миропомазаніи царей мѣста помазанія обыкновенно отиралъ самъ патріархъ.

Во время коронаціи Екатерины I, мѣста помазанія св. миромъ отиралъ хлопчатою бумагою Θεофанъ, епископъ псковскій, при миропомазаніи Петра II—Георгій, архіепископъ ростовскій, при миропомазаніи Анны Иоанновны—Θеофилактъ, архіепископъ тверской. При миропомазаніи императрицы Елизаветы Петровны отиралъ мѣста помазанія второй членъ синода—Стефанъ, епископъ псковскій,

¹⁾ Первымъ изъ русскихъ царей былъ миропомазанъ Іоаннъ Грозный 16 января 1547 года. Миропомазаніе греческихъ императоровъ началось съ X вѣка. Только миропомазаніе греческихъ императоровъ происходило иначе. Оно совершалось на литургіи предъ пѣніемъ «Святый Боже». Патріархъ помазывалъ главу государя миромъ крестообразно и громко при этомъ возгласилъ: «Святъ». Это возгласіе повторяли служители алтара и потомъ народъ. Затѣмъ патріархъ возлагалъ на помазанника вѣнецъ.

при миропомазаніи Екатерины II—Тимоеей, митрополитъ московскій, Павла I—Платонъ, митрополитъ московскій, Александра I—Амвросій, митрополитъ новгородскій, Николая I—киевскій митрополитъ Евгений, Александра II—митрополитъ новгородскій Никаноръ, Александра III—киевскій митрополитъ Платонъ.

До 1724 года всѣ миропомазуемые государи (напримѣръ, Θεодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи) при помазаніи ихъ святымъ миромъ стояли на колѣнахъ. Императоръ Петръ II первый изъ коронаванныхъ государей во время своего миропомазанія стоялъ. Съ этого времени и до сихъ поръ остается неизмѣннымъ обычаемъ стоять государю при его миропомазаніи.

Въ чинѣ коронаванія Екатерины I и Петра II упоминается одна нынѣ не существующая подробность—это то, что тотчасъ по миропомазаніи имъ выносили для цѣлованія св. Крестъ. Теперь этого не дѣлается. Есть и другое отличіе нынѣшняго миропомазанія отъ прежняго. Московскіе цари помазывались миромъ, кромѣ вышеуказанныхъ мѣстъ, еще на выѣ, или на шеѣ. Такъ было при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ. До коронаціи императора Павла I помазаніе св. миромъ у коронаваннаго государя совершалось еще на плечахъ ¹⁾. Это древнее обыкновеніе ставило въ затрудненіе разныхъ исправителей чина коронаванія. Предъ коронаціей Петра II архіепископъ Θεофанъ Прокоповичъ спрашивалъ верховный тайный совѣтъ: «сіе нынѣ возможно ли дѣлать, чтобы и плечо помазывать?» Верховный совѣтъ отвѣчалъ архіепископу: «помазанію бытъ противъ прежняго и на персяхъ и на плечахъ». Императрица Анна Іоанновна была помазана св. миромъ на одномъ плечѣ. По церковному чину коронаванія Елизаветы Петровны и Екатерины II также предполагалось помазаніе только на одномъ плечѣ, хотя въ описаніи коронаціи той и другой императрицы сказано, что обѣ онѣ помазывались св. миромъ и на плечахъ. Въ коронацію императора Павла I было совсѣмъ выпущено помазаніе плеча. То же самое продолжается и въ теперешнихъ чинахъ. Какъ на маленькую особенность миропомазанія Екатерины I, Петра II и Елизаветы Петровны, слѣдуетъ указать, что св. миро для помазанія приносимо было на золотомъ блюдѣ двумя архіереями, которые и держали его при миропомазаніи государя. При миропомазаніи Екатерины I сосудъ со св. миромъ держали два члена синода: крутицкій архіепископъ Леонидъ и тверской епископъ Θεофилактъ; при миропомазаніи Петра II—архіепископы Георгій ростовскій и Θεофилактъ тверской. При миропомазаніи императрицы Елизаветы Петровны сосудъ со св. миромъ и суцецъ держалъ Симонъ, епископъ суздальскій. Въ послѣдующихъ коронаціяхъ этой подробности болѣе не встрѣчается.

¹⁾ Обычай помазывать миромъ плечи взятъ изъ Византіи. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ помазанъ «на брадѣ и подъ брадою». Это уже исключительно русскій обычай, имѣвшій мѣсто при коронаціи только одного этого царя.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1896 г., т. LXXIV.

По совершении миропомазания государь становится на правую сторону противъ мѣстной иконы Спасителя. Послѣ этого приступаетъ къ царскимъ вратамъ государыня, которая и становится на золотую парчу и помазуется св. миромъ отъ первенствующаго митрополита только на одномъ челѣ. Такой порядокъ миропомазания императриць-супругъ впервые введенъ былъ при Павлѣ I и совершенъ былъ надъ супругою его императрицею Маріей Ѳеодоровной. Всѣ другія императрицы, какъ самодержавныя, миропомазались по чину царскому, т. е. на всѣхъ извѣстныхъ уже частяхъ тѣла. Совершенно особнякомъ стоитъ миропомазаніе императрицы Екатерины I. Она была помазана на челѣ, персяхъ и на обѣихъ рукахъ. Кромѣ того, при миропомазаніи первой русской императрицы произносились слова: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь», вмѣсто словъ: «печать дара Духа Святаго». У государынь мѣста помазанія святымъ миромъ отирали слѣдующія лица: въ коронацію Александра III—митрополитъ московскій Іоанникій, Александра II—митрополитъ новгородскій Никаноръ, въ коронацію Николая I—архіепископъ московскій Филаретъ, въ коронацію Александра I—митрополитъ новгородскій Амвросій, въ коронацію Павла I—митрополитъ московскій Платонъ¹⁾.

Послѣ миропомазанія государыня становится по лѣвую сторону противъ иконы Божіей Матери. Тогда первенствующій митрополитъ вводитъ государя чрезъ царскія врата внутрь алтаря. Государь, остановясь предъ св. престоломъ, дѣлаетъ поклоненіе (земной поклонъ). Въ это время два митрополита (первые послѣ первенствующаго) поддерживаютъ бока у порфиры. Затѣмъ государь принимаетъ св. Тайны отъ первенствующаго митрополита по чину причащенія священнослужителей, то-есть особо Тѣла и особо Крови Христовой. Потомъ одинъ изъ старѣйшихъ архіепископовъ подноситъ государю антидоръ и теплоту, а другой архіепископъ подаетъ ему сосудъ съ водою для омовенія устъ и рукъ. Послѣ причащенія государь выходитъ изъ алтаря и становится на правой сторонѣ соли у иконы Спасителя. Тогда подходитъ къ царскимъ вратамъ государыня и причащается отъ первенствующаго митрополита обыкновеннымъ образомъ, причемъ два архіепископа прислуживаютъ ей, поднося одинъ антидоръ и теплоту, а другой сосудъ съ водою для омовенія устъ и рукъ. Послѣ своего причащенія государь и государыня вмѣстѣ шествуютъ къ трону въ преднесеніи особо назначенными сановниками царскихъ регалій и возсѣдаютъ тамъ на своихъ престолахъ.

Означенный порядокъ причащенія государя выработался не вдругъ, а постепенно. Царь Алексѣй Михайловичъ во время своего коронованія причащался у царскихъ дверей по чину общаго при-

¹⁾ У византийскихъ историковъ видѣтъ неговорится о миропомазаніи греческихъ императриць

чащенія и не входилъ въ алтарь. Первымъ изъ вѣнчанныхъ царей вошелъ въ алтарь чрезъ царскія врата царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Патріархъ послѣ миропомазанія его «велѣлъ ризничему и діакону принять государя подъ руки и ввести во св. алтарь царскими дверями и поставить, не допуская до св. престола, а царскія двери затворить». Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи во время своего вѣнчанія на царство входили во св. алтарь уже царскими вратами, становились предъ престоломъ и причащались отъ патріарха по чину священническаго причащенія, «только не на самомъ престолѣ, но не доходя до престола». Тотчасъ по входѣ ихъ въ алтарь царскія врата затворялись. Екатерина I причащалась обыкновеннымъ образомъ у царскихъ вратъ. Вопросъ о способѣ причащенія коронованнаго государя поднимался предъ коронаціей императора Петра II. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, пересматривавшій чинъ коронованія, предлагалъ верховному тайному совѣту вопросъ о томъ: «каковымъ образомъ причащать его величество?». Верховный совѣтъ кратко отвѣтилъ архіепископу, что государя слѣдуетъ причащать «въ алтарѣ». Въ самомъ чинѣ, какимъ образомъ должно совершаться коронованіе этого государя, говорится: «государь изволить причащаться во св. алтарѣ отъ первенствующаго архіерея образомъ причащенія священскаго, стоя предъ престоломъ, не доходя до престола». Кромѣ того, на особомъ листочкѣ объ образѣ имѣющаго быть причащенія императора замѣчено слѣдующее: «по миропомазаніи два архіерея вводятъ государя въ алтарь, не затворяя царскихъ дверей». Въ современной записи о томъ, какъ совершилось миропомазаніе и причащеніе Петра II, принадлежащей перу Ѳеофана Прокоповича, порядокъ причащенія описанъ въ такомъ видѣ: «послѣ миропомазанія его величество два архіерея ввели царскими дверями въ алтарь, тогда одинъ изъ архіереевъ поднесъ ему къ цѣлованію св. крестъ, а новгородскій архіепископъ (т. е. самъ Ѳеофанъ) причастилъ его величество святыхъ Тайнъ во св. алтарѣ». Такимъ образомъ въ чинѣ коронованія Петра II впервые внесены слѣдующія особенности: въ первый разъ заявляется о томъ, что государь причащается при открытыхъ царскихъ вратахъ, и пропускается существовавшее въ предшествующихъ чинахъ вѣнчанія царей замѣчаніе о томъ, что царь причащается, не доходя до святого престола. Изъ коронованныхъ императрицъ Анна Іоанновна была первою вошедшею во св. алтарь черезъ царскія врата. По поводу причащенія этой императрицы по чину священнослужителей въ описаніи ея коронованія въ оправданіе такого причащенія прибавлено: «какъ прежде сего всѣ міряне причащались». О причащеніи императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II въ чинахъ ихъ коронованія говорится одинаково: «потомъ ея величество архіерейскою рукою вводится внутрь алтаря и, стоя предъ св. трапезою, приметъ отъ перваго архіерея св. Тайнъ по чину царскому, т. е. какъ прича-

щаются священнослужители». Любопытно при этомъ то, что при описаніи причащенія коронованныхъ императрицъ почему-то умалчивается о томъ, какими вратами онѣ входятъ въ алтарь. Также неопредѣленно сказано и въ чинѣ коронованія Павла I: «потомъ его величество руками преосвященныхъ митрополитовъ введенъ внутрь алтаря», хотя по ходу рѣчи видно, что онъ введенъ былъ въ алтарь чрезъ царскія врата. Только въ чинѣ коронованія императора Николая I опредѣленно сказано, что этотъ императоръ былъ введенъ внутрь алтаря чрезъ царскія врата. Императора Петра II вводили въ алтарь два архіерея: архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ и Георгій, архіепископъ ростовскій, императрицъ Елизавету Петровну и Екатерину II—одинъ первенствующій архіерей, императора Павла I два митрополита Гавріиль—новгородскій и Платонъ московскій. Во всѣхъ коронаціяхъ послѣдующаго времени утвердился обычай, по которому миропомазаннаго государя вводилъ въ алтарь одинъ первенствующій митрополитъ ¹⁾.

При входѣ въ алтарь императора Николая I впервые появляются двѣ особенности, не имѣвшія мѣста въ предшествующихъ коронаціяхъ. Первая особенность заключалась въ томъ, что императоръ при входѣ въ алтарь сдѣлалъ троекратное поклоненіе святому престолу, чего не дѣлали его предшественники. Вторая—явилась не болѣе, какъ слѣдствіемъ первой. При поклоненіи императора предъ св. престоломъ два члена синода, митрополитъ кievскій Евгеній и архіепископъ московскій Филаретъ, поддерживали по бокамъ императорскую порфиру. Въ коронацію Александра II—порфиру поддерживали два митрополита: новгородскій Никандръ и литовскій Юсіфъ, въ коронацію Александра III также два митрополита, кievскій Платонъ и московскій Іоанникій.

Въ 1856 году, по инициативѣ московскаго митрополита Филарета, въ чинъ коронованія внесено было, чтобы императоръ, при входѣ въ алтарь, дѣлалъ одно поклоненіе св. престолу, а не три, какъ это происходило въ коронацію 1826 года. Этотъ новый порядокъ сохраняется и до сихъ поръ ²⁾.

Во всѣхъ коронаціяхъ миропомазаннаго государя причащали первенствующій митрополитъ. Единственное исключеніе въ данномъ случаѣ представляетъ коронованіе императора Павла I, котораго причащали не первенствующій митрополитъ новгородскій Гавріиль, но московскій митрополитъ Платонъ ³⁾.

¹⁾ Византийскіе императоры въ день своего коронованія также входили въ алтарь чрезъ царскія врата и причащались по чину священнослужителей. Барсовъ, Древніе чины вѣнчанія царей.

²⁾ «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. IV, стр. 114.

³⁾ Легенда о томъ, что будто императоръ Павелъ I, войдя въ алтарь, не принявъ даровъ изъ рукъ архіерея, но причастился надъ престоломъ самъ («Историческій Вѣстникъ» 1883 г., № 5, стр. 285), не имѣетъ основаній. Въ изданіи синода: «Чинъ дѣяствія, какимъ совершилось коронованіе Павла I» (стр. 14), сказано: «Его величество, ставъ предъ святою трапезою,

Въ современномъ чинѣ коронованія императоръ причащается послѣ священнослужащихъ. Во времена московскихъ царей дѣло происходило нѣсколько иначе: царь причащался непосредственно послѣ патріарха. Такъ при вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича патріархъ, причастившись самъ, тотчасъ же велѣлъ открытъ царскія врата и пригласилъ царя къ миропомазанію и причащенію. При вѣнчаніи на царство Θεодора Алексѣевича священное миропомазаніе и причащеніе началось послѣ причащенія патріарха, епископовъ и священниковъ, но до пріобщенія діаконовъ.

Есть и другая особенность, имѣвшая мѣсто во время причащенія московскихъ царей. По современному чину, императоръ тотчасъ же по причащеніи, не выходя изъ алтаря, принимаетъ антидоръ и теплоту и тутъ же умываетъ руки и уста. Московскіе цари, причастившись, тотчасъ же выходили изъ алтаря и становились на свое мѣсто, имѣя у себя въ рукахъ чистый ручникъ, которымъ и отирались. По прочтеніи заамвонной молитвы патріархъ выходилъ изъ царскихъ вратъ. Царь въ это время сходилъ съ своего мѣста, снималъ съ головы вѣнецъ и подходилъ къ патріарху. Послѣднему въ это самое время подносили антидоръ, который патріархъ и подавалъ царю; что касается до архіереевъ, то они не исполняли здѣсь никакой служебной роли. По принятіи антидора царь надѣвалъ на себя вѣнецъ и возвращался на прежнее свое мѣсто.

При коронаціяхъ императорскихъ ввелись порядки, по которымъ архіереи начинаютъ прислуживать коронованнымъ государямъ. Екатеринѣ I послѣ причащенія антидоръ подавалъ второй по старшинству архіерей (архіепископъ Θεофанъ Прокоповичъ), а третій (Леонидъ, архіепископъ сарскій) теплоту; протопопы успенскій и благовѣщенскій подносили ей золотой тазъ, троїцкій архимандритъ изъ золотого рюкомойника возливалъ воду на руки для умыванія устъ; архимандриты чудовскій и симоновскій подавали императрицѣ полотенце. Императору Петру II антидоръ подносилъ архіепископъ ростовскій Георгій Дашковъ, а теплоту—архіепископъ тверской Θεофилактъ Лопатинскій, кувшинъ съ водою подносилъ архимандритъ Александроневскаго монастыря Петръ, а полотенце—протопопы Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ. Въ послѣдующихъ коронаціяхъ начинаютъ прислуживать государю въ алтарѣ послѣ его причащенія лица архіерейскаго сана. Такъ въ коронацію Анны Иоанновны антидоръ и вино подносилъ государынѣ архіепископъ тверской Θεофилактъ, а архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Варлаамъ послужилъ при омовеніи устъ и рукъ; въ коронацію Елизаветы Петровны антидоръ подавалъ ей епископъ псковскій Стефанъ, а вино—епископъ тверской Митрофанъ, воду для умовенія устъ и рукъ—епископъ тоболь-

---

принялъ отъ митрополита московскаго св. таинъ». Легенда вѣрна по отношенію къ 19 ноября 1709 года.

скій Арсеній. Во время коронаціи Екатерины II, послѣ причащенія ея, антидоръ и вино подносилъ ей Тимоѳей, митрополитъ московскій, а Гедeonъ, епископъ псковскій, послужилъ омовенію устъ и рукъ ея. При коронаціи Павла I антидоръ и теплоту подносилъ государю и государынѣ епископъ суздальскій Викторъ, а воду для умыванія устъ и рукъ—епископъ коломенскій Аѳанасій. Со времени коронаціи Александра I внесено было нѣкоторое разнообразіе по отношенію къ лицамъ епископовъ, прислуживающихъ государю и государынѣ послѣ ихъ причащенія. Такъ Александру I антидоръ и вино подносилъ Іовъ, архіепископъ минскій, а умовенію его устъ и рукъ послужилъ Теофілактъ, епископъ калужскій; государынѣ же антидоръ и вино подавалъ Меѳодій, епископъ тульскій, а умовенію ея устъ и рукъ послужилъ Ксенофонъ, епископъ владимірскій. Въ коронацію 1826 года, т. е. Николая I, государю антидоръ и теплоту подавалъ епископъ рязанскій Филаретъ, воду для умовенія устъ и рукъ—епископъ смоленскій Іосифъ, а государынѣ прислуживали также уже другіе епископы—Пареній владимірскій и Дамаскинъ тульскій. Императору Александру II прислуживали архіепископы: рязанскій Гавріилъ и херсонскій Иннокентій, государынѣ—варшавскій архіепископъ Арсеній и полоцкій Василій; императору Александру III—архіепископы кишиневскій Сергій и казанскій Палладій, государынѣ—архіепископы тульскій Никандръ и тверской Савва.

Послѣ причащенія императоръ выходитъ изъ алтаря и шествуетъ вмѣстѣ съ государынею на тронъ въ преднесеніи царскихъ регалій.

Императоръ Петръ II по выходѣ изъ алтаря сейчасъ же надѣлъ на себя корону и пошелъ на свое императорское мѣсто. Точно также императрицы Анна Іоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II по выходѣ своемъ изъ алтаря приняли свои регалии и шествовали къ своему церковному императорскому мѣсту у южныхъ дверей собора, гдѣ и оставались до конца литургіи. Императоръ Павелъ, вышедши изъ алтаря и принявши царскія регалии, шествовалъ не на церковное мѣсто, а на тронъ, и стоялъ тамъ одинъ до тѣхъ поръ, пока не причастилась и не возвратилась на тронъ императрица. Точно въ такомъ же порядкѣ слѣдовало возвращеніе государя и государыни послѣ причащенія въ коронацію Александра I и Николая съ тою лишь особенностью, что оба эти императора изъ алтаря шли не на тронъ, какъ императоръ Павелъ, а на особое императорское мѣсто. Нельзя сказать, чтобы шествіе одного государя отъ алтаря къ трону или къ императорскому мѣсту, а потомъ отдѣльное шествіе государыни имѣло особенно стройный видъ. Большая стройность и симметричность внесены были въ данномъ случаѣ при коронаціи императора Александра II. Этотъ государь по выходѣ изъ алтаря послѣ своего причащенія сталъ на солеѣ у об-

раза Спасителя въ ожиданіи императрицы. Послѣ причащенія послѣдней они уже оба вмѣстѣ шествовали на тронъ. Такъ это происходило и въ коронацію императора Александра III.

Со времени коронаціи Николая Павловича, государь послѣ своего причащенія по выходѣ изъ алтаря не возлагаетъ на себя царскихъ регалій, какъ это дѣлалось раньше, а только въ преднесеніи ихъ шествуетъ на тронъ.

По пришествіи на тронъ государь и государыня возсѣдаютъ на своихъ престолахъ. Въ это время императорскій духовникъ читаетъ предъ ними благодарственныя по причащеніи молитвы. До 1856 года государь и государыня во время чтенія благодарственныхъ молитвъ обыкновенно стояли на тронѣ. При императорѣ Александрѣ II въ первый разъ въ чинъ коронаціи внесена новая подробность: «Ихъ величества соизволили вмѣстѣ шествовать къ трону и возсѣсть на престолахъ». То же самое происходило и въ коронацію Александра III.

Въ чинахъ коронаціи прошлаго столѣтія нѣтъ указаній на то, кому принадлежала честь читать предъ государемъ благодарственныя молитвы. Въ чинахъ коронаціи прошлаго столѣтія до 1797 г. не упоминается совсѣмъ о чтеніи благодарственныхъ по причащеніи молитвъ. Въ чинѣ коронаціи Павла впервые появляется указаніе на то, что благодарственныя по причащеніи молитвы читалъ синодальный членъ, преображенскій протоіерей Лукіанъ; въ коронацію Александра I — успенскій протопресвитеръ, Николая I — синодальный членъ, протоіерей Музовскій, Александра II и Александра III — императорскій духовникъ Бажановъ¹⁾.

При отпустѣ литургіи провозглашается многолѣтіе по особо составленному чину. Во время пѣнія многолѣтія первенствующій митрополитъ восходитъ на амвонъ трона и подноситъ къ цѣлованію государя и государыни св. крестъ. Приложившись ко кресту, государь возлагаетъ корону на свою голову и принимаетъ скипетръ и

¹⁾ Неустойчивость въ чинѣ коронаціи въ отношеніи того, кому изъ духовныхъ лицъ стѣдуетъ читать предъ государемъ благодарственныя молитвы, предъ коронаціей Николая I подала поводъ къ перепискѣ. Протоіерей Н. Музовскій, получивъ печатный чинъ коронаціи, остался имъ очень недоволенъ. «Изъ печатнаго экземпляра чина коронаціи я усмотрѣлъ, — писалъ обиженный протоіерей къ оберъ-прокурору, — что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличенъ отъ прежде бывшихъ обрядовъ сего священнѣйшаго дѣйствія, и что я, будучи призванъ высочайшею волею именно на церемонію коронаціи, вижу себя въ семъ священномъ обрядѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, такъ какъ положено симъ новымъ чиномъ протопресвитеру Успенскаго собора вступить мѣсто духовника ихъ величествъ въ окропленіи пути предъ шествіемъ святою водою и въ чтеніи благодарныхъ молитвъ по причащеніи, то я и принужденнымъ себя нахожу всеняжайше проситъ ваше сіятельство удостоить меня извѣщенія, по какой причинѣ сія церемонія учинена, и согласна ли она съ высочайшею волею». Оберъ-прокуроръ князь Менцерскій отвѣтилъ отцу Музовскому, что «синодъ, которому государь предоставилъ всѣ распоряженія по духовной части, касающіяся коронаціи, дѣлать примѣнительно къ коронаціи Александра I, въ этомъ случаѣ руководился чиномъ предшествующей коронаціи, по которой кропленіе пути святою водою и чтеніе благодарственныхъ молитвъ предоставлены были протопресвитеру Успенскаго собора». Все-таки г. Музовскій, какимъ путемъ неизвѣстно, но добился своего — онъ читалъ благодарственныя молитвы.

державу. Въ это время всѣ духовныя и свѣтскія особы, находящіяся въ соборѣ, чрезъ троекратное поклоненіе приносятъ всеподданѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ совершеніемъ коронаванія и миропомазанія. Въ это время происходитъ въ третій разъ колокольный звонъ и пушечная пальба. Въ чинѣ коронаванія Екатерины II относительно поздравленія въ концѣ литургіи сказано, что императрица была покланяема и поздравляема благочинно, а сообщеніе о троекратномъ поклоненіи въ первый разъ появляется въ чинѣ коронаванія Павла. Такимъ порядкомъ оканчиваются всѣ коронаціи прошлаго и настоящаго столѣтій. Только коронація императора Павла закончилась любопытнымъ и выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій дѣйствіемъ. Тотчасъ послѣ многолѣтня и принесенія поздравленій императоръ Павелъ Петровичъ, стоя на тронѣ, во всеуслышаніе прочиталъ актъ о престолонаслѣдїи, въ которомъ государи російскіе назывались главою церкви. По прочтеніи акта государь царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ на святомъ престолѣ, въ нарочно устроенный серебряный ковчегъ для храненія его на всѣ послѣдующія времена.

При коронаваніи царей московскихъ, по окончаніи литургіи царь сходилъ съ своего мѣста и подходилъ къ амвону. Патріархъ, подавая вѣнчанному царю для цѣлованія св. крестъ, говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Въ это же самое время и такую же рѣчь говорилъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ Екатеринѣ I и Петру II.

Шествіе коронованныхъ государей изъ Успенскаго собора къ другимъ соборамъ отличается особенно торжественностью. Обыкновенно оно совершается чрезъ сѣверныя двери по особо устроеннымъ мосткамъ и подъ балдахиномъ. Императоръ идетъ въ коронѣ, императорской мантии, имѣя скипетръ и державу въ рукахъ. Предъ входомъ въ Архангельскій, а потомъ Благовѣщенскій соборы, государя и государыню встрѣчаетъ особо назначенный архіерей со св. крестомъ и св. водою и предшествуетъ имъ при поклоненіи святынямъ. Предъ прикладываніемъ къ святымъ иконамъ корону, скипетръ и державу государь отдаетъ особо назначеннымъ чиновникамъ. До императора Александра I встрѣча архіереями у соборовъ совершалась съ однимъ крестомъ безъ св. воды, а отпустить послѣ краткаго молебствія совершался безъ святого креста.

Императрица Екатерина I, по выходѣ изъ Успенскаго собора по окончаніи своего коронаванія, кромѣ Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, шествовала еще и въ женскій Вознесенскій монастырь «ко гробамъ предковъ его величества». Въ чинѣ коронаванія императора Петра II и во всѣхъ послѣдующихъ чинахъ о шествіи коронованныхъ государей въ Вознесенскій монастырь уже не упоминается.

Священникъ В. Жмакинъ.

ОТЪ РЖЕВА ДО УГЛИЧА ¹⁾.

(Путевые наброски).

IX.

Отъ Твери до Калязина.

Дымъ столбомъ, кипить, дымится пароходъ!
Н. В. Кукольникъ (Попутная пѣсня).

ТРО СЛѢДУЮЩАГО ДНЯ было тихое, ясное; на небѣ—ни облачка. Простившись съ Тверью, мы отправились на Самолетскую пристань, протившюся подѣ пятисаженнымъ откосомъ праваго берега. Для публики устроена внизъ широкая деревянная лѣстница, а для вещей и груза — гладкій, досчатый скатъ, по которому то и дѣло мелькали несущіеся внизъ ящики, тюки, корзины и сундуки.

Пароходъ «Сильфида» дымился внизу, готовый къ отплытію. Публики было много. Всюду суета, оживленіе. Матросы перетаскивали вещи на пароходъ, между ними сновали отъѣзжающіе, провожающіе, торговцы, нищіе и неизбѣжные при каждой суетѣ мальчики, которые суются въ ноги, пролѣзаютъ подѣ локтями, толкаются, протискиваются и вообще суетятся болѣе всѣхъ, безъ всякой причины.

Занявъ мѣста, мы поднялись на верхнюю площадку и стали любоваться окружавшею насъ картиною. Снизу доносился шумъ и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 909.

говоръ сновавшаго по пристани и пароходу занятаго, озабоченнаго народа, а серебристая гладь Волги была тиха и даже казалась неподвижною. На противоположномъ берегу, освѣщенные яркими лучами солнца, тянулись сады, церкви и дома Заволжской части, бѣлѣли каменные стѣны Отроча монастыря, а по ту сторону Тверцы скромно ютились домики Затверечья. Колокольни и купола церквей разнообразили нѣсколько монотонную линію горизонта.

Подлѣ меня стоялъ мальчикъ и также глядѣлъ на ту сторону, перебѣгая глазами отъ одной церкви къ другой.

— А я всѣ церкви знаю!—наконецъ обратился онъ ко мнѣ.

— Неужели?

— Вѣрно.

Онъ былъ видимо доволенъ этимъ знаніемъ и, не ожидая приглашенія, началъ пересчитывать церкви:

— Вонъ слѣва-то, крайняя, — это Филипъ-апостоль, а поближе сюда—Вознесенье, а надъ мостомъ-то—Трехъ Исповѣдниковъ, подлѣ Отроча—Троица, Отрочъ... — ну, это извѣстно. Въ Затверечѣ первая — Екатерина, а изъ-за нея видать — Здвиженье, а по берегу дальше, направо-то, Минивихтора...

— Какъ?

— Минивихтора. А дальше Неопалимая Купина. Всѣ!

Онъ съ торжествомъ повернулся на одной ногѣ и направился внизъ на палубу, не удостоивая меня дальнѣйшимъ разговоромъ.

— Постой!—крикнулъ я:—что за Минивихтора? Вѣроятно: Мины и Виктора?

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ спускаться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже бесѣдовалъ съ какимъ-то мужичкомъ.

— Это Вознесенье, — доносился снизу его голосъ, — это Трехъ Исповѣдниковъ.

— Ну?

— Это Троица.

— Вѣрно!...

Раздался второй свистокъ. Шумъ и суетня увеличились. Я взглянулъ впередъ и удивился: отъ Отроча монастыря къ нашему берегу тянулся сплавной мостъ, загораживая Волгу и пресѣкая всякое по ней движеніе. Но, услыхавъ второй свистокъ парохода, на мосту закопошились, и, черезъ нѣсколько минутъ, средняя частица моста тронулась съ мѣста и отошла въ сторону, оставивъ узкое мѣстечко для парохода.

На штурвальный мостикъ взошли капитанъ и два бородатыхъ лопмана. Они сняли фуражки и начали молиться на тверскія церкви. Третій свистокъ. Сходни отданы. Медленно повернулись колеса, и пароходъ отдѣлился отъ пристани, наполненной провожающими, среди которыхъ стоялъ и мальчикъ, знающій всѣ тверскія церкви.

Пройдя сплавной мостъ, капитанъ скомандовалъ полный ходъ,

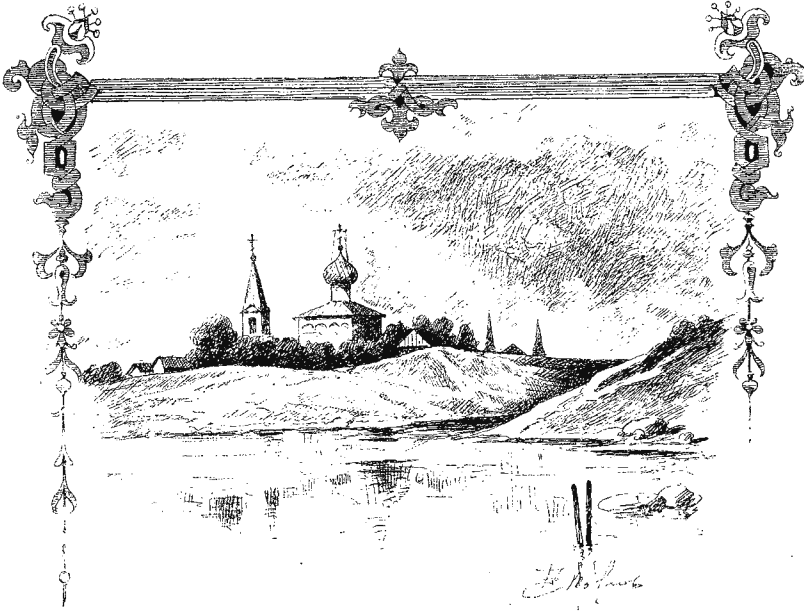

и панорама береговъ плавно поплыла мимо насъ, развертывая все новыя и новыя картины.

Свистокъ. На носъ пробѣжалъ матросъ измѣрять глубину. Мы на Константиновской мели. Пароходъ идетъ тихимъ ходомъ. На носу то и дѣло мелькаетъ въ воздухѣ длинный шестъ, раздѣленный на восьмивершковые футы, и слышится голосъ матроса:

— Шестъ!—шестъ!—шестъ!—пять!—шестъ!—пять!—пять!—четыри!—четыри!—четыри!—пять!—пять!—шестъ!

Мель пройдена. Капитанъ даетъ свистокъ, шестъ исчезаетъ, и пароходъ опять идетъ полнымъ ходомъ. Но это продолжается не долго. Черезъ версту показывается слѣдующая мель Примѣрковская.

Оршинскій монастырь.

Опять свистокъ, тихій ходъ, опять мелькаетъ въ воздухѣ шестъ, и слышно: шестъ! пять! четыри! четыри! и т. д., пока, миновавъ мель, пароходъ снова пускается полнымъ ходомъ.

Весною, въ полую воду, эти мели нисколько не стѣсняють движенія и почти незамѣтны, но лѣтомъ, особенно въ жаркіе, сухіе года, Волга мелѣетъ настолько, что мели порою становятся окончательно непроходимыми, и пароходство въ верхнемъ плесѣ отъ Твери до Рыбинска приостанавливается.

Тверь долго еще виднѣлась вдали съ своею зеленью, съ своими куполами.

Въ семи верстахъ отъ города, на лѣвомъ берегу Волги, но нѣсколько въ сторонѣ отъ воды, среди сосновой рощи находится не-

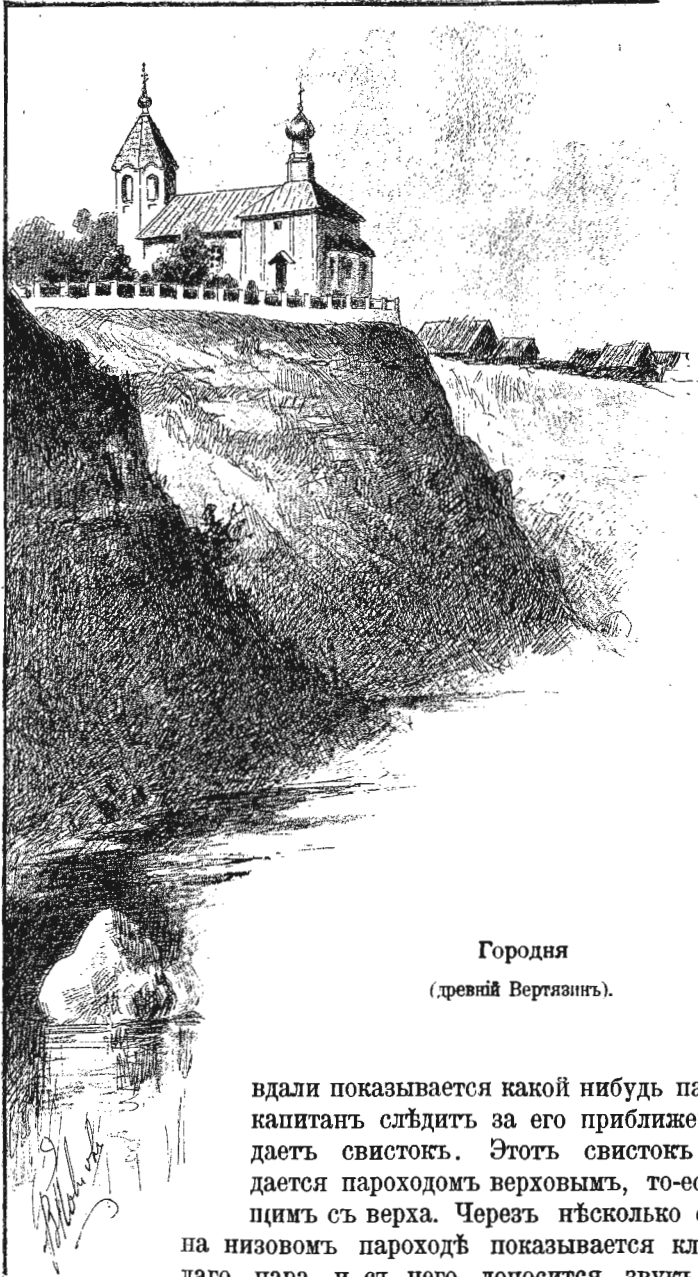
большой Николо-Малицкій монастырь, получившій свое названіе отъ ручья Малицы. Основанъ онъ во второй половинѣ XVI столѣтія, но кѣмъ—неизвѣстно. Въ писцовыхъ книгахъ, современныхъ его основанію, онъ названъ «Великаго князя монастырькомъ, на Ноугородской дорозѣ» и дѣйствительно находится неподалеку отъ стараго петербургскаго шоссе, идущаго, какъ извѣстно, черезъ Новгородъ. Въ 1676 году онъ, повидимому, возобновленъ стольникомъ Г. Д. Овцынымъ, а въ 1753 г. возведены въ немъ всѣ каменные строенія графомъ П. И. Шуваловымъ въ благодарность за исцѣленіе жены его Мавры Егоровны, которая и похоронена въ обители. Здѣсь хранится мозаичный образъ Спасителя работы Ломоносова, пожертвованный, вѣроятно, тѣми же Шуваловыми, которые вообще много благодѣтельствовали монастырю.

Вдали показалась какая-то темная фигура своеобразной формы. Это туэръ тащился вверхъ по желѣзной цѣпи, проложенной отъ Рыбинска до Твери. Цѣпь посредствомъ паровыхъ приспособленій наворачивается на валъ, пароходъ движется по ней впередъ, а пройденныя части цѣпи снова опускаются въ воду. Туэръ вель на буксирѣ шесть барокъ съ хлѣбомъ и видимо работаль добросовѣстно. Но надо замѣтить, что этотъ родъ буксированья судовъ съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе.

На правомъ берегу мы миновали село съ библейскимъ названіемъ—Эммаусъ. Здѣсь когда-то находился загородный домъ тверскихъ архипастырей, теперь давно уже упраздненный.

Вскорѣ за Эммаусомъ на противоположномъ берегу, при впаденіи рѣки Орши, показалась луковичная глава церкви, принадлежащей запятанному Оршинскому монастырю. О времени его основанія свѣдѣній не сохранилось; извѣстно только изъ надписи на одной изъ надгробныхъ плитъ, что въ 1542 году онъ уже существовалъ. Извѣстно также, что въ немъ были и иконописцы, такъ первая икона св. Нила Столбенскаго была написана въ 1595 году пришедшими отсюда съ Орши иноками Ювомъ и Нифонтомъ. Въ смутное время монастырь былъ разграбленъ поляками. Нѣкоторыя изъ спрятаныхъ передъ ихъ нашествіемъ вещей найдены подъ церковнымъ поломъ въ 1846 году. Укрытыми оказались три антиминса 1557, 1610 и 1613 годовъ, кадило 1603 года, дискось и три блюда 1604 года. Но какъ ни былъ разрушенъ и ограбленъ монастырь, архимандритъ его Іосифъ пользовался, повидимому, общимъ уваженіемъ тверичей и, въ качествѣ выборнаго отъ Твери, приложилъ свою руку къ грамотѣ объ избраніи Михаила Феодоровича на царство. Монастырекъ очень невеликъ и довольно живописно расположенъ надъ устьемъ Орши.

По Волгѣ то и дѣло попадаютъ разныя суда, спускающіяся внизъ или буксируемыя вверхъ пароходами. Всѣ пароходы при встрѣчѣ обязательно «размахиваются» другъ съ другомъ флагами. Едва только

Городня
(древній Вертяинъ).

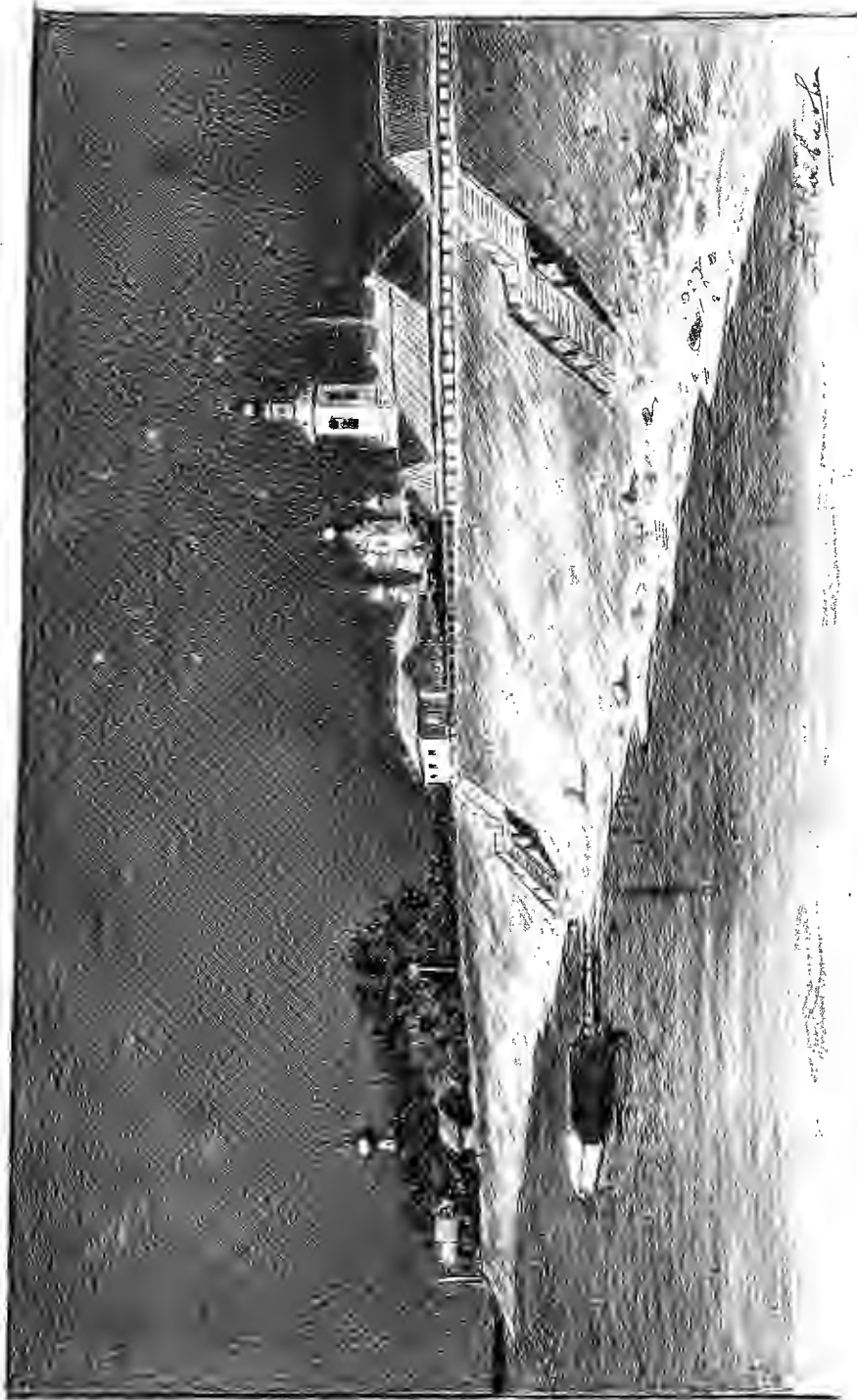
вдали показывается какой нибудь пароходъ, капитанъ слѣдитъ за его приближеніемъ и даетъ свистокъ. Этотъ свистокъ всегда дается пароходомъ верховымъ, то-есть идущимъ съ верха. Черезъ нѣсколько секундъ на низовомъ пароходѣ показывается клубъ бѣлаго пара, и съ него доносится звукъ отвѣтнаго свистка. Одинъ изъ рулевыхъ послѣ совѣта съ капитаномъ выходитъ на правый или на лѣвый кожухъ, глядя по обстоятельствамъ, становится на самый край и машетъ

бѣлымъ флагомъ, указывая, что хочетъ пройти мимо встрѣчнаго парохода именно этимъ бортомъ. Низовой большею частію соглашается и машетъ въ отвѣтъ съ соответствующаго кожуха, то-есть, если верховой машетъ съ лѣваго борга, то онъ отвѣчаетъ съ праваго, и пароходы расходятся безъ приключеній. Но случается, что низовой, особенно буксирный, идущій со многими барками, находитъ для себя невыгоднымъ направленіе, назначаемое верховымъ пароходомъ. Тогда они перемахиваются снова, и пассажирскій пароходъ, какъ болѣе легкій, уступаетъ; но такія перемашки случаются крайне рѣдко. Обыкновенно уже впередъ можно угадать, которыми бортами разойдутся пароходы, такъ какъ оба предпочитаютъ держаться своей правой стороны. Когда они равняются другъ съ другомъ, капитаны, или въ ихъ отсутствіе старшіе лоцмана, большею частію привѣтствуютъ другъ друга приподниманіемъ фуражекъ.

Но вотъ и опять историческая мѣстность.

На правомъ берегу показывается село съ старинною церковью, красиво помѣщенной на вершину обрывистаго холма, покрытаго зеленымъ ковромъ свѣжей травы съ пестрыми на немъ узорами полевыхъ цвѣтовъ. Это Городня, иначе — Городень, Городецъ, или, какъ она иногда называется въ лѣтописяхъ, Вертязинъ городокъ. Здѣсь въ 1312 году князь Михаилъ Ярославичъ, прогнавшійся на новгородцевъ и не пускавшій въ Новгородъ «обилья», то-есть хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, вслѣдствіе увѣщаній новгородскаго владыки Давида, заключилъ миръ съ Новгородомъ. Новгородцы обязались уплатить 1500 гривенъ серебра, а тверской князь «ворота отворилъ» для хлѣбныхъ обозовъ. Принимая монашество, тверской князь Михаилъ Александровичъ отдалъ Вертязинъ вмѣстѣ съ Тверью и другими городами старшему сыну своему Ивану и его дѣтямъ, а въ 1569 году царь Иванъ Васильевичъ, расправившись съ Тверью, перебилъ заодно и жителей Городца чуть не до единого. Въ 1609 году на этомъ берегу Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій узналъ неожиданную, тревожную вѣсть, что Деллагарди свернулъ съ московской дороги и, вмѣсто того, чтобъ идти на выручку Троицы и самой Москвы, двинулся обратно къ Новгороду. Отсюда же онъ отправилъ къ шведамъ Одоурова съ просьбою вернуться и не измѣнять данному обѣщанію. По словамъ г. Борзаковского, въ городкѣ и теперь еще видны фундаменты храмовъ древняго города, а уцѣлѣвшая церковь Рождества Богородицы, по предположеніямъ, построена въ XIII вѣкѣ. Внизу церкви подъ сводами можно видѣть древнія стѣны съ остатками старинныхъ фресокъ.

Мели встрѣчаются очень часто. Такъ между Оршинскимъ монастыремъ и Городнею, на пространствѣ около 15 верстъ, мы прошли три большихъ мели, одну за другою. Но слухъ нашъ уже привыкъ и къ свисткамъ и къ промѣркѣ. Мы спокойно внимали доносившимся съ носа матросскимъ восклицаніямъ и только однажды слегка

Городъ Корчева.

насторожились, когда, послѣ знакомаго: чѣтыри, чѣтыри, — вдругъ послышалось: три! три!—но потомъ футы опять начали прибывать, и всѣ успокоились. Двѣ деревни между Оршею и Городнею носятъ интересныя названія: Отрокѣвичи и Судимірка, оставшіяся, быть можетъ, изъ временъ глубокой древности.

За Городнею мы миновали селеніе Выдогощъ съ длинною, вдающеюся въ Волгу песчаною косою; затѣмъ, на правомъ берегу показалось село Мелково, а наискось отъ него, на лѣвомъ—Едимоново, первая пароходная станція, въ 47 верстахъ отъ Твери.

О древней легендѣ, связанной съ Едимоновымъ, я уже говорилъ выше. Въ настоящее время село извѣстно своими артельными сыроварнями и школою молочнаго хозяйства. Все это заведено здѣсь Н. В. Верещагинымъ болѣе двадцати лѣтъ назадъ. Благое начинаніе принесло добрые плоды. Дѣло сыроваренія распространяется все далѣе и далѣе, принося крестьянамъ несомнѣнныя выгоды и улучшая ихъ матеріальное положеніе. Школа успѣла уже выпустить до 300 знающихъ дѣло сыроваровъ, хорошо ознакомленныхъ и съ другими отдѣлами молочнаго хозяйства. Сыроваренное дѣло давно уже перешло предѣлы Тверской губерніи и общается въ будущемъ немалыя экономическія выгоды всему здѣшнему краю. Едимонову принадлежить честь быть колыбелью этого дѣла.

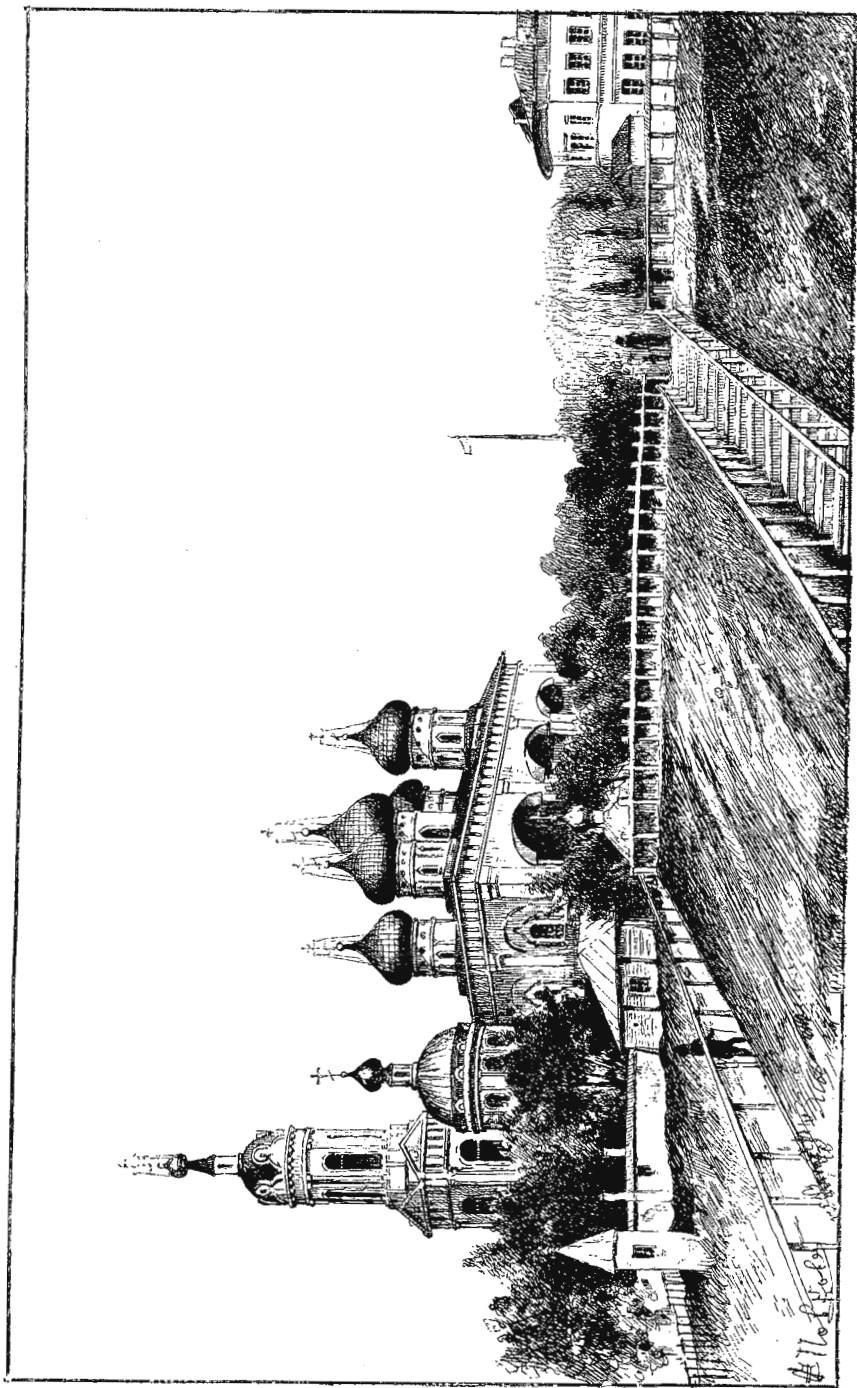
Противъ Едимопова опять бакены, опять мель, свистки и промѣрка. Не успѣлъ капитанъ отпустить матроса и дать полный ходъ, какъ уже снова позвалъ его: впереди виднѣлись новые бакены, и на этотъ разъ шесть показалъ три безъ вершка.

За Едимоновымъ, на правомъ берегу, появилась граница Московской губерніи, которая въ этомъ мѣстѣ отгѣсняетъ Тверскую какъ будто бы только затѣмъ, чтобы взглянуть на Волгу, и черезъ двадцать верстъ снова отходить въ сторону.

Неподалеку отъ села Новаго (второй Самолетской пристани отъ Твери) въ Волгу впадаетъ справа рѣка Шоша, идущая сюда изъ Зубцовскаго уѣзда, и заставляеть ее круто измѣнить направленіе. Волга, державшаяся отъ самой Твери юго-восточнаго направленія, почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ отсюда на сѣверо-востокъ и течеть по этой линіи почти до самой Корчевы, гдѣ въ нее впадаетъ слѣва рѣка Созь, которая отклоняеть теченіе прямо на Востокъ. Такая податливость составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей Волги и объясняется отчасти малымъ уклономъ ея русла и происходящимъ отъ этого слабымъ теченіемъ.

Берега Волги между селеніями давно уже стали какими-то унылыми, пустынными. Лѣсовъ мало, пейзажъ однообразенъ, и даже селенія съ своими церквами, построенными въ одномъ и томъ же стилѣ, мало оживляютъ картину.

Недалеко отъ устья Сози мы замѣтили на лѣвомъ берегу пѣлый рядъ холмовъ, очевидно насыпныхъ. Средній холмъ былъ значи-

Село Кимра.

тельно больше и выше другихъ, и всѣ они вмѣстѣ напоминали какое-то древнее богатырское кладбище.

Благодаря безпрестаннымъ мелямъ, пароходъ нашъ на разстояніи 88 верстъ отъ Твери до Корчевы уже опоздалъ на два часа, такъ что вмѣсто четырехъ мы пришли въ Корчеву только въ шесть.

Корчева прежде была казеннымъ селомъ, а въ 1781 году переименована въ уѣздный городъ тверского намѣстничества; черезъ 15 лѣтъ ее оставили за штатомъ, а въ 1803 опять возстановили, но городъ даже и въ настоящее время настолько малъ, скученъ и незначителенъ, что не выдержать сравненія ни съ однимъ изъ остальныхъ тверскихъ уѣздныхъ городовъ, не исключая и Зубцова. Отъ его улицъ, бульвара и набережной вѣетъ такую захолустною тишиною и сладостною дремотою, что мы не рѣшились нарушать этого блаженнаго состоянія даже въ рисунокѣ и изобразили его мирно покоящимся въ лѣтнюю, тихую ночь.

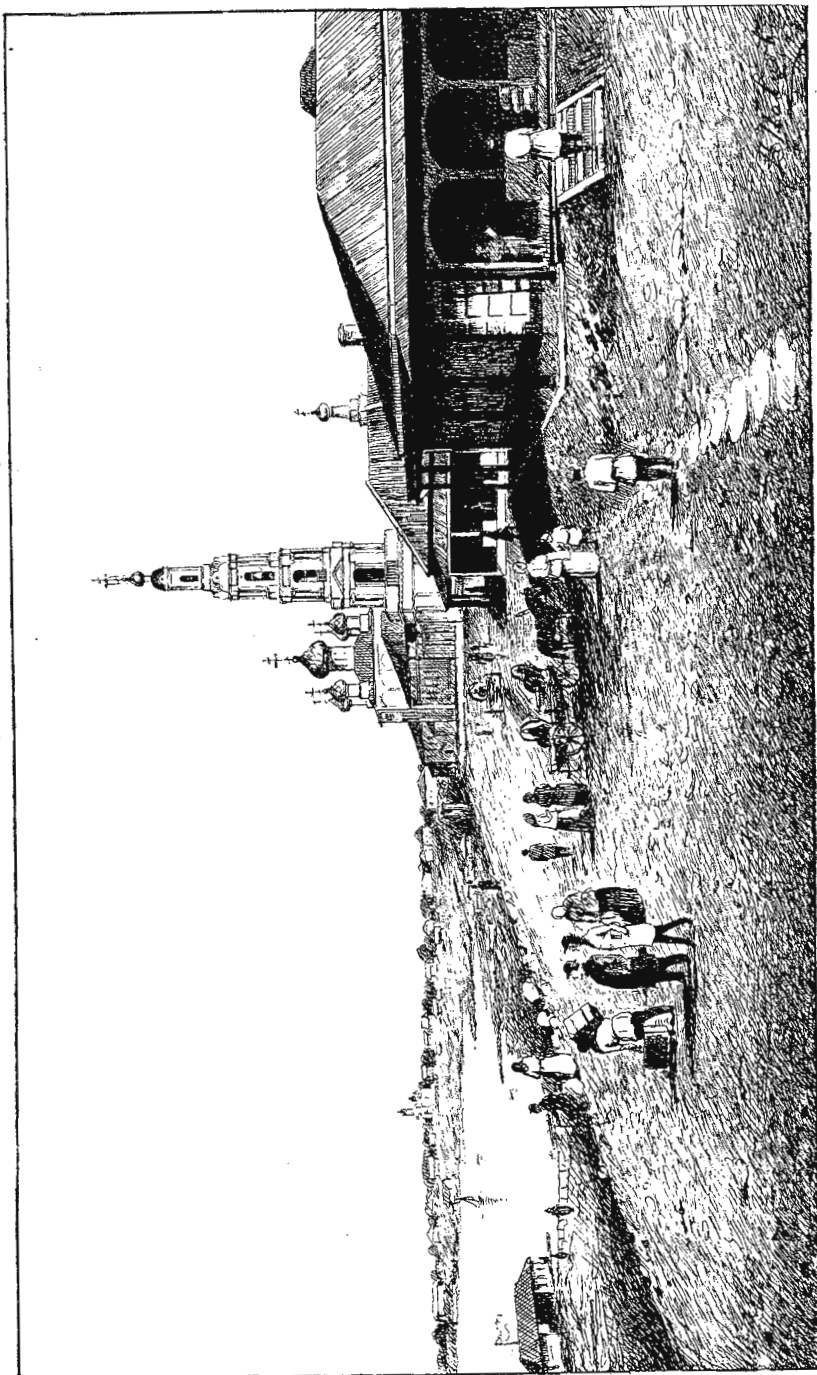
На одной изъ мелей около Корчевы насъ ожидало маленькое развлеченіе. Поперегъ Волги, съ лѣваго берега на правый, медленно двигалась какая-то темная точка, долго служившая загадкою для всѣхъ, пока наконецъ лоцманъ не заявилъ, что это плыветъ корова. Слова его подтвердились, и пассажиры со всего парохода долго слѣдили за отважнымъ животнымъ, которое, добравшись до отмели, съ громкимъ мычаніемъ вышло на берегъ, не подозрѣвая, сколько удовольствія, смѣха и веселья доставило оно нашимъ палубнымъ зрителямъ.

Берега попрежнему однообразны, невысоки и большею частію пусты. Нижнюю часть ихъ составляютъ песчанья отмели, повыше зеленѣетъ трава.

Верстахъ въ тридцати отъ Корчевы въ Волгу впадаетъ справа рѣка Дубна, протекающая по губерніямъ: Владимірской, Московской и Тверской. Не далеко отъ устья Дубна принимаетъ въ себя другую рѣку, Сестру, идущую изъ Клинскаго уѣзда. Эта Сестра была соединена каналами съ Москвою-рѣкою, такъ что составляла небольшую систему, по которой съ Волги можно было доѣхать водою до Москвы, но теперь это сообщеніе по неизвѣстнымъ причинамъ заброшено и приходитъ въ упадокъ.

Почти противъ устья Дубны, на лѣвомъ берегу, находится село Пекуново, около котораго сохранились остатки древняго городища. Городище, по всей вѣроятности, имѣло кругообразную форму, было окружено тремя рвами и двумя валами и, повидимому, огорожено тыномъ. Возлѣ городища въ два ряда тянутся курганы. Прежде ихъ было до тридцати; теперь осталось только четырнадцать. Преній владѣлецъ рылся и въ городищѣ и въ курганахъ, съ цѣлью отыскать клады, но, кромѣ костей, ничего не находилъ. Когда вешній разливъ Волги размывалъ городище, въ размывной землѣ находили кремневые наконечники стрѣлъ и копій, черепки глиняной

Городъ Калязинъ.

посуды и человѣческіе черепа. Послѣдніе, къ сожалѣнію, разсыпались при первомъ къ нимъ прикосновеніи. И много еще разсыяно по Волгѣ такихъ городищъ, до которыхъ не касалась рука археолога.

Дубна, подкрѣпленная Сестрою, сообщаетъ Волгѣ свое направленіе съ юга на сѣверъ, и вліяніе младшихъ сестеръ на этотъ разъ такъ значительно, что Волга, тронувшись на сѣверъ, не покидаетъ этого направленія до самой Мологи.

Пароходъ былъ уже недалеко отъ Кимры. На правомъ берегу, окруженная красивымъ сосновымъ боромъ, показалась каменная церковь Іоанна Предтечи; построена она недавно и, повидимому, талантливымъ архитекторомъ. Раскраска ея нѣсколько пестра, но пропорція и общій силуэтъ производятъ очень пріятное впечатлѣніе. Кромѣ того, видъ этой, одиноко стоящей на берегу церкви, прекрасно дополняется фономъ окружающаго ея лѣса, и въ общемъ получается крайне симпатичная картинка.

Кимра была уже въ виду. Солнце только что скрылось за горизонтомъ, и Волга со всею окрестностью покрылась легкою дымкою удивительно пріятнаго, точно перламутроваго тона. Пароходъ нашъ плавно приближался къ лѣвому берегу, гдѣ видѣлись оба собора и дома столицы волжскаго сапожнаго мастерства.

Подлѣ насъ сидѣла компанія изъ нѣсколькихъ мелкихъ купцовъ и приказчиковъ.

— Кимра,—глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ нихъ, глядя на приближающееся селеніе.

— А что Кимра?—подхватилъ другой:—аль опять сапожковъ захотѣлось?

Компанія захохотала.

— Дались вамъ сапоги,—нехотя улыбнулся первый.—Разъ поучили, въ другой не поймають.

— Политурка-то, политурка-то! А?—поддерживали другіе.—Не даромъ сами говорятъ: нашей работы, проносишь до субботы, да и то только, коли въ рукахъ носить будешь, а на ноги ни-ни!

— Да неужели же въ Кимрѣ такъ плоха обувь?—спросилъ я.

— У нихъ всякая есть, какая угодно,—отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.—Они вѣдь колдуны; изъ глины сапоги слѣпить могутъ.

— Ну, полно врать,—вмѣшался пожилой купецъ, сидѣвшій тутъ же:—зачѣмъ говорить, чего нѣтъ!

— А развѣ не лѣпятъ? Посмотри у нихъ на подошву, развѣ это кожа? Кожа-то только сверху, а подъ ней чего-чего нѣтъ, и тряпки, и бумага, и глина...

— Одно слово политурка!..—захохоталъ кто-то.

Купецъ отвернулся отъ нихъ и заговорилъ со мною.

— Видите ли, дѣйствительно плутовства много, признаться надо.

Но только если вы сдѣлаете сапоги на заказъ, да хорошую цѣну дадите, настоящую, такъ довольны останетесь, потому они мастера здѣсь...

— Если ихніе сапоги купить, — не унимались собесѣдники: — да верстѣ за десять въ гости пойти, такъ домой босикомъ вернешься.

— Да чего, — подхватилъ одинъ изъ нихъ: — при мнѣ было, прошлымъ годомъ, вотъ на пароходѣ же. Ъхалъ англичанинъ одинъ. Прочиталъ онъ въ книжкѣ, что, молъ, здѣшняя пристань сапогами славится, и айда на берегъ. Купилъ сапоги, пять съ полтиной даль, приноситъ на пароходъ. Ему кто-то и посовѣтовалъ положить ихъ для крѣпости въ воду: у нихъ, молъ, всегда такъ дѣлается. Тотъ положилъ, приходитъ черезъ полчаса, а они и совсѣмъ размокли: въ подошвахъ сахарная бумага объявилась.

Слушатели захохотали.

Купецъ пробовалъ оппонировать.

— Нѣтъ, ужъ ты, Степанъ Михайлычъ, не спорь, — остановилъ его сѣдой старикъ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ: — у тебя дочь въ Кимру выдана, такъ ты за зятя заступаешься, а только надо правду сказать, избаловался народъ, совсѣмъ измошенничался. Теперь вотъ въ этой самой Кимрѣ, — обратился онъ ко мнѣ: — нѣтъ дома, гдѣ бы не было сапожника, кромѣ развѣ только питейныхъ заведеній, и всѣ деревни кругомъ, верстѣ на 15, на 25, всѣ сапожнымъ ремесломъ занимаются, а дѣльнаго товару днемъ съ огнемъ наищешься. Все норвятъ какъ бы поднадуть, да обьегорить. Дешево сдѣлають, да за то ужъ прескверно.

— Зачѣмъ говорить, чего нѣтъ! — оживился было купецъ, но старикъ, не слушая его, продолжалъ:

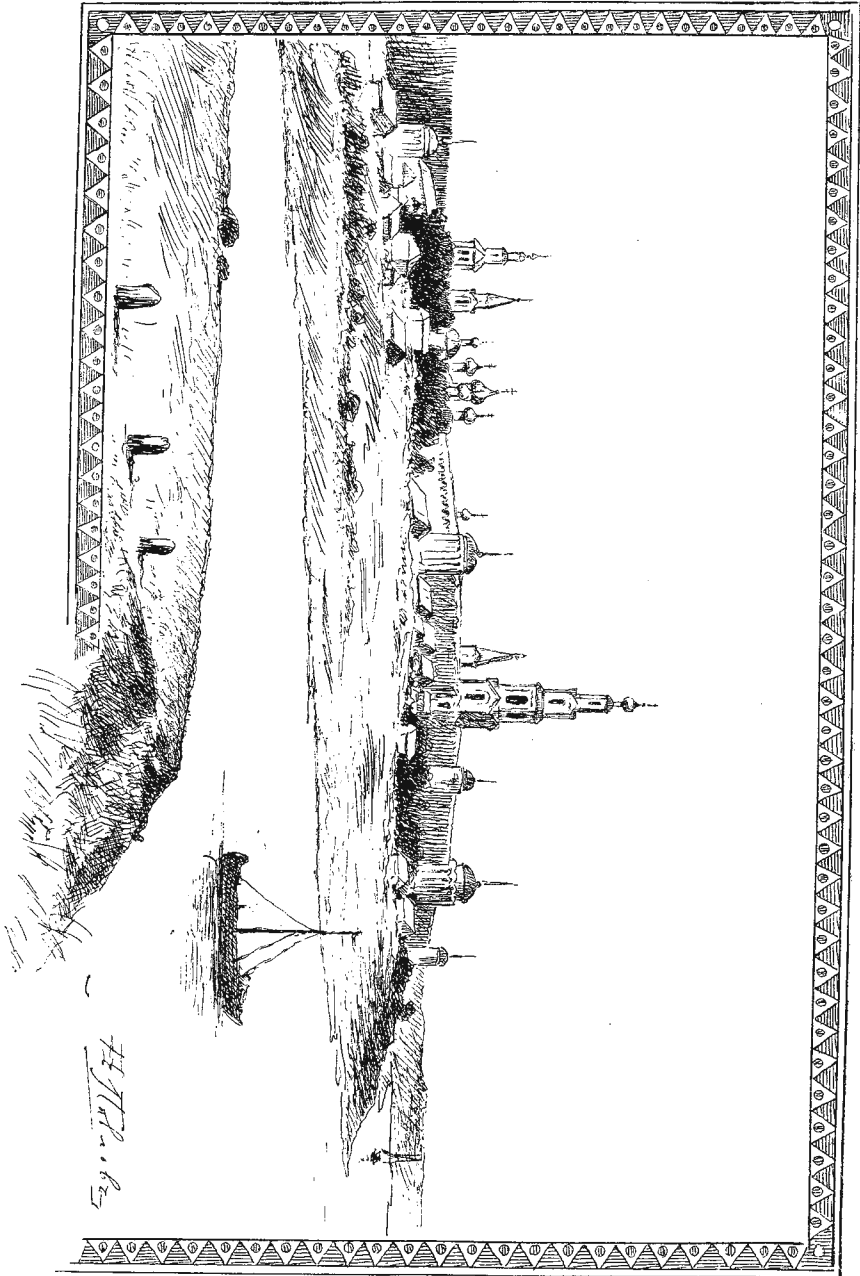
— На войска прежде въ военное время подряды большіе брали, и деньги наживали хорошія, а солдатики-то, по ихъ милости, босые ходили. Вотъ теперь локоть-то и близко, да не укусишь; какъ вѣру въ нихъ потеряли, подрядовъ не даютъ, заказовъ не присылають, и приходится имъ зубы на полку класть. А все черезъ себя, черезъ плутни. И заводы свои кожевенные есть, и мастера есть, могли бы работать, а вѣры нѣтъ, и шабашъ!

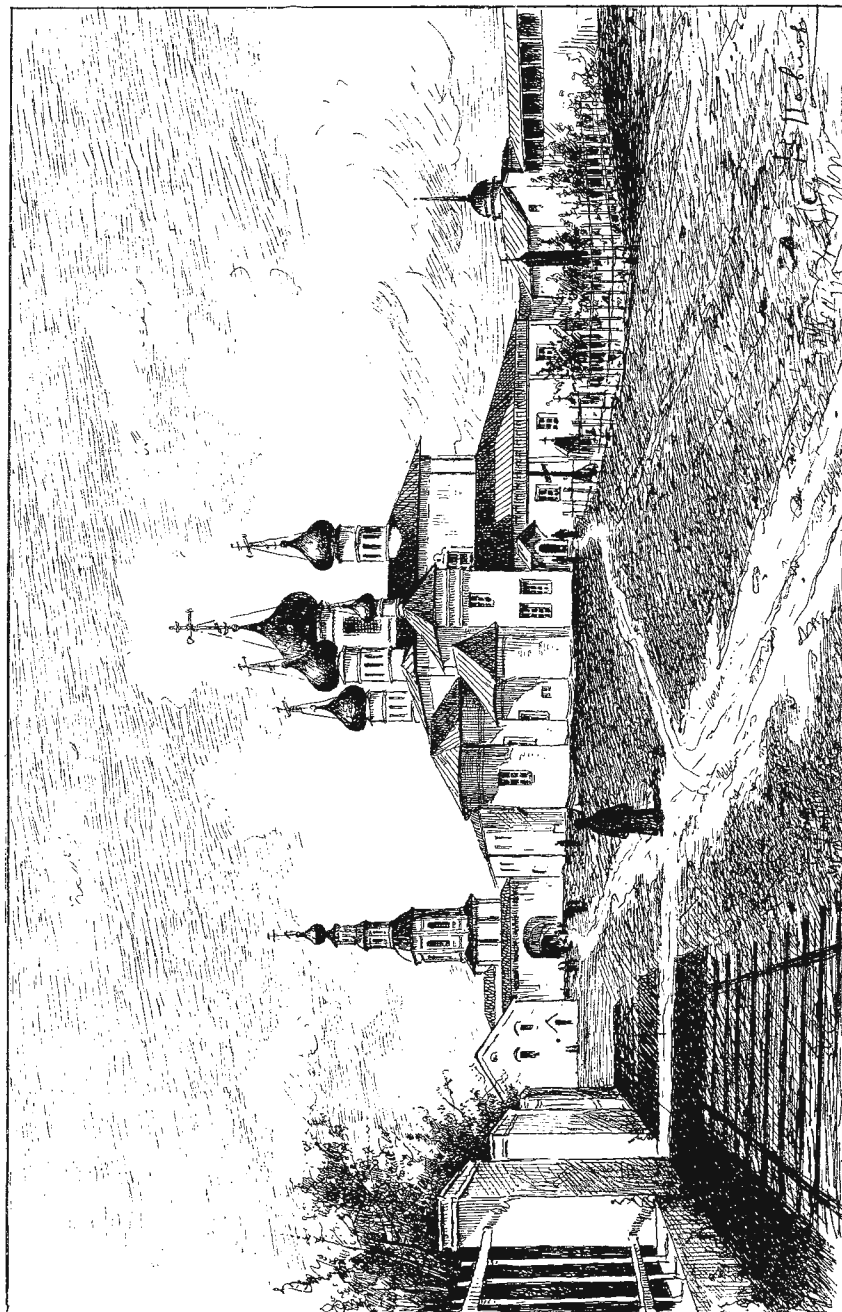
— Анъ врешь, и на Питерь, и на Москву работаютъ кимряки-то, на всю Россію, — загорячился купецъ.

Но старикъ только махнулъ рукою и направился къ лѣстницѣ.

Пароходъ давно уже стоялъ у пристани. Высоко поднимались въ небо обитые бѣлой жестью, нарядные купола новаго Покровскаго собора, подлѣ котораго помѣщался старый — Троицкій. Въ сущности понятія — старый и новый, могутъ быть приняты здѣсь только относительно, такъ какъ, судя по стилю, оба собора построены въ настоящемъ столѣтіи. Въ архитектурѣ, окрашеннаго въ желтую краску Покровскаго собора, поражаетъ смѣшеніе классическихъ деталей съ русскими. Храмъ построенъ по общему образцу

Калужинскій монастырь.

Внутренний видъ Калязинскаго монастыря.

русскихъ церквей, квадратный, съ пятью куполами, а стѣны разбиты колоннами чуть ли не дорическаго ордена: по карнизу тянутся античные триглифы и метопы, а подъ ними съ алтарной стороны помѣщаются полукруглыя углубленія съ образами, тогда какъ заостренная форма оконныхъ наличниковъ на барабанахъ подъ куполами напоминаетъ готику. Троицкій соборъ, голубой, имѣетъ только одну главу; онъ скромнѣе, но болѣе выдержанъ въ стилѣ. Я потому распространился о кимрскихъ соборахъ, что имъ принадлежитъ главная роль въ общемъ видѣ Кимры. Соборы эти настолько овладѣваютъ вниманіемъ зрителя, что остальные постройки селенія, особенно съ Волги, какъ-то ступшевываются, и отъ общаго вида остается только впечатлѣніе окруженныхъ зеленью соборовъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія Кимра считалась дворцовымъ селомъ, которое было пожаловано тестю царя Ивана Алексѣевича, Салтыкову; потомъ Кимрою владѣлъ канцлеръ Головкинъ, Скавронскіе, а въ 1847 году кимряки, въ количествѣ 1,400 душъ, выкупились на волю за 495.000 рублей ассигнаціями, выданными имъ заимообразно отъ казны съ разсрочкою. Сапожному ремеслу кимряки выучились болѣе ста лѣтъ назадъ въ Москвѣ, куда ходили работать съ половины ноября до Святой недѣли. Войны 1807 и 1812 года, благодаря большимъ заказамъ отъ казны, сильно содѣйствовали развитію сапожнаго производства и сразу подняли благосостояніе жителей. Оказывается, что война родитъ не только героевъ, но и сапожниковъ. Большіе подряды взяли кимряки и въ послѣднюю войну, но, кажется, старикъ-приказчикъ былъ правъ, и солдатики остались не особенно довольны обувью. Вообще довѣріе къ кимрскому товару поколебалось, и это отражается на крупныхъ мѣстныхъ фирмахъ: начинаются банкротства, тяжело отзываются на мелкихъ труженикахъ, работающихъ товаръ на оптовыхъ производителей. Но, конечно, дѣло если и падаетъ, то во всякомъ случаѣ еще не упало совершенно и можетъ быть поднято вновь при болѣе строгомъ и добросовѣстномъ отношеніи къ матеріалу и работѣ.

Въ Кимрѣ пароходъ простоялъ около часа. Грузили цѣлую гору ящиковъ съ сапожнымъ товаромъ, отправлявшимся въ Ростовъ-на-Дону.

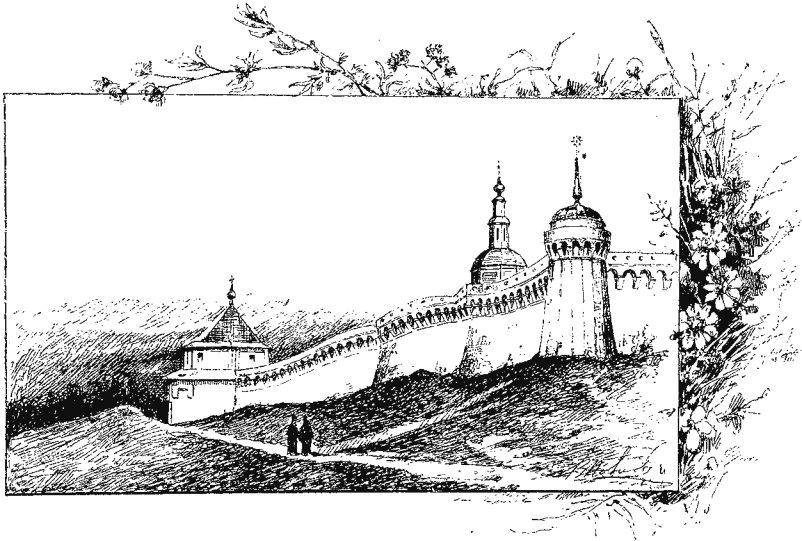
Сумерки спускались все болѣе и болѣе, превращая очертанія берега въ темныя силуэты. Только на западѣ еще догорала вечерняя заря, отражаясь въ спокойной глади Волги. На пристани еще суетились люди, но Кимра уже затихала. За кормою парохода, по колѣно въ водѣ стояли нѣсколько мальчиковъ и удили, но вскорѣ и они скрылись. Наступала теплая, лѣтняя ночь.

Запасшись на особой пристани нефтью, замѣняющей здѣсь дровяное отопленіе, пароходъ нашъ тронулся далѣе.

Утомонились и палубные пассажиры; большинство ихъ спитъ въ повалку, гдѣ попало, подлѣ ящиковъ, на носу, у трубы. Мы

вошли въ рубку и спросили чаю. Снизу изъ каюты доносится чей-то сладкій храпъ, а за окномъ попрежнему раздается знакомое пять, пять, чѣтыри, чѣтыри! Пароходъ стукнулся дномъ о песокъ, но прошелъ благополучно. Онъ движется впередъ съ большою осторожностью. Медленно проплываютъ мимо насъ огоньки, зажженные на бакенахъ. И снова все темно. Минуть черезъ пять новый свистокъ.—«Есть!»—кричитъ матросъ, пробѣгая мимо рубки. Хлопаетъ дверь, ведущая въ носовую часть судна, и опять начинается промѣрка.

Въ рубкѣ не сидѣлось; мы поднялись на верхнюю площадку. Впереди сверкаетъ рядъ огоньковъ на бакенахъ, пароходъ идетъ

Святые ворота и стѣны Калязинскаго монастыря.

самымъ тихимъ ходомъ. Изъ-за лѣса поднимается мѣсяцъ и золотистымъ столбомъ отражается въ зеркальной поверхности рѣки. Края горизонта еще не совсѣмъ потемнѣли, но надъ головою и подъ нами въ водѣ—темная, непроглядная бездна.

Часть ночи. Капитанъ сворачиваетъ къ лѣвому берегу и даетъ протяжный свистокъ. Слева видна деревня, а впереди, точно островокъ, вырѣзается темный силуэтъ роши. На берегу вспыхнулъ огонекъ и поползъ подъ гору, а минуты черезъ три онъ уже приблизился къ пароходу въ лодкѣ. Мы близъ устья Медвѣдицы. Рѣка эта начинается за 250 верстъ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, и въ древнія времена служила границею между Ростовскою областью и Новгородомъ. По ней новгородцы, какъ и по Тверцѣ, частенько

навѣдывались на Волгу, и въ тѣ времена рѣка эта имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ въ наши дни.

За Медвѣдицей пароходъ миновалъ усадьбу М. Е. Салтыкова, о которой книга г. Боголюбова: «Волга отъ Твери до Астрахани», изданная въ 1862 г., говорить: «На полуостровѣ выстроены красивый двухъэтажный домъ г. Салтыкова. Онъ года три какъ отстроенъ, а до того лѣтъ 50 стоялъ въ запустѣніи безъ крыши, какъ говорить преданіе, потому, что тутъ водилась нечистая сила. Другое преданіе говорить, что въ этомъ домѣ живалъ Борисъ Годуновъ».

Далѣе встрѣтилось село Скнятино, бывшій Тверской городъ Скнятинъ, или Кснятинъ, неоднократно упоминаемый въ лѣтописяхъ. Онъ построенъ въ 1134 году Юріемъ Долгорукимъ на устьѣ р. Нерли, вытекающей подъ именемъ Вексы изъ озера Плещеева и затѣмъ мѣняющей свое имя на Нерль. Длина ея около 100 верстъ.

Подъ утро пароходъ подошелъ къ пристани Сергіевской, которую правильнѣе было бы назвать Кашинскою, такъ какъ отсюда всего 12 верстъ до г. Кашина, и Сергіевское (названное такъ по близъ лежащему имѣнію) составляетъ его главную пристань на Волгѣ.

Отсюда всего только нѣсколько верстъ до Калязина.

Х.

Калязинъ.

Калязинцы свинью за бобра купили.

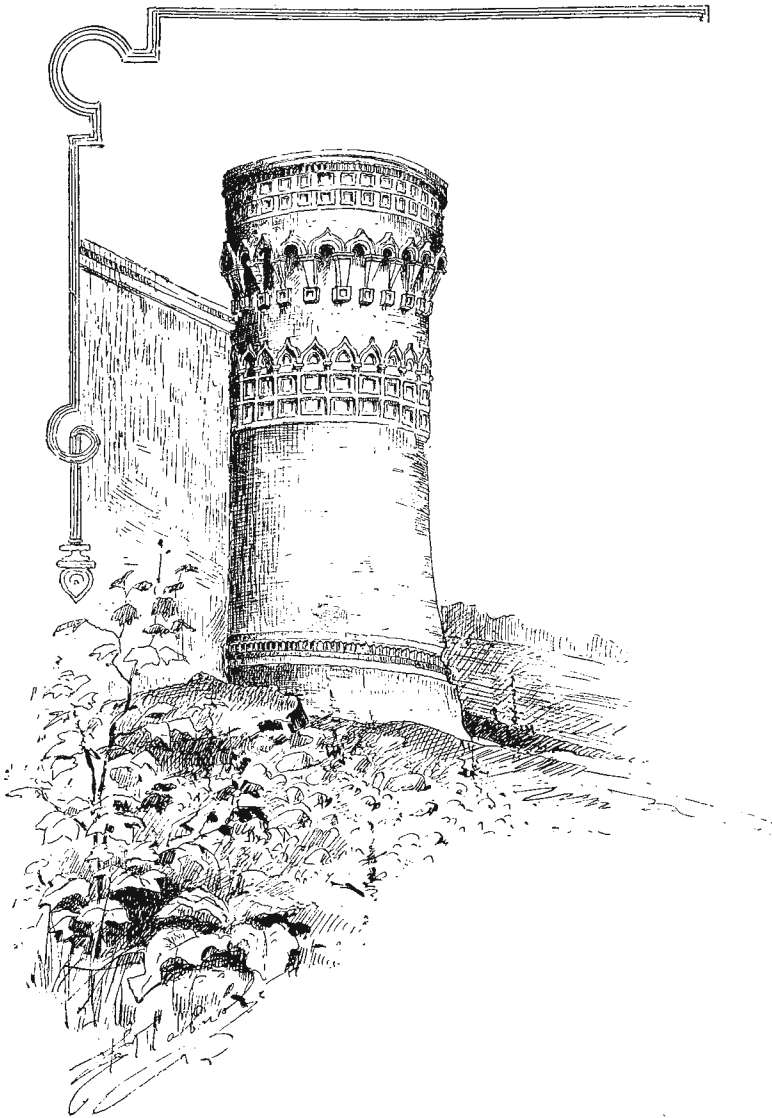
Народное присловье.

При первыхъ лучахъ восходящаго солнца пароходъ подошелъ къ Калязину, высокая колокольня котораго давно уже виднѣлась издали, вырѣзаясь своимъ бѣлымъ цвѣтомъ на фонѣ утренняго неба.

Мы хотѣли осмотрѣть здѣшній Макаріевскій монастырь и взглянуть на поле битвы, гдѣ молодой Скопинъ на голову разбилъ Сапѣгу,—а потому, простившись съ пароходомъ, сошли на пристань и начали взбираться на гору. Услужливые юные калязинцы, несмотря на раннее время, уже присутствовали на пристани, подхватили наши вещи и мигомъ довели насъ до Волжской гостиницы, находящейся на берегу, на краю торговой площади. Гостиница, вѣроятно, построена недавно, потому что на дверяхъ ея красуется надпись: «Входъ въ гостиницу вновь открыто».

Въ виду того, что главный интересъ Калязина составляетъ его монастырь, расположенный нѣсколько въ сторонѣ, на лѣвомъ берегу Волги, мы и рѣшили прежде всего отправиться туда.

Сѣверо-восточная башня Калязинскаго монастыря.

— Вамъ въ монастырь? въ монастырь?—приставали мальчики.—
Пожалуйте на паромъ, вотъ внизу, сейчасъ и перевезуть.

Внизу, нѣсколько лѣвѣ пристани, дѣйствительно стоялъ большой паромъ, на которомъ суетился какой-то мужичекъ. Мы спустились къ парому.

— Вамъ, господа, за Волгу?—въ монастырь?—освѣдомился мужичекъ.

— За Волгу, въ монастырь.

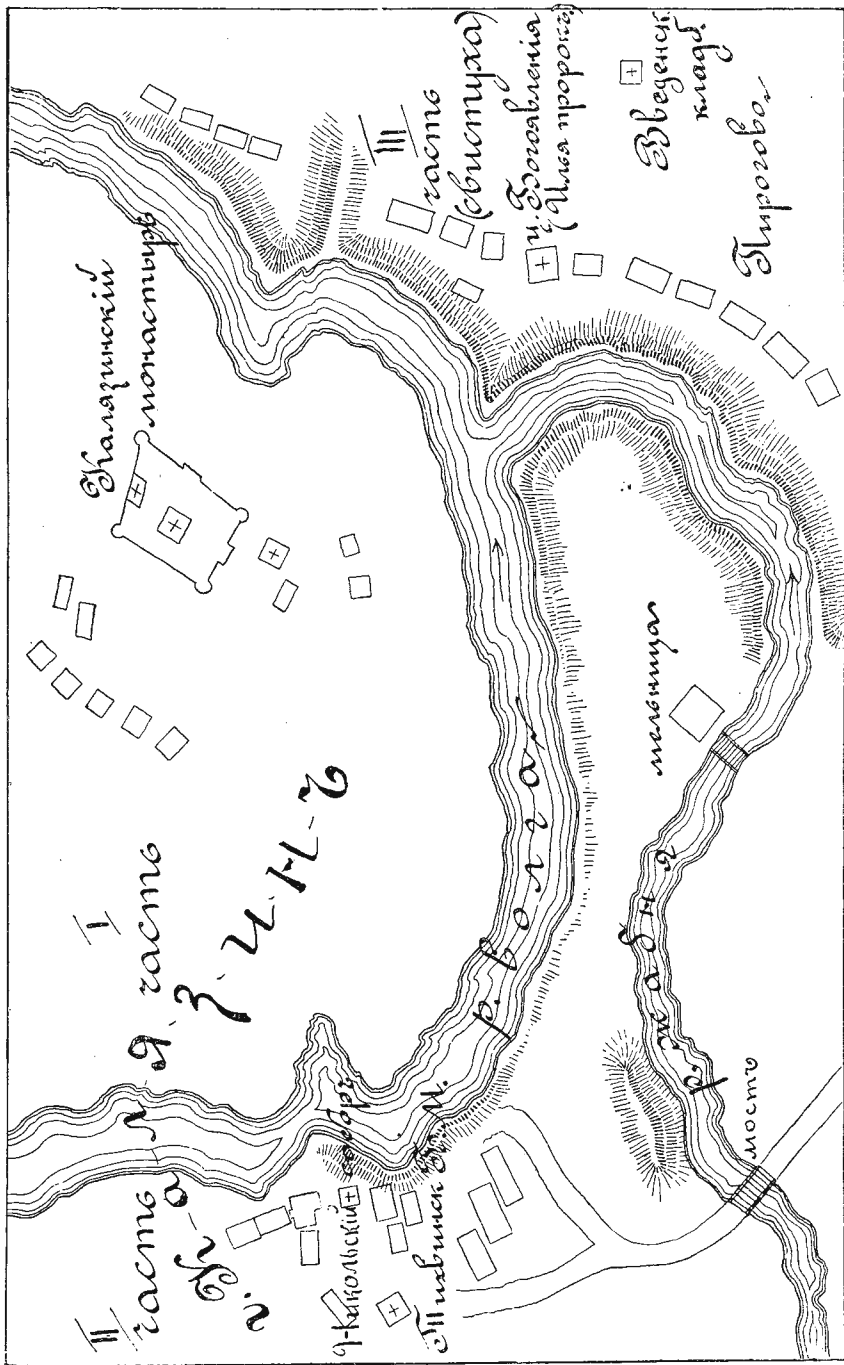
— Пожалуйте въ лодку; сейчасъ торговокъ везуть.

Лодка была почти полна и скоро отвалила отъ барки. Торговки везли съ собой и товаръ: булки, пироги, сѣмечки, пряники и т. п. Всѣ онѣ отправлялись торговать въ монастырь, гдѣ постоянно бьвають пришлые богомольцы.

До монастыря отъ берега надо пройти, по крайней мѣрѣ, съ полъ-версты, сначала полемъ, потомъ слободкою, раскинувшюся подъ его высокими, каменными стѣнами.

Но прежде чѣмъ войти въ монастырь, скажемъ нѣсколько словъ объ его основателѣ.

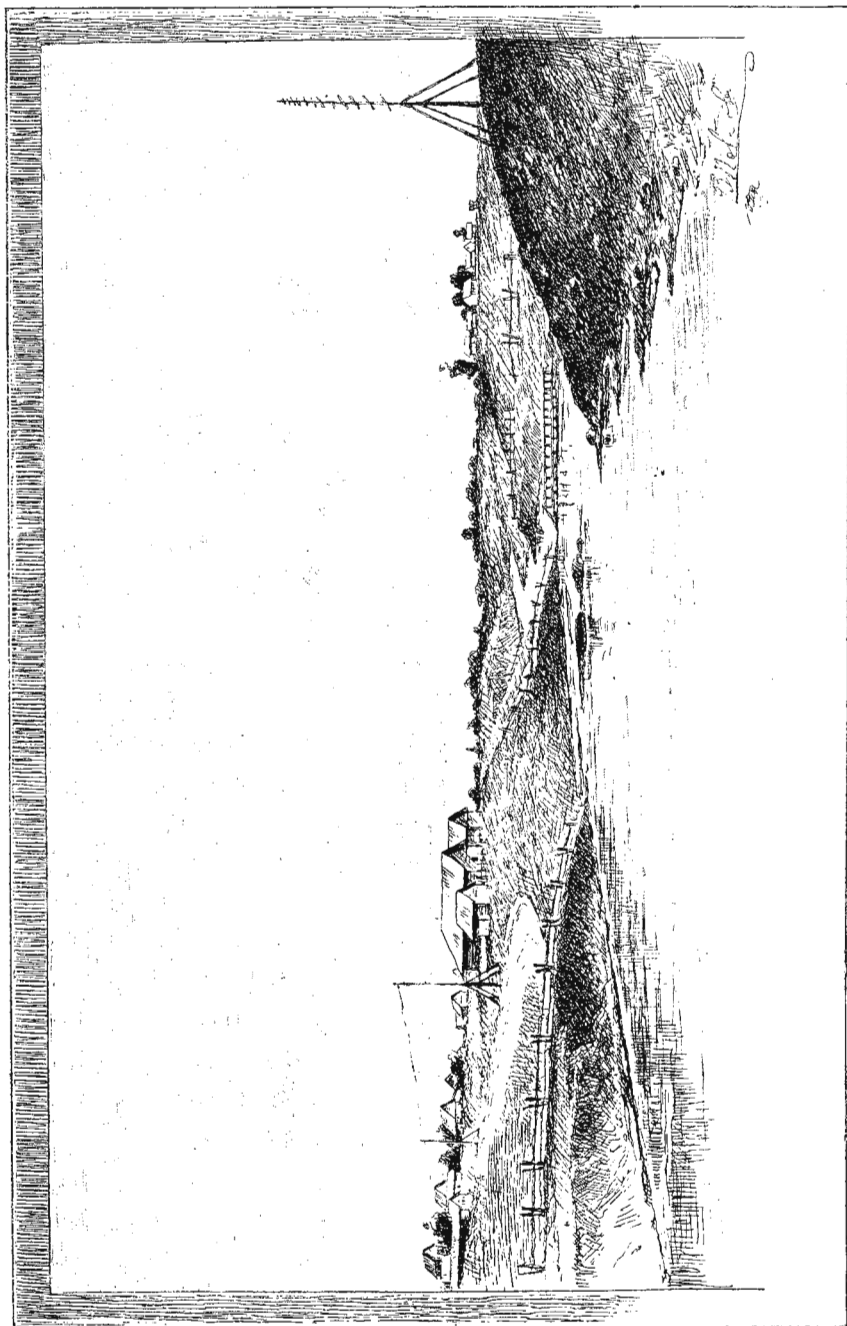
Въ началѣ XV вѣка, когда вся эта мѣстность еще была покрыта густымъ непроходимымъ лѣсомъ, недалеко отъ Кашина проживаль въ своемъ помѣстьѣ одинъ изъ боевыхъ сподвижниковъ московскаго князя Василя Васильевича Темнаго, по имени Василій, по прозвищу Кожа, родоначальникъ древняго рода Кожиныхъ. Прозвище свое онъ получилъ по слѣдующему поводу: гоняся однажды за убѣгавшимъ Шемякою, онъ убилъ подъ нимъ коня и, срѣзавъ кусокъ кожи съ павшаго животнаго, принесъ его, какъ трофей, своему князю, за чтó былъ будто бы почтенъ отъ него похвальною грамотою. Удалившись отъ дѣлъ, Кожа проживаль съ супругою Ириною, въ селѣ своемъ Грибневѣ, или Грибновѣ, нынѣшнемъ Кожинѣ, и здѣсь у нихъ родился сынъ, котораго они нарекли именемъ Матѳея. Подобно большинству нашихъ русскихъ подвижниковъ, Матѳея еще съ ранней молодости получилъ склонность къ отшельнической жизни. Уступая желанію родителей, онъ вступилъ въ бракъ, но по смерти жены тотчасъ же оставилъ домъ и отправился въ ближайшую обитель святителя Николая на Клобуковѣ, гдѣ и былъ постриженъ съ именемъ Макарія. Жизнь въ монастырѣ мало удовлетворяла его душу, искавшюю уединенія, и съ благословенія игумена онъ отправился въ лѣса, искать себѣ мѣста для уединенныхъ подвиговъ. Такое мѣсто нашелъ онъ на берегу Волги, на землѣ нѣкоего вотчинника Ивана Коляги, тамъ, гдѣ стоитъ теперь монастырь. Вокругъ его кельи вскорѣ стали собираться люди, желавшіе жить подъ его духовнымъ руководствомъ, и преподобный наконецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратитъ свое скромное жилище въ небольшой монастырекъ и соорудитъ въ немъ небольшую церковь. Церковь была срублена по преданію въ сорокъ дней, но въ общинѣ иночествующихъ не было іеромонаха, который могъ бы совершать богослуженіе въ новопостроенномъ храмѣ. Макарій долго отказывался отъ предлагаемаго ему братіей священнаго сана, но такъ какъ никто не хотѣлъ имѣть другаго іеромонаха, кромѣ него, то онъ наконецъ согласился и отправился въ Тверь, гдѣ былъ рукополо-

Схематический набросокъ мѣстности, на которой происходила битва при Калызинѣ монастырь.

женъ тамошнимъ епископомъ. Колягѣ очень не нравилось возникновеніе монастыря на его землѣ. Онъ боялся, что монахи со временемъ отнимуть у него землю, и рѣшилъ убить преподобнаго. Но въ это время надъ нимъ самимъ разразился цѣлый рядъ бѣдствій; онъ потерялъ одного за другимъ всѣхъ членовъ семейства и наконецъ расхворался самъ настолько, что былъ близокъ къ смерти. Раскаявшись въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ, онъ велѣлъ нести себя въ обитель. Макарій простилъ его и своею бесѣдою настолько смягчилъ его сердце, что Коляга захотѣлъ постричься въ монашество и всѣ свои земли и владѣнія отдалъ обители. Съ тѣхъ поръ и монастырь, получившій Колягину вотчину, сталъ называться Колягинимъ, — или, пославянски, — Калязинимъ монастыремъ. Преподобный Макарій дожилъ до глубокой старости и скончался въ 1483 году, марта въ 17 день. Передъ смертью онъ говорилъ своимъ духовнымъ чадамъ: «Разумѣйте, братіе: аще имамъ дерзновеніе къ Богу, по отшествіи моемъ, обитель сія не оскудѣетъ, но распространится». Слова его исполнились, и обитель продолжала обогащаться жертвованными вотчинами, деревнями и угодьями. Въ 1521 году дмитровский купецъ Михаилъ Воронковъ, питавшій большое уваженіе къ памяти преподобнаго, испросилъ у Дмитровскаго князя Юрія Ивановича дозволеніе поставить въ обители, вмѣсто обветшавшей деревянной Троицкой церкви, каменную. Грунтъ избрали болѣе твердый, въ десяти шагахъ отъ старой церкви, и начали копать фундаментъ. 26 мая рабочіе нашли въ землѣ нисколько неповрежденный гробъ и въ немъ нетлѣнныя мощи преподобнаго. Дни кончины и обрѣтенія мощей съ большимъ торжествомъ празднуются въ обители, особенно послѣдній, когда изъ Калязинскихъ церквей отправляется въ монастырь крестный ходъ, и мощи, при громадномъ стеченіи народа, обносятся вокругъ монастырскихъ стѣнъ.

Послѣ открытія мощей обитель стала еще болѣе извѣстна. Въ 1544 и 1553 годахъ ее посѣтилъ самъ государь Иванъ Васильевичъ и пожаловалъ ей село Городище со всѣми пустошами и деревнями, бывшими за княземъ Александромъ Борисовичемъ Горбатымъ. Здѣсь однѣхъ деревень было до 28. Въ 1597 году монастырь приобрѣлъ уже подворье въ Москвѣ, въ Китай-городѣ. Черезъ два года царь Борисъ Ѳеодоровичъ, задумавъ выдать Ксенію за датскаго принца, явился со всею семьей въ обитель испросить благословенія преподобнаго на этотъ бракъ. Онъ привезъ съ собою и богатую серебряную раку, въ которую были переложены мощи угодника. Но настали смутныя времена. Царя Бориса давно уже не было въ живыхъ, царевна Ксенія томила въ заключеніи, и Калязинскій монастырь сдѣлался на время главною квартирою предводителя русской рати, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Потерявъ надежду взять Троицу, Сапѣга со Зборовскимъ и Лисовскимъ тронулись къ Калязину монастырю, съ цѣлью разбить Скопина и

Мѣстность битвы при Калаяннѣ монастырѣ.

(Прямо на зрителя течетъ рѣка Жабли. Надѣво, на горѣ — Пирогово. Пригорокъ на первомъ планѣ, направо, поднимается къ городу, на мѣстѣ котораго была Никольская слобода.)

разогнать его войско, собиравшееся на освобождение Москвы. 14 августа 1609 года они подошли къ Рябовой пустыни, верстахъ въ 20 отъ Калязина. Скопинъ зналъ, что подъ самымъ монастыремъ неприятелю надо будетъ переправляться черезъ болотистую рѣчку Жабню, и отправилъ на правый берегъ Волги, въ подмонастырную Никольскую слабоду, часть войска подъ начальствомъ князя Бяртинскаго, Валуева и Жеребцова. Въ ночь съ 17 на 18 августа поляки пришли въ село Пирогово и на другой день утромъ стали переправляться черезъ Жабню, но русскіе разбили передовой отрядъ, смяли его въ болото и заставили уцѣлѣвшихъ бѣжать обратно къ Пирогову. Не успѣли опомниться польскіе воеводы, какъ самъ Скопинъ, со всѣмъ отсталымъ войскомъ, очутился уже на правой сторонѣ Волги и, перейдя Жабню, первый началъ наступленіе. «Бились цѣлый день», говоритъ Костомаровъ, передавая рассказъ Аврамія Палицына ¹⁾, «дымъ былъ такъ густъ, что трудно было распознать, кто съ кѣмъ бьется; а среди грома пицалей, треска ломаныхъ копей, воплей раненыхъ раздавались безпрестанно крики русскіихъ: «преподобный отче Макаріе, моли Бога за насъ! помоги намъ!». На солнечномъ закатѣ услышалъ Богъ молитвы рабовъ своихъ, тушинцы подались, потомъ стали отступать и, наконецъ, побѣжали. Русскіе гнали ихъ чуть не до Рябовой пустыни и все продолжали призывать на помощь святаго Макарія Калязинскаго. Не мало значительныхъ лицъ попало тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михаилъ Скопинъ въ Калязинъ съ побѣдой и одолѣніемъ».

Эта побѣда обезсмертила имя Калязина монастыря въ исторіи.

Поляки, впрочемъ, на слѣдующій годъ отмстили обители, обнесенной тогда еще деревянными стѣнами. Подъ ними совершенно неожиданно явился Лисовскій и началъ приступъ. Воевода Давидъ Жеребцовъ, одинъ изъ участниковъ побѣды прошлаго года, защищался отчаянно, но поляки зажгли стѣны, и участь осажденныхъ была рѣшена. Ворвавшись въ монастырь, поляки перебили всѣхъ, начиная съ воеводы, мощи преподобнаго выбросили на землю, а серебряную Годуновскую раку разрубили на куски и увезли съ собою. Огъ временъ этой кровавой эпохи въ обители до нашихъ дней сохраняются десять чугунныхъ пушекъ и болѣе 700 чугунныхъ же ядеръ.

Обитель скоро оправилась отъ погрома, и въ 1617 году въ ней былъ уже воздвигнутъ третій каменный храмъ надъ св. воротами во имя преподобнаго. Въ 1619 году сюда пріѣзжалъ молодой государь Михаилъ Ѳеодоровичъ и пожертвовалъ въ обитель колоколъ. Въ 1654 году, во время бывшей моровой язвы, здѣсь же проживала

¹⁾ См. «Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря» Аврамія Палицына, изд. 1784 г., глава 51, стр. 169—170.

и супруга царя Алексѣя Михайловича,—Марія Ильинична, съ патриархомъ Никономъ. Корпуса, въ которыхъ жили высокіе гости, и посейчасъ называются: одинъ—царскимъ, другой—патриаршимъ.

По описи 1764 года монастырь владѣлъ двѣнадцатю тысячами душъ крестьянъ, а принадлежавшая ему Никольская слобода, на правомъ берегу Волги, была уже настолькоъ значительна, что въ 1775 году сдѣлана уѣзднымъ городомъ Тверскаго намѣстничества и получила имя Колязина.

Мы вошли въ монастырь. Въ него ведутъ двойныя ворота. Внутреннія старше наружныхъ, которыя устроены только въ половинѣ XVII столѣтія, вмѣстѣ со стѣнами. На обширномъ монастырскомъ дворѣ было еще тихо. Нѣсколько богомольцевъ утоляли жажду изъ фонтанчика, устроеннаго въ видѣ креста, съ оконечностей котораго брызжутъ тонкія струйки воды. Другіе отдыхали на скамьяхъ, разставленныхъ подъ старыми, большими деревьями, разросшимися въ юго-восточномъ углу.

Въ главномъ соборѣ, построенномъ въ 1654 году, на мѣстѣ Воронковскаго, шла заутреня. Храмъ былъ полонъ молящимися. Мощи преподобнаго помѣщаются за правымъ клиросомъ въ богатой серебряной ракѣ, устроенной около 1700 года. Въ трапезной части собора похороненъ мѣстно чтимый постриженникъ обители, митрополитъ крутицкій Серапіонъ († 1652 года). Передъ гробницею его горѣло много свѣчей.

Каѳисмы окончились, и началось пѣніе канона. Пѣли почему-то на одномъ только правомъ клиросѣ, и, надо сказать правду, изъ рукъ вонъ плохо. Въ сущности и на правомъ-то пѣлъ только одинъ старикъ. Онъ еще кое-какъ справлялся съ напѣвомъ нотнаго обихода, но остальные, просто тянули за нимъ кто въ лѣсъ, кто по дрова, не выговаривая словъ и даже не заглядывая въ книгу. Послушавъ это пѣніе минутъ десять, мы не выдержали и обратились въ бѣгство.

Послѣ заутрени открылась просфорня и иконная лавка. Мы побывали въ той и въ другой, и отправились на дальнѣйшій осмотръ монастыря, но особенно интереснаго въ немъ не оказалось. Кромѣ собора, здѣсь имѣются еще три церкви: Срѣтенская, перестроенная изъ прежней Борисоглѣбской, съ трапезою, церковь Алексѣя челоуѣка Божія, построенная въ 1655 году иждивеніемъ монастырскаго келаря Иринарха въ честь ангела царя Алексѣя Михайловича, и надворотная церковь во имя преподобнаго Макарія. Царскія кельи, въ которыхъ проживала царица Марья Ильинична, находятся съ южной стороны неподалеку отъ воротъ. Здѣсь же, по переименованіи монастырскаго слободы въ городъ Колязинъ, помѣщались до 1786 года колязинскія присутственныя мѣста.

Едва ли не самую интересную часть монастыря составляютъ его стѣны, построенныя въ промежутокъ времени между 1644 и 1648

годами. Онѣ прочно сложены изъ кирпича, выбѣлены и мѣстами раскрашены голубою краскою. Архитектурныя детали стѣнъ и особенно башенъ представляютъ большой интересъ, какъ образцы каменнаго русскаго орнамента XVII вѣка. Одна изъ башенъ на сѣверо-восточномъ углу особенно выдѣляется богатствомъ и изяществомъ украшеній и доказываетъ несомнѣнную талантливость своего строителя. На св. воротахъ есть надпись, что «строилъ градъ сей келарь Авраамій Семеновъ, сынъ Бѣдовъ, при игуменѣ Іоаннѣ, а подмастерья дѣлали по государеву указу Марко Ивановъ сынъ Шарукинъ да сынъ его Иванъ Марковъ въ лѣто 7156». Трудно сказать, кому принадлежитъ композиція башеннаго орнамента, Бѣдову ли, Шарукинымъ ли, или же проектъ стѣнъ по государеву указу былъ изготовленъ въ Москвѣ; во всякомъ случаѣ эти стѣны и башни могутъ служить прекраснымъ образчикомъ русскаго зодчества временъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ.

Въ заключеніе упомяну о высокой монастырской колокольнѣ, построенной въ 1816 г., посреди восточной стѣны монастыря. На ней, въ разныхъ этажахъ помѣщены колонны всѣхъ четырехъ ордеровъ: въ 1-мъ этажѣ—тосканскія, во 2-мъ—іоническія, въ 3-мъ—коринтскія и въ 4-мъ—дорическія. Сама по себѣ колокольня стройна и пропорціональна, но, конечно, совершенно не вяжется съ окружающими ее стѣнами и башнями.

У монастырскихъ воротъ наши знакомыя торговки давно уже разставили по бокамъ дорожки свои столики и открыли торговлю. Онѣ ни минуты не могли посидѣть молча и трещали безъ умолку, то выхваляя товаръ идущимъ изъ монастыря богомольцамъ, то споря и перебраниваясь между собою.

Съ самаго края сидѣла толстая, кубообразная женщина подъ зонтикомъ и хвастала, что вчера продала на цѣлыхъ два рубля.

— А потому что умѣю съ покупателемъ обойтись, — наставительно закончила она.

— Ты-то умѣешь?—возразила изъ-за противоположнаго столика худенькая бабенка въ красной кумачной кофтѣ.

— Еще бы не умѣть, когда я здѣсь сто лѣтъ торгую.

— Какъ сто лѣтъ? Тебѣ по пачпорту сорокъ пять. Какъ же сто? Гдѣ же остальные-то?

— А вотъ и ищи. Сто лѣтъ я здѣсь торгую.

— Врешь, врешь!—и всего-то лѣтъ семь сидишь.

— Анъ не семь!

— Анъ семь!

Началась перебранка.

— Чего спорите-то? Чего орете? — степенно заговорилъ мужичекъ-богомалецъ, сидѣвшій на краю дороги: — ишь, какой шумъ подняли, а изъ-за чего? Она продала, ну, значитъ, ея счастье; за что же ее бранить?

— Нѣтъ, не счастье, а она, дяденька, колдунья,—подмигиваетъ на толстую товарку молодая, востроглазая бабенка.

— Колдунья?!—воскликаетъ худощавый мужикъ, выходящій изъ монастырскихъ воротъ.—Повтори-ка, повтори еще, что ты сказала?

— Колдунья она, говорю.

— Ахъ ты! ахъ ты!—заметался мужикъ:—да какъ ты можешь въ святомъ мѣстѣ этакое слово выговаривать! Ну, попалась бы ты мнѣ у насъ съ этимъ словомъ, я-бъ тебя пробралъ!

— Какъ бы ты пробралъ-то?

— Да ужъ пробралъ бы. На недѣлку бы посадилъ.

— Ишь ты!

Но тутъ вступаются уже всѣ торговки.

— Да на что бы посадилъ-то? На лавочку, аль на скамеечку?

— Аль на стулъ?

— Можетъ, на троечку, аль на парочку?

Мужикъ машетъ рукою и спѣшитъ уйти, но бабы преслѣдуютъ разбитаго непріятеля.

— А ты, милый человѣкъ, въ нашъ монастырь со своимъ уставомъ не суйся,—кричатъ онѣ ему вслѣдъ.—Много васъ такихъ-то! — И съ кѣмъ связался-то? Съ бабами! Эхъ ты, несмысленный ты человѣкъ, вотъ что!

Мужикъ давно уже скрылся изъ виду, а торговки все еще продолжали волноваться.

Осмотрѣвъ монастырь, мы хотѣли взглянуть на мѣсто знаменитой битвы.

— А что, тетупка, не знаешь ли, гдѣ тутъ у васъ село Пирогово?—обратился я къ толстой торговкѣ подъ зонтикомъ.

— Нѣтъ, такого не знаю.

— Пирогово?—да вѣдь это городъ,—отозвалась ея сосѣдка.

— Какъ городъ?

— Городъ Пирогово, городъ и есть,—подхватило нѣсколько голосовъ.

— Да гдѣ же такой городъ?

— Да нашъ же городъ, Колязинъ.

— Такъ Пирогово-то въ городскую черту вошло, что ли?

— А кто его знаетъ, въ черту ли, не въ черту ли, а только городъ.

— Ой, врите вы, врите вы все!—вскакиваетъ кумачная кофта.—Вѣдь они говорятъ—село Пирогово, село,—такъ какой же городъ?

— Да вѣдь это давно было,—пробую я успокоить:—можетъ быть; съ тѣхъ поръ...

— Никогда Пирогово селомъ не бывало, никогда!

— А Жабня рѣка тамъ поблизости есть?—продолжаю я допросъ.

— Какъ же, какъ же,—есть! восклицаютъ всѣ.—Она самая тамъ и есть. Что взяла?—набрасываются онѣ на кофту.

— И все врете, все врете. Молчите, я скажу, молчите, — отбивается та: — онъ говоритъ — село.

— А Жабню слышала?

— Знаешь чай, гдѣ Жабня?

— Ну!

— Ну!

Началась страшная перепалка, шумъ и крикъ. Спорили и кричали всѣ разомъ, такъ что ничего уже разобрать было невозможно, и дѣло кончилось тѣмъ, что одна изъ бабъ высыпала у другой цѣлое корыто сѣмечекъ на землю.

Мы направились къ недалекому отъ стѣнъ берегу Волги, но долго еще отъ монастырскихъ воротъ доносились крики разбушевавшихся торговокъ.

Въ сторонѣ стояли разбросанные домики подмонастырской слободы, составляющей, вмѣстѣ съ монастыремъ, первую часть города.

По дорогѣ намъ встрѣтились двѣ мѣстныя барышни, сопровождаемыя веселыми, сіяющими кавалерами въ смазныхъ сапогахъ. Парни идутъ къ городу, дѣвушки сворачиваютъ въ слободу, они видимо только недавно познакомились.

— Заходите къ намъ, — приглашаютъ дѣвушки: — мы васъ съ мамашей познакомимъ.

— Зайдемъ. А гдѣ вы живете?

— А вотъ этакъ вѣтъ.

— Зайдемъ.

Но вотъ мы и на берегу Волги. На противоположной сторонѣ, въ одинъ рядъ тянутся деревянные домишки, составляющіе окраину города, правѣе церковь и устье какой-то рѣки.

У нашего берега сидитъ въ лодкѣ перевозчикъ.

— Это какая рѣка? — спрашиваемъ мы, указывая вправо, на устье.

— Жабня.

— А за церковью надъ Жабней, должно быть, Пирогово?

— Нѣтъ. Пирогово лѣвѣе церкви. Вотъ дома-то напротивъ, — это оно и есть.

Не успѣли мы приняться за набросокъ Пирогова, какъ на берегу показался рыбоволовъ съ ведромъ и двумя удочками.

— Скажите, пожалуйста, — это Пирогово? Напротивъ, за Волгою?

— Нѣтъ. Пирогово будетъ правѣе отъ церкви, — вонъ гдѣ Жабня.

Мы опять къ перевозчику.

— А это вамъ, господа, лучше у старыхъ людей спросить, — отвѣчалъ онъ. — Я тутъ напротивъ живу, и всегда насъ въ городѣ дразнятъ: эхъ вы, пироговскіе жители! Вотъ я поэтому и сказалъ. А если хотите, вотъ тутъ у насъ напротивъ-то старикъ живетъ, древній, такъ онъ вамъ доподлинно скажетъ.

Онъ перевезъ насъ на другую сторону, поднялся съ нами въ гору и вызвалъ бѣлаго, какъ лунь, старика.

— Пирогово за церковью начинается; надъ Жабней оно, — сказать старикъ. — Еще прежде тамъ монастырскій скотный дворъ былъ, и домовъ въ полугорѣ не было, а стояли, какъ и у насъ, въ одинъ рядъ. Сказываютъ, тамъ когда-то битва была.

— Вотъ мы битву-то и разыскиваемъ.

— Была, была. Въ монастырѣ и ядра остались. Теперь монахи ими воду грѣютъ. А церковь эта у насъ: Илья-пророкъ, а вся наша здѣшняя часть Свистухой прозывается. Первая-то часть гдѣ монастырь, вторая гдѣ соборъ, гдѣ пароходы пристають, а наша-то ужъ третья, въ родѣ какъ пригородъ.

Мы поблагодарили старика и направились откосомъ, мимо церкви къ Пирогову. Скоро мы поровнялись съ устьемъ Жабни, на которой неподалеку устроена мельница; благодаря запрудѣ, вода держится на довольно высокомъ уровнѣ, и мѣстность не имѣетъ того болотистаго характера, о которомъ упоминается въ описаніи битвы, но этотъ характеръ могъ бы получиться и въ наше время, если только уничтожить запруду. Высокій берегъ Волги, вздымающійся надъ ея устьемъ, по мѣрѣ удаленія вглубь быстро понижается, и общая картина береговъ Жабни между Пироговымъ и нынѣшнимъ Колязинымъ (бывшею Никольскою слободою) какъ нельзя болѣе подходитъ къ описанію Палицына.

Перейдя мостъ черезъ Жабню, ведущій въ городъ, мы съ небольшого пригорка сдѣлали набросокъ схематическаго плана и вида окружающей мѣстности.

Вернувшись въ гостиницу, мы хотѣли было заказать обѣдъ, но, взглянувъ на скатерти и сервировку, предпочли лучше удовольствоваться просфорами, купленными въ монастырѣ.

Въ четыре часа въ городскомъ соборѣ ударили къ вечернѣ. На внутреннихъ стѣнахъ собора мы прочли надписи, что онъ построенъ при государяхъ Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ, и что въ 1837 году онъ удостоился посѣщенія покойнаго государя Александра Николаевича, бывшаго тогда еще наслѣдникомъ престола.

Побродивъ еще по площади и полюбовавшись красивымъ видомъ на Волгу и монастырь съ высокаго береговаго откоса, мы уже окончательно не знали, что далѣе дѣлать въ Колязинѣ, и легли спать.

Въ три часа утра насъ разбудилъ свистокъ парохода. Мы поспѣшили на пристань и минутъ черезъ десять уже двигались далѣе внизъ по Волгѣ, которая предстала теперь передъ нами въ новомъ освѣщеніи, вся обвѣянная свѣжестью яснаго, ранняго утра. Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ и скрылось въ дымкѣ прозрачнаго облачка. Мягкая золотистая полоска тянется отъ него вдоль рѣки, гладкой, неподвижной, точно еще не очнувшейся отъ ночной дремоты.

Пароходъ даетъ свистокъ и останавливается. Отъ берега отдѣляется лодка—принять пассажира. Изъ-подъ веселья гребца летятъ не брызги, а трепещущіе свѣтомъ брилліанты. Надъ Волгою клубятся легкія облачка утренняго пара, точно флеромъ прикрывающаго даль и очертанія ближнихъ береговъ.

Солнце поднимается все выше и выше. Лучи его становятся ярче и горячѣе. Туманъ исчезаетъ совершенно, и вдали передъ нами разстилается красавица Волга во всей пышной прелести своего утренняго наряда.

По берегамъ мимо насъ попрежнему плывутъ деревни и села съ каменными церквами, тянутся суда съ грузомъ хлѣба, стекла, досокъ. Встрѣчаются попрежнему и мели, но «Эолина» проходитъ ихъ безъ промѣрки. Она сидитъ гораздо мельче «Сильфиды»; груза на ней мало, а пассажировъ и того меньше. Мы разговорились съ лоцманомъ.

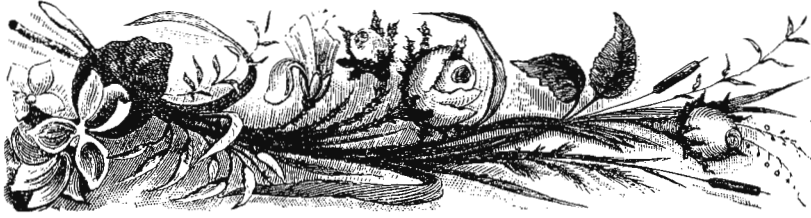
Осадка здѣшнихъ пароходовъ, на примѣръ, «Эолины» безъ груза— 13 — 14 вершковъ, т. е. около двухъ футовъ. Съ грузомъ — вершковъ 18. Грузъ въ 1,500 пудовъ даетъ уже осадку въ 3 фута. Жалованье лоцманамъ полагается не особенно большое,—35 рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи. Замѣчу здѣсь въ скобкахъ, что лоцманъ — главное лицо на пароходѣ. На немъ лежитъ вся отвѣтственность по управленію судномъ, онъ долженъ знать всѣ мели, всѣ изгибы капризнаго фарватера Волги, и, въ большинствѣ случаевъ, капитанъ является только исполнителемъ того, что шепчетъ ему лоцманъ. Въ зимніе мѣсяцы лоцмана остаются, конечно, безъ работы и должны жить на сбереженіе отъ лѣтняго жалованья. Прежде имъ выдавалась пенсія за долголѣтнюю службу, въ размѣрѣ 5 рублей въ мѣсяцъ, но теперь это отмѣнено.

Пароходъ давно уже миновалъ границу Тверской губерніи, — на устьѣ рѣчки Зарубежки, — и вступилъ въ предѣлы Ярославской.

Вотъ на правомъ берегу показалась деревня Новоселка, родина симпатичнаго поэта Ивана Захаровича Сурикова, а наискось отъ нея — каменные стѣны Покровскаго монастыря, лежащаго верстахъ въ 4-хъ отъ конечнаго пункта нашей лѣтней поѣздки.

Еще одинъ поворотъ, и направо заперстрѣли соборы, храмы и монастыри, составлявшіе, казалось, одну сплошную стѣну башенъ, куполовъ и колоколенъ, а черезъ нѣсколько минутъ развернулась цѣликомъ и вся панорама богоспасаемаго града Углича, единственная по красотѣ и своеобразности на всей верхней Волгѣ.

И. Тюменевъ.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРАХОВЪ

Критико-біографическій очеркъ.

I.

НИКОЛАЙ Николаевичъ Страховъ родился 16-го октября 1828 года въ Бѣлгородѣ, старинномъ городѣ Курской губерніи, на границѣ Великороссіи и Малороссіи. Отецъ его, Николай Петровичъ, великороссъ, былъ протоіереемъ и преподавателемъ словесности въ Бѣлгородской семинаріи. Онъ окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, получилъ ученую степень магистра богословія и имѣлъ, кромѣ профессуры, приходъ. Женатъ онъ былъ на малороссіянкѣ, Марѣ Ивановнѣ Савченко, изъ дворянской фамилии. Въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи не рѣдки бывали случаи, что дворяне поступали въ духовное званіе: такъ точно и дѣдъ Страхова со стороны матери, подобно отцу, былъ протоіереемъ въ Бѣлгородѣ. Когда Страхову было всего шесть или семь лѣтъ, отецъ его скончался, и онъ только годъ посѣщалъ мѣстное духовное училище; затѣмъ, вѣроятно, въ 1837 году, мать увезла его и старшаго на годъ брата Петра въ Каменецъ-Подольскъ къ своему брату, бывшему тамъ ректоромъ семинаріи. Въ 1839 году дядя Страхова былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Кострому и взялъ съ собою своихъ родственниковъ. Поступивъ въ 1840 году въ Костромскую семинарію въ «реторику» и перейдя затѣмъ въ «философію» (съ двухлѣтнимъ курсомъ каждая), Страховъ рѣшилъ переѣхать въ Петербургъ и поступить въ университетъ.

О семинаріи, въ которой онъ провелъ свои школьные годы, Страховъ нерѣдко вспоминалъ съ большой любовью и благодар-

ностью, особенно подробно въ его неоконченныхъ и еще ненапечатанныхъ «Воспоминаніяхъ о ходѣ философской литературы» — статьѣ автобіографическаго характера, наряду съ прочими «біографическими свѣдѣніями» переданной покойнымъ пишущему эти строки для составленія настоящаго очерка, давно уже задуманнаго и подготовлявшагося. Семинарія помѣщалась въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. «Это былъ бѣднѣйшій и почти опустѣвшій монастырь: въ немъ было, кажется, не болѣе восьми монаховъ; но это былъ старинный монастырь, основанный еще въ XV вѣкѣ. Стѣны его были облуплены, крыши по мѣстамъ оборваны; но это были высокія крѣпостныя стѣны, на которыя можно было всходить, съ башнями по угламъ, съ зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Вездѣ были признаки старины: тѣсная соборная церковь съ темными образами, длинныя пушки, лежавшія кучей подъ нижнимъ открытымъ сводомъ, колокола со старинными надписями. И прямое продолженіе этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотенъ подростковъ, сходявшихся сюда для своихъ умственныхъ занятій. Пусть все это было бѣдно, лѣнливо, слабо; но все вмѣстѣ имѣло совершенно опредѣленный смыслъ и характеръ, на всемъ лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, какъ подобаеть жизни, имѣетъ внутреннюю цѣльность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накопленію жизненныхъ элементовъ, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу». А бѣдность и скудость этой семинарской жизни были во всякомъ случаѣ необычайны. «Даже учебныя книги были рѣдки. Общаго употребленія печатныхъ учебниковъ не существовало: такіе учебники были бы даже и не по средствамъ большей части учащихся, дѣтей бѣднаго сельскаго духовенства, которые часто приходили въ классы лѣтомъ въ крашенинныхъ халатахъ, а зимою въ нагольныхъ тулупахъ и лаптяхъ». Преподаваніе въ костромской семинаріи велось, какъ и во всѣхъ другихъ, «въ долбяшку», «съ энтихъ до энтихъ». Занятія учениковъ, при всей скукѣ и мертвенности буквальнаго затверживанья, были, по существу дѣла, а главное по размѣрамъ уроковъ, совершенно пустышныя, свободнаго времени у мало-мальски способныхъ было неизмѣримо больше, чѣмъ занятаго, а бѣдность и скука семинарской жизни налагали свой безотрадно грубый и низменный характеръ на способы убиванія этого времени. «Мнѣ странно вспомнить однако», пишетъ Страховъ, «что, не смотря на наше бездѣйствіе, не смотря на повальную лѣнь, которой предавались и ученики, и учащіе, какой-то живой умственный духъ не покидалъ нашей семинаріи и сообщился мнѣ. Уваженіе къ уму и наукѣ было величайшее; самолюбія на этомъ поприщѣ разгарались и соперничали безпрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всякомъ удобномъ поводѣ;

писались иногда стихи, разсужденія, передавались разсказы объ удивительныхъ подвигахъ ума, совершавшихся архіереями, въ академіяхъ и т. д. Словомъ, у насъ господствовала очень живая любовь къ учености и глубокомыслію, но, увы, любовь почти совершенно платоническая, только издали восхищающаяся своимъ предметомъ».

«Наши умы и души имѣли, впрочемъ, свое опредѣленное содержаніе, именно, были проникнуты религіозными представленіями. Невѣрующихъ и вольнодумцевъ у насъ вовсе не было, и мы были твердо убѣждены, что отрицаніе религіи есть крайняя уродливость, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся въ родѣ человѣческомъ. Мы вполне испытали на себѣ вліяніе религіи, мы были воспитаны подъ ея верховнымъ руководствомъ». — «Религіозныя представленія», говоритъ онъ нѣсколько далѣе, «ставятъ насъ въ такія отношенія ко всему остальному бытію, передъ которыми мелки и ничтожны всякія другія отношенія. Жизнь обращается въ глубокую драму, въ поприще роковой борьбы. вмѣсто безцѣльнаго существованія, проводимаго среди будничныхъ нуждъ и будничныхъ радостей, человѣку предлагается подвигъ и указывается впереди или жестокая гибель, или безцѣнная награда. И все то, что было, что есть и что будетъ, получаетъ видъ несравненнаго величія и яркости. Даются представленія о существахъ бесконечно высокихъ и прекрасныхъ, въ которыхъ самыя возвышенныя идеалы составляютъ дѣйствительность. Опредѣляется весь ходъ и смыслъ бытія; извѣстно начало всего міровданія и начало человѣческой исторіи, извѣстенъ и конецъ ея, и то устье, которымъ она нѣкогда впадетъ въ свѣтлый океанъ вѣчности. По истинѣ, религія, если взять ее со стороны чувства и понятій, составляетъ дѣйствительное доказательство благородства души человѣческой, и если бы мы вообразили себѣ человѣчество безъ религіи, то намъ пришлось бы его понизить почти до степени животныхъ».

Вторымъ основнымъ элементомъ умственного содержанія семинарской жизни былъ патріотизмъ. «Въ нашемъ глухомъ монастырѣ мы росли, можно сказать, какъ дѣти Россіи. Не было сомнѣнія, не было самой возможности сомнѣнія въ томъ, что она насъ породила и питаетъ, что мы готовимся ей служить и должны оказывать ей всякій страхъ и всякую любовь». Въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ ¹⁾ Стрховъ еще точнѣе высказался по этому поводу. «Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствахъ безграничнаго патріотизма,— пишетъ онъ;— я росъ вдали отъ столицъ, и Россія всегда являлась мнѣ странною, исполненною великихъ силъ, окруженною несравненною славою, первою странною въ мірѣ, такъ что я въ точномъ смыслѣ слова благодарилъ Бога за то, что родился рус-

¹⁾ Собр. соч. Достоевскаго, изд. 1888 года, т. I, стр. 248.

скимъ. Поэтому я долго потомъ не могъ даже вполне понимать явленій и мыслей, противорѣчившихъ этимъ чувствамъ; когда же я наконецъ сталъ убѣждаться въ презрѣніи къ намъ Европы, въ томъ что она видитъ въ насъ народъ полуварварскій, и что намъ не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытіе было мнѣ невыразимо больно, и боль эта отзывается до сегодня». «Настоящій, глубокій источникъ патріотизма,— заканчиваетъ Страховъ свои воспоминанія о семинаріи,— есть преданность, уваженіе, любовь — нормальныя чувства человѣка, растущаго въ естественномъ единеніи со своимъ народомъ. Хорошо или дурно, много или мало, но именно эти чувства воспитывала въ насъ наша бѣдная семинарія».

Таковы были обстоятельства и условія, при которыхъ будущій писатель получилъ свое первоначальное образованіе и воспитаніе. Ихъ вліяніе было чрезвычайно глубоко и разнообразно. Прежде всего монастырская жизнь и семинарское развитіе выработали въ Страховѣ его личный характеръ или то, что называютъ обыкновенно характеромъ: приемы обращенія съ людьми и предметами, отношенія къ мнѣніямъ и системамъ, къ искусству и наукѣ. И въ личномъ обхожденіи покойнаго, и въ строѣ его жизни, и во всей его біографіи было много аскетическаго, много знакомаго каждому, кто хоть поверхностно наблюдалъ характеръ и особенности православнаго монашества. Всегда неизмѣнно деликатный и благодушный, мягкій и вѣжливый, но уклончивый, такъ же скупой на выраженіе своихъ симпатій, какъ и антипатій, старающійся всѣ свои настроенія и впечатлѣнія скрасить шуткой и смѣхомъ, по возможности не высказывающій своего мнѣнія и съ величайшимъ вниманіемъ выслушивающій во всѣхъ подробностяхъ всякую чужую мысль, никогда не направляющій разговора въ ту или другую сторону, но всегда идущій за своимъ собесѣдникомъ, охотно подтрунивающій, но никогда не допускающій себя обмолвиться ни однимъ рѣзкимъ, грубымъ или неумѣстно игривымъ словомъ—такимъ вспоминаютъ его съ невольной любовью всѣ, кто лично зналъ Страхова. Онъ обо всемъ рѣшительно бесѣдовалъ такимъ тономъ, какъ монахъ говорить съ міряниномъ о свѣтскихъ дѣлахъ и вопросахъ, тщательно избѣгая даже малѣйшимъ намекомъ обнаружить хоть что нибудь изъ внутренняго быта и обихода своего монастыря. О себѣ самомъ Страховъ почти никогда не говорилъ, даже мѣстоименіе я проскальзывало у него въ разговорѣ, какъ и въ сочиненіяхъ, только въ видѣ исключенія. Комфортъ, удовольствія и удобства жизни для него, можно сказать, не существовали; онъ замѣнялъ ихъ только рѣдкой чистотой, аккуратностью и порядкомъ. Въ его домъ вы входили, какъ въ келлію какого нибудь монастырскаго бібліотекаря: портреты хозяина, подаренные ему на память художниками, портреты и бюсты двухъ, трехъ писателей, двѣ три картинки, дорогія,

какъ воспоминанія дѣтства, и полки съ книгами: вотъ вся его обстановка. Нѣсколько стульевъ предназначалось для гостей; остальная мебель допускалась лишь какъ приборъ для помѣщенія книгъ. Книги «значили очень много въ его жизни», какъ онъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ. Приобрѣтеніе книгъ было единственнымъ «свѣтскимъ удовольствіемъ», спортомъ, охотой этого мірскаго монаха. Составленная имъ бібліотека поражала всякаго обозрѣвателя систематичностью, обдуманностью подбора, разнообразіемъ, богатствомъ и полнымъ содержаніемъ. Въ мышленіи, разговорахъ, въ своихъ произведеніяхъ онъ опять-таки отличался той чисто монашеской, почти наивной серіозностью, съ которой взвѣшивалъ каждую высказанную ему мысль, каждое прочитанное имъ мнѣніе, тѣмъ глубокимъ и непосредственнымъ восторгомъ, тѣмъ простодушнымъ и искреннимъ любопытствомъ, съ которыми готовъ былъ восхищаться каждымъ оригинальнымъ взглядомъ или сужденіемъ, каждымъ мало-мальски даровитымъ произведеніемъ науки или искусства, наконецъ каждымъ проблескомъ таланта вообще, въ чемъ бы тотъ ни проявился. Даже манеры, обороты рѣчи, самая наружность его напоминали типичнаго великорусскаго монаха.

Въ равной мѣрѣ съ личнымъ характеромъ отразились воспитаніе и образованіе Страхова въ томъ, что въ писателѣ соотвѣтствуетъ характеру въ человѣкѣ, а именно въ его стилѣ. Неопредѣленно уклончивая мягкость этого стиля при совершенной точности, ясности и чистотѣ языка сообщаетъ произведеніямъ Страхова удивительную внѣшнюю оригинальность. Полная простота и общедоступность изложенія неотъемлемо свойственны этимъ самымъ простымъ книгамъ о самыхъ мудреныхъ и темныхъ вопросахъ. Онъ вѣжливъ и деликатенъ съ мыслями и мнѣніями, какъ съ людьми, не обнаруживая притомъ ни тономъ, ни отношеніемъ къ нимъ своего согласія или несогласія. Насмѣшки, желчи въ нихъ нѣтъ и помина, хотя читатель очень часто встрѣчается съ тонкой, осторожной, но тѣмъ болѣе мѣткой и ѣдкой ироніей. Эта иронія смѣшитъ читателя не насчетъ чужихъ промаховъ или недостатковъ, а именно тѣмъ, что съ безжалостнымъ безпристрастіемъ раскрываетъ смѣхотворную сущность этихъ недостатковъ и промаховъ. Въ своеобразной разсудительности его шутокъ особенно ярко проявляется основная манера Страхова: онъ всегда писалъ простодушно, хотя разсуждалъ хитроумно. Онъ писалъ какъ будто не тѣми словами, какими думалъ. Осторожность и отвлеченность, прозрачность выраженій, слишкомъ художественныя, чтобы напоминать мертвенный канцелярскій стиль, и въ то же время слишкомъ свѣтскія, чтобы вполне приближаться къ манерѣ письма современныхъ церковныхъ писателей, такъ изысканны и въ то же время просты у Страхова, до такой степени предоставляютъ читателя мыслямъ автора, ничего ему не подсказывая слогомъ, что многіе склонны

смѣшивать ихъ съ неискренностью. «Нѣтъ на свѣтѣ писателя, который бы такъ старался и такъ умѣлъ скрыть отъ читателя свою мысль, какъ Страховъ», воскликнуть какъ-то одинъ тонкій и глубокий знатокъ русской словесности; но эта забавная шутка едва ли нуждается въ опроверженіи. Намъ просто непривыченъ монашескій тонъ Страхова въ примѣненіи къ свѣтскимъ вопросамъ и предметамъ, и потому даже до сихъ поръ лишь немногіе понимаютъ, что церковная стилистика дала русской литературѣ въ лицѣ Страхова одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ прозаиковъ. То, въ чемъ иные склонны видѣть хитрость или лукавство, было въ сущности величайшей добросовѣстностью, учтивостью мысли этого аскета стилистики.

Далѣе, въ самой литературной техникѣ Страхова нельзя не признать глубокаго вліянія школы духовнаго краснорѣчія. Оно ярче всего сказывается въ удивительной чистотѣ его языка, въ умѣнни избѣгать съ одной стороны иностранныхъ, съ другой—вообще безвкусныхъ, маерныхъ и неточныхъ словъ, вообще выраженій, не соответствующихъ свойствамъ и характеру обсуждаемыхъ имъ предметовъ, безъ всякаго ущерба для ясности и выразительности даже мельчайшихъ и тончайшихъ отгѣнковъ его мысли. Кромѣ того, лексиконъ Страхова—чрезвычайно богатый—изобилуетъ замѣчательно удачными заимствованиями изъ языка современныхъ церковныхъ писателей. Особенно поучительны достоинства этихъ приѣмовъ въ его переводахъ—лучшихъ переводахъ научныхъ сочиненій на русскій языкъ, какіе существуютъ. Крайне характерно также стремленіе Страхова къ общедоступности изложенія, положительно несравненной у него, особенно при сопоставленіи его работъ—гдѣ возможно—съ произведеніями другихъ писателей по философскимъ или научнымъ вопросамъ. Но, быть можетъ, всего благотворнѣе и сильнѣе выразилось вліяніе школы духовнаго краснорѣчія въ обработанности, законченности, художественности сочиненій Страхова, болѣе чѣмъ непривычныхъ для русскаго читателя въ не-беллетристической прозѣ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ художникъ самый добросовѣстный и тщательный и многія его страницы, посвященныя химіи, фізіологіи, психологіи, газетнымъ рецензіямъ даже,—просто неподобны въ эстетическомъ отношеніи совершенно даже независимо отъ ихъ высокаго научнаго достоинства. Онъ обдумывалъ и обрабатывалъ всѣ свои даже мельчайшія замѣтки съ тою же старательностью, какъ иной поэтъ свои лирическія стихотворенія. Онъ предпочиталъ вовсе не писать, чѣмъ писать кое-какъ, наскоро, и потому свои статьи смѣло могъ переиздавать безъ всякихъ измѣненій въ отдѣльныхъ книжкахъ и сборникахъ. Ни ихъ содержаніе, ни ихъ форма не лишали ихъ общаго, долговѣчнаго значенія; онѣ всѣ, по выраженію Достоевскаго, были «писаны для полнаго собранія сочиненій».

Въ-четвертыхъ, наконецъ, происхождение и первоначальное образование и воспитаніе Стрхова обусловили весь дальнѣйшій ходъ его развитія, всю его дальнѣйшую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить нѣкоторой біографической параллели между Стрховымъ и Ренаномъ, о которомъ покойный оставилъ такія превосходныя статьи, полныя самой глубокой любви къ этому замѣчательному писателю и составляющія самую безжалостную критику на главныя основы его воззрѣній. Къ Стрхову вполне можно примѣнить многое изъ того, что самъ онъ говоритъ о Ренанѣ, получившемъ послѣ революціи 1830 года такое же клерикальное воспитаніе и обученіе, какое давалось и за двѣсти лѣтъ до того въ самыхъ строгихъ религіозныхъ обществахъ, и впослѣдствіи какъ будто вдругъ перескочившемъ черезъ два столѣтія въ свою современность¹⁾. Какъ и Ренанъ, и даже въ еще большей степени, чѣмъ онъ, Стрховъ не былъ современникомъ своего вѣка. Въ его лицѣ какъ будто ожилъ для нашего легковѣснаго, поверхностнаго и утонченнаго столѣтія какой нибудь ученый мнихъ XIV—XV вѣка, простодушный, положительный и серьезный. Его добросовѣстное, пытлиое отношеніе къ жизни и наукѣ является теперь чуть ли не наивностью; но эта наивность и есть та самобытность, которая восхищаетъ насъ въ характерахъ и умахъ древности, и которой мы сами такъ неуловимо лишились. Такіе умы, какъ онъ,—ихъ можно пересчитать по пальцамъ,—тѣ немногіе праведники, которые спасутъ нашъ XIX вѣкъ отъ полнаго осужденія исторіей. Великая французская революція и всѣ порожденные ею дезорганизующіе (такъ называемые «освободительные») перевороты и преобразованія разнуздали стихійные инстинкты народовъ запада. Героическое прошлое, героическая исторія, героическая политика, героическая наука, героическое искусство стали достояніемъ толпы, превратились въ площадную исторію, площадную политику, площадную науку, площадное искусство. Геніевъ замѣнила толпа. Охлократія духа стала господствующимъ строемъ, теченіемъ вѣка. Лавина площаднаго демократизма впервые хлынула на Европу въ 1789 году и своими громовыми перекатами, непрерывно длившимися въ теченіе цѣлаго столѣтія, пошатнула и разстроила ея лучшіе умы. Однихъ она раздробляла и размальывала на мелочи газетной публицистики; другіе, не выдержавъ напора модныхъ ученій и системъ, сорвались, какъ оторванныя лавиною скалы, и стали страшнымъ орудіемъ разрушенія въ общей массѣ обломковъ великаго духовнаго обвала; иные, какъ, напримѣръ, на нашихъ глазахъ гр. Л. Н. Толстой, долго соблюдавшіе свою духовную независимость и самобытность, въ старческомъ ослабленіи безсильно поддались потоку вѣка и постыдно падаютъ въ ничтожную современность; мало было такихъ, которые,

¹⁾ «Ворьба съ Западомъ», кн. I-я, стр. 404—405.

какъ Страховъ, не только не уступили всеобщему направленію, но какъ незыблемыя скалы, разрѣзающія острыми вершинами грохочущую лавину, не могли даже признать серіозности ея стремленія, которые только смѣялись и удивлялись чудовищному разрушенію и всеобщему отрицанію, скептицизму, неустойчивости и самоувѣренной подвижности девятнадцатаго вѣка. И безспорно, что въ костромской семинаріи, этомъ «бѣдномъ, лѣнливомъ, слабомъ» училищѣ, Страховъ получилъ начатки того своеобразнаго закала духа, того отношенія къ міру, людямъ, наукѣ и ея ученіямъ, которые составляютъ его лучшую славу и величайшую заслугу.

II.

Тотъ «живой умственный духъ» костромской семинаріи, о которомъ Страховъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, безспорно дѣйствовалъ въ его лицѣ на предрасположенную и богато одаренную натуру; обстановка же семинарская очевидно не могла ей дать той духовной пищи, которой требовала природная пытливость его ума. Подъ влияніемъ этихъ обстоятельствъ Страховъ рѣшилъ обратиться къ источнику обширныхъ и общихъ знаній—къ университету. То свободное отъ учебныхъ занятій время, котораго такъ много оставалось въ семинаріи, будущій писатель посвятилъ на осуществленіе своей мысли и самъ, безъ всякой посторонней помощи, успѣлъ подготовиться къ экзамену. Осенью 1844 г. онъ былъ вызванъ дядею въ Петербургъ и съ января 1845 г. зачисленъ вольнослушателемъ по камеральному (соотвѣтствовалъ теперешнему юридическому) факультету, а въ августъ того же года держалъ вступительный экзаменъ и поступилъ студентомъ на математическое отдѣленіе. «Мнѣ хотѣлось собственно изучать естественныя науки»,—пишетъ Страховъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ»,— «но я поступилъ на математику, какъ на ближайшій къ нимъ предметъ, чтобы имѣть возможность получать стипендію, и получалъ ее—по 6 рублей въ мѣсяцъ». Но такъ дѣло продолжалось только годъ. Страховъ разсорился съ своимъ дядею, а тотъ нажаловался на него попечителю, и въ результатѣ Страховъ лишился и стипендіи, и пріюта. Безъ всякой помощи пробылся онъ кое-какъ полтора года, запустилъ свои занятія и рѣшился наконецъ перейти въ главный педагогическій институтъ на казенный счетъ.

Недолгое и грустное пребываніе въ университетѣ имѣло, однако же, огромное значеніе для юноши, начавшаго свою умственную жизнь въ глухой провинціи. «Въ знаменитомъ университетскомъ корридорѣ мнѣ доводилось слышать то разсужденія о томъ, что вѣра въ Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системѣ Фурье и увѣренія въ ея непремѣнномъ осуще-

ствленіи. А мелкая критика религіозныхъ понятій и существующаго порядка была ежедневнымъ явленіемъ. Профессора рѣдко позволяли себѣ вольнодумные намеки и дѣлали ихъ чрезвычайно сдержанно; но товарищи сейчасъ же объясняли мнѣ смыслъ намековъ. Одинъ изъ университетскихъ моихъ пріятелей былъ очень хорошимъ моимъ руководителемъ въ этой области. Онъ объяснял мнѣ направленія журналовъ, растолковалъ, какой смыслъ придается стихотворенію «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», рассказывалъ сужденія и рѣчи болѣе зрѣлыхъ людей, отъ которыхъ самъ научился своему вольнодумству. Такимъ образомъ уже тогда я вполнѣ ознакомился съ этою сокровенною мудростью и, когда, спустя десять или болѣе лѣтъ, она стала все яснѣй и громче высказываться въ литературѣ, она уже ничуть не была для меня новостью. Говорю, конечно, о самомъ принципѣ этого направленія, о немногосложной формулѣ отрицанія. Символь вѣры отрицателей, какъ извѣстно, очень простъ и иногда состоитъ лишь изъ двухъ краткихъ членовъ: Бога нѣтъ, а царя не надо.—Отрицаніе и сомнѣніе, въ сферѣ которыхъ я попалъ, сами по себѣ не могли имѣть большой силы. Но я тотчасъ увидѣлъ, что за ними стоитъ положительный и очень твердый авторитетъ, на который они опираются, именно—авторитетъ естественныхъ наукъ. Ссылки на эти науки дѣлались непрерывно; материализмъ и всяческій нигилизмъ выдавались за прямые выводы естествознанія. И вообще твердо исповѣдывалось убѣжденіе, что только натуралисты находятся на вѣрномъ пути познанія и могутъ правильно судить о самыхъ важныхъ вопросахъ. Итакъ, если я хотѣлъ «стать съ вѣкомъ наравнѣ» и имѣть самостоятельное сужденіе въ разногласіяхъ, которыя меня занимали, мнѣ нужно было ознакомиться съ естественными науками. Такъ я и рѣшилъ сдѣлать, ни за что не отступалъ отъ своего рѣшенія и понемногу привелъ его въ исполненіе. Хотя математическій факультетъ—ближайшій къ естественному, мнѣ очень жаль было такого отклоненія отъ прямой линіи. Но дѣло потомъ поправилось».

Таковы первыя два существенно важныя жизненныя рѣшенія будущаго писателя: поступленіе въ университетъ и выборъ факультета. Нельзя не признать въ нихъ обоихъ характернѣйшихъ особенностей умственнаго склада Стрхова: въ дѣлающемъ первые шаги юношѣ мы вполнѣ узнаемъ того умудреннаго опытомъ и горемъ старца, котораго такъ недавно опустили въ могилу. Анализъ и изученіе умственныхъ авторитетовъ, воинствующія утвержденія которыхъ нарушаютъ стройность установившагося въ душѣ міровоззрѣнія, эта «борьба съ западомъ» въ защиту «міра, какъ цѣлаго», уже сказываются въ независимыхъ рѣшеніяхъ юноши. Въ намѣреніи посвятить себя изученію именно того, что грозитъ душевному миру и дорогимъ идеаламъ, слышится готовность ума къ высшему безпристрастію, готовность отказаться отъ идеаловъ, но

только если они вполне и несомненно опровергнуты, и притомъ только замѣнивъ ихъ новыми, неопровержимыми идеалами, до тѣхъ же поръ неотступно держаться за тѣ, которые любовно усвоены душою. Въ отношеніи къ послѣднимъ онъ сразу ставитъ себя и затѣмъ въ теченіе всей своей дѣятельности остается какъ бы въ положеніи юриста, защищающаго владѣніе независимо отъ вопроса о собственности. Наконецъ въ его рѣшеніяхъ мы прямо узнаемъ его отношеніе къ наукѣ, которое характеризуетъ всю его сорокалѣтнюю литературную дѣятельность. Выйти изъ семинаріи и поступить въ университетъ его побуждаетъ не разладъ съ окружающимъ міромъ, не недовольство средою, но чистая жажда знанія, притомъ жажда совершенно неопредѣленная: онъ не сразу находитъ свои научные интересы, колеблется въ выборѣ факультета. Тотъ естественный патріотизмъ, которымъ онъ былъ проникнутъ съ дѣтства, внушаетъ ему вначалѣ намѣреніе изучать политическія науки, и онъ поступаетъ на камеральный (юридическій) факультетъ; но вскорѣ уязвленное религіозное чувство влечетъ его въ станъ враждебныхъ авторитетовъ и не какъ обезоруженнаго плѣнника, но какъ пытливаго и безпристрастнаго развѣдчика. Такимъ образомъ наука является не основнымъ элементомъ его міросозерцанія, а только школой и поприщемъ умозрѣнія; наука—мастерская, но не храмъ его духа. «Наука есть дѣло великое,—писалъ онъ¹⁾,—хотя и не наилучшее и не наивысшее изъ человѣческихъ дѣлъ». И вотъ, исходя еще въ юности изъ этой точки зрѣнія, Страховъ своимъ выборомъ факультета какъ бы практически разрѣшилъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ всякаго умозрѣнія—вопросъ объ іерархіи задачъ духа. Такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса всецѣло обуславливается самой основной сущностью міровоззрѣнія каждаго мыслителя, то здѣсь необходимо, по естественной связи дѣла, выяснить, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, эту основную сущность міровоззрѣнія Страхова.

Основной, положительный критерій, которой подымалъ этотъ тонкій и глубокий умъ выше философіи и науки, сводился къ стройному и гармоничному нравственному идеалу, который самъ Страховъ характеризовалъ понятіемъ святости. Познаніе не являлось для него мѣриломъ бытія, а лишь однимъ изъ его соподчиненныхъ элементовъ, однимъ изъ поприщъ примѣненія инаго, высшаго мѣрила. Задача земнаго существованія—внутреннее совершенство, внутренняя цѣльность духа, достигаемая не отдѣльными моментами, а, такъ сказать, всѣмъ планомъ дѣятельности и жизни. Мало для этого справедливости, мало милосердія: предѣльная вершина бытія можетъ быть достигнута человѣкомъ только въ святости. «Святость именно въ

¹⁾ «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 9.

томъ и состоятъ», пишетъ Стрховъ¹⁾, «что человекъ становится выше своихъ желаній, своей природы, и выше смерти и всякаго страданія. Это полная чистота души и полная преданность волѣ Божіей. Когда у человека нѣтъ своихъ желаній, нѣтъ заботы и страха, онъ смотритъ на все, какъ безплотный духъ, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія вѣчности; тогда онъ какъ будто «вновь рождается», и въ душѣ его открываются источники лучшей жизни, вполне чистыхъ чувствъ и силъ. Болѣзнь, страданія и смерть составляютъ для такого человека только поводъ и побужденіе подняться въ область святости, отрѣшиться отъ себя и отъ міра. Ищущіе святости часто съ радостью встрѣчаютъ эти поводы и даже ищутъ всякихъ лишеній, чтобы воспитывать въ себѣ духъ чистоты». Этотъ «духъ чистоты» — вотъ высшее совершенство бытія въ глазахъ Стрхова. Стремленіе къ такому же идеалу находилъ онъ между прочимъ въ основѣ всей художественной дѣятельности графа Л. Н. Толстого и въ этомъ стремленіи видѣлъ ея главное достоинство, ея главную силу. «Всѣмъ теперь очевидно», писалъ онъ²⁾, «что, отъ самаго начала, сочувствія Толстаго устремлялись къ простому и доброму, что эта освобожденная душа, умѣющая видѣть жизнь не въ отвлеченныхъ формахъ и не съ частныхъ точекъ зрѣнія, а во всей ея полнотѣ и цѣльности, упорно доискивается истинной жизни среди всякаго рода фальшивыхъ явленій, и что она находитъ ее только въ томъ, что представляетъ самую чистую нравственную красоту, что бываетъ просто и смиренно до самоуничженія и въ то же время твердо и спокойно до степени величайшаго великодушія. Пусть это называютъ пантеизмомъ, или фатализмомъ, или буддизмомъ, но во всякомъ случаѣ пусть признаютъ, что это путь, идущій къ Богу». Нѣсколькими строками далѣе онъ разъясняетъ еще болѣе широкое значеніе этого идеала: «Это та самая форма нравственныхъ понятій, которую внушило нашему народу христіанство, или, если угодно, та, въ которую нашъ народъ воплотилъ религіозныя понятія. Оттого по своему качеству онъ (гр. Л. Н. Толстой) писатель несравненный и единственный, стоящій на высотѣ, которую теперь намъ даже трудно и опредѣлить». Эти отзывы, однако же, въ той же мѣрѣ приложимы и къ произведеніямъ Стрхова, и даже, быть можетъ, въ гораздо болѣе, чѣмъ къ сочиненіямъ Толстаго, если только не упускать изъ вида глубокой разницы поприщъ, на которыхъ они трудились. Въ особенности необходимо подчеркнуть народность такого взгляда на жизнь и слѣдовательно возможность противопоставить его, какъ положительное воззрѣніе, воззрѣніямъ если не всѣхъ, то подавляющаго большинства мыслителей Запада, стремящихся во главу угла положить не нравственный идеаль, а умозрѣніе.

1) «Воспоминанія и отрывки», стр. 211.

2) «Критическія статьи о Тургеневѣ и графѣ Л. Н. Толстомъ», изд. 8, стр. XVIII.
«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1896 г., т. LXIV.

Итакъ, внутренняя уравнивленность духа, а не дознаніе научной или философской истины составляетъ вѣнецъ разумнаго бытія; вмѣстѣ съ тѣмъ не философія или наука служатъ этой уравнивленности источникомъ или опорой: онѣ лишь вершины земли, тѣ горныя скалы, на которыя волею опускается свободно парящій духъ; его равновѣсіе, его жизнь должны быть въ немъ самою. Знаніе и наука составляютъ лишь его свободную отраду, а не мучительный трудъ въ болѣзненномъ познаниі добра и зла. Міръ и его твари были показаны и названы радостному духу Адама до его грѣхопаденія, которое началось съ того мгновенія, какъ онъ рѣшилъ обосновать на личномъ умозрѣніи идеалы добра и признаки зла. Ясное дѣло, что такое опускающееся въ міръ, а не ищущее въ немъ опоры міровозрѣніе должно быть названо по преимуществу религіознымъ: не въ этомъ ли и разгадка тому, что Страховъ одинъ въ нашемъ столѣтіи сумѣлъ достаточно глубоко заглянуть въ сущность философіи Шопенгауера, чтобы уловить въ ней скрытое вѣяніе религіознаго духа? Замѣтимъ однако же, что религіозность міровозрѣнія отнюдь еще не предполагаетъ своей непремѣнной основой какого нибудь положительнаго религіознаго ученія: доказательствомъ можетъ служить та же самая религіозная, но атеистичная система Шопенгауера. Потому въ равной степени для насъ не настоятъ ни малѣйшей необходимости приводить Страховскій идеалъ святости въ зависимость отъ того или другаго догматическаго вѣроученія, разъ самъ писатель призналъ возможнымъ оставить эту зависимость открытымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что его идеалъ вполнѣ удовлетворительно мирится съ всякимъ вообще вѣроученіемъ. Съ другой стороны, однако же, если мы и оставимъ этотъ вопросъ открытымъ, то передъ нами возникаетъ другой, не менѣе существенный — объ отношеніи къ этому идеалу самого писателя и причинъ обязательности этого идеала. Это отношеніе, разъ Страховъ не опирается (по крайней мѣрѣ, какъ писатель) въ служеніи своему идеалу на авторитетъ верховнаго бытія и нравственнаго въ отношеніи къ нему долга, должно быть признано не столько религіознымъ, сколько эстетическимъ. Святость обязательна и необходима потому, что прекрасна. Жизненную силу ея Страховъ ищетъ не въ разумности, такъ какъ не умозрѣніе кладетъ основой міровозрѣнія, и не въ долгѣ, ибо не опирается на какія либо требованія религіи; слѣдовательно достаточное основаніе бытія (т. е. достиженія) святости коренится въ ея красотѣ, ибо только съ точки зрѣнія подчиняющей волю или интеллектъ красоты святость можетъ быть признана идеаломъ самодовлѣющимъ,

Wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer sammt der Schöpfung.

Прибавимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни одна строка произведеній Страхова не даетъ повода и права къ провозглашенію его атеистомъ,

къ чему склонны— правда, покуда лишь на словахъ, а не въ печати— нѣкоторые изобличенные имъ фарисеи.

Слѣдовательно, эстетичность— вотъ основная черта, коренная сущность мировоззрѣнія Стрхова. Не трудно убѣдиться, что во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества, которыя привлекали къ себѣ интересъ и вниманіе Стрхова, онъ всегда былъ и остался прежде всего и послѣ всего эстетикомъ. То, что во внутреннемъ мірѣ человѣка является уравновѣшенностью духа, то во внѣшнемъ мірѣ представляется намъ, какъ гармоническая или органическая цѣльность. Естественно поэтому, что писатель, основное настроеніе котораго составляетъ этическое равновѣсіе духа, искалъ такой цѣльности въ мірѣ и въ человѣческомъ творествѣ, то-есть философіи, наукѣ и искусствѣ. Что касается прежде всего мірозданія, то свою идею о немъ Стрховъ изложилъ съ рѣдкой для него категоричностью на одной изъ первыхъ же страницъ своей первой по времени книги ¹⁾. Вотъ это мѣсто цѣликомъ: «Міръ есть цѣлое, то-есть онъ связанъ во всѣхъ направленіяхъ, въ какихъ только можетъ его разсматривать нашъ умъ. Міръ есть единое цѣлое, то-есть онъ не распадается на двѣ, на три или вообще на нѣсколько сущностей, связанныхъ независимо отъ ихъ собственныхъ свойствъ. Такое единство міра можно получить не иначе, какъ одухотворивъ природу, признавъ, что истинная сущность вещей состоитъ въ различныхъ степеняхъ воплощающагося духа. Міръ есть связанное цѣлое, то-есть всѣ его части и явленія находятся во взаимной зависимости. Въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго, никакихъ особыхъ началъ, никакихъ простыхъ тѣлъ, никакихъ атомовъ; нѣтъ самостоятельныхъ, отъ вѣка различныхъ силъ, нѣтъ ничего неизмѣннаго, само-по-себѣ существующаго. Все въ зависимости и все течетъ, какъ говорилъ еще Гераклитъ. Міръ есть стройное цѣлое, или, какъ говорятъ, гармоническое, органическое цѣлое. То-есть, части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены, представляютъ правильную лѣстницу, пирамиду, всего лучше сказать— іерархію существъ и явленій. Міръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшія и низшія, и отношеніе между этими частями таково, что онѣ представляютъ гармонію, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое, въ которомъ нѣтъ ничего ни лишняго, ни бесполезнаго. Міръ есть цѣлое, имѣющее центръ; именно, онъ есть сфера, средоточіе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ бытія. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мірозданія. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направленіямъ связей, соединяющихъ міръ въ одно цѣлое; онъ есть главная сущность, главное явленіе и главный органъ міра. Вотъ нѣсколько общихъ положеній того

¹⁾ «Міръ, какъ цѣлое», изд. 2-е, стр. VII—VIII.

взгляда, который развивается въ (настоящей) книгѣ («Миръ, какъ цѣлое»). Главное содержаніе ея состоитъ впрочемъ не въ картинѣ міра, изображенной съ этой точки зрѣнія, а въ такомъ анализѣ явленій природы и ученій естественныхъ наукъ, который показываетъ, что миръ, какъ цѣлое, есть главная руководящая идея въ изслѣдованіи природы, та мысль, къ которой необходимо приводить правильный ходъ науки въ каждомъ частномъ случаѣ».

Относительно эстетичности воззрѣній Страхова на философію, науку и искусство не приходится говорить въ данномъ случаѣ особенно подробно, такъ какъ ниже эти воззрѣнія будутъ развиты съ надлежащею полнотой. Подъ крыломъ науки миръ представлялся ему такимъ же стройнымъ и гармоническимъ цѣлымъ, какъ любое произведеніе художественнаго творчества. Самая наука являлась передъ нимъ, какъ художественное цѣлое, передъ которымъ онъ стоялъ въ качествѣ зрителя, желающаго охватить это цѣлое одною стройною мыслью. Даже въ области философіи онъ относился къ системамъ, какъ къ «лирическимъ поэмамъ», какъ къ «готическимъ соборамъ»¹⁾; считая, что въ каждомъ изъ этихъ храмовъ позволительно людямъ поклоняться вѣчной единой истинѣ. Нечего и говорить, разумѣется, о той стройности и цѣльности, которыхъ онъ искалъ и находилъ въ эстетической по преимуществу области духовной дѣятельности человѣка — въ искусствѣ. Но даже и тутъ, въ области, напримѣръ, русской художественной литературы, онъ примкнулъ къ наиболее цѣльному и стройному на нее взгляду — къ «органическому» воззрѣнію Григорьева. «Аполлона Григорьева мы считаемъ лучшимъ нашимъ критикомъ», писалъ Страховъ²⁾, «дѣйствительнымъ основателемъ русской критики. Ему принадлежитъ единственный существующій у насъ полный взглядъ на русскую литературу, то-есть взглядъ, объемлющій одною мыслью всѣ ея явленія и направленія, — взглядъ, вѣрный до сихъ поръ³⁾, блистательно подтверждаемый такими произведеніями, какъ «Война и Миръ». — Однимъ словомъ, эстетичность, какъ положительное основаніе міросозерцанія Страхова, не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ; совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ критическимъ элементомъ его ума и воззрѣній. Однако же промежуточнымъ звеномъ между этими двумя сторонами его умственной дѣятельности является самый характеръ этой дѣятельности, именно — пассивный, созерцательный, а не творческій. Искатель прекраснаго единства и прекрасной стройности, однимъ словомъ — цѣльности жизни, Страховъ не былъ инициаторомъ, руководителемъ, творцомъ ни въ жизни, ни въ наукѣ, ни

¹⁾ Выраженія Шопенгауера о философской системѣ Канта.

²⁾ «Критическія статьи», изд. 3-е, стр. 296.

³⁾ Писано въ 1869 году.

въ философіи, ни въ искусствѣ. Потому, не будучи въ состояніи самопочинно привнести въ міръ наиболѣе себѣ созвучный художественный элементъ существованія, онъ ограничивался тѣмъ, что вездѣ и во всемъ его искалъ. Какъ эстетикъ, онъ не столько участникъ, сколько зритель бытія. Среди другихъ мыслителей, поэтовъ и ученыхъ, онъ является какимъ-то аскетомъ, отшельникомъ, который своего слова не вставляетъ въ шумный потокъ мірскихъ рѣчей и сужденій, но все выслушаетъ, все запомнитъ и все переживетъ потомъ въ тиши своего уединенія. Этимъ созерцательнымъ духомъ умозрѣнія объясняется одна изъ характернѣйшихъ особенностей Стрхова—его объективизмъ, его крайняя нелюбовь къ общимъ взглядамъ, къ широкимъ обобщеніямъ, къ схематизму, классификаціямъ и окончательнымъ выводамъ. Какъ истинный эстетикъ, Стрховъ всегда бралъ предметъ своихъ сужденій самимъ по себѣ, единымъ и цѣльнымъ, какъ картину художника, какъ живой организмъ, какъ физическое тѣло. «Какъ вы это все широко захватываете!» говаривалъ онъ нерѣдко. «Въ этомъ изобилии мыслей ужасно много опасностей и трудностей. Я такъ всегда предпочитаю избрать одну какую нибудь мысль, но зато исчерпать ее съ совершенной точностью и полнотою. Лучше ясно и убѣдительно изложить одну мысль, чѣмъ напутать десятокъ такъ, что читателю въ нихъ совершенно не разобраться». Таковъ онъ былъ во всемъ рѣшительно: послѣдовательный, медлительный, исчерпывающій вопросы по всѣмъ ихъ частностямъ и подробностямъ. Между тѣмъ объективизмъ вообще неразрывно связанъ съ аналитическимъ расчлененіемъ предметовъ изслѣдованія. Въ безконечномъ разнообразіи мірозданія слишкомъ легко затеряться тому, кто не избираетъ мельчайшихъ по возможности единицъ наблюденія, чтобы ихъ наблюдать уже какъ самостоятельныя цѣлыя. Такимъ образомъ ясно, что, будучи эстетикомъ въ положительныхъ сторонахъ своего мышленія, Стрховъ, въ силу созерцательнаго характера этого мышленія, непременно долженъ былъ оказаться критикомъ въ сторонахъ отрицательныхъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Трудно себѣ представить болѣе безжалостнаго скептика, болѣе смѣлаго и послѣдовательнаго отрицателя, болѣе грознаго разрушителя, чѣмъ этотъ благодушный эстетикъ-созерцатель. И въ этой противоположности нѣтъ ничего удивительнаго и нестройнаго; наоборотъ, трудно себѣ представить болѣе цѣльный и послѣдовательный умъ, чѣмъ у Стрхова. Искатель цѣльности и единства, онъ не только предполагалъ ихъ въ совокупности явленій и сужденій, но требовалъ ихъ отъ всего объективно сущаго, отъ всякаго сужденія, всякой идеи, всякаго умозаключенія, всякой системы, притомъ требовалъ единства какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, какъ эмпирической, такъ и апріорной цѣльности и устойчивости. Малѣйшій недостатокъ въ этомъ отношеніи онъ непогрѣшимо и болѣзненно

чувствовалъ, какъ музыкантъ фальшивую ноту одного инструмента въ грохочущемъ оркестрѣ, и какъ тотъ прямо называетъ и сфальшивившій инструментъ, и невѣрно взятую ноту, и ту, которую бы слѣдовало взять, такъ Страховъ безошибочно подчеркивалъ во всякомъ сужденіи каждый его диссонансъ, мельчайшую несогласованность съ самимъ собою. Притомъ, какъ истинный эстетикъ, онъ не мѣрилъ предметовъ своего анализа какойнибудь готовой, предвзятой системой или мѣркой, но всегда обращался къ ихъ внутренней сущности взятыхъ самихъ по себѣ, стараясь во всемъ судить совершенно объективно. Для такой критики и не нужно никакой положительной догмы. Она прямо идетъ къ центру своего предмета, а въ полемикѣ—въ лагерь противника, и борется съ нимъ тамъ его собственнымъ оружіемъ, мѣряетъ его собственной мѣркою. Она вынуждаетъ противника не опровергать ея исходныя точки, но защищать все время свои собственные. Этою особенностью между прочимъ объясняется, что противники Страхова все требовали отъ него какого-то «знамени»; но знамя нужно полководцу, руководителю массы; а зачѣмъ знамя Самсону, изнутри сокрушающему громаду вражескаго храма и погребаящему подъ его развалинами всю боевую силу враждебнаго народа? На такихъ развалинахъ уже не трудно будетъ водрузить знамя побѣды тѣмъ, кто его имѣетъ. Напримѣръ, доказать, что матеріализмъ и нигилизмъ не суть ученія или системы, а лишь формы философскаго невѣжества, значитъ нанести имъ смертельный ударъ, значитъ именно сокрушить изнутри храмъ Дагона; и допустимъ даже, что его сокрушилъ слѣпецъ: неужели храмъ оттого менѣе разрушенъ? А съ другой стороны каждый можетъ воцариться надъ этими развалинами, даже не тотъ, въ чьемъ обладаніи ковчегъ завѣта.

На основаніи сказаннаго можно бы было, повидимому, заключить, что, если дѣятельность Страхова есть чистое разрушеніе, то она-то и представляется лишь тончайшимъ, ужаснѣйшимъ проявленіемъ того самого нигилизма, противъ котораго онъ столько боролся. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе нерѣдко и высказывается: «Вашъ Страховъ—нигилистъ», приходилось намъ слышать не однажды по поводу нашей характеристики его критическаго отношенія къ міру. Но, разумѣется, этотъ взглядъ ошибоченъ. Нигилистъ тотъ, кто отрицаетъ истину, а не тотъ, кто не вѣритъ въ чужія мнѣнія. Нигилистъ не тотъ, кто не признаетъ ученыхъ и ученій, а тотъ, кто не признаетъ науки. Нигилистъ не тотъ, кто не признаетъ философскихъ системъ, а тотъ, кто не признаетъ философіи; не тотъ, кто не признаетъ партій, а тотъ, кто не признаетъ государства; не тотъ, кто отвергаетъ тѣ или иныя произведенія искусства, а тотъ, кто отвергаетъ искусство. А быть нигилистомъ нигилизма—это, конечно, лишь пустая игра словъ. Да и наконецъ въ области философіи Страховъ склоненъ былъ условно, *provisorisch*, какъ говорятъ

нѣмцы, признавать философскую систему Гегеля. Такое «условное признание», разумѣется, непозволительно для философа въ строгомъ смыслѣ слова; но оно — черта эстетика, который признаетъ одно созданіе искусства болѣе совершеннымъ, чѣмъ другія, воплощеніемъ идеала красоты; который признаетъ извѣстную философскую систему наибольшимъ, сравнительно съ другими, приближеніемъ къ истинѣ. Въ гегельянствѣ же безспорно эстетикъ въ смыслѣ Страхова найдетъ наибольшее совершенство, встрѣчая въ немъ и единство всеобъемлющей стройности и строгое діалектическое установленіе и развитіе понятій. По связи мыслей не будетъ неумѣстна здѣсь оговорка, что крайне ошибочно весьма ходячее провозглашеніе Страхова гегельянцемъ. Совершенно справедливо, что Страховъ жилъ послѣ Гегеля, и зналъ, и изучалъ его произведенія, даже увлекался ими; но и до Гегеля, какъ и послѣ Гегеля, основной сущностью философіи была незыблемая вѣра въ науку и въ самое себя, основнымъ методомъ — діалектическое развитіе понятій, основнымъ настроеніемъ — пантеизмъ. Нельзя же называть эвклидистами всѣхъ геометровъ и ученыхъ, примѣнявшихъ геометрической методъ, или христіанами тѣхъ мыслителей древности, въ чьихъ произведеніяхъ сказывались аналогичныя христіанскимъ воззрѣнію. Методъ Гегеля есть вообще чистѣйшій методъ научнаго умозрѣнія, всѣми мыслителями примѣнявшійся и Гегелемъ не открытій или выдуманнй, а только формулированнй. Равнымъ образомъ и пантеизмъ, и извѣстный раціонализмъ вовсе не составляютъ еще специфическихъ особенностей гегелианства. Именно по этому, признавая заслуги Гегеля и ихъ высокое значеніе, Страховъ отнюдь не былъ гегелианцемъ, какъ и вообще не принадлежалъ во всю свою жизнь ни къ какой школѣ, ни къ какой партіи. Эта особенность была въ немъ непосредственно обусловлена его эстетико-критическимъ отношеніемъ къ міру. Та цѣльность и внутренняя стройность, которой Страховъ требовалъ и отъ системъ, и отъ понятій, крайне рѣдко свойственна ученіямъ какой бы то ни было школы. Каждая школа всегда группируется около какого нибудь первоначально чисто личнаго воззрѣнія, постепенно искажая и затемняя его поправками, оговорками и дополненіями. Личныя же воззрѣнія, вполне цѣльныя и стройныя біографически, нерѣдко бываютъ крайне противорѣчивы и неустойчивы догматически. То, что понятно и даже любезно въ учителѣ, что въ немъ искренно и необходимо, то нерѣдко становится несносной, слѣпо подражательной манерностью въ ученикахъ. Потому для творчески мыслящаго ума всегда предстоитъ или быть особнякомъ, выработать свое личное ученіе и собирать около себя учениковъ, или примыкать къ какому нибудь налично существующему ученію. Для ума же созерцательнаго широта его воззрѣній служитъ препятствіемъ умѣститься на прокрустовомъ ложѣ готовыхъ мнѣній, а ихъ инертность затрудняетъ выработать что либо самостоятельное. Потому они

постоянно подвержены величайшей опасности — впасть въ электизмъ. Страховъ былъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ въ этомъ смыслѣ, такъ какъ менѣе всего поддавался наклонности къ электизму. Эклектизмъ вѣдь все же есть сочиненіе нѣкотораго символа вѣры, изобрѣтеніе школы съ удобнымъ ученіемъ. Между тѣмъ Страховъ во всѣхъ областяхъ, въ которыя увлекала его природная любознательность, являлся не творцомъ, а зрителемъ, не писателемъ, а читателемъ, даже не критикомъ, а знатокомъ, — «эстетическимъ сластолюбомъ», какъ онъ самъ однажды выразился¹⁾, предпочитая такимъ образомъ одинокое служеніе истинѣ массовому служенію догматамъ. А будучи цѣнителемъ чужихъ понятій и разоблачая, при надобности, ихъ несогласованность или внутреннюю неустойчивость, онъ тѣмъ самымъ оказывался чаще всего спорщикомъ, полемистомъ. Между тѣмъ въ полемикѣ эстетическій объективизмъ Страхова чрезвычайно затруднялъ тѣхъ, кто покушался опровергать его критическій анализъ, но не встрѣчалъ въ немъ никакихъ апіорныхъ положеній, исходныхъ догматовъ. Этимъ и объясняются вопросы о «знамени», о томъ, «что такое г. Страховъ?», и провозглашенія его то пантеистомъ, то матеріалистомъ, то метафизикомъ, то буддистомъ, то наконецъ просто «филозѳомъ» — названіе, по словамъ Салтыкова, на бараньемъ языкѣ весьма обидное.

Для полноты характеристики намъ остается разсмотрѣть отношеніе Страхова къ достовѣрности, къ истинѣ. Въ области познанія непозволительно прилагать эстетическую мѣрку; но безспорно эстетичность возможна и въ умозрѣніи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя мы предъявляемъ къ умозрительнымъ построеніямъ. Искать въ нихъ внутренней и внѣшней цѣльности и единства значитъ въ сущности требовать отъ нихъ послѣдовательности и логичности, точности опредѣленій, заключеній и выводовъ. Логика—художественность умозрѣнія; художественное всегда логично, и въ логичности безспорно силенъ элементъ художественности. Поэтому, въ связи съ общимъ характеромъ своего мышленія, Страховъ въ своей философской и научной критикѣ всегда придерживался діалектическаго метода, выставленія и развитія точныхъ понятій. Всякое построеніе онъ прежде всего разбивалъ на его составные элементы и провѣрялъ его устойчивость, исходя изъ основныхъ положеній. Отъ рѣчи онъ прежде всего требовалъ грамматической точности и правильности, отъ терминовъ—опредѣленности и ясности, отъ сужденій—категоричности и достовѣрности, отъ заключеній—вѣрности посылокъ, отъ науки—безусловныхъ, вѣчныхъ истинъ. «Непреложныя истины составляютъ самое ядро науки, ея существенную и центральную часть. Это—лучшій образецъ нашего познанія, который поэтому составляетъ цѣль и правило всякихъ научныхъ

¹⁾ «Замѣтки о Пушкинѣ», стр. 229.

изслѣдованій. Всякія обобщенія дѣлаются и всякіе законы отыскиваются только въ той надеждѣ, что мы посредствомъ ихъ приближаемся къ нѣкоторымъ неизблемымъ положеніямъ, что все многообразіе и разнорѣчіе явленій современемъ будетъ нами подчинено непреложнымъ истинамъ. Стремленіе къ такому подчиненію есть главный нервъ науки»¹⁾. Притомъ эти истины въ его глазахъ «во все не факты, вовсе не эмпирическія познанія, а положенія вполнѣ или отчасти формальныя, которыя потому и справедливы всегда и безусловно, что не захватываютъ собою сущности вещей»²⁾. И вотъ централизація всѣхъ сужденій научнаго характера около этихъ безусловно убѣдительныхъ вѣчныхъ истинъ и составляла у Страхова его основной критическій приѣмъ. Объективистъ и созерцатель, онъ никогда не пускался въ отважныя самостоятельныя построенія; онъ всегда имѣлъ дѣло съ наличными чужими разсужденіями и, какъ архимедовымъ рычагомъ, сокрушалъ ихъ «вѣчными истинами» въ центральномъ пунктѣ ихъ мнимой устойчивости. Потому ослѣпить, затемнить его было невозможно никакимъ авторитетомъ, никакою внѣшнею красою системъ или воззрѣній; но и тамъ, гдѣ это случилось, Страховъ нимало не колебался пожертвовать самыми дорогими для него увлеченіями и вѣрованіями, какъ то было, напримѣръ, въ его отношеніи къ Тургеневу. Эта героическая готовность пожертвовать всякимъ мнѣніемъ истинъ и вызвала упреки Страхову въ равнодушій къ истинѣ со стороны фантазеровъ догматики, склонныхъ видѣть воплощеніе истины въ каждомъ легковѣсномъ произведеніи своей фантастически догматизирующей мысли.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ основная сущность міровоззрѣнія Страхова, такъ сказать, душа его произведеній. Въ виду величайшей важности изложеннаго для всего дальнѣйшаго, небезполезно будетъ дать краткое резюме предшествующихъ разсужденій. Главной чертой Страхова является эстетичность его воззрѣній и исканіе въ трансцендентальномъ истинной сущности бытія. Наибольшее къ этой сущности приближеніе достигается въ верховномъ этическомъ идеалѣ святости, который притомъ не обосновывается ни на какой религіи, ни на какой теософіи. Эстетичность же умозрѣній Страхова сказывается болѣе всего въ исканіи цѣльности и стройности, какъ въ мірѣ, такъ и въ духѣ и творчествѣ человѣка. Однако же это исканіе отнюдь не является творческимъ, а чисто созерцательнымъ, чѣмъ обусловленъ величайшій его объективизмъ и критическое направленіе. Критическій анализъ Страхова притомъ отнюдь не является ни чистымъ разрушеніемъ, ни примѣненіемъ какихъ либо догматическихъ критеріевъ: это совершенно самобытный, чуждающійся всякой школьности, анализъ, опирающійся исключи-

¹⁾ «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 44.

²⁾ *Ibidem*, стр. 56.

тельно на логику и «вѣчныя истины». Притомъ этотъ анализъ— воплощенная искренность, проникнутая величайшимъ безпристрастіемъ и готовностью во всякое время пожертвовать каждымъ мгніемъ и сужденіемъ, которое приходитъ въ противорѣчіе съ самимъ собой или своими основаніями. Это стройное мировоззрѣніе принадлежитъ пылливому, упорному духу, трудно мыслящему и приходящему къ окончательнымъ заключеніямъ, крайне воспріимчивому, но въ то же время удивительно устойчивому. И всѣхъ этихъ особенностей нельзя не признать, хотя бы въ эмбріональномъ видѣ, въ рѣшеніи учащагося юноши посвятить свое вниманіе именно той области знанія, которая наиболѣе угрожаетъ его лучшимъ и самымъ дорогимъ идеаламъ.

III.

Итакъ, подъ гнетомъ нужды Страховъ рѣшилъ перейти изъ университета на казенный счетъ въ Главный Педагогическій институтъ, чтобы только не отказаться отъ своихъ занятій естествознаніемъ. Однако же отъ этого перехода онъ оказался даже ближе къ своей цѣли, чѣмъ подошелъ бы къ ней въ университетѣ. Курсъ наукъ въ институтѣ былъ двойной противъ университетскаго, совмѣщая въ себѣ предметы математическаго и естественнаго факультетовъ. Къ тому же Страховъ перешелъ въ институтъ въ его самую блестящую пору, въ январѣ 1848 года (тамъ курсъ наукъ начинался въ январѣ), когда директоромъ института какъ разъ былъ назначенъ И. И. Давыдовъ, а въ числѣ профессоровъ находились столь выдающіеся ученые, какъ Брандтъ, Остроградскій, Савичъ, Шиховскій и другіе. Впрочемъ этотъ переходъ имѣлъ и свою оборотную сторону, былъ важнымъ и весьма рѣшительнымъ шагомъ: поступаая туда на казенный счетъ, Страховъ тѣмъ самымъ обрекалъ себя на обязательную восьмилѣтнюю элементарно-педагогическую службу, не смотря на то, что въ немъ уже выработывалось намѣреніе посвятить себя академической научной дѣятельности. Между тѣмъ каждому, кто испыталъ это на себѣ, извѣстно, что совмѣщеніе служебныхъ обязанностей, въ особенности педагогическихъ, съ подготовкою къ ученой степени, можно сказать, превышаетъ силы человѣческаго и способно надорвать дюжинную натуру, не только нервный организмъ болѣе тонкаго закала. Изнемогъ подъ этимъ двойнымъ бременемъ и Страховъ. Кончивъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ въ августѣ 1851 года, онъ поѣхалъ старшимъ учителемъ физики и математики во 2-ю одесскую гимназію. Между прочимъ при окончаніи курса имъ была написана его единственная работа по математикѣ, «Рѣшеніе неравенствъ первой степени», впоследствии (въ 1864 году) напечатанная въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ которой онъ излагаетъ три найденныя

имъ алгебраическія теоремы. «Въ 1852 году я перепросился въ Петербургъ», сообщалъ Страховъ въ своихъ «біографическихъ свѣдѣніяхъ», «на только что учрежденное въ гимназіяхъ преподаваніе естественной исторіи. Тогда было гоненіе на классицизмъ, а естественныя науки считались невиннымъ и возбуждающимъ богопочтеніе предметомъ. Девять лѣтъ я училъ этому предмету во 2-й с.-петербургской гимназіи. Послѣ десяти лѣтъ службы я не только отслужилъ весь срокъ за казенное воспитаніе, но еще получилъ при отставкѣ годовой окладъ—630 рублей». Къ этой же эпохѣ педагогической службы и подготовленія къ экзамену на магистра относится и появленіе въ печати первыхъ опытовъ Страхова лѣтомъ 1855 года: это было юмористическое стихотвореніе, пародія на пьесу Майкова, напечатанное въ «Современникѣ» въ одномъ изъ фельетоновъ Панаева, и рецензія на учебникъ естественной исторіи Д. С. Михайлова, написанная по просьбѣ автора учебника для «Сѣверной Пчелы». Впрочемъ и стихотвореніе, и замѣтка были въ глазахъ Страхова, по его словамъ, «дѣломъ случайнымъ», такъ какъ предстоявшій магистерскій экзамень поглощалъ тогда собою все его вниманіе. Въ 1857 году онъ успѣшно выдержалъ этотъ экзамень и защищалъ диссертацию на тему, данную ему его бывшимъ профессоромъ, знаменитымъ *Θ. Θ. Брандтомъ*: «О костяхъ запястья млекопитающихъ»¹⁾. Указанная выше чрезмѣрность двойной работы сказалась однако же въ томъ, что, преодолевъ всѣ главныя затрудненія, сдавъ утомительный экзамень и напечатавъ замѣчательную по полнотѣ и точности методическихъ требованій диссертацию, Страховъ потерпѣлъ неудачу на самомъ послѣднемъ, въ сущности пустяшномъ и притомъ чисто формальнымъ, препятствіи: именно, при всей несообразности сдѣланныхъ ему возраженій и на признаніе даже за нимъ ученой степени магистра, защита имъ диссертации была такъ плоха, что его многіе считали провалившимся, и ему было неудобно добиваться каяедры въ Петербургѣ. Влѣдъ за тѣмъ въ Москвѣ при замѣщеніи каяедры, открывшейся за смертью профессора Рулье, ему предпочли А. Богданова, а въ Казань, куда его звали, онъ самъ несогласился ѣхать. Такимъ образомъ, цѣль многолѣтнихъ усилій и трудовъ не была достигнута, и профессура оказалась Страхову недоступной. Но тотъ, кто испыталъ однажды потребность въ аудиторіи, уже не можетъ оставить этой потребности безъ удовлетворенія и, за невозможностью имѣть слушателей, начнетъ искать себѣ читателей. Такъ было и со Страховымъ: «Письма объ органической жизни», которыя были имъ помѣщены въ 1858 году въ еженедѣльномъ журналѣ «Русскій Міръ», выходившемъ подъ редакціей Стоюнина, самъ авторъ считалъ «настоящимъ вступленіемъ въ литературу». Эти письма составляютъ

---

¹⁾ Напечатана въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и затѣмъ издана отдѣльной книгой въ томъ же 1857 году.

теперь начальныя главы его книги «Миръ, какъ цѣлое», про которую самъ авторъ писалъ, едва ли, впрочемъ, справедливо въ отношеніи другихъ своихъ произведеній, въ предисловіи къ ея второму изданію: «наполовину съ отрадой, наполовину съ грустью мнѣ пришлось убѣдиться, что лучше я ничего не писалъ». Статьи имѣли успѣхъ и обратили на себя вниманіе Григорьева, знакомство съ которымъ Страхова состоялось немедленно по ихъ появленіи. Это знакомство замѣчательнаго русскаго критика со своимъ впоследствіи достойнымъ продолжателемъ имѣло огромное значеніе для послѣдняго и потому для исторіи русской критики вообще. Жаль въ виду этого, что Страховъ не успѣлъ при жизни переиздать своихъ воспоминаній о Григорьевѣ, появившихся въ «Эпохѣ» 1864 года, тѣмъ болѣе, что не разъ обѣщалъ знакомымъ включить ихъ въ свои «Воспоминанія и Отрывки», когда понадобится ихъ второе изданіе.

Хотя такимъ образомъ въ область самостоятельной жизни и въ частности на литературное поприще Страховъ первоначально выступилъ представителемъ естествознанія, однако же естественныя науки никогда не составляли его кореннаго, задушевнаго призванія. Къ занятіямъ ими онъ былъ первоначально приведенъ желаніемъ выйти изъ тѣхъ сомнѣній, въ которыя повергли его разногласія мнимыхъ выводовъ естествознанія съ его политическими и религіозными воззрѣніями. Такимъ образомъ интересъ его къ естественнымъ наукамъ былъ, такъ сказать, отрицательный, эристическій, и знакомство съ ними должно было являться для него лишь переходнымъ моментомъ въ выработкѣ его идеаловъ, очевидно не будучи въ состояніи наполнить собою всю его умственную жизнь. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ, хотя «переходный моментъ» и оказался очень продолжительнымъ: только въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. уже на пятидесятомъ году жизни, по словамъ Страхова въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ», «онъ рѣшилъ, что онъ урожденный словесникъ: естественныя науки не увлекали его, а всякій успѣхъ въ языкахъ неизгладимо оставался въ памяти». Тѣмъ не менѣе въ области естествознанія Страхову удалось сыграть такую многозначительную и богатую неисчислимыми послѣдствіями роль, какая достается на долю только первокласснымъ умамъ чело-вѣчества. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вліяніе произведеній Страхова до сихъ поръ мало замѣтно въ естествознаніи: это вліяніе еще всецѣло принадлежитъ будущему. Обращаясь, однако же, къ выясненію значенія Страхова въ области точныхъ наукъ, поневолѣ приходится предпослать ему разборъ философской дѣятельности Страхова: такъ она тѣсно связана съ его научными трудами, и такъ неразрывно было у него, біографически, изученіе естествознанія и философіи.

Мы находимся у центра настоящей статьи, придя къ необходимости выяснитъ положеніе Страхова въ области философіи. Но та-

кое выясненіе возможно только при точномъ опредѣленіи, что именно слѣдуетъ подразумѣвать подѣ понятіемъ философіи. Отвлекаясь отъ отдѣльныхъ философскихъ системъ, ученій и направленій, и имѣя въ виду сущность философіи по ея содержанію, мы должны будемъ опредѣлить ее, какъ теорію духа, въ самомъ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова. Духъ человѣческой очевидно объемлетъ въ себѣ, какъ въ цѣломъ, всѣ внутреннія способности и свойства человѣка, т. е. и его познаніе, и умозрѣніе, и волю, и ощущенія и чувства, словомъ принимается нами въ обширномъ декартовскомъ смыслѣ. При такомъ опредѣленіи философіи намъ понятнo возникновеніе въ ея нѣдрахъ и метафизическаго направленія, т. е. исканія крайнихъ предѣловъ человѣческаго познанія, и критической школы, посвятившей свои усилія теоріи познанія, и такъ называемой реальной школы, исходящей изъ психологическихъ понятій, и материализма даже, стремящагося почерпнуть основанія теоріи духа изъ ученія точныхъ наукъ о матеріи и силахъ. Далѣе, при этомъ опредѣленіи философія всего тѣснѣе приближается къ достиженію своей исконной цѣли — самопознанію духа. Нельзя не указать на то, что выписанное нами выше (стр. 217) разсужденіе Страхова о религіи очень близко подходитъ къ такому опредѣленію, даже начертываетъ намъ его верховный идеаль; но не надо упускать изъ вида, что этотъ идеаль, т. е. религія, опирается въ своихъ утвержденіяхъ на чисто волевое, а не умозрительное основаніе, именно — на вѣру. Если устранить это основаніе, то философія, какъ теорія духа, возникаетъ, какъ вопросъ, вновь открытый на мѣстѣ вопроса, исчерпаннаго религіей. Мало того, даже вѣрующій духъ не можетъ, да по смыслу всѣхъ религій и не долженъ, удовлетворяться одною вѣрою, ибо человѣку свойственна помимо потребности въ добрѣ, удовлетворяемой по предначертаніямъ религіи, еще и потребность въ истинѣ и красотѣ. Даже наиболѣе вѣрующимъ и религіознымъ людямъ свойственна склонность къ наукѣ и искусству. Наконецъ въ отношеніи къ міру вѣра даетъ рѣшимость и силы твердо выносить мучительное бремя земнаго существованія, но не даетъ полнаго примиренія съ міромъ. Нравственная стихія человѣка не признаетъ родства съ безразличною природою; совершенно иныя настроенія порождаютъ стихіи умозрительная и эстетическая, т. е. наука и искусство. Знаніе учитъ нашъ разумъ примиряться съ міромъ во всей его несправимости, ибо иначе, чѣмъ мы познаемъ и понимаемъ міръ, онъ и существовать не можетъ; наука убѣждаетъ насъ, что все, что случается, должно было съ неотразимой логичностью случиться именно такъ, какъ случилось, и случиться иначе могло бы только въ нарушеніе законовъ міра. Эта примирительная роль познанія особенно ярко была почувствована Лейбницею, въ своей знаменитой теодицеѣ провозгласившимъ нашъ міръ — лучшимъ изъ существующихъ, мысль, истинное содержаніе которой сво-

дится, аналогично съ Гегелевскимъ положеніемъ, что «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно», къ тому, что нашъ міръ есть единственный логически несомнѣнный изъ возможныхъ. Искусство же примиряетъ съ міромъ мятежный чело-вѣческій духъ, открывая ему красоту мірозданія и тѣмъ самымъ доказывая, что міръ не есть зло, хотя и лежитъ во злѣ, такъ какъ зло не можетъ быть прекрасно въ своей безусловности и слѣдовательно не можетъ составлять основы того міра, который можетъ быть прекрасенъ.

Такимъ образомъ, знаніе и искусство—вотъ, послѣ религіи, два составныхъ элемента духовнаго міра чело-вѣчества, почерпывающіе наряду съ этикой и психологіей содержаніе философіи, теоріи духа, теоріи умо-зрительной, тогда какъ непосредственной волевой теоріей его является религія. Но выше (стр. 226) было уже указано, что религиозные вопросы Страховъ, какъ писатель, умышленно оставлялъ всегда въ сторонѣ, и потому при выясненіи его міровоззрѣнія они также не должны быть подымаемы, какъ и всѣ другіе личные вопросы его совѣсти. Обращаясь же къ философіи Страхова, мы должны установить его отношеніе къ области знанія, выяснить его воззрѣнія на научную истину. Въ названной области его роль всецѣло опредѣлилась тѣмъ, что онъ былъ эстетикомъ, критикомъ и объективистомъ. Созерцая жизнь и духъ, какъ цѣлое, онъ не впалъ въ заблужденіе, столь свойственное многимъ даже величайшимъ умамъ чело-вѣчества, которые именно въ силу своего умственного величія склонны разумъ, дознаніе истины, полагать во главу угла своего міровоззрѣнія и, всецѣло уходя въ его сферу, не находятъ полнаго удовлетворенія въ односторонне разсматриваемой ими жизни. Напротивъ, Страховъ сразу увидѣлъ, что наука—лишь одна изъ нѣсколькихъ задачъ духа, не могущая сама по себѣ дать ему полнаго удовлетворенія. «Не только питаюсь естественно-научными познаніями»,—писалъ онъ ¹⁾,—«но поглощая и всякія другія, мы можемъ оставаться совершенно голодными. Намъ не удовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности міра». Такимъ образомъ онъ особенно ясно со-зналъ и выразилъ, что познаніе не исчерпываетъ собою загадки бытія, не отвѣчаетъ на всѣ запросы духа. Его предметъ—раціональныя формы явленій, которыя вполне разъясняются лишь всею совокупностью наукъ и въ томъ числѣ, разумѣется, теоріей познанія и познаванія, т. е. гносеологіей и логикой, включая въ послѣднюю методологію. И вотъ въ этихъ послѣднихъ, узкихъ и тѣсныхъ, предѣлахъ Страховъ и принималъ философію, т. е. придерживался взгляда на нее, какъ на центральную науку, какъ на «наукословіе», Wissenschaftslehre Фихте. Въ своихъ произведеніяхъ онъ никогда

¹⁾ «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 29.

не бралъ философію въ полномъ, широкомъ объемѣ ея, никогда не строилъ на философскихъ основаніяхъ ни этики, ни эстетики, словомъ, какъ объективистъ, не вдавался въ *desiderata* философіи, а держался ея наличныхъ, положительныхъ приобрѣтеній, сводящихся въ существѣ дѣла къ начаткамъ теоріи познанія и начаткамъ же методологіи. Но зато этимъ небольшимъ капиталомъ онъ пользовался съ изумительнымъ мастерствомъ и глубиною. Около него онъ собиралъ всѣ точныя науки и, освѣщая ими мірозданіе, строилъ свою широкую концепцію міра, какъ цѣлаго. Эта концепція, разумѣется, является не естественно-научнымъ, а чисто философскимъ понятіемъ.

Что такое міръ самъ по себѣ—того человѣку не дано знать. Міръ является цѣлымъ для религіи, для науки, для искусства, но всегда при условіи сосредоточенія этого цѣлаго около сознательнаго центра—человѣка. Религія, полагая въ основаніе бытія верховную разумную волю божества, такъ сказать, извнѣ міра предоставляетъ центральное въ немъ положеніе человѣку. Съ точки зрѣнія всякой религіи міръ созданъ для человѣка или законченъ человѣкомъ, чтѣ, въ сущности, одно и то же. Эта точка зрѣнія совершенно ясна и проста; но она цѣльна только изнутри себя самой, такъ какъ ея достовѣрность не предусматриваетъ не-религіознаго, не-вѣрующаго человѣка, того, который пожелалъ бы построить свое міропознаніе на чисто рационалистическихъ основаніяхъ. Такое воззрѣніе можетъ очевидно разсматривать міръ только, какъ познаваемое, т. е. исходить изъ познающаго начала, разума, разумнаго человѣка, который слѣдовательно и съ философской точки зрѣнія, какъ съ религіозной, является централизующимъ міръ первоначаломъ. Не углубляясь дальше въ анализъ этого сходства, необходимо, однако, здѣсь же указать и на существенное различіе міровоззрѣнія религіознаго и философскаго. Опираясь на внѣ-матеріальныя начала, религія освобождаетъ человѣка отъ матеріи и ея законовъ, освобождаетъ духъ отъ плоти, въ томъ смыслѣ, что законы ея должны уступать въ случаѣ коллизіи законамъ духа, и такимъ образомъ указываетъ человѣку этическую роль въ мірѣ. Напротивъ того, философія ставитъ человѣка въ центръ міра, какъ бы изнутри освѣщающимъ храмину природы фонаремъ разумнаго познанія, и призываетъ человѣка на поприще созерцательное. Религія исходитъ изъ верховной творяще-правящей воли и указываетъ человѣку на его творческую, привходящую роль въ мірѣ; философія же опирается на самый разумъ человѣка, какъ на ключъ міра, и потому предназначаетъ человѣка къ пассивной, имманентной міру дѣятельности. Религія включаетъ въ себя философію, даже независимую отъ ея догматовъ; напротивъ того, философія исключаетъ и отвергаетъ религіозное познаніе міра. Религія всеобъемлюща, какъ міръ, и принимаетъ въ себя всѣ элементы духа, ни одного не подавляя и всѣ окрыляя; напротивъ, философія

исключительна, какъ логика, и стремится весь міръ и весь духъ претворить въ себя самое, подвести подъ свои категоріи. О міръ, какъ цѣломъ, съ точки зрѣнія искусства мы, по задачамъ статьи, считаемъ возможнымъ не вдаваться въ особыя изслѣдованія.

Согласно предыдущему, философія, полагая разумъ центромъ міра, получаетъ возможность и приходитъ къ необходимости разсматривать міръ, какъ цѣлое, т. е. какъ необходимое цѣлое и единое цѣлое. Однако же въ области мысли замѣчалось искони и другое теченіе, нерѣдко получающее неточное и неподходящее названіе матеріализма, которое отрицало или единство, или необходимость міра, какъ цѣлаго, т. е. или устраняло изъ міра разумъ, какъ мѣрку мірозданія, или считало цѣльность міра случайной. Въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ не признавался центромъ міра и разсматривался, какъ одно изъ чисто матеріальныхъ явленій природы, какъ случайная зыбъ вѣчнаго потока слѣпыхъ явленій. Такимъ образомъ въ предѣлахъ познанія происходилъ подмѣнъ философіи естествознаніемъ, т. е. устранялась исходная точка и замѣнялась нѣсколькими ея частными слѣдствіями. Въ переживаемое нами время уже становится бесполезнымъ доказывать нелѣпость и противорѣчивость такого взгляда, представляющаго изъ себя смѣшеніе теоріи познанія съ физиологіей мозга и теоріи духа съ теоріей матеріи. Но еще середина истекающаго столѣтія была эпохой, можно сказать, всемірнаго торжества этой нелѣпой доктрины и притомъ до такой степени, что самое понятіе философіи считалось совершенно никуда не годнымъ, могущимъ развѣ занимать тупиць или смѣшить уличныхъ мальчишекъ. Не имѣя возможности углубляться въ историческія причины этого послѣдняго явленія, мы считаемъ, однако же, необходимымъ намѣтить ихъ въ общихъ чертахъ. Матеріализмъ XIX вѣка имѣлъ двоякій источникъ: онъ обязанъ своими небывалыми дотолѣ силами частью размаху собственной инерціи, частью общему упадку философіи. Какъ инертное теченіе, европейскій англо-франко-нѣмецкій матеріализмъ насчитываетъ уже нѣсколько столѣтій; но до Канта его успѣхи парализовались великимъ значеніемъ догматическаго раціонализма, господствовавшаго на каеэдрахъ и вообще въ наукѣ. Кантъ выступилъ роковымъ противникомъ этого направленія, строившаго философское міровоззрѣніе не иначе, какъ на религіозныхъ основаніяхъ, т. е. исходившаго изъ предположенія въ человѣкѣ трансцендентнаго, сверхчувственнаго знанія, признававшаго сверхопытныя сущности и понятія. Кантъ вернулъ разумъ въ центръ міра, сдѣлалъ его не посредникомъ, а источникомъ міропознанія, словомъ, вновь совершилъ подвигъ Сократа, «сведя философію съ неба на землю». Ясное дѣло, такимъ образомъ, что критика Канта была направлена не на раціонализмъ, какъ таковой, а лишь на наличный въ его время догматическій раціонализмъ, и ниспровергала не философію, а философвъ. Его критика была

направлена противъ религіозной философіи, которая представляетъ, изъ себя внутренне-противорѣчивое понятіе, какъ разъяснено выше, ибо философія не можетъ служить источникомъ религіи и не можетъ имѣть ее своимъ источникомъ, такъ какъ сущность религіи—вѣра, а сущность философіи—познаніе. Самъ Кантъ понималъ свою критику именно въ этомъ смыслѣ, такъ какъ, разрушивъ современныя ему метафизическія (т. е. сверхчувственныя) системы, онъ издалъ свои «Предначертанія всякой будущей метафизики», т. е. раціоналистической системы умозрѣнія. Именно такъ понятъ былъ Кантъ и однимъ изъ ближайшихъ къ нему по времени послѣдователей—Гегелемъ, этимъ совершеннѣйшимъ представителемъ раціонализма изъ мыслителей, жившихъ послѣ Канта, и родоначальникомъ діалектическаго, т. е. чисто умозрительнаго метода, какъ сознательнаго принципа. Но не такъ поняло его наше разочарованное, пессимистическое столѣтіе. Уже Шопенгауеръ выводилъ свою безотрадную философію изъ ученія Канта; уже ближайшіе ученики Гегеля вродѣ Фейербаха видѣли въ Кантѣ ключъ къ отрицанію философіи вообще, т. е. раціонализма, какъ сущности міропознанія. Въ этомъ временномъ ослабленіи потрясенной Кантомъ философской мысли и кроется разгадка успѣховъ матеріализма: его ученія перестали встрѣчать живой и устойчивый отпоръ, и все, что не было знакомо съ философіей, начало съ убѣжденіемъ отрицать ее. Наряду съ отрицаніемъ умозрѣнія, какъ системы, шло отрицаніе діалектики, какъ метода. Чувственный опытъ и синтезъ замѣнили логику и анализъ. Наука провозгласила своимъ основаніемъ факты, а не понятія. Это направленіе особенно успѣшно повліяло на прикладную часть наукъ, на изобрѣтенія, обогатившія въ нашемъ столѣтіи чело-вѣчество неисчислимыми удобствами и улучшеніями быта. Нашъ вѣкъ—по преимуществу вѣкъ изобрѣтеній, вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, электричества, фотографіи, спектральнаго анализа. Всѣ эти богатства очевидно нимало не углубляютъ нашего познанія, не раскрываютъ намъ яснѣе сущности науки; но они необычайно расширяютъ ея предѣлы, умножаютъ ея предметы, воистину затмеваютъ славу Колумба, открывшаго міру только одинъ Новый Свѣтъ. Вся совокупность этихъ условій и повела къ тому, что наука и умозрѣніе точно остановились послѣ критики Канта, какъ солнце и луна по возгласу Навина. Человѣчество приостановило углубленіе знаній и занялось ихъ расширеніемъ, стало реализовывать капиталы науки, переводя ихъ въ усовершенствованія быта и удобства жизни. Философія замерла; научныя системы отошли въ прошедшее; ихъ мѣсто заняли классификаціи, наблюденія, обобщенія, наконецъ отдѣльныя теоріи и гипотезы. Болѣе того, не удовлетворяемый самимъ собою, опытъ пустился опытнымъ путемъ въ изученіе сверхчувственнаго: появился спиритизмъ, это забавное заблужденіе, къ счастью, совершенно безобидное и заслуживающее вниманія только потому, что ему поддавались

даже люди науки, даже замѣчательные ученые. Послѣдовательно проводимый матеріализмъ въ союзѣ съ гегелевской идеей развитія, въ которой діалектическая послѣдовательность умозаключеній самымъ простодушнымъ образомъ была смѣшана съ постепенностью органическихъ метаморфозъ и вообще органическаго совершенствованія, былъ проведенъ въ науку и превратилъ силлогизмы въ организмы въ видѣ такъ называемой эволюціи идей, а съ другой стороны, систематическую классификацію живыхъ существъ сочтя за историческій ихъ генезисъ, породилъ уродливое Дарвиновское ученіе. Продукты умозрѣнія, т. е. системы, разсматривались, какъ явленія жизни, т. е. ряды метаморфозъ: дальше не можетъ идти упадокъ методическаго мышленія. Прямымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ явилась господствующая доннынѣ въ умахъ невѣроятная путаница, полная утрата цѣльности воззрѣній. Понятіе о мірѣ, какъ цѣломъ, представлялось нашему столѣтію какою-то безусловною нелѣпостью, ничего рѣшительно не выражающею фразой.

Сдѣланный сжатый очеркъ прямо указываетъ положеніе Страхова въ области философіи. Онъ собственно не былъ философомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Его опорой и основаніемъ, а потому и главнымъ интересомъ, была не теорія духа, но точныя науки. Въ юности религія замѣняла ему вполне эту теорію, и біографически онъ приведенъ былъ къ философіи естествознаніемъ. Разладъ мысли съ религіей, первичный моментъ всякаго философствованія, оставался ему чуждъ. Онъ первоначально, въ своей молодости, не нуждался въ замѣнѣ религіозныхъ воззрѣній философскими, и теорія духа понадобилась ему только, какъ теорія знанія; при томъ же къ этой потребности онъ пришелъ не изъ научныхъ занятій вообще, а изъ одной специальной отрасли знанія—естествовѣдѣнія. Юридическія, историческія, філологическія, математическія науки не играли своими запросами ни малѣйшей роли въ направленіи его философствующаго ума. Онъ восходилъ отъ данныхъ точной науки до высшихъ положительныхъ началъ философіи, какъ бы изъ основанія конуса къ его вершинѣ, тогда какъ истинный философъ опускается лучами умозаключеній изъ центра своихъ гносеологическихъ воззрѣній, какъ изъ свѣтящейся звѣзды, къ любой частности положительнаго знанія. Онъ подымался до философіи, но не исходилъ изъ нея. Этимъ и обусловлено то, что Страховъ не примыкалъ въ ея области ни къ одной положительной системѣ, не создавши въ то же время никакого новаго ученія. Онъ и въ области философіи явился критикомъ-объективистомъ, не творцомъ, а искателемъ положительныхъ ученій. Эти положительные ученія немногочисленны, хотя многозначительны, и могутъ быть выражены немногими словами. Познающее я не можетъ быть предметомъ познанія; познаніе имѣетъ своимъ предметомъ формы, а не сущность вещей; законы познанія суть въ то же время законы познаваемаго; вотъ—три исходныхъ

пункта его воззрѣній, дающіе въ сжатомъ видѣ положительное обоснованіе раціонализма. Это не система, а только намекъ на систему. Притомъ, интересуясь философіей главнымъ образомъ съ точки зрѣнія естествознанія, Страховъ искалъ въ ней прежде всего методологіи. Понятно такимъ образомъ, какъ въ философіи Страховъ остался вѣренъ себѣ самому, ведѣ выступая критикомъ, искателемъ положительныхъ, бесспорныхъ началъ, отдѣляя условное отъ безусловнаго и всею силою своей діалектики разоблачая условность условнаго. Среди всеобщаго торжества матеріализма, эмпиризма, наконецъ позитивизма — такъ называется самый плоскій матеріализмъ, отрицающій вообще теорію духа и стрѣящій мировоззрѣніе исключительно на данныхъ точныхъ наукъ — Страховъ выступилъ, какъ діалектикъ-раціоналистъ; среди всеобщаго стремленія разсматривать міръ только съ научной точки зрѣнія, онъ выступилъ эстетикомъ, признающимъ самую жизнь мѣриломъ жизни, и потому взирающимъ на науку, лишь какъ на одинъ изъ формальныхъ элементовъ жизни; среди общаго утилитарнаго, изобрѣтательнаго направленія науки онъ выступилъ представителемъ чистаго умозрѣнія, познавательнаго направленія. Такимъ образомъ въ эпоху упадка философской мысли онъ выступилъ критикомъ и изобличителемъ этого упадка, не будучи въ то же время создателемъ какой либо положительной системы. Онъ не указывалъ новаго пути, но порицалъ тотъ, который избранъ былъ человѣчествомъ. Онъ не призывалъ къ раціонализму, но отклонялъ отъ эмпиризма. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не находилъ ни одной положительной системы, къ которой могъ бы примкнуть, и потому въ области философіи его критика носила чисто отрицательный характеръ, кромѣ методологіи, въ которой онъ указывалъ и постоянно напоминалъ великое значеніе заслуги Гегеля. Выражаясь двумя словами, роль Страхова въ области философіи сводилась къ борьбѣ съ матеріализмомъ и эмпиризмомъ. Иначе, во имя философіи Страховъ отрицалъ и порицалъ всѣ философскіе элементы мышленія девятнадцатаго вѣка, не указывая притомъ никакого положительнаго исхода и не пускаясь самъ лично въ умозрительныя построенія. Таково содержаніе и духъ его единственной книги, посвященной вопросамъ философіи, одного изъ послѣднихъ его изданій по времени, его «Философскихъ очерковъ».

Всѣ особенности этого отношенія къ философіи отразились и на естественно-научныхъ трудахъ Страхова, къ анализу которыхъ мы считаемъ теперь возможнымъ обратиться. Биографически Страховъ занялся естествознаніемъ, какъ наукой, выводы которой, казалось, колебали и подрывали его первоначальныя этическія и религіозныя воззрѣнія. Потому, естественно, наиболѣе интересовавшимъ его вопросомъ былъ вопросъ, такъ сказать, о компетенціяхъ естествовѣдѣнія, о его объемѣ и предѣлахъ. Матеріализмъ, какъ выше

указано, подмѣнялъ теорію духа теоріей матеріи, вращаясь такимъ образомъ въ бѣлицемъ колесѣ круговаго умозаключенія; далѣе, будучи по существу дѣла раціонализмомъ, хотя и извращеннымъ, матеріализмъ враждовалъ противъ религіознаго взгляда на освобождающіе отъ законовъ плоти нравственные законы духа и съ чисто раціоналистической послѣдовательностью отрицалъ идею нравственнаго долга, какъ начало этики, ставя ее на опытныхъ основанія, то-есть наблюденіями надъ логически-несвободной волей пытаясь опровергать ученіе о свободномъ нравственномъ долгѣ. Эти притязанія Страховымъ были разоблачены съ неотразимой убѣдительностью въ цѣломъ рядѣ научныхъ изслѣдованій и сочиненій, какъ и всегда у него, не составляющихъ систематически связнаго цѣлага, но проникнутыхъ одной общей идеей. Эта идея можетъ быть выражена тремя словами: объективная критика науки. Страховъ провелъ положительное содержаніе точныхъ наукъ сквозъ горнило своей діалектики и первымъ, главнѣйшимъ результатомъ этого явилось въ немъ ясное сознаніе того, что наука есть познаніе только существующаго, и что слѣдовательно идеи долгаго и возможнаго лежатъ внѣ ея области. Это сразу вернуло науку въ свѣтѣ его критики къ ея истиннымъ задачамъ и изъ какой-то разрушительной системы превратило естествознаніе въ «невинное и возбуждающее богопочтеніе» ученіе о формахъ явленій органической и неорганической природы.

Но, вѣрный самому себѣ, Страховъ и это ученіе разсматривалъ прежде всего, какъ цѣлое, съ точки зрѣнія внутренней цѣльности, связности и соотвѣтствія частей. Съ этой стороны его критикѣ представилось еще болѣе широкое и богатое поприще. Кажущаяся издали такимъ стройнымъ и устойчивымъ тѣломъ, равняющаяся какъ будто достовѣрностью своихъ положеній математикѣ и астрономіи, наука о природѣ представляется болѣе пристальному и внимательному взору только грубо намалеванной декораціей, отъ призрачнаго великолѣпія которой ничего не остается для того, кто перешелъ черту извѣстнаго ближайшаго разстоянія. То, что издали кажется крѣпостью, вблизи оказывается лишь кулисой; горы и скалы превращаются въ зыбкіе подмостки, заставленные картонами; могущественныя обобщенія, широкія гипотезы естествознанія, его, повидимому, незаблемыя основанія и исходныя понятія представляются такими же непрочными кулисами для внимательнаго и безпристрастнаго критика. Такими оказались они для Страхова, и такими показали онъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ каждому непредубѣжденному читателю. Мнимая система міра превратилась въ наборъ наблюденій, достовѣрныхъ самихъ по себѣ, но ничего собою не уясняющихъ, такъ какъ опираются на смутныя и неопредѣленныя начала. Именно эти начала-то Страховъ и избралъ предметомъ своего анализа, такъ какъ именно къ началамъ-то и долженъ быть прило-

женъ тотъ діалектичскій методъ, который, если раціонализмъ—душа науки, долженъ являться какъ бы ея нервной системой. Съ этой точки зрѣнія началъ онъ подвергать своей критикѣ четыре отрасли естествознанія—зоологію, физику, фізіологію и психологію. Первымъ двумъ наукамъ посвящена книга «Міръ, какъ цѣлое», вторымъ двумъ—«Основныя понятія фізіологіи и психологіи». Первая часть «Міра, какъ цѣлаго» посвящена началамъ ученія о человѣкѣ, т. е. выясненію самаго понятія жизни въ ея противоположности формальному бытію и понятія разумнаго существа, т. е. человѣка, какъ центра міра, какъ совершеннѣйшаго проявленія жизни. Первый вопросъ Страховъ разсматриваетъ въ связи съ положеніемъ «человѣкъ есть животное», второй же—въ связи съ предположеніемъ о существованіи жителей планетъ, какъ разумныхъ организмовъ, существенно отличныхъ отъ человѣка и притомъ болѣе совершенныхъ. Блестательнымъ разборомъ этихъ положеній Страховъ выясняетъ, что жизнь есть совершенствованіе, въ чемъ, между прочимъ, находитъ и разгадку смерти, которая не даетъ организму пережить достигнутаго имъ совершенства, и что разумъ, какъ высшее проявленіе жизни, не можетъ имѣть степеней, а слѣдовательно разумныя существа возможны только подобными человѣку. Вторая часть главнаго научнаго сочиненія Страхова посвящена ученіямъ о неорганической природѣ, содержа въ себѣ критику атомизма, ученія о силахъ и ученія объ элементахъ или простыхъ тѣлахъ. Современныя ученія о веществѣ сводятся, какъ извѣстно, къ ученію объ атомахъ и силахъ, представляющему изъ себя не болѣе, какъ гипотезу, притомъ, по превосходнымъ критическимъ разъясненіямъ Страхова, гипотезу не только несостоятельную, но и ненужную для науки, даже болѣе того, пожалуй, и вредную для нея, такъ какъ эта гипотеза подмѣняетъ намъ понятіе вещества представленіемъ о веществѣ и сводитъ все пониманіе міра на механику явленій, на пространственныя и временныя отношенія. Эта вторая часть «Міра, какъ цѣлаго» представляется воистину безподобнымъ произведеніемъ, съ такою неопровержимою точностью и почти простодушной общедоступностью изложенія разбивающимъ основныя начала современныхъ ученій о веществѣ, какой можно только завидовать или удивляться. Далѣе, въ «Основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи» Страховъ опять-таки намѣчаетъ истинныя задачи и предметы этихъ наукъ въ противоположность существующимъ въ естествознаніи стремленіямъ психологію свести на фізіологію, а фізіологію на физику, т. е. построить всѣ явленія міра на механическомъ ученіи о веществѣ. Онъ указываетъ, что предметъ психологіи есть духъ человѣчскій, т. е. чистый субъектъ, а не та или другая его объективация; равнымъ образомъ въ область психологіи входитъ только субъективная сторона явленій. Въ фізіологіи же онъ видитъ науку не о функціяхъ организмовъ, а о зако-

нахъ организованія, ученіе объ органической жизни или о развитіи, наиболѣе яснымъ и знакомымъ намъ типомъ котораго онъ представляетъ психическое развитіе, такъ что физиологія въ его глазахъ является наукой о вещественныхъ формахъ духа. Сводя всѣ эти положенія къ одному общему единству, мы видимъ, что естествознаніе, по крайней мѣрѣ современное, всецѣло проникнуто стремленіемъ построить механическое ученіе о мірѣ, т. е. рассматриваетъ міръ, какъ случайное цѣлое, и въ этомъ стремленіи единство міра находитъ не въ источникѣ познанія — разумѣ, а въ его предметѣ, т. е. веществѣ. Такъ какъ, однако же, вещество не даетъ понятій, а только представленія, то современное естествознаніе поневолѣ принуждено исходить въ своихъ положеніяхъ изъ представлений, не располагая ни однимъ твердо и устойчиво выясненнымъ понятіемъ. Естествознаніе—тѣло безъ души, разсыпанная хранина достовѣрныхъ наблюденій, ничѣмъ не объединенная, ни изъ какихъ точныхъ началъ не исходящая и потому никакихъ общихъ выводовъ не дающая.

Каково же общее значеніе этой критики естествознанія? Въ многихъ словахъ оно заключается въ слѣдующемъ. Страховъ выяснилъ глубокое внутреннее несовершенство естественныхъ наукъ, отсутствіе въ нихъ внутренней цѣльности, опредѣленныхъ задачъ и ясныхъ началъ. Не связанное внутреннимъ единствомъ научной цѣли естествознаніе, какъ растаявшій кристаллъ, разлилось по всей области умозрѣнія, стремясь напитать все познаніе своими формами и не сознавая, что эти формы—формы познанія и, стало быть, для изученія самаго познанія вовсе не пригодны. Страховъ указалъ на необходимость одухотворить мертвое тѣло механическаго естествознанія живою водою діалектическаго умозрѣнія, на необходимость умозрительнаго творчества въ его области; иными словами указалъ на необходимость философскаго анализа началъ и понятій естествознанія. Страховъ показалъ, что естествознаніе размѣнялось на изобрѣтенія, забыло свои высшія задачи въ погонѣ за мелочами и теперь превратилось въ какую-то инертную массу свѣдѣній, нуждающуюся въ одухотвореніи однимъ общимъ началомъ философскаго изслѣдованія. Наконецъ, онъ указалъ, что одна изъ главныхъ слабостей науки о природѣ—ея односторонность, ея, такъ сказать, самодвольная исключительность, въ силу которой представители естествознанія специализируются въ немъ одномъ и, обольщенные убѣжденіемъ въ его мнимой достовѣрности, довольствуются узкою областью частнаго знанія вмѣсто всеобъемлющаго просвѣщенія. И въ этомъ смыслѣ Страховъ является едва ли не единственнымъ истинно просвѣщеннымъ, а не только ученымъ мыслителемъ второй половины нашего незавидной памяти истекающаго девятнадцатаго столѣтія. Передъ самомящими специалистами, изъ которыхъ каждый убѣжденъ, что въ избранной имъ области и находится

центръ высшихъ интересовъ человѣчества, изъ которыхъ каждый понимаетъ просвѣщеніе, лишь какъ сумму знаній, и, видя невозможность для себя знать все, желаетъ принести посильную пользу тѣмъ, что будетъ знать и изучать хоть что нибудь, Стрховъ воистину является эстетикомъ умозрѣнія, охватывающимъ однимъ взоромъ все значеніе всей науки въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и въ жизни всего человѣчества и потому глубоко и прямо судящимъ объ истинныхъ ея задачахъ и надлежащихъ предѣлахъ. Познаніе, то-есть философія и наука, лишь одинъ изъ нѣсколькихъ элементовъ жизни; а въ частности естествознаніе не только не есть наука по преимуществу, но даже, наоборотъ, наименѣе научная изъ наукъ, уродливый наборъ голыхъ свѣдѣній, ничѣмъ изнутри не объединенныхъ и не освѣщенныхъ. Если есть область знанія, нуждающаяся въ коренномъ пересмотрѣ и преобразованіи, то это именно естествознаніе; оно—хаосъ, жаждущій одухотворенія его единой и могущественной концепціей творческаго умозрѣнія.

Нельзя не остановиться въ заключеніе на этой, только что упомянутой, потребности. Стрховъ не только указалъ на ея неизбежность и законность, но даже подмѣтилъ ея несомнѣнныя проявленія въ современномъ естествознаніи, показалъ, какъ оно, не удовлетворенное своими мнимыми богатствами, само ищетъ изъ себя выхода; въ то же время ему удалось выяснитъ, какъ нерѣдко науку выводятъ за ея предѣлы и тѣмъ самымъ отрицаютъ ее—умы, предъявляющіе къ ней запросы, не вытекающіе прямо изъ ея непосредственныхъ задачъ. Мы разумѣемъ полемику Стрхова о спиритизмѣ. Стрховъ указалъ, что рационализмъ никогда не можетъ найти въ самомъ себѣ удовлетворенія, такъ какъ, очевидно, человѣческій духъ не можетъ всецѣло исчерпать себя въ одномъ какомъ нибудь изъ жизненныхъ элементовъ; и вотъ современное естествознаніе отважилось ступить на новый путь—научнаго, опытнаго проникновенія въ область сверхчувственнаго, сверхопытнаго. Въ стукахъ и движеніяхъ тѣлъ естествоиспытатели пытались наблюдать проявленія духа и такимъ образомъ и его ввести въ число предметовъ эмпирическаго изученія. Эта погоня естествознанія за блудящими огнями дѣйствительно съ удивительной ясностью обличаетъ и его безсиліе удовлетворитъ всѣ запросы духа и неспособность подняться надъ однажды усвоенной эмпирической точкой зрѣнія. Въ своихъ результатахъ спиритизмъ поэтому и долженъ былъ явиться отрицаніемъ науки, тѣхъ ея «вѣчныхъ истинъ», то-есть основныхъ положеній чисто формальнаго свойства, которыя исчерпываютъ всю полноту изучаемыхъ ею явленій, но, очевидно, не могутъ простираться на явленія, не входящія въ категорію ея предметовъ, въ родѣ, наприкладъ, математическихъ положеній, какъ $2 \times 2 = 4$, или физическаго закона сохраненія энергіи, или закона инерціи. Эта полемика составляетъ содержаніе особой книги, которая такъ и озаглавлена «О вѣчныхъ истинахъ».

Для полноты очерка надо упомянуть, что Страховъ посвятилъ цѣлый рядъ статей опроверженію дарвинизма въ связи съ разборомъ превосходной критики дарвинизма Н. Я. Данилевскимъ; но сущность отношенія Страхова къ дарвиновскому эпигенезису нами уже намѣчена нѣсколько выше, и потому едва ли нуженъ подробный разборъ этихъ статей, разбросанныхъ по разнымъ произведеніямъ Страхова, но главнымъ образомъ сосредоточенныхъ въ его «Ворьбѣ съ Западомъ».

IV.

Почти одновременно съ знакомствомъ съ Григорьевымъ состоялось другое знакомство, игравшее еще большую роль въ жизни Страхова, а именно съ братьями Достоевскими, Ѳедоромъ и Михаиломъ Михайловичами ¹⁾. «Въ журналистику я вступилъ»,—писалъ Страховъ,—«съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью ²⁾»; однако же знакомство мое съ Ѳ. М. Достоевскимъ началось именно на журнальномъ поприщѣ ³⁾. Въ концѣ 1859 г. сослуживецъ Страхова и сотрудникъ по журналу «Свѣточъ» А. П. Милюковъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ одну большую статью Страхова и пригласилъ его на свои вторники. «Съ перваго вторника, когда я явился въ этотъ кружокъ, я считалъ себя какъ будто принятымъ наконецъ въ общество настоящихъ литераторовъ и очень всѣмъ интересовался. Главными гостями оказались Ѳ. М. и М. М. Достоевскіе, давнишніе друзья хозяина. Кромѣ нихъ, часто являлись А. Н. Майковъ, Вс. Вл. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, д-ръ С. Д. Яновскій, А. А. Чумиковъ, В. Д. Яковлевъ и другіе. Разговоры въ кружкѣ занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мнѣ довелось пройти, школа, во многомъ расходившаяся съ тѣми мнѣніями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жилъ тоже въ кружкѣ, но въ своемъ, не публичномъ и литературномъ, а совершенно частномъ, состоявшемъ изъ людей моложе меня возрастомъ. Назову изъ живыхъ Д. В. Аверкіева, изъ покойныхъ М. П. Покровскаго, Н. Н. Воскобойникова, В. И. Ильина, И. Г. Долгомостьева, Ѳ. И. Дове. Тутъ господствовало большое поклоненіе наукѣ, поэзіи, музыкѣ, Пушкину, Глинкѣ; настроеніе было очень серьезное и хорошее. И тутъ сложились взгляды, съ которыми я вступилъ въ чисто литературный кружокъ. Въ то время я занимался зоологіею и философіею, и потому, разумѣется, прилежно слѣдилъ за нѣмцами, въ нихъ

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе ведется на основаніи «Воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ», напечатанныхъ въ I томѣ перваго посмертнаго изданія его сочиненій, на которыя самъ Страховъ ссылался, какъ на самый лучший источникъ біографическихъ свѣдѣній о немъ самомъ.

²⁾ «Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ», стр. 205.

³⁾ Тамъ же, стр. 171.

видѣлъ вождей просвѣщенія¹⁾. Что касается до взглядовъ на искусство, то я держался обыкновенной нѣмецкой теоріи свободы художника, той теоріи, которая сложилась въ нѣмецкой философіи, проникла къ намъ еще при жизни Пушкина и которой много обязана наша литература²⁾. Направленіе же литературнаго кружка сложилось подъ вліяніемъ французской литературы; политическіе и соціальные вопросы были тутъ на первомъ планѣ и поглощали чисто художественные интересы. Художникъ по этому взгляду долженъ слѣдить за развитіемъ общества и приводить къ сознанію нарождающееся въ немъ добро и зло, быть поэтою наставникомъ, обличителемъ, руководителемъ; такимъ образомъ почти прямо заявлялось, что вѣчные и общіе интересы должны быть подчинены временнымъ и частнымъ»³⁾. Философскіе же и научные интересы повидимому отступали совершенно на второй планъ, не находясь, по самой природѣ своей, въ прямой непосредственной связи съ явленіями общественной жизни. Близость съ этимъ кружкомъ, преимущественно съ братьями Достоевскими, главнымъ образомъ и вывела Страхова на журнальный путь. «Хотя я имѣлъ уже маленькій успѣхъ въ литературѣ, — пишетъ онъ, — и обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе М. Н. Каткова и А. А. Григорьева, все-таки я долженъ сказать, что больше всего обязанъ въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскому, который съ тѣхъ поръ отличалъ меня, постоянно одобрялъ и поддерживалъ, и усерднѣе, чѣмъ кто нибудь, до конца стоялъ за достоинства моихъ писаній»⁴⁾. Достоевскіе тогда затѣвали изданіе «толстаго» ежемѣсячнаго журнала «Время» и пригласили Страхова въ сотрудники. Предложеніе было принято, и тогда передъ сравнительно недавно вступившимъ въ литературу писателемъ немедленно открылась возможность широкаго журнальнаго вліянія въ качествѣ одного изъ ближайшихъ членовъ редакціи журнала, сразу имѣвшаго быстрый и прочный успѣхъ. Увлеченіе новымъ родомъ занятій было такъ сильно, что Страховъ, находя въ нихъ также и значительную матеріальную поддержку, рѣшилъ прекратить свою педагогическую дѣятельность и въ 1861 г. вышелъ въ отставку, а лѣтомъ 1862 г. предпринялъ даже на свои скромныя сбереженія заграничное путешествіе, половину котораго совершилъ съ Ѳ. М. Достоевскимъ. Поѣздка шла черезъ Берлинъ и Дрезденъ въ Женеву, Люцернъ, затѣмъ черезъ Монсенисъ и Туринъ въ Геную, Ливорно, Флоренцію, вновь черезъ Геную и Марсель въ Парижъ и обратно. Однако этотъ жизненный успѣхъ оказался непрочнымъ и крайне недолговѣчнымъ: уже въ слѣдующемъ 1863 г. надъ журналомъ «Время» разразилась бѣда, невольной причиной которой оказался самъ Стра-

1) Тамъ же, стр. 171—172.

2) Тамъ же, стр. 174.

3) Тамъ же, стр. 172.

4) Тамъ же, стр. 277.

ховъ. Въ началѣ января этого года, какъ извѣстно, вспыхнуло польское возстаніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ между прочимъ очень рѣзкій переломъ общественнаго настроенія отъ либерализма къ горячему подъему патриотическихъ чувствъ. Московская журналистика стала во главѣ новаго движенія; петербургская же наоборотъ отвѣчала ему почти всеобщимъ молчаніемъ, отчасти вынужденнымъ, отчасти тенденціознымъ, и ограничивалась сухими и блѣдными корреспонденціями. Это молчаніе чрезвычайно раздражало патриотически настроенную часть общества, и потому, когда въ апрѣльской книжкѣ «Времени» появилась статья Страхова о польскомъ дѣлѣ подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ» и за подписью «Русскій», это настроеніе выразилось очень рѣзко: въ статьѣ усмотрѣли полонофильское направленіе, дѣло доведено было до свѣдѣнія государя, и журналъ былъ закрытъ, не смотря на всевозможныя хлопоты и разъясненія, которыхъ единственнымъ послѣдствіемъ было развѣ только то, что Достоевскимъ черезъ семь мѣсяцевъ было вновь разрѣшено изданіе журнала подъ названіемъ «Эпоха», начавшаго выходить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ съ апрѣля 1864 г. двойною книжкою—за январь и февраль. Журналъ пошелъ плохо, былъ встрѣченъ непріязненно всею литературой, выходилъ неисправно и въ концѣ концовъ прекратился послѣ февральской книжки 1865 года. Но эти прекращенія двухъ журналовъ застали Страхова настолько привязавшимся къ литературнымъ занятіямъ, что онъ не могъ сразу рѣшиться перемѣнить ихъ на какія нибудь другія. «Послѣ прекращенія «Эпохи» я попалъ, — пишеть онъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ», — на «подножный кормъ» — такъ я называлъ времена, когда жилъ переводами». Этотъ чернорабочій литературный промыселъ, какъ извѣстно, и труденъ и неблагодаренъ; жить переводами можно только при самой усиленной работѣ. Такъ и въ это время Страховъ работалъ, какъ волъ, а между тѣмъ едва-едва перебивался, хотя самый трудъ былъ ему привыченъ: онъ уже и раньше работалъ надъ переводомъ «Исторія новой философіи» Куно Фишера. Такъ какъ, кромѣ того, Страховъ и впослѣдствіи занимался переводами, то мы находимъ всего умѣстнѣе здѣсь же охарактеризовать всю его дѣятельность, какъ переводчика.

Результаты этой дѣятельности весьма не равны достоинствомъ. Во главѣ всѣхъ переводовъ Страхова долженъ быть поставленъ позднѣйшій изъ нихъ по времени—переводы отрывковъ изъ воспоминаній Ренана («Souvenirs d'enfance et de jeunesse»), появлявшіеся въ «Русскомъ Обзорѣніи» и отдѣльно не переизданные. Къ этимъ переводамъ вполне приложимы требованія художественной критики, и даже передъ самымъ строгимъ ея судомъ они превосходны. Съ такимъ же совершенствомъ, хотя не подлежа художественной критикѣ по свойству своего содержанія, исполнены и тѣ изъ прочихъ его переводовъ, которые бывали предприняты на досугъ и притомъ

по собственному выбору переводчика, то-есть исключительно изъ любви къ переводимому оригиналу; наоборотъ, никакими достоинствами не отличаются переводы, сдѣланные наскоро, на заказъ, по выбору не такого издателя, какимъ былъ Тибленъ, а, напримѣръ, Вольфа или апраксинскаго книжника Ваганова; эти послѣдніе грѣшатъ нерѣдко большими недостатками, объяснимыми только спѣшностью срочной работы. Переводы первой категоріи и по выбору и по выполненію составляютъ истинную заслугу Стрхова предъ нашей философской и научной литературой; къ ихъ числу принадлежатъ: «Исторія новой философіи» Куно Фишера, въ четырехъ томахъ; эта книга давно распродана, и тѣмъ не менѣе на нее существуетъ огромный спросъ; «Беконъ Веруламскій» Куно Фишера; это изданіе также распродано, хотя въ настоящее время уже устарѣло, ибо авторъ выпустилъ свою книгу вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ; «Объ умѣ и познаніи» Тена — не такъ давно вышло второе, исправленное по послѣдней редакціи подлинника, изданіе этой книги; «Исторія матеріализма» Ланге — сполна распроданная, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не переизданная книга; «Введеніе къ изученію опытной медицины» Клода Вернара—также распроданный и, не смотря на огромный спросъ, не повторенный переводъ; наконецъ, «Жизнь птицъ» Брема. Ко второй категоріи относятся слѣдующіе переводы ¹⁾: Шваннъ—«Анатомія чловѣка»; Бремъ и Росмесслеръ—«Лѣсныя животныя»; «Чудеса древней страны пирамидъ»; Фигье—«Свѣтила науки» (1-й томъ); Тьерселенъ—«Записки китолова»; Вергранъ—«Перевороты»; Ливингстонъ—«Путешествіе по Замбези» (2 тома); Смайльзъ—«Характеръ»; Францъ—«Физиологія государства»; Гонеггеръ—«Исторія культуры». Кромѣ всѣхъ этихъ переводовъ, былъ сдѣланъ еще одинъ, уничтоженный цензурой,—переводъ книги Штраусса о Вольтерѣ.

Въ 1867 году Стрхову удалось, наконецъ, вернуться къ журнальной дѣятельности: Краевскій пригласилъ его по смерти Дудышкина редактировать «Отечественныя Записки». Но новому редактору не удалось поднять падавшій журналъ, и въ 1868 году Краевскій, оставаясь номинальнымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», отдалъ ихъ Некрасову. Между тѣмъ Стрховъ получилъ мѣсто помощника редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», хотя и тутъ оставался недолго: въ 1869 году В. В. Кашпиревъ основалъ журналъ «Заря», въ которомъ Стрховъ былъ два года редакторомъ и за все время существованія журнала главнымъ руководителемъ. Но и «Заря» не имѣла успѣха и въ 1872 году прекратилась. вмѣстѣ съ нею прекратилась и непосредственная журнальная дѣятельность Стрхова, такъ какъ редактированіе имъ впо-

¹⁾ Списокъ этотъ, за безусловную полноту котораго мы не ручаемся, сообщенъ самимъ покойнымъ Н. Н. Стрховымъ.

слѣдствіи «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» явилось дѣломъ вполне случайнымъ, и было весьма непродолжительно. «Я увидѣлъ,—писалъ онъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ»,—что работать мнѣ негдѣ. «Русскій Вѣстникъ» былъ единственнымъ мѣстомъ, но деспотическій произволъ Каткова былъ для меня невыносимъ. Я рѣшился поступить на службу и съ августа 1873 года принялъ мѣсто бібліотекаря Публичной бібліотеки по юридическому отдѣленію». Сверхъ того, съ 1874 года и до смерти онъ состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, въ роли публициста Страховъ оказался такимъ же неудачникомъ, какъ и въ роли ученаго. Внѣшній, формальный, успѣхъ вообще не былъ данъ ему въ жизни; но онъ имъ мало дорожилъ, и тѣ бѣдствія, которыя доводятъ другія натуры до озлобленія и отчаянія, его только «огорчали», да и то не надолго. Онъ такъ мало требовалъ отъ жизни ея внѣшнихъ благъ, что вполне довольствовался ихъ наименьшими размѣрами. Никогда онъ не ропталъ, никогда не раздражался, даже никогда не жаловался на постигшія его невзгоды. Личныя отношенія никогда не играли никакой роли въ его сужденіяхъ, а скорѣе, наоборотъ, его умственные симпатіи и антипатіи обуславливали его личныя отношенія. Главными привязанностями въ его жизни была его, можно сказать, нѣжная любовь къ Григорьеву, Достоевскому, Данилевскому, графу Л. Н. Толстому и Фету, то-есть именно къ тѣмъ писателямъ, которыхъ онъ наиболѣе высоко ставилъ среди своихъ современниковъ. Наоборотъ, въ его антипатіяхъ никогда не было ничего личнаго. Смѣло можно сказать, что при всякихъ обстоятельствахъ онъ придавалъ бы именно то же значеніе произведеніямъ Салтыкова, Некрасова, Писарева, Михайловскаго, Соловьева, Минаева и другихъ; какое придавалъ имъ подъ градомъ издѣвательствъ и даже надругательствъ надъ нимъ съ ихъ стороны. Отношеніе брезгливаго презрѣнія или даже почти равнодушнаго подтруниванья возбуждалось въ немъ именно литературными качествами произведеній этихъ писателей и никогда не измѣнялось въ пристрастное озлобленіе, не взирая ни на какія печатныя и даже непечатныя выходки на его счетъ. Нѣсколько рѣзкихъ порицаній, вырвавшихся у него главнымъ образомъ по адресу Салтыкова, нимало не носятъ личнаго характера, особенно если сравнить ихъ краткость и немногочисленность съ тѣми потоками ругани и оскорбленій, которые направлялись его противниками на его незапятнанное имя. Стоическій характеръ Страбова, его умѣнье въ области идей быть выше всякихъ личныхъ отношеній, внушили подъ конецъ даже его клеветникамъ сознание, что имя Страбова должно произноситься съ уваженіемъ, и что его незапятнанно чистая дѣятельность обезоруживаетъ всякія клеветы и даже осужденія, обращая ихъ цѣликомъ на головы тѣхъ, отъ кого онѣ исходятъ.

Но что же представлялъ изъ себя Стрховъ, какъ публицистъ? Вопросъ необычайно сложный и обширный, котораго настоящая статья можетъ коснуться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, скорѣе намѣчая, нежели исчерпывая его во всей полнотѣ. По собственному сознанию Стрховъ пришелъ къ журнальной дѣятельности случайно и вступилъ на ея арену весьма неохотно, по свойственному всѣмъ молодымъ ученымъ складу мыслей свысока пренебрегая журналистикой. Если онъ позже и увлекся ею, то это вполне объяснимо упомянутой выше «потребностью въ аудиторіи», присущей каждому, хоть отчасти знакомому съ психологіей научныхъ занятій. Удерживала же его на журнальномъ пути чисто денежная необходимость и невозможность иначе устроиться. Какъ-то разъ бесѣдуя съ нимъ, пишущій эти строки жаловался Стрхову, что необходимость заставляетъ писать и тратить время, которое такъ хотѣлось бы посвятить на то, чтобы самому учиться, самому восполнять свое образование, себѣ самому выяснять свои внутренніе вопросы, на то, чтобы возвѣщать другимъ съ крышъ и минаретовъ о томъ, что для себя самого и рѣшено и ясно. Въ возникшемъ по этому поводу разговорѣ Стрховъ между прочимъ съ улыбкой замѣтилъ, что вѣдь «въ этомъ, если хотите, и вся трагедія всей моей жизни». Теперь, окидывая однимъ взглядомъ всю его дѣятельность, невольно чувствуешь всю глубокую и горькую правду этихъ спокойно и даже шутливо сказанныхъ словъ. Истинное призваніе Стрхова всегда была критика, руководимая не тѣми или иными внѣ его лежащими запросами общественной жизни, а исключительно внутренней, метафизической потребностью ума въ знаніи и размышленіи. «Съ самаго дѣтства,— писалъ онъ,— у меня была любовь къ книгамъ, и знаменитыя имена писателей, ученыхъ и философовъ возбуждали во мнѣ благоговѣніе и желаніе познакомиться съ ихъ произведеніями. Тутъ было что-то невольное, какъ бы прирожденное; мнѣ и тогда и потомъ почти не случалось встрѣчать людей, у которыхъ эти чувства господствовали бы въ такой мѣрѣ, какъ у меня. Царство ума, новыя и древнія созданія мысли и творчества являлись мнѣ съ дѣтства, какъ далекое небо, обступившее меня со всѣхъ сторонъ и усѣянное прекрасными свѣтилами. Хорошая черта этой идеализаціи состояла въ томъ любопытствѣ, которое постоянно влекло меня ближе познакомиться съ этими свѣтилами; дурная черта въ томъ, что вниманіе разсѣивалось, и что увѣренность въ своихъ мысляхъ и чувствахъ росла слишкомъ медленно подъ давленіемъ авторитетовъ. Представьте себѣ настроеніе, когда человѣкъ заранѣе увѣренъ, что область истины отъ него далека и трудно ему доступна, но что эта область несомнѣнно существуетъ, богатая и прекрасная, созданная усиліями многихъ вѣковъ и народовъ: узнать эти сокровища, найденныя другими,—вотъ что ему нужно сдѣлать, и это важнѣе, чѣмъ пытаться самому рѣшать вопросы, самому подыматься

на высшую точку умозрѣнія. Что значить отдѣльное лицо въ сравненіи со всей исторіей ума человѣческаго? Глубочайшія истины, конечно, искони были доступны людямъ высокихъ душевныхъ силъ, какъ объ этомъ говоритъ Гёте:

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden;
Das alte Wahre, fass es an!

«Съ такими и подобными мыслями пустился я въ то плаваніе по морю книгъ, которое началъ съ отрочества и продолжаю до сихъ поръ. Царство книгъ дѣйствительно можетъ быть названо моремъ—такъ оно необозримо, такъ много въ немъ однообразныхъ пространствъ, и такія дива можно въ немъ найти, или скрытыя въ глубинѣ, или выдающіяся надъ уровнемъ, какъ острова и скалы, давно всѣмъ извѣстныя, по крайней мѣрѣ, по слуху¹⁾».

Легко, разумѣется, убѣдиться, что люди, проникнутые такими настроеніями, не рождены для практической жизни. Въ ней они или терпятъ полную неудачу, или проходятъ безслѣдно и бесполезно. Ихъ область—книги, чистое мышленіе, а не живая, непосредственная дѣятельность. Но дѣло въ томъ, что выбирать въ жизни не легко, и что чистое умозрѣніе жизнь оставляетъ только тѣмъ, кто не связанъ никакими нуждами, работами и неудачами. Страховъ былъ связанъ своей бѣдностью и тяжелыми жизненными условіями и на борьбу съ ними затрачивалъ тѣ силы, которыя природой были предназначены для болѣе высокаго и значительнаго примѣненія. Профессуры добиться ему не удалось; преподаватель онъ былъ, по свидѣтельству его учениковъ, очень плохой—сбивчивый, отвлеченный и сухой; наконецъ, и публицистомъ онъ вышелъ неудачнымъ, такъ какъ не обладалъ ни однимъ свойствомъ, необходимымъ для этого ремесла. Публицистъ, въ сущности говоря, тотъ же педагогъ, только бѣгущій съ азбукой и указкой за текущими явленіями окружающей его дѣйствительности. Онъ ничего новаго не говоритъ, а отвѣчаетъ лишь то, о чемъ спрашиваютъ событія. Онъ вѣчно твердитъ зады, вѣчно возобновляетъ въ памяти міра азбуку, которая такъ легко забывается. Онъ—толкователь всей обыденной жизни до послѣднихъ ея мелочей, и нерѣдко въ нихъ-то для него лежитъ самое главное, центръ тяжести его значенія. Публицистъ—суфлеръ улицы, площади, театра, собранія, семьи, общества, власти; онъ долженъ быть вездѣ, гдѣ забывчивый человѣкъ теряется мыслями. Онъ вѣчно долженъ всѣмъ отвѣчать на вопросъ: что же намъ дѣлать, что думать, какъ держаться? Онъ долженъ предугадывать этотъ вопросъ, предрѣшать всѣ сужденія. Всегда готовый къ спору и неожиданности, всегда бѣгущій за событіями, подхва-

¹⁾ Изъ везданной статьи «Воспоминанія о ходѣ философской литературы».

тывающій всѣ комбинаціи калейдоскопа общественныхъ явленій, раздробляющій свое вниманіе на милліоны интересовъ, онъ, очевидно, человѣкъ, болѣе всего на свѣтѣ чуждый и даже враждебный эстетичности, цѣльности, стройности, единству. Но въ то же время публицистъ (мы все время подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ журналиста) долженъ держаться, какъ и педагогъ, опредѣленныхъ и точныхъ началъ, учить непремѣнно по одному учебнику. Онъ долженъ быть догматикомъ, человѣкомъ съ законченной, несокрушимой скрижалью, держащимъ яркій рефлекторъ и имъ наводящимъ лучи своего исповѣданія на каждую темную точку окружающей жизни. Потому онъ долженъ быть, во-первыхъ, проповѣдникомъ опредѣленнаго, положительнаго ученія, а, во-вторыхъ, проповѣдникомъ бесконечно быстрымъ, отзывчивымъ и разнообразнымъ. Его мысли должны быть коротки, просты, подвижны и всепроникающи, какъ инфузоріи, хотя бы то были заразные бактеріи. Свои широкія идеи онъ долженъ умѣть такъ раздробить о плоскую дѣйствительность, чтобы всюду разлетѣлись брызгами его категоричныя и простыя разъясненія. Сомнѣніе журналисту непозволительно; толпа не поставитъ ему въ упрекъ молчанія, не поставитъ въ упрекъ даже наглой насмѣлки надъ тѣмъ, что выше его пониманія, но не проститъ колебаній. Непозволительна журналисту и самостоятельность въ ходѣ и смѣнѣ интересовъ; журналистъ, задавшійся высшими вопросами, живущій хотя бы гениально глубокой внутренней жизнью, потонетъ въ общемъ равнодушіи, не найдетъ себѣ читателей. Эта необходимость всегда имѣть готовое мнѣніе и порождаетъ отвратительнѣйшее явленіе нашего вѣка—скептическую печать. Газеты вездѣ и всегда скептичны, подозрительны, вездѣ склонны видѣть личность, недобросовѣстность; сплетня, глумленіе, невѣжественное всезнайство и самый низменный скептицизмъ—вотъ непремѣнный духъ газетной печати, ежедневно прививаемый толпѣ милліардами печатныхъ листовъ. Имъ отравлена вся грамотная, а за ней и неграмотная часть человѣчества. Работа ума, самостоятельность мысли становятся все больше ненужны; газетный листъ даетъ сужденія по всѣмъ предметамъ и несокрушимую увѣренность въ этихъ готовыхъ сужденіяхъ. Еще историки не успѣли взвѣсить, въ какой степени воинственно-самодовольное невѣжество нашего вѣка порождено развитіемъ газетной литературы; еще человѣчество само не успѣло себѣ уяснить источниковъ и значенія этого площаднаго скептицизма. Публицистика въ ея рѣзкихъ формахъ собственно только что народившееся явленіе. Власть еще не знаетъ, какъ съ нею быть, какъ на нее вліять, какъ ея править, и потому въ нерѣшительности придерживается въ области печатнаго слова экономическаго принципа невмѣшательства; руководители же духовной жизни человѣчества, умы, отворачиваются отъ лавочнаго руководства толпою.

Менѣе всего соотвѣтствовалъ такой дѣятельности пытливый умъ

и строгій складъ настроеній Страхова. Эстетикъ и критикъ, жаждущій познанія, онъ въ жизнь вступилъ и всю ее прошелъ ученикомъ, а не учителемъ, изслѣдователемъ, а не проповѣдникомъ. Ни педагогомъ, ни публицистомъ онъ не могъ быть, не противорѣча самъ себѣ, да никогда бы и не былъ безъ угнетающей къ тому необходимости. Мало того, для публицистической дѣятельности онъ не обладалъ не только надлежащимъ характеромъ, но и подготовкой. Юридическаго образованія онъ не получилъ и хотя не былъ безусловно чуждъ политическимъ и общественнымъ наукамъ, тѣмъ не менѣе невольно разсматривалъ явленія правовой и государственной жизни, такъ сказать, извнѣ, съ точки зрѣнія общей словесности, а не подъ угломъ возрѣній современнаго правовѣдѣнія. Кромѣ того, его образованіе и развитіе шли въ уединеніи, вдали отъ всякихъ общественныхъ интересовъ и волненій. Онъ былъ, конечно, глубокимъ патриотомъ; но его патриотизмъ не былъ предначертаніемъ общественной дѣятельности, непосредственнымъ творческимъ порывомъ; онъ былъ скорѣе его личнымъ настроеніемъ, естественнымъ, прирожденнымъ чувствомъ, всегда готовымъ къ заслуженному восторгу и благоговѣнію, но не къ борьбѣ и дѣйствіямъ. Его патриотизмъ былъ именно созерцательный, эстетическій, критическій. Онъ страдалъ отъ бѣдствій своей родины, осуждалъ темныя въ ней событія, восхищался ея славой и достоинствами, но дальше не шелъ. Онъ созерцалъ жизнь и искалъ, чѣмъ бы въ ней восхититься, предъ кѣмъ бы преклониться; но самъ не выходилъ на ея арену иначе, какъ критикомъ. Онъ искалъ, такъ сказать, положительныхъ заблужденій, извращеній «какъ цѣлаго» и, по своей потребности высказаться, выступалъ съ критикой этихъ извращеній и заблужденій. Очевидно, это роль ничуть не публицистическая, такъ какъ отъ публициста требуютъ не эстетической или философской критики, ограничивающейся разборомъ только своего предмета, но ждуть положительныхъ приговоровъ и сужденій, а главное — практическихъ выводовъ и указаній. Ихъ Страховъ давать не могъ по самому свойству своей натуры, и потому его публицистическія произведенія или проходили совершенно незамѣченными, или даже по какому-то роковому недоразумѣнію возбуждали неудовольствіе и негодованіе какъ разъ со стороны тѣхъ, чьимъ возрѣніямъ въ сущности вполне отвѣчали своимъ содержаніемъ, подобно, на примѣръ, превосходной по глубинѣ замысла статьѣ «Роковой вопросъ». Равнымъ образомъ не имѣла ни успѣха, ни убѣдительности его поражающая глубиною, тонкостію и остроуміемъ журнальная полемика, такъ какъ она являлась именно критикой публицистики и ея приѣмовъ—дѣломъ бесполезнымъ и болѣе, чѣмъ неблагоприятнымъ. Его статьи только возбуждали противъ него ненависть всей періодической печати, и та съ своей стороны дѣлала все возможное, чтобы отбить у читателей охоту читать Страхова, выслушивать его мнѣнія. Къ Стра-

хову долго примѣнялся большинствомъ газетъ и журналовъ по-стыдный и низкій приѣмъ высмѣиванія пополамъ съ замалчиваніемъ, который, напримѣръ, въ настоящее время широко примѣняется съ такимъ огромнымъ успѣхомъ къ князю Мещерскому, къ которому упорно не желаютъ относиться серьезно, какъ того требовало бы его значеніе безспорно даровитаго и убѣжденнаго представителя нѣкоторыхъ опредѣленныхъ и точныхъ воззрѣній (правильныхъ или неправильныхъ—это вопросъ совершенно особый). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ оговориться, что собственно публицистическія статьи занимаютъ очень скромное мѣсто среди прочихъ произведеній Страхова, преимущественно посвященныхъ литературной критикѣ, хотя и въ этой послѣдней въ свою очередь нерѣдко очень ясно просвѣчиваетъ публицистическій элементъ, который, какъ легко угадать, всегда имѣлъ очень широкій, гораздо больше философски литературный, нежели строго политическій характеръ. Такъ какъ вообще Страховъ выяснялъ свои идеалы гораздо больше критикой несоотвѣтствующихъ имъ воззрѣній, нежели положительными формулировками, то и въ области публицистики ихъ характеристика должна быть посвящена главнымъ образомъ анализу этихъ воззрѣній. Притомъ такой анализъ тѣмъ болѣе необходимъ въ этой области, что въ ней Страховъ гораздо больше руководился общими, отвлеченными идеями, чѣмъ точнымъ знаніемъ и потому, хотя его симпатіи и антипатіи и были неукоснительно правильны, но самая критика не имѣла той убѣдительности и силы, которая свойственна ей на другихъ поприщахъ.

Политическія науки и все вообще правовѣдѣніе раздѣлили въ истекающемъ столѣтіи судьбу наукъ естественныхъ и пришли въ упадокъ, проявляющій самое разительное сходство съ современнымъ внутреннимъ упадкомъ естественныхъ наукъ наряду съ ихъ внѣшнимъ успѣхомъ и процвѣтаніемъ. Великій расколъ въ царствѣ науки, разрывъ знанія съ умозрѣніемъ, простерся и на правовѣдѣніе. Школа естественнаго права исчезла изъ всей его области и юристы остались безъ философіи, то-есть безъ теоріи права. Юриспруденція, какъ и естествознаніе, вся цѣликомъ обратилась къ изученію положительныхъ обычаевъ и законодательствъ. Основныя начала, исходныя понятія были устранены изъ науки, и какъ естествовѣдѣніе отъ познанія сущностей перешло къ изученію формъ явленій, то-есть стали на точку зрѣнія голаго матеріализма, такъ и юристы признали основой своей науки исключительно формы людскихъ отношеній. Какъ всѣ современныя естественныя науки были сведены на механику атомовъ, изъ которой стремились построить и физику, и химію, и физиологію, и психологію, такъ правовѣдѣніе превратилось въ механику индивидуумовъ, которая должна была произвести изъ себя ученія о собственности, семьѣ, родѣ, общинѣ, государствѣ. Тѣла и жизнь исчезли, остались атомы и силы;

исчезли люди, союзы, семья, государство, остались отвлеченные индивидуумы, права и, такъ сказать, зоологія государствъ—псевдонаука социологія. Космополитизмъ, безразличный къ исторіи, государству, народу, воцарился въ области политическихъ наукъ, и живыя формы дѣйствительности исчезали, раздробляясь на права и лица, лица и права. Это механическое правовѣдѣніе, само на себѣ стоящее и само изъ себя идущее, повело къ тѣмъ же уродливостямъ, что и механическое естествознаніе: въ немъ породился свой материализмъ, ученіе о единомъ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ лицъ и всѣхъ правъ. Исторія превратилась, подобно канто-лапласовской исторіи неба, въ механическое сосредоточеніе атомовъ и ихъ постепенное объединеніе въ одно случайное цѣлое—человѣчество, и была названа эволюціей, а самое ея движеніе, насильственно подгоняемое подъ это воззрѣніе, окрещено прогрессомъ. Роль человѣка свелась къ самодовольному существованію, къ борьбѣ за право, самоцѣльной и всеисчерпывающей, непремѣннымъ результатомъ которой обѣщались всеобщее единство и всечеловѣческое блаженство. Наконецъ, какъ спиритизмъ въ естествознаніи, то-есть какъ исканіе выхода изъ себя самого и своими средствами этой голой, безотрадной механики, этого голаго материализма правовѣдѣнія, возникъ современный анархизмъ—чудовищный политическій спиритизмъ, стремящійся подчинить увкимъ и тѣснымъ правовымъ понятіямъ всѣ явленія живой общественной жизни, и этимъ стремленіемъ приводимый къ полному, безусловному отрицанію и этихъ явленій, и этой жизни, и самыхъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ онъ самъ исходитъ. Этотъ анархизмъ на западной почвѣ наиболѣе рѣзко воплотился въ неистовой парижской коммунѣ 1870 г., а на почвѣ русской—въ нигилистическомъ броженіи вплоть до чудовищной катастрофы 1 марта 1881 г. Именно этимъ двумъ отвратительнымъ событіямъ посвящены двѣ крупныя статьи Страхова, отпечатанныя въ двухъ первыхъ книгахъ «Борьбы съ Западомъ». Въ обѣихъ статьяхъ, горячихъ, увлекательныхъ и живыхъ, Страховъ старался выяснитъ самыя причины, самый корень зла, подвергая самому внимательному и всестороннему разбору вопросъ, въ чемъ жизненная сила, увлекательность анархизма. Вопросъ, безспорно, глубокий и важный; но едва ли правильна его постановка. Страховъ искалъ философскихъ и этическихъ основъ нигилизма, упуская изъ вида главное—его основанія политическія. Отъ того для него, какъ и для всѣхъ его современниковъ, даже для первыхъ между ними, Достоевскаго и графа Л. Н. Толстого, нигилизмъ оставался въ сущности лишь великой этической загадкой, безразсуднымъ проявленіемъ непомерной гордости ума человѣческаго. Сверхъ того, нигилизму же Страховъ посвятилъ цѣлую особую книгу подъ заглавіемъ «Изъ исторіи литературнаго нигилизма», составляющую сборникъ полемическихъ его статей и замѣтокъ, появлявшихся во «Времени» и «Эпохѣ». Въ этихъ статьяхъ вопросъ взятъ нѣсколько

съ иной стороны и притомъ разобранъ очень интересно: Страховъ анализируетъ въ нихъ, по его словамъ, огромные размѣры, въ которыхъ у насъ въ 60-хъ годахъ обнаружилась пустота и зыбкость умовъ, бывшія почвой, «на которой выросло столько чудовищныхъ мнѣній и чудовищныхъ дѣйствій». Эти статьи, представляющія изъ себя истинные перлы полемическаго остроумія, блистательно обнаруживаютъ, опять таки совершенно аналогично съ произведеніями Достоевскаго, Писемскаго и Лѣскова, дѣйствительную подкладку успѣховъ нигилизма въ Россіи — отсутствіе истиннаго просвѣщенія въ связи съ величайшей восприимчивостью общества ко всякимъ новизнамъ и податливостью на авторитеты. Вторымъ глубоко антипатичнымъ Страхову воззрѣніемъ былъ современный космополитизмъ, проявлялся ли онъ въ отрицаніи народности вообще, или въ отрицаніи національнаго характера государства, то-есть въ проповѣди нетерпимости окраинъ и инородцевъ къ терпимому государству. Страховъ былъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ націоналистомъ въ политикѣ, примыкая по многимъ пунктамъ къ воззрѣніямъ Н. Я. Данилевскаго и даже къ славянофиламъ славянскаго благотворительнаго общества, то-есть, такъ сказать, старовѣрамъ славянофильства, вдавшимся въ самую прискорбную крайность сравнительно съ создателями этого направленія, «старыми» славянофилами, — Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. Впрочемъ, эту часть воззрѣній Страхова мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ въ его статьяхъ она никогда не выражалась съ полной опредѣленностью, а, кромѣ того, въ частныхъ разговорахъ онъ очень ясно высказывалъ, что въ его взглядахъ на балканскихъ и западныхъ славянъ произошелъ такой же рѣзкій переломъ, какъ тотъ, который сказанъ въ надѣлавшей столько шума прошлогодней рѣчи В. И. Ламанскаго въ собраніи славянскаго благотворительнаго общества.

Выяснивъ все изложенное, возможно приступить къ анализу важнѣйшей публицистической идеи Страхова—къ его «борьбѣ съ Западомъ», которую онъ самъ склоненъ былъ считать главнымъ дѣломъ всей своей жизни. Уже неоднократно было указано, какъ самимъ Страховымъ, такъ и другими, что слова «борьба съ западомъ» было бы крайне ошибочно понимать въ ихъ буквальномъ смыслѣ, и что они только намекаютъ на главную задачу его книги—критику современныхъ умственныхъ авторитетовъ запада, пріобрѣтшихъ наиболѣе сильное вліяніе у насъ, причемъ это вліяніе было даже сильнѣе и вреднѣе, чѣмъ на Западѣ, въ силу низкаго уровня просвѣщенія нашего общества, менѣе, чѣмъ какое либо другое, способнаго дать отпоръ обаянію модныхъ и громкихъ на Западѣ именъ. Эти авторитеты—Милль, Ренанъ, Тенъ и Штрауссъ. Во главѣ разборовъ ихъ произведеній помѣщенъ удивительно глубоко и проницательно написанный обзоръ воззрѣній Герцена, котораго Страховъ впервые выставилъ въ истинномъ свѣтѣ русскому обществу,

т. е. какъ разочарованнаго въ Западѣ западника. Во многихъ отношеніяхъ Герценъ и Страховъ представляются чрезвычайно любопытными противоположностями, и ихъ параллельная характеристика могла бы дать драгоцѣнные выводы для пониманія каждаго изъ нихъ. Изъ контрастовъ двухъ столь противоположныхъ умовъ особенно замѣчательно несходство ихъ отношенія къ Западу. Если Герценъ является передъ нами разочарованнымъ западникомъ, то Страховъ, подобно всѣмъ славянофиламъ, можетъ быть названъ западникомъ не-очарованнымъ. Разочарованіе Герцена въ идеяхъ Запада было порождено его разочарованіемъ въ той западной жизни, которой они явились «гиперболическимъ» выраженіемъ; напротивъ, Страховъ относился критически къ этимъ идеямъ, стоя на русской почвѣ. Если Герценъ отрицалъ Западъ во имя его собственной жизни, то Страховъ критически относился къ духу западныхъ авторитетовъ, какъ они были приняты и поняты у насъ въ Россіи. Притомъ Страховъ, какъ всегда, такъ и въ «борьбѣ съ Западомъ» направлялъ свой анализъ на положительныя, конкретныя явленія дѣйствительности, на опредѣленныхъ писателей, опредѣленные мнѣнія; сравнительно съ идеализмомъ Герцена его мысль проникнута глубочайшимъ реализмомъ, объективна въ высшей степени. Истинный критикъ, онъ ничего не «проповѣдуетъ», кромѣ справедливости къ предметамъ своихъ разборовъ. Потому, повторяемъ, основная мысль его «Борьбы съ Западомъ» сводится къ борьбѣ съ вліяніями на русскую литературу наиболѣе громкихъ авторитетовъ Запада, причемъ эта борьба выражается ни болѣе, ни менѣе, какъ безпристрастной критикой основныхъ идей этихъ авторитетовъ. Публицистическое значеніе и вліяніе такой критики, разумѣется, должно неизбѣжно сводиться къ возбужденію умственной независимости, свободы предъ всякими авторитетами, иначе сказать — къ возбужденію умственной самобытности предъ лицомъ западной культуры. Такимъ, образомъ въ своихъ трехъ книжкахъ «Борьбы съ Западомъ» Страховъ даетъ, по терминологіи Н. Я. Данилевскаго, критику современныхъ источниковъ европейничанья, главнымъ образомъ, въ области религіи и исторіи. Совершенно справедливо считая характернѣйшей особенностью духовной жизни современной Европы всеобщій скептицизмъ, Страховъ указываетъ въ своихъ статьяхъ, какъ даже великія литературныя дарованія Ренана или Тена отравлены плоскимъ и безжизненнымъ скептицизмомъ этихъ писателей, т. е. чистымъ философскимъ отрицаніемъ въ его самыхъ жалкихъ и мелкихъ формахъ. Впрочемъ, помимо источниковъ европейничанья, «Борьба съ Западомъ» касается трехъ весьма обширныхъ предметовъ — именно взгляда на развитіе нашей литературы, какъ на борьбу съ Западомъ (статья «Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова»), «Россіи и Европы» Данилевскаго и, наконецъ, анализа различія культуръ, какъ движущаго начала

политики (статья «Роковой вопросъ» и приложения къ ней). Но этотъ рядъ статей настолько близко связанъ въ нашемъ пониманіи съ чисто критическими статьями Страхова, что будетъ понятенъ только въ совмѣстномъ съ ними изложеніи и разборѣ.

V.

«До 1873 года (года поступления въ Публичную бібліотеку), меня несла волна; теперь я былъ въ гавани»,—писалъ Страховъ въ «біографическихъ» свѣдѣніяхъ.—«Я постоянно чувствовалъ недостатокъ образования и потому рѣшилъ: лѣтъ десять ничего не писать и учиться. Я сталъ покупать книги (это была моя охота, развлеченіе) и проводилъ вечера за чтеніемъ философовъ, богослововъ, поэтовъ—всего важнѣйшаго во всемірной литературѣ. Вообще я рѣшилъ, что я урожденный словесникъ; естественныя науки не увлекали меня, а всякій успѣхъ въ языкахъ неизгладимо оставался въ памяти.

«Въ 1875 г. я поселился вмѣстѣ съ Д. И. Стахѣевымъ тамъ, гдѣ теперь живу.

«Въ 1882 г. я напечаталъ Борьбу; книжка быстро разоплась, и съ этихъ поръ начинается рядъ моихъ изданій. Я подбиралъ однородныя статьи и писалъ новыя для ихъ пополненія. Книжки шли не быстро, но шли; я успѣвалъ расплачиваться съ бумажной лавкой и типографіей, и затѣмъ мнѣ оставался очень маленькій избытокъ, можетъ быть, со всѣхъ книгъ 200—300 р. въ годъ. Всего больше меня поддерживали изданія «Россіи и Европы» на половинныхъ издержкахъ и половинныхъ прибыляхъ.

«Въ 1885 г. умеръ Н. Я. Данилевскій, и я сталъ собираться умирать. Я подалъ въ отставку изъ Публичной бібліотеки и вышелъ съ чиномъ превосходительства и пенсіею въ 377 р. въ годъ. Съ 1889 г. я избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, съ 1893 г. почетнымъ членомъ психологическаго общества и съ 1894 г. почетнымъ членомъ славянскаго общества.

«За границей я былъ четыре раза, въ 1862, 1875, 1884 и 1893 гг. Въ 1875 г. съ семействомъ Вышнеградскихъ, съ апрѣля по іюнь,—одна Италия; 1884—три мѣсяца, іюль—сентябрь,—одна Германія: Берлинъ (3 недѣли), Эмсъ—коротенькое лѣченье, Байрейтъ—оперы Вагнера,—Мюнхень. Въ 1893 г.—большое лѣченіе въ Эмсѣ, потомъ Мюнхень—оперы Вагнера.

«Въ Россіи былъ на Кавказѣ въ 1859 году: Пятигорскъ, Военно-Грузинская дорога, Тифлисъ, Каджора. Въ Самарской губерніи, въ имѣніи Л. Н. Толстаго на кумысѣ—1874; въ Оптиной пустыни съ Л. Н. Толстымъ—1879; въ Петрозаводскѣ два раза—1870 и 1871; Кивачъ ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь Страховъ забылъ упомянуть о своихъ поѣздкахъ къ Н. Я. Данилевскому въ Крымъ и къ Фету въ Орловскую губернію, а также къ своимъ роднымъ въ Кіевъ, который чрезвычайно ему нравился.

«Знакомство съ Л. Н. Толстымъ случилось въ 1871 г. Послѣ статей о Войнѣ и Мирѣ я рѣшился написать ему письмо, въ которомъ просилъ дать что нибудь для напечатанія въ «Зарѣ». Онъ отвѣчалъ, что у него ничего нѣтъ, и прибавилъ настоятельную просьбу заѣхать къ нему въ Ясную Поляну, если представится возможность. Въ 1871 г. я получилъ изъ «Зари» 400 р., которые долго задерживались, и въ июнѣ поѣхалъ погостить у своихъ родныхъ въ Полтавѣ. Возвращаясь въ Петербургъ, я остановился въ Тулѣ, переночевалъ, взявъ извозчика и поѣхалъ въ Ясную. Съ тѣхъ поръ мы издаемъ каждый годъ, т. е. обыкновенно я лѣтомъ гощу у него мѣсяць, полтора. Мы иногда спорили, охладѣвали другъ къ другу, но добрыя чувства скоро брали верхъ; семья его полюбила меня, и теперь во мнѣ видятъ стараго неизмѣннаго друга, каковъ я и есть на самомъ дѣлѣ.

«Вотъ, кажется, все важнѣйшее. Внутренняя моя жизнь, т. е. мои грѣхи, покаянія, радости и горести, всегда казалась мнѣ очень труднымъ предметомъ (какимъ тономъ ее писать?) и едва ли стѣящимъ того труда, который нужно бы на нее положить».

Къ этому очерку остается сдѣлать небольшія, но довольно существенныя дополненія, а именно по вопросу объ издательской дѣятельности Страхова. Она, какъ выше сказано, началась еще въ 1857 г. напечатаніемъ его диссертациі; затѣмъ въ 1865 г. была издана брошюра «О методѣ естественныхъ наукъ и ихъ значеніи въ общемъ образованіи» (до сихъ поръ не распроданная!), къ которой въ 1867 г. присоединилась другая, перепечатка изъ «Отечественныхъ Записокъ» статьи «Бѣдность нашей литературы». Эти первыя попытки закончились неудачнымъ изданіемъ въ 1872 г. книги «Миръ, какъ цѣлое», не имѣвшей совершенно успѣха и едва разошедшейся въ теченіе 20 лѣтъ черезъ букинистовъ. Всѣ эти изданія не принесли Страхову ничего, кромѣ расходовъ, неприятностей и тяжелаго чувства—сознанія всеобщаго пренебреженія. Въ 1876 г. онъ приступилъ къ изданію сочиненій Григорьева и выпустилъ первый томъ, въ которомъ собралъ всѣ главныя, руководящія статьи этого критика; но и эта книга встрѣчена была всеобщимъ равнодушіемъ. Иначе пошло дѣло съ самаго начала 80-хъ годовъ, составившихъ второй періодъ издательской дѣятельности Страхова. Въ 1881 г. появились его «Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ», а въ 1882 г. первая книжка «Борьбы съ Западомъ»; одновременно возникъ большой спросъ на «Россію и Европу», въ изданіи которой онъ принималъ участіе, и этотъ первый успѣхъ повелъ за собой изданіе въ 1883 г. второй книжки «Борьбы съ Западомъ» и затѣмъ съ 1886 г. всего послѣдующаго ряда его книгъ, а также въ 1890 г. «Сборника политическихъ и экономическихъ статей» Н. Я. Данилевскаго и въ 1894 г. посмертнаго собранія лирическихъ стихотвореній Фета. Всѣ эти изданія

явились результатомъ поздняго, но несомнѣннаго и глубокаго поворота общественныхъ симпатій къ столь долго забытому писателю. Понемногу изъ незамѣтнаго сотрудника славянофильскихъ и консервативныхъ журналовъ Стрховъ становится вѣскимъ и значительнымъ авторитетомъ въ области литературной критики. Безспорно, первый толчекъ этому повороту общественнаго мнѣнія данъ былъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій и писемъ Достоевскаго, изъ которыхъ многіе впервые узнали съ удивленіемъ, что въ русской литературѣ существуетъ какой-то Стрховъ, передъ сужденіями котораго въ дѣлѣ литературы самъ Достоевскій преклоняется, какъ передъ безусловнымъ авторитетомъ, не находя достаточно высокихъ похвалъ и вообще для всѣхъ его произведеній; но понемногу ростъ авторитета Стрхова пошелъ своимъ собственнымъ ходомъ и особенно усилился съ развитіемъ и распространеніемъ философскаго образованія въ нашемъ обществѣ, а также и съ успѣхомъ произведеній гр. Л. Н. Толстого въ Европѣ, заставившимъ замолчать его прежнихъ хулителей и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинувшимъ на первый планъ глубокомысленнаго критика, за десятки лѣтъ до этого успѣха, среди всеобщаго глумленія и насмѣшекъ, указавшаго истинное значеніе знаменитаго романиста. Наконецъ, въ послѣдніе годы Стрховъ, можно сказать, одержалъ рѣшительную побѣду надъ замалчивавшими его противниками и на каждомъ шагу началъ убѣждаться, что его книги не только идутъ, но и живутъ, т. е. находятъ все новыхъ и новыхъ читателей, все глубже и полнѣе проникающихся ихъ содержаніемъ и начинающихъ сознавать, что эти книги—одно изъ лучшихъ украшеній русской литературы, что имъ предстоитъ еще огромное вліяніе въ будущемъ. И съ этимъ сознаніемъ онъ могъ умереть спокойно.

Заключеніемъ настоящему очерку долженъ послужить обзоръ дѣятельности Стрхова, какъ литературнаго критика, и общая оцѣнка ея значенія въ цѣломъ для русской литературы. Уже на основаніи изложеннаго выше легко заключить, до какой степени должно было быть пессимистично настроеніе Стрхова, этого критика и эстетика, точно чудомъ какимъ попавшаго въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, и путемъ глубокаго изученія, долгаго размышленія и опыта цѣлой жизни приведеннаго къ убѣжденію въ общемъ и повсемѣстномъ упадкѣ философіи, естествознанія, политическихъ наукъ и нравственныхъ основаній быта всего человѣчества. То, что онъ любилъ всего пламеннѣй и глубже, обманывало всѣ его упованія и надежды и съ каждымъ днемъ все меньше обѣщало въ будущемъ. Стрховъ прослѣдилъ нашъ вѣкъ во всѣхъ его явленіяхъ, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ микроскопическихъ, и вездѣ нашелъ безотрадный упадокъ, полное духовное вырожденіе; онъ былъ критикомъ, даже, если угодно, публицистомъ эпохи нигилизма, которая въ исторіи человѣчества явилась какъ бы противоположнымъ полюсомъ эпохи

возрожденія, знаменуя, какъ и та, поворотъ исторіи къ какому-то новому будущему. И на этомъ поприщѣ Страховъ погибъ бы въ безвыходномъ пессимизмѣ, когда бы не его несокрушимая вѣра въ это будущее, вѣра, имѣвшая свой палладіумъ въ лицѣ Россіи. Въ нее Страховъ вѣрилъ также твердо и непоколебимо, какъ не вѣрилъ въ Западъ. Онъ чувствовалъ, что живетъ въ печальное, переходное время, но чувствовалъ и то, что изъ этого времени есть исходъ во что-то неизмѣримо лучшее и высшее, а его патриотизмъ, съ дѣтства одушевлявшій все его существо самыми лучшими вдохновеніями, подсказывалъ ему, что ключи къ этому исходу будутъ даны его отечествомъ, Россіей, русскимъ народомъ, русскимъ творчествомъ. А залогомъ этой вѣры для него было искусство. Единственное, чѣмъ дѣйствительно замѣчательнъ и прекрасенъ истекающій вѣкъ, это—русское художественное творчество. Пушкинъ и Глинка—это такія имена, такія свѣтила, которыхъ появленіе общааетъ породившему ихъ народу неизмѣримое будущее. Между тѣмъ эти имена еще и не были одиноки: цѣлая плеяда свѣтилъ, одно другаго прекраснѣй и лучезарнѣе, поднялась за ними, точно выступая изъ-за разсѣивающихся ночныхъ тучъ. Западъ, для котораго давно закатилось и солнце религіи и даже луна философіи, который давно зажегъ искусственные огни, фейерверки революціонныхъ ученій, уличные фонари популярнаго знанія, свѣчи и лампы индивидуалистической мысли, по неволѣ удерживающей ученаго въ четырехъ стѣнахъ тѣсной спеціальности,—этотъ Западъ былъ пораженъ внезапнымъ зрѣлищемъ, когда передъ нимъ засіяли неожиданныя свѣтила живаго, свѣжаго и чистаго творчества. Его лучшіе представители растерялись и, чувствуя что-то новое на востокѣ, отвѣчали на него или пренебреженіемъ, или ненавистью, или наконецъ инстинктивнымъ, бессознательнымъ преклоненіемъ. Въ этихъ чувствахъ вѣра Страхова находила себѣ новыя опоры и подтвержденія. А, кромѣ того, эстетикъ и критикъ, онъ всего привольнѣе, всего болѣе на мѣстѣ чувствовалъ себя въ области искусства. Здѣсь его дарованія находили наиболѣе соответствующее поприще, здѣсь его чувства восторга и благоговѣнія предъ истинно великимъ и прекраснымъ могли проявляться съ полною силой и глубиною. Русское художественное творчество давало міру одно за другимъ такія произведенія, которыя обезоруживаютъ всякое осужденіе, которыя поднимаются надъ самыми восторженными похвалами, которыя всецѣло прекрасны и гениальны, и такія, въ которыхъ положительныя стороны во всякомъ случаѣ перевѣшивали отрицательныя. Въ области искусства для русскаго критика пессимизмъ невозможенъ, и въ ней-то и почерпалъ Страховъ, какъ Антей, бодрую и сильную вѣру въ будущее, которая изнемогала порою подъ напоромъ торжествующаго нигилизма, скептицизма, позитивизма и прочихъ умственныхъ повѣтрій нашего столѣтія. Этимъ обусловлена и характернѣйшая особенность

критическихъ статей Стрхова, которыя всѣ почти посвящены похваламъ, а не порицанію, такъ какъ написаны по поводу лучшихъ произведеній нашихъ лучшихъ художниковъ. Притомъ величіе русскаго художественнаго творчества тѣмъ дороже и отрадиѣе было Стрхову, что въ другихъ областяхъ просвѣщенія его вѣра не имѣла такихъ надежныхъ и великихъ залоговъ, и онъ горько и болѣзненно живо чувствовалъ это. Онъ глубоко сознавалъ, какія великія требованія предъявляетъ исторія къ Россіи, приводя ея могущественный политическій организмъ въ соприкосновеніе съ уточненною западною культурою, и хотя ни на минуту не усомнился, что русскій народъ достойно отвѣтитъ на всѣ запросы и требованія, но понималъ тѣмъ не менѣе, что до настоящаго времени русская культура еще загадочная величина будущаго, которую трудно и предугадывать. Въ этой непропорціональности нашей культуры и нашей политической мощи онъ справедливо видѣлъ сущность «роковаго вопроса» — разгадку враждебности къ Россіи Европы, а въ частности поляковъ, и высказалъ свою мысль съ полной прямою и точностью въ своей непонятой статьѣ. Эта непропорціональность и была для него основаніемъ къ противопоставленію Россіи, какъ самобытнаго міра, всей Западной Европѣ, противопоставленію, которое сближало его и съ Данилевскимъ, и съ славянофилами. Какъ извѣстно, Стрховъ даже формально причислялъ себя къ славянофильской школѣ. «Я порѣшилъ», — писалъ онъ ¹⁾, — «что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія. Славянофильство вѣдь есть не надуманная и оторванная отъ жизни теорія: оно есть естественное явленіе, съ положительной стороны — какъ консерватизмъ, то-есть приверженность къ давнишнимъ началамъ русской жизни, съ отрицательной — какъ реакція, то-есть желаніе сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на насъ Западомъ». Но во всякомъ случаѣ это славянофильство Стрхова требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ.

Въ Россіи не существуетъ и не можетъ существовать политическихъ партій въ томъ смыслѣ, какъ онѣ существуютъ на Западѣ, т. е. партій, представляющихъ собою интересы и возрѣнія какого либо опредѣленнаго сословія или класса; у насъ могутъ существовать только партіи литературныя, т. е. кружки лицъ, болѣе или менѣе сходящихся въ мнѣніяхъ по наиболѣе существеннымъ вопросамъ нашей дѣйствительности. Оттого у насъ вмѣсто партій существуютъ только журналы «съ направленіемъ», чрезвычайно гордо присвоивающіе себя самимъ и раздающіе направо и налево готовые ярлыки «либеральный», «консервативный», «реакціонный» и т. п. Само собою разумѣется, что эти ярлыки такъ ярлыками и остаются, ничего собою не выражая и не обозначая, кромѣ развѣ

¹⁾ Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, стр. 204—205.

«нашъ», «свой» и «чужой». Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что у насъ направленія имѣютъ только писатели; читатели же никогда ни къ какому «направленію» не принадлежатъ и зачастую читаютъ именно тѣ газеты и журналы, которымъ наименѣе симпатизируютъ. И вполне понятно: когда рѣчь идетъ о сословныхъ, политическихъ или экономическихъ интересахъ, то представителямъ сословія легко столковаться; но столковаться вообще во взглядахъ и мнѣніяхъ по всѣмъ рѣшительнымъ вопросамъ умственной жизни очевидно невозможно. Ничья совѣсть не можетъ умѣститься въ газетномъ листѣ или книжкѣ журнала. Напи «направленія», сводящіяся въ большинствѣ случаевъ къ чисто личному складу мнѣній и взглядовъ (у насъ всѣ истинно значительные журналы и газеты являются чисто личными органами редакторовъ или издателей), несносная обуза для мыслящаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, и потому у насъ даже писатели, обладающіе хоть какою нибудь умственною самостоятельностью, остаются внѣ всякихъ партій или сами создаютъ свой журналъ или газету. Можно сказать, что каждый самобытно мыслящій умъ въ Россіи уже является партіей и ни одной партіи не удовлетворитъ, а потому получить немедленно свою собственную кличку, готовый, болѣе или менѣе нелѣпый, ярлыкъ. Такъ было, на примѣръ, въ свое время и съ славянофилами, имѣвшими между собою по существу дѣла очень мало общаго, но всего менѣе общаго со славянами, которые гораздо больше были имъ навязаны, чѣмъ ими дѣйствительно восприняты. Такъ и въ наше время обстоитъ дѣло съ консерваторами, которые всѣ не имѣютъ между собою ничего рѣшительно общаго и наоборотъ зачастую оказываются злѣйшими врагами истинно народныхъ, истинно православныхъ, истинно монархическихъ воззрѣній. Такъ же точно случилось и со Страховымъ, который позволилъ себѣ не пользоваться готовыми взглядами, а имѣть свои собственные, и за то былъ облаянъ изъ-подъ всѣхъ подворотенъ. На самомъ дѣлѣ онъ не принадлежалъ ни къ одному журналу, а являлся какъ бы типичнымъ русскимъ читателемъ, отъ котораго мы требуемъ не готовой скрижали исповѣданія, а только здравыхъ и вѣрныхъ сужденій. При томъ Страховъ, какъ внимательному читателю, надѣмся, уже ясно изъ предшествующаго, представлялъ изъ себя совершенно определенную, точную и цѣльную величину, мыслителя съ выработаннымъ, законченнымъ и стройнымъ мировоззрѣніемъ, но только не сдѣланнымъ подъ готовый ярлыкъ, а уясняющимся читателю изъ долгаго и самостоятельнаго изученія всей совокупности его прекрасныхъ произведеній. Въ этомъ смыслѣ Страховъ не только раздѣлялъ воззрѣнія, но и литературную судьбу своего друга Данилевскаго, до сихъ поръ остающагося великой загадкой для читателей, не смотря даже на широкій успѣхъ его главнаго сочиненія. Съ произведеніями обоихъ этихъ писателей никакъ нельзя раздѣлаться крат-

кимъ приговоромъ, въ родѣ «ретроградъ», «реакціонеръ», «метафизикъ» и т. п. «обидными» кличками; ихъ надо читать и изучать, надъ ними надо размышлять, на нихъ надо учиться. А такъ какъ все это очень трудно, то большинство «читателей» (ставимъ это слово въ кавычкахъ потому, что читателемъ у насъ чаще всего называется не тотъ, кто дѣйствительно читаетъ, а тотъ, кто могъ бы или долженъ бы былъ читать, но, не смотря на это, читать ничего не хочетъ) предпочитало игнорировать такихъ «трудныхъ» писателей, пока время не взяло на себя трудъ выяснитъ ему, что эти произведенія должны быть настольною книгою каждаго мыслящаго русскаго человѣка.

Въ предшествующемъ отчасти уже намѣчена основная мысль литературной критики Стрхова: основной задачей русскаго искусства онъ считалъ созданіе, или, вѣрнѣе, художественное возсозданіе героическихъ идеаловъ и героическихъ возрѣній русскаго народа; а въ связи съ этой основной задачей характернѣйшей особенностью всего хода русскаго искусства—освобожденіе отъ увлеченій западными героическими идеалами. Обѣ эти точки зрѣнія совпали съ основами возрѣній замѣчательнѣйшаго русскаго критика— Григорьева, и безспорно выяснились (поскольку выяснились) самому Стрхову подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Григорьева; тѣмъ не менѣе эти взгляды стоятъ въ такой тѣсной и прямой связи со всѣмъ міровоззрѣніемъ самого Стрхова, что трудно говорить о какомъ либо съ его стороны заимствованіи. Здѣсь была просто встрѣча на одинаковыхъ выводахъ совершенно разнородныхъ умовъ, шедшихъ каждый своею дорогою; безъ всякой натяжки можно утверждать, что и безъ Григорьева Стрховъ сталъ бы на свою точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ во многомъ расходился съ нимъ, хотя бы, на примѣръ, высоко ставя Полонскаго, которому Григорьевъ придавалъ очень небольшое значеніе, или, наоборотъ, безпристрастно развѣнчивая Тургенева, котораго Григорьевъ ставилъ очень высоко, не взирая даже на то, что прекрасно понималъ крупные художественные (оставляя совершенно въ сторонѣ идейные) недостатки его произведеній. Наконецъ оцѣнку гр. Л. Н. Толстому Стрховъ далъ совершенно самостоятельно и притомъ до такой степени въ духѣ Григорьева, что, будь тотъ живъ, онъ обѣими руками подписался бы подъ приговорами своего младшаго друга. Къ этому надо еще прибавить, что собственно эстетическое пониманіе, чувство мѣры, вообще вкусъ, у Стрхова были неизмѣримо тоньше и точнѣе, чѣмъ у его предшественника. Потому, если Григорьевъ установилъ правильную точку зрѣнія на ходъ и задачи русскаго искусства, то Стрховъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ, оригинальныхъ и притомъ изумительно вѣрныхъ выводовъ по частнымъ вопросамъ, особенно о гр. Л. Н. Толстомъ и лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Можно смѣло сказать, что въ произведеніяхъ Григорьева и

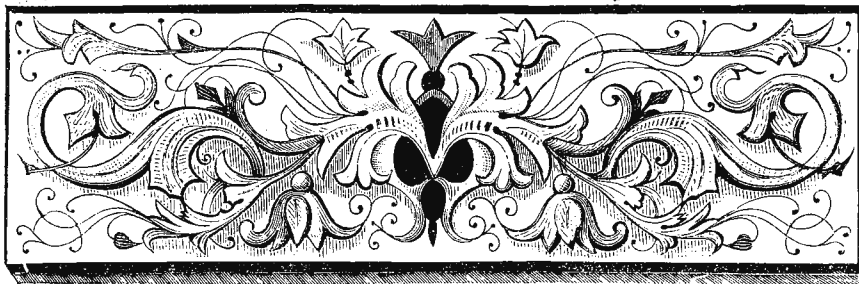
Страхова заключено все положительное содержаніе русской критики; и что прочіе писатели на этомъ поприщѣ сравнительно съ ними представляютъ только историко-литературный интересъ, а никакъ не болѣе.

Итакъ, подводя послѣдніе итоги настоящаго очерка, спросимъ себя въ заключеніе: что же такое былъ Страховъ, и какую величину представляетъ онъ изъ себя въ русской литературѣ? По основамъ своего міровоззрѣнія онъ былъ эстетикъ, по содержанію своей дѣятельности критикъ, а по ея приѣмамъ художникъ. Вотъ три понятія, которыми намѣчается сущность его духовнаго облика; ими же опредѣляется и значеніе его дѣятельности. Какъ натура созерцательная, не дѣятельная, онъ не выступилъ учителемъ, проповѣдникомъ, руководителемъ, создателемъ направленія; какъ художникъ, онъ не примкнулъ ни къ какой школѣ, остался вольнымъ зрителемъ міра; наконецъ, какъ критикъ, онъ примыкалъ въ своихъ произведеніяхъ къ объективно существующимъ, наличнымъ произведеніямъ чужого творчества, а не выступалъ творцомъ на арену литературной дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная независимость и прямота мысли, полная смѣлость и свобода сужденія, обширнѣйшее въ Россіи образованіе поставили его наравнѣ съ просвѣщеніемъ его вѣка и помогли ему произнести надъ этимъ просвѣщеніемъ

Судь, который во лжи уличить вѣкамъ не придется.

Между тѣмъ, такъ или иначе, подчиняясь или сопротивляясь духу этого просвѣщенія, отъ него должно пойти все умственное движеніе будущаго. Критика нашей науки, нашей философіи, нашей государственности, нашего искусства необходима и неизбежна; съ нею должны начать ближайшія поколѣнія, чтобы такъ или иначе подвести счеты съ тою культурою, которая завѣщана человѣчеству девятнадцатымъ столѣтіемъ. Между тѣмъ часть этихъ счетовъ подведена и часть этой критики уже сдѣлана человѣкомъ, вполне равнымъ своему вѣку просвѣщеніемъ и далеко превосходящимъ его шириной и глубиною взгляда. Потому смѣло можно сказать, что произведенія Страхова послужатъ неизбежной и глубоко благотворною школою для всей научной, философской и художественной мысли ближайшаго будущаго. Страховъ не предугадалъ его ни въ чемъ положительномъ, но предупредилъ его въ самомъ трудномъ и существенномъ, именно — въ критикѣ ближайшаго прошлаго, и такимъ образомъ заранѣе открылъ ему пути и указалъ даже главнѣйшія задачи положительнаго творчества. Оттого намъ трудно еще опредѣлить въ настоящее время все значеніе его литературныхъ заслугъ; но можно уже теперь предугадывать ихъ великія послѣдствія и на произведеніяхъ Страхова воспитывать и готовить свои умы къ надвигающимся запросамъ, открытіямъ и событіямъ.

Б. Никольскій.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ДОКТОРЪ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ¹⁾.

В НАЧАЛЪ эпохи преобразованій, когда великій Петръ, одушевляемый обширными культурно-политическими задачами, отправился въ свое первое путешествіе въ предѣлы Западной Европы, за границей, «по его великаго государя именному указу и по грамотѣ изъ Государственного Посольскаго приказа», долженъ былъ присоединиться къ нему одинъ москвичъ, находившійся тамъ съ ученою цѣлю и своею личностью служившій нагляднымъ доказательствомъ той пользы, съ которою русскіе люди могутъ ѣздить туда. Это былъ сынъ дьяка Посольскаго приказа Петръ Васильевичъ Постниковъ, докторъ медицины и философіи Падуанскаго университета, гдѣ онъ не задолго до того окончилъ свое высшее научно-школьное образованіе и теперь, для тѣхъ же «свободныхъ наукъ», ѣздилъ по «разнымъ окрестнымъ государствамъ». Дипломъ, выданный ему университетомъ, удостовѣрялъ, что на окончательномъ, строго произведенномъ, испытаніи, онъ обнаружилъ превосходныя познанія въ медицинѣ и философіи и мастерское искусство въ отвѣтахъ, почему единогласно признанъ достойнымъ соотвѣтствующей высшей ученой степени и торжественно увѣнчанъ симъ званіемъ.

¹⁾ Извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной въ Русскомъ медицинскомъ обществѣ при Варшавскомъ университетѣ, на засѣданіи въ память П. В. Постникова, какъ перваго русскаго доктора, по случаю двухсотлѣтія со времени полученія имъ докторскаго диплома. При изданіи ея въ цѣломъ видѣ будутъ приложены новыя архивныя матеріалы и означена литература въ вопросахъ.

Появленіе перваго русско-московскаго доктора¹⁾, за короткое время пребывания за границей успѣвшаго заслуженно пріобрѣсть высшую ученую степень, прежде чѣмъ великій государь, по извѣстному выраженію, «въ Европу прорубить окно», представляется въ наукѣ неожиданнымъ, малопонятнымъ. Задача исторіи, прежде всего, объяснить появленіе въ ту пору среди русскихъ такого лица, установить соотношеніе подобнаго факта съ предыдущимъ положеніемъ дѣла.

Реформы Петра, вихремъ пронесшіяся по громадному пространству Русской земли, захватывая по пути и большіе и малые предметы, все еще продолжаютъ ослѣплять наблюдателей своимъ яркимъ блескомъ, затрудняя правильный взглядъ на предыдущую историческую эпоху и на оставленное ею культурное и матеріальное наслѣдіе. На бурную эпоху преобразованій выпалъ, между тѣмъ, процессъ по преимуществу наиболѣе быстро и наиболѣе полного осуществленія различныхъ потребностей и завѣтныхъ цѣлей и стремленій, зародившихся задолго до нея, и попытокъ и опытовъ, не разъ производившихся и прежде. И ранѣе ея московско-русскіе люди думали и старались о томъ, чтобы получить извнѣ недостававшее имъ, и пріобрѣсть умѣнье, которое способствовало западнымъ людямъ въ устройствѣ ихъ благосостоянія. Поэтому задолго до Петра иностранцы—вызванные, плѣнные или сами пріѣзжавшіе—должны были помогать удовлетворенію нарождавшихся политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей и вмѣстѣ съ тѣмъ готовить изъ природныхъ русскихъ практически знающихъ и умѣлыхъ лицъ, которыя бы потомъ съ успѣхомъ могли замѣнить иностранныхъ пособниковъ. Такъ было въ дѣлѣ военномъ, гдѣ мало-по-малу завелись цѣлые полки съ иностранными офицерами-инструкторами, въ дѣлѣ промышленномъ, гдѣ учредились различные заводы, фабрики; мастерскія съ русскими мастерами, обученными иностранной техникой, въ развитіи искусствъ, на примѣръ, театральнаго, гдѣ учителя подмосковной нѣмецкой школы научали русскихъ мальчиковъ представленію драматическихъ произведеній, и пр.²⁾ Такъ было и въ сферѣ врачебной.

Вмѣстѣ съ общеупотребительною «народною» медициною, гдѣ, на основаніи непосредственнаго опыта и переходившихъ изъ рода въ родъ преданій, лѣчили и лѣчились, какъ могли и умѣли, по преимуществу травами, кореньями и настоемъ изъ нихъ, жарко-патоппенною баней, или «заговорами», амулетами и т. п., на Руси сыздавна

¹⁾ П. В. Послениковъ въ исторіи медицины въ Россіи называется прямо «первымъ русскимъ докторомъ»; но докторскую степень нѣкоторые русскіе, родившіеся, жившіе и дѣйствовавшіе внѣ предѣловъ тогдашняго Русскаго государства, получали и ранѣе; около того же времени получалъ въ Римѣ степень доктора философіи и богословія извѣстный Палладій Роговскій, впоследствии ректоръ Московской славяно-греко-латинской академіи.

²⁾ Относящіеся сюда факты изложены нами въ историческомъ изслѣдованіи: «Протестантизмъ и протестанты въ Россіи до эпохи и преобразованій». М. 1890 г., гл. VIII, стр. 697—782.

существовала и медицина научная. Если не считать того, что въ данномъ отношеніи, вслѣдъ за принятіемъ христіанства, было принесено къ намъ изъ Греціи и привилось въ монастыряхъ, подававшихъ врачебную помощь больнымъ, стекавшимся сюда массами, рациональная медицина продолжительное время была у насъ вся цѣликомъ западно-европейскаго привоза и приготовленія и, какъ таковая, долго была недоступна и богатымъ боярскимъ домамъ. Подобную роскошь даже въ XV, XVI и началѣ XVII вѣковъ могъ позволить себѣ лишь одинъ великокняжескій-царскій домъ, имѣвшій при себѣ докторовъ, которые, съ царскаго разрѣшенія, иногда лѣчили и важнѣйшихъ бояръ; кромѣ государей, къ концу XVI вѣка содержали иностранныхъ лѣкарей и фельдшеровъ, насколько извѣстно, только богатые купцы Строгоновы на своихъ отдаленныхъ заводахъ.

При Московскомъ дворѣ профессиональные врачи впервые явились въ княженіе Іоанна III, прибывъ сюда, вѣроятно, въ свитѣ его второй супруги Софьи Палеологъ, пріѣхавшей къ нему изъ Італіи. Врачебное дѣло на Западѣ находилось тогда по преимуществу въ еврейскихъ рукахъ, и въ числѣ первыхъ у насъ лейбъ-медиковъ видимъ преобладаніе евреевъ. За неудачное лѣченіе царевичей оба, извѣстные по имени, придворныхъ медика—и «лѣкаръ жидовинъ мастеръ Леонтъ», и «врачъ нѣкій нѣмчинъ Антонъ», выдаваемый однимъ изъ современныхъ намъ изслѣдователей за еврея Эренштейна—оба эти врача, едва ли отличавшіеся познаніями и искусствомъ, заплатились своею жизнью, — фактъ, впрочемъ, совсѣмъ нерѣдкій предъ тѣмъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ подобная расправа съ докторами случалась по смерти пациентовъ и не столь высокихъ по рожденію.

Неуспѣхъ перваго опыта повелъ къ тому, что государево здоровье довѣрялось наблюденію докторовъ если и евреевъ, то уже крещеныхъ, но чаще всего изъ другихъ иноземцевъ. Василия III лѣчили три такихъ доктора, изъ которыхъ одинъ былъ пріѣхавшій изъ Константинополя грекъ. У царя Василия Ивановича Грознаго среди придворныхъ врачей господствующее положеніе заняли, удержавъ его за собой и въ царствованіе Феодора Ивановича, медики, родомъ англичане или получившіе образованіе въ Англіи. Одинъ изъ нихъ, лейбъ-медикъ англійскаго двора, Робертъ Якобъ пріѣхалъ тогда (въ 1581 г.) съ аптекаремъ-англичаниномъ, основавшимъ въ Москвѣ дворцовую аптеку, до устройства которой медикаменты приготовлялись самими докторами. Отпуская, по усиленной просьбѣ Грознаго, въ Россію Роберта и аптекарей, королева Елизавета рекомендовала ихъ съ самой выгодной стороны, не безъ умысла выставляя на видъ, какъ де они дороги ей («себя есмь ими оскудѣли»). Съ той поры вошло въ обычай отъ пріѣзжающихъ врачей требовать аттестатовъ и рекомендацій, гарантирующихъ довѣріе къ нимъ и къ ихъ искусству.

Вышедшій изъ школы Грознаго, подозрительный Борисъ Годуновъ не менѣе своего царственнаго учителя старался оберегать себя. Постоянный штатъ его докторовъ достигъ челоуѣкъ до пяти. Соотвѣтственно съ частными обстоятельствами ихъ найма и съ нѣкоторыми общими тогдашними политическими условіями, почти всѣ эти медики его были нѣмцы. И хотя притокъ врачей изъ другихъ національностей потомъ не исключался, но преобладаніе нѣмецкаго состава въ придворномъ медицинскомъ персоналѣ продолжалось и въ дальнѣйшее время и до того укрѣпилось, что во второй половинѣ XVII вѣка сдѣлало почти невозможною серьезную конкуренцію съ нимъ для лицъ не нѣмецкой національности.

Прямую обязанностью лейбъ-медиковъ было наблюденіе за здоровьемъ государя и его семьи, и они обыкновенно не были обременены занятіями, если изъ ихъ высокихъ паціентовъ никто не болѣлъ. Побывавъ утромъ въ царской аптекѣ для совѣщаній, въ остальное время, по свидѣтельству современника, они отдыхали въ своихъ жилищахъ. На вопросъ, что они дѣлаютъ дома, ихъ обычнымъ отвѣтомъ было: «постоянно изучаемъ книги, чтобы лучше охранять здоровье его царскаго величества». Такъ отвѣчать могло побуждать ихъ и стараніе прочнѣе держаться на занимаемомъ мѣстѣ. Вопреки обычаю возможно долѣе удерживать иностранцевъ, западавшихъ на русскую службу, персоналъ царскихъ врачей довольно часто обновлялся свѣжими, взятыми съ Запада, силами.

Между ними были лица, со стороны моральной не пользовавшіяся хорошою репутаціей, или же сторонники алхиміи и герметической медицины; но въ своей совокупности этотъ избранный, часто обновляемый и богато обезпеченный персоналъ царскихъ врачей внушительно импонировалъ собою за свои знанія и искусство, будучи самою образованною группой изъ всѣхъ иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, и все болѣе и болѣе наполняясь людьми съ трезвымъ взглядомъ на методъ и способы лѣченія.

Вслѣдъ за успѣхами рациональной медицины въ сферѣ дворцовой, дѣйствіе ея мало-по-малу распространяется и внѣ этого круга. Царскимъ врачамъ начали поручать лѣченіе больныхъ не изъ однихъ только лицъ, приближенныхъ къ государю. Но расширеніе занятій у медиковъ, слѣдившихъ за здоровьемъ государя и его семьи, не могло быть значительнымъ: имъ нельзя было отлучаться часто и далеко и лѣчить съ болѣзнями заразными. Сама собою почувствовалась потребность въ увеличеніи количества врачей. Важнѣйшею заботою государя и государства, особенно послѣ смутнаго времени, жестокимъ опытомъ убѣдившаго въ важности веденія борьбы съ западными сосѣдями только ихъ же оружіемъ, было устройство военнаго дѣла на западно-европейскій образецъ. И по мѣрѣ того, какъ войны на западной границѣ постепенно пріобрѣтали, такъ сказать, европейскій характеръ, стали нанимать у насъ

на службу военныхъ врачей, хирурговъ. Съ 1615—1616 года встрѣчаются полковые врачи, на казенномъ жалованьи, сопровождающіе военные полки и отряды или пользующіе иногда «иноземцевъ, руднаго сыску мастеровъ»; потомъ нанимаютъ ихъ уже не единицами. Лѣкаръ Горстенъ, по порученію правительства, привезъ (1679 г.) изъ Германіи 10 человекъ, отрекомендовавъ ихъ, что «всеѣ тѣ лѣкари лютерскіе вѣры и въ томъ числѣ одинъ каталицкіе вѣры». Всеѣхъ ихъ разослали по полкамъ, «для лѣченія ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей». Врачи прикрѣплялись въ нѣкоторыхъ полковыхъ частяхъ. При рати въ Кіевѣ былъ, въ разсматриваемую пору (1678 г.), лѣкаръ съ ученикомъ, и при немъ имѣлся лѣкарскій складъ.

Расширявшаяся потребность въ знающихъ и искусныхъ врачахъ, трудность пріискиванія и найма таковыхъ, дороговизна платы имъ и незнакомство ихъ съ языкомъ русскихъ пациентовъ, — все это и подобное приводило правительство къ мысли о подготовленіи врачей изъ своихъ.

Въ виду выгоды у насъ занятія медициной, этимъ ранѣе другихъ воспользовались бывшіе на царской службѣ иностранцы, стараясь подготовить медиковъ изъ своихъ дѣтей. При Михаилѣ Теодоровичѣ было въ заграничныя школы отправлено три мальчика: сынъ аптекаря, сынъ переводчика и сынъ доктора Бильса. На обученіе Бильса въ Лейденѣ медицинской наукѣ Михаилъ Теодоровичъ издержалъ болѣе 1,000 рублей по тогдашнему курсу. Опытъ сталъ слишкомъ дорого, и правительство, охотно разрѣшая иноземцамъ, жившимъ въ Россіи, посылать своихъ дѣтей за границу для обученія медицинѣ, старается приготовить врачей безъ отсылки туда, и при томъ изъ природныхъ русскихъ. Къ иноземцамъ-медикамъ приставляются, кромѣ переводчиковъ, русскіе ученики. Съ новыхъ медиковъ, въ особенности съ полковыхъ, уже прямо брали обязательство къ прилежному ихъ обученію. «За то ево государево жалованье—писалъ и подписывалъ вступавшій тогда на службу—служити мнѣ вѣрно городскую, полковую службу и гдѣ великій государь укажетъ, и учениковъ, которые мнѣ для ученья даны будутъ, учить съ великимъ прилежаніемъ». Опредѣляемому на должность «диштилатору» наказывалось «изучати (учениковъ) со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не тайтъ».

Обученіе повелось путемъ практическимъ; передавались различныя отрасли врачебнаго искусства. Изъ учениковъ, когда они подросли, вскорѣ вышли практически подготовленные выученики—аптекарскіе помощники, фельдшера, врачи, въ отличіе отъ иноземныхъ врачей называвшіеся «русскими лѣкарями»; за большинствомъ ихъ усвоилось названіе по видамъ ихъ спеціальности: алхимиста (аптекарскаго помощника), костоправа, рудомета, лѣкарей гортаннаго, зубного, чепучиннаго, чечуйнаго и т. п. дѣла. Въ лѣкаря опредѣляли

учениковъ обыкновенно съ одобренія учителя или докторовъ. При назначеніи въ лѣкари, напримѣръ, «ученика лѣкарскаго дѣла» Алексѣя Иванова два придворныхъ доктора засвидѣтельствовали (1682 года), что онъ «лѣчить раны колотыя, и сѣченныя, и рубленныя, и дѣлаеть пластыри и инныя статьи, что достойно къ лѣкарскому дѣлу, и съ лѣкарское дѣло его будетъ».

Основанное, очевидно, во времена Михаила Ѳеодоровича, учрежденіе это въ первую половину царствованія Алексѣя Михайловича не казалось новостью, когда, по свидѣтельству Котошихина, въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа, сверхъ 30 человекъ иностранныхъ докторовъ и лѣкарей, было до 20 русскихъ учениковъ; предъ смертью Алексѣя Михайловича тамъ, по официальной росписи (1 сентября—1 декабря 1675 года) приказа, состояло на государевомъ жалованьи чужихъ 19 лицъ (4 доктора, 4 аптекаря, 3 алхимиста, 6 лѣкарей и 2 ученика) и 27 своихъ (8 лѣкарей и 19 учениковъ). А лѣтъ чрезъ пять, къ концу царствованія Ѳеодора Алексѣевича, число русскихъ лѣкарей и учениковъ слишкомъ вдвое превзошло (по списку 1681 года) здѣсь численность медиковъ иноземныхъ (послѣднихъ и съ аптекарями было 23 человекъ, русскихъ лѣкарей и учениковъ около 58 человекъ).

Уровень подготовки и знаній нашихъ природныхъ лѣкарей первоначально былъ очень условный. Если сами иноземные учителя обыкновенно не только не знали русской грамоты, но нерѣдко не умѣли и говорить порусски, сносаясь съ русскими чрезъ переводчиковъ, то естественно, что для нашихъ выучениковъ не считалась обязательно даже грамотность, и ихъ эмпирическія свѣдѣнія признавались совершенно достаточными для того, чтобы этихъ лицъ назначать наравнѣ съ иноземными врачами на очередное дежурство въ Аптекарскомъ приказѣ и посылать на службу въ ближніе и дальніе полки и разрѣшать имъ частную практику. Въ 1673 году русскіе и иноземные лѣкаря и лѣкарскіе ученики одинаково состояли на службѣ въ Сибири, Астрахани, Бѣлгородѣ, на Дону и въ другихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Москвы. Лѣченіе постороннихъ больныхъ доставляло имъ нѣкоторое матеріальное подспорье, потому что служба ихъ оплачивалась крайне дешево, несоответственно служебному труду и непропорціонально съ платою врачамъ-иноземцамъ.

Послѣднее обстоятельство вызывало со стороны нашихъ лѣкарей ропотъ, неудовольствіе, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей ихъ просьбы о прибавкѣ имъ жалованья, поданной ими еще въ 1661 г. «Аптекарскаго приказу лѣкаря да лѣкарскаго и костоправнова дѣла ученики Ѳедотка Васильевъ съ товарищи девятнадцать человекъ» били челомъ государю: «Служимъ мы, холопи твои, тебѣ, великому государю, въ Аптекарскомъ приказѣ и во всѣхъ твоихъ государевыхъ службахъ за тобою, великимъ государемъ, подъ Смоленскимъ,

и подъ Вильнею, и подъ Ригою съ приходу и до отпуски были, и твоихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ людей лѣчили; и въ полкѣхъ у бояръ и воеводъ по вся дни были, твоихъ государевыхъ ратныхъ людей лѣчили. А здѣ, на Москвѣ, мы, холопи твои, днюемъ и ночуемъ и въ посылки ходимъ, и всякую работу работаемъ, и твоихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ людей, коихъ присылають изъ розныхъ полковъ, лѣчимъ же, и на твоей государевѣ службѣ бываемъ вмѣсто лѣкаревъ иноземцовъ, и тѣми твоими государевыми далними службами лѣкаревъ иноземцовъ отслуживаемъ; а имъ, лѣкарямъ иноземцомъ, твое государево годовое жалованье и кормъ идетъ большой; а мы, холопи твои, людишки бѣдные, твоего государева годового жалованья и корму идетъ на день только по десяти денегъ».

Институтъ русскихъ учениковъ и выучениковъ укрѣплялся, и это, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа врачей, вызвало попытки къ нѣкоторому уравненію жалованья всѣмъ вообще врачамъ и лейбъ-медиковъ нѣсколько посвело съ прежней ихъ заоблачной и замкнутой высоты. Доктора Бориса Годунова, по отзыву современниковъ, «сами казались князьями и боярами». Главные доктора послѣдующаго времени получали жалованья слишкомъ по 1,100 рублей, не считая домовъ и множества подарковъ. Жалованье остальныхъ было меньше, и оно не было одинаковымъ, пло въ зависимости отъ ихъ личныхъ качествъ, заслугъ и благоволенія къ нимъ. Къ концу царствованія Феодора Алексѣевича вводится нѣкоторое уравненіе, яснѣе устанавливаются разряды, какъ бы штаты. Въ 1681 г. годовое жалованье полагалось иноземнымъ медикамъ—высшему разряду 730 рублей, низшему около 200—250 рублей, лѣкарямъ около 100 рублей, русскимъ лѣкарямъ 50—25 рублей по тогдашнему курсу.

У русскихъ лѣкарей, между тѣмъ, подростали дѣти. Для отцовъ не была обязательною русская грамота, и иные изъ нихъ не умѣли подписать своего имени; но отъ дѣтей не всегда довольствуются только русскою грамотой, находятъ знаніе одной ея недостаточнымъ; нѣкоторые изъ лѣкарей-отцовъ сами просятъ о «совершенномъ ученіи» ихъ дѣтей. «Совершенное ученіе» это могло быть лишь при знаніи соотвѣтственныхъ иностранныхъ языковъ. И уже въ 1678 году два русскихъ ученика (Левъ Ананьинъ и Семень Ларіоновъ), по просьбѣ ихъ отцовъ—«алхимиста» и «аптекарскаго и алхимистскаго дѣла лѣкаря», Аптекарскимъ приказомъ были отданы учителю лютеранской школы въ подмосковной Нѣмецкой слободѣ для ученія «латинскому и цесарскому языкамъ», такъ чтобы потомъ имъ можно было въ совершенствѣ постигнуть «аптекарское и алхимистское дѣло». При этомъ учителю строго наказывалось: «А учить ему тѣхъ учениковъ съ великимъ прилежаніемъ и радѣніемъ; и буде они станутъ лѣниться или ослушаться, учинить имъ наказаніе, какъ въ школахъ, по винѣ смотря; выуча, объявить ихъ въ

Аптекарскомъ приказѣ князьямъ Одоевскимъ и дьяку Виніусу». Итъ ничего невѣроятнаго, что были и другіе случаи подобной отдачи въ науку; еще чаще русскіе ученики могли научиться иностраннымъ языкамъ у своихъ учителей-медиковъ. При Аптекарскомъ приказѣ составляется библіотека изъ иностранныхъ «травниковъ» и «лѣчебниковъ», нерѣдко въ русскомъ переводѣ; здѣсь, между прочимъ, былъ многотомный лѣчебникъ «учителя и доктора» Симона Сиреннія. Сюда опредѣляютъ (1678 г.) особаго переводчика, обѣщающагося переводить такія книги, по которымъ «русскіе люди могутъ быть совершенными лѣкарями и аптекарями». Составляется, какъ есть извѣстіе въ наукѣ, проектъ (1682 г.) объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ госпиталей, гдѣ младшіе лѣкаря имѣли бы постоянную и правильную практику; въ главномъ госпиталѣ, подъ начальствомъ дворянина, должны состоять докторъ, три или четыре лѣкаря со многими учениками, аптека, штатъ служителей и проч. И лишь только дворцовыя смуты, возникшія послѣ смерти Феодора Алексѣевича, помѣшали, какъ утверждаютъ, выполнению проекта въ его цѣлости.

Но и въ правленіе Софьи дѣло подготовленія лѣкарей изъ русскихъ выучениковъ подвигалось, идя прежнимъ путемъ. Число знающихъ иностранные языки и ближайшую медицинскую литературу умножалось.

Къ прежнимъ средствамъ обученія языкамъ и наукамъ теперь присоединилось новое, весьма важное и могущественное—учрежденіе, въ 1685 году, Славяно-Греко-Латинской академіи. Учителя въ ней, питомцы и доктора Падуанской Коттоніанской академіи, ученые греки братья Лихуды преподаваніе свое повели грамматики и піитики на греческомъ, а реторики, логики и физики на обоихъ древнихъ языкахъ, греческомъ и латинскомъ, и съ необыкновеннымъ успѣхомъ; сочиненія Лихудовъ переводились учениками съ греческаго языка на славянскій. Ученики были различнаго возраста и званія—«священники, іеродіаконы и монахи, а иніи князи мальчики, стольники и всякаго чина». Въ числѣ ихъ былъ Петръ Постниковъ, отецъ котораго видный дьякъ Посольскаго приказа Василій Тимошеевичъ Постниковъ самъ бывалъ, съ дипломатическими порученіями, въ Южной и Западной Европѣ—Константинополѣ, Флоренціи, Англии, Голландскихъ штатахъ и Бранденбургѣ, и своего старшаго сына Петра отдалъ теперь въ лучшую московскую школу.

Петръ Постниковъ успѣвалъ. Уже 28-го декабря 1687 года онъ, вмѣстѣ съ другими лучшими учениками, былъ приведенъ Лихудами къ патріарху, которому «говорили ученики поздравительныя рѣчи», и патріархъ пожаловалъ ему 1 золотой; высшую денежную дачу, въ 3 золотыхъ, получилъ тогда князь Алексѣй Борисовичъ Голицынъ. Но 27-го декабря 1691 года, когда Лихуды съ учениками у патріарха «славили Христа греческимъ распѣвомъ и предъ святѣй-

шимъ патриархомъ ученики говорили полатыни и пословенску о Рождествѣ Христовомъ многія рѣчи», Постниковъ пожалованъ былъ высшей наградой, въ 3 золотыхъ.

Вскорѣ онъ былъ опредѣленъ въ стряпчіе. Служба и годы въ ту пору, какъ видѣли, не препятствовали школьному обученію. Постникову, съ его знаніями языковъ и философско-богословскимъ образованіемъ, удобно было приступить къ изученію медицины, которой обучалось уже не одно поколѣніе русскихъ людей. Среди докторовъ медицины служило тогда два грека, Пелярино и Комнинъ, оба получившіе образованіе и степени въ Падуанскомъ университетѣ; Пелярино былъ родственникъ Лихудовъ. Весьма вѣроятно, что первые уроки и первоначальное руководство въ изученіи медицины Постниковъ получилъ у кого либо изъ нихъ. Выгоды и порядокъ врачебной службы хорошо были извѣстны семьѣ Постниковыхъ: дѣдъ, Тимошей Постниковъ, служилъ старымъ подъячимъ Аптекарскаго приказа.

Учебные успѣхи даровитаго юноши и служебное положеніе и заслуги его отца позволяли испытать на немъ самое высшее средство обученія медицинѣ, издавна примѣнявшееся къ сыновьямъ иностранныхъ медиковъ, переводчиковъ и друг. Изъ обученія и пребыванія за границей не задолго предъ тѣмъ воротились сынъ доктора Блюментроста и сынъ купца Келлермана, и оба, при царевнѣ Софьѣ, были приняты на царскую врачебную службу; готовился къ заграничной поѣздкѣ сынъ пастора Грегори.

И вотъ, вскорѣ послѣ паденія Софьи, стряпчій Постниковъ весной 1692 года, на казенныхъ подводахъ и денежномъ содержаніи, до 1.000 ефимковъ, отправляется за границу для спеціальнаго изученія научной медицины. Отпущенъ онъ былъ «по имянному великаго государя царя Петра Алексѣевича указу, въ Венецію, для совершенія свободныхъ наукъ, въ Потавинскую академію; и для свободнаго ево по государствамъ проѣзду и бытія въ той Потавской академіи дана ему изъ Государственного Посольскаго приказу свидѣтельствовавшая грамота за государственною большою печатью».

Въ Италію послали его въ сопровожденіи и подъ наблюденіемъ доктора Пелярино, который, не упрочившись въ Москвѣ, возвращался туда. Члены московскаго кружка изъ падуанскихъ докторовъ, нѣтъ сомнѣнія, и совѣтовали направить этого способнаго юношу не въ германскіе университеты, гдѣ учились дѣти нѣмецкихъ медиковъ, а именно въ италіанскій, въ родственннй имъ Падуанскій. Не безъ причины также въ Падуѣ Постниковъ былъ помѣщенъ на квартирѣ Пападолини, какъ можно предполагать, — Пападолини или Николая Комнина, профессора университета, грека по рожденію и однофамильца московскаго доктора Ивана Комнина.

Италіанскіе университеты въ ту пору удерживали еще за собой прежнюю европейскую славу, и Падуанскій университетъ съиздавна

былъ извѣстенъ разработкой юриспруденціи и въ особенности своими медицинскими профессорами. На медицинскомъ отдѣленіи его, или въ медицинской академіи, въ бытность Постникова преподавались курсы практической и теоретической медицины — хирургіи, анатоміи, фармаціи и т. п.; одновременно съ изученіемъ ихъ, Постниковъ прослушалъ и курсъ философіи. Послѣ двухгодичнаго срока онъ былъ подвергнутъ окончательному испытанію, на которомъ, благодаря, очевидно, и московской подготовкѣ, доказалъ блестящія познанія въ медицинѣ, философіи и языкахъ, ⁸/19-го августа 1694 г., въ торжественномъ собраніи, признанъ былъ докторомъ медицины и философіи, съ правами преподавать эти науки и удостоивать ученыхъ степеней. На прощаньи съ университетомъ онъ получилъ, подписанный профессорами, докторскій дипломъ, скрѣпленный подписью канцлера университета отъ 2-го мая новаго стиля 1695 года. Но и послѣ этого онъ не прекратилъ своего дальнѣйшаго образованія, «для вышеименованныхъ свободныхъ наукъ былъ онъ въ разныхъ окрестныхъ государствахъ».

Независимо отъ предметовъ своей научной специальности, Петръ Васильевичъ Постниковъ былъ и въ «языкахъ ученый», владѣлъ, кромѣ русскаго, греческимъ, латинскимъ, итальянскимъ и французскимъ языками. Въ Россіи же тогда энергично открывались двери для петровскихъ преобразованій, предвидѣлись просторъ и разнообразіе для дѣятельности способныхъ и подготовленныхъ русскихъ людей. Первому русско-московскому доктору, получившему свою подготовку на царскія деньги, все это сулило видную будущность; отъ него можно было ожидать систематическаго насажденія въ Россіи высшихъ врачебныхъ познаній; съ его научными средствами онъ могъ бы заняться устройствомъ русской медицинской школы, стать со временемъ во главѣ ея.

Но взаимная «солидарность» докторовъ-нѣмцевъ и настоятельныхъ нужды государства, неотложно требовавшая образованныхъ русскихъ лицъ съ знаніемъ иностранныхъ языковъ на службѣ въ другихъ сферахъ, повели къ тому, что доктора Постникова мы видимъ на службѣ не столько Аптекарскаго приказа, сколько Посольскаго, гдѣ служилъ и его отецъ.

Въ ту пору за границей путешествовало наше великое посольство, во главѣ котораго стояли Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ, и въ которомъ находился самъ государь. Постникову было «велѣно быть, для его великаго государя дѣлать, при нихъ, великихъ и полномочныхъ послахъ». Онъ помогалъ имъ въ качествѣ переводчика, по подготовкѣ приѣма, помѣщенія и т. п.; ему же поручалась покупка разныхъ предметовъ, по преимуществу близкихъ къ его специальности. Такъ, «по указу великаго государя и по грамотѣ, велѣно ему, Петру, въ Амстердамѣ купить про его, великаго государя, обиходъ въ Верхнюю и Нижнюю аптеки вещи пристойныя

къ составленію лѣкарствъ», и, купя, выслать ихъ чрезъ Архангельскъ въ Москву. И онъ выслать ихъ (осенью 1697 г.) съ корабельнымъ караваномъ къ Архангельску, откуда «тѣхъ лѣкарственныхъ вещей» было доставлено въ Москву въ Посольскій и Аптекарскій приказы «на 12 возахъ».

Послѣднимъ пунктомъ остановки посольства случилась, какъ извѣстно, Вѣна. Отсюда оно намѣревалось направиться въ Венецію, куда былъ напередъ уже посланъ съ русскими волонтерами ихъ руководителемъ и переводчикомъ докторъ Постниковъ, какъ вѣсть о стрѣльцкомъ бунтѣ внезапно разстроила дальнѣйшіе планы Петра: государь немедленно поѣхалъ изъ Вѣны прямо въ Москву, и Постниковъ былъ вытребованъ изъ Венеціи обратно въ Вѣну, чтобы находиться при Возницынѣ, оставленномъ продолжать дипломатическіе переговоры и заключить съ турками миръ обще съ цесарскими послами.

Постникову крайне не хотѣлось отрываться отъ любимыхъ имъ занятій; его мечтою было посѣтить Неаполь, чтобы заняться тамъ экспериментальной медициной.

Возницынъ же, которому такой помощникъ и переводчикъ, какъ Постниковъ, былъ необходимъ, посылалъ ему письмо за письмомъ. Наказы свои не мѣшкать съ возвращеніемъ онъ подкрѣплялъ разными доводами и угрозами. «Паче—писалъ онъ ему—опасися государева гнѣву, потому что тебѣ велѣно быть со мною на турецкой комисіи, и безъ тебя быть нельзя, и дѣла дѣлать будетъ некъмъ, и турецкой посоль другой, греченинъ, Маврокордатъ: того ради ты къ тому дѣлу и присовокупленъ, что, сверхъ иного, можешь съ нимъ говорить поеллинску, и поиталианску, и пофранцузску, и полатынѣ, а онъ тѣ всѣ языки знаетъ... Живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить—сіе дѣло не гораздо намъ нужно. Отечески тебѣ наказую, если ты умедлишь, вѣдай себѣ подлинно, что великій гнѣвъ его царскаго величества, государя нашего милостиваго, при-
мешь».

Изъ медика поневолѣ превращаясь въ дипломата, Постниковъ усердно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, помогаль Возницыну на Карловичскомъ конгрессѣ, гдѣ было заключено перемиріе съ Турціей на два года, а цесарскіе министры заключили съ нею мирный договоръ на 25 лѣтъ. Съ послами цесарскимъ, турецкимъ, польскимъ, венеціанскимъ, голландскимъ и англійскимъ онъ свободно велъ непосредственныя сношенія, выполняя порученія русскаго полномочнаго посла.

Отсюда онъ поѣхалъ въ Амстердамъ, получивъ отъ посла «на проѣздъ и на покупку инструментовъ» 100 золотыхъ. Побываль затѣмъ въ Англіи, Франціи и др. государствахъ; въ Англіи онъ, между прочимъ, нанималъ мастеровъ на царскую службу.

Проживъ за границей вообще почти девять лѣтъ, Постниковъ

возвратился въ Москву и 2-го января 1701 года въ Посольскомъ приказѣ «о свободныхъ своихъ наукахъ подалъ Потавинской академіи свидѣтельствовавшую грамоту, на латинскомъ языкѣ». Ее перевели на славянорусскій языкъ, и по тому примѣру, какъ поступалось прежде съ докторами, прїѣзжавшими изъ чужихъ государствъ, Постниковъ былъ изъ Посольскаго приказа отосланъ въ Аптекарскій. Именнымъ указомъ (23-го марта) онъ, «по свидѣтельствовавномъ привилегію Потавинской академіи», записанъ въ докторы, на годовомъ жалованьи по 500 рублей, но съ обязанностью ему переводить «въ Посольскомъ приказѣ, какъ случатся латинскіе, французскіе, италіанскіе нужные писма».

Враждебное отношеніе къ Постникову медицинскаго кружка и обязанности по двумъ разнороднымъ приказамъ не могли укрѣпить его положеніе, какъ медика, и осенью того же 1701 года онъ получилъ назначеніе въ Парижъ неофициальнымъ агентомъ «для сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ». Во Франціи онъ почти безвыѣздно прожилъ около 9 лѣтъ и весьма въ трудныхъ условіяхъ.

Осложненія Сѣверной войны, побуждавшія Петра искать себѣ новыхъ союзниковъ, и опасенія французскаго двора, чтобы разыгравшіяся на сѣверо-востокѣ Европы событія не нарушили системы политическаго равновѣсія, установленной Вестфальскимъ миромъ, вызывали тогда различныя франко-русскія дипломатическія сношенія, пріобрѣвшія болѣе благопріятный для насъ характеръ однако только послѣ Полтавской битвы. Но даже и около той поры, по донесенію другого русскаго агента (Волкова), «весь народъ французскій былъ враждебенъ Россіи, не хотѣлъ слышать о добрыхъ вѣстяхъ о насъ, которыя не допускались и въ печать». Въ годы же прїѣзда въ Парижъ Постникова тамъ знали и помнили почти лишь объ одномъ Нарвскомъ пораженіи и явно держали сторону Швеціи. «Здѣшній дворъ—писалъ Постниковъ изъ Парижа—зѣло противенъ намъ». Этому способствовало и крайне малое знаніе французовъ о Россіи, застилаемой отъ нихъ германскими государствами. Лица даже образованныя, какъ доктора, представляли старую столицу Россіи чуть ли не на «краю свѣта»; «и діаволь ихъ знаетъ,—доносили о нихъ Постниковъ,—что говорятъ... Едва слышатъ Москву нашу, чаютъ, что она съ Индіями граничитъ». При такомъ положеніи дѣла, отношенія между русскою и французскою сторонами не шли далѣе выраженія нѣкоторыхъ дипломатическихъ любезностей и ничего не значащихъ обѣщаній. «Едва бо не вси французы,—писалъ Постниковъ,—словами по шерсти гладятъ, а дѣлами противу шерсти». Отсюда—невозможность учрежденія въ ту пору и простыхъ постоянныхъ резидентовъ—французскаго при русскомъ дворѣ, русскаго при дворѣ французскомъ.

Напрасно Постниковъ ожидалъ себѣ изъ Москвы кредитивныхъ грамотъ: грамоты и шифръ не разъ заготовлялись для него, и все

же оставались въ посольской канцеляріи, безъ отсылки къ нему; была пора, когда совсѣмъ было отозвали и его самого. Не имѣя ни грамоты, ни достаточно денегъ, а нерѣдко испытывая и крайнюю нужду въ средствахъ, нашъ агентъ, бывшій безъ официальнаго посланническаго характера, постоянно жилъ подлѣ опасеніемъ укора чуть не въ самозванствѣ, не могъ встать къ дипломатическому кругу въ равныя, полноправныя отношенія и проникать въ тайны высшей дипломатіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выйдя не изъ военно-практической школы Петра, онъ не былъ и практически-изворотливымъ дѣльцомъ, какихъ выработывала она. Тѣмъ не менѣе, въ его парижскихъ въ Москву донесеніяхъ и письмахъ были не однѣ просьбы о высылкѣ ему грамоты, денегъ или о назначеніи его резидентомъ, по крайней мѣрѣ, при другомъ изъ западныхъ дворовъ, но и различныя «сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ». Понимая важность ознакомленія Парижскаго двора и французовъ съ текущими дѣлами въ Россіи, въ особенности съ дѣлами объ успѣхахъ на войнѣ, въ кораблестроеніи, въ улучшеніи управленія и т. п., онъ просилъ Посольскій приказъ о высылкѣ ему соотвѣтственныхъ вѣдомостей. Эти извѣстія онъ переводилъ на французскій языкъ, и передавалъ министру иностранныхъ дѣлъ, который представлялъ ихъ королю, Людовику XIV. Дать почувствовать возрастающую силу Россіи и предрасположенность государя установить съ Франціей отношенія къ взаимной пользѣ обоихъ государствъ всего болѣе прилагалъ стараній нашъ первый агентъ, дѣлая попытки заложить попрочнѣе камни въ великое со временемъ зданіе дружественныхъ франко-русскихъ отношеній. Занимался онъ, по порученію русскаго правительства, наймомъ докторовъ на русскую службу или «огородниковъ» для царскихъ садовъ, закупкой лѣкарствъ, пріобрѣтеніемъ французскихъ и латинскихъ книгъ, то являлся защитникомъ нарушаемыхъ русскихъ интересовъ—хлопоталъ, на примѣръ, за захватываемые французскими каперами русскіе торговые корабли и т. п.

Прогремѣвшая по Европѣ Полтавская побѣда, между тѣмъ, обратила серьезное вниманіе на Петра и въ отдаленныхъ западныхъ государствахъ, и французскій дворъ заколебался въ своихъ отношеніяхъ къ нему. Это тотчасъ же сулило поправить служебное положеніе Постникова. Канцлеръ графъ Головкинъ увѣдомилъ его, что его просьба о назначеніи его резидентомъ при Французскомъ дворѣ принята государемъ милостиво; только прежде, чѣмъ окончательно рѣшиться на такой шагъ, государь желаетъ напередъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ король хочетъ царской дружбы и союза. Пока Постниковъ старался выпытать у французскаго министра о дѣйствительномъ настроеніи и намѣреніяхъ короля и уже мечталъ, что наконецъ-то онъ «станетъ въ положеніе равноправнаго члена дипломатическаго корпуса», какъ на его мѣсто неожиданно, по указанію, очевидно, Шафирова, назначенъ былъ (въ іюль 1710 г.) француз-

скій полковникъ Кронъ, и Постниковъ, къ тому же, около этого времени лишившійся отца, возвратился въ Россію...

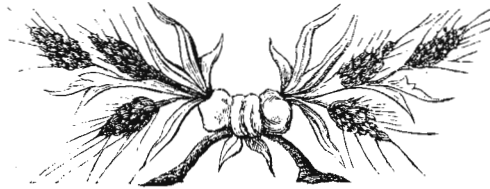
За свои поѣздки въ Россію онъ обыкновенно, вмѣстѣ съ другими предметами, привозилъ или доставлялъ разныя книги. Въ одинъ только первый кратковременный пріѣздъ изъ Франціи онъ доставилъ (въ августѣ 1702 г.), выславъ ихъ чрезъ Амстердамъ, 36 книгъ, большею частію на французскомъ и латинскомъ языкахъ, на 60 рублей, не считая расходовъ по пересылкѣ. Изъ книгъ, доставленныхъ имъ въ Посольскій приказъ, можно бы составить цѣлую библіотеку. Тутъ были сочиненія, относящіяся къ военно-сухопутному и морскому дѣлу, къ техникѣ и хозяйству, къ обычаямъ общежитія, но болѣе всего такихъ, въ которыхъ трактовалось о международныхъ, гражданскихъ, воинскихъ и церковныхъ «правахъ и уложеніяхъ окрестныхъ государствъ». Сочиненія юридическія переводить у насъ было трудно, по недостатку подготовленныхъ людей. Объ одномъ изъ такихъ произведеній: «Изрѣченіе и указы королей французскихъ», доставленномъ въ первый пріѣздъ Постникова изъ Парижа, переводчики отозвались (1704 г.), что «той книги, не учась юрисъ-пруденцыи, переводить некоторыми дѣлы невозможно, для того, что термины и рѣчи въ юрисъ-пруденцыи надлежащія, особые». Съ возвращеніемъ Постникова являлось въ Посольскомъ приказѣ лицо, значительнѣе подготовленное для подобнаго дѣла. По порученію правительства, онъ перевелъ (къ 3 генв. 1713 г.) съ французскаго сочиненіе Викфорта «L'ambassadeur et ses fonctions per monsieur de Wicquefort» — «О послѣхъ, министрахъ чужестранныхъ и о должности дѣлъ ихъ, и что есть посоль, и честь его». Среди занятій, какъ кажется, переводами другихъ подобныхъ книгъ онъ и скончался, «не получивъ—по выраженію его перваго біографа—въ жизни сей награды за труды, пожертвованія свои и упражненія въ наукахъ».

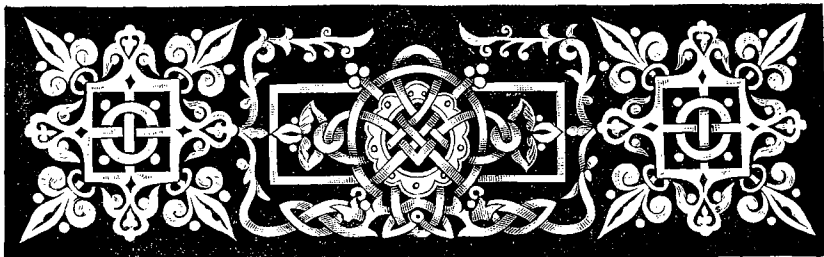
Жизнь и дѣятельность перваго нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленныхъ лицъ было слишкомъ мало въ сравненіи съ количествомъ открывшихся дѣлъ. Содружникамъ Петра весьма нерѣдко приходилось приниматься за дѣла, для нихъ новыя, но оказывавшіяся болѣе надобными для государства, и особенно, когда замѣнить подходящее лицо было не кѣмъ. Припомнимъ, какъ посоль Возницынъ возвращалъ Постникова изъ поѣздки въ Италію, гдѣ этотъ хотѣлъ заняться экспериментальной медициной. «Живыхъ собакъ мертвить, а мертвыхъ живить—сіе дѣло не гораздо намъ нужно. Отечески тебѣ наказую, если ты умедлишь..., вѣдай себѣ подлинно, что великій гнѣвъ его царскаго величества, государя нашего милостиваго, примешь». И медикъ по профессіи неумолимо превращается, соотвѣтственно съ государственными потребностями, въ дипломатическаго помощника, въ агента, въ переводчика. Достойное, некорыстное служеніе ставилъ себѣ идеаломъ и Постниковъ, но при соотвѣтственныхъ условіяхъ

для дѣятельности, какъ писалъ онъ изъ Парижа: «Ни деревень, ни придатковъ не желаю, токмо служить въ чину честномъ и потребномъ всячески... За излишними денгами для моего особливаго пріобрѣтенія не гоняюся, слава Вышнему, пренебрегаю ихъ, весьма устремляя моя намѣренія и покушенія къ честному и полезному услуженію его величеству и государственнымъ публичнымъ интересомъ и дѣламъ».

Дм. Цвѣтаевъ.

РЕГРЕССИВНОЕ ТЕЧЕНИЕ ВЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

«А народъ опять скуемъ!»

(Изъ «Дневника писателя» О. Достоевскаго).

ВЪ СТАТЬѢ «Молодежь и ея руководители»¹⁾ я имѣлъ уже случай коснуться возникшаго у насъ за послѣднее время въ экономической литературѣ и публицистикѣ такъ называемаго марксистскаго движенія. Въ виду того, однако, что движеніе это и связанная съ нимъ полемика не только не утихаютъ или приводятъ къ какому либо примиренію наши враждующія «партіи», но захватываютъ въ свой потокъ все большее и большее число лицъ, и преимущественно изъ учащей и учащейся молодежи, я считаю нужнымъ остановиться на этомъ любопытномъ и въ своемъ родѣ знаменательномъ «расколѣ въ нашей интеллигенціи» еще разъ и при томъ болѣе подробно. Постараюсь подвести нѣкоторые итоги всему сказанному по предмету экономического матеріализма и обрисовать его общественное значеніе, причемъ заранѣе предупреждаю, что тема настоящей моей статьи уже предвосхищена профессоромъ С.-Петербургскаго университета, Н. И. Карѣвымъ, который въ только что вышедшей интересной книжкѣ «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ» (гл. XI—XV) въ значительной степени выполнилъ то, что мнѣ хотѣлось сдѣлать въ настоящей задуманной статьѣ. Не смотря на такое случайное

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ». 1895 г., декабрь.

и, можетъ быть, прискорбное для меня обстоятельство, я не впадаю въ уныніе и думаю, что работа почтеннаго профессора оставляетъ въ вопросѣ мѣсто и настоящему моему очерку. Дѣло все въ томъ, что въ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ» г. Карѣева вопросъ поставленъ и разработанъ чисто-академически: экономическій матеріализмъ и связанная съ нимъ полемика взяты, какъ исключительно філософское движеніе современной русской мысли, причемъ практическое его значеніе и отношеніе къ нашей отечественной дѣйствительности не приняты въ расчетъ и, такъ сказать, отсѣчены отъ работы. «Въ качествѣ именно... историко-філософской, абстрактной теории мы и разсматриваемъ экономическій матеріализмъ,—говоритъ профессоръ,—совершенно не касаясь ни тѣхъ конкретныхъ явленій, ни тѣхъ практическихъ совѣтовъ, по поводу которыхъ въ нашей періодической печати главнымъ образомъ и происходила полемика». Такая постановка вопроса рѣшительно развязываетъ мнѣ руки и позволяетъ именно выяснитъ то, что преднамѣренно опущено авторомъ «этюдовъ», т. е. разсмотрѣть значеніе экономическаго матеріализма примѣнительно къ русской жизни и отмѣтить, какъ отнеслись къ проповѣди нашихъ «марксистовъ» лучшіе представители нашей прогрессивной печати. Я говорю исключительно о прогрессивной печати только потому, что такъ называемая «охранительная» или консервативная печать (если не считать г. К. Головина) осталась пока въ сторонѣ отъ этого литературнаго движенія. Да ей, по правдѣ признаться, до поры до времени и не интересно вмѣшиваться въ этотъ расколъ среди прогресистовъ — она скажетъ свое слово впоследствии и, какъ я это постараюсь показать дальше, вынетъ каштаны изъ печи уже готовыми. Но не будемъ забѣгать впередъ и постараемся выяснитъ себѣ, какъ и при какихъ условіяхъ возникъ на почвѣ русской жизни современный экономическій матеріализмъ.

I.

Доктрина экономическаго матеріализма была впервые выдвинута и формулирована лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и сущность ея, по словамъ г. Карѣева, сводится къ двумъ положеніямъ: «по первому, основа всей культурно-соціальной жизни есть не что иное, какъ экономическая структура общества, а по второму — весь историческій процессъ долженъ получить свое объясненіе изъ борьбы, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эти два положенія были впервые формулированы Карломъ Марксомъ и приняты потомъ его послѣдователями». Единomyшленникъ и современникъ Маркса, разрабатывавшій объ руку съ нимъ доктрину экономическаго матеріализма, Энгельсъ, даетъ слѣдующее объясненіе генезису этого матеріализма. По его увѣренію¹⁾, «эко-

¹⁾ «Старые и новые этюды» Н. Карѣева, стр. 71.

номическій матеріализмъ есть не что иное, какъ замѣна идеалистическаго содержанія историко-философской формулы Гегеля — содержаніемъ матеріалистическимъ, подобно тому, какъ и все ученіе Маркса представляется ему въ видѣ замѣны прежняго утопическаго социализма французовъ — социализмомъ научнымъ, основаннымъ на Гегелевой идеѣ развитія». Въ первое время послѣ ея рѣшительной формулировки доктрина экономическаго матеріализма не пользовалась большой популярностью въ научной литературѣ Запада, и только впоследствии, въ наши дни, она нашла себѣ талантливыхъ и горячихъ поборниковъ въ лицѣ Вейсенгрюна, Лоріа и Лакомба, сдѣлавшихъ, однако же, значительныя измѣненія въ первоначальныхъ формулахъ доктрины¹⁾. Оставляя въ сторонѣ названныхъ послѣдователей экономическаго матеріализма и обращаясь непосредственно къ основоположеніямъ творцовъ его — Марксу и Энгельсу, мы убѣждаемся, что, какъ свидѣтельствуегъ профессоръ Исаевъ²⁾, «сущность этого ученія сводится къ тому, что экономическіе факты служатъ основаніемъ всѣхъ общественныхъ отношеній, что политическій строй даннаго общества, его гражданское и семейное право, его наука, искусство, религія, измѣняются подъ вліяніемъ переменъ въ народномъ хозяйствѣ, а послѣднія являются результатами измѣненій въ црїемахъ производства. Эта связь до такой степени тѣсна, что знакомство съ хозяйственнымъ бытомъ народа позволяетъ безошибочно опредѣлить характеръ и другихъ общественныхъ явленій у этого народа. Сюда присоединяется также утвержденіе, что всѣ народы проходятъ одни и тѣ же періоды экономическаго развитія, и что отсталое общество, изучая жизнь опередившихъ его странъ, можетъ видѣть въ ней, какъ въ зеркалѣ, свои грядущія судьбы». «Марксъ³⁾ и Энгельсъ, — говоритъ г. Исаевъ, — какъ строгіе мыслители, дѣлаютъ извѣстныя ограниченія; и они ставятъ такіа ограниченія не потому, чтобы не могли или не хотѣли быть послѣдовательны, но потому, что ограниченія вызываются самимъ существомъ дѣла. Въ мелкой же литературѣ, которая приняла и разложила эти начала, мы встрѣчаемъ много заблужденій: предполагаютъ, что всѣ общественныя явленія могутъ быть объяснены фактами народнаго хозяйства, что экономическая жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, а потому и вся общественная жизнь, складывается, развивается и видоизмѣняется подъ вліяніемъ себялюбія, что экономическіе факты развиваются механически, независимо отъ сознанія людей, что творчества не существуютъ, и что человѣкъ сдѣлаетъ всего лучше, если всецѣло подчинится этому процессу». Г. Ми-

¹⁾ Ibid., стр. 119—162.

²⁾ «Настоящее и будущее русско-общественнаго хозяйства», Сиб., 1896.

³⁾ Наиболее сжато и точно изложена теорія Маркса въ «Популярномъ очеркѣ Г. Гросса». Сиб., 1896 г., изд. Павленкова.

хайловскій въ одномъ изъ своихъ очерковъ «Литература и жизнь¹⁾», съ котораго собственно и началась современная обостренная борьба нашей публицистики съ марксизмомъ, основываясь на сочиненіи Вильгельма Блоса «Исторія нѣмецкаго движенія 1848 и 1849 года», излагаетъ крайности этой «мелкой» литературы въ слѣдующихъ словахъ: «Марксъ доказалъ, во-первыхъ, что ходъ исторіи ни отъ какихъ великихъ или невеликихъ людей не зависитъ, а управляется собственными, имманентными законами, непреоборимыми какъ для малыхъ, такъ и для великихъ людей. Во-вторыхъ, что фундаментъ исторіи составляютъ формы производства матеріальныхъ цѣнностей и обмѣна ихъ; все остальное—религія, философія, наука, искусство, политическія, юридическія формы, нравы, обычаи—все это только постоянно измѣняющіеся результаты классовой борьбы и надстройка надъ экономическимъ фундаментомъ. Но,—продолжаетъ популярная марксистская литература,—Марксъ покончилъ не только со всѣми доселешними истолкователями прошедшаго, а и со всякими утопистами и идеалистами будущаго, мечтающими направить исторію по лично имъ нравящемуся пути. Законы исторіи, установленные теоріей экономического матеріализма, непреоборимые, неотвратимые, ясно указываютъ путь, по которому пойдетъ человѣчество, со всѣмъ независимо отъ того, нравится ли это кому нибудь или не нравится. Капиталистическая форма производства разложила феодальный строй, но затѣмъ развиваетъ собственныя, заключающіяся въ ней противорѣчія и вызываетъ новую классовую борьбу. Капиталистическая форма производства нуждается въ арміи свободныхъ рабочихъ — свободныхъ и отъ феодальной зависимости, и отъ средствъ, и отъ орудій производства. Процессъ образованія этой арміи свободныхъ пролетаріевъ, выносящихъ на рынокъ свой трудъ, былъ страшно тяжелъ; чтобы такая масса рабочихъ могла вынести на рынокъ свой трудъ, она должна была быть предварительно такъ или иначе согнана съ земли и вообще экономически обобрана, что сопровождалось неисчислимыми бѣдствіями. Но теперь этотъ бѣдственный процессъ заканчивается въ Европѣ: армія пролетаріевъ готова, сплоченная, объединенная какъ готовностью къ классовой борьбѣ, такъ и самыми матеріальными условіями крупнаго производства. Производство это становится въ свою очередь все крупнѣе, и крупнѣе, мелкіе капиталисты побиваются крупными, не выдерживая конкуренціи—и вотъ, въ концѣ концовъ, останутся лицомъ къ лицу немногіе капиталисты и рабочая масса, вслѣдъ затѣмъ уже прекратится всякая классовая борьба, и наступитъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Понятно,—добавляетъ къ нарисованой картинѣ ироническое замѣчаніе г. Михайловскій:—«какой эффектъ можетъ произвести соблазнительная ясность, строй-

¹⁾ «Русское Богатство», 1894 г., № 1.

ность, законченность этой философско-исторической теории, излагаемой вполне увѣреннымъ, не допускающимъ сомнѣній тономъ, въ головахъ нѣмецкихъ рабочихъ. А затѣмъ ростъ и политическая дисциплинированность социаль-демократической партіи въ Германіи придаютъ въ свою очередь отраженный блескъ теоріи».

Меня не интересуетъ въ настоящей статьѣ, насколько теорія экономического матеріализма оправдывается и примѣнима къ формамъ нѣмецкой и вообще западно-европейской жизни; обратимся къ тому, какъ эта доктрина отразилась на русской литературѣ и какихъ своихъ пионеровъ выставила она намъ въ разные времена. Во второмъ томѣ «Соціологическихъ этюдовъ» (изд. 1896 г.), въ главѣ «Объ основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ», г. Южаковъ даетъ слѣдующую любопытную историческую справку о нашихъ прогрессивныхъ теченіяхъ: «Въ 1865 году появилась статья Щапова «Народная экономія и естествознаніе»,—говоритъ онъ. Въ упомянутой статьѣ этотъ замѣчательный писатель высказывается о ступеняхъ, по которымъ шла публицистическая мысль того времени. По мнѣнію Щапова, эта мысль сначала сосредоточилась на земско-бытовыхъ, земско-политическихъ, историческихъ вопросахъ. Скоро, однако, она убѣдилась, что эти важные для народнаго счастья вопросы и суть вопросы и задачи производные. Основую ихъ служитъ экономическій бытъ, который диктуетъ состояніе политическое, религіозное, семейно-бытовое, нравственное. Экономическіе вопросы тогда заслонили собою всѣ остальные; политическая экономія стала оракуломъ общественнаго мнѣнія. Критическая мысль, однако, продолжала работать, различать идеи, анализировать факты. Она скоро пришла къ заключенію, что и экономическое развитіе, являясь причиною политическаго и нравственнаго прогресса, представляется, въ свою очередь, тоже производнымъ, покоясь въ послѣднемъ счетѣ на состояніи умовъ въ обществѣ, на количествѣ и качествѣ распространеннаго въ народѣ положительнаго знанія, т. е. естествознанія, которое одно достигло положительной стадіи, тогда какъ другія науки еще погружены въ метафизику... Какъ схема, долженствующая охватить все умственное движеніе того времени, она не можетъ быть принята, но она замѣчательно вѣрно схватываетъ сущность того широкаго и бурнаго потока, котораго самымъ извѣстнымъ представителемъ былъ Д. И. Писаревъ, и къ которому принадлежали также Щаповъ и Шелгуновъ». Г. Михайловскій указываетъ также¹⁾, въ какихъ сочиненіяхъ шестидесятыхъ годовъ особенно ярко и настойчиво раздавалась проповѣдь экономического матеріализма; сочиненія эти «Политическая экономія для богатыхъ» Благосвѣтлова («Русское Слово», 1860 г.) и «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» Ю. Жуковскаго («Современникъ», 1864 г.).

¹⁾ «Русское Богатство», 1896 г., № 2.

Къ этому же теченію отчасти примыкали и Чернышевскій, Добролюбовъ, М. Антоновичъ, Елисеевъ. И они, говоритъ г. Южаковъ, «должны быть причислены къ этому теченію, не смотря на значительное разнообразіе ихъ идей и на многосторонность ихъ міровоззрѣнія, которое, исходя изъ доктрины преобладанія экономическаго элемента, тѣмъ не менѣе живо и горячо отзывалось и на всѣ остальные стороны общественной жизни. Слѣдя современной терминологіи, ихъ можно было назвать экономическими матеріалистами, но съ другой стороны отъ нихъ могутъ вести свою генеалогію и «народники». Очевидно, они если и были экономическіе матеріалисты, то не въ ходячемъ значеніи слова. Этотъ экономическій матеріализмъ преобладалъ въ литературѣ въ первую половину шестидесятыхъ годовъ. Въ половинѣ десятилѣтія на него бурно ополчился «реализмъ», корифеями котораго надо почитать Писарева, Щапова, Шелгунова, Зайцева, Благосвѣтлова. «Рѣзкое философское противорѣчіе между двумя школами, одинаково характеристичными для шестидесятыхъ годовъ, не мѣшало быть имъ солидарными, утверждаетъ авторъ «Соціологическихъ этюдовъ». Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія были общи представителямъ обѣихъ доктринъ, которыя обѣ трудъ ставили обязанностью каждаго человѣка; справедливое вознагражденіе трудящагося и обезпеченіе его потребностей считали обязанностью общества; основой такого строя полагали соединеніе, а не разобщеніе труда и капитала (орудій производства), не отводя на долю однихъ только трудъ, другимъ предоставляя только капиталъ; а для осуществленія этихъ идеаловъ считали одинаково важнымъ перенесеніе прогрессивныхъ формъ, выработанныхъ Западною Европою, также, какъ сохраненіе и развитіе самобытныхъ учрежденій нашей народной жизни, неизвѣстныхъ современному Западу, полагая, что справедливость и добро надо брать всюду, гдѣ можно найти. Это общее міровоззрѣніе, одинаково свойственное экономической и реалистической школѣ, одинаково свойственно и школѣ соціологической, возникшей во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Это міровоззрѣніе и должно поэтому считать «идеями шестидесятыхъ годовъ». Что же это за соціологическая школа, которая, по свидѣтельству г. Южакова, явилась на смѣну школѣ «матеріалистовъ» и «реалистовъ» и которая явилась конечнымъ и типичнымъ выразителемъ идей 1860-хъ годовъ?

«У насъ есть и позитивисты, эволюціонисты, которые такъ себя и называютъ, и которыхъ поэтому никто не смѣшаетъ съ нашей «соціологической школою» шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, даетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ тотъ же авторъ «Соціологическихъ этюдовъ». Я предпочелъ бы ее называть школою «этико-соціологическою», такъ какъ ни позитивисты, ни эволюціонисты, ни какіе иные соціологи не придаютъ такого значенія нравственному элементу въ общественномъ процессѣ, а нравственной док-

ринѣ—въ общественной наукѣ, какъ упомянутая соціологическая школа. Общественно-философское отличіе школы въ томъ, что она не признаетъ исключительнаго значенія въ общественной жизни ни за экономическимъ элементомъ, какъ экономическіе матеріалисты, ни за умственными, какъ «реалисты» и позитивисты, ни за органическимъ, какъ эволюционисты и дарвинисты, ни за политическимъ, какъ Руссо и якобинцы, ни за нравственнымъ, какъ Левъ Толстой и моралисты всѣхъ временъ, ни за всѣми ими, даже вмѣстѣ взятыми, памятуя, что, кромѣ элементовъ (культурныхъ), общество комбинируется еще изъ единицъ человѣческихъ... Истина въ раскрытіи комбинацій этихъ элементовъ и единицъ, въ открытіи законовъ, которые управляютъ этой комбинаціей, и того значенія, которое для этой комбинаціи имѣетъ дѣятельная воля, самочувствіе и самосознаніе комбинируемыхъ единицъ (индивидуальностей).

Во главѣ этой «соціологической», или «этико-соціологической школы» (зовите, какъ угодно), стоятъ въ настоящее время гг. Михайловскій, Лесевичъ, Карѣевъ, Южакъ, которые и сосредоточились главнымъ образомъ въ журналѣ «Русское Богатство». Отъ этой группы откололись или правильнѣе обособились въ послѣднее время чистые «народники» съ В. Воронцовымъ (псевдонимъ—«В. В.») и С. Кривенко во главѣ, соединившіеся въ тѣсно сплоченную группу редакціи «Новаго Слова». Остановлюсь на опредѣленіи, что такое представляютъ изъ себя наши народники, и чѣмъ обосновывается ихъ ученіе.

II.

Въ сочиненіи «Наши направленія» (Спб., 1893 г.) одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей народничества г. В. В. (В. П. Воронцовъ) даетъ слѣдующую характеристику своего направленія. «Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества, — говоритъ онъ (стр. 6 — 8); въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участию въ общественной жизни на ряду съ такъ называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, власть наша нужнымъ раздѣлитъ завѣдываніе извѣстною частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность большаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣнія на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Это произошло не случайно, а было естественнымъ результатомъ какъ требованій жизни, такъ и развивающагося въ обществѣ сознанія, что правильное теченіе общественной жизни требуетъ систематическаго участія въ ней не одного класса, а всѣхъ слоевъ населенія. Принимая это положеніе за основное, неизбѣжно прійти къ заключенію, что задачей текущаго мо-

мента должно быть доставление народу такого развития, которое дѣлало бы его участіе въ общественной жизни болѣе широкимъ и плодотворнымъ. Итакъ, интересы народа, какъ цѣль, формы, выработываемыя его коллективною мыслью или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи,—таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *ria desideria* требуетъ умственного подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента. Изъ сказаннаго видно, что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является факторомъ общественной эволюціи и его интеллигенція—авангардомъ прогрессивнаго движенія, и потеряетъ свой *raison d'être* послѣ того, какъ культурные классы раздѣлятъ свою миссію съ остальною частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которые будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій».

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 108 — 110) онъ еще яснѣе обнаруживаетъ практическія задачи народничества. «Западническое направленіе (подъ этимъ словомъ авторъ разумѣетъ преимущественно направленіе государственныхъ преобразованій) беретъ въ Европѣ конкретныя общественныя формы, то-есть именно то, что всего болѣе носитъ мѣстный, національный характеръ, отражаетъ всѣ вліянія времени и потому всего менѣе пригодно для перенесенія съ одной почвы на другую. Что же касается основной идеи прогресса, заключающейся въ признаніи положенія, что правильное развитіе общества требуетъ, чтобы формы національнаго быта выработывались и осуществлялись самостоятельно и органически всѣмъ обществомъ, для достиженія каковой цѣли необходимо привлеченіе массы населенія къ пользованію просвѣтительными средствами страны,*—эта идея, будучи признаваема принципиально, на практикѣ оставляется западниками (въ нашемъ смыслѣ слова) въ тѣни; ея осуществленіе въ размѣрѣ, требуемомъ принципомъ, откидывается на неопредѣленное будущее; въ настоящемъ же удерживается древнерусскій методъ достиженія желательныхъ результатовъ махинаціями, не выходящими за предѣлы культурнаго слоя. Гдѣ же послѣднее условіе нарушается—тамъ выдвигается программа, заимствованная

съ Запада же, выработанная тѣмъ же буржуазнымъ строемъ и его теоретиками, и не переработанная въ интересахъ образовавшагося и организовавшагося фабричнаго пролетаріата. Другое направленіе нашей мысли, напротивъ того, оказывается настолько широкимъ, что не укладывается въ формы, выработанныя Западомъ для себя и лишь на ограниченный періодъ времени, послѣ котораго онѣ подлежатъ упраздненію, а считается необходимымъ образованіе самостоятельныхъ образцовъ, отвѣчающихъ условіямъ русской жизни и лучше удовлетворяющихъ требованіямъ идеи правды и справедливости, заявленнымъ западною же образованностью. Но если широта возрѣній, выразившаяся въ этомъ требованіи, можетъ еще подлежать сомнѣнію, такъ какъ самыя формы, противопоставляемыя Западомъ, еще не выработаны жизнью, и потому неизвѣстно, насколько онѣ удовлетворятъ гуманнымъ цѣлямъ, то нельзя сказать того же о другомъ положеніи разсматриваемаго направленія, заключающемся въ требованіи немедленнаго распространенія вліянія просвѣтительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы. Нельзя не признать, что этимъ заявленіемъ оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ движенію, проявившемуся въ Европѣ въ послѣднія сто лѣтъ; что оно становится участникомъ въ теченіи, первымъ шагомъ освобожденія массы считающемъ ея приобщеніе къ просвѣтительному вліянію знанія; что оно усвоило духъ западной цивилизаціи, а не внѣшнія формы, а только въ этомъ духѣ и заключается несомнѣнно вѣчный и общечеловѣческій элементъ развитія. Все остальное условно и скоропреходящее».

Къ этой условности и скоропроходимости г. Воронцовъ, какъ это можетъ казаться изъ всего, что онъ говоритъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ той же книги «Наши направленія», а также въ другихъ экономическихъ работахъ, относить и политическія формулы жизни, откуда уже логически вытекаетъ то его положеніе, что Россіи ничто не мѣшаетъ легко осуществить въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи начала равенства и братства. Я нарочно употребилъ здѣсь слова: «какъ это можетъ показаться», такъ какъ утверждать, что онъ рѣшительно игнорируетъ политическія формулы нѣтъ достаточнаго резона, но во всякомъ случаѣ, онъ склоненъ къ значительнымъ уступкамъ современному государственному строю. Его единомышленникъ г. С. К. (С. Кривенко?) во внутреннемъ обзорѣніи «Новаго Слова»¹⁾ менѣе уступчивъ и ясно говоритъ: «Вотъ статьи противъ народниковъ, напоминающія прежнія статьи западниковъ противъ славянофиловъ и не желающія знать, что народничеству не меньше ихъ авторовъ близки всѣ положительныя стороны и идеалы европейской жизни».

Не смотря на дѣлаемыя «народниками» уступки въ сторону прими-

¹⁾ 1895 г., № 1 (октябрь).

ренія съ «этико-соціологами», послѣдніе, однако, не считаютъ возможнымъ слитія обѣихъ фракцій въ одну группу и настаиваютъ на необходимости разьединенія. Вотъ что говоритъ по этому предмету г. Южакъ въ «Соціологическихъ этюдахъ» (стр. 36—37). «Современное народничество въ значительной степени соотвѣтственно современному экономическому матеріализму, хотя, повидимому, и состоитъ съ нимъ въ самомъ крайнемъ противорѣчїи. Начать съ того, что и народники, и матеріалисты придаютъ исключительное значеніе экономикѣ національной жизни. Далѣе, и тѣ и другіе впадаютъ въ исключительность, одни рекомендуя исключительно самобытность, другіе заимствование. Для однихъ традиціонныя устои такъ же палладіумъ, какъ для другихъ капитализмъ. Тѣ и другіе страдаютъ своего рода историческимъ дальтонизмомъ, не видя или не желая видѣть цѣлыхъ сторонъ исторической дѣйствительности. Одни, укрываясь за малыми дѣлами и маленькими вопросами отъ крупныхъ явленій и міровыхъ проблемъ, не допускаютъ возможности капиталистическаго процесса у насъ. Другіе, ослѣпленные яркимъ маревомъ западноевропейскаго быта, упорно закрываютъ глаза передъ невозможностью такого же процвѣтанія капитализма у насъ. Тѣ и другіе ищутъ выхода въ одностороннемъ исключительномъ рѣшеніи: погибай все, лишь бы спасти экономическіе устои самостоятельнаго народнаго хозяйства, восклицаютъ одни, не понимая, что со всѣмъ другимъ непремѣнно погибнуть и эти устои; пусть разоряется народъ, но да торжествуетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ высшая культура, возглашаютъ другіе, не понимая, что разорить народъ капитализмомъ возможно и у насъ, а насадить высшую культуру такую цѣною, пожалуй, и не удастся. Оба теченія, полагая, что провозглашаютъ новое слово, въ сущности возвращаются къ односторонней исключительности западниковъ и славянофиловъ въ ихъ крайнемъ выраженіи. Оба теченія являются рожденіемъ одного и того же факта, малодушнаго сомнѣнія и смущенія. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія и нравственныя обязанности личности передъ обществомъ и общества передъ личностью не должны отодвигаться на задній планъ ради тѣхъ или иныхъ экономическихъ задачъ; въ области же экономическаго соединенія, а не разобщенія факторовъ производства, и пользованіе для этой цѣли и богатымъ опытомъ Западной Европы, и готовыми условіями нашего экономическаго быта, эта формула такъ не сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далека и отъ матеріалистовъ, и отъ народниковъ».

Г. Михайловскій, подобно г. Южакову, тоже рѣзко подчеркиваетъ важное различіе этико-соціологической школы отъ народничества и считаетъ вполне естественнымъ и законнымъ совершившееся къ концу 1893 г. размежеваніе двухъ направленій. Но прежде чѣмъ перейти къ любопытному теченію марксизма—главной

задачѣ настоящей статьи, я не счелъ бы своей задачи исчерпанной, если бы хоть бѣгло не упомянулъ о наличности въ нашей литературѣ другихъ общественныхъ прогрессивныхъ группъ. На первомъ планѣ, конечно, должна быть поставлена здѣсь группа чистыхъ западниковъ съ «Вѣстникомъ Европы» во главѣ. Главное и существенное этой группы, старшей по времени и наиболѣе гармоничной по стройности и разработанности ея міросозерцанія, покоится въ вопросахъ политическаго либерализма. Но я думаю, что программа этой группы достаточно знакома читающей публикѣ, и оставившись на этомъ не стоитъ. Считаю необходимымъ при этомъ отмѣтить, что симпатіи нашихъ современныхъ западниковъ изъ этико-соціального лагеря въ вопросахъ политическаго либерализма сливаются съ задачами группы, представляемой «Вѣстникомъ Европы». Въ значительной степени къ этому же органу печати примыкаетъ по своимъ тенденціямъ другой московскій, а именно «Русскія Вѣдомости», полагающія наиболѣе существенный интересъ нашей современной дѣйствительности въ вопросахъ земскаго самоуправления и развитія областной жизни. Не будетъ большой натяжкой утверждение, что въ данномъ случаѣ почтенная московская газета получила преемственность разрабатываемыхъ ею повседневно вопросовъ отъ блаженной памяти «Земства» редакціи В. Ю. Скалона. Сюда же должно быть отнесено то движеніе среди молодежи С.-Петербургскаго университета второй половины 1880-хъ годовъ, которая въ свое время наиболѣе интересовалась задачами мѣстнаго самоуправления, какъ формой администраціи, долженствующей «крѣпко завершить союзъ между государствомъ и обществомъ». Движеніе это, въ которомъ и авторъ настоящаго очерка принималъ скромное и посильное участіе, составилъ современемъ предметъ особой работы; въ настоящее же время считаю долгомъ лишь отмѣтить, что движеніе это не дало серьезныхъ результатовъ и не успѣло, насколько мнѣ это по крайней мѣрѣ извѣстно, выдвинуть изъ своего теченія какой нибудь многочисленной или крѣпко сплоченной группы. Тѣмъ не менѣе оно оставило по себѣ нѣкоторый слѣдъ, который можно найти въ обширной, но не совсѣмъ удачной съ научной точки зрѣнія, работѣ молодого приватъ-доцента здѣшняго университета, М. И. Свѣшниковъ: «Основы и предѣлы самоуправления» (Спб., 1892 г.), конечный выводъ которой заключается въ слѣдующихъ словахъ автора: «Указанныя основныя начала мѣстнаго самоуправления могутъ быть признаны такими, къ которымъ неминуемо тяготеютъ законодательства различныхъ государствъ Западной Европы, которые стремятся водворить у себя дѣйствительное самоуправленіе. Мы можемъ его суммировать слѣдующимъ образомъ: 1) правильная постановка компетенціи самоуправления предполагаетъ, что всѣ дѣла мѣстной администраціи, поддающіяся мѣстному ограниченію, должны составлять предметъ вѣдомства мѣстнаго самоуправления на пра-

вахъ государственной власти (самостоятельность рѣшеній и исполнительная власть); 2) правильная организація самоуправленія предполагаетъ рядъ административныхъ союзовъ въ государствѣ, основанныхъ на выборномъ началѣ при широкомъ допущеніи всѣхъ самостоятельныхъ элементовъ мѣстности къ участию въ мѣстномъ представительствѣ и въ свободной организаціи учреждений самоуправления; 3) дѣйствительный контроль надъ самоуправленіемъ предполагаетъ необходимымъ признаніе контроля лишь надъ законностью, а не надъ цѣлесообразностью дѣйствій самоуправления и въ организаціи цѣлой сѣти самостоятельныхъ учреждений, которыя должны разрѣшить вопросы о пререканіяхъ между самоуправленіемъ и лицами и учреждениями, за онымъ надзирающими». Такимъ образомъ, какъ читатели могутъ убѣдиться сами, задачи и выводы г. Свѣшниковá (а вмѣстѣ съ тѣмъ, добавлю отъ себя, и то движеніе среди молодежи второй половины прошлаго десятилѣтія, о которомъ я упомянулъ выше, и коего въ печати онъ является пока единственнымъ виднымъ представителемъ) носятъ на себѣ несомнѣнно западническій характеръ и въ значительной степени примыкаютъ къ тому, что постоянно говорится во «внутреннемъ отдѣлѣ» «Вѣстника Европы» и на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей». Рядомъ съ этимъ умственнымъ теченіемъ нашей молодой интеллигенціи нельзя пропустить и нарожденія уже въ наши дни (около 1894 г.), такъ называемыхъ, «государственныхъ народниковъ», которые отчасти примыкаютъ къ направленію г. Воронцова, а отчасти повторяютъ формулу неославянофиловъ (главнымъ образомъ Ив. Аксакова) о необходимости союза правительственной власти съ народомъ. Нельзя сказать, чтобъ доктрина «государственныхъ народниковъ» была вполне ясна, и во всякомъ случаѣ она содержитъ въ себѣ не мало двусмысленности. Опираясь на нее, трудно соблюсти равновѣсіе, и весьма легко по ея естественной покатости дойти въ своихъ конечныхъ выводахъ до очень определенной Катковской формулы государственной народности. Г. Гофштеръ, единственный знакомый мнѣ государственный народникъ, такъ резюмируетъ задачи этой новой группы въ брошюрѣ «Доктринеры капитализма» (Спб., 1895 г.): «Выясняющаяся съ каждымъ днемъ непримиримость внутреннихъ противорѣчій капиталистическаго строя, безвыходность положенія страны, выступающей въ процессъ капитализаціи въ тяжелую эпоху всеобщаго міроваго перепроизводства и живо заражающейся этимъ трупнымъ ядомъ отживающаго свой вѣкъ, одряхлѣвшаго капитализма— все это силою роковой неизбежности приведетъ государство, которое хочетъ жить, къ защитѣ народныхъ формъ хозяйства и къ единственно возможной системѣ не стихійно-капиталистическаго, но гуманно-культурнаго обобществленія труда въ томъ направленіи, которое указано практическими попытками Штанге и новооскольскихъ земцевъ. По эконо-

мическимъ комбинаціямъ оно не можетъ быть инымъ, кромѣ народническаго. Въ такихъ великихъ актахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею и т. д., оно отчасти является народнымъ и даже народническимъ по духу, по историческимъ традиціямъ, по естественнымъ интересамъ власти, солидарнымъ съ интересами массы народной. Но для того, чтобы оно окончательно стало на эту дорогу и сдѣлалось народническимъ по принципу, нужно, чтобы и наше народничество поняло необходимость этого союза правительства въ его естественныхъ задачахъ народнаго благоустройства и благосостоянія и лучшихъ элементовъ народолюбивой интеллигенціи и сознательно и принципиально стало государственнымъ. Этотъ союзъ рѣшить всѣ тревожные вопросы будущаго».

Изложенной формулой г. Гофштеттера я закончу обзоръ тѣхъ прогрессивныхъ элементовъ и литературныхъ группъ, которые вполне опредѣлились и мобилизовались въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія, и которымъ пришлось въ наши дни вступить въ борьбу не на животь, а на смерть съ свалившимся къ намъ неожиданно, точно съ неба, «экономическимъ матеріализмомъ» или «марксизмомъ». Я не считаю надобности перечислять другія прогрессивныя, сомнительныя, всевмѣщающія и, наконецъ, охранительныя общественныя группы, такъ какъ движеніе «марксизма» или въ очень слабой степени ихъ задѣваетъ, или легко съ ними, послѣ нѣкоторыхъ обоюдныхъ уступокъ, примиряется или, наконецъ, рѣшительно имъ играетъ на руку и можетъ быть разсматриваемо, какъ вполне подходящее научное обоснованіе ихъ завѣтнымъ и конечнымъ вождельніямъ. О послѣднемъ, впрочемъ, возможно и даже обязательномъ союзѣ я скажу въ концѣ, но пока мнѣ нечего останавливаться на анализѣ элементовъ той охранительной группы, которая въ конечномъ результатѣ приметъ въ свои радостныя объятія новоявленныхъ марксистовъ въ лицѣ гг. Струве, Бельтова, Туганъ-Барановскаго, Волгина, проф. Скворцова и присныхъ имъ.

III.

Читая все вышесказанное о группировкѣ литературно-общественныхъ партій или кружковъ, объ оживленіи вопросовъ социальныхъ и политико-экономическихъ, да не подумаетъ читатель, чтобы эта группировка и оживленіе происходили при какихъ нибудь особошумныхъ и громкихъ обстоятельствахъ. До 1891 года ничего такого не наблюдалось и даже наоборотъ — предшествовавшее десятилѣтіе отличалось въ смыслѣ разрѣшенія тѣхъ или иныхъ общественныхъ вопросовъ удивительнымъ затишьемъ или даже мертвенностью. Въ силу чисто внутреннихъ обстоятельствъ жизни нашего отечества центръ вниманія сосредоточивался одно время на вопросахъ административныхъ и государственнаго управленія вообще, а потомъ на

вопросахъ этическихъ. Первое обстоятельство находилось въ непосредственной зависимости отъ бывшей тогда на очереди реформы мѣстнаго управленія, а второе—отъ усиленно выдвинувагося впередъ ученія графа Льва Толстаго съ его своеобразнымъ толкованіемъ евангельскихъ истинъ, съ ученіемъ о непротивленіи злу, о несовершенствѣ современнаго брачнаго союза. Вопросы государственнаго управленія сосредоточились главнымъ образомъ на страницахъ прессы западнической политической фракціи—«Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и усилившихся въ то десятилѣтіе органахъ консервативной партіи—«Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Гражданинѣ» и «Русскомъ Обзорѣніи». Остальныя литературно-общественныя группы, за упраздненіемъ принадлежавшихъ имъ журналовъ («Отечественныя Записки», «Дѣло»), принимали сравнительно малое участіе въ горячихъ дебатахъ и являлись случайными и далеко немногочисленными гостями въ тѣхъ немногихъ періодическихъ органахъ, которые гостепріимно открывали передъ ними свои двери (преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Русской Мысли»)¹⁾. Послѣдовавшая за государственными вопросами разработка въ литературѣ этическихъ не мало содѣйствовала укрѣпленію консервативныхъ и религіозно-мистическихъ элементовъ, что въ конечномъ своемъ результатѣ и породило столь громко заявившія себя въ наши дни теченія метафизическія съ присущимъ имъ мистицизмомъ, символизмомъ, декадентствомъ, о чемъ я уже говорилъ въ статьѣ «Болѣзнь или реклама?»²⁾.

Такъ происходило дѣло до двухлѣтія 1891—1892 гт., когда по всей Россіи, вдоль и поперекъ пронеслась грознымъ и опустошительнымъ вихремъ экономическая эпидемія голодовокъ. Это въ значительной степени стихійное бѣдствіе произвело ошеломляющее дѣйствіе на нашу интеллигенцію—оно захватило ее неподготовленно къ дружному отпору, опустившеюся и теоретически неосвѣдомленною, гдѣ кроется корень зла явныхъ отечественныхъ экономическихъ неурядицъ и какими радикальными (а не палліативными) мѣрами и условіями въ интересахъ неповторенія бѣдствія съ его острыми послѣдствіями на будущее время слѣдуетъ обставить народное хозяйство. Въ борьбѣ съ надвинувшимся зломъ наша интеллигенція, правда, нашла въ себѣ достаточно альтруистическаго чувства: нѣкоторые ея представители, особенно изъ молодежи, явили примѣры высокаго духовнаго подъема и самопожертво-

1) Послѣдній журналъ не носилъ на себѣ характера строго-опредѣленнаго направленія, охотно давая у себя мѣсто прогрессистамъ разныхъ фракцій и дарвинистамъ, и эволюционистамъ, и народникамъ, и социологамъ, и даже экономическимъ материалистамъ. За «Русской Мыслью» передъ судомъ литературы остается та несомнѣнная заслуга, что въ тяжелое для печати десятилѣтіе она являлась главнѣйшимъ очагомъ для мнѣній различнаго свойства, но обязательно-прогрессивнаго направленія.

2) «Историческій Вѣстникъ» 1896 г., февраль.

ванія, но все это были единичные факты; общественная же дезорганизация обнаруживала себя въ полной мѣрѣ и силѣ, умственный уровень интеллигенціи, необходимый, чтобъ точно уразумѣть совершающееся, оказывался слишкомъ недостаточнымъ. Вотъ въ эти-то дни общаго шатанія мысли, испуга и недоумѣнія и явилась впервые на выручку доктрина экономического матеріализма, какъ панацея противъ всѣхъ золъ и болѣзней. «Ни для кого не тайна, и никто не ослариваетъ, что за послѣднее время уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился, говорилъ г. Михайловскій въ своемъ текущемъ фельетонѣ¹⁾. Понизился уровень знаній, критической мысли, энергіи, восприимчивости, потускли идеалы, выступили разочарованія. Образовалась нѣкоторая пустота, въ которой иные превосходно устроились: кто, не мудрствуя лукаво, въ винтъ засѣлъ, а кто метафизикой и мистицизмомъ занялся, кто чистымъ искусствомъ, кто чистой наукой, изыскивая для пикантной приправы что нибудь «новое», но такъ какъ не всѣ и старое хорошо знали, а новое не всякому дано открыть, то и выходило разное несообразное; есть, однако, и такіе, которыхъ точить червь жизни, которые ищутъ дѣла, притомъ вполне достовѣрнаго, безошибочнаго. И вотъ, въ эту пустоту вторгается нѣмецкая марксистская литература: ясно, просто, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированной научностью. При томъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того ужъ все удумано, все разжевано и все въ ротъ положено, остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать, по какой бы ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ вполне безошибочнаго, не допускающаго разочарованій дѣла, того удостовѣряютъ, что теперь всякимъ утопіямъ уже навѣрное конецъ пришелъ; кого смущаютъ «бѣдность и несовершенство жизни», тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самого, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непременно новое слово—вотъ оно, еще пять-десять лѣтъ тому назадъ сказано. Какъ ни соблазнительно все это, но въ иное время, при иныхъ условіяхъ, марксистская литература не производила бы у насъ такой смуты. Уже одно непосредственное чувство жалости къ гибнущимъ и страдающимъ, заглохши нынѣ въ нашей пустынѣ, сумѣло бы потребовать болѣе точнаго отчета отъ этой науки, умѣщающейся чуть не въ карманномъ словарѣ, никогда себя не провѣрившей и, однако, надменно распоряжающейся жизнью и смертью людей».

Въ этой горячей тирадѣ почтеннаго социолога-публициста, сказанной еще за полгода до появленія въ свѣтъ столь напумѣвшей книги Г. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономи-

¹⁾ «Русское Богатство», 1894 г., № 1.

чексомъ развитіи Россіи» и за годъ до сочиненія Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.», прекрасно обрисованы внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ распустилась весна марксизма, а также отмѣчены тѣ несостоятельныя совершенства этого ученія, которое породило въ современной литературѣ столько путаницы и которое въ значительной мѣрѣ содѣйствовало дифференцированью нашихъ общественныхъ группъ по составнымъ элементамъ руководящихъ или философскихъ доктринъ.

Первымъ по времени застрѣльщикомъ изъ лагеря марксистовъ долженъ считаться профессоръ Скворцовъ, выпустившій въ 1893 году обширную работу «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи». Этотъ ученый первый въ текущіе дни, примѣнительно къ Россіи, сталъ въ восторженную позу передъ доктриною капитализма, какъ таковою, и высчиталъ даже, сколько народа должно быть обезземлено въ Россіи для собственнаго этого народа благополучія вполнѣдствіи. Выводы г. Скворцова встрѣтили сильный отпоръ со стороны г. В. В., который и посвятилъ разбору мнѣній и аргументовъ профессора немало мѣста въ «Теоретическихъ очеркахъ политической экономіи». Слѣдующимъ марксистомъ выступилъ московскій профессоръ (нынѣ академикъ) И. И. Янжуль, который, вѣроятно, смутилъ своей книгой немало народа. Книга, о коей идетъ рѣчь: «Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки», явилась результатомъ командировки нашего ученаго въ Америку, по случаю всемірной выставки въ Чикаго и хотя представляетъ собою отчетъ министерству объ изслѣдованныхъ имъ на мѣстѣ американскихъ синдикатахъ, но даетъ возможность судить о теоретическихъ выводахъ автора относительно промышленности вообще и задачъ русской промышленности въ частности. Главный выводъ г. Янжула тотъ (стр. 433), что: «дальнѣйшій ходъ сосредоточенія или монополизациі промышленности не составляетъ акта человѣческаго произвола, а является лишь неизбежнымъ результатомъ всѣхъ условій современнаго экономическаго строя», и въ заключительныхъ словахъ книги: «путемъ законодательныхъ мѣръ нѣсколько замедлитъ развитіе промышленныхъ синдикатовъ, конечно, возможно, но надѣяться этимъ способомъ остановить или уничтожить синдикаты совѣмъ, то-есть всецѣло—въ такой же степени невымыслимо и даже наивно, какъ вѣрить, подобно средневѣковымъ алхимикамъ, въ возможность и дѣйствительность элексира юности, который де можетъ остановить на время и навсегда сохранить человѣку молодость!» Этими словами почтенный академикъ предрекаетъ неминуемую гибель нашей мелкой кустарной промышленности и предсказываетъ цѣлой группѣ, и довольно многочисленной, кустарей самую печальную будущность обнищанія, а всѣмъ мѣрамъ, прини-

маемымъ въ настоящее время къ ихъ поддержанію, полное крушеніе. Но г. Янжуль по задачамъ своей работы обратилъ вниманіе лишь на промышленный классъ, оставляя земледѣльцевъ въ сторонѣ. Ими занялись уже спеціально гг. Струве, Бельтовъ и Волгинъ.

IV.

Не задолго до появленія труда г. Струве, г. Михайловскій получилъ анонимное письмо за подписью «марксисты», гдѣ было сказано ¹⁾: «Своей формулировкой вы вмѣстѣ съ г. В. В. приписываете намъ какую-то активную дѣятельность въ сторону разрушенія существующей экономической организаціи, между тѣмъ, какъ основной нашей точкой исхода, на которой мы строимъ свою практическую программу, является, напротивъ, убѣжденіе, что характеръ нашей экономической эволюціи, какъ до сихъ поръ не зависѣлъ, такъ не можетъ зависѣть и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отъ той или другой дѣятельности интеллигенціи. Съ начала 70-хъ годовъ вы доказываете существованіе въ Россіи особыхъ условій, благодаря которымъ она можетъ миновать капиталистическую стадію развитія. Мы отрицаемъ наличность такихъ условій. Мы находимъ, что ходъ экономической эволюціи, какъ до сихъ поръ состоялъ въ разрушеніи экономической организаціи, унаслѣдованной отъ крѣпостнаго права, такъ и впредь будетъ отличаться такимъ же характеромъ. Этотъ взглядъ нашъ неразрывно связанъ съ убѣжденіемъ, что экономическая эволюція при настоящихъ условіяхъ можетъ совершиться только инстинктивнымъ путемъ, такъ, какъ она совершалась до сихъ поръ повсюду въ Западной Европѣ, и что сознательная дѣятельность интеллигенціи не можетъ измѣнить характеръ этой эволюціи».

Вскорѣ послѣ обнародованія г. Михайловскимъ этого комментированнаго имъ письма вышла въ свѣтъ книга г. Струве «Критическіе очерки», гдѣ безъ всякихъ недоговоровъ и сомнѣній изложена типичная программа марксизма, не оставляющая никакого сомнѣнія въ пониманіи истинныхъ вождѣлѣній экономистовъ новѣйшей формаціи и которая изложена имъ въ 19-ти положеніяхъ. Положенія эти очень удачно сгруппированы г. Головинымъ ²⁾ въ слѣдующемъ порядкѣ, позволяющемъ составить себѣ ясное понятіе о всей программѣ молодого марксиста: «Капитализмъ въ широкомъ смыслѣ— это переходъ отъ натурального хозяйства къ мѣновому, и появленіе его на свѣтъ неминуемо влечетъ за собою и капитализмъ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть крупное централизованное производство. Явленіе это, правда, совершается только въ обрабатывающей промышлен-

¹⁾ «Русское Богатство» 1894 года, № 1.

²⁾ «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика». Спб. 1896 года, стр. 84—86.

ности (тезисъ 5-й), но вліяетъ оно и на земледѣліе, повышая его производительность (тезисъ 4-й), сокращая сельское населеніе, при соотвѣтственномъ ростѣ городского (тезисъ 6-й), и кореннымъ образомъ измѣняя экономическій и моральный обликъ земледѣльческаго производителя (тезисъ 7-й). Для Россіи въ этомъ процессѣ является первичнымъ факторомъ вовлеченіе ея сельскаго хозяйства въ сферу товарнаго обращенія (тезисъ 9-й). Кризисъ русскаго крестьянскаго хозяйства вызванъ прежде всего перенаселеніемъ (тезисъ 15-й). Бѣдность нашихъ крестьянъ не вызвана развитіемъ капитализма, а наоборотъ является наслѣдіемъ натурального хозяйства (тезисъ 16-й). И устранить эту бѣдность можно лишь созданіемъ внутренняго рынка, который будетъ опираться на прогрессирующее, земледѣльческое производство (тезисъ 17-й). Благодаря обширности Россіи, рынокъ этотъ можетъ неопредѣленно расти, что и создастъ у насъ особенно благоприятныя условія для развитія капитализма. Здравая экономическая политика должна заключаться въ содѣйствіи этому процессу (тезисъ 19-й). При томъ (тезисы 11-й и 12-й), благодаря разобщенію промышленнаго рабочаго населенія отъ земледѣльческаго и вызванному капитализмомъ массовому производству, создается благоприятная почва для будущей общественной организаціи труда». Заключительный аккордъ работы г. Струве знакомъ уже: «Нѣтъ, приглашаетъ онъ Россію, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму».

Черезъ какіе нибудь полгода послѣ выхода книги г. Струве явился новый трудъ того же направленія, принадлежащій Н. Бельтову и озаглавленный «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣву и компаніи». Положительная часть этой книги не внесла ничего новаго къ тому, что было уже сказано г. Струве. Г. Бельтовъ только болѣе рѣзко и, пожалуй, талантливѣе развиваетъ положеніе марксизма примѣнительно къ современному хозяйственному и соціальному строю нашего отечества и провозглашаетъ, что царство капитализма, къ счастью, уже наступило. «Всякій процессъ, говоритъ онъ, безусловно обязателенъ тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Такъ, на примѣръ, горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка обязательно гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ капиталѣ (Маркса) рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, обязательнаго для тѣхъ странъ, гдѣ это развитіе имѣетъ мѣсто». А однажды, по мнѣнію автора, всѣ признаки капиталистическаго развитія въ Россіи на лицо, то она по непреложнымъ законамъ должна прійти къ обезземеленію крестьянства, къ созданію двухъ крупныхъ группъ капиталистовъ-предпринимателей и пролетаріевъ-рабочихъ. Изъ борьбы этихъ группъ создастся въ будущемъ необходимое примиреніе интересовъ, которое и приведетъ наше отечество къ желательному соціальному переустройству.

Почти черезъ годъ послѣ появленія книги г. Бельтова, въ «Мірѣ Божьемъ», ежемѣсячномъ «журналѣ для юношества и самообразованія» (1895 г., № 12), была напечатана статья молодого приватъ-доцента здѣшняго университета, М. Туганъ-Барановскаго, «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи»¹⁾. Въ своей статьѣ г. Туганъ является слѣпымъ адептомъ экономическаго матеріализма и разбираетъ его, какъ стройную философскую доктрину, совершенно минуя тѣ практическіе результаты, которые должны изъ нея послѣдовать и для Западной Европы и для Россіи. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ жрепомъ чистаго искусства, а потому меня въ настоящей статьѣ авторъ можетъ интересовать лишь постольку, поскольку изъ его ученія можно вывести для русской жизни тотъ или иной результатъ. Вотъ тѣ наиболѣе существенныя положенія, которыя я считаю нужнымъ извлечь изъ статьи г. Тугана. На стр. 113 онъ утверждаетъ: «соціальная среда опредѣляется, прежде всего, хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы— всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства»; на стр. 115: «Поддержаніе своего существованія во всѣ времена было главнымъ интересомъ человѣческой жизни. Въ этомъ заключалась основная задача всякаго политическаго и общественнаго союза. Нравы, обычаи, политическія учрежденія должны были приспособляться къ условіямъ хозяйства, такъ какъ если бы не соотвѣтствовали этимъ условіямъ, то хозяйство не могло бы идти, и человѣчество лишилось бы матеріальнаго базиса своего существованія». Далѣе: «Большинство современныхъ обществъ распадаются, по крайней мѣрѣ, на 5 классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ (рента), крупныхъ предпринимателей (прибыль), рабочихъ (заработная плата), ремесленниковъ, лавочниковъ, вообще мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ (смѣшанный доходъ, состоящій изъ прибыли и заработной платы) и крестьянъ (смѣшанный доходъ изъ ренты, прибыли и рабочей платы). Два послѣднихъ класса занимаютъ промежуточное положеніе между собственниками и рабочими. Экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное значеніе этихъ классовъ падаетъ по мѣрѣ развитія капитализма; среди нихъ происходитъ дифференціація— немногіе хозяева переходятъ въ классъ крупныхъ собственниковъ, а громадное большинство пополняетъ ряды пролетаріата, рабочихъ». Заключительныя слова молодого ученаго слѣдующія: «До сихъ поръ попытки экономическаго объясненія исторіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣлались умѣло и съ нужнымъ знаніемъ истори-

¹⁾ Статья эта есть вступительная лекція къ курсу, читаемому въ университетѣ молодымъ ученымъ въ настоящемъ году, и должна быть разсматриваема, какъ profession de foi того міровоззрѣнія, которое, очевидно, будетъ подъ авторитетнымъ флагомъ науки пропагандироваться среди учащейся молодежи.

ческих фактовъ, приводили къ блестящимъ результатамъ, открывали новыя и неожиданныя историческія перспективы, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, лучшее доказательство научной состоятельности разсматриваемой доктрины». Такимъ образомъ, если умѣлою рукою пополнить установленныя г. Туганомъ-Барановскимъ пустыя формулы содержаніемъ изъ русской исторической дѣйствительности, то мы неминуемо должны прійти къ тѣмъ же выводамъ относительно социальна-экономической будущности нашего отечества, къ каковымъ пришли уже, слѣдуя за гг. Скворцовымъ, Бельтовымъ, Струве.

Послѣдней, наконецъ, новинкой марксистской русской литературы является выпедшая надняхъ книга г. А. Волгина «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ» съ эпиграфомъ: «*sum cuique!*». Положительнаго значенія въ смыслѣ болѣе обстоятельнаго обоснованія марксизма книга эта не имѣетъ; и ее слѣдуетъ отнести по сродству къ той части книги г. Бельтова, гдѣ имѣется въ наличности полемика съ гг. Михайловскимъ, Карѣевымъ и комп., то-есть она направлена къ тому, чтобы наговорить, какъ можно больше неприяностей г. Воронцову и при помощи ловкихъ передержекъ, удачныхъ логическихъ подножекъ и остроумныхъ парадоксовъ доказать, что г. Воронцовъ круглый невѣжда, и всѣ труды его обрѣтаются въ «дѣтскомъ состояніи». Характеризуя полемическіе приемы г. Бельтова, Н. Михайловскій справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что г. Бельтовъ «лжетъ, кувыркается, пляшетъ въ присядкѣ, экскурсируетъ въ Гегелеву философію и всѣми этими приемами—однимъ отводитъ глаза отъ существа дѣла, а другимъ внушаетъ недоувѣріе». Замѣнивъ въ этой фразѣ слова «Гегелева философія» словами «политическая экономія» и «статистическіе сборники», ее дѣликомъ можно примѣнить и къ г. Волгину. Онъ пляшетъ подъ пару г. Бельтову, и подобное зрѣлище производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Въ книгѣ г. Волгина не знаешь, чему удивляться—дѣли или средствамъ? Вѣдь каковы бы ни были недостатки во всей совокупности трудовъ г. Воронцова, нельзя же, однако, однимъ росчеркомъ пера упразднить все имъ накопленное научное богатство и свести всю его литературную дѣятельность къ нулю. Хотя что нибудь да должно же остаться! Но нѣтъ, г. Волгинъ не признаетъ уступокъ и побѣдоносно восклицаетъ: «печальна та литературная эпоха, когда гг. Воронцовы считаются авторитетными изслѣдователями».

И представилъ въ возможной для краткаго очерка полнотѣ картину современнаго движенія нашей уже достаточно обширной марксистской литературы и указалъ на ея главныхъ представителей. Припоминая сказанное мною по этому же предмету въ очеркѣ «Молодежь и ея руководители», мы ясно наблюдаемъ, что движеніе

¹⁾ «Русское Богатство», 1896 г., № 2.

это направляется по тремъ путямъ. Первый имѣетъ своей конечной цѣлью дискредитировать въ глазахъ нашего общества оба прогрессивныхъ теченія современной научно-публицистической мысли — и «этико-соціологовъ» и «народниковъ», причемъ главнѣйшими орудіями борьбы съ вожаками этихъ группъ признается: подтасовка фактовъ, намѣренно неправильное освѣщеніе событій, насмѣшка и даже брань. По этому пути съ особеннымъ шумомъ шествуютъ гг. Бельтовъ, Струве и Волгинъ. Второй путь — чисто научнаго обоснованія ученія экономическаго матеріализма и марксизма, разсматриваемаго, такъ сказать, трансцендентно, внѣ пространства и времени. Здѣсь единственнымъ представителемъ является до сихъ поръ только г. Туганъ-Барановскій; и, наконецъ, третій, и наиболѣе содержательный, путь: пополненія принятыхъ на вѣру отъ западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ формулъ экономическаго матеріализма русскою дѣйствительностью и утвержденія всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ пополненіемъ конечныхъ выводовъ. За исключеніемъ г. Тугана по этому пути слѣдуютъ всѣ остальные перечисленные русскіе марксисты, при чемъ пальма первенства и руководства остается по общію выводовъ за г. Струве.

Дайте себѣ трудъ вспомнить о томъ, что говорили гг. Михайловскій и Южаковъ по поводу появленія на горизонтѣ русской жизни въ 1860-хъ годахъ экономическихъ матеріалистовъ, и вы несомнѣнно убѣдитесь, что современное движеніе марксизма есть повторительное движеніе того, что уже тридцать лѣтъ тому назадъ изжило свой вѣкъ, и при томъ движеніе не съ прогрессивной окраской, какъ это было прежде, но съ ярко-регрессивной. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія были общи представителямъ и доктринамъ реалистической и матеріалистической, утверждаетъ съ фактами въ рукахъ г. Южаковъ. Наблюдаемъ ли мы наличность тѣхъ же идеаловъ у современныхъ марксистовъ? Увы, нѣтъ! Ученіе ихъ, заключая въ себѣ тѣ же логическія ошибки по существу, о чемъ будетъ сказано дальше, отличается удивительнымъ эгоизмомъ, черствостью и даже злобою. Не имѣя подъ ногами твердаго научнаго базиса для излюбленной имъ доктрины матеріализма, они принимаютъ ее на вѣру, какъ идею, вышедшую уже готовою изъ головы западно-европейскихъ ученыхъ, и тшатся всѣми законными и незаконными средствами втиснуть въ нее бѣдную русскую жизнь, причемъ всякаго, мѣшающаго этой прокрустовской операціи, подвергаютъ брани и насмѣшкамъ.

Каковою рисуется гг. Струве, Бельтову, Тугану будущность въ перспективѣ для нашего отечества? Соціальная Россія должна въ будущемъ быть представлена всего лишь двумя классами — немногими крупными собственниками и громаднымъ пролетаріатомъ, образовавшимся изъ обезземеленнаго крестьянства, которые неминуемо вступаютъ между собою въ борьбу, имѣющую въ свою очередь за-

кончиться «обобществленіемъ», то-есть слитіемъ интересовъ этихъ классовъ, послѣ чего уже наступитъ желанный социальный «миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Но это «обобществленіе» ни г. Струве, ни г. Бельтовымъ не рисуется пока, какъ нѣчто исторически-реальное, а скорѣе въ видѣ сказочнаго журавля въ небѣ, сокрытаго отъ нашихъ взоровъ плотною пеленою научнаго тумана. Въ утѣшеніе намъ до поимки этого волшебнаго журавля дается въ руки простая синичка, птичка-невеличка, въ видѣ класса крупныхъ собственниковъ и голоднаго пролетаріата, при чемъ о наличной громадной арміи войска и бюрократіи дипломатически умалчивается. Куда дѣвать тѣхъ и другихъ? Очевидно, они будутъ всѣми силами бороться за существующій порядокъ вещей и естественно заключать самый тѣсный союзъ съ группой крупныхъ капиталистовъ и помощью штыковъ и канцелярскихъ перьевъ никогда не допустить наступленія эры «обобществленія». Такимъ образомъ синичка гг. Бельтова и Струве вовсе ужъ не такъ заманчива и скорѣе всего смахиваетъ на новое насажденіе у насъ крѣпостного-права съ научно-философской только подкладкой. Господа крѣпостники, волею Божию еще не переведшіеся съ Русской земли, должны ликовать подвигамъ ученыхъ русскихъ марксистовъ и могутъ беззаботно напѣвать:

А народъ опять скуемъ!

Если бы князь Мещерскій или кто нибудь изъ той же партіи, оплакивающей славное прошлое рабовладѣльчества, могъ явиться передъ товарищескимъ собраніемъ г.г. Струве, Бельтова, Тугана-Барановскаго и Волгина, то онъ навѣрное обратился бы къ нимъ съ слѣдующими крылатыми словами:

— Друзья мои, привѣтствую васъ всѣмъ своимъ сердцемъ и душою! Вы являетесь на выручку мнѣ и моимъ единомышленникамъ въ такое трудное для насъ время, когда всѣ эти либералы, социологи и народники вновь наполнили улицу своими неприличными криками о равенствѣ, братствѣ, свободѣ и прочей чепухѣ. Мы уже начали, было, терять всякую надежду, что наши аппетиты, продолжающіе расти въ даль и ширь, будутъ когда нибудь удовлетворены. Мы долго прикрывались маскою преданности и благочестія и все твердили: «donnez nous encore quelque chose»; но маску съ насъ сорвали и намъ грубо заявили — «ненасытныя утробы, ступайте прочь!» Теперь мы снова радуемся духомъ — вы даете нашимъ крѣпостническимъ вождѣльнїямъ научное обоснованіе. Мы будемъ просить, дѣйствовать, сплочиваться во имя экономическаго матеріализма. Не все ли равно, какая дорога приведетъ къ Риму?— было ли бы лишь желанный Римъ на лицо. Вы намъ его выстраиваете и даете малую синицу въ руки. Mercı.

— Но позвольте!—вѣроятно, въ смущеніи забормочуть г.г. Струве, Туганъ и Бельтовъ.—У насъ есть про запасъ журавль въ небѣ, который долженъ скоро опуститься на землю.

— Хе-хе-хе... шутники!—заливаясь хохотомъ, скажетъ князь Мещерскій.—Да кто же подпуститъ близко этого миеического журавля. Мы его... того... ружейными выстрѣлами...

Что я не впадаю въ шаржъ, сопоставляя крѣпостничество съ силицей экономическихъ матеріалистовъ, лучше всего доказывается словами сенатора Н. П. Семенова, который въ качествѣ члена бывшихъ редакціонныхъ комиссій, даровавшихъ Россіи свободу, поснѣшилъ отозваться на нашу марксистскую литературу брошюрой «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II» (Спб., 1896 г.), гдѣ (стр. 17—18) съ негодованіемъ говоритъ: «Гнетъ капитала невыносимъ для свободнаго духа человѣка. Въ сравненіи съ этимъ гнетомъ бывшая у насъ крѣпостная зависимость крестьянъ представляется легкою, и если правительство думало бы когда нибудь серьезно вести Россію по пути, въ концѣ котораго стоитъ обнищаніе народныхъ массъ, то стоило ли и поднимать столько хлопотъ для освобожденія крестьянъ, чтобы промѣнять путавшую ихъ веревку на желѣзныя цѣпи, надѣваемые на настоящія рабочія руки эгоизмомъ и бездушіемъ собирателей капитала? Для насъ долженъ быть поучителенъ опытъ развитія капитализма, со всѣми уже видимыми его послѣдствіями, въ государствахъ Западной Европы и за океаномъ. Онъ у всѣхъ передъ глазами. Во внѣшнихъ нашихъ сношеніяхъ съ чужими странами капитализмъ успѣлъ уже захватить въ свою паутину и наши государственныя финансовыя управленія, и если вообще желательно устранить господство капитализма надъ строемъ человѣческихъ обществъ, то мы едва ли нашли бы болѣе простой и естественный противовѣсъ ему, чѣмъ наше историческое общинное и неотчуждаемое крестьянское владѣніе или пользованіе государственными землями».

Но не одинъ заслуженный дѣятель по освобожденію крестьянъ Н. П. Семеновъ сталъ на защиту обижаемаго марксистами русскаго народа. Во имя послѣдняго и его права на свободный хлѣбъ насущный, дарованный ему реформою 19 февраля, дружно двинулись на марксистовъ всѣ прогрессивные элементы нашего общества. Либералы чистой воды, государственные народники, просто народники, этико-соціологи, всѣ въ одинъ голосъ громко вопіютъ противъ эгоистическихъ и бездушныхъ рѣчей дряблыхъ чувствомъ и умомъ молодыхъ экономистовъ. Общій врагъ сплотилъ прогрессивные элементы русскаго общества и тѣ публичныя собранія, гдѣ передъ многочисленными аудиторіями г.г. Яроцкій¹⁾ и Оболенскій²⁾ въ личномъ собесѣдованіи съ марксистами, несомнѣнно, обнаружили несостоятельность ихъ догматовъ. Со стороны обоихъ названныхъ дѣя-

¹⁾ См. его брошюру «Односторонняя теорія экономического развитія», Спб., 1896 г.

²⁾ См. «Новое Слово», 1896 г., февраль: «Представляетъ ли англійскій капитализмъ нормальную стадію развитія? Интересующихся взглядами на марксизмъ г. Оболенскаго отсылаемъ также къ прекрасной его ст. «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи». Русская Мысль, 1895 г., № VIII—IX.

телей печатнаго слова и науки открытый бой (въ «Историческомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ» и «Вольно-экономическомъ Обществѣ») съ представителями экономического материализма былъ дѣломъ не малой общественной заслуги, за который имъ слѣдуетъ принести горячую признательность. Здѣсь публичностью спора имъ былъ нанесенъ ударъ съ той стороны, которая дѣлаетъ ихъ дѣйствительно опасными, а именно они, что называется, съ ногами и руками, во весь ихъ ростъ были показаны присутствовавшей публикѣ, что въ значительной степени лишило ихъ ученіе ореола таинственности, а отсюда и той заразительности, которой опасается г. Михайловскій. Редакторъ «Русскаго Богатства», какъ я уже имѣлъ случай говорить, потратилъ немало силъ и времени на борьбу съ марксистами. Ему первому принадлежитъ честь открытаго и рѣшительнаго спора съ марксистами, и должно безпристрастно сознаться, что изъ-подъ его мѣткихъ полемическихъ ударовъ г.г. Струве, Бельтовъ, а въ особенности Туганъ-Барановскій вышли искалѣченными до неузнаваемости. Какъ извѣстно, марксисты особенно ополчаются именно на г. Михайловскаго и его соціологическую школу, вслѣдствіе чего почтенному публицисту приходится даже ради собственнаго спасенія давать отпоръ пришлымъ врагамъ. Но, конечно, я далекъ отъ мысли утверждать, что г. Михайловскій во имя свое ратуетъ противъ марксистовъ, тысячу разъ нѣтъ! Онъ, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ прочихъ публицистовъ защищаетъ и интересы русскаго обездолимаго народа и успѣхи культуры во имя любви, равенства и братства. Я уже достаточно пользовался статьями г. Михайловскаго, но на прощаніе съ нимъ не могу не привести еще одной выдержки изъ его послѣдней блестящей полемической статьи, рѣшительно совлекшей въ преисподнюю молодого приватъ-доцента, г. Туганъ-Барановскаго. Вотъ эта полная ироніи, негодованія и высокаго пафоса, тирада ¹⁾. «И люди, дѣйствительно порабатывшіе на поприщѣ мысли и внесшіе нѣчто новое въ ея сокровищницу... цѣнять не столько это новое, но и тотъ страдальный путь, котормъ преемственная человѣческая мысль доработалась до него. Другое дѣло господъ, получавшіе свою истину даромъ, на вѣру. Имъ, конечно, «открытіе новыхъ идей» должно представляться легкимъ дѣломъ: они сами — живой примѣръ этой легкости, если не открытія, то усвоенія новыхъ идей. Представьте себѣ вѣками воздвигаемый храмъ человѣческой мысли и въ немъ гробницы почившихъ работниковъ храма. И вотъ эти господа, —

Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ...

¹⁾ «Русское Богатство», 1896 г., № 2.

«Какой ужъ тутъ стыдъ! По собственнымъ надобностямъ они рѣдко въ храмъ заглядываютъ,—зачѣмъ? они имѣютъ въ своемъ распоряженіи новое, окончательное; а тамъ, въ храмѣ, нѣтъ ничего, кромѣ памятниковъ заблужденія, въ которыхъ и разбираться не стоитъ: все заблужденія, и всѣ въ этомъ смыслѣ равны между собою. Но этого мало. Эти господа берутся быть нашими проводниками, путеводителями по храму: пойдемте, дескать, мы вамъ покажемъ, что люди до насъ ввали; вотъ Милль, Контъ, Бокль,—мимо! не стоитъ! Вотъ Луи Бланъ,—этотъ вотъ что сболтнулъ; вотъ цѣлый рядъ гробницъ въ даль уходитъ,—все одинъ чортъ, одного поля ягода; а теперь довольно: посмотрѣли и будетъ, теперь на насъ смотрите, какіе мы умные и новые, съ иголки».

Рука объ руку съ г. Михайловскимъ, въ томъ же «Русскомъ Богатствѣ» и г. Южакъ сдѣлалъ немало брешей въ доктринахъ г.г. Вельтова и Струве и очень рельефно изъ сопоставленія съ историческимъ прошлымъ 1860-хъ годовъ подчеркнул всю регрессивность марксизма.

И народники, въ лицѣ г.г. Кривенко и В. Воронцова, рѣзко ополчились противъ экономическаго матеріализма во имя исконныхъ формъ русскаго обществѣ—общины и артели. Мѣсто не позволяеть мнѣ воспользоваться нѣкоторыми мыслями, высказанными редакціей «Новаго Слова» по поводу ученія нашихъ марксистовъ. Отмѣчу лишь, что почтенная редакція журнала заявляетъ, что наши доморощенные экономисты новѣйшей формаціи напрасно защищаются теоріей Маркса, такъ какъ послѣдній своимъ ученіемъ, въ его чистомъ, а не искаженномъ послѣдователями, видѣ, рѣшительно не даетъ основанія къ тѣмъ выводамъ, которые совершенно произвольно дѣлаютъ изъ него его непрошенные русскіе ученики, почему «Новое Слово» и спрашиваетъ: «Можно ли считать марксистами, т. е. послѣдователями его ученія, лицъ, начинающихъ проповѣдь своего ученія въ Россіи съ нанесенія учителю «безчестія» (подлинное выраженіе Маркса) обреченіемъ его очерка происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго развитія» (его же подлинныя слова) и нападеніемъ на тѣхъ русскихъ писателей, которые полагаютъ, что эта проповѣдь фактически должна выражаться изученіемъ экономической эволюціи Россіи? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, считать, что эти лица компрометируютъ философію Маркса, и не правильно ли будетъ поэтому уподобить ихъ тѣмъ марксистамъ (выраженіе Герцена), которые старались пріютиться подъ тѣнь имени Маркса при жизни послѣдняго и своимъ поведеніемъ немало его компрометировали».

Подобно публицистамъ, и профессора здѣшняго университета въ лицѣ г.г. Исаева, Карѣева и Яроцкаго потратили не мало силъ, чтобы разобраться во всей научной путаницѣ, созданной нашими марксистами. Г. Карѣевъ посвящаетъ имъ цѣлую книгу «Старые и но-

вые этюды», гдѣ подвергаетъ всестороннему анализу доктрину экономического матеріализма и вполне основательно разъясняетъ, что доктрина эта еще никѣмъ и никогда не была научно обоснована. Профессоръ приходитъ къ тому выводу, что основная идея экономического матеріализма была высказана полвѣка тому назадъ совершенно догматически и, собственно говоря, остается до сихъ поръ научно совершенно необоснованною, такъ какъ вся новѣйшая литература экономического матеріализма представляетъ изъ себя лишь рядъ развитій и примѣненій основнаго принципа, который, однако, никогда не былъ предметомъ дѣйствительно научной аргументаціи. Далѣе г. Карѣевъ утверждаетъ, «что сторонники экономического матеріализма напрасно основываютъ свою оцѣнку современнаго положенія Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои практическіе совѣты — на доктринѣ экономического матеріализма, и... это не потому только, что послѣдняя сама не доказана, но и потому, что будь она даже доказана, она по существу дѣла не могла бы служить основой для сужденія о такой сложной совокупности конкретныхъ явленій, какую представляетъ изъ себя окружающая насъ дѣйствительность». Подобно прочимъ оппонентамъ марксизма, г. Михайловскому, Яроцкому, Н—ону, и Карѣевъ непреложно доказываетъ, что любимое указаніе и ссылка марксистовъ и вообще экономических матеріалистовъ на непреложность всеобщихъ экономическихъ законовъ есть простая фикція, плодъ фантазіи, чѣмъ еще болѣе (говорю это отъ себя) усугубляется ихъ вина передъ Россіей, когда они съ завѣдомо дурною цѣлью влекутъ ее на гибельный путь обезземеленія и торжества капитализма. «Спеціально для теоріи историческаго процесса экономической матеріализмъ поставилъ вопросъ о значеніи экономического фактора въ соціальной эволюціи, говоритъ г. Карѣевъ, но, къ сожалѣнію, экономической матеріализмъ выступилъ на совершенно ложный путь въ рѣшеніи этого вопроса. Въ первомъ — его заслуга, въ послѣднемъ — самая слабая его сторона, ибо это — путь догматизма, а не путь критики».

Другой профессоръ Петербургскаго университета, А. А. Исаевъ, въ только-что вышедшей книгѣ «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства», о коей было уже говорено въ началѣ статьи, тоже рѣзко высказывается противъ современныхъ марксистовъ и въ противность имъ горячо отстаиваетъ законъ творчества въ экономической жизни. «Разъ мы признаемъ экономическое творчество, мы считаемъ возможнымъ его и въ Россіи, утверждаетъ г. Исаевъ. Но мы безоговорочно осуждаемъ всякія попытки отыскать въ жизни нашей родины устои, на которыхъ можетъ быть основано нѣчто не только болѣе совершенное, но и принципиально отличное отъ того, что даетъ Западная Европа ¹⁾. И въ нашей странѣ высшее эконо-

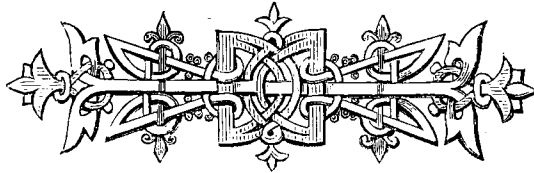
¹⁾ Г. Исаевъ противникъ нашего народничества въ томъ его видѣ, какимъ его обосновываетъ В. Воронцовъ.

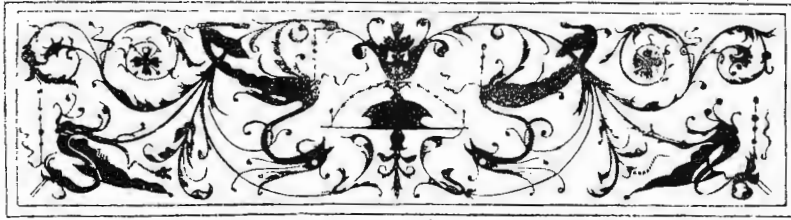
мическое творчество можетъ сказаться въ двухъ формахъ: 1) въ формѣ сохраненія и улучшенія тѣхъ выгодныхъ для массы людей условій жизни, которыми располагаетъ Россія; и 2) въ формѣ перенесенія съ Запада организацій, которыя, различаясь изъ страны въ страну частностями, представляются однородными въ своихъ существенныхъ особенностяхъ, однородными потому, что отвѣчаютъ на потребности людей, обнаруживающіяся во всѣхъ странахъ, какъ бы ни были несходны онѣ по условіямъ внѣшней природы и складу народнаго хозяйства. Русская жизнь знаетъ только одинъ крупный экономическій фактъ, отличающій ее отъ міра европейско-американскаго міра — общинное землевладѣніе. Этотъ фактъ можетъ быть отмѣченъ, какъ особенность русской жизни потому, что онъ уживается въ нашемъ отечествѣ съ болѣе развитою промышленностью и большею сложностью народнаго хозяйства, нежели на Западѣ, гдѣ община разложилась уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда экономическій бытъ былъ очень простъ, и и денежное хозяйство еще не вытѣснило натуральнаго. Ни въ нашихъ артеляхъ, ни въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ я не вижу ничего, что было бы своеобразно и отличало бы нашъ бытъ отъ жизни Запада». Г. Исаевъ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, съ своей книгой является первымъ противникомъ современныхъ марксистовъ, который, строя свою доктрину благоденствія Россіи на принципахъ альтруизма, противопоставляетъ ихъ ученію—о необходимости слѣпонаго подражанія Западу—свою широко-разработанную программу естественнаго экономического и политическаго роста русскаго народа. «Дабы альтруистическое чувство могло направляться туда, гдѣ гнѣтъ особенно великъ, нужно, чтобы люди, способные къ самоотверженію, не были скованы по рукамъ и ногамъ, говоритъ авторъ книги «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства» (стр. 189 — 190), чтобы они могли свободно передвигаться по всей странѣ, свободно выбирать ту общественную группу, которой хотятъ посвятить свои знанія и подарить всю энергію труда, на которую они способны. Дабы ихъ усилія оставляли замѣтные слѣды и творили жизнь, они должны имѣть возможность свободно дѣйствовать, или по одиночкѣ, или большими группами, какъ того требуетъ время и мѣсто; они должны не говорить шепотомъ, а смѣло подавать свой голосъ въ увѣренности, что вмѣстѣ съ другими голосами онъ будетъ не только услышанъ, но и будетъ имѣть вліяніе на рѣшеніе каждаго вопроса внутренней политики. Ребяческая мечта—думать, что возможна истинная и плодотворная работа въ общественной жизни безъ широкой гражданской свободы. И безъ нея могутъ быть даны народной жизни многочисленныя мѣропріятія съ самыми заманчивыми названіями, но они будутъ только неудачной копіей со своихъ образцовъ. Вотъ почему странно слышать со стороны г. В. В. замѣчаніе, что если въ Рос-

сіи не суждено развиться свободѣ, то могутъ развиваться равенство и братство! Я не вѣрю этому: гдѣ равно свободны всѣ, тамъ послѣдовательный ростъ культуры приводитъ къ господству равенства и братства; гдѣ свободны немногіе, а большинство не имѣетъ этого блага, тамъ равенство и братство всегда останутся пустыми звуками. Итакъ, наши заботы объ усовершенствованіи экономической жизни, о созданіи въ ней того, что не сразу, но несомнѣнно ведетъ къ болѣе высокому общественному строю, будутъ тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ больше будетъ развиваться въ нашемъ отечествѣ свобода, и чѣмъ болѣе будутъ расширяться политическія права населенія».

Эта положительная программа почтеннаго профессора какъ нельзя лучше восполняетъ тотъ пробѣлъ, который ощущается въ нашей прогрессивной литературѣ, въ ея полемикѣ съ марксизмомъ и отдѣльныхъ группъ между собою. Г. Исаевъ, принадлежа всецѣло западной фракціи, не заимствуетъ готовыхъ европейскихъ подражательныхъ шаблоновъ политико-экономическому существованію своей родинѣ, но черпая изчужа все наилучшее, стремится приспособить его къ кореннымъ устоямъ русской жизни, къ каковымъ онъ относитъ сохранившуюся у насъ отъ разрушенія сельскую общину. Такимъ образомъ его программа вноситъ нѣкоторое примиреніе въ разномыслящія наши прогрессивныя группы по вопросу о будущности, желательной для Россіи, давая сильное удовлетвореніе тенденціямъ каждой изъ этихъ группъ—и чистыхъ западниковъ-либераловъ, и западниковъ этико-соціалоговъ, и славянофильствующихъ народниковъ.

Б. Глинскій.

ПРОФЕССОРЪ С. А. БЕРШАДСКІЙ.

Некрологъ.

ЕВРАЛЯ 24-го, родные, друзья и почитатели профессора Бершадскаго опустили въ землю прахъ своего незабвеннаго друга, товарища и учителя. Тысячная толпа, сопровождавшая гробъ, была проникнута единою скорбью—скорбью глубокой: сошелъ въ могилу человекъ, какихъ не много и по уму, и таланту, и по душевнымъ качествамъ.

Свѣжа могила, свѣжа мысль о понесенной потерѣ,—никакъ не привести въ порядокъ воспоминаній объ отшедшемъ; но общій нравственный обликъ усопшаго друга и въ настоящую, тяжелую для пишущаго эти строки, минуту рельефно выступаетъ среди обломковъ мыслей и чувствъ.

Сергѣй Александровичъ былъ натурой исключительной, своеобразной и, что ужаснѣе всего, драгоцѣннѣйшія черты этой природы постепенно привели къ роковой развязкѣ: онъ, можно сказать, палъ жертвою своей природы. Тотъ жизненный огонь, который въ немъ такъ сильно и непрерывно пылалъ, безжалостно разрушилъ его, хотя и мощное, тѣло. Natura покойнаго была поразительно воспримчива, и все окружающее такъ сильно имъ воспринималось, что поглощало и проникало всего человекъ. Ни къ одному дѣлу, ни къ одному вопросу онъ не могъ относиться слегка: все, начиная съ крупныхъ вопросовъ науки и жизни общественной и государственной и кончая мелкими вопросами частной жизни,—все воспринималось имъ такъ сильно и такъ глубоко проникало въ него, что надо было обладать по-истинѣ гигантскими силами, чтобы не быть, наконецъ, до-

веденнымъ до полного и преждевременнаго изнеможенія. Какъ идеалиста, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, его особенно волновало все уклоняющееся отъ правды, о которой онъ намъ, людямъ близкимъ, чуть не на смертномъ одрѣ сказать, что во всю свою жизнь глубоко вѣрилъ въ ея торжество. Вѣсть о какомъ либо явленіи жизни, гдѣ эта правда страдала и попиралась, какъ электрическая искра, возбуждала его. Что говорить о явленіяхъ этого рода, имѣющихъ широкое общественное или государственное значеніе,—явленія, болѣе узкія по кругу своего вліянія и значенія, такъ глубоко западали въ его душу, такъ поглощали его всего, что онъ просто, какъ говорится, мѣста себѣ не находилъ. Узнаеть онъ о неблаговидномъ поступкѣ товарища, узнаеть о бѣдѣ, незаслуженно постигшей друга,—онъ весь какъ въ огнѣ, точно его лично постигло несчастье. Но онъ не только волновался, онъ и прилагалъ всѣ усилія къ устраненію послѣдствій неблаговиднаго поступка, къ ослабленію послѣдствій разразившейся бѣды. Надо было видѣть, какъ онъ проникался насквозь, хотя бы иногда, съ точки зрѣнія практической, житейской мудрости, малозначащимъ явленіемъ, какъ онъ весь уходилъ въ чужой интересъ. Иногда, бывало, самъ пострадавшій уже остынетъ, а С. А. все еще горитъ, только и думаетъ, только и носится съ глубоко засѣвшею въ его душу мыслью.

Вся жизнь С. А., отъ школьной скамьи до гробовой доски,—эпопея волненій, увлеченій, порывовъ до самозабвенія. Школьные товарищи его рассказываютъ, какъ онъ учился: весь уходилъ въ ученіе, заботясь только о томъ, какъ бы знать больше, и зная всегда не только больше, чѣмъ требовалось, а иногда больше, чѣмъ знали его учителя. Самъ онъ не разъ говорилъ, что въ дѣтствѣ лучшей игрушкой его была книжка. Съ ранней юности въ немъ обнаружилась склонность къ изящнымъ искусствамъ: живописи, драматическому искусству, поэзіи. Съ пыломъ, свойственнымъ его натурѣ, онъ предавался то тому, то другому изъ нихъ; это не было одностороннее увлеченіе: онъ весь уходилъ то въ то, то въ другое искусство. Принявшись за кисть, онъ не довольствовался развитіемъ своего таланта до возможнаго совершенства, а сталъ основательно изучать исторію живописи. Увлеченіе этимъ искусствомъ дошло до того, что юноша, окончивъ курсъ въ гимназій съ золотою медалью, хотѣлъ стать профессиональнымъ живописцемъ; но, какъ онъ потомъ говорилъ, «книжка взяла верхъ». Драматическому искусству онъ также предался всей душой; обнаруживъ не малый талантъ, онъ въ былое время участвовалъ въ кружкѣ любителей-малороссоѣвъ, съ извѣстнымъ впоследствии Кропивницкимъ во главѣ, дававшимъ спектакли. И тутъ мы видимъ въ немъ не только лицедѣя, но и ученаго, усердно изучающаго драму по классическимъ образцамъ и исторію драматическаго искусства. Любовь къ поэзіи сказалась въ немъ очень рано, и, если бы собрать все, имъ написанное въ стихотворной формѣ,

получился бы солидный томъ. И тутъ увлеченіе выразилось не въ одномъ творествѣ, но и въ изученіи исторіи изящной литературы; покойный былъ большимъ знатокомъ въ этой области. Я не зналъ С. А. въ періодъ увлеченія его искусствомъ, но могу себѣ представить, какъ онъ, увлекшись тѣмъ или другимъ и забывъ все остальное, жилъ всецѣло предметомъ увлеченія. Впослѣдствіи, въ періодъ ученой и педагогической дѣятельности, онъ лишь досуги могъ удѣлять искусству. Мы видимъ его тратящимъ трудовые гроши на покупку цѣнныхъ художественныхъ изданій¹⁾, видимъ его лѣтомъ въ деревнѣ, сидящимъ за мольбертомъ и воспроизводящимъ скудную сѣверную природу, видимъ его читающимъ въ Лицеѣ публичную лекцію «О романтизмѣ въ живописи»; видимъ его, безгранично чадолюбиваго отца, окруженнаго дѣтьми и читающаго имъ какуюнибудь комедію, съ подобающею мимикой, жестикуляціей и перемѣнами голоса; читаемъ его письма къ другу въ стихотворной формѣ; видимъ его произносящимъ глубоко прочувствованные стихи у свѣжей могилы боготворимаго имъ учителя, профессора Градовскаго...

Увлеченіе искусствомъ смѣнилось увлеченіемъ наукой — «книжка взяла верхъ». Будучи студентомъ Новороссійскаго университета, С. А. принялся за изученіе государственнаго права. На способнаго и усерднаго студента обратилъ вниманіе профессоръ Пригара, къ памяти котораго покойный относился съ искреннимъ благоговѣніемъ. По окончаніи С. А. курса профессоръ Пригара оставилъ его при университетѣ и втеченіе двухъ лѣтъ руководилъ его занятіями. Въ разгаръ работы профессоръ умираетъ. Въ такихъ случаяхъ молодые люди, состоящіе при университетѣ, переходятъ въ вѣдѣніе преемника своего руководителя. С. А. этого не пожелалъ. Жажда знанія влекла его туда, гдѣ оно дѣйствительно могло быть приобрѣтено: онъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ Петербургъ, желая продолжать занятія подъ руководствомъ лучшаго изъ государствовѣдovъ, профессора Градовскаго. Черезъ два года былъ сданъ экзаменъ на магистра и сданъ блистательно. Еще недавно покойный, рассказывая рядъ эпизодовъ изъ своихъ сношеній съ Градовскимъ, вспомнилъ, какъ тотъ, объявивъ ему о блистательно выдержанномъ экзаменѣ, сталъ цѣловать и обнимать его. Прекрасная философская подготовка, обнаруженная на экзаменѣ, заставила факультетъ остановиться на С. А., когда, по оставленіи университета профессоромъ Рѣдкинымъ, пришлось озаботиться замѣщеніемъ каедры философіи права. Тутъ началась усиленная работа въ области философіи, покойный весь погрузился въ изученіе философовъ по ихъ твореніямъ непосредственно. Но это увлеченіе продолжалось не долго. Его скоро

¹⁾ Хотѣлось бы сказать, что въ оставленной имъ библиотекѣ имѣются рѣдкіе экземпляры, иногда цѣны этихъ изданій... Сказать этого я не могу: лучше изъ нихъ онъ во время болѣзни вынужденъ былъ продать. Приобрѣтены они университетскимъ музеемъ.

смѣнило другое, опредѣлившее собою всю дальнѣйшую научную дѣятельность покойнаго. Обладая обширными историческими познаніями и непрерывно занимаясь исторіей, С. А. остановился специально на изученіи еврейства, его вѣрованій, нравовъ и исторической судьбы. Началась просто гигантская работа, выполнить которую можно было, лишь обладая исключительными способностями и посвятившись ей всецѣло. Опять весь человѣкъ ушелъ въ дѣло: онъ только и думалъ, только и говорилъ о еврействѣ. Изученіе послѣдняго привело его къ такъ называемому еврейскому вопросу вообще и въ Россіи въ частности. Ближайшимъ образомъ его занималъ еврейскій вопросъ у насъ. Какъ истый историкъ, онъ началъ съ самаго корня этого вопроса. Изученіе причинъ обособленности русскихъ евреевъ, со всѣми ея мрачными сторонами, должно было, по его мнѣнію, начаться съ изученія исторіи положенія евреевъ въ Литвѣ, откуда, собственно, еврейскій вопросъ перешелъ къ намъ вмѣстѣ съ Литвою. Вопросъ о юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ въ Литвѣ и послужилъ темой магистерской диссертациі С. А.: «Литовскіе евреи». Работа эта, единственная въ своемъ родѣ, сразу выдвинула молодого ученаго. Замѣчательна она и по новизнѣ имѣющихся въ ней данныхъ: вся она основана на архивныхъ источникахъ. Одновременно съ нею имъ изданы два тома приложеній подъ заглавіемъ «Документы и регистры», гдѣ воспроизведены именно тѣ архивные источники, надъ которыми работалъ авторъ. Собираніемъ этихъ документовъ С. А. ужасно увлекся—весь погрузился въ архивахъ. Московскій, виленскій, варшавскій архивы имъ перерыты въ поискахъ за документами по литовскому еврейству.

Вскорѣ по защитѣ диссертациі, увлеченіе еврействомъ поостыло и смѣнилось другимъ. Изучивъ попутно исторію Литвы, С. А. начинаетъ увлекаться литовскимъ правомъ, его исторіею. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ имъ увлекается. Съ кѣмъ изъ насъ, товарищей своихъ, С. А. не бесѣдовалъ о литовскомъ правѣ: съ цивилистомъ, при встрѣчѣ, поговорить по неясному для него вопросу гражданскаго права Литвы, съ криминалистомъ—по вопросу права уголовнаго, съ финансистомъ—по вопросу финансовому и т. д. И мы никогда не забудемъ того искренняго увлеченія, съ какимъ онъ говорилъ на любимую тему, и тѣхъ громадныхъ познаній въ литовскомъ правѣ, которыя при этомъ обнаруживались. Да и слушатели С. А., особенно по исторіи русскаго права и государственному праву, помнятъ, съ какимъ увлеченіемъ, уклоняясь иногда отъ предмета лекціи, онъ говорилъ о литовскомъ юридическомъ строѣ. Чѣмъ дальше шла работа по литовскому праву, тѣмъ больше времени С. А. проводилъ въ архивахъ. Вообще строгій къ самому себѣ въ дѣлѣ исполненія долга, онъ иногда до того увлекался архивной работой, что забывалъ о своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Въ экзаменное время бывали случаи, что утромъ, вмѣсто экзамена, онъ

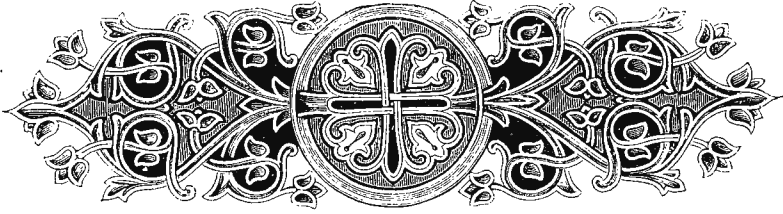
идеть себѣ въ архивъ—и вотъ начинаются поиски его по разнымъ учрежденіямъ, гдѣ имѣются архивы, пока, наконецъ, найдутъ пропавшаго профессора, погруженнаго въ любимое дѣло. Увлечение его доходило до того, что, уходя рано утромъ и возвращаясь часовъ въ 5—6, онъ забывалъ ѣсть, вдыхая втеченіе цѣлаго дня одну архивную пыль—эту отраву. Чтобы составить себѣ приблизительную картину той обстановки, при которой онъ работалъ, достаточно сказать, что нерѣдко, уходя изъ дому, онъ бралъ съ собою тряпку, говоря, что она ему нужна для стиранія пыли съ документовъ, и когда ему кто-то замѣтилъ: вѣдь не на палецъ же пыли на этихъ документахъ, то онъ, расхохотавшись своимъ своеобразнымъ, звучнымъ, заразительнымъ смѣхомъ, отвѣтилъ: «не на палецъ, а на два». Очень можетъ быть, что эта проклятая пыль погубила нашего незабвеннаго друга. Изъ его рассказовъ объ устройствѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ архивовъ мы узнали, что ему нерѣдко приходилось сидѣть въ одномъ архивѣ въ шубѣ, въ другомъ — на сквознякѣ. Нужно было имѣть желѣзное здоровье, чтобы все это выдержать.

Это беззавѣтное, самоотверженное увлеченіе, несомнѣнно, свело С. А. въ могилу, а съ другой стороны и не оставило въ наукѣ осязательнаго слѣда. Имъ были лишь собраны и изучены громадный матеріалъ для задуманнаго обширнаго изслѣдованія (докторская диссертация) о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, нѣкоторыя главы котораго уже, оказывается, написаны. Конечно, добытыя путемъ такихъ усилій свѣдѣнія оказали свое вліяніе на читанный С. А. курсъ исторіи русскаго права, гдѣ, обыкновенно забываемому нашими историками права, литовскому праву отведено, быть можетъ, подъ вліяніемъ искренняго увлеченія, даже слишкомъ много мѣста. Наконецъ, за послѣдніе годы архивныя изысканія С. А. были направлены, главнымъ образомъ, на область литовскаго наслѣдственнаго права, которому и посвящены два его изслѣдованія: «О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литовскому праву» и «Литовскій статутъ и польскія конституціи».

Такъ протекла труженическая жизнь покойнаго ученаго. Послѣ всего описаннаго не вправѣ ли я быть сказать, что С. А. палъ жертвою своей натуры? Какъ этотъ жизненный огонь постепенно разрушалъ его тѣло, такъ одновременно и смерть медленно подкрадывалась къ нему и, наконецъ, похитила его у насъ.

Спи, дорогой! Послѣ вынесенной тобою работы мысли и чувства только и могъ наступить вѣчный сонъ... Да будетъ тебѣ легка родная земля!

А. Гольмстенъ.

И. М. СИНЕЛЬНИКОВЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ИСТОРИИ.

ДЕКАБРЬСКОЙ книгѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ напечатана статья бывшаго профессора Юрьевского университета А. Г. Брикнера «Князь Потемкинъ по запискамъ графа Ланжерона». Въ этой статьѣ позорится честное имя бывшаго губернатора Екатеринославскаго намѣстничества, генералъ-майора Ивана Максимовича Синельникова. На страницѣ 829 этой статьи говорится о томъ, что будто бы Синельниковъ расхищать казну и потому вызванъ былъ подъ турецкій городъ Очаковъ къ князю Потемкину для того, чтобы отдать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и испросить прощеніе, но былъ убитъ турками и тѣмъ доставилъ большую радость солдатамъ. Профессоръ Брикнеръ говоритъ словами графа Ланжерона, но въ словахъ Ланжерона въ данномъ случаѣ нѣтъ ни доли правды. Начать съ того, что Ланжеронъ рассказываетъ о событіи 1788 года, а самъ пріѣхалъ въ станъ Потемкина въ 1790 году и, слѣдовательно, зналъ о томъ, что происходило въ русскомъ лагерѣ до его прибытія, только по слухамъ. Никакихъ матеріальныхъ доказательствъ онъ въ этомъ случаѣ не приводитъ и передаетъ, очевидно, если не собственную болтовню, то болтовню людей праздныхъ и досужихъ, можетъ быть, зложелателей Синельникова, можетъ быть, враговъ самого Потемкина. Далѣе, всѣ записки графа Ланжерона пропитаны не только желчью, но даже нескрываемою ненавистью къ князю Потемкину, а слѣдовательно и къ главнымъ его сотрудникамъ, въ числѣ коихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ. Самъ г. Брикнеръ характеризуетъ графа Ланжерона такимъ образомъ:

«Не довольствуясь передачей фактовъ, Ланжеронъ любилъ подвергать образъ дѣйствій историческихъ лицъ критикѣ. При этомъ у него преобладаетъ нѣкоторая субъективность. Мѣстами въ его отзывахъ о лицахъ замѣчается желчь. Положеніе Ланжерона, въ качествѣ эмигранта, не всегда было выгоднымъ. Ему часто приходилось бороться съ разными затрудненіями. Онъ не былъ столь независимъ, какъ Сегюръ и де-Линь, и поэтому легче подвергался непріятностямъ по дѣламъ службы. Не занимая столь выгоднаго положенія, какъ принцъ Нассау-Зигенъ, Ланжеронъ порою непріятно ощущалъ силу фаворитовъ, Потемкина и Зубова. Поэтому его отзывы объ этихъ людяхъ не могутъ считаться вполне безпристрастными» (стр. 820).

Такимъ именно не «безпристрастнымъ», а прямо пристрастнымъ отзывомъ графа Ланжерона можетъ считаться его отзывъ о генералѣ Синельниковѣ.

Генералъ Синельниковъ занималъ въ свое время весьма видное положеніе, и на него смотрѣли не десятки, а сотни глазъ. Онъ былъ первымъ екатеринославскимъ губернаторомъ, по теперешнему начальникомъ обширнаго Новороссійскаго края, призванъ былъ княземъ Потемкинымъ, послѣ упраздненія Запорожья, для огромнаго дѣла — колонизаціи обширныхъ, но пустыхъ, прежде бывшихъ запорожскихъ, земель и возведенія на нихъ новыхъ селеній и городовъ. Это время было временемъ кипучей дѣятельности на югѣ Россіи: отовсюду призывались колонисты, строились въ разныхъ мѣстахъ города, расчищались пути, заводилась флотилія, вызывались ученые, артисты, мастера, торговцы, ремесленники. Ко всему этому присоединилась такъ называемая вторая турецкая война, то-есть война Россіи съ Турціей съ 1787 по 1791 годъ, начавшаяся осадой русскими турецкой крѣпости Очакова на правомъ берегу нижняго теченія Днѣпра.

Во все это время генералъ Синельниковъ положительно разрывался на части, чтобы поспѣть изъ одной въ другую сторону, двинуть остановившееся какое нибудь дѣло и начать новое. Это былъ человекъ чрезвычайно энергичный, живой, подвижной и ко всему этому весьма изобрѣтательный и находчивый. Доказательствомъ его энергіи и дѣловитости служить уже одно то, что онъ чуть ли не пѣшкомъ пришелъ изъ Воронежской губерніи, Бирючскаго уѣзда, въ Петербургъ и, начавъ свою службу съ самой низкой ступени общественной лѣстницы, въ короткое время достигъ такого важнаго положенія, какъ положеніе губернатора. По всему этому немудрено, что отъ времени управленія Синельниковымъ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ сохранилась большая масса матеріала, частью уже напечатанная (главнымъ образомъ въ «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей»), частью въ неизданномъ видѣ. Незданный матеріалъ находится въ фамильномъ архивѣ правнука

Ивана Максимовича Синельникова, генераль-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова. Въ общемъ, въ архивѣ А. Н. Синельникова имѣется до 1,000 фамилныхъ дѣлъ, и изъ нихъ около половины этого количества относится ко времени дѣятельности Ивана Максимовича Синельникова. Нужно замѣтить, что вообще фамилной чертой Синельниковыхъ была и есть страсть собирать всякіе, безъ различія, историческіе бумаги и документы. На основаніи этого неизданнаго матеріала, авторъ настоящей замѣтки въ 1887 году напечаталъ небольшую характеристику Ивана Максимовича Синельникова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (іюль), а потомъ болѣе подробно изобразилъ его въ «Очеркахъ по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края» (С.-Петербургъ, 1889 года). Но какъ въ той, такъ и въ другой статьѣ дѣятельность И. М. Синельникова далеко не вся представлена. При всемъ томъ авторъ изъ всего матеріала, который былъ у него подъ рукой, вынесъ глубокое убѣжденіе, до сихъ поръ ничѣмъ не поколебленное, что Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, и какъ частный человекъ, и какъ общественный дѣятель, былъ безусловно честный человекъ. Какъ честнаго и полезнаго дѣятеля, Синельникова знала лично императрица Екатерина II и за труды его награждала его чинами и цѣнными подарками, жаловала землями и крестьянами. Какъ честнаго и полезнаго дѣятеля, Синельникова особенно цѣнили и жаловали и самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ. Находясь долгое время подъ Очаковомъ, Потемкинъ вызывалъ къ себѣ Синельникова не потому, что хотѣлъ слышать изъ устъ его оправданіе по обвиненію въ лихоимствѣ, какъ передаетъ объ этомъ изъ третьихъ устъ графъ Ланжеронъ, а потому, что не зналъ, чѣмъ продовольствовать русскую армію во время продолжительной стоянки ея подъ Очаковомъ, и, считая въ этомъ случаѣ Синельникова очень опытнымъ человекомъ, потребовалъ его въ русскій станъ для врученія нѣкоторыхъ инструкцій по вопросу доставленія въ армію провіанта. Прибывъ въ лагерь, Синельниковъ вмѣстѣ съ Потемкинскимъ отправился на рекогносцировку Очакова, но тутъ турки пустили со стѣны крѣпости нѣсколько ядеръ, и одно пушечное ядро попало въ правую ногу Синельникова и раздробило ее пополамъ. Раненаго Синельникова унесли въ палатку и прежде всего вынули изъ кармана его всѣ отчетныя бумаги. Бумаги эти найдены были въ полной исправности, и никто потомъ не заподозрѣвалъ Синельникова въ неправильномъ веденіи отчетовъ и въ израсходованіи казенныхъ суммъ на личныя надобности. Незадолго до смерти Синельниковъ, при полной памяти, продиктовалъ подробный отчетъ въ издержанныхъ имъ суммахъ на переселеніе въ Новороссійскій край колонистовъ, на устройство Екатеринослава и на продовольствіе арміи, и всѣ такія цифровыя показанія ни въ комъ не возбуждали въ свое время никакихъ сомнѣній. Вслѣдъ затѣмъ

Синельниковъ составилъ духовное завѣщаніе и тутъ, между прочимъ, вспомнилъ о томъ, что на его рукахъ было 27,000 рублей изъ суммы, ассигнованной на устройство въ городѣ Екатеринославѣ университета, и велѣлъ возвратить эту сумму по принадлежности. Подъ духовнымъ завѣщаніемъ умирающаго подписался самъ «фельд-маршалъ и кавалеръ князь Потемкинъ въ лагерѣ при Очаковѣ», чего едва ли можно было бы ожидать въ томъ случаѣ, если бы свѣтлѣйшій былъ раздраженъ на Синельникова и вызвалъ его къ себѣ для отчета въ присвоеніи казенныхъ суммъ. Давая разныя наставленія своей женѣ, Синельниковъ, между прочимъ, писалъ ей въ духовномъ завѣщаніи, чтобы она воспитывала дѣтей своихъ въ страхъ Божию и чести. Духовное завѣщаніе Синельникова подписано іюля 27 числа, а іюля 29 числа 1788 года, онъ скончался¹⁾. Князь Потемкинъ находился у постели умирающаго, и когда Синельниковъ испустилъ свой послѣдній вздохъ, то свѣтлѣйшій прослезился и сказалъ, что «лишился правой руки, потерялъ лучшаго друга, а отечество героя-воина и честнаго слугу».

Если всего изложеннаго недостаточно для того, чтобы снять тѣнь, наброшенную на дѣятельность честнаго историческаго труженика Россіи, то въ подкрѣпленіе моихъ словъ могу сказать еще то, что обвинить кого бы то ни было въ дурномъ поступкѣ гораздо легче, чѣмъ оправдать.

Д. И. Эварницкій.

¹⁾ На мраморномъ памятникѣ П. М. Синельникова, стоящемъ въ оградѣ церкви св. Екатерины г. Херсона, написано, что Синельниковъ убитъ при Очаковѣ октября 10-го дня. Гдѣ и гдѣ — въ послѣднемъ спискѣ или на памятникѣ, не берусь пока рѣшить.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. .

Жоржъ Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣчанное французской академіей. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1896.

СТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ монографіи и общіе обзоры по формѣ изложенія распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ въ исторію идей и литературныхъ формъ включают біографіи писателей и содержаніе важнѣйшихъ произведеній, и критическую оцѣнку послѣднихъ иллюстрируютъ болѣе или менѣе обширными цитатами; другіе исключаютъ и то, и другое, и третье, какъ ненужный балластъ, предполагая, что ихъ читатели и безъ того имѣютъ совершенно определенное и ясное представленіе объ основныхъ фактахъ. Безъ сомнѣнія, степень занимательности книги зависить главнымъ образомъ отъ сюжета и таланта автора, но все же едва ли кто станетъ спорить, что при равенствѣ всѣхъ другихъ условій книги первой группы читаются легче и доступны большому кругу читателей. За то эти біографіи и изложенія содержанія придаютъ историко-литературной монографіи какую-то полудѣтскую фізіономію и невольно напоминаютъ вовсе неблаженное старое время, когда подъ исторіей литературы разумѣли хронологическій подборъ свѣдѣній о писателяхъ и ихъ писаніяхъ. Эта форма особенно неудобна въ обзорнѣяхъ литературы новѣйшей, гдѣ главные дѣятели и важнѣйшія ихъ произведенія дѣйствительно хорошо знакомы значительной и лучшей части читателей, и гдѣ біографическія данныя очень часто ровно ничего не объясняютъ въ произведеніи, а краткое изложеніе содержанія послѣдняго не даетъ понятія о его тонѣ и даже идеѣ.

За то, какъ трудно написать занимательную книгу, оставаясь исключительно въ области идей и эстетическихъ или историко-литературныхъ характеристикъ! Мы безъ труда могли бы назвать десятки небезызвѣстныхъ именъ, книги которыхъ, подобно Мессиадѣ Клопштока, болѣе хвалятъ, нежели читаютъ; но ограничимся двумя примѣрами. Нѣсколько лѣтъ назадъ вышло въ Германіи 7 томиковъ исторіи новой литературы всѣхъ европейскихъ народовъ Адольфа Штерна; книга была составлена съ большимъ знаніемъ дѣла и незауряднымъ педагогическимъ тактомъ, и потому первое время имѣла большой успѣхъ; но такъ какъ скоро убѣдились, что эти краткія характеристики направленій, писателей и отдѣльных ихъ произведеній почти ничего не даютъ тѣмъ, кто не читалъ послѣднихъ, и очень мало тѣмъ, кто читалъ ихъ, то книга скоро попала въ число праздничныхъ подарковъ по уменьшенной цѣнѣ.

Юліанъ Шмидтъ, какъ критикъ, — талантъ изъ ряду вонъ; а много ли людей, которые охотно прочли до конца его исторію французской литературы и много ли вынесли изъ нея эти немногіе ¹⁾?

Съ точки зрѣнія самообразованія книги этой группы могутъ быть подѣлены на три подгруппы: однѣ изъ нихъ (напримѣръ, Ад. Штерна), внушая плохо подготовленному читателю ложное убѣжденіе (заработанное многими часами скуки), будто онъ имѣетъ понятіе объ извѣстномъ періодѣ исторіи литературы, не возбуждаютъ въ немъ охоты читать самыя произведенія; другія, написанныя великими знатоками дѣла и высокоталантливыми литераторами, излагаютъ ходъ идей въ такихъ рельефныхъ картинахъ, что дѣйствительно даютъ ясное (хотя, можетъ быть, и одностороннее) представленіе объ эпохѣ и, такъ сказать, довлѣютъ сами въ себѣ, и третьи, наконецъ, не выходя ни въ публицистику, ни въ исторію культуры, ограничиваясь сравнительно узкою областью исторіи литературы, умѣютъ возбудить въ читателѣ желаніе ознакомиться непосредственно со всѣмъ тѣмъ, о чемъ говорятъ они, и въ то же время даютъ рядъ руководящихъ идей, необходимыхъ для вѣрнаго пониманія выдающихся произведеній.

Характернымъ представителемъ для второй подгруппы могутъ служить знаменитыя «Теченія» Георга Брандеса; для третьей — лежащая передъ нами книга Пелисье. Вотъ составъ ея.

Въ 1-й главѣ первой части («Классицизмъ», стр. 1—18) авторъ даетъ очень ясную и, по нашему мнѣнію, вполне справедливую характеристику французской литературы, такъ называемаго «вѣка Людовика XIV»; во 2-й главѣ («Провозвѣстники XIX вѣка», 18—45) онъ характеризуетъ Руссо и Дидро, отъ которыхъ, по его убѣжденію, идутъ два главныя направленія всей литературы нашего столѣтія (романтики отъ Руссо, реалисты отъ Дидро) и Андрея Шенье; 3-я глава посвящена г-жѣ Сталь и Шатобриану, которыхъ авторъ очень искусно, но не безъ натяжекъ, противопоставляетъ другъ другу (стр. 45—71), и 4-я, послѣдняя глава этой части обобщаетъ маловліятельную въ другихъ

¹⁾ Укажемъ еще на исторію русской литературы Рейнгольда (Reinhold), которую такъ расхвалилъ покойной О. Э. Миллеръ; у насъ до сихъ поръ нѣтъ удобной для образованной публики исторіи нашей литературы, а Рейнгольдъ такъ и остался не переведеннымъ, такъ какъ онъ ничего не даетъ, кромѣ хронологически связанныхъ характеристикъ.

странахъ (за исключеніемъ развѣ одного Делили) и небогатую талантами литературу первой имперіи.

Вторая часть (стр. 84—277) посвящена романтизму, исключительно французскому. По убѣжденію автора, едва ли многіе изъ историковъ литературы другихъ націй будутъ раздѣлять это убѣжденіе въ такой слишкомъ категорической формѣ. Романтизмъ, какъ предшествующій ему псевдоклассицизмъ и послѣдовавшій за нимъ реализмъ, возникъ во Франціи совершенно самостоятельно и независимо: иноземное вліяніе только поощрило французовъ «ускорить неизбежный разрывъ съ предрассудками псевдоклассицизма» (стр. 98), и гавари новаго направленія больше восхищались иностранными писателями, чѣмъ подражали имъ¹⁾. Существенными чертами романтизма Пелисье считаетъ прежде всего стремленіе возродить религиозное чувство, затѣмъ субъективизмъ, склонность къ меланхоліи, стремленіе къ примитивности и общенію съ необдѣланной природою, симпатію къ среднимъ вѣкамъ, а главное—безусловную свободу искусства, которая, впрочемъ, какъ видно изъ убѣдительно ниже доказываетъ авторъ, у знаменитыхъ романтиковъ не только никогда не переходила въ полную анархію, но даже, на примѣръ, въ драмѣ не желала прерывать связи съ классическими «единствами» (стр. 196) и условностью.

Въ семи главахъ этой части (обновленіе литературнаго языка, романтическая лирика I, романтическая лирика II, романтическая драма, исторія, критика, романъ) Пелисье даетъ рядъ блестящихъ и остроумныхъ характеристикъ главныхъ дѣятелей школы (не считаемъ нужнымъ перечислять ихъ, такъ какъ къ книгѣ приложенъ не большой, но внимательно составленный указатель); специалистъ можетъ признать нѣкоторыя изъ нихъ односторонними и во всякомъ случаѣ сильно субъективными (на примѣръ, Беранже, стр. 127 и слѣд., С. Бева, какъ лирика, стр. 154, Мюссе, стр. 160—162), но онѣ составлены именно такъ, чтобы возбудить въ читателѣ желаніе прочесть или перечесть тѣ произведенія, о которыхъ говоритъ авторъ. Самая интересная и живая изъ этихъ главъ — глава о драмѣ, по самому свойству матеріала, а самая цѣнная по самостоятельной работѣ, по нашему мнѣнію, глава по исторіографіи; но, къ сожалѣнію, Пелисье мало обратилъ вниманія на историко-литературныя работы той эпохи, въ которыхъ особенности романтической школы отразились съ такою же яркостью. Главнымъ пособіемъ для автора служилъ, конечно, С. Бевъ, но онъ знакомъ и съ Брандесомъ, и съ нѣкоторыми работами нѣмцевъ.

Третья часть (стр. 277—410) книги посвящена школѣ реальной, побѣду которой авторъ считаетъ побѣдой разума надъ экзальтаціей и объясняетъ неудержимымъ стремленіемъ второй половины XIX вѣка къ положительной наукѣ. Эта часть состоитъ изъ 5 главъ: I) «Новое реалистическое направленіе» (общія положенія), II) Поэзія, III) Критика, IV) Романъ, V) Сцена и заключенія;

¹⁾ Небезызвѣстные факты о плохомъ знакомствѣ Гюго и др. съ иностранными литературами, приводимые въ книгѣ Пелисье (стр. 99 и *passim*), довольно характерны и не лишены убѣдительности; но не слѣдуетъ забывать, что въ дѣлѣ распространенія новыхъ идей литературныя чернорабочіе (переводчики и компиляторы) имѣютъ очень сильное вліяніе: они составляютъ ту атмосферу, которая производитъ давленіе на передовыхъ бойцовъ. Достаточно перелистать французскіе журналы того времени, чтобы видѣть, въ какой модѣ были тогда во Франціи нѣмецкіе романтики и Вальтеръ-Скоттъ.

въ нихъ читатель найдетъ характеристики Банвиля (стр. 299 и слѣд.), Бодлера (301), Леконта де-Лиль (304—312), Эжена Мануэля (312), Парнасцевъ и Сюлли Прюдома (315—324), Коппе (323); изъ критиковъ—Тена (329) и Ренана (338, къ нему авторъ относится съ особой задумчивостью); изъ романистовъ—Октава Фелье (347), Флобера (350), Гонкуровъ (очень оригинально и мѣтко авторъ опредѣляетъ ихъ историко-литературное значеніе, стр. 361 и слѣд.), Золя (стр. 370 и слѣд.) и, наконецъ, Доде (стр. 376 и слѣд.). По убѣжденію автора, Золя завоевалъ себѣ столь видное мѣсто не оригинальностью (онъ не могъ ничего прибавить къ художественному реализму Флобера) и не силою таланта, а самоувѣренностью, смѣлостью и настойчивостью. Пелисье выставляетъ на видъ его страсть къ порядку, симетричности, къ обобщеннымъ, въ сущности не натуральнымъ и преувеличеннымъ характерамъ, и находитъ, что физиологія Золя также далека отъ настоящей науки, какъ исторія, какою она является въ сказкахъ Александра Дюма-отца. Несомнѣнно съ большей симпатіей Пелисье относится къ Доде, у котораго онъ находитъ высокохудожественное чувство мѣры въ сочетаніи поэзіи съ реализмомъ и отрадную, благотворную вѣру въ человѣка. Переходя къ реальной драмѣ, Пелисье, по поводу неудачъ Бальзака на этомъ поприщѣ (стр. 385), очень наглядно объясняетъ, почему новое направленіе, уже давно возобладавшее въ романѣ, съ такимъ трудомъ проникало на сцену. Изъ драматурговъ школы онъ характеризуетъ только Дюма-сына (стр. 386 и слѣд.), къ которому относится вполне объективно, и Эмиля Ожье (стр. 397 и слѣд.), котораго превозноситъ едва ли не выше мѣры (въ трезвомъ и сильномъ умѣ ему, конечно, нельзя отказать, но сила его творчества и жизненность его типовъ, по нашему мнѣнію, остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ).

Небольшая заключительная глава, въ которой авторъ по заслугамъ грозитъ невропатомъ — «декадентовъ», новомистиковъ и ультра натуралистовъ послѣднихъ лѣтъ, противопоставляя ихъ лучшему времени «мощнаго реализма», представляетъ любопытное profession de foi умнаго критика.

Переводъ книги въ общемъ хорошъ; но слѣдовало бы избѣгать такой необычной транскрипціи собственныхъ именъ, какъ Манзони (стр. 183), и такихъ необычныхъ формъ, какъ вольнодуміе (стр. 206), изженить (стр. 371) и т. п. слѣдовало бы для русской публики прибавить библиографическія примѣчанія и дополнить заглавіе, чтобы читатель не подумалъ, что книга Пелисье говорить о литературномъ движеніи въ литературѣ XIX вѣка вообще.

А. К.—овъ.

Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпускъ I. Составилъ академикъ В. В. Сусловъ. (17 листовъ текста и 26 таблицъ рисунковъ). Спб. 1896.

Съ самымъ живымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этотъ первый выпускъ «Памятниковъ древняго русскаго зодчества», къ изданію которыхъ въ настоящее время приступила Академія Художествъ, исполняя этимъ прямое свое назначеніе—быть посредницею и руководительницею русскихъ худож-

никовъ въ трудномъ дѣлѣ изученія нашей старины, въ разумномъ ознакомленіи съ исторіею нашего русскаго искусства. Намъ неоднократно уже приходилось говорить о томъ, что мы вовсе не нуждаемся въ трудахъ, преисполненныхъ выводами и гипотезами (увы!—преждевременными) нашихъ размашистыхъ историковъ русскаго искусства, не нуждаемся и въ фантазіяхъ на тѣму самобытности и несравненныхъ качествъ русскаго искусства, въ которыхъ будто бы проявилось вліяніе чуть ли не всѣхъ народовъ, переходившихъ черезъ территорію нынѣшней Россіи, со временъ выселенія арійцевъ изъ ихъ прародины... Намъ нужны факты, нужны тѣ кирпичи, изъ которыхъ современемъ должно воздвигнуться стройное зданіе дѣйствительной исторіи русскаго искусства; нужны рядомъ съ этими художественными фактами не большія, не многословныя, но точно составленныя и добросовѣстно собранныя хронологическія данныя—и только. Для сравненій, разсужденій и выводовъ— время впереди... И вотъ именно такой-то трудъ и задумала издать въ свѣтъ Академія Художествъ, задавшись превосходною цѣлью—ознакомить не только художниковъ-спеціалистовъ, но и большинство публики съ богатѣйшимъ матеріаломъ по древнерусскому искусству, хранящимся въ академическомъ архивѣ, «въ количествѣ болѣе 800 листовъ, не считая альбомные наброски»—почтенными трудами Рихтера, Горностаевыхъ, Мартынова, Даля, Померанцева и другихъ знаменитыхъ русскихъ художниковъ, пользующихся громкимъ именемъ и заслуженною извѣстностью въ кругу всѣхъ знатоковъ и цѣнителей русскаго искусства¹⁾. Изъ предисловія къ нынѣ вышедшему въ свѣтъ I выпуску узнаемъ, что совѣтъ Императорской Академіи Художествъ, съ утвержденія ея августѣйшаго президента, еще въ 1892 году постановилъ приступить къ изданію академическаго собранія рисунковъ по древнерусскому искусству, и что тогда же была образована особая комиссія для разрѣшенія главныхъ вопросовъ по этому изданію. По плану, выработанному комиссіей, въ составъ каждаго выпуска академическаго изданія будутъ входить: «каменные и деревянныя церковныя сооруженія, каменные и деревянныя частныя постройки, стѣнная церковная иконопись, орнаментальная роспись, раскраска изразцовъ и архитектурныхъ частей зданій, образцы металлическаго производства, рѣзнаго и проч.». Памятники со старинной раскраской или живописью предположено издавать хромолитографіею, остальные гелиографурой. Программа, заслуживающая полного одобренія, и намъ остается только желать, чтобы выполненіе ея въ послѣдующихъ выпускахъ было настолько же изящно и добросовѣстно, какъ и въ первомъ.

Этотъ первый выпускъ заключаетъ въ себѣ рисунки Веселовскаго, Даля, Павлинова, Преображенскаго, Соловьева и Сулова. Главная тема каждаго рисунка богато и щедро обставлена отдѣльно-вычерченными профилями и деталями, и всюду указанъ строго-соблюденный масштабъ, дающій полную воз-

¹⁾ Предисловіе къ I выпуску указываетъ, что въ этомъ богатомъ запасѣ рисунковъ есть снимки, касающіеся «разныхъ памятниковъ русскаго искусства». Слѣдовательно, не однихъ только памятниковъ зодчества? Желательно было бы и эти «разные памятники» увидѣть въ печати.
П. П.

возможность каждому воспользоваться рисунками, как матеріаломъ для разносторонняго воспроизведенія образца.

Печать, бумага и рисунки (въ смыслѣ выполненія) не оставляютъ желать ничего лучшаго. При томъ же и цѣна, назначенная за первый выпускъ (16 рублей), можетъ быть названа недорогою и потому не послужитъ препятствіемъ къ распространенію въ публикѣ этого новаго академическаго изданія, которому отъ души желаемъ всякаго успѣха.

П. Полевой.

Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды Вл. Михневича. Спб. 1896.

Литература «о женщинахъ» продолжаетъ обогащаться, чему, вѣроятно, немало содѣйствуетъ то общественное оживленіе къ правамъ женщинъ, которое такъ наглядно бросается за послѣднее время въ глаза въ связи съ несомнѣннымъ оживленіемъ русской мысли вообще. Не такъ давно вышло интересное и полезное историко-юридическое изслѣдованіе «Юридической бібліотеки» Я. Канторовича—«Женщина въ правѣ», передо мной лежитъ только что вышедшій трудъ неизвѣстнаго автора г. К. В.: «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», наконецъ опять-таки надняхъ поступила въ продажу въ высшей степени интересная книга извѣстнаго публициста, г. Михневича, подъ вышеприведеннымъ названіемъ. Оставляя въ сторонѣ, до поры до времени, первыя два названныя сочиненія, остановимся на работѣ г. Михневича. Почтенный авторъ, уже давно зарекомендовавшій себя въ нашей литературѣ, какъ хорошій знатокъ русской бытовой исторіи XVIII в., весь уйдя въ текущую публицистику, къ сожалѣнію, рѣдко появляется передъ публикой въ роли историческаго изслѣдователя. Объ этомъ стоитъ пожалѣть, такъ какъ ряды изслѣдователей XVIII столѣтія скудуютъ, не пополняясь даровитыми новыми; а вмѣстѣ съ тѣмъ любопытная эпоха русской исторіи, гдѣ наша жизнь пережила знаменательный эволюціонный процессъ, еще далеко не обследована въ должной полнотѣ и главнымъ образомъ въ ея социально-правовыхъ проявленіяхъ. «Историческіе этюды» г. Михневича и имѣютъ своимъ назначеніемъ восполнить одинъ изъ пробѣловъ нашего знанія въ этой области, вводя читателей въ малоработанную и въ высшей степени интересную сферу дѣятельности русской женщины XVIII ст. изъ привилегированнаго сословія на разныхъ ступеняхъ ея общественнаго проявленія. Задача благодарная и плодотворная! Простонародная женщина, крестьянка, оставлена въ изслѣдованіи въ сторонѣ, такъ какъ содержаніе ея жизни, по мнѣнію автора, со временъ Домостроя и по наши дни исчерпывается знаменательными словами поэта: «ты вся—воплощенный испугъ! ты вся—вѣковая истома!» Въ этихъ стихахъ, говоритъ г. Михневичъ, содержится «вся, можно сказать, и древняя, и средняя, и новая исторія русской сельской женщины, и намъ прибавить къ ней отъ себя нечего. При томъ же, крестьянка и вообще женщина низшаго общественнаго слоя на Руси никогда не была тюремной затворницей и жила въ совершенно иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, полумонастырскія и полуграмотныя, въ какія была поставлена московская боярыня или холеная купчиха богатой «гостиной сотни». Такимъ образомъ,

оставляя женщину-крестьянку въ сторонѣ, г. Михневичъ останавливаетъ свое вниманіе на представительницахъ привилегированнаго класса и ставитъ задачей своей книги прослѣдить: «въ какой степени салонныя, декольтированныя по парижской картинкѣ, съ кокетливыми мушками на засыпанномъ пудрою лицѣ, «щеголихи» прошлаго вѣка эмансипировались на самомъ дѣлѣ отъ вѣковыхъ тяжелыхъ путей умственной неподвижности, невѣжества, предразсудковъ и безправія, которыя дѣлали ихъ матерей и бабушекъ допетровской эпохи «породнымъ разумомъ простоватыми и на отговоръ несмысленными», по характеристикѣ Котошихина? Въ какой степени, говоря общнѣе, духовная индивидуальность русской женщины стала развитѣе, выше и самобытнѣе въ XVIII ст., сравнительно съ предшествовавшимъ вѣкомъ? Авторъ— рѣшительный противникъ того ходячаго, установленнаго апологетами XVIII вѣка, мнѣнія, будто петровское преобразование расколело русскую жизнь на два диаметрально-противоположныхъ міра, гдѣ въ первой половинѣ кроется лишь мрачное невѣжество, азіатчина и грубость, а во второй сосредоточиваются лишь положительныя свѣтлыя и прекрасныя стороны европейской культуры. Г. Михневичъ, во-первыхъ, не признаетъ кажущагося съ поверхностной точки наблюденія историческаго раскола, послѣдовавшаго за реформами Петра I въ нашей жизни, и, во-вторыхъ, вовсе не склоненъ опоэтизировать пореформенный періодъ въ ущербъ предшествовавшему. Онъ ищетъ генеративной преемственности эпохъ русской жизни, которую вполне удачно устанавливаетъ изъ наблюденія надъ положительными и отрицательными сторонами отечественнаго быта въ XVIII вѣкѣ. Въ своемъ методѣ изслѣдованія онъ является сторонникомъ установленнаго Щаповымъ генеалогіи умственнаго развитія въ Россіи, которая, т. е. генеалогія, была раздѣлена этимъ изслѣдователемъ на три стадіи, соотвѣтственно тремъ поколѣніямъ—петровскому, екатерининскому и новѣйшему—первой половины текущаго столѣтія. Наблюдая прекрасно распланированную и удачно освѣщенную портретную галерею русскихъ женщинъ, гдѣ встрѣчаемъ и оригинальный образъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны и симпатичный портретъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и множество (18) другихъ, г. Михневичъ приходитъ къ тому убѣжденію, что «тотъ прекрасный, опоэтизированный литературой, сіяющій неподдѣльнымъ свѣтомъ образъ новѣйшей русской женщины, съ ея благороднымъ нравственно-эстетическимъ гуманитарнымъ вліяніемъ на семью и общество, проходитъ въ своихъ основныхъ родовыхъ чертахъ положительно чрезъ всю нашу исторію: онъ брезжитъ неугасаемо въ самыя темныя ея годы, онъ вспыхиваетъ чудной красотой любви и добра среди поражающей дикости и свирѣпости трагическихъ въ жизни народа моментовъ, онъ, наконецъ, свѣтитъ намъ путеводной звѣздой въ сумрачномъ, одуряющемъ чаду суетно-вакханальнаго безпутства, умственной фальши и глубокаго «поврежденія нравовъ» минувашаго XVIII в. Это глубокое убѣжденіе автора позволяетъ ему изъ тщательнаго анализа русской женщины, какъ жены и матери, какъ хозяйки и помѣщицы, какъ писательницы и ученой, какъ артистки, субретки, какъ благотворительницы, установить «общій цѣлостный типъ русской женщины прошлаго столѣтія, въ ея главныхъ характеристическихъ и культурныхъ историческихъ чертахъ, отбросивъ все случайное и авомальное, въ то же время очертить ея судьбу и развитіе, въ ихъ

существенныхъ моментахъ и, наконецъ, обозначить и выяснитъ ея интеллектуальное вліяніе и общественное значеніе».

Идеалистическія цѣли и задачи автора, съ которыми онъ чрезвычайно удачно справляется, безусловно вносятъ въ нашу черствую и эгоистическую современность начала любви и добра. Вотъ почему настоящая книга, привѣтствуемая, какъ полезный и цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, по всей справедливости должна заслужить автору признательность всѣхъ тѣхъ, кому дороги задачи нашего очеловѣченія, выражающагося въ настоящемъ случаѣ стремленіемъ высоко поднять общественное значеніе женщины на всѣхъ ступеняхъ ея жизненной лѣстницы. Особенно тѣ изъ интеллигентныхъ дамъ, которыя съ такимъ успѣхомъ хлопочутъ въ наши дни о закрѣпленіи общественныхъ правъ ихъ сословія, должны сумѣть оцѣнить дружескую поддержку и услугу, которую имъ оказываетъ г. Михневичъ своими прекрасно-написанными «Историческими этюдами».

В. Глиновій.

В. Г. Яроцкій. Односторонняя теорія экономическаго развитія. Спб. 1896.

Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ почти вся наша журналистика усердно занималась вопросомъ: можетъ ли Россія избѣжать капиталистическаго строя? По всей вѣроятности, наши журнальные экономисты и впредь будутъ заниматься этимъ вопросомъ, чтò, однако, не помѣшаетъ жизни развиваться въ томъ направленіи, въ какомъ она развивалась до сихъ поръ, т. е. именно въ направленіи капиталистическомъ. Деревенскій кулакъ, крупный фабрикантъ и комерсантъ, при случаѣ скупающій землю у разорившагося помѣщика, являются главными дѣятелями въ народненіи у насъ капитализма и усердно уже сосредоточивали въ своихъ рукахъ капиталы раньше, чѣмъ журнальнымъ экономистамъ пришло въ голову возбуждать въ безчисленныхъ статьяхъ вопросъ о томъ, можетъ ли Россія избѣжать капитализма. Почему же этотъ вопросъ возникъ именно въ настоящее время? По очень простой причинѣ. Никому неизвѣстный молодой человекъ, г. Струве, вычитавъ у Маркса, что установленіе капиталистическаго строя составляетъ для всѣхъ странъ роковую необходимость, изложилъ этотъ выводъ въ цѣлой книгѣ. Можно себѣ представить, какой переполохъ это открытіе вызвало въ средѣ нашихъ журнальных экономистовъ. Марксъ, передовой экономистъ, пользующійся безусловнымъ авторитетомъ среди русскихъ своихъ сторонниковъ, вдругъ провозглашаетъ, что язва капитализма является неизбѣжностью, что всякая борьба съ нимъ безцѣльна, что онъ составляетъ необходимую ступень въ развитіи народовъ. Неужели съ этимъ можно согласиться, неужели мы откажемся бороться противъ ненавистныхъ капиталистовъ, отречемся отъ одной изъ лучшихъ традицій передоваго міросозерцанія? Правда, отказъ нашъ бороться съ капитализмомъ немного повредилъ бы дѣлу, такъ какъ мы до сихъ поръ боролись съ нимъ только на словахъ, а жизни предоставляли идти своимъ чередомъ. Но все-таки признаніе теоріи Маркса, какъ ее комментируетъ г. Струве, окончательно развязало бы намъ руки, т. е. предоставило бы намъ полную возмож-

ность уже совершенно ничего не дѣлать въ этомъ направленіи, а при случаѣ самимъ записываться въ капиталисты, — разъ уже капитализмъ является роковою неизбѣжностью! Поэтому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ брошюрѣ проф. Яроцкаго, въ которой онъ обстоятельно на дѣломъ рядъ вразумительныхъ примѣровъ выясняетъ, что экономическіе процессы, въ томъ числѣ и установленіе капиталистическаго строя, въ значительной степени зависятъ отъ сознательной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка и объединенной дѣятельности людей въ земствѣ и государствѣ. Намъ очень жаль тѣхъ лицъ, которые хотѣли воспользоваться теоріею Маркса, чтобы попрежнему бездѣйствовать или даже примкнуть къ капиталистамъ. Но брошюра проф. Яроцкаго лишаетъ ихъ возможности прикрываться экономической теоріею.

Р. О.

Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ И. В. Сеницынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова. Гравировалъ А. С. Яновъ. М. 1896.

Мы до сихъ поръ еще очень не богаты монографіями, посвященными описанію различныхъ мѣстностей нашего отечества, можетъ быть, потому, что мы недостаточно умѣемъ гордиться нашею стариною, недостаточно ее уважаемъ и цѣнимъ... Тѣмъ болѣе приятно бываетъ встрѣтить въ печати трудъ, свидѣтельствующій о томъ, что еще не перевелись на Руси люди, страстно изучающіе прошлое своей родины, готовые тратить на этотъ трудъ и время, и деньги, и напряженные усилія. Правда, такіе любители мѣстной старины въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказываются достаточно подготовленными (въ общемъ смыслѣ) къ выполненію задачи, за которую берутся; однако же, искренняя любовь къ дѣлу, искреннее желаніе собрать и сопоставить въ одно цѣлое разрозненные свѣдѣнія и матеріалы, относящіеся къ исторіи той или другой излюбленной мѣстности, селѣ, гѣрода, обители, въ значительной степени украшаютъ трудъ неопытнаго изслѣдователя, и подъ часъ дѣлаютъ его весьма цѣннымъ вкладомъ въ общіе сокровищницы свѣдѣній о Россіи.

Передъ нами лежитъ именно одинъ изъ такихъ трудовъ: роскошно изданный и переполненный фототипіями и гравюрами сборникъ свѣдѣній о селѣ Преображенскомъ и его окрестностяхъ, составленный г. Сеницынымъ. «Представляя сей трудъ на судъ публики, — говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, — прошу не судить меня строго въ моихъ погрѣшностяхъ, такъ какъ я не принадлежу къ числу писателей, и перо для составленія этой книги взято мною въ первый разъ...». Скрамность почти излишняя, въ виду той массы труда, хлопотъ и заботъ, которые потрачены г. Сеницынымъ на собраніе и сопоставленіе матеріала по интересующему его вопросу о прошломъ и настоящемъ знаменитаго села Преображенскаго, теперь давно уже сливагося съ первопрестольною столицею. Мы не скажемъ, что авторъ всегда удачно и счастливо пользуется своимъ матеріаломъ, не скажемъ, что онъ вполне безпристрастенъ въ своихъ отношеніяхъ къ нашему прошлому, или что онъ подвергаетъ строгой критической оцѣнкѣ тотъ матеріалъ, которымъ онъ пользуется

для составленія своей монографіи; но все же эта монографія—трудъ почтенный и несомнѣнно заслуживающій одобренія. Многое въ этомъ трудѣ является излишнимъ, многое неумѣстнымъ и ненужнымъ; но свѣдѣнія собраны съ добросовѣстною полнотою и чрезвычайною любовью къ дѣлу; авторъ этимъ путемъ достигаетъ того, что передъ глазами читателя, въ видѣ довольно стройной панорамы, проходитъ исторія села Преображенскаго въ его различныхъ отношеніяхъ къ эпохамъ, пережитымъ Москвою отъ половины XVII вѣка до конца нынѣшняго столѣтія.

Но авторъ монографіи, конечно, прекрасно бы сдѣлалъ, если бы воздержался отъ слишкомъ явно-выказываемыхъ имъ симпатій и антипатій къ историческимъ личностямъ¹⁾, отъ излишней довѣрчивости къ болтовнѣ нѣкоторыхъ нашихъ мемуаристовъ, и отъ напыщеннаго лиризма, который иногда увлекаетъ его за предѣлы необходимой и благоразумной умѣренности²⁾.

Къ сожалѣнію, мы должны еще къ этому добавить, что книга г. Синицына ничего бы не проиграла, если бы въ ней не было цѣлага ряда рисунковъ скучнѣйшаго изъ русскихъ художниковъ, Нестерова, — рисунковъ, ясно выказывающихъ полную неспособность его къ историческому жанру, ничтожныхъ и однообразныхъ по замыслу и крайне-слабыхъ по выполнению.

Въ заключеніе нашей замѣтки, на вопросъ г. Синицына (стр. 5): «не осталось ли хоть какихъ слѣдовъ отъ дворцовыхъ зданій въ с. Преображенскомъ?» мы можемъ отвѣтить утвердительно. Лѣтъ шесть тому назадъ, при посѣщеніи нами Никольской единовѣрческой обители, покойный настоятель ея показывалъ намъ небольшую постройку, возводимую изъ толстѣйшихъ, 20-ти вершковыхъ бревень, откопанныхъ изъ-подъ грудъ мусора, «на мѣстѣ бывшаго Преображенскаго дворца». По словамъ о. настоятеля, эти бревна были имъ скуплены за безцѣнокъ, потому что всѣ считали ихъ ни на что не пригодными, а они оказались на столько сохранившимися, что ихъ «топоръ не бралъ». Зданіе, возведенное изъ этихъ бревень, и теперь еще, вѣроятно, удѣлѣно въ обители.

П. Коловой.

Камилль Дрейфусъ. Мировая и социальная эволюція. Москва. 1896.

Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ соединены разныя гипотезы о происхожденіи вселенной вообще, нашей планеты въ частности, а затѣмъ и человѣческаго общества или главныхъ его основъ: семьи, собственности, религіи и нравственности. Если бы всѣ эти гипотезы имѣли реальное основаніе, то чело-

¹⁾ Г. Синицынъ очень не любитъ Петра Великаго, и потому съ особеннымъ тщаніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, собираетъ всю грязь и муть, какую оказывается возможнымъ почерпнуть изъ юношескихъ статей покойнаго М. И. Семевского о Петрѣ, и доходитъ даже до того, что сообщаетъ своимъ читателямъ: «онъ (Петръ) не имѣлъ преградъ своимъ вождѣніямъ плотскимъ, не находилъ тѣлесныхъ удовольствій съ одною и тою же красавицей...». Какое отношеніе это имѣетъ въ исторіи с. Преображенскаго?

²⁾ Яркимъ примѣромъ можетъ служить описаніе послѣднихъ минутъ Глѣбова, посаженнаго Петромъ на колъ (см. стр. 41). Г. Синицынъ восклицаетъ: «Потомки Степана Глѣбова могутъ гордиться ихъ (?) предкомъ безъ страха, если не безъ укора». Не понимаемъ, почему гордиться? Глѣбовъ молчалъ о Евдокіи, опасаясь за себя.

вѣщество обладало бы уже цѣлостнымъ мировоззрѣніемъ. Но такого мировоззрѣнія еще не существуетъ, именно потому, что положительная наука не можетъ пока дать безспорныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи вселенной, нашей планеты, человѣка и человѣческаго общества. Поэтому читатель поступитъ благоразумно, если будетъ искать въ книгѣ г. Дрейфуса только собранія разнаго рода гипотезъ о мировой и социальной эволюціи. Правда, въ настоящее время «эволюція» сдѣлалась какимъ-то моднымъ словечкомъ, которое само какъ будто что-то уже разъясняетъ. До изобрѣтенія этого словечка, когда мы говорили просто о происхожденіи и постепенномъ развитіи того или другого явленія матеріальнаго или духовно-нравственнаго характера, мы были далеки отъ мысли, что заглянули, такъ сказать, въ корень вещей. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ обращеніе пущено словечко: «эволюція», мы начали думать, что теорія Лапласа о происхожденіи вселенной и теорія трансформизма, т. е. происхожденія видовъ, намъ все разъясняетъ. Въ такомъ заблужденіи находится и г. Дрейфусъ. Заглянувъ въ прошлое, разъясненное ему разными гипотезами, онъ полагаетъ, что ясно видитъ и будущее. Въ частности по отношенію къ эволюціи человѣческаго общества, онъ, довольствуясь собранными социологіею данными о жизни первичныхъ народовъ, дѣлаетъ, какъ впрочемъ всѣ социологи, прямо скачокъ въ будущее, при чемъ нисколько не считаетъ себя обязаннымъ внимательно изучить богатѣйшій историческій матеріалъ, собранный о жизни человѣчества, вышедшаго уже изъ первобытнаго состоянія, но еще не дожившаго до прозрѣваемаго авторомъ будущаго. Получаются такимъ образомъ весьма странныя разсужденія. Авторъ, напримѣръ, излагаетъ вкратцѣ то, что намъ извѣстно о собственности у первичныхъ народовъ, и затѣмъ приходитъ прямо къ слѣдующему выводу: «Нужно, чтобы поземельная собственность установилась въ достаточно обширныхъ участкахъ, на каждомъ изъ которыхъ могло бы вестись окупающее себя хозяйство». О, конечно, это было бы очень хорошо, но какъ же этого достигнуть? Очень просто: «Это будетъ достигнуто назначеніемъ синдикатовъ». Невольно воскликнешь, читая эти строки: блаженъ, кто вѣруетъ! Относительно религіи и нравственности мы встрѣчаемся съ тѣмъ же методомъ изслѣдованія: отъ дикихъ народовъ дѣлается скачокъ прямо въ современность, причемъ получается слѣдующій окончательный выводъ: «Существующія религіи не соотвѣтствуютъ уже современному состоянію эволюціи человѣка». Тотъ же методъ примѣняется и къ обществу вообще: сперва дикіе народы, а потомъ организація общества на принципахъ «свободы», «равенства» и «братства». Все это прекрасно; но при чемъ же тутъ эволюція? Во всякомъ случаѣ она не играла никакой роли при созданіи мировоззрѣнія г. Дрейфуса. Въ этомъ мировоззрѣніи виденъ только современный французъ, возстающій противъ чрезмѣрнаго дробленія поземельной собственности, не вѣрящій въ Бога, но зато сильно вѣрящій въ спасительность принциповъ свободы, равенства, братства и въ плодотворность синдикатовъ. Такимъ образомъ заглавіе: «Мировая и социальная эволюція», съ удобствомъ могло быть замѣнено заглавіемъ: «Мировоззрѣніе г. Дрейфуса».

Р. О.

Василій Немировичъ-Данченко. Забытая крѣпость. Историческій романъ изъ временъ Кавказской войны. Т. I. Горные орлы. Т. II. Горе забытой крѣпости. Спб. 1896.

Новый романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко, недавно вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ,—одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго автора. «Забытая крѣпость» можетъ быть названа, въ широкомъ смыслѣ, историческимъ романомъ, въ которомъ мастерской кистью нарисована художественно цѣльная и правдивая до трагизма картина Кавказской войны.

«Забытая крѣпость», или Самурское укрѣпленіе, возведена была для защиты нашихъ каспійскихъ береговъ, въ самомъ сердцѣ Лезгинскаго края. На это укрѣпленіе, съ его незначительнымъ гарнизономъ—двумя ротами съ половиннымъ числомъ штыковъ, но зато со старымъ кавказскимъ служакой, комендантомъ майоромъ Брызгаловымъ и нѣсколькими молодцами-офицерами, двинулись горцы, возбужденные объявленнымъ во всѣхъ аулахъ газаватомъ—священной войной противъ гяуровъ. Со всѣхъ сторонъ обложили крѣпостцу мюриды и джигиты подъ преводительствомъ знаменитаго храбреца, кабардинскаго князя Хатхуа, наиба Шамиля, а потомъ и подъ начальствомъ самого Шамиля.

Жаркимъ битвамъ во время этой продолжительной осады крѣпости посвящена значительная часть романа. Но это не простое только описаніе тяжелаго положенія осажденныхъ и грозныхъ натисковъ осаждавшихъ, это—цѣлый рядъ яркихъ картинъ, возсоздающихъ одинъ изъ славнѣйшихъ и блестящихъ отрывковъ кавказской эпопеи. Съ захватывающимъ интересомъ, полнотой и безпристрастіемъ рисуетъ въ нихъ авторъ подвиги и мужественныхъ горцевъ и нашихъ героевъ кавказцевъ. Знаніе быта горцевъ, ихъ нравовъ, вѣрованій, характера, поэзіи даетъ автору возможность очертить на ряду съ мужествомъ горцевъ и ихъ симпатичную поэтическую душу, полную благородства и честности. Въ нѣсколькихъ большихъ главахъ онъ даетъ много интересныхъ свѣдѣній о мюридизмѣ, о газаватѣ, Шамилѣ. Точно также не мало удѣлено авторомъ мѣста и обрисовкѣ нашихъ удалцовъ-офицеровъ и въ особенности нашего русскаго солдата съ его храбростью и геройскимъ самопожертвованіемъ. Авторъ воскрешаетъ то въ описаніяхъ, то въ характерныхъ диалогахъ рядъ изумительныхъ подвиговъ неизвѣстныхъ героевъ, отстаивавшихъ родное укрѣпленіе. «Коли прикажете, и на небо взлѣземъ», говорили молодцы-кавказцы своему генералу, спѣшавшему на выручку Самурскаго укрѣпленія, и они блестяще доказали это въ ту же кампанію, взявъ неприступное горное укрѣпленіе «Салты».

Вѣсть о разрушеніи Салтъ долетѣла до осадившихъ укрѣпленіе горцевъ уже во время послѣдней атаки. Забывъ, что крѣпость съ обезсилѣвшимъ отъ голода гарнизономъ почти въ ихъ рукахъ, огромная скинница андійцевъ, дидойцевъ, салтинцевъ, пѣшихъ и конныхъ, только что съ дикимъ ревомъ лѣзшихъ на крѣпостные бастіоны, кинулись прочь, въ свои аулы. Удивленію и счастью осажденныхъ не было предѣла. Все уже было готово къ тому, чтобы взорвать крѣпость. Въ то время какъ еле державшіеся на ногахъ солдаты на-

прыгали свои послѣднія силы въ борьбѣ съ врагомъ,—двое изъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ, комендантъ, его дочь и вѣрный до послѣдней минуты молодой горецъ собрались въ пороховомъ погребѣ и съ пылающими фитилями подъ мѣрные звуки читавшаго молитву священника чутко прислушивались къ происходившему наверху, мужественно ожидая своего конца.

Молитва была услышана—наступила «радость забытой крѣпости». Такъ озаглавлена послѣдняя, третья часть второго тома. Не смотря на сравнительную краткость этой части, оба героя романа очерчены очень ярко. Особенно удалась автору личность юнаго горца Амеда, сына Курбанъ-Аги Елисуйскаго, состоявшаго, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, въ мирѣ съ русскими и стойко выдерживавшаго осаду крѣпости вмѣстѣ съ остальными. Преданный всѣмъ пыломъ своей благородной души русскимъ вообще и коменданту Брызгалову съ его сподвижниками въ частности, онъ собственно спасъ крѣпость своимъ геройскимъ подвигомъ. Переодѣвшись, онъ пробрался сквозь ряды враговъ и послѣ цѣлаго ряда препятствій, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, подаль вѣсть намѣстнику о безвыходномъ положеніи Самурскаго укрѣпленія. Благодаря этому, и была послана экспедиція генерала Фрейтага. Вернувшись въ крѣпость, Амедъ все время бился грудью съ грудью съ горцами и снискалъ себѣ своей храбростью и преданностью всеобщую любовь,—не только всего гарнизона съ комендантомъ во главѣ, но и дочери послѣдняго, красавицы Нины. По освобожденіи Самурскаго укрѣпленія отъ осады, Амедъ посланъ былъ комендантомъ съ донесеніемъ къ намѣстнику, и, награжденный всѣми четырьмя степенями знака военнаго ордена и обласканный, отправленъ былъ изъ Тифлиса въ Петербургъ къ государю лично передать о славной защитѣ крѣпости. Милостиво принятый государемъ и пропзведенный въ поручики, онъ высказалъ государю желаніе принять христіанство и жениться на дочери коменданта, произведеннаго государемъ въ генералы. Государь былъ воспріимнымъ отцомъ Амеда, государыня была посаженной матерью на его свадьбѣ, состоявшейся въ церковкѣ Самурскаго укрѣпленія.

Черезъ десять лѣтъ Амедъ, бывшій уже полковникомъ Николаемъ Курбановымъ-Елисуйскимъ, былъ раненъ при первомъ приступѣ на Вѣдень. «Ни одна изъ большихъ экспедицій въ сумрачныя горы Кавказа не обходилась безъ него». Когда Шамиль сдался, Курбановъ-Елисуйскій вышелъ въ отставку и поселился съ женою и дѣтьми въ Елисуѣ. Но когда вновь возгорѣлась на Кавказѣ война, «жившій на покой генералъ Курбановъ-Елисуйскій подаль рапортъ о зачпсленіи на дѣйствительную службу и въ лагерь подъ Карсомъ явился съ четырьмя красавцами сыновьями». При штурмѣ Арабъ-Конака онъ со старшимъ сыномъ первый ворвался въ турецкое укрѣпленіе, но былъ убитъ. Нина отдалась вся воспитанію своихъ остальныхъ трехъ сыновей и надѣла вѣчный трауръ.

Генералъ Брызгаловъ тоже давно уже покоится подъ каменною плитою на тифлисскомъ кладбищѣ. Память о немъ угасла. «Новымъ людямъ не нужны старые герои,—заканчиваетъ авторъ.—Полубытыя былины кажутся сказкой, и только здѣсь... подъ тѣнью Дагестанскихъ великановъ, вновь переживаешь эту сказку... Изъ тысячи могилъ поднимаются и на встрѣчу несутся на зло

смерти и забвенію богатыри, наивные и простые сердцемъ. Тихо снать въ затерянныхъ кладбищахъ старые герои, безмолвно умирають въ захолустьяхъ и горныхъ узлахъ нѣкогда воинственнаго Кавказа забытыя крѣпости. Никто не приходится сюда поклониться имъ... Какъ отзвучавшая мелодія прошла эта жизнь, и только въ немногихъ сердцахъ еще чуть слышится ея чудное, таинственное эхо».

Эту отзвучавшую мелодію возсоздалъ въ краскахъ талантливый писатель. Рожденный и выросшій на Кавказѣ, сынъ одного изъ славныхъ кавказскихъ героев, видѣвшій и слышавшій изъ устъ самихъ участниковъ скромные рассказы объ этой борьбѣ титановъ, умѣвшихъ побѣждать стихіи, авторъ несомнѣнно пробудитъ чудное, таинственное эхо этой мелодіи въ очень многихъ сердцахъ, чтущихъ память и великія заслуги старыхъ кавказцевъ, грудью своею проложившихъ дорогу въ враждебныя горы и ущелья во славу Россіи и ея культурныхъ задачъ.

И. Эйзенъ.

Черезъ Черное море на Восторъ. П. Гнѣдича. Спб. 1896.

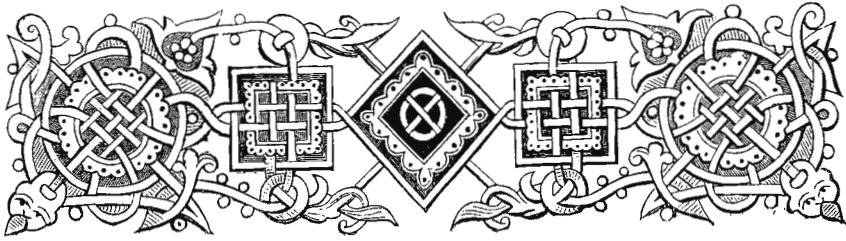
Путевыя замѣтки г. Гнѣдича о поѣздкѣ его въ Константинополь очень обстоятельно знакомятъ съ столицей Турціи на величественномъ Босфорѣ, съ Золотымъ Рогомъ, мечетями, сералями и т. п. ея особенностями. Читается книга съ удовольствіемъ, благодаря ея полубеллетристическому изложенію и обилію прекрасныхъ рисунковъ изъ видовъ Босфора и общественной жизни Константинополя. Самъ авторъ говоритъ, что, «сравнивая настоящее изданіе съ иностранными иллюстрированными описаніями Босфора, можно смѣло сказать, что оно ничѣмъ не уступаетъ своимъ западнымъ конкурентамъ. Многіе изъ печатаемыхъ здѣсь видовъ никогда не были воспроизведены въ печати и появляются впервые». Дѣйствительно, изящно изданная книга г. Гнѣдича о турецкой столицѣ напоминаетъ собой путевой альбомъ съ обстоятельнымъ текстомъ къ рисункамъ и представляетъ живой интересъ для лицъ, не видавшихъ ни Босфора, ни жизни на немъ.

А. Ф—въ.

Учебникъ всеобщей исторіи. Часть третья. Новое время. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Москва. 1896.

Въ свое время мы дали отчетъ о первыхъ двухъ выпускахъ учебника проф. Виноградова на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (августъ 1894 годъ). Недавно вышелъ въ свѣтъ и третій (последній) выпускъ этого руководства, которое въ настоящее время представляетъ собою цѣльный, законченный курсъ. Последний выпускъ отличается тѣмъ же характеромъ и тѣми же достоинствами, которыя мы имѣли случай отмѣтить въ первыхъ двухъ. По размѣрамъ своимъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, значительно объемистѣе каждаго изъ предыдущихъ.

П. А.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БИЛЕЙ ХЛОДВИГА И ПЯТНАДЦАТЬ ВѢКОВЪ ХРИСТИАНСТВА ВО ФРАНЦІИ. Въ нынѣшнемъ году минежь тысяча пятьсотъ лѣтъ крещенія франковъ и заключенія ихъ королями той тѣсной связи съ католической церковью, которая была съ тѣхъ поръ отличительной чертой всей исторіи монархической Франціи. Естественно, что среди длиннаго ряда революціонныхъ юбилеевъ, которые празднуются третьей республикой съ 1889 года, французскіе клерикалы нашли нужнымъ торжественно отпраздновать и свой полуторатысячный юбилей. Въ ожиданіи устраиваемыхъ по этому случаю религіозныхъ торжествъ, изданы двѣ книги въ честь виновника великаго историческаго событія, совершившагося въ 396 году, и въ прославленіе главнѣйшихъ событій, ознаменовавшихъ исторію христіанской церкви во Франціи въ продолженіе пятнадцати вѣковъ ея существованія. Первый изъ этихъ трудовъ — ученая монографія «Хлодвигъ»¹⁾, составленная извѣстнымъ изслѣдователемъ эпохи меровинговъ Г. Куртомъ, авторомъ «Поэтической исторіи меровинговъ», а второй — сборникъ статей различныхъ выдающихся авторовъ, подъ заглавіемъ «Христіанская Франція въ исторіи»²⁾, о важнѣйшихъ эпохахъ въ долговременномъ существованіи католической церкви во Франціи, отъ Хлодвига до нашихъ дней. Обѣ книги хотя и написаны на извѣстный случай, но отличаются серьезнымъ историческимъ значеніемъ и представляютъ значительный интересъ; однако нельзя не пожалѣть, что ихъ узкій католическій харак-

¹⁾ Clovis, par G. Kurth, Paris, 1896.

²⁾ La France chrétienne dans l'histoire, ed. sous la redaction de M.-gr. Laugenièrux, Paris, 1893.

теръ портить общее впечатлѣніе и подрываетъ ихъ авторитетъ. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ редакторъ французскаго историческаго журнала «Revue Historique» Моно, въ статьѣ «Юбилей крещенія Хлодвига», напечатанной въ послѣднемъ его номерѣ¹⁾, Куртъ, говоря о народныхъ поэтическихъ преданіяхъ эпохи меровинговъ, обнаруживаетъ замѣчательную чуткость въ опредѣленіи правды и неправды въ народномъ эпосѣ, но, взявшись за исторію Хлодвига, онъ принимаетъ на вѣру всѣ церковныя легенды и, забывъ трезвый историческій методъ, котораго онъ придерживался въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, изображаетъ грубаго дикаря какимъ-то безгрѣшнымъ героемъ и мистическимъ святымъ. Отъ этого не только уменьшается историческая важность его труда, но даже умаляется и человѣческое величіе изображаемой имъ исторической личности. Тѣмъ же самымъ недостаткомъ страдаютъ и всѣ статьи сборника «Христіанская Франція въ исторіи», и тотъ же Моно чрезвычайно характеристично указываетъ, что, положивъ въ основу всѣхъ своихъ трудовъ тезисъ, что величіе Франціи въ продолженіе полуторы тысячи лѣтъ зависѣло единственно отъ вліянія католицизма подъ эгидой папства, авторы сборника не только погрѣшили противъ исторической правды, но и подорвали всякое довѣріе къ ихъ, очень талантливымъ, но слишкомъ пристрастнымъ, рассказамъ. Дѣйствительно, если бы согласиться съ ихъ общимъ взглядомъ, что исключительнымъ источникомъ славы и величія Франціи была религія, то нельзя же игнорировать, какъ дѣлаютъ авторы сборника, протестантство, галликанизмъ и всѣ другія религіозныя теченія, имѣвшія, не менѣе католической церкви, вліянія на духовную жизнь французовъ въ продолженье. Какъ-то странно и даже дико въ книгѣ, называемой не католической, а «Христіанской Франціей въ исторіи», не встрѣтить даже именъ Абеяра, Босюэ, Монтена, Паскаля, Кальвина, жансенистовъ, альбигойцевъ и т. д. Конечно, при такой точкѣ зрѣнія авторовъ нечего упоминать, что въ картинѣ постепеннаго развитія судебъ Франціи съ презрѣніемъ изображаются: эпоха возрожденія, XVIII вѣкъ и революція. Все сводится къ одному узкому прославленію католицизма и папства, а это тѣмъ болѣе странно, что означенные тридцать четыре автора не исключительно духовныя лица и представители католическихъ университетовъ, а между ними значительное число мірянъ: академикомъ, профессоромъ и литераторомъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ сборникѣ большое число очень интересныхъ и блестяще написанныхъ историческихъ очерковъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ указать на «Крестоносцы» — виконта Вогюэ, «Католическая Франція въ виду протестантства въ XVI столѣтіи» — Бодрильера, «Французскіе бенедиктинцы» — герцога Брольи, «Протекторатъ Франціи надъ христіанами въ Турецкой имперіи» — Перо и «Конкордатъ 1801 года» — Булэ-де-ла-Мерта.

— Преслѣдованіе мертвецовъ испанской инквизиціей. На исторической выставкѣ въ Мадридѣ по случаю 400-лѣтняго юбилея открытія Новаго Свѣта были выставлены между прочими диковинами, относившимися къ

¹⁾ Le jubilé du baptême de Clovis, par G. Monod, Revue Historique, 1896, mars-avril.

чествуемой эпохѣ, два любопытныхъ подлинныхъ дѣла, разбиравшихся въ инквизиціонномъ трибуналѣ Ціутады-Реалѣ въ августѣ и сентябрѣ 1484 года. Потомъ эти интересные документы были напечатаны цѣликомъ въ «Извѣстіяхъ исторической академіи» въ Мадридѣ, а надняхъ Эмиль де-Моленъ представилъ на столбцахъ Revue Bleue сжатый, но обстоятельный очеркъ означенныхъ процессовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на истинный характеръ и оригинальное судопроизводство трибуналовъ испанской инквизиціи¹⁾. Судъ, разсматривавшій эти оба дѣла, состоялъ изъ двухъ инквизиторовъ: каноника бургосской церкви и бакалавра богословія, Петро де-ла-Костана и каноника цаморской церкви и доктора права Франциска Сангеза, а обязанности прокурора исполняли капелланъ короля, Фернандъ Родригезъ дель-Барко. Хотя каждое изъ этихъ двухъ дѣлъ разбиралось особо, и обвиняемы были различные, въ первомъ: Жуанъ-Ганзалесъ Эскогидо съ женой, а въ послѣднемъ — Мартинесъ де-Оливосъ также съ женой, но обстоятельства обоихъ дѣлъ и производство ихъ совершенно одинаковы, а приговоръ одинъ общій, вмѣстѣ съ другими подобными же сорока дѣлами. Всѣ эти многочисленные обвиняемые происходили изъ богатыхъ еврейскихъ семействъ, перешедшихъ въ христіанство и судимыхъ послѣ ихъ смерти за дошедшее до свѣдѣнія инквизиціи ихъ еретическое поведеніе. Прежде обвинительнаго акта, въ каждомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе повѣстка къ родственникамъ или наслѣдникамъ обвиняемыхъ съ предложеніемъ явиться самимъ, или прислать кого слѣдуетъ для защиты «ихъ памяти, состоянія и костей». Конечно, страхъ инквизиціи, находившейся тогда подъ руководствомъ знаменитаго Торквемады, былъ такъ великъ, что никто изъ живыхъ представителей обвиняемыхъ не явился на судъ, и только предстали вызванные свидѣтели. Эскогидо и его жена обвинялись въ томъ, что они, сдѣлавшись христіанами, исполняли еврейскіе обычаи, работали въ воскресенье, праздновали шабашъ, читали еврейскія молитвы и напутствовали умирающихъ по еврейскому обряду; Оливосъ съ женой обвинялся въ тѣхъ же преступленіяхъ и еще въ томъ, что, окрестивъ по христіанскому обряду своихъ дѣтей, они потомъ смывали съ нихъ слѣды св. елея. Когда судъ удостовѣрился, что въ установленные два срока не явились представители обвиняемыхъ, то постановилъ, что приговоръ относительно ихъ будетъ заочный, и что они лишаются всѣхъ своихъ правъ. Затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей: въ дѣлѣ Эскогидо оказалось, что обвиняемые жили въ селеніи Санъ-Педро, 10 или 12 лѣтъ передъ тѣмъ, а слѣдовательно и вызванные свидѣтели показывали объ ихъ поступкахъ очень смутно и неопредѣленно. Улики противъ Мартинеза и его жены не имѣли бѣльшей силы, и замѣчательно, что въ томъ и другомъ процессѣ повторяются почти одинаковыя показанія объ одинаковыхъ фактахъ. Но если съ матеріальной точки зрѣнія выяснившіеся факты не имѣли значенія полного судебного доказательства, то съ точки зрѣнія инквизиторовъ они вполне доказывали ересь судившихся мертвецовъ. Приговоръ былъ объявленъ публично 15 марта 1485 года, и всѣ четыре обвиняемые, вмѣстѣ съ сорока другими, признаны именемъ Христа виновными въ ереси и отступничествѣ отъ

¹⁾ Les procès à la mort, par Emile de Molènes. Revue Bleue, 8 fevrier, 1893.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1896 г., т. LXIV.

христіанской вѣры, за что присуждены къ отлученію отъ церкви, сожженію ихъ костей, послѣ вырытія изъ могилъ, и конфискаціи ихъ имущества. Таковъ былъ прологъ той гнусной трагедіи, которая продолжалась болѣе трехъ вѣковъ, и жертвами которой были не только перекрещенные евреи, сохранившіе преданность къ своей старой вѣрѣ, но самыя искренніе, самыя пламенные служители вѣры Христовой.

— Первое министерство Ришельё. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ въ предыдущемъ французскомъ кабинетѣ, Ганото, вернулся теперь къ своей литературной дѣятельности и помѣстилъ въ *Revue des deux Mondes* отрывокъ изъ новаго тома своей обширной, блестящей исторіи Ришельё. Предметомъ этой любопытной главы его почтеннаго труда служить первое министерство будущаго великаго кардинала¹⁾, которое хотя продолжалось пять мѣсяцевъ и не отличалось успѣхомъ, но все-таки возбуждаетъ интересъ, какъ первые шаги на почвѣ государственнаго правленія одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Франціи. Въ характеристичномъ рельефномъ разсказѣ Ганото личность Ришельё и его дебютъ на министерской аренѣ выступаютъ чрезвычайно ясно и опредѣленно. Съ перваго взгляда трудно повѣрить, что молодой епископъ Люсонскій, занимавшій мѣсто сначала военнаго министра и потомъ министра иностранныхъ дѣлъ въ томъ правительствѣ, которое, подъ главенствомъ Кончини, любимца Маріи Медичи, подготовило своей неумѣлой дѣятельностью паденіе регентства королевы и убійство временщика, былъ тотъ самый кардиналъ Ришельё, который впоследствии не только неограниченно царилъ во Франціи, но также игралъ первенствующую роль въ европейскихъ дѣлахъ. Но если ближе присмотрѣться къ дѣйствіямъ Ришельё и въ эту раннюю эпоху его политической карьеры и въ особенности къ его попыткамъ измѣнить внѣшнюю политику Франціи, которая тогда, подъ вліяніемъ Маріи Медичи и ея любимца, позорно шла на буксирѣ Испаніи, то нельзя не признать въ тогдашней пятимѣсячной его министерской дѣятельности задатковъ тѣхъ крупныхъ государственныхъ способностей, которыми онъ впоследствии удивилъ весь міръ. Поэтому Ганото совершенно правъ, отведя такое значительное мѣсто въ своемъ трудѣ этому эпизоду въ жизни своего героя. Кромѣ того, что этотъ эпизодъ проливаетъ яркій свѣтъ на личность Ришельё и объясняетъ многое въ его дальнѣйшей карьерѣ, разсказъ о немъ читается съ тѣмъ большимъ интересомъ, что онъ обнимаетъ собою не только его административную дѣятельность и дипломатическія сношенія съ европейскими дворами, но и драматическую борьбу французскихъ принцевъ крови съ Маріи Медичи и ея любимцемъ, а также трагическій конецъ этой борьбы, убійство Кончини и прекращеніе регентства королевы, что повлекло за собой паденіе кратковременнаго министерства и временное удаленіе отъ дѣлъ Ришельё. Впрочемъ и дипломатическая сторона описываемаго Габриелемъ Ганото историческаго эпизода врядъ ли уступитъ по своему интересу патетической сценѣ, разыгранной передъ воротами Лувра, у входа въ который былъ убитъ, по приказанію короля, могущественный временщикъ; тѣмъ любопытнѣе тогдашній дипломатическій починъ

¹⁾ Le premier ministère de Richelieu, par G. Hanotaux. *Revue des deux Mondes*, 1 janvier et 1 fevrier, 1896.

Ришельё, въ международной европейской полигикѣ, что о немъ до сихъ поръ было мало извѣстно, а смерть Кончини одно изъ избитыхъ мѣстъ французской исторіи. Несмотря на то, что молодой Люсонскій епископъ входилъ въ составъ ненадежнаго, раболѣпнаго министерства, которымъ помыкалъ, какъ хотѣлъ, дерзкій, честолюбивый либимецъ королевы, онъ задумалъ совершить смѣлый поворотъ во внѣшней полигикѣ Франціи и сдѣлать ее вмѣсто рабской послѣдовательницы Испаніи верховнымъ вершителемъ европейскихъ судебъ. Съ этой цѣлью онъ смѣнилъ старыхъ пословъ при главнѣйшихъ европейскихъ кабинетахъ, привыкшихъ дѣйствовать на помочахъ у Испаніи, назначилъ на ихъ мѣсто другихъ энергичныхъ дипломатовъ, въ томъ числѣ даже протестантовъ, какъ, на примѣръ, извѣстнаго Шомберга, вѣрнаго слугу Генриха IV и persona grata при протестантскихъ германскихъ дворахъ. Иструкціи, данныя этимъ новымъ посламъ, имѣли необычайный, смѣлый, независимый характеръ и стремились къ тому, чтобы собрать въ Парижѣ конференцію изъ представителей Венеціи, Савойи, папы, Испаніи и имперіи для водворенія мира во всей Европѣ. Конечно, странно было, что подобную роль примирителя Европы брало на себя правительство, во главѣ котораго стоялъ любимецъ королевы, ненавидимый всей странѣ, да еще въ такую минуту, когда самые могущественные люди во Франціи волновали ее междоусобной борьбой. Поэтому и европейскіе дворы отнеслись съ пренебреженіемъ къ выходкѣ юнаго дипломата, а распря между мелкими итальянскими государствами, подавая поводъ Ришельё составить проектъ о парижской конференціи, была улажена безъ всякаго участія того самаго правительства, которое хотѣло разыграть роль верховнаго примирителя. Фіаско будущаго великаго кардинала было полное, и онъ, быть можетъ, былъ втайнѣ доволенъ той неожиданной катастрофою, которая удалила его временно отъ дѣлъ и ступешала его дипломатическую неудачу въ глазахъ современниковъ, обратившихъ все свое вниманіе на болѣе крупныя политическія событія. Эта неудача его первой дипломатической попытки такъ сильно подѣйствовала на его честолюбивую натуру, что онъ самъ старался забыть объ этой печальной страницѣ своей исторіи и не упомянулъ о ней ни слова въ своихъ мемуарахъ. Теперь, благодаря трудамъ одного изъ современныхъ руководителей французской политики, отцемъ которой считается этотъ самый неудачный юный дипломатъ въ эпоху своей славы, скрываемый самимъ Ришельё и мало обращавшій на себя вниманіе историковъ, эпизодъ вполне выясненъ не только съ научной точностью, но и съ художественнымъ блескомъ.

— Литературный шантажистъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ виду того общаго интереса, который возбуждаютъ производящіеся въ настоящее время процессы шантажистовъ парижской прессы, французскіе публицисты занялись розыскиваніемъ въ исторіи своей родины примѣровъ подобнаго же злоупотребленія печатнымъ словомъ въ старину. Между прочимъ Густавъ Лежалъ въ *Revue Encyclopédique* рассказываетъ печальную исторію подобнаго литературнаго шантажиста въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія Виктора Дюбура-де-ла-Кастанъ ¹⁾. Родившись въ 1715 году и принадлежа

¹⁾ Un Maître Chanteur au XVIII siècle Dubourg de la Castagne, par Gustave Lejeal. *Revue Encyclopédique*, 15 fevrier, 1896.

къ аристократической, но бѣдной семьѣ, Кастанъ получилъ прекрасное образованіе въ Тулузѣ и въ Парижѣ и, отличаясь блестящимъ умомъ, занялъ видное мѣсто въ литературныхъ кружкахъ того времени, даже пользовался дружбой Кребиллона-отца и Фонтенеля. Но, чтобы поддержать свои литературныя и свѣтскія связи, онъ долженъ былъ зарабатывать себѣ средства къ существованію тяжелымъ литературнымъ трудомъ, именно переводами съ англійскаго языка. Хотя онъ получалъ отъ книжныхъ издателей довольно значительную плату, но ему вскорѣ надоѣла эта черная работа, и онъ попробовалъ свои силы въ оригинальныхъ сочиненіяхъ. Онъ написалъ двѣ книги: «Мемуары графини» и «Татарскія письма», которыя были въ сущности не чѣмъ инымъ какъ скандальной хроникой того времени. Правительство воспротивилось появленію этихъ памфлетовъ, и Кастанъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Дюбура, отъ фамиліи своей матери, которую онъ взялъ себѣ псевдонимомъ, рѣшился отомстить королю Людовику XV и его министрамъ, продавъ свое перо иностраннымъ дворамъ. Съ этой цѣлью онъ перебрался во Франкфуртъ въ 1744 году и тамъ сталъ издавать нѣчто въ родѣ еженедѣльнаго журнала, подъ заглавіемъ «Мандаринъ, или китайскій шпіонъ въ Европѣ». Въ этихъ періодическихъ памфлетахъ онъ велъ изодня въ день скандальную хронику европейскіхъ дворовъ, причемъ, подъ вымышленными именами, выставялъ государей и сильныхъ міра сего. Конечно, онъ выхвалялъ тѣхъ, которые ему платили, и осыпалъ бранью и клеветами своихъ враговъ, не желавшихъ купить его молчаніе. Самымъ циничнымъ образомъ онъ прямо говорилъ: «Нѣтъ другого средства вырвать перо изъ моихъ рукъ, какъ ослѣпить мои глаза золотомъ». Преимущественно онъ нападалъ на французскій и испанскій дворы по случаю заключеннаго брака между ихъ представителями. Людовикъ XV и его министръ Даржансонъ нѣсколько времени терпѣли еѣ нападки, но въ августѣ 1745 года они воспользовались той паникой, которую произвели во всей Европѣ побѣды Морица Саксонскаго, захватили Дюбура во Франкфуртъ, перевезли его во Францію и посадили въ тюрьму въ Монъ-Сень-Мишель. Тамъ его заперли въ желѣзную клѣтку, помѣщенную въ подземельѣ, куда свѣтъ проникалъ чрезъ небольшое отверстіе, а вода просачивалась во время каждаго дождя. Въ этомъ ужасномъ положеніи, Дюбуръ прожилъ годъ и четыре дня. Хотя его подвергали не разъ самому обстоятельному допросу съ угрозами прибѣгнуть къ пыткамъ, но настоящаго суда надъ нимъ не было, и онъ умеръ, по словамъ подлиннаго протокола, составленнаго тюремными властями, безъ раскаянія и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Изъ протоколовъ же дознанія, которые недавно найдены въ архивѣ города Каэны и напечатаны провинціальнымъ археологомъ Робильяромъ де-Бореперомъ, видно, что Дюбуръ вполне сознался, что онъ издавалъ «Китайскаго мандарина» и «Ключъ», въ которомъ объяснялъ лицъ, выведенныхъ имъ въ журналѣ подъ вымышленными именами; точно также онъ не скрылъ, что имѣлъ цѣлью какъ можно болѣе вредить французскому королю и его министрамъ, за что получалъ деньги отъ нѣмецкихъ дворовъ. Конечно, изданіе пасквилей противъ своего отечества, да еще на счетъ его враговъ, — дѣло постыдное, но несчастный Дюбуръ жестоко поплатился за свою вину и, вынося неописанныя страданія въ своей ужасной тюрьмѣ, выказалъ

нѣкотораго рода благородство, именно принялъ всю отвѣтственность на себя, мужественно утверждая, что никто во Франціи не помогаль и не содѣйствовалъ его шантажной дѣятельности. Заключение Дюбура въ клѣткѣ, подъ самой строгой тайной, возбудило цѣлый рядъ легендъ; по словамъ одной изъ нихъ, онъ былъ съѣденъ крысами, а по свидѣтельству другой, Дюбуръ былъ протестантскій патріотъ, обличавшій передъ всей Европой въ печати французскаго короля, но не Людовика XV, а Людовика XIV. Ложность этихъ легендъ сама собою очевидна, хотя въ музеѣ Монъ-Сень-Мишеля до настоящаго времени показываютъ пластическое воспроизведеніе смерти Дюбура, въ подземельѣ, за рѣшеткой, тогда какъ подлинныя документы, найденныя Робильяромъ де-Бореперомъ и послужившіе основой для статьи Лежала, безспорно подтверждаютъ, что Дюбуръ сидѣлъ не въ подземельѣ, за рѣшеткой, а въ клѣткѣ, имѣвшей семь кубическихъ футовъ и поставленной въ подземельѣ, а умеръ онъ отъ естественной смерти, или, лучше сказать, отъ добровольнаго голода, которому онъ подвергъ себя въ пылу отчаянія.

— Молодость Гете. Недавно напечатанный четвертый отдѣлъ окончательнаго изданія сочиненій Гете, извѣстнаго подъ названіемъ Веймарскаго, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ письма великаго поэта; его переписка въ зрѣломъ возрастѣ и старости уже давно извѣстна, но за то большинство писемъ, относящихся до его юныхъ лѣтъ, въ особенности до пребыванія въ Лейпцигскомъ университетѣ, составляютъ рѣдкую новинку. Такъ какъ послѣднія письма очень любозытно освѣщаютъ студенческіе годы творца Фауста, то составленный на основаніи ихъ очеркъ о молодости Гете французскимъ публицистомъ Полемъ Бессономъ и напечатанный въ *Revue Bleue* ¹⁾ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ поклонниковъ всесвѣтнаго поэта-философа, такъ какъ самый подлинникъ этихъ писемъ не всѣмъ доступенъ. Самъ Гете въ своей «Правда и Поэзія» сознается, съ какимъ удовольствіемъ онъ покинулъ родительскій домъ во Франкфуртѣ, гдѣ мрачный характеръ отца и преслѣдованія, которымъ онъ подвергся за свою юношескую любовь къ хорошенькой Гретхенъ, дѣлали его жизнь невыносимой. Поэтому и его первыя письма къ сестрѣ и товарищу Ризе изъ Лейпцигскаго университета дышатъ радостью человѣка, вырвавашагося на свободу изъ тяжелаго заточенія. Онъ самъ между прочимъ писалъ: «Я живу здѣсь, какъ птица, которая дышитъ свободно на вѣткѣ въ чудесномъ лѣсу, наслаждается на волѣ прелестнымъ воздухомъ и порхаешь сколько хочешь съ куста на кустъ». Насколько жизнь въ родительскомъ домѣ была непріятна для Гете даже по матеріальной ея обстановкѣ, можно судить по тому, что онъ съ восторгомъ пишетъ изъ Лейпцига о тѣхъ прекрасныхъ кушаньяхъ, которыя онъ ѣсть у профессора Людвигъ, въ квартирѣ котораго онъ жилъ въ первые мѣсяцы, причемъ подробно описываетъ пожираемыхъ имъ фазановъ, бекасовъ, индѣекъ, форелей, устрицъ и т. д. Что касается до учебныхъ занятій, то онъ не лѣзъ изъ кожи, а занимался очень мало юридическими предметами, которые долженъ былъ изучать по желанію отца. Но надо отдать ему справедлив-

¹⁾ Le jeunesse de Goethe, par Paul Besson. *Revue Bleue*, 7 mars, 1896.

вость, что онъ очень мѣтко указывалъ на недостатки тогдашняго университетскаго преподаванія, которое обращало все вниманіе на мелочныя подробности каждой науки, а не заботилось о проведеніи общихъ идей, служащихъ выводомъ изъ цѣлой науки, или ряда ихъ. При такихъ условіяхъ преподаванія неудивительно, что пылкій юноша предпочелъ посѣщенію лекцій свѣтскія знакомства. Въ короткое время онъ занялъ видное мѣсто среди золотой молодежи Лейпцига, которая славилась тогда особымъ шикомъ во всей Германіи. Сдѣлавшись моднымъ кавалеромъ, юный Гете сталъ ухаживать за женщинами, и его письма къ сестрѣ обнаруживаютъ въ немъ того опытнаго женофила, которымъ онъ былъ уже во всю свою дальнѣйшую жизнь. Онъ постоянно и съ особымъ пристрастіемъ говоритъ о женщинахъ, судить о нихъ съ плеча и смѣло высказываетъ такіе рѣзкіе тезисы, какъ, на примѣръ, что «суета суеть господствуетъ въ сердцѣ каждой женщины». Но не смотря на презрительный тонъ большей части своихъ замѣчаній о женщинахъ, онъ иногда искренно высказываетъ звою склонность къ нимъ и, на примѣръ, выражается такъ: «О, какъ я люблю васъ, прелестныя созданія, жаль, что вы не лучше, но вѣдь и мы мужчины не ангелы, значитъ надо съ вами мириться». Естественно, что отъ теоретической любви къ женщинамъ юный Гете перешелъ и къ практическимъ ея примѣненіямъ. Въ своихъ лейпцигскихъ письмахъ онъ сначала распространяется о молодыхъ дѣвушкахъ, которыхъ онъ прежде любилъ, о Гретенъ и о красавицѣ Каритасъ, а затѣмъ всецѣло предается своей страсти къ Анетѣ Шенкопфъ, дочери содержателя маленькаго трактира, куда онъ и перебрался отъ своего профессора. «Я люблю молодую дѣвушку, пишетъ онъ своему другу Траппу, и хотя она не высокаго рожденія и безъ всякаго состоянія, но я впервые понялъ, что такое настоящая любовь. Я одолженъ ея милостями не обычнымъ уловкамъ влюбленныхъ людей, а обязанъ этой побѣдой своему сердцу и личнымъ достоинствамъ. Чтобы сохранить ея любовь, мнѣ не нужно прибѣгать къ подаркамъ, которыми я покупалъ снисходительность В.». Однако, не смотря на свой восемнадцатилѣтній возрастъ и пламенную страсть къ прелестной Анетѣ, онъ въ самый разгаръ своихъ отношеній къ ней хладнокровно замѣчаетъ: «Прекрасное сердце моей любовницы служить мнѣ залогомъ, что она никогда меня не броситъ ранѣе того дня, когда долгъ и необходимость заставятъ насъ разстаться». При всемъ своемъ юношескомъ пылѣ, онъ никогда не думалъ жениться на предметѣ своей любви и хотя терзался ревностью, когда легкомысленная дѣвушка оказала явное предпочтеніе другому поклоннику, но онъ благоразумно удалился и, уѣзжая изъ Лейпцига во Франкфуртъ, хладнокровно предложилъ ей дружбу вмѣсто любви, а такъ какъ дружбу поддерживаютъ подарки, то онъ въ продолженіе нѣкотораго времени посылалъ ей то ножницы, то туфли, то какую нибудь другую мелочь. Наконецъ его письма стали появляться все рѣже и рѣже, а въ 1769 году онъ откровенно сознается ей, что ея образъ сильно ступшевался въ его памяти. Въ послѣдній разъ онъ писалъ ей 23-го января, 1770 года, сообщая, что отправляется въ Страсбургъ для полученія докторскаго диплома, а оттуда въ Парижъ, гдѣ намѣренъ поселиться надолго. Аннета поняла, что это былъ лишь предлогъ порвать съ ней всѣ отношенія, и прекратила переписку. Дѣйствительно онъ никогда не ѣздилъ въ

Парижъ, а когда впоследствии, живя въ Веймарѣ, бывала иногда въ Лейпцигѣ, то ни разу не посѣтила предмета своей любви, которая между тѣмъ вышла замужъ и сдѣлалась почтенной матерью семейства.

Къ молодости же Гете, хоть нѣсколько позднѣйшей, относится его поѣздка изъ Франкфурта въ Эмсъ въ 1774 году съ Лафатеромъ, тогда молодымъ тридцатилѣтнимъ популярнымъ поэтомъ и авторомъ еще не вышедшихъ въ свѣтъ, но всѣхъ интересовавшихъ «Опытовъ физиономики». Объ этой поѣздкѣ очень кратко, но сочувственно, упоминаетъ Гете въ своихъ мемуарахъ, а теперь напечатанъ отрывокъ изъ хранящагося доселѣ въ рукописи дневника Лафатера о томъ же предметѣ въ нѣмецкомъ журналѣ *Nord und Sud*¹⁾. Изъ этихъ любопытныхъ страницъ, написанныхъ подъ впечатлѣніемъ минуты великимъ физиономистомъ, видно, что онъ высоко цѣнилъ двадцатипятилѣтняго автора «Вертера», имѣвшаго тогда громадный успѣхъ, и во время своей трехдневной поѣздки молодые поэты болѣе занимались разговорами о литературѣ и философіи, чѣмъ восторгались природою, или наблюдали мѣстные нравы. Такъ, выѣхавъ изъ Франкфурта рано утромъ, во время маленькаго дождя, друзья завели разговоръ о Спннозѣ, котораго Гете очень высоко ставилъ, указывая, что никто послѣ евангелія не говорилъ въ такихъ возвышенныхъ выраженіяхъ о Богѣ, какъ этотъ философъ, безжалостно обкрадываемый всѣми новѣйшими деистами. Это былъ, по словамъ Гете, необыкновенно справедливый, прямой, искренній, дальновзоркій человекъ и настоящій пророкъ, такъ какъ его предсказанія исполнялись самымъ удивительнымъ образомъ. Въ отношеніи литературы Гете рассказалъ своему товарищу всю *Иліаду* Гомера и декламировалъ наизусть нѣсколько отрывковъ изъ латинскаго ея перевода, а изъ своихъ сочиненій онъ познакомилъ Лафатера съ нѣсколькими отрывками своего «Вѣчнаго жида» и съ содержаніемъ его новой драмы «Юлій Цезарь». Въ свою очередь Лафаретъ развилъ тему своей религиозной драмы «Авраамъ и Исаакъ», но, повидимому, Гете долго не могъ усвоить себѣ сущности этого рода драматическихъ произведеній, и ея автору пришлось долго объяснять свои идеи, прежде чѣмъ онъ понялъ ихъ. Наконецъ они поспорили на счетъ драмы Гете «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», которую Лафаретъ ставилъ особенно высоко, и съ чѣмъ никакъ не могъ согласиться ея авторъ, не придававшій ей большого значенія.

— Первая военная экспедиція Наполеона и его пребываніе въ Шатильонѣ въ 1795 году. Хотя, повидимому, съ напечатаніемъ книги Массона о невѣдомомъ Наполеонѣ, основанной на знаменитой коллекціи наполеоновскихъ бумагъ Либри, выяснились всѣ малоизвѣстныя до тѣхъ поръ обстоятельства юныхъ лѣтъ Наполеона до его участія въ осадѣ Тулона, но теперь все-таки трудолюбивые изслѣдователи этой памятной исторической эпохи продолжаютъ находить интересныя новыя свѣдѣнія то о томъ, то о другомъ эпизодѣ ранней дѣятельности Наполеона, оставшейся такъ долго, по его собственному желанію, подъ мракомъ неизвѣстности. Такимъ образомъ въ мартовской книжкѣ новаго международнаго журнала, издающагося въ Лондонѣ на трехъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, — *Cosmopolis*, напечатанъ очеркъ о первой

¹⁾ Lavater und Goethe. Nord und Sud, März, 1896.

военной экспедиции Наполеона на островъ св. Магдалины въ 1793 году ¹⁾, профессора французской коллегіи Артюра Шюке, автора дѣлаго ряда замѣчательныхъ историческихъ трудовъ о революціонныхъ войнахъ, которыхъ вышло въ свѣтъ уже одиннадцать томовъ, а въ *Revue Bleue* помѣщенъ отрывокъ изъ приготовляющихся къ печати мемуаровъ г-жи де-Шатене о пребываніи Наполеона въ Шатильонѣ въ маѣ 1795 года ²⁾. Почтенному профессору удалось найти новые неизвѣстные матеріалы на счетъ неудачной экспедиціи французовъ и корсиканцевъ на Сардинію, которая все-таки оставалась довольно темнымъ историческимъ эпизодомъ,¹ не смотря на рассказъ Массона, впрочемъ посвятившаго ей только три страницы, и напечатанные имъ протестъ Наполеона противъ неудачи этой экспедиціи и его два проекта о повтореніи этой экспедиціи въ успѣшномъ видѣ. Теперь Шюке повѣствуетъ совершенно обстоятельно не только о фактической сторонѣ этой злополучной экспедиціи, но и о причинахъ, какъ вызвавшихъ ее, такъ и приведшихъ къ ея позорному фіаско. Интересъ же для историка этотъ маленькій эпизодъ, относящійся скорѣе къ исторіи Корсики, чѣмъ Франціи, имѣетъ потому, что въ этой экспедиціи впервые крещенъ огнемъ будущій великій полководецъ. Но трудно себѣ представить болѣе печальнаго дебюта, чѣмъ этотъ первый шагъ Наполеона въ военномъ дѣлѣ, а потому естественно, что онъ, достигнувъ славы, всячески старался стусевать свое первое появленіе на полѣ брани и постоянно выдавалъ за свой первый дебютъ—осаду Тулона. Въ то время, когда былъ составленъ корсиканскими депутатами въ конвентѣ проектъ завоеванія Сардиніи, Наполеонъ находился на своей родинѣ и хотя продолжалъ считаться офицеромъ французской арміи въ отпуску, но исполнялъ обязанности подполковника корсиканскихъ волонтеровъ и пламенно сочувствовалъ этой экспедиціи, что доказывается его письмомъ къ поручику Коста, въ которомъ онъ говоритъ: «мы не спимъ: Савоя и графство Ницца уже взяты, а вскорѣ будетъ произведено нападеніе на Сардинію; войны свободы всегда одержать побѣду надъ купленными солдатами тирановъ». По несчастію, юный патриотъ оказался плохимъ пророкомъ. Отрядъ французскихъ войскъ и корсиканскихъ волонтеровъ, отправленный на завоеваніе Сардиніи, потерпѣлъ полное пораженіе, благодаря главнымъ образомъ инсубординаціи солдатъ и распрямъ между французами и корсиканцами. Такую же печальную судьбу имѣла и экспедиція на островъ св. Магдалины, въ которой принималъ участіе Наполеонъ со своими волонтерами; но тутъ оказались виновными не французскіе солдаты, которыхъ вовсе не было, и не корсиканскіе волонтеры, составлявшіе весь отрядъ, но французскіе моряки, которые высадили ихъ на непріятельскій берегъ. Отрядомъ командовалъ неспособный полковникъ Колона-Цезари, племянникъ Паоли, тогдашняго кумпра Корсики, и онъ выступилъ въ походъ, несмотря на то, что, по донесенію Наполеона, волонтеры не были готовы, не имѣли ни одежды, ни палатокъ, ни снарядовъ въ достаточномъ количествѣ. Какъ бы то ни было, 22-го февраля 1793 года волонтеры высадились на маленькій островокъ св. Стефана, рядомъ съ остро-

¹⁾ *Napoleon et l'expédition de la Madelaine, par A. Chuquete. Cosmopolis, mars, 1896.*

²⁾ *Séjour de Bonaparte à Chatillon en mai 1795, par m-me de Chastenay. Revue Bleue, 7 mars, 1896.*

вомъ св. Магдалины и, подъ прикрытіемъ огня съ привезшаго ихъ военнаго судна «Ласточка», заняли башню, защищаемую двадцатью пятью швейцарцами и тремя пушками. Ночью Наполеонъ, командовавшій однимъ батальономъ и артиллеріей отряда, выстроилъ на возвышенномъ холмѣ батарею изъ трехъ орудій и открылъ огонь противъ св. Магдалины, гдѣ не только сжегъ нѣсколько домовъ, но и заставилъ замолчать сардинскую артиллерію. Благодаря этому первому успѣху, было рѣшено на военномъ совѣтѣ, что на слѣдующій день маленькіе форты св. Магдалины будутъ взяты приступомъ. Корсиканцы съ восторгомъ стали подготавливаться къ бою, но матросы на «Ласточкѣ» рѣшили иначе. Не смотря на то, что корветъ стоялъ подъ защитой Капрерской гавани, онъ былъ слегка поврежденъ нѣсколькими ядрами съ сардинскихъ батарей, и это обстоятельство вмѣстѣ съ дошедшими до нихъ пустыми слухами, что имъ придется имѣть дѣло съ нѣсколькими тысячами сардинцевъ, возбудили среди моряковъ такую панику, что они взбунтовались и объявили, что хотятъ вернуться во Францію. Какъ ни уговаривали ихъ собственные офицеры и начальникъ отряда Колона-Цезари, ничто не помогло, и послѣднему пришлось приказать своимъ волонтерамъ отступить. Несчастные корсиканцы были вынуждены повиноваться, тѣмъ болѣе, что они видѣли, какъ корветъ и другія десантныя суда приготавливались сняться съ якоря. Конечно, сардинцы и дѣйствовавшіе съ ними вмѣстѣ швейцарцы, видя отступление непріятели, бросились на нихъ, и никто изъ корсиканцевъ не спасся бы, если бы Наполеонъ и храбрый офицеръ Перетти своей отвагой и распорядительностью не перевезли всѣхъ волонтеровъ на лодкахъ къ отходившимъ судамъ. По возвращеніи на Корсику, Наполеонъ, приведенный въ неописанную ярость неудачей своего перваго военнаго дѣла, имѣлъ самое горячее объясненіе со своимъ начальникомъ, Колоной-Цезари, котораго онъ обвинялъ въ слабости и неспособности, а потомъ онъ написалъ въ этомъ же духѣ протестъ на имя военнаго министра и два проекта о новой экспедиціи на островъ Магдалины, съ цѣлью возстановить честь трехцвѣтнаго знамени, при чемъ, конечно, онъ предоставлялъ начальство себѣ. Но временной исполнительный совѣтъ при конвентѣ рѣшилъ не предпринимать ничего болѣе противъ Сардиніи, а потому Наполеонъ долженъ былъ примириться съ своей первой неудачей. Она, однако, произвела такое мрачное впечатлѣніе на его самолюбивую натуру, что онъ никогда впослѣдствіи ни на словахъ, ни на бумагѣ не говорилъ о ней, даже, по предположенію Шюке, онъ не могъ хладнокровно видѣть своего товарища по этой несчастной экспедиціи, капитана Мойдье, котораго никогда поэтому и не далъ того повышенія, котораго онъ вполне заслуживалъ по своимъ военнымъ способностямъ.

Что касается до пребыванія Наполеона въ Шатильонѣ, въ маѣ 1795 года, то этотъ фактъ, самъ по себѣ совершенно незначительный и не упоминаемый его біографами, даже послѣднимъ изъ нихъ, американскимъ историкомъ Слоаномъ, впервые дѣлается извѣстнымъ, благодаря мемуарамъ г-жи Де-Шатоне, которая видѣла его тамъ продолженіе нѣсколькихъ дней и пришла въ восторгъ отъ его замѣчательныхъ умственныхъ способностей, которыя ясно обнаруживались въ его разговорахъ. Наполеонъ провелъ нѣсколько времени въ Шатильонѣ проездомъ изъ итальянской арміи въ Парижъ съ своимъ другомъ

Мармономъ, будущимъ маршаломъ. «Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ, и онъ былъ артиллерійскимъ генераломъ, — рассказываетъ г-жа Де-Шатоне: — блѣдный, худощавый, маленькаго роста, онъ былъ до того молчаливъ, что многіе, при первомъ знакомствѣ, принимали его за дурака, но Мармонъ, питавшій къ нему необыкновенный энтузіазмъ, клялся, что его другъ — гений, и что онъ обязанъ ему всѣми своими идеями. Мармонъ, родители котораго жили въ нашемъ городѣ, привелъ маленькаго генерала къ намъ въ домъ, и мое первое знакомство съ нимъ не пошло далѣе нѣсколькихъ комплиментовъ съ его стороны на счетъ моего пѣнія; но я очень хорошо помню, что когда я его спросила, хорошо ли я выговариваю поитальянски слова романа, который я пѣла, то онъ лаконично отвѣчалъ: «нѣтъ». Но на другой день мы обѣдали въ семьѣ Мармона, которая давала обѣдъ въ честь генерала, и тамъ онъ такъ разговаривалъ со мною, что наша бесѣда продолжалась около четырехъ часовъ. Я очень сожалѣю, что не записала всего, что онъ говорилъ, но никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня его рѣчью. Я рѣшительно еще не видывала такого умнаго человѣка и не слыхала такого интереснаго, занимательнаго разговора. Хотя онъ считался республиканскимъ генераломъ, но я съ первыхъ же словъ поняла, что онъ не исповѣдывалъ республиканской вѣры и не раздѣлялъ республиканскихъ теорій. Меня это изумило, но онъ былъ очень откровененъ въ этомъ отношеніи. Онъ объяснилъ мнѣ, что революціонный ходъ дѣла встрѣчалъ немало сопротивленія, но эти попытки помѣшать революціонному движенію не могли удалиться, потому что междоусобная война мыслима только при предводителѣ ствѣ крупныхъ аристократическихъ вождей, имѣющихъ абсолютное вліяніе на значительное число своихъ сторонниковъ. Я поняла изъ его словъ, что онъ охотно эмигрировалъ бы, если бы эмиграція имѣла шансы на успѣхъ; съ другой стороны онъ, можетъ быть, принялъ бы сторону защитниковъ Тулона, если бы тамошніе лавочники не уничтожили всякой возможности успѣха ихъ возстанія, поставивъ на первый планъ свои коммерческіе интересы. Этотъ молодой генералъ казался мнѣ тогда пламеннымъ авантюристомъ, искавшимъ только успѣха. По его словамъ, французская армія не имѣла ничего общаго съ тѣми кровавыми событіями, которыя опечалили всю страну, и могла въ рукахъ одного сильнаго человѣка примирить всѣ партіи. Я тогда сочувственно относилась къ героямъ 9-го термидора, положившимъ конецъ террору, но Бонапартъ, знавшій нѣкоторыхъ изъ нихъ, не раздѣлялъ моего энтузіазма къ нимъ. При этомъ, однако, онъ выразилъ очень характеричную мысль, что можно дѣлать зло, не будучи злымъ человѣкомъ, и что многія несчастія были бы предупреждены, если бы можно было представить людямъ ту картину зла, которое можетъ произойти отъ ихъ дѣйствій. Кромѣ политики, генералъ говорилъ мнѣ о Полѣ и Виргиніи и о поэмѣхъ Оссіана, которыми онъ очень восторгался». Послѣ этой долгой бесѣды г-жа Де-Шатоне видѣлась съ молодымъ генераломъ каждый день, во время его краткаго пребыванія въ Шатильонѣ, и всѣ удивлялись, какъ она умѣла развязать языкъ этому молчаливому человѣку. Онъ же говорилъ съ нею все откровеннѣе и искреннѣе, а когда пришло извѣстіе изъ Парижа о попыткѣ возбудить тамъ возстаніе въ предмѣстьяхъ, по поводу убійства депутата Ферана, то онъ не присоединился

къ общему удовольствію, что дѣло окончилось мирно, а прямо сказалъ своей собесѣдницѣ: «это только отсрочка; въ подобныхъ случаяхъ одна изъ сторонъ должна одержать рѣшительную побѣду, хотя бы положивъ на мѣстѣ до десяти тысячъ человѣкъ съ той и другой стороны». Неожиданный отъѣздъ Наполеона помѣшалъ ему проститься съ его новой знакомой, и она оканчивается относящійся къ этому эпизоду отрывокъ своихъ мемуаровъ характеристичными словами: «знакомство съ этимъ человѣкомъ произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе, а при послѣдующихъ событіяхъ я даже стала имъ гордиться». Что касается до самой г-жи Де-Шатоне, то она была представительницей древней аристократической семьи въ Бургундіи, носила титулъ графини, родилась въ Парижѣ въ 1771 году, а умерла въ Шатильонѣ въ 1855 г. и пользовалась большою популярностью въ этомъ послѣднемъ городѣ, гдѣ провела большую часть своей жизни.

— Мемуары генерала Сень-Шамана и его секретная поѣздка въ Петербургъ въ 1807 году. Только что появившіеся въ Парижѣ мемуары генерала, графа де-Сень-Шамана, относящіеся до временъ имперіи и реставраціи, займутъ видное мѣсто въ обширной литературѣ личныхъ воспоминаній крупныхъ и мелкихъ дѣятелей первой трети настоящаго столѣтія¹⁾. Не занимая высокаго положенія и не отличаясь никакими особыми подвигами или достоинствами, Сень-Шаманъ жилъ и дѣйствовалъ среди такихъ замѣчательныхъ событій, что правдивый рассказъ о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, не можетъ не возбудить интереса. По происхожденію и по убѣжденію — легитимистъ, а по призванію — солдатъ, онъ вѣрно служилъ сначала Наполеону во всѣхъ его войнахъ, начиная отъ Аустерлица до Дрездена, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведскимъ корпусомъ Бернадота, а потомъ — бурбонамъ; при первомъ — онъ былъ адъютантомъ маршала Сульта и полковымъ командиромъ гвардейскаго егерскаго полка; а при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X исполнялъ должность бригаднаго командира, участвовалъ въ испанской экспедиціи, защищалъ до послѣдней минуты Карла X во время революціи 1830 года и, выйдя въ отставку при Людовикѣ-Филиппѣ, умеръ въ 1848 году. Для общаго читателя его мемуары наиболѣе интересны по живымъ рассказамъ объ его патетическихкихъ приключеніяхъ во время испанской войны при Наполеонѣ, о плѣнѣ въ Швеціи въ 1813 году, о придворныхъ интригахъ въ эпоху реставраціи, когда Сень-Шаманъ соединялъ должность бригаднаго генерала съ обязанностями камергера, и о послѣднихъ попыткахъ вѣрныхъ легитимистовъ спасти Карла X въ іюньскіе дни. Все это рассказано имъ очень рельефно и безпристрастно, такъ какъ, питая глубокое уваженіе къ маршалу Сульту, при которомъ онъ состоялъ много лѣтъ, Сень-Шаманъ откровенно указываетъ на его недостатки и рѣзко обличаетъ его интриги въ Португаліи, гдѣ онъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ, а также при всей своей преданности бурбонамъ онъ не останавливается передъ обнаруженіемъ слабыхъ сторонъ ихъ управленія. Если въ вѣкоторыхъ мѣстахъ его мемуаровъ слишкомъ ярко выступаютъ сознание своего достоинства и негодованіе на то, что онъ недостаточно былъозна-

¹⁾ Memoires du general C-te de Saint-Chamans (1802—1832). Paris. 1896.

граждень за свои заслуги Наполеономъ и бурбонами, то эта человѣческая слабость, присущая многимъ, не вредитъ общему правдивому характеру его воспоминаній, которыя не отличаются ни хвастливостью пресловутаго Марбо, ни чрезмѣрными личными подробностями, дѣлающими скучнымъ чтеніе большинства подобныхъ мемуаровъ. Для историковъ же и для русскихъ читателей главный интересъ книги Сень-Шамана заключается въ описаніи до сихъ поръ неизвѣстнаго посѣщенія Сень-Шаманомъ, еще молодымъ офицеромъ и адъютантомъ маршала Сульта, Петербурга въ 1807 году по секретному и щекотливому порученію французскаго правительства. Находясь въ Ельбингѣ во французскомъ окупационномъ корпусѣ, подъ начальствомъ Сульта, Сень-Шаманъ неожиданно 22 августа былъ посланъ маршаломъ въ Россію съ депешами къ русскому императору и тогдашнему французскому послу въ Петербургѣ Савари, герцогу Равиго, по важному, тайному дѣлу. Такъ какъ онъ самъ въ качествѣ адъютанта писалъ эти депеши, то и зналъ, въ чемъ заключалось это важное и тайное дѣло. Мѣстная прусская полиція сообщила маршалу, что одинъ прусскій офицеръ, имени котораго Сень-Шаманъ не передаетъ, увѣряя, что онъ его забылъ, очень рѣзко выражался о русскомъ императорѣ, говоря, что онъ отдастъ Пруссію въ жертву наполеоновскому самолюбію и домогается дружбы французовъ цѣною прусскихъ интересовъ, тогда какъ ему слѣдовало бы всячески стараться изгнать французовъ изъ предѣловъ Пруссіи. Къ этому неосторожный пруссакъ прибавлялъ, что такъ долго не продлится, и англичане вмѣстѣ съ истинными пруссаками возстановятъ порядокъ, а императоръ Александръ худо кончитъ. Узнавъ о такихъ разговорахъ офицера въ гостиницѣ, въ которой онъ жилъ, полиція явилась туда, чтобы его арестовать, но онъ оказался выбывшимъ и, повидимому, въ Петербургѣ. Маршалъ Сультъ боялся, чтобы прусскій офицеръ не отправился въ Россію съ преступнымъ замысломъ, а потому рѣшилъ предупредить объ этомъ русскаго императора. При этомъ онъ имѣлъ въ виду, что Александра тронетъ подобный поступокъ со стороны Франціи, и что Наполеонъ будетъ доволенъ имъ, такъ какъ онъ въ это время очень ухаживалъ за русскимъ императоромъ. Депеши, которыя повезъ Сень-Шаманъ, прямо объясняли все, что было извѣстно о прусскомъ офицерѣ, сообщали его имя и давали возможность русскому правительству арестовать его при появленіи въ Петербургѣ. Въ шесть дней быстрой ѣзды Сень-Шаманъ достигъ русской столицы и свидѣтельствуетъ, что по дорогѣ онъ встрѣчалъ только любезности со стороны русскихъ властей и частныхъ лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе; только его поразило то обстоятельство, что при въѣздѣ въ Петербургъ два казака препроводили его въ полицію, откуда онъ былъ выпущенъ только послѣ объясненія, кто онъ и зачѣмъ пріѣхалъ. Оттуда онъ отправился прямо къ французскому послу, который не только прочелъ депешу Сульта на его имя, но и вскрылъ депешу, адресованную императору Александру, говоря, что онъ долженъ узнать ея содержаніе, прежде чѣмъ передать ее императору. Въ этой депешѣ одна фраза ему не понравилась, и Сень-Шаманъ согласился съ его мнѣніемъ, а потому они оба подчистили эту фразу, и Сень-Шаманъ написалъ вмѣсто нея другую, потомъ депешу снова запечатали, и Савари немедленно отвезъ ее

къ императору, жившему тогда на Каменномъ островѣ. По возвращеніи оттуда Савари заявилъ, что Александръ желаетъ видѣть молодого французскаго офицера, привезшаго депешу, и на другой день императоръ дѣйствительно принялъ его съ глазу на глазъ. «Мое глубокое уваженіе къ этому государю,—говоритъ Сень-Шаманъ,—не дозволяетъ мнѣ передать то, что онъ мнѣ сказалъ въ этой секретной бесѣдѣ, продолжавшейся полчаса, хотя онъ при этомъ высказалъ только чувства, вполне достойныя его возвышенной души». Александръ былъ очень любезенъ съ молодымъ французскимъ офицеромъ и пригласилъ его къ обѣду, на которомъ присутствовали, кромѣ императора и императрицы, нѣсколько министровъ и генераль-адъютантовъ. По словамъ Сень-Шамана, императоръ былъ тогда однимъ изъ красивѣйшихъ людей на свѣтѣ; вся его фигура и манеры дышали пріятливостью, но онъ былъ немного глухъ, что придавало ему нѣкоторую неловкость въ разговорѣ. Императрица поразила француза своей молодостью, красотой и граціозностью; одѣта она была просто и говорила очень мало, а прощаясь просила Сень-Шамана передать самый дружескій привѣтъ императрицѣ Жозефинѣ. «Обѣдъ былъ очень изобильный,—разсказываетъ Сень-Шаманъ,—но поданъ заразы; императоръ говорилъ много, но порусски, исключая нѣсколькихъ словъ, съ которыми онъ обратился ко мнѣ; однако мнѣ почему-то показалось, что если бы меня тутъ не было, то онъ говорилъ бы со всѣми пофранцузски. Послѣ обѣда императоръ провелъ меня въ маленькую гостиню и тамъ разговаривалъ со мною нѣсколько времени, а потомъ распрощался, при чемъ просилъ меня передать маршалу Сульту много любезнаго. Вернувшись въ столовую, я встрѣтилъ тамъ графа Толстого, который передалъ мнѣ драгоценный перстень съ большимъ брилліантомъ, на память отъ императора». Проведя двѣнадцать дней въ Петербургѣ, о которомъ онъ отзывается съ большимъ сочувствіемъ, Сень-Шаманъ вернулся къ маршалу Сульту въ Ельбингъ, а оттуда поскакалъ къ императору Наполеону съ депешами, какъ отъ Сульта, такъ и отъ Савари. Повидимому, Наполеонъ остался менѣе доволенъ, чѣмъ Александръ, поѣздкой Сень-Шамана и, какъ видно изъ депеши французскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ Савари, разсердился на то, что такое важное порученіе было дано молодому офицеру. Какой практическій результатъ имѣла петербургская поѣздка Сень-Шамана, и дѣйствительно ли пріѣхалъ потомъ въ Петербургъ подозрительный прусскій офицеръ, или нѣтъ,—остается неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ разсказъ Сень-Шамана объ этомъ неизвѣстномъ доселѣ фактѣ заслуживаетъ вниманія. Ему еще разъ пришлось побывать въ Россіи, въ двѣнадцатомъ году, съ французской арміей, и тогда онъ принялъ участіе въ сраженіи подъ Полоцкомъ, оставаясь въ окрестностяхъ этого города до отступленія французовъ и, раненый подъ Березиной, добрался благополучно до Кенигсберга.

— Англійская политика со временъ Вильгельма-Завоевателя до Викторіи. Никогда англійская политика не имѣла на рукахъ столько международныхъ столкновеній, какъ въ настоящую минуту, и ей приходится параллельно распутывать сложныя complicacіи венецельскаго, трансваальскаго, египетскаго и восточнаго вопросовъ, а потому какъ нельзя кстати вы-

шли два серьезных исторических труда, изучающих в общем цѣломъ теорію этой политики и ея практическія примѣненія впродолженіе восьми столѣтій. Одинъ изъ этихъ трудовъ «Развитіе британской политики» ¹⁾ принадлежитъ недавно умершему историку, Сили, который специально занимался изслѣдованіемъ международныхъ отношеній Англіи, плодомъ чего была обратившая на себя общее вниманіе книга «Распространеніе Англіи», и состоитъ изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Кембриджѣ, гдѣ онъ занималъ кафедру современной исторіи; а другой—«Исторія иностранной политики Великобританіи» ²⁾, написанъ теперешнимъ профессоромъ того же предмета въ Оксфордѣ, Монтегью Буррозъ. Хотя оба представителя старинныхъ англійскихъ университетовъ проводятъ чисто англійскій, односторонній и такъ называемый съ нѣкоторыхъ поръ имперіалистскій взглядъ на призваніе Англіи распространять свое владычество и свою гегемонію во всѣхъ углахъ свѣта, но они рѣзко отличаются другъ отъ друга по развитію этой основной идеи. Если Сили въ своемъ посмертномъ сочиненіи выражаетъ тѣ же патріотическія идеи о превосходствѣ и первенствѣ англо-саксонской расы, которая легла въ основу его первой, надѣлавшей столько шума, книги, то зато онъ серьезно, основательно и оригинально относится къ предмету своего изслѣдованія, ограничиваясь въ обширныхъ двухъ томахъ разсмотрѣніемъ только развитія національной англійской политики отъ королевы Елизаветы, при которой она была создана, до ея окончательнаго упроченія въ началѣ XVIII столѣтія, подъ вліяніемъ распространенія коммерческихъ интересовъ страны; при этомъ онъ указываетъ на всѣ ея колебанія подъ напоромъ династическихъ стремленій Карла II и Якова II, которые въ этомъ отношеніи только слѣдовали примѣру всѣхъ англійскихъ государей отъ Вильгельма-Завоевателя до Елизаветы, тогда какъ Вильгельмъ III и Анна были вѣрными продолжателями національнаго дѣла Елизаветы и Кромвеля. Вообще для него хорошо въ англійской политикѣ лишь то, что служитъ къ торжеству англійскаго морскаго владычества и коммерческаго преобладанія, а, напротивъ, онъ строго порицаетъ всѣ проявленія иныхъ политическихъ стремленій. Поэтому эпохой, когда національная политика окончательно взяла верхъ надъ династической, Сили и оканчиваетъ свой трудъ; въ его глазахъ вся послѣдующая исторія внѣшнихъ отношеній Англіи къ другимъ государствамъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ уже составляетъ только развитіе принциповъ, выработанныхъ Елизаветой, Кромвелемъ и Вильгельмомъ III. По той же причинѣ онъ относится съ презрѣніемъ къ раннимъ стремленіямъ Англіи сдѣлаться континентальной державой, стоившимъ ей столько безцѣльно пролитой крови на поляхъ Креси, Пуатье, Азинкура, и начинаетъ свою книгу лишь съ царствованія Елизаветы, при которой впервые Англія выступила на путь морскаго, коммерческаго и колониальнаго развитія. Конечно, можно съ нравственной точки зрѣнія не сочувствовать узкой, эгоистичной, имѣющей только въ виду матеріальную пользу, англійской политикѣ, прославляе-

¹⁾ The Growth of British policy; an historical essay, by bis J. Seeley. Cambridge. 1896. 2 vol.

²⁾ The History of the foreign policy of Great Britain, by M. Burrows. Loudon. 1896.

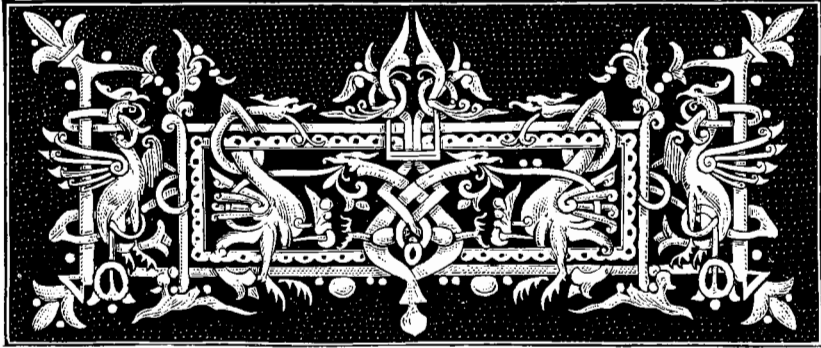
мой Сили, но нельзя не признать, что она принесла этой странѣ громадную пользу, что она дѣйствительно имѣетъ характеръ строго національный, и что ея талантливый защитникъ ловко, хотя не безъ іезуитской казуистики, отстаиваетъ ее. Конечно, было бы проще сказать, какъ выразился недавно одинъ бравый англійскій полковникъ: «Имперіалистскій принципъ всосался въ нашу плоть и кровь; мы заимствовали его у пиратовъ, отправлявшихся изъ сѣверныхъ фіордовъ на завоеваніе Англій; они передали его своимъ потомкамъ, которые завоевали большую часть свѣта и научили насъ тому, что все, никому не принадлежащее, принадлежитъ Англій, что тотъ достоинъ наслѣдія, который умѣетъ имъ пользоваться, и что наконецъ все въ пользу пріобрѣтаемое полезно сохранять». Но подобная откровенность не подѣляетъ великой націи и серьезному историку, а потому какъ Англія, такъ и Сили прикрываютъ громкими словами національнаго блага, патріотизма и т. д. вѣковую политику такъ называемаго коварнаго Альбіона. Профессоръ Бурроузъ также не простираетъ откровенности до Геркулесовыхъ столбовъ браваго полковника, но онъ идетъ гораздо дальше Сили и потому выходитъ изъ рамокъ серьезной исторіи. Онъ не только англійскій патріотъ, но прямо шовинистъ и лѣзетъ изъ кожи, чтобъ доказать превосходство англійской политики въ теченіи осьми столѣтій. Онъ увѣряетъ, что за рѣдкими, кратковременными исключеніями она всегда была строго и послѣдовательно національной, что отъ Вильгельма-Завоевателя до Викторіи она постоянно добивалась чисто національныхъ цѣлей, и что, обозрѣвая все это громадное поле международныхъ сношеній Англій, нельзя не признать, что политика была вообще благородной, дальнорочкой, безкорыстной и благотворной не только для себя, но и для другихъ странъ, поддерживавшихъ ее. На каждой страницѣ его книги, а въ особенности въ той части ея, которая посвящена борьбѣ Питта съ Франціей, мозолятъ глаза читателямъ самый квасной патріотизмъ, не признающій, чтобъ правительство его родины когда нибудь ошибалось, или поступало дурно, и въ этомъ отношеніи оксфордскій профессоръ представляетъ самый разительный контрастъ съ своимъ кембриджскимъ собратомъ по кафедрѣ, который хоть и патріотъ, но никогда не закусывалъ удила, а всегда оставался серьезнымъ историкомъ.

— Двадцатипятилѣтнее развитіе экваторіальной Африки. Знаменитый африканскій путешественникъ и теперь членъ англійскаго парламента, Генри Станлей, представляетъ въ февральской книжкѣ Century Magazine сжатый, но изобилующій любопытными фактами, очеркъ тѣхъ шаговъ на пути цивилизаціи, которые сдѣланы мрачнымъ континентомъ за послѣднюю четверть вѣка¹⁾. Начиная свою статью съ краткаго, но уже весьма набившаго оскомину разсказа объ его находкѣ Ливингстона и основаніи свободнаго государства Конго, Станлей вспоминаетъ, что въ 1870 году во всей Центральной Африкѣ, отъ Замбези до Нила, было только два бѣлыхъ человѣка: Ливингстонъ и Бекеръ. Прошло 14 лѣтъ, и число этихъ пионеровъ, благодаря трудамъ

¹⁾ The story of the development of Africa, by H. Stanley. Century Magazine, february, 1896.

Станлея, Браццы и другихъ, дошло до 180, а въ настоящее время, то-есть спустя двадцать пять лѣтъ, ихъ уже 2,500, въ томъ числѣ 300 въ французскомъ Конго, 150 въ британской восточной Африкѣ, 350 въ британской Центральной Африкѣ, 250 въ восточной германской Африкѣ и 1,400 въ бельгийскомъ Конго. Что это увеличеніе европейскихъ поселеній служитъ на пользу еще недавно совершенно дикихъ странъ, гдѣ царилъ позорная торговля невольниками, доказывается, по словамъ Станлея, простыми фактами: въ Угандѣ теперь 200 христіанскихъ церквей и 50,000 туземцевъ, исповѣдующихъ христіанство; въ свободномъ государствѣ Конго, имѣющемъ 900,000 квадратныхъ миль и до 18.000,000 туземныхъ жителей, въ прошедшемъ году доходъ достигъ 600,000 долларовъ, торговля вывозная и привозная равняется 4.000,000 долларовъ, при чемъ число торговыхъ судовъ превышаетъ 950, устроено десять почтовыхъ конторъ, передающихъ болѣе 150,000 писемъ, желѣзныхъ дорогъ проведено на 44 милл., и болѣе 75,000 туземцевъ занимаются судостроеніемъ, а также доставкой товаровъ; въ другихъ частяхъ экваторіальной Африки уже проложены желѣзнодорожныя линіи: Момбасао-Нанзіа (300 миль), Шире-Ніасса (70), Узамбара (120) и Ніаса-Танганьика (120). Если же принять въ соображеніе, что на этихъ желѣзныхъ дорогахъ работали и построили красивую кирпичную церковь на берегахъ озера Ніассы тѣ самые негры, которые восемнадцать лѣтъ тому назадъ были людодѣлами, то нельзя не согласиться съ Станлеемъ, что распространеніе европейскихъ поселеній на мрачномъ континентѣ увѣнчалось для него благими послѣдствіями. Конечно, наплывъ бѣлыхъ, ознаменовался и печальными эпизодами, преимущественно среди нѣмецкихъ колоній, но это не можетъ служить доказательствомъ, что было лучше прежнее положеніе негровъ, находившихся подъ игомъ торговцевъ невольниками. Если на солнцѣ есть пятна, то и современная цивилизація естественно имѣетъ свои неприглядныя стороны, особенно, когда ее переносятъ въ отдаленные углы свѣта преимущественно поддонки европейскаго общества, среди которыхъ наиболѣе набираются африканскіе колонисты. Но такъ какъ со времени Берлинской конференціи по африканскимъ дѣламъ, происходившей десять лѣтъ тому назадъ, большая часть европейскихъ государствъ, а преимущественно Англія, Франція, Германія и Италія, обратили сильное вниманіе на колонизацію экваторіальной Африки, то на ихъ правительствахъ лежитъ долгъ урегулировать отношенія бѣлыхъ къ неграмъ и уничтожить производящія тамъ злоупотребленія. На сколько же увеличились европейскія поселенія на мрачномъ континентѣ за послѣднія десять лѣтъ, служатъ слѣдующія цифры, приводимыя Станлеемъ: Франція присоединила къ себѣ 1.900,000 квадратныхъ миль, свободное государство Конго — 900,000, Германія — 940,000, Италія — 547,000, Португалія — 710,000, Англія — 1.950,000, а всего завоевано во имя цивилизаціи 6.947,000 квадратныхъ миль.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Коронаціонные спектакли прежняго времени.

О ВРЕМЕНИ коронаціи императора Александра Павловича, въ Москвѣ существовало три театра, содержавшіеся на частныя средства: французскій, въ которомъ въ то время фигурировали актриса Лавандесъ и актеръ Дюпаре; нѣмецкій, помѣщавшійся въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Демидова, и русскій, называвшійся Петровскимъ, что нынѣ Большой театръ. Тогдашняя газета «Московскій Курьеръ» описываетъ Петровскій театръ слѣдующими словами: «Это огромный домъ вмѣстѣ съ театромъ, выстроенный на Петровкѣ. Открывается онъ осенью и продолжается даже послѣ Святой недѣли. Съ

середы масленицы до понедѣльника великаго поста тутъ бывають самыя важныя и большіе маскарады». Въ Петровскомъ театрѣ давались: оперы, драмы и балетъ. Послѣдніе не составляли части постоянного репертуара театра, а давались наѣзжавшими танцорами изъ чужихъ краевъ.

Въ составахъ труппъ оперной и драматической Петровскаго театра въ то время выдѣлялись: актриса «Корочевничева», ученица извѣстнаго Плавильщикова, «Померанцева», пѣвица «Сандунова», актриса и пѣвица «Воробьева»; актеры: «Зловъ», «Плавильщиковъ», «Воробьевъ», «Сандуновъ» и «Волковъ» — актеръ и пѣвецъ буффъ. Театръ содержался грекомъ Михаиломъ Ивановичемъ Медоксъ. Переводчикомъ при театрѣ состояли: Малиновскій и Левшинъ.

Спектакли по торжественному поводу священнѣйшаго коронованія Александра Павловича начались со времени его прїѣзда въ Москву. Открылся Петровскій театрѣ 2-го октября 1801 года прологомъ «Храмъ Радости», сочиненнымъ именно по случаю торжества коронаціи государя. За прологомъ слѣдовала новая комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ: «Примиреніе двухъ братьевъ», сочиненная Коцебу.

6-го октября представлена была опера «Школа Ревнивыхъ» съ забавнымъ балетомъ: «Сумасшедшіе», сочиненнымъ Саломони; послѣ балета дана была комедія «Отысканный сынъ» или «Товарищъ» въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Павла Сумарокова.

9-го октября играли комедію, сочиненіе Шеридана: «Школа злословія», и оперу «Два маленькихъ савойца», музыка Далейрока, при чемъ роли савойцевъ исполнялись маленькими дочерьми балетмейстера Саломони.

14-го октября шла комедія Коцебу «Корсиканцы», въ которой отличился актеръ Померанцевъ. Онъ такъ понравился двору, что его приказано было пригласить въ Петербургъ въ составъ казенной труппы, но Померанцевъ, хотя и тронутый вниманіемъ къ себѣ, тѣмъ не менѣе отказался отъ переѣзда вслѣдствіе своей старости. Спектакль въ этотъ вечеръ закончился оперой «Тайна» съ пѣвицею Сандуновою.

18-го октября шли опять: комедія «Примиреніе двухъ братьевъ» и опера «Два маленькыхъ савойца».

20-го октября даны были: «Рѣдкая вещь», опера, музыка Мартини, и балетъ «Пастушье увеселеніе».

21-го октября въ театрѣ данъ былъ концертъ, составленный, какъ гласилъ анонсъ, изъ «всей музыки» новой оперы «Наталья боярская дочь», исполненной громаднмъ оркестромъ, при участіи женскаго хора и роговой музыки Шереметева. Этотъ роговой хоръ былъ впоследствии купленъ у Шереметева княземъ Борисомъ Михайловичемъ Черкасскимъ и затѣмъ распущенъ. Текстъ оперы былъ сочиненъ С. Н. Глинкою, а музыка Д. Н. Кашинымъ. Всѣ прибывшіе въ Москву на время торжествъ знаменитые иностранцы посѣтили концертъ въ Петровскомъ театрѣ, причемъ въ особенности много было англичанъ, восхищавшихся музыкой. Старый, богатѣйшій шотландецъ Петръ Верденъ просилъ, чтобы его провели на сцену и познакомили съ авторами оперы и музыки. Выразивъ обоимъ свое полное удовольствіе, шотландецъ былъ представленъ пѣвицѣ Сандуновой. Подойдя, старикъ поклонился ей въ землю, а затѣмъ, снявъ съ своей руки дорогой бриллантовый перстень, подарилъ его Сандуновой на память о необыкновенномъ спектаклѣ.

23-го октября давали «Серебряную свадьбу», комедію въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Коцебу, а послѣ нея оперу «Чеботари», музыка Бруни.

25-го октября дана была новая опера «Венеціанская ярмарка» и послѣ балетъ «Сила любви».

27-го октября представляли комедію, сочиненіе Коцебу: «Брюзгливый», и оперу сочиненія императрицы Екатерины II «Федулъ съ дѣтьми», при которой поставленъ былъ впервые балетъ съ русскою пляскою. Во время танцевъ пѣвицею Сандуновой была пропѣта русская пѣснь: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» имѣвшая громаднй успѣхъ.

28-го октября дана была во второй разъ опера: «Рѣдкая вещь», съ исполненіемъ пѣвицею Сандуновой аріи: «Лишь будь мнѣ вѣренъ» и «Плутомъ ты меня бранила».

30-го октября шла опера: «Сонный порошокъ», или «Похищенная крестьянка», переведенная съ итальянскаго и музыкою, набранною отъ разныхъ композиторовъ. Послѣ оперы шелъ балетъ, въ родѣ дивертиссеента, въ которомъ участвовалъ танцовщикъ, любимый публикой, дородный «Райковъ». Танцовщикъ этотъ особенно увлекалъ своими танцами верхніе яруса и фигурой смѣшилъ раекъ, почему и получилъ соответствующее прозвище, ставшее его фамиліей.

1-го ноября повторена была комедія «Брюзгливый» и опера «Чеботари» съ пѣвцами Ожогинымъ и Пономаревымъ, забавлявшими публику «всеми шутками на нравы московской черни», — сказано было въ анонсахъ о спектаклѣ.

3-го ноября повторена была комедія: «Товарищъ», или «Отысканный сынъ», и опера «Дезертеръ».

4-го ноября шли: драмы «Сынъ любви» и опера «Притворный жокей», или «Странная предпріимчивость».

Серія торжественныхъ спектаклей закрылась именно этимъ представленіемъ.

Выдающимся вечеромъ праздничнаго времени для Москвы за періодъ коронаванія надобно считать исполненіе ораторіи Гайдна: «Сотвореніе міра», исполненной въ Москвѣ впервые 12-го октября. Слова ея переведены Н. М. Карамзинимъ, а участниками въ исполненіи явились: «Виртуозъ Миллеръ, первый скрипачъ и директоръ музыки его величества короля шведскаго, и скрипачи: Герличка, Денглеръ, Енгальчевъ (князь Порасній-Николаевичъ), Пезаровіусъ и Франклинъ; виолончелистъ и контръ-басистъ Далокка, пѣвецъ Бьянки, пѣвица Сандунова и фортепіанистъ Кашинъ».

Изъ Петербурга въ Москву на время торжественныхъ спектаклей пріѣзжали слѣдующіе артисты: Ожогинъ, Шушеринъ, Сахаровъ, Урасовъ, и артистки: Сахарова-Сипшевская, Померанцева, А. Синявская, Калиграфова и Носова, молодая, весьма красивая, съ чудно обработаннымъ голосомъ пѣвица.

Послѣ коронаціонныхъ спектаклей Московскій Петровскій театръ стоялъ недолго. 22-го октября 1805 года онъ сгорѣлъ. По словамъ газеты «Курьеръ», «наканунѣ, по обыкновенію для воскреснаго дня, была объявлена Днѣпровская Русалка, но въ третьемъ часу по полудни, отъ неосторожности театральныхъ служителей, загорѣлось въ гардеробной. Робость и нерасторопность допустили распространиться пламени; только въ пять часовъ подошла полиція, и пламя пожрало все! Убытокъ весьма великъ».

Въ томъ же году предпологалось возобновить театръ на частныя средства, и тогдашній главнокомандующій Москвою А. А. Беклешовъ письменно просилъ членовъ Московскаго благороднаго собранія принять театръ подъ свое вѣдѣніе.

Въ исполненіе желанія главнокомандующаго изъ членовъ собранія: Николаева, Кокоскиныхъ, Кутузова и нѣкоторыхъ другихъ, составилъ было комитетъ, но дѣло не состоялось.

О. Тагѣевъ.

С М Ъ С Ъ.

КТЪ въ С.-Петербургской духовной академіи. 17-го февраля С.-Петербургская духовная академія праздновала 87 годовщину своего существованія. Наканунѣ, въ академической церкви была отслужена всенощная, а затѣмъ — панихида по почившимъ почетнымъ членамъ, профессорамъ и студентамъ академіи. Въ самый день акта, въ 10 часовъ утра, преосвященнымъ ректоромъ академіи, епископомъ Іоанномъ нарвскимъ, въ сослуженіи академическаго духовенства, была совершена литургія. Въ часъ дня, въ актовомъ залѣ академіи, въ присутствіи многочисленной посторонней публики, профессоровъ и студентовъ, состоялось обычное торжественное собраніе. Изъ прочитаннаго на актѣ инспекторомъ академіи профессоромъ Н. В. Покровскимъ отчета за 1895 годъ видно, что преподавательскій персоналъ академіи состоитъ изъ 31 лица, въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ — 7, экстраординарныхъ — 9, доцентовъ — 5, привать-доцентовъ — 6, лекторовъ новыхъ языковъ — 3 и одинъ нештатный преподаватель. Прочихъ должностныхъ лицъ при академіи было 10. Должность ректора исправляетъ Іоаннъ, епископъ нарвскій, а инспекторомъ состоитъ ординарный профессоръ Н. В. Покровскій. Въ началѣ отчетнаго года число студентовъ на всѣхъ четырехъ курсахъ состояло изъ 254 человекъ; изъ нихъ, въ среднѣ года, выбыло изъ академіи по разнымъ причинамъ 8 и за окончаніемъ курса — 66, изъ окончившихъ 31 были выпущены магистрантами, 24 — кандидатами и 11 — дѣйствительными студентами. Два первые магистранта П. Ленорскій и Н. Малицкій были оставлены при академіи въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ. Затѣмъ, послѣ конкурсныхъ приемныхъ испытаній, бывшихъ въ августѣ отчетнаго года, было принято на первый курсъ 56 студентовъ, такъ что, къ концу отчетнаго года, т. е. къ 1-му января 1896 года, общее число студентовъ было 236. Въ томъ числѣ

русскихъ студентовъ было—223 и иностранцевъ—13. 10 студентовъ состояли въ духовномъ санѣ, при чемъ изъ числа ихъ 4 были монашествующіе. По учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ получили среднее образованіе, студенты распредѣляются такъ: изъ семинарій—222 и изъ гимназій—11; 3 студента изъ университетовъ. Вольнослушателей при академіи было 9 лицъ. Послѣ чтенія отчета экстраординарный профессоръ Н. Н. Глубоковскій произнесъ актывую рѣчь, которая была покрыта аплодисментами. Актъ закончился пѣніемъ гимна. Послѣ акта студенты представлялись присутствовавшему на немъ англиканскому лорду-епископу Вилькинсону, который выразилъ надежду, что если кому изъ студентовъ придется быть въ англійскихъ колледжахъ, то его примутъ тамъ съ такимъ же радушіемъ и предупредительностью, съ какими былъ принятъ онъ, епископъ, въ русской духовной академіи.

Императорское русское историческое общество. 27-го февраля происходило въ Зимнемъ Дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ государя императора, при участіи великихъ князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. По открытіи засѣданія предсѣдатель общества А. А. Половцевъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества. Согласно отчету за 1894—1895 гг. обществомъ изданы 90—97 тт. «Сборника» общества. Изъ нихъ 90-й томъ содержитъ бумаги комитета, утвержденнаго высочайшимъ рескриптомъ 6-го декабря 1826 года, относящихся до законодательныхъ реформъ, задержанныхъ революціями 1830 года и большею частію осуществленныхъ въ царствованіе императора Александра II; журналы этого комитета были напечатаны въ 74-мъ томѣ «Сборника». 91-й томъ содержитъ донесенія англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при Русскомъ дворѣ съ 7-го марта 1741 по 16-е іюля 1742 г. Документы извлечены изъ лондонскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. 92-й и 96-й тт. служатъ продолженіемъ 86-го тома «Сборника» и заключаютъ въ себѣ дѣла маркиза де-ла-Шетарди и отвѣты на нихъ французскаго короля и министерства, за время съ ноября 1740 и до конца 1741 г. Документы сообщены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изданы подъ наблюденіемъ секретаря общества. 93-й томъ составляетъ 8-й томъ изданія матеріаловъ екатерининской законодательной комиссіи. Этимъ томомъ заканчивается печатаніе дворянскихъ наказовъ, и начинается печатаніе наказовъ отъ городскихъ жителей, которое продолжается въ 99-мъ томѣ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ члена общества В. И. Сергѣевича. 94-й томъ заключаетъ протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта за январь—іюнь 1729 г. Начало этихъ документовъ напечатано въ 55, 56, 63, 69, 79 и 84 томахъ «Сборника». Въ печатающемся нынѣ 100-мъ томѣ заканчивается изданіе бумагъ верховнаго тайнаго совѣта. Настоящій томъ, какъ и всѣ предыдущіе этой серіи, напечатанъ подъ наблюденіемъ члена совѣта Н. О. Дубровина. 95-й томъ, служащій продолженіемъ изданія памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранными, заключаетъ документы, относящіеся до сношеній Московскаго государства съ ногаями, Крымомъ и Турціею. Матеріаломъ для тома послужили хранящіеся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ посольскія

книги. Томъ начатъ печатаніемъ подь наблюденіемъ покойнаго члена общества Г. Θ. Карпова и оконченъ членомъ общества Д. Θ. Кобеко и секретаремъ общества. 97-й томъ составляетъ VI часть изданія политической переписки императрицы Екатерины II по вѣнскимъ дѣламъ. Сюда вошли копіи съ документовъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, за время съ 1769 по 1772 г., т. е. по первый раздѣлъ Польши. Настоящій томъ изданъ подь наблюденіемъ члена общества барона Θ. А. Бюлера при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Одновременно съ изданіемъ имѣющихся въ распоряженіи общества актовъ не прекращалось полученіе документовъ изъ иностранныхъ архивовъ. Такъ: 1) изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ доставлены реляціи о Москвитинѣ въ 1731 г., представленныя испанскому правительству герцогомъ де-Лирія, бывшимъ въ продолженіе трехъ лѣтъ посломъ при дворѣ императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны. 2) Изъ вѣнскаго архива доставлены документы, относящіяся до пребыванія императора Петра I въ Вѣнѣ, а также другія бумаги конца прошлаго столѣтія. 3) Министръ-резидентъ при его святѣйшествѣ папѣ, А. П. Извольскій, доставилъ въ распоряженіе общества копіи съ реляцій и депешъ папскихъ нунціевъ Аркетти, Литты, Ареццо и аббата Бенвенути за 1783—1806 гг. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по заявленію А. А. Половцева, нѣсколько подвинулось дѣло изданія біографическаго словаря общества. Въ заключеніе отчетъ упомянулъ скончавшихся членовъ общества Н. К. Гирса, Θ. Θ. Веселаго и Я. К. Грота. По окончаніи чтенія отчета председателемъ общества, нѣкоторыми членами его были прочитаны составленныя ими статьи, а именно: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ — о жизни и дѣятельности Николая Михайловича Карамзина. Н. Θ. Дубровинымъ: а) извлеченія изъ издаваемого имъ 98-го тома «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества» и б) объ отношеніяхъ императора Николая I къ декабристамъ. Θ. Θ. Мартенсомъ — о политикѣ императора Николая I въ отношеніи Турціи съ 1833 по 1841 годъ, на основаніи бумагъ барона Бруннова. Председателемъ А. А. Половцевымъ — заключительныя слова біографій императоровъ Александра I и Александра II, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ «Русскаго біографическаго словаря». Въ заключеніе, на основаніи §§ 12, 30 и 31 устава императорскаго русскаго историческаго общества, былъ переизбранъ на должность члена совѣта общества К. П. Побѣдоносцевъ; въ члены ревизіонной комиссіи былъ избранъ Θ. Θ. Мартенсъ. По предложенію совѣта общества, на основаніи 12 § устава, въ дѣйствительныя члены общества вновь избраны слѣдующія лица: вице-президентъ императорской академіи наукъ Л. Н. Майковъ и министръ-резидентъ при его святѣйшествѣ папѣ А. П. Извольскій. По предложенію его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича избранъ также въ дѣйствительныя члены общества начальникъ Николаевской инженерной академіи и училища генералъ-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ.

Историческое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. 24 января состоялось годовое засѣданіе общества. Какъ видно изъ отчета, съ 21-го декабря 1894 г. по 13-е декабря 1895 г. состоялось 6 общихъ собраній, въ которыхъ сдѣланы сообщенія: «Екатерина II и Панинъ», «Роль Цицерона въ исторіи европейской культуры», «Къ вопросу о первона-

чальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія», «Наполеонъ и Кромвель», «Отрывокъ изъ исторіи неурожаевъ и продовольствія казенныхъ крестьянъ въ началѣ XIX вѣка», «Эпизодъ изъ исторіи Екатерининской комиссіи» и «Двѣ стороны въ процессѣ развитія экономическихъ явленій» (въ засѣданіи 13 декабря 1895 года; этотъ докладъ цѣликомъ напечатанъ въ февральской книжкѣ «Новаго Слова»). Кромѣ того, на педагогической секціи обсуждались 3 сообщенія, касавшіяся преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Скромныя денежныя средства общества дали возможность выпустить только одинъ VIII томъ его изданія. Библіотека состояла изъ книгъ, брошюръ и оттисковъ въ 543 названіяхъ и 793 томахъ, а также изъ 31 періодическаго изданія. Къ концу года въ обществѣ числилось 275 дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ-соревнователь. Затѣмъ С. М. Середонинъ прочелъ рефератъ о «Значеніи помѣстнаго и денежнаго окладовъ въ исторіи служилаго класса Московскаго государства». Служилое сословіе является основной почвой, создавшей русское дворянство, въ составъ котораго вошли чины думные (бояре, окольничьи, постельничьи и др.), люди московскихъ чиновъ (жильцы, стряпчіе) и провинціальныя чины (выборъ, городовые, дворовые). Отдичіе служилыхъ людей отъ тяглыхъ возникло съ того момента, когда первые стали получать оклады. Въ XVII вѣкѣ неоднократно награждали крестьянъ помѣстными и денежными окладами, и тогда они записывались обыкновенно въ разрядъ дворянскихъ дѣтей. Служилые во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ раздѣлялись на чины. Главнымъ основаніемъ повышенія въ чинъ въ XVI вѣкѣ было родство. На это указываетъ рядъ челобитныхъ, получившихъ удовлетвореніе. Челобитныя же, въ которыхъ испрашивалось повышеніе на основаніи усердной службы, бѣдствій въ плѣну и т. д., обыкновенно оставались безъ вниманія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ основанія для повышенія измѣнились, и повышенія являлись наградой за услуги и службу. Челобитныя, въ которыхъ испрашивались повышенія съ ссылкой на родство, подавались царю только въ исключительные дни (въ дни рожденія и именинъ царя). Въ XVI вѣкѣ каждой должности соответствовало опредѣленный окладъ. Общимъ правиломъ было, что занимающій должность не могъ получать больше своего отца и старшихъ братьевъ. Размѣръ окладовъ увеличивался за удачу въ войнѣ, за рану, за радостное извѣстіе. Увеличеніе оклада дѣлалось сообразно чину. Жалованье вполне соответствовало окладу. Въ XVII вѣкѣ оклады растутъ замѣчательно быстро. Самозванецъ, съ цѣлью привлечь на свою сторону служилыхъ людей, увеличилъ ихъ вдвое. Жалованье же стало уменьшаться, что зависѣло отъ недостатка средствъ въ государственной казнѣ, и выдавалось только тому, кто безъ него служить не могъ. Мало-по-малу денежный окладъ сдѣлался фикціей. То же самое произошло и съ помѣстными окладами. Помѣстныя земли стали переходить въ вотчины; помѣстныя же оклады выдавались тому, кто, найдя свободную землю, испрашивалъ разрѣшеніе на ея присвоеніе. Несмотря на то, что оклады сдѣлались фиктивными, служилые люди гоняются за ними. Размѣръ оклада служилъ признакомъ почета и явился средствомъ награждать за исправную службу и наказывать за провинности. Служилый изъ выбора или двора пользовался большимъ почетомъ, чѣмъ дѣти боярскія, если его окладъ былъ выше. Такимъ образомъ,

благодаря окладамъ, уничтожилась разница въ чинахъ, городовые и дворовые сравнились съ думными и московскими чинами, слились въ одно сословіе—дворянство. Въ концѣ XVII вѣка оклады исчезли, они замѣнились табелью о рангахъ. Въмѣсто оклада сталъ даваться чинъ, и уже почетъ оказывался по чину. Чины, какъ и оклады, давались за заслуги; происхождение и родство ставились ниже личныхъ заслугъ.

Императорское общество любителей древней письменности.—I. 16-го февраля В. В. Стасовъ сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ миниатюрахъ русскихъ и болгарскихъ рукописей X—XIV вѣковъ и тюркской рукописи XVI вѣка. Сказавъ нѣсколько словъ о важности точнаго воспроизведенія миниатюръ, дающихъ матеріалъ для изученія русской этнографической старины, и о своемъ стремленіи доставать подобныя миниатюры въ копіяхъ самыхъ точныхъ, г. Стасовъ представилъ нѣсколько такихъ копій въ краскахъ и сдѣлалъ описаніе ихъ, а именно: 1) изображенія болгарина, которое находится въ рукописи X вѣка ватиканской библіотеки, греческомъ Менологін (Четьи-Минеѣ), написанномъ и украшенномъ художественными рисунками въ краскахъ по повелѣнію византійскаго императора Василия II; болгаринъ изображенъ въ кожухѣ желтоватаго цвѣта, ниспадающемъ до колѣнъ и перетянутомъ узкимъ ремешкомъ, въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ до щиколотки, въ черныхъ башмакахъ и въ красной шапкѣ, опушенной чернымъ бараньимъ мѣхомъ; по мнѣнію г. Стасова, костюмъ болгарина X вѣка напоминаетъ костюмъ Петра Великаго въ его первое заграничное путешествіе въ 1697 году; 2) изображеній тоже изъ рукописи ватиканской библіотеки «Лѣтописи Манассіи», переведенной съ греческаго на болгарскій языкъ и разрисованной въ XIV вѣкѣ для болгарскаго царя Іоанна-Александра; изображенія эти касаются болгарской исторіи и, между прочимъ, представляютъ сцены изъ войны болгаръ съ русскими и 3) изображенія князя Бориса, въ рукописи XIII вѣка, хранящейся въ московской синодальной библіотекѣ (№ 163) и содержащей въ себѣ «Всѣды Іоанна Златоустаго»; по всей вѣроятности, это изображеніе болгарскаго царя Бориса-Михаила, крестившаго свой народъ; доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что миниатюра не даетъ ни одной сколько нибудь характерной русской черты. Выводы г. Стасова вызвали возраженія и замѣчанія со стороны г. Шляпкина и другихъ лицъ. Въ заключеніе г. Стасовъ представилъ нѣсколько фотографій съ миниатюръ, которыя находятся въ одной джагатайской рукописи XVI вѣка, хранящейся въ британскомъ музеѣ.—II. Въ засѣданіи 1-го марта И. П. Хрущовъ представилъ обзоръ содержанія 1-го тома сочиненій князя М. М. Щербатова, издаваемыхъ нынѣ княземъ Б. С. Щербатовымъ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ рядъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ статей. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующія: «Проекты и голоса», поданные княземъ Щербатовымъ въ комиссію проекта новаго уложенія въ качествѣ депутата отъ ярославскаго дворянства; «Разсужденіе о томъ, полезно ли Россійской имперіи, чтобы деревни только между дворянъ обращались»; здѣсь любопытенъ отзывъ князя Щербатова о графѣ Шуваловѣ, который «ни одного журнала безъ страсти не дѣлалъ» и журналы, ему удобны, «всячески украшалъ, прочіе же тщился портить елико возможно»; далѣе идутъ: «Разсу-

жденіе о дворянствѣ», въ которомъ объясняется происхожденіе его; «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ»; здѣсь князь Щербатовъ выступаетъ строгимъ критикомъ жалованной грамоты дворянству и высказываетъ мысль, что заслуги послѣдняго не были достаточно оцѣнены. Кромѣ того, въ этомъ томѣ помѣщены разсужденія и проекты по самымъ разнообразнымъ государственнымъ вопросамъ, напримѣръ, о церковно-приходскомъ духовенствѣ, объ устройствѣ министерства земледѣлія, о банкахъ, о девальваци и т. п. Послѣдняя статья въ этомъ томѣ литературнаго характера, подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ землю Офирскую г. С., шведскаго дворянина», появляется въ первый разъ и представляетъ вымыселъ, которымъ прикрыты политическіе идеалы князя Щербатова. — Второе сообщеніе — «Объ азбуковникахъ по Аванасьевскому сборнику конца XVII вѣка» было сдѣлано А. Н. Петровымъ. Основываясь на одномъ мѣстѣ посланія Геннадія новгородскаго къ митрополиту Симону, гдѣ новгородскій архіепископъ совѣтуетъ учить по азбукѣ-границѣ съ толкованіемъ, г. Петровъ полагаетъ, что «граница» происходитъ отъ слова «грано», «гранъ» — стихъ, и стоитъ въ связи съ извѣстнымъ словомъ «краеграніе», и что «граница» — стихотворная азбука; эта азбука составляетъ существенную часть старинныхъ прописей; въ началѣ XVII вѣка она появляется въ букваряхъ и, наконецъ, развивается въ особый видъ школьнаго руководства, извѣстнаго подъ названіемъ азбуковниковъ. Азбуковники намъ извѣстны лишь по одному сборнику преосвященнаго Аванасія, епископа саратовскаго, нынѣ принадлежащему бібліотекѣ Казанской духовной академіи. Въ этомъ сборникѣ находится 6 азбуковниковъ, писанныхъ виршами на каждую почти букву, изъ которыхъ 2-й и 3-й писаны однимъ лицомъ «на Костромѣ», какимъ-то «первостранникомъ», что, по мнѣнію г. Петрова, соответствуетъ имени Прохора. Въ томъ же зазданіи было заявлено о принесеніи въ даръ бібліотекѣ общества: 1) отъ наслѣдницъ И. Ѳ. Горбунова до 45 названій разныхъ сочиненій; 2) отъ П. И. Щукина — описи старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, описи старинныхъ и славянскихъ рукописей его же и краткаго описанія Щукинскаго музея и 3) отъ П. В. Синицына, чрезъ посредство Н. П. Барсукова, сочиненія г. Синицына: «Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее».

С.-Петербургское археологическое общество. — I. 19-го февраля состоялось зазданіе классическаго отдѣленія общества. Предметомъ обсужденія были доклады С. А. Жебелева («Архитектурныя изслѣдованія С. А. Иванова») и М. И. Ростовцева («Помпеи за 1893—1895 гг.»). С. А. Жебелевъ познакомил собраніе съ законченнымъ въ прошломъ году изданіемъ германскаго археологическаго института въ Римѣ: «Архитектурныя изслѣдованія Сергѣя Андреевича Иванова». Братъ знаменитаго нашего художника архитекторъ Ивановъ умеръ въ 1877 г. и завѣщалъ все свое состояніе (значительный капиталъ и домъ въ Римѣ) названному учрежденію съ тѣмъ, чтобы институтъ озаботился достойно издать труды жертвователя по археологіи, преимущественно въ области опредѣленія цифровыхъ отношеній и изученія деталей античнаго зодчества. Къ изданію этому приложенъ русскій переводъ нѣмецкаго текста. Чертежи и рисунки отличаются изяществомъ выполненія и живостью воспроизведенія. Свѣ-

дѣнія, сообщаемыя М. И. Ростовцевымъ о послѣднихъ раскопкахъ въ Помпѣѣ, раскрываютъ передъ нами широкую картину античной жизни. Въ 1893 году открытъ въ Помпѣѣ обширный аристократическій домъ со стѣнами, расписанными живописью самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ сюжетовъ, а въ величественномъ перистилѣ удѣлѣли замѣчательные памятники скульптуры. — II. 27-го февраля, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладъ представилъ Н. П. Павловъ-Сильванскій: «О закладничествѣ въ Московскомъ государствѣ XVI — XVII вѣковъ». Большинство русскихъ ученыхъ, начиная съ Карамзина, видѣли въ закладничествѣ обезпеченіе долга личной свободой. Но Соловьевъ усматриваетъ въ этомъ установленіи начало покровительства сильнаго слабому, поступающему за то, въ пользу своего покровителя, частью своей свободы. Референтъ поддерживалъ и развивалъ мнѣніе Соловьева, видя въ закладничествѣ замѣну подданства государству подданствомъ частному лицу, вызывавшуюся поисками общественной безопасности, которой еще не давало государство. Референтъ усматривалъ въ грамотахъ изслѣдуемаго имъ времени рѣзкое различіе между закладчиками и заемщиками и утверждалъ, что только послѣдніе стояли къ своимъ займодавцамъ въ отношеніяхъ должниковъ, обезпечившихъ возвратъ долга закладной на свое имущество или даже на свою свободу на началахъ кабальной зависимости. Рефератъ г. Павлова-Сильванскаго вызвалъ замѣчанія гг. Лаппо-Данилевскаго и Рождественскаго, которые оспаривали точку зрѣнія докладчика и не видѣли достаточной силы въ приводимыхъ имъ доводахъ. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій представилъ собранію мѣдный котелъ съ пробитымъ отверстиемъ, присланный въ императорскую археологическую комиссію изъ Турханска однимъ мѣстнымъ обывателемъ, который, цѣною двухъ оленей, приобрьлъ этотъ предметъ у тунгузовъ, поклонявшихся котлу, какъ богу, творившему чудесное и совершавшему исцѣленія. Тунгузы были убѣждены, что простой человѣкъ, не шаманъ, не можетъ поднять этого котла подъ опасностью собственной гибели, но, допустивъ русскаго къ этому опасному опыту, были смущены тѣмъ, что онъ взялъ этотъ небольшой котелъ и поставилъ къ себѣ на сани. — III. 29-го февраля, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Доклады представили В. Д. Смирновъ («Иносказательная анологія дервишизма») и Б. А. Тураевъ («Неизданный поэтической памятникъ коптской эпиграфики»). В. Д. Смирновъ нашелъ въ библиотекѣ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ неизданный турецкую рукопись прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ: «Бульбульміе», съ именемъ автора Бюрри-эффенди. Это аллегорическій рассказъ о соловѣѣ, судимомъ на основаніи показаній всѣхъ другихъ птицъ. Надпись, сообщаемая Б. А. Тураевымъ, представляетъ переработку библейскаго текста.

Московское археологическое общество. I. 20-го февраля засѣданіе общества почтительно своимъ присутствіемъ великій князь Сергій Александровичъ. Въ засѣданіи было прочтано три доклада. Первый изъ нихъ принадлежалъ В. А. Грингмуту и былъ посвященъ сообщенію объ открытомъ недавно дипломатическомъ архивѣ XIV вѣка до Р. Х. Архивъ этотъ, относящійся къ эпохѣ фараона 18-й династіи Амелъхотепа IV и пролежавшій подъ землей цѣлыхъ

3,000 лѣтъ, найденъ былъ въ 1887 году на восточномъ берегу рѣки Нила въ Египтѣ. Онъ заключается въ 300 табличкахъ изъ жженой глины, исписанныхъ не египетскими гіероглифами, какъ можно было ожидать, а вавилоно-ассирійскою клинописью. Архивъ попалъ по частямъ въ разныя руки, между прочимъ, и къ извѣстному русскому египтологу Голенищеву, затѣмъ переданъ въ Берлинъ Гуго Винклеру, и въ настоящее время изданіе его уже окончено. Пользуясь изданнымъ матеріаломъ, докладчикъ изложилъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ данныхъ, касающихся указанной эпохи и бросающихъ совершенно новый свѣтъ на исторію Египта и сосѣднихъ съ нимъ государствъ. Изъ документовъ дипломатическаго архива выясняются отношенія между египетскими и месопотамскими государями, причемъ эти документы заключаютъ въ себѣ не только историческія свѣдѣнія, но даютъ, кромѣ того, яркую психологическую картину двухъ названныхъ народовъ. Много очень цѣнныхъ и новыхъ данныхъ имѣется въ нихъ также по исторіи Палестины. М. В. Никольскій по поводу прочитаннаго доклада замѣтилъ, что памятникъ, о которомъ шла рѣчь, имѣетъ особенно существенное значеніе для исторіи Палестины, такъ какъ имъ удостовѣряется важный фактъ существованія вавилонской письменности въ Палестинѣ до Моисея. Слѣдующій докладъ Г. А. Муркоса: «Къ исторіи антиохійскихъ патріарховъ», заключалъ интересное сообщеніе о вновь найденномъ отрывкѣ изъ путешествія патріарха Макарія въ Россію въ XVII столѣтіи. Въ томъ же засѣданіи Р. Ѡ. Брандъ сдѣлалъ сообщеніе: «Черты доисторическаго быта славянъ».—II. Въ происходившемъ 27-го февраля годичномъ засѣданіи общества секретаремъ В. К. Трутовскимъ былъ сообщенъ годичный отчетъ о состояніи и дѣятельности общества за время съ 17-го февраля 1895 по 17-е февраля этого года. Въ истекшемъ году государь императоръ соизволилъ принять московское археологическое общество подъ свое покровительство и отпустилъ обществу 10 тысячъ рублей на продолженіе археологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи и 6 тысячъ рублей на устройство X-го археологическаго съѣзда въ Ригѣ. Внѣшняя дѣятельность общества за истекшій годъ была очень оживленна, въ виду близости созыва X-го археологическаго съѣзда. Ради него были снаряжены 2 экспедиціи: барона Р. Р. Штакельберга и В. И. Сизова. Первый посѣтилъ 4 уѣзда Эстляндской губерніи и острова Эзель и Монъ, а также городище Одэнно и сдѣлалъ раскопки, описалъ памятники древности. В. И. Сизовъ произвелъ раскопки въ районѣ, образуемомъ городами Либавой и Виндавой и теченіемъ рѣки Виндавы до Грезена, давша очень богатый матеріаль. Онъ посѣтилъ также извѣстное село Гнѣздино, Смоленской губерніи. Обои изслѣдователями снято много фотографій и плановъ. Предсѣдательницею общества, графиней П. С. Уваровой, было принята поѣздка, давшая богатые и цѣнные результаты, въ не изслѣдованныя до сихъ поръ мѣстности: Тушетію, Хевсурію и Сванетію. Общество принимало участіе въ празднованіи 50-ти-лѣтія дѣятельности императорскаго русскаго географическаго общества, 21-го января этого года, и 25-ти-лѣтія уральскаго общества любителей естествознанія, 29-го декабря 1895 года. Внутренняя дѣятельность общества выразилась въ 16 засѣданій, на которыхъ было прочтано 28 рефератовъ, и въ сношеніяхъ съ различными русскими и иностран-

ными обществами. Состояція при обществѣ комисси: восточная, славянская и по сохраненію древнихъ памятниковъ, продолжали свою обычную дѣятельность, причѣмъ дѣятельность послѣдней комисси въ виду оканчивающихся работъ по реставраціи Большаго Успенскаго собора была особенно энергична: въ 24 за-сѣданіяхъ было сдѣлано 126 докладовъ. Составъ должностныхъ лицъ въ отчетномъ году остался прежній. Изъ состава членовъ общества умерло 10 человекъ и въ томъ числѣ сенаторъ Д. А. Ровинскій, незадолго передъ смертью избранный членомъ общества; за то же время прибавилось 12 новыхъ членовъ, такъ что всего членовъ въ обществѣ состоитъ 404. Вышли изданія общества: 1-й выпускъ «предварительной комисси X-го археологическаго съѣзда»; 1-й выпускъ 2-го тома «Трудовъ восточной комисси»; 1-й томъ «Трудовъ славянской комисси»; 1-й томъ «Трудовъ виленскаго IX-го археологическаго съѣзда», подъ редакціей графини П. С. Уваровой и М. Н. Сперанскаго, и II-й томъ «Трудовъ московскаго VIII-го археологическаго съѣзда». Печатаются: V-й выпускъ «Матеріаловъ по археологій Кавказа»; 2-й выпускъ «Матеріаловъ по археологій восточныхъ губерній»; XVI-й томъ «Древностей» и друг. Изъ отчета ревизіонной комисси видно, что общая сумма прихода въ истекшемъ году была 38,063 руб., изъ нихъ было израсходовано 18,033 руб. 90 коп., и къ 17-му февраля этого года осталось 20,029 руб. 10 коп. Капиталь на сооруженіе памятника первопечатнику Ивану Федорову достигъ 19,200 рублей. Въ бібліотеку общества поступило 260 названій разныхъ изданій, составившихъ до 500 томовъ. Далѣе товарищемъ предсѣдателя, профессоромъ Д. Н. Анучинимъ, было прочитано краткое сообщеніе Ф. Д. Нефедова о результатахъ изысканій и раскопокъ, произведенныхъ имъ въ истекшемъ году въ Костромской губерніи. Послѣ этого В. А. Городцовъ сдѣлалъ рефератъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ слѣдовъ каменнаго вѣка въ мѣстностяхъ, лежащихъ по теченію рѣки Оки въ Рязанской и Тульской губерніяхъ, и представилъ объясненіе выставленной имъ коллекціи предметовъ. Послѣднимъ было выслушано сообщеніе священника І. Кузнецова о новыхъ лѣтописныхъ данныхъ, касающихся построенія Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора.

Историческое общество св. Олега. Въ Брянскѣ любители археологій задумали учредить общество подъ названіемъ: «Историческое общество св. Олега», для разработки мѣстной старины. Брянскъ своими древними святынями, стариннымъ арсеналомъ, архивомъ брянской «ратуши» и т. п. представляетъ обширное поприще для историческихъ работъ, равно какъ и Брянскій уѣздъ съ характерными названіями его поселковъ на «ичи», курганомъ Кудеяра-разбойника у Городища, любопытными крестами и курганами въ селѣ Вщижѣ, свѣнскою святыней, славившеюся еще во времена Іоанна Грознаго, и т. д.

Московское юридическое общество. 26-го февраля происходило засѣданіе юридическаго общества. Открывая засѣданіе, предсѣдательствовавшій графъ Л. А. Комаровскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося почетнаго члена общества Э. Н. Сумбула. Память усопшаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ слѣдовалъ докладъ П. Е. Казанскаго: «Всемирный каталогъ и международный бібліографическій союзъ», прочтенный, за отсутствіемъ автора, П. М. Богаевскимъ. Каталогъ мировой литературы, идею котораго выдвинули

требованія современной умственной жизни, и въ осуществленіи котораго примутъ участіе многія государства, въ томъ числѣ и Россія, представляетъ крупный интересъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, его созданіе сдѣлаетъ новый шагъ къ международному единенію друзей науки, такъ какъ дастъ возможность легко и свободно ориентироваться въ томъ безбрежномъ морѣ, которое называется всемірною литературой. Значеніе каталога не ограничивается однимъ облегченіемъ библиографическихъ изысканій. Въ немъ заинтересованы также бібліотекари, издатели, книгопродавцы и всевозможные специалисты. Каталогъ этотъ, по мнѣнію докладчика, долженъ отличаться подвижностью, то-есть, быть напечатаннымъ на отдѣльныхъ карточкахъ, которыя потомъ пополняются, по мѣрѣ выхода новыхъ книгъ; во-вторыхъ, онъ долженъ быть систематичнымъ или предметнымъ, а не по авторамъ. Въ этихъ цѣляхъ предлагается ввести отличающуюся большимъ совершенствомъ классификацію американскаго бібліотекаря Дьюэя, которая вводитъ въ эту область особый международный библиографическій языкъ. Наконецъ, составленіе каталога должно находиться въ вѣдѣніи международнаго центральнаго библиографическаго учрежденія. Европейскія державы всѣ сочувственно отнеслись къ мысли создать всемірный каталогъ, и въ скоромъ времени въ Лондонѣ предстоитъ официальная конференція по этому предмету, на которой, безъ сомнѣнія, будутъ и представители Россіи. Послѣ преній, вызванныхъ докладомъ, гр. Л. А. Комаровскій, охарактеризовавъ его значеніе, замѣтилъ, что въ немъ заключается мысль новая и глубокая, а насколько она осуществима—покажетъ будущее.

Московское общество распространенія полезныхъ книгъ. 17-го февраля состоялось годовое собраніе членовъ состоящаго подъ высочайшимъ его императорскаго величества покровительствомъ общества распространенія полезныхъ книгъ. Собраніе происходило въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергѣя Александровича, состоящаго почетнымъ членомъ общества, предсѣдательницы общества А. Н. Стрекаловой, а также почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества. Были прочитаны отчеты за 1894 и 1895 годы. Дѣятельность общества за истекшіе два года, какъ и раньше, заключается главнымъ образомъ въ изданіи книгъ и брошюръ для народнаго и дѣтскаго чтенія. За это время обществомъ было издано 61 названіе книгъ въ количествѣ 224.500 экземпляровъ съ затратою на это дѣло 19.973 р. Отъ продажи книгъ было выручено въ 1894 году 24.397 р., въ 1895 г.—20.433 руб., а за два года 44.830 р. Кромѣ того, разныхъ поступленій было на сумму 2.054 р., такъ что всего было получено 46.884 руб., изъ которыхъ было израсходовано за то же время 45.954 р. Въ теченіе двухъ истекшихъ лѣтъ обществомъ было пожертвовано и разослано бесплатно книгъ на 1.630 руб. 84 к., и въ настоящее время оно имѣетъ книгъ собственнаго изданія на 53.722 р. Отъ продажи книгъ, изданныхъ обществомъ, валовой прибыли поступило 18.694 р. 87 к., и за вычетомъ расходовъ осталось 502 руб. 40 к. Общество имѣетъ свою типографію, которою за 1894 и 1895 годы было заработано 45.797 р. 88 к.; отъ печатныхъ работъ получено прибыли, 5.363 р. Въ пособіе школѣ типографовъ было выдано 1,200 руб. Въ ней содержалось 24 ученика, причѣмъ содержаніе каждаго обошлось по 235 р. въ годъ. Къ 1-му ян-

варя этого года капиталъ типографіи заключался въ 8.684 р. Комиссіей по устройству публичныхъ народныхъ чтеній было организовано 293 духовныхъ бесѣды и 298 чтеній, на которыхъ присутствовало 161.962 человекъ. Комиссія къ 1-му января этого года располагала капиталомъ въ 31,180 р. Обществомъ за отчетное время было получено около 50-ти просьбъ о высылкѣ библиотечекъ, изъ которыхъ было удовлетворено 45, причѣмъ было выслано 30 библиотечекъ, заключавшихъ по 90 названій книгъ, и 15 по 65-ти названій. Въ настоящее время общество имѣетъ 3 народныхъ библиотеки-читальни и предполагаетъ въ непродолжительномъ времени открыть еще 2 новыя. Комитетъ общества къ 1-му января текущаго года располагалъ суммою въ 1.229 рублей. Въ концѣ засѣданія почетными членами общества были избраны пресвященныи Тихонъ, епископъ Можайскій, А. А. Костанда и В. А. Давыдова; въ члены комитета—Н. И. Субботинъ и В. Н. Сторожевъ, казначеемъ—И. П. Дараганъ, секретаремъ — М. Д. Свербеевъ и его помощникомъ — Н. С. Никольскій.

С.-Петербургское общество архитекторовъ. Въ послѣднемъ засѣданіи общества художникъ П. Н. Щербина-Крамаренко сообщилъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о памятникахъ Средней Азіи. Описывая древности Самарканда, лекторъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то, какъ иногда составляются описанія древностей извѣстными европейскими путешественниками. Онъ подробно разсказалъ о древней мечети Ширъ-Зинде и потомъ прочелъ описаніе ея, сдѣланное французскимъ ученымъ Вамбери, ничего общаго не имѣющее съ дѣйствительностью. Г. Крамаренко разсказалъ о безсовѣстномъ расхищеніи древнихъ сокровищъ русскими и иностранными путешественниками. Имъ помогаютъ сарты. Среди послѣднихъ есть настоящіе разбойники, готовые за деньги достать, что угодно. Въ виду этого лекторъ обратился къ обществу съ горячимъ призывомъ сохранить древности нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, особенно памятники тамерлановской эпохи. Дѣло это уже начато, нужно только его продолжить и расширить, тѣмъ болѣе, что въ Самаркандѣ образованъ императорской академіей художествъ и археологической комиссіей областной музей. Особенной заботы, по словамъ докладчика, заслуживаютъ минаретъ главной мечети Тамерлана, сильно наклоненный, и мечеть съ аркой, въ которой образовалась большая трещина. Эти памятники, вызывающіе удивленіе всѣхъ путешественниковъ, безъ ремонта очень скоро разрушатся. Для доказательства того, что сарты примутъ участіе въ сохраненіи своихъ древностей, лекторъ разсказалъ слѣдующее. Желая оградить заборомъ мечеть Тимура, онъ обращался за содѣйствіемъ къ властямъ и къ обществу. Ничего не добившись, онъ убѣдилъ сартовъ въ необходимости огражденія. На добровольный сборъ среди сартовъ въ 360 руб. былъ построенъ заборъ. По предложенію г. Крамаренко общество рѣшило вступить въ соглашеніе съ археологической комиссіей.

Диспутъ М. М. Покровскаго. 18-го февраля въ большой словесной аудиторіи Московскаго университета М. М. Покровскій публично защищалъ сочиненіе: «Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ», представленное имъ для полученія степени магистра римской словесности. Официальными оппонентами, профессорами Ѳ. Е. Коршемъ и Ф. Ѳ. Фортунатовымъ,

было указано, что магистрантъ въ представленной работѣ обнаружилъ солидное знаніе классическихъ языковъ и основательное знакомство съ методами изслѣдованія. Въ заключеніе г. Покровский былъ объявленъ достойнымъ искомой степени магистра римской словесности. Диспутантъ окончилъ курсъ въ Тульской гимназій съ золотою медалью, въ 1891 году поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго университета и окончилъ съ дипломомъ первой степени; онъ имѣетъ золотую медаль за составленіе латинской грамматики. Съ 1895 года состоитъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета.

Развалины и курганы въ Киргизской степи. «Тургайская Газета» помѣстила любопытную замѣтку о сохранившихся въ предѣлахъ Тургайскихъ степей древнихъ историческихъ памятникахъ. Сообщаемая газетой подробности о степныхъ памятникахъ и курганахъ особенно цѣнны потому, что о нихъ не имѣется свѣдѣній въ извѣстныхъ описаніяхъ Киргизской степи, составленныхъ Левшинымъ и Мейеромъ. По мнѣнію Мейера, въ Киргизской степи нѣтъ памятника старѣе 500 лѣтъ. Остатки построекъ изъ обожженнаго кирпича этотъ изслѣдователь, какъ извѣстно, считаетъ древнѣйшими и относитъ ихъ къ періоду могущества монголовъ. Постройки изъ глины, имѣющія правильный видъ и содержащія обломки глиняной посуды, по мнѣнію того же изслѣдователя, принадлежатъ ко временамъ господства калмыковъ и каракалпачковъ, и, наконецъ, всѣ другіе памятники считаются позднѣйшими памятниками киргизскаго происхожденія. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ въ этомъ сообщеніи развалинъ изумляютъ современныхъ обитателей степи какъ своими величественнымъ видомъ и размѣрами, такъ и самымъ существованіемъ въ пустынной мѣстности. Дѣйствительно, въ сыпучихъ пескахъ, вдали отъ рѣкъ и озеръ, вдали отъ всякихъ жилищъ, въ мѣстности едва доступной къ проѣзду верхомъ на верблюдѣ, возвышаются огромнѣйшія кирпичныя зданія, прочной и красивой архитектуры, съ сохранившимися до сихъ поръ деревянными балками. Отъ этихъ зданій расходятся въ степь колесныя дороги—остатки нѣкогда проѣзжихъ путей, о которыхъ современные обитатели степей не сохранили даже преданій; въ настоящее время ѣзда въ экипажахъ, по мѣстнымъ условіямъ, совершенно невозможна. Чувство благоговѣйнаго страха охватываетъ кочевника при видѣ этихъ памятниковъ, и много легендъ изъ устъ въ уста передается о святости погребенныхъ здѣсь какихъ-то «великихъ» людей. Русскимъ неоднократно приходилось слышать эти легенды отъ киргизовъ; но по отрывочности, а иногда и сбивчивости передачи, ими нельзя было воспользоваться. Только недавно одному изъ мѣстныхъ жителей удалось, изъ разспросовъ киргизовъ и изъ личныхъ наблюденій, собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о старинныхъ развалинахъ и курганахъ, находящихся въ Тургайской и частью Уральской областяхъ. Свѣдѣнія эти очень кратки, но для интересующихся прошлымъ Киргизской степи, несомнѣнно, послужатъ нѣкоторымъ указаніемъ при раскопкахъ. Въ историко-археологическомъ отношеніи наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія шесть степныхъ урочищъ. Къ сѣверу отъ караваннаго тракта, пролегающаго по правому берегу рѣки Улькаюка, находится большое киргизское кладбище, называемое «Ханъ», на которомъ похороненъ извѣстный ханъ Абулхайръ, принявшій подданство

Россіи. Хотя съ точностью опредѣлить мѣсто погребенія Абулхайра невозможно, но на кладбищѣ этомъ имѣется огороженная стѣной изъ сырцоваго кирпича могила. Длина стѣны $3\frac{1}{2}$ саж., вышина 2 аршина и толщина $\frac{1}{2}$ арш. На могилѣ теперь растутъ талы вышиной въ двѣ сажени. На стѣнѣ сохранилась плита съ неразборчивою надписью и искаженными отъ времени буквами. На плитѣ изображены топоръ, шашка и кинжалъ. — На «Косъ-оба-кулѣ» находятся два разрушенные кургана, сооруженные изъ кирпича, обломки котораго валяются на землѣ. Можно полагать, что курганы эти считались или могилой извѣстнаго ордынскаго вождя, или же зданіемъ, сооруженнымъ въ давнія времена. Къ курганамъ съ восточной стороны прилегаютъ, теперь едва уже замѣтныя, три дороги, по которымъ, вѣроятно, возили матеріалъ для сооруженія этихъ кургановъ, находящихся другъ отъ друга въ разстояніи около тридцати сажень. Каждый курганъ, повидимому, состоялъ изъ трехъ комнатъ, что подтверждается существованіемъ внутреннихъ каменныхъ перегородокъ, теперь уже развалившихся. Курганы расположены на берегу небольшого двойнаго озера «Косъ-оба», покрытаго камышомъ. «Косъ-оба» — киргизское слово, которое, въ переводѣ на русскій языкъ, значить: «возвышенность въ двухъ мѣстахъ». Озеро «Косъ-оба» находится на границѣ Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, близъ рѣки Улькюяка. — На лѣвомъ берегу рѣки Большой Хобды, въ районѣ № 9-й аула Джиренькопінской волости, Уральскаго уѣзда и области, противъ урочища «Бисъ-купа», Хобдинской волости, Актюбинскаго уѣзда, находится могила «Байтакъ-тамъ», надъ которою воздвигнута кирпичная башня. Вышина стѣнъ башни до деревянныхъ перекладинъ, находящихся по угламъ ея, семь аршинъ. Башня покрыта крышей съ кирпичными сводами въ видѣ шатра, вышина котораго достигаетъ пяти аршинъ. Самая могила «Байтакъ-тамъ» находится на ровной площадкѣ въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ рѣки Хобды. Башня окружена многочисленными могилами, между которыми находятся гробницы извѣстныхъ богатырей изъ киргизовъ Джилкышитабынскаго рода. Байтакъ-тамъ, по рассказамъ стариковъ, существуетъ около тысячи лѣтъ. Крыша ея давно разрушилась. Могила эта была сложена внутри изъ воздушнаго кирпича, а снаружи — изъ обыкновеннаго. Кирпичъ и по настоящее время не потерялъ еще своего вида и прочности. Фасадъ Байтакъ-тама очень красивъ не только издали, но и вблизи. — Точно такое же кладбище находится на рѣчкѣ Балгасынъ, въ № 5 аулѣ Темиръ-Аставской волости, Иргизскаго уѣзда, Тургайской области, около крайнихъ точекъ Большихъ Барсуковъ. Верхніе наружные кирпичи этого кладбища выкрашены синею краской. Несмотря на то, что кладбище это существуетъ, по словамъ кочевниковъ, около 1.000 лѣтъ, цвѣтъ кирпичей отлично сохранился. — Въ № 4 аулѣ Актюбинской волости, Актюбинскаго уѣзда, по рѣчкѣ Каргалъ, близъ устья рѣчки Косъ-истекъ, имѣются точно такія же могилы, называемыя «Кызыль-тамъ». Могилы эти находятся на возвышенной мѣстности. — Въ № 4 аулѣ Уйсылкаринской волости, Актюбинскаго уѣзда, на притокѣ рѣки Ори, находится могила «Тамъ», отъ которой самый притокъ получилъ названіе Тамдуръ. Лѣтъ тридцать тому назадъ надъ могилой «Тамъ» существовала башня, которая затѣмъ развалилась, и, по слухамъ, кирпичи отъ развалинъ киргизы Уйсылкаринской воло-

сти (бискрюковцы) употребили на постройку печей. По рассказамъ стариковъ-киргизовъ, въ этой могилѣ похоронена дочь извѣстнаго древняго татарскаго богатыря Урманбетъ-бія—Кенжебека.

Замѣчательный колоколъ. Въ «Русскомъ Словѣ» г. К. А. даетъ свѣдѣнія о колоколѣ, находящемся въ Москвѣ, въ Кремлѣ. На главной дворцовой гауптвахтѣ, помѣщающейся на соборной площади подъ Грановитую Палатой, на платформѣ, гдѣ выстраивается караулъ для отданія чести, подлѣ будки часоваго, согласно воинскому уставу, виситъ на столбѣ колоколъ для вызова караула «въ ружье». Колоколъ этотъ достоинъ вниманія, такъ какъ на немъ находится слѣдующая любопытная латинская надпись: C: Noorden. Et I: A: De Grave: Mefecer: Amstelodami: A° 1702. — Слово Amstelodami порусски значитъ въ Амстердамѣ; A° 1702 показываетъ годъ отливки колокола. Время и мѣсто изготовленія колокола указываетъ на то, что онъ былъ присланъ изъ Амстердама въ царствованіе Петра Великаго, послѣ его пребыванія въ Голландіи. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что колоколъ имѣетъ отношеніе къ Петру, и такимъ образомъ намекаетъ на объясненіе сокращенныхъ словъ. Можно думать, что этотъ колоколъ попалъ какъ нибудь случайно на свое теперешнее мѣсто, и что, быть можетъ, прежде имѣлъ другое назначеніе.

Первая русская газета въ Ригѣ. Въ юньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1895 г. напечатана была статья г. Вѣтринскаго объ «Остзейскомъ Вѣстникѣ», выходившемъ въ Ригѣ въ 1859 году, какъ о первой русской частной газетѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ № 3 «Рижскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ г. Н. Дубровскій указалъ, что попытка издавать въ Ригѣ русскую газету сдѣлана была гораздо ранѣе, именно въ 1816 г. пасторомъ Августомъ Албанусамъ. Въ настоящее время г. Вѣтринскій въ № 1 «Прибалтійскаго Листка», отыскавъ полный экземпляръ газеты Альбануса въ соборномъ музеѣ, даетъ о ней слѣдующія подробности. Газета «Россійское Еженедѣльное Изданіе въ Ригѣ» выходила съ 5 февраля 1816 г. по 30-е декабря; вышло всего 53 номера. Размѣръ газеты двѣ четвертушки обыкновеннаго писчаго теперешняго листа, въ два столбца. Издатель состоялъ губернскимъ директоромъ училищъ и въ качествѣ такового самъ былъ цензоромъ газеты, такъ какъ въ то время дѣйствовало положеніе о печати 1802 года. Въ качествѣ служащаго по министерству народнаго просвѣщенія, Албанусъ придалъ газетѣ характеръ полуофициальный, отчасти педагогическій, и педагоги были, повидимому, главными сотрудниками. Отмѣтка: печатать позволяется—подписана внизу: старшій учитель В. Ф. Кейслеръ. Въ первомъ номерѣ читаемъ: «Такъ какъ стараніемъ гг. учителей Твергинова и Сынгалевича, такъ же и гг. купцовъ Антипова и Федота Потапова Грезнова собралось достаточное число подписавшихся на издаваемое въ Ригѣ «Россійское Еженедѣльное Изданіе», то и выдается нынѣ первый номеръ онаго». Газета издавалась съ благотворительною цѣлью, въ пользу Рижскаго Екатерининскаго училища, которое предъ тѣмъ сгорѣло и въ которомъ и состояли учителями Твергиновъ и Сынгалевичъ. Благотворительная цѣль объясняетъ и высоту платы—20 рублей въ годъ. Печаталась газета довольно опрятно, на порядочной бумагѣ. Въ предварительномъ объявленіи о газетѣ, вышущенномъ въ октябрѣ 1815 года, издатель обѣщалъ давать по чет-

вертямъ отчетъ въ употребленіи доходовъ съ газеты; этихъ отчетовъ, однако, не находимъ. Содержаніе газеты должны были составлять: «1) краткія извѣстія и записки, касающіяся до училищъ, ученія и воспитанія; 2) краткое содержаніе важныхъ, общихъ и занимательныхъ извѣстій, взятыхъ изъ вѣдомостей; 3) краткія повѣсти и замѣчанія разнаго содержанія; 4) въ концѣ всякаго листка показанъ будетъ вексельный курсъ». Кромѣ того, былъ и отдѣлъ объявленій съ платою 20 коп. за строчку. Въ исполненіе перваго пункта этой программы на пространствѣ всего года печатались извѣстія о разныхъ училищахъ, преимущественно замѣтки о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ во внутренней Россіи различными лицами въ пользу различныхъ учебныхъ заведеній. Печаталось также въ каждомъ номерѣ собраніе афоризмовъ: «Нѣкоторые мнѣнія о воспитаніи». Къ тому же отдѣлу газеты принадлежатъ сообщенія «о наградахъ для благотворителей училищъ» (статья, печатавшаяся въ нѣсколькихъ номерахъ); объ отношеніяхъ школы и семьи; «справедливыя требованія учителей отъ родителей и опекуновъ» (№ 27), «существенныя преимущества публичнаго ученія предъ приватнымъ» (№ 15—18). Второй отдѣлъ газеты—«важныхъ, общихъ и занимательныхъ извѣстій, взятыхъ изъ вѣдомостей» — обширный отдѣлъ преимущественно иностранныхъ политическихъ извѣстій, отъ которыхъ вѣсть совершенно архаической стариной. Забавно читать, напр., частыя сообщенія о Наполеонѣ на островѣ св. Елены, причѣмъ называютъ его не иначе, какъ Бонапарте. Подборъ извѣстій вообще очень пестрый и случайный: напримѣръ, рядомъ сообщается о войнѣ Испаніи съ Америкой, объ изобрѣтеніи паровой стирки бѣлья и о запрещеніи папою употребленія пытокъ въ инквизиціи. Къ третьему отдѣлу, къ отдѣлу «краткихъ повѣстей и замѣтокъ разнаго содержанія», приходится отнести вещи въ родѣ перевода изъ Клопштоковой Мессіады, хорový на торжество вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ и т. п. Всѣ статьи «Россійскаго Изданія» не подписаны, такъ что неизвѣстно, кому принадлежалъ напечатанный въ газетѣ переводъ изъ «Мессіады» (6-я пѣсня) или «Стихи, поднесенныя его сіятельству господину рижскому военному губернатору маркизу Паулуччи на балѣ въ Муссѣ 23 октября 1816» (Мусса—нѣмецкое общественное собраніе). Стихи были поднесены на нѣмецкомъ языкѣ, — по случаю возвращенія губернатора изъ отпуска за границу, въ «Россійскомъ же Изданіи» появились они въ русскомъ переводѣ (№ 44). Мѣстныя извѣстія въ «Россійскомъ Еженедѣльномъ Изданіи» состояли исключительно изъ подобныхъ, но и то очень рѣдкихъ, отмѣтокъ о властяхъ. Не смотря на благія намѣренія Албануса и на желаніе его пробудить сочувствіе къ русскому школьному дѣлу, газета не пошла. Издержки по изданію издатель опредѣляетъ въ 1560 рублей банковыми ассигнаціями; для покрытія расходовъ требовалось около ста «пренумерантовъ». Такого «довольнаго числа» въ Ригѣ не нашлось, и пятьдесятъ третій номеръ былъ послѣднимъ номеромъ газеты, изъ членовъ редакціи которой Гавріилъ Тверитиновъ состоялъ учителемъ съ 1812 по 1821 годъ, Албанусъ же, извѣстный, какъ одинъ изъ основателей донныѣ существующаго въ Ригѣ «Литературно-практическаго союза гражданъ», родился въ 1765 году въ Саксоніи, умеръ въ 1839 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ, довольно скудныя, впрочемъ, и списокъ его сочиненій даны въ словарѣ прибалтійскихъ писателей Реке и Наперскаго.

† **И. Н. Кушнеревъ.** 10-го февраля въ Москвѣ скончался послѣ продолжительной болѣзни извѣстный московскій типографъ и издатель Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ. Покойный родился въ 1827 году, воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ полку. Издательская дѣятельность Кушнерава началась въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ. Онъ издавалъ здѣсь журналъ «Грамотей» и «Народную Газету», мѣнявшую свое названіе нѣсколько разъ («Всеобщая» и «Биржевая Газета») и прекратившуюся въ 1870 году. Одновременно покойный занялся журналистикой и беллетристикой. Ему, какъ автору, принадлежитъ рядъ статей по разнообразнымъ вопросамъ и нѣсколько рассказовъ изъ быта до-реформенной Россіи. Въ 1868 году И. Н. былъ назначенъ редакторомъ «Вѣдомостей Московской городской полиціи» и съ того времени сосредоточилъ свою дѣятельность въ Москвѣ. Завѣдуя полицейскою типографіей, онъ задумалъ учредить свою собственную, которая начала работать въ первое время въ незначительныхъ размѣрахъ, но затѣмъ, благодаря энергіи покойнаго, разрослась въ крупное предпріятіе, въ настоящее время находящееся въ рукахъ товарищества. Въ ряду многочисленныхъ изданій покойнаго имѣется нѣсколько весьма цѣнныхъ. Какъ хозяинъ типографіи, И. Н. относился съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ наборщиковъ, печатниковъ и другихъ мелкихъ рабочихъ печатнаго дѣла. На средства Кушнерава учреждена, между прочимъ, въ Клину общественная библіотека.

† **П. В. Жуковскій.** 11-го февраля въ С.-Петербургѣ скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ, старѣйшій изъ гласныхъ петербургской думы, камергеръ Жуковскій. Покойный родился въ С.-Петербургѣ 8-го іюня 1824 года и по окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ началъ службу въ Александрійскомъ гусарскомъ полку и находился въ венгерской и крымской кампаніяхъ. Во время обороны Севастополя онъ былъ адъютантомъ генералъ-кригсъ-комиссара В. Н. Назимова. Въ 1861 году оставилъ военную службу и былъ назначенъ столичнымъ мировымъ посредникомъ, а съ 1862 года состоялъ гласнымъ думы. Черезъ три года былъ избранъ товарищемъ старшины отдѣленія потомственныхъ дворянъ, затѣмъ въ члены главнаго управленія общества «Краснаго Креста». Когда Оренбургъ пострадалъ отъ пожара, онъ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ туда, для раздачи жителямъ города пособій. Со времени введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ и судебныхъ уставовъ П. В. Жуковскій состоялъ членомъ С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія и почетнымъ мировымъ судьей. Со времени передачи больницъ въ вѣдѣніе города, состоялъ попечителемъ больницы св. Пантелеймона и съ 1864 по 1872 годъ — попечителемъ городской Рождественской больницы; послѣдняя обязана въ значительной степени покойному своимъ возникновеніемъ. Не мало горячности и сердечности покойный внесъ въ дѣятельность русскаго общества покровительства животнымъ, возникшаго въ 1867 году по его почину и проекту, одобренному городскою думою. Предсѣдателемъ этого общества П. В. состоялъ до конца дней своихъ. При немъ это общество развилось и окрѣпло. Онъ устроилъ лѣчебницу для животныхъ, содѣйствовалъ уничтоженію пѣтушиныхъ боевъ, а также изданію книгъ и брошюръ, направленныхъ противъ жестокаго обращенія съ животными. Покой-

ный состоялъ также членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и при главномъ управленіи государственнаго коннозаводства. Въ за-вѣдываніи его находилось около 20-ти городскихъ начальныхъ училищъ. Но главная его дѣятельность была посвящена С.-Петербургской городской думѣ. Въ продолженіе 34 лѣтъ покойный перебивалъ членомъ и предсѣдателемъ во множествѣ думскихъ комиссій и всегда являлся однимъ изъ ревностѣйшихъ и аккуратнѣйшихъ посѣтителей думскихъ засѣданій, въ которыхъ рѣдко сидѣлъ молча, въ большинствѣ случаевъ принимая участіе въ преніяхъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ. Нѣкоторое время П. В. былъ членомъ городской управы, но всего долѣе состоялъ предсѣдателемъ городской санитарной комиссіи. Въ эту должность онъ избранъ былъ впервые въ 1865 году и потомъ, послѣ продолжительныхъ иногда перерывовъ, не разъ опять въ нее избирался. Въ послѣдній разъ онъ вновь занялъ эту должность въ 1890 году и съ тѣхъ поръ не оставлялъ уже ея до самой смерти. Кромѣ того, онъ состоялъ долгое время предсѣдателемъ комиссіи по надзору за освѣщеніемъ столицы. Часы досуга П. В. посвящалъ литературѣ и живописи; свои произведенія онъ печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», въ нѣкоторыхъ газетахъ, особенно въ «Голосѣ», редакціи А. А. Краевского. Стихотворенія эти появились въ 1886 году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Мои досуги».

† **А. К. Балкинъ.** 15-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ Алфей Кро-нидовичъ Галкинъ—авторъ многихъ юмористическихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Шутѣ», «Стрекозѣ» и въ «Петербургскомъ Листкѣ». Покойный писалъ подъ разнообразными псевдонимами «Евгихій Бомба», «Гномъ», «Питъ» и др. Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Петербургскаго Листка» и «Новостей». А. К. родился въ 1858 году, образованіе получилъ въ Технологическомъ институтѣ, но курса въ немъ не кончилъ.

† **К. А. Козьминъ.** 18 февраля въ Москвѣ скончался скоропостижно преподаватель московскаго учительскаго института, Константинъ Андреевичъ Козьминъ. Уроженецъ Архангельской губ., сынъ сельскаго священника, онъ учился въ мѣстной духовной семинаріи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Выпущенный оттуда въ 1873 году со степенью кандидата, онъ занялъ мѣсто учителя въ 1-й Московской гимназій, но очень скоро былъ переведенъ преподавателемъ русскаго языка въ Московскій учительскій институтъ. За время своего пребыванія въ этой должности онъ позаботился составить рядъ хорошихъ учебниковъ, руководствъ и пособій по русскому и церковно-славянскому языку, приобрѣвшихъ извѣстность въ педагогическомъ мѣрѣ. Такъ, покойному принадлежали: «Русская хрестоматія для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ» (М., 1876), теперь достигшая 10-го изданія, «Элементарная грамматика для городскихъ училищъ» (М., 1878, пять изданій), «Грамматика церковнославянскаго языка новаго періода» (М., 1880, семь изданій), «Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи» (М., 1882), «Теорія словесности» (М., 1883), «Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей» (М., 1883), причемъ въ составленіи «Теоріи словес-

ности» и «Биографій» принималъ нѣкоторое участіе и В. И. Покровский, «Начальная хрестоматія» (М., 1884), «Приготовительный курсъ грамматики русскаго языка» (М., 1884), «Церковно-славянская хрестоматія» (М., 1885), «Ореографическія прописи» (М., 1885), «Образцы систематическаго диктанта» (М., 1886, двѣ части, пять изданій) и «Синтаксисъ русскаго языка, съ приложеніемъ задачника» (М., 1888). Кромѣ того, подъ редакціей покойнаго были изданы для школъ «Сочиненія Пушкина» (М., 1882, три тома).

† **Д. П. Григорьевъ.** 21-го февраля, въ С.-Петербургѣ скончался внезапно членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генераль-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Григорьевъ. Покойный родился въ 1827 г., образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и въ Михайловской артиллерійской академіи. Будучи молодымъ офицеромъ, онъ принималъ участіе въ кампаніи 1853—1855 гг., сражаясь съ турками на азиатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. За отличіе въ дѣлѣ при Кюрюкдере получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени. Затѣмъ Д. П. находился въ составѣ войскъ, покорившихъ Кавказъ, служилъ правителемъ дѣлъ окружнаго артиллерійскаго управленія въ Москвѣ и начальникомъ отдѣленія главнаго артиллерійскаго управленія. Когда началась послѣдняя русско-турецкая война, онъ былъ назначенъ командиромъ 12-й артиллерійской бригады, входившей въ составъ рущукскаго отряда. Знаніе артиллерійскаго дѣла, замѣчательное хладнокровіе и умѣлую распорядительность покойный проявилъ въ трестеникскомъ бою у Ханъ-Гюль-Чесме. Чинъ генераль-майора, золотое оружіе и орденъ св. Станислава 1 ст. съ мечами были наградными отличіями Д. П.-ча. Въ концѣ войны онъ занималъ должность помощника начальника артиллеріи дѣйствовавшей арміи, съ 1880 по 1883 г. былъ помощникомъ начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа, затѣмъ до 1892 г. помощникомъ начальника главнаго артиллерійскаго управленія генераль-адъютанта Л. П. Софіано и одновременно членомъ комитета по мобилизаціи войскъ. Занимая видный постъ въ артиллерійскомъ управленіи, Д. П. принималъ непосредственное участіе въ занятіяхъ разнообразныхъ комиссій по вопросамъ, касавшимся усовершенствованій строевой части нашей артиллеріи. Часы досуга онъ посвящалъ изученію богословія и философіи. Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ назовемъ: «Сущность христіанскаго ученія» (переведена на англійскій языкъ), «Вопросы христіанской жизни» (по поводу сочиненія графа Л. Н. Толстого — «Въ чемъ моя вѣра»), «Чрезвычайныя дѣйствія св. Духа въ церкви», «Смыслъ жизни въ твореніи». Послѣ него осталась богатѣйшая бібліотека богословскихъ сочиненій. Въ день 75-лѣтія Михайловскаго училища, Д. П. былъ избранъ въ члены конференціи Михайловской артиллерійской академіи. Его служба отмѣчена многими царскими наградами: орденами св. Александра Невскаго, Вѣлаго Орла и др.

† **С. А. Бершадскій.** Въ ночь на 22-е февраля скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни профессоръ С.-Петербургскаго университета Сергій Александровичъ Бершадскій. Покойный родился 18-го марта 1850 г. въ гор. Бердянскѣ, Таврической губ.; первоначальное образованіе получилъ въ керченскомъ уѣздномъ училищѣ (1857—1862 гг.), откуда перешелъ въ 1863 г. во вновь открытую керченскую Александровскую гимназію, гдѣ въ 1868 г. окон-

чилъ курсъ съ золотой медалью. Въ томъ же году онъ поступилъ въ Новоросійскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1872 году и, по представленіи диссертациі «О кредитныхъ учрежденіяхъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II», былъ удостоенъ степени кандидата правъ и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ государственнаго права. Въ 1874 году переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ заниматься подъ руководствомъ покойнаго профессора Градовскаго. Выдержавъ въ 1876 г. экзаменъ на степень магистра государственнаго права, былъ въ слѣдующемъ году приглашенъ для чтенія лекцій во вновь преобразованную военно-юридическую академію. Въ 1878 г. былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя для чтенія лекцій по исторіи философіи права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Защитивъ въ 1883 г. докторскую диссертацию, подъ заглавіемъ «Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго быта отъ Витовта до Люблинской уніи 1388—1569 гг.» (къ ней два тома приложеній «Документы и реестры къ исторіи литовскихъ евреевъ, извлеченные изъ метрики литовской, кievскаго и виленскаго центральныхъ архивовъ съ 1388 по 1569 г.»), С. А. приступилъ къ собранію въ метрикахъ литовской документовъ, относящихся къ внутреннимъ отношеніямъ великаго княжества Литовскаго съ древнѣйшихъ временъ до 1529 г. Результатомъ занятій по этому предмету явилось собраніе значительнаго количества данныхъ, къ обнародованію которыхъ С. А. Бершадскій и приступилъ по порученію археографической комиссіи въ 1889 г. Въ настоящее время вышли уже изъ печати два огромныхъ тома. Въ 1883 г. С. А. по избраніи совѣтомъ утвержденъ былъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права. Въ 1884 году былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по этой же кафедрѣ, а въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ въ Императорскій Александровскій лицей преподавателемъ полицейскаго права; въ 1888 году перешелъ къ преподаванію исторіи русскаго права. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ С. А. читалъ лекціи почти до послѣднихъ дней своей жизни. Изъ учено-литературныхъ трудовъ покойнаго укажемъ еще на на «Михель изъ Бреста», «Исторія виленской еврейской общины съ 1593 по 1649 г.», «Л. Е. Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго», «Лекціи по исторіи философіи права», «Еврей король польскій: Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія», «Очерки исторіи философіи права», «Въ изгнаніи», «Иерусалимскіе дворяне», «Переселеніе», «Матеріалы къ исторіи евреевъ въ Польшѣ», «О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литовскому праву», «Литовскій статутъ и польскія конституціи» и мн. другихъ.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Когда началась литературная дѣятельность Ф. М. Достоевскаго?

Этотъ вопросъ, повидимому, рѣшенъ вполне опредѣленно: 24 января текущаго года чествовалась память Ф. М. Достоевскаго по случаю исполнившагося въ этотъ день 50-лѣтїя со времени выхода въ свѣтъ перваго произведенїя знаменитаго писателя — «Бѣдные люди». («Историческій Вѣстникъ», № 3, стр. 1010). Но есть причина сомнѣваться въ правильности и точности этого рѣшенїя. День 24 января 1846 года считаютъ днемъ начала литературной дѣятельности Достоевскаго потому, что въ «Сѣверной Пчелѣ» за это число появилось извѣщенїе о выходѣ въ свѣтъ того изданїя, въ которомъ напечатана первая повѣсть будущаго автора «Преступленїя и наказанїя», «Карамазовыхъ» и проч. Однако, легко уяснить, насколько шатко основанїе считать днемъ начала чьей бы то ни было литературной дѣятельности тотъ день, въ который газета сообщаетъ о выходѣ въ свѣтъ перваго произведенїя этого писателя. День такого сообщенїя можетъ не только не совпадать со днемъ начала литературной дѣятельности, но даже и со днемъ дѣйствительнаго выхода въ свѣтъ извѣстной литературной работы.

Такъ оно оказывается и въ настоящемъ случаѣ. Нельзя, конечно, точно установить день собственно начала литературной дѣятельности, т. е., когда именно зародилось въ писателѣ его призванїе, или когда пришла ему впервые мысль написать свое первое произведенїе. Въ рѣдкихъ случаяхъ изысканїя библиографовъ въ этомъ направленїи могутъ увѣнчиваться успѣхомъ, но не по отношенїю къ Достоевскому. Тѣмъ не менѣе возможно гораздо точнѣе опредѣлить время появленїя «Бѣдныхъ людей», чѣмъ это теперь сдѣлано.

Если считать этимъ днемъ день цензурной помѣтки, — что будетъ во всякомъ случаѣ основательнѣе, чѣмъ принимать во вниманїе газетныя извѣщенїя, — то «Бѣдные люди» появились въ свѣтъ 12 января 1846 года. Этимъ числомъ помѣчено цензурное дозволенїе печатать изданный Н. А. Некрасовымъ «Петербургскій Сборникъ», въ которомъ Достоевскій помѣстилъ свою первую повѣсть. Но есть и другое, столь же вѣское доказательство того, что днемъ начала литературной дѣятельности Достоевскаго нѣтъ причинъ считать 24-е января 1846 г. Это — свидѣтельство самого Достоевскаго. Въ письмѣ къ своему брату онъ точно обозначаетъ, что «Бѣдные люди» вышли въ читающую публику 15 января 1846 г. («Біографїя, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», Спб., 1883, стр. 43, 44 и 65). Разъ самъ писатель удостоверяетъ, вполне согласно съ обстоятельствами цензурнаго дозволенїя къ печати, что первое произведенїе его появилось 15 января 1846 г., — нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ отвергать это показанїе.

Все сказанное приводитъ къ заключенїю, что днемъ начала литературной дѣятельности Ф. М. Достоевскаго слѣдуетъ считать 15 января 1846 года.

Алексѣй Ярцевъ.

II.

Письмо въ редакцію.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» текущаго года А. А. Титовъ напечаталъ некрологъ, скончавшагося въ Новгородѣ, въ декабрѣ прошлаго года, Александра Ильича Тимоѣева. Въ приложеніи къ этому некрологу г. Титовъ напечаталъ списокъ трудовъ Тимоѣева (1838 — 1893) и въ предисловіи къ нему пишетъ: «Не задолго до своего увольненія (1 ноября 1894) Тимоѣевъ напечаталъ (на отдѣльномъ листкѣ) перечень своихъ трудовъ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, которые Александръ Ильичъ и роздалъ ближайшимъ друзьямъ и знакомымъ. Мы и помѣщаемъ здѣсь эту послѣднюю печатную работу покойнаго, которая хотя и въ сухомъ перечнѣ указываетъ, что сдѣлано имъ для науки».

Въ этотъ списокъ, подъ рубрикою: Принималъ участіе въ изданіяхъ, попали и мои труды:

- 1) 1882. Описаніе рукописей Археографической комиссіи.
- 2) 1885—1887. Странствованія Василя Барскаго по Святымъ мѣстамъ Востока и
- 3) 1888—1893. Жизнь и труды М. П. Погодина (книги 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7)¹⁾.

Въ интересахъ правды я долженъ заявить, что все участіе Тимоѣева въ моихъ трудахъ ограничивалось исключительно въ держаніи имъ, за извѣстную плату, послѣдней корректуры.

Н. Варсуковъ.

¹⁾ Корректурныя сношенія мои съ А. И. Тимоѣевымъ прекратилась шестою книгою.

XX.

Мнѣ удалось уснуть отъ трехъ часовъ ночи до разсвѣта, а утромъ мы были у обѣдни въ Козо. На широкой балконъ одного изъ домовъ, на углу улицы, по праздникамъ выносился алтарь, и служилась обѣдня, такъ что всѣ могли видѣть патера. Картина эта была очень трогательна, особенно въ тѣ минуты, когда всѣ молящіяся становились на колѣни, и глухой шопотъ молитвы раздавался съ конца въ конецъ площади.

Вскорѣ послѣ обѣдни я замѣтилъ, что со стороны рынка идетъ группа взволнованныхъ, кричащихъ людей. Монахи старались успокоить толпу, но люди не внимали голосу разума, и въ ихъ рукахъ билась какая-то жертва. Возбужденная толпа остановилась на площади, гдѣ стояла висѣлица, и скоро въ одной изъ петель показалась человѣческая фигура, качнувшаяся въ воздухѣ и испустившая духъ.

Вскорѣ на деревянной дощечкѣ у висѣлицы появилась слѣдующая надпись:

«За убійство больныхъ утаеніемъ двадцати тысячъ кроватей».

Это былъ несчастный Фернандо Эстальо, смотритель дома общественнаго призрѣнія. Въ то время какъ больные и раненые умирали на холодныхъ плитахъ церквей, у него напли огромное количество постелей, въ скрѣпѣ которыхъ онъ не могъ оправдаться. Разумѣется, количество ихъ двадцать тысячъ было преувеличено. Народная ярость разразилась надъ Эстальо, и не было никакой возможности сдержать ее. Нѣкоторые утверждали, что этого человѣка невиненъ. Многіе оплакивали его смерть, но съ траншей поднялся огонь, и никто потомъ и не вспомнилъ о повѣшенномъ.

Въ этотъ день Палафоксъ издалъ прокламацію, которою старался поднять духъ народа, обѣщая степень капитана тому, кто станетъ во главѣ сотни людей, и угрожая висѣлицей и конфискованіемъ имущества тѣмъ, кто немедленно выступитъ на защиту города. Все это было признакомъ приближающейся опасности и доказывало затруднительное положеніе властей.

Этотъ день былъ ознаменованъ атакой монастыря св. Моника, защищаемаго волонтерами Хухека. Еще наканунѣ и втеченіе всей ночи французы бомбардировали это зданіе. Наши батареи отказывались служить, и пришлось сдвинуть съ нихъ пушки, что и было исполнено храбрецами подъ открытымъ непріятельскимъ огнемъ. Французы открыли наконецъ брешь, проникли въ садъ и хотѣли завладѣть зданіемъ, несмотря на то, что два раза уже въ предыдущіе дни была отпарирована атака.

Полководецъ Ланесъ, раздраженный этимъ выходившимъ изъ ряду вонъ упорствомъ сарагосцевъ, приказалъ взорвать монастырь, чтобы такимъ образомъ легче овладѣть имъ. Дѣйствительно послѣ

шести часовъ артиллерійскаго огня восточная стѣна упала, и французы, не теряя времени, бросились на монастырь. Видя, что они наступаютъ, Вильякампа, начальникъ отряда волонтеровъ, и Палафоксъ, не покидавшій опаснаго пункта, стали торопливо закладывать брешь мѣшками съ шерстью и пустыми ящиками изъ-подъ ружей. Французы съ бѣшенствомъ двинулись къ стѣнѣ, но послѣ непродолжительной схватки грудь съ грудью отступили. Втеченіе ночи они продолжали бомбардировать монастырь.

На слѣдующій день они рѣшили сдѣлать новую атаку, предполагивъ, что никто не станетъ защищать этотъ каменный скелетъ, но ошиблись въ этомъ. Они пробили дверь въ пріемную комнату, но въ продолженіе всего утра не завладѣли ни однимъ уголкомъ монастыря.

Уже подъ вечеръ провалилась крыша съ восточной стороны зданія. Третій этажъ, весь прострѣленный, не могъ сдержать тяжести и рухнулъ на второй, второй опустился на нижній, который не могъ удержать всего зданія и провалился, похоронивъ подъ собою сотни людей. Казалось естественнымъ, что остальные, напуганные этой катастрофой, оставятъ защиту, но этого не случилось. Французы завладѣли частью монастыря, и, чтобы пробраться въ другую, приходилось прокладывать дорогу среди развалинъ. Пока они занимались этимъ, остатокъ волонтеровъ Хухека занялъ лѣстницу, добрался до уцѣлѣвшей стѣны верхняго этажа и бросалъ на осаждающихъ ручныя гранаты.

Между тѣмъ, новые отряды французовъ проникли въ церковь и атаковали храбрыхъ волонтеровъ, въ то время, какъ оставшіеся внизу непріятельскіе отряды стали подниматься по лѣстницѣ. Волонтеры, очутившись межъ двухъ огней, были какъ въ западнѣ. Еще оставалась слабая возможность пробраться по одному въ верхнюю часть церкви, но они готовы были скорѣе умереть, чѣмъ сдать.

Они побѣжали на верхъ, все еще надѣясь на счастливый исходъ. Ихъ обстрѣливали съ двухъ сторонъ. Когда раздался послѣдній выстрѣлъ—это было знакомъ того, что погибъ послѣдній человекъ. Нѣкоторымъ удалось выскочить черезъ узкій корридоръ на улицу; отсюда выскочилъ и Педро Вильякампа, командиръ баталіона волонтеровъ. Очутившись на улицѣ, онъ машинально оглядѣлся по сторонамъ, ища своихъ солдатъ.

Весь этотъ день мы, находясь въ домахъ, прилегающихъ къ улицѣ Паломаръ, стрѣляли по непріятелю, осаждавшему монастырь. Еще до окончанія битвы мы поняли, что не оставалось никакой возможности для защиты монастыря св. Моники, и самъ донъ Хозе де Монторіа, находившійся съ нами, признался въ этомъ.

— Волонтеры Хухека не дурно вели себя,—сказалъ онъ.—Сейчасъ видно, что это славные молодцы. Теперь мы поручимъ имъ

защиту этихъ домовъ, что направо... но мнѣ сдается, что не осталось ни одного. Вонъ выходитъ Вильякампа. А Мендьета, Пауль, Бенедикто и Олива? Очевидно, всѣ они остались на мѣстѣ осады.

Такимъ образомъ, монастырь св. Моники перешелъ во власть Франціи.

XXI.

Да проститъ мнѣ читатель, если я не сумѣю въ точности обозначить всѣ числа съ 27 января до половины слѣдующаго мѣсяца. Все случившееся въ эти дни, всѣ удачи и неудачи перемѣшиваются въ такой пестрой амальгамѣ, что я иногда не понималъ самъ, происходитъ ли сраженіе днемъ или ночью. Мнѣ кажется, что все это произошло въ теченіе длиннаго дня или безконечной ночи, и что время тогда не смѣнялось въ своемъ обычномъ порядкѣ. Факты, люди, впечатлѣнія соединяются въ моемъ воспоминаніи въ какую-то цѣльную, но не ясную картину, съ минутнымъ ужасомъ, необъяснимою паникою и кратковременной радостью.

Поэтому я не могу въ точности опредѣлять дня, когда случилось то, что я хочу сейчасъ рассказать. Если не ошибаюсь, это было на слѣдующій день послѣ осады св. Моники, 30 января. Мы заняли одинъ изъ домовъ въ улицѣ Пабостро. Французы расположились въ сосѣднемъ и пытались внутренними дворами пройти къ заставѣ Квемада. Ничто не можетъ сравниться съ битвой внутри домовъ, никакой способъ войны, ни кровавая рѣзня въ открытомъ полѣ, ни баррикады на улицахъ, словомъ, ничто не сравнится съ этими схватками враждебныхъ отрядовъ, одинъ изъ которыхъ находится въ спальнѣ, а другой въ гостиной, одинъ въ верхнемъ этажѣ дома, другой въ нижнемъ.

Мы слышали стукъ заступовъ съ разныхъ сторонъ и не могли понять, съ какой именно стороны насъ атакуютъ. Мы поднимались на чердаки, спускались въ подвалы, прикладывали уши къ землѣ, чтобъ узнать, въ какомъ направленіи непріятель ведетъ свои работы. Наконецъ мы замѣтили, что перегородка комнаты, въ которой мы находились, начинаетъ сильно качаться. Наскоро сдѣлавъ баррикады изъ мебели, мы стали ждать, стоя у дверей.

Французы проломали щель и начали растаскивать, съ видимымъ намѣреніемъ выгнать насъ изъ комнаты. Насъ было двадцать человекъ. Ихъ было меньше; очевидно, не ожидая этой встрѣчи, они отступили, но затѣмъ немедленно вернулись и теперь уже далеко превышали насъ численностью. Произошла схватка, послѣ которой мы принуждены были уйти, оставивъ у барикады пятерыхъ товарищей: трехъ раненыхъ и двухъ мертвыхъ.

Въ широкомъ корридорѣ мы натолкнулись на лѣстницу, бросились по ней, не зная, куда она ведетъ, и очутились въ большомъ

погребѣ, очень удобномъ для защиты. Лѣстница была узка, и французы, преслѣдовавшіе насъ, умирали на мѣстѣ отъ нашихъ выстрѣловъ. Тутъ мы просидѣли довольно долго, когда вдругъ почувствовали, что на стѣну погреба посыпались глухіе удары, и сразу поняли, что французы, обойдя кругомъ, хотятъ встрѣтить насъ двойнымъ огнемъ. Насъ было тринадцать, двое тяжело раненыхъ не могли тронуться съ мѣста.

Дядя Гарчесь, командовавшій нами, злобно крикнулъ:

— Чортъ побери! Не дадимся же мы этимъ собакамъ! Въ крышкѣ есть слуховое окно, выберемъ черезъ него на крышу. Пусть шесть человекъ идутъ впередъ и стрѣляютъ въ того, кто захочетъ сюда пробраться. Остальные пусть подождутъ здѣсь.

Его слова были приведены въ исполненіе. Въ то время, какъ одни обстрѣливали непріятели, остальные начали прокладывать дорогу. Все совершалось съ лихорадочной торопливостью, и скоро окно проломили настолько, что въ него сразу могли вылѣзть трое. Мы счастливо выбрались на крышу. Теперь насъ было только девять; трое осталось въ погребѣ, одинъ оказался раненымъ при вылазкѣ и живьемъ попалъ во власть французовъ.

Очутившись наверху, мы запрыгали отъ радости. Мы взглянули черезъ крыши предмѣстья и увидали вдали французскія батареи. Начетверенькахъ, ощупывая осторожно крышу, поползли мы впередъ, предварительно оставивъ у отверстія стражу, отдавъ приказъ стрѣлять въ непріятели, если окажется погоня. Едва подвинулись мы шаговъ на двадцать, какъ до насъ долетѣлъ шумъ и громкій смѣхъ французовъ. Дѣйствительно эти негодяи смотрѣли на насъ съ хохотомъ съ высокаго чердака. Они не замедлили открыть по насъ огонь, но мы, прячась за трубы и повороты крыши, отвѣчали имъ выстрѣлами на выстрѣлы и самыми отборными ругательствами изъ лексикона дяди Гарчеса на ихъ ругательства.

Наконецъ намъ удалось перескочить на крышу сосѣдняго дома. Мы думали, что онъ во власти нашихъ, и рассчитывали пробраться черезъ чердакъ внутрь, а оттуда на улицу, гдѣ, соединившись съ какимъ нибудь отрядомъ, могли бы продолжать эту стрѣльбу въ корридорахъ, на лѣстницахъ, на крышахъ и въ погребахъ. Не успѣли мы опустить ногъ на полъ, какъ услышали снизу подъ собою шумъ и крики.

— Тамъ дерутся,—сказалъ дядя Гарчесь,—я увѣренъ, что это французы перешли изъ того дома, въ которомъ осаждали насъ, въ этотъ и встрѣтились съ нашими. Чортъ побери! Спустимся сію же минуту внизъ. Всѣ внизъ, всѣ!

Переходя изъ одного чулана въ другой, мы нашли ручную лѣстницу, съ помощью которой проникли внутрь дома. Передъ нами находилась дверь, изъ-за нея слышался шумъ и крикъ, преимущественно женскихъ голосовъ. Но прислушавшись мы поняли, что

этотъ гулъ доносился не отсюда, а, очевидно, съ нижняго этажа. Мы спустились ниже и вошли въ большую комнату, буквально переполненную народомъ, стариками, женщинами и дѣтьми, искавшими здѣсь безопасности и убѣжища. Многие валялись на полу въ мукахъ страшной болѣзни, нѣсколько неподвижныхъ тѣлъ въ углу, казалось, только что испустили духъ.

Тутъ было не мало раненыхъ, которые не въ силахъ были сдерживать свои жалобные стоны; двѣ или три старухи плакали и молились. Раздавались тоскливые возгласы: «Воды! воды!» Зрѣлище было поражающее.

Едва вошелъ я въ комнату, какъ увидаль въ углу дядю Кандіолу, старательно охранявшаго кучу платья и разной кухонной и столовой посуды. Неумолимымъ жестомъ отгонялъ онъ дѣтей, интересовавшихся этими предметами, и въ страшномъ безпокойствѣ, охраняя свои сокровища, чтобы не пропала ни одна мелочь, говорилъ:

— У меня уже украли двѣ чашки. Нѣтъ сомнѣнія, онѣ спрятаны у кого нибудь изъ находящихся здѣсь. Нигдѣ нѣтъ безопасности; нѣтъ властей, охраняющихъ собственность. Прочь отсюда, скверные мальчишки! О, до чего мы дожили!.. Да будутъ прокляты бомбы и тѣ, кто ихъ придумалъ! Сеньоры военные, вы пришли какъ разъ во время. Не можете ли вы поставить сюда двухъ сторожей, чтобы они охраняли эти драгоценныя вещи, которыя мнѣ удалось спасти съ такимъ трудомъ?

Само собою разумѣется, что мои товарищи засмѣялись на эту невинную претензію. Мы уже выходили, когда я увидаль Мариквилью. Несчастная дѣвушка страшно измѣнилась отъ бессонныхъ ночей, слезъ и страха, но эта грусть придавала еще больше прелести ея красивому лицу. Увидавъ меня, она тотчасъ же бросилась ко мнѣ, какъ бы желая что-то сказать.

— Гдѣ Августинъ?—спросилъ я ее.

— Онъ внизу, — отвѣтила она дрожащимъ голосомъ. — Внизу идетъ сраженіе. Лица, спрятавшія насъ здѣсь, разошлись въ разные стороны. Мой отецъ пришелъ сегодня утромъ съ доньей Гведитой. Августинъ приносилъ намъ обѣдъ и далъ намъ комнату, гдѣ есть кровать. Вдругъ внизу раздались стуки... пришли французы. Появилось войско, намъ велѣли выйти, перенесли больныхъ и раненыхъ въ эту верхнюю залу, тутъ всѣхъ насъ заперли, а потомъ французы встрѣтились съ испанцами, и началась рѣзня... Ай, Августинъ также внизу...

Когда она говорила это, вошла Мануэла Санхо съ двумя ведрами воды для раненыхъ. Эти несчастные въ изступленіи повскакали съ своихъ мѣсть, отбивая другъ у друга стаканъ воды.

— Не торопитесь, не толкаться, сеньоры, — смѣясь, сказала Мануэла. — Воды всѣмъ достанетъ. Наши побѣждаютъ. Нелегко было

вытѣснить непріятеля изъ спальни, теперь наши отвоевываютъ половину залы, потому что другая половина ужъ отвоевана. Они не отнимутъ у насъ ни кухни, ни лѣстницы. Весь полъ покрытъ трупами.

Мариквилья вздрогнула отъ ужаса.

— Я хочу пить,—сказала мнѣ она.

Я сейчасъ же попросилъ воды у Мануэлы, но такъ какъ единственный оказавшійся на лицо стаканъ переходилъ отъ устъ къ устамъ, то я, чтобы не ждать, взялъ одну изъ чашекъ, находившихся въ числѣ сокровищъ дяди Кандіолы.

— Эй, сеньоръ,—крикнулъ онъ, схвативъ меня за руку,—оставьте эту чашку.

— Эта сеньорита только напьется изъ нея,—отвѣтилъ я раздраженно.—Неужели вамъ жалко?

Скупецъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и не препятствовалъ напоить его дочь; но когда она утолила свою жажду, одинъ изъ раненыхъ жадно выхватилъ чашку изъ ея рукъ, и она такъ же, какъ и стаканъ, стала переходить отъ устъ къ устамъ. Когда я выходилъ, чтобы соединиться съ моими товарищами, я замѣтилъ, что донъ Иеронимо слѣдилъ очень недовольнымъ взглядомъ за драгоценнымъ предметомъ, все не попадавшимъ въ его руки.

Мануэла Санхо была права, говоря, что мы побѣждаемъ. Французы, выгнанные изъ нижняго этажа дома, перешли въ слѣдующій, гдѣ также были встрѣчены нашими. Когда я вышелъ, битва сосредоточилась въ кухню и поддерживалась съ необычайнымъ ожесточеніемъ. Много труповъ той и другой національности лежало на полу, залитомъ кровью.

Нѣсколько поселянъ и солдатъ, раздраженныхъ упорствомъ непріятелей, такъ стоявшихъ за эту кухню, изъ которой сыпался на насъ цѣлый градъ огня, бросились внутрь ея съ пиками. Много людей погибло, но этимъ порывомъ рѣшилась судьба комнаты.

Французы, испуганные этой неожиданной рѣзней, стали искать выхода, перебѣгая изъ комнаты въ комнату. Мы преслѣдовали ихъ по корридорамъ, по верандамъ, путаясь въ этомъ незнакомомъ лабиринтѣ, убивали ихъ, гдѣ только могли; нѣкоторые изъ нихъ въ отчаяніи выскакивали въ окна. Такимъ образомъ, отнявъ этотъ домъ, мы отняли и сосѣдній, заставляя непріятеля держаться лишь своихъ позицій, то-есть двухъ первыхъ домовъ въ улицѣ Пабостро.

Послѣ этого мы стали выносить раненыхъ и убитыхъ. Среди раненыхъ я съ ужасомъ увидалъ Августина Монторія, но по счастью онъ былъ раненъ только въ правое плечо. Мой батальонъ въ этотъ день уменьшился на половину.

Несчастные, скрывавшіеся въ залѣ этого дома, хотѣли снова устроиться въ опустѣвшихъ комнатахъ, но это сочли неудобнымъ,

имъ пришлось покинуть этотъ домъ и искать себѣ убѣжища въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

Каждый день, каждый часъ, каждую минуту, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число жертвъ отъ огня и эпидеміи, увеличивалась и трудность военныхъ дѣйствій. Мы завидовали тѣмъ, которые были погребены подъ развалинами взорванныхъ домовъ въ улицѣ Помаръ, близъ св. Энграціи. Поистинѣ достойны были жалости тѣ несчастные, которые кучами лежали по угламъ, страдая смертельными ранами. Медицинская помощь могла быть оказана лишь той части больныхъ. Доброта и милосердіе женщинъ, горячая дѣятельность госпиталей, помощь горожанъ, всего этого было мало.

Наступилъ день, когда защитниками овладѣло такое тупое, жестокое равнодушіе, что они смотрѣли на кучи мертвыхъ такъ же, какъ на кучи мѣшковъ съ шерстью; мы уже привыкли безъ сожалѣнія смотрѣть на группы раненыхъ, переносимыхъ въ дома, гдѣ они лѣчились, какъ могли и чѣмъ могли. Мы такъ изстрадались, что потребности тѣла какъ будто перестали существовать, мы жили только духомъ. Постоянная опасность развила въ насъ полнѣйшее равнодушіе къ жизни. Каждый ожидалъ, что онъ можетъ умереть черезъ минуту, и эта мысль никого не смущала.

Помню, я слышалъ, какъ рассказывали объ атакѣ монастыря Тринитаріевъ, сказочныя чудеса и неимоверная храбрость защищавшихъ казались мнѣ дѣломъ вполне естественнымъ и логическимъ.

Не знаю, говорилъ ли я, что рядомъ съ св. Моникой помѣщался монастырь Августиновъ, довольно крѣпкое зданіе съ небольшою церковью, очень неправильно построенной, и обширнымъ домомъ. Такимъ образомъ становилось несомнѣннымъ, что французы, завладѣвъ св. Моникой, постараются взять также и этотъ монастырь, чтобы завладѣть въ предмѣстьи двумя выдающимися позиціями.

— Намъ не посчастливилось защищать св. Монику, — сказалъ мнѣ Пирли, — за то сегодня намъ придется до послѣдней капли крови постоять за стѣны Санъ-Августина. Экстрамадура не въ силахъ защитить его, такъ вотъ приказано двинуться и намъ. А что насчетъ награды, другъ Арачели? Правда ли, что насъ съ вами произвели въ сержанты?

— Я ничего не знаю, другъ Пирли, — отвѣтилъ я, и дѣйствительно я не зналъ о моемъ восшествіи на іерархическую степень сержанта.

— Это такъ; вчера вечеромъ объявилъ генералъ. Сеньоръ де-Арачели первый сержантъ, а сеньоръ де-Пирли второй. Мы по истинѣ заслужили повышеніе, спасибо еще, что остались плечи, чтобъ надѣть напивки. Мнѣ говорили также, что Августинъ Монторія произведенъ въ офицеры за его храбрую защиту въ домахъ. Вчера поздно вечеромъ въ батальонѣ Санъ-Педро осталось только четыре сержанта, одинъ офицеръ, одинъ полковникъ и двѣсти солдатъ.

— Посмотримъ, другъ Пирли, не заслужимъ ли мы сегодня новыхъ повышеній.

— Всякій старается заслужить ихъ. Я думаю, что нѣсколько солдатъ, уцѣлѣвшихъ изъ батальона Хухека, будутъ произведены въ генералы. Барабаны уже бьютъ выступленіе. У тебя есть чтонибудь закусить?

— Почти ничего.

— Мануэла Санхо дала мнѣ четыре сардины, я раздѣлю ихъ съ тобою. Я думаю, ты и забылъ вкусъ вина? Я говорю это потому, что вотъ уже нѣсколько дней намъ не давали ни капли... Здѣсь ходятъ слухи, что намъ дадутъ немножко вина, когда окончится атака Санъ-Августина. Было бы очень грустно умереть, не попробовавъ даже, какой въ немъ вкусъ. Еслибъ они послушались моего совѣта, то дали бы намъ его до начала сраженія, чтобъ можно было умереть съ удовольствіемъ... Но комитетъ аббатовъ отвѣтилъ бы мнѣ: «Вина не много, и если раздѣлить его теперь, то каждому достанется по три капли. Подождемъ до вечера, и такъ какъ будетъ чудомъ, если отъ защитниковъ Санъ-Августина останется хоть четвертая часть, то всѣмъ хватить въ волю».

Веселый Пирли даже и въ такое тяжелое время готовъ былъ шутить. Однако, намъ некогда было разговаривать, мы присоединились къ отряду Экстрамадуры, квартировавшему въ однѣхъ казармахъ съ нами, когда раздался оглушительный гулъ, и къ намъ подбѣжалъ монахъ.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ,—взорвали стѣну рядомъ съ монастыремъ св. Моники и пробрались въ церковь. Бѣгите скорѣе туда; французы заняли одинъ придѣлъ, но это еще не важно. Если вы поспѣете во время, то успѣете занять главный придѣлъ, капеллы и хоры. Да хранить васъ Пиларская Богоматерь, и да здравствуетъ батальонъ Экстрамадуры!

Въ глубокомъ молчаніи двинулись мы къ церкви.

XXII.

Добрые отцы напутствовали насъ ободряющими словами. Нѣкоторые изъ нихъ, смѣшиваясь съ рядами солдатъ, говорили:

— Дѣти, не отчаивайтесь. Предвидя, что это случится, мы укрыли не мало жизненныхъ припасовъ. У насъ есть также и вино. Встряхните хорошенько этихъ негодяевъ. Будьте храбры, молодцы! Не бойтесь непріятельскаго пороха. Вы больше принесете имъ вреда однимъ вашимъ взглядомъ, чѣмъ они вамъ своими митральезами. Да будетъ съ вами пресвятая Пиларская Богоматерь. Закройте глаза на опасность, смотрите спокойно на непріятеля и въ пороховомъ дымѣ вы увидите Божию Матерь. Да здравствуетъ Испанія и Фернандо VII!

Мы пришли къ церкви; но французы опередили насъ и уже заняли главный алтарь. Никогда не видалъ я ничего подобнаго. Святые фигуры были сброшены съ своихъ нишъ, изображенія ангеловъ валялись на полу, изъ-за ногъ распятаго Христа солдаты выставляли свои винтовки.

Главный алтарь церкви Сантъ-Августинъ былъ весь отдѣланъ въ золото, какъ и всѣ другіе алтари испанскихъ церквей. Онъ возвышался до самаго потолка, и на немъ изображены были святые и ангелы въ восходящихъ іерархическихъ степеняхъ. Наверху окровавленный Христосъ простиралъ свои руки на крестѣ, а внизу стоялъ ковчегъ съ таинствомъ Евхаристіи. Хотя этотъ огромный иконостасъ и упирался вглубь стѣны, но съ внутренней стороны имѣлся узенькій проходъ съ лѣстницей для того, чтобы причетникъ могъ подняться переменить одежду на Богоматери, зажечь свѣчи подлѣ распятаго Христа и стирать пыль.

Французы, ворвавшись въ храмъ, поднялись по этой узкой лѣстницѣ, и когда мы появились, изъ-за каждой ниши, изъ-за cadaго святого и изъ безконечныхъ отверстій иконостаса, продѣланныхъ на скорую руку, блестяли ружейныя дула. Самый жертвенникъ былъ нѣсколько сдвинутъ въ сторону, и за нимъ также скрывались солдаты. Словомъ, сразу видно было, что французы приготовились къ ревностной защитѣ главной церкви.

Мы не были вполнѣ открыты, такъ какъ заняли исповѣдальни, алтари капелль и каеэды. Менѣе всего были защищены тѣ, которые находились въ срединѣ церкви; въ то время, какъ храбрецы двигались внутрь, другіе занимали нижніе хоры, прятались за стулья и скамейки, сдвинутые къ стѣнѣ, и оттуда стрѣляли въ французовъ.

Дядя Гарчесь съ девятью такими же смѣльчаками, какъ и онъ самъ, взобрался почти подъ своды на высокую каеэду проповѣдника, занялъ лѣстницу, ведшую къ ней, и оттуда укладывалъ на мѣстѣ французовъ, отваживавшихся выходить изъ-за алтаря. На каеэду также сыпались выстрѣлы сверху иконостаса; французы, повидимому, сразу желали отдѣлаться отъ этого неожиданнаго препятствія.

Наконецъ отдѣлилось двадцать человѣкъ, рѣшившихся взять этотъ деревянный редуть, безъ обладанія которымъ немислимо было завладѣть верхней частью церкви. Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Такъ какъ и та и другая сторона сражавшихся знала всю важность этого пункта, отъ потери или обладанія котораго зависѣлъ исходъ сраженья, и потому тутъ оказывались чудеса упорства и храбрости какъ защитниками, такъ и осаждавшими.

Эти двадцать человѣкъ находились подъ открытымъ огнемъ, сыпавшимся на нихъ съ хоровъ, и подъ ручными гранатами, бросаемыми на нихъ съ каеэды; но, не смотря на большія потери,

они рѣшительно двигались къ лѣстницѣ съ пиками въ рукахъ. Десять защитниковъ каеэдры, не обращая вниманія на численность врага, ждали ихъ съ ожесточеніемъ.

Многіе изъ нашихъ, стрѣлявшіе до того изъ алтарей и исповѣдаленъ, атаковали французовъ съ тыла; завязалась кровавая борьба, не на животь, а на смерть. Тутъ были и пики, и выстрѣлы, и удары, словомъ все, что находили возможнымъ.

Изъ ризницы вышли новыя силы французовъ, наши также спустились съ хоровъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, находившіеся на каеэдрахъ направо, поднялись къ периламъ у самаго карниза и, довольствуясь стрѣльбою оттуда, сбросили на французовъ три статуи святыхъ, украшавшія верхній ярусъ. Между тѣмъ, храбрецы все еще держались у каеэдры, и среди этого ада я увидалъ дядю Гарчеса; съ пылающимъ взоромъ вскочилъ онъ и, какъ проповѣдникъ, сталъ кричать громовымъ голосомъ. Еслибъ я увидалъ когда нибудь демона, проповѣдывающаго съ каеэдры о людскихъ прегрѣшеніяхъ, среди адскихъ криковъ и гама, то послѣ этого зрѣлища ничто уже не удивило бы меня.

Это не могло длиться долго, и Гарчесь, сраженный заразой нѣсколькими пулями, свалился съ глухимъ ревомъ. Французы, ровными колоннами вышедшіе изъ ризницы, спустились по тремъ ступенькамъ, отдѣлявшимъ ее отъ церкви и стали крѣпкой стѣной. Залпъ этихъ колоннъ рѣшилъ участь каеэдры, и, оставивъ множество мертвыхъ, мы удалились въ капеллы. Защитники каеэдры, одинъ за другимъ погибли также, какъ и дядя Гарчесь, котораго уже мертваго подняли на пикахъ и сбросили внизъ.

Такъ кончилъ жизнь этотъ великій патріотъ, о которомъ ничего не упоминаетъ исторія.

Капитанъ нашего гарнизона остался также безжизненнымъ трупомъ на полу. Отступивъ въ беспорядкѣ въ разные пункты, раздѣлившись, мы не знали, кого слушаться; понятно, что при такомъ положеніи вещей была возможна команда одного или группы изъ трехъ-четырехъ человекъ, безъ помысленій о правѣ команды.

Субординація поддерживалась общей мыслью и тѣми затрудненіями, которыя ежеминутно представляло намъ сраженіе. Мы сразу поняли чутьемъ, что мы погибли съ той минуты, какъ вошли въ капеллы, что нѣтъ никакой возможности защищать церковь противъ огромныхъ силъ непріятеля.

Нѣкоторые высказали мнѣніе насчетъ того, что если, воспользовавшись деревянными образами и скамейками, сдѣлать баррикады, то можно продолжать драться, пока мы останемся живы, но отцы августины высказались противъ этой бесполезной мѣры. Одинъ изъ нихъ сказалъ намъ:

— Дѣти мои, не длите этой рѣзни, вы только погибнете всѣ до единого и ничего не сдѣлаете. Французы въ эту минуту ата-

нують зданіе снаружи, съ улицы Аркадасъ. Бѣгите туда и попробуйте помѣшать имъ, а защитить церковь вамъ все равно не удастся.

Эта новость побудила насъ выйти на монастырскій дворъ, гдѣ солдаты Экстрамадуры дрались съ французами, подступавшими къ воротамъ.

Отцы августины только на половину сдержали свое обѣщаніе относительно раздачи съѣстныхъ припасовъ и вина за нашу ожесточенную защиту церкви. Намъ дали не много солонины и по куску черстваго хлѣба, вина же мы и не понюхали. Но это объяснялось тѣмъ, что французы завладѣли кладовою.

Отсутствіе вина навело меня на мысль о Пирли, и я тогда только вспомнилъ, что видѣлъ его въ началѣ сраженія на одной изъ каедръ. Я спросилъ о немъ, но никто не зналъ, гдѣ онъ.

Французы заняли церковь и часть монастырскихъ построекъ. Не смотря на всю невыгодность нашего положенія въ нижнемъ монастырѣ, мы рѣшились биться до послѣдней капли крови, вспоминая геройство волонтеровъ Хухека, защищавшихъ монастырь св. Моники и погребенныхъ подъ его развалинами. Мы стали, какъ сумасшедшіе; намъ казалось какимъ-то униженіемъ не побѣдить, какая-то непонятная тайная сила влекла насъ въ кровавую борьбу.

Насъ остановилъ приказъ, который очевидно былъ дѣломъ опытнаго практика генерала Сень-Марша.

— Монастырь уже нельзя удержать, — сказали намъ. — Вмѣсто того, чтобы жертвовать вашими жизнями безъ всякой пользы для города, идите всѣ на защиту опасныхъ пунктовъ улицъ Пабостро и заставы Квемада. Непрiятель хочетъ ворваться туда и завладѣть домами, изъ которыхъ столько разъ его выгоняли.

И такъ мы вышли изъ Санъ-Августина. Когда мы проходили по улицѣ того же имени, параллельной съ Паломаръ, мы увидали, что съ церковной колокольни бросаютъ ручныя гранаты въ французовъ, находившихся на небольшой площадкѣ, вблизи этихъ дорогъ. Кто это стрѣлялъ? Чтобы быть точнѣе, приведемъ выписку изъ лѣтописи исторiи.

«Въ колокольнѣ засѣли семь или восемь поселянъ съ оружіемъ и провизіей. Они стрѣляли по непрiятелю и въ продолженіе нѣсколькихъ дней не хотѣли сдаться».

Тамъ былъ знаменитый Пирли. О Пирли, ты счастливѣе дяди Гарчеса, тебѣ отведено мѣсто въ исторiи!

XXIII.

Присоединившись къ батальону Экстрамадуры, мы двинулись по улицѣ Паломаръ, до площади Магдалины, когда услышали шумъ сраженія у заставы Квемада. Какъ уже было сказано, непрiятель старался проникнуть въ улицу Пабостро, чтобы завладѣть назван-

ной заставой, пунктомъ очень серьезнымъ, такъ какъ отсюда онъ могъ бы проникнуть съ своей артиллеріей до самой площади Магдалины и такимъ образомъ захватить все предмѣстье Тенеріасъ. Если имъ удастся это, то наши отряды ничего не въ состояніи будутъ подѣлать.

Послѣ небольшой остановки насъ двинули въ улицу Пабостро. Изъ оконъ дома, гдѣ мы расположились, виднѣлись лишь клубы дыма, такъ что мы почти не могли стрѣлять. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, оказалось, что улица полна барикадъ, и повсюду наложены паранеты изъ земли, мебели и обломковъ.

Изъ оконъ поднялась страшная стрѣльба. Внутри домовъ кровь текла ручьями. Наступленіе французовъ было ужасно и для того, чтобы защита и упорство испанцевъ не ослабѣвали, всѣ церковные колокола призывали народъ къ военнымъ дѣйствіямъ; монахи приводили людей изъ другихъ кварталовъ, и нѣсколько героическихъ женщинъ, подавая намъ примѣръ храбрости, съ ружьемъ въ рукахъ бросались въ самые опасные пункты.

Это былъ такой ужасный день, что воспоминаніе о немъ мрачнымъ призракомъ осталось во мнѣ на всю жизнь. Кто не пережилъ его, передъ чьими глазами не прошли эти ужасающія картины, тотъ даже и не можетъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что это было. Пусть мнѣ не говорятъ, что видѣли пылающій кратеръ вулкана или грозную бурю среди океана, когда волны вздымаясь, какъ горы, рушатся на корабль; пусть не говорятъ, что видѣли все это, такъ какъ это ничто въ сравненіи съ вулканами и бурями, отъ которыхъ въ этотъ день взлетали на воздухъ тысячи людей.

Мы не въ силахъ были сдерживать себя, и такъ какъ намъ казалось, что мы приносимъ осаждающимъ мало вреда, стрѣляя изъ оконъ, то мы одинъ за однимъ спустились на улицу, не обращая вниманія на приказъ начальства оставаться на своихъ мѣстахъ. Открытое сраженіе непреодолимо влекло насъ, подобно тому, какъ разверстая бездна влечетъ того, кто смотритъ въ нее.

Никогда не считалъ я себя героемъ, но въ эти минуты я ничуть не боялся смерти, и меня не ужасалъ видъ этой окружающей меня катастрофы. Правда, что героизмъ, какъ слѣдствіе минутнаго вдохновенія, не есть исключительное качество храбрецовъ, это доказываетъ тѣмъ, что мы нерѣдко встрѣчаемъ его въ женщинахъ и трусливыхъ людяхъ.

Не стану описывать здѣсь всѣхъ перипетій сраженія въ улицѣ Пабостро. Въ общемъ оно похоже на сраженія, уже рассказанныя мною, и отличается отъ прежнихъ лишь изумительной энергіей, доведенной до такой степени, что человѣческое какъ бы кончалось, и являлись сверхъестественные поступки. Внутри домовъ происходили сцены, похожія на вышеописанныя мною, но съ большимъ ожесточеніемъ.

Завладѣвъ однимъ пунктомъ, французы теряли другой, борьба, начавшаяся съ чердака, переходила этажъ за этажемъ въ погребъ, и тамъ нерѣдко поселяне оставались побѣдителями. Голоса команды, раздававшейся въ этихъ мрачныхъ лабиринтахъ, отдавались пугливымъ эхомъ.

На улицахъ и мы и французы дѣйствовали съ помощью артиллеріи. Нѣсколько разъ старались они овладѣть нашими орудіями, но теряли лишь бесполезно много людей. Видя, что требуются немовѣрныя усилія, чтобы захватить какой нибудь кусокъ улицы, императорскіе солдаты отказывались отъ борьбы, такъ что офицерамъ приходилось подбодрять ихъ палками.

У насъ не приходилось прибѣгать къ такимъ способамъ, намъ достаточно было убѣжденія. Монахи, не переставая помогать раненымъ и напутствовать умирающихъ, едва замѣтивъ нерѣшительность въ какомъ либо пунктѣ, тотчасъ же привлекали вниманіе начальства.

Подлѣ одной изъ насыпей храбрая Мануэла Санхо послѣ стрѣльбы изъ ружья нѣсколько разъ выстрѣлила изъ пушки. Въ продолженіе большей части дня она поспѣвала всюду, оживляя всѣхъ своими словами и служа примѣромъ мужчинамъ; но часовъ около трехъ пополудни она упала, раненая въ ногу, и долгое время лежала среди мертвыхъ, такъ какъ, потерявъ сознаніе, была похожа на трупъ. Позднѣе, замѣтивъ, что она дышитъ, ее отнесли въ госпиталь, стали лѣчить, и она жила еще нѣсколько лѣтъ.

Исторія не забыла эту героическую дѣвушку, и, кромѣ того, улица Пабостро, жалкіе дома которой краснорѣчивѣе цѣлыхъ страницъ книги, носить теперь названіе улицы Мануэлы Санхо.

Вскорѣ послѣ трехъ часовъ оглушительный взрывъ потрясъ дома, за которые мы такъ горячо бились съ французами все утро, и среди густого дыма и пыли еще болѣе густой, чѣмъ дымъ, посыпались осколки стѣнъ съ такимъ страшнымъ грохотомъ, какой трудно себѣ представить. Французы пустили въ ходъ взрывы, чтобъ вырвать изъ арагонскихъ рукъ то, что никакими иными способами вырвать не удавалось. Подкатили пороховыя бочки, и люди сложили руки въ ожиданіи, что порохъ все сдѣлаетъ за нихъ.

Когда взорвали первый домъ, мы спокойно стояли въ сосѣднихъ и на улицѣ, но когда раздался взрывъ у слѣдующаго дома, началось безпорядочное отступленіе. Думая о томъ, что среди развалинъ были погребены или взорваны на воздухъ наши сотоварищи, которые не сдались бы передъ оружіемъ, мы почувствовали упадокъ духа и неспособность противостоять этимъ разрушителямъ.

Начальство останавливало насъ, говоря:

— Стойте, молодцы! Не бѣжать!.. Это только чтобъ напугать васъ. У насъ также не мало пороху, и мы откроемъ мины. Вы ду-

маете, они выиграютъ отъ взрывовъ? Наоборотъ. Посмотримъ, какъ они будутъ защищаться среди развалинъ.

Палафоксъ показался въ началѣ улицы, и его присутствіе нѣсколько сдержало насъ. Страшный шумъ не позволилъ мнѣ разслышать, что онъ намъ говорилъ, но по его жестамъ я понялъ, что онъ хочетъ заставить насъ двинуться на развалины.

— Слышите, молодцы, слышите, что говоритъ главнокомандующій,—сказалъ намъ одинъ изъ монаховъ, пришедшихъ со свитой Палафокса.—Онъ говоритъ, что если вы сдѣлаете еще одно маленькое усилие, то не останется въ живыхъ ни одного француза.

— И онъ правъ!—воскликнулъ другой монахъ.—Ни одна женщина въ Сарагоссѣ не захочетъ взглянуть на васъ, если вы сейчасъ же не броситесь на развалины домовъ и не выгоните оттуда непріятеля.

— Впередъ, дѣти Пиларской Богоматери!—кричалъ третій.—Вонъ видите, тамъ стоитъ группа женщинъ? Видите? Онѣ говорятъ, что, если вы не пойдете, такъ пойдутъ онѣ. Неужели вамъ не стыдно вашей трусости?!

Это насъ нѣсколько сдержало. Рухнулъ еще домъ справа. Тогда Палафоксъ прошелъ по улицѣ, не зная, какъ и для чего онъ повелъ насъ за сѣбою.

Теперь будетъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, имя которой тѣсно связано съ защитой Сарагоссы. Популярностью своею онъ обязанъ храбрости, аристократическому происхожденію и уваженію, съ которыми всегда относились къ его семьѣ, родомъ изъ Лазана. Онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ. Раньше онъ служилъ въ гвардіи. Что особенно привлекало въ немъ—это молодой задоръ, пылкость, съ которою относился онъ къ самому трудному и опасному дѣлу.

Будучи человѣкомъ умнымъ, Палафоксъ сознавалъ свою несостоятельность въ военныхъ предпріятіяхъ и благоразумно окружилъ себя знающими людьми. На солдатъ одно появленіе уважаемаго всѣми Палафокса дѣйствовало ободряющимъ образомъ. Высокая фигура полководца показывалась на всѣхъ опасныхъ пунктахъ; онъ ободрялъ ослабѣвавшихъ и раздавалъ награды храбрецамъ.

Сарагосцы считали его воплощеніемъ идеальныхъ добродѣтелей и горячаго патріотизма. Все въ его приказахъ было хорошо и справедливо. Подобно тому, какъ монархи, дѣйствующіе на основаніи традиціонныхъ законовъ, выработанныхъ страной, Палафоксъ не могъ поступить дурно; все дурное приписывалось его совѣтчикамъ. И дѣйствительно онъ, такъ сказать, царилъ, но не управлялъ, управляли же радге Базиліо, каноникъ и три знаменитыхъ генерала: О'Нейлъ, Сень-Маршъ и Бутронъ.

На опасныхъ пунктахъ Палафоксъ появлялся, какъ статуя побѣды. Его мужественный голосъ оживлялъ умирающихъ; его лицо

всегда было полно спокойной увѣренности, и торжествующая улыбка блуждала на его губахъ. Онъ понималъ, что его внѣшность производитъ сильное впечатлѣніе, и, какъ хорошій актеръ, появлялся всегда въ блестящемъ мундирѣ, увѣшанномъ орденами; звуки военной музыки, встрѣчавшей его, и крики «вивать» очень льстили его самолюбію.

XXIV.

Какъ я уже сказалъ, Палафоксъ остановилъ насъ, и хотя почти всѣ солдаты уже убѣжали изъ улицы Пабостро, но остановились у заставы Квемада.

Отъ трехъ часовъ вплоть до самой ночи сраженіе не прекращалось. Французы приступили къ работамъ въ разрушенныхъ ими домахъ, и любопытно было видѣть, какъ среди обгорѣлыхъ развалинъ расчищались небольшія площадки и на нихъ перетаскивались орудія. Эта война съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе походила на существующія до сихъ поръ войны.

Теперь французы, отвоевавъ дома, увидали всю выгодность и невыгодность своего положенія; если имъ удавалось поставить нѣсколько орудій на площадки, то сами они находились подъ открытымъ огнемъ. Къ несчастію, мы не сумѣли воспользоваться этимъ. Ужасъ рисовалъ намъ опасность въ сто разъ сильнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, и не въ силахъ отстоять дома въ улицѣ Пабостро, сарагосцы сами начали сжигать ихъ.

Осаждающіе и осажденные, горя нетерпѣніемъ истребить другъ друга, стали продолжать сраженіе огнемъ и взрывами, забывая, что такимъ образомъ и та и другая сторона совершенно не защищены.

Что это было за вечеръ, что за ночь! Помню минуту, когда я не въ силахъ былъ больше выдержать и упалъ отъ изнеможенія вмѣстѣ съ другими товарищами на грудь мертвыхъ. Я не отдавалъ себѣ яснаго отчета о томъ, гдѣ я нахожусь, моя мысль словно застыла, и тѣло замерло въ страшныхъ мукахъ. Я не зналъ, было ли это днемъ или ночью. Ложились какія-то тѣни, и изъ города мелькали слабые огоньки.

Помню только, что на меня все наваливали и наваливали тѣла бездыханныя и движущіяся, и что я все тянулся вверхъ и ждалъ, что вотъ-вотъ мнѣ дадутъ кусокъ хлѣба и глотокъ воды. Я совершенно ослабѣлъ. Голодъ и жажда страшно мучили меня. Я видѣлъ, что многіе бѣгутъ, размахивая руками, слышалъ крики, видѣлъ человѣческія тѣни, отражавшіяся на ближайшихъ стѣнахъ, но куда бѣгутъ, откуда, о чемъ кричатъ, я ничего не понималъ.

Не одинъ я лишился силъ послѣ столькихъ часовъ непрерывной рѣзни. Вокругъ меня падало много товарищей, и мы вымаливали другъ у друга каплю воды. Нѣкоторымъ посчастливилось, они имѣли

силы подползти къ трупамъ, обшарить ихъ и, найдя куски испачканнаго землею хлѣба, съ жадностью поѣдали ихъ.

Отдохнувъ немножко, и я выползъ искать этихъ объѣдковъ. Не знаю, былъ ли я раненъ; нѣкоторые изъ жаловавшихся мнѣ на страшный голодъ и жажду имѣли страшныя раны и обжоги. Наконецъ, насъ увидали женщины и напоили мутной, тепловатой водой. Мы оспаривали другъ у друга деревянный стаканъ, когда вдругъ увидали въ рукѣ одного мертваго узелокъ съ двумя сухими сардинами и нѣсколькими лепешками. Жалобно стеная, продолжали мы мародерство и, въ концѣ концовъ, немного пищи, которую удалось намъ найти, и мутная вода нѣсколько подкрѣпили наши силы.

Я почувствовалъ себя почти бодрымъ, могъ уже ходить, хотя и съ трудомъ. Замѣтивъ, что все мое платье въ крови, и ощутивъ острую боль въ правой рукѣ, я подумалъ, что тяжело раненъ, но это оказалось лишь контузией, а кровь на платьѣ прилипла, вѣроятно, когда я лежалъ среди труповъ.

Ясность мысли вернулась ко мнѣ, въ глазахъ уже не мутилось, и я явственно слышалъ крики, торопливые шаги, ближайшій и отдаленный громъ пушекъ. Орудія какъ будто переговаривались между собою.

Пожары продолжались. Надъ городомъ стояло цѣлое облако дыма, сливавагося съ пламенемъ въ фантастическіе образы. Разрушенные дома съ темными дырами вмѣсто оконъ, дымящіяся развалины, горящіе заборы—все это было ничто въ сравненіи съ фигурами, не перестававшими драться чуть не въ самомъ пламени. Это жители Сарагоссы все еще жестоко спорили съ французами за каждую пядь родной земли.

Я очутился у заставы Квемада. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я снова упалъ на землю отъ усталости. Монахъ, видя, что я весь въ крови, подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить объ иной жизни, о наградѣ, которая ожидаетъ тамъ умирающихъ за свое отечество. Я сказалъ ему, что не раненъ, но что ослабѣлъ отъ голода, усталости и жажды, и что, кажется, у меня появились первые признаки эпидеміи. Тогда добрый монахъ, въ которомъ я тотчасъ же узналъ padre Матео дель-Бусто, сѣлъ подлѣ меня и проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Я также не могу держаться на ногахъ; кажется, я умираю.

— Вы ранены, padre?—спросилъ я, увидавъ, что у него подвyezана рука.

— Да, сынъ мой, пуля раздробила мнѣ плечо и руку. Я страшно страдаю, но надо сдерживаться. Христосъ больше страдалъ за насъ. Съ самаго разсвѣта я не переставая лѣчилъ раненыхъ и напутствовалъ умирающихъ. Втеченіе шестнадцати часовъ я не отдохнулъ ни на минуту и ничего не ѣлъ и не пилъ. Одна женщина забинтовала мнѣ плечо, и я продолжалъ мое дѣло. Думаю, что я не долго проживу... Сколько мертвыхъ, Господи Боже мой! А этихъ раненыхъ,

которыхъ никто не подбираетъ! Ахъ... я кажется умираю!.. Ты видѣлъ эту огромную насыпь въ улицѣ Клавосъ? Тамъ умеръ несчастный Коридонъ. Мы шли, чтобы взять раненныхъ, когда увидали около Санъ-Августина группу французовъ, переходившихъ изъ одного дома въ другой. У Коридона была горячая кровь, онъ былъ способенъ на геройскіе подвиги, онъ бросился на нихъ. Охъ, они подняли его на пики и перебросили черезъ насыпь...

Старикъ padre Матео видимо ослабѣвалъ, но впечатлѣніе рѣзни было, очевидно, такъ сильно, что онъ не могъ молчать и продолжалъ прерывающимся голосомъ:

— Сколько жертвъ въ одинъ день, Арачели! Несчастливы и тѣ, которые остались цѣлы. Вы все равно умрете отъ эпидеміи, а это еще хуже. Сегодня я далъ отпущеніе грѣховъ шестидесяти жертвамъ эпидеміи. Я отпущу и вамъ прегрѣшенія, другъ мой, потому что знаю, что у васъ нѣтъ большихъ грѣховъ, и что вы храбро дрались эти дни... Что, вамъ не хорошо? Вы дѣйствительно блѣдны, какъ эти трупы, окружающіе насъ. Умереть отъ эпидеміи, во время осады, это почти то же, что умереть за отечество. Мужайтесь, юноша, небо открывается, чтобы принять васъ, и Пиларская Богоматерь разверзаетъ надъ вами свой звѣздный покровъ. Жизнь ничего не стоитъ. Насколько лучше доблестно умереть и получить въ награду за одинъ день страданья вѣчное блаженство! Именемъ Господа разрѣшаю вамъ прегрѣшенія вольныя и невольныя.

Прочитавъ отходную молитву и благословивъ меня, онъ вытянулся во всю длину на землѣ. Взглянувъ на него, я понялъ, что онъ очень боленъ, я чувствовалъ себя не хорошо, но его состояніе было еще хуже. Это не первый случай, что исповѣдникъ умиралъ прежде умирающаго и врачъ прежде больного.

Я сталъ звать padre Матео, но такъ какъ онъ отвѣчалъ мнѣ лишь жалобными стонами, то я пошелъ розыскивать когонибудь, кто помогъ бы ему. Встрѣтивъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, я сказалъ имъ:

— Вонъ тамъ лежитъ padre Матео дель Бусто и не можетъ двинуться съ мѣста.

Но на меня не обратили вниманія и продолжали идти впередъ. Многіе раненные звали меня, умоляя о помощи, но я также не слушалъ ихъ. Близъ Козо встрѣтилъ я мальчика лѣтъ восьми или девяти, онъ шелъ и горько плакалъ. Я остановилъ его, спросилъ о его родителяхъ; онъ указалъ мнѣ рукою на груды мертвыхъ и раненныхъ. Позднѣе, я опять встрѣчалъ этого мальчика въ разныхъ пунктахъ, онъ все искалъ, все плакалъ, и никто не заботился о немъ.

Со всѣхъ сторонъ слышались лишь вопросы: «Не видали ли вы моего брата? Не видали ли моего сына? Не видали ли моего отца?» — Но ни братъ, ни сынъ, ни отецъ нигдѣ не появлялись. Никто уже не заботился переносить больныхъ въ церкви, такъ какъ

все было переполнено. Въ подвалахъ и нижнихъ этажахъ, которые находили удобнымъ убѣжищемъ, стоялъ спертый зараженный воздухъ. Наступило время, когда больнымъ и раненымъ лучше всего было оставаться на улицахъ.

Я все двигался въ конецъ Козо, потому что мнѣ сказали, будто тамъ раздають порціи, но ничего не досталъ. Уже хотѣлъ я вернуться въ Тенеріасъ, какъ около Альмуди мнѣ дали немножко поѣсть горячей пищи. Сразу почувствовалъ я себя лучше, и симптомы эпидеміи, напугавшіе меня раньше, прекратились; очевидно, моя болѣзнь была изъ тѣхъ, которыя вылѣчиваются хлѣбомъ и виномъ. Тутъ я вспомнилъ о padre Mateo и вмѣстѣ съ другими отправился подать ему помощь. Несчастнѣйшій старикъ лежалъ недвигаясь, и когда мы спросили его, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣтилъ:

— Какъ! Уже прозвонилъ утренній колоколъ? Но вѣдь еще рано. Оставьте меня отдохнуть. Я страшно усталъ, padre Гонзалесъ. Цѣлыхъ шестнадцать часовъ я рвалъ цвѣты въ саду... Я усталъ...

Несмотря на его мольбы, четверо понесли его на рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Мои товарищи поспѣшили на мѣсто сраженія, и я хотѣлъ слѣдовать за ними, какъ вдругъ увидѣлъ человѣка, привлекавшаго мое вниманіе. Это былъ дядя Кандіола, выходившій изъ сосѣдняго дома, оборванный и грязный, съ курицей въ рукахъ. Я остановилъ его посреди улицы и спросилъ о его дочери и объ Августинѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ въ страшномъ возбужденіи:

— Моя дочь?.. Не знаю... Тамъ, тамъ она... Все, все погибло! Векселя! Векселя сгорѣли... Хорошо еще, что мнѣ удалось поймать эту курицу, она выскочила, какъ и я, изъ страшнаго огня... Вчера курица стояла пять дурро!.. Но мои векселя! Пиларская Богоматерь и ты, Святой Домингунто дель-Валь, скажите, зачѣмъ сгорѣли мои векселя? Еще можно ихъ спасти... Хотите помочь мнѣ? Подъ толстымъ бревномъ сгорѣлъ сундукъ съ векселями. Гдѣ здѣсь можно найти человѣкъ шесть солдатъ? Господи! Но этотъ комитетъ, эта аудіенція, главнокомандующій, о чемъ они думаютъ?..

Переведа духъ, онъ сталъ кричать прохожимъ:

— Эй, горожане, друзья, милосердные люди... помогите мнѣ поднять бревно, упавшее въ мой уголъ!.. Эй, добрые друзья, положите въ сторонку этого умирающаго и придите помочь мнѣ. Неужели нѣтъ ни одной доброй души! Теперь всѣ сердца сдѣлались словно стальными... Уже нѣтъ человѣческихъ чувствъ. Охъ, безжалостные сарагосцы, вы увидите, какъ васъ накажетъ Господь...

Видя, что никто не идетъ къ нему на помощь, Кандіола снова вошелъ въ домъ, но вскорѣ выбѣжалъ оттуда съ криками отчаянія:

— Уже ничего нельзя больше спасти! Все горитъ!.. Пиларская Богоматерь, почему ты не сдѣлаешь чуда? Почему ты не сдѣлаешь меня нечувствительнымъ къ огню, чтобы я могъ спасти мои векселя?

XXV.

Онъ въ безсильномъ отчаяніи присѣлъ на грудь камней, хватался за голову и, не выпуская курицы изъ рукъ, прижималъ ихъ къ груди съ глубокими вздохами. Желая узнать что нибудь объ Августинѣ, я снова спросилъ его о дочери.

— Я былъ въ этомъ домѣ въ улицѣ Аньонъ, куда насъ послали вчера, — сказалъ онъ. — Всѣ говорили, что тамъ небезопасно, что лучше будетъ въ центрѣ города, но я не люблю ходить туда, куда всѣ идутъ, и предпочитаю мѣсто, покинутое всѣми. Свѣтъ полонъ воровъ и мошенниковъ. Я рѣшилъ убѣжать отъ людей. Мы устроились въ одной изъ комнатъ внизу этого дома. Моя дочь очень боялась пушечныхъ выстрѣловъ и хотѣла уйти. Когда мины взорвали ближайшія зданія, она съ Гведитой выбѣжала, какъ сумаспешная. Я остался одинъ, боясь оставить мои вещи, когда вошли нѣсколько солдатъ съ зажженными головнями и сказали, что хотятъ поджечь домъ. Эти каналы не дали мнѣ времени ничего захватить съ собою и не только не пожалѣли меня, но стали даже насмѣхаться... Я бросился къ сундуку съ векселями и силился тащить его. Но мнѣ нельзя было долго оставаться тамъ. Я сталъ задыхаться отъ дыма и все-таки хотѣлъ непременно спасти сундукъ... Невозможно! Пришлось бѣжать. Я ничего не могъ захватить, ничего, Боже мой, кромѣ этой курицы, которую хозяева забыли въ курятникѣ!.. Не легко мнѣ было поймать ее. Чуть не сжегъ я себѣ всю руку! О, да будетъ проклятъ, тотъ кто придумалъ огонь!

— А ваша дочь? — перебилъ я его.

Онъ продолжалъ, не слушая меня.

— Мы должны терять свое состояніе ради прихотей этихъ героевъ!.. У меня есть два дома въ Сарагоссѣ, кромѣ того, въ которомъ я жилъ. Одинъ изъ нихъ въ улицѣ Сомбра, а другой, въ улицѣ Дуэндасъ, близъ Санъ-Франциско, занятъ войсками и весь разрушенъ. Развалины и развалины, больше ничего! Нечего сказать, хороша мысль жечь дома для того лишь, чтобъ они не достались французамъ!

— Война требуетъ, чтобъ это было такъ, — возразилъ я, — и этотъ геройскій городъ намѣренъ защищаться до послѣдней крайности.

— А какая выгода будетъ Сарагоссѣ защищаться до послѣдней крайности? Что выиграютъ отъ этого убитые? Подите-ка, поговорите съ ними о славѣ, о героизмѣ и о равномъ подобномъ вздорѣ! Я предпочитаю жить въ пустынѣ, чѣмъ въ такомъ геройскомъ городѣ. Я допускаю, что должно быть нѣкоторое сопротивленіе, но зачѣмъ же доводить его до такихъ варварскихъ границъ? Правда, что зданія стоили немного, меньше, чѣмъ эти кучи оставшихся углей. Но

меня не проведешь! Всѣ эти пожары придумали власти, для того, чтобъ потомъ выгодно продать уголь.

Это меня разсмѣшило. Пусть читатель не думаетъ, что я преувеличиваю: все написанное здѣсь я слышалъ отъ Кандіолы слово въ слово. Еслибъ этотъ старикъ жилъ во времена гуманистовъ, то онъ и про нихъ, вѣроятно, сказалъ бы, что они представляются героями для того, чтобъ выгодно продать уголь.

— Я погибъ, я разоренъ на всю жизнь! — восклицалъ онъ съ искреннимъ отчаяніемъ. — Эти векселя составляли часть моего состоянія. Подите-ка, подайте теперь ко взысканію капитала, безъ документовъ и когда почти всѣ должники перемерли и валяются на улицахъ. Нѣтъ, я сказалъ и повторяю, что эти несчастные поступили несогласно съ заповѣдями Божиими. Это—смертельный грѣхъ, это—преступленіе непростительное: позволить себя убить, когда на свѣтѣ остается кредиторъ, которому не легко было скопить потерянный капиталъ. Ну, понятно, платить никто не любитъ, вотъ они и сказали себѣ: «умремъ, чтобы покончить съ долгомъ»... Но Господь долженъ былъ бы быть неумолимымъ къ этимъ негодяямъ, онъ долженъ ихъ воскресить, чтобъ они уплатили. Воскресить, да! Святая Пиларская Богоматерь, заступникъ Домингунто дель-Валь, они должны воскреснуть!

— А ваша дочь,—спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ,—она не пострадала отъ огня?

— Не упоминайте мнѣ о моей дочери,—отвѣтилъ онъ.—Богъ наказалъ меня за ея грѣхъ. Я уже узналъ, кто ея ухаживатель. Кто же, какъ не отчаянный сынъ дона Хозе де-Монторіа, который кончаетъ курсъ въ духовной семинаріи? Марія сама призналась мнѣ въ этомъ. Вчера она залѣчивала ему раненную руку. Встрѣчали ли вы когда нибудь болѣе безнравственную дѣвушку? И это дѣлалось при мнѣ!

Когда онъ говорилъ это, подошла донья Гведита, разыскивавшая повсюду своего хозяина, и принесла ему въ чашкѣ что-то поѣсть. Онъ съ жадностью набросился на ѣду, и затѣмъ не безъ труда намъ удалось отвести его въ переулокъ Органо, гдѣ находилась его дочь вмѣстѣ съ другими. Кандіола, предварительно разбранивъ ее, стала разговаривать съ Гведитой.

— Гдѣ Августинъ?—спросилъ я Мариквилю.

— Минуту назадъ онъ былъ здѣсь, но ему сообщили о смерти его брата, и онъ убѣжалъ. Я слышала, что его семья находится въ улицѣ Руфасъ.

— Какъ, умеръ его старшій братъ?

— Такъ ему сказали, и онъ убѣжалъ въ страшномъ горѣ.

Не слушая дальше, я также побѣжалъ, чтобы хоть сколько нибудь утѣшить эту симпатичную семью, сдѣлавшую мнѣ такъ много добра. По дорогѣ я встрѣтилъ дону Рокве въ слезахъ.

— Габріэль,—сказаль онъ, увидѣвъ меня,—Господь посѣтилъ горемъ нашего добраго друга.

— Неужели правда, что умеръ его старшій сынъ, Мануэль?

— Да, и этимъ не оканчиваются несчастія семьи Монторіа. Мануэль былъ женатъ, какъ ты знаешь, и имѣлъ четырехлѣтняго сына. Видишь вонъ тамъ группу женщинъ? Такъ вотъ тамъ находится жена бѣднаго Мануэля Монторіа, съ мальчикомъ, умирающимъ отъ эпидемическаго тифа. Какое ужасное несчастіе! Одно изъ первыхъ семействъ Сарагоссы не имѣетъ въ такія тяжелыя минуты даже крыши надъ головою. Цѣлую ночь эта женщина просидѣла такъ съ ребенкомъ на рукахъ, ожидая его смерти съ минуты на минуту; дѣйствительно здѣсь имъ лучше, чѣмъ въ подвалахъ, гдѣ нельзя дышать. Хорошо еще, что я вмѣстѣ съ другими докторами немножко помогъ ей... Но что же можно подѣлать, когда съ трудомъ достанешь лишь кусокъ хлѣба, когда прекратилось вино, и ни за какія деньги нельзя достать куска мяса?

Начинало свѣтать. Я подошелъ къ группѣ женщинъ и увидаль тяжелую картину. При желаніи спасти мальчика, мать и другія женщины мучили бѣдняжку всевозможными лѣкарствами, какія только кто зналъ, но достаточно было взглянуть на ребенка, чтобы понять, что печать смерти уже лежитъ на его личикѣ.

Голосъ дона Хозе де-Монторіа побудилъ меня идти впередъ, и въ одномъ изъ угловъ улицы Руфасъ я увидѣлъ еще болѣе раздирательную картину. На землѣ лежалъ трупъ Мануэля Монторіа, тридцатилѣтняго молодого человѣка, такого же великодушнаго и симпатичнаго, какъ его отецъ и братъ. Пуля пробила ему черепъ; изъ маленькой ранки въ вискѣ текла струйка крови, заливая шею и скрываясь подъ рубашкой. Не смотря на эту ранку, онъ казался еще живымъ.

Когда я подошелъ, его мать все еще не вѣрила, что онъ умеръ, и, положивъ голову сына на колѣни, она старалась оживить его ласковыми словами. Монторіа, опустившись на колѣни съ правой стороны трупа, держаль въ своихъ рукахъ руку сына и, не произнося ни слова, не сводилъ съ него глазъ. Отецъ, блѣдный, какъ смерть, не плакаль.

— Жена,—произнесъ онъ наконецъ,—не проси у Господа невозможнаго. Мы потеряли нашего сына.

— Нѣтъ, Мануэль не умеръ!—въ отчаяніи крикнула мать.—Это неправда. Зачѣмъ ты меня обманываешь? Возможно ли, чтобы Господь отняль у насъ сына? Чѣмъ заслужили мы это наказаніе? Мануэль, дитя мое? Ты мнѣ не отвѣчаешь? Почему ты не движешься, почему не говоришь? Мы сейчасъ снесемъ тебя домой... Но гдѣ же нашъ домъ?.. Мой сынъ простудится, лежа на сырой землѣ... Видите, какія у него холодныя руки и лицо?

— Уйди, жена,—сказалъ Монторіа, сдерживая рыданія.—Мы останемся съ бѣднымъ Мануэлемъ.

— Господи, Боже мой!—воскликнула старушка.—Что съ нимъ, что онъ не говоритъ, не движется, не просыпается? Онъ лежитъ, какъ мертвый, но онъ не можетъ умереть. Пиларская Богородица, вѣдь не можетъ же умереть сынъ мой?

— Леокадія, — повторилъ Монторіа, роняя изъ глазъ первыя слезы, — уйди отсюда, уйди, ради Бога. Будь тверда, потому что Господь послалъ намъ тяжелый ударъ, отнять у насъ нашего сына. Онъ умеръ за родину...

— Онъ умеръ!—произнесла донья Леокадія, прижимая къ себѣ тѣло сына, какъ будто его хотѣли отнять у нея.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Какое мнѣ дѣло до родины! Пусть мнѣ вернуть моего сына! Мануэль, дитя мое... Не отходи отъ меня, никто не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ...

— Господи, Пиларская Богоматерь! — серьезно и торжественно сказалъ донъ Хозе.—За что такое наказаніе? Для родины, для вѣры, для короля я отдалъ все мое имущество и моихъ сыновей... Зачѣмъ же, прежде, чѣмъ отнять у меня этого первенца, Господи, ты сто разъ не отнял у меня, старика, мою бесполезную жизнь? Сеньоры, — обратился онъ къ присутствующимъ, — я не стыжусь плакать передъ вами. И въ радости и въ горѣ Монторіа все тотъ же. Счастливы ты, сынъ мой, что умеръ такой благородной смертью. Несчастны мы, оставшіеся безъ тебя! Но Господь хотѣлъ этого, да будетъ Его святая воля... Жена, Богъ далъ намъ миръ, счастье, благосостояніе и хорошихъ дѣтей, если теперь Онъ хочетъ отнять все это, то покоримся безропотно Его волѣ. Благословимъ руку, поражающую насъ, и спокойно будемъ ждать помилованья отъ этой же руки.

Донья Леокадія словно застыла въ своемъ горѣ и только цѣловала безжизненное тѣло сына. Донъ Хозе, желая разомъ окончить эту мучительную сцену, всталъ и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Леокадія, встань. Надо похоронить нашего сына.

— Похоронить!..—воскликнула несчастная мать.—Похоронить!..

И не въ силахъ произнести ни слова больше, она лишилась чувствъ.

Въ эту минуту раздался раздирающій душу вопль, и одна изъ женщинъ, отдѣлившись отъ группы, подбѣжала къ намъ. Это была жена бѣднаго Мануэля, лишившаяся мужа и сына. Нѣсколько присутствующихъ загородили ей дорогу, чтобъ помѣшать видѣть эту мучительную сцену, но несчастная женщина растолкала насъ, прося показать ей тѣло мужа.

Между тѣмъ, донъ Хозе пошелъ туда, гдѣ лежалъ его умершій внукъ, взялъ его на руки и положилъ рядомъ съ Мануэлемъ. Въ то время какъ донья Леокадія все еще лежала безъ чувствъ, обнявъ тѣло сына, ея невѣстка въ горячечномъ возбужденіи бѣгала по

улицѣ, угрожая воображаемымъ врагамъ. Мы схватили ее, но она вырвалась изъ нашихъ рукъ. Она хохотала страшнымъ, безумнымъ хохотомъ и затѣмъ падала на колѣни, умоляя насъ вернуть ей два дорогихъ тѣла.

Проходилъ народъ, проходили солдаты, монахи, поселяне и всѣ смотрѣли съ равнодушіемъ на эту сцену, потому что подобныя сцены происходили на каждомъ шагу. Сердца зачерствѣли, нѣжныя человѣческія чувства смѣнились въ нихъ лишь холоднымъ героическимъ.

Наконецъ, молодая женщина, уступая усталости, притихла. Мы попросили какой нибудь пищи, чтобъ подкрѣпить ея ослабѣвшія силы, но ничего не нашлось. Между тѣмъ донъ Хозе, при помощи сына Августина, который тоже едва стоялъ на ногахъ отъ горя, высвободилъ тѣло изъ объятий доньи Леокадіи. Бѣдная женщина была въ такомъ ужасномъ состояніи, что мы опасались, что и она не переживетъ этого дня.

Старикъ Монторіа повторилъ съ тоской:

— Необходимо похоронить нашего сына.

Мы всѣ оглянулись вокругъ и увидали множество не похороненныхъ труповъ. Въ улицѣ Руфасъ было ихъ очень много, а въ Импрента образовались даже цѣлыя группы. На широкой дорогѣ между домами лежали цѣлыя правильныя линіи мертвыхъ тѣлъ. Тяжело было глядѣть на эту картину, и тотъ, кто ее видѣлъ, никогда въ жизни не забудетъ ея. Быть можетъ, это покажется невѣроятнымъ, но это было на самомъ дѣлѣ: одинъ человѣкъ, войдя въ улицу Импрента, началъ кричать. Въ одномъ изъ оконъ появился другой и крикнулъ ему:

— Войди!

Тогда этотъ человѣкъ, находя опаснымъ подняться по лѣстницѣ, прошелъ по грудѣ труповъ и, поднявшись по нимъ до верхняго этажа, пролѣзъ въ окно.

Во многихъ улицахъ происходило то же самое. Возможно ли было похоронить ихъ? На каждую пару здоровыхъ рукъ приходилось по пятидесяти мертвыхъ. Отъ трехсотъ до четырехсотъ человѣкъ умирало ежедневно отъ тифа. Каждое кровавое сраженіе кончалось нѣсколькими тысячами убитыхъ, и Сарагосса перестала уже быть городомъ живыхъ.

Взглянувъ на эту тяжелую картину, Монторіа сказалъ:

— Мой сынъ и внукъ не должны имѣть привилегію быть похороненными. Ихъ души на небесахъ, какое дѣло до остального? Положимъ ихъ тутъ, въ началѣ улицы Руфасъ... Августинъ, дитя мое, ты лучше пошелъ бы въ ряды. Начальство можетъ хватиться тебя, а около Магдалены, кажется, недостаетъ людей. У меня уже нѣтъ сына, кромѣ тебя. Если ты умрешь, что же мнѣ останется?.. Но долгъ прежде всего, и я предпочитаю видѣть тебя сраженнаго

непріятельской пулей, какъ твой братъ, чѣмъ видѣть, что ты трусишь.

Затѣмъ, положивъ руку на обнаженную голову сына, стоявшаго на колѣняхъ надъ тѣломъ брата, старикъ продолжалъ, поднявъ глаза къ небу:

— Господи, если Ты хочешь отнять у меня и этого послѣдняго сына, то прежде отыми у меня мою жизнь. Я не хочу жить послѣ того, какъ окончится осада. Мы съ бѣдной женой были достаточно счастливы, чтобъ порицать поразившую насъ руку, но не довольно ли этого испытанія? Неужели и второй сынъ нашъ долженъ погибнуть?.. Эй, сеньоры!—прибавилъ онъ затѣмъ другимъ тономъ,— кончайте скорѣе, мы нужны въ другомъ мѣстѣ.

— Сеньоръ донъ Хозе, — въ слезахъ сказалъ донъ Рокве,— уйдите и вы; друзья исполнять безъ васъ этотъ послѣдній долгъ.

— Нѣтъ, я мужчина, и Господь далъ мнѣ душу, которая не согнетса ни предъ какимъ несчастіемъ.

И онъ взялъ при помощи одного изъ товарищей тѣло Мануэля, въ то время какъ мы съ Августиномъ взяли маленькаго внука и положили ихъ обоихъ у входа въ улицу Руфасъ; куда многія семьи клали своихъ покойниковъ. Сдѣлавъ это, Монторіа тяжело вздохнулъ и опустилъ безпомощно руки, какъ будто на это дѣло ушли его послѣднія, старческія силы.

— Право, сеньоры, не могу отрицать, что я очень усталъ,— сказалъ онъ. — Вчера еще я чувствовалъ себя молодымъ человѣкомъ; сегодня я совсѣмъ старикъ.

Дѣйствительно въ одну ночь Монторіа постарѣлъ на цѣлыхъ десять лѣтъ.

Онъ присѣлъ на камень и, опершись локтями на колѣни, уронилъ голову на руки. Въ такомъ положеніи просидѣлъ онъ долго, долго. Донья Леокадія съ дочерью и невѣсткой были проведены въ Козо. Донъ Рокве, поминутно ходившій и туда и сюда, сказалъ наконецъ:

— Сеньора все еще очень слаба... Теперь онѣ всѣ горячо молятся и не перестаютъ плакать. Бѣдняжки ужасно измучены. Молодцы, вы должны непремѣнно поискать въ городѣ чегонибудь имъ поѣсть, необходимо подкрѣпить ихъ силы.

Тогда Монторіа всталъ и вытеръ слезы, бѣжавшія по его щекамъ.

— Я думаю, что найдется чтонибудь,— сказалъ онъ. — Другъ Рокве, купите имъ чегонибудь, сколько бы это ни стоило.

— Вчера просили пять дурро за одну курицу въ Триперіѣ,— произнесъ одинъ изъ старыхъ преданныхъ дому слугъ.

— А сегодня ихъ и совсѣмъ не найдешь,— возразилъ донъ Рокве.—Я сейчасъ былъ тамъ.

— Друзья, поищите здѣсь, чтонибудь найдется. Мнѣ ничего не надо.

Когда онъ говорилъ это, мы услышали кудахтанье курицы. Мы всѣ радостно взглянули по этому направленію и увидали дядю Кандіолу. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ живую курицу, а правой успокоительно гладилъ ее по спинѣ. Прежде чѣмъ его подозвали, онъ подошелъ къ Монторіа и произнесъ:

— Курица стоитъ онцу.

— Не дешево!—воскликнулъ донъ Рокве.— Вѣдь въ ней остались только однѣ кости.

Я не въ силахъ былъ удержать злобы, закипѣвшей во мнѣ передъ эѣмъ отвратительнымъ корыстолюбіемъ дяди Кандіолы. Я подбѣжалъ къ нему, вырвалъ изъ его рукъ курицу и крикнулъ:

— Эта курица краденая! Подай ее сюда, мерзкій ростовщикъ! Хоть бы ужъ свое продавалъ. Онца! Вчера онѣ были на рынкѣ по пяти дурро. Пять дурро, воръ, пять дурро, ни одного охало больше!

Кандіола сталъ визжать и кричать; мы уже собирались выгнать его въ шею, когда донъ Хозе де-Монторіа остановилъ насъ, говоря:

— Дайте ему, сколько онъ проситъ. Сеньоръ Кандіола, вотъ возьмите онцу за вашу курицу.

Онъ подаль ему онцу, которую скупецъ не посовѣстился взять, и прибавилъ:

— Сеньоръ Кандіола, намъ надо поговорить. Теперь я вижу, что оскорбилъ васъ... Да, нѣсколько дней тому назадъ изъ-за муки... Иногда человекъ не въ силахъ совладать съ собою, и когда кровь бросится въ голову... Правда, что вы разсердили меня, потребовавъ за муку больше, чѣмъ главнокомандующій приказалъ платить... Но дѣло въ томъ, другъ донъ Иеронимо, что я опомнился... вы видите... кажется, я поднялъ на васъ руку... кажется, я...

— Сеньоръ де-Монторіа, — перебилъ его Кандіола, — наступитъ день, когда въ Сарагоссѣ снова будутъ власти. Тогда мы посчитаемся съ вами.

— Вы хотите подать на меня въ судъ? Не хорошо. Это ужъ прошло... Это былъ приступъ гнѣва, который трудно сдержатъ. Мнѣ странно только, что до этой минуты я не подумалъ о томъ, что поступилъ дурно, очень дурно. Не слѣдуетъ оскорблять ближняго...

— А главное послѣ оскорбленія обворовывать его, — сказалъ донъ Иеронимо, взглянувъ на окружающихъ съ презрительной улыбкой.

— Относительно воровства вы не правы, — продолжалъ Монторіа, — потому что я исполнилъ лишь приказъ главнокомандующаго. Дѣло только въ оскорбленіи словомъ и поступкомъ; когда я увидалъ васъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, я понялъ, что поступилъ тогда дурно. Совѣсть говорить мнѣ это. Ахъ, сеньоръ Кандіола, я очень несчастливъ! А когда люди несчастливы, они сознаютъ свои ошибки. Такъ вотъ теперь, сеньоръ Кандіола... когда я уви-

дать васъ, я почувствовалъ, что готовъ просить у васъ прощенье за эти удары... у меня тяжелая рука и... Бываетъ, что я не помню, что дѣлаю... Да, я умоляю васъ простить меня, и будемъ друзьями, донъ Иеронимо, будемъ друзьями, помиримся, не станемъ вспоминать стараго. Ненависть чернить душу, и воспоминаніе о дурныхъ поступкахъ ложится камнемъ на сердце.

— Прежде сдѣлали неприятность человѣку, а потомъ стараетесь умастить его льстивыми словами! — сказалъ Кандіола, повертывая спину Монторіа и уходя изъ группы.—Лучше бы сеньоръ де Монторіа вернулъ мнѣ то, что не доплатилъ за муку... Просить у меня прощенья! Да что я извлеку изъ этого прощенья?..

Онъ говорилъ это негромко, какъ бы про себя, и медленно двигался впередъ. Видя, что одинъ изъ насъ побѣждалъ за нимъ, крича ему вслѣдъ какую-то дерзость, донъ-Хозе остановилъ:

— Пусть уходитъ спокойно, надо пожалѣть этого несчастнаго.

XXVI.

3-го февраля французы завладѣли Іерусалимскимъ монастыремъ, находившимся между св. Энграціей и госпиталемъ. Сраженіе, предшествовавшее этой побѣдѣ, отличалось такимъ же кровопролитіемъ, какъ и въ Тенеріасѣ, и въ немъ погибъ знаменитый военный инженеръ Маркъ Симоно. Въ предмѣстьи осаждающе мало продвинулись впередъ. Въ дни 6-го и 7-го февраля они не могли даже завладѣть всей улицей Квемада.

Начальство понимало, какъ трудно продолжать дальше защиту, и раздавало обѣщанія почестей и денегъ, чтобъ воодушевить патріотовъ. Когда средства для войны стали изсякать, 2-го февраля, Палафоксъ издалъ указъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Я отдаю двое моихъ золотыхъ часовъ и двадцать серебряныхъ тарелокъ; это все, что у меня осталось». 9-го, въ указѣ говорилось о томъ, что «нѣкоторые изъ горожанъ холодно относятся къ судьбѣ отечества», и предполагая, что эта слабость проникла въ народъ вслѣдствіе французскаго золота, угрожалъ страшнымъ наказаніемъ измѣнникамъ.

Сраженія 3-го, 4-го и 5-го были менѣе кровопролитны, чѣмъ послѣднее, описанное мною. Французы и испанцы умирали отъ усталости. Площадь Магдалена, на которую французы дѣлали двѣ атаки, защищалась пушками у улицъ Паломаръ и Пабостро. Разрушенныя стѣны семинарія также защищались артиллеріей, и неприятель, видя, что взять ихъ не такъ-то легко, не переставая работать въ подкопахъ.

Мой батальонъ соединился съ батальономъ Экстремадуры, такъ какъ въ томъ и другомъ оставалось не болѣе трехъ ротъ солдатъ. Августинъ Монторіа былъ произведенъ въ капитаны, а я въ

офицеры. Мы не могли уже помочь въ предмѣстьѣ Тенеріасъ и расположились въ большомъ зданіи монастыря Санъ-Франциско, откуда стрѣляли въ непріятеля, атаковавшаго Іерусалимскій монастырь. Намъ выдавались очень скудные раціоны, и офицеры питались тѣмъ же самымъ, чѣмъ и солдаты. Августинъ пряталъ свой хлѣбъ, чтобъ снести его Мариквильѣ.

Съ 4-го числа французы начали дѣлать подкопы подъ госпиталь и Санъ-Франциско, потому что видѣли, что иными способами ихъ взять нельзя. Чтобы предупредить ихъ, мы рыли контръ-мины, желая взорвать ихъ прежде, чѣмъ они взорвутъ насъ. Эта горячая подземная работа была очень тяжела. Казалось, мы перестаемъ быть людьми, превращаемся въ какихъ-то безчувственныхъ, холодныхъ обитателей подземелій, лишенныхъ свѣта, солнца и чистаго воздуха.

Не переставая рыли мы широкія галлерей подъ землю съ упорствомъ и изворотливостью кротовъ. Среди ударовъ нашихъ заступовъ мы прислушивались къ заступамъ французовъ, и послѣ кровавой битвы на землѣ мы рыли другъ для друга эти глубокія подземныя могилы.

Въ монастырѣ Санъ-Франциско находились обширныя глубокіе подвалы. Въ зданіяхъ, занятыхъ французами, также имѣлись такіе подвалы, такъ какъ рѣдкій домъ не имѣлъ ихъ. Въ этихъ-то подземельяхъ погибло много непріятелей. Широкія галлерей, вырытыя нами и французами, въ концѣ концовъ сходились, и при свѣтѣ нашихъ фонарей мы сталкивались лицомъ къ лицу съ непріятеlemъ, казавшимся намъ привидѣніемъ, освѣщеннымъ красноватымъ свѣтомъ. Они также насъ видѣли, и тутъ начиналась схватка; мы запасались ручными гранатами, которыя бросали въ нихъ, и преслѣдовали ихъ до самаго выхода изъ галлерей. Все это казалось какимъ-то тяжелымъ, мучительнымъ кошмаромъ, борьбой во снѣ съ ненавидимымъ чудовищемъ, но это было на самомъ дѣлѣ, каждый день, въ различныхъ пунктахъ.

Въ этой тяжелой работѣ люди часто смѣнялись, и въ минуты отдыха мы приходили въ Ково, сдѣлавшееся общимъ центромъ, больницей и могилой осажденныхъ.

Однажды, вечеромъ, собралось здѣсь нѣсколько человекъ изъ батальоновъ Экстрамадуры и Санъ-Педро. Разговаривали о разныхъ подробностяхъ осады и о томъ, что скоро уже нельзя будетъ защищаться. Эти толки слышались уже не въ первый разъ. Донъ-Хозе Монторіа, подойдя къ намъ, поклонился и съ грустнымъ лицомъ сѣлъ на деревянную скамейку, стоявшую у дверей.

— Послушайте-ка, что говорятъ здѣсь, донъ-Хозе,—сказалъ я ему.—Народъ думаетъ, что скоро невозможно будетъ защищаться.

— Не отчаивайтесь, молодцы,—отвѣтилъ онъ.—Правду сказалъ главнокомандующій въ своемъ приказѣ, что французское золото появилось въ городѣ.

Одинъ изъ францисканскихъ монаховъ, ухаживавшихъ за больными, принялъ участіе въ разговорѣ:

— Это ужасъ, что такое творится,—сказалъ онъ.—Здѣсь только и разговора что о сдачѣ. Точно это и не Сарагосса... Куда дѣвались храбрецы первой осады?..

— Вы справедливо говорите, padre,—подтвердилъ Монторіа.— Это стыдъ и срамъ; даже самыя сильныя сердца заражены трусостью, какъ эпидеміей. И въ общемъ я не знаю, куда приведутъ насъ эти разговоры о сдачѣ, когда мы никогда не сдавались. Если существуетъ будущая жизнь, которой вѣрятъ религіозные люди, то стоитъ ли огорчаться изъ-за того, что мы проживемъ здѣсь однимъ днемъ больше или меньше?

— Однако, нельзя не сознаться, сеньоръ донъ-Хозе,—возразилъ монахъ,—что съ каждымъ днемъ провізія все уменьшается, и что все равно придется умирать съ голоду.

— Вздоръ и пустяки, padre Луэнго!—воскликнулъ старикъ.— Конечно... если эти люди привыкли угощаться, какъ прежде, и не могутъ обойтись безъ хлѣба и мяса, то ничего не подѣлаешь. Какъ будто нельзя питаться многими другими?.. Я сторонникъ защиты во что бы то ни стало. Я пережилъ глубокое горе: потеря моего сына-первенца и внука истерзала мое сердце, но патриотизмъ настолько силенъ во мнѣ, что порою онъ заглушаетъ личное несчастье. У меня остался еще сынъ, моя единственная надежда въ жизни и поддержка моего дома и имени, но я не только не отдаляю его отъ опасности, наоборотъ, я благословляю его продолжать защиту. Если я его потеряю, я умру съ горя, но готовъ жертвовать моимъ наслѣдникомъ ради спасенія отечества.

— И какъ я слышалъ,—продолжалъ padre Луэнго,—сеньоръ донъ Августинъ выказалъ чудеса храбрости. По всему видно, что по окончаніи этой кампаніи лавры славы увѣнчаютъ преимущественно духовныхъ лицъ.

— Нѣтъ, мой сынъ уже не духовное лицо. Онъ долженъ отказаться отъ духовной карьеры, потому что я не могу остаться безъ прямыхъ потомковъ.

— Да, поговорите-ка съ нимъ о женитьбѣ и о потомкахъ! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ солдатъ, онъ немножко измѣнился, но прежде онъ не могъ говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ богословія. Это молодой человѣкъ, который знаетъ наизусть чуть ли не всѣхъ богослововъ и не знаетъ, на какомъ мѣстѣ находятся глаза у дѣвушки.

— Августинъ пожертвуетъ для меня своимъ призваніемъ. Какъ только окончится осада, и если Господь оставитъ его въ живыхъ, я думаю сейчасъ же женить его на дѣвушкѣ, равной ему по происхожденію и состоянію.

Когда онъ говорилъ это, къ намъ приблизилась рыдающая Мариквилля Кандіола; она подошла ко мнѣ и спросила:

— Сеньоръ де-Арачели, не видали ли вы моего отца?

— Нѣтъ, сеньорита Марія, — отвѣтилъ я. — Со вчерашняго дня я не видалъ его. Можетъ быть, онъ у развалинъ своего дома, старается спасти что нибудь.

— Его тамъ нѣтъ, — съ грустью сказала Мариквилля. — Я вездѣ искала.

— А вы были тамъ, внизу, у Санъ-Діего? Быть можетъ, сеньоръ Кандіола пошелъ посмотрѣть на развалины своего дома Дуэндесъ?

— Такъ я сейчасъ пойду туда.

Когда она исчезла, Монторіа сказалъ:

— Это, кажется, дочь дяди Кандіолы. Красивая дѣвушка, и трудно повѣрить, что она дочь этого волка... Прости мнѣ, Господи, это слово!.. этого человѣка — хотѣлъ я сказать.

— Да, недурна, — подтвердилъ монахъ. — Только мнѣ сдается, что изъ нея не будетъ пути. Можетъ ли быть, что доброе отъ дяди Кандіолы?

— Не слѣдуетъ дурно говорить о ближнемъ, — замѣтилъ донъ Хозе.

— Кандіола не ближній. А эта дѣвушка, съ тѣхъ поръ, какъ они остались безъ дома, не выходитъ изъ солдатскихъ казармъ.

— Можетъ быть, она тамъ лѣчитъ раненыхъ.

— Можетъ быть, но мнѣ кажется, что ей больше нравятся здоровые. Въ ея хорошенькой рожицѣ нѣтъ и тѣни стыдливости.

— Перестаньте злословить!

— Это чистая правда, — прибавилъ монахъ. — Правда говорится, что яблочко падаетъ недалеко отъ яблоньки. Развѣ кому нибудь неизвѣстно, что ея мать Пепа Ринконъ вела дурную жизнь?

— Просто веселую...

— Хорошо веселье! Когда ее покинулъ третій возлюбленный, на ней женился Иеронимо Кандіола.

— Довольно подробностей, — остановилъ его Монторіа: — хотя бы это были самые отвратительные люди въ мірѣ, предоставимъ ихъ совѣсти судить ихъ.

— Я не далъ бы и мараведи (мелкая монета) за душу всѣхъ Кандіола, взятыхъ вмѣстѣ, — отвѣтилъ монахъ.

— Но вонъ, кажется, и самъ донъ Иеронимо, если я не ошибаюсь. Онъ увидалъ насъ и идетъ сюда.

Дѣйствительно дядя Кандіола появился на площади и шелъ къ воротамъ монастыря.

— Добрый вечеръ, донъ Иеронимо, — сказалъ ему Монторіа. — Надѣюсь, вы больше не сердитесь на меня...

— Нѣсколько минутъ тому назадъ васъ искала здѣсь ваша невинная дочь, — прибавилъ Луэнго съ насмѣшкой.

— Гдѣ она?

— Она пошла въ Санъ-Діего,—сказаль одинъ изъ солдатъ.—
Можетъ быть, ее украли французы, которые шляются тамъ.

— Они навѣрное отнесутся къ ней съ уваженіемъ, узнавъ, что
это—дочь дона Иеронимо,—возразиль Луэнго.—А это правда, другъ
Кандіола, что здѣсь рассказываютъ?

— Что такое?

— Что вы на этихъ дняхъ переправлялись къ французамъ и
вели съ ними переговоры.

— Я! Какая подлая клевета!—воскликнулъ ростовщикъ.—Это
говорятъ мои враги, чтобъ погубить меня. Это вы, сеньоръ де-Мон-
торіа, распустили эти слухи?

— И не думаль,—возразиль тотъ.—Но я дѣйствительно слы-
шалъ разговоры объ этомъ. Помню, что я даже защищаль васъ,
увѣряя, что сеньоръ Кандіола неспособенъ продаться французамъ.

— Мои враги, мои враги хотять погубить меня! Какую подлую
клевету они про меня распустили! Они хотять отнять у меня чест-
ное имя, послѣ того, какъ отняли имущество. Сеньоры, мой домъ
въ улицѣ Сомбра разоренъ дотла. На меня такъ и сыплются не-
счастія. А домъ, который находится за Санъ-Франциско у сада
Санъ-Діего, еще стоитъ, но онъ занятъ войсками, и они также на-
вѣрное разорять его.

— Это зданіе стоитъ очень немного, донъ Иеронимо,—сказаль
монахъ,—и, если я не ошибаюсь, уже цѣлыхъ десять лѣтъ въ немъ
никто не живетъ.

— Потому что всѣ увѣряють, что тамъ водятся привидѣнія, а
это вздоръ... Но оставимъ это. Не видали ли вы здѣсь моей дочери?

— Эта невинная особа отправилась въ Санъ-Діего отыскивать
своего симпатичнаго папашу.

— Моя дочь съ ума сошла.

— Похоже на то.

— Въ этомъ также виноватъ сеньоръ де-Монторіа. Мои враги,
мои заклятые враги не дають мнѣ вздохнуть свободно.

— Какъ!—воскликнулъ донъ Хозе.—Я виноватъ также и въ
томъ, что эта дѣвушка пошла по дурнымъ слѣдамъ своей матери?
Ахъ, проклятый языкъ!.. Ея мать была примѣрная женщина.

— Я не обращаю вниманія на оскорбленія сеньора Монторіа и
отношусь къ нимъ съ презрѣніемъ,—сказаль Кандіола, задыхаясь
отъ злости.—Вмѣсто того, чтобъ говорить мнѣ дерзости, донъ Хозе
долженъ былъ бы остепенить своего сына Августина, потому что
это онъ сбиль съ пути мою дочь. Но я не выдамъ ея за него,
что бы онъ ни дѣлаль. Онъ хочеть украсть ее у меня. Ловкій
сеньоръ этотъ донъ Августинъ! Но, нѣтъ, она не будетъ его же-
ною! Моя Марія стоитъ лучшаго жениха.

Донъ Хозе Монторіа поблѣднѣль, слушая это; онъ сдѣлаль нѣ-

сколько шаговъ къ дядѣ Кандіолѣ съ видимымъ намѣреніемъ возобновить сцену, происшедшую въ улицѣ Антонъ Трильо, но онъ сдержался и только сказалъ грустно:

— Боже мой, дай мнѣ силы побороть овладѣвшій мною гнѣвъ! Но развѣ можно убить въ себѣ эти порывы и спокойно слушать этого человѣка? Я просилъ у него прощенья за нанесенную ему обиду, я подавалъ ему дружескую руку, а онъ вторично клевететь на меня и оскорбляетъ... Жалкій человѣкъ, накажи меня, убей меня, но не смѣй говорить ничего дурного о моемъ дорогомъ сынѣ! Что вы сказали, что вы сейчасъ сказали о моемъ Августинѣ?

— Сущую правду.

— Я не знаю, какъ у меня хватаетъ силъ сдерживаться. Сеньоры, будьте свидѣтелями моего великодушія. Я не хочу защищаться, не хочу никого обижать, не хочу гнѣвить Господа. Я прощаю этому человѣку его подлость, но пусть онъ сейчасъ же скроется съ глазъ моихъ, иначе я не могу отвѣчать за себя...

Кандіола, очевидно испугавшись этихъ словъ, вошелъ подъ портикъ монастыря. Padre Луэнго отвелъ Монторіа въ глубь площади.

Случилось такъ, что въ эту самую минуту между группами солдатъ, собравшихся на площади, пронесся неодобрительный шепотъ объ отцѣ Мариквилы, и въ его сторону кидались подозрительные взгляды. Кандіола хотѣлъ бѣжать, видя, что его окружаютъ со всѣхъ сторонъ, но его остановили и въ одно мгновеніе прижали къ стѣнѣ монастыря. Тогда одинъ изъ голосовъ произнесъ со злобой:

— Въ колодезь! Бросимъ его въ колодезь!

Нѣсколько сильныхъ рукъ схватили краснаго, мечущагося, жалкаго Кандіолу.

— Онъ ходитъ и одѣляетъ деньгами войско, чтобъ оно сда-лось,—сказалъ одинъ.

— Да, да!—воскликнули другіе.—Вчера говорили, что онъ на рынкѣ раздавалъ деньги.

— Сеньоры,—сказалъ несчастный прерывающимся голосомъ,—клянусь вамъ, что я никогда не раздавалъ денегъ.

И это была правда.

— Всѣ говорятъ, что видѣли, какъ онъ сегодня ночью переправлялся черезъ ровъ въ французскій лагерь.

— И вернулся оттуда только утромъ. Въ колодезь его!

Я вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ старался вырвать его изъ рукъ ожесточенной толпы, такъ какъ его ожидала неминуемая смерть. Но намъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ и убѣжденіямъ.

— Молодцы, не будемъ дѣлать звѣрства! Какой вредъ можетъ оказать намъ этотъ презрѣнный старикашка?

— Это вѣрно,—прибавилъ онъ въ отчаяніи.—Какой вредъ могу сдѣлать вамъ я, всегда помогавшій нуждающимся? Вы меня не

убьете, вы храбрые солдаты Санъ-Педро и Экстрамадуры, вы добрые молодцы! Вы зажигали дома въ предмѣстьѣ Тенеріасъ, гдѣ я поймалъ курицу и получилъ за нее онцу. Кто это сказалъ, что я продался французамъ? Я ненавижу ихъ, я не могу ихъ видѣть, а васъ я люблю. Дѣти мои, отпустите меня! Я все потерялъ, оставьте мнѣ хоть жизнь!..

Эти жалобные стоны и наши убѣжденія нѣсколько охладили первый пылъ солдатъ, хотя намъ все-таки стоило не мало труда вырвать несчастнаго изъ сильныхъ рукъ. Когда солдаты стали расходиться, онъ былъ спасенъ, но онъ даже и не поблагодарилъ насъ, когда мы, спасши его отъ смерти, предложили ему кусокъ хлѣба. Когда онъ набрался силъ, чтобъ ходить, онъ вышелъ на улицу и встрѣтилъ тутъ свою дочь.

XXVII.

Въ этотъ вечеръ почти всѣ непріятельскія силы были направлены противъ предмѣстья правой стороны Эбро. Атаковали монастырь Иисуса и Пиларскій соборъ, гдѣ укрывалось множество больныхъ и раненыхъ, думавшихъ, что самая святость мѣста представляетъ для нихъ наилучшее убѣжище.

Все вниманіе осажденныхъ и осаждающихъ было устремлено на подкопы. Мы тратили послѣднія силы въ подземныхъ галлерейхъ, стараясь взорвать непріятеля на воздухъ прежде, чѣмъ онъ взорветъ насъ.

Ночью французы и испанцы намѣрены были отдохнуть. Въ минахъ уже не слышалось ударовъ заступа. Я вышелъ изъ галлерей и направился въ Санъ-Діего, гдѣ встрѣтилъ Августина и Мариквилью; они разговаривали, сидя у крыльца одного изъ домовъ въ Дуэндесъ. Оба они очень обрадовались, увидавъ меня, и я присѣлъ къ нимъ, принявъ участіе въ ихъ скромномъ ужинѣ.

— Намъ негдѣ преклонить голову, — сказала Мариквилья. — Мы были въ переулкѣ Органо, и насъ прогнали оттуда. За что такъ ненавидятъ моего бѣднаго отца? Что онъ имъ сдѣлалъ? Потомъ мы устроились въ комнаткѣ въ улицѣ Урреасъ, и оттуда насъ также прогнали. Тогда мы сѣли подъ аркой въ Козо, и всѣ бывшіе тамъ люди разбѣжались. Отецъ сердится.

— Мариквилья, дорогая моя, — сказалъ Августинъ, — я надѣюсь, что такъ или иначе осада скоро кончится. Я хотѣлъ бы, чтобъ Богъ послалъ смерть намъ обоимъ, если мы не можемъ быть счастливы на землѣ. Не знаю почему, но среди всѣхъ этихъ несчастій мое сердце полно надеждъ; не знаю, почему мнѣ все приходятъ на умъ пріятныя мысли, и я постоянно думаю о веселомъ будущемъ. Почему же и нѣтъ! Неужели все должно непремѣнно сложиться несчастно и грустно? Горе моей семьи очень велико мою мать ни-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продѣются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ
МАЙ 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1896 г.

	стр.
I. Сильфида. Романъ. Часть вторая. Гл. III—V. (Продолженіе). Н. Н. Потапенко	377
II. Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы). XI—XII. (Окончаніе) .	425
III. Типы современной деревни. (Продолженіе). Х. Пчела. А. В. Круглова	455
IV. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ. (Отрывокъ изъ дневника). Гл. II. Барона Л. Л. Зедделера	480
V. Къ біографіи Шервуда-Вѣрнаго. Н. К. Шильдера . . . . . иллюстрація: Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.	509
VI. Воспоминанія пропащаго человѣка. XI—XII. (Продолженіе). Н. И. Свѣшниковъ	521
VII. Софійское житье-бытье. (Болгарскіе типы и картинки). А. В. Амфитеатрова	544
VIII. Прошлое и настоящее города Верхотурья. В. П. Полякова . . . . . иллюстраціи: 1) Городъ Верхотурье со стороны Кувшинскаго тракта.— 2) Видъ остатковъ крѣпости въ Верхотурьѣ.— 3) Троицкій соборъ въ Верхо- турьѣ.— 4) Зарѣчная деревянная церковь Одиатрія въ Верхотурьѣ.— 5) Рака Самеона Праведнаго.	587
IX. На Чудскомъ озерѣ. М. Н. С.	605
X. Пioneры просвѣщенія въ Западной Сибири. I—III. В. А. Тимирязева	629
XI. Пятидесятилѣтіе археологическаго общества. В. Е. Рудакова .	648
XII. Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ. (Некрологъ) Р. Д. К. . . . . иллюстрація: Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.	659
XIII. Гавриилъ, епископъ Имеретин. (Некрологъ). И. З. . . . . . иллюстрація: Епископъ Гавриилъ.	665
XIV. Критика и бібліографія	671

1) Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго. Въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1896. Федора Шперна.—

2) Великокняжеская и царская охота на Руся съ X по XVI вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Изданіе иллюстрировано профессоромъ В. М. Васнецовымъ и академикомъ Н. О. Самовитшемъ. Спб. 1896. П. Полевого.— 3) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга десятая. Спб. 1896. Б. Глинскаго.— 4) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ вѣдѣній о сношеніяхъ Россіи по 1800 годъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. Часть вторая: Германія и Італія. Москва. 1896. с. ш.— 5) И. И. Дятлинъ. Статя по исторіи русскаго права. Спб. 1896. Б. Микольскаго.— 6) «Курьеръ Варшавскій». 1821—1896. Юбилейная книга. («Kurjer Warszawski». 1821—1896. Księzka jubileuszowa). Варшава. 1896. А. Сидорова.— 7) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Тома VII и VIII (1744—1747 гг.). Спб. 1896. А. Б.—ина.— 8) Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб. 1896. Б. Глинскаго.— 9) I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ прилѣжаніями П. И. Вейнберга. Выпускъ I—VI. Москва. 1896.

См. слѣд. стр.

Б. В. Н.— 10) Собрание критических материалов для изучения произведений И. С. Тургенева. Составил В. Зелинский. Москва. 1896. Б—а.— 11) Описки архiereвъ иерархіи всероссійской и архiereвскихъ кафедръ со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1895). Спб. 1896. С. Ш.— 12) «Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. 1896. Г.— 13) Профессоръ А. Н. Красновъ. Основы земледѣнія. Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя. Харьковъ. 1895. Б. В. Н.— 14) Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Томъ I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы митрополита Макарія (1816—1857 гг.). Съ портретомъ и факсимиле. Докента Киевской духовной академіи Ѳедора Титова. Киевъ. 1895. С.— 15) Сборникъ материаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введене и примѣчанія И. М. Болдакова. Приложение: выписка изъ дѣлъ Королевскаго архива въ Копенгагенѣ. Спб. 1896. И. Х.— 16) Э. Науманъ. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный но новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ «Очерковъ исторіи музыки въ Россіи», подъ редакціей Н. Финдейзена. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. Выпускъ I. Спб. 1896. Б. В. Н.— 17) Библиотека экономистовъ: Франсуа Кена, Жанъ-Батистъ Свѣ и Фредерикъ Бастиа. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896. Р. С.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 668

1) Олимпійскія игры.—2) Отношенія между Россіей*и Ватиканомъ въ XV и XVI вѣкахъ.—3) Португальцы въ Абиссиніи въ XVI вѣкѣ.—4) Швейцарскій учитель триста лѣтъ тому назадъ.—5) Идеальная женщина эпохи Возрожденія.—6) Творецъ Довъ-Кихота.—7) Г-жа Жоффренъ и ея бюро ума.—8) Барра и его участіе въ 18-мъ брюмерѣ.—9) Разрывъ между Александромъ I и Наполеономъ.—10) Письма прусской королевы Луизы.—11) Англо-американская война 1812—1815 гг. и теорія Монро.—12) Правители Индіи.—13) Мемуары графа Франкенберга.

XVI. Смѣсь 723

1) Актъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.—2) Диспутъ А. Ѳ. Карашева.—3) Столѣтіе со дня смерти А. С. Милорадовича.—4) Русскій памятникъ за границею.—5) Выставка изображеній Христа.—6) Императорское православное палестинское общество.—7) Московское историческое общество.—8) С.-Петербургское археологическое общество.—9) Московское археологическое общество.—10) Императорское общество любителей древней письменности.—11) Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—12) Некрологи: А. П. Богдановъ; И. Н. Березинъ; С. В. Назаревскій; А. К. Жизневскій; Н. Г. Ершовъ; О. П. Мартынова; С. В. Пругавинъ; Н. Л. Шаревъ; Г. М. Веселовскій; В. Л. Берманъ; А. С. Размадзе.

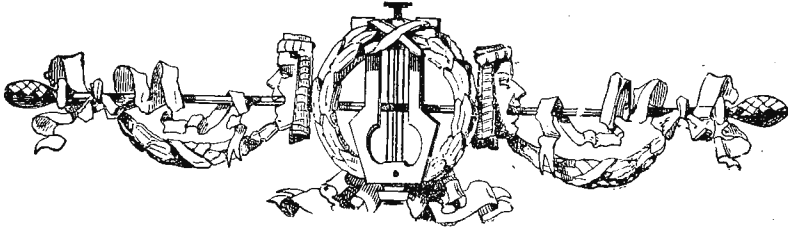
XVII. Замѣтки и поправки 741

1) Наставникъ царскихъ дѣтей Гриммъ. А. Ч—нова.—2) Отвѣтъ г. Кузнецову-Красноярскому, С. Н. Музовнинова.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Сергѣя Николаевича Терпигорева.—2) Осада Сарагоссы (Zaragoza). Историческій романъ Переса Гальдоса. Гл. XXVIII—XXXI. (Окончаніе). Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ.

СИЛЬФИДА¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

ДЕСЬ ДОМЪ тотчасъ же почувствовалъ, что скоро должна произойти важная перемѣна. Роковой разговоръ происходилъ между Андреемъ Михайловичемъ и Наташей съ глазу на глазъ, и никто, разумѣется, его не слышалъ. И тѣмъ не менѣе на другой день уже по всему дому пошелъ таинственный шепотъ.

Откуда люди въ такихъ случаяхъ узнаютъ близко касающіяся ихъ свѣдѣнія, это всегда было тайной. Можетъ быть, тайну выдаютъ взгляды и движенія тѣхъ, кто ее хранитъ...

Правда, въ отношеніяхъ Андрея Михайловича и Наташи сразу можно было разглядѣть нѣчто новое. Наталья Александровна отнеслась къ его сообщенію, какъ къ неизбѣжной необходимости. Она какъ будто сразу поняла, что другого исхода для нихъ нѣтъ. Оскорбленія можно сносить, пока хватаетъ на это силы, но затѣмъ наступаетъ моментъ, когда душа больше не въ силахъ молчать. И тогда происходитъ нѣчто неожиданное, не зависящее отъ личной воли,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 5.
«истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

способное разомъ погубить цѣлую жизнь. А Наташа именно начала уже бояться, что дольше не вынесетъ этого. У нея бывали такія настроенія, когда она готова была бѣжать изъ дому, сама не зная куда, лишь бы подальше спрятаться отъ этихъ обидъ. И если бы у нея не было двухъ дѣвочекъ, которымъ она теперь посвятила всю себя, она давно сдѣлала бы это. Но вѣдь человѣкъ не всегда властенъ надъ собою. Иногда мы ясно видимъ, что нашъ поступокъ погубитъ и насъ самихъ и близкихъ намъ людей, и все-таки, чертя голову, бросаемся въ пропасть. Она этого боялась. Она ужасалась при мысли, что когданибудь окажется способной закрыть глаза на все и думать только о своемъ спасеніи. Что же тогда будетъ съ дѣвочками? Если она возьметъ ихъ съ собою, ихъ ожидаетъ страшное будущее. У нея своего ничего нѣтъ. Работать она не умѣетъ. Искусство, которое могло бы дать ей возможность содержать ихъ, давно ею заброшено. Она отстала и, конечно, теперь была бы только смѣшна въ роли «Сильфиды» или какойнибудь «Дѣвы Дуная».

Въ особенности ясно переживала она это состояніе въ послѣднія недѣли «грѣховной жизни» Андрея Михайловича. «Не выдержу, не выдержу!»—съ ужасомъ говорила она себѣ:—«еще одна обида, и я способна забыть свои обязанности...».

И вотъ онъ явился съ своимъ рѣшеніемъ. Не смотря на нѣкоторую жестокость его предложенія—оставить ее одну въ городѣ, гдѣ она не сумѣла пріобрѣсти друзей и знакомыхъ, гдѣ она живетъ отшельницей въ этомъ огромномъ домѣ, наполненномъ людьми, оставить съ двумя подроставшими дѣвочками, молодую, любящую и жаждущую, чтобы и ее любили, и оставить для того, чтобы имѣть возможность открыто вести ничѣмъ не сдерживаемую разгульную жизнь,—не смотря на это, его слова не только не оттолкнули ея отъ него, но напротивъ какъ бы заставили ее проникнуться уваженіемъ къ нему. Она оцѣнила эту рѣшимость—просто и прямо заявить о томъ, что онъ чувствуетъ и переживаетъ. Мало ли что онъ могъ наказать ея? Онъ могъ выдумать какіянибудь необыкновенныя обстоятельства, службу, требующую его присутствія въ Петербургѣ, а то, что онъ ѣдетъ одинъ, безъ нея и безъ дѣвочекъ,—объяснить боязнь огорчить дядю и потерять его расположеніе. Но онъ не захотѣлъ прибѣгать къ этому, а сказалъ правду.

Горько ей было выслушивать эти слова, но сознаніе, что такъ и должно быть, и что въ сущности они давно уже разлучены его жизнью, помогло ей сохранить спокойствіе и достоинство.

У Андрея Михайловича былъ видъ безконечно виноватаго человѣка, постоянно кающагося въ своихъ грѣхахъ. Онъ цѣлую недѣлю, когда шли приготовленія, не выходилъ изъ дому, старался быть почаще и подольше съ Наташей, обращался съ нею, какъ нѣжный братъ съ сестрой, и больше ни однимъ словомъ не упомянулъ о своемъ рѣшеніи.

Свои распоряженія онъ дѣлалъ въ кабинетѣ, призывая къ себѣ нужныхъ въ томъ или другомъ случаѣ слугъ и разговаривая съ ними сдержаннымъ голосомъ, какъ говорятъ о вещахъ, которыхъ третій не долженъ слышать.

Шипицкій первымъ отправился въ Петербургъ. Онъ долженъ былъ наскоро отдѣлать домъ на Англійской набережной подъ жилье хозяина. Лѣтъ десять этотъ домъ стоялъ безъ обитателей. Полянскій былъ слишкомъ богатъ и слишкомъ гордъ, чтобы отдавать его въ наемъ. Точно также стояли пустыми и его четыре дома въ Москвѣ:

Всю недѣлю шли приготовления. Надо было починить экипажи, стоявшіе много лѣтъ въ сараяхъ безъ употребленія. Но главную заботу составляли дорогія лошади Бентышъ-Полянскаго, наполнявшія конюшни не только при домѣ на Дмитровкѣ, но и при другихъ его домахъ. Ими онъ рассчитывалъ ослѣпить петербургскую публику и забиралъ ихъ всѣхъ съ собой, оставляя Наташѣ всего только десятокъ для выѣздовъ. Ей, разумѣется, и этого было слишкомъ много, такъ какъ она выѣзжала только въ церковь, къ дядюшкѣ и въ театръ. Но было бы неприлично, если бы у госпожи Бентышъ-Полянскій, хотя бы она еще и не была объявлена таковой, стояло на конюшнѣ меньше десятка лошадей.

Люди дрожали за свою судьбу. Въ теченіе этой недѣли ихъ все не наказывали. Былъ ли баринъ слишкомъ занятъ приготовлениями къ отъѣзду или онъ хотѣлъ оставить послѣ себя болѣе пріятное воспоминаніе, но въ эти послѣдніе дни его пребыванія въ Москвѣ провинившихся въ домѣ на Дмитровкѣ вовсе не было, никто не совершалъ путешествія на Маросейку, и Евстратъ испытывалъ опасеніе, не случилось ли тамъ чегонибудь еще худшаго, такъ какъ на лучшее онъ не могъ рассчитывать. «Не сдѣлались же всѣ они тамъ святыми!»—размышлялъ онъ и тоскливо выглядывалъ въ окошко, съ минуты на минуту ожидая, что вотъ-вотъ ктонибудь придетъ съ Дмитровки и объявить, что баринъ всѣхъ отдалъ въ солдаты, либо живыми въ землю зарылъ, оттого ему и пороть некого.

Но слуги мало вѣрили въ это затишье. Имъ казалось, что оно не должно пройти даромъ, и что все это потомъ возмѣстится на ихъ спинахъ съ лихвой. Главная же забота ихъ состояла въ рѣшеніи вопроса—кто поѣдетъ съ бариномъ. Что, если онъ вздумаетъ забрать всѣхъ въ Питеръ? Тамъ еще хуже будетъ. Вѣдь барыня-заступница здѣсь остается.

Но вотъ, наконецъ, вышло рѣшеніе. Андрей Михайловичъ отобралъ себѣ десятка два и то собственно такихъ, которые могли понадобиться ему въ дорогѣ, разумѣется, за исключеніемъ конюховъ, которые пошли всѣ. Но эти всегда пользовались большими преимуществами. Когда баринъ увлекался лошадьми, онъ ихъ жаловалъ; когда же онъ занимался другимъ спортомъ и навремя забывалъ о

конюшняхъ, конюхи прятались въ свои норы и никогда не попадались ему на глаза. Въ этомъ и состояло ихъ преимущество.

Радостный шепотъ пошелъ по всему дому, когда стало извѣстно, что почти вся эта ни на что не нужная орава остается въ Москвѣ. Въ Петербургъ же нащлютъ новый комплектъ дворни изъ подстольнаго села Тускина. Всѣ предчувствовали, что настаютъ для нихъ новыя времена.

Конечно, сознание, что все-жъ-таки они остаются подъ желѣзной лапой Бентышъ-Полянскаго, отравляло эту радость. Вѣдь все зависитъ отъ его каприза. Уѣдетъ онъ въ Петербургъ и будетъ тамъ жить, но вдругъ ему придетъ капризь, и онъ отпишетъ въ Москву: выпороть двѣ сотни душъ! И выпорютъ. Или возьметъ да и ушлетъ всѣхъ въ Архангельскую губернію копать мерзлую землю. Но къ этому ощущенію непрерывнаго страха они уже давно привыкли и переживали его, какъ бы не сознавая.

Радость уменьшалась еще отъ неполной увѣренности въ томъ, что это сбудется. Вѣдь никто изъ нихъ не зналъ настоящей причины, заставляющей Андрея Михайловича переѣзжать въ Петербургъ. А сколько разъ случалось, что онъ сдѣлаетъ какое нибудь важное распоряженіе по всему дому, и послѣ долгихъ и сложныхъ приготовленій объявитъ: «Не надо. Оставаться постарому».

Боялись, что и теперь онъ вдругъ возьметъ и передумаетъ. Да еще вспомнить, что цѣлую недѣлю никого не поролъ и ни надъ кѣмъ не издѣвался и скажетъ: а, ну-ка, сейчасъ всѣ отправляйтесь къ Евстрату, и пусть онъ каждому влѣпнитъ по полсотнѣ! Все можетъ стать.

И до послѣдней ночи всѣ были въ какомъ-то неестественномъ напряженіи. Оекла Григорьевна страдала больше всѣхъ. Вышелъ приказъ ей ѣхать въ Петербургъ. У нея былъ благообразный приличный видъ, она славилась среди дворни своимъ умомъ и обходительностью, и все это дало мысль—поручить ей надсмотръ надъ хозяйствомъ въ домѣ.

Она явилась къ Наташѣ и горько плакала:

— Барынька моя голубка! А я-то думала, что ужъ придется помереть близъ васъ! Большаго счастья не желала бы отъ Бога! А вотъ и разлучаютъ!

Наташа свыклась съ нею, и ей тоже было тяжело отпускать ее. Но еще тяжелѣе ей было бы просить объ этомъ Андрея Михайловича. Какъ онъ могъ такъ просто распорядиться женщиной, постоянно находящейся при ней, о чемъ онъ знаетъ, конечно? Значитъ, ему не пришла въ голову мысль освѣдомиться у нея, будетъ ли ей это пріятно. Эта маленькая обида, въ связи со всѣмъ, что произошло въ послѣднее время, была очень тяжела ей.

А Оекла Григорьевна плакала навзрыдъ и довела ее до того, что она рѣшилась все-таки поговорить съ Андреемъ Михайловичемъ.

И, безъ сомнѣнія, ей не стоило бы никакихъ хлопотъ оставить её въ Москвѣ. Андрей Михайловичъ былъ совершенно равнодушенъ къ лицамъ. Оекла Григорьевна попалась ему подъ руку въ то время, когда онъ рѣшалъ вопросъ, кого взять съ собой. Какъ эгоистъ, привыкшій думать только о себѣ, онъ не подумалъ о томъ, что Оекла Григорьевна можетъ понадобится Наташѣ. Но, узнавъ объ этомъ, онъ не спорилъ бы.

Но въ тотъ именно моментъ, когда Наташа уже совсѣмъ рѣшилась идти въ кабинетъ, вдругъ Оекла Григорьевна остановила ее.

— Нѣтъ, барынька, не ходите.

— Что же такъ?

— У меня перемѣнились мысли...

— Какъ же это?

— Такъ, моя голубка! Поѣду я, да, можетъ, и тамъ будучи, еще лучше услужу вамъ...

— Ну, что ты, Оекла? Какъ ты мнѣ можешь услужить тамъ?

— Услужу, барыня моя родная! ужъ я знаю какъ!

Наташа уговаривала ее, но это было напрасно. Оекла Григорьевна твердила свое и не позволила ей хлопотать у Андрея Михайловича.

Наконецъ, однажды, раннимъ утромъ, когда весеннее солнце только-что поднялось на востокъ, и Москва еще была погружена въ глубокой сонъ, весь домъ на Дмитровкѣ былъ на ногахъ. Во дворѣ собралась вся дворня. Андрей Михайловичъ вышелъ къ нимъ и внушительно сказалъ:

— Смотрите же, чтобъ во всемъ слушаться барыни! А ежели узнаю, что кто либо изъ васъ небрежно будетъ исполнять службу, либо грубость какую проявить, — такъ это не бѣда, что я за шесть сотенъ верстъ. Приѣду и запорю! Знайте, что мнѣ все будетъ извѣстно!

Послѣ этихъ не особенно ласковыхъ словъ дворня сдѣлала къ нему движеніе съ видимымъ намѣреніемъ поцѣловать такъ жестоко каравшую ее руку, но Андрей Михайловичъ былъ брезгливъ. Онъ отвернулся и пошелъ обратно въ домъ.

Дворня нѣкоторое время стояла молча; затѣмъ начали шепотомъ гадать, что бы могли означать послѣднія слова барина: «знайте, что мнѣ все будетъ извѣстно!». Ясное дѣло, баринъ кого-то посадилъ между ними съ приказаніемъ — слѣдить и докладывать. Кто же это? На камердинера, стараго Андрея Михайловича, нерѣдко падали подозрѣнія въ такихъ случаяхъ, но и то больше потому, что онъ постоянно при баринѣ. Ни нравъ его, ни дѣянія нисколько не подтверждали этого. Но теперь и на него нельзя было свалить, потому что онъ находился въ свитѣ, ѣхавшей въ Петербургъ. Никому не пришло въ голову, что баринъ, чувствуя себя безсильнымъ на столь значительномъ разстояніи, рѣшилъ хоть такимъ способомъ оставить ихъ въ постоянномъ страхѣ.

Съ Наташей Андрей Михайловичъ простился почтительно, какъ съ матерью. Онъ поцѣловаль у нея руку и сказалъ:

— Что бы ни случилось со мной въ жизни, Наташа, знай, что я всегда думаю о тебѣ и о дѣвочкахъ, и что другой заботы у меня нѣтъ на душѣ!

Дѣвочекъ онъ перецѣловаль съ безконечною нѣжностью и по-благословиль ихъ.

Наконецъ, поѣздъ, состоявшій изъ каретъ и телѣгъ, нагруженныхъ людьми и провизіей, двинулся со двора. Карета, въ которой ѣхаль Андрей Михайловичъ, выѣхала гораздо позже. Къ этому времени прибыли Тугаринъ, Верховскій и Сербичъ. Они сѣли съ нимъ и проводили его до заставы, а вернулись оттуда въ запасной каретѣ, ѣхавшей позади.

Шестерка отборныхъ коней увезла Бентышъ-Полянскаго по петербургской дорогѣ.

Оставшись одна, Наташа почувствовала какую-то безысходную тоску. Слезы подступали у нея къ горлу. Теперь ей казалось страннымъ, что такое дѣло могло совершиться такъ просто, безъ шума, безъ потрясеній. Что изъ этого выйдетъ, одинъ только Богъ знаетъ.

Для нея было только ясно, что въ ея жизни начинается какая-то новая полоса—хорошая или дурная, этого вѣдь никогда никто не можетъ предусмотрѣть. Думала она и о томъ, что было бы, если бы она отнеслась къ рѣшенію Андрея Михайловича иначе: плакала бы, просила бы остаться? И то, что ей представлялось, было ужасно, и она говорила сама себѣ:

— Нѣтъ, такъ лучше, такъ лучше! Послѣ такой обиды люди не должны жить вмѣстѣ!

II.

Почти до самой заставы въ каретѣ было молчаніе. Тугаринъ глядѣлъ угрюмо, и видно было, что онъ далеко не расположенъ напутствовать своего друга благими пожеланіями.

Съ той минуты, какъ онъ узналъ о рѣшеніи Андрея Михайловича оставить въ Москвѣ Наталью Александровну съ дѣтьми, онъ впалъ въ угрюмость. Сердце стараго рыцаря не могло сразу примириться съ этимъ. Онъ прощалъ своему другу многія безумства, но передъ этимъ его пристрастіе къ блестящимъ качествамъ генерала въ отставкѣ Бантышъ-Полянскаго какъ бы остановилось. Сквозь толстый слой всевозможныхъ дурачествъ и самодурствъ, среди которыхъ не мало подадалось и такихъ, которыхъ онъ не одобрилъ бы ни въ комъ другомъ, Тугаринъ видѣлъ все-таки благородную натуру Бентышъ-Полянскаго, способную подчасъ и на великодушныя дѣла. Но тутъ онъ усомнился: подлинно ли есть въ немъ это благородство, или это только мишура, которая теперь отваливается?

Тугаринъ за всю недѣлю ни разу не остался вдвоемъ съ Андреемъ Михайловичемъ. Онъ этого боялся. Зная себя, онъ не могъ ручаться за то, что, разъ заговоривъ, не выскажетъ ему слишкомъ много горькихъ вещей.

Но все же онъ до конца поступалъ, какъ истинный другъ, и не отказался отъ права проводить отъѣзжающаго за городъ.

Ему принадлежала мысль захватить съ собой поручиковъ, которые давно уже сдѣлались близкими людьми въ домъ Полянскаго.

Онъ сдѣлать это съ тою же цѣлью. Онъ надѣялся, что присутствіе молодыхъ людей удержитъ его отъ горькаго объясненія.

Полянскій тоже молчалъ. Казалось, онъ чувствовалъ, что главное лицо изъ трехъ провожатыхъ настроено не совсѣмъ благожелательно. Настроеніе стараго генерала не ускользнуло отъ него. Да и ему самому было какъ-то не по душѣ.

А поручики не рѣшались нарушить молчанія.

Карета минула заставу и выѣхала на широкую дорогу, по сторонамъ которой только изрѣдка попадались нѣбольшіе деревянные домики съ прилегающими къ нимъ огородами и садами. Около одного изъ такихъ домиковъ карета остановилась, и Полянскій сказалъ:

— Ну, тутъ и простимся!

— Да, пора!— кратко отозвался Тугаринъ и, придерживая свою деревянную ногу, вышелъ изъ кареты вслѣдъ за Полянскимъ. Поручики сдѣлали то же. Около домика, въ которомъ жило семейство огородника, снабжавшаго московскій рынокъ овощами, нашелся столикъ и двѣ скамьи. Старый Андрей Михайловичъ, ѣхавшій на козлахъ, досталъ изъ кузова бокалы и бутылки, и скоро на столикѣ появилось янтарное шипучее вино.

Всѣ взяли бокалы. Андрей Михайловичъ протянулъ свой впередъ и произнесъ:

— Друзья мои! я знаю, что вы изумляетесь моему путешествію и, быть можетъ, въ душѣ негодуете. Что-жъ, я присоединяюсь къ вамъ. Я тоже негодую на себя. Но въ оправданіе ссылаюсь на свою дикую натуру. Ее я ношу въ груди не по своей волѣ. Боролся я, да ничего подѣлать не могъ. Видно, татаринъ дикой орды, отъ котораго веду я свой родъ, крѣпко еще сидитъ во мнѣ. Такъ ужъ я и не прошу у васъ снисхожденія. За то не прошу у васъ и другаго: дружеской заботливости о той, которая осталась въ Москвѣ, не прошу по той причинѣ, что вы и безъ моей просьбы будете заботиться о ней и оберегать ее. Это будетъ все, чего я могу ждать отъ вашей дружбы, которой, какъ я вижу, вы, не смотря ни на что, не лишили меня, иначе вы не были бы здѣсь! Осушимъ же наши бокалы за то, чтобы эта дружба была вѣчна!

Тугаринъ отвѣтилъ:

— Хорошо, что вы сказали за меня то, что мнѣ тяжело было бы сказать! Ну, и какъ все уже сказано, то я не буду возвращаться.

Господа, — прибавил онъ, обращаясь къ поручикамъ, — генералъ оставляетъ намъ такое сокровище, какое рѣдко можно встрѣтить на землѣ. Поклянемся же оберегать ее на всѣхъ путяхъ ея и не давать ея въ обиду никому, даже ему самому! Пьемъ ея здоровье!

Всѣ выпили и перецѣловались. Вино примиряетъ, и Тугаринъ послѣ нѣсколькихъ бокаловъ смотрѣлъ на Полянскаго уже не такъ сурово. Еще минута, и одна карета двинулась впередъ по дорогѣ, ведущей въ сѣверную столицу, а другая, похожая на развинченный рыдванъ, вернулась обратно въ Москву.

— Ёдемъ прямо къ Натальѣ Александровнѣ! — заявилъ Тугаринъ, — и скажемъ ей, что она не одна и можетъ ничего и никого не бояться.

И они поѣхали на Дмитровку.

Здѣсь они нашли домъ въ какомъ-то оцѣпенѣннн. Въ передней внизу слуги попережнему торчали безъ всякаго дѣла; въ обширныхъ комнатахъ они тоже попадались на каждомъ шагѣ. Лица у всѣхъ были взволнованныя. Очевидно, отъ Натальи Александровны еще не послѣдовало никакихъ распоряженій, и они не знали, какъ имъ быть. Почувствовавъ уже, что наступила новая эпоха въ ихъ жизни, они еще переживали неувѣренность въ будущемъ. У иныхъ, слишкомъ напуганныхъ превратностями судьбы, даже мелькала мысль: «А что, какъ вдругъ хуже станетъ?».

Наташа между тѣмъ не выходила изъ своихъ комнатъ, предавшись своимъ мыслямъ и позабывъ даже о томъ, что существуетъ внѣшній мнръ. Она переживала ощущеніе сиротливости и одиночества и думала о томъ, что судьба, которой она такъ довѣряла, слишкомъ ужъ безжалостна къ ней. Она швыряетъ ее изъ стороны въ сторону, какъ какую нибудь грубую игрушку, которая такъ крѣпка, что нѣтъ опасности разбить ее. Но она далеко не такъ крѣпка. Всякая переменна отзывается въ ея груди болью.

Въ тысячный разъ она припоминала свою исторію съ той минуты, какъ отъ дядюшки поступила въ театральную школу. Слабая, робкая, мечтательная, маленькая дѣвочка плохо отзывалась на школьную науку, и о ней говорили, что изъ нея ничего не выйдетъ. Но вдругъ въ этомъ худощавомъ дѣтскомъ тѣльцѣ открылась сила, у нея оказался талантъ, и всѣ обратили на нее вниманіе и заговорили о ней. Ее стали выдѣлять изъ ряда другихъ воспитанницъ, самъ Коромысловъ гордился ею и смотрѣлъ на нее, какъ на надежду и будущую гордость школы. Въ пятнадцать лѣтъ она уже исполняла на школьной сценѣ отвѣтственныя роли, и говорили, что если бы она была чуть-чуть постарше, ее можно бы выпустить на сцену Большого театра. Но она смотрѣла ребенкомъ, и тѣло ея развивалось слабо. Помнитъ она одинъ вечеръ, который навсегда запечатлѣлся въ ея душѣ, какъ нѣчто самое свѣтлое и торжественное изъ всего, что только случилось ей пережить въ своей корот-

кой еще жизни. Въ Москвѣ танцевала Тальони, вызывая небывалый восторгъ зрителей. Дива посѣтила Москву уже на закатѣ своей сценической карьеры, но это не мѣшало ей пожинать такіе лавры, какіе не доставались здѣсь никому ни до нея, ни послѣ нея. Особенно неподобна была она въ «Сильфидѣ», которая во время ея пребыванія въ Москвѣ не сходила съ афиши.

Въ школѣ такъ же разучивали «Сильфиду», которую, конечно, должна была исполнять Наташа. Она не пропускала ни одного представленія и, какъ сама она потомъ говорила, слилась душой съ Тальони. Когда былъ назначенъ спектакль въ школѣ, пріѣхала Тальони и послѣ перваго же акта побѣжала на сцену и начала со слезами обнимать Наташу, заявляя, что только ей одной она передаетъ изъ рукъ въ руки эту роль, и предрекая блестящую будущность. Тальони уѣхала и больше не возвращалась. Прошло два года. Ни одна танцовщица послѣ нея не рѣшилась выступить въ «Сильфидѣ», но Наташа не остановилась передъ этимъ. Она помнила слова той, которую считала богиней искусства. И предсказаніе Тальони сбылось. Наташа, при первомъ же своемъ появленіи на сценѣ, познакомилась съ славой.

Потомъ вдругъ вся эта свѣтлая полоса ея жизни исчезла, точно надъ нею опустили черный непроницаемый занавѣсъ. И ей иногда казалось, что то былъ только сонъ, что въ дѣйствительной жизни никогда не бываетъ такихъ прекрасныхъ минутъ, онѣ могутъ только сниться.

Горе смѣняется счастьемъ, побѣда — униженіемъ. На минуту блеснула яркая надежда, и опять спустился туманъ и все окуталъ, и потекли сѣрые, тусклые дни... Много ли лѣтъ она прожила на свѣтѣ? А сколько важныхъ перемѣнъ испытала ея душа...

Но въ то же время она чувствовала, что теперь какъ бы наступило успокоеніе. Не сразу она привязалась къ этому человѣку. Въ первые дни, когда онъ олицетворялъ передъ нею грубую силу, разомъ лишившую ее всѣхъ золотыхъ надеждъ, такъ ярко освѣтившихъ ея первую молодость, сердце ея рвалось прочь отъ него. Но затѣмъ онъ побѣдилъ ее своими рѣчами, своей благородной наружностью, чѣмъ-то ей непонятнымъ, какой-то роковой силой, которая была въ немъ, наконецъ, своими муками, когда онъ былъ такъ близокъ къ смерти... Потомъ въ продолженіе двухъ съ лишкомъ лѣтъ онъ былъ въ отношеніи къ ней таковъ, что ея привязанность должна была укрѣпиться: нѣжный, любящій, готовый исполнить малѣйшую ея прихоть. И она привязалась къ нему всѣмъ сердцемъ, какъ только умѣла. Потомъ пошли перемѣны, и сердце ея болѣло и обливалось кровью. Такъ развѣ не лучше, что теперь все это короткое и невѣрное счастье разомъ оторвалось отъ сердца? По крайней мѣрѣ не будетъ напрасной надежды, а значить не будетъ и горькаго разочарованія.

Тяжело ей было думать о томъ, что теперь опять, какъ въ началѣ, когда Андрей Михайловичъ въ первый разъ поддался искушенію, ей придется хитрить и лгать передъ родственниками. Вѣдь они сейчасъ же набросятся на нее съ вопросами: зачѣмъ онъ уѣхалъ? Зачѣмъ такъ долго живетъ тамъ? Что она скажетъ имъ? Она такъ плохо умѣетъ сочинять правдоподобныя сказки, а еще плоше—разсказывать ихъ съ такимъ видомъ, чтобъ ей вѣрили.

Тетушка постарѣла за эти годы и какъ-то меньше стала интересоваться ея судьбой. Кажется, она примирилась на томъ, что «Наташа богата, и внучата обезпечены». Она, пожалуй, не станетъ вникать и повѣрять всякой баснѣ. Про дядюшку и говорить нечего. Онъ такъ поддался послѣ этой исторіи, въ которой чувствовалъ себя смертельно оскорбленнымъ, и состарился, что его ужъ ничто не можетъ глубоко заинтересовать. Онъ ужъ и стиховъ не сочиняетъ; онъ сталъ похожъ на ребенка и плохо отличаетъ сказку отъ дѣйствительности.

Но Лиза—она уже не дѣвочка. Она попрежнему обожаетъ свою старшую сестру и ревниво вникаетъ въ каждую мелочь ея жизни. Сколько разъ она возмущалась поведеніемъ Андрея Михайловича, сколько разъ она въ порывѣ негодованія объявляла, что пойдетъ къ нему и выскажетъ ему горькую правду! Наташѣ стоило большихъ усилій удержать ее отъ этого. Отъ Лизы ничего нельзя скрыть. Она какъ-то умѣетъ читать въ душѣ ея.

И вотъ она придетъ въ воскресенье, милая дѣвочка, узнаетъ, что Андрей Михайловичъ уѣхалъ, спроситъ: почему? и пытливо посмотритъ ей въ глаза. Наташа сперва скажетъ неправду. Правду сказать она не можетъ, но Лиза начнетъ соображать вслухъ: онъ уѣхалъ, забралъ лошадей, увезъ нѣсколько десятковъ слугъ и т. д. И, наконецъ, сама расскажетъ ей, всё какъ есть, и Наташа ничего не сумѣетъ возразить. Тогда Лиза зальется слезами, и это будетъ очень тяжело.

Въ такомъ состояніи находилась Наташа, когда къ ней въ комнату осторожно вошла Паша и промолвила:

— Наталья Александровна, тамъ генераль пріѣхалъ и тѣ два офицера!...

— Тугаринъ?—спросила Наташа.

— Должно быть, что такъ. Вотъ который всегда у барина бывалъ. А офицеры, что вѣнецъ держали...

Появленіе Тугарина во всякое другое время было бы ей пріятно. Они давно уже серьезно подружились. Наташа почувствовала въ немъ человѣка, искренно расположеннаго къ ней, готоваго всегда отнестись къ ней сердечно и помочь дружескимъ совѣтомъ. Кромѣ того, ихъ сблизило и то, что Тугаринъ былъ крестнымъ отцомъ обѣихъ дѣвочекъ и очень любилъ и баловалъ ихъ.

Также точно ничего не имѣла Наташа и противъ Верховскаго

и Сербича. Они мало чѣмъ проявили себя въ ихъ домѣ. Верховскій еще иногда высказывалъ свои взгляды, но они такъ были похожи на взгляды всѣхъ другихъ. Сербичъ же большею частью молчалъ. Онъ былъ очень самолюбивъ, а общество Бентышъ-Полянского считалъ очень высокимъ. Поэтому онъ постоянно боялся сказать какую нибудь глупость и тѣмъ уронить себя.

Но они были пріятны ей по воспоминаніямъ. Во-первыхъ, она знала, что они участвовали въ той роковой дуэли, которая чуть не свела въ могилу Андрея Михайловича; а затѣмъ она, какъ и Паша, тоже не могла забыть, что они знали ея тайну и даже держали въ нецѣ.

Но теперь докладъ Паши не доставилъ ей удовольствія. Ей больше всего на свѣтѣ хотѣлось быть одной. Кажется, даже если бы пришла Лиза, и это слегка досадило бы ей.

Но она сочла своимъ долгомъ принять гостей.

— Скажите имъ, Паша, что я сейчасъ выйду; попросите обождать и извинитесь,—сказала она.

Затѣмъ она привела въ порядокъ свой внѣшній видъ, постаравшись придать себѣ бодрость и спокойствіе. Она не хотѣла казаться убитой даже передъ друзьями.

Минуты черезъ двѣ она уже была въ гостиной.

III.

— Ужъ какъ хотите, Наталья Александровна, а принимайте гостей!—промолвилъ Тугаринъ, стараясь проявить какъ можно больше веселости и беззаботности.

— Вы знаете, генераль,—отвѣтила Наташа,—что я всегда рада видѣть васъ и васъ также, господа! — прибавила она, обратившись къ поручикамъ:—но сегодня я едва ли смогу хорошо занять васъ...

— Да насъ занимать не надо. Мы вѣдь не спроста пришли, а съ дѣломъ...

— Съ дѣломъ?

— Да, полагаю, что это можетъ назваться дѣломъ! Вотъ видите, мы, какъ вы знаете, сейчасъ провожали вашего супруга. За заставой вышли изъ кареты и выпили дружескую чашу. Какъ водится, при этомъ случаѣ были маленькіе тосты. Вотъ Андрей Михайловичъ, выпивая эту чашу, и сказалъ намъ важное слово: онъ поручилъ намъ заботиться о васъ, Наталья Александровна. Онъ сказалъ: объ этомъ я васъ, господа, не прошу, потому что знаю, что вы сами это сдѣлаете. И онъ былъ правъ. Мы и безъ рѣчей—ваши преданнѣйшіе слуги. Вотъ и пришли мы сказать вамъ, чтобы вы на насъ рассчитывали во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, и не

только рассчитывали, а и распоряжались бы нами, какъ своими рабами...

Наташа смутилась, покраснѣла и не нашла сразу, что отвѣтить на это. Простая и прямая рѣчь генерала, безъ предисловія, безъ красныхъ словъ, тронула ее.

— Спасибо, генераль... Спасибо вамъ, господа!.. — взволнованнымъ голосомъ промолвила она. — Вы такъ добры ко мнѣ... я не знаю, чѣмъ могу отплатить...

— Позвольте, позвольте! Вы торопитесь платить! Вѣдь мы еще для васъ ничего не сдѣлали!—возразилъ Тугаринъ.—Да признаться, было бы лучше, если бы вамъ наши услуги никогда и не понадобились. Ну, а въ случаѣ чего такого,—обидите кровно тронхъ, сердечно преданныхъ вамъ людей, ежели не обратитесь прямо къ нимъ...

— Мнѣ больше не къ кому обратиться!—отвѣтила Наташа.—Вы знаете, что я живу среди Москвы, какъ будто на необитаемомъ островѣ. У меня есть только одинъ истинно-близкій человѣкъ, это—сестра моя Лиза, но она ничего не могла бы помочь...

— А ваши дядя и тетя?—спросилъ Тугаринъ:—развѣ ихъ вы не считаете близкими?

— Я ихъ очень люблю!—сказала Наташа.—Но дядя слишкомъ старъ, онъ уже ни во что не вмѣшивается. А тетя... Она добра ко мнѣ, но многое въ моей жизни ей кажется непонятнымъ...

— Да,—съ убѣжденіемъ промолвилъ Тугаринъ:—Антонъ Макарьевичъ остался лѣтъ на тридцать позади. Да и не мудрено: онъ два съ половиной десятка лѣтъ не видитъ жизни, что течетъ мимо него, и въ ней не участвуетъ.

Тугаринъ подумалъ и о своихъ отношеніяхъ къ Чистопольеву. Послѣ перваго свиданія, въ которомъ такъ много было трогательнаго, они встрѣчались за нѣсколько лѣтъ какой нибудь десятокъ разъ. То былъ рыцарскій порывъ, который повлекъ стараго генерала подъ пистолетный выстрѣлъ. Онъ думалъ, что, отыскавъ стараго «полкового» друга, онъ переживетъ на старости лѣтъ еще разъ прежнее тѣсное единеніе двухъ душъ, когда люди не знаютъ разницы между «твоимъ и моимъ» и понимаютъ другъ друга съ одного взгляда.

Но скоро Тугаринъ понялъ, что воскрешеніе стараго — неосуществимая мечта. Въ порывѣ увлеченія онъ не принялъ въ расчетъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ. Онъ, Тугаринъ, хотя и вышелъ въ отставку, но продолжалъ вести бивуачную жизнь военнаго холостяка. Имущество—его домъ въ Москвѣ—мало связывало его. Всѣ его знакомства были—холостая молодежь. Онъ велъ какую-то лагерную жизнь, при чемъ ученья, смотръ и даже сраженія замѣнялись непрерывными дружескими кутежами, въ которыхъ Тугаринъ, не смотря на свои годы и деревянную ногу, всегда былъ предводителемъ. Такимъ образомъ, среди мирной жизни, онъ сохранилъ полковое презрѣніе къ постоянству, подвижность,

и способность больше отдаваться людямъ, чѣмъ вещамъ и насыщеннымъ мѣстамъ.

Совсѣмъ не то было съ Чистопольевымъ. Выйдя въ отставку, онъ совсѣмъ погрузился въ семейную жизнь средней руки помѣщика, со всѣми маленькими нуждами и маленькими радостями. Слѣпота только увеличила его склонность къ этой тишинѣ домашняго очага, и онъ въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно утратилъ прежніе полковые вкусы. Для него теперь казалось непонятнымъ, какъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и важнаго званія, каковъ былъ Тугаринъ, можетъ съ восторгомъ рассказывать о какихъ-то юношескихъ походахъ въ кругу людей, на тридцать лѣтъ моложе его. И когда, въ началѣ, Тугаринъ, пріѣзжая къ нему, рассказывалъ о своихъ походахъ, какъ бы стараясь пробудить въ немъ прежній товарищескій духъ, — онъ замѣчалъ, что на Антона Макарьевича эти рассказы производятъ противоположное дѣйствіе: они его смущаютъ, заставляють дѣлать суровое лицо и вообще видимо отталкивають. Тугаринъ скоро пересталъ говорить съ нимъ объ этомъ, а потомъ скоро увидѣлъ, что имъ и совсѣмъ говорить не о чемъ. И теперь онъ ѣздилъ къ Чистопольевымъ раза два въ годъ, чтобы только поддержать отношенія. Онъ видѣлъ, что старикъ опустился и смотритъ въ гробъ, и со дня на день ждалъ извѣстія о его кончинѣ.

Поэтому онъ вполне понималъ Наташу, когда она такъ неосторожно отозвалась о дядюшкѣ.

— Ну,—сказалъ Тугаринъ,—теперь вы—единственная властительница всей этой многочисленной дворни!..

— Я не знаю, что съ нею дѣлать!—отвѣтила Наташа.

— А я вамъ дамъ совѣтъ: отошлите всѣхъ ихъ въ деревню. Тамъ они по крайней мѣрѣ будутъ полезны. Оставьте себѣ десятокъ необходимыхъ слугъ, а остальныхъ пустите къ землѣ.

— Я не могу этого сдѣлать! Андрей Михайловичъ, если узнаетъ, возвратитъ ихъ.

— Вотъ не понимаю этого удовольствія, чтобы постоянно у тебя надъ душой торчали какія-то дубины!.. У меня въ домѣ всего—одна старая баба для порядку, да поваръ, да кучеръ, да лакей. И тѣ мнѣ досаждаютъ. Я вошелъ сегодня къ вамъ въ переднюю, смотрю, народъ попрежнему торчитъ безъ дѣла. Ну, думаю, должно быть, Наталья Александровна еще не подумала о нихъ...

— Это правда! я слишкомъ была занята собой!.. А признаюсь, меня они тоже всегда только раздражали. Мнѣ всегда казалось, что эти люди какъ бы забыли о своемъ прошломъ и не знаютъ, для чего существуютъ...

— Такъ вы ихъ уберите прочь!..

— Я это сейчасъ и сдѣлаю!..

Она позвала Пашу и велѣла ей объявить всѣмъ, торчавшимъ внизу, въ передней и въ комнатахъ, что они больше не должны

торчать, что достаточно двухъ лакеевъ, остальные же могутъ убраться на черны́й дворъ.

Съ этого времени и началось на черномъ дворѣ безпрерывное спанье. Люди здѣсь умирали отъ скуки и мечтали о томъ, чтобъ ихъ отравили въ деревню. Наталья Александровна не разъ подумывала о томъ, чтобъ распорядиться собственной властью и отправить ихъ всѣхъ. Но она вспоминала о взглядѣ на это дѣло Андрея Михайловича: онъ считалъ униженіемъ для своего имени, если бы въ его домѣ было людей меньше того числа, которое онъ держалъ. Она писала ему въ Петербургъ, сообщала о томъ, что эти люди томятся бездѣльемъ, что бездѣлье развиваетъ въ нихъ склонность къ пьянству и ко всякимъ порокамъ, но для него это было рѣшительно все равно, такъ какъ онъ не считалъ ихъ людьми. Онъ отвѣчалъ: «а ежели замѣчаешь среди нихъ какіе пороки, то прикажи выпоротъ всѣхъ поголовно, и пороки исчезнутъ».

Съ такимъ твердымъ взглядомъ нечего было спорить, и люди остались въ Москвѣ.

Недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Андрея Михайловича, во дворѣ дома на Дмитровкѣ появился мужикъ съ длинной русой бородой, въ которой попадалось не мало сѣдинъ, роста средняго, широкоплечій, въ красной рубахѣ, въ высокихъ сапогахъ. Черты лица его были крупны,—толстыя губы, мясистый носъ, большіе сѣрые глаза. Но въ лицѣ этомъ не было ничего жесткаго, напротивъ, въ немъ сморѣе преобладало добродушіе.

Въ первыя минуты появленіе его во дворѣ произвело общую панику.

— Евстратъ пришелъ! Евстратъ пришелъ! — передавалось изъ одного угла въ другой, и при этомъ испуганнымъ шелотомъ прибавляли:—Ужъ это не просто! Ужъ тутъ чтонибудь недоброе есть!

Не было здѣсь ни одного человѣка, будь то мужикъ или баба, или подростокъ,—который бы не отвѣдалъ отъ руки Евстрата. Всѣ хаживали къ нему, на Маросейку, всѣ приняли отъ него положенное наказаніе.

— А что, ребята, Евстрата забыли? А?—довольно добродушно, съ игривой усмѣшкой спрашивалъ онъ, присѣвъ на лавкѣ въ людской кухнѣ.

Никто ему не отвѣтилъ. Но это было не потому, чтобъ онъ внушалъ комунибудь чувство вражды, и чтобъ его хотѣли обидѣть. Но просто—его появленіе еще было для всѣхъ не ясно, и люди не знали, ждать ли отъ этого бѣды или какого блага. Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали пороть, ихъ понятія спутались и никакъ не могли прійти въ норму.

— У васъ, я вижу, новые порядки!—продолжалъ Евстратъ, желая вызвать когонибудь на разговоръ.—Баринъ уѣхамши, что ли?

— Давно!—откликнулся кто-то,—съ мѣсяцъ уже!

— То-то! Я и то думаю: должно быть, грозы въ домѣ нѣту!.. Отдыхъ, значить...

— Отдыхъ, Евстратъ Тимоѳеичъ! Ужь подлинно, что отдыхъ...

— А надолго?

— Сказываютъ, навсегда!

— Ну-у?

Евстратъ даже подскочилъ на мѣстѣ.

— Такъ это, выходить, хоть лавочку запирай! а? Это просто— разоренье!

Публика начала понимать, что Евстратъ и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаетъ, и поэтому съ его появленіемъ не слѣдуетъ связывать никакихъ перемѣнъ. Его замѣчаніе насчетъ разоренья вызвало смѣхъ.

— Вамъ, Евстратъ Тимоѳеичъ, теперь только и дѣла, что спать... По крайности, рука отдохнетъ!..

— Это правда, что рука отдохнетъ!.. Эту красную рубаху сниму... А то ровно будто палачъ какой... Ей-Богу! И за что мнѣ только послано это наказаніе Господне?!

Дальше обнаружилось, что житье Евстрата на Маросейкѣ было не сладкое. Кухни тамъ не было, онъ былъ одинъ, и ему присылалась провизія разъ въ недѣлю. Сухая пища ему надоѣла, и онъ попросить, чтобъ ему дали горячихъ щей. Это желаніе было тотчасъ исполнено съ великою предупредительностью. Какъ не угодить человѣку, который въ своей жизни исполосовалъ столько спинь?!

И Евстратъ съ наслажденіемъ истребилъ полную миску горячихъ щей.

— А теперь бы мнѣ барыню повидать! — сказалъ послѣ этого Евстратъ.

— А на что?—спросили его.

— А попросту, чтобы дозволили посѣчь кого ни на есть!..— съ шутивой усмѣшкой объяснилъ Евстратъ.

На этотъ разъ ему уже не повѣрили, и отвѣтъ его вызвалъ дружный смѣхъ.

— Нѣтъ, — продолжалъ уже серьезно Евстратъ, — я свое дѣло имѣю къ барынѣ! Кто у васъ тутъ доступенъ?

— Это надо Пашу просить!..

— Пашу? Которая это?

— Она—Чистопольевская!..

— Не знавалъ! Что-жъ это ко мнѣ она не хаживала? Святая, должно быть!..

— Нѣтъ, она почитай что вольная! Самъ баринъ обѣщалъ ее выкупить и отпустить!..

— Обѣщалъ?

— Ну, да... Да только Чистопольевъ согласія не даетъ! Пускай, говорить, такъ живетъ у васъ... Зачѣмъ ей воля? Они у меня всѣ все одно, какъ вольные.

— И правда?

— Истинная правда! У нихъ этого, чтобы пороть, и въ заводѣ нѣтъ... Люди живутъ, какъ въ раю!

— Кому счастье! А гдѣ-жъ бы эту самую Пашу достать?

Пашу достали. Она согласилась доложить Натальѣ Александровнѣ о Евстратѣ.

— Евстратъ? — спросила Наташа, знавшая о значеніи этого имени.—А что же ему отъ меня надо?

— Этого не могу знать,—отвѣтила Паша.

— Позови его!

Евстратъ явился. Наташа прежде всего была разочарована. Она ожидала встрѣтить громоздкую фигуру съ увѣсистыми лапами, съ свирѣпымъ видомъ, и увидѣла обыкновеннаго мужичка, въ которомъ рѣшительно ничто не говорило о его кровавой должности. Но тѣмъ не менѣе она отнеслась къ нему съ предубѣжденіемъ и обратилась къ нему недружелюбно.

— Что ты хочешь? — спросила она его, когда Евстратъ низко кланялся ей.

— Я къ милости вашей, матушка-барыня!—промолвилъ Евстратъ чрезвычайно мягкимъ голосомъ.—Какъ теперь, сказываютъ, баринъ уѣхавши, и порки, надо полагать, не будетъ, такъ чтобы милость ваша дозволили мнѣ съ Маросейки обратно прійти... А то что же мнѣ одному тамъ сидѣть, словно отшельнику какому?

— Съ какой Маросейкѣ?

— Съ Маросейки!—отвѣтилъ Евстратъ, удивляясь, почему это барыня не понимаетъ его. — Извѣстно, съ какой. Маросейка въ Москвѣ одна.

— Не понимаю!..

— На Маросейкѣ домъ есть бариновъ...'

— Ну?

— Тамъ велѣно было мнѣ жить!

— Зачѣмъ?

Евстратъ сдѣлалъ еще больше прежняго удивленное лицо.

— Извѣстно, зачѣмъ... Моя должность такая... Должно быть, за грѣхи мои въ наказаніе мнѣ дано...

Паша, присутствовавшая здѣсь, пояснила:

— Это баринъ для порки устроили... Ежели кого пороть надобно, такъ сейчасъ туда, на Маросейку, отправляютъ.

— И давно это?

— Да года, полагать надо, съ три будетъ!..—отвѣтилъ Евстратъ.

— И часто это случалось?

— Часто ли? Да почитай, что цѣлый день только и дѣлалъ, что рукой махалъ.

Наташа нахмурила брови. Она поняла, что это было сдѣлано ради нея, и что въ этомъ, также, какъ и въ другомъ, ее обману-

вали. И горькая обида, которую она не переставала чувствовать, за все происшедшее съ нею, какъ бы подновилась въ ея душѣ.

— Но скажи, Евстратъ,—спросила она, внимательно осматривая его.—Почему именно тебѣ поручили эту обязанность?

— Охъ, барыня-матушка! Да развѣ-жъ намъ можетъ быть извѣстно господское приказаніе? Такъ вотъ одинъ разъ надобно было кого-то выпороть — въ прежнее время пороли кто кого, какъ придется,—сегодня, примѣрно, я Ивана косоглазаго выпоротъ, а завтра онъ меня... Да, такъ надобно было кого-то выпороть, и мнѣ это дѣло попалось. Я и выпоротъ, извѣстно... А баринъ тутъ были, поглядѣли и говорятъ: а ты, Евстратъ, вижу, мастеръ по этой части! Да и стали съ тѣхъ поръ приказывать: пушай, молъ, Евстратъ тебя выпоротъ. Да такъ оно и пошло, и глядишь, Евстратъ при этой должности остался.

— Ну, и что жер?... Ты свыкся?

— Да развѣ можно съ этакимъ дѣломъ свыкнуться? Нѣтъ, противно оно мнѣ, это дѣло... своего брата поротъ'день-деньской, какъ собаку какую нибудь... Извѣстно, обидно... А теперь къ вашей милости пришелъ... чтобы мнѣ дозволено было сюда вернуться и отъ этой проклятой должности навсегда отрѣшиться...

Евстрату было разрѣшено возвратиться на Дмитровку. Такимъ образомъ «контора» на Маросейкѣ была закрыта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Прошло мѣсяцевъ шесть. Отъ Андрея Михайловича получались извѣстія. Разъ въ двѣ недѣли онъ непременно присылалъ человѣка съ письмомъ къ Натальѣ Александровнѣ. Посланецъ въ такомъ случаѣ не имѣлъ никакого другого порученія, какъ только передать письмо. Онъ выбирался изъ наиболѣе довѣренныхъ слугъ, которому давалось въ дорогу все необходимое, тройка лошадей, кибитка и деньги про запасъ. Тѣмъ, что посылались въ Москву пѣшкомъ, ради наказанія, письма никогда не довѣрялись. Андрей Михайловичъ въ этихъ письмахъ подробно описывалъ, какъ онъ устроился, у кого былъ, и также сообщалъ о своемъ здоровьѣ.

Наташа узнала, что онъ занялъ свой домъ на Англійской набережной и наполнилъ его людьми, которыхъ вызвалъ изъ недаледаго отъ Петербурга своего имѣнія — Тускина. Домъ хотя и былъ наполненъ мебелью, но Шипицкій нашель, что все это старо, никуда не годится и не можетъ удовлетворить взыскательному вкусу генерала Бентышь-Полянскаго, и заказалъ всю новую обстановку. Она обошлась въ десятки тысячъ. Но больше всего мѣста въ своихъ

письмахъ Андрей Михайловичъ посвящалъ двумъ вещамъ: здоровью Наташи, о которомъ онъ задавалъ ей тысячу вопросовъ, и дѣвочекъ, которыхъ онъ называлъ «Надюшей и Танюшей». Надѣ пошелъ пятый годъ, и онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы не опоздать съ ея образованіемъ. «Боюсь,—писалъ онъ,—что Надюша, оставаясь такъ долго подъ присмотромъ нашей россійской прислуги, настолько впитаешь въ себя ея грубые нравы и выраженія, что впоследствии не отучить ея. Мое мнѣніе таково, что надобно какъ можно раньше къ ней иностранку приставить».

Наташу это пугало. Можно ли было даже думать объ этомъ? Надя такая малютка. Она такъ беззаботна и рѣзва. Неужели съ этого возраста ей придется уже думать о какомъ-то ученіи? Она отписывала Андрею Михайловичу, чтобы онъ и не думалъ объ иностранкѣ, что до этого еще слишкомъ далеко, что Надя мала, слаба и не такъ-то здорова. Последнее она прибавляла единственно съ цѣлью какъ можно рѣшительнѣе отклонить отъ Нади чашу, такъ какъ она считала это большимъ несчастіемъ.

Сама она провела свободное дѣтство, до той поры, когда были живы ея родители, и затѣмъ нѣкоторое время у дяди. Она не знала никакихъ иностранокъ, никакимъ языкамъ и наукамъ не спѣшили ее учить. Среди деревенской простоты ей позволялось бѣгать въ лѣсу и по полю до усталости, играть съ крестьянскими ребятами, и у нея сохранились объ этой порѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. И помнила она, какимъ страшнымъ холодомъ повѣяло на нее отъ всѣхъ этихъ наукъ, которыми сразу принялись ее пичкать, когда она поступила въ театральную школу. Потомъ она свылкалась съ этимъ, но первое впечатлѣніе было ужасно, и оно уцѣлѣло въ ея душѣ, какъ мучительное воспоминаніе. И она ужасалась при мысли, что малютку Надю засадятъ за книги и будутъ заставлять ее говорить на чужомъ языкѣ.

Все, о чемъ писалъ ей Андрей Михайловичъ, относилось къ дѣламъ его и дѣйствовало на нее успокоительно. Она въ глубинѣ души допускала, что жизнь, которую онъ тамъ ведетъ, не можетъ быть ей пріятна. Но она старалась объ этомъ не думать и достигала такого уравновѣшеннаго состоянія души, что ей показалось, будто все идетъ, какъ слѣдуетъ. Привыкнувъ жить въ мірѣ воображенія и мечты, она легко умѣла заставить себя забыть о дѣйствительности, если она не напоминала о себѣ слишкомъ явно и рѣзко.

Но вдругъ, неожиданно для нея, Ѳеклѣ Григорьевнѣ вздумалось услужить своей любимой барынѣ-матушкѣ; она воспользовалась оказіей и прислала ей «жалобу на барина-батюшку, голубчика нашего, Андрея Михайловича, сокола яснаго». Наташа узнала то, въ чемъ не могла и безъ этого сомнѣваться,—что Андрей Михайловичъ въ Петербургѣ скоро обзавелся новыми знакомыми, что тамъ идутъ безпробныя кутежи, и что «грѣхъ смѣняется грѣхомъ»...

Ничего новаго не узнала Наташа, но на много недѣль отъ нея отлегло спокойствіе, котораго она съ такимъ великимъ страданіемъ достигла. Какъ ни старалась она направить свои мысли на другіе предметы, которые окружали ее, какъ ни старалась она увѣрить себя, что это уже давно отошло отъ нея навсегда, но сердце не соглашалось отказаться отъ своихъ правъ на личное счастье. Она усиливала вниманіе къ дѣтямъ, чаще ѣздила къ Иверской, долше засиживалась въ гостиной съ Тугаринымъ, который посѣщалъ ее почти каждый день, старалась не пропускать ни одного балета, гдѣ она переносилась мысленно въ тотъ смутно рисовавшійся ей міръ грезъ, который сдѣлался ей недоступенъ.

Но все это мало помогало. Дружеская услуга Ѳеклы Григорьевны доставила ей много излишнихъ мукъ. Хуже всего было то, что она теперь постоянно боялась, что вотъ, вотъ неожиданно-негаданно придетъ новое извѣстіе. Вѣдь Ѳекла Григорьевна глубоко убѣждена, что оказываетъ своей «барынь-матушкѣ» величайшую услугу. Наташа хотѣла отписать ей, чтобы она не повторяла своихъ жалобъ, но подумала: «я ее непременно обижу этимъ! Вѣдь она хочетъ выразить этимъ мнѣ свою преданность. А больше ей нечѣмъ это сдѣлать». И оставила все на волю судьбы.

Черезъ мѣсяць Ѳекла Григорьевна опять нашла случай услужить. На этотъ разъ, желая угодить Натальѣ Александровнѣ, она собрала точныя свѣдѣнія и сообщила о какой-то «женской особѣ румынскаго званія, которая особа очень прельщаетъ нашего батюшку, яснаго сокола, Андрея Михайлыча, и ежели вы, матушка моя барыня, желаете, чтобы тая женская особа не загубила ихъ навѣкъ, то вмѣстѣ съ барышнями собирайтесь и сюда нагряньте, и тогда всенепременно ихъ совѣсть возьметъ, и они отстанутъ».

Сверхъ ожиданія, это новое извѣстіе уже далеко не такъ огорчило Наташу. Что-то холодное, похожее на презрѣніе, шевельнулось у нея въ сердцѣ. Она изорвала письмо и клочки его швырнула въ печку. И ей показалось, что съ этой минуты ей уже будетъ все равно до того, что происходитъ тамъ, въ Петербургѣ.

Но вотъ однажды раннимъ утромъ ее разбудилъ странный шумъ въ домѣ. Во дворѣ было движеніе; явственно чувствовалось, что все проснулось и засуетилось. Она подумала, что произошло какое нибудь несчастіе. Она поднялась съ постели и стала быстро одѣваться. Вдругъ въ комнату вбѣжала Паша, чрезвычайно взволнованная.

— Баринъ пріѣхали!—задыхаясь отъ волненія, сообщила Паша.

— Что?—спросила Наташа, не довѣряя своему слуху.

— Баринъ! Баринъ! Сейчасъ только пріѣхали... Прямо въ дѣтскую комнату прошли... Барышни-то проснулись ужъ... А васъ велѣли не беспокоить, покамѣстъ сами не встанете. Надюша сейчасъ узнала ихъ, а Таня не узнала... Спервоначалу даже перепугались и заплакали...

Наташа была поражена этимъ извѣстіемъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Станный человѣкъ! Его фантазія, его капризъ — для него всего дороже. Это онъ называетъ судьбой. Неужели онъ не знаетъ, что этотъ пріѣздъ растравитъ ея раны, и что ей будетъ очень больно? Повидать дѣтей? Но развѣ для него, ведущаго такую жизнь, не могущаго сдерживать бурные порывы своихъ дурныхъ страстей, дѣти могутъ составить такую важную потребность, чтобъ изъ-за свиданія съ ними онъ не щадилъ ея?

— Съ кѣмъ онъ пріѣхалъ?—спросила она у Паши.

— Одни! Только кучеръ да старый Андрей Михайлычъ съ ними!..

«Значитъ, на побывку!»—подумала Наташа и какъ-то невольно, непреднамеренно замедлила свое одѣванье.

Ей тяжело было думать о томъ, что надо будетъ выйти, встрѣтиться, говорить о чемъ-то. О чемъ они будутъ говорить? Ужъ, конечно, онъ не станетъ рассказывать о своей жизни, а если и станетъ, то развѣ неправду. А она — еще менѣе способна заговорить объ этомъ. Упрекать она не умѣетъ. Это вѣдь ни къ чему не ведетъ. И вотъ между ними, во все время, сколько онъ здѣсь останется, будетъ стоять фальшь.

Одѣваясь, она слышала въ залѣ шаги и догадалась, что это онъ ходитъ по комнатѣ. Она знала его привычку ходить такимъ образомъ, когда онъ бывалъ взволнованъ. «Почему же онъ взволнованъ?—думалось Наташѣ:—ужъ не продѣлалъ ли онъ тамъ въ Петербургѣ чтонибудь такое, что ему больше нельзя оставаться тамъ?»

Едва она показалась на порогѣ, какъ онъ бросился къ ней, схватилъ ея руки и началъ ихъ цѣловать.

— Я къ тебѣ, къ тебѣ, Наташа,—говорилъ онъ какимъ-то особеннымъ сердечнымъ голосомъ. — Подъ твой кровъ, подъ твою защиту!..

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ, какъ бы спрашивая: подь мою защиту? Но чѣмъ и отчего могу защитить васъ я, которую вы бросили, скомкавъ и изуродовавъ мою жизнь?

Онъ видѣлъ, что у нея такія мысли, и понималъ, что онѣ не могутъ быть другими. Онъ повелъ ее къ дивану и усадилъ, а самъ сѣлъ рядомъ.

— Да, Наташа, я нуждаюсь въ твоей защитѣ отъ самого себя... Не думай, что я пріѣхалъ играть передъ тобой роль добродѣтельнаго человѣка, который, среди дѣловыхъ заботъ, вспомнилъ, что у него есть семья и прочее. Нѣтъ, никакихъ дѣловыхъ заботъ у меня нѣтъ, и не стану я тебя обманывать. Я грязенъ и веду грязную жизнь. Но это не мѣшаетъ мнѣ всегда думать о тебѣ. Еслибъ я о тебѣ не думалъ, Наташа, я давно совсѣмъ погрязъ бы въ порокахъ, изъ меня ничего не осталось бы... Оттого мы и не смогли жить вмѣстѣ, что я слишкомъ пороченъ, а ты слишкомъ чиста. Такъ всегда и бываетъ, Наташа, при женитьбѣ. Мужчина всегда поро-

чень, женщина всегда чиста. Но мужчина сильнѣе женщины, сильнѣе ея характеромъ, волей, и онѣ незамѣтно влияетъ на женщину, и она, сама того не видя, спускается съ своей высоты до него, и тогда они получаютъ способность жить вмѣстѣ. Ты же... Ты, Наташа, не смотря на видимую слабость, осталась на своей высотѣ, ты не уступила ни пяди. Ты явилась мнѣ яркой звѣздой, и тучи не посмѣли закрыть тебя, звѣзда не потускнѣла и все сияетъ... И гдѣ бы я ни былъ, какъ бы глубоко ни погрязъ въ порокахъ, отовсюду мнѣ видно это яркое, золотое сіяніе... И вотъ я пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть въ твои глаза, услышать твой кроткій голосъ, еще разъ увидѣть тебя и твою жизнь и этимъ хоть немного, насколько только доступно мнѣ, поднять и очистить себя... Ты не говори, что прощаешь, я этого не прошу,—простить нельзя... Но только терпи меня около себя, Наташа...

И слушая его рѣчи, которыя произносились съ глубокой искренностью, тономъ истинно-кающагося человѣка, Наташа чувствовала, какъ у нея отходилъ отъ сердца тотъ холодъ, который еще за минуту передъ этимъ наполнялъ его. Передъ нею былъ человѣкъ, скованный своей дикой натурой, рабъ своихъ страстей, котораго гораздо болѣе слѣдуетъ жалѣть, чѣмъ презирать. И она пожалѣла его.

Она вздохнула, посмотрѣла на него тѣплымъ, тихимъ взглядомъ и промолвила:

— Я ничего такъ не хотѣла бы, Андрей Михайловичъ, какъ того, чтобы вы сами собой владѣли... А вашему пріѣзду я радуюсь. Конечно, мнѣ больно видѣть васъ послѣ всего того, что было,—я не скрываю отъ васъ... Но, по крайней мѣрѣ,—для дѣвочекъ... А то онѣ и знать не будутъ, что у нихъ есть отецъ...

— Я ихъ обожаю, Наташа!—воскликнулъ Андрей Михайловичъ, еще нѣжнѣе и въ то же время почтительнѣе прежняго дѣлуя ея руку.—Надюпа сейчасъ узнала меня и бросилась ко мнѣ на шею...

— А вамъ не стало стыдно передъ нею?

— Да, Наташа, стыдно, стыдно!.. Это ты правду говоришь... Ну, я надѣюсь, что онѣ будутъ такія же, какъ ты, ты научишь ихъ смотрѣть на меня такъ, какъ сама смотришь, ты дашь имъ свое чудное сердце, и когда онѣ выростутъ, то простятъ меня... Но какіе у тебя беспорядки, Наташа! Я пріѣхалъ и нигдѣ не нашелъ людей...

— Гдѣ вы не нашли ихъ?

— Помилуй Богъ, передняя пуста. Я нашелъ въ ней одного только стараго Пимена, который спалъ на скамейкѣ, прислонившись къ периламъ. А остальные преспокойно себѣ спятъ на черномъ дворѣ... Вѣдь было уже больше шести часовъ... Люди должны вставать раньше солнца... Въ четыре часа они обязаны быть на ногахъ и на своихъ мѣстахъ...

— Зачѣмъ, Андрей Михайловичъ?

— Какъ зачѣмъ? Зачѣмъ же они существуютъ?

— Зачѣмъ, что ихъ создалъ Богъ... я такъ думаю!..

— Да, конечно... Но зачѣмъ ихъ создалъ Богъ? Для какихъ нибудь обязанностей, я полагаю...

— Можетъ быть, я ошибаюсь, Андрей Михайловичъ, но я думаю, что всѣхъ насъ Богъ создалъ для одного и того же: для жизни! и у всѣхъ должны быть и обязанности и право наслаждаться жизнью... Я не для того говорю, чтобъ спорить съ вами, я знаю, что въ этомъ дѣлѣ васъ разубѣдить нельзя. Вы думаете, что наслаждаться жизнью можемъ только мы, а они созданы для однѣхъ только обязанностей... Пусть даже такъ. Но обязанности должны же быть для чего нибудь полезны. А если мы всѣ встаемъ часовъ въ восемь-девять, и тогда въ домѣ начинается жизнь, для кого полезно, чтобы они, проклиная жизнь, поднимались съ зарей и наполняли всѣ углы дома, сидя безъ дѣла и безъ смысла?

— Подобныя разсужденія, Наташа, могутъ привести къ тому, что люди забудутъ о своихъ обязанностяхъ...

— Но я могу отвѣтить вамъ, что за все время, что я здѣсь хозяйничаю, не было ни одной обязанности, которая не была бы исполнена точно и въ свое время и безъ всякаго приказа съ моей стороны...

— Это оттого, что ты волшебница!.. — сказалъ онъ съ улыбкой.

— Да, и все мое волшебство въ томъ, что я вижу въ нихъ людей...

— Смотри, какъ бы ты съ ними не помѣнялась ролями... Ты ихъ распустишь, и они станутъ тобой управлять...

— Этого не можетъ случиться, потому что у насъ есть власть надъ ними...

— Да, и я тебя прошу, Наташа, употреби эту власть... Я хотѣлъ бы, чтобы въ домѣ былъ восстановленъ старый порядокъ... я объ этомъ прошу тебя, Наташа...

— Тогда я не буду хозяйкой этого дома!.. Разъ что я — хозяйка, я имѣю право вести свой порядокъ...

— Ты и для меня этого не сдѣлаешь?

— И для васъ, Андрей Михайловичъ!.. — твердо сказала Наташа. — Вы только что хвалили меня за то, что я не уступаю ни пяди... Это неправда, я много уступила... Хотя бы и поневолѣ; но въ этомъ не уступлю, Андрей Михайловичъ...

Онъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ, потомъ всталъ, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и остановился

— Жаль! — сказалъ онъ. — Жаль это, Наташа!.. Подумай: вѣдь отсюда дойдетъ до моихъ людей въ Питерѣ... Какъ это на нихъ повлияетъ? Но пусть, пусть!.. Ты здѣсь хозяйка; ты права; должно быть по-твоему...

Онъ опять подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку.

Когда они въ тотъ же день вмѣстѣ сходили съ лѣстницы, чтобы прокатиться по Москвѣ, передняя была полна людей, которые напялили на себя старыя ливреи, отвыкшія уже отъ своей службы, и стояли на вытяжку.

— Вы зачѣмъ здѣсь? — строго спросилъ Андрей Михайловичъ.

Отвѣтомъ было молчаніе. Лица еще больше вытянулись, и прежній страхъ, столько времени отдыхавшій, съ новой силой появился на этихъ лицахъ.

— Развѣ было приказаніе отъ барыни? — продолжалъ спрашивать Андрей Михайловичъ.

Отвѣта на это не послѣдовало.

— Разъ барыня велѣла вамъ не бывать здѣсь, вы и не должны этого дѣлать! Я бы васъ выпоролъ за самовольность!..

И глаза его горѣли, какъ въ прежнее время, когда онъ былъ здѣсь хозяиномъ, и когда въ этомъ случаѣ непременно было бы упомянуто почтенное имя Евстрата.

Люди тотчасъ же, какъ овцы, всѣ кучей двинулись къ выходу и, толкая другъ друга, мало-по-малу исчезли. Остался только Пимень, въ роли швейцара, да казачекъ.

Наташа чувствовала себя побѣдительницей.

II.

Андрей Михайловичъ остался въ Москвѣ недѣли на двѣ. Все это время онъ доставилъ для слугъ не мало случаевъ изумляться. Всѣ видѣли, что это тотъ же самый баринъ, съ тою же твердою походкой, съ тѣмъ же властнымъ взглядомъ, и въ то же время для всѣхъ было явно, что онъ не тотъ. Онъ походилъ не на самовластнаго хозяина, пріѣхавшаго въ свои владѣнія, а скорѣе на гостя, старающагося вести себя сообразно обычаямъ дома. Онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, вставалъ приблизительно въ тотъ часъ, когда должна была выйти въ столовую Наташа, никуда не ѣздилъ одинъ, а всюду съ нею, сопровождалъ ее въ ея поѣздкахъ по церквамъ, ѣздилъ съ нею за городъ, являлся въ дѣтскую и бѣгалъ взапуски съ дѣтьми. Только старый Андрей Михайловичъ получалъ отъ него распоряженія, но и эти распоряженія касались самыхъ обыденныхъ вещей, которыя могъ исполнить камердинеръ, и не затрогивали никого изъ «людей Натальи Александровны».

— И что это съ нашимъ бариномъ стало? — спрашивали стараго Андрея Михайловича люди, когда онъ появлялся на черномъ дворѣ. — Совсѣмъ овечкой сталъ! Какъ есть овечка! Откуда такая доброта?

— Н-да! Овечка! — глубокомысленно отвѣчалъ Андрей Михайловичъ. — Вы бы посмотрѣли, какая онъ овечка тамъ, въ Питерѣ!.. Свирѣпости въ немъ еще побольше, чѣмъ было въ Москвѣ!..

— Ну-у?

— Да такъ оно и есть!.. Новую казнь выдумалъ: купилъ это пудовые сапоги и, ежели что, одѣвай ихъ, да съ Аглицкой набережной въ Александроневскую лавру шагай. Вотъ тебѣ, говорить, полтина мѣди, ступай въ лавру, купи свѣчку угоднику и отстой обѣдню!.. Даже на что ужъ меня... Ужъ, кажись, что... И то одинъ разъ чуть было такимъ манеромъ не послалъ обѣдню слушать... Да ужъ пристыдилъ же я его... Родители, говорю, ваши покойные того со мной не допустили бы... Раздумалъ! А за что? Не довольно фигурное масло къ чаю подаль... Роза, значить, не вышла. Жарко было, такъ растаяло, извѣстно... А сколькихъ въ солдаты отдали, такъ это и не перечеть! И также въ Архангельскую губернію каждую недѣлю трояхъ-четверыхъ ушлетъ! Свирѣпъ сталь...

— А тутъ и не узнаешь!

— Эхе-хе! Вы счастливые, ребята! У васъ заступница! А у насъ-то никого! Сюда-то онъ пріѣхалъ виноватый... Извѣстно, тамъ у насъ дымъ коромысломъ идетъ... Что ни день, то попойка, да на шестеркахъ путомъ за городъ, да цыганское сословіе... А то еще какая-то молдаванская краля завелась... Вертитъ имъ, какъ колесомъ... Охъ! Такое дѣется, что не приведи Богъ! Вотъ онъ чувствуетъ, что грѣшенъ, такъ и ходитъ передъ барыней тише воды да ниже травы... Такъ, значить, на него нашло...

— То-то и оно, что нашло!.. Теперь нашло такое, а тамъ, глядишь, другое найдеть... Да какъ повернетъ дѣло на другой ладъ, да какъ зачнетъ орудовать... Того и жди, что всѣхъ въ Архангельское имѣніе ушлетъ...

— Нѣ-э! Не бойсь! Супротивъ барыни онъ не пойдетъ! Самъ слышалъ, какъ съ барыней у него разговоръ былъ: такъ она, матушка,—откуда и крѣпость взялась,—такъ прямо и рубить ему: въ этомъ, говорить, я вамъ никакой уступки сдѣлать не могу... Коли, говорить, я хозяйка въ Москвѣ, такъ по-моему и должно все быть. А онъ это насупился, ходитъ по комнатѣ и ногами стучить, словно на подошвахъ у него стопудовыя гири привѣшены, сердится, значить, да только внутри у себя, а такъ, чтобы передъ ей, не можетъ. И говорить: ну, говорить, пуцай по-твоему будетъ. Спорить противъ тебя не могу...

— А кто же у васъ въ Питерѣ замѣсто Евстрата орудуеть?—спросили стараго камердинера.

— А никто! Такъ, кто попадетъ на глаза... И оттого еще хуже выходить... Баринъ гнѣвается, потому, извѣстно, въ непривычномъ дѣлѣ всякій ошибки дѣлаеть: то розги не какъ слѣдуетъ высушены, то рукой размахнуться не умѣеть. Сколько разъ баринъ вспоминалъ про Евстрата. «Евстрата, говорить, на васъ нѣтъ! Дай, говорить, срокъ, выпишу его!»

Евстратъ, который, въ качествѣ слуги—на покоѣ, сидѣлъ въ са-

момъ дальнемъ углу на печкѣ, сладко потягивая дымокъ махорки изъ коротенькой трубки, спокойно заерзала на мѣстѣ.

— Такъ выпишу, говорить?—спросилъ онъ съ совершенно понятнымъ любопытствомъ.

— Воистину! Такъ и сказалъ: тамъ, говорить, все одно ему дѣлать нечего...

— Господи Иисусе! А я-то думалъ, конецъ этому дѣлу!..

— Такимъ дѣламъ никогда конца не бываетъ... Это ежели добро, такъ оно кончается, и очень даже скоро, а ежели пакость какая, такъ это безъ конца...

Евстратъ задумался. Онъ уже успѣлъ приучить себя къ мысли, что его жестокая роль навсегда кончилась, и возврата не будетъ. Мужикъ онъ былъ мягкій, добросердечный, и порка всегда доставляла ему мученье. Много лѣтъ терпѣлъ онъ эту муку и сталъ, было, свыкаться съ нею, но затѣмъ, попробовавъ спокойной, какъ онъ говорилъ, «христіанской» жизни, онъ чувствовалъ, что теперь этой роли палача своихъ братьевъ вынести не можетъ.

Весь этотъ день видѣли его блѣднымъ и угрюмымъ, а къ вечеру онъ вышелъ изъ людской и сталъ подстерегать кого-то. Вотъ мимо него проскользнула Паша, слѣпша съ какимъ-то порученіемъ.

— Паша, стой!—тихонько окликнулъ онъ ее.

— Что вамъ, дядя Евстратъ?—спросила Паша.

— Имѣю до тебя дѣло... Можешь ты мнѣ устроить?... Обязательно надо видѣть мнѣ барыню, Наталью Александровну... То-есть такъ надо, такъ надо!.. Устрой, Паша! Ужъ какъ буду Бога молить за тебя!

— Что-жь, я барынѣ скажу!

— Вотъ спасибо тебѣ! Только ты гляди, чтобы баринъ не узналъ... Узнаетъ, все пропало! Гляди же, Паша!

— Ладно, дядя Евстратъ... Ужъ я постараюсь!..

И Паша убѣжала, а затѣмъ нашла случай доложить Наташѣ:

— Тамъ Евстратъ проситъ, чтобы васъ повидать, барыня!

— Евстратъ? А кто это Евстратъ?—спросила Наташа. Она послѣ единственнаго свиданія съ Евстратомъ, когда она отрѣшила его отъ должности «палача», ничего о немъ не слышала и успѣла позабыть его имя.

— А это—который при поркѣ состоялъ...

— А! Евстратъ! Помню! Что же ему теперь надо?

— Не знаю! Что-то просить хочетъ!..

— Пожалуй, позови его...

— Только, барыня, онъ проситъ, чтобы баринъ не узналъ...

— Такъ ты ужъ какъ нибудь устрой...

— Сейчасъ у барина генераль Тугаринъ... Такъ, можетъ, какъ они заняты, можно его теперь и повзвать?..

— Зови, пожалуй!

Паша поплотнѣе притворила дверь, которая вела въ гостиную, и проводила Евстрата черезъ другую, изъ маленькой передней.

Евстратъ вошелъ, тщательно притворилъ за собою дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ упалъ на колѣни.

— Что это ты? Что съ тобой?—спросила изумленная Наташа.

— Барыня! Родная! Заступница наша!.. взмолился Евстратъ.

— Встань, пожалуйста, и говори, что тебѣ надо!

— Нѣтъ, не встану... Барыня, заступница!..

— Въ чемъ дѣло?

— Слухъ дошелъ, будто баринъ меня въ Питеръ желаютъ вы-
требовать...

— Тебя? Я не слышала объ этомъ...

— И къ прежней должности, потому у нихъ, сказываютъ, некому...

— Полно... Это пустые слухи!.. Это невозможно!..

— Барыня! Всю жизнь буду Бога молить! Заступитесь! Не выдайте! Потому эта самая должность все нутро мое перевернула... И не могу я больше, не могу!..

— Встань, Евстратъ... Ты напрасно убиваешься... Еслибъ баринъ хотѣлъ сдѣлать это, онъ сказалъ бы мнѣ!..

— Они, можетъ, еще скажутъ...

— Ну, ладно... Тогда я его будутъ просить за тебя!

— Вѣкъ буду Бога молить!

Евстратъ, получивъ обѣщаніе, поднялся, попятился къ двери и вышелъ.

Съ этого дня онъ все время держался какъ-то насторожѣ, все къ чему-то прислушивался, очевидно ожидаль, что вотъ-вотъ принесутъ ему приказъ. Онъ ужъ не лежалъ больше въ своемъ углу на печкѣ и не потягивалъ мирно дымокъ изъ своей трубки, а спокойно бродилъ изъ одного угла въ другой. Покой его былъ нарушенъ.

Между тѣмъ время шло. Евстратъ зналъ, что баринъ пріѣхалъ не надолго, что скоро онъ уѣдетъ, и ждалъ его отъѣзда, какъ рокового момента въ своей жизни. Онъ видимо похудѣлъ, пожелтѣлъ и опустился. Всѣ это замѣчали и, глядя на него, покачивали головами. «Евстратъ-то Тимоѣичъ на что похожъ сталъ, глядите братцы!» восклицали на черномъ дворѣ.

А Евстратъ сказалъ себѣ: «пускай съ меня шкуру сдерутъ, а больше не пойду я на это дѣло!» И сказалъ онъ себѣ это такъ твердо, съ такой непоколебимой рѣшимостью, что всѣ это видѣли, по его лицу. И про Евстрата теперь говорили:

— Гляди, братцы, Евстратъ Тимоѣичъ на что-то рѣшился! Ужъ это вѣрно, что засѣлъ у него въ головѣ гвоздь. Никогда онъ не былъ такой. Ужъ это что нибудь не къ добру!..

III.

Дня за три до отъезда изъ Москвы, Андрей Михайловичъ сдѣлалъ скромный обѣдъ своимъ наиболѣе близкимъ друзьямъ. Онъ позвалъ Тугарина, Верховскаго и Сербича, а Наташа съѣздила въ школу и привезла Зою Федоровну и Лизу. Коромысловъ узналъ объ обѣдѣ и безъ всякихъ приглашеній пріѣхалъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ:—вы меня обошли, такъ вотъ же вамъ,—я самъ явился!

И это произвело наилучшее впечатлѣніе, и Коромысловъ былъ героемъ обѣда. Онъ былъ такъ непринужденно веселъ, что на этотъ разъ даже примирилъ съ собою Наташу. Зоя Федоровна, которая въ его присутствіи всегда чувствовала себя неловко, такъ какъ онъ никогда не пропускалъ случая показать, что онъ начальникъ, теперь не замѣчала этого.

— Ну, что,—сказалъ Андрей Михайловичъ, обращаясь къ Лизѣ:—Лизавета Александровна скоро выступитъ въ «Сильфидѣ»?

При этомъ онъ выразительно взглянулъ на Наташу.

Лиза смутилась, но отвѣтила прямо:

— Я никогда не выступлю...

— Почему?

— У меня нѣтъ таланта!

Это было печально, но Лиза сказала правду. У нея не было способностей Наташи. Для Коромыслова это составляло горе. Онъ всѣми силами хотѣлъ угодить Бентышъ-Полянскому и съ этою цѣлью выдѣлялъ Лизу при всякомъ случаѣ. Не смотря на протестъ учителя, онъ настаивалъ, чтобъ ей въ школьныхъ спектакляхъ давались отвѣтственныя роли, и всѣ видѣли, что изъ этого ничего не выходило. Лиза не разъ пріѣзжала къ сестрѣ въ слезахъ и жаловалась на свою безталанность. Въ первое время Наташа пробовала сама заниматься съ нею, но скоро увидѣла, что учителя совершенно правы. У Лизы не было таланта. Между тѣмъ сама Лиза этого не знала, а Наташа не рѣшалась сказать ей. Она знала, что стоитъ только ей заявить объ этомъ, какъ Лиза тотчасъ повѣритъ; но сколько это доставитъ ей горя! Бѣдная дѣвочка потратила на искусство семь лѣтъ и вдругъ узнаетъ, что это ни къ чему не привело... Но Наташа видѣла, что сказать это неизбежно. Къ чему она будетъ напрасно тратить время? И однажды она заговорила съ нею объ этомъ.

— Ты очень любишь сцену, Лиза?—спросила она.

— Я? Не скажу, чтобы очень!..—просто отвѣтила Лиза.

— Ты, значитъ, легко могла бы безъ нея прожить?

— О, да! Совсѣмъ легко!..

Это сразу облегчило ея задачу. Теперь она ужъ не боялась, что истина доставитъ Лизѣ глубокое горе.

- Я не совѣтовала бы тебѣ идти на сцену, Лиза!—сказала она.
- Почему?
- Видишь, это пріятно только тогда, когда есть очень выдающійся талантъ... Не правда ли?
- Но вѣдь такихъ талантовъ немного!.. Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставила сцену, школа не выпустила ни одного... А между тѣмъ всё идутъ на сцену... Надо же жить чѣмъ нибудь!
- Да, если больше нечѣмъ. Но у тебя въ этомъ недостатка нѣтъ. Андрей Михайловичъ тебя любитъ, ты у насъ родная...
- Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но мнѣ хочется пожить на свои труды...
- Такъ что ты примиришься съ скромной ролью на сценѣ... напримѣръ—корифейкой...
- О, я знаю, что мнѣ и корифейкой не быть... У меня совсѣмъ нѣтъ способностей, Наташа! И ты это знаешь, только думаешь, что это меня можетъ обидѣть...
- Да, Лиза, я нахожу, что у тебя нѣтъ способностей къ сценѣ... Но ты все-таки хочешь кончить школу?
- Непремѣнно! Разъ начала, то нужно кончить!..
- Ну, какъ знаешь! Въ этомъ нѣтъ ничего дурного...
- Наташа нашла случай переговорить съ Коромысловымъ, убѣдила его, что Лизу не надо ставить въ ложное положеніе, поручая ей отвѣтственные роли, и мученія Лизы прекратились. Теперь она занимала въ школѣ незамѣтное мѣсто, и мечты ея не поднимались выше кордебалета.
- Какъ нѣтъ таланта? — удивился Андрей Михайловичъ.— Вы сестра Наташи и у васъ нѣтъ таланта?
- Нѣтъ!
- Это можетъ подтвердить и ваше начальство? Коромысловъ кивнулъ головой.
- Такъ чего же вы въ школѣ сидите?
- Пойду въ кордебалетъ!
- Силы небесныя! Да ужъ лучше въ монастырь, чѣмъ въ кордебалетъ... Какая же вамъ корысть отъ этого будетъ?
- Хочу жить на свой заработокъ и все!
- Вотъ какъ! И долго это вы будете тѣшиться своимъ заработкомъ? а?
- Насколько хватитъ силъ!
- Ого! А замужъ не выйдете?
- Объ этомъ еще рано думать!
- Вотъ она какая у насъ!.. Ну, ладно, я же вамъ удружу, Лиза!
- А что?
- Найду вамъ жениха и такъ подстрою, что вы непременно за него выйдете!

— Такъ подстроить нельзя! Если не по праву, не пойду!

— Подберемъ по праву! Вотъ увидите. Не успеете оглянуться, какъ уже мы васъ скрутимъ...

Этотъ разговоръ имѣлъ съ виду характеръ оживленной шутки, но вечеромъ, когда гости ушли, а Лиза была въ своей комнатѣ, наверху, Андрей Михайловичъ вернулся къ нему.

— Я имѣю въ виду одного молодого человѣка,—сказалъ онъ.— Для Лизы онъ хорошая партія!..

— О,—возразила Наташа,— въ самомъ дѣлѣ объ этомъ говорить еще такъ рано! Пусть она поживетъ на свободѣ!

— Хороша свобода — на жалованьи у театральной дирекціи, сто начальниковъ и съ утра до вечера прыгать... По-моему, она будетъ свободнѣе замужемъ. Мы дадимъ ей хорошее приданое...

— Это будетъ зависѣть оттого, каковъ мужъ...

— Да ужъ если мнѣ онъ нравится, то значить — хорошъ!

— Надо, чтобъ и Лизѣ онъ понравился!..

— А это очень просто сдѣлать. Настанетъ лѣто, соберись съ дѣтьми и Лизу съ собой возьми, и прїѣзжай въ Питеръ. Мы тамъ ихъ и сведемъ.

Наташа пришла въ ужасъ отъ мысли ѣхать въ Петербургъ. Она никогда не думала объ этомъ и никогда еще въ жизни не дѣлала такихъ длинныхъ путешествій.

Она посмотрѣла на этотъ разговоръ, какъ на шутку, но на другой день Андрей Михайловичъ болѣе настойчиво возобновилъ его. У него почему-то явилась неотвязчивая мысль о томъ, чтобы выдать замужъ Лизу.

Съ дѣтьми онъ проводилъ много времени. Онъ посвящалъ имъ все утро и часъ передъ обѣдомъ, возилъ ихъ кататься, ѣздить съ ними въ магазины и закупать, по ихъ выбору, цѣлыя горы игрушекъ.

— Вы ихъ мнѣ въ конецъ избалуете!—говорила ему Наталья Александровна. Онѣ вообразятъ Богъ знаетъ что!

— Что же такое онѣ могутъ вообразить, чего я не могъ бы имъ доставить?—возразилъ Андрей Михайловичъ:—я не вижу причины приучать ихъ къ скромности.—И онъ находилъ, что Наташа держитъ дѣтей несоотвѣтственно ихъ званію. У обѣихъ дѣвочекъ была только одна нянька. Она вполне справлялась съ ними, но, по его мнѣнію, это было недостаточно. Онъ требовалъ, чтобы у каждой дѣвочки былъ свой штатъ, и самъ выбралъ его изъ среды дворовыхъ женщинъ. Онъ назначилъ для каждой по три. Какъ ни протестовала противъ этого Наташа, онъ настаивалъ на своемъ.

— Я хочу дать имъ блестящее воспитаніе, на которое онѣ имѣютъ право!—говорилъ онъ.—Имъ придется жить въ свѣтѣ, и онѣ должны имѣть такія же воспоминанія, какія будутъ имѣть ихъ сверстницы! Нѣтъ, Наташа, не спорь! я во многомъ тебѣ уступаю,

а въ этомъ ты должна уступить мнѣ. Воспитаніе дѣвочекъ—пусть это будетъ моимъ правомъ...

И когда Наталья Александровна пробовала и дальше отстаивать свое мнѣніе, онъ сказалъ:—знаешь, я способенъ поссориться изъ за этого!..

И Наташа уступила.

Дня за два до своего отъѣзда, онъ наконецъ вспомнилъ объ Евстратѣ. Онъ сказалъ Наташѣ:

— Я хочу тебя ограбить, Наташа!

— Какимъ образомъ? Это трудно вамъ сдѣлать!

— Ну, не очень, ты не пугайся! Я хочу уменьшить твою дворню на одну душу... мнѣ нуженъ одинъ человѣкъ...

— Кто? Наташа уже почти знала, что рѣчь идетъ объ Евстратѣ. Онъ отвѣтилъ: Тутъ имѣется нѣкій Евстратъ...

— Про Евстрата я знаю, что онъ исполнялъ ваши приказанія на Маросейкѣ... промолвила Наташа.

Андрей Михайловичъ покраснѣлъ и нахмурилъ брови.

— Это—дѣло прошлое. Но какимъ образомъ ты узнала?

— Это трудно было не узнать... Вы уѣхали, не сдѣлавъ распоряженій... Этотъ Евстратъ мѣсяцъ сидѣлъ тамъ и скучалъ безъ дѣла, потому что я не посылала къ нему никого... Или вы думали, что люди, чувствуя себя виноватыми, сами будутъ ходить за наказаніемъ...

— А право же, это было бы недурно, и эта мысль мнѣ нравится!—воскликнулъ Андрей Михайловичъ:—Я, можетъ быть, заведу такой порядокъ... Ну, такъ вотъ этого самаго Евстрата я и беру у тебя...

— Я буду просить васъ оставить его мнѣ... сказала Наташа.

— Тебѣ? Евстрата? Развѣ ты перемѣнила свои взгляды и намѣрена пользоваться его искусствомъ?

— Нѣтъ, Андрей Михайловичъ, — вы знаете, что этого никогда не случится... Но я обѣщала ему, что онъ навсегда уже освобождается отъ своей должности...

Онъ нахмурился больше прежняго.

— Но какъ же ты могла обѣщать это, не зная моего мнѣнія?—спросилъ онъ.

— Я думала, что въ числѣ другихъ правъ хозяйки у меня есть и это!—промолвила Наташа, слегка вспыхнувъ.

Онъ замѣтилъ это и спохватился.

— Да, ты права... Конечно...

И онъ внезапно прекратилъ говорить объ этомъ, перейдя къ другому предмету. Черезъ полчаса послѣ этого Паша торопливо шла на черный дворъ и, отыскавъ Евстрата, сообщила ему о томъ, что была рѣчь о его поѣздкѣ въ Петербургъ, и что барыня отстояла его.

Евстратъ крестился и благодарилъ Бога и барыню, да къ ряду ужъ и Пашу, которая играла въ этомъ дѣлѣ непослѣдную роль.

Но передъ вечеромъ его потребовали въ старыи флигель, въ которомъ, во время своихъ прїѣздовъ въ Москву, живаль братъ барина, Алексѣй Михайловичъ. Флигель этотъ въ обычное время стоялъ запертый и открывался только тогда, когда прїѣзжалъ кто нибудь въ гости. Андрей Михайловичъ сказалъ Натанѣ, что хочетъ посмотрѣть, не нуждается ли флигель въ ремонтѣ, и спустился внизъ.

«Зачѣмъ бы это еще?»—думаль Евстратъ и, когда подходилъ къ флигелю, заглянулъ въ окно, чтобы видѣть, каковъ изъ себя баринъ, и на основаніи этого заключить, чего слѣдуетъ ждать ему, добра или зла.

Баринъ рѣшительными шагами ходилъ изъ одной комнаты въ другую, брови его были сдвинуты. У Евстрата сердце упало. Онъ вошелъ блѣдный и подавленный и низко поклонился.

Андрей Михайловичъ круто повернулся на ходу и остановился.

— Такъ ты тоже лѣзешь къ барынѣ за заступничествомъ!— зловѣщимъ тономъ, сквозь зубы, сказалъ онъ.—Тѣ отъ тебя заступничества просили, а ты... ты отъ меня? а? Вамъ все не хорошо! И тотъ, кого бьютъ, кричить, и тотъ, кто бьетъ, тоже кричить!... а?

— Баринъ... Батюшка!..—началь было съ безконечнымъ смиреніемъ Евстратъ, но Андрей Михайловичъ перебилъ его.

— Молчать! Завтра утромъ явись къ барынѣ, упади въ ноги и проси прощенья за то, что понапрасну обезпокоилъ. И объяви, что намѣреніе свое перемѣнилъ и что самъ просишься къ барину въ Питерь... Слышалъ?

Евстратъ молчалъ.

— Ты понялъ меня?

Евстратъ ничего не отвѣчалъ.

— Я тебя спрашиваю, ты меня понялъ?

— Баринъ!..—съ какой-то зловѣщей твердостью, сосредоточенно, промолвилъ Евстратъ, и голосъ его звучалъ такъ необычно, что Андрей Михайловичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Никогда еще онъ не слышалъ, чтобы передъ нимъ изъ устъ слуги раздавался такой голосъ.

— Баринъ!..—вторично произнесъ Евстратъ.—Ослобоните! Силь моихъ нѣтъ!

— Что-о?

— Силь моихъ нѣту, баринъ! Не могу! Нѣтъ, не могу!

— А вотъ что: если ты этого не сдѣлаешь, то завтра же пойдешь въ солдаты! Слышишь? Ты меня знаешь?

— Баринъ!

— Ступай вонъ! И помни: или завтра ты исполнишь, или въ солдаты! Что-жъ ты стоишь? Ступай вонъ!

Лицо Евстрата сдѣлалось хмурымъ и темнымъ. Онъ не сказалъ больше ни слова и вышелъ.

Тѣ, кто видѣли его выходящимъ изъ флигеля, были поражены его походкой и взглядомъ. Никогда не видѣли Евстрата такимъ. Какая-то важная, рѣшительная дума была замѣтна въ его глазахъ. Онъ никому ничего не разсказалъ, отправился въ свой уголокъ, гдѣ у него стоялъ сундучекъ, и долго рылся тамъ. Потомъ его видѣли въ полутемномъ чуланѣ стоящимъ на колѣняхъ и усердно молящимся. Когда же совсѣмъ свечерѣло, его нигдѣ не видѣли.

Такъ какъ въ этотъ день всѣ интересовались Евстратомъ, то и слѣдили за нимъ, и всѣхъ очень обезпокоило, куда онъ дѣвался. Спрашивали другъ у друга, не видалъ ли кто его, не вышелъ ли онъ со двора, но никому онъ не попадался на глаза.

Часовъ въ десять вечера Андрей Михайловичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ какое-то дѣловое письмо. Вошелъ старый камердинеръ, подошелъ къ столу и остановился. Лицо у него было мертвенно-блѣдно, голова поникла.

— Андрей Михайловичъ... Тамъ.. Евстратъ...

— Ну? Что такое Евстратъ?—сердито спросилъ Андрей Михайловичъ.

— Онъ удавился!—промолвилъ камердинеръ, и его густыя сѣдые брови задрожали.

— Что такое?—воскликнулъ Андрей Михайловичъ, выронивъ изъ руки гусиное перо и отодвинувшись вмѣстѣ съ кресломъ.

— Точно такъ, Андрей Михайловичъ... Сейчасъ въ чуланѣ наткнулись... Вынули изъ петли, да ужъ онъ похолодѣлъ...

У Андрея Михайловича заискрились глаза, и онъ изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

— Собака!—сдавленнымъ голосомъ произнесъ онъ, и какъ-то весь выпрямившись и глядя на камердинера такимъ образомъ, какъ будто тотъ нанесъ ему оскорбленіе, произнесъ:

— Скажи всѣмъ... Слышишь,—всѣмъ... что если какойнибудь негодяй посмѣетъ проболтаться объ этомъ барынѣ, такъ я съ него два раза шкуру сдеру!.. А эту гадину сію минуту вонъ изъ дому вынести!.. Ну, чего стоишь? Пошелъ!

— Слушаю!—отвѣтилъ старый Андрей Михайловичъ, но при этомъ такъ выразительно посмотрѣлъ на своего барина, что тотъ дорого взялъ бы съ него за этотъ взглядъ, если бы увидалъ его.

Камердинеръ ушелъ, а Андрей Михайловичъ отложилъ письмо. Его дѣловое настроеніе было испорчено.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Все припоминает Наташа изъ года въ годъ. Среди тихо и спокойно протекавшихъ событій жизни вдругъ вынырнетъ какое нибудь одно, отъ котораго она содрогнется. Вотъ и эта исторія съ Евстратомъ. Какъ ни страшна была эта угроза барина «содрать двѣ шкуры», но трудно было сохранить тайну, и Наташа узнала о ней черезъ годъ. Что было съ нею, и какія чувства питала она въ тѣ дни къ Андрею Михайловичу, лучше объ этомъ не вспоминать!

А сколько ихъ было, такихъ случаевъ! Тотъ шагаль пѣшкомъ въ Архангельскую губернію, въ зимнюю стужу и на дорогѣ околѣлъ. Другой, принужденный переплыть рѣчку, утонулъ на серединѣ пути... Дѣвка, которой не разрѣшили обвѣнчаться, со стыда бросилась въ прорубь... А сколько ихъ, съ горя, допивались до смерти! И онъ, виновникъ всѣхъ этихъ ужасовъ, даже усомъ не поводитъ, когда ему сообщали объ этомъ! И вѣдь онъ по натурѣ человѣкъ не жестокий. Все это вытекало у него изъ убѣжденій, что они—не люди, а какая-то низшая порода.

Мѣсяца черезъ четыре послѣ отъѣзда Андрея Михайловича, изъ Петербурга прибылъ маленькій караванъ: карета, вслѣдъ за нею два возка съ провизіей и какими-то тюфяками и сундуками, и все это въ сопровожденіи двухъ верховыхъ.

Этотъ странный поѣздъ пріѣхалъ безъ всякаго предупрежденія, и когда онъ появился во дворѣ, всѣ съ крайнимъ любопытствомъ глядѣли на него. Въ особенности старательно заглядывали въ карету, чтобы разглядѣть, кто тамъ сидитъ. Дворовые обступили этотъ караванъ, но вдругъ всѣ отскочили, какъ отъ огня, когда дверца кареты растворилась, и оттуда показалась голова пана Шипицкаго.

— Ну, чего уставились? Пошли прочь!—крикнулъ на нихъ своимъ грубоватымъ голосомъ Викентій Генриковичъ.

Панъ Шипицкій былъ для дворовыхъ тѣнью Андрея Михайловича, и его боялись такъ же, какъ и самого барина. Тѣмъ не менѣе народъ не расходился. Всѣхъ глубоко заинтересовало то обстоятельство, что Шипицкій пріѣхалъ на этотъ разъ не такъ просто, какъ всегда. Обыкновенно онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ кареткѣ, запряженной шестеркою. На козлахъ сидѣли кучеръ да лакей, а тутъ понадобилась цѣлая свита. Кромѣ того, у всѣхъ было подозрѣніе, что изъ кареты вышло не все, что тамъ еще кто-то остался.

И въ самомъ дѣлѣ минуты черезъ двѣ оттуда вышла дама лѣтъ за сорокъ, высокая, сухоощавая, съ смуглымъ лицомъ, на которомъ были замѣтны угольно-черные глаза и длинный носъ. Дама была въ коротенькой шубейкѣ изъ какого-то неопредѣленнаго мѣха, а ноги ея были обуты въ высокія валенки.

Шипицкій обратился къ ней:—Ну, пожалуйста, мадмуазель! Вотъ сюда!—и повелъ ее въ домъ. Онъ пригласилъ ее въ свою прежнюю квартиру, внизу, которая оставалась неприкосновенной и была въ его распоряженіи, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга, онъ даже ключъ отъ нея возилъ съ собою. А самъ, слегка почистившись и умывшись, поднялся во второй этажъ.

Наташа уже знала о его пріѣздѣ и съ любопытствомъ ждала его. Ей, какъ и всему дому, также было непонятно появленіе пана Шипицкаго съ дамой.

По обыкновенію, онъ почтительно приложился къ ея рукѣ и, сѣвъ въ кресло, началъ жаловаться на то, что дорога разбила его, и что ему надоѣло ѣздить.

— Что подѣлаете,—должность такая собачья! Куда прикажутъ, туда и лети!—говорилъ онъ.—Вотъ сюда отъ Петербурга до Москвы чугунку проведутъ—строятъ уже, самъ видалъ—такъ тогда покрайности скорѣй доставка будетъ, а, можетъ, гдѣ нибудь на ней голуవు оторветъ тебѣ, такъ скорѣй конецъ придетъ...

Панъ Шипицкій очень хорошо зналъ, что Наталья Александровна больше всего интересуется узнать причину его появленія и значеніе сопровождавшей его дамы. Но потому-то именно онъ и болталъ всякій вздоръ. Онъ любилъ слегка помучить человѣка, когда могъ сообщить что нибудь интересное.

— Кто это съ вами пріѣхалъ?—наконецъ не выдержала и спросила Наташа.

— Да, клянусь честью, что вы подумали: не женился ли панъ Шипицкій?—воскликнулъ Викентій Генриковичъ и тутъ же возразилъ самъ себѣ.—Ну, нѣтъ, это покорнѣйше васъ благодарю! Мнѣ—жениться? Да на какіе гроши? Чтобъ жениться, это—надо богачемъ быть, а пану Шипицкому далеко до этого... Гм... А привезъ я вамъ мадмуазель Кадрильонъ...

— Кто жъ это такая?

— Какъ кто? Мадмуазель Кадрильонъ! Гувернантка! Андрей Михайловичъ прислалъ вамъ ее съ покорнѣйшей просьбой, чтобы вы къ барышнямъ ее приставили и французское воспитаніе имъ давали... Его желаніе, чтобы дѣти отучались порусски говорить, а все бы пофранцузски, потому что въ настоящее время это во всѣхъ домахъ въ моду входитъ... А мѣсяцевъ черезъ шесть мы вамъ такимъ же манеромъ нѣмку привеземъ, а далѣе англичанку... У насъ въ Петербургѣ этого народа достаточно шляется!

Панъ Шипицкій, очевидно, не раздѣлялъ мнѣнія своего патрона о французскомъ воспитаніи. Но онъ не могъ не замѣтить, что его сообщенія произвели на Наташу удручающее дѣйствіе. Наташа знала, что дѣвочекъ ожидаетъ эта мука, какъ она думала въ душѣ, но она не ожидала, что это будетъ такъ скоро. Между тѣмъ Андрей Михайловичъ считалъ, что даже уже пропущено время, такъ какъ

дѣвочки успѣли слишкомъ хорошо усвоить русскій языкъ и «нянькины манеры». По его мнѣнію, все это надо было уничтожить въ корнѣ, и въ такомъ смыслѣ онъ далъ инструкціи мадмуазель Кадрильонъ.

Наташа вздохнула, но должна была подчиниться. Она общалась это Андрею Михайловичу. Кромѣ того, она, не смотря на свой протестъ, все-таки не довѣряла себѣ. Она не была увѣрена, что все это въ самомъ дѣлѣ излишнія вещи. А, быть можетъ, эти знанія потомъ для дѣвочекъ окажутся совершенно необходимыми? А она вѣдь только того и боялась, чтобы дѣвочки ея какъ нибудь не пострадали въ жизни отъ недостатка воспитанія. Что-жъ? Деньги у нихъ будутъ, положеніе — тоже; обѣ онѣ будутъ хорошенькія. Значитъ, остается только образованіе, о которомъ слѣдовало заботиться. А Андрей Михайловичъ въ этомъ отношеніи, какъ человекъ свѣтскій, смыслить больше ея. Это она допускала.

Въ тотъ же день состоялось представленіе мадмуазель Кадрильонъ и водвореніе ея въ домѣ.

Дѣвочки въ первое время энергично протестовали, въ особенности Надя, которая сразу почувствовала недружелюбіе ко всякимъ наукамъ. Больше всего на свѣтѣ любила она бѣгать по комнатамъ, кувыркатся и смѣяться. Но мадмуазель Кадрильонъ сумѣла примирить ее съ собой. Она оказалась добродушнѣйшимъ и любвеобильнѣйшимъ существомъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время. Немного спустя, въ ней явились новыя качества, но это не потому, чтобы мадмуазель Кадрильонъ раньше кривила душой и разыгрывала добродушіе, а единственно оттого, что она, по своей обязанности, стала примѣнять свои педагогическіе принципы, которые прежде хранила подъ спудомъ.

Мадмуазель Кадрильонъ носила въ душѣ своей какую-то неразгаданную тайну. Въ Россію она прибыла очень давно, еще молодой дѣвушкой. Судя по манерамъ, по сдержанности, такту, тонкому умѣнью обращаться съ людьми, она принадлежала къ хорошей фамиліи и получила хорошее воспитаніе. Она отлично знала исторію своей страны, почти не было такой книги на французскомъ языкѣ, которой она не читала бы, ея сужденія о всевозможныхъ предметахъ были тонки и основательны; но все это кончалось, какъ только рѣчь заходила о воспитаніи дѣтей. По всей вѣроятности, міросозерцаніе мадмуазель Кадрильонъ составилось еще до ея пріѣзда въ Россію, и тогда вопросы о воспитаніи не входили въ ея кругозоръ, а явились по необходимости уже здѣсь, въ Россіи, и тутъ она наскоро приняла тѣ взгляды, какіе были ходячими.

Она довольно скверно говорила порусски, однакожъ настолько ясно, что Наташа понимала ее. Сама же Наташа никогда не рѣшалась пустить въ ходъ свои смутныя французскія познанія, полученные въ театральнѣйшій школѣ.

Панъ Шипицкій вѣрно предсказаль. Скоро въ домѣ на Дмитровкѣ появилась нѣмка, которой, однакожь, не было сдѣлано такой чести, какая выпала на долю мадмуазель Кадрильонъ: ея не сопровождалъ самъ панъ Шипицкій, а пріѣхала она, охраняемая конвоемъ изъ трехъ молодцовъ, въ сопровожденіи своей подруги, которая воспользовалась этой оказіей для переселенія въ Москву.

Эта была совершенною противоположностью мадмуазель Кадрильонъ. Толстая, грубая, крайне невоспитанная, она не заставляла своимъ видомъ подозрѣвать у нея какую нибудь тайну. Ея жизнь была очень проста: выѣхала изъ Ревеля и промышляла ничего не стоившимъ ей знаніемъ своего родного языка. Она заранѣе отказывалась отъ преподаванія какихъ бы то ни было наукъ и съ первыхъ же дней обратила вниманіе на то, что сливки къ чаю, по ея мнѣнію, недостаточно густы, а масло въ Петербургѣ гораздо лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Наташа приняла ее, какъ наказаніе Божіе, котораго ничѣмъ нельзя избѣжать. Ее звали фрау Васмусъ.

Третьимъ лицомъ была англичанка. Она явилась черезъ годъ. Эта была еще очень молода, недурна собой и произвела на Наташу самое приятное впечатлѣніе. Единственный ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она ни слова не говорила порусски, и Наташа могла объясняться съ нею только при помощи мадмуазель Кадрильонъ, которая понимала ея плохой французскій языкъ. Но у миссъ Эмми Чаудонъ были удивительныя лингвистическія способности, и она за два мѣсяца выучилась понимать все порусски и сносно говорить.

Съ прибытіемъ «иностранокъ», какъ называли ихъ всѣ прочіе люди, въ домѣ все измѣнилось. Вся жизнь на Дмитровкѣ давно ужъ сосредоточивалась на дѣтскихъ комнатахъ. Наташа жила вѣдь только для своихъ дѣвочекъ. Ея собственная жизнь кончилась. Она была коротка, и мало въ ней было радостей. Но Наташа относилась къ этому сознательно и ничего уже для себя не ждала отъ будущаго. А дѣтскія комнаты совсѣмъ не походили на прежнія.

Съ самаго утра и до четырехъ часовъ тамъ происходило ученіе. Обучали дѣвочекъ исключительно языкамъ, какъ будто вся жизнь заключалась въ знаніи этихъ трехъ отраслей человѣческой мудрости. Все ихъ время «иностранки» подѣлили между собой. Утромъ раздавались тяжелые тягучіе нѣмецкіе звуки, сейчасъ послѣ завтрака слышался мелодическій трескъ англійскихъ словъ, а кончала все—мадмуазель Кадрильонъ. Она была разностороннѣе всѣхъ, и иногда, какъ бы дѣлая снисхожденіе и выходя изъ круга своихъ обязанностей, рассказывала дѣтямъ обрывки своихъ былыхъ знаній по исторіи и географіи. Ей же, по настоянію Андрея Михайловича, принадлежалъ главный надзоръ за воспитаніемъ дѣтей. И тутъ она оказывалась неумолимой. Излишняя рѣзвость и веселость считались преступленіемъ. Въ особенности же она строго слѣдила за тѣмъ, чтобы дѣти не говорили порусски. Имъ предоставлялось выбирать

для сношенія съ міромъ одинъ изъ трехъ языковъ, и такъ какъ, кромѣ «иностранокъ», остальной міръ не зналъ этихъ языковъ, то и всѣ ихъ сношенія съ міромъ должны были происходить черезъ нихъ, и бѣда, если которая нибудь изъ дѣвочекъ по ошибкѣ пронесетъ русское слово! Мадмуазель Кадрильонъ тотчасъ говорила ей самыя ужасныя вещи о томъ, какой это позоръ, какія насмѣшки ожидаютъ ее, когда она вырастетъ и будетъ появляться въ обществѣ, гдѣ никто не говоритъ порусски, что русскій языкъ есть языкъ однихъ только лакеевъ да горничныхъ. Если же это случилось вторично въ одинъ и тотъ же день, то мадмуазель Кадрильонъ прибѣгала къ крайней мѣрѣ: дѣвочкѣ на шею надѣвалась дощечка, на которой было большими буквами начертано: «ne parlez pas russe!». И дѣти научились стыдиться не только этой дощечки, но и русскаго языка, по крайней мѣрѣ, до четырехъ часовъ дня.

Но въ четыре часа все мѣнялось. Наташа, до сихъ поръ устранившая отъ дѣтей, приобрѣтала нѣкоторыя права. Дѣти прибѣгали къ ней и начинали вести себя, какъ вели раньше «до нашествія иностранокъ». И замѣчательнѣе всего то, что и мадмуазель Кадрильонъ находила, что послѣ четырехъ часовъ это въ порядкѣ вещей. Тутъ и русскій языкъ входилъ во всѣ свои права и переставалъ быть позорнымъ. Мадмуазель Кадрильонъ должна была признавать его почтеннымъ, потому что на немъ говорила сама хозяйка. Все это какимъ-то страннымъ образомъ уживалось въ ея головѣ.

Слѣдующій годъ взялъ у дѣвочекъ еще два часа каждый день. Въ домѣ появился учитель музыки — старый пьянистъ, Шлефель, въ теченіе полустолѣтія обучавшій всю Москву, и обѣдѣншій отставной ротмистръ Малинниковъ, совмѣщавшій въ своей головѣ всѣ науки и обучавшій имъ дѣвочекъ.

Теперь онѣ приходили къ Наташѣ гораздо позже и имѣли видъ удрученный и заморенный. Напрасно Наташа писала въ Петербургъ, что для дѣвочекъ такъ много ученья — тяжело и вредно для здоровья. Андрей Михайловичъ отвѣчалъ, что все это необходимо имъ для ихъ свѣтской будущности.

И у нея оставалось каждый день не больше трехъ-четырехъ часовъ, когда она могла быть съ дѣвочками. Она возила ихъ въ церковь, иногда брала съ собою въ балетъ, а дома для нея высшимъ наслажденіемъ было обучать ихъ разнымъ балетнымъ па, единственное знаніе, за которое она могла поручиться вполне. И дѣвочки незамѣтно усваивали ея любимое искусство, и сердце ея радовалось.

Она передавала имъ свое знаніе, какъ нѣчто завѣтное, любимое и дорогое. Вѣдь до сихъ поръ въ ея жизни не было ничего, что оставило бы въ ея душѣ болѣе чистое и болѣе высокое воспоминаніе, какъ тѣ немногіе вечера, когда она, вся проникнутая своей ролью и озабоченная тѣмъ, что театръ полонъ народа, и тысячи

глазъ слѣдять за каждыиъ ея движеніемъ, жила какою-то неземною жизнью.

Когда дѣвочки настолько усвоили музыку, что могли кое-что исполнять, она попросила Шлефеля разучить съ ними свои любимыя танцы. Надя мастерски исполняла номера изъ «Сильфиды», а Таня изъ «Дѣвы Дуная».

И вотъ, въ минуты безотчетной грусти, усадить она одну изъ дѣвочекъ за клавикорды и скажетъ:

— Сыграй изъ «Сильфиды»!

Надя играетъ, а Таня вертится по залѣ, искусно выдѣлывая трудныя пируэты. Наташа слушаетъ и глядитъ, и мысли ея переносятся въ иной міръ, и въ эти часы она становится неузнаваема. Лицо ея какъ будто пріобрѣтаетъ другое выраженіе, даже черты его мѣняются, становятся менѣе опредѣленными, воздушными.

Въ эти часы она жила своею собственною жизнью, а во все остальное время она постоянно чувствовала, какъ будто кто-то принуждаетъ ее къ тому, чтобы она жила не своей жизнью.

II.

Но жизнь, тѣмъ не менѣе, уложилась въ свои рамки и тихо двигалась впередъ. Отъ времени до времени отъ Ѳеклы Григорьевны получались письма, всѣ удивительно похожія одно на другое. Въ нихъ сообщалось о безчисленныхъ кутежахъ и попойкахъ и о грѣховной жизни. И также внезапно вдругъ появлялся самъ Андрей Михайловичъ съ глубоко-покаяннымъ видомъ, проживалъ въ Москвѣ недѣли три-четыре въ качествѣ скромнаго гостя и затѣмъ, какъ бы почувствовавъ себя достаточно очистившимся и освободившимся отъ грѣховъ, уѣзжалъ и начиналъ грѣшить цуце прежняго. За это время произошли событія. Дядюшка Антонъ Макарьевичъ умеръ, и тетюшка переселилась въ деревню. Покончилъ свое пышно существованіе и петербургскій дядя Андрея Михайловича. Послѣ него осталась важная тетка, про веселый нравъ которой Наташа много слышала отъ мужа и отъ пана Шпицкаго. Она знала о существованіи Наташи и внучатъ и звала ихъ въ Петербургъ. Но Наташа боялась появиться въ свѣтской гостиной важной родственницы.

Лиза кончила школу и попробовала плясать въ кордебалетѣ. Но это показалось ей до такой степени скучнымъ, что она оставила театръ, и поселилась у Наташи. А Андрей Михайловичъ все не покидалъ мечты выдать ее замужъ за своего петербургскаго молодого человѣка и каждый разъ, когда пріѣзжалъ въ Москву, звалъ ее въ Питеръ съ Наташею.

Наташа чувствовала, что жизнь идетъ себѣ тихо и спокойно, какъ бы помимо нея и безъ ея вмѣпательства. И вдругъ новое

письмо Оеклы Григорьевны, на этотъ разъ съ совершенно новыми свѣдѣніями, страшно встревожило ее.

Она слишкомъ хорошо знала нравъ Андрея Михайловича. Конечно, она не думала о себѣ, такъ какъ не цѣнила земныхъ благъ, предпочитая имъ воображаемыя и для нея самой неясныя, являвшіяся ей въ грезахъ, но она думала о дѣвочкахъ. Что съ ними будетъ, если Андрей Михайловичъ дастъ полную волю своей новой страсти? Вѣдь онъ никогда не умѣетъ остановиться. И пойдетъ одно за другимъ—сперва деньги, потомъ деревни съ людьми!.. Что будетъ съ дѣвочками?

— Ахъ, Лиза, Лиза!—въ ужасѣ говорила она:—я не знаю, что мнѣ дѣлать!

— По-моему, тебѣ надо туда поѣхать!—отвѣтила Лиза.

— Туда? къ нему? И все это видѣть? Всю эту жизнь?

Наташа содрогнулась, а Лиза только теперь поняла, что это для нея значить.

— Но онъ при тебѣ не посмѣетъ!..—возразила она.

— Ты думаешь?

— Да, онъ тебя уважаетъ!

Наташа долго думала и наконецъ рѣшилась. Она объявила «иностранкамъ», что ѣдетъ въ Петербургъ съ дѣтьми, а слѣдовательно и съ ними. Онѣ ничего не имѣли противъ. Имъ тоже хотѣлось перемѣны. Домъ на Дмитровкѣ всѣмъ въ достаточной степени надѣлъ.

Сборы были не очень долги. Къ услугамъ уже была только что отстроенная желѣзная дорога, прежніе возки, нагруженные провизіей и перинами для спанья въ дорогѣ, отходили въ вѣчность, по крайней мѣрѣ на петербургскомъ трактѣ. Только люди Бентышъ-Полянскаго, посланные въ наказаніе въ Москву, должны были шагать пѣшкомъ.

Въ недѣлю собрались. Но прежде, чѣмъ выѣхать, Наташа послала Андрею Михайловичу извѣщеніе. Она просто сообщала, что ѣдетъ съ дѣтьми, съ гувернантками и съ Лизой. Она страшно боялась, чтобы онъ не подумалъ, что она хочетъ застать его врасплохъ или вообще слѣдить за нимъ, поймать его на его грѣхахъ.

И вотъ двинулись въ путь. Съ трепетомъ сѣлась Наташа въ вагонъ. Она раздѣляла тогдашнее общее недовѣріе къ «чугункѣ» и боялась за жизнь дѣвочекъ. И всю дорогу до Петербурга сердце ея билось тревожно.

Она не спала ночь. Наступило утро. Фрау Васмусъ проснулась раньше всѣхъ и, увидавъ вдали красныя трубы фабрикъ и высокія колокольни церквей, радостно объявила, что это Петербургъ. Она была въ восторгѣ, потому что любила этотъ наполовину нѣмецкій городъ, гдѣ она чувствовала себя почти дома, тогда какъ въ Москвѣ она была чужая и иностранка. Кромѣ того, здѣсь у нея была родня.

Проснулись и мадмуазель Кадрильонъ и миссъ Эмми, но онѣ от-

неслись равнодушно къ этому дѣсу трубъ, выходящихъ какъ бы изъ самой земли. Мадмуазель Кадрильонъ могла бы прійти въ восторгъ, если бы эти трубы окружали Парижъ или по крайней мѣрѣ ея родной Монпелье, которыхъ она много лѣтъ не видала. Что же касается миссъ Эмми, то ея сердце билось спокойно, и едва ли была такая страна на свѣтѣ, которая заставила бы его трепетать. Съ дѣтства ее возили по разнымъ угламъ европейскаго материка, въ тринадцать лѣтъ она видѣла Америку, черезъ годъ попала въ Индію. Ея родители не умѣли сидѣть на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока путешествія не истощили ихъ казну. И она смотрѣла на всѣ пункты земного шара одинаково безпристрастно, считая, что весь міръ принадлежитъ всѣмъ, что онъ всюду прекрасенъ и интересенъ.

За то дѣвочки надѣлали страшнаго шума, когда имъ сказали, что поѣздъ подъѣзжаетъ къ Петербургу. Онѣ почему-то представляли себѣ этотъ городъ чѣмъ-то необычайнымъ, полнымъ чудесъ. По всей вѣроятности, это происходило отъ того, что въ городѣ этомъ жилъ ихъ отецъ, предъ которымъ онѣ преклонялись.

Только въ томъ отдѣленіи вагона, гдѣ помѣщались слуги (ихъ было душъ восемь, во главѣ съ няней и Пашей), можно было замѣтить страшное безпокойство. Люди какъ бы чувствовали, что они изъ обѣтованной страны попадаютъ въ чуждую, гдѣ ихъ спокойствіе ничѣмъ не защищено. Они припоминали рассказы стараго камердинера о жестокой расправѣ, какая практикуется въ Петербургѣ, и спрашивали другъ друга: «А что же, мы чьи будемъ въ Питерѣ? Можетъ, на наше мѣсто поставятъ другихъ, а насъ тамъ оставятъ?»

И отвѣтомъ на это была полная неизвѣстность. Конечно, всѣ знали, что Наталья Александровна никого изъ нихъ не дастъ въ обиду. Но вѣдь бывали разные случаи. Вспоминали, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ народъ ходилъ на Маросейку и тамъ стоналъ отъ боли, а Наталья Александровна объ этомъ ничего не знала. Вспоминали также объ ужасной судьбѣ Евстрата, за котораго барыня заступилась, но это не помѣшало барину пригрозить ему солдатчиной, если онъ не пойдетъ на свою страшную должность.

И по мѣрѣ того, какъ поѣздъ приближался къ Петербургу, лица у этихъ людей становились сумрачнѣе. Только Паша не безпокоилась за себя. Ея судьба была ясна. Олимпиада Семеновна, уѣзжая въ деревню, подарила ее Натальѣ Александровнѣ, и ею только одна Наташа могла распорядиться. Наташа много разъ предлагала ей свободу, но Паша отвѣчала:

— Что мнѣ съ волей дѣлать, барыня моя? Развѣ около васъ я не на волѣ?—и отказалась.

Поѣздъ замедлилъ ходъ. Показались мостки платформы и зданіе вокзала. Толпа народа ждала пассажировъ. Вдругъ дѣти подняли радостный визгъ:

— Рара! рара!—кричали они, протягивая впередь ручки, и въ самомъ дѣлѣ изъ толпы выдѣлилась фигура, въ которой легко было разглядѣть Андрея Михайловича. Онъ видимо потолстѣлъ и лѣвой рукой опирался на толстую палку. Тутъ же вертѣлся панъ Шиницкій.

На вокзалѣ ждали ихъ кареты и люди. Панъ Шиницкій тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Наташа съ дѣвочками и Андрей Михайловичъ поѣхали впередь.

— Ну, ну,—говорилъ Андрей Михайловичъ,—посмотримъ, какъ вамъ понравится Петербургъ! Завтра же повеземъ къ бабушкѣ, она давно уже ждетъ васъ.

— А бабушка строгій?—спросила съ страннымъ акцентомъ Таня.

Андрей Михайловичъ взглянулъ на нее и разсмѣялся.

— Вотъ какъ!—весело воскликнулъ онъ:—да ты совсѣмъ у меня иностранка! Это прелестно!

— Да,—съ грустью промолвила Наташа:—Танюша совсѣмъ забыла порусски!

Таня въ самомъ дѣлѣ очень плохо справлялась съ русскимъ языкомъ. Она была еще совсѣмъ малюткой, когда «иностранки» наводнили домъ на Дмитровкѣ и, по желанію Андрея Михайловича, отгѣснили отъ нея няню и до извѣстной степени самое Наташу. И дѣвочка незамѣтно очень легко отстала отъ родного языка и говорила сперва на какой-то удивительной смѣси изъ словъ, принадлежавшихъ къ четыремъ языкамъ, и только въ послѣднее время стала ясно отдѣлять одинъ языкъ отъ другого.

Надя была въ другомъ положеніи. Когда пріѣхала мадмуазель Кадрильонъ, она была и старше и развитѣе Тани. А главное, въ ея характерѣ было много самостоятельности и упорства, тогда какъ Таня была вся уступчивость, и совсѣмъ не умѣла сопротивляться постороннему вліянію. Надя начала съ того, что всѣми силами протестовала противъ чужого ей языка. Долгое время въ нее не могли вдолбить ни одного французскаго слова, и мадмуазель Кадрильонъ съ горечью объясняла это отсутствіемъ у нея способностей. Но способности здѣсь были не причемъ. Надя—очень самолюбивая и не выносившая, когда надъ нею смѣялись или находили у нея что нибудь хуже, чѣмъ у другихъ, стоически выносила это. Она не останавливалась даже передъ тѣмъ, чтобы почти каждый день носить на груди знаменитую дощечку съ надписью: «ne parlez pas russe». Только позже, когда она нѣсколько подросла и, благодаря особеннымъ просьбамъ Наташи, которая увѣрила ее, что ея упорство очень огорчитъ отца, Надя смягчилась. И тутъ произошло нѣчто, изумившее мадмуазель Кадрильонъ. Надя вдругъ заговорила пофранцузски, да такимъ чистымъ языкомъ и такъ безошибочно, что добрая французженка, отличавшаяся набожностью, подумала, не совершилось ли тутъ чудо, и не сошелъ ли на Надю огненный языкъ!

Но дѣло было, разумѣется, проще. Надя протестовала, но бессознательно впитывала въ себя всѣ французскія знанія, которыя въ теченіе цѣлаго дня такъ щедро расточались вокругъ нея. Бывали минуты, когда ей даже трудно было удержаться, чтобы не заговорить пофранцузски, но упорство брало свое, и она удерживалась. Теперь она вдругъ заговорила, и съ тѣхъ поръ уже болѣе не упорствовала.

А между тѣмъ родной языкъ въ это время пускалъ въ ея головѣ глубокія корни и такъ хорошо укрѣпился въ ней, что никакія дальнѣйшія усилія мадмуазель Кадрильонъ, фрау Васмусъ и миссъ Эмми — не могли изгнать его изъ головы Нади.

Пока они доѣхали до Англійской набережной, дѣти въ достаточной степени успѣли показать отцу свои знанія и доказать, что пребываніе въ домѣ на Дмитровкѣ «иностранокъ» не было напрасно. Самъ онъ былъ довольно искусенъ въ языкахъ, но иногда вопросы дѣвочекъ, заданные поанглійски, ставили его втупикъ и заставляли подумать, прежде чѣмъ отвѣтить.

— А вотъ и нашъ домъ! — сказалъ Андрей Михайловичъ, указывая на красивое трехэтажное зданіе съ колоннами, выходившее прямо на Неву.

И карета остановилась у подъѣзда.

III.

Стояла поздняя весна. Окрестности Петербурга зеленѣли. Нева, которую можно было наблюдать съ балкона второго этажа, гдѣ поселились пріѣзжіе, глядѣла весело несущимися по ней большими и малыми судами. Дѣти любили съ утра забираться на балконъ и глядѣть безъ конца на рѣку.

Форменныя занятія съ «иностранками» были временно прекращены. Цѣлая недѣля была посвящена на ознакомленіе съ столицей. Между завтракомъ и обѣдомъ садились въ открытую коляску и ѣздили смотрѣть все, что было въ городѣ интереснаго. Фрау Васмусъ получила отпускъ и отправилась къ своимъ роднымъ. Поэтому нѣмецкій языкъ въ домѣ не раздавался вовсе.

Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщался Андрей Михайловичъ, послѣ непрерывной шумной жизни, вдругъ наступила тишина. Самъ Андрей Михайловичъ большую часть своего времени проводилъ наверху или въ разѣздахъ съ семействомъ. Онъ отнималъ у нихъ только часа два послѣ завтрака, которые отдавалъ своей тетушкѣ, княгинѣ Варварѣ Николаевнѣ Отсвѣтаевой. Она требовала, чтобы онъ бывалъ у нея чуть не каждый день. Она смотрѣла на это, какъ на способъ держать его въ свѣтскомъ обществѣ, то-есть на высотѣ его происхожденія и положенія, иначе, по ея мнѣнію, ея любезный пле-

мянникъ способенъ опуститься въ Богъ знаетъ какія дебри. Ей хорошо было извѣстно, какой разнообразный составъ людей наполняли его комнаты, и съ какими людьми онъ сталкивался въ другихъ мѣстахъ. Тетушка, крѣпко придерживаясь аристократическихъ тенденцій, въ то же время была слишкомъ умна, чтобы не понимать значенія неудержимой натуры. Она знала огненный нравъ Бентышъ-Полянскихъ и считала бесполезнымъ настаивать для Андрея Михайловича на добродѣтели. При томъ же онъ былъ ея непобѣдимой слабостью, и она все ему прощала.

Зная ее, и онъ ничего не скрывалъ отъ нея и, послѣ смерти дядюшки-князя, открылъ ей и свою тайну объ отношеніяхъ къ Наташѣ.

— А,—сказала тетушка,—такъ это ты былъ героемъ исторіи, надѣлавшей такъ много шума въ Москвѣ, что этотъ шумъ долетѣлъ даже сюда?

— Конечно, и эта-то исторія была причиной моей отставки!

— Я кое-что въ этомъ родѣ подозрѣвала. Ну, чтожь, твой поступокъ заключаетъ въ себѣ много молодецкаго, а кончилъ ты его хорошо! Разумѣется, слѣдовало обвиняться. Я всегда стою за женщинъ. Мнѣ нравится, что твоя Наташа, не будучи свѣтской дамой, и не лѣзетъ въ свѣтъ. Это показываетъ, что она умна.

Нечего и говорить, что старуха, узнавъ о пріѣздѣ Наташи съ дѣтьми, требовала ихъ къ себѣ, а Наташа никакъ не могла на это рѣшиться. Гостиная княгини вѣчно была полна отборнымъ свѣтскимъ обществомъ, а Наташа не могла представить себя въ этомъ положеніи.

Наконецъ, княгиня сказала Андрею Михайловичу:

— Скажи твоей Наташѣ, что ей будетъ стыдно, если я возьму да и пріѣду къ ней первая! Ну, пообщай ей, что у меня не будетъ ни души... Вотъ завтра...

Она позвонила и объявила вошедшему лакею:

— Завтра цѣлый день меня нѣтъ дома! Слышишь? Ни для кого! Только для Андрея Михайловича я дома!

Пріѣхавъ домой, Андрей Михайловичъ рѣшительно заявилъ Наташѣ:

— Ну, ужъ хочешь—не хочешь, а завтра поѣзжай къ княгинѣ! Она приказала никого не принимать цѣлый день, кромѣ насъ. Она даритъ намъ цѣлый день! Это очень много, Наташа. Да еще сказала, что если не пріѣдешь, то она тебя пристыдитъ: сама первая къ тебѣ пріѣдетъ. А этого нельзя допустить!

Надо было ѣхать, и начались сборы. Къ завтрашнему дню готовидись, какъ къ свѣтлому празднику. Андрей Михайловичъ самъ выбиралъ дѣтямъ платья, онъ замучилъ ихъ, заставляя переодѣваться изъ одного въ другое, и, наконецъ, остановился на бѣлоснѣжномъ для Нади и нѣжно-розовомъ изъ прозрачной кисеи для Тани. Наташа

должна была измѣнить своему любимому темному цвѣту и, чтобы не произвести грустнаго впечатлѣнія, надѣла высокое сиреневое платье. На другой день часовъ около двѣнадцати всѣ отправились къ княгинѣ. Она жила тутъ же на набережной въ собственномъ великолѣпномъ домѣ, почти рядомъ, тѣмъ не менѣе приличіе требовало, чтобы гости поѣхали въ каретѣ, запряженной шестеркой цугомъ, съ двумя лакеями позади.

Когда карета остановилась у подъѣзда, ее окружили нѣсколько людей въ причудливыхъ ливреяхъ. Всѣ они старались такъ или иначе услужить гостямъ и, казалось, готовы были лечь всѣ въ рядъ, чтобы служить мягкимъ ковромъ для ногъ. Передняя, широкая мраморная лѣстница, цѣлый рядъ обширнѣйшихъ комнатъ, убранныхъ поцарски, зеркала, картины, мраморъ, все это поражало своимъ блескомъ.

Въ будуарѣ, отдѣланномъ подъ голубой мраморъ, въ широкомъ креслѣ съ высокой спинкой, на маленькихъ колесахъ, сидѣла высокая полная дама съ бѣлыми волосами, съ большими голубыми улыбающимися глазами, съ лицомъ, сохранившимъ всѣ слѣды рѣдкой красоты. За креслами стояли два казачка, готовые во всякое мгновеніе, по знаку княгини, передвигать кресло, такъ какъ сама она плохо владѣла ногами. Когда они вошли, она направила на нихъ внимательный взоръ, приставивъ къ глазамъ лорнетъ.

— Ахъ, какія прелести!—воскликнула она, разглядѣвъ дѣвочекъ, и на лицѣ ея выразилось самое искреннее восхищеніе:—и какъ вамъ не грѣхъ, милая Наташа,—обратилась она просто къ Натальѣ Александровнѣ,—обладая такими художественными созданіями, такъ долго не показать ихъ мнѣ!

Она поцѣловалась съ Наташей и привлекла къ себѣ дѣвочекъ.—
Подите сюда, мои славныя! Вы будете моими любимицами! О, я обожаю все красивое! А красота—самая главная добродѣтель женщины! Не правда ли, André, ты вѣдь со мной согласенъ!?

— Ma tante, я съ вами во всемъ согласенъ.

— Ну, вы у меня сегодня цѣлый день! Ахъ, всѣ вы такія милыя, и я васъ всѣхъ съ сегодняшняго же дня люблю.

Этотъ приемъ былъ такъ простъ и такъ не походилъ на опасенія Наташи, что она сразу освоилась и начала вести себя съ княгиней просто и безъ малѣйшаго смущенія. Дѣти тотчасъ же оказались въ плѣну. Ласковость княгини, богатство обстановки, въ которой каждая вещица ихъ занимала, и, наконецъ, цѣлая гора блестящихъ и дорогихъ игрушекъ, которыми княгиня предусмотрительно запаслась со вчерашняго дня, всего этого было достаточно, чтобы завоевать ихъ. Черезъ полчаса онѣ уже бѣгали по заламъ, какъ дома.

И вотъ съ Таней случилось несчастье: она неловко зацѣпилась за легкій рѣзной столикъ и свалила дорогую вазу, стоявшую покойному князю десятки тысячъ рублей.

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Андрея Михайловича, когда изъ залы раздался звонъ черепковъ, вошелъ слуга и доложилъ, что «барышни изволили свалить севрскую вазу, и она разбилась». Андрей Михайловичъ зналъ, о какой вазѣ идетъ рѣчь, ему было извѣстно, насколько это рѣдкая вещь, и какъ ее цѣнила княгиня.

Княгиня выслушала докладъ, прервавъ разговоръ на полуфразѣ, и съ совершенно спокойнымъ лицомъ отвѣтила:

— Такъ ты убери черепки и вынеси!

И затѣмъ княгиня продолжала прерванный разговоръ.

Андрей Михайловичъ потомъ объяснилъ Наташѣ, что это была за ваза, и Наташа оцѣнила выдержку и воспитанность княгини.

Княгиня едва ли была богаче своего племянника, быть можетъ, даже уступала ему въ этомъ, но ея манера жить производила такое впечатлѣніе, будто ея богатства были несмѣтны. Въ ея огромномъ домѣ не было ни одной вещи, которая не представляла бы значительной цѣнности. Ея люди ходили въ изысканно-изящныхъ ливреяхъ и умѣли какъ-то такъ вести себя, что ихъ не было слышно, и они, наполняя домъ, не попадались постоянно на глаза; все у нея было кстати, у мѣста, ничего не дѣлалось напрасно, безцѣльно. Она и наказать была не прочь, но прибѣгала къ этому только въ томъ случаѣ, когда вина была дѣйствительная и какого нибудь дурного свойства.

Были и у нея слабости, завѣщанныя ей покойнымъ княземъ, отчасти допускаемыя, какъ дань времени, чтобы не уронить себя во мнѣніи другихъ. При жизни князя у нихъ были отдѣльные слуги по всѣмъ хозяйственнымъ частямъ. Жили они весьма дружно, но каждый считалъ долгомъ давать другому полную самостоятельность, будучи вполне увѣренъ, что не можетъ быть злоупотребленій. Князь держалъ собственно для себя шесть лакеевъ, столько же кучеровъ и фореиторовъ для ѣзды цугомъ, такъ какъ иначе онъ не умѣлъ ѣздить, двухъ главныхъ поваровъ и при нихъ пять помощниковъ, двухъ метрдотелей и съ десятокъ душъ для разныхъ услугъ, въ ихъ распоряженіи. Кромѣ того, былъ эконокъ съ помощникомъ. Имѣлась также контора, съ писцами, которые подъ начальствомъ особаго домашняго чиновника вели всю дѣловую переписку князя.

У княгини были свои повара, кучера, лакеи, а, кромѣ того, она держала дюжину горничныхъ, портнихъ, кружевницъ, прачекъ и гладильщицъ.

Когда умеръ князь, эти два хозяйства составляли одно. Княгиня не вычеркнула ни одной должности. Это было необходимо, чтобы поддержать домъ на той высотѣ, на которую поставилъ ее князь.

Получивъ въ молодости блестящее образованіе за границей, гдѣ она провела первую четверть своей жизни, княгиня нашла въ своемъ мужѣ одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени.

Онъ служилъ по дипломатической части, и это давало ему возможность постоянно вращаться въ высшемъ обществѣ той страны, въ которую посылалъ его долгъ службы. Достигнувъ высшей ступени, украсивъ свою грудь андреевской лентой, князь оставилъ службу и переѣхалъ жить въ Петербургъ, на покой. Но и на покой онъ занялъ сразу видное мѣсто, и домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ всего, что было въ высшемъ обществѣ выдающагося по уму, талантамъ и образованію. А послѣ его смерти княгиня достойно поддерживала такое значеніе своего дома.

Андрей Михайловичъ въ этотъ день долженъ былъ присутствовать на какомъ-то парадномъ обѣдѣ и уѣхать раньше. Княгиня, оставшись вдвоемъ съ Наташей, заговорила съ нею откровенно.

— Вы давно меня интересовали, Наташа, и были для меня предметомъ удивленія!—сказала она, усадивъ Наташу около себя и дружески взявъ ея руку.

— Я?—съ наивнымъ изумленіемъ спросила Наташа.

— О, да, конечно! Вѣдь я знаю всю вашу судьбу. Вы такъ много страдали, бѣдняжка, какъ рѣдко приходится страдать даже женщинѣ свѣтской. Вы не знаете, дитя мое, сколько мы переживаемъ мукъ въ тиши нашихъ будуаровъ! Я не говорю о себѣ, я была совершенно счастлива съ моимъ добрымъ княземъ, но это — большая рѣдкость. Мужчины, не обладая сильными страстями Андрея, тѣмъ не менѣе даютъ волю всѣмъ своимъ ничтожнымъ страстишкамъ такъ, какъ будто бы это были великія страсти! Разгулъ—обычай нашего времени. Мужчины считаютъ себя молодежью до шестидесяти лѣтъ и для этого красятъ усы и носятъ парики и ведутъ себя, какъ молодые люди. Увѣряю васъ, Наташа, что среди нашего общества изъ тысячи одна можетъ сказать, что мужъ остается ей вѣренъ.

— Значить, я не одна, княгиня!... — съ грустнымъ вздохомъ замѣтила Наташа.

— Нѣтъ, вы одна, потому что и Андрей тоже одинъ. Андрей странный человѣкъ. Онъ всегда поражалъ меня своей двойственностью. Рядомъ съ тонковоспитаннымъ образованнымъ человѣкомъ въ немъ сидитъ самый дикій дикарь, на-ряду съ необузданной жестокостью онъ способенъ на подвигъ великодушія, съ рыцарскими чувствами у него уживается способность къ грубому насилию... Онъ въ себѣ не воленъ. Онъ неволенъ въ каждой минутѣ своей жизни. Мгновеніе можетъ перевернуть всѣ его намѣренія. Но вы—для него всегда одна, васъ онъ всегда одинаково любилъ, по своему, конечно, какъ любятъ святого, которому молятся. Воспоминаніе о васъ, разговоръ о васъ — дѣлаетъ его чистымъ, иногда даже святымъ. Вы знаете, я этимъ иногда пользовалась. Когда я вижу, что онъ въ своихъ безумныхъ увлеченіяхъ зайдетъ слишкомъ далеко,

я заговорю о васъ, и этого довольно, чтобы онъ задумался и хоть не надолго остановился... Вотъ вы какая! значить, вы—одна! И за многое я васъ давно люблю. Въ васъ есть тонкое чутье женщины высокой организаци, чутье, замѣняющее вамъ то, что свѣтской женщиной даетъ воспитаніе... Вотъ вы, будучи женой Бентышъ-Полянскаго, могли бы требовать себѣ соотвѣтственнаго положенія въ свѣтѣ. Но вы знаете или чувствуете, что при всѣхъ обстоятельствахъ, которыми окружена ваша жизнь, ваше положеніе въ свѣтѣ было бы ложное; мало того, такое стремленіе бросило бы дурную тѣнь на образъ жизни Андрея: оно подчеркнуло бы его безумство... И вы не стремитесь.

— Я не люблю свѣтской жизни... я ея не понимаю! — сказала Наташа.

— И Богъ съ нею! Но, знаете, я все-таки думаю, что Андрей переродится и придетъ къ вамъ съ послѣдней повинной, и вы еще будете счастливы...

— Я хотѣла бы этого для дѣтей...

— А для себя неужели нѣтъ?

Наташа покраснѣла.— Да, но это невозможно!.. Ужъ слишкомъ много надо силъ, чтобы забыть все...

— О, вы найдете въ себѣ эти силы, я увѣрена въ томъ, дитя мое! Право, я просто влюбилась въ васъ, Наташа... Приѣзжайте ко мнѣ съ вашими дѣвочками какъ можно чаще. Если вы боитесь свѣтскаго общества, я просто буду гнать ихъ вонъ. Они у меня послушны... И вотъ что, дитя мое, вы хорошо сдѣлали, что приѣхали... Знаете ли вы про новую страсть Андрея?

— Да! Она и заставила меня приѣхать!..

— Это хорошо. Надо повліять на него. Онъ начинаетъ входить во вкусъ. Отъ меня онъ ничего не скрывалъ до сихъ поръ, но тутъ начинаетъ скрывать, это—плохой знакъ. Но у меня есть шпионъ, этотъ—проходимецъ Шишицкій. Вотъ онъ мнѣ и доложилъ, что наканунѣ нашъ Андрей отослалъ своимъ партнерамъ чистымъ золотомъ сто тысячъ рублей! Это деньги, дитя мое! съ этимъ нельзя шутить... Вѣдь онъ, когда въ ударѣ, денегъ не считаетъ и цѣны имъ не знаетъ. А дѣвочки ваши слишкомъ прелестны, чтобы ихъ такъ можно было грабить и сдѣлать имъ печальную будущность...

— Ахъ!—воскликнула Наташа, крѣпко пожавъ ея руку:—очень я вамъ благодарна, что вы это сказали! А я все думала: имѣю ли я право? Хорошо ли мнѣ вмѣшиваться въ его денежные дѣла? Не обидитъ ли это его?

— Не право, а обязанность, Наташа. А обидится — пусть обидится, эка важность, онъ-то васъ обижать не задумывается, прелесть моя! Мы будемъ на него дѣйствовать съ двухъ сторонъ: вы и я! Мы составляемъ заговоръ! Вотъ видите, какъ хорошо, что вы

ко мнѣ пріѣхали. А вы не хотѣли! Двѣ женщины всегда чего нибудь добьются отъ одного мужчины, не правда ли?

Наташа была довольна своимъ знакомствомъ. Но съ другой стороны, свѣдѣнія, сообщенныя петербургской тетушкой, обезпокоили ее. Она дала себѣ слово дѣйствовать рѣшительно и поспѣшно.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

И. Н. Потапенко.

ВОСПОМИНАНІЯ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА ¹⁾.

XI.

ТЪ СЕРЬЕЗНАГО и, пожалуй, даже драматическаго въ жизни всегда такой близкій и скорый переходъ къ комическому! На другой день, когда я еще спалъ, ко мнѣ вошелъ другой мой дядя (двоюродный), который тоже жилъ въ Петербургѣ, пріѣзжалъ сюда съ осени и уѣзжалъ опять къ себѣ лѣтомъ въ деревню. Онъ пріѣзжалъ сюда со всей семьей, такъ какъ старшій сынъ его былъ въ одномъ военномъ привилегированномъ учебномъ заведеніи, и ему казалось необходимымъ слѣдить за его воспитаніемъ и развитіемъ, что онъ могъ дѣлать, беря его къ себѣ въ отпускъ по праздникамъ и самъ посѣщая директора, наставниковъ и воспитателей его.

Это былъ очень добрый въ сущности человекъ, любившій и «почитать» и потолковать, съ очень скромными и маленькими порывами, безъ всякихъ какихъ бы то ни было взглядовъ и хоть сколько нибудь опредѣленныхъ стремленій и цѣлей, кромѣ стремленія помочь своему сыну сдѣлать блестящую карьеру, составить ему по возможности хорошее состояніе и чтобы уладить при этомъ все такъ, чтобы жизнь и его самого и его сына текла безъ малѣйшихъ потрясеній и волненій, такъ какъ онъ инстинктивно чувствовалъ и даже сознавалъ, что ни онъ самъ, ни сынъ его никакихъ тревоженій и сильныхъ испытаній въ жизни не вынесутъ, сейчасъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 46.

«Истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

же спасуютъ, слѣдовательно, это будутъ только напрасныя страда-
нія, ни на что не нужныя, и потому зачѣмъ же они?..

Но у него во всей обстановкѣ его квартирки, въ его безобид-
номъ курлыканьѣ, даже въ его уютномъ способѣ вечеромъ пить
чай, сидя въ тепломъ уголкѣ, поджавши ноги, въ мягкомъ хала-
тикѣ, во всей его семьѣ, устроенной и приспособленной къ жизни
также уютно и тепло, было что-то такое, что, какъ свѣтъ матовой
лампы съ темнымъ абажуромъ, невольно настраивало душу къ миру
и тихому спокойному чувству...

Эту зиму къ нему по обыкновенію опять пріѣхали изъ деревни
двѣ сестры его жены, его свояченицы, дѣвушки ужъ перерзѣлыя
почти по годамъ, некрасивыя, круглыя, полныя, по развитію совер-
шенно не причастныя никакимъ умственнымъ интересамъ и забо-
тамъ, ничѣмъ изъ этого міра не заинтересованныя, пріѣхавшія про-
сто пожить въ Петербургѣ, благо позволяютъ средства и есть не-
дорогой причаль у сестры и ея мужа; кстати надѣлать нарядовъ
и по веснѣ опять уѣхать къ себѣ въ деревню. Обѣ онѣ порядочно
играли на фортепіано, обѣ были веселыя хохотуны, болтали безъ
умолку, вспоминая общихъ знакомыхъ и родныхъ, оставшихся въ
деревнѣ.

Въ прошломъ году, пріѣхавъ въ Петербургъ, онѣ были удивлены
тѣмъ, что добрый дядя, которому рѣшительно нечего было дѣлать
цѣлые дни, уходилъ постоянно почти послѣ завтрака въ универси-
тетъ слушать лекціи. Фамиліи Костомарова, Сухомлинова, Спасо-
вича, Стасюлевича почти не сходили у него съ языка. Въ универ-
ситетѣ онъ завелъ знакомство съ студентами, его тамъ очень мно-
гіе знали, въ разговорѣ даже онъ упоминалъ ихъ, называлъ по
именамъ, а тѣхъ, у которыхъ были болѣе или менѣе громкія и хо-
ропія фамиліи, и по фамиліямъ. А фамилій тогда этихъ въ уни-
верситетѣ было много.

И это все онъ началъ еще съ прошлаго года, продолжая съ
опаской и съ осторожностью бывать и теперь, пока университета
не закрыли.

Свояченицы, какъ только пріѣхали въ прошломъ году, были
сразу охвачены желаніемъ посмотрѣть эту новинку—университетъ,
профессоровъ, студентовъ. Все это было имъ не знакомо, ново со-
вершенно; къ тому же все это было и людно въ то время. Онѣ
узнали отъ него, что въ университетѣ на лекціяхъ женщинамъ и
даже дѣвушкамъ принято бывать, что неприличнаго въ этомъ ни-
чего нѣтъ, и что онѣ бываютъ тамъ во множествѣ, и число это съ
каждымъ днемъ все болѣе и болѣе растетъ. Не помню, въ октябрѣ
или ноябрѣ, годъ тому назадъ, придя въ университетъ, я съ уди-
вленіемъ на какой-то лекціи встрѣтилъ ихъ всѣхъ трехъ, его и
этихъ двухъ его свояченицъ. Какъ до нѣкоторой степени свой уже
человѣкъ въ университетѣ, онъ добылъ имъ при помощи знакомыхъ

студентовъ отличныя мѣста, какъ разъ противъ кафедры профессора, и онѣ, эти его двѣ дамы, сидѣли съ удивленіемъ смотря прямо въ лицо въ двухъ шагахъ передъ ними говорившаго профессора. Большія, круглыя, съ крупными чертами лица, одѣтыя совсѣмъ не такъ, какъ одѣвались большинство дѣвушекъ, посѣщавшихъ тогда университетъ, напротивъ, пышно, шумно, въ кричащіе цвѣта, онѣ обращали на себя невольно общее вниманіе, какъ яркія и цвѣтныя пятна на ровномъ и спокойномъ фонѣ. Онѣ тоже увидали меня пробиравшимся ближе къ кафедрѣ, и радостно, совсѣмъ по-провинциальному раскланивались, улыбались мнѣ.

— Кто это?—шепотомъ спросилъ меня сосѣдъ.

— Однѣ мои знакомыя... изъ провинціи,—отвѣтилъ я.

Мнѣ было неловко за нихъ, но онѣ, конечно, и не подозрѣвали, напротивъ еще, можетъ быть, думали, что, благодаря своимъ платьямъ и шляпкамъ, онѣ заняли тутъ мѣста аристократовъ интеллигенціи.

Послѣ окончанія лекцій мы встрѣтились въ толпѣ поднявшихся и направлявшихся къ выходу.

— Ахъ, какъ это интересно, — говорили онѣ, — мы и не знали, что сюда можно женщинамъ. Здѣсь совсѣмъ прилично.

— А вы чего же ждали?

— Да нѣтъ, вообще... и всѣ такъ любезны, вѣжливы... предупредительны.

Дядя, въ это время оставившій ихъ со мною и болтавшій съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ студентовъ, пропалъ у насъ изъ вида въ толпѣ, и мы одни безъ него очутились въ корридорѣ. Онѣ начали просить показать имъ университетъ, заль, другія аудиторіи. Я ходилъ и показывалъ имъ, онѣ съ любопытствомъ смотрѣли. Наконецъ мы нашли дядю, и онѣ уѣхали съ нимъ.

Съ тѣхъ поръ не проходило недѣли, чтобы я не встрѣтилъ ихъ на лекціяхъ въ университетѣ раза два или три. Но сами ли онѣ поняли, что въ этакихъ костюмахъ бывать здѣсь имъ не слѣдуетъ, или просто жалѣли платьевъ, только больше ужъ не являлись такими эксцентричными для большинства публики.

Бывая у дяди, я слушалъ ихъ отзывы, разсужденія; конечно, это все были чужія, услышанныя тамъ же въ университетѣ фразы, но онѣ научились день ото дня говорить ихъ все лучше и кстати. Два, три студента ужъ раскланивались съ ними на лекціяхъ, и онѣ потомъ прохаживались, гуляли съ нимъ по корридору. Но всѣ эти увлеченія университетомъ и тѣмъ, что онѣ тамъ слышали въ его стѣнахъ, и этими разговорами со студентами, были локализованы, такъ сказать, на очень маленькомъ пространствѣ ихъ духовнаго міра, дремавшаго все тѣмъ же непробуднымъ деревенскимъ тамбовскимъ сномъ. Видно было, что это все напускное, такое же модное, какъ и каждая новинка: сегодня университетъ, завтра опера

съ модными пѣвицами, послѣзавтра знаменитая балерина въ балетѣ, въ циркѣ, удивительно и непонятно дрессированныя блохи и проч. и проч.

Пустота, нечего дѣлать, масса свободнаго времени, если не все время свободное, котораго столько, что его некуда наконецъ дѣвать, сколько ни отдѣляй его для сна и для безцѣльныхъ прогулокъ, привело сперва дядю въ университетъ, а потомъ и ихъ. Особенно это дѣлалось замѣтнымъ, понятнымъ при сравненіи ихъ съ другими дѣвушками, во множествѣ, какъ я сказала, тоже посѣщавшими университетъ. Наивны, неподготовлены совершенно онѣ были къ тому, что приходилось слушать и слушали, нѣкоторыя въ силу этой же все своей наивности и благодаря новости у нихъ этого дѣла, смотрѣли на себя, какъ на какихъ-то особенныхъ существъ, видѣли въ своемъ посѣщеніи лекцій чуть не священнодѣйствіе, подвигъ какой-то, но все же и это заблужденіе ихъ, и это увлеченіе было искренно, и онѣ, вѣрно или невѣрно, намѣчали себѣ задачи, надъ которыми задумывались, которымъ болѣе или менѣе отдавали себя. А эти—такъ, просто отъ скуки, пошлой скуки, отъ совершеннаго незнанія, куда, наконецъ, дѣвать такую бездну свободнаго времени.

Не только тогда, когда это было общимъ стремленіемъ, сразу и вдругъ какъ-то охватившимъ всѣхъ мало-мальски шевелящихся мозгами женщинъ, и при томъ стремленіемъ, встрѣченнымъ сочувствіемъ съ аплодисментами университетомъ, но и послѣ, когда началась реакція подъ впечатлѣніемъ сознательныхъ инстинктовъ, глупостей, прямо даже шутовства многихъ изъ нихъ,—я не понимала принципиальной вражды къ стремленію женщинъ добыть себѣ одинаковый, путемъ науки, кругозоръ съ мужчиной. Я всегда смотрѣла самымъ снисходительнымъ образомъ даже на это шутовство и безтактность, понимая очень хорошо, что безъ этого ни одно новое начинаніе не обходится и не можетъ обойтись, что со временемъ все это войдетъ въ свою колею и пойдетъ также и просто и легко, какъ и все, что казалось въ началѣ, съ непривычки, и не ладнымъ и страннымъ и, можетъ быть, въ началѣ и было такимъ. Но это сытое, лѣнливое, безучастное баловство святымъ и дорогимъ для меня вопросамъ и задачами было противно, и я самое большое, что могъ, постоянно, бывая у нихъ, т. е. у дяди, выражалъ иронически мое одобреніе, сдерживая себя этимъ хотя въ рамкахъ общепринятой вѣжливости.

— Вы противникъ женскаго образованія. Это стыдно вамъ,— говорили онѣ.

— Вы думаете?

— Да какъ же, вы же сами высказываете это.

Я не возражалъ—просто не стоило даже.

Теперь, войдя ко мнѣ въ комнату, мой добрый дядя, побывав-

пій прежде у Рахманинова и узнавшій все ужъ отъ него о моемъ выходѣ изъ университета, о вчерашней подпискѣ, которую выдалъ за меня Рахманиновъ, сталъ участливо (искренно, я вѣрю) урезонивать меня, говорить, что вѣдь это все еще можно поправить, что, если я пошлю контръ-заявленіе, такъ сказать, то меня, конечно, съ удовольствіемъ примутъ опять и проч., и проч.

— Нѣтъ, ужъ это кончено,—сказалъ я.

— Ничего не кончено,—не понявъ моего отвѣта, говорилъ онъ,—я тебя увѣряю, что если ты подашь прямо заявленіе, тебя сейчасъ же примутъ.

— Нѣтъ, рѣшеніе мое окончательно.

Онъ продолжалъ уговаривать, урезонивать, усовѣщевать, наговорилъ массу жалостныхъ словъ, конечно, все напрасно, и, уходя, въ надеждѣ, вѣроятно, обратить меня на путь истины, взялъ слово съ меня, что сегодня я приѣду обѣдать къ нему.

Помню, я пробродилъ прежде того, какъ онъ ушелъ, нѣсколько часовъ безъ всякой цѣли по какимъ-то улицамъ и часа въ три вдругъ очутился совершенно неожиданно для себя передъ самой его квартирой. До обѣда было еще много времени, скучать мнѣ приходилось въ обществѣ этихъ «учащихся» дѣвицъ долго, но я усталъ и какъ нибудь хотѣлось успокоить свою хандру, сорвавъ, какъ говорится, сердце, и я позвонилъ.

— Дома баринъ?

— Нѣтъ-съ.

— Кто же дома?

— Барышни однѣ.

Я даже обрадовался почти и зашелъ. Онѣ еще ничего не знали, и я увидалъ ихъ, особенно одну изъ нихъ, въ какомъ-то странномъ настроеніи, такъ что спросилъ объ этомъ.

— Такъ, домашнее это...

— Да что такое? Можно знать?

Онѣ заговорили что-то о неустойчивости положенія вообще у насъ женщинъ, еще что-то, и вдругъ одна изъ нихъ, та, которая была въ особомъ раскисломъ состояніи, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какъ вы смотрите на дѣвушекъ, посѣщающихъ университетъ, которыя обрѣзали себѣ косы?

— Находятъ, вѣроятно, что это имъ болѣе къ лицу, а, можетъ быть, и удобнѣе это.

— Какъ на нихъ смотрятъ?

— Вотъ такъ, какъ я вамъ говорю. А что?—спросилъ я, заподозрѣвъ что-то въ этомъ вопросѣ ея.

— Такъ, я васъ спросила только.

— Ничего дурного я въ этомъ не вижу и ничего хорошаго. Прическа—больше ничего.

— У меня голова болитъ,—опять начала она,—особенно когда я долго по вечерамъ читаю.

— А вы читаете по вечерамъ?

— Вы думаете—нѣтъ? Вѣдь это вы только никому не вѣрите.

— Отчего же... вѣрю... Остригитесь, если въ самомъ дѣлѣ болитъ голова,—вдругъ совершенно случайно сказалъ я, внутренно смѣясь, конечно, въ душѣ этой картинѣ: она и стриженная, безъ косы: чортъ знаетъ что и для чего!

Но какво же было мое удивленіе, когда вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ:

— А если я попрошу васъ, вы мнѣ отрѣжете косу?

— Съ удовольствіемъ, хоть сейчасъ!—все еще не довѣряя ея рѣшимости, воскликнулъ я.

— Да?.. слово даете?

И я замѣтилъ какое-то фанатическое вдругъ выраженіе у нея въ лицѣ.

— Слово...—повторилъ я.

— Ну, такъ сейчасъ,—и она пошла въ другую комнату.

За ней туда же послѣдовала и ея сестра. Минуть черезъ пять онѣ обѣ оттуда вышли. Просившая меня объ операци вошла съ полотенцемъ на плечахъ, зашпиленнымъ у шеи, и съ распушенной косой; въ рукахъ она держала ножницы.

Я взглянулъ на великолѣпную, густую, темнорусую, почти черную косу, и мнѣ стало на мгновеніе жаль ее уродовать, но когда я посмотрѣлъ ей въ лицо и увидаль невозможно глупое выраженіе его, я рѣшительно сказалъ:

— Ну, садитесь на стулъ.

Она сѣла, я взялъ ножницы, собралъ косу въ руку и началъ перерѣзывать ее—сразу никакъ нельзя было ее перерѣзать: до того она густа была. Косу я отрѣзалъ наконецъ и передалъ ей. Она взяла ее и съ тѣмъ же фанатическимъ выраженіемъ въ глазахъ посмотрѣла на нее, потомъ съ благодарностью посмотрѣла на меня и вздохнула.

— Все кончено?—проговорилъ я.

— Все,—тихо отвѣтила она мнѣ.

Потомъ она начала смотрѣть, ровно ли я подрѣзалъ волоса, оказалось, что не ровно, и я подстригъ ихъ, насколько умѣлъ, ровнѣе. Въ квартирѣ, въ передней вдругъ раздался въ это время звонокъ. Онѣ обѣ поскорѣе поспѣшили уйти, оставивъ меня одного, но забывъ захватить съ собою косу, которая лежала тутъ же, на столѣ, на листѣ газетной бумаги. Я самъ не замѣтилъ было ея сначала, но вошедшій дядя, здороваясь со мною, вдругъ увидѣлъ ее и съ удивленіемъ спросилъ меня: что это такое? Чьи это волоса?..

— Лиды,—отвѣтилъ я.

Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Она просила меня отрѣзать ихъ ей, и я отрѣзалъ, — сказалъ я.

— Это сумасшествіе! Она сумаспешная! — воскликнуть онъ. — Гдѣ она?

— Она тамъ, — отвѣтилъ я, указывая головой на дверь, въ которую она съ сестрой ушла.

Онъ кинулся туда.

Но совершившагося нельзя было ужъ вернуть, да наконецъ и что подѣлаешь съ тридцатилѣтней дѣвицей, вѣсомъ по крайней мѣрѣ пудовъ въ пять, а то и шесть.

За обѣдомъ всѣ мы сидѣли — онъ, его жена, обѣ свояченицы и я — въ какомъ-то меланхолическомъ, кислосладкомъ настроеніи. Дядя по обыкновенію въ этихъ случаяхъ высказывалъ иносказательно, заводя рѣчь издалека и совсѣмъ, повидимому, о другомъ, но по нѣкоторымъ намекамъ при этомъ можно было опытному и знакомому съ нимъ человѣку догадываться, куда онъ мѣтитъ и на что гнетъ.

— Если бы тебя просили не говорить, что мнѣ хотять сдѣлать зло, — ты бы не говорилъ? Такъ что ли оно?

— Нѣтъ, предупредилъ бы.

— Да? Это твое убѣжденіе?

— Да, я такъ бы вообще поступилъ и относительно всякаго, противъ кого злоумышляютъ.

— Такъ; ну, а если бы мнѣ захотѣли сдѣлать непріятное что, — ты бы предупредилъ?

— Это вѣдь какъ понимать — непріятное, пріятное: это понятія относительныя.

— Ну, а вотъ если бы ты зналъ, что вотъ это именно хотять мнѣ сдѣлать, и это мнѣ будетъ непріятно, — ты бы какъ поступилъ?

— Ну, ужъ тутъ я не знаю... какъ бы я поступилъ. Если это вредъ какой...

— Нѣтъ, если это для порядочной дѣвушки не вредъ.

— Да вы вѣдь про себя говорили прежде, — понимая, куда онъ гнетъ, увернулся я отъ отвѣта.

— Если эта порядочная, милая дѣвушка увлекается ложными идеями, взглядами и зная, что она дѣлаетъ этимъ непріятное близкому ей человѣку, мнѣніемъ котораго она не можетъ не дорожить...

— Ей Богу, не знаю, какъ бы я поступилъ, — сказалъ я.

Въ такихъ разговорахъ прошелъ у насъ весь вечеръ. Послѣ обѣда онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ спать, я поболталъ еще сколько-то времени съ дамами и поѣхалъ домой, удивляясь съ невольной улыбкой всей этой неожиданной и глупой, невозможно глупой исторіи.

Онѣ потомъ вышли замужъ, овдовѣли и очень хорошо повели свои дѣла.

Что это за порывъ былъ тогда у нея — такъ это и до сихъ поръ осталось для меня неизвѣстнымъ. Говорятъ, ничего не можетъ быть

заразительнѣе примѣровъ, и на женщинъ примѣры дѣйствуютъ особенно сильно...

Странное тогда вообще было время...

Возвратясь домой, я спросилъ, не было ли кого у меня, и мнѣ сказали, что у меня на столѣ въ моей комнатѣ лежитъ опять повѣстка: приходилъ полицейскій и оставилъ ее.

Это была собственно не повѣстка, а какіе-то мнѣ вопросные пункты, на которые я долженъ былъ отвѣтить: 1) что побудило меня къ выходу изъ университета? 2) выйдя изъ Петербургскаго университета, въ какой другой я намѣреваюсь перейти? и 3) есть ли у меня, т. е. у моихъ родителей, состояніе? Что это были за вопросы, отъ имени кого они дѣлались и для чего, я не зналъ тогда, и не узналъ и послѣ.

Я опять пошелъ къ дядѣ Рахманинову спросить его, посоветоваться съ нимъ, но его не было дома. Я пошелъ одинъ въ участокъ все къ тому же приставу Юдко.

— Ахъ, здравствуйте, — сказала онъ мнѣ, какъ старому ужъ знакомому, — это пустяки.

— Да для чего это нужно?

— Да вамъ-то, не все ли равно? Напишите, подпишите, и все тутъ.

Я написалъ и подписалъ.

— Вотъ что, — сказала я, — вы ужъ будьте добры, скажите мнѣ откровенно, часто вы будете тормозить этакъ меня или нѣтъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня, разсмѣялся и, подперши бока руками, а ноги широко разставивъ, и то поднимаясь на носкахъ, то опускаясь на каблукъ, при чемъ звякалъ шпорами, отвѣтилъ:

— Не скрою отъ васъ — часто.

— Такъ что лучше ужъ и не тянуть, а прямо уѣхать.

— Зачѣмъ? — удивился онъ.

— Да какъ зачѣмъ? Вѣдь это который день пойдутъ теперь тягать меня!

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!.. это такъ, пустяки. Вамъ и не нужно было совсѣмъ и являться въ участокъ. Это завтра полицейскій зашелъ бы къ вамъ утромъ, вы бы и отдали ему. Нѣтъ, вызывать будутъ рѣдко. Вотъ я не знаю только: замѣшаны вы въ чемъ нибудь, ну, тогда...

— Ни въ чемъ! — воскликнулъ я нервно.

— Ну, тогда что же. Получите вопросные пункты, отвѣтите на нихъ и — больше ничего.

— А эти вопросные пункты вы часто будете присылать?

— Пока не кончится все дѣло о безпорядкахъ. Пока не будетъ все выяснено...

Прошло еще дня два или три, зашелъ я къ одному товарищу и узналъ отъ его квартирной хозяйки, что за нимъ сегодня утромъ приходилъ полицейскій и взялъ его.

— Взялъ его такъ часовъ въ одиннадцать, батюшка, и до сихъ поръ нѣтъ,—говорила она съ участливымъ выраженіемъ лица и тотчасъ же добавила, что ужъ она хочетъ просить «правительство», чтобы ей заплатили то, что долженъ ей взятый у нея жилецъ.

Въ это самое время раздался звонокъ, и мой товарищъ явился.

— Надо уѣзжать,—сказалъ онъ.—Я представилъ третьяго дня поручительную записку на недѣлю, но сегодня вызвали, говорятъ, чтобы уѣзжалъ.

— Да и я по поручительной запискѣ живу,—сказалъ я.—Вѣдь эдакъ и меня значить сегодня вызовутъ—поѣзжай...

Но вызова у меня даже не было, тѣмъ не менѣе и этотъ и слѣдующій день я прожилъ въ волненіи и ожиданіи. Вызова, однако, такъ и не было. Но подходилъ срокъ и дядиной поручительной запискѣ. Я опять пошелъ къ Юдко узнавать, что мнѣ дѣлать.

— Сидѣть и молчать.

— Да вѣдь вы потребуете вдругъ, чтобы я въ двадцать четыре часа выѣхалъ.

— Не потребуемъ.

Такимъ образомъ я прожилъ, оттягивая на разные манеры свой выѣздъ изъ Петербурга вплоть до весны. И чего, чего только я не представлялъ: и докторскія свидѣтельства, и поручительныя записки, и карточки «важныхъ особъ». Наконецъ надо же было ѣхать, и я собрался, уложился, чтобы завтра или послѣзавтра уѣзжать.

Вечеромъ и довольно таки ужъ поздно, когда я хотѣлъ было ужъ запереть свой уложенный совѣсьмъ чемоданъ и ложиться спать, въ корридорѣ послышались чьи-то шаги, которые вслѣдъ затѣмъ и стихли у моей двери.

Я прождалъ съ минуту; никто не стучить въ дверь, очевидно, стоять и слушаетъ. Я всталъ и распахнулъ дверь.

— Кто тутъ?—громко сказалъ я, никого не видя въ темнотѣ.

— Ты одинъ? Это я,—отвѣтилъ чей-то голосъ.

Я взглянулъ и увидаль одного изъ своихъ товарищей, съ которымъ никогда не былъ особенно близокъ, но который мнѣ очень нравился своимъ веселымъ, почти ребяческимъ характеромъ. Онъ и по наружности и по годамъ былъ еще почти ребенокъ. Маленькаго роста, толстощекой, румяный, съ красными, какъ у дѣтей, губками, съ нѣжнымъ, визгливымъ голосомъ, онъ производилъ впечатлѣніе гимназиста третьяго класса, переодѣвшагося въ студенческій мундиръ. Какъ-то разъ или два онъ заходилъ ко мнѣ за лекціями, сидѣлъ, пилъ чай. Я не былъ у него ни разу. Этотъ его поздній визитъ меня нѣсколько удивилъ.

— Я къ тебѣ,—началъ онъ,—зашелъ на минутку, оставить до-завтра вотъ этотъ свертокъ. Завтра за нимъ я зайду утромъ. Мнѣ неудобно его нести съ собой. Я иду къ ***,—онъ назвалъ одного

нашего же товарища, — теперь «превосходительство», — у него будетъ много народа, неудобно.

Въ рукахъ у него былъ свертокъ величиною такъ, какъ бы два фунта чаю.

— Сдѣлай одолженіе, — скалалъ я.

— Я завтра зайду утромъ, — повторилъ онъ.

— То-то, смотри же, заходи, я завтра вечеромъ или послѣзавтра вѣдь совсѣмъ уѣзжаю отсюда.

Мы съ нимъ поболтали, погоревали, и онъ ушелъ, еще разъ повторивъ, что завтра утромъ зайдетъ.

Завтра онъ не зашелъ; мнѣ было не до него; я цѣлый день бѣдиль по дѣламъ, прощался; на другой послѣ этого день, утромъ, онъ тоже не заходилъ. Когда я сталъ собираться, чтобы ѣхать ужъ на вокзалъ Николаевской дороги, этотъ свертокъ его, лежавшій въ углу, мнѣ попался на глаза.

— Ахъ, мой другъ, Анна Максимовна, передайте, здѣсь придетъ одинъ эдакій маленькій студентъ — Яковлевъ его фамилія — свертокъ этотъ ему.

— А что въ немъ такое? — спросила она.

— Не знаю, книги, бумаги какія-то, — отвѣчалъ я, ощупывая свертокъ.

— Вы посмотрите, я такъ не возьму, — продолжала она. — Да и вы-то, какъ же вы берете, не зная что.

Я развернулъ листъ газетной бумаги, въ которой было это что-то завернуто, и оттуда посыпалась масса фотографическихъ карточекъ; Герцена, Огарева, Михайлова, и листочки прокламацій, заглавія которыхъ я и не помню ужъ теперь.

Вращаясь въ кругу студентовъ, Анна Максимовна знала и эти портреты, видѣла ихъ, знала, что обращаются между студентами во множествѣ и прокламаціи.

— Нѣтъ, этого я не возьму, — сказала она. — У меня найдутъ, мнѣ плохо будетъ: это вѣдь цѣлый складъ.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Ѣхать отыскивать Яковлева, адреса котораго я не зналъ, — времени ужъ не было, она не соглашалась ни за что брать... Я взялъ, завернулъ все опять въ бумагу и положилъ къ себѣ въ сакъ, который я предполагалъ взять съ собою въ вагонъ, а не сдавать въ багажъ.

— Скажите ему, если онъ придетъ, что мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ взять это все съ собою въ деревню. Онъ самъ виноватъ во всемъ, я предупреждалъ его, что уѣзжаю, а оставлять это некому. Пускай напишетъ, и я вышлю по почтѣ.

— Ой, напрасно, сожгите это все, — посоветовала Анна Максимовна еще разъ.

Но я сказалъ, что какое же я имѣю право такъ распорядиться

съ этими вещами, простился съ нею и уѣхалъ на вокзалъ, поспѣвая, какъ бы не опоздать.

Дѣйствительно, я тутъ чуть не опоздалъ, едва успѣлъ сдать чемоданъ и съ сакомъ вскочилъ въ вагонъ. Мѣсто я занялъ противъ двухъ какихъ-то военныхъ, имѣвшихъ при себѣ какія-то коробки, футляры и державшихъ, кромѣ того, въ рукахъ сабли въ замшевыхъ чехлахъ. Очевидно, они ѣхали куда нибудь въ отпускъ, и это ихъ парадныя или новыя вещи, которыя имъ тамъ понадобятся. Оба они были такъ лѣтъ тридцати пяти. Они то отвѣчали на вопросы вновь входившихъ пассажировъ о свободныхъ мѣстахъ, то продолжали отрывками свой разговоръ. Я былъ, разумѣется, въ статскомъ ужъ—форма тогда наша была ужъ отмѣнена—сакъ положилъ на верхъ въ сѣтку, и при себѣ имѣлъ только одинъ пледъ.

Когда всѣ усѣлись, и поѣздъ наконецъ тронулся, я невольно сдѣлался слушателемъ ихъ разговора. Они вели его вполголоса, тихо, отрывочно, но вовсе не скрывая того, о чемъ говорятъ.

— Жалко видѣть даже,—говорилъ одинъ изъ нихъ:—на видъ ему, ей-Богу, лѣтъ шестнадцать, не больше. И росту маленькаго, розовыя щеки—совсѣмъ ребенокъ.

— Ты видѣлъ?

— Да какъ же! въ ротѣ (или въ батальонѣ) у брата моей жены. Я случайно заѣхалъ къ нему и прямо налетѣлъ.

— Арестовали сейчасъ же?

— Сейчасъ же.

Сидѣвшій рядомъ со мною какой-то штатскій, очевидно, слышавшій ихъ разговоръ еще раньше и, очевидно, ужъ говорившій съ ними, вмѣшался, спросилъ, не было ли у «него» при себѣ оружія.

— Нѣтъ, кажется, нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ военныхъ.

— Это ужасно,—продолжалъ статскій.—Вчера тоже въ квартирѣ по одной со мною лѣстницѣ пятерыхъ арестовали. И вѣдь какъ глупо это. Ну, что они подѣлаютъ? На что они рассчитываютъ?

— Да это свое, ихъ, домашнее дѣло. Это пустяки; ну, шуми они тамъ, кричи, устраивай сходки,—проговорилъ военный,—я бы на мѣстѣ властей и вниманія на это никакого не обратилъ. Сказалъ бы: господа, въ стѣнахъ университета можете, что угодно, но разъ вы вынесли беспорядокъ на улицу...

Я понялъ, о чемъ они говорятъ, и смутно, по предчувствію какому-то, догадался, что этотъ «маленькій, почти ребенокъ съ розовыми щеками», въ чемъ-то попавшійся, «въ ротѣ, у брата жены», не кто либо другой, а именно онъ—Яковлевъ...

— Онъ, навѣрно онъ!—повторилъ я про себя.—Сумаспешій! Оттого онъ и не пришелъ ко мнѣ...

И вдругъ я вспомнилъ о сверткѣ его, который у меня лежитъ вотъ тутъ, надъ моей головой, въ сакѣ на верху, въ сѣткѣ...

— «Но въ чемъ онъ попался?»—подумалъ я, и тотчасъ же точно въ отвѣтъ на мою мысль, точно они услышали эту мою мысль, одинъ изъ нихъ совсѣмъ какъ будто отвѣтилъ мнѣ:

— Каторжныя работы... Возмущеніе войскъ. Полевымъ военнымъ судомъ будутъ судить. Понастоящему, конечно, разстрѣліаніе, или, такъ какъ онъ статскій, повѣшеніе, ну, а по молодости лѣтъ, снисхожденіе дадутъ—каторжныя работы, это по меньшей мѣрѣ. Да помилуйте, какъ же, дерзость какая! Явится въ казармы и тамъ начать производить бунтъ, читать солдатамъ прокламаціи!.. Карточки какихъ-то — знаете этихъ: Герцена, Огарева, Михайлова, прокламацій, листовъ этихъ пропасть при немъ нашли, цѣлый свертокъ...

Это случайное совпаденіе ихъ разговора съ зародившейся у меня въ головѣ мыслью странно вдругъ какъ-то подѣйствовало на меня. Я посмотрѣлъ на нихъ и почувствовалъ, что у меня вся кровь прилила къ головѣ, и потомъ часто-часто застучало сердце.

— Складъ цѣлый. Это не одна какая нибудь прокламація, а цѣлый складъ. Одна можетъ у каждаго попасться случайно; они ихъ нынче подбрасываютъ. А это вѣдь цѣлый складъ. Онъ, значитъ, распространеніемъ ихъ занимается, а это вѣдь опять большая разница,—говорилъ военный,—законъ у насъ вѣдь это различаетъ...

Говоря это, онъ, мнѣ показалось, какъ-то особенно все посматривалъ на меня, точно какъ будто онъ это все не для чего другого говорить, кромѣ какъ для того, чтобы я это слышалъ: знаю, дескать, что и у тебя, любезнѣйшій мой, тоже есть при себѣ такой же складъ, и спасибо за это и тебѣ не скажутъ...

— Теперь все откроется,—началъ опять статскій.—Этотъ, очевидно, однимъ изъ заправилъ у нихъ былъ, ужъ если складъ у него нашли цѣлый, какъ вы говорите.

— Пачки цѣлыя! Вотъ какія пачки. И такъ прямо подъ мышкой, въ газетной бумагѣ,—отвѣтилъ ему одинъ изъ военныхъ, который самъ все это видѣлъ.

— «Ну, да, совсѣмъ, какъ и у меня, какъ та, которую онъ у меня оставилъ. У него ихъ много было, и ему ужъ нельзя было всѣ съ собой носить»,—подумалъ я.

А статскій сталъ дальше развивать свою мысль о томъ, что теперь, какъ одного изъ вожаковъ ужъ поймали, по этому одному доберутся и до всѣхъ и всѣхъ переловятъ.

— Вѣдь главный складъ у него нашли. Откуда онъ досталъ? Если скажетъ, не онъ ихъ печаталъ, значитъ, знаетъ тѣхъ, кто ихъ печаталъ, въ связи съ ними, соучастникомъ онъ ихъ считается, пользуется ихъ довѣріемъ,—разсуждалъ онъ и вдругъ, ни съ того ни съ сего—мнѣ это тоже показалось подозрительнымъ—обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ вѣдь?

— Не знаю, — сказалъ я.

— Да нѣтъ, какъ же, помилуйте: у меня находится складъ. Спрашивается, откуда я могъ его получить?

— Да вотъ вы же, я слышалъ сейчасъ, говорили, что ихъ нынче, эти прокламаціи, подбрасываютъ...

— Да-съ, но это вѣдь единичное. Цѣлый складъ вамъ никто не подбросить, — вступился военный.

— Не знаю, — улыбаясь, сказалъ я. — Я очень плохой судья въ этихъ дѣлахъ.

— Да какимъ и судьей не надо тутъ быть, это просто по здравому смыслу выходить такъ.

Я ничего ему не отвѣтилъ.

— «Но что если этотъ Яковлевъ скажетъ при допросѣ, — ихъ, говорятъ, пытаются, — что часть этихъ всѣхъ прокламацій и карточекъ онъ мнѣ передалъ? Меня нѣтъ. Удралъ, скажутъ, съ ними, и пошлютъ въ догонку телеграмму арестовать завтра, какъ приѣду въ Москву... а то еще можетъ здѣсь на дорогѣ... на какойнибудь станціи!... Что можетъ быть глупѣе этого, — разсуждалъ я: — нисколько не сочувствую этому всему дурачеству съ бунтомъ, этому хожденію съ перочиннымъ ножомъ на медвѣдя, понятія никакого даже не имѣю о томъ, что это такое у нихъ затѣяно, что за организація, кто и кто стоитъ во главѣ у нихъ, ничего не знаю, однимъ словомъ, и — вдругъ: на-те, готовъ, попался со складами... Нѣтъ, ужъ это что-то черезчуръ глупо», — энергично и рѣшительно подумалъ я.

Влѣво отъ насъ одна скамейка была совсѣмъ пустая, напротивъ сидѣла какая-то дама и что-то разбирала въ своемъ дорожномъ мѣшкѣ.

— А я спать пойду, попробую, не засну ли, вонъ тамъ пустая скамейка есть, — сказалъ я, считая для чего-то нужнымъ сказать моему сосѣду и визави офицерамъ, точно извиняясь передъ ними.

Взялъ изъ сѣтки сакъ, пледъ и ушелъ отъ нихъ къ барынѣ.

Я рѣшилъ немедленно, сейчасъ же взять этотъ свертокъ его, выйти на платформу и выбросить его на полномъ ходу поѣзда. Ищи, разбирай тамъ, кто выбросилъ. Это единственно умный былъ выходъ, который мнѣ представлялся.

— «Но какъ пронести этотъ свертокъ? Зачѣмъ, выходя изъ вагона, даже просто вставая съ своего мѣста и проходя просто по вагону, я беру его съ собою, вынувъ нарочно изъ сака. А какъ остановятъ? Извините, скажутъ, а позвольте посмотрѣть, что это у васъ такое? Вздоръ какой! это что за глупости. Кто же это можетъ меня остановить?» — мысленно проговорилъ я, отгоняя всѣ сомнѣнія, открылъ сакъ, порылся въ немъ, осмотрѣлъ, крѣпко ли завернуть свертокъ, не посыплется ли изъ него этотъ пакетъ, какъ я понесу, поплотнѣе и покрѣпче завернулъ, заперъ опять сакъ и совершенно свободно съ избыткомъ даже, можетъ быть, развязности и небрежности вышелъ изъ вагона на площадку. Тамъ стоялъ кондукторъ.

- Далеко еще до станціи?—спросилъ я его.
 — Версть восемь.
 — А какая это будетъ?
 — Любань.

Онъ сказалъ это и шмыгнулъ въ слѣдующій вагонъ. На платформѣ я остался одинъ. Моментъ, и я буду свободенъ! Но какъ и куда бросить? На рельсы, подъ вагоны или въ сторону отъ вагоновъ, въ поле; конечно, на рельсы,—шепнулъ мнѣ какой-то голосъ:—въ сторону могутъ увидеть съ сосѣдней платформочки, замѣтить, изъ какого вагона, на какой верстѣ... Я поднялъ свертокъ надъ рельсами и тихо выпустилъ его изъ рукъ. Я видѣлъ только, какъ онъ, упавъ, подпрыгнулъ на рельсѣ...

Я вошелъ въ вагонъ и еще издали, отъ самой двери, обратилъ все свое вниманіе на офицеровъ и этого статскаго, который съ ними разговаривалъ, замѣтили ли они, что я ушелъ съ сверткомъ изъ вагона и теперь возвращаюсь безъ него. Но они сидѣли, продолжая о чемъ-то разсуждать и не обращая на мое возвращеніе ни малѣйшаго вниманія.

Я сѣлъ на свое мѣсто противъ барыни и началъ собирать въ порядокъ свои мысли, но онѣ какъ-то совсѣмъ, точно тряпки какія, развѣвались въ головѣ. На душѣ было скверно, мрачно. Что-то будетъ тамъ, когда я приѣду?

XII.

Когда я приѣхалъ въ деревню, въ первое же лѣто, какъ объявили волю, то-есть Положеніе 19-го февраля 1861 года, помню, первую переměну противъ прежняго я замѣтилъ на присутствіи въ цвѣтникѣ у насъ передъ домомъ какого-то человѣка въ розовой ситцевой рубашкѣ, который ходилъ отъ одной клумбы цвѣтовъ къ другой и мочалками, пучекъ которыхъ былъ у него заткнутъ за поясомъ, привязывалъ высокіе стебли цвѣтовъ къ воткнутымъ возлѣ нихъ палочкамъ. Я не узналъ его, и кого-то изъ стоявшихъ вокругъ меня спросилъ:

— Кто это?

— Это не нашъ, — отвѣтили мнѣ и сказали, чей это бывшій садовникъ.

Все въ домѣ и вокругъ дома, во всей усадьбѣ было рѣшительно то же самое, какъ будто и никакой переměны не произошло: тѣ же самыя постройки, тѣ же самыя окна въ нихъ (точно, въ самомъ дѣлѣ, и онѣ должны были измѣниться, до того была мысль настроена ждать увидѣть переměну), тѣ же люди жили въ этихъ постройкахъ; выводили и поили тѣхъ же лошадей, обмывали колеса и кузова у тѣхъ же самыхъ экипажей—все совсѣмъ точно также. И кланялись они, снимая шапки и улыбаясь, совсѣмъ все точно также.

— Съ прїѣдомъ! Изволили прїѣхать.

— Да, вотъ прїѣхалъ. Спасибо, Степанъ.

Нѣсколько фразъ съ этимъ, послѣ просьбы надѣть шапку, которую онъ почему-то и тоже постарому непремѣнно не хотѣлъ надѣвать, нѣсколько словъ съ Семеномъ, послѣ такой же просьбы— приказаніе надѣть шапку и т. д., и т. д., все, совершенно все такъ же и то же самое.

Но вотъ этотъ одинъ, Богъ знаетъ, для чего призванный сюда чужой, «не нашъ» садовникъ... И для чего онъ? Точно не могъ бы за него то же самое дѣлать Егоръ, Николай—мудрости тутъ нѣтъ. Вѣдь прежде дѣлали же такъ: заболѣлъ кучеръ Иванъ, на козлы сажали Ефима, запыанствовалъ или отправленъ куда на недѣлку садовникъ Ефимъ, посылали въ садъ кучера Ивана, и онъ отлично, точно такъ же и разравнивалъ грядки, окапывалъ деревья и привязывалъ къ палочкамъ цвѣты и деревца.

Это были, конечно, не экономическія вовсе соображенія о непремѣнномъ расходѣ на плату жалованья чужому челоуѣку, когда могутъ сдѣлать даромъ то же самое нисколько не хуже его свои, а напротивъ простекало изъ какого-то добраго ревниваго чувства, которое обижалось тѣмъ, что въ свой кругъ, въ кругъ этихъ своихъ: Степана, Семена, Сергѣя и проч., къ которымъ я привыкъ, которыхъ я не называлъ иначе, какъ своими (опять-таки не въ смыслѣ собственности), попалъ этотъ «чужой, не нашъ». Между своими—чужой. Я прїѣхалъ къ своимъ, и вдругъ — чужой одинъ между нами... Когда ожидаешь прїѣзда кого нибудь изъ своихъ близкихъ и дорогихъ, такъ неумѣстенъ и досаденъ даже всегда визитъ неожиданнаго гостя, который, можетъ быть, и хорошій челоуѣкъ, но теперь онъ не во время и не кстати тутъ, онъ всѣмъ чужой. Вотъ этакое или въ родѣ этакого, очень похожее на него, чувство испыталъ я, когда увидалъ первый разъ этого чужого, «не нашего» между нашими.

Эти самыя чувства и эти самыя мысли,—я имѣлъ много случаевъ спрашивать и провѣрять потомъ,—испытали, прїѣхавъ въ деревню первый разъ послѣ объявленія воли, всѣ тѣ въ деревняхъ, дома у которыхъ обращеніе съ людьми было хорошее, и взаимныя отношенія были добрыя.

Что, какія чувства испытали прїѣхавшіе первый разъ послѣ воли въ деревню тамъ, гдѣ были другія отношенія, объ этомъ я не буду говорить здѣсь: это очень сложный психозъ и тоже очень любопытный, но я не романъ пишу, а воспоминанія, и потому буду говорить только то, что я испыталъ и съ своей точки зрѣнія.

Такъ же точно, я помню, поражало и то, что, прїѣхавъ къ кому нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ, встрѣчалъ у нихъ вмѣсто знакомаго, стараго, котораго съ дѣтства еще помнилъ, повара Василя, молодого, совсѣмъ неизвѣстнаго Григорія.

— А Василій гдѣ же? живъ? (При такихъ встрѣчахъ все казалось, что тотъ и тѣ, кого не находилъ, уже умерли).

— Василій у Михаила Петровича теперь... Отошелъ.

— А этотъ «чей» же?

— Этотъ Чибасовскій, Ивана Павловича...

И, смѣшно сказать это, путаница эта выражалась и замѣчалась по видамъ и по случаямъ, казалось, такимъ, что какъ это такъ могло приходиться въ голову! А между тѣмъ замѣчалось и приходило въ голову.

Подаютъ, положимъ, у дяди Михаила Васильевича зеленыя щи и къ нимъ всегда яйца, поджаренныя со стороны разрѣза. Это мнѣ очень нравилось, и я помню еще съ дѣтства, все никакъ не могъ понять, отчего это вездѣ такъ не дѣлаютъ, а только у одного дяди Михаила Васильевича, вѣдь это же такъ вкусно!... А тутъ, если за обѣдомъ, я вижу, зеленыя щи наливаетъ хозяйка, я постарому вспоминаю о яйцахъ, поджаренныхъ со стороны разрѣза, какъ это, я помню, всегда бывало въ этомъ домѣ и это мнѣ всегда такъ нравилось, а тутъ вдругъ я вижу—вонъ въ тарелкахъ плаваютъ неразрѣзанныя на двѣ половины и поджаренныя, а цѣлыя яйца, и не крутыя, а въ мѣшечекъ сваренныя.

— Другой поваръ,—соображаю я и спрашиваю.

Оказывается, дѣйствительно другой; тотъ отошелъ и теперь живетъ у кого-то изъ сосѣдей.

Или и такъ бывало: у Семеновыхъ подавали такъ проваренный ростбифъ, какъ ни у кого, и убрать былъ кусокъ особенно какъ-то совсѣмъ. У дяди Михаила Васильевича никогда такъ ростбифъ не подавали, да и вообще его, что-то не помню, не подавали, а тутъ вдругъ ростбифъ и подавъ точно такъ же, какъ у Семеновыхъ.

— «Это Семеновскій поваръ у нихъ? Неужели?»

Спросилъ — оказывается, онъ и есть.

Повторяю, пустяки, глупые это признаки, но они невольно бросались въ глаза и наводили мысль все на то же самое; не давали забыть о перемѣнѣ, происшедшей въ деревнѣ, послѣ того, какъ я былъ въ ней постарому еще, въ послѣдній разъ.

Или такъ тоже: идешь бывало, съ Иваномъ Петровичемъ, показываетъ онъ свое хозяйство или новыя постройки, раскланиваюсь съ старыми все знакомыми его дворовыми людьми, вдругъ на встрѣчу попадается «чужой» не его, а сосѣда его Пахомова человѣкъ Дмитрій. Думаешь, что онъ присланъ за чѣмънибудь отъ Пахомова къ Ивану Петровичу; тотъ съ нимъ говоритъ, а ты вдругъ и спросишь: — А что, Дмитрій, какъ у Павла Павловича все ничего, благополучно? — Я вотъ ужъ вторую недѣлю отошелъ отъ нихъ, не могу знать-съ.

И такъ на каждомъ шагу. Хотя по Положенію и было назначено, чтобы дворовые два года жили у прежнихъ своихъ господъ,

но эти рѣдко ихъ держали, т. е. удерживали силой. Какая ужъ услуга отъ человѣка, который только и думаетъ, какъ бы ему уйти, подъ какимъ нибудь предлогомъ. Ихъ не держали, и они начали переходить отъ одного къ другому, кажется, чуть ли не съ первыхъ же дней, какъ объявили новое Положеніе. Очень многіе изъ нихъ опять переходили на старыя мѣста къ старымъ господамъ и ихъ брали опять.

— Ну, что? попробовалъ, походилъ, гдѣ лучше-то, нашель?—спрашивали такого обыкновенно господа, довольные изъ самолюбія, что ихъ заблудшія овцы — Семень, Степанъ, Ермолай — возвратились.

Они оба, т. е. обѣ стороны, это все время, пока были въ разлукѣ, дѣйствительно, а не притворно, страдали, и ихъ тянуло все время другъ къ другу, пока наконецъ не притянуло. Въ самомъ дѣлѣ, безъ шутки сказать, съ рожденія самаго сжились другъ съ другомъ, знаютъ всѣ хорошія и слабыя стороны другъ друга, всѣ привычки, всѣ вкусы, и вдругъ безъ всякой серьезной причины, потому только, что это стало можно теперь, человѣкъ все это бросилъ и ушелъ. Какъ же не радоваться, когда онъ опять является, да еще говорить при этомъ и съ такой искренностью, съ такимъ чувствомъ, что искалъ, ходилъ, и лучшаго ничего не нашель.

— Ну, такъ-то лучше,—про себя, въ наивномъ самообольщеніи соображаетъ помѣщикъ, — такъ-то лучше, походилъ, поискалъ, теперь будетъ, по крайней мѣрѣ, знать, цѣнить...

А дворовый, разъ ужъ попытавшій отходить — хотя встрѣчалъ при этомъ неудачу — онъ объясняетъ ее какой нибудь случайностью, несчастіемъ, а вовсе не своей въ томъ виною — все-таки сталъ ужъ не тотъ, и на прежнемъ мѣстѣ ему теперь не въ примѣръ труднѣе ужиться, чѣмъ даже на новомъ другомъ какомъ, не смотря на то, что онъ тутъ ужъ и съ дѣтства привыкъ, и знаетъ всѣхъ, и его всѣ знаютъ, и господскія привычки и требованія всѣ ему извѣстны.

— А Степанъ опять у васъ? — говорили въ такихъ случаяхъ.

— Опять. Пришелъ; просится.

— Это ужъ не слуга теперь. Ужъ если разъ отходилъ и потомъ опять его брать — не стоить.

И Степанъ самъ представлять, т. е. начинать съ первыхъ же дней своего поступленія представлять доказательство того.

— Степанъ, что это ты, братецъ, когда лошадей-то поишь? Ихъ ужъ часа два, какъ надо было поить тебѣ.

— А у насъ баринъ приказывалъ всегда...

— Гдѣ же у васъ?

— У Григорія Михайловича. Когда я жилъ.

И тутъ только послѣ такого вопроса Степанъ догадывался, что какую глупость сказалъ, сказавши: у насъ... Двѣ недѣли прожилъ

онъ тамъ и ужъ говорить: «у насъ». Имъ дѣйствительно вскорѣ стало вездѣ у насъ. Воля такъ заманчива, соблазнительна, они такъ долго засидѣлись на одномъ и томъ же мѣстѣ, я бы сказать, пожалуй, столько натерпѣлись, если бы это можно было сказать про всѣхъ, у кого они были крѣпостными; примѣры другихъ, которые ужъ попробовали попутешествовать, такъ заразителны, соблазнительны, что это было болѣе чѣмъ неудивительно, совсѣмъ даже естественно.

Но этого положительно тогда никто не понималъ; не только обѣ стороны, но даже и нѣкоторые и тѣ немногіе изъ стариковъ, болѣе развитые и понимающіе, которые, казалось, должны бы были это понимать и, какъ къ совершенно естественному явленію, относиться по крайней мѣрѣ снисходительно.

Этого не понимали, и это было причиной многихъ тогда огорченій и недоразумѣній.

Матеріальное положеніе помѣщиковъ въ первое, по крайней мѣрѣ, время послѣ освобожденія крестьянъ было, конечно, несравненно лучше ихъ бывшихъ крѣпостныхъ: и выкупныя, и вмѣстѣ старыя и поземельный кредитъ, я ужъ не говорю о разовыхъ платежахъ, которые тогда возлагались на разныя машины, долженствовавшія замѣнить съ избыткомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разъединить крѣпостной трудъ, о рациональности хозяйства, которое должно было давать тройной и пятерной даже доходъ противъ прежняго, и все-таки они не поддерживали этихъ своихъ старыхъ слугъ, этихъ выжатыхъ лимоновъ. Конечно, были и исключенія хорошія, добрыя исключенія: старики и вообще всѣ дворовые, принадлежавшіе помѣщику, потомъ такъ и перемерли всѣ до одного у него въ его старомъ гнѣздѣ, гдѣ они ходили за его дѣдомъ, отцомъ, за нимъ самимъ и нянчили его дѣтей; но мало ли было такихъ? Ничего жалъче участи дворовыхъ, которые собственно-то и вынесли главнѣйше на своихъ плечахъ и скулахъ весь гнетъ крѣпостнаго права, я не знаю и представить себѣ не могу.

Ну, положимъ, Иванъ скотина, пьяница, грубіянь, но вѣдь онъ ходилъ еще за дѣдомъ, служилъ еще дѣду, отцу, служилъ наконецъ мнѣ, ходилъ и служилъ моимъ дѣтямъ — какъ его выгнать, пустить на всѣ четыре стороны?

А между тѣмъ большинство такъ именно и дѣлало, пускало на всѣ четыре стороны умереть, гдѣ хочешь, вдали отъ родины, отъ своего гнѣзда, гдѣ вывелся самъ и гдѣ вывелъ столько господскихъ цыплятъ и столько послужилъ имъ...

Все это опредѣлялось, конечно, въ послѣдствіи и приняло ужъ жесткую и даже возмутительную форму, но все это можно было замѣтить ужъ и тогда въ первый ихъ годъ, въ первое же лѣто послѣ объявленія положенія.

— А мнѣ что, и съ Богомъ, — говорили тогда ужъ очень мно-

гіе, — и ни одного изъ прежнихъ я не оставлю у себя. Нѣтъ, довольно натерпѣлся я отъ нихъ!...

Точно эти новые, которые съ точно такимъ же напутствіемъ отошли отъ сосѣда и теперь поступили къ нему, будутъ служить ему, совершивъ этотъ переходъ, лучше почему-то, и онъ не будетъ терпѣть отъ нихъ лѣни, нерадѣнія и невѣжества такъ же точно, какъ терпѣлъ это все отъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Разочарованія въ этомъ родѣ смѣнялись одно другимъ и попеременно слѣдовали съ уморительной даже быстротой, вызывая иногда невольныя улыбки у своихъ сосѣдей же.

— Здравствуй, Иванъ. Гдѣ ты теперь?

— Да вотъ, сударь, у Ивана Павловича служилъ.

— А теперь?

— А теперь, нѣтъ... безъ мѣста.

— Долго у него служилъ?

Смѣется и говоритъ:

— Нѣтъ, не долго, всего три дня.

— Что-жъ такъ?

— Да ужъ больно сердчать стали, совсѣмъ въ раздраженіи. Съ утра до вечера все въ раздраженіи. Все не такъ. И то не такъ, и это не такъ. Каждый день кого нибудь смѣняютъ. Со всего округа, со всего уѣзда всѣ, кажется, ужъ у нихъ перебивали и все угодить никакъ не могутъ.

И были дѣйствительно такіе раздражительные. «Рациональное ховаяйство» не идетъ какъ слѣдуетъ, съ машинами, выписанными отъ братьевъ Утеновъ изъ Москвы, обращаться не умѣетъ никто, онѣ ломаются, починить ихъ некому, казалось бы, постарому стоило бы только хорошенько «того», какъ слѣдуетъ понашему... ахъ, нельзя этого, да еще мало того «онъ», каналья, бестія этакій, стоитъ и говоритъ: не умѣю угодить, пожалуйста расчесть. Какой ему расчесть? Онъ у меня въ триста рублей машину испортилъ, а я ему за это расчесть давай!... Ну, понятно, отсюда и раздраженіе, и говоря безпристрастно, спокойно теперь, какъ и не быть раздраженію. Въ самомъ дѣлѣ, ну, поставьте себя на ихъ мѣсто: работали, работали все такъ, вдругъ на томъ же инструментѣ — землѣ, пришлось работать иначе при помощи новыхъ какихъ-то приспособленій, а старыя отняли, къ которымъ вы привыкли и ужъ знали, какъ ихъ смазываютъ...

Положеніе дѣйствительно было утрюмое, отвратительное и способное хоть кого вывести не только изъ себя, но и довести прямо до отчаянія.

А всему было виной то канцелярское веденіе выработки новаго Положенія, которымъ велось у насъ и это живое, огромной жизненной важности дѣло, мало того, что поканцелярски, да еще съ кан-

целярской ноткой, нарушение которой оберегалось и считалось чуть не государственнымъ преступленіемъ ее нарушить.

Можно съ увѣренностью сказать, что рѣшительно никто ничего не зналъ, что будетъ и какъ будетъ вплоть до самаго объявленія воли. Обѣ стороны у насъ по крайней мѣрѣ рѣшительно ничего и приблизительно даже не знали, хотя очень многіе, имѣя сановныхъ наслѣдниковъ въ Петербургѣ въ полкахъ гвардіи, въ сенатѣ, въ департаментахъ министерствъ, и получали отъ нихъ письма, но они сами ничего не знали или просто путали, интересуясь гораздо болѣе какимъ нибудь своимъ личнымъ производствомъ чиномъ или орденомъ, чѣмъ судьбою своихъ будущихъ имѣній, которыя рано или поздно по кончинѣ ихъ отцовъ и дядей должны же были къ нимъ перейти.

Но я опять отвлекся нѣсколько отъ воспоминаній о томъ первомъ времени, которое наступило послѣ 19-го февраля 1861 года.

Вообще говоря, если обостреніе отношеній между помѣщиками гдѣ и было, то и не въ полной степени еще, а главное далеко не вездѣ. Оно началось позже, когда пришлось дѣлить землю, вводить уставныя грамоты, удерживать хорошую землю за собою, а мужикамъ стараться оставлять «низочки» да «песочки».

Это первое время было, можно сказать, пожалуй, даже радостнымъ, потому что всѣ страхи, внушенные неизвѣстностью и такъ пугавшіе въ темнотѣ невѣдѣнія, улеглись; никакихъ бунтовъ, волненій, покушеній—ничего этого нѣтъ. Всѣ первое время вздохнули свободнѣе и нѣкоторое время такъ и остались въ этомъ пріятномъ состояніи духа. Только очень немногіе, и то завѣдомо и ранѣе того мрачные и подозрительные, были желчны и раздражены. Большинство было настроено благодушно и либеральничало, конечно, противъ правительства только, какъ виновника ихъ такого продолжительнаго перепуга. За будущее боялись мало вообще: во-первыхъ, выкупныя и потомъ машины и рациональное хозяйство, которое совсѣмъ и даже вполне и съ избыткомъ замѣнитъ крѣпостной трудъ всѣхъ этихъ Карпухъ, и къ тому же никакого неповиновенія, пьянства, грубостей съ ними не будетъ...

Болѣе «образованнымъ» уже мерещилась Англія, Франція, Америка съ своими великокультурными сельскими хозяйствами, славными орудіями и машинами, съ своимъ тонкоруннымъ овцеводствомъ, съ своимъ необыкновеннымъ молочнымъ или мясистымъ рогатымъ скотомъ, съ своими свиньями, которыхъ не разберешь, что это такое: куль съ саломъ или это живое животное.

Конечно, все это будетъ у насъ, когда будутъ деньги, но деньги у насъ будутъ: во-первыхъ, «выкупныя», а потомъ поземельный кредитъ. Объ умѣншіи, о наученіи или хотя приличной подготовкѣ къ этому ко всему никто, конечно, не задумывался.

Всѣ смотрѣли впередъ съ надеждой, даже увѣренностью на ро-

зовое и счастливое будущее. Такъ, больной, принявши только что лѣкарство и чувствующій себя покойно, вдругъ съ нестерпимой жаждой ждетъ того времени, когда ему можно будетъ наконецъ встать опять на ноги и начать ходить, — такъ хороша и заманчива кажется ему эта вторая или вновь возвратившаяся къ нему жизнь.

Помѣщицья среда, деревня того времени, была именно въ такомъ настроеніи, потому что испытали именно все это — отъ страха смерти до утиханія острой боли и наступленія, казалось, полного выздоровленія въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

Оживленіе, надежды, проекты, споры безъ конца, удвоенное благодушіе выздоровѣвшаго человѣка — вотъ именно было то, что я, пріѣхавши въ деревню, засталъ. Огорченій никакихъ.

Нѣтъ, впрочемъ, огорченія, правильнѣе признаки будущихъ огорченій, но ужъ не хозяйственныхъ, а семейныхъ, такъ сказать, показывались было.

Огорченія эти пришли такъ же точно, какъ и крестьянская реформа, если еще не болѣе неожиданно и при томъ съ той стороны, откуда ихъ ждать было, повидимому, ужъ совсѣмъ невозможно — со стороны своихъ дѣтей.

Всѣ эти Петеньки, Коленьки, Сашеньки, Сонечки, отданные въ корпуса, въ гимназій, въ пансіоны и институты, еще въ концѣ и въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, въ николаевское еще время или во время, сейчасъ только что за этимъ временемъ наступившее, когда ни о какихъ идеяхъ и вообще ни о какихъ нововведеніяхъ и проектахъ не было слышно, и никто не разсуждалъ, — теперь, пріѣзжая на каникулы, привозили съ собою не только «новыя», неслыханныя почти слова въ родѣ «деспотизмъ», освобожденіе и проч., смыслъ которыхъ они, повидимому, отлично понимали, но еще и цѣлыя фразы, совсѣмъ готовыя, и цѣлыя опредѣленно совершенно сложившіяся мысли, можетъ быть, и не исполнѣ еще ими усвоенныя и истолкованныя, но смыслъ и значеніе которыхъ они, повидимому, тоже совершенно точно и вѣрно понимали.

— Что это ты говоришь? Это откуда? — удивлялась, слушая Сашеньку, Катерина Петровна или Марья Дмитріевна и смотрѣла на дочь.

Дочь вздыхала и, считая себя угнетенною деспотизмомъ, молчала.

— Откуда это? Тебя я спрашиваю?

— Ахъ, маменька! — восклицала наконецъ съ полными слезъ глазами Сашенька и убѣгала къ себѣ въ комнату.

А Катерина Петровна или Марья Дмитріевна, оставшись однѣ, съ грустью тоже вздыхали и говорили:

— Ахъ! чему ихъ учать, какъ ихъ держать нынче. И до чего это доведетъ?

— А помните, какъ насъ-то держали.

— Да, посмѣла бы такъ уйти и разревѣться. Что я ей такого сказала?

— Такое ужъ воспитаніе нынче даютъ.

— И это вы называете воспитаніемъ?

— Да что же вы съ этимъ подѣлаете?

А то и того хуже еще, и такъ бывало.

Читаетъ Катенька какую нибудь повѣсть: «Деспотъ», «Несчастливая», «Забитая» и т. д. и т. д.: тогда много было такихъ повѣстей, гдѣ выводится жестокий домашній бытъ, и дочь, не выносившая его, бѣжала изъ родительскаго дома съ молодымъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ погостить на лѣто къ мѣстному священнику, очевидно и несомнѣнно семинаристомъ съ необыкновенно возвышеннымъ и благороднымъ образомъ мыслей. Повѣсть эту Катенька читаетъ вслухъ; Катерина Петровна и Петръ Ивановичъ сидятъ тутъ же и слушаютъ.

— Дура, — объявляетъ мать, — дура была, дура и есть. Вотъ онъ какъ броситъ ее, куда она дѣнется.

— Н-да, — говоритъ и Петръ Ивановичъ и почему-то сейчасъ же вспоминаетъ, что видѣлъ сегодня на деревнѣ проѣзжаго съ поля семинариста, брата попады, который, чортъ его знаетъ, зачѣмъ онъ тутъ пріѣхалъ и болтается. Опасности отъ него, конечно, нѣтъ: Катенька не убѣжитъ съ нимъ, но что онъ тутъ дѣлаетъ?

— А бросить — будетъ самостоятельно жить, — вдругъ и совершенно неожиданно отвѣчаетъ Катенька.

— Что ты сказала?

— Будетъ самостоятельно жить.

— Какъ это такъ самостоятельно? это еще что такое?

— А очень просто: будетъ уроки давать, шить...

Родители только молча переглядываются и вздыхаютъ.

— Да что-жъ ей дѣлать? — какъ бы не понимая ихъ огорченія, спрашиваетъ Катенька. Но она понимаетъ, все понимаетъ и дѣлаетъ этотъ вопросъ съ цѣлью ихъ еще болѣе огорчить, прямо имъ на зло даже.

— Прежде всего не вѣшать каждому прохожему на шею.

— Да развѣ это прохожій? Онъ образованный человѣкъ.

— Это кто? Этотъ Эммануиловъ-то?.. Семинаристъ-то? Посмотри, вонъ у насъ тоже на деревнѣ шляется такой, попады братъ. Вотъ это какой образованный.

— Но ужъ если такъ вышло, что же ей дѣлать! — опять начинается Катенька, и въ голосѣ слышится еще больше этого тихаго и покорнаго, но тонкаго яда.

— Вернуться, сударыня, домой къ отцу съ матерью, прощенье у нихъ просить, какъ слѣдуетъ мало-мальски порядочной дѣвушкѣ — вотъ что.

— Ну, ужъ этого униженія я не понимаю.

— Къ отцу съ матерью прійти—это ты называешь униженіемъ?

— Да, наконецъ, просто самолюбіе не позволить.

— А шлаться, трепать хвостъ, уроки давать—на это самолюбія хватить?

— Она по крайней мѣрѣ никому не обязана: живетъ самостоятельнымъ трудомъ.

А то читають повѣсть, гдѣ какой-то князь (непремѣнно князь или графъ), гусарь, адъютантъ, богатый человѣкъ, влюбляется въ бѣдную дѣвушку, гувернантку, которую и дѣлаетъ «несчастною» на всю жизнь, а потомъ бросаетъ и женится на коварной, но глупой княжнѣ. Бѣдную дѣвушку, гувернантку, обманутую имъ, спасаетъ, женись на ней, нѣкто Крестовоздвиженскій, человѣкъ съ сильнымъ, энергичнымъ характеромъ, у котораго жилистыя руки, онъ выворачиваетъ, когда не въ духѣ, городскія тумбы и съѣдаетъ заразъ по три фунта ветчины (всѣ тогдашніе герои и въ томъ числѣ у Чернышевскаго Рахметовъ въ «Что дѣлать» особенно почему-то любили ветчину и ѣли ее, страхъ, сколько).

— Фу, негодяй какой, скотъ, князь,—дочитавъ до конца, со вздохомъ говоритъ Катенька.

Родители молчатъ. Катенька смотритъ на нихъ, потомъ опускаетъ молча глаза и задумывается.

— Вотъ посмотрѣла бы я, — начинаетъ Марья Дмитріевна, — сколько она проживетъ съ этимъ Рождественскимъ-то.

— Съ какимъ Рождественскимъ?—наивно, какъ будто не понимая, что мать ошиблась, говоритъ Катенька.

— А вотъ съ этимъ... Рождественскимъ, Родонежскимъ, какъ его, вотъ, что ветчину-то все жретъ.

— Съ Крестовоздвиженскимъ...

— Ну, да, какъ его тамъ, это все равно, вѣдь ты понимаешь, про кого я говорю,—раздраженно отвѣчаетъ Марья Дмитріевна.

— Вѣдь онъ же ее любитъ,—опять также наивно продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, дочь.

— То-то вотъ посмотрѣть я хотѣла бы эту его любовь.

— Точно также, какъ и всѣ,—отвѣчаетъ дочь.

— То-то вотъ: какая?

— Ахъ, и о чемъ только онѣ спорятъ!—воскликаетъ выведенный наконецъ изъ терпѣнія Иванъ Петровичъ,—вѣдь это же мысль все, повѣсть, романъ, вѣдь это онъ все изъ своей головы взять.

— Да, но только она какъ же такую все-таки чепуху несетъ,—говоритъ обиженнымъ тономъ Марья Дмитріевна.—Она же вѣдь понимаетъ это.

— Я говорю, маменька, только, что этотъ князь негодяй, а «тотъ» хорошій человѣкъ.

Иванъ Петровичъ, слушая это, вспоминаетъ, что когда и онъ

былъ въ молодости гусаромъ или уланомъ, у него тоже была подобная въ этомъ родѣ «исторія», которую потомъ какъ-то замяли, выдавъ «ее» замужъ за чьего-то письмоводителя, и дали ей приданое, а самого его, чтобы ужъ онъ опять не влѣзъ въ такую же «исторію», поскорѣ женили на Марьѣ Дмитриевнѣ,—вспоминаетъ онъ это и говоритъ:

— И очень это просто: интриганка захотѣла быть княгиней, выйти замужъ за князя, воспользовалась неопытностью молодого человѣка, а потомъ, когда все это оказалось, подыскали какого-то семинариста и выдали ее за него, дали за ней приданое. Ему все равно. Развѣ у этихъ людей есть самолюбіе? Ему денежки... Если это и было, то вотъ это какъ навѣрно было, а рассказать иначе все можно.

Марья Дмитриевна, которая знаетъ очень хорошо про подобную же исторію, бывшую съ нимъ передъ тѣмъ, какъ ему на ней жениться, и считающая почему-то «эту подлюку» бывшую свою соперницу тоже интриганкой, хотя не видѣла ея въ жизни ни разу, и она давнымъ давно ужъ и умерла,—не можетъ не согласиться съ нимъ и съ радостью встрѣчаетъ неожиданнаго союзника въ лицѣ мужа, который началъ было ужъ уставать слушать и дремать и даже одинъ разъ спросилъ: а что у насъ нынче къ ужину будетъ?

Катенька молчитъ; что же ей «послѣ этого» еще говорить? Не стоитъ... И они всѣ остаются при своемъ мнѣніи и молчатъ, пока лакей Антошка не доложитъ, что кушать готово-съ.

— Прощайте, маменька, прощайте, папенька,—вставая, говоритъ Катенька, въ знакъ выраженія своего неудовольствія отказывающаяся отъ ужина.

— Ты куда же?—удивляясь и смотря на нее, говоритъ Марья Дмитриевна.

— Я, маменька, не хочу ужинать.

— Это почему?

— Такъ.

— Дуйся, матушка, дуйся, сколько угодно, а я, какъ мать, всегда скажу правду,—съ видомъ оскорбленнаго достоинства гордо и чуть не съ ненавистью говоритъ Марья Дмитриевна: — ты, мнѣ кажется, посидѣла бы хотя за столомъ, пока отецъ будетъ ужинать.

— У меня, маменька, голова что-то болитъ,—говоритъ Катенька, но тихо, кисло и нерѣшительно, и идетъ вмѣстѣ съ ними въ столовую, гдѣ ужъ накрытъ столъ и поданъ второй обѣдъ, начиная съ супу и кончая пирожнымъ, и который называется ужиномъ.

Господи, что я насмотрѣлся тогда на этиакія сцены: гдѣ ихъ не было, и сколько ихъ было?! Изъ года въ годъ онѣ дѣлались все болѣе и болѣе общими у всѣхъ, пока не сдѣлались наконецъ сплошными вездѣ и у всѣхъ, можно сказать.

А съ маленькими дѣтьми,—съ тѣми было еще хуже. Они прино-

силы еще больше хлопотъ, огорченій. Эти, то-есть дочери, съ выходомъ замужъ за сосѣда какого нибудь, тоже помѣщика, «всю эту дурь» очень скоро изъ головы выкидывали, а черезъ два-три года отъ нея не оставалось и слѣда, даже сами подсмѣивались надъ новыми подростками Катенькой, Сашенькой. Съ мальчиками хуже было: отданные еще «въ спокойное и тихое время», то-есть до-Севастопольское, въ корпуса и гимназіи, они какимъ-то точно чудомъ вдругъ дѣлались неузнаваемыми, когда пріѣзжали теперь домой. Откуда это стали такія у нихъ мысли, взгляды?

— Кто же это у васъ тамъ въ корпусѣ проповѣдуетъ это?— спрашиваетъ Иванъ Петровичъ, слушая Костеньку.

— Нѣ-ѣтъ, то-есть... всё это говорятъ.

— Да?

— Да. Конечно... А то какъ же?

— Въ наше время взяли бы, да разложили бы, да высѣкли бы хорошенько—вотъ и было бы: «какъ же».

Костенька дѣлаетъ кислую физиономію, поднимаетъ брови и говоритъ «довольно равнодушнымъ тономъ»:

— Наказывать можно только до перваго спеціальнаго, а потомъ ужъ нельзя.

— Это кто тебѣ сказывалъ? Законы какіе, скажите, пожалуйста. Да если этакую ерунду говорить — хоть въ самомъ спеціальномъ будъ, все равно надо отодрать.

— Спеціальныхъ классовъ всего только два,—какъ бы такъ мимоходомъ поправляетъ Костенька.

— И офицеромъ отодрать можно. Вотъ у насъ генераль Клементьевъ отодралъ же сына, а онъ ужъ прапорщикомъ былъ. И отлично.

Костенька, хотя и привыкъ къ болѣе деликатному обращенію съ нимъ отца, но, видя его раздраженіе какъ-то особенно, такъ, какъ онъ никогда его такимъ не видывалъ, смолкаетъ въ виду того, что «а кто его знаетъ, вдругъ, возьметъ, да и тоже выпоретъ...».

Во всякомъ случаѣ такіе и подобные имъ разговоры, конечно, ни въ какомъ разѣ не могли способствовать установленію и скрѣпленію добрыхъ отношеній дѣтей къ родителямъ. Напротивъ, они только еще больше раздували тлѣющій въ нихъ внутренній огонь разлада.

Но это съ маленькими сыновьями. Съ взрослыми, которые оканчивали уже курсъ гимназій или были уже въ университетѣ или были офицерами и доучивались еще въ разныхъ военныхъ академіяхъ, съ которыми нельзя уже было такъ говорить, и тамъ, что они про свое время ни рассказывай, сѣчь себя не дадутъ,—ладить и даже держаться хотя мало-мальски порядочныхъ отношеній было еще не въ примѣръ труднѣе.

— Такъ это противно. Это все остатки рабства еще,—говорить

Володенька съ своей сестрой,—идешь, и человекъ безъ шапки передъ тобой.

Иванъ Петровичъ все это слушаетъ. Смѣшно ему это и глупо кажется.

— Что жь тутъ противнаго?—спрашиваетъ онъ, вслушиваясь въ разговоръ.

— Что, папенька?

— Что Сенька безъ шапки стоитъ.

— Гм... Это, папенька, у кого какой взглядъ на это.

— То-то: какой! У тебя какой же?

— Мнѣ это, папенька, не скрою этого отъ васъ,—противно.

— Пожалуйста, и не скрывай.

— Вѣдь я только про себя лично говорю. Это мое убѣжденіе. У каждого могутъ быть свои убѣжденія.

— У каждого свои! Это вотъ и видно. Видимъ, къ чему ведутъ эти убѣжденія-то!

— Папенька, я могу замолчать, если это вамъ не нравится. Я вижу, вы раздражаетесь.

— Не можетъ и не раздражать. Развѣ это можетъ нравиться! Народъ развязали; онъ и такъ ужь еле-еле, а тутъ еще такіе разговоры — вѣдь это масло въ огонь.

— Я, папенька, могу замолчать. Я вамъ уже сказалъ, да къ тому же и никого здѣсь нѣтъ, кажется, изъ постороннихъ,—оглядываясь говорить Володенька.

— А ты знаешь, что тамъ не подслушиваютъ,—говоритъ Иванъ Петровичъ, указывая на запертую дверь въ пустой кабинетъ, но потомъ, что-то тоже сообразивъ,—ахъ, дескать, что тутъ говорить!—махнулъ рукой и крихтя, какъ бы отъ трудовъ и отъ старости, встаетъ и уходитъ.

Братъ вздыхаетъ и говоритъ сестрѣ, какъ бы съ чувствомъ:

— А какъ тяжело имъ расставаться съ этими со всѣми привычками крѣпостнаго права.

— Да, когда бы только Господь вынесъ отсюда!—говоритъ сестра.

Но и эти бы еще ничего, туда-сюда. Иванъ Петровичъ помнить свои собственныя пререканія, бывшія у него когда-то съ своимъ отцемъ, когда онъ вышелъ только что въ офицеры, и отецъ настаивалъ, чтобы онъ поступилъ въ пѣхоту, а онъ хотѣлъ въ кавалерію, но тогда это были споры или пререканія все-таки, такъ сказать, на одной почвѣ, и они понимали другъ друга, а эти Богъ знаетъ что, точно изъ другого міра. И откуда это они набрались этого? Вчера, напримѣръ, вдругъ говорить:

— Скоро объявятъ теперь новый судъ, и всѣхъ будутъ судить равно и одинаково, на одной доскѣ: и дворянина и Фильку.

— Хорошъ будетъ судъ, воображаю,—говоритъ Иванъ Петровичъ на это.

— Папенька, да вѣдь это иначе и не можетъ быть у свободныхъ и равноправныхъ гражданъ. Филиппъ...

— Кто это, Филька-то Филиппъ? Можетъ, еще его будутъ Филиппомъ Ивановичемъ величать?

— Да вѣдь передъ судомъ всѣ равны.

— Ну, ужъ это спасибо за такой судъ.

— Что дѣлать!—съ притворнымъ лицомъ говоритъ Володенька.

— Хорошъ судъ, нечего сказать!—продолжаетъ Иванъ Петровичъ и чувствуетъ, что вѣдь Володенька, пожалуй, правду говорить, что это такъ и будетъ. И все теперь «послѣ этого», т. е. 19-го февраля, возможно.

— Ну, ужъ это ты судись въ этакое судѣ.

— Да какъ же, папенька, если васъ привлекутъ къ отвѣтственности?...

— Не пойду и очень просто. Брошу все лучше, а не пойду.

— Да если судъ вызоветъ?

— Не пойду.

— Этого нельзя. Если судъ призываетъ, и не являются, онъ дѣлаетъ постановленіе о приводѣ.

— Т. е. это какъ же? Силой?

— Да.

— Хорошъ судъ! Я не хочу судиться, хочу мирно у себя сидѣть, а меня насильно потянуть.

— Да это въ томъ случаѣ, если на васъ кто подастъ въ судъ жалобу, и вы не явитесь.

— Филька подастъ жалобу, и если я не пойду, меня потянуть силой?!

Сынъ опять молчитъ и улыбается, дѣлая притворное лицо.

— Филька подастъ жалобу,—повторяетъ свой вопросъ Иванъ Петровичъ—и, если я не пойду, меня потянуть силой?

— Потянуть,—съ безнадежнымъ выраженіемъ лица и поднимая плечи, говоритъ сынъ.

Но и этого еще мало.

— Да какъ же, папенька, вы будете потомъ въ земствѣ-то сидѣть вмѣстѣ съ мужикомъ? Вѣдь проекты земскихъ положеній ужъ вырабатываются.

— Это ты ужъ тамъ съ ними сяди, засѣдай, сколько хочешь. А, можетъ, и тутъ тоже силой потянуть.

— Нѣтъ, тутъ не потянуть, но если не будете бывать, интересы ваши могутъ отъ этого пострадать.

— Интересы!—съ улыбкой, усмѣхаясь говоритъ Иванъ Петровичъ,—интересы! нѣтъ, ужъ, снявши голову, какъ говорятъ, объ интересахъ нечего ужъ говорить. Нѣтъ, этимъ интересамъ теперь ужъ никто не повѣритъ! Нѣтъ, довольно ужъ...

Хуже оно было.

Иванъ Петровичъ ужь усталъ, надоѣло ему «все это» до того, что хотъ сбѣжать—рѣшилъ онъ оставить себѣ только одну Сосновку, а Покровское, Алексѣевку и проч. все передать сыну. Онъ ужь окончилъ курсъ, служить теперъ и прїѣзжаетъ въ деревню: все только критикуетъ, да ходитъ и улыбается или проповѣдуетъ вотъ такія вещи. И рѣшилъ онъ сдѣлать это и сдѣлать съ затаеннымъ злымъ чувствомъ.

— Ну, да, пускай кончаютъ сами.

И когда Паша или Коленька согласился, принявъ согласно волѣ пашеньки на себя эту обузу, Иванъ Петровичъ сперва впалъ въ сладко раскислое состояніе и все со слезами на глазахъ говорилъ:

— Ну, ты теперъ самъ... Самъ, какъ знаешь. Теперъ ты на ногахъ и какъ знаешь — самъ. Дай Богъ, помогай тебѣ Богъ... А я ужь чтѣ. Мнѣ три аршина земли нужно — только.

Но когда послѣ этого Коленька началъ самъ хозяйничать и заводить въ Покровскомъ и другихъ отданныхъ въ его владѣніе имѣнійхъ свои, новые порядки, Иванъ Петровичъ съ злымъ ужь чувствомъ интересовался всякими слухами, всякимъ извѣстіемъ, приходившимъ какими бы то ни было путями къ нему въ Алексѣевку, гдѣ онъ самъ жилъ.

— И приказали они каретный сарай ломать, сносить хотять,— докладывалъ ему возвратившійся оттуда посланный.

— Куда же это онъ его сносить?

— Хотять, гдѣ вотъ курятная изба стояла, на это мѣсто.

— Хорошее мѣсто, нечего сказать.

— Въ конюшнѣ окна прорубили больше, говорятъ—свѣтлѣй, чтобы было.

— Господи! Люди нарочно маленькія окна дѣлаютъ, чтобы зимой теплѣе было, а лѣтомъ, чтобы отъ мухъ темнѣе, а они (всегда «они» и въ смыслѣ собирательномъ, т. е. сынъ и его новые совѣтчики) наоборотъ, не такъ, какъ люди, а навыворотъ все. Ну, и еще что?

— Прудъ въ саду новый копаютъ; будутъ потомъ два моста черезъ него строить: одинъ — противъ этого мѣста, гдѣ панелевая дорожка идетъ, другой — противъ липовой дорожки.

— Господи!...

— Флигель большой тоже передѣлываютъ: будутъ мезонинъ надъ нимъ строить, а флигель на немъ будетъ.

— Это что такое еще?

— На конторѣ вывѣску повѣсили: «Вотчинская контора».

— Не знаютъ тамъ вѣрно!

Наконецъ Иванъ Петровичъ не вытерпливаетъ и ѣдетъ самъ посмотрѣть.

Еще подъѣзжая только и видя всѣ эти нововведенія и реформы, Иванъ Петровичъ ужь раздраженъ. Но онъ прикидывается, желая «выдержать характеръ», усталымъ и удрученнымъ старикомъ:

— Ну, вот и я... Приѣхалъ провѣдать тебя,—говорить онъ, дѣлуясь съ встрѣтившимъ его на крыльцѣ сыномъ.

— Благодарю, папенька.

— Ну, что ты, какъ тутъ?

Идутъ въ домъ. Въ домѣ повѣшены на окнахъ и на дверяхъ драпри.

— Это что жъ такое? Боже, ты мой!—удивляется на нихъ старикъ,— а пыль на нихъ насыдетъ если?

— Тогда обметутъ, папенька.

Отецъ подходитъ къ окну, что открыто въ садъ, и видитъ, что тамъ все изрыто, что-то копаютъ. Онъ отлично знаетъ, что это копаютъ прудъ, знаетъ даже, что, какъ выкопаютъ, будутъ строить на немъ мосты, и знаетъ даже, гдѣ именно, въ какихъ мѣстахъ, но притворствуется, что ничего не знаетъ, не понимаетъ и спрашиваетъ:

— Что это такое?

— А это, папенька, прудъ копаютъ. Это мѣсто я хочу оживить.

И потомъ для поливки сада.

— Да вѣдь для поливки сада есть прудъ.

— Далеко тотъ... Но и вообще такъ... Вода оживляетъ видъ.

— Да какъ же тогда ты на ту сторону-то его проведешь?

— А тутъ два мостика будутъ.

— Гм... черезъ прудъ-то?

— Да, папенька. Одинъ въ китайскомъ стилѣ, а другой изъ бревенныхъ бревнышекъ, знаете, въ кожѣ, бѣленькій. Это очень мило.

— Гм...

Потомъ идутъ на конюшню. Онъ удивляется на окна, удивляется на каретный сарай, который перенесли на новое мѣсто, удивляется на выѣску, что на конторѣ, удивляется всему и, наконецъ, насытившись, такъ сказать, наслажденіемъ раздраженія, на другой день уѣзжаетъ «къ старухѣ», то-есть къ Марьѣ Дмитриевнѣ.

— Маменьку поцѣлуйте,—проводая его, говоритъ сынъ.

— Ты седьмое іюля-то не забудь, рожденіе матери,—ужь изъ тарантаса кричитъ ему отецъ и уѣзжаетъ.

Зачѣмъ онъ приѣзжалъ? Зачѣмъ онъ раздражается, для чего это ему нужно?

Но вотъ Коленька начинаетъ—доходятъ до него и эти слухи—штрафовать мужиковъ, начинаетъ круто съ ними поступать и день ото дня все круче и круче начинаетъ, словомъ, эти «завиральныя идеи» забывать и входить во вкусъ. Старика это радуетъ, конечно. Онъ видитъ въ этомъ оправданіе себя.

— А что, не говорилъ я тебѣ?

— Но вѣдь это же, Богъ знаетъ, что за народъ!—воскликаетъ сынъ.

— А я тебѣ что говорилъ?

— Всякое терпѣніе лопнетъ.

— Погоди, не то еще заговоришь.

Сынъ все еще не сознается. На словахъ ему еще совѣстно, неловко какъ-то признаться въ этомъ, но на дѣлѣ онъ ужъ давно оставилъ всѣ «завиральныя идеи» и лущить, лущить мужиковъ, на сколько только можно. Война въ полномъ разгарѣ. Курица перепла между—штрафъ, поросенокъ забѣжалъ—штрафъ, мальчишки яблоки покрали—штрафъ. А затѣмъ начались пожары...

Но и это обращеніе наше на путь истины рѣдко кому и въ послѣдствіи даже удавалось увидеть своими глазами. Въ большинствѣ случаевъ все это кончалось очень печально: нововведенія и реформа самая, расчетъ на успѣхъ «раціональнаго хозяйства», на тонкорунное овцеводство, на машины, кончались очень плохо: Покровское и проч. продавались съ аукціона, и онъ же, Иванъ Петровичъ, долженъ былъ давать Коленкѣ пріютъ у себя въ Сосновкѣ, а Коленка на него же претендовалъ, рассказывалъ, что отецъ вызвалъ его изъ Петербурга, давъ поправлять неисправимо разстроенное имѣніе свое, и такимъ образомъ испортилъ всю его карьеру, которую онъ такъ блистательно началъ, будучи двадцати трехъ лѣтъ ужъ камеръ-юнкеромъ и въ чинѣ какого-то совѣтника.

Такимъ образомъ мало-по-малу въ началѣ и все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ годомъ образовывались двѣ пустоты, двѣ пропасти во взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ и къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, увлеченнымъ общимъ потокомъ «обновленныхъ» идей и совершенно оторвавшимся и отъ прошлаго, и отъ живой жизни вообще, которую теперь совершенно не понимали оба поколѣнія—и отцы, и дѣти.

Изъ такого небывалаго еще у насъ со времени Петра разлада не могло выйти ничего хорошаго, и ничего и не вышло.

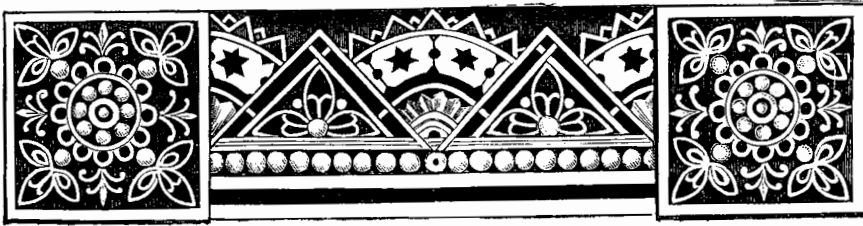
Я вернулся въ деревню какъ разъ во время начала реальнаго, такъ сказать, обостренія этихъ всѣхъ отношеній.

Меня вначалѣ поразили, разумѣется, чисто внѣшнія стороны проявленія новаго времени. Я всматривался въ нихъ, вдумывался и могъ невольно проникать въ самую суть, въ корень, въ призму этихъ смѣшныхъ, жалкихъ, уродливыхъ внѣшнихъ проявленій, и я понималъ съ каждымъ днемъ все больше и лучше, что старое сошло невозвратно со сцены, но что и замѣнить его новыми плодами этого стараго будетъ тоже не находка.

Рабовладѣніе, какъ и всякій произволъ, тѣмъ и ужасно было, что, деморализуя населеніе, находившееся подъ произволомъ, еще болѣе деморализировало и тѣхъ, кто распоряжался имъ по этому своему произволу, дѣлая ихъ и воспитанныхъ еще ими дѣтей совершенно неспособными ни на что.

Законъ, наблюдаемый во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, переживавшихъ подобныя стадіи своего развитія, буква въ букву повторился и у насъ.

Сергій Терпигоревъ (Атава).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ¹⁾.

Х.

ПЧЕЛА.

1.

ТО БЫЛЪ высокій, коренастый мужикъ. На его плоскомъ лицѣ сильно выдавались скулы; небольшой мясистый носъ придавалъ лицу добродушное выраженіе. Сѣрые глаза, глубоко запавшіе въ орбиты, глядѣли серьезно. Толстыя красныя губы свидѣтельствовали о здоровьи. Рыжіе волосы были острижены въ скобку; такого же цвѣта борода—густая, но не длинная. Вся фигура—тяжелая, мускулистая. Походка неуклюжая. Голосъ низкій, рѣчь плавная.

Таковъ былъ Ермолай, котораго въ шутку звали медвѣдемъ. Ермолай не обижался на это, а говорилъ съ улыбкой:

— Пуцай медвѣдъ. Мишка не волкъ. Волкъ подлый звѣрь, а медвѣдъ правильный. Онъ на тебя идетъ прямо.

Ермолай жилъ работникомъ у дяди, къ которому я пріѣхалъ отдохнуть послѣ гимназическихъ экзаменовъ. Я былъ совсѣмъ «зеленый юноша», знавшій жизнь еще только «по умнымъ книжкамъ».

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., январь, стр. 86.

Я засталъ дядю за вечернимъ чаемъ.

— А, ученый классикъ! Милости просимъ, очень радъ. Поправляйся на подножномъ корму... отъ своего латинскаго истязанія.

Онъ представилъ меня гостю, сосѣду-помѣщику, жившему постоянно въ городѣ, и прибавилъ:

— Чортъ знаетъ, зачѣмъ ихъ учать этой древней премудрости, когда наша любезная родина нуждается въ людяхъ реального знанія, а не въ ученыхъ поклонникахъ Виргилія. Премудрость изучаютъ, а ржи отъ пшеницы отличить не умѣютъ... чепуха!

Онъ махнулъ рукой и обратился ко мнѣ:

— Хорошо тебя везъ Ермолай?

— Хорошо.

— Давно живетъ у васъ Ермолай?—спросилъ гость.

— Второй годъ,—а что?

— Славный мужикъ.

— Развѣ вы его знаете?

— Знаю. Онъ жилъ въ городѣ у кузнеца.

— Правда, жилъ.

— Я никому, кромѣ Ермолая, не позволялъ ковать моего «Арапчика». Того и гляди, испортятъ. Ермолай мужикъ добросовѣстный, къ чужому добру относится, какъ къ своему. Это нынче рѣдкость.

— Какъ и всегда,—промолвилъ дядя.—Впрочемъ, вы правы: Ермолай очень честный. Я имъ доволенъ. Работникъ онъ рѣдкій. Знаетъ прекрасно кузнечное дѣло, и вообще по деревенскому хозяйству опытный. Я ему безъ всякой его просьбы прибавилъ пятнадцать рублей. Это для него деньги.

— Конечно. Но вы поступили только благоразумно,—сказалъ гость.—Ермолая всякій охотно возьметъ и дастъ больше противъ другихъ работниковъ. Что нынче за народъ сталъ! Эта воля всѣхъ испортила.

— Положимъ,—возразилъ дядя,—и мы не безъ грѣха.

— Мы?

— Разумѣется. Мы привыкли къ бесплатному труду и желаемъ...

Они заспорили. Мнѣ очень хотѣлось послушать ихъ разговоръ, но отъ усталости у меня слипались глаза, и я ушелъ въ мезонинъ, гдѣ была для меня приготовлена комната. Я какъ легъ, такъ сейчасъ же и уснулъ.

II.

На другой день я всталъ очень рано.

Дяди ужъ не было дома. Онъ уѣхалъ въ поле. Выйдя на дворъ, я засталъ Ермолая за починкой тарантаса...

— Хорошо ли почивали на новосельи?—спросилъ Ермолай, поклонившись и снова принимаясь за работу.

— Отлично спать. Я думалъ, что всталъ раньше всѣхъ, а дяди уже и нѣтъ,—сказалъ я, присаживаясь на бревно вблизи Ермолая.

— Ихъ мудрено застать,—произнесъ онъ, доставая клещами гвоздь изъ обода:—чуть солнышко выглянуло, они и встали. Выкушали молока, на бѣговья дрожки, либо верхомъ и—въ поле, въ лѣсъ, по дѣламъ куда.

— Такъ рано?

— А вы какъ думали? Деревня—не городъ, барчукъ. Тамъ обѣдаютъ, а мы спать укладываемся. Иначе нельзя, всѣ дѣла опустишь. А дѣловъ мало ли. Дяденька вашъ хозяинъ, не какъ прочіе иные: въ деревню для поправки приѣзжаютъ, либо показать только хотятъ, что они тоже въ порядкѣ все знаютъ... Миколай Александрычъ хозяйство ведутъ, какъ слѣдуетъ, ихъ не учи, а только слушай, да исполняй. Такъ оно и нужно,—одобрительно заключилъ Ермолай свои разсужденія.

— А ты не работаешь въ полѣ?

— Мало приходится, хоша бываетъ. Потому я за старшаго у дяденьки, и распорядиться надо, когда имъ недосужно, да всего и не углядѣть, а что если показать, такъ ужъ я все,—въ первую голову. На мнѣ, барчукъ, дѣловъ лежитъ не мало. И въ полѣ, и въ лѣсу, и здѣсь около дома не оберешься. Вотъ экипажъ, значить, чинить—мое дѣло, насчетъ ковки и по саду. Дяденька вашъ аккуратный хозяинъ, не тратитъ лишней копейки, зря не набираетъ народу. Какъ есть все въ обрѣзъ. Такъ оно и хорошо, въ порядкѣ,—опять одобрительно закончилъ Ермолай.

— Но это тяжело для рабочихъ, для тебя,—сказалъ я.

— Тяжело.

Ермолай стукнулъ изъ всей силы молоткомъ по изогнутому желѣзному ободу и промолвилъ:

— Какая же работа, барчукъ, легка бываетъ? Сигарки курить да сѣмечки грызть—на что легче, да только много ли добра наживешь отъ такой работы? Чать, и вапа работа не изъ легкихъ, даромъ не дается, поди, ученье: вона вы какой... лядащій. Денегъ даромъ никто не дастъ, а за деньги и работу спросить. Не преждее нонѣ время. Бывало на одной должности сколько народу... Дворня, что твое войско. Поль-дѣла, коли была возможность. А теперь не то: за все уплати. Съ такой-то дворней и хозяйство порѣшить недолго.

— Вѣдь дядя получаетъ доходовъ не мало?

— Мы эфтого точно не знаемъ. Извѣстно, есть доходы. А почему? Потому что все въ аккуратъ, безъ лишняго, да сами всюду. А то какіе бы доходы? У Носонова куда усадьба-то больше, чѣмъ у Миколая Александрыча... а гдѣ доходы? Въ долгу весь. Зато широко живетъ, да съ супругой по столицамъ и заграницамъ разъѣзжаетъ... Нѣшто такъ можно хозяйство вести? Слыхали, барчукъ: копейка рупъ бережетъ? Старики такъ говорили, и вѣрно ихъ слово.

— Все-таки вѣдь мужику тяжело живется,—сказаль я, припоминая только что прочитанную статью въ журналѣ.—И ты работаешь и дядя... А между тѣмъ какая разница.

Ермолай засмѣялся и даже на минуту оставилъ работу.

— Ахъ, барчукъ, барчукъ... И скажете тоже,—промолвилъ онъ, снова принимаясь налаживать колесо.

Меня задѣло такое отношеніе, и я съ жаромъ произнесъ:

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного, Ермолай, и мнѣ удивительно, какъ ты этого не понимаешь. Вѣдь я же правду сказаль?

— Да какъ же возможно ровнять, барчукъ? Мои достатки и вашого дяденьки... У нихъ вона сколько земли, и они, стало быть, хозяинъ, а я у нихъ работникъ. Нешто одно положеніе?

— Вотъ это и несправедливо. Почему такъ все?

— Оно извѣстно, и мнѣ бы не мѣшало земли столько... Не отказался бы. Да гдѣ взять? Дяденька, надо такъ полагать, не подарить, и отъ добра не откажется. Ну, и долженъ я быть у нихъ въ работникахъ.

— И ты этимъ не тяготишься?

— Что же... Работы, конечно, не мало, да гдѣ ее меньше? а жить у Миколая Александрыча можно: харчи хорошіе, плата по совѣсти. Я и не просилъ, сами набавили. Людей вашъ дяденька понимаетъ и отличаетъ, надо говорить правду. Спрашиваетъ, это точно, и потачки не даетъ, а не обижаетъ и въ случаѣ бѣды какой завсегда выручить. Ты хорошъ—и онъ къ тебѣ хорошъ. Ну, а коли ты лѣнтяй, да баламутъ, такъ не взыщи... Эхъ, барчукъ, всякіе господа бываютъ, да и нашъ братъ—тоже: не хвали другого. Иной плачется, а отъ чего все? Человѣкъ негодящійся: онъ ни на работу, онъ ни на что... ненадежный, одно слово. Вы вотъ молвили: зачѣмъ у меня не столько земли, какъ у вашого дяденьки. Извѣстно, всякому охота богатѣемъ стать. Да коли нѣтъ, такъ нечего на чужое и зариться, да свое опущать. А ужъ если ты нанялся къ примѣру—такъ и отвѣчай за себя, не отлынивай отъ дѣла. Что свое, что чужое—одно, разъ ты нанялся. Я такъ примѣчалъ, барчукъ: кто къ чужому не радѣетъ, тотъ и къ своему не прилежить.

— Но ты не можешь, Ермолай, не согласиться съ тѣмъ, что въ деревнѣ большая бѣдность,—сказаль я съ апломбомъ.

— Это вы, барчукъ, правильно сказали. Бѣдноты не мало.

— Вотъ видишь. Значить, не легко живется мужику.

— Гдѣ легко. Земли не жирно у всѣхъ, да у другого и земля-то плохо родить. Былъ я знакомъ съ однимъ колонистомъ: нѣмецъ, стало, Ѳедоръ Карловичъ звать его. Обсказываль онъ про свои колоніи,—зависть взяла. И съ чего это нѣмцамъ эстолько земли задарма отдали... Дивное дѣло... Али такой уговоръ съ ихнимъ царемъ былъ. Не знаете вы, барчукъ?

— Ихъ нарочно призвали, чтобы они русскихъ учили сельскому хозяйству.

— Вотъ оно что. И нѣмецъ это же сказывалъ, да я не повѣрилъ. Нешто мы не умѣемъ сами. Поль-дѣла, коли такое-то положеніе. А ты вотъ поработай-ка, когда у тебя земли нехватка... Ну, вотъ и бросаешься отъ одного дѣла къ другому, на всѣ значить руки.

— А еще спорилъ!—воскликнулъ я.

Ермолай посмотрѣлъ на меня.

— Нѣтъ, это вы правильно,—произнесъ онъ:—земли не гораздо много. А только горю не пособить—коли жалобиться да выть. А ты старайся да доставай какимъ ни на есть манеромъ. Перво-на-перво—грошь береги, да не трать его на винище. Спросишь вонъ Петруху изъ Ярцева: чего ты пьянъ-то? Какъ, говоритъ, не пить, если жена родила,—радость! Велика радость, ротъ лишній. Другорядъ опять пьянъ. Теперь что? Горе, стало: корова пѣдохла. Эдакъ-то, барчукъ, послѣдній лапотъ можно пропить. Есть пословица: за пчелой пойдешь, до меду дойдешь, за жукомъ пойдешь, до навозу дойдешь. Значить такъ: по какой тропинкѣ пойдешь, догудова и дойдешь. Горемъ горю не пособить, и бѣдноты пьянствомъ да лѣнью не избыть. Ты трудись. Ну, вотъ и кончено, слава Богу!

— Что кончено?

— А колесо-то... Теперь поѣзжай куды угодно. Вотъ скоро съ поля придутъ, закусить надо, я сегодня еще почитаю не ѣлъ. Поѣмъ вотъ съ косцами и—на станцію.

— Зачѣмъ?

— А по харчи, да и кладь взять надо. Вчера даромъ ѣздили, еще не прибыла. А кладь-то нужная. Потомъ Миколая Александрыча къ помѣщику отвезу, со станціи за ними заѣду.

— Съ кладью?

— Что же за важность. Кладь кладью, а онъ не привередливъ. Онъ и съ кладью сядетъ, не нарочно же коней гонять. Говорю, дяденька вашъ бережливъ. Истинно хозяинъ. Люблю я, порядокъ-то если, и служить пріятно. А то, какъ по вѣтру все, да на всѣ стороны—и работать не охота. Думаешь: ты стараешься, а добро пряхомъ идетъ.

— Ты женатъ, Ермолай?

— Женатъ и мальчонокъ у меня есть... Восьмой годокъ.

— А жена съ тобой?

— Зачѣмъ ей здѣсь? У себя, дѣла справляетъ. Тамъ отецъ мой, да меньшей братъ. По хозяйству дѣловъ не мало; благодареніе Господу, безъ работника управляемся.

— А жена часто бываетъ у тебя?

— Какъ удосужится. Время рабочее, минута дорога. Вотъ ожидаю... Скоро у насъ въ деревнѣ праздникъ запрестольный, такъ

надо кое-что позакупить... буду у Миколая Александрыча денегъ прошать.

— Неужели ты всю жизнь останешься работникомъ?

— Кто знаетъ?.. На все Божья воля. Какъ силы будутъ... скопляю помаленьку, хочу вотъ землицы подкупить, да свою кузню поставить. Тогда, можетъ, и не придется по людямъ служить, а на дому стану работать. Напередъ кто знаетъ... Мы-то предполагаемъ, а Богъ располагаетъ... Э-э! да вонъ и баринъ, на бѣговыхъ катить. Надо идти позакусить, да и налаживаться. Два конца обернуть не мутовку облизать. Сами видали: дорога-то песками идетъ, не легкая.

Ермолай пошелъ въ людскую, а я отправился домой.

III.

Я любилъ бесѣдовать съ Ермолаемъ, хотя онъ и разбивалъ многіе мои доводы и рассужденія. Впрочемъ онъ относился съ уваженіемъ къ моей «учености», къ тому, что я изучилъ «эстолько наукъ и языковъ». Онъ спрашивалъ меня о другихъ народахъ, съ удовольствіемъ слушалъ рассказы изъ исторіи и какъ-то разъ попросилъ прочесть что нибудь по «нѣмецкому и французскому». Я прочелъ. Онъ выслушалъ со вниманіемъ и покачалъ головою, когда я ему перевелъ порусски содержаніе процитированнаго отрывка.

— Чудеса Божіи,—произнесъ онъ, вздохнувъ:—сколько на свѣтѣ этихъ націевъ и все разные языки. Для меня вотъ ни чуточки непонятно, а тамъ свой языкъ и все это по ихъ выходитъ. Вотъ и вы, барчукъ, ученіемъ дошли до этого, что ихъ понимать можете.

— И ты, если выучишься, будешь понимать.

— Ну, гдѣ же мнѣ. Я и по русскому-то съ трудомъ разбираю.

— Дѣти твои, вотъ сынъ, напимѣрь.

— Это Володька-то? Куда!

— Какъ куда? Вѣдь вотъ ты же находишь хорошимъ, что я знаю?

— То вы, барчукъ, а то онъ. Крестьянскому сыну этого не требуется. На что ему такая наука?

— На то же, на что и мнѣ.

— Вамъ она опосля пригодится, по должности вашей... А на нашемъ положеніи этого знать не нужно. У всякаго человѣка своя линія, свое ремесло. Вотъ читать, писать, ну, счетъ, это нужно... Опять молитвы, вотъ и вся наука.

Я начиналъ спорить. Ермолай все выслушивалъ, но уже безъ уваженія къ моей учености, а какъ бы снисходя ко мнѣ, говоритъ:

— Нѣтъ, это вы, барчукъ, неправильно рассуждаете... Вы по книжкамъ, извѣстно, все произвошли, а деревенскихъ дѣловъ вы не знаете. И гдѣ же вамъ знать?—какъ бы въ мое оправданіе приба-

вить онъ:—вы еще молоды, а вотъ спросайте дядю, онъ вамъ то же самое скажетъ.

У дяди я, однако, не спрашивалъ, потому что онъ всегда насмѣшливо относился къ моимъ «философіямъ». Помню, какъ-то еще въ городѣ, онъ привелъ въ смущеніе меня и моего товарища. Мы разсуждали о какомъ-то новомъ законѣ, находя его непригоднымъ для народа. Дѣло было за чаемъ. Прислушиваясь къ разсужденіямъ моего пріятеля, дядя вдругъ промолвилъ:

— А что, молодой человекъ, вы долго жили въ деревнѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ пріятель.

— Но все-таки жили?

— Нѣтъ, совсѣмъ не жилъ, но я много читалъ,—произнесъ пріятель краснѣя.

— Ахъ, читали? Ну, такъ вѣдь они тоже читали. Можетъ быть, даже больше вашего. Что вамъ за охота разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ вы не имѣете никакого представленія? На все будетъ время. Учитесь пока. Навѣрно вѣдь не по всѣмъ предметамъ идете бойко?

Пріятель смутился: онъ остался на второй годъ въ шестомъ классѣ.

Конечно, мы обозвали въ душѣ дядю консерваторомъ и ретроградомъ. Но мнѣ теперь вовсе не хотѣлось выслушивать насмѣшекъ по своему адресу... Я не передалъ ему разговора съ Ермолаемъ. Спустя дня три, онъ самъ вдругъ замѣтилъ мнѣ за ужиномъ:

— Что, братъ, философъ и премудрый классикъ, тебѣ здѣсь не скучно?

— Ничего, дядя.

— Учись, братъ, приглядывайся къ жизни. Вѣдь ничего ты не понимаешь настоящаго.

— Я приглядываюсь.

— Это хорошо. Только не учи другихъ... А ты, кажется, не прочь отъ этого. А?

Я промолчалъ.

— Всѣ вы охотники просвѣщать мужика. Думаете: чего легче. Анъ, братъ, это премудренная штука, мудренѣе, чѣмъ лекціи читать въ университетѣ.

— Что вы, дядя?

— Вѣрно, племянникъ. Профессору его слушатели понятны и близки, одной масти. А тутъ, между тобой и мужикомъ цѣлая бездна. Надо изучить его, душу его понять, а то какъ разъ вмѣсто пользы только навредишь. Хорошій врачъ долго изслѣдуетъ больного и уже тогда прописываетъ лѣкарство. Такъ вѣдь?

— Да.

— То-то и есть. Помни это... Ну, ѣшь, ѣшь, поправляйся у меня. Больше, гуляй, присматривайся, а если хочешь и поработай,

полезно, братъ. Хочешь со мной ѣздить? Да тебѣ не встать только такъ рано... Ну, да отсыпайся. День великъ. Ты не сердись, другъ любезный: я породственному, а то вы, нынѣшняя молодежь, не кстати горда: не тронь васъ! Уваженія требуете... За какія только заслуги, интересно знать?

Я хотѣлъ отвѣтить, но появленіе скотницы Марьи прервало нашъ разговоръ.

— Что тебѣ?—спросилъ дядя.

— Да скотинушки все нѣту. Не пришло стадо съ поля.

Теперь было уже не до спора. Дядя встревожился, не доѣлъ любимой телячьей котлеты и выбѣжалъ изъ столовой.

IV.

Когда я вышелъ на дворъ, то засталъ дядю въ сильномъ волненіи кричавшимъ на рабочихъ.

— Сейчасъ, маршъ, всѣ. Ищите, какъ можно такъ оставить? Съ ума вы сошли!

— Да гдѣ же искать, Миколай Александрычъ? Ишь темнѣть.

— Пустяки. Въ разныя стороны идите... Не могли же они далеко забратъся.

— Онъ знаетъ... Потапка.

— Я вамъ говорю, что нечего ждать... Безъ разсужденій! Потапку завтра же прогоню... Нализался, мерзавецъ. Теперь какъ разъ медвѣдь сталъ палить... У меня не смѣтъ возвращаться съ пустыми руками. Слышите?

— Чать мы устали, Миколай...

Дядя такъ крикнулъ на молодого парня, что онъ не кончилъ фразы.

— Кто бы говорилъ, а не ты: всѣхъ моложе, здоровѣе... Устали! А гоняться за деревенскими дѣвками не устали, и силы найдутся? Знаю, ни одной ночи вѣдь дома не ночуешь!

Съ ворчаніемъ отправились рабочіе на розыски скота.

Дядя проводилъ ихъ до воротъ и еще разъ приказалъ «найти непременно».

— Ну, и народъ!—произнесъ онъ и, только теперь замѣтивъ меня, добавилъ сердито:—вотъ вамъ поучительная исторія, молодой прогрессистъ. Забрать деньги впередъ — это ихъ дѣло. А идти и лѣнь, устали... Самое подлое отношеніе къ чужимъ интересамъ. И какъ нарочно Ермолая еще я послалъ къ Медвѣдеву. Онъ бы одинъ лучше всѣхъ сдѣлалъ.

Дядя увидѣлъ Марью и крикнулъ ей:

— Погоди! Чего ты такъ долго не говорила мнѣ? Развѣ можно было ждать, когда видишь, что нѣтъ скота? Дотянула до темноты. Чуть самъ не доглядишь, кончено.

— Я, баринъ, думала...

— Думала! Всѣ вы много думаете, а не дѣлаете дѣла. Я знаю тебя, заберешься къ себѣ и чайничаешь. Благо, Ермолая нѣтъ.

— Да, что же, Миколай Ликсандрычъ, нельзя же и не попить. Человѣкъ я крещеный, не пимши и не ѣмши, не проживу.

Дядя не сталъ слушать ее и повернулъ въ садъ, куда выходило крыльцо барскаго дома.

Уже подходя къ нему, дядя обернулся и позвалъ меня:

— Иди, будемъ чай пить. Я все равно не лягу, пока не вернутся. Пожалуй, еще самому придется ѣхать.

Мы выпили только по одной чашкѣ, когда явился Ермолай. Дядя обрадовался ему.

— Поѣзжай, пожалуйста, скорѣе... Стадо не вернулось. И Потапки нѣтъ.

— Слышалаъ ужъ, Миколай Александрычъ... Я затѣмъ и пришелъ, чтобы сказать... Я думаю, онъ въ Луганскій лѣсъ ихъ загналъ, потому мужики гуторятъ, что видѣли его: пьяный лежить въ Лугановкѣ.

— Ахъ, каналья!

— Я вамъ докладывалаъ, баринъ.

— Жалко было мерзавца: просилъ, кланялся. Завтра же прогону! Поѣзжай скорѣе! Возьми Мышенка, у него ходъ скорый.

— Да, конекъ добрый. А я, Миколай Александрычъ, у Медвѣдева стоворился...

— Прекрасно. Поѣзжай же, поѣзжай! я на тебя надѣюсь.

Ермолай ушелъ. Дядя сталъ допивать остывшій чай. Онъ пилъ глотками, о чемъ-то думая и барабанилъ пальцами по столу.

— Да,—вдругъ промолвилъ онъ, дѣлая послѣдній глотокъ и взглядывая на меня:—жизнь не то, что книжки. А вашъ братъ начитается книжекъ, да и разводитъ философію... Грошъ ей цѣна.

— Книжки пишутъ, дядя, люди образованные, умные,—сказалаъ я.

— Да? А какое это образованіе, вотъ что скажи ты мнѣ? Кабинетное, другъ мой! Сидитъ онъ въ Питерѣ и расписываетъ о деревнѣ, когда ея въ глаза не видалъ. Да мало и видѣть: въ каждомъ мѣстѣ свои условія, не похожія на другія. А вотъ твои ученые люди по европейскимъ книжкамъ еще валяютъ. Молъ, Европа если выдумала, такъ и отлично. Тамъ-то это отлично, а у насъ никуда не годится. Я тебѣ привелъ бы примѣры, да вѣдь все равно ты не убѣдишься, потому что не знаешь деревни. У этихъ умныхъ людей большая смѣлость: они берутся писать о томъ, чего не знаютъ. Другой по ихъ совѣту поступить, да и влопается. Князь Бебашевъ чуть не разорился отъ этихъ совѣтниковъ. Они думаютъ, что люди вездѣ одинаковы. Возьми ты нѣмца и русскаго мужика—развѣ одно и то же?

— Кто же лучше?

— Ты такъ вопроса не ставь: кто лучше? У всякаго свое хорошо. За многія качества я нашего мужика очень люблю, но всегда скажу: съ нимъ нельзя такъ вести дѣло, какъ съ нѣмцемъ, напримѣръ.

— Почему?

— А потому что онъ много «думаетъ», да не такъ, какъ чело-вѣкъ умный, а въ родѣ Марьи. Ты скажешь ей: такъ не дѣлай. А она посвоему. «Вѣдь я тебѣ объяснялъ?»—спросишь ее, а она отвѣтитъ свое дурацкое: «а я думала». Отъ такой думы чортъ знаетъ что выходитъ. Одинъ мой пріятель выдѣлывалъ какую-то бумагу. Сказалъ рабочему: держи подъ прессомъ столько-то и ни секунды больше. А работникъ продержалъ на пять минутъ больше. Заговорился и прозѣвалъ. Все и брось. Когда ему стали выговаривать, такъ онъ же обидѣлся: «экая важность пять минутъ». Разговаривай съ нимъ! Нѣмецъ такъ никогда не сдѣлаетъ. Оттого мы свое за границу посылаемъ, а они намъ все обработанное возвращаютъ. Не глупѣ мы другихъ; да большіе «думальщики» и халатники. Вотъ возьми ты моихъ работниковъ. Развѣ имъ мое добро дорого? Плевать! Это, конечно, подлость, говоря объективно. Но вѣдь они и свое теряютъ. Самое это подлое отношеніе къ чужому добру вытекаетъ не изъ злобы, а изъ русской халатности: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

— Вотъ же Ермолай иначе относится.

— Много ли такихъ? Отчего же я имъ и дорожу? Если бы всѣ-то такіе—поль-горя было бы вести дѣло. Ермолай, другъ мой, трудолюбивъ, какъ пчела. Онъ минуты безъ дѣла не посидитъ, за нимъ не смотри. Отчего его рабочіе не любятъ? За то самое, что не даетъ зря болтаться, подгоняетъ. Много ты видѣлъ его безъ дѣла?

— Нѣтъ.

— Ты съ нимъ любишь говорить. А развѣ онъ слушаетъ тебя, сложа руки?

— Никогда.

— А-а. Вотъ видишь. Всѣ вы любите кричать объ эксплуатаціи... Что говорить, есть охотники поприжать. Вотъ хотя бы Лебединъ, либералъ еще, а рабочихъ гнилымъ картофелемъ кормить. Но съ другой стороны — нашъ мужичекъ тоже тебя обведетъ ловко, пальца въ ротъ не клади. Э, да что тутъ говорить: съ годами все узнаешь, а теперь еще молодо-зелено—покричать велѣно... Не такъ ли?

Дядя хлопнулъ шутливо меня по плечу и поднялся съ мѣста.

Онъ видимо нѣсколько успокоился, отправивъ Ермолая на розыски.

Я ушелъ къ себѣ наверхъ, прилежъ, сталъ читать и задремалъ. Меня разбудилъ крикъ на дворѣ. Я быстро вскочилъ и спустился внизъ. Дяди въ комнатахъ не было. Очевидно пригнали скотъ, и дядя вышелъ на дворъ. Я отправился туда же.

Ночь была облачная и темная. По двору люди ходили съ фонарями. Дядя разговаривалъ съ Ермолаемъ.

— Что, пригнали скотъ?—спросилъ я.

— Нашли, нашли, — весело отвѣтилъ дядя. — Какъ говорить Ермолай—въ Лугановскомъ лѣсу.

— Кто же нашель?

— Да Ермолай, а тѣ кинулись совсѣмъ въ другую сторону. Ну, спасибо, спасибо! — произнесъ дядя, обращаясь къ Ермолаю:—иди, выпей водки, усталъ небойсь?..

— Есть маленько, Миколой Александрычъ. Самъ поусталъ, и коняга спарился.

— И тѣмъ надо дать. Тоже бродили, хотя и безъ пути, — промолвилъ дядя.

Ермолай ничего не отвѣтилъ.

— Ты что же молчишь? Не одобряешь?—спросилъ дядя.

— Ваша воля, баринъ, а только на мой взглядъ... не слѣдуетъ, потому...

Онъ не кончилъ и замолчалъ.

— Ты что-то не договариваешь, Ермолай? Не скрывай.

— Чего же мнѣ скрывать... Я такъ только, баловство какъ... а воля ваша.

— Ну, пусть выпьютъ, не обижаются. Позови ихъ.

— Слушаю-съ.

Въ голосѣ Ермолая слышалось что-то похожее на недовольство. Меня это удивило. Я рѣшилъ на другой день поговорить съ Ермолаемъ по этому поводу, а теперь отправился домой вслѣдъ за дядей. Проходя садомъ, я услыхалъ тихій разговоръ около бесѣдки. Я остановился и прислушался. Разговаривали двое. Одного я сразу узналъ по голосу: это былъ молодой парень, котораго разносилъ дядя. Кому принадлежалъ другой голосъ, я не могъ догадаться.

— А что если онъ наябедничаетъ барину? — произнесъ неизвестный.

— Эка бѣда,—отвѣтилъ парень:—не съѣсть. Да и не скажетъ, онъ не таковскій. Самъ любить угодить, жилы вытянуть изъ себя радъ изъ-за господскаго добра, а чтобы доносить — не бывало. Да и что мы: ну, зашли въ трактиръ... такъ скажемъ, устали, надобно отдохнуть.

— Всѣ-то? Онъ велѣлъ въ разныя стороны.

— Мало ли что велѣлъ, а мы скажемъ: думали, такъ-то лучше... Вотъ и все.

— А знаешь, паря,—оно все же какъ бы сказать, того... точно и не ладно.

— Чего не ладно?

— Что мы такъ-то... Если бы не Ермолай, мало ли что могло случиться! ну—медвѣдь... А скотъ хорошій, дорогой.

— Дурья ты голова,—смѣясь произнесъ парень:—да какая намъ

убыль? нашъ скотъ что ли? У барина шея крѣпка, купить сызнова. Есть у тебя сѣренки?

— Есть, кажишь.

— Давай-ка, раскуримъ. Мнѣ и пора: еще надо къ Мареушкѣ слетать.

Я поспѣшилъ осторожно уйти, чтобы свѣтъ спички не открылъ моего присутствія. Черезъ нѣсколько минутъ рабочіе толпой входили въ сѣни барскаго дома, чтобы получить по чаркѣ водки... Въ числѣ всѣхъ пришедшихъ былъ и парень. Онъ молодцовато опрокинулъ стаканъ водки въ ротъ и, сглюнувъ, промолвилъ, смотря прямо на дядю:

— Ужъ это не наша вина, Миколай Александрычъ, что мы не въ ту сторону вьзяли... А нашего старанія было.

Ермолай не выдержалъ.

— Ну, ну, выпилъ и уходи, ишь расхвастался, — промолвилъ онъ.—Есть ли еще чѣмъ хвалиться, это розмысли.

— Отчего же и нѣтъ? Ты верхомъ, а мы на своихъ,—смѣло отвѣтилъ парень.

Кто-то въ толпѣ хихикнулъ.

— Безстыжіе твои глаза,—тихо проговорилъ Ермолай и повернулся къ выходу.

Хотя меня возмутила нахальность парня, но я не открылъ правды дядѣ. Отъ этого меня удержали многія соображенія. Но Ермолаю я все рассказалъ.

— Ишь, паршивецъ, — произанесъ Ермолай: — а вотъ доложить обо всемъ барину, такъ и влетитъ!

— Отчего ты не сказалъ? — спросилъ я, пристально глядя на Ермолая.

— Ну ихъ... Къ чему?—проговорилъ онъ:—всякъ за себя отвѣчай, что я за доказчикъ? Добро Миколая Александрыча не пострадало, и слава Богу. Поругать-то ихъ я вдоволь поругалъ: аспиды, говорю, нешто такъ служатъ? Жалованье получаете, а о хозяйскомъ добрѣ не радѣете... Все это Петька, паршивецъ: юнъ, юнъ, а какъ всѣхъ мутить. Извѣстно, народъ поусталъ за день, ну, и подались на соблазнъ: разошьемъ, молъ, штофикъ, а потомъ и пойдемъ розыскивать. Роспили одинъ, и дальше пошло бы... Хорошо, что я ихъ еще нашель, а то и завтрашній день прощай!

— Да вѣдь они въ другую сторону направились?

— Чего въ другую. Въ Лугановкѣ засѣли, идолы. Ужъ я такъ сказалъ, чтобы покрыть ихъ. Отчего я и не хотѣлъ-то, чтобы баринъ ихъ водкой угощалъ: и безъ того иные подгуляли. На радости вашъ дяденька и не разглядѣли.

Ермолай помолчалъ и добавилъ:

— Ужъ вы, барчукъ, не сказывайте дяденькѣ... Пущай... Что ихъ разстраивать понапрасну: если бы грѣхомъ что случилось,

другое дѣло, а то все, славу Богу, обошлось благополучно. Зачѣмъ въ гнѣвъ вводить! Въ другой разъ у меня идолы этого не сдѣлають, а если что, я не смолчу и прямо ужь барину доложу. Я такъ имъ и объявить.

Я отвѣтилъ Ермолаю, что ничего не расскажу дядѣ.

— Самое лучшее дѣло,—произнесъ онъ и пошелъ въ конюшню.

V.

Спустя нѣсколько дней, въ воскресенье, возвращаясь отъ обѣдни, я засталъ Ермолая сидѣвшимъ у людской на скамейкѣ съ какой-то женщиной. Она была некрасива: сухощавая, сутулая, съ лицомъ, немного испорченнымъ оспой.

«Неужели это его жена?»—подумалъ я.

Ермолай поклонился, поднимаясь съ скамейки.

— Здравствуй,—сказалъ я.—Что это: твоя жена?

— Хозяйка, барчукъ. Племянникъ Миколая Александрыча,—обратясь къ бабѣ, добавилъ онъ.

Она поклонилась мнѣ, но не встала.

— Отъ обѣдни никакъ?—спросилъ Ермолай.

— Да,—отвѣтилъ я.

— И пѣшкомъ сегодня?

— Пѣшкомъ.

— Отличная прогулка. Вотъ, Маланья, люди добрые Богу молятся, а мы только что чайкомъ баловались, грѣховодники.

— Въ запрестольный намолимся,—сказала жена.

Ея голосъ нельзя было назвать особенно пріятнымъ. Какая-то сухость слышалась въ немъ.

— Въ запрестольный своимъ чередомъ... Ну, да кто Богу не грѣшенъ...

— Сына твоего здѣсь нѣтъ?—спросилъ я.

— Володьки? Просился къ тяткѣ, да куда съ нимъ, смаетъ въ дорогѣ. Маланья надоть къ дому поспѣшать... Вотъ только дяденьки жду, насчетъ, значить, деньжатъ. Ты, говоришь, убивался, плакалъ?—обратясь къ женѣ, проговорилъ Ермолай.

— Ревмя-ревѣлъ. Къ тяткѣ хочу.

— Ишь, мозглякъ,—довольнымъ тономъ произнесъ Ермолай:—вотъ, приду на праздникъ, увидимся. А сегодня снеси ему отъ меня пряникъ. Рубаху-то успѣешь сшить ему?

— Долго-ль? успѣю. Я ему и то въ утѣху говорю: погоди, Володька, рубаху принесу отъ тятки, баскую.

— Ну, ну?—ослабляясь торопилъ Ермолай.

— Пересталъ было... А пошла, сызнова заревѣлъ. Такой докучный.

— Маль—извѣстно.
 — Балуетъ ты его, оттого къ тебѣ и рвется,—сказала Маланья.
 — Когда и побаловать, коли не теперь,—возразилъ мужъ:—будетъ время, нахлебается горькаго, жисть-то мужицкая не забалуетъ опосля.

— Какъ поведетъ, такъ и поживетъ,—сказала Маланья.
 — Конечно,—согласился Ермолай:—да какъ ни живи, а все безъ мозолей не ходить.

— Мозоли не парша, добрыхъ людей не стыдно.
 — Что говорить: какой стыдъ! Знать я, барчукъ,—обращаясь уже ко мнѣ, произнесъ Ермолай:—зналъ я одного барина, хорошій баринъ, ученый, заводъ свой имѣлъ. Вотъ онъ и говорить какъ-то насчетъ этихъ самыхъ мозолей... Я ему разъ молвилъ: вотъ, Макарь Ильичъ, руки у васъ, что у нашего брата: всѣ въ мозоляхъ. А онъ мнѣ: ничего, Ермолай, мозоли это орденъ для рабочаго человѣка. И вѣрно его слово, какъ есть орденъ.

— У кого орденъ, кто его получилъ?—весело воскликнулъ Семень, широкоплечій мужикъ, по деревенскому понятію писанный красавецъ.

Онъ вышелъ изъ людской; за нимъ слѣдовала худенькая низенькая женщина, всхлипывая и вытирая носъ концомъ платка, которымъ она была повязана.

— Это мы насчетъ трудовъ,—неохотно отвѣтилъ Ермолай, косясь на Семена.

— Какихъ трудовъ? Сегодня праздникъ,—произнесъ Семень, опускаясь на другую скамейку.

— То-то ты и веселъ,—сказалъ Ермолай.

— Съ чего мнѣ скучать-то?

— Тебѣ весело, а бабѣ твоей, кажись, плакать въ пору.

— Пушай реветъ, баба дура. Бабы слезы, извѣстно, вода.

— Безъ причины не плачутъ,—замѣтила Маланья, бросая сердитый взглядъ на Семена.

— Ну, Маланья... Какъ по батюшкѣ величать забыть... это какъ сказать будетъ: иная плачетъ потому, что глаза на мокромя мѣстѣ,—произнесъ Семень, закуривая сигарку.

— Молчи, безстыжій! Аль добрыхъ-то людей не совѣстно?—сказала жена.—Какъ тутъ не плакать, коли ты...

— Татьяна!

— Чего въ самомъ дѣлѣ,—вдругъ заговорила женщина, уже обращаясь не то ко всѣмъ намъ, не то къ одной Маланьѣ:—у людей праздникъ да радость, а тутъ слезами обливаешься. Вонъ онъ, пакудный, цыгарки курить, а дома ѣсть нечего. Праздникъ, а въ люди показаться не въ чемъ.

— И не показывайся,—проговорилъ Семень затыгиваясь.—Думаешь, скучать будутъ, не выдавши тебя, эдакую кралю писанную.

Маланья заступилась за Татьяну.

— Чего ты, непутевый, надругаешься надъ бабой? — сказала она.—Съ тобой будешь красивъ... Правду она говоритъ: ѣсть ребятамъ нечего, а ты только на табачище, да на водку деньги изводишь. Поди, впередъ понабралъ сколько!

— Все, все забралъ, Маланьюшка!—воскликнула Татьяна.

— А ты не суйся!—крикнулъ Семень.

Онъ кинулъ цыгарку и произнесъ насмѣшливо:

— Это вы, Маланья, опять таки не знаю, какъ по батюшкѣ, напрасно изволите клепать на меня. Кто красивъ, тотъ всегда такимъ и останется. Вотъ васъ Ермолай балуетъ, въ холѣ, значитъ, держитъ, а если бы вы моей супружницей были, одинаково, все равно, славнухой бы слыли, потому какъ краля, такъ краля и есть.

Семень явно насмѣхался надъ некрасивой Маланьей.

— Ахъ, ты, арестантъ!—воскликнула она, озлясь:—еще ругаться надумалъ?.. Да...

— Молчи, Маланья,—перебилъ Ермолай и привсталъ съ мѣста.— Ты это что?—обратясь къ Семену, проговорилъ онъ, и жилы на его шеѣ напряжились.—Ты это что?—повторилъ онъ, и лицо его покраснѣло.

Обыкновенно добродушный Ермолай сдѣлался страшень въ эту минуту, хотя онъ, повидимому, оставался спокойнымъ, и его голосъ даже не обнаружилъ особеннаго волненія.

— Я... я... ничего, Ермолай Степанычъ,—отвѣтилъ Семень.

Онъ, очевидно, струсиль.

— Хозяйки твоей жалъ, да въ праздникъ Господень грѣшить не хочу, ну, и барчука какъ-то совѣстно, а то я такъ бы росписалъ твое рыло, что ни одна дѣвка не взглянула бы опосля!

Онъ повернулся къ женѣ и прибавилъ тише:

— Пойдемъ, Маланья.

Онъ направился въ людскую: за нимъ пошла и жена.

Семень далъ имъ уйти и проговорилъ, подмигивая мнѣ:

— Ишь какъ нашъ старшой окрысился: за свою шадровитую кралю взбеленился. Тьфу, ты, мерзость,—добавилъ Семень, плюнувъ:—еще цѣлуетъ такую, какъ у него съ души не сопретъ.

— Не всѣмъ же фабричныхъ дѣвокъ цѣловать,—не утерпѣвъ промолвила жена.

— А тебѣ досадно? Да, было цѣловано... Что-жъ, стало хорошъ, коли цѣлуютъ, ты, дура, радовалась бы, что у тебя такой мужъ пригожій. Аль Ермолай потвоему лучше?

— Что проку-то отъ твоей красивой рожи?—сказала Татьяна.— Ты съ чужими цѣлуешься да пьянствуешь, а мы съ голоду помирай.

— Не помрешь, погоди. А помрешь, похоронимъ, поверхъ земли не оставимъ, не сумлѣвайся.

Баба опять завсхлипывала.

— Татьяна!

Но онъ вдругъ понизилъ голосъ и проговорилъ, толкая жену:

— Ступай въ людскую, баринъ ѣдетъ.

Я оглянулся. Во дворъ въѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ дядя, возвращавшійся отъ сосѣда-помѣщика.

— Возьми лошадь!—крикнулъ дядя, соскакивая съ дрожекъ.

Семень кинулся исполнить приказаніе и чуть не упалъ.

— Готовъ!—нахмурился, промолвилъ дядя и добавилъ, отстраняя рукой Семена.—Оставь, позови Ермолая!

Ермолай уже бѣжалъ изъ людской.

— Распряги, да проводи хорошенько, а потомъ зайди ко мнѣ, я дамъ тебѣ денегъ... Жена пришла?

— Пришла-съ, Миколай Александрычъ! Благодарю покорно,—отвѣтилъ Ермолай, беря лошадь подъ уздцы.

Вечеромъ, сидя въ гостиной, мы опять разговорились съ дядей о деревнѣ. Дядя къ чему-то похвалилъ Маланью.

— Но какая она некрасивая,—сказалъ я.

— И онъ не красавецъ. Да что въ лицѣ... Помнишь твоего любимаго Некрасова:

«Ай да Марья, Марья кладъ!
«Сватай Марью, Марью, свать!
«Намъ съ лица не воду пить—
«И съ корявой можно жить!»

— За то, братъ, Маланья жена, какихъ поискать!.. Работница, чистоплотная, каждую копейку бережетъ. Немного грубовата, но баба несварливая. Я увѣренъ, что они съ Ермолаемъ подкапливаютъ и хозяйство поставятъ какъ слѣдуетъ.

Со двора донеслись въ комнату звуки громкой пѣсни. Дядя прислушался.

— Семень оретъ,—промолвилъ онъ:—вотъ тебѣ, другъ мой, и красивый мужикъ, да что въ немъ: замучилъ бабу. Просить еще у меня денегъ, да ему ничего не приходится. Куда все ушло? На водку. Если бы не нужда въ рабочихъ рукахъ, такого молодца я бы и не взялъ ни за что.

Дядя всталъ, зѣвнулъ и повторилъ опять.

— Да, Ермолай будетъ хозяиномъ. Это настоящая пчела. Однако, другъ любезный, пора и спать. Ложился бы и ты,—закончилъ дядя, протягивая мнѣ руку.

Я ушелъ къ себѣ, но спать мнѣ еще не хотѣлось.

VI.

И вотъ прошло двадцать лѣтъ.

Изъ «зеленаго юноши» я превратился въ человѣка, который можетъ сказать:

Далекиѣхъ лѣтъ наивныя мечтанья
осудилъ умъ, и

Онъ указаль серьезную задачу
И жизнь поставилъ выше книгъ.

Эта жизнь дала мнѣ «хорошій урокъ».

Желая немного отдохнуть отъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ за письменнымъ столомъ, я взялъ «отпускъ» и отправился на родину провести тамъ Рождественскіе праздники. Захотѣлось повидать и дядю, которому теперь уже стукнуло шестьдесятъ лѣтъ. Хотя онъ и жаловался на ревматизмъ, полученный имъ еще въ молодости на охотѣ, но въ общемъ себя онъ чувствовалъ бодро, самъ заправлялъ всеѣмъ хозяйствомъ, попрежнему вставалъ въ пять часовъ утра, ѣздилъ верхомъ, какъ молодой человѣкъ. Въ веселую минуту онъ говорилъ моей теткѣ, шутя:

— Какіе мы съ тобой, сестра, старики? Это нынѣшніе юноши старики. Мы еще въ женихи годимся. Погоди, вотъ женюсь!

Дядя конечно бы обидѣлся, если бы я не завернулъ къ нему. Проведя нѣсколько дней у сестры, я отправился въ «Новое».

Я пріѣхалъ совершенно неожиданно. Дядя очень мнѣ обрадовался, захопоталъ о завтракѣ и нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь восклицаніями:

— Ахъ, философъ, философъ! Да какъ же это тебя такъ могъ обработать Питеръ? Сорока нѣтъ, а кудри въ серебрѣ!

И сейчасъ же прибавилъ:

— Посмотри на меня, молодецъ: въ женихи гожусь! Правда, лысинка того, обширныхъ размѣровъ, ну, а здоровье... здоровьемъ потягаюсь съ молодыми.

— А «ножки»?

— Что «ножки»? Немножко поноютъ, да я ихъ «спикидарчикомъ», какъ говоритъ мой кучеръ, ну, и ничего, замолчать.

Принесли самоваръ, столъ заставили деревенскими закусками.

— Ъшь, пей, согрѣвайся, за компанію и я поѣмъ, хоть только что позавтракалъ. Водку пьешь?

— Пилъ, а теперь не пью.

— Съ дороги рюмку можно, вздоръ!

— Одну могу.

— Выпьемъ, у меня своя настоечка.

Обрадованный моимъ пріѣздомъ, дядя говорилъ безъ умолку, на что онъ не былъ склоненъ во всякое время, не смотря на свой веселый характеръ.

— Надолго ко мнѣ?—спросилъ дядя, выпивъ настойку и закусывая ее ветчиной.

— Дня на четыре.

— Что-о?

— Нельзя, дядя, сестра...

— И у нея погости. Чего тебѣ торопиться въ Питерь. Поживи... Я тебя познакомлю съ одной барыней, интересная особа.

— Спасибо. А что Ермолай: все хорошо?

— Отлично. Я тебѣ писалъ.

— Да, вы упоминали, что онъ завелъ свою кузницу, но это было давно.

— А теперь еще лучше. Домъ новый построилъ. Да постой, мы съ тобой завтра къ нему и поѣдемъ. Онъ у меня былъ вчера, просилъ крестить у сына.

— У Владиміра?—вспомнилъ я.

— Да, у старшаго. Тогда онъ былъ ужъ развѣ?

— Былъ, но я его не видѣлъ.

— Вотъ, у него. Женатый, второй ребенокъ. У Ермолая еще двѣ дочери взрослые. Второй сынъ въ солдатахъ, а Владиміръ съ нимъ. Славный мужикъ вышелъ, весь въ отца: работяга, домовитый. Какая у него жена красивая, не Маланья чета. Пѣсни поетъ чудесно. Поѣдемъ, поѣдемъ. То-то Ермолай обрадуется. Онъ о тебѣ часто спрашиваетъ. Ты ему понравился. Говоритъ: барчукъ ласковый, до мужика жалостливый. Вотъ, пускай посмотритъ.

— А Ермолай очень измѣнился?

— Какъ тебѣ сказать. Онъ мужикъ, что называется, «ядренный», весь въ мускулы упелъ. Меня онъ лѣтъ на восемь моложе, не больше. Есть серебрянка, но только чуть-чуть. Вотъ Маланья—грибъ грибомъ стала. Все на удущье жалуется. Ну, да оставимъ это, самъ увидишь. А ты вотъ расскажи, что у васъ тамъ дѣлается? Писать ты лѣнивь. Рассказывай... Да ѣшь ты, Бога ради ну, что за срамота: эдакая ветчина, что сливки, а онъ точно институтка: ломтикъ тоненькій! Ышь больше, здоровѣй будешь!.. Ну, такъ чтожъ новаго?

Я сталъ сообщать дядѣ всѣ новости, которыхъ нельзя узнать изъ газетъ. Дядя ихъ и не любилъ. Онъ выписывалъ, по привычкѣ, «Сынъ Отечества», да и тотъ читалъ рѣдко. Онъ посвящалъ досугъ книгамъ по сельскому хозяйству и охотѣ.

— Неужели вы все еще охотитесь?—спросилъ я дядю, послѣ завтрака, отправляясь немного отдохнуть съ дороги.

— Развѣ можно разлюбить охоту?—удивленно промолвилъ дядя:— да что за жизнь послѣ этого будетъ? Я наканунѣ смерти и то еще пострѣляю, на прощанье. Да ты не смѣйся, охота великое дѣло! Люблю Некрасова за то, что онъ написалъ вотъ это... Дай-ка вспомнить... Какъ это? зналъ вѣдь прекрасно! Да, да, вотъ:

«Много у насъ и лѣсовъ и полей.

«Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей.

«Нѣтъ намъ запрета по чистому полю—

«Тѣшить степную и буйную волю»...

— Ну, вот тутъ что-то... и того... забыть... Эхъ, нѣтъ, погоди, погоди, вспомнилъ:

«Славно тому, кто предается во власть
«Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,
«И до сѣдинъ молодые порывы
«Въ немъ сохраняются прекрасны и живы.
«Кто же охоты собачьей не любить,
«Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ!»

— Вѣрно сказано. Молодецъ покойникъ!—воскликнулъ дядя.

— Только за это молодецъ?

— Ну, тамъ не мое дѣло... Это вы рѣшайте, за что еще. А за это молодецъ. Эхъ,—вздохнувъ прибавилъ дядя:—теперь только прежней охоты не стало. Помню я у отца... Да, времена другія, тяжелыя. Всѣ въ долгахъ, гдѣ собакъ держать, если другому нѣчьмъ процентовъ въ банкъ заплатить.

— Вотъ вамъ результаты веселаго времени, охотничьяго!

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ, это результаты другого. Долго говорить. Потомъ, когданибудь. Слава Богу, мое имѣніе не заложено. Ну, отдохни... Я тебя разбужу къ обѣду!

VII.

На парѣ сытыхъ лошадокъ, въ деревенскихъ широкихъ пошевняхъ мы быстро доѣхали до «Пестикова», деревни, гдѣ жилъ Ермолай. Его небольшой домикъ стоялъ почти по самой серединѣ деревни. При нашемъ въѣздѣ въ «Пестиково» звонкіе бубенцы (дядя любилъ ихъ) подняли на ноги деревенскихъ собакъ, которыя стремительно вылетали изъ воротъ и неслись за нами, заливаясь лаемъ и точно пытаясь укусить лошадей. Пристяжная зорко смотрѣла на нихъ и, видимо, готовилась постоять за себя, если бы котораянибудь изъ шавокъ дерзнула укусить. Коренникъ бѣжалъ, гордо держа голову и прядая ушами.

— Ахъ, вы оглашенные!—обозлясь крикнулъ Федоръ и замахнулся длиннымъ кнутомъ на собакъ.

— Не трогай,—сказалъ ему дядя:—это имъ въ удовольствіе.

Мало-по-малу собаки начали отставать, и только какая-то черная лохматая овчарка проводила насъ до самаго дома Ермолая. Когда лошади внезапно остановились, и Федоръ, не смотря на слова дяди, замахнулся кнутомъ, собачонка шарахнулась въ сторону и неистово завизжала.

— Ишь ее, безпретѣнно дамка!—замѣтилъ кучеръ.

— Почему?—спросилъ я.

— Не ударилъ еще, а она на всю улицу завизжала. Какъ есть

«истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

баба!.. Она завсегда такъ: ты еще пригрозилъ только, а ужъ она ореть, словно убили ее.

Ермолай и его сынъ выскочили на улицу.

— Миколай Александрычъ,—привѣтствовалъ Ермолай и остановился. Онъ помолчалъ, секунду глядя на меня, и вдругъ радостно воскликнулъ:—Господи! Да никакъ барчукъ?

— Онъ самый. Узналъ?—сказалъ дядя, выгѣзая изъ саней.—Я думалъ, и не узнаешь: смотри—въ серебрѣ.

— Да-а,—задумчиво произнесъ Ермолай:—раненько. Сразу я тово... Да по обличью и догадался. По обличью какъ есть и прежде.

Онъ помогъ мнѣ выйти изъ саней, такъ какъ я запутался въ громадной медвѣжьей полости.

— Какъ разъ въ пору. Милости просимъ. А вотъ и сынъ мой, тотъ самый Володька. Помните?

— Я вѣдь его тогда не видѣлъ.

— Развѣ не видали? Ну, вотъ, теперь—самъ отецъ. А тогда что быть? И времени же сколько прошло. Милости просимъ! Отецъ Василій уже прибыть изволили, васъ дожидаются.

Изъ сѣней мы повернули направо и вступили въ большую комнату, раздѣленную на двѣ половины перегородкой, не доходившей до потолка. Стѣны комнаты не были оклеены обоями, но вымыты чисто, что называется, до глянца. Все на крестьянскую ногу, просто, но опрятно и домовито. Въ переднемъ углу—большой некрашенный столъ, а за нимъ по обѣимъ стѣнамъ лавки. Посудникъ полонъ всякой утвари. На полкѣ ярко блестѣлъ самоваръ, а другой стоялъ на табуретѣ и слегка пошумливалъ. Передній уголъ комнаты имѣлъ нѣсколько нарядный видъ, благодаря иконамъ въ большомъ золоченомъ рѣзного дерева кіотѣ. Передъ кіотомъ висѣла лампада съ привязаннымъ къ ней фарфоровымъ яичкомъ. За стекломъ—свѣчи съ лентами, а за кіотомъ и сверхъ него—вербы. Солидныхъ размѣровъ русская печь была прикрыта занавѣской.

При нашемъ входѣ, всѣ бывшіе въ избѣ поднялись съ мѣста. Поздоровавшись съ Маланьей, которую я ни за что бы не узналъ, если бы встрѣтился съ ней на улицѣ, мы подошли подъ благословеніе къ отцу Василю.

— Мой племянникъ, батюшка, питерякъ,—сказалъ дядя.

Отецъ Василій посмотрѣлъ на меня добрыми глазами и, не выпуская моей руки изъ своихъ, добавилъ:

— Раненько снѣжокъ-то опушилъ, раненько. Что значить безпокойство да умственная работа. А мы вотъ здѣсь живемъ тихо, безбурно и противостоимъ времени. Мнѣ вотъ подъ семьдесятъ, а безъ серебра.

Онъ выпустилъ мою руку и, загнувъ полы рясы, сталъ доставать платокъ изъ кармана подрясника.

Дочери Ермолая выглядѣли крѣпкими здоровыми дѣвушками. Обѣ

онѣ походили на мать. Старшая—Аграфена, была стройнѣе и пріятнѣе лицомъ сестры, но ее портили зубы, выдававшіеся немного впередъ. Младшая—Маланья, могла похвастаться бѣлыми красиво посаженными зубами и густой косою, но дѣвушкѣ вредила нѣкоторая сутуловатость. Въ комнатѣ еще была: кума, жена сосѣда, полная здоровая баба, старикъ дьячокъ Петровичъ, забившійся въ уголокъ, и двое-трое изъ пестиковцевъ.

— Сейчасъ начнете, батюшка?—спросилъ дядя у о. Василия.

— Могу,—отвѣтилъ тотъ:—за мной дѣло не станеть.

— А не согрѣтось ли, Миколай Александрычъ, съ холодку-то чайкомъ?—предложилъ Ермолай.

— Послѣ, послѣ, а теперь давай окрестимъ сначала твоего внука. Какъ ты его назвалъ-то?

— Да Владиміромъ, въ честь отца, стало... Потому, какъ первый въ честь васъ былъ, а этотъ—въ отца.

— Дѣло. Такъ что же, батюшка, начинайте!

— Приступимъ, коль такъ.

Отецъ Василій, а вслѣдъ за нимъ и мы всѣ направились на другую половину, гдѣ жилъ сынъ Ермолая.

VIII.

Крестины кончились скоро. Не даромъ говорили крестьяне про о. Василия: «онъ у насъ махаеетъ быстро, насъ не томить и себя не морить».

Когда мы вернулись на половину Ермолая, тамъ уже было приготовлено угощеніе.

— Пожалуйте, хлѣба-соли откушать. Батюшка, Миколай Александрычъ...

Ермолай и Маланья низко кланялись, приглашая насъ сѣсть за столъ.

— Петровичъ, ты чтожь? садись! Кума, вотъ тутъ, тутъ и садись.

Петровичъ выжидалъ, пока сядетъ «владыка». О. Василій перекрестился и объявилъ, проходя за столъ:

— Теперь, благословясь, во славу Божью и за здоровье новорожденнаго выпить можно. А ты, Капитоновна, садись рядомъ съ кумомъ: сегодня тебѣ честь честью, возлѣ барина садись. Такъ вѣдь полагается, Николай Александровичъ?

Дядя согласился и налилъ рюмку водки кумѣ. Не могъ и я отказать. О. Василій выпилъ залпомъ.

— А теперь по второй, батюшка,—произнесъ Ермолай:—за здоровье родильницы, чтобы значить ей было все въ пользу.

— Погоди, Ермолай, дай закусить сперва,—отвѣтилъ священникъ, отрѣзая кусокъ пирога съ рисомъ и яйцами.

Онъ попробовалъ и похвалилъ:

— Важное тѣсто, что пухъ. Само въ ротъ идетъ.

Маланья отвѣтила на похвалу низкимъ поклономъ и проговорила:

— Благодаримъ покорно, батюшка, на похвалѣ, что не осудили нашу стряпню простецкую.

— Чего хаять, когда хорошо,—сказалъ о. Василій:—это-то и чудесно, и достохвально, что простецкая... За это и Ермолая люблю: живетъ ховаяйственно, всего есть, а не тѣзветъ въ барѣ. Не вытягивается, какъ хотя бы Каргъ Сидоровъ. Накупилъ это онъ мебели гнутой, диванъ мягкій на пружинахъ, совсѣмъ и не по деревнѣ.

— Истинно изволите говорить,—произнесъ Ермолай:—не подеревенски! Куда намъ диваны: мы не барѣ, а Иваны.

— Ха, ха, ха. Вотъ такъ хорошо сказано! Ну, давай, выпьемъ по единой... Не по второй, а по единой,—произнесъ о. Василій и сообщилъ анекдотъ про архіерея, который пилъ и пять и шесть рюмокъ, но всегда говорилъ: «выпьемте по единой».

Засмѣялся Ермолай, улыбнулась Маланья, кума также разсмѣялась. И у Петровича улыбка раздвинула беззубый ротъ.

Оживленіе росло, и у кумы и у другихъ пестиковцевъ смущеніе пропадало. Хозяева угощали «со рвеніемъ», какъ выразился о. Василій. Только что успѣли поѣсть пирога, какъ уже подали студень, за нимъ баранину, буженину и сладкій пирогъ. Появилось и недорогое вино, даже наливка.

— Пей, кума, это для тебя особливо. Ты вѣдь какъ есть дама, хотя и употребляешь горькое, а все-таки сладенькое предпочитаешь.

Ермолай, выпившій съ нами, шутилъ и чувствовалъ себя веселымъ. Онъ, Маланья, дочери и сынъ не сажались за столъ. Они выпивали съ нами (и дѣвушки также), закусывали чуточку и только. «Мы опосля уже наугощаемся»,—отвѣчалъ Ермолай и принимался упрашивать гостей:—«кушать, не обижать хозяйку». И мы пили, ѣли, словно голодали нѣсколько дней и теперь спѣшили насытиться за долгій постъ.

— Ну, и напекли же, наварили вы,—сказалъ о. Василій, кладя на тарелку второй кусокъ сладкаго пирога.—И пирогъ же, невѣсты-то помогали матери?

— Помогали, батюшка.

— Хозяйки и руководѣльницы онѣ у тебя. Что кружева-то хорошо идутъ?

— Берутъ, батюшка, берутъ.

— Мастерицы плести. Вотъ ужъ посмотрю ваше плетенье. Хвалю, Ермолай, за то, что всему дочерей обучилъ... пригодится!

— Какъ не пригодится! Извѣстно, ремесло за плечами не лежитъ.

— Не лежитъ, а денежка бѣжить. Ха, ха, ха! Вотъ, Николай Александровичъ,—обращаясь къ дядѣ, промолвилъ о. Василій:—ис-

тинно трудится человекъ. Никогда-то я его безъ дѣла не видѣлъ. То на землѣ, то по дому, то въ кузницѣ. Кого ни спросите, всѣ похвалятъ, не скажутъ дурного.

— Я его зову пчелой, батюшка,—промолвилъ дядя.

— Войстинну пчела. Прекрасно это вы сказали. Какъ пчела трудится, ну, и улей устроенъ и медокъ есть.

— Ермолай Степанычъ не прогуляетъ зря минуточки,—подтвердила кума.

— Какъ не прогуляю?—возразилъ Ермолай.—А вотъ недавно на праздникахъ...

— Это что же,—перебилъ о. Василій.—Отдохнуть и отъ Бога положено. Самъ Господь отъ трудовъ опочилъ, сказано въ писаніи. Нѣтъ, ужъ ты, Ермолай, не перечь: пчела, братъ, ты, такъ ужъ пчелой и будь... Кличка хорошая. Что работникъ-то есть въ кузнѣ?

— Держу, батюшка.

— Слава Богу. Вотъ,—обратясь ко мнѣ, проговорилъ о. Василій,—все пишутъ въ газетахъ, что бѣднаго да бѣднота въ деревнѣ. Все это такъ, а только побольше бы пчелъ, да поменьше трутней, не то бы и было.

— Трутней-то не особенно много,—сказалъ я.

— Немного? Видите что, другой и работаетъ точно, бьется, да что пользы? Сегодня работаетъ до ломоты, а завтра пьянствуетъ, либо блохъ бьетъ отъ бездѣлья. А ты вотъ, какъ Ермолай: и туда и сюда, на все будь гораздъ, да держись простоты и въ вѣрѣ будь крѣпокъ. Вѣдь онъ что же: не богачъ какой. Живетъ въ достаткѣ, а спина трещитъ. Недавно было: поприжала нужда, и онъ опять зиму въ работникахъ жилъ.

— Жилъ, батюшка,—подтвердилъ Ермолай:—подошла бѣда, что подѣлаешь!

— Ну, вотъ и не онъ одинъ, кто силъ не жалѣетъ, да себя соблюдаетъ, тотъ и живетъ исправно, а если ты...

Отецъ Василій громко икнулъ и, не докончивъ фразы, проговорилъ:

— Люблю Ермолая, и ему за это почетъ: просилъ на дому крестить. Изволь. А къ кому другому и не поѣхалъ бы. Пожалуйте въ церковь. Однако, и вставать пора.

— А чайку-то, батюшка? Пищу размочить, безпремѣнно чайкомъ надо... Вотъ вы икаете. Чаекъ-то и хорошо.

Подали чай.

— А ну-ка, невѣсты-разумницы, покажите ваши рукодѣлья,—сказалъ о. Василій, обращаясь къ дочерямъ Ермолая.

Дѣвушки сходили къ себѣ за перегородку и вынесли оттуда ящикъ съ кружевами.

— Э-э, сколько!—воскликнулъ о. Василій.—Все разные. Ну-ка, какъ это называется?

- Это—численка, батюшка,—отвѣтила Маланья.
- А это?
- Рыбій хвостъ.
- Рыбій хвостъ?—удивленно проговорилъ о. Василій:—это ка-
кимъ манеромъ?
- Такое названіе. Рисункомъ похожи на рыбій хвостъ.
- Такъ, такъ. А сіе?
- Оплеты.
- Вотъ это красиво. Мастерницы!
- Подошла мать и что-то шепнула дочери.
- Та вынула еще другой кусокъ кружевъ и подала священнику.
- Что это?
- Возьмите, батюшка, это отъ насъ матушкѣ.
- Что ты, что ты?—проговорилъ о. Василій, отстраняя рукой:—
это дорогіе, ты ужъ, если хочешь, подари что нибудь подешевле.
- Эти возьмите, другихъ дарить не годится.
- О. Василій не хотѣлъ брать, но его упросили.
- Ну, спасибо, спасибо,—сказалъ онъ, расчувствовавшись:—
вотъ-то будетъ попадья моя довольна!.. Да ей зачѣмъ, а это ужъ
для Евгеша. Ахъ, Ермолай: и напоилъ, и накормилъ, и подарилъ!
- Какое наше угощеніе, батюшка, очень вамъ благодарны!
- О. Василій хотѣлъ подняться съ лавки.
- А на дорожку-то!—воскликнулъ Ермолай:—не годится такъ-то...
слѣдуетъ на дорожку выпить.
- Что же ты послѣ сладкаго да горькое?
- Зачѣмъ горькимъ, а наливочка, батюшка? Сдѣлайте милость.
- Ну, давай, экій ты угостительный! За кого же теперь пить?
Кажись, за всѣхъ пили... Погоди-ка,—вдругъ вспомнивъ что-то, вос-
кликнулъ о. Василій:—что же это мы твоего война-то забыли? Онъ
царю и отечеству служить, за него церковь молится, а мы его и за-
были! Какъ онъ: пишеть?
- Недавно получили. Живеть хорошо, начальство имъ довольно...
Объщается скоро быть по билету.
- Вотъ и новый работникъ... Помогай ему Богъ. За здоровье
кавалера!—заклучилъ о. Василій и, выпивъ рюмку наливки, взялъ
съ тарелки медовый пряникъ.
- О. Василія и Петровича повезъ домой Владиміръ. Мы тоже вскорѣ
уѣхали.
- Застоявшіяся лошадки еще быстрѣ помчали насъ. Ѳеодоръ, уго-
стившійся на крестинахъ вмѣстѣ съ работникомъ Ермолая, весело
погикивалъ.
- Хорошо онъ живеть,—замѣтилъ я дядѣ.
- Хозяйственно. Скотина въ исправности, въ люди ни зачѣмъ
не пойдеть. А все своей спиной: и самъ трудится и семья вся: до-
чери порядочно достаютъ. Ни одной не пустилъ въ городъ въ услу-

женіе, и хорошо сдѣлать. Городъ какъ разъ избалуесть. Владиміръ жить какъ-то зиму у князя Ухтомскаго.

— Въ работникахъ?

— Кузнецомъ. Зимой работы дома мало. Все же поддержка. А вотъ эту зиму живетъ дома... Нѣтъ, что ты ни говори, племяшъ, а я того мнѣнія: кто пчела, тому все-таки жить можно, о. Василій правъ. Конечно, никто не говоритъ, что Аркадія: тяжело и крутенько приходится, а все же пчелы, въ родѣ Ермолая, «оборачиваются». Не такъ ли?

Вѣтеръ началъ дуть прямо въ лицо, когда мы выѣхали изъ лѣса. Я плотно закутался въ шубу, закрылся воротникомъ и ничего не отвѣтилъ дядѣ.

У воротъ усадьбы намъ попалась старуха, которая низко поклонилась и закашлялась.

— Кто это?—спросилъ я.

— Тутъ у меня живетъ—Татьяна... Ея мужъ работникомъ когда-то служилъ у меня.

— Семень?

— Да. Развѣ ты помнишь?..

— Пьяница и...

— И деревенскій Донъ-Жуанъ? Онъ, онъ. Пьяный-то и замерзъ въ полѣ.

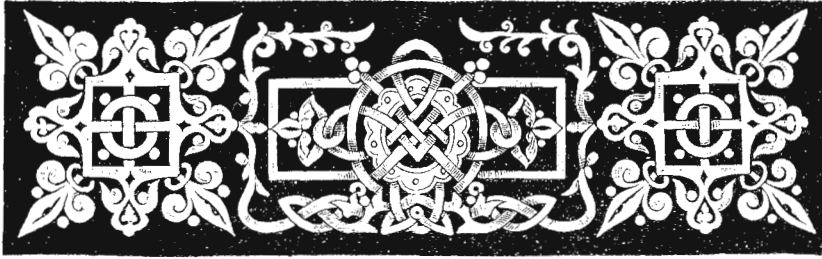
— Какая она стала, совсѣмъ старуха. А вѣдь моложе Меланьи.

— Больная. Навѣрно скоро умереть. Держу такъ изъ жалости, дочь у нея взрослая, служить въ Петербургѣ въ нянькахъ. Не пишеть матери. Должно быть, спуталась. А знаешь что?—проговорилъ дядя, подымаясь на крыльцо:—я что-то прозябъ. Не напиться ли намъ еще чайку?

Я не отказался.

Александръ Кругловъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ ¹⁾.

(Отрывокъ изъ дневника).

II.

В ПЕРВОЙ ГЛАВѢ своихъ воспоминаній я остано-
вился на моемъ прибытіи къ бивуаку X-го прус-
скаго корпуса. Корпусъ этотъ входилъ въ составъ
II-й арміи, предводимой принцемъ Фридрихомъ-Кар-
ломъ Пруссимъ; контингентомъ для его комплекто-
ванія служили: Ганноверъ, Брауншвейгъ и Ольден-
бургъ. Онъ былъ сформированъ по присоединеніи Ган-
новерскаго королевства къ Пруссіи, слѣдовательно
послѣ 1866 года. Особыхъ нѣжныхъ чувствъ къ за-
воевателямъ ганноверское населеніе, конечно, не чувствовало; на-
противъ, было много горячихъ приверженцевъ низложеннаго ко-
ролевскаго дома. Поэтому для скорого и успѣшнаго формирова-
нія корпуса, набраннаго изъ мѣстнаго населенія, требовалась твердая,
умѣлая, но не жесткая рука; такому требованію вполнѣ отвѣчалъ
генераль Фохтсъ-Рецъ, соединявшій въ себѣ знаніе дѣла, умъ,
высшую образованность и достаточно твердую волю; въ то же время
онъ былъ мягокъ, обходителенъ, доброжелателенъ и доступенъ. Онъ
всегда считался выдающимся офицеромъ генеральнаго штаба и въ
1866 году состоялъ начальникомъ штаба арміи принца Фридриха-
Карла.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 119.

Извѣстно его непосредственное участіе въ принятіи генераломъ Мольтке и королемъ рѣшенія неотлагательно атаковать австрійцевъ, находившихся еще на правомъ берегу Дуная. Послѣдствіемъ было полное пораженіе ихъ подъ Кенигсгрецемъ.

Наружность его выражала доброту и юморъ, и дѣйствительно оба эти качества проявлялись непрерывно; безъ остротъ и каламбуровъ онъ не могъ существовать; съ другой стороны, лицо его до такой степени было повреждено оспою, что даже столь снисходительный императоръ Александръ II изволилъ замѣтить мнѣ однажды:

— «Отдаю полную справедливость отличнымъ достоинствамъ твоего Фохтсъ-Реца, но согласись, вѣдь онъ болѣе чѣмъ некрасивъ».

Онъ относился критически, хотя въ большинствѣ случаевъ добродушно, ко всему, и многимъ распоряженіямъ, какъ мирнаго, такъ и военнаго времени, доставалось отъ него шибко. Изъ многихъ разсказовъ, характеризующихъ личность генерала Фохтсъ-Реца, приведу слѣдующіе.

— «До войны, — разсказывалъ генералъ, — были назначены королевскіе маневры моему корпусу; среди многихъ иностранцевъ находились французы, внимательно слѣдившіе за всѣми движеніями. Надобно при этомъ сознаться, что войска наши нерѣдко дѣйствовали просто безобразно; такъ, между прочимъ, одно селеніе съ обширнымъ впереди обстрѣломъ было атаковано густыми массами. На спросъ мой французскаго коллеги, какъ понравился ему маневръ, онъ, конечно, ограничился общими уклончивыми фразами и только послѣ повторенной просьбы отвѣтить потоварищески сказалъ: «ну, ежели потоварищески, то въ такомъ случаѣ могу выразить лишь одно горячее желаніе, чтобы въ случаѣ войны съ нами вы сохранили тотъ же способъ атаки селеній». — Этого удовольствія, — закончилъ генералъ, — мы, однако, не доставили французамъ.

Меня часто удивляла рѣзкость, съ которою корпусный командиръ отзывался о генералѣ Мантейфель, командирѣ 1-го корпуса, считавшемся другими отличнымъ генераломъ, что, впрочемъ, и подтвердилось при командованіи имъ сперва 1-ю арміею, бывшею Штейнмеца, а затѣмъ войсками, загнавшими армію Бурбаки въ Швейцарію. Нерасположеніе это, главнымъ образомъ, основывалось на твердости, иногда, быть можетъ, излишней, съ которою генералъ Мантейфель управлялъ военнымъ кабинетомъ короля. Но характерно то объясненіе, которое далъ Фохтсъ-Рець. «Мантейфель — царедворецъ! онъ никогда не носилъ, какъ мы, тяжелой ляжки строеваго офицера, а между тѣмъ обогналъ насъ всѣхъ при слѣдующихъ ненормальныхъ обстоятельствахъ. Императоръ Николай I часто пріѣзжалъ въ Пруссію съ императрицею Александрою Теодоровной, и много разъ назначался къ нимъ флигель-адъютантомъ Мантейфель и неизмѣнно въ капитанскомъ чинѣ, въ то время, какъ русскіе флигель-адъютанты, сопровождавшіе императора, быстро

продолжали подвигаться въ чинахъ. Государь и императрица неоднократно обращались къ королю съ просьбой о производствѣ Мантейфеля, но въ Пруссіи настолько твердо вкорененъ принципъ старшинства, что даже король не считалъ возможнымъ сдѣлать изъятіе. Наконецъ, все-таки, пришлось уступить, и въ королевскомъ повелѣніи было объявлено, что, вслѣдствіе особой просьбы императрицы всероссійской, капитану Мантейфелю предоставляются права маіора: за тѣмъ дали старшинство, — этимъ онъ и обогналъ всѣхъ сверстниковъ».

Отличныя боевыя заслуги X-го корпуса подъ Марсъ-ла-Туромъ и во второй половинѣ кампаніи у Луары, особенно подъ Бонъ-ла-Ронандомъ, доказываютъ, что правительство не обманулось, вручая судьбу формировавшагося X-го корпуса въ руки генерала Фохтсъ-Реца. Въ три года разношерстный корпусъ настолько сплотился и обладалъ такимъ боевымъ духомъ и лихостью, что могъ съ успѣхомъ сравниться, на примѣръ, съ III-мъ бранденбургскимъ корпусомъ, находившимся въ той же арміи и воспитаннымъ такими выдающимися лицами, какъ принцъ Фридрихъ-Карль и генералъ Альвенслебенъ 2-й.

Впрочемъ, я долженъ заявить, не смотря на благодарную память мою къ генералу Фохтсъ-Рецу, что въ 1870 году онъ былъ ниже своей прежней репутаціи. Бурная молодость и поздняя женитьба на замѣчательной красавицѣ повліяли на его силы и энергію. Это не было упущено изъ виду, а потому передъ кампаніей, вмѣсто прежняго, вполне способнаго и дѣльнаго, но мягкаго характеромъ, начальника штаба, получившаго полкъ, былъ назначенъ подполковникъ Каприви, кончившій свою политическую карьеру императорскимъ канцлеромъ. Подполковникъ Каприви представлялъ собою весьма характерную и интересную личность. Высокій, при чемъ верхняя часть тѣла была гораздо короче нижней, съ крайне выразительнымъ, но и не привлекательнымъ выраженіемъ лица, онъ представлялъ собою типъ выдающагося прусскаго офицера генеральнаго штаба. Простой, хотя и сдержанный, съ несгибающею спиною, онъ былъ чуждъ мелочности, какъ въ обхожденіи, такъ и въ служебной дѣятельности. Онъ имѣлъ способность быстро охватывать положеніе и столь же быстро принимать соотвѣтственное рѣшеніе, проявляя его весьма энергично. Въ докладахъ, особенно въ полѣ, чувствовалось, что общія соображенія и детали выполненія принадлежали ему, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда облакалъ ихъ въ формы, какъ бы исходящія отъ командира корпуса и имъ будто бы только что высказанныя, а между тѣмъ часто со стороны генерала Фохтсъ-Реца еще не исходило никакихъ указаній. Нельзя было иногда безъ скрытой улыбки присутствовать при подобной сценѣ; такъ, на примѣръ, при слѣдованіи командира корпуса со штабомъ, прискакиваетъ офицеръ съ донесеніемъ; Каприви быстро

распечатываетъ его, читаетъ сперва про себя, а потомъ громко своему начальнику; при чемъ, развивая дальнѣйшія соображенія и соотвѣтствующія распоряженія, онъ облакаетъ рѣшеніе, какъ бы исходящее отъ командира, и, испросивъ утверженіе ихъ, съ энергіей и ясностью передаетъ надлежащимъ лицамъ распоряженія.

Познакомивъ съ двумя главными лицами X-го корпуса, я прежде перехода къ другимъ опишу первые дни пребывания моего въ его рядахъ. Едва успѣлъ я соскочить съ лошади, какъ подошелъ весьма благообразный, вѣжливый и любезный маіоръ, назвавшись фонъ-Герхартомъ, старшимъ адъютантомъ и хозяиномъ-распорядителемъ штаба. Корпусъ готовился къ выступленію, а потому складывались послѣдніе пожитки; фонъ-Герхартъ повелъ меня къ шедшему уже на встрѣчу командиру корпуса. Сердечность пріема сразу расположила меня къ нему, и я навсегда сохранилъ благодарную память объ этомъ добромъ, отличномъ человѣкѣ. Во все время моего пребывания въ X-мъ корпусѣ генераль Фохтсъ-Рецъ выказывалъ мнѣ изысканную любезность. Онъ поручилъ меня особой заботливости маіора фонъ-Герхарта и приказалъ знакомить меня и показывать все, что пожелаю. Этой предупредительной готовности обязанъ я близкимъ знакомствомъ съ прусскою арміею и обширными свѣдѣніями, собранными по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія.

Когда Гравелотская побѣда выяснила, что французы на первое, по крайней мѣрѣ, время, не выйдутъ изъ-подъ стѣнъ Меца, и что для удержанія ихъ нѣтъ надобности въ столь большомъ числѣ войскъ, то уже 19-го августа новаго стиля состоялось распоряженіе о сформированіи особой арміи подъ предводительствомъ наслѣднаго принца саксонскаго; въ составъ ея вошли: изъ II-й арміи—прусская гвардія и XII саксонскій корпусъ, а изъ III арміи—IV корпусъ. Во исполненіе сего, ночью съ 19-го на 20-е августа новаго стиля, X-й корпусъ долженъ былъ занять мѣста уходящаго XII-го корпуса. Такимъ образомъ, едва я успѣлъ, по прибытіи къ X-му корпусу, познакомиться съ составомъ штаба, какъ началось движеніе корпуса. Наступившая темнота, масса войскъ съ обозами, двигавшаяся къ Мецу, а другая на встрѣчу, способствовали безпорядочному движенію, которымъ французы могли бы воспользоваться, если бы знали о томъ. Особую энергію къ возстановленію порядка слѣдованія обозовъ войска оказалъ офицеръ генеральнаго штаба 19-й пѣхотной дивизіи капитанъ фонъ-Шарфъ, впоследствии извѣстный военный писатель. Онъ едва не приказалъ сбросить съ дороги даже экипажъ корпуснаго командира, вслѣдствіе чего получилъ отъ послѣдняго сильный нагоняй. Въ темную ночь достигли мы Реонкура, гдѣ заняли сарай и легли, не раздвываясь, на солому въ полной готовности тотчасъ же сѣсть на коней при малѣйшемъ движеніи со стороны французовъ. Почти двое сутокъ прошли, что я не съѣлъ даже небольшого кусочка хлѣба. Голодъ мучилъ меня, и я несказанно былъ радъ, когда

въ 6-мъ часу утра мнѣ предложили чашку изряднаго кофе съ довольно черствымъ хлѣбомъ.

При слѣдованіи къ Реонкуру мы прошли мимо собиравшейся для дальнѣйшаго движенія гвардіи, понесшей 18 августа столь ужасныя потери. У крайняго дома селенія стоялъ командиръ, принцъ Августъ Вюртембергскій, братъ великой княгини Елены Павловны. Онъ былъ очень огорченъ, узнавъ, что, не рассчитывая встрѣтиться съ нимъ, я передалъ письмо ея высочества генералу Треско для отправления съ казенною корреспонденціею. Тутъ же видѣлъ я флигель-адъютанта Доппельмейера, наскоро передавашаго мнѣ главнѣйшія впечатлѣнія о битвѣ 18-го августа.

Очень опечалило меня извѣстіе, что X-й корпусъ не поступилъ въ составъ Маасской арміи, вслѣдствіе чего ему, въ числѣ другихъ 7 корпусовъ, предстояла продолжительная, томительная и однообразная служба обложенія крѣпости, вмѣсто быстрого наступленія по направленію къ Парижу и преслѣдованія вновь сформированной арміи маршала Макъ-Магона. Но нечего было дѣлать; пришлось покориться судьбѣ и воспользоваться сидѣніемъ подъ стѣнами Меца для послѣдовательнаго изученія различныхъ отраслей полевого управленія прусской арміи. 9-го (21-го) августа мы перешли въ деревню Маранжъ, назначенную штабъ-квартирою X-го армейскаго корпуса; мнѣ была отведена очень порядочная комната у мѣстнаго доктора.

Прежде перехода къ описанію дальнѣйшихъ событій, назову нѣкоторыхъ лицъ штаба X-го корпуса, обратившихъ на себя мое особое вниманіе. Генеральнаго штаба капитаны Зеебокъ и баронъ Гюне: первый—весьма красивый и представительный, съ рыцарскими манерами, энергическій и неутомимый; любилъ опасность и искалъ ее, гарцуя среди пуль и разрывавшихся снарядовъ. Теперь уже нѣсколько лѣтъ блистательно командуетъ корпусомъ. Баронъ Гюне—скромный, не любившій выставляться офицеръ; дѣятельность его не была замѣтна, и, кажется, полковникъ Каприви смотрѣлъ на него нѣсколько свысока. Послѣ кампаніи онъ вышелъ въ отставку и сдѣлался вскорѣ предводителемъ партіи католиковъ въ парламентѣ, съ которымъ императорскому канцлеру, прежнему начальнику штаба, пришлось очень считаться для привлеченія на сторону правительства католической партіи.

Поручикъ Подбѣльскій, сынъ генераль-квартирмейстера,—выдающійся офицеръ. Не смотря на молодые годы, оказалъ своему корпусу большія услуги. Первую внимательную осмотрительность онъ проявилъ въ день сраженія при Марсъ-ла-Турѣ. Посланнѣй командиромъ корпуса, слѣдовавшимъ отъ Понтъ-а-Муссона по направленію къ Вердену на выстрѣлы, слышавшіеся съ Віонвильскаго плато, Подбѣльскій не только обстоятельно изслѣдовалъ пути слѣдованія и подступы къ непріятелю, но точно опредѣлилъ положеніе сторонъ. Кромѣ того, онъ не упустилъ изъ виду, что на огромномъ

пространствѣ, служившемъ полемъ битвы, вовсе не было воды, и что колодцы или исчерпаны, или загрязнены. Въ виду сего, когда генераль Фохтсъ-Рецъ рѣшился идти на выручку III корпуса, то вся имѣвшаяся при войскахъ посуда была наполнена водою, что принесло несомнѣнную пользу войскамъ, форсированно двигавшимся подъ палящими лучами солнца. Вторая заслуга заключалась въ томъ, что когда при движеніи II-й арміи отъ Меца къ Луарѣ интенданство оказалось несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего принцъ Фридрихъ-Карль приказалъ войскамъ самостоятельно организовать продовольственную часть, то трудное дѣло это было въ X корпусѣ поручено молодому Подбѣльскому, блистательно исполнившему порученіе подъ главнымъ руководствомъ полковника Каприви.

Поручикъ Лессингъ, любимецъ начальника штаба, отлично велъ и содержалъ штабную переписку; ему обязанъ я знакомствомъ со всѣми инструкціями и положеніями, на основаніи коихъ дѣйствовали разные отдѣлы полевого управленія.

Не могу не остановиться на начальникѣ артиллеріи фонъ-Беккѣ, старомъ и съ большою боевою опытностью артиллеристѣ. Онъ служилъ прежде въ турецкой и египетской арміяхъ и воевалъ противъ насъ. Ему обязанъ я близкимъ знакомствомъ съ усовершенствованіями, достигнутыми артиллеріею въ послѣднее время, и новыми основами дѣйствія, принятыми въ настоящей кампаніи. Какъ только семь прусскихъ корпусовъ заняли указанныя имъ мѣста обложія Меца, было приступлено къ самому тщательному укрѣпленію участковъ. Общія директивы даны были принцемъ Фридрихомъ-Карломъ, затѣмъ всѣ детали предоставлены усмотрѣнію корпусовъ. Въ каждомъ участкѣ оборонительныя работы состояли изъ передовыхъ, главныхъ и резервныхъ; всякій пунктъ, могущій имѣть какое либо значеніе для боя, былъ усиленъ разными искусственными средствами, всѣ подступы тщательно измѣрены, а закрытыя мѣста сдѣланы по возможности недоступными; такимъ образомъ, можно было предположить, что ни одинъ выстрѣлъ противъ наступающаго не пропасть бы даромъ. На передовой позиціи полагали дать первый отпоръ пробивающимся французамъ до сбора войскъ; упорно положено было держаться на главной позиціи. Такъ какъ Мецъ окруженъ высотами, то легко устроились обсервационные пункты, снабженные отличными подзорными трубами. Каждое новое явленіе въ Мецѣ, малѣйшій сборъ войскъ въ теченіе дня замѣчали на обсерваторіи и по телеграфу сообщали по назначенію. Такое тщательное усиленіе позиціи пруссаковъ, съ принятіемъ всѣхъ мѣръ къ неотлагательному сбору войскъ, значительно затруднило бы французовъ при вылазкѣ. Конечно, долгъ чести требовалъ отъ нихъ прорыва хотя бы и цѣною гибели половины арміи. Но успѣхъ такого геройскаго подвига зависѣлъ отъ такихъ разнообразныхъ нравственныхъ и духовныхъ условій, что не могъ подлежать теоретиче-

скому анализу. Лишенный возможности оцѣнивать нравственную силу французовъ, но видя съ другой стороны высокой подъемъ духа нѣмцевъ, а также ретивость, съ которою они обращали въ недоступную твердыню почти каждый шагъ позиціи, съ рѣшимостью погибнуть, но не пропустить французовъ, я съ понятнымъ для солдата сокрушеніемъ, послѣ перваго же осмотра оборонительной позиціи, счелъ долгомъ донести въ Петербургъ уже 11-го августа, что, по моему мнѣнію, славная французская армія обречена на гибель, и что непорочная крѣпость Мецъ, укрывшая ее за своими стѣнами, будетъ рано или поздно причиною ея гибели и въ то же время падетъ сама безславною смертію. Мнѣ извѣстно, что это указаніе было принято здѣсь съ чувствомъ, близкимъ къ негодованію. Да оно и понятно; надо было побороть всѣ чувства, воодушевляющія солдата, быть на мѣстѣ и соотвѣтственно изучить всѣ данныя, чтобы по долгу службы и безпристрастнаго очевидца рѣшиться на такой приговоръ. Не надобно забывать, что повдигѣе легче было прійти къ такому заключенію, когда дни проходили за днями безъ рѣшительныхъ дѣйствій арміи Базена, и когда была плѣнена подъ Седаномъ армія Макъ-Магона.

Въ повдѣйшихъ своихъ донесеніяхъ я возвращался къ тому же вопросу; стараясь приискать смягчающія обстоятельства къ сдѣланному мною выводу, но, къ сожалѣнію, не могъ измѣнить увѣренности, что армія, въ полномъ ея значеніи, съ сохраненіемъ внутренней связи съ артиллеріей и обозами не пробьется; могли, быть можетъ, пройти послѣ нечеловѣческихъ усилій отдѣльныя части, группы, не обезпеченныя продовольствіемъ, которыя, потерявъ прежнюю силу, будутъ годны развѣ для кадровъ вновь формирующихся частей. Въ тѣхъ же донесеніяхъ я часто указывалъ на пассивность въ дѣйствіяхъ Базена. Если маршалъ былъ убѣжденъ, что прорывъ стоилъ бы гибели лучшей части арміи, то во всякомъ случаѣ долгъ требовалъ отъ него гораздо большей активности въ оборонѣ. Ежедневными, а особенно ночными вылазками, то на одной, то на другой сторонѣ, онъ долженъ былъ замучить нѣмцевъ, заставляя ихъ держать въ готовности, а потому въ полѣ, подъ дождемъ и ненастьемъ, большую часть арміи. Потери и лежаніе въ траншеяхъ, наполненныхъ водою, наконецъ утомленіе отъ постоянного ожиданія подѣйствовали бы на духъ войскъ и на состояніе ихъ здоровья. А между тѣмъ ничего этого не было ¹⁾, что давало возможность расположить войска по деревнямъ и проводить спокойно большую часть ночей.

Понятно, что и подъ стѣнами Меца часто занимались вопросами, пробьются ли французы или нѣтъ. Обмѣнъ мыслей кончался обык-

¹⁾ Вѣдь напелся же во французской арміи энергичный человѣкъ, а именно комендантъ Бельфора, который своими безпрестанными вылазками истощалъ врага.

новенно выраженіемъ желанія, чтобъ противникъ пробился. Далеко вѣдь не уйдутъ разстроенныя части, говорили нѣмцы; нагонимъ и разобьемъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавимся отъ этого проклятаго сидѣнія подъ Мецемиъ.

Дѣйствительно сидѣніе подъ какою либо крѣпостью не для осады ея, а исключительно обложенія, принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ войны. Вмѣсто наступленія, съ переходомъ съ одного мѣста на другое и встрѣчею противниковъ, оживляющихъ и воодушевляющихъ войска, приходится изо дня въ день нести ту же однообразную службу, соединенную вмѣстѣ съ тѣмъ съ всегдашнею готовностью дать отпоръ врагу. Условіе это дѣйствуетъ нерѣдко удручающимъ образомъ на нервы. Для устранения сего начальство обращало особое вниманіе на занятія войскъ, возводя разнаго рода работы; при отсутствіи же ихъ производились полевыя занятія, даже одиночное ученье.

Но я опять забѣжалъ впередъ; прошу простить этому увлеченію ради важности и интереса разобраннаго вопроса.

Выше было сказано, что 9-го (21-го) августа штабъ X-го корпуса водворился въ деревнѣ Маранжъ, находившейся за среднею позиціею, занятой 19 и 20 дивизіями, входившими въ составъ корпуса. Первое время проходило въ усиленныхъ работахъ, какъ фортификаціонныхъ, такъ и хозяйственныхъ, для предоставленія частямъ возможныхъ удобствъ. Всѣ эти работы были послѣдовательно осматрѣны мною во время продолжительнаго пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ и съ тою же дѣятельностью, разнообразившеюся только въ рѣдкіе дни непріятельскихъ вылазокъ, при чемъ всегда избѣгался фронтъ X-го корпуса, въ виду труднаго его доступа.

Обѣзжая разныя мѣста и учрежденія, я вскорѣ замѣтилъ, что самостоятельныя поѣздки эти ставили ближайшихъ начальниковъ въ затрудненіе; получались не вполне точныя, иногда и уклончивыя указанія. Такъ, напримѣръ, заставъ одного медика при разборѣ аптечнаго фургона, я просилъ объяснить мнѣ его устройство, но даже въ столь простомъ дѣлѣ получилъ отказъ съ ссылкою на необходимость разрѣшенія начальства. Доступъ къ ближайшимъ къ непріятелю позиціямъ, особенно въ участкахъ другихъ корпусовъ, оказался такъ же затруднительнымъ, а потому, для поддержанія того расположенія, которымъ я пользовался въ корпусномъ штабѣ, и устраненія малѣйшаго сомнѣнія въ намѣреніи моемъ только наблюдать, я рѣшилъ слѣдовать такому правилу: сопровождать всегда и повсюду корпуснаго командира, а въ иныхъ случаяхъ начальника штаба; осматривать же тыловыя и благотворительныя учрежденія совмѣстно съ представителями ихъ. Для присутствованія въ дѣлахъ частей, не принадлежавшихъ къ составу X-го корпуса, я испрашивалъ позволеніе сопровождать начальника въ огнѣ находящихся войскъ. Въ штабѣ X-го корпуса находился короткое время кор-

респондентъ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ, майоръ Пенбертонъ. Онъ получалъ большую плату, но за то обязывался доставлять самыя подробныя статьи, особенно о боѣ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о взаимномъ расположеніи противныхъ сторонъ, онъ какъ-то попалъ между ихъ линіями и былъ убитъ.

Одновременно съ этими поѣздками я приступилъ къ подробному изученію тѣхъ сторонъ военнаго управленія, на которыя мнѣ было указано. Я прибылъ въ X-й корпусъ тотчасъ послѣ трехъ битвъ подъ Мецеми; конечно, всѣ были подъ впечатлѣніемъ этихъ событій и обмѣнивались личными своими наблюденіями. Внимательно вслушивался я въ эти рассказы, сличая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ самъ.

Для описанія способа дѣйствія въ бою родовъ оружія я часто обращался то къ одному, то къ другому за ближайшими указаніями. При этомъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ посоветовалъ мнѣ прочесть весьма поучительную, но въ то же время и секретную инструкцію «О высшемъ веденіи войскъ» (*Instruktion über die höhere Truppenführung*), въ которую вошли главныя основанія веденія войны, съ соответственными указаніями для достиженія наибольшихъ результатовъ, какъ подготовки арміи въ мирное время, такъ и веденія ея на войнѣ. «Инструкція эта будетъ для васъ тѣмъ интереснѣе, говорили мнѣ, что изъ ея указаній вы усмотрите, что какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ способъ нашихъ дѣйствій не представляется случайнымъ, а основаннымъ на твердыхъ началахъ военнаго дѣла».

Я обратился съ просьбой познакомиться съ инструкціей къ командиру корпуса, въ присутствіи начальника штаба, и получилъ соответственное разрѣшеніе, не смотря на то, что она выдавалась только высшимъ начальникамъ до полковыхъ командировъ включительно.

Не намѣреваясь, въ виду спеціальнаго значенія инструкціи, входить въ ближайшее разсмотрѣніе ея крайне цѣнныхъ указаній, ограничусь приведеніемъ лишь двухъ или трехъ изъ наиболѣе выдающихся; при этомъ для большей рельефности въ оцѣнкѣ этихъ данныхъ мнѣ придется опять опередить текуція событія и перенестись для сравненія даже къ дѣйствіямъ нашимъ въ турецкой кампаніи 1877 года.

Общія указанія и стратегическій отдѣлъ инструкціи принадлежатъ генералу Мольтке. Въ нихъ говорится, что война есть народное бѣдствіе; всѣ помыслы и старанія должны быть направлены къ тому, чтобы кончить ее возможно скорѣе. Поэтому вооруженныя силы государства должны быть сразу выдвинуты и направлены къ достиженію цѣли. Вотъ почему войска, которыя могли быть употреблены безъ явнаго ущерба для другихъ соображеній, были направлены къ французской границѣ, чѣмъ сразу достигли громаднаго перевѣса въ силахъ. Побѣда, говорится далѣе, выигранное

сраженіе имѣеть важнѣйшее для войны значеніе. Не занятіе части непріятельской страны, не обладаніе крѣпостями, а исключительно побѣда рѣшаетъ судьбу войны, а потому къ ней должны быть направлены всѣ усилія. Война 1870 года представляетъ много примѣровъ точнаго выполненія этихъ основъ. Такъ III-я армія на слѣднаго принца прусскаго, находясь въ пути къ Парижу, съ паденіемъ коего была связана надежда на прекращеніе войны, узнавъ, что войска Макъ-Магона повернули черезъ Ретель на сѣверъ, не задумалась бросить прежнюю, столь заманчивую цѣль и поспѣшила, въ соединеніи съ Маасскою арміею, преградить дальнѣйшій путь французамъ, получившихъ приказаніе изъ Парижа войти въ связь съ маршаломъ Базеномъ, задержаннымъ подъ Мецею. Примѣняясь къ тому же принципу, германцы не сдѣлали ни одной попытки къ ускоренію обладанія Мецею и Парижемъ открытою атакою ихъ. Предпочтеніе было дано хотя и болѣе медленной, но за то и болѣе вѣрной и не стоившей напрасныхъ жертвъ, выжидательной системѣ обложенія.

Въ административномъ отдѣлѣ инструкціи сказано, между прочимъ, что самое дурное хозяйство на войнѣ есть дешевое, стремящееся къ сбереженіямъ; въ немъ источники зла и гибели, потому непростительную ошибку сдѣлалъ бы тотъ, кто, прикрываясь буквою закона, не принялъ бы всѣхъ мѣръ къ сбереженію здоровья войскъ и обезпеченія его благосостоянія.

Вотъ почему, когда подъ Мецею въ X-омъ корпусѣ открылась диссендерія, то командиръ корпуса тотчасъ же приказалъ приобрести наличною покупкою нужныя средства для борьбы съ заразою, и всѣ довольно значительные расходы были покрыты его подписью.

Точно такъ же, когда при быстромъ наступленіи II-й арміи отъ Меца къ Лаурѣ интендантство не могло обезпечить войска продовольствіемъ, то сложное это дѣло, съ уплатою на мѣстѣ наличными деньгами, было поручено самимъ войскамъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ корпусныхъ штабовъ. Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Позднѣе я получилъ приказаніе приобрести разбираемую инструкцію, что встрѣтило, въ виду секретнаго ея значенія, не мало затрудненій, устраненныхъ лишь разрѣшеніемъ короля, не признававшего въ подобныхъ случаяхъ тайны для Россіи. По окончаніи войны одно высокопоставленное лицо, прочитавъ инструкцію съ моими заключеніями, нашло, что мною было произведено слишкомъ много шума для пріобрѣтенія ея, и что я незаслуженно расхвалилъ, такъ какъ она содержитъ въ себѣ лишь общія мѣста основъ военнаго дѣла, почти всѣмъ извѣстныя, а тѣмъ болѣе сидѣвшимъ на академической скамьѣ. Я, конечно, не могъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ, ссылаясь на то, что указанія инструкціи сдѣлались общимъ достояніемъ нѣмецкихъ войсковыхъ начальниковъ и привились въ ихъ кровь и плоть.

Къ сожалѣнію, событія войны 1877 г. показали, что я не ошибался; думаю также, что мой собесѣдникъ 1872 года болѣе, чѣмъ кто либо, сокрушался надъ забвеніемъ нами основъ, признававшихся имъ всѣмъ извѣстными. Дѣйствительно, ограничиваясь даже примѣрами, приведенными по отношенію къ германской арміи, увидимъ, что, имѣя миллионную армію, мы начали турецкую войну тремя корпусами, постепенно подкрѣпляя ихъ вновь мобилизованными частями. Не зная ни мѣста положенія непріятеля, ни численности его, мы, по переходѣ черезъ Дунай, спѣшимъ за Балканы и достигаемъ лишь избіенія болгаръ, по уходѣ отряда генерала Гурко, и Плевненскаго сидѣнія. Повторяемъ, наши неоднократныя неудачныя попытки овладѣть Плевною открытою силою, да и самая техника обложенія, принятая подъ Плевной, доказываютъ, что примѣры Меца и Парижа пропали для насъ безслѣдно. Только съ прибытіемъ къ арміи графа Тотлебена стали вводить необходимыя поправки. Наконецъ, когда интендантство оказалось несостоятельнымъ, то забота о продовольствіи была возложена не на войска, а на пресловутую компанію евреевъ. Конечно, Болгарія не Франція, не все же она оказалась богаче, чѣмъ предполагали, и кому изъ участниковъ турецкой войны не приходилось видѣть болгарскія деревни съ большими запасами разнаго рода довольствія, въ то время, когда наши войска терпѣли въ нихъ большую нужду.

Привожу все это не въ осужденіе, а для иллюстраціи событій 1870 г. и оправданія себя въ упрекахъ преувеличеннаго восхваленія нѣмцевъ. Переносаясь мысленно къ описываемому времени, вполне понимаю, что донесенія мои, не смотря на стараніе быть объективнымъ и касаться исключительно военного дѣла, оставаясь вполне чуждымъ политическимъ стремленіямъ нѣмцевъ, могли казаться преувеличенными, даже досадными, особенно принявъ во вниманіе ту симпатію, которую высказывала наша публика къ Франціи. Но, съ другой стороны, успѣхи германскаго оружія были вѣдь дѣйствительно необыкновенными, и даже на мѣстѣ не вѣрилось возможности столь внезапнаго и полнаго краха, съ обнаруженіемъ несостоятельности всей военной организаціи арміи, такъ долго служившей и намъ предметомъ тщательнаго изученія и подражанія.

Отправивъ донесеніе о боѣ трехъ родовъ оружія и продолжая сопровождать корпуснаго командира въ ежедневныхъ его объѣздахъ, я приступилъ къ изученію санитарной части и дѣятельности добровольной помощи, призванныхъ уменьшать и облегчать страданія на полѣ сраженія. Познакомившись съ инструкціей санитарной части въ полѣ (*Instruktion über das Sanitätswesen der Armee im Felde*), я совмѣстно съ представителемъ добровольной помощи при X-омъ корпусѣ, Пфулемъ, сыномъ извѣстнаго стратега, состоявшаго въ Отечественную войну при императорѣ Александрѣ I, осмотрѣлъ много полевыхъ лазаретовъ. Столь успѣшно испытанная въ 1866 г. си-

стема эвакуаціи была примѣнена въ полной мѣрѣ, потому всѣ раненые и больные, требовавшіе продолжительнаго лѣченія и способные къ перевозкѣ, отправлялись на родину; въ лазаретахъ находились или подававшіе надежду на скорое выздоровленіе, или тяжело раненые, обреченные на неподвижное долгое страданіе. Всѣ лазареты были найдены нами въ примѣрномъ порядкѣ; вездѣ чисто, много свѣта и воздуха; дезинфекціонныхъ средствъ въ изобиліи. Каждый лазаретъ находился въ полномъ вѣдѣніи доктора, и все подчинялось ему; уходъ былъ тщательный, но, повидимому, иногда нѣсколько суровый; казалось, будто лѣченіе, перевязка и т. д. производились чуть ли не по командѣ и по приѣмамъ.

Проѣзжая черезъ селеніе Мари-о-Шенъ, взятіе котораго стоило 18-го августа новаго стиля столькохъ жертвъ прусской гвардіи, мы замѣтили на крыльцѣ одного обширнаго каменнаго зданія, изрядно избитаго германскими снарядами, нѣсколько французскихъ офицеровъ; то были медики и интендантскіе чиновники французскаго лазарета, открывшаго свои дѣйствія въ день Гравелотскаго сраженія и оставшагося на мѣстѣ. Войдя въ помѣщеніе, мы были поражены ужасомъ. Вдоль стѣны, на измятой и сомнительной чистоты соломѣ лежали до 30 раненыхъ, изъ коихъ большинство ампутированныхъ. Кроватей, матрасовъ, одеялъ, кажется, даже подушекъ не было; прикрыты они были короткими синими шинелями. Всѣ окна закрыты, вслѣдствіе чего воздухъ былъ ужасенъ. На спросъ о причинѣ такого бѣдственнаго положенія лазарета, французы ссылались на неимѣніе средствъ, такъ какъ большая часть лазаретнаго обоза съ находившимися въ немъ вещами бѣжала при отступленіи войскъ. Между интендантскими чиновниками и медиками, казалось, существовалъ большой разладъ. Конечно, нельзя было оставить несчастныхъ страдальцевъ въ такомъ положеніи, потому, по докладу г. Пфуля, командиръ корпуса приказалъ больныхъ размѣстить по нѣмецкимъ лазаретамъ, а личный составъ передать въ распоряженіе штаба арміи для отправленія въ Мецъ. Позднѣе я имѣлъ случай видѣть этихъ раненыхъ; они не могли нахвалиться вниманіемъ, имъ оказываемымъ, и уходомъ. Не имѣя возможности входить тутъ въ большія подробности описанія дѣятельности санитарной части, изложенной въ спеціальномъ донесеніи, я ограничусь только указаніемъ, что позднѣе, зимою, когда осматривалъ тыловыя учрежденія, я ознакомился съ системою эвакуаціи, сортировочными и перевязочными пунктами и имѣлъ возможность проѣхать довольно большое пространство къ санитарномъ поѣздѣ. Конечно, все это уже давно составляетъ общее достояніе всѣхъ армій. Поѣздъ, изготовленный, напри- мѣръ, средствами фонъ-Мекка и состоявшій подъ покровительствомъ великой княгини Маріи Павловны, въ которомъ везли насъ, раненыхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, далеко превосходилъ средства 1870 г., но тогда эти попытки облегченія страданія раненыхъ и

улучшенія способа ихъ перевозки были въ зачаткѣ, потому и не могли не порождать удивленія.

Я не буду останавливаться на болѣе специальныхъ вопросахъ, изученныхъ мною, какъ, на примѣръ, на устройствѣ тыловыхъ учрежденій, явившихся впервые въ столь выдержанной системѣ и цѣльности и представлявшихъ надежную связь между родиной и арміей. Скажу лишь, что прослѣдилъ этапы двухъ армій, какъ по обыкновеннымъ, такъ и желѣзнымъ путямъ, а къ донесенію приложилъ «Положеніе объ этапахъ въ военное время» (*Organisation des Etappenwesens zur Zeit des Krieges*).

Къ числу гуманнѣйшихъ учрежденій прусской арміи принадлежитъ военно-почтовое вѣдомство. Нѣмцы вполне сознали то глубокое значеніе, которое имѣетъ сохраненіе тѣсной связи между родиною и арміей, а потому употребили все средства къ достиженію довѣрія, какъ населенія, такъ и войскъ, скорыми и вѣрными доставленіями по назначенію не только корреспонденціи, но и разнаго рода посылокъ. Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежала извѣстному начальнику почтоваго вѣдомства статсъ-секретарю фонъ-Стефану. Онъ, приложивъ къ дѣлу свои богатые свѣдѣнія и сердце, неоднократно посѣщавъ театръ войны, энергично направляя почтовую дѣятельность. Ему принадлежала также мысль освобожденія отъ всякой платы всего пересылаемаго почтою въ армію и изъ арміи. Что касается меня, то въ теченіе 7-ми-мѣсячнаго пребыванія въ прусской арміи вся моя корреспонденція была доставлена безъ всякой платы и весьма своевременно. Почтовая дѣятельность сосредоточивалась въ каждомъ корпусѣ въ особомъ отдѣленіи—*Feldpostamt*, состоявшемъ изъ 22 чиновниковъ, распределенныхъ между дивизіями и артиллеріей; кромѣ того, состояло 28 почталіоновъ—*Feldpostschaffner*, частью пѣшихъ, частью конныхъ. Ежедневно въ извѣстный часъ, если это оказывалось возможнымъ, или немедленно послѣ боя, конные почталіоны объѣзжали войска, собирая въ находившіеся при нихъ кожаные мѣшки корреспонденцію, преимущественно открытыя письма, раздававшіяся бесплатно. На поляхъ сраженій они спрашивали раненыхъ, не желаетъ ли кто писать на родину, и не рѣдко сами писали подъ диктовку умиравшихъ. Вообще главное стремленіе почтовой дѣятельности было направлено къ тому, чтобы скорѣе доставить посылки; при чемъ особенно слѣдили за тѣмъ, чтобы возвращаемыя на родину письма за смертью лица, кому были они адресованы, а равно и извѣстіе о смерти, не попадали прямо въ руки ближайшихъ родственниковъ, а направлялись къ духовенству или мѣстному начальству, обязавшимся лично передавать печальныя извѣстія по принадлежности.

Какъ уже было сказано, командиръ корпуса, объѣзжая расположеніе своихъ войскъ, заѣзжалъ и къ сосѣднимъ корпусамъ для ознакомленія съ принятыми тамъ мѣрами. Часто поѣздки эти прио-

становивались извѣстіями съ обсерваторіи или съ передовыхъ постовъ о готовившемся наступленіи французовъ, что вызывало немедленный сборъ войска на назначенные сборные пункты. Въ большинствѣ случаевъ дѣло оканчивалось простою тревогою; 1-го сентября новаго стиля, слѣдовательно въ день Седанской битвы, французы развили на правомъ берегу рѣки Мозеля значительныя силы съ рѣшительнымъ, повидимому, намѣреніемъ пробиться черезъ нѣмецкія линіи. X-й корпусъ былъ направленъ на поддержку, а его мѣсто занялъ III-й корпусъ.

Когда мы стали къ 12-ти часамъ подходить къ находящимся въ дѣлѣ войскамъ, огонь уже утихалъ, и французы, повидимому, отказывались отъ дальнѣйшей попытки прорыва. Вечеромъ достигъ до Мецкой арміи первый слухъ о побѣдѣ III-й и Маасской армій близъ Седана. На слѣдующій день стали извѣстны подробности седанской катастрофы и плѣненія императора со всею арміею Макъ-Магона. Все было поражено этимъ небывалымъ въ лѣтописяхъ исторіи событіемъ. Говорили, что побѣда эта будетъ торжественно отпразднована всѣми войсками обложенія, но принцъ Фридрихъ-Карлъ не пожелалъ сего, ограничившись лишь приказаніемъ начальнику штаба, черезъ парламентаря, извѣстить маршала Базена объ участи, постигшей императора и армію.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ не только были одержаны нѣсколько побѣдъ, но достигнуто низверженіе имперіи съ плѣненіемъ императора, капитуляція арміи Макъ-Магона и обложеніе арміи Базена, на спасеніе которой уже нельзя было рассчитывать.

Несмотря на эти необычайные успѣхи, ближайшее будущее было покрыто полною неизвѣстностью. Часто слышались вопросы: «ну, а далѣе что?»; кто составитъ французское правительство, и съ кѣмъ придется сноситься? какъ достигнуть плодовъ небывалыхъ успѣховъ? Кажется, въ началѣ нѣмцы полагали попытаться войти въ соглашеніе съ Базеномъ и генераломъ Бурбаки, но пришлось тотчасъ же отказаться отъ подобной мысли въ убѣжденіи не найти достаточно сильной руки, которой подчинилась бы Франція при необходимости заключенія тяжкаго и безславнаго мира. Для признанія безвыходности обложенія, понесенныя пораженія были еще недостаточны для Франціи, недавно еще столь могущественной и славной своимъ прошлымъ; требовалось для сего еще много испытаній и жертвъ!

Мецъ совсѣмъ былъ отрѣзанъ отъ остального міра; попытка отправленія писемъ помощью воздушныхъ шаровъ лишь рѣдко увѣнчивалась успѣхомъ; обыкновенно они опускались въ районѣ расположенія войскъ и доставлялись въ штабы, гдѣ тщательно прочитывались. Я также имѣлъ въ рукахъ нѣсколько пучковъ такихъ писемъ, изложенныхъ на тонкой бумагѣ миниатюрнаго формата; многія изъ нихъ были отправляемы на родину. Сострада-

тельные лица не замедлили вложить ихъ въ конверты и отправить почтою по назначенію. Выраженія сердечной благодарности, полученные отъ нѣкоторыхъ лицъ, доказывали, что письма эти дошли по адресу. Штабы же вынесли изъ этой корреспонденціи увѣренность, что на паденіе Меца ранѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ рассчитывать нельзя въ виду достаточнаго обезпеченія войскъ и жителей продовольствіемъ; потому послѣдовало распоряженіе устроить болѣе основательныя помѣщенія, способныя укрыть войска отъ холодовъ и непогоды, которые въ началѣ сентября стали серьезно беспокоить. Болѣзненность увеличилась, но общее состояніе здоровья было вполне удовлетворительно; содѣйствовало этому особенно множество разнаго рода продуктовъ, винъ и вещей, доставлявшихся съ родины. Этими *Liebesgaben* наполнялись цѣлые транспорты, и такъ какъ корпуса формируются въ Германіи изъ соотвѣтственныхъ провинцій, то каждая изъ нихъ старалась опередить другія количествомъ и качествомъ присылаемаго.

6-го сентября я получилъ приказаніе прибыть въ главную квартиру, а затѣмъ слѣдовать къ VI-му армейскому корпусу, находившемуся въ слѣдованіи къ Парижу.

Мнѣ было оказано въ штабѣ X-го корпуса много вниманія; составъ его былъ мнѣ весьма симпатиченъ; тѣмъ не менѣе, я сознавалъ, что при продолжительномъ однообразномъ сидѣніи подъ Мецемъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ французовъ не повторять попытокъ прорыва, я не былъ бы въ состояніи исполнить въ надлежащихъ размѣрахъ возложенное на меня порученіе. Простившись съ съ добрымъ и доброжелательнымъ генераломъ Фохтсъ-Рецъ и другими лицами, я нанялъ телѣжку и, отправивъ впередъ верховыхъ лошадей, поѣхалъ на Понтъ-а-Муссонъ. Комендантъ этого города объявилъ мнѣ, что по пути къ Парижу появились франтиреры, а потому, признавая одиночное слѣдованіе небезопаснымъ, онъ совѣтовалъ мнѣ присоединиться къ маршевому баталіону, выступавшему въ тотъ же день. На предложеніе это я, однако, не согласился, въ виду медленности движенія, а также предположенія, что такимъ образомъ опоздаю къ паденію Парижа. Сдавъ маршевому баталіону конюха съ лошадьми, я, при содѣйствіи хозяина дома, нанялъ небольшую коляску и отправился къ Баръ-ле-Дюкъ. Тамъ находился великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, слѣдовавшій къ крѣпости Туль для принятія команды надъ осаждавшими войсками. Великій герцогъ передалъ мнѣ между прочимъ о предстоящемъ паденіи Туля, а также о прибытіи въ главную квартиру Жюля Фавра для переговоровъ о перемиріи. Я выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ этой попытки, такъ какъ французы далеко еще не сознавали своего тяжелаго положенія. Для облегченія и ускоренія дальнѣйшаго слѣдованія, я рѣшился обращаться не къ этапнымъ начальникамъ, а къ французскимъ властямъ въ лицѣ мѣстныхъ меровъ. Встрѣтивъ въ нихъ

большую предупредительность, я уже утромъ ^{12/24} сентября прибылъ въ имѣніе барона Ротшильда, Ферьеръ, гдѣ находилась королевская квартира. Весь путь отъ Меца оказался совершенно безопаснымъ; хотя и встрѣчались жители пасмурнаго вида, но никакой попытки къ угрозѣ я не замѣтилъ. Впрочемъ, большая часть дороги, по которой я ѣхалъ, служила, за отсутствіемъ желѣзной, коммуникаціонной линіей III-й арміи. Она была организована на точномъ основаніи положенія объ этапахъ; въ городахъ—коменданты съ небольшимъ отрядомъ, лазаретомъ, помѣщеніемъ для проѣзжающихъ и маршевыхъ частей, интендантскими складами и т. д. Коменданты и войска были взяты изъ резервовъ или ландвера. Въ Витри комендантомъ былъ маіоръ баронъ Линкъ, крестникъ императора Александра I-го, весьма обязательный старичекъ, не согласившійся отпустить меня далѣе безъ двухъ конвойныхъ, которыхъ, впрочемъ, я постигшилъ отпустить по выѣздѣ изъ города. Замокъ барона Ротшильда тѣмъ болѣе поражалъ своею роскошью, что король не оставялъ прежней скромной обстановки.

— «Неправда ли, какъ все богато и роскошно здѣсь, но въ то же время слишкомъ пестро?»—замѣтилъ король.

Его величество удивился скорому моему пріѣзду подъ Парижъ и, выслушавъ мой докладъ, изволилъ сказать:

— «Вы рисковали быть подстрѣленнымъ какими либо шальными франтирерами, и тогда отвѣтственность передъ вашимъ государемъ пала бы на насъ. Хорошо, что благополучно пріѣхали».

Затѣмъ король подробно разспрашивалъ о войскахъ, облагавшихъ Мецъ, и нѣкоторыхъ распоряженіяхъ принца Фридриха-Карла.

Во время двухдневнаго пребыванія въ Ферьерѣ я видѣлъ почти всѣхъ германскихъ государей и принцевъ, сопровождавшихъ королевскую квартиру, а также всѣхъ высшихъ генераловъ. Генераль Мольтке только что получилъ Георгія 2-й степени, и на груди многихъ лицъ красовался этотъ крестъ. Я нашелъ, что, несмотря на блистательныя побѣды, общее настроеніе главной квартиры было серьезное. Перерывъ переговоровъ съ Жюль Фавромъ и другія извѣстія указывали на полную неизвѣстность ближайшаго будущаго, что неволью тяготило власть имѣющихъ. Послѣдній вечеръ провелъ я въ тѣсномъ кругу короля, много бесѣдовавшаго о великихъ послѣдствіяхъ Седанскаго погрома, о свиданіи съ Наполеономъ, о переѣздѣ императрицы въ Англію, а подъ конецъ онъ поручилъ, кажется, графу Гацфельду прочесть статью «Les Hulans» (Уланы), наполненную невообразимыми нелѣпостями объ этой кавалеріи.

Откланявшись королю, я рано утромъ 14 (16-го) сентября, въ двуколкѣ, принадлежавшей дому Ротшильда, отправился въ расположеніе VI-го армейскаго корпуса, находившагося на южной сторонѣ Парижа, по дорогѣ въ Орлеанъ, въ селѣ Вильневъ-ле-Руа (Villeneuve-le-Roy). На пути отъ Буали къ Симень передъ нами неужи-

данно открылась во всемъ своемъ величїи чудная панорама Парижа. Теплое, почти лѣтнее, солнце ярко освѣщало это безконечное море зданій съ царившими въ высотѣ извѣстными его памятниками и историческими постройками. Четыре года назадъ провелъ я въ Парижѣ неизгладимые дни, а теперь этотъ новый Вавилонъ, замкнутый въ желѣзные тиски, тревожно ожидалъ своей будущности. Если въ то время кто либо вздумалъ бы намекнуть на возможность положенія, въ которомъ Парижъ очутился въ 1870 г., то, вѣроятно, былъ бы признанъ помѣшаннымъ. Послѣ довольно продолжительной остановки надобно было ѣхать далѣе. Везъ меня неумолкаемо болтавшій курьеръ барона Ротшильда; онъ былъ радъ везти русскаго и далъ волю своему языку. Ругая нѣмцевъ, онъ, однако, хвалилъ порядокъ и дисциплину ихъ, а также знакомство офицеровъ съ мѣстностью.

— «Вѣроятно, офицеры еще далеко до войны шныряли по окрестностямъ Парижа,— говорилъ онъ,— и въ доказательство приведу слѣдующій бывшій со мною случай. Я курьеръ барона и постоянно ѣзжу между Парижемъ и Ферьеромъ, поэтому надобно допустить, что я хорошо знакомъ съ дорогами, а между тѣмъ на дѣлѣ оказывается иначе. Надняхъ я везъ, какъ васъ сегодня, прусскаго офицера генеральнаго штаба; на одномъ перекресткѣ онъ приказалъ мнѣ повернуть налѣво; на заявленіе мое: *Vous vous trompez, monsieur, ce n'est pas notre chemin*, онъ рѣзко повторилъ свое приказаніе. Ah, il faut dire que ces prussiens ne sont pas aimables! Что же вышло? послѣ двухъ-трехъ поворотовъ мы достигли назначенія получасомъ ранѣе. Вотъ каковы они, а мы думали сбить ихъ съ толку, снимавъ въ деревняхъ доски съ надписями.

По прибытіи въ Вильневъ я тотчасъ представился корпусному командиру, генералу Тюмплингу. Высокаго роста, статный, съ весьма красивымъ лицомъ, къ верху зачесанными волосами, онъ походилъ на генераловъ временъ императора Николая I. Отецъ его, генераль-адъютантъ и другъ юности императора Вильгельма I, кажется, способствовалъ блистательной карьерѣ сына, не одареннаго особенными способностями. Впрочемъ и у него былъ день славы, а именно подѣ Гичинымъ въ 1866 г., гдѣ онъ оказалъ блистательную храбрость, и дивизія его покрыла себя лаврами. Казалось по наружному виду, что энергія и рѣшительность должны были составлять основу его характера, а между тѣмъ мнѣ не приходилось встрѣчать человѣка болѣе его боявшагося принимать рѣшенія. Съ перваго дня моего прибытія въ штабъ VI корпуса я почувствовалъ разницу съ X-мъ корпусомъ; царила какая-то натянутость въ отношеніяхъ служащихъ, а между командиромъ корпуса и его начальникомъ штаба, полковникомъ Сальвиати, существовала рознь, давившая другихъ. Лично ко мнѣ всѣ были очень внимательны; генералъ Тюмплингъ, любившій выражаться краснѣ, при каждой встрѣчѣ, не упускалъ случая

сказать какую либо любезность. Въ арміи генераль не пользовался особымъ довѣріемъ; это увеличилось послѣ неудачнаго дѣйствія его противъ французскаго корпуса генерала Винуа; генерала обвиняли въ пропускѣ французовъ, спѣшившихъ изъ Мезіера въ Парижъ, когда имѣлась возможность преградить имъ путь. Случайность, а, можетъ быть, и недовѣріе, о которомъ я говорилъ, были причиною, что прекрасному Силезскому корпусу весьма немного пришлось участвовать въ дѣлѣ, а въ рѣдкихъ случаяхъ столкновения съ противникомъ генераль Тюмплингъ мѣшалъ единству и совокупности. Убѣдить его измѣнить сдѣланное распоряженіе было весьма трудно. При обложеніи, на примѣръ, Парижа, всѣ корпуса расположились, имѣя головы дивизій на линіи; командованіе въ глубину представляло много выгоды, особенно при обложеніи, когда требовалась равномерность службы и единство въ дѣйствіяхъ; только въ VI-мъ корпусѣ одна дивизія стояла за другою. Вылазки французовъ и другія неудобства, указавшія невыгоду подобнаго расположенія, не могли побудить генерала Тюмплинга сдѣлать необходимое измѣненіе; кажется, потребовалось для сего вмѣшательство высшей инстанціи. Въ слѣдующую за моимъ прибытіемъ ночь генераль поднималъ корпусъ по тревогѣ и произвелъ маневры; войска дѣйствовали въ большемъ порядкѣ.

Употребивъ первые дни въ тщательномъ осмотрѣ позиціи какъ VI-го корпуса, такъ и сосѣдей, часто восхищаясь чудными видами на Парижъ, я отправился 13-го (25-го) сентября въ Версаль, чтобы представиться главнокомандующему—наслѣдному принцу прусскому. Онъ остановился въ великолѣпно устроенномъ домѣ подпрефектуры, окруженномъ большими садами. Принцъ обошелся со мною очень любезно и пригласилъ къ завтраку, на которомъ я занималъ мѣсто по правую его руку. Напротивъ сѣлъ начальникъ штаба III-й арміи, генераль Блументаль (нынѣ графъ и фельдмаршалъ), пользовавшійся большою и заслуженною репутаціею даровитаго генерала; сравнить его съ генераломъ Мольтке, однако, было невозможно, особенно по характеру и добродушію; за завтракомъ наслѣдный принцъ подробно говорилъ о послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Меца, Страсбурга, Луары и Седана. Затѣмъ я осматривалъ Версальскій замокъ, половина котораго занята подъ лазаретъ; картинная галлерія, а также Трианонъ усердно посѣщались войсками. Около замка находился отличный ресторанъ—Reservoirs, гдѣ завтракала и обѣдала масса офицеровъ разнаго рода оружія. Тамъ же столовался весь генеральный штабъ съ генераломъ Мольтке во главѣ. На противоположной отъ входа сторонѣ стоялъ отдѣльный, довольно большой столъ, предназначенный для штабныхъ. Ровно въ 6^{1/2} часовъ входилъ начальникъ штаба, окруженный своими офицерами; все, что находилось въ залѣ, не исключая принцевъ, поднималось и почтительно кланялось знаменитому начальнику. Обыкновенно обѣдъ ихъ продолжался не менѣе

двухъ часовъ, такъ какъ генераль Мольтке и ближайшіе его сотрудники видимо отдыхали послѣ дневного труда за хорошею сигарою и ликерами. При каждомъ посѣщеніи моемъ Версаля, я бываю въ этой гостиницѣ, всегда встрѣчая много знакомыхъ, передававшихъ интересныя свѣдѣнія со всѣхъ концовъ обширнаго театра войны.

Рано утромъ слѣдующаго дня французы, подъ начальствомъ генерала Винуа, произвели вылазку на фронтъ VI-го и XI-го корпусовъ, веденную далеко нерѣшительно. Дѣйствіе ихъ походило болѣе на желаніе приучить вновь сформированныя войска къ дѣйствию и огню противника. Послѣ 9 часовъ утра непріятель отступилъ за передовыя свои укрѣпленія, оставивъ на мѣстѣ до 50 человекъ плѣнныхъ и множество раненыхъ и убитыхъ. Все свободное отъ осмотра время я проводилъ въ изученіи различныхъ отдѣловъ военной организаціи, отправляя послѣдовательно свои донесенія черезъ наше Берлинское посольство въ Петербургъ.

Вслѣдствіе перенесенія королевской квартиры изъ Ферьера въ Версаль, прибылъ 23-го сентября (5-го октября) въ расположеніе VI-го корпуса король со всею свитою. Поручикъ Гольдаммеръ, исправлявшій обязанности хозяина штаба, превзошелъ себя и на славу угостилъ дорогихъ гостей. Всѣ были въ отличномъ расположеніи духа, особенно наследный принцъ и братъ короля, принцъ Карлъ, не перестававшій острить, что нравилось и королю. Генераль Тюмплингъ также не упускалъ случая ввернуть какую либо пышную фразу. Такъ, обращаясь къ наследному принцу, онъ сказалъ:

— «Позвольте, ваше высочество, осушить это пѣнистое вино, продуктъ нынѣ поработенной Франціи, за дорогое здоровье ваше».

— «Хорошо, благодарю, генераль, но, пожалуйста, безъ рѣчей».

Старикъ, не смущаясь, отвѣтилъ: «да, безъ рѣчей, но отъ чистаго солдатскаго сердца».

Король, садясь на лошадь, изволилъ сказать мнѣ: «не легко въ мои годы садиться на лошадь послѣ такого роскошнаго завтрака. Надѣюсь, что у васъ не ежедневно уничтожается такое количество шампанскаго».

По всему пути слѣдованія по участку VI-го корпуса были построены войска, восторженно привѣтствовавшія монарха. Довольно часто посѣщать я лазареты и мѣста за расположеніемъ войскъ. Большинство имѣній и замковъ, которыхъ такъ много въ окрестностяхъ Парижа, оставленные жителями и владѣльцами, были вполне разорены; мародерство, не смотря на строгость надзора и указы по арміи, приняло широкіе размѣры, и жители жаловались, что грабятъ не только одиночно слѣдующіе солдаты, но и маркитанты и какіе-то проходимцы. Я докладывалъ объ этомъ корпусному командиру, который хотя и принималъ соотвѣтственныя мѣры, но едва ли вполне успѣшно.

До свѣдѣнія главной квартиры дошло, что въ замкѣ, принадле-

жавшемъ вице-императору Руэру, оставлены, кромѣ богатой библіотеки, весьма важныя бумаги, составлявшія государственную тайну. Для осмотра и разбора этихъ бумагъ были командированы офицеры изъ штаба VI-го корпуса, съ которыми отправился и я. Замокъ былъ найденъ въ полномъ разстройствѣ; съ нѣкоторыми вещами, напри- мѣръ, зеркалами, вазами и севрскими умывальниками было поступи- лено варварски. Въ библіотекѣ нашли почти всю секретную пере- писку министра Руэра; удивительно, что подобную корреспонден- цію, составляющую государственную принадлежность, Руэръ рѣшилъ держать у себя въ имѣніи. Много весьма важныхъ документовъ было отправлено къ графу Бисмарку.

Къ этому времени составъ русскихъ офицеровъ въ Версалѣ уве- личился; такъ, прибылъ сперва, т. е. уже въ концѣ августа мѣ- сяца, инженеръ-генераль-маіоръ О. Б. Гернъ, осматривавшій укрѣ- пленія подъ Страсбургомъ и Мецемъ и продолжавшій слѣдить за инженерными работами подъ Парижемъ, выказывая большія свѣдѣ- нія и наблюдательность.

Свиты его величества генераль-маіоръ М. Н. Анненковъ, при- везшій наслѣдному принцу и Фридриху-Карлу фельдмаршальскіе жезлы, а въ главную квартиру — ноту нашего правительства объ уничтоженіи условій Парижскаго мира, касающихся Чернаго моря, и имѣвшій, кромѣ того, порученіе подробно изучить тылъ арміи, осо- бенно движеніе и работы по желѣзнымъ дорогамъ.

Инженеръ-полковникъ Вальбергъ и капитанъ Мельницкій съ спе- ціальнымъ назначеніемъ изученія осадныхъ работъ.

Состоящіе при главномъ интендантскомъ управленіи полков- ники Цурмиленъ и Барминъ, для ознакомленія съ дѣятельностью интендантства.

15-го (27-го) октября получено извѣстіе о сдачѣ Меца, столь нетерпѣливо ожидавшееся германцами, такъ какъ свѣдѣнія о пред- стоящихъ дѣйствіяхъ новыхъ французскихъ армій становились все тревожнѣе. Иностранныя, особенно англійскія газеты, говорили, что сѣверная армія генерала Федерба и Луарская генерала Орель-де- Паладина совсѣмъ готовы къ началу наступательныхъ дѣйствій. Французскіе вольные стрѣлки (*franc-tireurs*) становились все смѣлѣе; даже не въ далекомъ разстояніи отъ расположенія войскъ вырѣзы- вались патрули и посты, и перехватывались почта и курьеры. Вотъ почему безотлагательно по сдачѣ Меца I-я германская армія, пред- водительствуемая генераломъ Мантейфелемъ, и II-я армія принца Фридриха-Карла спѣшили, первая—на сѣверъ, а вторая—къ Луарѣ. Путь, однако, былъ далекій, а потому до ихъ прибытія потребова- лось усилить 1-й Баварскій корпусъ фонъ-деръ-Танна особеннымъ отрядомъ изъ 17 и 22 пѣхотныхъ дивизій, порученнымъ великому герцогу Мекленбургъ-Шверинскому, а въ репли сталъ 2-й корпусъ и гвардейская ландверная дивизія генерала фонъ-Лона, долго быв- шаго у насъ германскимъ военнымъ уполномоченнымъ.

Пребываніе въ штабѣ IV-го корпуса становилось томительнымъ, особенно когда приходило къ концу изученіе германской арміи. Натянутость, постоянная суетливость корпуснаго командира, безъ прока тревожившаго свои войска, неоттапливаемость отведеннаго помѣщенія, что стало особенно чувствительно при наступленіи холодовъ, поколебали мое здоровье. Утѣпленіемъ для меня служила поѣздка въ Версаль, гдѣ въ нанятомъ генераломъ Герномъ хорошо устроенномъ домѣ онъ предоставилъ въ мое распоряженіе будуаръ хозяйки дома, бѣжавшей съ семействомъ на югъ при приближеніи нѣмцевъ. Тамъ согрѣвался я тѣломъ и духомъ. Я сохранилъ о генералѣ Гернѣ самыя пріятныя воспоминанія; онъ обладалъ большими и разносторонними свѣдѣніями; бесѣда съ этимъ вполне образованнымъ человѣкомъ была поучительна, любопытна и пріятна. Какъ-то разъ онъ пригласилъ обѣдать нѣсколько прусскихъ и русскихъ офицеровъ. Въ дневникѣ моемъ записаны слѣдующія лица. Командиръ V-го корпуса генералъ Кирбахъ, его начальникъ штаба полковникъ Эшъ, подполковникъ Верди-де-Вернуа; изъ русскихъ: генералъ М. Н. Анненковъ, полковникъ И. И. Вальбергъ и я. Всѣ были очень въ духѣ и мѣнялись разными воспоминаніями; между прочимъ разговоръ коснулся старшинства службы и въ чинѣ. Со стороны пруссаковъ оказалось, что старшій возрастомъ и службою былъ въ то же время и старше въ чинѣ, а между нами, русскими, вышло, что младшій годами и службой М. Н. Анненковъ былъ старшій въ генеральскомъ чинѣ, а И. И. Вальбергъ, старшій въ службѣ, былъ младшій по производству въ полковники. Удивленію нѣмцевъ не было предѣловъ; они полагали, что подобный опытъ у нихъ имѣлъ бы пагубное послѣдствіе для арміи. Вообще германцы крѣпко держатся старшинства; въ началѣ настоящихъ воспоминаній я привелъ инцидентъ съ генераломъ Мантейфелемъ; подкрѣплю сказанное тамъ слѣдующимъ: государь, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, спросилъ меня, между прочимъ, не извѣстна ли мнѣ причина невозведенія графа Мольтке въ фельдмаршалы.

— «Нѣтъ, ваше величество, достовѣрно мнѣ неизвѣстно это обстоятельство, но насколько я успѣлъ познакомиться съ духомъ прусской арміи, мнѣ кажется, что причину надобно искать въ томъ, что въ Пруссіи состоятъ два генерала старше графа Мольтке, а именно Штейнмецъ и Гервартъ фонъ-Биттенфельдъ».

— «Я что-то и не помню, чѣмъ командовалъ послѣдній, — отозвался императоръ, — а вѣдь Штейнмецъ оказался не на высотѣ своего назначенія и долженъ былъ оставить армію».

— «Точно такъ, государь, но оба они оказали несомнѣнныя заслуги въ прежнихъ войнахъ, потому едва ли будутъ обойдены».

Предположенія эти оправдались: вскорѣ послѣ войны оба генерала получили званіе фельдмаршала, но безъ жезла, т. е. безъ права командованія, а въ день торжественнаго вступленія гвардіи въ Бер-

лингъ императоръ Вильгельмъ вручилъ фельдмаршальскій жезлъ графу Мольтке. Словомъ сказать, во всю побѣдоносную войну никто не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ помимо старшаго.

При одной изъ поѣздокъ въ Версаль я посѣтилъ прибывшаго изъ Петербурга генерала Вердера (впослѣдствіи германскій посолъ), имѣвшаго любезность доставить мнѣ теплое пальто, что было весьма пріятно, въ виду постоянно увеличивавшихся холодовъ.

Здоровье мое настолько ухудшилось, что, по совѣту врача, я испросилъ разрѣшеніе императора отправиться на нѣкоторое время въ Германію. Непродолжительное отсутствіе это не могло имѣть значенія въ виду числа нашихъ офицеровъ, специально находившихся въ Версалѣ для наблюденія за результатомъ обстрѣливанія Парижа, начавшагося въ декабрѣ мѣсяцѣ. Адресъ мой былъ оставленъ въ корпусномъ штабѣ, и, въ случаѣ какой либо перемѣны, я черезъ два дня могъ прибыть на мѣсто. Поѣздка моя была весьма поучительна, ибо я имѣлъ возможность видѣть тылъ арміи, движеніе простыхъ и санитарныхъ поѣздовъ, организацію генераль-губернаторства, а также депо новобранцевъ. Послѣ двухъ-недѣльнаго отдыха я 14-го (26-го) января возвратился въ Версаль. При слѣдованіи изъ Нанси къ крѣпости Туль поѣздъ чуть не сдѣлался жертвой катастрофы: шайка франтиреровъ подкралась ночью къ полустанціи близъ моста черезъ рѣку Мозель, перерѣзала берегавшій ее караулъ и взорвала мостъ. Къ счастью унтеръ-офицеръ ближайшаго поста побѣждалъ по направленію къ приближавшемуся поѣзду и успѣлъ остановить его. Генераль-губернаторъ Лотарингіи поступилъ круто съ французами; ближайшіе къ полустанціи дома были сожжены; наложенъ штрафъ въ 5 милліоновъ съ Лотарингіи. Муниципальный совѣтъ былъ арестованъ съ угрозой отправленія въ Германію, если въ тотъ же день не будутъ собраны 500 лучшихъ рабочихъ для возстановленія моста. Кромѣ того, приказано, чтобы каждый поѣздъ сопровождался членомъ муниципалитета, который долженъ былъ находиться на локомотивѣ. Да, нѣмцы не вели войну въ бѣлыхъ перчаткахъ! 15-го (27-го) января распространилось извѣстіе, что въ виду предстоящей капитуляціи съ 12 часовъ ночи огонь по всей линіи осады и обороны будетъ прекращенъ. И такъ, свершилось столь нетерпѣливо ожидавшееся событіе: Франція, не находя возможности бороться долѣе, рѣшилась на начатіе переговоровъ о мирѣ.

На слѣдующій день вмѣстѣ съ О. В. Герномъ я отправился осмотрѣть южный фронтъ атаки отъ Медѣна. Видъ этой мѣстности, на которой едва прекратился кровавый бой, со всѣми измышленіями и приспособленіями разрушенія и гибели, никогда не изгладится изъ моей памяти; мы прошли по всѣмъ батареямъ, апрошамъ и траншеямъ; мѣсто до того было изрыто французскими снарядами, что положительно не было, какъ говорится, живого мѣста; глубина во-

ронокъ отъ большихъ бомбъ равнялась человѣческому росту. Повсюду царствовали спокойствіе и тишина; все лица выражали радость. Обѣдали у генерала Герна принцъ Гогенлоэ, начальникъ осадной артиллеріи, со штабомъ. Разговоръ былъ крайне интересенъ и поучителенъ. Отчасти съ генераломъ Герномъ, а также въ сопровожденіи чиновъ штаба VI-го корпуса, я послѣдовательно осматривалъ остальные форты и инженерныя постройки французовъ. Какое повсюду разрушеніе; но съ перваго, такъ сказать, шага, сдѣланнаго по французскимъ позиціямъ, было видно, какъ фортификаціонныя работы ихъ превышали нѣмецкія; насколько послѣднія были просты, а нѣкоторыя неправильно начертаны, настолько тонки и отчетливы были французскія. Получивъ чрезъ Жюля Фавра разрѣшеніе посѣтить Парижъ, О. Г. Гернъ и я, облекшись въ гражданское платье, выѣхали туда рано утромъ 8 февраля (27 января), слѣдовательно, почти одновременно съ прибытіемъ въ городъ первыхъ поѣздовъ съ мукою. Всесвѣтная столица, конечно, не походила на себя по наружному виду: общая грязь, удушливый запахъ, отсутствіе газоваго освѣщенія, а также экипажей и обычной суетливости, были отличительными ея чертами. Толпа видѣлась только у рѣшетокъ мясниковъ и булочниковъ, гдѣ они болѣе или менѣе терпѣливо ожидали очереди для полученія небольшой порціи хлѣба или конины. Не смотря на сказанное, Парижъ мало походилъ на осажденный городъ; было очевидно, что онъ пережилъ трудное время лишеній, но собственно слѣды войны, а тѣмъ болѣе обстрѣванія, были едва замѣтны. Особеннаго уничтоженія деревьевъ тоже не было видно; впрочемъ и въ системѣ рубки деревьевъ не трудно было прослѣдить за настроеніемъ народа; уничтожены были болѣе тѣ парки и сады, которые обыкновенно посѣщаются лучшимъ обществомъ; мѣста же народныхъ прогулокъ оставлены почти не тронутыми. Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе производили обезоруженные солдаты, шлявшіеся по улицамъ, не отдававшіе чести офицерамъ и заграждая дорогу публикѣ. Смиреніемъ духа французы, не смотря на испытанный погромъ, еще не отличались; многіе и слышать не хотѣли объ оскверненіи ихъ столицы занятіемъ нѣмецкими войсками. «Мы повсюду настроили баррикады,—говорили они,—*et malheur aux brigands, car vous savez, monsieur, nous sommes forts sur les barricades*, и тогда смерть разбойникамъ; вы знаете, мы сильны на баррикадахъ!» «Да полноте,—убѣждалъ я ихъ,—ужели продолжаете считать нѣмцевъ такими дураками, что пойдутъ брать ваши баррикады; они распорядились иначе, обративъ орудія на всѣхъ взятыхъ фортахъ въ вашу сторону: потому безпощадный огонь подавить, понятно, всякую попытку къ возстанію». Откровенность эта не нравилась, и собесѣдники обыкновенно заканчивали споръ словами: *et bien, vous verrez ce que nous ferons*. Остановились мы у помощника нашего военнаго агента, штабсъ-капитана

Дмитрія Николаевича Леонтьева, въ Avenue de Fridland, № 37, обѣдали и завтракали недурно въ Café Riche и Hôtel Voisin. Кофины не ѣли, а шампанскаго было достаточно. Вслѣдъ затѣмъ я отправился съ особою комиссіею, назначенною графомъ Мольтке, для возстановленія телеграфовъ и движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Въ пріятномъ обществѣ начальника военныхъ телеграфовъ, полковника Майдама, генеральнаго штаба капитана Винтерфельда, о которыхъ говорилъ въ I-й главѣ моихъ воспоминаній, завѣдывавшаго въ главной квартирѣ отдѣломъ по желѣзнымъ дорогамъ и адъютанта начальника генеральнаго штаба поручика фонъ-Бурта, мы послѣдовательно посѣтили Аміенъ, Діепъ, Руанъ, Шартръ и т. д. По пути осматривали поля сраженій армій фонъ-Гёбена и Федерба и мѣста расположенія германскихъ войскъ. Вездѣ кипѣла работа какъ по обученію и снаряженію войскъ, такъ и по приведенію матеріальной части въ полный порядокъ. Кромѣ того, поѣзда слѣдовали почти безостановочно, увозя на родину больныхъ и раненыхъ и разнаго рода тяжести, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ взятыхъ у непріятеля орудій и оружія. Вообще воспользоваться съ большею пользою трехнедѣльнымъ перемиріемъ, чѣмъ это сдѣлали нѣмцы, едва ли было бы возможно. Позднѣе я посѣтилъ II-ю армію, а особенно столь близкій мнѣ X-й корпусъ, занимавшій Туръ. Мнѣ пришлось присутствовать на всѣхъ почти смотрахъ, произведенныхъ генераломъ Фохтсъ-Рецемъ. Требовалось особое надъ собою усиліе, чтобы допустить, что представлялись корпусному командиру части, перенесшія всѣ трудности 8-ми-мѣсячной войны, при постоянныхъ почти столкновеніяхъ съ противникомъ. Въ пѣхотѣ провѣрялась: стойка, повороты, ружейные приемы, церемоніальный маршъ, ломка фронта, до рассыпнаго строя включительно. Въ кавалеріи продѣлывали все, начиная справа по одному на различныхъ аллюрахъ до стремительныхъ атакъ.

При наводкѣ моста черезъ рѣку Indre піонерный баталіонъ производилъ нѣкоторыя работы по приемамъ, счетъ вслухъ. Просто невѣроятно! Въ отношеніи наружнаго вида частей былъ достигнутъ успѣхъ даже противъ войны 1876 года. Прежде считалось нѣкоторымъ образомъ шикомъ возвращаться изъ кампаніи въ живописномъ безпорядкѣ, съ явными слѣдами войны. Даже Наполеонъ III восторгался, если можно такъ выразиться, лохмотьями прибывавшихъ въ Парижъ войскъ, послѣ Крымской войны. Въ кампанію 1870 года и слѣдовъ тому не было, напротивъ, вниманіе начальства было обращено на то, чтобы сохранить армію въ томъ же наружномъ благоустройствѣ, даже щеголеватости, какъ въ мирное время; потому на смотрѣ всѣ были въ каскахъ и въ выбѣленной аммуниціи. Въ Турѣ находилась главная квартира принца

1) Командовалъ вполнѣдствіи II кавалерійскою дивизіей.

Фридриха-Карла; я, конечно, поспѣшилъ представиться ему; принцъ, въ гусарской формѣ, съ Георгіемъ 2-й степени, привѣтствовали меня порусски: «здравствуйте, полковникъ, какъ ваше здоровье? пріѣхали, вѣроятно, посѣтить X-й корпусъ? и васъ тамъ полюбили». За обѣдомъ я сидѣлъ по лѣвую сторону принца; онъ много говорилъ о Россіи, а особенно объ императорѣ Николаѣ I, передъ памятью котораго онъ преклонялся.

— «Въ домѣ, въ которомъ мы находимся, — замѣтилъ онъ, между прочимъ, — жилъ маршалъ Бараге д'Илье. Онъ возведенъ въ это званіе за взятіе Бомарзунда; крѣпость эта должна быть дорога каждому русскому, такъ какъ она построена по собственноручному чертежу Николая I. Въ гостиной находится картина взятія Бомарзунда, занимающая почти полстѣны. Хотите, я прикажу снять картину изъ рамки и передать ее вамъ, а вы представите ее отъ моего имени императору Александру?».

Конечно, предположеніе это не было осуществлено. Пили много шампанскаго, отъ котораго нельзя было отказываться; принцъ постоянно предлагалъ тосты и наблюдалъ за полнымъ осушеніемъ стакановъ.

16-го (24-го) февраля я былъ опять въ расположеніи VI-го корпуса; вечеромъ получены распоряженія о вступленіи германцевъ въ Парижъ. Для сего, согласно заключенной конвенціи, былъ назначенъ небольшой участокъ въ видѣ треугольника; основаніемъ служила р. Сена, отъ моста Нельи до Медѣна, сторонами — берегъ Сены и улица St.-Honoré, вершиною — рѣшетка Тюльерійскаго сада; это пространство на столько ограничено, что расположить въ немъ болѣе 36 тысячъ было нельзя, поэтому, чтобы дать возможность участвовать въ занятіи Парижа большому числу войскъ и въ короткій срокъ, ибо по утвержденіи предварительныхъ условій мира Парижъ уже не подлежалъ занятію, отъ всѣхъ частей двухъ армій было назначено до 90 тысячъ человекъ, подраздѣленныхъ на три очереди: каждой предполагалось оставаться тамъ 48 часовъ. Въ 1-ю очередь вошли части VI-го и XI-го прусскихъ и II-го баварскаго корпусовъ.

Къ 10^{1/2} часамъ 1-го марта войска первой очереди построились на скаковомъ полѣ Лоншана (Longchamp) фронтомъ къ трибунамъ. Въ первой линіи стояла пѣхота во взводныхъ колоннахъ, по 18 рядовъ во взводѣ; вторую линію заняла кавалерія и артиллерія. Всѣмъ парадомъ командовалъ наслѣдный принцъ прусскій. На правомъ флангѣ находилось много владѣтельныхъ и невладетельныхъ принцевъ, главные руководители заканчивавшейся великой борьбы, окруженные 300 присутствовавшими. Ровно въ 11^{1/4} появился императоръ, предшествуемый двумя флигель-адъютантами; барабанный бой, народный гимнъ, преклоняющіяся знамена, неумолкаемый крикъ ура, яркое солнечное освѣщеніе, видъ маститаго вѣщепоснаго вождя,

вторично вступавшаго въ Парижъ, но уже съ новымъ поколѣніемъ, производили поистинѣ великое неизгладимое впечатлѣніе. Энтузіазмъ былъ полный, и тѣмъ болѣе простительный, что не оскорблялъ побѣжденныхъ, блиставшихъ своимъ отсутствіемъ. Затѣмъ, подъ звуки «Вступленіе въ Парижъ», подъ которые и въ 1814 году союзники входили въ столицу Франціи, начался церемоніальный маршъ. Пруссаки по сомкнутости, чистотѣ равненія, твердости и смѣлости шага, напоминали нашу гвардію. Напротивъ, баварцы, свободными движеніями, мягкостью шага, нѣкоторыми произвольными варіаціями въ порядкѣ слѣдованія начальниковъ, знаменъ и унтеръ-офицеровъ, походили болѣе на французскую гвардію, видѣнную мною въ Шалонскомъ лагерѣ въ 1866 году. Послѣ парада императоръ, подзываетъ къ себѣ генераловъ: графа Мольтке и фонъ-Роона, а потомъ графа Бисмарка, обнялъ ихъ и глубоко прочувствованными словами выразилъ имъ, передъ лицомъ всего войска, признательность, какъ свою, такъ и отечества. Слезы блистали на многихъ глазахъ при видѣ этой группы маститыхъ старцевъ, изъ которыхъ каждый превосходилъ 70-лѣтній возрастъ, сумѣвшихъ привести родичей къ столь безпримѣрной славѣ. Затѣмъ императоръ подѣхалъ къ своему сыну, стяжавшему такъ много славы въ этой войнѣ; снявъ каску, наслѣдникъ припалъ къ рукѣ отца-монарха; оба были очень взволнованы. Не оставилъ король своимъ благодарнымъ вниманіемъ корпусныхъ и дивизіонныхъ генераловъ, а также другихъ выдающихся дѣятелей. Я напряженно слѣдилъ за движеніями и дѣйствіями императора, безпрестанно задаваясь мыслью, что происходило въ душѣ его въ эту минуту полнаго торжества. Признаюсь, и меня охватило благодарное и радостное чувство, что на меня выпалъ счастливый и рѣдкій случай быть столь близкимъ свидѣтелемъ всего происходившаго передъ моими глазами. Но вотъ забили барабаны, снова заиграли маршъ «Вступленіе въ Парижъ», и войска двинулись къ триумфальной аркѣ. Императоръ отбылъ съ наслѣдникомъ въ Версаль, большинство же остальныхъ принцевъ, какъ-то: Карлъ, Альбертъ, Альбрехтъ, великій герцогъ Мекленбургскій и т. д., а также графы Мольтке и Бисмаркъ слѣдовали пѣшкомъ. Войска, обойдя арку, вѣроятно, преднамѣренно загроможденную въ срединѣ какими-то постройками, остановились у входа въ Avenue de la grande armée. Передъ нами стояла громадная толпа низшаго слоя; раздавались крики и свистки. Вызванные гусарскіе патрули очистили мѣсто, и пѣхота пошла далѣе къ площади Согласія, на которой всѣ статуи были завѣшаны черною матеріей. Впереди шелъ небольшой отрядъ кавалеріи, потомъ генераль-губернаторъ Парижа генераль Камеке съ начальникомъ штаба графомъ Вальдерзее и свитою, къ которой присоединились и мы.

Демаркаціонная линія обозначалась рогатками, охраняемыми часовыми національной гвардіи; за ними по всѣмъ улицамъ виднѣ-

лась несмѣтная толпа. Обогнувъ площадь Согласія, войска отведены были на назначенныя имъ квартиры. Въ началѣ всѣ лавки и рестораны были заперты наглухо; дамы въ черныхъ, но кокетливыхъ нарядахъ выглядывали изъ-за полузакрытыхъ ставней, увлекаясь видомъ вступавшихъ блистательныхъ войскъ. Къ вечеру начали уже открывать задніе входы ресторановъ, а на слѣдующій день начала оживляться торговля. 2-го марта были подписаны условія мира, а потому второй очереди послѣ парада пришлось вскорѣ очистить Парижъ.

4-го марта я простился съ генераломъ Тюмплингомъ и товарищами, среди которыхъ провелъ до пяти мѣсяцевъ. Несмотря на непрекращавшіяся радушіе и внимательность, VI-й корпусъ не могъ замѣнить X-го.

5-го марта завтракалъ у наследнаго принца, гдѣ познакомился съ прибывшими бельгійскими офицерами, между которыми находился впослѣдствіи извѣстный Бриальмонъ. Обѣдалъ у императора въ числѣ тридцати другихъ лицъ. Прощаясь, его величество, послѣ нѣкоторыхъ сердечныхъ и милостивыхъ словъ, отпустилъ меня со словами: «au revoir à Berlin» (до Берлина). Нанявъ извозчика за 60 франковъ, я отправился въ С.-Дени, а оттуда на товарномъ поѣздѣ, за неимѣніемъ другого, доѣхалъ до замка Орлеанскаго дома Шантильи. Прекрасный паркъ и замокъ заслуживали особеннаго вниманія. Сопровождавшая меня прислуга много жаловалась на безперемонность, съ которою, особенно саксонцы, распорядились въ замкѣ. Три мѣсяца они жили на счетъ хозяевъ, уничтожая самыя лучшія вина. На слѣдующій день осматривалъ седанское поле сраженія: все напоминало еще бывшее за шесть мѣсяцевъ побоище; даже слѣды проходившей черезъ насыпи пѣхоты не изгладились. Прибывъ 8-го марта въ Мецъ, я испросилъ позволеніе осмотрѣть форты, что и было разрѣшено съ придачею свѣдущаго инженернаго офицера. Нѣмцы выказали большую дѣятельность: планъ новыхъ оборонительныхъ работъ былъ уже утвержденъ и приводился въ исполненіе. Верки будутъ такъ сильны, что крѣпость надобно признать положительно недоступною.

Въ Дрезденъ, гдѣ находилась моя семья, прибылъ послѣ семимѣсячной разлуки 10-го марта. Такимъ образомъ кончилось продолжительное пребываніе мое въ средѣ германской арміи во время, столь богатое событіями.

Война продолжалась 210 дней, а за вычетомъ 30 дней перемирія—180 дней; въ теченіе этого времени происходило 156 болѣе или менѣе значительныхъ столкновеній и 17 большихъ сраженій. Взято 26 крѣпостей, 11,650 офицеровъ, 363,000 нижнихъ чиновъ, 6,700 орудій и 120 знаменъ.

Въ дневникѣ моемъ внесено мало данныхъ о французахъ; оно и понятно; я находился вѣдь въ средѣ германскихъ войскъ, а по

тому, кромѣ плѣнныхъ, не представлявшихъ ничего привлекательнаго для солдатскаго сердца, я видѣлъ французскую армію на разстояніи пушечнаго, много ружейнаго выстрѣла, и тутъ многого не пришлось видѣть. Въ общемъ — полное поражение; въ частности — много случаевъ стойкости, самоотверженія и личной храбрости, но съ антагонизмомъ военныхъ лицъ при отсутствіи единства дѣйствія и круговой поруки. До войны — полное самообольщеніе. Военный министръ, маршалъ Рандонъ, не вѣрилъ донесеніямъ военнаго агента Штофеля о состояніи германской арміи, не переставалъ утверждать о небывалой до того готовности Франціи. При разборѣ бумагъ, оставленныхъ министромъ Руэромъ въ своемъ замкѣ, я прочелъ его записку императору отъ 1868 г., слѣдовательно, за два года до разразившейся войны; въ ней приведены хвастливыя данныя по всѣмъ отраслямъ военной организаціи, доказывавшія, насколько готова армія, и какъ полны различныя запасы и магазины. Заканчивается это донесеніе словами: «Но гдѣ то государство, гдѣ та армія, которая осмѣлилась бы подняться на Францію, великую своимъ прошлымъ, славную и сильную настоящимъ!»

О рѣдкихъ сношеніяхъ своихъ съ частными лицами и населеніемъ я сохранилъ пріятныя воспоминанія; симпатично, любезно и довѣрчиво относились они ко мнѣ; но какое увлеченіе и какія часто ребяческія заявленія приходилось выслушивать отъ нихъ. То сердечно увѣряли, что чуть не сами видѣли провозимый черный гробъ съ тѣломъ наслѣднаго принца, то Мольтке подстрѣленъ, то король взорванъ въ Версалѣ. Наконецъ, ожидали ежедневно высадки Абдель-Кадера съ его арабами, не уступавшими, по ихъ словамъ, казакамъ. Когда въ разговорѣ даже съ интеллигентными лицами я пытался доказать, что на сей разъ дѣло проиграно безповоротнo, и что лучше прекратить войну, сберегая силы и средства до другого раза, французы выражали готовность, но съ условіемъ: *pas de paix honteuse* (безъ постыднаго мира). «Въ такомъ случаѣ, — говорилъ я, — начните народную войну, беритесь всѣ за оружіе и идите спасать отечество»; но отвѣтъ часто слышался такой: *non, monsieur, ce n'est pas mon affaire, il y a une armée pour cela!* (нѣтъ, это не наше дѣло; для сего служить армія).

Прошло съ тѣхъ поръ 25 лѣтъ; Франція много поработала на пользу арміи, не жалѣя ни трудовъ, ни средствъ; войска, говорятъ, окрѣпли; ихъ связываетъ твердая дисциплина, а потому было бы несправедливо сомнѣваться въ возможности возстановленія прежней славы арміи.

Передъ возвращеніемъ въ Петербургъ, я представился въ Берлинѣ императору. Въ комнатѣ дежурнаго флигель-адъютанта ожидали доклада всѣ знаменитости арміи: графъ Мольтке и фонъ-Роонъ, Подбѣльскій, Треско, Штопъ и другіе. Императоръ казался бодрѣе и здоровѣе обыкновеннаго, несмотря на предшествовавшее утомленіе

отъ празднованія дня его рожденія и возвращенія въ Берлинъ. Весь небольшой кабинетъ былъ буквально загроможденъ цвѣтами въ различныхъ видахъ и формахъ. Онъ милостиво протянулъ мнѣ руку со словами:

— Очень радъ васъ видѣть. Откуда пріѣхали и куда ѣдете?

Выслушавъ мой отвѣтъ, его величество продолжалъ:

— Дружба императора Александра ко мнѣ и вниманіе, имъ непрестанно оказываемое моей арміи, по истинѣ велики; не нахожу словъ, чтобы достаточно выразить всю глубину моей благодарности; я вѣдь уже старъ и болѣе принадлежу времени императоровъ Александра I и Николая I, чѣмъ теперешнему; тѣмъ болѣе счастливъ я видѣть, что дружба и братство, связывавшія тогда наши арміи, не ослабѣваютъ. Молю Бога, чтобы тѣ же чувства соединяли ихъ при преемникахъ Александра II и моихъ».

Аудиенція продолжалась до 20 минутъ; скромность не позволяетъ мнѣ привести здѣсь милостивыя слова, лично меня касавшіяся.

15-го марта представился я государю императору въ Зимнемъ дворцѣ; въ высшей степени ласковый пріемъ и послѣдовавшая затѣмъ замѣчательная бесѣда его величества, охватившая все время минувшей войны, занесены мною въ особую записку, оставляемую, какъ драгоценное наслѣдіе, моей семьѣ.

Бар. Л. Зедделеръ.

КЪ БЮГРАФІИ ШЕРВУДА-ВЪРНАГО.

ВЪ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКЪ «Историческаго Вѣстника», печатая «Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго», мы упомянули о томъ, что редакція журнала обратилась къ его дочери съ просьбою сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни ея отца и прислать, если сохранились, оставшіяся послѣ него бумаги. О. И. Шервудъ исполнила нашу просьбу, но, къ сожалѣнію, доставленныя ею свѣдѣнія оказались крайне скудными и, въ сущности, ограничиваются лишь формулярнымъ спискомъ Шервуда-Вѣрнаго о прохожденіи имъ службы до 1833 года. Пользоваться для освѣщенія его личности заграничною брошюрою «Шервудъ — изъ записокъ генералъ-маіора Б. П.», какъ мы уже объяснили въ предисловіи къ «Исповѣди», нельзя, такъ какъ находящіяся въ нашемъ распоряженіи официальные документы, подтверждающіе правдивость показаній Шервуда въ его «Исповѣди», опровергають рассказы неизвѣстнаго автора и окончательно подрываютъ вѣру во все, что онъ говорилъ о Шервудѣ. Такимъ образомъ, о жизни Шервуда имѣются самыя скудныя данныя.

Иванъ Васильевичъ Шервудъ, англичанинъ по происхожденію, родился въ Кентѣ, близъ Лондона, 2-го марта 1798 году. Въ 1800 году его отецъ, въ качествѣ механика, былъ выписанъ въ Россію по повелѣнію императора Павла. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, для оживленія льняной промышленности и развитія механическаго пряденія и ткачества, у насъ были сдѣланы первыя попытки механическаго пряденія, съ каковою цѣлью и была основана въ 1798 году Александровская мануфактура, на которой

служилъ отецъ Шервуда. Такимъ путемъ онъ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру, и это же дало поводъ Шервуду-Вѣрному сказать Аракчееву, что его отецъ первый основалъ въ Россіи суконныя фабрики съ машинами. Повидимому, молодой Шервудъ получилъ очень тщательное образованіе, соединенное съ знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и даже латинскаго языковъ, былъ отъ природы наблюдателенъ, вдумчиво относился ко всему окружающему и при всемъ томъ былъ надѣленъ умомъ, привыкшимъ мыслить логично и строго послѣдовательно. Эти его качества и обусловили успѣхъ возложенной имъ на себя мисси: въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ дошелъ до убѣжденія, что существуетъ какой-то заговоръ, какъ онъ взялся за раскрытіе его, въ его малѣйшемъ поступкѣ такъ и проглядываетъ натура истаго англичанина, дѣйствующаго систематически, медленно, обдуманно, не роняющаго лишняго слова.

21-го года Шервудъ поступилъ рядовымъ въ 3-й Украинскій уланскій полкъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ. Къ этому времени относятся его сближеніе и многочисленныя знакомства съ офицерами различныхъ полковъ, натолкнувшія его на подозрѣніе о существованіи заговора. За то съ 1826 года, послѣ его донесенія о заговорщикахъ, его служебная карьера подвигалась впередъ очень быстро. 8-го января 1826 года онъ былъ переведенъ юнкеромъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ, 10-го января произведенъ въ прапорщики, 6-го іюня въ поручики. Будучи прикомандированъ въ декабрѣ 1827 года къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, онъ въ составѣ войскъ этого корпуса участвовалъ въ кампаніи 1828 года при осадѣ крѣпости Варны; во время войны онъ заявилъ себя усерднымъ и храбрымъ офицеромъ, за что былъ пожалованъ орденомъ Анны 3-й степени. Въ январѣ 1830 года онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, въ мартѣ мѣсяцѣ былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, въ сентябрѣ ему было пожаловано единовременно двѣ тысячи рублей ассигнаціями, а въ декабрѣ повелѣно производить ему жалованье въ двойномъ размѣрѣ. Съ открытіемъ въ исходѣ 1830 года кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ онъ снова отправился въ походъ и за отличіе при оборонѣ Желтовской переправы на Наревѣ 9-го мая 1831 года былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, въ августѣ того же года былъ произведенъ въ капитаны, а въ октябрѣ, за участіе во взятіи штурмомъ передовыхъ укрѣпленій Варшавы, получилъ Станислава 3-й степени. Въ октябрѣ 1832 года, въ память воспріятія отъ купели родившейся у него дочери Софіи, онъ былъ удостоенъ высочайшаго подарка, а въ августѣ 1833 года былъ назначенъ состоять по кавалеріи въ чинѣ подполковника и въ томъ же 1833 году вышелъ въ отставку. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ досто-

вѣрныхъ свѣдѣній, чѣмъ былъ вызванъ его выходъ въ отставку, и почему онъ прервалъ службу, при благоволеніи къ нему императора Николая Павловича, сулившую ему блестящую будущность. Декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ говоритъ, что Шервудъ «долженъ былъ покинуть службу, надоѣлъ государю своими наглыми требованіями и семь лѣтъ содержался въ крѣпости». Басаргинъ прибавляетъ, что въ 1858 году встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ, въ одномъ магазинѣ; по обращенію съ нимъ знавшихъ его лицъ, по его одеждѣ, наружности, нельзя было не замѣтить, что онъ находится въ незавидномъ положеніи. Вообще, остальные 34 года его жизни остаются для насъ покрытыми неизвѣстностью. Достоверно только то, что къ этому времени относятся его второй бракъ въ 1852 году съ разведенной графиней Струтинской (въ первый разъ онъ женился въ 1826 году на дочери маіора Ушакова) и его третій бракъ въ 1864 году съ дочерью колл. сов. Парфенекъ, и что по выходѣ въ отставку онъ проживалъ частью въ имѣніи своихъ дѣтей отъ перваго брака въ Смоленской губ., а преимущественно въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1867 году. Погребенъ Шервудъ-Вѣрный въ Москвѣ въ фамиліномъ склепѣ. Проживая послѣдніе годы своей жизни въ Петербургѣ, онъ получалъ пособія изъ собственной его императорскаго величества канцеляріи. Подтвержденіемъ словъ Басаргина, что матеріальное положеніе Шервуда къ концу жизни было далеко не блестящее, можетъ служить то обстоятельство, что одно время онъ даже содержался въ отдѣленіи неоплатныхъ должниковъ.

Трудно допустить, чтобы Шервудъ-Вѣрный, съ его характеромъ и умомъ, могъ оставаться совершенно бездѣйственнымъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати четырехъ лѣтъ, со времени своего выхода въ отставку по годъ смерти. Къ сожалѣнію, отсутствіе свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни не позволяетъ намъ сказать что либо положительное. Правда, сохранилось нѣсколько, такъ сказать, апокрифическихъ разказовъ о его жизни за это время, но они до того противорѣчивы, что не заслуживаютъ вниманія. Между прочимъ, къ такого рода разказамъ слѣдуетъ отнести разказъ объ открытіи Шервудомъ тайнаго безнравственнаго общества «Братства свиней» («Frères cochons»), существовавшего одно время въ Петербургѣ. Крайніе грубость и цинизмъ цѣлей и порядковъ этого общества не даютъ намъ возможности говорить о немъ печатно.

Въ дополненіе къ «Исповѣди» Шервуда-Вѣрнаго мы считаемъ небезынтереснымъ привести выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада начальника главнаго штаба графа, тогда еще барона, Дибича, отъ 4-го декабря 1825 года, касающуюся дѣйствій Шервуда по раскрытію заговора послѣ его отъѣзда изъ Грузина въ августѣ 1825 г.,

¹⁾ Сборникъ «Деятнадцатый вѣкъ», часть 1, стр. 89.

и донесеніе Дибичу самого Шервуда отъ 18-го ноября 1825 года о результатахъ его сношеній съ Вадковскимъ. «Шервудъ,—доносилъ Дибичъ императору Николаю Павловичу,—поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ. 19-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ на своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ,—на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ приѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ, какихъ именно они полковъ, и сколько именно принято по поселенію, считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генераль-адъютанта Бороздина есть двѣ значительныя особы и довольно число прочихъ, принадлежащихъ ихъ обществу, и что онъ почитаетъ только труднѣйшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю августѣйшую царскую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семь на содѣйствіе поляковъ, столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

«Шервудъ послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковского, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій, обще съ своимъ, хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить черезъ поручика графа Николая Булгари въ С.-Петербургъ.

«Посему просилъ Шервудъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву¹⁾ послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который, по объясненію съ нимъ, могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его величество, вручивъ мнѣ сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковника Николаева».

Донесеніе Шервуда Дибичу, посланное имъ изъ Харькова 18-го ноября 1825 года, касается дальнѣйшихъ дѣйствій Шервуда по раскрытію заговора. Приводимъ его дословно²⁾.

«Предписаніе вашего превосходительства отъ г. полковника и кавалера Николаева я имѣлъ честь получить, на которое симъ почтеннѣйше доношу, что изъ донесенія моего къ главному надѣ военными поселеніями начальнику видно, на чемъ остановилъ я свои дѣйствія.

«Итакъ, пробывши въ городѣ и окрестностяхъ Орла до 26-го числа прошлаго октября мѣсяца, изыскивалъ всѣ средства къ открытію извѣстнаго; имѣя разныя письма, былъ между прочимъ два

¹⁾ Дибичъ говоритъ здѣсь о письмѣ Шервуда къ Аракчееву, посланномъ изъ Карачева, и въ которомъ онъ излагалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ послѣ отъѣзда изъ Грузина.

²⁾ Изъ бумагъ графа Дибича, относящихся къ тайнымъ обществамъ.

раза и у корпуснаго командира, генераль-адъютанта Бороздина, но по малому времени было все безуспѣшно. Узнавъ, что графъ Николай Булгари проѣхалъ изъ полка къ отцу, послѣшилъ возвратиться къ прапорщику Вадковскому и нашелъ его еще въ г. Курскѣ съ эскадронами, занимающими караулъ; весьма обрадовался онъ моему пріѣзду, говоря, что ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ даже и прежде сего, и что можетъ служить доказательствомъ письмо, оста-

Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.

вленное имъ мнѣ отъ 20-го октября по случаю отъѣзда его изъ г. Курска къ графу Захару Чернышеву въ 80 верстахъ отъ города; письмо мною было спрятано (которое при семъ честь имѣю приложить).

«Онъ былъ въ восхищеніи, что дѣла текутъ такъ хорошо, и что онъ получилъ изъ С.-Петербурга свѣдѣніе, что въ весьма короткое время принято въ гвардіи челоувѣкъ до 10-ти, но чрезъ кого—онъ мнѣ не сказалъ; потомъ я всячески старался узнать, откуда оно имѣеть свое начало, сталъ ему говорить о его прежнемъ предполо-

женіи составить со мною вѣдомость и отослать съ графомъ Николаемъ Булгаремъ, какъ онъ хотѣлъ, по принадлежности.

«Вообрази,—сказалъ онъ мнѣ,—что Булгари уѣхалъ съ графомъ Спиро и Андреемъ Булгари въ г. Одессу, чѣмъ сдѣлалъ мнѣ большую остановку въ отправленіи донесенія, имѣя при томъ нужду сдѣлать требованіе отъ главныхъ членовъ, какъ-то: о заведеніи секретной типографіи, выдавать въ публику разныя сочиненія на русскомъ діалектѣ, чтобы болѣе приготовить всѣхъ къ сказанному содѣйствию и требовать конституцію въ трехъ экземплярахъ, одинъ для доставленія въ С.-Петербургъ, другой собственно Вадковскому, третій для меня, какъ уже имѣю столь значительное число подъ своимъ вѣдѣніемъ. Впрочемъ, сказалъ онъ мнѣ, что способнѣе онъ не находитъ никого послать, какъ поручика Николая Булгари, и что долженъ непременно дожидаться его приѣзда. Я давалъ ему чувствовать, что я теперь на свободѣ и душевно желалъ бы на себя взять такое порученіе; онъ мнѣ отвѣчалъ, что графъ уже на то опредѣлилъ себя и имѣеть подорожную на всю Россійскую имперію (что и дѣйствительно).

«Послѣ чего писалъ онъ мнѣ вопросы. Я долженъ былъ ему отвѣчать на счетъ своихъ дѣйствій; вопросы были слѣдующіе: «главная причина, побуждающая ихъ быть сообщниками, негодованіе вообще генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и какія мѣры были взяты мною къ открытію имъ сего, какъ ими было оное принято, свойство нижнихъ чиновъ вообще, число войскъ, могущихъ поднять оружіе въ случаѣ нужды, сколько мною принято, есть ли въ числѣ принятыхъ съ отличными способностями ума, могущихъ во всякомъ случаѣ быть полезными (которыхъ показалъ я въ числѣ шести). Прозваніевъ ничьихъ я не писалъ и такъ составилъ вѣдомость, какъ можно ближе къ образу мыслей ихъ; на вѣдомости надписалъ: «1825 года октября 30-го дня, гор. Курскъ. Состояніе военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ».

«Послѣ чего велѣлъ онъ подать свѣчу, и сожжены были его вопросныя пункты и моя черновая вѣдомость, а бѣлую онъ спряталъ въ скрипичный свой футляръ, гдѣ она, вѣрно, и теперь съ какими-то бумагами: полагаю—какія нибудь письма изъ С.-Петербурга. Онъ указалъ на ихъ, сказалъ: «вотъ гдѣ храню свои бумаги; въ случаѣ, не дай Богъ чего, то человѣкъ сей же часъ можетъ взять и зажечь, что будетъ незамѣтно».

«Въ бытность мою у него одинъ день провелъ онъ въ караулѣ, гдѣ и я былъ цѣлый день, на главной Курской гауптвахтѣ, куда днемъ принесены были ему письма, въ числѣ коихъ одно изъ Елисаветграда отъ Николая Булгари, гдѣ изъясняетъ, что онъ по причинѣ отъѣзда Спиро и Андрея Булгари поѣхалъ съ ними въ Одессу, и которые ѣдутъ въ Корфу».

«Вечеромъ пришелъ къ Вадковскому конно-егерскаго полка маіоръ Гофманъ, котораго онъ такъ довель своими сужденіями и разговорами о разныхъ несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и невыгодахъ деспотическаго правленія, что тотъ самъ сказалъ, что удивительно, что столько умныхъ людей и не предпринимаютъ ничего къ измѣненію правленія. Но Вадковскій ему ничего при мнѣ не открылъ. А когда онъ ушелъ, то онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже его давно къ сему приготовлялъ, и при первомъ съ нимъ свиданіи будетъ принять, какъ человекъ, согласный съ общимъ ихъ мнѣніемъ, а какъ съ хорошимъ умомъ, то можетъ быть очень полезенъ.

«Эскадроны выступили изъ города, а другіе на мѣсто ихъ пришли. Дивизионный начальникъ, генераль Зассъ, оставилъ Вадковскаго еще на полтора мѣсяца въ г. Курскѣ за адъютанта при вновь вступившихъ эскадронахъ¹⁾. Будучи у Вадковскаго, писалъ я къ графу Андрею Булгари, чтобы скорѣе возвратился Николай Булгари, гдѣ и онъ приписалъ къ Николаю, чтобы скорѣе пріѣзжалъ; письмо это повезетъ графъ Чернышевъ Захаръ, который также ждетъ себя отпуска изъ главной квартиры первой арміи.

«Отъ Вадковскаго узналъ я слѣдующее, что въ семь обществѣ состоятъ: графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ кавалергардскаго полка, Свистуновъ, того же полка, дѣйствующее лицо по сему заговору въ С.-Петербургѣ; Бураковъ, конно-гвардейскаго полка, что женится на Ушаковой, находящейся при дворѣ,—недавно принятъ Вадковскимъ, не знаю, по какому случаю проѣзжалъ чрезъ Курскъ и видѣлся съ Вадковскимъ; юнкеръ, пріѣхавшій къ роднымъ близъ Орла изъ Кіева, Скарятинъ, но какъ его зовутъ и котораго полка, мнѣ неизвѣстно,—по открытію ему о семь Вадковскимъ онъ сказалъ, что давно своимъ учителемъ къ подобнымъ мыслямъ приготовленъ. Графъ Бобринскій,—который—мнѣ еще неизвѣстно именно,—жертвуетъ 10,000 рублей на заведеніе секретной типографіи. Полковникъ Павелъ Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна и командуетъ нынѣ во 2-й арміи полкомъ, но которымъ—даже и Вадковскому неизвѣстно. Почему просилъ меня, если имѣю во 2-й арміи знакомыхъ, то чтобы написалъ отъ себя письма, чтобы увѣдомили, гдѣ онъ стоитъ съ полкомъ и какимъ командуетъ, что ему самому писать неловко къ нему, почему я и написалъ къ капитану Шишкову, моему знакомому, адъютанту у генерала Рудзевича, и къ маіору Пузину, находящемуся при особыхъ порученіяхъ у генерала Киселева; генераль-интендантъ 2-й арміи Юшневскій. Все сіе узналъ я изъ нашихъ съ Вадковскимъ въ разное время разговоровъ и, дабы удалить всякое на меня подозрѣніе, не рѣшился спросить даже, который Бобринскій и чины нѣкоторыхъ.

¹⁾ По этому поводу Дибичъ писалъ графу Сакену 5 декабря 1826 г.: Вадковскій «по непростительному упущенію генераль-маіора Засса, будучи выписанъ за проступки изъ гвардіи, находится уже другую очередь за адъютанта при караульныхъ эскадронахъ».

«Между прочимъ Вадковскій показывалъ мнѣ письмо, писанное имъ къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, прося о исхода-тайствованіи брату своему прощенія у государя императора, кото-рое ею вручено государынѣ императрицѣ во время проѣзда ея ве-личества чрезъ городъ Бѣлгородъ; въ письмѣ семь онъ ясно гово-рить, что въ послѣдующемъ времени онъ будетъ знать, какъ от-благодаритъ государя императора, что было предметомъ общаго мо-его съ нимъ смѣху, гдѣ онъ также упоминаетъ, что, если онъ прежде дѣлалъ по молодости лѣтъ глупости, то теперь, вѣрно, не сдѣлаетъ того (т. е. что онъ теперь дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе).

«Я оставилъ его 2-го числа ноября подъ предлогомъ, что ѣду къ брату въ Харьковъ, съ которымъ въ проѣздъ мой въ Орель, слѣша по дѣламъ полковника Гревса 2-го, не успѣлъ видѣться, и что буду въ Чугуевѣ, собственно для того имѣя знакомыхъ при-гласить въ общество, о чемъ на сихъ дняхъ его увѣдомлю, что человекъ два мною принято, и что буду ѣхать въ первыхъ чис-лахъ декабря въ Москву и С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ и къ нему заѣду. Онъ обѣщалъ дать мнѣ письма къ своимъ сотовари-щамъ.

«Между тѣмъ комиссіонеръ графа Якова Булгари, Кирьяковъ, будучи посланъ въ Бѣлгородъ къ графинѣ Чернышевой отъ графа, нашелъ тамъ Вадковскаго, черезъ его прислалъ мнѣ приложенное при семь письмо, въ коемъ предлогъ собирать долги есть не что иное, какъ приглашеніе сообщниковъ, и что графъ не заѣхалъ къ нему въ деревню, это значить къ нему самому для доставленія до-несенія, куда хотѣлъ съ нимъ отправить.

«Всѣ сіи обстоятельства я представилъ господину полковнику Николаеву, и общимъ нашимъ мнѣніемъ предположили слѣдующее: пробыть въ городѣ Харьковѣ до перваго числа декабря мѣсяца, въ теченіе коего времени можно полагать, что будутъ отвѣты отъ маіора Пузина и капитана Шишкова, также не пріѣдетъ ли графъ Нико-лай Булгари, который долженъ прежде пріѣхать къ отцу, т. е. въ Харьковъ, и дѣйствовать по прибытіи его такъ, чтобы взять его на дорогѣ съ донесеніемъ; въ противномъ случаѣ, если бы графъ Николай Булгари къ тому времени не пріѣхалъ, то мнѣ ѣхать не-премѣнно къ Вадковскому и всѣми силами стараться, чтобы самому отвезти донесеніе, въ чемъ надѣюсь успѣть. А въ томъ и другомъ случаѣ, взявши донесеніе, снятъ точную копію, съ которою мнѣ отправиться куда будетъ слѣдовать, подлинники хранить, а тамъ стараться связать ихъ отвѣтомъ или полученіемъ инструкціи и узнать возможное. Господину полковнику Николаеву быть всегда въ недалнемъ разстояніи отъ меня, на всякій случай могущихъ встрѣтиться надобностей.

«Потомъ, возвратясь оттуда, ѣхать въ Петербургъ и взять отъ него письма къ петербургскимъ сочленамъ, съ коихъ также снявъ

копіи, подлинныя оставить къ дѣлу и копіями связать и тѣхъ отвѣтами.

«Буди же графъ Булгари не пріѣдетъ, и Вадковскій не поручить мнѣ отвезти донесеніе его, въ томъ случаѣ, узнавъ, гдѣ донесеніе его хранится, взять самого Вадковского со всѣмъ, что у него находится, отобравъ отъ его, однакожь, письма, которыя онъ мнѣ обѣщаль въ С.-Петербургъ¹⁾).

Слѣдствіемъ этого донесенія Шервуда было то, что Дибичъ рѣшилъ дѣйствовать болѣе энергично. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 4-го декабря 1825 г.

«По полученіи сихъ извѣстій по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ²⁾, кои, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказаль я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за нимъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска и, притворяясь, вступить черезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковского и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятельствамъ, или арестовать Вадковского и бумаги его и сообщника, буде есть таковыя, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

На сколько Шервудъ увлекъ, просто-на-просто, обворожилъ Вадковского, бывшаго однимъ изъ самыхъ ярыхъ дѣятелей южнаго общества, лучше всего видно изъ слѣдующаго письма Вадковского къ Пестелю отъ 3 ноября 1825 года³⁾.

«...Я считаю его (Шервуда) наилучшимъ, наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ сдѣланныхъ мною (пріемовъ въ общество). Вы убѣдитесь въ томъ перечнемъ услугъ, которыя сей достойный и славный членъ оказалъ намъ въ продолженіе года. Его характеръ вообще англійскій: непоколебимъ, полнъ чести; онъ твердъ въ своемъ словѣ и неуклонно стремится къ своей цѣли. На первый взглядъ кажется холодентъ, но онъ способенъ къ горячей, безпредѣльной преданности; нѣтъ жертвъ, на которыя онъ не рѣшился бы для достиженія своихъ замысловъ, нѣтъ опасности, которой онъ не презрѣлъ бы, чтобы успѣть въ задуманномъ имъ предпріятіи. Осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы были съ нимъ совершенно искренни.

1) Сравнивая языкъ «Исповѣди», время написанія которой неизвѣстно, съ языкомъ донесенія Шервуда Дибичу, приходится заключить, что «Исповѣдь» написана значительно позднѣе донесенія, до такой степени ея слогъ болѣе литературенъ, правленъ, свободенъ отъ подчасъ совершенно нерусскихъ оборотовъ.

2) Намекъ на междоусобицу, наступившее послѣ кончины императора Александра I.

3) М. И. Богдановичъ, «Исторія Александра I». Письмо это, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Дибича отъ 11 декабря 1825 г., написано пофранцузски. Къ сожалѣнію, М. И. Богдановичъ въ своемъ трудѣ не привелъ французскаго текста напечатаннаго имъ отрывка изъ этого письма.

Онъ въ состояніи оказать наиважнѣйшія услуги нашему семейству (?), потому что обладаетъ, вмѣстѣ съ исчисленными мною качествами, необычайною тонкостью въ выборѣ средствъ для своихъ дѣйствій. Все, что говорю вамъ, основано на тщательно сдѣланномъ мною изслѣдованіи его способностей и душевной силы, и потому вѣрьте мнѣ...

«Я принялъ его (Шервуда) въ бояре, не имѣя на то никакого права: извините меня въ томъ, наипочтенный другъ. Вообразите человѣка пылкаго, ревностнаго, каковъ я, который въ продолженіе полу года не только не можетъ сдѣлать ни малѣйшей услуги нашему семейству, но даже не встрѣчаетъ порядочнаго человѣка, коему онъ могъ бы открыть свои чувства. И вдругъ — ему представляется возможность работать и принести пользу. Должно ли поставить ему въ вину, если онъ употребитъ всѣ извѣстныя ему средства для достиженія успѣха? Я рассчиталъ, что, оставаясь одинъ одишепенекъ, я буду лишень всѣхъ способовъ къ соглашенію съ кѣмъ бы то ни было, я не долженъ былъ стѣсняться правилами и, видя, что этотъ человѣкъ могъ оказать болѣе важныя услуги, нежели я, передалъ ему тѣ права, которыя вы мнѣ дали. Ежели это сочтете за преступленіе, то отымите у меня преимущества, данныя мнѣ нашими постановленіями, но съ тѣмъ, чтобы ими воспользовался Шервудъ, потому что, поступивъ иначе, мы дѣйствовали бы во вредъ нашему дѣлу»...

Въ этомъ же письмѣ Вадковскій настоятельно совѣтуетъ Пестелю быть возможно деликатнѣе съ Шервудомъ. Дибичъ, подробно передающій въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 11 декабря 1825 г. содержаніе настоящаго письма, изъ котораго у Богдановича приведенъ лишь отрывокъ, — говоритъ между прочимъ: Вадковскій «проситъ Пестеля быть съ Шервудомъ совершенно откровеннымъ, ибо онъ можетъ оказать самыя большія для нихъ услуги. Онъ еще повторяетъ, что должно быть съ нимъ откровеннымъ, ибо малѣйшая недовѣрчивость покажется обидою для сего достойнаго сочлена, что испыталъ Вадковскій, коему стоило величайшихъ трудовъ не потерять для нихъ Шервуда, когда и онъ разъ хотѣлъ его испытать нѣкоторымъ сомнѣніемъ»¹⁾.

О. И. Шервудъ-Вѣрная сообщила въ редакцію «Историческаго Вѣстника» еще одинъ любопытный документъ, касающійся позднѣйшей служебной дѣятельности ея отца и проливающій яркій свѣтъ на новую эру русской исторіи, начавшуюся 14-го декабря 1825 года. Онъ относится уже къ 1827 году и касается служебнаго порученія, даннаго въ то время шефомъ жандармовъ, генераль-адъютантомъ

¹⁾ Должно быть, этотъ кратковременный искъ, которому Вадковскій хотѣлъ подвергнуть Шервуда, и подать поводъ полковнику Николаеву донести Дибичу въ своемъ рапортѣ отъ 18 ноября 1825 г. (изъ Харькова), что «сколько я понимаю, Вадковскій не имѣетъ къ нему (Шервуду) большаго довѣрія».

Бенкендорфомъ, поручику лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка Шервуду-Вѣрному. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ.

«Господину лейбъ-гвардіи драгунскаго полка поручику

«Шервуду-Вѣрному.

«Предлагаю вашему благородію, съ полученія сего отправиться для исполненія данныхъ мною вамъ порученій въ разныя губерніи Россійскаго государства, согласно полученной вами для сего инструкціи.

«Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

ИНСТРУКЦІЯ.

«Стараясь выполнить въ точности высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли государя императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрно-подданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

«1) Обратитъ особенное ваше вниманіе на могущіе произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, беспорядки и закону противныя поступки.

«2) Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью и преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

«3) Прежде, нежели приступать къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично сноситься и даже предвѣрять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей, или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконныя поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны, ибо цѣлью вашей должности должно быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла; на примѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предвѣрять о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и возвести ихъ на путь истинный, прежде нежели обнаружить гласно ихъ худыя поступки передъ правительствомъ.

«4) Своиственные вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда

звание ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который чрезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора.

«Сколько дѣлъ, сколько незаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностью ближняго, устращаясь приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству его императорскаго величества.

«На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени приобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя.

«5) Вы, безъ сомнѣнія, даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные, или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о такихъ имѣете доставлять мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю его императорскаго величества: отыскивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

«Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительности дѣйствія, то, конечно, нѣтъ мѣры наказанію, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего даже помыслить не смѣю, употребить во зло свое знаніе, ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушить предметъ сего отеческаго государя императора учрежденія.

«Въ прочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни назначать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

«Генваря 13 дня, 1827 года».

Н. Шильдеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

ХІ.

На родинѣ.—Работа по углубленію Волги.—Квартира на пещѣ.—Путь въ Петербургъ.—Прошеніе милостыни.—У сестры.—Свиданіе съ К.—Знакомство съ барономъ Косинскимъ.—Поступленіе комиссіонеромъ и кассиромъ по изданіямъ Косинскаго.—Растрата.—Кража.—Пьянство.—Въ исправительной тюрьмѣ.—Домушникъ Ксенюшка Заломай.—Букинистъ Волковъ.—Исторія его обогащенія.—Отсылка меня на родину.—Смерть отца.—На льняномъ заводѣ.—Въ желѣзной лавкѣ Кузнецова.—Свадьба сестры.—Открытіе въ Угличѣ переплетной.—Опять въ Петербургѣ.—Поденщина.—Поддержка, оказанная мнѣ братьями К.—Отвергнутая любовь.

УЖЕ нѣсколько разъ описывалъ свою неприглядную жизнь на родинѣ; на этотъ разъ я, какъ опозоренный, совсѣмъ отчуждался отъ семейства. Проживъ съ недѣлю въ домѣ отца, я ушелъ за Волгу и тамъ поступилъ на ту же фабрику, на которой и прежде работалъ.

Хороша свобода послѣ долгаго заключенія, но такъ какъ на родинѣ не было общества, въ которомъ я успѣлъ повертѣться въ Петербургѣ, то, конечно, я не былъ доволенъ своимъ положеніемъ и скучалъ по Петербургу. Но судомъ мнѣ было назначено по окончаніи ареста пребыть два года подъ надзоромъ общества; кромѣ того, если бы общество оказалось снисходительнымъ и согласилось выдать мнѣ пас-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 187.
«истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

портъ, то нужны были деньги для уплаты податей, которыя накопились во время моего ареста; а изъ фабричнаго жалованья (восьми рублей въ мѣсяцъ) нужно было пить, ѣсть и платить за квартиру.

Въ это лѣто, въ пятнадцати верстахъ ниже Углича, противъ села Кабанова, производилось углубленіе Волги. Работало тамъ отъ шести до семи сотъ человѣкъ, и жалованья платили рабочимъ по восьми и девяти рублей въ мѣсяцъ, на готовыхъ харчахъ. Эта работа была гораздо выгоднѣе фабричной, и я, получивъ на фабрикѣ расчетъ, ушелъ на Волгу.

Жизнь и работа на Волгѣ въ теплое время была для меня привлекательна. Вставали мы рано; въ пять часовъ садились въ лодки и уѣзжали на плоты, на которыхъ желѣзнымъ ковшомъ съ длиною ручкой, доставали песокъ и каменя со дна Волги и, нагрузивъ лодку, отправлялись на берегъ. Выгрузивъ здѣсь лодку, мы шли на поляну, на которой находилась кухня и земляные столы, и дожидались обѣда. Обѣдъ начинался тогда, когда всѣ люди кончатъ свой урокъ, т. е. нагрузятся и выгрузятся, а потому, нѣкоторымъ приходилось отдыхать до обѣда часа по два. Извѣстно, что гдѣ появляется рабочій людъ, тамъ непременно появляются и кабаки; такъ было и тутъ: неподалеку отъ кухни одинъ предприимчивый мужичекъ устроилъ питейное заведеніе съ продажей чая и разныхъ закусокъ, а потому въ свободное время, передъ обѣдомъ или ужиномъ, большая часть людей уходила туда выпить или играть въ карты и орлянку. Контора подрядчика, доставлявшаго людей на эти работы, была скупа на платежъ деньгами, но зато охотно выдавала записки въ упомянутый кабачекъ, по которымъ предприимчивый хозяинъ безпрепятственно отпускалъ водку и все прочее, вслѣдствіе чего очень многіе и пропивали тутъ почти весь свой заработокъ. Я былъ не изъ числа послѣднихъ, но, все-таки, большую часть заработка приходилось забирать записками и оставлять въ кабакѣ, а потому, когда пошли заморозки и кончились работы, я остался совсѣмъ безъ денегъ и даже безъ одежды.

Дома меня совсѣмъ не принимали, да мнѣ и самому было стыдно находиться въ семействѣ, а жить было негдѣ. Внизу нашего дома находилась кухня, въ которой никто не жилъ, но которая каждый день топилась для варки пищи. Я забрался въ эту кухню и на печкѣ устроилъ себѣ квартиру.

Кухня была сырая и холодная: въ ней совсѣмъ нельзя было жить, а печь частенько была такъ горяча, что нельзя было лежать.

Первое время въ этомъ помѣщеніи я голодалъ и напелся вынужденнымъ таскать тайкомъ изъ печки пищу рабочихъ, но потомъ сестренки стали иногда носить мнѣ кой-какіе остатки отъ стола, или хлѣба, а послѣ я началъ помогать махихѣ въ стряпнѣ. Она содержала рабочихъ и готовила имъ пищу, а я носилъ воду, колотъ дрова, чистилъ картофель, топилъ баню и пр., и за это во-

шелъ у нея въ такую милость, что она присылала мнѣ сверху и чаю.

Слишкомъ пять мѣсяцевъ я прожилъ въ этомъ логовищѣ, и во все это время не видалъ ни одной живой души, кромѣ мачихи и сестеръ, приносившихъ мнѣ пищу.

Стала подходить весна; сердце у меня, что называется, загорѣлось. Мнѣ захотѣлось на волю—въ Петербургъ. Хотя мнѣ слѣдовало пробыть еще годъ подъ надзоромъ общества, но я надѣялся получить паспортъ, лишь бы достать денегъ. Я началъ упрашивать мачиху—нѣсколько разъ кланялся ей въ ноги, чтобы она какъ нибудь уговорила отца выправить мнѣ паспортъ. Долго она не сдавалась на мои просьбы, отпѣкиваясь неимѣніемъ денегъ, но, наконецъ, послѣ Пасхи уступила моимъ просьбамъ: мнѣ выправили трехмѣсячный билетъ, и я, въ лапоткахъ и сѣромъ зипунѣ, пустился опять въ дорогу.

Отецъ купилъ мнѣ нѣсколько фунтовъ ситнаго и благословилъ пятналтыннымъ, да мачиха дала три копейки. Конечно, этой провизіи и денегъ хватило не надолго, и пришлось побираться ради Христа. Долго не хватало у меня духу просить милостыню. Подойду къ деревнѣ и думаю, вотъ начну съ перваго дома и набираю себѣ хлѣба, но лишь только стану подходить къ окошку, какое-то жгучее чувство охватываетъ всего. Я не умѣю выразить это чувство; скажу только, что съ непривычки просить милостыню также тяжело, какъ тяжело въ первый разъ предстать предъ кѣмъ либо виноватымъ; да и это сравненіе мое какъ-то слабо, или неумѣло.

— «Нѣтъ,—думаю,—этотъ домъ пропущу, тутъ, какъ видится, сами-то небогатые, а вотъ тамъ домъ получше—начну съ того». Но, подойдя и къ другому дому, опять не осмѣливаюсь попросить, далѣе то же, и такъ пройдешь всю деревню, а иногда двѣ и три, пока голодъ совсѣмъ не одолѣетъ. А когда придется выпросить кусокъ хлѣба, то сейчасъ же его и начинаешь ѣсть. Дорога отъ Углича до Петербурга не близка, но и за эту дорогу я не могъ привыкнуть къ попрошайничеству, и нерѣдко по суткамъ голодалъ; когда же ѣлъ, то не досыта, а только утолялъ голодъ; хотя наши православные крестьяне, не смотря на то, что и сами частенько, особенно весною, кое-какъ перебиваются, прохожему ради Христа никогда не отказываютъ.

Пришелъ я въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и прямо отправился на Голландскую биржу работать. Я получалъ небольшую поденщину, но расходовалъ такъ мало, что въ скоромъ времени приобрѣлъ себѣ легонькій поношенный пиджачишко и сапоги и явился къ сестрѣ.

Сестра, какъ и всегда, приняла меня любовно и кое-чѣмъ помогла: я придѣлся и захотѣлъ повидать К.

24-го іюня я отправился на Поклонную гору, гдѣ жилъ К.—въ. Я не рассчитывалъ, послѣ вынесеннаго мною позора, на его распо-

ложеніе; но думалъ только, что онъ поможетъ мнѣ какими нибудь копейками, для начатія торговли. Каково же было мое изумленіе, когда К. бросился ко мнѣ съ объятіями и расцѣловалъ меня. Онъ увелъ меня въ лѣсъ, находившійся противъ ихъ дачи, и долго, долго бесѣдовалъ со мною.

Я вернулся къ сестрѣ обрадованный, какъ будто снова возродившійся, — и на другой же день съ маленькою пачкою книгъ пошелъ торговать по дачамъ.

Это лѣто я торговалъ недурно, но пословица говоритъ: въ которой лагунѣ деготь побываетъ, такъ его и огнемъ не выжжешь — то же вышло и со мной. Не смотря на то, что мнѣ пришлось испытать столько горя и лишеній за свое неумѣренное житье, я, сойдясь съ своими товарищами-букинистами, забывалъ пережитое и опять частенько посѣщалъ портерныя, кабаки и другія развеселыя заведенія и, можетъ быть, скоро бы снова свихнулся, если бы не К.

Положимъ, онъ не снабжалъ меня деньгами, но оказывалъ мнѣ существенную поддержку тѣмъ, что постоянно покупалъ у меня книги и рекомендовалъ своимъ знакомымъ. Въ числѣ прочихъ покупателей, К. отрекомендовалъ меня Серг. Гавр. Г., содержавшему реальное училище, на углу Николаевской и Ивановской улицъ, а послѣдній — преподавателю этого училища барону Михаилу Осиповичу Коссинскому. Первое время М. О. былъ только моимъ покупателемъ, но когда, въ скоромъ времени, взялъ на себя изданія «Народныхъ чтеній» Педагогическаго музея и продажу ихъ при музеѣ, — то, видя во мнѣ расторопнаго и смѣтливаго торговца, предложилъ вести у него комиссію по этимъ изданіямъ и, кромѣ того, быть кассиромъ и продавцемъ книгъ во время народныхъ чтеній. Я, конечно, охотно согласился на его предложеніе потому, что, на самомъ дѣлѣ, это занятіе было для меня и почетно и выгодно.

Работы было много. Я принималъ купленные у авторовъ остатки изданій, ѣздилъ съ заказами и другими порученіями по типографіямъ, отдавалъ на комиссію книгопродавцамъ изданія, а два или три раза въ недѣлю обязанъ былъ находиться въ музеѣ при кассѣ. Самъ Михайлъ Осиповичъ, не смотря на свое слабое здоровье, работалъ неустанно. Проводя дни на урокахъ и въ музеѣ на совѣщаніяхъ, онъ почти цѣлыя ночи просиживалъ за своими изданіями. Онъ самъ исправлялъ корректуры и дѣлалъ всѣ распоряженія. Можно сказать положительно, что онъ взялся за это дѣло не ради собственной выгоды, а единственно изъ желанія распространить болѣе полезныя чтенія въ народѣ.

— «Вотъ,—говорилъ онъ мнѣ однажды,—я бы могъ прожить и безъ уроковъ, и безъ этихъ изданій, но трутнемъ-то жить не хочется».

Мѣсяца три я исправлялъ свою должность съ аккуратностію и стараніемъ. Прочіе члены музея, какъ-то: Коховской, Воронежскій,

Животовскій, Роговъ и др., тоже ко мнѣ благоволили и доставляли кое-какую практику по книжной торговлѣ. Дѣло шло довольно успѣшно, но эти успѣхи вскружили мнѣ голову; я началъ тратить деньги не по доходамъ и иногда являлся къ Коссинскому не въ порядкѣ.—«Эхъ, Н. И.,—замѣтилъ мнѣ однажды Михаилъ Осиповичъ:—вѣдь 'я хотѣлъ сдѣлать изъ васъ купца и поставить на твердую ногу, а вы начинаете дѣлать глупости?» Но Михаилъ Осиповичъ былъ очень добръ и, послѣ этого замѣчанія, не утратилъ еще ко мнѣ довѣрія.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ, 1874 года въ музеѣ было очередное народное чтеніе и въ то же время въ другомъ залѣ читали какую-то лекцію. Самъ я находился при кассѣ народныхъ чтеній, а билеты на лекцію продавалъ знакомый Коссинскаго—выписанный имъ изъ Новгорода народный учитель и наборщикъ Матросовъ. Такъ какъ отчетъ по кассамъ обязанъ быть дѣлать я, то по окончаніи чтеній я по обыкновенію всѣ вырученныя деньги забралъ съ собой для того, чтобы на другой день доставить ихъ Животовскому, какъ это постоянно дѣлалъ. Но, выйдя изъ музея, я встрѣтился съ компаніей и зашелъ угоститься. Много ли, мало ли мы выпили, не помню; но помню только, что я этимъ не удовольствовался и захотѣлъ еще погулять. Я пропутался вечеръ по трактирамъ и ресторанамъ; на Загородномъ проспектѣ я встрѣтилъ Матросова, съ которымъ снова зашли въ ресторанъ, а затѣмъ попали въ мѣсто терпимости, гдѣ и пробыли до утра.

Очнувшись, я увидѣлъ у себя только половину кассы—рублей сорокъ. Что было дѣлать? Какъ явиться къ Коссинскому и Животовскому? Я попросилъ Матросова отнести къ Михаилу Осиповичу ключи отъ кассы и отъ сундука съ книгами, находящимися при музеѣ, и передать ему, что я болѣе явиться не могу, а самъ остался дожидаться отвѣта въ портерной. Черезъ часъ Матросовъ вернулся и сообщилъ, что Михаилъ Осиповичъ сказалъ: «Сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ». Я распростился съ Матросовымъ и пошелъ опять пьянствовать.

Я прожилъ нѣсколько дней у одного своего знакомаго, пропилъ съ нимъ всѣ оставшіяся у меня деньги, а затѣмъ у него же вытащилъ изъ кармана восемь рублей и убѣжалъ. Недѣли двѣ я не являлся на квартиру и пропилъ почти все, что было на мнѣ.

Я боялся, что Коссинскій будетъ преслѣдовать меня за растрату, но, вернувшись на квартиру, узналъ, что меня никто не спрашивалъ; а потомъ Матросовъ сообщилъ мнѣ, что Михаилъ Осиповичъ не только оставилъ дѣло безъ послѣдствій—внесъ свои деньги въ кассу, но даже пожалѣлъ меня. Такъ прошло дней десять. На Вербоной недѣлѣ всѣ мои товарищи по квартирѣ (вся квартира была наполнена торговцами-разносчиками) ушли торговать на вербу, а мнѣ не въ чемъ было выйти, одежды у меня никакой не было, и я сидѣлъ въ квартирѣ въ одномъ бѣльѣ. И вотъ

я, соскучившись своимъ бездѣльемъ и одиночествомъ и видя, что мнѣ теперь уже не съ чего подняться, никто мнѣ не поможетъ, да и у самого духу не хватитъ къ кому либо обратиться, задумалъ недоброе, и мнѣ, какъ будто, опять захотѣлось въ тюрьму и какъ будто только въ этомъ я видѣлъ для себя исходъ.

Однажды, когда всѣ ушли торговать въ Гостинный дворъ, я забралъ находившуюся у нихъ въ сундукахъ и висѣвшую на стѣнкахъ праздничную одежду, кое-что надѣлъ на себя, а остальное завязалъ въ узелъ и скрылся. Боясь, чтобы ктонибудь изъ торговцевъ, вернувшись, не бросился меня розыскивать, я ушелъ на Петербургскую сторону и тамъ, въ Сытномъ рынкѣ, распродалъ лишнія вещи и пошелъ искать развлеченій. Дня черезъ два я опять очутился въ рублищѣ и опоркахъ. Пропутившись еще дня два голоднымъ и безъ ночлега, я пришелъ въ 3-й участокъ Спасской части, объявилъ, что сдѣлалъ кражу на квартирѣ и растратилъ кассу Педагогическаго музея, и просилъ меня арестовать; но изъ участка меня выгнали вонъ.

На другой день я сидѣлъ въ кабацѣ, на углу Большой Садовой и Мошкова переулка. Кто-то изъ знакомыхъ увидѣлъ меня въ окно и сказалъ объ этомъ на квартирѣ. Съ квартиры явились два разносчика и потащили меня. Когда они привели меня на квартиру, то прежде всего начали бить, били руками и каблуками, били съ остервенѣніемъ; а я молчалъ и только закрывалъ грудь. Затѣмъ позвали дворника и отвели въ участокъ, а оттуда — въ часть.

Черезъ недѣлю я былъ приведенъ къ мировому судѣ и осужденъ на шесть мѣсяцевъ въ исправительную тюрьму.

Въ исправительной было то же начальство и тѣ же порядки, что и прежде, а потому я боялся, что мнѣ, какъ бывшему уже здѣсь прежде на дурномъ счету, придется жутко; но все старое было забыто, и я опять поступилъ въ переплетную. Не буду описывать моего пребыванія въ исправительномъ заведеніи потому, что въ немъ нѣтъ ничего новаго, или интереснаго, кромѣ того, что я познакомился съ однимъ старымъ арестантомъ, извѣстнымъ, въ то время, громилой-домушникомъ Ксенофонтомъ Каллистратовымъ, или, иначе, Ксенюшка Заломай. Этотъ Ксенюшка уже нѣсколько разъ содержался и въ этой тюрьмѣ, и въ Литовскомъ замкѣ, и во время одного ареста сошелся съ букинистомъ Волковымъ, сидѣвшимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Литовскомъ замкѣ за продажу запрещенныхъ книгъ графу М. Волковъ, по освобожденіи, познакомилъ Ксенюшку съ В. В. Крестовскимъ, который черпалъ у нихъ матеріалъ для своего романа «Петербургскія трущобы». Ксенюшка на этотъ разъ рассчитывалъ, что его выплютъ изъ Петербурга. У него гдѣ-то были припрятаны деньги и на нѣсколько тысячъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Близкихъ людей, на которыхъ можно было бы положиться, онъ не имѣлъ, а потому, узнавъ

отъ меня адресъ Волкова, онъ послалъ ему письмо и просилъ прійти въ одно изъ воскресеній. Волковъ не замедлилъ явиться, и Ксенюшка сообщилъ ему о своемъ припрятанномъ сокровищѣ и просилъ превратить все въ наличныя деньги, часть оставить себѣ, а остальное принести ему. Волковъ охотно согласился, но, найдя этотъ кладъ, уже болѣе не возвращался къ Заломаю. Послѣдняго услали изъ Петербурга, а Волковъ на утаенныя деньги началъ заниматься разными аферами.

По окончаніи моего ареста, меня слѣдовало отправить въ распоряженіе сыскаго отдѣленія, но я своимъ поведеніемъ, на этотъ разъ, настолько зарекомендовалъ себя, что старый знакомый, старшій надзиратель, самъ хлопоталъ, чтобы меня, минуя сысканое отдѣленіе, отправили на родину; поэтому, когда кончился срокъ, то прямо изъ тюрьмы служитель отвелъ меня на желѣзную дорогу и тамъ, посадивъ въ вагонъ, вручилъ мнѣ выданный на мое имя билетъ.

Доѣхавъ до Рыбинска по желѣзной дорогѣ, я остальной путь до Углича прошелъ пѣшкомъ. Еще въ Петербургѣ я слышалъ, что отецъ мой умеръ, завѣщавъ и домъ и все хозяйство мачихѣ. Я вполне сознавалъ, что отецъ поступилъ справедливо потому, что при моей слабости я не могъ бы удержать хозяйства; при томъ же я, все-таки, былъ непосѣда и на родинѣ долго ужиться не могъ.

Вернувшись на родину, я уже не пошелъ домой, не желая обременять собою семейства и поселился на окраинѣ города у одного отставного солдата. Прожилъ я тутъ съ недѣлю безъ дѣла и безъ средствъ, а потомъ пошелъ къ своему двоюродному дядѣ, человѣку богатому и набожному, и сталъ просить его помочь мнѣ. Дядя сжалился надъ моимъ положеніемъ, купилъ мнѣ поддѣвку, сапоги и бѣлье и поставилъ на льняной заводъ въ работу.

Я получалъ двадцать пять копеекъ въ день, но былъ доволенъ этимъ заработкомъ и проработалъ тутъ зиму, а затѣмъ поступилъ въ желѣзную лавку къ Кузнецову. Я уже упоминалъ, что Николай Матвѣевичъ Кузнецовъ однажды помогъ мнѣ на дорогу и затѣмъ также помогалъ во время моего пребыванія подъ судомъ; долженъ сказать, что доброта его ко мнѣ и на этотъ разъ не измѣнилась.

Поступивъ на эту должность, я перешелъ на житѣе въ свой домъ. Кузнецовъ, кромѣ маленькаго жалованья, положеннаго мнѣ, очень часто дѣлалъ мнѣ подачи разными вещами; но я этимъ еще не довольствовался и иногда своею рукою тащилъ изъ лавки, что мнѣ приглянется. Такъ прошло мѣсяцевъ девять; я одѣлся довольно прилично, по возможности оказывалъ поддержку своимъ роднымъ, приобрѣлъ себѣ хорошій инструментъ и всѣ принадлежности переплетнаго мастерства, подумывалъ даже жениться и завести въ Угличѣ небольшую книжную торговлю.

Въ январѣ 1876 года просватали замужь одну изъ моихъ сестеръ. На мнѣ лежала нравственная обязанность помочь ей, тѣмъ болѣе, что эта сестра была одной матери со мною, а у мачихи на рукахъ оставалось еще четыре дочери. Я далъ обѣщаніе помочь сестрѣ, и дѣло уладилось бы благополучно, но не задолго передъ этимъ Николай Васильевичъ разошелся съ отцомъ и окончательно отдѣлился. Отецъ Николая Васильевича, подсчитавъ мой заборъ, сказалъ, что я и такъ много состою ему долженъ, и онъ не можетъ болѣе давать мнѣ впередъ жалованья.

Получивъ отказъ отъ хозяина, я обратился съ просьбою къ дядѣ; но дядя отвѣчалъ, что у него денегъ нѣтъ, а есть только копейки для нищихъ, при чемъ рассказалъ, какъ нищія устроили одному богатому грѣшнику мостъ изъ копеекъ изъ ада въ рай. Эти неудачи сильно меня огорчили, я началъ опять пьянствовать и воровать больше прежняго изъ лавки.

Въ силу даннаго сестрѣ обѣщанія я принужденъ былъ продать кое-что изъ одежды и вещей, пріобрѣтенныхъ мною во время службы у Кузнецова, и, сколотивъ нѣсколько десятковъ рублей, передалъ ихъ мачихѣ. Во время сватовства пьянство опять глубоко во мнѣ укоренилось; я бросилъ службу у Кузнецова и въ компаніи съ однимъ купцомъ открылъ переплетную. Дѣло шло довольно тихо, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не оправдывалось, а между тѣмъ я не оставлялъ пьянства, почему наша компанія скоро разстроилась, и я остался безъ дѣла и безъ средствъ. Нѣсколько времени я опять прожилъ въ холодной кухнѣ на печкѣ, но потомъ кое-какъ сколотился и прежнею дорогою снова пошелъ въ Петербургъ.

Мнѣ опять пришлось побираться Христовымъ именемъ и вынести въ пути немало невгодъ потому, что на дворѣ стояла полная распутица. Добравшись до Петербурга, я, при помощи моего знакомаго книгопродавца, Лазарева, скоро оправился. Я могъ бы опять подняться и заторговать, но сразу же поступилъ подло: взявъ у Лазарева на покупку книгъ пятьдесятъ рублей, я большую часть изъ нихъ прогулялъ, а съ остальными скрылся изъ Петербурга.

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ, я добрался до Вышняго-Волочка, и тутъ, очутившись безъ копейки, увидѣлъ, что въ провинціи безъ денегъ еще хуже, чѣмъ въ столицѣ, и рѣшилъ снова возвратиться въ Петербургъ. Я порядился опять на барки, но только уже не сгонщикомъ, а кореннымъ.

На баркѣ обыкновенно находятся два коренныхъ, и обязанности ихъ не очень многосложны: причаливать и отчаливать барку, смотрѣть за крѣпостью причаловъ, отливать воду и караулить по ночамъ. Мнѣ попался опытный и здоровый товарищъ; онъ исправлялъ всѣ работы, предоставивъ мнѣ только управляться съ отливкою воды, а такъ какъ барка была довольно крѣпкая, то эту пугину я прошелъ безъ горя.

Вернувшись снова въ Петербургъ, я уже не сунулся болѣе къ своимъ братьямъ книжникамъ, а пошелъ въ поденщину. Работалъ я на Голландской биржѣ, на строеніяхъ, на огородахъ, большею же частью мнѣ приходилось быть безъ дѣла. Сестра и на этотъ разъ ко мнѣ снисходила, но у нея разрослось свое семейство, помощниковъ еще не было, и дѣла ихъ были не блестящи, а потому большой помощи она не могла мнѣ оказать. Неуживчивость на одномъ мѣстѣ, а главное безработица, чуть было снова не выгнали меня изъ Петербурга. Я уже простился съ сестрой, приладилъ себѣ котомку и лапотки и, пообѣдавъ на Сѣнной, хотѣлъ пуститься опять искать приключеній, но меня встрѣтили два моихъ товарища-букиниста и, угостивъ попріятельски, отговорили покидать Петербургъ. Опять я принялся за свою торговлю и, можетъ быть, скоро опять могъ бы расторговаться, но не оставлялъ своей пагубной привычки пьянствовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путать добрыхъ людей. Къ зимѣ я очутился опять раздѣтымъ и безъ средствъ.

На Петербургской сторонѣ въ Звѣринской улицѣ я нанималъ уголь. Зима была въ тотъ годъ очень холодная, а костюмъ у меня былъ совершенно лѣтній, и мнѣ, какъ говорится, трудно было высунуть изъ квартиры носъ. И вотъ я опять вспомнилъ К., вспомнилъ, что онъ совѣтовалъ мнѣ писать свою автобіографію. Я написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ свое безвыходное положеніе и объяснилъ, что намѣренъ составить записки о своей жизни. К., не видѣвшій меня давно, не смотря на то, что зналъ о моихъ продѣлкахъ съ Коссинскимъ и другими, принялъ ласково и подарилъ мнѣ пальто, бѣлье и три рубля. Вскорѣ послѣ этого я былъ принятъ и другими братьями К. и по совѣту младшаго — въ то время военнаго врача — переселился съ Петербургской на Пески, въ Херсонскую улицу, какъ разъ противъ его квартиры.

Переселясь на новую квартиру, я первое время писалъ свои записки; но мнѣ приходилось голодать, а потому я принялся опять за свою торговлю.

Здѣсь познакомился съ молодою, но бѣдною дѣвушкой, П. Н. Нос... Она была сирота, не имѣвшая ни отца ни матери. Не смотря на свое благородное происхожденіе, жили они съ сестрой очень бѣдно, такъ бѣдно, что нерѣдко голодали, но, все-таки, вели себя, какъ не многіе, которымъ приходится испытывать нищету. Заглохшая столько лѣтъ во мнѣ любовь на этотъ разъ возродилась съ новой силой; я какъ будто чувствовалъ, что это уже послѣдній ея періодъ. Но любовь моя была далеко не платоническая: я жаждалъ обладанія П.—й. Она ежедневно заходила въ мою комнату и засиживалась иногда по нѣскольку часовъ, но рѣшительно объявила, что можетъ быть со мной только дружна.

Видя себя отвергнутымъ, я отъ досады и ревности началъ сильно пьянствовать и однажды объявилъ К., что намѣренъ совершить пре-

ступленіе — зарѣзать П. Это была просто выдумка, но К. отчасти повѣрили ей и, желая отвлечь меня отъ такого намѣренія, вонились со мною, какъ съ малымъ ребенкомъ. Они посылали меня къ своему доктору, давали денегъ и утѣшали всѣмъ, чѣмъ могли. А я между тѣмъ пьянствовалъ, представляя изъ себя отчаяннаго.

Въ апрѣлѣ 1877 г. была объявлена война съ турками, и вскорѣ послѣ того Обществомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ войнахъ было объявлено о приѣмѣ желающихъ поступить въ санитары въ дѣйствующую армію. Средній К. посоветовалъ мнѣ записаться въ санитары и много содѣйствовалъ моему поступленію. Онъ выхлопоталъ мнѣ отъ полиціи свидѣтельство о полной благонадежности и рекомендовалъ начальнику фельдшерской школы.

XII.

Поступленіе въ санитары.—Отправленіе въ дѣйствующую армію.—Жизнь въ Бухарестѣ.—Въ Систовѣ.—Въ деревнѣ Мидхадъ-паша.—Сформированіе санитарнаго отряда.—Въ Боготѣ.—Въ Орханіѣ.—Отношеніе къ намъ болгаръ.—Отправленіе за Балканы.—Переходъ черезъ горы.—Перевозочный пунктъ.—Голодный полковникъ.—Въ Софіи.—Раненые турки.—Встрѣча Нового года.—Въ Самоковѣ.—Иеромонахъ Челоконъ.—Станція Бѣла.—Татарь-Базарджикъ.—Въ Филиппополѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года я записался въ военно-медицинской фельдшерской школѣ санитаромъ. Всѣхъ записавшихся и слушавшихъ курсы было человекъ семьдесятъ. Принимали въ санитары почти каждаго, мало-мальски знавшаго грамоту. Тутъ были наборщики, артельщики, послушники, нѣсколько евреевъ и разныя лица, искавшія приключеній или не имѣвшія занятій. Кромѣ одного старика-нѣмца, остальные по большей части были люди молодые, нѣкоторые просто юноши. Какое чувство влекло другихъ на войну, я не знаю, но о себѣ скажу, что меня влекло не столько чувство патриотизма и желаніе помочь страждущимъ, сколько желаніе выйти изъ стѣснительнаго положенія и зашибить копейку. Докторъ-руководитель Бегхеръ, разъ десять или болѣе, читалъ намъ лекціи анатоміи, физиологіи и десмургіи; а затѣмъ мы по недѣлѣ дежурили, то-есть присматривались къ способу ухода за больными въ хирургическомъ и терапевтическомъ отдѣленіяхъ клиники. Я учился хорошо; скоро понялъ перевязку, наложеніе компрессовъ и пр., а анатомію и физиологію зналъ гораздо лучше многихъ.

Со дня поступленія до отправки намъ было назначено пособіе по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ; но полковникъ Самойловичъ, начальникъ военно-фельдшерской школы, дѣлалъ выдачу не сразу, а когда придется, или кто сумѣетъ выпросить: иные получили больше,

иные меньше. Въ началѣ іюля было назначено отправленіе первой партіи въ Кишиневъ, и мнѣ очень хотѣлось поскорѣе ѣхать; но полковникъ самъ не посовѣтовалъ мнѣ торопиться. Онъ сказалъ, что назначить меня въ летучій отрядъ—въ самую дѣйствующую армію. И дѣйствительно, вскорѣ за отправкою первой партіи, изъ насъ выбрали сорокъ человекъ въ летучій отрядъ государыни императрицы. Намъ сдѣлали форменный русскій, довольно красивый, костюмъ и выдали по пятидесяти рублей подъемныхъ. Передъ отправкою уполномоченный Петлинъ и доктора Генъ и Гаусманъ приходили провѣрить наши способности и познанія и, кажется, остались довольны.

16-го августа, уполномоченный Петлинъ, доктора Генъ, Янковскій, Гаусманъ и Куколь-Яснопольскій, фармацевтъ Данцигъ, класный фельдшеръ Лейзнеръ, обозный офицеръ Молотовъ, вахтеръ, шестнадцать студентовъ и десять человекъ насъ, санитаровъ, отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ съ почтовымъ поѣздомъ въ путь. Уполномоченный и доктора ѣхали въ вагонъ перваго класса, а всѣ прочіе занимали вагонъ втораго класса.

Я не буду описывать нашего переѣзда, хотя для меня было много новаго и интереснаго: Москва, Курскъ, Кіевъ, Кишиневъ, Яссы у насъ только промелькнули передъ глазами. На шестой день мы были въ Бухарестѣ, и тутъ намъ, въ вокзалѣ, выдали первое жалованье и порціонныя деньги.

Вообще всѣ санитары получали по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, но намъ было объявлено, что въ летучемъ отрядѣ мы будемъ получать по двадцати пяти рублей, и, кромѣ того, намъ назначили еще порціонныя, на первое время, по сорокъ пять копеекъ. Все это намъ было выдано золотомъ, что, при тогдашнемъ курсѣ, увеличивало цѣнность денегъ болѣе чѣмъ въ полтора раза. Такое жалованье и порціонныя давали намъ возможность не только жить въ довольствѣ, но и имѣть развлеченія.

По прибытіи въ Бухарестъ нашъ высшій персоналъ остановился въ первоклассной, довольно чистой гостиницѣ, а намъ была отведена въ улицѣ Магашей, въ домѣ Николеско, хорошая квартира. На другой день по прибытіи, уполномоченный, доктора, десять студентовъ и четыре санитаря отправились въ Систово, а мы и остальные студенты остались ждать приказаній.

Деньги у насъ были, и время мы проводили въ Бухарестѣ весело: день мы играли въ стуюлку, а по вечерамъ шлялись по ресторанамъ, садамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ. Насъ принимали съ почетомъ, и музыканты, при нашемъ прибытіи, непременно старались сыграть что нибудь русское; особенно чаще всего повторялся «Стрѣлокъ» и русскій народный гимнъ, при исполненіи котораго всѣ русскіе и румыны вставали и снимали шапки.

Но все-таки подобная жизнь начинала надоѣдать, и намъ очень хотѣлось отправиться къ дѣлу.

Недѣли черезъ двѣ мы, подъ управленіемъ Молотова, при шести тройкахъ обоза, отправились въ Систово. Дорогу до Систова мы шли пѣшкомъ и ночевали подъ открытымъ небомъ. Въ Фратешти я отыскала младшаго К., находившагося тогда при военномъ госпиталѣ. Онъ пригласилъ меня остаться у нихъ, но Молотовъ мнѣ не разрѣшилъ.

Въ Систовѣ для нашего отряда былъ отведенъ цѣлый домъ, вѣроятно, какого нибудь бѣжавшаго турка; этотъ домъ во все время войны принадлежалъ нашему отряду всецѣло. Онъ былъ разоренъ и замусоренъ, но его пообчистили и устроили въ немъ главный складъ, при которомъ оставили двухъ санитаровъ. Кромѣ нихъ, въ Систовѣ остался по болѣзни и старикъ-нѣмецъ, который во все время пребыванія тутъ получалъ жалованье и занимался только тѣмъ, что варилъ саложную мазь и ваксу и торговалъ этимъ въ Систовѣ.

На долю отряда, уѣхавшаго раньше насъ, досталась жаркая работа: послѣ тридцатаго августа изъ-подъ Плевны всѣ раненые, которые только могли выносить дорогу, были направляемы на Систово. Транспорты были многочисленныя, тысячныя, и вотъ надъ этими транспортами раненыхъ наши врачи, студенты и санитары, вкупѣ съ персоналомъ находившагося тамъ госпиталя и сестрами милосердія, работали цѣлыми сутками не отдыхая. Но когда мы прибыли, то раненые по большей части отправлены были уже далѣе въ Россію, и только очень трудные остались въ госпиталѣ.

Вскорѣ, послѣ нашего приѣзда, въ Систово прибыли изъ Петербурга, съ уполномоченнымъ В. Г. Бокомъ и г. Чекуверомъ (убитымъ въ императорскомъ поѣздѣ 17-го октября 1888 г.) остальные санитары, а съ ними также пришелъ и громадный транспортъ вещей, медикаментовъ и всего потребнаго для отряда.

Дня черезъ три мы отправились далѣе. Я не буду описывать трудности дороги; объ этихъ дорогахъ уже нѣсколько разъ писали; скажу только, что поздною ночью мы добрались до деревни Мидхадъ-паша, которая считается отъ Систова въ шести часахъ перехода. Эта деревня была совсѣмъ разорена, и въ ней помѣщеній почти не было.

Здѣсь отрядъ нашъ вполне сформировался. Онъ состоялъ изъ двухъ уполномоченныхъ, пяти докторовъ, фармацевта, двухъ класныхъ фельдшеровъ, восемнадцати студентовъ и сорока санитаровъ; кромѣ того, при отрядѣ находились — обозный офицеръ, вахтеръ, поваръ, кухарка, прачка и другая прислуга. Въ одномъ изъ покинутыхъ домовъ, или, вѣрнѣе сказать, мазанокъ, устроили складъ; другой заняли студенты, а третій мы. Уполномоченные и доктора помѣстились въ палаткахъ. Земляная кухня и столовая находились подъ открытымъ небомъ, и только во время дождя обѣдъ подавали

подъ навѣсомъ, гдѣ, повидимому, прежде помѣщалась скотина. Тутъ у насъ хотя и была раскинута палатка для больныхъ, но въ ней лежало только восемь человѣкъ.

Здѣсь, на первыхъ же порахъ, сказалась несостоятельность и непривычка нашей братіи къ работѣ. Большая часть санитаровъ были бѣлоручки и не хотѣли исправлять такихъ работъ, какъ дежурство на кухнѣ, прачешной и т. п., а между тѣмъ работать было нужно, и людей взять было негдѣ. Но не только эти работы, а и дежурство у больныхъ нѣкоторымъ не нравилось.

— «Неужели мы за тѣмъ ѣхали,—сказалъ однажды дежурившій со мной товарищъ,—чтобы выносить ведра съ нечистотами: насъ учили только перевязкѣ да переноскѣ раненыхъ».

А на самомъ дѣлѣ желать лучшаго было невозможно: обращеніе съ нами было вполне гуманное, вѣжливое, пища вполне достаточная и хорошая, а работы почти совсѣмъ не было: мы или дѣлали дорожки отъ одного помѣщенія до другаго, или щипали траву для матрасовъ; большую часть времени, какъ и въ Бухарестѣ, занимались стуколкой.

Рядомъ съ нами помѣщался гвардейскій штабъ, начальникомъ котораго въ то время былъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Онъ и всѣ офицеры штаба обѣдали постоянно у насъ. Обѣды были хотя и не роскошные, но и не дурные. Поварь, нанятый Петлинымъ въ Бухарестѣ, умѣлъ готовить, а вина, изъ нашего склада, какъ водится, подбавляли аппетита, поэтому обѣды были превеселые: шутки, анекдоты и остроты, что называется, лились рѣкой.

Недѣлю спустя, изъ нашего отряда отдѣлили часть на позицію подъ Плевну. Докторамъ, вѣроятно, всѣмъ хотѣлось быть ближе къ дѣлу потому, что они кидали жеребій, и онъ выпалъ на долю, теперь уже умершихъ, Янковскаго и Гаусмана. Кажется, также поступили и студенты; а санитаровъ Янковскій просилъ выбрать тѣхъ, которые казались смѣлѣе и выносливѣе.

Въ Мидхадъ-паша мы стояли недѣли три, а потомъ поѣхали далѣе подъ Плевну. Все это время шли сильные дожди, и дороги были невыносимыя. Мы проѣхали Горный-Студень, Овчюю Могилу и Булгарени, и, по мѣрѣ приближенія къ Плевнѣ, дороги становились еще хуже, нерѣдко онѣ были запружены артиллеріей и транспортами такъ, что по нѣскольку часовъ приходилось выжидать проѣзда; множество валявшихся замученныхъ лошадей и воловъ также иногда задерживали путь.

Въ Порадимѣ мы остановились на сутки; запаслись галетами и солью и затѣмъ отправились въ Боготъ, гдѣ въ то время находилась главная квартира. Тутъ къ намъ прибыли изъ Россіи доктора Веймаръ и Головачевъ и партія сестеръ милосердія, часть которыхъ остались при нашемъ этапномъ лазаретѣ.

Въ Боготѣ совсѣмъ не было помѣщеній. Доктора нашли себѣ

маленькую мазанку, а мы разбрелись по кѣтѣшкамъ, въ которыя сыплютъ кукурузу. Для студентовъ и сестеръ были раскинута палатки. Складъ и кухня также помѣщались въ палаткахъ. Черезъ небольшой проѣздъ, на полянѣ, въ двухъ большихъ и шести маленькихъ палаткахъ былъ устроенъ этапный лазаретъ имени государыни цесаревны, при которомъ докторами состояли Генъ, Куколь-Яснопольскій и Бабаевъ, а уполномоченнымъ г. Бокъ. Всѣ прочіе доктора и уполномоченный Петлинъ, съ нѣсколькими студентами и санитарями, находились на позиціи.

Лазаретъ нашъ можно было назвать образцовымъ; изобиліе медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, хорошія постели и бѣлье и самый тщательный уходъ вполне успокаивали раненыхъ. Лазаретъ нашъ нѣсколько разъ былъ посѣщаемъ государемъ императоромъ, главнокомандующимъ, княземъ Черкасскимъ, Пироговымъ и Боткинымъ и всегда получалъ похвальные отзывы. Памятно мнѣ, какъ однажды государь утѣшалъ раненаго въ животъ кавалерійскаго офицера. Онъ долго съ нимъ говорилъ, совѣтовалъ возлагать надежду на Бога и на опытность врачей; рассказывалъ ему о подвигахъ его товарищей; а когда вышелъ изъ палатки, то на глазахъ у него виднѣлись слезы. Въ другой разъ государь, посѣщая нашъ лазаретъ, раздавалъ раненымъ нижнимъ чинамъ награды: повѣсивъ одному Георгіевскій крестъ, онъ хотѣлъ идти далѣе, но лежавшій рядомъ солдатикъ остановилъ императора и сказалъ:

— Ваше величество, а мнѣ-то что же?

Императоръ остановился и, спросивъ смѣлаго солдата, куда онъ раненъ, улыбнулся и велѣлъ повѣсить ему тоже Георгія.

Изъ Богота я два раза былъ командированъ въ Систово за покупками провизіи и въ складъ за медикаментами и другими вещами. Поѣздки эти продолжались по недѣлѣ и мнѣ нравились. Кромѣ удовольствія путешествовать по живописной, гористой Болгаріи и знакомиться съ бытомъ и языкомъ болгаръ, которыхъ мы нанимали для перевозки нашихъ вещей, эти поѣздки приносили мнѣ и еще существенную пользу. Деньги «Краснаго креста» давались щедро, а отчеты принимались по совѣсти, безъ провѣрки.

Въ Боготѣ, также какъ и въ Мидхадъ-паша, къ намъ частенько заходили гости. Ни одинъ обѣдъ не обходился безъ постороннихъ, и покойный М. Д. Скобелевъ нерѣдко даже засиживался съ сестрами.

Здѣсь нашей партіи поубавилось. Нѣсколько санитаровъ захворали, а нѣкоторые, будучи недовольны возлагаемыми на нихъ работами и отношеніемъ начальства, уѣхали обратно въ Россію.

Со взятіемъ Горнаго Дубняка, гвардія тронулась далѣе въ Балканы. Нашъ легучій отрядъ пошелъ за нею, а въ началѣ ноября и этапному лазарету было приказано собираться въ дорогу. Раненыхъ, которые могли выносить дорогу, эвакуировали въ Систово, а

болѣе трудныхъ перевезли въ расположенный близъ Богота госпиталь. Петлинъ и доктора уѣхали раньше, а 6-го ноября и мы на сотнѣ легкихъ повозокъ, находившихся въ завѣдываніи графа Сологуба, напутствуемые княземъ Черкасскимъ, подъ управленіемъ Бока и Чекувера, отправились въ путь.

Мы проѣхали Горній и Дальній Дубняки, Телишъ, Радомірцы и Яблоницы и остановились въ Ушковицахъ. Всѣ эти селенія были, по большей части, разорены, и жителей въ нихъ почти не было; но при всемъ томъ мы во время этого пути не испытывали трудностей потому, что дорога была хорошая — шоссе, а повозки наши легкія, да и погода стояла сухая и теплая.

Въ Ушковицахъ мы стояли болѣе недѣли, и въ это время погода стала дѣлаться холоднѣе. Войска наши вступали въ Балканы, и нашъ легучій отрядъ, раздѣляясь на два, слѣдовалъ за нами, а намъ приказано было отправиться въ Орханію, гдѣ предполагено было устроить лазаретъ.

Дорога отъ Ушковицъ до Орханіи идетъ горами, по краямъ глубокихъ овраговъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узка и не равна, что наши маленькія повозки рисковали свалиться въ оврагъ.

Орханія — не большой болгарскій городокъ. Когда мы въ него прибыли, онъ былъ совершенно пустъ и разоренъ. Въ немъ не было еще нашихъ войскъ, исключая нѣсколькихъ казаковъ, а впереди, въ двухъ верстахъ, находились турки, почему мы на первое время остановились на улицѣ и нѣсколько часовъ не распрягали лошадей; но вскорѣ подошли войска, а на другой и третій день начали возвращаться бѣжавшіе болгары.

Черезъ два дня по нашемъ прибытіи, съ Балканъ привезена была большая партія раненыхъ; для госпиталя заняли общественную школу—довольно большое зданіе. Первое время раненые были положены въ холодныхъ помѣщеніяхъ, и за неимѣніемъ постелей и другихъ приспособленій для нихъ достали нѣсколько возовъ соломы.

Въ Орханію мы вступили почти первыми, а до насъ турки творили здѣсь неистовства, потому и не мудрено, что болгары видѣли въ насъ своихъ избавителей и относились къ намъ и нашимъ раненымъ вполне побратски. Многія женщины приносили въ лазаретъ хлѣбъ, брынзу (польскій сыр), молоко и проч.; нѣкоторые приходили перевязывать или обмывать раненыхъ, а одна, довольно пожилая болгарка, ежедневно ухаживала за раненымъ въ грудь солдатомъ, какъ за своимъ сыномъ, во все время пребыванія его въ госпиталѣ. У насъ, въ Орханіи, также какъ и въ Боготѣ, въ скоромъ времени лазаретъ устроенъ былъ образцово и снабженъ всѣмъ нужнымъ съ избыткомъ. Изъ Богота у насъ было привезено много теплыхъ вещей, да и въ Орханіи мы получили еще большой транспортъ и потому изъ нашего склада очень щедро снабжали теплою одеждою почти всѣхъ офицеровъ.

Наступили довольно сильные морозы, доходившіе иногда градусовъ до пятнадцати, и наши войска терпѣли въ горахъ не мало нужды и холода. Гвардейцы, приходившіе съ позиціи на отдыхъ въ Орханію, были не узнаваемы: на половину сожженныхъ шинели и прочее платье и сапоги, обвязанные какими нибудь шкурами и ломотьями, встрѣчались безпрестанно. Нашъ лазаретъ и находившійся тутъ военный госпиталь были переполнены больными и обмороженными. Но намъ жилось не дурно: намъ, что называется, съ ногъ до головы была выдана теплая и хорошая одежда.

Я считался недурнымъ работникомъ и исполнителемъ своихъ обязанностей и пользовался расположеніемъ начальства и товарищей; но я давно уже стогаль желаніемъ послужить въ летучемъ отрядѣ; да и доктора, знавшіе меня, охотно приглашали, только Генъ и Чекуверъ отговаривали. Однако на этотъ разъ они меня не удержали, и я 13-го декабря въ отрядѣ, находившемся подъ управленіемъ Янковскаго, отправился въ походъ за Балканы.

Отрядъ нашъ состоялъ изъ семи человекъ: двухъ докторовъ, двухъ студентовъ и трехъ санитаровъ. Доктора ѣхали верхомъ, студенты или пѣшкомъ, мы вели по вьючной лошади. Утро было довольно морозное — больше десяти градусовъ. Но только мы вышли за городъ, какъ солнышко стало пригрѣвать настолько, что мы дорогою принуждены были раздѣться до рубашки. Переходъ до деревни Врачешти былъ не особенно большой; но добрались мы туда только къ вечеру, и намъ стоило не малаго труда отыскать помѣщеніе, потому что вся деревня была занята кавалерійскою дивизіею.

Отправляясь на позицію, наши летучіе отряды, кромѣ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, всегда запасались съ избыткомъ бѣльемъ, спиртомъ, чаемъ и всякой провизіею; а потому и были принимаемы всѣми очень радушно. Къ намъ нерѣдко приходили, или присылали, не только офицеры, но и генералы, за банкой какихъ нибудь консервовъ или за чаемъ и сахаромъ.

Мы должны были переходить Балканы въ колоннѣ генерала Вельяминова. Переходъ начался 13-го декабря, но мы, въ хвостѣ колонны, вмѣстѣ съ кавалеріею и прикрытые ею сзади, выступили изъ Врачешти только 16-го числа, потому что ранѣе путь былъ загражденъ пѣхотою и артиллеріею. Погода была прескверная, а дорога сначала, хотя и не очень крутая, но почти на каждой сажени была завалена камнями. Съ утра шелъ мокрый снѣгъ, а съ полудня, по мѣрѣ того, какъ мы подымались выше, снѣгъ становился суше и сильнѣе. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ дорога становилась круче, уже и каменистѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы лѣпились по крутымъ и покатыстымъ тропинкамъ, имѣя съ одной стороны гору, какъ стѣну, а съ другой глубочайшій и обрывистый оврагъ. Всю дорогу я не вѣрилъ, что тутъ могла пройти артилле-

рія, и убѣдился лишь тогда, когда увидѣлъ на самой вершинѣ горы съ подсолтни пѣхотинцевъ, съ припѣвами дубинушки тащившихъ веревкой орудіе.

На вершинѣ одной горы, часовъ въ десять вечера, колонна остановилась отдохнуть, и мы вздумали было погрѣться чаемъ; но руки у насъ такъ окоченѣли, что мы никакъ не могли развьючить лошадей и достать припасы. Однако, нашлись два солдатика, которые за предложенные Янковскимъ два рубля сдѣлали намъ все нужное, — развели огонь и согрѣли кипятку. Но лишь только мы успѣли налить по стакану, какъ снова скомандовали въ дорогу, и намъ пришлось все бросить и идти. Не прошло и полчаса, — вьюга разыгралась сильнѣе, и мы опять принуждены были остановиться. На этотъ разъ остановка длилась долго, и солдаты развели хорошей огонь, около котораго и собралась большая толпа. Конечно, командиры и наши доктора заняли первыя мѣста, а солдатикамъ и намъ немного пришлось погрѣться.

Лошади наши были привязаны къ кустамъ, а мы съ товарищемъ, на половину засыпанные снѣгомъ, лежали около нихъ и разсуждали, какъ хорошо быть художникомъ, чтобы срисовать эту равношерстную, сидящую около костра группу.

Докторъ Гаусманъ, студентъ Гласко и одинъ изъ нашихъ санитаровъ, еврей, чувствовали себя нездоровыми и хотѣли вернуться назадъ, но Янковскій отказался слѣдовать ихъ примѣру, а они, по всей вѣроятности, побоялись одни пуститься въ дорогу.

По дорогѣ мы нагоняли много оставшихъ отъ своихъ частей пѣхотинцевъ; одинъ изъ нихъ произвелъ на меня впечатлѣніе, которое не выгладилось до сихъ поръ. Какъ сейчасъ, вижу его, молодого, блѣднаго, стоящимъ прислонясь спиною къ дереву. Когда мы стали подходить къ нему, то онъ, почти не глядя на насъ, а куда-то въ пространство, говорилъ:

— «И Господи, Боже мой! Что это нашему батюшкѣ-царю нужно? Или у него народу много, или у него земли мало?» Болѣе онъ не сказалъ ни слова.

Мы съ Гласко поднесли ему небольшую порцію водки, дали нѣсколько сихарей и англійскаго кексу, и подвели къ дымящемуся не вдалекѣ костру, у котораго сидѣли тоже трое остальныхъ.

Съ разсвѣтомъ мы опять тронулись въ путь. Снѣгъ шелъ, хотя и менѣе, но дорога становилась еще круче и уже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось дѣлать остановки, и въ это время намъ было еще хуже потому, что морозъ, безъ движенія, давалъ себя чувствовать сильнѣе, и чѣмъ выше мы поднимались въ гору, тѣмъ становилось холоднѣе. Солдаты, кромѣ утомленія и стужи, терпѣли еще и отъ недостатка пищи: мнѣ приходилось видѣть, какъ они ѣли конскія галеты — да еще подсмѣивались. «Вотъ, — говорилъ одинъ, жуя галеты, — этихъ бы сухариковъ надо отвезти женѣ къ чаю:

больно они ужь вкусны». Но не смотря на усталость, голодь и всѣ трудности, впереди, на вершинѣ, нерѣдко раздавалась залихватская пѣсня кавалеристовъ.

Наконецъ, часовъ въ десять, или одиннадцать утра, мы добрались до вершины. Я несказанно былъ радъ этому и думалъ, что вотъ скоро явится желанная пристань «Чуриакъ»; а если и не скоро, то, по крайней мѣрѣ, подъ гору идти будетъ легче. Но тутъ оказалось новое неудобство: при спускѣ съ горъ, сѣдло и вьюки моей лошади постоянно сползали на шею, и мнѣ, почти поминутно, приходилось останавливаться, поправлять ихъ и перевязывать; да и вьюга съ полудня разыгрывалась сильнѣе, и дорогу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубоко перемѣшало. Нѣчего и говорить, что чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ болѣе отставали другъ отъ друга, а подъ конецъ и совсѣмъ растерялись.

Часовъ въ 5 вечера я добрался до Чуриака и остановился на площади, не зная, гдѣ отыскать нашъ отрядъ. Каково же было мое изумленіе и радость, когда я увидалъ самого Петлина, шедшаго ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Онъ крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ... Вечеромъ мы всѣ, въ братской бесѣдѣ, съ нѣсколькими офицерами и казаками, въ холодномъ домѣ у горящаго очага, праздновали этотъ трудный, но славный переходъ. Всѣ чувствовали себя счастливыми и были увѣрены, что теперь Ташкисенскія укрѣпленія не устоятъ.

Слѣдующій день мы, въ компаніи нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ корреспондентовъ, походнаго фотографа Иванова и офицеровъ, при хорѣ музыкантовъ, тоже пропировали. Мнѣ здѣсь пришлось подѣлиться изъ нашего запаса съ нѣкоторыми офицерами сахаромъ и солью.

— «Да,—говорилъ одинъ изъ офицеровъ,—до вашего прихода мы бы съ удовольствіемъ здѣсь отдали по золотому за фунтъ соли».

19-го числа, въ 4 часа утра, мы уже выступили въ путь. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и догорали еще костры, а въ одномъ горѣлъ цѣлый сарай съ соломою, но было еще очень темно, и потому нельзя было рассмотреть картины выступленія. На окраинѣ деревни мы на нѣсколько времени остановились, и мимо насъ прошли финляндцы, а затѣмъ проѣхалъ генераль Гурко съ своимъ штабомъ, корреспонденты и нашъ уполномоченный. Спустя часа два, или три, мы услышали уже ружейные и пушечные выстрѣлы. Дойдя до деревни Потокъ, мы остановились и послали даннаго намъ казака къ уполномоченному узнать, гдѣ будетъ находиться перевязочный пунктъ. Въ болгарской избѣ мы напились чаю и закусили купленными у болгаръ яйцами и кукурузнымъ хлѣбомъ, и тутъ же доктора купили нѣсколько штукъ болгарскихъ народныхъ поясовъ.

Черезъ часъ казакъ нашъ возвратился и повелъ насъ на перевязочный пунктъ. Еще часа черезъ два мы добрались до шоссей-

ной Софійской дороги, гдѣ и увидали одного полковаго врача, перевязывавшаго нѣсколькихъ раненыхъ. Но тутъ было мѣсто не безопасное: надъ головами иногда посвистывали пули, а потому и приказано было устроить перевязочный пунктъ въ деревнѣ Чеканчево.

Когда мы прибыли въ деревню, тамъ у крайняго дома, на снѣгу, лежало уже нѣсколько раненыхъ и надъ ними работали врачи дивизионнаго лазарета; но у нихъ былъ большой недостатокъ въ медикаментахъ и перевязочныхъ средствахъ. Живо развязаны были наши вьюки, достали изъ нихъ перевязочныя принадлежности, и наши доктора принялись за работу; а мнѣ и казаку съ фельдфебелемъ санитарной роты уполномоченный приказалъ приготовить для раненыхъ помѣщенія и пищу. Стоны, оханья и крики раненыхъ, что называется, раздирали мнѣ душу. Да и Петлинъ, обходя ихъ со мною, сказалъ:

— «Вотъ, Свѣшниковъ, здѣсь навѣрно вы сорвѣмъ не то ощущаете, что тамъ въ лазаретѣ. Вотъ здѣсь-то именно и нужна скорая помощь и хорошіе работники».

Раненыхъ безпрестанно приносили, и не смотря на то, что рабочихъ рукъ было много, многіе оставались безъ перевязки, и потому работа затянулась далеко за полночь. А между тѣмъ мы уже знали, что Ташкисенъ взяли, и турки бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ не мало добычи.

При дивизионномъ лазаретѣ находились котлы для пищи и громадный самоваръ. Чтобы накормить раненыхъ, откомандировали нашего казака и нѣсколько солдатъ санитарной роты достать рису и мяса. Черезъ часъ они возвратились и пригнали двухъ быковъ, а за ними шли болгары и плакали. Петлинъ приказалъ мнѣ отдать братушкамъ по шести полуимперіаловъ за птичку; но они не хотѣли брать и этихъ денегъ, увѣряя, что быки имъ самимъ стоятъ по десяти червонцевъ. Впрочемъ, тутъ торговаться было не время — таково было положеніе, а больныхъ кормить нужно.

Поздно вечеромъ раненые были накормлены (конечно, многіе не ѣли), напоены чаемъ и размѣщены: кто по избамъ, а кто по сараямъ, и въ каждомъ помѣщеніи оставлено по служителю. Ночью я еще разъ обходилъ раненыхъ. Одни изъ нихъ метались, другіе просили помощи; третьи пили, а иные уже и совсѣмъ Богу душу отдали и лежали поперекъ своихъ живыхъ товарищей. Сами мы отдыхали въ эту ночь у костра и питались кексомъ и чаемъ.

Рано утромъ Петлинъ послалъ меня съ товарищемъ обойти помѣщенія раненыхъ и провѣрить, сколько ихъ всѣхъ, и сколько изъ нихъ умерло. Во время этого обхода насъ встрѣтилъ полковникъ, командиръ какого-то армейскаго полка, человекъ уже пожилой, съ черной бородой съ просѣдью, и, обратясь къ намъ, спросилъ:

— Господа, я вижу, вы къ «Красному Кресту» принадлежите?

— Да,—отвѣчали мы.

— Такъ позвольте васъ спросить, не имѣете ли вы хоть куска хлѣба или сухарей, то дайте, пожалуйста, я два дня почти ничего не ѣлъ; а вотъ сейчасъ нужно опять идти на позицію, такъ и опять негдѣ будетъ достать хлѣба.

— При насъ, полковникъ, ничего нѣтъ,—отвѣчали мы,—а вы идите на край деревни, тамъ у костра увидите «Красный Крестъ», и кого бы вы тамъ ни встрѣтили—докторовъ или студентовъ, все равно, безъ церемоніи спросите и вы непременно тамъ напѣтесь чаю и закусите.

Полковникъ поблагодарилъ насъ, и на глазахъ его навернулись слезы.

Въ это утро у Чекаичева вырыта была большая могила, священникъ отслужилъ панихиду, и въ могилу, безъ гробовъ, зарыли двадцать три человѣка, а раненыхъ, около двухъ сотъ человѣкъ, перенесли въ одинъ большой чифликъ (скотный дворъ).

За помощь, какую въ этомъ дѣлѣ оказали войскамъ нашъ отрядъ, генераль Гурко благодарилъ Петлина, а Янковскому прислалъ богатый англійскій хирургическій приборъ, который былъ оставленъ непріателемъ.

Слѣдующую ночь мы ночевали въ болгарскомъ домѣ. Тутъ мы написали письма и отправили ихъ съ однимъ вольноопредѣляющимся, провожавшимъ тѣло генерала Каталя.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что городъ Софія взять безъ боя, и вечеромъ 23-го декабря мы были уже въ немъ. Квартира намъ была отведена въ домѣ одного зажиточнаго торговца, гдѣ насъ приняли очень радушно и угощали чѣмъ могли. Хотя генераль Гурко, вступивъ въ Софію, строго наказывалъ, чтобы отнюдь не было мародерства, но дѣло обошлось не безъ грѣха: казаки и солдаты не откидывали того, что поцѣпниѣ попадалось подъ руку. Такъ, я у одного гвардейца пріобрѣлъ добытыя имъ четырнадцать роскошныхъ узорчатыхъ полотенецъ и продалъ ихъ своимъ докторамъ. Да и болгары не зѣвали: на другой день по всѣмъ улицамъ видно было, какъ они тащили разный скарбъ изъ турецкихъ домовъ.

Въ Софіи мы пробыли около недѣли. Доктора, студенты и одинъ мой товарищъ ходили въ турецкіе госпитали, лѣчили и перевязывали больныхъ и раненыхъ турокъ. Плачевно было состояніе этихъ госпиталей, и лежавшіе въ нихъ были поистинѣ несчастны. Больные и раненые турки валялись на полу безъ всякой подстилки и полуголодные, а убійственный запахъ отъ неперевязанныхъ ранъ едва былъ выносимъ.

Здѣсь у насъ оказались недостатки въ медикаментахъ, бѣльѣ и припасахъ, почему и послали одного изъ моихъ товарищей въ Орханію, чтобы привезти все нужное изъ находящагося тамъ нашего склада.

Бѣгство турокъ изъ Софіи было такъ поспѣшно, что пустыя повозки «Красной Луны» были ими покинуты. Гурко подарилъ нашему отряду эти повозки, и мы на нихъ, 29-го декабря, отправились далѣе.

Передъ отбѣздомъ изъ складовъ, оставленныхъ въ Софіи турками, я набралъ въ дорогу для больныхъ разной провизіи, какъ-то консервированнаго мяса, масла, рису и проч.

Изъ Софіи мы поѣхали по Филиппопольской дорогѣ, но затѣмъ свернули направо и на другой день поздною ночью добрались до деревни Чушурли, гдѣ находилось человѣкъ до ста больныхъ и раненыхъ.

Мы прибыли на этотъ разъ очень кстати; хотя здѣсь и находились два врача армейскаго полка, но у нихъ не было ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ; кромѣ того, больные уже вторыя сутки находились почти безъ пищи. Весь день, 31-го декабря, наши врачи и студенты ходили по домамъ, гдѣ находились больные, перевязывали ихъ или оказывали другую помощь, а я раздавалъ привезенную нами провизію, водку, чай и бѣлье. Я душевно былъ доволенъ этимъ днемъ. Я сознавалъ, что работалъ съ пользою. Навѣрно, также и другіе провели этотъ день съ тѣмъ душевнымъ удовольствіемъ, какое человѣкъ испытываетъ тогда, когда онъ именно приноситъ пользу другимъ; а потому, поздно вечеромъ, когда всѣ больные были удовлетворены, мы усѣлись на земляномъ полу, кругомъ маленькаго столика, дружно встрѣтить новый годъ.

Чай, закуски и разведенный спиртъ у насъ были, но намъ хотѣлось достать вина. Мы послали двухъ казаковъ, давъ имъ денегъ, чтобы они купили гдѣнибудь вина, но они объѣздили двѣ деревни и нигдѣ не нашли ни ока. Каждый изъ насъ въ этотъ вечеръ вспоминалъ родину и каждый рассказывалъ, какъ когда-то встрѣчалъ этотъ день. Поздно ночью мы улеглись, предварительно приказавъ казацкому уряднику, чтобы на утро онъ досталъ соотвѣтственное число подводъ для перевозки раненыхъ въ Софію.

Часовъ въ девять утра подводы были уже готовы. Братушки, не смотря на то, что имъ платилось по три франка въ день за каждую подводу, ѣхали вообще неохотно: они боялись всегда, что русскіе, также какъ и турки, не заплатятъ денегъ. Усадивъ больныхъ и раненыхъ и давъ имъ на дорогу провизіи, чаю и сахару, мы отправили ихъ въ Софію подъ присмотромъ студента Гласко, одного санитаря и казака. По отправкѣ раненыхъ мы, взявъ съ собою проводника, съ казаками поѣхали въ Самоковъ.

Самоковъ наканунѣ только былъ очищенъ отъ турокъ, и въ немъ тогда находился Владикавказскій казачій полкъ. Жители Самокова—народъ воинственный: всѣ они ходили съ оружіемъ, заткнутымъ за широкими кушаками. Здѣсь мы приняты были тоже ла-

сково, но все-таки того радушія, какое намъ было оказываемо въ Софіи, мы не встрѣтили: хозяинъ дома, гдѣ мы остановились, былъ не прочь поживиться на нашъ счетъ. Но здѣсь нашимъ докторамъ и студентамъ оказанъ былъ хорошій приемъ отъ митрополита и братіи монастыря. Мнѣ, за неимѣніемъ времени, не удалось побывать въ монастырѣ, но я познакомился съ іеромонахомъ Василиемъ Челокowymъ, почтеннымъ старцемъ, когда-то воспитывавшимся въ въ Троицко-Сергіевской духовной академіи. Челокowъ былъ литераторъ-этнографъ; онъ издалъ на болгарскомъ языкѣ большой «Сборникъ» пѣсень, народныхъ повѣрій и обрядовъ и «Описаніе села Пюнюгурици». Кромѣ того, онъ былъ собирателемъ древнихъ монетъ и показывалъ намъ свою коллекцію, состоявшую болѣе нежели изъ семи сотъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Онъ подарилъ мнѣ, съ своею подписью, по экземпляру своихъ сочиненій и нѣсколько серебряныхъ монетъ.

На другой день мы вмѣстѣ съ Владикавказскимъ полкомъ отправились далѣе. Не очень поздно мы приѣхали въ большое турецкое селеніе Боніе. Турки изъ этого селенія почти всѣ бѣжали. Оно на половину было сожжено и по улицамъ валялись трупы турокъ. Переночевавъ въ Боніе, мы поѣхали къ Татаръ-Базарджику. По дорогѣ, въ какой-то пустой деревнѣ, въ погребѣ, казаки нашли бочку хорошаго вина и, недолго думая, выбили изъ бочки дно и, кто чѣмъ могъ, выпили всю бочку.

Вечеромъ мы добрались до желѣзно-дорожной станціи Бѣло. Здѣсь находится нѣмецкая колонія желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Колонія эта довольно порядочная, и нѣмцы живутъ хорошо: они приняли наше начальство съ большою предупредительностію. Вечеромъ всѣ офицеры полка и наши доктора были приглашены къ какому-то начальнику, или старшинѣ, и угостились на славу.

На слѣдующій день мы были въ Татаръ-Базарджикѣ. Здѣсь повсюду были видны еще свѣжіе слѣды разрушенія: сожженный мостъ чрезъ Марицу былъ кое-какъ настанъ; турецкій кварталъ былъ пустъ и полуразрушенъ; дюканы, или лавки, также были всѣ пусты и разломаны; на улицахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, валялись убитые турки, обломки телѣгъ и разный скарбъ. Здѣсь мы также нашли нѣсколько полуголодныхъ больныхъ и раненыхъ. Сдѣлавъ все нужное для нихъ, 6-го января мы съ владикавказцами отправились въ Филиппополь.

Дорога отъ Татаръ-Базарджика до Филиппополя представляла поражающее зрѣлище. Человѣческіе трупы, падшіе волаы, кони и овцы, разбитыя телѣги, брошенные разныя вещи, валялись по всей дорогѣ: все свидѣтельствовало о послѣднемъ бѣгствѣ турокъ.

Въ Филиппополѣ мы встрѣтили нашего уполномоченнаго, оставшагося послѣ насъ еще въ Софіи, и другой нашъ отрядъ, шедшій чрезъ Балканы на Бабу-гору и Панючурици. Тутъ въ домѣ

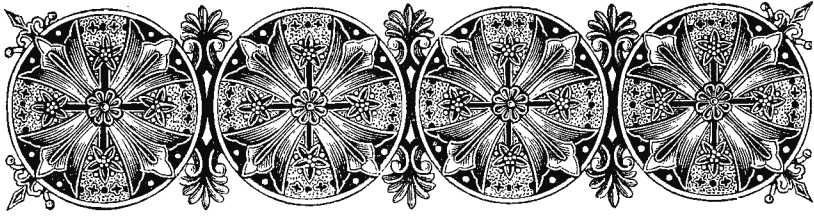
одного богатаго грека намъ отвели прекрасную квартиру. Такъ какъ на меня была возложена хозяйственная часть, то я на другой же день въ сопровожденіи кучера-болгарина, тамошняго уроженца, пошелъ по городу за разными покупками. Красота города меня поражала, а рассказы моего проводника о разныхъ достопримѣчательностяхъ очень заинтересовали, и мнѣ захотѣлось осмотрѣть его, особенно — мечети. И вотъ я, выбравъ свободное время, пошелъ съ болгаринномъ по городу. Обойдя кой-какія мѣста и осмотрѣвъ мечети, я зашелъ въ одну, гдѣ увидаль разрушенное книгохранилище. Какъ букинистъ, заинтересовавшись книгами, никогда мною не виданными, я началъ съ любопытствомъ ихъ разсматривать, и у меня, что называется, глаза разгорѣлись. Я набралъ болѣе двухъ десятковъ томовъ, которые мнѣ казались изящнѣе и древнѣе. Я хотѣлъ съѣздить еще разъ на повозкѣ и забрать всѣ остальные, но послушался добраго совѣта студента Конопасевича, который мнѣ сказалъ, что служителю «Краснаго Креста» неприлично такъ дѣлать. Ходя за покупками, я иногда заходилъ въ книжныя и другія лавки въ Филиппополѣ и покупалъ болгарскія книги, оружіе и другія вещи мѣстнаго производства, а также вымѣнивалъ разныя монеты, казавшіяся мнѣ рѣдкими.

Въ Филиппополѣ находились два госпиталя. Нашъ отрядъ большую часть времени проводилъ въ этихъ госпиталяхъ, я же ходилъ туда только раздавать вино и водку. Вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ тамъ работали и сестры милосердія; особенною неутомимостію и попеченіемъ о больныхъ отличалась княгиня Голицына: эта уже пожилая женщина, не смотря на свое высокое положеніе и на то, что въ госпиталяхъ возможно было заразиться, почти безотлучно находилась при больныхъ съ двумя другими сестрами.

Н. Свѣшниковъ.

(Продолженіе съ слѣдующей книжки).

СОФІЙСКОЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

(Болгарскіе типы и картинки).

ВАЗДЫ посѣтилъ я Софію и дважды испыталь странное чувство—вѣроятно, знакомое большинству читателей: иногда встрѣчаешь человѣка или видишь мѣстность въ первый разъ, а между тѣмъ кажется, будто гдѣ-то этого человѣка встрѣчалъ и въ мѣстности этой бывалъ. Помните, какъ у Алексѣя Толстого:

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда:
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода...
И такъ же пель жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню, когда.

Материалисты объясняютъ эту странность комбинаціонными способностями нашей памяти, воскрешающей въ насъ, когда мы видимъ новое явленіе, всѣ болѣе или менѣе подходящія къ нему впечатлѣнія нашего прошлаго, доводя насъ тѣмъ до иллюзіи видѣть въ новомъ старое. Мори въ своемъ классическомъ трудѣ «Сонъ и сновидѣнія» приводитъ множество случаевъ этого рода, объясняя ихъ по только что изложенной теоріи. Спиритуалисты допускаютъ болѣе поэтическое толкованіе, предполагая, что мы дѣйствительно этихъ людей и эти мѣстности видѣли,—только не въ настоящей, а въ одной изъ предыдущихъ нашихъ жизней. Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко—писатель, весьма охочій до сверхъестествен-

ныхъ ситуацій и настроеній—разсказывалъ мнѣ, что онъ не можетъ безъ тайнаго ужаса проходить по одному обрыву на островѣ Капри, ибо очень хорошо помнить, какъ Тиверій приказалъ бросить его съ этого обрыва въ море.

У меня не такая хорошая память, и, жилъ ли я при царѣ Симеонѣ или Крумѣ Великомъ въ Болгаріи, выкалывалъ ли мнѣ глаза какой нибудь Василій Болгаробойца,—рѣшительно не знаю. Однако, впервые подъѣзжая къ Софіи по Ломъ-Паланкскому шоссе, я былъ почти смущенъ знакомостью ея унылаго пейзажа, придавленнаго длиннымъ, приземистымъ хребтомъ Витуша.

— Да вѣдь это Тифлисъ!—озарило меня, наконецъ, воспоминаіе,—ну, да! конечно, Тифлисъ, съ печальною равниною, ведущею къ нему отъ Мцхета. А Витушъ—вылитый св. Давидъ... Не хватаетъ только полноводной Куры, съ ея широкими мутными водами, порывисто бѣгущими между каменныхъ береговъ.

Сходство съ Тифлисомъ продолжается и внутри болгарской столицы; только все въ ней, сравнительно съ поэтической столицей Закавказья, надо представлять въ видѣ уменьшенномъ, суженномъ и омѣщаненномъ. Софія—это Тифлисъ филистеровъ. Та же двойственность города: одна часть—показная, европеизированная, даже слишкомъ, до опошленія; другая—дикая, азіатская—наслѣдіе турокъ: съ минаретами, полу-развалинами мечетей, превращенныхъ въ бани. Она не безъ поэзіи, хотя и очень грустной поэзіи разрушенія и упадка. Азія въ Софіи вымираетъ и сокращается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Закавказьѣ; въ ней уже нѣтъ такихъ оригинальныхъ уголковъ, какъ тифлисскій Авлабаръ, съ его пестрою, разнородною толпою, открытыми лавками, мастерскими, коврами, оружіемъ, верблюдами, ишаками. Тифлисскій базаръ, пожалуй, любопытнѣе даже константинопольскаго,—тѣмъ болѣе, что послѣдній, разрушенный на моихъ глазахъ страшнымъ землетрясеніемъ 1894 года (вотъ еще удовольствіе-то пришлось пережить!), врядъ ли воскреснетъ въ прежнемъ своемъ архи-азіатскомъ видѣ. Сейчасъ его чинятъ, поправляютъ, подпираютъ столбами, кладутъ заклепки на стѣны, но пока—все не то: отхлынула изъ-подъ сводовъ базара напуганная землетрясеніемъ жизнь. Стамбульскій базаръ подъ открытымъ небомъ теперь пестрѣе и занимательнѣе крытаго базара. Прежде было наоборотъ. Софію мнѣ показывали усердно и подробно, но яркаго, типически-оригинальнаго я въ ней ничего не видѣлъ.

— Американскій городъ!—характеризовала мнѣ Софію одна мѣстная жительница, оболгарившаяся русская, и, по русской крови своей, далеко не лишенная эстетическихъ наклонностей, увя! совершенно чуждыхъ болгарскимъ дамамъ.—Ростетъ съ часа на часъ, какъ грибокъ, и такъ же некрасиво, какъ грибокъ...

Развалины сносятся безцеремонно: молодому городу нужно мѣсто,—не до древностей!

— Видите эти стѣны?—указывала мнѣ та же дама.—Это—остатки древняго генуэзскаго базара. Старую генуэзскую стройку безжалостно растоптали, чтобы нагородить на ея могилѣ карточныхъ домиковъ... Хоть бы строили-то со вкусомъ! А то—Богъ знаетъ что: казарма не казарма, пакгаузъ не пакгаузъ. Все—какъ нибудь, все—на спѣхъ, объ удобствѣ, о комфортѣ, объ изяществѣ жилья—никакихъ заботъ... Этотъ народъ весь свой вѣкъ точно торопится на поѣздъ, и за скорымъ отъѣздомъ ему рѣшительно все равно, въ какой обстановкѣ проведетъ онъ послѣднія двадцать-тридцать минутъ.

Въ настоящее время, подъ развалинами старыхъ генуэзскихъ магазиновъ, въ грязномъ, смердящемъ, но не лишенномъ своеобразной живописности—«красоты свинства», какъ выразился однажды г.¹ Дѣдловъ, уголокъ,—ютятся лавчонки полудикихъ мѣстныхъ «золоткузнецовъ», то-есть ювелировъ. Первобытными орудіями—долотомъ и молоточкомъ, они извлекаютъ изъ серебра удивительно тонкія филигранныя вещицы. Кто бывалъ на Кавказѣ, вѣроятно, знаетъ такъ называемыя ахалцихскія работы. Софійскія въ томъ же родѣ. Произведенія уличныхъ ювелировъ вовсе не дешевы, а доходы они получаютъ, надо полагать, не малые, такъ какъ болгарскій народъ, не оставивъ еще своего національнаго костюма, любитъ дѣлать его наряднымъ и богатымъ. Женщины рады голодать по мѣсяцамъ, чтобы съэкономить денегъ на пряжки къ поясу—огромныя, тяжеловѣсныя цапки изъ серебра грубой и крупной чеканки, на европейскій вкусъ, весьма безобразныя. Однако, отъ нихъ—главный доходъ уличныхъ ювелировъ. Не имѣть такой штуки болгарская крестьянка почитаетъ чуть не за позоръ. Можно, поэтому, представить себѣ, сколько ихъ расходится—особенно въ базарные (по пятницамъ) и ярмарочные дни. Между тѣмъ стоимость ихъ довольно высока: дешевле 60—70 левовъ (23—27 рублей) нельзя купить порядочныхъ пряжекъ, а за хоропія надо заплатить 120—150—и такъ далѣе, до 400 и выше левовъ, глядя по вѣсу металла и по работѣ. Правда, что, покупая такую вещь, крестьянка покупаетъ ее уже на всю жизнь: ей износа нѣтъ,—однако не мало приходится болгаркѣ претерпѣть лишений и труда прежде, чѣмъ скопить она денегъ на покупку.

Показныя улицы Софіи—Левская, бульварная линія, площадь предъ княжескимъ дворцомъ—недурны: уголокъ Вѣны. Но уже прилегающіе къ нимъ переулки напоминаютъ запятный городъ средней полосы Россіи. Домики-особняки съ усадьбами; улицы въ рытвинахъ, съ допотопной мостовой, замѣняющей асфальтъ и макадамъ центра. Впрочемъ и въ центрѣ соборная площадь замощена жестоко-острыми камнями; переходить ее—истое наказаніе. Многія же улицы окраинъ вовсе не замощены. Вообще, понавъ на окраину Софіи, самъ не замѣчаешь, какъ уже очутился въ деревнѣ: поля, околица... точно сто верстъ отъѣхалъ отъ столицы, которая между тѣмъ неутомно

шумить за твоею спиною. По миниатюрности «болгарскаго Петербурга», одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ на празднествахъ 2-го февраля попалъ въ трагикомическую исторію. Отправляясь домой послѣ ужина, даннаго русскимъ журналистамъ Славянскою Бесѣдою, онъ скомандовалъ извозчику: «прямо!»—а самъ «задумался»...

— Сознайтесь, Л.: просто заснули?—дразнили мы товарища, но онъ защищалъ свое бодрственное состояніе съ энергіей, которая неопровержимо доказывала намъ, что Л. спалъ мертвымъ сномъ. Извѣстно, что человѣкъ гораздо легче сознается даже въ преступленіи, чѣмъ — будто онъ спалъ въ неположенное время и въ непоказанномъ мѣстѣ.

Фазтонщикъ проѣхалъ «прямо» два квартала и очутился за городомъ. Предполагая, что сѣдокъ желаетъ кататься, онъ ѣдетъ, да ѣдетъ впередъ, а корреспондентъ все «думаетъ» да «думаетъ». Наконецъ открылъ глаза: ночь, звѣзды, поле... что за чортъ? Вообразивъ, что извозчикъ завезъ его за городъ съ цѣлью ограбить, корреспондентъ, недолго думая, схватилъ возницу за шиворотъ и закричалъ «караулъ». Фазтонщикъ, въ свою очередь, перепугался на смерть, предположивъ по этому не ожиданному нападенію, что сѣдокъ его—грабитель-конокрадъ... Дѣло выяснилось только въ участкѣ.

— Счастливъ Богъ этого дурака,—говорилъ Л.,—что я забылъ о револьворѣ въ моемъ карманѣ. Вѣдь на мѣстѣ уложилъ бы анаему!

Зелени въ Софіи очень мало. Бульваръ, вѣчно полный народомъ, загородный садъ, послѣднимъ софійцы очень гордятся, хотя въ немъ нѣтъ ровно ничего хорошаго, и самый плохой изъ подмосковныхъ парковъ — роскошь въ сравненіи съ нимъ (а ужъ о петербургскихъ и говорить нечего!)—вотъ и все. Загородный садъ отдѣленъ отъ города довольно зловонною канавой или рѣченкой съ запрудой; черезъ рѣченку переброшенъ украшенный орлами мостъ. Съ другой, сѣверной стороны, Софію сторожатъ на такомъ же мосту, переброшенномъ черезъ такую же зловонную канаву, свирѣпыя бѣлые львы. Это Стамбуловъ ихъ посадилъ, отпугивать русскихъ,—смѣются болгары. Львы эти, когда ѣдешь въ Софію съ Ломъ-Паланккаго шоссе, или съ вокзала желѣзной дороги, первая встрѣча, по которой вы догадываетесь, что вы уже въ столицѣ, а не въ деревнѣ, какою представляются взгляду новаго человѣка софійскія предмѣстья. По воскреснымъ днямъ загородный садъ кишитъ гуляющими. Полянки загорожены столиками, болгаре сидятъ, пьютъ мутное пиво и кислое вино, слушаютъ ужасный оркестръ, играющій ужасные вальсы, и довольны. Даже спрашиваютъ: не правда ли, совершенный Пратеръ? Этотъ вопросъ, въ первую мою поѣздку, такъ же удручалъ меня, какъ во вторую—доводилъ до бѣшенства моихъ компаньоновъ-корреспондентовъ обязательный допросъ cadaго новаго знакомаго: «а какъ вамъ нравится Софія?». Мы слышали его разъ по сту на день...

Бульваръ не только гулянье, но и политическій клубъ софійцевъ. Такой клубъ подъ открытымъ небомъ я видѣлъ раньше только въ Кутаисѣ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ попалъ туда на банковскіе выборы, дошедшіе до кинжаловъ. Софійцы сходятся на бульваръ въ твердой увѣренности, что встрѣтятъ здѣсь всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей; здѣсь стовариваются партіи; отсюда, когда послѣ роковаго 18-го мая, Стамбуловъ проѣхалъ къ принцу Фердинанду на прощальное свиданье, толпа бросилась бить павшаго министра. Не очень далеко отъ бульвара и перекрестокъ, гдѣ зарѣзали экс-диктатора. Здѣсь зачатокъ импровизированныхъ митинговъ и манифестацій, какими такъ богата софійская жизнь. Много я ихъ на-смотрѣлся. Является на бульваръ какой нибудь популярный анти-стамбулистъ. Кто нибудь крикнетъ:

— Да живетъ NN!

И сейчасъ же вокругъ сконфуженнаго героя минуты вырастаетъ шумная толпа. Ему говорятъ рѣчи, онъ отвѣчаетъ... Только и слышишь, что «да живетъ», да «на погибель», «на погибель», да «да живетъ»... Случается, что изъ подобныхъ уличныхъ вспышекъ разгорается мало-по-малу колоссальная демонстрація, въ родѣ той, напримѣръ, что случилась въ вечеръ пріѣзда царскаго посла, графа Голенищева-Кутузова. Его привѣтствовали факельдугомъ, рѣчами, оваціями болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Толпа эта выросла безъ всякой предварительной подготовки и организаціи,—просто слѣпилась человѣкъ по человѣку, какъ слѣпляется слѣжный комъ, катящійся съ горы. То же самое повторилось передъ зданіемъ русскаго дипломатическаго агентства, когда надъ нимъ взвился десять лѣтъ не виданный болгарами русскій флагъ. Не знаю, всегда ли таковы софійскіе порядки: я былъ въ Софіи оба раза въ слишкомъ высокаторжественные дни—то въ медовый мѣсяцъ освобожденія отъ стамбуловскаго гнета, то въ медовый мѣсяцъ восстановленія дружества съ Россією, когда принципомъ правительства было никого ни въ чемъ не стѣснять, и никакимъ народнымъ манифестаціямъ не только не мѣшали, но еще покровительствовали. «Что-жъ молъ вы, ребята, плохо ликуете? Кричи во всю! Пусть русскіе знаютъ нашу свободу и наши симпатіи!». И народъ упивался счастьемъ свободного слова и свободного мнѣнія, съ почти дѣтскимъ увлеченіемъ и радостью... Долго ли такъ будетъ? Авось!..

Послѣ 18-го мая считалось шикомъ говорить порусски. И потому, что этимъ высказывались симпатіи къ Россіи, и потому, что этимъ выражался протестъ противъ ненавистнаго Стамбулова, рьянаго гонителя русскаго языка, необходимость котораго для себя болгаринъ слишкомъ хорошо понимаетъ. Когда Стамбуловъ изгналъ русскій языкъ изъ школы, болгаринъ сталъ учиться ему дома; Стамбуловъ изгналъ изъ Болгаріи русскую газету, Болгарія стала выписывать русскій журналъ. Въ великолѣпной публичной читальнѣ города Ру-

щукѣ я встрѣтилъ всѣ русскіе журналы «общей» и исторической печати въ двойныхъ экземплярахъ. Теперь, когда цензура съ русскихъ газетъ снята, «Новое Время» имѣетъ въ Софіи до пятидесяти подписчиковъ. «Новое Время», «Свѣтъ», «Новости» попадались мнѣ и въ клубахъ и въ ресторанахъ. Не говорю уже о томъ, что стоитъ русской газетѣ, хотя бы и провинціальной, напечатать статейку о Болгаріи, какъ болгарскіе эмигранты немедленно пересылаютъ интересный номерокъ на родину въ десяткахъ экземпляровъ. Такъ, довольно мало распространенный въ самой Одессѣ, «Новороссійскій Телеграфъ» — далеко не рѣдкость въ Софіи, съ тѣхъ поръ, какъ завелъ тамъ постоянного корреспондента. Изъ нашихъ ежемѣсячниковъ наиболѣе уважаемый и читаемый болгарами — «Вѣстникъ Европы». Изъ еженедѣльныхъ больше другихъ распространена, разумѣется, «Нива»: въ Руцукѣ ея выписывается 200 экземпляровъ, а въ Софіи — 450; встрѣчаются «Недѣля», «Всемирная Иллюстрація» и «Сѣверъ». Если бы наши русскіе книгопродавцы были одарены духомъ торговой инициативы, они могли бы имѣть съ Болгаріей большія дѣла, а русская книга нашла бы богатый и благодарный рынокъ. Не одинъ болгаринъ обращался ко мнѣ съ просьбою о посредничествѣ съ какою либо крупною русскою книгопродавческою фирмой на счетъ устройства филиального магазина, указывая, какъ мало затратъ требуетъ и какъ много выгоды можетъ дать въ Болгаріи торговля русскими книгами: торговля безъ комиссіонеровъ, изъ перваго источника, по цѣнамъ русскихъ магазиновъ или съ надбавкою маленькаго $\%$, что и въ Россіи бываетъ; я, напримѣръ, самъ покупалъ въ Кіевѣ нѣкоторыя изданія А. С. Суворина по значительно высшей цѣнѣ, чѣмъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, гдѣ есть отдѣленія суворинскихъ магазиновъ. А болгары — народъ практическій и до невѣрныхъ затѣй не охотники. Когда дѣло касается денежнаго предпріятія, болгаринъ семь разъ примѣряетъ, а одинъ разъ отрѣжетъ. Значитъ, совѣтъ ихъ не на удачу, а вѣрный коммерческій совѣтъ. Сейчасъ выписка русской книги для болгарина — мука; надо очень нуждаться въ русскомъ чтеніи, чтобы подвергать себя пересылочнымъ неудобствамъ: пошли письмо въ магазинъ, внеси деньги въ Credit Lyonnais, а Credit Lyonnais внесетъ деньги въ магазинъ, а магазинъ еще когда-то соберется отправить заказъ... И дорого, и долго, и неудобно, и книги часто пропадаютъ въ дорогѣ, вызывая нареканія на добросовѣстность отправителей. Есть еще путь — черезъ русскаго эмигранта г. Златоустова. Жительствова въ Бургасѣ, онъ добываетъ свой хлѣбъ — и, кажется, недурной, — комиссіонерствомъ по книжной части. Но и здѣсь бѣдствие — полная неупорядоченность сношеній съ Россіей — и почтовыхъ, и путевыхъ. По три, по четыре недѣли ждуть иной разъ болгарскіе покупатели своихъ заказовъ отъ нашихъ книгопродавцевъ — даже изъ Одессы, хотя отъ нея до Софіи, чрезъ Константинополь, 60 часовъ ѣзды.

Теперь, вмѣстѣ съ «примиреніемъ», надо надѣяться, что это устроится болѣе благопріятно для русской книги и болгарскаго читателя. Русское общество пароходства и торговли завело съ 1-го апрѣля правильные рейсы между Одессою, Варною и Бургасомъ, и такимъ образомъ скорый и правильный обмѣнъ книжныхъ заказовъ и полученій становится возможнымъ дважды въ недѣлю. Повторяю: если русскіе книгопродавцы не воспользуются теперь широко открытымъ для нихъ и въ высшей степени прибыльнымъ новымъ рынкомъ, значить, косности и глупости русскаго капитала нѣтъ предѣловъ, и русскій книгопродавецъ—лѣнтяй, не хуже того Андерсеновскаго царевича, что голодалъ, какъ волкъ, но не хотѣлъ протянуть руку за лежавшею подлѣ него ковригою хлѣба. Начальникъ «телеграфо-почтенскаго отдѣла города Софіи», Иванъ Петровичъ Стояновичъ вообще плакался мнѣ на беспорядочность русско-болгарскихъ почтовыхъ сношеній. Такъ: изъ Болгаріи въ Россію нельзя послать оплаченную посылку: болгарская почта принимаетъ плату только до своей границы. Г. Стояновичемъ приготовленъ обширный проектъ реформъ въ русско-болгарской почтѣ. Можно надѣяться, что теперь проектъ этотъ перейдетъ въ дѣйствительность.

Возвращаюсь снова къ вопросу о русскомъ языкѣ и русской книгѣ. Въ Софіи я узналъ многихъ болгаръ, которые отлично говорили порусски, хотя въ Россіи никогда не бывали,—людей мѣстнаго или западнаго воспитанія. Къ такимъ принадлежитъ и помянутый мною Иванъ Петровичъ Стояновичъ, владѣющій русской рѣчью не хуже, чѣмъ болгарской. Профессоръ великой школы, историкъ и филологъ д-г Шишмановъ, удивилъ меня бойкостью русскаго разговора и—что особенно рѣдко среди болгаръ—русскими интонаціями; между тѣмъ онъ чистый западникъ по образованію (Лейпцигскаго университета), и никогда не бывалъ въ Россіи. Правда, жена его, урожденная Драгоманова,—малороссіянка. Премьеръ—министръ Стоиловъ въ первый мой пріѣздъ притворился, будто едва-едва понимаетъ и вовсе не говоритъ порусски; теперь онъ бесѣдовалъ со мною на нашемъ языкѣ (самъ заговорилъ) битыхъ два часа подрядъ, при чемъ добрыя три четверти этого времени говорилъ исключительно онъ—и еще какъ плавно, ярко, выразительно. Съ тѣхъ поръ, какъ князь Фердинандъ и его министерство стали тянуть руссофильскія пѣсни, много объявилось знатоковъ русскаго языка, которые вчера еще готовы были отвѣчать на каждое русское слово: «не разбираю». Стоиловъ, конечно, не въ счетъ,—онъ челоуѣкъ въ высшей степени порядочный, но между этими новоявленными русскими говорунами попадаются удивительные гуси.

Ваять, напримѣръ, хоть начальника войскъ рущукскаго военнаго округа полковника Дандеревскаго. Чуть не вчера этотъ заклятый руссофобъ публично топталъ ногами портреты русскихъ государственныхъ дѣятелей и сожалѣлъ во всеуслышаніе, что не можетъ

добраться до оригиналовъ: «я бы разстрѣлялъ этихъ господъ, не давъ имъ времени даже для молитвы!» А теперь этотъ Russenfresser вдругъ припомнилъ и свое русское воспитаніе, и эпоху освобожденія, и «дѣдо Ивана» и въ любезностяхъ къ русскимъ превзошелъ самыхъ ярыхъ руссофиловъ. А г. Марковъ? раскаявшійся стамбулистъ, который, отъ лица болгарскаго народа, просилъ графа Голешицева-Кутузова передать государю императору, что «князь любить Россію, а Болгарія любитъ своего князя»? Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!

Теперь, послѣ двухъ поѣздокъ я вполне убѣжденъ: изъ болгарской интеллигенціи не понимаютъ порусски только тѣ, кто не желаетъ понимать. И, если на улицахъ Софіи вы, обратясь порусски къ прилично одѣтому человѣку, получите въ отвѣтъ сердитое «не разбираю»,—можете быть твердо увѣрены: предъ вами стамбулистъ или, въ крайнемъ случаѣ, радославовецъ... Другое дѣло—получить отвѣтъ порусски: практически владѣютъ нашею рѣчью, разумѣется, сравнительно немногіе—20, 30%. За то я знаю много такихъ, что, не будучи въ состояніи говорить порусски, вѣроятнѣе, опасаясь впасть въ смѣшныя ошибки произношенія и неправильныхъ оборотовъ рѣчи, имѣютъ библіотеки русскихъ классиковъ, читаютъ и даже пишутъ порусски съ величайшею легкостью и откровенно провозглашаютъ, что безъ русскаго языка для болгарина доступно лишь полуобразованіе. И это послѣ того, какъ правительство всѣми способами упразднило и тѣснило русскій языкъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, а нѣмецкому покровительствовало открыто. Однако, ни нѣмецкая рѣчь, ни нѣмецкая литература въ Болгаріи не привилась, а русская—сколько ни задували ея огонекъ—«живъ, курилка!» Если курилка ухитрился выжить даже при такихъ тяжелыхъ испытаніяхъ, значитъ онъ будетъ жить и впредь, значить, онъ на мѣстѣ и нуженъ.

Теперь, стараніями министра народнаго просвѣщенія Константина Величкова (тоже западникъ по воспитанію) русскій языкъ возстановленъ въ гимназіяхъ на правахъ обязательнаго предмета. Мѣру эту собирався провести уже послѣ 18 мая тогдашній министръ Радославовъ, какъ извѣстно, вовсе не другъ и не доброжелатель Россіи. Вотъ его мнѣніе относительно роли русскаго языка въ болгарскомъ просвѣщеніи, высказанное мнѣ лично Радославовымъ и подтвержденное его единомышленникомъ министромъ Тончевымъ, нынѣ руссофобомъ и оппозиціонеромъ.

— Запрещеніе Стамбуловымъ преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—мѣра нелѣпая, выходка мелочной мстительности. Она очень вредно отозвалась на согласіи двухъ народовъ. Но я считаю ее положительно вредною и для самихъ болгаръ. Болгарину можно не говорить, но нельзя не понимать и не читать порусски. Нашъ языкъ мало выработанъ, онъ рожденъ простымъ патріархальнымъ бытомъ и приноровленъ только къ его по-

требностямъ. Культура вноситъ къ намъ запросы новыхъ реченій, и мы ихъ не находимъ у себя. Тогда мы обращаемся къ родственному русскому языку, уже выработавшему ихъ въ своей лабораторіи—и дѣло сдѣлано. Вы можете слышать кровныхъ болгаръ, не говорящихъ ни одного слова порусски, однако, употребляющихъ въ разговорѣ «дѣйствительно», «замѣчательно» и т. п.—реченія русскія, какихъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ вовсе. Скажу больше: по моему убѣжденію, очень мудро перевести на болгарскій языкъ ученый нѣмецкій или французскій трудъ, если онъ раньше не переведенъ порусски. Русскій переводъ является въ данномъ случаѣ какъ бы толковымъ руководителемъ, поставщикомъ выраженій и оборотовъ, разъяснителемъ, какъ надо перестроить фразу, чтобы въ ней сохранился точный смыслъ, и чтобы въ то же время отъ нея не отдавало иностранщиной. Поэтому ученые труды Запада мы беремъ обыкновенно съ русскихъ переводовъ, или при ихъ посредствѣ,—развѣ что ихъ нѣтъ вовсе... Но это очень рѣдкое исключеніе.

Относительно болгарскаго высшаго учебнаго заведенія—Великой школы—Константинъ Величковъ имѣетъ еще болѣе широкіе руссофильскіе замыслы. Онъ сдѣлалъ предложенія читать въ этомъ болгарскомъ полу-университетѣ бывшимъ профессорамъ Московскаго университета — извѣстному государственнику и социологу М. Н. Ковалевскому, историкамъ Милюкову и Безобразову. Кажется, впрочемъ, замысламъ этимъ суждено остаться въ области *ria desideria*, такъ какъ, по московскимъ слухамъ, М. Н. Ковалевскій, увлеченный работами въ итальянскихъ архивахъ, не пожелалъ принять приглашенія, а г. Милюковъ не могъ принять по причинамъ, отъ него не зависящимъ. Предложеніе г. Величкова ставило русскимъ профессорамъ условія: два года они имѣли право читать порусски, а третій курсъ обязывались читать поболгарски. Вознагражденія предлагались весьма щедрыя: г. Милюкову—15,000 франковъ за курсъ, а г. Ковалевскому—до 30,000 франковъ. На нужды просвѣщенія болгары не жалѣютъ денегъ.

По годамъ своимъ, я, разумѣется, не могу помнить сознательно и отчетливо русскаго общества конца шестидесятыхъ годовъ. Но такъ какъ я, съ самаго ранняго возраста (я выучился читать по пятому году), жилъ въ компаніи взрослыхъ больше, чѣмъ въ компаніи ребятшекъ (ужь не знаю—къ счастью или несчастью для меня); такъ какъ мнѣ не запрещали ничего читать, а читать я былъ великій охотникъ, и моими игрушками были книги, книги же эти были «Современникъ», «Русское Слово», «Отечественныя Записки», «Искра»; такъ какъ все мое отрочество прошло подъ шумные дебаты старшихъ, а первая юность—въ смутную пору конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, то я почитаю себя вправѣ думать, что память моя рисуетъ мнѣ наши общественныя кружки эпохи Александра II не особенно ошибочно. Эти кружки воскресли въ

моемъ умѣ, когда я вращался въ средѣ софійской интеллигенціи. То же матеріалистическое направленіе и, словно въ насмѣшку надъ самымъ принципомъ матеріализма, надъ индукціей, — априорное, бездоказательно и безпровѣрочно перенятое гнѣе съ чужого голоса, съ первой встрѣчной, ходовой и модной книжки. То же отрицаніе исконныхъ авторитетовъ и раболѣпное бултыханье въ ноги передъ авторитетами новыми, «своими». Тотъ же полемическій задоръ: кто новѣе сказалъ слово, новѣе прочиталъ книгу. Прибавить къ этому надо только поголовное политиканство, которое въ кружкахъ русскаго переходнаго времени было, въ большинствѣ случаевъ лишь теоретическимъ, почему и размѣнялось оно впоследствии на группы и секты скорѣе этическаго и экономическаго, чѣмъ государственнаго разряда: пошли народники, почвенники, нео-марксисты, толстовцы etc. Въ Болгаріи же, по конституціонному ея строю, политиканству отведена обширная практическая область; оно дробится на десятки партій и фракцій, и Софія, какъ центральный фокусъ, собираетъ въ себѣ всѣ его разнообразныя лучи. За исключеніемъ этой отличительной черты, болгарская интеллигенція переживаетъ зады, которые русское общество давно уже отжевало, переварило и — что подходило къ его организму, всосало въ кровь, что не подходило — выбросило. Я живо помню, какъ въ одной софійской компаніи на меня вытаращали глаза, когда я безъ особаго благоговѣнія отозвался о дѣятельности Д. И. Писарева... Этотъ писатель, желавшій одѣть весь міръ въ мундиръ утилитаризма, какъ разъ по плечу полукультурному русскому обществу шестидесятыхъ годовъ, и пользуется въ Софіи и Русдукѣ такимъ же почетомъ, какъ въ тогдашней русской провинціи. Насколько чужда болгарамъ идея чистаго, неприкладнаго художества, безъ утилитарной окраски, достаточно характеризуетъ то обстоятельство, что изъ русскихъ писателей-беллетристовъ въ Болгаріи популярны только тѣ, въ чьемъ творествѣ слышны публицистическія нотки. Чехова, напримѣръ, болгары совсѣмъ не дѣняютъ — и очень удивились, когда на просьбу — перечислить выдающихся русскихъ литераторовъ послѣдняго десятилѣтія, я назвалъ его въ первую голову. Одинъ старый болгарскій эмигрантъ русскаго воспитанія серьезно доказывалъ мнѣ, что «Анна Каренина» — плохой романъ, потому что:

— Покажите мнѣ его цѣль! въ чемъ его общественное значеніе?

— Ну, а «Война и Миръ»?

— А! это другое дѣло: тамъ протестъ — противъ войны, противъ дипломатіи, противъ всѣхъ этихъ шахматныхъ клѣточекъ государственности...

Толстой, какъ философъ, въ Болгаріи мало популяренъ. Страна, только что вышедшая изъ-подъ турецкаго ига, а потомъ пережившая восемь лѣтъ стамбуловскихъ мытарствъ, не можетъ сочувствовать теоріи непротивленія злу: слишкомъ много зла принялъ бол-

гарскій народъ на свою собственную шкуру, чтобы злу не противиться. Необычайно любимъ Глѣбъ Успенскій; мало сказать, что его читають,—его знаютъ. И популярностью своею онъ обязанъ вовсе не «Дунайскимъ письмамъ» такъ лестнымъ для болгаръ: напротивъ, надъ этимъ сочиненіемъ болгары подтрунивають, видя въ немъ призрачную утопію, созданную фантазіей художника-публициста... А просто по темамъ, по манерѣ письма своего Успенскій хорошо подошелъ къ жгучимъ вопросамъ и міровоззрѣнію, а, слѣдовательно, и ко вкусамъ молодого и еще формирующагося, но, по самой природѣ своей, практическаго народа болгарскаго,—народа-земледѣльца, скотовода и сельскаго хозяина, народа «на землѣ».

Затѣмъ (вотъ ужъ именно «нѣсть пророкъ въ своемъ отечествѣ») очень уважають г. Засодимскаго. Писатель этотъ, для русской публики хотя и весьма почтенный, но все же затѣненный болѣе крупными беллетристическими дарованіями и отгѣсненный, такъ сказать, во вторую линію читательскихъ симпатій, въ Болгаріи пользуется рѣдкимъ почетомъ. Болгаре очень удивлялись, что я могъ сообщить имъ нѣкоторыя «черты изъ жизни» Короленка, Чехова, Потапенка, Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченка, Дѣдова, но рѣшительно не былъ въ состояніи удовлетворить ихъ любопытство, что за человекъ г. Засодимскій.

Редакторъ сельской газеты, выходящей въ с. Мусинѣ, прислалъ мнѣ изданія мѣстной народной читальни «Новъ Животъ» — нѣчто въ родѣ нашихъ книжекъ издательской для народа фирмы «Посредникъ». Называется болгарскій «Посредникъ» — «Евтена Библиотека». Изъ русской литературы вошли въ составъ этого изданія: «Упустишь огонь—не потушишь» Льва Толстого, «Махмудкины дѣти» Вас. Ив. Немировича-Данченка, «Четыре дня на полѣ сраженія» В. М. Гаршина, «Повѣсть о хлѣбѣ» и «Ивановъ садъ» П. В. Засодимскаго. Болгарскіе литературные журналы всегда переполнены переводами съ русскаго. Я не принадлежу къ числу сторонниковъ литературной конвенціи, потому что она гораздо менѣе выгодна русскимъ писателямъ, чѣмъ европейскимъ. Но болгарскіе переводы заставили меня задуматься надъ этимъ вопросомъ: по легкости работы, переводъ русскаго произведенія на болгарскій языкъ—почти перепечатка. Болгаріи, если не спохватятся во время русскіе заправилы книжнаго рынка, весьма легко сыграть въ отношеніи русской печати ту же безнаказанно-вредную роль дешеваго конкурента (для всѣхъ странъ Балканскаго полуострова и для Галиціи, гдѣ принятъ нашъ алфавитъ), какую въ ущербъ французской печати играла въ свое время Бельгія. На Востокѣ тоже усердно плагиатируютъ русскихъ авторовъ, особенно беллетристовъ. На какой-то русской станціи я купилъ номеръ «Петербургской Газеты», съ бульварнымъ романомъ «Богатырь Кирило» въ фельетонѣ. Пріѣхалъ въ Константинополь, пробѣгаю мѣстную греческую газету: «Богатырь Кирило»

туть какъ туть и безъ всякихъ ссылокъ на первоначальный источникъ.

Въ болгарскомъ театрѣ происходитъ борьба, тоже напоминающая нѣчто изъ исторіи русской сцены въ эпоху «перелома». Профессіональных артистовъ въ Софіи еще нѣтъ — они только вырабатываются изъ любителей, которые даютъ спектакли своей хорошо сыгравшейся труппы въ красивой, хотя немножко коробкообразной Славянской Бесѣдѣ. Управляетъ этимъ дѣломъ г. Кинели, воспитанникъ драматическихъ курсовъ въ Петербургѣ. Странна судьба этого талантливаго и симпатичнаго человѣка. Въ восьмидесятыхъ годахъ его выслали изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, какъ политически неблагонадежнаго, а въ Софіи онъ состоялъ подъ надзоромъ стамбуловской полиціи, какъ неисправимый руссофилъ. Началась софійская сцена подъ вліяніемъ не русскихъ, но западныхъ образцовъ. Отвращеніе къ нѣмецкому началу не дало болгарамъ подпасть подъ вліяніе нѣмецкой сцены; за то болгары, кто умѣетъ, французятъ не меньше грибоѣдовской Москвы, и нѣтъ на ихъ галломанію никакого Чацкаго. Извѣстно, что самъ князь Фердинандъ настойчиво разыгрываетъ изъ себя француза, хотя онъ и австрійскій принцъ. Показаться французомъ для интеллигентнаго болгарина—высшее удовольствіе. Это франкофильство я, впрочемъ, наблюдалъ во всѣхъ восточныхъ странахъ, не исключая нашихъ Грузіи и Арменіи. Покойный поэтъ Симборскій, хорошо знавшій Закавказье, обмолвился по этому поводу въ одной эпиграммѣ очень мѣткимъ двустишіемъ:

Осеминаренный французъ
Есть офранцуженный мингрелецъ!

Англійское вліяніе можетъ быть сильнѣе французскаго въ восточной политикѣ, но идеаль цивилизующагося восточнаго человѣка, все-таки, французъ, а не англичанинъ. Сейчасъ, когда въ Турціи англійскіе фонды стоятъ низко, а русскіе, наоборотъ, поднялись на небывалую высоту, французы — черезъ *alliance franco-gusse*, въ Константинополѣ и Софіи еще въ большемъ почетѣ, чѣмъ обыкновенно. Болгары, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, въ Ліонѣ, Монпелье, привезли съ собою на родину вкусы къ Сарду, Дюма-сыну. Подъ покровительствомъ генія переводовъ съ французскаго и начала свое бытіе болгарская сцена. Но офранцуженныхъ любителей театра было, все-таки, слишкомъ мало, чтобы создать «публику». А патриархальный болгаринъ «съ мѣста» не хотѣлъ знать западнаго репертуара: не по косности, не по предубѣжденію, а просто потому, что въ репертуарѣ этомъ ровно ничего не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хоть «Даму съ камеліями». Возможно ли сочувствіе къ Маргаритѣ Готье, возможенъ ли интересъ къ ея судьбамъ, въ обществѣ, почти не знающемъ продажныхъ женщинъ? Рущукскій военный врачъ г. Манойловъ указалъ мнѣ поразитель-

ный и весьма лестный для болгарской женщины фактъ, что при переписи софійскихъ проститутокъ между ними оказалось всего три болгарскаго происхожденія. Остальной контингентъ — сербки, румынки, французенки, нѣмки, венгерки, полька изъ Австріи и, главнымъ образомъ, еврейки. Сентиментально-адультерная драма должна была внушать болгарину отвращеніе, а не симпатію. Такъ и было. Г. Кинели пришла счастливая идея: за неохотою софійцевъ къ западнымъ драматургамъ и за малою плодovitостью немногочисленныхъ драматурговъ отечественныхъ, онъ ввелъ—съ большими затрудненіями, изъ-подъ Стамбуловскаго запрета,—въ Славянскую Бесѣду Островскаго. «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» засвѣтилъ и для Болгаріи. Нашъ драматургъ, какъ нельзя лучше, угодилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ болгарской аристократіи и буржуазіи, которыя, вмѣстѣ съ безспорными патриархально-семейными добродѣтелями, питаютъ въ нѣдрахъ своихъ домовъ и еще болѣе безспорные и патриархальные пороки. Все, что Островскій писалъ когда-то для просвѣщенія Замоскворѣчья и медвѣжьихъ угловъ провинціи, очень хорошо пригудилось и для Софіи, Тырнова, Русука, когда они, освободясь отъ турокъ, начали вглядываться въ наслоенную на нихъ за пятьсотъ лѣтъ рабства дикость... А многое специфически-восточное можно бы и даже слѣдовало бы прибавить къ печальнымъ картинамъ нашего драматурга-сатирика. «Бѣдность не порокъ» такъ понравилась, что г. Кинели ставилъ ее семь разъ подрядъ, при неизмѣнно полныхъ сборахъ. Это уже второй разъ, что я наблюдаю торжество Островскаго въ иноплемennomъ народѣ, стоящемъ на переходѣ отъ варварства къ культурѣ: совершенно такой же успѣхъ имѣютъ пьесы Островскаго, созданныя въ первый періодъ его творчества, на армянской и грузинской сценѣ. А армянскіе драматурги идутъ въ своихъ работахъ прямо по слѣдамъ Островскаго, какъ его убѣжденные ученики и подражатели: таковъ Сундукіанцъ. И это, не смотря на то, что, повторяю, во главѣ армянской и грузинской интеллигенціи, какъ и во главѣ болгарской, стоятъ

«Осеминаренный французъ

«И офранцузенный мингрелець...»

То-есть—въ литературныхъ и театральныхъ вкусахъ—немножко Репетилковы: «водевиль есть вещь, а прочее все гиль!», немножко—бойре изъ «Венеціанскаго истукана»: «о, Эуропа, Эуропа!»... И вотъ водевиль изъ Эуropy, какъ у насъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, схватился воевать съ бытовою и обличительною комедіею, и она его снова на голову разбила. Г. Кинели побѣда эта, однако, обошлась дешево лишь счастливымъ случаемъ. Занесенный въ списокъ пропагандистовъ руссофильства, онъ уже былъ назначенъ Стамбуловымъ къ «интернированію», то-есть, по нашему, административной высылкѣ изъ Софіи «куда Макаръ телятъ не го-

няль» и водворенію въ какой нибудь горной деревушкѣ. Но—знать, онъ хорошо молился своему Богу — подоспѣло 18-ое мая, и паденіе диктатора спасло горемычнаго инициатора болгарской національной сцены отъ тяжелаго изгнанія.

Такъ какъ мнѣ пришлось въ Софіи вращаться по преимуществу въ политическихъ кружкахъ, то много и близко наблюдать болгарскую семью и женщину мнѣ не случалось. Отдѣльный же десятокъ-другой наблюденій не даетъ мнѣ возможности выдавать свои выводы за общіе, хотя они въ пользу болгарокъ, вопреки даже презрительному мнѣнію о нихъ софійскихъ дамъ-иностранокъ. Послѣднихъ въ Софіи очень много. Частью это—жены и родственницы представителей дипломатическаго корпуса, частью—болгаръ, поженившихся въ свои учебные годы въ Европѣ или въ Россіи. Русскихъ, замужемъ за болгарами, довольно много; за ними самый высокій процентъ женитьбъ на чужестранкахъ падаетъ на французенокъ и вѣнокъ. Большое диво—болгаринъ, женатый на еврейкѣ, и, кажется, диво небывалое—болгарка замужемъ за евреемъ. Евреевъ здѣсь не любятъ.

— Отчего вы не женаты до сихъ поръ?—спрашивалъ я болгарина—богатаго, красиваго холостяка, уже лѣтъ подь сорокъ, парижанина по воспитанію, привычкамъ, образу жизни.

— Оттого, что не на комъ жениться.

— Вотъ тебѣ разъ.

— Свои не нравятся: скучно съ ними, дикарки. А везти сюда въ Софію французенку или русскую... за что же я ее, бѣдную, запру въ эту тюрьму? Надо очень любить мужа, чтобы послѣдовать за нимъ въ нашъ медвѣжій уголь и выдерживать нашъ угрюмый бытъ... Поживите среди болгаръ,— вы убѣдитесь, что тургеневская Елена и не подозрѣвала, на какую унылую жизнь обрекала она себя, слѣдуя за Инсаровымъ. Наша женщина и европейская живутъ въ двухъ совѣмъ разныхъ мірахъ, между ними нѣтъ ничего общаго, ни симпатій, ни интересовъ.

Дѣйствительно, болгарки по крови и болгарки по замужеству держатся въ Софіи отдѣльными кружками и съ замѣтнымъ отгнкомъ взаимной антипатіи. Въ то время, какъ кружокъ болгарокъ по замужеству объединилъ женщинъ самаго разнообразнаго происхожденія—русскихъ, французенокъ, вѣмокъ, англичанокъ, кровная болгарка въ немъ—рѣдкость... Развѣ ужъ какая нибудь европеизированная и эманципированная, на которую свои махнули рукою, какъ на отщепенку.

Болгарскія женщины показались мнѣ и впрямь диковатыми и простоватыми. Отъ природы онѣ, вѣроятно, умны, потому что болгаре вообще умны, хотя и не быстры мыслью. Онѣ очень скромны, молчаливы, отличныя хозяйки, отличныя жены, отличныя матери. Самая эманципированная болгарка не позволитъ себѣ врываться въ мужской разговоръ, путаться въ мужскія дѣла и предпріятія: болгаринъ сби-

раетъ митинги и устраиваетъ «превраты», а болгарка «сидитъ дома и прядетъ шерсть». Въ послѣднее время значительное количество болгарокъ устремилось на Западъ, на поклонъ европейской наукѣ. Какъ отзовется это движеніе на ихъ психикѣ—не знаю, но, сколько могу судить, оно обѣщаетъ Болгаріи много свѣтлыхъ головъ и полезныхъ труженицъ, но отнюдь не наводнитъ ее Авдотьями Кукпиными. Болгарка крѣпка характеромъ и любитъ свой домашній очагъ,— поэтому, что надо ей, она отъ эмансипаціи возьметъ, а къ своимъ исконнымъ устоямъ все-таки возвратится. Правственность болгарскихъ женщинъ безукоризненна— даже въ Софіи, относительно самомъ распущенномъ городѣ княжества. Женщина съ адюльтеромъ отверженное существо: на нее подняты всѣ камни. Не лучше, впрочемъ, и мужчинъ, ея соучастнику. Скандальный романъ съ женою военнаго министра Савова, громко оглашенный на всю Болгарію, былъ одною изъ ближайшихъ причинъ стамбуловскаго паденія: похождение диктатора съ этою психопаткою-нимфоманкою, пустившеюся впослѣдствіи во всѣ тяжкія, оказались слишкомъ не въ духъ мѣстнаго семейнаго строя.

— При туркахъ, — сострилъ одинъ константинопольскій эмигрантъ-болгаринъ, — болгарская женщина пользовалась тою же свободою, какъ и теперь, за исключеніемъ свободы быть вѣрною своему мужу. Турокъ прогнали—явилась и эта свобода. Ну, бабы ею, какъ новостью, и наслаждаются, усердствуютъ: всѣ поголовно вѣрны. А Стамбуловъ вздумалъ на эту свободу посягнуть... Вотъ бабы и взбѣсились, и съѣли его.

Во главѣ дамъ антистамбулистокъ стояла сама княгиня Марія-Луиза. Отвращеніе ея къ «тиранину и блуднику» доходило до того, что всякій разъ, какъ Стамбуловъ пріѣзжалъ во дворецъ, она немедленно уѣзжала на прогулку, чтобы не оставаться подъ одною кровлею съ ненавистнымъ министромъ.

Говорятъ, что «негово царско височество» князь Фердинандъ на первыхъ порахъ, съ легкой руки и благословенія Стамбулова, пробовалъ ввести въ своемъ дворцѣ, по холостому своему положенію, версальскіе нравы эпохи регентства; но болгаре оказались ужасно тупы и невоспримчивы по этой части, такъ что князю оставалось только поскорѣе найти невѣсту и жениться, ибо званіе Junggezelle въ Софіи не представляетъ рѣшительно ничего привлекательнаго. По крайней мѣрѣ, для человѣка съ избалованнымъ вкусомъ и рыцарскими взглядами на женщину, неспособнаго жуировать à la Стамбуловъ—поразбойничьи...

Къ сожалѣнію, въ жертву болгарскому пуританству приносятся не одни Стамбуловы. Въ февральскіе дни я спросилъ кого-то изъ рушукцевъ, пріѣхавшихъ въ Софію повеселиться на праздникахъ присоединенія, о здоровьи моего пріятели, адвоката Петковича, послѣ 18-го мая исправлявшаго должность губернатора Рушука.

— Какъ? развѣ вы не слышали? Онъ умеръ...

— Быть не можетъ? какъ? когда?

— Романическая исторія. Онъ полюбилъ одну молодую вдову, болгарку, съ европейскимъ образованіемъ. Хотѣлъ жениться. Семья возстала: ни за что не пустимъ ее въ домъ! Онъ сошелся съ нею гражданскимъ бракомъ. Тогда весь городъ сталъ показывать на нихъ пальцами... Ну, и затравили бѣдныхъ! Петковичъ застрѣлилъ свою любовницу и застрѣлился самъ...

Бѣдные руцукскіе Ромео и Джульетта! и, въ особенности, бѣдный Ромео! Петковичъ былъ личностью, далеко выдающеюся надъ общимъ уровнемъ болгарскаго общества. Кандидатъ правъ Харьковскаго университета, адвокатъ по профессіи, онъ уклонялся отъ официальной политики и согласился, по просьбѣ правительства 18-го мая, лишь временно взяться за управленіе Руцукскимъ округомъ. Но именно его авторитету, энергіи и умѣлой пропагандѣ правительство было обязано легкостью, съ какою оно восторжествовало надъ стамбуловщиной въ Руцукѣ. А Руцукъ—камертонъ для всего болгарскаго Дуная. Да и въ Софіи прислушиваются къ его голосу.

Бѣдный Петковичъ! его ждала видная будущность! Какъ живой, встаетъ онъ сейчасъ въ моей памяти: красавецъ, лѣтъ 34—36, съ лихорадочнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ и возбужденными глазами убѣжденнаго агитатора. Онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ въ Болгаріи, а это не мало. Болгары—природные «мастера элоквенціи», да еще школятъ ихъ и закаляютъ по этой части чуть не ежечасныя политическія стычки и чуть не ежедневныя митинги партій. Врядъ ли (исключая Ѡ. Н. Плевака) найдутся въ Россіи ораторы, равные по энергіи, по огневому «нутру» слова покойному Стамбулову, или по изяществу и неотразимой логической убѣдительности рѣчей г. Стоилову. А о Петковичѣ я слышалъ отзывы, будто онъ говорилъ не хуже и того, и другого. И вотъ, вполне сложившійся ораторъ и политическій дѣятель, уважаемый всею странюю человекъ погибаетъ жертвою предрасудковъ и семейныхъ дразгъ, погибаетъ въ концѣ XIX-го вѣка совершенно по тому же рецепту, какъ погибли Иво и Мара въ народной болгарской легендѣ, сочиненной еще до турецкаго полона; погибаетъ пассивнымъ протестантомъ противъ гнета и насилія черезчуръ деспотически-патріархальной семьи.

Въ Болгаріи до сихъ поръ не выведенъ окончательно старинный обычай брака по родительскому обѣщанію. Такъ какъ въ этой демократической странѣ интеллигенція не успѣла еще выдѣлиться въ особое сословіе, оторванное отъ народныхъ корней, то мнѣ случалось встрѣчать семьи, очень странныя на нашъ взглядъ по своему внутреннему складу. Уѣдетъ молодой человекъ изъ Сливна, Габрова или Разграда въ Парижъ или Лейпцигъ, учится тамъ, развивается, возвращается наконецъ совсѣмъ европейцемъ и—женится на дѣ-

вупкѣ, обреченной ему въ невѣсты чуть не съ шести лѣтъ, не всегда даже грамотной, живущей исключительно интересами своего тѣснаго уголка, ничего за предѣлами этого уголка не издавшей, да и не желающей видѣть. У насъ на Руси такіе браки случаются, но ихъ разсматриваютъ, какъ рѣдкое и прискорбное исключеніе. Да такимъ они являются и на самомъ дѣлѣ. Говоря о союзахъ, неравныхъ по интеллектуальности брачующихся, кто-то изъ русскихъ публицистовъ, кажется, Михайловскій, справедливо предлагалъ читателямъ такой примѣръ: «вообразите, что студентъ Хорьковъ изъ «Бѣдной Невѣсты» увлекся Липочкою Большовою изъ «Свои люди — сочтемся», то-есть, отуманился ея пышнымъ тѣломъ, и потомъ счелъ долгомъ честнаго человѣка жениться на ней. Что можетъ выйти изъ такой четы черезъ годъ послѣ брака, кромѣ пары озвѣренныхъ, ненавидящихъ другъ друга людей, навѣкъ запертыхъ въ одну клѣтку: кто, молъ, кого скорѣе заѣстъ». Въ Болгаріи это иначе: Хорьковы то и дѣло женятся на Липочкахъ, и ничего, чувствуютъ себя весьма удобно и покойно. У насъ изъ такого брака вышла бы «пучина», а у болгаръ получается чуть ли не идиллія. Высокоразвитый мужъ и полудикарка жена отлично уживаются и не ѣдятъ другъ друга поѣдомъ, какъ можно было бы ожидать. Единственное объясненіе, какое я могу предположить въ данномъ случаѣ, это — что болгары и сами заразились отъ турокъ восточнымъ взглядомъ на женщину и ее этимъ взглядомъ заразили. Они отмежевали своимъ женамъ опредѣленную область и строго блюдутъ ея границы. Мнѣ—мышленіе, дѣятельность, политика, тебѣ — кухня, постель, домъ, дѣти. Я не мѣшаюсь въ твое, ты не мѣшайся въ мое. Такимъ способомъ два элемента, столь же разнородныхъ, казалось бы, какъ сода и кислота, ухитряются прожить лѣтъ пятнадцать въ самомъ мирномъ и счастливомъ супружествѣ, наплодить кучу дѣтей и воспитать ихъ. Да, надо полагать, болгарки очень удобныя и спокойныя жены, и буйнымъ, разочарованнымъ Алеко, мечтающимъ покинуть неволю душныхъ городовъ для успокоенія на лонѣ природы, слѣдовало бы влюбляться въ осѣдлыхъ болгарокъ, а отнюдь не въ легкомысленно-кочующихъ Земфиръ. Одинъ мой пароходный пріятель, болгаринъ петербургскаго воспитанія, относился къ своимъ женщинамъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: «самки!» Врядъ ли онъ былъ правъ. Вотъ именно самочьяго, назойливо и первенствующе чувственнаго нѣтъ ничего въ болгаркѣ. А просто есть въ ней искусство принять на себя отчасти чернорабочую роль, чтобы мужчинѣ была свобода дѣлать свое дѣло добыччика въ домъ и работника на общество. Есть скромное геройство поставить себя въ семьѣ третьимъ номеромъ— послѣ мужа и дѣтей—и въ этомъ видѣть цѣль своего существованія... «Zweikindersystem» еще не проникла въ Болгарію: чѣмъ больше дѣтей въ семьѣ, тѣмъ лучше. Размножать юное поколѣніе здѣсь не лѣнятся, и скромныя болгарскія жены могутъ, повидимому,

повторить о своихъ супружескихъ отношеніяхъ остроу, сказанную одною замуженю пѣвицею рецензенту—великому Донъ-Жуану:

— У васъ совсѣмъ нѣтъ огня въ любовныхъ сценахъ,—упрекнулъ фать.

— Нѣтъ, для домашняго обихода достаточно,—добродушно отвѣтила пѣвица, — а вотъ распивочно и на выносъ, ваша правда, не хватаетъ...

Болгарки, вопреки распространенному мнѣнію, вовсе не красавицы; попадаютъ между ними очень красивыя, конечно, но рѣдко, особенно въ Софіи. Гдѣ больше вліяла турецкая кровь, тамъ больше красоты. Но онѣ такъ свѣжи, такъ дышатъ здоровьемъ и силою, у нихъ такіе хорошіе, глубокіе, скромные и честные глаза, что все это, пожалуй, вполне замѣняетъ болгаркѣ красоту. Въ національномъ костюмѣ болгарка выигрываетъ: европейскій къ ней ужасно нейдетъ, дѣлаетъ ее толстой, нескладной тѣломъ и неграціозной движеніями. Болгарка, одѣтая по модѣ, подведена къ одному знаменателю — что въ плечахъ, что въ талии, что въ бедрахъ... Притомъ безвкусица въ цвѣтахъ и фасонахъ платья самая невозможная. Женщины народа поэтому кажутся всѣ сплошь красивѣе женщинъ интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что костюмъ ихъ—изъ синяго домотканнаго полотна, съ пестрыми вышивками по бѣлымъ рубахамъ, — чрезвычайно ярокъ и живописенъ.

Хотя въ болгарскомъ обществѣ женщина не играетъ замѣтной роли,—впрочемъ, Шопенгауэръ сказалъ бы, что именно поэтому,—въ компаніи болгарскихъ интеллигентовъ время идетъ довольно занимательно. Потугинъ говорилъ: «сойдется десять англичанъ, они тотчасъ заговорятъ о подводномъ телеграфѣ, о налогѣ на бумагу, о способѣ выдѣлывать крысы шкуры, то-есть о чемъ нибудь положительномъ, опредѣленномъ; сойдется десять нѣмцевъ — ну, тутъ, разумѣется, Шлезвигъ-Гольштейнъ и единство Германіи явится на сцену; десять французовъ сойдется, бесѣда неизбѣжно коснется и клубнички, какъ они тамъ ни вилай; а сойдется десять русскихъ, мгновенно возникаетъ вопросъ,—вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ яницъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гумиластика,—ни соку, ни толку». Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, утекло много воды, и, наблюдая по обязанности фельетониста русское столичное общество, я смѣю утверждать, что оно вполне «исправилось» отъ грѣха толковать о будущности Россіи и, въ смыслѣ разговорныхъ темъ, заключило тѣснѣйшій *alliance franco-russe*. Въ настоящее время потугинское опредѣленіе разговоровъ гораздо больше подходитъ къ софійцамъ, чѣмъ къ москвичамъ или петербуржцамъ. Софіецъ политиканъ-разговорщикъ, чуть не отъ колыбели до сѣдыхъ волосъ. И именно софіецъ—больше всякаго другого болгарина, потому что вопросы

политики для софійца—вопросы не только шкуры общественной, но и своей собственной. Въ Рушукѣ, въ Пловдивѣ надъ софійцами трунять:

— Какія тамъ у нихъ политическія партіи! Сколько ихъ ни будь, всѣ сольются въ одной—въ «партіи жалованья».

Дѣло въ томъ, что если не считать военныхъ, девять десятыхъ софійской интеллигенціи—чиновники, которые, естественно, всегда лично заинтересованы въ «превратахъ»: однимъ хочется новаго порядка и новыхъ людей, потому что хочется кушать, другимъ— по той же причинѣ—надо слѣдить, чтобы остался старый порядокъ и старые люди. Чиновничество переливается въ Болгаріи, какъ камешки въ калейдоскопѣ, съ каждымъ наклономъ въ пользу того или другого политическаго дѣятеля. Наше газетное выраженіе «министерство пало» въ Болгаріи распространено на всѣ слои бюрократіи.

— Я палъ вмѣстѣ съ Каравеловымъ, — торжественно заявилъ мнѣ, когда я ѣхалъ въ Софію, мой попутчикъ въ поэтическомъ путешествіи по Ломъ-Паланкскому шоссе, черезъ Клиссурское ущелье и Петроханскій переваль, начальникъ телеграфнаго полустанка въ Систовѣ. Съ непривычки къ пышному «палъ» я едва не разомѣлся, а потомъ въ Софіи оно слышалось такъ часто, что уже не вызывало даже и улыбки. Такимъ образомъ, болгарскій дѣятель, устремляясь въ служебную карьеру, долженъ прежде всего приготовить, чтобы—по польскому выраженію—быть и на возу, и подъ возомъ. Начальникъ софійскаго телеграфо-почтенскаго отдѣла, мой пріятель И. П. Стояновичъ, по уличной софійской кличкѣ «оаджиле», т. е. юркій, четыре раза овладѣвалъ своимъ важнымъ постомъ и четыре раза слеталъ съ него, — теперь сѣлъ въ пятый и, кажется, самъ удивляется, что сидитъ уже два года. Не помню, послѣ какого именно «преврата» Стамбуловъ отправилъ Стояновича прямо изъ почтъ-директорскаго кабинета на родину въ Сливно, пѣшкомъ, подъ охраною верхового конвойнаго. Хорошо еще, что послѣдній сжалился надъ бывшимъ начальствомъ и уступилъ Стояновичу сѣдло, а самъ брелъ пѣшкомъ.

— Отчего же вы не ускакали? — спросилъ я Стояновича, когда узналъ этотъ анекдотъ.

— Позвольте васъ спросить: куда? У насъ, если человекъ въ несчастіи, то—куда ни кинь, вездѣ клинъ. Ну, хорошо: не пошелъ бы въ Сливно, — убѣжалъ бы, скажемъ, въ Габрово... Вы думаете: въ Габровѣ веселѣе, чѣмъ въ Сливнѣ?

Телеграфное и почтовое вѣдомство, впрочемъ, больше, чѣмъ всякое другое, подвержено перемѣнамъ. Практика переворотовъ доказала, что побѣда остается за той стороною, которая успѣла обезпечить себѣ телеграфную проволоку. Измѣна телеграфистовъ погубила Стамбулова. Подавъ въ отставку, диктаторъ разослалъ телеграммы

своимъ префектамъ въ провинціи, чтобы они обычною палочною системою сбили митинги, вотирующие петицію къ князю—оставить Стамбулова, «отца отечества», на мѣстѣ, такъ какъ въ немъ одномъ спасеніе Болгаріи. Такимъ образомъ, Стамбуловъ разсчитывалъ не только удержать за собою власть, но и еще разъ пугнуть Фердинанда силою мнимаго общественнаго сочувствія къ стамбуловскому режиму. Но онъ не сообразилъ одного, что его ненавидятъ даже его собственные ставленники. Измѣною телеграфа, вѣсть, что Стамбуловъ подалъ въ отставку, всюду попадала къ оппозиціонерамъ раньше, чѣмъ къ властямъ. Варненскіе агитаторы, какъ только пронесся слухъ о томъ, что «тиранинъ и блудникъ» подалъ въ отставку, командировали эмиссаровъ въ Бургасъ, чтобы овладѣть здѣшней телеграфною станціей, а, слѣдовательно, и всѣми проходящими черезъ нее денешами. Сообщение между Стамбуловымъ и стамбулистами было такимъ образомъ пресѣчено, а народная партія неумоимо заиграла по клавишамъ всѣхъ аппаратовъ. Дѣйствительно, собрались митинги—только они вотиrowали не сочувствіе Стамбулову, а благодарность правительству за удаленіе его. Контръ-митинги провалились; власти прятались отъ бушующаго народа. Варненскій управитель, получивъ отъ Стамбулова многозначительную, но опоздавшую телеграмму: «я подалъ въ отставку, но еще управляю министерствомъ», — послалъ было въ лагерь за войсками. Градоначальникъ, не зная настроенія командира войскъ, на всякій случай, со спокойной совѣстью перехватилъ телеграмму.

— Что же вы не унимаете народъ?—кричалъ управитель,—это ваша обязанность укрощать буяновъ и крикуновъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть на толпу?—возразилъ градоначальникъ:—тутъ уже не буяны и крикуны, а вся Варна. Я не могу идти противъ общей воли... Хотя бы уже потому, что вовсе не желаю, чтобы меня и стражаковъ изорвали въ куски.

Опираясь на градъ восторженныхъ телеграммъ изъ провинціи, княгиня Марія-Луиза указала князю Фердинанду, что держаться за Стамбулова и невозможно, и не стоитъ; что онъ крѣпокъ вовсе не Стамбуловымъ, какъ убѣждалъ князя послѣдній, а народомъ, который, будучи избавленъ отъ Стамбулова, многое проститъ за это и вѣчно будетъ благодаренъ своему государю; что отставка Стамбулова—громадный шагъ къ власти самостоятельной и популярной. Фердинандъ, можетъ быть, вспомнилъ въ этотъ моментъ, какъ однажды, въ пылу спора, Стамбуловъ, вмѣсто возраженія, молча, но выразительно указалъ ему на Ломъ-Паланкское шоссе, по которому когда-то увезли Баттенберга; можетъ быть, вспомнилъ и то, какъ Стамбуловъ, въ новый годъ, въ присутствіи всего двора, заставилъ князя первымъ подойти къ своему министру съ поклономъ и поздравленіемъ... Тѣмъ временемъ Софія волновалась. Студенты Великой школы возбуждали и вели за собою народъ. Войска не

знали, что дѣлать, но были успокоены предписаніемъ военнаго министра — не трогаться съ мѣста, не вмѣшиваться въ народное движеніе; если же народъ будутъ тѣснить и обижать, то стать за народъ, а не противъ него. Образовалось новое министерство, опять таки телеграммами установилось новое управленіе, — и такъ счастливо, что, безъ всякихъ кровавыхъ драмъ и безпорядковъ, все вошло въ колею.

Безпрестанныя перетасовки администраціи заставляютъ Болгарію очень дорожить людьми съ спеціальнымъ образованіемъ, особенно, юридическимъ, тѣмъ болѣе, что и вообще-то людей съ образованіемъ въ Болгаріи — горстка, по процентному отношенію къ народной массѣ. Превратовъ такъ много, что на «чистыя перемѣны» людей не хватаетъ. Это ведетъ правительство съ одной стороны къ самымъ страннымъ политическимъ компромиссамъ, а съ другой стороны — заставляетъ создавать невѣроятно быстрыя карьеры. Ко мнѣ, въ отель «Кобургъ», является софійскій пріятель Божиловъ.

— Прощай, Александръ, завтра ѣду въ Руссукъ.

— Зачѣмъ?

— Я назначенъ туда прокуроромъ апелляціоннаго суда.

— Ты? Да сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать семь...

Въ двадцать семь лѣтъ — прокуроръ судебной палаты, и гдѣ еще! — во второмъ по значенію городѣ государства.

Прокуроръ софійскаго окружнаго суда г. Поликрушевъ — едва кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, какъ получилъ свое назначеніе и на первыхъ порахъ очень имъ мучился, такъ какъ въ Россіи отвыкъ было отъ болгарской рѣчи.

Здѣсь все — карикатуры на Цезарей: «въ мои лѣта Александръ Македонскій покорилъ міръ, а я что сдѣлалъ?» И всѣ спѣшать «дѣлать». Стамбуловъ успѣлъ побывать и въ регентахъ, и въ министрахъ, и оставилъ позади себя обширную адвокатскую карьеру, а ему было всего сорокъ два года, когда его зарѣзали. Петровъ — поручикомъ выигралъ у сербовъ Сливницу, а теперь, когда вы знакомитесь съ нимъ, первое движеніе — удивиться:

— Этотъ-то благообразный «молодой человекъ пріятной наружности» — военный министръ, божокъ арміи, «руссукскій убійца», и — для финала — истинный виновникъ переворота 18-го мая?

Молодая страна и молодые люди ею орудуютъ!

Еще Лавелэ указывалъ на огромный вредъ, приносимый Болгаріи частыми перемѣнами въ составѣ администраціи. Онъ сравнивалъ Болгарію въ этомъ отношеніи съ Соединенными Штатами. Сравнительное равнодушіе стамбуловской администраціи къ паденію своего шефа объяснялось отчасти именно тѣмъ, что новое правительство — сверхъ обычая — не повыгнало со службы всѣхъ стамбуловъ прямо послѣ переворота, но, оставивъ ихъ временно на

своихъ мѣстахъ, принялось увольнять ихъ и отдавать подъ судъ понемногу, исподволь. По этому поводу у меня въ свое время былъ большой разговоръ съ Радославовымъ. Онъ тогда управлялъ министерствомъ юстиціи. Онъ говорилъ:

— Что же дѣлать? Каждый, становясь у власти, естественно старается приблизить къ ней людей, ему извѣстныхъ—не изъ желанія порадовать родному человѣчку, а потому, что за людей своей партіи онъ можетъ и долженъ быть отвѣтственъ, можетъ поручиться за нихъ предъ верховною властью, имѣеть шансы положиться на нихъ. Страна такъ еще молода, болгарская интеллигенція такъ еще относительно малочисленна, что у насъ почти не существуетъ должностей вовсе безъ политическаго значенія. Не говорю объ администраціи,—простой сельскій учитель можетъ овладѣть умами своего округа и, вертя имъ, ставить его за или противъ правительства. Поэтому не оуждайте слишкомъ, вмѣстѣ съ Лавелъ, нашихъ служебныхъ отставокъ и перемѣщеній. Мы сознаемъ ихъ вредъ, но сознаемъ и ихъ печальную необходимость. Наше министерство, становясь у власти, приняло, однако, всѣ мѣры къ тому, чтобы перемѣщенія и отставки произошли въ какъ можно болѣе ограниченномъ количествѣ. Вѣдь надо помнить, что огульныя увольненія, какъ они иногда практиковались,—зерно будущей партіи того, съ кѣмъ вмѣстѣ пали уволенные.

Относительно Стамбулова эти слова оправдались вполнѣ: современная партія стамбулистовъ состоитъ сплошь изъ служилыхъ людей, павшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ диктаторомъ и отставленныхъ новымъ правительствомъ отъ выгодныхъ «кормленій» и теплыхъ мѣстечекъ.

Итакъ, разговоръ софійскаго мужского общества по преимуществу—политическій, общественный или, для отдыха, литературный. Болгары все время, какъ будто сами экзаменуются и васъ экзаменуютъ: что, молъ, ты знаешь? и не знаешь ли ты чего нибудь такого, что намъ неизвѣстно, а извѣстно быть должно? Тема весьма рѣдка—излюбенныя русской интеллигенціей мистическія и фантастическія бесѣды. Болгары прозаичны, и будущее за предѣлами земли ихъ мало занимаетъ. У нихъ на землѣ много дѣла. Они и религіозны—то больше формально, чѣмъ по существу; этого не отрицалъ самъ митрополитъ Климентъ въ бесѣдѣ со мною. А мистики и фантастики болгаринъ вовсе не хочетъ знать. Онъ матеріалистъ по натурѣ, съ него достаточно нагляднаго и осязательнаго. Лучшее доказательство: между ними почти нѣтъ спиритовъ, а базаровскій «лопухъ» имѣеть множество убѣжденныхъ адептовъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы у болгаръ завелся спиритическій журналъ. Его издаеть и, кажется, отъ доски до доски единолично составляетъ дама—чуть ли не единственная, кромѣ серьезной и талантливой Екатерины Каравеловой, болгарская писательница-журналистка. Не

помню ея фамиліи. Журналъ успѣха не имѣетъ, а редактирующую его спиритку считаютъ полоумною.

Не имѣя духовныхъ порывовъ къ будущей жизни, болгаре, какъ мнѣ показалось, довольно равнодушны и къ своему прошлому.

— Что тамъ помнить-то? Проклятая туречина! — вырвалось у одного рущукскаго учителя, когда я попрекнулъ его, что, живя среди народа, онъ совсѣмъ не интересуется ни родною археологіей, ни роднымъ стариннымъ обычаемъ. — Все выросло на униженіи, на рабствѣ, подъ турецкимъ кнутомъ... Это забыть надо!

Какъ распорядились софійцы съ генуэзскимъ базаромъ, читатель видѣлъ. Свою изумительную по великолѣпію руинъ Святую Софію они держатъ въ развалинахъ, обративъ ее въ мучной или еще какой-то складъ. Они наивно собрались было перестроить Розовую Мечеть (Гюль-Джамія), гдѣ покоится тѣло Александра Баттенберга, совершенно равнодушно оставляя въ сторонѣ тѣ соображенія, что зданію Розовой Мечети больше тысячи лѣтъ, что она по очереди была языческимъ капищемъ, православною церковью, мечетью и церковью снова, что болѣе древней постройки нѣтъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Розовая Мечеть — круглая небольшая на видъ, но уѣмистая кубышка. Баттенбергъ спитъ въ ней, окруженный пушками, знаменами, ружейными витринами, почти въ непроглядномъ мракѣ. Гробъ, стѣны, полъ завалены вѣнками, тщательно сберегаемыми здоровымъ и дюжимъ солдатомъ, еще изъ «поборниковъ», т. е. дружинниковъ русской войны за освобожденіе. Изъ вѣнковъ большинство съ лентами, украшенными надписями, лирическими, но не политическими. Только краковскіе поляки не утерпѣли, чтобы не сдѣлать рѣзкой выходки противъ Россіи. Въ зданіи еще сохранились фрески далекаго-далекаго времени, когда ни одного магометанскаго слова не раздавалось на болгарской землѣ. Жаль будетъ, если этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ подвергнется искажающимъ его старину передѣлкамъ. Равнодушіе къ родной старинѣ объясняется отчасти тѣмъ, что для болгарина его первобытная старина потеряла значеніе практическихъ воспоминаній. Между древней Болгаріей и новой лежитъ огромная полоса турецкаго владычества. Вотъ — всей своей исторіей, которая относится къ борьбѣ съ турками, болгаре дѣйствительно дорожатъ и отлично ее знаютъ. Имя каждаго гайдука, сложившаго свою голову подъ турецкіе ятаганы, извѣстно и въ пѣсняхъ, и въ преданіяхъ равно болгарскому барину и болгарскому мужику. А Крумы, Асени... далеко они... о нихъ развѣ фантазеры мечтаютъ. Признательность болгаръ къ дѣятелямъ и поборникамъ эпохи освобожденія возвышается до трогательности въ обожаніи ими памяти императора Александра Николаевича, доходящемъ до культа. Мнѣ случалось встрѣчать портреты Царя-Освободителя въ болгарскихъ хаткахъ на ряду съ иконами. Австрійская печать пустила однажды коварный слухъ,

будто болгары разрушили всѣ памятники въ честь русскихъ подвиговъ послѣдней турецкой войны. «On trouve partout plus de moines que de raison»: за эту сенсационную ложь нѣкоторые наши патриоты не по разуму, дружащіе съ Россіей, какъ медвѣдь съ пустыннокомъ, ухватились съ дикимъ восторгомъ, какъ за новое доказательство «болгарской неблагодарности». На самомъ же дѣлѣ памятники не только цѣлехоньки, но еще и окружены особымъ вниманіемъ и почетомъ. Правда, былъ одинъ случай, когда русскій памятникъ былъ оскорбленъ, но безъ всякаго политически злаго умысла: просто пьяный офицеръ сдуру выпалилъ въ монументъ изъ револьвера. Что ужъ тутъ политическаго? Этакъ можно произвести въ политическіе оскорбители и того анекдотическаго пьяницу, что, разжалобясь, повѣсилъ полштофъ на простертую руку Минина, указующаго Пожарскому съ московской Красной площади на Кремлевскія стѣны... Да и то виновникъ пьяной выходки былъ немедленно арестованъ и строго наказанъ: такъ грозно зашумѣлъ противъ него народъ. А между тѣмъ случилось это въ самое темное стамбуловское время! Нѣтъ, сѣмя, посѣянное освободительною борьбою русскихъ за Болгарію, никогда не умретъ, а репейники, его заглушающіе, понемногу вянутъ и, дасть Богъ, скоро завянутъ всѣ до послѣдняго.

Если болгарское общество чуждается спиритуалистическихъ возрѣній и бесѣдъ, то — нельзя не отдать ему справедливости — еще болѣе чуждо оно той гривуазности, въ какую ухитряется у насъ, на Руси, особенно, въ московскихъ «умныхъ кружкахъ», перескочить даже самый, повидимому бы, аскетическій мужской разговоръ. Я не слыхалъ на болгарскихъ сборищахъ ни циничныхъ бесѣдъ, ни циничныхъ словъ, ни неуважительно откровенныхъ разговоровъ о женщинѣ. Поручику Кувшинникову пришлось бы тутъ плохо: «по части клубнички» — полное упраздненіе. Мидхатъ-паша, въ дни своего либеральнаго (разумѣй—либеральнаго на восточный манеръ: съ коломъ и висѣлицею) управленія, взялъ было, чтобы отвлечь болгаръ отъ политиканства, ту же систему, какую Наполеонъ III развратилъ Францію: насадилъ по всѣмъ городамъ кафешантаны вѣнскаго типа, то есть—не разобрать что: не то концертный залъ, не то публичный домъ. Ядъ, однако, не подѣйствовалъ. Мидхатова «реформа» привела лишь къ одному результату: когда въ политической полемикѣ «дѣятель» хочетъ больно уязвить своего оппонента, а между тѣмъ словарь парламентской ругани уже истощенъ, онъ принимается допекать своего противника:

— Вы — кафешантаннаго воспитанія. У васъ — кафешантаннные идеалы, кафешантанная политика, кафешантанная программа...

Такимъ образомъ, не кафешантанъ побѣдилъ политику, но политика овладѣла кафешантаномъ. Помню, послѣ 18-го мая, утомленный безчисленными interviews, говорю своему пріятелю Божилову:

— Показывай, гдѣ тутъ у васъ веселятся?

Онъ собираетъ огромную компанію, и мы отправляемся въ какое-то кафе-концертъ. Мерзость ужаснѣйшая. Ни одну изъ пѣвицъ наши Омонъ и Гинцбургъ не подпустили бы на выстрѣлъ къ своимъ раззолоченнымъ заламъ. Обстановка — трактира средней руки. За то рѣкою льется превосходное вино изъ Садовой. Пѣвицы подходятъ къ столу, садятся. Какая-то французенка выкланчила у адвоката К. бутылку шампанскаго. Вино разлито, шипитъ въ стаканахъ. Хозяинъ встаетъ и провозглашаетъ тостъ... вы думаете, за здоровье присутствующихъ, за общее веселье, ну, наконецъ, за здоровье дамъ, какъ сдѣлали бы это французъ, нѣмецъ, русскій, итальянецъ, англичанинъ? Нѣтъ:

— Господа! піемо дружеска чаша та на погибель Стамбулова!

Помню, въ такомъ кафе-шантанѣ познакомился я съ опереточною актрисою изъ Бухареста, уже пожилою румынкою, когда-то, должно быть, очень красивою. Разговоръ ея былъ интересенъ: она много видала и многихъ знавала. И вдругъ К. шепчетъ мнѣ на ухо.

— Осторожнѣе съ нею. Это — правительственный шпионъ. Прежде она была на жалованьи у Стамбулова, а теперь у Стоилова. Все, что мы будемъ говорить и дѣлать, уже черезъ два часа будетъ извѣстно полиціи...

Чортъ знаетъ что! Положимъ, не было говорено и дѣлано ничего такого, что могло стоить благосклоннаго вниманія дамы-шпиона... Но идти въ кафе-шантанъ и попасть въ негласный участокъ — это ужъ что-то специфически болгарское.

— Мы, и женъ-то когда цѣлуемъ, о превратахъ думаемъ! — сострилъ однажды бывший редакторъ правительственнаго «Свободнаго Слова», русскій эмигрантъ, хотя болгаринъ родомъ, г. Беламезовъ, за знакомство съ кѣмъ мнѣ когда-то такъ жестоко досталось отъ «Московскихъ Вѣдомостей». Беламезовъ былъ сосланъ въ кааторгу по политическому процессу Лизогуба (повѣшеннаго въ Кіевѣ) и бѣжалъ изъ Сибири...

Можно было до слезъ хохотать, когда во время недавнихъ февральскихъ празднествъ болгары принялись доѣзжать своимъ политиканствомъ молодыхъ петербургскихъ корреспондентовъ, превосходно изучившихъ разницу жанра Меали отъ жанра Отеро, но приходившихъ въ полное отчаяніе отъ обилія партизанскихъ программъ, толковъ, сплетенъ, споровъ, комментаріевъ, въ омутъ которыхъ бросила ихъ насмѣшница судьба.

Никогда не забуду сцены. Послѣ завтрака у князя, я и корреспондентъ М., совершенно измученные долгимъ приѣмомъ и тяжелымъ этикетомъ дворца, лежимъ пластами на кроватяхъ и терзаемса мыслью:

— Господи! Доколѣ?! когда же конецъ торжествамъ и пированію?

Корреспондентъ П. съ яростью строчитъ телеграмму въ редакцію... Тутъ-тукъ! Является болгарскій «дѣятель»... Съѣзъ—и съ мѣста въ карьеръ: правительство, оппозиція, родослависты, каравеловцы, оппортьюнисты, стамбулисты, цанковисты, полуданковисты,—завертѣлся обычный круговоротъ политиканства. Полусонный П. смотреть на мучителя въ упоръ сквозь монокль, и мы видимъ, какъ взоръ его понемножку исполняется холодною злобою...

— И вотъ, господинъ П.,—ораторствуетъ дѣятель,—если Россія возстановитъ прежнюю сердечную связь цанковистовъ съ полуданковистами...

— Па-азвольте!—вдругъ прерываетъ П. утрированно-фатовскимъ тономъ, ничего общаго не имѣющимъ съ его обычнымъ голосомъ и интонаціями.—Какое Россіи дѣло до вашихъ цанковистовъ и полуданковистовъ?

— Какъ «какое дѣло»?!

— Милый мой, — невозмутимо цѣдитъ корреспондентъ, окончательно превращаясь въ парижскаго бульвардье:—ваши партіи всѣмъ надоѣли, и никто ими не интересуется. Вашихъ цанковистовъ и полуданковистовъ, *mon cher*, надо того... убрать! Пожалуй, можно еще оставить немножко—четверть каравеловцевъ... на разводъ! Но остальныхъ — убрррать!...

«Дѣятель» убѣжалъ отъ П., какъ бѣшеный, въ жесточайшемъ негодованіи, а мы дали волю душившему насъ смѣху.

— Послушайте. Зачѣмъ вы его такъ жестоко?—упрекали мы П.,—вѣдь онъ будетъ теперь рассказывать о васъ чортъ знаетъ что.

— Наплевать!.. Пусть раскрашиваетъ меня, какъ хочетъ. По крайней мѣрѣ не будетъ въ другой разъ соваться съ своими благоглупостями... Чортъ его дери, тутъ и отъ настоящихъ-то политическихъ тузовъ голова идетъ кругомъ, а еще лѣзутъ всякіе Копчевы, Топчевы, Сопчевы, Лопчевы, Мопчевы... Сидятъ тамъ въ своихъ провинціальныхъ мурьяхъ и выдумываютъ перевороты! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы у насъ сталъ политиканствовать этакій младшій помощникъ старшаго помощника. И главное—пусть бы выдумывали про себя. Такъ нѣтъ: извольте его выслушивать, подавайте мнѣніе, одобрить ли Россія его взгляды или нѣтъ? И очень нужно Россіи знать, что думаютъ Сопчевы, Лопчевы, Хопчевы!.. Дьяволы! только не даютъ спать рабочему человѣку!

За цѣломудріе устное болгары вознаграждаютъ себя невѣроятною распущенностью въ печати. *Verba volant, scripta manent*: слово — звукъ пустой, а что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. По этому закону, современные болгары, не смотря на всю свою словесную сдержанность, оставляютъ въ потомствѣ память весьма безстыдной націи. Ихъ пресса не стѣсняется печатать слова, совершенно непечатныя, и публиковать факты, отъ которыхъ покраснѣетъ любая содержательница дома терпимости. Въ особенности знаменита

по этой части «Свобода» — въ дни Стамбулова, официальный органъ, редактируемый г. Свирчо Петковымъ, креатурою и пріятелемъ Стамбулова. Эта газета приняла систему взводить на своихъ политическихъ враговъ грязнѣйшія клеветы-импровизаціи. Стоило поспорить, даже просто поспорить съ Стамбуловымъ, чтобы на-завтра же прочитать о себѣ въ «Свободѣ» удручающія душу свѣдѣнія:

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ сыновей задушилъ...

Сверхъ того, публикѣ обязательно сообщалось, что подлежащій обруганію N. N. находится въ связи съ своей собственной сестрою, дочь его — проститутка, а изъ сына вырастетъ, по всѣмъ признакамъ, воръ и церковный грабитель. Совсѣмъ по Гоголю: «а ежели тетка есть, такъ чтобъ и теткѣ!». Оклеветанные терялись, не зная, какъ быть, и промолчать нельзя, и отвѣчать скверно; и такъ, и такъ—все равно барахтайся въ лужѣ зловоннѣйшихъ помой! Люди рѣшительные прибѣгали къ способу кулачной расправы, но въ отношеніи къ редакціи правительственной газеты, располагавшей поддержкою стамбуловскихъ палочниковъ, способъ этотъ былъ, конечно, мало надеженъ. Дуэли въ Болгаріи не въ обычаѣ. Когда Савовъ вызвалъ за жену на дуэль Стамбулова, послѣдній объявилъ оскорбленнаго мужа сумасшедшимъ, и общественное мнѣніе, порицая Стамбулова за всю эту грязную исторію, одобряло его, однако, за отказъ отъ дуэли: нечего молъ вводить въ нашъ демократическій строй средневѣковыя аристократическія глупости. Когда «Свобода» принялась такимъ гнусно клеветническимъ способомъ отдѣлывать Катерину Каравелову (жену знаменитаго Петки Каравелова, очень замѣчательную литературную и общественную дѣятельницу молодой Болгаріи, esprit fort въ полномъ смыслѣ слова), то братъ бѣдной женщины, покойный Никифоровъ, взялъ револьверъ и сѣлъ противъ редакціи «Свободы», на ступеняхъ народнаго собранія. До свѣдѣнія Петкова было доведено, что онъ, безъ всякой дуэли, безъ всякихъ объясненій, даже не рискуетъ получить, а обязательно получить пулю въ лобъ, если не прекратитъ своихъ гнусностей... Подѣйствовало: унялись.

Языкъ болгарской газетной полемики—языкъ, поистинѣ, фантастическій. Никакая коллекція ругательствъ не превзойдетъ его своимъ богатствомъ и откровенностью. «Дуракъ», «подлецъ», «висѣльникъ», «убійца», «разбойникъ», «взбѣсился», «байструкъ»—это все еще выраженія парламентскія. Когда же всѣ эти перлы и алмазныя разсыпаны, а ругаться еще надо и хочется, случалось, что господа литераторы съ пѣною у рта принимались обличать другъ друга въ содомскихъ грѣхахъ, называя при этомъ всѣ вещи почти что своими именами!

Лучшіе люди Болгаріи ставят Стамбулову въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ его грѣховъ распущенность, какую волею-неволею заразилась болгарская пресса отъ «Свободы», безъ удержа распущенной бывшимъ премьеромъ. Нельзя не отдать справедливости министерству г. К. Стоилова: его органы, въ особенности «Миръ», редактируемый г. Димитріемъ Поповымъ, безукоризненны въ этомъ отношеніи. Полемика «Свободнаго Слова» (прежній офиціозъ, до выхода изъ министерства г.г. Тончева и Родославова), полемика «Мира» ведется въ спокойномъ, джентльменскомъ тонѣ, безъ сдобриванья статей солью трехъэтажныхъ ругательствъ, клеветъ и инсинуацій. Правда, что и противники-то «Мира» гг. стамбулисты, въ большинствѣ, таковы, что на нихъ и клеветать трудно: какую ни расскажи о нихъ правду, выйдетъ хуже всякой жи!.. Другое дѣло—каравеловское «Знаме». Умный, талантливый, живой журналистъ, г. Каравеловъ, стоя въ оппозиціи правительству, борется съ нимъ равнымъ оружіемъ, а такъ какъ онъ остроумнѣе и злѣе правительственныхъ журналистовъ, то даже и неосновательныя нападки его доставляютъ г. Стоилу много неприятныхъ минутъ. Къ сожалѣнію, г. Каравеловъ въ увлеченіи политической борьбою началъ прибѣгать къ не совсѣмъ приличнымъ полемическимъ приемамъ. Такъ, наканунѣ присоединенія князя Тырновскаго къ православію, онъ въ расчетѣ повліять на провинціального своего читателя напечаталъ въ «Знаме» статью, гдѣ доказывалъ, что никакихъ важныхъ событій въ Софіи не происходитъ, что русскій императоръ не присылалъ князю Фердинанду телеграммы съ согласіемъ на воспріемничество, что все это «присоединеніе» — правительственный фарсъ, съ цѣлью обмануть народъ, что народъ негодуетъ на Россію, простившую Кобурга, и встрѣча русскихъ пословъ подготовлена «палками»... Совсѣмъ бѣшенный крикъ ослѣпшаго, закрывшаго глаза на дѣйствительность человѣка, который утонулъ въ пучинѣ своей политической программы и не хочетъ видѣть ничего, несогласнаго съ ея параграфами, изъ нихъ же первый: «долу Фердинанда!».

До 4-го февраля 1896 года безобразія болгарской печати пользовались почти полною безнаказанностью, по крайней мѣрѣ, фактической. Когда къмъ либо возбуждалось дѣло по обвиненію въ клеветѣ, диффамаци, оскорбленіи въ печати, на судѣ разыгрывались совсѣмъ комическія сцены. Предъ строгими судьями стоитъ отвѣтственный редакторъ-извозчикъ, прачешникъ, дворникъ фактическаго редактора.

- Вы напечатали въ вашемъ журналѣ такую-то статью?
- Какую статью?
- Да вотъ въ номерѣ такомъ-то?
- Въ номерѣ такомъ-то?!
- Позвольте: вы подписывали номеръ такой-то?

— Никогда, г. судья, я ничего не подписывалъ.

— Да вѣдь вы редакторъ такой-то газеты?

— А я почему знаю?

Изъ дальнѣйшаго допроса выясняется, что «отвѣтственный редакторъ» столь же невиненъ въ изданіи газеты, какъ новорожденный младенецъ. Въ одинъ прекрасный день призвалъ его господинъ, имя рекъ, фактическій редакторъ, и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, глупый Марко, счастье: я буду тебѣ платить по 50 левовъ въ мѣсяцъ, а ты за это позволишь мнѣ подписывать свое имя на этомъ лоскуткѣ бумаги... Хочешь?

Глупый Марко, конечно, захотѣлъ: имя ничего не стоитъ, а 50 левовъ въ мѣсяцъ въ Софіи большая сила...

Но вотъ противъ газеты затѣянъ процессъ. Глупый Марко совсѣмъ растерялся. Въ программу предложеннаго ему редакторомъ фактическимъ «счастья» совсѣмъ не входили перспективы суда и тюрьмы. А тутъ онѣ на лицо. Глупый Марко стоитъ въ своемъ кожухѣ передъ судьями, хнычетъ и бормочетъ:

— Знать ничего не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю.

И судьи дѣйствительно видятъ, что «отвѣтственный редакторъ» знать ничего не знаетъ и вѣдать ничего не вѣдаетъ.

Видитъ это и истецъ. Если онѣ человѣкъ мало-мальски порядочный, то сознаетъ очень хорошо, что вмѣсто виноватаго ему приходится сажать въ тюрьму человѣка, и не думавшаго никогда оскорблять его... Обыкновенно истецъ махалъ рукою на дѣло.

— Богъ съ нимъ!—процаю, отказываюсь отъ обвиненія... Что мнѣ въ этомъ дуракѣ!

Но, выходя изъ суда, не забывалъ прибавить:

— Ну, и правосудіе же у насъ, чортъ его побери!

Вотъ противъ этого правосудія, которое впору побрать только чорту, и вооружился новый законъ о печатномъ дѣлѣ...

Внесъ проектъ въ народное собраніе депутатъ отъ города Сливна г. Попанчевъ, редакторъ мѣстнаго «Вѣстника». По закону этому правомъ отвѣтственного редакторства, ранѣ предоставленнымъ всѣмъ безъ исключенія гражданамъ княжества Болгаріи, грамотнымъ настолько, чтобы они умѣли подписать свою фамилію, могутъ отнынѣ пользоваться лишь лица съ гимназическимъ дипломомъ и притомъ не моложе 28 лѣтъ отъ рожденія. То-есть лица, которыя предполагаются не только обязанными знать, что печатается подъ ихъ фирмою, но и сознавать свою отвѣтственность за это. Законъ прошелъ, послѣ бурныхъ преній, огромнымъ большинствомъ голосовъ. Прямымъ его послѣдствіемъ было быстрое сокращеніе органовъ провинціальной оппозиціи: людей средняго образованія не такъ много въ Болгаріи, чтобы они льстились на отвѣтственное редакторство въ партизанскихъ органахъ, чей полемическій задоръ ежедневно ставитъ ихъ въ возможность очутиться за рѣшеткою Черной Джаміи. Закономъ

г. Попанчева убитъ и печальный промыселъ «отговорничества», т. е. отвѣтственнаго редакторства по вольному найму, развитый до 4 февраля до безобразныхъ размѣровъ. Доходило дѣло до того, что одинъ и тотъ же отговорникъ, въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же судѣ, обвинялся—въ клеветѣ на родослависта, какъ редакторъ правительственной газеты, и въ оскорбленіи правительства путемъ печати, какъ редакторъ родославистскаго органа... И, конечно, въ невинности души своей онъ не вѣдалъ, что творилъ въ обоихъ редактируемыхъ имъ изданіяхъ, ибо по общественному положенію своему занималъ онъ высокій постъ фаязгонщика!.. По внѣшней формѣ, новый законъ о печати пахнетъ нарушеніемъ конституціи, но нельзя не признать, что нарушение это имѣетъ свое внутреннее оправданіе—въ полной необходимости превратить разнузданное дебоширство болгарской прессы въ легальную свободу ея, и, оставивъ печатному слову независимость образа и способовъ выраженія мыслей, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать общество отъ грубаго насилія и тираніи невѣжественныхъ и весьма часто продажныхъ браво журналистики. Впрочемъ отъ послѣднихъ,—еще бабушка надвое сказала,—спасетъ ли и новый законъ. Образование—далеко не всегда ручательство за порядочность, особенно, если есть возможность укрыться подъ сѣнь сильной правительственной защиты, какъ было это при Стамбуловѣ. Въ «Свободѣ» ютились удивительнѣйшіе литературно-политическіе типы. Хорошъ и самъ Свирчо Петковъ, апологистъ застѣнковъ и казнокрадства ушедшей въ вѣчность стамбуловщины, но еще лучше былъ второй редакторъ газеты—Димитрій Драмовъ-Левовъ. Этотъ юноша кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, при чемъ былъ русскимъ стипендіатомъ. Затѣмъ объявился въ Болгаріи и началъ писать отсюда въ «Московскія Вѣдомости», гдѣ, кажется, сотрудничалъ онъ и во времена своего студенчества, отчаянно-ругательныя статьи противъ Стамбулова. Диктатору, конечно, нетрудно было бы скрутить новоявленнаго литературнаго врага въ бараній рогъ, но онъ нуждался въ людяхъ съ «перомъ», замѣтилъ въ г. Драмовѣ дарованіе и разсудилъ поступить съ нимъ иначе: онъ предложилъ г. Драмову два мѣста—въ редакціи «Свобода» и въ народномъ болгарскомъ банкѣ. Тогда г. Драмовъ «сжегъ все чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ», и вывернулъ свой политическій кафтанъ съ рѣдкою быстротою и откровенностью. Въ благодарность Россіи за воспитаніе, пріютъ и кормъ, недавній московскій студентъ принялся строчить подъ диктовку Стамбулова яростныя клеветы на страну, пригрѣвшую не только этого перевертня, но и родню его. Цѣлый годъ запугивалъ онъ оппозиціонеровъ русскими нагайками, которыя, будто бы, если бы не Стамбуловъ, давно уже свистали бы надъ болгарскою спиною. Г. Драмовъ, конечно, стяжалъ своею новою дѣятельностью и деньги, и вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и общее

презрѣніе: даже стамбулистовъ покоробило беззащѣтливое предательство журналиста-кондотьеры. Софія, охая давая уличныя клички всѣмъ своимъ «дѣятелямъ», прозвала г. Драмova «клопомъ». Очень часто горемычный журналистъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ прохожіе, при встрѣчѣ съ нимъ, зажимали носы—будто отъ нестерпимой вони. Не знаю—анекдотъ или фактъ, будто бы г. Драмoвъ жаловался Стамбулову на эти «символическія» оскорбленія.

— Да въ чемъ обида-то?—спросилъ диктаторъ.

— Помилуйте, эти негодяи дѣлаютъ видъ, будто отъ меня воняетъ...

— Знаешь, Драмoвъ,—серьезно возразилъ Стамбуловъ,—они не виноваты: мнѣ тоже кажется, что ты не благоухаешь.

Se non e vero, e ben trovato.

Во время софійскихъ волненій, 18 мая, Драмoвъ былъ жестоко наказанъ за свои стамбуловскія симпатіи: толпа поймала его въ кафе и, какъ описывалъ одинъ опереточный герой, «бросила сперва подъ столъ, потомъ на столъ, а потомъ стала бить уже понастоящему». Драмoву выплибли два зуба и переломили челюсть. Чувствуя, что безъ эгиды Стамбулова ему не ужиться въ Софіи, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ изъ банка (въ довольно—надо отдать ему справедливость—дерзкихъ выраженіяхъ по адресу новаго правительства) и сошелъ съ литературно-политической карьеры. Во второй свой пріѣздъ въ Софію я спрашивалъ о Драмoвѣ многихъ, но никто не могъ сказать мнѣ, что съ нимъ и гдѣ онъ. Литературный клопъ заползъ въ щелку и замеръ въ ней.

Есть ли въ Болгаріи наука, литература и искусство не политической окраски? Начинаютъ понемногу являться. Крупныя литературныя имена Ивана Вазова, Константина Величкова пользуются большимъ почетомъ даже помимо политической извѣстности этихъ писателей. Изъ нихъ второй въ настоящее время призванъ княземъ Фердинандомъ на постъ министра народнаго просвѣщенія. Г. Величковъ—одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ поэтовъ Болгаріи, вообще богатой стихотворцами. Къ общему глубокому сожалѣнію, политическая дѣятельность совершенно оторвала его отъ литературы.

— Что дѣлать?—сказалъ онъ мнѣ, когда я упрекнулъ его за это:—я долго и мучительно колебался между перомъ и политикою... Но сейчасъ Болгаріи граждане нужнѣе литераторовъ.

«Довольно даже намъ поэтовъ, но нужно, нужно намъ гражданъ!»—мелкнулъ въ моей памяти некрасовскій стихъ.

— Надо упорядочить страну, надо поставить ее на рельсы, направить разумнымъ путемъ къ разумнымъ цѣлямъ, а, когда уляжется напѣ хаосъ, народятся и науки, и искусство, и литература, и ученые, и художники, и писатели не хуже насъ... Успѣха же они будутъ имѣть гораздо больше, потому что у нихъ будетъ болѣе спокойная и внимательная публика, и слово ихъ придется болѣе ко времени и къ мѣсту, чѣмъ наше слово...

— Не находите ли вы,—спросилъ я Величкова,—что ваше правительство слишкомъ мало дѣлаеть для искусства и литературы? Можетъ быть, развивая и поощряя эти области, оно понемногу ослабило бы это по истинѣ всепожирающее политиканство, которое теперь забираеть въ себя всѣ умственныя силы страны?

— Вы совершенно правы,—сказалъ Величковъ,—и мы много думаемъ объ этомъ, и стараемся дѣлать, что можемъ, только у насъ мало средствъ. Вы, можетъ быть, слышали, что я основалъ рисовальную школу. Я надѣюсь, что она явится задаткомъ нашей будущей академіи художествъ. Изъ всѣхъ искусствъ болгары болѣе всего способны къ живописи и скульптурѣ. На антверпенской выставкѣ болгарскій художественный отдѣлъ и рисовальныя работы нашихъ гимназій произвели большое впечатлѣніе. Этотъ успѣхъ и подаль намъ идею рисовальнаго училища...

Д-г Шишмановъ подарилъ мнѣ на память о Софіи первую премію общества любителей изящныхъ искусствъ—альбомъ гравюръ съ картинъ болгарскихъ художниковъ... можно поздравить общество: его изданіе по изяществу исполненія сдѣлало бы честь любому изъ художественныхъ обществъ Европы. Къ крайнему моему прискорбію, политическія цѣли обѣихъ моихъ поѣздокъ въ Болгарію отнимали у меня все время въ Софіи и не позволяли мнѣ ознакомиться съ работами болгарскихъ *maestri* въ оригиналахъ. Въ княжескомъ дворцѣ я видѣлъ нѣсколько батальныхъ картинъ, въ духѣ и тонѣ нашего Кившенки: смотры и маневры,—да нѣсколько талантливыхъ этюдовъ этнографическаго содержанія попались мнѣ на глаза въ частныхъ домахъ. Министерство народнаго просвѣщенія, когда я заѣхалъ къ г. Величкову, было довольно странно украшено огромною картиною жанра «*nudité*». Какой-то художникъ привезъ г. Величкову голую нимфу, въ расчетѣ сбыть ее въ національный музей. Я забылъ имя живописца, но помню живопись: превосходное письмо, жизненное, сочное, даровитое. Вообще все, что встрѣчалось мнѣ въ Софіи изъ области искусства, носило отпечатокъ таланта и немножко, можетъ быть, диковатой, но очень симпатичной и бодрой свѣжести. Болгарскіе художники сильно напоминаютъ нашихъ передвижниковъ: родственное сходство. Какъ и передвижники, они по направленію реалисты, покуда еще безъ уклона въ натуралистическую тенденцію.

Гораздо менѣе способны болгары, по увѣренію лицъ, долго живущихъ въ странѣ, къ музыкѣ, къ пѣнію, и мало интересуютъ ихъ эти отрасли искусства. Я напрасно искалъ въ Софіи сборника народныхъ мелодій. М-ме Шишманова, жена профессора, не разъ упомянутого въ этой статьѣ (она русская по происхожденію, дочь извѣстнаго славяновѣда М. А. Драгоманова), могла указать мнѣ лишь рапсодію, сочиненную на болгарскія народныя темы композиторомъ Крейчманомъ. Въ Софіи еще не было настоящей оперы, и

публика не особенно о томъ жалѣеть. Одинъ русскій оперный артистъ, болгаринъ родомъ, просилъ меня навести справки, какъ взглянетъ болгарское правительство на его желаніе организовать національную оперу въ Софіи. Г. Величковъ, человекъ, очень сочувствующій всякому новому художественному явленію въ болгарскомъ быту, однако, усомнился въ цѣлесообразности затѣи артиста, не смотря на его популярное имя.

— Безъ субсидіи онъ прогоритъ, а субсидію мы дать не можемъ, потому что намъ не легко даются и 50,000 левовъ субсидіи на драматическую сцену.

Помню, въ лѣтнемъ саду «Люксембургъ» гастролировала какая-то оперно-опереточная труппа изъ Вѣны, бѣдненькая, но опрятная. Ея спектакли, благодаря баснословно-дешевымъ цѣнамъ, посѣщались хорошо, но почти исключительно иностранцами и офицерами. Теперь, въ февралѣ, въ Болгаріи гастролировала Жюдикъ. Ея всемірно-извѣстное имя всюду дѣлаетъ полные сборы, а въ Софіи она играла передъ пустымъ театромъ. Выручилъ ее только спектакль-гала, въ военной школѣ, данный княземъ въ честь графа Голенищева-Кутузова, за который опереточная дива получила изъ княжескаго кабинета (далеко не склоннаго къ расточительности) 8,000 франковъ золотомъ. И какой вялый, холодный пріемъ былъ оказанъ ей въ этомъ спектаклѣ. Не то, чтобъ она не нравилась публикѣ, — нѣтъ, публика просто не смотрѣла на сцену, занимаясь своими обычными разговорами: не нужно ей это, не интересуется ея это... Артисту съ самолюбіемъ гастроли въ Софіи, должно быть, не великая радость!..

Софія, какъ городъ чиновничій и военный по преимуществу, сосредоточилъ свою жизнь вокругъ дворца. Такъ какъ страсть къ парадамъ, торжественнымъ выходамъ, обѣдамъ, раутамъ и т. д. у князя Фердинанда доходитъ до смѣшного, то софійцамъ приходится тратить на представительство почти весь небольшой остатокъ времени, не занятый политиканствомъ. Мы застали князя на положеніи соломеннаго вдовца, — какъ извѣстно, княгиня Марія-Луиза демонстративно уѣхала изъ Болгаріи въ Ниццу, не желая присутствовать при миропомазаніи своего сына-католика въ православную «схизму». Поэтому софійскія дамы не принимали участія въ февральскихъ фестиваляхъ. Но въ обыкновенное время онѣ несутъ повинность официальныхъ увеселеній чуть не всѣ семь дней въ недѣлю. Одна дама изъ софійской haute société говорила мнѣ:

— Дворъ беретъ у насъ такъ много времени, мы такъ привыкли къ нему, что, право, въ визитномъ или вечернемъ туалетѣ мы чувствуемъ себя удобнѣе, чѣмъ въ домашней блузѣ.

Этому можно было повѣрить, глядя на непрекрасную половину софійскаго общества: двѣ недѣли она, что называется, не вылѣзала изъ фраковъ и парадныхъ мундировъ. А болгарскій мундиръ, ско-

пированный съ русскаго эпохи императора Александра II-го, красивая, но нельзя сказать, чтобы удобная одежда. Этикетъ во дворцѣ строжайшій и утомительный. И вотъ, только что болгарскій «лукавый царедворецъ» отдежурилъ на ногахъ часовъ шесть по случаю какого нибудь приѣма у «негово царско височество» и радостно летитъ домой, въ надеждѣ просидѣть остатокъ дня въ халатѣ и туфляхъ, глядѣ—на письменномъ столѣ у него лежитъ уже приглашеніе: князь зоветъ на раутъ или концертъ и предписываетъ «oblѣкло фракъ и декораціи»... Утѣшеніемъ въ этой нелегкой службѣ является лишь чудесный столъ и еще лучшій погребъ княжескаго дворца. «Палата» единственное мѣсто въ Софіи, гдѣ гастрономъ можетъ чувствовать себя въ своей тарелкѣ. Кухня болгаръ груба, примитивна, однообразна. Здѣсь ѣдятъ, чтобы жить, но не живутъ, чтобы ѣсть. Человѣку, набалованному ресторанами Москвы, Петербурга, отъ софійскихъ Панаховыхъ, «Червѣныхъ Раковъ» etc. приходится жутко. Чтобы кормиться поевропейски, надо попасть либо въ члены «Union Club'a», что вовсе не легко, либо обзавестись собственною кухней, выписавъ прислугу изъ Вѣны, что, разумѣется, обходится не дешево. «Union Club» основанъ Стамбуловымъ, оттого тамъ и уютно; этотъ тиранъ-эпикурецъ умѣлъ устроиваться и жить въ свое удовольствіе. Изъ «Union Club'a» возвращался эксъ-диктаторъ и въ роковой вечеръ, когда набросились на него давно подстерегавшіе его убійцы-мстители...

Лишенная удобствъ и комфорта жизнь въ Софіи, однако, очень не дешева. Мой гостеприимный хозяинъ, депутатъ Д. М. Яблонскій, одинъ изъ немногихъ болгаръ, устроившихъ свой домъ и быть на европейскій ладъ, привелъ меня въ ужасъ, когда ознакомилъ меня съ бюджетомъ своего скромнаго холостого хозяйства.

— Можетъ быть, вы очень не практичны, Дмитрій Марковичъ?

— Нѣтъ, не могу сказать. Всѣ, кто хочетъ жить мало-мальски порядочно, тратятъ столько же.

Главный разоръ софійскаго обывателя—прислуга и дрова. Кухарка, умѣющая готовить съ грѣхомъ пополамъ пять-шесть блюдъ, стоитъ 30—40 франковъ въ мѣсяцъ, а болѣе искусныя—50, 60 и до 75 левовъ, при условіи — не знать никакихъ работъ въ домѣ, кромѣ кухни. Обычный въ русской семьѣ средней руки персоналъ прислуги обходится соотвѣтственной семьѣ болгарской не менѣе 100 франковъ. Не удивительно при такой высокой цѣнѣ наемнаго труда, что многіе болгары вовсе отказываются отъ прислуги, и софійская дама, замужемъ за чиновникомъ на 2,000 — 3,000 левовъ годового жалованья, весьма часто сама себѣ и горничная, и кухарка. Это мало способствуетъ ея изяществу, зато хозяйственно и — подспорье мужнину труду. Повторяю: болгарская женщина не гнушается домашнимъ трудомъ, хотя бы и чернымъ, — и баба въ ней слышна чаще, чѣмъ дама.

Высокія наемныя платы объясняются хорошимъ зажиткомъ болгарскаго крестьянства. Болгарскій мужикъ—скопидомъ, скупъ, прижимистъ, но не жадеиъ на деньгу; руки загнушія, но глаза не завидушіе, и, если его кормятъ своя пашня, своя овца, своя пряжа, то ему уже неохота идти изъ хозяйевъ въ батраки къ чужому, и за свободу свою онъ ломитъ дорого. Да и то служить — словно дѣлаетъ милость. Нанимаются здѣсь въ услуженіе, опредѣляя срокъ праздниками: отъ Покрова до Юрьева дня, отъ Семенова дня до вешняго Миколы и т. п. Есть какой-то праздникъ, не помню какой именно,—настоящая гроза для софійскихъ хозяекъ. Онъ играетъ для Болгаріи приблизительно ту же роль, что въ Россіи до Бориса Годунова игралъ Юрьевъ день. Прислугою овладѣваетъ кочевой демонъ,—и половина Софіи остается безъ кухарокъ, горничныхъ, прачекъ. Хозяйки, при встрѣчахъ, мѣняются мрачными вопросами:

— У васъ перемѣна министерства?

— Да. А у васъ?

— Полная.

— Чортъ бы ихъ побралъ!

— Чортъ бы ихъ побралъ!

Обыкновенно народъ бываетъ податливѣе на услугу подъ столлицею, чѣмъ въ глуши. Въ Болгаріи наоборотъ. Чѣмъ глубже ѣдете къ югу, тѣмъ мягче люди, тѣмъ ближе между собою общественные классы. Югъ и сѣверъ Болгаріи—два разные края. Истое славянство, съ примѣсью турецкой и греческой крови, къ югу. Сѣверяне-шопы любятъ хвастаться, что они печенѣги, хотя, въ чемъ заключается особенное счастье быть печенѣгомъ, я не понимаю. У нихъ и въ типѣ и въ характерѣ есть монгольская жесткость и монгольская жестокость. Я никогда не забуду, какъ одинъ такой «печенѣгъ» описывалъ мнѣ смерть Стамбулова: онъ смаковалъ подробности убійства, онъ мысленно рѣзалъ несчастнаго по кусочкамъ. Скуластое лицо побурѣло отъ упоенія злобою, глаза горять... дьяволь дьяволомъ! Предокъ этого сердитаго шопы, печенѣжскій князь Куря, уходившій на Днѣпровскихъ порогахъ князя Святослава Игоревича, врядъ ли смотрѣлъ свирѣпѣе, когда пилъ первую чашу кумыса изъ черепа своего врага...

— Не люблю шоповъ,—говорилъ мнѣ одинъ румелиецъ.

— А что?

— Гордецы противные. Гордецъ-баринъ, гордецъ-купецъ, гордецъ-мужикъ. Тупы, невѣжественны, а дерзости столько — словно они соль земли... Трудно съ ними и непріятно.

Сѣверяне, въ свою очередь, выражаютъ нѣкоторое презрѣніе къ южанамъ:

— Они богаче насъ, а мы порядочнѣе. Они—выкидыши турецкихъ гаремовъ, а мы—потомки степного рыцарства...

Для иностранца, однако, разница въ характерѣ южанъ и сѣве-

рянъ становится замѣтною развѣ лишь, когда онъ съѣстъ два пуда соли съ тѣми и другими, потому что ухаживаютъ за гостемъ съ чужой стороны одинаково ласково и на сѣверѣ, и на югѣ. Болгарское гостепрѣимство нѣсколько старомодно, неуклюже, даже грубовато, если хотите, — за то безгранично: даже неловко дѣлается, — такою заботливостью окружаютъ васъ радушные хозяева... Положимъ, мы, русскіе журналисты, были для болгаръ нужными людьми, положимъ, что имъ хотѣлось отличиться предъ нами, отпустить насъ отъ себя довольными и благодарными. Но и въ первый свой прѣздъ, когда у меня оставалось больше времени для частныхъ встрѣчъ и знакомствъ, послѣднія были проникнуты тѣмъ же простымъ и усерднымъ радушіемъ, тою же сердечною теплотою. Просто, помимо всякихъ постороннихъ видовъ на гостя, болгаринъ донесъ изъ глубины вѣковъ до нашихъ дней цѣлымъ и неприкосновеннымъ древній кочевой культъ «гостя», и гость для него — особа священная, требующая почти благоговѣйнаго почета. Гостю — первая мѣста, первые куски, первое слово; съ гостемъ почти не спорятъ: онъ полный хозяинъ разговора; согласны ли хозяева, несогласны ли съ его мнѣніемъ, оно принимается болгарскимъ этикетомъ за «ipse dixit», не знающее апелляціи до тѣхъ поръ, пока гость находится подъ болгарскою кровлею. Съ непривычки все это производитъ довольно странное впечатлѣніе. Невольно вглядываешься иной разъ въ безстрастно-ласковыя лица друзей-болгаръ: всерьезъ они ведутъ себя такимъ образомъ, или «ломаютъ комедию»? Русскіе тоже гостепрѣимны, но у насъ радушіе быстро переходитъ въ тяжелую фамиллярность, якшанье, амикошонство. У болгаръ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе такта. Болгаринъ охотно сойдется съ своимъ гостемъ на дружескую ногу, но никогда «въ изліяніи сердечномъ» не назоветъ его «душа ты моя! маменька ты моя!» и не будетъ приплясывать вокругъ него комаринскаго, какъ приплясывалъ вокругъ Чичикова подгулявшій предсѣдатель. Гость неизмѣнно остается *primus inter pares*. И это даже — когда выпито чуть не Черное море вина! Болгары пьютъ рѣдко, но мѣтко: у нихъ какая-то способность лить въ себя вино, какъ въ бездонную бочку, и только лица краснѣютъ, да глаза лѣзутъ на лобъ, а ноги, голова и языкъ — въ порядкѣ, и «богъ веселый винограда» не только не мѣшаетъ болгарскому краснорѣчію, а, напротивъ, еще разжигаетъ ихъ ораторскую похоть, придаетъ жаръ и краски ихъ эффектнымъ рѣчамъ. Болгары большіе охотники до застольнаго пѣнія. Поютъ не очень складно, но среди нихъ попадаются чудеснѣйшіе по силѣ и тембру голоса. Репертуаръ ихъ — либо народныя пѣсни, либо студенческія, завезенныя изъ русскихъ университетовъ: «Gaudeamus», «Наша жизнь коротка», «Быстры, какъ волны, дни нашей жизни», «Утесъ», «Укажи мнѣ такую обитель» (эту пѣсню, отрывокъ изъ некрасовскаго «Параднаго подъѣзда», поютъ, какъ и у насъ, неизвѣстно почему на мелодію «Ю

son Maffo Orsini, signora» изъ «Лукреціи Борджіа»), «Петербургскую дубинушку...» Между прочимъ, покойный Стамбуловъ, ненавидя Россію и русскихъ, очень любилъ русскія пѣсни и, говорятъ, даже плакалъ, слушая «Лучину» или «Не бѣлы снѣги». Народныя пѣсни болгаръ нѣсколько монотонны, но имъ присуща особая, дикая энергія, какая-то степная широта мелодіи, примитивной и грубой, какъ примитивны и грубы слова пѣсни. Помню одну пѣсню, спѣтую мнѣ пріятелями моими Камбуровымъ и Калиновымъ. Дѣвушка плачется: «суди Богъ моего отца! суди Богъ мою мать! погубили они мою голову — выдали меня не за добраго человѣка, а за гайдука; онъ спитъ, когда добрые люди работаютъ, и работаетъ, когда добрые люди спятъ. Въ полночь онъ коня сѣдлаетъ, ворота отворяетъ и ѣдетъ на промыселъ, а какъ солнце взойдетъ, для него наступаетъ черная ночь...». Эта разбойничья пѣсня и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, сложена какимъ нибудь гайдукомъ въ скучную, темную ночь, когда онъ поджидалъ въ Родопскомъ ущельи, за кустомъ или въ байракѣ, у лѣсной тропы, проѣзжаго турка...

Если болгарская интеллигенція знаетъ народную пѣсню, то—обратно—она можетъ похвалиться тѣмъ, что ея поэтическое творчество легко переходитъ въ народъ, и не одно стихотвореніе того же Величкова или молодого, подающаго блестящія надежды поэта Алеко Константинова сдѣлалось народною пѣсней. Чаще всего такія перерожденія приключаются съ стихотвореніями политическаго содержанія. Сперва какая нибудь партія обратитъ стихи въ свой гимнъ, подберетъ къ нимъ подходящую мелодію, поетъ ихъ при демонстраціяхъ и манифестаціяхъ, народъ слушаетъ и понеможку запоминаетъ. Такъ, между прочимъ, сложился и національный болгарскій гимнъ:

Шуми Марица
Окрывавлена,
Плаче удовица
Люто ранена...
Маршъ! маршъ,
Съ генерале нашъ!
Разъ, два, три,
Напредъ войници!

Гимнъ этотъ—разухабистый маршъ совершенно кафешантаннаго пошиба. Изъ адрианопольскаго кафешантана дѣйствительно вылетѣла его мелодія, цѣликомъ заимствованная изъ вѣнской шансонетки:

Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren,
Oeffnen die Mädchen Fenster und Thüren!
Warum? Warum?
Alles wegen dem Tschindadaratta...

Игривый мотивъ этой «Tschindadaratta», пошлостью текста ничуть не уступающей пресловутому «Тарарабумбіэ», понравился поэту

Н. Живкову, который подобралъ къ нему патриотическіе стихи, ввелъ эти стихи въ свою драму «Ильо Воевода» и такимъ образомъ популяризировалъ новый маршъ. Любопытно, что современный болгарскій гимнъ сперва назывался маршемъ Черняева и былъ посвященъ этому герою славянскаго освобожденія. Въ текстѣ гимна сохранились первоначальные стихи въ честь «русскаго Гарибальди».

Юнака донскій
 Намъ е водитель,
 Съ прапорець львскій
 Вождь побѣдитель.
 Вижете, деспоти,
 Генерала нашъ!
 Чуйте, запѣйте
 Черняева маршъ.

Инструментовалъ и пустилъ въ оборотъ «Марицу», какъ національный гимнъ, полковой капелмейстеръ, чехъ Шебекъ, любимецъ покойнаго Баттенберга, по личному желанію князя...

Какъ городъ молодой, уничтожившій свое архаическое прошлое и не успѣвшій еще обзавестись «новою исторіей», Софія не интересна для туриста, ищущаго «достопримѣчательностей». Главная ея достопримѣчательность—люди. А то—словно отголосокъ изъ стариннаго дореформеннаго анекдота.

— Позвольте спросить: какія въ вашемъ городѣ имѣются историческія зданія?

— А зданіевъ, братецъ ты мой, у насъ будетъ первое—трахтеръ, а второе—острогъ...

По крайней мѣрѣ, когда мои товарищи-корреспонденты пожелали познакомиться съ софійскими достопримѣчательностями, насъ прежде всего повели смотрѣть государственную тюрьму—Черную Джамію. Показывалъ намъ эту прославленную темницу прокуроръ софійскаго кассационнаго суда г. Малиновъ (русскій университетъ). Я недавно описывалъ Черную Джамію въ «Новомъ Времени» и прошу не взыскать съ меня, если теперь придется здѣсь повторить нѣкоторыя строки того описанія, дополнивъ ихъ подробностями, не вошедшими въ газетную корреспонденцію.

Черная Джамія получила въ стамбуловскую эпоху всемірную извѣстность, правду сказать, значительно раздутую во вредъ репутаціи этой тюрьмы охочими до преувеличеній политическими противниками «блудника и тирана». Тюрьма—какъ тюрьма: бываютъ много хуже. Никакихъ ужасовъ Удольфскаго замка, ни колодцевъ венеціанскаго дворца дожей, ни легендъ во вкусѣ сбѣгствъ изъ Бастилии. Напротивъ, чрезвычайно прозаичная тюрьма въ родѣ нашихъ провинціальныхъ остроговъ. Думаю, что мрачной репутаціи Черной Джаміи, кромѣ заточенія Каравелова, Славейкова, казни мнимыхъ убійць Бельчева, много содѣйствовало самое романтическое на-

звание ея: Черная Мечеть... Это напоминает Черную Яму и страшные дни бунта индійскихъ сипаевъ, такъ поэтически описанные англичанами. Однако, мечеть собственно въ острогѣ не причесть: подъ ея огромнымъ куполомъ теперь хранятъ старую солдатскую рухлядь и повозки. Кто видатъ большія мечети, навѣрное, замѣчалъ при нихъ четырехугольные дворики съ фонтанами, у которыхъ правобѣрные совершаютъ омовеніе. Такой дворикъ именно образуютъ мѣста заключенія въ Черной Джаміи; рядъ келій, обращенныхъ въ карцеры и сгруппированныхъ около двухъ фонтановъ старой мусульманской постройки, очень загрязненныхъ, но работающихъ исправно. Вода превосходная. Дворикъ вообще не очень чистъ, кельи содержатся гораздо лучше.

— У васъ образцовый порядокъ,—сказалъ я г. Малинину.

— Нельзя иначе,—засмѣялся онъ,—стараемся въ своихъ же годахъ. Въдъ у насъ, въ Болгаріи, судьба—индѣйка: сегодня ты прокуроръ, а завтра, глядь, самъ сидишь въ Черной Джаміи.

Сорокъ два заключенныхъ Черной Джаміи живутъ очень свободно: почти все время они на воздухѣ, и только собственное желаніе или непогода, да сумѣрки загоняютъ ихъ въ конурки. Въ конуркахъ, на царахъ, располагаются потрое. Такъ какъ, кромѣ наръ, въ конурахъ ничего нѣтъ, и читаютъ, пишутъ, работаютъ заточенные, сидя потурецки, съ поджатыми ногами, а, за исключеніемъ этой позиціи, имъ остается еще лишь одна — валяться на нарахъ въ растяжку, то въ Софіи не говорится: «я сидѣлъ въ Черной Джаміи»—въ ней «лежать». Кормятъ въ Черной Джаміи отлично. Мы пробовали чорбу (кулешъ) и какую-то кашицу изъ чечевицы: превкусно. Болгарскій мужикъ живетъ и кормится очень сытно—куда же лучше русскаго, но врядъ ли самый богатый крестьянинъ на свободѣ питается такъ основательно, какъ черно-джамійскій арестантъ. Большой недостатокъ тюрьмы—сырость. Въ камерѣ Каравелова, обращенной теперь въ женскую мастерскую, она особенно замѣтна. Надо было обладать желѣзными силами знаменитаго болгарскаго агитатора, чтобы выдержать четыре года въ этой мурѣ, не оставивъ въ ней своего здоровья. Признаюсь, что я вышелъ изъ Черной Джаміи съ гораздо большимъ запасомъ уваженія къ политическому упрямству Каравелова, чѣмъ имѣлъ раньше. Въ его карцерѣ нельзя было только «популярничать»,—такъ объясняли политическіе противники нежеланіе болгарскаго народнаго трибуна оставить тюрьму безъ пересмотра его процесса,—надо было и быть, и чувствовать, и сознавать себя мученикомъ политической идеи. Сейчасъ изъ интересныхъ заключенныхъ мы видѣли пресловутаго Луканова, въ стамбуловское время префекта города Софіи и оберъ-палача диктатора Болгаріи. Это онъ изжарилъ живьемъ брата Тюфекчиева на желѣзной кровати, подставивъ подъ нее восемнадцать лампъ. Иные говорятъ: двадцать четыре, другіе—тридцать, третьи—тридцать шесть

и т. д., прибавляя все по шести. По-моему, если и просто шесть—и того достаточно, чтобы удивить міръ злодѣйствомъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ квартировалъ въ домѣ македонца Накова и часто видалъ брата Тюфекчиева — того самаго, что былъ заповодрѣнъ въ убійствѣ Стамбулова, но былъ освобожденъ за недостаткомъ уликъ, хотя участіе его въ этомъ преступленіи для большинства софійцевъ болѣе, чѣмъ вѣроятно «по внутреннему убѣжденію». Этотъ суровый македонецъ, по смерти Китанчева глава македонскаго движенія, показывалъ нашему товарищу картину, изображавшую пытки Тюфекчиева въ лукановскомъ застѣнкѣ. Стамбуловъ когда-то хвалился мнѣ, что онъ въ жизнь свою не ударилъ ни одного человѣка и никогда не присутствовалъ при пыткѣ. Однако на тюфекчиевской картинѣ изображенъ и онъ, и неразлучный съ нимъ Петковъ. У Луканова лицо не изверга, но жулика—плутоватая, мелкая фізіономія: преисполнительный, должно быть, и истинно поэтому безжалостный человѣкъ, трепетавшій за свою шкуру и спѣшившій, въ обереженіе ея, сдирать по первому кивку Стамбулова шкуры чужія. По словамъ прокурора Малинова, положеніе этого цивилизованнаго разбойника въ тюрьмѣ не изъ веселыхъ. Арестанты ненавидятъ Луканова—равно и политическіе и уголовные. Приходится держать около камеры, гдѣ сидитъ бывший префектъ и одинъ изъ его приспѣшниковъ—полицейскій приставъ, особый сторожевой постъ: иначе братья-узники давно бы пришибли своихъ товарищей по заключенію. Кстати, о мучителяхъ и пыткахъ: г. Малиновъ обѣщалъ прислать мнѣ застѣночныя орудія изъ практики стамбуловскихъ Малючь Скуратовыхъ,—ключи, которыми вывертывали пальцы, чугунное яйцо, чтобы колотить по темени... Была еще и такая пытка: заставляли истязуемаго держать руки вверхъ, а чтобы онъ въ утомленіи не опустилъ ихъ, подъ мышками помѣщались острия желѣзныя спицы. Это—въ концѣ девятнадцатаго вѣка! А мы еще удивляемся въ музеяхъ инквизиціоннымъ отдѣленіямъ и не хотимъ вѣрить, чтобы были въ цивилизованныхъ обществахъ учрежденія и эпохи, гдѣ и когда человѣкъ имѣлъ возможность и право такъ нагло издѣваться надъ жизнью и тѣломъ другого человѣка!

Одного изъ самыхъ знаменитыхъ узниковъ Черной Джаміи—жандарма Спаса Антонова, г. Малиновъ не могъ намъ показать: онъ прятался. Жандармъ былъ спутникомъ Стамбулова и Бельчева въ ночь, когда послѣдній палъ отъ руки убійцы, за что въ послѣдствіи казнено четверо невинныхъ людей. Общее мнѣніе людей, не заинтересованныхъ лично въ апоэозѣ стамбуловскихъ дѣяній и памяти, что либо Бельчевъ застрѣленъ самимъ Стамбуловымъ, либо, по его приказанію, Спасомъ Антоновымъ. Насколько это справедливо, знаетъ Богъ и... Спасъ Антоновъ, а—что онъ знаетъ,—показываетъ дальнѣйшая его исторія. Бѣднякъ до убійства Бельчева, онъ вскорѣ послѣ этого злодѣянія покупаетъ домикъ и поселяется въ немъ съ женою и

свояченицей. Вслѣдъ затѣмъ вся эта компанія попадаетъ подъ слѣдствіе и судъ по подозрѣнію, а потомъ и доказанному обвиненію въ убійствѣ трехъ ближайшихъ своихъ родныхъ, съ цѣлью унаслѣдовать принадлежащую послѣднимъ земельку и имущество. Убитыхъ они зарыли въ той же комнатѣ, гдѣ спали сами,—и ничего, совѣсть не мучила, и привидѣнія не душили злодѣевъ по ночамъ. Изъ этого видно, что за человѣкъ Спасъ Антоновъ и на что онъ способенъ. Впрочемъ, нельзя не прибавить, что и убитые были людьми его же закала. Слѣдствіе доказало, что и убійцы, и жертвы ихъ жили совершенно примитивною, звѣрскою семьею, перепутавшей всѣ свои родственныя связи даже въ половомъ сожителствѣ. Пока былъ живъ Стамбуловъ, дѣло Спаса Антонова всячески тормозилось, потому что разбойникъ грозилъ своему патрону разоблаченіями. Неоднократно Стамбуловъ посѣщалъ Спаса Антонова въ тюрьмѣ и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Каковы были эти бесѣды, характеризуетъ то обстоятельство, что послѣ одной изъ нихъ Спасъ Антоновъ потребовалъ къ себѣ тюремнаго врача—человѣка, къ которому онъ получилъ полное и совершенно основательное довѣріе—и заявилъ, что отнынѣ онъ не согласенъ принимать пищу иначе, какъ изъ рукъ этого врача, такъ какъ иначе его отравятъ важные люди, чьи тайны попали въ его руки... Но, наконецъ, Стамбуловъ палъ, и вслѣдъ за его судьбою совершилась и судьба Спаса Антонова: помилованный отъ смертной казни, онъ присужденъ къ долготѣмному заключенію, высшей мѣрѣ, послѣ повѣшенія, уголовного наказанія по болгарскому законодательству.

Наружность сообщниковъ Спаса Антонова—Карагаджіева и жены его Екатерины, принимавшей особо дѣятельное участіе въ отправленіи на тотъ свѣтъ своихъ родныхъ, не представляетъ ничего особенно «звѣрскаго»—скорѣе въ ней много «звѣринаго». Я говорю главнымъ образомъ объ Екатеринѣ; это—тупая и именно тупостью своею опасная баба, потому что тупость ея, какъ у звѣря: захотѣлъ звѣрь слопать и, чтобы слопать, и хитрымъ, и ловкимъ окажется, но только, чтобы слопать и пока слопаетъ. Сидя съ сестрою у постели отравленнаго ими человѣка, пока тотъ мучится въ предсмертныхъ корчахъ, онѣ ввели въ заблужденіе одного изъ лучшихъ докторовъ города Софіи—г. Попова: онъ видѣлъ, что больной умираетъ отъ какой-то странной рвоты и поноса—вовсе не холернаго типа, какъ старались его увѣрить, но не рѣшился заподозрѣть отравленія,—такъ горько и искренно плакали объ женщины... А сейчасъ онѣ улыбаются, когда г. Малиновъ напомнилъ мнѣ эту исторію. Да и вообще ни впечатлѣнія раскаянія, ни впечатлѣнія, что онѣ угнетены своимъ положеніемъ, «дамы» эти, какъ вѣжливо звалъ ихъ прокуроръ, въ насъ, посѣтителейъ, не оставили. Обѣ онѣ дорогіе типы для ломбрововскихъ наблюденій. Такія лица я встрѣчалъ только въ иллюстраціяхъ къ «L'uomo delinquente». Не менѣе ди-

кій, хотя болѣе симпатичный, потому что жалкій, видъ имѣла узница, отбывающая наказаніе за убійство по суевѣрію. Извѣстно повѣріе, что у кого есть свѣча изъ человѣческаго сала, тому не по чѣмъ забраться въ чужой домъ и выкрасть все хозяйское добро, потому что, пока «мертвая свѣча» горитъ, хозяева спать непробуднымъ сномъ, собаки не лаютъ и т. д. Ради такой свѣчи женщина, показанная намъ г. Малиновымъ, приняла участіе въ убійствѣ. Ее и соучастниковъ схватили, когда они свѣжевали трупъ жертвы. Намъ узница показалаcя идиоткою. Мѣсто ей скорѣе въ больницѣ для душевнобольныхъ, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Меня интересовало: часты ли въ Болгаріи преступленія противъ нравственности.

— Нѣтъ, очень рѣдки, — отвѣчалъ г. Малиновъ, — что удивительно для народа, находящагося на переходной ступени отъ дикости къ цивилизаціи. За то весьма часты преступленія, имѣющія своимъ источникомъ неурядицы семейнаго строя. Въ Болгаріи очень распространено снохачество; къ какимъ печальнымъ уголовнымъ послѣдствіямъ приводитъ этотъ порокъ, вы, конечно, знаете изъ русской судебной практики. Надо лишь прибавить, что такъ какъ нашъ народъ диче и суровѣ русскаго, да и южная кровь его горячѣе, то преступленія изъ-за снохачества у насъ чаще и жесточе, чѣмъ на вашемъ сѣверѣ.

Скрывая въ своихъ стѣнахъ тѣхъ, кто разбойничалъ вмѣстѣ съ Стамбуловымъ, Черная Джамія держитъ подъ затворомъ и одного изъ вѣроятныхъ убійцъ Стамбулова, Боно Георгіева.

Прокуроръ вполне увѣренъ въ прикосновенности Георгіева къ смерти эксъ-диктатора, но присяжные врядъ ли съ нимъ согласятся. Очень трудное дѣло—судъ надъ убійцами Стамбулова: потребность удовлетворить правосудіе сталкивается съ народными симпатіями къ преступникамъ въ мудреномъ, почти неразрѣшимомъ конфликтѣ. Боно Георгіевъ—красавецъ на рѣдкость: львиная голова настоящаго заговорщика-агитатора, пламенные умные глаза, взглядъ прямой и ясный, характера въ этомъ человѣкѣ много, фанатической удали, холоднаго мужества и рѣшимости—безъ конца. Онъ былъ секретаремъ и пріятелемъ казненнаго Стамбуловымъ Паницы и на могилѣ своего патрона далъ клятву отомстить за его смерть. Схватили Бона Георгіева совершенно случайно. Возвращаясь подъ чужимъ именемъ изъ эмиграціи, онъ предполагалъ, что его уже ищутъ, хотя никто и не подозрѣвалъ его возвращенія и не думалъ его ловить. На одной станціи онъ вышелъ изъ вагона. Вдругъ станціонный жандармъ зашагалъ въ его сторону. Боно Георгіевъ вообразилъ, будто онъ открытъ, и бросился бѣжать. Тогда жандармъ, сообразивъ, что бѣглець этотъ, вѣроятно, эмигрантъ, не имѣющій права жительства въ Болгаріи, далъ свистокъ и пустился преслѣдовать Георгіева съ полицейскою бригадою. Конечно, догнали и схватили, а въ Софіи откры-

лось, и какая именно птица нечаянно попала въ жандармскія лапы. Допросъ Бона Георгіева былъ пыткой для слѣдственной власти. «Да», «нѣтъ», «не слыхать», «не знаю»—только и добились отъ него. Да еще удалось уличить его, что онъ гораздо образованнѣе, чѣмъ хочетъ казаться, и хорошо владѣетъ нѣсколькими иностранными языками. Допрашивали его подрядъ восемь часовъ, чередуясь въ допросѣ,—и хоть бы разъ онъ ошибся или сбился въ показаніяхъ.

— Съ большою выдержкою малый! Жаль, если его...

Г. Малиновъ выразительно провелъ рукою по шеѣ: за убійство въ Болгаріи вѣшаютъ...

Послѣ тюрьмы для людей, намъ предложили посѣтить звѣриную тюрьму—зоологическій садъ князя Фердинанда. У него слабость къ птицамъ, особенно къ орламъ, ихъ въ зоологическомъ саду на рѣдкость богатый подборъ,—и все великолѣпные экземпляры. Подъ садъ отведена огромная площадь, пока еще пустующая. Даже смѣшно, что въ маленькой Софіи собираются разбить такой большой садъ.

— Пожалуй, выйдетъ такъ, что не садъ будетъ при Софіи,—скажетъ кто-то изъ нашихъ,—но Софія при садѣ...

Звѣря и птицъ въ саду еще не много; за то все, что есть, представлено удивительно удачно. Такихъ львовъ, орловъ, соколовъ, пеликановъ, волковъ я не видалъ ни въ одномъ изъ русскихъ зоологическихъ садовъ, да и берлинскій не побрезговалъ бы этимъ красивымъ, мощнымъ и сытымъ звѣрьемъ.

Князь очень интересуется садомъ и неусыпно блюдетъ за нимъ... Не знаю, орнитологъ ли онъ, какъ заключилъ почему-то В. В. Комаровъ, но до птицъ весьма охочъ и для птицъ не прочь иной разъ даже забыть свою бережливость, вошедшую въ Софію въ пословицу.

Александръ Амфитеатровъ.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЯ.

(Къ предстоящему 300-лѣтію со дня его основанія).

I.

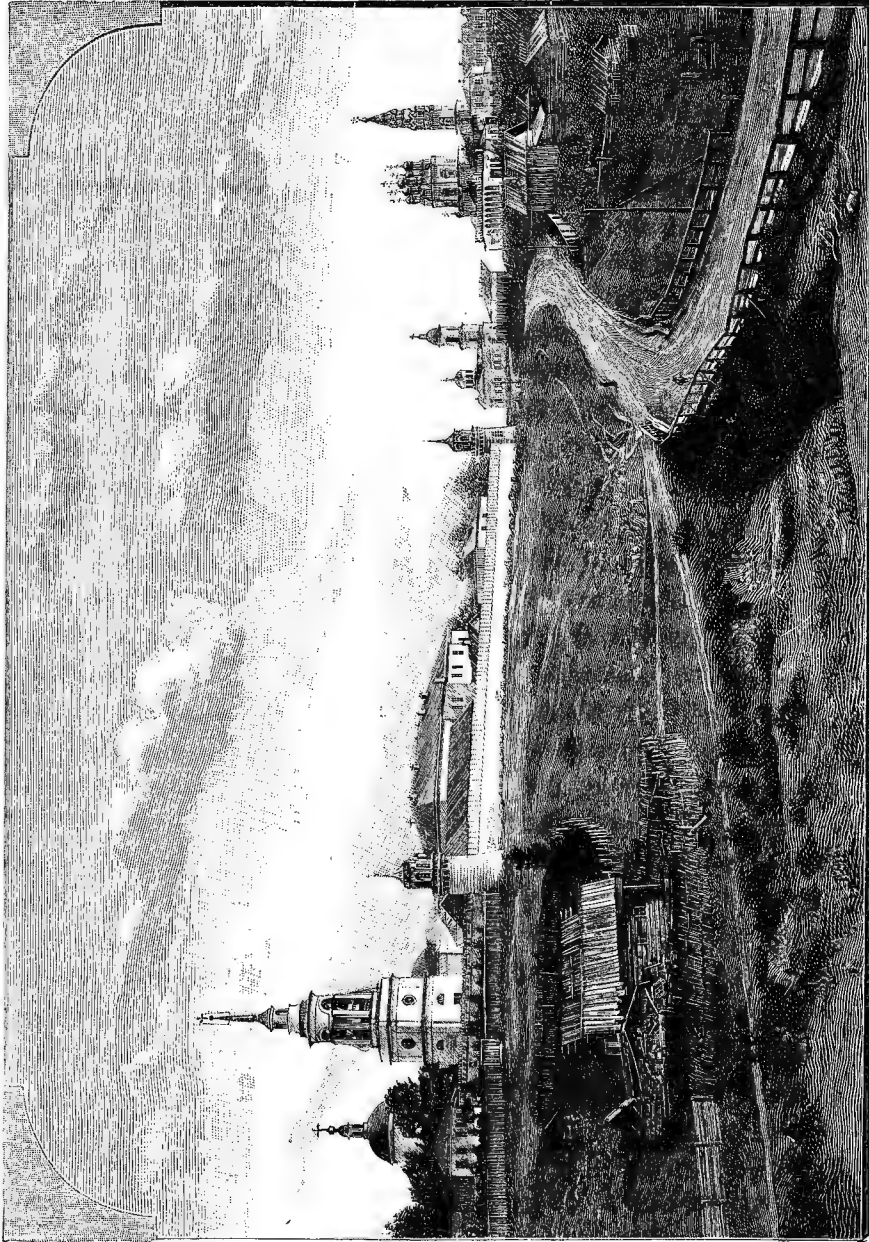

ВЪ МѢСТАХЪ, гдѣ кипитъ теперь людская дѣятельность, все носитъ отпечатокъ новизны. Только Верхотурье представляетъ исключеніе изъ этого. Его живописныя, хорошо сохранившіяся руины, остатки сильной крѣпости, чудно выдаются въ этой пустынѣ и удостовѣряютъ о прежнемъ значеніи города». Такъ восхищался академикъ Гельмерсенъ при видѣ Верхотурскаго кремля въ 1833 году. Прошло съ тѣхъ поръ 62 года, а руины Верхотурскія красуются все въ томъ же видѣ, свидѣтельствуя о быломъ историческомъ и стратегическомъ значеніи города; время и рука человѣка, конечно, наложили на нихъ свою сокрушительную печать, но, тѣмъ не менѣе, оставшаяся сѣверная часть крѣпостныхъ стѣнъ, въ связи съ устными разсказами и преданіями старожиловъ о прежнихъ древнихъ постройкахъ, долго еще будутъ свидѣтельствовать мѣстнымъ жителямъ о быломъ значеніи ихъ роднаго города Верхотурья.

Заброшенный въ глухомъ краѣ и находясь на рубежѣ между Сибирью и Европейской Россіей, этотъ городокъ служилъ нѣкогда не малую службу нашему отечеству; при своемъ географическомъ положеніи онъ, кромѣ того, находился какъ разъ еще на великомъ сибирскомъ пути отъ Новгорода, Москвы, Чердыни, Соликама,

Павды и былъ пограничнымъ (таможеннымъ) городомъ между Европейской Россіей и Сибирью; поэтому въ немъ были крѣпость, гостинный дворъ, таможня, находился складъ оружія (арсеналь понынѣшнему), пороха; былъ городъ Верхотурье также и «кружечнымъ» городомъ, или понынѣшнему акцизнымъ. Основаніе его въ такой глуши создано, благодаря слѣдующимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Когда житель Соликамскаго уѣзда, нѣкто Артемій Бабиновъ, указалъ и проложилъ (1595—1597 гг.) новую кратчайшую дорогу изъ Европейской Россіи въ Сибирь изъ Соликамска на р. Туру (Верхотурье въ 60 вер. отъ истоковъ р. Туры), то необходимо было имѣть хорошо укрѣпленное селеніе, чтобы держать въ покорности окрестныхъ вогуль и обезопасить новый путь. Мѣстомъ для такого укрѣпленія и былъ выбранъ высокій лѣвый берегъ р. Туры, гдѣ прежде находился небольшой вогульскій городокъ Неромкуръ, по имени котораго и нынѣ называется рѣчка Неромка, впадающая въ р. Туру въ двухъ верстахъ ниже города. Поставленъ былъ здѣсь деревянный острогъ, имѣвшій только три стѣны съ башнями, съ четвертой же стороны достаточной защитой служилъ крутой и высокій (около 12 саж.) берегъ р. Туры. Гарнизонъ острога состоялъ изъ стрѣльцевъ и казаковъ, переведенныхъ изъ городка Лозвинскаго. Внутри острога была выстроена церковь во имя Живоначальной Троицы; построенъ былъ гостинный дворъ для проѣзжающихъ русскихъ купцовъ и для склада ихъ товаровъ. Русскіе могли торговать съ вогулами, остяками и другими сибирскими народами лишь въ гостинномъ дворѣ, ѣздить же въ ихъ жилища съ товарами въ то время было воспрещено; потомъ состоялось распоряженіе, неоднократно въ послѣдствіи подтверждаемое, чтобы изъ Европейской Россіи въ Сибирь и обратно, изъ Сибири въ русскіе города, никакими другими дорогами не ѣздить, кромѣ какъ черезъ Верхотурье, гдѣ въ устроенной таможнѣ собирались пошлыны со всѣхъ провозимыхъ товаровъ и денегъ, въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части. Запрещеніе это, съ большими или меньшими послабленіями по временамъ, существовало до временъ императрицы Екатерины II-й и благопріятствовало процвѣтанію Верхотурья. Купцы изъ Москвы, Устюга и другихъ городовъ Европейской Россіи пріѣзжали въ Верхотурье по зимнему пути (по лѣтнему — трудно было проѣхать вслѣдствіе болотъ и другихъ препятствій), дожидались здѣсь по нѣсколько мѣсяцевъ весны, чтобы продолжать дальнѣйшій путь въ Сибирь рѣками (Турой, Тоболомъ и т. д.). Заживались они иногда подолгу въ Верхотурьѣ и на обратномъ пути, выжидая установки санной дороги. Живя въ Верхотурьѣ, они здѣсь наймомъ квартиръ и покупкою съѣстныхъ и другихъ нужныхъ имъ припасовъ доставляли прибыль и средства мѣстнымъ жителямъ. Равнымъ образомъ, должны были останавливаться въ Верхотурьѣ и проѣзжавшіе въ Сибирь и обратно изъ Сибири воеводы сибирскихъ городовъ и состоявшіе при нихъ дьяки, а также

Городъ Верхотурье со стороны Кувшинскаго тракта.

Воскресенская церковь. Троицкій соборъ.

Никольскій монастырь.

и чиновники, посланные из столицы с разными поручениями в Сибирь. Имья общеніе с прїѣзжими людьми изъ болѣе просвѣщенныхъ мѣсть, верхотурцы прїобрѣтали отъ нихъ много разныхъ свѣдѣній и были гораздо болѣе знакомы съ разными мѣстностями государства, чѣмъ жители какого либо другого сибирскаго города.

Для возки прїѣзжихъ людей при Верхотурѣ поселено было особо, подгородною слободою, значительное число ямщиковъ съ семействами, переведенныхъ изъ другихъ мѣсть. Слобода эта существуетъ и понынѣ подъ именемъ Ямской, со старинною церковью Знаменія Пресвятыя Богородицы. Ямщики получали изъ казны жалованье и податей никакихъ не платили.

II.

Такова въ краткомъ видѣ первоначальная исторія возникновенія города Верхотурья. Изъ сохранившихся царскихъ грамотъ видно, что этотъ городъ былъ нѣкогда весьма извѣстенъ на Москвѣ, откуда писались въ Сибирь на Верхотурье различныя грамоты, на примѣръ, грамота отъ царя Алексѣя Михайловича съ требованіемъ выслать ему кедровой смолы да травы звѣробою, затѣмъ присылались дары во вновь строящіяся и построенныя церкви, приклады въ монастырь къ св. угоднику, праведному Симеону Верхотурскому, въ томъ числѣ и отъ «тишайшаго царя». Городъ былъ также и мѣстомъ ссылки знатныхъ и незнатныхъ особъ. Такъ сюда была сослана, между прочими, невѣста царя Михаила Ѳеодоровича, Марія Ивановна Хлопова. Въ здѣшнемъ соборѣ хранится пожертвованное ею евангеліе. Были присланы сюда частію на службу, а частію въ ссылку такіе знатные воеводы, какъ Григорій Филимоновичъ Нарышкинъ (дядя царицы Натальи Кирилловны), Иванъ Цицлеръ, казненный впослѣдствіи Петромъ за измѣну, и другіе.

Въ позднѣйшее время выслано было сюда много поляковъ знатныхъ и богатыхъ, о жизни и кутежахъ которыхъ здѣсь можно и въ настоящее время слышать много разсказовъ отъ мѣстныхъ старожиловъ.

Одновременно съ своимъ основаніемъ городъ былъ обнесенъ кремлемъ, сначала деревяннымъ въ три стѣны съ наугольными башнями; тогда же былъ построенъ и соборный храмъ Живоначальной Троицы. Въ 1674 г. въ самую пасхальную заутреню, 19 апрѣля, Верхотурье постигло несчастье, столь знакомое всѣмъ нашимъ древнимъ деревяннымъ городамъ: весь кремль сдѣлался жертвою пламени. Однако, и во второй разъ крѣпостныя стѣны были построены изъ дерева.

Въ 1698 г. этотъ деревянный кремль былъ сломанъ, и на его мѣстѣ началась прочная и большая каменная кладка стѣнъ. Четырнадцать лѣтъ (1698—1712) продолжалось это сооруженіе крѣпост-

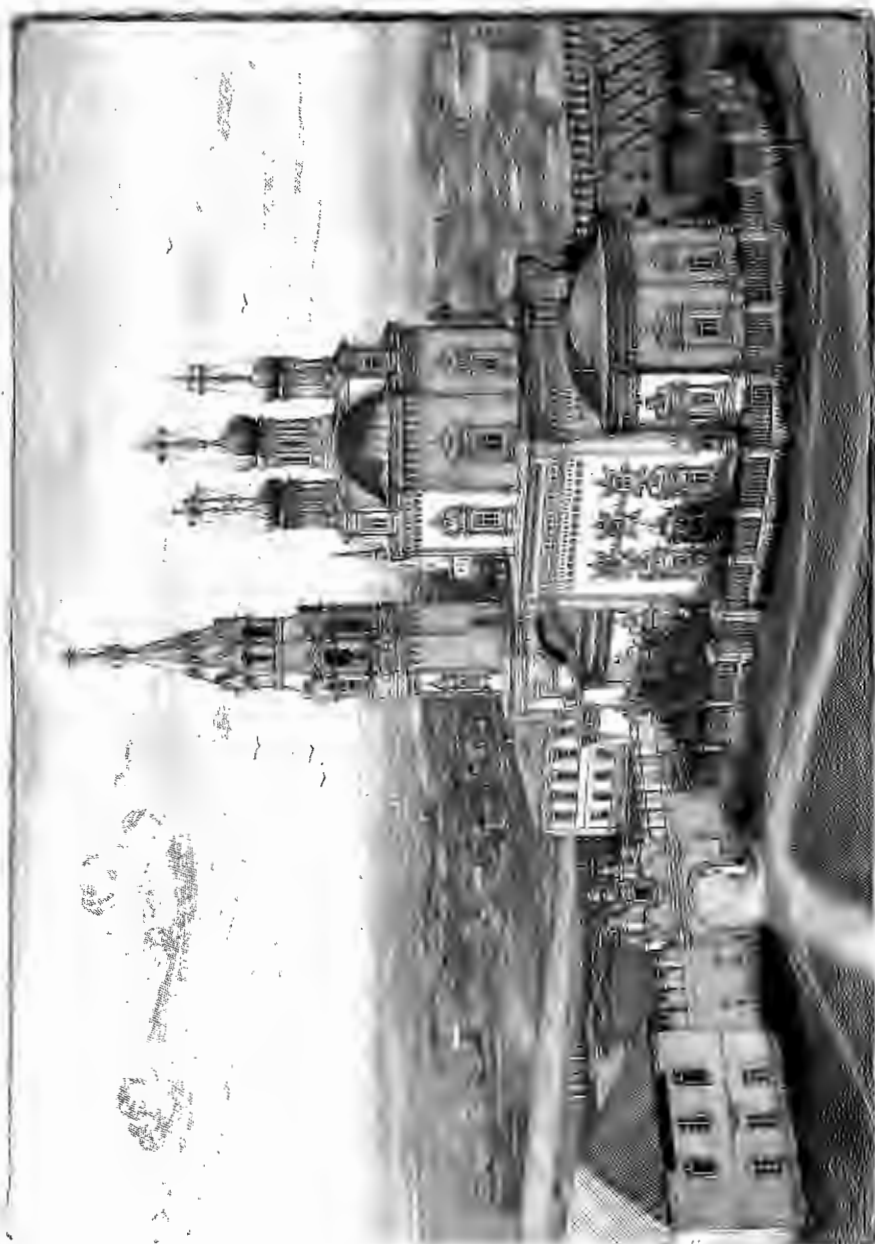

Видъ остатковъ крѣпости въ Верхотурьѣ.

ныхъ твердынь, впоследствии такъ безжалостно разрушенныхъ въ нѣсколько дней! По словамъ академика Лепехина (1771 г.), «городъ Верхотурье не послѣднее представляетъ укрѣпленное мѣсто въ Сибири; кремль его огороженъ каменною стѣною съ зубцами по роду древняго укрѣпленія; къ Турѣ выстроены двѣ каменные башни съ бойницами; но время много сіе укрѣпленіе попортило, и стѣны мѣстами обвалилися». Кремль этотъ составляютъ: Соборная каменная церковь во имя Св. Живоначальныхъ Троицы съ придѣломъ, два каменные корпуса, заключающіе присутственные мѣста, воеводскія палаты, острогъ, поварню для куренія вина и упоминаемыя каменные стѣны съ башнями. Но изъ стѣнъ съ зубцами въ настоящее время уцѣлѣла только сѣверная часть, а той, что выходила на западъ, обращенная къ р. Турѣ съ двумя башнями, и при томъ самая красивая, теперь уже нѣтъ.

Крѣпостная стѣна обходила со всѣхъ сторонъ городъ, кромѣ крутого обрыва р. Туры; но въ 40-хъ годахъ часть стѣны, обращенная къ западу, стоявшая на уклонѣ и подпертая уже балками, постепенно наклонялась и сваливалась, и въ одинъ прекрасный день съ грохотомъ рухнула. Тогда якобы для предупрежденія опасности при второмъ подобномъ крушеніи стѣнъ, чтобы не задавило людей или домашнихъ животныхъ, тогдашніе городской голова, исправникъ и друг. заправили рѣшили сломать вполне прочную и при томъ самую красивую часть западной стѣны вмѣстѣ съ башнями, о чемъ и донесли по начальству. Въ отвѣтъ было получено распоряженіе сломать; такимъ образомъ состоялось сознательное разрушеніе этого лучшаго памятника верхотурской старины. Кремлевскія стѣны строились, какъ уже сказано, 14 лѣтъ, изъ огромныхъ глыбъ гранита и кирпича и обошлись въ 3000 руб.—сумму для того времени значительную. По разрушеніи же ихъ продано было кирпичу на 8 рублей.

Отъ Воскресенской церкви къ собору проходить не одинъ рядъ каменныхъ корпусовъ, длиною сажень въ 40 и болѣе; здѣсь-то и были гостиный дворъ и внутренняя таможня для склада сибирскихъ товаровъ, преимущественно пушныхъ; таможня существовала до времени отмены внутреннихъ таможенъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, признанныхъ вредными для развитія внутренней торговли. Корпусовъ этихъ въ настоящее время нѣтъ, но можно замѣтить около Воскресенской церкви сохранившіяся части фундамента и ямы, а на западномъ углу ограды той же церкви сохранилась небольшая каменная караулка, какъ живой остатокъ прежнихъ сводчатыхъ построекъ. Также остались слѣды и сознательно разрушенной западной стѣны кремля, въ видѣ остатковъ камней и фундамента, а по краямъ два значительныхъ каменныхъ возвышенія, гдѣ стояли прежде башни.

Троицкій соборъ въ Верхотурьѣ.

III.

Второю достопримѣчательностью и памятникомъ старины г. Верхотурья несомнѣнно служить Троицкій соборъ; къ нему-то и примыкаетъ съ той и другой стороны сохранившаяся (сѣверная) часть крѣпостной зубчатой стѣны съ прорубными бойницами изъ ограды. Первоначальное основаніе собора относится къ одному времени съ основаніемъ города и кремля, то-есть также къ 1598 году. Раньше соборъ былъ деревянный и горѣлъ не одинъ разъ вмѣстѣ съ деревяннымъ кремлемъ во время бывавшихъ въ Верхотурѣ пожаровъ. Когда строились каменные крѣпостныя стѣны, въ то же время былъ заложенъ и настоящій каменный соборъ, а окончательно достроенъ въ 1710 году. На лѣвыхъ воротахъ стѣны виденъ не большой желѣзный флюгеръ съ вырѣзаннымъ на немъ годомъ «1703», вѣроятно, кладки этихъ воротъ.

Какъ видно изъ грамотъ Петра Великаго къ стольникамъ и воеводамъ, Троицкій соборъ строился не одною великаго государя казною, но и при вспоможеніи городскихъ и уѣздныхъ людей. Въ 1738 г. 18-го іюля отъ происшедшаго большого пожара, называемаго Ильинскимъ, когда въ городѣ сгорѣло 242 двора и въ Ямской слободѣ 82, соборная церковь снаружи обгорѣла, но вскорѣ была обновлена. Глава на колокольнѣ, какъ сложенная изъ кирпича, одна только и осталась въ прежнемъ видѣ, а на храмѣ всѣ сгорѣли, потому что были деревянные. Однако, возобновленная церковь опять была покрыта деревомъ, и когда крыша сгнила, а главы разрушились, тогда ее поправили на средства святѣйшаго синода и покрыли желѣзомъ.

Троицкій соборъ отличается красивою старинною архитектурою въ готическомъ стилѣ и служитъ лучшимъ украшеніемъ города. Нѣкогда онъ снаружи былъ покрытъ бѣлымъ изразцовъ и въ солнечные дни такъ блестялъ, что, по словамъ старожиловъ, «смотреть было больно на него». Равнымъ образомъ, и внутренность храма хотя и кажется нѣсколько мрачною, но стоитъ только взойти въ него, какъ взору вашему представится старина, какую можно только видѣть, какъ рѣдкость, въ Москвѣ. Особенно замѣчательнъ въ главномъ соборномъ храмѣ иконостасъ по древнему греческому рисунку (стилю). На общемъ золоченомъ фонѣ выступаютъ красивыя красныя фрески, древовидно и вѣтвевидно направляющіяся въ разныя стороны. Иконостасъ этотъ въ 4 яруса съ иконами, кромѣ нижняго, составляющаго основаніе; писанъ онъ Іоанномъ, крестовымъ іеромонахомъ архіерейскаго дома тобольскаго митрополита Филоея, въ началѣ прошлаго столѣтія, вѣроятно, вскорѣ по постройкѣ самаго храма. Достойна также вниманія сдѣланная снаружи зданія собора надпись изъ изразцовъ; каждая буква высѣчена на отдѣль-

номъ изразцѣ величиною съ $\frac{1}{2}$ аршина, буквы старославянскія. Она начинается на алтарѣ: съ южной стороны: «Лѣта отъ сотворенія 7211», съ юго-восточной: «а отъ Рождества Христова 1703», съ той же юго-восточной: «а обложена сія церковь во имя» —
 съ сѣверо-восточной: «Святыя Живоначальныя Троицы»,
 съ сѣверной: «повелѣніемъ благочестивѣйшаго»,
 на трапезѣ съ той же стороны: «нашего монарха великаго государя и великаго»,
 на колокольнѣ съ сѣверо-восточной стороны: «князя Петра Алексіевича»,
 съ сѣверной: «всая»,
 съ сѣверо-западной: «бѣлыя и малыя»,
 съ западной: «Россіи само-»,
 съ юго-западной: «держца 32»,
 съ южной: «...¹⁾ его при»,
 съ юго-восточной: «благовѣрномъ»,
 на трапезѣ съ южной стороны: «при благородномъ государѣ нашемъ цесаревичѣ и великомъ князѣ»,
 на церкви съ той же стороны: «Алексіѣ Петровичѣ отъ рожденія его въ 15 лѣто, государя между патріаршества въ управленіи», съ восточной: «патріаршаго престола преосвященнаго Димитрія²⁾, митрополита рязанскаго и муромскаго»,
 съ сѣверной: «благословеніемъ въ духовномъ чину преосвященнаго Филоея, митрополита сибирскаго и тамбовскаго», и
 съ западной: «при бытіи на Верхотурьѣ воеводою стольника Алексія Ивановича Калетина, совершился въ лѣто 1705».

Такимъ образомъ средняя часть собора кругомъ обвита этой лентой-надписью зеленоватаго цвѣта.

Въ соборѣ хранится нѣсколько рѣдкихъ и замѣчательныхъ по приношенію церковныхъ вещей: 1) Напрестольный крестъ серебряный, чеканной работы, золоченый и украшенный жемчугомъ. Кромѣ надписи на лѣвой сторонѣ, заключающей перечисленіе частицъ мощей разныхъ святыхъ, на той же лѣвой сторонѣ, на нижнемъ рогѣ, есть слѣдующая чеканная надпись: «построенъ сей животворящій крестъ Господень въ соборную церковь Пресв. Троицы на Верхотурье, пожаловаль великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Россіи самодержецъ». 2) Второй крестъ гладкій, по виду древнѣе перваго, и также есть даръ царя Алексія Михайловича. 3) Кадило серебряное, позолоченое, чеканной работы и такой древней формы, съ какимъ только рисуютъ архидіакона Стефана. На немъ есть также надпись, что оно «построено въ

¹⁾ Здѣсь словъ недостаетъ отъ того, что изразцы выпали, а должно полагать: «отъ рожденія».

²⁾ Явная ошибка: вмѣсто «Стефана» (Яворскаго) выкладено — «Димитрія».

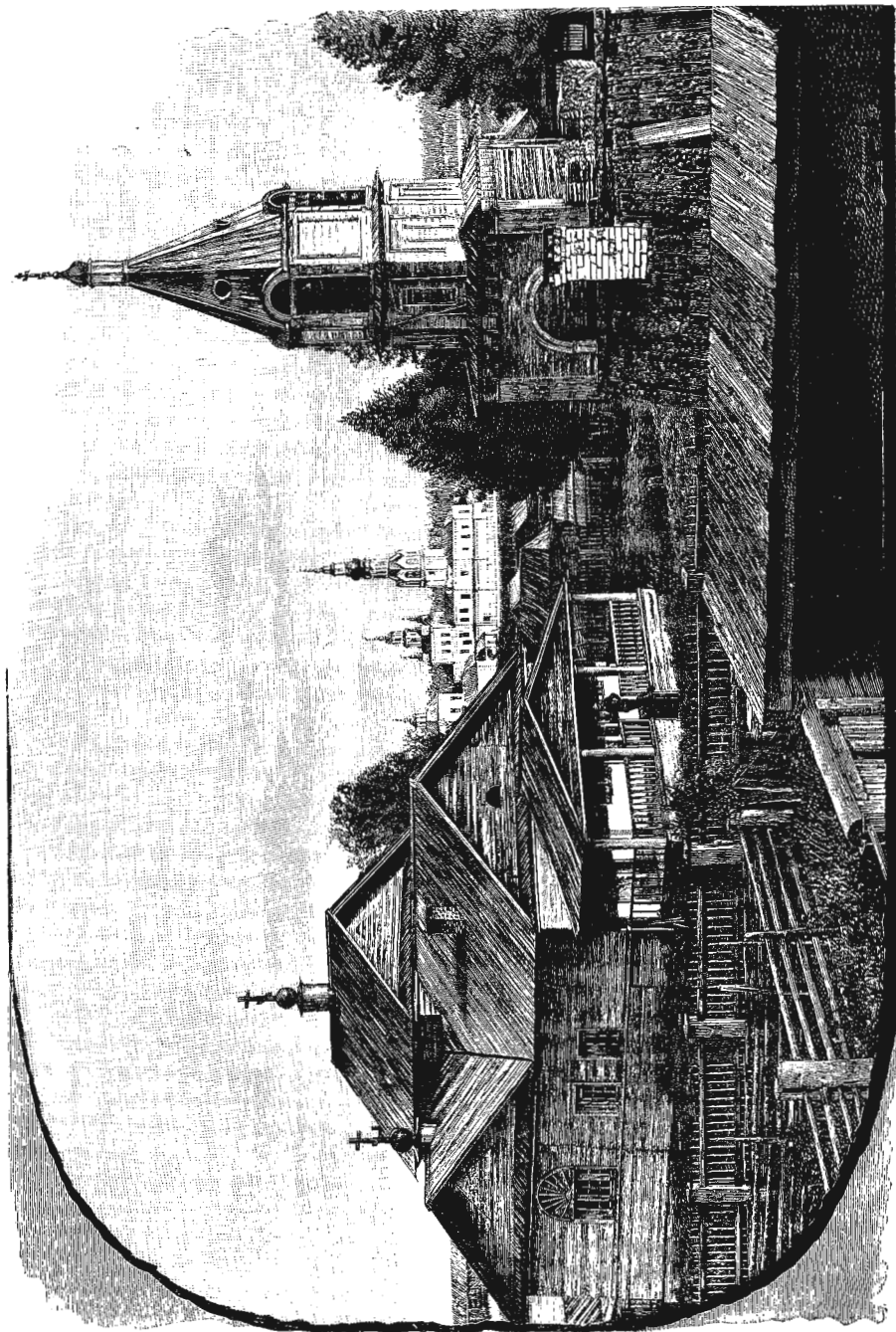

соборную церковь Пресв. Живоначальныя Троицы, что на Верхотурьѣ, и пожаловано въ лѣто 7148 (1640 г.) государемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, всея Россіи самодержцемъ». Остальные древніе предметы, какъ-то: образъ-складень, покрытый еще бѣлою слюдою вмѣсто стекла, образъ Живоначальныя Троицы, древняя хоругвь, евангелія—доказываютъ и по внѣшнему виду, а нѣкоторыя по надписямъ, свое старинное происхожденіе. Не описывая этихъ предметовъ въ отдѣльности, упомянемъ болѣе подробно про старинную хоругвь, на которой вышита икона Нерукотвореннаго Спаса разноцвѣтными шелками и по мѣстамъ шитая золотомъ и серебромъ. Вокругъ хоругви по полямъ надписи именъ святыхъ, изображенныхъ на ней. Вверху съ правой стороны: «Архангелъ Михайль», съ лѣвой: «Архангелъ Гавріиль», надъ вѣнцомъ Спасителя: «Иисусъ Христосъ». А на боку надпись съ указаніемъ времени царствующаго государя Алексѣя Михайловича, государыни Маріи Никитишны, великаго князя Митрія Алексѣевича и затѣмъ... «въ домъ Живоначальныя Троицы ко всемилостивому Спасу по своему обѣщанію». Про эту хоругвь, я слыхаль, многіе говорятъ, что она вышита томившейся здѣсь въ ссылкѣ невѣстой Михаила Феодоровича—Маріей Ивановной Хлоповой. По низу хоругви надпись гласитъ: «верхотурскаго воеводы Бориса Семеновича Дворянинова, приложила жена его руку».

Въ послѣднее исправленіе собора въ 1857—1859 гг. подъ наблюденіемъ особой комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ настоятель Верхотурскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Гавріиль, на стѣнахъ трапезы собора, по обѣимъ сторонамъ, было много надписей, указывавшихъ мѣсто и время погребенія воеводъ и другихъ знатныхъ лицъ. Но означенная комиссія при општукатуркѣ стѣнъ собора нашла почему-то нужнымъ всѣ эти надписи уничтожить, не оставивъ даже списка съ нихъ. До настоящаго времени сохранилась только одна чугунная доска съ надписью славянскою вязью съ обозначеніемъ о погребеніи нѣкоего младенца лѣта 1712 февраля 21.

IV

Къ Троицкому собору приписана зарѣчная старинная деревянная церковь съ деревянною же на отставкѣ колокольнею, такъ счастливо сохранившаяся до сихъ поръ. Она считается самою древнею церковью, построена въ честь Богородицы Одигитріи и находится на правомъ берегу рѣки Туры, гдѣ около нея пріютилось десятка три домовъ съ чисто сельскимъ характеромъ, составляющихъ «Зарѣцкую слободу». Полагаютъ, что церковь эта была построена еще при Іоаннѣ Грозномъ, и что первоначальное строеніе города Верхотурья было здѣсь, за рѣкой, и что зарѣцкіе мѣщане есть потомки прежнихъ стрѣльцовъ и пушкарей, защищавшихъ нѣкогда городъ. Но

Зарьчная деревянная церковь Одигитрии въ Верхотурьѣ.

всѣ эти изустныя свѣдѣнія и предположенія тонуть, за недостаткомъ документальныхъ данныхъ, во временахъ давности и въ виду вышеизложенныхъ фактическихъ событій основанія города Верхотурья и кремля не имѣютъ особенной цѣны. Быть можетъ, что здѣсь былъ какой нибудь поселокъ и до 1595 — 1598 г., но кто возьмется прослѣдить и выяснить дѣйствительную исторію любого такого древняго поселка, и возможно ли это?

Хотя деревянная церковь Одигитріи по виду ничего не представляетъ особеннаго, но для свѣдущаго человѣка и внѣшній и внутренній видъ ея говорятъ о глубокой старинѣ. Отдѣльно стоящая церковь довольно низкая, съ небольшими окнами и крестами и маковками, обитыми черною лакированной жестию, напоминаетъ видомъ своимъ старинныя жержацкія часовни. Снаружи она нѣкогда была покрыта фигурчатою черепицею изъ дерева, а теперь обита тесомъ. Колокольня ея тоже деревянная, еле стоитъ тутъ же у церкви, и, чтобы попасть въ церковь, непремѣнно нужно пройти подъ колокольнею, какъ бы очиститься, а затѣмъ уже входить въ церковь. Въ самой церкви чрезвычайно низко, не будетъ 1½ сажень высоты; своимъ внутреннимъ видомъ она напоминаетъ просторную крестьянскую избу, и кругомъ въ ней лавки; старинныя иконы, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Спаса Нерукотвореннаго и Богородицы Одигитріи; три алтаря, изъ которыхъ главный съ замѣчательно красивыми и старинными царскими воротами, какъ оказывается, даръ царя Алексѣя Михайловича. Весь внутренній видъ церкви производитъ необыкновенное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, не видѣвшаго ничего подобнаго. Покойный преосвященный екатеринбургскій Поликарпъ обратилъ особенное вниманіе на алтари ея, какъ на рѣдкую старину. Служать въ этой церкви разъ до пяти въ годъ. Церковь Одигитріи была нѣкогда самостоятельной и имѣла свой причтъ, но по малочисленности прихожанъ и по бѣдности была въ 1814 году приписана къ Свято-Троицкому собору. Набожный царь Алексѣй Михайловичъ не забывалъ такихъ бѣдныхъ причтовъ и при всякомъ удобномъ случаѣ радъ былъ помочь и заботиться о нихъ. Вотъ копія съ указа «тишайшаго царя» по такому поводу: «Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи въ Сибирь на Верхотурье, воеводѣ нашему Руфу Родіоновичу Всеволоцкому да подьячему Григорію Аданову по нынѣшнему указу велѣно учинить нашего жалованья руги новой церкви Пречистыя Богородицы Одегитрея да страстотерпца Христова Георгія, да Дмитрея Селунскаго попу денегъ шесть рублей, хлѣба шесть четвертей ржи, три четверти овса, два пуда соли; дьячку, а въ пономарехъ быть ему-жь: денегъ три рубля, хлѣба три четверти овса, пудъ соли. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ той новой церкви Пречистыя Богородицы Одегитрея и страстотерпца Христова Георгія да Дмитрея Селунскаго...» и т. д. (1651 г.).

Рака Симеона Праведнаго.

Такіе памятники старины, какъ Свято-Троицкій соборъ, зарѣчная деревянная церковь Одигитріи, сохранившіяся части Верхотурскаго кремля, и въ такой глуши заслуживаютъ подробнаго историческаго изслѣдованія и описанія. Глядя на сохранившіяся кремлевскія стѣны, соборъ и эту ветхую зарѣчную деревянную церковь и рисуя въ своемъ воображеніи древнія башни, въѣзжія Никольскія ворота, проспектъ, домъ Походяшина, можно вспоминать только о быломъ величіи города Верхотурья. Видно, что здѣсь нѣкогда была жизнь, а теперь все замерло.

Еще позволю себѣ описать одно обстоятельство, заслуживающее вниманія и въ прошломъ и настоящемъ города Верхотурья. Въ крѣпости же, на самомъ крутомъ берегу рѣки Туры, построена деревянная часовня надъ могилою Косьмы юродиваго. Многіе, какъ изъ мѣстныхъ жителей, такъ особенно изъ богомольцевъ, приходящихъ въ Верхотурье поклониться мощамъ праведника, служатъ панихиды объ упокоеніи юродиваго Косьмы и берутъ землю съ его могилы. Это—та самая могила, о которой разнесся не такъ давно слухъ, что въ Верхотурьѣ открываются еще мощи. Дѣйствительно надъ могилою земля начинала приподниматься, что и дало простонародію поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Такъ рассказываютъ, разъ сюда пришелъ какой-то странникъ и сказалъ: «о, да здѣсь нашъ Оомушка лежитъ!» И съ тѣхъ поръ будто бы земля надъ могилою юродиваго перестала подниматься: значить, рано еще выходить мощамъ, есть де люди, которые помнятъ усопшаго, или родственники его. Но кто былъ въ самомъ дѣлѣ покоящійся Косьма, когда умеръ, когда и по какому случаю построена надъ его могилою часовня, за неимѣніемъ документовъ неизвѣстно. Впрочемъ, сохранившееся изустное преданіе утверждаетъ, что Косьма юродивый былъ родомъ изъ мѣстныхъ верхотурскихъ жителей. Юродивымъ былъ онъ отъ рожденія и по причинѣ юродивости своей пользовался должнымъ вниманіемъ и почтеніемъ при жизни, какъ пользуется ими и по смерти.

V.

Замѣчательно, что какъ прежде верхотурцы очень многое знали и были развиты, благодаря общенію съ проѣзжими людьми, такъ нынѣ очень мало коснулась ихъ современная образованность. Да и немудрено: городъ лежитъ въ ста верстахъ отъ желѣзной дороги, среди лѣсовъ и болотъ, и если бы не пребываніе мощей праведника въ г. Верхотурьѣ, то скоро бы наступила естественная смерть этому городу, по проложеніи другаго тракта въ Сибирь (отъ Перми на Кунгуръ, Екатеринбургъ и Тюмень) и по уничтоженіи внутреннихъ таможенъ. Зато всякая старина и изустныя преданія сохраняются здѣсь живѣе и не заслоняются современностью и цивилизаціей. Еще недавно были служакъ и въ городской управѣ и въ банкѣ, которые

являлись живымъ архивомъ и кѣторые во времена оны «со стряпчими всякія дѣла стряпали». И теперь еще можно слышать массу любопытныхъ разсказовъ про прежнее управленіе бургомистровъ, ратмановъ и другихъ.

Настоящее поколѣніе весьма сожалѣетъ о разрушеніи старинныхъ стѣнъ и съ негодованіемъ воспоминаетъ о дѣянiяхъ своихъ дѣдовъ и отцевъ. Разрушенныя постройки положительно можно назвать циклопическими. Фундаментъ стѣнъ доходить до 2¹/₂ сажень и сложенъ изъ огромнѣйшихъ гранитныхъ глыбъ вѣсомъ въ 10—15 пудовъ, а иные и по 100—200 пудовъ¹⁾. Нужно удивляться такой циклопической постройкѣ! Камень, вѣроятно, брали съ береговъ рѣки Туры; онъ есть и въ настоящее время, и каждую весну приносятся такія глыбы на льду. Кирпичъ, вѣсомъ въ 23 фунта, не размокаетъ въ водѣ, равно какъ и известь.

Не говоря уже о прежнихъ знатныхъ воеводахъ города Верхотурья, какъ Нарышкинѣ, Иванѣ Циклерѣ, Всеволожкомъ, упомянемъ еще объ одномъ знаменитомъ мѣстномъ мужикѣ Максимѣ Походящинѣ. Это былъ очень богатый человекъ. У Покровской церкви, на мѣстѣ нынѣшней земской управы и аптеки, стоялъ его огромный домъ²⁾ комнатъ въ 30, длиною по рву сажень на 30 и по Главной улицѣ на 15. У него-то и останавливались разные чины и воеводы, пріѣзжавшіе и проѣзжавшіе съ Москвы въ Сибирь и обратно. Гостили у него и тобольскій губернаторъ Чичеринъ. (До 1797 г. Верхотурье причислялось къ Тобольской губерніи). Походящинымъ построена и церковь Покрова, иначе именуемая здѣсь Походящинской, также и улица, идущая на юго-востокъ отъ нея, носить названіе Походящинской. Замѣчательный былъ это человекъ для здѣшняго края. Чрезвычайно простой по образу жизни, онъ часто ѣздилъ на сѣверъ въ обозахъ съ мужичками. Въ 135 верстахъ на сѣверъ отъ Верхотурья лежитъ довольно большой, населенный и съ значительнымъ нынѣ производствомъ Богословскій заводъ. Вотъ и разсказываетъ преданіе, что Походящиятъ пришелъ сюда лѣсными тропами и нашелъ такое обиліе мѣдной руды, что она лежала прямо на поверхности земли, и основалъ мѣдноплавильный заводъ. Церковь въ Богословскомъ заводѣ построена по тому же самому плану и рисунку, какъ здѣшняя Покровская-Походящинская. Но гдѣ покоится прахъ Походящина, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Упомянемъ еще о лицахъ болѣе позднѣйшаго времени—объ Андрѣ Поповѣ и Яковѣ Яковлевичѣ Кузнецовѣ. Первый занимался откупамъ, золотопромышленностію и былъ человекомъ весьма богатымъ; онъ положилъ капиталъ на основаніе банка въ Верхотурьѣ, а братъ его Иванъ³⁾

¹⁾ Однимъ словомъ, была крѣпость.

²⁾ Жалкіе остатки отъ Походящинскаго дома употреблены на зданіе уѣзднаго, а теперь городскаго училища, какъ-то наличники на окнахъ, нѣкоторыя двери и проч.

³⁾ Братья Поповы Андрей и Иванъ Яковлевичи были довѣренными Походящина.

«истор. востн.», май, 1896 г., т. Lxiv.

пожертвовалъ 400 тысячъ рублей на высшее учебное заведеніе въ Сибири; этотъ капиталъ съ нарощими въ долгое время ⁰/₁₀ увеличился до милліона рублей, которые и пошли на Томскій университетъ. И. А. Бронниковъ также пожертвовалъ капиталъ до пяти тысячъ рублей на мѣстные учебныя заведенія; а Яковъ Яковлевичъ Кузнецовъ былъ извѣстенъ, какъ собиратель и хранитель разныхъ древностей: костюмовъ, оружія, монетъ, книгъ и проч. Его богатѣйшія историческія коллекціи, благодаря непониманію и расточительности его родственниковъ, разсѣялись, какъ по вѣтру. Большой старинный домъ Якова Яковлевича Кузнецова, построенный на барскую руку, принадлежитъ въ настоящее время одному чиновнику.

На сѣверъ отъ Богословскаго завода уѣздъ покрытъ дремучими лѣсами или топями, и лѣтомъ во многихъ мѣстахъ сообщеніе совсѣмъ невозможно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—только верхомъ на лошади. И въ настоящее время о такихъ мѣстахъ Верхотурскаго уѣзда имѣется представленіе, какъ прежде о дикихъ мѣстахъ Сибири. Еще недавно неохотно рѣшались ѣхать въ Богословскъ, Всеволодоблагодатскъ, Петропавловскъ и другіе отдаленные пункты уѣзда, суетливо боясь горъ, лѣсовъ и разбойниковъ и ожидая какой нибудь «оказіи». Но теперь пробѣжденные временемъ и цивилизаціей чиновники охотно ѣздить по обязанностямъ службы въ эти гипербореи и считаютъ за удовольствіе побывать въ первый разъ въ самомъ сѣверномъ поселеніи Верхотурскаго уѣзда Никито-Ивденѣ, находящемся подъ 60°38' сѣверной широты и подъ 30,9 восточной долготы (отъ Пулкова), и прокатиться зимою больше 100 верстъ на оленяхъ.

VI.

Къ юбилею своему городъ Верхотурье является не чѣмъ инымъ, какъ самымъ зауряднымъ глухимъ уѣзднымъ городкомъ. Постройки въ немъ бѣдныя и деревянныя, и при томъ расположенныя въ безпорядкѣ; «низменные, дрянные домишки нынѣшнихъ обитателей плохо гармонируютъ съ величавыми каменными памятниками давняго времени процвѣтанія Верхотурья»,— говоритъ Гельмерсенъ. Но то, что онъ сказалъ про внѣшній видъ нашего города назадъ тому слишкомъ 60 лѣтъ, можно сказать и теперь. По улицамъ лѣтомъ вездѣ трава и лужайки, манящія отдохнуть отъ лѣтней жары гдѣ нибудь у забора. Бываетъ оживленіе въ городѣ только въ великій постъ, когда приходитъ и приѣзжаетъ главная масса богомольцевъ (тысячъ до 50-ти въ годъ), и къ 12-му сентябрю, дню перенесенія мощей праведнаго Симеона изъ села Меркушино въ Верхотурье. Жителей въ нашемъ городѣ наберется не болѣе 4-хъ тысячъ, а домовъ — 421; съ 1893 г. въ г. Верхотурѣ введено упрощенное городовое положеніе, что также характеризуетъ его малонаселенность и бѣдность. Нѣкоторыя окрестности города чрезвычайно живописны,

какъ, напримѣръ, монастырскій скитъ Октай, дорога въ Меркушино, скала Кликунь и друг. Скалы лѣваго берега рѣки Туры, подобныя Троицкому камню, состоятъ изъ уральскаго гранита, словно вылитыя сплошныя чугунныя массы, покрытыя во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе излишней сѣверной сырости, ржавымъ мохомъ, характернымъ для мѣстныхъ сѣверныхъ горъ. Одна изъ такихъ ближайшихъ къ Верхотурью скалъ, съ расположеннымъ у подножія ея громаднымъ хвойнымъ боромъ, и называется «Кликуномъ», гдѣ дѣйствительно можно забавляться замѣчательнымъ эхомъ, особенно въ вечернюю лѣтнюю пору.

Отчужденность нашего города бросается въ глаза всякому прѣѣзжему свѣжему человѣку; еще не доѣзжая версты 50-ти до города по Кучивинскому тракту, чувствуешь уже Сибирь, а именно: вась охватываетъ среди громадныхъ лѣсовъ могильная тишина тайги, и среди этой тишины, особенно ночью, только и слышишь звуки ботоловъ, навѣшанныхъ почти на каждомъ домашнемъ животномъ... Лѣса здѣсь — настоящія дебри, а есть и прямо тайга, поэтому въ такихъ лѣсахъ легко заблудиться домашнимъ животнымъ, а главное трудно ихъ было бы розыскивать хозяину безъ знакомаго звука ботолов.

Вообще городъ Верхотурье тихо двигается впередъ въ умственномъ, промышленномъ, торговомъ и другихъ отношеніяхъ, и поэтому и внѣшній видъ его почти нисколько не улучшается. Мѣстные жители занимаются, частію для домашняго обихода, земледѣліемъ да приѣмомъ на квартиры богомольцевъ. Если бы не пребываніе мощей угодника Божія, св. Симеона, верхотурскаго чудотворца, и не будь Верхотурье административнымъ пунктомъ уѣзда, то давно бы ему быть самымъ зауряднымъ селомъ. Но главнымъ образомъ Верхотурье извѣстно теперь, благодаря пребыванію мощей праведника. Съ конца августа, т. е. послѣ уборки со страдой, начинается усиленное паломническое движеніе къ Верхотурью со всѣхъ трактовъ; богомольцы идутъ и прибываютъ въ городъ «утугами»; пѣшіе, по внѣшнему виду небогатые, простые поселяне, съ котомками за плечами и съ посохами въ рукахъ, и сильно утомленные¹⁾. Преосвященный екатеринбургскій Аѳанасій, видя такую умиленную картину паломническаго движенія, по пріѣздѣ своемъ, въ верхотурской монастырской церкви, у раки праведника, говорилъ, что «на челѣ и во взорѣ ихъ (богомольцевъ) онъ читалъ, какой не близкій путь они шли и какъ утомились, подвергая себя всякимъ лишеніямъ ради вѣры и поклоненія мощамъ св. праведника». При-

¹⁾ Таковъ въ общемъ типъ здѣшняго богомольца; онъ нѣсколько отличенъ отъ типа «всероссійскаго богомольца». Но и среди верхотурскихъ богомольцевъ, болѣе или менѣе не изъ отдаленныхъ пунктовъ, т. е. всей Сибири и Оренбургской, Уфимской, Вятской губерній, встрѣчается верѣдко и типъ того опытнаго странника, который уже не первый разъ завершаетъ кругъ по святымъ мѣстамъ Россіи и побывалъ даже за границей.

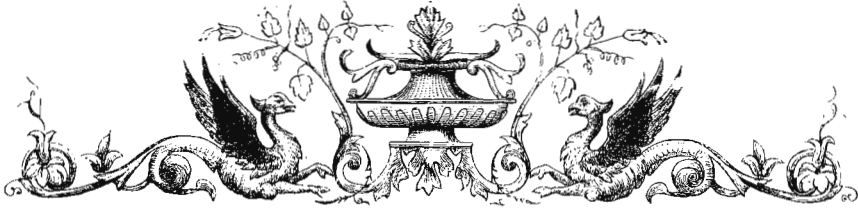

шедши сюда, они отдыхаютъ душой, съ благоговѣніемъ осматриваютъ внутренность дорогихъ храмовъ, не похожихъ на ихъ бѣдныя сельскія церкви; поражаются стройнымъ и громогласнымъ пѣніемъ, такъ какъ, кромѣ пѣнія сельскаго дьячка, они ничего раньше не слышали. Нужно только видѣть, съ какимъ трепетомъ, доходящимъ часто до религіознаго экстаза, подходятъ богомольцы къ ракъ угодника и прикладываются къ св. мощамъ его! Только здѣсь можно понять, насколько велико духовное значеніе среди нашего русскаго простаго народа такихъ обителей, и не даромъ Верхотурскій Николаевскій монастырь съ пребывающими въ немъ неглѣнными мощами угодника Божія считается оплотомъ православія всего Зауралья и Сибири.

Памятники верхотурской старины и исторію города можно было бы составить много лучше и болѣе документально, если бы не многочисленные пожары, уничтожившіе драгоцѣнные архивы, а оставшіяся сохранившіяся грамоты и болѣе важныя историческіе документы были увезены разными высокопоставленными лицами (губернаторы: Клушинъ, Огаревъ, директоръ Шипонко и др.), и одинъ Богъ знаетъ, гдѣ находятся теперь эти документы. Вообще, должно сказать, что и оставшіеся памятники старины Верхотурья, равно какъ и Чердыни Великой Перми, напоминаютъ московскую старину, но древнія бумаги и разные письменные источники о Чердыни попали въ московскіе архивы, и Чердынь въ этомъ отношеніи будетъ счастливѣе Верхотурья; но зато Верхотурье съ 1598 года до проложенія другаго тракта и уничтоженія внутреннихъ таможенъ играло болѣе важную роль, да и въ настоящее время городъ Верхотурье въ религіозномъ отношеніи занимаетъ весьма видное положеніе среди обширной Сибири и восточной Россіи.

В. П. Поляковъ.

НА ЧУДСКОМЪ ОЗЕРѢ.

I.

Русскія деревни на западномъ берегу Чудского озера. — Историческій очеркъ заселенія этого берега русскими. — Экономическое положеніе русскаго населенія. — Внѣшній видъ русскихъ деревень. — Раскольническое населеніе. — Средства народнаго образованія. — Отношеніе русскихъ къ эстонцамъ. — Вопросъ о пониженіи уровня Чудского озера.

О ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ Чудскаго озера отъ истоковъ рѣки Наровы до устья рѣки Эмбаха почти непрерывною цѣпью тянется рядъ поселеній, среди которыхъ мы встрѣчаемъ большія деревни, посадки и мѣстечки. Просматривая подробную карту Пейпуса, мы найдемъ среди этихъ селеній чисто-русскія названія. Таковы мѣстечко Сыронецъ при истокѣ Наровы, посадъ Черный при устьѣ рѣки Черной, деревни Тихотка, Красная Гора, Носъ, Воронья и другія. Мѣстности эти являются русскими не только по имени, но и по своему населенію. Если въ Сыронецѣ и Черномъ русскіе живутъ вмѣстѣ съ нѣмцами и эстонцами, за то населеніе названныхъ деревень почти исключительно русское. Кромѣ указанныхъ поселеній, названія которыхъ звучатъ вполнѣ порусски, есть не мало еще деревень съ сомнительными и даже прямо нерусскими названіями, но съ чисто-русскимъ населеніемъ. Таковы деревни Логозы, Киккита, Раюша, Большія и Малыя Кольки, Рочина, Казепель и другія. Всѣ названія селенія, исключая Сыренца, расположены въ предѣлахъ Юрьевского уѣзда. Общее число русскаго пріозернаго населенія въ

этомъ уѣздѣ достигаетъ десяти тысячъ человекъ, между которыми болѣе половины считается раскольниковъ.

Русскія прибрежныя деревни отличаются сравнительною величиною и многолюдствомъ. Не говоря уже о посадѣ Черномъ, который тянется по берегу Пейпуса версты на три и въ которомъ насчитываютъ до четырехъ тысячъ жителей всѣхъ національностей,—есть деревни съ сотней, даже двумя сотнями домовъ, насчитывающія до тысячи и болѣе жителей. Для всякаго, интересующагося судьбами русской народности, небезынтересно знать, когда и какъ русскіе заселили западный берегъ Чудскаго озера, и какъ они въ настоящее время живутъ среди чуждаго имъ по крови, языку и религіи эстонскаго населенія.

Что русскіе являются на западномъ берегу Пейпуса пришельцами, притомъ пришельцами сравнительно недавняго прошлаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. По самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ къ западу отъ Пейпуса искони обитали финскія племена, извѣстныя у Геродота подъ именемъ меланхленовъ (чернокафтанники), а у русскихъ подъ именемъ «чуди бѣлоглазой». Русскіе появляются за Пейпусомъ въ самыя раннія эпохи существованія Россіи, но не въ качествѣ поселенцевъ и колонизаторовъ края, а въ роли господъ, налагавшихъ на туземное населеніе дань. Не говоря уже о скандинавскихъ извѣстіяхъ относительно сбора дани въ Эстляндіи для гардарикскаго (новгородскаго) короля Вольдемара, мы имѣемъ извѣстіе русскаго лѣтописца объ основаніи великимъ княземъ Ярославомъ I города Юрьева на рѣкѣ Эмбахѣ, бывшей нѣкоторое время «границей между датскими и русскими владѣніями» (Рихтеръ). Новгородскіе князья собирали дань въ Уггенойсѣ (такъ называлась область, прилегающая къ западному берегу Пейпуса) до самаго прихода нѣмцевъ въ Прибалтійскій край. Во время отчаянной борьбы эстовъ за свободу и языческую религію новгородскіе и псковскіе князья неоднократно приходили на помощь туземцамъ и сражались вмѣстѣ съ ними противъ иноземныхъ пришельцевъ. Извѣстна, напримѣръ, геройская защита княземъ Вячко города Юрьева въ 1224 году. Съ утвержденіемъ нѣмецкаго владѣчества въ Ливоніи, когда почти весь западный берегъ Пейпуса поступилъ во владѣніе дерптскаго епископа, военныя столкновенія съ нѣмецкими рыцарями не прекратились, при чемъ новгородцы и псковичи неоднократно ходили въ Уггейносъ, грабили и опустошали эстонскія селенія, осаждали нѣмецкіе замки, не исключая самого Юрьева, и даже разбивали рыцарскія ополченія въ правильномъ открытомъ бою, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Александръ Невскій на льду Чудскаго озера не далеко отъ устья рѣки Эмбаха. Во время послѣдующихъ военныхъ столкновеній Ливонскаго ордена съ Москвою Дерптское епископство прежде всего подвергалось нападеніямъ русскихъ, какъ съ сѣвера, со стороны Иванъ-города, такъ

и съ юга, со стороны Пскова и Изборска. Такъ было при Іоаннѣ III, Василии III, Іоаннѣ Грозномъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ и, наконецъ, при Петрѣ Великомъ, въ началѣ великой сѣверной войны, когда Шереметевъ прошелъ опустошительнымъ потокомъ «и Псковскимъ озеромъ и Чудскимъ до самаго устья Наровы рѣки» (Устряловъ, т. IV, ч. I, с. 124).

Помимо военныхъ столкновений, между Россіей и Ливоніей въ предѣлахъ Дерптскаго епископства происходили и другого рода сношенія болѣе мирнаго характера. Новгородскіе и псковскіе купцы сухимъ путемъ и водою ѣздили въ Юрьевъ и въ другіе ливонскіе города ради своихъ торговыхъ интересовъ. Правда, положеніе купцовъ въ то время было далеко не безопасно: хищные рыцари нападали на мирныхъ коммерсантовъ, отнимали у нихъ товары, а нерѣдко и жизнь; сами города частенько хватали русскихъ купцовъ и заключали ихъ въ тюрьмы, гдѣ держали въ такой тѣснотѣ, что приходилось «другъ на другѣ лежать»; наконецъ, римскіе папы, заботясь о распространеніи въ Ливоніи католицизма, недоброжелательно относились къ русскимъ и повелѣвали ливонскимъ судьямъ преслѣдовать ихъ, такъ какъ они «оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду и увлекали къ своей вѣрѣ чудскихъ неофитовъ». Папа Григорій IX даже прямо запретилъ торговать съ русскими и поручилъ римскому архіепископу дѣйствовать въ этомъ направленіи на купцовъ убѣжденіями и своею церковною властью ¹⁾.

Экономическія соображенія пересиливали страхъ опасности съ одной стороны и религіозныя побужденія съ другой. Въ мирное время новгородскіе и псковскіе купцы плавали по Чудскому озеру, по Наровѣ и Эмбаху, а въ ливонскихъ городахъ они имѣли свои «русскіе концы» и православныя церкви. Въ Юрьевѣ, напримѣръ, начало русской слободы на лѣвомъ берегу Эмбаха было положено вскорѣ послѣ покоренія города нѣмцами. Изъ описанія путешествія митрополита Исидора и изъ сказанія инока Варлаама о «страданіи священномученика Исидора и съ нимъ 72 мучениковъ», утопленныхъ въ Эмбахѣ въ 1472 году, видно, что въ Юрьевѣ, резиденціи католическаго епископа, существовали двѣ православныя церкви, и было осѣдлое русское населеніе, религіозныя нужды котораго удовлетворялись двумя священниками. Какъ много было обывателей «русскаго конца», можно судить по тому факту, что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ указанной катастрофы въ Юрьевѣ же было схвачено и посажено въ тюрьмы болѣе 200 русскихъ.

Не однихъ торговыхъ и «охочихъ» до грабежа людей влекло въ богатую Ливонію. «Озеро Пейпусъ,— говоритъ Ніенштедтъ въ своей хроникѣ,— такъ обильно рыбою, что оно снабжаетъ ею всю Россію (1) и Ливонію». Неудивительно послѣ этого, что на водахъ

¹⁾ Костомаровъ, Историческія монографіи и изслѣдованія, VII, 335, VIII, 194.

Чудскаго озера встрѣчались, какъ псковскіе рыболовы, такъ и рыболовы дерптскаго епископа, и не трудно догадаться, что встрѣчи эти кончались вооруженными столкновениями, такъ какъ нравы того времени были до того «жестоки», что даже мирные рыбаки должны были имѣть пушки и прочіе ратные припасы (Исторія Соловьева, кн. I, стр. 1109). Доходные рыбные промыслы заставляли псковичей заселять островки Псковскаго озера и подвигаться все ближе и ближе къ епископскимъ владѣніямъ. Въ XV вѣкѣ, если не ранѣе, русскіе рыболовы поселились уже на островѣ Межѣ, недалеко отъ устья р. Эмбаха, а въ 1459 году для нихъ была тамъ построена православная церковь, вскорѣ впрочемъ разрушенная нѣмцами.

Далѣе русскіе поселенцы, по всей вѣроятности, не проникали до XVII вѣка, и если гдѣ можно было замѣтить надвиганіе русскаго населенія въ Ливонію, такъ это около сѣверо-западнаго и юго-западнаго угловъ Чудскаго озера, гдѣ передовыми аванпостами православія и русской народности были Псково-Печерскій монастырь и нынѣшняя Пюхтица¹⁾. Іоаннъ Грозный въ теченіе многихъ лѣтъ владѣлъ областью дерптскаго епископа, строилъ тамъ православныя церкви, переселялъ въ Юрьевъ русскихъ купцовъ, основалъ даже въ этомъ городѣ православную епископскую кааедру; но о настоящей колонизаціи Ливоніи русскими свѣдѣній относительно той эпохи не имѣется. Послѣ удаленія Грознаго политическія событія сложились такъ неблагопріятно для русскихъ, что въ Ливоніи исчезли съ лица земли и тѣ православныя храмы, которые были основаны въ XVI вѣкѣ, и тѣ, которые существовали ранѣе, такъ что когда Петръ Великій завоевалъ Прибалтійскій край, «нигдѣ, кромѣ Ревеля, не оказалось православныхъ церквей» («Историко-статистическое описаніе церквей и приходоу Рижской епархіи». В. I. Рига, 1893 г., стр. 163).

Приливъ русскихъ поселенцевъ, постепенно заселившихъ западный берегъ Пейпуса, начался только со второй половины XVII вѣка, когда массы раскольниковъ бѣжали за рубежъ отъ преслѣдованій московскаго правительства. О просвѣщеніи этихъ изувѣровъ, попавшихъ въ Ливонію, заботился благородный пасторъ Глюкъ (въ домѣ котораго жила сирота Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I), представившій въ 1684 г. шведскому королю проектъ объ учрежденіи школъ для русскихъ поселенцевъ и приступившій къ изученію русскаго языка («Монографіи» Костомарова, XIV, 269). Послѣ присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи доступъ туда для русскихъ сдѣлался свободнымъ, и хотя нѣмцы притѣсняли русскихъ купцовъ и ремесленниковъ, тѣмъ не менѣе русское населеніе въ прибалтійскихъ городахъ стало понемногу увеличиваться. Что

¹⁾ Изъ одного визитаціоннаго протокола, относящагося къ 1608 году, видно, что въ мѣстности около нынѣшняго Пюхтицкаго монастыря «нѣкоторые крестьяне исключительно оворятъ по русски». (М. Харузинъ, «Богородицкая гора въ Эстляндіи», Москва, 1889 г., стр. 15).

касается сельскаго населенія Россіи, то и оно приняло участіе въ этомъ движеніи на западъ, «за границу», какъ донынѣ еще говорятъ къ востоку отъ Пейпуса. Стали переселяться «въ Чухонщину» рыболовы, привлекаемые рыбными богатствами Чудскаго озера, русскіе крестьяне стали появляться въ деревняхъ и мызахъ Прибалтійскаго края въ качествѣ мелочныхъ торговцевъ-разносчиковъ и скупщиковъ сельскихъ продуктовъ (такъ называемые «щетинники»). Къ этимъ добровольнымъ выходцамъ присоединились цѣлыя массы бѣглецовъ, спасавшихся или отъ помѣщичьяго произвола или отъ страшной рекрутчины. Число бѣглецовъ было такъ значительно, что уже въ 1740 году была учреждена особая комиссія для отысканія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглецовъ въ Россіи. За тринадцать лѣтъ существованія этой комиссіи въ Россію было возвращено 1,125 человекъ, а изъ Россіи выслано 149 человекъ, изъ нихъ 45 въ Лифляндію и 104 въ Эстляндію. На самомъ дѣлѣ русскихъ бѣглецовъ было гораздо больше: въ указѣ 6 октября 1753 года сказано, что «оныхъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи еще остается не малое число»; но прибалтійскія власти не особенно усердно старались о высылкѣ русскихъ изъ предѣловъ своего края, потому что «за неравнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ причинится великое разореніе» (Сборникъ статей и матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. II, стр. 544). Главными пріютами для бѣглыхъ въ XVIII вѣкѣ были Курляндія и польская Лифляндія, куда русскіе крестьяне бѣжали «не только одиночками или семьями, но и цѣлыми деревнями со всѣмъ имуществомъ» (Соловьевъ, XXVII, 125). На основаніи донесеній полковника Панова, посланнаго въ 1754 г. въ Польшу для сыска бѣглыхъ, Соловьевъ говоритъ, что «польская Лифляндія почти вся населена была русскими бѣглецами, преимущественно раскольниками» (XXIII, 259). Въ Курляндіи въ 1782 г. майоръ Тарбѣевъ, посланный съ тою же цѣлью, нашелъ массы русскихъ, жившихъ цѣлыми деревнями (Прибалтійскій сборникъ, II, 550). Не мало крестьянъ бѣжало и подъ покровительство прибалтійскихъ нѣмцевъ, въ свою очередь страдавшихъ отъ побѣговъ крѣпостныхъ латышей и эстовъ. «Многіе,—жаловались дворяне въ Комиссіи Уложенія,—бѣгаютъ въ Чухонщину и Лифляндію, что для бѣглецовъ и близко и свободно, ибо ни заставъ, ни форпостовъ нѣтъ, выдачи же оттуда бѣглыхъ почти никогда не бываетъ, сыскивать же ихъ и ловить совсѣмъ невозможно, особливо незнатнымъ и небогатымъ: ибо хотя кто знаетъ и подлинно, гдѣ живетъ бѣглый его человекъ, но если для сыска и поимки пошлетъ кого или поѣдетъ самъ, то прежде потеряетъ безъ вѣсти себя, нежели возвратитъ бѣглаго» (Соловьевъ, XXVII, 125—126).

Значительная часть этихъ бѣглецовъ селилась на западномъ берегу Пейпуса, и въ концѣ XVIII вѣка мы находимъ тамъ нынѣш-

нія чисто-русскія деревни: Воронья (Warnia), Носъ (Nos), Красная Гора (Krasnaja Gora), Казепель (Kaseräh), Кольки (Kolkja), Тихотка (Tihheta), Раюши (Raja), Логоза (Lohusu) и др.¹⁾ Судя по этимъ названіямъ, нѣкоторыя изъ названныхъ деревень основаны русскими поселенцами, каковы безспорно Воронья, Носъ и Красная Гора (расположена на высокомъ берегу изъ краснаго песчаника девонской системы); другія же селенія основаны эстонцами и только въ послѣдствіи заселены русскими, которые на мѣстѣ нынѣшнихъ громаднѣхъ деревень нашли только зачатки людскихъ поселеній. Приведенное мнѣніе находитъ подтвержденіе и въ тѣхъ устныхъ разсказахъ, которое мнѣ пришлось слышать на Чудскомъ озерѣ. Первые переселенцы давно, конечно, спятъ вѣчнымъ сномъ въ своихъ могилахъ, но ихъ интересныя воспоминанія о бѣгствѣ «изъ Расеи» и о первыхъ годахъ жизни «въ Чухонщинѣ» донныя хранятся въ памяти стариковъ и старухъ. По этимъ разсказамъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ, земель по западному берегу Пейпуса было вдоволь. Кое-гдѣ встрѣчавшіяся поселенія состояли изъ нѣсколькихъ эстонскихъ лачугъ и корчемъ. Сосновый и лиственный лѣсъ придвигался къ самому берегу озера. Трудно было устраиваться на первыхъ порахъ русскому бѣглецу. Бѣжалъ онъ съ родины обыкновенно зимою черезъ замерзшее озеро, являлся въ чужбину нерѣдко съ пустыми руками. Кое-какъ сооружалъ себѣ бѣглецъ избенку, благо на лѣсъ запрету не было, собственными руками складывалъ печь, безъ трубы, конечно, доставалъ кое-какія сѣти и начиналъ рыбачить. Уловъ рыбы въ то время былъ большой; за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, можно было кое-что и продать, а на вырученныя деньги купить хлѣба. Рыболовствомъ почти исключительно и жили первые переселенцы. Вдали отъ «лихихъ господъ» и старость бѣглецъ чувствовалъ себя вольной птицей и, какъ дитя, наслаждался свободой. По воспоминаніямъ стариковъ, жизнь первыхъ поселенцевъ была настоящей идилліей. «Въ озерѣ рыбы сколько хочешь, только не лѣнись ловить, не то что нынче: ловишь всю ночь, а подчасъ не вытянешь ни шиша; тогда за ночь-то налавливали рублей на десять, а то и больше. Озеро—съ одной стороны, а съ другой-то лѣсъ, а въ лѣсу-то всякая ягода: и земляницы, и черницы, и брусницы, и малины, и гоноболы (голубика), и журавины (клюква), о рябинѣ ужъ и не говоримъ! Опять этихъ самыхъ блиць (грибовъ) сколько было: и масляники, и рыжики, и грузди, и боровики, и подберезовики, и подосиновики! И все это подъ окномъ, не нужно было бѣгать, какъ теперь, за версту да за двѣ! А сколько этой птицы было: на озерѣ утки, въ лѣсу рябчики, тетерева, куропатки! Не было тогда этихъ проклятыхъ лѣсниковъ, что нынче не позволяютъ шагу ступить съ

¹⁾ Mellin. Atlas von Liefland 1793.

ружьемъ. Тогда стрѣляй, сколько хочешь, никто слова не говорилъ». — «Да, житье тогда было, — говорятъ со вздохомъ старики: — казенной земли было сколько кому надо, да никому она не нужна была. Жили рыбой, о посѣвѣ не думали, да и заведенья такого у насъ не было. Только и садили, что въ огородахъ, по близости къ избѣ».

Въ настоящее время условія жизни на западномъ берегу Пейпуса совершенно другія: лѣса отодвинулись отъ озера на одну-двѣ версты, русскія и эстонскія поселенія превратились въ громадныя деревни, количество рыбы въ озерѣ значительно уменьшилось, и увеличившееся населеніе принуждено искать другихъ источниковъ существованія, изъ казенныхъ земель русскимъ достались только небольшіе участки подъ постройками да подъ огородами, казенныя лѣсныя дачи стали почти недоступны для крестьянъ.

— Наказаніе Божіе, а не лѣсникъ у насъ, — жаловались мнѣ въ одной деревнѣ. — Не только что дровъ, вѣшниковъ не позволяетъ рѣзать, травы не даетъ жать въ своемъ лѣсу. «Ты, говоритъ, въ казенный лѣсъ не мочи шагу ступить: казенный лѣсъ все одно, что садъ». Вотъ идолъ какой! Народу-то настоящаго у насъ въ деревнѣ мало: все по заработкамъ разошлись, вотъ онъ и куражится. Намедни двухъ бабъ поймалъ съ травой, такъ вѣдь до самой деревни, каторжный, все гнался, хотѣлъ узнать, кто такія.

Съ горечью вспоминаютъ рыболовы доброе старое время, конецъ сороковыхъ годовъ, когда производили размежеваніе казенныя землемѣры и предлагали мужичкамъ земли и лѣсу «сколько душѣ угодно», «куда топоръ и коса хватить».

— Старики были глупы, не тѣмъ будь помянуты, — разсуждаютъ въ настоящее время на Пейпусѣ, — думали, что навѣки-вѣчныя хватить рыбы въ озерѣ. Имъ землемѣры навязывали землю-то: «берите, мужички, не вамъ, такъ вашимъ дѣтямъ и внукамъ пригодится, потомъ за насъ будутъ Бога молить». А наши-то старики: «куда, говорятъ, намъ столько земли, оброку придется много платить, а земля будетъ безъ пользы лежать». Имъ хорошо было: любое дерево въ лѣсу валили безъ спросу, а намъ нынче и дрова надо покупать!

Таковы воспоминанія и разсказы русскихъ поселенцевъ, попавшихъ на незанятая казенныя земли. Тѣмъ, которые поселились на земляхъ прибалтійскихъ бароновъ, жилось не такъ привольно и свободно, но все-таки и оттуда русскіе не хотѣли возвращаться на родину, тѣмъ болѣе, что лифляндскія власти нисколько не безпокоили ихъ и старались даже спасти русскихъ бѣглецовъ отъ высылки по этапу.

— Прискакалъ однажды, — разсказываютъ старожилы, — въ напу деревню исправникъ (орднунгсъ-рихтеръ) и кричить: «у кого есть паспортъ?» А у насъ какіе паспорта? Покричалъ, покричалъ, по-

ругался посвоему, полиція-то вездѣ одна, что въ Расен, что въ Чухонщинѣ, и уѣхалъ, а намъ-то и говорятъ: «не хотите, чтобы васъ на родину по этапу отправили, такъ приписывайтесь въ мѣщане какого ни на есть города». Ну, мы и приписались, кто—куда; такъ съ того времени мы и считаемся мѣщане. Иной и вѣкъ свой въ деревнѣ сживетъ и города ни разу не увидитъ, а все-таки, значитъ, мѣщанинъ!

Такъ объясняется на Чудскомъ озерѣ тотъ крайне интересный фактъ, что въ русскихъ деревняхъ массы чисто-русскихъ людей считаются мѣщанами не только ближайшихъ городовъ: Юрьева, Феллина, Вейсенштейна и Везенберга, но и такихъ отдаленныхъ центровъ, какъ Ревель, Рига и Митава. Въ послѣднее время мѣщане приписываются къ крестьянскимъ обществамъ, тѣмъ не менѣе есть волости, гдѣ мѣщане составляютъ половину населенія, если не больше.

Въ первое время послѣ переселенія на западный берегъ Пейпуса русскіе крестьяне и мѣщане занимались почти исключительно рыболовствомъ, вымѣнивая на рыбу у эстонцевъ даже хлѣбъ¹⁾. Еще въ 1860-хъ годахъ можно было говорить и писать, что «сельское населеніе русскихъ (на Чудскомъ озерѣ) почти исключительно занимается рыбными промыслами»²⁾. Рыбы въ озерѣ было такъ много, что ея хватало не только для прибрежнаго населенія, но оставалось и на долю рыбопромышленниковъ, пріѣзжавшихъ изъ мѣстностей, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ берега. Еще сравнительно недавно рыбною ловлею на Пейпусѣ занималось около 100 тысячъ человекъ, среди которыхъ громадное большинство составляли русскіе. Однихъ снитковъ ежегодно налавливалось болѣе 150 тысячъ бочекъ, которыя отправлялись въ Петербургъ, Москву, Варшаву и Кіевъ³⁾.

Поселившись на чужбинѣ въ «Чухонщинѣ», русскіе переселенцы скоро справились съ первоначальными затрудненіями и взяли перевѣсъ надъ кореннымъ туземнымъ населеніемъ въ экономическомъ отношеніи. «Русскіе, — говоритъ г-нъ Веймарнъ въ указанномъ трудѣ, — занимаясь промысломъ настойчиво, съ навыкомъ и смѣлливостью, пріобрѣли въ мѣстахъ своего поселенія рѣшительное первенство въ рыболовствѣ надъ эстами, отправляющими промыслъ небрежно и придерживающимися старины. Нерѣдко случается, что эсты отказываются отъ ловли, не находя рыбы, тогда какъ русскіе въ томъ же мѣстѣ получаютъ обильный уловъ». Это происходитъ

¹⁾ При этомъ «обыкновенно получаютъ одну мѣру ржи за три мѣры рыбы, мѣру ячменя за двѣ мѣры рыбы, а овса—мѣру за мѣру». (Тидебель, «Рыболовство и рыболовы на Чудскомъ озерѣ», «Русскій Вѣстникъ» за 1857 г., № 2, стр. 141).

²⁾ Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Веймарнъ, Лифляндская губернія, Спб., 1864 г., стр. 814.

³⁾ Семеновъ, «Географическо-статистическій словарь», II, 72.

отъ того, что «рыболовные снаряды русскихъ вообще лучше, нежели у туземныхъ жителей» (стр. 406). Лучшіе рыболовные снаряды вмѣстѣ съ сапогами и кожаными фартуками русскіе получали и донныѣ еще получаютъ изъ Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи, отъ такъ называемыхъ «осташей»¹⁾. Другое важное преимущество русскихъ рыболововъ заключалось въ вынесенныхъ съ родины общинныхъ инстинктахъ, не замедлившихъ проявиться въ рыболовныхъ артеляхъ, такъ называемыхъ «дружинахъ». Невода, которыми ловится рыба на Чудскомъ озерѣ, особенно зимою, стоятъ слишкомъ дорого (600—1.000 рублей), чтобы быть достояніемъ одного лица изъ среды простыхъ рыболововъ. Въ прежнее время неводъ состоялъ изъ шести частей, принадлежащихъ различнымъ членамъ «дружины». Части эти сшивались при образованіи артели и распарывались по окончаніи зимняго лова. Такимъ же общимъ достояніемъ «дружины» былъ и «водовикъ», громадныя высмоленные сани, въ которыхъ везутъ на озеро неводъ при помощи 4—8 лошадей (Тидебель).

Въ настоящее время на Чудскомъ озерѣ замѣтны уже «новыя вѣянія». Владѣльцами неводовъ являются «богатеи», рыботорговцы, которые набираютъ себѣ «дружину» человѣкъ изъ 12 и получаютъ львиную долю улова (Красноперовъ). Старые приемы сшиванія и связыванія отдѣльныхъ частей уцѣлѣли только тамъ, гдѣ рыболовство уже не составляетъ главнаго занятія жителей. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Юрьевскаго уѣзда такое связываніе сѣтей производится всего только на одну ночь, при чемъ каждый участникъ получаетъ въ свою пользу только то, что попало въ его сѣть.

Не только старые приемы рыболовства уходятъ въ область преданій, но и самый этотъ промыселъ въ нынѣшнемъ столѣтіи сокращается все болѣе и болѣе замѣтнымъ образомъ, и во многихъ мѣстностяхъ уже давно рыболовство изъ главнаго источника существованія превратилось въ подспорье къ другимъ занятіямъ. Хищническая эксплуатація рыбныхъ богатствъ значительно сократила уловъ рыбы на Чудскомъ озерѣ, въ то время, какъ прибрежное населеніе значительно возросло, какъ отъ прилива новыхъ переселенцевъ, такъ и вслѣдствіе естественнаго прироста.

Уже въ 1851 году вслѣдствіе жалобъ на уменьшеніе рыбы въ Пейпусѣ была учреждена комиссія подъ предѣлательствомъ Бера для изслѣдованія причинъ указаннаго зла. Комиссія нашла, что уменьшеніе рыбы происходитъ, во-первыхъ, отъ развитія рыболовства на озерѣ Вирць-Ярви, которое при помощи р. Эмбаха пополняетъ убыль рыбы въ Пейпусѣ, а, во-вторыхъ, отъ вылавливанія рыбнаго приплода и загражденія мѣстъ, гдѣ рыба мечетъ икру.

¹⁾ См. статью Красноперова «Промыслы осташей» въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1894 г., № 6.

Предпріятыя на основаніи доклада комиссіи мѣры не предотвратили уменьшенія рыбы и сокращенія рыболовства на Чудскомъ озерѣ. Оскудѣніе рыбныхъ богатствъ тяжелѣе всего отразилось на русскомъ населеніи западнаго берега, заставивъ русскихъ рыболововъ пріискивать другіе источники существованія. Соединить рыболовство съ земледѣліемъ оказалось невозможнымъ за отсутствіемъ пахоты; нужда заставила обратиться къ другимъ занятіямъ, связаннымъ съ временнымъ удаленіемъ изъ родныхъ деревень. Люди, не желающіе разстаться съ привычнымъ промысломъ, идутъ на рыбныя ловли въ Ревель, на Ладугу, на Вирць-Ярви и т. д. Масса народа занята перевозомъ на бударахъ и лѣдьяхъ бревенъ, досокъ и особенно дровъ въ Юрьевъ и другіе города. Но всего болѣе и съ западнаго берега Пейпуса уходятъ на заработки «въ Расею» и въ Чухонщину, т. е. въ прибалтійскія губерніи. Мужчины цѣлое лѣто работаютъ каменщиками (въ Прибалтійскомъ краѣ ихъ зовутъ «мурниками»), а женщины, главнымъ образомъ дѣвушки, находятъ занятія на кирпичныхъ заводахъ, почему и носятъ специальное названіе «кирпичницъ». Каменщики и «кирпичницы» изъ-за Чудскаго озера работаютъ въ городахъ и селахъ Петербургской, Псковской, Новгородской и другихъ губерній. Въ Прибалтійскомъ краѣ русскіе каменщики строятъ городскія зданія, помѣщичьи дома на мызахъ и даже лютеранскія кирки.

Обыкновенно «мурники» нанимаются какимъ нибудь подрядчикомъ изъ среды своихъ же болѣе богатыхъ и смысленыхъ сосѣдей. Эти подрядчики, въ большинствѣ случаевъ, скоро богатѣютъ, строятъ на родинѣ каменные дома, бросаютъ подряды, связанные съ большими хлопотами и дальними разъѣздами, и переходятъ къ занятіямъ торговлею. Въ Юрьевѣ среди представителей русскаго купечества можно насчитать нѣсколько фамилій, родоначальники которыхъ были простыми рыболовами на западномъ берегу Пейпуса.

Не все, конечно, русское населеніе покидаетъ лѣтомъ родныя деревни. Остаются почти всѣ лица преклоннаго возраста, и мужчины по старой памяти почти ежедневно «мечутъ запасъ», то-есть закидываютъ въ озеро сѣти; еще болѣе остается женщинъ, на печеніи которыхъ находятся обширные огороды. Огороды на западномъ берегу Чудскаго озера въ настоящее время служатъ важнымъ подспорьемъ въ жизни русскаго населенія. Кромѣ обыкновенныхъ овощей, въ большихъ количествахъ сажаютъ цикорій и лукъ. Цикорій разводится для продажи, притомъ въ такомъ количествѣ, что служить единственнымъ источникомъ существованія для нѣкоторыхъ семей. Лукъ разводятъ главнымъ образомъ для обмѣна у эстонцевъ на хлѣбъ. Эстонцы, у которыхъ огородничество почти не существуетъ, за пурѣ луку даютъ пурѣ ржи (пурѣ = $\frac{1}{3}$ четверти = $\frac{8}{3}$ четверика). Какое важное значеніе имѣютъ эти огородные овощи въ жизни русскаго населенія, можно судить уже потому, что при

встрѣчѣ знакомыхъ изъ разныхъ деревень сначала по старой памяти спрашиваютъ, какъ ловится рыба, а потомъ тотчасъ же слѣдуетъ вопросъ, какъ дѣла съ лукомъ или съ цикоріемъ, смотря по мѣстности, потому что въ однѣхъ деревняхъ преобладаетъ разведеніе луку, а въ другихъ — культура цикорія.

Промышленный характеръ русскаго населенія, заброшеннаго среди чуждаго плени и оторваннаго отъ земледѣлія, не могъ не отразиться на внѣшности русскихъ деревень. Тѣ «хибарки», въ которыхъ ютились первые переселенцы, давно ушли въ область преданій, и объ нихъ въ настоящее время вспоминаютъ не иначе, какъ съ чувствомъ брезгливости.

— Прежде жили наши старики не въ примѣръ хуже. Это теперь-то понастроили дома, а раньше-то на всю семью одна изба, да и та черная. Все равно какъ чухны жили.

Непрезентабельныя «хибарки» скоро вытѣснились настоящими русскими хоромами, и русскія поселенія по внѣшнему своему виду стали напоминать большія деревни внутренней Россіи. Вотъ какъ, на примѣръ, Лажечниковъ, въ своемъ романѣ «Послѣдній Новикъ», описываетъ деревню Носъ, которую онъ, несомнѣнно, видѣлъ своими глазами.

«По первому взгляду на деревню, можно было сейчасъ узнать, что ея обитатели русскіе. Ее образовали вдоль узкой улицы два ряда высокыхъ избъ, расположенныхъ уступами такъ тѣсно, что казались онѣ взгроможденными одна на другую. Всѣ онѣ были съ однимъ краснымъ окномъ и двумя волоковыми, съ трубою и высокими коньками, на коихъ или вѣялись флаги, или вертѣлись суда и круги, искусно вырѣзанные. Ворота, убитыя крупными жестяными гвоздями, прикрывались длиннымъ навѣсомъ, подъ коимъ вдѣланъ былъ мѣдный осьмиконечный крестъ. Наружность домовъ содержалась въ необыкновенной чистотѣ; особенно вокругъ оконъ бревна не только вымыты, но и поскоблены».

Своею внѣшностью русскія деревни на Пейнусѣ производили благопріятное впечатлѣніе даже на иностранцевъ, особенно при сравненіи съ эстонскими поселками. «Деревянные красиво расписанные дома жмутся другъ къ другу, образуя одну прямую линію; окна дружелюбно выглядываютъ изъ-подъ нависшихъ крышъ. Заборы, ворота, каменные строенія подчасъ стоятъ твердо и солидно. Прибавьте ко всему этому на заднемъ планѣ водную гладь Пейнуса, разстилающагося, подобно морю!»¹⁾ Такъ писалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ извѣстный нѣмецкій путешественникъ, котораго ни въ коемъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ русскимъ,

¹⁾ Aurelio Buddens. Halbrussisches. Dritte Ausgabe. Leipzig. 1854. В. II, S. 48.

такъ какъ почти на каждой страницѣ его сочиненія сквозитъ явное несочувствіе ко всему русскому.

Въ настоящее время русскія деревни, наполовину заселенныя мѣщанами, и съ вѣншней стороны приняли мѣщанскій видъ. Не говоря уже о громадныхъ каменныхъ и деревянныхъ домахъ мѣстныхъ подрядчиковъ и «богатеевъ», даже и у простыхъ рыболововъ и «мурниковъ» только изрѣдка встрѣчаются простыя крестьянскія избы. Онѣ почти вездѣ вытѣснены небольшими домиками въ двѣ, три и болѣе комнаты, смотря по величинѣ и достатку семьи. Домики эти построены изъ хорошаго сосноваго лѣса, почти всегда покоятся на высокомъ каменномъ фундаментѣ и покрыты тесомъ или гонтомъ. Кирпичныя домики и черепичныя крыши также встрѣчаются, но не особенно часто. Русскіе и здѣсь твердятъ, какъ въ допетровской Москвитіи, что деревянные дома и теплѣе и здоровѣе. Что предубѣжденіе «деревянной» и «соломенной» Россіи противъ «каменнаго» Запада въ данномъ случаѣ играетъ незначительную роль, видно изъ того, что нерѣдко рядомъ съ деревяннымъ домомъ русскаго мужичка вы встрѣтите кирпичныя и каменныя надворныя постройки, и это не только у православныхъ, но и у раскольниковъ, болѣе приверженныхъ къ старинѣ. Прекрасныя домики, обшитыя снаружи тесомъ и выкрашенныя какою нибудь яркою краскою, большія, свѣтлыя окна въ три стекла съ узорными занавѣсками и комнатными цвѣтами, расписанныя ставни, украшенныя рѣзьбою изъ змѣиныхъ головокъ съ разинутой пастью и высунутымъ жаломъ, палисадники съ ярко-цвѣтущими кустами,—все это переноситъ насъ въ мѣщанскія слободы большихъ городовъ и даже на второстенныя улицы уѣздныхъ центровъ внутренней Россіи. Если вы проникнете во внутренность этихъ уютныхъ снаружи домиковъ, то найдете тамъ всѣ принадлежности и особенности мѣщанскаго комфорта. Полы выкрашены и устланы домотканными половиками; стѣны оклеены яркими обоями; около стѣнъ разставлена мебель, притомъ не только домашняго или мѣстнаго издѣлія, но и вѣнскіе гнутые стулья и пружинныя кресла и диваны. Тамъ же встрѣтите полированные и лакированные шкафы и комоды для платья и посуды, которая выставлена за стекломъ на показъ. Если вы прибавите къ этому ярко-вычищенные мѣдные самовары и рукомойки и громко тикающіе въ углу часы, да еще взбитыя почти до самаго потолка пуховыя подушки за ситцевыми занавѣсками, да развѣшанныя по стѣнамъ портреты и фотографическія карточки вмѣстѣ съ хромофотографированными «преміями» дешевыхъ журналовъ,—то вся мелко-буржуазная обстановка будетъ на лицо. Только если вы обратите вниманіе на обитателей этихъ уютныхъ домиковъ, если посмотрите на чисто-русскія фізіономіи мужчинъ съ румяными здоровыми лицами, ясными голубыми глазами, широкими русыми бородами и длинными волосами, подстриженными въ кружокъ; на ихъ ситцевыя рубашки,

носимыя поверхъ шароваръ и повязанныя поясомъ, покоящимся на животѣ, на самые шаровары, сшитыя изъ «чортовой кожи» и засунутыя въ голенища черныхъ сапогъ; если вы взглянете на степенно проходящихъ женщинъ въ русскихъ повойникахъ и сарафанахъ, на бѣгающихъ босоногихъ дѣтей съ непокрытыми курчавыми головами, часто въ однѣхъ рубашонкахъ изъ «французскаго» ситцу (кумачъ), повязанныхъ пояскомъ, поднявшимся подъ «мышки»; если, наконецъ, прислушаетесь къ разговору, пересыпанному чисто-русскими выраженіями и крѣпкими русскими словечками,—только тогда не останется никакого сомнѣнія, что «тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ», притомъ не мѣщанскою Русью, а чисто-крестьянскою, деревенскою.

Съ чисто-мѣщанскимъ характеромъ деревень не гармонируютъ также и тѣ ихъ особенности, которыя зависятъ отъ мѣстныхъ условій. Не смотря на упадокъ рыболовства, донинѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Пейпусѣ сохраняется отпечатокъ, наложенный этимъ промысломъ. Деревни расположены по самому берегу, описывая всѣ его извилины, вслѣдствіе чего строго-прямыхъ улицъ, особенно въ большихъ деревняхъ, почти нѣтъ; около самой воды выстроены деревянные и каменные сушильни, гдѣ сушится рыба, а въ послѣднее время и цикорій; по стѣнамъ надворныхъ построекъ и по берегу на кольяхъ развѣшаны невода и сѣти для просушки, у самого берега и въ нѣкоторомъ отдаленіи на якорѣ стоятъ рыбацкія лоды; подъ окнами сѣдоватые старики плетутъ или чинятъ сѣти, по улицамъ можно наткнуться на подставки для витья веревокъ и т. д.

Въ общемъ, во внѣшности русскихъ деревень Юрьевскаго уѣзда гораздо больше мѣщанскаго, чѣмъ крестьянскаго. Мелочныя лавки, корчмы, ренсковыя погреба, вывѣски портныхъ и сапожниковъ, имѣющихся въ каждомъ сколько нибудь значительномъ селеніи,—все это напоминаетъ скорѣе городъ или промышленное село, чѣмъ деревню.

По распоряженію реформированной полиціи во всѣхъ русскихъ деревняхъ на западномъ берегу Пейпуса къ каждому дому прибита дощечка съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи хозяина. Дощечки эти для случайнаго туриста являются крайне интереснымъ матеріаломъ для знакомства съ русскимъ населеніемъ. Начертаны эти любопытныя манускрипты, большею частью, собственными грамотеями и поэтому до нѣкоторой степени являются нагляднымъ показателемъ уровня грамотности среди русскаго населенія. Русскіе грамотеи обыкновенно пишутъ имена по старому рецепту Карамзина, то-есть такъ, какъ они произносятся въ деревнѣ, не справляясь ни съ святцами ни съ календарями. Поэтому-то на дощечкахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются и Радивоны, и Авдокиды и т. п. измѣненныя народнымъ произношеніемъ имена. Далѣе, по

указаннымъ дощечкамъ нерѣдко можно опредѣлить и вѣроисповѣдныя особенности хозяина. Надписи на домахъ раскольниковъ бросаются въ глаза какъ рѣдко употребляющимися среди православныхъ христіанскими именами, такъ и церковно-славянскимъ начертаніемъ буквъ. У старовѣровъ принято давать новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ восьмой день послѣ рожденія ребенка. Отчасти по этой причинѣ, отчасти вслѣдствіе желанія и по имени отличать отъ «мірскихъ» (православныхъ) у старовѣровъ встрѣчаются и Финоген, и Каллистраты, и Ферапонты и т. п. рѣдкія имена. Мудренныя имена, раздаваемые раскольничьими «батьками», трудно усвоиваются раскольничьимъ населеніемъ вслѣдствіе своей неудобопроизносимости и рѣдкости. Отсюда—куръезныя передѣлки, которымъ христіанскія имена подвергаются въ народномъ языкѣ. Извѣстно, что русскій народъ не терпитъ въ своемъ языкѣ непонятныхъ словъ и старается ихъ исковеркать такимъ образомъ, чтобы въ нихъ былъ хоть какой нибудь смыслъ для русскаго уха. Въ старину русскіе городъ Стокгольмъ называли Стекольнымъ, городъ Антверпенъ—Антропомъ; въ настоящее время русскіе солдаты подвергають куръезной руссификаціи иностранныя фамиліи своихъ офицеровъ и генераловъ. То же самое явленіе замѣтно и среди запейпусскихъ раскольниковъ. Слыша такія клички, какъ «Киньдѣдъ» и «Мокриха», трудно догадаться, что такъ зовутъ лицъ, получившихъ христіанскія имена Акиндита и Макрины.

Раскольники, какъ упомянуто выше, были первыми русскими поселенцами на западномъ берегу Пейпуса; въ настоящее время они заселяють цѣлыя деревни, а общее число ихъ превышаетъ общее число православныхъ. Въ доброе старое время, когда во всемъ Юрьевскомъ уѣздѣ существовала одна православная церковь въ городѣ Юрьевѣ, православнымъ рыбакамъ приходилось за отправленіемъ своихъ требъ ѣздить за нѣсколько десятковъ верстъ. При такой отдаленности церкви и священника раскольникамъ-безпоповцамъ легко было совращать православныхъ, тѣмъ болѣе, что раскольники, какъ давніе поселенцы, могли оказать и матеріальную помощь своимъ вновь прибывшимъ землякамъ. Съ возникновеніемъ на западномъ берегу Пейпуса православныхъ приходовъ распространеніе раскола остановилось. Первая православная церковь была построена въ 1824 году въ деревнѣ Носъ, въ той самой деревнѣ, раскольничье населеніе которой, по разсказу Лажечникова, лежало въ гробахъ на берегу озера, ожидая трубы архангела. Въ настоящее время на западномъ берегу Пейпуса въ предѣлахъ Юрьевскаго уѣзда пять православныхъ храмовъ (въ деревнѣ Носъ, въ посадѣ Черномъ, въ деревнѣ Воронѣ, на островѣ Межѣ и въ деревнѣ Логовѣ), не считая единовѣрческой церкви, существующей въ посадѣ Черномъ съ 1849 года и помѣщающейся съ недавняго времени въ прекрасномъ кирпичномъ зданіи. Черновскій православный приходъ также имѣеть

небольшую каменную церковь вмѣсто прежняго убогаго деревяннаго храма, скромно пріютившагося на самомъ берегу озера. Старѣйшій православный храмъ «на Носу», какъ тамъ говорятъ, также производитъ благопріятное впечатлѣніе, возвышаясь на гористомъ выступѣ берега. Только въ деревнѣ Воронѣе православное населеніе не имѣетъ specialнаго зданія для церкви, которая помѣщается въ деревянномъ домѣ, уступленномъ причту мѣстнымъ помѣщикомъ. Не смотря на обиліе православныхъ церквей, расколь все еще держится на западномъ берегу Пейпуса. Въ каждомъ селеніи у раскольниковъ есть свои «моленныя», гдѣ ихъ духовными руководителями, «батьками», отправляются нѣкоторыя церковныя службы, какъ-то: часы, вечерня, утреня и др., но только не обѣдня. Живя совместно съ православными, раскольники видимо теряютъ прежнее уваженіе къ «древлему благочестію». Только страхъ передъ «батьками» да передъ «бабами», которыя всегда и вездѣ болѣе привержены къ внѣшней обрядности, чѣмъ мужчины, мѣшаетъ раскольникамъ открыто поирать всѣ завѣты предковъ. Особенно замѣтно паденіе раскольничьихъ устоевъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ старовѣры живутъ бокъ-о-бокъ съ православными. Старинная раскольничья заповѣдь: «съ никоніанами не ѣшь и не пей», тамъ или вовсе не исполняется или если исполняется, то исключительно «страха ради іудейска». Напримѣръ, если одна старовѣрка приглашается въ православное семейство на работу, убирать сѣно или полоть цикорій, то за обѣдомъ и за ужиномъ она ѣстъ изъ общей чашки съ православными. Стоитъ только пригласить нѣсколькихъ придерживающихся раскола женщинъ, и каждая изъ нихъ явится со своей чашкой, куда беретъ кушанье изъ общей чаши и ѣстъ своей ложкой. Не менѣе курьезно поступаютъ и ревнители «древляго благочестія» среди мужчинъ. Въ кабаки и корчмы они ходятъ вмѣстѣ съ православными и даже эстонцами, точно также посѣщаютъ праздники и свадьбы православныхъ, напиваются тамъ нерѣдко до положенія ризъ, но зато изъ собственнаго не оскверненнаго чужими устами стакана, принесеннаго въ карманѣ. Эмансипація раскольниковъ идетъ дальше общенія съ «никоніанами». Они не только распиваютъ вмѣстѣ съ православными водку и «китайскій чай», но и курятъ «табачное зеліе» и даже посягаютъ на «образъ и подобіе Божіе», то есть брѣютъ бороду и усы, вопреки старинному раскольничьему правилу: «всяко скоблено рыло да будетъ проклято». Подобныя новшества особенно распространены среди молодежи, которая добрую половину года не живетъ въ родной деревнѣ, а работаетъ среди православнаго и лютеранскаго населенія внѣ всякаго вліянія «батежъ» и «бабъ». Возвращаясь въ родныя деревни, «мурники» уже безъ всякаго стѣсненія «палятъ цыгарки», мало обращая вниманія на ворчаніе стариковъ и проклятія «бабъ». Правда, «батька» можетъ наложить за такой соблазнъ нѣсколько лѣстовокъ

поклоновъ, но подобныя наказанія исполняются только женщинами, а молодежь часто вовсе не ходитъ въ моленную и даже не знаетъ, кто въ ихъ деревнѣ состоитъ «батькой». Не могу не привести здѣсь одного краткаго моего разговора съ раскольниковъ, рыжимъ дѣтиной лѣтъ тридцати, съ которымъ я встрѣтился на рыбной ловлѣ.

— Какъ зовутъ вашего «батьку»?—спросилъ я его между прочимъ, сидя ночью около разведеннаго на берегу рѣчки огня.

— А Богъ его знаетъ!—флегматично отвѣчалъ дѣтина, закуривая съ уголька папиросу.

— Какъ же ты этого не знаешь?—удивился я.

— Часто мѣняются: кто ихъ упомянуть!

Очевидно, расколъ теряетъ свой престижъ, и въ недалекомъ будущемъ можно ожидать распространенія православія по всему западному берегу Чудскаго озера. Ускорить приближеніе этого момента можетъ хорошая народная школа, которой, къ сожалѣнію, не достааетъ всему русскому населенію Юрьевскаго уѣзда.

Православное населеніе указанныхъ выше пяти приходоу до-стигаетъ четырехъ тысячъ человекъ и въ распоряженіи его имѣется двѣнадцать школъ, въ томъ числѣ семь приходскихъ и пять такъ называемыхъ вспомогательныхъ школъ. Приходскія школы помѣщаются или въ собственныхъ или въ причтовыхъ домахъ, и обученіемъ въ нихъ занимаются православные священники и причетники, вспомогательныя школы помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ, учатъ въ нихъ наемные учителя. Изъ «Вѣдомости о православныхъ народныхъ училищахъ Прибалтійскихъ губерній за 1893—1894 годъ» видно, что во всѣхъ 12 православныхъ школахъ было 410 учащихся обоого пола, въ томъ числѣ 280 мальчиковъ и 130 дѣвочекъ. Въ указанное общее число учащихся, кромѣ православныхъ дѣтей, входятъ дѣти лютеранъ и раскольниковъ; первыхъ въ 1893—1894 году было 53, вторыхъ 31 и, кромѣ того, 6 дѣтей единовѣрцевъ. Такимъ образомъ оказывается, что лютеранское населеніе больше пользуется православными школами, чѣмъ раскольники, общее число которыхъ превышаетъ число православныхъ. Этотъ крайне любопытный фактъ объясняется, главнымъ образомъ, вполне понятнымъ предубѣжденіемъ раскольниковъ противъ школъ, находящихся въ непосредственномъ завѣдываніи православнаго духовенства. Въ результатѣ цѣлыя сотни раскольничьихъ дѣтей остаются безъ школьнаго образованія, потому что собственныхъ школъ у раскольниковъ въ настоящее время нѣтъ даже въ такихъ большихъ селеніяхъ, какъ деревня Красная Гора ¹⁾.

¹⁾ Раньше у раскольниковъ были свои школы, но съ появленіемъ «русской» полиціи и инспекторовъ народныхъ училищъ онѣ прекратили свое существованіе, потому что были открыты безъ надлежащаго разрѣшенія, и преподаваніемъ въ нихъ занимались лица, не имѣющія на то права.

Что касается церковно-приходскихъ школъ, какъ разсадниковъ народнаго образованія среди православнаго населенія, то большинство изъ нихъ, особенно вспомогательныя школы, являются крайне неудовлетворительными почти во всѣхъ отношеніяхъ. Что это за школы, можно судить уже по тому, что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщаются въ наемныхъ домахъ съ платою 40—60 рублей въ годъ, а учителя этихъ школъ получаютъ вознагражденіе тоже въ размѣрѣ 40—60 рублей въ годъ. Таковы почти всѣ вспомогательныя школы, въ которыхъ въ 1893—1894 году обучалось 179 дѣтей изъ общаго числа 410 учащихся.

Въ виду всего этого крайне необходимо завести для русскаго населенія такія школы, въ которыхъ могли бы получать надлежащее элементарное образованіе, какъ дѣти православныхъ, такъ и дѣти раскольниковъ. Такими школами могли бы быть министерскія училища, въ открытіи которыхъ настоятъ крайняя нужда. Училища эти были бы наполнены не только русскими, но и эстонскими дѣтьми, и принесли бы обѣимъ народностямъ несомнѣнную пользу. Настоятельная необходимость подобныхъ учебныхъ заведеній сознается всѣми, кто сколько нибудь знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на западномъ берегу Пейпуса. «Общая школа,—писалъ въ одной прибалтійской газетѣ г. Нэу,—послужила бы лучшимъ средствомъ къ желательному сближенію православныхъ и раскольниковъ съ одной стороны, русскихъ и эстовъ—съ другой». Министерскія училища на первыхъ порахъ можно бы было открыть въ наиболѣе многолюдныхъ русскихъ деревняхъ, а именно: въ Воронѣ, Красной Горѣ и Логозѣ; что касается посада Чернаго, то въ немъ крайне желательно учрежденіе городского по положенію 31-го мая 1872 года училища съ шестилѣтнимъ курсомъ обученія. Четырехтысячное русское и эстонское населеніе этого посада, занимающееся торговлею и крупными промыслами, доставило бы необходимый контингентъ учащихся; кромѣ того, для русскихъ и эстонскихъ обитателей западнаго побережья Пейпуса, посылающихъ въ настоящее время своихъ дѣтей въ городъ Юрьевъ, было бы удобнѣе и дешевле учить ихъ въ посадѣ Черномъ. Если правительство находитъ нужнымъ открывать казенныя училища въ городахъ и селеніяхъ Прибалтійскаго края для латышей и эстовъ, то гораздо необходимѣе подобныя училища для кореннаго русскаго населенія, заброшеннаго среди чуждаго ему по языку и религіи племени!

Болѣе ста лѣтъ живетъ русское населеніе на западномъ берегу Чудскаго озера, оторванное отъ родины и заброшенное «въ Чухонщину». Русскіе переселенцы сумѣли, какъ мы видѣли, принорочиться къ чуждымъ имъ условіямъ жизни и даже подняться въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія на извѣстную высоту. Является

вопросъ: какою цѣною купили они эту бросающуюся въ глаза зажиточность, не пострадали ли при этой борьбѣ за существованіе національныя особенности русскаго племени? Часто приходится слышать, что русскіе люди, заброшенные среди чуждаго народа и даже народца, скоро теряютъ свои характеристическіе признаки. Много пишется о томъ, что, напримѣръ, въ Сибири русское населеніе, приходя въ соприкосновеніе съ инородцами, нерѣдко деградируетъ, то-есть уровень его культурности понижается. Такъ, въ Якутской области русскіе настолько объякучиваются, что даже «въ городѣ Якутскѣ, по словамъ г. Анучина, несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ порусски», а по свидѣтельству Реклю якутскій языкъ сравнительно недавно былъ тамъ моднымъ языкомъ среди русскихъ чиновниковъ («Земля и люди», VI, 607). Кастрень нашель въ Обдорскѣ русскихъ, жившихъ, какъ самоѣды и остяки; то же самое Шведовъ говоритъ о сургутскихъ поселенцахъ; отъ бурятъ русскіе научились ѣсть полусырое мясо, вѣрить въ шамановъ, держать истуканчиковъ; въ Колымскомъ краѣ у казаковъ развилось многоженство и т. д. ¹⁾ Не ходя такъ далеко, ограничиваясь предѣлами одного Прибалтійскаго края, можно указать не мало отдѣльныхъ примѣровъ, когда не только представители простого народа и купечества, но даже дѣти русскихъ чиновниковъ и ученыхъ, живя среди туземнаго населенія, забывали русскій языкъ. Въ настоящее время еще можно встрѣтить въ прибалтійскихъ городахъ русскія купеческія семьи, въ которыхъ разговорнымъ языкомъ служить нѣмецкій языкъ. Извѣстно также, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ «дочери русскаго профессора Юрьевскаго университета просили послѣ смерти отца въ Петербургѣ пенсію повѣмецки, потому что говорить порусски онѣ не были въ состояніи» ²⁾.

На основаніи подобныхъ разказовъ можно бы ожидать, что и на западномъ берегу Пейпуса мы встрѣтимся съ процессомъ обэстониванія русскаго населенія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго тамъ нѣтъ. Русскіе рыболовы и «мурники» высоко держатъ знамя своей національности и къ эстонцамъ относятся если не вполне пренебрежительно, то во всякомъ случаѣ нѣсколько свысока. Подобное отношеніе объясняется легко. Не входя въ подробный разборъ вопроса о томъ, кто культурнѣе къ западу отъ Пейпуса, русскіе или эстонцы, нельзя во всякомъ случаѣ не замѣтить, что если мѣриломъ культуры взять количество расходуемаго мыла, то преимущество окажется на сторонѣ несравненно болѣе чистоплотнаго какъ въ одеждѣ, такъ и въ жилищѣ русскаго рыболова. Всѣ преимущества виѣшней, показной культуры на сторонѣ русскихъ деревень: въ эстонскихъ селеніяхъ вы рѣдко встрѣтите такіе уютные

¹⁾ См. Пыпинъ, «Русская народность въ Сибири» («Вѣстникъ Европы» за 1891 г., № 2).

²⁾ «Правительственный Вѣстникъ» за 1893 г., № 252.

домики и такой буржуазный комфортъ, какъ у русскихъ. (Я говорю, конечно, о массѣ населенія, а не объ отдѣльныхъ его представителяхъ). Русскіе не безъ ироніи указываютъ на сохранившіяся еще у эстонцевъ «черныя» избышки съ землянымъ поломъ, гдѣ нерѣдко вмѣстѣ съ людьми проводятъ зиму и домашнія птицы и мелкій скотъ. При такихъ условіяхъ существованія трудно соблюдать въ надлежащей мѣрѣ чистоплотность, эту основную «добродѣтель тѣла», и неудивительно, что русскіе, которые искони были любителями бани, полушутя-полунасмѣшливо называютъ эстонцевъ «огарками». Подобное ироническое отношеніе прорывается въ языкѣ не только въ видѣ насмѣшливыхъ эпитетовъ, но еще чаще въ формѣ не особенно лестныхъ для эстонца сравненій и присловій. Завозятся дѣти въ избы, — и старшіе дѣлаютъ имъ замѣчаніе: «Что шумите, какъ пьяные чухны?» Захотятъ сказать обвинякомъ о скупости сосѣда, говорятъ: «Онъ, какъ чухна, однимъ полуштофомъ всю свадьбу употчуетъ!» и т. д.

Указанное полунасмѣшливое и слегка пренебрежительное отношеніе русскихъ къ эстонцамъ вовсе не слѣдуетъ объяснять какими бы то ни было національными или религіозными соображеніями. Здѣсь главнымъ образомъ вліяетъ сознаніе своего матеріальнаго превосходства, съ высоты котораго русскій «мужикъ» позволяетъ себѣ третировать не только эстонцевъ, но и коренное населеніе внутреннихъ губерній Россіи.

— Что тамъ за деревни! какія избы! Только слава одна, что русскіе, а живутъ, какъ наши чухны!

Подобные отзывы приходится слышать на Чудскомъ озерѣ отъ лицъ, побывавшихъ «въ Расеѣ» на заработкахъ.

Большая, сравнительно, нетерпимость къ эстонцамъ проявляется среди раскольниковъ, которые называютъ «чухонъ» «поганой Литвой» и ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ имъ пить и ѣсть изъ своей посуды. Случаи же подобнаго рода представляются довольно часто, особенно лѣтомъ, потому что русское населеніе настолько отвыкло отъ крестьянскихъ работъ, что не въ состояніи безъ помощи эстонцевъ скосить свои «пожни». Въ это время всего удобнѣе и лучше можно присмотрѣться къ взаимнымъ отношеніямъ русскихъ и эстонцевъ и убѣдиться, что никакой рѣзкой національной и вѣроисповѣдной вражды между ними не существуетъ. Правда, и православные и раскольники называютъ эстонцевъ не иначе, какъ «чухнами», но съ этимъ словомъ вовсе не связываютъ никакого оскорбительнаго значенія, а употребляютъ его только потому, что названія: эсть, эстонецъ, имъ неизвѣстны. Само эстонское населеніе ничуть не обижается этимъ названіемъ, и только эстонцы-горожане считаютъ слова: «чухна», «чухонецъ», кровнымъ оскорбленіемъ и на свѣжаго русскаго человѣка, употребившаго это слово безъ всякой задней мысли, смотрятъ, какъ на заядлаго обрусителя, гото-

ваго искоренить эстонскую народность со всѣми ея національными особенностями ¹⁾).

При существованіи такихъ отношеній русскаго населенія къ эстонцамъ трудно ожидать, чтобы русскіе стали что нибудь заимствовать у племени, надъ которымъ они чувствуютъ свое превосходство. И дѣйствительно, присматриваясь къ быту деревенскаго населенія на западномъ берегу Пейпуса, трудно найти слѣды какихъ бы то ни было вліяній эстонскаго племени на русское. Не только по чертамъ лица, но и по бритой бородѣ и по черному цвѣту одежды всегда можно отличить эстонца отъ русскаго. Даже лѣтомъ на работѣ, когда верхнее платье скидается, еще издали можно опредѣлить національность рабочаго; у русскаго — ситцевая рубашка розоваго или краснаго цвѣта, и носится она поверхъ шароваръ, у эстонца рубашка бѣлаго цвѣта изъ грубаго домотканнаго холста и всегда засунута въ шаровары. Русскіе и эстонцы живутъ бокъ-о-бокъ, ходятъ въ одни и тѣ же кабаки и корчмы, собираются на однѣ и тѣ же ярмарки, ловятъ рыбу на одномъ и томъ же озерѣ, считаются членами однѣхъ и тѣхъ же смѣшанныхъ волостей, наконецъ, работаютъ на однѣхъ и тѣхъ же «пожняхъ» и, не смотря на такія почти постоянныя сношенія, позаимствованій другъ у друга они не дѣлаютъ. Русскіе разводятъ въ своихъ огородахъ лукъ, эстонцы предпочитаютъ вымѣнивать его на хлѣбъ, чѣмъ садить въ собственныхъ огородахъ. Эстонцы сѣютъ ленъ, изъ котораго ткутъ холстъ, разводятъ овецъ и изъ ихъ шерсти домашнимъ способомъ приготавливаютъ сукно; русскіе льна не сѣютъ, овецъ не держатъ, а для одежды покупаютъ все необходимое въ лавкахъ. И такъ почти во всемъ. Правда, эстонцы кое-что заимствуютъ у русскихъ: въ нѣкоторыхъ эстонскихъ деревняхъ, сосѣднихъ съ русскими селеніями, начинаютъ садить лукъ и даже цикорій; эстонскіе рыбаки рѣдко умѣютъ плести сѣти и отдаютъ предпочтеніе русскимъ рыболовнымъ снарядамъ и т. д. Особенно бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ деревняхъ сходство женскихъ костюмовъ эстонокъ съ русскими: тѣ же широкіе сарафаны и кофты, тѣ же маленькіе

¹⁾ Почему образованными эстонцами придается оскорбительное значеніе слову «чухна», трудно понять. Говорятъ, что слово «чухна» въ русскомъ языкѣ между прочимъ служитъ для обозначенія свиньи (см. словарь Даля), и потому употребленіе этого слова не можетъ не считаться оскорбленіемъ. На самомъ дѣлѣ со словомъ «чухна» вовсе не связывается такого обиднаго представленія. Русское населеніе Псковской, Петербургской и Новгородской губерній, гдѣ живутъ десятки тысячъ латышей и эстовъ, переселившихся изъ Прибалтійскаго края, зоветъ ихъ безъ разбора «чухнами», потому что словъ: эстонецъ и латышь, почти вовсе не знаетъ. Русскіе историки, какъ Соловьевъ и Костомаровъ, которыхъ никто не рѣшится заподозрѣть въ намѣреніи искоренить или даже просто оскорбить эстонцевъ, тѣмъ не менѣе называютъ ихъ — «чухнами». Въ 1894 году въ газетѣ «Русская Жизнь» была напечатана корреспонденція изъ Гдова, очень сочувственно относившаяся къ эстонцамъ и тѣмъ не менѣе называвшая ихъ безъ различія то эстонцами, то чухонцами. Приведенныхъ примѣровъ, надѣюсь, достаточно, чтобы показать, что слово «чухонецъ» получило въ русскомъ языкѣ право гражданства для названія эстонца, и оскорбляться этимъ названіемъ можно съ такимъ же правомъ, съ какими нѣмцы могли бы оскорбиться тѣмъ, что ихъ зовутъ «нѣмцами» (нѣмцами).

платки, повязанные подъ подбородкомъ. Русскіе, съ своей стороны, вслѣдствіе постояннаго общенія съ эстонцами съ раннихъ лѣтъ усваиваютъ эстонскій языкъ и въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ своихъ иноплеменныхъ сосѣдей, которые въ крайне рѣдкихъ случаяхъ могутъ объясняться порусски. Но, изучая по необходимости чужой языкъ, русское населеніе въ то же время не забываетъ и своего родного нарѣчія, сохраняя его почти неизмѣнно въ той формѣ, въ какой оно было вынесено съ родины. Будучи близко знакомъ съ народнымъ языкомъ Псковской губерніи, я былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ того нарѣчія, на которомъ говорятъ псковскіе крестьяне, и того, которое я слышалъ на западномъ берегу Пейпуса. Изъ устъ русскихъ женщинъ, никогда не покидавшихъ родныхъ деревень, слышалъ тѣ же идиотизмы, тѣ же усѣченія словъ и измѣненія коренныхъ звуковъ и окончаній, столь неприятно рѣжущія ухо истаго горожанина, тѣ же простонародныя названія растений, животныхъ и другихъ предметовъ, что и въ Псковской губерніи. Что еще удивительнѣе, географическія названія Прибалтійскаго края у русскихъ не современные, а самыя старинныя, лѣтописныя. Они не только всегда Дерптъ называли Юрьевомъ, но и донынѣ Везенбергъ называется у нихъ Ракопель (Ракоборъ), Вейсенштейнъ—Пайда, Венденъ—Кель, рѣка Эмбахъ—Амовжа и т. д.

Если принять во вниманіе то неблагоприятное положеніе, въ которомъ находилось русское населеніе Прибалтійскаго края до обрусительныхъ реформъ прошлаго царствованія, когда въ волостныхъ судахъ, даже и на западномъ берегу Пейпуса, все дѣлопроизводство и судопроизводство, независимо отъ національности тяжущихся, велось на эстонскомъ языкѣ, и всѣ волостныя старшины и судьи избирались изъ эстонцевъ, — то придется отдать честь русскимъ переселенцамъ, сохранившимъ во всей чистотѣ и свой языкъ, и свою вѣру, и свои лучшіе исконно-русскіе обычаи.

Какъ ни тяжела въ настоящее время на Чудскомъ озерѣ борьба за существованіе, можно быть до нѣкоторой степени спокойнымъ за будущее русскаго населенія, выдержавшаго съ честью тяжелый испусть при дореформенныхъ остзейскихъ порядкахъ, когда, напри- мѣръ, на русскихъ плотниковъ въ Ригѣ нѣмецкіе публицисты смотрѣли, какъ на толпы вандаловъ, способныхъ «зарубить въ куски своими топорами послѣдніе остатки европейской культуры» (Буддеусъ, I, 17). Русское населеніе не утратитъ своихъ національныхъ особенностей, не забудетъ своего родного языка, однимъ словомъ, не «очухонится». Его духовной независимости не грозитъ никакой опасности, но зато на почвѣ матеріальной обезпеченности русскимъ рыболовамъ готовится тяжелый ударъ въ видѣ проекта о пониженія уровня Чудскаго озера.

Дѣло въ томъ, что, являясь благодѣтелемъ прибрежнаго населенія, Чудское озеро въ то же время приноситъ и не мало вреда. Въ

бурную погоду, особенно осенью, въ его волнахъ гибнуть рыбаки, зимою восточный вѣтеръ заноситъ деревни снѣгомъ, весною при томъ же вѣтрѣ льдины выпираютъ на берегъ огромные камни и нерѣдко сносятъ дома, сушильни и другія постройки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибрежное населеніе страдаетъ и отъ наводненій. Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря (96 футовъ), воды Чудскаго озера, питаемаго такими рѣками, какъ Великая и Эмбахъ, съ большимъ трудомъ успѣваютъ стекать въ Балтійское море черезъ бурную и порожистую рѣку Нарову. Въ послѣднія столѣтія замѣчается даже поднятіе уровня воды въ озерѣ: исчезли подъ водою нѣкоторые острова; поля и сѣнокосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превратились въ болота. Возвышеніе уровня Пейпуса объясняется истребленіемъ лѣсовъ и осушеніемъ болотъ: вода не застаивается тамъ, подвергаясь медленному испаренію, а быстро стекаетъ въ озеро, производя весеннія наводненія, которыя заливаютъ сады, огороды, поля и разрушаютъ дома. Помимо непосредственнаго ущерба, наводненія имѣютъ пагубное вліяніе и на климатъ, оставляя послѣ себя застои и лужи, образуя моховыя болота, испаренія которыхъ заражаютъ воздухъ и вредно отзываются на здоровьѣ мѣстнаго населенія. Въ низменныхъ пространствахъ Пейпуса и въ особенности въ болотистой долинѣ Эмбаха, какъ оказывается изъ наблюденій дерптской клиники, часто свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни и преимущественно перемежающіяся лихорадки; весною въ этихъ мѣстахъ бывають и тифы. Въ особенности же развиты здѣсь глазныя болѣзни. Совершенное разстройство зрѣнія и даже слѣпота встрѣчаются тутъ весьма часто (Веймаръ, 185—186).

Для устраненія указанныхъ бѣдствій «со времени Олеарія существовать, забываясь и отъ времени до времени вновь выступать проектъ пониженія уровня Чудскаго озера», давши ему болѣе свободный стокъ въ Балтійское море посредствомъ взрыва Наровскихъ пороговъ или при помощи канала. «Низведеніе уровня Пейпуса на 5 или 6 на футовъ,—говорятъ страстные защитники проекта,—необходимо повлекло бы за собою и пониженіе горизонта всего его бассейна, отчего до 400 тысячъ десятинь прибрежныхъ топкихъ луговъ могли бы быть легко осушены и обращены въ обильные покосы и плодородныя пашни, на которыхъ можно бы поселить по меньшей мѣрѣ 10 тысячъ семействъ съ надѣломъ по 40 десятинь на каждое (Отчетъ лифляндскаго гражданскаго губернатора 1852 г.). Далѣе, до 20 тысячъ десятинь заболотившихся береговъ Вирць-ерва сдѣлались бы способными къ обработкѣ и, наконецъ, болѣе отдаленныя пространства, занимающія ареаль въ 3.000 кв. верстъ или 300 тысячъ десятинь, въ которыхъ искусственныя осушенія не достигаютъ своей цѣли, избавились бы отъ вредныхъ застоевъ и разливовъ. Къ этому нужно еще прибавить, что тяжелый, сырой, вредный для здоровья воздухъ очистился бы, и климатъ сдѣлался бы

лучше» (Веймартъ, 186). По расчету академика Гельмерсена, производившаго въ 1861 и 1862 годахъ изслѣдованіе Пейпуса, пониженіе уровня озера могло бы оздоровить и сдѣлать пригодными для хозяйства около 145 тысячъ десятинъ. «Стоимость ихъ можно принять въ тринадцать милліоновъ рублей, расходы же на работы по пониженію уровня воды озера не превысили бы 1.000.000 рублей» ¹⁾.

Въ послѣднее время указанный проектъ вновь обсуждался въ прибалтійской нѣмецкой прессѣ, а въ посадѣ Черномъ минувшимъ лѣтомъ ждали извѣстнаго осушителя пинскихъ болотъ, генерала Жилинскаго. Слухи о пониженіи уровня Чудского озера доходятъ до мѣстнаго русскаго населенія, которое является наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ важномъ для него вопросѣ. Никто изъ прибрежныхъ русскихъ жителей не желаетъ осуществленія этого проекта, выгодами котораго воспользуются одни помѣщики. Чтобы читатели могли судить, чего именно боится русское населеніе въ случаѣ пониженія озера, приведу одинъ мой разговоръ съ русскими рыбаками.

Въ одинъ прекрасный день меня пригласили проѣхать въ простой рыбацкѣй лодкѣ, съ которой нужно было забросить сѣти на ночь. Въ лодкѣ были мѣстный волостной старшина, бойкій дѣтина лѣтъ тридцати пяти, бывавшій и въ «губерніи» и въ столицахъ,—сѣдой старикъ-раскольникъ и двѣ разбитныхъ бабы, тоже раскольницы. День клонился къ вечеру, по поверхности озера пробѣгала едва замѣтная рябь, на горизонтѣ стояли будары съ громадными бѣлыми парусами. Берегъ озера, вдававшаяся въ сушу заливомъ, былъ окаймленъ людскими поселеніями. Мѣстахъ въ двухъ-трехъ на берегу возвышались къ небесамъ черные шпицы лютеранскихъ церквей, а неподалеку отъ нихъ въ тѣни деревьевъ скромно ютились православные храмы, какъ бы свидѣтельствуя своимъ внѣшнимъ видомъ о недавнемъ забитомъ прозябаніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ...

— Правда ли,—заговорилъ волостной старшина, выѣхавшій тоже ради прогулки,—поговариваютъ въ Черномъ, что наше озеро желаютъ спустить въ море?

Я сообщилъ о существованіи проекта.

— Какъ же это такъ? Да вѣдь это для насъ сущее разореніе! Теперь озеро у насъ подъ самымъ бокомъ, а если его спустить хоть аршина два, такъ оно уйдетъ отъ насъ на версту, а то и больше. И какая польза отъ этого получится? Одинъ песокъ, на которомъ все равно расти ничего не будетъ! Пользы никакой, а вреда будетъ много, и не для насъ однихъ, а для всей губерніи. Теперь изъ Пскова въ Юрьевъ пароходы и будары ходятъ, отъ насъ возятъ лѣсъ, тесъ и дрова; а если озеро спустить, такъ и рѣки об-

¹⁾ Энциклопедическій Словарь Арсеньева и Петрушевскаго, V, 707.

мелѣются, и пароходамъ и бударамъ будетъ не пройти. Сколько людейщиковъ безъ работы останется!

— Наше озеро спустить!—затараторила одна изъ бабъ, не переставая выбрасывать сѣти въ воду.—Ишь что выдумали! Что жъ мы свой запасъ да рыбу за версту домой таскать будемъ? Какъ не такъ! а цикорій съ огородовъ возить кто будетъ? Пусть намъ лошадей дадутъ! Да что, лошадей! Намъ безъ озера жить нельзя. Что не дѣло, то не дѣло! И все это одни пустые разговоры! Дуракъ выдумалъ, да на то умные люди есть!

— Озеро спустить!—проговорилъ въ глубокомъ раздумѣ, какъ бы про себя, старикъ.—Ишь какіе хитрецы нашлись! Озеро 140 верстъ длиннику, да 60 верстъ поперекъ, въ него рѣки бѣгутъ Великая, Амовжа, а они—спустить! Да развѣ на то оно у Господа Бога создано? Я шестьдесятъ лѣтъ на озерѣ рыбу ловилъ, а они—спустить.

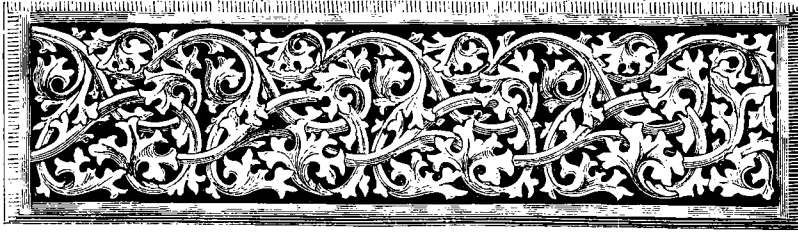
Подобные отвѣты я слышалъ неоднократно; почти всѣ, точно сговорившись, указывали на крайне затруднительное положеніе, въ которое будетъ поставлено прибрежное русское населеніе въ томъ случаѣ, если окажется вдали отъ озера. Находились горячія головы, которыя прямо заявляли, что «такому безобразію и беззаконію вѣвѣки-вѣковъ не бывать», что они «этого не позволяютъ».

Какія бы выгоды ни обѣщали защитники пониженія уровня Пейпуса, прислушаться къ голосу населенія, наиболѣе заинтересованнаго въ сохраненіи status quo, во всякомъ случаѣ будетъ не лишнимъ. При этомъ не мѣшаетъ напомнить мнѣніе академика Гельмерсена, всесторонне изучившаго вопросъ о пониженіи Чудскаго озера¹⁾. Названный ученый замѣчаетъ, что отъ пониженія уровня воды въ Пейпусѣ произойдетъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что прибрежное населеніе отодвинется на большое разстояніе, а осушенные пространства представлять песчаную непроизводительную мѣстность, устья рѣкъ обмелѣютъ и сдѣлаются недоступными для судовъ (Семеновъ, V, 731).

М. Н. С.

¹⁾ Gr. von Helmersen: Der Peipus-See und die obere Narova (Beiträge zur Erkenntniss des Russischen Reiches. B. XXIV).

ПЮНЕРЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

ЗЪ ЧИСЛА 39-ти ДЕКАБРИСТОВЪ, бывшихъ на поселеніи и на жительство въ Западной Сибири, пятнадцать похоронены въ ея предѣлахъ, и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ; Сургутъ, Кондинскъ, Туринскъ, Ялуторовскъ, Курганъ, Тобольскъ и Омскъ—мѣста, гдѣ находятся могилы декабристовъ. Многія изъ этихъ могилъ съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени, памятниками еще нынѣ существуютъ, нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ жива: такъ высоко-нравственна и благотѣльна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія».

«Ялуторовская колонія декабристовъ, посвящая свои знанія и средства на пользу гражданскаго развитія населенія и также на пользу общественной благотворительности, оставила въ средѣ не только Ялуторовскаго городского населенія, но и въ средѣ населенія всей Западной Сибири самыя лучшія, благодарныя воспоминанія, еще и нынѣ сохраняющіяся по прошествіи болѣе 35 лѣтъ, со времени выбытія декабристовъ изъ предѣловъ Западной Сибири».

Эти слова автора недавно вышедшей любопытной книги «Декабристы въ Западной Сибири, очеркъ по официальнымъ документамъ» А. И. Дмитріева-Мамонова, который, будучи вице-губернаторомъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, посвятилъ десять лѣтъ на собраніе въ различныхъ архивахъ матеріала для составленія своего труда, представляетъ какъ бы официальное подтвержденіе

того, что сами декабристы и ихъ друзья говорили объ ихъ общественной дѣятельности въ Сибири. Такъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ запискахъ¹⁾ заявлялъ: «Можно положительно сказать, что наше долговременное пребываніе въ разныхъ мѣстахъ Сибири доставило въ отношеніи нравственнаго образованія сибирскихъ жителей нѣкоторую пользу и ввело въ общественныя отношенія нѣсколько новыхъ и полезныхъ идей»; баронъ А. Е. Розенъ въ своихъ мемуарахъ²⁾ предчувствовалъ, «что, быть можетъ, Провидѣніе назначило многимъ изъ моихъ соизгнанниковъ быть основателями, или устроителями лучшей будущности Сибири»; И. И. Пущинъ писалъ къ Е. А. Энгельгардту 26-го февраля 1845 года изъ Ялуторовска: «Слава Богу, время не останавливается: скоро минетъ двадцать лѣтъ сибирскимъ разнаго рода существованіямъ, и въ итогѣ, можетъ быть, окажется что нибудь дѣльное: цѣль освящаетъ и облегчаетъ заточенье и ссылку»³⁾; наконецъ, М. Д. Францева въ своихъ воспоминаніяхъ замѣчала: «Декабристы въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ они жили, приобрѣтали необыкновенную любовь народа; они имѣли громадное нравственное вліяніе на сибиряковъ; ихъ прямота, всегдашняя со всѣми учтивость, простота въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенность чувствъ ставили ихъ выше всѣхъ, а между тѣмъ они были равно доступны для каждаго, обращающагося къ нимъ за совѣтомъ ли, съ болѣзнію ли, или со скорбью сердечною; всѣ находили въ нихъ живое участіе, откликъ сердечный къ своимъ нуждамъ»⁴⁾. Такимъ образомъ, теперь, когда прошло болѣе полувѣка послѣ скромной общественной дѣятельности декабристовъ въ Западной Сибири, можно смѣло назвать ихъ пионерами просвѣщенія въ этомъ отдаленномъ краѣ и только пожалѣть, что до сихъ поръ, даже послѣ появленія почтеннаго труда А. И. Дмитриева-Мамонова, сначала напечатаннаго въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ», имѣется такъ мало свѣдѣній для характеристики этой стороны ихъ ссыльной жизни. Во всякомъ случаѣ, благодаря указаннымъ источникамъ и преимущественно документальнымъ, архивнымъ даннымъ, которыя впервые обнародованы А. И. Дмитриевымъ-Мамоновымъ, уже можно набросать хоть бѣглыми чертами картинку жизни и общественной дѣятельности 39 «государственныхъ преступниковъ», которые обитали въ разныхъ мѣстахъ Западной Сибири отъ 1826 до 1859 года, когда умеръ, какъ гласитъ надпись на могилѣ Ф. М. Башмакова въ Тобольскѣ, «послѣдній изъ ссыльныхъ за 14-е декабря 1825 года».

¹⁾ Записки Н. В. Басаргина, «XIX вѣкъ», историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, книга первая, Москва, 1872 г.

²⁾ Записки барона А. Е. Розена.—О. З. Томъ ССХХV.

³⁾ Письмо И. И. Пущина къ директору Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардту. «Русскій Архивъ», 1879 г., № 12.

⁴⁾ Воспоминанія М. Д. Францевой, «Историческій Вѣстникъ», 1888 г., май, июнь, июль.

I.

Декабристы селились въ Западной Сибири въ продолженіе двадцатилѣтняго періода отъ 15-го августа 1826 года, когда явился въ Сургутъ первый изъ нихъ Шахиревъ, и до 6-го марта 1846 года, дня пріѣзда въ Томскъ послѣдняго изъ нихъ, Батенкова, въ качествѣ ссыльныхъ, или на поселеніе, или на жительство, но первыхъ было громадное большинство, именно тридцать пять человѣкъ, а послѣднихъ только четверо. Прибывали одни изъ нихъ прямо изъ Петербурга, а другіе по отбытіи каторжныхъ работъ; проживали же они преимущественно въ одномъ назначенномъ имъ мѣстѣ, но иногда переводились въ виду слабости здоровья и по другимъ соображеніямъ въ болѣе удобныя для существованія мѣстности. Главныя колоніи декабристовъ были въ Ялуторовскѣ, Курганѣ и Тобольскѣ; въ Тарѣ ихъ жило трое, въ Нарымѣ и Туринскѣ—двое, а въ Ишимѣ, Сургутѣ и Томскѣ—по одному. Что касается до оставленія ими Западной Сибири, то, кромѣ смерти пятнадцати человѣкъ, семеро отправлены въ 1837 году рядовыми на Кавказъ, двое возвратились въ Россію въ 1853 году и двое въ началѣ 1856 года по особому всемилостивѣйшему соизволенію, одинъ переведенъ на поселеніе въ Восточную Сибирь, и двѣнадцать подошли подъ всемилостивѣйшій манифестъ 26-го августа 1856 года, послѣ котораго только одинъ декабристъ Башмаковъ по собственному желанію оставался въ Сибири до своей смерти спустя три года. Далѣе мы подробно познакомимся со всѣми этими личностями, а теперь укажемъ на общее ихъ положеніе, какъ оно обрисовывается оффиціальными свѣдѣніями, сообщенными А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ первой главѣ его книги.

Главнымъ образомъ регламентировалась жизнь ссыльныхъ декабристовъ высочайше утвержденными правилами о порядкѣ надзора за ними, которыя были сообщены генераль-губернатору Западной Сибири, П. М. Капцевичу, начальникомъ штаба его императорскаго величества, генераломъ-адъютантомъ Дибичемъ, 26-го сентября 1826 года. Въ силу этихъ правилъ: 1) право полученія преступниками отъ своихъ родственниковъ денежныхъ суммъ было ограничено двумя тысячами рублей ассигнаціями на первое обзаведеніе и по тысячѣ въ годъ; 2) преступники, не могущіе получать отъ родственниковъ никакого вспомошествованія, получали солдатскій паекъ и крестьянскую, зимнюю и лѣтнюю одежду; 3) всѣ письма преступниковъ и находившихся при нихъ женъ отправлялись мѣстнымъ гражданскимъ губернаторомъ въ III-е Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи; 4) письма, простыя и денежные, а также посылки, получаемыя изъ Россіи на имя преступниковъ и ихъ женъ, препровождались гражданскими губернаторами, которые имѣли право раскрывать ихъ

и тѣ изъ нихъ, въ коихъ не найдутъ ничего противнаго, доставлять по адресамъ, съ деньгами поступать согласно 1-го пункта, а изъ вещей отправлять ссыльнымъ только тѣ, кои не составляютъ большой цѣнности и могутъ служить къ пищѣ или одѣянію, цѣнныя же вещи возвращать обратно къ приславшимъ оныя. Эти коренныя правила въ послѣдствіи дополнялись отдѣльными правительственными распоряженіями и инструкціями. Такъ прежде всего было поднятъ вопросъ о томъ, могутъ ли жены преступниковъ получать неограниченныя суммы, какъ это дѣлалось въ Восточной Сибири и выяснено графомъ Чернышевымъ по высочайшему повелѣнію, что жены государственныхъ преступниковъ должны быть подвергнуты одинаковой съ мужьями мѣрѣ по выдачѣ имъ денегъ. Установленная, на этомъ основаніи, норма годового содержанія ссыльнаго съ семьей въ 2.000 руб. ассигнаціями оставалась неизмѣнной до 1856 года, хотя ихъ расходы постоянно увеличивались въ виду возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Однако мѣстныя власти входили въ положеніе декабристовъ и, признавая недостаточною подобную сумму, выдавали имъ цѣлостью все, что имъ присылали родственники; въ этомъ отношеніи выказывалъ особое великодушіе генераль-губернаторъ, князь П. Д. Горчаковъ, который лично передавалъ семьямъ ссыльныхъ присылаемыя имъ деньги. Такъ же широко поступала сибирская администрація и относительно суммъ, получаемыхъ ссыльными на обзаведеніе, и хотя по высочайшему повелѣнію были подчинены общей нормѣ въ 2.000 руб. всѣ расходы на постройку домовъ, мельницъ и т. д., а также установленъ надзоръ надъ этими постройками, съ тѣмъ чтобъ отпускалось на нихъ не болѣе 100 руб. за разъ, и, чтобъ расходъ каждаго ста рублей оправдывали документально, но мѣстныя власти просто отдавали ссыльнымъ всѣ деньги, присланныя имъ родственниками для домообзаводства, не требуя никакого отчета и не подвергая возводимыхъ построекъ никакому контролю. Одинаково не ограничивали состоятельныхъ декабристовъ и въ полученіи цѣнныхъ посылокъ, такъ что они получали иногда цѣлые транспорты съ всевозможными вещами и продуктами. Мало того, женамъ ихъ дозволялось имѣть при себѣ крѣпостныхъ людей, и потому въ виду всѣхъ этихъ льготъ достаточные декабристы могли устроиться съ относительнымъ удобствомъ.

Но большая часть ихъ были люди бѣдные, не получавшіе ничего отъ своихъ родственниковъ, и потому, помѣщенные въ мѣстностяхъ съ суровымъ климатомъ, они не имѣли никакой возможности найти себѣ заработка и должны были существовать на частную помощь мѣстныхъ жителей и своихъ состоятельныхъ товарищей, такъ какъ отпускаемые казной паекъ и одежда были слишкомъ скудны. Наконецъ, въ 1845 году, по высочайшему повелѣнію, было назначено по 200 рублей ассигнаціями въ годъ каждому ссыльному, не получающему ничего отъ родственниковъ, и разницу до 200 руб-

лей тѣмъ, которые получали менѣе этой суммы. На основаніи этого отъ 5 до 7 человекъ стали получать по 200 рублей въ продолженіе пяти лѣтъ, затѣмъ по 57 рублей 14¹/₂ коп. еще пять лѣтъ и по 114 рублей 28¹/₂ коп. до 1856 года. Вмѣстѣ съ этимъ было отведено каждому ссыльному по 15 десятинъ пахотной земли близъ мѣста ихъ жительства, но этотъ поземельный надѣлъ нисколько не улучшилъ положенія нищихъ декабристовъ. Они всѣ были поселены по городамъ Tobольской и Томской губерній, а имъ отвели участки въ нѣсколькихъ верстахъ за городской чертой, такъ что многіе должны были за неимѣніемъ средствъ къ обработкѣ земли оставлять ее безъ пользованія, а отдавать ее въ аренду также было невозможно въ виду недостатка арендаторовъ и громаднаго количества свободной въ Сибири земли. Кромѣ того, отлучка ссыльныхъ изъ мѣста жительства для занятія земледѣліемъ на своихъ же участкахъ была сопряжена съ такими тяжелыми затрудненіями, полученіемъ билета изъ земскаго суда и строгимъ надзоромъ начальства, что являлось почти невозможнымъ для бѣдныхъ людей воспользоваться предоставленной льготой. Поэтому земледѣліемъ стали заниматься только достаточные декабристы, которые имѣли средства вести хозяйство на далекомъ разстояніи и ладить съ мѣстными властями. Собственно же бѣднымъ ихъ товарищамъ правительственныя мѣры къ обращенію ссыльныхъ въ земледѣльцевъ принесли пользу только въ томъ отношеніи, что они и ихъ семьи были освобождены отъ платежа податей и повинностей съ цѣлью «дать имъ способъ къ содержанію себя посильными трудами по сельскому быту».

Ближайшій надзоръ за ссыльными находился по порученію генералъ-губернатора и губернаторовъ въ рукахъ городской и земской полиціи, а такъ какъ подробныхъ инструкцій не было составлено, то существовалъ полный произволъ относительно стѣсненій декабристовъ въ ежедневной жизни. Даже такіе просвѣщенные и гуманные администраторы, какъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій и де-Сентъ-Лоранъ, по словамъ Дмитріева-Мамонова, за неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній о томъ, въ чемъ именно долженъ заключаться надзоръ, устанавливали особую стражу при водворенныхъ на поселеніи преступникахъ съ обязательствомъ, чтобы та стража постоянно находилась при тѣхъ преступникахъ, какъ бы при лицахъ, состоящихъ подъ полицейскимъ арестомъ; въ послѣдствіи, въ разное время высочайшей властью и высшими правительственными установленіями хотя и давались по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ губернской администраціи указанія и разъясненія о порядкѣ надзора и его распространенія, но все-таки эти указанія и разъясненія на столько были неполны и на столько не обнимали всего строя жизни государственныхъ преступниковъ на поселеніи, что въ болѣе части устройство ихъ жизни на мѣстахъ водворенія зависѣло отъ произвола и усмотрѣнія губернской администраціи и полиціи. Всѣ воз-

буждаемые вопросы доводились до высочайшей власти и такимъ путемъ получали разрѣшеніе черезъ главный штабъ его императорскаго величества; къ нимъ относились между прочимъ разрѣшенія имѣть огнестрѣльное оружіе и снимать портреты посредствомъ дагеротипа, что было одинаково воспрещено. Но когда произведены были обыски у ссыльныхъ съ цѣлью отобрать ихъ портреты и принадлежности дагеротипа, то ни того ни другого у нихъ не оказалось. Въ 1835 году былъ перемѣненъ порядокъ надзора за перепиской ссыльныхъ съ Россіей, и съ тѣхъ поръ она вся стала проходить черезъ руки генераль-губернатора, что послужило поводомъ къ большимъ замедленіямъ въ доставленіи писемъ въ виду громадныхъ разстояній въ Западной Сибири. Это новое стѣсненіе однако же не вызывалось ни послабленіями со стороны губернаторовъ, которые сначала вѣдали этимъ дѣломъ, ни содержаніемъ самыхъ писемъ декабристовъ, такъ какъ, не смотря на всю строгость въ контролѣ надъ ихъ корреспонденціей, ни одно письмо ни къ нимъ ни отъ нихъ не было удержано администраціей. Кромѣ того, сосредоточеніе всей корреспонденціи въ однѣхъ рукахъ генераль-губернатора, стѣсняя ссыльныхъ, нимало не освобождало властей отъ недоразумѣній; такъ, наиримѣръ, заведено было, чтобъ ссыльные прибавляли на своихъ письмахъ къ имени и фамиліи отправителя еще надпись: «отъ государственнаго преступника», а графъ Орловъ нашель эти надписи совершенно неумѣстными и ихъ пришлось отмѣнить. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла ссыльные старались получать письма помимо установленнаго контроля и многіе изъ нихъ въ Тобольскѣ и Ялуторовскѣ стали брать довѣренности отъ частныхъ лицъ и получать въ мѣстныхъ почтовыхъ конторахъ письма на имена своихъ довѣрителей, хотя въ сущности эти письма были присланы имъ самимъ. Это практиковалось до 1850 г. когда, узнавъ о такомъ обходѣ контроля, князь П. Д. Горчаковъ запретилъ выдачу ссыльнымъ корреспонденціи по довѣренностямъ. Что касается до аттестаціи ссыльныхъ мѣстными властями и губернаторами, то объ ихъ поведеніи ежемѣсячно представляли его величеству донесенія съ подробными отмѣтками, причемъ относительно всѣхъ декабристовъ, кромѣ одного Ентальцева, о несправедливыхъ доносахъ на котораго мы поговоримъ впослѣдствіи, всегда какъ высшая, такъ и мѣстная администрація отзывались одобрительно, занося въ вѣдомости: «ведетъ себя порядочно», «поведенія хорошаго», «ведетъ себя весьма хорошо», «ведетъ себя особенно хорошо», «человѣкъ хорошаго, скромнаго поведенія» и т. д. Конечно, нѣкоторые изъ ссыльныхъ подвергались доносамъ и извѣтамъ, но, привлеченные къ уголовной отвѣтственности, они всегда оправдывались судебными мѣстами, и ни одинъ изъ нихъ не былъ приговоренъ не только къ тѣлесному наказанію, которое для нихъ было замѣнено по высочайшему повелѣнію тюремнымъ заключеніемъ, но и ни къ какому либо другому менѣе тяжкому наказанію.

Относительно семействъ декабристовъ можно сказать, что ихъ жены при жизни своихъ мужей подвергались, какъ жены ссыльно-каторжныхъ, всѣмъ ограниченіямъ, составлявшимъ необходимое послѣдствіе сожитія съ преступниками, но онѣ сохраняли право располагать своимъ имѣніемъ черезъ довѣренныхъ лицъ. Послѣ же смерти мужей имъ возвращались всѣ ихъ права, но только въ предѣлахъ Сибири, а для переселенія въ Россію требовалось разрѣшеніе, которое обставлено было такими затрудненіями, что, напримѣръ, жена Ентальцева, несмотря на всѣ свои просьбы, прожила въ Сибири 12 лѣтъ послѣ смерти мужа, подвергаясь даже надзору полиціи, съ атестаціей въ поведеніи, чего не было даже при мужѣ, и вернулась въ Россію только послѣ всемилостивѣйшаго манифеста 1856 г. Что касается до дѣтей, прижитыхъ въ Сибири ссыльными, то они пользовались правами казенныхъ поселенцевъ, и имъ выдавались паспорта на свободное жительство въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но разрѣшеніе имъ отправляться въ другія губерніи Россіи зависѣло отъ шефа корпуса жандармовъ.

Рисуемую Дмитріевымъ-Мамоновымъ картину общаго положенія поселенныхъ въ Западной Сибири декабристовъ рельефно отгнѣняютъ и тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ напечатанныхъ запискахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, баронъ Розень свидѣтельствуетъ, что «къ нимъ ежегодно пріѣзжали то генералъ-губернаторъ, то гражданскій: Сулима, кн. Горчаковъ, Муравьевъ и Повало-Швейковскій, также начальники жандармскаго округа, генералы Масловъ и Фалькенбергъ, которые всѣ оказывали имъ вниманіе и готовность защищать ихъ отъ всякихъ притѣсненій, но они были такъ счастливы, что никого не обременяли жалобами». А Басаргинъ живо очерчиваетъ отношенія декабристовъ къ мѣстнымъ жителямъ и администраціи: «Жители скоро ознакомились съ нами,—разсказываетъ онъ—и полюбили насъ. Чиновники обходились съ нами вѣжливо, привѣтливо и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Ни входя ни въ какія городскія сплетни и пересуды, не принимая участія въ ихъ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, мы жили собственной жизнью, бывали иногда въ ихъ обществѣ, не отталкивали ихъ отъ себя, но уклонялись отъ всякаго, особеннаго съ ними сближенія. Это избавляло насъ отъ непріятныхъ столкновеній и мало-по-малу дало намъ такое значеніе въ ихъ мнѣніи, что они стали высоко цѣнить знакомство съ нами. Къ этому также способствовала независимость нашего собственнаго поведенія и обращеніе съ нами высшихъ властей. Губернаторы при посѣщеніи города обыкновенно бывали у насъ и обходились съ нами самымъ предупредительнымъ образомъ. Губернскіе чиновники, пріѣзжавшіе по дѣламъ службы, сейчасъ старались знакомиться съ нами и проводили у насъ бѣольшую часть времени. Все это въ глазахъ увѣданныхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ жителей придавало намъ ка-

кое-то значеніе. Такъ было во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселены были и прочіе наши товарищи. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчались исключенія. Поведеніе наше, основанное на самыхъ простыхъ, но строгихъ нравственныхъ правилахъ, на яснохъ понятіи о справедливости, честности и любви къ ближнему, не могло не имѣть вліянія на людей, которые по недостаточному образованію своему и искаженнымъ понятіямъ знали только одну матеріальную сторону жизни, и потому старались только объ ея улучшеніи, не понимая другихъ цѣлей своего существованія. Ихъ сначала очень удивляло, что, несмотря на внѣшность, мы предпочитали простаго, но честнаго крестьянина худому, безнравственному чиновнику и охотно бесѣдовали съ первымъ, между тѣмъ какъ избѣгали знакомства съ послѣднимъ. Но потомъ, не разъ слыша наши сужденія о томъ, что мы признаемъ только два разряда людей: хорошихъ и худыхъ, и что съ первыми мы очень рады сближаться, а отъ вторыхъ стараемся удалиться, и что это, несмотря на внѣшность ихъ, на мундиръ, кресты, звѣзды, или армяки и халаты,—они поняли, что наше уваженіе нельзя иначе приобрѣсть, какъ хорошимъ поведеніемъ, и поэтому старались казаться порядочными людьми, а слѣдовательно усвоили нѣкоторыя нравственныя понятія». Что касается до дѣйствій правительства относительно ссыльныхъ, то, по словамъ Басаргина, они были двоякаго рода. Съ одной стороны оно не хотѣло выказать къ нимъ особенной жестокости, не имѣя на то никакой причины, съ другой—ему не хотѣлось, чтобъ они приобрѣли какое нибудь значеніе, не хотѣлось ослабить въ общемъ мнѣніи важность ихъ вины противъ него и показать, что оно само предаетъ ее забвенію. Имѣя въ виду эти обѣ цѣли, оно согласовало съ ними свои мѣры, которыя поэтому не были никогда опредѣлены. Въ нихъ высказывалось желаніе какъ можно болѣе унижить государственныхъ преступниковъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ не обнаружить своего къ нимъ неравнодушія, не показать ясно, что оно поступаетъ для этого вопреки существующихъ указаній. Въ иныхъ случаяхъ оно выказывало даже снисходительность къ декабристамъ: удовлетворяло почти всѣ просьбы о переводѣ изъ менѣе удобной мѣстности въ болѣе удобную, дозволило многимъ перейти рядовыми на Кавказъ, а нѣкоторымъ разрѣшило поступить на гражданскую службу въ Сибири, хотя послѣднимъ и затруднялось производство и занятіе значительныхъ должностей. Но съ другой стороны у декабристовъ были отняты права, которыми пользуются всѣ вообще ссыльные на поселеніе въ Сибирь, такъ они не могли ни отлучаться далѣе 30 верстъ отъ мѣста своего жительства, ни поступать на частныя должности, ни принимать участія въ промышленныхъ или торговыхъ предпріятіяхъ. «Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно насъ,—прибавляетъ Басаргинъ:—правительство въ продолженіе нашего долговременнаго пребыванія въ Сибири,

руководствовалося однимъ произволомъ безъ всякихъ положительныхъ правилъ. Мы не знали сами, что въ правѣ были дѣлать и чего не могли. Иногда самый пустой проступокъ влекъ за собой непріятныя розыски и мѣры правительства, а въ другое время и важнѣе что нибудь не имѣло никакихъ послѣдствій. Къ счастью еще нашему, что орудія правительства, то-есть исполнители его воли, принимали въ насъ участіе и показывали его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не могли подвергнуться отвѣтственности за особенное къ намъ снисхожденіе. Это много улучшило нашъ бытъ, который безъ того былъ бы очень не завиденъ».

II.

Первымъ по времени изъ декабристовъ, водворенныхъ въ Западной Сибири, былъ, какъ мы уже сказали, Шахиревъ, а послѣднимъ Батенковъ. Оба они прибыли изъ Петербурга и были недолго въ ссылкѣ; такъ, Шахиревъ умеръ черезъ годъ и девять мѣсяцевъ послѣ поселенія въ городѣ Сургутѣ Тобольской губерніи, а Батенковъ прожилъ десять лѣтъ въ Томскѣ и вернулся въ Россію послѣ всемирно-славянскаго манифеста 1856 года. Какъ тотъ, такъ и другой жили одиноко безъ товарищей. Въ Сургутѣ, кромѣ Шахирева, и то послѣ его смерти, находился короткое время Тизенгаузенъ, а въ Томскѣ никогда не проживало декабристовъ за исключеніемъ Батенкова. Поручикъ Черниговскаго полка, Шахиревъ, подвергнутый за принадлежность къ «обществу соединенныхъ славянъ» ссылкѣ на поселеніе находился болѣе года въ Сургутѣ въ самомъ несчастномъ положеніи, тѣмъ болѣе что онъ страдалъ припадками. Для пропитанія ему отпускался солдатскій паекъ, а два казака безотлучно состояли при немъ, не дозволяя ему отлучаться изъ города ни на шагъ. Затѣмъ, однако, онъ получилъ отъ родственниковъ значительную сумму денегъ и не только жилъ не нуждаясь, но оставилъ послѣ своей скоростижной смерти болѣ 2000 рублей. Донесеніе объ его кончинѣ сургутскаго отдѣльнаго засѣдателя тобольскому губернатору чрезвычайно характеристично и между прочимъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія любопытныя строки, прекрасно рисующія тогдашнее положеніе и декабристовъ и вообще всей Сибири: «Находящійся здѣсь государственный преступникъ Шахиревъ 16-го мая отлучился изъ Сургута версты за четыре для птичьяго промысла и на обратномъ пути въ Сургутъ умеръ скоростижно; тѣло Шахирева привезено было въ Сургутъ и какъ здѣсь медицинскаго чиновника не находится, то къ освидѣтельствованію тѣла приглашены были господа: соляной приставъ, казачій сотникъ, соборный священникъ и мѣщанскій староста, и по общему свидѣтельству на тѣлѣ Шахирева никакихъ наружныхъ боевыхъ знаковъ къ насильственной смерти

не нашлось, кромѣ какъ багровое лицо и шея, а равно багровыя пятна на спинѣ, стернахъ и икрахъ, и изъ носу появилась кровавая жидкость; хотя бы слѣдовало мертвое тѣло Шахирева оставить непогребеннымъ до прїѣзда изъ Березова окружнаго лѣкаря, но какъ въ Сургутѣ не имѣется на сей предметъ ледника и за дальнимъ разстояніемъ изъ Сургута до Березова, что составитъ въ передній и обратный путь 1700 верстъ, то въ ожиданіи лѣкаря протечетъ не малое время, и дабы не причинить отъ гнилости тѣла жителямъ заразы, рѣшился съ согласія свидѣтельствовавшихъ людей сдѣлать по обыкновенному христіанскому обряду погребеніе, а болѣе потому что по слѣдствію, мною произведенному, въ насильственной смерти Шахирева никого виновныхъ не открылось».

Гавріиль Степановичъ Батенковъ, подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, за знаніе умысла на царевѣйство и приготовленіе товарищей къ мятежу былъ вмѣсто каторжныхъ работъ выдержанъ 20 лѣтъ въ фортѣ Свартгольмѣ на Аландскихъ островахъ и въ Петропавловской крѣпости, въ одиночномъ заключеніи, а затѣмъ уже отправленъ на поселеніе въ свой родной городъ Томскъ. Получивъ воспитаніе въ Тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи и въ С.-Петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ служилъ артиллерійскимъ офицеромъ въ кампаніяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 г., при чемъ получилъ въ битвѣ подъ Монмиралемъ десять штыковыхъ ранъ, а въ 1816 г. вернулся на родину въ качествѣ управляющаго округомъ путей сообщенія. Здѣсь онъ основалъ масонскую ложу «Восточнаго Свѣтила» и съ назначеніемъ въ генераль-губернаторы Западной Сибири Сперанскаго сдѣлался его ревностнымъ сотрудникомъ, въ особенности по введенію въ училищахъ методы взаимнаго обученія. Онъ между прочимъ составилъ руководство къ преподаванію геометріи, которое было напечатано въ Иркутскѣ и принято въ Ланкастерскихъ школахъ Сибири. Перейдя въ Петербургъ на высшее назначеніе, Сперанскій взялъ съ собою Батенкова, и онъ былъ дѣлопроизводителемъ Сибирскаго комитета до 14 декабря 1825 г. Вторично вернулся онъ въ Томскъ уже ссыльнымъ и до того одичалымъ отъ продолжительнаго одиночнаго заключенія, что его сначала принимали за сумасшедшаго. Существовая только на отпускаемыя правительствомъ скудныя средства, Батенковъ вскорѣ нашелъ помощь въ Н. А. Асташевѣ, богатомъ золотопромышленникѣ и его старомъ товарищѣ по масонской ложѣ, и мало-по-малу приобрѣлъ общее уваженіе. По отзывамъ томской администраціи онъ, при отличномъ поведеніи, занимался хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ, а также выказывалъ склонность къ строительному искусству.

Къ одинокимъ ссыльнымъ въ Западной Сибири еще принадлежали Андрей Ѳеодоровичъ Фурманъ и князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. Первый, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, былъ отправленъ за «согласіе на умыслъ бунта» на поселеніе въ село

Кондинскъ, Березовскаго округа, Тобольской губерніи, и тамъ прожилъ восемь лѣтъ въ крайней нуждѣ, пользуясь только въ теченіе двухъ лѣтъ обществомъ своего товарища Лихарева, временно тамъ пребывавшаго, и получая очень небольшія пособія отъ своей сестры Литке. Несчастливая судьба Фурмана была еще ухудшена доносомъ на него мѣстнаго засѣдателя Албышева, который обвинялъ его въ предосудительной, тѣсной связи съ унтеръ-офицеромъ Уфинцевымъ, съ которымъ онъ будто бы предавался пьянству, хотя по произведенному слѣдствію оказалось, что онъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ и велъ себя добропорядочно. По его собственному объясненію, «еслибъ онъ бралъ примѣръ съ поведенія г. Албышева, то заслуживалъ бы справедливаго негодованія начальства, но его нравственность Всемогущей сохранилъ, и никакому невоздержанію онъ не подверженъ, какъ его благородіе ежедневно, а потому судить надо, что терпитъ народъ, а къ унтеръ-офицеру Уфинцеву онъ всегда питалъ почтеніе за человѣколюбіе его; ибо, не имѣя денегъ съ прибытія въ Кондинскъ, пользовался болѣе года у него столомъ безъ платы, равно его услугами во время трудной болѣзни». Не смотря на то, что самъ генераль-губернаторъ Вельяминовъ приказалъ объявить Фурману, что доносъ Албышева опровергнуть, но послѣдній не подвергся никакому взысканію, а Фурману было отказано въ просьбѣ отправиться къ Тобольскъ для исполненія христіанскихъ требъ по евангелическому исповѣданію. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, оставивъ двухъ дѣтей, прижитыхъ имъ отъ крестьянской дѣвушки, Марьи Щепкиной.

Князь А. И. Одоевскій, корнетъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, признанный виновнымъ въ личномъ дѣйствіи во время мятежа съ пистолетомъ въ рукахъ, отбылъ 8 лѣтъ въ каторжныхъ работахъ въ Читѣ и затѣмъ, проведя два года на поселеніи въ Иркутской губерніи, былъ переведенъ въ 1836 году въ Ишимъ Тобольской губерніи. Хотя тамъ не было другихъ декабристовъ, но проживалъ ссыльный полякъ Кржижановскій, осужденный за участіе въ дѣлахъ польскаго тайнаго общества, имѣвшаго связи съ южнымъ обществомъ; князь Одоевскій былъ совершенно обезпеченъ матеріально, а потому сравнительно велъ жизнь сносную. Относительно высказаннаго его отцемъ въ одномъ письмѣ къ нему желанія посѣтить сына былъ возбужденъ высшимъ сибирскимъ начальствомъ вопросъ о допущеніи свиданія государственныхъ преступниковъ съ ихъ родственниками, еслибъ таковыя пріѣхали въ мѣста поселенія, и полученъ отвѣтъ отъ графа Бенкендорфа: «что буде кто либо изъ родственниковъ и знакомыхъ преступниковъ отправится въ тотъ край, не испросивъ предварительно на сіе дозволенія, то мѣстное начальство обязано немедленно его выслать». Что же касается до просьбы о подобномъ свиданіи, то еще ранѣе было сообщено изъ Петербурга, что, не смотря на ихъ значительное число, ни одна не

удостоилась высочайшаго разрѣшенія въ удовлетворительномъ смыслѣ. Князь Одоевскій провель въ Ишимѣ не болѣе года, былъ всегда аттестованъ начальствомъ очень хорошо и переведенъ рядовымъ на Кавказъ. О его пребываніи въ Сибири сохранился слѣдъ во многихъ его стихотвореніяхъ, изъ которыхъ особенно извѣстны стихи, написанные имъ еще въ Читѣ, 25 декабря 1829 г. въ альбомъ кн. М. Н. Волконской и начинавшіеся такъ:

Быль край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровь свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Попарно изъ декабристовъ обитали въ заштатномъ городѣ Нарымѣ Мозгалевскій и Выгодовскій, а въ Туринскѣ Ивашевъ и Басаргинъ. О первыхъ двухъ извѣстно очень мало, а о послѣднихъ Дмитріевъ-Мамоновъ сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія, и, кромѣ того, самъ Басаргинъ въ своихъ запискахъ хотя и кратко, но все-таки описываетъ ихъ житье-бытье на общемъ поселеніи. Поручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, Мозгалевскій, сосланный въ Сибирь за принадлежность къ тайному обществу, и канцеляристъ Выгодовскій, отбывшій годъ на каторжныхъ работахъ «за знаніе умысла на царевубійство», жили въ Нарымѣ очень бѣдно и скромно, при постоянно хорошемъ поведеніи, получали отъ казны по 200 рублей въ годъ и отказались отъ надѣла пахотной земли въ виду невозможности заниматься хлѣбопашествомъ при мѣстномъ климатѣ и почвѣ, въ замѣнъ чего имъ отвели по 15 десятинъ сѣнокосной земли. Женившись на мѣщанкѣ Кутаргиной и приживъ съ нею трехъ дѣтей, Мозгалевскій, спустя десять лѣтъ, выхлопоталъ себѣ переводъ въ Восточную Сибирь, гдѣ надѣялся найти себѣ лучший заработокъ. Что же касается до Выгодовскаго, то онъ выстроилъ себѣ маленькій деревянный домъ и проживалъ въ немъ, занимаясь хозяйствомъ, до возвращенія въ Россію въ 1856 году.

Хотя одно время въ Туринскѣ жили Анненковъ, Пуцинъ и князь Оболенскій, но по дальнѣйшему ихъ пребыванію: перваго въ Тобольскѣ, а послѣднихъ двухъ въ Ялуторовскѣ, они собственно относятся къ этимъ колоніямъ декабристовъ, а туринскими декабристами были специально Ивашевъ, который тамъ умеръ, и Басаргинъ, окончившій свои записки смертью своего друга, несмотря на то, что онъ потомъ еще жилъ шестнадцать лѣтъ въ другихъ мѣстахъ Сибири. Дѣйствительно, дружба этихъ двухъ людей была самая искренняя и трогательная. Они вмѣстѣ служили адъютантами главнокомандующаго 2-ой арміей, вмѣстѣ были членами Южнаго общества, вмѣстѣ отне-

сены ко второму разряду государственныхъ преступниковъ за «участіе въ умыслѣ на царубійство согласіемъ», вмѣстѣ сидѣли въ Петропавловской крѣпости, вмѣстѣ были приговорены къ положенію головы на плаху и вѣчнымъ каторжнымъ работамъ, вмѣстѣ отбыли десять лѣтъ каторги въ Читѣ и на Петровскомъ заводѣ, вмѣстѣ, наконецъ, переведены на поселеніе въ Туринскъ, Тобольской губерніи, гдѣ и проживали вмѣстѣ 4 года до смерти Ивашева. Этой рѣдкой дружбѣ нисколько не мѣшало, что Василій Петровичъ Ивашевъ былъ женатъ на Камиллѣ Петровнѣ Ле-Дантю, которая пріѣхала къ нему на Петровскій заводъ съ высочайшаго разрѣшенія, обвѣчалась тамъ съ нимъ и прижила трехъ дѣтей, а Басаргинъ вступилъ въ бракъ уже въ Туринскѣ съ Маріей Елисеѣвной Мавриной, дочерью подпоручика. Они до послѣдней минуты Ивашева жили душа въ душу, и Басаргинъ въ своихъ запискахъ съ большимъ чувствомъ рассказываетъ, какъ онъ спасъ своего друга въ Читѣ отъ безумнаго намѣренія бѣжать, просьбой отложить это намѣреніе на недѣлю, въ продолженіе которой Ивашевъ получилъ письмо отъ матери дѣвицы Ле-Дантю съ извѣстіемъ, что ея дочь, давно любившая Ивашева, согласна пріѣхать къ нему въ Сибирь и выйти за него замужъ, а слѣдовательно исчезла всякая мысль о бѣгствѣ. Къ сожалѣнію, Басаргинъ, подробно описавъ свою жизнь съ Ивашевымъ на каторгѣ, причемъ онъ приводитъ уставъ артели, созданной тамъ ими и другими товарищами декабристами, перечисляетъ русскіе и заграничныя журналы и газеты, которые они получали, записываетъ отзывъ о декабристахъ коменданта Петровскаго завода, генерала Лепарскаго, сказавшаго имъ на прощаніи, что «еслибъ на ихъ мѣстѣ были все Вашингтоны, то и они не могли бы лучше вести себя» и т. д.,—представляетъ очень мало свѣдѣній объ ихъ спокойномъ, сравнительно съ прежней ихъ жизнью, счастливомъ существованіи въ Туринскѣ. Въ матеріальномъ отношеніи они оба были вполне обеспечены получаемыми отъ родственниковъ средствами и выстроили себѣ каждый по деревянному на каменномъ фундаментѣ дому, которые обошлись: одинъ въ 8,132 рубля, а другой въ 2,932 рубля. «Вели Ивашевы, по словамъ Дмитріева-Мамонова, скромный, семейный образъ жизни, оказывали нерѣдко помощь страждущимъ и бѣднымъ жителямъ Туринскаго округа, а потому пользовались любовью и расположеніемъ къ нимъ населенія, оставивъ по себѣ добрую память. Что касается до Басаргина, то, находясь въ тѣсной дружбѣ съ семействомъ Ивашевыхъ, онъ жилъ въ первые годы на поселеніи почти одной жизнью съ Ивашевыми, не набирая себѣ опредѣленной дѣятельности». Басаргинъ самъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «несмотря на наше разсѣянiе по всей Сибири, мы, всѣ декабристы, составляли одно семейство; переписывались другъ съ другомъ, знали, гдѣ и въ какомъ положеніи каждый изъ насъ находился, и сколько возможно помогали одинъ дру-

гому. Рѣдко, очень рѣдко случалось намъ слышать что нибудь неприятное о комъ либо изъ товарищей. Напротивъ, всѣ извѣстiя, доходившiя до насъ, были самыя утѣшительныя; всѣ мы вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили, пользовались общимъ уваженiемъ и съ достоинствомъ шли тѣмъ путемъ, который Провидѣнiю угодно было назначить каждому изъ насъ. Я увѣренъ, что добрая молва о насъ сохранится надолго по всей Сибири, и что многiе скажутъ сердечное спасибо за ту пользу, которую пребыванiе наше имъ доставило. Неудивительно послѣ этого, что всѣ искали нашего знакомства, и что нѣкоторые изъ прежнихъ нашихъ сослуживцевъ, увидя кого либо изъ насъ послѣ 20 или 30-ти-лѣтней разлуки, позабывали различiе взаимныхъ общественныхъ положенiй нашихъ, встрѣчались съ нами съ прежней дружбой и откровенно сознавались, что во многихъ отношенiяхъ мы счастливѣе ихъ». Но не долго прожили Ивашевы и Басаргинъ въ Туринскѣ. 28-го декабря 1839 года умерла отъ нервической горячки Камила Петровна, а ровно черезъ годъ, въ тотъ же самый день скончался ея мужъ отъ апоплексическаго удара. Дѣтямъ ихъ дозволено было отправиться въ Россiю къ родственникамъ, а ихъ вѣрный другъ Басаргинъ, не желая оставаться болѣе въ Туринскѣ, просилъ о переводѣ его въ другой городъ. Черезъ два года его водворили въ Курганъ, гдѣ онъ и жилъ 4 года, а затѣмъ ему было дозволено поступить на гражданскую службу, и онъ находился канцелярскимъ служителемъ 4-го разряда въ городѣ Омскѣ полтора года, а потомъ до возвращенiя въ Россiю канцелярскимъ чиновникомъ при земскомъ судѣ въ Ялуторовскѣ. Излишне прибавлять, что какъ объ Ивашевѣ, такъ и о Басаргинѣ мѣстныя власти и начальство всегда отзывались съ лучшей стороны, и только въ 1845 году тобольскiй губернаторъ Энгельке, не объявляя причинъ, побудившихъ его измѣнить свою прежнюю хорошую аттестацiю о Басаргинѣ, показалъ въ вѣдомости, что поведенiе его «порядочное».

III.

Собственно говоря, въ городѣ Тарѣ, Тобольской губернiи, не было декабристской колонiи, какъ въ Ялуторовскѣ, Курганѣ и Тобольскѣ, а въ немъ только жило три декабриста—Башмаковъ, баронъ Штейнгель и князь Друцкiй-Горскiй. Всѣ они трое представляли исключительныя явленiя среди декабристовъ: первый имѣлъ опороченное прошедшее, второй занимался доносами на товарищей, а послѣднiй былъ человѣкомъ очень безпокойнымъ и постоянно жаловался на администрацiю, тогда какъ другiе декабристы старательно воздерживались отъ этого. Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ былъ полковникомъ артиллерiи, когда попалъ подъ судъ за растрату суммъ и былъ разжалованъ въ рядовые, а затѣмъ за принадлежность къ тайному

обществу приговоренъ къ поселенію и водворенъ въ Тарѣ, куда явился уже старикомъ. Не имѣя никакихъ средствъ, не получая ничего отъ родственниковъ и не будучи способенъ къ труду, онъ сначала существовалъ на оказываемую ему помощь декабристами, преимущественно княгиней Волконской, а потомъ на казенное пособіе. Мѣстныя власти отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ скромнаго, хорошаго поведенія, но ничѣмъ не занимающемся, кромѣ чтенія духовныхъ книгъ. Въ 1845 г. онъ былъ по его просьбѣ переведенъ въ Курганъ, а затѣмъ въ Тобольскъ, гдѣ дожилъ до восьмидесяти пятилѣтняго возраста, отказавшись отъ возвращенія въ Россію по старости и неимѣнію родственниковъ. О немъ очень сочувственно отзывался баронъ Розенъ, говоря: «знаменитый батареинный командиръ въ Отечественную войну, Башмаковъ, послѣ заключенія мира оставался съ своей батареей во Франціи, а по возвращеніи въ Россію въ 1818 году имѣлъ несчастье утратить, или проиграть казенную сумму и былъ разжалованъ въ солдаты; сосланный въ Сибирь, онъ жилъ въ крайней бѣдности, но ни несчастье, ни старость, ни нужда не могли согнуть храбраго артиллериста».

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, отставной полковникъ, отнесенный къ третьему разряду государственныхъ преступниковъ и отбывъ каторжныя работы, былъ водворенъ въ Ишимѣ. Онъ самъ желалъ поселенія въ этомъ городѣ и въ письмѣ къ графу Бенкендорфу просилъ перевода туда поближе къ многочисленной семьѣ, оставшейся въ Россіи, и о «представительствѣ передъ его императорскимъ величествомъ, какъ о всемилостивѣйшемъ его прощеніи въ сердцѣ своемъ, считая сію милость потребностью души своей на часъ смертный». Просьбы Штейнгеля были обѣ уважены, и графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ генераль-губернатора Восточной Сибири генерала Броневскаго, что государь изволилъ отозваться: «Давно уже простилъ въ душѣ, какъ Штейнгеля, такъ и прочихъ государственныхъ преступниковъ». Проживъ въ Ишимѣ три года, на пособіи отъ казны, Штейнгель снова сталъ ходатайствовать о переводѣ его въ Тобольскъ все для того же сближенія съ семьей. И эта просьба была исполнена, но въ Тобольскѣ начались постоянныя препирательства Штейнгеля съ властями, безконечныя жалобы въ Петербургъ и открытая борьба съ генераль-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, который вообще былъ очень добръ и снисходителенъ къ декабристамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Басаргинъ, баронъ Розенъ и Францева. Весь сыр-боръ загорѣлся отъ того, что до свѣдѣнія князя дошло, что тобольскій гражданскій губернаторъ Ладыженскій, съ женой котораго Штейнгель былъ знакомъ съ дѣтствѣ, не только принималъ его дружески въ своемъ домѣ, но оказывалъ ему полное довѣріе и даже поручалъ писать важныя казенныя бумаги. Подобное вліяніе Штейнгеля на Ладыженскаго и его участіе въ мѣстномъ управленіи генераль-губернаторъ призналъ неудобными,

но на всѣ его указанія по этому поводу Ладыженскому тотъ отвѣчалъ, что слухи о занятіи Штейнгелемъ дѣлами несправедливы, а свое участіе къ нему объяснилъ состраданіемъ къ бѣдному старцу, уже наказанному 17-ти-лѣтней ссылкой и чисто-сердечно раскаявшемуся. Тогда князь Горчаковъ распорядился о переводѣ Штейнгеля въ Тару и обо всемъ донесъ въ Петербургъ, обвиняя Ладыженскаго въ томъ, «что онъ завелъ какую-то собственную канцелярію, дабы съ большимъ удобствомъ и болѣе тайной допускать Штейнгеля къ разсмотрѣнію и направленію производящихся по губерніи дѣлъ, и изъ этой канцеляріи подъ фирмой губернатора выходятъ иногда престранные резолюціи и проекты». Съ своей стороны и Штейнгель, отправленный въ Тару, но съ большими проволочками, обратился къ графу Бенкендорфу съ жалобой на князя Горчакова, называя надзоръ надъ нимъ генераль-губернатора сикофантизмомъ, а переводъ въ Тару безчеловѣчіемъ, безнравственностью, просто убійствомъ и оскорбленіемъ самодержавія его величества. Въ отвѣтъ графъ Бенкендорфъ сообщилъ князю Горчакову, что Штейнгеля слѣдовало перевести за наказанье въ отдаленную деревню, а Ладыженскому сдѣлать замѣчаніе за промедленіе въ отправкѣ Штейнгеля изъ Тобольска. Но князь Горчаковъ счелъ излишнимъ подвергать Штейнгеля отвѣтственности за дерзкія рѣчи, относившіяся не до правительства, а лично до него, и оставилъ его въ Тарѣ. Но безпокойный старикъ не унимался и черезъ два года сталъ снова просить о переводѣ въ Тобольскъ или Тюмень. Графъ Орловъ, замѣтившій между тѣмъ графа Бенкендорфа, сообщилъ князю Горчакову, что въ виду прежняго поступка Штейнгеля возвратитъ его въ Тобольскъ было бы неумѣстно, но что въ водвореніи его въ Тюмени отказывать не было причины, если со стороны мѣстной администраціи нѣтъ препятствій. Эти препятствія нашлись, и князь Горчаковъ прямо заявилъ, что «переводъ Штейнгеля въ Тюмень, ближайшій во всей Сибири къ Россіи городъ, былъ бы особенной милостью, которою никто изъ сихъ господъ (государственныхъ преступниковъ), далеко превосходящихъ нравственностью Штейнгеля, не пользуется, и это снисхожденіе послужило бы примѣромъ безсилія мѣстной власти надъ государственными преступниками, и наконецъ по случаю утвержденія въ семь городѣ, лежащемъ на большой дорогѣ, ярмарки, господинъ Штейнгель пріобрѣлъ бы возможность свободнаго сообщенія со всей Россіей и обширное поле къ кознямъ, коими онъ въ продолженіе всей своей жизни отличался». На этомъ основаніи просьба Штейнгеля была оставлена безъ отвѣта, а когда черезъ годъ онъ снова обратился съ письмомъ къ графу Орлову, въ которомъ выражался: «неужели важность христіанскаго правительства состоятъ въ непреклонномъ равнодушіи къ воплямъ обиженныхъ!» и «есть же Богъ, вѣчность, потомство! Страшно насмѣхаться ими», то ему было объявлено, «что если онъ не станетъ

излагать свои письма осторожнѣе, то подвергнется строгому взысканію». Такимъ образомъ восемь лѣтъ провелъ Штейнгель въ Тарѣ, и только когда князя Горчакова замѣнилъ Г. Х. Гасфордъ, и онъ снова сталъ просить о возвращеніи въ Tobольскъ, то желаніе семидесятилѣтняго старика уважили на томъ основаніи, что мѣстныхъ власти въ Тарѣ отозвались о немъ съ хорошей стороны и засвидѣтельствовали, что онъ велъ себя скромно и занимался чтеніемъ книгъ. Въ 1856 году баронъ Штейнгель вернулся въ Россію.

Еще болѣе безпокойнымъ и непріятнымъ человѣкомъ не только для властей, но и для декабристовъ былъ князь Друцкій-Горскій. Собственно онъ не былъ настоящимъ декабристомъ, и хотя Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ, что онъ принадлежалъ къ составу сѣвернаго общества, но, по его же словамъ, верховный уголовный судъ не включилъ Горскаго ни въ одинъ изъ разрядовъ государственныхъ преступниковъ, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь на житье безъ ограниченія правъ, по особому высочайшему повелѣнію. Декабристы не признавали его товарищемъ; Розенъ говоритъ, что въ его личности было много таинственнаго, а Басаргинъ утверждаетъ, что онъ вовсе не принадлежалъ къ тайному обществу, что слѣдствіе доказало его непричастность, и что если его сослали въ Сибирь, то лишь за появленіе на площади 14-го декабря, дерзкіе отвѣты и прежнюю свою строптивость. Самъ Горскій всегда клялся, что онъ не декабристъ, объяснялъ свое появленіе на площади случайностью и, находясь въ Сибири, доносилъ на декабристовъ Ентальцева, Фохта и Черкасова, обвиняя ихъ въ мятежническихъ замыслахъ. Дѣйствительно, князь Юсифъ Викентьевичъ Друцкій-Горскій, называемый Розеномъ и Басаргинымъ княземъ Грабе-Горскимъ и просто статскимъ совѣтникомъ Грабе-Горскимъ, въ его собственной запискѣ, поданной жандармскому полковнику Кельчевскому и напечатанной въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ» ¹⁾, былъ дѣйствительно странной, темной личностью. Онъ самъ рассказывалъ Басаргину, что принадлежалъ къ богатой, знатной польской семьѣ, находившейся въ родствѣ съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ, у котораго онъ началъ службу пажемъ. Потомъ онъ находился на русской военной службѣ и участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 г., получилъ нѣсколько ранъ и вслѣдствіе ихъ долженъ былъ перейти въ гражданское вѣдомство. Онъ былъ вице-губернаторомъ на Кавказѣ и, по его словамъ, лишился этого мѣста по непріятностямъ съ министерствомъ финансовъ. Во всякомъ случаѣ онъ временно проживалъ въ Петербургѣ, когда произошло 14-ое декабря, вслѣдствіе чего былъ отправленъ на житье сначала въ Березовъ, гдѣ пользовался сравнительно съ другими ссыльными поселенцами особыми привиллегіями, именно квартирой отъ обы-

¹⁾ Девятнадцатый Вѣкъ, издаваемый П. Вартневимъ. Кн. I, 1872 г. Москва, стр. 201.

вателей съ отопленіемъ. Онъ этимъ не довольствовался и сталъ просить, чтобъ ему назначили пенсію за его старую службу; это ходатайство было уважено, и онъ началъ получать по 1,200 рублей ассигнаціями въ годъ. Тогда онъ принялся просить о переводѣ его въ лучший климатъ, и въ этомъ ему не отказали, а дозволили переѣхать въ Тару. Но когда онъ явился въ этотъ городъ, то обратилъ на себя общее вниманіе болѣзненной раздражительностью и озлобленіемъ, первымъ проявленіемъ которыхъ былъ доносъ на трехъ декабристовъ, Ентальцева, Фохта и Черкасова, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Березовѣ. Они сначала относились къ нему сочувственно, какъ къ товарищу по несчастью, но потомъ, убѣдившись въ его строптивомъ и надменномъ характерѣ, стали отъ него отвертываться, какъ и вообще всѣ жители города. По этой или другой причинѣ, Горскій, живя уже въ Тарѣ, взвелъ на нихъ самыя черныя клеветы, именно онъ обвинялъ ихъ въ мятежническихъ замыслахъ, въ ненависти къ правительству и въ возстановленіи мѣстнаго населенія противъ властей; кромѣ того, спеціально Ентальцева онъ уличалъ въ развратной жизни. Произведеннымъ дознаніемъ оказалась вся ложность этихъ доносовъ и на повѣрку вышло, что оклеветанные имъ люди пользуются общимъ уваженіемъ, ведутъ себя отлично и ни въ чемъ не повинны, а напротивъ самъ Горскій отличался безпокойнымъ нравомъ, имѣлъ самую плохую репутацію и казался столь страшнымъ человѣкомъ, что его именемъ пугали дѣтей. Не только въ Березовѣ всѣ мѣстные жители дали неблагопріятный отзывъ о немъ, но и власти въ Тарѣ аттестовали его человѣкомъ злымъ, коварнымъ, вступающимъ въ дѣла, ему не принадлежація, и «отлично приверженнымъ къ полякамъ, коихъ прежнія права защищаетъ съ жаромъ». Такимъ образомъ на доносчика былъ также сдѣланъ доносъ, онъ былъ арестованъ по обвиненію въ сообщничествѣ съ сосланными въ Сибирь поляками произвести бунтъ и три года содержался въ заточеніи. Наконецъ онъ былъ оправданъ и препровожденъ на жительство въ Омскъ, гдѣ продолжалъ вести безпокойную жизнь и постоянно заводилъ кляузныя дѣла, благодаря чему его аттестовали губернаторы «человѣкомъ, ведущимъ себя порядочно, но имѣющимъ наклонность къ ябедѣ». Въ Омскѣ онъ жилъ очень скромно, даже часто нуждался въ матеріальныхъ средствахъ и, — какъ рассказываетъ Басаргинъ, — постоянно жаловался, что въ Тарѣ при его арестѣ забрали у него денегъ и имущества на 6 милліоновъ и никогда не возвратили. Басаргинъ свидѣтельствуетъ, что Горскій показывалъ ему опись этихъ денегъ и имущества съ подписью генерала-губернатора Западной Сибири, Вельяминава, а такъ какъ ему былъ извѣстенъ почеркъ Вельяминава, то Басаргинъ считаетъ эту опись справедливой, но прибавляетъ: «Какъ онъ нажилъ такія деньги, и откуда онѣ ему достались, зналъ только онъ самъ и его собственная совѣсть». Что касается Дмитріева-Мамонова,

то объ этомъ обстоятельствѣ онъ говоритъ только слѣдующее: «Горскій велъ въ Тарѣ жизнь весьма скромную, хотя располагалъ большими денежными средствами и драгоцѣннымъ имуществомъ, пересланными ему изъ Россіи черезъ посредство тобольскаго губернатора И. Д. Сомова, а при арестѣ его все имущество, заключающееся въ билетахъ московскаго и с.-петербургскаго опекунскихъ совѣтовъ на сумму два милліона рублей ассигнаціями, а также въ драгоцѣнныхъ вещахъ на сумму до 900.000 тысячъ, было отобрано и затѣмъ конфисковано». Что сдѣлалось потомъ съ этимъ крупнымъ имуществомъ, не извѣстно, а самъ Горскій рассказывалъ Басаргину, что онъ получилъ свои деньги и драгоцѣнности отъ жены, переславшей ихъ ему черезъ друга, губернатора Сомова, а его предали суду только съ цѣлью воспользоваться этимъ имуществомъ, которое никогда ему не возвратили, не смотря на всѣ его жалобы и просьбы, подаваемые высшему начальству. Для его же успокоенія ему назначили отъ правительства 1.200 рублей и утвердили въ княжескомъ достоинствѣ. Какъ самъ Горскій былъ темной личностью, такъ и темна исторія объ его милліонахъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ еще кляузное дѣло съ своей дочерью, которую онъ обвинялъ въ укрывательствѣ и растратѣ ввѣреннаго ей имущества, а по слѣдствію оказалось, что она находилась въ Петербургѣ въ самомъ несчастномъ положеніи. Наконецъ 7 іюля 1849 г. князь Друцкій-Горскій умеръ въ Омскѣ на восемьдесятъ-четвертомъ году жизни.

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

АЯ ПЯТНАДЦАТАГО, текущего года исполняется 50 лѣтъ со дня утвержденія императоромъ Николаемъ Павловичемъ «статутъ» перваго русскаго археологическаго общества, названнаго тогда «археологическо-нумизматическимъ»¹⁾. Въ виду этого считаемъ не лишнимъ напомнить въ бѣгломъ очеркѣ главнѣйшіе моменты изъ полувѣковой жизни означеннаго ученаго учрежденія.

Возникновеніе нашего перваго археологическаго общества совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда на Западѣ археологія уже занимала весьма видное мѣсто въ ряду научныхъ дисциплинъ; когда труды Петерсена, Миллена, К. Миллера и др. навсегда упрочили за ней положеніе самостоятельной науки, и когда цѣлый рядъ археологическихъ обществъ, возникавшихъ довольно часто еще въ первой четверти XIX столѣтія, только способствовали ея дальнѣйшему развитію.

Хотя у насъ археологическія розысканія начинаютъ производиться еще въ XVIII вѣкѣ то правительствомъ, то частными лицами, но въ теченіе всего этого столѣтія наши предки не могли отрѣшиться отъ взгляда на матеріалъ, добываемый при раскопкахъ, какъ на «рѣдкости», и помѣщали его не въ музеи, а въ кунсткамеры. О научной обработкѣ этого матеріала, конечно, не могло быть и рѣчи.

Въ 1815 г. возобновляется дѣятельность открытаго еще въ 1804 г. при Московскомъ университетѣ общества исторіи и древ-

¹⁾ Празднованіе 50 лѣтняго юбилея отложено до декабря сего года.

ностей российских, а въ 1839 г. открывается подобное же общество и при Новороссийскомъ университетѣ. Первое время оба общества усердно занимались древностями, но эти занятія не имѣли строго-научнаго значенія; многія изъ археологическихъ знаній, въ особенности по части изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ, оставались совершенно нетронутыми ¹⁾).

Между тѣмъ богатые результаты раскопокъ, производимыхъ на югѣ Россіи въ началѣ столѣтія, много способствовали, съ одной стороны, установленію въ умахъ русскихъ ученыхъ правильнаго взгляда на археологію, какъ на научную дисциплину, а съ другой, возбудили сильный интересъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Послѣ счастливой находки де-Брюкса, которому удалось въ 1831 г. открыть знаменитую Кулѣбскую вазу, раскопки значительно учащаются, и для ихъ производства начинаютъ составляться цѣлыя экспедиціи, съ довольно правильной организаціей, и отъ правительства и отъ частныхъ лицъ. Все болѣе и болѣе увеличивающееся такимъ образомъ число добываемыхъ при раскопкахъ предметовъ древности, естественно, должно было возбудить вопросъ и о сохраненіи ихъ и о научной обработкѣ, словомъ вызвать къ жизни такія учрежденія, которыя бы исключительно были посвящены занятію археологіей. Особенно настойчиво задавались мыслію объ открытіи подобнаго учрежденія въ нашемъ научномъ центрѣ слѣдующія лица: 1) князь Мих. Петр. Баратаевъ, 2) Ив. Ал. Бартоломей, 3) князь Теофиль Григ. Гагаринъ, 4) П. И. Демезонъ, 5) князь С. В. Долгоруковъ, 6) Фл. Ан. Жиль, 7) князь Р. Н. Кантакузинъ, 8) Е. Е. Келеръ, 9) Б. В. Кене, 10) А. А. Куникъ, 11) Э. Г. Муральтъ, 12) А. Э. Прейсъ, 13) Як. Як. Рейхель, 14) П. П. Сабатье, 15) Л. П. Сабатье, 16) П. Ст. Савельевъ, 17) Ф. Ф. Сегенъ, 18) князь А. А. Сибирскій, 19) графъ А. С. Строгановъ, 20) Мирза Джафаръ Тобгибашевъ, 21) графъ А. С. Уваровъ и 22) Х. Д. Френъ.

Имъ-то и удалось, благодаря содѣйствію и поддержкѣ просвѣщеннаго тогдашняго президента академіи наукъ, герцога Лейттенбергскаго, исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ С.-Петербургѣ «археологическо-нумизматическаго общества».

Поэтому имена ихъ, какъ учредителей перваго русскаго археологическаго общества, должны быть особенно памятны и дороги всѣмъ болѣе или менѣе интересующимся отечественными древностями.

¹⁾ См. о дѣятельности этихъ обществъ въ области археологіи нашу статью: «Археологическія общества въ Россіи» въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрова, полут. III. «истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXLV.

I.

Свои дѣйствія «археологическо-нумизматическое общество» открыло засѣданіемъ 17-го іюня 1846 г., въ лицѣ 22 членовъ-учредителей, подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго, который и былъ первымъ его предсѣдателемъ до конца своей жизни (1852 г.). Въ отчетѣ этого засѣданія опредѣлялись и подробности цѣли вновь учреждаемаго общества; «посредствомъ него,—читаемъ въ отчетѣ,—любители археологіи и нумизматики могли бы найдти въ постоянныхъ сношеніяхъ и, сообщая взаимно плоды розысканій и трудовъ своихъ, принести нѣкоторую пользу наукамъ въ отечествѣ, распространяя въ ономъ и внѣ предѣловъ имперіи полезныя свѣдѣнія о фактахъ «археологіи и нумизматики». Самая же цѣль общества формулирована въ § 1 «статутовъ» слѣдующимъ образомъ: «Цѣль общества будетъ состоять не только въ изученіи классической археологіи въ собственномъ ея смыслѣ, но и въ особенностяхъ археологіи и нумизматики новѣйшихъ временъ странъ западныхъ и восточныхъ. Оно будетъ имѣть въ виду также ознакомленіе съ существованіемъ монетъ, медалей и изящныхъ произведеній древности, еще неизвѣстныхъ въ ученомъ мірѣ, которыя бы могли быть открыты въ Россіи». На установленіе такого рода цѣли и на то, что общество въ первое время строго держалось только ея главной части, ограничивая кругъ своихъ занятій исключительно археологіею классическою и нумизматикою новѣйшихъ временъ, и притомъ преимущественно странъ западныхъ, вліяли слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, еще мало было извѣстно предметовъ древностей чисто русскихъ; во-вторыхъ, всѣ почти тогдашнія находки относились къ міру античному и, наконецъ, перевѣсъ научныхъ силъ въ то время, по крайней мѣрѣ, въ средѣ членовъ-основателей, былъ на сторонѣ иностранцевъ. Въ составъ должностныхъ лицъ общества: двухъ вице-президентовъ, двухъ секретарей, одного для русской корреспонденціи, а другого для иностранной, и казначея, вошли исключительно иностранцы. Вице-президентами были: Рейхель и Жиль, секретарями—д-ръ Кене и Бартоломей и казначеемъ—Демезонъ. Вслѣдствіе этого въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія общества постоянно даже нарушался § 9 его «статутовъ», въ которомъ читаемъ, что «общество издаетъ статьи о своихъ трудахъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и обязано заботиться, дабы тѣ изъ нихъ, которые касаются собственно до Россіи, были всегда писаны или переводимы на природный языкъ». Между тѣмъ всѣ даже русскіе сочлены должны были представлять статьи въ общество, написанныя на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Периодическое изданіе его, первый томъ котораго вышелъ въ 1847 г., носило слѣдующее названіе: *Mémoires de la Société Ar-*

cheologique et de Numismatique de St.-Petersbourg. Всѣ статьи и рефераты, напечатанные въ «Mémoires», были написаны на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, и даже одна статья, кажется, В. В. Григорьева на англійскомъ языкѣ. Содержаніе же статей, принадлежащихъ большею частію перу Рейхеля, Кене, Муральта и Жилия, относилось преимущественно къ области западной и восточной нумизматики¹⁾.

Въ 1849 г., 26 октября, былъ высочайше утвержденъ новый уставъ общества, съ переименованіемъ послѣдняго въ «Императорское археологическое общество». Но по смыслу и этого новаго устава кругъ дѣйствій общества оставался тотъ же самый, ограниченный областью классической археологіи и нумизматики западной и восточной. «Предметомъ своимъ,—сказано въ § 1 устава,—общество имѣетъ изученіе археологіи классической, преимущественно же памятниковъ средневѣковыхъ, и нумизматики новѣйшей, какъ восточной, такъ и западной, обращая вниманіе въ особенности на монеты, медали и другіе предметы древняго искусства, находящіеся или открываемые въ Россіи».

Но какъ ни казалось твердо упроченнымъ за обществомъ «статутами» 1846 года, уставомъ 1849 года и наконецъ иностранными записками тѣсное направленіе его дѣятельности въ смыслѣ преимущественно западно-европейскомъ, однако же потребности времени, положеніе науки въ Россіи и вообще стремленія русской части членовъ общества сравнительно въ скоромъ времени измѣнили совершенно его характеръ. Почти при самомъ же началѣ существованія общества трудами русскихъ членовъ стало подготавливаться особое изданіе на русскомъ языкѣ, въ видѣ отчетовъ, съ прибавленіемъ статей, относящихся къ русскимъ древностямъ. Членъ-основатель общества, П. С. Савельевъ, особою запискою, читанною въ первомъ засѣданіи 1847 г., обратилъ вниманіе членовъ на древности Востока, особенно мусульманскаго, находящагося съ глубокой древности въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашимъ отечествомъ. Уступая этому теченію, вносящему въ кругъ занятій общества древности русскія и восточныя, находящіеся въ связи съ первыми, общество рѣшило, наконецъ, независимо отъ «Mémoires» и одновременно съ ними издавать «Записки» на русскомъ языкѣ, первый томъ которыхъ вышелъ въ 1849 г., подъ редакціей П. С. Савельева. Въ этомъ же году на мѣсто Бартоломея секретаремъ для веденія корреспонденціи на русскомъ языкѣ былъ выбранъ П. С. Савельевъ.

Къ означенному году относится и еще одно мѣропріятіе общества въ пользу русской археологіи, а именно съ 1849 г. общество, по мысли графа А. С. Уварова, для привлеченія лицъ образованныхъ къ занятію археологіей, стало прибѣгать къ назначенію премій,

¹⁾ Всѣхъ томовъ «Mémoires» по 1852 г. вышло 6, по 1 въ годъ.

сначала въ 300 р., а затѣмъ и болѣе, за оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ по «русской нумизматикѣ или изъ круга древностей русскихъ». И отвѣтомъ на заданныя обществомъ темы вскорѣ же поступили такія капитальныя изслѣдованія, какъ изслѣдованія: И. Е. Забѣлина—«О металлическомъ производствѣ въ Россіи», Ровинскаго—«Исторія русскаго иконописанія», Тизенгаузена «О саманидскихъ монетахъ», и др.

Такимъ образомъ, съ этого времени на ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ (по статутамъ, обыкновенныхъ и годовыхъ, къ которымъ уставъ 1849 г. прибавляетъ еще чрезвычайныя, созываемыя председателемъ по особымъ домашнимъ дѣламъ общества) предметомъ занятій общества становятся на ряду съ древностями классическими и западными—древности русскія, славянскія и восточныя.

Въ виду столь разнообразной и расширяющейся все болѣе и болѣе дѣятельности общества, его императорское высочество, герцогъ Лейхтенбергскій, въ февральскомъ засѣданіи 1851 г. предложилъ, «для большаго успѣха въ ученыхъ работахъ гг. членовъ, раздѣлить труды общества на слѣдующіе три отдѣла: 1) отдѣленіе русской и славянской археологіи, 2) отдѣленіе восточной археологіи и 3) отдѣленіе древне-классической, византійской и западно-европейской археологіи»,—каждое съ своимъ управленіемъ, состоящимъ изъ управляющаго и секретаря.

Предложеніе это было принято единогласно и вскорѣ же приведено въ исполненіе. Основаніе трехъ отдѣленій окончательно выдвинуло общество на новый путь—путь разработки преимущественно отечественной археологіи и тѣсно связанной съ нею славянской и восточной. Въ томъ же году на мѣсто Рейхеля и Жилия помощникомъ председателя общества былъ избранъ графъ Блудовъ (до 1864 года), человѣкъ весьма просвѣщенный и русскій по имени и сердцу.

Въ 1852 г. скончался герцогъ Лейхтенбергскій. Председателемъ общества государю угодно было утвердить изъявившаго на то согласіе его императорское высочество великаго князя Константина Николаевича, который состоялъ председателемъ общества до конца своей жизни (1892 года). Послѣ этого общество уже неуклонно держится изученія древностей преимущественно русскихъ или тѣсно связанныхъ съ Россіею. Печатаніе *Mémoires* было прекращено. Кромѣ издававшихся «Записокъ императорскаго археологическаго общества», въ 1851 году вышелъ 1-й томъ «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи». А вскорѣ, въ виду постояннаго возраставшаго числа работъ и статей, поступавшихъ въ общество отъ членовъ и постороннихъ ученыхъ, къ этимъ изданіямъ прибавились новыя: «Труды восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго общества» (1-й томъ вышелъ въ 1856 году), «Извѣстія восточнаго отдѣленія» (всего

вышло въ 1858—1860 гг. 5 выпусковъ, содержавшихъ перечень засѣданій восточнаго отдѣленія и небольшія статьи, извлеченныя изъ «Трудовъ») и «Извѣстія императорскаго археологическаго общества» (1-й томъ вышелъ въ 1859 году). Послѣднія предполагалось выпускать одновременно съ «Записками императорскаго археологическаго общества», что и продолжалось около 10 лѣтъ, и цѣль ихъ заключалась въ своевременномъ печатаніи протоколовъ засѣданій общества, а также въ помѣщеніи тамъ переписки его съ разными лицами и учреждениями и мелкихъ статей.

Въ новомъ уставѣ 1866 года, узаконившемъ всѣ происшедшія до сего года перемѣны во внутреннемъ устройствѣ общества, уже такъ опредѣлялась его цѣль: «Общество имѣетъ предметомъ своихъ занятій: изслѣдованіе по памятникамъ древности и старины, преимущественно отечественной, и распространеніе въ Россіи археологическихъ знаній вообще». При этомъ обществу присвоено наименование «Императорскаго русскаго археологическаго общества», и даровано право за особо примѣчательные археологическіе труды присуждать медали. Наконецъ, этимъ уставомъ обезпечено было и существованіе общества—ежегоднымъ пособіемъ изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 3,000 р., выдаваемымъ и прежде, но на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго нужно было входить съ новой просьбой.

Въ 1871 году исполнилось 25-ть лѣтъ со времени основанія общества. Празднованіе этого юбилея было ознаменовано созваніемъ въ С.-Петербургѣ 2-го археологическаго съѣзда (1-й былъ въ Москвѣ, въ 1869 году). При этомъ «въ воздаяніе за услуги, оказанныя обществомъ, отечественной наукѣ и для большаго его преуспѣванія» была увеличена казенная ежегодная субсидія до 5,000 р. Въ 1887 г. вышелъ новый уставъ общества, но онъ вводилъ только небольшія измѣненія въ чисто домашнемъ его быту; изъ нихъ болѣе крупными являлись: во-первыхъ, учрежденіе совѣта, которому надлежало вѣдать всѣ хозяйственныя и распорядительныя дѣла общества, распределять по соотвѣтствующимъ отдѣленіямъ поступающія въ общество сообщенія и представлять годовому собранію отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за минувшій годъ; затѣмъ образованіе редакціоннаго комитета, имѣющаго цѣлю «наблюденіе за своевременнымъ выходомъ въ свѣтъ изданій общества, а также опредѣленіе, какіе труды подлежатъ печатанію, и вообще редактированіе изданій», и, наконецъ, введеніе нѣкоторыхъ дополнительныхъ положеній относительно членовъ общества.

Дальнѣйшихъ измѣненій вплоть до настоящаго года общества въ своей ви́шней жизни не испытывало никакихъ. Лѣтъ уже 10 и, пожалуй, болѣе ежегодные доходы его колеблются отъ 7 до 6 тыс. р.; около тѣхъ же цифръ стоятъ и расходы, изъ которыхъ наиболѣе крупные отъ 4 и до 5½ тыс. р. падаютъ на изданія общества.

Составъ общества въ 1895 году былъ слѣдующій: покровитель общества Его Императорское Величество, Государь Императоръ; предсѣдатель—его императорское высочество, государь великій князь Константинъ Константиновичъ (съ 1892 года); помощникъ предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ; секретарь—В. Г. Дружининъ; казначей—А. К. Марковъ; библиотечарь—А. Н. Шукаревъ; хранитель музея—В. Г. Бокъ; три управляющихъ отдѣленіями и три секретаря; 22 почетныхъ члена и въ ихъ числѣ: ихъ императорскіе высочества — Владиміръ Александровичъ, Сергій Александровичъ, Петръ Николаевичъ и Георгій Михайловичъ; 127 — дѣйствительныхъ членовъ, и членовъ-сотрудниковъ—русскихъ—87 и иностранныхъ—32.

II.

Научная дѣятельность дѣйствительно нашего русскаго археологическаго общества начинается собственно съ того момента, когда въ немъ образовались уже упомянутыя три отдѣленія, и выразилась главнымъ образомъ въ составленіи засѣданій, въ редактированіи и печатаніи своихъ изданій, производствѣ раскопокъ и участіи въ археологическихъ съѣздахъ.

Съ открытіемъ отдѣленій общихъ засѣданій обыкновенно бывало отъ 3 до 5 въ годъ, на нихъ, кромѣ текущихъ дѣлъ (отчетовъ отдѣленій, комиссій, годового отчета и друг.), читались болѣе выдающіеся доклады или имѣющіе болѣе общій характеръ. Первое время довольно частыми докладчиками были: Савельевъ, Срезневскій, Савваитовъ и Прозоровскій.

Какъ протоколы засѣданій, такъ рефераты и другія статьи членовъ печатались въ упомянутыхъ общихъ органахъ общества: «Запискахъ» и «Извѣстіяхъ». «Записокъ» съ 1849 г. по 1859 г. вышло 14 томовъ; изъ нихъ первые два посвящены почти одной только нумизматикѣ восточной и западной, за то всѣ остальные изобилуютъ статьями по археологіи русской и восточной. Какъ на наиболѣе цѣнныя и крупныя изъ нихъ слѣдуетъ указать на изслѣдованія: И. Е. Забѣлина — «О металлическомъ производствѣ въ Россіи» (V т.) и «Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценнаго дѣла въ Россіи» (VI т.); Тизенгаузена—«О саманидскихъ монетахъ» (*ibidem*); Лакіера—«Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до Петра I» (V т.) и «О русской геральдикѣ» (VII т.); Ровинскаго—«Исторія русскаго иконописанія до конца XVII вѣка» (VIII т.); архимандрита Макарія—«Памятники древности въ Пермской губерніи» (*ibidem*); Савваитова—«Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора», съ приложеніемъ объяснительнаго указателя (XI т.); Д. И. Прозоровскаго—«Монета вѣсъ въ Россіи до конца XVII вѣка» (XII т.); Савельева—«Монеты джучидскія, джага-

тайскія и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша» (ib.), и Березина—«О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ», пер. изъ «Исторіи монголовъ» Рашидъ-Эдина (XIV т.).

Съ прекращеніемъ «Записокъ» въ 1859 г., съ этого же года стали выходить «Извѣстія», которыхъ до 1884 г. вышло 10 томовъ, заключающихъ, кромѣ «лѣтописи» общества, небольшія статьи и доклады преимущественно изъ круга древностей русскихъ и восточныхъ. Авторами ихъ были: Срезневскій, арх. Макарій, Савваитовъ, Григорьевъ, Суворовъ, Прозоровскій, Куникъ и друг.

Съ 1886 г. стала выходить 2-я серія «Записокъ императорскаго русскаго археологическаго общества», послѣдній томъ ихъ— VII-й, вышелъ въ 1895 г. По характеру своихъ статей эти «Записки» тѣсно примыкаютъ къ первой ихъ серіи и въ то же время заключаютъ изслѣдованія, посвященныя древностямъ византійскимъ и античнаго міра, напримѣръ, Д. О. Бѣляева—«Обзоръ главныхъ частей Большаго дворца византійскихъ царей» (V-й т.) и «Ежегодные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв.» (VI-й т.); Жебелева—«Религіозное врачеванье въ древней Греціи» (ibid.) и Дагелайскаго—«Крылатая фигура въ античномъ искусствѣ» (VII т.). Въ послѣднемъ же томѣ имѣется одна статья, кажется, въ видѣ исключенія, посвященная русской исторіи XVI вѣка—«Нѣсколько документовъ XVI-го вѣка изъ флорентійскаго государственнаго архива», сообщилъ Левицкій. (Изъ нихъ неизвѣстною доселѣ является грамота царя Бориса Оедоровича тосканскому герцогу, Фердинанду де-Медичи, 1602 г.).

Въ заключеніе объ изданіяхъ общества приведемъ перечень отдѣльно напечатанныхъ его трудовъ:

- 1) Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. (Рисунки съ фресокъ). 4 выпуска (1871—1887); (обстоятельное изслѣдованіе ихъ, принадлежащее гг. Айналову и Рѣдину, помѣщено въ IV томѣ, вып. III и IV, 1890 г.).
- 2) Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Facsimile съ Сильвестровскаго списка XVI вѣка, съ предисловіемъ И. И. Срезневскаго.
- 3) Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губерніи—архимандрита Макарія.
- 4) Описаніе новгородскаго Софійскаго собора, составленное прот. Соловьевымъ, съ указателемъ Савваитова.
- 5) Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ—Вельяминова-Зернова. 3 части.
- 6) Словарь джагатайско-турецкій—его же.
- 7) Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи Кене.
- 8) Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго—его же.
- 9) Жизнь и труды П. С. Савельева—Григорьева.
- 10) Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ императорскаго археологическаго общества—Прозоровскаго. (2 изданія—въ 1864—1868 г.).

- 11) О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ—архимандрита Антонина.
- 12) Повѣдка въ Румелию—его же.
- 13) Изъ Румелии—его же.
- 14) Труды 2-го археологическаго съѣзда.
- 15) Рукопись Констанцкаго собора.
- 16) Археологическіе труды Оленина—2 тома.
- 17) Очеркъ жизни и дѣятельности Полѣнова—Хрущева.
- 18) Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ императорскаго археологическаго общества—Прозоровскаго.
- 19) Монета и вѣсъ въ Россіи—его же.
- 20) Опись предметовъ, хранящихся въ музеѣ императорскаго археологическаго общества—его же.
- 21) Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ.
  - а) Зодчество древняго Египта—Прахова.
- 22) Рязанскія древности.
- 23) Собраніе древнихъ памятниковъ въ Павловскѣ—Стефани.
- 24) Монеты восточнаго халифата—Тизенгаузена.
- 25) Сборникъ еврейскихъ надписей—Хвольсона.
- 26) Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. Составилъ Н. И. Веселовскій.
- 27) Библиографическое обозрѣніе трудовъ императорскаго русскаго археологическаго общества—до 1871 г.—Полѣнова.
- 28) *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae...* edidit Basilius Latyschev, vol. I (1885), II (1890).
- 29) *Bemerkungen auf Anlass einer wissenschaftlichen Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küsten Ländern des Kaspischen Meeres in den Jahren 1860—1861.* Von B. Dorn. (Оконченъ печатаніемъ въ 1895 г., а начатъ въ 1876 г.).
- 30) *Atlas zu Bemerkungen...* 1895 г. (подъ редакціей барона Розена).

Уже изъ одного перечня выдающихся статей въ періодическихъ органахъ общества и отдѣльныхъ изданій видно, что въ программу его научныхъ занятій вошла археологія, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ. Печатались не только статьи и рефераты, касавшіеся разныхъ сторонъ археологической науки, но и подробныя монографіи по отдѣльнымъ предметамъ ея, подлинныя тексты замѣчательныхъ письменныхъ памятниковъ, съ переводами и объясненіями, ученныя путешествія и даже обширныя изслѣдованія въ области исторической.

По части раскопокъ дѣятельность общества была не широка и почти всецѣло исчерпывается работами г. Ивановскаго (С.-Петербургская и Новгородская губ.), Бранденбурга (С.-Петербургская губ.) и Виноградова (Новгородская, Тверская и Ярославская). Обширная коллекція добытыхъ предметовъ древности г. Ивановскаго находится теперь въ императорскомъ историческомъ музеѣ. Съ 1889 г., въ силу высочайшаго указа, какъ производство раскопокъ, такъ и реставрація памятниковъ отошли отъ общества въ археологическую комиссію.

Наконецъ общество участвовало въ трудахъ и занятіяхъ археологическихъ съѣздовъ: антверпенскаго (1866 г.) и девяти, бывшихъ въ Россіи.

Обращаясь къ дѣятельности отдѣленій, мы должны замѣтить, что наибольшую энергію проявило «Отдѣленіе восточной археологіи». Засѣданія его происходили непрерывно съ перваго года основанія до настоящаго времени и даже, можно сказать, чаще, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ. Первый органъ его «Труды восточнаго отдѣленія», которыхъ вышло 17 томовъ, изобилуетъ капитальными изслѣдованіями и статьями по археологіи и исторіи Востока. Имена его главныхъ дѣятелей П. С. Савельева, Григорьева, Березина, Васильева и Тизенгаузена произносятся съ глубокимъ чувствомъ уваженія всѣми знатоками и любителями археологіи, не только восточной, но и вообще русской, такъ какъ дѣятельность, напримѣръ, Савельева оставила глубокіе слѣды и въ послѣдней. Не меньшимъ интересомъ и научнымъ значеніемъ отличаются статьи и рефераты, помѣщенные въ другихъ изданіяхъ отдѣленія: «Запискахъ восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества», начавшихъ выходить съ 1886 года, одновременно съ «Трудами»¹⁾. Какъ на наиболѣе выдающіяся изъ нихъ, слѣдуетъ указать на статьи барона Розена, редактора «Записокъ», Позднѣва, Цагарели, Гаркави, А. Маркова, Н. Марра и друг. Съ 1891 г. выходитъ новая серія «Трудовъ» восточнаго отдѣленія, и вышло уже два тома, содержащихъ «Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей», подъ редакціей Н. И. Веселовскаго.

Такая плодотворная дѣятельность отдѣленія, конечно, не можетъ быть объяснена одною энергіею ея просвѣщенныхъ членовъ; не малую долю вліянія и значенія въ этомъ имѣетъ и то обстоятельство, что восточное отдѣленіе было и есть единственное правильно организованное учрежденіе по занятіямъ древностями и исторіей Востока. Его только трудами могли руководствоваться всѣ наши оріенталисты и въ него только присылали они свои находки и изслѣдованія.

Изслѣдователи русскихъ и славянскихъ древностей могли сообщаться помимо отдѣленія русской и славянской археологіи съ историческими обществами и другими подобными имъ учрежденіями, отчего и наблюдаются колебанія въ состояніи этого отдѣленія, зависѣвшія по преимуществу отъ личнаго состава его руководителей и членовъ. Пока въ немъ дѣйствовали Сахаровъ, Срезневскій и Уваровъ, оно не только непрерывно собиралось для особыхъ засѣданій, но и издало два тома «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи», наполненныхъ статьями какъ названныхъ ученыхъ, такъ и другихъ извѣстныхъ нашихъ изслѣдователей русской старины: архимандрита Макарія, Савваитова, Тихонравова и др. Такъ успѣшно продолжало свою дѣятельность отдѣленіе до 1868 года; послѣ этого года до 1874 года въ его

---

¹⁾ Въ 1896 г. вышелъ IX-й томъ «Записокъ».

занятіяхъ происходитъ перерывъ. Возродившееся въ этомъ году, оно продолжаетъ свои занятія и по настоящее время, но за послѣдніе годы по рефератамъ, читаннымъ на его засѣданіяхъ, напоминаетъ болѣе историческое отдѣленіе. Изъ трудовъ его вышелъ только одинъ третій томъ «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи», и то около 20 лѣтъ тому назадъ.

Что же касается «отдѣленія классической, византійской и западно-европейской археологіи», то оно отчасти за отсутствіемъ матеріала, отчасти по недостатку научныхъ силъ сравнительно съ прочими отдѣленіями, и отчасти вслѣдствіе того, что древности классическія, византійскія и западно-европейскія возбуждали относительно меньшій интересъ, довольно рано прекратило свою дѣятельность. Засѣданія его, которыхъ обыкновенно бывало не болѣе 2—3 въ годъ, прекращаются на третій же годъ существованія отдѣленія. Существова, можно сказать, только номинально, оно изрѣдка собиралось для обсужденія какихъ либо частныхъ вопросовъ, касавшихся археологіи древней и западной. Такъ послѣ 1854 года оно впервые собирается для засѣданія въ 1866 году, главнымъ образомъ, по поводу находокъ и открытій, совершенныхъ экспедиціей археологическаго общества въ Западномъ краѣ. Слѣдующее его засѣданіе было въ 1874 году. Не много чаще собиралось отдѣленіе и въ послѣдующее время, и только въ самые послѣдніе годы оно начинаетъ проявлять свою дѣятельность не менѣе даже восточнаго отдѣленія. Специальнаго органа оно не имѣло никакого, хотя въ общемъ засѣданіи общества, 17 марта 1867 года, согласно просьбѣ его членовъ, и было разрѣшено особое изданіе подъ заглавіемъ: «Труды отдѣленія древне-классической, византійской и западно-европейской археологіи». Поэтому труды по археологіи классической и византійской, которыхъ въ послѣднее десятилѣтіе существованія общества стало появляться все болѣе и болѣе, докладывались на общихъ собраніяхъ общества и печатались въ «Извѣстіяхъ» и «Запискахъ Общества».

Въ заключеніе нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ о музеѣ и библиотекѣ общества. Музей возникъ при обществѣ въ первые же годы его существованія, благодаря богатому пожертвованію гр. Перовскаго; увеличиваемый и потомъ преимущественно пожертвованіями, онъ представляетъ сравнительно богатое собраніе: а) медалей и монетъ; б) предметовъ древности и в) старинныхъ рукописей. Къ сожалѣнію, послѣднее его описаніе относится къ 1879 году.

Вскорѣ за возникновеніемъ музея тоже большею частью путемъ пожертвованій стала пополняться и библиотека общества, и судя, по протоколамъ его, гдѣ печатаются всѣ поступленія въ общество, должна считаться одною изъ обширныхъ.

В. Рудаковъ.

АСКАЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТРУВОРОВЪ.

Некрологъ.

АРТА 30-го скончался директоръ археологическаго института Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ. Покойный принадлежалъ къ замѣтнымъ научнымъ дѣятелямъ по изслѣдованію памятниковъ отечественной старины, обладалъ большою энергіей и неутомимостью, которымъ исключительно и обязанъ своимъ положеніемъ, и которыя его, простого и бѣднаго учителя рисованія въ уѣздномъ училищѣ, подняли до поста директора археологическаго института и чина тайнаго совѣтника.

Аскалонъ Николаевичъ родился въ 1819 году въ селѣ Никольскомъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи. Родители его, по своей бѣдности, дали ему только знаніе грамоты. Но недюжинныя способности мальчика и его страсть къ рисованію обратили на него вниманіе курмышскаго помѣщика Шипилова, который въ 1831 году отправилъ его въ Москву для посѣщенія «Московского художественнаго класса» (нынѣ училище живописи, ваянія и зодчества); по окончаніи здѣсь курса онъ опредѣлился въ Строгановское училище техническаго рисованія и тутъ изучилъ черченіе. Въ 1843 г. Аскалонъ Николаевичъ поступилъ учителемъ рисованія и черченія въ Кузнецкое уѣздное училище по диплому, выданному императорской академіей художествъ, и пробылъ здѣсь до 1847 года. Въ этомъ году онъ выдержалъ при Казанскомъ университетѣ экзаменъ на учителя русскаго языка и вскорѣ же былъ назначенъ учителемъ этого предмета въ Сердобское уѣздное училище. Въ 1855 году мѣстные дворяне выбрали его засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ, и

онъ въ теченіе трехъ лѣтъ исправлялъ должность уѣзднаго судьи. Новая служба заставила Аскалона Николаевича обстоятельно ознакомиться съ дореформеннымъ судопроизводствомъ и оказала ему въ послѣдствіи громадную услугу при изданіи перваго уцѣлѣвшаго въ нашей старинной письменности политическаго процесса о злоумышленіяхъ околичнаго и начальника стрѣлецкаго приказа Федора Шакловитаго «съ товарищи», такъ какъ между судопроизводствомъ конца XVII вѣка и дореформеннымъ нынѣшняго столѣтія оказалось не мало общаго. Кромѣ того, эта должность уѣзднаго судьи, помимо знаній, вызвала въ Аскалонѣ Николаевичѣ желаніе продолжать юридическую дѣятельность и въ послѣдствіи, о которой, впрочемъ, мало извѣстно.

Здѣсь же, въ Сердобскѣ, Аскалонъ Николаевичъ сблизился съ Н. В. Калачовымъ. Послѣдній поддерживалъ въ немъ стремленіе къ юридической дѣятельности и въ то же время направилъ его на новый путь, путь литературныхъ занятій, которымъ и открылось широкое поприще съ переѣздомъ Аскалона Николаевича въ Петербургъ въ концѣ 1858 года. Привлеченный Калачовымъ сначала въ качествѣ члена-сотрудника, а затѣмъ и дѣйствительнаго члена (въ 1870 году) археографической комиссіи, онъ до конца своей жизни былъ однимъ изъ энергичныхъ ея дѣятелей.

Въ 1865 году возникла при святѣйшемъ синодѣ комиссія для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, и тогдашній оберъ-прокуроръ, графъ Д. А. Толстой, однимъ изъ первыхъ пригласилъ въ ея составъ Аскалона Николаевича. Помимо постояннаго участія въ засѣданіяхъ комиссіи, онъ былъ едва ли не самымъ виднымъ дѣятелемъ ея по изданію «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія въ Россійской имперіи». Имъ составленъ азбучный указатель ¹⁾ къ I тому «Собранія» и редактированы томы: IV, V и VII. Послѣдній вышелъ въ 1890 году.

Въ 1885 году, когда труды Аскалона Николаевича уже достаточно доказали его любовь къ археографіи и родной старинѣ, археологическій институтъ въ Петербургѣ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, а въ 1891 году, когда умеръ второй директоръ института, И. Е. Андреевскій,—преемникомъ послѣдняго. Слѣдуя плану, начертанному знаменитымъ основателемъ института Н. В. Калачовымъ, новый директоръ старался быть прямымъ продолжателемъ съ такимъ успѣхомъ начавшихъ дѣйствовать первыхъ директоровъ института, открылъ нѣсколько новыхъ кафедръ при немъ, конечно, предусмотрѣнныхъ уже ранѣе его предшественниками, и

¹⁾ Въ статьѣ «А. Н. Труворовъ», помѣщенной въ «Русской Старинѣ» за 1893 г., № 6, ошибочно приписывается редакція Г. т. А. Н.; его редакторами были: А. Ѳ. Вычковъ и А. П. Крыжнинъ.

принималъ мѣры къ увеличенію денежныхъ средствъ и правъ ввѣреннаго ему учрежденія.

Въ 1893 году Аскалона Николаевича привѣтствовали археологическій институтъ, нѣкоторые другія учрежденія и многіе почитатели по поводу исполнившагося въ этомъ году 50-ти лѣтія его государственной службы. Высокій покровитель института, его императорское высочество, великій князь Сергій Александровичъ привѣт-

Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.

ствовалъ юбиляра слѣдующей телеграммой: «Искренно привѣтствую васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей службы. Да сохранить васъ Господь еще на многіе годы для блага науки, которой вы себя посвятили, и на пользу археологическаго института, ввѣреннаго вашему просвѣщенному руководительству».

Но, не смотря на всѣ добрыя пожеланія «многихъ лѣтъ», Аскалона Николаевича постигла въ этомъ же году тяжкая болѣзнь, вызвавшая сложную операцію, послѣ которой онъ чувствовалъ себя крайне надорваннымъ и часто и подолгу хворалъ. Послѣдній разъ

онъ заболѣлъ еще въ январѣ и съ тѣхъ поръ почти не вставалъ съ постели. Погребенъ А. Н. въ Исидоровской церкви Александроневской лавры, 4-го апрѣля.

Среди довольно многочисленныхъ научныхъ и литературныхъ трудовъ Аскалона Николаевича первое мѣсто безспорно должно принадлежать 4-мъ томамъ «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ»¹⁾, изданнымъ археографической комиссией. Редакція этихъ «дѣлъ», помимо юридическихъ знаній и большаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ XVII вѣка русской жизни, требовала еще упорной настойчивости со стороны редактора. «Дѣла» въ свиткахъ и столбцахъ до того были разрознены, что отъ разбора ихъ отказывались всѣ почти члены археографической комиссiи, начиная съ 1843 года, когда послѣдовалъ высочайшій указъ императора Николая Павловича издать ихъ въ возможно скоромъ времени. М. П. Погодинъ, которому поручалось это дѣло, не только отказался, но даже выразился, что за него можетъ взяться «только сумасшедшій». Отказался отъ него впоследствии и неутомимый Н. В. Калачовъ, который и предложилъ его Аскалону Николаевичу. Послѣднему удалось въ 8 лѣтъ разобрать всѣ столбцы, привести ихъ въ порядокъ и издать всѣ «дѣла» въ 4-хъ томахъ. Исследователямъ русской исторiи хорошо извѣстно, какъ много новаго матеріала сообщается въ этихъ томахъ, особенно для исторiи внутренняго быта Россiи. По обнародованiи ихъ появился цѣлый рядъ статей, содержаніе которыхъ основано на новомъ матеріалѣ, сообщаемомъ въ «Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ».

Затѣмъ, кромѣ указанныхъ трехъ томовъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія», редактированныхъ Аскалономъ Николаевичемъ, назовемъ редактированный имъ V томъ «Русской исторической библіотеки» (изданіе археографической комиссiи), вышедшій въ 1878 году. Онъ содержитъ акты, относящіеся къ основанію Валдайскаго Иверскаго монастыря, и, сообщенные въ комиссію архимандритомъ Леонидомъ, акты того же монастыря, хранящіеся въ Новгородской казенной палатѣ, и историческій очеркъ монастыря, составленный о. Леонидомъ. Акты, сообщенные о. Леонидомъ, какъ извѣстно, являются и матеріаломъ для оцѣнки дѣятельности патріарха Никона послѣ 1658 года.

Остальные отдѣльные труды Аскалона Николаевича—составляютъ указатели:—1) къ лѣтописи по Ипатскому списку и 2) къ 10-ти первымъ томамъ дополненій къ Актамъ историческимъ, — которые необходимы при пользованiи этими памятниками.

Что касается газетныхъ и журнальныхъ статей покойнаго, то

¹⁾ См. рецензію о первыхъ двухъ томахъ Н. В. Калачова въ «Сборникѣ Археологическаго института» за 1885 г.

по отношенію къ первымъ мы ограничимся однимъ указаніемъ газетъ, гдѣ помѣщались статьи, такъ какъ всѣ почти онѣ носятъ публицистическій характеръ и писаны по какому либо случаю; а изъ вторыхъ остановимся на болѣе выдающихся, сообщая заглавія остальныхъ въ концѣ.

Изъ газетъ покойный писалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Акціонерѣ» и «Голосѣ».

Едва ли не самую первую журнальную статью Аскалона Николаевича была этнографическая статья: «О свадебныхъ обрядахъ крестьянъ Сердобскаго уѣзда», помѣщенная въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», 1861 г.; а первой исторической работой — «Былое изъ Пугачевщины. Разсказъ о помѣщикѣ Бобоѣдовѣ» («XVIII вѣкъ», Бартенева, т. III, стр. 481). Для послѣдующихъ историческихъ и историко-археологическихъ статей онъ заимствовалъ матеріалъ по преимуществу изъ своихъ «Розыскныхъ дѣлъ». Таковы статьи: «Аламъ» («Русская Старина», 1887 г., т. LIV, стр. 255—262), въ которой болѣе полно и точно опредѣляется значеніе этого термина; «О времени основанія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ» («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., № 10, и «Вѣстникъ археологіи и исторіи», IX выпускъ, 1892 г.), гдѣ авторъ дѣлаетъ рядъ поправокъ, на основаніи «Розыскныхъ дѣлъ» и другихъ документовъ, къ работамъ: г. П. П.—ва «200-лѣтіе сформированія гвардейскихъ полковъ, 1687—1887 г.» и г. Дирина «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка»; «Волхвы и ворожеи на Руси, въ концѣ XVII вѣка» («Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 6); «Никифоръ Вяземскій, воспитатель царевича Алексѣя Петровича» («Русская Старина», 1889 г., т. LXII), и др.

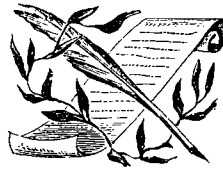
Аскалону Николаевичу удалось сообщить и нѣсколько историческихъ матеріаловъ; изъ нихъ назовемъ: «Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Блуменгроста, гр. Румянцевыхъ, гр. Головина, кн. Долгорукова и кн. Голицыной» («Русскій Архивъ», 1889 г., т. I, стр. 392); «Письма А. С. Пушкина къ Г. М. Пеньковскому» («Русскій Архивъ», 1890 г., т. I, стр. 435), характерныя для опредѣленія имущественнаго ценза поэта и его отношеній къ своимъ служащимъ; и «Коронація императрицы Екатерины II» («Русская Старина», 1893 г., т. LXXX, стр. 487—496).

Сдѣлавшись директоромъ Археологическаго института, покойный ежегодно составлялъ «Отчеты» о дѣйствіяхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій; наконецъ, онъ помѣстилъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» двѣ статьи юридическаго содержанія: «Заключительное слово о ст. 1140, т. X, ч. 1, Закон. Гражд. о братьяхъ единокровныхъ и единоутробныхъ» (до сихъ поръ принимается юристами за руководящую) и «Какъ легко ошибиться при производствѣ слѣдствія».

Перечень остальныхъ статей Аскалона Николаевича:

- 1) «Московская старина. Выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1786 года». («Русская Старина» 1887 г., т. LVI, стр. 756 и слѣд.);
- 2) «О саянхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ» (ibidem, 1887 г., т. LVI, стр. 837 и слѣд.);
- 3) «Разказы изъ жизни архіепископа Иринея» (ibidem, 1879 г., т. XXIV, стр. 368 и слѣд.);
- 4) «По поводу воспоминаній А. М. Фадѣева» («Русскій Архивъ», 1892 г., т. II, стр. 390 и слѣд.);
- 5) «Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ писателей» (ibidem, 1890 г., т. I, стр. 526 и слѣд.);
- 6) «О замѣткѣ Акатьева на слово «сапецъ» (ibidem, 1888 г., т. II, стр. 506 и слѣд.), и
- 7) «Послѣдніе дни жизни Калачова, по возвращеніи его въ 1885 г. изъ-за границы» («Вѣстникъ археологіи и исторіи», выпускъ V, 1886 года).

Р. Д. К.

ГАВРИИЛЪ, ЕПИСКОПЪ ИМЕРЕТИИ.

(НЕКРОЛОГЪ).

ГЕРАСИМЪ КИКОДЗЕ, сынъ священника, родился въ 1825 г. въ селеніи Бахва, Озургетскаго уѣзда, Кутаисской губерніи. Отцу покойнаго, священнику Максиму Кикодзе, въ качествѣ духовника послѣдняго владѣтельнаго князя Гуріи и священника мѣстнаго войска, часто приходилось бывать въ гор. Озургетахъ. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ взялъ съ собою своего младшаго сына. Здѣсь впервые Герасимъ увидѣлъ солдатъ и услышалъ русскую рѣчь, выучиться которой сдѣлалось съ этихъ поръ страстнымъ желаніемъ мальчика. По просьбѣ отца, какой-то фельдфебель взялся учить маленькаго Герасима русской грамотѣ, и мальчикъ скоро свободно читалъ порусски всѣ богослужебныя книги, помогая отцу въ отправленіи его обязанностей. Вскорѣ, по просьбѣ же отца, Герасимъ былъ принятъ, по распоряженію тогдашняго экзарха Грузіи, въ Тифлисскую семинарію. Въ ней онъ оставался недолго: одинъ изъ учителей устроилъ Герасима въ Петербургской семинаріи, по окончаніи которой Кикодзе поступилъ въ Петербургскую же духовную академію. Курсъ академіи Кикодзе кончилъ въ 1849 г. и тотчасъ же по окончаніи былъ назначенъ инспекторомъ Тифлисской семинаріи. Въ 1850 г. молодой инспекторъ былъ удостоенъ степени магистра богословія. Черезъ четыре года (1854) Кикодзе отказался отъ должности инспектора семинаріи, и взамѣнъ прежнихъ уроковъ изъ Закона Божія ему были поручены уроки физики и математики. Въ этомъ же году Герасимъ Кикодзе рукоположился

«истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

19

во священники. Въ 1856 г. священника Кикодзе постигло большое несчастье: смерть отняла у него самыхъ дорогихъ ему лицъ—жену и дѣтей; это обстоятельство произвело на него удручающее впечатлѣніе, и подъ вліяніемъ его онъ рѣшился дать три монашескихъ обѣта и немедленно же привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе. Въ 1858 г. теперь уже іеромонахъ Гавріиль назначается сначала архимандритомъ и настоятелемъ монастыря Давида Гареджійскаго, а затѣмъ епископомъ горійскимъ. Прошло еще два года, и епископъ Гавріиль получилъ въ свое вѣдѣніе Имеретинскую епархію, которой и не покидалъ уже до самой кончины, послѣдовавшей 25 января (1896 г.) этого года.

Смерть дорогого и извѣстнаго далеко за предѣлами своего родного края архипастыря глубоко поразила всѣхъ, кто зналъ покойнаго, а зналъ его тутъ, въ его краѣ, всякій: богатый и бѣдный, малый и большой, христіанинъ и нехристіанинъ. Извѣстность и популярность ему стяжали его истинно отеческая любовь къ паствѣ, его простыя по формѣ, но глубокія по содержанію, дышавшія любовью къ ближнему, къ правдѣ и свѣту, рѣчи и его «Основанія опытной психологіи». Рѣчи создали ему извѣстность не только въ Грузіи и въ Россіи: онѣ переведены на англійскій языкъ и, если не ошибаемся, изданы британскимъ библейскимъ обществомъ, а «Основанія опытной психологіи» долгое время оставались чуть ли не единственнымъ руководствомъ въ русскихъ семинаріяхъ 1860-хъ годовъ. Книга покойнаго, конечно, не имѣетъ въ наши дни того же значенія, какое она имѣла раньше, но за то проповѣди его и рѣчи никогда, думаемъ, не потеряютъ своей свѣжести и жизненности.

Не было явленія ни въ государственной, ни въ общественной жизни, которое не нашло бы отклика въ его душѣ, не нашло бы въ немъ то гровнаго судью, то горячаго защитника, но и въ томъ и другомъ случаѣ—любящее сердце духовнаго отца.

Въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ слухъ объ освобожденіи меньшей братіи проникаетъ въ далекую окраину, и епископъ Гавріиль, вѣрный своему назначенію, первымъ откликается: онъ говоритъ проповѣдь, стараясь показать своимъ слушателямъ всѣ преимущества свободнаго труда и то, что и крестьянинъ такой же человекъ, какъ и дворянинъ, что всѣ они братья во Христѣ, а слѣдовательно и предъ закономъ должны быть равны; за эту проповѣдь онъ едва не дѣлается жертвой гнуснѣйшаго убійства, но у злоумышленника въ буквальномъ смыслѣ не подымается рука на преосвященнаго ¹⁾.

¹⁾ Дворяне заранѣе знали, о чемъ и въ какомъ духѣ будетъ говорить епископъ; недовольные они собрались въ церкви, и во все время проповѣди были слышны ихъ ропотъ и угрозы. Одинъ изъ дворянъ, вѣкій К., рѣшилъ поднять руку на преосвященнаго и съ этой цѣлью вышелъ изъ церкви еще до окончанія проповѣди, чтобы у дверей встрѣтить епископа и привести въ исполненіе свое гнусное рѣшеніе. Епископъ былъ предупрежденъ, и вотъ проповѣдникъ спокойно выходитъ изъ дверей, благословляетъ толпу и направляется къ ожидающему его епи-

Выходитъ законъ о введеніи судебныхъ уставовъ въ Закавказскомъ краѣ, и эта великая реформа также находитъ въ лицѣ покойнаго самаго горячаго защитника: въ одной проповѣди онъ обращается ко всему народу и проповѣдуетъ на тему: «новые суды»

Епископъ Гавріиль.

Въ этой проповѣди онъ просто и ясно излагаетъ принципы судебныхъ уставовъ и заканчиваетъ ее слѣдующими словами: «...Но, братъ мой, если желаешь успѣха этому великому преобразованію,

пажу, но не садися въ него, а продолжай свой путь пѣшкомъ. Злоумышленникъ стоялъ совершенно бѣдный и могъ лишь произнести: «Одолѣть преосвященный! проклятая рука прироста къ рукояткѣ клинжала».

(Изъ груз. журнала «Квали» 1898 г.).

19*

если желаешь, чтобы новый судъ дѣлалъ наибольшее добро, прими сердечное участіе въ немъ. Какимъ образомъ? Такъ, что гдѣ возможно будетъ, помоги судьямъ, чтобы правда не была скрыта. Если пригласятъ тебя свидѣтелемъ, то добросовѣстно признайся во всемъ, что ты знаешь. Вотъ двери суда отперты, часто заходи въ судъ и слушай, какъ производится судъ. Если узнаешь, что судья разумно чинилъ судъ, хвали, благословляй, поощряй его, кричи много о томъ въ обществѣ. Такое строгое вниманіе станетъ будить и предостерегать судей, и это доставитъ обществу великое благо. Боже, дай здравія и долготѣя доброму и великому государю! Боже, дай силу новому закону и мужество судьямъ! Аминь». А вотъ что говорилъ преосвященный гѣмъ, которые были призваны проводить новый законъ въ жизни: «...Но все это (преимущества новаго, гласнаго суда передъ старымъ) окажется истиной лишь при успѣшномъ исполненіи воли мудраго законодателя. Какъ бы разумно ни былъ задуманъ и выраженъ законъ, но польза отъ него для народа зависитъ отъ того, кѣмъ и какъ онъ приводится въ исполненіе. Безъ сомнѣнія, всѣ вы, братья, державною волею призванные нынѣ къ самому великому дѣлу, исполнѣ сознаете всю трудность вашихъ новыхъ обязанностей. Отнынѣ не одни глаза начальниковъ, а тысячи глазъ народа будутъ слѣдить за вашею дѣятельностью, тысячи умовъ будутъ обсуждать ваши рѣшенія. Какъ труды, такъ и отвѣтственность ваша возрастутъ отнынѣ несравненно болѣе, чѣмъ это было при прежнихъ порядкахъ... Неизмѣримо будетъ вліяніе на народъ судей, проникнутыхъ такими святыми убѣжденіями (что судъ есть дѣло Божіе, что совершать судъ значитъ служить Богу...). Они мало-по-малу глубоко могутъ измѣнить къ лучшему нравы народа. Каждое разумное рѣшеніе дѣлъ, произнесенное ими публично, предъ народомъ, будетъ самымъ лучшимъ нравственнымъ урокомъ для него, такъ что, нисколько не унижая особеннаго и важнаго значенія служителей алтаря, можно сказать, что вліяніе разумныхъ судей на народъ можетъ сравняться съ вліяніемъ самыхъ лучшихъ проповѣдниковъ слова Божія. Да поможетъ же вамъ Богъ оправдать довѣріе царя и ожиданія народа! Аминь».

Если не ошибаемся, въ 1884 г. изъ одной изъ здѣшнихъ гимназій была, противъ обыкновенія, исключена масса воспитанниковъ: число исключенныхъ было такъ велико, что въ обществѣ заговорили объ этомъ фактѣ; да и было о чемъ говорить: на улицу были выброшены дѣти, не доучившіяся и неспособныя ни къ какому дѣлу; дѣти, которымъ оставалось примкнуть къ жизни улицы, и которыя позже сами должны были сдѣлаться разсадниками разврата и испорченности. И вотъ преосвященный въ проповѣди, обращенной къ воспитанникамъ и воспитателямъ, говоритъ слѣдующее: «...Въ одной изъ знаменитыхъ школъ въ Англій, Итонской, одинъ вновь поступившій директоръ объявилъ было ученикамъ, что онъ отмѣняетъ

тѣлесныя наказанія, а вмѣсто того неисправныхъ учениковъ будетъ увольнять изъ школы, но ученики почти возмущились и стали кричать: «Да здравствуютъ розги, долой исключенія», и они были правы, эти хитрые англійскіе ученики!..». Никому, конечно, изъ присутствовавшихъ ни на минуту не приходило въ голову, чтобы преосвященный одобрялъ внушеніе при помощи розги. Ясно было одно: онъ требовалъ большей любви къ воспитанникамъ и къ дѣлу воспитанія.

Не было, повторяемъ, ни одного факта ни въ общественной, ни въ государственной жизни, котораго не коснулся бы и на который не отозвался бы епископъ Гавріилъ. Тѣ немногіе примѣры, которые мы привели выше, имѣютъ цѣлью показать лишь его манеру говорить, но, конечно, не исчерпываютъ содержанія его рѣчей. Многочисленны и разнообразны по содержанію проповѣди покойнаго. И всегда, во всякой его проповѣди, проглядываетъ философъ, при томъ глубоко образованный и съ сердцемъ, полнымъ любви. Его обширная переписка съ друзьями и знакомыми, пока еще не изданная, лишній разъ лишь свидѣтельствуетъ о его обширной эрудиціи, широкихъ познаніяхъ въ области естествознанія, философіи и исторіи.

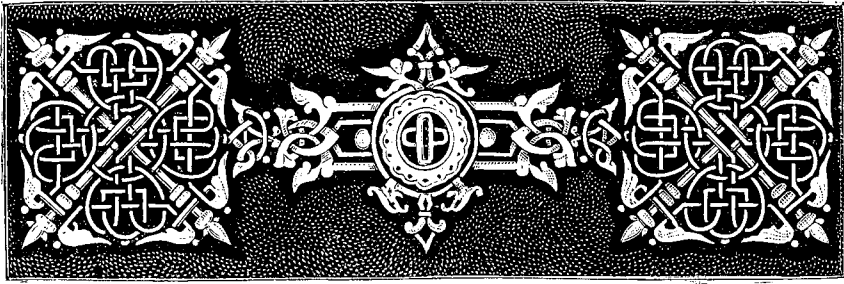
Являясь проповѣдникомъ строгой нравственности и любви къ ближнему, епископъ Гавріилъ своею собственною жизнью подкрѣплялъ свои слова, являя примѣръ полного самоотреченія и, согласно заповѣди Великаго Учителя, «полагая душу свою за овцы своя». Скромно, даже можно сказать—бѣдно, жилъ покойный на краю города, отдавая все свое бѣднымъ вообще и бѣднымъ учащимся въ особенности, содержа по нѣскольку стипендіатовъ въ различныхъ школахъ, гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, совершая при этомъ все это такъ, что «лѣвая рука его не вѣдала, что творила правая». Все свое состояніе (32 тысячи рублей и право на изданіе его сочиненій) покойный завѣщалъ опять-таки различнымъ учебнымъ заведеніямъ и благотворительнымъ учрежденіямъ.

Нельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ миссіонерской дѣятельности епископа Гавріила въ Абхазіи, столь успѣшной и плодотворной, что Андрей Николаевичъ Муравьевъ писалъ преосвященному въ 1871 г.: «...читалъ съ большимъ утѣшеніемъ въ «Православномъ Обзорѣннѣ» дневникъ вашего миссіонерскаго странствованія по Абхазіи, и это внушило мнѣ мысль выразить вамъ письменно то глубокое уваженіе, которое я къ вамъ питаю съ тѣхъ поръ. Слава Богу, что этотъ дикій край, который я видѣлъ въ 1847 г. въ совершенномъ духовномъ заустѣннѣ, нашель, наконецъ, своего просвѣтителя, который вѣрнѣе понялъ его духовныя нужды, какъ туземецъ, нежели всѣ миссіи, которыя хотѣли туда посылать безъ всякой пользы... О, если бы Гурія и Ахалцыхская область, гдѣ бывшіе грузины сдѣлались ревностными магометанами уже при на-

шемъ владѣніи, огласились бы также вашей проповѣдью, какъ и Абхазія, не составляющая церковной области вашей...».

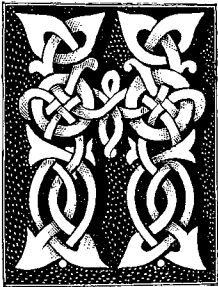
Такъ жилъ и трудился епискомъ Гавріилъ, воскрешая въ памяти окружающихъ величественные образы провозвѣстниковъ христіанства первыхъ вѣковъ. Но и паства, народъ не оставался нѣмымъ зрителемъ этой, полной любви и всепрощенія, жизни: не было духовнаго дѣятеля, который пользовался бы большей популярностью и большей любовью и притомъ всеобщей, чѣмъ покойный. Народъ искренно оплакивалъ своего любимаго архипастыря, и въ этомъ горѣ всѣ исповѣданія принимали самое горячее участіе: въ день перенесенія тѣла покойнаго изъ архіерейскаго дома въ кафедральный соборъ въ массѣ собравшагося народа много было армянъ, католиковъ, евреевъ и магометанъ, пришедшихъ съ единственной цѣлью — отдать послѣднюю дань покойному. **И. З.**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго. Въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ. Издѣ А. Ф. Маркса. Слб. 1896.

ОВОЕ ИЗДАНИЕ «Полнаго собранія стихотвореній Я. П. Полонскаго» дастъ намъ поводъ опредѣлить индивидуальность этого, какъ выразился о немъ покойный Н. Н. Страховъ, «труднѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ».

Въ творествѣ Я. П. Полонскаго есть черта странной, великой живучести, которая присуща только гениальнымъ натурамъ и абсолютно несвойственна второстепеннымъ.

«Мы пришли въ великое затрудненіе, говорить Н. Н. Страховъ¹⁾, когда вздумали опредѣлить образъ этой прелестной музы. Г. Полонскій имѣетъ полное право смѣяться надъ своими критиками, и особенно надъ тѣми, которые надъ нимъ смѣются или его поучаютъ. Эти критики доказываютъ, что поэтъ задалъ имъ задачу не по силамъ».

Дѣйствительно, трудность характеристики Я. П. Полонскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ совсѣмъ не повторяется, какъ не повторяется жизнь, неизмѣнно творящая новое и новое...

Поэтъ и самъ знаетъ о неизсякаемомъ творческомъ дарѣ своемъ, о силѣ своей продуктивности. Мнѣ, говорить онъ,

¹⁾ «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ».

Тобой даны и слухъ, и очи,
 И осязанье— для того,
 Чтобъ я, какъ Богъ, изъ ничего
 Творилъ минуты, дни и ночи
 И наполнялъ бы ихъ собой,—
 Сердечнымъ трепетомъ и трепетнымъ сознаньемъ,
 То отрицаемъ, то враждой,
 То безобразьемъ, то дивной красотой,
 И умилённымъ уповаемъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ признается:

Сокровищъ сердца, силы мысли
 Ужь я не жду ни отъ кого
 И все, чѣмъ я живу покуда,
 Творю почти изъ ничего...

Тургеневъ, одаренный несомнѣннымъ критическимъ чутьемъ, но всегда узкій и какъ-то логически-односторонній въ своихъ сужденіяхъ, охарактеризовалъ Полонскаго извѣстнымъ изреченіемъ Мюссе: «онъ пьетъ хотя изъ маленькаго, но изъ своего стакана». Вотъ истинно-превратная оцѣнка Полонскаго! Маленькій поэтический стаканъ никогда не трудно опредѣлить и охарактеризовать: форма его вполне опредѣлена, содержаніе его не обременяетъ критическихъ вѣсовъ... Если бы Полонскій игралъ на какойнибудь одной душевной стрункѣ, т. е. дѣйствительно принадлежалъ къ категории поэтовъ, обладающихъ «маленькимъ стаканомъ», онъ бы не былъ такъ неуловимъ для цѣнителя искусства, онъ, другими словами, не создалъ бы такихъ разнородныхъ вещей—какъ «Кузнечикъ-Музыкантъ», идиллія, напоминающая намъ творчество автора «Рейнеке-Лиса», какъ «Келіотъ», страстная, огненная поэма, напоминающая творчество автора «Манфреда», и, наконецъ, какъ его послѣдняя задушевная повѣсть въ стихахъ «Мечтатель», отзывающаяся меланхолической ироніей Гейне.

Нѣтъ, Полонскій—поэтъ не отдѣльной какойлибо душевной струны, а поэтъ всѣхъ индивидуальныхъ струнъ души, всего ея цѣльнаго, цѣломудреннаго, наивно-дѣтскаго строя. Своей цѣльностью и своей мощной продуктивностью онъ выходитъ за предѣлы обыкновеннаго дарованія. Несомнѣнно, Полонскій—поэтъ очень крупный, очень значительный. Правда, въ его лиризмѣ нѣтъ рѣзкости, опредѣленности, рельефности; но цѣльные лирики всегда неопредѣленны: въ нихъ всегда преобладаетъ не столько чувство, сколько настроеніе. А это и производитъ впечатлѣніе какъ бы нѣкоторой ихъ душевной слабости.

Мы указали на формальныя черты въ Полонскомъ: на размѣръ его дарованія, на общій строй его поэтической души. Теперь попытаемся опредѣлить отличительныя черты въ содержаніи его творчества. Тутъ мы будемъ вынуждены, прежде всего, указать на внутреннее чувство красоты, которое, намъ кажется, составляетъ наиболѣе выдающійся признакъ музы нашего поэта. Эстетическое чувство это, какъ чисто внутренній моментъ, развивается, въ концѣ-концовъ, въ высшее душевное благо—въ любовь. Красота Полонскаго—не внѣшняя, не эллинская красота,—нѣтъ, это—внутренняя, субъективная красота души человѣческой, которую иначе и назвать нельзя, какъ любовью, какъ свѣтомъ.

Любви!
Огня, огня побольше!

встрѣчаемъ мы возгласъ въ одной изъ поэмъ Я. П. Полонскаго.

А вотъ что говорить его Муза:

Я о вѣчной, повсюду творящей любви
Думу думала...

(«Жалобы Музы»).

Вотъ источникъ просвѣтленности, которою отмѣчено поэтическое творчество Полонскаго. Душевный свѣтъ есть сила его, какъ поэта, какъ поэта-человѣка:

Мнѣ, какъ поэту, дѣла нѣтъ,
Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ, —
Лишь былъ бы онъ, какъ солнце для природы,
Животворящъ для духа и свободы
И разлагать бы все, въ чемъ духа больше нѣтъ.

Замѣчу, что душевная красота есть не идеаль Полонскаго, а нѣкоторое благо, имъ обладаемое. Въ этомъ отличіе его отъ многихъ другихъ поэтовъ, также тяготящихся къ красотѣ. Душевный свѣтъ въ немъ не мечта, а вѣра. Отсюда и душевная и поэтическая крѣпость его:

...Какъ лучей
Буря сидю своей
Пошатнуть никакъ не можетъ, —
Такъ и вѣры не встревожить
Суета...

Отсюда же и мощь обаянья этой, на первый взглядъ, неопредѣленной и слабой лирики. Къ поэзіи Полонскаго можно съ полнымъ правомъ приложить его же слова, обращенныя къ Наядѣ:

...Нѣтъ ничего —
Разлагающаго чары
Обаянья твоего.

Въ этомъ душевномъ свѣтѣ, въ этой творческой любви и кроется «чародѣйская способность Полонскаго обращать въ свою поэзію все, до чего онъ ни коснется». А что онъ дѣйствительно обладаетъ такой способностью, — въ этомъ сомнѣваться невозможно. Говоритъ ли Полонскій о голыхъ историческихъ фактахъ, касается ли сухой дидактической почвы, — всюду онъ поэтиченъ, такъ какъ во все вводитъ онъ личную гармонию. Этой чертой Полонскій соприкасается съ Пушкинымъ и Гёте. «Обновлять людскія силы», гармонизировать созерцаемую природу, — вотъ его цѣль, его задача...

Природа!.. Но — она-ль меня одушевляла?
Не самъ ли я ее всю жизнь одушевлялъ?
Не я ли цвѣтъ, и звукъ, и красоту ей далъ,
Досоздавая все, что ей недоставало?

Итакъ, душевный источникъ поэзіи Полонскаго — любовь,

Не та любовь, что поучаетъ,
Иль безнадежно изнываетъ
И пѣсни жалкія поетъ,
Не та, что юность растлѣваетъ

Или ревниво вопиеть,
 А та любовь, что жертвъ не просить,
 Страдаетъ безъ обидныхъ слезъ
 И, полная наивныхъ грезъ,
 Не безъ улыбки цѣни носить,
 Непобѣдима и вѣчна,
 Вѣдрия жизни сѣмена
 Вездѣ, гдѣ смерть идетъ и косить.

Такая любовь одушевляетъ творческую фантазію поэта; и поэтъ не безъ основанія надѣется, что,

...водворяя власть любви, и красоты,
 И челоуѣчности, фантазіи страданью
 Дастъ высшій смыслъ и поведетъ
 Отъ созерцанья къ міросозерцанью.

Вообще, замѣтимъ, фантазія играетъ у Полонскаго нѣкоторую особенную, необычную роль. Она какъ бы спасаетъ его отъ міра, уединяетъ его. Она создаетъ «святыя грезы», въ кругу которыхъ онъ свободно можетъ замкнуться; затѣмъ она изъ сферы идеальной, изъ области «видѣній и сновъ» переходитъ къ творчеству реалистическому, создаетъ нѣкоторое поэтическое подобіе внѣшней міровой жизни. Но и всегда, и вездѣ, все же, замѣтна въ ней одна тенденція—отдѣлится отъ міра областью поэтического творчества, замкнуться въ поэзіи, сдѣлать ее средой, непроницаемой для міровыхъ воздѣйствій и вліяній. Иногда, правда, поэтъ покидаетъ свои сны, грезы, фантазіи и сходитъ въ міръ прозы; но дѣлаетъ онъ это только для «борьбы съ кривдой», которая угрожаетъ его внутреннему, душевному міру, т. е. правдѣ. Борьба съ кривдой представляется ему необходимой, и онъ смѣло, съ какой-то дѣтской отвагой, вступаетъ въ эту борьбу во всеоружіи поэтической мысли. «Нѣтъ пути къ истинѣ и благу безъ борьбы съ ложью и зломъ», написалъ онъ, въ видѣ эпиграфа, надъ своей прекрасной и глубоко-характерной «Повѣстью о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой».

Но, стало быть, и выходъ его въ міръ съ бичемъ рефлексій имѣетъ тотъ же смыслъ—уберечь, охранить, укрѣпить свое поэтическое царство, царство «творческой мечты», безъ которой

Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ,
 Нѣтъ ни одной живой черты
 На историческихъ страницахъ.

Полонскій не разъ называетъ себя «поэтомъ-мечтателемъ», и въ этомъ названіи, конечно, сама правда. Врядъ ли кто лучше, точнѣе сумѣетъ опредѣлить Полонскаго. Вотъ почему и всѣ герои въ поэмахъ его, представляющихъ какъ бы циклы извѣстныхъ настроеній автора, оказываются «философскими романтиками» и мечтателями, начиная съ «Кузнечика-Музыканта», который «слылъ идеалистомъ», и кончая типичнымъ «мечтателемъ» въ поэмѣ съ тѣмъ же характеристичнымъ названіемъ.

Мечтатели же и герои двухъ раннихъ, неоконченныхъ поэмъ Полонскаго: «Въ концѣ сороковыхъ годовъ» и «Свѣжее преданіе»; мечтатели и аеонскій монахъ Кирилль, типъ, напоминающій аббата Мурэ Зола («Келліотъ»), и Анна

Галдина, родственная келлоту по духу и по своей жизненной неудачѣ; мечтатель и Алексѣй въ своеобразно-игривой, богатой лиризмомъ, поэмѣ «Мими»; даже Барбоска въ сатирѣ «Собаки» и тотъ

Не дѣлецъ — гуляка, и пригомъ мечтатель.

Чтобы еще рѣзче выдвинуть «мечтательность» нашего поэта, замѣчу, что Полонскій любитъ описывать даже болѣзненные состоянія, въ которыхъ просыпаются въ человѣкѣ его «святыя грезы», его «золотые сны». Такъ, на примѣръ, у него есть нѣсколько стихотвореній, изображающихъ картины поэтического бреда больныхъ дѣтей. Пьесы эти—истинные перлы его поэзіи. Назову, хотя бы, прелестное стихотвореніе: «Объжавшая больная»¹⁾. Въ другомъ стихотвореніи, «На каланчѣ», поэтъ описываетъ грезы замерзающаго пожарнаго: «сквозь зимній паръ» грезитъ онъ о дѣтствѣ и прелестяхъ лѣта въ «степномъ просторѣ» своей далекой родины. Всѣ эти пьесы чрезвычайно характерны и ясно свидѣтельствуютъ о силѣ фантазіи и творческой мечты Полонскаго.

Поэтому вполне естественна въ поэтѣ склонность подчеркивать, что мечты тѣмъ чище, тѣмъ свѣтлѣй и радостнѣе, чѣмъ больнѣй и тяжелѣе дѣйствительность. Недаромъ въ одномъ своемъ стихотвореніи онъ даетъ человѣку совѣтъ:

Надъ страшной бездной окрыляй
Свои мечты,—и не страдай!

Въ стихотвореніяхъ Полонскаго, написанныхъ за послѣдніе годы, есть много тонкихъ и глубокихъ признаній, обнаруживающихъ въ поэтѣ ясное самопознаніе. Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній Полонскій такъ характеризуетъ свой поэтический духъ:

Ты въ небѣ ищешь
Покоя, богами повергнутый въ трепетъ.
Навстрѣчу фантазіи
Твоихъ, сочетаніемъ формъ изобильныхъ,
Наяды всплываютъ,
И тѣни встаютъ изъ-подъ камней могильныхъ,
И рѣзвыя нимфы
Вбѣгугъ по лѣсамъ наготою сверкалъ,
И бѣсы изъ ада
Грохочутъ, и—шагемъ вбѣютъ изъ рая.

Въ этихъ стихахъ блестяще обрисована «загадочно-простая» поэзія Я. П. Полонскаго, съ ея «плѣнительнымъ беспорядкомъ», удачно подмѣченнымъ г. Вл. Соловьевымъ²⁾, съ ея свободой и граціей, съ ея богатой и тревожной фантазіей, горящей какъ бы сквозь сонъ.

¹⁾ Впрочемъ, дѣтскій міръ вообще близокъ поэту. И въ немъ самомъ есть что-то глубоко-наивное, глубоко-дѣтское. Отсюда—его чистота, его душевная цѣльность.

²⁾ Въ статьѣ: «Поэзія Я. П. Полонскаго», въ литер. прил. «Нивы», февраль, 1896 года. Статья эта не окончена, но и въ той части, которая напечатана, авторъ проявляетъ уже извѣстную тенденціозность и несвободу критическихъ приѣмовъ. Полонскій представляетъ собой такую самостоятельную поэтическую натуру, что положительно необходимо отречься отъ своихъ личныхъ точекъ зрѣнія на міръ, чтобы точно и вѣрно уловить чисто-индивидуальныя

Теперь, если вспомнить сороковые года, когда началась поэтическая деятельность Полонскаго, не трудно увидѣть, что этотъ «поэтъ-мечтатель», этотъ «фантазіи наивный данникъ», по собственному признанію, вовсе не исключительное или единичное явленіе въ нашей литературѣ. Полонскій—это лирикъ, которому суждено было всесторонне развить начала, принесенныя поэтической эпохой 30—40 годовъ. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не найти столько аналогичныхъ чертъ съ поэзіей Полонскаго, какъ въ поэзіи забытыхъ идеалистовъ и романтиковъ этого времени: у Подолинскаго, Клоушника (—θ—), Красова, Щербины ¹⁾. Почему-то, однако, большинство этихъ поэтовъ не имѣло живучести, не имѣло способности къ развитію и совершенствованію. За то Полонскому было суждено, какъ разъ, получить отъ природы избытокъ энергіи, и, оставаясь вѣрнымъ традиціямъ этой идеалистической эпохи (черты которой любовно изобразилъ онъ, между прочимъ, въ своемъ «разсказѣ, сотканномъ изъ юношескихъ воспоминаній», въ «Свѣжемъ преданіи»), онъ вырабатываетъ широкую и правдивую поэзію истинно русскаго романтизма. Это объясняетъ и симпатіи Полонскаго къ Жуковскому и Козлову, какъ родоначальникамъ романтической поэзіи въ русской литературѣ (см. прекрасное стихотвореніе «В. А. Жуковскій» и пьесу «Вечерній звонъ»). Таково, на нашъ взглядъ, историко-литературное значеніе Полонскаго. Онъ—великій и чистый русскій мечтатель. И если, по выраженію Тургенева, «добрый человекъ—неотразимъ», то неотразима и поэзія Полонскаго, какъ поэзія, истинно просвѣтленная любовью. Полонскій создалъ нѣкоторый цѣльный и чистый поэтический міръ, и всякій, кто пожелаетъ душевно очиститься и обновиться и сумѣетъ войти въ его свѣтлую сферу,—найдетъ для себя все, что ему необходимо: и свѣтъ, и любовь.

Федоръ Шперъ.

Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Изданіе иллюстрировано профессоромъ В. М. Васнецовымъ и академикомъ Н. С. Самокишемъ. Спб. 1896.

Давно ожидаемый любителями изящныхъ изданій трудъ г. Кутепова, наконецъ, явился въ свѣтъ. Дѣйствительно внѣшность книги не оставляетъ желать ничего лучшаго: все, начиная отъ переплета, бумаги и печати, до гравюръ, заставокъ и акварелей, помѣщенныхъ въ текстѣ, дѣлаетъ честь вкусу

черты поэта, воспринять его индивидуальное міровоззрѣніе. Г. же Соловьевъ дѣлаетъ какъ разъ обратное. Онъ заглушаетъ, подавляетъ свое свободное, непосредственное чутье, онъ не хочетъ видѣть въ Полонскомъ Полонскаго, полагая, повидимому, что характеристика будетъ тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ болѣе онъ введетъ въ нее элементовъ собственной индивидуальности.

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, стихи Тютчева, характеризующіе поэзію Щербины:

Вполнѣ понятно мнѣ значенье
Твоей болѣзненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Предъ идеаломъ красоты.

Стихи эти вполнѣ примѣнимы и къ Полонскому.

автора-издателя и работавших для него художниковъ и иллюстраторовъ. По стилистичности и тону (живо напоминающему старинныя фрески) особенно хороши рисунокъ г. Васнецова «Отдыхъ Мономаха на охотѣ», къ сожалѣнію, единственный рисунокъ этого художника во всей книгѣ. Весьма недурны орнаменты г. Самокиша, хотя его охотничьи наброски болѣе напоминаютъ охоту современную, нежели древнюю; вообще говоря, ему болѣе удается такъ называемая «nature morte», нежели живая натура звѣрей первобытнаго дремучаго, русскаго лѣса давнихъ вѣковъ нашей исторической эры. Изъ остальныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Кутепова, представляющихъ копии съ старинныхъ гравюръ и изданій, многое очень интересно и поучительно, и въ этой серіи излишними кажутся намъ только тѣ весьма безобразныя, а главное, вполне недостоверныя портреты великихъ князей и царей русскихъ, которые заимствованы г. Кутеповымъ изъ «Титулярника». Вопросъ о древнихъ царскихъ изображеніяхъ порѣшенъ уже давно нашими учеными изслѣдователями; достоверность нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) изображеній, начиная съ Іоанна III, выяснена и подтверждена вполне, и потому думаемъ, что ставить этотъ вопросъ на иную почву и приводить изъ позднѣйшаго «Титулярника» вымышленныя изображенія Владиміра Мономаха и Дмитрія Донскаго было по меньшей мѣрѣ увлеченіемъ со стороны г. Кутепова.

Переходя отъ внѣшности книги къ ея внутреннему содержанію, замѣтимъ, прежде всего, что тема изслѣдованія г. Кутепова и нова, и заманчива, и заслуживаетъ полнаго вниманія. Программа изслѣдованія составлена авторомъ вполне правильно, и важнѣйшія стороны изслѣдованія намѣчены имъ вѣрно. Онъ начинается съ того, что знакомитъ читателя (въ главѣ I) съ «естественными и бытовыми условіями древне-русской охоты», затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ «великихъ князей и царей—охотниковъ» (глава II), говоритъ о «способахъ охоты, орудіяхъ и служебномъ персоналѣ великокняжескихъ охотъ» (глава III) и наконецъ излагаетъ «правовыя отношенія великихъ князей, народа и частныхъ лицъ въ области охоты» (глава IV). Все это авторъ старается уложить въ нѣсколько искусственно принятую имъ рамку перваго тома, который обнимаетъ собою періодъ времени отъ X — XVI вѣка. Называемъ эту рамку искусственною именно въ томъ смыслѣ, что многія явленія великокняжескаго и царскаго охотничьяго быта могутъ быть выяснены только сравненіемъ съ подобными же явленіями болѣе поздняго періода (XVII вѣка). Въ этомъ именно смыслѣ ощущается въ началѣ книги г. Кутепова весьма существенный пробѣлъ: недостатокъ въ подробно и толково изложенномъ руководящемъ предисловіи, которое отчасти объясняло бы собственныя воззрѣнія автора на задачи его труда, отчасти же знакомило бы съ тѣми основаніями, на которыя опирается его распределеніе матеріала по томамъ. Въ веденіи, трактующемъ вообще объ охотѣ съ древнѣйшихъ временъ (у всѣхъ народовъ)—объ охотѣ, какъ промыслѣ и какъ искусствѣ—мы не находимъ отвѣта на вышеуказанныя нами вопросы.

Но, каковы бы ни были требованія, обращаемыя нами къ автору, мы все же должны признаться, что, въ предѣлахъ своей возможности, онъ справился съ задачею (и притомъ весьма трудною) вполне добросовѣстно, перерылъ массу

материала, гоняясь за фактами и стараясь не упустить изъ виду ничего не только важнаго, но даже и мелочнаго, однако же пригоднаго для уясненія подробностей и служащаго къ пополненію быта охотниковъ новыми и любопытными чертами. Въ этомъ отношеніи кропотливое исканіе фактовъ и неутомимость въ отыскиваніи ихъ должны быть несомнѣнно поставлены въ заслугу г. Кутепову, который, кажется, не пропустилъ не только въ крупныхъ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ, но даже и въ антикварныхъ каталогахъ, ни одного заглавія книги или брошюры, имѣющей хотя какое либо отношеніе къ основной тѣмѣ его изслѣдованія ¹⁾). Въ этихъ именно видахъ, мы сожалѣемъ о томъ, что г. Кутеповъ, ради полноты своего труда, не помѣстилъ въ немъ всѣхъ (извѣстныхъ ему) актовъ и грамотъ, касающихся быта охотниковъ, сокольниковъ, бобровниковъ и другихъ «дѣлкоевъ»; этихъ актовъ и грамотъ немного, и перепечатка ихъ цѣликомъ въ книгѣ г. Кутепова, хотя бы въ видѣ отдѣльнаго приложенія, послужила бы полезнымъ добавленіемъ. Будемъ ожидать второй части труда г. Кутепова, которая, вѣроятно, будетъ еще болѣе любопытной во многихъ отношеніяхъ, нежели первый томъ «Великокняжеской и царской охоты», и желаемъ автору-издателю, чтобы онъ не оскудѣлъ терпѣніемъ въ изслѣдованіи подробностей своей тѣмы, но далъ бы намъ картину, по возможности полную. Мы твердо увѣрены въ томъ, что, несмотря на довольно высокую цѣну (50 рублей), книга г. Кутепова разоидется быстро и вскорѣ сдѣлается библиографической рѣдкостью.

П. Полевой.

Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга десятая. Спб. 1896.

Новый томъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» выпущенъ г. Барсуковымъ съ прибавленіемъ къ прежде бывшимъ еще новаго эпиграфа— «Пою... дондеже есмь». Это прибавленіе имѣетъ свою любопытную исторію, заслуживающую вниманія читателей. Какъ извѣстно, IX кн. труда Барсукова была имъ издана съ печальнымъ предисловіемъ, въ коемъ онъ указывалъ на затрудненныя обстоятельства по печатанію дальнѣйшихъ томовъ своего обширнаго труда, о чемъ мною было говорено уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1895 г. кн., VI). Это предисловіе было отмѣчено многими рецензентами и не осталось втунѣ. Одинъ богатый москвичъ, потомственный почетный гражданинъ, А. Н. Мамонтовъ, обратилъ свое вниманіе на рецензію г. Розанова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ говорилось о затрудненіяхъ г. Барсукова, и отозвался на горестное положеніе почтеннаго изслѣдователя, которому грозили обстоятельства остановиться на полпути въ его обширной и полезной работѣ. Слѣдствіемъ такого вниманія было письмо къ г. Барсукову отъ повѣреннаго г. Мамонтова (самъ г. Мамонтовъ, страдая отсутствіемъ зрѣнія, не могъ писать), гдѣ сказано:

¹⁾ Среди ссылокъ автора на эти заглавія, одно изъ нихъ оказалось намъ совершенно неизвѣстнымъ, а именно: «Полевой, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (см. прим. 288). Такой книги не существуетъ. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, опечатка.

«Узнавъ изъ книжки Русскаго Вѣстника, что изданіе книги «Жизнь и труды М. П. Погодина» должно приостановиться по неимѣнію у васъ средствъ, Александръ Николаевичъ просилъ меня написать вамъ, многоуважаемый Николай Платоновичъ, что онъ обезпечиваетъ вамъ стоимость печатанія X т. о жизни М. П. Погодина, т. е. типографскій расходъ, за то количество экземпляровъ, которое вы обыкновенно печатаете. При чемъ просилъ меня присовокупить, что если Господь продлитъ дни его, то онъ на тѣхъ же основаніяхъ обезпечиваетъ вамъ изданіе и XI т., если таковой выйдетъ отъ васъ. Почему я и имѣю честь просить васъ, по отпечатаніи X-го тома, благоволите сообщить мнѣ и Александру Николаевичу подробный счетъ типографіи вмѣстѣ съ книгой, для уплаты по счету... А. Н. желательно бы, насколько возможно, поскорѣе начать печатать и XI томъ».

Это письмо, этотъ отзывъ старика-мецената изъ сословія непривилегированнаго, далекаго по происхожденію и родству отъ тѣхъ «вельможъ», которыхъ такъ настойчиво г. Барсуковъ призываетъ «покровительствовать музамъ», — вещь любопытная. Во-первыхъ, здѣсь непреложное доказательство, что на смѣну прежнимъ родовитымъ меценатамъ идутъ иные, которые, если подвести имъ подсчетъ, довольно громко уже успѣли заявить о себѣ и, во-вторыхъ, здѣсь же утѣшительное для всякаго писателя обнаруженіе его духовной связи съ аудиторіей читателей. Читатель, оказывается, не всегда просто «почитываетъ», но и принимаетъ къ сердцу невзгоды писателя, когда онъ рѣшается откровенно ихъ повѣдать. Конечно, въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обстоятельствомъ исключительнымъ — г. Мамонтовъ, оказывается, знавалъ при жизни Погодина, почему, какъ человекъ, дорожащій памятью московскаго ученаго общественнаго дѣятеля, сумѣлъ оцѣнить трудъ г. Барсукова. Но мало того, г. Мамонтовъ руководился въ своемъ прекрасномъ поступкѣ не только чувствомъ личной симпатіи къ сошедшему съ лица земли профессору — у него нашлись и побудительныя причины общественнаго характера. «Своимъ чуткимъ и сильнымъ отъ природы умомъ, — говоритъ отъ себя повѣренный г. Мамонтова въ письмѣ къ г. Барсукову, — онъ (т. е. А. Н. Мамонтовъ) понялъ, что вашъ трудъ о жизни и дѣятельности М. П. Погодина не есть только трудъ ординарный, съ слабыми штрихами лѣтопись, но трудъ весьма капитальный, который долженъ имѣть огромное вліяніе на настоящее и будущее молодого поколѣнія, такъ какъ личность М. П. Погодина, вышедшаго изъ народа, съ лицами его окружавшими, это — русскій народъ, на которомъ держится вся сила и величіе Россіи, по вѣрованію москвича, сила, зиждущаяся на православной религіи и преданности царю и отечеству». Такимъ образомъ, мы видимъ отсюда, что г. Мамонтова сблизилъ съ г. Барсуковымъ не одинъ лишь внѣшній фактъ — личность Погодина, но и та святая святыхъ убѣжденій, которыя писатель вкладываетъ въ свою работу и которыя приходятъ по сердцу его читателю. Если бы у насъ на Руси являлось побольше гг. Мамонтовыхъ съ ихъ счастливою возможностью и прекраснымъ желаніемъ поддерживать русскихъ писателей, тогда бы многіе дикіе факты нашего просвѣщенія, сгруппированныя въ прекрасной книгѣ г. Рубакина «Этюды о русской читающей публикѣ», все болѣе и болѣе уступали бы мѣсто инымъ культурнымъ началамъ жизни, отсутствіе которыхъ столь настоя-

тельно ощущается въ наши дни. Но, увы, такіе праздники духовнаго союза, какой мы наблюдаемъ въ настоящемъ случаѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдки, а вмѣсто нихъ царитъ въ окружающей жизни разъединеніе, индифферентизмъ и полное непониманіе задачъ прогресса, благодаря чему въ большинствѣ случаевъ писатель бредетъ по своей тяжелой дорогѣ одинокимъ, и положеніе сатирика, что «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ», царитъ въ полной силѣ. Но обратимся къ труду г. Барсукова.

Новый томъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» составленъ по обыкновенію чрезвычайно интересно; въ немъ опубликована масса неизвѣстныхъ доселѣ документовъ, почерпнутыхъ преимущественно изъ дневниковъ и писемъ московскаго ученаго. Къ сожалѣнію, на что ужебыло мною указано неоднократно, авторъ загромождаетъ главную тему и дѣянія своего героя эпизодами, не имѣющими непосредственнаго сюда отношенія. Такъ все, что онъ говоритъ о жизни, письмахъ и мнѣніяхъ И. Аксакова, очень интересно, но безъ всякаго ущерба для дѣла могло бы быть сокращено и поубавлено, и тѣмъ болѣе, что все это основано на источникахъ уже достаточно извѣстныхъ въ печати. Иной интересъ представляетъ собою его повѣствованіе о Ю. Самаринѣ. Тутъ мы знакомимся впервые съ очень любопытнымъ документомъ—письмомъ Самарина къ Погодину, гдѣ чрезвычайно обстоятельно изложена борьба балтійскаго рыцарства противъ вторженія въ Остзейскій край русскаго начала. Заслуживаетъ вниманія изображеніе г. Барсуковымъ роста древнехранилища Погодина, перечисленіе его корреспондентовъ и исторія пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ для ученой сокровищницы. Главный интересъ книги, однако, представляетъ собою та часть, гдѣ авторъ говоритъ о «Москвитянинѣ» и его сотрудникахъ. Здѣсь собраны многочисленныя біографическія и библиографическія свѣдѣнія о разныхъ лицахъ, и приведены письма читателей и друзей московскаго журнала. Г. Барсуковъ только слишкомъ много удѣляетъ мѣста внѣшней сторонѣ дѣла, недостаточно вводя насъ въ кругъ идей и мыслей, которыя преподносились читателямъ «Москвитянина». Дѣла университета занимаютъ въ новомъ томѣ также немало мѣста, и дѣятельность графа Уварова здѣсь заслуживаетъ вниманія, какъ любопытная страница изъ исторіи нашего просвѣщенія. Министръ, какъ видно, тщетно пытался, въ разрѣзъ наступавшей реакціи, спасти дорогое ему университетское дѣтище, но событія были сильнѣе его. Графъ долженъ былъ уступить, но тѣ мѣры, которыя онъ въ своей борьбѣ пускалъ въ ходъ, чрезвычайно характерны. Такъ мы видимъ, что министръ пытался воздѣйствовать на общественное мнѣніе и на власть имущихъ черезъ посредство печати, слѣдомъ чего является напечатанная въ «Современникѣ» статья «О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи», писанная, по внушенію министра, И. Давыдовымъ,—статья, гдѣ, между прочимъ, проводилась та мысль, что для «идей нѣтъ ни стѣнъ ни таможенъ: при всей бдительности, онѣ, не удержимыя и не уловимыя, переносятся черезъ моря и горы». Статья такая, конечно, по тѣмъ временамъ пришлась не по вкусу всѣмъ, кто стремился къ сокращенію высшаго просвѣщенія. Пресловутый комитетъ 2-го апрѣля 1848 г. обратилъ вниманіе на мысли, изложенныя въ этой статьѣ, и графъ Бутурлинъ официально писалъ Уварову: «Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ,

что правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ ли сей слухъ, или нѣтъ, но вдругъ, среди этого общаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ какъ бы въ отвѣтъ на приписываемое правительству намѣреніе университеты защищаются противъ порицаній, пускаемыхъ «въ общественное мнѣніе» людьми поверхностными; гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять, тономъ законодателя, сравнительную пользу учреждений государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія; гдѣ оно впередъ уже воиетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія; гдѣ наконецъ, въ числѣ оправданій противъ выведенныхъ имъ же порицаній, то же частное лицо дозволяетъ себѣ разныя странныя неприличія, на примѣръ, приведеніе — въ видѣ факта, относящагося къ похвалѣ университетовъ, — что въ нихъ значительно уменьшилось нынѣ число учениковъ изъ духовнаго званія, какъ бы званіе сіе было разсадникомъ людей зловредныхъ. Комитетъ не оспариваетъ, что сіи разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ видѣ скромныхъ желаній человека, считающаго себя близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Но то, что при семъ направленіи могло бы быть признано въ нихъ благонамѣреннымъ, принимаетъ совсѣмъ иной видъ, являясь въ печати, въ журналѣ. Такое предаіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію представляютъ явленіе столь же новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ частныхъ мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ и вмѣсто того, чтобы — какъ въ сей же статьѣ сказано — «за правое дѣло стояла исторія», за свое дѣло будетъ проповѣдовать журналистика... Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству, съ одной стороны, привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи, а съ другой, поставить въ виду редакторамъ всѣхъ вообще журналовъ и Современника въ особенности; а также и цензорамъ, что правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредъ ничего подобнаго не было допускаемо». На эту «оскорбительную» бумагу графъ Уваровъ отвѣчалъ письмомъ къ государю, гдѣ, указывая откровенно на свое участіе въ статьѣ, снова выступаетъ на защиту университета, а также отрицаетъ всякую вредность своего литературнаго произведенія. Между прочимъ онъ предлагаетъ, во избѣжаніе будущихъ столкновеній между комитетомъ и министерствомъ просвѣщенія, отдѣлить цензуру журналовъ и газетъ отъ министерства и отдать ее въ вѣдѣніе комитета. На это письмо послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ Современникѣ, неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни съ порядкомъ у насъ, къ счастью, существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя. Объявить цензорамъ, чтобы впредъ подобнаго не про-

истор. вѣстн., май, 1896 г., т. LXLV.

пускали, а въ случаяхъ недоумѣній спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ». Въ иномъ совершенно свѣтѣ рисуется передъ нами тотъ же графъ Уваровъ въ своемъ столкновеніи съ «Обществомъ исторіи и древностей російскихъ». Въ 1-ой книжкѣ «Чтеній» за 1848 годъ былъ напечатанъ переводъ извѣстнаго сочиненія Флетчера «Огосударствѣ Русскомъ...». Графъ Уваровъ, усмотрѣвъ въ этомъ историческомъ сочиненіи XVI вѣка неодобрительные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ, распорядился арестовать эту книжку «Чтеній» и вырѣзать изъ нея переводъ Флетчера. Вотъ это-то обстоятельство и послужило предметомъ раздора между министромъ и бывшимъ московскимъ попечителемъ, предсѣдателемъ Общества, графомъ Строгановымъ. Напрасно отстаивалъ графъ Строгановъ безвредность помѣщенія сочиненія Флетчера въ «Чтеніяхъ», утверждая, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. «Я полагаю, — оправдываетъ себя въ письмѣ графъ Строгановъ, — что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ, напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ». Защита предсѣдателя Общества не имѣла успѣха, и по высочайшему повелѣнію Общество было лишено «драгоцѣннаго права собственной цензуры». Финалъ всей исторіи былъ очень печаленъ — графъ Строгановъ вынужденъ былъ сложить съ себя званіе предсѣдателя Общества, а Бодянский — секретаря. Послѣдній, кромѣ того, былъ отстраненъ отъ профессуры въ Московскомъ университетѣ и переведенъ въ Казань. Этотъ эпизодъ чрезвычайно любопытенъ для характеристики графа Уварова, еще далеко не освѣщеннаго должнымъ образомъ нашей исторической литературой.

В. Глиновскій.

Н. Н. Вантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 годъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. Часть вторая: Германія и Италія. М. 1896.

Николай Николаевичъ Вантышъ-Каменскій принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ тружениковъ русской исторической науки. Въ теченіе пятидесятилѣтней службы своей въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сперва въ должности актуаріуса, а затѣмъ съ 1800 по 1814 годъ управляющаго, онъ ежедневно отдавалъ себя тяжелой и утомительной археографической работѣ, разбирая и описывая драгоцѣнные древніе акты, находившіеся до тѣхъ поръ въ величайшемъ безпорядкѣ и безъ всякаго пристрастія въ сырыхъ подвалахъ архива. Плодомъ неустанныхъ трудовъ Вантыша-Каменскаго было составленіе нѣсколькихъ обширныхъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ массу документовъ первостепенной важности. Такъ, напримѣръ, въ 1784 году онъ составилъ «Дипломатическое собраніе дѣлъ между росіей-

скимъ и польскимъ дворами, съ самаго оныхъ начала по 1700 годъ», въ пяти томахъ; въ 1790 году «Дневную записку» въ тринадцать томахъ, всѣмъ дѣламъ, входящимъ и исходящимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ 1727 по 1738 годъ, и извѣстіе о хранящихся въ архивѣ бумагахъ, въ систематическомъ порядкѣ; въ 1792 году «Дипломатическое собраніе дѣлъ между російскимъ и китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ»; въ 1798 году «Дѣла о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ» и «Реестръ и описаніе малоросійскихъ и татарскихъ дѣлъ» и многіе другіе, изъ числа которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ собранныя имъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, выписки подъ названіемъ «Сокращенное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ между російскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ, съ 1481 по 1800 годъ», въ четырехъ томахъ. Въ сущности, этотъ трудъ есть не что иное, какъ подробный «указатель» внѣшнихъ сношеній Россіи за означенный періодъ времени, но указатель драгоцѣнный, такъ какъ въ немъ сдѣланъ полный обзоръ содержаній находящихся въ архивѣ документовъ по сношеніямъ съ разными государствами. Сознвая важность этого труда, Вантышъ-Каменскій страстно желалъ видѣть его напечатаннымъ и прѣсилъ въ 1813 году канцлера графа Н. П. Румянцева издать его, хотя бы по частямъ. Но Румянцевъ уклонился отъ исполненія просьбы Вантыша-Каменскаго, объясняя въ отвѣтъ ему свой отказъ слѣдующими соображеніями: «сіе изданіе, конечно, можетъ принести большую пользу всѣмъ служащимъ по дипломатической части, но должно и въ томъ соблюсти крайнюю осторожность, дабы не обнаружить тайныхъ сношеній хотя древнихъ, но могущихъ иногда компрометировать систему дворовъ, понынѣ наблюдаемую, и лицъ, оказавшихъ намъ въ какихъ либо случаяхъ важныя услуги». Тѣмъ не менѣе, Румянцевъ общалъ, по окончаніи войны и возвращеніи императора Александра изъ-за границы, представить дѣло на высочайшее усмотрѣніе. Въ 1814 году Вантышъ-Каменскій умеръ, завѣщавъ на смертномъ одрѣ сыну, какъ писалъ тотъ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи, поданномъ государю въ 1816 году, издать его трудъ. Исторіографъ Н. М. Карамзинъ, къ которому обратились за мнѣніемъ, когда началось дѣло объ изданіи работъ Вантыша-Каменскаго, далъ 8-го апрѣля 1818 года слѣдующій отзывъ: «Извлеченія, сдѣланныя покойнымъ Н. Н. Вантышемъ-Каменскимъ изъ дипломатическихъ актовъ древней Россіи, принадлежатъ исторіи и могутъ быть изданы безъ нарушенія правилъ государственной скромности. Не только Россія, но и вся Европа съ того времени перемѣнились: старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питаютъ единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способныхъ къ просвѣщенію. Исправнымъ отъ государя императора одобреннымъ изданіемъ сочиненій г-на Каменскаго мы почтили бы память сего незабвеннаго мужа, который жилъ любовью къ отечеству и нравственности». Не смотря на такой отзывъ Карамзина, лишь въ 1821 году, по ходатайству статсъ-секретаря графа Каподистрія, послѣдовало высочайшее соизволеніе на изданіе работъ Вантыша-Каменскаго на счетъ казны. Но прошло еще 75 лѣтъ и только теперь, благодаря просвѣщенной инициативѣ директора московскаго главнаго

архива, барона Ф. А. Бюлера, и правителя дѣлъ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, С. А. Блокурова, трудъ Бантыша-Каменскаго увидѣлъ свѣтъ подъ заглавіемъ «Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи по 1800 годъ». Изданы пока лишь два первые тома: въ одномъ заключается обзоръ сношеній Россіи съ Австріей, Англіей, Венгріей, Голландіей, Даніей и Испаніей; въ другомъ — съ Италіей и теперешней Германіей. Оставляя подробный обзоръ содержанія труда Бантыша-Каменскаго до выхода послѣдней части, мы уже теперь можемъ сказать, что это изданіе должно сдѣлаться настольной справочной книгой для всякаго, кто занимается исторіей вѣдшихъ сношеній Россіи.

С. Ш.

И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896.

Настоящая книга представляетъ изъ себя сборникъ статей по исторіи самоуправленія и сословной организаціи въ Россіи, статей, принадлежащихъ скончавшемуся въ 1892 году профессору И. И. Дитятину. Авторъ этихъ статей пользовался довольно широкой популяренностью, и работы его, почти всегда написанныя на самую живую злобу дня, возбуждали при своемъ появленіи значительный интересъ. Но въ этомъ характерѣ ихъ замѣченія заключается и ихъ коренной недостатокъ. Статьи Дитятина не имѣютъ никакого права на названіе историческихъ изслѣдованій. Авторъ ихъ искалъ въ исторіи только подтвержденій своимъ готовымъ, совершенно помимо историческаго изыска выработаннымъ, воззрѣніемъ и всѣ историческіе факты нанизывалъ на свои предвзятые выводы. Все, что имъ противорѣчило и даже только съ ними не совпадало, онъ тщательнo опускалъ, или старался дискредитировать во мнѣніи читателей, какъ недостоверныя событія или недобросовѣстныя показанія заинтересованныхъ лицъ, не пренебрегая съ этой цѣлью даже такими мелкими приемами, какъ насмѣшки надъ формой изложенія, въ частности надъ официальнымъ слогомъ, перебивая свои цитаты вопросительными и восклицательными знаками, ироническими курсивами и т. п. На протяженіи всей его книги читатель не встрѣчаетъ полемики, которая была бы ведена въ серьезномъ тонѣ добросовѣстнаго изслѣдователя; научныя опроверженія авторъ замѣняетъ насмѣшками, ироніей, а изрѣдка рѣзкими выраженіями, такъ что невольнo возбуждаетъ подозрѣніе въ состоятельности его взглядовъ, не внушающихъ болѣе достойныхъ и приличныхъ приемовъ защиты тѣмъ, кто ихъ придерживается, и во всякомъ случаѣ убиваетъ всякое довѣріе къ научному значенію своихъ произведеній.

Основные взгляды автора приблизительно могутъ быть охарактеризованы въ немногихъ словахъ. По его воззрѣніемъ, мѣстное самоуправленіе составляло исконный элементъ нашей общественной жизни, не смотря на постоянную, будто бы, борьбу съ нимъ администраціи и ея угнетающія на него воздѣйствія. (Главнымъ образомъ см. статью «Изъ исторіи мѣстнаго управленія»). Такимъ образомъ, Дитятинъ совершенно закрываетъ глаза на дѣйствительную подкладку дѣла — именно, замѣчаемое еще со временъ Ивана Грознаго и даже болѣе раннихъ стремленіе правительства переложить полицейскую дѣятельность на само

населеніе въ видахъ сокращенія расходовъ казны на эту область управления. Не имѣя финансовой главнымъ образомъ возможности взять на себя управленіе странюю во всемъ его объемѣ, правительство со временъ Петра даже насильственно навязывало населенію то самое управленіе, которое, по мнѣнію Дитятина, потому только и не укоренялось и не развивалось, что его тормозила и подавляла администрація. Злоупотребленія мѣстныхъ органовъ администраціи потому и были нормальнымъ явленіемъ прежняго государственнаго управления, что казна не располагала ни средствами, ни людьми для правильной организаціи полицейской власти, и правительство, вводя выборное начало, перелало съ себя на избирателей расходы на жалованье и отвѣтственность за злоупотребленія ихъ выборныхъ. Наконецъ, тѣмъ же недостаткомъ денежныхъ средствъ и средствъ сообщенія вполнѣ удовлетворительно объясняется привлеченіе правительствомъ выборныхъ къ участию въ мѣстномъ управленіи какъ совѣщательному, такъ и непосредственно активному. Наилучшимъ подтвержденіемъ сказанному являются земскіе соборы, бывшіе необходимой обстановкой всѣхъ преобразованій государственнаго управления и кодификаціонныхъ попытокъ Московскаго государства: всякая надобность въ нихъ убита распространеніемъ грамотности, обезпеченіемъ безопасности сообщеній, устройствомъ почтъ, телеграфовъ и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Знаменитыя законодательныя комиссіи Екатерины лишь отчасти имѣли сходство съ земскими соборами, будучи главнымъ образомъ грандіозной политической рекламой, притомъ же рассчитанной не на статистовъ этой затѣи, а на зрителей, чуждыхъ хода самаго дѣла. Далѣе, предполагать на основаніи практики челобитныхъ самостоятельную инициативу населенія Московскаго государства въ законодательной дѣятельности правительства представляется совершенно чудовищной натяжкой. Во всякомъ примитивномъ государственномъ быту судья является вмѣстѣ и законодателемъ и обратно; но считать истцовъ и челобитчиковъ «иниціаторами законодательства» въ конституціонномъ смыслѣ является не болѣе, какъ тенденціознымъ до смѣшнаго искаженіемъ истиннаго смысла историческихъ явленій. Но бесспорно всего болѣе насилуется историческая правда въ угоду предвзятой мысли на тѣхъ страницахъ книги, на которыхъ авторъ старается найти въ нашемъ прошломъ зародыши конституціонныхъ вождедѣній, т. е. исходяція отъ населенія попытки закономѣрно ограничить верховную власть въ Россіи. Въ этихъ стараніяхъ, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ остальныхъ, Дитятинъ совершенно несамостоятеленъ и только повторяетъ и пережевываетъ положенія другихъ, болѣе крупныхъ послѣдователей, чѣмъ онъ самъ. Упомянутымъ вопросамъ посвящена главнымъ образомъ статья «Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія», въ которой подцензурно-запутаннымъ языкомъ, иносказаніями и намеками проводится мысль, будто бы отсутствіе конституціонныхъ ограниченій монархической власти въ Россіи прошлаго вѣка обусловлено было только незаконностью воцаренія всѣхъ царствовавшихъ тогда особъ, достигавшихъ престола не по закону, а по захвату.

Большая часть книги посвящена специальности автора—исторіи городского самоуправления и его реформы въ царствованіе Александра II, а также и корпоративной организаціи дворянства, въ которой Дитятинъ склоненъ видѣть

внутреннюю верховной власти инстинктомъ самосохраненія уступку общественному требованію участія въ дѣлахъ управленія. Сюда относятся статьи «Русскій дореформенный городъ», «Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія», «Къ исторіи «жалованныхъ грамотъ» дворянству и городамъ 1785 года», «Къ исторіи городского положенія 1870 года», «Наше городское самоуправленіе». Эти статьи, какъ выше сказано, иллюстрируютъ тенденціознымъ подборомъ историческихъ фактовъ мнѣніе автора, что слабость укорененія и развитія самоуправления въ Россіи обусловлена злоупотребленіями и стѣсненіями его зародышей со стороны администраціи. Конституціоналистическому освѣщенію нашей исторіи посвящены статьи: «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства», «Екатерининская комиссія 1767 года» и «Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія». Промежуточную роль играютъ прочія статьи—«Очеркъ исторіи цеховъ въ Западной Европѣ», «Царскій кабакъ Московскаго государства» и «Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и «народомъ».

Въ цѣломъ, значеніе разбираемой книги сводится къ значенію историко-литературнаго матеріала для будущиx историковъ русскаго права. Самостоятельнаго научнаго достоинства статьи Дитятина не имѣютъ: онѣ—публицистическія, тенденціозныя выходки одного изъ второстепенныхъ послѣдователей Градовскаго, т. е. представителя конституціоналистической школы въ русскомъ государственномъ правѣ. Проникнутыя ложной идеей, предвзято освѣщающія событія, онѣ подлежатъ недалекому, надѣмся, и полному отверженію ихъ наукой. Въ этой надеждѣ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, заканчивая настоящій разборъ, отмѣтить печатающуюся въ «Русскомъ Обзорѣніи» статью профессора Алексѣева—«Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта», представляющую добросовѣстное историческое изслѣдованіе, широко намѣчающее тотъ путь, которымъ должна будетъ пойти наука русскаго государственнаго права, когда освободится отъ конституціоналистическаго кошмара, породившаго въ ней такія печальныя явленія, какъ статьи Дитятина и ему подобныхъ.

В. Никольскій.

„Курьеръ Варшавскій“. 1821—1896. Юбилейная книга. (Kurjer Warszawski. 1821—1896. Księzka jubileuszowa). Варшава. 1896.

1 января новаго стиля 1896 г. исполнилось 75 лѣтъ существованія весьма распространенной польской газеты «Курьеръ Варшавскій». «Курьеръ» имѣетъ свыше 25,000 подписчиковъ, что для польской газеты очень много. Эта газета принадлежитъ къ такъ называемой малой прессѣ, но отличается отъ своихъ собратьевъ литературной опрятностью, чѣмъ могутъ похвалиться очень немногія газеты этого типа. Въ настоящее время въ этой газетѣ, кромѣ хроники, прекрасно поставлены также фельетонный отдѣлъ, въ которомъ принимаютъ участіе лучшіе польскіе писатели, и отдѣлъ телеграммъ. Особенно много телеграммъ даетъ «Курьеръ» изъ Петербурга, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ русскихъ читателей. По случаю 75-лѣтняго юбилея редакція «Курьера Варшавскаго» выпустила книгу, заглавіе которой означено выше. Эта изящно изданная книга въ

735 страницъ съ 247 рисунками подробно передаетъ исторію «Курьера Варшавскаго». Основателемъ его былъ графъ Кицинскій. Первоначально «Курьеръ» выходилъ 6 разъ въ недѣлю въ форматѣ небольшого листка. Въ немъ сообщались главнымъ образомъ городскія новости, но такъ какъ графъ Кицинскій основалъ газету съ цѣлью играть политическую роль въ тогдашнемъ конституціонномъ царствѣ Польскомъ, то время отъ времени въ его газетѣ появлялись статьи о дѣятельности правительства, причемъ статьи эти часто отличались рѣзкостью. До основанія «Курьера» графъ Кицинскій издавалъ «Ежедневную Газету», въ которой тоже помѣщались рѣзкія статьи противъ правительства, за что тогдашній намѣстникъ царства Польскаго генераль Заюнчекъ уволилъ Кицинскаго въ 1819 году отъ должности вице-референдарія государственнаго совѣта царства. Графъ Кицинскій издавалъ и редактировалъ «Курьеръ» всего около года, а затѣмъ, женившись, продалъ газету литератору и актеру Дмушевскому, а самъ поселился вблизи Варшавы въ имѣніи Гроховъ. Въ 1872 году проѣздомъ въ Варшаву остановился на нѣсколько часовъ въ Гроховской усадьбѣ Кицинскаго императоръ Александръ I. Прощаясь съ Кицинскимъ, императоръ сказалъ:

— Monsieur! J'ai prié madame votre epouse d'être l'interprète de ma reconnaissance pour l'accueil obligeant que vous avez bien voulu me faire. Je crois que vous n'écrirez plus contre gouvernement et que nous n'aurons plus de gancune.

И, обращаясь къ женѣ Кицинскаго, добавилъ:

— Si je peux vous être utile en quelque chose, veuillez bien vous adresser à moi.

Но Кицинскій на службу не поступилъ и остался жить въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и писаніемъ стиховъ. Собраніе его стихотвореній издано въ Варшавѣ въ 1840—1844 годахъ. Онъ умеръ въ 1844 году.

Дмушевскій редактировалъ «Курьеръ» 25 лѣтъ до дня своей смерти. Онъ расширилъ газету и приобрѣлъ для нея большой кругъ подписчиковъ. Его правиломъ было: никого не бранить въ газетѣ. Послѣ его смерти короткое время редакторомъ былъ Видиль, а въ 1848 году «Курьеръ» перешелъ подъ редакцію бойкаго журналиста Карла Куча, который редактировалъ газету до 1863 года. Во время возстанія 1863 года Куча уѣхалъ за границу, не желая принимать участія въ возстаніи или же изъ опасенія попасть въ мѣста не столь отдаленныя за какую либо демонстративную продѣлку. Съ 1863 по 1868 годъ смѣнилось три редактора, мало заявившіе себя, а въ 1868 году фактическимъ редакторомъ «Курьера» сталъ В. Шимановскій, при которомъ газета сдѣлала большіе успѣхи и стала тѣмъ, чѣмъ она есть теперь: онъ завелъ специальныхъ репортеровъ по разнымъ отдѣламъ хроники, развилъ фельетонный отдѣлъ и съ 1883 года сталъ издавать газету 2 раза въ день — утромъ и вечеромъ. Такъ какъ сначала Шимановскій былъ фактическимъ, но не отвѣтственнымъ редакторомъ, отвѣтственнымъ же состоялъ нѣкто Статковскій, то въ 1872 году, когда между Статковскимъ и Шимановскимъ возникли недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ Статковскій тайкомъ отправилъ въ главное управленіе заявленіе о сложеніи имъ съ себя званія редактора, — въ одинъ прекрасный день «Курьеръ» оказался безъ редактора и не выходилъ въ теченіе 7 недѣль. Дѣло усложнялось тѣмъ,

что фактическій редакторъ Шимановскій, очевидно, не разсчитывая быть утвержденнымъ въ званіи редактора главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, не рѣшался хлопотать о своемъ утвержденіи въ этомъ званіи и сталъ подыскивать лицо, которое согласилось бы быть номинальнымъ редакторомъ. Бывшій въ то время редакторомъ «Варшавскаго Дневника» извѣстный поэтъ-переводчикъ П. И. Вейнбергъ рекомендовалъ Шимановскому лектора англійскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, Бенни, который пробылъ редакторомъ короткое время, послѣ чего въ этомъ званіи былъ утвержденъ Шимановскій. Послѣ смерти Шимановскаго, послѣдовавшей въ 1886 году, редактированіе «Курьера» принялъ на себя Ф. Ольшевскій, бойкій польскій публицистъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе первой части «Юбилейной книги», во второй части подробно разсказывается исторія развитія всѣхъ отдѣловъ газеты, и сообщаются біографическія данныя о сотрудникахъ, работавшихъ въ разныхъ отдѣлахъ, а третья содержитъ списокъ статей, печатанныхъ въ «Курьерѣ» за подписями авторовъ. Въ «Книгѣ» даны портреты всѣхъ редакторовъ «Курьера» и главныхъ сотрудниковъ, снимки съ №№ «Курьера» разныхъ лѣтъ. «Юбилейная книга» представляетъ большой интересъ, такъ какъ «Курьеръ Варшавскій» былъ въ теченіе 75 лѣтъ аккумулятивнымъ лѣтописцемъ Варшавской жизни.

А. Ондоровъ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томы VII и VIII (1744—1747 гг.). Спб. 1896.

Дѣятельность академіи наукъ, какъ единственнаго у насъ въ первой половинѣ XVIII вѣка научнаго учрежденія, по необходимости должна была отличаться необыкновеннымъ разнообразіемъ. Будучи заведена въ странѣ полудикой, академія, по первоначальному плану, не могла ограничиваться одной теоретической разработкой научныхъ вопросовъ, и на нее были возложены и педагогическія задачи подготовки будущихъ русскихъ послѣдователей, а, кромѣ того, она должна была заниматься множествомъ самыхъ разнородныхъ дѣлъ, очень часто не имѣвшихъ почти никакого отношенія къ научнымъ изслѣдованіямъ академиковъ и поручавшихся имъ потому, что свѣдущихъ людей, помимо академіи, въ то время совсѣмъ у насъ не было. Поэтому-то въ исторіи академіи мы можемъ находить очень много такихъ фактовъ, которые намъ кажутся просто куріозомъ: въ издаваемыхъ уже нѣсколько лѣтъ «Матеріалахъ» рядомъ съ извѣстіями о переводахъ выдающихся трудовъ западныхъ ученыхъ, рядомъ съ широкими планами историческаго и географическаго изученія нашего отечества, рядомъ съ проектами распространенія научныхъ свѣдѣній въ Россіи, рядомъ съ извѣстіями объ устройствѣ публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ, мы видимъ, что академія занята чисто практическими дѣлами, составленіемъ описанія коронаціи императрицы Елизаветы Петровны, печатаніемъ портретовъ разныхъ высокопоставленныхъ особъ, переводами всякихъ политическихъ реляцій, анатомированіемъ труповъ для чисто полицейскихъ надобностей, а иногда даже и для простаго удовлетворенія любопытства (напримѣръ, анатомированіемъ труповъ слона, бобра, львицы или обезьяны Сидорки); собираніемъ всякаго рода «монстровъ» и т. п. Особенно куріозными намъ

представляются заботы о монстрах: такъ, въ 1744 г. были доставлены въ академію 4 «армафродита», и ихъ приказано «для куріозности» отдать въ академическую гимназію для обученія русской грамотѣ и нѣмецкому языку, «дабы ихъ современемъ къ тому употребить, къ чему каждый изъ нихъ способенъ будетъ»; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ одинъ изъ этихъ «армафродитовъ» куда-то скрылся, такъ что о его розыскѣ приказано было объявить всенародно съ барабаннымъ боемъ. Монстры состояли какъ бы на службѣ, какъ это можно заключить изъ того факта, что нѣкому Воробьеву, «у котораго у лѣвой руки ладонь толщиной въ три четверти и пальцы не такъ, какъ надлежитъ», при отпускѣ въ Тюмень приказано было выдать паспортъ, въ которомъ «именно прописать, что оный находился при академіи монстромъ».

Характеризуя занятія академіи, «Матеріалы» представляютъ большой интересъ, заключаая въ себѣ значительное количество данныхъ для внутренней, хозяйственной стороны учрежденія: мы видимъ, что положеніе ученыхъ было крайне необезпеченнымъ, жалованья академики не получали иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что имъ приходилось жаловаться на крайнюю «несносную мизерію», при которой иногда нечего было даже заложить и «дневной нищи съ домашними взять было негдѣ». Разстройство денежныхъ дѣлъ академіи разъ дошло до такой степени, что поставщикъ чернилъ, артиллерійскій вахмистръ Пичугинъ, «за невыдачею ему денегъ», отказался продолжать поставку, и академическая канцелярія на нѣкоторое время была оставлена безъ чернилъ. Понятно, что положеніе студентовъ академическаго университета и состояніе гимназіи при такихъ порядкахъ было крайне незавиднымъ, какъ это видно изъ цѣлага ряда жалостныхъ рапортовъ студентовъ Протасова и Котельникова и изъ отчетовъ инспектора гимназіи Леруа. Подборъ служащихъ въ этихъ академическихъ учрежденіяхъ стоялъ ниже всякой критики: они пьянствовали, бездѣльничали, позволяли себѣ всякія продерзости, такъ что не разъ мы встрѣчаемъ въ «Матеріалахъ» упоминанія о наказаніяхъ плетью, диньками или кошками. Наконецъ, и сами академики далеко не всегда отвѣчали по своимъ достоинствамъ своему высокому званію.

Передать въ краткой замѣткѣ содержаніе настоящихъ томовъ «Матеріаловъ» очень трудно, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать большой цѣнности этого изданія для исторіи нашего просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи.

А. В—инъ.

Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб. 1896.

Воспоминанія извѣстнаго педагога и литератора представляютъ собою большой интересъ для исторіи нашего общественнаго самосознанія. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ теченіе многихъ уже лѣтъ въ нашей печати не появлялось ничего болѣе обстоятельнаго и живо написаннаго, относящагося къ эпохѣ конца 1850-хъ и начала 1860-хъ гг. Здѣсь не теоретическія разсужденія, не холодныя поученія, а изображеніе дѣйствительной жизни въ ея реальныхъ будничныхъ явленіяхъ, гдѣ центральной фигурой является самъ авторъ. Просто,

безыскусственно ведет онъ свое жизнеописаніе, попутно знакомитъ со многими выдающимися событіями общественной жизни, выводитъ рядъ искусно нарисованныхъ портретовъ дѣятелей изъ міра педагоговъ и литераторовъ; многія изображенныя имъ сцены и эпизоды освѣщены неподдѣльнымъ юморомъ или облиты теплыми лучами любви къ просвѣщенію. Читатель съ все болѣе и болѣе захватывающимъ интересомъ перевертываетъ страницу за страницей, и картина пробужденія русской жизни въ половинѣ текущаго столѣтія развертывается передъ нимъ въ живой и любопытной панорамѣ. При жизни почтеннаго В. П. Острогорскаго неудобно касаться той стороны его труда, которая носитъ на себѣ автобіографическій характеръ. Остановлюсь въ настоящей краткой замѣткѣ лишь на тѣхъ страницахъ, которыя сближаютъ насъ непосредственно съ специальностью автора, то-есть на его педагогическихъ выводахъ и возрѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ своей, болѣе чѣмъ тридцатилѣтней учительской дѣятельности. Въ этомъ отношеніи книга г. Острогорскаго имѣетъ особенную цѣну для нашего времени, столь острога педагогическими вопросами, старательно разрабатываемыми на страницахъ органовъ печати самыхъ разнообразныхъ направленій. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что авторъ говоритъ относительно нашихъ классическихъ гимназій и положенія, отведеннаго въ дѣйствующей педагогической системѣ изученію роднаго языка. «Тогда думали, и, кажется, не безъ основанія, — говоритъ г. Острогорскій о пятидесятихъ годахъ, — что въ ученикѣ прежде всего слѣдуетъ развить свободу и чутье родной рѣчи, на которой онъ мыслить и говорить, и которою онъ долженъ свободно пользоваться впослѣдствіи при болѣе серьезныхъ занятіяхъ въ старшихъ классахъ, и не забивали дара слова, этой самой важной способности человѣка, рановой и формальной грамматической гимнастикой не только своего языка, который при этомъ не развивается, а убивается, но и языковъ иностранныхъ, особенно древнихъ, которыми потомъ съ перваго класса стали нынѣ томить бѣдныхъ малышей». Въ другомъ мѣстѣ авторъ на основаніи своей продолжительной педагогической дѣятельности даетъ слѣдующее любопытное руководящее указаніе о способахъ изученія роднаго языка: «Я, конечно, нисколько не умаляю достоинствъ многихъ почтенныхъ трудовъ по русской грамматикѣ, явившихся для школьнаго преподаванія за эти сорокъ лѣтъ; но, на основаніи опыта, позволяю себѣ утверждать, что въ курсѣ средняго образованія грамматика роднаго языка должна быть доведена до строгаго минимума, имѣющаго въ виду только правописаніе, пунктуацию и основной логическій (синтаксическій) разборъ, съ котораго и начинается нынѣ преподаваніе, и должна быть закончена въ третьемъ, много въ четвертомъ классѣ, при чемъ въ рукахъ учениковъ долженъ быть одинъ сжатый и опредѣленный учебникъ, который обязательно знать весь возможно ближе къ тексту и съ примѣрами. Всякое дальнѣйшее развитіе собственно грамматическаго курса, сухого и неинтереснаго для дѣтей, и особенно растягиваніе грамматики на нѣсколько лѣтъ, до старшихъ классовъ, виды всякихъ «концентрацій съ цѣлью расширенія понятій» и повторительныхъ курсовъ, утверждаю прямо, идетъ во вредъ здоровому развитію юношескаго ума, сковываемаго ненужной схоластикой, и еще болѣе въ ущербъ усвоенію

живаго родного языка и литературнаго образованія. Филологія вообще и грамматика родного языка въ связи съ церковно-славянскимъ и другими славянскими нарѣчіями дѣло филолога-студента, а никакъ не гимназіи, которая есть прежде всего, и единственно, заведеніе общеобразовательное. Загроможденіе же въ гимназіяхъ такого важнѣйшаго предмета, какъ родной языкъ, массою грамматическаго матеріала ведетъ только къ страшному пониженію «общаго образованія». Я нарочно привелъ эти выдержки изъ труда почтеннаго педагога, такъ какъ въ встрѣченныхъ мною до сихъ поръ отзывавъ о книгѣ «Изъ исторіи моего учительства» обращается главнымъ образомъ вниманіе на историко-автобіографическое значеніе ея, при чемъ обыкновенно упускается изъ виду, что, кромѣ историческаго значенія, трудъ г. Острогорскаго содержитъ въ себѣ массу указаній чисто-педагогическаго характера, чрезвычайно полезныхъ для руководства въ вѣроятной будущей реформѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вотъ почему желательно, чтобы книга эта, между прочимъ, сдѣлалась настольною нашихъ господъ педагоговъ и преимущественно учителей русскаго языка и словесности. Рядомъ съ указаніями теоретическаго свойства они найдутъ здѣсь очерки дѣятельности и педагогическія характеристики такихъ выдающихся бывшихъ дѣятелей русской жизни, каковы Стоюнинъ, Гердъ, Резенеръ, и многихъ другихъ, съ которыми г. Острогорскому приходилось встрѣчаться на зарѣ своей жизни. Имѣетъ настоящій трудъ почтеннаго общественнаго дѣятеля и другое значеніе, пожалуй, еще болѣе важное, нежели указанное первое. Какъ извѣстно, наши дни отличаются печатью несомнѣннаго исканія современной молодежью идеаловъ и задачъ жизни. Многочисленные кружки, существующіе среди этой молодежи, задаются туманными задачами разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ о значеніи прекраснаго въ жизни, о законахъ матеріалистической необходимости, о конечной цѣли существованія, о безконечности, вѣчности и пр. и пр. подобномъ, по большей части неразрѣшимомъ. Всѣ эти исканія, блужданія и порывы несомнѣнно свидѣтельствуютъ о болѣзненности современнаго поколѣнія, при чемъ конечнымъ выводомъ этого настроенія по большей части служатъ пути—или грубаго черстваго матеріализма въ видѣ марксизма или эгоистическаго, безпринципнаго символизма съ конечнымъ идеаломъ «безъ цѣли жизни, безъ цѣли умирать». Полной противоположностью этому настроенію рисуется г. Острогорскимъ живая картина пробужденія, роста и развитія силъ молодежи въ современную автору эпоху 1860-хъ годовъ. Мы не видимъ здѣсь подозрительнаго топтанья на мѣстѣ въ погонѣ за отвѣтомъ, съ чего начать свою жизнь, какими средствами выполнять задуманное, что считать конечной цѣлью своихъ дезидерій. Отчего молодежь 1860-хъ годовъ, которую такъ хорошо описываетъ г. Острогорскій, не билась такъ долго надъ вопросами, на какую сначала стать ногу, чтобы быть полезнымъ членомъ общества, а прямо шла къ живому дѣлу, вѣруя, что силы сами собою придутъ по дорогѣ къ дѣлу, въ самомъ процессѣ дѣла? Отчего тогда, въ тѣ годы достаточно было одного вдохновенія, желанія, пламеннаго и искренняго, чтобы объявиться настоящимъ человѣкомъ и членомъ общества, а теперь требуется длиннѣйшее приготовленіе себя къ живому дѣлу, чтобы въ конечномъ результатѣ потонуть въ

пучинѣ этого приготовления и сыграть въ ничью. Одними независимыми обстоятельствами, одними вѣяніями времени объяснять современное безлюдье и мертвечину нельзя. Не отрицая значенія этихъ обстоятельствъ, я опять-таки подчеркиваю то свое положеніе, которое уже не одинъ разъ высказывалъ на сраницахъ «Историческаго Вѣстника», что тутъ вина школы, вина тѣхъ ея представителей, которые, оказавшись или слишкомъ уступчивыми и пугливыми, или мало понимающими, забыли о живой душѣ молодежи, о живыхъ задачахъ нашего историческаго бытъя. Г. Острогорскій своею прекрасной книгой, дасть молодежи, помимо разныхъ теоретическихъ программъ, въ живыхъ примѣрахъ жизни нить къ пониманію ея задачъ и тѣхъ средствъ, коими эти задачи могутъ быть осуществляемы.

В. Глинскій.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга. Выпускъ I—VI. Москва. 1896.

Необычайный успѣхъ предпринятаго А. Ф. Марксомъ изданія «Всеобщей исторіи» Іегера въ русскомъ переводѣ обнаружилъ существованіе серьезнаго спроса въ нашей читающей публикѣ на иллюстрированныя научныя сочиненія. Въ настоящее время починъ издателя «Нивы» встрѣтилъ разомъ двухъ подражателей: г. Щепанскаго, издающаго «Исторію музыки» Наумана, и гг. Байкова и К^о, издающихъ «Всеобщую исторію литературы» Шерра. Покаместъ мы выйдемъ передъ собою шесть выпусковъ послѣдняго изданія, дающихъ возможность судить о характерѣ и достоинствахъ цѣлага. Мы не будемъ говорить, насколько удачно выбрана именно книга Шерра изъ числа исторій литературъ для популярнаго изданія ея въ русскомъ переводѣ и съ иллюстраціями; во всякомъ случаѣ въ пользу такого выбора говорить, во-первыхъ, то, что она является не сводомъ монографій разныхъ лицъ, а вся, съ начала до конца, писана однимъ лицомъ, чѣмъ обусловлено единство исходной точки зрѣнія и цѣлоснаго впечатлѣнія; а, кромѣ того, «Всеобщая исторія литературы» Шерра представляетъ изъ себя не справочное изданіе, а книгу для чтенія, бѣглый обзоръ національныхъ литературъ человѣчества, писанный живымъ, одушевленнымъ языкомъ, очень доступно и ясно изложенный. Эта книга собственно уже хорошо знакома русской публикѣ, такъ какъ была не разъ переведена и переиздана. Новый переводъ редактированъ довольно тщательно; но главной новинкой изданія представляются многочисленныя иллюстраціи. Къ вышедшимъ шести выпускамъ приложено 16 портретовъ на отдѣльныхъ листахъ и, кромѣ того, въ текстѣ ихъ помѣщено не мало политипажей. Въ цѣломъ это очень изящное изданіе, которому популярность текста и иллюстрацій общаются, по видимому, значительный успѣхъ.

В. В. Н.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. М. 1896.

Г. Зелинскій, неутомимо работающій надъ составленіемъ «Сборниковъ» критическихъ статей о произведеніяхъ нашихъ писателей, начиная съ Пушкина,

выпустилъ вторымъ, значительно дополненнымъ, изданіемъ свое собраніе критическихъ матеріаловъ къ произведеніямъ Тургенева. Тургеневъ надолго, вѣроятно, останется однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей Гоголевскаго періода нашей литературы, такимъ, въ оцѣнкѣ личности и произведеній котораго въ настоящее время начинаютъ сходиться представители самыхъ разнообразныхъ направленій нашей общественной мысли; но и теперь можно замѣчать о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Тургенева сужденія, прямо противорѣчащія другъ другу, а при жизни его это было такое имя, изъ-за котораго было поломано множество копій, и пролито масса чернилъ. При нѣкоторой неподвижности нашей публики, при трудности доставать тѣ критическія статьи, которыя разбросаны въ старыхъ журналахъ, «Сборникъ» г. Зелинскаго, составленный очень добросовѣстно (пожалуй, даже черезчуръ стремящійся къ полнотѣ), является весьма полезнымъ пособіемъ для всякаго желающаго лучше познакомиться съ произведеніями Тургенева и отзывами о нихъ нашихъ критиковъ.

В—ъ.

Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ кафедръ со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1895). Спб. 1896.

Въ 1872 году Ю. В. Толстой издалъ «Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ всероссійской іерархіи со времени учрежденія синода въ 1721 г. до 1871 г.». Этимъ изданіемъ онъ оказалъ услугу всѣмъ занимающимся отечественной исторіей, такъ какъ для нихъ весьма важно было имѣть справочную книгу, въ которой были бы собраны свѣдѣнія о службѣ архіереевъ и о разныхъ перемѣнахъ по учрежденію, переименованію и упраздненію епархіальныхъ и викарныхъ кафедръ. Но со времени появленія книги Толстого произошло очень много перемѣнъ въ составѣ русской іерархіи и русскихъ епархій и, кромѣ того, въ трудѣ этомъ оказались пропуски и ошибки, естественныя въ столь сложномъ и кропотливомъ дѣлѣ. Теперь, по распоряженію г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, книга Толстаго переиздана вновь; въ нее вошли всѣ данныя; находившіяся въ прежнемъ изданіи, дополнены послѣдовавшими измѣненіями, и біографическія свѣдѣнія о 128 лицахъ, вошедшихъ съ 1871 года въ составъ русской іерархіи. Равнымъ образомъ въ нее включены указанія и о состоявшихся измѣненіяхъ въ количествѣ и названіи кафедръ русской церкви до 1895 года включительно. Въ настоящемъ изданіи соблюденъ очень удобный для справокъ порядокъ. Сперва перечисляются архіереи по старшинству хиротоніи съ краткими біографическими данными о каждомъ, затѣмъ идетъ списокъ епархій и викаріатствъ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ времени ихъ учрежденія и именъ архіереевъ, ихъ занимавшихъ, и наконецъ, приложенъ алфавитный указатель именъ архіереевъ съ соответствующими номерами, подъ которыми они значатся въ хронологическомъ списокѣ. Если бы и другія правительственныя учрежденія послѣдовали примѣру святѣйшаго синода, то какую существенную услугу оказали бы они занимающимся, облегчивъ имъ справочную работу, на которую затрачивается такъ много времени и часто такъ безплодно.

С. Ш.

„Въ добрый часъ“. Сборникъ въ пользу общества вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Слб. 1896.

Благотворительные сборники по большей части рассчитаны исключительно на доброе сердце покупателей и лицъ, заинтересованныхъ въ предметъ благотворительности, почему къ этимъ сборникамъ и не слѣдуетъ предъявлять строгихъ мѣрокъ критики. Люди собрались для доброй цѣли, каждый внесъ свою лепту трудомъ, какъ кто могъ и поскольку былъ въ состояніи, почему публика не должна быть слишкомъ требовательна. Писатели—народъ очень небогатый, и каждое ихъ произведеніе, что они жертвуютъ на доброе дѣло, идетъ насчетъ благосостоянія собственныхъ семей. Тѣмъ-то и дороги эти трудовыя лепты. Сборникъ въ пользу ученицъ Коломенской женской гимназіи составленъ именно изъ таковыхъ посильныхъ жертвъ, и читатели, можно надѣяться, сумѣютъ оцѣнить эти жертвы, и тѣмъ болѣе, что, право же, на этотъ разъ и жертвы по качеству своему стоятъ вовсе не такъ дешево. Тутъ и хорошенькіе рассказы Кота-Мурлыки, Д. Мамина, В. Микуличъ, и стихотворенія К. Р., П. Вейнберга, Д. Михаловскаго, и очерки В. Острогорскаго, Д. Кайгородова, Г. Грумъ-Гржимайло, В. Немировича-Данченка и много другихъ произведеній, подписанныхъ не столь громкими именами. Всѣ дали, что могли, и вотъ тутъ-то гг. составители «сборника» поступили несовсѣмъ тактично. Въ заглавномъ листѣ лица именитыя прописаны жирнымъ шрифтомъ, а менѣе извѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя обычными буквами. Почему такое обидное различіе и почему, напримѣръ, г-жѣ О. Шерстобитовой оказано за ея милое содѣйствіе меньше вниманія, чѣмъ, напримѣръ, гг. Вейнбергу, Фофанову и другимъ именитымъ? Это нехорошо и тѣмъ еще болѣе, что юныя читательницы книжки получаютъ уже въ раннемъ возрастѣ понятіе о кастовыхъ дѣленіяхъ и произвольной табели о рангахъ. Въ книжкѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія прекрасная «рѣчь инспектора гимназіи П. И. Вѣтвеницкаго», содержащая себѣ краткій историческій очеркъ Коломенской женской гимназіи и отчетъ благотворительнаго общества при ней. Общество это, какъ оказывается, принесло очень много добра и доставило возможность не одной бѣдной дѣвушкѣ получить право на интеллигентный трудъ. Любопытно отмѣтить также отличительную черту этой гимназіи, которая значительно выдѣляетъ ее изъ среды аналогичныхъ учебныхъ заведеній. Черта эта—близость тамошняго педагогическаго персонала къ литературнымъ нашимъ сферамъ и сознаніе въ немъ необходимости эстетическаго развитія учащихся. «Съ цѣлью поднятія эстетическаго и литературнаго образованія въ гимназіи устраивали цѣлый рядъ литературныхъ праздниковъ,—сказано въ рѣчи г. Вѣтвеницкаго.—На долю нашей гимназіи выпала честь и особое счастье, память о которомъ живетъ и понынѣ, прिवѣтствовать въ этихъ стѣнахъ и слушать чтеніе корифеевъ русской литературы. Здѣсь раздавалось живое слово И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевскаго, А. Н. Островскаго, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонскаго и А. Н. Плещеева». Кажется, это общеніе ученицъ съ корифеями литературы устроилось, благодаря П. И. Вейнбергу, какъ равно ему обязана гимназія учрежденіемъ «Педа-

гогическихъ собраній», которыя въ теченіе 1882 — 1883 гг. давали возможность видѣться въ стѣнахъ Коломенской гимназіи преподавателямъ и преподавательницамъ всѣхъ учебныхъ заведеній столицы для взаимнаго обмѣна мыслей по вопросамъ учебно-воспитательнымъ. Г.

Проф. А. Н. Красновъ. Основы землевѣдѣнія. Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя. Харьковъ. 1895.

Въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1895 годъ мы дали отзывъ о первомъ выпускѣ настоящей книги и вмѣстѣ съ тѣмъ общую характеристику ея, указывая на научный духъ воззрѣній автора, на значеніе «Основъ землевѣдѣнія», какъ перваго русскаго университетскаго курса географіи, и на приспособленность этого курса къ самообразовательному чтенію. Этотъ отзывъ вполне примѣнимъ и къ настоящему второму выпуску, такъ что мы можемъ ограничиться въ настоящей рецензіи краткимъ изложеніемъ его содержания. Двѣнадцать главъ выпуска посвящены вліянію солнца на земную поверхность, метеорологіи и физической географіи моря, вліянію движеній атмосферы на движенія и формы океанической поверхности, морскимъ теченіямъ, особенностямъ краевыхъ и средиземныхъ морей въ отношеніи вліяній атмосферныя и теченій, циклонамъ и смерчамъ, взаимодействию температуры суши и моря, характеристикъ климатовъ: тропическаго, области муссоновъ, полярныхъ странъ, области преимущественнаго прохожденія циклоновъ и горныхъ странъ, а также общему обзорѣню измѣнчивости климатовъ и причинъ ея. Въ заключеніи второго выпуска авторъ предлагаетъ новую классификацію климатовъ земнаго шара. Книга иллюстрирована 27-ю рисунками.

В. В. Н.

Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Томъ I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы митрополита Макарія (1816—1857 г.). Съ портретомъ и факсимиле. Доцента Кіевской духовной академіи Теодора Титова. Кіевъ. 1895.

Скончавшійся 9-го іюня 1882 года митрополитъ московскій Макарій Булгаковъ былъ выдающимся церковно-общественнымъ дѣятелемъ текущаго столѣтія. Это былъ неутомимый подвижникъ науки, своими всемірно извѣстными трудами сдѣлавшій великій и дѣнный вкладъ въ сокровищницу русской богословской и церковно-исторической науки, и въ то же время самый доброжелательный и щедрый поощритель научныхъ трудовъ другихъ дѣятелей. Съ другой стороны, какъ истинный и глубокий церковный дѣеисатель, прекрасно изучившій исторію русской церкви, митрополитъ Макарій имѣлъ ясное и свѣтлое понятіе о положеніи церковныхъ дѣлъ въ Россіи и много содѣйствовалъ, въ качествѣ епархіальнаго начальника и члена святѣйшаго синода, преобразованію нѣкоторыхъ частей церковнаго управленія, ѣлучшенію духовно-учебнаго образованія и быта русскаго духовенства. Наконецъ, митрополитъ Макарій, от-

личаясь высокими нравственными качествами, былъ великою духовною силою нашего отечества и вмѣстѣ съ тѣмъ истиннымъ патриотомъ русскаго государства. Отсюда понятно, насколько важно и необходимо составленіе біографіи іерарха, каковое дѣло и взялъ на себя г. Титовъ. Означенная выше книга представляетъ лишь первый томъ біографіи митрополита Макарія и описываетъ его жизнь въ годы дѣтства, училищнаго, семинарскаго и академическаго образованія, учительства въ Кіевской духовной академіи и профессорства, а затѣмъ ректорства въ Петербургской духовной академіи. Книга составлена почти исключительно на основаніи документальныхъ данныхъ, написана языкомъ живымъ и правильнымъ и очень полезна для исторіи богословскаго просвѣщенія въ Россіи за текущее столѣтіе. Неприятно поражаетъ только неумѣренно хвалебный ея тонъ, чрезмѣрное преклоненіе автора предъ всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ митрополиту Макарію, детальность и мелочность, интересныя лишь для близкихъ къ покойному іерарху лицъ. О.

Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Волдакова. Приложение: выписки изъ дѣлъ Королевскаго архива въ Копенгагенѣ. Спб. 1896.

Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за пресѣченіемъ династіи Рюриковичей, иностранные дворы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за смутами въ Московскомъ царствѣ. Этимъ обстоятельствомъ, вызывавшимъ оживленную дипломатическую переписку по поводу тогдашнихъ событій и даже слуховъ, а также наплывомъ иностранцевъ въ Москву при Годуновѣ и самозванцахъ, достаточно объясняется громадная наличность матеріаловъ для русской исторіи того времени, находящихся въ заграничныхъ архивахъ. Въ сборникѣ г. Волдакова помѣщены документы, освѣщающіе періодъ смуты въ Московскомъ государствѣ, предшествующій появленію на исторической сценѣ перваго самозванца, а именно: отчетъ о поѣздкѣ ганзейскаго посольства изъ Любека въ Москву и Новгородъ въ 1603 г., письма Генриха фонъ-Логау и царя Бориса Годунова къ императору Рудольфу II, отвѣтъ послѣдняго Годунову, письма Димитрія и неизвѣстнаго итальянца къ Сигизмунду III, два документа изъ дипломатической переписки по поводу воцаренія Димитрія и два письма Маржерета. Всѣ эти матеріалы цѣнны какъ для болѣе всесторонняго и объективнаго уясненія этой малоислѣдованной эпохи, такъ и для точнаго опредѣленія нѣкоторыхъ датъ хронологическихъ и географическихъ, установленныхъ теперь лишь предположительно. Немалое значеніе могутъ имѣть нѣкоторые документы и для общей характеристики быта и государственныхъ установленій средневѣковой Руси. Помѣщенные въ концѣ книги подробныя примѣчанія г. Волдакова, составленныя съ полнымъ знаніемъ дѣла, значительно облегчаютъ изслѣдователямъ пользованіе этимъ важнымъ историческимъ матеріаломъ.

К. Х.

Э. Науманъ. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный по новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ „Очерковъ исторіи музыки въ Россіи“, подъ редакціей Н. Финдейзена. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. Выпускъ I. Спб. 1896.

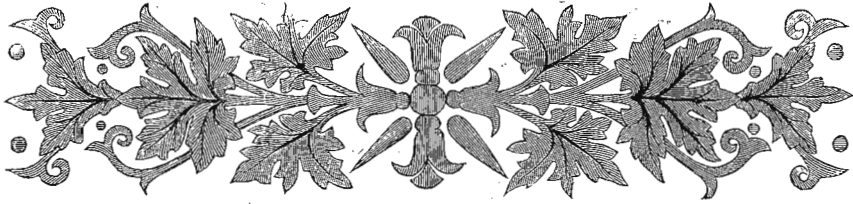
Мы указываемъ въ отзывѣ объ иллюстрированномъ изданіи русскаго перевода «Всеобщей исторіи литературы» Шерра на характеръ и значеніе «Всеобщей исторіи музыки» Наумана. Особенность послѣдняго изданія заключается въ томъ, что оно является первой всеобщей исторіей музыки на русскомъ языкѣ и потому естественно должно разсчитывать на широкій успѣхъ и распространеніе въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Кромѣ того, надо замѣтить, что переводчикъ весьма удачно остановилъ свой выборъ на сочиненіи Наумана, пользующемся большою популярностью не только въ Германіи, но и вообще въ Европѣ. Должно признать, что исторія музыки даже до настоящаго времени разработана далеко не совершенно въ научномъ отношеніи, и только отдѣльныя монографіи въ области музыкальной литературы заслуживаютъ признанія ихъ истинно научными изслѣдованіями. Тѣмъ не менѣе, однако же, «Исторія музыки» Наумана все-таки имѣетъ право на вниманіе, какъ одно изъ лучшихъ обзорѣннй современнаго состоянія всеобщей исторіи музыки. Къ этому можно прибавить, что русскій переводъ обѣщаетъ восполнить огромный пробѣлъ подлинника, именно—дать очеркъ исторіи русской музыки, совершенно отсутствующій у Наумана. Вышность новаго изданія очень изящна, а цѣна—10 рублей за четыре тома въ 20 выпускахъ, включающіе около 1.300 страницъ текста и до 300 иллюстрацій,—невысока. Въ виду сказаннаго настоятельно рекомендуемъ разбираемое изданіе вниманію всѣхъ серьезныхъ любителей музыки.

В. В. Н.

Библиотека экономистовъ: Франсуа Кенэ, Жанъ-Ватистъ Сэ и Фредерикъ Бастіа. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896.

Издаваемая г. Солдатенковымъ «Библиотека экономистовъ», о которой мы уже давали отчетъ въ прошломъ году при появленіи перваго ея выпуска, посвященнаго Адаму Смиту, быстро подвигается впередъ. Теперь вышелъ уже седьмой выпускъ, посвященный Сэ и Бастіа. За Смитомъ слѣдовали: Рикардо, Мальтусъ, Миль, Юмъ, Бентамъ, Кенэ. Каждый выпускъ посвященъ либо одному экономисту, либо двумъ, и содержитъ, кромѣ избранннхъ мѣстъ изъ ихъ сочиненій, еще обзоръ ихъ жизни и дѣятельности, равно какъ перечень ихъ сочиненій. Редакція, принадлежащая гг. Щепкину и Вернеру, въ общемъ очень тщательна. Такимъ образомъ, все это изданіе можно смѣло рекомендовать лицамъ, желающимъ познакомиться съ свѣтилами экономической науки и составить себѣ понятіе объ ея постепенномъ развитіи. Повторимъ только, что цѣна «Библиотеки» слишкомъ высока. Всѣхъ выпусковъ будетъ около тридцати и за нихъ придется уплатить читателю 30 руб. Сумма эта могла бы быть значительно понижена, если бы изданіе было болѣе компактно, а этого можно было бы въ свою очередь достигнуть соединеніемъ нѣсколькихъ выпусковъ въ одинъ томъ.

Р. С.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ. Возрожденіе олимпійскихъ игръ въ Аѳинахъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго года уже вызвало на свѣтъ цѣлую литературу. Международный комитетъ, устроившій атлетическія упражненія по древнему образцу въ возстановленномъ аѳинскомъ стадіи, или ипподромѣ, издалъ подъ редакціей греческихъ профессоровъ: Ламброса, Политиса и Христоманоса великолѣпное иллюстрированное на французскомъ языкѣ изданіе, подъ названіемъ «Олимпійскія игры; 776 г. до Р. X. — 1896 г. послѣ Р. X.»¹⁾; въ первомъ, уже вышедшемъ томѣ находится исторія древней Олимпіи съ ея богами, героями и знаменитыми играми, а второй будетъ посвященъ описанію современнаго возстановленія аѳинскаго стадія и первыхъ празднествъ, данныхъ въ честь его открытія въ настоящемъ году. Кромѣ этой роскошной книги, олимпійскія игры служатъ предметомъ многочисленныхъ статей въ европейскихъ и американскихъ журналахъ, среди которыхъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ: богато иллюстрированный очеркъ Аллана Маркана о древнихъ играхъ въ апрѣльской книжкѣ «Century Magazine»²⁾, статья Жоржа Гортена въ North American Review, о возстановленіи этихъ игръ³⁾ и два этюда о тѣхъ же предметахъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ Ж. Геннадіуса и барона Пьера де-Кубертена въ Cosmopolis⁴⁾. Бла-

¹⁾ Les jeux Olympiques 776 av. J. C.—1896, par. J. Lambros, N. Politis, et C. Christomanos. Paris. 1896, I vol.

²⁾ The old Olympic games, by Allan Marquand. Century Magazine, april.

³⁾ The Resurrection of the Olympic games, by G. Hortin, North American Review, aunch.

⁴⁾ The Revival of the Olympian games. by Z. Gennadins. — La Preface des jeux Olympiques, par le baron Pierre de Coubertin. Cosmopolis, avril.

годаря всѣмъ этимъ трудамъ, можно себѣ составить полное понятіе о томъ, какъ совершались эти знаменитыя игры въ древности, при какихъ обстоятельствахъ онѣ уничтожены и какъ восстановлены въ настоящее время. Древнія олимпійскія игры, какъ извѣстно, происходили въ Элидѣ, въ западномъ Пелопоннезѣ, въ долинѣ рѣки Алфея, и о происхожденіи ихъ греки всегда спорили между собою: одни приписывали ихъ пелазгамъ, а другіе ахеянамъ, причеиъ въ первомъ случаѣ создателемъ ихъ называли самого Зевса, а во второмъ — Атрея; но наибольшимъ довѣріемъ пользовалось толкованіе, приписывавшее учрежденіе этихъ игръ критянину Геркулесу. Во всякомъ случаѣ, когда олимпійскія игры вошли въ славу, то-есть въ VIII вѣкѣ до Р. Х., то онѣ приобрѣли такое значеніе, что побѣда, одержанная Коробомъ въ 776 году, считалась многими древними учеными за начало истории, и лѣтоисчисленіе по олимпиадамъ официально не только поддерживалось римскими императорами, но сохранилось въ сочиненіяхъ классическихъ археологовъ до сихъ поръ. Время олимпійскихъ празднествъ исчислялось, какъ христіанская пасха по лунѣ, именно они начинались съ того момента, когда луна находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ лѣтняго солнцестоянія, то-есть въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля, а продолжались цѣлый мѣсяць, въ теченіе котораго обязательно царилъ священный миръ въ Эладѣ, такъ что ни одинъ вооруженный воинъ не смѣлъ входить въ ея предѣлы. Заранѣе, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ, посылались гонцы во всѣ греческіе города съ приглашеніемъ ко всѣмъ греческимъ гражданамъ принять участіе въ этихъ играхъ, а такъ какъ всѣ гости въ Олимпіи принимались и угощались на общественный счетъ, то туда стекались громадныя толпы, совершавшія далекія путешествія на судахъ, въ колесницахъ, верхомъ и даже пѣшкомъ, подобно Сократу. Трудно опредѣлить число всѣхъ посѣтителей Олимпіи, но мѣстъ въ стадиі было на 40.000 человекъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ единственнымъ состязаніемъ были бѣга, но потомъ постепенно прибавились: борьба, бѣга въ колесницахъ, скачки и метаніе диска. Хотя официальныхъ состязаній для бойцевъ мысли не было установлено, но въ Олимпіи постоянно поэты, историки и философы читали свои новѣйшія произведенія, такъ что эти игры служили для развитія не только физическихъ, но и умственныхъ силъ греческихъ племенъ, видѣвшихъ въ нихъ могущественный стимулъ къ національному единству. Даже послѣ паденія греческой независимости, олимпійскія игры долго продолжались при римскомъ владычествѣ, и Неронъ ввелъ музыкальныя состязанія. Только въ 394 году по Р. Х. императоръ Феодосій уничтожилъ ихъ, считая ихъ несоотвѣтствующими христіанской идеѣ. Съ тѣхъ поръ не только олимпійскія, но и другія греческія игры, исчезли съ лица земли, и только теперь, послѣ столькихъ вѣковъ, въ виду распространенія во всѣхъ странахъ атлетическаго спорта, наступила удобная минута для ихъ восстановленія. Составился международный комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника греческаго престола изъ представителей различныхъ европейскихъ государствъ, и первыя игры, подъ названіемъ Олимпійскихъ, произошли въ Афинахъ, а вторыя назначены въ Парижѣ въ 1900 году. Хотя мѣстомъ для игръ былъ восстановленный древній стадій, какъ въ эпоху Ирода Атика, но къ стариннымъ состязаніямъ прибавлены современные виды спорта: бѣгъ на велосиде-

дахъ, игра въ крикетъ и т. д. Кромѣ того, что новыя олимпійскія игры происходятъ не тамъ, гдѣ въ старину, и не въ прежнемъ составѣ, — онѣ еще отличаются отъ древнихъ тѣмъ, что въ нихъ можетъ участвовать всякій, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, а въ Олимпіи въ состязаніяхъ могли участвовать только греки, такъ что даже Александръ Македонскій, чтобы выступить на стадіи, долженъ былъ доказать свое греческое происхожденіе.

— Отношенія между Россіей и Ватиканомъ въ XV и XVI вѣкахъ. Католическій патеръ Пирлингъ уже давно извѣстенъ, какъ авторъ монографій на французскомъ и русскомъ языкахъ о различныхъ эпизодахъ сношеній Россіи съ Ватиканомъ съ XV вѣка. Такъ на русскомъ языкѣ извѣстна его небольшая книга «Россія и Востокъ», въ которой впервые, на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ, подробно разсказанъ бракъ Ивана III и Софіи Палеологъ, совершенный въ Римѣ, при чемъ замѣстителемъ великаго князя былъ итальянскій проходимецъ Вольпе, сумѣвшій поддѣлаться къ нему во время своего пребыванія въ Москвѣ, а пофранцузски Пирлингъ издалъ нѣсколько отдѣльныхъ томиковъ своихъ дипломатическихъ очерковъ, основанныхъ также на отысканныхъ имъ драгоцѣнныхъ документахъ ея итальянскихъ архивовъ. Въ настоящее время почтенный историкъ дополнилъ новыми изслѣдованіями всѣ свои работы и предпринялъ свести ихъ въ одно цѣлое громадное историческое зданіе, подъ названіемъ «Россія и Ватиканъ» (*La Russie et Saint-Siège*). Первый томъ этого обширнаго, оригинальнаго труда по исторіи сношеній Россіи съ Римомъ въ теченіе прошедшихъ вѣковъ вышелъ надвухъ и обнимаетъ собою эпохи Василія II, Іоанна III, Василія III и Іоанна IV до посѣщенія Москвы знаменитымъ Поссевиномъ¹⁾; въ него вошли цѣликомъ, но съ нѣкоторыми добавленіями, предыдущія сочиненія Пирлинга: «Римъ и Москва» и «Россія и Востокъ», что составляетъ около трехъ четвертей этого тома, а первыя сто страницъ заняты ранѣе не напечатаннымъ разсказомъ о первоначальныхъ сношеніяхъ Россіи съ Ватиканомъ при Василіи II. Хотя такимъ образомъ большая часть новаго труда Пирлинга уже извѣстна, но въ виду того, что къ своимъ прежнимъ архивнымъ изысканіямъ онъ добавилъ новыя, бросающія болѣе яркій свѣтъ на изучаемый имъ предметъ, а также, что онъ связалъ свой разсказъ общей нитью европейской исторіи, то этотъ окончательный трудъ имѣетъ гораздо большее историческое значеніе, чѣмъ прежнія отрывочныя работы того же автора, и когда онъ будетъ совершенно оконченъ, то займетъ видное мѣсто среди матеріаловъ для русской исторіи съ XV вѣка. Конечно, главный интересъ сочиненія Пирлинга заключается въ томъ, что въ основѣ его лежитъ не только полное знакомство автора со всѣми печатными историческими матеріалами, но и открытыя имъ, до сихъ поръ невѣдомыя драгоцѣнныя сокровища въ архивахъ Болоньи, Флоренціи, Генуи, Мантуи, Милана, Модены, Сіены, Венеціи и Рима, а также Копенгагена, Кенигсберга, Нюрнберга и Парижа. Естественно, что въ предисловіи, излагающемъ цѣль его труда, и въ каждой страницѣ его перваго тома просвѣчиваютъ взгляды преданнаго слуги католической церкви,

¹⁾ *La Russie et le Saint-Siège, études diplomatiques, par Le P. Pierling S. Z., I vol. Paris, 1896.*

и потому Пирлингъ всюду защищаетъ правпльность дѣйствій католической церкви, старавшейся всѣми силами подчинить себѣ православную церковь, которую она считала ересью; но подобная, исключительно католическая, точка зрѣнія нимало не нарушаетъ достоинствъ этого католическаго патера и иезуита въ качествѣ историка. Его долговременная работа въ итальянскихъ архивахъ, куда не имѣли доступа до него русскіе историки, дала такіе богатые результаты, что вполне недобросовѣстно было бы упрекать ученаго, оказавшаго значительныя услуги для выясненія многихъ, доселѣ темныхъ вопросовъ русской исторіи за то, что онъ, въ силу своего духовнаго сана, обязанъ высказывать взгляды той церкви, служителемъ которой онъ состоитъ. Читателямъ, уже не говоря объ историкахъ, негрудно разобраться въ этомъ невольномъ смѣшеніи международнаго ученаго и вѣрнаго сына отдѣльной церкви, а однажды, усвоивъ себѣ подобающую точку зрѣнія на трудъ Пирлинга, всякій интересующійся исторіей, а тѣмъ болѣе русской, найдетъ много любопытнаго и новаго въ блестяще рассказанномъ въ его книгѣ длинномъ рядѣ попытокъ Ватикана подчинить себѣ Россію, подъ предлогомъ единенія церквей. Эти попытки начались на знаменитомъ флорентинскомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ кіевскій митрополитъ, Исидоръ, по происхожденію грекъ; не смотря на его успѣхъ на соборѣ и признаніе установленной на немъ униі, онъ, вернувшись въ Москву, потерпѣлъ полное фіаско и бѣжалъ изъ своей епархіи въ Италію, гдѣ въ качествѣ кардинала и провелъ остатокъ своей жизни, все-таки продолжая трудиться по дѣлу сліянія, если не русской, то греческой церкви съ католичествомъ. Описаніе флорентинскаго собора и возбужденныхъ вслѣдствіе его сношеній Ватикана съ Россіей, а также характеристика оригинальной личности Исидора, бывшаго то русскимъ митрополитомъ, то католическимъ кардиналомъ, составляютъ самую новую часть послѣдняго труда Пирлинга. Затѣмъ идетъ рассказъ, уже отчасти извѣстный русскимъ читателямъ, о бракѣ Іоаннѣ III съ Софіею Палеологъ, который совершился въ Римѣ при посредствѣ ловкаго искателя приключеній, гражданина итальянскаго города Виченцы, Жіана-Батисты Вольпе, который по собственному почину обѣщалъ тогдашнему папѣ устроить въ Москвѣ подчиненіе православной церкви. Хотя всѣ эти обѣщанія оказались ни на чемъ не основанными, но въ Римѣ долго не хотѣли разстаться съ возбужденными этимъ эпизодомъ надеждами, и послѣдующіе папы посылали въ Москву одного легата за другимъ. Въ качествѣ подобныхъ представителей Рима для подчиненія папѣ Россіи отправлялись изъ Италіи: Пизо, Шенбергъ и Ферери, но ни одинъ изъ нихъ не достигъ Москвы, такъ какъ ихъ постоянно удерживали по дорогѣ польскіе короли, ревниво смотрѣвшіе на сношенія Ватикана съ ихъ могучимъ сосѣдомъ. Если же были и такіе римскіе посланцы, какъ братъ Шенбергъ, Чентуриани, и епископъ Скарскій, которые проникали до Москвы, то всѣ ихъ усилія не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. Также неудачна была мистификація Ганса Шлите, который былъ посланъ Іоанномъ IV въ Германію для набора мастеровыхъ для Россіи, а вздумалъ выдавать себя за царскаго посла и вести переговоры съ Ватиканомъ о единеніи церквей и предоставленіи папою русскому царю титула короля. Ловко веденная нѣмецкимъ проходившемъ интрига взволновала всю Европу, въ томъ числѣ польскаго короля, импе-

ратора Карла V и папу Юлія III. Но не смотря на плачевное фіаско этой курьезной исторіи, папы Піі IV, Піі V и Григорій XIII снова посылали въ Москву до шести своихъ агентовъ: Канобіо, Геральди, Бонифачіо, Портико, Кленке и Воронецкаго, которые также не достигли своего назначенія, благодаря проискампъ польскихъ королей: Сигизмунда-Августа, Стефана Баторія, а равно императора Максимилиана II. Такимъ образомъ до Поссевина, посольство котораго было вызвано ливонской войной при Іоаннѣ IV, ни одна попытка Рима войти въ сношенія съ Россіей не имѣла серьезнаго значенія, но всѣ онѣ, особенно при томъ свѣтѣ, который бросаетъ на нихъ Шпрлингъ, составляютъ любопытную страницу исторіи западныхъ государствъ и Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ.

— Португальцы въ Абиссиніи въ XVI вѣкѣ. Въ *Revue Bleue* отъ 4-го апрѣля помѣщена маленькая, но любопытная статья барона Авриля о португальской экспедиціи въ Абиссинію въ первой половинѣ XVI вѣка ¹⁾. На основаніи старинной маленькой книжки, составленной на испанскомъ языкѣ Іоанномъ Бермудецомъ, католическимъ патріархомъ Еѳіопіи, и отрывки изъ которой приведены Ла-Крозомъ въ его сочиненіи *Histoire de christianisme d'Ethiopie et d'Arménie*, вышедшемъ въ 1739 году, авторъ этого историческаго очерка рисуетъ картину успѣховъ и неудачъ португальцевъ за 350 лѣтъ тому назадъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь борются итальянцы съ тѣми же абиссинцами. Такимъ образомъ этотъ разсказъ имѣетъ современный интересъ и бросаетъ новый свѣтъ на отношенія дикой христіанской страны среди африканскихъ дебрей къ европейскимъ державамъ въ отдаленную эпоху возрожденія. Съ давнихъ поръ въ средневѣковой Европѣ ходили слухи о томъ, что гдѣ-то на далекомъ востокѣ существуетъ богатый, могущественный, христіанскій, но дикій владѣтель, по имени *Prestre Jean*, то-есть «Попъ Иванъ», и его тщетно отыскивали прежде въ Индіи, а потомъ въ татарскихъ степяхъ. Но въ XV столѣтіи на флорентинскомъ соборѣ появилось нѣсколько абиссинскихъ христіанъ, и, согласно ихъ разсказамъ о своей родинѣ, составилось убѣжденіе, что пресловутый попъ Иванъ найденъ въ лицѣ абиссинскаго государя. Португальцы первые вступили въ сношенія съ этой легендарной дотошъ личностью и отправили къ нему посломъ въ 1520 году Рэдрига Де-Лима, который высадился въ Массовѣ, принадлежавшей тогда вмѣстѣ съ теперешнимъ Суакимомъ императору Еѳіопіи, или Абиссиніи, которымъ тогда былъ Давидъ, или, какъ называетъ его Бермудецъ, Онаденгуель. Этотъ государь принялъ именитаго чужестранца съ большою честью и вступилъ съ нимъ въ переговоры о заключеніи союза съ Португаліей, съ цѣлью изгнать турокъ и другихъ магометанъ, укрѣпившихся на берегахъ Краснаго моря; но слухъ объ этомъ тотчасъ достигъ его враговъ, и могущественный тогда магометанскій государь Аделя, или Адена, ближайшій сосѣдь Абиссиніи, послалъ въ Еѳіопію своего храбраго полководца Ахмеда Лѣвшу, который нанесъ нѣсколько пораженій императору и совершенно уничтожилъ бы его, если бы ему не оказали помощь португальцы. Эту помощь организовалъ авторъ упомянутой

¹⁾ Les Portugals en Abissinie, par le baron A. D'Avril, *Revue Bleue*, 4 avril.

книжки, Иоаннъ Бермудецъ, который, назначенный въ патриархи Еѳіопіи въ 1525 году, отправился въ Римъ для утверженія себя папой въ патриаршемъ достоинствѣ, а оттуда, съ благословенія папы, проѣхалъ въ Лисабонъ, а затѣмъ въ Индію для составленія португальской экспедиціи на помощь Поу Ивану, какъ Бермудецъ называетъ императора въ своемъ сочиненіи. Сначала португальскій вице-король Индіи, донъ Стефанъ Де-Гама, долго не соглашался на подобное смѣлое предиріятіе, которое могло стоить не менѣе ста тысячъ золотыхъ, но когда епископъ торжественно завѣрилъ его, что Поу Ивану ничего не стоитъ издержать миллионъ золотыхъ, то онъ снарядилъ экспедицію въ 400 человекъ, подъ начальствомъ своего брата дона Христофа Де-Гама, и самъ проводилъ ее съ большою флотиліей до Массовы. Тутъ португальскій отрядъ вышелъ на берегъ, и начался еѳіопскій походъ, который, по словамъ Лакроза, принесъ много славы португальцамъ. Въ три дня они достигли Делагоа, гдѣ ихъ встрѣтила регентша Еѳіопіи, такъ какъ въ промежутокъ времени умеръ Давидъ, и воцарился его малолѣтній сынъ. Въ первой же битвѣ съ Ахмедомъ Лѣвшой, у котораго было до 5,000 человекъ, регентша приняла личное участіе, и на ея глазахъ португальцы одержали побѣду. Затѣмъ они углубились внутрь страны и придумали новый, оригинальный способъ избіенія враговъ, именно посылали впередъ лазутчиковъ, которые сыпали въ горныхъ проходахъ на землю порохъ, и при появленіи магометанъ зажигали его, такъ что враги, очутившись на пылающей дорогѣ, обращались въ бѣгство. Вторая побѣда доставила въ руки португальцевъ весь лагерь Ахмеда, который, однако, не сложилъ оружія, а регировался и продолжалъ постоянно тревожить непріятели отдѣльными нападеньями, благодаря чему силы португальцевъ стали быстро уменьшаться. Наконецъ, самъ донъ Христофъ получилъ тяжелую рану и вынужденъ былъ остаться въ какой-то пещерѣ съ небольшимъ числомъ тѣлохранителей, а португальскій отрядъ, уже подъ предводительствомъ патриарха Бермудеца, продолжалъ свой путь и соединился съ арміею молодого негуса Градія, или Клавдія. Хотя Ахмеду удалось захватить въ плѣнъ бѣднаго дона Христофа и подвергнуть его мучительной смерти, но онъ самъ былъ убитъ въ рѣшительномъ сраженіи, въ которомъ португальцами и абиссинцами командовалъ Бермудецъ. Магометане были обращены въ бѣгство, и когда на ихъ выручку поспѣшилъ самъ владѣтель Адена, то и онъ былъ разбитъ на голову и заплатилъ жизнью за свою отвагу. Тогда, благодаря португальцамъ, водворился миръ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Африки, и новый Поу Иванъ расширилъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ земель; но медовый мѣсяцъ для португальцевъ окончился, и негусъ началъ выказывать черную неблагодарность своимъ избавителямъ; ихъ число быстро уменьшилось, благодаря потерямъ на полѣ брани и различнымъ болѣзнямъ, а также возвращенію въ Индію нѣкотораго числа солдатъ, такъ что въ концѣ-концовъ осталось португальцевъ въ Абиссиніи только пятьдесятъ человекъ. На этомъ и кончилась португальская экспедиція, которая достигла одной изъ своей цѣлей, именно возстановленія могущества Поша Ивана угрожаемаго магометанами, но потеряла фіаско по отношенію къ другой своей задачѣ, именно подчиненія абиссинской церкви Риму. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ и до нашего времени Абиссинская имперія

удержала свою независимость, не смотря на всё усилія магометанъ, которые сохраняли въ своихъ рукахъ, на берегу Краснаго моря, до появленія итальянцевъ, только одну Массову, гдѣ, странно сказать, турецкая колонія была первоначально составлена не изъ кровныхъ турокъ, а изъ славянъ Востни, перешедшихъ въ магометанство. Что касается до абиссинской церкви, то дѣло, начатое епископомъ Бермудекомъ, не увѣнчалось успѣхомъ и, не смотря на нѣсколько послѣдующихъ католическихъ миссій въ Абиссинію, тамошняя церковь сохранила свою самостоятельность и независимость отъ Рима.

— Швейцарскій учитель триста лѣтъ тому назадъ. Надняхъ изданъ въ Лозаннѣ профессоромъ мѣстнаго университета Августомъ Берню новый французскій переводъ мемуаровъ Томаса Платтера, которые написаны на нѣмецкомъ языкѣ и составляютъ удивительную картину школьныхъ нравовъ второй половины XVI столѣтія¹⁾. Ихъ скромный, но талантливый, авторъ родился въ 1499 году въ деревнѣ Гренхенъ, въ Зерматской долинѣ, отъ бѣдныхъ родителей поселанъ и въ дѣтствѣ пасъ стада. Десяти лѣтъ его отдали въ соседнюю школу, но учитель такъ звѣрски сталъ обращаться съ бѣднымъ мальчикомъ, который не могъ взять въ толкъ латинской грамматики, что его вскорѣ взяли домой, то-есть къ теткѣ Франзи, потому что родители его между тѣмъ умерли. Затѣмъ онъ поступилъ въ одно изъ тогдашнихъ бродячихъ школьныхъ товариществъ, которыя странствовали по Швейцаріи и Германіи. Хотя главой этого товарищества былъ его двоюродный братъ, Павелъ Сумерматеръ, но жизнь молодого Томаса была самая несчастная и тяжелая, среди постоянныхъ странствованій нѣшкомъ и часто безъ куска хлѣба. При этомъ ученики обязаны были не только служить своимъ учителямъ, но и добывать имъ пищу, когда не было уроковъ, гдѣ милостыней, а гдѣ и воровствомъ. Такое существованіе было не по душѣ мальчику, и онъ, посѣтивъ многочисленныя швейцарскіе города и селенія, отъ Цюриха до Дрездена, и отъ Бреславля до Мюнхена, бѣжалъ изъ послѣдняго города и добрался нѣшкомъ до своей родной деревни, гдѣ снова принялся за сельскія работы. Но свободное время онъ сталъ посвящать самообразованію, и, убѣдившись, что трудно безъ посторонней помощи научиться даже грамотѣ, которой онъ еще не зналъ, не смотря на всё свои школьныя странствованія, Томасъ Платтеръ поступилъ въ Шлештатскую школу, гдѣ учился грамотѣ наравнѣ съ дѣтьми, хотя ему уже было восемнадцать лѣтъ. Потомъ онъ перешелъ въ Фрауенмюнстерскую школу въ Цюрихѣ, гдѣ очень понравился учителю Миковіусу, который былъ грозою всѣхъ учениковъ. Но, видя любовь къ ученію молодого Платтера, онъ пріютилъ его въ своемъ домѣ, женилъ на своей служанкѣ, которая, по тогдашнимъ патріархальнымъ обычаямъ, считалась членомъ семьи, и познакомилъ со своимъ другомъ, знаменитымъ реформаторомъ, Цвингли. Платтеръ съ одной стороны учился безъ устали всему, чему только могъ, въ томъ числѣ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, а съ другой принималъ энергичное участіе въ реформаціонномъ движеніи и нѣсколько разъ исполнялъ пору-

¹⁾ Vie de Thomas Platter, traduit de l'allemand par Edouard Fick et publié par M. Auguste Bernus. Lausanne. 1896.

ченія Цвингли, съ опасностью для своей жизни. Но если онъ такимъ образомъ развился нравственно и умственно, то попрежнему оставался въ большой бѣдности, и, чтобы содержать жену и дѣтей, то занимался шитьемъ сапогъ, то служилъ лакеемъ у одного доктора, который обѣщалъ научить его медицинѣ, то работалъ въ типографіи. Собравъ немного денегъ, онъ открылъ свою типографію, но дѣло не пошло, и онъ долженъ былъ поступить подмастерьемъ къ сапожнику Штехлену въ Базель. Этотъ хозяинъ былъ чрезвычайно строгъ, дурно содержалъ своихъ рабочихъ и обращался съ ними самымъ жестокимъ образомъ. Такъ однажды, заставъ Платтера за чтеніемъ Платона, котораго ему одолжилъ знакомый типографъ, онъ пришелъ въ ярость и разорвалъ книгу, которую подмастерье читалъ, не переставая работать. Впрочемъ, мало-по-малу сердитый сапожникъ помирился со своимъ скромнымъ ученымъ подмастерьемъ и даже дозволилъ ему давать уроки, въ продолженіе одного часа въ день, такъ какъ въ городѣ распространился слухъ, что онъ знаетъ по-еврейски, и учащаяся молодежь, сблизившись съ нимъ, побудила его открыть курсъ еврейскаго языка. Аудиторія этого страннаго ученаго въ рабочемъ передникѣ была самая блестящая, и въ ней, кромѣ студентовъ, находились даже профессора, доктора и одинъ образованный французъ, посланникъ королевы Наваррской. Послѣдній былъ такъ прельщенъ лекціями Платтера, что предложилъ ему поѣхать съ нимъ къ королевы Наваррской и остаться при ея дворѣ въ почетномъ званіи и съ большимъ вознагражденіемъ. Швейцарецъ отказался, но слава его стала быстро распространяться, и онъ сначала получилъ мѣсто учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Базель, а наконецъ сдѣланъ былъ директоромъ Соборной школы, первой въ городѣ. Въ этой должности онъ оставался тридцать четыре года и во все это время энергично боролся съ мѣстнымъ университетомъ, который отличался узкимъ филистерствомъ. Въ 1578 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ окрестностяхъ Базеля, гдѣ и жилъ на маленькую пенсію еще четыре года. Онъ умеръ 83 лѣтъ и оставилъ послѣ себя чрезвычайно интересные мемуары, въ которыхъ просто, безхитро и справедливо описалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ своей долгой и полезной для родины жизни.

— Идеальная женщина эпохи Возрожденія. Морисъ Палеологъ въ «Revue de Paris» отъ 1-го апрѣля набрасываетъ краткій, но живой портретъ Іоанны Арагонской, которая считалась всѣми своими современниками за олицетвореніе женскаго идеала эпохи реставраціи въ Італіи ¹⁾. Она была дочерью герцога Монтальто, незаконнаго сына Фердинанда I-го, короля неаполитанскаго, и семнадцати лѣтъ вышла замужъ за Осканію Колона, князя Тагліакоццо. Одинъ изъ блестящихъ представителей знаменитаго гибеллинскаго рода, этотъ Колона велъ борьбу съ папой Климентомъ VII, заставивъ его покинуть Ватиканъ и отыскивать убѣжище въ замкѣ св. Ангела, вступилъ въ союзъ съ императоромъ Карломъ V, помогъ ему взять Флоренцію, завоевалъ Неаполь, находившійся тогда во власти французовъ, и, подвергшись опалѣ при папѣ Павлѣ IV,

¹⁾ Une patricienne de la Renaissance. par Maurice Paléologue. «Revue de Paris», avril.

скрылся въ томъ же Неанолѣ, театрѣ его прежнихъ побѣдъ, гдѣ и умеръ таинственной смертью въ 1557 году. Иоанна Арагонская пережила своего мужа двадцатью годами и до самой смерти пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, какъ за свою необыкновенную красоту, такъ и необычайный умъ. Во время апогея ея славы, во дни могущества Колонны, она была предметомъ такого культа всѣхъ ученыхъ, философовъ, художниковъ и прелатовъ католической церкви, что удостоилась при жизни двухъ памятниковъ, какими не могла гордиться ни одна женщина ни до нея, ни послѣ нея. Во-первыхъ, Рафаэль написалъ ея знаменитый портретъ, находящійся въ Луврѣ, для французскаго короля Франциска I-го, какъ самой красивой принцессы своего времени, а триста поэтовъ, артистовъ, ученыхъ и образованныхъ людей Италіи составили въ ея честь сборникъ стихотвореній самой разнообразной формы и на различныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на италіанскомъ, французскомъ, латинскомъ, греческомъ, испанскомъ, еврейскомъ и даже славянскомъ, подъ названіемъ: «Tempio alla divina signora donna Giovanna d'Aragona, fabricato da tutti i piu gentili spiriti, e in tutte le lingue principali del mundo». На перистиллѣ этого поэтическаго храма была сдѣлана слѣдующая надпись: «Эта великая женщина, будучи тѣломъ и душой самымъ безупречнымъ существомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ созданіемъ Всемогущаго Бога, заслуживаетъ, чтобы ей всѣ поклонялись во славу ея Творца». Но культъ Иоанны Арагонской этимъ не ограничился, и знаменитый въ ту эпоху богословъ, философъ, юрисконсультъ, астрономъ, докторъ и естествоиспытатель, Агостино Ниуро, посвятилъ ей цѣлую книгу, подъ заглавіемъ «О любви и красотѣ», въ которой онъ подробно, тонко анализировалъ ея красоту и написалъ по этому случаю первый трактатъ по эстетикѣ въ современномъ мірѣ. Подъ перомъ этого оригинальнаго философа ясно высказывается идеалъ женской красоты въ эпоху Возрожденія, и онъ самымъ точнымъ пунктуальнымъ образомъ разбираетъ всѣ черты, всѣ линіи, всѣ части, всѣ размѣры и всѣ соответствія первой, по его словамъ, въ свѣтѣ красавицы, которая вполне подходила подъ идеалъ женщины. Образно доказавъ, что предметъ его культа былъ идеаломъ красоты, онъ строитъ уже на этомъ практическомъ олицетвореніи идеала всѣ правила своей эстетики. Но, по мнѣнію философа, внѣшней красоты недостаточно для полнаго достиженія идеала, и онъ потому считаетъ Иоанну Арагонскую идеальной женщиной, что она присоединяла къ красотѣ тѣла и красоту души. Въ этомъ съ нимъ вполне соглашались всѣ поклонники этой идеальной женщины. Она была не только хороша собой, но отличалась чисто мужскою храбростью и энергіей, чему представляла въ своей жизни не одинъ примѣръ; кромѣ того, она поражала своимъ умомъ, замѣчательными знаніями, высокимъ образованіемъ, тонкимъ вкусомъ и талантами къ музыкѣ, живописи и поэзіи. Наконецъ, въ эту развращенную эпоху она славилась чистотой своихъ нравовъ, любила мужа, и никогда ея чистое чело, такъ прекрасно изображенное Рафаэлемъ, не омрачалось и тѣнью какойнибудь клеветы. Все это вмѣстѣ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, сливалось въ такое обаятельное, гармоническое цѣлое, что нельзя удивляться, если дѣйствительно Иоанну Арагонскую единогласно признавали идеальной женщиной въ эпоху Возрожденія. Этотъ симпатичный женскій типъ заслуживаетъ, по мѣткому выра-

женію Морриса Палеолога, и въ наше время особаго вниманія, такъ какъ онъ доказываетъ, что въ эпоху такъ называемаго растленія нравовъ, когда теряется авторитетъ установленной вѣры и нравственности, человѣческая душа можетъ остаться чистой и возвышенной въ силу одного эстетическаго сознанія и умственной культуры.

— Творецъ Донъ-Кихота. Во второй апрѣльской книжкѣ «Nouvelle Revue» помѣщенъ біографическій очеркъ знаменитѣйшаго изъ испанскихъ писателей, Сервантеса, о которомъ въ послѣдніе годы собрано много новыхъ историческихъ матеріаловъ, которыми и воспользовался для этой статьи ея авторъ, Клеманъ Рошель ¹⁾. Назвавъ свой этюдъ оригинальнымъ заглавіемъ: «Путешествіе по жизни Сервантеса», его новый біографъ рельефно резюмировалъ всѣ досто- вѣрныя свѣдѣнія, критически взвѣшенные новѣйшими изслѣдователями этой эпохи испанской литературы, о событіяхъ драматической, полной необыкновенными эпизодами, жизни творца Донъ-Кихота. Представитель бѣдной, но благородной семьи, Мигуэль Сервантесъ родился въ Алькальѣ, городѣ нѣкогда очень многолюдномъ и университетскомъ, а теперь находящемся въ запустѣніи. Получивъ первоначальное образованіе въ Алькальѣ, онъ окончилъ свои учебныя занятія въ Мадридѣ и двадцати лѣтъ отъ роду уѣхалъ въ Италію въ свитѣ присланнаго папой Піемъ V къ Филиппу II, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, будущаго кардинала Аквавивы. Такъ какъ Сервантесъ поступилъ къ нему въ качествѣ простаго лакея, то это событіе возбуждало всегда и возбуждаетъ до сихъ поръ оживленные споры между біографами знаменитаго писателя о причинѣ такого страннаго поступка. Одни рассказываютъ, что онъ нанесъ тяжелую рану какому-то придворному и былъ приговоренъ судомъ къ тяжелому наказанію, а другіе утверждаютъ, что онъ дрался на дуэли изъ-за своей будущей жены и ранилъ своего противника; первые доказываютъ справедливость своего толкованія неожиданнаго отъѣзда Сервантеса изъ Испаніи подлиннымъ актомъ объ арестѣ Мигуэля Зербантеса, увѣряя, что въ тѣ времена фамиліи писались различно, и что означенный Зербантесъ былъ, конечно, Сервантесомъ, а послѣдніе подтверждаютъ свой вариантъ этого эпизода въ жизни Сервантеса его же комедіей: «El Palleardo espanol», въ которой будто бы онъ описалъ свою собственную исторію и вывелъ себя, свою невѣсту и соперника. Которая изъ этихъ гипотезъ дѣйствительно справедлива, трудно рѣшить, а Рошель полагаетъ, что всего вѣроятнѣе, что Сервантесъ вовсе не бѣжалъ изъ Испаніи отъ какой нибудь неприятной исторіи, а просто воспользовался первымъ представившимся ему удобнымъ случаемъ повидать чужеземныя страны, такъ какъ съ дѣтства отличался страстью къ приключеніямъ. Во всякомъ случаѣ онъ недолго оставался на службѣ папскаго легата и поступилъ волонтеромъ въ итальянскія войска, находившіяся тогда въ Испаніи, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, «военная служба—самая подходящая профессія для лицъ благороднаго происхожденія». Въ то время Донъ-Жуанъ Австрійскій, незаконный сынъ Карла V-го, снаряжалъ свою знаменитую экспедицію противъ султана Селима II, отгнавшаго Кипръ у венеціанъ, и Сервантесъ впервые ознакомился съ военнымъ

¹⁾ Michel Cervantés. par Clément Rochel. «Nouvelle Revue», 15 avril 1896.

дѣломъ въ Лепантской битвѣ. Объ его участіи въ этомъ славномъ сраженіи сохранились официальные данныя въ архивахъ венеціанскомъ и симанкскомъ. На основаніи этихъ безспорныхъ данныхъ, авторъ Донъ-Кихота былъ въ этомъ случаѣ героемъ цѣлой драматической сцены. Онъ больной лежалъ на своей койкѣ въ одномъ изъ испанскихъ кораблей, когда началась битва, но, узнавъ, въ чемъ дѣло, Сервантесъ вскочилъ и потребовалъ, чтобы капитанъ поставилъ его въ самомъ опасномъ мѣстѣ; когда же тотъ и всѣ товарищи старались уговорить его остаться на своей койкѣ по случаю болѣзни, то онъ отвѣчалъ: «а что скажутъ о Мигуэлѣ Сервантесѣ? До сихъ поръ онъ всегда исполнялъ свой солдатскій долгъ исправно, и я хочу дѣлать теперь то же, хотя меня и бьетъ лихорадка». Дѣйствительно онъ настоялъ на томъ, что ему дали десять храбрцовъ, и отправился въ лодкѣ на бордажъ. Онъ выказалъ чудеса храбрости и получилъ двѣ раны, благодаря которымъ впоследствии пересталъ владѣть лѣвой рукой, «къ чести правой», какъ онъ самъ выражался. Оправившись отъ своихъ ранъ, онъ продолжалъ воевать съ турками и принялъ участіе въ тунисской экспедиціи, что имъ описано въ его повѣсти: «Плѣнный». Въ промежуткѣ между своими походами онъ познакомился съ главнѣйшими итальянскими городами, гдѣ тогда процвѣтали науки, искусства и литература. Основательное изученіе итальянскихъ поэтовъ и писателей, въ особенности Аріосто, послужило основой для его собственнаго литературнаго таланта, который развился вполне самостоятельно и независимо отъ тогдашней узкой университетской эрудиціи, что и дало поводъ испанскимъ филистерамъ осуждать его сочиненія, какъ не имѣющія настоящей литературной подкладки. Въ 1575 году онъ отправился обратно въ Испанію, но по дорогѣ попалъ въ плѣнъ къ алжирскому пирату Дала-Мами, который продалъ его Хассану-пашѣ, и несчастный молодой испанецъ провелъ пять лѣтъ въ ужасномъ положеніи невольника, сначала въ Алжирѣ, а потомъ въ Константинополѣ. Наконецъ онъ былъ выкупленъ и вернулся въ Испанію, гдѣ долго искалъ себѣ какого нибудь мѣста въ гражданской службѣ, но, видя всѣ свои усилія тщетными, онъ снова поступилъ волонтеромъ въ испанскую армію и принялъ участіе въ экспедиціи на Азорскіе острова. Затѣмъ онъ отправился въ Лиссабонъ, такъ какъ Филиппъ II овладѣлъ въ это время Португаліей, и братъ Сервантеса служилъ въ испанскомъ отрядѣ, занимавшемъ португальскую столицу. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, научился португальскому языку, и его первое литературное произведеніе, пастушеская новелла «Галатея», обнаруживаетъ значительное вліяніе, которая имѣла на него португальская литература. Въ то самое время, какъ появилась въ свѣтъ «Галатея», Сервантесъ женился, и такимъ образомъ вдвойнѣ дебютировалъ и въ литературѣ и въ семейной жизни. Какія средства онъ имѣлъ тогда къ жизни, трудно опредѣлить, и всѣ его біографы въ этомъ отношеніи теряются въ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадкахъ. Достоверно только, что онъ писалъ тогда много сонетовъ, стансовъ, терцетовъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, занимая уже видное мѣсто среди поэтовъ Кастиліи. Вскорѣ затѣмъ онъ сдѣлался и драматургомъ, ставя на театрѣ цѣлый рядъ драмъ, преимущественно патристическаго характера, какъ, напримѣръ: «Жизнь въ Алжирѣ», «Морская битва», «Нуманція» и т. д. Однако поэзія и театрѣ не могли доставить ему достаточ-

ныхъ средствъ, чтобы поддерживать многочисленную семью, а потому онъ перебрался въ Севилью, гдѣ получилъ мѣсто сборщика податей. Исполняя эту новую обязанность, онъ постоянно разъѣзжалъ по городамъ и селеніямъ Андалузіи и близко изучалъ мѣстные обычаи, что впоследствии послужило предметомъ для его «Образцовыхъ новелль». Десять лѣтъ онъ такимъ образомъ соединялъ обязанности чиновника съ литературнымъ трудомъ, но въ концѣ-концовъ на него пошли поклепы по службѣ, и онъ потерялъ свое мѣсто. Въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ положительно неизвѣстно, чѣмъ занимался и гдѣ проживалъ Сервантесъ, но съ 1603 года онъ поселился въ Вальядолидѣ и велъ тамъ очень скромную жизнь, и въ слѣдующемъ году появился его знаменитый *Донъ-Кихотъ*, подъ заглавіемъ «Чудесная исторія ловкаго гидадьго *Донъ-Кихота Ламанчскаго*». О настоящемъ героѣ этого знаменитаго романа всѣ біографы и критики до сихъ поръ спорятъ: одни увѣряютъ, что въ *Донъ-Кихотѣ* выведенъ герцогъ Медина Сидонія, другіе—герцогъ Лермъ, третьи—Филиппъ II, четвертые — Карль V и т. д. Успѣхъ *Донъ-Кихота* былъ до того громаденъ, что имъ зачитывались всѣ классы испанскаго общества, и что однажды, увидавъ съ балкона дворца, что какой-то студентъ, читая въ саду книгу, катался со смѣха, ударяя себя рукою по головѣ, король Филиппъ II сказалъ: «бѣднякъ или сошелъ съ ума, или читаетъ *Донъ-Кихота*». Конечно, подобный успѣхъ возбудилъ много зависти среди писателей, и главнымъ врагомъ Сервантеса оказался знаменитый Лопе-де-Вега, по словамъ котораго только сумасшедшій могъ хвалить *Донъ-Кихота*. Какъ бы то ни было, это великое произведеніе еще при жизни даровало его автору безсмертіе, хотя онъ умеръ въ бѣдности 23-го апрѣля 1616 года, въ тотъ самый день, когда въ Англии скончался еще болѣе великій безсмертный Шекспиръ. Къ стыду испанцевъ могла Сервантеса остаться до сихъ поръ невѣдомой, такъ какъ онъ былъ похороненъ въ одномъ монастырѣ, который былъ потомъ уничтоженъ, а куда перенесли оттуда его останки, неизвѣстно. Точно также не осталось послѣ него и ни одного достовѣрнаго, подлиннаго портрета, а тотъ портретъ, который прикладывается ко всѣмъ современнымъ изданіямъ *Донъ-Кихота* подлинника и переводовъ, взятъ съ одной старинной картины, гдѣ, согласно мнѣнію одного изъ лучшихъ знатоковъ всего, что касается Сервантеса, де-Кастро, авторъ *Донъ-Кихота* изображенъ въ лицѣ матроса, стоящаго на рулѣ у лодки, въ которой сидятъ какіе-то монахи.

— Г-жа Жоффренъ и ея бюро ума. Съ нѣкоторыхъ поръ г-жа Жоффренъ повезло во французской литературѣ, и послѣ статьи графа Сегюра въ *Revue de Paris* объ ея путешествіи въ Польшу къ королю Станиславу-Августу Понятовскому тотъ же авторъ и въ томъ же журналѣ помѣстилъ новую статью о послѣднихъ годахъ жизни своей героини ¹⁾, а французскій историкъ Торнези написалъ цѣлую книгу о ней, подъ заглавіемъ «Бюро ума XVIII вѣка: Салонъ г-жи Жоффренъ» ²⁾. Не удивительно, что эта характеристичная

¹⁾ Les dernières années de m-me Geoffrin. par Pierre de Ségur. *Revue de Paris*, 15 avril, 1896.

²⁾ Un Bureau d'esprit au dix-huitième siècle. Le salon de m-me Geoffrin, par A. Tornezy. Paris, 1896.

личность прошедшаго вѣка обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей французской старины, такъ какъ она сумѣла одной силой своего ума составить себѣ такое видное мѣсто въ интеллигентной Франціи и даже Европѣ своего времени, что являлась какъ бы соперницей Вольтера. Ея салонъ, носившій названіе «Бюро ума», сосредоточивалъ въ себѣ знаменитыхъ ученыхъ, художниковъ и литераторовъ, а сама она, дочь придворнаго лакея, безъ всякаго образованія и едва грамотная, была эгеріей передовыхъ мыслителей своего времени, переписывалась съ многими изъ европейскихъ государей, въ томъ числѣ съ императрицей Екатериной II, спасла отъ гибели энциклопедію, которая безъ ея матеріальной помощи не увидѣла бы свѣта, оказывала покровительство такимъ людямъ, какъ Д'Аламберъ, Дидро, Мармонтель, Фонтенель и Гальяни, пользовалась дружбой польскаго короля Станислава-Августа, который называлъ ее маменькой, въ виду ея благодѣяній, когда онъ былъ еще юнымъ графомъ Понятовскимъ, и вообще играла такую роль въ Парижѣ, что однажды королева Марія-Антуанета, увидавъ ее на художественной выставкѣ, подошла къ ней въ виду многочисленной публики и громко сказала: «дозвольте мнѣ, г-жа Жоффренъ, представить вамъ мою belle soeur». Такой фактъ нарушенія всѣхъ правилъ придворнаго этикета въ честь дочери лакея составлялъ апогей величія г-жи Жоффренъ и до такой степени польстилъ ея самолюбію, что, она послѣ этой сцены была совершенно счастлива въ продолженіе двухъ лѣтъ, которыя ей суждено было еще прожить. Вообще эта оригинальная представительница нарижскаго общества XVIII вѣка была женщиной вполне посредственной по своимъ воззрѣніямъ и культурному развитію, а потому тѣмъ замѣчательнѣе ея вліяніе на передовыхъ людей того времени, благодаря только природному уму и умѣнью составить вокругъ себя замѣчательный кружокъ. По мѣткому замѣчанію критика *Journal des Debats*, Мориса Шпронка, г-жа Жоффренъ и ея бюро ума играли въ прошедшемъ столѣтіи ту роль, которую разыгрываютъ теперь газеты и ловкіе ихъ издатели, имѣющіе часто большое вліяніе не въ силу собственныхъ достоинствъ, а благодаря своей ловкости и умѣнью окружить себя выдающимися людьми. Что касается до средствъ, которыя позволяли этой дочери лакея разыгрывать роль мецената передовыхъ людей XVIII вѣка, то она, при жизни мужа, богатаго парижскаго промышленника, съ самыми буржуазными инстинктами, неограниченно пользовалась всѣмъ его богатствомъ, а послѣ смерти унаслѣдовала все его состояніе. Это обстоятельство, однако, не мѣшало ей относиться къ своему матеріальному благодѣтелю съ величайшимъ пренебреженіемъ, и когда одинъ изъ завсегдагавъ ея салона, вернувшись въ Парижъ послѣ продолжительнаго отсутствія, спросилъ ее: «а гдѣ тотъ господинъ, который всегда сидѣлъ за обѣдомъ прогивъ васъ и упорно молчалъ?» то она отвѣчала хладнокровно: «это былъ мой мужъ, и онъ умеръ».

— Барра и его участіе въ 18-мъ брюмерѣ. Французскіе журналы съ нѣкоторыхъ поръ отводятъ значительное мѣсто на своихъ страницахъ отрывкамъ изъ готовящихся къ печати замѣчательныхъ книгъ, и такимъ образомъ въ мартовскихъ и апрѣльскихъ нумерахъ *Revue de Paris*, *Revue des deux Mondes* и *Revue Bleue* появилось нѣсколько любопытныхъ главъ изъ III и IV

томовъ записокъ Барра и выдержекъ изъ предисловія къ нимъ издателя этихъ интересныхъ мемуаровъ, Жоржа Дюрюи. Въ первомъ журналѣ помѣщены разсказы Барра о прелиминаріяхъ 18 брюмера и взглядъ Дюрюи на участіе Барра въ этомъ государственномъ переворотѣ ¹⁾, во второмъ— характеристика 18 фруктидора съ точки зрѣнія его героя Барра и общее заключеніе Дюрюи о директоріи ²⁾, а въ третьемъ— разговоръ Барра съ герцогомъ Ришелье въ 1822 году и очеркъ Дюрюи о послѣднихъ годахъ жизни Барра ³⁾. Все это заранее знакомитъ читателя съ наиболѣе интересными мѣстами изъ двухъ послѣднихъ томовъ, надѣлавшихъ уже столько шума, мемуаровъ одного изъ выдающихся, но, быть можетъ, наименѣе достойнаго изъ дѣятелей первой французской революціи. Эти мемуары въ теперешнемъ своемъ видѣ представляютъ совершенно оригинальное явленіе въ литературѣ подобныхъ произведеній: всегда мемуары видныхъ общественныхъ дѣятелей пишутся съ цѣлью прославленія, или очищенія отъ нареканій ихъ авторовъ, а издатели ихъ въ своихъ предисловіяхъ обыкновенно распинаются за своихъ героевъ, выставляя ихъ лишь съ казоваго конца, а въ настоящемъ случаѣ только самые мемуары Барра подходятъ подъ общее правило, и въ нихъ глава директоріальнаго правленія во Франціи старается всѣми силами обѣлгать себя и, напротивъ, очернить всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ великой драмы, въ которой онъ принималъ участіе, а обширныя предисловія издателя Дюрюи имѣютъ цѣлью напротивъ на основаніи собственнаго свидѣтельства Барра и, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, историческихъ матеріаловъ— доказать всю неприглядность, черноту и позорный характеръ этого, по его словамъ, «циничнаго, развратнаго, аристократическаго, красно-каблучника временъ Людовика XV и г-жи Дю-Барри, случайно затесавшагося въ среду пламенныхъ и увлекающихся, но честныхъ и нравственныхъ героевъ революціи». Отъ этого страннаго и совершенно новаго двойственнаго характера мемуаровъ Барра, какъ они теперь напечатаны, они пріобрѣтаютъ еще большее историческое значеніе и могутъ служить драгоценнымъ матеріаломъ для всесторонняго знакомства съ великой эпохой, перевернувшей весь тогдашній міръ и служащей доселѣ основой всѣхъ событій XIX вѣка, такъ какъ съ одной стороны мы читаемъ живой, хотя пристрастный, разсказъ очевидца и ловкую защиту своихъ дѣйствій одного изъ крупныхъ дѣятелей того времени, а съ другой мы имѣемъ возможность, благодаря строгой, документальной критикѣ Дюрюи, провѣрить все, что говоритъ о себѣ Барра, не только показаніями его современниковъ, но и всѣми сужденіями безпристрастной исторіи, взвѣшивающей его поступки сто лѣтъ спустя. Не смотря на всю суровость приговора, произносимаго издателемъ мемуаровъ Барра надъ своимъ героемъ, котораго онъ неумолимо садитъ на скамью подсудимыхъ, онъ вполнѣ справедливъ, но нельзя не сказать, что вообще взгляды

¹⁾ Les Préliminaires du 18 brumaire, par Barras; Barras et le 18 brumaire, par G. Duruy. Revue de Paris, 15 mars.

²⁾ Le 18 fructidor, fragment des memoires de Barras. Revue des deux Mondes, 1 avril.— Le Régime directorial, par G. Duruy. Revue des deux Mondes, 15 mars.

³⁾ Les dernières années de Barras, par G. Duruy.—Entrevue de Barras avec le duc de Réchélien en 1822, fragment des memoires de Barras. Revue Bleue, 11 avril.

Дюрюи на французскую революцію и даже директорію заслуживали бы большаго уваженія, если бы въ нихъ не просвѣчивало слишкомъ явное пристрастіе къ Наполеону, что особенно вредить оцѣнкѣ, дѣлаемой Жоржемъ Дюрюи, государственнаго переворота 18 брюмера. Это роковое событіе, эскамотированное окончательно республику послѣ государственныхъ переворотовъ въ томъ же духѣ, совершенныхъ при содѣйствіи Барра, 9 термидора, когда погибъ Робеспьеръ, для торжества подкупныхъ, развратныхъ хищниковъ, въ родѣ Барра, и 18 фруктидора, когда были удалены отъ власти честные республиканцы среди директоровъ, Карно и Бартеlemi, — составляетъ ось, на которой повернулась вся политическая карьера Барра, и естественно, что на немъ сосредоточено главное вниманіе какъ самого автора мемуаровъ, такъ и его комментатора. Первый, какъ и слѣдовало ожидать, клеймитъ Наполеона самымъ рѣзкимъ образомъ за то, что онъ свергнулъ насиліемъ директорію и замѣнилъ ее диктаторствомъ, а послѣдній, старается доказать, что директорія подъ главенствомъ Барра довела Францію до такого несчастнаго, хаотическаго положенія, что для нея былъ только одинъ выходъ — диктаторство, а потому въ его критическомъ взглядѣ на этотъ крупный историческій фактъ ступшевуется вся преступность насильственнаго поступка Наполеона, и онъ является какъ бы спасителемъ отечества. Но если относительно Наполеона Дюрюи недостаточно строгъ, то онъ вполне правъ въ томъ выводѣ, къ которому приходится относительно роли Барра въ 18 брюмерѣ. Не только изъ приводимыхъ имъ новыхъ историческихъ матеріаловъ, но и изъ самаго разсказа Барра ясно вытекаетъ, что онъ не былъ жертвой преступнаго посяганія свободы торжествующимъ диктаторомъ, а пассивно содѣйствовалъ государственному перевороту. Онъ самъ хотѣлъ сдѣлать нѣчто подобное въ пользу роялистовъ, но когда его въ этомъ предупредилъ Наполеонъ, дѣйствовавшій въ свою личную пользу, то циничный, корыстолюбивый Барра не ударилъ пальцемъ о палецъ для спасенія республики, а если не присоединился къ побѣдителю, то не потому, чтобы этого не желалъ, а по той простой причинѣ, что онъ не былъ нуженъ Наполеону. Что Барра зналъ о подготовлявшемся переворотѣ и не помѣшалъ ему, вполне подтверждаютъ его собственные слова и даже хвастовство, очевидно ложное, что Наполеонъ, сдѣлавшись консуломъ, предложилъ ему титулъ конетабля. Что же получилъ Барра, который никогда ничего не дѣлалъ даромъ, за свое, хотя и пассивное, но значительное содѣйствіе къ окончательному уничтоженію республики? — спрашиваетъ себя Дюрюи и прямо отвѣчаетъ — деньги. Хотя прямого доказательства въ томъ, что Наполеонъ заплатилъ Барра за его пособничество, не существуетъ, но косвенныхъ уликъ въ этомъ Дюрюи приводитъ много. Не только всю послѣдующую свою жизнь Барра провелъ въ роскоши и богатствѣ, не только Наполеонъ предоставлялъ ему въ покоѣ пользоваться своими скровницами и вѣчно окружавшими его развратными женщинами, не только всѣ честные республиканцы всегда подозревали, что онъ продалъ республику на вѣсъ золота, но онъ самъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «моя отставка въ день 18 брюмера не была вызвана никакимъ денежнымъ предложеніемъ, и я торжественно заявляю, что какую бы сумму Бонапартъ ни далъ Талейрану съ этой цѣлью, то она вся, всецѣло,

осталась въ рукахъ послѣдняго». Эти, прямо выдающія его, слова написаны Барра по поводу приводимаго имъ изъ одной брошюры того времени обвиненія Талейрана въ томъ, что онъ передалъ Барра изъ назначенныхъ ему Наполеономъ 10.000,000 только три, а остальные оставилъ себѣ. На основаніи всего этого Дюрюи имѣетъ полное право сказать, что Барра, «имѣя, благодаря обстоятельствомъ, въ своихъ рукахъ власть, и обязанный защищать республику, не нашелъ въ своей низкой душѣ достаточно силы, чтобы исполнить свой долгъ, а продалъ свою честь, свободу и родину за деньги. Онъ совершилъ презрѣнную измѣну изъ самаго низкаго корыстнаго побужденія: золото, женщины, вино и роскошный столъ ожидали его въ Гробуа, куда онъ удалился и гдѣ провелъ всю послѣдующую свою жизнь. Такимъ образомъ, роковой побѣдитель 9 термидора и не менѣ преступный пособникъ 18 брюмера печезъ съ театра исторіи, какъ гаеръ на балаганной сценѣ въ провалку. Но дальнѣйшая роскошная жизнь Барра, среди всякаго рода излишествъ и самаго утонченнаго разврата, доказываетъ, по справедливому замѣчанію Дюрюи, не только, что онъ былъ купленъ Наполеономъ, но и что у него были темныя сдѣлки съ роялистами, такъ какъ во время реставраціи правительство явно покровительствовало человѣку, подписавшему смертный приговоръ Людовика XVI. Самую лучшую эпитафію составилъ себѣ самъ Барра передъ своей смертью: по требованію правительства онъ выдалъ сорокъ зеленыхъ кардонокъ со своими бумагами, въ которыхъ надѣялись найти важные государственные документы, но когда ихъ унесли изъ дома, то больной Барра покатился со смѣхомъ и сказалъ окружающимъ его: «знаете, что найдутъ они въ этихъ коробкахъ? Тамъ находятся только счета прачекъ за тридцать пять лѣтъ. Имъ придется много перебирать бумагъ, такъ какъ съ термидора до сегодня я много помараль бѣлья». Отъ этого припадка смѣха ему сдѣлалось хуже, и онъ въ тотъ же день умеръ.

— Разрывъ между Александромъ I и Наполеономъ. Извѣстный французскій историкъ, Альберъ Вандаль окончилъ свой капитальный трудъ объ исторіи франко-русскаго союза при Наполеонѣ и Александрѣ; первая часть его о заключеніи этого союза въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ и вторая объ упадкѣ союза удостоены французской академіей двухъ высшихъ наградъ, именно преміи Гобера, и уже вышли въ трехъ изданіяхъ, а теперь появившійся третій томъ посвященъ разсказу о разрывѣ между союзниками ¹⁾. Уже ранѣ нѣкоторые отрывки изъ него были напечатаны во французскихъ журналахъ и послужили предметомъ двухъ статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Чернышевъ и Мишель» и «Иностранцы о войнѣ двѣнадцатаго года», а также замѣтки въ отдѣлѣ «Новости и Мелочи» о пребываніи Наполеона въ Дрезденѣ передъ походомъ въ Россію. Хотя, такимъ образомъ, содержаніе послѣдняго тома интереснаго труда Вандалья уже отчасти извѣстно читателямъ, но въ немъ столько новаго и любопытнаго, а уже знакомые эпизоды такъ мастерски вставлены въ общій разсказъ, что его значеніе, какъ для публики, такъ и для историковъ нисколько не уменьшается отъ того, что они заранѣ предвкусили то удоволь-

¹⁾ Napoleon et Alexandre I, par Albert Vandal, vol. III. La rupture. Paris. 1896.

«истор. вѣстн.», май, 1896 г., т. LXIV.

ствіе и ту пользу, которыя имъ даетъ чтеніе этого почтеннаго, обширнаго сочиненія. Главное его достоинство заключается съ одной стороны въ блестящемъ, часто художественномъ, разсказѣ, а съ другой въ тщательномъ собраніи матеріаловъ не только печатныхъ, но и архивныхъ. Между прочимъ очень важное значеніе имѣетъ впервые напечатанная Вандалемъ въ приложеніяхъ къ III тому переписка между Наполеономъ и его посломъ въ Россіи, генераломъ Коленкуромъ, въ 1808—1809 годахъ, хотя она не относится къ эпохѣ, описываемой имъ въ этомъ томѣ, именно въ 1811—1812. Собственно исторію разрыва между Франціей и Россіей Вандаль начинаеть, какъ и слѣдуетъ, съ причинъ, охладившихъ отношенія между двумя императорами и мало-по-малу сдѣлавшихъ войну не только неизбежной, но и желательной, для недавнихъ союзниковъ. Наполеона побуждало къ разрыву главнымъ образомъ нарушеніе со стороны Россіи континентальной блокады, устроенной имъ противъ Англіи, и боязнь, чтобы двулчная политика Александра не повела въ концѣ концовъ къ соглашенію между петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, одна мысль о чемъ приводила въ ярость всемогущаго повелителя Европы, а съ своей стороны Александръ видѣлъ въ лишеніи Наполеономъ его дяди княжества Ольденбургскаго и въ образованіи Варшавскаго великаго княжества личное оскорбленіе и угрозу возстановленія Польши, что, вмѣстѣ взятое, казалось ему вполне достаточнымъ поводомъ къ началу борьбы; поэтому они оба стали въ тайнѣ готовиться къ войнѣ, продолжая пускать пыль въ глаза другъ другу постоянными переговорами о томъ, чтобы придать большую силу еще существовавшему между ними официальному союзу. Тотъ и другой разсыпались въ любезностяхъ чрезъ своихъ постоянныхъ пословъ князя Куракина, Коленкура и Лористона, а также чрезвычайныхъ уполномоченныхъ: Чернышева, Нессельрода и Нарбона, а подъ сурдинку двигали войска къ границамъ. Сначала, повидимому, Александру удалось перехитрить своего соперника и въ то время, когда тотъ готовился начать войну въ 1812 году, русскій императоръ уже готовъ былъ объявить ее въ 1811, но этотъ планъ въ концѣ концовъ не увѣнчался успѣхомъ, такъ какъ запугиваніе Александра съ Польшей, съ цѣлью отбить ее у Наполеона, не привело ни къ чему. Тогда Россіи пришлось играть роль не наступательную, а оборонительную, что, какъ извѣстно, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Наполеонъ, увлекаемый своимъ злымъ рокомъ, поднялъ всю Европу противъ своего тизингскаго и эрфуртскаго союзника, въ теченіе двухъ лѣтъ старательно подготовилъ гигантскій походъ на сѣверъ и когда, наконецъ, перешелъ Нѣманъ, то все, казалось, было придумано и подготовлено имъ для полной побѣды, но онъ не предусмотрѣлъ одного — судьбы, которой уже надобно улыбаться своему балою. Въ длинномъ рядѣ, прекрасно написанныхъ и основанныхъ часто на совершенно новыхъ матеріалахъ очеркахъ, Вандаль разсказываетъ любопытную исторію двухлѣтняго подготовленія къ колоссальной борьбѣ и ея торжественное начало на берегу Нѣмана. Знаменитымъ разговоромъ Наполеона съ Балашевымъ въ Вильнѣ и выступленіемъ изъ этого города 16 іюля по дорогѣ въ Москву, заканчиваетъ французскій историкъ свой замѣчательный трудъ. Но для полноты его недоставало общаго взгляда на войну двѣнадцатаго года и этотъ взглядъ, хотя очень краткій, но вполне справедливый и поражающій сжа-

тостью, логичностью и художественнымъ изложеніемъ, Вандаль выказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ, озаглавленныхъ: «Заключеніе». Мастерскими штрихами рисуетъ онъ шестидесятидневное шествіе Наполеона на русскую столицу среди мелкихъ схватокъ и постоянного отступленія русскихъ до Бородина, «адской битвы, кононада которой была слышна до 18 верстъ въ окружности», мѣсячное пребываніе въ Москвѣ французовъ, то полныхъ торжества, то усграшенныхъ пожарами, то приведенныхъ въ уныніе упорствомъ русскихъ не заключать миръ, и роковое отступленіе, окончившееся Березиной и бѣгствомъ Наполеона изъ Сморгонь. Но и этой краткой картины кампаніи двѣнадцатаго года и еще болѣе бѣлаго взгляда на результаты ея, которые довели Наполеона до св. Елены, а Францію до реставраціи, — все-таки показалось Вандало недостаточнымъ заключеніемъ своего капитальнаго труда о франко-русскомъ союзѣ въ прошедшемъ, и онъ завершилъ его нѣсколькими общими замѣчаніями о причинахъ, почему русско-французскій союзъ при наполеоновской имперіи не удался, и почему онъ чреватъ прочнымъ усиѣхомъ въ настоящее время при третьей республикѣ. «Прошло 80 лѣтъ послѣ этихъ событій, говоритъ онъ: и теперь можно вывести изъ нихъ вполне безпристрастный, полезный урокъ. Тогдашній франко-русскій союзъ имѣлъ въ себѣ съ самаго начала зародышъ смерти, потому что онъ имѣлъ цѣлью войну и завоеванія, а подобные союзы всегда заключаются съ затаенной задней мыслью и обоюднымъ недоувѣріемъ, которыя естественно ведутъ къ ненависти и соперничеству. Дѣйствительно въ Тильзитѣ Наполеонъ возбуждалъ въ Александрѣ территоріальное самолюбіе, обѣщая себѣ, въ глубинѣ своего сердца, удовлетворять этому самолюбію лишь мелкими дозами. Самъ онъ, заручившись Россіей, счелъ, что ему уже все дозволено, и что онъ можетъ безпрепятственно перевернуть весь міръ и насильственно подвергнуть своей власти какія ему было угодно государства. Повидимому въ Тильзитѣ не упоминалось объ Испаніи, но подчиненіе Испаніи, первая причина всѣхъ несчастій Франціи, прямо вытекала изъ тильзитскаго союза. По мѣрѣ того какъ Наполеонъ забиралъ въ свои руки одну страну за другой, онъ чувствовалъ необходимость дать и своему союзнику одинъ лакомый кусокъ за другимъ. Онъ отдалъ ему за Испанію Финляндію и дунайскія княжества, а потомъ кускомъ турецкихъ владѣній заплатилъ за помощь прогнвъ Австріи. Но мало-по-малу довѣріе Александра къ своему союзнику ослабѣло, и, въ свою очередь, онъ задумалъ пользоваться плодами союза, не исполняя возлагаемыхъ имъ обязанностей; онъ согласился на эрфуртскую сдѣлку, но не выполнилъ всѣхъ ея условій. Продолжая увеличивать размѣры Россіи на счетъ Турціи, онъ оказалъ Наполеону мнимую помощь противъ Австріи, и война 1809 года, возбужденная хотя помимо воли, но по винѣ французскаго императора, окончилась новыми раздѣлами и новыми территоріальными расчлененіями, которыя довели до апогея взаимное недоувѣріе союзниковъ. Получивъ плохую помощь отъ Александра, Наполеонъ счелъ нужнымъ принять мѣры для обезпеченія себя противъ него и вознаградилъ преданность къ нему поляковъ во вредъ Россіи. Съ того дня франко-русскій союзъ былъ приговоренъ къ смерти. Наполеонъ сдѣлалъ нѣсколько усилій, чтобы возратить ему жизнь, а Александръ совершилъ нѣсколько шаговъ, чтобы избѣгнуть войны, но тотъ и другой не достигли своей цѣли. Ихъ ошибка

состояла не въ томъ, что они объявили другъ другу войну, но въ томъ, что они поставили себя въ такое положеніе, когда война сдѣлалась неизбѣжной. Для нихъ борьба за господство надъ міромъ стала необходимой съ той минуты, когда они порѣшили подѣлать между собой этотъ міръ, и въ результатъ ихъ борьбы оказались—погибель Наполеона и Франціи, спасеніе Англии, возвеличеніе Пруссіи и подготовленіе для Россіи значительныхъ затрудненій, въ виду усиленія могучихъ соперниковъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ полустолѣтіи между Франціей и Россіей произошло нѣсколько попытокъ къ сближенію, но эти попытки были только временныя и неудачныя, за которыми слѣдовали новыя охлажденія. Такимъ образомъ необходимо было, чтобы Франція и Россія перенесли до конца всѣ тяжелыя послѣдствія своихъ ошибокъ, прежде чѣмъ явилось полное сознаніе въ обѣихъ странахъ, что интересы ихъ одинаковы. Только когда укрѣнилось это сознаніе, шаткій союзъ государей былъ замѣненъ прочнымъ соглашеніемъ народныхъ сердецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и правительства обѣихъ странъ впервые поняли раціональныя условія возможнаго для нихъ союза».

— Письма прусской королевы Луизы. Въ мартовской книжкѣ «Deutsche Rundschau» напечатаны неизданныя доселѣ письма прусской королевы Луизы къ ея гофмейстеринѣ графинѣ Фоссъ¹⁾, и хотя преимущественно въ нихъ говорится только о придворныхъ и домашнихъ дѣлахъ, но такъ такъ они обнимаютъ собою важную и тревожную эпоху для Пруссіи и Европы отъ 1796 года, когда воцарился мужъ королевы Фридрихъ-Вильгельмъ III, и до ея смерти въ 1810 году, то они не лишены историческаго значенія. Въ этой перепискѣ королева Луиза, какъ она сама говорила, давала полный просторъ высказаться душѣ и сердцу, а потому напечатанныя теперь ея письма, въ самыя горькія минуты ея жизни, когда она тщетно старалась спасти погибавшую родину отъ ударовъ Наполеона, служатъ полезнымъ источникомъ къ характеристикѣ этой женщины, игравшей, благодаря своей красотѣ и патриотизму, значительную роль въ той великой драмѣ, гдѣ главными героями были Наполеонъ и Александръ. Если можно о чемъ сожалѣть, читая эти письма, то лишь о томъ, что въ нихъ мало говорится о политическихъ событіяхъ, и если она упоминаетъ, напримѣръ, о знаменитыхъ людяхъ, съ которыми входила въ столкновенія, то почти исключительно со стороны ихъ частной жизни. Такъ объ Александрѣ она говоритъ въ письмѣ отъ 20 октября 1803 года, что онъ прислалъ ей дорогіе подарки, а о Наполеонѣ она выражается только въ письмѣ отъ 13 ноября 1806 года, что трудно жить, не имѣя возможности мстить за оскорбленія, когда адъютанты Бонапарта валяются съ сапогами на диванахъ въ ея гобеленовой гостиной въ Шарлотенбургѣ, а самъ Бонапартъ осыпаетъ ее клеветами. Во время своего печальнаго пребыванія въ Кенигсбергѣ, послѣ іенскаго погрома, она писала между прочимъ: «вчера у насъ были три великіе челоуѣка Россіи: Новосильцевъ, Строгановъ и Чарторійскій, а также великолѣпный Гарденбергъ и графъ Дана со своей женой: мы очень весело провели время und es war alles aständig; кромѣ того, насъ посѣтило много англичанъ

¹⁾ Die Briefe der Königin Louise an die Gräfin von Voss. Deutsche Rundschau. März.

и русскихъ, которые всё отличались большою любезностью». Изъ того же Кенигсберга она писала въ 1807 году, за нѣсколько дней до фридландской битвы: «Веннингсенъ одержалъ двѣ побѣды надъ маршаломъ Неемъ, взявъ городъ Гутштадтъ и 2.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного генерала; его потери были не велики, но все-таки мы устраиваемъ новые лазареты для русскихъ и уже приготовили мѣсто для 2.000 раненыхъ. Противъ Лестока выдвинута армія вдвое сильнѣе, и мы очень беспокоимся какъ о немъ, такъ и о Кенигсбергѣ. Наша судьба должна рѣшиться черезъ нѣсколько дней, и я очень тревожусь, не питая большихъ надеждъ». Последнее письмо королевы Луизы помѣчено 17-мъ юня 1810 года и отправлено изъ Потсдама за нѣсколько дней до ея отъѣзда въ Мекленбургъ, гдѣ она вскорѣ и умерла.

— Англо-американская война 1812—1815 гг. и теорія Монрое. Столкновения между Англійей и Сѣверо-Американскими штатами по поводу венецуэльскаго вопроса если и не возбудили войны, какъ можно было опасаться въ первое время, то все-таки причинили такую шовинистскую вспышку враждебныхъ чувствъ между бывшей метрополіей и ея колоніей, что вопросы о послѣдней войнѣ между ними въ началѣ нынѣшняго столѣтія и о теоріи Монрое, изъ-за которой возгорѣлся весь сыр-боръ, — заняли видное мѣсто въ журналистикѣ обѣихъ странъ. Эти вопросы тѣмъ болѣе любопытны, что англо-американская война 1812—1815 гг. очень мало извѣстна внѣ предѣловъ Новаго Свѣта, даже въ Англии, а хотя о теоріи Монрое много говорилось и писалось въ европейской печати, но ея происхожденіе относится къ такой эпохѣ настоящаго столѣтія, именно къ двадцатымъ годамъ, которая никогда не возбуждала большого интереса въ читателяхъ современной исторіи. Изъ появившихся статей по первому вопросу наиболѣе замѣчательнъ краткій, но основательный очеркъ Гарольда Фредерика въ мартовскомъ номерѣ *English Illustrated Magazine*¹⁾, а по послѣднему возникла уже цѣлая литература по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана. Особою же вниманія заслуживаютъ въ историческомъ отношеніи взгляды на теорію Монрое: Вильяма Стэда—въ *Review of Reviews*²⁾, Шрайвера—въ *Westminster Review*³⁾, и Кизбея въ *Annals of the American Academy*⁴⁾, этюдъ Франсиса Де-Прессансе—въ *Revue des Deux Mondes*⁵⁾ и очеркъ Огюста Муаро—въ *Revue Bleue*⁶⁾. Главной причиной, почему англо-американская война 1812—1815 годовъ не пользуется извѣстностью въ Европѣ, служитъ то обстоятельство, что она не дѣлаетъ чести Англии и не имѣла значительныхъ послѣдствій для Стараго Свѣта, а потому англійскіе историки старались ея затушевать изъ національнаго самолюбія, а континентальные ученые и публицисты не обращали на нее вниманія, какъ на историческое событіе, не имѣющее общаго интереса, тѣмъ болѣе, что въ ту самую эпоху совершались въ Европѣ великія со-

1) *The War of 1812—1815*. By H. Frederic. *The English Illustrated Magazine*. March.

2) *The Monroe doctrine*, by W. Stead. *Review of Reviews*. January.

3) *The Monroe doctrine an Anachronism*, by E. Shriver. *Westminster Review*. January.

4) *The Monroe doctrine and the Nicaragua Canal*, by M. Keasbey, *Annals of the American Academy*, January.

5) *La Doctrine de Monroe*, par F. De-Pressencé. *Revue des Deux Mondes*, 15 janvier.

6) *La Doctrine de Monroe*. par A. Moireau. *Revue Bleue*, 4 janvier.

бытія 1812—1815 годовъ, за шумомъ и блескомъ которыхъ совершенно исчезли мелкія схватки на сушѣ и на морѣ англичанъ и американцевъ. Для Соединенныхъ Штатовъ эта война имѣла, напротивъ, громадную важность, такъ какъ она упрочила ихъ независимость, дала имъ возможность кичиться побѣдой надъ своей бывшей метрополіей и впервые возбудила чисто національную политику, выразившуюся нѣсколько лѣтъ спустя въ знаменитой теоріи Монрое. Поэтому неудивительно, что объ этой войнѣ много писалось, и съ патріотической гордостью, американцами, которые до сихъ поръ празднуютъ битву подъ Новымъ Орлеаномъ, въ которой было убито два англійскихъ генерала, какъ національное торжество. До начала военныхъ дѣйствій съ Англійей въ 1812 г. въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ преобладала самая мирная политика въ отношеніи Англійи, и партія Джеферсона, управлявшая тогда страной, проповѣдовала теоретическую ненависть къ войнѣ и практическое пренебреженіе къ арміи и флоту. Естественно, что при такихъ философскихъ взглядахъ американскаго правительства Англія распорядилась на морѣ и даже на берегахъ Новаго Свѣта самымъ безцеремоннымъ образомъ, забирая, какъ призы, американскія суда, подъ предлогомъ, что на нихъ везли французскіе товары, и даже насильственно вербовали американскихъ гражданъ въ матросы для своихъ военныхъ кораблей. Но наконецъ англичане переселили и забрали въ открытомъ морѣ американскій фрегатъ «Чезапикъ», на томъ основаніи, что въ числѣ его команды находилось нѣсколько американскихъ матросовъ, которые, насильно завербованные англичанами, усилѣли бѣжать къ своимъ соотечественникамъ. Этотъ международный скандалъ возбудилъ ярость американцевъ и прозвель такой сильный переворотъ въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ, что Джеферсонцы отказались отъ своего пристрастія къ миру и стали выражать воинственные стремленія; когда же мѣсто Джеферсона на президентскомъ креслѣ занялъ его другъ Джемсъ Мадисонъ, отличившійся болѣе рѣшительной и патріотической политикой, а министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался еще болѣе пламенный патріотъ, Джемсъ Монрое, то была объявлена война Англійи, на основаніи того, что Соединенные Штаты не могли болѣе переносить отъ Англійи постоянныхъ оскорбленій, которыя имъ и въ матеріальномъ отношеніи стоили не дешевле войны. Это было въ 1812 году, и военныя дѣйствія между обѣими странами продолжались три года безъ особыхъ геройскихъ подвиговъ съ той или другой стороны, но съ громадными убытками для англійской торговли, такъ какъ американцы главнымъ образомъ вели морскую партизанскую войну и обривали громадный флотъ мелкихъ крейсеровъ, гонящихся по всѣмъ морямъ за англійскими коммерческими судами. Громадныя англійскія эскадры не могли ничего подѣлать съ этими мелкими врагами, а англійскіе торговцы и судовладельцы подняли такіе вопли, что правительство, занятое тогда болѣе серьезной борьбой съ Наполеономъ, рѣшилось заключить миръ со своей бывшей колоніей. Дѣйствительно онъ и былъ заключенъ въ Гентѣ въ концѣ 1814 года, но прежде чѣмъ извѣстіе объ этомъ дошло до американцевъ, послѣдніе одержали единственную крупную побѣду на сушѣ во всю войну, которая до тѣхъ поръ состояла исключительно изъ безконечныхъ переходовъ и мелкихъ стычекъ. Эта битва произошла подъ Новымъ Орлеаномъ, и американская милиція, подъ началь-

ствомъ Андри Джаксона, разбила на голову 6000 ветерановъ велинргоновской арміи, при чемъ было убито и ранено со стороны американцевъ только 71 человекъ. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ и на морѣ и на сушѣ за американцами остался перевѣсъ, но заключенный миръ быстро ступшеваль чувство униженія съ одной стороны и гордость торжества съ другой, такъ какъ, благодаря замѣнѣ лорда Кастльрэ во главѣ англійскаго правительства Канингомъ, между обѣими странами водворилсь дружескія отношенія. Въ содѣйствіи Соединенныхъ Штатовъ этотъ крупный политическій дѣятель искалъ себѣ поддержки для возбужденной имъ борьбы съ священнымъ союзомъ, а американское правительство, которое тогда находилось въ рукахъ Монрое, избраннаго въ президенты, считало выгоднымъ для національной пользы своей родины дружить съ Англійей, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху начались возстанія южно-американскихъ государствъ противъ Испаніи, чему Канингъ издали покровительство-валъ. На этой-то почвѣ возникла знаменитая теорія Монрое, и какъ это ни странно кажется теперь, когда ее съ трескомъ выдвигаютъ противъ Англійи, но сама Англія устами Канинга внушила ее создателю этой теоріи. Она впервые была выражена въ знаменитомъ посланіи президента Монрое въ 1823 году и въ немъ по поводу отторженія отъ Испаніи нѣкоторыхъ южно-американскихъ государствъ, объявившихъ себя республиками, было высказано, по прямому внушенію Канинга, что Америка должна принадлежать американцамъ. Конечно, буквально не выражено было подобнаго положенія въ этомъ историческомъ документѣ, но ясно тамъ сказано, что всякая попытка европейскихъ государствъ распространить свою систему къ какой бы то ни было части Новаго Свѣта опасна для спокойствія Соединенныхъ Штатовъ, которые считаютъ, что американскій континентъ не долженъ быть на будущее время полемъ для колонизаціи европейскихъ государствъ. Канингъ полагалъ, что подобная политика не только принесетъ пользу Соединеннымъ Штатамъ, но и Англійи, такъ какъ положить конецъ въ Новомъ Свѣтѣ всякимъ интригамъ европейскихъ державъ, а потому онъ даже хвастался, что продиктовалъ пресловутую декларацию Монрое. Конечно, ему и въ голову не входило, несмотря на его замѣчательныя политическія способности, что черезъ семьдесятъ лѣтъ американцы воспользуются его совѣтомъ противъ Англійи.

— Правители Индіи. Недавно вышелъ послѣдній томъ любопытнаго, обширнаго изданія, предпринятаго однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ по всему, что касается Индіи, англійскихъ писателей и государственныхъ людей, Сэра Вильяма Гунтера. Это собраніе отдѣльныхъ біографій главнѣйшихъ дѣятелей въ Индіи, какъ туземныхъ, такъ и европейскихъ, конечно, по преимуществу англійскихъ, въ старину и въ новѣйшее время. Каждая изъ такихъ біографій составлена знающимъ и болѣе или менѣе талантливымъ авторомъ, а общую редакцію принялъ на себя Гунтеръ, который прибавилъ еще къ двадцати-пяти томамъ этой «Популярной серіи правителей Индіи» двадцать шестой, посвященный общему очерку исторіи народовъ Индіи ¹⁾. Этотъ очеркъ, написан-

¹⁾ Popular series of Rulers of India. Edited by sir W. Hunter. 26 vol. London, 1892—1896.

ный имъ самимъ, уже разошелся отдѣльнымъ изданіемъ въ 82,000 экземплярахъ и составляетъ полную, хотя краткую исторію Индіи, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, а потому можетъ служить прекраснымъ введеніемъ для всего изданія, которымъ Гунтеръ одинаково оказалъ значительную услугу Индіи и Англіи. Подобный громаднѣйшій историческій трудъ представляетъ вполне достойное добавленіе къ его другой, еще болѣе колоссальной литературной работѣ съ цѣлью знакомства Англіи съ Индіей, именно статистическому изслѣдованію Британской имперіи въ Индіи (Statistical Survey) въ 128 томахъ, изъ которыхъ онъ же составилъ извлеченіе, нѣчто въ родѣ Индустанской энциклопедіи, подъ заглавіемъ *Imperial Gazetteer of India*, въ 14 томахъ. Что касается до теперь оконченной серіи «Правителей Индіи», то ее можно раздѣлить на четыре отдѣла: къ первому принадлежатъ туземные правители, именно Акбаръ, третій изъ великихъ моголовъ, быть можетъ, самый умный и гуманный изъ нихъ, Орендзобъ, наименѣе вѣротерпимый изъ великихъ моголовъ, пытавшійся, подобно своему современнику Людовику XIV, уничтожить цѣлое населеніе, но въ этомъ случаѣ не горсть гугенотовъ, а 200 милліоновъ индустанцевъ; знаменитый Синдія, который старался возвратитъ Индію индустанцамъ, побѣдивъ мусульманъ; Гайдеръ-Али и его сынъ Тину-Саибъ, пламенные враги Англіи, изъ которыхъ послѣдній вступилъ въ союзъ съ французской республикой и открылъ въ Серингатамъ яacobинскій клубъ, при пѣніи «Марсельезы»; наконецъ Ранджитъ-Сингъ, основатель военнаго могущества сиксовъ въ Пенджабѣ. Второй отдѣлъ состоитъ изъ біографій двухъ правителей Индіи латинской расы: португальца Альбукерка и француза Дюпле. При этомъ надо замѣтить, что біографы того и другого, Маркъ Стивенсъ, профессоръ исторіи Индіи въ кембриджскомъ университетѣ, и полковникъ Малесанъ, авторъ обширной исторіи Индіи въ царствованіе Викторіи, — одинаково сочувственно относятся къ своимъ героямъ, изъ которыхъ Альбукеркъ былъ первымъ европеемъ послѣ Александра Великаго, возымѣвшимъ мысль о созданіи европейской имперіи въ Индіи, а Дюпле даже въ глазахъ англичанъ былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ европейскихъ правителей Индіи и служилъ во многихъ отношеніяхъ примѣромъ для его преемниковъ англичанъ. Третій самый большой отдѣлъ заключаетъ въ себѣ жизнеописанія главнѣйшихъ англійскихъ вице-королей, отъ Клайва и Варена Гестинга въ прошедшемъ столѣтіи, до лордовъ Лоренса и Майо въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка. Наконецъ къ четвертому отдѣлу относятся извѣстные англійскіе дѣятели въ Индіи, не занимавшіе генераль-губернаторскаго поста, но оказавшіе не менѣе важныя услуги распространенію англійскаго могущества въ этой величайшей изъ англійскихъ колоній, какъ, на примѣръ, Эльфингстонъ — губернаторъ Бомбея, Мунро — губернаторъ Мадраса, генераль Клайдъ — покрывшій себя славою во время возстанія сипаевъ въ 1857 году и т. д. Хотя, конечно, самъ Гунтеръ и всѣ его сотрудники отличаются британскимъ патріотизмомъ и выставляютъ всѣ дѣйствія англійскаго правительсва въ Индіи съ казоваго конца, но составленная ими исторія распространенія англійскаго владычества въ Индіи во всякомъ случаѣ основательно знакомитъ читателя съ тѣмъ интереснымъ вопросомъ, какъ обитатели небольшого европейскаго острова сумѣли подчинить себѣ и управлять болѣе ста лѣтъ гро-

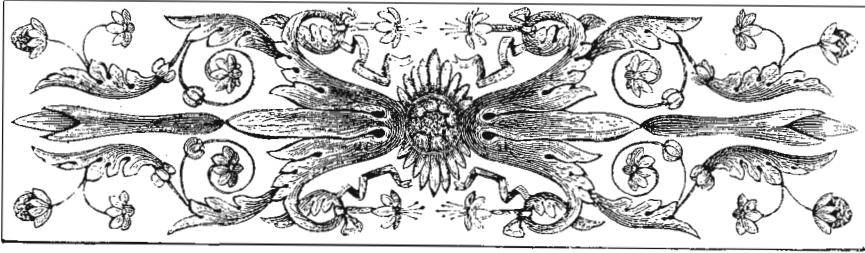
мальной азиатской страной в двадцать разъ большей по объему и въ десять разъ болѣе многолюдный, чѣмъ метрополя.

— Мемуары графа Франкенберга. Въ апрѣльской книжкѣ нѣмецкаго журнала *Deutsche Revue* помѣщены отрывки изъ дневника графа Франкенберга, одного изъ прусскихъ офицеровъ во время войны 1870—1871 гг. ¹⁾, и въ нихъ находится очень интересный рассказъ о переговорахъ между орлеанскимъ епископомъ Дюпанлу и Бисмаркомъ на счетъ прекращенія военныхъ дѣйствій и восстановленія во Франціи бурбоновъ. Графъ Франкенбергъ вошелъ въ сношеніе съ Дюпанлу по поводу занятія Орлеана прусскими войсками и устройства для нихъ лазарета. Епископъ принялъ его очень любезно и, возвративъ ему визитъ, затронулъ вопросъ о необходимости покончить войну. «Необходимо заключить миръ, — сказалъ онъ, по словамъ Франкенберга, 14-го октября 1870 года:— у насъ все придетъ въ безпорядокъ, и страна будетъ совершенно разорена, если продлится война, такъ какъ мы, признаюсь, побѣждены. Ко мнѣ обратились многіе именитые люди города, предлагая составить лигу мира, но я не могу этого сдѣлать теперь, потому что Орлеанъ не пользуется свободой и независимостью. Подобное движеніе можетъ быть начато только однимъ человѣкомъ, который и свободенъ, и надеженъ. Лишь одинъ французъ можетъ теперь заключить миръ, именно мой старый другъ Тьеръ. Онъ предвидѣлъ наше пораженіе, смѣло воспротивился въ законодательномъ собраніи объявленію войны, и взятая имъ на себя роль заслужила ему общее уваженіе, которое и обезпечитъ вполнѣ независимость его дѣйствій. Это движеніе въ пользу мира должно начаться въ Бордо, который, имѣя двѣсти тысячъ жителей, находится далеко отъ военныхъ дѣйствій и вполнѣ безопасенъ. Я тайно войду въ сношенія съ Тьеромъ, который, я полагаю, уже въ Турѣ; но мнѣ надо для этого получить свободный пропускъ, съ которымъ я и отправлю къ нему довѣренное лице. Но прежде всего намъ надо убѣдиться, что Пруссія не намѣрена навязать намъ снова имперію съ Наполеономъ». На это Франкенбергъ отвѣчалъ, что, насколько ему извѣстно, Франціи будетъ предоставлено устроить свои внутреннія дѣла, какъ ей угодно, а Пруссія будетъ только заботиться о гарантіяхъ мира. Тогда Дюпанлу продолжалъ: «я читалъ депешу графа Бисмарка на счетъ его свиданія съ Жюлемъ Фавромъ въ Ферьерѣ, и долженъ сознаться, что поставленныя имъ условія мира не чрезмѣрны и вполнѣ оправдываются обстоятельствами. Мы должны помириться съ мыслью о необходимости сдѣлать территоріальныя уступки, и такъ какъ отъ насъ только требуютъ часть Эльзаса и Лотарингіи, а не цѣликомъ эти обѣ провинціи, то подобная сдѣлка возможна. Но послѣ заключенія мира Франція можетъ быть спасена только возвращеніемъ законной королевской династіи. Пруссія воскресла послѣ Иены лишь потому, что могла опереться на Гогенцолерновъ, а Австрія пережила Аустерлицъ и Кениггрецъ, благодаря Габсбургамъ. Наше несчастіе заключается въ разрывѣ между членами нашего королевскаго дома, и я желалъ бы, чтобы король Вильгельмъ употребилъ все свое вліяніе на примиреніе старшей и младшей линіи нашей династіи. Это дѣло

¹⁾ Das Tagebuch des Grafen von Frankenberg, Deutsche Revue, April.

должно быть совершено въ самой величайшей тайнѣ, но я убѣжденъ, что оно увѣнчается успѣхомъ. Графъ Шамборъ долженъ сдѣлаться королемъ и, такъ какъ у него нѣтъ дѣтей, — усыновить графа Парижскаго. Это не мое личное мнѣніе, но будьте увѣрены, что всѣ французскіе епископы думаютъ также. Когда вы поѣдете въ Версаль, то передайте мои слова королю Вильгельму и Бисмарку, но помните, что все это надо сохранить въ глубокой тайнѣ, если желателенъ успѣхъ моей попытки. Обдѣлайте это дѣло, и да благословитъ васъ Господь». Графъ Франкенбергъ на другой же день отправился въ Версаль съ денешами генерала Фонъ-деръ-Тана и сообщилъ привезенныя имъ изъ Орлеана важныя вѣсти сначала генералу Блументалю, а потомъ, по его приказанію, королю, который выслушалъ его со вниманіемъ и въ свою очередь послалъ къ Бисмарку. Послѣдній принялъ его въ постели, такъ какъ страдалъ тогда ногой, и когда Франкенбергъ передалъ ему всѣ слова епископа Дюпанлу, то онъ сказалъ съ улыбкой: «мы можемъ согласиться не возвращать Франціи Наполеона, и я очень радъ, что Дюпанлу соглашается на предложенныя мною условія. Что же касается Тьера, то я жду его каждую минуту; онъ уже самъ писалъ изъ Флоренціи, прося, чтобы его допустили въ нашу главную квартиру. Его посѣщенія европейскихъ дворовъ окончились совершеннымъ фіаско, и я съ удовольствіемъ увидалъ бы его теперь. Я заключу миръ съ тѣмъ, кто представитъ намъ самыя выгодныя условія и гарантіи. Отвѣтите епископу, что мы примемъ его посредничество съ полнымъ сочувствіемъ и будемъ ждать пріѣзда его довѣреннаго лица. Что касается до Наполеона, то будьте осторожны и скажите только, что тѣ взгляды, которые вы высказали ему, повидимому, вполне соответствуютъ точкѣ зрѣнія въ высшихъ сферахъ. Прибавьте, что мы уже находимся въ переговорахъ съ Меклемъ, и что Базенъ не хочетъ сдаться иначе, какъ по приказанію императора. Орлеанскій епископъ долженъ знать, что во Франціи существуютъ противоположныя теченія, почему такъ и необходимо для нея заключеніе мира». Тотчасъ послѣ аудіенціи у Бисмарка графъ Франкенбергъ написалъ Дюпанлу обо всемъ, что онъ слышалъ отъ короля и отъ Бисмарка; этимъ и окончился этотъ мало извѣстный эпизодъ въ исторіи франко-прусской войны, такъ какъ дальнѣйшія событія сдѣлали излишней всякую попытку епископа Дюпанлу на вмѣшательство въ политическія дѣла.

С М Ъ С Ъ.

КТЪ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Первый торжественный актъ открытаго въ Константинополѣ русскаго археологическаго института происходилъ подъ почетнымъ предѣдательствомъ нашего посла г. Нелидова. Почетный президентъ выразилъ признательность руководителю института за быстрое развитіе юнаго учрежденія, которое явилось достойнымъ членомъ въ ряду болѣе раннихъ подобныхъ учрежденій другихъ націй и уже во многихъ отношеніяхъ заявило о своей плодотворной дѣятельности. Это даетъ право надѣяться и на дальнѣйшіе успѣхи въ области археологическихъ изслѣдованій, въ особенности касательно исторіи Византіи. Въ то же время, по словамъ г. Нелидова, институтъ внесъ оживленіе въ сферу умственныхъ интересовъ здѣшней русской колоніи. Профессоръ Ѳ. П. Успенскій, директоръ института, произнесъ рѣчь о причинахъ раздѣленія Римской имперіи и о томъ, почему западная часть ея погибла, тогда какъ восточная сохранилась. Первоначальная противоположность между романизмомъ и эллинизмомъ никогда не сглаживалась и по перенесеніи центра имперіи на востокъ привела къ упомянутому раздѣленію вслѣдствіе различія внутреннихъ условій. На западѣ междоусобицы повлекли за собой исчезновеніе аристократическаго класса, но и низшіе слои населенія изводились непрерывными военными наборами. Это облегчило доступъ варварамъ, а попытки колонизовать ихъ въ качествѣ защитниковъ государства привели въ концѣ-концовъ къ образованію новыхъ государствъ. Политика востока относительно варварскихъ народностей была болѣе правильная, и тамъ дѣйствительно организовалось новое войско. Но особое зна-

ченіе представляли здѣсь лучшія экономическія условія, такъ какъ мелкое землевладѣніе не было уничтожено. Вообще на востокѣ сохранились своеобразныя условія жизни, и романизированіе тамъ не имѣло мѣста. Ораторъ сослался, между прочимъ, на существованіе самостоятельнаго сирійскаго законодательства въ 70-хъ годахъ V столѣтія, которое не вошло составнымъ элементомъ въ юстиніановъ кодексъ. Наконецъ, организующимъ и животворящимъ факторомъ явилось христіанство. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ Византійская имперія доказала свою способность къ развитію и дальнѣйшей жпзни. Послѣ рѣчи директора секретарь института П. Д. Погодинъ прочелъ отчетъ о дѣятельности института за истекшій годъ. Директоръ института весной совершилъ экскурсію по берегамъ Чернаго моря, а осенью—на Аѳонъ, гдѣ производилъ изысканія въ монастырскихъ бібліотекахъ и нашелъ не мало новыхъ литературныхъ источниковъ по исторіи Византіи. Въ журналѣ института, первый выпускъ котораго долженъ появиться вскорѣ, будетъ напечатано археологически вѣрное описаніе Константинополя въ стихахъ X вѣка священника Константина Родіоса. Секретарь института, командированный прошлымъ лѣтомъ въ Аѳины, завязалъ сношенія съ археологическими институтами: французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и американскимъ. Извѣстія пзъ другіхъ областей доставляются институту русскими консулами. Не мало труда потребовала организація бібліотеки, въ которой уже насчитывается 6,112 томовъ. Также положено начало антикварному кабинету. Въ засѣданіяхъ института принимали участіе многіе представители русской колоніи, а также посланники Сербіи, Греціи и Черногоріи. Въ число членовъ института избраны княгиня Хилкова, г-жа Нелидова и многія другія дамы русскаго посольства, посланникъ Черногоріи, князь Долгорукій и секретарь принцессы Ольденбургской камергеръ А. П. Саломонъ.

Диспутъ А. Ѳ. Карашева. 14 марта, въ 6 часовъ вечера, въ первой аудиторіи Московской духовной академіи, въ присутствіи членовъ совѣта, профессоровъ, студентовъ и нѣкоторыхъ преподавателей Византійской семинаріи, происходилъ магистерскій диспутъ, на которомъ преподаватель Рязанской духовной семинаріи Александръ Ѳеодоровичъ Карашевъ публично защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ О новооткрытомъ памятникѣ «Ученіе двѣнадцати апостоловъ» (Москва, 1896 г., 8°, страницъ VII—143—CXVI—IV). А. Ѳ. Карашевъ, сынъ священника Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, среднее образованіе получилъ въ мѣстной духовной семинаріи, а высшее въ Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1887 году со степенью кандидата богословія и съ правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. 7 сентября 1888 года приказомъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода назначенъ былъ на должность преподавателя церковной исторіи въ Рязанскую духовную семинарію, на каковой состоитъ и въ настоящее время. Кромѣ магистерской диссертациі, имъ написано нѣсколько статей по библейской и церковной исторіи въ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», при которыхъ оны около четырехъ лѣтъ состоятъ въ качествѣ помощника редактора. Официальными оппонентами были: ординарный профессоръ по кафедрѣ церковнаго права Н. А. Заозерскій и экстраординарный профессоръ по кафедрѣ гомилетики

и исторіи проповѣдничества В. Θ. Кипарисовъ. Въ качествѣ неофициальныхъ оппонентовъ возражали магистранту: ординарный профессоръ по кафедрѣ священнаго Писанія Новаго Завѣта М. Д. Муретовъ и д. доцента по кафедрѣ еврейскаго языка П. В. Тихоміровъ и бывший преподаватель Виѣанской семинаріи магистръ богословія Н. И. Виноградовъ. Совѣтъ академіи призналъ защиту магистранта удовлетворительною и постановилъ ходатайствовать чрезъ владыку митрополита предъ святѣйшимъ синодомъ объ утвержденіи г. Карашева въ искомой имъ степени магистра богословія.

Столѣтіе со дня смерти генераль-поручика, губернатора Черниговскаго намѣстничества, Андрея Степановича Милорадовича исполняется 2-го мая текущаго года. А. С. родился 1727 г., воспитывался въ Кіевской духовной академіи, 22-хъ лѣтъ (въ 1749 г.) былъ поручикомъ и лейбъ-компаніи гренадеромъ, потомъ, въ чинѣ секундъ-маіора, участвовалъ въ войнѣ Россіи съ Пруссіею и былъ въ сраженіи при Пальцахъ 19-го іюня 1789. При Кунерсдорфѣ былъ контуженъ пушечнымъ ядромъ въ лѣвую ногу. Въ 1761 г. участвовалъ въ осадѣ и взятіи крѣпости Конберга. Въ Турецкой войнѣ 1771 г. въ чинѣ генераль-маіора и командира бригады 21 октября переправился чрезъ Дунай и покорилъ Мачинь; былъ героемъ сраженія при Козлуджи. Наградами за славные подвиги А. С. М. были: орденъ св. Георгія 3-го класса, св. Анны 1-й степени и село Вороньки Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Произведенный въ 1779 года въ генераль-лейтенанты, онъ былъ назначенъ черниговскимъ губернаторомъ; въ этой должности пробылъ до своей смерти (2 мая 1796 года) и за семнадцать лѣтъ управленія губерніею награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и св. Александра Невскаго. Погребенъ А. С. М. въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ въ соборной церкви. Отъ брака съ Маріею Андреевной Горленко онъ имѣлъ единственнаго сына Михаіла Андреевича (род. 1871 † 1825), впоследствии графа и героя отечественной войны, и дочь Марію Андреевну, бывшую за мужемъ за Николаемъ Михаіловичемъ Стороженко, черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Русскій памятникъ за границую. Памятники императора Петра I не только раскинуты почти по всему нашему отечеству, но находятся и за его предѣлами. Есть, между прочимъ, въ Голландіи, въ городѣ Саардамѣ, подаренный въ 1886 году королемъ голландскимъ Вильгельмомъ III императору Александру III, деревянный домикъ, въ которомъ жилъ и работалъ, какъ простой плотникъ, первый русскій императоръ. Этотъ памятникъ русской исторіи поддерживается и охраняется министерствомъ императорскаго двора чрезъ посредство русскихъ правительственныхъ органовъ въ Голландіи, причемъ принимаются всевозможныя мѣры къ обезпеченію домика отъ разрушенія, а также въ пожарномъ отношеніи. Такъ какъ мѣстность вокругъ него въ послѣднее время тѣсно застраивается деревянными постройками, то по представленію нашего генеральнаго консула въ Амстердамѣ въ прошломъ году было высочайше повелѣно отпустить изъ суммъ министерства императорскаго двора 30,000 флориновъ (около 15,600 рублей металлическихъ) для производства въ домикѣ, согласно проекту голландскаго архитектора Зальма, нижеслѣдующихъ работъ: устроить надъ домикомъ кирпичный колпакъ, взаимѣнъ существ-

вующаго деревяннаго, оградить участокъ, на которомъ расположенъ домикъ, отъ сосѣднихъ владѣній съ правой и лѣвой сторонъ каменными стѣнами, а съ лицевой и задней сторонъ—металлическими рѣшетками, и устроить отдѣльный каменный домикъ для сторожа. Въ настоящее время всѣ эти работы, по сообщенію «Кронштадтскаго Вѣстника», приведены къ окончанію, и такимъ образомъ безопасное существованіе русскаго памятника за границей о великомъ преобразователѣ будетъ вполне обезпечено.

Выставка изображеній Христа. Московское общество любителей художеств устроило въ своемъ помѣщеніи выставку изображеній Спасителя, которая открыта для обозрѣнія 29 марта. Подобная выставка устраивается въ первый разъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. На ней собрано до 400 изображеній Христа, начиная съ древне-христіанскаго искусства до XVII столѣтія включительно. Большинство изображеній представляютъ копии, но имѣются также оригиналы. Есть акварельныя копии, хромолитографіи, фотографіи, мозаики и др. Всѣ изображенія принадлежатъ къ иностраннымъ произведеніямъ искусства. Общество имѣетъ въ виду со временемъ устроить также выставку изображеній Спасителя исключительно русскою живописи. Одновременно же не было возможности осуществить эту мысль, такъ какъ открываемая выставка и безъ того явилась обширною. Подъ нее отведены три залы: въ одной изъ нихъ сосредоточены изображенія Христа древне-христіанскаго искусства, начиная съ IV вѣка; во второй расположено самое большое число изображеній, относящихся къ XIV—XVI вѣкамъ и, наконецъ, въ третьей размѣщены изображенія XVII вѣка. На выставку доставлены изображенія изъ собраній великаго князя Сергія Александровича и принцессы Евгеніи Максиміановны Ольденбургской, а также изъ собраній: графини П. С. Уваровой, Е. Н. Козляниновой, А. П. Усовой, священника И. И. Благоволина, Н. П. Вишнякова, С. К. Говорова, Н. Н. Гордѣва, П. В. Жуковскаго, М. М. Леонтьева, Н. С. Мосолова, Н. С. Остроухова, В. Д. Полѣнова, А. П. Попова, г. Робертъ, М. П. Степанова, Д. А. Хомякова, С. С. Шайкевича и др. Императорскимъ историческимъ музеемъ выставлены два скульптурныя изображенія «Добраго Пастыря». Къ выставкѣ составляется пояснительный каталогъ; пока готова только одна часть, въ которой описаны изображенія Христа древняго періода въ послѣдовательномъ порядкѣ. Эта часть каталога составлена графиней П. С. Уваровой.

Императорское православное палестинское общество. 10-го марта происходило годовое собраніе императорскаго православнаго палестинскаго общества, посвященное докладу о дѣятельности общества и выбору членовъ и должностныхъ лицъ. Почетными членами избраны: епископъ тульскій и бѣлевскій Иринеи, епископъ смоленскій и дорогобужскій Никавортъ, епископъ оренбургскій и уральскій Николай, П. П. Затворницкій и А. П. Бѣляевъ; пожизненными членами — епископъ аксайскій Іоаннъ, епископъ бійскій Меодій, епископъ михайловскій Полевккъ; членами совѣта: Д. С. Арсеньевъ, И. Е. Троицкій и В. Г. Васильевскій. Предѣдательствующимъ въ отдѣленіи ученыхъ изданій и изслѣдованій — Д. Ѳ. Кобеко, предѣдательствующимъ въ отдѣленіи поддержанія православія въ Св. Землѣ — князь П. А.

Васильчиковъ. Въ ревизіонную комиссію: А. В. Кошгевъ, П. Н. Орловъ и И. И. Чайковскій, кандидатами: В. А. Корниловъ, В. В. Сытовъ и Ѳ. И. Царевъ. Тайный совѣтникъ Хитрово посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ памяти скончавшагося вице-предсѣдателя общества Ѳ. П. Корнилова, дoloжилъ о дѣятельности общества въ истекшемъ году. Средства общества составляли 322.324 рубля, увеличившись противъ дохода предшествовавшаго года на 28°/. Число отдѣловъ общества достигло въ настоящее время 20. Увеличилось и число членовъ общества съ 1.044 до 2.800 лицъ. По числу посѣтившихъ Іерусалимъ паломниковъ истекшій годъ является тоже выдающимся: ихъ считается до 6.000 человекъ, общее же число проведенныхъ ими въ Іерусалимѣ дней равняется 316.050. Въ среднемъ отъ каждаго паломника получено обществомъ по 5 руб. 13 коп., истрачено же на каждаго изъ нихъ по 20 руб. 78 коп. Общій расходъ общества выразился въ суммѣ 256.474 руб., изъ которыхъ большая часть, около 124.000 руб., была употреблена на пособія паломникамъ. Для поддержанія православія главнымъ средствомъ служили 21 учебное заведеніе, въ которомъ училось до 1.700 дѣтей, изъ которыхъ каждый обошелся обществу въ 36 рублей. Въ трехъ амбулаторіяхъ общества было оказано медицинское пособіе въ 55.531 случаяхъ. Каждое пособіе въ среднемъ обошлось по 12 копеекъ. Знаменательнымъ явленіемъ въ жизни общества въ отчетномъ году является принятіе въ завѣдываніе его 16 школъ антиохійской патріархіи. Школы эти приняты по ходатайству антиохійскаго патріарха. Съ такимъ же ходатайствомъ обратились и митрополитъ ефесскій Аванасій, избранный въ собраніи почетнымъ членомъ общества, и селевскій Герасимъ, прося общество принять въ свое завѣдываніе и школы ихъ епархіи. Обращеніе къ обществу антиохійской епархіи имѣетъ для него то значеніе, что, въ то время какъ іерусалимскій патріархъ относится къ обществу враждебно, его ближайшій сосѣдь ищетъ поддержки общества. Во вновь присоединенныхъ къ обществу антиохійскихъ школахъ находится 1.500 учащихся.

Московское историческое общество. Въ засѣданіи 7-го апрѣля І. К. Линдеманъ сдѣлалъ сообщеніе: «Отношеніе Рубино и Моммсена къ гипотезѣ Нибура о происхожденіи патриціевъ и плебеевъ». Докладчикъ подробно изложилъ воззрѣнія по этому вопросу названныхъ историковъ и, подвергнувъ ихъ, — главнымъ образомъ мнѣнія Рубино и Моммсена, — критическому разбору, представилъ въ заключеніе свои собственныя соображенія относительно происхожденія плебеевъ и патриціевъ. Нибуръ смотритъ на плебеевъ, какъ на позднѣйшій слой римскаго населенія, образовавшійся изъ пришельцевъ въ царствованіе Анка Марція. Рубино, напротивъ, полагаетъ, что дѣленіе римскаго народа на патриціевъ и плебеевъ, на привилегированную аристократію и простой народъ, существовало искони, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Этотъ взглядъ дальше и весьма талантливо развилъ Моммсенъ. Но послѣдній значительно отступилъ отъ своихъ воззрѣній въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи, въ «*Römisches Staatsrecht*», гдѣ почти приближается къ гипотезѣ Нибура. Докладчикъ, присоединяясь къ ученію Нибура, полагаетъ, что, кромѣ аргументовъ, выдвигаемыхъ послѣднимъ, ученіе это подкрѣпляется еще и та-

кими свѣдѣніями о плебеяхъ, какъ отсутствіе у нихъ привязанности къ Риму, незнакомство съ древнимъ правомъ и требованіе писанныхъ законовъ, мѣсто жительства ихъ въ Римѣ, мѣсто за дверью въ сенатъ и проч. Гипотеза Нибура остается до сихъ поръ неопровергнутою, хотя она и основана на косвенныхъ доказательствахъ, и авторитетъ Моммсена въ послѣднее время только упрочилъ ее. Во время преній председатель общества проф. В. И. Герье высказалъ, что возвращеніе къ теоріи Нибура представляется ему вполне своевременнымъ, такъ какъ теорія эта въ дѣйствительности является наиболѣе правдоподобною, несмотря на всю скудость и малую достовѣрность матеріала, какими располагаетъ историкъ относительно древнѣйшей эпохи римской исторіи. Но выдвигаемый докладчикомъ новый аргументъ въ пользу ея — именно то, что плебеи не были проникнуты римскимъ духомъ и всегда готовы были оставить Римъ,— былъ бы весьма силенъ и заслуживалъ бы полнаго вниманія, если бы относительно его не возникало сомнѣнія, не ораторская ли конструкція этотъ отзывъ, высказываемый Ливіемъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу доклада сдѣлали также проф. В. О. Ключевскій и проф. М. С. Корелинъ.

С.-Петербургское археологическое общество.—I. 11-го марта въ засѣданіи классическаго отдѣленія археологическаго общества подъ председательствомъ И. В. Помяловскаго Ѳ. Ф. Зелинскій предложилъ докладъ «О врачѣ Софоклѣ». Извѣстно, что послѣ смерти Софокла аѳиняне въ честь его, какъ героя съ именемъ Дексіона, принимавшаго въ домъ своего бога Аскленія, воздвигли храмъ, гдѣ постановили приносить ежегодную жертву. Найденная недавно въ Аѳинахъ надпись даетъ основаніе заключить, что въ данномъ случаѣ воздавали честь не только великому трагику, но что Софокль дѣйствительно былъ жрецомъ Аскленія. Ища подтвержденія и развитія этого эпиграфическаго намека, докладчикъ обращается къ разбору трагедій Софокла и усматриваетъ въ его произведеніяхъ черты особаго реализма въ изображеніи физическихъ страданій человѣка, свидѣтельствующія о складѣ ума и наблюдательности естествоиспытателя. Докладчикъ въ особенности подробно остановился на «Трахинейкахъ», гдѣ изображается ужасная смерть Геракла, отравленнаго ядомъ, которымъ, какъ приворотнымъ средствомъ, наплатала его плащъ его жена Деянира. Дѣйствіе этого яда представляетъ полную аналогію съ дѣйствіемъ яда змѣи. Описаніе страданій Геркулеса есть описаніе вызванныхъ отравленіемъ припадковъ эпилепсіи, которая не даромъ называется у Гипократа Геракловой болѣзью. Выраженіе вопроса о врачебныхъ познаніяхъ Софокла, сказавшихся въ его произведеніяхъ, ведетъ, по мнѣнію докладчика, между прочимъ, и къ признанію натурализма Софокла индивидуальной чертой этого автора, а не общезеллинской, какъ это высказалъ Лессингъ въ «Лаокоонѣ», тѣмъ болѣе, что у слѣдующаго за Софокломъ Еврипида было бы тщетно искать подобнаго же реализма.—II. 12 марта въ годовомъ общемъ собраніи членовъ археологическаго общества подъ председательствомъ А. Ѳ. Бычкова были доложены и утверждены отчетъ о дѣятельности общества и денежный отчетъ за истекшій 1895 годъ, произведены выборы секретаря общества на слѣдующее трехлѣтіе и рассмотрѣны и утверждены представленія комиссіи по присужденію медалей общества. Издательская дѣятельность общества въ отчетномъ году выразилась

выпускомъ въ свѣтъ VII тома «Записокъ» общества и IX тома «Записокъ восточнаго отдѣленія». Собираніе матеріаловъ для третяго тома издаваемаго обществомъ свода надписей сѣвернаго побережья Кавказа (труды В. В. Латышева: «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini») въ настоящее время почти завершено; недостаетъ только эпитафическаго матеріала, находящагося въ богатомъ собраніи Императорскаго Эрмитажа. Золотая медаль императорскаго русскаго археологическаго общества присуждена В. А. Жуковскому за его сочиненіе: «Древности Закаспійскаго края. Развалины города Мерва» (рецензію представилъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ); серебряныя—М. И. Соколову за сочиненіе «Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣвниками» (рецензія графа И. И. Толстого) и А. В. Никитскому—за сочиненіе «Дельфійскіе эпитафическіе этюды» (рецензія Ѳ. Ѳ. Соколова). Секретаремъ общества на слѣдующее трехлѣтіе единогласно вновь избранъ В. Г. Дружининъ. Избраны въ члены-сотрудники общества Б. В. Фармаковский и въ иностранные члены-сотрудники—Т. Омоль, директоръ французской школы въ Афинахъ.—III. 14-го марта въ засѣданіи восточнаго отдѣленія археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена сдѣланы доклады: А. Я. Гаркави («Новыя находки въ собраніи рукописей Фирковича»), Н. И. Веселовскій («О Мазарѣ Кутба Чехардегумъ») и баронъ В. Р. Розенъ («Еще разъ персидскій Варлаамъ»). А. Я. Гаркави, разбирая древне-еврейскія рукописи, поступившія въ Императорскую Публичную бібліотеку, нашель здѣсь, между прочимъ, переводъ изъ арабскаго писателя XII вѣка Ибнъ-Эзра. Н. И. Веселовскій представилъ фотографическіе снимки самаркандской надгробной мечети (мазаръ), построенной Тимуромъ для погребенія въ ней мусульманскаго святого. Въ настоящее время эта мечеть разрушена посредствомъ взрыва, такъ какъ она мѣшала сооружеію необходимыхъ въ Самаркандѣ крѣпостныхъ построекъ. Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что персидская версія повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ оказалась въ печатномъ видѣ въ одномъ сборникѣ, изданномъ въ Тегеранѣ въ первой половинѣ нашего столѣтія.

Московское археологическое общество. Въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца въ домѣ графини П. С. Уваровой состоялось засѣданіе Московскаго императорскаго археологическаго общества. Читали сообщенія проф. В. Ѳ. Миллеръ и С. С. Слущкій. Проф. В. Ѳ. Миллеръ, познакомивъ слушателей съ ассирійскими заклинаніями, указалъ на только что вышедшій капитальный трудъ Кнута Тальквиста «Ассирійская серія заклинаній» Маклу на нѣмецкомъ языкѣ. Ассирійская магія имѣла значительное вліяніе на позднѣйшія культуры. Ея слѣды замѣчаются и въ эллинскомъ политеизмѣ, и въ римскихъ мистеріяхъ. Средневѣковая эпоха обнаруживаетъ свое родство съ Востокомъ въ такъ называемыхъ «лживыхъ молитвахъ». Знаменитое въ Средніе Вѣка *testamentum Solomonis* поразительно походитъ на ассирійскія заклинательныя таблицы временъ Ашурбанипала VII вѣка до Р. Х. Наконецъ, наши простонародные наговоры, напентыванія и проч. обнаруживаютъ поразительное сходство съ ассирійскими заклинаніями. Какъ у ассиріянъ, такъ и у насъ наговоры произносятся шепотомъ и притомъ въ одно и то же время сутокъ (ночью и предъ утреннею зарей). Какъ у ассиріянъ, такъ и у насъ чуцламъ

придается таинственное значение; числа опять таки приблизительно тѣ же—3, 7, 12. Употребленіе при заклинаніяхъ изображеній изъ воска, дерева, металла также позволяетъ догадываться о восточномъ происхожденіи русскихъ заклинаній. Если взять форму заговоровъ, то мы опять замѣтимъ большое сходство нашихъ заклинаній съ ассирійскими. У насъ, такъ же какъ и у ассиріянъ, заклинанія представляютъ эпическій разсказъ, переходящій въ діалогъ. У ассирійскихъ заклинателей большою популярностью пользовался богъ огня Гибиль, у насъ же есть заклинанія, представляющія по формѣ молитву царю огня. Недостатокъ фактическихъ данныхъ не даетъ возможности выяснитъ причины этого сходства, и проф. В. Ө. Миллеръ поэтому ограничивался простымъ указаниемъ на такое сходство русскихъ заговоровъ съ ассирійскими заклинаніями. Рефератъ С. С. Слущаго «Кресты въ Прибалтійскихъ раскопкахъ» вызвалъ чрезвычайно оживленныя пренія. Лекторъ полагалъ, что нахожденіе крестовъ въ курганахъ доказываетъ болѣе раннее возникновеніе христіанства въ Прибалтійскомъ краѣ, чѣмъ это обыкновенно предполагается большинствомъ ученыхъ. С. С. Слущкій сообщилъ цѣлый рядъ собранныхъ имъ фактовъ, изъ коихъ и выводилъ, что христіанство было уже извѣстно въ X и XI вѣкахъ и занесено въ Эстонию русскими еще до прибытія въ край нѣмцевъ-католиковъ.

Императорское общество любителей древней письменности. — I. Въ засѣданіи 15-го марта А. К. Бороздинъ познакомилъ собраніе съ нѣкоторыми сочиненіями Андрея Денисова, изъ собранія Богданова, пріобрѣтеннаго Императорскою Публичною бібліотекой. Эти сочиненія замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ особенно сильно сказывается вліяніе на Денисова Кіевской духовной академіи; такъ, Денисовъ пріобрѣгаетъ не только къ доказательствамъ начетчиккаго характера, но и къ доказательствамъ отъ разума, да и отъ паствы своей требуетъ для основательныхъ разсужденій о чемъ нибудь извѣстнаго образованія; примѣромъ послѣдняго можетъ служить посланіе Денисова о написаніи иконъ, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что люди не ученые, не умѣющіе даже правильно писать, немогутъ судить объ иконномъ изображеніи, «кое хитро и по существу». Еще характернѣе вліяніе это сказывается въ другомъ сочиненіи Денисова «Толкованіе Россійскаго реченія «благочестіе», гдѣ путемъ грамматическаго анализа слова «благочестіе» доказывается возможность для раскольниковъ царемоленія. Въ заключеніе своего сообщенія г. Бороздинъ указалъ на «Посланіе къ паствѣ», которое было написано Денисовымъ при посылкѣ своимъ единовѣрцамъ на обсужденіе какого-то сочиненія, представляющаго изложеніе своей догматики секты и апологію ея; по мнѣнію г. Бороздина, это, вѣроятно, «Поморскіе отвѣты». Второе сообщеніе, Н. А. Смирнова, «Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси XVII вѣка», касалось сочиненія Семеона Полоцкаго подъ заглавіемъ «Книжица вопросомъ и отвѣтомъ, иже въ юности сущимъ зѣло потребви»; въ предисловіи къ книжицѣ Симеонъ говоритъ о значеніи семи свободныхъ искусствъ, то-есть затрогиваетъ вопросъ опасный для того времени на Москвѣ; текстъ книжицы представляетъ отвѣты на рядъ вопросовъ о составѣ человѣческомъ и о сотвореніи міра, о грамотѣ и ея строеніи, о вѣрѣ и преестествнномъ богословіи; по увѣренію г. Смирнова, отвѣты эти были взяты по преимуществу изъ сочи-

неній отцовъ церкви Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. Последнее сообщеніе было сдѣлано Хр. М. Лопаревымъ о посланіи русскихъ людей къ папѣ Сиксту IV въ XV вѣкѣ, сохранившемся въ рукописи XVI вѣка Московской Синодальной библиотеки. Г. Лопаревъ задался вопросомъ, имѣетъ ли это посланіе связь съ исторіей бракосочетанія Ивана III, и пришелъ къ тому выводу, что по времени о подобной связи не можетъ быть и рѣчи, и что посланіе не что иное, какъ лишь первая часть епистолии епископа смоленскаго Мисаила къ папѣ Сиксту 1476 г., изданной Игнатіемъ Поцѣмъ на русскомъ и польскомъ языкахъ; при всемъ томъ всѣ три текста, по замѣчанію г. Лопарева, разнятся другъ отъ друга. — II. Въ происходившемъ 5-го апрѣля годовомъ собраніи предсѣдатель сообщилъ о смерти члена-корреспондента общества А. К. Жизневскаго, а секретарь прочелъ некрологъ, въ которомъ кратко очертилъ ученую дѣятельность покойнаго, память котораго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ были прочтены годовой и денежный отчеты. Общество въ настоящее время обладает капиталомъ въ 37,550 рублей. Прочтенъ былъ также отчетъ о первомъ присужденіи премии имени А. М. Кожевникова и отзывъ А. Н. Пыпина о трудѣ Хр. М. Лопарева «Отрагительное писаніе противъ самоубійственныхъ смертей», удостоенномъ этой преміи. Затѣмъ Д. Θ. Кобеко познакомилъ собраніе съ «Посланіемъ Іерусалимскаго патріарха Іоакима къ великому князю Василію Васильевичу», XV вѣка. Это посланіе принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ разрѣшительныхъ отъ грѣховъ грамотъ и любопытно, какъ первое, съ котораго начались непосредственныя сношенія іерусалимскаго патріархата съ Москвою; въ посланіи заключается просьба патріарха о сборѣ пожертвованій, потребныхъ для выкупа церкви Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, пострадавшей отъ землетрясенія, и которую египетскій султанъ желалъ обратить въ мечеть. Это посланіе привезъ Іосифъ, нареченный патріархомъ въ митрополиты Кесаріи Филипповой, но поставленіе его въ этотъ санъ было совершено въ Москвѣ русскимъ митрополитомъ. Въ заключеніе засѣданія секретарь представилъ описаніе сборника рукописнаго, 1707 г., религиозно-нравственнаго содержанія. Этотъ сборникъ, нынѣ принадлежащій графу С. Д. Шереметеву, былъ написанъ для фельдмаршала Б. П. Шереметева іеромонахомъ Златоустова монастыря въ Москвѣ Іезекіилемъ; текстъ его украшенъ 25 гравюрами съ монограммой Альбрехта Дюрера и одной — работы Захарія Самуйловича; этой послѣдней гравюры нѣтъ въ перечисленіи Ровинскимъ работъ Самуйловича; всѣ гравюры относятся къ новозавѣтнымъ событіямъ, преимущественно къ страданіямъ Іисуса Христа. Рукопись въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, на верхней доскѣ котораго — чеканное изображеніе западноевропейскаго типа Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на задней доскѣ изображены преподобные пещерскіе угодники Антоній и Θεодосій, одной рукой поддерживающіе икону Знаменія, а въ другой держащіе по свитку. Въ томъ же засѣданіи было сообщено объ избраніи А. Н. Пыпина въ почетные члены, а о протоіерее К. Никольскаго и Г. В. Есипова — въ члены-корреспонденты общества.

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. По сведеніи и обревизованіи счетовъ и суммъ кассы за 1895 годъ оказалось, что въ наличности

состоитъ 12.754 р. 96¹/₄ коп. въ центральной кассѣ въ Петербургѣ и, сверхъ того, 118 р. 31 коп. за отдѣленіями (къ 1 января 1896 года). Не смотря на значительныя выдачи прошлаго года, приростъ суммъ кассы въ отчетномъ году равняется 3.078 р. 74¹/₂ коп., или болѣе 30 процентовъ. Пенсіонный капиталъ увеличился до 7.132 рубля 13 копеекъ. Въ настоящее время касса имѣетъ 402 члена (болѣе на 56, сравнительно съ 1895 годомъ), въ томъ числѣ въ московскомъ отдѣленіи 104, юрьевскомъ—49 и кievскомъ—40. Соответственно приросту членовъ увеличились и размѣры суммъ, выдаваемыхъ кассой по случаю смерти (семействамъ участниковъ) или по инвалидности (первый случай выдачи по инвалидности былъ въ прошломъ году). Въ 1896 году касса будетъ выдавать отъ 401 до 1.747 рублей, смотря по разрядамъ платежей участниковъ. Въ прошломъ году никто изъ участниковъ кассы не внесъ болѣе 12 рублей 10 копеекъ (обязательныхъ платежей), а около 100 лицъ внесли только по 3 рубля 30 копеекъ; выдано же кассой, при столь незначительныхъ взносахъ, 2.613 рублей 25 копеекъ (въ трехъ случаяхъ). При повышеніи разрядовъ платежей или при дальнѣйшемъ приростѣ членовъ касса получитъ возможность выдавать такія же суммы, какія получаются изъ страховыхъ обществъ. Пожертвованія для скорѣйшаго образованія пенсіоннаго фонда кассы принимаются отъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу обезпеченія русскихъ писателей.

† **А. П. Богдановъ.** 16-го марта, въ 10 часовъ вечера, скончался заслуженный профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ Богдановъ. Покойный оставилъ по себѣ прочную память въ цѣломъ рядѣ учреждений, возникшихъ благодаря его энергичнымъ инициативѣ или обязаннымъ значительнымъ своимъ развитіемъ его трудамъ и заботамъ. Это былъ выдающійся общественный дѣятель, обладавшій въ высокой степени организаторскимъ талантомъ, искусствомъ соединять разрозненныя силы и направлять ихъ къ общей дѣятельности на пользу научныхъ, научно-прикладныхъ и образовательныхъ цѣлей. А. П. Богдановъ родился 1 октября 1834 г. въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Взятый на воспитаніе Е. Ѳ. Татариновой, а по смерти ея, въ 1839 г., матерью ея, княгинею Г. Н. Кейкуатовой, онъ получилъ хорошее, по тому времени, домашнее воспитаніе и затѣмъ окончилъ курсъ въ воронежской гимназій съ серебряною медалью. Дальнѣйшее образованіе продолжалъ онъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1855 году, по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета первымъ кандидатомъ и получилъ серебряную медаль за сочиненіе по геологій. Въ 1856 г. выдержалъ экзаменъ на степень магистра зоологій и поступилъ преподавателемъ въ земледѣльческую школу Императорскаго общества сельскаго хозяйства, но уже въ слѣдующемъ, 1857-мъ году отправился (на свой счетъ) за границу для подготовленія къ профессорскому званію. Особенно благотворное вліяніе изъ профессоровъ оказалъ на А. П. К. Ф. Рулье, память котораго внослѣдствіи А. П. почтилъ обширною біографіей («К. Ф. Рулье и его предшественники»). За границей А. П. работалъ въ особенности въ Парижѣ, гдѣ сталъ заниматься, подѣ вліяніемъ И. Сентъ-Илера, подготовкой своей диссертациі «Цвѣтность пера птицъ» (М., 1858), главные результаты ко-

торой были изложены имъ также на французскомъ языкѣ (въ «Comptes Rendus», 1857 г., и въ «Трудахъ нар. біолог. общ.», 1858 г.). По возвращеніи въ Москву и по защитѣ диссертациі, А. П. былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ зоологіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1859 г. онъ опять отправился за границу, преимущественно для осмотра зоологическихъ садовъ и музеевъ, отчасти въ виду предполагавшагося тогда основанія зоологическаго сада въ Москвѣ. Еще въ 1856 г. А. П. сблизился съ С. А. Масловымъ и осуществилъ совмѣстно съ нимъ основаніе при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитета акклиматизаціи животныхъ и растений, въ тѣхъ же цѣляхъ, съ какими основалось незадолго до того общество акклиматизаціи въ Парижѣ. А. П. былъ первымъ ученымъ секретаремъ этого комитета, преобразованнаго впоследствии въ отдѣльное общество. Въ 1860-хъ годахъ А. П. сосредоточивается нѣкоторое время на зоологіи, издаетъ переводы обширнаго учебника зоологіи Бронна (*Protozoa Coelenterata*), «Сравнительно-анатомическихъ таблицъ» Каруса, ряда таблицъ для опредѣленія насекомыхъ, нѣсколько специальныхъ замѣтокъ, собственную зоологію и зоологическую хрестоматию; но въ то же время относится съ живымъ участіемъ и къ пробудившемуся тогда на Западѣ интересу къ антропологическимъ вопросамъ и начинаетъ раскопки кургановъ Московской губерніи, въ цѣляхъ собранія краіологическаго матеріала, способнаго бросить новый свѣтъ на вопросъ о сложении и образованіи среднерусскаго населенія. Въ то же время, сознавая необходимость въ созданіи въ Москвѣ русскаго общества для разработки естествознанія и антропологіи, онъ возбуждаетъ мысль объ основаніи такого общества и, при содѣйствіи профессоровъ Щуровскаго, Давидова, Попова и друг., осуществляетъ эту мысль, основывая при Московскомъ университетѣ «Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи». Въ то время въ Москвѣ не было никакихъ собраній, ни по антропологіи, ни по этнографіи; поэтому первое, на что обратилъ вниманіе общества А. П., было созданіе такихъ коллекцій, необходимыхъ для научнаго изученія типа и бытовыхъ особенностей русскаго населенія. Средствомъ къ тому было предложено А. П. устройство этнографической выставки, которая и была осуществлена лѣтомъ 1867 года, благодаря матеріальному содѣйствію В. А. Дашкова и трудамъ Н. А. Попова. Выставка эта оказалась по тому времени грандіозною, обратила общее вниманіе на новое общество, послужила поводомъ къ съѣзду въ Москвѣ представителей науки и литературы всѣхъ славянскихъ племенъ и затѣмъ положила основаніе постоянному этнографическому (Дашковскому) музею. Въ тотъ же годъ А. П. опубликовалъ свои «Матеріалы для антропологіи курганнаго племени Московской губерніи» и принесъ въ даръ университету собранныя имъ краіологическія коллекціи. Только что указанное сочиненіе послужило поводомъ къ признанію А. П. почетнымъ докторомъ (*honoris causa*). Въ 1867 г. А. П. снова отправился за границу, гдѣ работалъ въ лабораторіи профессора Лейкарта въ Гиссенѣ и на берегу моря, въ Неаполѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ А. П. подынялъ мысль о необходимости почтить предстоящее въ 1872 году двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго устройствомъ въ Москвѣ политехнической выставки, съ цѣлью, съ одной стороны, наглядно представить усѣбки, достигнутыя за послѣднее время

въ различныхъ областяхъ естествознанія и техники, а съ другой — положить основаніе музею прикладныхъ знаній въ Москвѣ. Предпріятіе это представлялось почти невозможнымъ по его трудности и требовавшимся громаднымъ средствамъ, но А. П. сумѣлъ убѣдить всѣхъ въ осуществимости этой мысли, умѣлъ привлечь къ дѣлу и людей знанія, и капиталистовъ, успѣлъ внушить довѣріе и правительственнымъ органамъ и, въ концѣ-концовъ, достигъ того, что казавшееся невозможнымъ получило блестящее осуществленіе. Многія изъ собранныхъ на этой выставкѣ коллекцій послужили потомъ къ обогащенію университетскихъ музеевъ; главная часть ихъ положила основаніе особому музею, для котораго впоследствии было исходатайствовано и мѣсто (у города), и средства (у казны), и который получилъ возможность дальнѣйшаго расширенія въ особомъ зданіи (на Лубянской площади), гдѣ нашло себѣ также пріютъ и общество любителей естествознанія, и многія другія ученые общества Москвы. Въ этомъ же зданіи, опять таки по инициативѣ А. П. Богданова, возникли первыя чтенія и объясненія коллекцій для народа, продолжающіяся до настоящаго времени. Наконецъ, въ томъ же музее нашель себѣ помѣщеніе туркестанскій отдѣлъ, созданный, главнымъ образомъ, трудами А. П. и О. А. Федченко, которыми, по инициативѣ общества и при содѣйствіи туркестанскаго генераль-губернатора фонъ-Кауфмана, была совершена первая и одна изъ наиболѣе важныхъ русская научная экспедиція для изслѣдованія Средней Азій. По окончаніи политехнической выставкы, въ 1873 году А. П. отправился опять за границу, специально для изученія морскихъ животныхъ въ Виллафранкѣ и Неаполѣ и для осмотра различныхъ зоологическихъ музеевъ и учреждений. Результатомъ этой поѣздки было значительное обогащеніе новыми коллекціями московскаго зоологическаго музея и новая постановка преподаванія зоологіи. Въ лабораторіи этого музея получили свою научную подготовку многіе специалисты, занимающіе теперь кафедры зоологіи въ Московскомъ, Петербургскомъ, Варшавскомъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Рядомъ съ зоологіей не переставала интересовать А. П. и антропология. Благодаря его стараніямъ, университету предоставленъ былъ К. А. фонъ-Меккомъ капиталъ для основанія кафедры этой науки; съ другой стороны, въ цѣляхъ собранія необходимыхъ коллекцій, было задумано устройство новой антропологической выставкы, которая и была осуществлена лѣтомъ 1879 года, и въ результатѣ которой явился цѣлый рядъ антропологическихъ изслѣдованій (главнымъ образомъ, самого же А. П.) и новый антропологическій музей, помѣщенный впоследствии въ зданіи историческаго музея. Важное участіе было принято также А. П. (въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ) въ дѣлѣ устройства зоологическаго сада, въ устройствѣ выставокъ пчеловодства, въ развитіи дѣятельности комитета шелководства, наконецъ — въ международныхъ сѣздахъ по антропологии и доисторической археологии и зоологіи, которые въ 1892 году имѣли свои сессіи въ Москвѣ. Вліянію А. П. обязаны также своимъ учрежденіемъ премія по физикѣ, химіи, зоологіи, антропологии и этнографіи, основанныя при обществѣ любителей естествознанія и при указанныхъ выше международныхъ конгрессахъ. Наконецъ, на VIII сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ 1889—1890 годахъ А. П. было внесено предложеніе объ основаніи русской ассоціаціи

для развитія наукъ, съ предоставленіемъ и первыхъ средствъ для осуществленія этой идеи. Изъ напечатанныхъ трудовъ А. П., кромѣ указанныхъ выше, слѣдуетъ отмѣтити «Медицинскую зоологію», задуманную широко, но которой вышли только 1-й томъ и 1-й выпускъ 2-го тома; «Лѣтопись зоологическихъ трудовъ общества любителей естествознанія въ первое двадцатипятилѣтіе», многія краініологическія изслѣдованія (до 40) и изданные имъ «Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи» (4 тома). Энергическая организаторская дѣятельность А. П. сдѣлала его имя извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Онъ былъ почетнымъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ, почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго университета и т. д.; онъ былъ также избираемъ въ вице-президенты на нѣсколькихъ иностранныхъ международныхъ конгрессахъ. Особенно тѣсно была связана его дѣятельность съ Московскимъ университетомъ, зоологическимъ музеемъ, обществомъ любителей естествознанія и его зоологическимъ и антропологическимъ отдѣлами, политехническимъ музеемъ и обществомъ акклиматизаціи. Его инициативой, трудами и стараніями были осуществлены многія крупныя предпріятія этихъ обществъ и цѣлый рядъ ученыхъ изданій, созданы вновь или преобразованы многіе научные музеи, учрежденъ рядъ премій для поощренія молодыхъ ученыхъ, подготовленъ рядъ спеціалистовъ по зоологіи, осуществлены многія научныя экспедиціи, положены первыя прочныя основанія для развитія антропологіи и нѣкоторыхъ отраслей прикладной зоологіи въ Россіи, наконецъ— возбужденъ вопросъ объ ассоціаціи русскихъ натуралистовъ для содѣйствія развитію русскаго естествознанія.

† **И. Н. Березинъ.** 22-го марта въ С.-Петербургѣ скончался заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. с. Илья Николаевичъ Березинъ, приобрѣвшій извѣстность у большой публики, какъ издатель и составитель «Русскаго Энциклопедическаго Словаря», который до сихъ поръ сохраняетъ за собою названіе «Словаря Березина». Покойный, сынъ горнаго чиновника, родился въ 1818-мъ году на Юго-Камскомъ заводѣ въ Пермской губерніи. Послѣ домашняго воспитанія онъ получилъ первоначальное образованіе въ пермской гимназіи и поступилъ въ Казанскій университетъ. По окончаніи курса со степенью кандидата по восточному отдѣленію историко-филологическаго факультета, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорской каедрѣ. Въ 1841-мъ году И. Н. получилъ степень магистра восточной словесности и вслѣдъ затѣмъ былъ отправленъ на счетъ университета съ научными цѣлями въ трехлѣтнее путешествіе по Востоку, Персіи, Аравіи, Египту и Турціи. Отчеты о его научныхъ занятіяхъ за это время печатались въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета». По возвращеніи изъ путешествія, И. Н. въ 1846-мъ году былъ опредѣленъ и. д. экстра-ординарнаго профессора Казанскаго университета по каедрѣ турецкаго языка, которую и занималъ въ теченіе девяти лѣтъ. Съ открытіемъ въ 1855-мъ году факультета восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ университетѣ покойный изъ Казани былъ переведенъ въ Петербургъ и. д. ординарнаго профессора по каедрѣ турецко-татарской словесности. Въ 1864-мъ году И. Н. послѣ защиты

диссертации «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» былъ удостоенъ степени доктора восточной словесности. Главные труды его относятся къ работкѣ исторіи монголовъ по подлиннымъ документамъ и восточнымъ авторамъ; къ этимъ трудамъ принадлежатъ: «Ханскіе ярлыки» (4 выпуска); «Библиотека восточныхъ историковъ» (3 тома); въ первомъ томѣ этого труда напечатана отысканная Березинимъ исторія монголовъ и турокъ на джагатайскомъ нарѣчій, подъ названіемъ «Шейбани-Наме», съ русскимъ переводомъ, примѣчаніями и дополненіями; «Исторія монголовъ», сочиненіе Решидъ-Эддина, персидскій текстъ, съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями (5 томовъ). Кромѣ того, имъ были изданы: «Грамматика персидскаго языка» (въ 3-хъ частяхъ); «Описаніе турецко-татарскихъ рукописей въ с.-петербургскихъ библиотекахъ» и «Дополненія къ турецкой грамматикѣ, изданной Каземъ-Беккомъ»; оба послѣдніе труда были переведены Ценкеромъ на нѣмецкій языкъ; «Путешествіе по Дагестану и Закавказью»; «Путешествіе по сѣверной Персіи»; «Турецкая христоматія» (2 тома); «Народныя пословицы турецкаго племени»; монографіи: «О нашествіи Багъы на Россію»; «Вулгары на Волгѣ» и др. На французскомъ языкѣ покойный издалъ: «Recherches sur les dialectes persans»; «Catalogue des monnaies et des medailles du Cabinet numismatique de l'université de Casan»; «Guide du voyageur en Orient. Dialogues arabes»; «Système des dialectes Turcs». Помимо перечисленныхъ ученыхъ работъ, П. Н. напечаталъ массу замѣтокъ, статей и рецензій въ периодическихъ изданіяхъ: «Москвитянинъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Библиотекѣ для чтенія», «Современникѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Цѣннымъ, имѣвшимъ большое общественное значеніе и не потерявшимъ его и теперь, трудомъ покойнаго П. Н. Березина является изданный имъ въ 16-ти томахъ «Русскій энциклопедическій словарь», вышедшій въ періодъ съ 1872-го по 1879-й годъ. Это былъ, собственно говоря, первый серьезный опытъ русскаго энциклопедическаго справочнаго изданія, которое удалось довести до конца. Въ 1883—1884 годахъ онъ выпустилъ два тома «Новаго Энциклопедическаго словаря», который намѣревался по изложенію и стоимости сдѣлать общедоступнымъ. Подробная біографія Березина съ перечнемъ его сочиненій напечатана въ «Histoire des Orientalistes de l'Europe», par Dugat.

† **С. В. Назаревскій.** 3 апрѣля въ Москвѣ скончался на 48-мъ году жизни, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, помощникъ правителя дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати Сергій Владиміровичъ Назаревскій. Покойный, одинъ изъ первыхъ магистровъ Московской духовной академіи, началъ свою службу въ 1871 году преподавателемъ богословскихъ наукъ въ Смоленской семинаріи, гдѣ былъ избранъ ея инспекторомъ, а затѣмъ въ Вианской семинаріи, гдѣ состоялъ преподавателемъ греческаго языка и основнаго богословія въ среднихъ и высшихъ классахъ. Отсюда онъ былъ приглашенъ М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ въ секретари редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Пользуясь особымъ довѣріемъ издателей, покойный принималъ близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ ихъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» онъ помѣщалъ не мало передовыхъ статей по разнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, о борьбѣ государства съ церковью въ Германіи, о ста-

рокатоличество, православии въ Балтійскомъ краѣ, организаціи нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, о церковномъ хозяйствѣ и проч. Въ 1876 году С. В. опредѣленъ на службу по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи по дѣламъ печати, съ откомандированіемъ, на правахъ цензора, въ комитетъ иностранной цензуры; съ 1877 г. исполнялъ обязанности помощника правителя дѣлъ главнаго управления по дѣламъ печати, а въ 1882 г. утвержденъ въ этой должности.

† **А. К. Жизневскій.** 19 марта въ Твери скончался извѣстный археологъ и директоръ-основатель Тверскаго историческаго музея, управляющій тверскою казенною палатой, тайный совѣтникъ Августъ Казиміровичъ Жизневскій. Покойный—старѣйшій питомецъ Московскаго университета, окончившій курсъ въ 1841 году по отдѣленію естественныхъ наукъ, принадлежалъ къ числу мѣстныхъ старожилъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей Тверской старины. Если идея учрежденія губернскихъ архивныхъ комиссій принадлежала покойному Н. В. Калачову, то осуществленіе ея въ дѣйствительной жизни и созданіе такой комиссіи, которая послужила прототипомъ для всѣхъ остальныхъ,—несомнѣнно составляетъ заслугу А. К. Жизневскаго. Несмотря на свой преклонный возрастъ (покойный скончался на 78-мъ году своей жизни), на обширныя занятія по службѣ и въ мѣстномъ благотворительномъ учрежденіи «Доброхотной копейки», А. К. находилъ и время и возможность организовать архивную комиссію на такихъ началахъ, которыя поставили ее почти наравнѣ съ учеными археологическими обществами. Почти исключительно на его личныя средства въ Твери былъ созданъ замѣчательный историческій музей, и имъ же составлено научное описаніе этого музея; изданы, благодаря содѣйствію покойнаго графа Уварова, множество брошюръ и отдѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ мѣстной исторіи и археологіи. Его многочисленныя описанія древнихъ предметовъ,—иконъ, монетъ, рукописей, изразцовъ и памятниковъ каменнаго вѣка, находящихся въ Тверскомъ музеѣ,—были напечатаны въ «Древностяхъ», изданіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Отдѣльно же вышли слѣдующіе его труды: «Древній архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря» (М., 1879, 98 стр.) и «Описаніе Тверскаго музея» (М., 1888, 242—XVIII стр.). За свои изслѣдованія покойный К. К. Жизневскій былъ избранъ въ дѣйствительные члены Московскаго археологическаго общества (со 2 ноября 1873 года).

† **Н. Г. Ершовъ.** 12-го марта въ Москвѣ скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни бывшій редакторъ «Ученыхъ трудовъ и изданій русскаго энтомологическаго общества» Николай Григорьевичъ Ершовъ. Покойный родился 23-го апрѣля 1837 году въ Москвѣ въ купеческой семьѣ, но съ 1846 г. жилъ постоянно въ Петербургѣ, куда переселились его родители. Начальное образованіе онъ получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Э. Гирана, въ которомъ, подъ руководствомъ преподавателя пансіона, хранителя энтомологическихъ коллекцій зоологическаго музея академіи наукъ, Э. Менетріе, занимался зоологіею. Особенно заинтересовала его энтомологія, и онъ съ любовью сталъ изучать и собирать бабочекъ. Н. Г. хотѣлъ поступить въ университетъ;

но по желанію отца, который желалъ, чтобы его старшій сынъ былъ купцомъ, остался въ купеческомъ сословіи. Тѣмъ не менѣе онъ нѣкоторое время слушалъ лекціи зоологіи и химіи въ Императорской медико-хирургической академіи, первой у академика Брандта, второй у академика Н. Н. Зинина; имѣлъ возможность встрѣчаться и войти въ сношенія со всѣми петербургскими энтомологами; кромѣ того, для знакомства съ выдающимися энтомологами и лучшими заграничными собраніями онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Германію, Францію, Австрію и Англію. Когда основалось русское энтомологическое общество, Н. Г. поступилъ въ число его членовъ и здѣсь проявилъ значительную энергію. Онъ исполнялъ въ 1866 г. обязанности библиотекаря, съ 1866 г. по 1875 г. былъ казначеемъ, а съ 1876 года по 1888 г. редакторомъ изданій общества. Множество сочиненій его помѣщено въ изданіяхъ нашего энтомологическаго общества. Онъ описалъ въ извѣстномъ изданіи «Путешествіе въ Туркестанъ А. Б. Федченко» собранныхъ этимъ ученымъ бабочекъ. Въ Лондонѣ Н. Г. издалъ на французскомъ языкѣ каталогъ бабочекъ окрестностей С.-Петербурга. Имъ же подготовлены и напечатаны оказавшіяся въ бумагахъ С. М. Сольскаго матеріалы по описанію новыхъ или малоизвѣстныхъ видовъ жесткокрылыхъ съ окраинъ Россійской имперіи. Изъ статей его, напечатанныхъ въ трудахъ энтомологическаго общества, назовемъ составленный имъ вмѣстѣ съ А. А. Фильдомъ «Каталогъ чешуекрылыхъ Россійской имперіи». Предисловіе и примѣчанія къ нему написаны исключительно Н. Г. Ершовымъ. Вообще имъ описано и опредѣлено множество новыхъ видовъ русскихъ чешуекрылыхъ насекомыхъ, особенно изъ Сибири и Туркестана. Н. Г. принадлежала одна изъ лучшихъ въ Россіи коллекцій чешуекрылыхъ.

† **О. И. Мартынова.** 19-го марта въ С.-Петербургѣ скончалась писательница Ольга Петровна Мартынова, писавшая подъ псевдонимомъ Ольги Павловой. Покойная начала свою литературную дѣятельность въ «Лучахъ» и «Звѣздочкѣ» Ишимовой переводами съ иностранныхъ языковъ; ей принадлежитъ, помимо переводовъ, рядъ оригинальныхъ стихотвореній и рассказовъ. Много лѣтъ подъ рядъ она работала въ газетахъ: «Сѣверной Пчелѣ» Греча, гдѣ вела политическій отдѣлъ, «Вѣсти», «Новомъ Времени» Юматова и Киркора и «Сынъ Отечества» Старчевскаго и въ послѣднее время въ изданіяхъ г. Голице. Въ послѣдніе дни, хотя и разбитая параличемъ, она сдала свой переводъ одного изъ романовъ Вальтеръ-Скотта въ редакцію «Собранія иностранныхъ романовъ». Покойная получала пенсію изъ капитала пмени Императора Николая II.

† **С. В. Пругавинъ.** Въ первой половинѣ марта, въ Москвѣ, въ городской психіатрической лѣчебницѣ на Канатчиковой дачѣ скончался писатель и статистикъ Викторъ Степановичъ Пругавинъ. Покойный, уроженецъ Архангельской губерніи, гдѣ отецъ его былъ инспекторомъ училищъ, родился 12-го января 1858 года, обучался въ архангельской гимназіи, которую окончилъ съ золотой медалью въ 1875 г., и въ томъ же году поступилъ въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 г. Въ слѣдующемъ же 1880 г. В. С. принялъ предложеніе особой комиссіи, существовавшей въ то время въ Москвѣ для изслѣдованія кустарной промышленности подъ предѣлательствомъ бывшаго генераль-губернатора князя В. А.

Долгорукова, — предложеніе изслѣдовать кустарные промыслы крестьянскаго населенія Владимірской губерніи. На обязанности этой комиссіи между прочимъ лежало устройство кустарнаго отдѣла на всероссійской промышленной выставкѣ 1882 г. В. С. съ увлеченіемъ отдался дѣлу изслѣдованія и изученія условій народной жизни. Результатомъ этой работы явилось нѣсколько томовъ «Промысловъ Владимірской губерніи»: В. С. принималъ также дѣятельное участіе въ устройствѣ кустарнаго отдѣла на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. Подробному описанію этого отдѣла онъ посвятилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей, которыя затѣмъ вышли особой брошюрой подъ заглавіемъ: «Кустарь на выставкѣ 1882 года». Брошюра эта заключаетъ въ себѣ обзоръ кустарной промышленности Россіи по изслѣдованіямъ частныхъ лицъ, различныхъ земствъ и правительственныхъ комиссій. Въ теченіе 1883 и первой половины 1884 года В. С. продолжалъ изслѣдованіе экономическаго положенія сельскаго населенія Владимірской губерніи. На основаніи собранныхъ матеріаловъ онъ издалъ въ 1884 г. книгу: «Сельская община, кустарные промыслы и земледѣльческое хозяйство Юрьевского уѣзда Владимірской губерніи». Лѣтомъ 1884 г., съ цѣлью изслѣдованія сельской земельной общины въ поволжскихъ губерніяхъ, В. С. предпринялъ поѣздку по Волгѣ, причѣмъ посѣтилъ Симбирскую, Самарскую и Саратовскую губерніи. Отчетъ объ этой поѣздкѣ онъ напечаталъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1885 г. Въ концѣ 1884 г., по предложенію екатеринославскаго земства, В. С. занялъ мѣсто завѣдующаго земскимъ статистическимъ бюро Екатеринославской губерніи. Тѣ немногіе часы, которые оставались у него свободными отъ занятій по должности завѣдующаго статистическимъ бюро, В. С. употреблялъ на составленіе статей по экономическимъ вопросамъ народной жизни, которыя помѣщены въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и друг. изданіяхъ. Многія изъ этихъ статей вошли въ послѣдній его трудъ о русской земельной общинѣ, изданный въ 1888 году. Усиленные труды подорвали здоровье В. С.; крайнее переутомленіе прежде всего сказалось въ разстройствѣ нервной системы. Оставивъ Екатеринославъ, онъ переѣхалъ въ Москву; здѣсь на первыхъ порахъ онъ почувствовалъ себя лучше, но вскорѣ недугъ возобновился съ новой силой. Послѣднія шесть-семь лѣтъ В. С. былъ уже неизлѣчимымъ больнымъ.

† **Н. Л. Ширлевъ.** 19-го марта скончался въ Царскомъ Селѣ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Правительственнаго Вѣстника» Николай Лаврентьевичъ Ширлевъ. Покойный родился 18-го августа 1853 года, воспитаніе получилъ домашнее, нѣсколько лѣтъ посвятилъ государственной службѣ, а въ послѣднее время занимался литературными работами. Съ 1892 г. и до послѣднихъ дней Н. Л. сотрудничалъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Долголѣтнія занятія покойнаго отечественною исторіею сказались въ цѣломъ рядѣ статей, очерковъ и замѣтокъ, помѣщенныхъ на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника», «Историческаго Вѣстника», «Нивы» и другихъ, главнымъ образомъ, иллюстрированныхъ изданій. Покойный оставилъ въ рукописи, какъ сообщаетъ «Правительственный Вѣстникъ», любопытный трудъ, въ которомъ собраны свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ по днѣшнѣ Русской земли

памятникахъ. Въ послѣднее время Н. Л. не мало труда посвятилъ собиранію матеріаловъ для исторіи кавалергардскаго полка, въ виду исполняющагося столѣтія его существованія.

† **Г. М. Веселовскій.** 18-го марта въ Воронежѣ скончался на шестидесятомъ году жизни редакторъ газеты «Донъ», Григорій Михайловичъ Веселовскій. Уроженецъ Саратовской губерніи, покойный получилъ высшее образованіе въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ которомъ былъ товарищемъ, между прочимъ, Н. А. Добролюбова. Въ годъ окончанія курса (1859 г.) Веселовскій пріѣхалъ въ Воронежъ и поступилъ учителемъ въ губернскую мужскую гимназію. Вся его дѣятельность затѣмъ принадлежала Воронежу и Воронежскому краю. Пребываніе его въ гимназіи было очень непродолжительно: въ 1864 году онъ вышелъ въ отставку, оставивъ о себѣ память, какъ о хорошемъ педагогѣ и въ гимназіи и въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ въ теченіе нѣкотораго времени читалъ лекціи по статистикѣ и политической экономіи. По выходѣ изъ гимназіи, Г. М. въ теченіе двухъ лѣтъ (1865—1867 г.) былъ редакторомъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и газеты «Воронежскій Листокъ», а въ 1868 г. издавалъ газету «Донъ», редакторомъ которой (за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ) оставался до послѣднихъ дней своей жизни. Главною своею задачею, какъ редактора провинціальной газеты, Г. М. поставилъ возможно болѣе полное изображеніе этой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ своевременные отзывы на мѣстные текущіе вопросы. Съ введенія въ Воронежъ новаго городского положенія, Г. М. состоялъ много четырехлѣтій гласнымъ думы и одно—членомъ городской управы, земскимъ уѣзднымъ гласнымъ и членомъ губернскаго статистическаго комитета.

† **В. Л. Берманъ.** 6-го марта въ Каирѣ скончался помощникъ присяжнаго повѣреннаго Василій Лазаревичъ Берманъ. Онъ умеръ 34 лѣтъ отъ чухотки, вызвавшей въ прошломъ году переѣздъ его въ Египетъ. По окончаніи съ золотомъ медалью курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Берманъ вступилъ въ число членовъ мѣстной адвокатуры. Онъ принималъ близкое участіе въ трудахъ комиссій, избранной присяжной адвокатурой съ цѣлью переустройства сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, и четыре раза былъ избираемъ въ члены комиссій помощниковъ, а въ 1891 г. ея председателемъ. Независимо отъ своей профессиональной дѣятельности Берманъ, будучи человекомъ широко образованнымъ, отлично знакомымъ съ западно-европейской и русской литературой, и самъ не былъ чуждъ литературѣ; помимо нѣсколькихъ трудовъ юридическаго содержанія, онъ, во время своихъ частыхъ поѣздокъ за границу, писалъ корреспонденціи въ русскія газеты.

† **А. С. Размадзе.** Въ Москвѣ 14-го марта послѣ непродолжительной болѣзни скончался бывшій профессоръ московской консерваторіи и музыкальный критикъ Александръ Соломоновичъ Размадзе. Покойный родился въ Пензѣ въ 1845 году; по окончаніи курса мѣстной гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ и одновременно серьезно занялся музыкой. Музыкальное образованіе свое онъ завершилъ въ лейпцигской консерваторіи подъ руководствомъ Мошелесса, Гауптама и др. По возвращеніи въ Россію Размадзе былъ приглашенъ профессоромъ въ московскую консерваторію, гдѣ оставался, однако,

не долго. На поприщѣ музыкальнаго творчества покойный Размадзе сравнительно мало работалъ; изъ его композицій для рояля и цѣнія наибольшимъ успѣхомъ пользовались «Кобзарскія пѣсни». Гораздо больше трудился Размадзе въ области музыкальной критики, участвовалъ въ разныхъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Курьерѣ», гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ систематически музыкальный критическій отдѣлъ. Онъ также редактировалъ издававшійся въ Москвѣ «Музыкальный Вѣстникъ». Наиболѣе крупнымъ литературнымъ трудомъ покойнаго явились «Очерки исторіи музыки» — книжка, вышедшая въ 1888 г. и въ виду бѣдности изслѣдованій по исторіи музыки не потерявшая своей цѣны и въ настоящее время, не смотря на свой компилятивный характеръ. Въ послѣдніе годы покойный служилъ въ московской городской управѣ и уже не участвовалъ — по крайней мѣрѣ подъ своимъ именемъ — въ періодической печати.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Наставникъ царскихъ дѣтей Гриммъ.

Читая въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» интересную статью о наставникѣ царскихъ дѣтей Я. К. Гротѣ, я припомнилъ изъ моего педагогическаго прошлаго небольшой эпизодъ — свою мимолетнюю встрѣчу съ преемникомъ Грота, Гриммомъ. Это было въ концѣ 1850-хъ годовъ и въ первый годъ моего изданія «Журнала для воспитанія», когда меня неожиданно посѣтилъ одинъ мой давнишній знакомый того времени, когда я служилъ въ С.-Петербургскомъ Сиротскомъ Николаевскомъ институтѣ, чиновникъ придворной конторы. Онъ явился сообщить мнѣ о томъ, что г. Гриммъ очень желаетъ со мной познакомиться, и что, такъ какъ послѣдній ищетъ себѣ помощника, то, можетъ быть, онъ и желаетъ предложить мнѣ такую должность. Затѣмъ, такъ какъ Гриммъ очень связанъ своими обязанностями, и въ настоящее время великіе князья находятся въ Царскомъ Селѣ, то и просить меня пожаловать туда.

Посвятивъ всего себя своему журналу и довольный своимъ настоящимъ, я нисколько не прельщался перспективой очутиться въ должности какого-то субъ-наставника, тѣмъ менѣе, что я всегда свою независимость цѣнилъ дороже всякой служебной карьеры. Не смотря на то, я не пожелалъ упустить случай узнать поближе личность, которая, по выраженію моего бывшаго уважаемаго сотрудника Я. К. Грота, «почему-то слыла отличнымъ педагогомъ». Условившись съ моимъ обязательнымъ знакомымъ относительно дня и часа, пріѣхалъ я въ Царское Село и явился на половину великихъ князей. Первое впечатлѣніе было не изъ очень пріятныхъ. Я замѣтилъ тамъ какую-то необыкновенную

суетно и бѣготню служащихъ, чѣмъ-то крайне озабоченныхъ, точно случилось какое несчастье. Мой любезный знакомый объяснилъ мнѣ, что вся эта суматоха есть слѣдствіе только что полученной депеши, потребовавшей немедленнаго пріѣзда въ Гатчину великихъ князей, помнится, для охоты. Появившійся затѣмъ Гриммъ, извиняясь слѣшностью отъѣзда, попросилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ и этими словами ограничился весь нашъ разговоръ, происходившій, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ русскаго онъ не зналъ.

Еще не успѣвъ узнать, насколько мнѣ желательно состоять при немъ въ роли «подручнаго», «отличный педагогъ» разговаривалъ со мной тономъ начальника и, какъ это обыкновенно бываетъ съ нѣмецкими выскочками, корчилъ изъ себя важную особу.

Весь этотъ инцидентъ произвелъ на меня очень дурное впечатлѣніе, и я тутъ же на мѣстѣ рѣшилъ, что мой первый визитъ къ Гримму былъ и послѣднимъ.

Желая меня, повидимому, нѣсколько утѣшить, мой знакомый, сконфуженный своимъ неудачнымъ посредничествомъ, предложилъ мнѣ посѣтить тутъ же находящагося наставника великихъ князей, по военной части, генерала Гогеля. Тамъ напелъ я болѣе любезный пріемъ: указавъ на лежавшую на столѣ книжку моего журнала, какъ я замѣтилъ еще не разрѣзанную, генералъ отозвался о моемъ изданіи въ крайне лестныхъ выраженіяхъ, но, вѣроятно, желая выказать свой интересъ къ нему, очень некстати, пожалѣлъ о неаккуратномъ выходѣ книжекъ «Журнала для воспитанія». Мнѣ стоило только обратить его вниманіе на обертку книжки, на коей всегда обозначался выходъ ея постоянно перваго числа мѣсяца (а иногда и раньше), но, не желая смущать ревностнаго читателя, я перешелъ къ другимъ предметамъ.

Кстати замѣчу, что присутствіе педагогическаго изданія въ гостиной генерала Гогеля меня нисколько не удивило, такъ какъ мой журналъ выписывался для высочайшаго двора въ числѣ 20 экземпляровъ. Да, тогда еще была мода на педагогику, тогда какъ въ концѣ 1860-хъ годовъ мода эта, какъ изволилъ выразиться одинъ министръ народнаго просвѣщенія, «уже прошла».

А. Ч—ковъ.

II.

Отвѣтъ г. Кузнецову-Красноярскому.

Въ напечатанномъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» отвѣтъ на мою статью о старцѣ Фѣдорѣ Кузьмичѣ, помѣщенную въ этомъ журналѣ въ іюль мѣсяцѣ 1895 года, г. Кузнецовъ-Красноярскій, неизвѣстно почему, принялъ на себя трудъ доказывать то, что давно извѣстно, а именно— что бродяги называютъ себя вымышленными именами, объявляютъ безграмотными, прибавляютъ лѣта, мѣняются (именами) во время слѣдованія по этапу. Все это было бы умѣстно еще въ томъ случаѣ, если бы въ статьѣ моей утверждалось, что бродяга Фѣдоръ Кузьмичъ показаніе о себѣ далъ не вымышленное и не могъ быть другою личностью, которую по тѣмъ или другимъ причи-

намъ скрывалъ подъ этимъ именемъ. Между тѣмъ въ этой статьѣ излагались только обстоятельства задержанія неизвѣстнаго человѣка въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, описаніе его наружныхъ примѣтъ и сущность показанія, даннаго имъ при слѣдствіи, и рѣшеніе тамошняго уѣзднаго суда, которымъ человѣкъ этотъ, назвавшійся Ѳеодоромъ Кузьминымъ—Кузьминимъ же, не помнившимъ своего родопроисхожденія, осужденъ какъ бродяга, наказанъ плетью и 13-го октября 1836 г. отправленъ изъ Красноуфимска въ Томскъ, куда доставленъ 7-го декабря того же года, а 11-го числа этого мѣсяца высланъ далѣе въ Сибирь. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ извѣстныя изъ официальныхъ документовъ, дѣйствительно не могутъ подлежать сомнѣнію по отношенію къ бродягѣ Ѳеодору Кузьмину не только съ одной формальной точки зрѣнія, какъ замѣчаетъ г. Кузнецовъ-Красноярскій, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что подъ этимъ же названіемъ Кузьминъ слѣдовалъ далѣе въ Сибирь по этапу, а затѣмъ, какъ оказалось впоследствии, поселенъ въ Томской губерніи, гдѣ и проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ, въ томъ числѣ у томскаго жителя Хромова.

Обращаясь, затѣмъ, къ послѣдней части отвѣта г. Кузнецова-Красноярскаго, я долженъ прежде всего сказать, что въ статьѣ своей, приводя официальные факты о бродягѣ Ѳеодорѣ Кузьминѣ, опровергающіе сообщенное въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» извѣстіе, будто бы старецъ Ѳеодоръ Кузьминъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе по его просьбѣ и прибылъ въ Томскъ въ 1844 году, въ 42 лѣтъ,—свѣдѣній объ этомъ не приписывалъ автору статьи, а выражалъ лишь недовѣріе къ этимъ свѣдѣніямъ, изъ какихъ бы источниковъ они ни были извлечены. Что же касается до заявленія г. Кузнецова-Красноярскаго, что объясненную статью онъ писалъ на основаніи письменныхъ документовъ и вездѣ дѣлалъ на нихъ ссылки, и что поэтому правильнѣе было бы дѣлать поправки къ этимъ документамъ, то мнѣ остается только указать на тѣ источники, которыми руководился г. Кузнецовъ-Красноярскій при составленіи статьи о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьминѣ. Это — рукопись, неизвѣстно кѣмъ составленная и заключающая въ себѣ, по предположенію автора статьи, не что иное, какъ показанія, отобранныя отъ мѣстныхъ жителей кѣмъ либо изъ волостныхъ властей, и записки Хромова, вѣроятно, того самаго, у котораго проживалъ Ѳеодоръ Кузьминъ и который считалъ его какимъ-то высшимъ существомъ и относился къ нему, очевидно, не безпристрастно, описывая въ запискахъ разные чудеса, исцѣленія, небесныя знаменія и явленія, имѣвшія отношеніе къ старцу. И этимъ-то рукописи и запискамъ г. Кузнецовъ-Красноярскій придаетъ громкое названіе документовъ, то-есть такихъ актовъ, которые обладаютъ полною достоверностью! Между тѣмъ несостоятельность ихъ въ отношеніи обстоятельствъ и времени ссылки въ Сибирь Ѳеодора Кузьмина доказана уже фактами, приведенными въ статьѣ моей, напечатанной въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», но для большей иллюстраціи этихъ, такъ называемыхъ, документовъ считаю необходимымъ привести здѣсь слѣдующій разсказъ изъ статьи г. Кузнецова-Красноярскаго о старцѣ Кузьминѣ. «Находясь съ двумя товарищами въ одномъ городѣ, онъ признанъ былъ за великаго человѣка, снова былъ

взять съ своими спутниками и посаженъ въ острогъ, но такъ какъ начальство никакой вины ни за нимъ, ни за его товарищами не нашло, то и предложило имъ выйти на свободу. Спутники его согласились на это и были изъ тюрьмы выпущены, но старецъ не согласился и остался въ острогѣ. Объ этомъ было дано знать императору Николаю Павловичу, и по его распоряженію въ тотъ городъ былъ посланъ секретно великій князь Михаилъ Павловичъ, который по пріѣздѣ отправился къ Федору Кузьмичу въ тюрьму и, разсердившись, по своему горячему праву хотѣлъ за это строго наказать власти, но старецъ уговорилъ великаго князя оставить дѣло безъ послѣдствій и просилъ только, чтобы его осудили въ Сибирь на поселеніе подъ именемъ Федора Кузьмича. Просьба старца была исполнена».

Такой фантастическій рассказъ, гдѣ людей, ни въ чемъ не обвиняемыхъ, сажаютъ въ тюрьмы, освобождаютъ изъ нихъ и даже ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе по одному ихъ желанію и просьбѣ, пригоденъ скорѣе для какой либо сказки, но никакъ не для статьи, задавшейя, повидимому, изслѣдованіемъ загадочной личности Федора Кузьмина.

О. Н. Кузовниковъ.

Поправка. Въ статьѣ барона Л. Л. Зедделера «Двадцать лѣтъ тому назадъ» на стр. 481, въ 3-й строкъ сверху, сдѣлана переписчикомъ слѣдующая описка: сказано «на правомъ берегу Дуная» вмѣсто «на лѣвомъ берегу Эльбы».

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТЕРПИГОРЕВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 15 МАР. 1896 Г.

чѣмъ нельзя утѣшить. Нѣтъ никакой возможности оторвать ее отъ того мѣста, гдѣ лежитъ тѣло моего брата и моего племянника. Когда мы силой оттаскиваемъ ее оттуда, она опять возвращается. Она вмѣстѣ съ моей сестрой и вдовой брата представляютъ раздирающую картину; онѣ не хотятъ ничего ѣсть и даже заговариваются.. Сегодня вечеромъ намъ удалось наконецъ отвести ихъ въ безопасное мѣсто и накормить. Мариквилья, какъ тяжело моей семьѣ! Неужели Господь не пошлетъ намъ лучшихъ дней?

— Пошлетъ,— отвѣтила Мариквилья,— сердце говоритъ мнѣ, что мы пережили уже самое тяжелое, и что для насъ скоро настанутъ счастливые дни. Сегодня утромъ я была въ Пиларскомъ соборѣ; когда я опустилась на колѣни передъ Богоматерью, то мнѣ показалось, что она на меня взглянула и улыбнулась. Потомъ я вышла изъ церкви, и сердце мое радостно забилося. Я глядѣла на небо и смотрѣла на бомбы, какъ на игрушки; при взглядѣ на раненыхъ мнѣ казалось, что всѣ они выздоровѣли, и что всѣмъ попадавшимся навстрѣчу людямъ такъ же весело, какъ и мнѣ. Я не знаю, что со мной дѣлается сегодня, но я довольна. Господь и Богородица, должно быть, вспомнили о насъ, и эта радость проникла въ мое сердце, потому что скоро все кончится, и послѣ столькихъ слезъ мы будемъ счастливы.

— Ты говоришь сущую правду,— сказалъ Августинъ, нѣжно прижимая дѣвушку къ своей груди.— Твои предчувствія справедливы, твое чистое сердце не можетъ обмануться. Слушая тебя, мнѣ кажется, что всѣ невзгоды окончились, и что начинается пора счастья. Я надѣюсь, что твой отецъ не будетъ противъ твоего брака.

— Мой отецъ добръ,— сказала Мариквилья.— Я думаю, что еслибъ люди не издѣвались такъ надъ нимъ, онъ былъ бы мягче. Но его не могутъ видѣть равнодушно. Еще сегодня вечеромъ его опять оскорбили у монастыря Санъ-Франциско, и когда онъ встрѣтился со мной, то былъ внѣ себя и клялся отомстить. Я старалась его успокоить, но напрасно. Онъ сжималъ кулаки, бранился и угрожалъ присутствующимъ. Потомъ онъ бросился бѣжать сюда; я подумала, что онъ хочетъ взглянуть, не разрушенъ ли этотъ домъ, вѣдь онъ нашъ, и пошла за нимъ: онъ задрожалъ, услыхавъ мои шаги за собою, и сказалъ мнѣ:

— «Дура! Кто велѣлъ тебѣ идти за мной?»

Я ничего не отвѣтила, но увидавъ, что онъ направляется къ линіи французовъ, хотѣла его остановить и говорю:

— «Отецъ, куда ты идешь?»

Тогда онъ мнѣ отвѣтилъ:

— «Развѣ ты не знаешь, что въ французской арміи служить мой другъ, капитанъ донъ-Карлосъ Линденеръ, служившій въ прошломъ году въ Сарагоссѣ? Я иду повидаться съ нимъ, такъ какъ вспомнилъ, что онъ мнѣ кое-что долженъ».

Онъ велѣлъ мнѣ остаться здѣсь и ушелъ. Я предчувствую, что если его враги узнаютъ, что онъ ходилъ въ французскій лагерь, то его обвинять въ измѣнѣ. Не знаю, потому ли, что я его очень люблю, но я не считаю его способнымъ на такой поступокъ. Я все боюсь, что съ нимъ случится что нибудь дурное, и очень желала бы: чтобъ поскорѣй прекратилась осада. Неправда ли, вѣдь она скоро кончится; Августинъ?

— Да, Мариквиля, скоро кончится, и мы обвиняемся. Мой отецъ хочетъ, чтобъ я женился.

— Кто твой отецъ? Какъ его зовутъ? Не пора ли уже сказать мнѣ это?

— Ты все узнаешь. Мой отецъ благородный человекъ, и его очень любятъ въ Сарагоссѣ. Зачѣмъ ты хочешь его знать?

— Такъ, мнѣ хочется поскорѣй узнать... Мы вѣдь любопытны: вчера я спрашивала въ Козо всѣхъ знакомыхъ: «Не знаете ли, какъ фамилія этого сеньора, который потерялъ старшаго сына и внука?» Но такъ какъ не одинъ человекъ потерялъ старшаго сына, то надо мной только смѣялись.

— Я открою тебѣ это въ свое время, когда буду въ состояніи сообщить хорошую новость.

— Августинъ, если я выйду за тебя, то я хочу, чтобъ ты увезъ меня изъ Сарагоссы, хоть на нѣсколько дней. Мнѣ хочется пожить въ странѣ, гдѣ иные дома, инныя деревья, хочется прожить хоть недѣлку далеко отъ мѣста, гдѣ я столько страдала.

— Хорошо, жизнь моя! — горячо воскликнулъ молодой человекъ. — Мы уѣдемъ, куда ты пожелаешь, завтра же... нѣтъ, не завтра, потому что еще не окончилась осада, послѣзавтра... словомъ, когда будетъ угодно Богу...

— Августинъ, — прибавила Мариквиля тихимъ, неувѣреннымъ голосомъ, — я хочу, чтобы когда мы вернемся изъ нашего путешествія, ты отстроилъ заново домъ, въ которомъ я родилась. Кипарисъ еще цѣль...

Головка Мариквиля склонилась отъ утомленья и бессонницы.

— Ты хочешь спать, бѣдняжка? — произнесъ мой другъ, взявъ ее на руки.

— Я не спала нѣсколько ночей подрядъ, — отвѣтила дѣвушка, закрывая глаза. — Тревога, горе, страхъ не давали мнѣ уснуть ни на минуту. Теперь я такъ устала, и мнѣ такъ спокойно, что хочется спать.

— Усни у меня на рукахъ, Мариквиля, — сказалъ онъ ей, — я пусть это спокойствіе не нарушается и при твоёмъ пробужденіи.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы считали дѣвушку уже уснувшей, она въ полуснѣ сказала:

— Августинъ, я хочу, чтобъ съ нами осталась добрая донья Гведита, она такъ покровительствовала намъ, когда мы были жени-

хомъ и невѣстой... Ты видишь, какъ я была права, говоря, что мой отецъ пошелъ во французскій лагерь только для того, чтобъ взять свой долгъ...

Тутъ она умолкла и крѣпко заснула. Августинъ, сидя на землѣ, держалъ ее на рукахъ. Я прикрылъ ея ноги моимъ плащомъ.

Мы съ Августиномъ молчали, чтобы звукомъ нашихъ голосовъ не спугнуть сонъ молодой дѣвушки. Это мѣсто было довольно уединенно. Позади насъ находился домъ Дуэндесъ, примыкавшій къ монастырю Санъ-Франциско противъ коллегіи Санъ-Діега, окруженной большимъ садомъ съ широкими правильными аллеями. По нимъ прохаживалась стража, и время отъ времени шли впередъ или возвращались отряды. Все было тихо, и этотъ временный покой обѣщаль жестокое сраженіе на завтрашній день.

Вдругъ, въ тишинѣ ночи, до моего слуха, долетѣли глухіе удары, раздававшіеся подъ землею. Я тотчасъ же сообразилъ, что тамъ идетъ работа французскихъ заступовъ, и сообщилъ объ этомъ подозрѣніи Августину. Онъ прислушался и сказалъ мнѣ:

— Дѣйствительно, они какъ будто подводятъ мины. Но куда они ихъ ведутъ? Галлерей, сдѣланныя у Іерусалимскаго монастыря, перерыты нашими. Французы не могутъ сдѣлать шагу, чтобъ мы не попались имъ навстрѣчу.

— По этому шуму слышно, что они какъ будто подкапываются подъ Санъ-Діега. Они окружаютъ часть зданія. До сихъ поръ имъ не удавалось дойти до подваловъ Санъ-Франциско. Если они случайно открыли, что подваломъ этого дома есть сообщеніе между Санъ-Діега и Санъ-Франциско, то очень вѣроятно, что они теперь роютъ этотъ проходъ.

— Бѣги сейчасъ же въ монастырь, — сказалъ онъ мнѣ, — спустись въ подземные подвалы и если услышишь шумъ, то Расскажи Реновалесу о томъ, что происходитъ. Если что случится, сейчасъ же позови меня.

Августинъ остался вдвоемъ съ Мариквильей. Я побѣжалъ въ Санъ-Франциско и вмѣстѣ съ другими товарищами спустился въ подвалы. Здѣсь я передалъ военному инженеру мои подозрѣнія, и онъ сказалъ мнѣ:

— Черезъ галлерей, прорытыя подъ св. Энграціей, Іерусалимскимъ монастыремъ и госпиталемъ, они не могутъ пробраться сюда, потому что тамъ всѣ непріятельскія мины перерыты нами. Подъ этимъ зданіемъ всѣ подвалы и погреба заняты нашими. Только съ западной и южной части подъ этотъ монастырь не подведены мины, но тамъ нѣтъ подваловъ, и мы считали лишнимъ открывать галлерей, ни въ какомъ случаѣ не ожидая нападенія съ этой стороны. Смежный домъ принадлежитъ намъ, я осмотрѣлъ его подземную часть и замѣтилъ, что она соединяется съ центромъ зданія. Если бы они завладѣли домомъ Дуэндесъ, то имъ легко было бы взо-

рвать западную и южную части монастыря, но домъ этотъ принадлежить намъ, и отъ него до французскихъ позицій довольно далекое разстояніе. Трудно ждать атаки съ этой стороны, если только не предположить, что существуетъ какое нибудь сообщеніе между зданіемъ Санъ-Діего и этимъ домомъ, что дастъ неприятелю возможность подойти незамѣтно.

Мы проговорили объ этихъ подробностяхъ до самаго разсвѣта. Рано утромъ вернулся Августинъ въ очень хорошемъ настроеніи, ему удалось устроить Мариквилью тамъ, гдѣ находилась его семья. Затѣмъ мы стали готовиться къ встрѣчѣ съ неприятелемъ, уже занявшимъ госпиталь, или, вѣрнѣе, его развалины. Французы угрожали атаковать монастырь Санъ-Франциско не подземными минами, а приступомъ.

XXVIII.

Судьба Санъ-Франциско должна была рѣшить судьбу города. Это обширное зданіе, возвышавшееся въ самомъ центрѣ Козо, представляло собою не мало трудностей для осаждавшихъ. Французы начали канонаду съ ранняго утра, стараясь пробить бреши для атаки, и сарагосцы собрали сюда свои лучшія силы. Такъ какъ солдатъ оставалось уже не много, то на помощь имъ вышли съ оружіемъ въ рукахъ уважаемые патриоты: Сасъ, Черезо, Педрафита, Эскобаръ, донъ Хозе Монторіа и другіе.

Въ началѣ улицы Санъ-Жиль, у арки Синеха, находилось нѣсколько пушекъ, направленныхъ противъ неприятеля. Я былъ посланъ вмѣстѣ съ солдатами Экстрамадуры къ этимъ орудіямъ, такъ какъ артиллеристы почти всѣ были перебиты. Прощаясь съ Августиномъ, оставшимся со своимъ батальономъ около Санъ-Франциско, мы горячо обнялись, не надѣясь болѣе увидѣться.

Донъ Хозе Монторіа, защищавшій барикады у Cruz delle Козо, былъ раненъ въ ногу и долженъ былъ удалиться, но онъ прислонился къ стѣнѣ одного изъ домовъ, перемогая боль. Чувствуя, что силы оставляютъ его, онъ подозвалъ меня.

— Сеньоръ де-Арачели, у меня темнѣетъ въ глазахъ... Я ничего не вижу... Эта проклятая кровь такъ и бѣжитъ струей, когда она мнѣ такъ необходима!.. Можете вы дать мнѣ руку?

— Сеньоръ, — произнесъ я, подбѣгая поддержать его, — лучше бы вамъ отправиться на вашу квартиру...

— Нѣтъ, я хочу остаться здѣсь... Но, сеньоръ де-Арачели, а если я останусь безъ крови?.. И куда это она вытекла, чортъ побери!.. У меня ноги, какъ чужія... Я падаю на землю, какъ пустой мѣшокъ.

Онъ дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы ободрить себя, но почти

терялъ сознание не столько отъ раны, сколько отъ потери крови, безсонницы и отсутствія питанія за послѣдніе дни. Хотя онъ и умолялъ насъ оставить его тутъ, у стѣны, чтобъ онъ могъ слѣдить за всѣми подробностями сраженія, но мы отнесли его въ одинъ изъ домовъ улицы Рефужіо, тутъ же въ Козо. Его семья находилась въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Домъ былъ переполненъ ранеными, и мертвые лежали у самыхъ дверей. Во внутреннихъ комнатахъ нельзя было сдѣлать шагу, потому что люди, умиравшіе здѣсь, заняли каждый уголокъ, и трудно было отличить живыхъ отъ умершихъ.

Когда мы внесли Монторіа, онъ сказалъ:

— Не вносите меня наверхъ, молодцы, тамъ моя семья. Оставьте меня здѣсь, внизу... Вонъ я вижу прилавокъ, онъ очень кстати.

Мы исполнили его желаніе. Нижняя комната оказалась лавкой. Подъ прилавкомъ въ этотъ день умерло много раненыхъ, и больные лежали на полу на подстилкахъ.

— Не найдется ли здѣсь доброй души, — продолжалъ онъ, — которая дала бы мнѣ немножко корпіи, чтобъ заложить рану, изъ которой такъ и бьетъ кровь?

Одна изъ женщинъ подошла къ нему. Это была Мариквилья Кандіола.

— Господь наградитъ васъ, дитя, — сказалъ ей донъ Хозе, видя, что она несетъ бинты и корпію, чтобъ забинтовать его рану. — Можеть быть, вы спасете мнѣ ногу... кажется, кость еще цѣла...

Въ это время человекъ двадцать горожанъ ворвались въ домъ, чтобы изъ оконъ стрѣлять въ развалины госпиталя.

— Сеньоръ де-Арачели, вы также идете стрѣлять? — обратился ко мнѣ старикъ. — Подождите немножко, я сейчасъ встану, но, кажется, не могу ходить одинъ. Управляйте стрѣльбой изъ оконъ... Пусть имъ тамъ, у госпиталя, вздохнуть не дадутъ!.. Или лучше бѣгите на улицу... Нѣтъ ли у васъ перочиннаго ножа, молодой человекъ? Хорошо бы отрѣзать этотъ болтающійся кусокъ мяса... Ну, какъ дѣла, сеньоръ Арачели? Мы побѣждаемъ?..

— Прекрасно, прекрасно, — отвѣтилъ я, глядя въ окно. — Теперь они отступаютъ къ госпиталю. Санъ-Франциско не такъ-то легко взять; этой костью подавишься.

Между тѣмъ Мариквилья, пристально вглядываясь въ лицо Монторіа, продолжала заботливо бинтовать его раненую ногу.

— Какое вы сокровище, дитя мое, — сказалъ ей старикъ. — Вы какъ будто и не дотрогиваетесь до раны... Но что вы на меня такъ смотрите? Что у меня на лицѣ узоры, да? Ну... вы кончили?.. Попробую подняться... Но, нѣтъ, я не въ силахъ держаться... Что это за вода течетъ у меня въ жилахъ? Дуб... я хотѣлъ сказать... все не могу отдѣлаться отъ дурныхъ привычекъ... Сеньоръ де-Арачели, какъ идутъ дѣла?

— Превосходно, сеньоръ, великолѣпно! Наши сотраждане дѣлають чудеса.

Тутъ подошелъ раненый офицеръ съ просьбою сдѣлать ему перевязку.

— Все идетъ, какъ по маслу,—сказалъ онъ намъ.—Французы не возьмутъ Санъ-Франциско. Тѣхъ, которые подступали отъ госпиталя, прогнали три раза. Но самое главное случилось у Санъ-Діега. Видя, что французы занимають садъ, примыкающій къ дому Дуэндесъ, на нихъ бросились съ пиками храбрые солдаты Орихуэлы подъ командой Пино-Хермозо и не только прогнали ихъ, но многихъ перебили и взяли тринадцать плѣнныхъ.

— Я хочу идти туда! Да здравствуетъ батальонъ Орихуэлы! Да здравствуетъ маркизь Пино-Хермозо! — въ горячемъ порывѣ патриотизма воскликнулъ донъ Хоше де-Монторіа.—Сеньоръ де-Арачели, пойдите туда. Отведите меня... Нѣтъ ли здѣсь гдѣ нибудь пары костылей? Сеньоры, ноги меня не держать... Но я пойду туда сердцемъ. Прощайте, дитя мое, прелестная сестра милосердія... Но зачѣмъ вы на меня такъ смотрите? Вѣрно, вы меня знаете, и я, кажется, видѣлъ гдѣ-то это личико, но теперь не помню...

— Я также васъ видѣла одинъ разъ, одинъ только разъ, и слава Богу, что не вспомнила объ этомъ раньше,—съ твердостью произнесла Мариквиля.

— Я не забуду этой услуги,—сказалъ Монторіа.—Должно быть, вы очень добрая дѣвушка и, несомнѣнно, очень красивая. Прощайте, я вамъ очень благодаренъ, безконечно благодаренъ... Поищите пару костылей, или палку, сеньоръ де-Арачели, я не могу ходить. Дайте мнѣ вашу руку... Что это за туманъ застилаетъ мнѣ глаза? Пойдемте туда и прогонимъ французовъ изъ госпиталя?

Отговоривъ его отъ безумнаго желанія выходить, я рѣшилъ идти одинъ, когда раздался такой страшный взрывъ, какого нѣтъ возможности изобразить словами. Казалось, что весь городъ взлетѣлъ на воздухъ вслѣдствіе страшнаго изверженія подземнаго вулкана. Всѣ дома задрожали, небо потемнѣло отъ густого дыма, вдоль улицъ падали стѣны, люди, заборы, крыши.

— Съ нами Пиларская Богоматерь! — крикнулъ Монторіа.— Кажется, весь міръ взлетѣлъ на воздухъ.

Больные и раненые кричали, думая, что наступилъ ихъ послѣдній часъ, и всѣмъ намъ оставалось только положиться на волю Божію.

— Что это такое? Существуетъ ли еще Сарагосса? — спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— И мы взлетимъ также?

— Должно быть, это взорвали монастырь Санъ-Франциско, — догадался я.

— Побѣдимъ туда,—сказалъ Монторіа, собравъ послѣднія силы.—

Сеньоръ де-Арачели, вѣдь говорили же, что приняты всѣ мѣры, чтобъ отстоять монастырь Санъ-Франциско? Ахъ, еслибъ найти костыли.

Мы вышли въ Козо и тутъ же узнали, что большая часть монастыря взорвана на воздухъ.

— Мой сынъ былъ внутри монастыря! — сказалъ Монторіа, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ. — Боже мой, если мнѣ ужъ суждено потерять и его, то пусть онъ умретъ за родину!

Къ намъ приблизился тотъ самый нищій, о которомъ я упоминалъ въ первой главѣ. Онъ едва двигался на своихъ костыляхъ.

— Sursum Corda, — сказалъ ему Монторіа, — дай мнѣ твои костыли, они тебѣ совсѣмъ не нужны.

— Позвольте мнѣ, сеньоръ, доползти до этого крыльца, и я вамъ отдамъ ихъ, — отвѣтилъ хромой. — Мнѣ не хочется умереть посреди улицы.

— Ты умираешь?

— Кажется, что такъ. Горячка охватила меня. Я раненъ въ плечо, и со вчерашняго дня мнѣ еще не вынули пулю. Чувствую, что умираю. Вотъ извольте костыли.

— Ты изъ Санъ-Франциско?

— Нѣтъ, сеньоръ; я былъ подлѣ арки Тренкве... тамъ стояла пушка, мы стрѣляли. Но Санъ-Франциско взлетѣлъ на воздухъ, когда никто этого не ожидалъ... Вся южная и западная часть рухнула на землю и похоронила подъ собою много людей. Народъ говорить, что была измѣна... Прощайте, донъ-Хозе... я останусь здѣсь... у меня въ глазахъ темно... языкъ костенѣетъ... Пиларская Богоматерь, помилуй меня.

При помощи костылей Монторіа могъ кое-какъ двинуться къ мѣсту катастрофы, но мы должны были остановиться на улицѣ Санъ-Жиль, потому что невозможно было идти дальше. Французы, переставъ обстрѣливать монастырь со стороны госпиталя, атаковали теперь Санъ-Франциско, торопясь овладѣть развалинами, которыхъ никто не могъ защищать. Церковь и колокольня еще сохранились.

— Эй, padre Луэнго! — крикнулъ Монторіа, увидавъ монаха, торопливо входившаго въ улицу Санъ-Жиль. — Что случилось? Гдѣ главнокомандующій? Неужели онъ погибъ подъ развалинами?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ padre, останавливаясь. — Онъ вмѣстѣ съ другими начальниками на площади Санъ-Филиппо. Я могу порадовать васъ вѣстью о вашемъ сынѣ Августинѣ; онъ спасся, потому что во время взрыва находился на колокольнѣ.

— Да будетъ благословенно имя Господне! — сказалъ донъ-Хозе, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Вся южная и западная часть монастыря разрушена, — продолжалъ монахъ. — Никто не понимаетъ, какъ можно было подло-

жить мины въ этомъ мѣстѣ. Должно быть, французы подложили фитили подъ главную залу, а мы не дѣлали тамъ подкоповъ, считая это мѣсто неприступнымъ.

— Къ тому же, — подтвердилъ одинъ изъ проходившихъ мимо горожанъ, — сосѣдній домъ былъ нашъ, а французы, владѣя лишь частью Санъ-Діега, не могли подойти къ монастырю.

— Поэтому всѣ думаютъ, что они нашли какой нибудь тайный проходъ между домами Санта-Роза и Дуэндесъ. Проникнувъ въ подвалы дома Дуэндесъ, они могли прорыть небольшую галлерейку подъ залу монастыря, которая находится оттуда недалеко.

— Теперь все узнали, — сказалъ, подойдя къ намъ, капитанъ. — Въ домѣ Дуэндесъ есть большой подвалъ, существованіе котораго было намъ неизвѣстно. Этотъ подвалъ, очевидно, имѣлъ сообщеніе съ нижнимъ этажемъ дома Санта-Роза, который когда-то служилъ погребомъ и кладовою монастыря Санъ-Франциско.

— Если это вѣрно, если это сообщеніе существуетъ, — прибавилъ радге Луэнго, — то я понимаю, кто открылъ его французамъ. Вѣдь вы знаете, что когда непріятеля прогнали изъ сада Санъ-Діега, то взяли нѣсколько плѣнныхъ. Между ними былъ дядя Кандіола, который нѣсколько разъ на этихъ дняхъ ходилъ во французскій лагерь и со вчерашней ночи перешелъ на сторону непріятеля.

— Должно быть, что такъ, — сказалъ Монторіа, — потому что домъ Дуэндесъ принадлежитъ Кандіолѣ. Этотъ проклятый жидъ прекрасно зналъ всѣ подвалы и тайные входы этого зданія. Сеньоры, пойдемте къ главнокомандующему. Какъ вы думаете, еще можно защищать Козо?

— Еще бы не защищать! — воскликнулъ капитанъ. — Въ сущности, вѣдь не все еще потеряно. Мы еще попробуемъ отвоевать церковь Санъ-Франциско.

Мы всѣ взглянули на этого человѣка, съ такимъ спокойствіемъ говорившаго о невозможномъ. Его предположенія казались шуткой, но въ эту эпоху всего невѣроятнаго подобныя шутки могли превратиться въ дѣйствительность.

Тѣ, кто не повѣрятъ моимъ словамъ, могутъ прочесть въ историческихъ лѣтописяхъ о томъ, что нѣсколько десятковъ оборванныхъ, голодныхъ, полунагихъ и даже раненыхъ людей весь этотъ день продержались на колокольнѣ; не довольствуясь этимъ, они перебрались на крышу церкви и, пробивъ тамъ нѣсколько дыръ, не обращая вниманія на огонь, поднятый по нимъ самими со стороны госпиталя, бросали внутрь ручныя гранаты и заставили французовъ къ вечеру оставить церковь.

Всю ночь непріятель провелъ въ попыткахъ снова овладѣть церковью, но это удалось ему лишь на слѣдующій день, когда наши принуждены были оставить крышу и перейти въ домъ Састаго.

XXIX.

Сарагосса сдается? Смерть тому, кто это сказал!

Сарагосса не сдается. Ее превратили въ прахъ, отъ ея историческихъ домовъ не осталось камня на камнѣ, разрушены ея пять монастырей, изъ ея нѣдръ извергается пламя, ея зданія снесены до фундамента, но среди этихъ развалинъ, среди мертвыхъ всегда найдется живой голосъ, который скажетъ, что Сарагосса не сдается.

Наступила минута полнѣйшаго отчаянія. Французы уже не сражались, они только взрывали; они находили необходимымъ взорвать эту землю, чтобъ завладѣть ею. Половина Козо уже принадлежала Франціи, разбитые испанцы отступали. Тенеріасъ и предмѣстье лѣвой стороны Эбро также принадлежали непріятелю, и взрывы не прекращались ни на минуту.

Наконецъ, это покажется невѣроятнымъ, но мы привыкли къ взрывамъ, какъ раньше привыкли къ бомбардировкѣ. Раздавался громовой, оглушительный шумъ. — Что такое? — Ничего, это взорвали университетъ или капеллу, домъ Аранда, развалины монастыря или церкви.

Наше состояніе нельзя было назвать жизнью на планетѣ, мы жили среди какихъ-то безпорядочныхъ, огненныхъ міровъ. Не оставалось даже мѣста, гдѣ можно стоять, мы уже ходили не по землѣ, такъ какъ подъ каждымъ камнемъ былъ цѣлый кратеръ. И тѣмъ не менѣе люди защищались противъ этого огнедышащаго вулкана, противъ этой непрерывной бури. За отсутствіемъ укрѣпленій служили монастыри, за разрушеніемъ монастырей — дворцы, за разрушеніемъ дворцовъ — жалкіе дома. Нѣсколько стѣнъ еще удѣлѣло.

Теперь уже никто не ѣлъ. Зачѣмъ ѣсть, когда все равно съ минуты на минуту ожидалась смерть? Сотни, тысячи людей перебѣгали съ мѣста на мѣсто, погибали отъ взрывовъ; эпидемія тифа приняла ужасающіе размѣры. Если кому нибудь удавалось остаться живымъ среди града пуль, то онъ погибалъ отъ эпидеміи. Уже не было ни родныхъ, ни друзей, даже больше: люди не узнавали другъ друга и съ лицами, закопченными дымомъ, запачканными землей и кровью, встрѣчаясь послѣ сраженія, обращались другъ къ другу съ вопросомъ: «Кто ты?» «Кто вы?»

И колокола уже не звонили на приступъ, потому что не было колоколенъ; уже не слышалась команда, такъ какъ не опубликовывались приказы; уже не служилась обѣдня, потому что не было патеровъ; уже не раздавались звуки веселой хоты, потому что голоса огрубѣли, и горла пересохли.

Порою мертвое молчаніе царило въ городѣ. Слышался только говоръ пушекъ, и обѣ націи въ схваткахъ уже не кричали дерзости одна другой. Грусть проникла во всѣ сердца, и умирающій городъ

сражался въ тишинѣ, чтобы ни одна капля силы не пропала въ ненужныхъ возгласахъ.

Общее мнѣніе было таково, что необходимо сдаться, но никто не признавался въ этомъ, всякій сохранялъ эту мысль въ глубинѣ души, какъ мысль о преступленіи, которое готовились совершить. Сдаться! Это казалось невозможнымъ, труднымъ дѣломъ; погибнуть было гораздо легче.

Прошелъ день со времени взрыва монастыря Санъ-Франциско, день ужасный, мучительный, который можно лишь представить себѣ воображеніемъ, а не пережить.

Я былъ въ улицѣ де-Аркадасъ не задолго до того, какъ обрушилась большая часть ея домовъ. Потомъ я пошелъ въ Козо исполнить одно данное мнѣ порученіе и помню, что испаренія, подымавшіяся надъ городомъ, были такъ тяжелы, что я съ трудомъ подвигался впередъ. Дорогой я встрѣтилъ того же самаго мальчика, который плакалъ въ предмѣстьи Тенеріасъ. Несчастный малютка и теперь былъ одинъ и горько рыдалъ, засунувъ въ ротъ пальцы руки, какъ будто хотѣлъ ихъ съѣсть. Несмотря на его жалкій видъ, никто не обращалъ на него вниманія. Я также равнодушно прошелъ мимо, но потомъ мнѣ стало такъ жаль его, что я вернулся, взявъ его съ собой и далъ ему кусокъ хлѣба.

Исполнивъ порученіе, я побѣжалъ къ площади Санъ-Филиппо, гдѣ находился остатокъ нашего баталіона. Была уже ночь, и хотя въ Козо и шла перестрѣлка, но нашему баталіону дали отдохнуть до утра, такъ какъ люди умирали отъ усталости.

Тутъ я увидалъ человѣка, ходившаго сосредоточенно взадъ и впередъ. Это былъ Августинъ Монторіа.

— Августинъ, это ты? — спросилъ я, подходя къ нему. — Какой ты блѣдный и измученный! Ты раненъ?

— Оставь меня, — рѣзко отвѣтилъ онъ, — я не хочу никого видѣть.

— Ты съ ума сошелъ? Что съ тобой?

— Оставь меня, говорятъ тебѣ, — повторилъ онъ, отгалкивая меня. — Я тебѣ уже сказалъ, что хочу остаться одинъ. Я никого не хочу видѣть.

— Другъ мой, — произнесъ я, понявъ, что какая-то драма происходитъ въ душѣ моего товарища, — если съ тобой случилось чтонибудь непріятное, скажи мнѣ, и я раздѣлю твое горе.

— Да развѣ ты не знаешь?

— Я ничего не знаю. Вѣдь тебѣ извѣстно, что меня съ двадцатью людьми послали въ улицу Аркадасъ. Со вчерашняго дня, съ самаго взрыва Санъ-Франциско, мы не видались.

— Это правда, — согласился онъ. — Габріэль, я искалъ смерти на барикадахъ въ Козо, но смерть не захотѣла прійти ко мнѣ. Множество товарищей упало близъ меня, а я остался живъ. Габріэль,

дорогой другъ мой, убей меня изъ твоего ружья!.. Повѣришь ли, недавно я самъ хотѣлъ лишить себя жизни... Не знаю... словно какая-то невидимая рука отвела ружье отъ моей груди, словно другая нѣжная рука коснулась моего лба.

— Успокойся, Августинъ, и расскажи мнѣ, что съ тобою.

— Что со мною! Который часъ?

— Девять часовъ.

— Остался одинъ часъ! — воскликнулъ онъ и нервно вздрогнулъ. — Шестьдесятъ минутъ! Быть можетъ, французы подложили динамитъ подъ эту площадь Санъ-Филиппо, гдѣ мы находимся, и черезъ мгновенье земля разверзнется подъ нашими ногами и поглотитъ насъ всѣхъ, и жертву и палачей.

— Что это за жертва?

— Ты не знаешь? Несчастный Кандіола. Его заключили въ Новую башню.

У воротъ Новой башни стояло нѣсколько солдатъ, и тусклый свѣтъ фонаря освѣщаль входъ.

— Да, я слышалъ, что этого подлаго старика ввели въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими французами въ садъ Санъ-Діега.

— Его преступленіе несомнѣнно. Онъ указаль неприятелямъ проходъ между домами Санта-Роза и Дуэндесъ, который онъ одинъ только и зналъ. Всѣ доказательства на лицо, да къ тому же этотъ несчастный старикъ сегодня вечеромъ и самъ признался во всемъ, въ надеждѣ на помилованіе.

— Его присудили...

— Да. Военный совѣтъ скоро покончилъ это дѣло. Черезъ часъ Кандіола будетъ разстрѣлянъ, какъ измѣнникъ. Онъ тамъ! А я здѣсь передъ тобою, Габріэль, ты видишь меня, командира баталіона Санъ-Педро, проклятыя нашивки!—командира, въ карманѣ котораго лежитъ приказъ привести въ исполненіе въ десять часовъ вечера разстрѣль, вотъ на этой же самой площади, около Новой башни! Видишь приказъ? Онъ подписанъ генераломъ Сенъ-Маршемъ.

Я молчалъ. Въ эти тяжелыя минуты я не находилъ словъ, чтобы утѣшить моего товарища.

— Храбрись, другъ мой! — воскликнулъ я, наконецъ. — Необходимо выполнить приказъ.

Августинъ не слышалъ меня. Онъ былъ похожъ на помѣшаннаго, отходилъ отъ меня и тотчасъ же возвращался, бормоча какія-то непонятныя слова. Затѣмъ, взглянувъ на башню, величаво вышавшуюся передъ нами, онъ воскликнулъ съ ужасомъ:

— Габріэль, ты видишь, видишь башню? Смотри, она выпрямилась, Габріэль! Башня совсѣмъ выпрямилась... Ты не видишь? Неужели не видишь?

Я взглянулъ на башню, она была такъ же наклонна, какъ и прежде.

— Габріэль, — продолжалъ Августинъ, — убей меня, я не хочу жить! Нѣтъ, нѣтъ, я не лишу жизни этого человѣка... Возьми на себя это порученіе. Если я останусь въ живыхъ, я убѣгу, я боленъ; я сорву съ себя эти погоны и брошу ихъ въ лицо генерала Сенъ-Марша. Нѣтъ, нѣтъ, не говори мнѣ, что Новая башня наклонна. Неужели ты не видишь, что она выпрямилась? Другъ мой, ты меня обманываешь; мое сердце исходитъ кровью. Я умираю отъ горя...

Я старался его успокоить, когда какая-то свѣтлая фигура показалась на площади. Увидавъ ее, я задрожалъ отъ ужаса, потому что это была Мариквилья. Августинъ не имѣлъ времени убѣжать, и несчастная дѣвушка кинулась къ нему на шею, воскликнувъ въ волненьи:

— Августинъ, Августинъ! Слава Богу, что я нашла тебя!.. Какъ я тебя люблю... Когда мнѣ сказали, что у тебя ключи отъ тюрьмы моего отца, я чуть съ ума не сошла отъ радости, потому что увѣрена, что ты спасешь его. Этотъ жестокій военный совѣтъ присудилъ его къ смертной казни. Къ смертной казни!.. Человѣкъ, никому не сдѣлавшій зла, долженъ умереть... Но Господь не допуститъ, чтобъ погибъ невинный, и онъ отдалъ его въ твои руки, чтобъ ты помогъ ему бѣжать.

— Мариквилья, Марія, родная моя, — проговорилъ Августинъ. — Оставь меня... уйди... я не хочу тебя видѣть... Завтра, завтра мы поговоримъ. Я также люблю тебя... Я съ ума схожу по тебѣ. Саратосса провалится, но мы не разлюбимъ другъ друга. Подождемъ, когда я разстрѣляю твоего отца.

— Господи! Не говори этого! Ты?!..

— Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ; другіе накажутъ его за измѣну.

— Нѣтъ, это ложь; мой отецъ никогда не былъ измѣнникомъ! Ты также обвиняешь его? Никогда бы я этому не повѣрила... Августинъ, теперь ночь, развяжи ему руки, сними цѣпи съ ногъ, освободи его! Вѣдь никто не увидитъ. Мы убѣжимъ, мы спрячемся въ развалинахъ нашего дома, тамъ подъ кипарисомъ, откуда столько разъ смотрѣли съ тобой на Новую башню...

— Мариквилья... подожди немного... — отвѣтилъ онъ съ возраставшимъ возбужденіемъ. — Этого нельзя сдѣлать такъ... На площади много народа. Солдаты очень возбуждены противъ преступника. Завтра...

— Завтра!.. Что ты говоришь? Ты смѣешься надо мною? Освободи его сейчасъ же, Августинъ. Если ты не сдѣлаешь этого, то я буду думать, что я любила самаго сквернаго, самаго презрѣннаго, самаго низкаго человѣка.

— Марія, Господь слышитъ насъ. Онъ знаетъ, какъ я тебя глубоко люблю. Клянусь Богомъ, что не обагрю въ крови этого несчастнаго мои руки, скорѣе сломаю мою шпагу, но Бога же призываю въ свидѣтели, что я не могу освободить твоего отца, Марія.

— Августинъ, ты меня обманываешь,—произнесла молодая дѣвушка въ тоскливомъ недовѣрїи.—Такъ ты говоришь, что не освободишь его?

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу я этого сдѣлать. Если бы даже самъ Господь въ образѣ челоуѣка просилъ меня освободить этого измѣнника, продавшаго французамъ моихъ соотечественниковъ, то и тогда я не могъ бы этого сдѣлать. Это священный долгъ, которому я не могу измѣнить. Безконечныя жертвы, павшія вслѣдствіе измѣны твоего отца, сдача города, оскорбленіе національнаго чувства—все это тяжелымъ камнемъ лежало бы на моей душѣ.

— Мой отецъ не можетъ быть измѣнникомъ!—воскликнула дѣвушка, внезапно переходя отъ отчаянія къ горячему гнѣву.—Это клевета его враговъ. Лгутъ тѣ, кто называетъ его измѣнникомъ, и ты самый жестокой и самый безчеловѣчный изъ всѣхъ, ты также лжешь. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ я тебя любила; мнѣ теперь стыдно вспомнить объ этомъ. Ты сказалъ, что не освободишь его? Такъ зачѣмъ же ты живешь, къ чему ты годенъ послѣ этого? Ты своей холодной жестокостью надѣешься заслужить милости отъ этихъ безчеловѣчныхъ варваровъ, разрушившихъ городъ и притворяющихся, какъ будто хотятъ защитить его? Для тебя ничего не значить жизнь невиннаго и горе сироты! Жалкій, самолюбивый эгоистъ, я ненавижу тебя сильнѣе, чѣмъ любила! Неужели ты вообразалъ, что я подпущу тебя къ себѣ съ руками, обогранными въ крови моего отца? Нѣтъ, онъ не былъ измѣнникомъ! Неужели не найдется великодушной руки, которая защитила бы меня, неужели всѣ эти люди не могутъ опровергнуть клеветы?.. Несчастливая женщина бѣгаетъ по всему городу, разыскивая сострадательную душу и находить лишь жестокихъ звѣрей!..

— Марія,—сказалъ онъ,—ты надрываешь мнѣ сердце; ты просишь у меня невозможнаго, чего я не сдѣлаю и не могу сдѣлать, хотя бы ты обѣщала мнѣ за это вѣчное блаженство. Я уже все обдумалъ и зналъ, что ты меня возненавидишь. Представь себѣ, что челоуѣкъ своими собственными руками вырываетъ свое сердце и отбрасываетъ его, я сдѣлалъ это. Большаго не могу.

Страшное возбужденіе Мариквильи Кандіолы бросало ее изъ одной крайности въ другую. Ея пылкій гнѣвъ вдругъ смѣнился чувствительностью, она горько зарыдала.

— Что я сказала, и какой вздоръ говоришь ты, Августинъ!—въ слезахъ произнесла она.—Ты не можешь отказать мнѣ въ моей просьбѣ. Я такъ любила тебя и такъ люблю! Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидала тебя, я все время думала о тебѣ. Ты былъ для меня самымъ милымъ, самымъ великодушнымъ, самымъ скромнымъ изъ людей. Я любила тебя, не зная, кто ты; я не знала твоихъ родителей, но не перестала бы любить тебя, еслибъ ты былъ даже сыномъ сарагосскаго палача. Августинъ, ты вѣрно забылъ

меня съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись. Вѣдь это я, Мариквилья! Я всегда вѣрила и теперь вѣрю, что ты не лишишь меня моего отца, котораго я люблю такъ же, какъ тебя. Онъ добрый, онъ никому не сдѣлалъ зла, онъ бѣдный старикъ... У него есть недостатки, но я ихъ не вижу, какъ не вижу въ тебѣ ничего, кромѣ хорошаго. Я не знала матери, она умерла, когда я была еще ребенкомъ, я жила вдали отъ свѣта, отецъ воспиталъ меня въ уединеніи, и въ этомъ уединеніи родилась моя глубокая любовь къ тебѣ. Еслибъ я тебя не узнала, то для меня весь міръ былъ бы пустъ безъ тебя.

Я хорошо видѣлъ, какъ нерѣшительность отразилась на лицѣ Августина. Онъ смотрѣлъ изумленнымъ взоромъ то на дѣвушку, то на стражу, стоящую у входа въ башню; и дочь Кандіолы съ чисто женскимъ инстинктомъ старалась воспользоваться этой слабостью. Обвивъ руками его шею, она продолжала:

— Августинъ, освободи его! Мы скроемся туда, гдѣ насъ никто не найдетъ. Если они будутъ тебѣ что нибудь говорить, будутъ обвинять въ измѣнѣ долгу, не обращай вниманія и иди со мной. Какъ полюбить тебя мой отецъ за то, что ты спасъ ему жизнь! И какъ мы будемъ счастливы, Августинъ! Какой ты добрый! Я знала, что это будетъ такъ, и когда мнѣ сказали, что отецъ въ твоихъ рукахъ, то мнѣ показалось, что небо разверзлось надо мною.

Мой другъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ вернулся. На площади было много военныхъ и вооруженныхъ людей. Вдругъ передъ нами появился человѣкъ на костыляхъ съ группой людей и офицеровъ.

— Что здѣсь такое дѣлается?—сказалъ донъ Хозе де-Монторіа.— Мнѣ послышался женскій голосъ. Августинъ, ты плачешь? Что съ тобою?

— Сеньоръ,—произнесла Мариквилья, въ ужасѣ приближаясь къ Монторіа.—Вы вѣрно также не будете препятствовать тому, чтобъ освободили моего отца? Вы не помните меня? Вчера вы были ранены, и я дѣлала вамъ перевязку.

— Это правда, дитя мое,—серьезно произнесъ донъ Хозе.—Я вамъ очень благодаренъ. Теперь я догадываюсь, что вы, должно быть, дочь сеньора Кандіолы.

— Да, сеньоръ; вчера, когда я васъ лѣчила, я узнала по вашему лицу, что вы тотъ самый человѣкъ, который нѣсколько дней тому назадъ оскорбилъ моего отца.

— Да, дитя мое, это была вспышка, изступленье... Я не могъ сдержаться... У меня очень горячая кровь... А вы меня вылѣчили... Такъ поступаютъ только истинные христіане. Платить добромъ за зло и любить тѣхъ, кто насъ ненавидитъ, это заповѣдь Божья.

— Сеньоръ,—воскликнула Мариквилья, вся заливаясь слезами,— я прощаю моихъ враговъ, простите же и вы вашихъ! Почему не хотятъ освободить моего отца? Вѣдь онъ не сдѣлалъ ничего дурного.

— Довольно трудно исполнить то, о чемъ вы просите. Измѣна сеньора Кандіола непростительна. Войско страшно возбуждено противъ него.

— Все это ошибка! Вѣдь вы можете помѣшать этому. Вы, кажется, одинъ изъ начальниковъ.

— Я?.. Эта часть меня не касается... Но успокойтесь, дитя мое... Вы дѣйствительно прекрасная дѣвушка. Я помню, съ какой заботливостью вы лѣчили меня. Глубокое оскорбленіе нанесъ я вамъ и отъ васъ, которую обидѣлъ, получилъ огромную услугу, можетъ быть, жизнь. Господь показалъ мнѣ на этомъ примѣрѣ, что слѣдуетъ быть добрымъ, сострадательнымъ, дуб... Ахъ, мой проклятый языкъ!..

— Сеньоръ, какъ вы добры!—воскликнула молодая дѣвушка.— А я такъ дурно думала о васъ. Вы поможете мнѣ освободить моего отца. Онъ также забудетъ объ этомъ оскорбленіи.

— Послушайте,—сказала Монторіа, взявъ ея руку,—еще недавно я просилъ прощенья у дона Іеронимо за эту вспышку, и онъ не только не простилъ меня, но осыпалъ меня еще болѣе грубыми дерзостями. Мы съ нимъ не пойдемъ другъ друга, дитя. Скажите мнѣ, что вы прощаете меня за нанесенные ему удары, и большая тяжесть спадетъ съ моего сердца.

— Неужели же я васъ не прощу! О, сеньоръ, вы такъ добры! Вы можете здѣсь распорядиться, ведите же, чтобъ поскорѣй его освободили.

— Это не касается меня. Сеньоръ Кандіола совершилъ страшное преступленіе. Его невозможно простить, невозможно; я вполне понимаю ваше горе... Я его глубоко чувствую, особенно вспоминая вашу доброту ко мнѣ... Я не оставлю васъ...

— Я ничего не хочу для себя,—сказала Марія, охрипнувшая отъ рыданія и криковъ.—Я хочу только, чтобъ освободили несчастнаго старика, который не сдѣлалъ ничего дурного. Августинъ, что же ты не распорядишься? Что ты стоишь?

— Этотъ молодой человѣкъ исполнить свою обязанность.

— Этотъ молодой человѣкъ,—горячо возразила Мариквилья,—сдѣлаетъ то, что я ему прикажу, потому что онъ любитъ меня. Неправда ли, ты освободишь моего отца? Ты мнѣ обѣщала... Сеньоры, что вамъ здѣсь надо? Вы хотите помѣшать ему? Августинъ, не слушай ихъ и дѣлай твое дѣло.

— Что это такое?—съ недоумѣніемъ воскликнулъ донъ Хозе.— Августинъ, эта дѣвушка говоритъ, что ты не исполнишь твоего дѣла? Ты знакомъ съ нею?

Августинъ въ ужасѣ молчалъ.

— Да, онъ его освободитъ!—воскликнула Мариквилья.—Прочь отсюда, сеньоры! Вамъ здѣсь нечего дѣлать.

— Что это значитъ!—крикнулъ донъ Хозе, схвативъ сына за руку.—Если эта дѣвушка говоритъ правду, еслибъ я подозревалъ,

что мой сынъ готовъ измѣнить своей клятвѣ, данной подь присягой служить отечеству, еслибъ я подозрѣвалъ, что мой сынъ смѣется надъ возложеннымъ на него порученіемъ, то я самъ связалъ бы ему руки и отвелъ въ военный совѣтъ, чтобъ его наказали по заслугамъ.

— Отецъ,—произнесъ Августинъ, блѣдный, какъ смерть.—Я никогда не думалъ измѣнить моему долгу.

— Такъ это твой отецъ?—сказала Мариквилья.—Августинъ, скажи ему, что ты любишь меня, и, можетъ быть, онъ сжалится надо мною.

— Эта дѣвушка сопла съ ума,—сказалъ донъ Хозе.—Несчастное дитя, ваше горе трогаетъ мою душу. Я не покину васъ въ вашемъ сиротствѣ... но успокойтесь. Я васъ не оставлю, только вы должны измѣнить немножко ваши привычки... Бѣдняжка, у васъ доброе сердце... превосходное сердце... но мнѣ говорили... вы немножко экзальтированы... Жаль, что изъ-за дурного воспитанія гибнетъ такая хорошая душа... Такъ вы будете хорошей? Я надѣюсь.

— Августинъ, какъ ты позволяешь оскорблять меня?—съ невыразимымъ горемъ воскликнула Мариквилья.

— Я васъ не оскорбляю,—возразилъ Монторіа.—Это простой совѣтъ. Могу ли я оскорбить мою благодѣтельницу? Я думаю, что если вы будете хорошо вести себя, мы очень полюбимъ васъ. Когда вы будете у насъ... Но зачѣмъ вы отзываете моего сына? Нечего волноваться. Мой сынъ, должно быть, знаетъ васъ... Да, я припоминаю, мнѣ говорили, что во время осады вы не выходили изъ казармъ... Но я примиряюсь, я не могу забыть, что вы для меня сдѣлали, къ тому же я знаю, что у васъ доброе сердце... Но необходимо побѣдить въ себѣ эти преступныя наклонности, потому что...

— Нѣтъ!—воскликнулъ вдругъ Августинъ въ такомъ порывѣ гнѣва, что мы всѣ вздрогнули, слушая его,—нѣтъ, я не позволю никому, {даже родному отцу оскорблять ее! Я ее люблю, и если раньше скрывалъ это, то теперь говорю объ этомъ громко, чтобъ знать весь свѣтъ... Отецъ, вы не понимаете того, что говорите, очевидно, передъ вами оклеветали ее. Вы можете убить меня за недостатокъ уваженія, но не смѣйте унижать ее въ моемъ присутствіи, иначе, если я услышу еще хоть одно слово, я не отвѣчаю за себя...

Монторіа, не ожидавшій ничего подобнаго, съ изумленіемъ смотрѣлъ на своихъ друзей.

— Хорошо, Августинъ, хорошо!—воскликнула Мариквилья.—Не обращай вниманія на этихъ людей. Этотъ человѣкъ не отецъ тебѣ. Дѣлай то, что велитъ тебѣ сердце. Прочь отсюда, сеньоры, прочь отсюда!

— Ты ошибаешься, Марія,—возразилъ ей молодой человѣкъ,—

я не думалъ освободить преступника и не освобожу его, но въ то же время я говорю, что не я лишу его жизни. Въ моемъ баталіонѣ есть офицеры, которые возьмутъ на себя эту обязанность. Я болѣе не военный; я ломаю мою шпагу, иду объявить объ этомъ генералу, чтобъ онъ сдѣлалъ со мной, что ему угодно.

Говоря это, онъ отстегнулъ свою шпагу, согнулъ ее о колѣно и, переломивъ пополамъ, бросилъ на землю; затѣмъ, не говоря больше ни слова, онъ повернулся и ушелъ.

— Я осталась одна! Некому защитить меня!—безнадежно воскликнула Мариквилля.

— Не обращайтесь вниманія на эту выходку моего сына,—сказалъ Монторіа.—Я самъ справлюсь съ нимъ. Дѣвушка его заинтересовала... что-жъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Эти духовныя лица всегда такъ неопытны... А вы, сеньора донья Марія, постарайтесь успокоиться. Мы не оставимъ васъ. Обѣщаю вамъ, что если вы будете хорошо вести себя, то я все сдѣлаю для васъ... Уведите-ка ее отсюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, меня не оторвутъ отъ этого мѣста!—крикнула дѣвушка въ полномъ отчаяніи.—Охъ, сеньоръ Хозе де-Монторіа! Вѣдь вы просили прощенія у моего отца; если онъ не простилъ, то я прощаю тысячу разъ, но...

— Я не могу сдѣлать того, о чемъ вы просите,—съ грустью перебила ее старикъ.—Сдѣланное преступленіе ужасно. Уйдите отсюда... Какъ все это тяжело! Но надо храбриться, Господь проститъ вамъ всѣ ваши ошибки, бѣдная сиротка. Разсчитывайте на меня... все, что могу... всякую помощь... Я очень взволнованъ не отъ одной благодарности, но и отъ жалости... Ну, пойдемте со мною, теперь безъ четверти десять.

— Сеньоръ Монторіа,—произнесла Марія, опускаясь на колѣни передъ старикомъ и цѣлуя его руки.—Вы имѣете вліяніе въ городѣ и можете спасти моего отца. Вы разсердились на меня за то, что Августинъ сказалъ, что онъ меня любитъ... Нѣтъ, нѣтъ, я его не люблю, я больше не взгляну на него... Хотя я и честная дѣвушка, но онъ знаетъ меня, и я и не думаю выходить за него замужъ. Сеньоръ де-Монторіа, ради упокоенія души вашего умершаго сына сдѣлайте это для меня! Мой отецъ невиненъ, не можетъ быть, чтобъ онъ сдѣлался измѣнникомъ. Хотя бы самъ Богъ сказалъ мнѣ это, я бы не повѣрила.

— Бѣдная, несчастная дѣвушка,—проговорилъ Монторіа, стараясь поднять ее, но она продолжала:

— Говорятъ, что онъ не былъ патриотомъ, это ложь, я утверждаю, что это ложь. Говорятъ, что онъ ничего не далъ на войну, такъ вотъ теперь онъ отдастъ все, что имѣетъ. Въ подвалѣ подъ домомъ завалено много золота. Я скажу вамъ, гдѣ оно, и вы можете все взять. Говорятъ, что онъ не вступалъ въ сраженіе, я

буду воевать за него, я уже не боюсь свиста пули и грома пушек, я полечу въ самое опасное мѣсто и буду стоять подъ такимъ огнемъ, какого не могутъ выдержать мужчины... Велите мнѣ сейчасъ же взять какой нибудь замокъ или защитить стѣну, я ничего не побоюсь, изъ всѣхъ жителей Сарагоссы я послѣдняя сдамся французамъ...

— Несчастная, добрая дѣвушка,—съ сокрушеніемъ говорилъ старикъ.—Пойдемте, пойдемте отсюда.

— Сеньоръ де-Арачели,—сказалъ, подходя ко мнѣ, командиръ крѣпости,—если капитанъ Августинъ Монторіа отказывается отъ возложеннаго на него порученія, то потрудитесь взять его на себя.

— Нѣтъ, убійцы, нѣтъ, вы не убьете невиннаго!—вскричала Мариквилля, вскочивъ, какъ разъяренная львица.—Труссы, палачи, измѣнники вы, а не онъ! Вы не можете побѣдить вашихъ враговъ, такъ вотъ хотите лишить жизни несчастнаго старика... Военные, зачѣмъ толкуете вы о чести, когда не знаете, что это такое? Августинъ, гдѣ ты?.. Сеньоръ де-Монторіа все это дѣлается ради вашей затаенной давнишней мести, потому что вы безжалостный и злой человѣкъ. Мой отецъ никому не сдѣлалъ зла. Вы хотѣли его обокрасть... Онъ былъ правъ, не желая отдавать вамъ муку, потому что эти патріоты пользуются несчастьемъ города, чтобъ набить себѣ карманъ. Ни одного сострадательнаго слова нѣтъ у этихъ жестокихъ людей для меня! Варвары, каменные люди, мой отецъ невиненъ, а если и виновенъ, то прекрасно сдѣлалъ, что продалъ городъ! Все-таки ему заплатили больше, чѣмъ вы всѣ стоите...

— Ну, уведите же ее, сеньоры,—сказалъ донъ Хозе,—уведите поскорѣй. Не можетъ же такъ продолжаться! Куда это дѣлся Августинъ?

Ее увели, и еще долго на площади раздавались ея раздирающіе душу крики.

— До свиданія, сеньоръ де-Арачели. Я пойду, поищу немного хлѣба и вина для этой несчастной сироты.

XXX.

Съ тѣхъ поръ я не могу спать; меня душитъ ужасный кошмаръ. Я хочу сгладить изъ моей памяти страшную сцену, но приходитъ ночь, другая, третья, и сцена эта встаетъ въ моемъ воображеніи. Я, который испыталъ, не сморгнувъ глазомъ, столько опасностей, я теперь дрожу, все тѣло мое вздрагиваетъ, и холодный потъ бѣжитъ со лба. Шпага, обогрѣнная французской кровью, выпадаетъ изъ моихъ рукъ, и я зажмуриваю глаза, чтобъ не видѣть, что происходитъ передо мною.

Но напрасно я гоню отъ себя эти страшные призраки, они слишкомъ глубоко запечатлѣлись у меня въ мозгу. Нѣтъ, я не спосо-

бень хладнокровно лишить жизни моего ближняго, хотя бы мнѣ приказывалъ это сдѣлать неумолимый долгъ. Почему не дрожалъ я въ траншеяхъ, а теперь дрожу? Меня охватываетъ смертельный холодъ. При мрачномъ свѣтѣ фонарей я вижу мрачныя лица, особенно одно, блѣдное, сухое, съ застывшимъ на немъ выраженіемъ ужаса, превышающаго всѣ ужасы.

Какъ сверкаютъ дула ружей... Все готово, не достаетъ только одного слова, моего слова. Я хочу произнести это слово и прикусываю себѣ языкъ. Нѣтъ, я, кажется, никогда не рѣшусь произнести этого слова!

Всѣ напряженно ждутъ, но душа моя напряжена до послѣдней степени, она возмущается этимъ закономъ, который велитъ ей положить конецъ чужой жизни. Время идетъ, и пара глазъ, которыхъ я желалъ бы никогда не видѣть, скрывается подъ повязкой. Я не могу видѣть этой сцены, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы и мнѣ также завязали глаза.

Солдаты смотрятъ на меня, и я подъ нахмуренными бровями стараюсь скрыть овладѣвшую мною слабость. Мы напускаемъ на себя ложныя чувства даже и въ трагическія минуты. Мнѣ кажется, что присутствующіе смѣются надъ моею нерѣшительностію, и это придаетъ мнѣ энергію. Тогда я заставляю языкъ мой шевелиться и кричу:

— Стрѣляй!

Страшный кошмаръ не покидаетъ меня, каждую ночь онъ воспроизводитъ передо мной то, что я не хочу видѣть. Лучше совсѣмъ не спать, и я предпочитаю безсонницу. Но глаза смыкаются сами собою, и передъ ними опять блеститъ рядъ ружейныхъ дулъ...

Еще десять дней Сарагосса не сдавалась; наплись безумные люди, которые все еще старались сохранить для Испаніи этотъ кусокъ, покрытый порохомъ и развалинами. Я былъ измученъ до такой степени, что не могъ двинуться. Люди, проходившіе мимо меня, не были уже похожи на людей. Они едва двигались отъ слабости, и ихъ лица, закопченныя дымомъ, были желты и блѣдны. Глаза, привыкшіе смотрѣть лишь на убиваемыхъ, теперь опускались къ землѣ.

Одѣты они въ лохмотья, и головы ихъ вмѣсто шапокъ повязаны какими-то рваными платками. Они до того худы, что похожи на мертвецовъ, вышедшихъ изъ улицы Умпрента, гдѣ ихъ складывали кучами. Съ невозмутимымъ равнодушіемъ строятся они въ колонны, идутъ, умираютъ, и монахи читаютъ надъ ними отходныя молитвы. Генералы, солдаты, поселяне, монахи, женщины всѣ смѣшались. Не стало ни ранговъ, ни сословій, ни половъ. Никто уже не распорядился, полнѣйшая анархія царствовала въ городѣ.

Я не знаю, что со мной происходило. Дѣйствительность и воображаемое перепутывались у меня въ головѣ. Я лежалъ у крыльца

въ улицѣ Альбардерія и дрожаль отъ холода, моя лѣвая рука истекла кровью въ рукавѣ, и я не могъ пошевелить ею. Горячка мучить меня, но я стараюсь подползти туда, гдѣ дерутся. Вокругъ меня не одни трупы. Я протянулъ здоровую руку и тронулъ за плечо знакомаго.

— Что дѣлается Sursum Corda?

— Кажется, французы пробрались въ Козо, — отвѣтилъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ. — Они взорвали больше половины города. Можетъ быть, придется сдать. Главнокомандующій заразился эпидемическимъ тифомъ и находится въ улицѣ Проповѣдниковъ. Думаютъ, что онъ умретъ... Французы придутъ... Я радъ, что умру до ихъ прихода... А какъ вы себя чувствуете, сеньоръ Арачели?

— Очень плохо. Кажется, я не могу подняться.

— А я, кажется, пока еще живъ... не думаль я этого. Господь не оставляетъ меня. Я такъ прямо и полечу на небо. Вы ужъ скончались, сеньоръ Арачели?..

Я еще не скончался и привсталъ, пытаюсь сдѣлать нѣсколько шаговъ. Придерживаясь за стѣны, я медленно двигался впередъ до зданія школы Піасъ. Нѣсколько военныхъ провожали до дверей маленькаго, худенькаго каноника, который сказалъ имъ, прощаясь:

— Мы исполнили все, что могли, человѣческихъ силъ не достаеъ на большее.

Это былъ радге Базиліо Боджіеро.

Чья-то дружеская рука поддержала меня, и я узналъ дона Рокве.

— Другъ Габріэль, — сказалъ онъ мнѣ съ горестью, — сегодня сдаеъся городъ.

— Какой городъ?

— Сарагосса.

Тутъ мнѣ показалось, что всѣ предметы повскакали съ своихъ мѣстъ. Люди и дома—все закружилось предо мною. Новая Башня качнулась на своемъ фундаментѣ и стала скрываться въ отдаленіи. Уже городскіе фонари не свѣтили. Клубы чернаго дыма подымались съ востока и запада, въ ту же сторону тянуло вѣтромъ головни и пепель. Небо уже перестало быть небомъ и сдѣлалось какимъ-то свинцовымъ, движущимся сводомъ.

— Все уходитъ, все бѣжитъ отсюда, донъ Рокве. Французы ничего не найдутъ.

— Ничего; они сегодня войдутъ черезъ заставу Анжель. Говорятъ, что мы сдались на капитуляцію на благородныхъ условіяхъ. Посмотри, вонъ двигаются призраки, защищавшіе площадь.

Дѣйствительно въ Козо дефилировали эти бойцы, которыхъ отъ войны и эпидеміи осталось чуть не по одному изъ тысячи. Это отцы, лишившіеся сыновей, братья—братевъ, мужья—женъ. Если имъ не удастся найти своихъ родныхъ между живыми, то они не найдутъ ихъ и среди мертвыхъ, такъ какъ этихъ послѣднихъ пять-

десять двѣ тысячи, и всѣ они сгруппированы въ разныхъ улицахъ, переулкахъ, домахъ, подвалахъ, траншеяхъ. Французы, войдя въ городъ, останавливаются передъ такимъ ужаснымъ зрѣлищемъ и готовы отступить. Слезы текутъ изъ ихъ глазъ, и они спрашиваютъ другъ у друга, не тѣни ли—эти тощія фигуры, бѣгущія при ихъ появленіи.

Солдатъ волонтеръ, вернувшись домой, натывается на трупы жены и дѣтей. Жена бѣжитъ къ траншеямъ, къ барикадамъ въ поискахъ за своимъ мужемъ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ; тысячи мертвецовъ молчатъ и не могутъ сказать, лежитъ ли съ ними Фулано или нѣтъ. Нѣсколько семействъ совсѣмъ не существовало, такъ какъ одинъ за однимъ гибли ихъ члены. Смерть разомъ сразила отца и сироту, мужа и вдову, жертву и глаза, которые оплакивали бы ее.

Франція ступила своей пятой на Пиренейскій полуостровъ, но не побѣдила Сарагосу, а вырвала ее изъ рукъ. Императорскіе солдаты чувствовали себя не побѣдителями, а скорѣе могильщиками этихъ пятидесяти двухъ тысячъ мертвецовъ.

Французская имперія, созданная случайнымъ гениемъ, пронеслась грозной бурей надъ Европой въ началѣ этого вѣка. Но она прошла, какъ проходятъ бури въ жизни народовъ и въ природѣ, ибо нормальное состояніе этой и другой есть спокойствіе. Мы были очевидцами этой агоніи въ 1815 году; затѣмъ имперія снова возродилась и снова пала.

Но не исчезла и никогда не исчезнетъ національность Испаніи, защищающейся противъ узурпаторства. Другія народности падутъ, но она поддержитъ свое право, защититъ его, жертвуя своей собственной кровью и жизнью, подобно тому, какъ древніе христіане проливали свою кровь на аренѣ цирка за идею христіанства. Испанія, которою несправедливо пренебрегъ Вѣнскій конгрессъ, и которой справедливо не довѣряютъ за ея постоянныя войны, плохое управленіе, безпорядокъ, разъединеніе на партіи и проч., никогда еще, съ 1808 года, не дала повода усомниться въ своей національности. И даже теперь, когда испанцы своимъ упадкомъ, больше, чѣмъ когда либо, заслуживаютъ раздѣла, подобно Польшѣ, никто не рѣшается завладѣть этимъ домомъ сумасшедшихъ.

Пылкіе, подчасъ вовсе неразумительные испанцы готовы вновь жертвовать тысячами жизней теперь, какъ и всегда, въ борьбѣ за возвышенныя идеи. Быстрыя повышенія и неожиданныя паденія, всевозможные сюрпризы посылаетъ Провидѣніе этому народу, участь котораго жить въ постоянномъ волненіи ради поддержки своихъ національныхъ правъ.

XXXI.

Было 21-е февраля. Какой-то 'незнакомый человекъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Пойдемъ, Габріэль, ты мнѣ нуженъ.

— Кто вы такой?— спросилъ я.— Я васъ не знаю.

— Я Августинъ Монторіа,— отвѣтилъ онъ.— Неужели я такъ перемѣнился? Вчера мнѣ сказали, что ты умеръ. Какъ я позавидовалъ тебѣ! Вижу, что ты такъ же несчастливъ, какъ и я, если остался живъ. Знаешь ли, другъ мой, что я сейчасъ видѣлъ! Я видѣлъ трупъ Мариквильи. Она лежитъ въ улицѣ Антонъ Трильо, у входа въ садъ. Пойдемъ и похоронимъ ее.

— Я самъ годенъ скорѣе для похоронъ, чѣмъ хоронить когонибудь. Кто занимается теперь этимъ? Отчего умерла эта дѣвушка?

— Ни отчего, Габріэль, ни отчего.

— Такъ нельзя умереть, я не понимаю.

— У Мариквильи нѣтъ ранъ, и по лицу ея не замѣтно, чтобъ она умерла отъ эпидеміи. Она какъ будто уснула. Она лежитъ лицомъ къ землѣ и руки прижала къ ушамъ, какъ будто ничего не хочетъ слышать.

— Прекрасно дѣлаетъ. Ей тяжело слышать звуки выстрѣловъ. Я до сихъ поръ испытываю то же самое.

— Пойдемъ со мной, и помоги мнѣ. Я принесъ заступъ.

Съ великимъ трудомъ добрался я до того мѣста, куда мой другъ вмѣстѣ съ другими двумя товарищами влекли меня. Глаза мои не могли ясно различать предметовъ, когда я увидалъ передъ собою лежащую фигуру. Августинъ при помощи товарищей подыалъ это безжизненное тѣло. Мнѣ показалось, что я рассмотрѣлъ это лицо, узналъ его, и острая боль сжала мнѣ сердце.

— На ней нѣтъ ни малѣйшей раны,— говорилъ Августинъ,— ни капли крови не видно на ея платкѣ. Ея вѣки не ввалились, какъ у умершихъ отъ эпидеміи. Марія просто умерла. Ты видишь ее, Габріэль? Эта фигура, лежащая на моихъ рукахъ, какъ будто никогда не жила; она похожа на прекрасную восковую статую, которую я любилъ воображеніемъ, представляя ее себѣ живой, говорящей, движущейся. Ты видишь ее? Я жалѣю, что всѣ жители улицъ вымерли. Еслибъ они были живы, я позвалъ бы ихъ, чтобъ сказать, что я ее любилъ. Зачѣмъ я скрывалъ это, какъ преступленіе? Марія, Мариквилья, жена моя, зачѣмъ ты умерла безъ ранъ и безъ болѣзни? Что съ тобой, что ты? Что было съ тобой въ послѣднія минуты? Гдѣ ты теперь? Думаешь ли ты? Вспоминаешь ли ты меня, сознаешь ли, что я существую? Марія, Мариквилья, почему я живъ, а тебя нѣтъ? Куда мнѣ дѣться, чтобъ ты меня слышала, чтобъ ты меня видѣла? Вокругъ меня все темно, съ тѣхъ

поръ какъ ты закрыла глаза. Долго ли продлится эта ночь моей души, это одиночество, въ которомъ ты меня оставила! Я не могу жить. Отчаянье овладѣло моей душой, и напрасно я призываю на помощь Бога. Господь не хочетъ услышать меня, и съ тѣхъ поръ какъ ты ушла, Мариквилья, весь мѣръ опустѣлъ.

Шумъ многочисленныхъ шаговъ долетѣлъ въ это время до нашего слуха.

— Это французы идутъ въ Козо, — сказала одинъ изъ товарищей.

— Друзья мои, ройте скорѣе могилу, — обратился Августинъ къ товарищамъ, рывшимъ глубокую яму подъ кипарисомъ, — иначе придутъ французы и отымутъ Мариквилью.

Одинъ человекъ показался въ улицѣ Антонъ Трильо, и, остановившись у развалившагося забора, сталъ смотрѣть черезъ него. Я увидалъ его и вздрогнулъ. Онъ до того измѣнился, что казалось, двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ: лицо было мертвенно блѣдно, глаза ввалились, спина сгорбилась, походка стала неувѣренная. Вся его одежда была въ лохмотьяхъ и въ грязи. Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ я принялъ бы его за восьмидесятилѣтняго нищаго старика. Подойдя къ намъ, онъ произнесъ слабымъ, чуть слышимымъ голосомъ:

— Августинъ, дитя мое, что ты дѣлаешь?

— Отецъ, — не смущаясь отвѣтилъ ему молодой человекъ, — я хороню Мариквилью.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Зачѣмъ столько вниманія постороннему человекъ? Тѣло твоего брата до сихъ поръ лежитъ безъ погребенія между тѣлами другихъ патриотовъ. Почему ты оставилъ твою мать и сестру?

— Моя сестра окружена любящими ее и заботящимися о ней людьми, а у этой никого нѣтъ, кромѣ меня.

Донъ Хозе де-Монторія, лицо котораго было мрачнѣе и сосредоточеннѣе, чѣмъ когда либо, ничего не сказалъ и только сталъ засыпать землю глубокую яму, въ которую положили тѣло прелестной дѣвушки.

— Бросай скорѣй землю, сынъ мой, бросай скорѣй, потому что все кончено, — воскликнулъ онъ наконецъ. — Французовъ впустили въ городъ, когда еще можно было продержаться лишнихъ мѣсяца два. Эти люди не имѣютъ души. Пойдемъ, мнѣ надо поговорить съ тобою.

— Отецъ, — возразилъ Августинъ твердымъ голосомъ, — французы вошли въ городъ, и заставы стали свободны. Теперь десять часовъ; въ два я выйду изъ Сарагоссы и отправлюсь въ монастырь Веруэла, гдѣ думаю и умереть.

Согласно условію, гарнизонъ долженъ былъ выйти на встрѣчу французамъ къ заставѣ Портилью. Я былъ такъ слабъ отъ полу-

ченной мною раны и голода послѣднихъ дней, что товарищи почти понесли меня на рукахъ. Я мелькомъ видѣлъ французовъ, которые скорѣе съ грустью, чѣмъ съ радостью, вступали во владѣніе городомъ, или, вѣрнѣе, страшными, ужасающими развалинами. Это былъ городъ горя и отчаянья, достойный быть оплаканнымъ Іереміей и воспѣтымъ Гораціемъ.

— Габріэль,— говорилъ мнѣ донъ Рокве,— никогда не думалъ я, что французы будутъ такъ жестоки, я думалъ, что геройская защита города возбудитъ въ нихъ болѣе человѣческія чувства. Недавно изъ Эбро вынули два трупа, уносимыхъ теченіемъ, это двѣ жертвы французскаго генерала Ланеса—Сантъ-Яго Сасъ, командиръ храбрыхъ волонтеровъ Сантъ-Педро, и радге Базиліо Боджіеро, другъ и помощникъ Палафокса. Говорятъ, что радге Базиліо позвали въ полночь, ссылаясь на какое-то важное дѣло, и когда онъ вышелъ, его подхватили на пики и затѣмъ бросили въ рѣку. То же самое сдѣлали и съ Сасомъ.

— А нашего друга и покровителя, дона Хозе де-Монторіа, пощадили ли по крайней мѣрѣ?

— Пока еще онъ живъ, но его собираются разстрѣлять... ни больше, ни меньше. Видалъ ли ты когда нибудь подобныхъ звѣрей? Палафокса, кажется, отправятъ въ числѣ плѣнниковъ во Францію и не лишатъ его жизни. А что ты скажешь объ этомъ маршалѣ Ланесѣ? Представь себѣ, что онъ сдѣлалъ; онъ велѣлъ принести изъ Пиларскаго собора всѣ драгоценности Богоматери, ссылаясь на то, что въ церкви онѣ могутъ пропасть. Когда онъ увидалъ эти чудные брилліанты, изумруды, сапфиры, онъ былъ такъ очарованъ ими, что взялъ себѣ. Чтобы скрыть это воровство, онъ увѣряетъ, будто комитетъ сдѣлалъ ему этотъ подарокъ... А бѣдный донъ Хозе де-Монторіа, какъ онъ грустенъ! Смерть старшаго сына и рѣшеніе младшаго уйти въ монастырь совсѣмъ подорвали его нравственныя и физическія силы. Если даже французы и пощадятъ его, онъ недолго проживетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ АПРѢЛѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 32-й.

- Абессинцы** въ борьбѣ за свободу. Съ картою. Составили Л. Т. и В. Л. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.
- Абозинъ, И.** Доходное птицеводство въ мелкихъ хозяйствахъ. Съ 34 рис. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.
- Александровъ, Н.** Руководство для судебныхъ приставовъ, полиціи и взыскателей. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Аленъевскій, А.** Памяти Императора Всероссийскаго Александра III. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Аленъенно, М.** Конспектъ финансоваго права. Русскіе финансы. Харьковъ. 1894 г. Ц. 4 р. 20 к.
- Андре.** Проектъ полярнаго путешествія на воздушномъ шарѣ. Перев. съ шведскаго. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Андрюевъ, Ив.** Константинопольскіе патриархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Андріевскій, А.** Послѣдніе кievскіе сотники. Киевъ. 1896 г. Ц. 50.
- Appuaire, Diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1896** г. Ц. 1 р. 60 к.
- Антоній** (архимандритъ). Нравственное учене въ сочиненіи Толстого: «Царство Божіе внутри васъ» предъ судомъ ученія христіанскаго. Казань. 1896 г. Ц. 20 к.
- Афоризмы** изъ сочиненій Герберта Спенсера. Съ портретомъ. Перев. съ англ. подъ ред. Вл. Соловьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бантышъ-Каменскій, Н.** Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть вторая (Германія и Италія). М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Балетъ и эстетика.** Съ портретомъ артистки Цалисонъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.
- Батеньковъ, М.** Руководство производить ревизіи и повѣрять отчеты въ банкахъ, правленіяхъ акціонерныхъ обществъ, коммерческихъ конторахъ, земскихъ, городскихъ и др. обществъ, учрежденіяхъ. Нижній-Новгородъ. 1896 г. Ц. 60 к.
- Безъръ, В.** Сборникъ разъясненій Правительствующаго Сената, министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и всѣхъ позднѣйшихъ узаконеній и распоряженій правительства, касающихся судебной и административной дѣятельности провинціальныхъ учрежденій 12-го юля 1889 г. М. Ц. 75 к.
- Благовидовъ, М.** Русская земля (природа, страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Т. III. Волга-Матушка. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Буасье, Г.** Картины древне-римской жизни, очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Буловскій, А.** Нѣкоторыя резиновыя издѣлія съ гигиенической точки зрѣнія. Диссертация. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Буренинъ, В.** (Графъ Алексисъ Жасминовъ). Голубые звуки и бѣлая поэма. Изданіе второе, дополненное пьесами «Віанка Капелло» и «Черная смерть». Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Будинскій, П.** Сочиненіе И. Варсукова «Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій». Рецензія. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Бѣлоусовъ, Я.** Наблюденія и замѣтки учителя рисованія. (Матеріалы для преподаванія съ пояснительн. чертежами). Севастополь. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бычихинъ, А.** Анализъ почвы и золы. Первоначальные методы анализа, принятые на конгрессѣ 1893 г. въ Чикаго собраніемъ прісляжныхъ агрономовъ Соединенныхъ Штатовъ. Перев. съ франц. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.
- Профессоръ Павелъ Андреевичъ Костычевъ. Краткій обзоръ научной и педагогической его дѣятельности. Одесса. 1896 г. Ц. 30 к.
- Вахтинъ, В.** Морская практика (Руководство для учениковъ мореходныхъ классовъ). Т. I. Курсы младшаго класса. Вооруженіе судовъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Венгеровъ, С.** Русскія книги. Съ биограф. данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Вып. III. Акавиентъ—Александровъ. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.
- Вестермаркъ, Е.** Исторія брака. М. 1896 г. Ц. 60 к.
- Вечера въ родной семьѣ.** Сказки. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Всероссійская Выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. Изданіе Высочайше утвержденной комиссіи по усуровству выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ 80 рисунками художн. Н. Самокиша и Н. Кравченко, тремя планами. Ц. въ издѣнной папкѣ 60 к.

Вундъ, В. Индивидуумъ и общество. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 20 коп.

Гельмгольцъ, Г. О взаимодѣйствіи силъ природы. Перев. съ нѣм. Я. Самойлова. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Гендрихъ, Б. Краткій, методическій курсъ нѣмецкаго языка для гимназій и прогимназій. Ч. I. Харьковъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Герасимовъ, П. Убіиство на границѣ. Разсказъ защитника. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Герцъ, Л., д-ръ. Электричество и его приженія. Книга для изученія и для чтенія. Съ 377 рис. Цѣна по подпискѣ 3 р.

Гнейстъ, Р. Правовое государство и административные суды Германіи. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системамъ Де-Кандоля. Подъ ред. А. Θ. Ваталина. Вып. I. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Григорова, Е. Виллаамъ Шекспиръ. Для юношескаго возраста. Съ портретомъ и рисунками. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Громачевскій, С. Охранительное судопроизводство. Практическое пособіе къ веденію бесспорныхъ дѣлъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гротъ, П. Физическая кристаллографія и введеніе къ изученію кристаллографическихъ свойствъ важнѣйшихъ соединеній. Съ 702 рис. Часть I. Физическія свойства кристалловъ. Спб. 1896 г. Ц. за 3 части—10 р.

Грунвальдъ, М. Принудительный курсъ и возстановленіе валюты въ Италіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Гурьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гюго, В. Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, подъ ред. И. Тхоржевскаго. Вып. XIII. Ц. 20 к.

Gullergre, A., d-g. Лечение внушеніемъ и приженіемъ его въ нервныхъ и психическихъ болѣзняхъ въ хирургіи, акушерствѣ и педагогикѣ. Перев. съ фран. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Далекое прошлое Турнестана. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Даневскій, В. (проф.). По поводу предстоящей реформы нашего судопроизводства. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Даневскій, В. Особалчазе уголовнаго права. Харьковъ. 1896 г. Ц. 2 р. 75 к.

Дашневичъ, Н. Разборъ сочиненія В. Θ. Шидлера «Эсккурсъ въ область русскаго народнаго эпоса», I—VIII. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Дворецъ Юстиціи въ Парижѣ. Его обитатели и нравы. Судебныя учрежденія во Франціи. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Джерольдъ, Д. Моя благовѣрная. (Тридцать шесть ея поученій). Спб. 1896 г. Ц. 1 руб. 50 к.

Джеромъ, К. На подмосткахъ. Съ англ. Съ рис. Спб. 1896 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Джорджъ, Г. Прогрессъ и бѣдность. Исслѣдованія причинъ упадка промышленности и увеличенія бѣдности, растущей вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства. Средства помощи. Перев. съ англ. А. Сахаровой, подъ ред. А. К. Шеллера (Михайлова). Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Дмитріевъ, Д. Два Императора, Историч. повѣсть. М. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Зачало Москвы и бояринъ Кучка. М. 1896 г. 75 к.

Долговъ, А. Очеркъ военно-морской администраціи. Руководство для гардемаринъ Морского Кадетскаго корпуса. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 20 к.

Друммондъ, Г. Прогрессъ и эволюція чело-вѣка. Перев. съ англ. Н. А. Иванцова. М. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Дѣдовъ, М. Священное корованіе русскихъ государей (1114—1883 гг.) Новгородъ. 1896 г. Ц. 25.

Демолэмъ, Э. Какъ воспитывать нашихъ дѣтей. Пер. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Д-шtedтъ, Н. «Въ свободную минуту». Разсказы, очерки, стихотворенія и 200 шарадъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Ежегодникъ министерства иностранныхъ дѣлъ 1896 г. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Езерская, Л. Французскіе сыры. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Ельминскій, М. Избранныя педагогическія статьи. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ея ирейцорова соната. Изъ дневника г-жи Поздышевой. Перев. съ нѣм. 1896 г. Ц. 50 к.

Жеденовъ, М. Сельскія пожарныя команды. Руководство съ организаціи ихъ безъ особыхъ денежныхъ затратъ. Съ 5 рис. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Журналъ юридическаго общества. Апрель. 1896 г. Ц. 2 р.

Закревскій, Игн. Еще о судѣ присяжныхъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Заленскій, В. Основныя начала общей зоологіи. Принципы строенія и развитія животныхъ. Теорія эволюціи. Съ 68 рис. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Захарыинъ, И. (Лжунинъ). Грезы и пѣсни. Стихотворенія. Изд. 4-е. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Зелинскій, В. Прибавленіе ко второму изданію двухъ выпускныхъ книги: Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М. 1896 г. Ц. 80 к.

Золотаревъ, Л. Устои семьи. Гигіеническія и психологическія условія брака. М. 1896 г. Ц. 30 к.

— Гигіена брака. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Золотницкій, Вл. (врачъ). Вѣсды о заразныхъ болѣзняхъ и средствахъ борьбы съ ними. Нижній-Новгородъ. 1895 г. Ц. 10 к.

Ибсенъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. I. «Нора» въ перев. П. И. Вейнберга. — «Столы общества», пер. I. Юровскаго. — «Привидѣнія», перев. К. Вальмонта. Спб. Цѣна по подпискѣ 3 р. 50 к.

Ивановскій, В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. III. Мѣстныя установленія, исторія ихъ и современная организація губернскихъ установленій. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

- Ивановъ, І.** Руководство для работы лошади на вольту подъ приборомъ берейтора Иванова. Съ 10 рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.** 1896 г. Т. I., книжка 1-я. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Истоминъ, В.** Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и И. И. Дмитріева въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксисъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р.
- Юнакъ, М.** Мечта и жизнь. Перев. А. Перелыгинной. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Юнинъ, А.** По Южной Америкѣ. Т. I. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Кандолль (де), А.** Жизнь и труды Франсуа Губера, швейцарскаго пчеловода-слѣпца. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Каръевъ, Н.** Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 6-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Кассо, Л.** Обзоръ остзейскаго гражданскаго права. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 60 к.
- Келлеръ, К., проф.** Жизнь моря, животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Съ 300 рис. Вып. III. Ц. 60 коп.
- Кенигсбергъ, М.** Современное ученіе о дифтеріи. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 75 к.
- Керенскій, Вл.** Старо-католическій епископъ Юсифъ Губертъ Рейнкепсъ. Казань. 1896 г. Ц. 20 к.
- Кирпотенко, А.** Прогулка въ сторону чудесъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Киръевъ, П.** Общедоступное руководство къ постройкѣ огнеупорныхъ сельскихъ зданій. Съ 90 рис. Рязань. 1896 г. Ц. 50 к.
- Кистяковскій, А.** Исслѣдованіе о смертной казни. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Клинге, А.** Перевозочный матеріалъ и средства для перевозки. Прописи для приготовленія ихъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Книжный Вѣстникъ, № 2.** Ц. 30 к.
- Комаровъ, М.** Что такое механотерапія и какъ ею пользоваться. М. 1896 г. Ц. 25 к.
- Коренблитъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. ХХVIII. Ц. 40 к.
- Королевъ, Ф.** Сельское строительное искусство. Съ 418 чертежами. Изд. 2-е, безъ измѣненій. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Cosmopolis. Revue internationale.** Avril. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Красовъ, А., свящ.** Зыряне и св. Стефанъ, епископъ персскій. Къ 500-й годовщинѣ ко дню кончины святого Стефана, просвѣтителя зырянъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к., на вел. бум. 2 р.
- Краткій курсъ общей хирургіи.** Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Кремне.** Руководство къ разбѣлкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ съ полными таблицами и чертежами. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Кулешовъ, П.** Овцеводство. Изд. 2-е, просмотрѣнное и дополненное. Съ 100 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Мупреяновъ, Л.** Основанія и таблицы для вычисленія единовременнаго вознагражденія потерпѣвшихъ по желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ несчастіямъ (683 ст. X т. I ч.). Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Мутеловъ, Н.** Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI в. Т. I. Спб. 1896 г. Ц. 50 р.
- Лацарусъ, М.** Взаимодѣйствіе души и тѣла. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Лебедевъ, В.** Вѣроятныя операціонныя линіи въ случаѣ войны Франко-русскаго союза съ германо-австро-итальянскимъ. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Легуве, Э.** Исторія духовной жизни женщинъ. Семь избранныхъ главъ. М. 1896 г. 75 к.
- Легуве.** Чтеніе, какъ искусство. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Литвинъ, С.** Въ лѣсахъ и подпольяхъ. Историческій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Литературный сборникъ произведеній студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета подъ ред. Д. Григоровича, А. Майкова и Я. Полонскаго.** Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Лишинъ, К.** Замѣтки о почтово-телеграфныхъ нуждахъ въ провинціи 1894—95 гг. 2-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 70 к.
- Ломанъ, Д.** Ко дню Священнаго Коронованія и муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Чтеніе для народа съ 20 картинами. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.
- Лундрейнъ, М.** Русскій уголовный процессъ (краткій курсъ) по судебнымъ уставамъ Императора Александра II и Положенію и правиламъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ и городскихъ судьяхъ, примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Львова, А.** Новый сборникъ стихотвореній. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетъ 2 р. 50 к.
- Мальмбергъ, Вл.** Успѣхи современной археологіи. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 20 к.
- Замѣтки къ вопросу о мѣтопахъ Парвенона. Съ таблицей. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 20 к.
- Манасевичъ, Ю.** Философскіе этюды. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Марно-Вовчичъ.** Три доли. Повѣсть М. 1896 г. Ц. 10 к.
- Мармери, Дж.** Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе причины и результаты. Пер. съ англ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Марксъ, К.** Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Перев. съ нѣм. М. 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Матченко, И.** Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Основныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Кіевъ. 1895 г. Ц. 40 к.
- Медвусъ, П., д-ръ.** Волѣзни нервной системы. Пер. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.
- Мерчингъ, Г.** Механическая и электрическая тяга судовъ на искусственныхъ вода-

- ныхъ путяхъ (каналахъ). Съ 17 листами чертежей. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Мечъ, С.** Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школахъ. Изд. 4-е. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мещерскій, А.** Письма деревенскаго хозяина. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Михайловскій, Д.** Иностранные поэты въ переводахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. за 2 тома 3 р.
- Мижуевъ, П.** Изъ Амось Коменскій (Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ). Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Миклашевскій, А.** Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Москвичъ, Гр.** Практическій путеводитель по Крыму. 5-е изд. Одесса. 1896 г. Ц. 1 р.
- Мостовскій, М.** Вѣра и отчизна. Живое слово для народнаго чтенія. М. 1896 г. Ц. 65 к.
- Науманъ, Эм., проф.** Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Ц. по подпискѣ 10 р.
- Неозоровъ, Н.** Изъ путевыхъ педагогическихъ замѣтокъ о школахъ въ Германіи, Франціи, Италіи и Австріи. Спб. 1896 г. Ц. 70 к.
- Николюскій, А.** Сборникъ стихотвореній и басенъ. Для заучиванія наизусть. Съ присоединеніемъ статьи: О воспитательно-образовательномъ значеніи чтенія книгъ и заучиванія наизусть избранныхъ поэтическихъ образцовъ. Изд. 2-е. Нижній-Новгородъ. 1895 г. Ц. 1 р. 10 к.
- Нимейеръ, П., д-ръ.** Уеморія, золотухи, лихорадки, отмороженіе, кровоточеніе и пр. Гигіена и леченіе. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Недоразумѣнія** по вопросу о выкупѣ городовъ войны въ С.-Петербургѣ. М. Д. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Новиковъ, Н.** Живописецъ. Избранныя статьи изъ «Живописца». — Извлеченіе изъ «Трутня». Матеріалы для изученія писателя. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.
- Ногувскій, Д.** Новое изданіе буколикъ и георгикъ Виргилія О. Риббека. Казань. 1896 г. Ц. 30 к.
- Нордау, М.** Вырожденіе. Перев. съ нѣм. В. Гелкена. Изд. 2-е. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Вып. IV. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Нюрнбергъ, А.** Городовое положеніе. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Образованіе.** Педагогическій и научно-популярный журналъ. Апрель. 1896 г. Ц. 60 к.
- Одарченко, Николай Филипповичъ.** Съ приложеніемъ портрета. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.
- Онешникова, Эл.** Милордъ, Вабулка. Перев. съ польскаго. В. Лаврова. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- **Надъ Нѣманомъ.** Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. съ польскаго. В. Лаврова. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ольмютъ, Л.** Маленькія женщины уже взрослыя. Повѣсть для дѣтей старш. возраста. Це-
- рев. съ англ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оршанскій, И., проф.** Законы наслѣдственности. Съ предисловіемъ проф. Ц. Ломброзо. Харьковъ. 1896 г. Ц. 60 к.
- Оствальдъ, В.** Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Остроумовъ, М.** Краткіе отвѣты на вопросы министерской программы по церковному праву. Харьковъ. 1894 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Пантоховъ, И.** О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Паргаминъ, М.** Наслѣдственность и гигиена брака. Воронежъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Перцовъ, П.** Философскіе теченія русской поэзіи. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Петерсонъ, О., и Балабанова, Е.** Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлиннымъ текстомъ. Т. I. Романскіе народы: Франціи, Испанія. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Подоба, Ѳ.** Собраніе задачъ для упражненій на счетахъ въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Съ введеніемъ вмѣсто руководства. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Подрезъ, А.** Хирургическія болѣзни моче-выхъ и половыхъ органовъ. Часть I. Болѣзни мочеиспускательнаго канала. (Съ 50 рис.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. Ч. II. Болѣзни предстательной железы и мочевого пузыря. Съ 108 рис. Харьковъ. 1896 г. Ц. 5 р.
- Позняковъ, Н.** Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Полный путеводитель по Петербургу и всѣмъ его окрестностямъ.** Съ описаніемъ достопримѣчательныхъ зданій, сооружений и памятниковъ; планами театровъ и приложеніемъ плана столицы съ окрестностями. Составилъ Ф. Домбровскій. Спб. 1896 г. Ц. въ переплетѣ 1 р. 65 к.
- Пономаревъ, С.** Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Поповъ, А.** Главнѣйшія событія русской исторіи церковной и гражданской. Сборникъ для народнаго и школьнаго чтенія. Т. II. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Поповъ, П., проф.** Острое безсмысліе. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.
- Починъ.** Сборникъ общ. любителей російской словесности на 1896 г. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ (паровознымъ), открытымъ для общественнаго пользованія, дополненъ по 1-е янв. 1891 г.** Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Пѣвниціи, В.** Ученіе отцовъ церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской. Ч. II. Ученіе о жизни христіанской. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Пѣтуховъ, Е.** Изъ бумагъ П. I. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 50 к.

- Ренлю, Э.** История горы (для юношества). Перев. съ франц. Д. Коропчевскаго. М. 1896 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к.
- Швеція и Норвегія. Перев. съ франц. П. Н. Краснова. Съ 75 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Рентгенъ.** Новый родъ лучей. Общедоступное изложене д-ра В. Ворхардта. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Родныя пѣсни.** Сборникъ стихотвореній Н. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова и другихъ. М. 1896 г. Ц. 10 к.
- Ростанъ, Эдм.** Принцесса Греза. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Перев. съ франц. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Рубанинъ, Н.** Рассказы о друзьяхъ человечества. 6 биографій для юношества. Съ портретами. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Рубецъ, А.** Альбомъ мелкихъ пьесъ для фортепiano. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- «Русская Бесѣда». Мартъ. Ц. 1 р.
- Сазоновъ, Г.** Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.). Т. I. Спб. 1869 г. Ц. 2 р.
- Сазоновъ, Г.** Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.). Т. II. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Сазоновъ и Бѣльскій.** Полный русскій письменникъ. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Салась, Е.** Собрание сочиненій. Т. XV. Дзеттагура. — Панъ Круль. — Заира. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Самборскій, С.** Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.
- Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго общества.** Т. 8. Харьковъ. 1896 г. Ц. 3 р.
- Свѣтловъ, В.** Призраки минувшаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ», № 25. Ц. 20 к.
- Сениовичъ, Г.** Каю грядеша? (Quo vadis). Романъ изъ временъ Нерона. Переводъ съ польскаго, В. Лаврова. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сергѣевичъ, В.** Русскія юридическія древности. Т. II. Влсти. Вып. II. Совѣтники князя. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Сибирскій дорожникъ.** Изданіе 6-е. Томскъ. 1896 г. Ц. 10 к.
- Сидоровъ, В.** Драматическія сочиненія. Т. V. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 1890—1894 гг.** Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Смирновскій, П.** Николай Васильевичъ Гоголь. Его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его сочиненій. Т. I. Ц. 35.
- Собно, Н.** Словарь русскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (XI—XX вв.). Т. II, вып. 1. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Собѣстіанскій, Иванъ Михайловичъ.** Съ прилож. нѣмъ портрета. Харьковъ. 1896 года. Ц. 20 к.
- Соколовъ, Дм.** Искупленіе рода человѣческаго Господомъ Иисусомъ Христомъ. Историческій очеркъ изъ сочиненій Ед. Прессансе «Le Rédempteur». Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Сологубъ, Ф.** Тяжелые сны. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій (по свѣдѣніямъ на 1896 г.).** Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Спутникъ велосипедиста.** Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Степовичъ, А.** Къ 100-лѣтню рожденія Яна Коллара, пѣвца и проповѣдника «Славянской взаимности». Кіевъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Ворьба и смѣна главнѣйшихъ теченій и направленій въ новой славянской словесности. Кіевъ. 1895 г. Ц. 15 к.
- Изъ семасіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашебскаго нарѣчія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 10 к.
- Главнѣйшія направленія въ новой чешской словесности, ихъ смѣна и взаимное отношеніе. Кіевъ. 1892 г. Ц. 15 к.
- Стивенсъ, Т.** Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Часть I. Перев. съ англ. Ц. 50 к.
- Страховъ, М.** Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣчаніями, съ 306 рис. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 70 к.
- Струйскій, В.** Русскій альманахъ охоты. Иллюстрированный сборникъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Сумцовъ, Н.** Сказанія о провалившихся городахъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.
- Сухомятиновъ, В.** Мюратъ, Іоакимъ-Наполеонъ, король обѣихъ Сицилій. Его смерть. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Схема Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.** Изданіе И. Зауэръ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- «Сѣверный Вѣстникъ», апрѣль, 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Танатаръ, С., и Гершиновичъ, М.** Теорія растворовъ. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.
- Тазъ, М.** Приключенія Финна. Съ 172 рис. Пер. съ англ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 75 к.
- Тонвилъ.** Старый порядокъ и революція. Перев. подъ ред. проф. Виноградова. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Торнау, Н., баронъ.** Объяснительный текстъ и указатель къ учебному Историческому атласу. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Учебный историческій атласъ. 72 карты. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 65 к.
- Указатель фабрикъ и заводовъ Южнаго края, С.-Петербурга и Варшавы.** Вильна. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Успенскій, Д., д-ръ.** Органотерапія. Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Новые способы леченія болѣзней по методу Brown-Séguard'a. Съ 17 рис. 1896 г. Ц. 3 р.
- Федотовъ, Н.** Новый иллюстрированный путеводитель по дачнымъ, водолечебнымъ и живописнымъ мѣстностямъ Финляндіи. Съ картою и словаремъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Планы и рисунки къ путеводителю по Финляндіи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Фельмиеръ, Мл. Вопросы русскаго землевладѣнія. Киевъ. 1896 г. Ц. 75 к.
- Феонтистовъ, Ив. Русскія народныя басни и сказки о звѣряхъ. (По Аванасѣву и др.). Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейнманъ, М. Практическія свѣдѣнія о зубахъ, ихъ болѣзняхъ, гигиенѣ и проч. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Филевичъ, И. Исторія древней Руси. Т. I. Территорія и населеніе. Варшава. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Филиппъ, Дж. Техно-химическій анализъ. Практическое руководство. Перев. съ англ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Фофановъ, Н. Стихотворенія. Часть первая. Маленькія поэмы. Часть вторая. Этюды въ рямахъ. Часть третья. Снѣгурка. Часть четвертая. Майскій шумъ. Спб. 1896 г. Ц. каждой части 50 к.
- Хвольсонъ, О., проф. Лучи Рентгена. Публичная лекція. Съ 5 рис. Спб. 1896 г. Ц. 40 коп.
- Хорватъ, А., проф. О гипертрофій сердца. (Изъ лекцій по общей патологіи). Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Циммерманъ, А., д-ръ. Микроскопъ. Руководство для научной микроскопіи. Съ 241 рис. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Цытовичъ, М. Начала теоріи вѣроятностей и примѣненіе ея къ основнымъ вопросамъ пристрѣлки. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Чеховъ, А. Пестрые рассказы. Изд. 8-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Вабье царство. Рассказъ. М. 1896 г. Ц. 20 к.
- Чиркинъ, Л. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Шаховская, Л. Конецъ римской доблести. Историч. романъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейновскій, П. Судь общества офицеровъ и дуэль въ войскахъ Россійской арміи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шевченко, С. Иллюстрированный Кюбзарь. Иллюстрировалъ М. Мякѣшинъ. Съ малороссійскимъ и русскимъ текстомъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шенспиръ. Сочиненія въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. V. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шелли. Сочиненія. Переводъ К. Вальмонта. Вып. 4-й. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы подъ ред. П. Вейнберга. Вып. М. 1896 г. Ц. по подпискѣ на все сочин. 6 р.
- Шостаковъ, П. Къ вопросу о вліяніи курса кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Энциклопедическій словарь. Полутомъ 34-й. Ледь—Лопаревъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Этингеръ, Я. О преподаваніи земледѣлія и садоводства въ европейской школѣ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Янишевскій, С. Ноябрь 1895 г. Сборникъ стихотвореній. М. 1896 г. Ц. 50 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. №. 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1896 г.

	стр.
I. Сильфида. Романъ. Часть вторая. Гл. VI. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	745
II. Записки Рафаила Михайловича Зотова . I—III	762
III. Эпизоды изъ Кавказской войны. В. М. Антонова	798
IV. Дипломатъ по неволѣ. Графъ Петръ Александровичъ Толстой. Н. К. Шильдера	822
V. Изъ воспоминаній туркестанца. Д. Л. Иванова	830
VI. Очерки Курляндской старины. (По поводу столѣтія присоединенія Курляндіи къ Россіи). Гл. I. Е. А. Военскаго	860
<p>Иллюстраціи: 1) Мятава въ 1703 году.—2) Митавскій замокъ въ XVII вѣкѣ.—3) Яковъ Кетцлеръ, герцогъ Курляндскій.—4) Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ Курляндскій, супругъ царицы Анны Иоанновны.—5) Карлъ, принцъ Саксонскій, герцогъ Курляндскій.—6) Эрнстъ-Иоаннъ Виронъ, герцогъ Курляндскій.—7) Бенigna Готлибъ Виронъ, герцогиня Курляндская.—8) Петръ Виронъ, послѣдній герцогъ Курляндскій.</p>	
VII. Воспоминанія пропадающаго человѣка. XIII. (Продолженіе). Н. И. Свѣшниковъ	882
VIII. Шевченко въ Петербургѣ. (1858—1861 гг.). А. А. Благовѣщенскаго	896
IX. Изъ старой записной книжки. П. Б. Мартянова	906
X. Новый сборникъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ. И. Н. Полевого	915
XI. Литературная молодежь. В. В. Глинскаго	922
XII. Пioneры просвѣщенія въ Западной Сибири. IV—VI. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	961
XIII. Воспоминаніе объ А. К. Жизневскомъ. И. Н. Полевого	985
XIV. Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ . (Некрологъ). Н. А. Афанасьева	990
<p>Иллюстрація: Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ.</p>	
XV. Егоръ Егоровичъ Замысловскій . (Некрологъ). Г. Л. И.	998
<p>Иллюстрація: Егоръ Егоровичъ Замысловскій.</p>	
XVI. Критика и библиографія	1006
<p>1) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ третій. Юльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Сздатева. Москва. 1896. А. М.—2) А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896. С. Р. Г.—3) Графъ Л. Н. Толстой. Р. Левенфельда. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1896. А. Фаресова.—4) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковскаго. Спб. 1896. Б. Глинскаго.—5) Очиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ф. Шерна.—6) Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Безсмертіе души. Пер. А. Николаева, подъ ред. Е. Воброва. Юрьевъ.</p>	

См. слѣд. стр.

1895. Р. С.—7) М. М. Филипповъ. Философія дѣятельности. Спб. 1896 г. Р. С.—8) Памятная книжка окончившихъ курсъ С.-Петербургской духовной семинаріи. Съ 1811 г. по 1895 г. Составилъ Н. А. Скроботовъ. Спб. 1896. С. Ш.—9) Памятная книжка Владимірской губерніи. 1895 г. А. Ф.—ва.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1019

1) Новое рукописное евангеліе и египетская надпись объ исходѣ евреевъ.—2) Всеобщая исторія въ древности.—3) Нѣмцы въ Австро-Венгріи до X столѣтія.—4) Тысячелѣтіе Венгріи.—5) Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи.—6) Возстаніе французскихъ поселянъ и положеніе сельскихъ рабочихъ въ Виргиніи въ XVII вѣкѣ.—7) Свадьбы английской королевы Елизаветы.—8) Лекція Фруда о Триентскомъ соборѣ.—9) Малыя Аонны въ Италіи XVI столѣтія.—10) Борьба венеціанскаго правительства съ модой въ XVIII вѣкѣ.—11) Г-жа Дю-Варри черезъ французскія и английскія очки.—12) Княгиня Чароитская и Александръ I.—13) Смерть историка Тречке, экономиста Леона Ов, наследника австрійскаго престола и персидскаго шаха.

XVIII. Смѣсь 1041

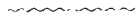
1) Пятисотлѣтіе кончины св. Стефана Пермскаго.—2) Актъ въ археологическомъ институтѣ.—3) Присужденіе премій митрополита Макарія.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Тверская ученая архивная коммиссія.—6) Симбирская ученая архивная коммиссія.—7) Петровское общество изсѣдователей Астраханскаго края.—8) Минусинскій мѣстный музей и общественная бібліотека.—9) Выставка древностей.—10) Возобновленіе стараго печатнаго двора.—11) Освященіе памятника Н. Г. Устрялову.—12) Некрологи: В. П. Желтковская; В. А. Яковлевъ; И. П. Сокальскій; Н. А. Ойрсовъ; Н. В. Губерти; А. М. Жемчужниковъ; Ф. А. Куманинъ.

XIX. Замѣтки и поправки 1056

Къ некрологу В. Р. Зотова.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Петра Александровича Толстого.—2) Въ 1812 году. (Bacheté). Повѣсть Артъ-Ройе. Гл. I—VII. Переводъ съ французскаго.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1896 года).

	стр.
Сильфида. (Романъ). Часть вторая. Гл. I—VI. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	5, 377, 745
Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы) . VII—XII. (Окончаніе)	46, 425
Искушленіе. Повѣсть. С. К. Литвина	78
Двадцать пять лѣтъ назадъ. (Отрывокъ изъ дневника). Барона Л. Л. Зедделера	114, 480
Пчелы. Эпизодъ изъ архіерейской жизни. Г. П. Миллера	130
Воспоминанія пропадающаго человѣка. X—XIII. (Продолженіе). Н. И. Свѣшникова	137, 521, 882
Чинъ коронаванія. Священника В. И. Жмакина	153
Отъ Ржева до Углича. (Путевые наброски). IX—X. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	185
<i>иллюстраціи: 1) Оришинскій монастырь.—2) Городни (древній Вертязинъ).—3) Городъ Корчева.—4) Кимра.—5) Городъ Калязинъ.—6) Калязинскій монастырь.—7) Внутренній видъ Калязинскаго монастыря.—8) Святыя ворота и стѣны Калязинскаго монастыря.—9) Сѣверо-восточная башня Калязинскаго монастыря.—10) Схематическій набросокъ мѣстности, на которой происходила битва при Калязинскомъ монастырѣ.—11) Мѣстность битвы при Калязинскомъ монастырѣ.</i>	
Николай Николаевичъ Страховъ. Критико-біографическій очеркъ. Б. В. Никольскаго	215
Первый русскій докторъ и его предшественники. Д. В. Цвѣтаева	269
Регрессивное теченіе въ русской жизни. Б. Б. Глинскаго	284
Профессоръ С. А. Бернадскій. (Некрологъ). А. Х. Гольмстена	312
И. М. Сивельниковъ передъ судомъ исторіи. Д. И. Эварницкаго	317
Типы современной деревни. (Продолженіе). X. Чела. А. В. Круглова	455
Къ біографіи Шервуда-Вѣрнаго. Н. К. Шильдера	509
<i>иллюстрація: Иванъ Васильевичъ Шервудъ-Вѣрный.</i>	
Софійское житіе-бытѣе. (Болгарскіе типы и картинки). А. В. Амфитеатрова	544
Прошлое и настоящее города Верхотурья. В. П. Полякова	587
<i>иллюстраціи: 1) Городъ Верхотурье со стороны Кувшинскаго тракта.—2) Видъ остатковъ крѣпости въ Верхотурьѣ.—3) Троицкій соборъ въ Верхотурьѣ.—4) Зарѣчная деревянная церковь Одигитріи въ Верхотурьѣ.—5) Рака Симеона Праведнаго.</i>	
На Чудскомъ озерѣ. М. Н. С.	605
Пионеры провѣщенія въ Западной Сибири. В. А. Тимирязева	629, 961
Пятидесятилѣтіе археологическаго общества. В. Е. Руданова	648
Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ. (Некрологъ). Р. Д. Н.	659
<i>иллюстрація: Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.</i>	
Гавріилъ, епископъ Имеретин. (Некрологъ). И. З.	665
<i>иллюстрація: Епископъ Гавріилъ.</i>	

	СТР.
Записки Рафаила Михайловича Зотова . I—III.	762
Эпизоды изъ кавказской войны. В. М. Антонова	798
Дипломатъ по неволѣ. Графъ Петръ Александровичъ Толстой. Н. К. Шильдера	822
Изъ воспоминаній туркестанца. Д. Л. Иванова	830
Очерки курляндской старины. (По поводу столѣтія присоединенія Курляндіи къ Россіи). I. Посвящается X-му археологическому съезду въ Ригѣ. Н. А. Военскаго	860
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Митава въ 1703 году.—2) Митавскій замокъ въ XVII-мъ вѣкѣ.—3) Яковъ Кетлеръ, герцогъ курляндскій.—4) Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ курляндскій, супругъ царицы Анны Иоанновны.—5) Карлъ I, принцъ саксонскій, герцогъ курляндскій.—6) Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ, герцогъ курляндскій.—7) Беатрикс-Готлибъ Биронъ, герцогиня курляндская.—8) Петръ Биронъ, послѣдній герцогъ курляндскій.	
Шевченко въ Петербургѣ. (1858—1861 гг.). А. А. Благовѣщенскаго	896
Изъ старой записной книжки. П. К. Мартыанова	906
Новый сборникъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ. П. Н. Полевого	915
Литературная молодежь. Б. Б. Глинскаго	922
Воспоминаніе объ А. К. Жизневскомъ. П. Н. Полевого	985
Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ. (Некрологъ). Н. А. Афанасьева	990
<i>Иллюстрація:</i> Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ.	
Егоръ Егоровичъ Замысловскій. (Некрологъ). Г. Л. И.	998
<i>Иллюстрація:</i> Егоръ Егоровичъ Замысловскій.	

КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ 321, 671, 1006

1) Жоржъ Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное Французской академіей. Переводъ Ю. В. Дюпелъмайеръ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1896. А. н.—ова.—2) Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе Императорской Академіи Художествъ. Выпускъ I. Составилъ академикъ В. В. Сусловъ. (17 листовъ текста и 26 таблицъ рисунковъ). Спб. 1896. П. Полевого.—3) Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды Вл. Михневича. Спб. 1896. Б. Глинскаго.—4) В. Г. Яроцкій. Односторонняя теорія экономическаго развитія. Спб. 1896. Р. с.—5) Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ И. В. Синицынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова. Гравироваль А. С. Яновъ. М. 1896. П. Полевого.—6) Камилль Дрейфусъ. Міровая и социальная эволюція. Москва. 1896. Р. с.—7) Василій Немировичъ-Данченко. Забытая крѣпость. Историческій романъ изъ временъ Кавказской войны. Т. I. Горные орды. Т. II. Горе забытой крѣпости. 1895 и. Эйзена.—8) Черезъ Черное море на Босфоръ. П. Гнѣдича. Спб. 1896. А. ф.—ва.—9) Учебникъ всеобщей исторіи. Часть третья. Новое время. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Москва. 1896. П. А.—10) Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго. Въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1896. Федора Шперна.—11) Великоньяжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутенева. Изданіе иллюстрировано профессоромъ В. М. Васнецовымъ и академикомъ Н. С. Самокишемъ. Спб. 1896. П. Полевого.—12) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга десятая. Спб. 1896. Б. Глинскаго.—13) Н. Н. Вантышъ-Каменскій. Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи по 1800 годъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. Часть вторая: Германія и Італія. Москва. 1896. С. ш.—14) И. И. Дитининъ. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896. Б. Никольскаго.—15) «Kurjer Warszawski». 1821—1896. Юбилейная книга. («Kurjer Warszawski»). 1821—1896. Ksiezka jubileuszowa». Варшава. 1896. А. Сидорова.—16) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томы VII и VIII (1744—1747 гг.). Спб. 1896. А. б.—ина.—17) Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб. 1896. Б. Глинскаго.—18) Г. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И.

Вейнберга. Выпускъ I—VI. Москва, 1896. Б. в. н.—19) Собрание критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. Москва, 1896. Б—а.—20) Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ кафедръ со времени учрежденія святаѣшого правительствующаго синода (1721—1895). Спб. 1896. С. ш.—21) «Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу общества вспомоствованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. 1896. г.—22) Профессоръ А. Н. Красновъ. Основы землѣдѣнія. Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемые. Харьковъ, 1895. Б. в. н.—23) Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Томъ I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы митрополита Макарія (1816—1857 гг.). Съ портретомъ и факсимиле. Доцента Кіевской духовной академіи Ѳедора Титова. Кіевъ, 1895. С.—24) Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введеніе и примѣчанія Н. М. Волдакова. Приложеніе: Выписки изъ дѣлъ Королевскаго архіва въ Коненгагенѣ. Спб. 1896. к. х.—25) Э. Науманъ. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный по новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ «Очерковъ исторіи музыки въ Россіи», подъ редакціей Н. Финдейзена. Изданіе Ф. В. Щеняскаго. Выпускъ I. Спб. 1896. Б. в. н.—26) Библиотека экономистовъ: Франсуа Кена, Жанъ-Батистъ Сэ и Фредерикъ Бастиа. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1896. Р. с.—27) Л. Грегюаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ третій. Польская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей Н. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1896. А. н.—28) А. Кириичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896. С. Р. г.—29) Графъ А. Н. Толстой. Р. Левенфельда. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1896. А. Фаресова.—30) Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковскаго. Спб. 1896. Б. Глинскаго.—31) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наузова и статей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ф. Шперка.—32) Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Безсмертіе души. Перев. А. Николаева, подъ ред. Е. Боброва. Курьевъ, 1895. Р. с.—33) М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Спб. 1896. Р. с.—34) Памятная книжка окончившихъ курсъ С.-Петербургской духовной семинаріи. Съ 1811 г. по 1895 г. Составилъ Н. А. Скrobotовъ. Спб. 1896. С. ш.—35) Памятная книжка Владимірской губерніи, 1895. А. Ф—ва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 335, 668, 1019

- 1) Юбилей Хлодвига и пятнадцать вѣковъ христіанства во Франціи.—
- 2) Преслѣдованіе жертвовъ испанской инквизиціей.—3) Первое министерство Ришелье.—4) Литературный шантажистъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.—5) Молодость Гете.—6) Первая военная экспедиція Наполеона и его пребываніе въ Шатильонѣ въ 1795 году.—7) Мелуары генерала Сенъ-Шамана и его секретная поездка въ Петербургъ въ 1807 году.—8) Англійская политика со временъ Вильгельма-Завоевателя до Виктори.—9) Двадцатипятилѣтнее развитіе экваторіальной Африки.—10) Олімпійскія игры.—11) Отношенія между Россіей и Ватиканомъ въ XV и XVI вѣкахъ.—12) Португальцы въ Абиссиніи въ XVI вѣкѣ.—13) Швейцарскій учитель триста лѣтъ тому назадъ.—14) Идеальная женщина эпохи возрожденія.—15) Творецъ Донъ-Кихота.—16) Г-жа Жоффренъ и ея бюро ума.—17) Барра и его участіе въ 18-мъ брюмерѣ.—18) Разрывъ между Александромъ I и Наполеономъ.—19) Письма прусской королевы Луизы.—20) Англо-Американская война 1812—1815 гг. и теорія Монро.—21) Правители Индіи.—22) Мелуары графа Франкенберга.—23) Новое рукописное евангеліе и египетская надпись объ исходѣ евреевъ.—24) Всеобщая исторія въ древности.—25) Нѣмцы въ Австро-Венгріи до X столѣтія.—26) Тысячелѣтіе Венгрии.—27) Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи.—28) Возстаніе французскихъ поселянъ и положеніе сельскихъ рабочихъ въ Ирлнндіи въ XVII вѣкѣ.—29) Сватовства англійской королевы Елизаветы.—30) Лекція Фруда о Тріентскомъ соборѣ.—31) Малья Аонны въ Италіи XVI столѣтія.—32) Борьба венеціанскаго правительства съ модой въ XVIII вѣкѣ.—33) Г-жа До-Варри черезъ французскія и англійскія очки.—34) Книгиня Чарторижская.—35) Смерть историка Тречке, экономиста Леона Сэ, наследника австрійскаго престола и персидскаго шаха.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 353

Коронаціонные спектакли прежлаго времени. С. Танъова.

СМЪСЪ 356, 723, 1041

1) Актъ въ С.-Петербургской духовной академіи.—2) Императорское русское историческое общество.—3) Историческое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—4) Императорское общество любителей древней письменности.—5) С.-Петербургское археологическое общество.—6) Московское археологическое общество.—7) Историческое общество св. Олега.—8) Московское юридическое общество.—9) Московское общество распространения полезныхъ книгъ.—10) С.-Петербургское общество архитекторовъ.—11) Диспутъ М. М. Покровскаго.—12) Развалины и курганы въ Киргизской степи.—13) Замѣчательный колоколь.—14) Первая русская газета въ Ригѣ.—15) Актъ русскаго археологическаго института въ Константинополь.—16) Диспутъ А. Ѳ. Карашева.—17) Столѣтіе со дня смерти А. С. Милорадовича. 18) Русскій памятникъ за границею.—19) Выставка изображеній Христа.—20) Императорское православное палестинское общество.—21) Московское историческое общество.—22) С.-Петербургское археологическое общество. 23) Московское археологическое общество.—24) Императорское общество любителей древней письменности.—25) Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—26) Пятистолѣтіе кончины св. Стефана Пермскаго.—27) Актъ въ археологическомъ институтѣ.—28) Присужденіе премій митрополита Макарія.—29) С.-Петербургское археологическое общество.—30) Тверская ученая архивная коммисія.—31) Симбирская ученая архивная коммисія.—32) Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края.—33) Миусинскій мѣстный музей и общественная библіотека.—34) Выставка древностей.—35) Возобновленіе стараго печатнаго двора.—36) Освященіе памятника Н. Г. Устрялову.—37) Некрологи: И. П. Кушнеревъ; П. В. Жуковский; А. К. Галкинъ; К. А. Козьминъ; Д. П. Григорьевъ; С. А. Вершадскій; А. П. Богдановъ; И. Н. Березинъ; С. В. Назаревскій; А. К. Жизневскій; Н. Г. Ершовъ; О. П. Мартынова; С. В. Пругавинъ; Н. Л. Ширяевъ; Г. М. Веселовскій; В. Л. Берманъ; А. С. Размадзе; В. П. Желиховская; В. А. Яковлевъ; И. П. Сокальскій; Н. А. Фирсовъ; Н. В. Губерта; А. М. Жемчужниковъ; Ѳ. А. Куманинъ.

ЗАМЪТКИ и ПОПРАВКИ 375, 741, 1056

1) Когда началась литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго. **Алексея Ярцева.**—2) Письмо въ редакцію. **Н. Барсунова.**—3) Наставникъ царскихъ дѣтей **Гриммъ, А. Ч—кова.**—4) Отвѣтъ г. Кузнецову-Красноярскому. **С. Н. Кузовникова.**—5) Къ некрологу В. Р. Зотова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: Николая Николаевича Стрхова, Сергѣя Николаевича Тернигорева и графа Петра Александровича Толстого. — 2) Осада Сарагоссы (Zaragoza). Историческій романъ. **Переса Гальдоса.** Главы XX—XXXI (Окончаніе). Переводъ съ испанскаго **Е. Уманецъ.**—3) Въ 1812 году. (Racheté). Повѣсть **Артъ-Ройе.** Г. I—VII. Переводъ съ французскаго.

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ

дозв. ценз. 18 мая 1896 г. спб.

СИЛЬФИДА¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

АСТУПИЛЪ июнь. Петербургъ пустѣлъ, всѣ разѣхались по деревнямъ. Въ домѣ Бенгтышъ-Полянскаго тоже стали подумывать объ этомъ.

Наташа никогда не была въ Тускинѣ, но много слышала о немъ. Это небольшое имѣнiе, при которомъ было всего душъ четыреста, досталось Андрею Михайловичу отъ покойнаго князя еще, когда былъ живъ отецъ Андрея Михайловича, и у молодого человѣка ничего не было своего; князь

въ день ангела преподнесъ ему этотъ подарокъ.

Андрей Михайловичъ уже раньше заявилъ, что лѣто проведутъ въ Тускинѣ. Онъ только ничего не сказалъ о томъ, поѣдетъ ли и онъ туда. Но однажды онъ предложилъ Наташѣ собираться.

— Тебѣ съ дѣтьми тамъ будетъ отлично!—сказалъ онъ.— Домъ большой, устроенный, чудный паркъ, озеро... Я буду прѣзжать каждую недѣлю. Вѣдь это близко, всего верстъ сорокъ...

— Какъ? Развѣ вы съ нами не поѣдете, Андрей Михайловичъ?—спросила Наташа.

¹⁾ Продолженiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 877.
«Истор. вѣстн.», июнь, 1896 г., т. LXIV.

— Нѣтъ!—прямо и кратко отвѣтил онъ.

— А я думала, что вы проведете съ дѣвочками хоть одно лѣто... Онѣ такъ рады, когда вы съ нами. Онѣ такъ любятъ васъ, а потомъ, не видя, по неволѣ забываютъ...

Андрей Михайловичъ почувствовалъ, что въ ея тонѣ есть какая-то нетвердость. Это было легко различить, такъ какъ Наташа не умѣла кривить душой, и если по необходимости должна была прибѣгнуть къ этому, то весь ея умыселъ сквозилъ въ ея тонѣ и во взглядѣ.

Онъ сказалъ:

— Наташа! Ты могла бы поклясться, что говоришь все, что думаешь, что никакой другой мысли у тебя нѣтъ въ головѣ?

Наташа покачала головой:— Нѣтъ, Андрей Михайловичъ, поклясться не могу!

— То-то! Развѣ могло бы удаться это, если бы ангелы вздумали хитрить и обманывать...

— Да, Андрей Михайловичъ, я не рѣшилась сказать вамъ прямо...

— Полно, Наташа! Нѣтъ такой вещи, которой я не выслушалъ бы отъ тебя и съ благодарностью...

Наташа собрала всю свою рѣшимость.— Андрей Михайловичъ! Можете вы заранѣе дать мнѣ обѣщаніе исполнить то, что я у васъ попрошу?

— Все, что ты попросишь, Наташа? Это трудно сказать. Я хочу исполнить все, что ты попросишь, но могу ли? Если отъ дьявола потребуютъ, чтобы онъ былъ добродѣтеленъ, пусть бы онъ тысячу разъ желалъ исполнить это, онъ не можетъ. Ему надо прежде перестать быть дьяволомъ...

— Но вы человѣкъ, и я у васъ попрошу не невозможнаго...

— Говори, Наташа! обѣщаю исполнить все, что въ силахъ...

— Не играйте больше въ карты!

Андрей Михайловичъ сдѣлалъ большіе, полные изумленія глаза.

— Кто это сказалъ тебѣ? Право, можно подумать, что у тебя тутъ есть лазутчики...

— Есть.— съ тонкой усмѣшкой промолвила Наташа.— У меня есть важный лазутчикъ-княгиня! Она мнѣ и сказала!

— Княгиня? Но она откуда знаетъ? Я ей не говорилъ! Кто ей сказалъ?

— Андрей Михайловичъ! Развѣ вы играете на рубли? Когда человѣкъ платитъ карточный долгъ въ двѣсти тысячъ рублей, это само за себя говорить! эти деньги кричать!

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный.— Да!— съ явной досадой воскликнулъ онъ, — телушка-княгиня сидитъ въ своемъ креслѣ на колесахъ, никуда не выѣзжаетъ, но знаетъ все! Нѣтъ, Наташа, деньги кричать не умѣютъ. Это было сдѣлано такъ, что никто, кромѣ игравшихъ, не могъ знать этого. А выигравшимъ нѣтъ расчета трубить...

И я это узнаю! я долженъ узнать это... Ба! — вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ себя ладонью по лбу:— деньги отвозилъ Шипицкій... и онъ тотчасъ же очень громко и раздражительно позвонилъ.

Вошелъ слуга.

— Викентія Генриховича попроси сюда сію минуту!—приказаль онъ, сверкая глазами.

Слуга ушелъ.

— Андрей Михайловичъ, я боюсь, что вы будете изъ-за меня несправедливы!—мягко промолвила Наташа.

— Ты думаешь, что панъ Шипицкій дастъ себя въ обиду? Не бойся! Онъ сумѣетъ защитить себя. Онъ даже когда виноватъ, умѣетъ оказаться правымъ.

— Вы позволите мнѣ уйти?.. я не хочу присутствовать при вашемъ разговорѣ,—сказала Наташа.

— Да, это даже будетъ лучше...

Наташа вышла. Черезъ минуту явился Шипицкій. Онъ торопился, потому что лакей вмѣстѣ съ приглашеніемъ отъ барина сообщилъ ему о томъ, въ какомъ состояніи находится его повелитель.

— Генераль имѣетъ до меня нужду?—спросилъ панъ Шипицкій, стараясь придать себѣ совершенно беззаботный видъ.

— Ага! Я радъ, что вы пришли такъ скоро, а то я могъ бы потерять терпѣніе!

— Я никогда, кажется, не мѣшкалъ, когда генераль меня призывалъ.

— Вотъ отлично! дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что деньги Ступичу, двѣсти тысячъ рублей, взялъ изъ домашней кассы и отвозилъ не кто иной, какъ панъ Шипицкій...

— Само собою!

— А былъ еще кто при этомъ?

— Ни одна душа!

— Слѣдовательно, никто не могъ знать?

— Полагаю, что такъ!

— Но какимъ образомъ о томъ стало извѣстно княгинѣ?

— Княгиня? Неужели княгиня стало извѣстно?—съ удивленіемъ спросилъ панъ Шипицкій, и при этомъ у него въ глазахъ не промелькнуло ни малѣйшей невѣрной тѣни.

— По крайней мѣрѣ, она говорила это...

— Совершенно не могу понять...

— Я тоже. Не можете ли мнѣ, панъ Шипицкій?

— Если бы панъ Шипицкій былъ Богъ...

— Ну, до этого ему далеко! Нѣтъ, если даже панъ Шипицкій не Богъ,—не поможетъ ли онъ мнѣ узнать это?

— Какъ могу я это сдѣлать? Панъ Шипицкій можетъ поручиться, что до того момента, пока деньги были у него въ рукахъ, никто не

зналъ и не видалъ. Но вѣдь потомъ деньги перешли въ другія руки. А панъ Шипицкій не можетъ ручаться за всякаго...

— Ступичъ не знакомъ съ княгиней...

— У Ступича есть знакомые и друзья...

— Э, это не то,—раздраженно заявилъ Андрей Михайловичъ,—однимъ словомъ, панъ Шипицкій разслѣдуетъ это дѣло, и онъ долженъ знать, что тотъ, кто выдаетъ мои тайны, не можетъ оставаться со мной... Вотъ и все, и больше я ничего не имѣю сказать пану Шипицкому.

— Пускай такъ и будетъ, генераль! я займусь этимъ дѣломъ.

Шипицкій вышелъ и какъ только очутился за дверью, тотчасъ лицо его получило выраженіе тревоги. «О,—думалъ онъ:—такъ княгиня такая же баба, какъ и всѣ. Ну, ничего, и она больше отъ меня не получитъ».

Онъ побѣжалъ къ себѣ, надѣлъ фракъ, а сверху плащъ, и черезъ дверь тихонько прошелъ на улицу, и прямо къ княгинѣ, стараясь быть незамѣченнымъ.

Княгиня съ удивленіемъ узнала, что панъ Шипицкій проситъ принять его по неотложному дѣлу. У нея сидѣли гости, но она, думая, что экстренный визитъ Шипицкаго касается Андрея Михайловича, извинилась передъ ними и велѣла казачкамъ вести себя въ маленькій кабинетъ, гдѣ она обыкновенно принимала по дѣламъ.

— Что скажете мнѣ, панъ Шипицкій?—спросила она.

Викентій Генриховичъ благоговѣнно прикоснулся къ ручкѣ княгини и принялъ крайне подавленный видъ.

— Ахъ, ваше сіятельство! Теперь моя судьба въ рукахъ вашего сіятельства!—воскликнулъ онъ, садясь по приглашенію княгини.

— Въ моихъ рукахъ? Но если такъ, то я назначаю тебя губернаторомъ, мой любезный панъ...—шутя отвѣтила княгиня.

— О, когда бы такъ! Но дѣло имѣетъ другой оборотъ!

— Ну, рассказывай, да скорѣй, а то меня ждутъ гости!

— А то, ваше сіятельство, что я, изъ глубокаго почитанія моего къ вамъ, открылъ вашему сіятельству тайну...

— Тайну? У насъ съ тобой есть общія тайны?

— А то какъ же? и я не виноватъ въ этомъ. Андрей Михайловичъ проигралъ двѣсти тысячъ, это же тайна, ваше сіятельство... А я вамъ ее сказалъ, а вы ему сказали. Ну, вотъ.

— Ахъ, вотъ что! Это правда! Только я не ему сказала, а Натальѣ Александровнѣ...

— Ну, и того еще хуже!

— Да что же изъ этого вышло?

— А то, что генераль теперь мечетъ изъ глазъ искры и приказываетъ: подавай ему, кто сказалъ княгинѣ. А какъ я ему его подамъ, когда я это самъ сказалъ. Не могу же я самого себя зарѣзать и на блюдѣ подать генералу, чтобы генераль меня скушалъ...

— А, ха, ха, ха... Ты правъ, любезный панъ, ты правъ! Это нельзя! Но развѣ онъ ужъ такъ голоденъ, что можетъ скушать?

— О, на это генераль всегда голодный! Онъ такъ и сказалъ: кто, говорить, мои тайны выдаетъ, тотъ никакъ со мной не можетъ оставаться. И, конечно, онъ догадается... А это же для меня отставкой отъ должности пахнетъ. А что же я тогда буду кушать, ваше сіятельство?

— Бѣдный, бѣдный, панъ Шипицкій! Будто ужъ ты такъ благочестивъ, что ничего на черный день не призапасилъ? а? Что-то не вѣрится...

— Ваше сіятельство, ни одинаго гроша, ни одной полушки!

— Ну, значитъ, ты плохой управляющій! Вотъ у меня, при князѣ еще покойномъ, былъ французъ Турнедо, такъ тотъ за семь лѣтъ сто тысячъ нажилъ и сказалъ «Adieu, monsieur! Merci!» и уѣхалъ во Францію!... Ну, это къ дѣлу не относится, я почти ручаюсь, что Андрей Михайлычъ не узнаетъ виновника преступления, и во всякомъ случаѣ я его гнѣвъ положу на милость. Можешь отправляться домой спокойно!

Шипицкій опять благоговѣнно приложился къ ручкѣ княгини и пошелъ домой.

Княгиня вышла къ гостямъ и постаралась поскорѣе отпустить ихъ, а сама потребовала столикъ, бумагу и перо и написала Андрею Михайлычу:

«Пріѣзжай сейчасъ. Дѣло имѣю». И отослала съ челоуѣкомъ.

Андрей Михайлычъ еще не успѣлъ погасить въ себѣ гнѣвъ, вспыхнувшій послѣ сообщенія Наташи, когда ему принесли записку отъ княгини. И ему пришло на мысль совершенно правильное соображеніе, что панъ Шипицкій успѣлъ уже туда сбѣгать. Это только усилило его раздраженіе противъ пана. Но онъ все же отвѣтилъ княгинѣ, что сейчасъ будетъ.

Онъ завернулъ передъ уходомъ къ Наташѣ и сказалъ, что ѣдетъ къ княгинѣ по дѣлу.

— А потомъ мы кончимъ нашъ разговоръ!—прибавилъ онъ.— Ты вѣдь не успѣла мнѣ досказать все, что хотѣла.

— Да,—сказала Наташа,—я прошу васъ объ этомъ!

Такъ какъ надо было спѣшить, чтобы не заставить княгиню долго ждать, онъ рѣшился пойти пѣшкомъ, что случилось съ нимъ рѣдко.

Княгиня была одна. Она встрѣтила его веселымъ смѣхомъ.

— Держу пари, ты вообразилъ, что я умираю! Но я жива и, какъ видишь, весела!

— Вы пригласили меня, чтобы вмѣстѣ повеселиться?—промолвилъ Андрей Михайловичъ, цѣлуя ея руку.

— Пожалуй, что и такъ! но есть и другое: я хочу спасти тебя отъ несправедливости!

— Это какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ: сейчасъ прибѣгалъ ко мнѣ твой панъ...

— А! Я такъ и думалъ!

— Погоди! Прибѣжалъ, весь дрожа, какъ осиновый листъ... Помилуй Богъ, ты напугалъ его! Онъ прискакалъ ко мнѣ, какъ слѣдственный судья: скажи ему, кто сказалъ мнѣ насчетъ проигранныхъ тобой двухсотъ тысячъ... я сперва, было, даже стала отпираться, не знаю, моль, ни о какихъ двухстахъ тысячахъ... Но вижу, что его не проведешь... я и сказала: отъ Брускова слышала. Это такъ и есть, я слышала отъ Брускова, а онъ отъ какой-то дамы; и что же ты думаешь,—твой панъ сталъ бить себя въ грудь и увѣрять, что это неправда, что меня обманули, что ты никакихъ такихъ двухсотъ тысячъ не проигралъ, что если бы это было такъ, то панъ непременно зналъ бы... Какое? И знаешь, я еще даже не увѣрена, дѣйствительно ли ты проигралъ эти деньги?...

Княгиня рассказывала это съ такимъ правдоподобнымъ видомъ, что Андрей Михайловичъ повѣрилъ. Онъ только никакъ не могъ понять, какимъ образомъ это могъ узнать Брусковъ и какая-то дама. Очевидно, Ступичъ былъ нескроменъ. И онъ въ душѣ покаялся, что грубо обошелся съ паномъ Шипицкимъ. Княгинѣ онъ отвѣтилъ:

— Вы можете въ этомъ не сомнѣваться. Я дѣйствительно проигралъ эти деньги и, конечно, заплатилъ ихъ...

— Но, мой милый Андрей, прости меня, это не достойно Бентышъ-Полянскаго!...—серьезно сказала княгиня.

— А развѣ все остальное, что я дѣлаю, достойно этого имени?

— Это болѣе, чѣмъ все другое. Ты не забывай, что у тебя есть двѣ очаровательныя дѣвочки, два брилліанта, для которыхъ нужна очень дорогая оправа.

— На ихъ вѣкъ хватить!

— Если будешь отсыпать по двѣсти тысячъ, можетъ не хватить даже и на твой... Послушай, Андрей, докажи мнѣ свою привязанность... Я не спрошу у тебя многого, потому что знаю, что ты можешь и чего не можешь исполнить. Но дай мнѣ слово, что ты въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, только трехъ мѣсяцевъ, не будешь брать карты въ руки!

— Но, ma tante, я долженъ отыгаться!

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ? Это игра!

— Но я готова вернуть тебѣ эти двѣсти тысячъ! Это мнѣ не легко, но и не разорить меня...

— Благодарю васъ, ma tante, но мнѣ нужны не деньги, а отыгрышъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ ты, значитъ, уже игрокъ!

— Это у меня пройдетъ, какъ сильная страсть!

— А я думала, что у тебя благородная страсть къ твоей теткѣ сильнѣе всякой другой.

— Это вѣ сомнѣнія, ma tante! Я вамъ обѣщаю то, что вы хотите!

— Не играть три мѣсяца?

— Да!

— Bravo! У меня есть племянникъ! Ну, теперь, если хочешь, можешь идти къ себѣ. Только не обижай пана Шпицкаго. А то онъ даже плакалъ, что ему нечего будетъ ѣсть...

— Я не обижу его.

Вернувшись домой, Андрей Михайловичъ прошелъ прямо на верхъ къ Наташѣ и сказалъ ей:

— Я ѣду съ вами въ Тускино на все лѣто!

II.

Лѣто, проведенное въ великолѣпномъ тускинскомъ дворцѣ, окруженномъ чуднымъ тѣнистымъ паркомъ, надолго осталось у Наташи и у дѣтей пріятнымъ воспоминаніемъ.

Этотъ дворецъ, построенный въ греческомъ стилѣ, съ безконечной колоннадой фасада, заключалъ въ себѣ все, что надо для изысканнаго вкуса и широкихъ требованій. Огромный концертный залъ со сценой и хорами, освѣщавшійся сверху, черезъ стеклянную крышу, въ продолженіе всего лѣта оглашался звуками превосходнаго оркестра, составленнаго изъ крѣпостныхъ людей Бентышъ-Полянскаго. Обстановка безчисленныхъ комнатъ представляла богатѣйшій музей рѣдкихъ вещей, начиная съ картинъ, которыми были увѣшаны стѣны, и кончая драгоцѣнной скамейкой для ногъ. Все было въ теченіе долгой жизни собрано покойнымъ княземъ. Даже тогда, когда Тускино перешло уже къ Андрею Михайловичу, князь продолжалъ пріобрѣтать рѣдкости и отправлять ихъ въ Тускино.

Безконечный паркъ, наполненный причудливыми лужайками, бесѣдками, прудами, въ которыхъ плавали лебеди, представлялъ собой волшебный уголокъ. Дѣти проводили здѣсь цѣлые дни.

Самымъ пріятнымъ было то, что Андрей Михайловичъ ни разу не уѣзжалъ изъ Тускина. Онъ былъ веселъ, добръ, чрезвычайно оживленъ, постоянно возился съ дѣтьми, ѣздилъ съ ними въ маленькихъ яликахъ по прудамъ, бѣгалъ въ запуски и вообще былъ неузнаваемъ.

Только въ началѣ августа ему какъ будто стало скучно сидѣть безъ дѣла, и онъ выдумалъ себѣ занятіе: начертилъ планъ и по этому плану сталъ строить флигель, въ которомъ не было ни малѣйшей надобности. Но его это занимало недѣли три, онъ надсматривалъ и руководилъ, когда возводили стѣны. Какъ разъ къ этому

времени неожиданно приѣхала въ Тускино княгиня, увидѣла его постройку и съ ужасомъ всплеснула руками.

— Боже! Что за неуклюжій медвѣдь! И посмотри, онъ совѣмъ портить видъ съ балкона! Что это тебѣ вздумалось?

А Андрею Михайловичу уже давно надоѣла постройка, и онъ только думалъ о томъ, какъ бы отъ нея отдѣлаться. Это оказалось очень просто. Въ день приѣзда княгини, съ вечера онъ позвалъ старосту и приказалъ ему:

— На всю ночь согнать сюда народъ и чтобы къ утру все было разобрано и унесено... Да гляди, чтобы все было сдѣлано тихо... Понялъ?

Староста понялъ. Это значило, что надо было пригнать польдеревни, и люди должны были ходить на-цыпочкахъ, говорить шепотомъ и каждый камень складывать такъ осторожно, какъ будто это была драгоценность.

На утро Андрей Михайловичъ пригласилъ княгиню на балконъ.

— Глядите!

Она взглянула. Флигеля какъ не бывало. Мѣсто было ровное, чистое, и предъ глазами открывался видъ на паркъ.

Но въ эти дни Андрей Михайловичъ видимо скучалъ. Да и погода стала портиться. Часто полились дожди. Дѣти не могли выходить въ паркъ. Настроеніе было сумрачное. Листья начали желтѣть. Отъ пруда вѣяло холодомъ.

Однажды Андрей Михайловичъ сказалъ княгинѣ, которая осталась въ Тускинѣ.

— Я радъ, что вы поживете съ моими. Я съѣзжу въ Петербургъ сдѣлать кой-какія распоряженія на зиму.

Княгиня посмотрѣла на него внимательно.—Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ!—промолвила она съ усмѣшкой.

— Ваша правда.

— Ты будешь огорчать насъ?

— Если и придется, то не очень!

— Ну, поѣзжай, провѣтрись, да и обратно къ намъ. Вонъ въ календарѣ сказано, что сентябрь будетъ хорошъ. Мы проведемъ здѣсь сентябрь...

Андрей Михайловичъ поѣхалъ въ Петербургъ, но какъ принялся провѣтриваться, то позабылъ и о Тускинѣ, и о княгинѣ, и о предсказаніяхъ календаря.

Въ теченіе всего лѣта его подмывало. Домикъ, выходявшій воротами на одинъ изъ бульваровъ, примыкающихъ къ сенатской площади, весь утопалъ въ зелени сада, и его не было видно съ улицы. Онъ принадлежалъ Ступичу, что значилось на большой доскѣ надъ воротами, но въ немъ, повидимому, на равныхъ правахъ съ хозяиномъ, жили его два друга, которые распоряжались въ немъ, какъ дома.

Со Ступичемъ Андрей Михайловичъ познакомился во время своихъ кутежей и ночныхъ поѣздокъ за городъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, статный, красивый, обладавшій изысканными манерами и всѣми признаками хорошаго воспитанія. Прежде онъ служилъ въ кавалеріи, но затѣмъ, какъ говорили, благодаря какой-то романической исторіи, вышелъ въ отставку. Отчасти это обстоятельство сблизило его съ Бентышъ-Полянскимъ, у котораго романъ игралъ такую же роль въ жизни.

Не видно было, чтобы онъ былъ очень богатъ, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ со средствами и къ тому же съ благородными привычками, такъ какъ онъ всегда самъ за себя расплачивался, тогда какъ всѣ остальные позволяли это дѣлать Бентышъ-Полянскому.

Скоро Ступичъ сталъ бывать въ домѣ на Англійской набережной и какъ-то незамѣтно среди другихъ развлеченій тамъ появился карточный столъ, къ которому подсѣли гости. Не Ступичъ, однако, завелъ его, а завелся онъ какъ-то самъ собой. Явились въ домѣ и его двое пріятелей, тоже, какъ и онъ, люди воспитанные и пріятные. Одинъ изъ нихъ былъ съ высокимъ лбомъ, со шрамомъ на лѣвомъ вискѣ, по имени Унтиловъ, другой—его племянникъ, молоденькій офицеръ, искавшій еще всюду протекцій и вліяній. Онъ былъ красивъ и нравился женщинамъ, и это обѣщало ему блестящую будущность. Андрей Михайловичъ всегда имѣлъ очень много противъ карточной игры, но допускалъ ее у себя, какъ допускалъ все, что нравилось его гостямъ. У него былъ принципъ: пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ, тогда всѣ будутъ довольны, и всѣмъ будетъ весело.

Его соблазняли, но онъ съ презрѣніемъ отворачивался, говоря, что признаетъ только такія игры, гдѣ не участвуютъ деньги. Въ этомъ онъ находилъ полное сочувствіе со стороны Ступича, который также, какъ и онъ, иронически смотрѣлъ на карточный столъ и никогда не игралъ. Разница была только въ томъ, что Ступичъ постоянно терся около стола и, повидимому, внимательно слѣдилъ за играющими.

Однажды, въ очень поздній часъ, когда большая часть гостей разошлась, и осталось всего человѣкъ семь, играющіе, въ томъ числѣ Унтиловъ съ племянникомъ, стали приставать къ Ступичу, чтобы онъ сдѣлалъ ставку.

— Мы держимъ пари съ полковникомъ, — сказалъ старикъ Унтиловъ, указывая на одного изъ присутствующихъ: — я утверждаю, что люди, презирающіе карты, непремѣнно должны быть счастливы въ игрѣ, полковникъ утверждаетъ обратное... Ты долженъ разрѣшить нашъ споръ. Испытай судьбу.

— Я привыкъ испытывать судьбу на болѣе рискованныхъ вещахъ, — отвѣтилъ Ступичъ.

— Одну ставку! Одну ставку!—приставали къ нему.— Неужели вы откажетесь отъ этой дружеской услуги?

Ступичъ видимо сталъ колебаться. Онъ оглядывался, какъ бы ища поддержки, и его взглядъ встрѣтилъ взглядъ Андрея Михайловича.

— Я въ затрудненіи!—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину.— Я не привыкъ измѣнять своимъ правиламъ, но я также не люблю отказывать друзьямъ. Выручите меня, генераль!

— Какъ я могъ бы васъ выручить?—спросилъ Андрей Михайловичъ, пожимая плечами.

— Вы смотрите на игру также точно, какъ и я... Вотъ если вы также согласитесь сдѣлать это отступленіе, то и я соглашусь!..

Тогда державшіе пари приступили къ Андрею Михайловичу. Поставить одинъ разъ еще не значитъ играть. Это будетъ не больше, какъ хозяйская любезность!

— Хорошо,—сказалъ наконецъ Андрей Михайловичъ,— пусть Ступичъ ставитъ, я сдѣлаю то же...

Его благодарили за рыцарское отношеніе къ гостямъ. Ступичъ вынулъ пять золотыхъ и поставилъ. Унтиловъ держалъ банкъ. Андрей Михайловичъ приблизился къ столу и смотрѣлъ. Карта за картой и затѣмъ шумные возгласы. Ступичъ выигралъ, хладнокровно взялъ зотото и отошелъ.

Полковникъ проигралъ пари.

— Теперь мы помѣняемся ролями!—сказалъ проигравшій полковникъ:—я держу за генерала, угодно вамъ противъ?

— Я согласенъ, потому что судьба капризна, и счастья угадать нельзя!—отвѣтилъ Унтиловъ.— Наши шансы равны!

— Но, господа,—сказалъ Андрей Михайловичъ,— вы меня простите, если я поставлю сумму нѣсколько побольше... Я ставлю тридцать тысячъ...

— Я отвѣчаю!—промолвилъ Унтиловъ.

Андрей Михайловичъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на него. Унтиловъ былъ небогатъ. Игра велась ничтожная, двадцать червонцевъ считалось самой крупной ставкой. Откуда и почему у него оказалась при себѣ настолько крупная сумма, что онъ можетъ отвѣчать тридцать тысячами?

Но эта мысль только на мгновеніе промелькнула въ его головѣ. Началась игра... Всѣ слѣдили съ напряженіемъ. Но Унтиловъ выкладывалъ изъ колоды карты твердой рукой.

— Ваша, генераль!—заявилъ онъ, наконецъ, и въ комнатѣ поднялся шумъ. У Андрея Михайловича были какіе-то стальные глаза. Онъ слѣдилъ за рукой Унтилова, дѣлавшей равнодушныя движенія, и испытывалъ какое-то странное, необъяснимое ощущеніе. Кровь то прилиwała у него къ вискамъ, то отлиwała. Ударъ интересовалъ его, и для него было ясно, что это не простое любопытство.

Но онъ по обыкновенію сдѣлалъ надъ собою усиліе и придать своему лицу выраженіе полного равнодушія.

— Я не хочу обирать моихъ гостей,— сказалъ онъ: — ставлю ваши деньги обратно!

— Ставьте свои, генераль,— подсказалъ Ступичъ: — на выигранные не везеть!

— Я и не хочу, чтобы мнѣ везло!

Въ то же время у него мелькнула мысль: «а я хочу посмотрѣть, повезетъ ли мнѣ на выигранные!»

Онъ и на этотъ разъ выигралъ. Тутъ ужъ явилась необходимость продолжать игру. Онъ поставилъ вновь, и вновь шансы мѣнялись. Увлекся и Ступичъ и сперва какъ бы нерѣшительно, а затѣмъ все смѣлѣй и смѣлѣй, увеличивая ставку. Бентышъ-Полянский уже стоялъ у стола съ краснымъ лицомъ и горящими глазами. Что-то новое открылось для него на этомъ зеленомъ сукнѣ, какое-то жгучее, еще не извѣданное ощущеніе. Горы золота лежали по краямъ стола. Уже въ окнахъ забрезжилъ утренній свѣтъ, уже настало утро, а игра все продолжалась.

Часовъ въ девять утра всѣ, усталые и разбитые, отошли отъ стола. Результатъ игры былъ ничтожный. Андрей Михайловичъ выигралъ десятка два золотыхъ, но его это совсѣмъ не занимало. Когда гости ушли, и онъ остался одинъ, то почувствовалъ себя страстнымъ игрокомъ.

На другой день онъ встрѣтился съ Ступичемъ.

— Я въ отчаяніи!—сказалъ тотъ, и при этомъ лицо его выражало отчаяніе.

— Развѣ вы вчера проиграли?

— О, нѣтъ, напротивъ, моя касса увеличилась на шесть тысячъ рублей. Если бы я приобрѣлъ эти деньги службой или какимъ либо коммерческимъ предпріятіемъ, я почелъ бы себя счастливымъ. Но теперь я ихъ боюсь...

— Почему?

— Почему? Почему? Потому что я чувствую, что онѣ мои враги; потому что онѣ пришли въ мой карманъ лишь для того, чтобы увлечь за собою мои собственные деньги и ограбить меня...

— Вы, значить, думаете играть?

— Думаю ли я? Нѣтъ, не думаю. Но я знаю, что буду играть... О, вчерашняя ночь сдѣлала мнѣ открытіе!

— И вы также?—вырвалось у Андрея Михайловича.

Ступичъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Какъ и вы, генераль!.. отвѣтилъ онъ.— Да, мы съ вами — люди страстей. Подъ маской холоднаго равнодушія мы скрываемъ готовность зарыться съ головой въ какую угодно сильную страсть, закрывъ глаза, ринуться въ бездонную пропасть...

Съ этого времени они сходились часто. Они не играли, когда

было много народа, а забирались въ отдаленную комнату, или въ тѣни густыхъ деревьевъ, въ домикъ Ступича. Нѣсколько мѣсяцевъ счастье какъ будто не могло опредѣлиться. Они играли съ перемѣнными шансами. Унтиловъ держалъ банкъ. Но затѣмъ его сталъ заступать Ступичъ.

Случалось, что Андрей Михайловичъ проигрывалъ нѣсколько десятковъ тысячъ, но затѣмъ возвращалъ ихъ. Правда, онъ возвращалъ не всѣ, но вѣдь онъ не считалъ денегъ и не зналъ этого. Его волновала только постоянная перемѣна счастья, которая была на лицо.

Двѣсти тысячъ передъ лѣтомъ — были первымъ дѣйствительнымъ крупнымъ проигрышомъ. Онъ отослалъ ихъ на слѣдующее же утро, и затѣмъ больше со Ступичемъ не встрѣчался.

Между тѣмъ въ маленькомъ домѣ, спрятанномъ въ тѣнистомъ саду, съ нетерпѣніемъ ждали Бентышъ-Полянскаго. По поводу отсутствія его въ теченіе трехъ мѣсяцевъ тамъ не рождалось никакихъ недоумѣній. Унтиловъ и Ступичъ знали отъ слова до слова весь разговоръ, происходившій между княгиней и Андреемъ Михайловичемъ. У княгини въ домѣ было множество людей, у которыхъ былъ хорошій слухъ и прекрасная память, и эти знанія стоили Ступичу недорого. Ступичъ же хорошо зналъ человѣческую душу, а душу Бентышъ-Полянскаго онъ изучалъ тщательно и долго и, когда приступилъ къ игрѣ съ нимъ, дѣлалъ вѣрный шагъ. Самъ онъ былъ когда-то очень богатъ, но все его состояніе пошло прахомъ, и этимъ онъ былъ обязанъ вѣроломнымъ картамъ. Тогда онъ игралъ съ жаромъ, страстью и вполнѣ честно. Но затѣмъ, когда остался безъ средствъ, понялъ, что честно играютъ только глупцы, и рѣшилъ вернуть свое состояніе тѣмъ же способомъ, какимъ потерялъ его.

Много лѣтъ онъ добивался вѣрныхъ способовъ, сидя въ тиши своего домика, оставшагося ему отъ прежняго богатства. На выручку явился Унтиловъ, который прошелъ подобную же школу, и дѣло пошло быстрѣе. А затѣмъ, достигнувъ высокой точки искусства, онъ началъ протискиваться въ общество и пристально высматривать подходящіе объекты.

Когда онъ познакомился съ Бентышъ-Полянскимъ и побывалъ съ нимъ въ разныхъ положеніяхъ, онъ сразу опредѣлилъ его себѣ въ жертву и началъ осторожно, медленно вліять на него.

Теперь онъ зналъ, что три мѣсяца тому назадъ онъ вложилъ въ душу Бентышъ-Полянскаго искру, которая никогда не потухнетъ, а будетъ все разгораться, разгорится въ яркое пламя, и самъ онъ при свѣтѣ этого пламени переведетъ все огромное состояніе Бентышъ-Полянскаго въ свой карманъ и такимъ образомъ возстановитъ свое положеніе. Унтиловъ съ племянникомъ игралъ у него жалкую роль. Онъ выдѣлялъ ему изъ своей добычи ничтожные гроши.

Ш.

И, конечно, Андрей Михайловичъ тотчасъ началъ отшучиваться.

Напрасно княгиня звала его въ Тускино,—онъ не явился, онъ «совсѣмъ отбился отъ рукъ». Наташа съ дѣтьми и съ Лизой переѣхали въ городъ, и началась ужасная зима.

Ни одна страсть до сихъ поръ еще такъ не захватывала Андрея Михайловича, какъ эта. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, онъ ничего болѣе не замѣчалъ. Онъ даже забылъ о своихъ людяхъ, о томъ, что они могутъ распуститься, если ихъ не пороть. Давно никто не путешествовалъ въ Архангельскую губернію и пѣшкомъ въ Москву, давно не раздавались крики на черномъ дворѣ, никому не забривали лба. Люди смотрѣли на все это съ недоумѣніемъ и ждали самага худшаго.

Княгиня сперва дѣйствовала на племянника разумными доводами, потомъ стала грозить ему своей немилостью и, наконецъ, окончательно разсердившись, уѣхала въ Италію, не желая видѣть его паденіе. Но Андрей Михайловичъ такъ далеко зашелъ уже, что даже эта несомнѣнная потеря его не остановила. Онъ точно во снѣ не ясно представлялъ себѣ то, что вокругъ него происходило, и никакъ не могъ проснуться. Нервы его были взвинчены; когда съ нимъ говорили о постороннихъ вещахъ, онъ раздражался, выходилъ изъ себя, становился несправедливъ.

Наташа ходила, какъ тѣнь, и, прячась отъ дѣтей, постоянно плакала. Что ни день, то прибѣгалъ наверхъ Шипицкій и тревожнымъ голосомъ докладывалъ о новомъ крупномъ проигрышѣ.

— Остановите его, Наталья Александровна! Остановите!—умоляющимъ голосомъ говорилъ онъ:—а иначе бѣда!

Онъ, конечно, боялся бѣды главнымъ образомъ для себя. Крахъ Бентышъ-Полянскаго вѣдь былъ бы и его крахомъ. А между тѣмъ положеніе становилось ужаснымъ. Изъ кассы наличныхъ денегъ къ Ступичу перешло болѣе милліона рублей. Андрей Михайловичъ, какъ бы стыдясь своихъ проигрышей, устранилъ пана Шипицкаго отъ завѣдыванія кассой и распорядился деньгами самъ лично.

Однажды онъ пригласилъ его къ себѣ и коротко, тономъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ:

— Надо продать ярославское имѣніе... Оно дастъ тысячь четыреста! Прошу васъ заняться этимъ и какъ можно скорѣе...

Панъ Шипицкій остолбенѣлъ и замеръ на мѣстѣ. Вотъ до чего это дошло! Но возражать было невозможно. Онъ поклонился и вышелъ. Онъ тотчасъ поднялся наверхъ.

— Если вы ничего не предпримете, то все пропадетъ!—зловѣщимъ тономъ сказалъ онъ:—Деньги уже всѣ ушли... ярославское имѣніе продаетъ!

Наташа поблѣднѣла. Ей представилось, что все уже погибло, что ея дѣвочки сдѣлались нищими. Она не могла въ эту минуту рассуждать. Тотчасъ спустилась она внизъ и прошла прямо къ Андрею Михайловичу. Увидавъ ее плачущей, онъ чрезвычайно смутился.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ, стараясь говорить мягко.

Она сложила руки молитвенно.— Андрей Михайловичъ! Вѣдь дѣти... дѣти! Они нищими будутъ! Пожалѣйте ихъ!

— Я бы хотѣлъ, Наташа, чтобы ты не вмѣшивалась въ эти дѣла!—проговорилъ онъ сдержанно, но сквозь его слова проглядывала звѣрь.

Тогда Наташа опустилась въ кресло и залилась слезами, не произнося болѣе ни слова. Можетъ быть, ему стало жаль ее. Онъ подошелъ къ ней и положилъ руку на ея голову.

— Успокойся... Не преувеличивай! Дѣти обезпечены... Знай это! Вѣдь я не звѣрь же, Наташа!.. Послушай, я говорю тебѣ прямо: я скоро это брошу... Да, я это рѣшилъ, потому что это унижительно... И я разстроилъ себѣ здоровье... Я только долженъ немного... отомстить... Ты видишь, какъ судьба ко мнѣ несправедлива!

— Нѣтъ, ради Бога! пусть гибнетъ то, что уже погибло... Но бросьте теперь!

— Нѣтъ, Наташа, нѣтъ! Ты не насилуй моей воли... Я чувствую, что и такъ это кончается... И помни: и ты и дѣти обезпечены. Ну, иди съ Богомъ.

Наташа ушла ни съ чѣмъ. Что значать въ его устахъ эти слова: «дѣти обезпечены»? Если даже онъ что нибудь и сдѣлалъ, чтобы ихъ обезпечить, то развѣ онъ, съ его характеромъ, не можетъ все передѣлать въ одну минуту? И она продолжала вести жизнь въ страшной тревогѣ.

Время шло. Зима подходила къ концу. Панъ Шипицкій уже благополучно продалъ ярославское имѣніе, въ этомъ онъ все же нашелъ нѣкоторое утѣшеніе, такъ какъ при продажѣ хорошо заработалъ.

Однажды ночью, когда дѣти и «иностранки» давно уже спали, а Наташа собиралась лечь, навѣрхъ прибѣжалъ камердинеръ Андрей Михайловича, съ лицомъ поблѣвшимъ, дрожащій.

— Съ бариномъ худо! Очень худо! Такъ нехорошо!.. Упали на полъ и задыхаются!—сообщилъ онъ, и самъ задыхаясь.

Наташа съ неистово бьющимся сердцемъ побѣжала внизъ. Здѣсь уже былъ панъ Шипицкій и докторъ. Андрея Михайловича уложили въ постель. Съ нимъ случился ударъ, но докторъ успокоилъ Наташу, сказавъ, что крайней опасности нѣтъ.

— Только для него ужъ будетъ ядомъ такая нервная жизнь, какую онъ велъ. Карты отъ него надо прятать!

Наташа сидѣла у его постели, блѣдная, съ ужасомъ въ глазахъ. Андрей Михайловичъ былъ страшень. Онъ тяжело дышалъ, никого не узнавалъ и, не смотря на страшныя усилія, никакъ не могъ

произнести каких-то словъ, которыя, повидимому, страстно желалъ сказать.

Наташа просидѣла около него всю ночь. На утро его сознание прояснилось, онъ узналъ ее, взявъ ея руку и тихо, съ большимъ трудомъ сказалъ:—Иди, отдохни, Наташа!

Наташа повиновалась и ушла къ себѣ. Около полудня Андрей Михайловичъ потребовалъ, чтобы къ нему привели дѣтей. Наташа еще спала. Дѣти сопли внизъ. Андрей Михайловичъ долго глядѣлъ на нихъ и тихо произносилъ какія-то ласковыя слова. Потомъ онъ позвалъ къ себѣ Надю.

— Видишь, вонъ тамъ шкафчикъ?

Онъ указалъ взглядомъ на низенькій металлическій шкафчикъ, стоявшій въ углу.—Возьми въ ящикѣ стола ключъ и отвори его и достань свертокъ...

Надя моментально исполнила все это и подала ему довольно тяжелый узелъ. Тамъ были бумажныя деньги.

— Снеси это матери... Скажи—здѣсь четыреста тысячъ... Скажи, чтобы хорошо прятала...

Дѣвочка ничего не понимала, такъ какъ еще не знала значенія денегъ. Она взяла узелъ, прижала его къ груди и понесла наверхъ.

Она тихонько вошла въ спальню и положила узелокъ на коверъ, сѣла на кровать и ждала, когда мать проснется.

Наталья Александровна открыла глаза и съ удивленіемъ увидѣла Надю, у которой былъ недоумѣвающе-таинственный видъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, моя дѣвочка?—спросила она, притягивая ее къ себѣ.

— Меня прислалъ папа... Вотъ... четыреста тысячъ... отвѣтила дѣвочка.

— Что? Какія четыреста тысячъ? О чемъ ты говоришь, моя дѣвочка?

— Вотъ узелокъ!—отвѣтила Наташа и встала съ кровати, чтобы приподнять узелокъ.

Наталья Александровна въ свою очередь приподнялась и, взглянувъ на ея носу, широко раскрыла глаза.

— Это что?—спросила она.

— Папа прислалъ четыреста тысячъ... Чтобы ты спрятала и берегла... Онъ такъ сказалъ...

Наташа совсѣмъ встала съ постели.

— Папѣ подсказалъ это твой ангелъ хранитель!..—сказала она.— Дай сюда, дѣтка! Мы спрячемъ вотъ здѣсь. Это будетъ твое и Танюшино добро... И она положила узелокъ въ ящикъ комода и заперла его.

— Развѣ это добро, мама? Какое же это добро?—спросила Надя.— Это просто бумажки...

— Да, дѣтка, бумажки... Но на нихъ можно все купить...

— Какъ на золото?

— Да, какъ на золото. Ихъ можно промѣнять на золото... А какъ папа? Ему лучше?

— О, да! Онъ такъ нѣжно говорилъ съ нами... Танюша тамъ!..

Наташа одѣлась и сошла внизъ. Андрей Михайловичъ встрѣтилъ ее улыбкой:—Береги это, Наташа. Видишь, я сказалъ, что останется... Есть еще Тускино и другія. Все будетъ имъ. Я написалъ уже давно...

— Спасибо вамъ!—промолвила Наташа.—Но вы навѣрно поправитесь, неправда ли? Мнѣ докторъ сказалъ это!..

Прошло нѣсколько дней. Здоровье Андрея Михайловича было въ неопредѣленномъ положеніи. Прямой опасности не было. Но выздоровленіе шло очень медленно. Докторъ видѣлъ въ этомъ дурной признакъ для будущаго.

— Организмъ порядочно расшатанъ. Нервнымъ аппаратомъ слишкомъ злоупотребляли...

Тѣмъ не менѣе, на шестой день къ больному явно начали возвращаться силы. Онъ уже садился и свѣшивалъ ноги съ постели и совсѣмъ свободно говорилъ. У него у самого явилась увѣренность.

И не успѣлъ онъ встать на ноги, какъ прежде всего подумалъ о Ступичѣ и необходимости отыгрыша. Слабость его была такъ велика, что мечтать объ этомъ было безуміе. Но онъ дѣлался смѣлымъ, когда думалъ о картахъ. И вотъ, когда къ нему въ кабинетъ, по обыкновенію, вошла Надя, онъ сказалъ ей:

— Вотъ что, дѣвочка, поди къ мамѣ и скажи, чтобы прислала мнѣ обратно деньги...

— Четыреста тысячъ?—спросила Надя, помня эту цифру.

— Вотъ, вотъ, именно четыреста тысячъ!..

Надя пошла къ Наташѣ. Наташа припла въ сильное безпокойство.—Это невозможно! Это невозможно!—говорила она и спустилась внизъ сама.

— Андрей Михайловичъ! Вѣдь это дѣтскія деньги. Неужели вы рѣшились?

— Наташа, все, что у меня есть,—дѣтское!

— Но это ужасно, Андрей Михайловичъ, вѣдь они пропадутъ..

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лучше не говори этого, Наташа... Это меня раздражаетъ!..

— Я не могу отдать вамъ этихъ денегъ!—какъ-то необыкновенно рѣшительно заявила Наташа и вышла изъ кабинета.

Андрей Михайловичъ вскипѣлъ; его раздражительность теперь стала больше прежней. Въ это время приближали дѣвочки.

— Скажите матери, что если она не пришлетъ денегъ, — обратился онъ къ нимъ,—то я ни ее, ни васъ знать не хочу; я никого любить не буду.

Дѣвочки испуганныя выбѣжали вонъ.

— Мама, мама! отдай папѣ эти деньги!—умоляли онѣ.—Пускай онѣ насъ любить только...

— Милыя мои, но чѣмъ вы будете жить, если, не дай Богъ, случится несчастье? Чѣмъ вы будете жить? Тогда вы будете нищія!

— Мама!—сказала Надя,—ты отдашь насъ въ театральную школу, мы будемъ танцовать на сценѣ, вѣдь ты же танцовала!.. Отдай деньги папѣ!

— Ну,—промолвила Наташа:—пусть будетъ по-вашему! Берите и несите отцу!

Дѣвочки взяли тяжелый узелокъ и съ великимъ торжествомъ потащили его въ кабинетъ.

— Ну, вотъ такъ! А теперь вотъ что. Возьмите половину и отнесите обратно матери!—сказалъ Андрей Михайловичъ.—И скажите ей, чтобъ не беспокоилась. Будете обезпечены!..

И онѣ отослалъ Наташѣ двѣсти тысячъ.

На другой день онѣ, съ разрѣшенія врача, выѣхалъ изъ дому и проѣхалъ прямо къ площади Сената. Но что-то скоро вернулся, и пачка денегъ была при немъ. Оказалось, что домъ Ступича принадлежалъ какому-то купцу, а самого Ступича уже нѣсколько дней нѣтъ въ городѣ.

Онѣ недоумѣвалъ. А дѣло было просто. Панъ Шипицкій послалъ княгинѣ въ Римъ депешу объ опасности болѣзни Андрея Михайловича и пояснилъ, что его довела до этого игра. Княгиня тотчасъ написала, кому слѣдуетъ, свои подозрѣнія насчетъ Ступича, и его тотчасъ выселили изъ столицы. Но Ступичъ не прогадалъ. Онѣ увезъ съ собою миллионъ выигранныхъ денегъ. Неожиданное исчезновеніе Ступича какъ бы вдругъ отрезвило Андрея Михайловича. Онѣ сказалъ Наташѣ такимъ тономъ, которому надо было вѣрить.

— Ну, играть больше не буду! Я вылѣчился!..

И Наташа повѣрила и вздохнула съ облегченіемъ.

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОТОВА.

АФАИЛЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ЗОТОВЪ (род. въ 1796 г. † въ 1871 г.) пользовался въ свое время большой извѣстностью и въ литературѣ и въ публикѣ. Почти вся его долгая и трудовая жизнь была отдана литературѣ. Онъ былъ и драматургомъ, и романистомъ, и публицистомъ, и критикомъ, и компиляторомъ, и переводчикомъ. Нѣкоторыя драмы и романы его имѣли успѣхъ; его публицистическія и критическія статьи отличались умомъ, ясностью и безпристрастіемъ; его компиляція — добросовѣстностью; его переводы — прекраснымъ языкомъ. Кромѣ того, Зотовъ принималъ, втеченіе 25 лѣтъ, участіе въ театральной администраціи и на этомъ поприщѣ принесть не мало пользы, посвятивъ свои заботы русской сценѣ и организаціи театрального дѣла. Театръ онъ любилъ до страсти и даже подъ старость не переставалъ писать о немъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Драматическій, оперный, балетный репертуаръ, артистическій міръ, законы и обычаи сцены, были близко знакомы и всегда дороги ему. Въ оставленныхъ Зотовымъ, послѣ смерти, «Запискахъ» театръ занимаетъ первенствующее мѣсто, какъ и при жизни его.

«Записки» Р. М. Зотова появились, въ отрывкахъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ одномъ періодическомъ, еженедѣльномъ изданіи, вскорѣ прекратившемся, да и во время своего существованія имѣвшемъ весьма ограниченный кругъ читателей. Еще раньше, въ 1858 году, Зотовъ напечаталъ отрывки изъ своихъ театральныхъ воспоминаній въ «Драматическомъ сборникѣ», прекратившемся также черезъ два года послѣ своего появленія въ свѣтъ. Цензурныя и

другія условія, существовавшія тогда, не позволяли, конечно, этимъ воспоминаніямъ явиться въ печати въ томъ видѣ, какъ они написаны. Между тѣмъ, въ нихъ заключаются любопытныя черты полувѣковой жизни нашего театра, исторіи котораго у насъ до сихъ поръ нѣтъ, хотя мы переживаемъ уже второе столѣтіе послѣ его возникновенія. Это побудило насъ обратить вниманіе на «Записки» Зотова, мало кому извѣстныя даже въ томъ отрывочномъ видѣ, въ которомъ онѣ появлялись въ свѣтъ. По нашей просьбѣ, сынъ Р. М. Зотова, теперь тоже покойный, Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ, пересмотрѣлъ воспоминанія по рукописямъ, оставшимся послѣ его отца, и восстановилъ въ нихъ всѣ значительные пропуски и измѣненія. «Театральныя воспоминанія», выдѣленныя авторомъ изъ «Записокъ», которыя вовсе не могли явиться въ печати въ то время, теряли значительную долю интереса безъ объясненія многихъ фактовъ и закулисныхъ сторонъ, настоящее освѣщеніе которыхъ можно найти только въ «Запискахъ». Для полной картины состоянія петербургской сцены отъ 1810 по 1860 годъ необходимо было соединить «Воспоминанія» съ «Записками», восстановить и тѣ и другія въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Думаемъ, что читатели нашего журнала найдутъ не мало любопытнаго въ мемуарахъ человѣка правдиваго и знающаго дѣло, являющихся теперь не только въ реставрированномъ видѣ, но и съ совершенно новыми главами и подробностями, еще неизвѣстными.

Ред.

I.

Когда жизнь частнаго человѣка важна для исторіи его времени. — Мое происхожденіе. — Бату-Гирей, братъ послѣдняго крымскаго хана. — Ханумъ Зарема и астрологъ Сальви. — Заговоръ противъ Шагинъ-Гирея. — Занятіе Крыма русскими. — Крещеніе и воспитаніе моего отца. — Служба при Павлѣ I. — Романтическая исторія подполковника Зотова.

Жизнь всякаго частнаго человѣка, не имѣвшаго никакого вліянія на окружавшее его общество, ни на современныя событія, бесполезна для исторіи: это всеневный романъ, который можетъ интересовать развѣ только участвовавшихъ въ немъ лицъ. Но если этотъ человѣкъ имѣлъ близкія, хотя и подчиненныя сношенія съ историческими лицами своей эпохи, то воспоминанія его всегда важны для исторіи, потому что истина всегда лучше узнается подчиненными, нежели высшими. Отъ первыхъ нельзя ничего утаить, а отъ вторыхъ стараются скрыть все неблаговидное. Вотъ почему, хотя я былъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ лицъ окружающаго меня общества, но полагаю, что не безынтересно будетъ прослѣдить періоды царствованій Павла I, Александра I и Николая I, при кото-

рыхъ протекла жизнь моя отъ колыбели и почти до могилы. Царствованіе Александра II будетъ только эпилогомъ этого періода, въ которомъ, конечно, я принималъ самое незавидное участіе. Зато прѣжнее мое поприще, хотя и стѣсненное въ самой небольшой сферѣ, можетъ открыть многое.

Прежде всего, попрошу я позволенія у читателя познакомить его съ моимъ родомъ и племенемъ, ограничиваясь только личностью отца моего, котораго романическое и почти фантастическое существованіе и самая таинственная смерть, имѣвшая свой замогильный періодъ, очень любопытны, хотя и исчезли въ водоворотѣ событий.

Онъ былъ сынъ Бату-хана, брата послѣдняго крымскаго вл�стителя, Шагинъ-Гирея. По обыкновенному ходу вещей, читатели подумаютъ, что отецъ мой и, слѣдственно, я имѣемъ право на титулъ «князя», который теперь присвоивается всѣмъ потомкамъ бывшихъ владѣтельныхъ домовъ и который придаетъ имъ очень мало важности, но я спѣшу предупредить ихъ, что современники отца не только не думали объ этомъ мнимомъ правѣ, но даже случайно дали ему чужую фамилію, которою, конечно, нечего было гордиться.

Младенчество отца моего долго скрывалось отъ всѣхъ, потому что ханы вообще не любили, чтобы братья ихъ имѣли дѣтей. Но, когда, съ 8-ми-лѣтняго возраста, дѣдъ мой убѣдился, что царственный братъ его не питаетъ къ нему никакой вражды, а, напротивъ того, любить ѣздить съ нимъ на охоту и проводить съ нимъ вечера, то онъ открылся ему и въ тайнѣ рожденія своего сына. Ханъ принялъ это очень милостиво и приказалъ даже представить себѣ этого ребенка. Съ этихъ поръ отецъ получилъ уже лучшее воспитаніе, къ какому былъ способенъ тогдашній бахчисарайскій дворъ. Къ счастью отца, былъ при ханѣ одинъ итальянецъ, Сальви, занимавшій при немъ должность звѣздочета, врача и казначея и, разумѣется, ненавидимый всѣмъ остальнымъ дворомъ. Только одинъ отецъ мой полюбилъ этого итальянца за то, что тотъ училъ его грамотѣ и водилъ на свою обсерваторію.

О женѣ моего дѣда нечего было бы и говорить, еслибъ она не сдѣлалась невинною виновницею государственнаго переворота, совершившагося въ Крыму. Однажды, дѣдъ мой показался хану очень печальнымъ, и такъ какъ ханы не любятъ подобныхъ фizioномій, то Шагинъ и приказалъ объяснить ему причину своей печали. Дѣдъ сознался тогда, что общая ихъ мать купила ему, восемь лѣтъ тому назадъ, невольницу-черкешенку, съ которою онъ и прижилъ сына, и что въ эту минуту эта Зарема очень больна.

— Такъ будь спокоенъ и развеселись, — сказалъ ханъ. — Я пошлю къ ней моего Сальви, и будь увѣренъ, что она черезъ нѣсколько дней будетъ здорова.

Хотя воля хана и была всегда закономъ, но братъ посмотрѣлъ на него сомнительно и покачалъ головою, осмѣлясь сказать:

— Но, свѣтлѣйшій братъ, гяуръ не можетъ войти въ мой гаремъ, видѣть мою Зарему и прикоснуться къ ней.

— Что за вздоръ, — возразилъ ханъ. — Мулла прочтетъ потомъ надъ нею молитву очищенія, да и Сальви побоится моего гнѣва, чтобъ имѣть какія нибудь нечистыя желанія. Повторяю тебѣ, будь спокоенъ и весель.

Дѣйствительно, по приказанію его, Сальви съ перстнемъ хана (дающимъ ему всюду входъ) отправился въ гаремъ и, несмотря на всеобщій страхъ, произведенный его появленіемъ, осмотрѣлъ больную и нашель, что у нея простая горячка, которую, благодаря природѣ, а не искусству своему, и успѣлъ скоро вылѣчить.

Казалось бы, что такое хорошее дѣло должно было имѣть самые полезные результаты: оказалось противное. Оно произвело паденіе крымской орды. Конечно, это паденіе совершилось бы и безъ того, но, такъ какъ исторія не говоритъ о закулисныхъ причинахъ, то мой долгъ рассказать, какъ было дѣло.

Шагинъ-Гирей, какъ и всѣ восточные государи, былъ большой сластолюбецъ и когда остался наединѣ съ Сальви, то спросилъ его о красотѣ Заремы. Привезенная къ дѣду моему 14-ти лѣтъ, она въ 22 года была еще во всей свѣжести, и Сальви, зная всегдашнюю наклонность хана, рассказалъ ему почти небылицы объ этой красавицѣ; съ тѣхъ поръ ханъ безпрестанно освѣдомлялся у своего брата о здоровьѣ ея. Это возбудило сильную и справедливую ревность моего дѣда, который сталъ часто задумываться, но не показывалъ вида ни ревности, ни опасеній. Зато началъ часто ходить къ визирю Мехмету и къ муллѣ (того же имени), съ которыми разсуждалъ о печальномъ положеніи Крыма, о возрастающей силѣ московъ (русскихъ) и объ униженіи, которое терпитъ ханъ. Оба эти человѣка соглашались съ дѣдомъ моимъ, но вовсе не по политическимъ причинамъ, а по ненависти къ Сальви, который распоряжался казною хана, не допуская ихъ до финансоваго управленія. Мало-по-малу составилъ между ними заговоръ, какіе часто бываютъ на Востокѣ, и рѣшено было произвести государственный переворотъ и, устранивъ Шагинъ-Гирей, возвести на престолъ дѣда моего Бату.

Любопытно, что дѣдъ мой, видя согласіе заговорщиковъ, вдругъ сдѣлался веселѣе и уступчивѣе съ ханомъ, такъ что, когда однажды тотъ заговорилъ о здоровьѣ Заремы, дѣдъ, какъ бы въ шутку, намекнулъ, что, пожалуй, уступить ему красавицу. Ханъ вспыхнулъ отъ удовольствія и не зналъ, какъ выразить брату свое счастье и свою благодарность. За эту уступку онъ предложилъ ему усыновить отца моего и подарить ему сто невольницъ. Дѣдъ принялъ это съ веселымъ духомъ, и въ тотъ же вечеръ Зарема была уже первою кадынею, а отецъ мой объявленъ усыновленнымъ.

Это давало ему право быть всегда у матери и еще болѣе случаевъ видѣться съ Сальви и пользоваться его уроками.

Между тѣмъ, заговоръ все болѣе и болѣе развивался. Отецъ мой всѣхъ менѣе могъ знать о немъ, но Зарема, кажется, знала, а, можетъ быть, и сожалѣла объ участи хана.

Однажды она съ печальнымъ видомъ сказала сыну, чтобъ онъ ввечеру не приходилъ къ ней.

— Почему же? — спросилъ мой отецъ.

— Да твой отецъ Бату не хочетъ этого, — отвѣчала она.

— Не онъ, а ханъ здѣсь начальникъ, — сказалъ мой отецъ, — и отцу здѣсь нечего дѣлать ввечеру. А, впрочемъ, я увижу хана у Сальви и спрошу его, почему мнѣ нельзя сегодня быть здѣсь.

— Какъ можно! — вскричала мать. — Не смѣй и заикнуться о томъ, что я тебѣ сказала.

— Вотъ смѣшно! Такъ зачѣмъ же ты и говоришь мнѣ объ этомъ?

— Милый Оглу (такъ отца звали между татарами), — сказала тихо мать, — есть на свѣтѣ тайны, которыхъ разглашать нельзя, потому что отъ нихъ зависитъ жизнь многихъ людей, даже, можетъ быть, и моя.

— Тогда, пожалуй, я буду молчать, — сказалъ отецъ, — но почему же мнѣ не придти сюда сегодня ввечеру?

— На это есть причины, о которыхъ я должна молчать, — отвѣчала Зарема съ видимымъ безпокойствомъ. — Умоляю тебя: не приходи.

— Если ты велишь, пожалуй, я послушаюсь; но я спрошу Сальви. Онъ все знаетъ, и по звѣздамъ пусть онъ мнѣ растолкуетъ...

— Ни за что! — вскричала опять Зарема, — и ему не говори ни слова.

— Ничего я тутъ не понимаю, — сказалъ отецъ. — Хорошо же. Я уйду и ввечеру не буду здѣсь, но буду все подсматривать и караулить...

Онъ ушелъ, а мать махнула рукою.

Отецъ тотчасъ же бросился развѣдывать все, и такъ какъ о немъ никто не думалъ и не заботился, то ему легко было узнать всѣ дворцовыя тайны. Онъ подслушалъ, что въ тотъ же вечеръ, когда ханъ явится къ Заремѣ, его отецъ съ друзьями соберутся во дворецъ, но подождутъ, когда ханъ уснетъ, и тогда произойдетъ что-то очень важное...

Какъ ни молодъ и ни неопытенъ былъ мой отецъ, но онъ понималъ, что тутъ дѣло могло идти о жизни и смерти отца или дяди, усыновившаго его. Ему очень хотѣлось спасти и того и другого. А потому, когда наступила ночь, и онъ увидалъ, что ханъ пошелъ къ Заремѣ, то бросился къ Сальви и рассказалъ ему все. Можно вообразить себѣ ужасъ этого человѣка! Онъ наскоро собралъ всѣ свои

сокровища, приготовилъ двухъ лошадей и вошелъ во дворецъ особымъ ходомъ, который ему одному былъ извѣстенъ. Тутъ онъ, посредствомъ своего перстня, велѣлъ вызвать хана и рассказалъ ему обо всемъ, умоляя бѣжать тотчасъ изъ дворца, потому что онъ наполненъ его врагами. Сперва ханъ вспыхнулъ и хотѣлъ показать свою власть, но вскорѣ итальянецъ убѣдилъ его къ побѣгу.

Но куда? Можетъ быть, въ Бахчисараѣ всѣ уже въ заговорѣ и ждутъ только появленія хана. А потому онъ по совѣту Сальви рѣшился бѣжать въ русскій лагерь, въ Перекопъ.

Тѣмъ же тайнымъ путемъ Сальви вывелъ хана изъ дворца, и оба поскакали по знакомому имъ пути къ сѣверу. Когда дѣдъ мой съ заговорщиками явился въ спальню Заремы, она имъ рассказала, что Сальви увелъ хана, но куда, не знаетъ. Можно понять ужасъ Бату! Но визирь и мулла поддержали его надежду и сказали, что они предвидѣли возможность неуспѣха и рѣшились въ такомъ случаѣ бѣжать въ Балаклаву, гдѣ ихъ ждетъ уже судно. Но прежде, нежели рѣшиться на эту крайность, они хотѣли узнать, гдѣ самъ ханъ. Если онъ бѣжалъ въ Бахчисараѣ, то тамъ его ждутъ заговорщики среди гарнизона, и тогда произойдетъ рѣшительная борьба. Если же онъ ушелъ къ русскимъ, то дѣло можно считать выиграннымъ потому, что тогда посольство отъ Бату-хана (моего дѣда) отдастъ султану верховное владычество надъ Крымомъ, и произойдетъ ожесточенная война съ москвою, а правовѣрные признаютъ Шагинъ-Гирея лишеннымъ престола.

Не совсѣмъ вѣрны были надежды моего дѣда Бату, но первая часть ихъ сбылась. Бахчисарайскій гарнизонъ призналъ его ханомъ, вмѣсто бѣжавшаго къ русскимъ Шагина, и переворотъ совершился самымъ мирнымъ образомъ. Въ Константинополѣ приняли посольство Бату самымъ ласковымъ образомъ и обнадежили его въ султанской помощи, а русскій генералъ Бальмень, командовавшій тогда на Перекопѣ, отправилъ въ Петербургъ эстафету съ донесеніемъ о случившемся.

Тогдашнее ли состояніе дорогъ, или другія политическія причины заставили императрицу Екатерину не отвѣчать цѣлые полгода на депешу, но, наконецъ, черезъ полгода, когда уже Бату-ханъ воображалъ себя полнымъ властителемъ Крыма, Бальмень, получивъ приказаніе, быстро и неожиданно двинулся къ Бахчисараю и, въ свою очередь, Бату-ханъ принужденъ былъ бѣжать.

Дальнѣйшая судьба дѣда неизвѣстна. Иные говорятъ, что онъ окончилъ жизнь въ Константинополѣ, другіе утверждаютъ, что онъ опять воротился въ Крымъ, и послѣ новыхъ попытокъ къ произведенію возмущеній былъ схваченъ, судимъ и прощенъ Екатериною II. Но все это произошло уже тогда, когда Крымъ принадлежалъ Россіи, и эта часть разсказа не принадлежитъ уже къ исторіи отца моего, который вмѣстѣ съ матерью отправленъ былъ въ

Петербургъ въ видѣ аманата. Напрасно Шагинъ-Гирей объяснялъ Бальмену, что этотъ мальчикъ былъ его спасителемъ въ роковую ночь заговора: генераль, получивъ приказаніе, долженъ былъ его выполнить, не заботясь о послѣдствіяхъ. Почему сама Зарема должна была ѣхать съ отцомъ, это неизвѣстно, но и на это было приказаніе, которому Шагинъ долженъ былъ повиноваться.

Эти полгода междуцарствія отецъ мой употребилъ для образованія своего у Горопуло, бывшаго консульскимъ агентомъ въ Бахчисараѣ, а когда его съ матерью отправили въ Петербургъ подъ надзоромъ какого-то поручика Нагеля, который былъ адъютантомъ у Бальмена, то и на этого человѣка возложено было порученіе учить отца порусски. Въ мальчикѣ развилась почему-то страсть къ ученію, такъ что онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, былъ уже не дикаремъ, какимъ родился и воспитывался, а полуобразованнымъ по тогдашнему времени человѣкомъ. Правда, и проѣздъ этотъ продолжался тоже болѣе полугода. Зарема доѣхала только до Кіева, захворала и умерла; Нагель долженъ былъ отправить эстафетъ къ Бальмену объ этомъ и ждать его приказаній. По полученіи этихъ приказаній, онъ уже повезъ отца на перекладныхъ и доставилъ въ Петербургъ.

Отецъ мой былъ представленъ Ланскому, тогдашнему фавориту, доброму и благородному человѣку, который, въ свою очередь, представилъ его самой императрицѣ. Это была самая торжественная минута, о которой отецъ мой отзывался съ восторгомъ. Императрица рѣшила окрестить его и при этомъ пожаловать сержантомъ гвардіи, а потомъ отдать на воспитаніе въ шляхетный корпусъ, гдѣ графъ Ангальтъ принялъ его съ истинно-великодушнымъ участіемъ, которое сохранилъ и впослѣдствіи, потому что мальчикъ, вскорѣ превратившійся въ молодого, образованнаго человѣка, отличался во всѣхъ предметахъ воспитанія.

Излишне было бы рассказывать, какъ отцу моему дали имя его крестнаго отца (Михаиль) и фамилію одного изъ камердинеровъ императрицы, на котораго онъ былъ похожъ. Второе обстоятельство случилось уже гораздо позднѣе и по волѣ Ланского, когда отца надобно было внести въ списки корпуса. Впрочемъ, какъ старшій по чину (сержантъ гвардіи равнялся капитану), отецъ мой пользовался большими преимуществами, которыя, впрочемъ, продолжались только до восшествія на престолъ Павла I. Извѣстно, что этотъ государь не хотѣлъ имѣть въ своей арміи чиновъ, не заслуженныхъ во фронтѣ. Графъ Ангальтъ представилъ ему отца, какъ исключеніе изъ этого правила; но Павелъ I былъ, во-первыхъ, очень недоволенъ ростомъ отца (онъ былъ очень малаго роста), а, во-вторыхъ, никакихъ исключеній не допускалъ, дозволивъ только, чтобы при выпускѣ въ офицеры отецъ, получивъ, какъ слѣдуетъ, первый прапорщичій чинъ, могъ быть произведенъ черезъ годъ въ подпо-

ручки и поручики за хорошую фронтную службу, причем приказал оставить его при корпусѣ наставникомъ. Ангальтъ доложилъ государю и о происхожденіи отца, но и на это не было обращено особаго вниманія, потому что Бату былъ бунтовщикъ. Дозволено было, однако, внести отдѣльный докладъ по этому предмету. Была впоследствии одна благопріятная минута, когда при дальнѣйшей службѣ отца онъ сдѣлался предметомъ особенныхъ милостей государя и уже удостоился получить 300 душъ при всеобщихъ наградахъ 1800 года. Но дальнѣйшія событія заставили все это забыть.

Очень любопытно, что бывшій «татарченко», какъ звали отца товарищи, сдѣлался, по милости графа Ангальта, очень любимымъ въ своемъ кругу и по своей образованности пріобрѣталъ множество знакомыхъ. Въ оставленныхъ имъ бумагахъ упоминаетъ онъ о Ѳедосѣ Ивановнѣ Елагиной, вдовѣ бывшаго любимца Екатерины II, въ домѣ которой онъ жилъ (на углу Сергіевской, противъ Таврическаго сада) и у которой гораздо позднѣе помѣстилъ даже меня, своего первороднаго сына. Также съ благодарностію отзывался отецъ о Ламсдорфѣ, который впоследствии былъ его покровителемъ.

Въ судьбѣ отца произошла важная перемѣна съ 1798 года. Она произошла самымъ обыкновеннымъ образомъ. Какъ корпусный офицеръ, отецъ почти всѣдневно ходилъ въ Михайловскій манежъ, гдѣ очень часто бывалъ императоръ Павелъ, и становился въ числѣ обязанныхъ зрителей на лѣвомъ флангѣ по ранжиру, какъ самаго малаго роста. Однажды пріѣхалъ государь въ манежъ при самой бурной погодѣ. Въ свитѣ его были въ тотъ день братья Чарторыйскіе, славившіеся мускульною силою, которою обладалъ и самъ Павелъ I. При входѣ государя въ манежъ, разумѣется, отворили настежь ворота, но сила бури была въ тотъ день такова, что въ минуту прохода Павла I гренадеръ, стоявшій у воротъ, свалился съ ногъ, и, повидимому, подобная же участь угрожала самому Павлу I, но отецъ мой, какъ ближайшій къ воротамъ, успѣлъ подскочить и подставить ногу подъ распахнувшіяся ворота, а самъ вытянулся, какъ слѣдовало. Государь улыбнулся, кивнулъ ему головою и пошелъ мимо. Ворота заперли, и разводъ начался обыкновеннымъ порядкомъ. Но, по окончаніи его, государь разговорился съ Чарторыйскими о силѣ, обнаруженной моимъ отцомъ, удержавшимъ ворота. Позвали его; потребовали отъ него новыхъ доказательствъ силы и, такъ какъ онъ дѣйствительно обладалъ ею въ превосходной степени, разгибая подковы и производя другіе опыты, какъ-то: ношеніе людей на протянутой рукѣ и т. п., то государю это очень понравилось, и онъ перевелъ его въ число дворцовыхъ гренадеръ.

Съ этой минуты жизнь отца совершенно измѣнилась, и Павелъ I не разъ приказывалъ ему производить опыты своей мускульной силы. Вліяніе его тоже усилилось. Доказательствомъ служило то, что тяжба, которую генеральша его, Елагина, имѣла съ казною,

была тотчас же выиграна. Для этого отец мой обратился къ ходатайству великаго князя—наслѣдника, а тотъ поручилъ дѣло графу Палену. Разумѣется, послѣдній вымылъ отцу голову за его вмѣшательство въ процессъ, но исполнилъ волю Александра Павловича.

Послѣ этого всѣ вообразили себѣ, что отецъ мой способенъ вести трудныя тяжбы дѣла, но я не знаю, до какой степени простиралось это искусство. Видно только, что оно доставило ему многія пріятныя знакомства и, между прочимъ, Брылкина, который женился на родственницѣ графа Палена, за что и получилъ мѣсто вице-губернатора въ Псковѣ. Эта г-жа Брылкина имѣла потомъ большое вліяніе на судьбу моего отца, но объ этомъ послѣ. Теперь остается мнѣ только упомянуть, что 11-го марта 1801 года отецъ мой былъ на дежурствѣ. Всѣхъ гренадеръ помѣстили въ одну залу и отдали приказъ—по первому сигналу явиться, куда будетъ назначено; но этого назначенія не послѣдовало, и они провели всю ночь въ ожиданіи...

Отецъ мой былъ въ числѣ гренадеръ, стоявшихъ на часахъ во время первой панихиды по императорѣ Павлѣ, и не только громко плакалъ, но и позволилъ себѣ громко выразить одно замѣчаніе, совершенно противное правиламъ дисциплины. За это, по приказанію графа Палена, онъ былъ на другой же день уволенъ въ отставку. Графъ Ангальтъ былъ и тутъ его спасителемъ, повезъ его къ Ламсдорфу, который при восшествіи Александра I назначенъ былъ псковскимъ военнымъ губернаторомъ. Ламсдорфъ взялъ моего отца къ себѣ по особымъ порученіямъ, а вскорѣ потомъ онъ былъ назначенъ капитанъ-исправникомъ. Отецъ мой дѣйствительно въ то время уже имѣлъ чинъ капитана.

Здѣсь началась новая жизнь его, и уже совершенно матеріальная. Провинціальное наше дворянство не отличалось тогда образованностью, а еще меньше чистотою нравовъ, и въ первый же годъ отецъ принужденъ былъ жениться по интригамъ одной важной губернской дамы, на ея крѣпостной. Дама мстила въ этомъ случаѣ за измѣну, а отецъ считалъ долгомъ загладить увлеченіе своей молодости. Женитьба нисколько не измѣнила его. Онъ купилъ себѣ домъ на Завеличьи и нѣсколько душъ и зажилъ очень спокойно. Вдругъ, по просьбѣ одного изъ псковскихъ богачей, рѣшился онъ совершить путешествіе въ Парижъ съ дѣтьми этого человека, чтобъ быть ихъ наставникомъ. При этомъ онъ произведенъ былъ въ майоры, съ исходатайствованіемъ ему откомандировки для ученой цѣли. Пребываніе его въ Берлинѣ и Парижѣ очень любопытно и записано мною по его замѣткамъ. Онъ имѣлъ сношенія съ прусскимъ дворомъ, потомъ съ первымъ консуломъ Бонапарте, съ его министрами, съ актрисами Жоржъ и Жюли Эвра.

Послѣ Аустерлицкой кампаніи отецъ принужденъ былъ уѣхать изъ Франціи въ ту минуту, какъ началась Іенская катастрофа, а

такъ какъ поэтому онъ долженъ былъ ѣхать черезъ Австрію, то попалъ въ русскую армію передъ самымъ Пултускомъ. Здѣсь представился онъ Бенингсену, и тотъ взялъ его къ себѣ на службу по провіантской части, въ которой отецъ приобрѣлъ большую опытность.

Послѣ этой кампаніи онъ побывалъ опять въ Псковѣ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ, потомъ опять отправился въ Петербургъ, куда переведенъ былъ и покровитель его, Ламсдорфъ. Тутъ онъ въ чинѣ подполковника получилъ довольно важное мѣсто въ молдавской арміи, куда вскорѣ же и отправился.

Здѣсь прекращаются объ немъ всѣ извѣстія. Мнѣ, старшему сыну его, было въ 1809 году тринадцать лѣтъ, и я никакъ не воображалъ, что вижу его въ послѣдній разъ. Со дня отъѣзда отца въ дунайскую армію ни я и никто въ Россіи не имѣлъ уже о немъ ни слуху, ни духу. Въ первое время онъ ко многимъ писалъ и жаловался, что главнокомандующій, Прозоровскій, не хотѣлъ его вовсе принять, какъ не лично имъ самимъ избраннаго чиновника. Болѣе же всего жаловался онъ на своего генераль-провіантмейстера, какого-то француза, съ которымъ имѣлъ важныя ссоры изъ-за любовной интриги. Вдругъ вся его корреспонденція прекратилась, и изъ Калафата австрійскій консулъ сообщилъ, что подполковникъ Зотовъ, переѣзжая черезъ Дунай, утонулъ и похороненъ, бумаги же его препроводилъ къ Прозоровскому.

Казалось бы, что все этимъ и кончилось. А такъ какъ на немъ по службѣ числились какія-то доимочныя суммы, то на псковское имѣніе его наложено было запрещеніе. Но моя мать доказала, что это была ея собственность (деревянный домъ и восемь душъ), и запрещеніе было сложено. Пенсіи отцу никакой не слѣдовало, а куда дѣвалось имущество, лично имъ приобретенное (оно было весьма значительно), — объ этомъ никто не могъ узнать. Съ нимъ оно утонуло или исчезло другимъ образомъ, до этого никому не было дѣла.

Только черезъ тридцать лѣтъ, я, старшій сынъ его, нечаянно встрѣтился въ одномъ домѣ съ однофамильцемъ, и обоюдное любопытство заставило насъ разспросить другъ друга: не родня ли мы? Хотя я и увѣренъ былъ, что родственниковъ у меня нѣтъ, но любопытство мое съ избыткомъ было вознаграждено. Я узналъ странныя вещи. Однофамилецъ мой былъ тоже сынъ моего покойнаго отца, рожденный въ Молдавіи послѣ 1809 года. Значитъ онъ не утонулъ, долго жилъ въ Турціи и не скрывалъ своей фамиліи; но, будучи двоеженцемъ, не могъ уже возвратиться въ Россію. О прежней жизни въ Россіи онъ не рассказывалъ своему сыну, и мы долго разсуждали объ этомъ случаѣ. Но такъ какъ мой однофамилецъ былъ пріѣзжій и вскорѣ уѣхалъ, а намъ между собою нечего было дѣлить, то мы съ тѣхъ поръ и не видались.

Вотъ краткій очеркъ жизни моего отца. Теперь примусь за собственную біографію.

II.

Жизнь и воспитаніе въ Псковѣ.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Домашнее обученіе.—Елагина.—Первыя знакомства.—Перемѣна судьбы.

Въ царствованіе Павла I-го строго смотрѣли за нравственностью офицеровъ. Всякая просьба, доходившая до царя, тотчасъ рѣшалась, а было время, что онѣ легко доходили, потому что ихъ вкладывали въ ящикъ, который ежедневно вскрывался. Впослѣдствіи эта процедура была уничтожена, потому что стали класть туда разные пасквили, и это нерѣдко дѣлали сами приближенные императора, боясь подаваемыхъ на нихъ и уже совершенно основательныхъ доносовъ.

Нарушителей нравственности обыкновенно заставляли жениться на обольщенныхъ дѣвушкахъ. Такъ одинъ добрый пріятель моего отца, Альбрехтъ, бывшій потомъ казначеемъ при театрѣ, принужденъ былъ жениться на охтенской молочницѣ, подавшей подобную просьбу. Такая же участь постигла и отца моего, подъ вліяніемъ одной знатной дамы, съ тою только разницею, что онъ не допустилъ до жалобы и доноса, а самъ женился на простой крестьянкѣ. Я помню первое впечатлѣніе моей молодости (мнѣ было три года), когда я по тогдашнему обычаю (не знаю, существуетъ ли онъ теперь) стоялъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью подъ вѣнцомъ.

Вторымъ впечатлѣніемъ, съ 6-ти лѣтняго возраста, было театральное, какъ бы предвѣщавшее мою позднѣйшую дѣятельность. Въ Псковѣ открылся нѣмецкій театръ, и я ходилъ въ губернаторскую ложу безденежно.

Впрочемъ, отецъ мой началъ меня учить съ 4-хъ лѣтняго возраста, сперва посредствомъ костяной азбуки, и складываніе буквъ далось мнѣ очень легко. А когда открылся нѣмецкій театръ, я просилъ его учить меня и по-нѣмецки. Онъ и за это охотно взялся. Впрочемъ съ 6-ти лѣтъ поступилъ я въ «народное училище» и пробылъ тамъ болѣе года.

Въ это время повезъ меня отецъ въ Петербургъ, и я помню, что мы сперва остановились у Козлянинова, у котораго всѣ дѣти говорили пофранцузски. Это было для меня очень завидно. Впрочемъ и я удивилъ ихъ моимъ знаніемъ нѣмецкаго языка.

Черезъ нѣсколько дней повезъ онъ меня къ своей прежней покровительницѣ, Оедосѣ Ивановнѣ Елагиной, и та, обладавъ меня, приказала отцу перевезти меня къ ней, чтобъ я могъ учиться вмѣстѣ съ сыномъ ея (Левушкой). Другой сынъ (Аѳиногенъ) былъ уже взрослый и разгульный малый.

Такимъ образомъ перевезенъ я былъ на новое житъе, и такъ какъ въ эти годы легко примѣняются ко всему, то я считалъ, что этотъ родъ жизни совершенно приличенъ для меня. За мною ходили, заботились

обо мнѣ, и добрая Ѳедосья Ивановна не дѣлала никакого различія между мною и своимъ сыномъ.

Домашнимъ нашимъ учителемъ былъ нѣкто Краузе, величавшій себя Краузе-фонь-Краузенекъ. Это была очень замѣчательная личность. Онъ дѣйствительно былъ человекъ самый образованный, и даже занималъ въ Варшавѣ (при прусскомъ правленіи) мѣсто полицей-инспектора. Герцогъ Александръ Виртембергскій взялъ у него при проѣздѣ въ Петербургъ 6,000 рублей, но такъ какъ возвращеніе ихъ замедлилось, то Краузе пріѣхалъ въ Петербургъ за этимъ. Цѣлый годъ прошелъ, онъ не получалъ денегъ, въ Варшавѣ его уволили, и онъ былъ очень радъ, когда Елагина взяла его къ себѣ.

Онъ обнаружилъ удивительныя познанія. Онъ зналъ французскій, нѣмецкій, итальянскій, латинскій, венгерскій, польскій языки, а главное, чѣмъ онъ угодилъ Елагиной, было то, что онъ ей сформировалъ домашній оркестръ изъ крѣпостныхъ. Это была такая рѣдкость въ то время, что всѣ съѣзжались на ея обѣды, чтобъ послушать ея оркестръ. Этотъ Краузе былъ женатъ на очень красивой полу-полькѣ (изъ Силезіи), и Елагина тоже взяла ее къ себѣ въ экономки.

Окончивъ свои утренніе классы, мы съ Левушкой являлись передъ обѣдомъ къ Ѳедосѣ Ивановнѣ и представляли ей аттестацію нашихъ занятій того дня, и, разумѣется, бюллетени Левушки были всегда лучше моихъ, хотя онъ гораздо хуже учился, и хотя самъ Краузе любилъ заниматься со мною гораздо больше, нежели съ Левушкой.

Вскорѣ у насъ въ домѣ произошло важное событіе. Елагина дала большой обѣдъ для князя Чарторыйскаго, занимавшаго тогда постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Оркестръ Краузе отличился на этомъ обѣдѣ, а за это угощеніе Чарторыйскій объявилъ, что Левушка и Аеиногенъ опредѣлены «переводчиками» въ его министерство. Это тогда давало чинъ титулярнаго совѣтника, и всѣ гости поздравляли новопожалованныхъ, изъ которыхъ старшему было уже, правда, 18 лѣтъ, но младшему, Левушкѣ, только 13. Почему Елагина была такъ хорошо знакома съ Чарторыйскимъ, я не могу этого объяснить, но впоследствии оказалось, что сыновья ея не сдѣлали блистательной карьеры, да и она, хотя по доброй душѣ своей заслуживала быть счастливою, принуждена была жить въ деревнѣ, такъ разстроились ея дѣла.

Впрочемъ до этого печальнаго переворота мы два года прожили въ полномъ удовольствіи, и въ первый годъ ѣздили даже на лѣтнее время въ великолукскую ея деревню, гдѣ всякій день были праздники. Извѣстенъ тогдашній родъ жизни помѣщиковъ. Они съѣзжались другъ къ другу и жили со всею своею дворнею въ гостяхъ по цѣлымъ недѣлямъ. Обоюдное угощеніе пріѣзжихъ состояло всякій разъ не только изъ всѣхъ предметовъ роскоши и удобствъ, но и

изъ такихъ предметовъ, о которыхъ по нравственному чувству не говорятъ. Въ тогдашніе годы наши мы, какъ дѣти, только смѣялись надъ этимъ и лишь впоследствии поняли все неприличіе подобныхъ угощеній, которыхъ и не думали отъ насъ скрывать.

Въ этой великолуцкой деревнѣ приобрѣлъ я одну подругу дѣтства. Она была дальнею родственницею Елагиной и по бѣдности ея тоже взята въ домъ, чтобъ учиться вмѣстѣ со мною и Левушкой, но онъ вовсе не обращалъ на нее никакого вниманія, и она привязалась ко мнѣ. Ее звали Оеня, и я сдѣлался ея учителемъ, потому что Краузе едва занимался ею. Она вмѣстѣ съ нами возвратилась въ городъ, и хотя была нѣсколько старше меня годами, но я остался ея преподавателемъ.

Около этого времени Елагина однажды объявила мнѣ, что отецъ мой скоро приѣдетъ въ Петербургъ. Я уже его три года не видалъ, и это извѣстіе обрадовало меня, а въ разговорѣ съ гостями Оедосья Ивановна рассказала имъ, что отецъ мой произведенъ въ подполковники за Прейсишъ-Эйлау. Меня радовало вовсе не это производство, а одно возвращеніе отца. Я помнилъ, какъ мы смѣялись надъ пожалованіемъ Левушки и прозвали его «тютю» (отъ слова титулярный совѣтникъ), такъ что бѣдный мальчикъ плакалъ съ досады. Для моего возраста чинъ ровно ничего не значилъ, но я надѣялся, что отецъ возьметъ меня къ себѣ. Какъ ни хорошо мнѣ было у Оедосьи Ивановны, но мнѣ гораздо болѣе нравились уроки отца, нежели всѣ уроки Краузе.

Ожидаемый приѣздъ отца вскорѣ совершился, и онъ прожилъ вмѣстѣ со мною у Елагиной нѣсколько недѣль. Это было самое счастливое время для меня. Вѣроятно, добрый Краузе былъ тоже награжденъ и видимо усилилъ свою заботливость обо мнѣ. Мнѣ пріятно было, что отецъ проэкзаменовалъ меня во всемъ и очень былъ доволенъ моими успѣхами.

Во вседневной жизни нашей помню я, что онъ всякій день обязанъ былъ по вечерамъ играть въ бостонъ съ Оедосьею Ивановной и однажды подарилъ мнѣ цѣлковый за то, что я подошелъ къ нему, когда онъ игралъ большую игру.

Этотъ прекрасный періодъ моей жизни былъ не продолжителенъ. Отецъ поѣхалъ навѣстить мою мать и младшаго моего брата и прожилъ съ ними почти полгода, такъ что Оедосья Ивановна говорила уже намъ часто, что «отецъ мой зажился въ Псковѣ».

Онъ воротился и, разумѣется, опять поселился у Елагиной, но вскорѣ мы узнали, что онъ получилъ новое назначеніе въ молдавской арміи и долженъ будетъ туда отправиться. Я заплакалъ при этомъ извѣстіи, но онъ успокоилъ меня, обнадеживъ, что походъ продолжится недолго, и что онъ, конечно, черезъ годъ воротится въ Петербургъ. Ни онъ, ни я не думали, разумѣется, что мы уже болѣе не увидимся.

Очень памятно мнѣ послѣднее свиданіе съ отцомъ. Къ нему изъ Пскова пріѣхалъ старый знакомый его, нѣкто Хорьковъ, и отецъ нарочно взялъ меня на весь день отъ Елагиной, чтобъ провести съ нимъ этотъ послѣдній день. Съ Хорьковымъ былъ еще одинъ добрый пріятель, Сумароковъ, а также нѣсколько другихъ лицъ, собравшихся на вечеринку, и тутъ-то отецъ рассказалъ всей дружеской кампаніи свою жизнь, начиная съ младенчества.

Никто такъ внимательно не слушалъ этого разсказа, какъ я. Весь онъ сохранился въ моей памяти, и я съ удовольствіемъ составилъ потомъ «Записки» о его жизни. Я очень хорошо помнилъ всѣ подробности его разсказа, хотя остальное общество и не очень интересовалось имъ. Помню также, что у него были на этомъ вечерѣ Чихачевъ, Альбрехтъ, Кожевниковъ, которые потомъ имѣли важное вліяніе на мою жизнь. Замѣчательно было для меня, что я въ этотъ вечеръ отличился своимъ знаніемъ французскаго языка, къ общему удивленію всѣхъ гостей. Это, конечно, приносило много чести моему доброму Краузе, который почему-то полюбилъ меня больше своего Левушки, титулярнаго совѣтника, и прилагалъ о моемъ воспитаніи гораздо болѣе старанія, нежели о сынѣ генеральши.

Знакомство мое со всѣми гостями послужило мнѣ впоследствии въ пользу; всѣ увѣрились (со словъ отца) въ моихъ дарованіяхъ. Болѣе всѣхъ понравились мнѣ Кожевниковъ и Альбрехтъ.

На слѣдующій день отецъ уѣхалъ и еще разъ поручилъ меня заботливости и попеченіямъ Федосьи Ивановны.

Увы! Не прошло недѣли, какъ съ ней самой случилось важное несчастіе. Она вела жизнь самую безрасчетную, безалаберную, была по уши въ долгахъ, но, такъ какъ она была въ знакомствѣ съ Чарторыйскимъ, то ее долго не беспокоили кредиторы. Наконецъ, терпѣнію ихъ пришелъ конецъ. Всѣ гуртомъ подали на нее просьбу, и правительство, при всей своей снисходительности, могло только посоветовать ей, чтобъ она уѣхала въ свою деревню. Она это и сдѣлала.

Бѣдный Краузе остался безъ мѣста. Меня поручила она лично ему, говоря, что отецъ мой за все заплатитъ. Левушка и Аюногенъ уѣхали съ матерью, а Краузе нашелъ себѣ тепленькое мѣстечко у Варенцова, который владѣлъ тогда цѣлымъ переулкомъ, соединявшимъ Фонтанку съ Владимірскою. Конечно, ему было хорошо, но мнѣ безъ отца очень худо. Я остался у его супруги, которая наняла очень скромную квартиру на углу Троицкаго переулка въ домѣ Андреева. Хотя самъ Краузе часто навѣщалъ насъ и предоставилъ въ мое распоряженіе всю свою бібліотеку, но безъ руководителя плохіе были уроки. Впрочемъ и я, съ своей стороны, навѣщалъ своего учителя. У Варенцова было два сына; младшій изъ нихъ сдѣлался впоследствии начальникомъ штаба корпуса путей сообщенія, и мы часто проходили съ нимъ многіе уроки Краузе.

Впрочемъ, въ томъ же году (1809) образовался институтъ путей сообщенія, и Варенцовъ поступилъ туда, а Краузе опять остался безъ мѣста.

Въ видѣ страннаго эпизода долженъ я рассказать о знакомствѣ съ нѣкоторымъ Борелли. Это было въ послѣднюю минуту пребыванія Краузе у Елагиной. Онъ повелъ насъ въ гости къ этому Борелли, у котораго были двѣ дочери, Джульетта и Анета. Борелли жилъ за Таврическомъ садомъ и принялъ насъ очень ласково, особенно Левушка ему очень понравился; но на меня онъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ насъ обоихъ тотчасъ сдалъ своимъ дочерямъ и поручилъ занимать насъ, а особенно Левушку. Но обращеніе этихъ дѣвицъ показалось намъ черезчуръ любезнымъ. Онѣ повели насъ въ садъ и тамъ стали обращаться съ нами такъ не подѣтски, что я вознегодовалъ на эти любезности и наотрѣзъ отъ нихъ отказался... Левушка былъ смущенъ меня.

Краузе разспросилъ насъ потомъ, и Левушка хотѣлъ все скрыть, но я былъ чистосердеченъ и все рассказалъ. Отъѣздъ Елагиной прервалъ это знакомство, и оно мнѣ потому только памятно, что вскорѣ я вмѣстѣ съ Краузе попалъ почти къ однофамильцу, а именно: къ графу Морелли, у котораго былъ свой домъ въ Бассейной (впослѣдствіи этотъ домъ принадлежалъ извѣстному статсъ-секретарю Марченко). По рекомендаціи Варенцова, Краузе былъ приглашенъ этимъ графомъ Морелли для воспитанія двухъ сыновей его, и, конечно, это воспитаніе было въ хорошихъ рукахъ. Но и для меня лично это опредѣленіе было чрезвычайно полезно. Морелли согласился, чтобъ я жилъ и учился вмѣстѣ съ сыновьями его, и я помню, какъ въ первый приемъ Морелли выбѣжалъ ко мнѣ въ переднюю и привелъ въ свой кабинетъ, сказавъ: *vous n'êtes pas fait, mon cher, pour restes dans l'antichambre*. (Вы не созданы, мой другъ, для того, чтобы оставаться въ передней). Онъ чувствовалъ, что образованіе дѣтей его пойдетъ гораздо лучше со мною, нежели съ однимъ Краузе. Мы тотчасъ же переѣхали, а Анну Ивановну (такъ звали порусски супругу Краузе) оставили въ деревянномъ домикѣ, въ той же улицѣ.

Кажется, что непродолжительный періодъ моего пребыванія у Морелли былъ всего полезнѣе для развитія моихъ способностей; но въ нихъ произошла важная перемѣна. Я совсѣмъ разучился порусски—и говорить и писать. Впрочемъ, тогда это не считалось недостаткомъ, а было даже рекомендаціею.

На лѣто мы отправились въ деревню, которою владѣлъ Морелли, близъ Ямбурга, и которая называлась Симилицъ. Хоть Краузе и добросовѣстно занимался ученіемъ дѣтей Морелли, но въ сущности гораздо больше мною, такъ что я въ это лѣто сдѣлалъ большіе успѣхи.

У графа Морелли была молодая ключница и, сверхъ того, падчерица. Мой Краузе сошелся съ ними обѣими,—это было причиною,

что графъ попросилъ его оставить свой домъ, и мы осенью приуждены были воротиться въ Петербургъ опять къ Аннѣ Ивановнѣ.

Съ этой минуты Краузе началъ придумывать, какъ бы ему сбыть съ рукъ и меня. По справкамъ, въ мѣстѣ служенія моего отца, оказалось, что онъ былъ уволенъ и пропалъ безъ вѣсти.

Краузе началъ отыскивать знакомыхъ моего отца, и я ему называлъ всѣхъ, кого помнилъ, и съ кѣмъ познакомился въ послѣдній вечеръ, когда отецъ рассказывалъ свою біографію.

Первая наша попытка была очень неудачна. Мы обратились къ Чихачеву, жившему въ своемъ домѣ близъ Спаса-Преображенія. Онъ принялъ насъ довольно сухо и сказалъ, что хотя отецъ мой и долженъ былъ имѣть значительный капиталъ, но что, по случаю его увольнения, мудрено переписываться объ этомъ, не зная даже его мѣстопробыванія. Впрочемъ, Чихачевъ сообщилъ намъ, что одинъ изъ ближайшихъ друзей отца моего, Кожевниковъ, жилъ по близости, и, можетъ быть, приметъ меня подъ свое покровительство.

Мы отправились къ Кожевникову,—и это было моимъ спасеніемъ. Тотъ принялъ меня съ отверстыми объятіями и велѣлъ тотчасъ же переѣхать къ нему. Это было въ 6-й улицѣ отъ Знаменья, гдѣ у Кожевникова было рядомъ два дома, которые онъ и занималъ одинъ. Онъ былъ женатъ на Козляниновой, съ которой отецъ мой былъ знакомъ. У него было четверо дѣтей: Александра, Прасковья, Павелъ и Александръ.

Этотъ переворотъ въ судьбѣ моей былъ самый счастливый,—и я всѣмъ обязанъ добротѣ и попеченіямъ Кожевникова, пріютившаго меня. Въ нынѣшнее эгоистическое время едва ли кто по дружбѣ къ отцу возьмется за судьбу сына, а тогда всѣ почти друзья отца оказались для меня истинными благодѣтелями. Благодарность моя къ нимъ не можетъ выразиться пустыми фразами; но подобные люди служатъ рѣдкими образцами для челоуѣчества. Я былъ такъ счастливъ, что видѣлъ ихъ много на своемъ вѣку,—и память о нихъ сохранилъ навсегда.

Едва я переѣхалъ къ Кожевникову, какъ онъ отвезъ меня въ гимназію на половинный пансіонъ, съ платою 250 рублей въ годъ.

III.

Поступленіе въ гимназію.—Выпускъ и служебная карьера.—Еступленіе въ ополченіе.—Походная жизнь.—Сраженіе при Полоцкѣ.—Излѣченіе отъ ранъ.—Походъ 1813 года.—Осада Данцига.—Распущенное ополченіе.—Возвращеніе на родину.

Мое появленіе въ гимназіи (а тогда была въ Петербургѣ только одна, въ Большой Мѣщанской) было рѣдкимъ происшествіемъ. Мнѣ было почти 14 лѣтъ, а я почти совсѣмъ не зналъ порусски. За то

пофранцузски и понѣмецки говорилъ отлично. Географію, исторію я также зналъ хорошо, но изъ математики не зналъ ничего, кромѣ первыхъ четырехъ правилъ. А потому я былъ принятъ въ 4-й классъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики, для которой посадили меня въ 3-й нижній классъ. Это было очень странное положеніе. Во всей гимназіи было тогда только пять классовъ (6-й прибавился уже при мнѣ),—и вотъ товарищи прозвали меня нѣмчурою, но полюбили меня за мою готовность помогать имъ въ переводахъ.

Такимъ образомъ, я ежедневно прогуливался въ Мѣщанскую изъ 6-й улицы Знаменья,—и это меня нисколько не утомляло. Напротивъ, я пользовался этою прогулкою, чтобъ дорогою выучивать уроки.

Кожевниковъ служилъ тогда провіантмейстеромъ и получилъ Анну 2-го класса. Родной братъ его (Александръ) назначенъ былъ въ то время астраханскимъ губернаторомъ,—а самъ онъ купилъ двѣ деревни по Волхову (въ 40 верстахъ отъ Новгорода). Ему было сорокъ лѣтъ, и, сколько я помню, онъ былъ въ связи съ довольно значительными лицами. Онъ былъ родня поэту Державину, котораго деревня—Званка, была по близости отъ имѣнья Кожевникова. Они часто бывали другъ у друга въ гостяхъ,—и Державинъ даже переписывался съ нимъ въ стихахъ. Помню, что однажды, выпросивъ себя у Кожевникова собачку «жучку», чтобъ свести ее съ своею домашнею собакою для приплода, Державинъ вскорѣ возвратилъ ее, со стихами:

«Назадъ шлемъ вашу жучку—
У ней еще ко браку
Мы не видали смаку...
И такъ, друзья, простите».

Любопытенъ былъ слѣдующій эпизодъ. Учитель мой, Богдановичъ, свелъ меня къ учителю Константинову и упросилъ его взять меня совсѣмъ въ 4-й классъ, потому что я въ короткое время утвердилъ наизусть всю геометрію Фуса. Константиновъ проэкзаменовалъ меня,—и сперва все шло хорошо,—но потомъ онъ вдругъ замѣтилъ, что мое усиліе въ затверживаніи никауда не годится. Я твердо могъ пройти всю геометрію буквально,—и только. Доказательствъ же никакихъ не понималъ, такъ что для меня казалось все равно говорить: «уголъ АСD» или «уголъ САD». Однако, добрый Константиновъ согласился на мой переводъ,—и я имѣлъ полное удовольствіе добраться до геометріи, въ которой и сдѣлался вскорѣ первымъ ученикомъ. Сверхъ того, у меня открылась страсть къ поэзіи, а это тогда считалось очень важнымъ дѣломъ.

Помню я уроки французскаго учителя Будри. Это былъ превосходный преподаватель. Говорятъ, что онъ былъ братъ знаменитаго Марата, но для учащихся это было все равно, а между тѣмъ лучше его никто не объяснялъ общихъ законовъ филологіи. Въ слѣдующемъ классѣ дали намъ профессора Брошье, который хотя и

отличалъ меня лично передъ всѣми, и хотя мы всѣ шли впередъ, но чувствовали большую разницу между нимъ и Будри.

Подобную разницу нашелъ я и въ нѣмецкомъ учителѣ. Его звали Миддендорфъ, и хотя впоследствии онъ прославился своею ученостію, а особенно сыновья его, но въ эту минуту онъ былъ истиннымъ сокровищемъ для насъ и внушилъ намъ истинную страсть къ нѣмецкой литературѣ и поэзіи. Помню его прекрасные стихи: «die Pappelweide zittert, vom Abendschein durchblickt». Въ слѣдующемъ классѣ мы его потеряли.

Впрочемъ, весь слѣдующій курсъ былъ для меня лично несчастливъ. Моего благодѣтеля Кожевникова посадили на гауптвахту за какія-то невѣрности по провіантскимъ счетамъ, и онъ отказался платить за меня въ гимназію. Но такъ какъ я объ участи отца своего не зналъ ничего положительнаго, а только узналъ, что Кожевниковъ получилъ отъ него черезъ третьи руки большой транспортъ недвижимаго имущества, то и рѣшился обратиться съ просьбою къ попечителю гимназіи Новосильцову. Это было очень важное лицо въ официальномъ мірѣ. Онъ передъ тѣмъ только навѣстилъ гимназію, и оба учителя, Будри и Миддендорфъ, представили ему меня, какъ лучшаго ученика, за что онъ и приласкалъ меня. Я написалъ Новосильцову французское письмо, въ которомъ объяснилъ, что отецъ мой находится въ молдавской арміи и не можетъ пересылать мнѣ денегъ для взноса въ гимназію; поэтому прошу его приказать, чтобъ до окончанія курса начальство гимназіи не беспокоило меня своими требованіями. Въ нынѣшнее время подобная просьба была бы довольно глупа, но когда я принесъ ее къ Новосильцову, онъ меня лично принялъ и сталъ разспрашивать о моемъ семействѣ. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, самъ ли я написалъ письмо къ нему. Сочиненіе подобнаго рода казалось ему рѣдкостью, и результатомъ было то, что онъ самъ взялся вносить за меня деньги до окончанія курса. Это была большая милость, и онъ даже прибавилъ, что когда я кончу курсъ, то могу опредѣлиться къ нему на службу, но этого не случилось. Мнѣ предстояло другое поприще.

Въ лѣтніе мѣсяцы того же года, покуда Кожевниковъ сидѣлъ на гауптвахтѣ, я долженъ былъ отправиться къ нему въ деревню и исполнять должность въ родѣ бухгалтера, записывая ежедневно поступающіе доходы. Въ сентябрѣ я воротился въ гимназію на послѣдній курсъ.

Тутъ произошла со мною довольно важная неудача. Къ намъ пріѣхалъ министръ просвѣщенія Завадовскій и по обыкновенію спросилъ: кто первый ученикъ въ классѣ. Въ эту минуту былъ учитель математики Рахмановъ, и представилъ ему не меня, а сыновей Завадовскаго, Александра и Василія, которые очень дурно учились. Я тотчасъ же по отъѣздѣ министра объявилъ учителю,

что не буду болѣе учиться у него, и сколько тотъ ни урезонивалъ меня, я остался на своемъ.

Курсъ мой кончился 29-го іюня 1810 года. Мнѣ было только 15 лѣтъ, и добрый мой Кожевниковъ, получивъ свободу, принялся хлопотать, чтобъ прискаты мнѣ мѣсто; первою попыткою было у частнаго пристава Типулинскаго (на Сѣнной), гдѣ я и проработалъ съ полгода, но его отправили въ Оренбургъ для отысканія дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій, и онъ самъ посовѣтовалъ Кожевникову обратиться къ Петру Ивановичу Альбрехту, который былъ очень друженъ съ отцомъ моимъ. Альбрехтъ ласково принялъ меня и обѣщалъ опредѣлить къ театру.

Тутъ произошло со мною незначашее приключеніе. Взвѣсившись однажды рубить дрова, потому что обладалъ большою тѣлесною силою, я такъ искусно умѣлъ сдѣлать одинъ ударъ, что, кромѣ полѣна, отрубилъ себѣ и часть большого пальца на ногѣ. Отъ этого я принужденъ былъ лѣчиться почти полгода, и когда потомъ явился къ Альбрехту, тотъ меня принялъ очень неласково за мое продолжительное отсутствіе.

Оказалось, что я былъ давно уже опредѣленъ, и 14-го января 1812 года главный директоръ театра, Александръ Львовичъ Нарышкинъ (оберъ-камергеръ), подписалъ мое опредѣленіе на 150 рублей въ годъ жалованья ассигнаціями.

Мудрено было жить на подобную сумму, но начальникъ мой Альбрехтъ придумалъ все лучшимъ образомъ. Онъ подлѣ себя назначилъ мнѣ квартиру съ другимъ чиновникомъ, Плотниковымъ. Его звали Павелъ Петровичъ. Онъ былъ сынъ придворнаго истопника, и однажды императоръ, проходя по дворцу, услышалъ свое имя, которымъ какъ будто дразнили маленькаго истопника. Павелъ I спросилъ: кого такъ зовутъ? Плотниковъ явился.

— А, такъ ты мой тезка! — сказалъ государь. — Очень радъ. Произвести его въ офицеры.

И маленькій истопникъ сдѣлался съ той минуты дворяниномъ. Послѣ кончины Павла I онъ перешелъ въ статскую службу, въ театральную дирекцію.

Помѣщенный на одной квартирѣ съ Плотниковымъ, я, разумѣется, только ночевалъ съ нимъ, но весь день проводилъ у Альбрехта, занимаясь перепискою и уроками младшему его сыну, обѣдая у него, а ввечеру отправляясь въ какойнибудь театръ, имѣя вездѣ свободный входъ.

Тогда былъ достопамятный для Россіи 1812 годъ, и я счелъ долгомъ написать патріотическіе стихи, вызывающіе всеобщее ополченіе. Альбрехтъ представилъ ихъ Нарышкину, и тотъ, призвавъ меня къ себѣ, обласкалъ и одобрилъ сочиненіе. Но у него въ званіи управляющаго конторою служилъ другой поэтъ, Судовщиковъ, прославившійся комедіею: «Рѣдкое диво, или честный секретарь»,

въ стихахъ, и тотъ нашель, что я напрасно выставилъ кампанію 1807 года въ видѣ побѣды, одержанныхъ надъ Наполеономъ. Я, конечно, этого не зналъ: для меня всѣ реляціи были святы, и я не смѣлъ думать, что онѣ пишутся часто для самовосхваленія: Эйлау, Пултускъ, Гутштадтъ, Гейльсбергъ и даже Фридрихъ были у меня въ стихахъ воспѣты и расхвалены. Однако, не смотря на критику Судовщикова, я былъ доволенъ, что Нарышкинъ похвалилъ мой трудъ.

Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ уѣхалъ съ императрицею въ чужіе края, а мнѣ за стихи не дали прибавки жалованья. При отъѣздѣ Нарышкина, опредѣленъ былъ вице-директоромъ дѣствительный камергеръ князь Тюфякинъ, который, будучи совоспитанникомъ императора Александра вмѣстѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, провелъ всю свою молодость въ Парижѣ.

Но въ это же самое время и я, увлеченный всеобщимъ движеніемъ, вступилъ въ ряды ополченія. Тутъ только узналъ я довольно странный случай. Когда Кожевниковъ привезъ меня къ Альбрехту, то рекомендовалъ, какъ самаго ученаго мальчика. Альбрехтъ, пользовавшійся большою силою и довѣренностію у Нарышкина по званію казначея театральнѣйшей дирекціи и домашняго человѣка, представилъ ему обо мнѣ записку, и я былъ опредѣленъ на службу въ чинѣ студента 14-го класса, которымъ вовсе и не былъ. Отъ меня потребовали тотчасъ въ конторѣ доказательства на мой чинъ, но я сказалъ, что они у Петра Ивановича Альбрехта, и того не смѣли беспокоить.

Я сталъ у него же проситься въ ополченіе, и онъ охотно согласился, надѣясь, что я могу выслужиться. Была для меня очень интересная минута. Начальникомъ ополченія былъ назначенъ Кутузовъ, и такъ какъ Альбрехтъ былъ къ нему вхожъ, особенно къ его супругѣ, то я и задумалъ было попросить его взять меня къ себѣ. Но случилось совсѣмъ другое. Кутузовъ былъ вскорѣ назначенъ главнокомандующимъ русскими арміями и уѣхалъ. Я же, являсь въ комитетъ ополченія, былъ принятъ въ чинѣ коллежскаго регистратора и 30-го августа надѣлъ золотые эполеты.

Бывшіе мои товарищи по гимназіи очень удивились, что я въ эполетахъ, но я увѣрилъ ихъ, что произведенъ былъ Нарышкинымъ.

Альбрехтъ былъ очень друженъ съ полицеймейстеромъ Черновымъ, который тоже вступилъ въ ополченіе, и Петръ Ивановичъ рекомендовалъ ему меня. Началась новая жизнь. Помню я свое появленіе въ Невскомъ монастырѣ въ день 30-го августа. Я былъ въ сюртукѣ и, однако, вездѣ мнѣ былъ открытъ путь. Одинъ добрый офицеръ замѣтилъ мнѣ правда, что въ такой торжественный день не ловко быть не въ полномъ мундирѣ, но я ему сказалъ, что не успѣлъ еще сдѣлать себѣ мундира, и никто не обратилъ вниманія

на мою неловкость. Я протирался вездѣ и на всѣхъ смѣло смотрѣлъ, видѣлъ даже императора Александра, прѣбывающаго къ обѣднѣ.

Ввечеру въ этотъ день давали на Маломъ театрѣ драму «Всеобщее ополченіе», и я, разумѣется, былъ въ числѣ зрителей и даровыхъ, потому что считался еще на службѣ дирекціи. Намъ были оставлены и мѣста и жалованье.

Съ 15-го іюля ходилъ я ежедневно на Измайловскій плацъ-парадъ и занимался ученьемъ, то-есть маршировкой. Наука была не мудреная.

Намъ дали денегъ на экипировку, и у меня послѣ всей обмундировки осталось еще 25 рублей и четвертакъ. Съ этими деньгами выступилъ я въ походъ, который продолжался до 14-го іюля 1814 г.

3-го сентября были мы уже готовы, и первая колонна ополченія выступила. Та же, къ которой я принадлежалъ, вышла только 5-го числа. День былъ теплый, ясный, великолѣпный. Императоръ Александръ провожалъ насъ, стоялъ на колѣняхъ во время молебствія, и мы замѣтили, что онъ плакалъ.

Эти слезы, можетъ быть, покажутся странными, но для исторіи онѣ драгоцѣнны. Александръ узналъ уже въ эту минуту, что Москва взята и горитъ. Слѣдственно, онъ чувствовалъ всю потерю, понесенную Россією, и могъ прослезиться, отправляя на жертву послѣднія свои силы.

Любопытно, что въ Александровъ день распространился въ городѣ слухъ о великой побѣдѣ, одержанной Кутузовымъ (Бородино), но, прочтя потомъ реляцію, мы только нашли фразу, что «батареи переходили изъ рукъ въ руки, и что кончилось тѣмъ, что непріятель ничего не выигралъ»; этого намъ показалось очень мало. Побѣда должна была состоять въ изгнаніи и истребленіи врага, а не въ томъ, что онъ «ничего не выигралъ».

Выступивъ изъ Петербурга 5-го сентября, мы на другой день только узнали о взятіи Москвы. Печаль наша была невыразима. Въ Александровъ день знакомцы, поздравляя насъ съ одержанною побѣдою, говорили, что ополченіе совсѣмъ сдѣлалось не нужнымъ. Теперь же мы чувствовали, что идемъ просто на убой, потому что вели на подкрѣпленіе Витгенштейна всего 15.000 человекъ и 48 пушекъ. Весь отрядъ нашъ для спасенія столицы состоялъ изъ 14-ти дружинъ (по 800 человекъ) петербургскаго ополченія и 7 дружинъ новгородскаго; да, сверхъ того, два регулярные полка (Воронежскій и Калужскій) и показанное число орудій, тогда какъ о силахъ Наполеона имѣли самыя преувеличенныя понятія. Намъ казалось тогда, что помощь наша будетъ слишкомъ незначительна, что мы только обязаны будемъ «лечь костями». Будущаго никто не предвидѣлъ.

Послѣ перваго же перехода полковникъ созвалъ насъ и спросилъ каждаго о денежныхъ его средствахъ, чтобъ держать об-

щій столъ на всю дружину. У всѣхъ оказалось, разумѣется, больше моего.

— Да помилуй, братецъ, — сказалъ мнѣ Черновъ, — тебя рекомендовалъ мнѣ Альбрехтъ, у котораго денегъ куры не клюютъ. Что-жъ онъ тебя не снабдилъ на дорогу? Вѣдь нашъ походъ можетъ продлиться годъ, и два. Порядокъ нуженъ во всемъ, и наша дружина должна показать примѣръ хозяйственности. Вотъ мы рассчитали, что намъ нужно для полнаго продовольствія по 20 рублей въ мѣсяцъ съ каждаго. Хочешь ли и ты вносить эту сумму?

— Очень бы радъ, — отвѣчалъ я, — но, право, не знаю изъ чего.

— Намъ назначено жалованья по 30-ти рублей въ мѣсяцъ: слѣдственно у каждаго будетъ оставаться по 10-ти рублей на мелочные расходы. Остальное будешь тратить, чтобъ кормить себя. У меня свой поваръ, и онъ обязанъ будетъ продовольствовать насъ. Ну, согласенъ ли?

— Очень радъ, Пахомъ Кондратьевичъ (такъ звали Чернова), — отвѣчалъ я, и съ этой минуты началась наша артельная жизнь, продолжавшаяся до Полоцкаго сраженія.

Случалось, правда, что насъ ставили по разнымъ деревнямъ, но полковникъ предвидѣлъ это каждое утро по росписанію ночлеговъ, и мы никогда ни въ чемъ не нуждались.

Путь нашъ продолжался ровно мѣсяцъ: 5-го сентября выступили мы, а 6-го октября попали въ огонь. Походная жизнь была очень однообразна. Вставали по барабану около 6-ти часовъ утра. Дѣлали первый привалъ черезъ десять верстъ, и я помню, что въ продолженіе этого перваго перехода я на ходьбѣ спалъ и видѣлъ сны. Это была физиологическая рѣдкость, но я узналъ, что и другіе имѣли ту же способность. На первомъ привалѣ мы завтракали гречневой кашей и, отдохнувъ, снова пускались въ путь. Второй переходъ тоже былъ около 10-ти верстъ, и тутъ мы уже полдничали, а ужинъ былъ уже послѣ третьяго перехода.

Случалось намъ дѣлать и больше 30-ти верстъ въ день. Я помню, что мнѣ однажды пришлось сдѣлать, лично по своей винѣ, 52 версты. Мы ночевали не на большой дорогѣ, а въ сторонѣ, и при второмъ привалѣ я, не чувствуя усталости, пошелъ по большой дорогѣ, чтобъ придти на ночлегъ раньше другихъ и отдохнуть. Но, спросивъ названіе деревни, въ которой назначенъ былъ нашъ ночлегъ, я ошибся и прошелъ гораздо дальше, такъ что долженъ былъ вернуться до перекрестка, гдѣ меня квартирьеръ и воротилъ, говоря, что надобно пройти еще 6 верстъ. Послѣднихъ двухъ верстъ не могъ уже я сдѣлать и очень спокойно легъ отдохнуть, заставя и бѣднаго квартирьера дожидаться. Черезъ полчаса побрелъ я дальше и, придя на ночлегъ, встрѣченъ былъ насмѣшками всей дружины. Я отказался даже отъ ужина, объявивъ только адъютанту, чтобы онъ меня выставилъ въ числѣ больныхъ.

Проспавъ ночь, я всталъ по барабану и, помывшись, не чувствовалъ никакой усталости, такъ что совершенно забылъ о просьбѣ, выраженной адъютанту. Да и тотъ, конечно, не вспомнилъ, и путь нашъ продолжался очень спокойно. Только я съ тѣхъ поръ пересталъ уже уходить впередъ и оставался въ рядахъ.

Маршрутъ нашъ былъ черезъ Великіе Луки, и намъ позволено было отдохнуть два дня въ этомъ городѣ. Жители приняли насъ лучшимъ образомъ, такъ что на рынкѣ и въ лавкахъ не хотѣли съ насъ ничего брать. «Вы идете за насъ сражаться,— говорили намъ,— такъ ужъ мы, конечно, обязаны жертвовать вамъ своимъ товаромъ».

Совѣстно было, конечно, и брать что нибудь, но артельный нашъ поваръ не чувствовалъ этой совѣстливости и кормилъ насъ отлично на счетъ города.

За то, когда мы перешли старинную границу Польши (въ Невельскомъ уѣздѣ), то увидѣли чрезвычайную разницу въ жителяхъ. Часть помѣщиковъ состояла изъ поляковъ, которые ожидали, что Наполеонъ возстановитъ Польшу. Они всѣ обнаруживали къ намъ самое враждебное расположеніе, и со мною произошелъ печальный случай. Почти всѣ поляки говорили пофранцузски, а въ рядахъ ополченія было очень мало офицеровъ, которые знали этотъ языкъ. Городъ Невель далъ намъ, однако, праздникъ, но за обѣдомъ всѣ поляки говорили пофранцузски и, разумѣется, ругали русскихъ. Я вслушался въ разговоры и вспылить противъ этихъ выходокъ; мой полковникъ тоже обругалъ съ своей стороны Наполеона, и изъ этого вышла самая печальная исторія. Полковникъ донесъ бригадному генералу, тотъ корпусному, и болтуновъ, ругавшихъ Россію, забрали и засадили. Впослѣдствіи мы узнали, что ихъ судили военнымъ судомъ и, говорятъ, нѣкоторыхъ разстрѣляли. А такъ какъ мое знаніе французскаго языка надѣлало все это, то я далъ себѣ слово впередъ быть осторожнѣе.

Вообще, со дня перехода въ Литовскія губерніи намъ велѣно было продолжать походъ на военномъ положеніи. Рѣчка Великополье была предѣломъ древней Руси, и насъ разставили уже на ночлегъ на обширномъ полѣ съ авангардомъ и ночными рундами. Объ этихъ рундахъ мы не имѣли понятія. Помню, что въ нашемъ отрядѣ назначенъ былъ генералъ Кошелевъ главнымъ рундомъ. Мнѣ казалось, что это до меня вовсе не касается, и потому я спокойно раздѣлся, на сколько позволялъ холодный вечеръ, и уснулъ всегдашнимъ богатырскимъ сномъ. Въ полночь пожаловалъ и рундъ. Меня разбудили, генералъ вспылить самымъ справедливымъ образомъ.

— Кто тебя поставилъ сюда? — спросилъ генералъ.

Я назвалъ своего подполковника. За нимъ послали. И онъ спалъ, но прибѣжалъ, только не въ полной формѣ. На него обру-

шился весь гнѣвъ начальника главнаго рунда, и остатокъ ночи проведенъ былъ безъ сна, въ толкованіи, какъ надобно стоять на пикетахъ и какъ встрѣчать рунды.

Черезъ годъ (въ октябрѣ 1813 года) былъ со мной подобный же случай, но болѣе интересный. Я былъ уже ротный начальник и командовалъ главнымъ пикетомъ. Это было подѣ Данцигомъ, и хотя ни одна почти ночь не проходила безъ тревогъ, но мы къ нимъ такъ уже привыкли, что пушечную пальбу ставили ни во что. Только ружейная заставляла насъ просыпаться. На этотъ разъ тоже я очень сладко спалъ, но, разумѣется, во всей формѣ. Ко мнѣ привели одного перебѣжчика изъ города, который потребовалъ, чтобы его тотчасъ же отправили въ главную квартиру. Это былъ знаменитый нашъ партизанъ Фигнеръ. Разумѣется, я его съ конвоемъ тотчасъ отправилъ.

Слѣдующіе дни послѣ Великополя были чрезвычайно дождливые, и на насъ не было сухой нитки. Но намъ не велѣно было разводять огни, и только подѣ вечеръ мы выступили дальше. Пройдя не болѣе 10 верстъ, открылась намъ великолѣпная картина. Весь горизонтъ былъ въ огнѣ. Мы пришли въ главный лагерь графа Витгенштейна. Шумъ, говоръ, бѣготня поразили насъ. Всѣ занимались приготовлениями назавтра, то-есть къ сраженію, и мы впервые видѣли русскаго солдата, съ какимъ равнодушіемъ и оживленіемъ онъ готовится къ битвѣ. Мы слышали, что въ главной арміи носили икону Божіей Матери по рядамъ, но здѣсь, у Витгенштейна, ничего подобнаго не было. Насъ встрѣтили очень ласково и совѣтовали лечь и уснуть, чтобъ со свѣжими силами начать завтра битву.

Какъ ни тревожны должны быть думы у каждаго наканунѣ подобнаго дня, но мы всѣ очень хорошо спали, грѣясь у разложенныхъ костровъ. Только барабанный бой на зарѣ разбудилъ насъ. Утро было ясное, солнечное, съ небольшимъ морозцемъ. День 6-го октября слишкомъ памятенъ для всего ополченія. Витгенштейнъ только насъ и поджидалъ, чтобъ дать сраженіе, и, несмотря на превосходство неприятельскихъ силъ и на неопытность ополченія, чувствовалъ необходимость начать наступательныя дѣйствія.

Я не буду входить въ стратегическіе планы Витгенштейна. Онъ стоялъ на правомъ берегу Двины. Надобно было перейти черезъ нее, а это была очень мудреная задача. Корпусъ барона Штейнгеля могъ, конечно, помочь намъ, но онъ стоялъ по ту сторону рѣчки, и французскій маршалъ (Сенъ-Сиръ) могъ подавить его. Мы съ своей стороны удерживаемы были рѣчкою Полотою, которой подступы всѣ были сильно укрѣплены. Но все это не касалось до насъ: мы должны были драться и надѣялись на русскій штыкъ, какъ наше главное оружіе.

Наша колонна двинулась отъ деревни Юревичъ черезъ лѣсъ и

должна была тащить на себѣ 48 пушекъ, по осеннимъ дорогамъ тяжесть была не маловажная, и мы не раньше, какъ къ полудню, успѣли выбраться изъ лѣса.

Сраженіе давно уже началось. Мы видѣли, какъ мимо насъ неслись кавалерійскія атаки, и съ любопытствомъ смотрѣли на это новое для насъ зрѣлище. Первая убитая лопадь произвела на насъ довольно неприятное чувство. Она зализывала свою рану и, кажется, осуждена была умереть.

Наконецъ, мы вышли изъ лѣса, и появленіе наше на полѣ битвы было привѣтствовано нѣсколькими ядрами. Первое ядро, пролетѣвшее черезъ наши головы, заставило насъ невольно присѣсть и посмотреть другъ на друга. Подскакавшій адъютантъ приказалъ намъ идти впередъ, и мы двинулись развернутымъ фронтомъ. Второе, третье ядро заставило насъ остановиться. Инстинктъ самосохраненія говорилъ, что жизнь наша въ опасности, но полковникъ кричалъ намъ: «впередъ!» и мы повиновались автоматически.

Другой подскакавшій адъютантъ велѣлъ намъ выслать стрѣлковъ, и такъ какъ у насъ заранѣе уже было распредѣлено, кому идти, то я и товарищъ мой Гротенъ (сынъ богача, которому принадлежали Гагаринскія бани) собрали вокругъ себя 96 человекъ, съ которыми пошли впередъ. Я слышалъ отъ знающихъ людей, что быть въ стрѣлкахъ гораздо лучше, нежели во фронтѣ, потому что раны отъ пули не такъ опасны, какъ отъ ядеръ и картечей.

Но прежде, нежели мы успѣли сдѣлать движеніе, насъ уже атаковали французы, прорвали нашъ фронтъ и перекололи многихъ. Адъютантъ нашъ Разумовъ раненъ былъ въ животъ, а старикъ подполковникъ Стрекачевъ, раненый въ ногу, лежалъ и защищался шпагою отъ ударовъ прикладомъ, ругаясь за то, что съ него тащили серебряный шарфъ. Но эта минутная стычка была намъ какъ бы урокомъ. Прорвавшихся неприятелей убили, и полковникъ снова закричалъ мнѣ: «стрѣлки! впередъ!».

Мы двинулись. Передъ нами были кирпичные шанцы, изъ которыхъ французы уже были прогнаны дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Мы прошли эти шанцы и вступили на поле, съ котораго сильная французская батарея обстрѣливала окрестность. Полковникъ, отправляя меня съ Гротеномъ, не далъ намъ никакихъ наставленій: что дѣлать и куда идти? Но съ нами былъ одинъ старый унтеръ-офицеръ, и онъ совѣтовалъ обойти батарею, чтобъ взять ее въ тылъ. Мы послушались, но когда обошли, то увидѣли, что она подъ прикрытіемъ цѣлаго баталіона, и мы тотчасъ же отступили.

Впрочемъ, насъ не преслѣдовали, и мы спокойно воротились въ свои кирпичные шанцы.

Въ эту минуту убитъ былъ мой товарищъ Гротенъ. Когда мы съ нимъ выступили, онъ сказалъ мнѣ: «у меня въ бумажникѣ

семьсотъ рублей, если я буду убитъ, пожалуйста, возьми эти деньги себѣ». Я же просилъ его только о томъ, чтобъ моей матери написать во Псковъ, что я убитъ. Когда я увидѣлъ, что Гротенъ упалъ, то печально покачалъ головою, но, разумѣется, не коснулся его бумажника. Можно ли было и думать объ этомъ? Притомъ въ эту минуту предстояло намъ болѣе серьезное дѣло.

Огромная кавалерійская колонна летѣла на насъ. Это была знаменитая атака того дня, которая, прорвавъ нашу линію, едва не захватила въ плѣнъ самого графа Витгенштейна. Оставшись одинъ командиромъ своего отряда, я велѣлъ ему производить безпрестанный огонь по этой безчисленной колоннѣ враговъ, въ которой многіе пали отъ выстрѣловъ моихъ стрѣлковъ, но которая не подѣзжала ко мнѣ, потому что кирпичные шанцы защищали меня. Но когда вся колонна проскакала, задній эскадронъ скомандовалъ въ атаку на мою группу стрѣлковъ, и, видя нашу малочисленность, начальникъ эскадрона подѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ сдаться.

Я ему отвѣчалъ чистымъ французскимъ ругательствомъ на это предложеніе, говоря, что русскіе не сдаются, а умираютъ.

Начался самый неравный бой. Противники наши были латники, и наши пули могли ихъ ранить только въ не защищенные мѣста.

— *Sabrez moi cette canaille* (изрубите мнѣ эту сволочь),— сказалъ командиръ латниковъ,— *et rejoignez moi au plus vite* (и поспѣшите меня догнать),—и ускакалъ.

Началась ожесточенная драка, но только не въ нашу пользу. Всѣ мои ратники были изрублены. Я остался послѣдній, и со мною дѣло очень скоро кончилось. Четырехъ ударовъ въ голову достаточно было, чтобъ свалить меня, и тогда посыпались на меня дополнительные удары безъ числа. На мнѣ былъ весь мой гардеробъ, то-есть мундиръ, сюртукъ, а подъ низомъ еще шубка, надѣвавшаяся въ рукава. Сверхъ того, на мнѣ былъ ранецъ съ моимъ бѣльемъ. Все это было искрошено сабельными ударами. Помню послѣдній ударъ. Я уже лежалъ на землѣ, спиною вверхъ, и одинъ всадникъ ткнулъ меня съ лошади палашомъ въ спину. Это былъ самый болѣзненный ударъ, потому что пришелся въ спинную кость. Но впоследствии при дѣтскомъ моемъ самолюбіи я всегда тщательно скрывалъ эту послѣднюю рану. Какъ было сказать, что я раненъ въ спину? Это было стыдно. По формуляру моему значатся десять ранъ, изъ которыхъ четыре въ голову, а другія по разнымъ частямъ тѣла.

Нѣсколько времени пролежалъ я на землѣ, но, взглянувъ около себя, увидѣлъ, что всѣ латники уже ускакали. Тогда я приподнялся и, чувствуя, что по лицу моему течетъ кровь изъ головы, развязалъ свой шарфъ (а онъ былъ нитяный) и обвертѣлъ имъ свою голову. Почувствовавъ же головокруженіе, прилегъ на кирпичъ и уснулъ.

Сонъ мой, конечно, былъ бы вѣчный, еслибъ наша дружина вся не двинулась впередъ и не нашла наши тѣла на мѣстѣ пораженія. Меня узнали товарищи, разбудили, я очнулся, и полковникъ велѣлъ отнести меня на перевязочный пунктъ. Два ратника понесли меня, но и тутъ произошелъ несчастный случай. Тотъ, который несъ меня, былъ убитъ ядромъ и опустилъ меня на землю. Я вскрикнулъ отъ боли, но товарищъ его объяснилъ мнѣ, отчего тотъ уронилъ меня. Надобно было позвать еще другого, и меня, наконецъ, принесли. Пришелъ докторъ: осмотрѣлъ мои раны, наложилъ на нихъ груды корпіи и пошелъ дальше, но я остановилъ его и просилъ осмотрѣть мою ногу. Она была ранена навѣснымъ пистолетнымъ выстрѣломъ всадника, хотѣвшаго покончить со мною. Исторія сниманія сапога была самая болѣзненная.

— Я сейчасъ принесу инструменты и отниму у васъ ногу,— сказалъ докторъ и ушелъ.

Мысль остаться безъ ноги мучила меня. Остаться калѣкою было очень неприятно, и потому, когда явился другой врачъ и спросилъ: осматривали ли васъ?—я отвѣчалъ, что осматривали, но просилъ осмотрѣть мою ногу, нужно ли ее отпиливать. Тотъ осмотрѣлъ и сказалъ, что совсѣмъ не нужно.

Воротился и прежній врачъ, и между ними произошелъ нѣмецкій разговоръ, въ который вмѣшался и я, умоляя оставить мнѣ ногу.

— Пожалуй, мнѣ все равно,—сказалъ первый врачъ. И такимъ образомъ я остался съ ногою.

День клонился уже къ вечеру. Около насъ лежали сотни раненыхъ и развели костры. Видя мое страдальческое положеніе, одинъ кашеваръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не хочу ли я поужинать?

— Спасибо, братецъ,—отвѣчалъ я.—А что у тебя есть?

— Да, кромѣ каши, чему у насъ быть, ваше благородіе?—И онъ мнѣ поднесъ свою манерку съ жидкою кашецею.

Видъ ея былъ вовсе не привлекателенъ. Посрединѣ торчалъ огарокъ сальной свѣчки.

— Что это, братецъ? Зачѣмъ?—спросилъ я.

— Да такъ, для вкуса,—отвѣчалъ онъ.

И я, не смотря на все неблаговопіе, принялся за эту кашецу, потому что со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ.

— Спасибо, что накормилъ,—сказалъ я.—Что же тебѣ за это надобно?

— Какъ можно, ваше благородіе, что нибудь брать за это,—отвѣчалъ кашеваръ, и я, поблагодаривъ его, спокойно уснулъ и проспалъ до утра.

Сильная пальба разбудила меня. Сраженіе 6-го октября возобновилось и на другой день, и къ вечеру мы узнали, что Полоцкъ былъ взятъ.

Насъ же отправили опять въ Юревичи, гдѣ уже на другой только день вновь осмотрѣли всѣхъ раненыхъ. Операция со мною была самая болѣзненная. Надобно было подбрить всѣ окраины ранъ, и, разумѣется, бритва безпрестанно задѣвала за нихъ. Но я вытерпѣлъ, и докторъ объявилъ мнѣ, что раны мои не опасны, и черезъ мѣсяць я опять могу идти на службу.

Въ этотъ же день пріѣхалъ къ намъ исправляющій должность адъютанта и разспросилъ всѣхъ о подробностяхъ сраженія. Я разсказалъ все, что со мною было и что потомъ внесено въ формуляръ.

Черезъ четыре мѣсяца вышли намъ награды за это сраженіе. Онѣ были валовыя. Офицеры, не имѣвшіе орденовъ, получили орденъ Анны 3-й степени; штабъ-офицеры получили владимірскіе кресты, а дружинные начальники—георгіевскіе. Были нѣкоторые и исключенія, но гдѣ же ихъ не бываетъ? Протекція вездѣ существуетъ. Такъ, напримѣръ, титулярный совѣтникъ Мордвиновъ получилъ Владимира за то, что перенесъ своего раненаго дядю генераль-маіора съ поля сраженія на перевязочный пунктъ. За то другой товарищъ нашъ, Литвиновскій, получилъ тотъ же крестъ за то, что первый перешелъ черезъ мостъ на Полоцъ подъ градомъ пуль и картечей.

Обо мнѣ лично было потомъ много писано, и моя цифра десяти ранъ прославила меня, но ясно, что я ровно ничего не сдѣлалъ, а только далъ себя изрубить и не сдался.

Любопытно, что изъ шестнадцати офицеровъ въ дружинѣ только одинъ полковникъ Черновъ не получилъ ни одной раны. Всѣ прочіе были ранены, а ужъ, конечно, онъ не берегъ себя. Убитъ былъ одинъ адъютантъ Разумовъ и безъ вѣсти пропалъ одинъ (Вильгельмовъ), который впрочемъ явился опять уже при осадѣ Данцига.

Не могу безъ особеннаго чувства благодарности вспомнить, что когда насъ всѣхъ отвезли въ Полоцкъ и помѣстили на временную квартиру, въ которой была всего одна кровать, то вся дружина раненыхъ объявила, что уступаетъ мнѣ это почетное мѣсто, тогда какъ всѣ были старше меня по чину. Это было для меня самое лестное доказательство добраго расположенія ко мнѣ моихъ сотоварищей.

Вскорѣ были мы размѣщены самымъ комфортабельнымъ образомъ. Полоцкіе іезуиты, имѣвшіе вокругъ Полоцка шесть тысячъ душъ, взялись принять на свое содержаніе всѣхъ раненыхъ, и я попалъ въ келью очень любопытнаго лица (насъ было двое). Когда хозяинъ кельи явился къ намъ, чтобъ познакомиться съ своими новыми жильцами, мы съ величайшимъ удивленіемъ узнали по выговору, что онъ русскій, по имени Петровскій. Онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ заведеніи іезуитовъ, и принадлежалъ къ многочисленному семейству. По окончаніи курса іезуиты предложили ему остаться между ними на весьма выгодныхъ условіяхъ. Онъ согласился, и его перевели въ Полоцкъ.

Мы въ немъ не замѣтили никакой преданности къ Россіи, но это былъ весьма образованный человѣкъ, и я лично могу похвастать, что много воспользовался его знаніями во время моего пребыванія въ этомъ городѣ. Петровскій ежедневно приходилъ ко мнѣ и давалъ мнѣ уроки въ греческомъ, латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ, даже въ математикѣ имѣлъ онъ большія свѣдѣнія. О его будущемъ поприщѣ я не могъ спрашивать Петровскаго: онъ, конечно, и самъ его не зналъ, совершенно завися отъ своихъ начальниковъ. Впослѣдствіи я еще меньше могъ узнать о немъ, особенно когда орденъ былъ изгнанъ изъ Россіи. За то во время пребыванія моего въ Полоцкѣ я былъ очень доволенъ удобствами, которыя мнѣ доставлялъ Петровскій.

Недѣли черезъ три закрылись всѣ мои раны, и товарищи уговорили меня сходить съ ними въ русскую баню. Я былъ страстный охотникъ до этого удовольствія, но на этотъ разъ заплатилъ за него. Я еще не снималъ всѣхъ своихъ головныхъ перевязокъ, и едва вздумалъ попариться, какъ почувствовалъ, что кровь течетъ по лицу моему. Товарищи перепугались и увезли меня домой, а явившійся докторъ прижегъ мнѣ ляписомъ всѣ мои раны и заставилъ полѣчиться еще двѣ недѣли, такъ что я не прежде ноября отправился опять въ армію.

Добрые іезуиты, прокормивъ насъ все это время, отказались взять за это деньги, а такъ какъ всѣ раненные получали по рублю въ день, то эти деньги и достались намъ.

Большая часть нашей дружины ушла уже вслѣдъ за армію, а со мною остался только мой ротный командиръ, который, зная мои финансовыя обстоятельства, подарилъ мнѣ на зиму хорошій тулупъ, сказавъ, что онъ стоитъ 15 рублей, но что онъ не потребуетъ ихъ съ меня.

Я выступилъ изъ Полоцка подъ командою поручика Васильева, которому дана была сборная команда выздоровѣвшихъ солдатъ разныхъ полковъ, и мы пошли къ Вильнѣ самымъ медленнымъ образомъ, то-есть отдыхая мѣстами по три, по четыре дня. Уже около Вильны застали насъ очень сильные морозы въ 20° и больше. Насъ съ Васильевымъ везли на подводахъ, а солдаты шли пѣшкомъ.

Въ продолженіе нашего странствованія совершилось много важныхъ дѣлъ. Сраженіе подъ Чашниками, подъ Смоленами и наконецъ березинская переправа, послѣ которой со стороны русскихъ надобно было только догонять враговъ. И когда мы стали подходить къ Вильнѣ, то могли видѣть весь ужасъ этого преслѣдованія. Каждый ночлеги французовъ обозначался замерзшими трупами, и преслѣдователи не заботились даже, живъ ли кто изъ этихъ несчастныхъ. Помню, что подъ самую Вильню догнали мы какого-то французскаго офицера, который шатался отъ безсилія и наконецъ упалъ. Мы его подняли, привели въ чувство и спросили, куда онъ идетъ.

— Въ Вильну,—отвѣчалъ онъ.—Тамъ наша главная квартира, и тамъ окончатся наши страданія.

Эти несчастные все еще воображали, что армія ихъ существуетъ. Мы его накормили и сдали въ Вильно, въ госпиталь.

Больше недѣли прожили мы въ Вильнѣ, набирая себѣ для дальнѣйшаго похода больше людей изъ выздоровѣвшихъ солдатъ. О дружинахъ ополченія мы уже ничего не знали, а просто шли къ графу Витгенштейну. На Нѣманѣ остановились мы еще на двѣ недѣли въ деревнѣ Шлиново, потому что насъ очень хорошо угощали, и никто не заботился спросить, почему мы не идемъ впередъ. Я съ Васильевымъ былъ задержанъ двумя хорошенкими нѣмочками, которыя обшили насъ съ головы до ногъ и плакали при разставаньи. Я даже писалъ къ нимъ потомъ самыя нѣжныя письма, на которыя однако не получилъ отвѣта.

Перейдя Нѣманъ въ Рагнитъ (близъ Тильзита), мы очутились въ Пруссіи, гдѣ жители принимали насъ, какъ освободителей. Мнѣ привелось квартировать у одного нѣмецкаго аптекаря, у котораго была очень миленькая дочка. Не мудрено было прожить тутъ еще нѣсколько дней.

Далѣе, по Пруссіи имѣли мы уже опредѣленный маршрутъ, и въ городѣ Алленштейнѣ подверглись небольшой неприятности. Бургомистръ, къ которому мы явились и требовали квартирныхъ билетовъ на 200 человекъ, объявилъ намъ, что по распоряженію главнокомандующаго обязаны мы идти на Велау, а не на Алленштейнъ. Мы отвѣчали, что завтра будемъ повиноваться, но сегодня онъ долженъ дать намъ ночлегъ и пищу. Собрался городской совѣтъ и рѣшилъ, что мы имѣемъ полное право ночевать въ городѣ; но завтра должны выступить къ Велау.

Мы повиновались новому маршруту, и такимъ образомъ дошли до Вислы въ Маріенбургѣ. Здѣсь мы узнали, что нѣсколько дружинъ ополченія находятся въ этомъ городѣ и идутъ къ осадѣ Данцига. Я лично рѣшился присоединиться къ этому войску, узнавъ, что моя, 14-я дружина Чернова, осталась въ Юрбургѣ и не будетъ уже участвовать въ кампаніи. Генераль Ададуровъ командовалъ этою частію ополченія и охотно согласился взять меня. Маріенбургскій комендантъ замѣтилъ мнѣ, что я по маршруту обязанъ былъ слѣдовать въ главную квартиру графа Витгенштейна, но предоставилъ это на мой выборъ, и я рѣшился остаться въ ополченіи. Можетъ быть, продолжая путь, я бы избралъ себѣ лучшую дорогу въ жизни; но въ эту минуту мнѣ казалось, что я лучше сдѣлаю, если присоединюсь къ ополченію.

Ададуровъ принялъ меня и помѣстилъ въ 5-ю дружину, гдѣ я нашелъ самый отличный кругъ офицеровъ. Командовалъ дружиною коллежскій ассесоръ Семень Николаевичъ Корсаковъ; ротными начальниками были Мордвиновъ и Сонинъ (последнему по-

счастливилось найти въ обозѣ подъ Березиною 17,000 рублей французскихъ ассигнацій, которыя и были всѣ приняты). По моему школьному образованію, всѣ они охотно приняли меня въ свой кругъ.

Любопытно, что всѣ они получили владимірскіе кресты за Полоцкъ, а я за свои 10-ть ранъ—только Анну 3-й степени; но я радъ былъ и этому украшенію. Баронъ Штейнгель, въ своей «Исторіи ополченія», сказалъ, что «при бедрѣ моемъ, этотъ орденъ выше, нежели разноцвѣтныя ленточки матушкиныхъ сынковъ». Послѣдствія доказали, что я ничего не потерялъ. Когда, въ 1815 году, графъ Витгенштейнъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мой покровитель Альбрехтъ представилъ ему меня, и онъ далъ приказаніе своему адъютанту Чагину внести меня въ дополнительный списокъ награды; но графъ вскорѣ уѣхалъ, и приказаніе это осталось безъ выполненія.

Въ новой своей дружинѣ назначенъ я былъ адъютантомъ и сопровождалъ Корсакова во всѣхъ его экскурсіяхъ. Черезъ нѣсколько дней должны мы были ночью выступить въ деревню Квадендорфъ, гдѣ непріятель сдѣлать хотѣлъ высадку со стороны разлива. Онъ, дѣйствительно, явился, но, видя весь берегъ, уставленный войсками, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ фальконетовъ и ушелъ. Подобныя попытки происходили почти ежедневно, но мы ими не занимались.

Когда я прибылъ къ Данцигу, начальникомъ осаднаго корпуса былъ генераль Левистъ, но вскорѣ назначенъ герцогъ Александръ Виртембергскій (братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и прежній знакомый моего любезнаго Краузе). Мнѣ представился случай быть при дворѣ, потому что главная квартира герцога была истиннымъ дворомъ. По всему осадному корпусу объявлено было, чтобъ офицеры, хорошо знающіе французскій и нѣмецкій языки, явились въ главную квартиру для поступленія въ чиновники. Мои товарищи предлагали мнѣ рекомендовать меня, и даже мой дружинный начальникъ находилъ, что я гораздо больше выиграю, но я отказался. Мнѣ было такъ хорошо съ этими людьми и въ этомъ кругу, а тамъ я чувствовалъ, что мнѣ придется не служить, а выслуживаться. Вскорѣ я узналъ, что туда поступилъ нашъ, безъ вѣсти пропавшій подъ Полоцкомъ, Вильгельмовъ, который, за всю кампанію при герцогѣ Виртембергскомъ, получилъ орденъ Владимира и *pour le mérite*. Я, конечно, не завидовалъ ему, а радъ былъ, что остался тамъ, гдѣ меня полюбили и цѣнили. Тутъ я познакомился съ Загоскинымъ, который впослѣдствіи прославился, какъ писатель романовъ и пьесъ. Онъ былъ тогда просто «добрый малый» и ничего не обѣщаль впослѣдствіи. За то, и не обѣщая ничего, сдержалъ многое.

Такимъ образомъ я остался въ избранномъ мною обществѣ и никогда не раскаивался въ этомъ.

Мой гардеробъ былъ въ продолженіе похода порядочно изношенъ, сохранивъ порубки французскихъ латниковъ, и поручикъ

Сонинъ далъ мнѣ займа 500 рублей. Съ этими деньгами произошелъ небольшой эпизодъ. Я подружился съ однимъ офицеромъ, недавно произведеннымъ изъ урядниковъ, и взялъ его съ собою въ городъ Диршау для покупокъ. Когда эти покупки были сдѣланы, у меня осталось еще 200 рублей, и они были украдены. Кѣмъ? Этотъ вопросъ остался не разъясненнымъ, но общество офицеровъ рѣшило, что тотъ, кому я довѣрилъ покупки, воспользовался моимъ ротозѣйствомъ, и я, воротясь, принужденъ былъ еще занять 250 рублей съ платою 10⁰/₀ (такъ Сонинъ давалъ всѣмъ деньги).

При этомъ, нельзя не рассказать случай, происшедшій со всею 5-ю дружиною. У нея былъ квартирмейстеръ, заправлявшій недвижимымъ имуществомъ всѣхъ офицеровъ. Послѣ Полоцка обозы всѣ отстали и не прежде присоединились къ намъ, какъ подъ Данцигомъ. Тутъ оказалось, что большая часть вещей, бывшая на рукахъ квартирмейстера, исчезла, и онъ не могъ объ нихъ дать никакого отчета.

Общество офицеровъ пришло въ негодованіе. Я лично не принадлежалъ къ этой дружинѣ и не имѣлъ права подавать голосъ. Начальникъ дружины, Корсаковъ, знавшій о намѣреніи офицеровъ, тоже не хотѣлъ участвовать въ исполненіи ихъ рѣшенія, и потому мы оба уѣхали для осмотра постовъ, а въ это время офицеры объявили своему квартирмейстеру, что если онъ не хочетъ идти подъ судъ за присвоенныя имъ вещи, то они рѣшили высѣчь его розгамъ за кражу. Онъ сперва заартачился, но потомъ покорился, и Сонинъ произвелъ экзекуцію. Вернувшись съ Корсаковымъ, мы спросили объ этой сценѣ и были очень рады, что не присутствовали при ней. Подобную же мѣру предложилъ Сонинъ и при кражѣ моихъ денегъ, но я отказался, потому что всему виною была моя неосмотрительность. Деньги я выплатилъ потомъ Сонину, по окончаніи похода, потому что намъ пришлось получать очень много. Изъ главной квартиры присланы намъ были, въ сентябрѣ, всѣ деньги, слѣдовавшія за цѣлый годъ. Всѣ раненые получили полугодное награжденіе, столовые, порціонныя, рационныя, и за это казначеи взяли съ насъ только по копейкѣ съ рубля. Мы нисколько не спорили съ ними. Но при этомъ оказалась и другая выгода, о которой я скажу дальше.

Теперь объявлено намъ было, что ополченіе будетъ переформировано, и вмѣсто 14-ти дружинъ составитъ пять сводныхъ. Это преобразование совершилось въ продолженіе знаменитаго перемирія, рѣшившаго судьбу Наполеона. Замѣчательно, что наканунѣ полученія этого извѣстія объ этомъ перемирії произошло у насъ подъ Данцигомъ сильное сраженіе. Генералъ Раппъ рѣшился на вылазку. У него было до 30.000 человекъ, но нашъ корпусъ имѣлъ до 50.000, и мы, уступивъ первому напору, отразили потомъ эту вылазку, и съ обѣихъ сторонъ легло нѣсколько тысячъ. Говорятъ, что Раппъ

хотѣлъ пробиться къ Наполеону, бывшему уже на Одерѣ, но этого не случилось, да едва ли и могло случиться.

На другой же день перемиріе было объявлено, и мы, надѣясь на полное заключеніе мира, тотчасъ сошлись съ французами и составили съ ними самыя веселыя и пріятныя общества.

И до заключенія этого перемирія, когда мы стояли еще на разливѣ (извѣстно, что около Данцига французами были затоплены всѣ низменности), пользовались мы часто подобными свиданіями. Линія по разливу почиталась нейтральною, и мы ѣздили по ней, не тревожа другъ друга. Помню, что однажды, когда мы пріѣхали навѣстить очень милое семейство, жившее на разливѣ, то застали тамъ нѣсколько французскихъ лодокъ. Дѣвушки, принимавшія насъ очень дружно, выбѣжали къ намъ на встрѣчу и стали просить насъ не ссориться съ французами на нейтральной полосѣ, и мы согласились. Образовалась общая бесѣда. Мы провели пріятно вечеръ и разѣхались очень дружно.

По объявленіи перемирія, мы отыскивали своихъ прежнихъ знакомыхъ и возобновили знакомство. Оно продолжалось шесть недѣль.

Во время этого перемирія успѣли мы переформировать ополченіе и, кажется, я лично выигралъ больше другихъ при этомъ преобразованіи. По числу ранъ своихъ и по тогдашней степени образованности я сдѣлался извѣстнымъ въ своемъ корпусѣ, и мнѣ неожиданно поручена была рота новаго своднаго ополченія. Это былъ очень важный для меня шагъ; я былъ всѣхъ моложе и никакъ не думалъ, чтобъ мнѣ дали роту. Но насъ формировалъ сенаторъ Бибииковъ, которому я понравился своею французскою болтовнею и который рекомендовалъ меня одному изъ начальниковъ сводныхъ дружинъ, полковнику Шеміоту (отличившемуся подъ Полоцкомъ и подъ Витебскомъ и получившему Георгія и Владиміра 3-й степени). Онъ охотно принялъ меня, и вся наша прежняя 5-я дружина осталась тутъ: Мордвиновъ, Сонинъ, пріобрѣли еще Корсакова (Александра); я по чину былъ моложе всѣхъ товарищей. У меня подъ командою были поручики и подпоручики, но воля начальства была выше всего, и всѣ ей покорились. Я усердно занялся обученіемъ своихъ солдатъ и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Ополченіе было уже далеко не на той отсталой ступени, на которой засталъ насъ въ Великопольѣ генералъ Кошелевъ, но уже часто выставлялось образцомъ для прочихъ войскъ. И былъ начальникомъ 2-й роты, то-есть имѣлъ подъ командою 250 человекъ (потому что теперь дружина состояла уже изъ 1.000). Содержаніе наше было тоже значительно увеличено порціонными и раціонными деньгами, и я теперь очень соболѣзновалъ, что нажилъ себѣ долгъ въ 750 рублей или 75 рублей процентовъ. Но воротить было нельзя, а особенно того, что было украдено.

Съ 16-го августа военныя дѣйствія возобновились. Началась настоящая осада Данцига. Съ февраля это была только блокада. И

надобно сознаться, что, какъ мы ни надѣялись на миръ, но приготовились очень хорошо къ войнѣ. Къ намъ подвезли въ это время пропасть осадной артиллеріи и все русской. Къ намъ присоединилось 80 канонерныхъ лодокъ и пять бомбардирныхъ судовъ. Составился планъ атаки съ морской стороны, и моя рота попала на флотъ, чтобъ въ случаѣ возможности сдѣлать высадку. Мы поѣхали лавировать около береговъ Вейксельмюнде; но въ ту же ночь сдѣлалась сильная буря, и насъ для безопасности повезли дальше отъ береговъ. Поутру ни одинъ изъ нашихъ воиновъ не могъ уже стоять на ногахъ, такъ что, пославъ донесеніе главнокомандующему, мы получили приказаніе воротиться на берегъ. Насъ высадили, но подъ нами земля качалась, а когда мы легли спать, то и кровати наши, казалось, качались. Это состояніе продолжалось два дня, на третій мы уже опять были во всей свѣжести и силѣ, и преднамѣренный планъ опять должно было привести въ исполненіе. Съ зарею повезли насъ въ море, и въ первой линіи стали наши 80 канонерныхъ лодокъ; во второй бомбардирныя суда, а въ 3-й нашъ десантъ на случай, еслибъ береговыя батареи были сбиты. Зрѣлище было прекрасное, но оружіе не ровное. Лодки колыхались, и прицѣлъ стрѣльбы ихъ былъ невѣренъ. Поэтому, хотя по нашимъ лодкамъ непріятель уже открылъ самый мѣткій огонь, но лодкамъ приказано было стрѣлять не раньше, какъ на картечномъ выстрѣлѣ. Неустрашимость нашихъ лодокъ была выше всякой похвалы, но вскорѣ пять лодокъ выведено было изъ линіи, а остальные производили самую бесполезную пальбу. Бомбардирныя суда еще меньше сдѣлали; о десантѣ же нашемъ нечего и говорить. Онъ преспокойно воротился на берегъ.

За то въ другихъ осадныхъ корпусахъ было сдѣлано много хорошаго. Мы заставили отступить всеъ посланные противъ насъ колонны, и съ лѣваго фланга начали ужаснѣйшую канонаду. Городъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ, а это именно и нужно было, потому что пожары служили нашей артиллеріи цѣлью для стрѣльбы. Въ подозорныя трубы мы могли видѣть съ батареей суетню въ городѣ для тушенія пожара и невозможность подступиться къ нимъ.

При этомъ случаѣ долженъ я отдать справедливость англичанамъ, которые возили насъ. Они угощали насъ самымъ роскошнымъ образомъ; но въ первый разъ мы не могли ничего ѣсть, а во второй насъ скоро отвезли на берегъ.

Съ этой минуты осада продолжалась самымъ дѣятельнымъ образомъ.

Намъ англичане привезли конгревовы ракеты, которыя тогда только что входили въ употребленіе, и мы присутствовали при самомъ забавномъ зрѣлищѣ. Изобрѣтатель этихъ ракетъ собралъ подъ ружье весь осадный корпусъ и объявилъ намъ, что онъ зажжетъ городъ въ пятидесяти мѣстахъ; Раппъ взбѣсится на это, сдѣлаетъ

всеобщую вылазку; мы его разобьемъ и возьмемъ городъ. Но ничего изъ этой программы не сбылось. Конгревъ не зажегъ ни одного дома, Раппъ не взбѣсилъ, не сдѣлалъ вылазки, а мы не взяли города.

Открытіе траншей было гораздо дѣйствительнѣе. Система ночныхъ экспедицій тоже оказалась очень плохюю. Начиная съ Юденшанца и Лезуитеншанца до Оры, мы ежедневно брали по ночамъ французскія укрѣпленія, а поутру, когда французы сосредоточивали свой огонь съ разныхъ батарей противъ насъ, принуждены были очищать ихъ. При этомъ были мы два раза свидѣтелями отличной храбрости прусскаго ополченія, сформированнаго совершенно на подобіе нашего. Эти люди по ночамъ брали французскія укрѣпленія, а днемъ должны были оставлять ихъ.

Была еще очень странная спекуляція, предложенная нашему герцогу англичанами, а именно взять городъ со стороны разлива. Это была самая слабая сторона крѣпости, но за то и самая недоступная по причинѣ наводненія, не позволявшаго вести траншей. Этотъ спекуляторъ предложилъ осушить разливъ, спустивъ воду при осеннемъ низкомъ состояніи ея. И дѣйствительно мысль эта удалась. Въ первые два дня спуска воды мы осушили огромное пространство, но на третій день буря съ моря затопила еще сорокъ деревень и повредила даже много наши батареи, расположенныя на разливѣ.

Надобно было опять приняться за атаку съ Бишофсберга и Гательсберга, и работа закипѣла, потому что приближеніе зимы принудило бы прекратить осадныя работы. Мы вскорѣ довели работы до 3-й параллели и короновали гласисъ. Артиллерія наша дѣйствовала удивительно; всѣ крѣпостныя верки были сбиты; сообщеніе между ними прервано, и, наконецъ, Раппъ выслалъ намъ предложеніе сдаться.

Это была великолѣпная минута. Съ февраля осаждали мы Данцигъ; шесть недѣль во время перемирія кормили его на нашъ счетъ, и наконецъ принудили сдаться. Переговоры о сдачѣ шли продолжительные, Раппъ истребилъ всѣ оставшіеся у него военные запасы, чтобы намъ ничего не досталось. Онъ за это и пострадалъ. Императоръ Александръ не подтверждалъ капитуляцію, а требовалъ, чтобы городъ возвращенъ былъ прусскому королю. Раппу объявили волю Александра и предложили продолжать защищаться. Но онъ уже былъ не въ состояніи и сдался вторично.

При первомъ извѣстіи о сдачѣ, я вмѣстѣ съ другимъ ротнымъ начальникомъ (Мордвиновымъ) отправился въ городъ Эльбингъ для раздѣла нашихъ ассигнацій, чтобы раздать ихъ нашимъ ратникамъ прусскими деньгами, на которыя они могли купить себѣ все, что имъ было нужно.

Насъ отпустили на три дня, а мы пробыли почти шесть не-

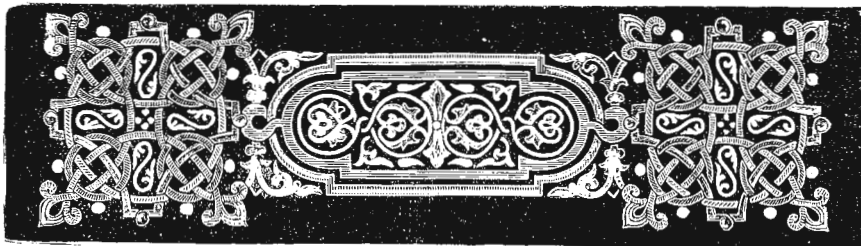
дѣль въ городѣ, и оправданіемъ послужило то, что въ это самое время Висла стала, и переправа обратно была не возможна. Желаніе погулять было очевидное, но осада была кончена, а переговоры о капитуляціи продолжались до новаго года. Притомъ мы были вездѣ приняты самымъ радушнымъ образомъ, и не столько въ званіи побѣдителей, сколько въ качествѣ образованныхъ офицеровъ. Мы жили въ домѣ перваго банкира Абея и пользовались бесплатно и квартирою и столомъ. Самое дѣло размѣна ассигнацій принесло нашимъ людямъ много пользы. Въмѣсто 25 рублей за сто, мы получили по 28-ми и могли раздать ихъ бѣднымъ ратникамъ. Однимъ словомъ, за невольную просрочку намъ не досталось даже выговора отъ начальника дружины. Правда, мы въ это время успѣли порядочно прожитья, и когда воротились, то временнымъ командиромъ дружины былъ майоръ Антроповъ. Онъ по секрету объявилъ намъ, что отправляется въ главную квартиру для ходатайства о наградахъ за всю осаду, и что если мы хотимъ получить что нибудь, то чтобъ дали на это, что слѣдуетъ. Онъ запросилъ съ насъ по 200 рублей. Не знаю, на какомъ основаніи было это требованіе, но мы не согласились, и получили за всю осаду благоволеніе, а Антроповъ Анну 2-го класса. Это было очень грустно.

Участь ополченія вскорѣ была рѣшена. Повелѣно было распустить его; но всѣ офицеры могли тѣми же чинами поступить въ армію. Многіе воспользовались этимъ. Но для меня лично это было не выгодно. Какъ ротный начальникъ, я долженъ былъ сдать свою роту не иначе, какъ по возвращеніи.

Чтобъ облегчить нашъ обратный походъ, у ратниковъ отобрали ружья, и мы безъ нихъ воротились на родину.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

Предводитель тушинъ—Шоте.

ЕЗГИНСКІЙ ОТРЯДЪ подь начальствомъ генераль-лейтенанта барона Вревскаго побѣдоносно прошелъ, въ 1858 году, непокорныя общества Анцухъ, Капучу, Анкраль, Богнада и Дидо, нанося непріятелю пораженія повсюду и сожигая по дорогѣ всѣ аулы. Само собою разумѣется, жертвъ съ нашей стороны при штурмѣ сильно укрѣпленныхъ непріятельскихъ деревень и высотъ съ завалами было много, но если взять въ соображеніе, что отрядъ за все время горной экспедиціи находился день и ночь подь огнемъ, то жертвъ сравнительно мы принесли мало. Самыми чувствительными для отряда потерями были—генераль Вревскій и его начальникъ штаба, полковникъ генеральнаго штаба Гарднеръ. Оба они получили смертельныя раны при штурмѣ Иланхевскаго аула Китурн — первый одну, а Гарднеръ 11 огнестрѣльныхъ ранъ. Вревскій умеръ черезъ два мѣсяца, а Гарднеръ на третій день.

Всѣ аулы брались штурмомъ, и каждый штурмъ ознаменовался какимъ нибудь подвигомъ; но подвигъ офицера С. А. Шереметева, 2-го августа, затемнялъ всѣ отличія громадною заслугою всему отряду.

Офицеръ этотъ, имѣя хорошее общественное положеніе, связи и родовитость, казалось бы, не нуждался въ отличіяхъ, но въ лицѣ его являлся опять-таки не первый примѣръ беззавѣтнаго самоотверженія, отваги и храбрости, доказывающій, что русскій военно-служащій ставитъ долгъ, честь и патриотизмъ выше всего и приноситъ личные интересы, а нерѣдко и жизнь, въ жертву общественной пользы.

Черезъ рѣку Черель-оръ, между двухъ отвѣсныхъ скалъ, пролегалъ деревянный мостъ, который непріятель, не успѣвъ разрушить, поджегъ и обстрѣливалъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Надобно было во что бы то ни стало перебѣжать мостъ и локализовать огонь на мосту, дабы дать возможность войскамъ, а главное артиллеріи, перейти. Отъ успѣха такого предпріятія зависѣло не только пораженіе лезгинъ, но и ничтожная, сравнительно, потеря людей съ нашей стороны.

Передъ всякой очевидной опасностью, а въ особенности передъ опасностью, явно угрожающей смертью, человѣкъ невольно останавливается какъ бы по инстинкту и по врожденному чувству самоохраненія, обдумывая и соображая способъ преодолѣть или избѣжать опасность. Совѣсть и долгъ говорятъ ему, что надобно идти впередъ, туда, а что ожидаетъ его тамъ? Глубокая пропасть, бушующая рѣка, прицѣльные выстрѣлы и пылающій мостъ—служать грознымъ отвѣтомъ.

Въ такомъ точно настроеніи духа находились войска наши передъ пылающимъ черезъ рѣку Черель-оръ мостомъ, тогда какъ каждый моментъ былъ дорогъ, пожаръ моста, усиливаясь, могъ окончательно пресѣчь нашу переправу. Въ этотъ-то именно важный моментъ Шереметевъ, прорвавъ ряды войскъ, бросился на мостъ. Обхватываемый со всѣхъ сторонъ удушливыми клубами дыма и пламенемъ и подъ прицѣльными непріятельскими выстрѣлами, онъ бѣгомъ направился черезъ мостъ на другую сторону берега, а за нимъ, увлекаемые мужественнымъ примѣромъ, дружно побѣжали наши солдаты съ единодушнымъ крикомъ «ура».

Благодаря, такимъ образомъ, подвигу Шереметева, войска совершили быструю переправу при ничтожной потерѣ людей, изъ коихъ нѣкоторые получили значительные ожоги, а нѣсколько человѣкъ полетѣли съ части проваливагося моста въ бушующую рѣку и пропали безслѣдно; лезгинамъ нанесено было пораженіе, а ауль, тутъ же на берегу расположенный, взятъ штурмомъ, при чемъ уничтожены всѣ почти жители, упорно защищавшіе свои жилища. Пололовнымъ уничтоженіемъ лезгинъ занялись тушины, о которыхъ я скажу ниже.

Шереметевъ за оказанный подвигъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Мнѣ — очевидцу, пишущему эти строки, какъ старшему адъютанту начальника штурмующей колонны, при-

шлось писать о Шереметевѣ реляцію, изложенную мною подъ живымъ впечатлѣніемъ совершившагося событія, не безпримѣрнаго, разумѣется, въ русской военной лѣтописи, но тѣмъ не менѣ заслуживающаго общаго вниманія по той очевидной опасности, которой подвергался Шереметевъ. Опасность заключалась: сгорѣть на пылающемъ мосту, провалиться безвозвратно въ бушующую рѣку, или же наконецъ быть убитымъ сотнею прицѣльныхъ выстрѣловъ. Цѣль подвига состояла не въ желаніи показать себя, не порисоваться передъ отрядомъ, а видимо Шереметевъ руководился желаніемъ спасти жизнь многихъ солдатъ и офицеровъ и потерю нашу въ людяхъ довести до ничтожной цифры, что имъ и достигнуто, а такіе подвиги не могутъ и не должны забываться. Мнѣ, писавшему реляцію о Шереметевѣ, приходится также возстановить въ памяти воиновъ событіе 2-го августа 1858 года. Я около 20-ти лѣтъ не выходилъ изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, видѣлъ много на войнѣ подвиговъ, но всѣ они блѣднѣютъ передъ подвигомъ Шереметева. Отвага и удалство воина хороши тогда только, когда онѣ осмыслены и цѣль ихъ не личный интересъ.

Все изложенное мною выше я предпослалъ читателю въ видѣ предисловія и краткаго очерка нѣкоторыхъ дѣйствій лезгинскаго отряда въ 1858 году, а теперь остановлюсь на разсказѣ о тушинахъ, ворвавшихся первыми въ аулъ Тларата, подъ предводительствомъ Шоте.

Не вдаваясь въ историческія и этнографическія указанія, я изложу только то, что видѣлъ и къ какому заключенію пришелъ о происхожденіи тушинъ, быть можетъ, крайне ошибочному и противорѣчащему всѣмъ историческимъ даннымъ, но мое дѣло оговориться.

Тушины—это воинственное, мужественное и неустрашимое племя, входящее въ составъ Грузіи. Три племени, наименованныя съ давняго времени по мѣстностямъ, гдѣ они поселены, именно—тупины, пшавы и хевсуры, составляютъ одну народность по обычаямъ, языку и православной вѣрѣ. Народъ замѣчателенъ по своей храбрости, отвагѣ и заклѣтой враждѣ къ сосѣдямъ своимъ—лезгинамъ. Не особенно давно, многіе изъ тушино-пшаво-хевсурцевъ были идолопоклонниками, что наглядно доказывается хорошо сохранившимися у нихъ капищами. Надобно полагать, что племя это до идолопоклонства исповѣдывало христіанскую вѣру, а затѣмъ, поселившись въ горахъ и не имѣя общенія съ другими народами, утратило прежнюю вѣру и обратилось въ идолопоклонниковъ. На такую мысль невольно наталкиваешься потому, во-первыхъ, что костюмъ тушинъ, украшенный обязательно матерчатыми, разбросанными по всему платью, включая туда и круглую войлочную шапку, крестами, напоминаетъ крестоносцевъ, когда они, въ религіозномъ фанатизмѣ, выжигали и вырѣзали на тѣлѣ даже кресты; во-вторыхъ, у ту-

шинъ встрѣчаются обычаи, отзываются временами рыцарства, такъ, напримѣръ: публичные, въ родѣ турнировъ, поединки на сабляхъ, оканчивающіеся нерѣдко смертью, публичный судъ, защита женщинъ, доходящая до рыцарства, за исключеніемъ случаевъ, когда тушины нападаютъ на лезгинскіе аулы, клятвы на сабляхъ никогда не нарушаемы, и наконецъ рыцарская честность. Если ко всему этому прибавить попадающіеся часто въ домахъ тушинъ средневѣковые металлическіе сосуды, шашки съ латинскими надписями на клинкахъ, щиты, шлемы и кольчуги со всѣми принадлежностями рыцарскаго костюма, то спрашивается: откуда зашли обычаи; сосуды, клинки и рыцарскій костюмъ въ горныя тущобы, окруженныя со всѣхъ сторонъ непріязненнымъ магометанскимъ племенемъ? Не составляютъ ли тушино-пшаво-хеуеуры остатокъ полчищъ-крестоносцевъ, поселившихся въ кавказскихъ горахъ на возвратномъ пути изъ Іерусалима?

Народъ этотъ, будучи составною частью грузинскаго царства, сталъ принимать во времена грузинскихъ царей православіе, а при владычествѣ русскихъ идолопоклонство искоренилось, въ особенности же при экзархѣ Грузіи Исидорѣ, впоследствии митрополитѣ с.-петербургскомъ.

Множество сказокъ и анекдотовъ ходитъ въ краѣ о безпредѣльной отвагѣ этого племени, а въ 40-хъ и 50-хъ годахъ героемъ разсказовъ являлся глава тушинъ, по имени Шоте — старикъ подъ 70 лѣтъ, бодрый какъ юноша и крѣпкій какъ сталь. Высокій, чуть не въ три аршина ростомъ, сухой, немного сутоловатый, съ большою въ родѣ шишки бородавкою на сухомъ лицѣ и выразительными огненными глазами, — онъ представлялъ изъ себя очень внушительную фигуру, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ въ бою не останавливающуюся. Вся Грузія, отъ младенца до старика, знала и чтала его, какъ замѣчательнаго героя, а для лезгинъ онъ служилъ страшилищемъ и пугаломъ. Хорошо извѣстенъ онъ былъ и намѣстнику Кавказа, свѣтлѣйшему князю Воронцову, и всегда имъ съ почетомъ принимался. У лезгинъ въ каждой семьѣ стращали дѣтей во время ихъ плача именемъ Шоте. Такъ, напримѣръ, выдаютъ за достовѣрное событіе, что въ дидойскомъ аулѣ Хупро, въ глухую ночь, въ одной изъ сакель капризничаль, заливаясь неугомоннымъ плачемъ, 2-хъ лѣтній ребенокъ. Мать, будучи не въ состояніи унять ребенка, стала его стращать именемъ Шоте, но такъ какъ и это средство не помогало, то она, отворивъ окно, высунула въ него ребенка головою впередъ, сопровождая свое дѣйствіе словами: «На, на, возьми его, Шоте», и младенецъ моментально затихъ. Успокоенная мать потянула ребенка въ саклю и, о ужасъ — младенецъ оказался безъ головы. Эту немилосердную операцію совершилъ Шоте, въ ожиданіи выхода изъ сакли кого нибудь изъ взрослыхъ, но подвернулся случай отрубить голову младенцу, и онъ не

поцеремонился отрубить ее. Въ погоню за Шоте бросился отецъ и старшій сынъ, нагнали его тихо шедшимъ къ окраинѣ аула и вдвоемъ набросились на убійцу, но кровавая стычка длилась недолго, она окончилась смертью обоихъ нападающихъ лезгинъ. Односельчане нашли убитыхъ безъ кистей правыхъ рукъ.

Упомяну еще объ одномъ случаѣ, хорошо рисуящемъ Шоте, какъ человѣка, не щадящаго и своего собрата, если онъ оказывался нарушителемъ вкоренившихся въ племени традицій: въ одной изъ кровавыхъ стычекъ съ лезгинами небольшая партія тушинъ одержала верхъ, и бѣжавшіе лезгины оставили на полѣ 17 труповъ. Тогда же захвачено было тушинами стадо коровъ, къ хвостамъ которыхъ Шоте приказалъ привязать 17 лезгинскихъ головъ. Во время отрѣзанія головъ, одинъ изъ тушинъ сталъ отрубать у мертваго лезгина правую руку и за эту операцію чуть не поплатился жизнью.

— Какъ ты смѣешь рѣзать руку!— закричалъ разсвирѣпѣвшій Шоте, выхватывая изъ своихъ ноженъ саблю.

— Да вѣдь мы же убили ихъ,— отвѣчалъ покорно 18-ти-лѣтній тушинъ.

— Да, мы, но не ты, омерзительный мальчишка. Развѣ ты можешь указать, кого именно ты убилъ?

— Нѣтъ, не могу, они всѣ убиты пулями.

— Ну, вотъ, то-то же щенокъ, а слѣдовательно никто изъ насъ не имѣетъ права владѣть руками убитыхъ. Ты лично убей врага, понимаешь ли — лично, тогда и рѣжь руку, а тутъ нельзя указать, кто кого убилъ. Быть можетъ, убилъ его я, или кто другой, или же ты, но достовѣрно сказать, кто убилъ—нельзя. За такой поступокъ слѣдовало бы отрубить тебѣ голову и привязать къ 18-ой коровѣ, но на этотъ разъ я прощаю тебѣ, а если ты, щенокъ, что нибудь подобное когда нибудь сдѣлаешь, то я лично зарѣжу тебя, какъ недостойнаго носить имя тушина. Заруби это себѣ на носъ.

Разсказы о Шоте составили бы цѣлый томъ бурной его жизни, переполненной отважными примѣрами, которымъ слѣдовали всѣ стекавшіеся подъ его знамя тушины. Появленіе Шоте передъ непріателемъ означало: «кровь, смерть и никому пощады». Онъ обратился въ сказочнаго богатыря, передъ мощною силою котораго сокрушалось и уничтожалось все попадающее на пути.

Намъ приходилось гостить въ его саклѣ, на стѣнѣ которой, надъ дверями снаружи, красовались прибитыми 115 человѣческихъ рукъ, лично имъ пріобрѣтенныхъ въ различныхъ бояхъ, набѣгахъ и засадахъ. Передъ такою кровавою вывѣскою холодѣетъ кровь и содрогается человѣкъ, но не горецъ, не обитатель дикихъ кавказскихъ трущобъ, своеобразно смотрящій на мертвыя руки, какъ на трофей, переходящіе отъ отца къ сыну и сохраняющіеся имъ, какъ святыня, до тѣхъ поръ, пока они истлѣютъ.

Вотъ этотъ-то именно Шоте съ своею сотнею тушинъ первымъ

ворвался въ ауль Тларата и, понятно, всѣ жители поголовно были перебиты. Пощады не было ни женщинамъ, ни дѣтямъ, но за то самъ онъ понесъ не вознаградимую потерю: его сынъ, 20-лѣтній юноша, георгіевскій кавалеръ и знаменосецъ въ сотнѣ, убитъ былъ наповаль 24-хъ лѣтнимъ лезгиномъ, защищавшимъ свою семью изъ 5 человѣкъ. Тушины оставили въ живыхъ этого лезгина для того, чтобы отдать его въ распоряженіе Шоте.

Послѣ взятія аула Тларата войска расположились лагеремъ, и тотчасъ же приступлено было къ погребенію убитыхъ и подачѣ помощи раненымъ, а затѣмъ закипѣла обычная лагерная стоянка, запылали костры съ треножниками и артельными котлами, и послышалась веселая русская пѣсня; одни только тушины были опечалены. Они угрюмо и молчаливо группировались около своего предводителя, храбраго Шоте, который, сидя у трупа своего любимаго сына, былъ по наружному виду спокоенъ, хотя наворачивавшіяся слезы обличали его тяжелое горе. Тутъ же у трупа стоялъ покорно плѣнный лезгинъ, на котораго по временамъ взглядывалъ старикъ Шоте.

— Ты убилъ его?—спросилъ, наконецъ, Шоте у плѣннаго.

— Я,—отвѣчалъ лезгинъ.

— А онъ многихъ перебилъ?

— Зарѣзалъ моего отца и 4-хъ сестеръ.

— А тебя не удалось убить?

— Да, не удалось, я предупредилъ его ударъ выстрѣломъ изъ пистолета.

— Ты знаешь свою участь?

— Знаю,—отвѣчалъ покорно лезгинъ,— мои минуты сочтены, но я прошу тебя, храбрый Шоте, будь великодушенъ такъ же, какъ ты храбръ и отваженъ...

— Что ты хочешь сказать?

— Я прошу отпустить меня на короткое время подъ конвоемъ въ ауль отыскать трупы отца и 4-хъ сестеръ моихъ; я похороню ихъ и не замедлю прійти, а затѣмъ убей меня ты, именно ты, собственноручно. Это моя предсмертная просьба, и если ты исполнишь ее, то оправдаешь свое имя страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великодушнаго человѣка.

— Подожди,—сказалъ Шоте и сталъ медленно раздѣвать мертваго сына.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ отцемъ лежалъ нагой сынъ его — красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Огнестрѣльная рана, изъ которой сочилась темная кровь, показывала, что пуля пробилла сердце знаменосца. Мертвый юноша лежалъ, какъ заснувшій, лице его съ едва пробивающейся бородою не утратило еще румянца, а полуоткрытый рогъ точно улыбался. У отца наворачивались слезы, но онъ старательно скрывалъ ихъ. Долго всматри-

вался онъ въ мертвѣго сына, долго что-то обдумывалъ и, наконецъ, приступилъ къ медленной и ужаснѣйшей операціи: онъ вскрылъ его и, вынувъ внутренности, приказалъ похоронить тотчасъ же, загѣмъ расчленилъ на мелкія части весь трупъ, посолилъ каждую часть отдѣльно и все это собственноручно уложилъ въ переметныя сумы.

— Георгій! — закричалъ онъ.

На зовъ прибѣжалъ тушинъ.

— Георгій, возьми эти останки и въ сопровожденіи 4-хъ человѣкъ отвези ко мнѣ. Тамъ пусть жена и второй мой сынъ предадутъ его землѣ по нашему христіанскому обряду.

— Теперь ночь, Шоте, не отправиться ли завтра чуть свѣтъ?

— Вотъ потому-то я тебя и посылаю, что теперь ночь, втеченіе которой вы успѣете выбраться изъ опасной полосы. Въ эту ночь можно безопасно пройти, такъ какъ непріятель разбитъ и если обращаетъ вниманіе, то никакъ не на нашъ тылъ, а старается преградить намъ путь впереди. Что же касается мелкихъ партій, то вы съ ними справитесь. Помни, Георгій, я поручаю тебѣ дорогіе для меня останки.

— Больше не будетъ порученій?

— Нѣтъ. Собирайся сію минуту въ путь.

Георгій при помощи другихъ тушинъ сталъ поднимать переметныя сумы.

— Положите на мою гнѣдую лошадь, — сказалъ въ заключеніе Шоте. — Что же касается тебя, — обратился онъ къ плѣнному лезгину, — я исполню твое желаніе только не сегодня, а завтра утромъ.

— Шоте! Неужели ты хочешь, чтобы я промучился всю ночь въ ожиданіи смерти?

— Ты ошибаешься! Я сегодня не отпускаю тебя потому, что ты передашь лезгинамъ объ отправленіи тѣла моего сына домой и, разумѣется, постараешься собрать большую шайку, чтобы перебить моихъ посланныхъ.

— Какъ же я могу это сдѣлать, будучи подъ конвоемъ?

— Ты не будешь подъ конвоемъ. Завтра утромъ я отпущу тебя на всѣ четыре стороны.

Плѣнный лезгинъ не понималъ словъ Шоте, принимая ихъ за злую насмѣшку.

— Жизнь моя въ твоей власти, — сказалъ онъ, — разумѣется, ты можешь и издѣваться надо мною, но достойно ли извѣстному Шоте глумиться надъ человѣкомъ, ожидающимъ смерти?

Собравшіеся около Шоте тушины молча смотрѣли на своего предводителя, предполагая, что смерть сына до того потрясла его, что онъ помѣшался.

— Я не шучу, не издѣваюсь, да и убивать тебя не намѣренъ, — прервалъ молчаніе Шоте, — тебя можетъ теперь убить каждая мало-

лѣтняя дѣвченка потому, что ты безоруженъ. Ты по праву убилъ моего сына, уничтожившаго всю твою семью. Ты защищалъ себя и защищалъ семью. Дружелюбно относиться къ тебѣ я не могу, но и убивать безоружнаго не желаю. Ступай завтра, куда хочешь, и постарайся не встрѣчаться со мною. При встрѣчѣ не пощажу. Возьмите его подъ стражу, — обратился Шоте къ окружающимъ тушинамъ, — не смѣйте обижать, а завтра чуть свѣтъ отпустите.

Лезгинъ упалъ на колѣни передъ Шоте и, захлебываясь отъ чувства благодарности, безмолвно протянулъ къ нему руку.

— Прочь! Руки я не дамъ убійцѣ моего сына, но отпустить долженъ по справедливости и совѣсти. Да и вамъ, — обратился Шоте къ тушинамъ, — совѣтую быть справедливыми къ своимъ врагамъ. Бейте и рѣжьте вооруженныхъ, а на беззащитнаго не поднимайте руки. Я одинъ разъ только въ жизни убилъ въ Хупро ребенка, но этотъ случай исключительный, онъ вызванъ былъ местью ко всѣмъ роднымъ этого ребенка, я поклялся уничтожить всю семью и уничтожилъ ее.

Въ это время къ Шоте подвели коня, навьюченнаго останками его сына. Онъ благоговѣнно перекрестилъ вьюкъ, павши на колѣни, прочелъ громко молитву и, нѣсколько разъ поцѣловавъ переметныя сумы, приказалъ Георгію идти, куда указано.

Долго затѣмъ смотрѣлъ Шоте вслѣдъ удалявшимся 5 тушинамъ, безмолвно протягивалъ туда руки, возводилъ ихъ къ небу, набожно осѣнялъ свою грудь крестомъ и въ концѣ-концовъ не выдержалъ: тяжелое горе прорвалось бурнымъ потокомъ — старикъ громко и горько зарыдалъ и въ изнеможеніи опустился на землю. Раздирающей душу вопль потрясающе отразился на всей окружающей группѣ тушинъ: они, эти закаленные въ бою воины, заплакали, какъ дѣти.

II.

Проклятое ущелье.

Мы поднимаемся гуськомъ по Бурмутскому ущелью тропою въ полъ-аршина шириною; по правую и лѣвую стороны нашей длинной въ 1.000 человѣкъ вереницы — по мѣрѣ нашего подъема, глазамъ представляются рытвины, въ которыхъ стелется туманъ, засѣвший туда какъ бы для отдыха, или точно дно рытвинъ обладаетъ особою притягательною силою; туманъ ползетъ гладкою пленною въ уровень съ берегами рытвинъ и скопляясь дѣлается густымъ, плотнымъ и не пропускаемымъ для глаза. Мы видимъ подъ собою только узкую тропу и идемъ по ней, точно по обѣи стороны едва-едва движется тихо волнующаяся вода. Гористыя стороны ущелья покрыты густымъ вѣковымъ лѣсомъ и мѣстами пше-

ницей съ высоко поднятыми и волнующимися колосьями. Июльское солнце яркими лучами освѣщаетъ и ползущій по рытвинамъ туманъ и суживающееся ущелье. Задача нашего баталіона въ составѣ 1.000 человекъ солдатъ Эриванскаго полка, подъ командою Чачикова—осмотрѣть ущелье до хребта, сжечь по дорогѣ брошенные чеченцами аулы и затѣмъ вернуться въ чеченскій отрядъ, расположенный на долинѣ недалеко отъ Бурмутскаго ущелья.

Въ верстѣ отъ подъема баталіонъ останавливается передъ ауломъ въ 50 сакель не болѣе, прилѣпившихся къ отвѣсному почти откосу ущелья: всѣ сакли деревянные съ бойницами въ стѣнахъ и съ плоскими крышами. Отряженная при двухъ офицерахъ команда солдатъ бѣгомъ направляется въ аулъ, и черезъ 10—15 минутъ изъ-подъ крышъ показываются клубы дыма, мелькаетъ красноватое зарево, и за нимъ появляются огненные языки; удлиняются они, переливаясь разноцвѣтными тѣнями, шипятъ и ползутъ по стѣнамъ, лижутъ и хлещутъ не тронутыя еще огнемъ сакли, и затѣмъ все пространство, занимаемое ауломъ, обращается въ одну сплошную массу пламени.

Посланная команда исполнила въ аулѣ свое дѣло, и офицеры съ солдатами начинаютъ по одиночкѣ возвращаться къ сборному пункту: двое солдатъ ведутъ подъ руки, едва передвигающаго ноги, съ бѣлою какъ лунь бородою, столѣтняго старика. Сухой, сгорбленный, покрытый глубокими морщинами, онъ еле-еле доплетается до баталіона и, остановившись среди солдатъ и офицеровъ, окидываетъ стекляннымъ взглядомъ огненную лаву и окружающихъ, какъ бы отыскивая кого-то; старикъ затѣмъ опускается на землю и начинаетъ хохотать дребезжащимъ и хриплымъ хихиканьемъ, которое производитъ на насъ удручающее впечатлѣніе. Плачь или смѣхъ,—трудно разобрать.

— Гдѣ вы взяли его? — обращается съ вопросомъ офицеръ къ солдатамъ.

— Изъ горячей сакли вытащили ваше благородіе: упирается, не хочетъ идти, лѣзетъ въ огонь; если бы мы не употребили силы, то сгорѣлъ бы непременно.

— А когда вытаскивали его вы изъ огня, смѣялся онъ?

— Такъ же, какъ и теперь, пощелъ глазами чего-то, а потомъ засмѣется; отъ старости, должно быть, ваше благородіе, изъ ума выжилъ.

— Куда прикажете его?—спрашиваетъ другой солдатъ.

— На всѣ четыре стороны,—отвѣчаетъ офицеръ.—Если онъ не сможетъ найти своихъ земляковъ, то свои найдутъ его.

Баталіонъ готовъ двинуться далѣе, но новое обстоятельство останавливаетъ его: изъ дымящагося и пылающаго аула прибѣгаетъ женщина съ ребенкомъ, оба они въ крови, женщина оглашаетъ воздѣхъ воплями, а ребенокъ четырехъ лѣтъ не болѣе, почти раздѣ-

тѣй, вцѣпившись обѣими рученками въ платье ея, визгомъ вторить воплю.

— Кто осмѣлился это сдѣлать? Что за безобразіе, что за мерзость!—негодуеъ Чачиковъ.

Солдаты молчатъ.

— Я спрашиваю васъ, ребята, чья это варварская работа? Если вы честные солдаты, то не будете заpirаться!

— Моя работа, ваше высокородіе,—отвѣчаетъ выступившій изъ рядовъ старый солдатъ Федоровъ, голова котораго и лицо скрываются въ повязкѣ.

— Да какъ же ты смѣлъ, какъ дерзнулъ нарушить мое приказаніе? Ты забылъ, что трогать женщинъ и дѣтей нельзя?

— Виновать, ваше высокородіе, но она, вотъ эта самая женщина, плеснула въ меня изъ котла кипяткомъ, а въ Анисимова швырнула котломъ, попала ему въ голову, да еще намѣревалась полоснуть меня большимъ ножомъ, ну, я и ткнулъ ее штыкомъ!

Баталіонный медикъ свидѣтельствуетъ, что обжогъ Федорова очень значителенъ, и его слѣдуетъ отправить въ походный лазаретъ, а головная рана Анисимова не представляетъ опасности. Что же касается штыковой раны въ руку женщины, заключаетъ докторъ по осмотрѣ раненой, то она сквозная, кость не тронута, и отнести ее можно не къ тяжелымъ. Ребенокъ при ней оказывается забрызганнымъ кровью матери.

— Зачѣмъ ты трогала нашихъ солдатъ? — спрашиваетъ Чачиковъ женщину чрезъ одного изъ офицеровъ, знавшихъ мѣстное нарѣчіе.

— Зачѣмъ трогала—гмъ! Мнѣ говорили, что вы народъ умный, а между тѣмъ ты первый не стоишь коровьяго хвоста! Какъ же мнѣ не защищать было своего роднаго угла отъ варваровъ, разбойниковъ и кровопійцъ? Я готова и сію минуту перегрызть горло каждому,—отвѣчаетъ женщина, всхлипывая и выказывая желаніе броситься на кого нибудь.

— Ваше высокородіе, въ хатѣ былъ еще какой-то оборванецъ, онъ выпрыгнулъ и успѣлъ улізнуть отъ нашего преслѣдованія.

— Это твой сынъ?—обращается опять Чачиковъ къ женщинѣ.

— Да, мой! Какъ только подрастетъ онъ, отомститъ за мать и за зло, причиненное намъ разбойниками!

— А кто былъ съ тобой въ саклѣ?

— Кто былъ? Мой мужъ былъ! Онъ вѣрно сгорѣлъ, спасись ему не было возможности. О, если бы онъ избѣгъ огня, кровью вашею упиталась бы наша земля.

Дерзость женщины и неустрашимость переходятъ всякую границу, каждое слово ея пропитано ядомъ, она вся трясется отъ злобы, скрежещетъ зубами, сжимаетъ кулаки и, какъ тигрица, готова вцѣпиться въ самого Чачикова.

Чачиковъ приказываетъ перевязать ея рану и не выпускать изъ колонны, чтобы не надѣлала еще чегонибудь.

— Пусть провѣтрится и поостынетъ, — говорилъ онъ, — а когда вернемся сюда, отпустимъ!

Баталіонъ начинаетъ подниматься по той же тропѣ отрога далѣе; рытвины по обѣ стороны отрога не прерываются, не уничтожаются и туманъ, ползущій по нимъ. Доходимъ до другого аула, сжигаемъ его и опять двигаемся далѣе. Тутъ движеніе наше встрѣчаетъ опасность, которую нельзя устранить, не смотря на всѣ принятыя Чачиковымъ мѣры. Опасность заключается въ томъ, что изъ лѣсу періодически раздаются выстрѣлы, и рѣдкій зарядъ винтовки пролетаетъ мимо нашихъ рядовъ. Промежутокъ времени между выстрѣлами продолжается не болѣе 15—20 минутъ. Стрѣляетъ, по нашему заключенію, одинъ и тотъ же фанатикъ. Ни наша боковая, ни обходная, ни разсыпныя цѣпи не устраняютъ выстрѣловъ; пробуемъ стрѣлять залпомъ въ лѣсъ, пробуемъ плотною цѣпью обшаривать чащу лѣса, но ничто не помогаетъ: стрѣляющій, какъ духъ, не видимъ и систематически продолжаетъ наносить кому либо смерть или пораненіе. Баталіонъ въ поискахъ фанатика просто-таки доходить до изнуренія. Трое убитыхъ и девять человѣкъ раненыхъ солдатъ служатъ для насъ укоромъ и какъ бы воочію показываютъ, что никто изъ насъ не можетъ додуматься до того, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ избавиться отъ фанатика; кромѣ того, каждый изъ насъ ежеминутно ожидаетъ принять роковую пулю.

Подвигаясь далѣе къ хребту, мы сжигаемъ третій аулъ и наконецъ освобождаемся отъ выстрѣловъ и освобождаемся собственно потому, что лѣсъ за третьимъ ауломъ начинается рѣдѣть, и затѣмъ лѣсная растительность совершенно прекращается. Баталіонъ вздыхаетъ свободно. Убитыхъ хоронятъ, а раненыхъ отправляютъ въ отрядъ. Но бѣдамъ нашимъ не пришелъ еще конецъ: мы располагаемся на хребтѣ, въ данную минуту въ облачной полосѣ; скопившійся надъ хребтомъ и въ ущельи студенистый и холодный туманъ густыми и исполинскими массами окутываетъ насъ и пронизываетъ насъ сквозь мельчайшимъ дождемъ; грязно-молочная мгла отнимаетъ всякую возможность видѣть передъ собою чтонибудь, или когонибудь; туманъ, такъ сказать, всасываетъ, поглощаетъ насъ, дѣлается гуще и все болѣе и болѣе непроницаемѣе. Такое незавидное положеніе длится не менѣе двухъ мучительныхъ часовъ, показавшихся намъ безконечными. Легкій вѣтерокъ избавляетъ насъ наконецъ отъ туманныхъ оковъ, сплошная масса его начинаетъ дѣлиться и разрываться на громадныя клочья, образуя облака, изъ коихъ одни поднимаются въ высь, а другія жмутся въ ущельи, надавливая нижніе слои накопившагося уже тамъ тумана. Блеснулъ лучъ солнца, а за нимъ цѣлымъ снопомъ обдаетъ насъ яркій свѣтъ выплывшаго изъ-за облаковъ огненнаго шара. Въ ущельи же подъ нашими но-

гами царить непроницаемая мгла, видно только, какъ пробѣгаютъ тамъ электрическія огненные нити въ сгущенной массѣ тумана, учащаются онѣ, дѣлаются явственнѣе, шумнѣе, пронизываютъ все пространство ущелья вдоль и поперекъ, и затѣмъ страшная съ оглушающимъ трескомъ гроза разражается надъ ущельемъ. Гроза насъ не касается, мы можемъ только любоваться ею и дивиться поразительной картинѣ.

Все перенесенное нами передъ этимъ вскорѣ забывается, оцѣпенѣлость и неподвижность проходятъ, раздается повсюду говоръ, появляется бѣготня за разными надобностями, и вспыхиваютъ костры, около которыхъ солдатики вертятся, какъ флюгера, просушивая свои шинели. Становятся слышны и шуточки солдатъ, вызывающія общій смѣхъ и гоготанье.

— Эй ты, тамбовская голытьба, Анисимовъ,— кричитъ одинъ изъ среды солдатъ,— положи ружье и ранецъ на облако, дай отдохнуть плечамъ, оттянуло ихъ у тебя несчастнаго отъ трудовъ и полученной раны отъ бабы.

— Не повѣрятъ вѣдь, братцы,— говорить другой,— что мы были на облакахъ: мели, скажутъ, Емеля, твоя недѣля!

— А чтобы повѣрили, ты положи кусокъ облака въ ранецъ и невѣрующему сунь подъ носъ.

У офицеровъ, расположившихся на буркахъ, въ свою очередь идетъ оживленный разговоръ, и круговой стаканъ съ кахетинскимъ виномъ обходитъ всѣхъ и каждого. Но какъ ни разнообразится разговоръ, а все-таки сводится къ одному и тому же предмету — къ Бурмутскому ущелью, названному солдатами «проклятымъ», и къ стрѣлку, безнаказанно наносившему баталіону значительный вредъ. Возмущенные офицеры придумываютъ способъ, какъ бы избавиться на возвратномъ пути отъ смертоносныхъ выстрѣловъ фанатика, задавашагося, какъ видно, цѣлью побольше намѣтить изъ нашей среды жертвъ. Но какъ ни ломаютъ головы, какъ ни вдумываются въ этотъ предметъ, а прійти къ выгодному заключенію не могутъ, потому что лѣсная чаща, высокіе отроги горъ и вообще невыгодныя для насъ мѣстныя условія отнимаютъ всѣ средства къ самооборонѣ. Кончаютъ на томъ, что обратный путь съ горы къ плоскости долженъ быть быстрый, а слѣдовательно и человѣческихъ жертвъ будетъ меньше.

Время подходитъ къ вечеру. Затарахтѣлъ фельдмаршъ, зашевелился баталіонъ, и авангардъ трогается въ обратный путь по знакомой уже тропѣ, облитой кровью 12-ти русскихъ воиновъ; за авангардомъ движется гуськомъ и баталіонъ. Идемъ мы ускореннымъ шагомъ, зорко всматриваясь въ окрестные предметы, сердце у каждого усиленно бьется въ ожиданіи рокового выстрѣла; благополучно минуемъ первый дымящійся еще аулъ, подходимъ ко второму, въ рядахъ солдатъ тишина, не слышно даже шопота, лишь мѣрные

шаги баталіона нарушаютъ эту тишину, всё въ какомъ-то ожиданіи. всё посматриваютъ на лѣвую сторону ущелья, на роковую чашу лѣса, скрывавшую цѣлое утро безнаказаннаго фанатика. Ожиданія оправдываются, раздается выстрѣлъ, и одинъ изъ солдатъ падаетъ замертво.

Со всёми условіями и обстоятельствами войны зачастую приходится мириться, миримся и мы съ тяжелымъ нашимъ положеніемъ, покорно подчинившись роковымъ выстрѣламъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ съ такимъ же промежуткомъ времени, какъ и прежде.

На одной изъ безопасныхъ, по мѣстнымъ условіямъ, площадкѣ, баталіонъ останавливается для кратковременнаго отдыха и для погребенія убитаго и подачи раненымъ необходимой помощи. Тутъ собираются нѣсколько офицеровъ около командира баталіона Чачикова. Мы еще не одумались, какъ среди насъ появляется, точно изъ земли выросшій, оборванный чеченецъ. Почти нагой, безъ сапогъ, съ засученными по локоть рукавами драной рубахи, онъ держитъ въ рукахъ винтовку и что-то бормочетъ на своемъ гортанномъ нарѣчій. Трудно сообразить, откуда, какъ и зачѣмъ онъ явился, но очевидно это не врагъ, а какой нибудь мирный горецъ, или нашъ лазутчикъ, посланный къ намъ для передачи какихъ нибудь свѣдѣній. Къ такому заключенію нельзя не придти потому, что врагъ не рѣшится появиться среди насъ, не рискуя своею жизнью. Этого предположенія держатся всё, за исключеніемъ Штоквича¹⁾, говорящаго, что явившійся горецъ—тотъ самый чеченецъ, которой угощаетъ насъ изъ лѣсу выстрѣлами. Посылаютъ за офицеромъ переводчикомъ, находившимся въ авангардѣ, а чеченецъ между тѣмъ спокойно что-то продолжаетъ бормотать. Это бормотаніе длится минуты три-четыре, какъ вдругъ неожиданно для всёхъ окружающихъ раздается выстрѣлъ въ упоръ прапорщику Мортуладзе, и оборванецъ, сдѣлавъ прыжокъ къ кручѣ, исчезаетъ въ лѣсу. Мы поражены этою неожиданностью, Штоквичъ бросается за нимъ первымъ, даетъ на бѣгу нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, посылается изъ ружей залпъ. Многіе офицеры слѣдуютъ за Штоквичемъ въ чашу лѣса, но всё выстрѣлы и поиски остаются безуспѣшными.

Мортуладзе, обливаясь кровью, лежитъ безъ всякаго сознанія. Пуля попала ему въ лицо подъ правый глазъ и вышла въ затылокъ. Рана безусловно очень тяжелая и въ рѣдкихъ случаяхъ не смертельная.

Кто еще изъ насъ будетъ избранъ жертвою?—думаютъ многіе, смотря на несчастнаго Мортуладзе, въ благополучномъ исходѣ раны котораго сомнѣваются всё, включая туда и баталіоннаго медика. Задумывается и Штоквичъ, только что пришедшій съ поисковъ,

¹⁾ Недавно скончавшійся комендантъ Царскаго Села.

соображая что-то, и затѣмъ, не говоря никому ни слова, удаляется на окраину площадки.

Надобно здѣсь сказать, что офицеръ этотъ отличался своею отважностью и выходками, которыя всегда почти счастливо удавались.

На окраинѣ площадки онъ подзываетъ къ себѣ старшаго унтеръ-офицера Толкачева и шопотомъ обращается къ нему съ слѣдующими словами:

— Слушай, Толкачевъ, слушай внимательно и постарайся твердо запомнить все то, что я тебѣ передамъ; я начальникъ арберггарда, а ты назначенъ ко мнѣ старшимъ унтеръ-офицеромъ. Мы должны во что бы то ни стало избавить баталіонъ на пути слѣдованія отъ той опасности, которой онъ подвергался утромъ и продолжаетъ подвергаться теперь; надобно уничтожить стрѣлка-оборванца, и уничтожить его я нашель способъ. Способъ этотъ слѣдующій: какъ только тронется авангардъ, я забѣгу впередъ и засяду,—вотъ видишь на площадкѣ тропу?

— Вижу, ваше благородіе!

— А видишь около тропы въ 2—3-хъ шагахъ обрывчикъ съ бѣлыми камнями?

— Вижу!

— Ну, вотъ, у этого-то обрывчика я и засяду; тропа около него пролегаеъ близко къ слѣдованію нашего баталіона, и я почему-то думаю, что оборванецъ-чеченецъ шель именно по этой тропѣ, когда мы поднимались къ хребту и будетъ опять идти по ней; наша правая, а теперь лѣвая, цѣпь шла и пойдетъ выше этой тропы и должна надзирать за мѣстностью влѣво, а въ нашу сторону, гдѣ мы пойдемъ, смотрѣть не будетъ въ томъ полномъ убѣжденіи, что никто не рѣшится дѣлать засаду у насъ подъ самымъ носомъ, т. е. находится между двухъ огней—цѣпью и баталіономъ; надобно быть безумнымъ, чтобы рѣшиться на такую отвагу. Послѣдній случай съ Мортуладзе навель меня на предположеніе, что фанатикъ довель свою отвагу до безумія, и, жертвуя своею жизнію, онъ задумаль ввести насъ въ заблужденіе и ввель; мы всѣ убѣждены, что стрѣльба производится съ мѣстности выше тропы. Если занять теперь же эту тропу стрѣлками, то фанатика мы спугнемъ, и онъ избереъ другое направленіе...

— Ваше благородіе, если бы онъ шель между баталіономъ и цѣпью, то обнаружился бы, баталіонъ не могъ бы его не замѣтить!

— Такъ каждый изъ насъ думаетъ, но стрѣлокъ, вѣроятно, уроженецъ этого ущелья, а слѣдовательно знаетъ каждый кустъ, дупло, обрывъ, канаву и другіе предметы, могущіе его скрыть отъ нашего глаза; переползая ему съ мѣста на мѣсто незамѣтно не привыкать и тѣмъ болѣе для него легко, что мы не стоимъ на мѣстѣ, а идемъ, и слѣдовательно сосредоточить вниманіе на одномъ пунктѣ

не въ состояніи. Кромѣ того, лѣсная чаща и вѣковыя деревья отнимаютъ у насъ возможность видѣть дымъ отъ выстрѣловъ, что, разумѣется, способствуетъ фанатику успѣшно исполнять дьявольскую задачу. Меня никто не убѣдитъ, что чеченецъ, ранившій Мортуладзе, и стрѣляющій горецъ изъ лѣсу не одно лицо, а если это одинъ и тотъ же и если онъ рѣшился появиться среди баталіона, то что ему значить проползать у самыхъ нашихъ ногъ.

— Взять бы вамъ, ваше благородіе, на подмогу двухъ-трехъ солдатъ.

— Боже, сохрани, все дѣло испортимъ. Мнѣ и одному трудно будетъ пробраться незамѣтно на тропу; оборванецъ—чуткій, зоркій и отважный человекъ, а съ такими людьми надобно быть также осторожнымъ.

— Онъ можетъ убить васъ.

— Ну, это еще посмотримъ—чья возьметъ. Дай только Богъ встрѣтиться съ нимъ!

— Осмотрите пистолеть, ваше благородіе.

— Да, да, я перемѣню заряды.

— Отъ тумана не мудрено было замкнуть.

— Итакъ, Толкачевъ я засяду у того обрывчика около самой тропы, и какъ только ты услышишь тамъ выстрѣлъ или мой голосъ, то съ двумя-тремя солдатами бѣги со всѣхъ ногъ.

— Слушаю, ваше благородіе, все будетъ исполнено въ точности.

— Не своди ни на секунду глазъ съ указаннаго мѣста и никому ни слова; задуманное я исполню и, Богъ дастъ, избавлю баталіонъ отъ опасности.

— Дай Богъ удачи, ваше благородіе, посмотрите и шапку свою, не заѣла ли ее сырость.

«Никто ничего не потеряетъ, если я ошибусь въ своемъ предположеніи,—думаетъ Штоквичъ,—ну, а если оно вѣрно, то кто ни будь изъ насъ долженъ проститься съ этимъ свѣтомъ».

Баталіонъ вскорѣ начинаетъ двигаться въ путь, трогается полкомъ отъ головы колонны въ лѣсъ по пшеничному небольшому участку земли и Штоквичъ. Онъ, какъ кошка, ползкомъ пробирается къ намѣченному мѣсту, никѣмъ не видимый, за исключеніемъ Толкачева, съ замираніемъ сердца слѣдящаго за едва колеблющеюся высокою пшеницею. Зрѣніе можетъ сбивать Толкачева, потому что небольшой вѣтерокъ колышетъ все пшеничное поле, но онъ почему-то думаетъ, что глазъ его не обманываетъ. Штоквичъ, между тѣмъ, обливаясь потомъ, доползаетъ до обрыва и, присѣвъ накорточки у тропы, затаиваетъ дыханіе; онъ, такъ сказать, замираетъ совершенно, опасаясь малѣйшимъ движеніемъ и шорохомъ быть обнаруженнымъ. Сердце его усиленно стучитъ, нервы напрягаются, лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, онъ весь обращается въ слухъ, сжимая въ рукѣ револьверъ и ждетъ съ минуты на ми-

нугу появленія оборванца; предчувствіе говоритъ ему, что избранное имъ мѣсто удачно, и весь вопросъ теперь заключается въ томъ: кто изъ нихъ останется въ живыхъ—онъ или чеченецъ? Такъ ждетъ онъ не менѣе часа, показавшагося ему вѣчною, поджатая нога отекаетъ, напряженіе нервъ увеличивается, въ глазахъ рябитъ, къ головѣ приливаетъ кровь, онъ чувствуетъ общее ослабленіе, готовъ упасть, но, собравъ послѣднія силы, старается не выходить изъ неподвижности. Баталіонъ, между тѣмъ, вереницею вытягивается на протяженіи двухъ верствъ, и скоро долженъ показаться хвостъ колонны и аррьергардъ. Какой-то шорохъ въ пшеницѣ заставляеть вздрогнуть Штоквича, еще моментъ—и черезъ колосья пшеницы глазамъ его представляется плашмя и тихо ползущій по тропѣ чеченецъ съ ружьемъ въ рукахъ; онъ на нѣсколько секундъ останавливается, осторожно приподнимаетъ голову и всматривается въ ряды идущаго баталіона, а затѣмъ опять неслышно ползетъ по той же тропѣ далѣе, вѣроятно, желая найти удобнѣе и выгоднѣе мѣсто для выстрѣла; вотъ его туловище уже чуть не касается руки Штоквича, горецъ приподнимается немного и начинаетъ поднимать свою винтовку, устанавливаетъ прикладъ у плеча, прицѣливается, и рожковой зарядъ готовъ уже раздаться, но два выстрѣла одинъ за другимъ изъ револьвера Штоквича укладываютъ горца плашмя на землю, и онъ въ предсмертныхъ корчахъ катится съ тропы въ пшеницу.

Толкачевъ съ тремя солдатами прибѣгаютъ на выстрѣлы и добиваютъ штыками чеченца.

— Что ошибся я?—обращается Штоквичъ съ вопросомъ къ Толкачеву.

— Онъ, онъ самый, угостившій нашего офицера пулею,—отвѣчаетъ Толкачевъ.

— Несите трупъ, ребята, въ баталіонъ, чтобы убѣдился командиръ въ безошибочности моего доклада!

Баталіонъ останавливается опять на безопасной площадкѣ, куда приносятъ мертваго чеченца; въ личности всѣ признаютъ выстрѣлившаго въ Мортуладзе. Трупъ приказано свалить въ оврагъ, и когда солдаты начинаютъ поднимать его, изъ колонны выскакиваетъ женщина съ ребенкомъ, получившая утромъ штыковую рану. Она съ плачемъ бросается къ убитому, неистово кричитъ, визжитъ, ломаетъ руки, рветъ на головѣ волосы и, полагать надобно, посылаетъ по нашему адресу не особенно лестные эпитеты.

— Этотъ чеченецъ, ваше высокородіе,—говоритъ появившійся Анисимовъ,—тотъ самый, что улизнулъ отъ насъ изъ сакли, мужъ, должно быть, этой вѣдьмы, разбившей мнѣ голову котломъ!

Оставивъ женщину съ ребенкомъ у трупа, баталіонъ удаляется съ мѣста событія, и долго ему еще слышится плачъ женщины надъ трупомъ отважнаго горца, поддерживаемый воемъ шакаловъ—этихъ повсемѣстныхъ и неотвязчивыхъ обитателей кавказскихъ лѣсовъ.

Баталіонъ дѣйствительно достигаетъ отряда безъ жертвъ, чему виновникомъ является Штоквичъ.

— Онъ заслуживаетъ большой награды,—говорятъ офицеры.

— Да, заслуживаетъ,—отвѣчаетъ Чачиковъ,—но заслуживаетъ и ареста за самовольное оставленіе поста въ арьергардѣ.

— По поговоркѣ—побѣдителей не судятъ.

— Да не судятъ, но и не слѣдуетъ ихъ награждать, иначе каждый изъ васъ вздумаетъ дѣйствовать самостоятельно. Разумѣется, Штоквичъ заслуживаетъ общей нашей признательности, но этимъ именно онъ и спасаетъ себя отъ ареста.

— Онъ ставилъ на карту свою жизнь.

— Да, да, но вы забываете, что, бросая свой постъ, онъ ставилъ на карту жизнь всего арьергарда, на который могъ напасть непріятель. Мы вѣдь въ непріятельской землѣ, не розами усыпанной!

III.

Мертвая голова.

Въ 1849 году, по личной волѣ намѣстника, свѣтлѣйшаго князя Воронцова, изъ штабъ-квартиры лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка, урочища Манглиса, командированъ былъ на лезгинскую линію капитанъ князь Шаликовъ съ небольшимъ легучимъ отрядомъ на подкрѣпленіе гарнизона въ крѣпость Закаталы, осажденную лезгинами, и для уничтоженія по дорогѣ къ той крѣпости непріятельскихъ скопищъ. Такихъ подкрѣпленій было послано нѣсколько, а капитанъ Шаликовъ, какъ храбрый и опытный офицеръ, помимо военной задачи, долженъ былъ смыть съ себя свою вину за убійство на дуэли поручика одного съ нимъ полка, Викулина. Легучій отрядъ князя Шаликова состоялъ изъ одной роты гренадеръ Эриванскаго полка въ 250 человекъ, одного горнаго орудія и небольшого числа кавалеріи, при офицерахъ — поручикѣ князѣ Палавандовѣ, поручикѣ Масловскомъ, штабъ-капитанѣ Вульфертѣ, прапорщикахъ Штоквичѣ и Антоновѣ. Въ три дня легучій отрядъ форсированнымъ маршемъ достигъ, не доходя нѣсколько верстъ до Закаталы, обширной поляны, на которой, за наступленіемъ ночи и сильнымъ утомленіемъ людей, принужденъ былъ остановиться на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ двинуться далѣе къ крѣпости и вступить въ бой съ осаждающимъ ее непріателемъ. Лазутчики, между тѣмъ, сообщили князю Шаликову, что сильное непріятельское скопище, подъ начальствомъ извѣстнаго наиба Мортузали, засѣло въ камышахъ и намѣрено не только не допускать отряда въ крѣпость, но рѣшилось уничтожить его поголовно, или быть самому уничтоженнымъ. Шаликовъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые не смущаются при такихъ извѣстіяхъ, онъ, напротивъ, радовался,

что такъ скоро встрѣтится съ непріателемъ, а въ особенности съ наибомъ Мургузали, о храбрости и безграничномъ фанатизмѣ котораго онъ много слышалъ. На ночлегъ были приняты обычныя на Кавказѣ мѣры предосторожности, то-есть усиленная цѣпь и усиленныя секретныя засады, а весь отрядъ, не выпуская ружей изъ рукъ, ожидалъ въ полудремотѣ разсвѣта и нападенія. Шаликовъ и начальникъ цѣпи поручикъ Палавандовъ не присѣли всю ночь; первый ходилъ по всему отряду, а второй — на протяженіи всей цѣпи. Надобно при этомъ упомянуть, что Палавандовъ, храбрѣйшій изъ офицеровъ, былъ крайне набоженъ и набожность свою доводилъ до фанатическаго увлеченія, а мусульманъ ненавидѣлъ до того, что не могъ равнодушно смотрѣть на каждаго татарина. Всѣ въ полку звали его монахомъ, часто подсмѣивались надъ нимъ и не могли объяснить себѣ — какъ въ такомъ набожномъ и во всѣхъ отношеніяхъ добрѣйшемъ, хотя и вспыльчивомъ, человѣкѣ могла быть развита до кровожадности ненависть ко всему мусульманству. Убить «нечисть», какъ называлъ онъ магометанъ, для него было такъ же легко, какъ выпить стаканъ чаю.

Весь отрядъ готовъ былъ къ бою — ружья, патроны, аммуниція и носилки для раненыхъ тщательно осмотрѣны. Кавказскому солдату не привыкать было къ кровавымъ стычкамъ; къ опасностямъ войны онъ относился всегда хладнокровно, но считалъ себя обязаннымъ быть осмотрительнымъ, осторожнымъ и внимательнымъ къ мелочамъ даже, зная очень хорошо, что имѣетъ дѣло съ воинственнымъ и фанатическимъ племенемъ, которое не пощадитъ его, если онъ попадетъ къ нему въ лапы. Не смерть страшила русскаго солдата, а предварительныя передъ смертью истязанія, мученія и издѣванія надъ истекающимъ кровью русскимъ воиномъ. Кавказскій солдатъ не понималъ, да и понимать не хотѣлъ, что такое значитъ фраза — «отступить хотя бы одинъ шагъ» передъ непріателемъ; руководимый дисциплиной, опытомъ и уваженіемъ, доходящимъ до святости, къ начальствующимъ лицамъ, онъ лѣзъ впередъ и или умиралъ беззавѣтно, или побѣждалъ. Долгъ, честь, совѣсть и дисциплина составляли девизъ кавказскаго воина, а съ такимъ девизомъ можно было совершать чудеса, и совершались они постоянно. Иныя были времена, и иначе, должно быть, сколочены были люди.

Такъ и въ данную минуту всѣ въ отрядѣ безусловно подчинились приказанію начальства — быть осмотрительными, не суетиться и не производить малѣйшаго шума.

Начинало свѣтать. Слабымъ синеватымъ силуэтомъ сталъ вырисовываться на окрестныхъ болотахъ камышь, куда всѣ напрягали зрѣніе въ ожиданіи непріателя; пугливо поднялось съ болотъ нѣсколько стай утокъ, обнаружившихъ присутствіе у болотъ людей, появились коршуны, эти хищные лакомки до человѣческихъ труповъ, какъ бы чуя близость добычи; утренній вѣтерокъ и роса вы-

зывали дрожь; отрядъ сидѣлъ точно окаменѣлый. Одни только офицеры и старшіе унтеръ-офицеры едва слышными шагами передвигались въ цѣпи, отъ звена къ звену, не нарушая тишины ни единымъ словомъ.

Грянула утренняя заря барабановъ и рожковъ и звонкимъ эхомъ отозвалась на сосѣднихъ возвышенностяхъ, рывкнуло вѣстовое орудіе и навѣсная граната съ трескомъ и рокотомъ разлетѣлась вдребезги надъ камышами, гдѣ предполагался засѣвшимъ непріятель.

— Пусть протретъ себѣ глаза, анаѣемское отродье,—прошепталь Шаликовъ, сопровождаемый по цѣпи двумя младшими въ отрядѣ офицерами — мною и Штоквичемъ.

Обходя тыльную сторону цѣпи, онъ натолкнулся на офицерскіе вьючные сундуки, а за ними увидѣлъ стоящаго на колѣнахъ поручика Палавандова, горячо молившагося Богу.

— Нашелъ время молиться,—обратился Шаликовъ къ молящемуся, сопровождая свою фразу легкимъ толчкомъ ноги.

Ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ Палавандовъ не нарушилъ своего положенія и продолжалъ молиться, но спустя минуты двѣ, мы увидѣли его набѣгающаго на насъ сзади съ поднятою обнаженною пашкою, безъ фуражки, блѣднаго и съ налитыми кровью глазами.

— Я покажу, какъ издѣваться надо мною! — кричалъ онъ, настигая насъ.

Мы ринулись въ стороны, а Шаликовъ сталъ за огромный камень.

— Что ты, Палавандовъ, Господь съ тобою, какъ тебѣ не стыдно, опомнись, я не хотѣлъ тебя обижать, — вскрикнулъ Шаликовъ, — неужели ты не понимаешь, что теперь каждая минута дорога, непріятель тотчасъ поползетъ изъ своего логовища, а мы тутъ сводимъ какіе-то домашніе счеты.

Я и Штоквичъ успѣли опомниться и крѣпко схватили Палавандова за руки. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, скрежеталъ зубами и что-то бормоталъ.

— Иди въ цѣпь,—продолжалъ Шаликовъ, возвышая тонъ,—я твердо вѣрю въ твою честность, храбрость и распорядительность, а потому не считаю болѣе нужнымъ напоминать, что долгъ офицера прежде всего.

Закончивъ эту тираду, Шаликовъ, ни разу не оглянувшись, пошелъ далѣе медленнымъ шагомъ; а мнѣ и Штоквичу приказалъ слѣдовать за нимъ.

Палавандовъ остался на мѣстѣ, какъ одеревенѣлый, съ выпученными глазами и съ встрепанными волосами, но недолго. Онъ началъ приходить въ себя, нѣсколько разъ перекрестился, вложилъ пашку въ ножны, надѣлъ поданную ему шапку и, сѣвъ на подведеннаго коня, медленно поѣхалъ въ другую сторону по цѣпи.

— Господи, Боже мой,—прошепталъ онъ,—благодарю Тебя, что избавилъ грѣшника отъ страшнаго преступленія.

Надобно здѣсь сказать, что офицеры тогдашняго времени, какого бы они ранга ни были, относились всегда взаимно другъ къ другу внѣ службы потоварищески, даже на ты, но на службѣ это товарищество зачеркивалось, забывалось совершенно, и на первое мѣсто выступало служебное чинопочитаніе и до рабства доходящее подчиненіе старшему.

Палавандовъ вспомнилъ, вѣроятно, эту обычную кавказскую привычку и въ силу ея смирился передъ Шаликовымъ.

Солнце яркимъ шаромъ стало показываться изъ-за горизонта, окрашивая золотомъ густой лѣсъ, поляны и высокій камышъ, разросшійся на далекое пространство по болотистому мѣсту. Показались и непріятельскіе джигиты (всадники), а за ними поползли группами, примѣняясь къ мѣстности, и лезгины, посылая въ нашъ отрядъ изъ винтовокъ пули. Наши стрѣлки не заставили себя ждать, и бой, такимъ образомъ, начался, бой вначалѣ театралный, безкровный, а затѣмъ стали появляться и жертвы, требующія носилокъ и помощи. Съ минуты на минуту бой ожесточался, лезгины лѣзли, что называется, напроломъ, и, осыпаемые картечнымъ градомъ и ружейными пулями, отбрасывались назадъ, но не надолго,—остановка натиска была минутная, изувѣры опять съ новымъ рвеніемъ бросались впередъ, поощряемые отважными джигитами, подскакивавшими и стрѣлявшими въ нашихъ стрѣлковъ чуть не въ упоръ. Крикъ командныхъ словъ на нашей сторонѣ, воинственный ревъ на непріятельской, вой изувѣровъ — «аллахъ, аллахъ», грохотъ и свистъ зарядовъ, стонъ раненыхъ, все смѣшивалось во что-то неопредѣленное, въ какой-то гамъ и заставляло cadaго изъ насъ не терять присутствія духа и тщательно вслушиваться и всматриваться во все окружающее насъ.

Одна изъ непріятельскихъ пѣшихъ группъ въ числѣ не болѣе 100 человекъ, съ лихимъ всадникомъ во главѣ, лѣзла на нашъ центръ дерзче другихъ, она усѣяла весь свой путь многочисленными трупами своихъ собратьевъ, но ни на минуту не останавливалась и шагъ за шагомъ лѣзла и перебѣгала изъ-подъ бугра къ другому бугру, осыпая насъ мѣткими пулями. Всадникъ во главѣ этой группы нѣсколько разъ дерзко подскакивалъ къ стрѣлковой цѣпи и, сдѣлавъ выстрѣлъ, счастливо избѣгалъ нашихъ залповъ. Онъ точно тѣшился и смѣялся надъ нами. Конь подъ нимъ былъ замѣчательный и по красотѣ и по тѣмъ прыжкамъ, которые онъ выдѣлывалъ на всемъ скаку, да и самъ лихой всадникъ выглядывалъ поразительнымъ красавцемъ.

— Онъ въ панцырѣ, онъ въ кольчугѣ, или чортъ въ человѣческой оболочкѣ,—говорили въ одинъ голосъ стрѣлки наши, подкрѣпляя слова проклятіями и посылая въ него градъ пуль, но всадникъ

былъ неуязвимъ, онъ моментально скрывался за бугромъ и черезъ минуту выскакивалъ съ другой стороны бугра.

За этимъ всадникомъ слѣдовалъ юноша, повидимому нукеръ (слуга), на рѣзвѣ конѣ, но къ нашимъ стрѣлкамъ не подскакивалъ, а старался все время прикрываться на пути какимъ нибудь мѣстнымъ предметомъ и зорко слѣдилъ за своимъ господиномъ.

— Эй, ты, голопятый грузинъ, уходи прочь съ моей дороги, убью, лошады не дамъ, я Мортузали, — кричалъ всадникъ Палавандову, вертясь на своемъ конѣ, какъ флюгеръ, и дѣлая воздушные алюры.

— Побереги свою голову, свиная туша, — отвѣчалъ ему Палавандовъ, тоже гарцуя на конѣ и грозя всаднику шашкою.

Еще одна минута, и всадники во весь карьеръ бросились другъ на друга.

Пальба въ этой собственно мѣстности пріостановилась, всѣ съ ужасомъ и нетерпѣніемъ смотрѣли на мчавшихся всадниковъ, въ ожиданіи кровавой драмы, которая должна была сію минуту разыграться и кончиться смертью. Зрѣлище было поразительное, оно освѣщалось яркими лучами солнца и видно было, какъ на ладони.

Мортузали, подскакавъ къ сопернику, поднялъ коня на дыбы и нанесъ могучій ударъ шашкою, но не Палавандову, — этотъ ловко увернулся, прыгнувъ съ коня, — а по сѣдлу, прорубивъ его до основанія; такой же могучій ударъ готовился второй, но Палавандовъ успѣлъ предупредить его, рубнувъ соперника снизу такъ, что тотъ свалился съ коня, какъ снопъ; повторенный еще ударъ покончилъ всѣ расчеты съ лихимъ и отважнымъ Мортузали. Но опасность для Палавандова еще не миновала: юноша, слѣдившій за своимъ господиномъ, вихремъ летѣлъ на выручку и, наскочивъ на Палавандова, взмахнулъ шашкою надъ головою его, шашка взвизгнула, блеснула въ воздухѣ и скользя по всему лезвію сабли Палавандова, отбросилась въ сторону; еще моментъ, и пистолетный выстрѣлъ князя сорвалъ юношу съ сѣдла.

У ногъ Палавандова лежали два трупа въ лужѣ крови, а онъ невозмутимо и внимательно всматривался въ убитыхъ, шевелящихся еще въ предсмертныхъ корчахъ.

— Ура! ура! — кричали стрѣлки, — нашъ князь убилъ-таки чорта въ кольчугѣ, а чтобъ не скучно было, пристягнулъ къ нему дьяволенка! Ура, ваше сіятельство!

— Отрѣжь ему голову и положи ее въ мои переметныя сумы, — обратился Палавандовъ къ одному изъ подбѣжавшихъ стрѣлковъ. Голова была отрѣзана и положена въ указанное мѣсто.

— А что прикажете дѣлать съ другимъ, тоже отрѣзать голову?

— Не надо, на что она мнѣ? А вонъ, что-то блеститъ у него на шеѣ, сними и возьми, да не забудь взять у обоихъ и оружіе!

— Ваше сіятельство. Этотъ-то еще живой, да, кажись, онъ и не того, не лезгинъ...

— А кто же по-твоему, нѣмецъ что ли?

— Да больно грудь высока что-то, — отвѣчаль стрѣлокъ, разстегивая воротъ у раненаго.

— Ну, вотъ, посмотрите, ваше сіятельство, и ожерелье на шеѣ изъ монетъ, какой же это лезгинъ?

Передъ Палавандовымъ дѣйствительно лежалъ истекающій кровью не раненый горецъ, не нукеръ, а молодая лѣтъ 16-ти, съ прелестными очертаніями лица, горянка, черные глаза которой горѣли лихорадочнымъ огнемъ; она прижимала къ зіяющей грудной ранѣ свои руки, что-то говорила, чего-то просила, но лепетъ ея не былъ понятенъ окружающимъ.

— Крикни носилки для относа ея на перевязку, — заключилъ Палавандовъ и, сѣвъ на коня, поѣхалъ по стрѣлковой цѣпи.

На принесенныя носилки положена была горянка съ тою удивительною осторожностью, которая присуща только великодушному сердцу русскаго воина.

— Осторожно несите, идите въ ногу, не шатайте, — отозвался одинъ изъ носильщиковъ.

— Не донесемъ, кажись, ишь какъ обливаетъ кровью носилки!

— Эхъ, сердечная, чего лѣзла, сидѣла бы у горшковъ, бабѣ ли дѣло путаться въ бою?

— Понятно не бабѣ, а въ особенности такой красивой дѣвкѣ. Ишь красота какая ненаглядная, точно писанная!

— Остановитесь, братцы, на минуту, я ей дамъ воды изъ манерки, жаръ, должно быть, мучить ее. На, голубка, испей... Ну, вотъ, теперь полегчало? Несите, ребята, дальше, поровнѣе, да не топнитесь...

Извѣстіе о смерти Мортузали пронеслось по всему протяженію нашей цѣпи электрическимъ токомъ, оно вызвало, разумѣется, радость въ каждомъ изъ насъ, но за то въ непріятельскомъ скопищѣ уныніе было видимое и нескрываемое. Лезгины заволновались, явился беспорядокъ и безтолковая скученность, выгодная для орудіяныхъ прицѣловъ, уничтожилось прежнее рвеніе, а натиски совершенно прекратились. Утрата наиба сбила спесь съ лезгинъ и послужила причиною прекращенія боя. Они беспорядочными группами стали отступать, преслѣдуемые конницей и картечными зарядами, и черезъ полчаса обратились въ бѣгство. Пораженіе было полное, поле усыялось трупцами лезгинъ.

Подвигъ Палавандова не ограничился описаннымъ героическимъ поступкомъ, онъ былъ въ мрачномъ настроеніи духа, ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и что-то, повидимому, замышлялъ. Весь окровавленный, онъ, тщательно спрятавъ подъ полу сюртука голову Мортузали, шагомъ ѣхалъ на конѣ и высматривалъ мѣсто, гдѣ находился въ это время Шаликовъ. Увидѣвъ искомое лицо и ловко

подскакавъ къ нему на своемъ золотистомъ карабахѣ, онъ обратился къ Шаликову съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— Поздравляю васъ, князь, съ полнымъ пораженіемъ скопища, дай Господи, чтобы у насъ былъ всегда такой распорядительный, храбрый и умный начальникъ. Съ такимъ начальникомъ мы, а я первый, готовы положить жизнь.

Шаликовъ подошелъ ближе къ Палавандову и, выразивъ ему горячую благодарность, намѣревался обнять и поцѣловать его.

— Подожди, князь, — остановилъ его Палавандовъ, — вся моя рѣчь до сего была оффиціальная, служебная, а теперь я обращусь не къ начальнику отряда, а къ своему товарищу—Шаликову. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: голову эту я тебѣ дарю, убилъ Мортузали не я, а ты, понимаешь ли не я, а ты убилъ этого заклятаго проповѣдника священной войны. Голова Мортузали можетъ мнѣ дать орденъ или чинъ, а съ тебя сниметь штрафъ, что составляетъ твою теперешнюю задачу жизни и службы. Орденъ и чинъ я всегда успѣю заслужить, а такіе случаи, какъ сегодняшній, бываютъ рѣдко!

— Да Господь съ тобою, Палавандовъ, за кого ты меня принимаешь, — возразилъ Шаликовъ, — какъ я рѣшусь...

— Постой, не перебивай, дай докончить: я никакихъ наградъ не хочу, прошу только тебя, какъ товарища, никогда не мѣшать мнѣ молиться, иначе голова твоя подвергнется той же участи, какой подверглась голова Мортузали, которую ты не хочешь принять отъ меня. Пусть же она будетъ ничья!

При послѣднихъ словахъ, Палавандовъ бросилъ голову въ сторону.

— Прости за мое предложеніе, сознаю всю необдуманность его; если оно было сдѣлано, то вѣрь мнѣ, сдѣлано въ порывѣ моего чувства и сильнаго желанія, чтобы съ тебя скорѣе сняли штрафъ. Я кончилъ, прощай, поѣду теперь убирать своихъ раненыхъ и хоронить убитыхъ.

Конь Палавандова взвился отъ нагайки и понесъ неустрашимого и честнаго всадника въ поле.

Закончу свой рассказъ о дальнѣйшей участи Шаликова и Палавандова.

Съ Шаликова за описанную блестящую побѣду былъ снятъ штрафъ. Затѣмъ въ 1854 году, 24-го іюля, въ сраженіи при Кюрукъ-дара съ турками, онъ, командуя баталіономъ Эриванскаго полка, въ атакѣ былъ убитъ, пуля сорвала его съ сѣдла и уложила со мною бокъ-о-бокъ на полѣ сраженія.

Когда меня несли на перевязочный пунктъ, носилки мои столкнулись съ носилками Палавандова, ему раздробило ядромъ ногу. Я охаль и стоналъ отъ раны и отъ потери большаго количества крови, а онъ съ улыбкою невозмутимо лежалъ въ носилкахъ, точно получилъ дорогой давно-ожидаемый подарокъ.

Участь черноокой горянки была лучшая: она, страстно влюбленная въ Мортузали, обжавшая къ нему отъ родителя, одного изъ извѣстныхъ наибовъ, долго не могла забыть предметъ своей страсти, рыдала и изнывала по цѣлымъ днямъ, но всеисцѣляющее время, сглаживая и радость и печаль, успокоило и ее. Если и являлась въ воспоминаніи горянки любовь къ Мортузали, то какъ бы въ сновидѣніи, или что-то утраченное и не возвратимое. Обласканная въ русской семьѣ и совершенно излѣчившаяся отъ грудной раны, она помирилась съ своимъ положеніемъ, приняла православіе и, обладая дѣйствительно замѣчательною красотою, сдѣлала прекрасную партію замужествомъ. Мужъ не могъ нахвалиться и налюбоваться ею, жаловался только на одну страсть жены, страсть къ кровнымъ скаковымъ лошадямъ, на которыхъ она, выѣздивъ ихъ лично, мчалась по городу, полямъ и горамъ. Непогода — снѣгъ, мятель, вѣтеръ, дождь, ничто не останавливало ея, она носилась по окрестностямъ, какъ вихрь, желая какъ бы олицетворить лихаго наѣздника Мортузали.

До 1854 года Палавандовъ былъ не рѣдкимъ ея спутникомъ, она полюбила его, какъ друга, чтила, какъ героя, и считала его виновникомъ перехода ея изъ мусульманства въ православіе.

— Это мой задушевный другъ, убійца и просвѣтитель, — говорила она, нѣжно разглаживая усы Палавандова и прижимаясь къ нему, какъ ребенокъ.

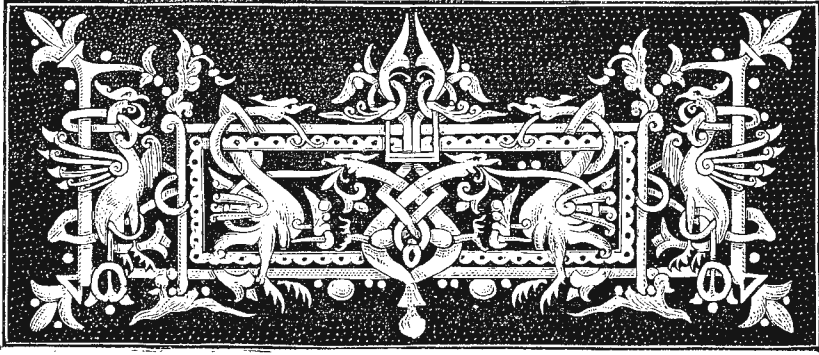
Палавандовъ въ свою очередь преклонялся передъ нею, какъ передъ высоко-нравственной женщиной, называлъ ее дѣточкой, ребенкомъ своимъ и всюду и вездѣ хвалился ею.

— Посмотрите, господа, — говорилъ онъ, — вотъ эта рука, эта нѣжная лапка цыпленка, чуть не отправила меня на тотъ свѣтъ!

Все описанное мною когда-то было и быльемъ поросло.

В. М. Антоновъ.

ДИПЛОМАТЪ ПО НЕВОЛѢ.

РАФЪ ПЕТРЪ Александровичъ Толстой происходилъ отъ старинной дворянской фамиліи Толстыхъ, переселившейся въ Россію изъ Германіи въ царствованіе Іоанна III. Представитель этого рода, Петръ Андреевичъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, былъ возведенъ Петромъ Великимъ въ графское достоинство.

Графъ П. А. Толстой родился въ 1769 году и началъ службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Онъ быстро подвигался по пути служебнаго успѣха и, участвуя въ подавленіи польскаго возстанія 1794 года, не только снискалъ расположеніе графа Ферзена, называвшаго его своимъ помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ, но и удостоился особаго уваженія со стороны самого Суворова, доносившаго въ своей реляціи о штурмѣ Праги, въ которомъ графъ Толстой принималъ участіе уже въ чинѣ полковника, что «графъ Толстой, командуя двумя баталіонами въ головѣ колонны, съ первыми взшелъ на батарею и овладѣлъ ею, гдѣ и раненъ въ руку». Боевыя заслуги графа П. А. Толстого обратили на себя вниманіе императрицы Екатерины, и она собственноручно возложила на юнаго героя орденъ св. Георгія 3-го класса.

Въ итальянскомъ походѣ 1799 года Толстой участвовалъ уже въ званіи генераль-адъютанта императора Павла Петровича, будучи

посланъ въ армію эрцгерцога Карла для сношеній съ Суворовымъ.

Въ царствованіе же императора Павла Петровича Толстой подвергся одно время немилости государя, и ему было приказано въ три дня выѣхать изъ Петербурга вмѣстѣ съ семействомъ.

Въ началѣ царствованія императора Александра I-го графъ Толстой былъ назначенъ Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ; въ 1802 г. онъ временно занималъ мѣсто С.-Петербургскаго военнаго губернатора, а въ 1803 г. былъ окончательно назначенъ на эту должность. Государь выражалъ желаніе, чтобы онъ принялъ на себя и управленіе гражданскою частью въ С.-Петербургской губерніи, но Толстой соглашался на это лишь подъ условіемъ, чтобы содержаніе всѣхъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ было настолько увеличено, что избавляло бы ихъ отъ необходимости пользоваться взятками и давало бы ему возможность строго взыскивать съ виновныхъ въ поборахъ. Къ сожалѣнію, желаніе графа не могло быть исполнено; его, какъ онъ выразился, хотѣли сдѣлать палачемъ, а онъ не нашелъ возможнымъ согласиться на это.

Въ бытность свою с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, облеченный широкими полномочіями, имѣвшій возможность лично докладывать о всемъ государю, графъ Толстой заботился не только о внѣшнемъ благоустройствѣ столицы, но также и о нуждахъ городского населенія, принимая близко къ сердцу какъ казенный, такъ и городской интересы, и всѣми зависѣвшими отъ него средствами отстаивалъ ихъ. Во время своего пребыванія петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графъ П. А. Толстой имѣлъ возможность проявить всѣ отличавшія его достоинства: непоколебимую твердость характера, стойкость и честность убѣжденій, неподкупное безкорыстіе, рѣдкую преданность идеѣ долга. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ заходилъ такъ далеко, что, считая высшей наградой чловѣка сознаніе свято выполненнаго долга, отклонилъ отъ себя двѣ такія награды, какъ орденъ св. Александра Невскаго, который государь уже было послалъ ему, какъ шефу Преображенскаго полка, и чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Императоръ Александръ, должно быть, не простилъ этого графу Толстому, потому что въ генералы-отъ-инфантеріи онъ произвелъ его лишь много лѣтъ спустя, по окончаніи войнъ съ Наполеономъ.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ графъ П. А. Толстой отличался большою добротою. При этомъ ему приходилось благотворить по двумъ должностямъ, которыя онъ совмѣщалъ одновременно: и по должности петербургскаго военнаго губернатора и по должности командира гвардейскаго корпуса. Онъ не только много помогалъ бѣднымъ столицы, но широко раздавалъ деньги и солдатамъ гвардейскаго корпуса, цѣлыми толпами являвшимся къ его дому въ дни своихъ именинъ. Слѣдствіемъ подобной тароватости явилось то, что

не только графъ Толстой сталъ дѣлать долги, но даже былъ вынужденъ заложить всѣ брилліанты своей жены (онъ женился въ 1795 году на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной, бывшей тогда фрейлиною великой княгини Елисаветы Алексѣевны). Когда въ 1805 году графъ Толстой покидалъ мѣсто петербургскаго военнаго губернатора, императоръ Александръ предлагалъ ему уплатить его долги, говоря, что другіе наживаются на службѣ, а онъ прожился, но Толстой отказался отъ этой монаршей милости, сказавъ, что, когда состояніе не позволитъ ему продолжать службу, онъ удалится въ деревню и тогда самъ заплатитъ всѣ свои долги.

Въ 1805 году графъ П. А. Толстой былъ отправленъ моремъ съ 20,000 десантнымъ корпусомъ въ шведскую Померанію для дѣйствій противъ французовъ въ сѣверной Германіи совмѣстно съ шведскими, англійскими и прусскими войсками. Онъ занялъ Ганноверъ, но послѣ сраженія при Аустерлицѣ коалиція рушилась, и корпусъ графа Толстого пѣшкомъ возвратился въ Россію. Къ этому же пребыванію графа Толстого въ Германіи относится заключеніе имъ конвенціи съ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ о пропускѣ черезъ его владѣнія русскихъ войскъ. Впослѣдствіи, въ 1807 г., Наполеонъ, узнавъ о назначеніи графа Толстого посломъ въ Парижъ и разговаривая съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, сказалъ ему между прочимъ:

— Comment, c'est le même que l'on m'envoie; il ne faut pas que j'oublie les petits tours qu'il m'a joué à cette occasion.

Въ 1806 году графъ Толстой былъ отправленъ къ прусскому королю, чтобы состоять при немъ, содѣйствовать единству дѣйствій союзныхъ войскъ и объявлять его волю русскимъ войскамъ, спѣшившимъ на помощь Пруссіи. Однако Іенскій погромъ измѣнилъ первоначальныя предположенія императора Александра I-го, и графъ Толстой въ званіи дежурнаго генерала былъ отправленъ въ армію, вступившую въ восточную Пруссію; при этомъ ему было поручено соглашать двухъ враждовавшихъ между собою генераловъ — Беннигсена и графа Буксгевдена, и доносить императору Александру съ полною откровенностью о положеніи дѣлъ въ арміи; ему даже было разрѣшено дѣйствовать именемъ государя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ признаетъ это необходимымъ, «sans craindre jamais d'être désavoué». Затѣмъ онъ временно командовалъ 6-ю пѣхотною дивизіею, вторымъ резервомъ арміи и корпусомъ заболѣвшаго генерала Тучкова, съ которымъ въ 1807 году тревожилъ непріятеля со стороны Остроленки и прикрывалъ наши границы на Наревѣ. Получивъ извѣстіе о Фридландскомъ сраженіи, онъ въ ту же ночь отступилъ отъ Остроленки къ Снядову, а оттуда черезъ Тыкочинъ прибылъ къ Бѣлостоку для прикрытія границъ Россіи. Французы слѣдовали за нимъ черезъ Ломжу, имѣя частыя дѣла съ его арьергардомъ, но, получивъ извѣстіе о перемиріи, остановились у Снядова.

Тильзитскій миръ, прекративъ войну, послужилъ основаніемъ къ сближенію между обоими императорами и далъ новое направление русской политикѣ. Характерно, что графъ Толстой, человекъ, призванный императоромъ Александромъ I, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, закрѣпить въ Парижѣ узы дружбы между Россіей и Франціей, въ качествѣ представителя первой, отказался отъ ордена Почетнаго Легиона, который Наполеонъ хотѣлъ дать ему непосредственно послѣ заключенія Тильзитскаго мира¹⁾.

Назначеніе графа П. А. Толстого чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ во Францію состоялось въ самомъ началѣ сентября 1807 г. Всеобщее несочувствіе, которымъ было встрѣчено въ Россіи заключеніе Тильзитскаго мира, отразилось и на отношеніи петербургскаго общества къ человеку, предназначенному высочайшею волею быть въ Парижѣ продолжателемъ того, что было начато въ Тильзитѣ. Графъ П. А. Толстой, пользовавшійся любовью и уваженіемъ русскаго общества, сразу упалъ въ его мнѣніи, принявъ назначеніе въ Парижъ. Это нерасположеніе къ нему выразилось въ плохой французской эпиграммѣ, ходившей тогда по городу:

«Nous imitons le Grand: on le savait d'avance
«Cains fit son cheval consul de Rome;
«Et nous faisons tout comme—
«En envoyant un âne ambassadeur en France».

Сознавая себя неспособнымъ и неподготовленнымъ къ дипломатической карьерѣ, на которую его толкали противъ воли, подобно его брату, оберъ-гофмаршалу, графу Н. А. Толстому, принадлежа къ числу лицъ, относившихся враждебно и къ тильзитскому соглашенію, и къ новой политической системѣ императора Александра, графъ П. А. Толстой долго и упорно отказывался отъ предложеннаго ему поста. Его симпатіи всецѣло клонились на сторону Австріи и Пруссіи, а къ Наполеону, котораго въ Россіи уже привыкли считать врагомъ рода человѣческаго, относился съ явнымъ несочувствіемъ. Должно быть, въ этомъ отношеніи онъ поддавался также вліянію своей жены, по крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ императора Александра, высказанныхъ имъ графу П. А. Толстому въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему: «я вижу, что близость женщины вредитъ каждому рѣшенію, требующему силы воли».

Тѣмъ не менѣе, хотя графъ Толстой и отказывался упорно ѣхать въ Парижъ, императоръ Александръ, отклоняя его возраженія, рѣ-

¹⁾ Когда Наполеонъ спросилъ его, почему онъ не принялъ ордена его, то графъ отвѣчалъ, что не заслужилъ:

Наполеонъ: «Ну, впрямь сойдемся».

Графъ: «Не надѣюсь».

Послѣ сего Наполеонъ отошелъ отъ него съ неудовольствіемъ. Это было въ присутствіи государя».

Записки В. Н. Гетгуна, «Историческій Вѣстникъ», 1880 г.

«истор. вѣстн.», нояб., 1896 г., т. LXIV.

шилъ назначить его посломъ. Вотъ что онъ писалъ ему 20-го августа 1807 г. «Мое глубокое убѣжденіе осталось непоколебимымъ, что именно вы болѣе, чѣмъ всякій другой, отвѣчаете тому мѣсту, которое я предназначаю вамъ. При этомъ, исполнѣ полагаясь на вашу привязанность ко мнѣ, я надѣюсь, что вы покоритесь своей судьбѣ. Это вѣдь не навсегда: по прошествіи нѣкотораго времени, если вы замѣтите, что вамъ не удастся освоиться со своимъ положеніемъ, вы напишите мнѣ, и я обѣщаю вамъ принять во вниманіе ваши желанія. Помните хорошенько одно,— писалъ въ заключеніе государь,—что мнѣ вовсе не нуженъ дипломатъ, а храбрый и честный воинъ, а эти качества принадлежать вамъ».

Послѣ этого письма графу Толстому оставалось только одно — покориться судьбѣ. Онъ согласился исполнить волю государя и принять постъ чрезвычайнаго посла при императорѣ Наполеонѣ, продолжая, однако, смотрѣть на свое назначеніе, какъ на величайшую жертву, приносимую имъ престолу изъ усердія и преданности своему монарху.

Сообщая генералу Савари о назначеніи графа Толстого, императоръ Александръ высказалъ ему, что, не располагая такимъ множествомъ выдающихся государственныхъ людей, какъ Наполеонъ, онъ отдалъ предпочтеніе графу Толстому по той причинѣ, что онъ военный, въ состояніи ѣздить верхомъ и можетъ всюду слѣдовать за императоромъ, на охоту, на войну, всюду, гдѣ только окажется необходимымъ ¹⁾.

Въ короткой біографической замѣткѣ не мѣсто останавливаться подробно на томъ пагубномъ значеніи, которое имѣло для Россіи посольство графа П. А. Толстого. Скажемъ только, что сущность его дипломатической дѣятельности въ Парижѣ заключалась въ систематическомъ недовѣрїи къ Наполеону, въ чрезмѣрномъ заступничествѣ за Пруссію и въ подготовленіи и исканіи австро-русскаго союза. Слишкомъ односторонне понявъ данныя ему инструкціи, часто лишенный въ Парижѣ соответствующихъ указаній изъ Петербурга, онъ отождествилъ званіе русскаго посла съ ролью защитника интересовъ Пруссіи и упорно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. До какой степени доходило простосердечіе Толстого, показываетъ его отзывъ о злѣйшемъ врагѣ Россіи Меттернихѣ, въ которомъ онъ открылъ не только любовь къ добру и симпатіи къ Россіи, но и принципы прямоты и искренности, снискавшіе ему полное довѣрїе съ его стороны. При всемъ томъ графъ Толстой далеко не отличался качествами, свойственными профессиональному дипломату—сдержанностью и выдержкою, и этимъ много вредилъ успѣху политики, которой Россія должна была бы слѣдовать послѣ

¹⁾ При этомъ государь прибавилъ: «графъ Морковъ былъ умный человекъ и, тѣмъ не менѣе, онъ все напуталъ».

тильзитскаго мира. Такъ, напримѣръ, заспоривъ однажды съ маршаломъ Неемъ, — ихъ ссора кончилась взаимнымъ вызовомъ на дуэль, — онъ сказалъ въ запальчивости, что вскорѣ Франціи будетъ объявлена война, что императоръ Александръ слишкомъ слабъ, что, будь императоромъ онъ, Толстой, хотя бы на двѣ недѣли, все приняло бы совершенно иной оборотъ, и что, если Европа ужъ должна быть раздѣлена, то границами Россіи должны быть съ одной стороны—Эльба, а съ другой—Венеція.

Все это, конечно, становилось извѣстнымъ Наполеону, онъ прямо обвинялъ Толстого въ активномъ противодѣйствіи императору Александру, но сознательно закрывалъ глаза на это, цѣня въ русскомъ послѣ его чисто солдатскій, прямой и открытый характеръ, говоря, что и Толстой окажется на своемъ мѣстѣ, если только имъ будутъ надлежащимъ образомъ руководить изъ Петербурга. Письма Наполеона къ своему послу въ Петербургѣ, Коленкуру, ясно свидѣтельствуютъ, что онъ нисколько не заблуждался на счетъ личности и образа дѣйствій русскаго посла. «Я нисколько не сомнѣваюсь, — высказался онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему, — что Толстой пишетъ кучу глупостей... Я обхожусь съ Толстымъ очень хорошо, но не разговариваю съ нимъ о дѣлахъ; онъ ничего не понимаетъ въ нихъ и негоденъ для этого. Однимъ словомъ, Толстой—это дивизионный генераль, никогда не бывшій причастнымъ управленію дѣлами и съ плеча рассуждающій о всемъ».

Въ оправданіе графа П. А. Толстого слѣдуетъ сказать, что онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, согласно своему характеру и убѣжденіямъ, которые были прекрасно извѣстны въ Петербургѣ, и что тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, окончательно убѣдившись въ невозможности выполнить возложенную на него трудную задачу, онъ, какъ о милости, просилъ объ отозваніи его, напоминая государю о данномъ ему обѣщаніи и высказывая, что, оставаясь дольше въ Парижѣ, онъ не только оказался бы виновнымъ передъ самимъ государемъ, но «нанесъ бы лишь вредъ интересамъ» государя и своего отечества и «не сумѣлъ бы обманывать самого себя въ этомъ отношеніи».

Однако, императоръ Александръ не нашелъ нужнымъ обратить вниманіе на почти слезную просьбу своего посла, и графъ Толстой, послѣ этого письма, почти цѣлый годъ оставался еще на тяготившемъ его посту.

Послѣ отозванія графа П. А. Толстого изъ Парижа, послѣ Эрфуртскаго свиданія, въ 1808 году онъ удалился на покой и частью проживалъ въ своемъ тульскомъ имѣніи, частью въ Москвѣ, пока, наконецъ, высочайшимъ рескриптомъ отъ 17 іюня 1812 г. не былъ назначенъ командующимъ военною силою въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ облеченъ особыми полномочіями по

гражданской части, и его дѣятельность за этотъ періодъ времени омрачена однимъ темнымъ пятномъ: увлекшись всеобщю ненавистью къ Сперанскому, удаленному въ то время въ Нижній Новгородъ, онъ нашелъ возможнымъ безъ всякихъ разслѣдованій выслать Сперанскаго въ Пермь, хотя высочайшее повелѣніе по этому поводу давало ему полную возможность разсмотрѣть предварительно основательность возводившихся на Сперанскаго обвиненій.

Послѣ отступленія Наполеона графъ Толстой выступилъ въ походъ съ ополченскими дружинами и занялъ и успокоилъ отнятыя у непріятеля губерніи.

Въ 1813 году онъ вошелъ съ подчиненными ему милиціонными дружинами въ составъ такъ называемой польской арміи генерала Бенигсена и участвовалъ, между прочимъ, въ блокадѣ Дрездена и осадѣ Гамбурга, послѣ чего возвратился въ Россію, гдѣ были распущены ополченцы. За походъ противъ французовъ онъ былъ произведенъ въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

Послѣдніе годы царствованія императора Александра I графъ П. А. Толстой провелъ въ Москвѣ, командуя пятымъ пѣхотнымъ корпусомъ.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ Толстой былъ вызванъ въ Петербургъ и управлялъ одно время главнымъ штабомъ по военнымъ поселеніямъ, а въ 1828 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ. Черезъ три года, въ 1831 г., онъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ резервною арміею въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и, какъ таковому, ему пришлось усмирять Литву.

Скончался графъ П. А. Толстой въ 1844 г. въ Москвѣ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько рѣзкій, но интересный отзывъ о Толстомъ барона М. А. Корфа.

«Подъ конецъ царствованія императора Александра жилъ въ Москвѣ полузабытый, хотя и Андреевскій кавалеръ, полный генералъ съ 1814 года и нѣкогда посолъ нашъ въ Парижѣ, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ началѣ слѣдующаго царствованія онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній (послѣ Аракчеева) и посаженъ во всѣ возможные совѣты и высшіе комитеты. Императоръ Николай вскорѣ, однако же, убѣдился въ его малоспособности и мнѣніе свое о немъ опредѣлительно высказалъ при описанной мною (подъ 1838 годомъ) аудіенціи моеи послѣ кончины графа Новосильцова¹⁾.

«Толстой, котораго имя попало теперь подъ мое перо по случаю скоропостижной смерти его въ сентябрѣ 1844 года, не имѣлъ при нѣкоторой остротѣ ума ни основательныхъ сужденій, ни выс-

¹⁾ ...«Оставался бы еще графъ Петръ Александровичъ, но этотъ тяжелъ, лѣнивъ и тоже не годится» (въ предсѣдателя государственнаго совѣта).

шаго взгляда, ни образованія государственнаго человѣка; главное же, подавлявшее въ немъ всѣ другія, свойство было неописуемое равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ, соединенное съ образцовою, можно сказать, баснословною лѣнностью. И въ мысляхъ его и во всегдашнемъ ихъ выраженіи самыя важнѣйшіе вопросы и дѣла составляли лишь «плевое дѣло», и, зная его съ 1831 года по множеству совѣщательныхъ собраній, я не видѣлъ никогда ни одного предмета, который удостоился бы его вниманія, даже и минутнаго. Этою лѣнностью и общимъ презрѣніемъ къ дѣламъ онъ былъ въ особенности несносенъ для принужденныхъ имѣть съ нимъ ближайшія сношенія по службѣ. Когда онъ занималъ по титулу должность предсѣдателя военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, мнѣ, какъ государственному секретарю, бывали величайшія съ нимъ мученія. Хотя въ этотъ департаментъ приходило всего какихъ нибудь пять или шесть дѣлъ въ годъ, однако и тѣ залеживались по нѣсколько мѣсяцевъ, потому что не было никакой возможности допроситься отъ Толстого засѣданія, и на всѣ мои убѣжденія всегдашнимъ его отвѣтомъ было: «это, батюшка, плевое дѣло, и чортъ ли, что оно пролежитъ лишній мѣсяць».

«Послѣдніе годы своей жизни Толстой проводилъ опять постоянно въ Москвѣ или въ подмосковномъ своемъ имѣніи Узкомѣ, имѣвъ позволеніе не пріѣзжать въ Петербургъ и занимаясь страстно цвѣтами—единственною вещью въ мірѣ, которой онъ не считалъ «плевымъ дѣломъ».

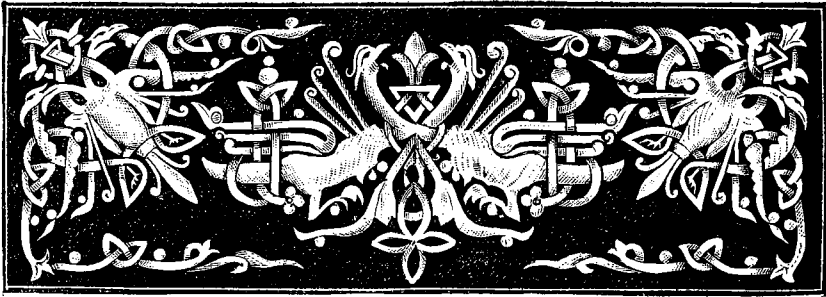
«Впрочемъ, сказавъ до сихъ поръ одно невыгодное о Толстомъ, не могу по справедливости не коснуться и блестящей его стороны, именно военныхъ его подвиговъ».

Изложивъ затѣмъ выдающіяся событія военно-служебной жизни графа П. А. Толстого, баронъ Корфъ заключаетъ: «Должно думать, что онъ въ то время былъ не такъ равнодушенъ, безпеченъ и лѣнивъ, какъ по переходѣ къ гражданскимъ обязанностямъ».

Приложенный къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ графа П. А. Толстого воспроизведенъ съ весьма рѣдкой гравюры Дау, обязательно доставленной редакціи «Историческаго Вѣстника» покойнымъ Д. А. Ровинскимъ.

Н. Шильдеръ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ТУРКЕСТАНЦА.

ВЪ ПОМѢЩЕННЫХЪ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ прошломъ 1895 году «Воспоминаніяхъ В. А. Полторацкаго» авторъ ихъ, между прочимъ, отводитъ немало страницъ описанію его службы въ Туркестанѣ, гдѣ онъ былъ участникомъ военныхъ событій 1870 года.

Какъ старый туркестанецъ, отбывшій въ войскахъ всю «Бухарскую кампанію» 1867, 1868 и 1870 годовъ, я съ понятнымъ интересомъ взялся за тѣ книжки «Историческаго Вѣстника», въ которыхъ описывались хорошо знакомыя мнѣ мѣста, близко извѣстныя личности, пережитыя событія того далекаго былого... Къ сожалѣнію, въ запискахъ г. Полторацкаго, на мой взглядъ, очень многое изложено невѣрно, неясно или спутанно, многія личности (теперь уже наполовину покойники) очерчены односторонне, кое-что преувеличено, — поэтому и общее впечатлѣніе отъ его «Воспоминаній» получается неправильное, могущее вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ по самымъ существеннымъ особенностямъ нашего Туркестана того времени.

Это побуждаетъ меня взяться за перо, чтобы разсказать ту же боевую исторію, но съ другой точки зрѣнія, освѣтить далекое прошлое простымъ взглядомъ простаго солдата, пережившаго это прошлое не ради блестящей карьеры, а по неизбѣжнымъ условіямъ общей тогдашней службы туркестанскихъ войскъ.

Въ своемъ разсказѣ я не хотѣлъ бы касаться покойнаго автора «Воспоминаній» уже по одному тому, что лично г. Полторацкаго я не зналъ вовсе и съ трудомъ силюсь теперь припомнить его наружность, боясь спутать съ кѣмъ нибудь другимъ изъ незнакомыхъ. Поэтому, если мнѣ и придется иногда говорить о немъ, то только по необходимости сопоставить изложенное имъ съ тѣмъ, что хорошо извѣстно мнѣ. Съ другой стороны я не стану во всей полнотѣ разсказывать весь походъ, а только коснусь тѣхъ эпизодовъ, которые возстановляютъ истинный характеръ тогдашнихъ событій¹⁾.

I.

Прежде всего я долженъ сдѣлать одну общую поправку, крайне важную. В. А. Полторацкій, дѣлая характеристику туркестанскихъ войскъ по поводу военныхъ дѣйствій подъ крѣпостью Китабомъ (1870 года), впалъ въ крупную ошибку: онъ говоритъ, что въ то время туркестанцы были вооружены «усовершенствованнымъ нынѣ скорострѣльнымъ оружіемъ» (стр. 422, книга II), а въ другомъ мѣстѣ (стр. 425) прямо говоритъ, что его стрѣлки были подъ Китабомъ съ «берданками». На основаніи этого онъ дѣлаетъ выводъ, что, не смотря на подавляющую численность непріятели, побѣды туркестанскихъ войскъ «дешево и легко доставались русскому оружію и вызвали у насъ непомятную самоувѣренность и презрѣніе къ непріятелю».

Такой выводъ былъ бы правдоподобенъ, если бы въ самомъ дѣлѣ тогда туркестанскія войска были вооружены скорострѣльнымъ и дальнобойнымъ оружіемъ, если бы артиллерія, которой подъ Китабомъ командовалъ Михайловскій, имѣла орудія, заряжающіяся съ казенной части, а стрѣлки, которыхъ водилъ на штурмъ самъ маіоръ Полторацкій, имѣли бы въ рукахъ берданки! Все это было, но было не въ Туркестанѣ, а въ Петербургѣ, въ гвардіи, — въ боевомъ же Туркестанѣ объ этой роскоши тогда и не мечтали...

Въ тѣ времена въ туркестанской глуши мы воевали попросту. Не говоря уже о началѣ 60-хъ годовъ, но даже въ обновленный кауфманскій періодъ вооруженіе войскъ было весьма немудрое. Всю Бухарскую кампанію 1868 года съ отрядами ходили еще тѣ блаженной памяти свѣтлыя бронзовыя гладкоствольныя тяжелыя пушки, на свѣтло-зеленыхъ деревянныхъ неуклюжихъ лафетахъ, которыя назывались тогда «батареюной батареей», которыя стрѣляли круглымъ сплошнымъ ядромъ, бросавшимся при наибольшемъ

¹⁾ Дѣло подъ Китабомъ описано мною въ очеркахъ, помѣщавшихся въ «Военномъ Сборникѣ» 70-хъ годовъ, подъ названіемъ «Туркестанское жигье», въ главѣ «Штурмъ». Въ отдѣльномъ изданіи они вышли подъ заглавіемъ «Солдатское жигье — очерки изъ туркестанской жизни», 1875 года.

углѣ возвышенія не далѣе $1\frac{3}{4}$ версты, стрѣляли при помощи запальной трубки съ чашечкой, воспламеняемой пеньковымъ «пальникомъ» (фитилемъ).

Въ дѣлѣ подѣ Кара-тюбе (1868 года) наши двѣ сотни казаковъ съ смѣлымъ кавказцемъ, полковникомъ Пистолькорсомъ, заѣхали далеко впередъ, и на нихъ напѣла многотысячная шахрисябская конница. На выручку генералъ Абрамовъ послалъ первую подопедшую роту, которая въ каре вмѣстѣ съ казаками повела трудное, медленное отступленіе по открытому полю. Абрамовъ съ бутра видѣлъ, какъ ничтожно каре (250 человекъ всѣхъ), и какъ смѣло ведетъ наступленіе непріятель, но весь нашъ отрядъ былъ еще версты за двѣ сзади, и около Абрамова находилась только полурота въ прикрытіи батарейной батареи.

— Что, достанетъ?—лаконически спросилъ онъ командира.

— Около тысячи сажень едва ли,—отвѣтилъ тотъ:—впрочемъ попробуемъ...

Грянула батарейная. Ядро упало, далеко не долетѣвши до нашего каре.

— Если прикажете, я дамъ наибольшій,—напрашивался командиръ.

— Да, да,—нервно отвѣтилъ генералъ, очень беспокоившійся за отступавшихъ.

Еще выше задрала горло пушка и снова грянула. Ядро и теперь не дошло и лишь съ рикошета легло близъ каре сзади.

Абрамовъ обругался.

— Такъ вы своихъ перебьете: перестаньте стрѣлять изъ этихъ дурацкихъ пушекъ!..

Онъ послалъ въ отрядъ, чтобы торопить войска на выручку. Выручка (двѣ роты 5-го баталіона) подоспѣла, когда у отступавшихъ уже не хватало патроновъ для отстрѣливанія.

Вотъ каковы были батарейныя...

Во время знаменитой восьмидневной защиты самаркандской цитадели (іюнь, 1868 года) у насъ на всю крѣпость были только двѣ такія свѣтлыя пушки: одна стояла въ однихъ воротахъ, другая въ другихъ. Въ нихъ заключалась артиллерійская оборона крѣпости, если не считать 2-хъ мортиръ, изъ которыхъ больше для грома стрѣляли время отъ времени въ городъ на удачу. На барбетахъ установили четыре бухарскихъ пушки, взятая нами 1-го мая. Одну изъ нихъ я помню отлично: это была широкогорлая гаубица, стоявшая на барбетѣ правѣ Бухарскихъ воротъ. Къ ней не было ядеръ по калибру, а были поменьше, поэтому ее заряжали съ хитростью: насыплютъ побольше пороху, прибьютъ покрѣпче самодѣльнымъ пыжомъ, обернуть ядро въ тряпку, загонять да и палить. Стрѣляли безъ прицѣла — просто въ городъ, куда нибудь да попадетъ... Нестроевымъ и артиллеристамъ, ставшимъ въ ряды за-

щитниковъ, выдали ружья, какія нашлись въ запасѣ: это были севастопольскія семилнейныя ружья.

Такимъ-то «усовершенствованнымъ оружіемъ» мы владѣли.

Лучшими орудіями того времени были «нарѣзные», заряжающіяся съ дула особыми снарядами, имѣвшими выступы для хода по нарѣзамъ. Самыми же удобными для туркестанской войны, по ихъ подвижности, считались облегченныя орудія конной казачьей батареи, но въ дѣйствующемъ отрядѣ 1868 г. такихъ пушекъ былъ только одинъ дивизионъ, которымъ тогда и командовалъ удалой Топорнинъ.

Пѣхота и кавалерія была вооружена шести-линейной пистонной винтовкой¹⁾, которая заряжалась постаринному «скуси патронъ»; изъ бумажной гильзы, у которой зубами отрывали завернутый хвостъ, порохъ осторожно высыпался въ стволъ; потомъ пуля съ чашечкой аккуратно вставлялась въ дуло; вынимался шомполъ (на немъ была ужасно неудобная деревянная втулка, чтобы не портить стволъ при заряданіи), и имъ пуля загонялась до отказа; шомполъ втыкался на мѣсто; затѣмъ вынимался изъ особой сумочки большой пистонъ съ растопыренными краями и надѣвался на капсюль. Только тогда ружье было готово.

Заряжать было долго, хлопотно, неудобно, на ходу въ особенности, въ цѣпи лежа еще хуже, такъ какъ требовалось поднимать дуло кверху, иначе порохъ не могъ спуститься въ казенникъ. Послѣ нѣсколькихъ слѣшныхъ выстрѣловъ сплошь и рядомъ отрывался вѣнчикъ отъ пули и оставался въ стволѣ; слѣдующая пуля уже доходила только до половины ствола, упираясь въ застрявшій вѣнчикъ, и всего чаще тоже срывалась, такъ что ружье для стрѣльбы уже не годилось. Нужно было или насильно заколачивать шомполомъ вѣнчики внизъ, или искать другое ружье у раненаго, или просто ждать молча случая... За 20-мъ выстрѣломъ нагаръ дѣлался такъ великъ, что пуля не лѣзла, и требовалось протирать стволъ—это было еще хлопотливѣе... Дальность боя винтовокъ для линейныхъ ротъ была 800 шаговъ и только для стрѣлковыхъ 1.200: выше и прицѣловъ не было! Хорошій выстрѣлъ возможенъ былъ на 500—600 шаговъ. Вотъ какое «усовершенствованное скорострѣльное» оружіе было въ рукахъ туркестанцевъ. А подъ Китабомъ, о которомъ рассказываетъ г-нъ Полторацкій, берданка была одна: ее привезъ изъ Петербурга, какъ диво, для себя лично Н. Н. Раевскій и взялъ съ собою на войну. Изъ нея нѣсколько выстрѣловъ сдѣлалъ Козловскій, сидя съ полувзводомъ въ передовой цѣпи и удивляя стрѣлковъ быстротою заряданія новой винтовки.

Подъ тѣмъ же Китабомъ для лѣвой колонны Соковнина пре-

¹⁾ Эта самая винтовка была передѣлана въ скорострѣлку «крынку» для арміи, но туркестанцы крынки не знали.

имуществомъ передъ непріятелемъ въ дальнѣйности ружей для пѣхоты не было, такъ какъ наша батарея была заложена всего въ 78 саженьяхъ отъ крѣпости, и стрѣльба велась на разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ,—вполнѣ добрый выстрѣлъ изъ непріятельскихъ ружей.

Но чтобы оцѣнить значеніе нашей борьбы въ Средней Азіи, характеръ нашихъ войскъ и взгляды туркестанскихъ военачальниковъ, нужно пристально взглянуть не только въ наше тогдашнее вооруженіе, а вполнѣ безпристрастно вдуматься и во всѣ другія подробности положенія войскъ на далекой окраинѣ. Туркестанскія войска положили великія усилія на то, чтобы при ничтожномъ числѣ и средствахъ не только идти впередъ и побѣждать, но и охранять на громадномъ пространствѣ завоеванное, почти не имѣя сзади себя никакой опоры. Самоувѣренность выработалась въ туркестанцахъ не потому, что побѣды были «легки и дешевы», а потому прежде всего, что, только вѣря въ свою несокрушимость, эти войска, заброшенныя вглубь Азіи, могли не погибнуть и побѣдить. Если въ исторіи туркестанскихъ войнъ были и «дешевыя» побѣды, то гдѣ же, въ какихъ другихъ войнахъ ихъ не было? Но рядомъ съ дешевыми были и такія дѣла, которыя достойно очерчены талантливой кистью В. В. Верещагина ¹⁾. О нѣкоторыхъ изъ нихъ невольно упомянулъ и самъ г-нъ Полторацкій, какъ, на примѣръ, о дѣлѣ подъ Иканомъ въ 1864 г. («точь въ точь какъ кавказское дѣло», говоритъ онъ). Въ этомъ дѣлѣ одна сотня казаковъ съ однимъ единогомомъ и 32 снарядами, билась три дня въ открытомъ полѣ, окруженная нѣсколькими тысячами кокандцевъ при трехъ орудіяхъ. Сотня оставила на мѣстѣ 57 убитыхъ, пробилась черезъ непріятеля и въ числѣ 42-хъ раненыхъ присоединилась къ высланному на выручку отряду! Развѣ это похоже на преимущество скорострѣльнаго оружія или на дешевыя побѣды? А оборона Самарканда въ іюнѣ 1868 г., въ которомъ на трехверстную цитадель имѣлось менѣе 800 защитниковъ—и въ числѣ ихъ почти половина «слабыхъ» изъ госпиталя. Эти люди отбивались за дырвыми стѣнами отъ многихъ десятковъ тысячъ въ теченіе восьми дней ²⁾, отбивались камнями, бревнами, бухарскими ручными гранатами ³⁾...

Но и кромѣ этихъ прославленныхъ битвъ, безпристрастный изслѣ-

¹⁾ Напомню лучшія изъ его картинъ: «Окружили, преслѣдуютъ», «Пусть войдутъ», «Вошли», «Побѣдители», «Забытый», «Парламентеры».

Кстати о самоувѣренности: г-нъ Полторацкій говоритъ, что при слѣдованіи ихъ въ Шахрисясскую долину генералъ со свитою часто выѣзжалъ далеко впередъ, и онъ, сравнивая съ Кавказомъ, удивлялся этому риску, такъ какъ ихъ легко могли отрѣзать. Сколько мнѣ извѣстно, впереди каждаго изъ нашихъ отрядовъ, шедшихъ къ Китабу, были посланы далеко впередъ партіи нашихъ джигитовъ, которыя разсылали отъ себя боковые пикеты и такимъ образомъ несли передовую развѣдочную службу при отрядахъ.

²⁾ Г-нъ Полторацкій ошибочно считаетъ 11 дней осады и 8 штурмовъ.

³⁾ Разказы В. В. Верещагина.

дователь историческихъ матеріаловъ Туркестана отмѣтитъ немало и другихъ боевыхъ дѣлъ. Первый неудавшійся штурмъ Ташкента осенью 1864 г., взятіе Ташкента въ 1865 г., штурмъ Ходжента въ 1866 г. и Ура-тубе (двѣ штурмовыя колонны, каждая въ 250 человекъ, потеряли: одна 77, другая 74 человекъ, т. е. болѣе 30%), взятіе Джизака (велись немалыя саперныя осадныя работы), Зарыбулакское дѣло 1868 г. (въ которомъ Топорнину довелось со своимъ коннымъ дивизиономъ выскакать чуть ли не на 50 сажень къ регулярной бухарской пѣхотѣ и стрѣлять картечью, чтобы остановить ея атаку)¹⁾, и наконецъ самый штурмъ Китаба,—все это дѣла, которыя достались нашимъ войскамъ съ большими жертвами и требовали отъ нихъ рѣшимости не на дешевую побѣду, а на борьбу на жизнь и смерть.

Система войны въ Туркестанѣ была, конечно, во многомъ иная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но безъ нея мы никогда бы не были властителями Средней Азіи. И что при этой системѣ выработалась въ туркестанскихъ войскахъ крѣпкая дисциплина, лучше всего доказалъ такой образцовый походъ, какъ походъ Хивинскій въ 1873 г. А сколько выставилъ Туркестанъ опытныхъ, толковыхъ боевыхъ офицеровъ до Скобелева включительно? Однѣ «дешевыя и легкія побѣды», конечно, не дали бы такого военнаго воспитанія людямъ, которые и за Дунаемъ, и въ Ахаль-Теке одинаково показали себя людьми серьезно боевыми...

II.

Не буду много говорить здѣсь о почтеннѣйшемъ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ—это увело бы меня слишкомъ далеко изъ рамокъ настоящей статьи. Съ другой стороны личность эта настолько недюжинная сама по себѣ и игравшая въ исторіи завоеванія, изученія и реорганизации Туркестана настолько серьезную и видную роль, что очертить ее нѣсколькими словами, какъ это дѣлаетъ г. Полторацкій, тоже нельзя.

Въ видѣ поправки укажу, что въ 1865 году Абрамовъ былъ не поручикъ, а штабсъ-капитанъ. Въ генералы онъ произведенъ за взятіе Самарканда въ 1868 году по манифесту, а утвержденъ въ генеральскихъ правахъ гораздо позже, чуть ли не въ 1870 году за Искандеркульскую экспедицію.

Абрамовъ дѣйствительно былъ необыкновенно счастливъ по службѣ, но это главнѣйше зависѣло отъ его недюжинныхъ способностей и той необыкновенной энергіи, которая отличала его отъ другихъ. Абрамовъ былъ способенъ очень много работать, часто

¹⁾ Картинное описаніе этого дѣла давно опубликовано Н. Н. Каразинымъ въ его первыхъ очеркахъ Туркестана,

ночи напролетъ, и работать безъ заминокъ, писать безъ черняковъ, рѣшительно, умно, изящно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и службы, касалось ли то гражданскихъ мѣропріятій, военныхъ ли соображеній. Обладая яснымъ умомъ и рѣдкою памятью, Абрамовъ былъ еще и смѣлымъ боевымъ офицеромъ, прекрасно изучившимъ свойства и нашихъ войскъ, и туземныхъ полчищъ. Лично храбрый, всегда въ центрѣ боя, на виду у всѣхъ, онъ однимъ своимъ присутствіемъ вдохновлялъ и офицеровъ, и солдатъ, умѣлъ рисковать въ рѣшительную минуту, вѣря въ свой военный талантъ и счастье. Прибавимъ къ этому, что личные качества Александра Константиновича въ сношеніи со всѣми его окружающими искреннѣйше располагали къ нему всѣхъ—и начальство, и товарищей, и подчиненныхъ. Привѣтливый, добрый, простой, внимательный къ чужому мнѣнію, щедрый, лучший хлѣбосоль, истинный товарищъ, безребренникъ, не цѣнившій своихъ денегъ и ссужавшій ими всѣхъ обращавшихся къ нему, врагъ скуки и натянутости—вотъ его положительные качества въ повседневной жизни. Передъ ними всегда естественно ступевывались отрицательныя, тѣмъ болѣе, что въ общемъ личность Абрамова прежде всего подкупала полнѣйшей искренностію.

Судя по достовѣрнымъ рассказамъ, каждый изъ бывшихъ начальниковъ Абрамова чувствовалъ, что этотъ человѣкъ не только нуженъ ему, какъ лучше всѣхъ знающій современное положеніе наше въ Средней Азіи, и что на него можно твердо положиться,—но и былъ обязанъ ему въ той или другой степени военными успѣхами, какойнибудь побѣдой въ сомнительномъ сраженіи¹⁾. Естественно, что во всѣхъ реляціяхъ Абрамовъ аттестовался съ лучшей стороны, и, давая награды другимъ, нельзя было обойти Абрамова. Украшенный массой орденовъ, и въ томъ числѣ золотою саблею и Гергіемъ 4-й ст., онъ не оставлялъ возможности другихъ наградъ иначе, какъ производство въ чины. При этомъ онъ счастливѣйшимъ образомъ былъ произведенъ по линіи, между награ-

¹⁾ Такъ, по словамъ участниковъ, подъ Ирджаромъ генераль Романовскій былъ совершенно смущенъ громадой непріятельскихъ войскъ, обложившихъ нашъ небольшой отрядъ, и героемъ дня считалъ Абрамова, разыгравшаго дѣло съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и мастерствомъ, заставивъ непріятеля перестраивать линіи расположенія подъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи былъ Абрамовъ 1-го мая 1868 года передъ Самаркандскими высотами. Когда Кауфманъ, двинувъ войска на штурмъ и увидя эти ничтожныя кучки людей толпущими среди рисовыхъ полей, заколебался и приказалъ трубѣть «отбой» Абрамовъ кинулся къ нему.

— Что вы дѣлаете, ваше превосходительство: вы погубите все дѣло!—встревожился онъ.

— Я не хочу губить весь отрядъ,—отвѣтилъ Кауфманъ, выразительно подчеркивая слова:—необходимо выждать и не бросаться съ такой стремительностію.

— Я ручаюсь вамъ своей головой, что мы побѣдимъ!—воскликнулъ Абрамовъ. — Ради Бога, не останавливайте только...

Эта увѣренность поборола сомнѣнія Кауфмана, и черезъ нѣсколько часовъ на его глазахъ наши войска, перейдя рисовыя болота, заняли Самаркандскія высоты.

дами, кажется, даже два раза. Какъ бы то ни было «баснословная карьера его» (по выраженію г. Полторацкаго) обязана исключительно самому Абрамову, его личнымъ качествамъ, его рѣдкой энергіи,—и никому больше: у него не было ни протекціи, ни связей, ни вліятельной родни, ни дружбы съ высокими особами. Онъ служилъ при постоянно смѣнявшихся начальникахъ: Колпаковскій, Циммерманъ, Черняевъ, Мантейфель, Романовскій, Дандевиль, Головачевъ, Кауфманъ—это въ теченіе 4—5 лѣтъ. И всѣ его расхваливаютъ и представляютъ къ наградамъ. Такихъ людей и въ благоприятной обстановкѣ Туркестана не много наберется.

Еще объ Абрамовѣ. Г. Полторацкій записалъ въ свой дневникъ, будто бы Абрамовъ «при взрывѣ нашего пороховаго погреба взлетѣлъ на воздухъ и при обратномъ паденіи сильно ударился головой о землю» (413). Этого я ни отъ кого не слыжалъ раньше, а всѣ говорили, что при взрывѣ погреба онъ былъ контуженъ въ голову пролетѣвшимъ осколкомъ, что и отозвалось на немъ на всю жизнь частыми иногда невыносимыми головными болями ¹⁾.

III.

Перехожу къ штурму Китаба.

Прежде всего объ одной маленькой военной формальности. Г. Полторацкій приводитъ будто бы подлинный приказъ Абрамова, подписанный генераломъ и его начальникомъ штаба Троцкимъ. Въ приказѣ говорится:

«Начальниками этой (правой) колонны назначаются полковникъ Михайловскій и маіоръ Полторацкій. Начальникомъ лѣвой батареи назначается полковникъ Соковнинъ и помощникомъ его подполковникъ Раевскій» (ст. 423). Эта кажущаяся несообразность о назначеніи для одной колонны двухъ начальниковъ (полковника артиллеріи и маіора) легко разъясняется справкою въ официальномъ донесеніи Абрамова: «Предположивъ штурмовать съ двухъ сторонъ, я назначилъ для этого двѣ колонны—правую, подъ начальствомъ полковника Михайловскаго ... лѣвую—подъ начальствомъ полковника Соковнина... Въ колоннѣ полковника Михайловскаго помощникомъ ему назначенъ маіоръ Полторацкій; въ колоннѣ полковника Соковнина—помощникомъ ему подполковникъ

¹⁾ Безъ сомнѣнія, къ области такихъ же свѣдѣній нужно отнести и нѣкоторые другіе рассказы г. Полторацкаго, какъ, напримѣръ, то, что ему Абрамовъ предлагалъ будто бы на выборъ два мѣста: начальника Самаркандскаго отдѣла (уѣзда) въ 9,000 рублей личнаго содержанія, или Каттакурганскаго въ 10,000 рублей. Такихъ окладовъ не было: начальники отдѣловъ получали личнаго содержанія не болѣе 2½ тыс. рублей, и даже со всѣми посторонними суммами на канцелярію и содержаніе множества джигитовъ едва ли имѣли отпускалось болѣе 6,000 рублей.

Раевскій»¹⁾, Ясно, что авторъ «Воспоминаній» просто не замѣтилъ этой своей ошибки.

О событіяхъ 13-го августа въ лѣвой колоннѣ г. Полторацкій пишетъ: «Совершенно ясно видѣли мы (съ бугра), какъ роты, одна за другою, бѣжали къ стѣнѣ, видѣли даже, какъ тащили лѣстницы, видѣли бѣгущихъ и падающихъ» и т. д. (425).

Въ «подробностяхъ» отбитый штурмъ изложенъ у него такъ. Когда Абрамовъ пріѣхалъ на лѣвую батарею и осматривалъ крѣпость съ банкета, капитанъ Гребенкинъ вскочилъ на туръ, сообщилъ генералу, что видитъ тропинку, по которой легко подняться на стѣну, и затѣмъ съ разрѣшенія генерала схватилъ ближайшихъ людей и бросился къ стѣнѣ. Залпъ непріятеля вырвалъ у него изъ рядовъ прапорщика Козловскаго и 20 солдатъ, а добѣжавъ до стѣны и вскочивъ въ глубокой ровъ, Гребенкинъ не нашель хода ни взадъ ни впередъ и попалъ подъ камень. Увидя безвыходность штурмующей части, генераль сталъ распоряжаться о поддержкѣ ея, былъ раненъ и, пока ему дѣлали перевязку, въ суматохѣ одна за другой пошли на выручку своихъ три роты 9-го баталіона, но, въ нѣсколько минутъ потерявъ ранеными баталіоннаго и двухъ ротныхъ командировъ, въ безпорядкѣ ринулись назадъ къ батареѣ. Напрасно Раевскій пытался краснорѣчіемъ увлечь солдатъ за собою впередъ... За бѣгущими назадъ солдатами по пятамъ бросился непріятель, но два удачныхъ выстрѣла картечью изъ нашихъ орудій охладили пылъ враговъ.

Насчетъ лѣстницъ невѣрно. Мы не только не тащили ихъ къ стѣнѣ, но даже въ нашей лѣвой колоннѣ и не было ни одной лѣстницы.

Что касается подробностей дѣла 13-го августа, то для меня онѣ вспоминаются въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

Генераль пріѣхалъ на лѣвую батарею не затѣмъ, чтобы штурмовать крѣпость, а чтобы предварительно рѣшенія осмотрѣть лично днемъ позицію. До него огонь съ крѣпости былъ не сильный, и впереди батареи по сю сторону большого оврага въ цѣпи находился одинъ полувзводъ стрѣлковъ съ субалтернъ-офицеромъ и съ прапорщикомъ Козловскимъ, всѣ же три роты 9-го баталіона лежали въ траншеѣ и поддерживали рѣдкую стрѣльбу. Пріѣздъ генерала былъ торжественный. Сопровождаемый большой свитой и полусотней казаковъ съ его георгіевскимъ значкомъ, Абрамовъ сперва проѣхалъ въ отдаленіи параллельно нашимъ траншеямъ, а затѣмъ сразу повернулъ къ ихъ лѣвому флангу, гдѣ былъ небольшой садъ, по-

¹⁾ См. сборникъ «Русскій Туркестанъ», т. III, 1872 г. Прибавленія. Кстати о справкахъ въ донесеніи Абрамова. Откуда г. Полторацкій взялъ послѣ Китаба городъ Фодобей? У Абрамова упоминается два имени: укрѣпленіе Даякъ и городъ Фаралъ. Трудно даже изъ обихъ вмѣстѣ сдѣлать Фодобей. Подозрѣваю однако, что Фодобей относится ко второму, именно неразборчиво написанному названію Фараба.

служившій нѣкоторымъ прикрытіемъ для лошадей и конвоя. Неприятель еще издали замѣтилъ отлично знакомый Абрамовскій значекъ, сталъ стягивать войска противъ лѣвой батареи и открылъ по генералу спѣшную и безвредную стрѣльбу изъ пушекъ и фальконетовъ (крѣпостныхъ ружей).

Оставивъ въ саду лошадей, Абрамовъ направился пѣшкомъ къ батарее въдоль всѣхъ траншей, въ которыхъ укрывались роты 9-го баталіона. Генералъ шелъ надъ траншеей въдоль ея внутренней стороны, т. е. такъ, что траншеи находились между нимъ и крѣпостью. Онъ шелъ рядомъ съ встрѣтившимъ его Соковнинымъ быстрой, твердой, чисто военной походкой, но съ неизмѣнно заложенною рукою за спину, шелъ весь открытый огню крѣпости. За нимъ шла многочисленная свита: Троцкій, Гребенкинъ, баронъ Рене, Меллеръ-Закомельскій, Соболевъ и др.

— Встать! Смирно... На плечо!—раздалась команда по траншеѣ, и люди вытянулись по формѣ, спиной къ стрѣляющей крѣпости, точно загоразживая собою отъ пуль путь для генерала.

Абрамовъ на ходу здоровался съ ротами, тѣ гремѣли въ отвѣтъ бравое «здравія желаемъ». Вся эта картина дышала особой, чисто военной жизнью: появленіе боеваго генерала передъ войсками, взаимныя привѣтствія подъ сильнымъ огнемъ отлично настраивали траншеи, вселяли во всѣхъ бодрость и увѣренность въ свои силы.

IV.

И въ то же самое время отъ конвойной роты, по пути, которымъ только что пріѣхалъ Абрамовъ, во весь духъ неслись, низко пригнувшись, два всадника, удалившіеся отъ батареи къ резервному лагерю. Одинъ изъ нихъ былъ штатскій на великолѣпномъ пѣгомъ иноходцѣ, другой военный.

Штатскій былъ природный итальянецъ, нѣкто Адамоли, прибывшій въ Туркестанъ въ качествѣ агента отъ итальянскихъ шелководовъ для скупки и вывоза среднеазиатской грены шелковичнаго червя, которою желали освѣжить итальянскія шелководни, сильно страдавшія отъ разныхъ болѣзней. Адамоли былъ очень симпатичный и красивый мужчина, рассказывавшій про себя, что онъ состоялъ въ боевыхъ баталіонахъ Гарибальди, и желавшій лично видѣть и оцѣнить среднеазиатскую войну, для чего и получилъ разрѣшеніе отъ Абрамова быть волонтеромъ при его отрядѣ. Съ неподдѣльнымъ добродушіемъ Адамоли рассказывалъ потомъ, какъ неприятно подѣйствовала на него встрѣчная канонада, и какъ, подѣхавъ къ ротѣ, онъ рѣшилъ никоимъ образомъ не разставаться съ конемъ и не продолжать военной экспертизы, навѣянной далекими воспоминаніями юношеской боевой жизни.

— Я никакъ не думалъ, что здѣшнія битвы могутъ быть такъ серьезно опасны, — заканчивалъ онъ свой наивнѣйшій рассказъ о томъ, съ какимъ увлеченіемъ легълъ на своемъ рѣзвѣзѣ иноходцѣ, уходя подальше отъ сферы пальныхъ выстрѣловъ...

Но, видно, на роду было ему написано погибнуть въ Туркестанѣ, несмотря на такое горячее самосохраненіе. Покидая край, Адамоли на пути съ своимъ дорогимъ караваномъ былъ убитъ киргизской разбойничьей шайкой.

Что сказать о печальномъ товарищѣ Адамоли? Это была личность, случайно назначенная въ отрядъ и откровенно сознавшаяся, что атмосфера войны не для нея создана. Съ наслажденіемъ кающагося грѣшника онъ копался въ своей душѣ, излагая картину тупого ужаса, охватившаго его при мысли, что онъ долженъ сейчасъ, сію минуту идти за генераломъ навстрѣчу всѣмъ смертямъ, всѣмъ пулямъ и ядрамъ... А когда онъ замаялся, спѣшившись среди лошадей и оставшись далеко назади генеральской свиты, то увидѣлъ Адамоли, поворачивающаго иноходца кругомъ.

— Вы куда? — спросилъ онъ его пофранцузски, довольный, что можетъ удобно маскировать смыслъ разговора отъ конвойныхъ казакѣвъ.

— Конечно, назадъ, въ лагерь, подальше отъ этихъ проклятыхъ выстрѣловъ и чорта-дьявола! — привычно разсыпался итальянецъ сильными выраженіями. — Я не имѣю ни малѣйшаго желанія умирать въ этой отвратительной странѣ дикарей, — да поглотить ее самъ сатана!.. Здѣсь убьютъ, какъ собаку, да еще голову отрѣжутъ, святыя угодники!! Прощайте...

— Погодите, и я съ вами поѣду, — вдругъ рѣшилъ тотъ и вскочилъ на лошадь.

Кони рванулись и, опережая другъ друга, понесли вмѣстѣ съ ругающимся поитальянски и никому ненужнымъ волонтеромъ и несчастнаго русскаго, ринувшагося передъ лицомъ этой войны въ страшный открытый бой со всѣми принципами своей военной службы...

Вѣроятно, г. Полторацкій имѣлъ въ виду этотъ эпизодъ, дѣлая намеки въ описаніи обѣда у Абрамова послѣ штурма Китаба.

V.

Продолжаю рассказъ о лѣвой колоннѣ. Мѣстность была такая. Передъ крѣпостью съ глинобитной зубчатой типичной азіатской стѣной шель глубокой (саж. до 2-хъ) ровъ, затѣмъ не широкій гласисъ (саж. 50), съ старымъ на немъ кладбищемъ. Потомъ большой оврагъ съ кустами и по сю сторону оврага ровная мѣстность съ виноградникомъ и рѣдкими яблонями. Среди этихъ-то виноградниковъ, на краю оврага, и была поставлена въ 78 саж. отъ крѣпости батарея Соковнина. Нѣсколько сади ея и влѣво тянулся сухой арыкъ (ка-

нава) съ обрушенной вдоль него глиняной стѣною, который и послужилъ для насъ траншей. Вправо отъ батареи виноградники скоро кончались, и мѣстность сразу отвѣсомъ (саж. въ 2) обрывалась внизъ: тамъ, перпендикулярно къ крѣпостной стѣнѣ, шло широкое галечное русло съ извивающей по немъ узенькой рѣчущкой. Низина эта упиралась въ самую стѣну, вдоль которой рва уже не было. Въ эту же рѣчную галечную низину выходилъ правымъ концомъ и оврагъ, за которымъ надъ нею слѣдовало кладбище, тоже обрывавшееся туда отвѣсно.

Итакъ: батарея, влѣво отъ нея траншея, вправо внизъ русло; прямо впередъ полоса виноградника, оврагъ, кладбище, ровъ, стѣна; впередъ правѣе—выходъ изъ оврага на русло и открытый ходъ до стѣны.

Съ прїѣздомъ генерала крѣпость усилила стрѣльбу и стала бить батарейную прислугу. Абрамовъ приказалъ Соковнину выслать двѣ роты впередъ, чтобы занять опушку по ту сторону оврага и открыть ружейный огонь по крѣпости. Это было въ высшей степени цѣлесообразно: стрѣлки, прекрасно прикрытые оврагомъ и находясь саж. въ 40—50 отъ крѣпости, должны были сразу мѣткимъ огнемъ осадить крѣпостную стрѣльбу.

Ротныхъ вызвали на батарею за приказаніемъ. Командиръ стрѣлковой роты былъ, во-первыхъ, не вояка (съ добрымъ запасомъ еврейской крови, всю жизнь служившій по канцеляріямъ), а, во-вторыхъ, принялъ роту недавно, по протекціи, для полученія штабъ-офицерскаго чина и людей не зналъ. На батарею ему пришлось пробѣжать подъ рѣзвымъ огнемъ крѣпости, и онъ, взволнованный, не могъ толкомъ понять приказаніе Соковнина. Назадъ до траншеи опять подъ огнемъ бѣжалъ онъ самъ не свой и блѣдный, прерывающимся голосомъ могъ только выговорить: мы... идемъ!..

Соображенія простыхъ людей были очень просты: прїѣхалъ генералъ, стрѣлки всегда впереди, приказано идти—очевидно, на штурмъ...

А съ батареи несется голосъ Соковнина:

— Почему не выходятъ стрѣлки? стрѣлки, выходи!..

Рота поднялась изъ траншеи и двинулась къ оврагу; вслѣдъ за нею, слѣва, двинулась 1-я рота. Крѣпость, видя движеніе къ ней солдатъ, такъ вся и вспыхнула. Пули посыпались дождемъ. Непріятельскія батареи помогали съ трехъ сторонъ ядрами и картечью. Солдаты сперва прибавили шагу, потомъ побѣжали по спуску въ оврагъ. Испуганный бѣдняга ротный бросился бѣжать съ ними, но запутался въ виноградникѣ, упалъ и остался сзади. Когда бѣгущіе передъ самымъ спускомъ въ оврагъ достигли цѣпного полувзвода, сидѣвшіе люди съ Козловскимъ вскочили и крикнули ура... все ринулось впередъ, все зажглось, закричало—сперва стрѣлки, потомъ 1-я рота. Люди спустились въ оврагъ и не останавливаясь враз-

сыпную бѣжали на штурмъ дальше. Впереди всѣхъ долговязый Козловскій. Крѣпость стояла передъ всѣми близехонько въ ста шагахъ...

Что люди бѣжали съ убѣжденіемъ дѣйствительно штурмовать крѣпость, въ этомъ нельзя сомнѣваться ни минуты. Помню отлично, что, перебѣжавъ оврагъ и поднявшись до выхода на гласисъ, я остановился и вскинулъ винтовку, чтобы сдѣлать выстрѣлъ по гребню крѣпости. Вдругъ слышу сзади тяжелый бѣгъ и сердитый крикъ:

— Чего стрѣляешь, коли на штурмъ пошли!

Это было сказано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что я безпрекословно отставилъ выстрѣлъ и, спустивъ мягко курокъ, вмѣстѣ съ здоровеннымъ и рѣшительнымъ совѣтчикомъ бросился дальше, добѣжалъ въ числѣ человѣкъ шести до самаго рва, передъ которымъ мы и распластались на землѣ въ ожиданіи, что будетъ дальше. Мы попали въ такъ называемое «мертвое пространство», и всѣ пули уже летѣли намъ черезъ головы, направляясь въ людей, бывшихъ дальше отъ стѣны ¹⁾. Сбереженные выстрѣлы чрезвычайно пригодились намъ вскорѣ.

Наша отдѣльная кучка забрала нѣсколько лѣвѣе тѣхъ, которые бѣжали за Козловскимъ прямо на кладбище, и вотъ почему: прямо подъемъ изъ оврага былъ круче, и, солдаты, выбираясь изъ него къ кладбищу, невольно скоплялись тутъ толпами, а полѣвѣе подъемъ былъ положе и просторнѣе, поэтому, чтобы не толочься, мы и бросились влѣво.

Когда на батарее поняли, что мы объявили штурмъ, генералъ крикнулъ Соковнину:

— Что они дѣлаютъ—остановите ихъ!

Соковнинъ бросился съ батареей и въ оврагъ, но какъ онъ ихъ остановить?! Передовые люди уже выходятъ изъ оврага на гласисъ крѣпости, подъ страшный огонь: назадъ теперь уже хуже, чѣмъ впередъ,—надо идти за судьбою и штурмовать, если такъ случилось. Онъ шелъ и изрѣдка помахивалъ платкомъ, а когда къ нему подбѣжалъ субалтернъ съ остальными людьми полувзвода и спросилъ: «куда бѣжать, полковникъ?»—онъ отвѣтилъ: «а вонъ, куда и всѣ бѣгутъ!»

И Соковнинъ сталъ подниматься самъ изъ оврага по крутой тропкѣ прямо на кладбище...

Присутствующіе на батарее, знающіе приказаніе генерала «остановить», стали кричать въ догонку бѣгущимъ: «стой! назадъ, назадъ!» Этотъ крикъ приняли внизу въ оврагѣ тѣ изъ отставшихъ, чувства которыхъ сходились съ чувствами бывшего среди нихъ ротнаго. И вдоль широкой полосы бѣгущихъ къ крѣпости, среди страш-

¹⁾ Этотъ странный фортификаціонный терминъ относится къ мѣсту около самого укрѣпленія, куда ружейный огонь съ бруствера не можетъ попадать, и гдѣ люди наиболѣе обезпечены отъ смерти. Происхожденіе этого противоестественнаго слова объясняется тѣмъ, что мертвое пространство не оживлено огнемъ.

ной оглушительной пальбы, неслись спутанные крики: впереди — «ура», сзади — «стой, назад!».

А въ то же время на гласисѣ среди могильныхъ холмиковъ, около единственной земляной избушки-склепа («мулдушки», по русскому прозванью) роковая пуля ударила Козловскаго въ животъ. Онъ палъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Братцы! раненъ...

И въ тотъ же моментъ другая пуля въ глазъ сразила навѣки нашего любимца Робинзона, а рядомъ и нѣсколькихъ бѣжавшихъ съ нимъ стрѣлковъ...

VI.

Все это вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ будетъ понятно только лицамъ, пережившимъ атмосферу войны. Мирные жители съ трудомъ поймутъ, какъ подобная атмосфера можетъ сразу зажечь людей, до того остававшихся спокойными; какъ вслѣдъ за глупымъ крикомъ и стрѣльбой поднимается нервная работа на нашей батарее, и около пушекъ, и среди окружающихъ генерала; какъ вихрь пуль и снарядовъ, трескъ и громъ выстрѣловъ, видъ сраженныхъ людей, видъ трусливыхъ, видъ всего боя электризуетъ неотразимо всѣхъ участниковъ поля битвы... Мирные люди могутъ составить себѣ о томъ лишь отдаленное понятіе по сравненію съ тѣмъ, что творится на большихъ пожарахъ, когда чувства невольнаго страха передъ стихіей и за себя, и за другихъ, смѣшиваются съ отчаянными усиліями побѣдить, спасти...

И вотъ, какъ результатъ этого новаго настроенія, болѣзненно-самолюбивый энтузіастъ капитанъ Гребенкинъ всакиваетъ на брустверь и, подъ жестокимъ огнемъ разсматривая крѣпость, горячо убѣждаетъ генерала, что путь есть, онъ его видитъ: вотъ сперва въ оврагъ, направо, дальше подъ обрывомъ... войти въ крѣпость легко, вотъ въ тотъ проломъ. Говоритъ ли въ немъ послѣдность человѣка, стоящаго въ огнѣ, опьянила ли жажда славы на подмосткахъ (онъ недаромъ носить на груди Георгій: смотрите—онъ выше всѣхъ, одинъ, въ огнѣ...), или дѣйствительно зажглось его сердце безотчетнымъ, неудержимымъ влеченіемъ туда, впередъ, въ пылъ той опасности (не страха, нѣтъ!), куда бросились другіе, свой?... Кто угадаетъ? Но этотъ энтузіазмъ дѣйствуетъ и на генерала, и его заставляетъ жить съ приподнятыми нервами, когда кажется, что видишь и понимаешь яснѣе, что способенъ угадать будущее.

— Дайте мнѣ 50 человѣкъ, я войду въ крѣпость и займу вонъ тотъ высокій курганъ, а вы меня тогда поддержите!—горячо говорить Гребенкинъ, указывая на ту часть крѣпости, которая стоитъ противъ широкой галечной низины.

Эта горячность вызываетъ рѣшеніе Абрамова:

— Хорошо, идите! Возьмите вотъ этихъ людей, — указываетъ онъ на 2-ю роту.

Гребенкинъ беретъ съ собою человѣкъ 60, направляется правѣе мѣста суматохи и, выйдя изъ-подъ прикрытія оврага на открытое русло, бросается къ видѣнной имъ тропкѣ, добѣгаетъ до стѣны и только тогда видитъ, что онъ ошибся. А непріятель сваливаетъ на него верхъ земляной стѣны и давить людей...

Это все происходитъ вправо отъ батареи, внизу, у самой стѣны. А тѣмъ временемъ прямо, сейчасъ за оврагомъ, на кладбищѣ смута, вызванная смертью Козловскаго, идетъ своимъ порядкомъ. Бѣжавшіе за нимъ люди замялись и прижались за муллушкой. Не имѣя предводителя, не зная, что дѣлать, куда бѣжать, поражаемые и ружейнымъ, и артиллерійскимъ огнемъ въ упоръ (менѣе чѣмъ на 100 шаговъ), солдаты жались за могилки, прибывавшіе бросались въ хвостъ той же муллушки...

Дойди до нихъ Соковнинъ, махни рукой — и все забыло бы о смерти, ринувшись впередъ ко рву, на стѣну... Какъ разрѣшить теперь вопросъ: побѣдили ли бы непремѣнно эти люди, случайно затѣявшіе штурмъ? Дѣло мудреное, но много шансовъ было и за то, что, хотя и съ большими потерями, все-таки мы проникли бы въ крѣпость тогда же. Это чувствовалъ и Соковнинъ, начавшій подгонять людей, встрѣчавшихся ему въ оврагѣ и на подъемѣ.

Но только что онъ вышелъ на открытое мѣсто, какъ сразу зашатался: пуля сверху перебила ему ключицу и проникла въ грудь (ни одинъ ротный не былъ раненъ ни тогда, ни послѣ)...

Бѣда съ Соковнинымъ сразу перевернула все дѣло. Нѣсколько офицеровъ (въ числѣ ихъ былъ и Раевскій) и солдатъ бросаются къ нему и подъ руки ведутъ его обратно въ оврагъ (при чемъ онъ раненъ вторично пулей въ ногу); его кладутъ, разстегиваютъ китель, удерживаютъ кровь, другіе усиливаютъ крики:

— Назадъ, назадъ! Носилки! воды!...

Все столпилось теперь около этого новаго центра въ оврагѣ.

Обезсиленный полковникъ повторяетъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы это сдѣлали! Зачѣмъ это сдѣлали?—укоряя ли ихъ за то, что вывели его изъ огня, или за то, что вернулись съ нимъ, бросивъ бой и крича «назадъ»...

Тяжело раненый командиръ въ трудную минуту боя хуже вліяетъ на ходъ событій, чѣмъ убитый наповаль. Убить — и все: слѣдующему офицеру остается только крикнуть «за мной, отмстимъ!» и снова у колонны есть общая душа, есть съ кѣмъ идти. А раненый — къ нему бросаются всѣ съ сожалѣніемъ, съ помощью, его ведутъ, несутъ въ укрытое мѣсто... а бой забытъ, а солдаты безъ командира, у нихъ на глазахъ удаляются съ поля офицеры, точно говоря: бѣда, сражаться больше невозможно.

— Полковника убили! назадъ пошелъ! — кричить неистово то горло, которое хочет оправдаться и передъ собой, и передъ всѣми за то, что собралось бѣжать назадъ...

— Назадъ, назадъ пошелъ всѣ! — катилось теперь такъ же, какъ только что несло побѣдное «ура».

Солдаты 1-й и стрѣлковой ротъ, раскиданные и у стѣны, и на кладбищѣ, стали сбѣгаться къ оврагу. Крѣпость застонала побѣдными криками, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ шахрисябцы пытались сдѣлать вылазки, бросившись за бѣгущими солдатами. Одна изъ такихъ вылазокъ прежде всего кинулась вслѣдъ за нами, когда мы поднялись съ земли и побѣжали къ оврагу. Неистовые крики сзади заставили меня обернуться. Я остановилъ товарищей, и мы вспомнили про наши невыстрѣленные винтовки: до бухарцевъ было шаговъ 30, и самые передовые ихъ храбрецы упали отъ нашихъ выстрѣловъ, остальные заколебались...

Сбѣгавшіе въ оврагъ солдаты разбрасывались по нему, какъ попало, то кучками, то вразсыпную. Никто не зналъ, что нужно дѣлать...

Генераль, еще не зная о Соковнинѣ и желая поддержать Гребенкина, послалъ одного изъ штабныхъ въ оврагъ: пусть стрѣлковая рота идетъ направо, на поддержку Гребенкину. Посланный (капитанъ генеральнаго штаба А. В. Соболевъ) набрасывается на стрѣлковаго ротнаго — возьмите роту и идите!

Тотъ не знаетъ, гдѣ его солдаты.

— Гдѣ ваша рота? гдѣ рота? возьмите вашу роту! — кипятится легко вскипающій Соболевъ, не умѣя понять, какъ такъ ротный командиръ безъ роты и не можетъ ее собрать.

— Какъ же я ее возьму, господинъ капитанъ, когда она неизвѣстно гдѣ! у меня нѣтъ людей! — совершенно растерялся ротный въ виду такого новаго испытанія: идите въ огонь.

Соболеву ужасно мизерна показалась эта фигура съ поднятой рукою къ козырьку, — онъ вышелъ изъ себя и брезгливо обругался:

— Какой вы ротный: вы з... а!!¹⁾.

До батареи доходятъ свѣдѣнія, что Соковнинъ тяжело раненъ, и люди спутались. Абрамовъ посылаетъ Меллера-Закомельскаго: пусть Раевскій приметъ баталіонъ и самъ ведетъ людей. Тотъ сбѣгаетъ въ оврагъ къ Раевскому и передаетъ приказаніе.

— Куда вести? — спрашиваетъ удивленный Раевскій: — снова туда? развѣ это возможно?!

Закомельскій не знаетъ предыдущихъ распоряженій, не знаетъ, что генераль продолжаетъ настаивать на поддержкѣ Гребенкина, и на вопросъ Раевскаго отвѣчаетъ:

¹⁾ Вслѣдствіи это сдѣлалось извѣстно начальству, несчастнаго ротнаго вызвали въ Ташкентъ, и Головачевъ объявилъ ему: выходите въ отставку, я съ з... ми не служу.

— Я передаю вамъ приказаніе генерала, чтобы вы вели сами людей.

— Но куда же, куда вести?! — горячится Раевскій, размахивая костлявыми руками: — опять туда? но вѣдь это невозможно! — восклицаетъ онъ, подразумевая штурмъ черезъ кладбище.

— Куда же еще? — горячится и Закомельскій: — что вы трусите что ли? — срывается у него съ языка.

— Я говорю, что это невозможная вещь! — вспыхнулъ Раевскій. — А что я не трушу, вы это сейчасъ увидите.

Онъ обнажаетъ свою кавказскую шапку и бросается къ ближайшей кучкѣ солдатъ, въ которой находился и я.

— Ребята, за мной, ура! — крикнулъ Раевскій, поднимая шапку и бросаясь снова на кладбище.

Раевского почти не знали солдаты лично. Не знали толкомъ, что онъ состоитъ помощникомъ Соковнина. Не знали и о томъ, что ему приказано принять и вести баталіонъ. Поэтому его обращеніе всѣхъ удивило.

Слѣдя подробно за мелочами этой спутанной драмы, слыша разговоръ Меллеръ-Закомельскаго и понимая ужасное положеніе Раевского, я крикнулъ солдатамъ:

— Братцы, это нашъ теперешній баталіонный командиръ — за нимъ, ребята! — Я бросился слѣдомъ за Раевскимъ, увлекая за собою ближайшихъ стрѣлковъ. Мы выбѣжали снова на гласисъ, подъ страшный огонь съ крѣпости.

— Ваше скоблородіе! съ нами никого нѣту! — слышимъ мы сзади крикъ. Раевскій обернулся: передъ нимъ дѣйствительно было не больше десятка полтора людей.

— Людей нѣту, ваше в—діе, идти не съ кѣмъ: безъ людей невозможно! куда же пойдемъ — никого нѣтъ! — повторяли ему голоса.

Замѣтивъ это ошибочное движеніе, съ батареи прибѣжалъ новый посоль, чтобы вернуть Раевского и послать роты не прямо, а вправо.

Мы спустились въ оврагъ, черезъ который въ это время съ огромными затрудненіями протаскивали горныя орудія, запутавшіяся въ густомъ виноградникѣ. Ихъ командиръ — высокій и массивный поручикъ Пистолькорсъ, котораго товарищи всѣ звали «шведомъ»¹⁾, энергично распоряжался людьми и живо на рукахъ выдвинулъ своихъ малютокъ на кладбище, чтобы дѣйствовать противъ вылазки.

— Картечь! — сильнымъ голосомъ скомандовалъ онъ, стоя выше всѣхъ насъ надъ оврагомъ, подъ жестокимъ огнемъ съ разстоянія сотни съ небольшимъ шаговъ.

Прислуга стала падать, замѣняя другъ друга. Одинъ, не успѣвши

¹⁾ Однофамилецъ кавалерійскаго полковника, всегда сердившійся, когда его спрашивали: «вы, конечно, родственникъ полковника?».

догнать заряда, упалъ смертельно раненый, не выпуская банника изъ рукъ.

— Возьми у него банникъ! — крикнулъ Пистолькорсъ слѣдующему.

— Нѣтъ... я... самъ... сдѣлалъ сидя послѣднее усиліе бѣдняга и упалъ мертвымъ подъ дуло орудія.

— Ваше благородіе, такъ всѣхъ перебьютъ! — не выдержалъ кто-то изъ прислуги такой силы и близости стрѣльбы.

— Ну, такъ что-жь? И меня убьютъ вмѣстѣ съ вами, — неотражимо отвѣтилъ командиръ, возвышавшійся головой надъ всѣми смущенными людьми, и открылъ стрѣльбу.

Эффектъ былъ поразительный. Пистолькорсъ сдѣлалъ не два, а до шести выстрѣловъ, совершенно разгромивъ толпы, выскочившія съ такой поспѣшностью изъ крѣпости.

Взводъ горныхъ орудій двинулся изъ траншей въ оврагъ по собственной инициативѣ Пистолькорса:

— Я пошелъ потому, что по диспозиціи обязанъ былъ идти вслѣдъ за штурмующей колонной. Вы штурмовали, я за вами, — и я, если не ошибаюсь, пришелъ въ время? — объяснялъ онъ потомъ, стараясь выразаться лаконично и красиво.

Эпизодъ этотъ нужно считать однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ теченіе 13-го августа.

Онъ же помогъ, наконецъ, собрать вмѣстѣ и раскидавшихся по оврагу людей. Чтобы собрать стрѣлковъ, я воспользовался простой примѣтой: у нихъ былъ длинный прицѣлъ на винтовкахъ. Не зачѣмъ было засматривать каждому въ лицо, а, подойдя сзади къ засѣвшимъ по кустамъ и вдоль гребня оврага, я прямо бралъ стрѣлка съ длиннымъ прицѣломъ за плечо и приказывалъ ему идти въ сборный пунктъ.

Стрѣлковую и 2-ю роту двинули наконецъ вправо, и мы стали уже спускаться изъ оврага, когда пришло приказаніе возвратиться всѣхъ: ничтожный остатокъ изъ команды Гребенкина (9 изъ 60) уже вернулся, посланные казаки за нѣсколькими ранеными, упавшими на открытомъ мѣстѣ, — тоже.

VII.

Когда именно раненъ былъ Абрамовъ, — я не помню. Знаю, что уже послѣ того, какъ Гребенкинъ двинулся къ крѣпости. Абрамовъ, чтобы не стѣснять никого на батарее и не тянуться черезъ брустверь, взялъ съ собою Троцкаго и вышелъ наружу. Ему пришла какая-то мысль, и онъ хотѣлъ провѣрить ее.

— Знаете, что я думаю, Виталій Николаевичъ, — сказалъ онъ, притягивая за руку къ себѣ ближе Троцкаго... въ этотъ моментъ пуля ударила его въ животъ. Онъ вскрикнулъ, всѣ бросились къ

нему, увели на батарею, требовали доктора, уговаривали генерала сдѣлать перевязку, онъ не соглашался, говоря, что все пустяки.

Какъ бы то ни было, рана Абрамова никакой путаницы не создала, ибо путаница началась еще далеко до этого. Но несомнѣнно, что рана его повліяла на дальнѣйшія рѣшенія, хотя на половину дѣло было рѣшено раньше—смертью Козловскаго, выбытіемъ Соковнина, неспособностью ротныхъ и новизною Раевского.

Когда былъ раненъ Н. Н. Раевскій, я тоже не знаю, и узналъ объ этомъ гораздо позже, зайдя на батарею по отъѣздѣ генерала. Тамъ мнѣ рассказали офицеры, что Н. Н., не смотря на настоянія ихъ и доктора, рѣшительно отказался отъ перевязки, пока не перевяжутъ всѣхъ другихъ раненыхъ. Ранѣ своей онъ не придавалъ никакого значенія, и назавтра утромъ 14 августа онъ отлично, какъ истый гусарь, ѣхалъ верхомъ передъ войсками, когда мы вошли въ крѣпость.

Съ отъѣздомъ генерала съ нашей батареи картина совершенно измѣнилась: стрѣльба ослабѣла, траншеи наполнились ранеными и ихъ стопами, а уцѣлѣвшіе примолкли и приугнулись. Назвать это «совершеннымъ упадкомъ духа» было бы невѣрно. Это былъ временный упадокъ силъ, упадокъ нервовъ, какъ реакція излишнему ихъ напряженію—не больше. Это общее состояніе я испыталъ вмѣстѣ съ другими. Возвратясь въ траншею, я почувствовалъ такую внезапно охватившую меня усталость, что тотчасъ же свалился на землю и, чтобы меня ничто не беспокоило, закрылся съ головой тяжелой шинелью, хотя подъ нею и было страшно жарко и душно. Бессонная ночь наканунѣ при постройкѣ батареи, цѣлый день безъ пищи и главное безъ питья, потомъ бѣготня, прыжки по виноградникамъ, суета среди общей путаницы и сильная работа нервовъ подъ впечатлѣніемъ боя съ его обиднѣйшей путаницей, нашихъ тяжелыхъ потерь и т. п.,—все это такъ измучило меня, что мнѣ хотѣлось плакать. Тяжесть въ головѣ, спазмы въ высохшемъ горлѣ и острая рѣзь въ груди составляли прямо боль, физическое страданіе, угнетавшія всего человѣка, и безъ того истерзаннаго нравственно. Вскорѣ по траншеѣ стали изрѣдка раздаваться служебные призывы: «Пошелъ за водой для раненыхъ! Вставай, вставай, бери котелки за водою!». Но я лежалъ подъ своей шинелью и не отзывался: я чувствовалъ себя, если и не раненымъ, то больнымъ, и все время увѣрялъ себя въ этомъ.

Вдругъ, слышу, ко мнѣ подошелъ кто-то, приподнялъ немного шинель и, считая меня раненымъ, протянулъ мнѣ полный котелокъ воды.

— На, напейся водицы,—сказалъ онъ просто и почти не глядя на меня.

Я схватилъ котелокъ и, какъ ребенокъ, припалъ къ мутной теплой водѣ, казавшейся мнѣ лучшимъ желаннымъ напиткомъ. Едва

пересиливъ себя, я отдалъ полкотека воды назадъ солдату, спѣшно сказалъ «спасибо» и бросился снова подъ шинель. Я спѣшилъ спрятаться, потому что мнѣ было стыдно, совѣстно за эту воду, выпитую мною мошеннически, воду принесенную болѣе чѣмъ изъ-за полверсты исключительно для раненыхъ... Но та же вода показала мнѣ, что все страданіе сводилось только къ временному физическому упадку силъ: черезъ нѣсколько минутъ я уже чувствовалъ себя вполне бодрымъ и, набравъ у сосѣдей по нѣсколько котелковъ въ каждую руку, отправился съ другими за водой, чтобы потомъ щедро раздавать раненымъ, какъ долгъ, лежавшій на моей совѣсти. Хотя идти за водою можно было и по самымъ траншеямъ, вполне безопасно, если посильнѣе пригнуться, но о такомъ способѣ ходьбы теперь уже никто не думалъ, а всѣ выходили изъ траншеи на поле и шли открытымъ мѣстомъ. Стрѣльба теперь изъ крѣпости сдѣлалась столь рѣдкою, что намъ по сравненію съ только что пережитымъ она была почти незамѣтной, и люди относились къ пролетавшимъ пулямъ совершенно пассивно.

Пришедши къ водѣ, мы прежде всего опустили на колѣни и стали пить вприпадку не отрываясь. Оказалось, что воду обстрѣливаютъ непріятельскіе охотники, и мы сейчасъ же вступили съ ними въ перестрѣлку...

Правда, когда спустились сумерки, по траншеямъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышались разговоры, навѣянные неудачнымъ штурмомъ, разговоры, всѣ сходящіеся къ тому, что надо войска больше, столь перебили народу, куда же пойдешь, какъ же возьмешь безъ людей и т. п. Опять же командира сразили и Козловскаго—съ кѣмъ пойдешь?

Это настроеніе отразилось ночью на нѣсколькихъ душахъ, но общее зерно было цѣло и крѣпко.

— Что же, по-твоему, уходить отсюда надо? Какъ странно разсуждаютъ! На то война: велятъ, и пойдешь—довольно просто!..

Что чувствовалось всѣми, но не высказывалось—это робость за офицеровъ, случайный составъ которыхъ не давалъ твердой увѣренности людямъ, что «за ними можно идти куда угодно». Сегоднешній штурмъ показалъ имъ ясно, что такихъ, за которыми они «свободно» ходили въ дѣлахъ 1868 года, у нихъ теперь нѣтъ, а чужихъ, штабныхъ, они не знали, равно какъ и Раевского. Къ сожалѣнію, предчувствія солдатъ насчетъ своихъ наполовину оправдались...

Той же болью, но въ сильнѣйшей степени щемило въ темнотѣ сердце стараго полковника, прикованнаго къ походной койкѣ за двумя ближайшими деревьями сосѣдняго сада. Передъ его воспаленными глазами вставали картины и думы, одна другой обиднѣе, густо окрашенные въ пессимистическій тонъ его болѣзни и безсонницы.

Долженъ отмѣтить еще одну подробность, касающуюся 13 ав-

густа и непонятную въ изложеніи г. Полторацкаго. «Съ самой минуты отбитаго штурма, — пишетъ онъ на стр. 429, — вдоль барбетовъ (?), по наружному фасу (!) толпами скакали всадники» ¹⁾. Это несомнѣнное недоразумѣніе, и я подозреваю, что разсказъ идетъ вотъ о чемъ.

Въ крѣпостной стѣнѣ, примѣрно на срединѣ между нашими лѣвой и правой батареями, былъ довольно значительный проломъ, который хотя и былъ заложень мѣшками, но заложень низко въ одинъ рядъ, такъ что если за проломомъ въ крѣпости ѣхалъ верховой, то его хорошо было видно отъ насъ, и въ особенности съ кургановъ, гдѣ были поставлены наши орудія. Тамъ такъ и слѣдили: какъ замѣтятъ, что за проломомъ передвигаются бухарцы, такъ сейчасъ туда гранату. Когда начался штурмъ лѣвой колонны, то въ крѣпости поднялось огромное передвиженіе войскъ, главнѣйше кавалеристовъ. Это передвиженіе шло безпрепятственно за сплошными стѣнами до пролома, а какъ дойдутъ до него всадники, то и замнутя. Когда скопится ихъ побольше, они сразу и бросятся вскачь чрезъ открытое пространство, желая избѣгнуть бдительный гранаты. Движеніе такихъ кавалерійскихъ партій сперва шло въ сторону лѣвой батареи, а когда штурмъ окончился, то ожидая возможности штурма правой нашей колонны, «толпы всадниковъ» проскакивали также слѣва направо. Но все это внутри крѣпости, а не «вдоль барбетовъ по наружному фасу» ²⁾.

VIII.

Ночь на 14-е число прошла одинаково тревожно на обѣихъ батареяхъ. И тамъ, и тутъ готовились къ ночному штурму: главный выпадалъ на правую колонну, второстепенный на нашу. Тамъ готовили лѣстницы, здѣсь надѣялись найти удобные входы и безъ нихъ — вѣдь какъ нибудь спускался же непріятель изъ крѣпости, когда днемъ дѣлалъ вылазки?

Вечеромъ я заходилъ на батарею: тамъ всѣ вповалку лежали, или молча, или перебрасываясь пустыми фразами. Всѣ были озабочены не столько личнымъ вопросомъ, сколько общимъ успѣхомъ предстоящаго черезъ нѣсколько часовъ штурма... Къ этому прибавилась забота ближайшая — отправка охотниковъ за убитыми, оставленными на кладбищѣ, и въ числѣ ихъ за Козловскимъ. Раевскій

¹⁾ Барбетъ, какъ извѣстно, представляетъ небольшую площадку, на которой внутри крѣпостной стѣны стоятъ орудія, и скакать толпами тамъ негдѣ; а скакать по наружному фасу отвѣсной стѣны значитъ скакать внѣ крѣпости, по сю сторону стѣны, выйдя изъ крѣпости. Этого не могло быть, ибо такъ скакать, «торжествуя побѣду», можно было только подъ вѣрными выстрѣлами нашей батареи и нашихъ стрѣлковъ.

²⁾ Одинъ изъ эпизодовъ, относящихся къ этому передвиженію непріятели и дѣйствию нашей артиллеріи, описанъ мною въ главѣ «Штурмъ».

быть озабоченъ болѣе всѣхъ, что, конечно, всякому казалось вполне понятнымъ...

Кстати о Николаѣ Николаевичѣ Раевскомъ.

Г. Полторацкій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» при всякомъ случаѣ почему-то старается сказать что нибудь непріятное по его адресу: называетъ его самодуромъ, неспособнымъ, смѣется надъ его храбростью, издѣвается надъ раной и т. п. Это несправедливо.

Н. Н. Раевскій типъ очень интересный и сложный. Прекраснаго домашняго воспитанія, кандидатъ математическихъ наукъ ¹⁾, гордый потомокъ историческаго дѣда-драгуна, богатый человекъ, славянофиль-энтузіастъ, тяжелый теоретикъ и пылкій исполнитель идеальныхъ проектовъ, баловень гусарь, превратившійся въ боеваго пѣхотинца-туркестанца, — онъ соединялъ въ себѣ самыя характерныя черты Донъ-Кихота въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это былъ большой чудакъ, иногда казавшійся маниакомъ, но чудакъ самыхъ честныхъ правилъ, затѣвавшій на свои собственные средства организовать нѣсколько сотенъ конныхъ стрѣлковъ, вооруженныхъ берданками, для успѣшныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ; чудакъ, который мечталъ, опять таки на одни свои личные средства, ввести въ Туркестанѣ правильную культуру хлопка, шелководства, винодѣлія, — и на это истратилъ не одинъ десятокъ тысячъ рублей, истратилъ безъ всякой мысли о барышахъ, о гешефтѣ, о субсидіяхъ, промессахъ, процентахъ и т. п., о чемъ начинаютъ всегда и прежде всего думать современные «дѣльцы» и «учредители». Онъ и по внѣшности напоминалъ Донъ-Кихота: высокій, худой, съ длинной шеей, съ своеобразнымъ отпечаткомъ заботливости на лицѣ, съ продолжительными, тяжеловѣсными и скучными разсказами на свои излюбленныя темы, довѣрчивый и легковѣрный, — онъ тотчасъ же внимательно и сердечно прислушивался ко всякой просьбѣ, ко всякому разсказу о несправедливости, и тотчасъ же рѣшался на помощь, отправлялся хлопотать и ходатайствовать, если это требовалось. Всегда обложенный массой газетъ и журналовъ (среди которыхъ было больше полдюжины славянскихъ), техническими книгами, брошюрами на разныхъ языкахъ, онъ искреннѣйше зарывался въ ихъ листы, посвящать во всѣ тайники своихъ знаній всякаго, кто только показывалъ видъ, что интересуется дѣломъ. Это былъ самый неумѣлый, конечно, но самый заботливый и самый серьезный командирь-попечитель, котораго легко можно было обмануть, но нельзя было ничѣмъ подкупить.

Онъ гордился своимъ знаменитымъ дѣдомъ, зналъ наизусть всѣ его боевыя подвиги, хотѣлъ быть непременно на него похожимъ и въ то же время искреннѣйше считалъ самымъ полезнѣйшимъ для Туркестана мирное, культурное его развитіе.

¹⁾ Сколько помнится, Московскаго университета.

Также мечтательно и добродушно онъ велъ себя и во время перваго своего боя подъ Шахриязбомъ. Собрался онъ въ отрядъ во всеоружіи: при немъ была историческая шапка, о клинкѣ которой онъ могъ повѣствовать цѣлыхъ два дня, револьверъ, богатый кинжалъ, два ружья — магазинное и берданка, кавказская бурка, разныя мудренныя походныя сумки, — и при всемъ этомъ камердинеръ съ разными несессерами и принадлежностями до запаснаго шампанскаго включительно. Прапорщикъ Козловскій, какъ истый Робинзонъ и герой Куперовскихъ романовъ, первый обрушился на вооруженіе Раевского, осмотрѣлъ его опытнымъ глазомъ бойца и походнаго человѣка и забралъ себѣ кинжалъ и обѣ скорострѣлки (одна погибла вмѣстѣ съ нимъ на полѣ битвы)¹⁾.

Когда былъ раненъ Соковнинъ, Раевскій не отходилъ отъ него до тѣхъ поръ, пока его не назначили командиромъ. Этого, повидимому, онъ никакъ не ожидалъ и совершенно не зналъ, какъ ему быть среди той замѣчательной путаницы, которая происходила тогда въ оврагѣ, въ особенности лицомъ къ лицу съ горячимъ недоразумѣніемъ, принесеннымъ ему Меллеромъ-Закомельскимъ.

Онъ былъ глубоко потрясенъ всѣмъ окружающимъ и долго потомъ разсуждалъ, слушалъ, разспрашивалъ, соображалъ — почему и какъ. Его ужасно огорчало, что наши убитые, и въ томъ числѣ Козловскій, не убраны съ поля битвы, и когда ночью организовалась команда охотниковъ для сбора тѣлъ, Н. Н. крайне заботливо отнесся къ этому дѣлу. Ночью, когда мы готовились къ новому штурму, Раевскій также искренно хлопоталъ о порядкѣ, о направленіи движенія и проч. Подойдя ко рву, онъ съ первыми солдатами, нашедшими спускъ, бросился въ него и въ числѣ самыхъ первыхъ удалцовъ влѣзъ на барбетъ²⁾.

Совершенный новичекъ въ боевыхъ дѣлахъ, не знающій, какъ командовать пѣхотой, незнакомый съ людьми, которыми онъ былъ назначенъ управлять, непривычный ориентироваться среди ночной толкотни и неизвѣстности, вынужденный спорить съ Соболевымъ, желавшимъ распорядиться, — Н. Н., не смотря на множество комичныхъ положеній, выдержалъ эту ночь и утро съ полнымъ достоинствомъ, все время впереди, покомандирски. И это тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что на время ночного штурма нѣсколько офицеровъ отсутствовало и, на примѣръ, та же стрѣлковая рота оказалась безъ фельдфебеля и ротнаго: первый еще съ вечера сказался больнымъ и завѣдомо остался въ траншеяхъ въ числѣ слабыхъ, второй затерялся въ темнотѣ и догналъ роту уже днемъ, на спокойномъ маршѣ колонны. Въ первой ротѣ также затерялся на время штурма

¹⁾ Козловскій участвовалъ юнкеромъ во всѣхъ походахъ Бухарской кампаніи и имѣлъ солдатскаго Георгія.

²⁾ Лѣзли мы изо рва въ амбразуру безъ лѣстницъ, попросту подсаживая другъ друга, по плечамъ товарищей, такъ сказать, по живой лѣстницѣ.

субалтернъ. Раевскій отнесся къ этимъ печальнымъ фактамъ строго, но безъ запальчивости, безъ шума.

Искренній служитель идеи освобожденія славянъ, Раевскій, какъ извѣстно, кончилъ жизнь на полѣ битвы за это освобожденіе. Это былъ послѣдній «подвигъ» Донъ-Кихота, подвигъ, который заставляетъ всякаго сердечнаго человѣка съ почтеніемъ склонить голову надъ его могилой...

IX.

Г. Полторацкій даетъ длинное описаніе бывшей послѣ штурма баранты, рисуя «забавныя» картины мародерства солдатъ, тащившихъ изъ города въ лагерь все, что удалось добыть—халаты, одѣяла, посуду, провизію, и добродушно наслаждавшихся потомъ своимъ «временнымъ» богатствомъ¹⁾. При этомъ авторъ «Воспоминаній» говоритъ, что ему показался «страннымъ» этотъ обычай въ краѣ, что на Кавказѣ будто мародерства вовсе не было, такъ какъ оно строжайше преслѣдовалось.

Я нахожу, что описаніе баранты г. Полторацкимъ сдѣлано крайне односторонне. Необходимо указать два важныхъ обстоятельства, о которыхъ у него совершенно не упоминается.

Первое было категорическое приказаніе Абрамова начальникамъ штурмовыхъ колоннъ никоимъ образомъ не допускать солдатъ до баранты, пока войска не займутъ крѣпость окончательно.

О такомъ приказаніи я знаю отъ Раевского. Когда наша колонна 14-го числа вошла въ крѣпость, прошла уже половину крѣпостной стѣны и заняла указанное мѣсто, ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Абрамова, намъ пришлось долго стоять въ пустынной части крѣпости, стоять безъ всякаго дѣла и безъ пищи, такъ какъ, отправляясь въ ночной штурмъ, мы все оставили въ траншеяхъ и съ собой взяли только одни патроны. Солдаты, утомленные двумя бессонными ночами и вчерашнимъ боемъ, вспомнили прежде всего о томъ, что въ нашей кухнѣ нѣтъ мяса, и хорошо было бы озаботиться по этой части.

Мнѣ пришлось докладывать объ этомъ Раевскому.

— Позвольте послать людей на фуражировку, скотины достать,— закончилъ я свой докладъ.

— Ни подъ какимъ видомъ! — ужаснулся онъ: — генераль Абрамовъ настаивалъ на этомъ и нѣсколько разъ подтверждалъ мнѣ, чтобы мародерства не было. Я далъ ему слово...

— Это не мародерство, г. подполковникъ, а фуражировка...

Необходимо было очень подробно разяснить ему, что люди пойдутъ только добыть одну скотину или нѣсколько телятъ для рот-

¹⁾ Сцены туркестанской баранты весьма талантливо и несравненно жизненнѣе изображены очень давно въ первыхъ очеркахъ Н. Н. Карамзина, если не ошибаюсь, при описаніи взятія нами города Ургута.

ной кухни, что это неизбежный обычай всякой войны, и что Абрамовъ, запрещая баранту, понималъ дозволеніе солдатамъ таскать всякія вещи, скарбъ, товары и проч., причемъ обыкновенно соблазнить двухъ-трехъ раздобывшихъ заражалъ понемногу большинство, и роты разсыпались по садамъ, домамъ и лавкамъ; что, напротивъ, на фуражировку отправляется партія по назначенію и подъ начальствомъ особаго старшаго унтеръ-офицера, отвѣтственнаго за команду.

Раевскій все-таки не соглашался и все время ссылался на точныя приказанія Абрамова. Мнѣ пришлось самому лично взяться за эту фуражировку, чтобы успокоить его, и только когда появилось около роты нѣсколько телятъ, къ которымъ назначили форменнаго ротнаго «пастуха», онъ призналъ воочію, что это не баранта, а мясо для ротнаго котла.

Баранта была разрѣшена уже тогда, когда всѣ войска стали лагеремъ въ цитадели Китаба.

При взятіи Самарканда въ маѣ 1868 г. Кауфманомъ точно также было строжайше запрещено хоть малѣйшее мародерство, и это было выполнено въ точности. Какіе-то неясные слухи о нѣсколькихъ одѣялахъ подняли цѣлый розыскъ во всѣхъ войскахъ...¹⁾ Но когда черезъ мѣсяць послѣ осады Самаркандской цитадели бухарцами Кауфманскій отрядъ былъ встрѣченъ баррикадами и выстрѣлами, — онъ рѣшилъ наказать городъ: послалъ всюду отряды, приказалъ зажечь базаръ и окрестности цитадели и разрѣшилъ баранту. Войска отправлялись командами, ловили народъ и тащили, что попадало подъ руку, а что не могли — били, уничтожали. Черезъ три дня былъ отданъ приказъ прекратить баранту, и ослушниковъ стали крѣпко наказывать.

Какъ разъ тогда А. К. Абрамову пришлось имѣть дѣло съ укрощеніемъ мародеровъ. При отрядѣ 1868 года была авганская сотня, которая образовалась наканунѣ кампаніи изъ людей, бѣжавшихъ изъ Авганистана въ наши предѣлы. Кауфманъ сдѣлалъ изъ нихъ летучую кавалерійскую дружину и по занятіи Самарканда отдалъ ее въ распоряженіе Абрамова. Стали доходить слухи, что въ окрестныхъ садахъ продолжается баранта. Сперва думали на русскихъ, и Кауфманъ сердился, думая, что начальники частей только покрываютъ своихъ людей. Абрамовъ не вѣрилъ и спорилъ, что слухи невѣрны, ибо былъ убѣжденъ въ войскахъ. Наконецъ истина раскрылась: ему донесли, что барантуютъ авганцы. Онъ экстренно командировалъ двѣ сотни уральцевъ — забрать этихъ негодяевъ и привести къ нему. Авганцевъ накрыли съ поличнымъ, обезоружили и пригнали къ Абрамову, жившему въ садахъ. Онъ приказалъ ихъ всѣхъ ввести въ садъ и вышелъ къ нимъ одинъ съ адъютантомъ и переводчикомъ.

¹⁾ Эти сцены подробно описаны въ моей книжкѣ: «Подъ Самаркандомъ. Разсказъ новичка»

Передъ нимъ стояла толпа угрюмыхъ черныхъ лицъ съ блестящими глазами. Впереди три ихъ начальника въ офицерскихъ погонахъ («заурядъ»-офицеры) глядѣли исподлобья на А. К., считая себя дважды оскорбленными: во-первыхъ, ихъ остановили на барантѣ, во-вторыхъ, обезоружили.

— Какъ вы осмѣлились, негодяи, ослушаться моего приказанія?!—сталъ ихъ разносить разсерженный Абрамовъ.

Авганскій офицеръ сталъ отвѣчать, возражать.

— Молчать, мерзавецъ! — крикнулъ генераль. — Прикажете ему молчать!—повторилъ онъ переводчику.

Авганецъ не унялся и снова возразилъ съ большой горячностью.

Абрамовъ быстро подошелъ къ нему и со всего размаху далъ собственноручно пощечину. Всѣ гордые заурядъ-офицеры пали на колѣни, а за ними разомъ вся авганская дружина.

Никто и никогда еще не видалъ такимъ сердитымъ Абрамова, какъ тогда. Онъ взволнованный ходилъ передъ колѣнопреклоненными, бранился и приказывалъ буквально переводить его слова.

— Въ солдаты отдамъ!—пригрозилъ онъ дрожавшимъ заурядъ-прапорщикамъ и капитанамъ.

Съ этихъ поръ и авганцы бросили всякія попытки къ барантѣ. Съ такой энергіей умѣлъ Абрамовъ сдерживать мародерство, когда это требовалось.

Разрѣшеніе баранты въ Китабѣ объясняется политическими обстоятельствами. По убѣжденіямъ среднеазиатцевъ, чтобы показать строгость побѣдителя, необходимо предать побѣжденныхъ самой свирѣпой барантѣ. Въ данномъ случаѣ Китабъ и Шааръ были «ослушники», «бунтовщики», «измѣнники» противъ бухарскаго эмира. Наша экспедиція должна была не только не дать имъ возможности распространить междоусобную войну на нашей границѣ, но и наказать ихъ открытое возмущеніе, сломить историческую славу ихъ непобѣдимости, тѣмъ болѣе, что крѣпость мы не оставляли за собой, а передавали бухарскимъ властямъ ¹⁾.

Кстати сказать: я не знаю истиннаго положенія дѣла на Кавказѣ по части мародерства въ тѣ времена, но я зналъ въ Туркестанѣ очень много кавказскихъ офицеровъ, и среди нихъ хорошій процентъ отличался особенными симпатіями къ туркестанской барантѣ. Полагаю, однако, что дѣло это ведется не столько странною, сколько прежде всего наклонностями человѣческими. Были и въ Туркестанѣ люди, съ крайнимъ равнодушіемъ проходившіе мимо торжища баранты и безучастно смотрѣвшіе на изумительные результаты человѣческой жадности.

Второе важное обстоятельство, почему-то совершенно опущенное

¹⁾ Въ Бухарскую кампанію шахрисябцы были самыми жестокими нашими врагами. Имъ принадлежала наибольшая доля участія въ осадѣ Самарканда.

авторомъ «Воспоминаній», было то, что въ барантѣ самое широкое участіе принимали офицеры, какъ строевые, такъ и штабные. Участіе это выражалось въ покупкѣ у солдатъ набарантованныхъ вещей за безцѣнокъ, потому что солдатъ ихъ второпяхъ не цѣнили ни во что, даже часто не успѣвая толкомъ разглядѣть добытое. Кромѣ того, солдатъ не могъ и оставить при себѣ это добытое, а офицеры имѣли повозки и могли многое везти съ собою. Поэтому солдату оставалось только одно: возможно быстрѣе сбывать вещи и добывать новыя, превращая все въ портативныя бумажки.

Но еще хуже. Офицеры пользовались своимъ вліяніемъ, своимъ начальствованіемъ: командиры частей отбирали у своихъ солдатъ вещи получше, давая имъ за нихъ ничтожнѣйшія цѣны по своему усмотрѣнію, въ родѣ «на водку» за добытую дичь на охотѣ. Нѣкоторые практики сидѣли «на тракту», перехватывали солдата, пока онъ еще не добрался до людныхъ мѣстъ, и сторговывали вещи за безцѣнокъ. Другіе, понастойчивѣе, такъ прямо отдавали приказаніе, чтобы солдаты съ барантой не смѣли продавать ничего, пока они не осматрять принесенныхъ вещей.

Жадность разгоралась у многихъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Помѣщенія такихъ любителей превращались въ цѣлые склады разныхъ ковровъ, кусковъ шелковыхъ матерій, оружія въ серебрѣ и бирюзѣ, множества поясовъ, уздечекъ, шелковыхъ одѣялъ, халатовъ, даже женскихъ шелковыхъ рубахъ, штановъ и т. п.

Любители бѣгали одинъ къ другому и вострили алчные глаза. Энергія кипѣла ключомъ. Разговоры сплошь были одного тона.

— Ну-ка, ну-ка, покажи! Боже мой, какая роскошь! Сколько далъ?

— Рублевку, а это—три кокана (три двугривенныхъ). Стоить?—хвастается мастеръ.

— Еще бы! да ты въ Самаркандѣ сейчасъ получишь за коверъ 25, а за то 10 рублей.

— Нѣтъ, мы ужасно дорого за все платили!—слышатся сокрушенія:—потому что насъ тамъ много, начнутъ набивать цѣну...

— Уступите мнѣ одинъ—ну, зачѣмъ вамъ столько?—говорять въ другомъ углу.

— По 10 рублей, извольте,—полушутя отвѣчаетъ обладатель многихъ экземпляровъ.

— Ишь чего захотѣлъ: самъ, поди, далъ двугривенный или полтинникъ...

— Четыре рубля?!—изумляется въ сосѣдней палаткѣ знатокъ дѣла:—четыре рубля! Ахъ, младенецъ, младенецъ! Да вѣдь я купилъ три такихъ точно за рубль...

Хозяйственные люди — тѣ особенно заботливо относились къ скотинкѣ и скупали коровъ. Цѣна за корову установилась въ полтинникъ. Половина головъ (по общему обычаю) шла въ роты на

довольствіе, а половину получше — такіе хозяева оставляли за собою, платя за голову 50 коп. Для нихъ это было очень удобно, ибо и тѣ, и другія коровы должны были идти подь наблюденіемъ казенныхъ пастуховъ.

Помню двухъ ротныхъ командировъ, которые вошли въ такой азартъ по покупкѣ баранты, что между ними разыгралась крупная ссора. Одинъ купилъ черную корову у солдата изъ роты другого.

— Какая хорошая корова? чья это? — заинтересовался другой ротный.

Ему доложили, что притналъ корову такой-то рядовой, а купилъ у него сосѣдній ротный.

— Какъ такъ продать безъ моего вѣдома! Вотъ солдату полтинникъ, корову я беру себѣ, а онъ пусть отнесетъ полученный полтинникъ назадъ, кому продать.

Сосѣдъ прогналъ солдата съ полтинникомъ вонъ, и вскорѣ дипломатическія сношенія перешли на непосредственныя личныя объясненія.

— Какое ты имѣешь право отбирать мою корову?! (ротные были на армейски-товарищеской ногѣ и говорили другъ другу ты). Я не позволю, я купилъ у солдата.

— Онъ не смѣлъ продавать безъ моего дозволенія. Это мое распоряженіе...

— Чорта мнѣ въ твоёмъ распоряженіи!

И пошла перестрѣлка.

Стали ихъ товарищи унимать:

— Господа! да вѣдь корова-то полтинникъ! Стыдно. Можно ли изъ-за полтинника?! Ну, купите себѣ любую.

— Пусть онъ самъ купитъ! Мнѣ дорогъ принципъ... Не отдамъ коровы...

— А не отдашь, такъ мнѣ полтинникъ мой недорогъ: сейчасъ иду въ стадо и застрѣлю корову изъ револьвера...

Словомъ, какъ въ Миргородѣ Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Къ сожалѣнію, только не изъ-за неприличнаго сопоставленія гуся ружью, какъ въ тихомъ Миргородѣ, а изъ алчности, перелившейся черезъ край.. И любителей было немало. Нѣкоторые возвратились изъ Китаба, увозя съ собою не одну-двѣ случайныя вещи на память о походѣ (напримѣръ, какъ остатокъ лагернаго бивака), а нѣсколько нагруженныхъ аровъ, большія и дорогія коллекціи, добытыя немалыми стараніями...

X.

Не могу при воспоминаніи о взятіи Китаба не вспомнить его конца.

На другой день приходился баталіонный праздникъ 9-го баталіона—грустный, тяжелый праздникъ...

Построили роты, отслужили молебень и вдоль рядовъ тихо обнесли походную койку тяжело раненаго полковника Соковнина, котораго потомъ отнесли подъ широкій шатеръ праздничнаго барака офицеровъ. Всѣ столпились около него, стали поздравлять.

— Благодарю васъ, не съ чѣмъ меня поздравлять, господа,— съ горечью въ голосѣ тихо отвѣчалъ недовольный больной:—ничего не сдѣлали, штурмъ проиграли...

Всѣ старались утѣшить его.

— Помилуйте, Василий Николаевичъ, что вы! Дѣло прошло хорошо: вы сдѣлали свое прекрасно. Полноте... Не волнуйтесь.... Зачѣмъ же преувеличивать....

— Ахъ, что вы меня, какъ мальчика, пустяками утѣшаете!— вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ добродушный Соковнинъ.—Развѣ я ничего не видѣлъ, ничего не знаю? Все вижу, все знаю лучше васъ... Ахъ, перестаньте!—задыхаясь отвѣчалъ онъ... Что до меня—такъ недѣлю-двѣ, и на покой... А мнѣ горько — не то горько, не то мнѣ надо, чтобы первому войти, а нужно не срамиться. Что мы сдѣлали?! Гдѣ эти люди, которые сдѣлали?!...

Больной волновался все сильнѣе, и утѣшенія только подливали масла въ огонь.

— Ахъ, что мнѣ «успокойтесь»: мнѣ все равно умирать сегодня или завтра... А нехорошо это! Ахъ, развѣ такъ должны себя офицеры вести? Вотъ вы... Гдѣ вы были? Мнѣ вѣдь извѣстно, что васъ не было... А вы?... куда дѣвались? Бросили людей... И вы!... на васъ-то я какъ рассчитывалъ... Ахъ, нехорошо, горько, ахъ, очень нехорошо... Козловскаго храбреца бросили...

И общій любимецъ, отецъ-командиръ, опасно раненый и слабый, тяжело задыхаясь, на порогѣ могилы, какъ судья, говорилъ прямо въ лицо свои горькія правдивыя рѣчи, смотря въ упоръ добрыми проникающими глазами, отъ которыхъ нельзя было уйти.

Положеніе становилось тяжелымъ для всѣхъ и опаснымъ для больного.

Кто-то догадался и притянулъ къ нему на глаза такихъ личностей, которыя его не раздражали. Онъ сталъ типе...

— Да, да, васъ я видѣлъ... Вы... благодарю васъ, да... хорошо...

Толпу стали отводить, и къ кровати подошелъ А. К. Абрамовъ. Онъ сѣлъ рядомъ и тихо, долго, задушевно сталъ говорить съ израненнымъ и взволнованнымъ человѣкомъ. Онъ освѣтилъ дѣло съ общей стороны, показалъ значеніе лѣвой колонны... Все дѣло было поставлено такъ, что она должна была жертвовать людьми, въ этомъ ея задача. Отдѣльнымъ мелочамъ онъ не придаетъ никакого значенія: онѣ, какъ всегда на войнѣ, вырастаютъ тамъ и тутъ, а общее впечатлѣніе—вполнѣ добрая служба... Василий Николаевичъ смотритъ невольнымъ образомъ односторонне, какъ больной, какъ выбывшій изъ строя въ пылу сраженія... Онъ, Абрамовъ, самъ испыталъ эти

ощущенія раздраженія, эту безсильную досаду на то, что не годенъ въ самую нужную минуту... Его люди, солдаты, были бесспорные молодцы, и онъ можетъ, положа руку на сердце, благодарить свой баталіонъ... Если были дѣйствительно слабые офицеры, то были и очень хорошіе... И прежде всего онъ хотѣлъ бы отмѣтить самого Соковнина, какъ неустрашимого командира, достойнаго всякой похвалы... Ему особенно нравится эта его честность, эта его прямота стараго солдата... Но это волнуетъ его, а это нездорово... Когда онъ поправится, а къ тому времени и награды придутъ... Онъ предполагаетъ представить Соковнина къ золотому оружію...

И подъ эти убаюкивающія рѣчи душевнаго человѣка добрый больной сталъ затихать, сталъ молча слушать, побѣждаемый искренностью и сердечностью тона собесѣдника, сталъ снова вѣрить въ людей и даже въ возможность своего выздоровленія...

Недолго досталось этому прекрасному человѣку вѣрить въ жизнь: онъ скончался мѣсяца черезъ два послѣ Китабскаго сраженія...

Заканчивая эти отрывки изъ моихъ туркестанскихъ воспоминаній, вызванные встрѣчею съ «Воспоминаніями» человѣка мало и односторонне знакомаго съ Туркестаномъ, мнѣ хотѣлось бы въ заключеніе помянуть добрымъ словомъ прежде всего простаго нашего солдата туркестанца, которому такъ много обязана исторія нашей окраины, а вмѣстѣ съ солдатомъ помянуть и многихъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые правильно умѣли повести этого солдата, воспользоваться его добрыми качествами и искренно оцѣнить его заслуги и его душу...

Д. Л. Ивановъ.

ОЧЕРКИ КУРЛЯНДСКОЙ СТАРИНЫ.

(По поводу столѣтія присоединенія Курляндіи къ Россіи).

Посвящается X Археологическому съѣзду въ Ригѣ.

I.

Городъ Митава и его историческій замокъ.

Общій видъ города.—Прошлое Митавы.—Основаніе замка въ XIII вѣкѣ.—Герцогъ курляндскій Яковъ.—Курляндскія колоніи въ Африкѣ и Америкѣ.—Разграбленіе замка шведами.—Случай съ герцогиней Луизой-Шарлоттой.—Въѣздъ московскаго посольства въ Митаву.—Взятіе замка Петромъ Великимъ.—Вдовствующая герцогиня Анна Іоанновна.—Морицъ Саксонскій въ Курляндіи.—Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ.—Перестройка замка по плану Растрелли.—Ссылка и возвращеніе Бирона въ Митаву.—Саксонскій принцъ Карль.—Петръ Биронъ, послѣдній герцогъ курляндскій.—Присоединеніе къ Россіи.

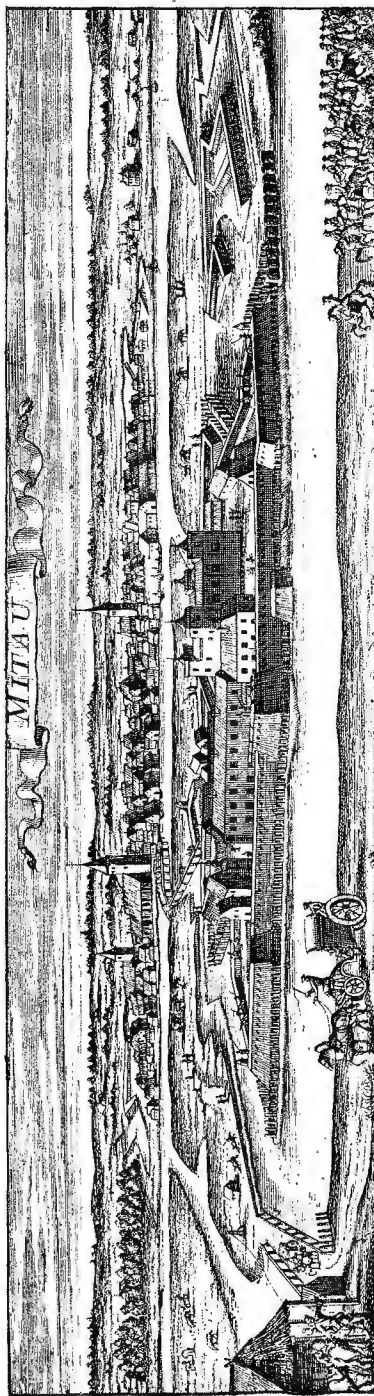

УТЕШЕСТВЕННИКУ, подъѣзжающему къ Митавѣ по желѣзной дорогѣ изъ Риги, прежде всего бросается въ глаза величественный дворецъ, окруженный зеленью обширнаго парка, весьма мало гармонирующей съ окружающею его обстановкой. И дѣйствительно, это грандіозное зданіе, архитектура котораго изобличаетъ руку мастера-художника, представляетъ рѣзкую противоположность съ самимъ городомъ, состоящимъ почти сплошь изъ небольшихъ невзрачнаго вида домиковъ, среди которыхъ выдѣляются блестящія главы вновь отстроеннаго православнаго собора и высокій шпиль мѣстной лютеранской церкви.

Таковъ въ настоящее время Митавскій замокъ, представляющій главную достопримѣчательность бывшей столицы герцоговъ курляндскихъ, съ исторіей которыхъ онъ тѣсно связанъ, будучи ихъ резиденціей съ половины XVI до конца XVIII столѣтія.

Какъ помѣщеніе, служащее мѣстопребываніемъ губернатора, Митавскій дворецъ представляетъ едва ли не единственное въ такомъ родѣ зданіе, расположенное внѣ городской черты и числящееся въ уѣздѣ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Аа, сливающаяся съ небольшою рѣчкой Дриксе, образуетъ островокъ, который съ одной стороны соединяется желѣзнымъ мостомъ съ городомъ, а съ другой, посредствомъ деревяннаго плавучаго моста, примыкаетъ къ большой шоссеиной дорогѣ, ведущей въ Ригу. Въ эпоху, предшествовавшую построению желѣзныхъ дорогъ, это шоссе, извѣстное подъ названіемъ Риго-Таурогенскаго почтоваго тракта, представляло главный и едва ли не единственный путь, по которому направлялись путешественники, ѣхавшіе изъ Петербурга черезъ Ригу и Митаву за границу и обратно. Въ эти времена Митава представляла оживленный городокъ, въ которомъ, благодаря наѣзжавшимъ гостямъ и богатому помѣщичьему элементу,

Митава въ 1703 году.
(Съ гравюры того времени).

бойко кипѣла общественная жизнь. Съ проведеніемъ Петербурго-Варшавской линіи она осталась въ сторонѣ отъ главнаго движенія, а сосѣдство съ богатой и все возрастающей Ригой, до которой теперь всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, совершенно убиваетъ маленькую Митава, сохранившую въ настоящее время лишь значеніе административнаго центра губерніи, какъ средоточіе ея присутственныхъ мѣстъ.

Но наряду съ этимъ Митава, какъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ нашей Балтійской окраины, имѣетъ въ высшей степени интересное прошлое, тѣмъ болѣе, что исторія маленькаго герцогства Курляндскаго, игравшаго въ XVIII вѣкѣ извѣстную роль въ судьбахъ нашего отечества, въ общемъ весьма мало извѣстна нашей читающей публикѣ. Митавскій замокъ нѣсколько разъ, то въ качествѣ гостя, то побѣдителя, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Великаго Петра; втеченіе 15 лѣтъ здѣсь жила съ своимъ дворомъ герцогиня Анна Іоанновна, впослѣдствіи императрица всероссійская; въ Митавѣ впервые взшла и померкла звѣзда всесильнаго нѣкогда Бирона; здѣсь спорили о правахъ на герцогскій престолъ Морицъ Саксонскій и Меншиковъ. Наконецъ въ царствованіе Павла I Митавскій замокъ въ качествѣ императорскаго дворца служилъ убѣжищемъ королю-изгнаннику Людовику XVIII, поселившемуся здѣсь съ остатками нѣкогда блестящаго версальскаго двора.

Съ этой-то «митавской стариной», съ историческимъ Митавскимъ замкомъ, судьба котораго, какъ мы уже упоминали, столь тѣсно связана съ исторіей самой Курляндіи, мы постараемся ознакомить читателей въ этихъ нѣсколькихъ очеркахъ и въ томъ очевидно объемѣ, который дозволяютъ намъ размѣры журнальной статьи.

Основаніе Митавскаго замка, построеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится Митавскій дворецъ, относится ко второй половинѣ XIII вѣка, когда, въ защиту отъ набѣговъ языческихъ латышей и литовцевъ, ливонскіе рыцари стали возводить укрѣпленные замки. 10-й магистръ Ливонскаго ордена Конрадъ фонъ-Мандернъ, прозванный Медемъ ¹⁾, выстроилъ такой замокъ между рѣками Аа и Дриксе. Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Haus Mitow — названіе, которое филологи производятъ отъ нѣмецкаго mitten in der Au, то-есть—посреди луга ²⁾. Воспѣвая доблести магистра, современный поэтъ XIII вѣка (Alnreke) говоритъ, что Конрадъ

Lies buwen uf der Semegaller A
 Uf eine schöne Owen
 Ein Hus das ist gennent Mitowen,

¹⁾ Родоначальникъ нынѣшнихъ бароновъ и графовъ Медемъ.

²⁾ Латышское названіе Митава—Jelgawa—имѣетъ то же значеніе. Прим. автора.

то-есть велѣлъ построить на семигальской рѣкѣ Аа, на прекрасномъ лугу, домъ, названный Митовень.

Замокъ этотъ былъ выстроенъ изъ булыжника и кирпича и имѣлъ видъ продолговатаго четырехугольника съ четырьмя сторожевыми башнями по угламъ. Съ этого времени вплоть до упраздненія Ливонскаго ордена въ половинѣ XVI вѣка Митавскій замокъ служилъ резиденціей командоровъ ордена. Упраздненіе это произошло въ 1562 году, когда послѣдній магистръ Ливонскаго ордена, Готгардъ Кетлеръ, изнемогая въ борьбѣ съ многочисленными врагами, сталъ искать защиты у польскаго короля Сигизмунда-Августа. 26-го ноября 1561 года былъ подписанъ въ Вильнѣ такъ называемый дого-

Митавскій замокъ въ XVII вѣкѣ.

воръ о подданствѣ (*Pacta subjectionis*), въ силу котораго орденъ былъ упраздненъ, а Готгарда Кетлера король польскій возвелъ въ наследственные герцоги Курляндіи, которая обращалась въ полусамостоятельное государство, вассальное Польшѣ. Въ такомъ видѣ Курляндія просуществовала 250 лѣтъ до паденія Польши и въ 1795 году присоединена къ Россіи.

Со времени Готгарда замокъ дѣлается резиденціей герцоговъ курляндскихъ. Этотъ герцогъ значительно расширилъ его, построивъ въ 1582 году на южной сторонѣ его церковь, подъ которой устроенъ былъ склепъ, служившій усыпальницей для членовъ герцогскаго дома.

Въ 1642 году, на курляндскій престолъ вступилъ четвертый герцогъ изъ рода Кетлеровъ—Яковъ. Время его управленія (1642—1682) считается золотымъ періодомъ курляндской исторіи, и мѣстные исто-

рики не безъ основанія называютъ его великимъ монархомъ маленькаго государства. Энергія и кипучая дѣятельность, которыя онъ проявилъ въ управленіи этой небольшой страной, благосостояніе, которымъ пользовалась Курляндія въ его время, даютъ полное основаніе предполагать, что если-бъ судьба поставила этого монарха во главѣ болѣе крупнаго государства,—имя Якова Курляндскаго было бы написано на ряду съ именами извѣстныхъ великихъ государей. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVI вѣка, во время управленія герцога Якова, маленькая Курляндія завязываетъ сношенія съ главнѣйшими государствами Западной Европы: заключаются трактаты и торговые договоры съ Англіей, Франціей, Испаніей и Голландіей. Курляндскій герцогъ имѣетъ представителя при дворѣ Людовика XIV, съ которымъ онъ заключаетъ торговый союзъ¹⁾. «Король-солнце» принимаетъ въ торжественной аудіенціи посла герцога Курляндскаго и въ перепискѣ называетъ послѣдняго «mon cousin». Записки курляндскихъ представителей при версальскомъ дворѣ, бароновъ Фирксъ и Фелькерзамъ, и донесенія ихъ къ герцогу представляютъ до сихъ поръ любопытный и цѣнный матеріалъ для изученія этихъ сношеній маленькаго княжества съ Франціей эпохи Людовика XIV²⁾. Въ 1664 году, такой же трактатъ заключенъ съ англійскимъ королемъ Карломъ II³⁾. Распоряжаясь умно и дальновидно государственною казною и доходами, герцогъ Яковъ развилъ въ Курляндіи торговлю, ремесла, промыслы и создалъ довольно значительный торговый флотъ. Города Либава и Виндава, на верфяхъ которыхъ строились курляндскіе корабли, сдѣлались значительными морскими портами, ведшими оживленную торговлю съ Западной Европой. Онъ приобрѣлъ колоніи въ Африкѣ, въ устьяхъ рѣки Гамбіи, и въ Америкѣ—островъ Табаго, одинъ изъ острововъ малой Антильской группы, на которомъ въ честь герцога основана курляндская колонія съ городомъ Якобштадтъ. Впослѣдствіи островъ этотъ захваченъ Голландіей, а въ настоящее время принадлежитъ Англіи.

Будучи весьма слабо укрѣпленъ и не имѣя другой защиты отъ нападенія враговъ, кромѣ собственныхъ стѣнъ и небольшого рва, Митавскій замокъ уже два раза въ XVII вѣкѣ (1621 и 1625 г.) попадалъ во власть шведовъ. Герцогъ Яковъ рѣшилъ укрѣпить его согласно правиламъ современнаго военнаго искусства и сдѣлать изъ него постоянную крѣпость. На островѣ вокругъ замка онъ соорудилъ пять фортовъ (бастіоновъ), которые соединены между

¹⁾ Traité de commerce entre Louis XIV roy de France et le duc Jaques de Courlaude fait à Paris le 30 decembre 1643.

²⁾ См. v. Mirbach: Kurische Briefe.

³⁾ Tractatus inter Carolum Magnae Britanniae Regem et Jacobum Ducem Curlandiae etc. (Ziegenhorn).

собою валами и защищены глубокими рвами. Названія этихъ бастіоновъ слѣдующія ¹⁾:

- На южной сторонѣ . . . . . Ober Bastion.
- » юго-западной . . . . . Pauli Bastion.
- » сѣверо-западной . . . . . Dänisch Bastion.
- » западной . . . . . Zcharnecki Bastion.
- » сѣверной . . . . . Scharfeck Bastion.

Ворота и мостъ защищены мостовымъ укрѣпленіемъ (tête de pont), находившимся на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время устроены роскошный замковый садъ.

Не смотря, однако, на это, Митавскому замку суждено было еще разъ попасть въ руки шведовъ: онъ измѣннически былъ захваченъ ими, и самъ герцогъ съ семействомъ, въ качествѣ плѣнника, отправленъ въ Ивангородъ, гдѣ содержался втеченіе двухъ лѣтъ до заключенія мира въ Оливѣ въ 1660 году.

Обстоятельство это настолько интересно, что мы позволимъ себѣ упомянуть о немъ нѣсколько словъ.

Въ описываемую эпоху, то-есть въ срединѣ XVII столѣтія, ознаменованнаго продолжительною борьбою Швеціи съ Польшей, Курляндія, въ качествѣ полунезависимаго государства, явля-

Яковъ Кетлеръ, герцогъ Курляндскій.

лась какъ бы нейтральною территоріей, служившей средоточіемъ дипломатическихъ переговоровъ между Швеціей, Польшей, Москвою, Даніей и Англіей. Герцогъ Яковъ, завоевавшій себѣ извѣстную самостоятельность среди сѣверныхъ державъ, являлся неоднократно посредникомъ между враждующими сторонами. Между тѣмъ шведскій король Карлъ X, усматривавшій въ дѣйствіяхъ герцога, какъ вассала Польши, двойную игру, рѣшилъ захватить Курляндію и самого герцога. Съ этой цѣлью онъ отдалъ тайное приказаніе шведскому генералу Дугласу, находившемуся въ Литвѣ, захватить врасплохъ Митавскій замокъ и самого герцога взять въ плѣнъ. Планъ

¹⁾ Monumenta Livoniae antiquae, I.

этотъ, при помощи военной хитрости, удался какъ нельзя лучше. Дугласъ подошелъ къ Митавѣ съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ и, расположившись лагеремъ вдоль рѣки Аа, вступилъ съ герцогомъ въ переговоры, прося разрѣшенія провести войска черезъ городъ. Во время этихъ переговоровъ 30-го сентября 1658 г., воспользовавшись темнотою ночи и безопасностью часовыхъ, онъ съ 500 человекъ ворвался въ замокъ, разграбилъ его, а герцога и его семейство измѣнически захватилъ въ плѣнъ ¹⁾.

Разсказываютъ, что когда одна изъ буйныхъ ватагъ шведскихъ солдатъ ворвалась внезапно въ комнату супруги Якова, герцогини Луизы-Шарлотты ²⁾, то на крики ея о помощи явились слуги и между ними придворный балетмейстеръ-французъ. Когда послѣдній съ «рыцарствомъ, свойственнымъ его націи», кинулся на защиту герцогини, одинъ изъ солдатъ замахнулся мечемъ и отрубилъ ему правую руку по самое плечо. Обстоятельство это, какъ говорятъ, произвело столь потрясающее и сильное впечатлѣніе на герцогиню, бывшую въ то время беременною, что когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, принцемъ Александромъ, послѣдній родился безъ правой руки. Предоставляя физиологамъ и медикамъ судить о возможности подобнаго явленія, мы можемъ лишь констатировать фактъ, что тѣло принца Александра, находящееся въ настоящее время въ склепѣ Митавскаго дворца, дѣйствительно лишено правой руки. Послѣднее обстоятельство, однако, не помѣшало юному принцу владѣть въ совершенствѣ оружіемъ и даже прославиться личной храбростью, такъ какъ извѣстно, что онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ при осадѣ Офена, въ 1686 году, въ чинѣ полковника Курбранденбургскаго пѣхотнаго полка.

Въ управленіе сына и наслѣдника Якова, герцога Фридриха-Казимира, весною 1697 года, Митаву впервые посѣтилъ царь Петръ, во время перваго своего путешествія за границу. Во главѣ этого достопамятнаго посольства, въ которомъ юный царь скрывался подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова, находились адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, бояринъ Ѳедоръ Головинъ и канцлеръ Прокопій Возницынъ. Изъ современнаго документа, хранящагося въ Курляндскомъ герцогскомъ архивѣ, подъ рубрикою: «*Unterthänigstes Material wegen Einführung und Tractirung der Moskowitzischen Gesandten*» ³⁾, видно, что московское посольство было весьма многочисленно и принято въ Митавѣ съ большими почестями, не мало стоившими герцогской казнѣ. Согласно этому любопытному документу свита «господъ великихъ пословъ изъ Москвы»

¹⁾ L. B. Die Erstürmung des Mitauer Schlosses durch die Schweden und die Hinführung der Curischen Herzogsfamilie in die Gefangenschaft von Iwangorod etc. von Mirbach: Kurische Briefe, II.

²⁾ Сестра великаго курфюрста Бранденбургскаго.

³⁾ Курл. Губернск. Вѣдом. 1892 г.

состояла почти изъ 800 человекъ разнаго званія, въ числѣ которыхъ находились: одинъ священникъ, три діакона, хоръ пѣвчихъ, хирургъ и до 250 человекъ всевозможной прислуги: пажи, рейтары, музыканты, трубачи, повара, лакеи, гайдуки и проч. и болѣе 700 лошадей.

Фридрихъ-Вильгельмъ герцогъ Курляндскій, супругъ царевны
Анны Іоанновны.

Выѣхавъ изъ Риги (которую, кстати сказать, царь остался крайне недоволенъ въ виду запрещенія шведовъ осмотрѣть Рижскую крѣпость) 23-го апрѣля новаго стиля, посольство на слѣдующій день прибыло въ Митаву и остановилось въ милѣ отъ города. Сюда высланъ былъ герцогомъ на встрѣчу высокимъ гостямъ церемоніймейстеръ съ отрядомъ гвардейцевъ и четырьмя парадными каретами,

запряженными шестерикомъ. Церемоніаль въѣзда московскихъ пословъ въ Митаву, довольно подробно описанный мѣстнымъ историкомъ Вигандомъ, происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ ¹⁾:

Когда великое царское посольство показалось въ виду города, оно было встрѣчено:

1) Почетнымъ карауломъ гражданства, въ мундирахъ, подъ ружьемъ, стоявшаго шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги.

2) Два взвода рейтаровъ, въ прекрасныхъ мундирахъ съ галунами, на превосходныхъ лошадяхъ, стояли въ отмѣнномъ парадѣ и сопровождали высокихъ пословъ до самаго ихъ помѣщенія.

3) За ними слѣдовала герцогская гвардія съ двумя трубачами, въ отмѣнныхъ мундирахъ, но безъ штандарта.

4) Шесть трубачей съ литаврикомъ верхами.

5) Три герцогскія позолоченныя кареты.

6) Шесть русскихъ трубачей въ красныхъ мундирахъ съ серебряными галунами.

7) Двадцать русскихъ кавалеровъ верхами въ блестящихъ мундирахъ.

8) Вся герцогская придворная свита въ прекраснѣйшей одеждѣ и мундирахъ верхами.

9) Царская парадная карета, запряженная шестью лошадьми буланой масти (*Isabella Pferde*), гривы и хвосты которыхъ перевиты красными съ золотомъ лентами. Эта карета была обита изнутри золотой парчею съ алымъ бархатнымъ сидѣніемъ, богато расшитымъ золотомъ и серебромъ, и въ ней находились въ богатѣйшихъ одеждахъ три велико-царскихъ посла, а именно:

Во-первыхъ, его свѣтлость высокородный господинъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, его царскаго величества генераль-адмиралъ и намѣстникъ новгородскій ²⁾.

Во-вторыхъ, его свѣтлость высокородный господинъ Феодоръ Алексѣевичъ Головинъ, его царскаго величества генераль-комиссаръ, намѣстникъ сибирскій.

Въ-третьихъ, его свѣтлость высокородный господинъ Прокопій Богдановичъ Возницынъ, его царскаго величества государственный канцлеръ, и рядомъ съ нимъ высокогерцогскій Митавскій оберъ-гауптманъ, высокородный господинъ Фромгольдъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ (*von-der-Osten, genannt Sacken*).

10) По обѣимъ сторонамъ каретъ шли 24 московскихъ гайдука въ ярко-красныхъ ливреяхъ съ большими серебряными шнурами

¹⁾ См. Cruse: *Curland unter den Herzügen*, I, 329. Wigand: *Die Grosz-Zarische Gesandtschaft bei ihrer Durchreise durch Mitau den 24 April, 1697*, 323—326.

²⁾ Вотъ подлинный нѣмецкій текстъ, курьезный слогъ котораго мы приводимъ:
1-ste war der Erlauchte und Hochgeborne Herr Franz Jablewitz (sic) Le Fort, Ihro Grosz-Zarische Majestät hochbestallter General-Admiral und Statthalter zu Nowgorod etc.

Карль, принцъ Саксонскій, герцогъ Курляндскій.

и такими же пуговицами, на груди которыхъ были вышиты русскіе двуглавыя орлы, держащіе въ одной лапѣ государственную державу, а въ другой—скипертъ.

11) За ними слѣдовала рейтары и лакеи его свѣтлости герцога.

12) За посольской каретой ѣхали верхами многочисленныя московскіе пажы и лакеи въ красныхъ нѣмецкихъ ливреяхъ и превосходныхъ галунахъ.

13) По прибытіи великаго царскаго посольства къ предназначенному помѣщенію, господа послы вышли изъ парадной кареты, и

въ то же время изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій герцогской резиденціи раздался салютаціонный залпъ.

«Втеченіе 8-ми дней, — говоритъ Вигандъ, — его герцогская свѣтлость принимала пословъ съ отмѣннымъ великолѣпіемъ, развлекая ихъ всевозможными забавами и увеселеніями. Въ составѣ этого посольства находился и его царское величество, царь Петръ Первый, въ совершеннѣйшемъ incognito, который, однако, имѣлъ съ герцогомъ троекратно тайныя весьма дружественныя конференціи и бесѣды».

Петръ Великій, какъ извѣстно, очень любилъ дѣтей. Когда герцогъ привелъ къ царю пятилѣтняго сына, принца Фридриха-Вильгельма, Петръ, лаская ребенка, шутя обѣщавъ женить его на русской царевнѣ ¹⁾. Обѣщаніе это, какъ мы увидимъ ниже, царь привелъ въ исполненіе, такъ какъ спустя 14 лѣтъ, въ 1711 году, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, дѣйствительно, вступилъ въ бракъ съ племянницей Петра Великаго, царевной Анной Іоанновной.

Оставивъ посольство въ Митавѣ, царь отправился впередъ нѣсколькими днями раньше съ небольшою свитой и прибылъ въ Либаву, откуда уже моремъ переправился въ Кенигсбергъ.

Въ 1705 году, Митавскій замокъ снова видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Петра Великаго. Въ это время уже раздавались громы великой сѣверной войны, охватившей все балтійское побережье и въ томъ числѣ и маленькую Курляндію, занятую шведскими войсками корпуса Левенгаупта. Курляндія, фактически оставшаяся безъ правителя, быстро занята была шведами. Герцога Фридриха-Казимира уже не было въ живыхъ, а за малолѣтствомъ Фридриха-Вильгельма герцогствомъ управлялъ его родной дядя, Фердинандъ, за которымъ, вопреки желанію курляндскаго дворянства, польскій король Августъ II утвердилъ регентство, присвоивъ ему, до совершеннолѣтія племянника, званіе: «Dux, Tutor et Administrator». Шведскія войска опустошали страну, а администраторъ Фердинандъ, оставивъ герцогство на произволь судьбы, переселился въ Данцигъ, откуда номинально и управлялъ странюю.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ августѣ 1705 года къ Митавѣ, занятой шведскимъ гарнизономъ подъ начальствомъ полковника Кнорринга, подступили русскія войска. Послѣднія принадлежали къ корпусу князя Репнина, во главѣ которыхъ шелъ самъ царь съ гвардіей и драгунскими полками генераль-маіора Ренне. 14-го августа, государь подошелъ къ Митавѣ и расположился съ кавалеріей въ предмѣстьи, гвардія встала въ городѣ, а князь Реп-

¹⁾ Ihre Grosz-Zarische Majestät haben den Hochfürstlichen Prinzen Friedrich-Wilhelm öfters in die Höhe gehoben und herzlich geküset, auch theuer versprochen, dass wenn Er wacksen würde, wollte Er Ihn mit einer Grosz-Zarischen Prinzessin beheirathen, welches auch hernachmals zu groszer Bewanderung und Frede aller der Herzogthümer Eingesessen glücklich eingetroffen. Cruse: Curland, I, 332.

пингъ съ пѣхотными полками—за рѣкою Аа, противъ крѣпости. Въ послѣдней было около 2,000 человекъ гарнизона, снабженнаго значительными съѣстными припасами, прекрасной артиллеріей и боевыми снарядами, и комендантъ Кноррингъ, повидимому, рѣшился на серьезное сопротивленіе. Съ своей стороны Петръ сталъ готовиться

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ, герцогъ Курляндскій.

къ правильной осадѣ и сдѣлалъ соответствующія распоряженія. 14-го августа, отданъ былъ приказъ по войскамъ объ изготовленіи въ каждомъ баталіонѣ по 200 туръ и 600 фашинъ для атаки митавскаго замка. Жители Митавы и окрестное населеніе, бывшіе подъ недавнимъ впечатлѣніемъ шведскаго постоя, въ ужасѣ помышляли

о предстоящихъ бѣдствіяхъ и плачевной судьбѣ города, находящагося подѣ непріятельскими выстрѣлами. Но опасенія ихъ вскорѣ разсѣялись: образъ дѣйствія русскихъ войскъ совершенно отличался отъ способа веденія войны шведовъ, которые еще со временъ Густава-Адольфа были для Курляндіи синонимомъ насплій, грабежей и убійствъ, особенно же послѣ разграбленія замка Дугласомъ и измѣнническаго плѣненія герцога Якова.

Первымъ же распоряженіемъ царя было обезпеченіе безопасности жителей Митавы, что видно изъ собственноручнаго дневника Петра Великаго, въ которомъ подѣ 19 числомъ августа мы читаемъ слѣдующее: въ сей день послано отъ генераль-маіора Рена въ замокъ митавскій къ непріятелю письмо, чтобъ они изъ замка по мѣщанскимъ домамъ изъ пушекъ не стрѣляли, тако-жъ и бомбъ не метали, понеже тотъ городъ и въ немъ жители суть нейтральны. Противъ котораго они на другой день отвѣтствовали, что чинить того не будутъ, ежели изъ онаго не будутъ надѣ замкомъ ихъ чинить промысла и чтобъ для того ихъ офицеру осмотрѣть, что имъ и позволено, также обѣщано, что изъ города надѣ замкомъ ничего дѣлать не будутъ¹⁾.

Послѣ двухнедѣльной осады, во время которой всѣ непріятельскія вылазки были отбиты съ большимъ урономъ для шведовъ, послѣднимъ отправлено было 1-го сентября письмо, въ которомъ Петръ заявилъ, что если замокъ не сдастся, то пусть непріятель не надѣется «добрый аккордъ получить». Наконецъ, 4-го сентября 1705 года, замокъ сдался, при чемъ побѣдителю достались 900 челоуѣкъ плѣнныхъ, около 60 орудій и множество пороху, свинца и другихъ воинскихъ припасовъ. Оффиціальная сдача замка послѣдовала лишь на другой день, 5-го сентября, и принятіе крѣпости русскими войсками затянулось по довольно характерной причинѣ, о которой упоминается въ царскомъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ: «Когда караулы наши стали у шведовъ принимать, тогда подѣ церковью въ погребѣ, гдѣ кладутся тѣла князей курляндскихъ²⁾, увидѣли наши, что ихъ тѣла изъ гробовъ выброшены и ограблены, что, видя, не смѣнили; но призвали полковника Кнорринга, у котораго взяли во свидѣтельство письмо, что его люди то сдѣлали, и потомъ приняли всѣ караулы»³⁾.

¹⁾ См. Журналь или подневныя записки блаженнаго и вѣчподостойнаго памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 г. даже до заключенія Нейштадтскаго мира. Сиб. 1770. Изданіе Академіи Наукъ. Ч. I, стр. 122.

²⁾ Тѣла герцоговъ курляндскихъ до сихъ поръ сохраняются въ склепѣ митавскаго дворца, въ которомъ помѣщаются 30 гробницъ членовъ Кетлерова дома, а также тѣла Эрнста-Іоанна Вирова и его супруги Беатрицы.

³⁾ Журналь Петра Великаго, ч. II, стр. 125.

Какъ мы уже упоминали, Курляндіей управлялъ регентъ Фердинандъ, а малолѣтній герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ удалился съ матерью своею въ Германію, гдѣ воспитывался при Бейрейтскомъ дворѣ до 18-ти-лѣтняго возраста. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ

Бенигна-Готлибъ Биронъ, герцогиня Курляндская.

въ 1710 году вернулся на родину въ качествѣ герцога Курляндскаго и въ томъ же году, согласно желанію Петра I, вступилъ въ супружество съ царевной Анной Іоанновной. Брачный союзъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоденъ для маленькаго герцогства, такъ какъ обезпечивалъ ему одновременно покровительство Россіи и Прус-

«Истор. вѣстн.», июнь, 1896 г., т. LXIV.

сін ¹⁾). По договору о «марьяжѣ», заключенному въ Петербургѣ курляндскими уполномоченными Ренне и Лау съ одной стороны и Менпиковымъ и Шафировымъ — съ другой, царь, кромѣ приданнаго, давалъ герцогу 200 тысячъ рублей на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ, чтобы на случай смерти герцога, Аннѣ Іоанновнѣ была выдаваема Курляндіей пенсія въ размѣрѣ 40 тысячъ рублей.

Бракосочетаніе совершено въ Петербургѣ въ октябрѣ 1710 года съ «зѣло большимъ увеселеніемъ», и въ началѣ 1711 года молодой герцогъ съ супругою отправились въ Курляндію, но свирѣпствовавшая въ то время болѣзнь — оспа — преждевременно свела юнаго герцога въ могилу: онъ умеръ на дорогѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Петербурга. Со смертью герцога Фридриха-Вильгельма, на курляндскій герцогскій престолъ вступилъ бывшій администраторъ Фердинандъ (1711—1737), дядя покойнаго, о которомъ уже упомянуто выше — послѣдній и бездѣтный представитель дома Кетлеровъ. Польша, которой онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ, тотчасъ утвердила его въ правахъ. Но Петръ, установившій уже вліяніе на курляндскія дѣла бракомъ своей племянницы, очевидно, не хотѣлъ отъ него отказаться и старался противодѣйствовать вліянію Польши. Лучшимъ предлогомъ для этого являлись денежныя дѣла герцогини. Герцогъ Фердинандъ, жившій въ Данцигѣ, только номинально управлялъ Курляндіей, фактическими же заправилами въ странѣ являлись дворяне въ лицѣ герцогскаго совѣта, находившагося въ Митавѣ. Оберъ-раты, тяготившіеся, въ виду скудности денежныхъ средствъ, уплатою вдовствующей герцогинѣ пенсіи, предложили ей самой вступитъ въ управленіе герцогскими имѣніями. Петръ рѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами для поддержанія сношеній съ Курляндіей: онъ вызвалъ проживавшую въ своемъ селѣ Измайловѣ Анну Іоанновну и предложилъ ей отправиться въ Митаву: въ качествѣ гофмейстера ея двора и вмѣстѣ съ тѣмъ русскаго резидента, въ Курляндію былъ назначенъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ (отецъ знаменитаго впослѣдствіи канцлера). Съ этого момента Россія начинаетъ оказывать видимое вліяніе на Курляндскія дѣла: всякій разъ, когда требовалось политическое воздѣйствіе на Курляндію, тотчасъ возбуждался нами вопросъ о заложенныхъ имѣніяхъ герцога, и Бестужеву предписывалось энергически взыскивать пенсію вдовствующей герцогинѣ и въ случаѣ неуплаты поставить въ имѣніяхъ этихъ экзекуцію изъ русскихъ войскъ. Такъ, въ 1716 году Петръ писалъ Бестужеву: «...слышно, что шляхта «Курляндская» собирается выбирать себѣ новаго князя; того ради, ежели сіе будетъ, заразъ нарочитымъ изъ нихъ за секретъ объявить, чтобы они были согласны съ нами,

¹⁾ Со стороны матери герцога Елисаветы-Софіи, урожденной принцессы Бранденбургскаго курфюрства.

яко ближайшими сосѣдями, и никого не назначали, но первѣ съ нами снеслись бы, кого хотятъ»¹⁾. Тѣмъ временемъ, въ виду бездѣтности послѣдняго изъ Кетлеровъ, Фердинанда, сталъ возбуждаться въ Курляндіи и въ Польшѣ вопросъ о престолонаслѣдіи. Польскіе юристы утверждали, что съ прекращеніемъ династіи Кетлеровъ ленное владѣніе должно, какъ выморочное, перейти къ Польшѣ; въ Курляндіи же оспаривали это, говоря, что изъ договора 1561 года съ Сигизмундомъ-Августомъ вовсе не видно, что Курляндія лишена была права избрать себѣ герцога изъ новой династіи. Между тѣмъ, скончался Петръ, и на престолъ вступила Екатерина I. Всесильный въ то время Меншиковъ усиленно хлопоталъ въ Варшавѣ чрезъ своихъ агентовъ о предоставленіи ему герцогства Курляндскаго, въ чемъ, быть можетъ, и успѣлъ бы, если бы не явился на сцену новый кандидатъ. То былъ извѣстный графъ Морицъ Саксонскій, выказавшій свои военныя дарованія въ арміяхъ принца Евгенія, Мальборо, въ войнахъ со шведами и турками. Саксонская партія, весьма вліятельная въ то время при Польскомъ дворѣ, поддерживала его кандидатуру и вела переговоры съ Петербургомъ, предлагая соединить его брачнымъ союзомъ съ вдовствующей герцогиней Анной Иоанновной и уговорить Курляндское дворянство избрать на ближайшемъ ландтагѣ Морица Саксонскаго наслѣдственнымъ герцогомъ курляндскимъ. Но въ Петербургѣ не желали усиленія саксонской династіи (Морицъ былъ побочнымъ сыномъ Августа, курфюрста саксонскаго) и предложили чрезъ Бестужева избрать принца Голштинскаго, наотрѣзъ отказавшись согласиться на избраніе Морица. Послѣдній, однако, заручившись содѣйствіемъ курляндскихъ дворянъ, былъ избранъ въ Митавѣ на ландтагѣ оберъ-ратами и рыцарствомъ въ герцоги, «ибо,—говорилось въ актѣ избранія,—свѣтлѣйшій родъ Кетлеровъ въ особѣ Фердинанда, повидимому, скоро пресѣчется». Но Морицъ недолго продержался въ Курляндіи: польская партія, стоявшая за безусловное присоединеніе герцогства къ Польшѣ, взяла верхъ, и изъ Варшавы отправлена была комиссія для улаженія курляндскихъ дѣлъ. При комиссіи находился отрядъ войскъ въ 5,000 человекъ. Тогда русскія войска, стоявшія наготовѣ въ Ригѣ, подъ начальствомъ Ласси, вступили тотчасъ въ Курляндію и осадили Морица, укрѣпившагося съ незначительными силами на островѣ при озерѣ Усмайтенскомъ, въ западной Курляндіи. Морицъ долженъ былъ бѣжать, и прибывшая затѣмъ польская комиссія утвердила права Фердинанда и весь status quo. Все это время вдовствующая герцогиня Анна проживала въ Митавѣ, въ продолженіе 15-ти лѣтъ, до самаго избранія ея на всероссійскій престолъ. Изъ лицъ, находившихся при ней, вскорѣ сталъ пріобрѣтать особенное вліяніе человекъ, по-

1) См. статью «Меншиковъ и Морицъ Саксонскій въ Курляндіи».

лучившій въ послѣдствіи печальную въ исторіи нашей извѣстность подъ именемъ временщика Бирона. Настоящая его фамилія собственно была Бюрентъ (Bühren). Сынъ мелкопомѣстнаго землевладѣльца въ Курляндіи, бывшаго на польской службѣ, Эрнестъ-Іоаннъ Бюрентъ, въ 1720-хъ годахъ впервые появляется при дворѣ вдовствующей герцогини Анны въ качествѣ ея секретаря и камеръ-юнкера. Окончивъ образованіе въ Кенигсбергскомъ университетѣ, онъ, какъ способный, образованный и ловкій человѣкъ, былъ рекомендованъ Бестужеву, который и доставилъ ему мѣсто при дворѣ Анны. Заслуживъ довѣріе и расположеніе вдовствующей герцогини, онъ настолько успѣшно повелъ свои дѣла, что, по словамъ того же Бестужева, въ 1727 году «всѣмъ уже управлялъ въ Митавѣ». Со вступленіемъ императрицы Анны на всероссійскій престолъ въ 1730 году, онъ сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ и пожалованъ императоромъ Карломъ VI въ графы Римской имперіи. Съ этого времени необычная карьера этого временщика идетъ быстрыми шагами, и наконецъ въ 1737 году, по смерти Фердинанда, Бюрентъ, при содѣйствіи императрицы, избранъ наследственнымъ герцогомъ курляндскимъ ¹⁾. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ императрицы, Биронъ, сдѣлавшись герцогомъ Курляндскимъ, продолжалъ черпать свои доходы изъ русской казны на удовлетвореніе своихъ прхотей: старый замокъ Кетлеровъ уже не удовлетворялъ потребностямъ и вкусамъ новаго герцога Курляндскаго, и въ 1738 году по приказанію Бирона стѣны его были взорваны, и весь онъ срытъ до основанія, а на мѣстѣ его былъ заложенъ новый Митавскій дворецъ, который онъ предназначилъ для своей резиденціи. Планъ составленъ былъ по проекту строителя Зимняго дворца, знаменитаго архитектора графа Растрелли, при чемъ по предварительной смѣтѣ назначена была значительная по тому времени сумма въ 300 тысячъ рублей. Для этой постройки, производящейся очевидно на русскія деньги, изъ Россіи же выписаны архитектора и рабочіе, причемъ всѣ чугунные орнаменты, видные и донинѣ, изготовлены на русскихъ чугунно-литейныхъ заводахъ. Постройка продолжалась два года и въ 1740 году доведена до крышъ, когда по измѣнившимся обстоятельствамъ должна была внезапно прекратиться и была окончена лишь 22 года спустя. Со смертью императрицы вскорѣ померкла и звѣзда Бирона: въ томъ же 1740 году онъ, какъ извѣстно, отправленъ въ ссылку, сначала въ Пелымъ, а затѣмъ по вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы переведенъ былъ въ Ярославль, гдѣ и прожилъ съ семействомъ 22 года, до самаго воцаренія Екатерины II.

¹⁾ Титуловался онъ слѣдующимъ образомъ: «von Gottes Gnaden Wir Ernst Johann, in Liefland, zu Curland und Semgallen-Herzog, freier Standes herr in Schlesien zu Wartenberg, Bralin und Goschütz etc.».

Между тѣмъ, по удаленіи Бирона, Курляндія оставалась безъ герцога и управлялась оберъ-ратами, то-есть чинами герцогскаго совѣта, выбираемыми изъ мѣстнаго дворянства, которое фактически и заправляло всей страной. Съ своей стороны Польша, вслѣдствіе неожиданнаго устраненія Бирона, снова стала подумывать о присоединеніи Курляндіи, а польскій король Августъ III, какъ саксон-

Петръ Биронъ, послѣдній герцогъ Курляндскій.

скій принцъ, возымѣлъ желаніе доставить герцогство своему второму сыну Карлу. Заручившись въ Петербургѣ согласіемъ Елизаветы Петровны, принцъ Карлъ въ 1758 году избранъ былъ частью дворянства въ герцоги курляндскіе, хотя все время своего управленія съ 1758 по 1762 г. оставался въ крайне неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ литовскій канцлеръ ни за что не хотѣлъ утвер-

дить печатью его избраніе, безъ чего герцогскій дипломъ не имѣлъ законной силы. Такъ продолжалось до 1762 года, когда на престолъ всероссійскій вступила Екатерина II, которая, стремясь уничтожить польское вліяніе въ Курляндіи, рѣшила немедленно возстановить на герцогскомъ престолѣ стараго Бирона, недавно возвращеннаго изъ ссылки и, безъ сомнѣнія, покорнаго ея волѣ. Цѣлымъ рядомъ указовъ и рескриптовъ¹⁾ на имя рижскаго генераль-губернатора Броуна и резидента нашего въ Митавѣ Симолина императрица предписываетъ имъ подготовить умы въ смыслѣ необходимости возстановленія Бирона и незаконности избранія принца Карла и на случай необходимости поддержать наши требованія военною силою. 3-го августа 1762 года, Броуну отправленъ слѣдующій рескриптъ: «Нашему генераль-аншефу Броуну. Какъ мы намѣрены герцога курляндскаго Эрнста-Юганна въ имѣющихся его на сіе герцогство претензіяхъ не только подкрѣплять, но и способствовать въ возстановленіи его въ сіи княжества, почему могутъ происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторыя непорядки, то для предупрежденія оныхъ всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ изъ находящихся въ командѣ вашей гарнизонныхъ полковъ или же изъ ярославскаго (пѣхотнаго) нарядить немедленно цѣлый баталіонъ при исправномъ штабъ-офицерѣ и велѣть оному идти вскорѣ въ Митаву и, явясъ находящемуся тамо нашему министру статскому совѣтнику Симолину, расположиться по квартирамъ, и поступать во всемъ по наставленіямъ онаго министра нашего Симолина, который снабженъ отъ насъ потребною о томъ инструкціею».

Въ силу этого указа тотчасъ же отправленъ былъ въ Митаву баталіонъ съ двумя орудіями при подполковникѣ и 12 оберъ-офицерахъ, а вскорѣ за симъ, въ концѣ декабря 1762 года Биронъ, находившійся уже въ Ригѣ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Митаву. Дворянство въ числѣ 200 человекъ вышло ему на встрѣчу, а русскій баталіонъ встрѣтилъ его барабаннымъ боемъ, музыкою и пушечною пальбою. Остановился Биронъ въ домѣ мѣстнаго купца (Фремона, такъ какъ малый дворецъ²⁾ былъ все еще занятъ принцемъ Карломъ, который продолжалъ «упорствовать» и на всѣ увѣщанія резидента нашего Симолина отвѣчалъ, что онъ безъ особаго приказанія короля польскаго своего мѣста уступить не можетъ. Когда Броунъ донесъ объ этомъ императрицѣ, то вскорѣ затѣмъ получилъ приказаніе «безъ замедленія ѣхать въ Митаву и нашимъ именемъ помянутому принцу Карлу присовѣтывать», «дабы онъ по своему благоразумію, уступивъ времени и обстоятельствамъ, выѣхалъ оттуда съ благопристойностію»; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы помяну-

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, IV, 290.

²⁾ Тотъ самый, въ которомъ проживала Анна Юанновна, гдѣ нынѣ находится классическая гимназія. Пригвч. автора.

тое «присовѣтованіе» имѣло желаемый успѣхъ, дана была особая инструкція Симолину, чтобы онъ «обще съ герцогомъ Эрнестомъ-Іоганномъ старался довести до того, чтобы тамошнее дворянство формальнымъ образомъ адресовалось къ помянутому Симолину, какъ министру нашему, и просило у него нашего вспоможенія въ выпровожденіи принца Карла изъ Митавы».

Наконецъ, 17 апрѣля, 1763 года послѣ продолжительныхъ переговоровъ, принцъ Карлъ, которому ничего не оставалось иного, какъ согласно совѣту императрицы «выѣхать съ благопристойностью», покинулъ Курляндію и вернулся въ Варшаву, Биронъ же окончательно водворился въ Митавѣ.

Въ томъ же 1763 году, Биронъ приступилъ къ перестройкѣ митавскаго дворца, который въ теченіе 22-лѣтней ссылки его такъ и оставался недоконченнымъ. Когда возведена была крыша и закончены всѣ наружныя работы, особенное вниманіе было обращено на внутреннее его устройство и украшеніе. Особенною роскошью отличались потолки герцогскихъ покоевъ, въ которыхъ для плафонной живописи специально выписаны изъ Петербурга художники Ротари и Фонте-Бассо; скульптурныя украшенія сдѣланы нѣмецкимъ художникомъ Граффомъ. Дворцовая капелла, помѣщенная въ лѣвомъ корпусѣ зданія, украшена колоннами подъ красный мраморъ. Танцевальный залъ съ богато украшеннымъ плафономъ занималъ пространство въ одиннадцать съ половиною сажень въ длину; парадная лѣстница, подъѣздъ которой помѣщался внутри двора, была сдѣлана изъ дуба, выкрашеннаго подъ бѣлый мраморъ, и къ ней вела небольшая колоннада¹⁾.

Въ 1769 году, Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ совершилъ торжественное отреченіе и передалъ управленіе герцогствомъ старшему своему сыну Петру. Этимъ годомъ заканчивается политическая карьера нѣкогда грознаго временщика, который въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ своей жизни совершенно удалился отъ дѣлъ и проживалъ въ Митавѣ въ кругу своего семейства. О происхожденіи Бирона долгое время ходили самые разнообразныя толки, носившіе послѣ его паденія характеръ сплетенъ. Многочисленные враги и недоброжелатели его стали усиленно распространять самые нелѣпыя слухи, на основаніи которыхъ отецъ герцога, родомъ изъ латышей, былъ цѣловальникомъ въ одномъ изъ рижскихъ кабаковъ, а самъ онъ, Эрнстъ-Іоаннъ, будто служилъ конюхомъ при старомъ герцогскомъ дворѣ и т. п. Всѣ эти слухи, державшіеся долгое время упорно, основывались особенно на небольшой печатной брошюркѣ, изданной въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія вскорѣ послѣ ссылки герцогскаго семейства въ Сибирь. Всѣ эти слухи совершенно неосновательны, такъ какъ въ настоящее время уже выяснено, что Бю-

¹⁾ Архивъ строительнаго отдѣленія курляндскаго губернскаго правленія.

рены безусловно дворянскаго происхожденія, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что имѣніе Кальпцеемъ близъ Митавы, принадлежавшее отцу временщика, было родовою вотчиною, пожалованною герцогомъ Готгардомъ въ 1573 году одному изъ предковъ его, Карлу Бюрену. Фамилія Бюреновъ въ Курляндіи упоминается съ 1564 года въ непрерывной послѣдовательности вплоть до Эрнста-Іоанна, какъ родъ дворянскій, хотя ихъ ходатайства о принятіи рода въ корпорацію курляндскаго дворянства (такъ называемый матрикуль) не имѣли успѣха, но уже самая настойчивость этихъ требованій членами этого рода (съ 1633 по 1712) почти на всякомъ ландтагѣ и при варшавскомъ дворѣ доказываетъ, что Бюрены считали себя на это въ законномъ правѣ. Въ 1638 году, польскій король Владиславъ IV возобновилъ находившемуся на польской службѣ Матвѣю Бюрену (вестфальскому выходцу), дѣду Эрнста, ихъ старыя дворянскія грамоты.

Между тѣмъ оказывается, что Биронъ, благодаря громадному своему тщеславію, являлся отчасти виновникомъ этихъ слуховъ и вотъ по какому случаю. Сдѣлавшись камергеромъ императрицы и возведенный императоромъ Карломъ VI въ графы священнон римской имперіи, онъ уже подписывалъ свою фамилію не Bühren, а Biron, намекая этимъ на свое якобы происхожденіе отъ знаменитаго французскаго рода герцоговъ de Gontaut Biron, въ чемъ, какъ говорятъ, изъ угожденія къ любимцу императрицы, его поддерживалъ даже тогдашній французскій посоль въ тайнѣ подсмѣивавшійся надъ самохвальствомъ курляндскаго выходца въ своихъ депешахъ. Какъ бы то ни было, самъ Биронъ настолько, повидимому, желалъ этому вѣрить, что съ своей стороны принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію ненавистнаго ему имени Bühren, уничтоживъ, какъ говорятъ, всѣ бумаги и документы, доказывавшіе его скромное, но все же несомнѣнно дворянское происхожденіе. Враги герцога очевидно воспользовались этимъ отсутствіемъ документовъ, и только значительно позже, то-есть въ серединѣ настоящаго столѣтія, стали появляться въ печати болѣе правдивыя свѣдѣнія о Биронахъ, почерпнутыя изъ архивовъ Кенигсбергскаго университета и въ нѣкоторыхъ бумагахъ ихъ курляндской родовой вотчины.

Въ 1772 году, была окончена постройка митавскаго дворца, и герцогское семейство переѣхало въ новую свою резиденцію 8-го декабря. 28-го числа того же мѣсяца, скончался Эрнстъ-Іоаннъ, проживъ всего 8 дней въ отстроеномъ имъ великолѣпномъ дворцѣ. Онъ похороненъ въ склепѣ митавскаго дворца, гдѣ тѣло его, набальзамированное и положенное въ два гроба, находится и донинѣ, вмѣстѣ съ тѣлами герцоговъ Кетлерова дома.

Послѣдній герцогъ курляндскій, Петръ Биронъ (1769—1795), жилъ въ Митавскомъ дворцѣ до 1782 года, а затѣмъ переселился въ свой увеселительный замокъ Вюрцау, близъ Митавы, гдѣ и проживалъ до

1795 года вплоть до своего отречения и присоединения Курляндии к России. В этом году, получив денежное вознаграждение от России, он выехал за границу и поселился в своих силезских имениях, принадлежащих и до настоящего времени роду Бироновъ.

Со смертью герцога Петра родъ Бироновъ прекратился в прямой линии. Петръ Биронъ, женатый три раза ¹⁾, не оставил мужского потомства. Последнее сохранилось в родѣ брата его, Карла-Эрнеста, правнукъ котораго, Густавъ, носящій титулъ князя курляндскаго, в настоящее время состоит на германской службѣ. Мать его русская, урожденная княжна Мещерская.

Присоединение Курляндии к России, какъ слѣдствие другого, болѣе крупнаго историческаго событія, перевернувшего всю европейскую политику, прошло сравнительно незамѣченнымъ. За годъ передъ тѣмъ (въ 1794 г.) окончила свое существование Польская Рѣчь Посполитая: раздробленіе польскаго королевства невольно отвлекло вниманіе отъ небольшого вассальнаго княжества, о присоединеніи котораго к России, даже в современныхъ нашихъ учебникахъ ²⁾, упоминается какъ бы вскользь, съ поясненіемъ, что послѣ раздѣла Польши между тремя державами «Россіи достались Литва и вассальное Курляндское герцогство», съ именемъ котораго для большинства связывается лишь понятіе о герцогѣ курляндскомъ Биронѣ и плачевной эпохѣ, извѣстной в отечественной исторіи нашей подъ именемъ «Бироновщины».

А между тѣмъ присоединеніемъ к России Курляндии завершилось великое в историческихъ судьбахъ нашего отечества событіе—собрание воедино разрозненныхъ нѣкогда областей древней Ливоніи, начало которому положено Грознымъ, которое продолжено Петромъ, окончено Екатериной и окончательно завершено судебными и административными реформами в Прибалтійскомъ краѣ в царствованіе Александра III-го,—реформами, благодаря которымъ Курляндія вступила наконецъ на путь единенія съ великимъ своимъ отечествомъ—Россіей, в одно крѣпкое цѣлое, связанное единствомъ закона и учреждений.

К. А. Военскій.

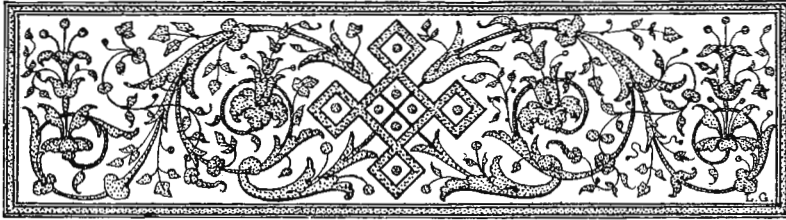
(Продолженіе в слѣдующей книжкѣ).

~~~~~

¹⁾ Первая жена Петра Бирона была принцесса Вальдекская; вторая — княжна Юсупова; третья — баронесса Медель.

²⁾ См. «Русскую исторію» Иловайскаго. Курсъ старшаго возраста. М. 1888.

Примѣч. автора.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

ХІІІ.

Моя поѣздка въ Россію съ тѣломъ полковника Стрезова. — Шипка. — Подъемъ на гору. — Сисово. — Журжево. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Вторичное отправленіе въ Турцію. — Санъ-Стефано. — Намѣреніе обокрасть уполномоченнаго «Краснаго Креста». — Въ Софіи. — Солдатскіе сапоги. — Въ Адрианополь. — Назначеніе завѣдующимъ складомъ. — Разгульная жизнь въ Адрианополь. — Болѣзнь. — Назначеніе агентомъ для устройства питательныхъ пунктовъ. — Увольненіе отъ службы въ «Красномъ Крестѣ». — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Отказъ градоначальника въ разрѣшеніи открыть книжную торговлю. — Пьянство. — Снова въ вяземскомъ домѣ. — Старая любовь. — Трезвая жизнь. — Торговля книгами на ларѣ. — Пьянство и этапъ на родину.

АКАНУНЪ 1-го февраля уполномоченный предложилъ мнѣ сопровождать въ Россію полковницу Терезу Эрнестовну фонъ-Стрезову, съ тѣломъ ея мужа, полковника л.-г. Преображенскаго полка, умершаго отъ ранъ. Мнѣ не очень хотѣлось разставаться съ товарищами и возвращаться одному на родину; но я считалъ и это службою и потому согласился.

Петлинъ далъ полковницѣ двѣ повозки изъ тѣхъ, которыя намъ достались въ Софіи. На одной изъ нихъ поставили обложенный свинцомъ гробъ съ тѣломъ полковника, а въ другой помѣстилась полковница со мною. Сопровождавшіе полковницу

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXIV, стр. 521.

два денщика попеременно сидѣли на козлахъ. Въ день отъѣзда уполномоченный выдалъ мнѣ за наступающій мѣсяць жалованье и порціонныя деньги. Отправляясь на родину, я не преминулъ взять съ собою всѣ купленные мною и даромъ доставшіяся книги и вещи.

Не успѣли мы отъѣхать и десяти верстъ отъ Филиппополя, какъ увидали ѣхавшихъ навстрѣчу намъ двухъ всадниковъ: одинъ изъ нихъ, съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, былъ русскій, а другой — болгаринъ. Въ первомъ изъ нихъ полковница узнала, спѣшившаго къ ней изъ Россіи въ Филиппополь, своего брата, барона Николая Эрнестовича Таубе. Трогательная сцена, происшедшая при встрѣчѣ брата съ сестрою при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, вызвала слезы и на моихъ глазахъ. Конечно, баронъ воротился съ нами, и потому нашъ кортежъ увеличился.

Въ Россію мы поѣхали на Систово и выбрали ближайшую дорогу чрезъ Шипку. Отъ Филиппополя до Казанлыка дорога была довольно хорошая.

Первую ночь мы ночевали въ какой-то деревнѣ, гдѣ баронъ, за израсходованиемъ своихъ сигаръ, попробовалъ мѣстнаго табаку и нашелъ его превосходнымъ; второй же нашъ ночлегъ былъ въ совершенно разоренномъ небольшомъ городкѣ — Калоферѣ; а затѣмъ, до Казанлыка, мы проѣхали прекрасною и ровною мѣстностію, такъ называемою, Долиною Розъ, и на четвертый день были у Шипки.

Довольно большая деревня, или, вѣрнѣе сказать, село Шипка, находится у самаго подножія горъ; но оно въ то время было необитаемо, и въ немъ, что называется, не было камня на камнѣ. Не вдалекѣ отъ него, съ лѣвой стороны дороги, находился турецкій редутъ, а близъ него была выстроена караулка, въ которой въ то время помѣщался комендантъ Шипки, какой-то капитанъ. Около караулки навалены были два громаднхъ костра турецкихъ ружей, изъ которыхъ я взялъ себѣ парочку. Вотъ и все, что я увидаль въ то время подъ Шипкою.

Здѣсь намъ нужно было остановиться потому, что подъемъ на гору для нашего поѣзда былъ невозможенъ. Мы сначала попробовали было запрячь своихъ лошадей въ повозку, на которой находился гробъ; но, поднявшись сажень пятьдесятъ, лошади по крутизнѣ горы не могли тащить повозку, и мы принуждены были выпрячь ихъ, а гробъ оставить на горѣ. Приходилось оставить всякія надежды на этотъ способъ перехода и искать помощи. Мы простояли здѣсь двое сутокъ, и, наконецъ, денщикъ съ казаками пригнали намъ пять паръ воловъ съ болгарами. Болгары сначала было отиѣкивались, но, поощренныя хорошою наградою полковницы, сдѣлали всѣ нужныя приспособленія — впрягли воловъ, и гробъ тихо и плавно потянулся въ гору: полковница и баронъ остались подъ Шипкой, и мы должны были ждать ихъ на другой день.

Подъемъ нашъ начался въ 11 часовъ утра, и только къ 10 ча-

самъ вечера мы успѣли добраться до вершины. Тамъ, на горѣ св. Николая, находилось множество землянокъ, въ которыхъ держались защитники Шипки, но на этотъ разъ землянки были пусты, и только въ одной изъ нихъ находился сторожевой солдатъ. У этого солдата мы съ денщикомъ полковника переночевали и стали ожидать полковницу съ братомъ.

На другое утро, напившись чаю, я пошелъ посмотрѣть окрестность. Взобравшись на самый высокій пригорокъ, я увидалъ съ южной стороны развалины Шипки, Казанлыкъ и Долину Розъ; а съ восточной—глубочайшій оврагъ, за которымъ на противоположной горѣ находились турецкіе редуты. Видъ восхитительный, но я не художникъ и не писатель, а потому и не могу описать его какъ слѣдуетъ.

Часовъ въ одиннадцать утра къ намъ поднялись полковница съ братомъ и другимъ денщикомъ. Не помню уже теперь, была ли поднята на гору другая повозка, или въ Габровѣ, уполномоченный «Краснаго Креста», князь Накашидзе далъ намъ свою; помню только, что мы до Габрова шли въ пѣшкомъ и прибыли туда поздно ночью. Я удивлялся выносливости полковницы и жалѣлъ ее. Когда мы отъ Габрова спустились въ долину, то тамъ была уже совершенная весна, и на поляхъ видѣлись цвѣты.

За Габровомъ слѣдующія остановки мы дѣлали въ Драновѣ и Тырновѣ; но за кратковременностію пребывания въ нихъ я не могъ хорошо ихъ разглядѣть,—да что и видѣть, того не помню. Но для меня осталась памятной дорога отъ Тырнова къ Систову, идущая чуть не на десятокъ верстъ ущельемъ, между горъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ едва замѣтно выдѣлялись православные монастыри.

Числа около пятнадцатаго февраля мы прибыли въ Систово. Полковница числилась также сестрою милосердія и въ Систовѣ занимала небольшой домъ, въ которомъ, когда мы туда прибыли, находилось человѣкъ пять или шесть больныхъ офицеровъ. Прибывъ въ Систово, полковница не знала, на что рѣшиться—гдѣ схоронить мужа, въ Петербургѣ или въ Вѣнѣ, гдѣ у нея тоже были похоронены родственники. Въ это время въ Систовѣ находился возвращавшійся изъ Орханіи въ Россію весь персоналъ нашего этапнаго лазарета. Тереза Эрнестовна предложила мнѣ возвратиться въ Россію съ моими товарищами, на что я охотно и согласился. Она написала Петлину очень лестное для меня письмо, въ которомъ съ большою похвалою отзывалась о моихъ услугахъ и расторопности, выказанныхъ во время сопровожденія ея въ пути. Распротясь съ полковницею и барономъ, я въ тотъ же день перебрался на квартиру, гдѣ находились мои товарищи, и утромъ мы были уже на пароходѣ.

Доѣхавъ на пароходѣ до Журжева, мы пересѣли въ вагоны Жур-

жево-Бухарестской желѣзной дороги и чрезъ недѣлю прежнимъ путемъ возвратились въ Петербургъ.

Дня черезъ два по нашемъ прибытіи вернулся въ Петербургъ и Петлинъ. Я передалъ ему письмо Стрезовой, и онъ мнѣ сказалъ, что ему лестно получать такіе отзывы о рекомендованныхъ лицахъ, и обѣщался быть еще мнѣ полезнымъ. Петлинъ сдержалъ свое слово и отрекомендовалъ меня отправлявшемуся въ то время въ Турцію главноуполномоченному «Краснаго Креста», тайному совѣтнику С. Ѳ. Панютину. Кромѣ того, онъ всѣмъ намъ выхлопоталъ награду въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья.

Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ, къ которому я явился по рекомендаціи Петлина, послалъ меня въ складъ «Краснаго Креста», находившійся въ зданіи 8-го флотскаго экипажа, у церкви Благовѣщенія, къ баронессѣ Раденъ, отъ которой я долженъ былъ узнать, когда будетъ готовъ транспортъ вещей и медикаментовъ, предназначившійся къ отправкѣ въ Санъ-Стефано. Транспортъ этотъ долженъ былъ принять уполномоченный «Краснаго Креста» А. К. Фойгтъ, а моя обязанность была сопровождать его. При вторичномъ отъѣздѣ въ Турцію, мнѣ выдали заграничный паспортъ, семьдесятъ пять рублей подъемныхъ и бесплатный билетъ по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы.

Я во второй разъ простился съ Петербургомъ и простился безъ сожалѣнія, потому что та, отъ которой я надѣялся получить взаимность, хотя и относилась ко мнѣ попрежнему дружественно, но была, какъ говорится, занята...

Транспортъ былъ отправленъ въ двухъ вагонахъ съ товарнымъ поѣздомъ большой скорости; а я ѣхалъ въ пассажирскомъ поѣздѣ и ожидалъ его въ каждомъ городѣ, гдѣ кончалась вѣтвь дороги. Такъ мнѣ приходилось по два и по три дня проживать въ Москвѣ, въ Курскѣ и въ Кіевѣ; затѣмъ я останавливался въ Жмеринкѣ и въ Раздѣльной и не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ, прибылъ въ Одессу. Останавливаясь въ большихъ городахъ, я проводилъ время по трактирамъ и разнымъ двусмысленнымъ заведеніямъ. Во время проѣзда я изъ упомянутыхъ городовъ посылалъ уполномоченному телеграммы о благополучномъ слѣдованіи транспорта, а въ Раздѣльной мы съ нимъ свидѣлись. Получивъ отъ него нужныя приказанія, я въ послѣдній разъ остался ожидать транспортъ и черезъ день былъ въ Одессѣ.

Въ Одессѣ мнѣ пришлось въ ожиданіи уполномоченнаго и парохода прожить цѣлую недѣлю, и этотъ городъ, съ своими широкими улицами, съ приморскимъ бульваромъ и хотя дорогами, но большими и чистыми гостиницами, мнѣ очень понравился. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ прежнихъ своихъ товарищей, изъ отряда Петлина, оставшихся въ Турціи по болѣзни, и съ ними настолько запутался, что прожилъ всѣ, какія были у меня, деньги.

Погрузивъ транспортъ на пароходъ россійскаго общества пароходства и торговли, мы съ уполномоченнымъ отправились въ Константинополь. Былъ сильный вѣтеръ: громадный пароходъ качало изъ стороны въ сторону, и всю палубу захлестывало водою. Я не могъ ни лежать на своей подвѣсной койкѣ, ни сидѣть, а сильная морская болѣзнь не позволяла ни пить, ни ѣсть. Только, когда мы прибыли въ Босфоръ, я могъ выйти на палубу и полюбоваться на его роскошные берега, по обѣимъ сторонамъ которыхъ виднѣлись живописныя восточныя постройки.

Въ Константинополѣ я прожилъ два дня, но не видалъ тамъ ничего, кромѣ пристани и прилегающей къ ней мѣстности, потому что транспортъ нашъ пришлось погрузить въ открытые вагоны, и я опасался, чтобы изъ него что нибудь не пропало, а въ немъ были вещи довольно цѣнныя. Отъ Константинополя до Санъ-Стефано одна станція, и желѣзная дорога идетъ, до половины пути, предмѣстьемъ столицы.

Прибывъ въ Санъ-Стефано и сдавъ транспортъ въ складъ «Краснаго Креста», я уже думалъ, что мнѣ придется возвратиться въ Россію; но Фойгтъ, назначенный уполномоченнымъ въ Софію и знавшій, что я тамъ былъ и немного знакомъ съ болгарскимъ языкомъ, пригласилъ меня съ нимъ въ качествѣ артельщика, на томъ же жалованьѣ и содержаніи, какое я получалъ въ летучемъ отрядѣ, на что я, конечно, согласился.

Санъ-Стефано, очень не большое мѣстечко, находится на самомъ берегу Мраморнаго моря. Оно населено по большей части греками, и въ немъ есть православная церковь. Исключая нѣсколькихъ красивыхъ домовъ въ восточномъ стилѣ, я тамъ не видѣлъ ничего замѣчательнаго; но мнѣ очень памятно бывшее тогда въ немъ землетрясеніе. Это было вечеромъ. Мы всѣ сидѣли въ отведенной намъ квартирѣ. Я писалъ письмо въ Петербургъ, намѣреваясь отправить его съ возвращавшимся въ Россію курьеромъ, который тоже привозилъ транспортъ вещей для находящагося въ Санъ-Стефано склада «Краснаго Креста». Вдругъ раздался глухой подземный ударъ; домъ немного зашатался, и мы, хотя и не испугались, но поняли, въ чемъ дѣло. Прошло еще минуты три, и ударъ снова повторился гораздо сильнѣе; на этотъ разъ мы всѣ выскочили на улицу. Колебаніе продолжалось съ полминуты и было настолько сильно, что полъ подъ ногами качался, какъ легкій плотъ на водѣ во время сильнаго вѣтра. Минуть пять или десять мы простояли на улицѣ и затѣмъ, войдя въ квартиру, увидали стоявшій на столѣ подсвѣчникъ опрокинувшимся, а лежавшія тутъ же бумаги горѣвшими. Ближе къ морю колебанія земли были еще сильнѣе: такъ въ гостиницѣ, стоявшей на берегу, колебаніе было на столь сильно, что опрокинуло мебель и разбило много посуды и стекло.

Въ Санъ-Стефано мы пробыли дня четыре и затѣмъ отправились

къ мѣсту назначенія. Эта дорога для меня была еще нова, и я съ любопытствомъ присматривался къ живописнымъ, хотя, по большей части, и пустыннымъ мѣстностямъ.

Въ Адрианополѣ я чуть не совершилъ такого тяжкаго преступленія, которое погубило бы меня безвозвратно, и при воспоминаніи объ этомъ мнѣ и сейчасъ дѣлается жутко. Дѣло въ томъ, что уполномоченный сначала хотѣлъ сдѣлать меня своимъ личнымъ слугою, т. е. хотѣлъ, чтобы я чистилъ ему сапоги и платье и убиралъ все за нимъ. Я наотрѣзъ отказался отъ подобныхъ работъ, сказавъ ему, что ѣздилъ раньше и теперь ѣду служить только дѣлу, больнымъ и раненымъ, но ни въ какомъ случаѣ не буду личнымъ слугою ни ему, ни кому либо другому. Уполномоченный пригрозилъ отправить меня въ Россію, но я и тутъ не захотѣлъ уступить и, отуманенный виномъ, вознамѣрился его обокрасть. Я зналъ, что въ его саквояжѣ находилась тысяча полунперіаловъ, выданныхъ ему главноуполномоченнымъ на расходы; вотъ этотъ-то саквояжъ я и хотѣлъ подрѣзать. Я уже досталъ хорошій ножъ, примѣрился, какъ сдѣлать разрѣзъ, и рассчиталъ скрыться съ деньгами въ Филиппополѣ у знакомыхъ болгаръ... Но я почувствовалъ, что очень пьянъ; захотѣлъ немного отдохнуть и повалился тутъ же около денегъ... Поздно ночью я былъ разбуженъ уполномоченнымъ; утромъ наши отношенія нѣсколько смягчились: онъ уже не требовалъ услугъ, и мы поѣхали далѣе въ дорогу.

Въ Филиппополѣ, или, какъ называютъ его болгары—Пловдивъ, мы прибыли наканунѣ Пасхи, и уполномоченный для такого праздника не захотѣлъ ѣхать, а рѣшилъ встрѣтить его здѣсь. Ему была отведена хорошая квартира, а я нанялъ себѣ грязный номеръ въ гостиницѣ. Я пьянствовалъ и великую заутреню просидѣлъ въ своемъ номерѣ; но я слышалъ, какъ болгаре и греки радовались въ этотъ великій день, и эту радость они выражали болѣе всего пальбою изъ ружей. На слѣдующій день мы отправились въ Татаръ-Базарджикъ.

Пріѣхавъ сюда довольно поздно, мы оставили на станціи желѣзной дороги наши вещи и два мѣшка серебряныхъ рублей подъ присмотромъ находившагося тутъ солдата, а сами въ сопровожденіи другаго солдата пошли къ коменданту города, который долженъ былъ дать намъ квартиру. Часа два мы мѣсили грязь по Татаръ-Базарджику, но наконецъ добрались до цѣли. Въ Татаръ-Базарджикѣ желѣзная дорога кончается, и намъ для проѣзда въ Софію нужно было пріискать лошадей; я встрѣтилъ знакомаго болгарина, служившаго прежде въ нашемъ отрядѣ кучеромъ, который скоро намъ и устроилъ все дѣло.

Дорога отъ Татаръ-Базарджика къ Софіи дѣлится на три части. Сначала идетъ довольно ровная и низкая долина съ обработанными полями, засѣянная, по большей части, пшеницею и рисомъ; за нею

тянется крутой и длинный переходъ чрезъ такъ называемыя Малыя Балканы; а за нимъ уже до Софіи опять идетъ ровная мѣстность. Хотя болгаре и считаютъ это разстояніе въ двѣнадцать часовъ перѣзда, но мы ѣхали почти цѣлыхъ два дня.

Въ Софіи былъ только одинъ военный госпиталь, но въ немъ лежало около полуторы тысячи больныхъ. Здѣсь, кромѣ военнаго персонала врачей и фельдшера, находилось еще шестнадцать сестеръ милосердія. Обязанности уполномоченнаго состояли въ томъ, что онъ долженъ доставлять больнымъ то, что они не могли имѣть отъ казны. Такъ мы доставляли въ госпитали, или, вѣрнѣе, старшей сестрѣ милосердія—чай, сахаръ, вино, водку, куръ, бѣлье, принадлежности для перевязокъ и проч., а также, по просьбѣ докторовъ, доставляли и нѣкоторые медикаменты, какъ-то: хининъ и т. п. По пріѣздѣ въ Софію у насъ ничего этого не было, и я долженъ былъ все закупить у мѣстныхъ торговцевъ; но въ скоромъ времени Фойгтъ получилъ телеграмму отъ главноуполномоченнаго, въ которой приказано было прислать когонибудь за нѣкоторыми продуктами, медикаментами и бѣльемъ въ Филиппополь къ уполномоченному г. Балашеву. Я уже говорилъ раньше, что командировки доставляли мнѣ удовольствіе; и на этотъ разъ я охотно взялъ возложенное на меня порученіе и на двухъ госпитальныхъ подводахъ привезъ цѣлый складъ.

У меня развалились сапоги: новыхъ русскихъ сапогъ купить было негдѣ, а мѣстная обувь была дорога и непрочна. Но у комиссара госпиталя находилось много сапогъ, присланныхъ изъ Россіи для солдатъ, изъ которыхъ онъ мнѣ и обѣщалъ дать пару. Прійдя въ складъ, я увидѣлъ нѣсколько сотъ паръ сапогъ, но изъ всей этой массы на мою маленькую ногу не лѣзла ни одна пара.

— Вѣдь это,—говорю я,—все дѣтскіе сапоги.

— Да,—отвѣчалъ комиссаръ,—все такіе маленькіе; отъ того они здѣсь и пропадаютъ безъ пользы. За нихъ этимъ подлецамъ подрядчикамъ только даромъ деньги отдали. Вотъ придется теперь ихъ какомунибудь жиду за безцѣнокъ свалить.

Вообще работы у насъ въ Софіи было очень немного; уполномоченный проводилъ время съ офицерами, докторами и сестрами, а я, сдѣлавъ нужныя покупки и отправивъ ихъ къ старшей сестрѣ, иногда велъ бесѣду съ іеромонахомъ Челокowymъ, который въ то время находился въ Софіи, или засиживался съ болгарами въ какихъ-нибудь дюканахъ (лавкахъ) и грязныхъ гостиницахъ.

Черезъ шесть или семь недѣль по прибытіи въ Софію, г. Фойгту было предложено занять, вмѣсто отъѣзжавшаго въ Россію графа Комаровскаго, должность уполномоченнаго въ Адрианополь. Этотъ районъ дѣятельности уполномоченнаго былъ несравненно шире. Въ Адрианополь и двухъ его предмѣстьяхъ, Карагачѣ и Дерлидемѣ, находились три военныхъ госпиталя, въ которыхъ сначала насчи-

тывалось до шести тысячъ больныхъ. Кромѣ того, близъ станціи желѣзной дороги былъ выстроенъ эвакуаціонный баракъ, въ которомъ также очень часто приходилось принимать эвакуируемыхъ больныхъ, находившихся исключительно на попеченіи «Краснаго Креста».

По приѣздѣ въ Адрианополь я первое время находился безъ дѣла, такъ какъ служащихъ было много, и всѣ должности были заняты. Помощникомъ уполномоченнаго состоялъ довольно образованный (кажется, воспитывавшійся въ Россіи) болгаринъ Аеанасій Узуновъ (это, по всей вѣроятности, тотъ Узуновъ, который лѣтъ пять назадъ былъ казненъ за приверженность къ Россіи). Въ складахъ, находившихся при каждомъ госпиталѣ, артельщиками были тѣ же болгары. При баракѣ состоялъ докторъ, студентъ и фельдшеръ, а продовольствіемъ больныхъ завѣдывала сестра московскаго отдѣла «Краснаго Креста» Иванова. Въ причисленныхъ къ этому же району госпиталяхъ въ Ямболи складомъ завѣдывалъ почтенный старичекъ священникъ, а въ Деагачи и Мустафа-пашѣ сестра милосердія.

Видя, что мнѣ тутъ нечего дѣлать, я попросился у уполномоченнаго съѣздить въ Чаталджи въ гости къ находившемуся уже тамъ младшему К. Уполномоченный былъ настолько любезенъ, что охотно согласился на мою просьбу и исколоталъ мнѣ даровой проѣздъ туда и обратно. Приемъ, сдѣланный мнѣ К., былъ самый радушный: въ сообществѣ его и другихъ докторовъ я нировалъ въ ресторанахъ, лазилъ по горамъ и осматривалъ окрестности.

Однимъ словомъ, я провелъ время въ Чаталджи, плохомъ городишкѣ, съ истиннымъ наслажденіемъ.

По возвращеніи моемъ въ Адрианополь, г. Фойтъ предложилъ мнѣ въ скоромъ времени занять мѣсто увольнявшагося Узунова. Конечно, я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе потому, что эта должность была и почетна и выгодна. Хотя мнѣ и не было положено жалованье Узунова (Узуновъ получалъ въ мѣсяць сто рублей зологомъ, а мнѣ уполномоченный назначилъ шестьдесятъ), но я въ этой должности являлся уже, въ нѣкоторой степени, начальствующимъ лицомъ и, кромѣ того, завѣдуя всѣми складами и всею хозяйственною частію по Адрианопольскому району, могъ имѣть и матеріальныя выгоды. На меня была возложена покупка и доставка въ склады всего нужнаго: я ежедневно закупалъ вино, водку, ристъ, табакъ, провизію для эвакуируемыхъ и все, что только требовалось для больныхъ и по хозяйству. Кромѣ того, я былъ обязанъ выдавать жалованье артельщикамъ, кучерамъ и другимъ служащимъ, которые находились подъ моимъ вѣдѣніемъ. Денегъ было много: на нашъ районъ уполномоченному отпускалось полторы тысячи полуимперіаловъ въ мѣсяць, и навѣрное двѣ трети изъ этой суммы проходили чрезъ мои руки.

Такъ какъ уполномоченный, безусловно довѣряя моей честности, не входилъ ни въ какія мои распоряженія, то я нерѣдко давалъ ему отчеты не безъ грѣха. Хотя и вмѣнялось мнѣ въ обязанность доставлять счета отъ купцовъ, у которыхъ я забираю товаръ, но я очень часто, ссылаясь на потерю счета, бралъ у нихъ дубликаты и, подавая уполномоченному отчетъ, представлялъ и эти дубликаты, какъ дѣйствительные. Я бы могъ въ то время составить себѣ капиталъ, такъ какъ, получая жалованье, порціонныя и имѣя еще побочныя пріобрѣтенія, пользовался, кромѣ всего этого, изъ складовъ чаемъ, винами и всѣмъ, что могло быть мнѣ нужно. Но я не берегъ денегъ и проживалъ все, что получалъ, въ различныхъ ресторанахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, которыхъ въ Адрианополѣ было множество.

Впрочемъ, не я одинъ тамъ грѣшилъ и тратилъ деньги безъ расчета: мнѣ приходилось видѣть офицеровъ, особенно завѣдующихъ разными хозяйственными частями, и интендантовъ, которые сорили золото безъ счета и при томъ еще хвастали, что отсылаютъ тысячи на родину.

Адрианополь въ то время процвѣталъ, и едва ли когда нибудь для него будетъ лучшая пора. Многие торговцы, начавшіе тогда свою торговлю съ пятью-шестью золотыми, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже считались капиталистами. Но болѣе всѣхъ нажились евреи, наѣхавшіе въ Адрианополь изъ Одессы и Польши и содержавшіе гостиницы и рестораны съ прекрасными фѣями разныхъ націй. Въ этихъ гостиницахъ совершались необычныя оргіи, и иногда производилась картержная игра въ штось. Вообще изобиліе русскаго золота въ Адрианополѣ меня поражало: я видѣлъ у нѣкоторыхъ торговцевъ, на конторкахъ, такія груды полумперіаловъ, какія можно было видѣть только въ Петербургѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Но при всемъ томъ меня поражало и нищенство: старыя и молодыя женщины и полунагіе и босые ребятишки почти на каждомъ шагѣ осаждали прохожихъ, протягивая руки и приговаривая: «дай пори».

Въ нѣкоторое оправданіе свое долженъ замѣтить, что, пользуясь самъ деньгами «Краснаго Креста», я былъ также не скупъ на нихъ и для другихъ: такъ прикомандированнымъ въ эвакуаціонный баракъ тридцати солдатамъ я исходатайствовалъ у уполномоченнаго порціонныя, каждый день по франку на человѣка, и за всякія работы расплачивался со всѣми щедро.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я схватилъ лихорадку, но на первый разъ она у меня скоро прошла. Не обращая вниманія на то, что еще не совсѣмъ окрѣпъ, я продолжалъ свою прежнюю разгульную жизнь и въ одинъ вечеръ, подгулявъ порядкомъ, поѣхалъ въ сообществѣ прекраснаго пола въ Карагачъ, гдѣ было увеселительное заведеніе Конкордія. На дорогѣ, намѣреваясь что-то указать арабаджи (извоз-

чику), я вывалился изъ фаэтона, разбилъ себѣ о камень голову и бывшею у меня въ рукахъ тростью съ топорикомъ разрѣзалъ руку. Я слегъ въ постель, лихорадка вернулась, и я недѣли двѣ былъ въ очень трудномъ положеніи. Но и во время болѣзни я, хотя не могъ самъ ѣздить за покупками въ городъ, дѣлалъ всѣ распоряженія и самъ велъ отчетность по хозяйству. Отъ постигшей меня болѣзни я долго не могъ оправиться: изнурительная, перемежающаяся лихорадка, хотя и не въ сильной степени, не оставляла меня почти два года и по возвращеніи въ Петербургъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ многихъ больныхъ изъ Адрианополя эвакуировали въ Россію. Въ госпиталяхъ было меньше работы и меньше требованій отъ насъ. Лошадей и другія ненужныя вещи я пораспродалъ; но склады наши были еще полны. Въ нихъ находились не только предметы необходимости, но и много предметовъ роскоши, напримѣръ: были надпостельные роскошные ковры, превосходныя тѣльные рубашки, вязаные теплые пиджаки, пуховые чулки, туфли и множество другихъ вещей, предназначавшихся для офицеровъ, но не прибывшихъ во время. Видя ихъ ненадобность, я испросилъ у уполномоченнаго разрѣшеніе взять нѣкоторыя вещи себѣ, а другія раздать кой-кому изъ нашихъ служащихъ. Уполномоченный охотно разрѣшилъ мнѣ распорядиться ими, какъ я хочу.

Въ сентябрѣ изъ Санъ-Стефано въ Андринополь переѣхалъ Панютинъ со всѣмъ находящимся при немъ персоналомъ и складомъ. А. К. Фойгтъ уѣхалъ въ Россію, и мѣсто его заступилъ уполномоченный Донауровъ; а меня назначили агентомъ для устройства и завѣдыванія питательными пунктами для эвакуируемыхъ въ Россію больныхъ, между Ямболомъ и Бургасомъ.

Изъ канцеляріи главноуполномоченнаго выдали мнѣ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, а изъ главнаго склада отпустили два тюка бѣлья, вино, водку, чай и сахаръ. Въ мое распоряженіе дали двухъ госпитальныхъ солдатъ, и, кромѣ того, я былъ снабженъ отъ коменданта Адрианополя, полковника Зандрока, открытымъ листомъ, въ которомъ предлагалось, какъ военному, такъ и госпитальному начальству во всѣхъ мѣстахъ, оказывать мнѣ нужное содѣйствіе.

Разстояніе между Ямболомъ и Бургасомъ приблизительно около ста верстъ. На этомъ разстояніи въ трехъ селеніяхъ—въ Селмени, Карнобадѣ и Айдасѣ—я устроилъ питательные пункты. Въ первомъ и послѣднемъ изъ этихъ пунктовъ я оставилъ по два челоуѣка и выдалъ имъ приблизительно нужное количество вина, водки, чаю, сахару, бѣлья и перевязочныхъ принадлежностей; а въ Карнобадѣ съ двумя остальными солдатиками поселился самъ. Здѣсь я пробылъ не много болѣе мѣсяца, почти все время хвораая лихорадкою, а эвакуируемыхъ пришлось накормить только три транс-

порта. Послѣ Адрианополя мнѣ показалось здѣсь очень скучно, и я захотѣлъ вернуться въ Россію.

Отправившись въ Адрианополь по дѣламъ службы, я сталъ проситься у главноуполномоченнаго въ Россію. Съ начала г. Паниютинъ не отпускалъ меня, говоря, что я долженъ еще послужить, потому что представленъ имъ къ наградѣ серебряною медалью, и потому, что некого послать на мою должность; но видя, что я дѣйствительно слабъ, и посовѣтовавшись съ своимъ помощникомъ, г. Янкулію, разрѣшилъ мнѣ уволиться отъ службы и ѣхать домой.

Дня черезъ три назначена была отправка сестеръ милосердія изъ Мустафа-паши. Мнѣ поручено было съѣздить за ними. Многія сестры не хотѣли ѣхать домой и, прощаясь съ нажитыми тамъ знакомыми, плакали; но мнѣ не приказано было никого оставлять, и я привезъ всѣхъ въ Адрианополь.

2-го ноября, по распоряженію главноуполномоченнаго, я получилъ за мѣсяцъ впередъ жалованье, порціонныя и около пятидесяти рублей на проѣздъ отъ Одессы до Петербурга.

Возвращались мы въ Россію черезъ Бургасъ. Отъ Адрианополя до Ямболи идетъ желѣзная дорога, а отъ Ямболи до Бургаса, знакомо мнѣ уже мѣстностью, мы ѣхали на госпитальныхъ подводахъ.

Въ Бургасѣ мы не застали казенныхъ пароходовъ, на которыхъ могли имѣть бесплатный проѣздъ. Приходилось искать квартиру; но вслѣдствіе большого стеченія народа помѣщеній почти совсѣмъ не было, сестрамъ нашли маленькую комнатку, а я помѣстился у фельдфебеля санитарной роты.

Я не сталъ дожидаться бесплатнаго проѣзда и чрезъ два дня уѣхалъ изъ Бургаса на вольномъ пароходѣ, заплативъ за проѣздъ 15 рублей золотомъ. Переночевавъ въ Одессѣ, я на другой же день отправился въ Петербургъ и отчасти вернулъ свои дорожные расходы, выигравъ въ стучолку у проѣзжавшихъ съ харьковской ярмарки торговцевъ 50 рублей.

Въ Петербургъ я привезъ около 500 рублей кредитными и золотомъ и, кромѣ того, множество бѣлья и разныхъ вещей. Здѣсь въ первое время всѣ мои знакомые и родные приняли меня съ почетомъ и уваженіемъ. Они полагали, что я вель трезвую и честную жизнь и отрѣшился окончательно отъ прежнихъ пороковъ и пьянства. Я нанялъ себѣ довольно приличную комнату и хотѣлъ открыть книжную торговлю. Снявъ на Васильевскомъ островѣ, въ Андреевскомъ рынкѣ, небольшую лавочку, я подалъ градоначальнику прошеніе о разрѣшеніи мнѣ книжной торговли, но тутъ, не смотря на представленныя мною свидѣтельства отъ бывшихъ моихъ начальниковъ о моемъ хорошемъ поведеніи и честности, я получилъ отказъ.

Отъ этой непріятности я опять сталъ пьянствовать и скоро растратилъ всѣ свои деньги, а затѣмъ принялся за распродажу иму-

щества. Прежде всего я продалъ Императорской Академіи Наукъ привезенныя мною болгарскія книги и арабскія рукописи, затѣмъ уже и разныя вещи—дорогія и рѣдкія здѣсь—пошли за безцѣнокъ на рынокъ. Вслѣдствіе пьянства ко мнѣ опять возвратилась лихорадка, и я принужденъ былъ лечь въ больницу.

Выйдя изъ больницы, я опять не удержался и пропилъ все до нитки. Нѣсколько времени я былъ безъ квартиры; ночевалъ по ночлежнымъ пріютамъ и, наконецъ, попалъ въ Вяземскій домъ. Отсюда, по рекомендаціи средняго К., я поступилъ писаремъ въ общественную лавку на Семянниковскомъ заводѣ; но вѣрно ужъ въ которой лагункѣ деготь побываетъ, такъ его и огнемъ не скоро выжжешь. Черезъ мѣсяць я ушелъ съ мѣста и погрязъ опять въ Вяземскомъ.

На этотъ разъ я засталъ Вяземскій домъ гораздо населеннѣе: во дворѣ его, хотя уже и не было прежнихъ пяти кабаковъ, но за то въ каждой квартирѣ торговали водкой. Находился я въ этой труппѣ болѣе года, доставая себѣ средства на хлѣбъ и пьянство разными подачками отъ добрыхъ людей. Наконецъ, я остепенился и опять принялся за книжную торговлю.

На этотъ разъ я началъ свою торговлю на развалкѣ въ Александровскомъ рынкѣ и началъ ее съ копейекъ. Мало-по-малу дѣло у меня стало развиваться; я началъ опять сообщаться кое съ кѣмъ изъ мелкихъ торговцевъ, а подоспѣвшій большой аукціонъ книжнаго магазина Черкесова сблизилъ меня и съ остальными букинистами. Надо замѣтить, что всѣ букинисты и рыночные торговцы покупали черкесовскій товаръ сообща и потому покупали его за безцѣнокъ, а послѣ уже, посредствомъ вязки, партіи книгъ переходили въ однѣ чьи нибудь руки. Всѣхъ участвовавшихъ въ вязкѣ хозяевъ находилось около тридцати человекъ, да «племянниковъ» человекъ десять. Хозяева отъ этого аукціона получали вязку неравномѣрно: самая маленькая вязка доходила рублей до восьмидесяти, большая—до двухъ сотъ; а племянники, то-есть тѣ безденежные, которые не принимали участія ни въ покупкѣ, ни въ вязкѣ, а только такъ присутствовали, получали по три и по пяти рублей, вслѣдствіе чего товаръ поступалъ къ его хозяину иногда въ два и три раза дороже того, за что онъ былъ купленъ на аукціонѣ.

Въ это время я получилъ отъ Н—вой письмо, въ которомъ она просила навѣстить ее. Я отправился по адресу; старая любовь снова возгорѣлась во мнѣ, и на этотъ разъ мы скоро съ нею сошлись: наняли на Пескахъ небольшую квартирку, и я опять зажилъ трезвою жизнью.

Книжная торговля съ годами уже измѣнилась. Не стало тѣхъ букинистовъ, которые ходили прежде по домамъ съ перекидными мѣшками, или торговали на столикахъ и оградахъ въ разныхъ мѣстахъ города. Нѣкоторые изъ нихъ умерли: другіе сняли въ рынкѣ

и въ улицахъ лавки, а остальные торговали на городскихъ мѣстахъ съ ларей. За дальностію квартиры и за неудобствомъ въ зимнее время торговать на развалкѣ, я началъ публиковать въ газетахъ объявленія о покупкѣ книгъ и бумаги и, покупая по этимъ объявленіямъ въ домахъ товаръ, сбывалъ его или знакомымъ библіо-манамъ, или въ книжныя лавки.

Торгуя такимъ образомъ, я развивалъ кругъ моего знакомства между торговцами, приобрѣлъ новыхъ покупателей и къ веснѣ сколотилъ себѣ небольшія деньжонки и не одинъ возъ товара. Но тутъ опять меня одолѣла слабость: я опять началъ пьянствовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ пошли домашніе раздоры; я переселился съ квартиры и очутился опять одинокъ.

Лѣто 1881 года я прожилъ въ Лештуковомъ переулкѣ, нанимая маленькій уголокъ, торгуя и пьянствуя. Пьянство и разгулъ настолько въ меня вселились, что при недостаткахъ, для удовлетворенія своей пагубной страсти, прибѣгаль къ обманамъ: я бралъ у знакомыхъ книгопродавцевъ якобы на покупку книгъ деньги и пропивалъ ихъ.

Къ осени я опять остепенился, возобновилъ дружбу съ Н—вой, возстановилъ свою репутацію и за зиму приобрѣлъ новыхъ лучшихъ покупателей. Особенно въ это время много содѣйствовалъ моей торговлѣ тайный совѣтникъ Н. П. С...въ. Составляя себѣ юридическую библіотеку, онъ почти еженедѣльно покупалъ у меня большое количество книгъ и рекомендовалъ много своихъ знакомыхъ, хорошихъ покупателей. Но болѣе всѣхъ другихъ поддерживалъ меня графъ Д. А. Толстой, тогда еще не бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ покупалъ всѣ сочиненія, относящіяся къ Екатерининскому времени, и платилъ за нихъ очень щедро.

Весною 1882 года у меня накопилась цѣлая комната товару, и я опять задумалъ открыть свою торговлю. Сначала за мои прежнія подсудимости мнѣ опять было отказано въ разрѣшеніи; но, по совѣту моего благодѣтеля Н. П. С., я возобновилъ ходатайство и, получивъ при его содѣйствіи нужное разрѣшеніе, открылъ у Пѣшеходнаго Банковскаго моста, въ ларѣ, книжную торговлю.

Приобрѣтя этотъ ларь и свидѣтельство на право книжной торговли, я уже думалъ, что приобрѣлъ себѣ вѣчный кусокъ хлѣба. До меня тутъ торговалъ челоуѣкъ, имѣвшій большое семейство, и не только кормился съ нимъ, подѣ часъ предаваясь тоже спиртнымъ напиткамъ, но еще увеличивалъ свое состояніе. Я же, открывъ торговлю съ небольшимъ количествомъ товара и безъ денегъ, съ перваго же времени повелъ расходъ не по доходамъ, тратился на три квартиры и манкировалъ торговлю, просиживая большую часть времени въ портерной; вслѣдствіе чего на слѣдующую же весну принужденъ былъ лишиться своего ларя.

Я опять сталъ заниматься покупкою книгъ по объявленіямъ и

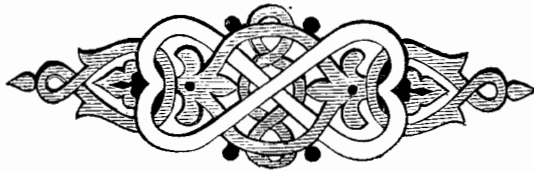
могъ бы жить не нуждаясь, но слабость моя все усиливалась; я какъ будто пересталъ имѣть надъ собою волю и при первой же неудачѣ зашивалъ. Пропившись окончательно, я опять начиналъ прибѣгать къ обманамъ; но на этотъ разъ торговцы мнѣ уже не поддавались, и я приходилъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ мнѣ господъ, моихъ покупателей, предлагалъ имъ нужныя или подходящія книги, бралъ впередъ деньги на покупку и болѣе не являлся. Такъ, въ теченіе одной зимы я обманулъ болѣе десяти лицъ, которыя были лучшими моими покупателями.

Наконецъ, я опять очутился въ Вяземскомъ домѣ и хотя иногда принимался за книжную торговлю и даже два раза выходилъ изъ этой труппы, но все-таки не могъ совладать съ своей слабостью и снова погрязалъ въ этомъ домѣ пьянства и разврата.

Просрочивъ паспортъ и, не имѣя денегъ перемѣнить его, я началъ шляться по ночлежнымъ пріютамъ, гдѣ былъ арестованъ и отправленъ на родину этапомъ.

Н. Свѣшниковъ.

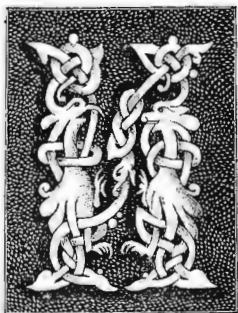
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ШЕВЧЕНКО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ¹⁾.

(1858—1861 г.г.).

ИЗВѢСТНО, что въ 1850 году Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, замѣшанный въ дѣлѣ Костомарова и Кулиша, былъ записанъ рядовымъ въ военную службу, въ которой и пробылъ слишкомъ семь лѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ.

Въ 1858 г., по ходатайству тогдашняго президента академіи художествъ, великой княгини Маріи Николаевны, онъ всемилостивѣйше былъ освобожденъ отъ военной службы съ дозволеніемъ жить вездѣ, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ.

Въ прошеніи, поданномъ Шевченкомъ великой княгинѣ, говорилось, что онъ, дотолѣ извѣстный своимъ замѣчательнымъ талантомъ въ живописи, отправляя службу рядового, отвыкъ отъ самыхъ обыкновенныхъ приѣмовъ своего искусства. Въ настоящее время одно только искусство можетъ доставить ему средства матеріальной жизни и духовнаго обновленія, для чего необходимо ему жить въ Петербургѣ, чтобъ посѣщать классы академіи, упражняясь въ урокахъ живописи. Такъ какъ его сообщники по извѣстному дѣлу, Кулишъ и Костомаровъ, пользуются дозволеніемъ проживать въ столицахъ, то и онъ, Шевченко, слезно умоляетъ ея императорское высочество о милосердномъ ея ходатайствѣ относительно разрѣшенія ему жить

¹⁾ Въ бумагахъ покойнаго дѣлопроизводителя академіи художествъ Александра Аванасьевича Благовѣщенскаго сохранился черновой набросокъ статьи о Т. Г. Шевченкѣ. Братъ покойнаго, протоіерей Зимняго двора, о. П. А. Благовѣщенскій любезно предоставилъ въ наше распоряженіе этотъ набросокъ, который мы и печатаемъ, такъ какъ въ него вошли, кромѣ общезвѣстныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ, весьма любопытныя выдержки изъ бумагъ архива академіи художествъ. Ред.

въ С.-Петербургѣ, чтобы посѣщать классы академіи. Ему осталась одна только надежда на глубоколюбящее и всепрощающее сердце царя-отца, исполненное благодати, столь живо чувствуемой его многочисленными подданными.

10-го февраля 1858 года послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе на проживаніе отставному рядовому Шевченку въ Петербургѣ и на посѣщеніе классовъ академіи для усовершенствованія въ искусствѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ подвергнутъ былъ строгому полицейскому надзору, и чтобы начальство академіи художествъ пмѣло за нимъ должное наблюденіе, дабы не обращалъ во зло своего таланта.

Шевченко, находившійся тогда въ Нижнемъ Новгородѣ, получилъ извѣстіе объ этомъ отъ М. М. Лазаревскаго 25-го февраля, въ день своихъ именинъ.

«Сегодня графиня (Толстая), — писалъ Лазаревскій, — прислала мнѣ Сѣраковскаго, чтобы я непременно пріѣхалъ къ ней. Она объявила мнѣ, что по просьбѣ графа Ѳедора Петровича ¹⁾ тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ, подъ надзоромъ полиціи и подъ руководствомъ графа, для продолженія изученія живописи въ академіи художествъ. Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бы ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно болѣе добра), и просить тебя, чтобы ты поспѣшилъ. Она говорить, что ты долженъ представиться президенту академіи, что тобою интересуются теперь всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда. Зная со словъ Овсянникова и Шрейдерса, что ты уже свыкся съ Нижнимъ, я не знаю, какъ ты примешь настоящее извѣстіе, но искренно скажу, что я радъ, очень радъ не тому только, что увижу тебя, но что здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе для себя и другихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 рублей, на дорогу станеть, а то здѣсь деньги нужнѣй».

1-го марта, на имя нижегородскаго губернатора получена была отъ министра внутреннихъ дѣлъ официальная бумага о дозволеніи Шевченку жить въ Петербургѣ, а 2-го марта онъ получилъ отъ графини А. И. Толстой слѣдующее письмо:

«Итакъ, завѣтныя мечты мои сбываются: я увижу васъ скоро, нашъ желанный гость, Тарасъ Григорьевичъ! Вотъ уже недѣля, какъ пришла бумага съ разрѣшеніемъ государя жить вамъ въ столицѣ и посѣщать академію. Пріѣзжайте скорѣй! Не могу больше писать: руки дрожатъ отъ нетерпѣнія и радости».

Въ ожиданіи полицейскаго пропуска въ Петербургъ Т. Гр. занялся перепиской «Вѣдъмы» для печати и поправкой «Лилей» и «Русалки».

¹⁾ Толстаго, товарища президента академіи художествъ.

7-го марта, онъ прощался съ своими нижегородскими друзьями и заключилъ свое разставаніе у М. А. Дороховой тостомъ за здоровье «святой заступницы» графини А. И. Толстой.

8-го марта, Шевченко оставилъ Нижній Новгородъ, пестнацать дней прогостилъ въ Москвѣ у М. С. Щепкина, навѣстилъ тамъ княжну Рѣпнину, С. Т. Аксакова, Мокрицкаго, Бодянскаго, Забѣлина, Якушкина и др., а 27-го марта пріѣхалъ въ Петербургъ и прямо съ вокзала отправился къ своему другу М. М. Лазаревскому. Вечеромъ въ тотъ же день пошелъ къ графинѣ Толстой, у которой зимніе литературно-художественные вечера еще не закончились. «Сердечнѣе, радостнѣе не встрѣчалъ меня никто, и я никого, какъ встрѣтились мы съ моею святою заступницею и графомъ Фодоромъ Петровичемъ»,—говорилъ Шевченко. На другой день графиня Толстая представила Шевченка своимъ знакомымъ, а 12-го апрѣля устроила обѣдъ въ честь его возвращенія. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Шевченко переѣхалъ въ большое зданіе академіи художествъ, гдѣ ему отведена была маленькая, въ одно окно мастерская, съ антресолями для спанья (по правую сторону церкви); переѣхалъ онъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться гравюрой. «О живописи,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—теперь нечего и думать! Я и прежде былъ посредственнымъ живописцемъ, а теперь и подавно. Десять лѣтъ упражненія въ состояніи сдѣлать изъ великаго виртуоза кабаннаго балалаечника». Гравировальнымъ классомъ въ академіи художествъ руководили тогда заслуженный 80-тилѣтній профессоръ Н. И. Уткинъ и авторъ гравюры съ Рафаэлева Преображенія Господня и хранитель эстамповъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ Ѳ. И. Иорданъ. Учениками Иордана были Ефимовъ, Пожалостинъ и Александровъ, у Уткина—одинъ Д. Лебедевъ. 3-го мая 1858 года Шевченко въ Эрмитажѣ встрѣтился и познакомился съ Иорданомъ. Больше трехъ часовъ ходили они по эрмитажнымъ заламъ, долго останавливались передъ разными извѣстными картинами и эстампами. Въ заключеніе Иорданъ предложилъ Шевченку бывать у него и пользоваться совѣтами. «Итакъ,—замѣчаетъ Шевченко,—съ Божіею и Иордановою помощію, принимаюсь за опыты». Съ этого же времени онъ сталъ подбирать кой-какую коллекцію эстамповъ и хлопотать о мастерской въ академіи. Предъ выѣздомъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія поэтъ думалъ исключительно заняться гравюрой. «Для этого,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—достаточно будетъ двухъ лѣтъ. Потомъ уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ «казарма» съ картиры Теньера. Изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ теперь мнѣ болѣе всего нравится гравюра: сколько прекрасныхъ произведеній, доступныхъ только богатымъ, коптилось бы въ мрачныхъ галлерейхъ безъ гравюры! Кромѣ копій съ великихъ мастеровъ, я думаю современемъ выпустить въ свѣтъ

и собственное чадю: «Притчу о блудномъ сынѣ», приуровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія». Съ другой стороны, нѣкоторые изъ друзей совѣтовали ему и въ гравюрѣ придерживаться сюжетовъ изъ исторіи и современнаго быта Малороссіи. Шевченко, взявшись за гравюру, видимо интересовался великимъ въ офортѣ и живописи Рембрантомъ; началъ рисовать и гравировать копии съ офортювъ этого знаменитаго голландскаго мастера, стремился воспроизводить картины русской живописной школы, являлся и портретистомъ. Изъ всѣхъ видовъ гравированія ему полюбилось больше всѣхъ гравированіе на мѣди крѣпкой водкой (à l'eau forte). Почти всѣ его гравюры 1858—1861 гт. исполнены этимъ способомъ. Первыми граверными опытами Шевченка были: 1) пять копій съ гравюръ Рембранта: «Виноградари», «Сцена въ купеческой конторѣ» и др., 2) двѣ хохлушки, 3) одалиска, 4) головка, 5) собственный портретъ художника, 6) малороссійскій крестьянинъ-странникъ и 7) «Спящая женщина съ открытою грудью и папирской въ рукѣ».

Въ апрѣлѣ 1859 г. Шевченко, представляя нѣкоторыя изъ этихъ гравюръ на усмотрѣніе совѣта академіи художествъ, просилъ удостоить его званія академика или задать программу на полученіе этого званія. Совѣтъ 16 апрѣля постановилъ признать его «назначеннымъ въ академики и задать программу на званіе академика по гравированію на мѣди». Кромѣ этого важнаго для Шевченка поощренія со стороны академіи, товарищъ президента, графъ Ѳ. П. Толстой, тогда же рекомендовалъ его съ самой лучшей стороны министру императорскаго двора графу Адлербергу. Испрашивая ему разрѣшеніе отправиться на пять мѣсяцевъ въ Малороссію для рисованія этюдовъ съ натуры, графъ Толстой, между прочимъ, 5 мая 1859 г., писалъ министру двора, что отставной рядовой художникъ Шевченко, со дня пріѣзда въ Петербургъ, занимался съ особеннымъ успѣхомъ частью живописью, а въ особенности гравированіемъ на мѣди. Мы не знаемъ, какая программа задана была Шевченку отъ совѣта на званіе академика. Несомнѣнно, что на годичную академическую выставку 1860 г. въ залахъ академіи имъ доставлены были пять гравюръ eau forte: «Вирсавія» съ картины Брюллова, два пейзажа съ А. Мещерскаго и М. Лебедева, собственный портретъ и этюдъ, и, кромѣ того, собственный живописный портретъ. Получить академическое званіе экспоненту тогдашнихъ выставокъ вообще было не легко. На выставкѣ 1860 г. въ ряду 370 экспонентовъ по живописи, акварели, скульптурѣ, гравированію и архитектурѣ, обращали на себя общее вниманіе картины художниковъ К. Брюллова («Осада Пскова»), Ѳ. Завьялова («Сопествіе Христа въ адъ»), Плѣшанова («Обращеніе Савла»), Реймерса («Праздникъ въ Римѣ»), братьевъ Чернецовыхъ и мн. др., ученическія произведенія К. Маковскаго, Г. Мясоѣдова, И. Пелевина, А. Литовченка,

В. Якобія, М. Клодта, В. Перова, А. Попова и др., гравюры Пожалостина, М. Старикова и др. Съ другой стороны въ ряды соискателей академическихъ званій на ряду съ Шевченкомъ встали пенсионеры академіи: А. Мещерскій, В. Сверчковъ, М. Бочаровъ, И. Кабановъ, М. Клодтъ, А. Чернышевъ, академики Лагоріо, М. Эрасси, И. Соколовъ, В. Худяковъ, художники А. Бейдеманъ, К. Бадри, Р. Брандтъ и мн. др., больше десятка иностранныхъ художниковъ, между ними профессора академіи—Берлинской граверъ Лидерицъ, Вѣнскаго—Циммерманъ, Дюссельдорфской—А. Ахельбахъ, президентъ женевскаго общества изящныхъ искусствъ Ш. Емберъ и мн. др. Работы всѣхъ этихъ конкурентовъ разсматривались и оцѣнивались ректорами К. Тономъ, Э. Бруни, профессорами Басинымъ, А. Марковымъ, Нефомъ, Виллевалде, С. Воробьевымъ, П. Н. Клодтомъ, Уткинымъ, Пименовымъ, Йорданомъ, Лялинскимъ и др. Въ обходахъ выставки участвовали также товарищъ президента академіи графъ Э. П. Толстой, вице-президентъ князь Г. Г. Гагаринъ и конференцъ-секретарь Э. Э. Львовъ. Въ предварительномъ засѣданіи академическаго совѣта 2 октября 1860 года Шевченко, на ряду съ живописцами А. Бейдеманомъ, Ив. Борниковымъ, В. Пукиревымъ и др. признанъ былъ академикомъ по гравированію «въ уваженіе искусства и познаній въ художествахъ».

Имена Шевченка и другихъ вновь избранныхъ членовъ академіи провозглашены были, при звукѣ трубъ и литавръ, на общемъ годичномъ торжественномъ собраніи академіи 4 сентября конференцъ-секретаремъ Э. Э. Львовымъ. Кромѣ названныхъ гравюръ, Шевченкомъ исполнены также еще слѣдующія гравюры: копія съ картины Мурильо «Св. Семейство», маленькій малороссійскій пейзажъ, къ «Цыганамъ» Пушкина, «Король Лиръ» и нѣсколько портретовъ графа Э. П. Толстого, Э. А. Бруни, П. А. Клодта, знаменитаго въ свое время трагика Айра Ольриджа и наконецъ самого художника. Собственныхъ портретовъ въ 1860 г. награвировано имъ четыре (три на мѣди крѣпкой водкой и одинъ на стали); сдѣланы они съ разныхъ оригиналовъ, но довольно схожи между собою и представляютъ Шевченка уже въ пожилыхъ годахъ. Одинъ портретъ воспроизводитъ его въ бараньей шапкѣ, другой въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, третій въ шубѣ безъ шапки.

Кромѣ гравирования, Шевченко въ 1858—1861 гг. рисовалъ сепіей, карандашемъ и акварелью. Сюжеты для своихъ рисунковъ и эскизовъ онъ бралъ по преимуществу изъ исторіи и современнаго быта Малороссіи, а также изъ родной ему природы. Сюда относятся: большой рисунокъ сепіей «Днѣпровскія русалки», наброски: «Хмѣльницкій предъ Крымскимъ ханомъ», «Смерть Хмѣльницкаго», «Мазепа, умирающій въ присутствіи Карла XII» и др. Къ этому же времени относится рядъ набросковъ и рисунковъ, изображающихъ казарменные сцены и мѣстности въ каспійскихъ степяхъ.

Вообще, въ своихъ гравюрахъ и рисункахъ 1858 — 1861 гг. Шевченко является даровитымъ художникомъ-реалистомъ, хотя и разбрасывающимся: онъ, какъ офортистъ, брался и за портретъ, и за жанръ, и за пейзажъ, и за случайную иллюстрацію. Къ сожалѣнію, жизнь его въ Петербургѣ складывалась неблагопріятно для занятій искусствомъ. Гравюра требовала упорнаго труда, усидчивости, кропотливости, а у Шевченка не проходило дня, чтобы его не позвали на обѣдъ, на вечеръ, въ театръ, на прогулку, на пельмени и вареники—любимыя блюда поэта. «Даже писемъ не даютъ написать: нужно куда нибудь спрятаться. Боюсь, какъ бы не сдѣлаться модной фигурой», говаривалъ Шевченко. Вечера онъ проводилъ у графа Ѳ. П. Толстого, Лазаревскихъ, Костомарова, Полонскаго, Жижиленка, въ музыкальномъ семействѣ И. И. Гринбергъ и многихъ другихъ. Вхожъ онъ былъ также во многіе свѣтскіе дома, напримѣръ, Демидовыхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ и др., куда обыкновенно приглашались на вечера писатели и художники. Въ семействѣ графа Толстого онъ былъ принятъ, какъ свой, какъ родной, ходилъ туда чуть ли не каждый день, а иногда и нѣсколько разъ. Квартира графа Толстого, кстати замѣтимъ, была тогда мѣстомъ собраній ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Въ назначенные дни недѣли въ ней собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошаго, образованнаго, отличавшагося своими дарованіями. Въ особыхъ случаяхъ графиня А. И. Толстая обыкновенно посылала Шевченку приглашительныя записочки.

30-го декабря 1859 г. она, напримѣръ, писала: «Пожалуйста, Тарасъ Григорьевичъ, приходите завтра отъ 7 до 10 часовъ; у насъ будетъ читать Ольриджъ. Пригласите Гулака Степановича и Кулиша». Игра африканскаго трагика Айро Ольриджа въ роляхъ шекспировскаго репертуара производила на Шевченка сильное впечатлѣніе. Онъ почиталъ Даргомыжскаго и Глинку и вообще страстно любилъ музыку и пѣніе, а иногда и самъ пѣлъ теноромъ. Его любимыми пѣснями были: «ой, зійды, зійды, зиронька», и волжская бурлацкая.

На вечерахъ Тарасъ Григорьевичъ часто напивался; во хмелю былъ добродушенъ и разговорчивъ, а если съ нимъ заговаривалъ несимпатичный ему человѣкъ, то становился рѣзокъ и придиричивъ. М. О. Микѣшинъ обыкновенно провожалъ его на вечера и обратно. 4-го іюля 1858 г. Шевченко между прочимъ писалъ своему пріятелю, коменданту Новороссійскаго укрѣпленія И. А. Ускову: «Въ Питерѣ мнѣ хорошо пока. Квартирую я въ самой академіи. Товарищи-художники меня полюбили, а безчисленные земляки меня просто на рукахъ носятъ. Однимъ словомъ, я совершенно счастливъ». Въ его мастерскую, кромѣ Микѣшина, чаще другихъ ходили скульпторъ Ѳ. Ѳ. Каменскій, живописецъ Г. Денъберъ и др. Каменскій въ 1859 — 1860 гг. конкурировалъ на большую золотую медаль и лѣпилъ бюстъ Шевченка.

Этотъ бюстъ былъ на выставкѣ 1861 г., какъ первая самостоятельная работа Каменскаго. Денъеръ же написалъ съ Тараса Григорьевича портретъ, который также ставилъ на выставку. Изъ художниковъ Т. Гр. ближе всѣхъ былъ къ Микѣшину и часто засиживался у него въ мастерской, гдѣ тогда исполнялся памятникъ тысячелѣтня Россіи. Случалось, что и самъ Шевченко устраивалъ попойки для художниковъ и друзей. Однажды онъ получилъ съ родины малороссійское сало, и по этому случаю устроилъ дружескую вечеринку. Гости собрались въ нижнемъ скульптурномъ класкѣ, и когда Тарасъ Григорьевичъ подвыпилъ, они сняли съ поста-мента фигуру Юпитера — работы Пименова, и посадили его туда. Сидя на мѣстѣ Юпитера, Шевченко занималъ своихъ друзей разсказами, воспоминаніями. Это было за полночь. Гости съ живѣйшимъ вниманіемъ слушали его. Но вотъ неожиданно отворилась дверь — и показалась фигура профессора Пименова. Шевченко соскочилъ съ своей кафедры и чрезъ окно спрыгнулъ въ садъ. Пименовъ тѣмъ же путемъ погнался за нимъ, но безуспѣшно. Кстати замѣтимъ, что Шевченко особенно умѣлъ занимать женщинъ и пользовался ихъ расположеніемъ. Послѣ же неудачи въ любви къ простой украинской дивчинѣ Лукерѣ онъ началъ вообще недружелюбно относиться къ нимъ.

Въ послѣдніе годы, какъ и всегда, Тарасъ Григорьевичъ нуждался въ деньгахъ и за безцѣнокъ продавалъ свои рисунки. Незадолго передъ смертію онъ, напримѣръ, продалъ одной помѣщицѣ С—ой за 75 рублей четыре большіе рисунки (сепіи), воспроизводившіе казарменные сцены, пережитыя въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

Получивъ званіе назначеннаго академика, Шевченко осмѣлился осуществить свою любимую мечту — посѣтить родныя мѣста и 5-го мая 1859 г. подалъ въ правленіе академіи художествъ прошеніе «о выдачѣ ему вида на проѣздъ въ губерніи Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую, срокомъ на 5 мѣсяцевъ», для поправленія здоровья и рисованія этюдовъ съ природы.

Препятствій къ этой поѣздкѣ не нашлось, такъ какъ Шевченко, по отзыву графа Ѳ. П. Толстого, по возвращеніи въ 1858 г. въ Петербургъ, «не подвергъ себя въ академіи ни малѣйшему замѣчанію въ отношеніи его поведенія и образа мыслей», но билетъ на проѣздъ въ Малороссію былъ выданъ ему отъ С.-Петербургскаго полицеймейстера только въ первыхъ числахъ іюня, какъ отставному рядовому — художнику. М. К. Чалый въ своемъ сочиненіи «Жизнь и произведенія Т. Шевченка» (изд. 1882 г., стр. 139) говоритъ, что «Шевченко вырвался изъ Петербурга въ апрѣлѣ». Это не вѣрно: академія художествъ только 29-го мая получила отъ III Отдѣленія увѣдомленіе о неимѣнннхъ препятствіяхъ къ выѣзду Шевченка въ Малороссію.

Вернувшись изъ поѣздки на родину въ сентябрѣ 1859 г., Шев-

ченко началъ жить постарому. Разныя знакомства мѣшали его занятіямъ. Кромѣ того, задумавъ жениться и приобрести себѣ усадьбу на берегу Днѣпра, онъ все откладывалъ болѣе серьезныя работы до устройства собственной «рабочей». Къ сожалѣнію, частыя посѣщенія пріятельскихъ семействъ, за исключеніемъ артистическихъ вечеровъ графа Толстого, частыя сидѣнья за хмельнымъ столомъ вредно отозвались на здоровьѣ Шевченка, уже и безъ того утомленнаго предыдущими непріятностями. Съ ноября 1860 г. онъ сталъ часто хворать. Встрѣтившись у Лазаревскаго съ докторомъ Бари, онъ жаловался на боль въ груди. Выслушавъ его, докторъ совѣтовалъ ему побережся. Съ тѣхъ поръ здоровье его слабѣло со дня на день. Январь и почти весь февраль 1861 г. онъ буквально просидѣлъ дома безвыходно, продолжалъ заниматься гравюрой, писалъ копію съ своего портрета и началъ портретъ одной дамы. Въ февралѣ Н. И. Костомаровъ отправился навѣстить поэта и узнать о состояніи его здоровья. Сидѣлъ онъ за столомъ; кругомъ въ безпорядкѣ разбросаны были неоконченныя работы.

Онъ показалъ гостю золотыя часы, которые готовился носить по выздоровленіи. До сихъ поръ скудость средствъ не позволяла думать о такой роскоши. Онъ относился къ этой игрушкѣ съ какимъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ. Въ этотъ же день больной собрался еще съ силами написать поздравительное письмо къ управляющему графа Шувалова, Т. Мокрицкому, который былъ въ тотъ же день именинникъ.

«Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ! Поздравляю васъ съ вожделѣннымъ днемъ вашего святого ангела. Извините, что я не могу лично принести и моего искренняго поздравленія, я боленъ другою мѣсяць. Не только на улицу, но и въ корридоръ не пускаютъ. И не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество? Глубоко кланяюсь Маріи Львовнѣ и лобзаю вашихъ дѣточекъ. Отъ души желаю вамъ повеселиться попошлогдному.

«До свиданія. Искренній вашъ Т. Шевченко. 24 февраля 1861 г.».

Въ субботу 25 февраля, въ день именинъ Тараса Григорьевича, посѣтилъ больного М. М. Лазаревскій и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ, онъ сидѣлъ на кровати и тяжело дышалъ. Почти всю ночь на 26 февраля больной провель, сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчку. М. М. Лазаревскій зашелъ къ нему еще въ 11-мъ часу ночи и нашелъ его сидящимъ безъ огня. 26 февраля, въ 5-ть часовъ утра, Тарасъ Григорьевичъ попросилъ оставленнаго при немъ академическаго служителя Ефимова сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. «Убери же ты теперь здѣсь, а я сойду внизъ». Съ антресолей Тарасъ Григорьевичъ спустился въ мастерскую, охнулъ, упалъ у лѣстницы и въ половинѣ 6-го утра его не стало. Въ метрическихъ книгахъ академической Екатерининской церкви подъ 26 февраля 1861 г. записано: «академикъ Тарасъ Григорье-

вичъ Шевченко, умеръ 26 февраля отъ водяной болѣзни, похороненъ 28 февраля». Запись эта скрѣплена подписями священника Денисова, діакона Постникова и дьячка Яковлева. Имущество умершаго въ зданіи академіи Шевченка, по предписанію перваго департамента управы благочинія, отъ 14 марта 1881 г., описано было при академическомъ полицеймейстерѣ капитанѣ перваго ранга А. А. Крутовѣ и старшемъ помощникѣ надзирателя 1-го квартала Васильевской части Китченкѣ, и до 31 марта, т. е. до оцѣнки и передачи коллежскому совѣтнику М. М. Лазаревскому, хранилось въ академіи. При оцѣнкѣ имущества, кромѣ помощника надзирателя Китченка, находились въ качествѣ экспертовъ: академикъ А. Лебедевъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Миллеръ, портной Ив. Якобсонъ, мебельщикъ Ив. Беперацъ, мѣдныхъ дѣлъ мастеръ М. Погинь. Все имущество Шевченка оцѣнено было въ 150 р. 15 к. Каждый экспертъ проставлялъ цѣны, какія хотѣлъ. Золотые карманные часы съ тремя досками, на 13 камняхъ подъ № 5372, фабрики Тобіаса, золотая къ нимъ цѣпочка и такой же ключъ, часы стѣнные, парижскіе, въ круглой деревянной дубовой рамѣ, хранившіяся въ особомъ футлярѣ три нитки коралловъ и при одной изъ нихъ крестъ золотой съ бирюзой, при другой—медальонъ съ портретомъ Шевченки, при третьей—сердце изъ золота съ бирюзой, золотая булава съ кораллами, черепаховая табакерка съ золотою и серебряною насѣчкою и въ ней два золотыхъ обручальныхъ кольца, наперстокъ серебряный вызолоченный, три золотыя запонки, такая же булава съ коралловой головкой, чайная серебряная ложечка, двѣ шкатулки мозаиковая и деревянная, обитая кожею, и термометръ оцѣнены были въ 53 рубля; 17 мѣдныхъ гравировальныхъ досокъ разной величины, 7 гравированныхъ въ деревянныхъ подъ орѣхъ и подъ стекломъ рамахъ картинъ, изображающихъ сцены и портреты, оригинальная гравированная картина Рембрандта «Притча о виноградѣ и дѣлателѣ», двѣ большія гравюры пейзажей Каляма, 38 картинъ разной величины, гравированныхъ и изображающихъ портреты, фотографическій снимокъ съ картины Брюллова «Благовѣщеніе» въ рамкѣ орѣховаго дерева—въ 51 р. 15 коп.; обитый клеенкой турецкій диванъ, два обыкновенныхъ стола—одинъ круглый на одной, другой на четырехъ ножкахъ, зеркало складное въ рамкѣ орѣховаго дерева, сундукъ—въ 1 р. 80 к., три шкатулки съ акварельными и масляными красками, мольбертъ орѣховаго дерева, двѣ палки, изъ коихъ одна съ эмалевой ручкой—въ 6 рублей, два женскихъ пальто, одно драповое сѣрое, а другое такое же бѣлое, обшито золотымъ шнуркомъ, три суконныхъ пальто мужскихъ, одинъ сюртукъ суконный, два такихъ же жилета, такой же фракъ, 4 парусинныхъ пальто и 4 такихъ же панталонъ, жилетка парусинная, мужская малороссійская одежда, кобенець суконный, армякъ верблюжьяго сукна, баранья шапка, два тулупа овчинныхъ, крытыхъ сукномъ; двѣ шляпы пуховыя сѣрыя, шляпа соломенная муж-

ская, малороссійская женская одежда, плахта шерстяная клѣтчатая, женская поддѣвка безъ рукавовъ шерстяной матеріи коричневаго цвѣта, юбка клѣтчатая шерстяная, кусокъ шерстяной матеріи голубого цвѣта около 7 аршинъ, рубахъ мужскихъ холщевыхъ 27, подштанниковъ 7, полотенцъ 6, салфетокъ 9, носовыхъ платковъ 15. галстухъ бѣлый бумажный, чулковъ женскихъ бумажныхъ 3 пары. дѣтскихъ—одна пара, два полотенца, одна наволочка холщевая, шитая красною бумагою и шелкомъ, и китайскія туфли—въ 38 р. 65 коп.; три костюлы, самоваръ старой формы, лампа столовая желтой мѣди съ стекляннымъ матовымъ колпакомъ, прессъ-палье бронзовый, изображающій лежащаго льва—въ 4 рубля.

Наслѣдниками этого имущества явились родные братья Шевченка Никита и Іосифъ Григорьевичи, вольноотпущенные изъ крестьянъ помѣщика Флерковскаго, проживавшіе Кіевской губерніи Звенигородскаго уѣзда въ селѣ Кирилловкѣ.

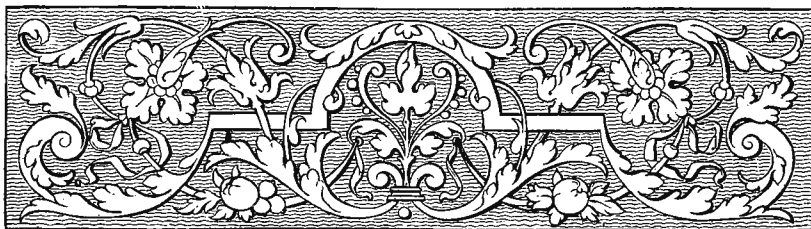
27-го марта, отъ нихъ въ академіи художествъ получено было прошеніе. Называя себя единственными наслѣдниками Т. Г. Шевченка, они просили все имущество своего брата передать М. М. Лазаревскому, который, по ихъ довѣренности, могъ продать оное, или переслать имъ. Собственноручная подпись на прошеніи и довѣренности этихъ наслѣдниковъ 18 марта была завѣрена, съ приложеніемъ печати, исправляющимъ должность пристава 3-го стана Каневского уѣзда Кіевской губерніи, коллежскимъ секретаремъ Климанскимъ. На основаніи этой довѣренности М. М. Лазаревскій подъ росписку принялъ въ свое распоряженіе всѣ вещи Шевченка, попавшія въ опись. Странно, почему не вошли въ опись и куда вообще дѣвались его книги, рисунки и эскизы.

Книгъ Т. Г. не собиралъ и вообще читать не любилъ. Но произведенія Мицкевича, на примѣръ, были у него настольными. Несомнѣнно, что на столѣ и на полу у него валялись разбитыя книжки «Современника». Затѣмъ, М. О. Микѣшинъ утверждаетъ, что въ іюлѣ 1861 г. М. М. Лазаревскій показывалъ ему довольно большое собраніе рисунковъ, оставшихся по смерти Шевченка. Въ ряду ихъ особенно выдѣлялись десять рисунковъ сепіей: «Притча о блудномъ сынѣ», приуроченная къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія.

Крайне жаль, что все художественное имущество Т. Г. Шевченка разошлось по мелочамъ и въ разныя руки. Въ бібліотекѣ академіи художествъ собраны и сохранились только три эстампа съ его гравюръ: 1) «Вирсавія» съ К. Брюллова, 2) этюдъ полуобнаженной лежащей съ папирской женщины и 3) крестьянинъ сборщикъ.

Мы знаемъ, что часть оригинальныхъ рисунковъ Шевченка хранится у М. О. Микѣшина, часть у Тарновскаго.

А. А. Благовѣщенскій.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты Перваго кадетскаго корпуса.

ГОСУДАРЬ императоръ Александръ Николаевичъ, въ бытность свою наслѣдникомъ цесаревичемъ, получилъ фронтное образованіе въ строю Перваго кадетскаго корпуса. Вотъ что рассказывалъ намъ полковникъ Иванъ Васильевичъ Шипиловъ, бывшій въ то время кадетомъ этого корпуса, о нахожденіи его высочества среди кадетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ концѣ мая или началѣ іюня 1831 года, всѣ военно-учебныя заведенія выступили въ кадетскій лагерь въ Петергофѣ. Первый кадетскій корпусъ, дойдя до Московской заставы, былъ остановленъ и чрезъ нѣсколько минутъ удостоился принять въ составъ первой гренадерской роты, пріѣхавшаго туда со своимъ воспитателемъ генераломъ Мердеромъ, государя наслѣдника цесаревича. Онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ кадеты, въ походную кадетскую форму съ ружьемъ и занялъ мѣсто въ рядахъ младшаго (стрѣлковаго) отдѣленія роты. Въ походѣ онъ шелъ бодро и отвѣчалъ милостиво на вопросы оказавшихся съ нимъ въ сосѣдствѣ товарищей. На предложеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и рассказчика Шипилова, передать имъ для несенія ружье, его высочество первоначально отка-

звался, но, пройдя нѣсколько верстъ и утомясь съ непривычки, отдалъ его сосѣднему кадету, отъ котораго, когда отдохнули плечи, и взялъ его обратно и несъ до Краснаго Кабачка, гдѣ корпусъ встрѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ и увезъ усталшаго цесаревича съ собою въ коляскѣ.

Во время лагернаго сбора въ Петергофѣ, Александръ Николаевичъ аккуратно являлся на всѣ кадетскія экзерциціи и ученья, старательно изучалъ фронтую службу и считался добрымъ соотарищемъ и хорошимъ кадетомъ. По окончаніи ученья, его высочество постоянно обѣдалъ съ кадетами за лагернымъ столомъ, куда пріѣзжали также воспитывавшіеся вмѣстѣ съ нимъ товарищи: Мердеръ, Паткуль, графъ Виельгорскій и другіе.

Лагерная кадетская столовая была за лагерями, на лужкѣ, подъ открытымъ небомъ. Это были длинные ряды врытыхъ въ землю и прикрытыхъ дерномъ столовъ и скамеекъ. Кадетскія роты передъ обѣдомъ рассчитывались на артели, каждая въ 6 человекъ. По прочтеніи молитвы, артели садились за столы въ послѣдовательномъ порядкѣ, и каждая артель ѣла изъ одной общей деревянной чашки, казенными круглыми деревянными ложками. Пища въ то время была самая простая: кислые щи съ рубленною въ крошку говядиною, горохъ, каша гречневая или пшенная съ масломъ, пироги и квасъ. Государь наслѣдникъ цесаревичъ обѣдалъ обыкновенно съ пріѣзжавшими къ нему товарищами и тѣми кадетами, которымъ, по расчету, выпадало счастье попасть въ артель его высочества. Обычное мѣсто его артели было на самомъ концѣ лѣваго фланга роты. Никакихъ особенностей ни въ обстановкѣ стола, ни въ приготовленіи пищи для царственнаго юноши дѣлаемо не было, онъ подчинялся тѣмъ же правиламъ, какъ и всѣ прочіе кадеты. Это его болѣе всего радовало, онъ съ удовольствіемъ шелъ къ кадетскому столу и ѣлъ все, что подавали, съ аппетитомъ и ничѣмъ не брезгуя. Кадеты не разъ дѣлились съ нимъ своими долями пирога, и онъ никогда не отказывался раздѣлить съ ними ихъ порцію, отламывая по кусочку и съѣдая, а однажды даже одинъ пирожекъ увезъ съ собою въ подарокъ матери. Ему понравилась кадетская тюря. Это было блюдо собственно кадетскаго приготовленія. Когда подавался вареный горохъ, кадеты крошили въ чашку съ горохомъ хлѣбъ до густоты, разминали его съ горохомъ и посылали въ кухню «помаслить», то-есть положить въ оставленное посерединѣ углубленіе масло, которое, по возвращеніи чашки изъ кухни, размѣшивалось, и тюря была готова.

Однажды, во время приготовленія такой тюри для цесаревича, лагерную столовую посѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ съ своей супругой, государыней императрицей Александрой Теодоровной. Остановивъ экипажъ противъ стола, гдѣ обѣдалъ со своей артелью наслѣдникъ цесаревичъ, онъ спросилъ его:

— Саша, ты что ѣшь?

— Тюрю, ваше императорское величество, — отвѣчалъ Александръ Николаевичъ.

— Что это за блюдо? дай мнѣ попробовать!

— Сію минуту! — и наслѣдникъ хотѣлъ было вскочить и подать чашку, но начальство корпуса предупредило его и подало его величеству пресловутое кадетское «самокроше».

Николай Павловичъ посмотрѣлъ въ чашку, взялъ немного тюри на ложку, откушалъ, посмаковалъ и похвалилъ, съѣлъ еще ложку и другую, и предложилъ попробовать императрицѣ. Государыня отвѣдала немного и поморщилась.

— Что, не нравится? — разсмѣялся государь, — а по мнѣ хорошо! Кушайте, дѣти, на здоровье! — обратился Николай Павловичъ къ кадетамъ и поѣхалъ далѣе.

По окончаніи обѣда кадеты вставали изъ-за стола и, прочитавъ молитву, расходились по палаткамъ, а наслѣдникъ цесаревичъ уѣзжалъ въ Петергофъ.

Необходимо замѣтить, что деревянныя ложки, которыми кушалъ цесаревичъ, постоянно уносились кадетами съ собою и сберегались, какъ нѣчто священное. Не успѣвалъ Александръ Николаевичъ встать изъ-за стола, какъ кадеты толпою бросались за ложкой, и она становилась предметомъ пререканій и ссоръ между ними. Увидя это однажды, цесаревичъ возвратился къ столу, взялъ другую ложку, отвѣдалъ ею оставшагося кушанья и вручилъ ее лично тому кадету, который всѣхъ сильнѣе добивался овладѣть первою ложкою.

— Ну, вотъ и тебѣ ложка! — сказалъ онъ при этомъ кадету, и кадетъ переслалъ эту ложку къ родителямъ, какъ драгоценность, для храненія, и самъ впоследствии не разъ рассказывалъ товарищамъ, какъ онъ удостоенъ былъ цесаревичемъ такого дорогого подарка.

Иногда, по вечерамъ, часа за два до пробитія зари, Александръ Николаевичъ пріѣзжалъ въ лагерь для игръ съ кадетами. Играли въ мячъ, въ чехарду и другія игры. Играя однажды въ чехарду, одинъ великовозрастный неловкій кадетъ не могъ перескочить чрезъ великаго князя цесаревича, когда тотъ сталъ, въ свою очередь нагнувшись, и съѣлъ ему на шею.

— Какой же ты неловкій! — сказалъ ему цесаревичъ, — ну, становись за то, я буду скакать.

И онъ разбѣжался, прыгнулъ, но перескочить не могъ и остался у него на плечахъ.

— А, — сказалъ тогда кадетъ, — и вы, ваше императорское величество, не особенно ловки. За то неудобно ли будетъ вамъ прогуляться со мною. И онъ поднялъ сидѣвшаго у него на плечахъ цесаревича и побѣжалъ съ нимъ вдоль луга. Толпа кадетъ съ кри-

комъ бросилась за ними, и Александръ Николаевичъ быть очень доволенъ.

Въ другой разъ кадеты человѣкъ 6—7, сговорившись, увлекли наслѣдника цесаревича въ сосѣднюю за лагерьемъ деревню. Тамъ они лежали на сѣнѣ, пили молоко, ѣли творогъ и сметану, катались верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ. Когда пришло дѣло до расчета съ крестьянами, кадеты рѣшили заплатить въ складчину по расчету, но у цесаревича не оказалось въ карманѣ денегъ, и кадеты заплатили одни.

— Я вамъ завтра отдамъ, — сказалъ кадетамъ Александръ Николаевичъ, но кадеты воспротивились и упросили его высочество принять все это за кадетское угощенье.

Когда была въ кадетскомъ лагерѣ заря съ церемонією, приѣзжалъ государь императоръ Николай Павловичъ съ государыней и прочими членами императорской фамиліи и увозилъ цесаревича съ собою. Въ противномъ случаѣ онъ возвращался съ своимъ воспитателемъ.

Въ праздничные дни государь дѣлалъ иногда въ кадетскомъ лагерѣ разводъ съ церемонією. На одномъ изъ такихъ разводовъ появился великій князь Константинъ Николаевичъ (имѣвшій въ то время года 4 или 5 отъ роду), въ сопровожденіи своей няни. Онъ подошелъ къ фронту кадетъ, остановился и сталъ махать тросточкой. Николай Павловичъ замѣтилъ это, подозвалъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Костя, какъ же ты можешь это дѣлать, когда государь находится передъ фронтомъ? — и онъ взялъ его за руку, провелъ на правый флангъ къ музыкантамъ и поставилъ рядомъ съ барабанщикомъ, игравшимъ на турецкомъ барабанѣ. — Стой тутъ! — приказалъ ему государь, пока не кончится разводъ. — И ребенокъ, заморгавшій было, чтобы заплакать, вскинулъ глазки на отца и, видя его веселымъ и смѣющимся, улыбнулся, всталъ на мѣсто и стоялъ при барабанщикѣ до конца развода.

Въ 1832 году, Первый кадетскій корпусъ праздновалъ столѣтній юбилей со времени своего учрежденія. Окончившіе курсъ кадеты, съ которыми наслѣдникъ цесаревичъ проходилъ свое строевое образованіе, были произведены въ офицеры и явились въ Аничковскій дворецъ. Александръ Николаевичъ принялъ ихъ весьма мило, поздравилъ съ производствомъ, многихъ удостоилъ разговора о семейномъ и имущественномъ ихъ положеніи, совѣтовалъ быть скромными и бережливыми, и заключеніе напутствовалъ словами:

— Помните, господа, что вы вступаете на трудный и скользкій путь жизни; будьте тверды и бодры, не падайте духомъ и блюдите строго все то, къ чему обязываетъ васъ долгъ и честь. Если же паче чаянія, съ кѣмъ нибудь изъ васъ случится какое либо несчастье, — обращайтесь ко мнѣ, я васъ не забуду.

И это не были слова только: нѣкоторые кадеты, совоспитанники цесаревича, въ минуту жизни трудную, обращались къ нему за помощью, и никогда отказа не было.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, государь императоръ Александръ Николаевичъ, проѣзжая какъ-то по Невскому, увидѣлъ оставнаго генераль-маіора Морковникова и позвалъ его:

— А, Морковниковъ!.. мой учитель!.. ¹⁾ ты въ отставкѣ? почему не служишь?

— По обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить службу.

— Принеси мнѣ докладную записку, я что нибудь для тебя сдѣлаю.

Генераль-маіоръ Морковниковъ подалъ записку чрезъ военнаго министра, и его величество всемилостивѣйше удостоилъ его пожалованія своимъ портретомъ съ собственноручной надписью и назначилъ ему въ пособіе изъ суммъ кабинета 1.000 рублей.

II.

Графъ А. А. Аракчеевъ и ревизоръ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ селѣ Грузинѣ, Новгородской губерніи, извѣстной резиденціи графа А. А. Аракчеева, находился провіантскій магазинъ, смотрителемъ котораго былъ въ то время губернскій секретарь Францъ Мартыновичъ Радзиковскій. Для свидѣтельства провіанта и книгъ магазина новгородская провіантская комиссія ежемѣсячно присылала ревизора изъ числа состоявшихъ при оной особыхъ чиновниковъ. Однажды, лѣтней порой, графъ Аракчеевъ, встававшій, какъ извѣстно, утромъ рано, выйдя на прогулку, замѣтилъ, что чрезъ рѣку Волховъ переправляется пріѣхавшій въ тарантасѣ чиновникъ въ шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Ревниво наблюдая за всѣмъ, что въ его резиденціи дѣлается, онъ тотчасъ послалъ узнать: кто такой пріѣхалъ и зачѣмъ? Посланный моментально слеталъ и доложилъ графу, что это провіантскій чиновникъ, пріѣхавшій изъ Новгорода для ревизіи провіантскаго магазина.

— Сказать ему, чтобы сейчасъ убирался вонъ!—вспылилъ всемогущій временщикъ:—тамъ, гдѣ живетъ Аракчеевъ, воровства быть не можетъ.

И чиновникъ долженъ былъ возвратиться въ Новгородъ, оставивъ магазинъ не обревизованнымъ ²⁾.

¹⁾ Морковниковъ обучалъ Александра Николаевича въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ маршировкѣ и ружейнымъ приемамъ.

²⁾ Разсказъ Ивана Францовича Радзиковскаго, сына Ф. М. Радзиковскаго.

III.

Генераль фонъ-деръ-Лауницъ.

Командиръ бывшаго отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль фонъ-деръ-Лауницъ, отличавшійся необычайной строгостью и суровостью въ отношеніи требованія отъ подчиненныхъ ему войскъ исполненія служебныхъ обязанностей, сдѣлалъ свою карьеру весьма оригинальнымъ способомъ. Назначенный въ тридцатыхъ годахъ, въ чинѣ полковника, командиромъ Одесскаго уланскаго полка, онъ тотчасъ прибылъ въ штабъ-квартиру полка, квартировавшаго тогда въ городѣ Вознесенскѣ, и произвелъ полку инспекторскій смотръ. Полкъ оказался ему слабымъ въ строевомъ отношеніи, и онъ остался очень недоволенъ дивизионными и эскадронными командирами. Чтобы ознакомиться съ знаніемъ офицерами воинскаго устава и фронта, на другой день было назначено офицерское ученье. Полковой командиръ тщательно осматривалъ: посадку, выправку, умѣнье держаться въ сѣдлѣ, равненье, шагъ, ѣзду на рысяхъ и въ карьеръ, и все находилъ или не вполне удовлетворительнымъ, или никуда негоднымъ. Сперва онъ дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ, указывалъ, потомъ началъ выговаривать, кричалъ, что это не офицеры, а бабы въ уланскихъ шапкахъ, и, наконецъ, разсвирѣпѣлъ. Приостановивъ ученье и перестроивъ проходившіе мимо ряды во фронтъ, онъ вдругъ повернулся къ стоявшему сзади штабъ-трубачу и закричалъ: «палокъ!». Нужно было видѣть, какое изумленіе выразилось на лицахъ офицеровъ, ошеломленныхъ подобнымъ приказаніемъ. Старые усачи, рубаки, отбывшіе десятки сраженій, никогда не слыхивали, чтобы на офицерскихъ ученьяхъ употреблялись палки. И ихъ лица пламенѣли, глаза метали искры. Но фронтъ — святое дѣло: думай, что хочешь, но все, подъ командой «смирно!» закаменѣло и молчать, ни звука, ни движенія, даже лошади стоятъ смирно, не шевелятся. Командиръ полка былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, и, въ ожиданіи появленія поскакавшаго за палками на полковой дворъ штабъ-трубача, стоялъ передъ фронтомъ и съ загадочной улыбкой сфинкса на устахъ разсматривалъ и изучалъ мужественныя, загорѣвшія лица старыхъ удалцевъ-эскадронеровъ и юныхъ, полныхъ жизни и силъ субалтернъ-офицеровъ. Это была пытка, — говорили потомъ офицеры: — ждали чего-то необычайнаго, грознаго, страшнаго, чего-то въ родѣ надвигавшейся, какъ туча, бѣды, несчастья или катастрофы, сердца учащенно бились, губы блѣднѣли и судорожно сжимались, но напряженіе воли скрывало всѣ мысли, и въ строю было такъ тихо, что жужжаніе мухи было слышно. Но вотъ вдали показался скачущій въ карьеръ съ пучкомъ палокъ штабъ-трубачъ, лихо онъ подлетѣлъ къ командиру и, молча вытянувшись, остановился въ ожиданіи приказаній. Всѣ взоры сосредоточились на суровомъ лицѣ новаго своего начальника.

— Поручикъ N, корнетъ N, штабъ-ротмистръ N, впередь!—раздалась команда полковаго командира, и нѣсколько офицеровъ было вызвано изъ фронта.

— Господа,—обратился къ нимъ полковникъ фонъ-деръ-Лауницъ,—на произведенномъ мною сегодня ученіи я замѣтилъ, что вы много слабѣ вашихъ товарищей по фронту. Вы дурно сидите въ сѣдлѣ, горбитесь и не сливаетесь съ конемъ въ одну фигуру, головы у васъ на скаку откидываются, локти полощутся. Такъ ѣздятъ только киргизы или башкиры у себя въ степяхъ, но у насъ подобная ѣзда не мыслима. Чтобы удостовѣриться, есть ли это простая случайность, небрежность, или прямой недостатокъ выправки и посадки—этой основы фронтоваго кавалерійскаго образованія, я считаю долгомъ теперь же подвергнуть васъ испытанію. Эй, вахмистръ, обратился онъ къ правофланговому сѣдоку-усачу, продѣнь этимъ офицерамъ между локтями и спиной по палкѣ! А вы, господа,—обратился онъ къ офицерамъ, когда вахмистръ исполнилъ отданное ему приказаніе,—постарайтесь, какъ инструкторы вашихъ взводовъ, пройти всѣ аллюры, не уронивъ на землю палокъ.—И онъ подаль команду для прохожденія.

Конечно, конфузъ и неловкость положенія пройти всѣ аллюры съ палкой за спиной сдѣлали свое дѣло: офицеры хотя и не уронили продѣтыхъ имъ между локтями и спиною палокъ, но отъ сильнаго нажима при прохожденіи на рысяхъ и въ карьеръ поломали ихъ и обломки растеряли во время скачки. Во всякомъ случаѣ, командиръ полка поставилъ это имъ въ вину и прямо съ плаца отправилъ на гауптвахту.

Эта курьезная выходка дошла до высшаго начальства, и полковникъ фонъ-деръ-Лауницъ сдѣлался извѣстенъ, какъ лихой фронтовикъ и строгій разумный начальникъ ¹⁾.

IV.

Генераль графъ Никитинъ.

Генераль отъ кавалеріи Никитинъ (впослѣдствіи графъ), будучи назначенъ инспекторомъ всей резервной кавалеріи, пожелалъ ознакомиться съ порядкомъ исполненія служебныхъ обязанностей въ частяхъ ввѣренныхъ ему войскъ, и для этого предпринялъ частный объѣздъ этихъ частей и посѣтилъ нѣкоторые изъ полковыхъ штабъ-квартиръ безъ обычнаго заблаговременнаго предупрежденія о томъ ихъ начальства.

¹⁾ Рассказъ этотъ записанъ тоже со словъ полковника Шипилова, служившаго подъ начальствомъ генерала фонъ-деръ-Лауница.

Приѣхавъ въ городъ Кременчугъ, гдѣ стоялъ въ то время одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему кирасирскихъ полковъ, онъ тотчасъ же отправился на главную гауптвахту. Дѣло было лѣтомъ. Жара стояла невыносимая. Караулъ отъ кирасирскаго полка находился въ караульномъ домѣ, на платформѣ стоялъ только одинъ часовой. Генераль въ походной шинели подошелъ къ гауптвахтѣ, никѣмъ не замѣченный, и только когда вступилъ на платформу, часовой увидѣлъ его и бросился было къ звонку. Но генераль мановеніемъ руки остановилъ его и направился прямо въ офицерскую комнату. Отворивъ дверь, онъ былъ пораженъ изумительнымъ зрѣлищемъ: къ креслахъ, раздѣтый до нижняго бѣлья, спалъ караульный офицеръ, а сзади кресла стоялъ гигантъ-кирасиръ съ вѣткой черешни и отмахивалъ мухъ. Генераль моментально сбросилъ съ плечъ шинель и задалъ грозный вопросъ:

— Кто это такой?

Разбуженный вѣстовымъ офицеръ вскочилъ и началъ было по уставу рапортовать: «вашему высокопревосходительству и пр.»...

— Позвольте, позвольте!—перебилъ его генераль,—кто вы такой?

— Караульный начальникъ, такого-то кирасирскаго полка, корнетъ, графъ NN...

— Но что это за форма на васъ?

— Я... я... и корнетъ замаялся... по случаю жары... позволилъ себѣ снять мундиръ... ужасно душно... а я теперь въ дезабилье...

— Ну-съ, а солдаты ваши тоже въ дезабилье?

— О, нѣтъ! ваше высокопревосходительство, солдаты въ порядкѣ...

— Ну, слава Богу, хотя солдаты въ порядкѣ!.. а вамъ ужасно душно, вы позволяете себѣ дезабилье... очень радъ случаю убѣдиться, какъ у васъ исполняется служба его императорскаго величества... Ну, что же, садитесь, г. корнетъ, въ ваше кресло... (офицеръ попытался было попросить позволенія одѣться). Садитесь!—повторилъ генераль болѣе строго и, обратясь къ стоявшему за кресломъ вѣстовому, прибавилъ:—а ты, дуракъ, маши!

Офицеръ, ни живъ, ни мертвъ, опустился въ кресло. Генераль тоже присѣлъ на стоявшій близъ стола стулъ, потребовалъ стоявшаго въ караулѣ вахмистра и приказалъ ему дать знать о его прибытіи командиру полка, дежурному по карауламъ и прочему полковому начальству, которое все, въ полномъ составѣ, въ скорости и собралось на гауптвахтѣ. Генераль Никитинъ представилъ ему караульнаго начальника въ томъ видѣ, въ которомъ онъ нашелъ его, и гроза, конечно, разразилась ужасная. Но виновникъ ея, ко всеобщему удивленію, отдѣлался однимъ страхомъ. Генераль Никитинъ, узнавъ, что это былъ только что переведенный за какую-то шалость изъ гвардіи, тѣмъ же корнетскимъ чиномъ, офицеръ, отнесся къ нему крайне добродушно.

— Благодарю васъ, корнетъ,—сказалъ онъ ему,—вы дали мнѣ возможность убѣдиться лично, какіе существуютъ здѣсь порядки, и, конечно, я приму мѣры къ ихъ искорененію.

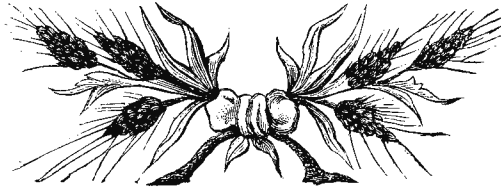
И корнетъ не только не былъ подвергнутъ никакому взысканію, но при первомъ же представленіи къ наградамъ былъ представленъ за отличіе къ слѣдующему чину¹⁾.

V.

Митрополитъ Филаретъ.

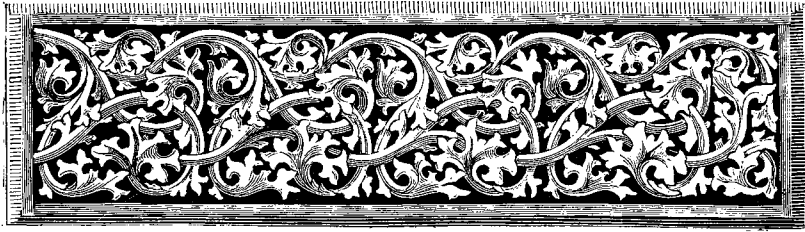
Теща московскаго почетнаго опекуна, тайнаго совѣтника Василья Семеновича Арсеньева, княгиня Долгорукова, находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, сокрушенно заявила митрополиту Филарету, что не можетъ уже стоять на ногахъ во время литургіи и поневолѣ должна садиться.

— Лучше, княгиня,—отвѣчалъ святитель:—сидя, думать о Богѣ, чѣмъ стоя—о ногахъ²⁾.

Петръ Мартыановъ.

¹⁾ Разсказъ этотъ записанъ со словъ капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, отецъ котораго служилъ въ то время въ сказанномъ кирасирскомъ полку.

²⁾ Этотъ разсказъ записанъ со словъ тайнаго совѣтника Василья Семеновича Арсеньева.

НОВЫЙ СБОРНИКЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ¹⁾.

«Наружность иногда обманчива бываетъ»...

ОЛЫШУЮ часть жизни моей я провелъ за книгами, надъ книгами и среди книгъ... Я всегда книги любилъ, и любилъ совершенно реально: любилъ не одно только содержаніе книгъ, любилъ и внѣшность ихъ, во всей ея полнотѣ, начиная отъ изящнаго, удобнаго формата, четкаго и красиваго шрифта—и до хорошаго, осмысленнаго и прочнаго переплета. Идеаломъ среди моихъ любимыхъ книгъ представлялось мнѣ постоянно хорошее, классическое изданіе твореній хорошаго автора, и съ нѣсколькими такими идеально-хорошими книгами я, вѣроятно, не разстанусь до конца жизни. Но я долженъ сознаться, что за послѣднее время, не смотря на всю свою любовь къ книгамъ, я покупаю очень немного новыхъ книгъ, и покупаю съ большою осторожностью. Многія новыя книги сильно подкупаютъ меня, привлекая своею внѣшностью, своими грандіозными размѣрами, своимъ почтеннымъ объемомъ; но—увы!—очень часто случается, что, приобрѣтя подобную книгу и заглянувъ въ ея объемистое нутро, ее весьма равнодушно откладываешь въ сторону и жалѣешь о напрасно издержанныхъ на нее деньгахъ... Но соблазны книжные, какъ и всякіе соблазны, бываютъ иногда непреодолимы, и имъ поддаешься поневолѣ! Ну, какъ, напримѣръ, коренному рус-

¹⁾ Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ I. Спб. 1895.

скому человѣку устоять отъ соблазна, увидя на прилавкѣ книжнаго магазина увѣсистый, безукоризненно отпечатанный и безусловно прекрасный по внѣшности томъ, на оберткѣ котораго красуется за-вѣтное заглавіе: «Великорусскія народныя пѣсни»? Подъ заглавіемъ, при томъ же, видишь имя извѣстнаго профессора и словесника, который принялъ на себя трудъ изданія въ свѣтъ этой новой сокровищницы русской народной поэзіи... Въ довершеніе всего этотъ чудный томъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ» предлагается почти даромъ! Глазамъ не вѣришь, читая на оборотной сторонѣ тома, что онъ, вмѣщая въ себѣ почти 40 печатныхъ листовъ, можетъ стѣить только три рубля сер.! Само собою разумѣется, что, увидѣвъ такую удивительную диковинку на прилавкѣ книжнаго магазина, я тотчасъ ее приобрѣлъ, принесъ домой,—и тотчасъ съ наслажденіемъ принялся за просмотръ книги...

Но прежде, чѣмъ я приступлю къ разбору книги, изданной г. профессоромъ А. И. Соболевскимъ, я позволю себѣ еще одно маленькое отступленіе. Народная поэзія вообще, съ ея поразительно наивнымъ творчествомъ, составляла нѣкогда любимѣйшую тѣму, около которой группировались всѣ мои научныя занятія. На изученіе народной поэзіи обще-европейской потратилъ я многіе и, могу сказать, лучшіе годы моей юности, и когда исчерпалъ ея сокровища обще-европейскія, тогда обратился со страстью къ изученію народной поэзіи русской, которая именно около этого времени (въ началѣ 60-хъ годовъ) переживала блестящій періодъ настоящаго расцвѣта... Тогда именно явился, въ видѣ откровенія свыше, дивный сборникъ Рыбникова, затѣмъ стали печататься сборники Кирѣевского, Безсонова и многихъ другихъ болѣе или менѣе талантливыхъ собирателей былиннаго и пѣсеннаго матеріала во всѣхъ концахъ Россіи. Передъ нашими глазами вскрывались цѣлыя новыя области въ изученіи народной поэзіи; изъ тѣмы вѣковъ возникали новыя, невиданныя дотолѣ образы богатырей, на насъ отовсюду сыпались чудные перлы нашего народнаго творчества... Вмѣстѣ съ гениальнымъ поэтомъ, вышедшимъ изъ среды великорусскаго народа, мы готовы были бы воскликнуть:

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ — дна!

Отрадно вспомнить, какою свѣжею струею повѣяло тогда въ русской наукѣ, въ русской поэзіи и даже въ русской жизни, до тѣхъ поръ почти не признававшей существованія русской народной поэзіи. Наступилъ даже (на время) періодъ увлеченій и преувеличенныхъ восхваленій русской народной поэзіи, обогатившій русскую ученую литературу двумя-тремя серьезными трудами и массою давно забытыхъ монографій... Затѣмъ русская поэзія отодвинулась на задній планъ, уступая мѣсто другимъ животрепещущимъ вопросамъ, и русская народная поэзія была—увы!—забыта надолго...

И вотъ въ этотъ-то прекрасный періодъ увлеченій русскою народною поэзіею всегда я думалъ, что слѣдовало-бы кому-нибудь принять на себя трудъ составленія общаго свода, въ который бы входилъ весь (и тогда уже очень обширный) печатный пѣсенный матеріаль. Трудъ мнѣ представлялся громаднымъ и даже едва-ли выполнимымъ для одного, хотя бы и весьма усерднаго и весьма знающаго человѣка, тѣмъ болѣе, что такой общій сводъ русскихъ народныхъ пѣсенъ не могъ, на мой взглядъ, явиться въ видѣ книги или ряда книгъ, въ которыхъ были бы собраны всѣ напечатанныя русскія пѣсни... Упаси Боже! Подобный сводъ могъ бы только сбить съ толку и одурманить даже и большого знатока и страстнаго любителя русской народной поэзіи! Подъ видомъ такого «свода» мнѣ представлялся не простой сборникъ пѣсеннаго матеріала, въ которомъ онъ весь собранъ и сопоставленъ въ той или другой, болѣе или менѣе произвольной системѣ:—нѣтъ! мнѣ представлялся критическій трудъ, въ которомъ были-бы собраны всѣ тѣмы русской народной поэзіи, и сопоставлены или въ видѣ лучшихъ изводовъ, съ вариантами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, или въ видѣ сводныхъ текстовъ, съ комментариемъ, отмѣчающимъ частности нѣкоторыхъ изводовъ. Такой сводъ, какъ мнѣ представлялось, могъ бы быть въ высшей степени важнымъ и полезнымъ для изученія русской народной поэзіи, и внѣ такого именно свода никакой иной не казался мнѣ нужнымъ или для кого бы то ни было пригоднымъ.

Вотъ съ какими воспоминаніями я приступалъ къ книгѣ профессора А. И. Соболевскаго и начиналъ съ нею знакомиться. Внѣшность у книги, повторяю, заманчивая и роскошная; казовая сторона (пока не вникнешь въ нее поподробнѣе) весьма внушительная. По оглавленію, въ этомъ толстомъ томѣ заключается 503 пѣсни, а въ концѣ тома дѣльныхъ 26 страницъ посвящены исключительно справочнымъ свѣдѣніямъ, яко бы облегчающимъ пользованіе книгой: тутъ и «Объясненіе сокращеній въ названіяхъ источниковъ», и «Алфавитный списокъ пѣсенъ», и «Указатель пѣсенныхъ сюжетовъ», и «Указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ», и даже цѣлый «Словарь мѣстныхъ словъ»! Чего же больше и желать для полноты и достоинства сборника пѣсенъ? Такъ я и думалъ было, просматривая книгу г. Соболевскаго. Но, увы! разочарованіе началось съ первой же страницы, чуть ли не съ заглавія...

Любя книгу до мелочей, я болѣе всего люблю въ ней соотвѣтствіе частей: люблю, чтобы и заглавіе ясно и опредѣленно передавало содержаніе книги и давало бы вѣрныя свѣдѣнія о томъ, кто ея авторъ и издатель? Люблю, чтобы и предисловіе, хотя и немногословно, но вполне ясно излагало и указывало пѣли и объемъ предлагаемаго публикѣ изданія. И, дѣйствительно, не странно ли? На оберткѣ значится: «Великорусскія народныя пѣсни. Изданы про-

фессоромъ А. И. Соболевскимъ», а на первой же страницѣ книги это свѣдѣніе опровергается въ изъявленіи г. Соболевскимъ благодарности его императорскому высочеству великому князю Георгію Михайловичу, который, «принимая къ сердцу труды русской этнографіи», даровалъ средства на изданіе книги.

На этой же страницѣ мы находимъ вскользь брошенный г. Соболевскимъ намекъ на то, какое именно значеніе хотѣлъ придать книгѣ высокій покровитель русской этнографіи: книга, составленная г. Соболевскимъ, должна была явиться «большимъ и общедоступнымъ сборникомъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, могущимъ удовлетворить требованіямъ науки». Цѣль—безусловно превосходная! Но въ томъ-то и вопросъ: въ какой степени эта превосходная цѣль щедраго жертвователя достигается книгою г. Соболевскаго?

Начать съ того, что въ «предисловіи», слишкомъ сжато и кратко (не въ соответствии съ достоинствомъ книги) и при томъ написанномъ какою-то странною, канцелярскою прозою¹⁾, объ этой, вышеуказанной, основной цѣли книги не упоминается ни единымъ словомъ. Вся суть предисловія г. Соболевскаго сводится къ тому, что при составленіи своего сборника онъ ограничился печатнымъ матеріаломъ, «однако пользовался нѣкоторыми рукописными сборниками (XVIII вѣка)». Сверхъ того, онъ «счелъ излишнимъ перепечатывать матеріалъ изъ сборниковъ П. В. Шейна», однако же перепечаталъ многое въ этомъ томѣ. Кромѣ этой небольшой путаницы, предисловіе даетъ довольно смутное понятіе о программѣ всего труда г. Соболевскаго, которая, кажется, не ясна и ему самому:

«Первый томъ настоящаго сборника»,—говоритъ г. Соболевскій,— «содержитъ въ себѣ низшія эпическія пѣсни; слѣдующіе (томы) будутъ заключать въ себѣ пѣсни семейныя; за ними послѣдуютъ томы съ пѣснями: любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими; наконецъ, послѣдній томъ составятъ пѣсни юмористическія и сатирическія»...

Другими словами, по весьма простому расчету, это будетъ уже не сборникъ, а цѣлая бібліотека пѣсеннаго матеріала, томовъ въ 12, которая и по цѣнѣ, хотя и весьма дешевой, и по громадности своего объема, ни для кого не будетъ общедоступною. Посмотримъ, въ какой степени этотъ трудъ г. Соболевскаго будетъ «удовлетворять требованіямъ науки»? На это довольно полный отвѣтъ находимъ уже и на страницахъ перваго тома.

Въ предисловіи, составитель сборника объясняетъ намъ свое обращеніе съ пѣсеннымъ матеріаломъ слѣдующимъ образомъ:

«При перепечатываніи пѣсеннаго матеріала я заботился сохранить

¹⁾ Мы иначе не можемъ назвать слогъ, въ которомъ допускаются такіа сопоставленія выраженій, какъ: «я заботился сохранить»... «я нашелся вынужденнымъ» и т. д.

всѣ варианты, даже сильно искаженные (?), даже обрывки, если они представляют свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указаніе на территориальное распространеніе пѣсни». То есть, другими словами, г. Соболевскій допускаетъ на страницахъ своего сборника чисто-механическое сопоставленіе «всякаго» пѣсеннаго матеріала, безъ малѣйшей критики, и, изъ всѣхъ способовъ изданія этого матеріала въ свѣтъ, избираетъ наиболѣе удобный и легкій для себя, и наиболѣе затруднительный и невыгодный для читателя при пользованіи книгою. Не думаемъ, чтобы подобное, чисто-механическое сопоставленіе пѣсеннаго матеріала могло быть оправдано какими бы то ни было требованіями даже и самой педантической науки...

И дѣйствительно, мы въ этомъ какъ нельзя лучше убѣждаемся, заглянувъ въ содержаніе книги. Она начинается съ тѣмы «Ванюшка-Клюшничекъ», и эта тѣма, съ различными, болѣе или менѣе заслуживающими вниманія, вариантами, занимаетъ рядъ пѣсенъ, отъ № 1 по № 50. Многія изъ этой полусотни пѣсенъ почти тождественны по подробностямъ и приемамъ изложенія; другія представляютъ собою только обломки общеизвѣстной тѣмы; третьи (напримѣръ, отъ № 50—59), наконецъ, представляютъ собою крайне-опошленные искаженія той же тѣмы, въ которыхъ уже роль «Ванюши» играетъ «камеръ-лакей», «лакей», «холуй» и т. д. и слагаются въ тѣму «барыня-сударыня». Терпѣливо перечитавъ всѣ эти произведенія подъ рядъ (а они въ книгѣ г. Соболевскаго занимаютъ 97 страницъ!), мы выносимъ въ результатъ не полное, отчетливое и ясное понятіе о томъ, какъ разработана была народомъ такая высоко-поэтическая тѣма, какъ пѣсня о «Ванюшкѣ-Клюшничкѣ», а только какой-то чадъ и сумбуръ въ головѣ; потому что наше вниманіе утомлено и притуплено обиліемъ совершенно ненужнаго матеріала, который мы вынуждены были прочесть и, поневолѣ, усвоить себѣ... И если мы захотимъ составить себѣ болѣе или менѣе полное и рельефное представленіе о только-что помянутой нами тѣмѣ, мы должны будемъ предпринять самостоятельную работу надъ приведенными въ книгѣ г. Соболевскаго 59-ю пѣснями, и работу, надо сказать правду, весьма нелегкую.

То же самое должны мы сказать и о послѣдующихъ тѣмахъ, о пѣсняхъ о злой свекрови, которыя печатаются съ № 60 и тянутся до 89-го, о тѣмѣ «Князь Романъ жену теряетъ», которая обнимаетъ собою около сорока №№ (до 125-го) и переходитъ въ тѣму убіенія мужа женою и брата сестрою и, наконецъ, любовника любовницею; къ этимъ тѣмамъ совершенно искусственно пришлетена пѣсня (о случайномъ) убіеніи разбойниками брата или зятя... А это небольшое количество тѣмъ занимаетъ уже сотни страницъ, и отъ послѣдовательнаго чтенія этихъ сотенъ страницъ только въ глазахъ рябитъ да въ головѣ все болѣе и болѣе путаются отдѣль-

ныя пѣсни, и получается въ результатѣ какая-то невыносимая оскомина—почти отвращеніе отъ безтолково и безобразно нагроможденнаго пѣсеннаго матеріала...

Нѣкоторымъ объясненіемъ къ этому нагроможденію и къ крайней неразборчивости въ выборѣ матеріала служить для насъ тотъ «указатель пѣсенныхъ сюжетовъ», который весьма наивно предлагается намъ г. Соболевскимъ на 619 стр. его книги. Изъ этого указателя мы съ крайнимъ удивленіемъ убѣждаемся въ томъ, что составитель этого огромнаго склада русскихъ пѣсенъ разумѣетъ подъ названіемъ пѣсенныхъ сюжетовъ вовсе не содержаніе пѣсни, какъ цѣльнаго и самостоятельнаго произведенія, а только самую банальную и элементарную основу пѣсни, напримѣръ, возвращеніе (?), горе, загадки, звѣри, игра въ карты, избавленіе отъ смерти, казнь, кража, любовь, мщеніе, обида, обманъ, постриженіе, посѣщеніе, похищеніе, птицы, убійство и т. д.—всего 31 сюжетъ въ 503 пѣсняхъ. Какая, подумаешь, бѣдная поэзія! Какая скудная по содержанію!.. Но, присматриваясь къ распредѣленію пѣсенъ «по сюжетамъ», вы убѣждаетесь въ томъ, что тутъ все темно и запутанно и для самого г. Соболевскаго, и что въ этомъ указателѣ преобладаетъ какой-то сумбуръ. Такъ, напримѣръ, подъ сюжетъ казнь подведены всѣ пѣсни на тѣму «Ванюша-Клюшничекъ» и тѣ же тѣмы, въ томъ же указателѣ, встрѣчаемъ подъ сюжетомъ любовь; подъ сюжетомъ смерть указана пѣсня, въ которой «молодецъ тонетъ въ рѣкѣ», а пѣснь, въ которой «рѣка Смородина топить молодца»—показана подъ сюжетомъ «Убійство». Для цѣлаго ряда пѣсенъ (отъ № 154—163), очень характерныхъ, въ которыхъ лютая полюбовница изъ тѣла своего полюбовника печетъ пироги, изъ буйной головы дѣлаетъ чашу, а изъ его сала льетъ свѣчи, — въ указателѣ придумано особое и прекуръзное заглавіе сюжета: «Каннибальское угощеніе»! Такими же отдѣльными «сюжетами», по мнѣнію составившаго указатель г. Соболевскаго, оказываются и тѣ пѣсни, въ которыхъ «конь спорить съ соколомъ», «хмель жалуется на садовника», и тѣ шуточные, балагурныя пѣсни, въ которыхъ «цѣна» назначается «дѣвцамъ, молодцамъ бабамъ»—и т. д.

За этимъ наивнымъ указателемъ, конечно, не имѣющимъ ничего общаго ни съ какою наукою, слѣдуетъ еще болѣе наивный «указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ», какъ будто имена Акулинъ, Катеринъ, Ванекъ и Сашекъ, упоминаемыя въ пѣсняхъ, могутъ имѣть хотя какое нибудь живое, осязательное, осмысленное значеніе! А между тѣмъ въ указателѣ даже отмѣчено, въ какихъ пѣсняхъ Прасковья названа Паранюшкой, Параней, и въ какихъ—Парашенькой, Парашей и Пашей. Въ числѣ курьезовъ указателя можно отмѣтить, что къ собственнымъ именамъ въ немъ отнесены: «Жидовка», «Латинскій король», «Молодецъ-Молодцовичъ»,

«Спасъ» (?), «Чечеточка», а «Марьяна роцца» показана подь словомъ «Марья»:

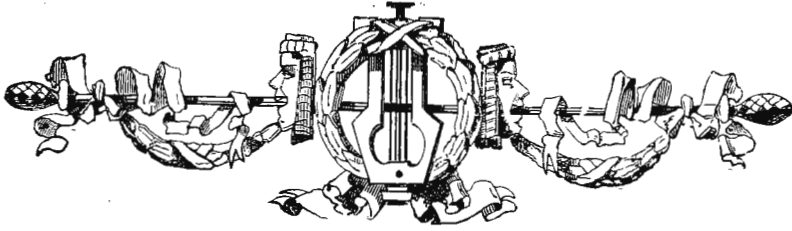
Этотъ рядъ никому не нужныхъ указателей заканчивается въ книгѣ г. Соболевскаго объяснительнымъ «словаремъ мѣстныхъ словъ», въ которомъ толкованія словъ оказываются въ весьма многихъ случаяхъ не только неправильными, но даже просто произвольными. За примѣрами ходить недалеко: жупѣть—въ словарѣ объяснено: пѣть, а между тѣмъ въ пѣснѣ видимъ: «птица стала пѣти-жупѣти, тонко воспѣвати», и здѣсь жупѣти имѣетъ простое значеніе присказки, созвучной подговорки, какую очень часто приснащиваются наши шуточные пѣсни. Окручатъ—въ словарѣ объяснено вѣнчать; но въ пѣснѣ стоитъ: «пуля быстра окручала» молодца, когда онъ женился на другой... Здѣсь окручала можетъ скорѣе значить окручала къ вѣнцу въ смыслѣ обряжала, наряжала. Побѣдушка—въ словарѣ бѣда. А въ пѣснѣ у этого слова совсѣмъ не тотъ смыслъ: молодець говорить тамъ коню:

Увези ты меня отъ побѣдушки,
Отъ худой жены, отъ любовницы!

Подорожничекъ въ словарѣ объяснено: стаканъ для дороги. А изъ пѣсни этого вовсе не слѣдуетъ: «(сестрица) наливала брату большой подорожничекъ»,—тоже, что называется «посопокъ на дорогу», то-есть большую порцію вина—выпить на дорогу, при отъѣздѣ. А эта порція могла быть налита и въ ковшъ, и въ чарку, и въ кубокъ. Мостовина—въ словарѣ: доска, служащая мостомъ (?). А между тѣмъ, мостовина есть одна изъ досокъ, составляющихъ мостъ. Матерая—въ примѣненіи къ слову баба, объяснено въ словарѣ: плотная, дородная; а въ примѣненіи къ слову дубъ—объяснено: старый. Противъ слова: питная ендова—видимъ въ словарѣ только: для питья (?). Холостой погребъ—въ словарѣ: пустой, что ужъ совершенно невѣрно, и невѣрность объясненія тутъ ясна для каждаго, кто живаль въ деревнѣ и знаетъ различіе между холостыми и жилыми постройками...

Едва ли, послѣ всего, нами указаннаго, можно будетъ отнестись къ книгѣ г. Соболевскаго, какъ къ книгѣ полезной и дѣльной, какъ къ книгѣ, «могущей удовлетворить требованіямъ науки»? Просматривая этотъ трудъ, на который г. Соболевскій потратилъ «свои скромныя силы», мы можемъ только жалѣть о томъ, что на изданіе этого труда затрачены большія деньги, а между тѣмъ онъ вовсе не удовлетворяетъ задачѣ, положенной въ его основу. Задачу эту все же придется со временемъ разрѣшать другому труженику, который сумѣетъ отнестись къ ней серьезнѣе и усерднѣе, нежели г. Соболевскій.

П. Полевой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЛОДЕЖЬ.

...Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ...
Н. Некрасовъ.

I.

ЧИТАТЕЛИ «Историческаго Вѣстника» нѣсколько знакомы изъ предыдущихъ моихъ статей съ любопытными умственными теченіями, которыя наблюдаются въ настоящее время среди нашей молодежи. Въ очеркѣ «Молодежь и ея руководители» я отмѣтилъ стремленіе этой молодежи порвать связь съ предшествовавшими теченіями русской жизни такъ называемаго «освободительнаго» періода, начавшагося съ 1850-хъ годовъ. «Какіе-то романтическіе порывы охватили наше современное молодое поколѣніе, — говорилъ я въ указанномъ очеркѣ; — попирая ногами почву опытнаго знанія, оно въ гордомъ ослѣпленіи отталкиваетъ руку содѣйствія своихъ руководителей, которымъ еще не такъ давно поклонялось, и, будучи не въ состояніи сдержать порывовъ души, требующей дѣятельности и жизни, ищетъ себѣ забвенія въ созданіи таинственныхъ, невѣдомыхъ міровъ». Въ статьѣ «Болѣзнь или реклама?» мною было указано, какія уродливыя формы принимаетъ подчасъ литературная дѣятельность этой молодежи, когда она, не будучи въ силахъ создать что нибудь новое, идущее на благо человечеству, пытается замѣнить старыя идеалы пустопорожними фразами о «новой красотѣ», о «невѣдомомъ богѣ», о «критической фи-

лософіи», о «символизмѣ» и т. п. Наконецъ, въ послѣдней своей работѣ «Регрессивныя теченія русской жизни» я, на основаніи обширной современной литературы и полемики по поводу экономического матеріализма вообще и марксизма въ частности, обрисовалъ конечные выводы и результаты, къ которымъ пришли нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (гг. Струве, Туганъ-Барановскій) въ своихъ разсужденіяхъ относительно желательной будущности нашего отечества. Вся совокупность того, что современная литературная молодежь, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, своихъ многочисленныхъ представителей, проповѣдуетъ, и чему она симпатизируетъ, явно показываетъ, что она находится въ рѣзкой оппозиціи къ идеаламъ отцовъ, людей преимущественно шестидесятыхъ годовъ, и пытается черезъ голову послѣднихъ протянуть руку сочувствія людямъ сороковыхъ годовъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, какъ представителямъ эстетическихъ тенденцій въ литературѣ и метафизики въ философіи. Такой поворотъ въ настроеніи молодыхъ умовъ имѣетъ свое основаніе или оправданіе, зовите какъ угодно, въ многочисленныхъ социальныя явленія русской жизни послѣднихъ 15-ти лѣтъ, но, главнымъ образомъ, въ томъ вліяніи, которое оказала на эту молодежь наша средняя школа. Погрузивъ молодежь въ созерцаніе внѣшнихъ формъ античнаго міра, наполнивъ ея учебное время схоластическими мертвыми упражненіями, эта школа рѣшительно оторвала учащееся поколѣніе отъ живыхъ сторонъ и преданій русской жизни, отъ знакомства съ новѣйшей исторіей вообще и отечественной въ частности, отъ пониманія и знанія русской литературы и ея главныхъ представителей новаго времени. Съ аттестатами зрѣлости въ карманѣ, молодежь эта, однако, переступала пороги университетовъ въ значительной степени умственно и духовно атрофированною. Здѣсь ее ожидала уже новая жизнь съ недосугомъ пополнять пробѣлы, оставленные въ наслѣдство средней школой, съ требованіемъ спеціализаціи и знакомствомъ съ послѣднимъ словомъ науки. Наслоенія высшей школы, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, не могли пересоздать убогаго подпочвеннаго слоя и органически не претворялись молодежью. Отсюда—паденіе талантливости среди современныхъ представителей ученаго знанія, стремленіе ихъ возможно скорѣе уйти въ укромные уголки разныхъ узкихъ спеціальностей, отрѣшиться отъ широкихъ обобщеній и выводовъ, требующихъ наличности творчества опредѣленнаго міросозерцанія и жизненныхъ прогрессивныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, молодежь очень искусно и искусственно нивелировалась въ умственномъ отношеніи и, такъ сказать, приводилась къ одному знаменателю, согласно требованіямъ официальнаго времени. Если же среди ея и попадались элементы, не поддающіеся этой нивеллировкѣ, то они сглаживались уже инымъ путемъ, о чемъ здѣсь не мѣсто говорить. Дѣйствовавшая общепедагогическая система первой половины 1880-хъ годовъ, въ связи съ

тогдашней реформой университетскаго устава и общими сумерками русской жизни, стала къ концу десятилѣтїя давать осязательные результаты. Молодежь, вступая въ жизнь въ качествѣ полноправныхъ гражданъ и занявъ разныя общественныя положенїя, понемногу начала заявлять о себѣ, о своихъ симпатїяхъ и своихъ идеалахъ. И вотъ тутъ-то обнаружилась огромная разверзтая пропасть между отцами и дѣтьми. Въ то время, какъ отцы, несмотря на множество неблагоприятныхъ обстоятельствъ общественнаго характера, несмотря на многочисленныя уроны и потери, въ большинствѣ случаевъ устояли, однако, въ своихъ привязанностяхъ и на избранной ими дорогѣ, указанной совокупными усилїями лучшихъ представителей всей передовой литературы и науки XIX и конца XVIII вѣка, въ это же время дѣти, разлученные силою рока отъ отцовъ и бывшихъ передовыхъ теченїй русской жизни, потеряли всякую историческую преемственность и явились на жизненномъ пути воистину «новыми людьми», съ «новыми словами» и новымъ символомъ вѣры, почерпнутымъ, главнымъ образомъ, изъ ограниченнаго и односторонняго книжнаго чтенїя. Молодость нетерпѣлива, молодость задорна: получивъ такъ или иначе возможность заявить о себѣ въ печати, она поспѣшила на первыхъ же порахъ бросить перчатку своимъ отцамъ и объявить имъ жестокую войну. Все сгredo послѣднихъ было заподозрѣно, объявлено непригоднымъ, изжившимъ свой вѣкъ и требующимъ замѣны новыми идеалами. Какихъ нибудь серьезныхъ и глубоко продуманныхъ основанїй для такого сердитаго суда и осужденїя не было въ наличности; были лишь тѣ индивидуальныя особенности молодежи 1880-хъ годовъ, о коихъ со словъ современниковъ я говорилъ въ статьѣ «Болѣзнь или реклама?», былъ лишь нѣкоторый испугъ передъ острыми событїями и потрясенїями, которыя совершенно произвольно приписывались преимущественно литературнымъ теченїямъ 1860-хъ годовъ. Рѣзкости и крайности этихъ теченїй, по недостаточному знакомству съ ними изъ первоисточниковъ, были обобщены, поставлены въ вершину угла и объявлены, какъ единственный и логическїй выводъ изъ всей ихъ сущности. На свѣтъ Божїй явились легенды о литературѣ того времени, въ родѣ, напримѣръ, легенды объ ея заключительномъ выводѣ, что «сапоги выше Шекспира», явились сказочныя преданїя и произвольное, ни на чемъ не основанное мнѣнїе, будто между литературой сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ лежитъ огромное различїе. Центръ тяжести послѣдней усматривали въ нѣкоторыхъ крайнихъ публицистическихъ работахъ Писарева, Благосвѣтлова, М. Антоновича, Зайцева, центръ первой — въ лучшихъ прогрессивныхъ произведенїяхъ Д. Григоровича и Тургенева и др. художниковъ слова. Образовалась удивительная путаница мнѣній и симпатїй, которая въ концѣ-концовъ, въ 1880-хъ годахъ, при наличности невѣжества и страха общественнаго свойства, повела къ тому, что молодежь стала сторониться литературы 1860-хъ

годовъ и ея представителей и бессознательно склоняться на сторону болѣе знакомой ей и доступной литературы 1840-хъ годовъ. Въ первой слышали лишь шумъ улицы, бряцаніе оружія, во второй—просвѣщенное и красивое мечтаніе о братствѣ, любви и красотѣ. Повторяю, это рѣзкое различіе литературныхъ періодовъ не было ничѣмъ солиднымъ обосновано, ничѣмъ не подкрѣплено; а изъ этого-то произвольнаго различія и родился рядъ недораазумѣній, ошибокъ, съ которыми и приходится имѣть дѣло въ наши дни.

Покойный М. Е. Салтыковъ въ «Письмахъ къ тетенькѣ», являясь лѣтописцемъ сказанныхъ двухъ литературныхъ эпохъ, проводитъ между ними слѣдующую любопытную параллель. Разсматривая литературу 1840-хъ годовъ, онъ говоритъ: «Эта полная отчужденность литературы отъ насущныхъ злобъ сообщала ей трогательно-благородный характеръ. Какъ будто она, какъ сказочная царевна, была заключена въ неприступномъ чертогѣ и тамъ дремала, окутанная сновидѣніями. Но въ основѣ этихъ сновидѣній все-таки лежало «человѣчное», такъ что ежели литература не принимала дѣятельнаго участія въ негодованіяхъ и протестахъ жизни, то не участвовала и въ ея торжествахъ. Вотъ почему и «замаранность» была въ то время явленіемъ исключительнымъ, ибо гдѣ же и какъ могла «замараться» царевна, дремлющая въ волшебныхъ чертогахъ?.. Но все-таки повторяю: иногда даже подъ флагомъ благородства чувствъ литература упорствовала проводить нѣчто своеобразное, и тогда происходили коллизіи, вслѣдствіе которыхъ водворялось молчаніе, и царевна вновь предавалась исключительно-эстетическимъ сновидѣніямъ». Но вотъ во второй половинѣ 1850-хъ годовъ стѣны чертоговъ пали подъ напоромъ улицы, и литература очнулась отъ своего заколдованнаго сна. «Улица заявила о своемъ рожденіи на нашихъ глазахъ,—продолжаетъ авторъ «Писемъ». Она создалась сама собой, вдругъ, безъ всякаго участія со стороны литературы. Послѣдняя, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, была до того истощена, измучена и отуманена, что при появленіи улицы даже не выказала особенной способности къ уясненію своихъ отношеній къ ней. Можно было подумать, что плѣнь, въ которомъ она такъ долго томилась, сдѣлался ей милъ. Онъ напомнилъ ей о талантѣ, знаніи и высотѣ ума. словомъ сказать, обо всемъ, что было затѣсно, забыто, но чего самая тьма не могла окончательно заглушить». Литература отъ близкаго соприкосновенія съ улицей «замаралась» и оказалась въ положеніи той прекрасной особы, о которой поэтъ сказалъ:

Она небесъ не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла.

Вотъ эта-то «пыль земли» въ видѣ крайностей публицистической литературы и была принята за рубежъ между двумя эпохами, почему нѣкоторые послѣдніе люди, относя чистоту и непороч-

ность одѣяній къ преимуществамъ и отличительнымъ свойствамъ 1840-хъ годовъ, на долю слѣдующихъ двухъ десятилѣтій оставили лишь исключительно «пыль земли» или «замаранность», по словамъ сатирика. Тожество наряда было забыто, и на первый планъ выдвинуты лишь внѣшніе случайные признаки. Эти признаки и послужили матеріаломъ для легендъ и преданій, и они-то, никѣмъ не провѣряемые, по незнакомству съ историческими первоисточниками, и послужили основаніемъ для раздора двухъ литературныхъ поколѣній: отцовъ—шестидесятниковъ и дѣтей—восьмидесятниковъ и девятидесятниковъ, которое мы наблюдаемъ въ наши дни.

II.

Явилась ли дѣйствительная необходимость пересмотра и провѣрки идеаловъ отцовъ, вошли ли эти идеалы въ плоть и кровь русскаго общества и народа, получили ли они, намѣченные въ туманныхъ образахъ 1840-ми годами и болѣе реально обоснованные слѣдующей литературной эпохой, желательное осуществленіе? Врядъ ли кто можетъ дать положительный отвѣтъ на поставленные вопросы. Иное дѣло, — правильно ли поставлены вопросы, то-есть требуется ли въ русской жизни осуществленіе этихъ идеаловъ? Есть достаточно многочисленная группа обскурантовъ, которая отрицаетъ необходимость этихъ идеаловъ и полагаетъ благополучіе нашего отечества въ самобытной тѣмѣ и невѣжествѣ, но эти господа въ настоящую минуту меня чрезвычайно мало интересуютъ, и я далекъ отъ мысли, чтобъ протестующая молодежь, о коей я веду свои бесѣды, имѣла что нибудь сознательно съ ними общее. Я увѣренъ, и моя увѣренность можетъ быть фактически подтверждена, что весь вопросъ сводится не къ оспариванію самихъ идеаловъ, почерпнутыхъ эпохою 1860-хъ годовъ изъ лучшихъ сторонъ общечеловѣческой культуры, а къ тому лишь—насколько русская жизнь ихъ можетъ воплотить, и поскольку неотложна въ нихъ необходимость. Былые дѣятели литературы, «отцы», получивъ по наслѣдству волшебныя грезы эпохи 1840-хъ годовъ, начали ихъ воплощать въ конкретныя явленія родного обихода, но были силою обстоятельствъ задержаны въ своей прогрессивной работѣ; тѣмъ не менѣе они не считаютъ историческаго процесса завершеннымъ и полагаютъ, что всѣ дружныя усилія науки, литературы и искусства должны быть направлены къ продолженію временно затормозившагося процесса. Возможно-совершенная отечественная культура, гдѣ бы вся страна пользовалась ея выгодами и прерогативами,—таково заключительное слово этого процесса; при этомъ, по мнѣнію «отцовъ», необходимо сообразоваться съ историческимъ опытомъ старшихъ родовъ и, стремясь къ конечной цѣли, имѣть постоянно въ виду, чтобъ самый процессъ очеловѣченія совершался по законамъ опыт-

наго реального знанія и безъ особыхъ жертвъ и потрясеній массы. Тяжелъ, труденъ этотъ путь. Много самопожертвованія, знанія, любви и вѣры требуетъ онъ отъ своихъ сторонниковъ, но за то какъ ясна конечная цѣль, сколько блага сулитъ онъ впереди!

Но вотъ на смѣну отцамъ является младшее поколѣніе при обстановкѣ, о которой выше я уже сказалъ достаточно. И что же мы видимъ? Закрывъ глаза передъ раскрывающимися горизонтами, передъ историческими перспективами, это поколѣніе начинаетъ упорно и озлобленно отрицать тотъ путь, который ей завѣщаютъ сходящіе со сцены передовые дѣятели былыхъ годовъ и, порывая съ ними историческую преемственность, оно пытается снова возсоздать тѣ заколдованные чертоги, въ коихъ сладко грезилъ литература 1840-хъ годовъ. Путь опыта труденъ, въ его колеяхъ много мусора и пыли, а тамъ, въ воздушныхъ чертогахъ, грезы такъ заманчивы, такъ сладки... Знанія народа, любви къ нему, къ его историческому прошлому нѣтъ—ихъ вытравилъ школа!—нѣтъ терпѣнія и любви къ тяжкому и спокойному труду, требующему подчиненія своего я сознательному общему благу; есть только привычка къ атмосферѣ классныхъ комнатъ, нѣсколько книжекъ про запасъ, достаточное количество страха передъ жертвами и потрясеніями, болзнь замараться въ пыли, наличность сомнѣнія и дерзости, подогрѣваемая тѣми, кому это наруку. Вотъ тѣ отрицательныя и положительныя черты, вотъ та психологическая атмосфера, которыя и породили антагонизмъ между дѣтьми и отцами, острую полемику нашихъ дней.

На цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній, принадлежащихъ перьямъ оппозиционныхъ дѣтей, я указалъ, какъ развивается этотъ споръ, какіе оттѣнки онъ принимаетъ, и насколько далека возможность примиренія. Отвѣты профессору Карѣеву г. Трнака и г. Н., «Молодая поэзія» г. Перцова и его «Письма о поэзіи», работы г. Струве и Туганъ-Барановскаго, манифестъ «Сѣвернаго Вѣстника», маріонетки г-жи Гиппіусъ, изступленные крики г. Мережковскаго въ унисонъ философу Нитше, quasi-философскія и злобныя упражненія мага палаты «Возвышенный символическій смыслъ», г. Волынскаго, — таковы главнѣйшіе памятники бунта восьмидесятниковъ и ихъ младшихъ братьевъ противъ шестидесятниковъ. Но это собраніе было бы неполно, если бы я не отмѣтилъ еще двухъ литературныхъ явленій самаго послѣдняго времени, которыя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ и внѣшней архитектурѣ должны занять почетное мѣсто въ тщательно собранной мною коллекціи памятниковъ. Я разумѣю книжку г. П. Перцова подъ наименованіемъ «Философскія теченія русской поэзіи» и «Литературный сборникъ произведеній студентовъ императорскаго С.-Петербургскаго университета» подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Обѣ эти литературныя новинки появились почти одновременно и объединены нѣкоторымъ духовнымъ родствомъ; но въ виду того, что въ из-

данія г. Перцова приняли участіе и руку приложили старшіе изъ литературной молодежи, то по законамъ старшинства я и предпочитаю начать обзоръ именно съ этого памятника, затѣмъ перейду уже къ студенческо-мундирной литературѣ и въ заключеніе познакомлю читателей съ произведеніями гимназическаго пера. Пусть читатель не улыбается недовѣрчиво при словахъ гимназическій: въ моемъ распоряженіи имѣется чрезвычайно любопытный журналъ, печатаемый съ разрѣшенія начальства воспитанниками 5-й С.-Петербургской гимназіи и заслуживающій вниманія вовсе не меньше студенческаго литературнаго сборника. Я беру его, какъ матеріалъ для своей статьи, тѣмъ охотнѣе, что онъ почти недоступенъ публикѣ; по крайней мѣрѣ, въ продажѣ его не имѣется. Кромѣ того, онъ позволяетъ мнѣ представить три генераціи литературной молодежи по нисходящимъ ступенямъ лѣстницы и, наконецъ, онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ любопытный моментъ въ психологіи нашего общества, позволяющій мнѣ сдѣлать относительно переживаемаго времени нѣсколько посильныхъ заключеній.

III.

«Философскія теченія русской поэзіи» — не правда ли какое красивое звучное заглавіе? Когда я увидаль на прилавкѣ магазина свѣтло-зеленую обложку аккуратнаго изданія съ такого рода заглавіемъ, я невольно подумалъ: «Ну, слава Богу! наконецъ-то мы дождались истолкованія нашей изящной литературы съ философской точки зрѣнія. Только что надняхъ г. Волинскій съ видомъ истиннаго знатока облилъ лучами философскаго знанія нашу русскую критику, чѣмъ заслужилъ себѣ горячую признательность современниковъ и безсмертіе въ исторіи, какъ вотъ нынѣ неменьшій знатокъ дѣла, г. Перцовъ, производитъ ту же операцію съ русской поэзіей!» Меня немного смущала мысль, хватить ли силъ у почтеннаго П. Перцова на такую широкую задачу, какъ тогчасъ же моему легкомысленному сомнѣнію былъ положенъ предѣлъ: въ серединѣ обложки, подъ перечисленіемъ именъ поэтовъ, входящихъ въ составъ книги, болѣе мелкимъ шрифтомъ я прочелъ: «Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева». Да не подумаетъ читатель, что здѣсь идетъ рѣчь о стихотвореніяхъ названныхъ критиковъ — С. Андреевскаго, Д. Мережковскаго и К^о; нѣтъ: слова «избранныя стихотворенія» относятся къ перечисленнымъ нѣсколько выше двѣнадцати поэтамъ (А. С. Пушкину, Е. А. Баратынскому и другимъ) ¹⁾, а слова «критическія

¹⁾ А. С. Пушкинъ. — Е. А. Баратынскій. — А. В. Кольцовъ. — М. Ю. Лермонтовъ. — Н. П. Огаревъ. — Ф. И. Тютчевъ. — Гр. А. К. Толстой. — А. А. Фетъ. — Я. П. Полонскій. — А. Н. Майковъ. — А. Н. Адухгинъ. — Гр. А. А. Голицыневъ-Кутузовъ.

статьи» именно къ реченнымъ современнымъ писателямъ. Издатель не исполнилъ точно и ясно редактировалъ заглавіе своего почтеннаго труда, почему, при взглядѣ на книжку, и рождается на первыхъ же порахъ нѣкоторое недоразумѣніе; но это, конечно, мелочь, которую нельзя ставить въ серьезную вину г. Перцова. Иной вопросъ: соотвѣтствуютъ ли слова «философскія теченія» дѣйствительному содержанию книги по существу?

До г. Перцова подобныя его изданію книги выходили въ свѣтъ подъ слѣдующими простыми и общедоступными заглавіями: «Собраніе критическихъ статей», «Критическіе очерки», «Литературныя замѣтки», «Разборъ» и т. п., при чемъ авторы этихъ книжекъ никогда не претендовали на спеціальныя тоги философовъ. Одни подходили къ разсматриваемымъ писателямъ съ исключительно-эстетической точки зрѣнія, другіе искали нравственно-педагогическихъ началъ въ ихъ творествѣ, третьи освѣщали разбираемыя произведенія требованіями житейской правды, но при этомъ никто и никогда не отсѣкалъ отъ своей работы элементовъ философской мудрости. Однимъ писателямъ, обладающимъ болѣе широкой эрудиціей и даровитостью, удавалось выполнить свою работу совершенно и полнѣе, другимъ этого не удавалось; одни оставляли по себѣ солидный слѣдъ и добрую память, другіе сходили на нѣтъ и пользовались славою «мѣди звенящей и кимвала гремящаго». Всякій, однако, дѣлалъ по мѣрѣ силъ и возможности свое дѣло, и чѣмъ онъ скромнѣе, упорнѣе совершалъ это дѣло, тѣмъ большую цѣну и силу оно пріобрѣтало. Претенціозность шла всегда въ ущербъ ея обладателю, а кичливость, бахвальство и лягушечье раздуванье въ вола только губили писателя. Примѣръ г. Волинскаго еще свѣжъ въ памяти, но онъ, повидимому, не смутилъ г. Перцова, и молодой издатель вмѣсто скромнаго отношенія къ положенной задачѣ предпочелъ прибѣгнуть къ кричащему эффекту: философія, философскія теченія! Въ русской жизни, при ея неправильныхъ скачкахъ по пути прогресса, наблюдается постоянное злоупотребленіе кличками и терминами; лѣтъ 20 тому назадъ злоупотребляли всевозможными измами, нынѣ въ ходу на каждомъ шагѣ термины — философія, философскій. Напишите человѣкъ неудобопонимаемую поэмку и сейчасъ спѣшить приложить къ ней эпитетъ «философская», напишете нѣсколько разсужденій о какомъ нибудь писателѣ и старательно докладываетъ публикѣ, что его разсужденія не простыя, а высоко-философскія, завяжетъ полемику съ другимъ писателемъ и первымъ дѣломъ начинаетъ его уязвлять и упрекать въ маломъ знакомствѣ съ философіей. Подумаешь—какіе всѣ вдругъ стали умные, образованные, какой свѣтъ знанія освѣняетъ своими животворными лучами нашу бѣдную жизнь! Но, если взглянуть попристальнѣе во весь производимый современными

молодыми Спинозами и Кантами шумъ и гамъ, то вамъ невольно придутъ на умъ слова Репетилова:

Шумимъ, братецъ, шумимъ!

Если проштудировать хорошенько всѣ эти преподносимыя намъ подъ флагомъ философіи произведенія, то къ величайшему конфузу и огорченію начинаешь чувствовать себя въ положеніи человѣка, который сѣтовалъ, что

По Гороховой онъ шелъ,
Но гороха не нашелъ.

Читаешь, читаешь нынѣшнія философскія литературныя произведенія, и все спрашиваешь себя: ну, гдѣ же она, новая-то философія, гдѣ они высокопоучительные философскіе выводы? Но ихъ не находишь! Попадаются или повторенія того, что, за непригодностью, болѣе взрослые люди уже бросили твердить, или подражанія взятымъ изчужа образцамъ, тоже на мѣстѣ своей родинѣ изжившимъ уже свой вѣкъ, или, наконецъ, наталкиваешься на сумбуръ и путаницу, которую не совсѣмъ окрѣпшіе мозги не въ состояніи привести въ нужный порядокъ. Новаго чего нибудь въ этомъ обстоятельствѣ, конечно, ничего нѣтъ, если не считать погони за эффектомъ и самолюбіемъ, граничащаго съ полнымъ одуреніемъ, т. е. такихъ особенныхъ специфическихъ свойствъ, отъ которыхъ до сихъ поръ была свободна наша въ общей сложности скромная и даже нѣсколько конфузливая литература. При этомъ постоянно наталкиваешься на роковую антитезу: съ одной стороны «мы» — просвѣщенные, Богомъ избранные для спасенія русскаго буржуазнаго общества мыслители, а съ другой они — растрепанные насадители этой буржуазіи, невѣжественные пророки утилитаризма. Колоссальное самолюбіе, во-первыхъ, и озлобленная полемика, во-вторыхъ, таковы обязательныя свойства всего выступающаго нынѣ подъ флагомъ философіи, а въ серединѣ этихъ свойствъ — шумно перекачивающіяся волны пустословія, крикливыхъ фразъ, туманныхъ пророчествъ и безсильныхъ порывовъ. Правда, есть нѣкоторая начитанность, но начитанность эта носитъ односторонній характеръ и критически не провѣрена знаніемъ жизни въ ея историческомъ поступательномъ движеніи.

Въ иные моменты шумной эпохи 1860-хъ годовъ было усиленное и шаржированное стремленіе разрушать и ниспровергать «авторитеты»; въ этомъ движеніи былъ извѣстный смыслъ, и оно принесло нѣкоторую пользу, такъ какъ въ значительной степени содѣйствовало развитію самостоятельности, подавленной предшествовавшей эпохой съ ея регламентаціей и казенными авторитетами. Нынѣшнее «философское» время отмѣчено противоположнымъ стремленіемъ — желаніемъ создавать авторитеты, потребностямъ *jugare in verba magistri*, какъ это именно и было отчасти въ задушенный періодъ 1840 годовъ. Маркъ сказалъ — слѣдовательно... Страховъ

писаль — значить... Нитше учить — а потому... Въ этомъ поклоненіи авторитету учителей и пророковъ заключается нѣчто, пожалуй, и трогательное, но, увы! оно придаетъ рѣчамъ молодыхъ популяризаторовъ и учениковъ характеръ ранняго старчества, сухости и безсилія личнаго творчества. Чѣмъ, какъ не безсиліемъ творчества, какъ не преждевременной старостью вѣетъ на читателя со страницъ философскаго сборника почтеннаго П. Перцова и писаній его молодыхъ пріятелей? Вникните хорошенъко въ сборникъ, и онъ невольно произведетъ на васъ впечатлѣніе душевной классной комнаты, недурно обставленной книжными полками, на коихъ въ красивыхъ переплетахъ въ достаточномъ, однако, безпорядкѣ, размѣщены томики излюбленныхъ писателей. Продолжая далѣе аллегорическое изображеніе, мнѣ рисуется эта классная комната при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ ней сидятъ три очень молодыхъ человѣка, каждый на отдѣльной партѣ, и всѣ они пишутъ сочиненія на одну общую тему — «о необходимости возрожденія эстетическаго бряцанія на лирахъ и о своевременности преданія анаѳемѣ всей реалистической литературы», причемъ каждый изъ пишущихъ обязанъ исчерпать тему въ критическомъ разборѣ того или другого русскаго поэта. Г. Мержковскій взялъ на себя характеристики А. Пушкина, А. Майкова и отчасти А. Кольцова, г. Никольскій ограничился однимъ А. Фетомъ, г. Перцовъ, какъ хозяинъ класснаго помѣщенія, забралъ себѣ львиную долю — Н. Огарева, опять-таки А. Кольцова, графа А. Толстого, Я. Полонскаго А. Апухтина и графа А. Голенничева-Кутузова. Внѣшняя манера писанія у каждаго изъ названныхъ молодыхъ людей особенная: г. Мержковскій по обыкновенію безпокойно вертится на мѣстѣ, впадаетъ въ трансы, выкрикиваетъ и гудить; г. Никольскій пишетъ сосредоточенно-спокойно, не увлекаясь темой и имѣя постоянно въ виду ту полку бібліотеки, гдѣ стоятъ сочиненія покойнаго Н. Страхова; г. Перцовъ явно волнуется, часто прохаживается по комнатѣ, топаетъ ногами, машетъ руками, грозитъ пальцемъ по направленію портретовъ сошедшихъ уже съ жизненной сцены публицистовъ; иногда онъ останавливается передъ г. Мержковскимъ и дѣлаетъ поправки на поляхъ его литературныхъ работъ. Окна классной комнаты наглухо закрыты, дабы шумъ улицы не развлекалъ глубокомысленныхъ соображеній молодыхъ философовъ; воздухъ здѣсь спертый, тяжелый. Литературное священнодѣйствіе гг. Мержковскаго, Никольскаго и Перцова на нѣсколько минутъ нарушается визитомъ двухъ посѣтителей — С. Андреевскаго и Вл. Соловьева. Не то, чтобъ эти почтенные дѣятели литературы помѣшали торжественному настроенію классной комнаты или внесли своимъ приходомъ противорѣчіе чувствамъ и ощущеніямъ ея обитателей — нѣтъ, но появленіе ихъ рѣшительно идетъ въ ущербъ архитектурному стилю класснаго помѣщенія и вводитъ читателей въ смущеніе: зачѣмъ понадобилось гг. Андреевскому и Соловьеву примазаться къ молодежи? руководило ли ими желаніе

поощренія или стремленіе къ популярности? Такъ какъ ихъ визитъ былъ кратковременный и особаго слѣда на разработкѣ заданной школьной темы не оставилъ, то въ интересахъ цѣлостности своей статьи я не стану занимать вниманія читателей ни г. Андреевскимъ, ни г. Соловьевымъ ¹⁾, а обращусь исключительно къ гг. Мережковскому, Никольскому и Перцову.

IV.

Послѣднія мои слова о г. Мережковскомъ въ статьѣ «Болѣзнь или реклама?» были, что онъ «безнадежно и буйно больной» въ палатѣ «Возвышенный символическій смыслъ». Къ сожалѣнію, мнѣ не приходится въ настоящее время брать своихъ словъ назадъ, и остается только констатировать, что, очутившись въ гостяхъ у г. Перцова, онъ своимъ болѣзненнымъ состояніемъ вызываетъ въ зрителяхъ только чувство глубокой жалости и огорченія; надъ нимъ даже не приходится смѣяться. Посмотримъ, однако, что проповѣдуетъ этотъ несомнѣнно даровитый, но сбившійся съ пути истины молодой дѣятель литературы?

Всякое слово о Пушкинѣ дорого русскимъ людямъ, и это слово можетъ имѣть особенное значеніе въ настоящее время, когда вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ любопытныхъ «Записокъ А. О. Смирновой», гдѣ удѣлено столько мѣста нашему гениальному поэту и гдѣ опубликовано относительно его личности и творчества такъ много новаго матеріала. Г. Мережковскій, какъ пациентъ палаты г-жи Гуревичъ, откуда и вышли эти «Записки», конечно, ознакомился съ ними подробно и, не провѣривши, по своему болѣзненному состоянію, фактической ихъ стороны, принялъ все здѣсь напечатанное на вѣру; къ фактамъ изъ «Записокъ» онъ припуталъ сумасшедшіе выводы изъ философіи Нитше, ни къ селу ни къ городу приплелъ сюда разсужденія о культурѣ Италіи времени Возрожденія, облилъ свой литературный винигретъ полемическимъ соусомъ — и вотъ философскій этюдъ о Пушкинѣ готовъ: русская литература обогатилась новымъ Пушкинымъ во вкусѣ Нитше и русскихъ символистовъ, Пушкинымъ, изуродованнымъ полоумнымъ бредомъ автора «Отверженнаго» и комментатора романа «Дафнисъ и Хлоя»! Ходъ мыслей г. Мережковскаго настолько оригиналенъ по своему безобразію, что я не могу удержаться, чтобъ не ознакомить съ нимъ своихъ читателей подробно. И это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что статья г. Мережковскаго о Пушкинѣ — казовая статья въ сборникѣ г. Перцова и занимаетъ въ немъ пятую часть всего объема. Изъ предыдущихъ прозаическихъ работъ нашего поэта мы уже до-

¹⁾ Статьи имъ принадлежатъ: о Е. А. Баратынскомъ, М. Ю. Лермонтовѣ, Ф. И. Тютчевѣ.

статочны знакомы съ его теперешнимъ настроеніемъ. Это какая-то безшабашная проповѣдь безразличія, стремленіе къ какому-то олимпійскому веселію и рѣзвости, желаніе «безцѣльно жить, безцѣльно умирать». Что было отвратительно и смѣшно, какъ тенденція беллетристическаго свойства, становится уже совершенно дикимъ, какъ цѣлая философская система, съ каковою г. Мережковскій выступаетъ въ классной комнатѣ своего пріятеля. Мудрость Пушкина,—поучаетъ онъ,—«это не аскетическое самоистязаніе, жажда мученичества, во что бы то ни стало, какъ у Достоевскаго; не покаянный плачъ о грѣхахъ передъ вѣчностью, какъ у Льва Толстого; не художественный нигилизмъ и нирвана въ красотѣ, какъ у Тургенева; это—здравная пѣсня Вакху во славу жизни, вѣчное веселіе и солнце міра, золотая мѣра вещей—красота». Уподобивъ въ одномъ мѣстѣ ясность Пушкина эллинизму, онъ черезъ нѣсколько страницъ облакаетъ уже нашего поэта въ галилейскую хламиду совсѣмъ новаго фасона. «Пушкинъ,—риторически гудитъ критикъ,—какъ галилеянинъ, противопоставляетъ первобытнаго человѣка современной культурѣ. Той же современной культурѣ, основанной на власти черни, на демократическомъ понятіи равенства и большинства голосовъ, противопоставляетъ онъ, какъ язычникъ, самовластную волю единаго—творца или разрушителя, пророка или героя. Полубогъ и укрощенная имъ стихія—таковъ второй моментъ пушкинской поэзіи». Пушкинъ—настоящій и единственный ученикъ Гете, временами даже возвышающійся надъ своимъ учителемъ, почему его и можно разсматривать, какъ «единственнаго изъ новыхъ міровыхъ поэтовъ»; поэзія Пушкина полна героическихъ элементовъ, въ ней все тихо, ясно и мудро: въ этихъ словахъ есть холодъ и твердость мрамора, изъ котораго изваяны лики древнихъ боговъ. «Можно сказать,—выкрикиваетъ г. Мережковскій, поводя по классной комнатѣ безумными глазами и принимая ее за психіатрическую палату г-жи Гуревичъ,—что въ лицѣ Пушкина духъ русскаго народа впервые поднялся на міровую высоту героической мудрости и оглянулъ тысячелѣтній путь человѣчества, отъ Магомета до Наполеона, отъ библейскихъ пророковъ до Байрона, отъ Моисея, готоваго разбить свои скрижали, до современнаго поэта, среди торжества новой черни, пляшущей вокругъ золотого тельца». Вотъ каковъ авторъ Евгенія Онѣгина! но пусть читатели подождутъ: оказывается, что надъ героемъ-Пушкинымъ есть еще большій герой. Герой этотъ—Петръ Великій, котораго, какъ извѣстно, г. Мережковскій собираетъ описать въ превосходномъ будущемъ романѣ и заставитъ парадировать передъ публикой въ блестящемъ нарядѣ язычника. «Надъ сонмомъ Пушкинскихъ героевъ,—провозглашаетъ молодой критикъ,—возвышается одинъ—тотъ, кто былъ первообразомъ самого поэта—герой русскаго подвига, также какъ Пушкинъ былъ героемъ русскаго созерцанія. Въ сущности, Пушкинъ есть донинѣ единствен-

ный отвѣтъ, достойный великаго вопроса объ участіи русскаго народа въ міровой культурѣ, который заданъ былъ Петромъ Великимъ. Пушкинъ отвѣчаетъ Петру, какъ слово отвѣчаетъ дѣйствию. Возвращаясь къ первобытной, христіанской и народной стихіи особенно въ своихъ крайнихъ и одностороннихъ проявленіяхъ — въ презрѣннн къ наукѣ у Льва Толстого, въ презрѣннн къ «гнилому Западу» у Достоевскаго, вся послѣдующая русская литература есть какъ бы измѣна тому героическому началу міровой культуры, которое было завѣщено Россіи двумя одинокими и непонятыми русскими героями — Петромъ и Пушкинымъ». Здѣсь мы достигли до тѣхъ великихъ сокровищъ, которыми на протяженіи всей статьи г. Мережковскій неоднократно одаряетъ своихъ читателей. Сокровища эти—его разсужденія о русской литературѣ вообще. Видите ли— «русская литература, которая и въ дѣйствительности вытекаетъ изъ Пушкина и сознательно считаетъ его своимъ родоначальникомъ, измѣнила главному завѣту пушкинской мудрости: «да здравствуетъ солнце, да скроется мракъ»! Какъ это странно! Начатая свѣтлымъ олимпійцемъ, самымъ жизнерадостнымъ изъ новыхъ геніевъ, русская поэзія сдѣлалась поэзіей мрака, отчаянія, самоистязанія, болѣзни, жалости, страха смерти. Шестидесяти лѣтъ не прошло со дня кончины Пушкина—и что съ нами стало? Куда мы ушли? Безнадежный мистицизмъ Лермонтова и Гоголя; ужасающее самоуглубленіе Достоевскаго, похожее на бездонный, черный колодезь; бѣгство Тургенева отъ ужаса смерти въ красоту, бѣгство Льва Толстого отъ ужаса смерти въ жалость — только рядъ ступеней, по которымъ мы сходили все ниже и ниже, въ «страну тѣни смертной». Въ настоящее время мы достигаемъ конца подземной лѣстницы, кажется, дальше идти некуда». Гоголь первый началъ портить русскую литературу, созданную Пушкинымъ; Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій продолжали преступную дѣятельность автора «Мертвыхъ душъ» и, наконецъ, Левъ Толстой — этотъ, по словамъ г. Мережковскаго, ученикъ, сынъ Пушкина—съ одной стороны и его антиподъ—съ другой, наноситъ ей послѣдній, жесточайшій ударъ, отъ коего она должна погибнуть. «Развѣ вся дѣятельность Льва Толстого,—спрашиваетъ г. Мережковскій,—не та же демократія буржуазнаго вѣка, только одухотворенная евангельской поэзіей, украшенная этими модными крыльями Икара — восковыми и непрочными крыльями мистическаго анархизма? Левъ Толстой есть не что иное, какъ отвѣтъ русской демократіи на гордый вызовъ Пушкина». И графъ Левъ Толстой и вся русская литература мало того, что вышли на бой съ Пушкинымъ, но что ужаснѣе всего — съ кѣмъ бы вы думали?.. Съ Петромъ Великимъ! Шутка сказать—съ самимъ преобразователемъ Россіи!.. «Все русскіе писатели, не только явные мистики,—катаясь въ конвульсіяхъ по полу классной комнаты г. Перцова, выкрикиваетъ Д. Мережковскій, — Гоголь, Достоевскій, Левъ

Толстой, но даже Тургеневъ и Гончаровъ, по наружности западники, по существу такіе же мистики и враги культурнаго язычества,— будутъ звать Россію прочь отъ единственнаго, непонятаго русскаго героя, отъ забытаго и неразгаданнаго любимца Пушкина, вѣчно одинокаго исполина на обледѣлой глыбѣ фінскаго гранита,— будутъ звать назадъ къ материнскому лону русской земли, согрѣтой русскимъ солнцемъ, къ смиренію въ Богѣ, къ простотѣ сердца великаго народа-пахаря, въ уютную горницу старосвѣтскихъ помѣщиковъ, къ дикому обрыву надъ родимой Волгой, къ затишью дворянскихъ гнѣздъ, къ серафической улыбкѣ идіота, къ блаженному «недѣланію» Ясной Поляны; и всѣ они, всѣ до одинаго, быть можетъ, сами того не зная, подхватятъ этотъ вызовъ малыхъ великому, этотъ богохульный крикъ возмущившейся черни: «добро, строитель чудотворный! Ужо тебя!»

Какъ вамъ нравится, читатели, классное упражненіе г. Мережковскаго; можно ли еще больше наговорить вздора и о Пушкинѣ, и о русской литературѣ, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ изъ участниковъ «философскихъ теченій»? Не правда ли, какъ глубока, ясна эта философія классной комнаты, преподносимая намъ серьезно г. Перцовымъ въ качествѣ высшей мудрости, до которой дошли собственнымъ умомъ молодые русскіе критики-философы? Въ одномъ они правы: дѣйствительно настоящая русская литература, завѣщанная грядущимъ поколѣніямъ художниковъ слова ея великими учителями, Пушкинымъ и Гоголемъ, всегда будетъ слѣдовать указаніямъ другого поэта:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ,
Будь первымъ тамъ!

Всегда будетъ бороться противъ всякихъ каменныхъ глыбъ, попадающихся ей по дорогѣ и никогда не послѣдуетъ за г. Мережковскимъ ни въ психіатрическую палату «Возвышенный символическій смыслъ», въ гости къ г. Волынскому, ни въ классную комнату г. Перцова, на поклоненіе ея наиболѣе даровитому представителю. Если въ этой русской литературѣ и наблюдается въ настоящее время изступленный пабашъ, творимый нѣкоторыми ея молодыми представителями, то она смотритъ на это съ улыбкой:

Юное чадо прогреса,
Рвется, брыкается, бьетъ...

и вѣруетъ, что настанетъ часъ, когда имъ станетъ стыдно своихъ бѣснованій, и они, усталые и сконфуженные, вернутся «къ материнскому лону русской земли, согрѣтой русскимъ солнцемъ, къ простотѣ сердца великаго народа-пахаря, къ дикому обрыву надъ родимой Волгой!».

Накричавъ, наболтавъ всякой непригодной всячины въ статьѣ о Пушкинѣ, г. Мережковскій, какъ это всегда бываетъ послѣ остраго

приступа болѣзненнаго пароксизма, упаль силами, изнемогъ и въ этюдѣ о Майковѣ рядомъ съ пустяками высказаль нѣсколько какъ будто и здравыхъ мыслей, кореннымъ образомъ противорѣчащихъ его предыдущимъ рѣчамъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, явно полемизируя съ «парнасцами», Фетомъ, Майковымъ и Полонскимъ, онъ вполне резонно разсуждаетъ: «Что касается меня, я предпочелъ бы, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, влажныя, разорванныя волнами ризы Аріона самымъ торжественнымъ ризамъ жрецовъ чистаго искусства. Есть такая красота въ страданіи, въ грозѣ, даже въ гибели, которой не могутъ дать никакое счастье, никакое упоеніе олимпійскимъ созерцаемъ. Да, наконецъ, и великіе люди древности, на которыхъ любятъ ссылаться наши парнасцы, развѣ были они чужды живой современности, народныхъ страданій и «злобы дня», если только понимать ее болѣе широко? Я увѣренъ, что Эсхиль и Софокль, участники великой борьбы Европы съ Азіей, предпочли бы не только, какъ воины, но и какъ истинные поэты, мечъ, омоченный во вражеской крови, праздному мечу въ золотыхъ ножнахъ съ драгоценными камнями!...». Статья о Майковѣ, благодаря тому, что она написана въ значительной степени, такъ сказать, «въ здоровомъ умѣ и твердой памяти», болѣе удалась г. Мережковскому, чѣмъ его этюдъ о Пушкинѣ; въ ней попадаются даже мысли, нарушающія гармонию классной комнаты г. Перцова, что и вызываетъ, вполне естественно, неудовольствіе послѣдняго. Гость, что называется, не выдержаль стилиа и конфузиль хозяина, а посему г. Перцовъ хмурить брови, дѣлаеть примѣчаніе къ работѣ г. Мережковскаго и даже упрекаетъ его въ «неосторожности утвержденія». Вообще г. Перцовъ мужчина сердитый, на что, кажется, еще съ годъ тому назадъ по поводу его «Писемъ о поэзіи» обратиль вниманіе г. Михайловскій въ «Русскомъ Богатствѣ». Я имѣлъ уже однажды честь представить читателямъ «Историческаго Вѣстника» издателя «Молодой поэзіи» и «Философскихъ теченій»; несмотря на это, я считаю необходимымъ сказать объ этомъ молодомъ дѣятелѣ литературы еще нѣсколько словъ. П. Перцовъ—дѣтище провинціи, откуда онъ и перекочеваль въ сѣверный суетный и буржуазный городъ «нашего ради спасенія». Впервые столичные читатели познакомились съ нимъ, благодаря любезному содѣйствію того самаго «Русскаго Богатства», которое впоследствии такъ строго и немилостиво обошло съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ. Въ № 1 этого почтеннаго журнала за 1893 годъ была напечатана статья г. Перцова «Изъяны творчества» (повѣсти и рассказы А. Чехова), гдѣ молодой писатель какъ бы вторя редакціоннымъ голосамъ, упрекаль автора «Палаты № 6» въ «случайности темъ, непродуманности содержанія, непониманія общественной его стороны».

Прошли два года. Что дѣлалъ за это время молодой писатель? не могу опредѣленно сказать—его имени въ печати я не встрѣчалъ;

но вотъ весною 1895 г. онъ снова напомнилъ о себѣ изданіемъ сборника «Молодая поэзія» и «Писемъ о поэзіи», гдѣ не только объявить себя сторонникомъ бряцанья, но и отъявленнымъ врагомъ того направленія, подъ гостепримнымъ кровомъ котораго онъ ознакомилъ съ своей интересной особой читателей ежемѣсячныхъ журналовъ. Ну, и досталось же ему отъ «Русскаго Богатства» на орѣхи, какъ равно удостоили его своимъ лестнымъ вниманіемъ и другіе журналы, въ томъ числѣ и «Историческій Вѣстникъ». Въ статьѣ «Молодежь и ея руководители» я отмѣтилъ любопытное настроеніе ума г. Перцова и его радостное классическое изреченіе, что нынѣшняя молодежь «повально пишетъ стихи и играетъ на віолончели». Оказывается, однако, въ настоящее время, что она занимается не только этимъ полезнымъ и отраднымъ времяпрепровожденіемъ, но и углубляется въ пучины философской мудрости, откуда и извлекаетъ такіе перлы, каковъ демонстрированный выше этюдъ г. Мережковскаго о Пушкинѣ; мало того, мы узнаемъ даже, что для такихъ углубленій въ философію нанимаются даже цѣлыя помѣщенія въ видѣ классной комнаты г. Перцова подъ заглавіемъ «Философскія теченія». Г. Волинскій полагалъ, что на всю Россію онъ единственный философъ, а вотъ теперь фактически выясняется, что почтенный «магъ палаты» глубоко заблуждался, и его лавры серьезно и съ большимъ успѣхомъ оспариваются г. Перцовымъ и его друзьями. Мнѣ воистину жаль г. Волинскаго: онъ былъ такъ хорошъ въ своемъ амплуа единственнаго на всю Россію комическаго философа, что появленіе на свѣтъ Божій опасныхъ конкурентовъ рѣшительно грозитъ затменію его широкой славы. Мы уже видѣли, съ какимъ успѣхомъ отвоевалъ у него г. Мережковскій (и это за великодушный-го приемъ въ палату «Возвышенный символическій смыслъ!» о черная неблагодарность! о дружба!..) пальму первенства въ вопросѣ о философскомъ значеніи Пушкина. Посмотримъ теперь, какова грозящая ему опасность отъ посягательствъ на его амплуа со стороны остальныхъ двухъ конкурентовъ.

Г. Перцовъ, какъ я уже это отмѣтилъ выше, по праву хозяина помѣщенія, отобралъ на свою долю наибольшее количество темъ и написалъ нѣсколько краткихъ, но выразительныхъ сочиненій объ Огаревѣ, гр. А. Толстомъ, Я. Полонскомъ, гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ и Апухтинѣ. Внѣшняя его манера писать уже обрисована: онъ волнуется, ходитъ по комнатѣ, машетъ руками, топаетъ ногами и читаетъ нотацію г. Мережковскому. Такихъ нотацій онъ прочелъ двѣ: одну за непочтительное отношеніе къ А. Н. Майкову, а другую за неполноту характеристики Кольцова. Къ числу странностей способовъ писанія г. Перцова должно отнести то, что онъ иногда, какъ, напримѣръ, въ очеркѣ объ Н. Огаревѣ, предпочитаетъ существенное говорить въ примѣчаніяхъ къ тексту своей статьи, а въ самой статьѣ ограничивается переливаніемъ изъ пустого въ по-

рожнее. Правда, иногда въ литературѣ переводчики прибѣгаютъ по необходимости къ такого рода существеннымъ примѣчаніямъ, и Чернышевскій, поступившій такъ съ Миллемъ, сдѣлалъ очень доброе дѣло, но, вѣдь, то переводъ, а это своя собственная философія—къ чему ее было еще комментировать? Но, нѣтъ, г. Перцовъ иначе не можетъ: онъ полагаетъ, очевидно, что отъ этого его работа выйдетъ умнѣе, на подобіе настоящаго нѣмецкаго философскаго трактата съ обильными выносками и ссылками. Собственно въ статьѣ объ Огаревѣ мы чего нибудь новаго о поэтѣ не узнаемъ, какъ равно не знакомимся съ его личностью въ полномъ объемѣ. Молодой критикъ не нашелъ на полкахъ своей бібліотеки нужнаго историческаго матеріала (и прибавимъ—очень обширнаго) для уясненія фізіономіи писателя и, обрывая свою характеристику, меланхолически замѣчаетъ: «Подробная оцѣнка роли поэта въ преданіяхъ (?) русскаго общества, въ исторіи нашей «борьбы съ западомъ» выходитъ за предѣлы предлагаемаго сборника». Г. Мережковскій считалъ нужнымъ для характеристики Пушкина ввести въ свою работу фактическій матеріалъ и даже считался съ политическимъ значеніемъ поэта, но г. Перцовъ для Огарева полагаетъ это лишнимъ. Какъ будто стиль классныхъ сочиненій страдаетъ? Или, можетъ быть,—quod licet Iovi, non licet bovi? или, говоря порусски, что позволено г. Мережковскому, запрещается г. Перцову?.. Какъ бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ изъ характеристики Огарева мы узнаемъ, что г. Перцовъ недоволенъ Герценомъ: политическая фигура послѣдняго заслонила собою поэтическій образъ перваго и наложила на этотъ образъ «чуждыя, несвойственныя ему черты». Слѣдить за всѣми статейками издателя «Философскихъ теченій» нѣсколько утомительно. Скажу для общей характеристики коротко: слабо, ниже посредственнаго! Остановлюсь лишь на его работѣ о Я. П. Полонскомъ—здѣсь гвоздь философіи г. Перцова и одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней его сборника. Я обрадовался за почтеннаго Якова Петровича, такъ хорошо намъ знакомаго и изъ личныхъ его произведеній и изъ цѣлаго множества статей о немъ, что вотъ наконецъ-то нашелся критикъ, который освѣтитъ намъ его музу истиннымъ философскимъ свѣтомъ. Но каково же было мое удивленіе и благородное негодованіе, когда я узналъ изъ статьи г. Перцова, что, во-первыхъ, поэзія г. Полонскаго «отнюдь не освѣщена внутреннимъ огнемъ теоретической мысли» и, во-вторыхъ, что «его творческія впечатлѣнія не даютъ ему никакого рѣшенія міровыхъ загадокъ, и что изъ всѣхъ его размысленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія». Вотъ такъ конфузъ!—воскликнулъ я,—удружилъ критикъ маститому Якову Петровичу, нечего сказать!.. Мнѣ непонятно только, зачѣмъ при такой отрицательной философской наличности было помѣщать нашего поэта въ списокъ классныхъ сочиненій по философіи? Это ужъ непохвально со стороны г. Перцова, положи-

тельно не хорошо! Вся-то классная комната его была создана въ пику реалистической критикѣ, не признающей бряцанія на лирахъ, и именно въ видахъ прославленія философскаго значенія самаго этого бряцанія, и вдругъ видный служитель чистаго искусства, такъ сказать, «послѣдняя туча разсѣянной бури», оказывается философомъ-поэтомъ безъ философіи, подобно сапожнику безъ сапогъ.

И зачѣмъ было огородъ городить? И зачѣмъ было капусту сажать? Чудеса да и только!—разводилъ я руками. И мнѣ стало понятно, что заглавіе сборника «Философскія теченія русской поэзіи» выдумано лишь для приманки, что тутъ рѣчь идетъ не о философіи, а собраны здѣсь всего лишь 12 критическихъ статей, написанныхъ преимущественно тремя молодыми людьми въ духѣ эстетической критики 1840-хъ годовъ. Если г. Мережковскій еще пытается что-то накричать непонятное, подъ видомъ философіи, о борьбѣ русской литературы съ завѣтами Петра I, то г. Перцовъ въ предѣлахъ своихъ маленькихъ знаній просто-на-просто пересказываетъ своими словами стихи поэтовъ, при чемъ иногда глубокомысленно изрекаетъ: «се левъ, а не собака», а иногда восклицаетъ «вмѣстѣ съ Страховымъ»: «какая музыка, какая невыразимая прелесть!» Г. Волынскій можетъ быть спокоенъ: г. Перцовъ ему неопасенъ—онъ еще не доросъ до «новой мозговой линіи» и пока, думая, что подражаетъ старшимъ, ограничивается перекладомъ на свои слова чужихъ мыслей и стиховъ.

V.

Вотъ г. Никольскій—этотъ будетъ посложнѣе и поинтереснѣе г. Перцова и, пожалуй, даже г. Мережковского, какъ мыслителя. Г. Перцовъ своей претензіей на званіе философа вызываетъ улыбку, за г. Мережковского становится досадно, что онъ такъ скверно и уродливо управляетъ своими природными дарованіями и своей образованностью, но г. Никольскій... этотъ заставляетъ меня серьезно задуматься, такъ какъ я склоненъ видѣть въ немъ нарождающуюся силу, съ которой въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ придется считаться во имя прогрессивныхъ задачъ русской жизни. Въ классной комнатѣ г. Перцова онъ ведетъ себя сдержанно, нѣсколько официально и, изготовляя этюдъ о Фетѣ, непрестанно имѣетъ въ виду, какъ я уже выше сказалъ, ту полку бібліотеки, гдѣ стоятъ сочиненія покойнаго Н. Страхова. Какъ дѣятель литературы еще очень молодой, г. Никольскій находится цѣликомъ подъ обаяніемъ учительскихъ авторитетовъ: Н. Страховъ, Н. Данилевскій, А. Фетъ—вотъ тѣ три кита, на коихъ онъ созидаетъ будущее русской культуры. У молодого критика пристрастіе именно *jurare in verba magistri* и, не ощущая подъ ногами твердой почвы для своихъ отвлеченныхъ разсужденій, онъ проситъ читателей вѣрить авторитету излюбленныхъ учителей, вслѣдствіе чего всѣ его умозрѣнія и принимаютъ

характеръ какихъ-то пророчествъ, туманныхъ предсказаній: у него все доброе, всё блага жизни въ будущемъ! Для большей убѣдительности г. Никольскій прибѣгаетъ къ устарѣлому приему: онъ вытягиваетъ авторитетъ своего учителя до невѣроятныхъ размѣровъ. Онъ огорошиваетъ читателя звонкими эпитетами: «знаменитый», «совершеннѣйшій», «изумительный», единственный «во всемирной литературѣ» и т. п., но при этомъ не выкрикиваетъ съ пафосомъ или воодушевленіемъ своихъ съ ногъ сшибательныхъ опредѣленій, а произноситъ ихъ холоднымъ тономъ ратора, преждевременно состарившагося на книгахъ мыслителя, глубоко презирающаго все, на чемъ лежитъ наслоеніе уличной пыли, слѣды живыхъ рукъ человѣческихъ. У него въ сердцѣ нѣтъ теплыхъ словъ любви къ учителямъ; онъ спокойно кладетъ трупы дорогихъ ему покойниковъ на анатомическій столъ и, сосредоточенно ампутируя части мертвыхъ организмовъ, съ презрительной улыбкой непогрѣшимаго учителя говоритъ аудиторіи: вы еще глупы и не можете понять всей красоты вотъ той или этой демонстрируемой передъ вами части организма; но придетъ время, въ моей школѣ вы поумнѣете и тогда научитесь цѣнить все совершенство этихъ частей! Мнѣ становится жутко, когда я читаю спокойныя и умныя статьи г. Никольскаго: холодомъ вѣетъ отъ нихъ на меня... Его трактаты, напримѣръ, о Страховѣ очень поучительны, обнаруживаютъ въ достаточномъ блескѣ природныя, недюжинныя силы молодаго писателя, но, увы! не производятъ необходимаго впечатлѣнія, благодаря риторичности, отвлеченности, сухости и книжности. Книги, повидимому, забли г. Никольскаго и, очутившись въ литературѣ прямо съ университетской скамьи, онъ пытается всю жизнь человѣческую оцѣнить съ точки зрѣнія пожелтѣвшихъ пыльныхъ страницъ нѣсколькихъ излюбленныхъ авторовъ: Н. Данилевскаго, Н. Страхова, А. Фета, такихъ же, какъ онъ, представителей кабинетнаго мышленія и ненавистниковъ шумнаго круговорота уличной жизни, громкихъ криковъ демократической толпы.

Но одного лишь я боюсь немножко:
 Что если жизнь, какъ дерзкій ученикъ,
 Вдругъ стащитъ съ нихъ всевѣднѣя парикъ
 И книжки ихъ всё вышвырнетъ въ окошко?

воскликнулъ о подобнаго сорта дѣятеляхъ покойный А. Плещеевъ. Я тоже опасаясь, что подобнаго рода драма разыграется въ жизни г. Никольскаго, и всё его умныя книжки полетятъ въ окно, когда онъ станетъ непосредственно, лицомъ къ лицу, съ живыми запросами жизни! Указанныя общія свойства литературныхъ работъ г. Никольскаго наглядно можно прослѣдить въ его этюдѣ о Фетѣ: здѣсь тѣ же пророчества, то же вытягиванье авторитета учителя, то же пристрастіе къ запутаннымъ логическимъ построеніямъ, бесполезная игра въ философское биль-боке. Фетъ — «поэтъ будущаго», — поучаетъ насъ г. Никольскій; произведенія его геніальны; «этотъ

философъ-поэтъ до такой степени поэтъ философъ, что его произведенія неизбѣжно станутъ современемъ настольною книгою каждаго мыслителя, каждаго ученаго, наконецъ, каждаго философски мыслящаго человѣка»... Далѣе: «изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ, доселѣ жившихъ (ого!), ни одинъ до такой степени не сумѣлъ себѣ усвоить чисто-философскій духъ и остался при томъ исключительно поэтомъ, какъ Фетъ». Наконецъ, *pour la bonne bouche*, позволю себѣ привести слѣдующую тираду почтеннаго критика, дающую возможность составить ясное представленіе о его любви къ философскимъ отвлеченностямъ, тяготѣніе къ логической гимнастикѣ ради нея самой. «Надо, впрочемъ, замѣтить, — говоритъ г. Никольскій, — что встрѣча съ Фетомъ на высотахъ прозрѣнія представляетъ особую прелесть и особую трудность. Трудность заключается въ особенностяхъ художественной техники Фета. Великій лирикъ грѣшилъ всѣми слабостями своихъ достоинствъ. Порывистость его вдохновеній зачастую выражалась у него въ необычныхъ и темныхъ оборотахъ рѣчи, сжатость изложенія обуславливала нерѣдко чудовищные скачки, говорящіе намъ бѣглыми намеками, отрывочными восклицаніями, а не связной, хотя бы и поэтической рѣчью, не солнечными лучами, а зарницами... Его стихотворенія требуютъ долгаго и вдумчиваго изученія. Его замыселъ нужно иногда высматривать, какъ папоротникъ въ Иванову ночь; правда, кто его подслѣдилъ и настигъ, тотъ открываетъ истину неисчерпаемый кладъ художественныхъ наслажденій; но то, что оправдываетъ иной разъ въ глазахъ читателя недостатки изложенія у философъ, не можетъ служить извиненіемъ художнику слова. Между тѣмъ, музу Фета приходится почти угадывать по его произведеніямъ, какъ Золушку по башмачку: во-первыхъ, это также трудно, какъ въ сказкахъ, а, во-вторыхъ, только для принца этотъ башмачекъ служить достаточной, надежной, а главное, понятной примѣтой, залогомъ высокаго художественнаго наслажденія: для прочихъ онъ лишь хорошенькая бездѣлушка». Подобно сказочному принцу, г. Никольскій нашель въ лицѣ Фета желанную сердцу Золушку, но онъ настолько ревнивъ, что не согласенъ показать ее во весь ростъ, съ ея плотью и кровью своимъ читателямъ, почему послѣдніе, по прочтеніи этюда г. Никольскаго, все-таки остаются въ невѣдѣніи относительно этой прекрасной и загадочной принцессы; за то имъ преподносится въ утѣшеніе пророчество: со временемъ Фетъ будетъ нашей настольной книгой, откуда мы почерпнемъ всѣ премудрости знанія! Будемъ терпѣливо ждать наступленія этого обѣтованнаго времени, но пока кто же разрѣшитъ намъ слѣдующія двѣ резолюціи, вынесенныя изъ классной комнаты г. Перцова: по первой значитъся—вся міровая мудрость, вся философія жизни покоится въ поэзіи Пушкина, этой «здравной пѣсни Вакха», по второй—въ поэзіи Фета, которую требуетъ, однако, разгадать, «какъ Золушку по башмачку»? Вотъ рѣшительно и не знаешь, съ чего начать? а тутъ еще въ довершеніе нашего бѣдственнаго положенія

передъ глазами вертятся г. Перцовъ съ указаніемъ на философское значеніе Я. Полонскаго, поэзія котораго вмѣстѣ съ тѣмъ «не освѣщена внутреннимъ огнемъ теоретической мысли». Извольте-ка распутать всю путаницу, созданную въ классной комнатѣ г. Перцова тремя молодыми людьми, извольте понять и оцѣнить философское значеніе ихъ работъ! Очевидно, они не спѣлись, не столковались, не сличили выводовъ изъ своихъ классовыхъ упражненій и, въ гордомъ ослѣпленіи своихъ личныхъ качествъ и знаній, преподносятъ намъ эти работы въ видѣ безвкуснаго букета цвѣтовъ, сорванныхъ и расположенныхъ неопытною рукою, подъ заглавіемъ: «Философскія теченія русской поэзіи». Философія, везомая г. Мережковскимъ, Никольскимъ и Перцовымъ, мало подвигается съ мѣста, и мы являемся живыми свидѣтелями хорошенькой иллюстраціи къ извѣстной баснѣ Крылова:

Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
 Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
 Да лебедь рвется въ облака,
 Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.

Нѣтъ, воля ваша, а опытъ классной комнаты г. Перцова мнѣ кажется неудачнымъ. Мы не выносимъ изъ нея живыхъ впечатлѣній, чегонибудь опредѣленнаго, ясно говорящаго нашему уму и чувству. Пылью библіотеки, запахомъ книжекъ насыщенъ ея воздухъ, и новому человѣку невольно хочется широко раскрыть замуравленные окна этой комнаты. Пусть лучи солнца весело ворвутся сюда широкимъ снопомъ, пусть струя свѣжаго воздуха разгонитъ учебный кошмаръ, въ которомъ пока такъ безнадежно погружены наши молодые дѣятели литературы! Больше воздуха, больше свѣта!..

VI.

Я засидѣлся слишкомъ долго въ гостяхъ у г. Перцова и чуть не опоздалъ на великое торжество студентовъ С.-Петербургскаго университета, собравшихся достойнымъ образомъ ознаменовать свой годовой праздникъ. Здѣшняя alma-mater была въ нынѣшнемъ году свидѣтельницей не совсѣмъ обычнаго поведенія студентовъ: послѣдніе рѣшили отмѣтить день 8-го февраля изданіемъ «Литературнаго Сборника» въ пользу своихъ многочисленныхъ нуждающихся товарищей, т. е. такимъ дѣяніемъ, которое заслуживаетъ молодежи самыхъ лестныхъ похвалъ. Отзывчивость на горе и бѣдность великая вещь и чѣмъ у кого въ груди этого священнаго огня больше, тѣмъ выше и плодотворнѣе можетъ быть его жизнь среди окружающей юдоли плача и скорби. Вотъ почему и студенческой «Литературный Сборникъ», какъ актъ благотворительности, достоинъ самаго горячаго сочувствія, но... (безъ этого но въ жизни трудно обойтись!) благотворительность—одно, а литература—другое. Всякая медаль имѣетъ

двѣ стороны и, приложившись въ настоящемъ случаѣ съ почтеніемъ къ одной, я невольно, по обязанностямъ своей литературной профессіи, вынужденъ сказать откровенное мнѣніе о другой сторонѣ. Если бы студенты пожертвовали въ пользу своихъ неимущихъ товарищей партію стараго платья, то, будь я призванъ сказать свое слово о доброкачественности жертвуемаго, я навѣрное съ точки зрѣнія магазина готоваго платья рѣшилъ бы, что такія-то, молъ, брюки годятся въ употребленіе, а такія-то жилетки—нѣтъ. Если бы студенты выдали съ той же благотворительной цѣлью собраніе своихъ писемъ къ родителямъ, то я съ психологической точки зрѣнія семейнаго счастья и семейныхъ основъ повѣдалъ бы публикѣ объ одушевляющихъ нашу молодежь сыновьихъ чувствахъ. Однажды они выпускаютъ, при достаточно-шумныхъ обстоятельствахъ, «Литературный Сборникъ», дѣлаютъ его достояніемъ книжнаго рынка и снабжаютъ его такими претенціозными предисловіями, каковы предисловія гг. А. Майкова и Я. Полонскаго, то я не могу обойти этого литературнаго явленія молчаніемъ, и долженъ включить его въ программу своихъ критическихъ обзорѣній, обязанъ сказать о немъ свое откровенное слово, хотя бы оно и пришлось не по шерсткѣ моимъ младшимъ братьямъ здѣшней университетской семьи. Я полагаю, что студенты люди уже достаточно взрослые, чтобъ выслушать *sine ira et studio* всякое критическое замѣчаніе.

Студенческіе «сборники» Петербургскаго университета имѣютъ свою любопытную, почти полувѣковую исторію и удивительно рельефно отражаютъ на себѣ настроенія русскаго общества разныхъ періодовъ нашей исторической жизни. Мысль о студенческомъ «Сборникѣ», въ видѣ повторяющагося періодическаго изданія, была впервые осуществлена въ здѣшнемъ университетѣ осенью 1857 г., когда и вышелъ I томъ этого «Сборника». Въ предисловіи къ этому тому мы читаемъ: «Мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, глубоко заинтересовала насъ. Въ выполненіи ея мы видимъ залогъ того внутренняго единства, которое необходимо для достиженія благороднѣйшихъ цѣлей. Университетъ, по самому назначенію своему, приводитъ разнообразныя элементы къ единству. Это единство выражается въ томъ, что интересъ науки является главнѣйшимъ двигателемъ университетской жизни, сглаживая другіе интересы, которые могли бы повести не къ единству, а къ разладу». Въ другомъ мѣстѣ предисловія сказано, что предпріятіе «Сборника» возникло между студентами «вполнѣ самостоятельно, вслѣдствіе долгихъ и долгихъ соображеній и товарищескихъ бесѣдъ о томъ, какимъ образомъ время пребыванія въ университетѣ, лучшее время жизни нашей, употребить съ наибольшею пользою, сообразно съ достоинствомъ университета и съ нашею вѣрою въ его высокое значеніе» и, наконецъ, обращаясь къ направленію «Сборника», редакторы общаютъ, что

онъ будетъ сохранять «самое полное безпристрастіе. Не примыкая ни къ какой партіи, не подчиняясь бессознательно чужому вліянію, онъ не будетъ истиною факта жертвовать произвольно составленной теоріи». «Дѣятельность ученыхъ тѣмъ плодотворнѣе,—сказано далѣе,—чѣмъ сильнѣе возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ въ молодомъ поколѣніи, а это сочувствіе въ чемъ же иномъ можетъ выразиться полнѣе, какъ не въ слѣдованіи по пути, пролагаемому двигателями науки? Не смотря на очевидность этой истины, намъ случалось слышать объ опасеніи, чтобы студенты не увлеклись новою дѣятельностью и не уклонялись бы отъ своего прямого призванія, отъ серьезныхъ факультетскихъ занятій. Но направленіе «Сборника» нашего совершенно такое же, какое развивается университетскими курсами, а отнюдь не фельетонное». Пожилые дѣятели литературы и науки, къ коимъ обратились студенты за содѣйствіемъ, отнеслись къ ихъ предпріятію вполнѣ сочувственно и серьезно. «Если вы уже научились имѣть убѣжденія,—писалъ студентамъ Н. Пироговъ,—и если вы уже имѣете убѣжденія, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобы они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ. Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукою самопознанія, все равно, что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но расти не будетъ. Итакъ, хотите непременно знать будущность вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повѣрнѣе (что, конечно, не легко), есть ли въ васъ убѣжденіе, что ваши труды должны непременно достигнуть той цѣли, которую вы имъ предназначаете. Если да,—начинайте смѣло. Остальное придетъ само собою, рано или поздно». Редакторами «Сборника» были избраны 12 студентовъ, по два отъ cadaго разряда тогдашнихъ факультетовъ, а общая редакція и руководство изданіемъ были поручены адъюнкту, нынѣ академику, М. И. Сухомлинову.

Въ отдѣлѣ «Сборника» «Лѣтопись внутренней жизни Петербургскаго университета» высказаны нѣкоторыя мысли, показывающія, что молодежь того времени зорко слѣдила за ходомъ развитія общественной жизни и разсматривала свою alma mater, какъ живую часть громаднаго организма, называемаго Россіей, и переживала съ послѣдней всѣ ея тревоженія, радости и горести. «Замѣчательную эпоху переживаетъ теперь Россія, такъ начинается лѣтопись. Это эпоха нравственнаго обновленія ея. Послѣ войны всѣ какъ бы очнулись отъ продолжительной дремоты и стали видѣть то, чего прежде не видѣли. Всмотрѣвшись въ окружающее, сбросили съ себя ненавистную маску гордой самоувѣренности и торжественно сознались въ томъ, что мы не далеко еще ушли въ дѣлѣ цивилизаціи. Это осужденіе самихъ себя было произнесено не по увлеченію, не безотчетно, а совершенно сознательно». Продолжая въ томъ же тонѣ,

авторъ «Лѣтописи» устанавливаетъ связь общества съ университетомъ. «Возрастъ общества высказывается въ духѣ его учрежденій. До сихъ поръ развитіе нашего общества вѣрнѣ всего опредѣлялось на молодомъ поколѣніи. Условія нашего быта таковы, что по окончаніи образованія мы рѣдко принуждаемъ работать свой мозгъ... Въ настоящее же время мы поступимъ, какъ намъ кажется, совершенно справедливо, если примемъ за норму развитія русскаго общества степень развитія университетскаго юношества. Его интересы могутъ указать ту степень зрѣлости, которая въ настоящее время возможна для русскаго общества». Далѣе приведены статистическія свѣдѣнія за 22 года о количествѣ студентовъ въ университетѣ, извѣстія объ ученой жизни учрежденія и тѣхъ научныхъ стремленіяхъ, которыя проявляются среди молодежи. Калейдоскопъ, раскрываемый «Лѣтописью», чрезвычайно разнообразенъ и облитъ яркими лучами, освѣщающими обновленную жизнь университетской среды. Сколько крупныхъ именъ мелькаетъ тутъ: Менделѣвъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Срезневскій, Кавелинъ и другіе! Немало именъ и молодыхъ дѣятелей науки, тогда еще студентовъ, занявшихъ впослѣдствіи на скрижаляхъ лѣтописи нашего просвѣщенія выдающееся мѣсто, встрѣчаемъ мы въ качествѣ вкладчиковъ двухъ вышедшихъ томовъ «Сборника»: Д. Писарева, Л. Майкова, А. Коркина, А. Фаминцына, В. Макушева, Ал. Пятковского и другихъ. Всѣ статьи, принадлежащія названнымъ лицамъ, отличаются строгой научностью, серьезностью, и обнаруживаютъ въ авторахъ дѣйствительное увлеченіе своей ближайшей ученой спеціальностью. Оба тома сборника, отмѣченные печатью научности, вмѣстѣ съ тѣмъ являются тѣсно связанными съ окружающею общественною жизнью и служатъ дѣйствительнымъ мѣриломъ роста разбуженнаго отъ многолѣтней спячки и подавленности русскаго общества. Второй томъ вышелъ въ 1860 г., а третій былъ подготовленъ къ печати, почти что уже весь сверстанъ, но почему-то (кажется, за отъѣздомъ М. И. Сухомлинова за границу) не вышелъ свѣтъ ¹⁾. Прошло послѣ того двадцать лѣтъ. Надъ русской жизнью вообще, надъ Петербургскимъ университетомъ въ частности проносились тихіе и бурные дни, отечественный прогрессъ шель неправильными скачками, то дѣлая быстрое движеніе впередъ, то тотчасъ же сокращаясь и обращаясь вспять. Конецъ 1870-хъ годовъ и начало 1880-хъ годовъ были чреватые острыми событіями въ жизни университетской молодежи, но общее ея массовое настроеніе хранило преданія и традиціи, завѣщанныя ей старшимъ поколѣніемъ 1850-хъ годовъ. И вотъ, когда въ 1880—1881 учебныхъ годахъ снова возродилась мысль о «Сборникѣ», который бы былъ изданъ въ пользу недостаточныхъ товарищей университета и «слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ», характеръ этого «Сбор-

¹⁾ Его можно, однако, найти въ Публичной библіотекѣ.

ника», согласно плану его инициаторовъ, долженъ быть быть родственнымъ первому по времени «Сборнику» 1857 года. Но тотъ «Сборникъ» не былъ исключительно связанъ благотворительной тенденціей, являлся дѣйствительнымъ выраженіемъ тогдашней университетской жизни, новый же—имѣлъ исключительно въ виду помощь товарищамъ. Опасаясь, что одними личными, принадлежащими перьямъ молодежи произведеніями, не достигнешь желаннаго результата, его редакторы-иниціаторы, П. Якубовичъ и В. Шаталовъ, обратились къ живымъ элементамъ современной русской жизни, воплощавшимъ тогда своими трудами теченія этой самой жизни. На призывъ молодежи о содѣйствіи откликнулись: А. Шеллеръ, Н. Минскій, Макс. Бѣлинскій, Ѳ. Мищенко, К. Баранцевичъ, Я. Полонскій, В. Чуйко, Н. Златовратскій, М. Антоновичъ, А. Плещеевъ, С. Венгеровъ. Изъ студентовъ здѣсь помѣстили свои пробы пера (по большей части подъ скромными инициалами или псевдонимами) всего лишь нѣсколько человекъ, изъ коихъ первое мѣсто принадлежит г. Якубовичу (иниціалы—«П. Я.»). Въ стихотвореніи «Призывъ» мы встрѣчаемъ слѣдующія строфы, рисующія намъ настроеніе молодого поэта и редактора «Сборника».

Въ битвѣ съ жизнью—пошлой, дикою,
Утопающей въ крови,
Тяжело нести великое
Знамя братства и любви.

О, приди же—съ вѣрой пламенной
И огнемъ не дѣтскихъ сновъ!
Дай тѣ мнѣ мощь твердыни каменной,
Устрашающей враговъ!

Рѣчью гордой и свободною
Мое сердце вдохнови,
Дай мнѣ силу благородную
Для вражды и для любви!.

Я не стану останавливаться на остальныхъ произведеніяхъ вкладчиковъ «Сборника», замѣчу лишь, что весь «Сборникъ» вполне отвѣтилъ содержаніемъ своему заглавію—«Откликъ»: здѣсь старшее поколѣніе откликнулось на приглашеніе молодыхъ голосовъ и принесло сюда то, что имѣетъ непосредственную и тѣсную связь съ жизнью,—такъ сказать, откликъ жизни; сами молодые литераторствующие студенты тоже проявили отзывчивость волновавшему настроенію общества. Таково аллегорическое оправданіе названію; да и въ тѣсномъ смыслѣ слова сборникъ являлся откликомъ на нужды и горе товарищей.

Въ 1881 году въ массовомъ настроеніи университетской молодежи произошелъ нѣкоторый поворотъ. Было признано, какъ это имѣло мѣсто и въ литературѣ 1860-хъ годовъ, что улица слыш-

комъ захлестнула своими волнами университетскія аудиторіи, что эти аудиторіи нѣсколько загрязнились по внѣшности, что пора пообчиститься и вернуться къ болѣе спокойному настроенію 1850-хъ годовъ. Явилось стремленіе нѣсколько проанализировать свою наличность научнаго знанія и восполнить тѣ пробѣлы, которые создала средняя школа и которые пополнять вовсе не была призвана университетская наука; явилось сознаніе о необходимости выработки міросозерцанія и тѣхъ убѣжденій, о коихъ говорилъ нѣкогда Пироговъ. Въ этихъ-то видахъ и цѣляхъ и было основано «Студенческое научно-литературное общество», о коемъ я уже однажды говорилъ въ статьѣ «Семидесятилѣтіе Петербургскаго университета»¹⁾. Общество это принесло громадную пользу молодежи первой половины прошлаго десятилѣтія, сгруппировало лучшіе элементы тогдашнихъ аудиторій и, не отвлекая своихъ членовъ отъ живыхъ сторонъ русскаго общественнаго организма, направило ихъ силы на разработку животрепещущихъ вопросовъ науки и литературы. О, какъ были оживлены многочисленныя собранія членовъ этого общества въ залѣ ботаническаго кабинета! сколько широкихъ замысловъ, сколько богатыхъ плановъ высказывалось на собраніяхъ, сколько горячихъ рѣчей раздавалось на засѣданіяхъ, бывавшихъ подъ предсѣдательствомъ Ор. Миллера, В. Семевского, Н. Карѣева и другихъ профессоровъ и иногда въ присутствіи тогдашнихъ ректоровъ А. Н. Бекетова, И. Е. Андреевскаго! Жизнь въ обществѣ была горячимъ ключемъ, и главный результатъ—объединеніе студенчества на почвѣ научныхъ и литературныхъ интересовъ, достигался достаточно успѣшно. Среди нѣкоторыхъ членовъ молодого общества бродила мысль о созданіи своего печатнаго органа, объ изданіи какого нибудь сборника, но этой мысли не дано было осуществиться. На то было много причинъ, главнѣйшія изъ которыхъ, во-первыхъ, та, что самая задача объединенія послѣ бурныхъ событій конца 1870-хъ и начала 1880-хъ гг. была очень трудна, и процессъ этого объединенія требовалъ громадной затраты силъ: слишкомъ много приходилось выяснять, сглаживать и создавать; а, во-вторыхъ, изданіе сборника было въ тѣ годы, что называется, не по сезону—врядъ ли оно было бы разрѣшено въ желательной для студентовъ формѣ; идти же на урѣзки и сокращеніе программы, вѣроятно, большинство членовъ не согласилось бы. Общество ограничилось лишь выпускомъ (кажется, въ первый же годъ своего существованія) двухъ брошюръ: «Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ» С. Платонова и «Боземундъ Тарентскій» П. Безобразова. Брошюры эти никоимъ образомъ не претендовали на какой нибудь показатель настроенія общества, хотя, съ другой стороны, онѣ несомнѣнно явились слѣдомъ научныхъ занятій его членовъ. Въ 1887 году студен-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1894 г., февраль.

ческое научно-литературное общество было закрыто, и жизнь университетской молодежи пошла по совершенно иному пути, который и привелъ ее къ высшей степени необычайному результату—изданію «Литературнаго Сборника» подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

VII.

Что, какъ смутный сонъ, какъ видѣнье чистой красоты, обрисовывалось неопредѣленными чертами въ классной комнатѣ г. Перцова, то фактически осуществилось нынѣ въ помѣщеніи 12 коллегій на Васильевскомъ островѣ. Молодежь отряхнула съ себя пыль улицы, сбросила вліяніе реалистической литературы и черезъ голову отцовъ дѣйствительно протянула руку трогательнаго сочувствія дѣдамъ, представителямъ чистаго искусства, непорочной эстетики 1840 годовъ. Совершилось пророчество почтеннаго автора «Писемъ о поэзіи». Тамъ, гдѣ некогда шумно обсуждался составъ студенческаго «Сборника» 1857 г., гдѣ пылко призывалъ на помощь «Отклику» г. Якубовичъ современныхъ дѣятелей реалистической литературы, гдѣ студенчество 1880-хъ годовъ энергично сплывалось во имя науки и серьезной литературы, тамъ нынѣ распускается ароматическая весна, зеленѣютъ молодыя дубравы, подъ сѣнью которыхъ молодые студенты «непрерывно играютъ на віолончеляхъ» и льютъ миро и вино на жертвенникъ Аполлона, то-есть опять таки «непрерывно» пишутъ стихи. Я подавленъ поэтическимъ колоритомъ этой картины, я взволнованъ торжественностью зрѣлища! Но откуда сіе, откуда такая овидіевская метаморфоза въ стѣнахъ храма науки? О, она имѣетъ свою исторію и прелюбопытную.

На одномъ изъ ежегодныхъ обѣдовъ бывшихъ студентовъ здѣшняго университета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остроумный и талантливый присяжный повѣренный, В. И. Жуковскій, говорилъ рѣчь. Онъ коснулся современныхъ отношеній молодежи къ представителямъ науки и изобразилъ эти отношенія слѣдующей аллегоріей: молодежь—это тотъ ласкающій взоръ цвѣтной воздушный шарикъ, который довѣрили опытному лицу держать на веревочкѣ; но веревочка поистерлась, вѣтеръ ослабилъ ея витокъ, и она незамѣтно для держащаго стала понемногу развиваться, удлиняться въ своемъ протяженіи и, когда это опытное лицо спохватилось, что пора веревочку замѣнить новой, цвѣтной шарикъ весело и капризно балансировалъ уже по поднебесью. Аллегорія эта обозначала—ослабленіе связи между профессорскою каѳедрой и студенческою скамьей. Присутствовавшіе на обѣдѣ жрецы науки возмутились: непригодно, дескать, объ насъ, жрецахъ науки, говорить въ такомъ веселомъ тонѣ и игривомъ духѣ! Особенно погорячился почтенный Н. И. Ка-

рѣвѣ, по коему случаю и произнесъ тяжеловѣсную и, кажется, очень глубокомысленную нотацию легкомысленному адвокату. Обѣдъ омрачился инцидентомъ, но не въ этомъ дѣло. Когда я теперь отъ г. Перцова попалъ въ зеленѣющія дубравы студенческой жизни, гдѣ льются чарующіе звуки віолончели, и журчатъ ручьи поэзіи, я невольно воскликнулъ: «сбывается! это еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсказалъ на обѣдѣ сатирикъ-адвокатъ. Въ роцѣ не видать профессорскихъ вицъ-мундировъ, кафедръ за ненадобностью убраны: связь между студентомъ и представителемъ науки порвалась — веревочка развилась, и шарикъ кокетливо колыхнется въ небесной лазури!» Но неужели вѣтъ никого, кто бы смѣлымъ прыжкомъ и дерзновеннымъ взмахомъ руки рѣшилъ коснуться кончика болтающейся въ воздухѣ веревочки? Не изсякло еще дерзновение и творчество русской жизни, не оскудѣла еще русская земля: нашелся таки смѣльчакъ, который поспѣшно прошмыгнулъ подъ носомъ «опытныхъ людей» съ обтрепаншейся старой веревочкой въ рукахъ и смѣлымъ движеніемъ притянулъ къ себѣ болтавшійся наверху шарикъ. И кто бы вы думали оказался этотъ дерзновенный?... Имъ оказался ни болѣе ни менѣе, какъ модный и бойкій фельетонистъ г. Сыромятниковъ-Сигма изъ «Новаго Времени». Вы удивлены, изумленію вашему нѣтъ предѣловъ? Что дѣлать—но это такъ.

Г. Сигма-Сыромятниковъ (онъ же Сергѣй Норманскій¹⁾) уже давно мѣтилъ въ руководители молодежи, на ампуа чародѣйнаго знатока ея капризныхъ настроеній: онъ писалъ о ней фельетоны, защищалъ отъ нападковъ, бралъ подъ покровительство и рассыпался передъ ней въ комплиментахъ. При этомъ онъ тоже уже давно заявилъ себя свѣдущимъ человекомъ по части моднаго нынѣ символизма и западно-европейскихъ литературныхъ теченій, которыя заднимъ числомъ, послѣ отставки на первоначальномъ мѣстѣ бытія, стали энергическимъ натискомъ лѣзть къ намъ въ двери. Все это вмѣстѣ взятое создало ему популярность среди молодежи, успѣвшей уже къ нашимъ днямъ облегчиться отъ докучной научной обузы и вліянія профессорскаго авторитета. Напрасно хлопоталъ профессоръ Н. И. Карѣевъ о «выработкѣ міросозерцанія» молодежи, тщетно пускалъ онъ въ ходъ всю тяжелую артиллерію своихъ научныхъ аргументацій—молодежь эта въ видѣ скучной повинности несла неокладные расходы по приобрѣтенію изданій своего ученаго руководителя, но ихъ не читала, а если и принималась за чтеніе, то немедленно вступала въ пререканія съ профессоромъ и объявляла, что его «письма» по ея адресу «никуда негодная вещь». И вотъ, когда профессоръ Карѣевъ нѣсколько обремизился въ своихъ стараніяхъ, и веревочка съ цвѣтнымъ шарикомъ выскользнула изъ

¹⁾ Псевдонимы г. Сыромятникова уже давно раскрыты въ «Новомъ Времени» и имъ самимъ, почему, вѣдьюсь, я и не дѣлаю нескромности, называя писателя полнымъ именемъ.

его рукъ, слѣдившій за всѣмъ происходящимъ изъ-за угла бойкій фельетонистъ и репортеръ овладѣлъ желанной веревочкой и распорядился шарикомъ по своему газетному усмотрѣнью. Г. Сыромятниковъ въ своихъ дѣйствіяхъ обнаружилъ не только поразительное остроуміе, но и высокое эстетическое вдохновеніе. Очутившись въ роли руководителя молодежи, онъ сумѣлъ съ выгодой воспользоваться своимъ положеніемъ. Во-первыхъ, оно дало ему интересный матеріалъ для бойкихъ фельетоновъ, во-вторыхъ, оно позволило ему, основываясь на поэтическо-мечтательномъ настроеніи этой молодежи, завязать солидныя литературныя связи. Вести молодежь въ свою редакцію было неудобно: какъ еще эта редакція отнесется къ шумному появленію молодежи, и захочетъ ли она съ нею возжаться? вести ее на выучку къ той части литературы, которая нѣсколько сторонится его самого, г. Сыромятникова, было опасно: онъ лично могъ остаться, что называется, при печальномъ интересѣ. И вотъ тогда его осѣнила блестящая идея—устроить торжественную встрѣчу убѣленной серебристою сѣдиною старости съ окрыленной розовыми надеждами кипучей младостью. Онъ рѣшилъ отпраздновать въ стѣнахъ университета, среди зеленѣющихъ дубравъ молодой литературы, пиръ поэтовъ, юбилейное торжество маститыхъ «парнасцевъ» А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Но такъ какъ *tres faciunt collegium*, то посему въ подмогу маститымъ поэтамъ былъ приглашенъ ихъ сверстникъ, почтенный Д. В. Григоровичъ, какъ представитель литературы 1840 годовъ. Участіе Д. В. Григоровича, какъ читатели увидятъ далѣе, было даже необходимо. И вотъ маститые старцы явились въ поэтическія рощи университета, возлегли на приготовленныя для нихъ изъ душистыхъ травъ ложи, украсили свои сѣдые кудри вѣнками изъ розъ и стали ожидать начала торжества, при чемъ каждый изъ нихъ приготовилъ заранѣе для произнесенія подобающую случаю рѣчь. А тѣмъ временемъ г. Сыромятниковъ отобралъ изъ числа студентовъ четыре десятка лучшихъ юношей, сдѣлалъ обстоятельной смотръ дарамъ Аполлона, которые юноши эти должны были положить къ подножію ложи «парнасцевъ»¹⁾, и, когда все оказалось въ нужномъ порядкѣ, повелъ молодежь подъ своимъ предводительствомъ на юбилейное торжество. Ахъ, что за умиленное зрѣлище представилось моимъ очамъ: старцы духомъ юные благословили преклонившуюся передъ ними рѣзвую младость! Церемоніаль торжества, по заранѣе выработанной г. Сыромятниковымъ программѣ, былъ таковъ: сначала каждый молодой человѣкъ преподнесъ каждому старцу по подарку—кто стихотвореніе, кто цѣлую поэму, кто повѣсть, кто разсказъ, кто очеркъ, кто виньетку, кто рисунокъ. Когда подарки были сложены въ кучу, началось говореніе. Первый, въ качествѣ почетнаго гостя, произнесъ свою рѣчь

¹⁾ Объ этомъ смотрѣ см. «Новое Время», фельетонъ «Вешние всходы», 28-го апрѣля, с. г.

Димитрій Васильевичъ Григоровичъ, на долю котораго, какъ начальника художественнаго музея въ Петербургѣ и свѣдущаго челоуѣка по части рисованія, выпало наибольшее количество подарковъ и при томъ, скажемъ по чистой совѣсти, наиболѣе цѣнныхъ: всѣ рисунки и виньетки оказались дѣйствительно весьма недурны. Рѣчь автора «Проселочныхъ дорогъ» носила на себѣ характеръ ласковаго привѣта... «Развѣ служеніе искусству не увлекательнѣе всѣхъ соблазновъ?—спрашивалъ онъ.—Даръ творчества выше всѣхъ существующихъ наградъ; онъ отъ Промысла и тотъ, кто принялъ его съ любовью, всѣмъ сердцемъ, кто воспиталъ въ себѣ и взлелѣялъ,—смѣло можетъ стать въ ряду лицъ, прибавляющихъ къ чести своего отечества! Какое общественное положеніе можетъ сравниться съ славою знаменитаго писателя? Сколько событій пронеслось послѣ кончины Пушкина и Гоголя! Были государственные перевороты, были кровавыя войны, возникали и умирали крупные общественные дѣятели,—и все это мало-по-малу улеглось одно за другимъ, изгладилось изъ памяти, затушевалось временемъ, унеслось, какъ волны морскія, на время поднятыя временной бурей». И такъ историческія событія забыты, забыты дѣятели науки и руководители общества, но не забыты только гениальныя произведенія великихъ учителей Пушкина и Гоголя; а потому да здравствуютъ «литераторы сороковыхъ годовъ», которые благоговѣли передъ великими учителями и «считали за счастье стать въ тѣнь литературнаго знамени, которое такъ высоко они держали», при чемъ «по мѣрѣ силъ и способностей старались подражать примѣру великихъ учителей, вдохновлялись ихъ любовью къ искусству и уносили вѣру въ трудъ, выражавшій эту любовь!». Юноши отвѣтили на возгласъ маститаго оратора громкими криками: «Да здравствуетъ литераторъ сороковыхъ годовъ, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ!». Когда бурные крики стихли, выступилъ впередъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Знаменитый «парнасецъ» произнесъ блестящее славословіе поэзіи вообще, расхвалилъ преподнесенные ему дары и язвительно упомянулъ о лжеученіяхъ. «Одна уже мысль, что поэзія опять въ ходу у юношества,—сказалъ авторъ «Трехъ смертей»,—какъ это было въ далекіе годы моей молодости, моего студенчества,—меня и обрадовала и умилила. Вѣдь поэзія для юноши—это воспитаніе души, воспитаніе и облагороженіе чувства, подъемъ духа, просвѣтлѣніе передъ юнымъ умомъ идеаловъ красоты, добра и блага... Всю работу челоуѣческой мысли въ религіи, философіи, осмысленіе жизни народовъ и отдѣльныхъ лицъ, ее двигавшихъ и выражавшихъ, словомъ—весь результатъ всей исторіи челоуѣчества, а тѣмъ паче исторической жизни родной страны, долженъ воплотить въ себѣ поэтъ: какой широкій горизонтъ передъ нимъ открывается, на какую высоту онъ становится точку зрѣнія на всемірную и свою личную жизнь. Во всемъ этомъ хаосѣ онъ долженъ угадать свѣтъ истины,

который передъ нимъ, и устроить все въ этомъ хаосѣ. Вотъ что дастъ имъ любовь къ поэзи,—и эти годы, проведенные ими подъ ея солнцемъ, всегда будутъ имъ казаться въ послѣдствіи какимъ-то когда-то прожитымъ ими золотымъ вѣкомъ, какимъ-то свѣтлымъ раемъ, гдѣ они жили въ созерцаніи Божества, въ непосредственномъ общеніи съ Нимъ... Хорошій признакъ, подумалъ я, этотъ поворотъ къ поэзи въ юношествахъ,—и очень серьезный, ибо онъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ признаковъ общаго оздоровленія нашего образованнаго общества». Рѣчь свою старецъ-поэтъ закончилъ обращеніемъ къ молодежи, называя аллегорически ея поэтическія подношенія словомъ «побѣги». «Дай Богъ проявиться во всемъ ея могуществѣ этой жизненной творческой силѣ: да подымаются и растутъ прямо къ солнцу эти молодые побѣги, да не искривитъ однихъ и не убьетъ другихъ какой нибудь налетѣвшій, Богъ вѣсть откуда, внезапный ураганъ... А эти ураганы въ видѣ разныхъ доктринъ и лжеученій, увы! неизбѣжны и въ литературной жизни: счастливы тотъ, кому они послужатъ въ пользу, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть укажутъ вамъ ваши недостатки и остерегутъ отъ ошибокъ и ложнаго пути, по которому пошли другіе».

И снова юноши-литераторы дружно прокричали: «Слава поэту Аполлону Николаевичу Майкову, охватившему «всю работу чело-вѣческой мысли!» Регаент доктрины и лжеученія!» И тотчасъ же всѣ 40 молодыхъ студентовъ почувствовали себя существующими «въ золотомъ вѣкѣ, въ какомъ-то свѣтломъ раю, гдѣ они созерцаютъ Божество, въ непосредственномъ общеніи съ Нимъ». Когда молодые люди достаточно насладились чудными ощущеніями, всталъ съ ложа Яковъ Петровичъ Полонскій. По правдѣ признаться, я замеръ въ тотъ мигъ отъ волненія; мнѣ стало страшно за нашего маститаго поэта. Я еще недавно, часа два тому назадъ, узналъ про г. Полонскаго въ классной комнатѣ г. Перцова, что «изъ всѣхъ его размышленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія», и вдругъ онъ — въ роли глашатая истины молодежи! «Что-то будетъ?» шепталъ я, но стоило мнѣ только взглянуть на воодушевленное лицо оратора, на его гнѣвно сверкающіе глаза, какъ я сейчасъ же понялъ всю неосновательность моихъ опасеній. Яковъ Петровичъ выглядѣлъ настоящимъ громовержцемъ и вдохновеннымъ жрецомъ Аполлона. Рѣчь его была посвящена «злѣбъ дня».

«...Помню я одинъ знаменательный вечеръ въ залѣ, когда-то въ Петербургѣ всѣмъ извѣстнаго, художественнаго клуба. Было тѣсно и душно; публика захватила всѣ кресла и занимала всѣ проходы между рядами ихъ. И не мудрено: въ этотъ вечеръ на балюстрадѣ ожидалось появленіе одного изъ корифеевъ тогдашней журналистики. Неистовымъ громомъ рукоплесканій былъ встрѣченъ и провожаемъ этотъ любимецъ интеллигентной толпы, въ особенности молодежи. Когда онъ читалъ, каждое слово его казалось ей

закономъ. И что же было темой его поученій?... Этого нельзя забыть. Онъ проповѣдывалъ, что занятіе поэзіей—сущій вздоръ, пустяки, нѣчто простибельное однимъ только малоумнымъ и пошлымъ людямъ, что пробовать писать, стремиться къ такъ называемому творчеству или художеству—значитъ просто терять золотое время, что все молодое и честное должно отдаться только одному изученію природы, на все же, кромѣ естествознанія, физики, химіи и фізіологіи, не стоитъ обращать никакого вниманія, ибо все остальное¹—не что иное, какъ сумбуръ, метафизика, идеализмъ или никому ненужная эстетика»... Я, разумѣется, молчалъ. Могъ ли я, который въ тѣ знаменательные дни имѣлъ несчастье носить одну изъ самыхъ позорнѣйшихъ кличекъ, кличку поэта, могъ ли я высказать то, что приходило мнѣ въ голову? А мнѣ приходили въ голову стихи Некрасова:

Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
 Что-то лежитъ роковое:
 Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
 Выбрали дѣло другое—
 Не было-бъ точно, согласенъ и я,
 Жалкихъ писаекъ и педантовъ—
 Только бы не было также, друзья,
 Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
 Чтобъ одного возвеличить, борьба
 Тысячи слабыхъ уносить...

«Но и этихъ стиховъ вслухъ не могъ бы я произнести тогда изъ опасенія быть публично осмѣяннымъ. Некрасова герпѣли, какъ поэта тенденціознаго, но многіе отвергали даже и тенденціозную поэзію, даже «Марсельезу» находили ненужной и лишней, что и было высказано въ одной изъ журнальныхъ статей того времени. Вотъ какова была модная злоба тѣхъ дней, и всѣ—за исключеніемъ безмолвствующаго меньшинства—поклонялись ей». Послѣ такого сердитого приступа, гдѣ почтенный ораторъ создалъ силою своего поэгического дара эпизодъ о никогда не бывалой рѣчи указаннаго имъ содержанія, послѣдовалъ головокружительный каскадъ словъ: Пушкинъ, Страховъ, пожаръ Москвы 1812-го года, кулаки, дворянскія усадьбы, тѣнистые сады предковъ; весь этотъ словесный ералашъ долженъ былъ служить къ установленію слѣдующаго факта, замѣченнаго въ общественной жизни маститымъ поэтомъ: «Я не помню времени, когда бы пишущихъ стихи было такое множество, когда бы сборники стихотвореній появлялись въ такомъ количествѣ. Точно на зло всѣмъ злобамъ нашихъ дней, наше русское общество выдѣляетъ изъ себя сотни, тысячи (!) молодыхъ людей, порывающихся въ область поэзіи». Въ заключительной части своей рѣчи г. Полонскій обратилъ вниманіе молодежи на противоположныя другъ другу примѣненія, которыя можно извлечь изъ науки вообще, и заявилъ, что она должна быть подчинена законамъ нрав-

¹Истор. вѣстн., июль, 1896 г., т. LXIV.

ственности, краеугольный камень которой слова Христа: «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя».

Рѣчь Якова Петровича была нѣсколько длинна, несовсѣмъ стройно обнимала собою множество предметовъ и вопросовъ, такъ что оставила въ слушателяхъ довольно смутное впечатлѣніе. Было ясно, что ораторъ стремится, во-первыхъ, опровергнуть мнѣніе о немъ, что «изъ его размышленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія», и, во-вторыхъ, пользуется удобнымъ случаемъ, чтобъ наговорить не лестное по адресу того времени, когда за нимъ не признали званія руководителя общества. Для вѣщаго уязвленія того времени поэтъ прибѣгъ къ нѣсколько предосудительному способу: онъ въ пылу полемики создалъ легенду по поводу содержанія лекціи въ художественномъ клубѣ. Какъ доподлинно извѣстно, лекторъ, Н. Г. Чернышевскій, въ своей рѣчи, посвященной памяти Добролюбова, и не думалъ называть истинной поэзіи сумбуромъ и ненужной эстетикой. Но какъ бы то ни было, Я. П. Полонскій пожалъ лавры: ему тоже прокричали хоромъ «славу» и провозгласили regeat критикѣ шестидесятыхъ годовъ.

Такимъ образомъ, праздникъ «парнасцевъ» вполне удался. Поэты лауреаты получили возможность наговориться въ сласть, свести нужные счета и подкрѣпили утвержденіе г. Перцова, что нынѣ «молодежь повально пишетъ стихи», при чемъ съ трогательной нѣжностью благословили это плодотворное занятіе: продолжайте, моль, намъ пріятно! Объ этомъ торжествѣ г. Сыромятниковъ повѣдалъ публикѣ въ одномъ изъ своихъ (см. выше) воскресныхъ фельетоновъ, гдѣ съ свойственной молодымъ вообще людямъ скромностью отмѣтилъ свою выдающуюся въ торжествѣ роль, рассказалъ, какъ фабриковались подарки маститымъ поэтамъ, сколько хлопотъ выпало на его долю, и какъ онъ все отлично устроилъ къ удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. За всѣ хлопоты г. Сыромятникова молодые литераторы-студенты принесли ему признательность, причемъ похвалили его за ласковое отношеніе къ студентамъ вообще.

Послѣ сдѣланнаго мною описанія литературнаго праздника ознакомимся въ краткихъ чертахъ съ характеромъ тѣхъ подарковъ, которые были поднесены маститымъ поэтамъ, благо, эти самые подарки выставлены для безпрепятственнаго обозрѣнія публики подъ стеклянной витриной, именуемой «Литературный сборникъ произведеній студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета».

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча...

Въ витринѣ гг. студентовъ тоже все есть, и ситець, и парча, и миткаль, и канаусъ, короче всѣ тѣ предметы употребленія, которые по дешевой цѣнѣ продаются въ каждой суровской лавочкѣ; товаръ этотъ недорогъ, но и не Богъ вѣсть какого качества. Мнѣ непонятно, почему старцы-поэты обрадовались такъ сильно этимъ да-

рамъ, и почему они такъ расхвалили способы его производства. Скажи они просто: «намъ не дорогъ вашъ подарокъ, дорога ваша любовь», и я не осмѣлился бы тутъ сказать слова, но, однажды товаръ расхваленъ, и молодежи усиленно рекомендовано дальнѣйшее его производство, я рѣшительно вынужденъ высказать свое несогласіе съ маститыми юбилярами. Мнѣ грустно, что молодежь такъ смѣло и такъ на весь честной народъ открыто выступила ради удовольствія нѣсколькихъ стариковъ-лигеровъ съ такимъ обиліемъ слабой поэзіи и слабой прозы. Кто не шалилъ въ молодыхъ годахъ перомъ? но эти шалости всегда бывали останавливаемы голосами взрослыхъ опытныхъ людей, твердившихъ: «Не торопитесь печататься! Укрѣпите сначала свои умственные силы, выработайте технику рѣчи, запаситесь стойкими убѣжденіями и тогда дерзайте!» Въ такомъ духѣ, напримѣръ, говорилъ Пироговъ студентамъ 1857 года. Но времена измѣнились: студенты показали гг. Майкову, Григоровичу и Полонскому санкціонированныя авторитетнымъ одобреніемъ г. Сигмы свои пробы юнаго пера, и почтенные старцы литературы заторопили молодежь вынести эти пробы на Божій свѣтъ. Не то, чтобъ эти произведенія молодости были ужъ очень плохи (среди профессиональной литературы попадаются порою вещи и еще слабѣе, еще несовершеннѣе!), но тотъ антуражъ, та оправа, въ которую облекли появленіе на свѣтъ этихъ произведеній, никуда не годны, фальшивы до послѣдней степени и бросаютъ на нихъ невѣрный свѣтъ. Не слѣдовало торопить молодежь печататься, не слѣдовало кружить ей голову обѣщаніемъ успѣха и излишними похвалами, не слѣдовало производить шума по поводу ихъ литературнаго зуда. Слѣдовало же ей сказать то, что говорилъ Пироговъ 40 лѣтъ тому назадъ въ аналогичномъ случаѣ, но... тогда, весьма вѣроятно, симпозионъ «парнасцевъ» не состоялся бы. Можетъ быть, тогда не была бы достигнута благотворительная сторона дѣла, но это другой вопросъ — я останавливаюсь лишь на литературно-общественномъ значеніи событія. Дѣло молодежи, пока она въ университетѣ, учиться, вырабатывать свое міросозерцаніе, а не стремиться безъ достаточнаго права на то, минуя лекціи, въ какой-то свѣтлый рай, къ туманному и фантастическому созерцанію Божества. Свѣтлый рай — хорошая вещь, но его нужно заслужить и лучшее средство для того выработка убѣжденій научнымъ путемъ, о коей говорилъ Пироговъ, и которую клали въ основаніе своей университетской жизни студенты первой половины 1880 годовъ. Есть у молодежи свободное время и хочется ей развлечься литературой, есть тяготѣніе къ писанію, — никто ее за то не осудитъ, но пусть это будетъ, до поры до времени, про себя, въ скромной обстановкѣ своихъ кабинетовъ или въ тѣсномъ кругу университетской семьи. Если же студенты хотятъ заявить о себѣ публикѣ, то пусть они и заявляютъ себя, какъ студенты, то-есть скромные служители науки

и младшіе члены единой великой университетской семьи, какъ это и сдѣлали нѣкогда ихъ старшіе братья 1850 годовъ. Пусть аудиторіи не будутъ обращены въ «молодыя роци, начинающія опустаться первымъ распускающимся листомъ», пусть кафедра не будетъ замѣнена жертвенникомъ Аполлона! Пусть молодежь запасается изъ университета тѣмъ, что онъ непосредственно даетъ—научнымъ знаніемъ, а не расплывчатыми смутными мечтаніями о сладости рая!.. Проку отъ такихъ беспочвенныхъ мечтаній никому не будетъ: ни самимъ студентамъ въ ихъ настоящей жизни, ни отечеству отъ нихъ въ будущемъ. Ихъ страсть къ стихотворству—явленіе вовсе не отрадное, и я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Буренина, заявившаго по поводу студенческаго «Сборника» и рѣчей его редакторовъ, что «... замѣчаемое теперь усиленное стремленіе учащейся молодежи къ стихоплетству совсѣмъ не утѣшительно... стихоплетство совсѣмъ не поэзія, стихоплетство вещь вообще жалкая и скучная, а въ неумѣренномъ количествѣ прямо даже нетерпимая. Усиленное стремленіе молодежи къ стихоплетству и усиленный наплывъ въ литературѣ посредственныхъ стихоплетовъ свидѣтельствуется совсѣмъ не о возрожденіи, а объ упадкѣ. Даже смѣшно слышать, какъ разные маститые жрецы Феба своими старческими улыбками привѣтствуютъ нынѣшнюю молодежь за стихоманію и своимъ старческимъ брюзжаніемъ попрекаютъ заднимъ числомъ молодое поколѣніе 1860-хъ годахъ за то, что это поколѣніе въ свое время обнаруживало любовь къ естественнымъ и политическимъ наукамъ, и отнюдь не было заражено стихоманіей? Какое, подумаешь, дурное дѣло въ періодъ школьной жизни заниматься науками и какое превосходное дѣло, отвлекаясь отъ ученья, заниматься кропаньемъ стишковъ»...

Но довольно о значеніи праздника парнасцевъ, устроеннаго г. Сигмой. Я долженъ былъ бы сказать о тѣхъ произведеніяхъ беллетрическихъ и поэтическихъ, которыя исключительно вошли въ составъ «Сборника», но мнѣ не хочется конфузить никого изъ молодежи въ частности, поименно, а такъ какъ въ моемъ распоряженіи слишкомъ мало данныхъ для похвалы, то я дипломатически и въ интересахъ благотворительной цѣли изданія поступлю такъ: я не буду разбирать напечатанныхъ въ «Сборникѣ» произведеній, а обращаюсь къ своимъ читателямъ съ просьбой купить этотъ «Сборникъ», раскошелиться на три всего рубля. Этимъ самымъ они сдѣлаютъ доброе дѣло, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, съ поличнымъ въ рукахъ получатъ возможность провѣрить все то, что мною выше было сказано объ общественномъ значеніи «Сборника» и поэтическомъ торжествѣ гг. Григоровича, Майкова и Полонскаго. Въ заключеніе же настоящаго обзорѣнія теченій молодой литературной мысли я попрошу своихъ читателей послѣдовать за мною изъ аудиторій университета на одну изъ литературныхъ бесѣдъ въ залъ 5-ой

С.-Петербургской гимназіи, гдѣ мы отдохнемъ и отъ напыщенныхъ рѣчей маститыхъ юбиляровъ, и отъ лицеэрѣнія сусальныхъ подарковъ, имъ преподнесенныхъ, и отъ юркихъ хлопотъ распорядителя юбилея, такъ ловко перехватившаго у гг. профессоровъ обтрепанную веревочку съ цвѣтнымъ шарикомъ.

IX.

Изъ нѣкоторыхъ записокъ современниковъ, напимѣрь, В. Стоюнина, мы знаемъ, какое выдающееся значеніе въ исторіи средней школы имѣли въ 1840-хъ годахъ «литературныя бесѣды», гдѣ лучшіе воспитанники старшихъ классовъ читали передъ собраніемъ товарищей и учителей сочиненія на заданную тему. Эти бесѣды служили очень хорошимъ коррективомъ къ плохой тогдашней педагогической системѣ, къ отсутствію порядочныхъ учителей и классныхъ руководствъ. Съ теченіемъ времени, однако, эти бесѣды почему-то были уничтожены, и въ семидесятыхъ годахъ ихъ мѣсто заняли схоластическія упражненія съ центромъ тяжести въ супинахъ, аористахъ и экстемпораліяхъ. При благосклонномъ участіи братушекъ-чеховъ русское юношество разучилось родному языку, русской исторіи, не воспринявъ, однако, въ должной степени духа античной культуры и органически не проникшись красотами супиновъ. Наступилъ періодъ безграмотности и умственной простраціи. «Хорошій признакъ этотъ поворотъ къ поэзіи въ юношествѣ и очень серьезный, ибо онъ вмѣстѣ съ тѣмъ — одинъ изъ признаковъ общаго оздоровленія нашего образованнаго общества», патетически восклицалъ, глядя на разложенные передъ нимъ студенческіе литературные дары Ап. Ник. Майковъ. Я никакъ не могу согласиться съ маститымъ ораторомъ и вижу вмѣстѣ съ другими критиками во всѣхъ этихъ стихахъ гг. студентовъ и молодыхъ поэтовъ, собранныхъ г. Перцовымъ въ сборникъ «Молодая поэзія», не признакъ возрожденія и оздоровленія общества, а упадокъ, умственное ослабленіе и паденіе русской литературы. Вижу это и полагаю причины этихъ печальныхъ явленій въ несомнѣнномъ пониженіи общественнаго уровня, гдѣ въ числѣ важнѣйшихъ фактовъ этого пониженія необходимо отмѣтить упадокъ средней школы. И однажды этотъ уровень нуждается въ поднятіи, однажды мы нуждаемся въ оздоровленіи общества, то необходимо начать съ оздоровленія корней, съ оздоровленія школы. Боюсь быть пророкомъ, но мнѣ кажется, что симптомы этого оздоровленія на лицо: я усматриваю его въ числѣ прочихъ признаковъ въ томъ любопытномъ умственномъ движеніи, которое наблюдается въ настоящее время среди нашихъ гимназистовъ и которое не только не встрѣчаетъ гоненія и преслѣдованія гимназическаго начальства, но даже его поддержку и покровительство. Литературныя

бесѣды, организованныя теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ видахъ выработки просвѣщеннаго міросозерцанія юношества, могутъ имѣть самое благотворное и живительное на нихъ вліяніе; но это вліяніе будетъ, дѣйствительно, живительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если юношеству будетъ предоставлено какъ можно большее поле самостоятельности, и на его молодую душу не ляжетъ печать казенщины и сухого формализма. Пусть мозгъ работаетъ самостоятельно, пусть молодые люди собственными силами, въ живомъ обмѣнѣ мнѣній доходятъ до выводовъ и заключеній. Дѣло руководителей умно, любовно, съ тактомъ и исключительно въ интересахъ юношества и дѣла просвѣщенія, не примѣшивая сюда никоимъ образомъ своихъ служебныхъ интересовъ, направлять ихъ занятія, сглаживая встрѣчающіяся рѣзкости, предостерегая отъ односторонности и неумѣренныхъ увлеченій; при этомъ главнымъ образомъ на обязанности этихъ руководителей должно лежать внушеніе юношамъ любви къ научному знанію, но никакъ не поощреніе безпочвенныхъ и смѣшныхъ исканій «золотого вѣка», «свѣтлаго рая» и невѣдомаго божества. Юноши должны научиться правильно мыслить, дисциплинировать свой мозгъ, а не растлѣваться въ болѣзненныхъ порывахъ и мечтаніяхъ. Чувство красоты не должно быть имъ чуждо, но это чувство должно быть подчинено сознательности; форма не должна быть поставлена выше содержанія, почерпнутаго изъ явленій видимаго и разумно понимаемаго міра.

И вотъ то, что мнѣ удалось вынести изъ литературныхъ бесѣдъ воспитанниковъ 5-й С.-Петербургской гимназіи, въ значительной степени удовлетворило моимъ ожиданіямъ. Я видѣлъ многочисленную группу гимназистовъ, собравшихся въ интересахъ научнаго и литературнаго знанія, сознающихъ свои слабыя еще силы, но желающихъ путемъ серьезнаго труда выработать въ себѣ тѣ убѣжденія, которыя такъ высоко ставилъ Пироговъ. Здѣсь не было погони за эффектомъ, за дешевой и звонкой фразой; я не замѣтилъ здѣсь желанія порисоваться знаніемъ послѣдняго слова западно-европейской психопатической литературы, не замѣтилъ стремленія оригинальничать и нагромождать свѣдѣнія изъ всѣхъ только что прочитанныхъ книжекъ. Все было просто, дѣльно, скромно и научно. Сначала хоръ воспитанниковъ исполнилъ музыкальный №, затѣмъ начиналось чтеніе рефератовъ. Темы для такихъ рефератовъ пріятно изумляютъ своимъ разнообразіемъ. Вотъ «чтеніе о Пиндарѣ и его одѣ», о «воспитательномъ значеніи драмы А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ», о «стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева», вотъ слово, посвященное «памяти Т. Н. Грановскаго», вотъ полубеллетристическій отрывокъ, посвященный «воспоминаніямъ изъ поѣздки на Уралъ»; я съ удовольствіемъ прослушалъ интересный и обстоятельный рефератъ о С. М. Соловьевѣ, о «внутренней политикѣ Ивана Даниловича Калиты», о причинѣ роста Московскаго

государства при Калитѣ. Встрѣчались рефераты по естествознанію, нѣкогда столь преслѣдуемому въ стѣнахъ нашихъ гимназій, напри- мѣръ, объ «Отношеніи между окраской и окружающей средой у животныхъ», и нѣсколько другихъ. Тѣ изъ молодыхъ гимназистовъ, которые чувствуютъ въ себѣ склонность къ поэтической дѣятель- ности, по просьбѣ товарищей, прочли нѣсколько очень милыхъ и содержательныхъ стихотвореній. Стихотвореніе, напри- мѣръ, ученика 7-го класса Б. Палецакаго лучше большинства стихотвореній изъ «Литературнаго Сборника» студентовъ университета. Вотъ оно:

ТОВАРИЦУ-ПОЭТУ.

О, прости, товарищъ, каюсь
 Не постичь мнѣ грезъ твоихъ,
 Я въ безбрежность не пускаюсь:
 У земли паритъ мой стихъ.
 Непонятны твои грезы,
 Безпричинная тоска...
 Посмотри, какія слезы
 Льются въ хатѣ бѣдняка,
 Сколько въ мірѣ есть несчастя,
 Сколько горя есть кругомъ;
 Появись среди ненастья
 Согрѣвающимъ лучемъ,
 Поддержи душою павшихъ,
 Къ цѣли ихъ направь святой,
 Ободри въ пути уставшихъ
 И о братской дружбѣ пой!
 Что твоя тоска предъ горемъ
 Всей страдающей земли?
 Точно капля передъ моремъ,
 Иль былинка средъ степи.

Я не стану разбирать этого стихотворенія. Въ немъ, можетъ быть, найдутся недочеты, но оно несомнѣнно показываетъ, что въ сердцѣ автора звучатъ поэтическія струны, что ему присуща высо- кая отзывчивость и способность чуткимъ сердцемъ отзываться на все окружающее. Я жалѣю, что лишень возможности по недостатку мѣста привести для образца гимназическаго творчества другія очень недурныя стихотворенія, напри- мѣръ, г. Туманиса, но, прошу читателей повѣрить мнѣ на слово, что эти стихотворенія много лучше такихъ студентческихъ произведеній, какъ

Я иду къ невѣдомому Богу...
 Ночь вокругъ и небо въ облакахъ...
 И съ надеждой и съ отчаяньемъ въ глазахъ
 Я иду въ далекую дорогу—
 Я иду къ невѣдомому Богу...

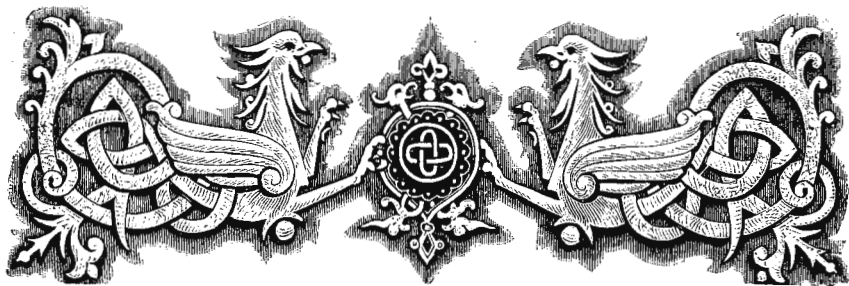
Критическіе и историческіе рефераты учениковъ носили на себѣ несомнѣнно компилятивный характеръ, но это, конечно, не бѣда: стремленіе къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, знаніе источни-

ковъ придетъ впоследствии, а пока хорошо и то, что они добросовѣстно знакомятся съ литературой разнообразныхъ предметовъ и не замыкаются въ какойнибудь тѣсный кругъ, откуда не видать ничего живого. Кромѣ научныхъ рефератовъ и стиховъ, нѣкоторые воспитанники очень мило прочитали отрывки изъ русскихъ классиковъ. Каждый № программы бесѣды сопровождался преніями. Слушатели изъ гимназистовъ дѣлали свои откровенныя замѣчанія, наставники резюмировали сказанное обѣими сторонами, вставляли также свое мнѣніе, и вся бесѣда оживленно шла при напряженномъ вниманіи юной аудиторіи. По окончаніи преній хоръ воспитанниковъ очень стройно пропѣлъ мелодичную «Утреннюю молитву» Мендельсона, и всѣ, оживленные, съ блестящими глазами и раскраснѣвшимися щеками, разошлись по домамъ. Присутствовавшее тутъ же на бесѣдѣ начальство сообщило мнѣ, что по личному почину учениковъ и съ разрѣшенія начальства воспитанники старшихъ классовъ издають журналъ «Разсвѣтъ», редактируемый гимназистомъ же VIII-го класса А. Николаевымъ. Мнѣ удалось видѣть этотъ очень мило отпечатанный въ типографіи «Общественная Польза» журналъ. Это небольшое изданіе, въ 8-ю долю листа и объемомъ въ два печатныхъ листа. Здѣсь печатаются читанные на «Бесѣдѣ» рефераты и стихи, подробная хроника «Бесѣды»; имѣется также отдѣлъ «Замѣчательныхъ мыслей» выдающихся дѣятелей науки и литературы, а также отдѣлы «шарады» и «ариѳмографъ», составленные учениками младшихъ классовъ. Меня не совсѣмъ удовлетворили лишь тѣ руководящія статьи, писанныя юнымъ редакторомъ, гдѣ проглядываетъ претенціозность и желаніе политиканствовать. Это слабая сторона журнала и ее слѣдуетъ отсѣчь, такъ какъ въ ней гнѣздятся элементы, которые все предпріятіе гимназистовъ могутъ обратить въ орудіе, такъ сказать, «гипнотическихъ внушеній». Журналъ издается въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не предназначенъ для распространенія въ публикѣ.

Встрѣча съ гимназистами-литераторами произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе, и я вынесъ изъ бесѣды съ ними гораздо больше удовольствія, нежели отъ пребыванія въ классной комнатѣ г. Перцова или отъ присутствія на торжествѣ студентовъ Петербургскаго университета.

Б. Глинскій.

ПОНЕРЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ¹⁾

IV.

ДОВОЛЕНЪ своимъ пребываніемъ въ Ялуторовскѣ; насъ здѣсь пятеро товарищей; живемъ мы ладно, толкуемъ откровенно, когда собираемся, что случается непремѣнно два раза въ недѣлю: въ четвергъ у насъ, а въ воскресенье у Муравьева. Обѣдаемъ безъ большихъ прихотей вмѣстѣ, потомъ или отправляемся ходить, или садимся за вистъ, чтобъ доставить нѣкоторое развлеченіе нашему старому товарищу, Тизенгаузену, который старъ и глухъ и къ тому же, можетъ быть, по необходимости охотникъ посидѣть за зеленымъ столомъ. Прочіе дни проходятъ въ занятіяхъ всякаго рода, и умственныхъ и механическихъ. Большаго сближенія съ чиновнымъ людомъ у насъ нѣтъ, но вообще всѣ они очень хорошо понимаютъ насъ и оказываютъ всевозможное уваженіе. Бѣда въ томъ, что они народъ все пустой и болѣею частью съ пушкомъ на рыльцѣ; это обстоятельство имъ и мѣшаетъ быть съ нами, зная, что мы явно противъ этого общаго обычая. Одна семья, съ которой часто выдаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человѣкъ добрый и смысленный; пріятно съ нимъ потолковать и пріятно видѣть готовность его на всякую услугу; въ полномъ смыслѣ слова вѣрный союзникъ, исполняетъ наши порученія, выписываетъ намъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIV, стр. 629.

книги, журналы, которые иначе должны были бы съ громкимъ нашимъ прилагательнымъ отправляться въ Tobольскъ, прежде нежели къ намъ доходить. Все это онъ дѣлаетъ съ какимъ-то радушіемъ и пріязнію... Домъ занимаемъ порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяетъ намъ на свой счетъ дѣлать всевозможныя поправки и за это позволеніе беретъ 250 рублей въ годъ. Наружность—нѣчто въ родѣ станціи въ Россіи, но расположеніе удобно. Для насъ ничего лучшаго не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть мѣсто, гдѣ можно быть вмѣстѣ. Давно бы мы здѣсь построили городъ и пахали бы землю, еслибъ съ самаго начала насъ поселили въ одномъ мѣстѣ и дали возможность обзаводиться. И то женатые въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ построили дома, которые потомъ пришлось бросить за бездѣнокъ, да и по городамъ многіе покупали и строили, а потомъ бросали. Все это вмѣстѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ было полезно краю и будетъ на будущее время».

Вотъ какъ описываетъ Ялуторовскую колонію одинъ изъ ея поселщиковъ, Пуцинъ, въ своемъ письмѣ Е. А. Энгельгардту отъ 26 февраля 1848 года ¹⁾. Пятеро товарищей, о которыхъ онъ упоминаетъ, были, кромѣ него самого: Тизенгаузенъ, Якушкинъ, князь Оболенскій и Муравьевъ-Апостолъ. Всѣ они жили тѣсною дружеской семьей, а домъ Муравьева-Апостола служилъ мѣстомъ объединенія. Собственно говоря, Ялуторовская колонія состояла не изъ пяти, а изъ десяти декабристовъ, но они жили тамъ не въ одно время, и когда писалъ Пуцинъ, то уже двое: Враницкій и Ентальцевъ, умерли, баронъ Черкасовъ отправился на Кавказъ, а Басаргинъ, о которомъ мы уже говорили въ числѣ Туринскихъ декабристовъ, еще не прибылъ. Впрочемъ, своимъ вліяніемъ на общественную жизнь не только Ялуторовска, но и всей Западной Сибири, о чемъ свидѣлствуетъ Дмитріевъ-Мамоновъ, эта колонія декабристовъ главнымъ образомъ была обязана Муравьеву-Апостолу и Якушкину, а потому пятеро товарищей, жизнь которыхъ такъ рельефно изобразилъ Пуцинъ, составляли ядро Ялуторовской колоніи и обращаютъ на себя наибольшее вниманіе.

Первымъ изъ нихъ явился въ Ялуторовскъ Тизенгаузенъ, именно въ 1829 г. и первымъ же покинулъ его, возвратясь на родину въ силу особаго высочайшаго повелѣнія въ 1853 году, тогда какъ его друзья должны были ожидать всемилостивѣйшаго манифеста 1856 года, чтобъ распроститься съ Сибирью. Командиръ Полтавскаго пѣхотнаго полка, полковникъ, Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, былъ отнесенъ къ седьмому разряду государственныхъ преступниковъ и за принадлежность къ южному обществу, а также знаніе объ умыслѣ на цареубійство, подвергнутъ годичной каторжной ра-

¹⁾ Письмо И. И. Пуцина къ директору Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардту, «Русскій Архивъ», 1879 г., № 12.

ботѣ, а затѣмъ водворенъ въ Сургутѣ, гдѣ оставался лишь нѣсколько мѣсяцевъ и въ виду его болѣзненнаго состоянія переведенъ въ болѣе южную мѣстность, въ г. Ялуторовскъ. Тамъ еще не находилось въ то время ни одного декабриста, и только годъ спустя прибыли Враницкій и Ентальцевъ. Сначала онъ жилъ безбѣдно, на средства, присылаемыя родственниками изъ Россіи, и даже построилъ себѣ домъ, стоившій до 6,000 ассигнаціями, но этотъ домъ сгорѣлъ, а съ теченіемъ времени присылка денегъ изъ семьи стала все уменьшаться, такъ что онъ былъ вынужденъ просить казеннаго вспомошествованія, которое ему было назначено въ суммѣ 400 руб. ассигнаціями. Кромѣ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, Тизенгаузену пришлось вынести много непріятностей отъ ложныхъ доносовъ городничаго Смирнова, который обвинялъ его въ пороженіи духа ябедничества въ населеніи, въ подстрекательствѣ недобѣрія къ мѣстному начальству и въ склоненіи несовершеннолѣтней воспитанницы вдовы унтеръ-офицера, Шестаковой, къ любовной связи. Строжайшее изслѣдованіе первыхъ двухъ обвиненій вполне доказало ихъ неосновательность, уголовное дѣло, возбужденное по третьему, было прекращено за неимѣніемъ уликъ, а городничій Смирновъ былъ удаленъ. Затѣмъ жизнь Василія Карловича потекла мирно; не смотря на свои старые годы, онъ занимался земледѣліемъ на отведенномъ ему наравнѣ съ другими декабристами 15-ти-десятинномъ участкѣ земли и въ продолженіе всей своей поселенческой жизни, кромѣ того періода, когда его преслѣдовали городничій Смирновъ, постоянно атестовался хорошо мѣстной полиціей и тобольскими губернаторами. 8-го мая 1853 года по всеподданнѣйшему докладу князя Суворова этому семидесятипятилѣтнему старику было дозволено вернуться въ Россію.

Подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ и капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ оба начали свою Ялуторовскую жизнь въ 1836 году и покончили ее въ одно время, спустя двадцать лѣтъ. Они одинаково были приговорены верховнымъ судомъ къ смертной казни за умышленіе на царубійство, но хотя было признано, что каждый изъ нихъ готовился къ совершенію этого преступленія, первый взялъ съ оружіемъ въ рукахъ во время мятежа, а послѣдній самъ принималъ товарищей въ тайное общество, но ихъ судьба до встрѣчи въ Ялуторовскѣ была различна. Муравьевъ-Апостолъ въ виду обнаруженія изъ его переписки, что онъ удерживалъ брата Сергѣя и тайное общество отъ кровопролитія и покушенія на высочайшихъ особъ, сосланъ изъ Петербурга прямо въ Вилюйскъ, а Якушкинъ провелъ десять лѣтъ на каторгѣ въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ. Но не все это время Матвѣй Ивановичъ жилъ въ одномъ Вилюйскѣ, а семь лѣтъ провелъ въ Бухтарминской крѣпости, гдѣ сначала онъ былъ подвергнутъ такому строгому надзору, какъ «извѣстный вольнодумецъ», что ему

не дозволяли выходить изъ крѣпостной ограды, и приставленный къ нему солдатъ не отходилъ отъ него, смотря за его поведеніемъ, но по ходатайству сестры Муравьева, Екатерины Ивановны Бибиковой, ему черезъ годъ было дозволено купить домъ въ форштадтѣ, обзавестись хозяйствомъ и «пользовать жителей медикаментами». Насчетъ же надзора за нимъ было объявлено генераль-губернаторомъ Вельяминовымъ начальнику Омской области, что «присмотръ за государственными преступниками долженъ быть не въ видѣ караула, безвыходно къ нимъ приставленнаго, а секретный, посредствомъ тайнаго надзора, черезъ который комендантъ можетъ всегда имѣть свѣдѣнія о поведеніи Муравьева-Апостола». Впрочемъ, онъ недолго пользовался своимъ новымъ домомъ, который онъ хорошо обмѣлировалъ и устроилъ, такъ какъ изъ донесенія генерала Де-Сентъ-Лорана въ началѣ 1831 года видно, что Муравьевъ-Апостолъ отдалъ свой домъ единственно изъ челоуѣколюбія для помѣщенія семьи члена Бухтарминской таможи, Андреева, а самъ перешелъ на квартиру въ домъ управляющаго таможеню, Крока, съ которымъ и имѣлъ одинъ столъ. Вскорѣ онъ женился на дочери священника изъ дворянъ, Марьѣ Константиновнѣ Константиновой, сиротѣ, воспитывавшейся у своей тетки, г-жи Брантъ, жены другаго чиновника Бухтарминской таможи, но доносы не давали ему покою. Прежде всего поступилъ на него извѣтъ со стороны пакгаузнаго надзирателя, Петрова, въ томъ, что онъ состоялъ въ nepозвопительныхъ связяхъ съ управляющимъ таможеней, Макаровымъ, а когда по основательному разслѣдованію дѣла доносъ оказался ложнымъ, то возникло новое обвиненіе уже со стороны коменданта, Стражникова, который былъ недоволенъ тѣмъ, что Муравьевъ съ женой не хочетъ ближе сойтись съ его семьей и донесъ начальнику Омской области, Петерсону, что «хотя государственный преступникъ Муравьевъ-Апостолъ ведетъ себя хорошо и занимается чтеніемъ на разныхъ діалектахъ книгъ, но имѣетъ гостепріимную связь съ управляющимъ Бухтарминской таможеней Макаровымъ и даже ночными временами». Назначено было слѣдствіе, и посланъ генераль-губернаторомъ Сулимой чиновникъ Масловъ, который не только нашелъ донесеніе коменданта вымышленнымъ и на одной неприязни основаннымъ, но предложилъ взыскать съ него всѣ расходы, затраченные казною по производству слѣдствія. Эта мѣра наказанія была дѣйствительно принята генераломъ Сулимой, а таможенный чиновникъ Петровъ за извѣтъ противъ своего начальника удаленъ со службы и отданъ подъ судъ. Что же касается до Муравьева, то объ его хорошемъ поведеніи доведено до свѣдѣнія его императорскаго величества, и разрѣшенъ его переводъ въ Ялуторовскъ. «Поселясь въ этомъ городѣ, Матвѣй Ивановичъ, по словамъ Дмитріева-Мамонова, приобрѣлъ въ собственность небольшой деревянный домъ и велъ скромную семейную жизнь, зани-

маясь хозяйствомъ на отведенномъ ему участкѣ земли, а также подаемъ медицинской помощи бѣднымъ. Не имѣя дѣтей, Муравьевы-Апостолы воспитывали двухъ сиротъ дѣвочекъ недостаточныхъ родителей, отечески заботясь объ ихъ образованіи и воспитаніи; обученіе воспитанницъ разнымъ предметамъ производилось подъ руководствомъ Матвѣя Ивановича и ближайшаго его друга, однополчанина и товарища, Ивана Дмитріевича Якушкина».

Этотъ энергичный помощникъ Муравьева-Апостола въ его полезной дѣятельности въ Ялуторовскѣ прибылъ туда за нѣсколько дней до своего друга, черезъ Иркутскъ, гдѣ ему были выданы изъ присланныхъ родственниками 1.000 р. только 200 р., а остальные уже пересланы кн. Горчаковымъ по мѣсту поселенія. Интересенъ постатейный списокъ вещей Якушкина, которыя доставлены въ новое мѣсто его жительства: его имущество состояло изъ 98 книгъ, 112 штукъ бѣлья, одного тулупа, одного чекменя, трехъ панталонъ, трехъ куртокъ, двухъ паръ сапогъ и двухъ одѣялъ. «Получая изъ Россіи, — говоритъ Дмитріевъ-Мамоновъ, — достаточныя матеріальныя средства для безбѣднаго существованія, Иванъ Дмитріевичъ велъ въ Ялуторовскѣ скромную, но дѣятельную жизнь, оставивъ своей полезной дѣятельностью самую лучшую о себѣ память среди сибирскаго населенія. Во время своей жизни въ Ялуторовскѣ, онъ частью занимался хозяйствомъ, но преимущественно первоначальнымъ обученіемъ дѣтей. Съ цѣлью распространенія грамотности среди сибирскаго населенія имъ устроены были въ городѣ Ялуторовскѣ двѣ школы, одна въ 1842 г. для мальчиковъ, другая въ 1846 г. для дѣвочекъ, въ которыхъ дѣти обучались по методѣ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера. Эти частныя школы существовали до времени его выбытія изъ Ялуторовска въ Россію. Приобрѣта своимъ трудолюбіемъ и дѣятельностью по распространенію грамотности общую любовь и уваженіе населенія, онъ умѣлъ располагать къ себѣ мѣстныя административныя власти, въ зависимости отъ которыхъ находилась его общественная публичная дѣятельность. Поэтому за все 14-ти-лѣтнее существованіе школъ, онъ ни разу не подвергался преслѣдованію за свою педагогическую дѣятельность ни путемъ доноса, ни путемъ прямого полицейскаго стѣсненія, напротивъ того, въ снисходительности мѣстной власти онъ какъ бы встрѣчалъ поощреніе къ развитію предпринятаго имъ дѣла». Такъ въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ тобольскими губернаторами, показывалось, что Якушкинъ «занимается хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ», чѣмъ, по справедливому замѣчанію Дмитріева-Мамонова, администрація видимо укрывала дѣйствительную дѣятельность Ивана Дмитріевича. Относительно же аттестациі обоихъ, какъ Муравьева-Апостола, такъ и Якушкина, то равно мѣстная полиція и тобольскіе губернаторы отзывались о нихъ, какъ о лицахъ приѣмнаго поведенія.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ тотъ самый другъ Пушкина, о которомъ въ «Лицейской годовщинѣ» говорится:

. . . . . а поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ.

Прямо изъ лицея онъ поступилъ на службу въ московскій на-
дворный судъ, что дало поводъ Пушкину написать, хотя потомъ и
зачеркнутыя, слова въ томъ же стихотвореніи:

«Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ».

Затѣмъ, какъ членъ Сѣвернаго Общества, онъ лично участвовалъ
въ 14-мъ декабрѣ и за это участие, а также за одобреніе выбора лица,
предназначеннаго къ царевубійству, былъ приговоренъ къ смертной
казни, которая была, однако, замѣнена каторжными работами. Про-
бывъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ до 1839 года, онъ былъ во-
дворенъ въ Туринскѣ, а затѣмъ черезъ четыре года переведенъ въ
Ялуторовскъ, гдѣ въ первые годы жилъ вмѣстѣ съ своимъ товари-
щемъ декабристомъ, Оболенскимъ. Мы уже привели отрывокъ изъ
его письма, представляющій полную характеристику ялуторовской
колоніи, и намъ остается только прибавить, что Пущинъ велъ жизнь
очень тихую и, по словамъ хорошо аттестовавшаго его мѣстнаго
начальства, «ничѣмъ не занимался, кромѣ чтенія книгъ». Дѣйстви-
тельно, по его собственному свидѣтельству, онъ читалъ очень много,
все, что попадалось, даже запрещенныя книги, но этимъ не доволь-
ствовался: поддерживалъ каждую почту переписку съ родными и
друзьями, письма которыхъ переплеталъ въ томы, а также перево-
дилъ записки Франклина и исторію Паскаля. Кромѣ этого, онъ, по-
добно своимъ товарищамъ, лѣчилъ мѣстныхъ жителей, по поводу
чего саркастически замѣчалъ: «Масса принимаетъ всѣхъ насъ
за лѣкарей и скорѣе къ намъ прибѣгаетъ, чѣмъ къ штатному док-
тору, который всегда или въ большей части пьянъ и даромъ не
хочетъ пошевелиться; иногда одной магнезіей вылѣчишь, и репу-
тація сдѣлана, такъ что потомъ насилу можешь отговориться, когда
является что нибудь серьезное, гдѣ надобно дѣйствовать съ зна-
ніемъ дѣла, или по крайней мѣрѣ ученымъ образомъ портить и мо-
рить». Что Пущинъ, подобно всѣмъ поселщикамъ ялуторовской
общины, заботился о благѣ мѣстнаго населенія, доказываетъ между
прочимъ тотъ фактъ, что онъ просилъ Энгельгардта прислать изъ
Петербурга планъ устройства купальни съ двумя отдѣленіями, муж-
скимъ и женскимъ, такъ какъ они намѣревались устроить на То-
болѣ общественную ванну, что, по его замѣчанію, «было бы пріятно
для всего города». Все въ томъ же любопытномъ и очень харак-
теристичномъ письмѣ, Пущинъ высказываетъ и свой взглядъ во-
обще на сибирскіе порядки и мѣстное населеніе: «Управленіе въ
Ялуторовскѣ то же самое, что и за Ураломъ; въ одномъ только су-

щественная, коренная выгода—нѣтъ крѣпостныхъ. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имѣеть необыкновенно полезное вліяніе на край и, безъ сомнѣнія, подвинетъ его впередъ въ Россіи. Я смо-тру не иначе на Сибирь, какъ на Американскіе Штаты: богата она всѣми царствами природы. Измѣните нѣсколько постановленія—все пойдетъ улучшаться... Въ несчастныхъ нашихъ чиновникахъ и здѣсь есть страсть, только что дослужатся до коллежскаго ассесора, тотчасъ заводитъ дворню, но болѣею частью эта дворня по смерти коллежскаго ассесора получаетъ свободу, потому что дѣти не имѣютъ права владѣть, родившись прежде этого важнаго чина. Вообще здѣсь почти нѣтъ помѣщиковъ, есть двѣ-три маленькія деревеньки въ Тобольской губерніи, но и тамъ невольнымъ образомъ помѣщики не могутъ наслаждаться своими правами; стараются владѣть самымъ скромнымъ образомъ. Сосѣдство свободныхъ селеній имъ бѣльмо на глазу. Народъ здѣсь смысленый, довольно образованный сравнительно съ Россіей за малыми исключеніями; не встрѣчаете большой нищеты; живутъ опрятно, дома очень хороши, ѣдятъ какъ нельзя лучше». Отличаясь слабымъ здоровьемъ, Пущинъ часто болѣлъ и два раза, съ разрѣшенія высшаго начальства, ѣздилъ лѣчиться въ Тобольскъ и на Туркинскія воды за Байкаломъ, причемъ всѣ расходы на эти поѣздки приняты на казенный счетъ.

Товарищъ Пущина по квартирѣ въ Ялуторовскѣ, князь Евгений Петровичъ Оболенскій, старшій адъютантъ командующаго всей пѣхотой гвардейскаго корпуса, былъ одинаково отнесенъ къ первой категоріи государственныхъ преступниковъ, приговоренъ къ смертной казни, а затѣмъ сосланъ на каторжныя работы и чрезъ тринадцать лѣтъ водворенъ сначала въ Иркутской губерніи, потомъ въ Туринскѣ, а наконецъ въ Ялуторовскѣ. Матеріальная сторона его жизни была вполне обезпечена, благодаря высылаемымъ родственниками деньгамъ, и спустя три года онъ женился на вольноотпущенной дѣвицѣ, Варварѣ Барановой, послѣ чего уже перешелъ съ нею въ отдѣльный домъ, гдѣ жилъ, по свидѣтельству мѣстной полиціи, примѣрнымъ образомъ, занимаясь хозяйствомъ и чтеніемъ духовныхъ книгъ. Это, однако, не помѣшало высшему начальству возбудить въ 1853 г. дѣло объ его благонадежности. Весь сыръ-боръ загорѣлся отъ того, что въ письмѣ къ другому декабристу, Сергѣю Петровичу Трубецкому, жившему въ Иркутскѣ, онъ говорилъ: «Къ членамъ нашей колоніи присоединился временно и нашъ славный Свербѣевъ... онъ самъ писалъ тебѣ о причинѣ временной своей колонизаціи между нами, и въ утѣшеніе скажу, что его пребываніе не было бесплодно; онъ прибылъ къ намъ въ сильномъ изнеможеніи, но уѣдетъ съ новыми силами и, надѣюсь, въ бодромъ духѣ... Много слезъ уже пролито и много теплыхъ молитвъ вознесено. И ты и другіе исполнили свое назначеніе, оставивъ большіе плоды». Эти слова показались графу Орлову подозрительными, и, препрово-

дивъ выписку изъ письма Оболенскаго съ подчеркнутыми словами къ генераль-губернатору Западной Сибири, Гасфорду, онъ предложилъ потребовать объясненіе ихъ у государственнаго преступника. Тотъ, конечно, все выяснилъ очень просто, и оказалось, что Свербѣевъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ у генераль-губернатора Восточной Сибири, родственникъ Оболенскаго, былъ вынужденъ остановиться въ Ялуторовскѣ по причинѣ воспаленія глазъ, и Оболенскій посовѣтовалъ ему лѣчиться у доктора Борщевскаго, который избавилъ его отъ потери зрѣнія. Что касается до послѣднихъ словъ выписки, то они касались до свирѣпствовавшей тогда въ Тобольской губерніи холеры. вмѣстѣ съ этимъ письменнымъ отвѣтомъ самого Оболенскаго, ялуторовскій городничій, Поповъ, донесъ, что во время болѣзни Свербѣева дѣйствительно его навѣщали государственные преступники, но до свѣдѣнія его не дошло ни о какихъ разговорахъ, которые могли бы навлекать на него какое нибудь подозрѣніе. Что же касается до самого Оболенскаго, то по заключенію мѣстнаго начальства онъ былъ «поведенія примѣрнаго, въ образѣ мыслей скромнѣе, религіознѣе и вообще жизнью своей не навлекалъ на себя ни малѣйшаго подозрѣнія, которое требовало бы усиленія надъ нимъ надзора». Графъ Орловъ вполне удовлетворился полученными разъясненіями и прекратилъ возбужденную имъ переписку.

Изъ ялуторовскихъ декабристовъ всего менѣе жилъ въ этомъ городѣ Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части, который за принадлежность къ тайному обществу былъ сосланъ на поселеніе въ Пелымъ, гдѣ онъ находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что, по словамъ мѣстнаго начальства, «съ трудомъ вставалъ съ постели, въ пищу употреблялъ ломоть чернаго хлѣба съ квасомъ въ сутки и то, когда принесутъ: самъ, если не подадутъ, хотя бы болѣе сутокъ прошло уже, не попросить; другихъ припасовъ покупать не приказывалъ и денегъ на сіе не выдавалъ, а когда его спросятъ, не угодно ли что нибудь, то отъ него услышать лишь отзывъ: «сами знаете», а болѣе ни слова». Переведенный въ 1820 году по высочайшему повелѣнію въ Ялуторовскъ, какъ городъ по южнѣе, Враницкій продолжалъ болѣть, и единственнымъ близкимъ къ нему человѣкомъ былъ прибывшій въ одно время съ нимъ на поселеніе декабристъ Ентальцевъ, а въ 1832 году онъ умеръ. Самому Ентальцеву также пришлось скончаться въ этомъ городѣ, но спустя тринадцать лѣтъ. Андрей Васильевичъ Ентальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты, принадлежалъ къ южному обществу и за знанье объ умыслѣ царевубійства былъ сосланъ на каторжныя работы, гдѣ оставался годъ, а затѣмъ поселенъ въ Березовѣ, куда послѣдовала за нимъ и жена его Александра Васильевна. Имѣя достаточныя матеріальныя средства, они купили себѣ небольшой деревянный домъ и не только жили лучше другихъ товарищей,

но помогали бѣднѣйшимъ жителямъ сѣвернаго края. Для услугъ они имѣли при себѣ трехъ дворовыхъ крѣпостныхъ людей, привезенныхъ съ собою г-жею Ентальцевой. Переведенные согласно своему ходатайству въ Ялуторовскъ, они и тамъ купили себѣ помѣстительный домъ, но жизнь ихъ отличалась длиннымъ рядомъ несчастій, благодаря различнымъ доносамъ. О доносѣ князя Друцкаго-Горскаго мы уже говорили, но онъ былъ не одинъ. Еще ранѣе подавъ былъ на Ентальцева извѣтъ въ томъ, что онъ находился въ тѣсной связи съ протопопомъ Варгуновымъ и ведетъ вмѣстѣ съ нимъ торговлю, на что отпустилъ ему 8,000 рублей ассигнаціями, но по изслѣдованію и это обвиненіе оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Впослѣдствіи его снова обвиняли, преимущественно городничій Смирновъ, въ прелюбодѣянніи съ крѣпостной его жены, Пелагеей, въ тѣсной связи съ засѣдателемъ мѣстнаго суда, Маевымъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ крестьянами, которыхъ онъ возбуждаетъ противъ начальства, и въ храненіи въ амбарѣ пушекъ, которыя, вѣроятно, подготовлены къ прибытію наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича, путешествовавшаго въ то время по Сибири. Всѣ эти ябеды оказались столь же голословными, какъ первыя: пятьдесятъ свидѣтелей подтвердили, что Ентальцевъ ничего предосудительнаго не дѣлалъ, а если входилъ въ сношенія съ окрестными крестьянами, то для подаенія имъ помощи лѣкарствами и деньгами. Что же касается до страшныхъ пушекъ, то онѣ оказались четырьмя старыми лафетами безъ колесъ, купленными Ентальцевымъ у какой-то чиновницы единственно для желѣза. Хотя въ концѣ-концовъ Ентальцевъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ ложныхъ обвиненій, но они такъ мучили и терзали его, что у него стали проявляться симптомы душевной болѣзни, а когда къ этимъ непріятностямъ присоединилось еще разстройство финансовъ, благодаря приостановленію высылки ему родственниками денегъ, то онъ подвергся въ 1841 году тихому помѣшательству. Въ 1845 году онъ умеръ, но его бѣдная жена оставалась еще двѣнадцать лѣтъ въ Ялуторовскѣ, такъ какъ ей дозволили вернуться въ Россію лишь послѣ всемілостивѣйшаго манифеста.

Послѣдній ялуторовскій декабристъ, баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части, также какъ Ентальцевъ, принадлежалъ къ Южному Обществу, былъ сосланъ на каторжныя работы, черезъ годъ водворенъ въ Березовѣ и, наконецъ, переведенъ въ Ялуторовскъ. Не смотря на его скромный образъ жизни и постоянно хорошую аттестацію мѣстнаго начальства, онъ все-таки подвергся съ другими товарищами несправедливому доносу князя Друцкаго-Горскаго. Наконецъ, въ 1837 г., ему было разрѣшено съ многими другими декабристами поступить рядовымъ на Кавказъ.

V.

Курганская колонія декабристовъ состояла изъ десяти человѣкъ: предварительно двое изъ нихъ — Назимовъ и Фохтъ, отнесенные верховнымъ судомъ къ 8-му разряду, были поселены первый въ Березовѣ, а послѣдній въ Витимѣ; баронъ Розень, принадлежавшій къ 5-му разряду, Лореръ и Нарышкинъ — къ 4-му, пребыли на каторгѣ 6 лѣтъ; Лихаревъ и Бригенъ, приговоренные по 7-му разряду, находились по году на каторжныхъ работахъ, а затѣмъ водворены: первый въ Кондинскѣ, а второй въ Пелымѣ; Повало-Швейковский и князь Щепинъ-Ростовскій, признанные виновными по 1-му разряду, провели 13 лѣтъ на каторгѣ, а Кюхельбекеръ, также по 1-му разряду, содержался 13 лѣтъ въ крѣпости, а затѣмъ водворенъ въ Акшинскѣ, Иркутской губерніи. Прибывали они въ Курганъ въ разное время отъ 1830 по 1845 годъ, при чемъ первымъ былъ Назимовъ, а послѣднимъ Кюхельбекеръ. Большинство ихъ покинуло колонію въ 1837 году, поступивъ рядовыми на Кавказъ, именно: Назимовъ, Розень, Нарышкинъ, Лореръ и Лихаревъ, двое умерло: Фохтъ и Повало-Швейковский; одинъ, князь Щепинъ-Ростовскій, подошелъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ 1856 г.; наконецъ двое переведены: Бригенъ на службу въ Туринскъ, а Кюхельбекеръ для излѣченія болѣзни въ Тобольскъ.

Основателемъ колоніи былъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ, штабсъ-капитанъ конно-піонернаго эскадрона; получая достаточныя денежныя средства отъ своихъ родственниковъ, онъ не только купилъ себѣ домъ за 2,005 рублей ассигнаціями и отремонтировалъ его хозяйственнымъ образомъ, на что пошло до 4,000 рублей, но щедро помогалъ своимъ товарищамъ и бѣдному мѣстному населенію. «Всегдашнюю готовность придти на помощь ближнему, — говоритъ Дмитріевъ-Мамоновъ: — при твердыхъ нравственныхъ правилахъ жизни и тѣмъ расположеніемъ, которое онъ приобрѣлъ себѣ отъ городского населенія Кургана и отъ мѣстнаго административнаго начальства, какъ совершенно вѣрно свидѣтельствуютъ его товарищи по ссылкѣ (между прочимъ, баронъ Розень въ своихъ запискахъ), онъ, будучи однимъ изъ первыхъ государственныхъ преступниковъ, водворенныхъ въ Курганѣ, приготовилъ своимъ товарищамъ, поселеннымъ тамъ впослѣдствіи, самый лучший приемъ и самое выгодное мнѣніе о нихъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, что естественно не мало облегчало имъ тяжесть ссылки». Получивъ земельный надѣлъ, Назимовъ еще расширилъ свое хозяйство и самъ обрабатывалъ свой участокъ; кромѣ того, онъ много читалъ, писалъ и чертилъ планы, какъ домовъ, строившихся въ городѣ, такъ и церквей для Кургана и окрестныхъ деревень. Единственный товарищъ Назимова въ первые два года его жизни въ колоніи, штабсъ-капитанъ азовскаго

пѣхотнаго полка, Иванъ Ѳедоровичъ Фохтъ, избралъ себѣ спеціальностью лѣчение и свой участокъ земли отдалъ въ пользованье Розену. Онъ исключительно читалъ медицинскія книги, завелъ аптеку и удачно пользовалъ, по словамъ Розена, «горожанъ и поселянъ сложными, сильными лѣкарствами, чѣмъ доставлялъ себѣ средства къ жизни». Но, конечно, онъ никогда не отказывался подавать бѣднымъ безвозмездную помощь совѣтами и лѣкарствами, благодаря чему оставилъ по себѣ добрую память среди населенія. Это даровое лѣченіе было тѣмъ замѣчательнѣе, что самъ Фохтъ нуждался въ матеріальныхъ средствахъ и получалъ пособія отъ казны; только въ послѣдніе годы его бѣдственное положеніе нѣсколько улучшилось, и онъ сталъ получать ежегодно отъ княгини М. Н. Волконской по 200 рублей и одновременно отъ ея брата А. Н. Раевского и сестры Е. Н. Орловой 1,000 и 500 рублей, при чемъ эти деньги препровождались иркутскимъ губернаторомъ для выдачи «государственному преступнику въ видѣ подаенія». Не смотря на свое удачное лѣченіе другихъ, Фохтъ страдалъ хроническимъ недугомъ, тщетно ѣздилъ лѣчиться по разрѣшенію начальства въ Тобольскъ и умеръ въ 1842 году. Хотя онъ наравнѣ съ Ентальцевымъ и Черкасовымъ подвергся ложному доносу князя Друцкаго-Горскаго, но мѣстная полиція и тобольскіе губернаторы всегда отзывались о немъ хорошо, а насчетъ Назимова они выражались не иначе, какъ о «лицѣ, отличавшемся примѣрнымъ образомъ жизни».

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго полка, женатый на единственной дочери героя 1812 года, графа Коновницына, которая послѣдовала за нимъ въ Сибирь, составлялъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ въ Ялуторовскѣ центръ Курганской колоніи. Пользуясь большими связями и сочувствіемъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ, Нарышкины были обставлены на поселеніи лучше другихъ. Получивъ отъ московскаго генералъ-губернатора, князя Д. М. Голицына письмо съ просьбой оказать милостивое попеченіе Нарышкину, какъ брату всѣми уважаемой въ Москвѣ княгини Евдокіи Михайловны Голицыной, генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Вельяминовъ, отвѣчалъ, что онъ принимаетъ къ исполненію ходатайство и сочтетъ для себя особеннымъ счастьемъ, если будетъ имѣть возможность оказать Нарышкину какое либо облегченіе въ его участи. Поэтому не только его женѣ было дозволено купить домъ за 5,650 рублей и употребить на его обстановку 4,000 рублей, а также получать въ годъ по 3,000 рублей,— на имя ея и мужа постоянно пересылались изъ Россіи цѣнные посылки со всевозможными предметами: такъ въ 1834 году къ нимъ пришелъ цѣлый транспортъ, состоявшій изъ четырехъ дворовыхъ людей, одной женщины и пяти дѣтей для услугъ, 5 заводскихъ лошадей Пашковскаго завода съ упряжью, картинъ, ковровъ, раз-

ныхъ колониальныхъ товаровъ и т. д. Располагая такимъ образомъ значительными матеріальными средствами, Нарышкины прибѣгали на помощь бѣдному населенію и, по словамъ Розена, «Михаилъ Михайловичъ часто разѣзжалъ по деревнямъ и помогаль нуждающимся, гдѣ могъ», а съ другой стороны у нихъ находили товарищи самый радушный пріемъ и всякое содѣйствіе. Каждую пятницу у Нарышкиныхъ собиралась вся колонія и проводила по нѣсколько часовъ въ самой пріятной бесѣдѣ. Оба, какъ хозяинъ, такъ и хозяйка, отличались блестящимъ образованіемъ, утонченной любезностью и добротой, которая между прочимъ выразилась въ томъ, что еще въ Читѣ они взяли на воспитаніе маленькую дѣвочку, которую бѣдная мать должна была бросить на произволь судьбы изъ боязни мужа, во время продолжительнаго отсутствія котораго родился ребенокъ. Главнымъ занятіемъ Нарышкина было улучшение сибирскаго коневодства, и съ помощью приведенныхъ изъ Россіи лошадей, а также полученнаго на мѣстѣ приплода, онъ развелъ въ Сибири рысистую породу. «На этомъ поприщѣ,—замѣчаетъ Дмитріевъ-Мамоновъ,—онъ былъ первымъ дѣятелемъ въ Западной Сибири, стремившимся къ разведенію улучшенныхъ породъ лошадей; къ сожалѣнію, за скорымъ отъѣздомъ его изъ Сибири, начатое имъ дѣло государственной пользы, тѣсно связанное съ экономическимъ благосостояніемъ населенія, совершенно упало, не имѣя надлежащихъ руководителей». вмѣстѣ съ Нарышкиными жилъ Н. И. Лореръ, майоръ Вятскаго пѣхотнаго полка, хотя онъ самъ имѣлъ достаточныя матеріальныя средства и не занимался земледѣліемъ, отдавая свой участокъ для эксплуатаціи товарищамъ. «Лореръ, разсказываетъ Розенъ, никогда не унывалъ и былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ; богатый запасъ анекдотовъ, передаваемыхъ имъ мастерски съ примѣсю словъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, а также съ особенными оборотами рѣчи, хоть не всегда грамматическими, заставляли часто смѣяться отъ всего сердца».

Владимиръ Николаевичъ Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части, былъ болѣзненный человекъ и съ разрѣшенія начальства долго лѣчился въ Тобольскѣ; по словамъ Розена, когда онъ вернулся въ Курганъ, то получилъ извѣстіе, что его жена, оставшаяся въ Россіи, вышла замужъ, и это обстоятельство такъ его сокрушило, что онъ не могъ, или не хотѣлъ употребить съ пользой свои блестящія способности, при большомъ запасѣ познаній. Сначала Лихаревъ получалъ средства изъ семьи, а потомъ этотъ источникъ изсякъ, и онъ впалъ въ долги, что подало поводъ высшему начальству разсмотрѣть вопросъ о кредитоспособности декабристовъ; генералъ-губернаторъ Сулима приказалъ объявить чрезъ распубликованіе «всѣмъ градскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобъ государственнымъ преступникамъ никто довѣренности въ кредитъ ни денегъ, ни вещей не дѣлалъ, а если и за симъ кто будетъ давать симъ преступни-

кавъ въ одолженіе деньги, то оныя не будутъ имъ платить». «Но эти распоряженія, говоритъ Дмитріевъ-Мамоновъ, остались безъ всякаго результата: большинство декабристовъ были безъ средствъ, нуждались даже часто въ пропитаніи и въ ничтожномъ пособіи, но все это были люди, пользовавшіеся симпатіями сибирскаго населенія, всегда оказывавшаго имъ услуги; если же сибирское населеніе давало пріютъ и матеріально помогало государственнымъ преступникамъ изъ числа декабристовъ, то эти преступники никогда не злоупотребляли симпатіями населенія». Столь же плохимъ здоровьемъ, какъ Лихаревъ, отличался и Александръ Ѳедоровичъ фонъ-дербъ-Бриггенъ, отставной полковникъ. Но, находясь на поселеніи въ Цельмѣ, онъ долго тщетно просился въ болѣе южный климатъ, и самъ императоръ Николай написалъ по поводу одной изъ его просьбъ: «Начали все проситься, надобно быть осторожнѣе въ согласіи на это, въ особенности нынѣ». Наконецъ ему дозволили не только перейти въ Курганъ, но и поступить тамъ на службу въ штатъ суда. Спустя десять лѣтъ, онъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы и опредѣленъ на классную должность засѣдателемъ Курганскаго окружнаго суда. вмѣстѣ съ своими служебными обязанностями, Бриггенъ занимался переводомъ Юлія Цезаря, изданіе котораго взялъ на себя Жуковскій, выславшій Бриггену черезъ генерала Дубельта деньги за работу—714 рублей 26 копеекъ. По несчастію, служебная дѣятельность Бриггена кончилась въ Курганѣ очень печально, и онъ попалъ подъ судъ со всеми членами курганскаго окружнаго суда за противозаконныя дѣйствія, и хотя это дѣло окончилось административнымъ взысканіемъ, но его все-таки перевели по высочайшему повелѣнію въ Туринскъ засѣдателемъ суда «за неумѣстныя его званію сужденія и заносчивое поведеніе». Это, однако, не мѣшало тобольскимъ губернаторамъ до и послѣ его суда атеговать его съ самой лучшей стороны, наравнѣ съ его товарищами Нарышкинымъ, Лореромъ и Лихаревымъ.

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, сдѣлавшійся лѣтописцемъ Курганской колоніи въ своихъ мемуарахъ, напечатанныхъ хотя и не въ полномъ видѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ», служилъ до 14-го декабря, въ которомъ онъ принималъ личное участіе, поручикомъ Финляндскаго полка и былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Малиновской. Она послѣдовала за нимъ въ Сибирь и въ виду того, что каждый изъ нихъ получалъ по 1.000 рублей въ годъ, кромѣ единовременныхъ суммъ, какъ, напримѣръ, 2.900 рублей на покупку дома въ Курганѣ и 1.500 рублей на ремонтъ, Розены были вполне обеспечены, тѣмъ болѣе, что постоянно получали отъ родственниковъ партіи чая, сахара, свѣчей, крупы, сукна, холста, мѣховъ и т. д. Но не смотря на поддержку вліятельныхъ людей, именно командира кавказскаго корпуса барона Г. В. Розена и его начальника штаба, генерала Вальховскаго, женатаго на сестрѣ Анны Ва-

силевны, имъ было отказано въ просьбахъ о разрѣшеніи купить за 10.000 рублей участокъ земли для устройства крупнаго хозяйства съ цѣлью дать средства къ существованію дѣтямъ, прижитымъ ими въ Сибири. По словамъ самого Розена, императоръ Николай вмѣсто отвѣта сказалъ только командиру кавказскаго корпуса на его личное ходатайство: «Розенъ хочетъ жить въ Сибири помѣщикомъ», а Дмитріевъ-Мамоновъ приводитъ текстъ оффиціального увѣдомленія графомъ Чернышевымъ генерала Сулима, что «государь императоръ изволилъ найти неудобнымъ дозволить г-жѣ Розенъ купить землю на 10.000 рублей, ибо по цѣнамъ, существующимъ въ Сибири, она можетъ приобрести на сію сумму обширное пространство земли, для обработыванія которой необходимо должна нанимать постороннихъ людей, или отдавать въ наймы, а сіе, давъ ей нѣкоторый видъ помѣщицы и поставивъ ее въ необходимость входить въ сношенія разнаго рода, по положенію ея неприличныя, было бы несообразно цѣли существующихъ правилъ о государственныхъ преступникахъ и женахъ ихъ, послѣдовавшихъ за ними въ Сибирь». Однако, эти ходатайства Розеновъ не остались безъ послѣдствій, и въ 1835 году было пожаловано каждому изъ поселенныхъ декабристовъ по земельному участку. Тогда Розенъ всецѣло предался сельскому хозяйству не только на своемъ участкѣ, но и на сосѣднихъ съ нимъ трехъ участкахъ, уступленныхъ ему товарищами въ пользованіе. «60 десятинъ воздѣланной земли, — рассказываетъ онъ, — составляли большое поле для дѣятельности. Съ городской стороны мое поле было окаймлено озеромъ, и берегъ его песчаный, солонцоватый, не произращаль даже травы: это бесплодное мѣсто я удобрилъ огромной кучей золы, выброшенной изъ мыловареннаго завода въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; это удобреніе въ два года принесло пользу. Поле было такъ близко отъ города, что я пѣшкомъ могъ дойти туда въ четверть часа. Пашни были превосходны по природному свойству своему, почва черноземная и хотя такая почва не терпитъ удобренія, я унавозилъ нѣсколько десятинъ подъ горохъ, который удался на-чудо. Изъ земледѣльческихъ орудій я употреблялъ такъ называемый двуконный сибирскій плугъ, устроенный въ родѣ бельгійскаго, весьма легкій и удобный. Слѣдя совѣтамъ Теэра, ввелъ я эксцирпаторъ, еще катокъ изъ листовичнаго тяжелаго дерева и особеннаго устройства желѣзныя бороны. Трехпольное хозяйство обратилъ я въ многопольное и плодоперемѣнное. Нѣкоторыя попытки были удачны; только гималайскій ячмень и картофель росли такъ худо, что едва воротилъ сѣмена». Отпустивъ изъ Кургана на родину двухъ крѣпостныхъ людей, послѣдовавшихъ за Анной Васильевной въ Сибирь, Розены нанимали прислугу и работниковъ изъ ссыльныхъ, которые вели себя честно и усердно за небольшую плату отъ 3 рублей до 5 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, а въ страд-

ную пору приглашались до ста человѣкъ мѣстныхъ поселянъ на помощь за угощенье. Въ виду дешевизны хлѣба, Розенъ не могъ имѣть значительнаго дохода отъ земледѣлія, но скотоводство вознаграждало его трудъ. Въ концѣ декабря 1836 года Розенъ упалъ на своемъ дворѣ, вывихнулъ себѣ ногу, и не смотря на всѣ принятыя мѣры, онъ болѣе полугода мучился, такъ какъ переписка о разрѣшеніи ему поѣздки въ Tobольскъ для лѣченія затянулась безконечно. Однако, по его собственнымъ словамъ, нѣтъ худа безъ добра, и его несчастье послужило поводомъ къ удаленію изъ Сибири не только его, но и ближайшихъ его товарищей.

5-го іюня 1837 года совершилось необычайное для этого отдаленнаго края событіе: путешествовавшій въ то время по Сибири государь наслѣдникъ, будущій Царь-Освободитель, посѣтилъ Курганъ. Хотя строго было запрещено допускать государственныхъ преступниковъ до высокаго гостя, и сопровождавшій его генераль-адъютантъ, А. А. Кавелинъ, объявилъ Розену, что доставить ему свиданіе съ великимъ княземъ онъ не можетъ, но согласился передать ему прошеніе; по причинѣ очень краткаго пребыванія въ Курганѣ цесаревича только впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, и то ночью и рано утромъ, такого прошенія не успѣли написать, но Жуковский, сопровождавшій своего державнаго воспитанника и посѣтившій Розена, взялъ все дѣло на себя, а главное, состоявшій при великомъ князѣ, лейбъ-медикъ, Енохинъ, по просьбѣ вліятельныхъ родственниковъ Розена въ Петербургѣ, посмотрѣлъ ногу больного и объявилъ, что у него былъ вывихъ бедра, о чемъ, вѣроятно, довелъ до свѣдѣнія наслѣдника. Какъ бы то ни было, собираясь къ обѣднѣ передъ отъѣздомъ, великій князь сказалъ жандармскому штабъ-офицеру: «Скажите этимъ господамъ (разумѣя декабристовъ), чтобъ они были у обѣдни, тамъ я могу ихъ видѣть». Въ церкви дѣйствительно выстроилась вся курганская колонія, и цесаревичъ, по словамъ Розена, нѣсколько разъ оглядывался на нихъ со слезами на глазахъ и совершенно особенно наклонился и осѣнилъ себя знаменемъ креста, когда священникъ произнесъ молитву о «недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ и о спасеніи ихъ». Онъ настолько не чуждался ссыльныхъ, что когда состоявшій при немъ полковникъ В. И. Назимовъ попросилъ у него позволенія навѣстить ссыльнаго Назимова, то онъ, какъ передаетъ Розенъ, сказалъ: «Я очень радъ, что ты имѣешь случай навѣстить родственника, который въ несчастьѣ». Тотъ же Розенъ говоритъ, что на возвратномъ пути великій князь въ Саратовѣ увидѣлъ его младшаго брата, артиллерійскаго офицера, и спросилъ его: «Имѣете ли родственника въ Сибири?». А на утвердительный отвѣтъ его прибавилъ: «Радуюсь, что могу вамъ передать, что видѣлъ брата вашего, хотя онъ на костыляхъ, но здоровье его можетъ поправиться, а я уже просилъ за него государя императора». Дѣйствительно ли,

какъ сообщаетъ Розень, наслѣдникъ отправилъ съ перваго ночлега послѣ Кургана фельдъегеря къ императору съ просьбой освободить курганскую колонію ссыльныхъ, и дѣйствительно ли государь, получивъ это письмо, выразился: «Этимъ господамъ путь въ Россію черезъ Кавказъ», или ничего этого не происходило, но во всякомъ случаѣ черезъ три мѣсяца Розень и его ближайшіе друзья уже ѣхали на Кавказъ въ качествѣ рядовыхъ. Покидая Курганъ, гдѣ они жили пять лѣтъ, Розены, по словамъ Дмитріева-Мамонова, оставили по себѣ хорошую память своей благотворительностью и безвозмезднымъ лѣченіемъ бѣдныхъ; даже мѣстное начальство питало уваженіе къ Андрею Евгеньевичу и всегда отзывалось съ самой лучшей примѣрной стороны.

Не таковы были отношенія между городскими властями и княземъ Дмитріемъ Александровичемъ Щепинымъ-Ростовскимъ, штабсъ-капитаномъ Московскаго полка, который поселился въ Курганѣ, уже послѣ того, какъ главное ядро декабристской колоніи исчезло. Материально обеспеченный и ничѣмъ специально не занимавшійся, онъ велъ праздную жизнь стараго холостяка и, отличаясь вспыльчивымъ, несдержаннымъ характеромъ, приходилъ въ частыя столкновенія съ полиціей; городничій обвинялъ его въ противозаконномъ образѣ мыслей, хотя на слѣдствіи оказалось, что извѣтъ этотъ ни на чемъ не основанъ, а, напротивъ, губернаторомъ было сдѣлано замѣчаніе городничему за его произвольныя дѣйствія и превышенія власти по надзору за государственными преступниками, но все-таки долго о Щепинѣ начальство отзывалось, какъ о лицѣ не совсемъ спокойнаго характера, и стало его хорошо аттестовать только въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ былъ пораженъ нервнымъ ударомъ и впалъ въ болѣзненное состояніе. Постоянно болѣли и остальные два курганскіе декабриста: Иванъ Семеновичъ Поваловъ-Швейковскій, полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, коллежскій ассесоръ, товарищъ Пушкина по лицу. Первый умеръ въ Курганѣ въ 1845 г., пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, и тамъ похороненъ, а послѣдній жилъ всего одинъ годъ въ Смоленской слободѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, съ женой Доросидой Ивановной и двумя малолѣтними дѣтьми. Сначала онъ приобрѣлъ себѣ небольшой крестьянскій домъ и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, но тяжелая болѣзнь у него развивалась такъ быстро при его стѣсненныхъ матеріальныхъ средствахъ, частью происходившихъ отъ запрещеній печатать даже безъ означенія имени своихъ сочиненій, что, наконецъ, ему разрѣшили въ началѣ 1846 г. отправиться на излѣченіе въ Тобольскъ. Но уже было поздно, и онъ умеръ въ этомъ городѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Его бѣдная вдова вернулась въ Курганъ, гдѣ и жила съ дѣтьми, получая отъ казны пособіе въ 114 р. 28¹/₄ к. въ годъ.

VI.

Тобольская колонія декабристовъ состояла такъ же, какъ Ялуторовская, изъ десяти человекъ, при чемъ половина ихъ была поселенцами, а остальные служили въ различныхъ должностяхъ; къ первымъ относились: Семеновъ, Свистуновъ, Анненковъ, Муравьевъ и Вольфъ, а къ послѣднимъ князь Барятинскій, два брата Бобрищевы-Пушкины, фонъ-Визинъ и Краснокутскій. Селились они отъ 1836 г. по 1845 г., а покинули Тобольскъ пятеро: Семеновъ, князь Барятинскій, Муравьевъ, Вольфъ и Краснокутскій, благодаря смерти, а остальные въ виду сепаратныхъ высочайшихъ повелѣній или всемилостивѣйшаго манифеста. Что касается до ихъ судимости, то Семеновъ вовсе не судился верховнымъ судомъ, а по высочайшему повелѣнію за участие въ дѣлахъ тайнаго общества былъ выдержанъ четыре мѣсяца въ крѣпости и высланъ въ дальнюю Сибирь «для употребленія на службу», безъ лишенія чиновъ; Свистуновъ, Анненковъ и Вольфъ, отнесенные верховнымъ судомъ къ 2-му разряду государственныхъ преступниковъ, провели 10 лѣтъ на каторгѣ, князь Барятинскій по 1 разряду—13 лѣтъ, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, Муравьевъ и фонъ-Визинъ по 4 разряду—10 лѣтъ; а Краснокутскій и Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ по 8 разряду—были сосланы предварительно въ Якутскъ и Туруханскъ.

Старѣйшимъ изъ тобольскихъ поселщиковъ былъ Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ, отставной генераль-майоръ, который послѣ каторги провелъ 4 года на поселеніи въ Красноярскѣ. Вполнѣ обеспеченный матеріально братомъ, который высылалъ ему по 2,000 р. асигнаціями въ годъ, кромѣ добавочныхъ суммъ, на устройство хозяйства, и живя вмѣстѣ съ женой, послѣдовавшей за нимъ въ Сибирь, фонъ-Визинъ хорошо устроился въ Тобольскѣ, купилъ себѣ небольшой домъ, и хотя велъ скромный образъ жизни, но его жилище по радушію и гостепрѣмству было мѣстомъ объединенія для всѣхъ его товарищей декабристовъ. Однако, добрѣйшіе и любящіе Михаилъ Александровичъ и Наталія Дмитріевна, урожденная Апухтина, съ которой Пушкинъ списалъ свою Татьяну въ «Евгеніи Онѣгинѣ», этимъ не довольствовались и посвящали себя поданію помощи какъ бѣдному тобольскому населенію, такъ и другимъ сосланнымъ въ Сибирь лицамъ по польскому мятежу и дѣлу Петрашевскаго, а потому, по свидѣтельству Дмитріева-Мамонова, они оба оставили въ Западной Сибири самую добрую о себѣ память, и нынѣ не угасшую. Въ особенности Наталія Дмитріевна, женщина энергичная, увлекающаяся, вела жизнь дѣятельную; съ одной стороны она занималась хозяйствомъ домашнимъ и устроила прекрасный садъ, съ оранжереей, гдѣ были даже ананасы, а съ другой—дѣлами общественной благотворительности и воспитаніемъ пріемышей, послѣ того какъ у

нея умерли, прижитыя въ Сибири, двое дѣтей. Очень интересную картину того интеллектуальнаго просвѣтительнаго центра, которымъ былъ домъ фонъ-Визиныхъ, рисуетъ М. Францева въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1882 г.; между прочимъ, по ея словамъ, они получали разные журналы русскіе и иностранныя, слѣдили за политикой и вообще за всѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ; все ихъ интересовало, а ихъ умныя, увлекательныя бесѣды были весьма поучительны. Конечно, той значительной роли, которую фонъ-Визины играли въ Tobольскѣ, много способствовали ихъ связи съ сильными міра сего, а въ особенности родственныя отношенія Натальи Дмитріевны съ женой генералъ-губернатора Западной Сибири, князя Горчакова, которая видѣлась съ нею ежедневно. Благодаря хлопотамъ брата Михаила Александровича въ Петербургѣ, ему было, наконецъ, высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено, въ 1853 г., возвратиться въ Россію и жить въ имѣніи брата въ Московской губерніи.

Такое же разрѣшеніе покинуть Сибирь прямо, а не черезъ Кавказъ, получили еще братья Бобрищевы-Пушкины и то за нѣсколько мѣсяцевъ до всемилостивѣйшаго манифеста, но побудительная причина къ тому была самая плачевная: одинъ изъ нихъ страдалъ разстройствомъ разсудка, а другой былъ почти лишенъ зрѣнія. Оба они служили до 14-го декабря поручиками квартирмейстерской части, и первый изъ нихъ, Николай Сергѣевичъ, сосланъ прямо изъ Петропавловской крѣпости на поселеніе въ Туруханскъ, Енисейской губерніи, куда, по словамъ Францевой, его провели изъ Иркутска пѣшкомъ на лыжахъ. Тамъ онъ жилъ совершенно одинъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и претерпѣвая постоянную нужду въ матеріальныхъ средствахъ; положеніе его было настолько тяжелое, что онъ долго не вынесъ этой дальней, суровой ссылки и сошелъ съ ума. Тогда его перевели въ Красноярскъ и помѣстили въ больницѣ, такъ какъ по временамъ съ нимъ дѣлались буйныя припадки; даже въ спокойныя минуты онъ несъ чепуху, говорилъ несвязными стихами и рассказывалъ о придуманныхъ имъ средствахъ взять Константинополь. Печальную картину несчастнаго страдальца въ этой больницѣ рисуетъ Розенъ въ своихъ запискахъ. Въ скоромъ времени онъ водворенъ былъ въ Красноярскѣ для совмѣстнаго жительства съ братомъ, а въ 1840 году ихъ перевели въ Tobольскъ, гдѣ они сначала жили вмѣстѣ, но когда буйныя припадки у старшаго брата начали усиливаться, то его были вынуждены помѣстить на отдѣльной квартирѣ, подъ бдительнымъ надзоромъ прислуги. Въ этомъ положеніи, которое мало-по-малу смѣнилось тихой мономаніей, Николай Сергѣевичъ прожилъ 17 лѣтъ и, странно сказать, во все это время находился подъ надзоромъ полиціи, которая постоянно доносила объ его хорошемъ поведеніи наравнѣ со всѣми другими его товарищами-декабристами, хотя и прибавляла: «поведенія хорошаго,

сколько помѣшательство ума позволяетъ». Возвращенный вмѣстѣ съ братомъ въ Россію и поселившись въ деревнѣ у сестры ихъ, помѣщицы Тульской губерніи, онъ пережилъ, какъ сообщаетъ Розенъ, Павла Сергѣевича и до своей послѣдней минуты не вѣрилъ въ смерть брата. Что касается до Павла Сергѣевича, то онъ жилъ въ Тобольскѣ у своего товарища декабриста, Свистунова, такъ какъ, не получая никакихъ средствъ отъ родственниковъ, находился наравнѣ съ несчастнымъ братомъ въ большой нуждѣ, но это не мѣшало ему помогать другимъ, именно онъ предался изученію гомеопатіи и безвозмездно лѣчилъ все бѣдное населеніе Тобольска. «Въ особенности, — говоритъ Дмитріевъ-Мамоновъ: — обширна была его дѣятельность въ 1848 году, когда свирѣпствовала въ городѣ холера; онъ въ періодъ наибольшаго развитія эпидеміи съ самоотверженіемъ оказывалъ бѣдному, беспомощному населенію пособія какъ медицинскими средствами, такъ и уходомъ за трудно-больными; эта гуманная дѣятельность на пользу ближняго привлекла общія симпатіи къ нему, а тобольская администрація не ставила препятствій къ развитію избранной имъ дѣятельности». Чрезвычайно симпатичный портретъ этого замѣчательнаго человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на служеніе ближнему, рисуется Францева въ своихъ воспоминаніяхъ; «цѣлыми днями, — рассказываетъ она, — Павелъ Сергѣевичъ разѣзжалъ по своимъ бѣднымъ паціентамъ въ маленькомъ тюльбери, запряженномъ также маленькой лошадкой, прозванной въ Тобольскѣ «конькомъ-горбункомъ», и всюду его встрѣчали съ радостью, всюду онъ подавалъ помощь своими медицинскими средствами, при чемъ, не боясь заразы во время холеры, самъ растиралъ больныхъ и сажалъ ихъ въ ванну; но этого мало: добрымъ словомъ и сердечнымъ участіемъ онъ утѣшалъ и ободрялъ больныхъ». Кромѣ этого, Павелъ Сергѣевичъ, человѣкъ очень образованный, отзывчивый на все и чрезвычайно искусный на всякое дѣло, былъ и поэтомъ, перекладывая звучными стихами псалмы, и архитекторомъ, составляя планы для любой постройки, и столяромъ, и закройщикомъ. Но, конечно, главная основная черта всей его тобольской дѣятельности, оставившая по себѣ въ Западной Сибири самыя лучшія, благодарныя воспоминанія, была его пламенная, безграничная любовь къ несчастнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Къ сожалѣнію, его преданное служеніе страждущему человѣчеству печально отразилось на его вообще слабомъ здоровьѣ, и онъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Тобольскѣ былъ часто боленъ и почти лишился зрѣнія.

Остальные двое изъ декабристовъ поселенцевъ, князь Александръ Петровичъ Бяргинскій, штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, и Семень Григорьевичъ Краснокутскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ сената, очень недолго жили въ Тобольскѣ: первый четыре года, а второй только два и тамъ умерли

отъ тяжелыхъ недуговъ. Несчастное положеніе кн. Барятинскаго еще ухудшалось матеріальнымъ неимѣніемъ средствъ, такъ какъ онъ получалъ отъ сестры всего 500 р. ассигнаціями въ годъ и потому вынужденъ былъ помѣститься въ больницу приказа общественнаго призрѣнія. Хотя Краснокутскій не провелъ многихъ лѣтъ на картонѣ, какъ Барятинскій, и пользовался значительными денежными средствами, но, живя на поселеніи сначала въ Якутскѣ, а потомъ въ Минусинскѣ, онъ подвергся нервному удару, и мало-по-малу у него совершенно отнялись ноги, такъ что, переведенный въ Тобольскъ, онъ уже не покидалъ постели, за исключеніемъ рѣдкихъ посѣщеній церкви, куда его возили въ особенно устроенной тачкѣ, въ которой онъ лежалъ и во время литургіи.

Въ числѣ «государственныхъ преступниковъ», находившихся на службѣ въ Тобольскѣ, также умерли тамъ трое: Семеновъ, Александръ Михайловичъ Муравьевъ и Вольфъ. Происходя изъ духовнаго званія, Степанъ Михайловичъ Семеновъ воспитывался въ Орловской семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ, откуда вышелъ магистромъ и служилъ экспедиторомъ въ канцеляріи С.-Петербургскаго генераль-губернатора, до 14 декабря. За участіе въ тайномъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ секретаремъ, Семеновъ былъ высланъ въ Сибирь на службу. Управляющій Омской областью Де-Сентъ-Лоранъ назначилъ его окружнымъ судьей въ Устькаменогорскъ, но генераль-губернаторъ, Капцевичъ, отмѣнилъ это назначеніе на томъ основаніи, что Семеновъ присланъ въ Сибирь въ наказанье, а наказанье не иначе облегчается, какъ по заслугамъ, давать же Семенову классное мѣсто судьи значить его награждать, чего нельзя, пока онъ на самомъ дѣлѣ не докажетъ своего усердія. Поэтому онъ получилъ въ томъ городѣ мѣсто сначала канцелярскаго чиновника, а затѣмъ столоначальника. Въ 1827 году, его перевели въ Омскъ, но тамъ онъ подвергся доносу, который въ продолженіе года замедлилъ его дальнѣйшее движеніе по службѣ, но когда оказалось несправедливымъ взведенное на него обвиненіе въ стремленіи разрушить общественное спокойствіе, то Сентъ-Лоранъ поручилъ ему сопровождать по Омской области знаменитаго Гумбольдта. Однако это благосклонное довѣріе высшаго начальства къ государственному преступнику было признано въ Петербургѣ не соответствующимъ положенію, которое должны занимать сосланные въ Сибирь за наказанье, и потому по высочайшему повелѣнію приказано было употребить Семенова по усмотрѣнію генераль-губернатора Западной Сибири на службу въ отдаленномъ мѣстѣ безъ права выѣзда. Вслѣдствіе этого онъ былъ опредѣленъ снова канцелярскимъ служителемъ въ Туринскій окружной судъ. Только черезъ восемь лѣтъ также по высочайшему повелѣнію ему было разрѣшено получить штатную должность и слѣдующій чинъ. Тогда кн. Горчаковъ перевелъ его въ Тобольскъ, и тамъ онъ сначала былъ

столоначальникомъ въ канцеляріи главнаго управленія Западной Сибири, а затѣмъ совѣтникомъ губернскаго правленія; это послѣднее мѣсто онъ сохранилъ до своей смерти и постепенно дослужился до чина статскаго совѣтника. Не смотря на то, что Семеновъ такимъ образомъ занималъ значительные служебные посты въ провинціальной администраціи, онъ постоянно находился подъ надзоромъ полиціи, аттестовавшей его очень хорошо. «Въ Тобольскомъ губернскомъ управленіи, въ которомъ Степанъ Михайловичъ служилъ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, по словамъ Дмитріева-Мамонова, сохранилось самое лучшее о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ и чиновникѣ со стойкими, независимыми и честными убѣжденіями. Эта твердость убѣжденій, которою онъ не поступался ни предъ мнѣніями своихъ сослуживцевъ, ни предъ предложеніями губернаторовъ и предписаніями генераль-губернаторовъ, часто порождала непріятныя для него служебныя столкновенія. Къ характеристикѣ личности Семенова нельзя не упомянуть; что во все время служенія своего въ Сибири онъ не только никогда не надѣвалъ мундира, но даже не имѣлъ ни мундира, ни виць-мундира, а всегда являлся на службу въ черномъ сюртукѣ, а зимою вмѣсто шубы носилъ овчинный тулупъ».

Александръ Михайловичъ Муравьевъ, корнетъ кавалергардскаго полка, по отбытіи каторжныхъ работъ провелъ девять лѣтъ на поселеніи въ деревнѣ Урикѣ, близъ Иркутска, а въ 1845 году переведенъ въ Тобольскъ и опредѣленъ писцомъ 4-го разряда безъ содержанія въ канцелярію губернскаго правленія. На этомъ скромномъ служебномъ поприщѣ онъ все-таки стремился принести возможную пользу своимъ трудомъ и, откомандированный въ опѣочную комиссію, такъ усердно исполнялъ возложенныя на него обязанности, что получилъ офиціальную благодарность генераль-губернатора, а за полезную дѣятельность въ комиссіи по разсмотрѣніи проекта законоположенія о бродягахъ и кочевыхъ инородцахъ, переведенъ въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей; въ 1852 же году онъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Располагая большими средствами и получая отъ своей матери, вдовы бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, значительныя денежныя суммы чрезъ князя Горчакова, Александръ Михайловичъ жилъ въ Тобольскѣ на широкую ногу съ своей семьей, состоявшей изъ его жены Жозефины Адамовны, урожденной Брашманъ, на которой онъ женился еще на поселеніи въ Восточной Сибири, гдѣ она проживала гувернанткой, и двухъ дѣтей. Домъ его былъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, и, по рассказамъ Францевой, Муравьевы принимали все мѣстное общество, устраивая балы и маскарады; въ лѣтнее время они переѣзжали на дачу въ живописный Ивановскій монастырь въ десяти верстахъ отъ Тобольска, куда къ нимъ постоянно пріѣзжали знакомые изъ города. Конечно, Муравьевъ употреблялъ свои

крупныя денежныя средства не только на свѣтскія удовольствія, но постоянно помогали нуждавшимся товарищамъ декабристамъ, а для бѣднаго населенія Тобольска онъ и его добрая жена были настоящими благодѣтелями особенно въ тяжелую годину холерной эпидеміи 1848 года, унесшей въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ до тысячи жертвъ. Къ общему горю, здоровье Александра Михайловича съ 1849 года сильно разстроилось, а всѣ просьбы о дозволеніи ему и женѣ выѣхать въ Россію для лѣченія остались безъ удовлетворенія; когда же наконецъ въ 1853 году состоялось высочайшее повелѣніе о переводѣ его на службу въ Курскъ, то оно уже не застало его въ живыхъ. Онъ умеръ и похороненъ на Тобольскомъ кладбищѣ. Спустя годъ, его женѣ и дѣтямъ разрѣшено было вернуться въ Россію. Объ оставшемся послѣ Александра Михайловича наслѣдствѣ стали ходить такіе преувеличенные слухи, что наконецъ управляющій III Отдѣленіемъ, Дубельтъ, просилъ генераль-губернатора Гасфорда доставить свѣдѣнія, дѣйствительно ли Муравьевъ оставилъ своему семейству два милліона, и какимъ образомъ онъ приобрѣлъ такую сумму, если эти свѣдѣнія справедливы. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что по духовному завѣщанію, Александръ Михайловичъ оставилъ женѣ и дѣтямъ 258,941 рубль серебромъ, хранившіеся въ московскомъ опекуновомъ совѣтѣ и внесенные туда его матерью.

Вмѣстѣ съ Муравьевыми жилъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, который съ ними былъ переведенъ въ Тобольскъ изъ Иркутской губерніи. Служа до 14-го декабря штабъ-лѣкаремъ при главной квартирѣ 2-й арміи, онъ получилъ по особому высочайшему повелѣнію разрѣшеніе заниматься частной медицинской практикой, чѣмъ и занимался какъ въ Уриксѣ, такъ и въ Тобольскѣ, а съ 1852 года онъ исполнялъ безвозмездно обязанности врача тобольскаго тюремнаго замка, такъ что его слѣдуетъ отнести къ числу декабристовъ, находившихся на службѣ. Еще въ Восточной Сибири, Фердинандъ Богдановичъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своей широко разившейся благотворительной дѣятельностью, безвозмездной медицинской помощью жителямъ даже далеко расположенныхъ отъ мѣста его водворенія мѣстностей и пользовался общей любовью къ нему благодарнаго населенія, а въ Тобольскѣ его медицинская практика стала еще обширнѣе, особенно во время холеры. Большую часть своихъ скромныхъ матеріальныхъ средствъ, которыя онъ приобрѣталъ этой практикой, не получая пособія ни отъ казны, ни отъ родственниковъ, онъ затрачивалъ на приобретеніе медицинскихъ пособій и новыхъ руководствъ, за которыми всегда слѣдилъ, и на оказаніе помощи своимъ бѣднымъ пациентамъ. Послѣ смерти своего друга Муравьева и отъѣзда въ Россію его семьи, бѣдный Вольфъ остался совершенно одинокимъ и, вскорѣ заболѣвъ, умеръ 24-го декабря 1854 г.

Друзья Муравьева и Вольфа, Свистуновъ и Анненковъ, недолго

оставались послѣ нихъ въ Сибири, такъ какъ подошли подѣ всемилостивѣйшій манифестъ 1856 г. Оба они были вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ корнетами кавалергардскаго полка и послѣ каторги находились на поселеніи въ Иркутской губерніи, хотя въ разныхъ мѣстахъ. Затѣмъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ водворенъ въ Курганѣ, а въ 1841 г. переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ опредѣленъ на службу канцелярскимъ служителемъ 4-го разряда въ губернское управленіе, а впослѣдствіи письмоводителемъ губернскаго статистическаго комитета. Въ 1849 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, а по назначеніи въ 1852 г. тобольскимъ губернаторомъ Т. Ф. Прокопьева, Петръ Николаевичъ сдѣлался ближайшимъ его сотрудникомъ по открытію тобольской маринской женской школы и завѣдовалъ ея хозяйственной частью. Не смотря на его болѣе чѣмъ скромное служебное положеніе, высшее начальство постоянно обращалось къ нему за совѣтами по разнообразнымъ отраслямъ административной дѣятельности. Благодаря полному матеріальному обезпеченію, Свистуновъ устроилъ себѣ прекрасный большой домъ и широко, гостеприимно жилъ тамъ со своей женой, дочерью курганскаго исправника, и двумя дѣтьми. Высокообразованный и отличаясь воспримчивымъ умомъ, онъ получалъ массу иностранныхъ и русскихъ журналовъ, такъ что находился на высотѣ интеллектуальнаго прогресса Европы; кромѣ того, онъ былъ отличнымъ музыкантомъ, устраивалъ у себя концерты и по просьбѣ архіерея завѣдывалъ хоромъ пѣвчихъ, которые пѣли, между прочимъ, сочиненную имъ обѣдню.

Иванъ Александровичъ Анненковъ сначала поступилъ на службу копистомъ въ Туринскій земскій судъ, а затѣмъ переведенъ въ Тобольскъ и, какъ товарищи, зачисленъ канцелярскимъ служителемъ 4-го разряда губернскаго управленія. Впослѣдствіи онъ былъ постепенно ревизоромъ поселеній Тобольской экспедиціи о ссыльныхъ, засѣдателемъ приказа о ссыльныхъ и наконецъ засѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія, при чемъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Имѣя хорошія средства, онъ жилъ въ Тобольскѣ широко съ женою Прасковьею Егоровной Гейбель, которая невѣстой послѣдовала за нимъ въ Сибирь, и тремя дѣтьми, которымъ онъ далъ прекрасное воспитаніе. По словамъ Дмитріева-Мамонова, «Иванъ Александровичъ оставилъ по себѣ въ Тобольскѣ самыя лучшія воспоминанія какъ среди сослуживцевъ, такъ и среди городскихъ жителей, относившихся съ уваженіемъ къ его твердымъ независимымъ убѣжденіямъ и нравственнымъ качествамъ».

Въ сущности слѣдовало бы еще прибавить къ служившимъ въ Тобольскѣ декабристамъ и Александра Николаевича Муравьева, который былъ губернаторомъ, такъ какъ, по словамъ Розена, онъ вмѣстѣ съ другими товарищами декабристами былъ приговоренъ верховнымъ судомъ къ каторжной работѣ, которая была ему замѣ-

нена ссылкой на жительство въ Сибирь, гдѣ сначала онъ служилъ городничимъ въ Верхнеудинскѣ и совѣтникомъ губернскаго правленія въ Иркутскѣ. Но Дмитріевъ-Мамоновъ его не вноситъ въ списокъ такъ тщательно и сочувственно охарактеризованныхъ имъ 39 декабристовъ Западной Сибири, а потому и мы только вскользь упомянемъ его имя, для бѣльшей полноты.

Если изъ этого очерка общественной дѣятельности декабристовъ въ Западной Сибири нельзя не вывести заключенія, что они дѣйствительно были пионерами просвѣщенія въ этой отдаленной окраинѣ Россіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ невольно возбуждается вопросъ: какимъ образомъ подобными пионерами просвѣщенія сдѣлались государственные преступники? На это лучшимъ отвѣтомъ служатъ слова императора Александра I, сказанныя имъ по выслушаніи доклада князя Васильчикова въ Москвѣ, въ 1821 году, о существованіи политическаго заговора и тайныхъ обществъ: «*Mon cher Wassilchikoff, vous qui êtes a mon service depuis le comencement de mon regne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs*». (Любезный Васильчиковъ, находясь на моей службѣ съ самаго начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія). А послѣ продолжительнаго молчанія государь прибавилъ: «*Ce n'est pas à moi à sévir*». (Не мнѣ карать)¹).

В. Тимирязевъ.

¹) Русскій Біографическій Словарь. Статья Н. К. Шильдера: Александръ I. Сиб. 1896 г. I томъ. Стр. 868.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ А. К. ЖИЗНЕВСКОМЪ.

ЕДАВНО (19 марта 1896 г.) въ Твери скончался одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей русской археологической науки, страстный собиратель русскихъ древностей и большой знатокъ мѣстной старины, тверской старожиль, Августъ Казимировичъ Жизневскій. По крайнему моему убѣжденію, покойный Августъ Казимировичъ представлялъ собою, во всѣхъ отношеніяхъ, въ такой степени замѣчательное явленіе среди застоя русской провинціальной жизни, что я почитаю непремѣннымъ долгомъ посвятить эти немногія строки на страницахъ «Историческаго Вѣстника» воспоминанію о свѣтлой, прекрасной и крайне-симпатичной личности покойнаго. Ограничусь при этомъ только моими личными воспоминаніями объ Августѣ Казимировичѣ и общеою характеристикою его, какъ человѣка и ученаго, насколько я его успѣлъ узнать изъ моихъ личныхъ сношеній и переписки съ нимъ, дивившейся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Съ фактами біографіи и формулярнымъ спискомъ покойнаго я совсѣмъ незнакомъ; не знаю, когда онъ родился, гдѣ воспитывался и учился, и какъ попалъ на службу въ Тверь, какъ пристрастился къ своей археологической специальности и вылился окончателно въ ту форму, въ которой сталъ вполнѣ ствѣіи извѣстенъ всѣмъ, кто хоть сколько нибудь интересовался изученіемъ русскихъ древностей вообще, а тѣмъ болѣе мѣстныхъ тверскихъ древностей. Я познакомился съ нимъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда ему было, вѣроятно, уже лѣтъ за шестьдесятъ, и онъ успѣлъ уже создать себѣ своею дѣятельностью въ такой степени прочную и почетную извѣстность, что—быть въ Твери для ознакомленія съ городомъ, и не быть у А. К. Жизневскаго оказывалось совершенно невысказаннымъ и невысказаннымъ дѣломъ.

Не помню, въ 1878 или 1879 г., но помню, что въ самый разгаръ моего увлеченія изученіемъ мѣстныхъ русскихъ древностей, я, по пути изъ Москвы въ Петербургъ, остановился въ Твери и захотѣлъ ознакомиться съ тверскимъ музеемъ, который тогда помѣщался (не знаю, помѣщается ли теперь?) въ зданіи губернской гимназіи. Мнѣ заявилъ какой-то сторожъ, что музей запертъ, и бываетъ открытъ только по такимъ-то днямъ, а на мое возраженіе, что я прїѣзжій и вечеромъ уѣду изъ Твери, онъ нашелся сказать только одно:

— Развѣ, что, ежели генераль для васъ открыть позволить? У нихъ извольте справиться?

— Какой генераль?

— А г-нъ Жизневскій... Какъ же! Они вѣдь тутъ главный начальникъ.

Имя А. К. Жизневскаго мнѣ было извѣстно по «Трудамъ» археологическихъ съѣздовъ и по «Древностямъ» московскаго археологическаго общества, но встрѣчаться съ нимъ мнѣ не удалось, а упоминаніе о его генеральскомъ чинѣ меня немного смутило... Я подумалъ: идти-ли беспокоить его превосходительство изъ-за моего желанія осмотрѣть музей? Да еще какъ онъ меня приметъ?.. Пожалуй, это «настоящій генераль»?..

Сторожъ замѣтилъ мои колебанія и при этомъ прибавилъ:

— Да вѣдь это тутъ близѣхонько... Вонъ домъ ихній!.. Извольте, я васъ провожу—они же теперь дома.

Такое безцеремонное отношеніе сторожа къ «генералу» меня нѣсколько ободрило, и я послѣдовалъ его указаніямъ.

Десять минутъ спустя, я звонилъ у дверей генерала и впущенъ былъ въ прехорошенькую приемную его квартиры, блиставшую педантическою чистотою и уставленную превосходными, тщательно-воспитанными и выхолощенными тропическими растеніями. Минуту спустя, Августъ Казимировичъ вышелъ ко мнѣ, и я увидаль передъ собою бодрого, свѣжаго, чистенькаго старичка, обворожительно милого и простого въ обращеніи. Онъ тотчасъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, мы познакомились и разговорились, и пять минутъ спустя я уже, смѣясь, рассказывалъ ему, какъ сторожъ музея зашугалъ меня его «генеральствомъ».

Оказалось, что я ничѣмъ не могъ оказать почтенному старцу такого удовольствія, какъ выразивъ ему желаніе ознакомиться съ тверскимъ музеемъ—любимымъ дѣтищемъ его, которое онъ создалъ, выхолилъ и вынянчилъ, для котораго безкорыстно и усердно трудился всю жизнь, не жалѣлъ ни времени, ни затратъ, ни усилій... Само собою разумѣется, что онъ тотчасъ же вызвался самъ меня въ музей проводить и мнѣ показать его во всей подробности. Полчаса спустя, мы были уже въ музей, и онъ, какъ самый добро-совѣстный чичероне, описывалъ мнѣ всѣ достопримѣчательности

своего древлекранилища, сопровождая свои указанія любопытными данными о мѣстѣ нахождения той или другой древности, о томъ, какъ и черезъ кого именно, онъ ее отыскалъ, гдѣ и за сколько пріобрѣлъ. Я заслушался Августа Казимировича и не замѣтилъ, какъ за осмотромъ музея (весьма интереснаго и замѣчательнаго) пролегло 2—3 часа... А онъ о древностяхъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что его можно было заслушаться! Во мнѣ же онъ встрѣтилъ большого любителя русской старины и потому самому весьма терпѣливаго слушателя. Къ концу осмотра музея мы были уже настолько знакомы и близки другъ къ другу, по обоюдному занимавшимъ насъ интересамъ, что мой почтенный собесѣдникъ ни за что не захотѣлъ отпустить меня къ обѣду въ гостиницу, а пригласилъ къ себѣ, и въ концѣ обѣда угостилъ превосходными вареніями (такихъ никогда не ѣдалъ), которыя до нѣкоторой степени составляли предметъ его хозяйственной гордости. Послѣ радушной трапезы, мы разстались, унося другъ о другѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Вскорѣ послѣ того, при первомъ посѣщеніи Петербурга, Августъ Казимировичъ заѣхалъ ко мнѣ и провелъ у меня часокъ-другой въ тѣхъ же нескончаемыхъ бесѣдахъ объ археологіи, которою онъ занимался не только практически, собирая и розыскивая древности, но и теоретически — просматривая и прочитывая все, что печаталось въ области русской археологической науки, выписывая русскіе и иностранные археологическіе журналы. Притомъ же бесѣды его сопровождалась постоянно живыми иллюстраціями: изъ одного кармана вынималъ онъ двѣ-три старыхъ русскихъ монеты, нарочно привезенныя имъ изъ Твери, для сравненія съ подобными же экземплярами въ Эрмитажной или другой коллекціяхъ; изъ другого доставалъ финифтяную коробочку съ изображеніемъ русской боярышни... Портфель его тоже оказывался набитъ фотографіями, снимками съ орнаментовъ, съ надписей на гробницахъ и плитахъ. И вся бесѣда, и всѣ эти демонстраціи до такой степени были проникнуты свѣтомъ и тепломъ страстной любви къ своей специальности,—любви беззавѣтной и безкорыстной—что, слушая Августа Казимировича, каждый невольно раздѣлялъ его увлеченія и, на мгновеніе забывая о дѣйствительности, начиналъ думать, что на свѣтѣ существуетъ только одинъ предметъ, заслуживающій особаго вниманія и усерднаго, всесторонняго изученія: русскія древности вообще и въ частности древности тверскія. Характерною чертою А. К. Жизневскаго въ этомъ его увлеченіи было безкорыстіе его, какъ собирателя, свойственное далеко не всѣмъ археологамъ. Если вы, увлеченные его археологическою проповѣдью, предлагали ему обмѣнъ дублетовъ или просто приносили ему въ даръ какуюнибудь-древнюю диковинку, книгу, старую гравюру, онъ все принималъ съ благодарностью, но непремѣнно прибавлялъ при этомъ:

— Я передамъ все это въ нашъ тверской музей, потому что я

для себя ничего не собираю!.. И вы получите отъ насъ благодарность...

И всегда исполнялъ обѣщаніе.

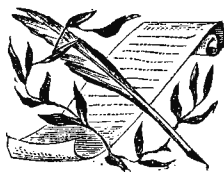
Вскорѣ послѣ начала личнаго знакомства, между мною и А. К. Жизневскимъ завязалась довольно оживленная переписка, постоянно вращавшаяся около тѣхъ же археологическихъ вопросовъ. То онъ извѣщалъ меня о своихъ новыхъ находкахъ, то просилъ меня навести для него справки по музеямъ, то интересовался моимъ личнымъ мнѣніемъ по нѣкоторымъ частностямъ древне-русской бытовой исторіи. Письма его были не менѣе содержательны и на столько же интересны, какъ и его бесѣды. При этомъ, и обязательность, и любезность Августа Казимировича, среди нашихъ письменныхъ и личныхъ, весьма оживленныхъ, сношеній, были по-истинѣ изумительны... Онъ постепенно пересылалъ мнѣ фотографическіе снимки со всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ тверского музея, а затѣмъ, по первой моей просьбѣ, сообщалъ свѣдѣнія обо всѣхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ, разсѣянныхъ по различнымъ городамъ и поселкамъ Тверской губерніи, высылалъ рукописи изъ числа собранныхъ имъ въ музеѣ, а также и автографы различныхъ тверскихъ уроженцевъ и замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей.

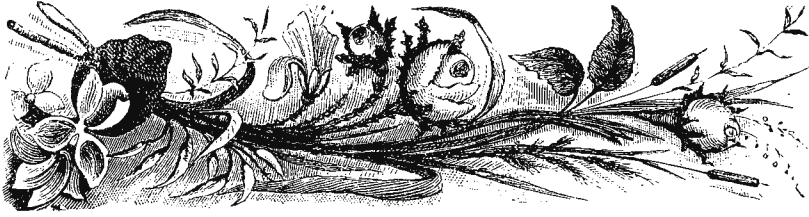
Помнится, я заѣзжалъ еще раза два въ Тверь, уже специально для того, чтобы повидаться съ этимъ милѣйшимъ изъ археологовъ и скромнѣйшимъ изъ общественныхъ дѣятелей, и Августъ Казимировичъ никогда не обѣгалъ моего дома, бывая въ Петербургѣ. Такія оживленные сношенія непрерывно продолжались между нами до 1886—1887 гг., когда нежданная и весьма тягостная превратность моей судьбы вынудили меня на время (и довольно продолжительное) отречься отъ всѣхъ моихъ любимыхъ занятій и пристрастій, и обратиться къ чисто-практическимъ вопросамъ и къ насущной житейской прозѣ... Въ этотъ періодъ моей жизни я вынужденъ былъ порвать многія отношенія, прекратить переписку со многими изъ моихъ прежнихъ постоянныхъ корреспондентовъ, заключиться въ тѣсномъ кругу обязательныхъ работъ и обязательныхъ дѣловыхъ отношеній. Въ этотъ періодъ, какъ я полагалъ, по моей же небрежности или другой винѣ, порвались и мои отношенія къ А. К. Жизневскому, съ которымъ за все время до его кончины мы встрѣтились только разъ на ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ... Но, не смотря на этотъ періодъ многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мы почти не видались и не переписывались, я постоянно сохранялъ и сохраняю навсегда самое пріятное воспоминаніе о моемъ знакомствѣ съ А. К. Жизневскимъ, который сумѣлъ мнѣ внушить глубокое уваженіе и къ своей личности, и къ своей дѣятельности. Не слѣдуетъ забывать, что онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на весьма важный вопросъ изученія мѣстныхъ древностей и составилъ изъ этихъ древностей образцовый по полнотѣ и значенію собранныхъ предме-

товъ первый мѣстный музей. Составилъ онъ его большею частью на свои собственныя средства, будучи человѣкомъ далеко не богатымъ, составилъ, полагая душу въ свое дѣло, не жалея на выполнение его ни усилій, ни трудовъ, ни времени. И не только составилъ музей тверскихъ древностей, но ранѣе, нежели были приняты какія бы то ни было правительственныя мѣры по охраненію памятниковъ мѣстной древности, онъ уже заботился объ этомъ, онъ уже ограждалъ и охранялъ мѣстную старину не полицейскими и принудительными мѣрами, а посредствомъ тѣхъ лицъ, отчасти подначальныхъ ему, отчасти состоявшихъ съ нимъ въ частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ, и въ которыхъ онъ успѣлъ и сумѣлъ вселить любовь къ старинѣ и археологіи. Для полноты характеристики этого удивительно-привлекательнаго и неутомимо-энергичнаго дѣятеля добавимъ, что онъ, судя по его имени, отчеству и фамиліи, былъ несомнѣнно полякъ, но одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и дорогихъ намъ поляковъ, которые, поселившись въ Россіи и поступивъ на русскую службу, привязываются всею сердцемъ къ своему новому отечеству и обращаютъ все силы и способности свои ему на пользу... Мы убѣждены въ томъ, что и русская археологическая наука, и мѣстное тверское общество, и весь кружокъ людей, близко знавшихъ и умѣвшихъ цѣнить покойнаго А. К. Жизневскаго, понесли въ немъ крупную незамѣнимую утрату.

П. Полевой.

БАРОНЪ ФЕДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЮЛЕРЪ.

(Некрологъ).

КОНЧАВШИЙСЯ 10-го мая въ Москвѣ директоръ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ, принадлежитъ несомнѣнно къ тѣмъ русскимъ общественнымъ дѣятелямъ, имена которыхъ занимаютъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Пристрастившись съ раннихъ лѣтъ къ собиранію разныхъ автографовъ, монетъ, медалей, печатей и фамильныхъ документовъ, покойный почти до послѣдняго дня своей жизни остался вѣрнымъ своей юношеской страсти. Болѣе чѣмъ полувѣковая разносторонняя дѣятельность барона Бюлера, сблизившая его съ многими видными государственными дѣятелями, дала покойному возможность не только быть свидѣтелемъ-очевидцемъ наиболѣе знаменательныхъ эпизодовъ русской исторіи второй половины текущаго столѣтія, но и собирателемъ воспоминаній и фамильныхъ документовъ русскихъ выдающихся людей. Должность директора главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, предложенная покойному въ 1873 году, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала индивидуальнымъ его склонностямъ. Его любовь къ русской старинѣ и страсть къ изученію русской исторіи по историческимъ подлинникамъ нашли полное удовлетвореніе. Богатѣйшее хранилище историческихъ документовъ, относящихся преимущественно къ внѣшней политикѣ Рос-

си, явилось благопріятной сферой для природной любознательности покойнаго. Ко времени его завѣдыванія главнымъ архивомъ относится наибольшее количество его историческихъ изслѣдованій, обнаруженныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Помимо личнаго разбора многихъ документовъ, Ѳедоръ Андреевичъ содѣйствовалъ въ научныхъ розысканіяхъ массѣ профессоровъ и дѣятелей науки. При немъ работали въ архивѣ С. М. Соловьевъ, М. П. Погодинъ, Н. И. Костомаровъ, Н. В. Калачовъ, И. Е. Забѣлинъ, П. И. Бартеневъ, Н. А. Поповъ, А. И. Соболевскій, профессора Зибель и Момзень, Ал. Рамбо, Эрнестъ Додэ и много другихъ лицъ. Кромѣ того, ему удалось перевести архивъ въ новое приспособленное зданіе на Воздвиженкѣ. Благодаря его хлопотамъ, государственное древнехранилище хартій, рукописей и печатей было перевезено изъ царскихъ московскихъ теремовъ въ архивъ. Съ самаго начала своего директорства покойный обратилъ особенное вниманіе на расширение и обогащеніе архивной библіотеки и портретной галлерей. Ради улучшенія архива Ѳедоръ Андреевичъ не щадилъ ни своихъ силъ, ни своихъ рукописныхъ богатствъ. Двѣ тысячи рукописей, книгъ, брошюръ и эстамповъ собственной библіотеки, богатѣйшую коллекцію автографовъ (до 700 номеровъ) и четырнадцать томовъ своего фамильнаго архива принесть покойный въ даръ ввѣренному его заботамъ учрежденію. Всѣ эти пожертвованія занимаютъ особую комнату въ главномъ архивѣ, которая съ высочайшаго разрѣшенія называется «библіотечнымъ отдѣломъ барона Ѳедора Андреевича Бюлера».

«Между Страсбургомъ и Карlsruэ, — писалъ покойный въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾, — есть желѣзно-дорожный столбъ съ надписью Bühl. Это слово, на старинномъ швабскомъ нарѣчій, означаетъ холмъ. По близости мѣстечко, у подошвы горы, на которой, по преданію, находился рыцарскій замокъ. Это гнѣздо всѣхъ франконскихъ Бюлеровъ. По *Freiherrn Kalender*, изд. въ Готѣ, свѣдѣнія о нихъ восходятъ за 1303 г. Католиковъ я никогда не любилъ за крайнюю исключительность, фанатизмъ іезуитовъ и вмѣшательство въ политику. Поэтому мнѣ пріятно заявить, что въ тридцатилѣтнюю войну троемъ Бюлерамъ, патриціямъ вольнаго имперскаго города Нюренберга, присвоенъ былъ за борьбу съ католицизмомъ, говорящій гербъ (*armes parlantes*) — изображеніе холма. Впослѣдствіи одинъ изъ предковъ моихъ былъ первымъ министромъ владѣтельнаго герцога Карла Евг. Виртембергскаго. Историкъ мелкихъ германскихъ

¹⁾ Излагая біографію барона Ѳ. А. Бюлера, я считаю необходимымъ снабдить ее тѣми интересными воспоминаніями, которыя занесены покойнымъ въ «Альбомъ М. И. Семевского» («Знакомы», стр. 281—292), а также свѣдѣніями, любезно присланными мнѣ въ августѣ 1893 года, когда Ѳ. А. праздновалъ полулѣтнюю юбилей своей дѣятельности. Воспоминанія о дѣятельности барона Бюлера въ началѣ 1850-хъ годовъ впервые были напечатаны въ № 6293 «Новаго Времени» отъ 4 сентября 1893 года. П. А.

дворовъ Фезе (Vehse) называетъ его управление die Bühlerische Periode. Не нужда, а изысканное образование, непримѣнимое тогда къ нѣмецкому быту, и родственныя связи привлекли Бюлеровъ въ Россію. Бюлеровъ—не бароновъ, очень много въ Германіи. Въ 1849 году ихъ было 60 въ печатномъ спискѣ студентовъ Гейдельбергскаго университета. Въ Петербургѣ, на Большой Морской, есть богатѣйшій булочникъ Bühler, но какъ я ни старался, мнѣ не удалось напроситься къ нему въ родство».

«Князь Антіохъ Кантемиръ приготовилъ себѣ преемника російскимъ посломъ въ Парижѣ въ лицѣ друга и секретаря своего, Андрея Леонтьевича Гросса. Онъ былъ родной дядя бабки моей по отцу моему; онъ сформировалъ племянника своего, Федора Ивановича Гросса, въ полезнаго дипломатическаго дѣятеля. Въ свою очередь, послѣдній примѣнилъ тотъ же nepотизмъ къ старшему дядѣ моему и къ отцу. Перваго, въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ II, Гриммъ впослѣдствіи называлъ: «le bras droit de m-r Potemkine». Капефигъ и Тьеръ посвятили нѣсколько страницъ этой свѣтлой личности, которую родители мнѣ всегда ставили въ примѣръ. Графъ Н. П. Румянцевъ оплакалъ въ немъ ближайшаго своего помощника, по званію старшаго члена государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ же отраднo чить въ московскомъ главномъ архивѣ память любившаго его мецената-патріота, на гробницѣ котораго въ Гомелѣ такъ вѣрно написано:

Воздасть
Божія Богови,
Кесарево Кесареви,
Отечеству—любовью и жертвами».

Такова въ немногихъ словахъ генеалогія покойнаго.

«Я, — пишетъ баронъ Бюлеръ, — чуть было не родился среди океана. Отцу моему былъ предложенъ постъ посланника въ Америкѣ (туда потомъ назначенъ былъ графъ Ѳ. П. Паленъ). Беременность моей матери заставила его отказаться отъ труднаго, продолжительнаго въ то время, плаванія на купеческомъ суднѣ. Императоръ Александръ Павловичъ разсердился. Дѣла моего отца были крайне разстроены, и одна особа, чрезвычайно уважавшая его, впослѣдствіи и мнѣ благодѣтельницававшая, предложила ему провести зиму въ пустомъ домѣ ея подгороднаго имѣнія. И вотъ я родился, такъ сказать, въ гостяхъ, на мызѣ Мануйлово, Ямбургскаго уѣзда, въ вербное воскресенье¹⁾. Отцу моему было тогда 59 лѣтъ. Священникъ села Ополе помолодилъ меня на пять дней, записавъ родившимся 8 апрѣля. По ходатайству трехъ, особенно расположенныхъ къ отцу моему министровъ: Каподистріи, Нессельроде и князя Д. И. Лобанова, государь преложилъ гнѣвъ на милость, назначивъ

¹⁾ 8-го апрѣля 1821 г.

его сенаторомъ. Въ этомъ званіи пробылъ онъ 25 лѣтъ; всего же прослужилъ вѣрой и правдой 56 лѣтъ».

«До 11 лѣтъ я не имѣлъ учителя; мать преподавала мнѣ катехизисъ, исторію, географію, ариметику, обучала тремъ языкамъ и

Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ.

развивала мою наслѣдственную склонность къ рисованію, часто твердя, что мнѣ, быть можетъ, придется снискивать себѣ пропитаніе кистью. Она же водила меня въ Эрмитажъ, чтобы сформировать во мнѣ художественный вкусъ. Впослѣдствіи я его усовершенствовалъ обзорніемъ знаменитѣйшихъ европейскихъ галлерей.

«Теперь посмотримъ—насколько оказался я poisson d'avril?»

«Я былъ до того слабымъ и тщедушнымъ ребенкомъ, что меня кутали въ вату и фланель, и, предназначая меня непременно въ штатскую службу, не давали даже въ руки такъ называемыхъ «военныхъ» игрушекъ. А вышель въ послѣдствіи рослый и здоровенный дѣтина, которому, быть можетъ, военная служба далеко не была бы такъ вредна, какъ сидячая жизнь. Но уже по 9-му году, подъ вліяніемъ разказовъ нѣмца-дядьки о посольствахъ, въ которыя онъ сопровождалъ старшаго дядю моего, барона К. Я. Бюлера, мною было рѣшено, что я буду посланникомъ. Въ апрѣлѣ 1832 года, я помѣщенъ былъ пансіонеромъ въ бывшее высшее училище, не задолго передъ тѣмъ переименованное въ 2-ую гимназію. Воспитаніе было самое патріотическое; мы увлекались стихами Державина, Дмитріева, Жуковского. Здѣсь стала развиваться моя страсть къ русской литературѣ. Въ домѣ дяди моего, сенатора П. Л. Батюшкова, помню друзей его племянника, Константина Николаевича: П. А. Катенина и В. А. Жуковского.

«Мечта родителей моихъ была, чтобы я попалъ царскимъ пансіонеромъ въ лицей и потомъ сдѣлался бы дипломатомъ. И вотъ 9-го марта 1835 года императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ гимназію. Я удостоился произнести при немъ оду о порфирородномъ отрокѣ. Государь такъ остался доволенъ всѣмъ, что приказалъ пятерыхъ гимназистовъ перевести на его счетъ въ лицей. Я попалъ въ число ихъ и выдержалъ экзаменъ. Но въ это время принцъ Ольденбургскій основывалъ Училище Правовѣдѣнія и предложилъ отцу моему взять меня туда на тѣхъ же условіяхъ. Родители представляли мнѣ, что законовѣдѣніе наука сухая; что неудобно связывать себя шестилѣтнимъ срокомъ обязательной службы, но мать моя лежала на смертномъ одрѣ, лицей былъ въ Царскомъ Селѣ, туда не было желѣзной дороги, отпускали оттуда лишь на Пасху и Рождество, а отцу моему было подъ 70 лѣтъ и, служа въ Петербургѣ, онъ не могъ часто навѣщать меня. Я предпочелъ всѣмъ пожертвовать для отца. Съ тѣхъ поръ во мнѣ начало развиваться чувство долга и исполненія лежавшихъ на мнѣ въ разное время обязанностей. А Богъ вѣсть, что бы со мной стало, если бы оно не удерживало меня въ борьбѣ съ юношескими страстями, представлявшимися въ весьма увлекательномъ видѣ. Мы вскорѣ осиротѣли. Опустѣлъ нашъ домъ безъ нашего ангела хранителя (матери)! Тутъ начинается вліяніе на меня высоко образованнаго отца, его возвышенныхъ нравственныхъ правилъ, примѣрной его жизни, интересныхъ и поучительныхъ разказовъ. По его настоянію я сталъ учиться языкамъ англійскому и итальянскому. Онъ былъ однокашникомъ Шиллера, Кювье, Паррота (отца), братьевъ Полторацкихъ и Талызиныхъ, въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ рассадниковъ науки, послѣ чего слушалъ въ Вѣнѣ лекціи первыхъ юристовъ и финансистовъ.

Онъ былъ отличный латинистъ. Такъ я и попалъ въ законники! 14-го мая 1841 года, на выпускномъ актѣ я прочелъ прощальную рѣчь, которая впослѣдствіи была напечатана вмѣстѣ съ рѣчью, произнесенною мною въ 25-лѣтній юбилей училища, отдѣльною брошюрою».

Надо замѣтить, что первый выпускъ училища правовѣдѣнія далъ рядъ выдающихся дѣятелей на поприщѣ государственной дѣятельности и русской литературы. Одновременно съ покойнымъ кончили курсъ въ училищѣ покойные: членъ государственнаго совѣта В. Д. Философовъ и сенаторъ В. А. Арцимовичъ, и нынѣ здравствующіе: членъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій и поэтъ А. М. Жемчужниковъ. По окончаніи курса Ѳедоръ Андреевичъ, основательно знакомый съ шестью языками, поступилъ на службу въ сенатъ. Эта служба не пришлась по вкусу покойному. «Служба въ сенатѣ повытчиномъ, — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — была механическая и не доставляла настоящей практики. Вечера же проводилъ я въ вихрѣ большого свѣта. Проживъ сорокъ лѣтъ въ Петербургѣ, отецъ мой имѣлъ большія связи и всюду самъ меня представилъ». Послѣ смерти отца, баронъ Бюлеръ остался «одинъ-одинешенекъ». Онъ рѣшилъ немного разсѣять себя путешествіемъ и пополнить свои знанія изученіемъ родины. Съ этою цѣлью воспользовался протекціей многочисленныхъ вліятельныхъ знакомыхъ своего отца и прикомандировался къ князю П. П. Гагарину, отправлявшемуся на ревизію въ Астрахань. Эта поѣздка не прошла безслѣдно. Покойный занялся между прочимъ изслѣдованіемъ инородцевъ и по возвращеніи изъ Астрахани напечаталъ въ 1846 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. А. Краевского семь статей подъ заглавіемъ «Кочующіе и осѣдло живущіе въ Астраханской губерніи инородцы». Назначенный секретаремъ при Н. И. Стояновскомъ, бывшемъ въ концѣ 40-хъ годовъ оберъ-секретаремъ перваго департамента правительствующаго сената, Ѳ. А. приобрѣлъ репутацію дѣльнаго и знающаго юриста. Добросовѣстное составленіе длинныхъ докладовъ надорвало здоровье покойнаго: онъ рѣшилъ порвать свою юридическую карьеру и въ 1847 году вышелъ въ отставку, несмотря на обѣщаніе графа Панина повысить его назначеніемъ въ товарищи герольдмейстера. «Эти шесть лѣтъ приучили меня, — говоритъ Ѳ. А., — къ большой точности, аккуратности, провѣркѣ самого себя, и я о сенатской службѣ (какъ очень почтенной, отнюдь не личной и съ весьма ясно очерченнымъ кругомъ дѣйствія) всегда вспоминаю съ удовольствіемъ. Впослѣдствіи я выигралъ два громкихъ процесса: первый — противъ крестьянъ моей тещи, второй — противъ устройства банъ возлѣ московскаго архива».

Три года съ 1847 по 1850 годъ провелъ покойный въ Германіи, Италіи и Франціи.

«На обратномъ пути въ Россію я былъ, — пишетъ онъ, — предста-

вленъ въ Киссингенѣ гр. К. В. Нессельроде. Ему понравились по черкъ мой и стиль возраженія моего на проповѣдь Лакондера въ Notre Dame de Paris о мнимыхъ гоненіяхъ противъ униатовъ. Это рѣшило поступленіе мое на поприще моихъ предковъ. Канцлеръ снабдилъ меня письмомъ къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Л. Г. Сенявину. Я просилъ мѣсто второго секретаря въ Константинополь или хотъ Рио-Жанейро. Но и для этого были фавориты! Мнѣ предложили быть секретаремъ генеральнаго консульства (послѣ секретарства въ правительствующемъ сенатѣ!!) въ Молдавіи и Валахіи и вотъ черезъ годъ въ Яссы былъ назначенъ консуломъ Н. К. Гирсъ. Я уже слышался, до какой степени это пріятная и симпатичная личность. Онъ пріѣхалъ въ Бухарестъ къ общему нашему начальнику, дѣйствительному статскому совѣтнику Халчинскому, и тутъ началась между нами тѣсная дружба и постоянная переписка».

Въ это время возгорѣлась война съ турками, закончившаяся крымской кампаніей. Генеральный консулъ въ Молдавіи и Валахіи Халчинскій былъ человекъ пожилой и больной, и покойному *Θ. А.* не разъ приходилось управлять консульствомъ, весьма важнымъ въ дипломатическомъ отношеніи при единичномъ тогда покровительствѣ Россіи надъ княжествами. Въ 1853 году, барону Бюлеру пришлось въ качествѣ управляющаго консульствомъ не только доставлять свѣдѣнія о хлѣбныхъ запасахъ въ Румыніи для нашихъ войскъ, но и встрѣчать авангардъ ихъ на границѣ. Шестъ мѣсяцевъ генеральное консульство было посредникомъ между требованіями нашихъ военныхъ властей и обоими господами. Въ концѣ 1853 года, они были удалены, и введено временное русское правительство. Генераль-адъютантъ *А. И. Будбергъ*, назначенный предсѣдателемъ обоихъ дивановъ, привезъ съ собой изъ Яссъ *Н. К. Гирса*, какъ директора своей канцеляріи, барону же Бюлеру было поручено сформировать канцелярію въ Яссахъ для временнаго предсѣдателя молдавскаго дивана графа *К. И. Остенъ-Сакена*. Весной черезъ Яссы проѣхалъ князь Паскевичъ. Скулянской и Леовскою границами, при содѣйствіи покойнаго барона, прошло 50 тысячъ русскаго войска. Всѣхъ ихъ пришлось *Θ. А.* расквартировать и накормить. Дѣятельность была кипучая. Покойный между прочимъ редактировалъ, подъ руководствомъ *Н. К. Гирса*, бюджетъ княжества Молдавскаго.

Въ это время возобновились для Бюлера странствованія. «Мнѣ пришлось, — пишетъ покойный въ своей автобіографіи, — по служебной обязанности посѣщать молдавскіе монастыри и скакать на перекладной коруцѣ въ главную квартиру князя Паскевича, подъ Силистріей, чтобы передать ему на словахъ порученіе графа Сакена, которое, по обстоятельствамъ времени, нельзя было изложить письменно. Тутъ ужъ приходилось ночевать въ землянкѣ или палаткѣ, близъ траншей и слышать всю ночь бомбардировку крѣпости. Въ эти дни фельд-

маршалъ былъ контуженъ на рекогносцировкѣ, послѣ чего прибылъ въ Яссы и, отъѣзжая оттуда въ свое имѣнье Гомель, отличилъ меня, тогда еще молодого дипломата, большимъ довѣріемъ, поручивъ мнѣ вскрывать депеши, присылаемыя на его имя нашими посланниками въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ, снимать съ нихъ копіи для оставшагося главнокомандующимъ подъ Силистріей, кн. М. Д. Горчакова, а подлинныя отправлять въ Гомель. Изъ этихъ депешъ оказалось, что высадка союзныхъ войскъ въ Крыму задумана была еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и онѣ заключали самыя точныя указанія относительно того, что она состоится именно въ Евпаторіи».

«Вслѣдствіе допущеннаго осенью занятія княжествъ австрійскими войсками, я съ послѣдними казаками перебрався за р. Прутъ. Какъ важная въ городѣ Яссахъ особа, я выѣхалъ оттуда на 18-ти клячахъ, но на пограничной русской почтовой станціи, въ Скуляняхъ, былъ не что иное, какъ надворный совѣтникъ, какихъ много на Руси, и, не смотря на увѣщанія двухъ корпусныхъ командировъ, станціонный смотритель не далъ мнѣ лошадей ни почтовыхъ, ни обывательскихъ. Мнѣ осталось, вмѣстѣ съ моимъ секретаремъ М. К. Ону (впослѣдствіи россійскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ), доѣхать на волахъ до Кишинева, куда уже переведена была главная квартира нашихъ войскъ, и гдѣ вскорѣ получено было прискорбное извѣстіе о сраженіи подъ Альмой. Князь М. Д. Горчаковъ отправилъ немедленно князю Меншикову цѣлую пѣхотную дивизію на подводахъ и написалъ ему: «Je vous envoie le sang de mon coeur, la seconde division, et Todtleben»...

Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, баронъ Бюлеръ имѣлъ нѣсколько предложеній. Ему было предложено сперва мѣсто цензора въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, затѣмъ должность агента министерства иностранныхъ дѣлъ, но покойный отказался отъ нихъ, отвѣчая: «что еще не обанкротился, чтобы идти на такія непроезжимыя должности». Когда князь А. М. Горчаковъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, покойному была ввѣрена вторая экспедиція особой канцеляріи, гдѣ, между прочимъ, составлялись для въ Бозѣ почивающаго императора Александра II политическія обзорѣнія изъ иностранныхъ журналовъ. 17 лѣтъ сряду составлялъ Ѳ. А. такія обзорѣнія, пользуясь наставленіями князя А. М. Горчакова.

«Болѣе или менѣе основательное знаніе шести языковъ облегчало мнѣ исполненіе этой задачи,—говоритъ баронъ Бюлеръ въ своей автобіографіи.—Дабы въ иностранныхъ журналахъ различать относительно Россіи ложь отъ истины, я долженъ былъ читать депеши нашихъ дипломатическихъ представителей. Мои выписки имѣли особенно важное значеніе во время эмансипаціи и польскаго возстанія. Государь самъ много разъ благодарилъ меня за нихъ и былъ вообще ко мнѣ очень милостивъ».

Съ должностью управляющаго особой канцеляріей соединено было званіе члена главнаго управленія цензуры отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Покойный присутствовалъ по субботамъ въ засѣданіяхъ управленія съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, Е. П. Ковалевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, А. Е. Тимашевымъ, графомъ И. Д. Деляновымъ, княземъ И. А. Щербатовымъ, А. Е. Тройницкимъ, барономъ Медемомъ, графомъ Адлербергомъ, А. В. Никитенко, Сербиновичемъ и Пжеславскимъ.

«Тутъ мнѣ,—пишетъ покойный,—пришлось напрасно отстаивать «Парусъ» И. С. Аксакова. Мнѣ поручено было также цензурованіе политическаго отдѣла петербургскихъ газетъ и политическихъ обзорѣній ежемѣсячныхъ журналовъ. Политическая цензура была тогда затруднительна и своеобразна, завися вполне отъ движеній телеграфной проволоки: что допускалось въ данный моментъ, то запрещалось кн. Горчаковымъ, нѣсколько часовъ спустя. Чернышевскій, Альбертини, Усовъ, Лебедевъ претендовали на меня, не понимая, что цензура политическая зависитъ не отъ каприза цензора. На меня даже послана была жалоба въ Лондонъ, и Герценъ въ своемъ «Колоколѣ» обозвалъ меня «цензурнымъ зуавомъ». Я много хлопоталъ о предоставленіи русскимъ газетамъ права полемизировать съ иностранными и, наконецъ, въ 1862 году политическая цензура была упразднена».

Въ началѣ 1873 года скончался директоръ Московскаго главнаго архива кн. М. А. Оболенскій, и барону Бюлеру, какъ ветерану министерства иностранныхъ дѣлъ, заявившему себя уже историческими изслѣдованіями, была предложена эта должность, съ которой онъ не разставался до дня своей кончины.

Перу покойнаго принадлежитъ много историческихъ изслѣдованій и литературныхъ работъ. Онъ дебютировалъ въ журналистикѣ статьёй «Воспоминанія о Лондонѣ», написанной еще въ бытность его на школьной скамьѣ Училища Правовѣднія и напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ 1839 году. На вечерахъ у кн. В. О. Одоевскаго О. А. познакомился съ А. А. Краевскимъ и получилъ приглашеніе присылать свои статьи для «Отечественныхъ Записокъ». Въ 1843 году въ этомъ журналѣ появилась его великосвѣтская повѣсть «Ничего», въ 1845 г. статья объ Астраханскомъ краѣ, въ 1850 г. «Ламаизмъ и шаманство». Изъ историческихъ работъ О. А. назовемъ «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II» («Русскій Вѣстникъ», 1870 г.), «Неизданныя письма Вольтера съ предисловіемъ и примѣчаніями», «Политическая переписка Екатерины II» («Сборникъ русскаго историческаго общества»), «Черты изъ жизни князя Потемкина» («Древняя и Новая Россія»), «Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской оружейной палатѣ» («Сборникъ Московскаго главнаго архива», вып. V) и другія, напечатанныя въ разное время въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской

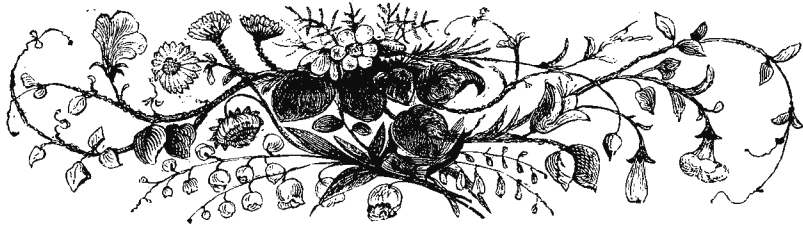
Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и «Древней и Новой Россіи». Статьи политическаго характера Ѳ. А. помѣщались въ газетѣ «Le Nord». При непосредственномъ участіи покойнаго комиссія печатанія грамотъ и договоровъ издала болѣе 40 книгъ и брошюръ. За научные труды Императорская Академія Наукъ избрала покойнаго въ почетные члены.

Къ весьма сложнымъ занятіямъ по управленію главнымъ архивомъ съ 1879 года присоединилась служба покойнаго въ качествѣ почетнаго опекуна учрежденій императрицы Маріи. Онъ съ 1879 года по 1886 годъ былъ членомъ совѣта по учебной части въ Елизаветинскомъ училищѣ (нынѣ институтъ), съ 1886 года по 1895 годъ управлялъ московскими сиротскими заведеніями: однимъ изъ обширнѣйшихъ въ имперіи Николаевскимъ институтомъ и Николаевскимъ и Александринскимъ училищами для малолѣтнихъ. Особенныя старанія прилагалъ баронъ Бюлеръ, чтобы улучшить физическое благосостояніе дѣтей. При вѣренномъ его попеченіи заведеній устроено, благодаря его заботливости, нѣсколько изолированныхъ лазаретовъ для заразныхъ больныхъ, улучшена въ заведеніяхъ пища, произведенъ капитальный ремонтъ, и устранены въ школьныхъ садахъ неблагопріятныя условія, вызывавшія заболѣванія лихорадкой. Многія учрежденія обогатились при немъ православными церквами и часовнями. Семья, школа и общественная жизнь сдѣлали изъ покойнаго, не смотря на то, что отецъ его былъ лютеранинъ, по его собственному признанію, «ревностнаго православнаго христіанина и вполне русскаго человѣка». «Въ Бога вѣрую,—писалъ покойный,— не только потому, что въ морѣ ему малывался, но и бывалъ на войнѣ, да и въ мирное время спасаемъ былъ имъ не разъ отъ смерти, бывшей у меня уже за плечами». Съ февраля 1896 года Ѳ. А. председательствовалъ въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта, явившись въ данномъ случаѣ замѣстителемъ покойнаго В. А. Дашкова.

Заканчиваемъ біографію Ѳ. А. Бюлера его посмертнымъ желаніемъ: «Живѣйшее мое желаніе заключается въ томъ, чтобы послѣ моей смерти каждый могъ сказать, что я остался чистъ передъ царемъ и Россіей!».

Н. Афанасьевъ.

ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ЗАМЫСЛОВСКІЙ.

(Некрологъ).

ВЪ ЛИЦѢ скончавшагося профессора Петербургскаго университета и историко-филологическаго института, Егора Егоровича Замысловскаго, наука лишилась неутомимаго труженика, посвятившаго свою жизнь разработкѣ малоислѣдованныхъ сторонъ русской исторической жизни. Скромный въ высшей степени, спокойный и вѣчно погруженный въ свою специальность, онъ не блисталъ передъ слушателями шумныхъ аудиторій захватывающимъ краснорѣчіемъ, блестящими дарованіями и оригинальными взглядами. Этими свойствами и качествами его не наградила природа, но за то она воплотила въ немъ возвышенный образъ труженика, для котораго всѣ радости жизни заключались именно въ неутомимомъ трудѣ на неширокомъ избранномъ имъ научномъ пути. И здѣсь, не смотря на свой обширный арсеналъ знанія, онъ не стремился, да и не былъ въ состояніи сказать какое нибудь новое слово, создать какую нибудь оригинальную, хотя бы и парадоксальную теорію, или освѣтить обзорѣваемые событія яркими творческими лучами своеобразныхъ теорій; нѣтъ—онъ медленно двигался по своему пути, осторожно озираясь по сторонамъ и подбирая съ любовью всякій встрѣчавшійся на дорогѣ фактъ, внимательно его изслѣдуя и разсуждая, не пригодится ли онъ для той или другой намѣченной имъ ученой цѣли. Да, это былъ типъ чернорабочаго историка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, который не только самъ трудился, не покладая рукъ, но и вселялъ въ своихъ слу-

шателей горячую любовь къ скромнымъ задачамъ черновой науки. Молодые историки, вышедшіе изъ аудиторій здѣшняго университета за послѣднія 15 лѣтъ, хотя и любятъ называть себя учениками и послѣдователями талантливаго профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, но по задачамъ своихъ работъ, по научнымъ методамъ и приемамъ, по научной складкѣ, съ гораздо большимъ основаніемъ должны быть разсматриваемы, какъ ученые, вышедшіе именно изъ школы Замысловскаго. Да это отчасти понятно: талантъ и оригинальность не передаются отъ профессора слушателямъ, а школа, если она вдобавокъ хорошо обставлена научными орудіями, именно создаетъ послѣдователей и образуетъ «учениковъ». А у Замысловскаго, который старательно обставлялъ свои лекціи и общихъ и специальныхъ курсовъ хорошими орудіями знанія, именно выработалась «школа», которая дала въ наши дни немало скромныхъ своихъ представителей.

Покойный историкъ родился въ 1841 году въ городѣ Гродно; первоначальное образованіе получилъ во второй Петербургской гимназіи, откуда и поступилъ на историко-филологическій факультетъ здѣшняго университета, гдѣ попалъ въ кружокъ даровитой молодежи, описанный въ «Личныхъ воспоминаніяхъ» А. Скабичевскаго («Сочиненія», т. II), изъ котораго большинство составило себѣ выдающіяся имена въ литературѣ и наукѣ. «Во главѣ нашего кружка стоялъ младшій братъ А. Н. Майкова, — говоритъ авторъ «Воспоминаній», — Леонидъ Николаевичъ, человекъ съ обширными связями и литературными, и иными, владѣвшій обширной бібліотекой... Затѣмъ большимъ авторитетомъ пользовались Петръ Николаевичъ Полевой, Егоръ Егоровичъ Замысловскій, Викентій Васильевичъ Макушевъ и Филипъ Филипповичъ Ординъ. Изъ этихъ четырехъ столповъ кружка трое (Полевой, Замысловскій, и Макушевъ) обратились впослѣдствіи въ столпы науки, сдѣлались извѣстными профессорами и учеными. Одному Ордину факультетская наука впрочемъ не пошла, такъ какъ онъ превратился въ адвоката. Что касается трехъ остальныхъ членовъ кружка—Д. И. Писарева, Н. А. Трескина и меня грѣшнаго, то мы играли роль блудныхъ сыновъ кружка, такъ какъ оказались слишкомъ ужъ живыми людьми, чтобы углубиться въ одну какую нибудь спеціальность, легкомысленно порхали по всѣмъ факультетскимъ наукамъ...». Изъ приведеннаго отрывка видно, что уже на студенческой скамьѣ Егоръ Егоровичъ отличался серьезностью, любовью къ наукѣ и стремленіемъ углубиться въ избранную спеціальность. Спеціальность эта—исторія, почерпалась изъ лекцій М. И. Касторскаго, М. С. Куторги, Н. Г. Устрялова, Н. И. Костомарова, М. М. Стасюлевича и отчасти изъ лекцій И. И. Срезневскаго, П. А. Плетнева, А. В. Никитенко, М. И. Сухомлинова, Н. М. Благовѣщенскаго. Характеристику тогдашняго университетскаго преподаванія можно почерпнуть изъ исторіи «С.-Петербургскаго университета въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ» (1870 г.),

отчасти изъ сатирическаго памфлета Д. И. Писарева «Наша университетская наука», гдѣ зло выпучены факультетское чтеніе лекцій и составъ профессоровъ именно того періода, когда рядомъ съ даровитымъ критикомъ сидѣлъ на студенческой скамьѣ и только что скончавшійся историкъ. Въ университетѣ Замысловскій не отмѣтилъ своего пребыванія какими либо выдающимися трудами: онъ не участвовалъ въ конкурсахъ на медаль по заданнымъ факультетскимъ темамъ, какъ равно не участвовалъ въ издававшемся тогда «Студенческомъ сборникѣ». По окончаніи въ 1862 году курса наукъ въ университетѣ со степенью кандидата, онъ занялъ въ 1864 году мѣсто учителя географіи и исторіи въ «Домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей», а съ 1868 по 1871 года читалъ курсъ исторіи въ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ. Въ 1869 году онъ поступилъ лекторомъ въ Историко-филологическій институтъ, гдѣ и состоялъ на службѣ до выхода въ отставку и окончательнаго прекращенія научно-педагогическихъ занятій. Въ 1871 году онъ защитилъ на степень магистра диссертацию «Царствованіе Θεодора Алексѣевича. Ч. I. Обзорѣніе источниковъ», послѣ чего былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора Историко-филологическаго института и штатнаго доцента здѣшняго университета. Сочиненіе о Θεодорѣ Алексѣевичѣ, доставившее автору искомую степень, было, однако, встрѣчено достаточно недружелюбно научно-публицистической критикой, и въ тогдашнихъ журналахъ, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Дѣлѣ», появились неблагоприятные отзывы. Оба журнала, отмѣтившіе громадную эрудицію, трудолюбіе молодого ученаго, напали на его общественное profession de foi и обратили вниманіе на ярко-консервативный образъ его мыслей, на стремленіе искать всему примиреніе и пристрастіе къ исторической постепенщинѣ. Рецензентъ «Вѣстника Европы» напалъ на его несочувствіе реформамъ Петра Великаго и стараніе усматривать въ предшествовавшихъ эпохахъ, въ особенности въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, элементы для постепеннаго и здороваго развитія Россіи. Выводъ, который послужилъ источникомъ для нападокъ на историка, былъ слѣдующій: «Отличается ли въ самомъ дѣлѣ такими рѣзкими чертами исторія XVII столѣтія отъ исторіи послѣдующаго столѣтія, какими обыкновенно характеризуютъ ту и другую?»—спрашиваетъ въ своемъ трудѣ г. Замысловскій и сейчасъ же даетъ отрицательный отвѣтъ: «Развитіе централизаціи, западно-европейское вліяніе, распространеніе просвѣщенія—черты, которыми характеризуется не только первая половина XVIII столѣтія, но и XVII столѣтія. Связь между XVII и XVIII столѣтіями, постепенно раскрываемая въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, касающихся различныхъ сторонъ народной жизни этихъ вѣковъ, юридической, экономической и бытовой, служитъ доказательствомъ несостоятельности прежняго воззрѣнія на эпоху преобразованій и необходимости новаго дѣленія нашей исторіи на періоды». Оставляя

въ сторонѣ общіе выводы молодого ученаго, необходимо отмѣтить, что онъ въ своей работѣ далъ превосходный анализъ источниковъ для русской исторіи, въ особенности по XVII столѣтію, и сразу завоевалъ себѣ авторитетное положеніе знатока нашихъ древностей. Но еще до появленія въ печати сочиненія о Теодорѣ Алексѣевичѣ

Егоръ Егоровичъ Замысловскій.

Замысловскій прекрасно зарекомендовалъ себя въ качествѣ знатока нашей исторической географіи. Изданный имъ въ 1865 г. историческій атласъ обратилъ на него серьезное вниманіе ученаго міра, и этотъ атласъ, появившійся въ 1869 г. вторымъ изданіемъ (3-е въ 1887 г.), удостоился преміи Петра Великаго и почетнаго отзыва на Парижской всемірной выставкѣ. Историческая географія Россіи во-

17*

обще пользовалась его особенною любовью; здѣсь онъ считался настоящимъ знатокомъ; ей онъ посвятилъ нѣсколько мелкихъ работъ, и ей же посвященъ самый важный трудъ его жизни—докторская диссертация «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи». Работа эта дѣлится на двѣ части. Первая обнимаетъ собою собственно біографію Герберштейна, гдѣ обращено особенное вниманіе на условія и событія, которыя содѣйствовали развитію Герберштейна въ его дѣтствѣ и юности, имѣли вліяніе на его характеръ, взгляды и образованіе, а также на обстоятельства, которыя относятся ко времени его двукратнаго путешествія въ Москву и продолжительнаго пребыванія здѣсь. Вторая часть посвящена провѣркѣ извѣстій Герберштейна и оцѣнкѣ ихъ значенія въ исторіи географическихъ свѣдѣній о восточной Европѣ. Авторъ обстоятельно разсматриваетъ и подвергаетъ строгой исторической критикѣ географическія данныя Герберштейна о моряхъ, омывающихъ восточную Европу, о поверхности, о внутреннихъ водахъ, по четыремъ главнымъ бассейнамъ восточно-европейской равнины, о климатѣ, о почвѣ, о произведеніяхъ царства растительнаго, животнаго и ископаемаго, о народахъ, населенныхъ мѣстахъ и путяхъ сообщенія. Въ своей докторской диссертации, какъ и вообще остальными работами по исторической географіи, профессоръ представилъ доказательство того важдаго для исторіи русской цивилизаціи положенія, что въ первой половинѣ XVI вѣка, когда политическое вліяніе Московской Руси на дѣла сосѣднихъ государствъ начинало замѣтно обнаруживаться, оно въ то же самое время способствовало, хотя и черезъ посредство иностранцевъ, распространенію новыхъ географическихъ свѣдѣній. Авторъ доказалъ, что еще задолго до Ченслера русскіе люди знали морской путь изъ Архангельска въ Западную Европу, опираясь на то, что этимъ путемъ проплылъ дьякъ Герасимовъ въ царствованіе Іоанна III.

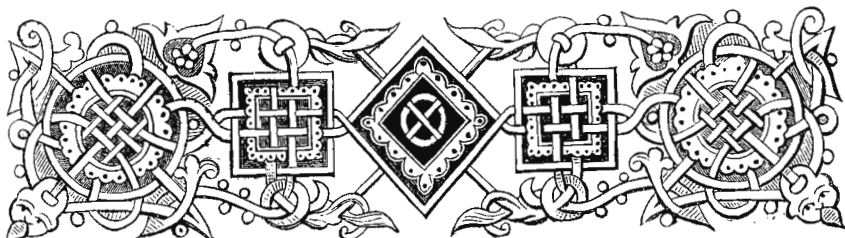
Диспутъ Егора Егоровича привлекъ въ XI аудиторію университета огромное количество публики и отличался особеннымъ оживленіемъ, внесеннымъ страстностью возраженій В. И. Семева, который доказывалъ, что трудъ о Герберштейнѣ наполненъ совершенно неидущими къ дѣлу ботаническими и зоологическими подробностями, мелочами и курьезами. Книга, по мнѣнію оппонента, производитъ впечатлѣніе, будто авторъ напихалъ въ нее всякія замѣтки, хранившіяся въ его записной книжкѣ. Официальный оппонентъ, также нынѣ покойный проф. В. В. Бауеръ, заявилъ, что въ книгѣ Замысловскаго особенную цѣну имѣетъ именно первая часть, которую авторъ напрасно отодвигаетъ на задній планъ, но гдѣ собранъ превосходный матеріалъ для характеристики Герберштейна. Кромѣ указанныхъ трудовъ, ученому перу русскаго историка принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ монографій, изъ коихъ слѣдуетъ упомянуть «Описаніе Литвы, Самогитіи, Россіи и Московіи Себастьяна Мюнстера», «Сношенія Рос-

сія съ Польшею въ царствованіе Θεодора Алексѣевича», «Сношенія Россіи съ Англіей въ царствованіе Іоанна Грознаго» и друг. Какъ видитъ читатель, покойнаго профессора очень интересовалъ вопросъ о внѣшнихъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами. Этой сторонѣ нашей исторіи онъ посвящалъ не мало мѣста и въ своихъ курсовыхъ лекціяхъ, читанныхъ имъ втеченіе почти двадцати лѣтъ студентамъ университета и института. Отсюда онъ дѣлалъ тотъ основной выводъ, что Россія въ ея историческомъ процессѣ государственнаго развитія не была чужда вліяніямъ ни Запада, ни Востока, и всегда стремилась заимствовать у сосѣдей все наиболѣе цѣнное для ея государственной культуры. Но процессъ ея государственнаго развитія и строенія былъ весьма тяжелъ по причинѣ обширности ея территоріи и недостатку людей, почему въ нашей исторіи наблюдается на всемъ ея протяженіи знаменательное исканіе человѣка и стремленіе прикрѣпить его къ землѣ. Вотъ эти-то двѣ идеи—исканія человѣка и сношеній съ сосѣдями, и были тѣ двѣ оригинальныя стороны, которыя выдѣляли курсы Е. Е. Замысловскаго отъ фактическихъ учебниковъ Соловьева, по программѣ которыхъ онъ читалъ свои общія по русской исторіи лекціи для первыхъ двухъ курсовъ студентовъ университета. Болѣе цѣнными и плодотворными были занятія профессора со студентами старшихъ специальныхъ курсовъ; тутъ слушатели дѣйствительно вырабатывали на его лекціяхъ прекрасныя критическіе методы, обогащались серьезнымъ знаніемъ источниковъ и получали именно то, что называется «школою».

Кромѣ занятій въ университетѣ и институтѣ, Е. Е. Замысловскій читалъ въ 1878 году, курсъ исторической географіи въ Археологическомъ институтѣ, а въ 1886 году былъ приглашенъ преподавателемъ исторіи къ благополучно царствующему Государю Императору и нынѣшнему Наслѣднику, Георгію Александровичу. Въ своихъ личныхъ сношеніяхъ скончавшійся представитель науки производилъ очень пріятное впечатлѣніе и заслужилъ по себѣ самую добрую память всѣхъ знавшихъ его. Онъ покинулъ чтеніе лекцій въ 1890 году, когда впервые серьезно обнаружился его злой недугъ: болѣзнь спиннаго мозга, которая, медленно развиваясь втеченіе болѣе пяти лѣтъ, и свела его окончателно въ могилу. Послѣдніе годы онъ представлялъ собою очень жалкое зрѣлище; это былъ воистину живой мертвецъ, надъ которымъ холодная смерть уже замахнулась своей безжалостной косой. 9-го мая его не стало, и многочисленная толпа бывшихъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ этого честнаго труженика науки съ чувствомъ глубокой утраты опустила въ могилу на Смоленскомъ кладбищѣ его бранные остатки.

Г. Л. И.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ третій. Іюльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896.

СЛѢДСТВИЕ корректурнаго недосмотра, заглавіе этой книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію: исторію іюльской монархіи и февральской революціи излагалъ II-й томъ Грегуара; настоящій же III-й томъ говоритъ о второй республикѣ и второй имперіи. Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Временное правительство, 2) 17 марта, 3) 16 апрѣля. Выборы, 4) Учредительное собраніе. Исполнительная коммиссія 15 мая, 5) Іюньскіе дни 1848 г., 6) Президентство Кавеньяка. Конституція. Выборъ Луи-Наполеона, 7) 29-го января. Закрытіе учредительнаго собранія, 8) Римская экспедиція, 9) 13 июня. 28 мая. 31 октября, 10) Реакція. Законъ о народномъ просвѣщеніи. Законъ 31 мая, 11) Президентъ и палата лицомъ къ лицу. Отставка Шангарнье, 12) Вопросъ о пересмотрѣ, 13) Послѣднія столкновенія. Кризисъ, 14) Государственный переворотъ, 15) Президентская диктатура, 16) Возстановленіе имперіи, 17) Война противъ Россіи, внѣшняя политика Наполеона III-го. 18) Севастополь. Парижскій трактатъ, 19) Внутреннее состояніе Франціи въ первые годы имперіи, 20) Выборы 1857 г. Покушеніе 14 января 1858 г., 21) Итальянскій вопросъ, 22) Итальянская война, 23) Экспедиціи въ Китай, въ Кохинхину, въ Сирію. Франція и Италія въ 1859 г., 24) Итальянское объединеніе.

Итакъ центральной фигурой, «героемъ» этого тома, является принцъ Луи-Наполеонъ, впоследствии Наполеонъ III-й, а центральнымъ событiемъ, переломомъ, можно считать государственный переворотъ 2 декабря. Чтобы дать понятiе о точкѣ зрѣнiя автора на «героя» и на этотъ переломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о его манерѣ изложенiя, выписываемъ начало 14-й главы.

«18-го брюмера генералъ Бонапартъ, знаменитый побѣдитель австрiйцевъ въ Италiи, окруженный всѣмъ тѣмъ престижемъ, который былъ доставленъ египетскою экспедиціею, низвергнулъ республику и разрушилъ свободу, руководясь своимъ личнымъ честолюбіемъ; но онъ по крайней мѣрѣ среди бѣлаго дня изгналъ представителей народа изъ оранжерей Сенъ-Клу. 2-го декабря наслѣдникъ его имени, но не его генія, жалкій претендентъ Страсбурга и Булоня, не одержавшій никакихъ другихъ побѣдъ, кромѣ побѣдъ на полѣ въ Сатори¹⁾, наложилъ руку на вторую республику и на свободу своей страны, но сдѣлалъ это среди полного мрака, молча, обдумавши задолго до того маккиавельскiй планъ, который также долженъ былъ окончиться удачею. Оба, и дядя, и племянникъ, воспользовались ошибками, сдѣланными республиканцами; оба прибѣгли ко лжи и къ грубой силѣ; оба, нужно правду сказать, были встрѣчены горячими привѣтствiями трусливой и невѣжественной толпы; но оба, восторжествовавши и поцарствовавши, были наказаны за свои покушенiя (sic): первый отправился умирать на островъ св. Елены, второй, побѣжденный при Седанѣ, грустно окончилъ свою жизнь въ мракѣ изгнанiя. Дважды терпѣла Францiя роковыя послѣдствiя собственныхъ ошибокъ и заблужденiй; она испытала неудачи и униженiя 1814 и 1815 гг.; она испытала пораженiя 1870 и 1871 гг. Напрасно апологисты государственныхъ переворотовъ старались прославить ихъ, громко рассказывая о спасенiи страны и о согласiи и одобренiи народа: напрасно они приводили смягчающiя обстоятельствова. Государственные перевороты — преступленiя, не оправдываемыя никакими разсужденiями, потому что они являются покушенiями и посягательствами на законъ, который составляетъ единственное истинное основанiе человѣческихъ обществъ, и нарушенiе котораго никогда не разрѣшается, потому что согласно высшему закону, существованiе котораго доказывается исторiею, какъ народы, такъ и отдѣльныя личности наказывались и всегда будутъ наказываться, раньше или позже, за содѣянные ими ошибки, за преступленiя, которыя они допустили совершить. Исторiя государственнаго переворота 2-го декабря излагалась часто съ мстительною злобою, вполне понятною. Но и простого изложенiя безспорныхъ фактовъ вполне достаточно, чтобы осудить ее (читайте его)». Грегуаръ и даетъ въ этой главѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, «простое изложенiе безспорныхъ (по возможности) фактовъ», изложенiе обстоятельное и ясное, не свободное иногда отъ длиннотъ и повторенiй, но безусловно свободное отъ всякой партiйности. Авторъ устремляетъ всѣ свои усилiя къ тому, чтобы быть объективнымъ историкомъ и избѣгать страстности и увлеченiя; онъ искусно пользуется авторами

¹⁾ Выше (стр. 107 и 172) авторъ характеризуетъ принца Луи-Наполеона, при чемъ указываетъ и нѣкоторыя положительныя его стороны, какъ политическаго дѣятеля, или, по крайней мѣрѣ, его права на успѣхъ.

всѣхъ партій, удачно выбираетъ изъ нихъ многочисленныя цитаты, но всегда готовъ сражаться противъ всякихъ преувеличеній и несправедливыхъ обвиненій, на кого бы таковыя ни возводились. Эта усиленно подчеркиваемая объективность въ изображеніи событій, столь близкихъ намъ по времени, это равнодушіе лѣтописца, который «спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновыхъ», иногда лишаетъ трудъ Грегуара силы и даже стройности, придаетъ ему мѣстами какую-то старческую разслабленность; но относительно второй республики и второй имперіи мы читали столько страстныхъ памфлетовъ и въ формѣ мемуаровъ и въ формѣ романовъ, что прочитатъ объективное изложеніе ея исторіи дѣло для всякаго далеко не лишнее. Специально для насъ, русскихъ, особенно интересны 17-я и 18-я главы, въ которыхъ авторъ между прочимъ выдвигаетъ на видный планъ пререканія союзниковъ и даетъ очень хорошія характеристики Канробера и Пелисье (стр. 516 и слѣд.). Слогъ перевода въ общемъ больше, чѣмъ удовлетворительный; въ частности встрѣчаются недосмотры; отмѣтимъ на стр. 67 уничтоженіе «пошлины на мясниковъ»; на стр. 91 нелитературное выраженіе «его садятъ подъ арестъ»; на стр. 101 наполеоновскую легенду «въ видѣ оружія со стороны оппозиціи»; на стр. 126 «всѣ свободы уничтожены» и т. д. Во второй половинѣ книги иногда встрѣчаются опечатки, затрудняющія пониманіе читателю; напримѣръ, на стр. 493 «Омеру-нашѣ удалось провести въ крѣпость укрѣпленія (читайте подкрѣпленія); на стр. 498: «8 сентября... отправлена была новая коммисія изъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ для изслѣдованія гвинейскаго (?—дѣло идетъ о Крымѣ) берега»; на стр. 505 «паровой корветъ Pluton пострадалъ около европейскаго (читайте евпаторійскаго) берега» и т. д. А. К.

А. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896.

Профессоръ А. И. Кирпичниковъ въ настоящее время является у насъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ новой русской литературы, такъ какъ, занимаясь изданіемъ западныхъ литературъ, онъ постоянно останавливался на выдающихся моментахъ и нашей родной литературы, которая, особенно въ новомъ своемъ періодѣ, находится подъ вліяніемъ запада. Путь такимъ путемъ, профессоръ Кирпичниковъ находитъ очень много интересныхъ вопросовъ для изученія и постоянно работаетъ надъ разъясненіемъ трудовъ того или другого русскаго писателя. Плодомъ такой работы и былъ цѣлый рядъ статей по новой русской литературѣ; онѣ въ свое время были помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ (особенно часто въ «Историческомъ Вѣстникѣ»), а теперь являются въ отдѣльной книгѣ. Здѣсь находятся статьи: 1) Московскія Вѣдомости 1789 г., 2) Кургановъ и его «Письмовникъ», 3) Антоній Погорѣльскій (Перовскій), 4) Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ, 5) Одесса и Пушкинъ, 6) Критическія и библиографическія замѣтки о Крыловѣ, 7) В. П. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки, 8) Н. В. Гоголь (біографическій очеркъ), 9) А. В. Дружининъ, 10) Достоевскій и Писемскій (сравнительныя характеристики), 11) Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Толстого и 12)

Изъ исторіи умственной жизни Одессы. Въмѣсто предисловія къ этимъ очеркамъ помѣщена вступительная лекція¹⁾, которую авторъ прочелъ въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1885 г., и которая, конечно, еще памятна всѣмъ слышавшимъ ее тогда, такъ какъ она, будучи талантливо сказана, произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Въ этой лекціи дается рядъ наблюденій и замѣчаній, изъ которыхъ представляется возможность сдѣлать и общій выводъ о понятіи «исторія литературы», какъ о наукѣ, занимающейся исторіей общественной мысли, выражающейся въ письменныхъ памятникахъ и служащей показателемъ развитія того или другого народа.

Останавливаясь подробно на очеркахъ, вошедшихъ въ составъ настоящей книги, мы, конечно, не можемъ, такъ какъ для этого нужно слишкомъ много мѣста, да къ тому же и читателямъ «Историческаго Вѣстника» многіе изъ нихъ хорошо извѣстны. Не пересказывая содержанія ихъ, мы лишь отмѣтимъ, что въ каждомъ изъ этихъ очерковъ въ высшей степени рельефно выражается одна и та же основная мысль — уяснить прогрессивное развитіе русскаго общества, отмѣтить руководящія идеи того или другого момента въ жизни русской и подчеркнуть выдающіяся особенности самостоятельнаго творчества. Изъ не напечатанныхъ раньше въ «Историческомъ Вѣстникѣ» мы встрѣчаемъ здѣсь: «Биографію Гоголя», «Замѣтки о Крыловѣ» и «Изъ исторіи умственной жизни Одессы». Биографія Гоголя была первоначально прочитана въ Одесской народной аудиторіи, какъ общедоступная лекція; она отличается стройностью и послѣдовательностью изложенія и даетъ прекрасное освѣщеніе фактовъ изъ жизни автора «Мертвыхъ Душъ»; замѣтки о Крыловѣ — весьма важны, онѣ несомнѣнно будутъ очень полезны для всякаго, кто пожелаетъ серьезно изучать сочиненія нашего баснописца; въ этой статьѣ впервые ставится ясно вопросъ о критикѣ текста басенъ Крылова, о необходимости при изданіи ихъ основательно изучить басни-автографы, хранящіяся въ Императорской Публичной библиотекѣ; профессоръ Кириичниковъ приводитъ много поправокъ къ тексту изданій и этимъ вполне подтверждаетъ несостоятельность ихъ. Вполнѣ должно согласиться съ авторомъ также и въ томъ, что необходимо дать объясненіе такимъ сюжетамъ, относительно которыхъ Кеневичъ ограничивается библиографическими указаніями и сводомъ (часто неполнымъ) вариантовъ. Очеркъ «Изъ исторіи умственной жизни Одессы» помѣщенъ былъ въ юбилейномъ изданіи этого города; объ этомъ изданіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ свое время дана была рецензія.

Въ концѣ книги приложенъ указатель именъ, что весьма важно для всѣхъ желающихъ пользоваться ею при изученіи новой русскаго литературы.

Появленію въ свѣтъ «Очерковъ» профессора А. И. Кириичникова нужно радоваться, такъ какъ эта его книга должна быть признана дѣльнымъ вкладомъ; она, несомнѣнно, сослужитъ полезную службу русскаго читающей публикѣ, такъ какъ всѣ очерки профессора Кириичникова написаны талантливо, живо и даютъ массу полезныхъ свѣдѣній. Желая самаго широкаго распространенія прекрасной книгѣ профессора А. И. Кириичникова, мы позволяемъ себѣ вы-

¹⁾ Въ полномъ видѣ она напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1886 году.

сказать надежду, что высокоуважаемый авторъ со временемъ соберетъ въ отдѣльные сборники свои многочисленныя статьи по исторіи западныхъ литературъ, по древнерусской, по исторіи искусства и византийской литературы. Этимъ была бы оказана большая услуга всѣмъ интересующимся различными научными вопросами.

О. Р. Г.

Гр. Л. Н. Толстой. Р. Левенфельда. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1896.

Авторъ книги о Л. Н. Толстомъ намѣревался представить «жизнь, произведенія и міросозерцаніе» послѣдняго въ ихъ одновременной и неразрывной между собою связи. Такой планъ работы слѣдуетъ признать весьма интереснымъ, въ особенности, по отношенію къ нашему знаменитому писателю; но выполненъ онъ несовсѣмъ удовлетворительно. Впрочемъ, г. Левенфельдъ и самъ признается въ этомъ, говоря: «дать исторію жизни Толстого, выяснитъ характеръ знаменитаго писателя во всѣхъ его существенныхъ чертахъ — вотъ задача, которую я себѣ поставилъ. Вполнѣ осуществить эту задачу мнѣ — я хорошо понимаю это — не по силамъ. Но я позволяю себѣ думать, что къ первому опыту не отнесутся съ той строгостью, которая вполнѣ уместна тамъ, гдѣ изъ тысячи мелкихъ отдѣльныхъ работъ создается большое цѣлое. У біографа Толстого нѣтъ предшественниковъ. Ни на русскомъ, ни на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ нѣтъ ни одного мало-мальски подробнаго описанія жизни этого замѣчательнаго человѣка. Для своей работы я пользовался отдѣльными замѣтками, разбросанными по русскимъ журналамъ, указаніями самого графа Толстого и, главнымъ образомъ, тѣмъ драгоценнымъ матеріаломъ, который предоставила въ мое распоряженіе почтенная супруга графа». Дѣйствительно, книга г. Левенфельда страдаетъ многими недочетами, но тѣмъ не менѣе она заключаетъ въ себѣ интересный матеріалъ для характеристики предковъ Толстого и его самого, въ связи съ указаніями на литературные типы его первоначальныхъ произведеній, имѣющіе автобіографическое значеніе, а также критику и полемику, возникавшую временами по поводу его писательской дѣятельности. Но, за исключеніемъ сырого матеріала и самаго метода, которымъ будущіе біографы несомнѣнно воспользуются, авторъ чрезвычайно блѣдно намѣчаетъ намъ «характеръ» и «міросозерцаніе» Л. Н. Толстого. Кутежи его во время студенчества и даже на войнѣ въ Севастополѣ, въ Петербургѣ и т. д. довольно сильно подчеркнуты въ книгѣ; можетъ быть, для правды это и было необходимо сдѣлать, но болѣе высокія черты Л. Н. Толстого, при всей къ нимъ симпатіи автора, указаны чрезвычайно поверхностно и болѣе общими фразами, напр., о томъ, что Левъ Николаевичъ уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ обнаружилъ свою независимость среди прочихъ писателей стремленіемъ болѣе къ нравственному и личному совершенствованію, чѣмъ соціальному; что онъ не вѣрилъ въ общепринятый «прогрессъ» и предпочиталъ простого казака культурному типу; что въ литературныхъ кружкахъ Панаева, Некрасова и Тургенева онъ былъ «олицетвореннымъ противорѣчіемъ», и этимъ объясняется его долгая вражда съ Тургеневымъ, едва не кончившаяся дуэлью,

и т. д. Всѣ эти интересныя подробности совершенно не мотивированы и доказаны крайне слабо; а между тѣмъ онѣ несомнѣнно существовали въ характерѣ нашего писателя. Даже въ домѣ Фета ссора Толстого съ Тургеневымъ, изъ-за взглядовъ на воспитаніе Тургеневымъ своей дочери, мало понятна въ слабыхъ комментаріяхъ г. Левенфельда и ничего не говоритъ о собственныхъ идеалахъ Толстого по вопросу о воспитаніи дѣвочекъ въ нашихъ семьяхъ. Описанная г. Левенфельдомъ ссора Толстого съ Тургеневымъ даетъ полное право истолковывать ее каждому по своему; а между тѣмъ біографъ могъ бы собрать по этому поводу болѣе полныя справки и найти къ ней ключъ. Онъ говоритъ: «взглядъ Толстого на воспитаніе, шедшій въ разрѣзъ со всѣми установившимися въ этомъ отношеніи мнѣніями, вѣроятно, сильно задѣлъ Тургенева за живое...». Ну, развѣ это объясненіе и т. д. — не общія фразы? Читатель все-таки не знаетъ, какихъ же собственно взглядовъ на воспитаніе дѣтей были тогда гг. Толстой и Тургеневъ; почему они чуть не подрались въ чужомъ домѣ на глазахъ хозяйки; были ли они просто дурно воспитанные русскіе люди въ гостиницѣ, или они горячились изъ-за цѣлага міра серьезныхъ идей и готовы были на дуэли умирать за нихъ? Точно такіе же вопросы возникаютъ при чтеніи книги г. Левенфельда и въ другихъ частяхъ жизнеописанія Л. Н. Толстого, предоставляя каждому дѣлать о немъ свои собственные догадки. Еще до нѣкоторой степени педагогическая дѣятельность Толстого въ «Ясной-Полянѣ», съ возникшей по этому поводу въ журналахъ полемика, и женитьба Толстого на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ — описаны г. Левенфельдомъ тщательно и ярко; но затѣмъ книга послѣдняго точно оборвана и не окончена. Жизнеописаніе Толстого переплетено съ первоначальными его произведеніями («Дѣтство и Отрочество», «Казаки», Кавказскіе и Севастопольскіе рассказы, «Три смерти», «Поликушка», «Семейное счастье»), и это сдѣлано очень не дурно; но далѣе авторъ не идетъ. Точно Толстой не писалъ «Анны Карениной», «Войны и Мира», «Смерти Ивана Ильича», «Крейцеровой Сонаты», «Власти Тьмы» и другихъ прямо философскихъ произведеній, характерныхъ по преимуществу для его пониманія. Весь этотъ позднѣйшій періодъ въ міросозерцаніи Льва Николаевича совершенно не тронуть г. Левенфельдомъ и упоминается въ книгѣ только вскользь, по поводу пріѣзда Толстого въ 1881 году въ имѣніе къ Тургеневу, у котораго въ то время также гостилъ и Я. П. Полонскій. «Графъ Толстой рассказывалъ своимъ друзьямъ о путешествіяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ простомъ мужицкомъ армякѣ и валенкахъ, о сектахъ и сектантахъ и объ ихъ обрядахъ, съ которыми онъ лично ознакомился. Друзья со вниманіемъ, но и безъ сильнаго удивленія, слушали, какъ Левъ Николаевичъ высказывалъ свои новыя христіанскія убѣжденія. Тургеневъ глубоко и искренно скорбѣлъ по поводу духовнаго направленія Толстого, направленія, по его мнѣнію, безусловно ложнаго и грозящаго вѣрною гибелью художественному дарованію величайшаго русскаго писателя». Вѣдь одной «скорби» Ив. Серг. Тургенева все-таки недостаточно для того, чтобы читатели книги г. Левенфельда могли понять «новыя христіанскія убѣжденія» Л. Н. Толстого. Этотъ періодъ изъ жизни послѣдняго требовалъ отъ г. Левенфельда даже болѣе тщательной разработки, чѣмъ та, которая, съ нѣкоторыми оговорками, проявлена имъ въ его книгѣ о первой половинѣ жизни Л. Н. Тол-

стого. Въ общемъ, такимъ образомъ, эта біографія о Толстомъ прочтется не безъ интереса; но желать она заставляетъ еще очень многого. Будущему біографу Л. Н. Толстого предстоитъ не малый трудъ доказать то, что у г. Левенфельда является пока однимъ доброжелательствомъ къ нашему великому писателю, а именно: «Жизнь его вполне соотвѣтствуетъ его ученію. Левъ Толстой—единственный изъ нашихъ современниковъ, у котораго между мыслью и поступками существуетъ такая удивительная гармонія. Въ этомъ величіе Толстого, какъ человѣка. Оспаривать это величіе можетъ только тотъ, кто смотритъ на міръ сквозь узенькую призму личнаго самолюбія. Человѣкъ, относящійся безъ предвзятыхъ идей къ будущему и умѣющій внимательно прислушиваться къ голосу настоящаго, долженъ будетъ признать во Львѣ Толстомъ одного изъ тѣхъ великихъ мужей, которые появляются только въ важные критическіе моменты исторіи и появляются затѣмъ — чтобы учить, предостерегать, спасать! Величіе Толстого, какъ человѣка, не пользуется еще общимъ признаніемъ. Но Толстой-писатель покорила весь міръ. На всѣхъ языкахъ говорятъ съ нами его русскіе люди».

А. Фаресовъ.

Обязательный минимумъ образованія. М. Л. Песковскаго. Спб. 1896.

Г. Песковскій неутомимо работаетъ надъ выясненіемъ вопросовъ русскаго просвѣщенія и успѣлъ создать себѣ выдающееся положеніе въ нашей литературѣ, какъ хороший знатокъ нуждъ русской школы. Помимо теоретическаго обсужденія разныхъ педагогическихъ вопросовъ, его перу принадлежать прекрасныя біографическіе очерки столицъ русской школы—Ушинскаго и барона Корфа, свѣтлые образы которыхъ г. Песковскій сумѣлъ обрисовать умѣло и любящею рукою. Новая его работа, заглавіе которой приведено выше, посвящена вопросу чрезвычайной важности и идетъ на встрѣчу запросамъ всего интеллигентнаго русскаго общества. Здѣсь авторъ, во всеоружіи знанія дѣла, пытается отвѣтить, каковъ тотъ минимумъ образованія, который необходимо дать населенію, чтобы обезпечить за нимъ возможность мало-мальски культурнаго существованія и правоспособность къ разумной и производительной практической дѣятельности въ хозяйственно-промышленной области. Врядъ ли требуется въ настоящее время серьезно разъяснять, насколько важенъ выдвинутый г. Песковскимъ вопросъ; на страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже неоднократно было высказано, что всѣ наши современные злобы и недуги органическимъ образомъ связаны съ дѣломъ просвѣщенія народной массы, поэтому намъ особенно было пріятно встрѣтить въ брошюрѣ г. Песковскаго авторитетное развитіе этой же мысли и указанія, прекрасно разработанныя, какъ наиболѣе скоро и легко подвинуть дѣло всеобщаго обученія русскаго простаго народа. Въ видахъ послѣдняго авторъ и задался задачей опредѣленія обязательнаго минимума образованія и выясненія, что подъ этимъ минимумомъ слѣдуетъ разумѣть. «Избавленіе народной школы отъ обученія простой грамотѣ само собою уже даетъ ей возможность проявить себя въ роли истиннаго образовательно-воспитательнаго заведенія, могущаго способствовать притомъ и проведенію въ народную среду тѣхъ основныхъ прикладныхъ знаній, которыя необходимы по

мѣстнымъ условіямъ, — утверждаетъ г. Песковскій. Просвѣтительное воздѣйствіе, однако, ни въ какомъ случаѣ не должно заканчиваться школою. Тотъ запасъ свѣдѣній, который послѣдняя проводитъ въ народную среду, не только возможно, но даже и необременительно поддерживать и расширять при помощи систематической организаціи на мѣстахъ: библіотекъ при народныхъ школахъ, популярныхъ чтеній и бесѣдъ съ народомъ по праздникамъ и повторительныхъ курсовъ для бывшихъ учениковъ народныхъ школъ, въ пору приближенія ихъ къ зрѣлому возрасту. Подготовить же учительскій персоналъ, соотвѣтствующій указанной организаціи народнаго образованія, не представляется особенныхъ затрудненій для каждой отдѣльной губерніи и области, при помощи учрежденій особыхъ курсовъ на мѣстахъ». Далѣе авторъ указываетъ на дешевые и общедоступные способы, какимъ образомъ послѣдовательно доводитъ педагогическій персоналъ народной школы, получившій спеціальную подготовку, до значительной степени педагогическаго самоусовершенствованія и, наконецъ, разъясняетъ возможность, чтобы наряду съ общимъ элементарнымъ образованіемъ въ сельскую среду систематически, непрерывно вливалась и свѣжая струя прикладныхъ знаній по всѣмъ, безъ исключенія, отраслямъ народнаго труда, а тѣмъ болѣе — по сельскому хозяйству и ремесламъ.

Наиболѣе вѣрнымъ способомъ установленія у насъ поголовной грамотности г. Песковскій считаетъ примѣненіе къ нашей жизни испытанной уже скандинавскими государствами мѣры: организацію подвижныхъ школъ и дѣятельность переходящихъ учителей. Широко примѣнивъ на Скандинавскомъ полуостровѣ эту организацію, правительства государствъ полуострова въ нѣсколько десятковъ лѣтъ радикально реформировали характеръ народа, превративъ его изъ грубаго, невѣжественнаго и вѣчно-пьянствующаго въ народъ высокой культуры, которой могутъ позавидовать континентальныя государства центральной Европы. Авторъ «обязательнаго минимума» приводитъ подробный цифровой расчетъ, изъ коего усматривается, что расходъ на такія подвижныя школы и переходящихъ учителей обойдется каждой волости всего лишь или по 1 р. 30 к. на челоѣка, т. е. въ нѣсколько разъ меньше того, во что обходится обученіе грамотѣ въ настоящее время, гдѣ оно практикуется. «Расходъ этотъ, — говоритъ г. Песковскій, — въ четыре съ половиною раза менѣе той суммы, во что должно бы обойтись государству доведеніе количества начальныхъ народныхъ училищъ до общедоступности всему континенту школьнаго населенія имперіи, или — что уже болѣе чѣмъ странно — во что можетъ обойтись государству обученіе дѣтей почти одной простой грамотѣ, но при помощи особыхъ, постоянныхъ школокъ грамоты».

Вопросъ о передвижныхъ школахъ и переходящихъ учителяхъ разработавъ г. Песковскимъ чрезвычайно обстоятельно, и эта часть его брошюры представляетъ, по нашему мнѣнію, наибольшую цѣну и интересъ. Заслуживаетъ также вниманія все то, что говоритъ почтенный изслѣдователь объ организаціи учительскихъ съѣздовъ и учительскихъ библіотекъ, объ учрежденіи повторительныхъ курсовъ для людей уже болѣе или менѣе взрослыхъ и установившихся, объ устройствѣ устныхъ собесѣдованій и объ образованіи мѣстныхъ школьныхъ попечительствъ. «Нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ сомнѣваться, — утвер-

ждаетъ г. Песковскій,—что, при условіи объединенія провинціальной интеллигенціи въ школьныя попечительства, она, въ виду несомнѣнно большихъ ея нравственныхъ качествъ и любви къ отечеству, не только выполнитъ все зависящія отъ нея функціи въ дѣлѣ мѣстнаго народнаго образованія, не исключая въ томъ числѣ, конечно, и бесѣдъ, но сдѣлаетъ и еще много хорошаго на пользу просвѣщенія, умственнаго и нравственнаго, и облагороженія массы населенія, о чемъ даже самая мечта въ настоящее время можетъ казаться слишкомъ смѣлою. «Если» и «Дѣтскіе сады» въ деревняхъ, болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи учащихся (хотя бы въ предѣлахъ своего уѣзда и губерніи), образовательныя прогулки взрослыхъ, любительскіе хоры, оркестры и театральныя труппы—какимъ все это кажется чуждымъ нынѣшней нашей деревнѣ, въ виду ея дикости, захудалости и запущенности въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи! А между тѣмъ, стоитъ только проявиться почину и самодѣятельности мѣстной интеллигенціи на пользу народнаго образованія, именно — въ формѣ школьныхъ попечительствъ, съ тѣми правами и обязанностями, какъ мы проектируемъ, и все указанныя сейчасъ культурныя нововведенія и улучшенія въ деревняхъ образовательно-воспитательнаго свойства послѣдовательно приложатся сами собою. За то, наоборотъ, безъ почина и самодѣятельности мѣстной интеллигенціи, никогда не создать намъ ничего подобнаго, никакими усиліями»... Эти слова, дышущія высокимъ оптимизмомъ, горячею вѣрою въ жизненность рускаго образованнаго класса провинціи, не кажутся намъ просто «манилловщиною»: русское общество неоднократно давало доказательства своего желанія послужить народу въ тѣхъ случаяхъ, когда его не связывали обиднымъ недоуверіемъ и путами канцелярскій регламентаціи. Самъ г. Песковскій въ своей брошюрѣ, въ главахъ, относящихся къ прикладной части знаній, обстоятельно рисуетъ намъ успѣхи земствъ—Вятскаго и Пермскаго, создавшихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ болѣе или менѣе удачную постановку народнаго сельскаго хозяйства именно при содѣйствіи хорошо организованныхъ школъ. Разсмотрѣвъ подробно вятскую программу земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій, авторъ сводитъ ее къ слѣдующимъ желательнымъ практическимъ мѣропріятіямъ въ смыслѣ нагляднаго непосредственнаго воздѣйствія на крестьянскій хозяйственный бытъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ: 1) учрежденіе въ разныхъ мѣстностяхъ по уѣздамъ, по мѣрѣ надобности, доказательныхъ полей и участковъ; 2) устройство образцовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ; 3) заведеніе при существующихъ народныхъ школахъ хозяйствъ или земскихъ участковъ по полеводству, садоводству, огородничеству и прочее; 4) систематическіе лѣтніе курсы по сельскому хозяйству для лицъ, преподающихъ въ народныхъ школахъ; 5) устройство особаго рода учебно-практическихъ фермъ; 6) учрежденіе сельско-хозяйственнаго музея и поощреніе кустарнаго производства сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, выставки ихъ и публичныя испытанія; 7) систематическое распространеніе популярныя книгъ по сельскому хозяйству и 8) съѣзды земскихъ агрономовъ, при участіи представителей земства, вполне доступные также и всемъ вообще хозяевамъ-практикамъ въ губерніи».

Брошюра г. Песковскаго явленіе чрезвычайно отрадное въ нашей совре-

менной литературѣ: въ ней всѣ части обширнаго вопроса о народномъ просвѣщеніи очень удачно суммированы и поставлены органически въ зависимость другъ отъ друга, что и даетъ возможность читателямъ получить о вопросѣ цѣлостное и полное понятіе. Онъ даетъ сжатую программу «обязательнаго минимума образованія», которая разомъ сдѣлаетъ народную школу сильною и вліятельною въ смыслѣ подъема и улучшенія всей вообще народной жизни. Пусть лица и учрежденія, кои вѣдаютъ дѣло народнаго просвѣщенія, обратятъ серьезное вниманіе на работу г. Песковскаго: по нашему мнѣнію, многими его мыслями будетъ не лишнимъ руководиться въ дѣлѣ вѣроятной будущей реформы школьнаго дѣла въ Россіи.

В. Глинскій.

Сочиненія В. Г. Вѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова Спб. 1896.

Въ наши дни скучной и мертвенной журналистики, когда писатели только въ заглавіяхъ своихъ статей говорятъ «о жизни въ литературѣ и о литературѣ въ жизни», дешевое собраніе сочиненій Вѣлинскаго сдѣлаетъ свое полезное дѣло, освѣжитъ въ памяти общества страницы дѣйствительной жизненности публицистическаго чувства и критико-эстетическаго чутія. Жизненность есть высшее достоинство журналистики 30—40-хъ годовъ и въ частности литературной дѣятельности Вѣлинскаго. Но, помимо этого оживленія скучающаго читателя, настоящае «Собраніе сочиненій» сдѣлаетъ, надѣюсь, и еще одно хорошее дѣло— представитъ въ истинномъ свѣтѣ самый образъ нашего критика и явится яркимъ, убѣдительнымъ опроверженіемъ характеристики его, сдѣланной недавно Г. А. Вольнскимъ, докажетъ, что именно онъ, Вѣлинскій, былъ первымъ, подлиннымъ философскимъ критикомъ въ нашей литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, философскій характеръ критика пріобрѣтаетъ вовсе не въ силу того, что слѣдуетъ тому или другому, идеалистическому или реалистическому міровоззрѣнію, а тѣмъ исключительно, что входитъ въ анализъ творческаго процесса продуктивной личности. Вѣлинскій обладалъ несомнѣнно философскимъ складомъ ума, но главное его свойство, господствующая черта, состояла все-же въ чистомъ эстетическомъ чутьѣ, которое и направляло этотъ философскій умъ къ анализу художественнаго творчества. Поучительны въ критикѣ Вѣлинскаго отнюдь не характеристики индивидуальныхъ литературныхъ фізіономій, а именно анализъ творческихъ способностей отдѣльныхъ художественныхъ натуръ и вообще опредѣленіе условій творческаго процесса. Въ этомъ главная сила Вѣлинскаго; и потому вовсе не вліяніе Гегеля съ формулою о «разумности дѣйствительнаго» существенно въ его литературной жизни, а напротивъ вліяніе Шелинга съ его идеями объ объективности всякаго художественнаго творчества и проч. Вотъ идеи, которыя Вѣлинскій дѣйствительно усвоилъ изъ германской философіи и дѣйствительно развилъ и приложилъ къ частнымъ, конкретнымъ литературнымъ фактамъ. И потому, намъ кажется, не только его крупныя критическія работы, посвященныя свѣтлпамъ русскаго искусства: Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Мочалову, имѣютъ поучительность и значеніе, но и такія библиографи-

чeskія статьи, какъ замѣтки о Жанъ-Поль-Рихтерѣ, Бенедиктовѣ, Григорьевѣ, Вельтманѣ, Губерѣ и др. Учениками Вѣлинскаго въ этомъ отношеніи могутъ считаться Аполлонъ Григорьевъ и Тургеневъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и письмахъ. Къ собранію, изданному въ 4 томахъ, хронологически размѣщенныхъ, приложена критическая параллель г. Михайловскаго: Прудонъ и Вѣлинскій, талантливо написанная, но, какъ и многое, принадлежащее перу этого писателя, въ общемъ искусственная и болѣе утонченная, нежели тонкая.

Ө. Шперкъ.

Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Возсмертіе души.
Пер. А. Николаева, подъ ред. Е. Воброва. Юрьевъ. 1895.

Г. Бобровъ, приватъ-доцентъ философіи въ Юрьевскомъ университетѣ, принялъ на себя редакцію перевода двухъ названныхъ сочиненій покойнаго Тейхмюллера, состоявшаго также профессоромъ философіи въ Юрьевскомъ университетѣ и, въ качествѣ философа, пользующагося европейскою извѣстностью. Весьма похвально, что молодой профессоръ отнесся съ уваженіемъ къ трудамъ своего знаменитаго предшественника по кафедрѣ. Менѣе похвально, что онъ, принявъ на себя редакцію трудовъ послѣдняго, отнесся къ своей задачѣ болѣе чѣмъ небрежно. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ, чтобы подкрѣпить наше мнѣніе и въ то же время познакомить читателя съ основнымъ содержаніемъ трудовъ Тейхмюллера. «Легко будетъ замѣтить,— такъ редактируетъ г. Бобровъ порусски его слова:— что въ моихъ глазахъ авторитетъ Канта, на котораго теперь такъ часто ссылаются, весьма мало значить... Вернулись къ легко доступному Канту, который, благодаря своей догматической систематикѣ, съ ящичками для разума, разсудка и чувственности, удобнымъ для эмпириковъ деревяннымъ пирмочкамъ, какимъ онъ ограничиваетъ свой горизонтъ, и запрятыванію опаснаго разума, повидимому, доставляетъ спокойное ни изнутри, ни снаружи не освѣщенное убѣжище». Вѣра же Тейхмюллеръ называетъ великимъ геніемъ, «присутствіе коего насъ всѣхъ воздымало». Знаменитый естествоиспытатель самъ, какъ извѣстно, много занимался дарвинизмомъ. Работы его Тейхмюллеръ ставитъ очень высоко и, усматривая въ дарвинизмѣ цѣлое міровоззрѣніе, признаетъ своею задачею подвергнуть его философской оцѣнкѣ или, какъ онъ самъ выражается, опять-таки подъ редакцію г. Воброва: «отсюда для философіи возрастаетъ обязанность раздѣлаться съ новыми ученіями и въ соображеніи своихъ собственныхъ методъ и принциповъ принять положеніе къ этому дарвинистскому міровоззрѣнію». Эти выдержки насъ избавляютъ отъ необходимости «принять положеніе» къ редакторскому труду г. Воброва. Въ то же время онѣ намъ показываютъ, что Тейхмюллеръ отвергаетъ авторитетъ Канта (онъ признаетъ себя прямымъ послѣдователемъ Лейбница), и что онъ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ очень внимательно относится къ выводамъ естествознанія. Всѣмъ лицамъ, интересующимся взаимнымъ отношеніемъ между метафизическими системами и естествознаніемъ, мы горячо рекомендуемъ труды покойнаго Тейхмюллера и сожалѣемъ, что незнающимъ нѣмецкаго языка придется съ ними знакомиться въ чисто-варварскомъ переводѣ, редактированномъ г. Бобровымъ.

Р. О.

М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Спб. 1896.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаетъ читателю большой, снабженный портретами и рисунками трудъ по исторіи философіи. Въ первомъ выпускѣ (дальнѣйшихъ пока не появилось) помѣщены портреты Канта, Аристотеля, Пифагора и таблицы съ изображеніемъ дробленія оплодотвореннаго яйца собаки, развитія человѣческаго эмбриона, человѣческихъ конечностей и т. д. Получается, повидимому, какой-то двойственный трудъ, въ которомъ наряду съ историческимъ обзоромъ главнѣйшихъ философскихъ системъ содержатся естество-историческія знанія. Но это только такъ кажется, потому что по мысли автора философія и естествознаніе сливаются. Онъ — убѣжденный позитивистъ, провозглашающій, что «всѣ вообще философскія системы, пытающіяся отдѣлать себя отъ науки, окончательно отжили свой вѣкъ». Само собою разумѣется, что этими отжившими философскими системами являются ученія метафизическія. Какъ видитъ читатель, авторъ — не только убѣжденный позитивистъ, но и очень рѣшительный въ своихъ приговорахъ мыслитель. Если бы не существовало Платона, Декарта, Канта, Гегеля и многихъ другихъ метафизиковъ, то авторъ врядъ ли могъ бы быть теперь позитивистомъ: они научили человѣчество мыслить, и наука со всѣми своими пріобрѣтеніями имъ много обязана. Будучи позитивистомъ, авторъ, понятно, является и горячимъ сторонникомъ эмпирическаго метода, который одинъ признается имъ объективнымъ. Однако объективизмъ самого автора подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Философія Гегеля, по его словамъ, «просто устранена побѣдоноснымъ шествіемъ научной мысли». Если великаго нѣмецкаго философа постигла такая судьба, то, конечно, потому, что онъ относился пренебрежительно и недобросовѣстно къ естествознанію. Графа же Льва Толстого авторъ признаетъ гениальнѣйшимъ умомъ нашего времени и превозноситъ оригинальность его міросозерцанія, не смотря на то, что графъ Толстой съ гораздо большимъ пренебреженіемъ, чѣмъ Гегель, относится къ точной наукѣ, къ «разсматриванію въ микроскопъ какихъ нибудь микробовъ». Ученый, по мнѣнію графа Толстого, долженъ всецѣло проникнуться сознаніемъ нуждъ народныхъ массъ. Надо полагать, что изученіе холернаго микроба не имѣетъ никакого отношенія къ нуждамъ народныхъ массъ. Тѣмъ не менѣе авторъ признаетъ, что мораль графа Толстого очень «возвышеннаго свойства». Недостатокъ объективизма у автора еще болѣе бросится въ глаза, если принять во вниманіе, что многія теоріи, вполне научныя въ его смыслѣ, въ родѣ теоріи трансформизма, наследственности и т. д., были первоначально болѣе или менѣе метафизическими гипотезами и лишь впоследствии получили эмпирическое подтвержденіе. О достоинствахъ труда г. Филиппова пока еще судить рано: надо выждать появленія дальнѣйшихъ выпусковъ.

Р. О.

Памятная книжка окончивших курсъ С.-Петербургской духовной семинаріи. Съ 1811 г. по 1895 г. Составилъ Н. А. Скrobotовъ. Спб. 1896.

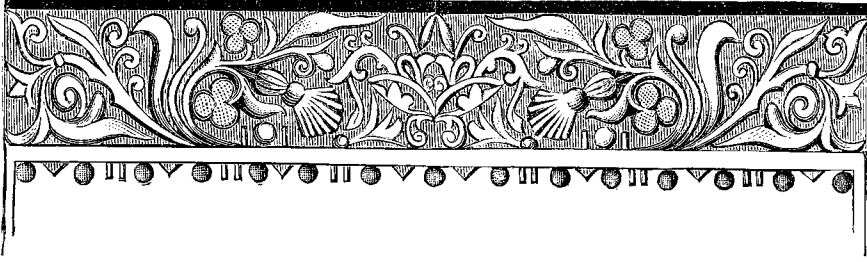
Петербургская духовная семинарія въ теченіе своего 85-ти-лѣтняго существованія дала образованіе болѣе, нежели 2,000 молодыхъ людей, изъ которыхъ многіе заняли потомъ видное положеніе не только въ церковной іерархіи, но и въ администраціи, наукѣ, литературѣ и педагогіи. Н. А. Скrobotовъ, воспитанникъ семинаріи, выпуска 1863 года, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на собраніе свѣдѣній о жизни и дѣятельности своихъ товарищей по заведенію. Этотъ кропотливый трудъ исполненъ имъ съ большою добросовѣстностью, и изданная теперь «Справочная книжка окончившихъ курсъ Петербургской духовной семинаріи» заключаетъ въ себѣ цѣнный біографическій матеріалъ. Всѣ лица, окончившія семинарію съ 1811 по 1895 годъ, перечислены по курсамъ, и при каждомъ приведены болѣе или менѣе подробныя указанія года рожденія, прохожденія службы, трудовъ, а при умершихъ и кончины. Въ концѣ книжки приложенъ алфавитный указатель, облегчающій справки. Свѣдѣнія, собранныя г. Скrobotовымъ, не смотря на ихъ сжатость, представляютъ интересъ не для однихъ лишь воспитанниковъ семинаріи, но и для всѣхъ, занимающихся исторіею нашего просвѣщенія и литературы, которые найдутъ въ «Памятной книжкѣ» не мало полезныхъ указаній и справокъ.

С. Ш.

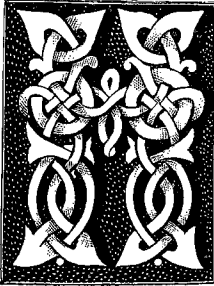
Памятная книжка Владимірской губерніи. 1895.

Владимірскій губернскій статистическій комитетъ издалъ памятную книгу о своей губерніи, подъ редакціей Н. П. Шипина, вполне удовлетворительно, собравъ обширный матеріалъ о городахъ и уѣздахъ Владимірской губерніи съ частными о каждомъ изъ нихъ свѣдѣніями о доходахъ, расходахъ, движеніи населенія, скотоводствѣ, пожарахъ, земской медицинѣ, народномъ образованіи, садоводствѣ, огородничествѣ, пчеловодствѣ и объ отхожихъ и кустарныхъ промыслахъ. Не только статистическій матеріалъ весьма разнообразенъ, но не менѣе интересенъ историческій и бытовой, какъ, напримѣръ, о книжномъ и картинномъ производствѣ фирмы И. А. Голышева, въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, откуда главнымъ образомъ идутъ на всѣ четыре стороны нашего обширнаго отечества книгоноши и офени. Такимъ образомъ, памятная книжка Владимірской губерніи не только справочная, но не лишена и общаго интереса во многихъ своихъ отдѣлахъ.

А. Ф—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВОЕ РУКОПИСНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ и египетская надпись объ исходѣ евреевъ. Иностранныя газеты, въ особенности англійскія, много говорятъ въ послѣднее время о находкѣ новаго рукописнаго Евангелія въ Цезарей, въ Малой Азіи. Эта драгоценная рукопись оказывается, по тщательному изученію ея компетентными экспертами, той самой, отъ которой отдѣльные листки находятся на Патмосѣ, въ Британскомъ музеѣ, въ Ватиканѣ и Вѣнѣ. Означенное тождество доказывается не только темно-пурпурнымъ цвѣтомъ страницъ, одинаковымъ характеромъ буквъ и равной величиной страницъ, но и главнымъ образомъ тѣмъ, что въ найденномъ экземплярѣ не достаетъ тѣхъ самыхъ страницъ, которыя были извѣстны до сихъ поръ подъ названіемъ «Отрывковъ изъ Патмосской рукописи». Такимъ образомъ, неоконченныя слова въ этихъ отдѣльныхъ страницахъ оканчиваются въ найденной теперь рукописи и обратно—неоконченныя слова этой рукописи оканчиваются на отдѣльныхъ листкахъ. По опредѣленію экспертовъ, въ настоящее время вся Патмосская рукопись на лицо, а до сихъ поръ изъ нея хранилось 33 листа на Патмосѣ, 6—въ Ватиканѣ, 4—въ Британскомъ музеѣ и 2—въ Вѣнѣ; она относится къ VI вѣку, написана въ два столбца на прекрасно сохранившемся пергаментѣ, съ золотыми и серебряными украшеніями буквъ. Хотя Тишендорфское евангеліе болѣе древнее, но тепершняя находка, повидимому, представляетъ по внѣшней красотѣ самый замѣчательный образецъ изъ существующихъ рукописныхъ Новыхъ Заветовъ. Онъ сохранялся до сихъ поръ въ маленькой сельской церкви, близъ Цезареи, и, какъ только распространился

слухъ объ его находкѣ, тотчасъ явились отовсюду покупщики: въ особенности торговались представитель одного изъ англійскихъ университетовъ и какой-то богатый америкаецъ. Но, по словамъ «Revue Encyclopédique» отъ 25-го апрѣля ¹⁾, купилъ ее агентъ русскаго правительства за 25,000 фр.

Въ одно время съ этой ново-завѣтной находкой появилось въ англійскомъ журналѣ «Contemporary Review» ²⁾ описаніе профессора Петри недавно найденной въ Египтѣ древней надписи, бросающей новый свѣтъ на одинъ изъ главныхъ эпизодовъ Стараго Завѣта, именно на исходъ евреевъ изъ Египта. Почтенный профессоръ доказываетъ, что найденная имъ надпись, составляющая подлинный разсказъ фараона, царствовавшего во время исхода евреевъ изъ Египта, объ его походѣ въ Ливію и Палестину, служить безспорнымъ подтвержденіемъ того факта, что еврейскій народъ никогда всецѣло не обиталъ въ Египтѣ, хотя и существовала въ этой странѣ еврейская колонія, и что означенный фараонъ разгромилъ большинство еврейской націи, жившей тогда преспокойно въ Палестинѣ, во время своего похода на Сирію, передъ такъ называемымъ исходомъ евреевъ изъ Египта. Въ началѣ своей статьи Петри сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ онъ нашелъ этотъ драгоценный историческій памятникъ: три мѣсяца усердныхъ раскопокъ привели къ открытію неизвѣстныхъ до сихъ поръ семи храмовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ ко времени фараона Меремптахъ, жившаго въ эпоху еврейскаго исхода. Въ этомъ-то храмѣ и найдена драгоценная историческая диковина, о которой теперь говоритъ весь ученый міръ. Для постройки своего храма Меремптахъ, по видимому, нуждался въ матеріалѣ и приказалъ съ этой цѣлью сломать великолѣпный храмъ, воздвигнутый его предшественникомъ, Аменхотепомъ III, за 1400 лѣтъ до Р. X. Въ числѣ обломковъ, которые вошли въ стѣны новаго храма, находилась громадная глыба чернаго сіенита, отшлифованная, какъ стекло. На ея гладкой поверхности изображена сцена изъ царствованія Меремптахъ, и выбита надпись, подробно повѣствующая объ его царствованіи. Петри буквально перевелъ эту любопытную надпись, и она занимаетъ двѣ страницы англійскаго журнала. Прежде всего описывается походъ фараона въ Ливію, а затѣмъ идетъ разсказъ о завоеваніяхъ его въ Сиріи, о чемъ до сихъ поръ вовсе не было извѣстно. Въ числѣ завоеванныхъ мѣстностей упоминается о странѣ хетейцевъ, о хананейской крѣпости Па-Ханана, по всей вѣроятности, современной Дeirъ-Хананъ, находящейся въ пяти миляхъ къ юго-востоку отъ Тира, или селеніе Хана, немного далѣе въ томъ же направленіи, и объ Аскадни, вѣроятно, Аскелонъ. То мѣсто означенной надписи, которое касается евреевъ, буквально говоритъ слѣдующее: «солнце Египта совершило эту перемѣну, и рожденъ для того и для мести былъ царь Меремптахъ. Вожди страны преклонили свои головы, говоря: миръ тебѣ, и ни одна изъ преклоненныхъ головъ не поднялась. Побѣждены Тахены (сѣверные африканцы), усмирена Хита (хетейцы), опустошена Па-Ханана (Ханунъ), взята силою Аскадни (Аскелонъ), захвачены Казмель, стерты съ лица земли Іеву (Янохъ) сирійцевъ; народъ

¹⁾ Manuscript des Evangiles. Revue Encyclopédique, 25 avril.

²⁾ The Latest Discovery in Egypt, by W. Petrie. Contemporary Review, may, 1896.

израильскій разграбленъ, и въ немъ не осталось ни сѣмени; Сирія стала какъ пустыня египетская: во всѣхъ странахъ царить миръ. Всѣ, кто были разбойниками, усмирены царемъ Меремптахомъ, дающимъ всему жизнь, какъ солнце каждому дню». Если бы израильскій народъ былъ подвергнутъ разграбленію фараономъ Меремптахомъ послѣ исхода его изъ Египта, то объ этомъ было бы упомянуто въ Библии, а слѣдовательно означенный набѣгъ египтянъ совершился до исхода евреевъ. Такимъ образомъ, доказывается, что часть израильскаго народа уже жила въ Ханаанѣ передъ тѣмъ, какъ Иисусъ-Навинъ перевелъ другую его часть черезъ Иорданъ. «Невозможно входить во всѣ подробности,—говоритъ Петри,—но достаточно сказать, что по астрономическимъ расчетамъ, по даннымъ египетской исторіи и по генеалогіи левитовъ, середина царствованія Меремптаха была около 1200 лѣтъ до Р. Х. Къ тому же выводу приводитъ насъ и точное изученіе исторіи Судей. На всѣхъ этихъ основаніяхъ можно заключить, что дѣйствительно исходъ евреевъ изъ Египта былъ при Меремптахѣ, и что этотъ фараонъ произвелъ набѣгъ на Палестину, гдѣ жили евреи прежде признаемаго доселѣ переселенія туда двѣнадцати колѣнъ Израйля».

— Всеобщая исторія въ древности. Нѣмецкій ученый, Макс Бюдингеръ сдѣлалъ опытъ отыскать въ древности попытки къ созданію всеобщей исторіи, и его обстоятельный трудъ носитъ названіе «Всеобщая исторія въ древности»¹⁾. Не опредѣляя теоретически, въ чемъ состояло у древнихъ понятіе о всеобщей исторіи, авторъ прямо начинаетъ свое изложеніе съ ея зачатковъ. Первую главу онъ посвящаетъ нарожденію всеобщей исторіи въ Египтѣ, и Бюдингеръ указываетъ, что историкъ царя двѣнадцатой династіи Тутмеса III, по имени Таини, можетъ считаться первымъ всеобщимъ историкомъ, но нельзя не замѣтить, что доводы ученаго нѣмца въ пользу его гипотезы довольно шатки; всѣ они сводятся къ тому, что старинныя египетскія надписи приписываютъ этому фараону эпитеты вождя вождей, царя царей и т. д. По справедливому замѣчанію критика «Revue Historique», слишкомъ хитро видѣть въ подобныхъ текстахъ зародышъ всеобщей исторіи, а проще объяснить ихъ тѣмъ, что египтяне сводили все къ своему народу и къ своей странѣ. Вторая глава занимается израилемъ, и хотя въ десятой главѣ Книги Бытія приводится списокъ всѣхъ народовъ земли, но, по словамъ Бюдингера, евреи не имѣли понятія о всеобщей исторіи до ассирійскаго плѣна, когда это понятіе стало ясно выражаться у пророка Исаи. Въ третьей главѣ говорится о царяхъ ассирійскихъ, которые со времени Саргона всегда выказывали, какъ обнаруживаютъ ихъ громкіе титулы, претензію на владычество всѣмъ міромъ, а потому относящіяся до ихъ царствованія лѣтонисы, по мнѣнію Бюдингера, заключаютъ въ себѣ элементы всеобщей исторіи. Но только индо-германскіе народы, въ особенности греки и римляне, внесли въ это понятіе о всеобщей исторіи философскую основу, которая выразилась въ ихъ ученіи о времени и судьбѣ, какъ общей могучей силѣ, равной божеству. Развивъ эту глубокомысленную теорію въ своей четвертой главѣ, нашъ авторъ говоритъ въ пятой и послѣдней главѣ

¹⁾ Die Universalhistorie im Alterthum, von Max Buedinger, Wien, 1896.

первой части о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ въ исторической эволюціи монархія персовъ; хотя ихъ цари также называли себя владыками всего міра, но ни одинъ изъ ихъ лѣтописцевъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Ксантія изъ Лидіи, не пытался написать исторіи всѣхъ народовъ, входившихъ въ ихъ имперію. Вторая часть разсматриваемаго труда посвящена грекамъ, а третья римлянамъ. Настоящими создателями всеобщей исторіи Бюдингеръ признаетъ Гекатея изъ Милета, Харона изъ Лапсакии и Геродота, но Геланика онъ не включаетъ въ эту категорію. Геродотъ вполне понялъ, что всѣ человѣческія дѣйствія составляютъ одно цѣлое, но заботы о персидскихъ войнахъ ограничили его горизонтъ. О Фукидидѣ не сообщается ничего новаго, но очень интересны и подробны изслѣдованія о Феопомпѣ и въ особенности объ Ефорѣ, который первый предпринялъ написать полную всеобщую исторію. Что касается до Аристотеля, то, придавъ исторіи преимущественно практической характеръ, онъ лишилъ ее всеобщаго значенія, и по указанному имъ пути пошли всѣ его ученики, за исключеніемъ Дипсарка. Изъ греческихъ историковъ послѣ Александра Македонскаго основательно разсматриваются Бюдингеромъ только Дурій изъ Самоса, Иеронимъ изъ Кардіи и въ особенности Тимей. Часть книги, посвященная Риму, начинается съ краткаго очерка вліянія греческой культуры на римлянъ, но характеристики Фабія Пиктора и Энія не представляютъ ничего новаго, за то Эмилиѣ Суръ, первый взглянувшій на римскую имперію, какъ на всеобщую владычицу послѣ Ассиріи, Персіи и Македоніи, и Полибій удостоены нѣмецкимъ ученымъ обстоятельнаго изученія. Затѣмъ, упомянувъ вкратцѣ о послѣдователяхъ Полибія, Агатархидѣ изъ Книды и Поседоніи, онъ подробно изучаетъ Діодора, при чемъ подвергаетъ основательной критикѣ источники. Въ очеркѣ, посвященномъ Трогу Помпею, обращаютъ на себя вниманіе указанія автора на то, что этотъ историкъ очень интересовался естественными науками и придавалъ большое значеніе пареянамъ, на ряду съ греками и римлянами. Такъ какъ Титъ Ливій не занимался всеобщей исторіей, то Тацитъ послѣдній изъ римскихъ историковъ, котораго подробно изучаетъ Бюдингеръ.

— Нѣмцы въ Австро-Венгріи до X столѣтія. Недавно вышелъ первый томъ очень почтеннаго труда Георга Стракоша-Гросмана, который предпринялъ написать основательную исторію всѣхъ отдѣльныхъ группъ нѣмецкаго населенія, разбросанныхъ на обширной территоріи Австро-Венгріи¹⁾. Насколько широко задумана эта научная работа, доказываетъ, что первый томъ, не смотря на свои 550 страницъ, оканчивается 955 годомъ по Р. Х. Самъ по себѣ онъ раздѣленъ на двѣ части, гранью между которыми служитъ 488 годъ; въ первой изъ нихъ Стракошъ описываетъ древнія передвиженія германцевъ на юго-востокъ, германскія государства въ періодъ времени отъ Августа до Марка-Аврелія, войны отъ 1061 года до великихъ вторженій, уничтоженіе римскаго владычества отъ 376 по 478 гг. и распространеніе германской цивилизаціи въ дунайскихъ земляхъ въ римскую эпоху. Приводя клас-

¹⁾ Geschichte der Deutschen in Oesterreich-Ungarn, von G. Strakosch-Grossmann. Bd. I. Wien. 1896.

сическіе тексты, авторъ освѣщаетъ ихъ новѣйшими археологическими открытіями, и этотъ пріемъ составляетъ отличительную черту его труда съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Съ наибольшею подробностью разсказано движеніе въ теперешнюю территорію Австро-Венгріи германскихъ племенъ: бастарновъ и свевовъ, а затѣмъ соединеніе различныхъ племенъ подъ господствомъ вождя Марбода, союзерника Арминія. Затѣмъ выступаютъ на первое мѣсто квады, и центральнымъ событіемъ этой эпохи служатъ завоеванія Траяна, ко времени котораго относится возведеніе римскихъ фортификаціонныхъ работъ въ Дакии. Въ послѣдующіе два вѣка идетъ постепенная замѣна прежнихъ племенъ новыми той же расы, и въ особенности возвышаются маркоманы, вандалы, гепиды и готы. При великихъ вторженіяхъ, которымъ Европа подвергалась въ V вѣкѣ, выдвинулись новыя германскія племена, пришедшія съ сѣвера: ругіи, герулы и т. д. Надо отдать справедливость Стракошу, что рисуемая имъ картина германо-римской цивилизаціи отъ I до V вѣка до такой степени всецѣло основана на современныхъ археологическихъ работахъ, что подобный трудъ былъ бы невозможенъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Не смотря на то, что торговля римскими товарами была еще очень значительна, но уже развилась въ то время настоящая національная промышленность, преимущественно стали выдѣлываться на мѣстѣ издѣлія бронзовыя, серебрянныя и желѣзныя, а также изъ дерева и слоновой кости. Также замѣчательны были успѣхи съ одной стороны земледѣлія, а съ другой—героической поэзіи. Такимъ образомъ, 488 годъ можно считать первымъ апогеемъ германскаго элемента на теперешней австро-венгерской территоріи. Вторая часть книги Стракоша, напротивъ, начинается съ длинной серіи поражений, которымъ подверглись германскія племена, не успѣвшія уничтожить другъ друга въ междоусобной борьбѣ, отъ нападеній восточной имперіи, аваровъ и славянъ. Но мало-по-малу выдвигаются на сцену двѣ новыя германскія силы, въ лицѣ баварцевъ и франковъ. Въ виду дикости аваровъ и постоянного передвиженія славянскихъ племенъ, нѣмецкія колоніи среди нихъ пріобрѣтаютъ все большее и большее могущество, благодаря двумъ элементамъ: римскому и христіанскому. Въ IX вѣкѣ уже ясно видны результаты этихъ историческихъ фактовъ, но прогрессъ германскаго населенія задерживается его борьбой со славянами и въ особенности появленіемъ новыхъ враговъ въ X вѣкѣ, именно венгровъ. На первомъ появленіи мадьярскихъ полчищъ въ предѣлахъ будущей Венгріи и заканчивается пока трудъ Стракоша.

— Тысячелѣтіе Венгріи. Со 2-го мая настоящаго года Венгрія празднуетъ свой десятилѣтній юбилей, и надо отдать ей справедливость, что это торжество устроено ею самымъ блестящимъ и осмысленнымъ образомъ. Во-первыхъ, оно будетъ продолжаться полгода, и въ немъ примутъ участіе постепенно всѣ главнѣйшія мѣстности страны въ политическомъ, историческомъ и экономическомъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, кромѣ обычныхъ банкетовъ, парадовъ, иллюминацій и т. д., откроется новое зданіе парламента въ Буда-Пештѣ и 500 народныхъ школь; въ-третьихъ, рядомъ съ освященіемъ многочисленныхъ историческихъ памятниковъ, устроена тысячелѣтняя выставка, которая представляетъ картину съ одной стороны постепеннаго развитія Венгріи въ тече-

не десяти вѣковъ, а съ другой—современнаго состоянія въ ней земледѣлія, промышленности и изящныхъ искусствъ. Конечно, по поводу этого юбилея возникла цѣлая литература, но изъ нея у насъ подъ руками находится только нѣсколько французскихъ книгъ и журнальныхъ статей, которыя знакомятъ читателя съ общей исторіей Венгріи, или отдѣльными ея эпизодами, а также съ настоящимъ положеніемъ этой страны въ той или другой общественной отрасли. Первое мѣсто между ними занимаетъ трудъ Рауля Шелара, подъ заглавіемъ «Тысячелѣтняя Венгрія», который составляетъ второй томъ его обширной монографіи Австро-Венгріи, входящей въ составъ издающейся въ Парижѣ серіи подъ общимъ заглавіемъ «Великія державы въ концѣ XIX столѣтія»¹⁾, а затѣмъ заслуживаютъ вниманія книга профессора Ж. Конта «Литературная и научная Венгрія»²⁾ и статья того же автора въ «Nouvelle Revue» «Тысячелѣтіе Венгерской поэзіи»³⁾ и въ «Revue Encyclopédique» «Десять вѣковъ Венгріи» и «Венгерскій театр»⁴⁾. Кромѣ того, можно указать на очеркъ современнаго положенія театра въ Венгріи не только съ драматической, но и со сценической точки зрѣнія въ «Revue des Revues»⁵⁾, и на воспоминанія Г. Сиветона о революціи сорокъ восьмага года въ Пештѣ, въ «Le Monde Moderne»⁶⁾. Собственно, историческое значеніе изъ всѣхъ этихъ книгъ и статей имѣютъ только вступительныя главы труда Шелара, статья Конта о тысячелѣтіи Венгріи и картинка Сиветона о возстаніи 18-го марта 1848 г. въ Пештѣ, а все остальное возбуждаетъ общественный и литературный интересы, но не историческій. Первые два изъ указанныхъ авторовъ, хотя кратко, но рельефно описываютъ тысячелѣтнюю борьбу венгерскаго народа со всякаго рода врагами, а главнымъ образомъ съ турками и нѣмцами, которые впродолженіе многихъ вѣковъ держали мадяровъ подъ самымъ невыносимымъ игомъ. Но память о своей древней независимости при короляхъ изъ династіи Арпада, св. Стефана и Матвѣя Корвина никогда не вымирала въ сердцахъ храбраго мадярскаго народа, и при первой возможности онъ возсталъ поголовно въ 1848 году, и если эта попытка освобожденія была задита кровью, то благодаря лишь помощи русской арміи, такъ какъ австрійцы сами никогда не справились бы съ венгерскою республикой. Въ теченіе десяти лѣтъ послѣ погрома въ странѣ царилъ самая жестокая реакція, но ея политическіе дѣятели поняли, что открытой силой нельзя побороть австрійскаго гнета, и прибѣгли къ политической ловкости, благодаря которой они воспользовались бѣдствіями, обрушившимися на габсбургскую монархію, сначала въ Италіи, а потомъ подъ Садовой. Въ результатъ получилась дуалистическая система Бейста

¹⁾ Les grandes puissances à la fin du XIX siècle. S. Autriche-Hongrie, par R. Chelard, II. La Hongrie Millénaire. Paris. 1896.

²⁾ La Hongrie littéraire et scientifique, par. J. Kont. Paris. 1896.

³⁾ Le Millénaire de la poésie hongroise, par J. Kont. La Nouvelle Revue. 1 mai, 1896.

⁴⁾ Le Millénaire de la Hongrie, par J. Kont.—Le Theatre de Hongrois, par J. Kont. Revue Encyclopédique. 9 mai 1896.

⁵⁾ Le Theatre en Hongrie. Auteurs et interpretes, par A. Degaston. Revue des Revues. 15 avril, 1896.

⁶⁾ Le 15 mars 1848 à Pesth, par G. Cyveton. Le Monde Moderne. Mars, 1896.

съ одной стороны и Деака съ другой, благодаря чему Венгрія не только къ своему тысячелѣтію стала вполне свободной, конституціонной и самостоятельной страной, но начала разыгрывать первенствующую роль въ той самой имперіи, которая еще недавно держала ее подъ своимъ ярмомъ. Нынѣшнія юбилейныя торжества и въ особенности тысячелѣтняя выставка краснорѣчиво доказываютъ побѣду Венгріи надъ своимъ заклятымъ врагомъ Австріей, такъ какъ все на празднествахъ и на выставкѣ имѣетъ строго національный венгерскій характеръ: Францъ-Иосифъ является всюду не австрійскимъ императоромъ, а венгерскимъ королемъ, и въ венгерскомъ костюмѣ, разсматриваетъ съ уваженіемъ документы, знамена и портреты тѣхъ самыхъ дѣятелей 1848 года, которые были казнены, какъ мятежники, по его же приказанію. Самая выставка, обнаруживая интеллектуальный и матеріальный прогрессъ страны за послѣдніе годы, служитъ доказательствомъ, чего могла достигнуть Венгрія въ короткое время при самостоятельномъ конституціонномъ существованіи. Только одно пятно омрачаетъ настоящее торжество венгерцевъ, которые, господствуя въ габсбургской имперіи, уже не думаютъ о бесполезной для нихъ независимости—это притѣсненія торжествующими венграми подчиненныхъ имъ славянскихъ и румынскихъ національностей. Конечно, исторически этотъ гнетъ господствующей расы надъ подвластными ей племенами объясняется тѣмъ, что въ прошедшія времена эти чуждые мадьярамъ элементы ихъ страны всегда принимали сторону угнетавшихъ ихъ вѣмцевъ, какъ, на примѣръ, въ 1848 году, а потому естественно, что и венгерцы, сохранившіе доселѣ въ своей крови дикія азіатскія страсти, при первой возможности стали, въ свою очередь, мстить имъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что лучшимъ празднованіемъ тысячелѣтія для венгерскаго народа, наконецъ достигнушаго политическаго, интеллектуальнаго и матеріальнаго благоденствія, было бы торжественное признаніе общей равноправности всѣхъ обитателей страны св. Стефана, безъ узкихъ псевдопатріотическихъ ограниченій.

— Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи. Жоржъ Блондель представляетъ въ майско-іюньской книжкѣ *Revue Historique*¹⁾ краткій, но ловко составленный, очеркъ освобожденія поселянъ въ австрійскихъ провинціяхъ: Богеміи, Моравіи и Силезіи, по вышедшему два года тому назадъ капитальному труду по этому вопросу Карла Грюнберга: *Die Bauernbefreiung und die Aufloesung des gutsherrlichbaeuerlichen Verhältnisses Boehmen, Maehren und Schlesien*. Этотъ трудъ почтеннаго вѣмецкаго ученаго можно поставить на ряду съ извѣстной еще до сихъ поръ классической книгой Кнопфа объ освобожденіи крестьянъ въ Пруссіи, и онъ основанъ на совершенно новыхъ изслѣдованіяхъ, а также массѣ еще неизвѣстныхъ архивныхъ документовъ. Поэтому передъ читателемъ не только развертывается картина юридическаго и социальнаго положенія поселянъ въ указанныхъ австрійскихъ провинціяхъ, а равно выясняется роль, которую играло въ этомъ вопросѣ правительство въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX, но и является возможность вывести новыя заклю-

¹⁾ Comtes-rendus critiques: Grünberg: die Bauernbefreiung, par G. Blondel. Revu Historique, mai—juin, 1896.

ченія о габсбургской имперіи прошедшаго столѣтія. Мастерски резюмируя это достойное вниманія, но тяжеловѣсное и плохо написанное, обширное сочиненіе, Блондель указываетъ прежде всего на тотъ рѣзкій контрастъ, который существовалъ между Пруссіей и Австріей: въ первой странѣ возбуждаютъ интересъ правительственныя мѣры въ пользу крестьянъ и ихъ владѣнія земель, а въ Австріи, напротивъ, вся суть заключается въ заботахъ правительства урегулировать существовавшія отношенія поселянъ къ помѣщикамъ. Если Грюнбергъ избралъ предметомъ своей двухтомной монографіи не всю Австрію, а только три ея провинціи, то онъ самъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Богеміи, Моравіи и Силезіи происходила одинаковая эволюція въ поземельной собственности и въ положеніи крестьянъ, а остальные части Австріи представляли въ этомъ отношеніи крупныя различія. Съ XIII по XVI вѣкъ совершается въ изучаемыхъ Грюнбергомъ австрійскихъ провинціяхъ постепенное измѣненіе въ положеніи сельскаго класса, благодаря политическимъ перемѣнамъ, происшедшимъ во внутреннемъ строѣ земельной аристократіи. Стремясь сдѣлаться главою феодальной іерархіи въ наслѣдственныхъ своихъ владѣніяхъ, австрійскіе государи сдѣлали дворянству серьезныя уступки, взаимно принятыхъ ими на себя военныхъ обязательствъ, между прочимъ предоставили имъ право юрисдикціи надъ крестьянами, обитавшими на ихъ земляхъ. Гусситскія войны еще болѣе развили склонность помѣщиковъ къ притѣсненію сельскаго класса. Не имѣя никакой организаціи, поселяне старались открытымъ возстаніемъ пріобрѣсть себѣ кое-какія права въ XVIII вѣкѣ, но помѣщикамъ легко было съ ними справиться. Тридцатилѣтняя война еще усилила зло, и населеніе одной Богеміи уменьшилось на четыре пятыхъ. Прикрѣпленные къ землѣ тѣ изъ поселянъ, которые пережили эту бѣдственную эпоху, съ тупой покорностью подчинились своей несчастной судьбѣ. Измѣненія въ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ въ системѣ помѣщичьей эксплуатаціи и въ административномъ строѣ крупныхъ помѣстій только ухудшили положеніе крестьянъ, если не юридически, то практически, хотя Грюнбергъ увѣряетъ, что при всѣхъ жестокостяхъ, которымъ они подвергались, ихъ никогда прямо не продавали. За то онъ приводитъ безконечныя документальныя доказательства того положенія личной зависимости отъ помѣщиковъ, въ которой находились богемскіе и моравскіе поселяне, до изданія законовъ объ ихъ освобожденіи въ концѣ XVIII столѣтія. Хотя государи Австріи отличались благонамѣренностью, но всѣ правительственныя мѣры имѣли цѣлью болѣе оградить помѣщиковъ, чѣмъ улучшить положеніе поселянъ. Въ этомъ духѣ изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ о регламентаціи барщины, и если когда нибудь правительство заступалось за крестьянъ, то лишь съ цѣлью обезнечить взисканіе съ нихъ налоговъ, такъ какъ въ Богеміи и Моравіи помѣщики не отвѣчали за взносъ податей крестьянами. Только при Іосифѣ II, въ виду тогдашняго господства философскихъ и правовыхъ теченій въ Европѣ, стали впервые смотрѣть на поселянъ, какъ на людей, а не какъ на плательщиковъ налоговъ. Министръ Бланъ, искренній другъ рабочихъ, смѣло выставилъ принципъ, что существующія привилегіи должны ступешаться, если онѣ противорѣчатъ естественному праву; но онъ слишкомъ увлекался мыслью, что можно провести благотѣльные реформы однѣми филантропическими полицейскими мѣрами. Другимъ аграр-

нымъ реформаторомъ, очень полезнымъ, хотя мало извѣстнымъ, былъ Францъ фонъ-Раабъ, который, управляя государственными землями въ Богеміи, старался уничтожить всѣ злоупотребленія натуральной повинности и расчленилъ крупную собственность. Все это исподволь подготовило коренную реформу Иосифа II, который, поставивъ себѣ цѣлью замѣнить крѣпостной трудъ свободнымъ, издалъ 10 февраля 1789 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до взятія Бастиліи, свой знаменитый регламентъ, по которому поселяне освобождены отъ многихъ лежавшихъ на нихъ обязательствъ въ отношеніи помѣщиковъ, а помѣщикамъ запрещено получать болѣе 17% съ общаго дохода, доставляемаго имъ землей, которую воздѣлывали ихъ прежніе рабы. Однако эта чисто искусственная и филантропическая мѣра не принесла желаемыхъ результатовъ, а съ перемѣной правительства вернулись обратно прежнія злоупотребленія помѣщичьей властью, такъ что только въ 1848 году австрійскій поселанинъ окончательно и навсегда освободился отъ феодальнаго рабства.

— Возстаніе французскихъ поселянъ и положеніе сельскихъ рабочихъ въ Виргиніи, въ XVII вѣкѣ. Недавно вышли въ Парижъ и Лондонъ двѣ любопытныя книги по исторіи экономическаго состоянія Франціи и англійскихъ колоній Новаго Свѣта въ XVII столѣтіи, именно сочиненіе Р. Виссака, подъ заглавіемъ «Антуанъ дю-Руръ и возстаніе 1670 года»¹⁾, и обширная монографія въ двухъ томахъ Ф. Брюса: «Экономическая исторія Виргиніи въ XVII вѣкѣ»²⁾. Драматическій эпизодъ въ исторіи Лангедока, составляющій предметъ изслѣдованія Виссака по новымъ семейнымъ документамъ, до сихъ поръ былъ мало извѣстенъ, и даже самые основательные историки излагали его невѣрно. Такъ обыкновенно рассказываютъ, что въ 1670 году поселяне въ Виварѣ, угнетаемые тяжелыми и жестоко взыскиваемыми податями, взяли за оружіе и нѣсколько времени успѣшно сопротивлялись королевскимъ солдатамъ, подъ предводительствомъ одного изъ своей среды, по имени Жака Рура. Но теперь оказывается, что этотъ предводитель былъ не поселанинъ Жакъ Руръ, а дворянинъ Антуанъ дю-Руръ, принадлежавшій къ одной изъ лучшихъ семей Виварѣ. Возстаніе уже началось, когда онъ принялъ начальство надъ поселянами и старался всѣми силами удержать ихъ отъ жестокостей и грабежа. Когда возстаніе было усмирено, то онъ бѣжалъ къ испанской границѣ, но былъ схваченъ, преданъ суду и четвертованъ 29-го октября 1670 года. По словамъ Виссака, это движеніе среди французскихъ крестьянъ было однимъ изъ предзнаменованій революціи 1789 года, и во всякомъ случаѣ оно, вмѣстѣ съ подобными же возстаніями въ Гасконѣ, Беарнѣ, Руссильонѣ и Бретани, доказываетъ, какая страшная бѣдность скрывалась подъ блестящей маской финансоваго управленія Кольбера. Если отъ французскихъ поселянъ мы перейдемъ къ сельскому классу англійской колоніи Виргиніи въ XVII вѣкѣ, подробному изслѣдованію которой посвятилъ два большихъ тома Филиппъ Брюсъ, то передъ нами предстанетъ любопытная и оригинальная картина. Задавшись цѣлью написать исторію Вир-

¹⁾ Antoine du-Roure et la revolte de 1760, par René de Vissac. Paris. 1896.

²⁾ Economic History of Virginia in the Seventeenth Century. By P. Bruce. London. 1896.

гинии отъ перваго поселенія въ ней англичанъ до объявленія независимости американскихъ штатовъ, авторъ набралъ столько драгоцѣннаго, невѣдомаго до него матеріала, что ему пришлось ограничиться однимъ семнадцатымъ столѣтіемъ; при этомъ онъ занимается исключительно экономической стороною своего предмета, предоставивъ разработку положенія этой англійской колоніи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ или самому себѣ въ другомъ трудѣ, или какому либо иному писателю. Во всякомъ случаѣ и въ теперешнемъ его видѣ трудъ Брюса представляетъ большой интересъ и служитъ первой попыткой научнаго изслѣдованія экономического строя англійской колоніи въ Новомъ Свѣтѣ. Главы, посвященныя земледѣлію, рабству, промышленности и общественному положенію колонистовъ, чрезвычайно любопытны. Читатель съ одинаковымъ вниманіемъ прочтетъ и рельефныя описанія первобытной Виргиніи, какъ ее впервые увидели англійскіе переселенцы съ ея великолѣпной, живописной природой, и подробное описаніе существовавшей тогда системы пользованія землей и ея обработки. «Маисовое поле на рѣкѣ Поватанѣ, задолго до перваго появленія на его водахъ англійскаго корабля, рассказываетъ Брюсъ, почти ни въ чемъ не разнилось отъ такого же маисоваго поля, обрабатываемаго теперь, т. е. триста лѣтъ спустя, современными виргинскими фермерами». Но мало назвать драконовскими тѣ условія, въ которыхъ бѣлые или черные рабочіе воздѣлывали землю на плантаціяхъ. Благодаря недостатку рукъ, соперники-плантаторы подбивали поселянъ переходить отъ одного хозяина къ другому, а за подобный переходъ наказывали плетью и клейменіемъ. Если такой перебѣжчикъ былъ негръ, то его приговаривали къ рабству на всю жизнь. Во всѣхъ отношеніяхъ нравы тогда отличались жестокостью. Въ каждомъ селеніи на почетномъ мѣстѣ находился столбъ, у котораго подвергали несчастныхъ тѣлесному наказанію, и женщинъ также базжалостно сѣкли въ роялистской Виргиніи, какъ и въ пуританскомъ Массачузетѣ. Въ концѣ XVII столѣтія шерифъ былъ обязанъ подвергнуть поселянку, родившую ребенка внѣ брака, поркъ до первой крови и возвратитъ ее хозяину, которому она должна была прослужить два года сверхъ установленнаго срока, а незаконноприжитый ребенокъ оставался въ положеніи обязательной прислуги до двадцати-четырехъ-лѣтняго возраста. Вообще слуги въ старой Виргиніи были такими же рабами, какъ невольники, съ тѣмъ только различіемъ, что они находились въ этомъ положеніи не пожизненно, а въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ. Собственно негры-невольники развелись въ Виргиніи не отъ увеличенія крупныхъ помѣстій, а благодаря спеціальнымъ условіямъ культуры табака.

— Сватовства англійской королевы Елизаветы. Маіоръ Юмъ, издающій собраніе испанскихъ государственныхъ документовъ о царствованіи королевы Елизаветы, имѣлъ случай просмотрѣть громадное число дипломатическихъ бумагъ того времени и посвятилъ свободныя минуты отъ своей архивной работы составленію занимательной книги о различныхъ сватовствахъ Елизаветы и многочисленныхъ переговорахъ, которые велись съ европейскими государствами съ цѣлью найти ей мужа ¹⁾. «Хотя политическіе приемы, пущен-

¹⁾ The Courtships of queen Elizabeth: a History of the Various Negotiations for her Marriage. By M. Hume. London, 1896.

ные въ ходъ въ дѣлѣ отыскиванія жениховъ королевѣ Елизаветѣ, по словамъ автора, были, быть можетъ, и общепринятыми въ ту эпоху, но хитрая игра, которая велась королевой и ея правительствомъ въ этомъ отношеніи, не имѣетъ ничего себѣ равнаго въ исторіи всѣхъ государствъ. Ничто не было упущено изъ вида при этой игрѣ, и одинаково пользовались незамужнимъ положеніемъ Елизаветы, ея одиночествомъ, женскимъ легкомысліемъ, религіозной неустойчивостью, всеми признаваемой красотой и общимъ желаніемъ получить ея руку. Въ большемъ числѣ эти сватовства съ той и другой стороны не были искренны, и они въ сущности прикрывали совершенно иные цѣли; но, по крайней мѣрѣ, въ двухъ случаяхъ, если не въ трехъ, королева обстоятельными, или своими чувствами, была поставлена въ такое положеніе, что едва бракъ не сдѣлался необходимостью, но и тутъ она изъ осторожности ловко отретировалась, не нанося смертельнаго оскорбленія отвергнутымъ женихамъ, и до конца своей жизни, уже сдѣлавшись старой, крашеной вѣдьмой, продолжала кокетничать и разыгрывать роль красавицы, руки которой ищутъ молодые поклонники». Впродолженіе двадцати пяти лѣтъ Елизавета забавлялась этой игрой въ сватовство, достигая этимъ своихъ политическихъ цѣлей и смѣло водя за носъ своихъ жениховъ. Число ихъ было такъ велико, что трудно съ точностью его опредѣлить: когда дѣло идетъ о государяхъ и принцахъ, то итогъ подвести не трудно, но какъ только она начинаетъ кокетничать съ англійскими и шотландскими лордами, ослѣпляя ихъ миражемъ брака, то легко сбиться со счета. Среди раннихъ жениховъ этого мелкаго сорта игралъ особенно смѣшную роль лордъ Арундель, который имѣлъ честь быть соперникомъ Филиппа II и почти совершенно разорился на подарки какъ королевѣ, такъ и ея приближеннымъ. Дѣло о сватовствѣ съ Филиппомъ она вела съ его посланникомъ Феріей только для того, чтобы доказать несочувствіе ея къ Франціи, и хитрый посланникъ это отлично понималъ, такъ какъ, ведя переговоры, онъ писалъ своему государю: «я очень боюсь, что въ одинъ прекрасный день мы узнаемъ, что эта женщина вышла замужъ, и я послѣдній узнаю объ ея свадьбѣ». Послѣ Филиппа настала очередь Фердинанда австрійскаго, котораго Елизавета также удачно водила за носъ. Она прямо говорила: «пусть онъ пріѣдетъ и посмотритъ на меня», хотя нисколько не интересовалась личнымъ знакомствомъ съ эрцъ-герцогомъ, а кокетничала съ нимъ изъ политическихъ видовъ и чисто женскаго желанія видѣть какъ можно болѣе поклонниковъ у своихъ ногъ. Точно такъ же она подняла на смѣхъ и брата Фердинанда, Карла. Если когда нибудь она была искренна, или, лучше сказать, наименѣе искренна, то — въ сватовствѣ съ Дудлеемъ, графомъ Лейстеромъ, хотя и тутъ она имѣла главнымъ образомъ въ виду возстановить съ помощью этого ухаживанія за Дудлеемъ католичество въ Англии. Послѣ него самыми серьезными сватовствами были съ французскими принцами: Анжуйскимъ и Алансонскимъ. Первое изъ нихъ было основано на чисто политической подкладкѣ и на желаніи отбить жениха у Маріи Стюартъ. Когда въ политическомъ отношеніи ей болѣе не требовалось заигрывать съ протестантами, она отвернулась отъ этого принца и точно также поступила съ его братомъ, герцогомъ Алансонскимъ. Иванъ Грозный также находился въ ряду ея жениховъ, но онъ вскорѣ вычеркнулъ себя

изъ списковъ, появивъ, что его въ концѣ-концовъ проведутъ за носъ, какъ большую часть, если не всѣхъ, европейскихъ принцевъ, составлявшихъ возможную партію для англійской королевы.

— Лекціи Фруда о Триентскомъ соборѣ. Хотя знаменитый англійскій историкъ Фрудъ читалъ въ Оксфордѣ лекціи о Триентскомъ соборѣ ранѣе, чѣмъ объ Эразмѣ и англійскихъ мореходахъ, которыя уже давно напечатаны, но онѣ только теперь впервые появляются въ печати ¹⁾. Это новое посмертное сочиненіе автора столькихъ блестящихъ историческихъ картинъ отличается его обычными достоинствами и недостатками, именно: съ одной стороны живыми характеристиками, рельефными портретами и набросанными широкой кистью художественными эскизами и мастерскимъ литературнымъ изложеніемъ, а съ другой полнымъ отсутствіемъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для настоящаго серьезнаго историка. Хотя Триентскимъ соборомъ названы всѣ эти лекціи, но его исторія не занимаетъ и половины всей книги, а остальная ея часть посвящена положенію католической церкви въ ту эпоху, соборамъ Вормскому, Аугсбургскому, Нюрнбергскому и Ратисбонскому, а также системѣ индульгенцій и политикѣ папъ, отъ Александра VI до Юлія III. Вся суть новаго труда Фруда заключается въ блестящемъ выясненіи того факта, что реформація была въ своемъ зародышѣ народнымъ протестомъ во имя нравственности въ широкомъ значеніи этого слова. Борьба изъ-за догматовъ разыгралась уже послѣ, а сначала дѣло шло о возстаніи мірянъ противъ развращенности католической церкви. Въ нравственномъ отношеніи пастыри оказались ниже своей паствы, и буря разразилась, благодаря не догматическимъ спорамъ, а общему негодованію, возбужденному церковной тираніей и безнравственностью духовенства. Поэтому кардиналь Кантарини и говорилъ, что если бы даже вожди реформаціи помирились съ папой, то движеніе все-таки продолжалось бы. За много лѣтъ до Лютера кардиналь Савелли называлъ папу Александра VI-го антихристомъ, но какъ ни былъ ужасенъ этотъ папа, но того же эпитета одинаково заслуживалъ легкомысленный Левъ X, Юлій II, походившій скорѣе на воина, чѣмъ на главу церкви, и Юлій III, назначавшій кардиналомъ молодого сторожа своей обезьяны. Корысть и продажность большинства представителей католической церкви достигла своего апогея передъ эпохой реформаціи, и это одинаково признавали, какъ добросовѣстные сторонники католицизма, такъ и враги его. Хотя все это уже давно извѣстно, но Фрудъ придалъ рисуемой имъ картинѣ причинъ реформаціи въ Европѣ такой занимательный и художественный характеръ, что его страницы читаются съ такимъ же интересомъ, какъ любой романъ.

— Малыя Аѣины въ Италіи XVI столѣтія. Извѣстный знатокъ итальянской старины, Шарль Приартъ, описываетъ въ апрѣльской книжкѣ «Cosmopolis» ²⁾ невѣдомый уголокъ Италіи, маленькій ломбардскій городокъ Саббьонету, который въ XVI вѣкѣ составлялъ княжество, независимое отъ Мантуи и подчиненное лишь прямо императору. Его герцогъ, Веспасьявъ Гонзаго, славный

¹⁾ Lectures on the Council of Trent, delivered at Oxford, by J. Froode. London. 1896.

²⁾ Une petite Athenes au XVI siècle: Sabbioneta sous le duc Vespasien Gonzagues, par Ch. Uriarte. Cosmopolis, avril.

полководецъ Карла V, мужественный воинъ и искусный администраторъ, лю- бимецъ Филиппа II и трехъ папъ, а въ мирное время покровитель литературы и искусства, обратилъ въ три года незначительное селеніе среди болотъ въ цвѣ- тущій городъ, гдѣ царилъ цивилизація и вѣротерпимость. Страстный поклон- никъ классической старины, онъ создалъ галерею древностей, съ чудесами гре- ческаго и римскаго искусства, основалъ университетъ и въ самое короткое время довелъ свою миниатюрную столицу до такой степени культуры, что она, въ итальянской исторіи носитъ гордое названіе «Малыхъ Аѳинъ». Жизнь этого блестящаго искателя приключенія, какими были всѣ мелкіе итальянскіе владѣ- тели того времени, отличалась длинной вереницей самыхъ бурныхъ эпизодовъ: десяти лѣтъ онъ уже былъ нажемъ инфанта Филиппа при Мадридскомъ дворѣ, а шестнадцать сопровождалъ его во Фландрію, уже отличаясь знаніемъ не только военнаго искусства, но языковъ греческаго и латинскаго. Возвратясь на время въ Италію и не достигнувъ еще совершеннлѣтія, онъ женился тай- нымъ образомъ на молодой доннѣ Діанѣ, дочери дона Антоніо-де-Сардиса, и только послѣ вѣнчанія спросилъ разрѣшенія императора и семьи невѣсты, ко- торое немедленно воспослѣдовало. Не успѣлъ онъ поселиться съ своей юной женой въ Саббіонетѣ, какъ задумалъ пересоздать этотъ скромный провин- ціальный уголокъ. Прежде всего онъ занялся школами, вызывая отовсюду из- вѣстныхъ педагоговъ, и дозволилъ евреямъ, которыхъ было много на его тер- риторіи, открыть типографію, гдѣ они и печатали въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ еврейскія книги, что тогда было большою смѣлостью. Но будучи по ремеслу воинъ, онъ вскорѣ покидаетъ родину и храбро сражается подъ знаме- нами Карла V съ французами и различными итальянскими государями, а когда снова принимается за дѣло просвѣщенія своей столицы, то онъ уже главнокомандующій итальянской арміей и независимый герцогъ Саббіонет- скій въ силу инвеституры, данной ему Филиппомъ II. Но не радостно было его возвращеніе на родину, и оно ознаменовалась однимъ изъ тѣхъ мрач- ныхъ дѣлъ супружеской мести, которыми прославилась средневѣковая Италія. Узнавъ, что его жена во время его долгаго отсутствія была ему не вѣрна, Вес- пасьянъ приказалъ убить своего счастливаго соперника и заперъ несчастную женщину вмѣстѣ съ трупомъ ея любовника и чашей яда, которую она должна была выпить. Черезъ два дня онъ отперъ дверь и, найдя герцогиню мертвой, объявилъ о скоропостижной ея смерти и сдѣлалъ ей пышныя похороны. Послѣ этого трагическаго эпизода мрачное отчаяніе напало на Веспасьяна, но онъ осво- бодился отъ него очень благородно, посвятивъ себя всецѣло благу своихъ под- данныхъ. «Вѣдныя, отъ которыхъ мы, государи, часто бѣжимъ, какъ отъ чумы, — писалъ онъ герцогу Мантуанскому, — сдѣлались моею главной заботой, и чѣмъ я болѣе думаю объ ихъ несчастьяхъ, тѣмъ менѣе терзаюсь своимъ горемъ. Они окружаютъ меня толпами, какъ только я выхожу изъ дворца, и единственная моя забота теперь дѣлать добро, возводить новыя постройки и давать жизнь всему вокругъ». Въ три года возникъ его трудами новый городъ. Съ помощью архи- тектора Бартоломео Казаніо изъ Навары, онъ осушилъ окрестныя болота, снесъ ветхія постройки, разбилъ новыя улицы, подъ прямыми углами, провелъ шесть бульваровъ, построилъ цитадель, укрѣпленныя городскія стѣны и двое мо-

нументальныхъ воротъ съ подъемными мостами, возвелъ великолѣпный дворецъ и цѣлый рядъ изящныхъ зданій, устроилъ галлерею древностей, въ верхнемъ этажѣ которой помѣщался одинъ изъ богатѣйшихъ въ Италіи музеевъ древняго искусства, а внизу тянулась открытая колоннада, создалъ театръ, второй въ Италіи, послѣ Виченскаго, двѣ коллегіи, академію, бібліотеку; больницу, ссудную кассу, государственный банкъ и три церкви. Но, сдѣлавъ изъ полученнаго отъ предковъ невзрачнаго селенія блестящую столицу, удовлетворявшую всѣмъ нравственнымъ, интеллектуальнымъ и матеріальнымъ требованіямъ, необходимо было дать ей жизнь и населить ее обитателями. Въ школахъ сидѣли учителя, въ театрѣ актеры изучали свои роли, удобныя жилища наполняли улицы, не было ни учениковъ, ни зрителей, ни жильцевъ. Веспасьянъ взялся за это дѣло энергично и воплѣвъ въ духъ своего времени; прокламаціей 10-го октября 1562 года онъ объявилъ, что всѣ его подданные обязаны подъ страхомъ пени въ сто золотыхъ и даже *Tre tratti di corda* посылать своихъ дѣтей въ Саббьонетскія школы. Въ короткое время эти школы наполнились, дома въ городѣ нашли обитателей, и закипѣла жизнь, общественная, торговая и промышленная. Но вскорѣ самъ вдохновитель этой жизни былъ отозванъ снова на поле брани; онъ сдѣлался правой рукой Филиппа, и въ продолженіе десяти лѣтъ, какъ вице-король Навары и Валенціи, онъ защищаетъ берега Испаніи, воюетъ въ Алжирѣ, Тунисѣ, Марокко, наконецъ, онъ находитъ свободную минуту вернуться въ Саббьонету и въ доказательство своей полной самостоятельности прибавляетъ къ своему родовому гербу девизъ: «*Libertas*». Во время его отсутствія дѣла въ созданныхъ имъ «Малыхъ Аѣинахъ» пошли прекрасно, и его идеалъ вполне достигнутъ; школы, художества, торговля, промышленность процвѣтаютъ: типографія печатаетъ извѣстныя изданія, монетный дворъ чеканитъ монеты, которыя расходятся съ преміей во всей Италіи, особый кварталъ города занятъ живописцами и скульпторами, которые завели цвѣтуція училища, наконецъ, образуется цѣлый Парнасъ поэтовъ, воспѣвающихъ славу Веспасьяна. Но среди своего торжества герцогъ снова подвергается вспышкѣ неукротимаго нрава: взбѣсившись на своего сына за то, что онъ на улицѣ не достаточно быстро отдалъ ему честь, Веспасьянъ нанесъ ему такой ударъ, что тотъ упалъ мертвымъ. Послѣ этого онъ снова впалъ въ мрачную меланхолію и уже болѣе никогда не оправился, хотя вторично женился на дочери герцога Гаэтаны, съ цѣлью имѣть наслѣдника, что ему не удалось. Въ 1590 году онъ умеръ, и его Саббьонета сдѣлалась яблокомъ раздора между сосѣдями, пока, наконецъ, Марія-Терезія не присоединила ее къ Габсбургской монархіи. Естественно, что вся слава и процвѣтаніе «Малыхъ Аѣинъ» исчезли съ ея создателемъ, и она мало-по-малу превратилась въ провинціальныи городокъ, который еще въ настоящее время поражаетъ рѣдкихъ туристовъ, заглядывающихъ въ этотъ забытый уголокъ, великолѣпными остатками своего прежняго блеска.

— Борьба венеціанскаго правительства съ модой въ XVIII вѣкѣ. Въ послѣднихъ книжкахъ итальянскихъ журналовъ, почти исключительно занимающихся Абисиніей, экономическими вопросами и успѣхами социализма, очень мало статей общаго интереса, но между ними заслуживаетъ вниманія

очеркъ М. Маламани въ «Nuova antologia» объ измѣненіяхъ моды въ Венеціи въ XVIII вѣкѣ. Этому, повидимому, только интересующему дамъ предмету авторъ сумѣлъ придать не только занимательный, но и соціологическій, философскій характеръ, доказывая результатами борьбы венеціанскаго правительства съ модой, какъ неудержимо распространяется повсюду нивелирующее движеніе прогресса, подводящее подъ одинъ общій видъ всѣ обычаи и костюмы. Хотя въ этой статьѣ идетъ рѣчь только о туалетѣ, и авторъ лишь рассказываетъ о томъ, какъ въ прошедшемъ вѣкѣ старинныя венеціанскія моды замѣнились французскими, господствовавшими во всей Европѣ болѣе ста лѣтъ, но врядъ ли гдѣ нибудь это подчиненіе мѣстной моды общей совершилось при болѣе характеристическихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что Венеціанская республика очень гордилась сохраненіемъ своихъ національныхъ нравовъ и традицій. Она заботливо ихъ оберегала цѣлымъ рядомъ законовъ и постановленій противъ введенія иностранныхъ новшествъ. Напримѣръ, регламентаціей одежды занимался особый кодексъ, и особый совѣтъ, подъ названіемъ «комитета помпъ», состоявшій изъ инквизитора и шести чиновниковъ и имѣвшій задачей слѣдить за сохраненіемъ старинныхъ обычаевъ. Пользуясь значительной властью и имѣя подъ своимъ началомъ специальную полицію, этотъ комитетъ имѣлъ доступъ всюду; всѣ, какъ дворяне, такъ и буржуазія, были обязаны подчиняться его постановленіямъ, которыя выставлялись у всѣхъ парикмахеровъ, портныхъ, сапожниковъ и т. д., а также громогласно читались въ церквахъ. Основанный съ незапамятныхъ временъ, онъ сохранялъ свой авторитетъ до конца XVII столѣтія, и до тѣхъ поръ патриціи обоого пола въ Венеціи одѣвались такъ же, какъ ихъ предки при Тиціанѣ. Но насталъ день, когда мода одержала верхъ надъ національной гордостью, несмотря на упорную, чисто комическую съ ней борьбу комитета помпъ. Въ 1668 году нѣкто Сципіонъ Колальто, венеціанскій патрицій, вернувшись изъ Парижа, вышелъ на площадь св. Марка въ парикъ, а за нимъ всѣ представители венеціанскаго общества остригли себѣ волосы и надѣли парики. Испуганный этимъ новшествомъ, комитетъ помпъ обратился за помощью къ инквизиторамъ, и вышелъ декретъ, запрещавшій носить парики подъ угрозой тяжелаго наказанія. Пришлось подчиниться этой строгой мѣрѣ, но мода нашла себѣ лазейку, и вдругъ оказалось множество лысыхъ, которые просили и добивались разрѣшенія комитета носить парики, которые такимъ образомъ снова пошли въ ходъ. Мало-по-малу они такъ распространились, что комитетъ добился постановленія сената, разрѣшавшаго особой комиссіи ходить по домамъ и составлять списки лицъ, носившихъ парики, но ничего не помогало, и когда въ 1790 году дожъ Джіованни Корнаро явился въ совѣтъ въ парикъ, то комитету помпъ пришлось признать себя побѣжденнымъ, а образованная подъ его вліяніемъ патриотическая лига изъ двухъ сотъ пятидесяти патриціевъ, давшихъ клятву остаться вѣрными старому обычаю, вскорѣ сократилась до одного своего предсѣдателя, Антоніо Каррера. Странно сказать, что венеціанки долѣе ихъ братьевъ и мужей сохраняли національныя моды, но послѣ того какъ 16 августа 1725 года двѣ англичанки показались въ Скероло-ди-Санъ-Рокко въ громаднхъ парикахъ, всѣ послѣдовали ихъ примѣру, и это обстоятельство такъ развило парикмахерское ремесло, что въ 1797 году считалось въ корпораціи вене-

ціанскихъ парикмахеровъ 852 человекъ. Если мы перейдемъ къ одеждѣ, то увидимъ, что происходила такая же комедія. По старинному закону всѣ молодые дворяне были обязаны до ихъ вступленія въ Большой Совѣтъ ходить въ черной одеждѣ, безъ малѣйшихъ украшеній, подъ угрозой штрафа въ 250 дукатовъ и въ 500 въ случаѣ рецидива. Но какъ только пошла мода на пестрые костюмы, то такъ распространились среди молодежи костюмы всѣхъ цвѣтовъ съ золотыми и серебряными вышивками, а также съ дорогими кружевами, что комитетъ помпъ былъ вынужденъ смотрѣть на эти нарушенія закона сквозь пальцы, и никто изъ нарушителей не подвергался ни малѣйшему штрафу. Зато комитетъ пытался запретить древній обычай носить верхнія одежды, и не преслѣдовалъ только быстро входившій въ употребленіе испанскій плащъ, переброшенный черезъ одно плечо. Въ этой борьбѣ онъ дошелъ до того, что издалъ декретъ, запрещающій всѣмъ рестораторамъ, парикмахерамъ, продавцамъ воды и т. д. подъ угрозой смерти принимать у себя патриціевъ въ *tabarigo*. Конечно, этотъ дикій регламентъ никогда не исполнялся, и комитетъ остался въ дуракахъ. Такое же фіаско онъ потерпѣлъ и въ своихъ преслѣдованіяхъ венеціанокъ, слѣдовавшихъ парижскимъ модамъ и которымъ онъ тѣтено грозилъ за нарушеніе національныхъ традицій домашнимъ арестомъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Комитету было тѣмъ труднѣе бороться съ модой, что дожи всегда шли противъ него, наконецъ комитетъ не только безпомощно сложилъ руки, но даже призналъ въ докладѣ о роскоши, представленномъ дожу въ концѣ прошлаго столѣтія, «что невозможно помѣшать измѣненіямъ моды, такъ какъ мода дочь національнаго генія каждой культурной страны и неудержимо связана съ общимъ теченіемъ человѣческихъ революцій».

— Г-жа Дю-Барри чрезъ французскія и англійскія очки. Въ послѣднее время знаменитая фаворитка Людовика XIV, г-жа Дю-Барри, о которой уже, кажется, много написано, начала своа обращать на себя вниманіе французскихъ и англійскихъ авторовъ, которые, съ помощью новыхъ документовъ и архивныхъ изысканій, стараются пролить свѣтъ на остающіяся до сихъ поръ темныя стороны ея исторіи. Всего оригинальнѣе, но нельзя сказать, что всего основательнѣе изъ этихъ новѣйшихъ историковъ г-жи Дю-Барри оказывается англичанинъ Робертъ Дугласъ, который написалъ большую книгу если не съ цѣлью совершенно обѣлить историческую куртизанку, то по крайней мѣрѣ доказать, что она была не такой дурной женщиной, какъ ее считали до сихъ поръ¹⁾. Главной причиной того, что его героиню всегда выставляли въ непривлекательномъ и мрачномъ свѣтѣ, Дугласъ видитъ не въ дѣйствительныхъ порочныхъ ея свойствахъ и предосудительной жизни, но въ многочисленныхъ мемуарахъ, которые печатались при ея жизни, съ шантажной цѣлью оклеветать ее. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти правъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые изъ сочиненій прошедшаго вѣка, въ которыхъ Дю-Барри выставлялась въ самомъ позорномъ видѣ, — между прочимъ пресловутые ея письма и мемуары, поддѣланные извѣстными артистами въ этомъ дѣлѣ, Мероберомъ и госпожей Генаръ, — принадлежали къ подпольной, шантажной литературѣ; но и безъ помощи такихъ

1) *The Life and Times of m-me Du-Barry*. By Robert Douglas. London, 1896.

сомнительныхъ матеріаловъ достаточно существуетъ безспорныхъ источниковъ, доказывающихъ, что героиня Дугласа была, по мѣткому выраженію Карлайля, «хотя и возбуждающимъ по своей смерти сожалѣніе, но грязнымъ существомъ». Пожалуй, еще можно согласиться съ Дугласомъ, что Дю-Барри не такъ была виновата въ политикѣ Людовикъ XV, равнодушно отнесагося къ первому раздѣлу Польши, какъ увѣряютъ нѣкоторые французскіе историки, потому что, на самомъ дѣлѣ, еще болѣе Дю-Барри дѣйствовала въ этомъ отношеніи ея политическая соперница при версальскомъ дворѣ, жена дофина, Марія-Антуанета, открыто державшая сторону Австріи. Но всѣ остальные увѣренія новаго англійскаго ея біографа, что пресловутая кургизанка была не той грубой, невѣжественной и постыдной женщиной, которой она является и будетъ всегда являться въ исторіи, вполне голословны, а его сантиментальныя описанія благодѣяній, расточаемыхъ ею въ ея помѣсть Лувесень, послѣ удаленія отъ двора за смертью Людовика XV, и драматическій рассказъ объ ея судѣ въ революціонномъ трибуналѣ, а также казни, — нисколько не могутъ обѣлить ея памяти. Совершенно въ иномъ видѣ, именно всѣмъ извѣстной, безстыдной вершительницей судебъ великой страны къ вѣчному позору королевской власти во Франціи, является г-жа Дю-Барри въ очеркѣ Пьера Де-Нольяка, подъ заглавіемъ «Маріи-Антуанета и г-жа Дю-Барри», который помѣщенъ во второй майской книжкѣ *Revue des deux Mondes* ¹⁾. Французскій публицистъ, на основаніи извѣстныхъ уже матеріаловъ и личныхъ архивныхъ находокъ, просто, безъ всякаго желанія очернить или обѣлить г-жу Дю-Барри, рассказываетъ исторію долгаго политическаго соперничества между ловкой политической кургизанкой и неопытной, юной Маріей-Антуанетой, въ то время, какъ она была еще не королевой, а женой дофина. Конечно, игра между ними была не равная, и во всѣхъ ея эпизодахъ г-жѣ Дю-Барри было не трудно одержать верхъ надъ Маріей-Антуанетой, тѣмъ болѣе, что изъ политическихъ видовъ, даже ея мать Марія-Терезія и австрійскій посланникъ въ Парижѣ, искусный дипломатъ Де-Мерси, а также первый министр ея родины Кауницъ играли въ руку ея соперницы, заставляя ее дѣлать уступки надменной фавориткѣ. Такимъ образомъ, г-жѣ Дю-Барри удалось подвергнуть опалѣ Шуазеля, который, будучи первымъ министромъ, устроилъ бракъ дофина съ австрійской принцессой, передать власть своимъ пріятелямъ Эгвильону и Моу, неограниченно властвовать вирожденіе многихъ лѣтъ и заставить даже Марію-Антуанету два раза сказать ей по нѣскольку словъ, хотя послѣдняя, въ своей упорной рѣшимости не обращать рѣчи къ кургизанкѣ, видѣла единственное средство протестовать противъ безобразій, творившихся въ Версалѣ. Но, быть можетъ, всего любопытнѣе изъ того, что пишутъ въ настоящее время о Дю-Барри, — маленькая статейка А. Миллара въ іюньской книжкѣ *Pall-Mall Magazine* о таинственной кражѣ ея брилліантовъ ²⁾. Оставивъ въ сторонѣ личность фаворитки Людовика XV, англійскій публицистъ возстановляетъ, съ помощью лондонскихъ газетъ того

¹⁾ Marie-Antoinette et m-me Du-Barry, par P. de Nolhac, *Revue des deux Mondes* 15 mai, 1896.

²⁾ The Mystery of the Du-Barry Diamonds. By A. Millar. *Pall-Mall Magazine*. June, 1896.

времени, всѣ перипетіи извѣстнаго процесса о кражѣ брилліантовъ у г-жи Дю-Барри. Эта кража случилась 10 января 1791 года, когда уже давно г-жа Дю-Барри спокойна жила въ своемъ замкѣ Лувесьенъ; во время ея отсутствія, ночью, изъ ея спальни, украдены брилліанты и различныя драгоценности, на сумму 500,000 ливровъ. Узнавъ объ этомъ, она вернулась домой и тотчасъ объявила, что уплатить двѣ тысячи ливровъ всякому, кто укажетъ, гдѣ находятся украденныя у нея вещи. Черезъ нѣсколько времени ее вызвали въ Лондонъ, гдѣ арестованы были лица, подозрѣваемые въ воровствѣ ея брилліантовъ, и начался пресловутый процессъ, въ которомъ много очень оригинальныхъ чертъ. Такъ г-жа Дю-Барри хотя не могла признать предъявленныхъ ей обвиняемыхъ, и они не сознались въ своей кражѣ, но она вполне признала часть своихъ брилліантовъ, которые обвиняемые предлагали купить лондонскому брилліантщику Симону, заявившему на нихъ въ судъ и потребовавшему уплаты общанной г-жей Дю-Барри награды. Однако судъ не нашелъ возможнымъ признать виновными обвиняемыхъ и отдать брилліанты ихъ владѣльцѣ, а остановился на какой-то странной мѣрѣ, именно онъ отпустилъ на свободу обвиняемыхъ, хотя и подозрѣваемыхъ въ нечестномъ приобрѣтеніи брилліантовъ, а самые брилліанты отдалъ на храненіе лондонской банкирской конторѣ Рансомъ, Морландъ и К^о въ улицѣ Пель-Мель, до представленія болѣе полныхъ доказательствъ въ принадлежности ихъ г-жѣ Дю-Барри. Затѣмъ она еще два раза прѣзжала въ Лондонъ и привозила съ собою своего парижскаго ювелира, который подъ присягой показалъ, что знаетъ эти брилліанты и самъ не разъ передѣлывалъ ихъ. Но и это не убѣдило англійскій судъ, который, однако, нашолъ возможнымъ взыскать съ г-жи Дю-Барри двѣ тысячи ливровъ въ пользу Симона, несмотря на явное противорѣчіе между этимъ рѣшеніемъ и отказомъ выдать ей эти брилліанты. Затѣмъ г-жа Дю-Барри была казнена, и о судьбѣ ея брилліантовъ ничего болѣе неизвѣстно. При Наполеонѣ I ея племянникъ, гвардейскій офицеръ Бесю, тщетно старался добиться выдачи ему этого таинственнаго сокровища, и англійскій публицистъ въ своей статьѣ задаетъ себѣ вопросъ: не находятся ли до сихъ поръ брилліанты г-жи Дю-Барри въ банкирской конторѣ Рансома, а если нѣтъ, то куда они дѣлись? Хотя онъ самъ не даетъ на это отвѣта, но выражаетъ предположеніе, что они, быть можетъ, до сихъ поръ находятся въ кладовой этой конторы.

— Княгиня Чарторижская и Александръ I. Во второй апрѣльской книжкѣ «Nouvelle Revue» графъ Водзинскій¹⁾ рисуетъ портретъ польской аристократки стараго времени, именно княгини Изабеллы Чарторижской, матери князя Адама Чарторижскаго, игравшаго столь важную роль при Александрѣ I. Посѣтивъ въ прошедшемъ году тѣнистыя аллеи земледѣльческаго училища въ Новой-Александріи, нѣкогда называвшейся Пулавами, и служившій театромъ знаменитыхъ посѣщеній Александромъ I храмъ Сибиллы, гдѣ царилъ эта гордая полька, авторъ вызываетъ тѣни прошедшаго и рельефно набрасываетъ тѣ блестящія историческія сцены, которыя происходили среди безмолвныхъ теперь боске-

¹⁾ Une grande dame polonaise d'autrefois, par le comte A. Wodzinsky. Revue Nouvelle, 15 avril.

товъ, воспѣтыхъ Делилемъ: «Fortunés Pulawy». Изабелла Флемингъ, дочь бѣднаго саксонскаго дворянина, служившаго офицеромъ въ французской арміи и потомъ достигшаго въ Польшѣ почестей и богатства, родилась 22 мая 1740 г. Дѣтство ея было не веселое, такъ какъ она рано лишилась не только своей матери, урожденной княжны Чарторижской, но и родной тетки, на которой женился ея отецъ послѣ кончины первой супруги; она воспитывалась подъ надзоромъ строгой, суровой старухи, также Чарторижской, вдовы литовскаго канцлера, и почти ребенкомъ ее выдали замужъ за ея двоюроднаго брата, князя Казимира-Адама Чарторижскаго, блестящаго двадцатилѣтняго претендента на всѣ почести, не исключая польскаго престола. Медовый мѣсяцъ молодая чета провела въ Парижѣ, гдѣ новая княгиня быстро превратилась изъ наивной дѣвочки въ ловкую кокетку, сводившую съ ума самого герцога Лозена. Но, повидимому, она сама подпала подъ чары этого знаменитаго обольстителя, и чтобъ вырвать ее изъ сѣтей ловеласа, мужъ увезъ ее въ Лондонъ, гдѣ на нее имѣлъ очень благотѣльное вліяніе Франклинъ, наполнявшій тогда своей славой старый и новый свѣтъ. Излѣчившись отъ своего временнаго увлеченія и послѣдовавшаго затѣмъ мрачнаго отчаянія, княгиня Чарторижская вернулась на родину, гдѣ между тѣмъ умеръ король Августъ III. Видя, что русская императрица поддерживаетъ кандидатуру его двоюроднаго брата, Понятовскаго, и понимая всю безуспѣшность соперничества съ нимъ, Казимиръ-Августъ отказался отъ всякихъ притязаній на престолъ и оказалъ энергичное содѣйствіе къ избранію своего родственника. Тогда началась самая блестящая эпоха въ жизни княгини Чарторижской; она была украшеніемъ двора молодого короля и создала себѣ счастливую Аркадію у воротъ Варшавы, въ своемъ Повонзскомъ помѣстьѣ, гдѣ она жила съ своими двумя дѣтьми и цѣлымъ дворомъ среди роскоши и вѣчнаго водоворота свѣтскихъ увеселеній. Когда грянулъ громъ въ видѣ перваго раздѣла Польши, то Чарторижскіе отшатнулись отъ короля, и мужъ предался всецѣло управленію своихъ громаднхъ помѣстій, а жена заперлась въ Пулавахъ и посвятила себя воспитанію дѣтей, надѣясь, что ея старшій сынъ возстановитъ свѣтлые дни отечества. Она завела тамъ цѣлую школу, въ которую окрестные магнаты посылали своихъ дѣтей, и устроила польскій Рамбуль на берегахъ Вислы. Однако большое несчастье омрачило эти блестящіе дни Пулавы, куда стекались отовсюду свѣтила науки и литературы: старшая дочь княгини сгорѣла во время бала, нечаянно попавъ платьемъ въ каминъ. Но вскорѣ ей удалось выдать вторую дочь за герцога Виртембергскаго, и она снова просіяла, снова Пулавы огласились шумомъ празднествъ, послѣ которыхъ княгиня Чарторижская предприняла рядъ визитовъ по европейскимъ дворамъ, съ которыми она такимъ образомъ породнилась. Между прочимъ она посѣтила Фридриха II, который ее очаровалъ, и Юсифа II, въ которомъ она видѣла скорѣе революціонера, чѣмъ Богомъ вѣнчаннаго цезаря. Однако во время ея двѣнадцатимѣсячнаго отсутствія изъ Пулавъ произошелъ второй раздѣлъ Польши, и когда она вернулась домой, то ея любимый замокъ уже входилъ въ составъ Австрій, а ея мужъ былъ совершенно разоренъ, и чтобъ спасти хоть часть своихъ секвестрованныхъ помѣстій, Чарторижскимъ пришлось послать своихъ обоихъ сыновей въ Петербургъ ко двору. Но не далеко однако было время новаго возрожденія Пулавъ; молодой

Адамъ Чарторижскій сдѣлался любимцемъ и министромъ Александра I, а при энергичной дѣятельности его матери вскорѣ разоренный замокъ снова возникъ, какъ фениксъ изъ пепла. Она построила новый домъ, настоящій дворець, называвшійся Маринскимъ въ честь ея дочери, герцогини Виртембергской, а на берегу Вислы среди великолѣпныхъ тополей воздвигла знаменитый храмъ Сибиллы. Тутъ-то она принимала въ 1808 году съ королевскимъ величіемъ державнаго друга ея сына, и вокругъ русскаго государя собрался цѣлый конгрессъ европейскихъ дипломатовъ. Чарторижскіе ликовали и уже видѣли впереди возстановленіе Польши подъ скипетромъ Александра, который короновался бы въ Варшавѣ королемъ, но вдругъ все памѣнилось: вмѣсто подготавливавшегося похода на Пруссію, Александръ поѣхалъ изъ Пулавъ въ Берлинъ, поклялся у гроба Фридриха II спасти его наслѣдіе и предоставилъ Польшу ея судьбѣ. Разочарованная княгиня Чарторижская создала себѣ новаго божка въ Наполеонѣ, но и тотъ не оправдалъ ея надежды, и послѣ его паденія она снова вернулась къ своему прежнему кумиру Александру. Возвращаясь изъ Парижа побѣдителемъ, онъ вторично посѣтилъ Пулавы, и снова сердце его хозяйки наполнилось свѣтлой надеждой. Любезно обращаясь съ старымъ товарищемъ своей молодости и громко говоря, что въ Пулавахъ онъ чувствуетъ себя дома, Александръ обѣщаль посвятить свою остальную жизнь на счастье Польши, но просилъ вѣрить ему и быть терпѣливыми, такъ какъ у поляковъ было три врага: Россія, Пруссія и Австрія, а одинъ—другъ онъ, императоръ. «Богъ поборолъ Наполеона,—прибавилъ онъ по словамъ графа Водзинскаго: — и я теперь только думаю, что о возстановленіи вашей родины. Этому дѣлу справедливости я посвящу всѣ свои заботы на конгрессѣ въ Вѣнѣ, но мнѣ надо дѣйствовать очень осторожно. Еслибъ я сталъ упорно настаивать на возвратѣ вамъ Галиціи, то возбудилъ бы новую войну, а съ другой стороны прусскій король согласенъ, чтобъ вы заняли свое прежнее мѣсто въ Европѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ я уступилъ ему Великую Польшу. Я постараюсь вознаграждать васъ за эту потерю, возвративъ вамъ ваши старинныя литовскія провинціи. Вы тогда образуете государство съ 12-ти милліоннымъ населеніемъ. Составьте мудрую и умѣренную конституцію съ храброй, какъ всегда, но дисциплинированной арміей, а остальное придетъ само собою». Послѣ счастливаго, чисто семейнаго, идиллическаго пребыванія въ Пулавахъ, во время котораго онъ снова посѣтилъ храмъ Сибиллы и вторично внесъ свое имя въ книгу посѣтителей храма, Александръ дружески распростился съ княгиней и ея сыномъ. «Не прощайте, мои друзья, а до свиданія, черезъ два мѣсяца въ Варшавѣ»,—были его послѣднія слова. Однако, по замѣчанію графа Водзинскаго, это было послѣднимъ прости; всѣ иллюзіи княгини Чарторижской вскорѣ разсѣялись, и хотя она продолжала жить въ Пулавахъ съ своей любимой дочерью до 1830 г., но послѣ взятія замка русскимъ отрядомъ подъ предводительствомъ ея же зятя, герцога Виртембергскаго, девяностолѣтняя старуха отправилась въ изгнанье и умерла спустя пять лѣтъ. Въ сущности авторъ комкаетъ конецъ исторіи своей героини, такъ какъ она еще два раза видѣла у себя Александра, и, какъ всегда, онъ возбуждалъ въ ея сердцѣ новыя патріотическія надежды. Обѣщавъ пріѣхать черезъ два мѣсяца въ Варшаву, онъ пріѣхалъ только черезъ годъ и при

торжественномъ вѣздѣ въ городъ, въ польскомъ мундирѣ и среди криковъ: «да здравствуетъ Александръ, нашъ король», онъ замѣтилъ въ окнѣ княгиню Чарторижскую и поклонился ей, а на другой день открылъ съ нею балъ у ея сына, князя Адама. «Все это казалось мнѣ сномъ,—пишетъ увлекающаяся польская патріотка въ своемъ дневникѣ:—существуетъ Польша, король польскій въ національномъ мундирѣ и цвѣтахъ; слезы полились изъ моихъ глазъ; у меня есть родина, и я оставляю ее дѣтямъ». 18-го апрѣля 1818 года состоялось третье и послѣднее посѣщеніе Александромъ Пулавъ, не смотря на охлажденіе прежнихъ дружескихъ отношеній къ семьѣ Чарторижскихъ, а въ декабрѣ того же года, возвращаясь съ ахенскаго конгресса, императоръ обѣдалъ въ замкѣ Ланкутъ графа Потоцкаго съ княземъ Адамомъ и хотя обошелся съ нимъ холодно, но послѣ обѣда сказалъ ему, что пріѣдетъ кушать чай къ отцу его и матери въ Сеняву. Но исполнилъ ли онъ это намѣреніе или нѣтъ, намъ не рассказываетъ новѣйшій историкъ Александра I Г. Шильдеръ, изъ любопытной статьи котораго въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» мы заимствовали эти добавочныя свѣдѣнія о послѣднихъ отношеніяхъ княгини Чарторижской къ бывшему другу ея сына.

— Смерть историка Тречке, экономиста Леона Сэ, наследника австрійскаго престола и персидскаго шаха. Иностранная печать удѣляетъ много мѣста статьямъ и очеркамъ о четырехъ выдающихся личностяхъ, скончавшихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Германская наука оплакиваетъ смерть одного изъ первыхъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ Генриха Тречке, а французская академія надѣла трауръ по одному изъ своихъ безсмертныхъ, экономисту Леону Сэ. Первый родился въ 1834 году въ Дрезденѣ и, получивъ основательное университетское образованіе постепенно занималъ кафедру исторіи въ Фрейбургскомъ, Гейдельбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ. Долгое время онъ былъ редакторомъ «Preussische Jahrbücher» и съ 1871 по 1888 годъ засѣдалъ въ рейхсратѣ въ рядахъ національ-либераловъ. Главный его историческій трудъ—«Исторія Германіи въ XIX столѣтіи», которая осталась неоконченной; на ряду съ серьезными достоинствами она отличается узкимъ шовинизмомъ, и Тречке многіе обвиняютъ въ распространеніи этого псевдо-патріотическаго чувства къ Пруссіи. Что касается до Леона Сэ, то человекъ очень образованный и главный собственникъ газеты «Journal de Debats», онъ былъ представителемъ такъ называемой чистой политической экономіи, упадокъ которой онъ самъ незадолго до своей смерти оплакивалъ на обѣдѣ англійской экономической ассоціаціи. Теоретическимъ принципамъ этой узкой, пережившей свою славу, науки, которую съ одной стороны хоронятъ практическіе протекціонисты, а съ другой—соціалисты, Леонъ Сэ былъ вѣренъ въ продолженіе долгой семидесятилѣтней жизни, какъ въ своихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, такъ и въ политической своей дѣятельности въ качествѣ депутата, сенатора и министра финансовъ въ кабинетахъ Тьера, Бюффе, Дюера, Ж. Симона, Ваддингтона и Фрейсинаэ. Только что скончавшійся наследникъ габсбургской короны, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, братъ австрійскаго императора, не игралъ никакой политической роли и отличался самыми отсталыми клерикальнымъ тенденціями. Въ молодости онъ былъ генералъ-губернаторомъ прежде въ Галиціи, а по-

томъ въ Тиролѣ, но съ 1859 года велъ спокойную, семейную жизнь, принимая участие только въ успѣхахъ искусствъ и промышленности. Въ виду того, что онъ всегда открывалъ всевозможныя выставки, его прозвали «выставочнымъ эрцгерцогомъ», а главную свою гордость онъ видѣлъ въ томъ, что представлялъ образецъ джентельмена и семьянина. Онъ былъ женатъ три раза и, скончавшись на шестьдесятъ четвертомъ году, оставилъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, очень болѣзненный человекъ, является наследникомъ австрійскаго престола. Кончина персидскаго шаха была самая трагическая: онъ убитъ Мирзой Магомедомъ-Ризой изъ Кирмана, и сначала убійцу считали приверженцемъ секты бабидовъ, одинъ изъ членовъ которой уже покушался нѣсколько лѣтъ тому назадъ на жизнь Насръ-Эддина, но оказывается, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этой сектой, а приверженецъ агитатора Джемаль-Эддина, изгнаннаго изъ Персiи, живущаго теперь въ Константинополѣ и проповѣдующаго соединенiе въ одно цѣлое всего мусульманскаго міра. Покойный шахъ, родившійся въ 1821 году и царствовавшій сорокъ восемь лѣтъ, былъ зауряднымъ восточнымъ деспотомъ и только старался пустить пыль въ глаза, какъ своимъ подданнымъ, такъ и чужестранцамъ, тѣмъ европейскимъ лоскомъ, котораго онъ набрался во время своихъ путешествій по европейскимъ странамъ; чрезвычайно скупой, онъ отличался страстью къ драгоценнымъ камнямъ и оставилъ коллекцію ихъ, стоящую до 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Ему наследовалъ его сынъ Музаферъ-Эддинъ.

С М Ъ С Ъ .

СТЯСОТЛѢТІЕ кончины св. Стефана Пермскаго было торжественно отпраздновано въ Перми 26 апрѣля. Въ 8 часовъ утра началась литургія и молебенъ съ водоосвященіемъ во всѣхъ городскихъ церквахъ, а въ 9 часовъ въ соборѣ; послѣднюю совершалъ преосвященный Петръ, епископъ пермскій и соликамскій, въ сослуженіи соборнаго и епархіальнаго духовенства. За богослуженіемъ присутствовали: губернаторъ П. Г. Погодинъ, представители администраціи, города, земства, военнаго вѣдомства, судебного, всѣхъ сословій и учрежденій, именитые граждане и масса народа, которая заняла не только весь храмъ и соборную площадь, но и всѣ прилегающія улицы и переулки. Торжественный звонъ во всѣхъ церквахъ разносился по городу и окрестности. Одновременно съ этимъ, по окончаніи литургіи въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, начались изъ нихъ крестные ходы къ кафедральному собору. Въ первомъ часу, по окончаніи литургіи въ соборѣ, началось изъ него главное шествіе духовенства двумя рядами, въ праздничномъ облаченіи, съ владыкою Петромъ во главѣ, въ сопровожденіи властей и народа; впереди духовенства несены были запрестольные кресты, иконы, св. евангелія, а между прочимъ, какъ великая святыня Перми, посохъ святителя Стефана. У всѣхъ конечныхъ пунктовъ главный крестный ходъ ожидали новыя толпы народа. Особой торжественностью было обставлено главное, послѣ отслуженнаго въ соборѣ, молебствіе у часовни первосвятителя Стефана, украшенной гирляндами изъ зелени. У часовни былъ устроенъ во всю ширину улицы деревянный помостъ; сюда собрались части крестнаго хода и было отслужено общее молебствіе, по окончаніи котораго главный крестный ходъ возвра-

тился къ кафедральному собору, а приходскіе по своимъ церквамъ. Въ тотъ же день, въ 5 часовъ по полудни, въ залѣ часовни имени святителя состоялось торжественное годовичное собраніе членовъ братства св. Стефана. Собраніе открылось пѣніемъ тропаря св. Стефану, а затѣмъ архіерейскимъ хоромъ былъ пропѣтъ гимнъ «Звучи, тимпанъ». Преподаватель Пермскаго духовнаго училища г. Смирновъ произнесъ рѣчь о значеніи чествуемаго событія. Секретарь братства св. Стефана, преподаватель духовной семинаріи, К. П. Любимовъ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности братства за послѣднія 15 лѣтъ; въ отчетѣ, между прочимъ, отведено почетное мѣсто дѣятельности покойнаго протоіерея Е. А. Попова, инициатора и учредителя братства и устроителя часовни св. Стефана. Въ заключеніе были прочитаны привѣтственные телеграммы отъ разныхъ лицъ и учреждений.

Актъ въ археологическомъ институтѣ. 28-го апрѣля въ археологическомъ институтѣ происходилъ годовой актъ, привлечшій многочисленныхъ посѣтителей. Въ числѣ присутствовавшихъ находились профессора, преподаватели, бывшіе и настоящіе слушатели института. Актъ начался чтеніемъ отчета о дѣятельности института въ 1895—1896 учебномъ году. Институтъ потерялъ за это время своего директора А. Н. Труворова и пять почетныхъ членовъ: Д. А. Ровинскаго, П. И. Саввантова, А. К. Жизневскаго, Ѳ. Ѳ. Веселаго и М. О. Микѣшина. Составъ института включалъ 12 профессоровъ и преподавателей, 56 дѣйствительныхъ членовъ и 27 членовъ-сотрудниковъ. Число слушателей возросло до 99, изъ нихъ 43 числилось на второмъ курсѣ и 56 на первомъ. Занятія слушателей заключались въ слушаніи лекцій, въ ознакомленіи съ памятниками археографіи и искусства и въ самостоятельныхъ ученыхъ работахъ. Нѣкоторые изъ слушателей посѣтили Новгородъ съ цѣлью обстоятельнаго ознакомленія съ многочисленными и разнообразными памятниками новгородской старины. Кончили курсъ въ нынѣшнемъ году пять лицъ съ аттестатами и одинъ слушатель съ свидѣтельствомъ о выслушаніи курса институтскихъ наукъ. Изъ нихъ О. В. Крыжановскій за выдающіеся успѣхи и ученое изслѣдованіе по вопросу о древне-русскихъ одеждахъ награжденъ золотою медалью, А. Ѳ. Гильфердингъ и А. С. Раевскій получили серебряныя медали. Въ бібліотеку института поступило 125 книгъ, въ томъ числѣ 35 книгъ изданія сіамскаго короля Phra-Krai-Pi-Dok. Число всѣхъ книгъ превышаетъ 10 тысячъ названій. Музей института обогатился нѣсколькими цѣнными пожертвованіями: до 800 серебряныхъ монетъ, поступившихъ изъ Императорской археологической комиссіи, предметы первобытной старины отъ гг. Ольховскаго и Труворова, и тяжелое дѣло Палацци отъ г-жи Дестунисъ. Послѣ чтенія отчета, раздачи наградъ и аттестатовъ кончившимъ курсъ, преподаватель института А. К. Марковъ произнесъ рѣчь о разработкѣ нумизматики въ древнемъ мірѣ. Актъ закончился рѣчью профессора Н. В. Покровскаго о чинѣ коронованія русскихъ государей. Указавъ на древность коронованія, которое было хорошо знакомо почти всѣмъ древнимъ народамъ и выражалось жертвоприношеніями, прохожденіемъ черезъ огонь, поднятіемъ на щитѣ, профессоръ подробно остановился на исторіи образованія чина коронованія въ Византіи. Коронаціонный чинъ создавался постепенно. Сперва въ немъ преобладалъ

свѣтскій элементъ. Коронованіе Льва Великаго въ V столѣтіи происходило на Марсовомъ полѣ въ Константинополѣ. Церемонія заключалась въ поднятїи знаменъ, въ возложеніи цѣпей. Дѣйствовали все свѣтскія лица, константинопольскій патріархъ былъ только гостемъ. При коронованіи императора Анастасія, происходившемъ на ипподромѣ и выразившемся въ поднятїи императора на щитѣ, въ эту церемонію вмѣшался патріархъ Анатолій. Онъ потребовалъ, чтобъ императоръ прочелъ символъ вѣры, дѣйствуя такимъ образомъ вслѣдствіе того, что многіе подозревали Анастасія въ ереси. Это былъ первый случай введенія религіознаго элемента въ коронованіе. Съ тѣхъ поръ свѣтскій элементъ уступаетъ первенство религіозному. Къ X вѣку чинъ коронованія вполне сформировался. Не доставало въ немъ только миропомазанія. Изъ византійскихъ памятниковъ XIV в. видно, что въ это время чинъ коронованія сопровождался уже миропомазаніемъ, но состоялъ изъ двухъ частей: изъ гражданской церемоніи, происходившей въ триклиннѣ и выражавшейся въ поднятїи на щитѣ, и религіозной, происходившей въ храмѣ Софіи. Религіозная церемонія носила торжественный характеръ. Императоръ облачался въ царскія одежды, входилъ въ храмъ, передавалъ собственноручно имъ написанный символъ вѣры патріарху, возсѣдалъ на тронѣ, входилъ въ алтарь, бралъ кадильницу и кадилъ патріарху, пріобщался въ алтарѣ, какъ священники, затѣмъ принималъ поздравленія. Детали коронованія иногда измѣнялись, но общій характеръ этого чина пріобрѣлъ цѣльный видъ. Во время поздравленій къ императору подходилъ простолудинъ, держа въ одной рукѣ кучу костей, а въ другой—кусокъ льна. Ленъ сжигался. Это служило выраженіемъ скоротечности человеческой жизни. Начало коронованія русскихъ государей многіе относятъ къ Владиміру Мономаху. Это неправильно. Регалии—бармы, шапка, цѣпи—были присланы Владиміру Мономаху изъ Греціи въ то время, когда ему не было еще и двухъ лѣтъ. Другіе смѣшиваютъ чинъ коронованія съ чиномъ поставленія на великое княжество. Указываютъ также, какъ на коронованіе, на вѣнчаніе Іоанна Грознаго на царство. Существуютъ двѣ редакціи этого вѣнчанія. Одна приведена въ «Русской Вивліоникѣ» и повторена Е. Барсовымъ. Въ ней вѣнчаніе описывается, какъ коронованіе, но она невѣрна, такъ какъ въ ней указывается присутствіе супруги Іоанна Грознаго, Анастасіи, когда царь былъ еще холостъ; упоминается патріархъ, котораго въ это время въ Россіи не было. Другая лѣтописная редакція вѣрнѣе. Въ ней описываются подробности вѣнчанія на царство, сходныя съ подробностями чина поставленія на великое княженіе. По поводу своего вѣнчанія Іоаннъ Грозный имѣлъ переписку съ константинопольскимъ патріархомъ. Тотъ, признавъ вѣнчаніе, указалъ на его неправильность и прислалъ въ даръ книгу съ описаніемъ византійскаго чина коронованія, о чемъ свидѣтельствуетъ князь Курбскій. Эта книга послужила образцомъ для коронованія русскихъ государей, какъ преемниковъ греческихъ императоровъ и защитниковъ православія. Первымъ коронованнымъ съ миропомазаніемъ былъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Съ того времени детали коронованія, сохранивъ свой торжественный видъ, измѣнялись сообразно обстоятельствамъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ миро клалось между прочимъ на бороду, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ это было исключено. Когда церковныя книги были

исправлены, чинъ коронованія и миропомазанія приблизился къ византійскому. Петръ Великій первый короновалъ свою супругу.

Присужденіе премій митрополита Макарія. Въ результатѣ седьмого конкурса на преміи покойнаго митрополита московскаго Макарія, учрежденныя при учебномъ комитетѣ, существующемъ при святѣйшемъ синодѣ,—синодъ присудилъ половинныя преміи, по тысячѣ рублей каждая, семи слѣдующимъ лицамъ: 1) смотрителю черкаскаго духовнаго училища Клименту Антоновичу Чеменѣ за его сочиненіе (удостоенное и магистерской степени по представленію Московской духовной академіи, хотя авторъ воспитанникъ Кіевской академіи): «Происхожденіе и сущность эссеиства. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія»; 2) преподавателю с.-петербургской духовной семинаріи по греческому языку И. П. Соколову, магистру богословія Казанской духовной академіи, за его магистерскую диссертацию: «Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX вѣка до начала XIII вѣка» (842 — 1204 гг.); 3) младшему секретарю святѣйшаго синода, магистру богословія С.-Петербургской духовной академіи, С. Г. Рункевичу, за его диссертацию (ранѣе удостоенную и Уваровской преміи отъ академіи наукъ): «Исторія минской архіепископіи» (1793—1832 гг.); 4) ординарному профессору Московской духовной академіи по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языка (съ палеографіей) и исторіи русскаго языка Г. А. Воскресенскому за его труды: а) «Древне-славянскій Апостоль. Посланія святого апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи апостола XI — XVI вв. Выпускъ первый: Посланіе къ римлянамъ»; б) «Древне-славянское евангеліе». Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста на ряду со чтеніями изъ ста восьми рукописей XI—XVI вѣковъ; в) «Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ евангелія XI — XVI вѣковъ». (Послѣдняя книга изъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ» вмѣстѣ со второю доставили автору степень доктора богословія); 5) доценту Кіевской духовной академіи по кафедрѣ литургіи и церковной археологіи А. А. Дмитріевскому за книгу «Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 г.»; 6) старшему помощнику редактора описей и изданій московскаго архива министерства юстиціи Ивану Шимко за его книгу: «Патріаршій казенный приказъ». Его вѣдѣнія исторія, устройство и дѣятельность; 7) преподавателю литовской духовной семинаріи Григорію Кириловичу за его сочиненіе «Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и виленьскаго, и возсоединеніе западно-русскіихъ униатовъ съ православною церковью въ 1839 году».

С.-Петербургское археологическое общество. 16-го апрѣля состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предѣдательствомъ Н. В. Помяловскаго. Рефераты представили Р. Х. Леперь («Тридцать тирановъ») и М. П. Ростовцевъ («Двѣ новыя надписи изъ Панноніи»). Р. Х. Леперь утверждаетъ, что тридцать тирановъ 404 года до Р. Хр. составляли коллегію представителей тридцати пританей, составлявшихъ

подраздѣленіе десяти филъ, на которыя дробилось все населеніе Аонія. Одна изъ двухъ надписей, найденныхъ въ Филиппополѣ, о которыхъ сообщаетъ М. И. Ростовцевъ, свидѣтельствуетъ о посвященіи Аполлону атрибутовъ Геракла; по мнѣнію М. И. Ростовцева, авторъ этой надписи — императоръ Коммодъ, извѣстный почитатель Геракла. Въ томъ же засѣданіи П. А. Сырку сообщилъ о двухъ христіанскихъ рельефахъ, найденныхъ въ Чепинѣ, въ Болгаріи, и А. Н. Щукаревъ познакомилъ собраніе съ содержаніемъ недавно вышедшаго тома «Дополненій» къ II-му тому «Собранія аттическихъ надписей».

Тверская ученая архивная коммиссія. Въ апрѣльскомъ засѣданіи тверской ученой архивной коммисіи происходили выборы предсѣдателя на мѣсто + А. К. Жизневскаго; избраннымъ оказался тверской губернаторъ, П. Д. Ахлестышевъ, непремѣнный попечитель коммисіи. Это засѣданіе было посвящено главнымъ образомъ памяти А. К. Жизневскаго. Членъ коммисіи В. И. Колосовъ прочиталъ о его археологической дѣятельности, А. В. Владиславлевъ — некрологъ почившаго и Н. Н. Овсянниковъ сказалъ краткую рѣчь, посвященную памяти незабвеннаго перваго предсѣдателя коммисіи. Память его и недавно умершаго директора археологическаго института А. Н. Труворова была почтена вставаніемъ и рѣшено поставить въ тверскомъ музеѣ портретъ А. К. Жизневскаго. П. Д. Ахлестышевъ сообщилъ, что какъ скоро окончится ремонтъ той части императорскаго тверскаго дворца, которая отдана для тверскаго музея, послѣдній будетъ переведенъ въ свое новое помѣщеніе. Для устройства музея на новомъ мѣстѣ г. губернаторъ получилъ отъ А. К. Жизневскаго въ день смерти его 1,000 рублей. Размѣщеніе предметовъ будетъ сдѣлано по указанію графини П. С. Уваровой и московскаго археологическаго общества. Съ переходомъ въ новое помѣщеніе музей много выиграетъ, потому что нынѣшнее помѣщеніе его въ зданіи тверской гимназіи вслѣдствіе постояннаго увеличенія коллекцій стало слишкомъ тѣсно. По ходатайству губернатора и тверской ученой архивной коммисіи, 25-го февраля прошлаго года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на уступку подъ помѣщеніе музея западнаго крыла императорскаго тверскаго дворца съ отнесеніемъ расхода по содержанію этой части дворца въ теченіе 2-хъ лѣтъ на счетъ удѣловъ; равно и расходы по приспособленію этого помѣщенію подъ музей приняты на средства удѣльнаго вѣдомства. Тверской музей, по мнѣнію многихъ, посѣщавшихъ его, ученыхъ, занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто среди провинціальныхъ древлехранилищъ. Въ немъ хранится около 9,000 предметовъ древности, свыше 7,000 рукописей и до 2,500 предметовъ по отдѣламъ естественному и промышленному. Археологическій отдѣлъ замѣчательенъ по богатству, разнообразію и научной цѣнности предметовъ; особенно же замѣчательны собранія тверскихъ монетъ и тѣльныхъ крестовъ, единственныя въ своемъ родѣ. Коллекціи музея находятся въ строгомъ порядкѣ и описаны. Всѣ эти археологическія сокровища собраны главнымъ образомъ А. К. Жизневскимъ, затратившимъ на это дѣло много своихъ личныхъ средствъ.

Симбирская ученая архивная коммиссія, открытая 30-го іюля 1895 г., опубликовала свой первый отчетъ, согласно которому имѣла за полугодіе, съ 30-го іюля 1895 г. по 1-е января 1896 г., 4 засѣданія, изъ коихъ

третье было создано по случаю приѣзда въ Симбирскъ делегата французскаго министерства народнаго просвѣщенія, археолога барона де-Бай. Комиссія обратилась циркулярно къ мѣстнымъ правительственнымъ, общественнымъ, сословнымъ и другимъ учреждениямъ съ просьбою о доставленіи описей дѣлъ, назначенныхъ къ уничтоженію; впрочемъ, мѣстные архивы включаютъ дѣла только начиная съ 1865 года, ибо болѣе ранніе документы истреблены пожаромъ 1864 г., кромѣ архива удѣльной конторы и мужскаго Покровскаго монастыря. Сверхъ того, постановлено ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о томъ, чтобы комиссія извѣщалась о перестройкахъ всѣхъ зданій, воздвигнутыхъ ранѣе 1800 года. Наконецъ, приступлено къ печатанію найденной въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи «Приходо-расходной книги Симбирской приказной избы за 1665 — 1667 г.». Въ музей комиссіи уже числится 430 предметовъ древностей и 322 монеты, а всего 752 предмета. Въ библіотекѣ состоитъ 113 названій въ 183 томахъ. Въ приходѣ по 1-е января 1896 года числилось 649 рублей, израсходовано за то же время 341 р. 12 коп.

Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края, какъ видно изъ только что опубликованнаго отчета его за 1894 г., къ 1-му января 1894 г. состояло изъ 102 членовъ; до 30-го мая 1894 г. поступило 17 членовъ, въ томъ числѣ 3 почетныхъ, 1 пожизненный, 1 членъ корреспондентъ и 12 дѣйствительныхъ. По 30 мая 1895 г. скончалось 2 члена, и всего состояло 117. Совѣтъ общества имѣлъ въ отчетномъ году 8 засѣданій, изъ которыхъ одно было соединенное съ комиссіею по управленію музеемъ. Пожертвованій за отчетный годъ поступило 1,250 рублей, изъ коихъ 1,000 руб. отъ т. с. Ѳ. И. Базилевскаго. Въ 1894 г. напечатанъ и разосланъ отчетъ за 1892 г. и печатался отчетъ за 1893 г. Вторая половина сборника матеріаловъ по исторіи края печаталась въ приложеніи къ памятной книжкѣ астраханскаго губернскаго статическаго комитета на 1895 г. и въ количествѣ 550 оттисковъ поступила съ незначительной уплатой за бумагу и печать въ распоряженіе совѣта. Обществомъ приобретена цѣлая коллекція рисунковъ, изображающихъ городъ Астрахань, какъ въ подлинникахъ, такъ и въ фотографическихъ копіяхъ, чрезъ посредство † барона Ѳ. А. Бюлера и г. М. Заальмана (Берлинъ). Этими рисунками будутъ иллюстрированы дальнѣйшіе выпуски названнаго сборника, въ составъ котораго, между прочимъ, предполагается включить второй томъ рукописнаго описанія путешествія Гмелина, который почти весь посвященъ Астрахани и Астраханскому краю. Въ теченіе отчетнаго года состоялось 30 общинныхъ собраній. Въ историко-этнографической секціи было 6 засѣданій. Въ библіотекѣ общества къ 1-му января отчетнаго года состояло 1,773 названія въ количествѣ 2,940 №№; въ теченіе 1894 г. поступило 284 названія въ 387 №№; а всего состояло къ 1-му января 1895 г. 2,057 названій въ 3,327 №№, присоединяя же пожертвованную обществу † д. т. с. В. А. Дашковымъ библіотеку въ 1,132 тома и 463 названія, — 4,459 томовъ въ 2,520 названіяхъ. Музей въ память пребыванія въ Астрахани императора Петра Великаго въ 1894 г. былъ открытъ въ теченіе 305 дней и имѣлъ, не считая воспитанниковъ учебныхъ заведеній, 11,758 посѣтителей, изъ коихъ 8,067 чело-

вѣкъ приходится на праздничные дни. Благодаря различнымъ пожертвованіямъ, число предметовъ музея достигло 7,000, указатель коихъ готовится къ печати. Городское управленіе въ память бракосочетанія государя императора постановило, взамѣнъ слишкомъ тѣснаго теперешняго, устроить специально приспособленное для музея и народныхъ чтеній зданіе.

Минусинскій мѣстный музей и общественная бібліотека опубликовали отчетъ за 1895 годъ. Въ антропологическомъ отдѣлѣ музея состояло 1,374, въ археологическомъ—11,012 и въ нумизматическомъ — 1,724 предмета. Въ частности въ археологической отдѣлѣ за отчетный годъ поступили всѣ предметы изъ кургана мѣднаго вѣка, раскопаннаго А. В. Адриановымъ; отъ археологической комиссіи—глиняные сосуды изъ раскопокъ 1894 г.; отъ частныхъ лицъ—мѣдные ножи, сверла, каменные предметы, желѣзное стремя, бронзовое китайское зеркало, разные предметы мѣднаго вѣка, мѣдный мушкетонъ, свѣтецъ для лучины, 4-хъ-ствольный пистолеть, фототипическіе снимки съ древностей Минусинскаго округа. Статистика посѣщеній не составлялась. За тотъ же годъ бібліотека увеличилась на 813 названій въ 6,870 томахъ на сумму 763 руб. 91 коп. Всего въ бібліотекѣ состоитъ 12,938 названій въ 16,500 томахъ на сумму 22,850 руб. 22 коп. Библіотекой пользовалось 219 человекъ, изъ нихъ платныхъ читателей и вкладчиковъ 72, учащихся 50, безплатныхъ 97. Въ приходѣ поступило 452 руб. 83 коп., израсходовано 532 рубля 63 коп.

Выставка древностей. 13 апрѣля въ Петербургѣ въ помѣщеніи императорской археологической комиссіи были выставлены наиболѣе замѣчательные предметы древности изъ числа поступившихъ въ комиссію въ теченіе 1895 года. На первый планъ выступаютъ предметы древности изъ Кубанской области, добытые отчасти раскопками комиссіи, частью отобранные у лицъ, производившихъ раскопки безъ надлежащаго разрѣшенія. Такъ, въ правой угловой комнатѣ, на стѣнѣ была расположена коллекція вещей изъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго въ курганахъ ст. Псебайской, Бесленѣвской и Крымской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области. Раскопанные Н. И. Веселовскимъ курганы относятся къ тремъ эпохамъ. Древнѣйшіе принадлежатъ къ мѣдному вѣку. Въ нихъ были найдены: большое коше съ насадомъ, клинъ, топоръ, вилообразное орудіе, оригинальная булава съ выступами къ верхнему краю, золотыя и сердоликовыя бусы. Большинство другихъ кургановъ, судя по найденнымъ въ нихъ предметамъ, могутъ быть отнесены ко времени Рождества Христова или къ нѣсколько позднѣйшей порѣ. Въ курганахъ этой категоріи найдены: золотыя—фибула ромбической формы, тисненныя бляшки съ изображеніемъ грифоновъ и овцы, сборныя розетки въ нѣсколько бляшекъ, маленькіе подвѣски съ изображеніемъ сокола, птичекъ и съ подвѣсками-шариками, розетки, бляшки, напоминающія форму лошадиной головы, бусы и др.; изъ мѣдныхъ вещей—зеркальце, изъ желѣзныхъ—ножницы. Независимо отъ того въ тѣхъ же курганахъ встрѣчается много мозаичныхъ и другихъ бусъ и въ числѣ ихъ разной формы бусы цвѣта морской воды. Въ одной изъ курганыхъ насыпей найденъ обломокъ амфорной ручки съ клеймомъ, повидимому,

III вѣка до Рождества Христова. Интересны расположенныя на подставкѣ различныхъ золотыя вещи-подлинники и гальванопластическіе снимки. Таковъ золотой ажурный конической формы предметъ, украшенный въ три пояса изображениями грифоновъ и рѣдкими небольшими гранатами, большой предметъ неизвѣстнаго назначенія, колоколообразной формы. По бокамъ его помѣщены сцены изъ битвъ степныхъ варваровъ двухъ различныхъ племенъ. Одинъ изъ побѣжденныхъ на землѣ, и съ него снимаютъ голову, другой изображенъ въ моментъ бѣгства. Побѣдители изображены въ латахъ и броневыхъ поножьяхъ, вооружены мечами и дротиками, на головахъ повязки; побѣжденные вооружены мечами, щитами, стрѣлами и изображены въ такой же бронѣ и на груди и поножьяхъ на ногахъ. Орнаментъ предмета и другіе признаки указываютъ на то, что находка эта относится ко времени послѣ Рождества Христова. Особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ золотыя оковки съ изображениями грифоновъ, сцены охоты на оленя и отправленія на войну, болѣе грубой работы. Подлинники всѣхъ этихъ предметовъ, а также выставленной рядомъ на средней полкѣ золотой ажурной пластинки съ изображеніемъ варваровъ найдены при хищническихъ раскопкахъ въ Песбайской станціи и находятся въ частной коллекціи. Далѣе интересны золотыя спиральныя кольца, найденныя въ могилѣ станціи Суворовской, Баталпашинекаго уѣзда, Кубанской области, коллекціи золотыхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ ст. Курджинской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской области, и въ числѣ ихъ медальонъ съ изображеніемъ женской фигуры и Эрота, бляшки съ орнаментомъ и изображеніемъ грифоновъ, сокола, розетокъ, ожерелье изъ бляшекъ въ видѣ узловъ, головка коня, кусочекъ самороднаго золота и предметъ въ видѣ колокольчика, украшенный двумя парными изображениями воиновъ варваровъ, взявшихъ за копье и спорящихъ. Въ свободной рукѣ одного — голова непріятеля, у другого — мечъ. Въ коллекціи изъ трехъ кургановъ близъ Ярославской и Кужорской, Майкопскаго отдѣла, Кубанской же области, выдѣляются: покрытыя золотомъ спиральныя кольца, гранчатыя позолоченныя пуговицы, пряжки, золотыя и серебряныя серьги; золотой перстень, филигранныя бусы, золотыя бляшки съ изображеніемъ розетокъ и головъ, круглыя, выпуклыя, позолоченныя серебряныя бляхи, оригинальныя нагрудныя подвѣски въ видѣ круглой коробочки, треугольника, лунницы, флакончика, великолѣпный поясной наборъ изъ ажурныхъ бляшекъ съ орнаментомъ и проч. Въмѣстѣ съ вещами найдены монеты XIV вѣка. Важными въ научномъ отношеніи являются также предметы изъ раскопокъ въ Херсонесѣ, коллекція вещей, добытыхъ раскопками могильниковъ бассейна рѣки Оки, изъ которыхъ одинъ (Копибѣлевскій) долженъ быть признанъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ могильниковъ этого района, коллекція изъ кургановъ Шушинскаго уѣзда, предметы изъ кургановъ Томской губерніи, оказавшихся вполнѣ тождественными съ Керченскими древностями первыхъ вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ; вещи изъ кургановъ Крымскихъ, Саратовскихъ и Пермскихъ и изъ стариннаго жертвеннаго мѣста Пермской губерніи. Интересна также довольно обширная коллекція изъ раскопокъ на Афрелебовомъ городищѣ близъ Самарканда. Отдѣлъ предметовъ, доставленныхъ изъ различныхъ мѣстностей имперіи, принесенныхъ археологической

комиссії въ даръ и пріобрѣтенныхъ ею, многочисленъ, разнообразенъ и заключаетъ въ себѣ не мало вещей, имѣющихъ важное значеніе въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ. Особенно выдѣляются: серебряное античное блюдо изъ Закавказья, коллекція кавказскихъ древностей г. Семенова, золотыя вещи готскаго типа изъ Шадринскаго уѣзда, золотыя серьги изъ Перми, терракотовые фигуры изъ Феодосіи, находки въ Воронежской губерніи, вещи изъ кургановъ Полтавской губерніи, коллекціи Минусинскихъ древностей, находки серебряныхъ вещей на островѣ Моонъ, глиняные сосуды изъ кургановъ Кіевской губерніи, вещи изъ Ефаевского могильника, Пензенской губерніи, изъ развалинъ города Увека, изъ Уральской области (нѣсколько предметовъ типа Ананьинскаго могильника) и значительная коллекція вещей, пріобрѣтенныхъ въ 1895 году Минусинскимъ музеемъ. Вообще на выставкѣ собраны предметы изъ 42 областей и губерній Россіи. Особый отдѣлъ выставки составилъ большое собраніе чертежей, рисунковъ, кальковъ, фотографическихъ снимковъ и предметовъ, исполненныхъ экспедиціей, снаряженною императорскою археологическою комиссіей въ Самаркандъ на средства, отпущенныя министромъ финансовъ. Между ними первое мѣсто безспорно занимаютъ выполненные художественною рѣзьбой двери изъ мечети Тамерлана. Къ сожалѣнію, онѣ попорчены; но съ достовѣрностью можно сказать, что современная рѣзьба блѣднѣетъ какъ предъ техникой выполненія этой рѣзьбы, такъ и предъ художественною стороною композиціи рисунка.

Возобновленіе стараго печатнаго двора. Въ настоящее время закончились работы по возобновленію стараго печатнаго двора при московской синодальной типографіи, начатыя осенью минувшаго года. Два года тому назадъ въ старинномъ зданіи печатнаго двора стали обнаруживаться трещины въ наружной сторонѣ, обращенной къ Театральной площади. Затѣмъ осѣла внутренняя деревянная перегородка, раздѣляющая прихожую отъ книгохранительной палаты, вмѣстѣ съ прилегающею къ ней печью стариннаго образца, а въ первомъ этажѣ зданія подъ этимъ помѣщеніемъ образовалась поперечная щель въ сводѣ. Къ этому присоединилось еще и тс обсыпаніе, что роспись старинныхъ палатъ стала покрываться копотью вслѣдствіе порчи духовыхъ печей. По представленію управляющаго типографіей было разрѣшено произвести необходимый ремонтъ въ зданіи какъ снаружи, такъ и внутри. Для постоянного наблюденія за работами была назначена комиссія изъ служащихъ въ типографіи, причемъ московское археологическое общество командировало своего члена архитектора В. А. Гамбурцева. Въ сентябрѣ минувшаго года комиссія, въ составѣ членовъ: В. О. Фиргуфа, В. П. Борисоглѣбскаго и архитектора П. Н. Ушакова, и въ присутствіи В. А. Гамбурцева, произвела тщательный осмотръ зданія и пришла къ заключенію о необходимости до разборки печей и прилегающаго поперечнаго свода перваго этажа убѣдиться въ прочности подвальныхъ поперечныхъ стѣнокъ, предполагая, что въ нихъ должна скрываться причина частичной осадки зданія. При помощи раскопокъ было обнаружено, что подъ среднюю часть зданія, подъ поперечный проходъ перваго этажа, находится проходъ такой же ширины, засыпанный землей почти до основанія свода; рядомъ съ нимъ оказалась другой проходъ, также засыпанный землей, причемъ черезъ него проло-

жены три сточныя трубы. Оба поперечные прохода покрыты коробовыми сводами, давшими сильныя трещины и частью осыпавшимися. Далѣе было обнаружено, что поперечная стѣна, поддерживающая своды, находится въ плохомъ состояніи. По удаленіи земли изъ югозападнаго прохода оказалось, что эта поперечная стѣна поставлена на насыпи съ бутомъ менѣе аршина толщины, не достигающимъ бута продольныхъ стѣнъ. Въ продольной стѣнѣ, обращенной къ Театральной площади, какъ разъ противъ двухъ проходовъ, обнаружена арка, съ пробитою въ ней брешью въ самой пятѣ для сточныхъ водъ и ничѣмъ не укрѣпленною. Далѣе при раскопкахъ внѣ зданія на глубинѣ 2¹/₂ аршинъ отъ поверхности теперешнаго двора были найдены какіе-то столбы изъ тесаннаго бѣлаго камня, толщиной до двухъ аршинъ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо примыкаютъ къ фундаменту зданія, другіе находятся на нѣкоторомъ разстояніи и затѣмъ подь прямымъ угломъ идутъ къ Китайской стѣнѣ. Почти на всѣхъ камняхъ остались слѣды покрытія ихъ арками, совершенно сходными съ тою, которая оказалась въ стѣнѣ зданія, обращенной къ Театральной площади. Часть наружной стѣны, давшей трещины, оказалась имѣющею въ себѣ пустыя пространства значительной ширины, доходящей до 9 вершковъ. По разборкѣ эти пустоты оказались дымовыми ходами, поднимавшимися отъ самаго подвального этажа; въ одномъ изъ нихъ была найдена серебряная монета 1789 года. Вовсей подвальной части зданія не обнаружено было желѣзныхъ связей, и стѣны сведены сводомъ только надъ первымъ этажомъ. Что касается югозападной части зданія, имѣющей глубокой подвальный этажъ, то она оказалась очень прочною и не возбуждала никакихъ опасеній. Послѣ осмотра комиссія признала необходимымъ для сохраненія древняго зданія немедленно приступить къ перекладкѣ наружной стѣны въ мѣстѣ, давшемъ трещины, отъ самаго основанія, сохранивъ древнюю арку и разгрузивъ тяжесть лежащихъ на ней стѣнъ съ помощью желѣзныхъ балокъ. Затѣмъ было рѣшено подвести такія же балки въ поперечныхъ проходахъ подь своды, которые признано необходимымъ переложить вновь. Всѣ каменные работы удалось закончить въ теченіе осени. По исполненіи ихъ было приступлено къ устройству одной большой печной камеры въ подвальномъ этажѣ вмѣсто двухъ стоящихъ рядомъ духовыхъ камеръ. Новая камера была соединена со старинными печами втораго этажа, въ послѣднихъ сдѣланы также необходимыя исправленія; при этомъ работа производилась съ большою осторожностью, подь постояннымъ присмотромъ членовъ комиссія. Въ январѣ текущаго года было приступлено къ ремонту старинныхъ палатъ, исполненіе которыхъ было поручено художнику. Съ орнаментовъ въ книгохранильной палатѣ и передней комнатѣ были сняты кальки; затѣмъ они росписаны вновь съ сохраненіемъ всѣхъ тѣней и рисунковъ до мельчайшихъ подробностей, причѣмъ вмѣсто клеевой краски употреблена масляная, но приданъ ей видъ клеевой. Работа исполнена превосходно. Въ Справной палатѣ былъ перекрытъ масляною краской потолокъ, изображающій звѣздное небо, причѣмъ всѣ звѣзды были вновь вызолочены. Стѣны палаты были лишь промыты, такъ какъ онѣ выкрашены масляною краской и ремонта не требовали; пришлось только перекрыть фонтъ и подравнять нѣкоторыя части рисунковъ. То же было сдѣлано съ мебелью и другими принадлежностями. Слѣбнокъ

съ надгробной плиты первопечатника Ивана Федорова (даръ графа А. С. Уварова) былъ также возобновленъ. Наружный видъ зданія Печатнаго двора заново реставрированъ, и въ настоящее время онъ вполне гармонируетъ съ прекраснымъ внутреннимъ видомъ палаты. По случаю окончанія работъ древняя палата открылась вновь для осмотра публики ежедневно, отъ 11 до 3 час., кромѣ праздничныхъ дней.

Освященіе памятника Н. Г. Устрялову. 4-го мая на Смоленскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ, состоялось освященіе надгробнаго памятника на могилѣ Н. Г. Устрялова. На пьедесталѣ установленъ массивный бѣлый мраморный крестъ съ надписью на лицевой сторонѣ: «Николай Герасимовичъ Устряловъ, историкъ. Скончался 8-го іюня 1870 года». На освященіи присутствовали вдова и сынъ покойнаго и немногочисленная посторонняя публика. Памятнику на могилѣ и освященію памятника совершало духовенство кладбищенской церкви.

† **В. И. Желиховская.** 5-го мая въ С.-Петербургѣ скончалась на 61-мъ году отъ рожденія извѣстная писательница Вѣра Петровна Желиховская. Покойная родилась въ Екатеринославѣ 17-го апрѣля 1835 г. и принадлежала со стороны матери къ семьѣ Фадѣевыхъ, давшей нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей: Андрея Михайловича Фадѣева, оставившаго интересные записки, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 года, Ростислава Андреевича Фадѣева, выдающагося военнаго историка и публициста, Елену Андреевну, въ замужествѣ Ганъ, извѣстную въ сороковыхъ годахъ романистку (подъ псевдонимомъ Зевенды Р — вой), наконецъ теперешняго министра финансовъ С. Ю. Витте, сына Екатерины Андреевны Фадѣевой. Е. А. Ганъ имѣла троихъ дѣтей, сына и двухъ дочерей: Елену Петровну, впоследствии Блатскую, получившую такую громкую извѣстность своею дѣятельностью и литературными произведеніями, и Вѣру Петровну, по первому мужу Яхонтову, по второму Желиховскую. Последняя на седьмомъ году лишилась матери и была взята на воспитаніе родителями послѣдней въ Одессу. Въ ихъ домѣ она получила прекрасное образованіе и воспитаніе. Въ 1852 году, всего 17 лѣтъ отъ роду, покойная вышла въ первый разъ замужъ за Н. Н. Яхонтова, брата извѣстнаго поэта, но овдовѣла въ 1857 году и черезъ пять лѣтъ вышла вторично замужъ за В. И. Желиховскаго. Во время своего второго замужества покойная начала заниматься литературой, сочиняя рассказы, но не для печати, а для своихъ дѣтей и знакомыхъ, и только съ 1878 года выступила въ печати со своимъ первымъ рассказомъ, посвященнымъ «кавказскимъ дѣтямъ», подъ названіемъ «За приключеніями» (Тифлисъ, 1878 г.). Успѣхъ этого произведенія среди дѣтскаго мірка заставилъ покойную написать большую серію подобныхъ же рассказовъ, постепенно печатая ихъ въ журналахъ («Семьѣ и Школѣ», «Дѣтскомъ Читеніи», «Игрушечкѣ» и «Задупевномъ Словѣ») и отдѣльными книжками. Изъ такихъ изданій имѣли особый успѣхъ: «Какъ я была маленькою» (Сиб., 1891 и 1894 гг., два изданія), «Мое отрочество» (Сиб., 1893 г.), «Князь Илко» (Сиб., 1894 г.) и «Кавказскіе рассказы» (Сиб., 1895 г.). Вообще кончина ея мужа въ 1880 г. вызвала ея переселеніе въ С.-Петербургъ, а измѣнившіяся матеріальныя усло-

віа принудили къ болѣе оживленной литературной дѣятельности. Въ это время В. П. написала нѣсколько повѣстей, романовъ и драмъ. Къ нимъ относятся: «На Черномъ морѣ», рассказъ («Русскій Вѣстникъ», 1880 г., кн. 7), «Волѣзнъ времени», романъ («Русскій Вѣстникъ», 1886 г., кн. 3—9), «Ложь», современная быль («Русское Обозрѣніе», 1891 г., кн. 2—4), «Въ житейскомъ омутѣ», романъ («Русское Обозрѣніе», 1895 г., кн. 1—4) и рядъ мелкихъ беллетристическихъ произведеній въ «Гражданинѣ», «Нивѣ», «Сѣверѣ» и «Художникѣ». Изъ драматическихъ піесъ ея извѣстны: «Кто преступница?» (Одесса, 1883 г.), «Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ» (Спб., 1886 г.), — обѣ удостоены преміи Вучины отъ Новороссійскаго университета, — и комедія «На сорной почвѣ» (Литературныя приложенія къ «Гражданину», 1887 г., кн. 11). Сверхъ того, мастерски владѣя простою рѣчью и народнымъ складомъ, покойная издала для народа нѣсколько удачныхъ книжекъ, какъ, напримѣръ: «Кавказъ и Закавказье» (Спб., 1885 г.), «Наши воины православные» (Спб., 1886 г.), «Забутые герои», четыре выпуска (Спб., 1888 г.) и т. п. Ею же написаны воспоминанія, посвященныя памяти великой княгини Ольги Θεодоровны («Русская Старина», 1891 г., кн. 5), родной матери (1887 г., кн. 3) и старшей сестры Е. П. Блаватской (Спб., 1893 г.). Наконецъ, В. П. Желиховская втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ являлась постоянною сотрудницею «Московскихъ Вѣдомостей», помѣщая въ нихъ рождественскіе и пасхальныя рассказы, письма изъ своихъ заграничныхъ путешествій и поѣздокъ по Россіи, этнографическіе очерки. Живя въ началѣ 80-хъ годовъ на Кавказѣ, она сотрудничала въ мѣстныхъ газетахъ по политическому отдѣлу; въ послѣдніе же годы статьи ея появлялись въ «Новомъ Времени», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новостяхъ».

† **В. А. Яковлевъ.** Въ первой половинѣ апрѣля въ Одессѣ скончался профессоръ Новороссійскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и словесности, завѣдующій мѣстной городской публичной библіотекой, Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Покойный родился въ 1840 году и высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, но испытаніе на степень кандидата держалъ въ университетѣ св. Владиміра, въ 1864 году. Затѣмъ около пяти лѣтъ онъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка и готовился къ магистерскимъ экзаменамъ, пока не былъ избранъ въ 1869 году доцентомъ Юрьевскаго (тогда еще Дерптскаго) университета по кафедрѣ русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Здѣсь ему пришлось пробыть только два года и заявить себя твердымъ сторонникомъ русской государственной идеи. Перейдя затѣмъ съ 1871 года въ Варшавскій университетъ, покойный приобрѣлъ степень магистра русской словесности (1875 г.), но состоялъ профессоромъ лишь до 1879 года: тяжелая болѣзнъ заставила его переѣхать въ Одессу. Тамъ покойный, послѣ пятилѣтняго промежутка, получилъ мѣсто завѣдующаго городскою публичною библіотекой, а съ 1884 года снова началъ чтеніе лекцій въ Новороссійскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, съ полученіемъ же степени доктора русскаго языка и словесности (1893 г.) — въ званіи экстраординарнаго профессора. Изъ ученыхъ трудовъ В. А. Яковлева слѣдуетъ назвать: изданія памятниковъ древне-рус-

ской литературы— «Домострой Сильвестра» (Сиб., 1867 г.), «Сказаніе о Цареградѣ по древнимъ рукописямъ» (Сиб., 1868 г.) и «Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ» (Сиб., 1872 г., 186 стр.), магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ «Древне-Кіевскія религіозныя сказанія» (Варшава, 1875 г., 160 стр.), гдѣ подробно разсмотрѣвъ кіевскій Патерикъ (XII в.), и докторскую диссертацию: «Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда» (Одесса, 1893 г.). Къ учебнымъ пособиямъ, изданнымъ имъ, относятся «Русская Хрестоматія» (Сиб., 1869 г.), комментарий къ избраннымъ произведеніямъ русской литературы, напечатаннымъ въ такъ называемой «Классной Библіотекѣ» (Сиб., 1869 г.), и «Учебный курсъ теоріи словесности» (Сиб., 1887 г.). Наконецъ, ему же принадлежало нѣсколько брошюръ, какъ, напримѣръ: «Русская печать, въ Привислянскомъ краѣ» (Варшава, 1878 г.), «Къ новоселью городской публичной бібліотеки въ Одессѣ» (Одесса, 1883 г.), «Значеніе нашего края въ жизни и дѣятельности Пушкина» (Одесса, 1887 г.), «Изъ одесской старины» (Одесса, 1894 г.) и др.

† **И. П. Сокальскій.** Въ ночь съ 30-го апрѣля на 1-е мая въ Харьковѣ внезапно скончался профессоръ политической экономіи и статистики Харьковскаго университета Иванъ Петровичъ Сокальскій. Покойный родился въ 1829 г. Окончивъ въ 1850 году курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету съ званіемъ кандидата, онъ уже въ слѣдующемъ 1851 году былъ назначенъ адъюнктомъ Ришельевского лицея по кафедрѣ «политической экономіи и коммерціи». Въ 1853 году онъ выдержалъ въ Харьковскомъ университетѣ экзаменъ и защитилъ диссертацию на степенъ магистра политической экономіи и статистики— «О значеніи совмѣстничества въ области промышленности». Затѣмъ въ 1858 году И. П. переходитъ въ Харьковскій университетъ въ качествѣ и. д. экстраординарнаго профессора по кафедрѣ политической экономіи и статистики и въ 1872 году въ университетѣ св. Владиміра защищаетъ докторскую диссертацию по заглавіемъ «Англосаксонская сельская община». Съ 1872 г. И. П. становится ординарнымъ профессоромъ, а съ 1883 года заслуженнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, въ которомъ онъ съ 1890 г. сверхъ своего спеціальнаго курса началъ читать еще и торговое право. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго наиболѣе извѣстны: «Англо-саксонская сельская община» (докторская диссертация), «О земскихъ банкахъ» (рядъ публичныхъ лекцій) и проч. Кромѣ учено-педагогической дѣятельности, И. П. посвящалъ много времени публицистикѣ и журнальной работѣ. Такъ съ 1882 г. онъ въ теченіе трехъ лѣтъ редактировалъ ежемѣсячное изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета «Статистическій Листокъ»; въ послѣднемъ перу редактора принадлежитъ рядъ статей и изслѣдованій теоретическаго и практическаго характера. Въ 1888 г. по инициативѣ и старанію И. П. возникло солидное, широко преслѣдующее задачи статистики изданіе— «Статистическія таблицы населенія и промышленности въ государствахъ Европы и другихъ частей свѣта». До настоящаго времени появились въ печати лишь два выпуска— «Германская имперія» и «Швейцарскій союзъ». Какъ публицистъ, покойный выступалъ на страницахъ «Одесскаго Вѣстника».

† **Н. А. Опрсовъ.** 24-го апрѣля въ Казани скончался на 65-мъ году жизни заслуженный ординарный профессоръ мѣстнаго университета Николай Васильевичъ Опрсовъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія (былъ сыномъ священника), родился въ Перми и воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи; затѣмъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ главнаго педагогическаго института по историко-филологическому факультету. Определенный учителемъ въ пермскую гимназію, онъ черезъ пять лѣтъ переведенъ былъ въ Казань, гдѣ преподавалъ русскую словесность въ 1-й и 2-й гимназіяхъ и читалъ въ университетѣ на правахъ адъюнкта всеобщую исторію. По защитѣ въ 1867 г. диссертациі на степень магистра, подъ заглавіемъ: «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ», назначенъ доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи. Въ 1869 году защищалъ диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: «Иностранческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель за это время». Въ 1870 г. Н. А. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Въ университетѣ Н. А. пользовался большою популярностью; его избирали и секретаремъ, и деканомъ историко-филологическаго факультета, и судьей, и проректоромъ, причемъ онъ исполнялъ въ то же время и обязанности ректора. Н. А. состоялъ почетнымъ попечителемъ казанскихъ городскихъ и уѣздныхъ земскихъ народныхъ училищъ, былъ членомъ-учредителемъ и въ послѣднее время почетнымъ членомъ и предсѣдателемъ казанскаго общества исторіи, археологій и этнографіи. Въ 1886 году возведенъ въ званіе заслуженнаго профессора. Въ послѣдній годъ жизни онъ предпринялъ изданіе газеты «Камско-Волжскій край». Его перу принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующіе труды: «Исторія Стилихона» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1855 года, ч. LXXXVIII), «Воспитаніе женщинъ въ Пермской губерніи» («Педагогическій Вѣстникъ» 1858 г.), «Открытіе училищъ въ Пермской губерніи» («Пермскій Сборникъ» 1859 г.), «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ» (Казань, 1866 г.), «Иностранческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація Закамскихъ земель» (Казань, 1869 г.), «Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности П. П. Неплюева», актовая рѣчь (Казань 1894 г.) и другія. Покойный незадолго до смерти успѣлъ напечатать отрывки изъ своихъ воспоминаній, подъ заглавіемъ: «Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ» («Русская Старина» 1889 г., кн. 3, 4, 6—8).

† **Н. В. Губерти.** 29-го апрѣля въ Москвѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ бібліографовъ Николай Васильевичъ Губерти. Покойный родился въ 1818 году въ Коломнѣ, Московской губерніи, гдѣ его отецъ, подполковникъ Василій Яковлевичъ Губерти, служилъ городничимъ. Годы же дѣтства и раннюю юность онъ провелъ въ селѣ Шуровѣ (Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи), въ имѣніи своей матери, дочери извѣстнаго екатерининскаго статсъ-секретаря и автора воспоминаній А. М. Грибовскаго. Прекрасно подготовленный сначала родною матерью, а затѣмъ гувернерами и учителями, Н. В. Губерти прямо изъ родительскаго дома былъ привезенъ въ Петербургъ и съ 1835 года поступилъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерию. На военной службѣ

ему пришлось пробыть только десять лѣтъ: въ 1845 году выйдя въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана, онъ скоро отдался занятіямъ русскою нумизматикой и книжною стариной. Сперва онъ началъ собирать старинныя русскія монеты, преимущественно время великихъ и удѣльныхъ князей. Въ теченіе тридцати лѣтъ собранія его коллекція постепенно обогащалась рѣдкими и превосходно сохранившимися экземплярами, такъ что невольно обращала на себя вниманіе такихъ знатоковъ, какъ покойные графы С. Г. Строгановъ и А. С. Уваровъ. Въ то же время Н. В. Губерти занялся пріобрѣтеніемъ русскихъ книгъ и важныхъ рукописей, главнымъ образомъ XVIII вѣка. Мало-по-малу его бібліотека наполнилась рѣдкостными, даже единственными изданіями (какъ, напримѣръ, «Карманный календарь государя великаго князя Павла Петровича на 1761 годъ», напечатанный въ одномъ экземплярѣ только для малолѣтняго цесаревича), и ревностный собиратель книжныхъ рѣдкостей началъ дѣлиться своими находками чрезъ замѣтки и статьи, напечатанныя въ «Русской Старинѣ», «Россійской Библіографіи» и «Библіографѣ». Благодаря, главнымъ образомъ, своей же бібліотекѣ, покойный задумалъ составить обширный каталогъ своего книжнаго собранія. Послѣ двѣнадцатилѣтнихъ занятій ему удалось издать свой важный трудъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ» (М., 1878, 1881 и 1891 гг., три тома), удостоенный Уваровскою преміи отъ Императорской Академіи Наукъ. Этотъ трудъ, помимо своего главнаго достоинства, какъ обширная справочная книга, въ настоящее время является единственнымъ напоминаніемъ о книжномъ собраніи Н. В. Губерти, такъ какъ его драгоценная бібліотека, пріобрѣтенная затѣмъ московскимъ кунцомъ Н. П. Носовымъ, къ сожалѣнію, почти вся сгорѣла въ концѣ прошлаго года. Укажемъ еще отдѣльныя изданія покойнаго: «Историко-литературные и библіографическіе матеріалы» (Сиб., 1887 г.), «Современникъ, или записки для потомства, А. Т. Болотова» (Сиб., 1891 г.), «Рѣдкая книга «Magikon» и др.

† **А. М. Жемчужниковъ.** Во второй половинѣ апрѣля скончался въ своемъ витебскомъ имѣніи Лобержъ Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ, братъ поэта Алексѣя Михайловича Жемчужникова. Покойный родился въ 1826 году, девяти лѣтъ отданъ былъ въ Александровскій корпусъ (1835 г.), отсюда рѣшешъ въ I кадетскій (1836 г.), но, не окончивъ тамъ курса, подготовился дома и поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Выпущенный изъ университета со степенью кандидата (1850 г.), покойный началъ свою службу при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Перовскомъ, при которомъ и состоялъ до 1867 года, послѣ чего вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1853 году на страницахъ «Современника» имъ были напечатаны «Басни», которыя послужили поводомъ къ появленію въ томъ же журналѣ такъ называемыхъ «Досуговъ Козьмы Пруtkова», въ составленіи которыхъ принимали участіе братья покойнаго Алексѣй и Владиміръ Михайловичи, а также ихъ двоюродный братъ, извѣстный поэтъ графъ А. К. Толстой.

† **О. А. Куманинъ.** Въ ночь на 24-е апрѣля скончался въ Москвѣ, послѣ

продолжительной и тяжелой болѣзни, редакторъ-издатель журналовъ «Театраль», «Театральная Библиотека», «Читатель» и «Справочный листокъ для сценическихъ дѣятелей», Федоръ Александровичъ Кумалинъ. Помимо редактированія и изданія названныхъ журналовъ, покойный былъ ихъ основателемъ; онъ принималъ также изданіе журнала «Артистъ», сумѣлъ привлечь въ сотрудники этого журнала видныя силы современной литературы и художественнаго творчества и создалъ «Артисту» солидную репутацію. Кроме того, Ф. А. занимался книгоиздательствомъ и переводами драматическихъ произведеній. Такъ, онъ передѣлалъ пьесу Аронжа — «Сильно дѣйствующее средство», перевелъ нѣсколько пьесъ Зудермана и написалъ въ сотрудничествѣ съ г-жею Ч — вой комедію «Жоржинка». Имъ, между прочимъ, изданы рассказы Салова, Щеглова и др. Покойный родился въ 1855 году, образованіе получилъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, Ф. А. поступилъ затѣмъ на службу въ качествѣ помощника акцизнаго надзирателя сначала въ Воронежѣ, а затѣмъ въ Москвѣ. Издательскою дѣятельностью онъ занялся лѣтъ 10 тому назадъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ некрологу В. Р. Зотова.

Въ № 7235 «Новаго Времени» (отъ 21-го апрѣля 1896 года) г. Быковъ помѣщаетъ поправку къ напечатанному въ «Смѣси» мартовской книжки «Историческаго Вѣстника», стр. 1053, некрологу В. Р. Зотова, въ которомъ было заимствовано изъ «Московскихъ Вѣдомостей» (отъ 9-го февраля 1896 года) ошибочное свѣдѣніе, что къ числу произведеній В. Р. Зотова принадлежали двѣ книжки стихотвореній подъ названіемъ «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», С.-Петербургъ, 1843 г. По свидѣтельству г. Быкова, названный сборникъ шуточныхъ стихотвореній принадлежитъ перу Некрасова, а не Зотова, причемъ одна изъ пьесъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, именно «Говорунъ», даже перепечатана въ собраніи сочиненій Некрасова.

ВЪ 1812 ГОДУ

(Racheté)

ПОВѢСТЬ

А Р Т Ъ - Р О Й Е

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1896

I.

Днѣпръ и Двина, параллельные другъ другу въ своихъ верховьяхъ, затѣмъ расходятся въ разныя стороны: первый отъ Орши направляется къ югу, а вторая, за Витебскомъ, сворачиваетъ къ сѣверу. Такимъ образомъ, обѣ рѣки образуютъ на русской равнинѣ широкія ворота, преграждаемыя лишь теченіемъ Березины. Черезъ эти-то ворота и долженъ былъ ускользнуть изъ Россіи Наполеонъ, это-то препятствіе и предстояло ему одолѣть въ ноябрѣ 1812 года. Еще не зная всей крайности своего положенія, онъ покинулъ Смоленскъ и двигался на западъ. Между тѣмъ, Витгенштейнъ, стоявшій впереди его праваго фланга, могъ спуститься и отрѣзать ему отступленіе; арьергардъ же его собственныхъ колоннъ былъ тревожимъ развѣдчиками Кутузова. Наконецъ, Чичаговъ, часовой безъ приказаній и тщетно требовавшій лозунга, охранялъ великія стратегическія ворота. Ключемъ къ нимъ былъ Минскъ, и Чичаговъ обладалъ имъ. Стиснутые въ этомъ треугольникѣ обломки великой арміи казались на краю неизбѣжной гибели.

При самомъ выступленіи изъ Смоленска преслѣдованіе Кутузова стало ощутительнѣе. Пришлось остановиться, стать лицомъ къ лицу съ непріателемъ и дать отпоръ: это заняло три дня подъ Краснымъ. Наполеонъ шелъ во главѣ своихъ войскъ по лѣвому берегу Днѣпра; 15-го числа онъ встрѣтилъ два корпуса Милорадовича и продолжилъ

себѣ дорогу черезъ русскіе ряды. Остановившись вечеромъ у Краснаго, чтобы выждать остальныя части своей арміи, онъ пустилъ въ дѣло ночью молодую гвардію и очистилъ прилегающую мѣстность; но Милорадовичъ возвратился, занялъ дорогу и развернулъ свои силы противъ принца Евгенія. На слѣдующій день послѣдній выступилъ съ 6,000 человѣкъ, но ему не удалось прорваться, и, ускользнувъ влѣво, онъ достигъ соединенія съ Наполеономъ. Наконецъ, 17-го появился Даву; молодая гвардія, построившись въ виду его, двинулась ему навстрѣчу. Сражаясь, она расчистила дорогу для него. Сосредоточивъ въ своемъ распоряженіи три корпуса, Наполеонъ помышлялъ лишь о томъ, какъ уклониться отъ битвы и продолжать свой путь. Онъ двинулся впередъ, предоставивъ арьергардъ подъ командою Нея энергіи своего полководца или состраданію русскихъ.

18-го числа этотъ арьергардъ, подвигаясь среди тумана, наткнулся около пяти часовъ вечера на батарею изъ сорока орудій и остановился подъ дождемъ картечи. Милорадовичъ тотчасъ увѣдомилъ маршала, что онъ ждетъ капитуляціи; на его сторонѣ были 80,000 человѣкъ, выгодная позиція и увѣренность въ побѣдѣ. Ней ничего не отвѣтилъ и скомандовалъ атаку. Но двинутая имъ вторая дивизія, смятая и отбитая, отступила въ разстройство, и онъ былъ вынужденъ развернуть первую дивизію. Послѣдняя была разбита также, какъ и первая, но продержалась однако до ночи.

Наступившій мракъ прервалъ сраженіе; отступали къ Смоленску. Маршалъ молча ѣхалъ во главѣ своего штаба. Когда вышли изъ сферы русскаго огня, онъ свернулъ влѣво и направился черезъ поля.

Его свита была большая, такъ какъ много кавалерійскихъ офицеровъ, оставшихся безъ команды вслѣдствіе полнаго исчезновенія ихъ частей, были причислены къ его штабу. Всѣ ѣхали тихо: одни развертывали у себя на колѣняхъ карты и разсматривали ихъ при мерцаніи маленькихъ фонариковъ, вынутыхъ изъ кобуръ; другіе подкрѣплялись скромною провизіею, третьи разговаривали. Лошадныя копыта глухо стучали по дорогѣ, сабли звякали о стремяна; вдали раздавались тяжелые шаги пѣхоты, шумъ орудій.

Прошла недѣля, какъ поручикъ гусарскаго полка Верди числился въ составѣ этого штаба. Прекрасный наѣздникъ, выносливый, смѣлый, привѣтливый, веселый, онъ быстро пріобрѣлъ довѣріе своего новаго начальника, генерала Гурэ. Теперь онъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ, стремя о стремя; они разговаривали:

— Можно подумать, что мы сейчасъ бросимся въ воду...

— Чортъ возьми! Другого исхода не видно...

— Кто знаетъ? Быть можетъ, маршалъ задумалъ что нибудь.

Ней, услышавъ ихъ разговоръ, полуобернулся къ нимъ:

— Что?—спросилъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ:—вы находите, что наше положеніе не важно?

— Мы попросту старались отгадать, маршалъ, что вы намѣрены предпринять,—отвѣчалъ Верди.

— Чортъ возьми!—перейти Днѣпръ!

— Дѣло въ томъ... что мы не видимъ дороги.

— Найдемъ ее.

— Но если Днѣпръ не замерзъ?

— Замерзнетъ.

Принятое рѣшеніе побуждало его отдать приказанія, и маршалъ скомандовалъ: «стой!», но чтобы избѣжать сумятицы, которую произвела бы въ его эскортѣ неожиданная остановка, онъ проѣхалъ еще нѣсколько шаговъ и сошелъ съ лошади. Онъ потребовалъ свою карту, развернулъ ее на снѣгѣ, легъ пластомъ на животъ и сталъ на свободѣ ее разсматривать. Одна ужъ простота его позы придавала бодрости его офицерамъ. Стоя позади, они ожидали его рѣшенія, а затѣмъ разсѣялись во мракѣ ночи съ его приказаніями.

Прежде всего расположились бивуакомъ, чтобы дожидаться появленія луны; потомъ добрались до Днѣпра, покрытаго очень тонкимъ льдомъ, но все-таки допускавшаго переходъ, на что и были употреблены послѣдніе часы ночи. На берегу были оставлены артиллерія, фуры, раненные; цѣпь изъ штыковъ сдерживала отсталыхъ до тѣхъ поръ, пока всѣ боевыя силы не очутились на другомъ берегу. Увидя передъ собой казацкіе аванпосты, французы взяли влѣво и тихо прошли мимо лагеря Платова. Въ этомъ лагерѣ всѣ спали, исключая атамана, и никто не осмѣлился ни разбудить, ни замѣстить его, такъ что тамъ не пробили тревоги. Только послѣ полудня донскіе наѣзники облѣпили фланги французскаго отряда, и съ этого времени отступленіе совершалось среди непрерывнаго боя.

Дѣло казалось конченнымъ, и непріятель устраненъ, какъ вдругъ высокій хребетъ, къ которому шли французы, освѣтился пушечными выстрѣлами, налѣво, въ лѣсу, послышался топотъ кавалеріи. Позиція Платова стояла той, которую занималъ Милорадовичъ сутки тому назадъ; мѣсто для новой рѣзни было прекрасно выбрано. Ней видѣлъ, что его войска были утомлены и предавались отчаянію; но, не давая имъ времени окончательно потерять голову, онъ двинулъ въ лѣсъ свою первую дивизію, подъ командой генерала д'Энэна, а самъ, съ другою половиною своихъ силъ, спустился въ оврагъ и пошелъ прямо на непріятеля. Ядра, плохо направленные при меркнущемъ свѣтѣ дня, проносились со свистомъ надъ головами атаковавшихъ и, ударившись вдали о мералую землю, катились по ней. Вдругъ водворилось молчаніе, и стрѣлки ничего не встрѣтили передъ собой. Легкія орудія казаковъ умчались на саняхъ, служившихъ имъ лафетами.

Снова пошли на западъ. Никто не разговаривалъ; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; падали на каждомъ шагу, и сумерки усиливали всеобщее уныніе. Нѣсколько разъ Ней, круто остановившись,

спрашивалъ: «Не слышно ли д'Энэна?» — Всѣ прислушивались, но ничего не было слышно, и снова шли машинально за тѣмъ, который одинъ отвѣчалъ за все.

— Верди здѣсь?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Точно такъ, маршалъ.

— Разузнайте-ка, что дѣлаетъ позади генераль д'Энэнъ. Передайте ему приказъ соединиться со мною во что бы то ни стало.

— Слушаю, маршалъ.

Обрадованный лестнымъ порученіемъ, гусарь не думалъ объ его трудности и, повернувъ измученную лошадь, промолвилъ:

— Гошъ, Консулъ, гошъ!

Спустя нѣсколько минутъ, онъ уже былъ одинъ среди снѣжной пустыни, такъ какъ дивизія уже исчезла за деревьями, покрытыми инеемъ.

— Начало недурно!—съ недовольствомъ подумалъ офицеръ.

Остановившись на гребнѣ возвышенности, онъ оглянулся во всѣ стороны; вдали, на правомъ флангѣ, послышался глухой гулъ: артиллерійскіе залпы слѣдовали одинъ за другимъ черезъ большіе промежутки времени.

— Платовъ стрѣляетъ: д'Энэнъ не покончилъ съ нимъ...

Руководясь пальбой, онъ пересѣкъ оврагъ, мѣсто послѣдняго сраженія; тамъ валялись трупы, ружья, кивера, разные обломки. Сильный вѣтеръ гналъ прямо въ глаза ѣдкую ледяную пыль; на западѣ—ступевывались послѣдніе проблески заката, и вскорѣ уже только снѣгъ менѣе мрачный, чѣмъ небо, слабо свѣтилъ въ общей темнотѣ; однако мало-по-малу къ отдаленнымъ вспышкамъ пушечныхъ выстрѣловъ начали присоединяться постоянные огоньки по всѣмъ направленіямъ и въ различныхъ разстояніяхъ. Въ какомъ мѣстѣ этой обширной темноты находился французскій отрядъ? Двигаться впередъ было единственнымъ отвѣтомъ, который офицеръ могъ дать себѣ, и онъ углубился въ лѣсъ, какъ вдругъ угрожающій шумъ неожиданно остановилъ его. Въ ту же минуту при свѣтѣ ловаго залпа онъ увидѣлъ подвижную, сплошную массу головъ, пикъ, папахъ. Но это мимолетное видѣніе такъ быстро исчезло во мракѣ, что Верди не успѣлъ различить, въ какомъ направленіи двигались казаки. Онъ оцупью раскрылъ кобуру и досталъ свой пистолеть, но шумъ замеръ, опасность отдалилась.

Лошадь гусара теперь тихо подвигалась, спотыкаясь на каждомъ шагу. Верди машинально сдерживалъ ее, устремивъ глаза въ темноту. Почва незамѣтно понижалась, но Консулъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, какъ бы поднимаясь въ гору.

— Что это ты дышишь такъ тяжело? — спросилъ офицеръ и отвѣтилъ себѣ тѣмъ же разсѣяннымъ тономъ:—онъ хочетъ пить...

Однако, онъ соскочилъ на землю и пошелъ рядомъ съ лошадью, дружески положивъ ей руку на загривокъ и стряхивая льдинки съ

мундштука. Онъ думалъ о голодѣ, который переносило животное, о постоянной жаждѣ, томившей его, благодаря морозамъ, и о жалкихъ дачахъ соломы, снимаемой ежедневно съ крышъ домовъ во время краткихъ приваловъ.

Среди этихъ размышленій онъ увидалъ неожиданную картину сквозь сѣтку вѣтвей, сверкавшихъ розоватымъ инеемъ. Это былъ пылающій костеръ.

Возлѣ него, на снѣгу, виднѣлось черное пятно; сначала оно представлялось чѣмъ-то большимъ, какой-то глыбой или древеснымъ стволомъ, а затѣмъ превратилось въ человѣческое тѣло, присѣвшее на корточкахъ, съжившееся, съ низко свѣсившейся головою.

— Эй, другъ, ты мертвый?

Не получая отвѣта, Верди подошелъ поближе и убѣдился, что передъ нимъ покойникъ.

«Вотъ его ружье: это, значитъ, не отсталый. Его щеки еще тепловаты... Д'Энэнь не можетъ быть далеко отсюда».

Все вокругъ указывало, что здѣсь побывалъ значительный отрядъ. Слѣды ногъ, удалявшіеся отъ костра, намѣчали тропинку, которая вела къ цѣли, къ арміи, къ спасенію.

— Въ дорогу, Консуль! — воскликнулъ Верди и весело занесъ ногу въ стремя, желая вскочить въ сѣдло, но лошадь согнулась подъ нимъ, словно хотѣла лечь на лѣвый бокъ.—Что съ тобой?—прибавилъ онъ, встревоженный, глядя ея и повертывая къ костру.

Видъ лошади былъ странный: подобравъ подъ себя переднія ноги, она упиралась на заднія, точно подыскивая подходящую позу и находя удовольствіе въ сохраненіи этого труднаго равновѣсія. Верди старательно осмотрѣлъ ея, ощупывая ея холодныя уши, поднялъ вѣки, падавшія на ея потускнѣвшіе глаза, прислушался къ ея дыханію. Вдругъ всѣ признаки слились въ одну ужасную увѣренность: онъ понялъ, что его лошадь околѣвала.

«Что дѣлать... я спасусь одинъ», — рѣшилъ онъ, но невольно содрогнулся, такъ какъ для кавалериста, несущаго аванпостную службу, ужасно лишиться неожиданно коня, быстротой котораго онъ пользуется, чтобы пренебрегать препятствіями или избѣжать опасности.

Затѣмъ, выпрямившись, поднявъ голову, окинувъ пустынную мѣстность своими смѣлымъ взглядомъ, бросавшимъ вызовъ страху, онъ прибавилъ:

«Если я утрачу храбрость,—я обреченъ на смерть».

И онъ взглянулъ на мертвеца, сидѣвшаго въ такой странной позѣ передъ костромъ; словно замерзнувъ, онъ отогрѣвался у огня и, лишившись жизни, притворялся спящимъ.

Однако Консуль ослабѣвалъ все больше и больше; его расширенныя, вывернутыя ноздри застыли въ мертвенной неподвижности; губы раскрылись, челюсти были сведены судорогой, языкъ вытя-

нулся и повисъ. Верди быстро раскрылъ кобуру и сумку, положилъ на землю свои пистолеты, бутылку вина, пакетикъ съ чаемъ, ложку, патронташъ, два свертка золотыхъ монетъ, портретъ-миниатюру, затѣмъ бумагу, карандаши, бритву, однимъ словомъ всѣ мелкія принадлежности, необходимыя для туалета и писанія. Лошадь опустила свою шею, какъ будто собираясь утолить жажду, и грохнулась на землю лѣвымъ бокомъ. Ея одеревенѣлыя ноги обнаружили четыре блестящія подковы, а стеклянный блескъ ея глазъ свидѣтельствовалъ о томъ, что настала ея конецъ. И вокругъ этого человѣка, предоставленнаго своей собственной судьбѣ, воцарилось безмолвіе пустыни, зимы, ночи, смерти.

II.

Онъ опустился на колѣни, чтобы разобрать вещи, лежавшія на землѣ; спряталъ деньги и пули за поясъ, взялъ бутылку подмышку и, приколотивъ портретъ къ подкладкѣ своего ментика, промолвилъ нѣжнымъ тономъ ребенка:

— Покойной ночи, мама...

Уже холодъ пощипывалъ ему лобъ, кисти рукъ, подмышки; онъ подошелъ къ Консулу и замѣтилъ съ ужасомъ, что свѣтло-гнѣдая шерсть лошади уже покрылась тонкимъ инеемъ. Это зрѣлище вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о матери пошатнуло его смѣлую рѣшимость.

— Куда идти? что дѣлать? — колебался онъ, сомнѣваясь въ самомъ себѣ и подавленный своимъ одиночествомъ.

Ему оставался одинъ выходъ: немедленно догнать маршала; но какъ это сдѣлать? Уже не было слышно выстрѣловъ, и на горизонтѣ виднѣлись тѣ же неподвижные огни... Самая эта неподвижность обнаруживала мѣстоположеніе лагеря, безспорно неприятельскаго. Съ противоположной же стороны не было видно ничего, кромѣ мрака, безмолвія, пустоты, опасности; ничего, кромѣ неясныхъ слѣдовъ, пересѣченныхъ другими подобными же слѣдами.

Слѣдовало ли идти шагъ за шагомъ по этимъ сбивчивымъ слѣдамъ?

Подобное предпріятіе было трудное, смѣльное... невозможное, въ особенности при небѣ, сплошь покрытомъ облаками.

Верди присѣлъ къ огню, прислонившись спиною къ животу лошади и облокотившись на одну изъ ея ногъ, точно на ручку кресла. Довольный своей позой, онъ хотѣлъ убѣдить себя, что его положеніе не представляло ничего необычайнаго; онъ вспомнилъ о своей кобылѣ Фризетъ, павшей среди чистаго поля, и о другихъ лошадахъ, убитыхъ подъ нимъ — «Бозиръ», «Раважъ», «Гюронтъ», «Писташъ», «Сури»... Но ни одна изъ нихъ не стояла «Консула». Такимъ образомъ сожалѣнія сплетались съ воспоминаніями, и сознание стало ускользать отъ него. По временамъ онъ слышалъ ше-

лестъ вѣтвей, но онъ представлялся ему чѣмъ-то убаюкивающимъ; силуеты деревьевъ превращались въ тѣхъ призраковъ, которые ночь вызываетъ обыкновенно въ умѣ утомленномъ, клонящемся ко сну, и его самосознаніе расплывалось въ невыразимыхъ идеяхъ, о которыхъ онъ самъ не могъ бы сказать, что это: слова, очертанія или звуки?

— Нужно думать объ опредѣленныхъ вещахъ,—наконецъ, внушилъ онъ самому себѣ и, вставъ, подошелъ къ трупу, странному часовому безъ пароля:—Онъ умеръ отъ тепла... Кто знаетъ, принесли его окоченѣвшимъ къ огню товарищи, или онъ самъ неблаго-разумно приблизился къ костру?

Усѣвшись снова у огня, онъ старался занять свой умъ: сначала перечисленіемъ въ хронологическомъ порядкѣ французскихъ королей, но, запутавшись въ счетѣ сыновей Людовика Доброго, онъ послалъ ихъ всѣхъ къ чорту и сталъ перебирать мысленно терминологию верховой ѣзды, но это ему также не удалось, и тогда онъ началъ повторять въ своей памяти событія этой ночи, начиная съ восклицанія маршала: «Верди здѣсь?».

— Я сплю... я сплю...—вскрикнулъ онъ съ внезапнымъ испугомъ и вспомнилъ, что лозунгомъ умершаго солдата было: «не приближайся къ огню!».

Рѣшивъ, что онъ отправится искать дровъ очень далеко, шаговъ за двѣсти, онъ похлопалъ руками, потоптался на мѣстѣ, полной грудью вдохнулъ въ себя холодный воздухъ и углубился въ лѣсъ; надломленный усталостью, онъ медленно подвигался и на ходу терялъ сознание. Тогда онъ сталъ искать въ глубинѣ своего сознанія болѣе могущественныхъ элементовъ энергіи; вспомнилъ о дѣтствѣ и матери, о молодости и увлеченіяхъ, о служебныхъ успѣхахъ, о награжденіи орденомъ, о предпочтеніи, только что оказанномъ ему маршаломъ. Изъ всѣхъ этихъ радостей прошедшей жизни онъ создавалъ себѣ поводъ для того, чтобы не спать.

Вернувшись съ охапкой хворосту въ рукахъ, онъ увидѣлъ, что останки «Консула» какъ-то странно подпрыгиваютъ, точно вновь одаренные жизнью. Сначала онъ замѣтилъ сгибаніе шеи, затѣмъ движеніе въ бедрахъ: этотъ трупъ, казалось, лягался. Приблизившись, Верди различилъ двухъ животныхъ, собакъ, или волковъ, которые грызли трупъ у гривы и хвоста. Онъ съ громкимъ крикомъ бросился къ нимъ, цѣлясь въ нихъ изъ пистолета. Пригнувшись и съежившись, но не оставляя своей жертвы, эти разъяренные собаки оскалили зубы. Вдругъ послышался громкій лай, и цѣлая свора такихъ же собакъ высыпала на поляну.

Это были громадныя, косматыя борзья, слѣдовавшія за арміей: употребленіе человѣческаго мяса сдѣлало ихъ лютыми. Онѣ окружили костеръ; ихъ лай перешелъ въ ярый вой; ихъ глаза блестѣли подобно топазамъ, ихъ хвосты громко ударялись одинъ о другой; онѣ озабоченно перебѣгали съ мѣста на мѣсто, дрались, точно от-

бивая добычу. Но ни одна изъ нихъ не рѣшалась вступить въ область того круга, гдѣ свѣтились пламя костра и взглядъ человѣка.

— Назадъ!—кричалъ Верди во все горло:—вы не тронете моей лошади!

Внимательно слѣдя за всѣми ихъ движеніями, онъ бросалъ на нихъ головешки, наносилъ имъ удары саблею, стрѣлялъ по нимъ изъ пистолета. Опьяненный этой борьбою, согрѣтый отъ напряженія своихъ мускуловъ, онъ радостно сознавалъ свою дѣятельность, свою силу. Нѣкоторые изъ его противниковъ, опаленные огнемъ, раненые, выбитые изъ строя, подняли жалостный вой и ретировались; мало-по-малу и остальные послѣдовали ихъ примѣру, такъ что, наконецъ, всѣ исчезли съ оглушительнымъ лаемъ. И снова поляна, за мгновеніе передъ этимъ наполненная жизнью и борьбою, представилась ему мрачной, безмолвной пустыней, но уже запятнанной кровью; не оставалось болѣе враговъ, кромѣ сна и холода, которые снова овладѣли этимъ человѣкомъ, находившимся между трупомъ солдата и лошадиной падалью, возлѣ погасающаго костра, который могъ задуть малѣйшій порывъ вѣтра. Тогда ни о чемъ не думая и подчиняясь только непобѣдимому инстинкту, удаляющему насъ отъ опасности, онъ пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ, отыскивая себѣ спасеніе.

Собаки шли по слѣдамъ арміи: онъ устремился вслѣдъ за ними. Неся свою снятую съ лошади шинель на плечѣ и опираясь на саблю, какъ на трость, онъ быстро двигался. Вскорѣ потъ выступилъ у него на лбу, но онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ отъ ходьбы. Доносившійся лай своры руководилъ имъ.

«Можно бы подумать, что я охочусь на оленя въ Фонтенеблосскомъ лѣсу»... пронеслось у него въ мысляхъ. Но лай борзыхъ вдругъ прекратился, какъ бываетъ дѣйствительно на охотахъ. Верди остановился, снова поддаваясь тревогѣ.

«Если бы только мнѣ удалось добраться до Днѣпра!.. Но нѣтъ, я иду по волѣ случая».

Эти слова «по волѣ случая» причинили ему невыносимую боль. Но, отогнавъ отъ себя всѣ отчаянныя мысли и съ цѣлью убѣдить себя, что онъ не погибъ совершенно, онъ повернулся и бросилъ взглядъ на блестящую точку, означившую вдали его послѣдній привалъ. Затѣмъ полуоборотомъ, исполненнымъ по всѣмъ правиламъ строеваго устава, онъ снова очутился лицомъ къ лицу съ темнотою и сомнѣніями.

Видны ли на горизонтѣ двѣ темныя массы: да или нѣтъ?

Не зная, дѣйствительно ли его глаза воспринимали подобное впечатлѣніе, или же эти образы сами собою вставали въ его утомленномъ мозгу, онъ сосредоточился на этомъ вопросѣ, отъ котораго, быть можетъ, зависѣла его жизнь, а самъ, между тѣмъ, холодѣлъ и ослабѣвалъ.

«Скверное мѣсто для смерти»... невольно подумалъ онъ и, содрогаясь отъ окружавшей его зловѣщей обстановки, онъ пристально смотрѣлъ на горизонтъ, гдѣ появлялся какой-то свѣтъ, но неизвѣстно откуда: съ неба или земли. Вдругъ тѣни деревьевъ быстро протянулись по снѣгу, тучи, подхваченныя вѣтромъ, разсѣялись, и луна показала въ зенитѣ своего теченія.

«Здравствуй, старушка: ты выводишь меня изъ затрудненія»,— проговорилъ Верди и, разстегнувъ свой доломанъ, сталъ искать что-то ощупью своими отяжелѣвшими пальцами и, найдя, нажалъ пружинку своихъ часовъ.

Они пробили двѣнадцать. Такимъ образомъ, старушка луна указывала теперь также ясно югъ, какъ солнце въ полдень.

Онъ избралъ путеводной звѣздой ея морщинистое, услужливое лицо и шелъ, сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе добраться до рѣки; затѣмъ, найти армію, слѣдуя берегомъ и придерживаясь запада, было уже сущимъ пустякомъ. Но быстро набѣгавшія тучи грозили снова скрыть луну, и онъ ускорилъ свои шаги. Роща, черезъ которую онъ пробѣжалъ опрометью, распарала ему лицо, на каждомъ шагу ударая вѣтвями по его холоднымъ и наболѣвшимъ щекамъ. За нею слѣдовала дѣвственная просѣка, затѣмъ еловый лѣсъ, черный, коматый... Вѣтви деревъ часто сплетались между собою, и приходилось съ усиліемъ разъединять ихъ. Вдругъ земля ускользнула у него изъ-подъ ногъ; онъ почувствовалъ, что падаетъ куда-то, въ бездну, и, ударившись, опустился на что-то твердое, хрустнувшее подъ его ногами. Погрузившись въ снѣгъ по самое лицо, онъ старался выбраться, повернуться, податься назадъ, но новый толчекъ заставилъ его опуститься еще ниже: его ноги увязли въ тинѣ.

«Это конецъ»... подумалъ онъ.

И, тщетно ища опоры, онъ погружался все ниже и ниже; чтобы свободнѣе дышать, онъ расширилъ вокругъ себя отверстіе, образовавшееся въ снѣгу при его паденіи. Уйдя по колѣни въ холодную липкую грязь, забывавшуюся въ его сапоги, онъ не могъ пошевелиться; но руками, остававшимися свободными, онъ размахивалъ вокругъ себя, ни на что не наталкиваясь, и, продолжая свои безумныя усилія, лишь прорубалъ себѣ въ снѣгу вертикальную могилу.

«Ко мнѣ... ко мнѣ!... маршаль!»...

Онъ кричалъ, и его голосъ терялся въ пространствѣ, лишенномъ эхо. Его взоры, уже отрѣшившись отъ земли и имѣя возможность видѣть лишь маленькій клочекъ неба, были устремлены на вершины двухъ елей, которыя, качаясь, стлкаяваясь, раздвигались, обнаруживали позади себя звѣздное пространство.

На этотъ разъ неизбежно наступила смерть, часто встрѣчаемая, но постоянно избѣгаемая; мало-по-малу, неторопясь она овладѣвала имъ. Побѣжденный ею, онъ еле держался на ногахъ и готовъ былъ, какъ затравленный олень на охотѣ, молча отдаться своей судьбѣ.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, что его силы снова напряглись и вступили въ послѣднюю борьбу за существованіе. Онъ вскочилъ, высвободился, бросился впередъ, проломилъ подъ собою ледъ, выкарабкался, выпрямился. Его голова вынырнула изъ снѣга, онъ снова видѣлъ землю, снова дышалъ, надѣялся.

«Я на замерзшемъ ручьѣ или на болотѣ?.. Нѣтъ, почва понижается... Она поката... Это ручей, и онъ течетъ... къ Днѣпру?.. Да, да, къ Днѣпру!»..

Онъ говорилъ съ собою вслухъ, увѣренный, что такимъ образомъ будетъ разсуждать болѣе здраво. Принявъ, наконецъ, твердое рѣшеніе, онъ сначала бросилъ свою саблю, а затѣмъ скачкомъ двинулся впередъ, но отъ раздавагося надъ нимъ треска его сердце сжалось. Лавируя направо и налево, онъ ежеминутно былъ вынужденъ избѣгать новыхъ опасностей. Потъ катился по его лицу, холодная вода проникала за шею, за рукава, за платье.

«Быть можетъ, прежде, чѣмъ поборю всѣ препятствія, я уже выбьюсь изъ силъ?»..

Опасенія усиливали его усталость, и онъ впервые почувствовалъ тяжесть пояса, обремененнаго кошелькомъ и патронташемъ: онъ рѣзалъ ему бока, тянулъ его внизъ. Отъ какого металла слѣдовало освободиться, не могло быть никакихъ сомнѣній: въ его положеніи свинецъ былъ драгоценнѣе золота... Сердитымъ движеніемъ руки, точно намѣреваясь ударить когонибудь, онъ схватилъ горсть золотыхъ монетъ и разбросалъ ихъ далеко вокругъ себя, не слыша ни малѣйшаго звука при ихъ паденіи. Затѣмъ, нащупывая ногою свой ледяной путь, онъ продолжалъ пробивать брешь въ снѣжномъ окопѣ. Вдругъ покатость почвы усилилась, намѣченная справа и слѣва двумя спускающимися гребнями; это облегчило ему передвиженіе по скользкому льду, и, работая обѣими руками, онъ могъ теперь непрерывно подвигаться впередъ. Пройдя одну сажень, онъ уже освободился по поясъ, а затѣмъ, когда оба гребня, составлявшіе углубленіе, разошлись и сгладились, онъ обрисовался при свѣтѣ луны во весь свой ростъ; его тѣнь протянулась на каменистомъ берегѣ.

— Днѣпръ! Днѣпръ! — повторялъ онъ, опьяненный свободою, радуясь возможности двигаться, чувствуя себя легко, забывъ все.

Его безумно блестящіе глаза жадно смотрѣли на горизонтъ, любуясь перламутровою далью. Это былъ, быть можетъ, туманъ, быть можетъ, дѣсъ; въ глубинѣ, еще далѣе, бѣлѣла полная таинственности ночь... Голова у него шла кругомъ отъ счастья, но когда онъ случайно обернулся и увидѣлъ проложенный имъ слѣдъ въ массѣ снѣга, то съ ужасомъ воскликнулъ:

— Спасенъ! спасенъ! — и не противясь болѣе своей усталости, своему волненію, онъ упалъ съ тяжелымъ стономъ.

III.

Протекая по узкой долинкѣ, рѣка обнаруживала свое направленіе темной впадиной, виднѣвшейся въ снѣгу на сколько только хваталъ глазъ; вѣтеръ дико завывалъ и обметалъ оба берега, а отъ пасти бездны чувствовался еще другой притокъ ледяного воздуха, выдыхаемаго легкими земли.

— Голова колонны направо! Впередъ, маршъ!—кричалъ Верди, точно командуя кавалерійскимъ отрядомъ и въ то же время самъ исполняя отдаваемую команду.

Передъ нимъ какой-то странный метеоръ освѣщалъ небо. Сначала онъ увидѣлъ какъ бы отблескъ заката; затѣмъ воздухъ содрогнулся, и появилась розовая занавѣсъ, трепетавшая отъ вѣтра. Наконецъ, взвились потоки пламени среди облаковъ дыма; блуждающіе побѣги пламени точно крепомъ покрыли небо до самаго зенита, а горящія головни примѣшались къ холоднымъ звѣздамъ.

— Жгутъ деревню,—сказалъ онъ самъ себѣ и, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ мысли, что армія близка, онъ продолжалъ свой путь гораздо спокойнѣе: — Я доложу о всемъ маршалу... Быть можетъ, онъ дастъ мнѣ лошадь изъ своей конюшни?

Затѣмъ, подумавъ, что на всей конюшнѣ маршала не было ни одной лошади, которая могла бы сравниться съ Консуломъ, онъ сталъ сожалѣть о невознаградимыхъ потеряхъ этой ночи: деньгахъ, запасахъ, саблѣ. Въ особенности ему дорога была сабля, рубившая такъ славно, столь легкая для руки, столь близкая сердцу; ея клинокъ былъ добытъ въ бою, а ножны, подарокъ женщины, долго пользовавшейся его любовью, были украшены двумя переплетенными между собою вензелями. Колеблясь между сожалѣніями и надеждой, возбуждаемый зловѣщимъ свѣтомъ, онъ быстро шелъ къ своему новому маяку—пожару. Но прежде, чѣмъ достигнуть его, онъ наткнулся на обширную поляну съ разбросанными на ней кострами, вокругъ которыхъ двигались силуеты людей. Приблизившись, Верди почувствовалъ сильный запахъ жаренаго мяса, заставившій его ощутить сильный голодъ; онъ остановился, желая поѣсть, но стыдясъ просить милостыни.

— Ты кто такой?—спросилъ одинъ изъ отсталыхъ, смотрѣвшій за котелкомъ.

Остальные, стоя позади него, жались другъ къ другу, какъ лошади въ табунѣ; обнявшись, облокотившись другъ на друга, они представляли жалкія, циничныя группы.

— Офицеръ, которому хотѣлось бы поѣсть,—отвѣчалъ Верди.

— Ну, тогда покажи-ка твои денежки,—проговорилъ одинъ изъ нихъ, закутанный въ лошадиную попону.—Здѣсь не угощаютъ никого! Хотя бы это былъ самъ императоръ!..

— О, проклятіе! угощать императора!—прибавила какая-то женщина, которая на колѣняхъ раздувала головешки, и самая отборная брань градомъ посыпалась на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ на могущественнаго властелина.

— Благодарю, прощайте! — быстро проговорилъ Верди, съѣвъ свой кусокъ говядины.—Не усните здѣсь: казаки скоро вернуться...

Когда онъ входилъ въ деревню, пожаръ на другой ея сторонѣ усилился и облегчилъ ему переходъ черезъ нее. Отблескъ огня отражался, колеблясь, въ лужахъ растаявшаго снѣга, а валявшіеся въ нихъ трупы, словно, купались въ собственной крови. Нѣсколько далѣе видѣлась нагроможденная въ кучу мебель, точно приготовленная для устройства баррикады; какая-то женщина, точно живая, присѣвъ на корточкахъ, а, быть можетъ, дѣйствительно не умершая, держала что-то... своего сгорѣвшаго ребенка. Веселая французская пѣсенка, которую два пьяные охрипшіе голоса солдата и маркизантики громко пѣли, примѣшивала свою мелодію къ треску пламени.

Длинная вереница пѣшеходовъ тянулась по направленію къ горизонту, придавая дорогѣ видъ черной ленты, то пролежавшей по красноватой землѣ, то залитой холоднымъ блескомъ луны. Верди проходилъ черезъ эту толпу, сгорая отъ нетерпѣнія добраться скорѣе до войскъ.

Одинъ изъ пѣшеходовъ, безъ сомнѣнія, возбуждаемый его примѣромъ, упорно слѣдовалъ за нимъ.

— Не будете ли вы такъ любезны,—проговорилъ онъ сдержаннымъ вѣжливымъ тономъ, обнаруживавшимъ хорошее воспитаніе,—позволить мнѣ идти рядомъ съ вами?

— Пожалуйста.

— Вдвоемъ какъ-то лучше идется, — продолжалъ неизвѣстный добродушнымъ тономъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ командовалъ ихъ общій шагъ, считая: «разъ, два... разъ, два».

— Я не пѣхотинецъ, — произнесъ онъ, наконецъ, стыдясь, что шель не въ ногу.

Мгновеніе спустя, онъ снова заговорилъ, совѣтуя Верди покрыть голову, чтобы предохранить ее отъ простуды. Но тотъ не слышалъ его: эхо его шаговъ раздавалось у него въ головѣ, какъ въ пустомъ сосудѣ, и, не устоявъ противъ двойного бремени—усталости и холода, онъ впервые погружался въ какой-то странный сонъ, не мѣшавшій ему двигаться и страдать.

Позади нихъ пожаръ потушалъ, побѣжденный зарею, вдвойнѣ отражавшейся на зеркальной равнинѣ; одни лишь угловые столбы сгорѣвшихъ избъ испещряли этотъ нѣжно свѣтившійся горизонтъ черными штрихами. Заря, сначала пурпурно-красная, быстро поблѣднѣла и стала розовой; затѣмъ она утасла въ неопредѣленныхъ тонахъ, и скоро отъ нея не осталось ничего, кромѣ желтоватой завѣсы, блѣднѣвшей все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ лазурь,

разливаясь по небу, прогоняла остатки разсвѣта. Направо виднѣлся Днѣпръ, извиваясь среди сіянія снѣговъ; въ его неподвижной поверхности отражались тополи; вдоль ближайшей части берега струи воды, оставшіяся незамерзшими, обѣгали вокругъ лѣсистаго полуострова; онѣ искрились подъ лучами солнца, пробивавшимися сквозь вѣтви деревьевъ.

— Чудное утро!— проговорилъ неизвѣстный и съ улыбкою посмотрѣлъ на красивое, нѣсколько блѣдное лицо Верди.—Вы кажетесь очень усталымъ. По всей вѣроятности, вамъ лишь нѣсколько дней приходится быть безъ лошади?

— Лишь нѣсколько часовъ... Я потерялъ прекрасную лошадь, и чуть было я самъ не погибъ подъ снѣгомъ...

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, — съ живостью прервалъ его спутникъ.—Вы неправы, жалуясь. Вотъ я такъ иду отъ Можайска.

— Отъ Можайска?— задумчиво повторилъ Верди.

Его мысли начинали проясняться; чистый блескъ дня, проникая черезъ глаза въ его мозгъ, мало-по-малу разсѣивалъ нависшія тамъ тучи; но, пытаясь найти среди воспоминаній ближайшаго прошлаго скорбный образъ, носившій наименованіе Можайска, онъ не находилъ его: всѣ событія, предшествовавшія смерти Консула, потерялись въ общей мглѣ прошлаго.

— Да, отъ Можайска... Тридцать дней безъ отдыха. Посмотрите-ка на мои сапоги...

Верди опустилъ глаза, чтобы взглянуть на обувь этого чело-вѣка: одинъ изъ большихъ пальцевъ, голый, синій, выглядывалъ изъ прорвавшейся кожи; а отскочившая подошва поддерживалась лишь носовымъ платкомъ, повязаннымъ на подъемѣ ноги.

— Чортъ возьми! — вырвалось у него, и, поднявъ голову, онъ продолжалъ разсматривать незнакомца,—однако, вы совершенно во власти мороза!

Высокій, плотный, обросшій волосами, офицеръ представлялъ страшное зрѣлище: на немъ были штиблеты, тулупъ и мѣховая шапка; съ боку у него висѣла синяя пашка, украшенная орломъ и двумя перекрещенными пушками; котомка и небольшой кошелекъ, прикрѣпленные къ одному ремню, болтались у него за спиною, а ружья у него не было никакого. Его глаза, налитые кровью, непрерывно щурились, утомленные видомъ ослѣпительнаго снѣга; глубокій рубецъ отъ раны, точно причиненный сабельнымъ ударомъ, но въ дѣйствительности происходившій отъ холода, разсѣкалъ ему щеку, проходилъ черезъ усть и исчезалъ лишь во рту; толстая, но совершенно потрескавшіяся, губы могли улыбаться лишь сдержанной, болѣзненной улыбкой. Не смотря на столько слѣдовъ разрушенія, это блѣдное лицо еще свѣтилось умомъ и силою, а очертанія лба и ма-нера держать голову обнаруживали наслѣдственное благородство и привычку командовать.

— Да, я знаю, я произвожу жалкое впечатлѣніе,— снова заговорилъ незнакомецъ,— я охотно отдалъ бы половину своего состоянія за пару сапогъ. Что касается мороза, то вотъ эту ногу я, было, отморозилъ, но затѣмъ она отошла, и съ тѣхъ поръ я иду, никогда не останавливаясь. Отмороженные мѣста хватила гангрена, и мнѣ пришлось вырѣзать ихъ своимъ ножомъ.

— Вы сами сдѣлали это?—спросилъ Верди, содрогаясь.

— Чортъ возьми, да... Самое главное, видите ли, заключается въ желаніи жить, а всего опаснѣе предаваться отчаянію. Вотъ почему я такъ грубо прервалъ васъ, когда вы стали сожалѣть о судьбѣ вашей лошади. Послушайте меня: бросьте всѣ грустныя мысли, берегите лишь ваши надежды; только онѣ необходимый кусокъ насущнаго хлѣба... Знаете ли, о чемъ я вспоминалъ среди всѣхъ своихъ несчастій? О моемъ замкѣ на берегахъ Луары и о чудныхъ вечерахъ, которые я проводилъ тамъ въ семьѣ прошлымъ лѣтомъ. Быть можетъ, вы женаты?

— По счастью, нѣтъ.

— Почему же, по счастью? Было бы лучше, если бы вы были женаты. Вы чувствовали бы себя несравненно болѣе сильнымъ, увѣряю васъ.

— Положимъ. Но развѣ моя несчастная жена не была бы теперь въ высшей степени одинока и измучена безпокойствомъ?

Черты лица незнакомца омрачились; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Простите,—проговорилъ Верди съ сожалѣніемъ.

Незнакомецъ протянулъ ему обѣ руки.

— Не мучьте меня,—сказалъ онъ съ выраженіемъ покорной печали.—Я и безъ того довольно страдаю.

Остатки арміи тащились вдаль, чернѣя на бѣломъ фонѣ пейзажа. Переднее пятно, непостоянное, то рѣдѣвшее, то густѣвшее, безпрестанно мѣнявшее форму, обозначало штабъ маршала, который, неизмѣнно во главѣ отряда, продолжалъ неустрашимо свой путь. Позади него двѣ дивизіи шли параллельно; это означало, что д'Энэнъ соединился съ маршаломъ. Затѣмъ выбывшіе изъ рядовъ тянулись по бокамъ и, соединившись небольшими группами, тянулись вереницами, подобно туристамъ, пробирающимся по глетчеру. Наконецъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, извивалась человѣческая лента отставшихъ.

Вправо поднялся столбъ снѣжной пыли, и за этой подвижной, блиставшей бѣлизною завѣсой мелькнуло что-то черное, грозное.

— Вотъ казаки съ ихъ санями,—проговорилъ незнакомецъ, остановившись и прищуривъ глаза.

— Насъ сейчасъ захватятъ: надо свернуть съ дороги.

— Это правда... Поворотъ налѣво! Я пойду первый...

— Нѣтъ, нѣтъ... напротивъ, позвольте мнѣ...

Такимъ образомъ каждый изъ нихъ предлагалъ другъ другу про-

ложить тропинку по дѣвственному снѣгу. Между тѣмъ Ней несся галопомъ къ противоположному флангу и старался сплотить свою вторую дивизию, все еще разстроенную.

— Маршалъ, какъ всегда, первый передъ лицомъ опасности,—промолвилъ Верди.

— Я боюсь за него,—отвѣчалъ спутникъ.

— По всей вѣротности, вы близко знаете его?

— Нѣтъ. Но я увѣренъ, что, если онъ умретъ, весь отрядъ погибнетъ.

Поглощенные преслѣдованіемъ казаковъ, они, сами того не замѣчая, подошли къ деревнѣ Якубово: бѣлыя крыши какъ-то сразу представились ихъ взорамъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, позади небольшого холма.

— Я надѣюсь, что маршалъ воспользуется этимъ мѣстомъ, какъ точкой опоры,—глубокомысленно замѣтилъ гусарь.

Какъ разъ вторая дивизія заняла эту позицію съ цѣлью отражать летучіе отряды, продолжавшіе тревожить ее. «Сумѣйте умереть здѣсь къ чести Франціи»,—сказалъ Ней д'Энну.

— Маршалъ долженъ быть слишкомъ занятъ теперь, чтобы выслушать мой докладъ,—произнесъ Верди нерѣшительнымъ тономъ и прибавилъ, точно боясь отвѣта своего спутника:—къ тому же, у меня такой грязный видъ...

Но истинная причина, по которой онъ не рѣшался явиться къ своему начальнику, обуславливалась его оскорбленнымъ самолюбіемъ и жгучимъ сознаніемъ, что онъ не исполнилъ даннаго ему порученія. Войдя въ пустую, но уцѣлѣвшую отъ огня избу, теплую, съ закопаченными щелями, онъ влѣзъ на печку, но неожиданно ядро ударило въ одну изъ стѣнъ. Вся изба затряслась.

— Понялъ,—подумалъ онъ:—это призывъ къ порядку.

Но, разсчитывая тѣмъ лучше служить завтра, чѣмъ болѣе онъ отдохнетъ сегодня, Верди прибавилъ, закрывая глаза:

— Какъ странно... Чѣмъ болѣе жалокъ человекъ, тѣмъ менѣе хочется умирать.

Онъ заснулъ, но вскорѣ безмолвіе и полнѣйшая темнота, царившія въ избѣ, разбудили его. Ему представилось, что онъ одинъ, позади войскъ, снова въ числѣ отсталыхъ.

— Который часъ? Гдѣ мы?—спросилъ онъ.

— Не знаю, гдѣ мы,—спокойно отвѣчалъ изъ темноты голосъ его спутника.—Но, который часъ, я знаю: теперь восемь. Я только что слышалъ, какъ говорили на улицѣ, что императоръ не далеко, и что маршалъ употребитъ послѣднее усиліе, чтобы соединиться съ нимъ.

Они встали и пошли сквозь группы солдатъ, которые тѣснились вокругъ костровъ. Въ концѣ деревни проходившая колонна войска задержала ихъ. Затѣмъ прошелъ еще одинъ отрядъ и тоже направился по дорогѣ къ Оршѣ.

- Послѣдуемъ за ними?—спросилъ Верди.
- Конечно. Намъ нужно держаться къ войскамъ какъ можно ближе.
- Вѣдь здѣсь прошло только два полка.
- Нѣтъ, извините, это были двѣ дивизіи.
- Какъ, дивизіи?.. Отъ дивизій не осталось ничего другого?

Толпа солдатъ, составлявшихъ теперь корпусъ, не прошла и часу времени, какъ вдругъ передъ нею заблестали яркіе огни; трубы и барабаны играли сборъ, и путь къ отступленію снова представился отрѣзаннымъ непріятельскими силами.

— Мы не выберемъ отсюда,—проговорилъ Верди равнодушнымъ тономъ, и, не думая болѣе о событіи, котораго онъ не могъ измѣнить, онъ продолжалъ слѣдовать за колонной.

Вдругъ—неожиданное явленіе—она удвоила свой шагъ: ее увлекъ громкій барабанный бой, возвѣщавшій атаку. Но непріятеля не оказалось.

- Я ничего не понимаю,—замѣтилъ Верди.
- Я тоже; но тѣмъ не менѣе мы подвигаемся.

Они узнали впоследствии, что Платовъ импровизировалъ эти бивачные огни, чтобы французы повѣрили въ присутствіе многочисленной русской пѣхоты, а самъ отступилъ безъ боя. При этомъ странномъ успѣхѣ какой-то избытокъ жизни охватилъ вдругъ отрядъ; повсюду слышались голоса, повторявшіе и обсуждавшіе великую новость.

— Повидимому, мы пришли... Вотъ итальянцы... Принцъ Евгений на дорогѣ... Онъ идетъ изъ Орши.— Откуда?— Изъ Орши.— Императоръ ожидаетъ насъ... Вотъ что онъ сказалъ, императоръ-то: «у меня въ Тюльери хранятся двѣсти милліоновъ: я бы отдалъ ихъ, чтобы спасти Нею».

Дѣйствительно дивизія IV-го корпуса, выйдя изъ города, выстроилась на дорогѣ и привѣтствовала этихъ пропавшихъ было товарищей. Нѣсколько далѣе лицомъ къ лицу стояли отдѣльно два всадника, а позади нихъ оживленныя группы: принцъ Евгений обнималъ маршала, офицеры узнавали, поздравляли другъ друга.

Расположились въ предмѣстьи, только что оставленномъ другими войсками; такъ какъ заранѣе не было приготовлено никакихъ помѣщеній, то солдаты безъ всякихъ приказаній разлились по улицамъ, и первый, находившій кровъ, баррикадировался въ немъ. Верди былъ вынужденъ ворваться силою въ одно изъ такихъ убѣжищъ; встрѣченный бранью и угрозами, онъ отвѣтилъ въ томъ же духѣ и затѣмъ въ свою очередь заложилъ дверь. Однако, его спутникъ продолжилъ свои развѣдки до противоположной стороны двора.

- Вы любите молоко?—спросилъ онъ возвращаясь.
- Молоко? да, очень...
- Шш! потише!—и желая сохранить свою находку для нихъ однихъ, онъ осторожно проводилъ его до скотнаго двора. Нащупавъ

въ темнотѣ костлявые бока коровы, они нашли ея вымя и принялись доить ее. Но тщетно трудились они, обливая себѣ пальцы, окропляя молокомъ подстилку: въ концѣ концовъ, въ ихъ котелкѣ оказалось лишь немного сахаристой пѣны.

— Мнѣ кажется, что вы открыли здѣсь одну изъ тощихъ коровъ фараона,—замѣтилъ Верди шутя.

Его спутникъ отвѣтилъ долгимъ, звонкимъ смѣхомъ. Такимъ образомъ, оба они ощутили ту же непобѣдимую потребность шутить, и малѣйшія особенности этого счастливаго вечера способствовали ихъ добродушному настроенію. Однако мысль, что онъ не тамъ, куда призывали его обязанности, и что онъ долженъ явиться къ маршалу, наконецъ пришла на умъ Верди.

— Ба!—отвѣчалъ онъ самому себѣ.—Подождемъ, что скажутъ событія. Спѣшить нечего. Все пойдетъ теперь прекрасно. Императоръ здѣсь.

IV.

На разсвѣтѣ онъ вышелъ, стораая отъ желанія услышать какую нибудь новость и озабоченный тѣмъ, на что ему рѣшиться. Сначала уличная суетола ошеломила его, но затѣмъ, увлеченный толпою, онъ очутился на площади.

— Что, здѣсь раздаютъ оружіе?—спросилъ онъ у фурьеровъ, окружавшихъ двери одного изъ зданій.

Не добившись опредѣленнаго отвѣта, онъ усѣлся на тумбу, чтобы собраться съ мыслями. Вокругъ него кипѣли разные солдаты, бывшіе изъ строя, во всевозможныхъ костюмахъ, говорившіе на разнообразнѣйшихъ языкахъ. Напрасно генераль Жомини, думая сдержать этотъ сбродъ, разставилъ посты на мостахъ черезъ Днѣпръ; рѣка уже стала, и отсталые могли переходить по льду. Постепенно, человекъ за человекомъ, вокругъ часоваго, охранявшаго входъ въ магазинъ, собралась безмолвная, угрожающая толпа. Здѣсь же, по близости, повернувшись спинами, стояла кучка испанскихъ солдатъ; послѣдніе были заняты какимъ-то другимъ зрѣлищемъ, вѣроятно, сценой порнографической, такъ какъ моментами раздавались и оглашали воздухъ неистовые женскіе крики, тотчасъ же подавляемые взрывами смѣха. Затѣмъ щелканіе бичей и крупная ругань проложили дорогу сквозь толпу любопытныхъ группъ артиллеристовъ въ изорванныхъ шинеляхъ, сквозь которыя проглядывали желтые панталоны; они тащили за поводья косматыхъ, грязныхъ лошадей, отправляясь за городъ, чтобы запрячь ихъ тамъ въ орудія, которыя генераль Латуръ-Мобуръ уступалъ маршалу Нею.

Раздавшіеся звуки флейтъ, трубъ и барабановъ наконецъ покрыли все отдѣльные крики и ропотъ толпы.

— Не войска ли тамъ?—думалъ Верди, нетерпѣливо направляясь въ ту сторону, гдѣ раздавалась музыка. Но небольшой патруль, вы-

шедшій изъ противоположной улицы, затерялся уже среди толпы, и громкая брань, поднявшаяся со всѣхъ сторонъ, заглушала голосъ, пытавшійся прочесть приказъ императора.

— Все то же... подогрѣтое... Давненько уже, какъ императоръ не даетъ намъ болѣе на водку... Если онъ разстрѣляетъ насъ, такъ что же ему-то останется?..

Вслѣдъ затѣмъ произошелъ случай, благодаря которому весь этотъ безобразный безпорядокъ достигъ апогея. Ядро со свистомъ ударило въ землю, опрокинувъ нѣсколькихъ изъ несчастныхъ солдатъ и перелетѣвъ черезъ головы другихъ; второе, столь же неожиданное, ядро пробило крышу склада. Это стрѣляла русская артиллерія съ противоположнаго берега Днѣпра. Подобная угроза смерти послужила сигналомъ къ грабежу: всѣ бросились къ складу и обезоружили часового. Черезъ нѣсколько минутъ они уже выходили на площадь, перепачканные въ мукѣ и пьяные до отвращенія. Адъютанты маршала Даву тщетно старались собрать ихъ въ ряды.

— Солдаты 3-го корпуса, къ вашимъ орламъ!.. А, бездѣльники, вы развѣ не слышите тревоги?

Дѣйствительно, они уже ничего не слышали. Но отгѣсненные напоромъ всадниковъ и уступая грубой силѣ, они медленно поддавались тѣмъ, которые еще говорили объ орлахъ и думали о защитѣ ихъ. Шагъ за шагомъ безсильные начальники слѣдовали за апатичной толпою; они благоразумно сообразовались съ нею, чувствуя, какъ легко эти несчастные могли превратиться въ мятежниковъ.

Хотя въ это мгновеніе ихъ дѣятельность была далеко незавидная, но Верди, все-таки, пожелать быть на ихъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ одному изъ нихъ, выбритому, въ мундирѣ, въ перчаткахъ, и вѣжливо освѣдомился у него о «маршалѣ Неѣ».

— Развѣ вы принимаете меня за одного изъ его жокеевъ,—отвѣчалъ офицеръ и отвернулся съ вызывающимъ смѣхомъ.

Что означала эта шутка? Хотѣлъ ли этотъ щеголь протестовать противъ предположенія, что онъ состоитъ подъ начальствомъ маршала. Или же, сверхъ того, онъ издѣвался надъ всѣмъ штабомъ, надъ всѣми войсками 3-го корпуса?

— «Жокей... и хотѣлъ бы быть имъ...»,—подумалъ Верди, удаляясь.

Выходя изъ города, онъ наткнулся на кучу повозокъ, остановившихся у подножія холма; однѣ изъ нихъ, потяжелѣе, скатились назадъ съ возвышенія и опрокинули болѣе легкіе фургоны, изъ которыхъ вывалились на землю книги, канделябры, часы, посуда. Среди этого хаоса нотная тетрадь, страницы которой переворачивались вѣтромъ, лежала рядомъ съ гитарой, и эти ноты напоминали ему знакомый мотивъ, который онъ когда-то слышалъ въ будуарѣ прелестной женщины. Содрогнувшись при этомъ воспоминаніи о молодости, о любви, онъ почувствовалъ, какъ въ глубинѣ его души шевельну-

лись накипѣвшія тамъ скука, злоба, отчаянье. Онъ быстро поднесъ руку къ глазамъ, чтобы остановить наворачывавшіяся слезы. Ему стыдно было за свое малодушіе; но при видѣ этой гитары въ такую критическую минуту онъ дѣйствительно хотѣлъ плакать.

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ, однако, продолжалъ путь ускореннымъ шагомъ. Спустя часть, онъ догналъ своего вчерашняго спутника, еще болѣе сгорбленнаго и хромавшаго еще сильнѣе. Сначала онъ подумалъ, не лучше ли ему одному идти тѣмъ же скорымъ шагомъ и оставить позади этого инвалида, но тотъ, улыбаясь, не чувствуя своей слабости, промолвилъ любезнымъ тономъ:

— Это напоминаетъ мнѣ дорогу во Фландрію, около Даммартэна.

И онъ указалъ пальцемъ на величественную аллею, развертывавшуюся передъ ними и окаймленную четырьмя рядами деревьевъ.

Они согласились, что нѣтъ въ Европѣ дорогъ болѣе скучныхъ, чѣмъ дороги во Фландрію, что Даммартэнъ очень пріятный городокъ, что въ немъ, на площади, можно помѣстить много лошадей. Затѣмъ оба они замолчали, чувствуя, какъ мало значенія имѣютъ слова для людей, у которыхъ все общее: интересы, заботы, горе, бѣдствія. Скользкое шоссе мелькало у нихъ подъ ногами; хвостъ арьергарда удалялся и исчезалъ; неожиданно ихъ стали догонять какой-то экипажъ, скрипя на деревянныхъ осяхъ. Долгое время лошадь слѣдовала позади, тяжело волоча наполовину оторвавшуюся подкову, шлепавшую по льду. Потомъ рыдванъ поровнялся съ ними и ѣхалъ рядомъ; около него, точно сторожевая собака, брелъ мужчина, дико озиравшійся по сторонамъ. Въ рыдванѣ можно было различить женскую прическу: тамъ сидѣла его жена. Она кормила грудью ребенка.

Между тѣмъ, отрядъ фейерверкеровъ уничтожалъ мѣстами зарядные ящики, валявшіеся по краямъ дороги. Оглушенный звяканьемъ подковъ, скрипомъ колесъ, Верди не слышалъ треска многочисленныхъ взрывовъ; но послѣдній взрывъ, ознаменовавшійся снопомъ пламени, заставилъ его спутника содрогнуться.

— Я никогда не могу привыкнуть къ этому,—проговорилъ онъ.

— Къ чему?

— Къ этому шуму...

Еще болѣе замедля свой шагъ, онъ прибавилъ съ какимъ-то страннымъ отгѣнкомъ грусти:

— Впрочемъ, что вамъ за дѣло до неизвѣстнаго вамъ человѣка?

— Правда, вѣдь я не имѣю чести знать васъ,—возразилъ Верди, который также забылъ до сихъ поръ назвать себя.

— Я—Пьеръ Маржерэ, капитанъ артиллеріи 4-го корпуса, а вы?

— Жанъ Верди, поручикъ гусарскаго полка.

— Знаете ли вы, Верди, сколько армія потеряла пушекъ?

— Чортъ возьми, нѣтъ... пятьдесятъ? сто?

— Двѣсти пятьдесятъ... Двѣсти пятьдесятъ орудій!—повторилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось глубокое сожалѣніе.— Теперь

даже не заклепываютъ ихъ, а просто бросаютъ на дорогѣ, на колесахъ: казакамъ стоитъ только запрячь ихъ и увезти. А въ сущности подпилить спицы, сломать ступицу не трудно? Вотъ я подъ Малоярославцемъ попортилъ всѣ свои орудія.

— О! о! дорогу! — вдругъ прервали ихъ крики среди брызгъ грязи и щелканья бичей.

Зарядный ящикъ, запряженный четверкой и сопровождаемый драгунами, обогналъ обоихъ офицеровъ.

— Маршалъ Даву...—замѣтилъ Верди, отдавая честь лицу, сидѣвшему на ящикѣ.

Они снова вышли на середину шоссе, но черезъ нѣсколько минутъ стукъ колесъ заставилъ ихъ опять посторониться.

— Еще генераль...

— Нѣтъ. Это скорѣе генеральская любовница.

Сквозь стекла дормеза они увидѣли розовое личико, улыбавшееся среди укутывавшихъ ее мѣховъ; это была какая нибудь театральная субретка, перевозимая съ багажемъ, подобно прочимъ предметамъ роскоши, и кокетливая, нарядная, она теперь словно отправлялась на прогулку въ Елисейскія поля.

— Видь красивой женщины всегда дѣйствуетъ ободрительно...— замѣтилъ гусаръ.

— Да, — отвѣчалъ Маржерэ, и прибавилъ:—красивый ребенокъ тоже очень пріятенъ для глаза...

Имѣли ли эти слова особый смыслъ для него, или нѣтъ, но они, повидимому, взволновали его, и онъ впалъ въ безмолвное отчаяніе, которое его спутникъ тщетно пытался побороть. Но чего не могли сдѣлать всѣ усилія Верди, произвело одно случайное обстоятельство: они наткнулись на трупъ, лежавшій на краю дороги. Дружескія руки, протащивъ его до этого мѣста, оставили тутъ на волю судьбы. Безбородый, бѣлокурый, онъ держалъ въ правой рукѣ свое ружье.

— Это артиллеристъ молодой гвардіи, — проговорилъ Маржерэ, вдругъ остановившись, какъ вкопанный.—Смерть еще болѣе молодить ребятъ! Этотъ былъ фейерверкеромъ... вы видите?

Онъ наклонился надъ нимъ и бережно, отечески, поправилъ его позу на ледяной постели.

— Спи, молодець. Ты честно исполнилъ свой долгъ.

И съ трудомъ приподнявшись, чтобы продолжать свой путь, онъ прибавилъ:

— Мои молодцы тоже умирали съ ранцемъ за спиной. Да, ни одинъ изъ нихъ не бросилъ своего ранца...

— Да, солдаты болѣе страдаютъ, чѣмъ офицеры, — проговорилъ Верди, желая обратить разговоръ на болѣе общую тему.

— Кто знаетъ?.. Кто можетъ подвести балансъ радостей и горя?

— И безъ подобнаго баланса... солдаты скорѣе гибнутъ, чѣмъ офицеры, это безспорно.

— Тѣ, которые выбываютъ изъ строя, погибаютъ скорѣе, потому что они быстрѣе поддаются отчаянію. Но за то другіе, поддерживаемые примѣромъ и сдерживаемые дисциплиной, выносятъ такъ же долго, какъ мы. Для того, чтобы существовать, необходимы вѣра и любовь. Въ какомъ бы несчастномъ положеніи ни была армія, эти два великіе источника не изсякнутъ въ ней, потому что они сами собою пробиваются всюду, гдѣ люди согласились жить вмѣстѣ; и какъ бы невѣжественъ ни былъ солдатъ, эти два великія начала не отсутствуютъ у него: будучи простымъ, онъ вѣритъ просто и любить просто, вотъ и все. Повѣрите ли вы мнѣ, если я скажу, что одинъ изъ моихъ солдатъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ безъ всякой другой поддержки, кромѣ словъ, которыя онъ слышалъ отъ меня.

— Кромѣ однихъ словъ?... повторилъ Верди, умъ котораго съ трудомъ освоивался съ предметомъ, совершенно новымъ для него.

— Да... Разсказъ объ этомъ можетъ быть назидателенъ для такого молодого офицера, какъ вы. Его фамилія была Боканъ; это былъ хорошій столяръ, родомъ изъ Бетюна... Но онъ пьянствовалъ, какъ всѣ сѣверяне... Совершенно случайно я столкнулся съ нимъ въ Дорогобужѣ: представьте себѣ, онъ уже три недѣли розыскивалъ меня! Съ тѣхъ поръ мы шли съ нимъ бокъ о бокъ. Все равно, былъ ли я верхомъ, или пѣшкомъ, но я оставался его капитаномъ и несъ за него отвѣтственность передъ императоромъ. Прежде всего я заставилъ его поклясться, что онъ не станетъ пить болѣе, и въ теченіе цѣлой нѣдѣли, онъ исполнялъ свое обѣщаніе съ рѣдкой выдержкой. Я увѣрилъ его, что въ Смоленскѣ мы найдемъ съѣстные припасы, такъ какъ императоръ отдалъ приказанія на этотъ счетъ. Не правда ли, вы тоже раздѣляете мое мнѣніе, что отъ солдатъ слѣдуетъ скрывать ошибки начальниковъ: они и безъ того видятъ ихъ достаточно. Вотъ мой молодецъ вѣрилъ, что тамъ насъ ожидаютъ, и онъ шелъ; французскіе солдаты всегда идутъ, когда въ нихъ вселятъ хоть какую нибудь надежду. Онъ говорилъ, что хотѣлъ бы послать своей возлюбленной снѣжныхъ шариковъ, и много другого вздора. Я не мѣшалъ ему болтать: веселость солдатъ одна часто и спасаетъ ихъ... Къ тому же, его веселое расположеніе духа подбадривало меня: офицеръ тоже нуждается въ солдатѣ. Такимъ образомъ мы добрались до Смоленска: вы помните этотъ ужасный день?

— Смоленскъ?—подумалъ Верди, и онъ отыскалъ въ своихъ воспоминаніяхъ тотъ рядъ трагическихъ сценъ, которыя носили общее названіе «Смоленскъ».

— Да, Смоленскъ... Это было ужасно.

— Когда Боканъ увидѣлъ, что ничего не раздадутъ, онъ отправился съ другими грабить и пить водку. При двадцатипяти градусномъ морозѣ это было равносильно подписи своего смертнаго приговора. Я тотчасъ же понялъ, что онъ погибъ, а онъ, между тѣмъ, весело распѣвалъ. Дорогой Верди, я видѣлъ, что онъ умретъ скоро,

и быть не въ силахъ помѣшать ему пѣть. Наконецъ, онъ легъ прямо на снѣгъ и не хотѣлъ болѣе встать. Но вы никогда не отгадаете, какія были его послѣднія слова...

— Онъ вспоминалъ о своихъ родителяхъ? о женщинѣ?...

— Нѣтъ... Онъ сказалъ: «если бы императоръ зналъ это»... Ничто не могло поколебать въ немъ мысль, что императоръ неустанно заботится о своихъ войскахъ, но что интенданты обкрадываютъ солдатъ. Вотъ его грустная исторія; онъ умеръ съ ранцемъ за спиною, не утративъ вѣры и своихъ иллюзій. Это былъ послѣдній изъ моихъ солдатъ.

— У васъ остался, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ офицеръ, мой капитанъ, и это—я!— быстро возразилъ Верди..

— Тогда будемъ говорить, какъ офицеры,—отвѣчалъ Маржерэ, дружески положивъ ему на плечо руку.—Поговоримъ объ этой войнѣ...

Передъ ними прямолинейное шоссе уходило вдаль, вплоть до деревни Коханово, обрисовывавшейся на фонѣ великолѣпнаго заката; направо и налево, въ два ряда высились березы, покрытыя густымъ инеемъ, сверкавшимъ всѣми цвѣтами радуги. Оба путника вошли въ волшебную хрустальную аллею; она казалась Верди преддверіемъ другаго міра, высшаго, чистаго, великодушнаго, до такой степени новы были для него мысли, высказанныя его товарищемъ.

— Слѣдуетъ сознаться, — говорилъ Маржерэ,—что эта война—кара для Франціи. Мы платимся за наши преступныя намѣренія и за наши дерзкіе успѣхи. Повсюду безпорядокъ, искушленіе, муки. Съ одной стороны новобранцы, слишкомъ слабые для службы, и силами которыхъ злоупотребляютъ, съ другой—офицеры, съ бранью на устахъ, прибѣгающіе къ ударамъ, чтобы заставить повиноваться себѣ, такъ какъ тому, кто хочетъ добиться несправедливаго, не остается иного исхода, какъ прибѣгнуть къ насилію. А, затѣмъ, позоръ, покрывшій наше оружіе, ужасъ, внушаемый этимъ обширнымъ кладбищемъ, на которомъ мы являемся могильщиками по отношенію къ нашимъ солдатамъ, армія, покрытая лохмотьями, отечество, угрожаемое бѣдствіями, гибель позади и гибель впереди!

Онъ остановился на мгновеніе, чтобы вытереть слезы, навернувшіяся на его налитыхъ кровью глазахъ, и продолжалъ медленно:

— Я знаю причину этого зла, я знаю ее... Дѣло въ томъ, что всякое завоеваніе — несправедливость, что побѣдоносная армія совершаетъ неправо дѣло и съ дурнымъ намѣреніемъ. Мы идемъ сбитые съ толку, ослѣпленные нашими мечтами о славѣ, и миражи честолюбія заслоняютъ отъ насъ добро. Почести, титулы, всѣ эти жалкія побрякушки нарушаютъ равновѣсіе нашей совѣсти! Не такъ было въ первые годы республики, когда не только не забыли еще прекрасныхъ словъ, вписанныхъ въ «Декларацию о правахъ чело-вѣка», что «общественная сила установлена для всеобщаго блага, а не для личной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена», но находились

офицеры, способные согласовать свои дѣйствія съ этимъ принципомъ. Что касается меня, начавшаго служить въ IX-омъ году въ рейнской арміи, подъ начальствомъ незабвеннаго генерала Эблэ, я хотѣлъ послѣдовать его примѣру; раздуть свои заслуги, пользуясь своимъ именемъ, я могъ бы, какъ другіе, достигнуть высокаго положенія въ штабѣ, но во мнѣ жило какое-то врожденное влеченіе къ службѣ въ рядахъ войскъ. Оставаясь внизу, я присутствовалъ при великихъ перемѣнахъ, совершавшихся наверху; первый консулъ сдѣлался императоромъ, армія, составленная путемъ набора и закаленная войною, армія, долженствовавшая защищать республику извнѣ, служила къ ея ниспроверженію внутри. Я остерегался обвинять кого бы то ни было: я видѣлъ, что императоръ самъ былъ вынужденъ слѣдовать за ходомъ обстоятельствъ, но я съ содроганіемъ замѣчалъ вдали страшный конецъ, къ которому мы подошли теперь.

— Во главѣ насъ слѣдовало бы поставить такихъ людей, какъ вы,—замѣтилъ Верди.

— Какъ я? Нѣтъ... Чинъ капитана—вотъ все, чего я желаю, и, къ тому же, средство противъ настоящихъ золь заключается не въ выборѣ лицъ, но лишь въ одномъ улучшеніи нравовъ. Наше несчастіе во Франціи, что мы во всемъ полагаемся на генія и основываемъ нашу мощь на игрѣ нашего ума. Что касается меня, я не понимаю болѣе, что значить умъ отдѣльнаго человѣка передъ лицомъ усложненій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы переживаемъ теперь; по-моему, при такихъ обстоятельствахъ имѣеть значеніе только одно—духъ войскъ, все остальное—ничто. Къ чему служить, напри- мѣръ, вся эта погоня за усовершенствованіями въ области артиллеріи, и безъ того такъ тщательно переустроенной. Ни къ чему: слѣдовало бы возродить, пересоздать общественную волю; если бы эти толпы имѣли душу, то они выпутались бы изъ хаоса. Я думалъ обо всемъ этомъ въ теченіе моихъ долгихъ переходовъ, прежде, чѣмъ имѣлъ честь встрѣтиться съ вами. Теперь я увѣренъ, что «великою арміею» можетъ быть только такая армія, въ которой каждымъ человѣкомъ, отъ низшаго до высшаго, въ каждое мгновеніе руководить одно начало—знаніе и чувство долга. Это будетъ понятно черезъ столѣтіе, и мы послужимъ средствомъ для усвоенія этой истины, мы всѣ, которые перемремъ здѣсь. Тогда для войны будутъ готовить душу солдата, потому что солдатъ одаренъ такою же душою, какъ и офицеръ. Первоначально Богъ не создалъ никакой разницы между людьми.

— Но, когда примутся холить душу солдата, тогда, быть можетъ, не замедлятъ открыть, что душа французскаго солдата походитъ на душу русскаго солдата... Развѣ тогда война не станетъ невозможной, немыслимой?

Маржерэ поднялъ къ небу свои страдальческіе глаза и отвѣчалъ:

— Это тайна, извѣстная одному Богу.

V.

Корпусъ Жюно занималъ Коханово вторыя сутки; разрушенная, сожженная деревня съ каждымъ часомъ все болѣе исчезала съ лица земли. Часовые, разставленные у нѣсколькихъ домовъ, еще годныхъ для жилья, охраняли ихъ до прибытія штабовъ. Верди и Маржерэ, опираясь одинъ на другого, долго искали ночлега; наконецъ, они остановились, ослѣпленные и восхищенные, передъ небольшимъ квадратнымъ пространствомъ земли, покрытымъ густымъ слоемъ поту-хавшихъ угольевъ. На этомъ мѣстѣ находилась разрушенная изба: отъ нея уцѣлѣлъ лишь одинъ уголь, совершенно почернѣвшій, но отдѣленный отъ костра порядочнымъ разстояніемъ, такъ что могъ служить приманкой.

— Погрѣйтесь-ка здѣсь, капитанъ, а я отправлюсь на площадь, — сказалъ Верди и, опасаясь для его больныхъ ногъ близости огня, онъ усадилъ Маржерэ поодаль, въ сторонѣ, на снѣгу, смѣшанномъ съ пепломъ.

Самъ же онъ посѣвшилъ къ тѣмъ поварамъ, зловонная кухня которыхъ предлагала обыкновенно для утоленія голода только лошадиное мясо, поджаренное на салтѣ и посоленное порохоомъ.

— Сегодня супъ!—весело воскликнулъ онъ, возвращаясь съ добычей.

Маржерэ, присѣвъ накорточки, держалъ на колѣняхъ листъ бумаги, а въ правой рукѣ воронье перо.

— Серьезныя дѣла назавтра,—отвѣчалъ онъ.— Я хотѣлъ прибавить нѣсколько строкъ къ этому письму, но ничто не дѣйствуетъ, ни мои пальцы, ни мои глаза. Супъ!.. Скупаемъ его, какъ можно больше!

Онъ съѣлъ очень много, не произнеся ни слова, затѣмъ вытянулся и тотчасъ заснулъ. Черезъ минуту онъ уже бредилъ, приказывая какому-то лакею снести на почту письмо «для барыни».

Ночь и морозъ усилились. Верди время отъ времени просыпался, чтобы поддерживать огонь; онъ ощупывалъ Маржерэ, лежавшаго очень спокойно. Около двѣнадцати часовъ онъ прошелся немного, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ степи. Небо было мрачное; вокругъ царствовала безмятежная тишина. Съ аванпостовъ не доносилось ни одного выстрѣла, ни одного крика.

Вдругъ раздался шумъ, отчетливый, рѣзкій. Быть можетъ, упало дерево, вырванное съ корнями? Но нѣтъ... Это было живое существо, уложенное двумя зловѣщими дровосѣками: зимою и голодомъ. Верди, содрогнувшись, вспомнилъ о «Консулѣ», упавшемъ на лѣвый бокъ возлѣ костра. Но вотъ уже второе мертвое тѣло звонко ударилось о ледяную землю; затѣмъ другія мертвыя существа, люди или лошади, стали падать, производя тотъ же шумъ.

Верди усилилъ огонь; сожалѣя о всѣхъ окружавшихъ мертвецахъ, онъ подумалъ, что ужасъ не дастъ ему уснуть, и прислонился, ставъ къ углу избы. Но вскорѣ сонъ сковалъ его въ этомъ вертикальномъ положеніи, и только утромъ его разбудилъ снѣгъ, падавшій ему на лице. Онъ увидѣлъ себя все въ той же позѣ, но снѣгъ покрывалъ его ноги до колѣнъ; поблѣднѣвшій костеръ дымился, не давая никакого пламени. Маржерэ напоминалъ собою какую-то безформенную бѣлую массу...

— Капитанъ, капитанъ! — воскликнулъ Верди и изо-всей силы встряхнулъ его, боясь найти его окоченѣвшимъ, замерзшимъ.

— Зачѣмъ же вы будите меня? Мнѣ было тепло, я видѣлъ сонъ... — отвѣчалъ Маржерэ съ упрекомъ.

Онъ привсталъ, поднялъ свое покрытое снѣгомъ и испачканное пепломъ лицо, посмотрѣлъ вокругъ себя, увидѣлъ свое положеніе, понялъ его и, снова упавъ, повторилъ съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія:

— Я видѣлъ сонъ.

VI.

На слѣдующій день имъ не удалось соединиться съ маршаломъ, и они рѣшили опередить его и обогнуть на дорогѣ къ Бобру.

— Да, выйдемъ первыми, — проговорилъ Маржерэ, — мы тогда увидимъ, какъ пройдетъ императоръ.

Они вышли изъ Толочина и пошли по широкому шоссе; покрытое снѣгомъ, оно напоминало собою волнистую поверхность моря, каждая волна котораго скрывала подъ собою трупъ.

— Его никогда не встрѣчаешь, — продолжалъ Маржерэ, ослабѣвшій умъ котораго мечталъ лишь объ одномъ — объ императорѣ. — Гдѣ же я видѣлъ его въ послѣдній разъ?.. Это было въ Москвѣ, или въ Вязьмѣ. Во всякомъ случаѣ, одно я знаю прекрасно, что онъ наградилъ меня орденомъ на слѣдующій день послѣ сраженія при Ваграмѣ.

— А меня въ день сраженія при Валютинѣ, 20-го августа.

Они снова погрузились въ молчаніе, которое сохраняли въ продолженіе предыдущаго перехода, и на свободѣ отдались воспоминаніямъ объ этихъ двухъ событіяхъ.

На слѣдующій день послѣ сраженія при Ваграмѣ вся армія выстроилась для парада на равнинѣ, на которой дрались наканунѣ, и которую уже успѣли очистить отъ крови и труповъ. Императоръ въ полной парадной формѣ производилъ смотръ. Онъ обходилъ ряды войскъ гѣшкомъ; за нимъ шли офицеры главнаго штаба, разряженные, расшитые, блестящіе; затѣмъ слѣдовала пышная, подобострастная, придворная свита. Его сопровождалъ также оркестръ гвардіи: каждый разъ, когда онъ останавливался передъ полкомъ, воздухъ

оглашался звуками громкой музыки, далеко разносившейся по полю сраженія. Онъ удалялся, и оркестръ удалялся вмѣстѣ съ нимъ, а затѣмъ двигалась и вся пресмыкающаяся, рабски-послушная, толпа. Такимъ образомъ, императоръ дошелъ до рядовъ артиллеріи, привѣтствуемый на правомъ флангѣ хоромъ трубачей. Орель былъ вынесенъ впередъ и поставленъ посрединѣ фронта; всѣ имѣвшіе знаки ордена Почетнаго Легіона сгруппировались вокругъ него, точно для защиты своего знамени, и отдавали честь; передъ ними, выстроившись по старшинству и чинамъ, стояли офицеры, ожидавшіе награды. Здѣсь находились на лицо всѣ офицеры батареи Брюо. Генераль Абовиль, блѣдный, изнуренный, стоялъ на правомъ флангѣ; ночью ему отняли лѣвую руку. Они получили предназначенные для нихъ ордена, собственноручно прикрѣпленные монархомъ къ ихъ груди, въ которой сердце билось лишь для него одного... Они кричали: «да здравствуетъ императоръ!...», обнимались между собою, отвѣчали на поздравленія слезами, горѣли желаніемъ снова пойти въ бой и встрѣтить смерть. Только одинъ онъ, которому они всѣ принадлежали, одинъ этотъ сверхъестественный человѣкъ, правившій міромъ, казалось, не чувствовалъ своего могущества и, съ заложными за спину руками, продолжалъ мелкими ровными шагами обходить свою, широко развернувшуюся, армію.

Подъ Валютиномъ, 20-го августа, около трехъ часовъ утра, всѣ войска, сражавшіяся наканунѣ и ночью, снова стали подъ ружье. Выстроились въ два ряда: первый—въ полномъ составѣ, второй—съ промежутками; это дѣлалось для того, чтобы скрыть произведенныя въ войскахъ потери. Хотя императоръ все это видѣлъ и понималъ, но довольный храбростью своихъ войскъ, онъ ласково, непринужденно, съ улыбкой, удѣлялъ каждому нѣсколько словъ. Подойдя къ 13-му гусарскому полку, онъ молча положилъ руку на плечо первому изъ офицеровъ, которымъ онъ хотѣлъ раздать ордена.

— Государь,—подсказалъ какой-то офицеръ,—поручикъ Верди.

— Верди... Хорошо.

И властелинъ, прежде чѣмъ заговорить, устремилъ свой пристальный взглядъ прямо въ глаза офицера.

— Ты принесъ мнѣ знамя подъ Фридландомъ?

— Да, государь.

— Ты былъ раненъ подъ Фридландомъ и Витебскомъ. Вчера ты спасъ мнѣ пушки. Я дѣлаю тебя кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Онъ отошелъ на два шага; затѣмъ обернулся и прибавилъ:

— Сколько людей вышло въ твоёмъ взводѣ?

— Двое, государь.

— Не болѣе?

— Нѣтъ, государь.

— Что же случилось съ ними?... Дезертировали? Попали въ плѣнъ?

— Нѣтъ, государь, пали на полѣ чести.

— Прекрасно.

Слѣдующій офицеръ, которому онъ далъ крестъ, былъ старый адъютантъ, маленькій, морщинистый, невзрачный, съ головою въ повязкѣ. Въ высшей степени довольный, онъ не могъ удерживаться отъ смѣха и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «Да, мой императоръ».

— Здорово, мой старый египтянинъ... Я не ошибаюсь, я тебя зналъ въ Египтѣ?

— Да, мой императоръ.

— Что же, вчера тебя опять поцарапали?

— Да, мой императоръ.

— Ну, это продолжается достаточно долго. Я тебя дѣлаю кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. Но только берегись, чтобы я не разжаловалъ тебя: мнѣ говорили, что ты пьешь?

— Да, мой императоръ.

И монархъ блѣдный, одутловатый, прошелъ дальше, а его растянувшаяся свита перестала скрывать отъ его глазъ поле сраженія, представившееся во всемъ своемъ ужасѣ съ кучами труповъ.

Воспоминанія эти были прерваны движеніемъ второй кавалерійской колонны; по одной дородности лошадей Верди и Маржерэ заключили, что она принадлежитъ къ составу императорской гвардіи. Это былъ эскадронъ, дежурившій при особѣ императора. Они боязливо сопли съ шоссе и пошли по полю, причемъ высокій снѣгъ и промерзлыя борозды затрудняли ихъ шаги.

Передъ ними проѣзжали кирасиры по четыре въ рядъ; темныя шинели скрывали ихъ блестящія латы. Они подвигались мѣрно, стройно, и это избранное войско, отступавшее по приказанію, пробудило въ сердцѣ Верди болѣе, чѣмъ беспорядочная толпа отсталыхъ, сознание всеобщаго бѣгства, такъ какъ это бѣгство невольное, инстинктивное у другихъ, здѣсь становилось добровольнымъ: этотъ отрядъ ретировался по волѣ императора сообразно его собственнымъ движеніямъ. Тутъ Верди почувствовалъ какое-то тайное влеченіе броситься на середину шоссе и крикнуть этимъ преторіанцамъ безъ сердца, безъ мужества: «Направо... кругомъ!.. маршъ! въ атаку!».

Но случайно его взглядъ остановился на глазахъ офицера, проѣзжавшаго во главѣ своего взвода, эти глаза смотрѣли неподвижно, съ выраженіемъ боли и покорности, они были полны отваги и отчаянія. «Атаковать?... что?...» говорили эти глаза, которыхъ онъ никогда не могъ забыть; и Верди мрачно посмотрѣлъ на бѣлую землю и мрачное небо, этихъ неуловимыхъ враговъ.

Однако онъ приближался, онъ—маленькій, гигантскій всадникъ, которому можно было предшествовать, или за которымъ можно было слѣдовать, но котораго нельзя было сопровождать. По мѣрѣ своего

приближенія онъ точно выросталъ въ своемъ величїи; его конь выступалъ осторожно, ловко, точно сознавалъ всю драгоцѣнность своей ноши. Затѣмъ обрисовались черты лица героя, тождественныя съ изображеніемъ, которое каждый изъ его современниковъ хранилъ въ глубинѣ своей памяти; его глаза блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ ихъ прежнимъ блескомъ.

Императоръ былъ въ мѣховой шапкѣ, въ черномъ бархатномъ польскомъ доломанѣ, подбитомъ соболемъ и украшенномъ золотымъ шитьемъ; съ боку, на груди, виднѣлась звѣзда Почетнаго Легіона; на ногахъ у него были мягкіе, поднимавшіеся сапоги, выше колѣнъ. Постояннымъ машинальнымъ движеніемъ онъ опускалъ свою правую руку и затѣмъ круто останавливалъ ее, причѣмъ равномерно колебался находившійся въ ней хлыстъ.

— Кто знаетъ, о чемъ думаетъ императоръ?—вполголоса замѣтилъ Верди.

— Быть можетъ, о римскомъ королѣ: у него веселая улыбка.

Выпрямившись, точно идя во главѣ своей роты послѣ императорскаго смотря, Маржерэ шелъ наравнѣ съ первымъ рядомъ свиты; его наболѣвшія ноги, теперь уже не ощущавшія боли, быстро разрывали и утаптывали снѣгъ.

— Императоръ не узнаетъ насъ,—проговорилъ онъ съ обычнымъ ему выраженіемъ прямоты и добродушія.

— Да вѣдь насъ теперь и трудно узнать,—отвѣчала, улыбаясь, Верди.

— Странно... увидѣвъ его, я сразу вспомнилъ всѣ мельчайшія обстоятельства моей послѣдней встрѣчи съ нимъ... Это было при Вереѣ, да, при Вереѣ...

Онъ замолчалъ и шелъ, созерцая необыкновеннаго человѣка, который, обремененный столь страшной отвѣтственностью, могъ такъ легко нести ее и спокойно ѣхать въ своемъ польскомъ костюмѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, точно на охотѣ въ Фонтенебло. «Дивная лошадь»... думалъ Верди, любуясь императорскимъ конемъ, лелѣемымъ и избраннымъ изъ тысячи другихъ. Онъ достаточно былъ знакомъ съ разрядами лошадей на императорской конюшнѣ, чтобы распознать въ этомъ конѣ не боевого, а парадера. Онъ съ любопытствомъ оглянулся назадъ, чтобы посмотрѣть, не ведутъ ли подъ узды другихъ счастливыхъ животныхъ, жирныхъ, лоснящихся, бездѣятельныхъ, дожидавшихся, подъ бархатными попонами, понести на своемъ сѣдлѣ властелина войны, отъ котораго зависѣла судьба всѣхъ людей и лошадей Франціи. «Послѣдній конюхъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ я»... продолжалъ онъ думать съ неудовольствіемъ, видя, что столько берейторовъ, жокеевъ, конюшихъ сидятъ на такихъ прекрасныхъ лошадяхъ. «Графъ Раппъ сошелъ съ лошади»... Мысль, что графъ Раппъ добровольно превратился въ пѣшехода, его нѣсколько успокоила и, переведя свой взглядъ на первый рядъ свиты, онъ сталъ

перечислять лицъ, слѣдовавшихъ позади героя. Графъ Лористонъ тоже шелъ пѣшкомъ, имѣя крайне усталый видъ и ведя свою лошадь за уздцы; затѣмъ онъ назвалъ мысленно герцога Фриульскаго, герцога Истрийскаго, принца Евгенія, графа Лобау...

Дорога незамѣтно поднималась къ отдаленной возвышенности, неясныя очертанія которой выдѣлялись, бѣлѣя на фонѣ сѣроватыхъ тучъ. Неожиданно на гребнѣ мелькнулъ султанъ, а затѣмъ обрисовалась фигура всадника. Замѣтивъ императора, онъ пришпорилъ лошадь, рискуя упасть на скользкое шоссе и сломать себѣ ноги.

— Это полковникъ... главнаго штаба,—объявилъ Верди, стораая отъ любопытства узнать, какія новости онъ привезетъ.

— Быть можетъ, предстоитъ сраженіе,—вполголоса замѣтилъ Маржерэ.

Полковникъ остановился передъ самымъ императоромъ и отдалъ ему честь. Наполеонъ, казалось, не замѣтилъ его, и онъ, подѣхавъ къ Бертѣе, сталъ тихо докладывать ему. Онъ былъ забрызганъ грязью до самаго воротника своего доломана, а усталый видъ его коня доказывалъ, что онъ прибылъ издалека.

— Что онъ тамъ говорить?—спросилъ Наполеонъ, быть можетъ, случайно уловившій слова: «русскіе», «Березина».

— Государь,—сказалъ офицеръ, которому Бертѣе знакомъ приказалъ повторить свои слова,—имѣю честь доложить вашему величеству, что русскіе овладѣли переправами черезъ Березину.

Наполеонъ привскочилъ на сѣдлѣ; но, быстро овладѣвъ собою, онъ отвѣтилъ съ выраженіемъ напускной увѣренности, вполне выдававшей его безпокойство:

— Вы ошибаетесь, милостивый государь. Герцогъ Реджіо только что сообщилъ мнѣ противное.

— Государь, я посланъ къ вамъ герцогомъ Реджіо.

— А! вы посланы ко мнѣ герцогомъ Реджіо?—съ живостью повторилъ императоръ, никогда не говорившій бесполезныхъ словъ.

Онъ провелъ рукою по лбу и, оставивъ вѣжливый тонъ, рѣзко скомандовалъ:

— Ну, такъ что-жь? Говорите, что вы видѣли.

— Государь, Борисовъ взять въ эту ночь. Городъ во власти русскихъ. Приблизившись къ нему, чтобы найти генерала Домбровскаго, я былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами.

Наполеонъ поблѣднѣлъ; на губахъ у него показалась пѣна; безпорядочно размахивая руками, онъ дергалъ мундштукъ и невольно остановилъ лошадь.

— Вы лжете! лжете! лжете!—наконецъ воскликнулъ онъ съ яростью и бѣшенствомъ.

Оскорбленный офицеръ холодно отдалъ честь, испрашивая этимъ дозволеніе удалиться. Тутъ гордый завоеватель прочелъ въ его глазахъ истину; онъ, властелинъ вселенной, почувствовалъ себя игра-

лицемъ той судьбы, передъ которой склоняется каждый чело­вѣкъ, какой бы власти онъ ни достигъ надъ прочими людьми, и, повернувъ свое искаженное лицо къ врагу, заграждавшему ему путь, онъ дважды хлопнулъ по воздуху хлыстомъ. Но невидимая рука какъ бы сразила его, и онъ упалъ на шею лошади, которая, упиравъ на переднія ноги, стояла неподвижно. Всѣ смотрѣли на сраженнаго колосса.

Бертье, желая поддержать его, заставилъ его очнуться.

— Ну, что вамъ?—спросилъ онъ, насупивъ брови, и съ ненавистью посмотрѣлъ на свидѣтелей своего пораженія:—ну, двигайтесь, отсталые, двигайтесь!

Еще одно мгновеніе—всѣ подобрали поводья, прищипорили усталыхъ лошадей, и Маржерэ услышалъ, какъ императоръ, устремивъ на него и Верди свои пылавшіе злобой глаза, повторялъ:

— Подлецы... отсталые!

VII.

Неподвижный, ослабѣвшій, Маржерэ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся.

— Вы слышали?—замѣтилъ онъ съ горечью,—вы слышали?

— Да... но что намъ до Березины? Мы перейдемъ черезъ нее, какъ уже перешли черезъ много другихъ рѣкъ.

— Дѣйствительно, перейдено много другихъ... въ бродъ, по мостамъ, по льду...

— Такъ идемте, идемте... Что для насъ значитъ потеря моста, для насъ, выжившихъ изъ строя?

Маржерэ отрицательно кивнулъ головою, какъ бы говоря: «мы не понимаемъ другъ друга».

— Вы думаете такъ же, какъ императоръ: по вашему мнѣнію, мы—подлецы отсталые. Правда, у насъ уже не хватаетъ силъ, чтобы носить оружіе; я согласенъ, что мы похожи на бѣглецовъ. Но почему же императоръ называетъ насъ подлецами отсталыми, насъ, которые такъ много выстрадали ради него и по его милости. Какъ могъ онъ утратить до такой степени всякое чувство приличія?—объясните мнѣ,—какъ?

— Его вывело изъ себя полученное извѣстіе. Онъ говорилъ наобумъ, что ни попало. Но онъ успокоится, подумаетъ, приметъ надлежащее рѣшеніе. Онъ найдетъ средства извлечь насъ отсюда, будьте въ этомъ увѣрены.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Онъ достаточно гениаленъ, чтобы еще разъ спасти насъ. Намъ остается лишь послѣдовать за нимъ. Только я ужъ очень давно слѣдую за нимъ и ужасно усталъ. Я совсѣмъ ослабъ. Пора остановиться.

— Вы говорили, что никогда не ос

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или съ отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"